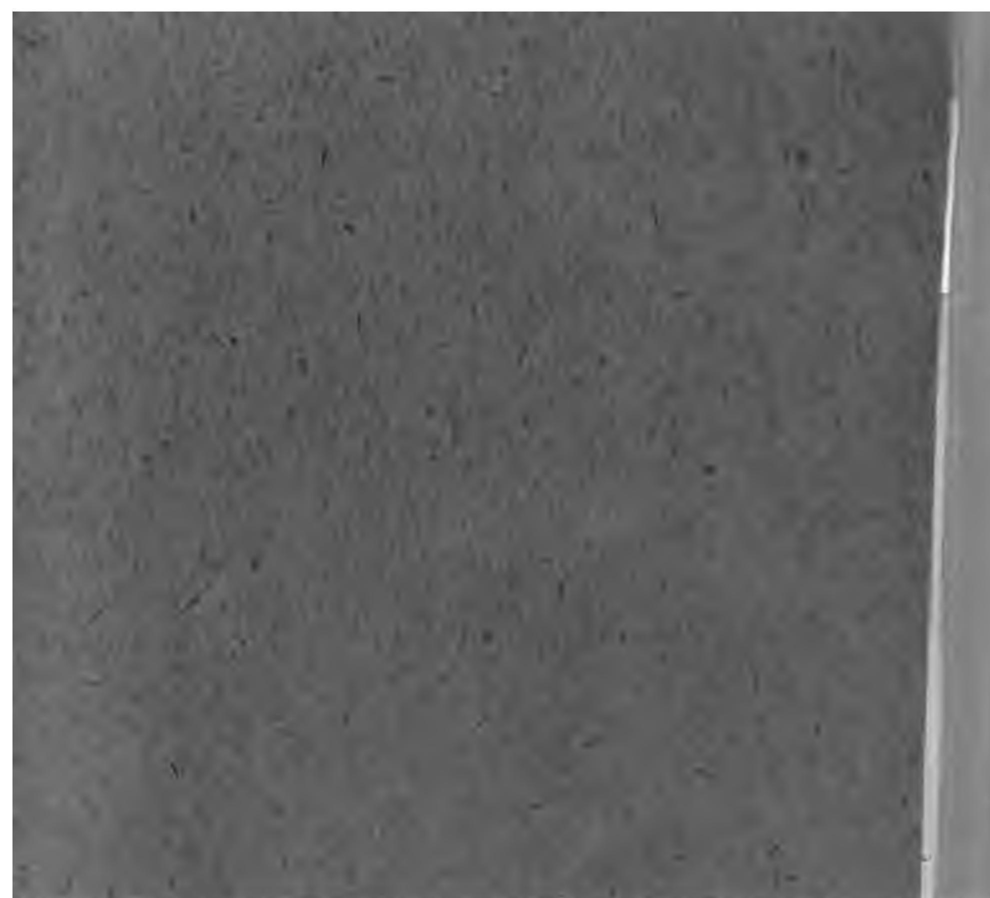

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

С. А. ВЕНГЕРОВЪ.

КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ
СЛОВАРЬ
РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ И УЧЕНЫХ

(ОТЪ НАЧАЛА РУССКОЙ ОБРАЗОВАННОСТИ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ).

Кромѣ С. А. Венгерова, которому принадлежатъ статьи историко-литературнаго и критическаго характера и всѣ вообще неподписанныя статьи, въ словарѣ принимаютъ участіе спеціалисты по разнымъ отраслямъ знанія.

ТОМЪ I.

Выпуски 1-21.

А.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Семеновская Типо-Литографія (И. Ефрона), Фонтанка № 81.
1889.

Умственное оживленіе русскаго общества, наступившее тотчасъ послѣ окончанія Крымской войны, не преминуло ярко отразиться и на разработкѣ русской исторіи. Ограниченная до того въ своихъ изслѣдованіяхъ почти однимъ только древнѣйшимъ періодомъ нашей исторіи, русская исторіографія съ жаромъ взялась за изученіе фактовъ и эпохъ, еще недавно заповѣдныхъ. Появился цѣлый рядъ капитальнѣйшихъ работъ по исторіи XVII, XVIII и XIX вѣка, потому именно и капитальныхъ, что онѣ могли быть выполнены по всѣмъ правиламъ свободной исторической критики.

Но далеко не однимъ только XVII, XVIII и XIX вѣкомъ ограничилось оживленіе нашей исторіографіи. Рядомъ съ разработкою исторіи этихъ вѣковъ, прежде почти недоступныхъ сколько-нибудь серьезному научному изученію, шла дѣятельная разработка исторіи древняго и средняго періода нашей государственной жизни, шло изданіе лѣтописей и памятниковъ древней письменности и шли архивныя изысканія всякаго рода, проливавшія новый свѣтъ на государственныя и общественныя отношенія древней Руси.

Въ результатѣ всего этого явилось небывалое развитіе русской исторической литературы послѣднихъ тридцати лѣтъ. Нѣкоторое понятіе о немъ можетъ дать читателю тотъ фактъ, что составленный г. Межовымъ голый *перечень* статей по исторіи, появившихся въ *однихъ только періодическихъ изданіяхъ* и за одно только десятилѣтіе 1865—75 обнимаетъ собою *шесть* томовъ убористой печати по 500 страницъ каждый.

Присматриваясь къ отдѣльнымъ отраслямъ только-что указаннаго исторіографическаго богатства, нетрудно замѣтить, что изученіе исторіи русской литературы занимаетъ въ немъ весьма

видное мѣсто. Много, очень много сдѣлано за послѣднія три десятилѣтія для ознакомленія съ судьбами нашей письменности, какъ древней, такъ и новой. Назовемъ главнѣйшее: издававшіяся въ концѣ 1850 гг. «Лѣтописи русской литературы» Тихонравова и «Библіографическія записки» Полуденскаго, возобновленныя въ 1858 г. подъ прежней искусной редакціею Бодянскаго «Чтенія Московскаго Общества Древностей и Исторіи», основанный П. И. Бартеневымъ въ 1863 г. «Русскій Архивъ», выходящая съ 1870 г. «Русская Старина» М. И. Семевскаго, «Древняя и Новая Россія» Шубинскаго (1875—1880), имъ-же редактируемый съ 1880 г. «Историческій Вѣстникъ», получившія за послѣднія десятилѣтія особое развитіе «Извѣстія» Кіевскаго, Казанскаго, Варшавскаго и Одесскаго университетовъ, ставшія гораздо болѣе объемистыми «Записки» Академіи Наукъ, возникшіе за послѣднее тридцатилѣтіе серьезные духовные журналы — «Православный Собесѣдникъ», «Православное Обозрѣніе», «Труды Кіев. Дух. Акад.», «Странникъ», нетолько удѣляющіе очень много мѣста изслѣдованіямъ о духовной литературѣ, но даже цѣликомъ печатающіе весьма важные памятники нашей древней письменности, какъ напр. «Просвѣтитель» Іосифа Волоцкаго, сочиненія Максима Грека, «Мечецъ Духовный» братьевъ Лихудовъ, «Проскинитарій» Арсенія Суханова и т. д., «Извѣстія» и «Труды» петербургскаго и московскаго археологическихъ обществъ, «Труды» археологическихъ съѣздовъ, 65 томовъ «Сборника Историческаго Общества», изданные «Обществомъ древней письменности» болѣе 100 памятниковъ до и послѣ-петровской литературы, наконецъ неустанная дѣятельность археографическихъ коммиссій, наряду съ лѣтописями, государственными грамотами, юридическими актами и писцовыми книгами издающія и вещи чисто-литературнаго значенія, какъ напр. «Хожденіе» игумена Даніила или путешествіе архіепископа Антонія въ Царьградъ и разныя полемическія сочиненія противъ латинства. Вся эта обширная литература первоисточниковъ и изслѣдованій, которую мы очертили только въ самыхъ основныхъ ея контурахъ даетъ въ распоряженіе современнаго изслѣдователя русской литературы такой обшир-

ный матеріалъ, который часто бываетъ затруднительно исчерпать во всей его полнотѣ. Къ перечисленному слѣдуетъ затѣмъ присоединить общіе журналы, изъ которыхъ большинство во второй половинѣ 50-хъ годовъ помѣщали очень много статей по исторіи вообще и по исторіи литературы въ частности. Въ 1866 г. былъ основанъ «Вѣстникъ Европы», такъ и именующій себя, въ отличіе отъ другихъ «литературно-политическихъ» журналовъ, журналомъ «*исторіи*-политики-литературы» и помѣщающій множество статей историко-литературнаго содержанія, изъ которыхъ однѣ только статьи А. Н. Пыпина, почти всѣ посвященныя исторіи русской литературы, даютъ изслѣдователю цѣлый рядъ превосходныхъ монографій. Получившій необыкновенное развитіе въ нашихъ журналахъ и газетахъ послѣдняго тридцатилѣтія отдѣлъ литературной критики представляетъ собою чрезвычайно цѣнное пособіе при изученіи новѣйшей русской литературы. Затѣмъ остается отмѣтить длинный рядъ отдѣльно вышедшихъ сочиненій по исторіи нашей письменности Срезневскаго, Буслаева, Тихонравова, Галахова, Пыпина, арх. Филарета, Афанасьева, Лонгинова, Пекарскаго, Ор. Миллера, Грота, Булича, Порфирьева, Веселовскаго, Попова, Некрасова, Хрущова, Жданова, Кирпичникова, Незеленаго, Морозова и т. д. и т. д., памятники народнаго творчества, изданные Кирѣевскими, Рыбниковымъ, Безсоновымъ, Шейномъ, Далемъ, Гильфердингомъ, Антоновичемъ, Драгомановымъ и т. д. Присоедините въ заключеніе широкое развитіе, которое за послѣдніе 30 лѣтъ получила у насъ библіографія, съ одной стороны обогатившая нашу литературу такими превосходными изданіями, какъ редактированныя Я. К. Гротомъ сочиненія Державина и редактированныя П. А. Ефремовымъ сочиненія Пушкина, Жуковскаго, Кантеміра, а съ другой создавшая такія замѣчательныя по своей полнотѣ пособія, какъ каталоги, указатели и всякіе иные перечни гг. Ламбиныхъ, Межова, Неустроева, Геннади, Губерти и т. д., пособій, дающихъ изслѣдователю возможность воспользоваться нашимъ исторіографическимъ богатствомъ во всей его полнотѣ. И вотъ если все это

принять въ соображеніе, то нельзя будетъ не придти къ тому заключенію, что изученіе русской литературы поставлено теперь въ несравненно лучшія условія, чѣмъ прежде, уже не говоря о томъ, что установившееся въ соотвѣтственныхъ сферахъ большое уваженіе къ наукѣ открыло русскимъ ученымъ доступъ къ такимъ архивамъ и документамъ, которые прежде были для нихъ совершенно недоступными и совершенно пропадали для историческаго изслѣдованія. И, конечно, этими лучшими условіями, въ которыя теперь поставлена русская историческая наука вообще и наука изученія русской литературы въ частности и надо объяснить, почему такъ быстро ростетъ число изслѣдователей и изслѣдованій по исторіи нашей письменности, почему много прежде темныхъ пунктовъ въ ней разъяснено и въ истинномъ свѣтѣ представлено, почему многія державшіяся недостаткомъ фактовъ теоріи рушились и напротивъ того возникли новыя, стоящія на почвѣ вновь добытыхъ свѣдѣній и указаній.

Но какъ ни велико, однакоже, только что очерченное историко-литературное богатство, въ немъ нетрудно открыть, при болѣе подробномъ классифицированіи, одинъ весьма существенный пробѣлъ, очень ощутительный какъ для спеціалистовъ, такъ еще въ большей степени для обыкновеннаго читателя, которому по тому или другому случаю надо пополнить свои историко-литературныя познанія. Мы говоримъ о крайнемъ недостаткѣ въ сочиненіяхъ *обобщающихъ* и *сводящихъ* отдѣльные факты исторіи нашей письменности. Присматриваясь къ огромному количеству статей и отдѣльныхъ книгъ по исторіи русской литературы, появившихся за послѣднія десятилѣтія, нельзя тотчасъ-же не замѣтить, что всѣ онѣ въ подавляющемъ числѣ случаевъ могутъ быть распредѣлены по двумъ группамъ: 1) *Сырые матеріалы* — письма, дневники, записки, воспоминанія, документы, акты и т. д. и 2) *Монографіи* объ отдѣльныхъ лицахъ или отдѣльныхъ литературныхъ явленіяхъ. Такихъ-же сочиненій, которыя давали-бы одну общую картину всего хода нашей литературы или хотя-бы литературнаго движенія одной какой-нибудь эпохи, такихъ сочине-

ній, которыя избавляли-бы отъ необходимости рыться въ десяткахъ отдѣльныхъ статей и изслѣдованій, такихъ книгъ у насъ почти-что нѣтъ.

Начать напр. съ того, что у насъ нѣтъ ни одной *полной* исторіи русской литературы. «Исторія русской словесности древней и новой» г. Галахова, конечно, сочиненіе въ высшей степени почтенное, въ особенности въ тѣхъ частяхъ своихъ, гдѣ разсматриваются литературныя явленія XVIII вѣка. Но г. Галаховъ заканчиваетъ свое разсмотрѣніе первою четвертью нашего столѣтія, не касаясь ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Гоголя, ни великой плеяды писателей сороковыхъ годовъ, т. е. опускаетъ занавѣсъ какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончается скучная прелюдія и начинается полная захватывающаго интереса пьеса. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ на сцену выступаютъ тѣ великіе дѣятели русскаго слова, которые, отразивши творческій геній русскаго народа во всей его шири и глубинѣ, создали великую европейскую литературу, занявшую почетное мѣсто въ ряду литературъ заматерѣлыхъ въ кальтурной жизни народовъ, литературу, въ послѣднемъ фазисѣ ея развитія ставшую уже даже не рядомъ, а во главѣ другихъ европейскихъ литературъ, вызывая восторженное подраженіе и безграничное удивленіе въ тѣхъ самыхъ европейцахъ, у которыхъ еще сравнительно недавно мы такъ рабски заимствовали и литературныя идеи, и литературную форму и даже слогъ.

И вотъ весь этотъ, если можно такъ выразиться, «настоящій» періодъ русской литературы, который по количеству обнимаемыхъ имъ лѣтъ, конечно, не великъ въ сравненіи съ 800 лѣтъ существованія русской письменности, но по качеству, по процентному содержанію настоящаго литературнаго золота, равняется доброй половинѣ всего нашего книжнаго богатства, весь этотъ періодъ совершенно игнорируется у г. Галахова.

Еще почтеннѣе исторіи г. Галахова «Исторія русской словесности» превосходнаго знатока древней русской письменности нашей—пр. Порфирьева. Но книга его въ 16 лѣтъ успѣла дойти

только до Екатерины II и на чемъ она остановится—неизвѣстно, хотя господствующій въ средѣ спеціалистовъ взглядъ, что серьезная исторія не можетъ касаться событій, сколько-нибудь свѣжихъ и животрепещущихъ, очень можетъ быть побудитъ пр. Порфирьева поставить точку тамъ, гдѣ обыкновенно обрывается университетское преподаваніе, т. е. на Жуковскомъ, Гнѣдичѣ, Батюшковѣ.

Какъ-бы тамъ, впрочемъ, ни было, къ числу *полныхъ* исторій нашей литературы неоконченная книга пр. Порфирьева, во всякомъ случаѣ, въ настоящее время причислена быть не можетъ.

Нѣтъ надобности много распространяться почему мы также не можемъ назвать полнымъ сводомъ классическій «Обзоръ духовной литературы» архіеп. Филарета.

А назвавши «Обзоръ» Филарета и Исторіи гг. Галахова и Порфирьева мы назвали *всѣ* имѣющіеся у насъ научные своды общаго хода исторіи нашей письменности. Остальные немалочисленные «курсы» исторіи русской литературы, между которыми суть такія почтенныя книги, какъ учебники гг. Полевого, Караулова, Водовозова, Стоюнина преслѣдуютъ цѣли исключительно педагогическія и уже по самому характеру своему и объему, приспособленнымъ къ требованіямъ преподаванія въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, къ категоріи научныхъ сводовъ причислены быть не могутъ.

Если мы отъ сочиненій, обнимающихъ весь ходъ русской литературы, перейдемъ къ сочиненіямъ, обозрѣвающимъ какую-нибудь отдѣльную эпоху, наша жатва будетъ небогаче. Правда, можно указать на классическую книгу Пекарскаго «Наука и литература при Петрѣ», на «Характеристики литературныхъ мнѣній 1820—1840 гг.», А. Н. Пыпина, на «Очерки умственнаго движенія русскаго общества» А. М. Скабичевскаго, на «Очерки гоголевскаго періода», на «Русскихъ писателей послѣ Гоголя» Ор. Ѳ. Миллера. Но всѣ эти сочиненія, какъ ни превосходно выполнены нѣкоторыя изъ нихъ, трудно назвать сколько-нибудь полными сводами, потому что-кромѣ книги Пекарскаго, они совсѣмъ и не задаются даже цѣлью представить настоящую прагмати-

ческую исторію избранной эпохи, не сообщаютъ ни біографическихъ свѣдѣній, ни полнаго обзора литературной дѣятельности разсматриваемыхъ писателей, а касаются только той или другой стороны ея. Что-же касается книги Пекарскаго, то посвященная на половину удивительно-полному библіографическому описанію книгъ Петровской эпохи, она характеристикъ писателей того времени и біографическихъ о нихъ свѣдѣній совсѣмъ не даетъ.

И если, наконецъ, отъ сочиненій, обнимающихъ одинъ какой-нибудь періодъ, мы перейдемъ къ самому дробному изъ видовъ сводныхъ сочиненій—къ сочиненіямъ, разсматривающимъ совокупность литературной дѣятельности одного только писателя, то и здѣсь насъ на первыхъ-же порахъ поразитъ крайнее несоотвѣтствіе огромнаго количества сырыхъ матеріаловъ и ничтожнаго количества, а иногда, и полнаго отсутствія сколько-нибудь сводныхъ работъ. Еще древній періодъ не очень бѣденъ сводными работами объ отдѣльныхъ писателяхъ, и въ особенности послѣдніе годы духовные журналы обильны монографіями о дѣятеляхъ до-петровскаго просвѣщенія. Много также сдѣлано относительно сведенія въ одно данныхъ о писателяхъ XVIII вѣка. Но за то какъ мало сводныхъ работъ о писателяхъ послѣднихъ 50, 60 лѣтъ. Сколько, напр., *сотенъ* замѣтокъ, воспоминаній, библіографическихъ указаній о великихъ писателяхъ нашихъ помѣщаютъ историческіе журналы, и сколько, съ другой стороны, превосходныхъ критическихъ статей объ отдѣльныхъ произведеніяхъ ихъ разсѣяно по сочиненіямъ Бѣлинскаго, Добролюбова, Григорьева, Писарева, Дружинина и др. и рядомъ съ этимъ какая поразительная бѣдность въ книгахъ или статьяхъ, которыя свели-бы все это въ одну общую картину или просто дали-бы сводъ всѣхъ добытыхъ свѣдѣній. Стыдно сказать, но вѣдь у насъ нѣтъ ни одной книги, которая давала-бы полный обзоръ жизни и литературной дѣятельности Гоголя, нѣтъ такой книги о Лермонтовѣ, Грибоѣдовѣ, нѣтъ даже, если не считать неоконченной попытки г-на Незеленова, такой критико-біографической книги о Пушкинѣ, этомъ краеугольномъ камнѣ всей нашей «настоящей литературы».

Намъ остается сказать теперь, чтобы окончить нашъ обзо сводныхъ сочиненій по исторіи русской литературы, нѣсколь словъ о трехъ книгахъ, въ извѣстныхъ частяхъ своихъ прибл жающихся къ предпринятому нами труду, именно о «Слова историческомъ о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чи Греко-Россійской Церкви» митрополита Евгенія, о его-же «Сл варѣ русскихъ свѣтскихъ писателей» и о «Справочномъ Слова о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX ст лѣтіяхъ» Геннади. Всякому сколько-нибудь занимавшемуся из ченіемъ нашей литературы хорошо извѣстны эти три книги и н вѣрное нѣтъ ни одного русскаго «словесника», у котораго о не лежали-бы на столѣ въ числѣ необходимѣйшихъ пособій. І вмѣстѣ съ тѣмъ каждому-же «словеснику», конечно, извѣстно, ч названныя три книги далеко не восполняютъ того пробѣла, который мы указываемъ. Что касается словаря Генади, то онъ первыхъ, какъ и изъ заглавія его уже видно, чисто справочны 18 строкъ объ Аксаковѣ, 40 строкъ о Бѣлинскомъ и максиму вниманія—1½ страницы, посвященныхъ жизнеописанію Лом носова. Такая краткость не можетъ, конечно, избавить отъ н обходимости обращаться за данными о томъ или другомъ писате къ болѣе обстоятельнымъ пособіямъ. А затѣмъ, оставляя да въ сторонѣ то, что словарь Геннади неоконченъ и притомъ н оконченъ безнадежно, такъ какъ составитель его умеръ, о очень неполонъ по самой задачѣ своей. Начать съ того, что Ге нади отмѣчаетъ только умершихъ писателей прошлаго и наст ящаго столѣтія и не касается, слѣдовательно, ни писателей д петровской Руси, ни писателей, бывшихъ въ живыхъ въ 1876 г когда появился словарь, т. е. почти всей новѣйшей литератур Трудно тутъ найти точную математическую формулировку, но пр мѣрно можно сказать, что въ тѣхъ предѣлахъ, которые себѣ п ставилъ Геннади, онъ, даже окончивши свой словарь, едва-ли мог бы обнять больше ¼ и много, много ⅓ всего числа русских писателей. А въ неоконченномъ видѣ словарь Геннади, слѣдов тельно, захватываетъ еще гораздо меньшее число русскихъ п сателей.

Не чета исключительно компилятивному, справочному указателю Геннади классическіе въ свое время два словаря митрополита Евгенія. По совершенно справедливому замѣчанію Погодина, «кіевскій митрополитъ Евгеній сочиненіемъ двухъ словарей своихъ—писателей русскихъ духовнаго чина и свѣтскихъ, положилъ твердое основаніе исторіи русской и словено-русской словесности и вмѣстѣ открылъ предъ очами ученаго міра безчисленное множество ея сокровищъ, дотолѣ совершенно неизвѣстное».

Чтобы понять этотъ отзывъ, надо вспомнить, что въ эпоху составленія Евгеніевскихъ словарей небыло еще *ни одной* исторіи русской литературы, не было еще даже тощаго «Опыта» Греча, впервые давшаго общую картину хода нашей письменности. Вотъ почему въ свое время словари Евгенія для исторіи русской литературы имѣли почти тоже значеніе, что исторіи Карамзина для общей исторіи нашей. Какъ изъ книги Карамзина очень многіе впервые узнали, что и у насъ есть своя заправская исторія, такъ и изъ словарей Евгенія не мало таки людей съ удивленіемъ увидѣли, что русская литература явленіе совсѣмъ не такое маловажное. А что касается словаря духовныхъ писателей, то онъ явился важнымъ откровеніемъ даже для людей, знакомыхъ съ ходомъ русской образованности: какъ извѣстно, митрополитъ Евгеній былъ замѣчательный знатокъ допетровской рукописной и старопечатной литературы и давши въ своемъ словарѣ сводъ этой обширной литературы, онъ такимъ образомъ впервые подвелъ итоги умственнаго богатства древняго періода нашей гражданственности.

Но съ тѣхъ поръ какъ митрополитъ Евгеній сдѣлалъ свой поистинѣ безцѣнный вкладъ въ изученіе русской письменности прошло очень много времени. «Словарь свѣтскихъ писателей» законченъ въ 1812 году, «Словарь духовн. писателей» изданъ въ первый разъ въ 1818 г., во второй—въ 1827. Много очень много съ тѣхъ поръ произошло перемѣнъ въ области русскаго слова и его изученія и притомъ не только потому, что за эти 60—70 лѣтъ народилась цѣлая огромная литература, и качест-

вомъ, и количествомъ нѣсколько разъ превосходящая литературу предшествующихъ ей періодовъ, но и потому еще, что развитіе русской исторіографіи и въ древнемъ-же періодѣ нашей письменности открыло цѣлый рядъ писателей, во время Евгенія неизвѣстныхъ; кромѣ того значительно пополнился запасъ свѣдѣній о писателяхъ, у митрополита отмѣченныхъ. Есть затѣмъ цѣлая область — литература раскола, которой совсѣмъ не коснулся Евгеній, но которой удѣляетъ очень много вниманія исторіографія современная.

И вотъ почему классическіе для своего времени словари ученаго митрополита въ настоящее время крайне устарѣли и неполны. Ими можно и должно пользоваться, потому что при составленіи ихъ митрополитъ очень часто пользовался рукописными матеріалами и слѣдовательно въ этихъ своихъ частяхъ словари Евгенія являются первоисточниками, но въ общемъ все-таки они современнаго изслѣдователя не могутъ снабдить всѣми тѣми свѣдѣніями, которыя ему нужны. Не забудемъ въ заключеніе, что словари Евгенія, какъ и всѣ впрочемъ даже иностранные словари этого рода, исключительно «историческіе», т. е. біографическіе и библіографическіе. Литературной характеристики писателя они не даютъ.

Такимъ образомъ, резюмируя все сказанное на предъидущихъ страницахъ, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію: въ современной русской исторіографіи нѣтъ такого свода фактовъ исторіи русской литературы, нѣтъ такой книги, запасшись которой изслѣдователь или обыкновенный читатель былъ-бы увѣренъ, что найдетъ въ ней свѣдѣнія о писателяхъ *всѣхъ* періодовъ русской образованности, нашихъ дней не исключая.

Цѣль предпринятаго нами труда восполнить этотъ пробѣлъ. Какъ мы справились съ взятою на себя задачею, судить конечно не намъ. Но самый фактъ существованія потребности въ сводѣ критико-біографическихъ и историко-литературныхъ свѣдѣній объ отдѣльныхъ писателяхъ, въ совокупности своей составляющихъ русскую литературу, едва-ли можетъ быть подвергнутъ сомнѣнію

Въ заключеніе отмѣтимъ нѣкоторыя детали задуманнаго нами труда.

Что касается лицъ, на которыхъ мы останавливаемся, то мы были по возможности менѣе строги въ выборѣ ихъ. Въ такомъ объемистомъ сочиненіи, какимъ является настоящій словарь, литературный аристократизмъ былъ-бы, кажется, неумѣстенъ. Мы заносимъ всякаго, кто хоть немного поработалъ на пользу роднаго просвѣщенія. И чѣмъ отдаленнѣе эпоха, тѣмъ конечно, мы менѣе разборчивы. Относительно напр. эпохи домонгольской, когда, по справедливому замѣчанію пр. Голубинскаго, у насъ небыло собственно образованности, а была простая грамотность, относительно этой отдаленной эпохи мѣста для разборчивости не можетъ быть совсѣмъ. Въ литературѣ XI вѣка Лука Жидята составляетъ первостепенную величину, а написалъ онъ одно «поученіе» величиною въ 40 строкъ. Не можетъ быть также мѣста разборчивости относительно всей вообще допетровской литературы. Если изслѣдованія послѣдняго полустолѣтія и показали съ несомнѣнною ясностью, что древняя Русь въ умственномъ отношеніи совсѣмъ не такая tabula rasa, какъ думали прежде, что была у нея своя совсѣмъ не ничтожная образованность, что совершалась въ ней живая смѣна разныхъ литературныхъ теченій и направленій и шла вообще дѣятельная работа мысли, то въ общемъ, всетаки, число лицъ сколько нибудь причастныхъ дѣлу просвѣщенія было на столько невелико, что пропускъ какого-нибудь Александра-дьяка, на двухъ страницахъ описавшаго свое путешествіе въ Царьградъ, совершенное около 1390 г., или пропускъ Аврамія Суздальскаго, па 8 страницахъ разсказавшаго, какъ онъ «въ фряжской землѣ, во градѣ, зовомомъ Флорензѣ» видѣлъ въ 1437 г. «дивно и страшно видѣніе, пречюдно и не сказано» т. е. мистерію, или изъ писателей XVII вѣка пропускъ патріарха Адріана, сочинившаго нѣсколько окружныхъ посланій,—пропускъ всѣхъ этихъ, весьма малыхъ самихъ по себѣ, литературныхъ величинъ, былъ-бы въ силу вышесказаннаго непозволительнымъ промахомъ.

Петровскія реформы и данный ими толчекъ настолько подвинули дѣло русской образованности и настолько увеличили число русскихъ писателей, что въ литературѣ XVIII вѣка какой-нибудь Александръ-дьякъ уже не можетъ, конечно, занимать такое мѣсто, которое онъ занималъ въ литературѣ XV столѣтія. Но если, все-таки, принять во вниманіе, что отличающійся необыкновенною полнотою «Опытъ Россійской Библіографіи» Сопикова, такою полнотою, что въ немъ отмѣчается всякая ода, отдѣльно отпечатанная на четвертушкѣ, всякая проповѣдь, занимающая 5, 6 страницъ, такъ вотъ говоримъ мы, если принять во вниманіе, что этотъ необыкновенно полный каталогъ, останавливающійся на 1821 году и захватывающій слѣдовательно около 110 лѣтъ существованія русской гражданской печати, содержитъ въ себѣ около 11,000 №№, т. е. выводитъ для XVIII и начала XIX столѣтія среднюю-продуктивность въ 110 книгъ ежегодно и если, затѣмъ, принять во вниманіе, что помимо огромнаго количества учено-литературнаго матеріала, заключающагося въ 600 нынѣ выходящихъ русскихъ періодическихъ изданій, современная русская книжная торговля выпускаетъ въ обращеніе около 3000 книгъ ежегодно, то всякій, вѣроятно, согласится съ нами, что если гдѣ-нибудь нужна разборчивость, то только по мѣрѣ приближенія къ нашимъ днямъ. Относительно-же XVIII вѣка мы опять таки не имѣемъ еще права быть разборчивыми. 110 книгъ въ годъ, изъ которыхъ три четверти переводныхъ,— эта цыфра несомнѣнно указываетъ, что въ XVIII столѣтіи писатели были явленіемъ чрезвычайно исключительнымъ и потому обязанность отмѣтить ихъ со всеисчерпывающею полнотою составляетъ несомнѣнную задачу всякаго сколько-нибудь подробнаго и обстоятельнаго историко-литературнаго труда.

А относительно послѣдняго полустолѣтія, когда литературная продуктивность быстро начала рости въ чисто геометрической прогрессіи, когда параллельно увеличенію числа хорошихъ писателей народился цѣлый полкъ безграмотныхъ и полуграмотныхъ сочинителей разнаго вздора, исходящаго изъ Никольскаго рынка

въ Москвѣ и когда съ чрезвычайнымъ развитіемъ періодической печати всякому сколько-нибудь грамотному человѣку была дана легкая возможность напечатать гдѣ-нибудь замѣтку, статейку, фельетонъ, стихотвореніе, расказецъ. относительно этого послѣдняго фазиса нашей письменности, конечно, приходится быть разборчивымъ, потому что иначе желаніе отмѣчать *всякаго*, предавшаго что-нибудь тисненію, превратитъ сводъ литературы въ сводъ макулатуры.

Но, всетаки, повторяемъ еще разъ, мы очень не строги въ выборѣ отмѣчаемыхъ лицъ, находя, что для такого объемистаго труда, какъ настоящій словарь, нужна большая подробность и обстоятельность. Къ этому насъ побуждаетъ еще то соображеніе, что вѣдь о большомъ литературномъ человѣкѣ всюду и легко можно справиться, а для того, чтобы узнать что-нибудь о маленькомъ человѣкѣ часто нужны самыя кропотливыя усилія.

Что-же касается источниковъ, которыми мы пользовались при составленіи настоящаго словаря, то они распредѣляются на три категоріи: 1) *печатные*, 2) *архивные*, къ которымъ мы прибѣгали не только тогда, когда дѣло шло о полученіи совсѣмъ новыхъ свѣдѣній, но и для того, чтобы провѣрить уже имѣющіяся въ печати данныя, почему-либо казавшіяся намъ неточными и 3) *автобіографическіе*. Мы разослали и продолжаемъ разсылать современнымъ писателямъ и ученымъ циркуляры съ просьбою сообщать свѣдѣнія о себѣ и въ отвѣтъ получили значительное число автобіографическихъ записокъ, за сообщеніе которыхъ приносимъ всѣмъ приславшимъ ихъ нашу глубочайшую благодарность*).

С. Петербургъ,
4-го Сентября 1886 г.

---

*) Съ такою-же благодарностью будутъ нами приниматься всякія указанія на сдѣланные въ словарѣ пропуски или неточности. Поправки этого рода будутъ помѣщаться въ дополненіяхъ къ отдѣльнымъ томамъ словаря. Присылать поправки просимъ по адресу автора, который обозначенъ на обложкѣ каждаго выпуска.

Очень также были бы мы благодарны, еслибы современные авторы присылали намъ списки псевдонимовъ, подъ которыми имъ приходилось писать. Объясненіе псевдонима занимаетъ такъ мало мѣста, что мы съ охотою помѣстимъ *всякій* присланный намъ псевдонимъ, хотя-бы онъ стоялъ подъ статьею самаго мимолетнаго содержанія.

А. — псевдонимъ *В. Авсѣенко.* (Критическія статьи въ «Русск. Вѣст.» 1870-хъ годовъ.)

А. (въ «Музѣ» 1796 г.) — псевдонимъ Великой Княжны *Александры Павловны* †).

А. (въ альманахѣ 1834 г.—«Подарокъ бѣднымъ»)—псевдонимъ гр. Евдокіи Павловны *Ростопчиной* ††).

А. («Христ. Чт.» 1861 г. т. II) — псевдонимъ архим. *Антонина Капустина* ††).

А. («Изъ записокъ Синайскаго богомольца.» К. 1872—1873 г.) —псевдонимъ архимандрита *Антонина Капустина* ††).

А. А. («Проповѣдническій кругъ» М. 1867 г.).—псевдонимъ архимандрита *Антонина Капустина* ††).

А. А. А... («Вѣст. Евр.» 1805 г. т. II, стр. 130 «Сельская элегія») —псевдонимъ *А. Ѳ. Мерзлякова* ††).

—а... («Одес. Альманахъ»)—псевд. гр. Евд. П. *Ростопчиной* †††).

—а—а—(«Драмат. Вѣст.» 1808 г. № 70 стр. 136)—псевдон. *Анны Буниной* ††).

—а—а—а («Моск. Курьеръ» 1806 г.). — псевдонимъ *Анны Буниной* ††).

Ааронъ (Алексѣй Захаровичъ *Нарциссовъ*)—епископъ Архангельскій ††††). р. въ 1781 г. въ Коломнѣ, гдѣ отецъ его былъ градскимъ священникомъ. Учился сначала въ коломенскомъ духовномъ училищѣ, а затѣмъ въ московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, въ которой, по окончаніи курса, съ 1807 года былъ учителемъ нѣмецкаго языка, катехизиса, а также, по принятіи монашества, проповѣдникомъ. Потомъ послѣдовательно былъ архимандритомъ пензенскаго 3 класснаго монастыря, ректоромъ пензенской семинаріи, архимандритомъ 2 клас. нижеломовскаго казанскаго монастыря, законоучителемъ 1-го кадет. корпуса въ Петербургѣ, настоятелемъ первокласснаго толтскаго ярославскаго монастыря; 14 февр. 1826 г.

---

†) *Д. Кобеко въ* «Библіогр. Зап.» 1861 г. стр. 102.

††) *С. Пономаревъ* въ «Русск. Календ.» Суворина на 1881 г.

†††) *П. Быковъ* въ «Рос. Биб.» 1881 г. № 80.

††††) 1) «Москвитянинъ.» 1842 № 3, стр. 278—79. 2) «Справ. Слов.» *Старчевскаго.* 3) *Филаретъ*, Обзоръ 3 изд. стр. 457—58. 4) *Геннади*, Словарь.

хиротонисанъ въ московскомъ большомъ Успенскомъ Соборѣ во епископа Архангелогородскаго и Холмогорскаго; съ 1830 г. уволенный на покой А. † въ январѣ 1842 г. въ московскомъ ставропигіальномъ Ново-Спасскомъ монастырѣ. Изъ оригинальныхъ произведеній А. оставилъ только 1) «*Слово въ недѣлю Православія*», СПБ. 1821 г. 8° и 2) «*Слово въ день рожденія Ею Вел. Госуд. Импер. Александра Павловича*» СПБ. 1822 8°. Но число сдѣланныхъ имъ переводовъ съ иностр. яз. очень значительно. Онъ зналъ языки: еврейскій, греческій, латинскій, нѣмецкій, французскій, англійскій; нѣмецкій настолько хорошо, что написалъ на этомъ языкѣ митр. Платону привѣтственное стихотвореніе «Die Weisheit».

Списокъ переводовъ Аарона:

3) Съ нѣмец. «*Зрѣлище Креста Христова*». (Состоитъ изъ статей Тица, Даувлера и Лактанція М. 1810 8° Ц. 70 к. На заглавномъ листѣ напечатано слѣдующее одобреніе: «Содержаніе благоразумно, переводъ чистъ, дѣлаетъ похвалу трудившемуся; достойно видѣть свѣтъ. А я о такихъ трудолюбцахъ радуюся». *Платонъ м. Московскій.* 1808, Дек. 30. Виѳанія. 4) Съ Англійск.: «*Воззваніе къ необращеннымъ*» М. 1835. 8° Ц. 1 р. 5) Съ нѣмецк.: «*Два поучит. Слова*». Іерувалима. М. 1837 8° Ц. 75 к. 6) Съ англ. «Ежедневная пища для христіанъ». М. 1838 4°. Ц. 1 р. 7) Съ англ.: «*О вѣчномъ покоѣ Святыхъ*» Рич. Бакстера въ сокращеніи И. Курдсона. М. 1841. 8°. Ц. 1 р. 8) Съ нѣм. *Руководство къ познанію Спасителя міра*». Іерувалима. М. 1845. Ц. 1 р. 50 к. Кромѣ того *Филаретъ* въ своемъ «Обзорѣ дух. лит.» (3 изд стр. 458) приписываетъ Аарону переводъ книгъ: 1) «*Еммануилъ*» М. 1824 и 2) «*Страждущій и умирающій Искупитель*» М. 1850. Но едва-ли это вѣрно, въ виду того, что первая книга не значится въ самыхъ подробныхъ каталогахъ (*Ольхина* напр.); а вторая, по указанію Геннади, значится съ именемъ Маркова.

Ааръ, Карлъ †). Подъ этимъ, какъ сказано въ предисловіи, псевдонимомъ появилась въ Казани въ 1874 г. книга «*Сохраненіе и развитіе ума и энергіи, психическая гигіена*», неблагопріятно встрѣченная критикою, но вышедшая въ томъ же году, однако, 2 изд., а въ 1884—третьимъ.

А. Б. («Современникъ» 1836 г., т. III. «Замѣтка на статью Гоголя»)—псевдонимъ И. А. Болтина ††).

А. Б. (драма «Честность» изд. въ 1858 г.)—псевдонимъ *А. Бецкой* ††).

Абаза—дворянскій родъ молдавскаго происхожденія, послѣднія десятилѣтія выдвинувшій нѣсколько важныхъ сановниковъ, какъ напр. бывшаго министра финансовъ и теперь предсѣдателя департамента государственной экономіи Госуд. Совѣта А. А. Абазу и бывшаго начальника главн. управл. по дѣламъ печати—Н. С. Абазу.

---

†) 1) *Проф. П. Скворцевъ*, въ «Здоровьѣ» 1875, № 13. 2) «Дѣло» 1874, № 1.
††) *С. Пономаревъ*. въ Кален. Суворина на 1881 г.

Въ текущей литературѣ А. имѣютъ слѣдующихъ представителей:

— *Викторъ Афанасьевичъ*, генералъ-маіоръ артилл. вѣдомства, издалъ въ 1885 г. «*Исторію Россіи для учащихся*» и въ 1886 году «*Исторію Россіи для народа*».

— *К. К.* †), военный педагогъ, вмѣстѣ съ *Н. П. Столпянскимъ* составилъ «*Книгу для начальнаго чтенія въ войскахъ*». Спб. 1871. Ц. 30 коп.; вмѣстѣ съ *М. Силаковымъ* «*Руководство по обученію въ начальныхъ военныхъ школахъ*». Спб. 1873. Ц. 75 к., а въ 1880 издалъ имъ однимъ составленную «*Книгу для чтенія въ военныхъ школахъ и казармахъ*» съ 22 карт. Ц. 60 к.

— *Н. Н.*—авторъ меланхолическихъ стихотвореній въ «Недѣлѣ» «Сѣв. Вѣстн.», «Вѣстн. Евр.» 1885—86 г.

* — *Николай Савичъ*, сенаторъ ††). *По даннымъ сенатской канцеляріи* р. въ 1837 г. Въ 1859, по окончаніи курса наукъ въ харьковскомъ университетѣ, удостоенъ степени лекаря съ отличіемъ (cum eximia laude), а въ 1862 г., по защищеніи диссертаціи, утвержденъ московскимъ университетомъ въ степени доктора медицины и тогда-же опредѣленъ въ медицинскій департаментъ сверхштатнымъ чиновникомъ. Въ 1863 его перевели медикомъ для командировокъ въ кавказскую армію, благодаря чему онъ принялъ участіе въ цѣломъ рядѣ стычекъ, завершившихъ собою кавказскую войну. Въ 1864 вернувшись въ Петербургъ, Н. С. былъ откомандированъ въ распоряженіе сначала орловскаго и затѣмъ петербургскаго губернатора, а въ 1867 г. онъ перешелъ на гражданскую службу старшимъ совѣтникомъ петербургскаго губернскаго правленія. Черезъ годъ Н. С. уже былъ назначенъ тамбовскимъ вице-губернаторомъ, а въ 1870 г.—херсонскимъ губернаторомъ. Въ 1874 повелѣно ему быть рязанскимъ губернаторомъ, а въ 1876—главноуполномоченнымъ Краснаго Креста. Въ этомъ званіи онъ завѣдывалъ санитарнымъ дѣломъ дунайской арміи въ теченіи всей послѣдней войны. Въ 1878 г. произведенный въ гофмейстеры, Н. С. продолжалъ быть рязанскимъ губер-

---

†) О „*Книгѣ для начальн. чт.*“ Русск. Инв. 1871 № 84. О „*Руковод. къ обуч. въ нач. воен. школ.*“: 1) „С.-П. Вѣд.“ 1873 № 164. 2) „Нар. шк.“ 1873 № 11, 3) „Сист. обзоръ рус. нар. уч. лит.“ Спб. 1878 стр. 155—156. 4) *С. Миропольскій* въ „Сем. и шк.“ 1877 № 8, кн. 2-я, стр. 79; О „*Книгѣ для чтенія*“ 1) „Вѣстн. Евр.“ 1880 № 10. 2) *В. Ч.* въ „Нар. шк.“ 1881. № 3, 3) *Л. Б.* въ „Рус. Инв.“ 1880 № 20.

††) „О Крас. Крестѣ въ тылу арміи“: 1) *М. М.* въ „Вѣст. Евр.“ 1880 № 9, стр. 352—358. 2) „Отеч. Зап.“ 1880 г. № 10. стр. 193—195. 3) „Недѣля“ 1880 № 39, статья подъ заглавіемъ „*Чей грѣхъ*“. 4) „Голосъ“ 1880 № 300. 5) *Ф. Б.* въ „Ист. Вѣст.“ 1880 № 9 стр. 177—180. 6) „Нов. Вр.“ 1880 № 1609. 7) „Врач. Вѣд.“ 1880 № 432.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

наторомъ до 1880 г., когда онъ былъ назначенъ сенаторомъ, нача никомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати и вскорѣ зат членомъ Верховной Распорядительной Коммиссіи. Въ роли завѣд щаго дѣлами печати Н. С. держался тѣхъ воззрѣній на прессу, торыя проводилъ и гр. Лорисъ-Меликовъ. При немъ возникло пред ложеніе произвести видоизмѣненія въ цензурномъ уставѣ. Съ выход въ 1881 г. въ отставку гр. Лориса-Меликова удалился отъ заним маго имъ поста и вообще отъ административной дѣятельности и

Какъ писатель Н. С. заявилъ себя отчетомъ о дѣятельности св въ роли главноуполномоченнаго Краснаго Креста. Отчетъ появи подъ заглавіемъ: «Красный Крестъ въ тылу дѣйству щей арміи въ 1877—1878 г.» (Т. I. Спб. 1880 г. Ц. 2 р.—Т. II. С 1882 Ц. 2 р.) Книга эта, встрѣченная единодушными похвала критики, представляетъ собою капитальный вкладъ въ нашу воен санитарную литературу. Помимо строго-научно распредѣленнаго таблицамъ и діаграммамъ обширнаго статистическаго матеріала, сующаго положеніе эвакуаціоннаго дѣла во всѣхъ его самыхъ ме чайшихъ деталяхъ и дающаго будущимъ дѣятелямъ возможность ор низовать врачебную помощь жертвамъ войны не на кабинетныхъ ображеніяхъ, а на урокахъ живой дѣйствительности, помимо эти сухихъ, хотя по существу очень краснорѣчивыхъ, фактическихъ д ныхъ, книга Абаза даетъ и неспеціалисту очень живо написанную к тину санитарныхъ порядковъ, или вѣрнѣе непорядковъ послѣд войны, картину печальную, при ознакомленіи съ частностями ко рой—сотнями раненыхъ, по два, по три дня лежавшихъ безъ пе вязки, огромной смертностью, обусловленною недостаткомъ врачеб помощи и т. д. и т. д.—читателя беретъ тяжелое раздуміе. Авторъ кого въ отдѣльности, ни лицъ, ни учрежденія не винитъ въ этихъ чальныхъ непорядкахъ. Онъ полагаетъ, что въ значительной степе они обусловлены роковымъ сцѣпленіемъ обстоятельствъ послѣд камнаніи. Но большую долю вины онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, возлагае на общій духъ нашего бюрократизма и чиновничества, крайне вр наго въ такомъ подвижномъ дѣлѣ, какъ война и помощь жертва ея. Дурно также и то, по мнѣнію автора, что далеко не всегда нитарное дѣло находилось въ рукахъ спеціалистовъ—медиковъ.

„Что-же изъ всего этого слѣдуетъ"—резюмируетъ А. въ одной изъ главъ I т главную мысль своего отчета. „Урокъ для будущаго, котораго не слѣдуетъ за вать и много, много еще учиться, прежде чѣмъ полагаться на свои силы. Вѣр въ силу науки и не стоять выше ея. Санитарное дѣло есть дѣло спеціальное, т бующее глубокихъ познаній и опыта. Только спеціальные люди и могутъ и долж по нашему мнѣнію, направлять его. Врачамъ должна принадлежать выдающа роль въ веденіи санитарнаго дѣла, такъ какъ никто, кромѣ ихъ, не можетъ луч

жить многочисленныхъ нуждъ раненыхъ и больныхъ. Это — аксіома. Передавая санитарное дѣло въ руки врачей, этимъ нисколько не устраняется подчиненіе дѣйствій ихъ главному руководству высшей администраціи, которая тогда только и можетъ дѣйствовать безошибочно, когда спеціальное дѣло будетъ въ спеціальныхъ рукахъ".

Абакумовъ, *Θедоръ*,—«Московской практической коммерческой академіи ученикъ» Написалъ *«Рѣчь о постепенномъ возвышеніи Россійской словесности»* М. 1809. 4° (Соп. 10065).

Абашевъ, *Дмитрій Николаевичъ*, химикъ †). Род. въ 1829 году въ дворянскомъ семействѣ. Въ 1851 г. кончилъ естеств. факультетъ С.-Петербургскаго университета; въ 1854 г. назначенъ старшимъ учителемъ естеств. наукъ въ 4 московск. гимназію, въ 1858 г., по защищеніи магистерской диссертаціи,—адъюнктомъ пò кафедрѣ химіи въ кіевскій университетъ. Въ 1859 г. Абашевъ на 1½ года былъ командированъ съ ученою цѣлью за границу, въ 1862 г. онъ вышелъ въ отставку, но въ 1865 году, съ открытіемъ новороссійскаго университета, поступилъ туда доцентомъ агрономіи. Въ 1868 г. Абашевъ защищалъ въ Харьковѣ диссертацію на доктора химіи, въ слѣдующемъ году былъ избранъ въ экстраординарные, а въ 1870 — въ ординарные профессора новороссійскаго унив. по кафедрѣ агрономической химіи. Въ 1879 г. онъ вторично вышелъ въ отставку и въ скоромъ времени (11 янв. 1880 г.) умеръ. Помимо университетскихъ занятій Абашевъ въ 1860—61 г. читалъ въ Кіевѣ публичныя лекціи по химіи. Съ 1875—79 г. онъ былъ вице-президентомъ Императорскаго сельско-хозяйственнаго общества южной Россіи.

Абашевымъ написано: 1) «Recherches sur la dissolubilité des liquides» въ «Bullet. de la Soc. Impér. des natur. de Moscou» 1857 г. 2) Тоже на русск. яз. *«Изслѣдованія о явленіяхъ взаимнаго растворенія жидкостей»*. М. 1858. Магист. дисс. 3) Большой разборъ книги *Либиха* «Химія въ приложеніи къ земледѣлію и физіологіи растеній» въ «Русск. Вѣстн.» 1864 г. № 7. 4) *«О земледѣліи въ Англіи»*, въ «Русск. Вѣстн.» 1865 г. № 4. 5) *«О тепловыхъ явленіяхъ, обнаруживающихся при соединеніи жидкостей»*. Одесса 1868 г. (изъ „Запис. Новор. унив." т. I). 6) *„Замѣчанія на разборъ пр. Соколова* въ „Зап. Новор. унив." т. V. 7) *„О механическомъ анализѣ почвы"*. (Ibid. т. IV). 8) *„Записка по поводу выставки виноградныхъ винъ"* („Тавр. Губ. Вѣд." 1870 г. № 5). 9) *„Записка по вопросу о разведеніи лѣсовъ въ степной части Новор. края"* въ „Зап. общ. сельск. хоз. Юж. Россіи" 1871. № 4, стр. 283—297.

Изъ названнаго наибольшее значеніе имѣетъ магистер. дисс. Абашева, особенно подробно развившая механическую теорію взаимной растворимости жидкостей, данную изслѣдованіями Дозіаса. Докторская диссертація его, въ значительной степени являющаяся допол-

†) 1) *Иконниковъ*. Біограф. слов. проф. кіев. унив. 2) Отзывы о докт. дисс. *Н. Бекетова*, *В. Лапшина и Н. Соколова* въ «Зап. Новор. унив.» т. V.

невіемъ магистерской, вызвала разногласія среди спеціалистовъ. Когд
была выдвинута кандидатура Абашева на кафедру агрон. химіи н
воросс. университета, извѣстный харьковскій химикъ Н. Н. Бек
товъ, приглашенный новор. университетомъ высказать свое мнѣні
нашелъ, что если автору и не посчастливилось открыть точный з
конъ взаимной зависимости явленій, которыя онъ избралъ предм
томъ своихъ изслѣдованій, то все-таки работа его, по точности
цѣнности отдѣльныхъ наблюденій, можетъ быть названа «истинн
классическимъ трудомъ въ области экспериментальныхъ наукъ
смѣло можетъ быть поставлена на ряду съ лучшими изслѣдованіям
Реньо и другихъ извѣстныхъ ученыхъ». Деканъ факультета—фі
зикъ В. Лапшинъ, обозрѣвъ при этомъ всю научную дѣятельност
Абашева, указавъ, что магистерская диссертація его «представляет
между прочимъ, открытіе новаго и весьма важнаго общаго закон
связывающаго явленія взаимнаго растворенія жидкостей въ опред
ленныхъ пропорціяхъ съ явленіями смѣшенія ихъ во всѣхъ пропо
ціяхъ» и что «на основаніи этого закона Абашевъ тогда-же выск
залъ предположеніе, что должны существовать такія сочетанія жи
костей, которыя представляютъ при одной температурѣ одно из
этихъ явленій, при другой—другое», дѣлаетъ затѣмъ замѣчаніе, чт
термо-химія принадлежитъ къ тѣмъ крайне сложнымъ и трудно-по
дающимся изученію явленіямъ, относительно которыхъ даже знам
нитѣйшіе ученые не пошли дальше «результатовъ ошибочныхъ ил
неясныхъ» и что нельзя, слѣдовательно, Абашеву ставить въ упрек
то, что онъ не вывелъ точныхъ законовъ относительно занимавших
его явленій. За то очень цѣнно въ его работѣ нѣсколько новыхъ
весьма замѣчательныхъ наблюденій, какъ напр. «въ высокой ст
пени важный для калориметріи фактъ, что коеффиціентъ охлажден
калориметра гораздо больше, чѣмъ его коеффиціентъ нагрѣванія пр
тѣхъ-же условіяхъ». Благодаря выработанному имъ новому видои
мѣненію методовъ смѣшенія и опредѣленія теплоемкости жидкосте
Абашеву, по указанію Лапшина, удалось также внести важныя д
бавленія въ законы Дю-Лонга и Пти относительнс соотношенія те
лоемкости соединеній съ теплоемкостью ихъ составныхъ частей. Н
конецъ «одинъ изъ тезисовъ Абашева есть также выраженіе ва
наго открытія: въ своей магистерской диссертаціи онъ теоретическим
путемъ былъ приведенъ къ тому предположенію, что должны сущ
ствовать такія сочетанія жидкостей, которыя при одной темпер
турѣ растворяютъ другъ друга въ опредѣленныхъ пропорціяхъ,
при другой, высшей, смѣшиваются во всѣхъ пропорціяхъ. Опыт
блестящимъ образомъ подтвердилъ справедливость этого вывода: Аб

невъ нашелъ такія сочетанія жидкостей и въ тезисѣ его диссертаціи поименованы три пары жидкостей, представляющихъ эти явленія».

Иначе взглянулъ на работу Абашева проф. химіи новор. унив.— Н. Соколовъ. Онъ находилъ, что Абашевъ приписываетъ разнымъ цитируемымъ имъ авторамъ, какъ напр. Лавуазье и Лапласу то, что они вовсе не думали говорить, что онъ сплошь да рядомъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою и, плохо слѣдя за литературою предмета, дѣлаетъ открытія, уже раньше его сдѣланныя другими, а что наблюденія его въ общемъ не заслуживаютъ довѣрія.

Желчный и полный придирокъ разборъ Соколова произвелъ впечатлѣніе на физико-математическій факультетъ и Абашева забаллотировали. Но совѣтъ усмотрѣлъ въ рецензіи Соколова проявленіе личной непріязни и обычныхъ факультетскихъ дрязгъ и избраніе Абашева состоялось.

Абашевъ, *Николай Ивановичъ*, смоленскій помѣщикъ (можетъ быть отецъ предъидущаго?) въ свое время извѣстный сельскій хозяинъ †). Напечаталъ: 1) «*О легчайшемъ способѣ жать и убирать съ поля колосовыя растенія*» («Жур. Сельск. Хоз.» 1827). 2) «*О кошеніи хлѣба косами вмѣсто серповъ*» (Ib. 1829). 3) «*О кошеніи ржи короткими косами*» (Ib. 1832), и отдѣльно 4) «*Практическое руководство къ усовершенствованію сельскаго хозяйства въ нечерноземной полосѣ Россіи*». Спб. 1855. Ц. 2 р., составляющее результатъ 30 лѣтней практической дѣятельности автора и встрѣченное похвалами критики какъ сельско-хозяйственныхъ, такъ и общихъ журналовъ. Славянофильская «Рус. Бесѣда», впрочемъ, упрекала А. въ томъ, что онъ недостаточно самобытенъ въ своихъ воззрѣніяхъ и слишкомъ склоненъ примѣнять западно-европейскія агрономическія теоріи къ русскому земледѣлію.

По поводу предложеннаго въ статьѣ подъ № 3 способа уборки хлѣба, президентъ московскаго Общ. сельск. хозяйства сказалъ въ 1835 г. въ торжественной рѣчи: «Дѣйств. членъ нашего общества Н. И. Абашевъ съ успѣхомъ возобновилъ и привелъ въ исполненіе мысль Великаго Петра замѣнить въ Россіи серпы хорошими косами для жатвы хлѣба и тѣмъ облегчить тяжкіе труды земледѣльца».

А. Б. В. («Вѣст. Евр.» начала 1800 годовъ)—псевдонимъ Н. М. *Карамзина* ††).

---

†) *Я. Калиновскій* въ «Энцик. Слов.» изд. р. уч. и лит. Т. I. стр. 23. Разборъ его «Руководства»: 1) «Труды И. В. Эк. Общ.» 1855 № 6 т. 2 отд. 3 стр. 53—56. 2) «Землед. газ.» 1855. № 101, 102, 103. 3) «Рус. Бес.» 1856 № 2. 4) «Отеч. Зап.» 1856 № 2. отд. 3 стр. 67—70.

††) *Д. Ѳ. Кобеко* въ «Библ. Зап.» 1861. стр. 102.

А. Б. (Журналъ «Рос. Слов.» 1805 г. «Цвѣтникъ» 1809 г.)—псевдонимъ *А. Н. Бенитцкаго* †).

Абихъ, *Германъ Вильгельмовичъ*, одинъ изъ очень видныхъ геологовъ нашего времени ††). Р. въ Берлинѣ 11 дек. 1806 г. Уже въ домѣ отца своего, прусскаго горнаго совѣтника и матери—дочери извѣстнаго въ свое время химика Клапрота и сестры еще болѣе извѣстнаго путешественника—оріенталиста Юлія Клапрота—молодой Абихъ пріобрѣлъ любовь къ наукѣ вообще и къ геологіи въ частности. Окончивъ курсъ въ брауншвейгской гимназіи, онъ усердно учился затѣмъ въ университетахъ берлинскомъ и гейдельбергскомъ. Но еще большему научился Абихъ изъ тѣснаго личнаго общенія съ такими людьми, какъ Александръ Гумбольдтъ, Карлъ Риттеръ и Леопольдъ Бухъ. Въ особенности близокъ онъ былъ съ Гумбольдтомъ, старымъ другомъ его родителей. Получивши въ 1831 г. степень доктора философіи за диссерт. 1) «De Spinello» («Poggendorf's Annalen 1831 т. XXII), Абихъ въ 1833 г. предпринялъ ученое путешествіе по Италіи. Не одинъ разъ подвергая жизнь свою опасности, онъ произвелъ цѣлый рядъ изслѣдованій и наблюденій надъ изверженіями Везувія, Стромболи и Этны. Результатомъ путешествія явились: 2) «Erläuternde Abbildungen geologischer Erscheinungen, beobachtet am Vesuv und Aetna 1833 und 1834». Berlin 1836. (перев. на фран. яз.) и 3) «Ueber die Natur und den Zusammenhang vulkanischer Bildungen». Braunschweig 1841. Въ этихъ двухъ сочиненіяхъ, помимо дара съ необыкновенною точностью производить наблюденія, Абихъ проявилъ еще замѣчательное умѣніе графически изображать геологическія явленія природы.

Въ 1842 г. Абихъ, успѣвшій къ тому времени написать еще: 4) «Beschreibung zweier Apparate zur Bestimmung der Dämpfe der Fumarolen und der in Mineralwässern enthald. Kolensäure» (Pogg. Anal. XLII. 5) «Beiträge zur Kenntniss des Feldspats». (Ib. L.) 6) «Ueber Anorthit, Pseudo-Albit Periklinetc. (Ib. L. I.), переѣзжаетъ въ Россію, приглашенный дерптскимъ университетомъ на кафедру геологіи. Но большую часть времени онъ проводилъ на Кавказѣ, изслѣдованію котораго, съ переселенія своего въ Россію вплоть до самой смерти, Абихъ всецѣло себя посвятилъ. Списокъ изданныхъ имъ съ

---

†) *С. Пономаревъ* въ „Рус. Календ." Суворина за 1881 г.

††) 1) *Э. Гофманъ* въ „Энцикл. Слов." изд. русск. уч. и лит. 2) Словари *Толя, Березина, Клюшникова, Старчевскаго.* 3) Нѣмец. Энц. Словари *Брокгауза* и *Мейера.* 4) *Бар. Каульбарса* некрологъ въ „Нов. Вр." 1886 г. отъ 26 іюня 5) Краткіе некрологи во всѣхъ іюньскихъ газетахъ 1886 г.

1842 г. работъ, который мы сейчасъ приведемъ, можетъ служить яркимъ выраженіемъ его неутомимой дѣятельности на поприщѣ изученія Кавказа и прилегающихъ къ нему странъ.

Отдѣльно Абихомъ изданы: 7) «Ueber die geologische Natur des armenischen Hochlands». Dorpat 1843. 8) «Vergleichende chemische Untersuchungen der Wasser des Caspischen Meeres, Urmia und Van See's 1856. 9) «Ueber das Steinsalz und seine geologische Stellung im russischen Armenien» 1857. 10) «Vergleichende geologische Grundzüge der Kaukasischen, Armenischen und Nordpersischen Gebirge. Prodromus einer Geologie der Kaukasischen Länder. 11) «Beiträge zur Paläontologie des asiatischen Russlands 1859. 12) «Sur la structure et la gèologie du Daghestan». 1862. 13) «Ueber eine in Caspischen Meere erschienene Jnsel nebst Beiträgen zur Kenntniss der Schlammvulkane der caspischen Region». 1863. 14) «Einleitende Grundzüge der Geologie der Halbinseln Kertsch und Taman». 1865. 15) «Beiträge zur geol. Kenntniss der Thermalquellen in Kaukasischen Ländern». Tiflis. 1865. 4°. IV+595 стр. 16) «Отчетъ по изслѣд. мѣсторожденій нефти въ Закавказскомъ краѣ и на Таманскомъ полуостровѣ». Тифлисъ. 1867. 8°. 24+32 стр.

Всѣ сейчасъ названныя изслѣдованія русскаго періода дѣятельности Абиха были первоначально напечатаны (за исключеніемъ № 3 и 16) въ бюллетеняхъ академіи наукъ 1846—66 гг. Въ тѣхъ-же бюллетеняхъ и другихъ період. изданіяхъ академіи появился цѣлый рядъ изслѣдованій, сообщеній и замѣтокъ, отдѣльно Абихомъ не изданныхъ, но тѣмъ не менѣе весьма цѣнныхъ:

По физической географіи и метеорологіи. 17) «Meteorologische Stationen in Transcaucasien und erste in denselben erhaltene Resultate 1848». («Bull. phys. mathem. T. VII p. 280—88»). 18) «Meteorologische Beobachtungen im Transkaukasien 1850». (Ib. T. IX p. 1—24 и «Melanges phys. et chim.» T. I. p. 147—198). 19) «Tremblement du terre observé à Tebriz en septembre 1856». («Bul. phys-marthem.» T. XVI p.337—352 и «Melanges phys. et chim.» T. III p. 349—368). *По минералогіи, геологіи и геогнозіи:* 20) «Sur la structure et la geologie du Daghestan». 1862. («Memoires VII Serie T. IV № 10 32 стр.). 21) «Ueber Natronseen auf der Araxes-Ebene» 1846. («Bull. phys.-mathem.» T. V p. 116—175. 22) «Geologische Skizzen aus Transkaukasien» 1846. (Ibid. p. 321—343). 23) «Einige Notizen über die Orographie von Dagestan» 1847. (Ib. T. VI p. 225—236). 24) Auszug aus einem Briefe an. I. Fritzsche» 1847. (Ib. p. 383—384). 25) «Ueber die Soda der Araxes-Ebene in Armenien» 1850. (Ib. T. VIII 333—336) и «Melanges phys. et chim.» T. I p. 146—148. 26) «Ueber einen in der Nähe von Tula stattgefundenen Erdfall» 1854. (Bull. phys.-mathem.» T. XIII p. 337—356 и «Mel. phys. et chim». T. II p. 252,—279. 27) «Sur les derniers tremblements de terre dans la Perse septentrionale et dans le Caucase» 1855. («Bull.» T. XIV 49—72. «Melanges» T. II 356—388. 28) «Ueber ein schwefelreiches Tufgestein in der Thalebene von Dyadin» 1855. («Bull.» T. XIV 142—144. «Mel.» T. II 412—416). 29) «Ueber die neue geologische Karte von Europa von André Dumont» 1857. («Bull.» T. XVI 235—240 и «Mel.» T. III 255—259). 30) «Ueber die Erscheinungen brennenden Gases im Krater Vesuvs im Juli 1857» («Bull.» T. XVI 258—270 и «Mel.» T. III 284—301) 31) «Ueber Manganerze in Transkaukasien» 1858. («Bull.» T. XVI 305—320) «Mel.» T. III 327—348). 32) «Bericht an die physikalisch-mathematische Classe der Kaiserl· Akademie der Wissenschaften». 1859. («Bulletin de l'Academie» T. I 209—212. «Mel.». T. IV 48—53). 33) «Extrait d'une lettre à M. Baer.» 1859. («Bul. d. l'Ac.» I,449—452

и «Mel.» T. IV p. 123—125). 34) «Ueber einen bei Stawropol gefallenen Meteorstein» 1860. («Bul. d. l'Ac.» T. II 404—422, 433—440. «Mel.» T. IV 475—511). 35) Zur Geologie des Südöstlichen Kaukasus» 1866. («Bul. d. l'Ac.» T. X 21—42 и «Mel.» T. VI 646—673). 36) «Ueber das Vorkommen des brenbaren Kohlenwasserstoff in den Gasgemengen der Kaukasischen Thermen» 1867. («Bul. de l'Ac. T. XI 397—412. «Mel.» T. VII 381—401). *По этнографіи и географіи:* 37) «Aus einem Briefe an den beständigen Secretär» 1859. («Bul. phys.-math.» T. XVII 455—459. «Mel.» T. III 608—614). 38) «Extrait d'une lettre à M. Fritzsche sur un voyage au Dagestan» 1860. («Bul. de l'Acad.» T. II 443—446. «Mel. T. IV 516—520). 39) «Die Besteigung des Ararat» am 29 Juli 1845. «Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reiches». T. XII (1849) 41—72). *По исторіи Кавказа:* 40) «Sur les ruines d'Ani» 1845 («Bull. hist-phil. T. II 369—372).

Въ «Annalen» Поггендорфа Абихъ помѣстилъ изъ своихъ кавказскихъ изслѣдованій: 41) «Höhenbestimmungen in Dagestan» (T. XLVI). 42) «Meteorologische Beobachtungen in Georgien» (Ib.).

А кромѣ всего названнаго неутомимый ученый напечаталъ *нѣсколько десятковъ* статей и мелкихъ сообщеній о геологіи Кавказа въ «Извѣстіяхъ Географич. Общ.» и кавказскаго его отдѣла въ «Зап. Кавк. отд. Технич. общ.», въ «Горномъ Журналѣ», въ «Bulletin» Моск. Общ. Естеств., въ «Мед. Сбор. Кавк. Мед. Общ.» и газетѣ «Кавказъ».

Уже первыя изъ только что перечисленныхъ меньшихъ по объему, но не по значенію, изслѣдованій, на столько выдавались своими научными достоинствами, что Академія Наукъ въ 1853 г. избрала Абиха въ ординарные академики. Въ 1866 г. онъ тою-же Академіею былъ избранъ въ почетные члены. Въ 1854 г. Абихъ былъ причисленъ къ корпусу горныхъ инженеровъ и поселился окончательно на Кавказѣ, а съ 1876 г. онъ вмѣстѣ съ женою своею, дочерью академика Гесса, удалился въ Вѣну и здѣсь, несмотря на преклонныя лѣта, ревностно принялся за сведеніе въ одно цѣлое своихъ тридцатилѣтнихъ наблюденій. Результатомъ явились 1 и 2 часть напечатанныхъ въ 1882 г. въ Вѣнѣ «Geologische Forschungen in den Kaukasischen Ländern» съ огромнымъ къ нимъ атласомъ картъ. 3 и 4 части этого сочиненія совершенно закончены, но въ печати престарѣлому автору уже не суждено было ихъ увидѣть. 19 Іюня (1 Іюля) 1886 г. онъ умеръ въ Вѣнѣ. За три недѣли до смерти Абихъ написалъ завѣщаніе, въ которомъ просилъ, чтобы тѣло его было перевезено въ Готу для сожженія, а пепелъ поставленъ на могилѣ матери въ Кобленцѣ.

Формулируя результаты многочисленныхъ работъ и изслѣдованій Абиха, трудно сказать, которыя изъ нихъ сдѣлали наибольшій вкладъ въ науку. Самая правильная оцѣнка ихъ будетъ, если мы скажемъ, что важна вся совокупность изслѣдованій неутомимаго ученаго. Этою совокупностью и еще болѣе послѣднимъ своимъ трудомъ Абихъ, можно прямо сказать, создалъ геологію Кавказа, до него почти неразработанную.

Въ честь Абиха одинъ изъ новыхъ минераловъ (Arsenochalcit, мышьяковисто-кислая окись мѣди) получилъ въ наукѣ названіе *Абихита*.

Абламовичъ, *Игнатій Карловичъ*, изъ польскихъ дворянъ, католикъ †). Родился въ 1787 г. По окончаніи гимназическаго курса поступилъ въ 1804 г. въ учительскую семинарію, находившуюся при виленскомъ университетѣ и здѣсь въ 1806 г. получилъ степень магистра философіи. Въ 1808 г. Абламовичъ былъ назначенъ учителемъ физики, химіи и естеств. исторіи въ минскую гимназію. Въ 1810 г. его перевели въ виленскій университетъ помощникомъ проф. физики, а въ 1813 г. назначили учителемъ физики, химіи и естественныхъ наукъ въ виленской гимназіи. Въ 1817 Абламовичъ исполнялъ должность помощника проф. химіи, а въ 1818 г. былъ посланъ за границу для усовершенствованія. Возвратившись въ 1824 г., послѣ 6 лѣтняго пребыванія за границею, главнымъ образомъ въ Парижѣ, Абламовичъ въ 1827 г. былъ назначенъ учителемъ физики въ Волынскій (Кременецкій) лицей, а въ 1834 г., съ переводомъ и преобразованіемъ Кременецкаго лицея въ кіевскій университетъ Св. Владиміра, опредѣленъ туда ординарнымъ профессоромъ физики, которую онъ сталъ читать, придерживаясь, главнымъ образомъ, руководствъ Бедана и Пунье. Черезъ три года, въ 1837 г., за выслугою 25 лѣтъ, Абламовичъ былъ уволенъ. Ум. въ 1848 г. отъ холеры.

Абламовичъ ничего не печаталъ и оставилъ послѣ себя только два рукописныхъ проекта: 1) «*По части технологіи для училищъ*» и 2) *Подробный конспектъ имѣющаго преподаваться въ университетѣ курса технологіи*».

— *Осипъ Карловичъ* ††), братъ предъидущаго, учился въ Виленскомъ университетѣ, гдѣ въ 1828 г. за диссертацію «De vertigine». Vilno 1828. 8°. 21 стр. получилъ степень доктора медицины.

Аблесимовъ, Александръ Онисимовичъ, драматургъ †††). Род. въ

---

†) 1) *Шульгинъ*, Ист. унив. Св. Владиміра, стр. 139. 2) *Геннади*, Словарь. 3) *Иконниковъ*, Слов. проф. унив. Св. Владиміра.

††) *Змѣевъ*, Врачи-писатели, стр. 1.

†††) *Новиковъ*, Словарь (по изд. Ефремова стр. 7). 2) Нѣмецкое «Извѣстіе о русск. писат.» перепеч. въ Ефремовскихъ «Мат. для ист. рус. лит.» стр. 141. 3) Sauerweid, Russische Theatralien St.-Pet. 1784 стр. 73. 4) «Nordisches Archiv» Riga 1803 (перепечатка предъидущаго) 5) *Петръ Плавильщиковъ*. Сочиненія т. 3. стр. 136. 6) *Мерзляковъ* въ «Вѣст. Евр.» 1817, № 6. 7) «Сынъ Отеч.» 1821 г. 1 ч. 29 стр. 286—82. 8) *Гречъ*, Опытъ стр. 207. 9) *Д. Языковъ* въ «Энц. Лек.» Плюшара. 10) *Макаровъ М.* въ «Реперт. рус. сц.» 1841 № 12. Статья состоитъ изъ слышанныхъ авторомъ отъ разныхъ лицъ анекдотовъ объ Аблесимовѣ. 11) *М. Сорокинъ*, въ „Лит. Газ.» 1841. № 107. 12) *Евгеній*, Словарь. 13) *Бантышъ-Каменскій*, Слов. дост. люд.

1742 г. въ Галичскомъ уѣздѣ, Костромской губ. Отецъ его былъ небогатый помѣщикъ, не имѣвшій средствъ дать ему сколько-нибудь порядочное образованіе и только благодаря тому, что онъ попалъ на службу въ лейбъ-кампанскую канцелярію и переписывалъ на бѣло служившему въ этой канцеляріи Сумарокову стихи его, въ Аблесимовѣ пробудились природныя способности къ литературному творчеству. Изъ лейбъ-кампанской канцеляріи Аблесимовъ перевелся въ коммиссію для составленія новаго уложенія, затѣмъ поступилъ на военную службу, былъ адъютантомъ генерала Сухотина и, дослужившись капитанскаго чина, перешелъ экзекуторомъ въ московскую управу благочинія. Въ этой должности онъ и умеръ въ 1783 г., въ крайней бѣдности, оставивъ послѣ себя только треногій столъ, на которомъ писалъ свои оперетки и комедіи. По словамъ актера Зауервейда, въ своихъ «Russische Theatralien» 1784 г., впервые сообщившаго о бѣдности, въ которой умеръ авторъ «Мельника», эта бѣдность объясняется тѣмъ, что жалованье и довольно значительный гонораръ за свои пьесы Аблесимовъ употреблялъ исключительно на воспитаніе единственной дочери.

Всѣ сохранившіяся свѣдѣнія о личномъ характерѣ Аблесимова рисуютъ его человѣкомъ очень скромнымъ и симпатичнымъ.

Литературную дѣятельность свою Аблесимовъ началъ въ 1759 г. въ «Трудолюбивой Пчелѣ» Сумарокова 1) элегіею «*Сокрылися мои дражайшія утѣхи* (Іюнь) и шуточнымъ стихотвореніемъ 2) *Подьячій здѣсь зарытъ*» (Ѳ. Сентябрь). Въ 1769 г. онъ издаетъ 3) «*Сказки*» П. 1769, посвященныя директору ассигнаціоннаго банка гр. Андр.

изд. 1847. 14) «Справ. Энц. Сл.» *Старчевскаго*. 15) *Тихонравовъ* въ «Лѣтоп. русск. лит.» 1859 кн. 2 стр. 200—202. 16) *М. Михайловъ* въ «Энц. Слов.» изд. р. уч. и лит. Т. I, стр. 92—93. Неизвѣстно откуда добылъ составитель этой статейки свѣдѣнія изъ формуляра А. и притомъ свѣдѣнія довольно фантастическія. 17) *Мизко*, «Столѣтіе рус. лит.» стр. 52, 68—69. 18) *Араповъ*, «Лѣтопись рус. театра» стр. 112. 19) *Буличъ*, «Сумароковъ и современная ему критика» стр. 272. (Невѣрное предположеніе, что А. издавалъ «Пустомелю»). 20) *Галаховъ*, Истор. рус. лит. ч. 2 стр. 234 и 239. 21) *Порфирьевъ*, Ист. рус. лит. ч. 2 стр. 320. 22) *Геннади*, Словарь. 23) Энц. Слов. Березина, Толя, Клюшникова. 24) *У Бѣлинскаго* т. I, стр. 58. сказано: «какъ будто не нарочно или по ошибкѣ между многими (?) плохими драмами Аблесимовъ написалъ прекрасный народный водевиль «Мельникъ»—произведеніе, столь любимое нашими добрыми дѣдами и еще и теперь (1834) не потерявшее своего достоинства». 25) *Неустроевъ* «Истор. розыск. о рус. поврем. изд. и сбор.» стр. 319—324. 26) *Ефремовъ*, «Трутень» стр. 348—49. 27) *Губерти*, «Матеріалы для рус. библіогр.» Вып. I стр. 37 и 68—73. 28) *Губерти*, въ «Россійск. Библ.» 1881. стр. 599. (здѣсь приведена современная пародія на «Мельника». 29) *Гербель*, Рус. Христоматія. 30) «*Драматическій Словарь*» 1787 г., перепечатанный въ 1881 г.

Петр. Шувалову. Заглавіе вводитъ въ заблужденіе. Это не сказки, а стихотворныя басни. Въ томъ же и слѣдующемъ году Аблесимовъ частью безъ подписи, частью подъ псевдонимомъ *Азазеза Азазезова*, помѣстилъ рядъ сатирическихъ стихотвореній и статеекъ въ Новиковскомъ «*Трутнѣ*»: 4) «*Чортъ меня дернулъ приняться*» (1769 г. Августъ); 5) «*Я вамъ знакомъ*» (Ib. Ноябрь); 6) «*Три жениха*» (Ib.); 7) «*Мужъ и жена*» (Ib); 8) «*Супругу мужъ любя*» (1770 Февр.); 9) «*Имѣя дѣвушку*» (Ib.); 10) «*Неудача*» (Ib.). 20 Января 1779 г. была въ первый разъ поставлена въ Москвѣ знаменитая оперетка Аблесимова 12) «*Мельникъ колдунъ, обманщикъ и сватъ*» (напечат. въ М. 1782 и 1817. въ Орлѣ въ 1821, въ П. 1831 и въ М. 1886. Помѣщена также въ XXX ч. «Россійскаго Θеатра» 1783). За нею послѣдовала оперетка 13) «*Счастье по жеребію*» М. 1780 и 14) Діалогъ на открытіе Петровскаго театра «*Странники*» М. 1780, а также въ «Рос. Θеатрѣ» ч. XXVIII.

Въ 1781 г. Аблесимовъ началъ издавать, безъ означенія имени своего, въ Москвѣ 16) журналъ подъ названіемъ: «*Разкащикъ забавныхъ басенъ, служащихъ къ чтенію, въ скучное время; или когда кому дѣлать нѣчево*». «Разкащикъ» выходилъ маленькими еженедѣльными листочками и состоялъ, главнымъ образомъ, изъ стихотвореній и статеекъ самого издателя, кромѣ котораго нѣсколько сотрудничали, какіе-то гг. *Н. С.* и *Н. М.* Очень многія изъ стихотвореній, напечатанныхъ Аблесимовымъ въ «Разкащикѣ» появлялись въ немъ второй разъ и были уже разъ обнародованы имъ въ его «Сказкахъ» 1769 г. *Ненапечатаны и утеряны:* 17) «*Подъяческая пирушка*» комедія и 18) «*Походъ съ непремѣнныхъ квартиръ*» комедія, изъ которыхъ первая шла на московской сценѣ съ успѣхомъ.

Въ 1849 г. Смирдинъ въ свое «Полное собраніе сочиненій русск. авторовъ» включилъ и Аблесимова. Но изданіе это крайне небрежно и неполно.

Изъ перечисленнаго право на вниманіе даетъ Аблесимову только «Мельникъ» его. Другія-же произведенія мало замѣчательны. Въ «Сказкахъ» и прочихъ сатирическихъ стихотвореніяхъ и статейкахъ онъ, по преимуществу, подражаетъ сатирамъ и баснямъ Сумарокова. Кругъ обличенія не обширенъ: подъячіе, моты, хвастуны, щеголи. Языкъ мѣстами не лишенъ выразительности, но въ общемъ мѣткости мѣшаетъ относительная растянутость. Когда въ 1781 г. Аблесимовъ, понадѣявшись на успѣхъ Новиковскихъ сатирическихъ журналовъ, затѣялъ издавать «Разкащика», попытка эта не увѣнчалась никакимъ успѣхомъ и только потому, что Новиковъ даромъ печаталъ «Разкащика» въ своей типографіи, крошечный журналецъ, стоившій «150 копѣекъ» въ годъ, могъ выйдти въ обѣщанномъ коли-

чествѣ 52 №№. Нельзя, конечно, отрицать того, что въ извѣстной степени неуспѣхъ «Разкащика» объясняется тѣмъ, что мода на обличительные журналы, доставившая имъ такой успѣхъ въ началѣ 70 годовъ прошлаго столѣтія, къ 1781 г. значительно остыла, но съ другой стороны несомнѣнно и то, что поверхностное малоостроумное и мелкотравчатое обличеніе «Разкащика» не могло придтись особенно по вкусу публикѣ, въ которой уже назрѣла потребность въ такой серьезной сатирѣ, какою былъ, помимо художественныхъ достоинствъ своихъ, появившійся черезъ годъ послѣ «Разкащика» «Недоросль» Фонъ-Визина.

Изъ драматическихъ произведеній діалогъ «Странники», написанный на открытіе новаго Петровскаго театра въ Москвѣ, выгодно отличается отъ пьесъ, сочиняемыхъ на случай, отсутствіемъ вычурности. Это-же отсутствіе вычурности, въ связи съ стремленіемъ внести въ заполненный нѣмецко-французскимъ ложнымъ классицизмомъ русскій театръ струю національнаго содержанія, составляетъ главную отличительную черту знаменитаго «Мельника».

По сюжету и выполненію «Мельникъ» есть то, что на позднѣйшемъ театральномъ языкѣ стали звать водевилемъ. Мельникъ Өаддей слыветъ въ народѣ колдуномъ.

„Смѣшно право“, говоритъ онъ въ 1 явленіи „какъ я вздумаю: говорятъ будто мельница безъ колдуна стоять не можетъ и ужь-де и мельникъ всякой не простъ: они-де знаются съ домовыми и домовые то у нихъ на мельницахъ какъ черти ворочаютъ... ха! ха! ха!.. какой сумбуръ мелютъ? а я, кажется, самъ коренной мельникъ: родился, выросъ и состарился на мельницѣ; а ни одного домоваго съ роду въ глаза не видывалъ. А коли молвить матку-правду, то кто смышленъ и гораздъ обманывать, такъ вотъ все и колдовство тутъ. Да пускай што хотятъ они, то и бредятъ, а мы наживаемъ этимъ ремесломъ себѣ хлѣбецъ.

Кто умѣетъ жить обманомъ,
Всѣ зовутъ того цыганомъ;
А цыганскою ухваткой
Прослывешь, колдунъ, угадкой.
И колдовки, колотовки,
Тѣ же дѣлаютъ уловки.
Много всякаго есть сброду,
Наговариваютъ воду,
Рѣшетомъ вертятъ мірянамъ,
И живутъ такимъ обманомъ,

Какъ и азъ грѣшный“.

Не успѣваетъ Өаддей пропѣть своей пѣсни, какъ къ нему является однодворецъ Филимонъ съ просьбой помочь найдти пропавшихъ у него лошадей. Мельникъ берется и продѣлываетъ рядъ мнимоколдовскихъ штукъ, имѣющихъ цѣлью показать его колду-

свое могущество. Въ теченіи разговора однодворецъ сообщаетъ мельнику о своей кручинѣ: онъ любитъ дочь крестьянина Анкудина Анюту, да боится, что не добыть ему ее въ жены, потому что мать Анюты, Θетинья, сама дальняго дворянскаго происхожденія, рѣшила отдать ее только дворянину. Θаддей берется помочь и въ этой бѣдѣ. Онъ устраиваетъ такъ, что заставляетъ Анюту загадывать въ зеркало о суженомъ и незамѣтно ставитъ сзади Филимона, изображеніе котораго и видитъ радостно испуганная дѣвушка, втайнѣ любящая однодворца; матери онъ говоритъ, что съ помощью колдовства выдастъ ея дочь за дворянина и затѣмъ, поставивши Филимона возлѣ дома, возвращается въ избу Θетиньи, велитъ ей выйдти на дворъ и говоритъ, что первый человѣкъ, котораго она встрѣтитъ и будетъ тотъ дворянинъ, который станетъ ея зятемъ; отцу же Анюты, который слышать не хочетъ о дворянинѣ и желаетъ отдать дочь только за земледѣльца, мельникъ обѣщаетъ пристроить Анюту за хорошаго крестьянина. Собравши вслѣдъ затѣмъ всю семью вмѣстѣ и показавъ имъ Филимона, мельникъ разрѣшаетъ всеобщее недоумѣніе загадкой, которой самъ-же даетъ отгадку.

Еще што да таково
На Руси у насъ давно:
Самъ помѣщикъ, самъ крестьянинъ,
Самъ холопъ и самъ бояринъ,
Самъ и пашетъ, самъ оретъ
И съ крестьянъ оброкъ беретъ?
Это знайте,
Это знайте,
Не вступайте
Больше въ спорецъ.
Его знаютъ,
Называютъ
Однодворецъ!

Слышали-ль... онъ однодворецъ, а однодворецъ—и дворянинъ и крестьянинъ—все одинъ».

Огроменъ былъ успѣхъ этого перваго русскаго водевиля. «Сія пьеса», говоритъ «Драматическій Словарь», изданный въ 1787 г. «столько возбудила вниманія отъ публики, что много разъ сряду была играна и завсегда театръ наполнялся, а потомъ въ Петербургѣ была представлена много разъ у Двора и въ случившемся на тогдашнее время вольномъ театрѣ у содержателя Книпера была играна сряду 27 разъ, не только отъ національныхъ слушана была съ удовольствіемъ, но и иностранцы любопытствовали довольно; коротко сказать, что едва-ли не первая русская опера имѣла столько

восхитительныхъ спектатеровъ и плесканія». Еще знаменательнѣе отзывъ такого человѣка какъ Мерзляковъ и притомъ сдѣланный въ 1817 г. Въ отрывкѣ одной изъ своихъ лекцій, помѣщенныхъ въ «Вѣстн. Евр.» 1817 г. (№ 6) онъ называетъ «Мельника»—«піесой, которая пользовалась пятьдесятъ уже лѣтъ (надо было сказать около сорока. *С. В.*) и будетъ еще пользоваться долго всеобщею благосклонностью, піесой, которую любятъ всѣ сословія, несмотря на то, что она, кажется, сочинена въ нравахъ только простаго народа, которая представляется вездѣ: въ Ермитажѣ, въ публичныхъ и частныхъ театрахъ, и всегда, равно, при счастливой и несчастливой игрѣ пѣвцовъ и актеровъ, не теряетъ цѣны своей, которую всѣ почти знаютъ наизусть и поютъ, не по особливому достоинству музыки (музыка къ «Мельнику» была составлена изъ русскихъ пѣсень Соколовскимъ. *С. В.*), но почему-то другому, точно въ ней самой заключенной». Подробно анализируя причины этого успѣха, Мерзляковъ объясняетъ его какъ торжество «законовъ Аристотеля, уроковъ Горація и Боало», учившихъ, что всякая піеса комическая тѣмъ постояннѣе, продолжительнѣе дѣйствуетъ, чѣмъ слабость, порокъ или предразсудокъ въ ней осмѣиваемый, менѣе частной и временной, но болѣе всеобщій и господствующій». Объясненіе это, слабость котораго какъ критерія для оцѣнки художественныхъ достоинствъ вытекаетъ уже изъ того, что для подтвержденія его критику наряду съ чрезвычайными похвалами «Мельнику» приходится говорить такія вещи: «Смотрятъ-ли нынѣ съ такимъ удовольствіемъ, какъ прежде на «Бригадира», на «Недоросля»? или «благодаря Богу, Скотинины и Простаковы повывелись—и мы, плѣняясь остроуміемъ фонъ-Визина, давно уже находимъ натяжку и слишкомъ яркіе цвѣта въ его изображеніяхъ». Объясненіе Мерзлякова, хотѣли мы сказать, во всякомъ случаѣ, годится только для живучести «Мельника», дѣйствительно замѣчательной, но не объясняетъ причины первоначальнаго успѣха «оперы» Аблесимова. Причину эту совершенно правильно указалъ уже упомянутый нами актеръ Зауервейдъ, отзывъ котораго въ данномъ случаѣ драгоцѣненъ для насъ, какъ выраженіе настроенія современной публики.

„Аблесимовъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ русскихъ писателей", говоритъ Зауервейдъ, „которые вполнѣ понимаютъ характеръ своего народа и сильно содѣйствовали его развлеченію. Въ другихъ-же комическихъ операхъ нашихъ „Управителѣ", „Несчастіи отъ кареты" и т. п. *слишкомъ много заимствованнаго*".

Аблесимовъ заимствовать не могъ, потому что не зналъ ни одного иностраннаго языка и взялъ сюжетъ прямо изъ русской дѣйствительности, которою огромное большинство писателей того времени

пушалось. Это было оригинально и придало пьесѣ интересъ для публики всѣхъ слоевъ: знать и вообще высшій классъ смотрѣли «Мельника» изъ любопытства на половину этнографическаго характера, а среднія и низшія сословія чувствовали себя польщенными воспроизведеніемъ родного и близкаго имъ быта. И лучшимъ доказательствомъ того, что успѣхъ «Мельника» обусловленъ не художественнымъ талантомъ Аблесимова, очень скромнымъ самимъ по себѣ, не тѣмъ, что онъ безсознательно, по художественному чутью, слѣдовалъ «законамъ Аристотеля и урокамъ Горація и Боало», а исключительно тому, что онъ ввелъ въ заполоненный иностранщиной русскій репертуаръ національный элементъ, лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить то, что когда, соблазнившись успѣхомъ «Мельника», Княжнинъ въ подражаніе ему написалъ «оперу»—«Сбитеньщикъ» тоже съ народнымъ сюжетомъ, то и она имѣла большой успѣхъ. Правда «Сбитеньщикъ» имѣлъ успѣхъ меньшій, чѣмъ «Мельникъ». Но почему? Отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ въ любопытной для характеристики степени популярности «Мельника» комедіи Петра Плавильщикова «*Мельникъ и Сбитеньщикъ соперники*», изд. въ 1795. Беремъ предисловіе къ комедіи, писанное въ 1815 г. издателемъ «Сочиненій» Петра Плавильщикова—Александромъ Плавильщиковымъ, предисловіе, лишній разъ свидѣтельствующее намъ о небываломъ успѣхѣ «Мельника» и выбирающее изъ пьесы Петра Плавильщикова то мѣсто, которое показываетъ, что если изъ соперничества съ другими пьесами «Мельникъ» выходилъ побѣдителемъ, то именно потому, что въ немъ былъ такой огромный запасъ безспорно—національнаго содержанія.

«Опера *Мѣльникъ* (ороографія того времени), сочиненія г-на Аблесимова» говоритъ Александръ Плавильщиковъ «съ самаго изданія ея, столь много разъ на всѣхъ театрахъ въ Россіи представляема была, что ни одно подобное сочиненіе похвалиться тѣмъ не можетъ. Покойный Як. Бор. Княжнинъ написалъ оперу *Сбитеньщикъ*, чтобъ ею замѣнить *Мѣльника* и хотя *Сбитеньщикъ* хорошо былъ на театрѣ принятъ, однакожъ Мѣльника не уронилъ, и онъ остался на всегда въ прежней славѣ своей и всегда съ удовольствіемъ смотрятъ его на театрахъ: столько-то лица въ Мѣльникѣ естественны въ дѣйствіяхъ своихъ и разговорахъ; *но сквозь все искусство, съ каковымъ опера Сбитеньщикъ обработана, видно въ ней заимствованное изъ иностранныхъ сочиненій*. Въ комедіи «*Мѣльникъ и Сбитеньщикъ соперники*» сочинитель представилъ ихъ спорющимися, и каждый изъ нихъ выхваляетъ свои достоинства. Сбитеньщикъ, надѣясь на свое искусство, грозитъ Мѣльнику: «*я тебѣ покажу, что ты передо мною ничего не стоишь*». Но Мѣльникъ отзывается къ народу: «*чего стоитъ Мѣльникъ*

о томъ всѣ добрые люди скажутъ». А о богатствѣ Сбитеньщика сумнѣвается, *его ли оно?* Онъ говоритъ: *«притоманное-ли оно твое? А я люблю своимъ роднымъ хвастать»*.

Замѣтимъ въ заключеніе, что «Сбитеньщикъ» не былъ единственнымъ проявленіемъ зависти, возбужденной въ литературныхъ сферахъ успѣхомъ «Мельника». Судя по разсказамъ старожила 1840-хъ гг. —Макарова, а также по другимъ даннымъ, на долю скромнаго «Онисимыча» не мало таки выпало злобныхъ насмѣшекъ, преимущественно направленныхъ противъ «мужицкаго» содержанія его оперы. Злѣе другихъ были нападки извѣстнаго критика и переводчика второй половины XVIII вѣка—В. И. Лукина.

Кромѣ «Сбитеньщика» въ непосредственное подражаніе «Мельнику» были написаны: *«Розана и Любимъ» Николаева* (1781), *«Свадьба деревенская» Прокудина-Горскаго* (1777) и *«Колдунъ, ворожея и сваха» Юкина* (1786), тоже пользовавшіеся успѣхомъ благодаря народному сюжету.

А. Б—овъ, («Вѣстн. Евр.» 1871 г., статья «Историческая Сатира») псевдонимъ А. С. Суворина †).

Аболенскій, *И*. Въ «Трудахъ Кіев. дух. Акад.» 1875 г. помѣстилъ *«Московское государство при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и Патріархѣ Никонѣ, по запискамъ архидіакона Павла Алеппскаго»* (№ 4, 7, 8, 12).

Аболенскій, *Иванъ*. Издалъ въ 1880 г. въ Одессѣ: *«Полный курсъ иппологіи или ученія о лошади»* 8° IV+480+54 стр. Ц. 2 р. ††).

Абрамовичъ, *М*. Авторъ многихъ звучныхъ стихотвореній, (главнымъ образомъ на библейскія тэмы), помѣщенныхъ въ «Разсвѣтѣ» «Русскомъ Евреѣ», «Восходѣ» и «Вѣстн. Европы» 1880-хъ гг.

Абрамовъ, *Николай Алексѣевичъ*, неутомимый и необыкновенно плодовитый работникъ на поприщѣ изученія Сибири †††). Родился 17 апр. 1812 г. въ г. Курганѣ Тобольской губ., гдѣ отецъ его, бывшій учитель тобольской семинаріи, происходившій отъ древняго духовнаго рода, священствовавшаго въ Сибири почти съ самаго завоеванія ея, былъ благочиннымъ. Первоначальное образованіе Абрамовъ

---

† *С. Пономаревъ*, въ Кал. Суворина на 1880 г.

††) О немъ „Арх. ветер. наукъ". 1880 № 3 стр. 5—11.

†††) 1) „Энцикл. Словарь изд. рус. лит. и уч.", т. I. 2) *Фил. Пѣтухова*, большая біографія въ «Страпникѣ» 1870 г. № 12. 3) „Тоб. губ. вѣд." 1870 г. № 39, 45 и 50. 4) Пѣтухова въ «Семин. губ. вѣд.» 1871 г. № 5—7. 5) *Кузнецова* въ «Тоб. губ. вѣд.» 1870 г. № 32—34. 6) *Сулоцкаго* въ прибавл. къ «Ирк. епарх. вѣд. 1874 г. № 8, 9, 13—18 и 20. 7) «Народная Школа» 1870 г. № 11. 8) *Геннади*, Словарь. 9) *Березинъ*, Словарь. 10) «Ил. Газ.» 1870 г. № 30.

получилъ дома и въ курганскомъ народномъ уѣздномъ училищѣ, затѣмъ онъ поступилъ въ тобольскую семинарію, гдѣ очень прилежно учился и, между прочимъ, хорошо изучилъ языкъ латинскій и порядочно—еврейскій и татарскій. По окончаніи курса въ 1832 г., отказавшись, изъ нежеланія бросить овдовѣвшую мать, отъ сдѣланнаго ему предложенія ѣхать въ московскую духовную академію, Абрамовъ поступилъ учителемъ въ тобольскую семинарію и поочередно преподавалъ ариѳметику, русскую грамматику и языки латинскій и татарскій. Въ 1836 г. онъ перевелся на службу по министерству народнаго просвѣщенія и былъ сначала учителемъ тобольскаго уѣзднаго училища, а потомъ смотрителемъ училищъ березовскаго, ялуторовскаго и тюменскаго. Въ 1852 г. Абрамовъ перешелъ на службу административную, сначала при главномъ правленіи Западной Сибири въ Омскѣ, а затѣмъ въ качествѣ совѣтника областнаго семипалатинскаго правленія. Въ этой должности онъ, въ чинѣ статскаго совѣтника, и умеръ отъ паралича 3 мая 1870 г.

Многочисленныя педагогическія обязанности и весьма хлопотливая служба послѣднихъ 20-ти лѣтъ его жизни не помѣшали Абрамову обогатить науку о Сибири огромнымъ количествомъ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній. Гдѣ-бы онъ ни служилъ или ѣздилъ, всюду и всегда онъ находилъ время обозрѣвать въ церковно-историческомъ и археологическомъ отношеніи церкви и монастыри, рыться въ церковныхъ и городскихъ архивахъ, записывать мѣстныя преданія, собирать статистическія, географическія и этнографическія свѣдѣнія и въ теченіи длиннаго ряда лѣтъ изо дня въ день производить метеорологическія и барометрическія наблюденія. Кромѣ того, онъ велъ обширную переписку съ людьми, занимавшимися изученіемъ Сибири, напр. съ извѣстнымъ историкомъ Сибири—П. А. Словцовымъ и дѣятельно помогалъ ученымъ путешественникамъ по Сибири, какъ напр. Кастрену, Ковальскому, Гофману.

Количество написанныхъ Абрамовымъ статей и замѣтокъ доходитъ *до ста*. Трудно указать какія изъ нихъ представляютъ наибольшую цѣнность. Абрамовъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ дѣятелей науки, которые обогащаютъ ее широкими выводами и обобщеніями. Онъ былъ почти исключительно собиратель матеріаловъ. Но за то уже собиратель чрезвычайно точный, обстоятельный и знающій, а главное—изумительно дѣятельный и въ этомъ его значеніе. Географическое общество, неоднократно присуждавшее ему медали именно за эту многочисленность и давало ему ихъ. Каждая замѣтка и статья Абрамова ничего особеннаго собою въ отдѣльности не представляетъ, но многіе десятки такихъ замѣтокъ и статеекъ

составляютъ уже драгоцѣнный вкладъ въ науку. Вотъ почему лучшею оцѣнкою значенія Абрамова можетъ служить перечень его статей, составленный наиболѣе обстоятельнымъ изъ его біографовъ Фил. Пѣтуховымъ и обнимающій 1) болѣе *20 статей географическаго и этнографически-статистическаго характера*, какъ напр. описаніе Березовскаго края, описаніе городовъ Тюмени, Семипалатинска (изъ этого описанія однимъ изъ членовъ лондонскаго географическаго общества было сдѣлано въ 1862 г. въ журналѣ общества извлеченіе и оттискъ извлеченія предсѣдатель—Мурчисонъ, при очень лестномъ письмѣ переслалъ Абрамову), Кургана, Ялуторовска, Усть-Каменногорска, Копала, Вѣрнаго, озера Наръ-Зайсалъ, рѣкъ Тобола, Шилки, Аргуни, Чу, Или, Лепсы, Аягуза, Каратала и рядъ климатическихъ и другихъ метеорологическихъ наблюденій, сдѣланныхъ въ Семипалатинскѣ, Копалѣ и иныхъ мѣстахъ. Названныя статьи помѣщались, начиная съ половины 50 гг., въ «Зап. Геогр. Общ.» и въ «Тоб. Губ. Вѣд.». 2) Такое-же количество статей *о древностяхъ сибирскихъ*, *о* курганахъ и городищахъ въ уѣздахъ Тюменскомъ, Ялуторовскомъ и Курганскомъ, о Семи палатахъ, давшихъ названіе Семипалатинску, о сибирскихъ монетахъ, надмогильныхъ киргизскихъ памятникахъ, о старыхъ желѣзныхъ и оружейныхъ заводахъ въ Сибири, о старинныхъ особо чтимыхъ иконахъ тобольск. эпархіи, о древнихъ печатяхъ и гербахъ сибирскихъ городовъ. Статьи этого разряда печатались, кромѣ «Тобольск. Губ. Вѣд.» 1858 г., въ «Извѣст. Археол. Общества». 3) Болѣе *10 статей по политической и общественной исторіи Сибири*, помѣщ. въ «Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1857 и 1858 гг.: о Ермакѣ, первомъ губернаторѣ сибирскомъ—кн. М. П. Гагаринѣ, пребываніи въ ссылкѣ Меньшикова, Долгорукихъ и Остермана, о губернаторѣ сибирскомъ Соймоновѣ, Тобольскомъ—Денисѣ Ив. Чичеринѣ, генералѣ Куткинѣ и его жалобѣ министру юстиціи на несправедливыхъ судей, Петрѣ Андр. Словцовѣ, о сибирскихъ дворянахъ и дѣтяхъ боярскихъ, о пожарахъ Тобольскихъ до 1788 г., о намѣстничествѣ въ Тобольскѣ. 4) Болѣе *40 статей по исторіи сибирской церкви и сибирскимъ церковнымъ древностямъ*, въ «Жур. Мин. Нар. Просв.» («Матеріалы для исторіи христіанскаго просвѣщенія Сибири» 1854 № 2 и 3. «О введеніи христіанства у березовскихъ остяковъ» 1851 № 12. «Проповѣдь Евангелія сибирскимъ вогуламъ» 1854 г. № 8), въ «Тоб. Губ. Вѣд.» 1857—59 гг., а болѣе всего въ «Странникѣ», въ которомъ съ самаго основанія его въ 1860 г. до смерти своей Абрамовъ принималъ дѣятельное участіе, помѣстивъ въ немъ помимо статей по исторіи Сибирской церкви, (какъ напр. «Христіанство въ Сибири до учрежденія тамъ въ 1621 г.

епархіи», описаніе монастырей Абалацкаго, Тюменскаго, Кодинскаго, Ивановскаго), болѣе 20 біографій тобольскихъ архипастырей (Кипріана, Макарія, Нектарія, Герасима, Симеона, Корнилія, Павла I, Игнатія, Іоанна, Антонія I, Антонія II, Сильвестра, Павла II, Варлаама I, Амвросія I, Амвросія II, Павла III, Георгія, Евлампія). Въ томъ же «Странникѣ» Абрамовъ напечаталъ статьи о «Праведномъ Симеонѣ верхотурскомъ», мученикѣ Василіѣ Мангазейскомъ, основателѣ Туруханскаго монастыря Тихонѣ и игуменѣ Туруханскаго же монастыря Иліодорѣ.

Отмѣтимъ въ заключеніе, что Абрамовъ былъ идеалистъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, трудившійся единственно изъ любви къ наукѣ; гонорара за свои многочисленныя статьи онъ почти не получалъ.

Абрамовъ *П.* Дѣятельный членъ коммиссіи по образованію рабочихъ при Техническомъ Обществѣ. Изъ статей его въ общихъ журналахъ отмѣтимъ: «*Образованіе и обезпеченіе быта рабочихъ въ Россіи*». («Вѣст. Евр.» 1879 № 1).

* **Абрамовъ**, *Яковъ Васильевичъ*, современный публицистъ и изслѣдователь народной жизни, пишущій иногда и подъ псевдонимомъ «*Ѳедосъевца*». *По свѣдѣніямъ отъ него полученнымъ* р. 21 Октября 1858 года въ Ставрополѣ-Кавказскомъ. Первоначальное образованіе получилъ подъ руководствомъ отца, мѣщанина-самоучки. Затѣмъ поступилъ въ ставропольскую гимназію, но изъ 6 класса, вслѣдствіе непріятностей съ гимназическимъ начальствомъ, перешелъ въ мѣстную духовную семинарію и, по окончаніи въ ней курса «общеобразовательныхъ наукъ», поступилъ въ 1877 году въ Медико-Хирургическую Академію. Медицинскаго образованія Абрамову однакоже не удалось завершить, потому что въ 1878 году онъ былъ привлеченъ къ дѣлу о распространеніи книгъ преступнаго содержанія и по объявленіи Высочайшаго выговора высланъ на родину. Въ декабрѣ 1880 г. ему было разрѣшено вернуться въ Петербургъ и съ этихъ поръ начинается журнальная дѣятельность молодого писателя, (въ газеты онъ писалъ корреспонденціи, еще будучи въ гимназіи). Первымъ его произведеніемъ былъ этнографическій разсказъ 1) «*Среди сектантовъ*», напечатанный въ «Словѣ» 1881 г. (№ 2) подъ псевдонимомъ «*Ѳедосъевца*». Въ томъ же журналѣ появился слѣдующій разсказъ его 2) «*Мѣщанскій мыслитель*» («Слово» 1881 г. № 4). Со средины 1881 г. Абрамовъ становится постояннымъ сотрудникомъ «Отечеств. Записокъ». Здѣсь имъ напе-

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

чатаны: 3) «*Программа вопросовъ для собиранія свѣдѣній о сектантахъ*». (1881 г. № 4 и 5). 4) «*Бабушка-Генеральша*». Разсказъ. (Ib. № 6). 5) «*Къ вопросу о вѣротерпимости*» (1882 г. № 1 и 2). 6) *Изъ Фабрично-заводскаго міра*» (Ib. № 3 и 4). 7) *Хлудовщина*» (Ib. № 5). 8) «*Ищущій правды*». Разсказъ (Ib.). 9) «*Какъ мелентьевцы искали воли*». Разсказъ. (Ib. № 7). 10). «*Шалапуты*» (Ib. № 9 и 10). 11) «*Духоборцы*» (1883 г. № 1). 12) «*Городъ и мѣщане*». (Ib. № 3). 13) «*Босая команда*» (Ib. № 4). 14) «*Нѣкоторыя особенности нашихъ поземельныхъ отношеній*». (Ib. № 10). 15) «*Крестьянскій кредитъ*» (1884 г. № 1). 16) *М. М. Ковалевскій о землевладѣніи у Кавказскихъ горцевъ*» (Ib. № 2). 17) «*Виловскіе піонеры*» (Ib. № 3 и 4). Кромѣ того, Абрамовъ принималъ постоянное участіе въ библіографическомъ отдѣлѣ «Отеч. Зап.» и послѣ ареста въ началѣ 1884 г. С. Н. Кривенко составлялъ вмѣсто него внутреннія обозрѣнія. Съ 1882 г. онъ сталъ также сотрудничать въ «Устояхъ» и «Дѣлѣ». Въ «Устояхъ», гдѣ онъ былъ однимъ изъ участниковъ издательской артели этого журнала, Абрамовъ помѣстилъ: 18) «*Въ степи*». Разсказъ 1882 г. № 1, 3 и 4). 19) «*Уголокъ старообрядческаго міра*» (Ib. № 5). 20). «*Корова*». Разсказъ. (Ib. № 6). 21) «*Гамлеты пара на грошъ*». Разсказъ. (Ib. № 10), нѣсколько внутреннихъ обозрѣній и много библіографическихъ замѣтокъ; въ «Дѣлѣ»: 22) «*Иванъ Босый*». Разсказъ (1882 г. № 11). 23) «*Прошлое и настоящее штунды*» (1883 г. № 1 и 2). 24) «*Статистическія экспедиціи*». Изъ исторіи раскола. (Ib. № 9). 28) «*Очерки Сѣвернаго Кавказа*» (Ib. № 11 и 12). 26) «*Кавказскіе горцы*» (1884 г. № 1).

Въ іюнѣ 1884 г., когда «Отеч. Зап.» были закрыты, Абрамовъ вступилъ въ статистическое бюро при петербургской земской управѣ и по порученію его составилъ статистическое описаніе шлиссельбургскаго и петербургскаго уѣздовъ, занявшее 3 тома (2 тома вышли въ 1884 г., 3-й появился осенью 1886 г.); но съ 1885 года онъ возвращается къ журнальной дѣятельности. Въ № 1 «Наблюдателя» за этотъ годъ помѣщено его: 27) «*Забытое сословіе*» (мѣщанство). Въ «Дѣтскомъ Чтеніи» того же года: 28) «*Полмѣста*». Разсказъ (№ 2) и 29) «*Сванетія и Сванеты*». (№ 5). Съ возникновеніемъ осенью 1885 г. «Сѣвернаго Вѣстника» Абрамовъ принялъ въ немъ постоянное участіе: ведетъ отдѣлъ «Изъ провинціальной печати» и занимается разборомъ вновь выходящихъ книгъ по земской жизни Россіи, а также по этнографіи и географіи. Кромѣ того, онъ помѣстилъ въ этомъ журналѣ: 30) «*Хизаны*» 1886 г. № 1) 31) *Женскіе врачебные курсы*» (Ib. № 2), вышедшіе затѣмъ отдѣльною брошюрою. 32) «*Вопросъ о Чиншевикахъ*» (Ib. № 3), 33) «*Еще о Чинше-*

никахъ» (Ib. № 5) и 34) «*Нужды, желанія и стремленія сословій въ эпоху Екатерининской коммиссіи*», обширная статья, занявшая 5 №№ журнала (№ 4, 6, 7. 8).

Съ Іюля 1885 г. Абрамовъ принимаетъ также постоянное участіе въ «Недѣлѣ», составляя для каждаго № передовыя и отдѣльныя статьи по внутреннимъ и научнымъ вопросамъ. Сверхъ всего перечисленнаго неутомимый публицистъ за 6 лѣтъ своей литературной дѣятельности помѣстилъ еще рядъ статей въ «Русскомъ Курьерѣ», «Московскомъ Телеграфѣ», «Терекѣ», «Тифлисскомъ Вѣстникѣ», «Новомъ Обозрѣніи», «Экономическомъ журналѣ» и приготовилъ много объемистыхъ статей для издаваемой товариществомъ Вольфъ «Живописной Россіи», въ печати еще не появившихся.

Литературною своею дѣятельностью Абрамовъ примыкаетъ къ той фракціи новѣйшей русской интеллигенціи, которая, отодвигая на второй планъ вопросы общественно-политическіе, считаетъ основною задачею современной государственной жизни Россіи—энергическую работу на помощь народу въ его трудной борьбѣ съ доморощеннымъ кулачествомъ и быстро нарождающейся, подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе тѣснаго общенія съ западомъ, буржуазіей русской. Но не только экономическія потребности русскаго простолюдина занимаютъ молодаго публициста. Какъ можно было видѣть изъ перечня его статей, половина ихъ посвящена расколу. Въ русскихъ раскольникахъ, въ особенности въ послѣдователяхъ раціоналистическихъ сектъ, Абрамовъ видитъ людей «ищущихъ правды», людей богатыхъ, правда, нѣсколько болѣзненнымъ идеализмомъ, но который, при мягкомъ къ нему отношеніи, не будетъ, какъ теперь, весь уходить въ мистицизмъ и фанатизмъ, а напротивъ того вольетъ въ народный организмъ струю бодраго, дѣятельнаго и творческаго настроенія.

Помимо раскола и земской, въ широкомъ смыслѣ этого слова жизни Россіи, Абрамовъ интересуется также дѣлами своей родины—Кавказа, относительно которыхъ проводитъ тотъ взглядъ, что внутренняя жизнь многочисленныхъ горскихъ народовъ должна быть регулируема не по одному общему административному шаблону, а сообразно индивидуальнымъ особенностямъ каждаго изъ этихъ народовъ. По мнѣнію Абрамова, именно при такой постановкѣ дѣла русская государственная власть, отнюдь не теряя въ своемъ престижѣ и верховномъ главенствѣ, дастъ наиболѣе полезный для Россіи исходъ богатымъ природнымъ силамъ Кавказской окраины.

Абрюцкій, *Дмитрій Степановичъ*, Протоіерей †). Написалъ:

†) „Странникъ", 1860, № 3, Т. I, отд. 3, стр. 100—106. Отзывъ св. *М. Архангельскаго* объ «Словахъ и рѣчахъ».

1) «*Исторію земной жизни Христа Спасителя, божественнаго основателя новозавѣтной церкви*»; 2-е «улучшенное» изданіе. Спб. 1854 г. Ц. 75 к. 2) «*Исторія церкви ветхозавѣтной*». Спб. 1841 г. 2-е «улучшенное» изданіе. Спб. 1854 г. Ц. 75 к. 3) «*Слова и рѣчи*». Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 50 к.

А. В. («Морск. Сборн.»)—псевдонимъ А. В. Фрейганга †).

А. В. («Соврем.», 1851 г., т. 27, «Литературн. воспомин.»)—псевдонимъ гр. С. С. Уварова †).

А—ва, В. («Библ. для чтенія» 60-хъ годовъ)—псевдонимъ Вар. Н. Анненкова ††).

А—ва («Картинки домашняго воспитанія» въ «Отеч. Зап.» 70-хъ годовъ)—псевдонимъ г-жи Казиной.

Аввакумъ, архимандритъ, оріенталистъ, синологъ, † въ 1866 г. †††), напечаталъ:

1) О надписи на каменномъ памятникѣ, находящемся на берегу Амура. «Зап. Сибирск. Отд. Геогр. Общ.», кн. II, 1856 г.

2) «О надписи на скалѣ у Мангутской пещеры» (Ib.).

Аввакумъ Петровичъ, юрьевецкій протопопъ ††††), одна изъ харак-

---

†) С. Пономаревъ, въ Календ. Суворина на 1880 г.

††) П. Быковъ, въ «Россійск. Библ.», 1880, № 80.

††† 1) П. С. Савелевъ. «Восточн. лит. и русскіе оріенталисты» въ «Рус. Вѣстникѣ» 1856 г. № 8. 2) Отчетъ Географ. Общ. за 1866 г.

††††) 1) Дополненія къ «Актамъ историч.», т. V, стр. 448. Здѣсь помѣщено соборное на Аввакума дѣяніе 1667 г. 2) *Дмитрій Ростовскій*, «Розыскъ». Ч. 1 главы 24—27 второй статьи, а также въ другихъ мѣстахъ. 3) *Макарій*, Исторія русск. раскола; въ разныхъ мѣстахъ главы I втораго періода. 4) *Филаретъ*, Обзоръ стр. 244. 5) *Филаретъ*, Ист. русской церкви, періодъ 4. 6) *Горскій и Невоструевъ*. Опись Синод. биб. № 283 (разсказъ Юрія Крижанича о встрѣчѣ съ Аввакумомъ въ Тобольскѣ. 7) *Александръ Б.* (Бровковичъ, теперь еп. Никаноръ), Описаніе нѣкоторыхъ раск. соч. Ч. I, стр. 3—18 и ч. II, стр. 3—44. 8) *Есиповъ*, Описаніе раскол. дѣлъ. Т. I (о семействѣ Аввакума). 9) *Максимовъ С. В.*, «Разсказы изъ исторіи старообрядчества, стр. 70—106, 10) «Время», 1862 г. № 1 и 12. 11) *А. Баратинскій*, въ «Дух. Вѣстн.» 1863 г. № 12) *П. И. Мельниковъ*, въ «Энц. Сл.» изд. русск. уч. и лит. 1861 г. Т. I., стр. 149—154. 13) *Ивановскій*, въ «Прав. Соб.» 1869 г., кн. 5 и 6. 14) *Соловьевъ*, Исторія Россіи Т. XIII, стр. 197—207. 15) *Н. Субботинъ*, предисловіе къ V т. «Матер. для ист. раск.», стр. V—XXXII. 16) *Макарій*, Исторія русской церкви, Т. XII стр. 592—613) 17) *Д. И. Жежеленко*, въ «Страннникѣ» 1883 г., № 3, 4, 8, 9 и 10. 18) *Владиміръ Карповъ*, въ «Библіографѣ» 1884 г., № 1. 19) *Н. Субботинъ*, Мат. для ист. раск. Т. I, стр. 26—34 (письмо Даниилова къ Неронову о подробностяхъ взятія Аввакума подъ стражу). 20) *А. Н. Поповъ*, Описаніе рукописей Хлудова. 21) «Лѣтоп. русск. литер.». т. V. (Сказаніе о «напаствованіяхъ» Аввакума и его союзниковъ).

Отдѣльныя сочиненія Аввакума были издаваемы много разъ. Раньше другихъ появилось «Житіе» въ III томѣ «Лѣтоп. русск. лит.». изданное затѣмъ отдѣльною книжкою въ 1862 г. подъ тою-же ред. *Н. С. Тихонравова*. Въ «Русск. Архивѣ» 1864 г., стр. 26—33 появилась челобитная, поданная Аввакумомъ въ 1663 г. по

рнѣйшихъ фигуръ первыхъ временъ раскола, «протопопъ-богатырь», акъ его называетъ Соловьевъ, «Петръ Великій, только въ обратную торону», какъ о немъ отзывается Тихонравовъ, «священно-мученикъ», какъ величаютъ Аввакума раскольники, имѣющіе иконы его, въ общемъ—печальный примѣръ богатѣйшихъ нравственныхъ и недюжинныхъ умственныхъ силъ, безплодно потраченныхъ на жалчайшее буквоѣдство.

Главнѣйшимъ матеріаломъ его біографіи служитъ имъ же самимъ написанное «Житіе», которымъ мы и будемъ по преимуществу пользоваться въ дальнѣйшемъ изложеніи. Отдѣльныя біографическія данныя, не сообщающія, впрочемъ, ничего новаго, а только подтверждающія свѣдѣнія «Житія», разсѣяны въ другихъ сочиненіяхъ протопопа и въ сочиненіяхъ приверженцевъ его.

Вся жизнь Аввакума есть безпрерывная цѣпь невыносимыхъ страданій и неустанной борьбы за то, что онъ считалъ «правдой». Родившись повидимому около 1620 г. «въ нижегородскихъ предѣлахъ за Кудмою рѣкою, въ селѣ Григоровѣ» (Княгининскаго уѣзда, Нижегородской губ.), отъ отца—священника, который «прилежаша питія хмѣльнаго» и матери «постницы и молитвенницы», Аввакумъ рано лишился отца и много вытерпѣлъ отъ своего сиротства. Только въ выборѣ жены ему очень посчастливилось. По указанію матери женился онъ 19-ти лѣтъ на обѣднѣвшей купеческой дочери Анастасіи Марковнѣ, которая была ему истинной «помощницей ко спасенію», вѣрнымъ другомъ во всѣхъ его ужасныхъ невзгодахъ. Никогда не тормозила она его безпокойныхъ начинаній и въ тяжелыя минуты раздумія, какъ напр. послѣ возвращенія въ Россію изъ страшной ссылки въ Даурскихъ горахъ, когда забота о семьѣ поколебала было его энергію, она, услыхавъ отъ мужа восклицаніе: «Что сотворю? Проповѣдую ли слово Божіе или скроюся? Жена и дѣти связали меня?»,—прямо сказала ему: «поди, поди въ церковь, Петровичъ! обличай блудню еретическую».

Послѣ женитьбы Аввакумъ былъ посвященъ въ діаконы. Около 1640 г. мы его находимъ священникомъ села Лопатицы, Макарьевскаго уѣзда, Нижегородской губ. Уже здѣсь рѣзко опредѣлился въ немъ тотъ незнающій ни малѣйшаго компромисса ригоризмъ, кото-

---

возвращенія «изъ Дауръ». Тамъ же, стр. 707—717. *Мельниковъ* напечаталъ посланій Аввакума къ Морозовой, которыя также были напечатаны въ статьѣ *Тихонравова* о Морозовой («Русск. Вѣстн.» 1865 года, № 9). Но самымъ полнымъ образомъ сочиненія Аввакума были изданы *проф. Субботинымъ* въ V томѣ «Матеріаловъ для исторіи раскола», всецѣло посвященномъ произведеніямъ юрьевецкаго протопопа.

рый и сдѣлалъ его жизнь рядомъ непрерывныхъ мученій. Строгій къ самому себѣ до того, что разъ, когда во время исповѣди пришедшей къ нему «дѣвицы, блудному дѣлу повинной», въ немъ загорѣлся «огонь блудный», онъ «зажегъ три свѣщи и прилѣпилъ къ налою и возложилъ руку правую на пламя и держалъ, дондеже угасло злое желаніе», Аввакумъ столь же строго относился и къ своей паствѣ и ко всякому беззаконію, съ которымъ ему приходилось встрѣчаться. У одной вдовы «начальникъ отнялъ дочерь»,—протопопъ заступился. Въ Лопатицы пришли «плясовые медвѣди съ бубнами и съ домрами»—любимые и по существу совершенно невинные увеселители древней, да и позднѣйшей Руси,—и аскетъ Аввакумъ, «по Христѣ ревнуя изгналъ ихъ и хари и бубны изломалъ единъ у многихъ и медвѣдей двухъ великихъ отнялъ—одного ушибъ, а другого отпустилъ въ поле». Въ это время (1648) плылъ Волгою мимо Лопатицъ воевода Шереметевъ. Ему пожаловались на самоуправство Аввакума, Шереметевъ призвалъ его къ себѣ, попенялъ и хотѣлъ было уже отпустить, велѣвъ только на «прощаніе благословить сына своего Матвѣя, *брадобрица*». Но фанатическій приверженецъ старины, «видя *блудоносный* образъ» молодаго боярина, не убоялся гнѣва воеводы и наотрѣзъ отказался благословить боярича. Прихожанъ своихъ Аввакумъ безпрерывно уличалъ и стыдилъ за разные пороки, а священниковъ сосѣднихъ за то, что они плохо исполняютъ церковныя правила и предписанія.

Непреклонный ригоризмъ этотъ въ вѣкъ, когда самоуправство и грубость нравовъ было явленіемъ всеобщимъ, всего менѣе могъ пройдти Аввакуму даромъ. «Начальникъ», котораго онъ уличилъ за то, что тотъ у вдовы дочь отнялъ, его сначала «до смерти задавилъ, такъ что онъ лежалъ «мертвъ полчаса и больше», затѣмъ «пришедъ въ церковь билъ и волочилъ за ноги по землѣ въ ризахъ», палилъ «изъ пистола» и наконецъ «домъ отнялъ и выбилъ, все ограбя». Шереметевъ, взбѣшенный отказомъ Аввакума благословить его сына, бросилъ упрямца въ Волгу, такъ что протопопъ еле спасся отъ неминучей гибели, а жители Юрьевца поволжскаго (куда Аввакумъ былъ назначенъ протопопомъ послѣ того, какъ ему два раза пришлось бѣгствомъ спасаться изъ Лопатицъ въ Москву), главнымъ образомъ «попы и бабы, которыхъ унималъ отъ блудни», уже черезъ 8 недѣль послѣ того, какъ Аввакумъ прибылъ въ этотъ городъ, «среди улицы били батожьемъ и топтали» его и грозились совсѣмъ «убить вора, бл...на сына, да и тѣло собакамъ въ ровъ бросить».

Опять пришлось Аввакуму бѣжать въ Москву (всего вѣроятнѣе въ 1651 г.). На этотъ разъ протопопъ, находившійся въ самыхъ дру-

ческихъ отношеніяхъ съ царскимъ духовникомъ Стефаномъ Вонифатьевымъ и лично извѣстный самому царю, остался въ столицѣ, проживая у друга своего, тоже знаменитаго впослѣдствіи расколоучителя—протопопа Казанскаго собора Іоанна Неронова и «вѣдая церковь его, егда тотъ куда отлучался». Какъ и всѣ близкіе къ Вонифантьеву и Неронову, Аввакумъ участвовалъ въ «книжномъ исправленіи», предпринятомъ патріархомъ Іосифомъ. Но вотъ въ 1652 г. Іосифъ умираетъ и его мѣсто занимаетъ Никонъ, нѣкогда пріятель Аввакума. Новый патріархъ продолжаетъ начатое Іосифомъ исправленіе книгъ, но только ставитъ къ этому дѣлу людей истинно-ученыхъ, знающихъ греческій языкъ, могущихъ дѣйствительно что нибудь исправить въ ошибкахъ прежнихъ типографщиковъ, а не относиться ко всякому ихъ промаху, какъ къ непреложному догмату. Аввакумъ и его пріятели были отстранены отъ «книжнаго исправленія», и вмѣсто нихъ Никонъ выписалъ Епифанія Славинецкаго и его товарищей изъ Кіева, Арсенія Грека изъ Соловецкаго заточенія и др. Здѣсь не мѣсто излагать ходъ борьбы, которая завязалась вслѣдъ затѣмъ, какъ Никонъ и его справщики завели тѣ «новшества», которыя послужили первою причиною возникновенія раскола. Скажемъ только по отношенію къ Аввакуму, что онъ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду ревнителей старины и вслѣдствіе этого палъ одною изъ первыхъ жертвъ начатыхъ Никономъ преслѣдованій противниковъ измѣненій. Уже въ сентябрѣ 1653 г. (а не 1655 г., какъ думали прежде) Аввакума бросили въ подвалъ Андроніевскаго монастыря, гдѣ онъ просидѣлъ 3 дня и 3 ночи не ѣвши и не пивши, а затѣмъ стали увѣщевать. Но не таковъ былъ протопопъ, чтобы отступиться отъ того, что считалъ онъ истиной. «Журятъ мнѣ», разсказываетъ онъ, «что патріарху не покорился, а я отъ писанія его браню, да лаю». Отдали его затѣмъ подъ начало: «за волосы дерутъ, и подъ бока толкаютъ, и за чепь торгаютъ, и въ глаза плюютъ». Не покорился и послѣ этого протопопъ и Никонъ велѣлъ разстричь его. Но царь заступился и Аввакума сослали въ Сибирь.

Послѣ долгаго и мучительнаго пути пріѣхалъ протопопъ въ Тобольскъ. Здѣсь онъ было, покровительствуемый архіепископомъ, хорошо устроился. Но рядъ фанатическихъ и грубыхъ выходокъ въ родѣ того, что онъ за одинъ проступокъ нѣкоего дьяка Ивана Струну «постегалъ ремнемъ», а тѣло боярскаго сына Бекетова, въ церкви обругавшаго его и архіепископа, велѣлъ «среди улицы собакамъ бросить», болѣе же всего то, что Аввакумъ ревностно продолжалъ «бранить отъ писанія и укорять ересь Никонову»,—привели къ тому, что

его увезли за Лену, а когда пріѣхалъ онъ въ Енисейскъ, то при шелъ изъ Москвы другой приказъ: везти его къ воеводѣ Афанасі Пашкову, который имѣлъ порученіе завоевать Даурію. Пашков былъ «суровъ человѣкъ: безпрестанно людей жжетъ и мучитъ», Аввакума ему прямо «приказано было мучить». Всякій другой пр такихъ условіяхъ старался бы уже если не угождать воеводѣ, то в всякомъ случаѣ не задѣвать его перзымъ. Но Аввакумъ на первых же порахъ началъ находить несправедливости въ дѣйствіяхъ Пашкова Тотъ, конечно, осердился и прежде всего велѣлъ сбросить протопоп и его семью съ досчаника, на которомъ тотъ плылъ по Тунгузкѣ Страшно было и на утломъ досчаникѣ, а тутъ пришлось пробирать ся съ малыми дѣтьми по непроходимымъ дебрямъ дикихъ Даурских ущелій. Аввакумъ не вытерпѣлъ и написалъ Пашкову посланіе полное укоризнъ. Воевода совсѣмъ разсвирѣпѣлъ, велѣлъ притащит къ себѣ протопопа, сначала самъ избилъ его, а затѣмъ приказал дать ему 72 удара кнутомъ и потомъ бросить въ Братскій острогъ Сидѣлъ Аввакумъ не мало времени въ «студеной башнѣ: тамъ зи въ тѣ поры живетъ, да Богъ грѣлъ и безъ платья! Что собачка в соломкѣ лежу: коли накормятъ, коли нѣтъ. Мышей много было: а ихъ скуфьею билъ—и батошка не дадутъ! Все на брюхѣ лежал спина гнила. Блохъ да вшей было много». Поколебался было прото попъ: «хотѣлъ на Пашкова кричать: прости!» но сила Божія воз бранила—велѣно терпѣть». Перевели его затѣмъ въ теплую избу и Аввакумъ тутъ съ «собаками жилъ скованъ всю зиму». По весн Пашковъ выпустилъ многострадальнаго протопопа на волю, но и н волѣ страшно приходилось въ дикихъ мѣстахъ, гдѣ Аввакумъ на равнѣ съ остальнымъ «полкомъ» Пашкова прокладалъ пути русском владычеству. Сколько разъ тонули сколоченные на живую нитк «досчаники», сколько разъ бури, въ особенности на Байкалѣ, гро зили вѣрною погибелью, сколько разъ, наконецъ, приходилось ста киваться лицомъ къ лицу съ голодною смертью, для предотвращені которой надо было ѣсть «озяблыхъ волковъ и лисицъ и что полу чать всякую скверну». «Ахъ времени тому!», съ ужасомъ воскли цаетъ Аввакумъ, «не знаю, какъ умъ отъ него отступился». Дв маленькихъ сына его «съ прочими скитающеся по горамъ и остром каменію, наги и босы, травою и кореньемъ перебивающеся» умерл «въ нуждахъ тѣхъ». Такъ велики и страшны были эти «нужды» что не только мужественная протопопица, но и самъ мощный и тѣ ломъ, и духомъ протопопъ одно время «отъ немощи и отъ глада ве ликаго изнемогъ въ правилѣ своемъ» и только разныя бывшія ем знаменія и видѣнія удержали его отъ малодушества.

Шесть лѣтъ провелъ Аввакумъ «въ Даурской землѣ», доходя до Нерчинска, до Шилки и до Амура. Но вотъ пришла изъ Москвы грамота съ приказаніемъ ѣхать протопопу на Русь. Обратный путь былъ тоже достаточно страшенъ и длился онъ цѣлыхъ три года. Все время пути Аввакумъ «по всѣмъ городамъ и по селамъ, въ церквахъ и на торгахъ кричалъ, проповѣдуя слово Божіе, и уча и обличая безбожную лесть», т. е. никоніанскія новшества.

Первые мѣсяцы возвращенія Аввакума въ Москву, куда онъ пріѣхалъ въ 1663 г., были временемъ большого личнаго торжества его. Никонъ уже теперь былъ въ немилости, доживалъ послѣдніе годы своего патріаршества и ни, что не мѣшало несановнымъ и сановнымъ москвичамъ, между которыми было такъ много явныхъ и тайныхъ сторонниковъ раскола, восторженно чествовать страдальца, по ихъ просьбамъ возвращеннаго. Самъ царь выказывалъ къ нему необыкновенное расположеніе, велѣлъ его «поставить на монастырскомъ подворьѣ въ Кремлѣ» и «въ походы мимо моего двора ходя», разсказываетъ Аввакумъ, «кланялся часто со мною, низенько таки, а самъ говоритъ: «благослови де меня и помолися о мнѣ; и шапку въ иную пору мурманку снимаючи, съ головы уронилъ, ѣдучи верхомъ. Изъ кареты бывало высунется ко мнѣ». Удивительно ли, что «и вси бояре послѣ царя челомъ, да челомъ: протопопъ! благослови и молися о насъ».

Стали, вмѣстѣ съ тѣмъ, бояре предлагать Аввакуму «соединиться въ вѣрѣ». Соблазняли его тѣмъ, что царскимъ духовникомъ сдѣлаютъ и денегъ ему многое множество надавали. Но протопопъ, «смерть поминая, яко вся сія мимо идетъ», устоялъ отъ соблазна. Явился ему въ видѣніи Христосъ и сказалъ: «по толикомъ страданіи погибнуть хощеши? блюдися, да не полма разсѣку тя». Протопопъ «палъ предъ иконою въ ужасѣ велицѣ» и воскликнулъ: «Господи! не стану ходить, гдѣ по новому поютъ». Но не сразу еще началъ Аввакумъ свою проповѣдь противъ никоніанства. Послушался онъ сначала приказа государева, который уговаривалъ его черезъ Родіона Стрешнева, если уже не «соединиться», то по крайней мѣрѣ молчать. «И я потѣшилъ его: царь то есть отъ Бога учиненъ и добренекъ до мене». Къ тому же обѣщали его опять поставить справщикомъ при печатномъ дворѣ, а это для непримиримаго врага никоновскаго исправленія была, понятно, приманка большая, «лучше духовенства». Съ полгода далъ себя убаюкать протопопъ. Видитъ онъ, однакоже, что все остается по прежнему и проснулся опять въ немъ внутренній голосъ, звавшій на борьбу съ «блудnею» никоніанскою и «паки заворчалъ, написалъ царю многонько таки, чтобы онъ

старое благочестіе взыскалъ и мати нашу общую, святую церков отъ ереси оборонилъ и на престолъ бы патріаршескій пастыря православнаго учинилъ вмѣсто волка и отступника Никона, злодѣя еретика». Разсердился на этотъ разъ царь, тѣмъ болѣе, что челобитню Аввакумъ, въ то время больной, подавалъ черезъ юродиваго Θедора, который съ нею «приступилъ къ царевѣ коретѣ со дерзновеніемъ». Вообще если Алексѣй Михайловичъ жаловалъ Аввакума, то какъ человѣка много страдавшаго, но вовсе не какъ ересіарха и когда онъ изъ челобитной увидѣлъ, что протопопъ возстаетъ не только противъ Никона, но противъ всей вообще существующей церкви, онъ на него «кручиноватъ сталъ». «Не любо стало», прибавляетъ Аввакумъ, «какъ опять сталъ я говорить; любо имъ какъ молчу, да мнѣ такъ не сошлось». Велѣлъ царь сказать протопопу: «власти де на тебя жалуются, церкви де ты запустошилъ: поѣдь-де въ ссылку опять». Отправили Аввакума въ Мезень. Было это въ 1664 году. Въ Мезени протопопъ пробылъ $1^1/_2$ года. Повезли его затѣмъ опять въ Москву, гдѣ на собравшемся въ 1666 году соборѣ, созванномъ для борьбы съ расколомъ, представители господствующей церкви старались заставить Аввакума отказаться отъ поднятой имъ оппозиціи. Но протопопъ отъ увѣщателей «отрицался, что отъ бѣсовъ», показанія писалъ «со бранью большою», и кончилось дѣло тѣмъ, что 13 мая 1666 г. его разстригли и «опроклинали», въ отвѣтъ на что Аввакумъ тутъ же «проклиналъ сопротивъ» разстригавшихъ его. Свезли затѣмъ протопопа въ Пафнутьевъ монастырь и тамъ «заперши въ темную палатку, скованна, держали годъ безъ мала.» Церковныя власти, между тѣмъ, все не отказывались отъ мысли переубѣдить протопопа, разстриженіе котораго было встрѣчено большимъ неудовольствіемъ въ многихъ боярскихъ домахъ и даже при дворѣ, гдѣ у ходатайствующей за Аввакума царицы было въ день растриженія протопопа «великое нестроеніе» съ царемъ, давшимъ, впрочемъ, свое согласіе съ очень стѣсненнымъ сердцемъ. Итакъ, сказали мы, церковныя власти все еще ласкали себя надеждою какъ нибудь переубѣдить Аввакума и когда пріѣхали вселенскіе патріархи, то привели къ нимъ протопопа и устроили преніе. Сказали ему въ заключеніе патріархи: «ты упрямъ; вся-де наша Палестина, и Серби, и Албансы, и Валахи, и Римляне, и Ляхи, все-де тремя персты крестятся; одинъ-де ты стоишь на своемъ упорствѣ и крестишься двѣма персты; такъ не подобаетъ». На это имъ Аввакумъ со свойственною ему находчивостью отвѣтилъ: «вселенстіи учителіе! Римъ давно упалъ и лежитъ невосклонно и ляхи съ нимъ же погибли, до конца враги быша хри-

стіанамъ а у васъ православіе пестро; отъ насилія Турскаго Магмета немощни есте стали; и впредь пріѣзжайте къ намъ учиться». Много еще съ обычною грубостью наговорилъ Аввакумъ патріархамъ непріятныхъ вещей, «побранилъ ихъ сколько могъ», самъ сознается онъ и, наконецъ, «послѣднее слово рекъ: Чистъ есмь азъ и прахъ, прилѣпшій отъ ногъ своихъ отрясаю предъ вами, по писанному; лучше единъ, творяй волю Божію, нежели тьмы беззаконныхъ». Въ отвѣтъ на эти дерзкія слова, его бросились бить.

Кончилась попытка переубѣдить Аввакума тѣмъ, что его вмѣстѣ съ сообщниками—Лазаремъ—попомъ и Ѳедоромъ—діакомъ сослали въ 1667 г. въ Пустозерскій острогъ на Печорѣ. Держали ихъ тутъ въ строгомъ отдаленіи отъ внѣшняго міра, «осыпали насъ землею», разсказываетъ протопопъ, «срубъ въ земли, и паки около земли другой срубъ, и паки около всѣхъ общая ограда за четырьмя замками, стражіе же предъ дверьми стражаху темницы». Все это не помѣшало однако узникамъ написать цѣлый рядъ посланій и догматическихъ сочиненій, которыя они черезъ стражу же, мало по малу перешедшей на ихъ сторону, распространили между своими единомышленниками. Когда литературныя упражненія пустозерскихъ узниковъ дошли до властей, преслѣдованіе неисправимыхъ расколоучителей усилилось. Аввакума сравнительно еще пощадили: посадили его въ отдѣльный срубъ, врытый въ землю, на хлѣбъ и на воду. Но другимъ сотоварищамъ протопопа пришлось хуже; имъ вырѣзали языки.

Четырнадцать лѣтъ провелъ Аввакумъ въ Пустозерскѣ. О послѣднихъ годахъ его пребыванія тамъ мы узнаемъ подробности уже не изъ «Житія», которое было написано около 1675 г. А узнаемъ мы, что шестидесятилѣтній раскольникъ ни на одну іоту не поколебался, что тяжесть тюремнаго заключенія не заставила его отказаться даже отъ самомалѣйшей черточки въ его религіозныхъ убѣжденіяхъ и что напротивъ того, сознаніе своего мученичества, своей глубокой правоты и ожидающаго его за стойкость загробнаго вознагражденія, побуждали его все болѣе и болѣе смѣло выступать противъ господствующей церкви. И обаяніе высокаго подвига его было на столько велико, что долго его щадили. Но письмо, написанное имъ въ 1681 г. къ царю Ѳедору Алексѣевичу переполнило чашу долготерпѣнія властей московскихъ. Въ этомъ письмѣ Аввакумъ въ началѣ очень скроменъ и почтителенъ. Но мало по малу озлобленіе беретъ въ немъ верхъ и въ какомъ-то дикомъ изступленіи онъ обращается къ царю съ такою просьбою: «а что, царь-государь, какъ бы ты мнѣ волю далъ, волю, я бы ихъ (никоніанцевъ), что Илія пророкъ, всѣхъ перепласталъ во единъ день. Не осквернилъ бы рукъ

своихъ, но освятилъ, чаю... Перво-бы Никона, собаку, разсѣкли на четверо, а потомъ бы никоніанъ». Вслѣдъ затѣмъ изступленный фанатикъ, отлично, конечно, сознавая, что ему за это будетъ, начинаетъ поносить память Алексѣя Михайловича и указывая на бывшее ему видѣніе говоритъ: «Богъ судитъ между мною и царемъ Алексѣемъ. *Въ мукахъ онъ сидитъ... Слышалъ я отъ Спаса:* то ему за свою правду».

За всѣ эти выходки, а главнымъ образомъ «за великія на царскій домъ хулы», велѣно было сжечь Аввакума, а кстати и «соузниковъ» его. «1 Апрѣля 1681 г.», сообщаетъ Мельниковъ, на основаніи данныхъ раскольничьей литературы, «построили въ Пустозерскѣ срубъ изъ дровъ, на которомъ сгорѣли Аввакумъ, Лазарь, Епифаній и Никифоръ. Аввакумъ предвидѣлъ казнь и заблаговременно распорядился имуществомъ и роздалъ книги. На казнь собрался народъ и снялъ шапки... дрова подожгли—замолчали всѣ; Аввакумъ народу говорить началъ и крестъ сложилъ двуперстный: «вотъ будете этимъ крестомъ молиться—во вѣкъ не погибнете, а оставите его—городокъ вашъ погибнетъ, пескомъ занесетъ; а погибнетъ городокъ, настанетъ и свѣту конецъ!..» Огонь хватилъ казнимыхъ, и одинъ изъ нихъ закричалъ; Аввакумъ наклонился къ нему и сталъ увѣщевать... Такъ и сгорѣли».

Переходя къ литературной дѣятельности Аввакума, нельзя, конечно, сказать, чтобы она была столь же замѣчательна, какъ личная жизнь протопопа, котораго по нравственной высотѣ слѣдуетъ поставить никакъ не ниже Гусса или Саванароллы. Но несомнѣнно, однакоже, что и какъ писатель, Аввакумъ въ русской литературѣ XVII вѣка занимаетъ выдающееся мѣсто. Онъ не получилъ систематическаго образованія, не зналъ столь необходимыхъ всякому богослову того времени латинскаго и греческаго языковъ, но за то вся имѣвшаяся въ русскихъ переводахъ отеческая и вообще богословская литература была ему знакома въ совершенствѣ. Св. писаніе онъ зналъ почти наизусть и мастерски пользовался цитатами изъ него. Во всякомъ случаѣ изъ расколоучителей Аввакумъ по своимъ умственнымъ даннымъ одинъ изъ самыхъ выдающихся, если не прямо самый выдающійся.

Число произведеній Аввакума (включая письма и посланія) очень значительно. Преосвященному Никанору подъ псевдонимомъ *Александра* Б. издавшаго въ 1861 г. «Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ русскими раскольниками» было извѣстно около *двадцати* сочиненій юрьевецкаго протопопа. Мельниковъ насчитывалъ ихъ *тридцать одно;* извѣстный изслѣдователь и знатокъ раскола—проф. Н. Субботинъ напечаталъ въ I и V томѣ редактируемыхъ имъ

«Матеріаловъ для исторіи раскола» *тридцать семь*, а считаетъ возможнымъ приписать Аввакуму, на основаніи имѣющихся въ его произведеніяхъ указаній и ссылокъ, еще 6, въ общемъ значитъ сорокъ три. Именно вотъ какія:

1) Первая *челобитная* Алексѣю Михайловичу 1653 г. 2) *Челобитная за Неронова* отъ 1653 г. 3) *Еще челобитная* неизвѣстно когда и о чемъ писанная. 4) *Челобитная объ избраніи преемника Никону и назначеніи другихъ архіереевъ изъ представителей раскола.* 5) *Посланіе къ архимандриту Никанору.* 6) *Письмо къ дiакону Өедору.* 7) *Письмо къ воеводѣ Пашкову.* 8) *Письма къ Федору и Игнатію Соловлянину о Троицѣ, воплощеніи и пр.* 9) «Житіе» Аввакума, имъ самимъ написанное около 1675 г. 10) «*Записка о своемъ страданіи и страданіи соузниковъ*». 11) «*Челобитная по возвращеніи изъ Дауръ*» 1663 г. 12) *Челобитная* поданная незадолго до ссылки на Мезень. 13) *Челобитная*, писанная изъ Холмогоръ въ 1664 г. 14) «*Посланіе къ царю Алексѣю Михайловичу изъ Пустозерска*» 1670 г. 15) «*Посланіе къ царю Өедору Алексѣевичу*». 16) *Отписка къ игумену Өеоктисту*», писанная изъ Мезени въ 1664 г. 17) *Посланіе изъ Пустозерска въ Мезень къ женѣ и дѣтямъ.* 18) *Посланіе къ Меланіи и Анисіи съ сестрами.* 19—23) *Пять посланій къ боярынѣ Морозовой.* 24) *Посланіе къ Маремьянѣ Өедоровнѣ*». 25—27) Три «*Посланія къ нѣкоему Симеону*». 28) *Посланіе къ некоему священнику Стефану*». 29) *Посланіе къ неизвѣстному.* 30) «*Посланіе къ нѣкоему Іоанну*». 31 («*Книга всѣмъ горемыкамъ миленькимъ.*» 32.) «*Посланіе ко всѣмъ вѣрнымъ*». 33) *Посланіе къ неизвѣстному на время уклонившемуся отъ раскола*». 34) «*Посланіе обличительное за любострастіе*». 35) «*О сложеніи перстъ*». 36) «*Книга на крестоборную ересь*». 37) «*О иноческомъ чинѣ*». 38) «*О иконномъ писаніи*». 39) «*О внѣшней мудрости*». 40) «*О дняхъ поста и мясоястія*». 41) «*Бесѣда о Авраамѣ*». 42) «*Бесѣда о наятыхъ дѣлателяхъ*». 43) «*Письмо къ протопопу Ивану Неронову*» 44) «*Выписки объ одеждахъ странныхъ*».

Изъ перечисленнаго № 1—8 утрачены и извѣстны только по указаніямъ самаго Аввакума, № 9—42 напечатаны въ V т. «Матеріаловъ для исторіи раскола», а 43—44 въ I т. этихъ «Матеріаловъ». Относительно принадлежности Аввакуму нѣкоторыхъ изъ только-что названныхъ сочиненій г. Влад. Карповъ (въ «Библіографѣ» 1884 г. № 1) возбудилъ кое-какія сомнѣнія, но не особенно убѣдительныя.

Сочиненія Аввакума можно раздѣлить на четыре группы: 1) *Толкованіе св. писанія.* 2) *Богословско-полемическіе трактаты.* 3) Произведенія *автобіографическаго характера* и 4) Посланія характера смѣшаннаго.

Къ первой группѣ можно отнести: 1) «Списаніе и собраніе о Божествѣ и твари и како созда Богъ человѣка», 2) «Бесѣду о Авраамѣ» и 3) «Бесѣду о наятыхъ дѣлателяхъ». Они написаны подъ сильнымъ вліяніемъ средневѣковыхъ апокрифовъ, какъ напр. извѣстнаго «сказанія о древѣ крестномъ», «вопросовъ Іоанна Богослова Аврааму» и др. и притомъ не только со стороны содержанія, но и со стороны самаго способа давать объясненія богословскихъ вопросовъ въ бел-

летристической формѣ, съ тою только разницею, что тонъ и слогъ апокрифовъ мечтателенъ и поэтиченъ, а тонъ и слогъ Аввакума представляютъ собою яркое отраженіе своего грубаго вѣка, когда религіозные дебаты между самыми высокопоставленными іерархами происходили въ отмѣннѣйшихъ кабацкихъ выраженіяхъ и нерѣдко кончались тѣмъ, что убѣленные сѣдинами противники вцѣплялись другъ другу въ бороды. Вотъ небольшой образчикъ Аввакумовской экзегетики. Идетъ разсказъ о томъ, какъ змѣй сначала искушалъ Адама, а затѣмъ пошелъ къ Еввѣ:

„Ноги у нея и крылья были, хорошей звѣрь, красной была, докамѣсть и своровала. И рече Еввѣ тѣ же глаголы, что и Адаму. Она же послушавъ зміи, приступи ко древу, вземъ грезнъ и озоба его, и Адаму даде: понеже древо красно видѣніемъ и добро въ снѣдь,—смоковъ красная, ягоды сладкіе, слова межю собою льстивыя. Онѣ упиваются, а діаволъ въ то время смѣется. Увы невоздержанія! Увы небреженія заповѣди Господня! Оттолѣ и до днесь въ слабоумыхъ человѣкахъ такъ же лесть творится. Подчиваютъ другъ друга зеліемъ нерастворенныимъ, сирѣчь зеленымъ виномъ процѣженнымъ и прочими питіи и сладкими брашны, а послѣ и посмѣхаютъ другъ друга, упившагося до пьяна. Слово въ слово, что въ раю было при діаволѣ и при Адамѣ. Паки (говоритъ книга) Бытія: „И вкусиша Адамъ и Евва отъ древа, отъ него же Богъ заповѣда, и обнажистася“. О миленькія! Пріодѣти стало некому! Ввелъ діаволъ въ бѣду, а самъ всторону! Лукавый схозяинъ напоитъ накормитъ, да и здвора спехнулъ: пьяной валяется на улицѣ ограбленъ, — никто не помилуетъ. Паки Библія: „Адамъ и Евва сшиста себѣ листвіе смоковніи отъ древа, отъ него же вкусиста и прикрыста срамоту свою, и крыстася подъ древо возлегоста“. Проспалися бѣдныя съ похмѣлья, ано и самымъ себя сором: борода и усъ вь блевотинѣ, а отъ г.на весь и до ногъ въ г.нѣхъ, со здоровныхъ чашъ кругомъ голова идетъ и на плечахъ не держится“.

Въ догматически-богословскихъ сочиненіяхъ своихъ Аввакумъ касается почти всѣхъ вопросовъ, составлявшихъ предметъ спора между господствующею церковью и расколомъ. Написаны они тѣмъ же слогомъ и въ томъ же тонѣ, образцики которыхъ мы только что представили. О никоніанствѣ онъ не можетъ иначе говорить какъ въ самыхъ площадныхъ выраженіяхъ—«собаки, бл..и, воры, прелагатаи», вотъ обычная форма обращенія къ «митрополиты и архіепископы Никоніяна». И не только съ никоніанцами обращается такъ Аввакумъ. Соузникъ его по пустозерскому острогу—Ѳедоръ-діяконъ разошелся во взглядѣ на догматъ св. Троицы—и вотъ протопопъ ему пишетъ увѣщаніе, гдѣ его чествуетъ такимъ образомъ: «Ѳедька, а Ѳедька! охъ бл..инъ сынъ, собака косая, durакъ страдникъ».

Вѣроучительные взгляды Аввакума могутъ быть сформулированы слѣдующимъ образомъ:

Никоновское исправленіе богослужебныхъ книгъ есть дѣло Богу не угодное. Спастись можно только по старымъ книгамъ, въ которыхъ нѣтъ ни «единой ереси» и по которымъ спасались благочестивые цари и московскіе святители.

Креститься надо двумя перстами. Триперстное же знаменіе есть «печать антихриста». Русской церкви, принявшей по наущенію «волка» Никона «триперстную ересь», Аввакумъ предсказываетъ скорую гибель. «Чаю подвигнетъ Богъ турка на отмщеніе кровей мученическихъ. Пускай любодѣицу ту потрясутъ, хмѣль—атъ выгонятъ изъ бл..и! Піяна кровьми святыхъ, на красномъ звѣрѣ ѣздитъ, разсвирѣпѣвъ, имущи чашу злату въ рудѣ своей, полну мерзости и скверни любодѣянія ея,—сирѣчь изъ трехъ перстовъ подноситъ хотящимъ пьянова питія и безъ ума всѣхъ творитъ, испившихъ изъ кукиша десныя руки». Двуперстіе, говоритъ Аввакумъ, утверждено Стоглавымъ соборомъ и оно же заповѣдано св. отцами—Мелетіемъ Антіохійскимъ, Ѳеодоритомъ и Петромъ Дамаскиномъ.

По вопросу о такъ называемой сугубой аллилуѣ Аввакумъ пишетъ: «До Василія пояху въ церкви: аллилуія, аллилуія, аллилуія. Егда же бысть Василій, повелѣ пѣть: аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ Боже. У святыхъ согласно, у Діонисія и у Василія—трижды воспѣвающе Славимъ Бога, а не четырежды, по римской бл..и. Мерзко Богу четверичное воспѣваніе сицевое: аллилуія, аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже. Да будетъ проклятъ сице поюще...»

Крестъ долженъ быть осьмиконечный. Употребляемый же русской церквью крестъ четырехконечный есть «крыжъ польской, выб...окъ римскаго костела» и кто его «учинитъ на просфирахъ, или напишетъ на немъ образъ распятаго Христа и положитъ его на престолѣ вмѣсто тричастнаго, таковый мерзокъ есть и не потребенъ въ церкви, подобаетъ его изринуты».

По вопросу объ иконахъ Аввакумъ совершенно неправильно приписываетъ «кобелю борзому Никону», замѣну византійскаго иконописанія иконописаніемъ на западо-европейскій образецъ, сильно привившимся въ Москвѣ еще съ конца XV вѣка подъ вліяніемъ наѣхавшихъ съ Софьею Палеологъ итальянцевъ и возмущается тѣмъ, что строгая византійская изографія уступила мѣсто иконописи, въ которой преобладаетъ приближеніе къ живой дѣйствительности.

«Воззри на святыя иконы», восклицаетъ протопопъ, и виждь угодившія Богу, како добрыя изуграфы подобіе ихъ описуетъ: лице и рудѣ, и нозѣ и вся чувства тончава и измождена отъ поста и труда, и всякія имъ находящія скорби. А вы нынѣ подобіе ихъ перемѣнили, пишите таковыхъ же, яко вы сами: толстобрюхихъ, толсторожихъ, и ноги и руки яко стулци у кажнова святова. Пишутъ Спасовъ образъ Еммануила, лице одутловато, уста червонная, власы кудрявыя, руки и мышцы толстыя, персты надутыя, также и у ногъ бедры толстыя, и весь яко нѣмчинъ брюхатъ и толстъ учи-

нему лица были той при бородѣ не написано». Негодуетъ протопопъ разсмотрѣвъ и на то, что Никоніанцы «Николѣ чудотворцу дали имя нѣмецкое Николай, а Парасковіи великомученицы дали имя Параскева». Удивляется Аввакумъ какъ такія вещи «чудотворецъ терпитъ: хотя бы одному шею голову-то назадъ рожею заворотилъ, да иныхъ бы по Москвѣ—той походилъ».

Глубоко возмущаетъ также протопопа замѣна круглыхъ клобуковъ плоскоконечными и введеніе широкихъ рясъ. Въ прежнихъ клобукахъ инокъ могъ исполнять завѣтъ Василія Великаго, велѣвшаго монаху держать глаза долу, а при новыхъ монахи выставляютъ напоказъ «расчесанные волосы и рожу» для того, «чтобы бабы любили ихъ». Еще болѣе неистовою бранью разражается протопопъ противъ широкихъ рясъ и новаго способа подпоясываться.

«Ино Христосъ препоясывался по чресламъ, а не по титькамъ, поясомъ усменнымъ, кожанымъ чресла препоясатися. подъ пупомъ опоясатися крѣпко даже брюхо не толстѣетъ. А ты что брюхатая женка, не извредить-бы въ брюхѣ ребенка подпоясываешься по титькамъ? Чему быть! И въ твоемъ брюхѣ не меньше ребенка было накладено: ядръ—тѣхъ—пять мигдальныхъ, и ренскова, и романеи, и водокъ различныхъ съ виномъ процѣженныхъ налилъ: какъ ево подпоясать».

Таковъ юрьевецкій протопопъ въ главнѣйшихъ своихъ богословскихъ трактатахъ. Таковъ-же онъ въ остальныхъ богословскихъ «писанейцахъ» своихъ. Таже площадная манера выражаться, которая, конечно не имѣла въ себѣ ничего преднамѣреннаго, а была лишь естественнымъ проявленіемъ некультурности среды, выдвинувшей Аввакума, таже смѣсь цитатъ изъ Св. Писанія безразлично примѣняемыхъ наряду съ цитатами изъ апокрифовъ и неизвѣстно откуда почерпнутыми историческими анекдотами и, наконецъ, самое главное—тотъ-же методъ порочить всѣ нелюбезныя протопопу церковныя «новшества» тѣмъ, что онъ доказываетъ ихъ связь «римскою бл..ью», т. е. латинствомъ и вообще западно-европейскою иноземщиной. Остается только прибавить, что въ одномъ пунктѣ своихъ религіозныхъ воззрѣній протопопъ является не только старообрядцемъ, т. е. ревнителемъ старыхъ обычаевъ русской церкви, но и еретикомъ, проповѣдующимъ взгляды, несогласные съ ученіемъ православной церкви. Это именно по вопросу о догматѣ св. Троицы, въ которой, по толкованію Аввакума, нужно признавать три сущности или существа. Ученіе Аввакума о Троицѣ дало поводъ первоначальнымъ обличителямъ раскола—Димитрію Ростовскому и Питириму пермскому говорить объ особомъ толкѣ «аввакумовщины». Но позднѣйшія, болѣе тщательныя изслѣдованія, показали, что особой «аввакумовщины» никакой не было и что взгляды протопопа по вопросу о Троицѣ не встрѣтили сочувствія въ раскольничьей средѣ.

Посланія и челобитныя Аввакума частью писаны по собственному почину, какъ напр. его челобитныя и посланія къ Алексѣю Михайловичу и Θедору Алексѣевичу. Но большею частью онѣ писались протопопомъ въ отвѣтъ на разные вопросы, которые ему задавались приверженцами по предметамъ вѣры. Эти посланія обыкновеннаго смѣшаннаго характера: тутъ есть и богословіе, и свѣдѣнія о себѣ и отдѣльныя историческія указанія, часто очень важныя для изученія первыхъ временъ раскола.

Къ автобіографическимъ, по преимуществу, произведеніямъ Аввакума можно отнести «краткую записку о своемъ страданіи и страданіи соузниковъ» и знаменитое «житіе», заключающее въ себѣ, кромѣ описанія извѣстныхъ намъ событій жизни Аввакума и разныхъ богословскихъ разсужденій, еще крайне характерное описаніе цѣлаго ряда чудесъ, совершенныхъ протопопомъ въ разныя времена его жизни. Чудеса двухъ родовъ: отрицательные, къ которымъ можно отнести разныя напасти, постигавшія большинство тѣхъ людей, которые мучили протопопа и положительныя, когда силою своей молитвы Аввакумъ исцѣлялъ разные недуги. Около 20 такихъ случаевъ описалъ протопопъ: исцѣлялъ онъ сухорукихъ, сухоногихъ, нѣмыхъ, своею молитвою истребилъ цѣлый отрядъ войска, выгналъ бѣса изъ десятка бѣсноватыхъ и, наконецъ, разъ сотворилъ такое чудо: у жены Пашкова «куры всѣ переслѣпли и мереть стали: такъ она,—собравше въ коробъ» разсказываетъ протопопъ «ко мнѣ ихъ принесла, чтобы-де батька пожаловалъ, помолилъ о курахъ. И я молебенъ пѣлъ, воду святилъ, куровъ кропилъ и кадилъ; потомъ въ лѣсъ сбродилъ,—корыто имъ сдѣлалъ, изъ чего ѣсть, и водою покропилъ, да къ ней все и отослалъ. Куры Божіемъ мановеніемъ исцѣлили и исправилися.»

Принимая во вниманіе всегдашнюю искренность и высокій нравственный обликъ Аввакума, нельзя, конечно, допустить мысль, чтобы онъ выдумалъ только что приведенныя чудеса, тѣмъ болѣе, что и чудеснаго то въ нихъ ничего нѣтъ, а представляютъ они собою самыя обыкновенныя вещи, ложно освѣщенныя и превратно понятыя. Но тѣмъ любопытнѣе они для характеристики грубаго суевѣрія Аввакума и тѣмъ рельефнѣе оттѣняютъ они «житіе», это удивительное произведеніе, въ одно и тоже время вмѣщающее въ себѣ высокія истинно-христіанскія мысли и грубѣйшее изувѣрство, крайнее смиреніе и гордыню непомѣрную, нѣжность чувства и кабацкія выраженія, недюжинную богословскую ерудицію и невѣжество относительно элементарнѣйшихъ фактовъ исторіи и географіи, широкое пониманіе истинъ христіанства, рядомъ съ готовностью лечь самому

костьми да и другихъ положить изъ-за начертанія какого-нибудь слова, наконецъ глубочайшую кротость въ перенесеніи мученій, рядомъ съ полною готовностью немедленно самому стать тираномъ. Словомъ, какъ оно и понятно вполнѣ въ автобіографіи, «Житіе протопопа Аввакума,» есть полное отраженіе его автора со всѣми его высокими качествами и со всѣми его—не скажемъ недостатками, потому что нехочется какъ-то примѣнять это слово къ человѣку, самомалѣйшіе поступки котораго имѣли въ своей основѣ стремленіе къ идеалу и желаніе исполнить нравственный законъ—со всѣми тѣми его свойствами, которые всякаго безпристрастнаго историка приводятъ къ убѣжденію, что въ общемъ Аввакумъ представляетъ собою явленіе некультурное и враждебное сколько-нибудь поступательному движенію впередъ. Сдѣлайся Аввакумъ патріархомъ и онъ несомнѣнно надолго затормозилъ-бы развитіе общечеловѣческой образованности въ Россіи. И что еще очень важно: цѣлый рядъ самимъ-же протопопомъ разсказанныхъ фактовъ, въ родѣ того какъ онъ раззорилъ невинныхъ вожаковъ медвѣдей, изломавъ имъ бубны и выпустивъ въ лѣсъ медвѣдей, или какъ онъ дьячка Ивана Струну за содѣянный имъ «церковный мятежъ» лично избилъ *въ церкви*, или наконецъ, какъ Аввакумъ *молилъ Бога, чтобы онъ погубилъ отправившійся въ походъ отрядъ пашковскихъ казаковъ*, провинившихся тѣмъ, что объ исходѣ похода они спрашивали предсказанія не у протопопа, а у даурскихъ шамановъ, а главное бѣшенныя проклятія, которыя изувѣрный протопопъ посылаетъ всякому, не исключая товарищей по страданію, кто въ малѣйшемъ не согласенъ съ его взглядами,—все это ни на одну минуту не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что если-бы во главѣ іерархіи сталъ Аввакумъ, онъ-бы съ неменьшимъ ожесточеніемъ ссылалъ, мучилъ и жегъ своихъ противниковъ, нежели Никонъ. И вотъ почему *историческая справедливость*, т. е. то одобреніе, въ которомъ исторія, имѣющая въ своемъ распоряженіи дальнѣйшій ходъ событій, не можетъ отказать всякому, кто своевременно понялъ нужды и потребности своей эпохи, историческая справедливость, говоримъ мы, въ данномъ случаѣ несомнѣнно не на сторонѣ высокаго страдальца за изувѣрство и застой, а на сторонѣ его мучителей, вносившихъ движеніе и науку въ русскую духовную жизнь. Начала насилія были одинаково сильны какъ въ Аввакумѣ, такъ и въ его мучителяхъ, но протопопъ это насиліе употребилъ бы на то, чтобы оттащить Россію назадъ, а никоніанцы все таки вели ее впередъ.

Августа Воронова («Звѣздочка», «Лучи»)—псевд. Анны Дм. Вер-ъ †).

Августиновичъ, И. Дѣйств. ст. сов., вице-инспекторъ корпуса лѣсничихъ ††). Напечаталъ: 1) «*Отчетъ по изслѣдованію и осушенію болотъ въ С.-Петерб. губ. за 1877 г.*» экспедиціи, во главѣ которой онъ стоялъ. Спб. 1878 г. 8°. XVI+531 стр. 2) *Тоже за 1878 г.* Спб. 879 г. 8°. XII+307+II стр. 3) *Тоже за 1879 г.* Спб. 1880 г. 8° 22 стр. 4) «*О ходѣ работъ экспед. по осушкѣ болотъ въ Новгородской губ. въ 1877 г.*» Спб. 1878 г. 8°. 5) «*Отчетъ по изслѣдованію и осушенію болотъ въ Новгородской губ. за 4 года*» (1875—79). Спб. 1879 г. 8°. 100 стр. 6) Объ этихъ же и другихъ работахъ по осушкѣ болотъ Августиновичъ писалъ въ «Хоз. Строителѣ» 1878 г. № 6 и 7) «Лѣсномъ Журн.» 1878 г. № 4 и 1879 г. № 5. 8) «Земл. Газ.» 1879 г. № 2 и 6.

Августиновичъ, *Ѳома Матвѣевичъ* †††), по происхожденію вольный крестьянинъ сѣверо-западнаго края. Учился въ свислоцкой гимназіи, и затѣмъ въ Виленскомъ унив., гдѣ въ 1832 г. кончилъ курсъ съ серебр. медалью лекаремъ. Въ концѣ 1860 г. А. былъ врачебнымъ инспекторомъ Пермской губ.

Напечаталъ: 1) «Instrumenta Chirurgica in discentium commodum 50 tabulis de-icta et lapidi incisa» Wilno. 1835. in folio, 2) *О «дико растущихъ врачебныхъ растеніяхъ Полтавской губерніи»*, пом. въ «Труд. коммисіи для описанія Кіевск. учебн. округа», Т. II, 1853 г. (91 стр. in 4°. 3). Вмѣстѣ съ А. Грабовскимъ Августиновичъ въ 1861 г. по порученію Мин. Гос. Им. издалъ «*Наставленіе волостнымъ фельдшерамъ о помощи укушеннымъ бѣшенными собаками и заразившимся сибирскою язвою*». 8°. 26 стр.

Августинъ, (Алексѣй Васильевичъ *Виноградскій*) архіепископъ московскій ††††), сынъ московскаго священника и довольно искуснаго конописца. Родился въ Москвѣ 6 Марта 1766 г. 5 лѣтъ отъ роду

†) Пономаревъ въ Календ. Суворина на 1880 г.

††) Объ «Отчетѣ за 1879 г.», Н. Вакуловскій, въ «Спб. Вѣд.» 1879 г. № 5 онъ же о работахъ по Новгород. губ. за 1875—79 г. въ «Нов. Вр.» 1879 г. № 1162.

†††) Зміевъ, Врачи-писатели, стр. 1.

††††) 1) *Снегиревъ*, Біографическія черты изъ жизни арх. Августина М. 1824 1841 и 1848. 8°. 144 стр. 2) *Бантышъ-Каменскій*, Слов. дост. людей изд. 1836.) «Энц. Лекс.» *Плюшара*. 4) *Евгеній*, Слов. дух. пис. стр. 1—4. 5) «Москвит.» 1852. № 2. 6) *Филаретъ*, «Обзоръ» стр. 423—24. 7) *Сидонскій* въ «Энц. Слов.» изд. р. ис. и уч. 8) *Геннади*, Словарь. 9) Краткія упомин. въ Энц. слов. Толя, Березина, Старчевскаго, Мешникова. 10) *Галаховъ*, Полная рус. христ. по изд. 1870 г. I стр. 317—19.) Примѣчанія къ предъидущей книгѣ М. 1849 стр. 17—18. О «Сочиненіяхъ»—«С. . В.» 1856. № 113. Письма къ Августину митр. Платона въ «Прав. Обозр.» 1869. 5—9 и 1870 № 6, 8, 10. Съ прим. *С. К. Смирнова* и «Ирк. еп. вѣд.» 1869 № 46.

лишившись матери и восьми—отца, Августинъ, по ходатайству родственниковъ своихъ, былъ опредѣленъ въ перервинскую (подъ Москвой) семинарію. Здѣсь онъ особенно хорошо учился латыни, чѣмъ рано обратилъ на себя вниманіе митрополита Платона. Окончивъ риторическій классъ, Августинъ перешелъ въ московскую духовную академію, а въ свободное отъ занятій время посѣщалъ лекціи профессоровъ московскаго университета для ознакомленія съ русскою словесностью, которая тогда въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ не изучалась. Еще студентомъ Августинъ въ 1787 г. состоялъ учителемъ латинскаго языка въ перервинской семинаріи; въ 1788 г. по окончаніи курса въ академіи, онъ былъ назначенъ учителемъ риторики въ троицкую семинарію. Въ этомъ-же году онъ поднесъ митрополиту Платону привѣтственное стихотвореніе на латинскомъ языкѣ, чѣмъ снискалъ чрезвычайное благоволеніе его. Поощренный такимъ благоволеніемъ, Августинъ съ особенною ревностью предался сочиненію латинскихъ стихотвореній. Одно изъ нихъ, въ которомъ онъ описываетъ свою сиротскую жизнь, такъ понравилось Платону, что онъ эти, какъ онъ ихъ оффиціально назвалъ, «золотые» стихи велѣлъ напечатать и разослать во всѣ духовныя учебныя заведенія. Полное собраніе латинскихъ стихотвореній Августина было впослѣдствіи издано перервинскою и троицкою семинаріями. Любопытно отмѣтить, что Августинъ такъ привыкъ къ латыни, что черновики русскихъ проповѣдей своихъ набрасывалъ на латинскомъ языкѣ. Въ 1792 онъ былъ сдѣланъ префектомъ троицкой семинаріи, съ обязанностью преподавать философію, а въ 1794, по предложенію Платона, готовившаго его для высокихъ должностей, на 28 году жизни принялъ монашество. Въ 1795 г. Августинъ, въ званіи іеромонаха, былъ назначенъ ректоромъ троицкой семинаріи въ 1797 г. привѣтственною рѣчью при посѣщеніи этой семинаріи Павломъ I, онъ обратилъ на себя милостивое вниманіе императора, въ 1798 его возвели въ санъ архимандрита, причемъ дали въ управленіе лужецкій можайскій монастырь, въ 1801 перевели въ московскій богоявленскій монастырь. Въ 1802 г. Августинъ былъ назначенъ цензоромъ духовныхъ книгъ и вслѣдъ затѣмъ настоятелемъ Заиконоспасскаго ставропигіальнаго монастыря и ректоромъ московской духовной академіи. Въ 1803 г. онъ былъ вызванъ на чреду богослуженія въ Петербургъ, а въ слѣдующемъ году, по желанію Платона, возведенъ въ санъ епископа дмитровскаго, викарія московскаго. Фактически завѣдывалъ дѣлами московской епархіи онъ, потому что по старости Платонъ уже не былъ въ состояніи нести бремя епархіальнаго управленія. Рѣчи же въ торжественныхъ

ыяхъ, при встрѣчахъ государя, при окропленіи знаменъ, и т. д. иилъ исключительно Августинъ и успѣлъ этимъ обратить на себя щее вниманіе. Слово, сказанное имъ въ 1807 г., по случаю заенія тильзитскаго мира, произвело въ Москвѣ такое впечатлѣ-что московскій главнокомандующій счелъ нужнымъ поднести пляръ рѣчи, когда она была напечатана, государю, который алъ оратору драгоцѣнную панагію. Изъ другихъ рѣчей Авгуа огромное впечатлѣніе произвело привѣтствіе, сказанное имъ оля 1812 г. Александру I, когда императоръ, для воодушевлеiарода въ тяжелый моментъ вступленія непріятеля на русскую ю, пріѣхалъ въ Москву. Государь былъ растроганъ до слезъ. теніи эта очень краткая рѣчь не производитъ впечатлѣнія и ту надо думать, что въ связи съ необычайностью переживаемомента, на императора подѣйствовала нервность Августина, вляявшая одну изъ отличительныхъ сторонъ его, какъ человѣоратора. Когда непріятель сталъ близко подступать къ Москвѣ, стинъ, со смерти Платона (1811) непосредственно уже управій московскою епархіею, сдѣлалъ рядъ распоряженій относико сохраненія драгоцѣнностей московскихъ церквей, важнѣйшія которыхъ, а также патріаршую ризницу и синодальную библіоперевезъ въ Вологду. Самъ-же онъ уѣхалъ во Владиміръ, за гѣкоторые недоброжелатели упрекали его. Возвратившись, по ѣ французовъ въ Москву, Августинъ проявилъ необыкновенную ельность въ возобновленіи разрушенныхъ непріятелемъ церквей очихъ святынь московскихъ. Умеръ онъ 3-го Мая 1819 г. въ архіепископа московскаго, въ которой былъ возведенъ въ 1818 г. ого съ 1814 г. А. носилъ титулъ архіепископа дмитровскаго. зъ рѣчей Августина почти всѣ были напечатаны при жизни именно слова: 1) «*При нареченіи епископомъ дмитровскимъ*. М. . 2) «*На заключеніе мира съ Франціею*. М. 1807. 3) «*На погреки. П. М. Дашкова*. М. 1807. 4) «*На день коронованія Алекіа I*». М. 1809. 5) «*При погребеніи гр. И. А. Остермана*. 6) «*При леніи свящ. одеждъ, отъ имп. Александра I принесенныхъ въ даръ скому собору*. М. 1811. 6) «*Въ д. коронованія Александра I*». 311, 7) «*При освящ. храма Александровск. училища*». М. 1812. *Александру I при шествіи въ Успенскій соборъ*». М. 1812. 9) «*Паское наставленіе, произнесенное 28 Іюля 1812 г.*». П. 1812. на . и фр. яз. 10) «*При годичномъ поминовеніи по воинахъ за Вѣру ечество, на брани бородинской животъ свой положившихъ*. М. 1813. *При возвращеніи хоругви московскаго ополченія*». М. 1813. 12) «*По ю побѣды у Лаона*». П. 1814. 13) «*По случаю покоренія фран-*

цузской столицы». М. 1814. 14) «*На день воспоминанія избавленія Церкви и Державы Россійскія отъ нашествія Галловъ и съ ними двадесяти языкъ*». М. 1814. 15) «*При общемъ собраніи членовъ московск. отд. Библейскаго общества*». М. 1815. 16) По каталогамъ нельзя проследить, была-ли напечатана рѣчь Августина на закладку Храма Спасителя въ 1817, но судя по тому, что рѣчь напечатана тогда-же въ Москвѣ въ нѣмецкомъ, французскомъ и латинскомъ (versionem latinam fecit Mich. Brujewitscz) переводахъ, надо думать, что и русскій текстъ своевременно былъ обнародованъ. Кромѣ этой рѣчи появилась еще въ переводѣ (франц.) рѣчь н взятіе Парижа. St.-Pet. 1814.

Перечисленныя рѣчи, съ присоединеніемъ многихъ другихъ, до того не напечатанныхъ, вошли въ составъ «Сочиненій» Августина изданныхъ въ II, въ I томѣ въ 1856 съ біографіею и портретомъ.

Латинская элегія его на убіеніе епископа Ѳедосійскаго Ѳеодосія Гумилевскаго помѣщена въ біографіи архіепископа, составленной Снегиревымъ. Тамъ-же помѣщена «*молитва объ изгнаніи враговъ*», которую Августинъ сочинилъ въ 1812 г. по приказанію Александра I и которая читалась тогда во всѣхъ церквахъ съ колѣнопреклоненіемъ. Тамъ-же напечатаны нѣкоторыя латинск. стихотворенія Августина. Остаются въ рукописи: 1) «*Догматика*» и 2) «*Толкованіе на посланія апостольскія*».

Славою оратора Августинъ главнымъ образомъ обязанъ живости, съ которою онъ произносилъ свои рѣчи. Составляя ихъ по тяжеловѣснымъ правиламъ старой гомилетики и руководствуясь даже въ слогѣ тяжеловѣсною латинскою конструкціею, онъ, однако старался дѣйствовать по преимуществу на чувство слушателей поэтическими сравненіями. Вотъ какъ наприм. оканчивается попавшая въ хрестоматіи и наиболѣе извѣстная изъ его рѣчей, произнесенная «при совершеніи годичнаго поминовенія по воинахъ, на брани Бородинской животъ свой положившихъ»:

„Земля отечественная! Храни въ нѣдрахъ твоихъ любезные останки поборниковъ и спасителей отечества; не отягости собою праха ихъ; вмѣсто росы и дождя окропятъ тебя благодарныя слезы сыновъ россійскихъ. Зеленѣй и цвѣти до того великаго и просвѣщеннаго дне, когда возсіяетъ заря вѣчности, когда солнце правды оживотритъ вся сущая во гробѣхъ. Аминь".

* **Августинъ**, епископъ Аккерманскій, (въ мірѣ Андрей *Гуляницкій*). *По свѣдѣніямъ, извлеченнымъ нами изъ архива св. Синода*, учился въ Кіевской духовной Академіи, гдѣ въ 1863 кончилъ курсъ со степенью магистра и тотчасъ-же былъ назначенъ баккалавромъ по классу

---

* Означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

лічительнаго богословія. Въ 1864 онъ постригся въ монашество, въ 1869 былъ возведенъ въ санъ архимандрита. Съ 1870—1881 вгустинъ состоялъ ректоромъ литовской духовной семинаріи и стоятелемъ виленскаго Свято-Троицкаго монастыря. Въ 1881 рукоположенный во епископа михайловскаго, викарія рязанскаго, преосвященный въ 1882 перемѣщенъ епископомъ аккерманскимъ, викаріемъ кишеневскимъ.

Епископъ Августинъ извѣстенъ въ современной духовной литературѣ своимъ 1) «*Руководствомъ къ основному богословію*» †). Вильно 876, 8° + 366 стр. Кромѣ того онъ напечаталъ: 2) «*Полемическія сочиненія противъ латинянъ, писанныя въ рус. церкви въ XI и XII в.*» въ «Труд. Кіев. дух. акад.» 1867. № 6 и 9.

«Руководство къ основному богословію» было представлено авторомъ въ рукописи въ учебный комитетъ св. Синода на соисканіе Макарьевской преміи. Комитетъ нашелъ, что книга «не поражаетъ читателя обширною эрудиціею», но тѣмъ не менѣе видно, что авторъ «основательно знакомъ не только съ отечественною, но и съ иностранною литературою избраннаго имъ предмета». «О. Августинъ не рабски, а совершенно свободно пользовался бывшими у него подъ руками источниками, за исключеніемъ впрочемъ сочиненія преосв. Макарія («Введеніе въ православное богословіе»), изъ котораго онъ буквально списывалъ многія страницы, не обозначивъ даже оныхъ цитатами»; въ общемъ руководство «носитъ характеръ единства и строгой логической послѣдовательности, такъ что оно представляется какъ-бы однимъ апологетическимъ трактатомъ, написаннымъ въ защиту христіанской религіи» и православія въ частности. Руководство состоитъ изъ 4 отдѣловъ. Въ первомъ устанавливаются «надлежащіе признаки, по которымъ можно отличить истинную религію отъ ложной». Этими признаками авторъ считаетъ «признаніе Бога какъ личнаго безконечнаго духа и безсмертія человѣческой души». Во второмъ отдѣлѣ руководство прилагаетъ указанные признаки «ко всѣмъ религіямъ внѣ-христіанскимъ, именно: къ язычеству, выразившемуся въ религіозныхъ вѣрованіяхъ Китая, Индіи, Персіи, Египта, Греціи и Рима, къ новоіудейству и магометанству» и приходитъ къ заключенію, что «всѣ эти религіи ни по внутреннему содержанію, ни по внѣшнимъ признакамъ не имѣютъ характера божественности, что ихъ ученіе вообще недостойно Бога и не удовлетворяетъ всецѣло человѣка, что ихъ такъ называемыя чудеса

†) Отзывы объ «Основномъ Богословіи»: 1) «Вилен. Вѣст.» 1876. № 207. 2) Воронеж. епарх. вѣд.» 1876 № 14 стр. 590—597. (Перепеч. отзывъ учебн. ком. при св. Синодѣ. 3) «Пермск. еп. вѣд.» № 25 стр. 267—272.

и пророчества, которыхъ необходимо требуетъ человѣкъ для у ждения себя въ божественномъ происхожденіи извѣстной религ суть не что иное, какъ очевидныя басни и сказки, или искусс поддѣлка и хитрый обманъ». Въ третьемъ отдѣлѣ «разсматривае христіанство, какъ единая истинная, богооткровенная религія» доказательство чего авторъ «приводитъ всѣ признаки, какъ внутр ніе, такъ и внѣшніе какъ изъ ветхаго, такъ и изъ новаго завѣ вполнѣ убѣдительные для непредубѣжденнаго ума. Разныя раціо листическія теоріи, отрицающія сверхъестественный характеръ х стіанства, здѣсь отвергнуты; клеветы и нападенія противъ достов ности и сверхъестественности библейскихъ чудесъ и пророчес разоблачены со всею ихъ пустотою и неосновательностью, мним несогласія научныхъ показаній о природѣ съ библейскими в зрѣніями по возможности уничтожены». Наконецъ, въ четверто отдѣлѣ говорится «о сохраненіи откровенныхъ истинъ христіанст въ православной церкви», благодаря чему оно и должно быть пр нано единственною истинною религіею.

Въ общемъ комитетъ, разсмотрѣвъ еще руководство со сторо ясности изложенія, призналъ его достойнымъ полной преміи а Макарія въ 1000 р. Но Св. Синодъ, рѣшивъ, что «сочиненіе это внутреннимъ своимъ достоинствамъ и по внѣшнему объему и из женію признается, за неимѣніемъ нынѣ (1876) другаго лучшаго р ководства, заслуживающимъ допущенія къ употребленію въ д семинаріяхъ въ качествѣ учебника, съ тѣмъ, однако, чтобы авто предварительно напечатанія сдѣлалъ надлежащія указанія, на ист ники, которыми онъ пользовался, какъ напр. на «Введеніе въ п вос. богословіе» арх. Макарія», постановилъ выдать автору *половинн* премію арх. Макарія.

Августинъ (Михаилъ Степановичъ *Сахаровъ*), епископъ уфимс и оренбургскій †). Родился 18 октября 1768 г. въ селѣ Звѣрин ростовскаго уѣзда, ярославской губерніи, отъ родителей древня духовнаго происхожденія и на 11 году поступилъ въ ярославск семинарію, изъ которой, какъ одинъ изъ наиболѣе способныхъ у никовъ, былъ отправленъ въ 1788 г. въ петербургскую Александ

†) *Зиновьевъ*, въ „Москвит." 1844, № 8 (на основаніи свѣдѣній, доставленны братомъ Августина—надв. сов. Евграфомъ Сахаровымъ). 2) „Оренб. Губ. Вѣ 1847 г. № 42 (а не 24, какъ показано у Геннади). Перепечатка изъ „Москви 3) *Чистовичъ*, „Ист. пет. дух. акад.", 94 (невѣрно указана смерть подъ 1821 4) *П. Калинниковъ* „Преосв. Августинъ, быв. епископъ Уфимскій и Оренбургскі въ „Странникѣ" 1866 г. № 5 и 6 отдѣльно тогда же. 5) *Геннади*, Словарь. 6) *Ф ларетъ*, Обзоръ.

скую лавру, гдѣ учился вмѣстѣ съ Сперанскимъ. Въ 1792 г., окончаніи академическаго курса, Августинъ былъ назначенъ въ славскую семинарію и здѣсь одновременно преподавалъ піитику, скій и нѣмецкій языки и кромѣ того математику и географію. 1797 г. онъ былъ переведенъ въ Петербургъ въ Александроневю академію на каѳедру церковнаго краснорѣчія и греч. языка въ томъ-же году постригся въ монашество. Въ 1797 г. Августинъ посвященъ въ санъ архимандрита и посланъ обратно въ Ярольь настоятелемъ толгскаго монастыря и ректоромъ ярославской наріи. Въ 1800 г. онъ вдругъ, по неизвѣстной причинѣ, былъ мѣщенъ въ третьеклассный троицкій монастырь рязанск. епарно чрезъ 2 года его вытребовали въ Петербургъ на чреду богженія. Во время этой вторичной своей петербургской службы стинъ былъ законоучителемъ 2-го кадетскаго корпуса, настоягь 2 кл. Спасскаго Антоніева монастыря, а затѣмъ—Троицкоевской пустыни подъ Петербургомъ. Своими проповѣдями онъ илъ на себя вниманіе многихъ высокопоставленныхъ лицъ, даря чему въ 1816 г. былъ нареченъ епископомъ оренбургь и уфимскимъ. 12 лѣтъ управлялъ А. оренбургской епархіею это время, главнымъ образомъ, заботился объ умноженіи чицерквей. Благодаря связямъ и большой настойчивости, ему сь добыть средства на постройку 46-ти новыхъ храмовъ. Въ г. Августинъ былъ уволенъ отъ управленія оренбургской іи, хотя и по собственному прошенію, но едва-ли составляврезультатъ его собственныхъ желаній и поселился на родивъ ростовскомъ заштатномъ варницкомъ монастырѣ, гдѣ, нея на получаемое имъ весьма значительное содержаніе, жилъ жнически-скромно, посвящая все свое время разнообразнымъ ико-литературнымъ трудамъ. Онъ былъ непрочь замѣнить свое еніе пастырскою дѣятельностью въ какой-нибудь эпархіи, но, имому, новыя лица, ставшія тогда во главѣ церковной админаціи, относились къ нему неблагосклонно и онъ до самой смерэей, послѣдовавшей 1 января 1842 г., чрезъ 24 года послѣ ненія, оставался не у дѣлъ.

чатныя произведенія Августина немногочисленны:

„Евергетъ". Стихотвореніе. Спб. 1794. (въ каталогахъ не значится) и рядъ ѣдей: 1) „Слово въ день входа во храмъ Пр. Богородицы. Спб. 1804°. 4°. (Соп. 2) „Слово на погребеніе генерала-аншефа В. А. Зубова". Спб. 1804 г. п. 10638). 3) „Слово на освященіе новоустроенной *лѣтней* церкви при 2 какорп." Спб. 1804 4°. (Соп. 10640). 4) „Слово на освященіе новоустроенной церкви при 2 кад. корп." Спб. 1804. 4°. (Соп. 10641). 5) „Поучительныя въ С.-Петербургѣ при 2-мъ кадет. корп. и въ другихъ мѣстахъ съ 1797 по сказанныя" 2 ч. М. 1807. (Соп. 10359).

Но послѣ него осталось огромное количество рукописныхъ тр довъ, не считая четырехъ объемистыхъ томовъ переписки его с разными высокопоставленными лицами, какъ напр. съ министрол дух. дѣлъ кн. Голицынымъ, Сперанскимъ, Клейнмихелемъ и д Вотъ списокъ этихъ рукописныхъ произведеній, составленный бі графомъ Августина, проф. ярославской семинаріи Н. Калинник вымъ, ознакомившимся и съ содержаніемъ ихъ.

1) „*Разсужденіе о владычествѣ человѣческаго разума надъ страстями*" переве дено въ 1798 г. съ греческаго изъ сочиненій Іосифа Флавія. 2) „*Поучительнi слова*", кромѣ вышеприведенныхъ печатныхъ есть ихъ двѣ части въ рукопис 3) „*Торжественная пѣснь на 21 день іюня 1808 г., въ который Высочайше утве жденъ Его Имп. Величествомъ докладъ комитета объ усовершеніи духовн. училищъ* 4) Шесть частей „*Примѣровъ для руководства къ изящной словесности*". 5) „*При мѣры церковнаго краснорѣчія для руководства въ проповѣди слова Божія, извлече ныя изъ разныхъ отцевъ церкви*". 6) „*Примѣры латинской изящной словесност разнаго содержанія*", состоящіе изъ 38 отдѣленій, 2 большихъ тома. 7) „*Начерті ніе церковной исторіи отъ созданія міра до настоящихъ временъ* , 4 тома. 8) „*За писки по церковной исторіи, извлеченныя изъ разныхъ христіанскихъ писателей*" въ 12 частяхъ. 9) *Примѣры епархіальнаго дѣлопроизводства*", въ 2 частях 10) „*Похвальное слово Петру Великому*". 11) „*Всемірная топографія*", въ 5 ч 12) „*Алфавитный сводъ или памятникъ изъ духовныхъ законовъ*", 6 частей. 13) „*Свод духовныхъ законовъ съ 1714 по 1820 годъ*". 14) *Полный систематическій сводъ духов ныхъ законовъ православной церкви*", 15 томовъ. 15 „*Хронологическій реэстръ и 59 томовъ полнаго собранія законовъ россійской имперіи*". 16) „*Библейскій Словарь* заключающій въ себѣ алфавитный подборъ текстовъ и разныя другія историк богословскія указанія. 17) „*73 бесѣды на дѣянія апостольскія*". 18) „*Боголюбивь бесѣды на Моисеево Пятикнижіе*", въ 5 ч., переводъ съ греч. 19) Перев. изъ Ев генія Вульгара „*Нѣсколько боголюбивыхъ бесѣдъ*". 20) „*Разсужденіе о причинах всемірнаго потопа*". Переводъ изъ Калмета. 21) „*Изображеніе нравственнаго состоя нія человѣковъ, обитающихъ на земномъ шарѣ*". Перев. съ нѣмецкаго. 22) „*Запи ски къ изображенію совершеннаго согласія восточной греко-россійской церкви съ во сточною греческою*". 23) „*Разсужденіе объ истинѣ всѣхъ книгъ Св. Писанія Ветхаг и Новаго Завѣта*". 24) „*Записки по церковному краснорѣчію*".

Перечисленныя сочиненія, не свидѣтельствуя о даровитости Ав густина, являются, главнымъ образомъ, памятникомъ необычайна трудолюбія его и довольно значительной богословской образованно сти. Сколько-нибудь серьезное значеніе имѣютъ только сдѣланны имъ своды духовныхъ узаконеній, повидимому, принимавшіеся в вниманіе при законодательныхъ работахъ царствованія Николая хотя достойными печати, о чемъ хлопоталъ авторъ, Синодъ ихъ н призналъ, также какъ не призналъ онъ нужнымъ печатаніе другихъ сочиненій Августина, неоднократно имъ присылавшихся въ Синод для разсмотрѣнія.

Авдій Востоковъ, («Объ отношеніяхъ римской церкви». Спб. 1857 г —псевдонимъ архіепископа могилевскаго Анатолія.

Авдѣева, *Екатерина Алексѣевна*, урожденная Полевая, сестра Николая и Ксенофонта Полевыхъ. Объ ней подробнѣе при характеристикѣ всего семейства Полевыхъ.

Авдѣевъ, *Михаилъ Васильевичъ*, одинъ изъ dii minores великой плеяды сороковыхъ годовъ. Родился 22 Сентября 1821 г. въ Оренбургѣ. Отецъ его происходилъ изъ стариннаго, состоятельнаго и привыкшаго занимать видныя мѣста въ яицкомъ войскѣ казацкаго рода. Недовольный новыми порядками, стѣснившими старыя казацкія вольности, онъ со всѣмъ своимъ родомъ вышелъ изъ войска и поступилъ на гражданскую службу. Молодому Авдѣеву очень посчастливилось при полученіи начальнаго образованія. Однимъ изъ первыхъ его учителей былъ загнанный судьбою въ Оренбургъ извѣстный польскій писатель *Ѳома Занъ*, другъ Мицкевича и основатель знаменитаго виленскаго патріотическаго общества «Филаретовъ», устроеннаго по образцу нѣмецкаго Tugendbund'а. Занъ первый далъ толчекъ *гуманному* направленію Авдѣева, т. е. той струѣ въ его произведеніяхъ, которая составляётъ въ нихъ самую выдающуюся черту. Съ переѣздомъ отца Авдѣева въ Уфу, М. В. одно время учился въ тамошней гимназіи, но затѣмъ упросилъ родителей своихъ отпустить его въ Петербургъ и здѣсь поступилъ въ институтъ корпуса инженеровъ путей сообщенія—тогда еще закрытое учебное заведеніе и по объему проходимыхъ въ немъ наукъ не имѣвшее нынѣшній свой университетскій характеръ. Въ 1842 г. Авдѣевъ кончилъ институтъ поручикомъ, а въ 1852 г. въ чинѣ капитана вышелъ въ отставку. Во время крымской войны онъ былъ выбранъ начальникомъ дружины оренбургскаго ополченія, а въ 60-хъ годахъ былъ членомъ крестьянскаго по дѣламъ присутствія.

Послѣ выхода въ оставку Авдѣевъ поселился въ доставшейся ему отъ отца деревнѣ, необыкновенно живописно расположенной въ одной изъ гористыхъ мѣстностей стерлитамакскаго уѣзда, по которой проходитъ южный Уралъ. Прелести грандіозной природы оренбургскаго края вообще и его деревни въ частности были на столько полны привлекательности для Авдѣева, что онъ большую часть года безвыѣздно проводилъ въ стерлитамакскомъ уѣздѣ и лишь съ неудовольствіемъ пріѣзжалъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургъ или другіе города. Это постоянное пребываніе въ одной изъ довольно отдаленныхъ окраинъ Россіи не прошло для Авдѣева даромъ. Если многіе изъ его героевъ вышли дѣланными и отзываются предвзятымъ рецептомъ, то потому, что съ жизнью русскаго общества онъ знакомился по преимуществу изъ книгъ. Именно теоретическая инспирація и отсутствіе живыхъ наблюденій и имѣли результатомъ

тѣ справедливые упреки въ неестественности и пересаливаніи, торые дѣлались по адресу Авдѣева даже самыми благосклонными нему критиками.

Въ 1862 г. Авдѣевъ былъ сосланъ въ Пензу. Но черезъ г ему было дозволено уѣхать за границу, гдѣ онъ и прожилъ нѣско ко лѣтъ. Во время пребыванія заграницею Авдѣевъ близко соше и около года даже вмѣстѣ жилъ съ Тургеневымъ, къ которому давно уже питалъ самое глубокое уваженіе и которому подраж въ манерѣ писанія, мягкой и меланхоличной.

Литературную свою карьеру Авдѣевъ началъ еще будучи институтѣ. Имѣя 17 лѣтъ отъ роду, онъ 1838 г. написалъ св первую повѣсть, которая была напечатана въ «Литературныхъ п бавленіяхъ къ Русскому Инвалиду». Для дебютанта повѣсть дурна, но сколько нибудь серьезнаго значенія она не имѣетъ Авдѣевъ былъ правъ, не включая ее въ собраніе своихъ сочи ній. Серьезная-же литературная дѣятельность его начинается годами позже. Кончивши курсъ, Авдѣевъ опредѣлился на службу Нижный Новгородъ и здѣсь онъ въ концѣ сороковыхъ годовъ на салъ свою первую большую повѣсть 2) «*Варинька*», которая вмѣс съ 3) «*Записками Тамарина*» и 4) «*Ивановымъ*» составили трилог изданную имъ отдѣльно въ 1852 г. подъ общимъ названіемъ «*Та ринъ*». Всѣ три повѣсти были напечатаны въ «Современникѣ» 1849, 50 и 51 года (Т. XVII, IXX, XXV). Онѣ создали Авдѣе прочную литературную извѣстность и поставили его на ряду лучшими изъ молодыхъ писателей того времени.

Всѣ характерныя черты таланта Авдѣева ясно обозначились этомъ первомъ и несомнѣнно лучшемъ изъ его произведеній.

Талантъ Авдѣева былъ въ значительной степени подражательн Онъ не былъ однимъ изъ тѣхъ избранниковъ, которые открыва новые пути и собственной инициативой расширяютъ общественн горизонтъ. Но за то разработать сюжеты, намѣченные болѣе даровитыми писателями, развить типъ, не во всѣхъ деталяхъ р работанный у того или другого изъ корифеевъ русской литерату Авдѣевъ могъ очень хорошо. Онъ самъ, собственно, не отрица того, что подражаетъ великимъ образцамъ и только иначе объясня этотъ фактъ. Въ повѣсти его „Горы“ мы находимъ слѣдуюп характерное мѣсто: повѣсть начинается съ того, что авторъ сиди за письменнымъ столомъ и пишетъ. Къ нему входитъ знакомь «—Здраствуйте», сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку «что вы д лаете?» «—Подражаю», отвѣчалъ я, поворачиваясь къ нему съ кр сломъ». «—Кому?» «—Да еще не знаю».—«Объясните пожалуйста».

«Вотъ видите-ли», сказалъ я: «—когда я предалъ тисненію свою первую повѣсть, нашли, что я подражаю Лермонтову; послѣ второй рѣшили, что я подражаю Гоголю; теперь, можетъ быть, найдутъ, что я подражаю Бальзаку или Диккенсу. На свѣтѣ столько было писано, что вовсе не хитро найти сходство. Какъ же мнѣ знать, кому я подражаю».

Но такъ или иначе—Авдѣевъ несомнѣнно подражалъ, если не всегда непосредственнымъ заимствованіемъ, то тѣмъ что у него *импульсы были книжные*. Въ предисловіи напр. къ «Тамарину» онъ прямо заявлялъ: «Авторъ разбора сочиненій Пушкина въ «Отеч. Зап.» (т. е. Бѣлинскій, имя котораго въ 1852 г. не могло быть называемо въ печати) замѣтилъ, что Онѣгинъ и Печоринъ составляютъ одинъ типъ и что характеръ Печорина есть тотъ-же характеръ Онѣгина, измѣнившійся при послѣдовательномъ развитіи. Это мнѣніе, по моему весьма справедливое, дало мнѣ мысль прослѣдить дальнѣйшее развитіе типа «героевъ нашего времени», имѣвшаго еще и въ нашемъ поколѣніи своихъ представителей».

Такою разновидностью Печорина и является Тамаринъ. Какъ извѣстно, печоринство съ заразительною быстротою распространилось по селамъ и весямъ нашего отечества. Слабохарактернымъ людямъ, а изъ такихъ состоитъ огромное большинство нашего общества, всегда нравятся люди сильные волею, хотя-бы эта воля была и злая. Вотъ почему обаяніе Печорина было такъ огромно и вотъ почему сразу проявилось столько печоринствующихъ россіянъ, которые, какъ всякое подражаніе, довольно слабо напоминали лермонтовскій прототипъ. Въ своей трилогіи Авдѣевъ задался цѣлью изобразить такого провинціальнаго Печорина. Самъ Печоринъ долженъ былъ дѣйствительно быть очень недюжиннымъ человѣкомъ, чтобы сдѣлать популярнымъ свой типъ. Тамарину-же былъ прочищенъ путь и оставалось только держать себя съ тактомъ и не ронять своего достоинства какими-нибудь очень уже скверными вещами. Общество было такъ настроено, что стоило только Тамарину отпускать язвительныя замѣчанія, хорошо одѣваться и обладать интересною блѣдностью, чтобы пріобрѣсть названіе демона. Настоящій демонизмъ, по крайней мѣрѣ, ищетъ сильныхъ ощущеній, ѣдетъ на Кавказъ и погибаетъ въ цвѣтѣ лѣтъ. Тамаринъ-же пожираетъ сердца и больше ничего. Заслуга Авдѣева заключается въ томъ, что онъ выставилъ внутреннюю мелочь господъ Тамариныхъ, показалъ всю непривлекательность ничтожнаго по существу самолюбія ихъ, ихъ эгоизмъ и пошловатое самодовольствіе, а главное показалъ, чѣмъ кончаютъ разные губернскіе демоны, если ихъ не убьетъ какая-нибудь романтическая черкесская пуля и имъ прихо-

дится встрѣчаться съ новымъ потокомъ жизни. Авторъ заставляетъ начинающаго старѣться Тамарина подвести итогъ своей жизни и въ результатѣ оказывается почти круглый нуль. Хорошо прожитая молодость даетъ нравственный фондъ для пожилыхъ лѣтъ, а Тамарину осталось одно сознаніе безполезно потраченныхъ силъ. Горько, скверно становится на душѣ Тамарина, когда онъ видитъ, что его обгоняютъ, что уже только очень молоденькія дѣвушки находятъ его интереснымъ. Самолюбіе его страшно страдаетъ, онъ сознаетъ всю свою несостоятельность, но онъ слишкомъ долго стоялъ во главѣ, чтобы добровольно уйти на второй планъ. Лаврецкій тоже съ грустью сознаетъ, что онъ устарѣлъ, но это ему не мѣшаетъ желать всего лучшаго новымъ силамъ. Не такъ поступаетъ Тамаринъ.

«Если вамъ случится встрѣтить въ обществѣ человѣка никогда добродушно ничему неулыбающагося,—человѣка, который всякій успѣхъ, всякое полезное дѣло принимаетъ холодно, который во всемъ старается подмѣтить одну слабую сторону и безпощадно и мѣтко смѣется надъ нею,—человѣка, отъ котораго не укроется ничего смѣшнаго и который съ наслажденіемъ показываетъ его всѣмъ, злаго языка котораго боятся всѣ не твердо увѣренные въ себѣ,—всмотритесь въ него: это пережившій свое время Тамаринъ. Это Тамаринъ, котораго мучитъ всякій дѣльный успѣхъ, потому что онъ напоминаетъ ему его ничтожество. Это отжившій Тамаринъ, котораго нечего бояться, но о которомъ стоитъ сожалѣть».

Какъ противоположность Тамарину, Авдѣевъ въ послѣдней части своей трилогіи вывелъ типъ чиновника Иванова, заслуживающій вниманія какъ одна изъ первыхъ въ нашей литературѣ попытокъ представить человѣка съ общественными стремленіями. Ивановъ, какъ сказано,—чиновникъ, но на службу онъ смотритъ всего менѣе какъ на средство составить себѣ карьеру. Онъ отнюдь не принадлежитъ къ типу такъ называемыхъ «добродѣтельныхъ чиновниковъ», появившихся во второй половинѣ 50-хъ годовъ съ легкой руки Соллогубовскаго Надимова и надуто-чванно кричавшихъ о своей высокой честности. Нѣтъ, Ивановъ именно простотою и отсутствіемъ рисовки вытѣсняетъ Тамарина изъ сердца Вариньки—героини трилогіи. Но онъ, все таки, думаетъ, что и чиновникъ можетъ послужить правдѣ и справедливости, и съ жаромъ и большимъ рискомъ для себя отдается этому служенію. Авторъ не говоритъ, чѣмъ закончилась попытка Иванова, да и вообще онъ только въ общихъ чертахъ задѣваетъ общественныя стремленія своего героя. Но и въ этихъ размѣрахъ желаніе Авдѣева представить человѣка, неудовлетворяющагося личною жизнью, свидѣтельствовало, что въ молодомъ писателѣ, наряду съ подражательностью и книжностью вдохновенія, жило и тонкое умѣніе улавливать моменты текущаго общественнаго настроенія при самомъ ихъ зарожденіи. Извѣстно, что могучее воз-

буждение, охватившее русское общество послѣ крымской войны, не было явленіемъ внезапнымъ. Зародыши его были въ идейномъ движеніи кружковъ такъ называемыхъ «людей сороковыхъ годовъ», кружковъ, правда, не многочисленныхъ, но за то вмѣстившихъ въ себѣ все, что было лучшаго въ русскомъ обществѣ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Ивановъ—одинъ изъ представителей этой тогда еще совершенно незамѣтной въ общемъ теченіи жизни новой группы, представитель не первостепенный, такъ сказать, провинціальный делегатъ ея, но тѣмъ болѣе значитъ чести усмотрѣть его.

Такое-же соединеніе подражательности и умѣнія улавливать «моментъ» представляетъ собою второе крупное произведеніе Авдѣева —надѣлавшій въ свое время столько шума «*Подводный камень*». Строго говоря, «Подводный Камень» по основной идеѣ своей и по группировкѣ дѣйствующихъ лицъ представляетъ собою почти буквальное повтореніе не только прототипа всѣхъ, если можно такъ выразиться, «бракоразводныхъ» романовъ—Жоржъ-Зандовскаго «Жака», но даже русскаго его воспроизведенія — Дружининской «Полиньки Саксъ». Тотъ-же глубоко-благородный мужъ подъ сорокъ, та-же молодая жена, сначала плѣняющаяся въ своемъ мужѣ его серьезностью, а потомъ, при встрѣчѣ съ молодымъ человѣкомъ, вдругъ чувствующая, что одною серьезностью молодая кровь удовлетвориться не можетъ; наконецъ, то-же рѣшеніе мужа, не считающаго себя въ правѣ заѣдать чужой вѣкъ, пожертвовать собою и недолгая борьба въ женѣ, продолжающей глубоко уважать своего мужа, не желающей его огорчать, но безсильной противостоять безконечно-сладостному искушенію.—Словомъ не только общая идея романа буквально одна и та-же, что у Жоржъ-Зандъ и русскаго подражателя ея—Дружинина, но даже распланировка его и основныя детали. Одна только деталь принадлежала лично Авдѣеву, но именно она-то и создала «Подводному Камню» успѣхъ. У Жоржъ-Зандъ, у Дружинина и вообще во всѣхъ многочисленныхъ романахъ, имѣвшихъ предметомъ супружескую «измѣну», эта измѣна совершалась въ глубокой тайнѣ. У Авдѣева-же мужъ, еще въ то время когда жена беззавѣтно его любитъ, уславливается съ нею, что если она когда-либо полюбитъ другого, то не скроетъ этого отъ него. Такъ героиня романа—Наташа Соковлина—и поступаетъ. Полюбивъ другого героя романа—Комлева и отдавшись ему, она прямо заявляетъ мужу о случившемся и тотчасъ-же уѣзжаетъ съ Комлевымъ.

«Подводный камень» былъ напечатанъ въ «Современникѣ» 1860 г. (№ 10 и 11). Моментъ былъ необыкновенно удаченъ для романа съ подобною тенденціею. Наступали шестидесятые годы, когда

общество съ лихорадочною стремительностью бросилось уничтожать всѣ прежніе принципы соціальныхъ отношеній. Понятно, что такое стремленіе раздѣлаться съ прошедшимъ и создать новый порядокъ вещей не могло не коснуться такого животрепещущаго вопроса, какъ отношеніе супруговъ другъ къ другу, ихъ взаимныхъ правъ и обязанностей. Въ обществѣ наростало настроеніе, которое привело къ теоріи такъ называемаго «гражданскаго брака». «Подводный камень» явился выразителемъ этого нарождающагося настроенія и вотъ почему такъ огроменъ былъ успѣхъ его. Имя Авдѣева вдругъ стало необыкновенно популярнымъ и съ тѣхъ поръ читающая публика знаетъ его по преимуществу какъ автора «Подводнаго камня».

Но этотъ-же успѣхъ послужилъ причиною того, что въ дальнѣйшей дѣятельности Авдѣеву уже очень мало приходилось возбуждать сочувствіе публики. Дѣло въ томъ, что одобреніе, встрѣченное основною идеею «Подводнаго камня», побудило Авдѣева почти исключительно посвятить свое творчество защитѣ свободы чувства. Съ тѣхъ поръ ни одна изъ его вещей не обходилась безъ того, чтобы онъ не затронулъ любимой темы. Но пересолъ всегда мѣшаетъ и односторонность есть скала, о которую разбивается всякій серьезный успѣхъ. Со свойственною ему книжностью вдохновенія, Авдѣевъ началъ защищать свободу чувства quand-même и это вызвало протестъ въ той самой части публики, которая еще такъ недавно восторженно ему аплодировала. Увлеченіе, съ которымъ женщина долго борется и которому уступаетъ уже только тогда, когда природа беретъ верхъ надъ размышленіемъ,—съ этимъ нравственное чувство значительной части общества 60-хъ гг. мирилось, тѣмъ болѣе, что тутъ изъ двухъ золъ—измѣны, сопровождаемой обманомъ, и измѣны, къ обману не прибѣгающей, послѣднее было несомнѣнно зломъ меньшимъ. Но извинять разныя прихоти какой нибудь Ольги Мытищевой изъ третьяго большаго романа Авдѣева: 6) «*Между двухъ огней*» («Соврем. обозр.» 1868 г. № 1—3), которая мужа мѣняетъ на симпатичнаго земца Камышлинцева, а Камышлинцева немедленно мѣняетъ на только-что пріѣхавшаго изъ Петербурга флигель-адъютанта фонъ-Гогенфельда—этимъ одностороннимъ развитіемъ своей идеи Авдѣевъ только повредилъ ей и себѣ. Та-же часть общества, которая сочувственно отнеслась къ героинѣ «Подводнаго камня», презрительно обошлась съ Ольгой Мытищевой. А когда въ дальнѣйшихъ своихъ повѣстяхъ: 7) «*Магдалина*» («Дѣло» 1869 № 1), 8) «*Сухая любовь*» («Дѣло» 1870 № 10), 9) «*Пестренькая жизнь*» (Отеч. Зап.» 1870 № 1) Авдѣевъ опять съ авторскимъ сочувствіемъ вывелъ

типы женщинъ въ родѣ Мытищевой, онъ отъ одной части критики своего-же лагеря получилъ насмѣшливый эпитетъ «спеціалиста по бракоразводнымъ дѣламъ», а другая часть, въ лицѣ той самой г-жи Цебриковой, которая считается крайней защитницей женской эмансипаціи, бросила ему даже въ лице обвиненіе въ безнравственности («Вѣст. Евр.» 1881. № 6).

Мы выше назвали «Между двухъ огней». Любовными исторіями Ольги Мытищевой не ограничивается содержаніе этого романа. Цѣли его гораздо шире. Авторъ задавался цѣлью написать соціальный романъ, въ которомъ было-бы охвачено новое теченіе русской жизни. Какъ Тургеневъ въ «Отцахъ и дѣтяхъ», такъ и Авдѣевъ въ «Между двухъ огняхъ» хотѣлъ представить новаго человѣка, выступившаго въ 60-хъ годахъ на арену общественной жизни. Относился онъ къ новому человѣку съ полною симпатіею и въ лицѣ своего героя Камышлинцева хотѣлъ создать положительный типъ. Извѣстно, однако-же, что положительные типы вообще составляютъ слабую сторону русской литературы и Тургеневъ, когда захотѣлъ представить въ «Наканунѣ» «ироя», выписалъ его даже изъ-за границы—изъ Болгаріи. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что и Авдѣеву не удался его Камышлинцевъ, при чемъ произошло еще вотъ что: Авдѣевъ во чтобы-то ни стало хотѣлъ внушить читателю симпатію къ Камышлинцеву, но такъ какъ всякое положительное лице создается каждымъ авторомъ соотвѣтственно тому, что этому данному автору кажется хорошимъ, то и Камышлинцевъ, выйдя изъ творческихъ рукъ писателя сороковыхъ годовъ, да еще такого, который всегда страдалъ книжностью вдохновенія, по основнымъ качествамъ оказался хорошимъ человѣкомъ не 60-хъ, а именно 40-хъ годовъ и въ результатѣ получилось, что Авдѣевъ никому не угодилъ. «Лѣвая» сторона журналистики нашла, что Камышлинцевъ герой голубинаго полета, а «правая» была недовольна тѣмъ, что авторъ симпатизируетъ человѣку «нигилистическаго» направленія, а обѣ вмѣстѣ доказывали, и совершенно справедливо, что въ Камышлинцевѣ очень мало жизненной правды.

Но всего больнѣе было Авдѣеву, живо помнившему страшный шумъ, возбужденный «Подводнымъ камнемъ», то, что новый романъ его, въ общемъ, прошелъ почти совершенно незамѣченнымъ. Съ тѣхъ поръ онъ въ разговорахъ съ друзьями сталъ себя звать отставнымъ писателемъ. Вышеотмѣченный пріемъ, оказанный появившимся послѣ «Между двухъ огней» «бракоразводнымъ» повѣстямъ Авдѣева, не могъ его убѣдить въ противоположномъ и послѣдніе годы жизни онъ проводилъ въ грустномъ сознаніи того, что пере-

жилъ себя. Раза два онъ даже получалъ отказы отъ редакцій помѣщеніи нѣкоторыхъ изъ его произведеній.

Въ 1874 г. Авдѣевъ выпустилъ книжку 10) *«Русское обществ герояхъ и героиняхъ литературы»*. Это рядъ критическихъ очерк о наиболѣе замѣчательныхъ литературныхъ типахъ, начинающи съ Евгенія Онѣгина и заканчивающихся Рязановымъ изъ повѣ Слѣпцова—«Трудное время». Нѣкоторые изъ этихъ очерковъ бы напечатаны въ «Недѣлѣ». Имъ нельзя отказать въ извѣстно умѣніи группировать наиболѣе характеристическія черты, но общемъ Авдѣевъ является малоудовлетворительнымъ критикомъ. Гл ный недостатокъ его критическихъ очерковъ — любовь къ общи мѣстамъ.

Въ 1875 г. Авдѣевъ помѣстилъ въ «Отеч. Зап.» (№ 2) небо шую вещицу полуюмористическаго характера—11) *«Переписка дв барышень»*, въ которой изображается «положительность» новѣйши барышенъ «хорошаго» общества. Благодаря живости изложенія, щица, сравнительно съ другими повѣстями завершительнаго ріода дѣятельности Авдѣева, имѣла успѣхъ. Послѣднее, что поя лось при жизни его—это начало повѣсти 12) *«Въ сороковыхъ годах* помѣщенное въ изданномъ въ пользу герцеговинцевъ сборникѣ «Бр ская Помощь». Весь же романъ появился уже послѣ смерти Ав ева въ «Вѣстн. Европы» 1876 (№ 9—12). Какъ художествен произведеніе «Въ сороковыхъ годахъ»—вещь очень слабая. Фаб крайне мелодраматична и неестественна, событія совершаются щучьему велѣнію, психологическаго развитія характеровъ—ни кого. Нѣкоторый интересъ роману придаетъ эпизодически введ ный подъ прозрачными псевдонимами кружокъ Бѣлинскаго, членовъ котораго сколько-нибудь подробно Авдѣевъ, впрочемъ, ос новился только на Герценѣ.

Для полноты библіографическаго перечня прибавимъ въ зак ченіе, что, кромѣ перечисленнаго, Авдѣевъ въ промежуткахъ ме большими романами своими напечаталъ изящно и занимательно писанныя повѣсти: 13) *«Ясные дни»* («Совр.» 1850, т. 23). 14) *« ры»* («От. Зап.» 1851, т. 79). 15) *«Нынѣшняя любовь»* («Совре 1852 т. 33). 16) *«Огненный змѣй»* («От. Зап.» 1853 т. 86). 17) *« ревенскій визитъ»* («С.-П. Вѣд. 1852). 18) *«Порядочный человѣ* («От. Зап.» 1855 № 3). 19) *«Приличная партія»* («Библ. для ч 1856 № 11). 20) *«На дорогѣ»* («Б. д. Чт.» 1857 т. 192); рядъ бопытныхъ путевыхъ писемъ: 21) *«Поѣздка на кумысъ»* («От. За 1852 т. 84 и 85); 22) нѣсколько «Писемъ изъ Петербурга» и «І деревни», въ «Кавказѣ» 1855—1856 г. 23) *«Дорожныя замѣтк*

(«Биб. д. Чт.» 1857, т. 144). 24) «*Изъ-за границы*» («Биб. д. Чт.» 1857 г. т. 144—146; 1858 т. 147, 149). 25) Рядъ фельетоновъ въ «Соврем.» 1852—1853 г. подъ псевдонимомъ «Пустаго человѣка». 26) Корреспонденціи изъ Оренбургскаго края въ Аксаковскомъ «Днѣ» 1861—62 гг. 27) «Письма въ провинцію» («Вѣстн. Евр.» 1870 № 1, безъ подписи). 27) Нѣсколько фельетоновъ критическаго и общественнаго характера, въ «Бирж. Вѣд.» 1873. 28) драму: «*Мѣщанская семья*» («Дѣло» 1869, № 2), написанную въ малоподходящемъ къ таланту Авдѣева «обличительномъ» родѣ. 29) Драма «*Шестое средство*» осталась ненапечатанной.

«Полное собраніе» сочиненій Авдѣева было издано въ Петербургѣ Стелловскимъ въ двухъ большихъ томахъ въ 1868—70 гг. Кромѣ того отдѣльно напечатаны: «*Тамаринъ*». Спб. 1852. *Романы и повѣсти*» 2 т. Спб. 1853. «*Подводный камень*» 2 ч. Спб. 1863. «*Между двухъ огней*» 3 ч. Спб. 1868 «*Мѣщанская семья*» Спб. 1869. «*Три повѣсти*» («Магдалина», «Пестренькая жизнь» и «Сухая любовь»). Спб. 1871 и вышеупомянутая уже книга «*Общество 1820—1870 г. въ герояхъ и героиняхъ литературы*» Спб. 1874.

Авдѣевъ умеръ 1 февраля 1876 г. въ Петербургѣ. Похороны его были очень скромны †).

---

†) Критико-біографическія статьи объ Авдѣевѣ: 1) «Энц. Слов., Изд. рус. уч. и лит. статья *М. Л. Михайлова*. 2) *Толь*, Наст. слов. 3) *Березинъ*, «Русск. энц. Сл.» 4) *Клюшниковъ*, «Всен. Энц. Сл.» 5) «Вѣстн. Евр.» 1876 № 3, стр. 383 и № 9 прим. къ «Сороковымъ годамъ». 6) «Газ. Гатцука» 1876. № 18. 7) «Голосъ» 1876 № 33, 39 (*Гаммы*) 12 и 57 (фельетонъ L. (Лароша), 8) *П. Быковъ* въ «Жив. Обозр.» 1876 № 19 и 20 съ портрет. 9) «Илл. Нед.» 1876, № 8 съ портр. 10) (*С. А. Венгеровъ* «Михаилъ Васильевичъ Авдѣевъ». Литературн. портретъ, «Недѣля» 1876. № 2—5. 11) «Пет. Лист.» 1876. № 24 и 25. 12) «Пчела» 1876. № 17. 13) *П. Боборыкинъ*, По поводу смерти М. В. Авдѣева. «Спб. Вѣд.» 1876 № 39. 14) «Бирж. Вѣд.» 1876 г. № 34 (письма А. къ Э. К. Ватсону). 15) *П. Быковъ* въ «Огонькѣ» 1879 № 1.

Критическія статьи и отзывы о произведеніяхъ Авдѣева. О. «*Тамаринѣ*»: 1) «Биб. д. Чт.» 1852 т. 116, отд. 6, стр. 1—9. 2) «От. Зап.» 1852 № 3 т. 81, отд. 6, стр. 16—25. 3) «Соврем.» 1852, т. 32, отд. IV, стр. 52—54. 4) «Спб. Вѣд.» 1852, № 51. О «*Романахъ и Повѣстяхъ*»: 5) «Соврем.» 1854. т. 43, отд. IV стр. 39—53 (Чернышевскаго?) и 53—70. 6) «От. Зап.» 1855, т. 98, отд. 4, стр. 24—27. О «*Подводномъ камнѣ*»: 7) «Сѣв. Пч.» 1861, № 18. 8) «Б. д. Чт.» 1861, № 2. 9) «Время» 1861 № 1, стр. 34—45. 10) «Р. Инв.» 1861 № 21 и 22. 11) *Гымалэ*, въ «Спб. Вѣд. 1861, № 8. 12) *А. П-нъ* въ «Р. Мірѣ» 1861 № 1. 13) *Ев. Туръ* въ «Рус. Рѣчи» 1861, № 6. 14) *Де-Пуле*, тамъ-же, № 28 и 29. 15) «Свѣточъ» 1861 № 3, стр. 21—40. О «*Между двухъ огней*». 16) *А. Скабическаго* под. загл. «Герои голубинаго полета» въ «Недѣлѣ» 1868, № 18 и 19. 17) *М. М-нъ*, въ «Иллюс. Газ.» 1868 № 19 и 21. 18) *Н. Стрилова*, въ «Зарѣ» 1869, № 4, стр. 104—119. 19) *Н. Ахшарумова*, въ «Всем. Тр.» 1869, № 1, стр. 33—46. 20) «От. Зап.» 1869, № 1, стр. 94—
П. Буренинъ) въ «С.-П. Вѣд.» 1869 № 37 и 70. 22) Ib. № 92, 23) *А. Н-нъ* въ «Рус.

Авель, архимандритъ. Написалъ книги: 1) *«Краткая духовная лѣстница, возводящая христіанина къ любви Божіей»*. М. 1848. Ц. 1 руб. и 2) *Общежительная Саровская пустынь и достопамятная икона въ ней подвизавшаяся»*. М. 1855 Ц. 2 р.

Авель, монахъ-предсказатель. †) Р. въ 1757 въ деревнѣ Акуловѣ Алексинскаго уѣзда Московской губ., отъ крестьянскихъ родителей. По разсказу *А. П. Ермолова и Л. Н. Энгельгардта* Авель съ необыкновенною точностью предсказалъ день и часъ смерти Екатерины и Павла, предсказалъ также нашествіе французовъ и сожженіе Москвы. За всѣ эти предсказанія его каждый разъ сажали въ Петропавловскую крѣпость. Редакціи «Рус. Старины» удалось раздобыть и напечатать 1) интересные документы изъ Московской консисторіи, показывающіе, что отдохнувшій было подъ конецъ жизни отъ 21 лѣтняго сидѣнія по тюрьмамъ предсказатель въ первые годы царствованія Николая Павловича сталъ опять «безпокойно» себя вести и по приказанію Государя былъ заточенъ въ Спасо-Евфиміевскій монастырь, гдѣ умеръ въ 1841. Кромѣ того редакція получила въ свое распоряженіе 2) 13 писемъ предсказателя къ графинѣ Прасковьѣ Андреевнѣ *Потемкиной* и 3 тетради, заключающія въ себѣ: a) *«Житіе и страданіе отца и монаха Авеля»*, b) *«Жизнь и житіе отца нашего Дадамія»*, c) *«Сказаніе о существѣ, что есть существо Божіе и Божество»*. d) *«Бытія книга первая»* и e) *Церковныя потребы монаха Авеля»*. Изъ названныхъ рукописей послѣднія 3 безусловно сочинены Авелемъ. Это рядъ мистическихъ толкованій св. Писанія, какая-то смѣсь библейскихъ сказаній и апокрифическихъ легендъ, въ общемъ чрезвычайно напоминающая «отреченныя книги»,

---

Инв.» 1868 № 9. 24) «Голосъ» 1868 № 47. 25) «Дѣло» 1869 г., № 4, стр. 1—28, статья «Кто лучше?». По поводу *«Собранія Сочиненій»*: 26) *Н. В. Шелгунова*, въ «Дѣлѣ 1871 № 4, стр. 1—45. О *«Трехъ повѣстяхъ»*: 27) «С.-П. Вѣд.» 1870 г., № 303. 28) Ib. 1871. № 90. 29) «Вопросы дня», 1871, № 1 стр. 103—123. 30) «Од. Вѣстн. » 1870 № 18. 31) *М. К. Цебриковой* въ «Вѣстн. Евр.» 1871 № 6, стр 605—647. О *«Нашемъ обществѣ въ герояхъ и героиняхъ литературы»*: 32) «Голосъ» 1874 № 85. 33) *Ч. П.* въ «Бирж. Вѣд.» 1874, № 66). 34) *Н. Радюкина* (Н. Шелгунова) въ «Дѣлѣ» 1874 № 3. стр. 28—45. 35) *Н. М.* (Н. Михайловскій) въ «Отеч. Зап.» 1874 № 3, стр. 186—222 и № 4 379—401.36) «С.-П. Вѣд.» 1874 № 65.

Отдѣльныя замѣчанія объ Авдѣевѣ у *Дружинина*, т. *VI* и *Аполлона Григорьева*, т. I.

Въ 1874 изд. въ Іенѣ нѣм. пер. «Тамарина» подъ названіемъ «Tamarin und Iwanow. Aus dem Russ. von J. Polwin»·

†) «1) Чтенія въ общ. ист. и древ.» 1863. кн. IV. Смѣсь стр. 217—222. 2) *Л. Н. Энгельгардтъ*, Записки. М. 1868. стр. 217—218. 3) «Рус. Стар.» 1875 № 2 стр. 417—435. Здѣсь напечатаны выдержки изъ писемъ Авеля, изъ «Житія» его и «зѣло престрашныхъ книжекъ», а также нѣкоторые мистическіе рисунки изъ нихъ. 4) *Розановъ* въ «Рус. Стар.» 1875 № 4. стр. 815—819.

ко съ примѣсью кабалистическихъ выкладокъ, въ данномъ аѣ составляющихъ, какъ намъ кажется, отраженіе масонскаго нія въ народной средѣ, къ которой, несомнѣнно, долженъ быть численъ Авель по всему складу своей жизни и духовному облику ому. Что касается *«Житія и страданія отца и монаха Авеля»*, то , очень возможно, написано самимъ Авелемъ, о которомъ хотя и орится въ «Житіѣ», въ 3-мъ лицѣ, но черезчуръ уже скромно по вненію съ перенесенными имъ страданіями и безъ тѣхъ похвалъ, орыя сами собою должны были явиться у дѣйствительнаго біо-фа при описаніи нравственной стойкости Авеля, знавшаго, что за составленныя имъ «зѣло престрашныя книжки», т. е. за изложніе на бумагѣ (съ примѣсью разныхъ мистическихъ толкованій) дѣнныхъ имъ пророческихъ сновъ навѣрное «отдадутъ въ секретъ», тѣмъ не менѣе всякій разъ, когда его осѣняло пророческое вдох-веніе, искавшаго властей, чтобы имъ объ этомъ объявить. Но и «Житіе» и не составлено самимъ Авелемъ, то оно очень напо-инаетъ помѣченную выше литерою b) *«Жизнь и житіе отца нашего дамія»*, уже несомнѣнно Авелемъ написанное. Кто этотъ Дадамій удно сказать съ точностью, но повидимому Авель и Дадамій одно то-же лице, такъ что въ общемъ *«Житіе и страданія отца и мо-ха Авеля»* можетъ, кажется, считаться произведеніемъ, выясняю-имъ не только нравственный, но и умственный обликъ предсказа-ля. А во всякомъ случаѣ «Житіе» обогащаетъ литературу нашу сьма интереснымъ документомъ, любопытнымъ, во первыхъ, въ исто-ческомъ отношеніи по множеству разсѣянныхъ въ немъ характер-ыхъ черточекъ времени, а во вторыхъ тѣмъ, что онъ вырисовы-етъ еще одну любопытную личность изъ чисто-народной интел-генціи. По образованію и уму Авеля, знавшаго только св. Писаніе нѣкоторыя мистическія книги и сколько-нибудь выдающихся спо-бностей ни въ чемъ не проявившаго, нельзя, конечно, ставить въ кую-бы то ни было параллель съ даровитымъ и по своему очень еннымъ протопопомъ Аввакумомъ. Нельзя ихъ приравнивать другъ угу и по размѣрамъ того дѣла, за которое каждый изъ нихъ стра-лъ. «Дѣло», за которое страдалъ Авель, въ концѣ концевъ, совер-енно безсмысленно, потому что какая была надобность составлен-ія имъ «зѣло престрашныя книжки» съ щекотливыми предска-ніями непремѣнно доводить до всеобщаго свѣдѣнія. Но въ общемъ, е таки, между юрьевецкимъ протопопомъ и предсказателемъ смерти катерины очень много родственнаго. Оба они продукты одного и го-же душевнаго теченія въ жизни нашего народа, дѣти од-го и того-же порыва—отстоять то, что они по своему счи-

таютъ «правдою», оба, наконецъ, они одинаково жертвы печальнаго рока, направляющаго весь богатый запасъ ихъ умственныхъ и нравственныхъ силъ на жалкое буквоѣдство и безплодную мистику.

* **Авенаріусы**, семья русскихъ литераторовъ и ученыхъ, нѣмецкаго происхожденія, лютеранскаго вѣроисповѣданія. *По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ В. И. Авенаріуса* родоначальникомъ своимъ русскіе Авенаріусы считаютъ Іоганна Габерманна, родившагося въ чешскомъ городѣ Эгерѣ и переименовавшагося, по обычаю того времени, въ Avenarius'а т. е. *Овсяннаго*. Онъ сталъ въ ряды Лютера, былъ впослѣдствіи профессоромъ богословія въ Витенбергѣ и Іенѣ и умеръ суперинтендентомъ въ г. Цейцѣ. Потомки его, изъ поколѣнія въ поколѣніе, въ теченіи 3-хъ слишкомъ вѣковъ, шли по той-же, намѣченной имъ дорогѣ, проповѣдуя то съ профессорской, то съ церковной кафедры. Въ сороковыхъ годахъ XVII стол. правнукъ его, тоже Иванъ Авенаріусъ, былъ вызванъ на кафедру богословія въ учрежд. Густавомъ-Адольфомъ абоскій университетъ въ Финляндіи; а отсюда, въ началѣ XIX столѣтія, одинъ изъ потомковъ абоскаго профессора лютеранскій пасторъ Александръ Авенаріусъ переселился въ Петербург. губ., гдѣ ему былъ предложенъ приходъ Славянка (близь Павловска) и гдѣ онъ умеръ старшимъ благочиннымъ (пробстомъ) Ингріи и членомъ пет. лют. консисторіи. Изъ 5 сыновей его трое также были пасторами двое—врачами. Третій сынъ его, Петръ Александровичъ (родился 1794 † 1854), окончивъ теологическій факультетъ въ Дерптѣ, съ 1834 г. былъ пасторомъ лютеранскаго прихода въ Царскомъ Селѣ и законоучителемъ Александровскаго Лицея, Александр. Кадет. корпуса и мѣстной церковной школы. Онъ пользовался въ своемъ приходѣ большимъ уваженіемъ. Помимо учебныхъ и пасторскихъ занятій, П. А. предавался и кабинетнымъ работамъ и былъ дѣйствительнымъ членомъ Географическаго Общества. Отъ брака съ дочерью пастора *Генріеттою Гаммельманъ*, у П. А. родилось 15 человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ пережило его 9, оставшихся послѣ его смерти безъ всякихъ средствъ, но тѣмъ не менѣе пробившихъ себѣ дорогу въ жизни. Четверо изъ сыновей П. А. испытывали свои силы на литературномъ поприщѣ:

*—*Александръ Петровичъ. По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ В. П. Авенаріуса*, р. въ 1824 г. въ Царскомъ Селѣ и, по окончаніи въ 1844 г. курса въ Александровскомъ лицеѣ, поступилъ на службу въ канцелярію военнаго министра. Еще будучи въ лицеѣ онъ напечаталъ нѣсколько статей въ «Маякѣ» и нѣкоторыхъ другихъ жур-

* Означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

лахъ, а выйдя изъ лицея познакомился, при посредствѣ Дружинина, съ Некрасовымъ и Панаевымъ и сталъ принимать дѣятельное участіе въ «Современникѣ» въ качествѣ переводчика и компилятора нѣмецкихъ и англійскихъ статей. По отзыву людей его знавшихъ, Алек. Авенаріусъ былъ человѣкъ очень даровитый, но ранняя смерть, на 26 году жизни (1850), причиненная паденіемъ изъ экипажа, не дала обнаружиться его богатымъ способностямъ.

* — *Василій Петровичъ*, беллетристъ и дѣтскій писатель †). *По свѣдѣніямъ отъ него полученнымъ*, род. въ Царскомъ Селѣ 28 Сентября 1839 г. До 7 лѣтъ воспитывался у бездѣтнаго дяди своего, тоже пастора (сосѣдняго лютер. прихода Славянка), а затѣмъ вернулся къ родителямъ и поступилъ въ царско-сельскую лютеранскую церковную школу. Въ 1850 г. онъ былъ опредѣленъ въ 1-ый классъ 5 Петерб. гимназіи, которую окончилъ въ 1857 г., послѣ чего поступилъ въ Петербургскій университетъ Любовь къ поэзіи и изящной литературѣ тянули его на словесный факультетъ, но превозмогло увлеченіе модными въ то время натуралистами-философами—Карломъ Фохтомъ, Молешотомъ, Бюхнеромъ, и онъ поступилъ на

†) *Михневичъ*. Наши знакомые. (Шутливая характеристика). *Отзывы о сочиненіяхъ: о «Повѣтріи»* и *«Соврем. идилліи»*: 1) «Отеч. Зап.» 1868 № 4 стр. 209—213. 2) *А. Скабичевскаго*. Ibid. № 9 стр. 1—46 подъ заглавіемъ «Русское недомысліе». 3) *Н. Шелгунова* въ «Дѣлѣ» 1868 № 3 стр. 1—29 подъ заглавіемъ *«Типы русскаго безсилія»*. 4) «Гласный Судъ» 1867. № 196.

* О *«Ты знаешь край?»* «Лит. Биб-» 1867. № 17 и 20 стр. 91—104. О *«Книгѣ былинъ»*: 1) *А. Н.* въ «Вѣст. Евр.» 1875. № 12 стр. 875—76. 2) *Б. Гнв.* въ «Др. и Нов. Россіи» 1876. № 4 стр. 391—92. 3) «Дѣло» 1876. № 3 стр. 418—423. 4) *В. Г.* въ «Женск. Образ.» 1876 № 3—4 стр. 177—79. 5) «Кіев. Унив. Изв.» 1876 № 5 стр. 156. 6) «Нива» 1876. № 6. 7) «Нов. Вр.» 1875. № 334. 8) «Рус. Ст.» 1876. № 1. 9) «Рус. Міръ» 1876. № 32. 10) «Спб. Вѣд.» 1875. № 307. 11) «Семья и Школа» 1875. № 12. 12) «Сынъ Отеч.» 1875. № 261. 13) Рус. іезуитъ Martinov въ «Polybiblion» 1876. № 4 стр. 289—99. 14) «Жив. Обозр.» 1875. № 14. 15) «Другъ Народа» 1876 № 2. 16) «Сист. обзоръ рус. нар.—учеб. лит.» 1878 стр. 593—94. 17) «Голосъ» 1879 отъ 23 Августа. 18) «Нов. Вр.» 1879 № 1255 и 1885. № 3476. 19) «Пед. Сбор.» прил. къ «Дѣт. Чт.» 1879. 20) «St. Pet. Zeit.» 1879. № 309. 21) «Прав. Вѣст.» 1879. № 57. 22) «Спб. Вѣд.» 1880. № 77.

О *«Тридцати новыхъ лучшихъ сказкахъ»*: 1) «Вѣст. Евр.» 1877. № 11. 2) «Рус Міръ». 1877. № 345 (прибавл.) 3) «Восп. и Обуч.» 1878. № 2 стр. 79—81. 4) «Педаг. Хрон.» 1878. № 6 стр. 140. 5) «Жен. Обр.» 1878, № 5 стр. 352.

О *«Послѣднихъ дняхъ обвинителя»*: «Journ. de St. Pet.» 1878. № 101.

О *«Дѣтскихъ сказкахъ»*: 1) «Спб. Вѣд.» 1884. № 272. 2) «Прав. Вѣст.» 1884. № 216. 3) «Жен. Обр.» 1884 № 9. *«Объ отроческихъ годахъ Пушкина»*: 1) «Прав. Вѣст.» 1885. № 281. 2) «Нов. Вр.» 1885. № 3530. 3) «Вѣст. Евр.» 1886. № 2. 4) «Ист. Вѣст.» 1886. № 2.

* Означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

естеств. факультетъ, откуда вышелъ въ 1861 г. со степенью кандидата. Вслѣдъ за послѣднимъ экзаменомъ Авенаріусъ, избравшій своею спеціальностью химію и рѣшившій посвятить себя практической дѣятельности, отправился въ Германію, чтобы изучить тамъ новѣйшіе методы свеклосахарнаго производства. Но, возвратившись чрезъ годъ на родину съ дипломомъ отъ лучшаго магдебургскаго сахарнаго завода, онъ не нашелъ себѣ занятій по своей части, такъ какъ, вслѣдствіе освобожденія крестьянъ, свеклосахарные заводы первое время переживали кризисъ и частью позакрывались совсѣмъ, частью значительно сокращали производство. Приходилось избирать другія занятія и Авенаріусъ поступилъ на службу, на которой состоитъ до настоящаго времени. Прослуживъ 18 лѣтъ въ хозяйственномъ департаментѣ минист. внутр. дѣлъ, послѣдовательно въ должностяхъ отъ канцелярскаго чиновника до начальника отдѣленія, онъ въ 1880 г. перешелъ чиновникомъ особыхъ порученій V кл. въ департ. народ. просв., а съ дек. 1882 г. состоитъ старшимъ чиновникомъ Соб. Его Имп. Вел. Канц. по учрежденіямъ Императрицы Маріи въ чинѣ дѣйств. ст. совѣтника.

На литературномъ поприщѣ А. началъ подвизаться еще во время пребыванія въ университетѣ. Участвуя въ студенческой корпораціи «Teutonia», онъ написалъ веселые стихи, въ которыхъ воспѣвалъ студенчество и его утѣхи и для тѣснаго круга друзей и родныхъ издалъ въ 1859 и 1860 г. 1) три выпуска этихъ буршикозныхъ стихотвореній. На мысль о прозѣ его навели «Отцы и дѣти» Тургенева. Выведенный въ нихъ въ лицѣ Базарова типъ студента-нигилиста подалъ ему мысль тоже изобразить студента-матеріалиста того направленія, къ которому во время своего студенчества принадлежалъ онъ самъ. Результатомъ явилась 2) «*Современная Идиллія*» («Отеч. Зап.» 1865. № 11—13), составляющая первую половину книжки, изданной имъ чрезъ два года подъ заглавіемъ «*Бродящія силы*».

«Современная идиллія» прошла незамѣченною, хотя она и трогала злобу дня. Шутливая обработка тэмы, явное желаніе автора не столько бытописать и «обличать», сколько добродушно посмѣяться и дать рядъ комическихъ положеній устраняли возможность сдѣлать изъ повѣсти какіе-нибудь серьезные общественные выводы.

Совсѣмъ не то было со второю частью «Бродящихъ силъ»— 3) «*Повѣтріемъ*», появившемся во «Всем. Трудѣ» 1867 г. (№ 2 и 3) и уже лишенномъ всякаго добродушія. Къ 1867 г. отношенія общественныхъ партій значительно обострились. Образовалось два непримиримо-враждебныхъ лагеря, которые другъ о другѣ могли говорить

только въ выраженіяхъ самаго рѣзкаго негодованія. Авенаріусъ примкнулъ къ тому лагерю, который въ идеалахъ и стремленіяхъ «лѣвой» стороны русской общественной мысли видѣлъ, главнымъ образомъ, «лже-реализмъ» и апофеозированіе половой разнузданности. Въ 4) *авторскомъ поясненіи къ «Повѣтрію»* («Всем. трудъ» 1867 № 5) онъ прямо заявлялъ, что «стараніями» «новыхъ людей» литература наша обратилась «въ нѣкотораго рода нравственный лазаретъ». Въ ряду этихъ «новыхъ людей» болѣе другихъ Авенаріусъ считалъ гибельнымъ вліяніе Чернышевскаго. Его «проклятое *Что дѣлать*», какъ выражается авторъ устами брошеннаго мужа Куницына и создала «повѣтріе» такъ названнаго Авенаріусомъ «натуральнаго брака». Когда женѣ правовѣда Куницына, пустой франтихѣ Маничкѣ, приглянулся офицеръ Діоскуровъ, она безъ всякихъ стѣсненій въ одно прекрасное время рѣшила переѣхать къ нему на квартиру. При этомъ произошелъ слѣдующій діалогъ:

«Куда это?» говорю (разсказъ ведетъ брошенный мужъ) «точно въ вояжъ».— «Въ вояжъ, говоритъ, и ѣду. На вѣки разстаюсь съ тобою». Я признаюсь немножко опѣшилъ. «Какъ такъ на вѣки? Что это значитъ?»—«Это, говоритъ, значитъ, что ты надоѣлъ мнѣ, что намъ уже не къ чему жить вмѣстѣ, были-бы только въ тягость другъ другу. Прощай, не поминай лихомъ!» Меня какъ ушатомъ холодной воды окатило. «Къ кому же ты? говорю. «А къ Діоскурову: онъ—Кирсановъ, ты—Лопуховъ, я—Вѣра Павловна».—«Да вѣдь это все, говорю, хорошо въ книжкѣ, въ дѣйствительности-же непримѣнимо».—«Вотъ, увидишь, говоритъ, какъ примѣнимо. Я вообще, говоритъ, не вижу, чему тутъ удивляться: виновата-ли я, что не умѣлъ разнообразить себя, что Діоскуровъ лучше тебя? Но я разстаюсь съ тобою безъ всякой горечи въ сердцѣ». Утопающій хватается за соломинку. «Да что-жъ, говорю, станется съ нашимъ сыномъ, съ нашимъ Аркашей?»—«А Богъ, говоритъ, съ нимъ, оставь его себѣ. И такъ вѣдь онъ цѣлый день у кормилицы, рѣдко о немъ вспомнишь. Ну, и у Чернышевскаго тоже о дѣтяхъ говорится только мимоходомъ, въ скобкахъ. («Слѣдовательно, у нея есть сынъ»: c'est un mal inévitable).

Но кульминаціоннымъ пунктомъ обличенія идей Чернышевскаго, именемъ котораго клянутся всѣ «новые люди» повѣсти (одна изъ героинь «Повѣтрія» — Бреднева, даже лишая себя жизни, ставитъ предъ собою портретъ любимаго писателя), является до послѣдней степени скабрезная сцена между студентомъ Чекмаревымъ и «студенткой» Липецкою. Сцена надѣлала въ свое время чрезвычайнаго шуму, и имя молодого автора «Повѣтрія», безпрестанно называемое въ цѣломъ рядѣ фельетоновъ и замѣтокъ, пріобрѣло себѣ очень обширную извѣстность. Но въ этой извѣстности было весьма мало лестнаго, такъ какъ большая часть печати того времени принадлежала къ «лѣвой» сторонѣ русской общественной мысли и эпитеты, которыми она осыпала «Повѣтріе», принадлежали къ числу самыхъ

оскорбительныхъ. Рецензенты и фельетонисты либеральнаго лагеря находили повѣсть бездарнымъ пасквилемъ, «доносомъ» и намѣренною «клубничкою», разсчитанною на дурные инстинкты публики. Послѣднее обвиненіе болѣе всего задѣло автора и въ специальной замѣткѣ, о которой уже было сказано выше, онъ горячо доказывалъ, что не виноватъ, если «для обнаруженія всего безобразія нравственной распущенности «новыхъ людей» пришлось волею-неволею прибѣгнуть къ фактическому описанію этихъ безобразій». Въ отдѣльномъ изданіи «Повѣтрія» указанная выше сцена была значительно сокращена и вообще, видно, ожесточенные нападки почти всей вліятельной прессы произвели удручающее впечатлѣніе на молодого автора и на всегда отбили у него охоту касаться «злобы дня», хотя въ примѣчаніи къ «Повѣтрію» онъ прямо обѣщалъ вернуться къ «новымъ людямъ». Сдѣлавшись, къ тому-же, съ начала 70-годовъ, семьяниномъ, онъ отдался почти исключительно дѣтской литературѣ и на этомъ нейтральномъ поприщѣ вскорѣ пріобрѣлъ никѣмъ не оспариваемое имя хорошаго дѣтскаго писателя. Изъ сказокъ его, печатавшихся въ разныхъ дѣтскихъ изданіяхъ, а затѣмъ изданныхъ отдѣльно, наибольшій успѣхъ имѣла 5) «*Сказка о пчелѣ Мохнаткѣ*», удостоенная (также какъ другая сказка его 6) «*Что комната говоритъ*») въ 1880 г. первой преміи С.-Петербургскаго Фребелевскаго общества и выдержавшая нѣсколько изданій.

Въ 1875 г. А., для ознакомленія юношества съ сокровищницей русской народной эпической поэзіи, разсѣянной въ многочисленныхъ варіантахъ народныхъ былинъ, составилъ изъ всѣхъ этихъ варіантовъ сводныя былины, которыя издалъ подъ названіемъ 7) «*Книга былинъ*» (первое изд. называлось «*Книга о Кіевскихъ богатыряхъ*»). «Книга былинъ» пользуется большою извѣстностью среди родителей и воспитателей и выдержала 3 изд. Въ 1877 г. Авенаріусъ напечаталъ 8) «*Тридцать лучшихъ новыхъ сказокъ*», взятыхъ у русскихъ и иностранныхъ писателей, въ 1883—8) «*Сказку о муравьѣ богатырѣ*», въ 1884 г.—9) «*Дѣтскія сказки*», а въ 1886 г. отдѣльно издалъ напечатанную въ «Родникѣ» 1885 г. біографическую повѣсть для юношества 10) «*Отроческіе годы Пушкина*». Первоначально имъ была предпринята полная біографія Пушкина, но въ 1882 г., во время постигшаго его пожара, сгорѣли какъ всѣ собранные имъ въ теченіи 2 лѣтъ матеріалы, такъ и начатая біографія.

Кромѣ этихъ отдѣльно вышедшихъ книгъ для дѣтскаго чтенія Авенаріусъ написалъ въ «Семейныхъ Вечерахъ», «Родникѣ», «Дѣтскомъ чтеніи», «Игрушечкѣ», «Задуш. Словѣ» и др. 11) *Нѣсколько десятковъ* поэмъ, сценъ для дѣтскаго театра, мелкихъ разсказовъ и стихотвореній.

Отличительная черта Авенаріуса какъ дѣтскаго писателя—это стремленіе избѣгнуть того условно-дѣтскаго языка и условно—дѣтской морали, которая для сколько-нибудь смышленныхъ дѣтей дѣлаетъ имъ непривлекательной огромную часть нашей дѣтской литературы. Авенаріусъ старается обрабатывать выбираемые имъ сюжеты по возможности «взросло» и сообщать дѣтямъ, на сколько это доступно ихъ пониманію, вполнѣ «взрослую» мораль. Такъ напр. наиболѣе популярная сказка А.—«Пчелка-Мохнатка» старается разъяснить юнымъ читателямъ, что высшая задача человѣка на землѣ—трудиться для блага общественнаго.

Сверхъ вышеназваннаго А. въ разное время напечаталъ: 12) «*Ты знаешь край?*» повѣсть изъ «итальянской жизни» («Всем. Трудъ» 1867 № 6—8). 13). «*Егорка Мукентуберъ*» перев. изъ Риля (Ibid. № 10) 14) «*Рѣчка Визе*». Стихотворная идиллія Геббеля. Переводъ. (Ibid. № 5). 15) «*Первый романъ. Сентиментальная исторія*» («Рус. Вѣст.» 1870. № 8 подъ псевдонимомъ В. Петропавловскаго). 16) *Послѣдніе дни обвинителя. Романъ трехъ дней*». («Вѣст. Евр.» 1878 № 4—5 подъ псевдонимомъ *В. Пе—вичъ*). 17) «*Василій Львовичъ Пушкинъ*». Біогр. очеркъ («Ист. Вѣст.» 1882. № 3). 18) «Das Krocketspiel zu Windsor», Gedicht von Turgenjew. Uebertragen von W. A—s («St.-Pet. Herold». Отъ 23 Ноября 1883 г.). 19) Рядъ историко-статист. очерковъ и статеекъ о народномъ продовольствіи, ярмарочной торговлѣ, взаимномъ страхованіи, городскихъ и сельскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ, обществахъ взаимнаго вспомоществованія, дѣятельности ученыхъ обществъ и учрежденій (въ «Правит. Вѣст.» и Ж. Мин. Нар. Пр.» 1870 и 1880 гг.).

*)—***Михаилъ Петровичъ*** †) одинъ изъ видныхъ современныхъ русскихъ физиковъ. *По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ В. П. Авенаріуса*, родился 7 Сентября 1835 г. въ Царскомъ Селѣ, учился сначала въ царско-сельской лютеранской церковной школѣ, затѣмъ въ 5-й Петер. гимназіи. По окончаніи курса въ ней, въ 1854 г., поступилъ на физико-матем. факультетъ петербургскаго университета. На 2 курсѣ имъ было написано на заданную тэму сочиненіе, зачисленное ему затѣмъ за кандидатскую диссертацію. Въ 1858 г., выпущенный изъ университета со степенью кандидата, Михаилъ Петровичъ поступилъ учителемъ математики во 2-ую Петерб. гимназію; въ 1862 г. онъ былъ командированъ на два года за границу для приготовленія къ

---

†) 1) Краткое упоминаніе въ Энц. Словарѣ Березина. 2) *Иконниковъ*, Словарь проф. Кіев. Унив.

* Означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

профессорскому званію. Проработавши тамъ въ физическ. лабораторіяхъ Магнуса (Берлинъ) и Кирхгофа (Гейдельбергъ), Авенаріусъ возвратился въ Россію и 8 Января 1865 г., по защищеніи диссертаціи «О термо-электричествѣ» былъ удостоенъ петербургскимъ университетомъ степени магистра физики. Чрезъ годъ отъ того-же университета онъ за диссертацію «Объ электрическихъ разностяхъ металловъ при различныхъ температурахъ» получилъ степень доктора физики. Въ началѣ 1865 г. молодой физикъ былъ избранъ доцентомъ, чрезъ годъ экстраординарнымъ, а еще чрезъ годъ, въ 1867 г., ординарнымъ профессоромъ физики въ кіевскомъ университетѣ. Послѣднюю должность А. занимаетъ по настоящее время, состоя вмѣстѣ съ тѣмъ и директоромъ метеорологической обсерваторіи кіевск. университета. За свои научныя заслуги А. избранъ нашею Академіею Наукъ и Берлинскимъ Физическимъ Обществомъ въ члены-корреспонденты, а французское правительство, удостоивая наградами наиболѣе выдающихся участниковъ парижской всемірной электрической выставки, кромѣ серебряной медали, пожаловало А. офицерскую степень ордена почетнаго легіона.

Результаты научныхъ работъ и изслѣдованій своихъ А. изложилъ въ слѣдующихъ статьяхъ и книгахъ:

1) «Die Thermoelectricität, ihrem Ursprunge nach, als identisch mit der Contactelectricität betrachtet» («Poggendorf's Annalen der Physik und Chemie» Bd. CIX. S. 406. 2) Nachtrag zu dem Aufsatze (предъидущему) тамъ же стр. 637. 3) «Ueber electrische Differenzen der Metalle bei verschiedenen Temperaturen» (Ibid. Bd. CXXII S. 193). 4) «О термо-электричествѣ». Спб. 1865. (маг. дис.). 5) «Объ электрическихъ разностяхъ металловъ при различныхъ температурахъ». (Докт. дис.). Спб. 1865. Обѣ диссертаціи представляютъ обработку, при помощи способа наименьшихъ квадратовъ, опытныхъ данныхъ, помѣщенныхъ въ статьяхъ 1, 2 и 3. 6) «О солнечныхъ пятнахъ» («Морской Сбор.» 1866. № 4). 7) «Измѣненія влажности въ восходящемъ атмосферномъ теченіи» («Кіев. Унив. Изв.» 1867 № 1). 8) «Ueber Molecülwärme» («Chemisches Centralblatt» 1867). 9) Нѣкоторые изъ результатовъ 12-ти лѣтнихъ наблюденій на университетской метеорологической обсерваторіи» («Кіев. Ун. Изв.» 1868. № 8). 10) «Нѣкоторыя тепловыя явленія въ замкнутомъ металлическомъ проводникѣ, при прохожденіи чрезъ него тока» («Труды» 2 съѣзда естествоисп. въ Москвѣ 1869). 11) «Объ электровозбудительной силѣ термо-электрическихъ элементовъ, съ точки зрѣнія механич. теоріи тепла» («Кіев. Унив. Изв.» 1870. № 11). 12) Историческая выписка объ устройствѣ 3-го съѣзда рус. естеств. въ Кіевѣ». («Труды» 3 съѣзда рус. ест.»). 13) «Ueber innere latente Wärme» («Bul. de la Soc. Imp. des natur. de Moscou» 1873). 14) «Ein Beitrag zur Theorie der Thermoströme» («Pogg. Ann. d. Phys. u Ch.» Bd. CXLIX, S. 372). 15) «Ueber die Ursachen, welche die Kritische Temperatur bedingen». («Bulletin de l'Academ. Imper des sciences de St. Petersbourg» 1876 t. IX p. 647. 16) «Расширеніе жидкостей». («Зап. Кіев. общест.» 1877). 17) «Volumenveränderung einer Flüssigkeit durch Temperatur und Druck». («Bul. de l'Acad. Imp. des Sc. de St. Ptg 1878. t. X. p. 697. 18) «Влажность смѣси двухъ массъ воздуха двухъ различныхъ

емпературъ и влажности" („Кіев. Ун. Изв." 1878 г. № 1). 19) „Возможные пріемы дѣленія электр. свѣта". („Ж. рус. физ. общ." 1880). 20) „Methoden der Theilung des electrischen Lichtes". („Rapertorium für Experimentalphysik 1881). 21) „Une methode pour distribuer les courants alternatifs par derivations" („Comptes rendus des travaux du congrès international d'électriciens" 1881). 22) „Ueber die Möglichkeit dem electrischen Lichte alle die Eigenschaften des Gastlichtes zu geben, welche die grosse Verbreitung des letzteren zur Folge haben" („Beiblatt zu den Annal. der Phys." 1882. Bd. VI. S. 126). 23) „Ueber einige Flüssigkeiten, welche in physikalischer Hinsicht einander nahe stehen" („Ibid. 1882 Bd. VI. S. 208). 24) „Основанія магнито-электрическихъ машинъ" („Инженеръ" 1883). 25) „Критическое состояніе тѣлъ" (Жур. элементарной математики" 1884). 26) „По вопросу о расширеніи жидкостей" (Ж. рус. физ.-хим. Общ. 1884).

Кромѣ того М. П. напечатаны краткія замѣтки: въ „Pog. Annalen" Bd. CLI p. 175 и „Philos. Mag." 1877 № 16. S. 156 и помѣщенъ рядъ статей въ видѣ отчетовъ и рефератовъ: въ „Жур. Мин. Нар. Просв." за 1862, 63 и 64 гг., въ „Beiblatt zu den Annal. d. Phys. und Ch." и въ „Fortschritte d. Physik" послѣднихъ 5 лѣтъ.

Только что приведенный перечень показываетъ, что почти вся научная дѣятельность Авенаріуса посвящена электричеству вообще и термоэлектричеству въ частности. Самые результаты, къ которымъ пришелъ кіевскій физикъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, мы не приводимъ, потому что по своему черезчуръ спеціальному характеру они не могутъ найти мѣста въ настоящемъ трудѣ, задающемся цѣлью давать, при ознакомленіи съ дѣятельностью спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ науки, только тѣ результаты этой дѣятельности, которые доступны общему пониманію. Скажемъ по этому только въ общихъ чертахъ, что, не выдвигая какихъ-нибудь особенно широкихъ обобщеній, изслѣдованія Авенаріуса представляютъ собою рядъ весьма точныхъ отдѣльныхъ наблюденій и цыфровыхъ данныхъ, вошедшихъ въ обиходъ науки.

*—*Николай Петровичъ*, педагогъ †). *По полученнымъ отъ В. П. Авенаріуса свѣдѣніямъ* родился въ Царскомъ Селѣ 31 Августа 1834, учился въ 5 и 3 Петерб. гимназіяхъ и Главномъ Педагогическомъ Институтѣ. по окончаніи курса въ которомъ въ 1857 г. былъ учителемъ нѣмец. яз. и исторіи во 2 Петерб. гимназіи. Въ 1862 г. Министерство Нар. Просв. командировало Н. П. Авенаріуса за границу для ознакомленія съ германскими и швейцарскими учительскими семинаріями, а по возвращеніи въ Россію поручило ему устроить молодеченскую семинарію. Въ 1864 г. онъ былъ назначенъ членомъ

---

†) Объ «*Учеб. картин.*»: 1) „Нар. Шк." 1869. № 9. 2) «Учитель» 1869. № 12 3) «Жур. Мин. Нар. Пр.» 1870 № 4. О «*Рук. къ восп.*» 1) «Голосъ» 1874 № 141 2) «Спб. Вѣд.» 1874. № 157 (*П—ча*) *Павловичъ* въ «Пед. Музеѣ» 1876. № 9.

*означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

чебнаго комитета военно-учебныхъ заведеній, въ 1864 г. инспе омъ варшавскаго Александринско-Маріинскаго института, а съ 18 нъ занимаетъ ту-же должность въ бѣлостокскомъ институтѣ.

Н. П. Авенаріусъ напечаталъ въ журналахъ 60-хъ и начала 7 г.: 1) рядъ статей для дѣтскаго чтенія въ «*Подснѣжникъ*». 2) Въ алѣ «*Воспитаніе*»—«*Совѣты практическаго педагога*» и 3) «*Жанъ-Руссо и его Эмиль*» и кромѣ того множество мелкихъ статей. 4) ерлинскихъ «Blätter für Unterricht und Erziehung»: «Ueber die Re es Schulwesens in Russland» 5) Во «Всем. Иллюстр.» нѣсколько изматическихъ статей. 6) Въ «Изв. Имп. Археол. Общ.» «*Н кумалъ*». Кромѣ того онъ издалъ 7) Учебную карту Евр. Рос ыдержавшую нѣсколько изданій 8) «*Руководство къ воспитан бученію*» (курсъ педагогики). Варшава 1874 г.

Авенеровъ («Развлеченіе») псевдонимъ Раис и Корневой †).

Авениръ Миролюбовъ («Рус. Инв.» и «Всем. Илл.» 1868—69 севдонимъ П. Д. Боборыкина †).

Авениръ Народный («Моск. Наблюд.») псевдонимъ М. Н. М ова †).

Аверина Н. П. Написала «Воспоминаніе о П. И. Аверинѣ» итературномъ сборникѣ Н. В. Сушкова «Раутъ» 1852 г. —50 ††).

Аверинъ, Козьма И. †††), Собралъ 1) «Историческія извѣ изни и дѣяніяхъ протоіерея Зарайскаго Николь. собора Дим овременника и сотрудника кн. Пожарскаго». 2-ое изд. М. 1837 . 75 к. Онъ-же 2) сообщалъ нѣкоторые истор. документы въ квит.» сороковыхъ годовъ.

Имя Аверина встрѣчается въ числѣ лицъ, особенно много ертвовавшихъ рукописей и книгъ «Обществу Исторіи и Древнос ри москов. университетѣ.

* **Аверкіевъ,** *Дмитрій Васильевичъ*, современный писатель ††††)

†) *С. Пономаревъ* въ Кален. Сув. на 1880 г.

††) *Николай Книжникъ* (Кн. Н. Голицынъ) «Слов. рус. писательницъ»

†††) *Строевъ*, Библіот. общ. ист. и древ. стр. II.

††††) 1) Энц. Словари Толя, Березина, Клюшникова. 2) De-Gubernatis, Dizi i scrittori contemporanei. 3) Courrière, La littérature russe moderne. 4) Rei eschichte der Russ. Litteratur. 5) *Михневичъ*, Наши знакомые (шутливая хар истика). 6) («Новь» 1886. № 17) съ портретомъ. О процессѣ съ Сѣровымъ: ѣст.» 1868. № 253.

Отзывы о произведеніяхъ (причемъ мы не всегда включаемъ газетные от представленіи пьесъ Аверкіева на сценѣ, если они очень многочисле «*Мамаевымъ Побоищѣ*» *Д. И. Писарева* въ 9 т. его „Сочиненій“ стр. 157 —

* *означаются* статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

мученнымъ отъ него свѣдѣніямъ, р. 30 Сентября 1836 г. въ Екатеринодарѣ. Предки его были крестьяне олонецкой губерніи, но дѣдъ переселился для торговли въ Петербургъ и былъ довольно богатъ. Отецъ, вслѣдствіе пошатнувшихся подъ конецъ жизни дѣлъ дѣда переселившійся на югъ, женился на дочери проживавшаго въ Екатеринодарѣ ростовскаго купца Дм. Ив. Самойлова, въ домѣ котораго и родился нашъ писатель. Мать вскорѣ послѣ рожденія Д. В. умерла и онъ до 9 лѣтъ остался на рукахъ дѣда. Отецъ-же сначала жилъ въ Анапѣ и былъ первымъ русскимъ поселенцемъ на сѣв.—восточн. берегу Чернаго моря (за что возведенъ въ званіе пот. поч. граждани-

---

О «*Фролѣ Скабѣевѣ*»: 1) *К. Хохотова* въ «Искрѣ» 1869. № 3. Пародія подъ заглавіемъ «Домашній театръ» «Искры». 2) «Всем. Илл.» 1869. № 7 (Сцены и типы изъ комедіи). 3) *Л. Н. Антропова* въ «Зарѣ» 1869. № 2. стр. 253 — 65. 4) Современ. газетные отчеты.

О «*Каширск. Старинѣ*»: 1) «Спб. Вѣд.» 1872 № 297. 2) «Бирж. Вѣд.» 1872 № 39. 3) «Отеч. Зап.» 1872 № 11 стр. 139—149. 4) «Рус. Міръ» 1872. № 78. 5) «Всем. Илл.» 1872 № 202. 6) «Гражд.» 1872 № 8. 7) «Моск. Вѣд.» 1873 № 18. и др. газет. отчеты.

О «*Темномъ и Шемякѣ*»: 1) «Моск. Вѣд.» 1873 № 18. 2) «Нов. Вр.» 1873 № 55. 3) Jour. de St. Pet.» 1873 № 40 и 49.

Объ «*Исторіи блѣднаго молодаго человѣка*»: 1) «Рус. Міръ. 1874. № 85. 2) «Гражд.» 1874 № 9, 13—14, 20—21. (*П. Павлова*). 3) Z (*В. Буренинъ*) въ «Спб. Вѣд.» 1874. № 49. 4) W. въ «Голосѣ» 1874. № 38. 5) *С. Г. В.* въ Одес Вѣст.» 1874 № 104 и 156.

О «*Княгинѣ Ульянѣ Вяземской*»: 1) «Всем. Ил.» 1875 № 321. 2) X. Y. Z. (*В Чуйко*) въ «Голосѣ» 1875 № 72. 3) «Варш. Днев.» 1876 № 199. 4) «Спб. Вѣд.» 1875 № 65.

О «*Новой Барышнѣ*»: 1) «Варш. Днев.» 1875 № 249. 2) *Эксъ (А. Чебышевъ — Дмитріевъ)* въ «Нов. Вр.» 1875 № 283 3) *В. С.* въ «Рус. Мірѣ» 1875. № 288. 4(*В. М. (Вас. Вас. Марковъ)* въ «Спб. Вѣд.» 1875 № 279.

О «*Разрушенной невѣстѣ* *Вс. Соловьева* въ «Рус. Мірѣ» 1876. № 46.

О «*Непогрѣшимыхъ*»: *Рава* въ «Рус. Газ.» 1878 № 89.

О «*Царевичѣ Алексѣѣ*»: 1) «Нов. Вр.» 1878. № 709. 2) «Бирж. Вѣд.» 1878 № 55. статья *Заурядназо читателя (А. Скабичевскаго)*» 3) «Спб. Вѣд.» 1878 № 53, 66 57 4) «Сѣв. Вѣст.» 1878 г. № 78. 5) «Голосъ» 1878. № 60. 6) «Сынъ От.» 1878 № 50.

О поэмѣ «*Тоска по родинѣ*» *Н—на* въ «Рус. Вѣд.» 1876 № 29.

О «*Сидоркиномъ дѣлѣ*»: *С. Васильева* въ «Моск. Вѣд.» 1880. № 358. 2) *П. Боборыкина* въ «Рус. Вѣд.» 1880 № 333.

Изъ полемическихъ противъ Аверкіева статей отмѣтимъ *Н. И. Костомарова* «Что такое знаменитый ученый? Апологія за Дмитрія Донскаго гг. Аверкіева и Аскоченскаго» («Голосъ» 1864 № 1864 № 124).

Изъ *пародій* на Аверкіева отмѣтимъ тѣ, которые вошли въ сборникъ *В. П Буренина* «Стрѣлы».

Отзывы о произведеніяхъ А. за 1880—86 г. будутъ приведены въ прибавленіи къ I тому.

на), а потомъ—въ Керчи до разорившей его крымской войны. И дѣдъ и отецъ Аверкіева, хотя и простые купцы, однакоже, были люди довольно начитанные, но на старинный, такъ сказать церковно-славянскій ладъ, и нѣтъ сомнѣнія, что любовь къ старинному русскому быту, составляющая одну ихъ характерныхъ сторонъ литературной физіономіи Аверкіева, представляетъ собою въ значительной степени отголосокъ дѣтства. Съ дѣтства-же развилась въ Аверкіевѣ любовь къ театру, до котораго большимъ охотникомъ былъ и дѣдъ его, даромъ отпускавшій лѣсъ и доски на постройку екатеринодарскаго театральнаго зданія. Въ 1846 году отецъ перевезъ Д. В. въ Петербургъ подъ крыло другого дѣда—вышедшаго изъ раскола Якова Аверкіева, человѣка весьма замѣчательнаго, не смотря на свое крестьянское происхожденіе ведшаго знакомство, во время своихъ продолжительныхъ побывокъ въ Харьковѣ, съ профессорами тамошняго университета. Ему Аверкіевъ обязанъ своими религіозными воззрѣніями. Учился Аверкіевъ въ петербургскомъ Коммерческомъ Училищѣ, въ которомъ было въ то время много хорошихъ преподавателей, между прочимъ извѣстный Разинъ. По окончаніи въ 1854 г. курса въ училищѣ, Аверкіевъ чрезъ годъ поступилъ въ петербургскій университетъ по отдѣленію естеств. наукъ, откуда вышелъ въ 1859 г. со степенью кандидата. Выборъ факультета былъ болѣе или менѣе случайный. Во время пребыванія въ университетѣ Аверкіевъ близко сошелся съ кружкомъ Н. Н. Страхова, благодаря чему уже со студенческой скамьи отрицательно относился къ теченіямъ, охватившимъ послѣ крымской войны большую часть русской интеллигенціи. На послѣднемъ курсѣ университета Аверкіевъ перевелъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ, будущимъ проф. кіев. университета П. П. Алексѣевымъ, «Введеніе къ изученію химіи» Жерара. Книга была издана товариществомъ «Общественной Пользы». Для того-же товарищества Аверкіевъ перевелъ еще нѣсколько ученыхъ сочиненій. Однимъ изъ членовъ товарищества былъ Н. Г. Писаревскій. Онъ въ самомъ началѣ 1860 гг. взялъ на аренду «Рус. Инв.» и пригласилъ Аверкіева участвовать въ немъ. Аверкіевъ согласился и началъ писать фельетоны подъ псевдонимомъ *Гьянова.* Вскорѣ онъ, однако, бросилъ «Инв.», который принялъ радикальное направленіе, Аверкіеву не симпатичное, и перешелъ въ «Сѣв. Пчелу», гдѣ съ Лѣсковымъ, Слѣпцовымъ, Бени и Зайцевымъ, тогда еще не столь крайнимъ, составлялъ молодую редакцію. Въ «Пчелѣ» Аверкіевъ писалъ о театрѣ и журналахъ. Здѣсь-же онъ помѣстилъ воспоминанія о своемъ дѣтствѣ и училищной жизни. Въ общемъ, однако, газетная работа не особенно пришлась Аверкіеву по вкусу и онъ при первой возможности въ

63 г. бросилъ ее и уѣхалъ въ Москву гувернеромъ. Но обстоятельва сложились такъ, что черезъ полгода онъ опять вернулся въ Пербургъ и опять сталъ писать въ «Пчелѣ», а затѣмъ въ «Эпохѣ», гдѣ шею редакціи былъ Ѳ. М. Достоевскій. Въ «Эпохѣ» 1864 г. было мѣщено первое драматическое произведеніе Аверкіева «*Мамаево юбище*» (№ 10). Онъ писалъ еще въ университетѣ и комедіи, и амы и стихи, но не рѣшался ихъ печатать. Немного раньше похи» Аверкіевъ участвовалъ еще въ «Якорѣ», когда его редактиналъ Аполлонъ Григорьевъ, съ которымъ былъ очень близокъ. Къ му-же времени относится тѣсное знакомство его съ Сѣровымъ, для тораго онъ написалъ либретто «*Рогнѣды*». Дружба эта окончилась, нако, въ свое время надѣлавшимъ много шуму процессомъ (1868) іенно, Аверкіевъ требовалъ, чтобы Сѣровъ дѣлилъ съ нимъ повну поспектакльную плату за «Рогнѣду». Съ паденіемъ «Эпохи» 865) Аверкіевъ на нѣкоторое время остался безъ литер. работы женившись въ 1865 г. на С. В. Ивашкевичъ, — принялся по еимуществу за переводы. Книгопродавецъ М. О. Вольфъ снабилъ его изобильно переводною работою, которая довольно долго, 1869 г., была почти единственнымъ источникомъ его существованія. Въ свободное время онъ продолжалъ писать. Такъ во сем. Трудѣ» 1867 г. (№ 4) появилась его трагедія «Слобода еволя», въ «Отеч. Зап.» 1868 г. (№ 9) комедія въ стихахъ «Лѣій». Дудышкину, тогдашнему редактору «Отеч. Зап.» комедія понравилась и завязавъ, при посредствѣ Н. Н. Страхова, личное акомство съ авторомъ ея, онъ сталъ ему поручать компиляціи ъ иностранной, преимущественно англійской литературѣ. Въ теч. Зап.» же (1867 г. № 9) напечатана другая стихотворная медія Аверкіева «Терентій мужъ Данильевичъ». Около этого-же емени онъ сталъ писать въ «Голосѣ» о театрѣ и историческихъ рналахъ. Въ 1868 г. Аверкіевъ въ бенефисъ Самойлова постаъ «*Фрола Скабѣева*» (напеч. въ «Зарѣ» 1869 г. № 3), имѣвшаго льшой успѣхъ. Въ 1869 г. онъ, за неутвержденіемъ его редакторъ офиціальнымъ, былъ редакторомъ негласнымъ вновь основан «Всемір. Иллюстраціи». Въ 1871 г. Аверкіевъ, привлекаемый юю Московскихъ актеровъ и большими, какъ ему казалось, удобами работать для театра въ Москвѣ, переселился туда и такимъ азомъ ему удалось осуществить на время свою мечту быть моичемъ не только по духу, но и по плоти. Ожиданія его на перкъ порахъ осуществились. Онъ здѣсь написалъ «Каширскую стару», составляющую основу его драматической извѣстности. Поставленная въ 1872 г. съ огромнымъ успѣхомъ на московской и

петербургской сценахъ, «Каширская старина» обошла всѣ провинціальныя сцены и до сихъ поръ составляетъ одну изъ наиболѣе репертуарныхъ пьесъ. «Выигрышная», выражаясь театральнымъ жаргономъ, роль Марьицы входитъ въ амплуа всякой актрисы, сколько-нибудь претендующей на эпитетъ «драматической». Успѣхъ «Каширской старины» далъ автору возможность отказаться отъ переводной и *срочной* газетной работы, хотя вообще онъ въ газетахъ принимаетъ весьма дѣятельное участіе, именно въ театральномъ отдѣлѣ. Такъ въ 70-хъ гг. Аверкіевъ былъ постояннымъ театральнымъ рецензентомъ «Москов. Вѣд.», а въ началѣ 80-хъ гг. «Голоса» и «Новаго Времени». Съ конца 70-хъ гг. онъ опять переселился въ Петербургъ и одно время служилъ въ цензурѣ. Въ 1882 г. Аверкіевъ былъ назначенъ членомъ литературно-театральнаго комитета. Съ 1885 г. онъ издаетъ (ежемѣсячно) «Дневникъ Писателя», состоящій исключительно изъ его собственныхъ беллетристическихъ, публицистическихъ и театральныхъ статей. По формѣ, какъ и по идеѣ, «Дневникъ Писателя» Аверкіева напоминаетъ «Дневникъ Писателя» Достоевскаго, но успѣхомъ такимъ не пользуется и расходится, по газетнымъ сообщеніямъ, въ незначительномъ количествѣ.

Если исключить газетныя статьи и фельетоны, перечислить которые полностью, за многочисленностью ихъ, отказывается самъ авторъ, то перечень написаннаго Д. В. будетъ слѣдующій:

I **Произведенія драматическія:** 1) «*Мамаево побоище. Лѣтописное сказаніе*» («Эпоха» 1864 г. № 10). 2) «*Лѣшій. Сказочная комедія въ стихахъ*» («От. Зап.» 1866 г. № 9). 3) «*Слобода Неволя*» (Всем. Трудъ» 1867 г. № 4). 4) «*Терентій мужъ Данильевичъ*» («Отеч. Зап.» 1867 г. № 9). 5) «*Комедія о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скабѣевѣ и стольничьей, Пардынѣ Нащокина, дочери Аннушкѣ*» («Заря» 1869 № 8 и отд. Спб. 1872 г.) 6) «*Каширская Старина*» («Рус. Вѣст.» 1872 г. № 1) 7) «*Царь Петръ и царевичъ Алексѣй*» («Рус. Вѣст.» 1872 г. № 6). 8) «*Темный и Шемяка*» Ib. 1873 № 1 и 2). 9) «*Княгиня Ульяна Вяземская*» (Ib. 1875 г. № 12). 10) «*Разрушенная невѣста*» (Ib. 1876. № 1). 11) «*Франческа Риминійская*» (Ib. 1877. № 1). 12) «*Царевичъ Алексѣй*» (Ib. 1878. № 1). 13) «*Мужья и поклонники*» ком. Спб. 1878 г литограф. 14) «*Непогрѣшимые*» («Рус. Вѣст. 1879 № 1). 15) «*Изъ мрака къ свѣту*» Фабула взята у Вильки Коллинза. Спб. 1880 Литогр. 16) «*Не шали съ огнемъ*» ком. («Нива» 1870. № 23 и 24). 17) «*Смерть Мессалины*» трагедія. 18) «*Сидоркино дѣло*» (Рус. В. 1881. № 2). 19) «*Тропирскій воевода*» (Ib. 1882 № 3). 20) «*Петербургскій слетокъ*» («Днев. пис.» 1885). 21) «*Золотой дѣдъ*» (Ibid.). 22) «*Купальская ночь*» Волшебная греза въ 1 дѣйствіи («Днев. пис.» 1886. № 1).

II. **Повѣсти:** 1) «*Хмѣлевая ночь*» (Рус. Вѣст. 1871 № 11—12) Отдѣльно Спб. 1886. 2) «*Исторія блѣднаго молодаго человѣка*» (Ib. 1874. № 1—3, 5, 6) 3) «*Новая барышня*» (Ib. 1875. № 9) 4) «*Лихо*» истор. повѣсть («Огонекъ» 1880 г. и отд. Спб. 1886 г.) 5) «*Догадливый мужъ*» («Новь» 1884 г. № 2). 6) «*Старый либералъ и его питомица*» (Ib. 1886. № 17—18). 7) «*Месть ничтожнаго человѣка и юнкеръ Волковъ*» («Днев. писат.» 1885).

III. Стихотворенія: 1) Переводы изъ Гейне: «Атта Троль» въ «Биб. для чт.» 1863 № 1 и въ изд. Ѳ. Бергомъ въ 1861 г. I Т. сочин. Гейне подъ псевдонимомъ *Д. Горкіевъ*). 2) Изъ Гете 3) Либрето «Рогнѣды». 4) «*Пѣсни о старыхъ богахъ*» «Заря» 1869 № 4. стр. 1—13). 5) «*Неумолимо провидѣніе*» («Рус. Вѣст.» 1873 г. № 1, стр. 409—410). 6) «*Видѣніе*» (Ib. 76 № 7 стр. 439—92). 7) «*Поэту*» (Ib. № 11 стр. 378—79). 8) «*Тоска по родинѣ*». Комическая поэма. («Рус. Вѣст.» 1875. № 12 стр. 799—832). 9) «*Возрожденіе*» (Ib. 1876. № 12 стр. 738—39). «*Донъ-Кихоту*» (Ib. 1876 № 12. стр. 739—740) 11) «*Переходъ черезъ Дунай*» 1877 № 6. 12) Много стихотвореній въ «Днев. писателя».

IV. Статьи разнаго рода: 1) «*Г. Костомаровъ разбиваетъ народные кумиры*» («Эпоха 1864 № 3). 2) «*Какъ отвѣчаютъ профессора*. 3) «*Университетскіе отцы и дѣти*» (воспоминанія по поводу статей Писарева «Наша университ. наука») въ «Эпохѣ» 1864 № 1—3. 4) «*По поводу самопризнанія двухъ Петербуржцевъ*» «Эпоха» 1864 № 10—12). 5) «*Вильямъ Шекспиръ*» («Эпоха» 1864 № 5, 6) 6) «*Рус. театръ въ Петербургѣ*» («Эпоха» 1864. № 7, 9, 10). 7) О «*Петерб. Трущобахъ*» Всев. Крестовскаго («Эпоха» 1865. № 2). 8) *О Байронѣ въ рус. пер.* (Ib.) 9) О «*Шутникахъ*» Островскаго («Эпоха 1864. № 9). 10) «*А. А. Григорьевъ*» («Эпоха» 1864 № 8. 11) «*Шумскій въ Петербургѣ*» («Эпоха» 1864 № 7). 12) «*Мифическая старина*» («Заря» 1871. № 4). 13) «*Литературное завѣщаніе Ѳомы Дикобразова*» («Заря» 1870). 14) «*О драмѣ*» (Рус. Вѣст.» 1877. № 3, 5, 8; 1878 № 11). 15) «*Три письма о Пушкинѣ*» (Рус. Вѣст.» 1880 № 5). 16) «*По поводу статьи г. Неклюдова о восточномъ вопросѣ*» (Рус. Вѣст.» 1876 № 8). 17) *Статья о муравьяхъ*, предпосланная переводу книги Леббока. 18) *Краткая біографія Ѳ. М. Достоевскаго* предпосланная 2-му (компактному) изданію сочиненій автора «Мертваго дома».

V. «Дневникъ Писателя». Состоитъ изъ 6 отдѣловъ 1) *Словесность* (разсказы драматическія произведенія и стихи). 2) *Политика.* 3) *Критика.* 4) *Статьи смѣшаннаго содержанія.* 6) *Театръ.* 6) *Мелочи.*

VI. Переводы, какъ исключительно имъ однимъ, такъ и вмѣстѣ съ другими выполненные:

1) *Жераръ*, Введеніе въ изученіе химіи. Спб. 1859.

2) *Криперъ*, Школа физики. Спб. 1861.

3) *Дагенъ*, Ученіе о звукѣ. Спб. 1862.

4) *Агассисъ Гольдъ* «Очерки сравнительной физіологіи» Спб. 1862.

5) *Кагуръ*, Курсъ элементарной общей химіи. Спб. 1862.

6) *Жаменъ и Вюльнеръ*. Полный курсъ физики. Спб. 1864—67.

7) *Дейте*, Мыловареніе и производство парфюмернаго и косметическаго товара. Спб. 1870.

8) *Фигье*, Свѣтила науки 3 т. Спб. 1869—73.

9) *Леббокъ*, Муравьи, пчелы и осы. Спб. 1884 г. съ приложеніемъ статьи переводчика «Муравьинные слѣды».

10) *Лоренцо Медичи*, трагедія Альфреда де-Мюссе («Дневникъ. Писат.» 1886).

Кромѣ того Аверкіевъ въ 1865—71 гг. перевелъ для книгопродавца Вольфа рядъ книгъ для дѣтскаго чтенія Купера, Эмара, Маріета и др.

VII. Изъ многихъ сотенъ *газетныхъ статей* Аверкіева отмѣтимъ: 1) «Русскій публицистъ. Памяти Добролюбова» («Рус. Инв.» 1861 № 267) 2) «Дѣтскіе годы» «Сѣв. Пчела» 60-хъ гг. †). 3) Описаніе казни надъ цареубійцами въ «Нов. Вр.» 1881 г. (Апрѣль).

Въ издававшихся въ 1863—64 г. подъ редакціею Аполлона Григорьева еженедѣльныхъ газетахъ «Якорь» и «Оса» Аверкіевъ помѣстилъ множество юмористиче

скихъ статеекъ и стихотвореній подъ разными псевдонимами, всего чаще подписывая ихъ?

Только что приведенный нами, можно прямо сказать, огромный списокъ оригинальныхъ и переводныхъ произведеній Аверкіева прежде всего, конечно, характеризуетъ его какъ неутомимаго литературнаго работника. Что-же касается содержанія этой разносторонней литературной дѣятельности, то общій характеръ ея, несомнѣнно, дѣлаетъ разсматриваемаго нами теперь автора однимъ изъ наиболѣе рѣзкихъ выразителей стремленій консервативной части русской журналистики и русскаго общества. Если исключить нейтральную область театральной критики, въ которой, сказать кстати, Аверкіевъ пріобрѣлъ себѣ мало кѣмъ оспариваемую репутацію большаго знатока дѣла, то едва-ли можно будетъ указать въ приведенномъ нами перечнѣ произведеній автора «Каширской старины» больше двухъ-трехъ такихъ, гдѣ-бы въ основѣ не лежала какая-нибудь охранительная тенденція. Этимъ объясняется, между прочимъ, почему имя Аверкіева окружено такою враждою въ противоположномъ лагерѣ, почему литературная дѣятельность его, начиная съ 60-хъ гг. и кончая нашими днями, всегда вызывала въ рядахъ представителей «лѣвой» стороны русской журналистики крайне непріязненное и насмѣшливое къ себѣ отношеніе.

Въ статьяхъ критическаго и публицистическаго характера только что указанное стремленіе Аверкіева къ консервативной тенденціозности выражается, съ одной стороны, крайне рѣзкими нападками на умственное движеніе 60-хъ годовъ, а съ другой столь-же рѣзко выраженной приверженностью къ преданіямъ всякаго рода, какъ общественно-политическимъ, такъ и литературнымъ. Вражда къ новому строю русской мысли, народившемуся послѣ крымской войны, какъ мы уже знаемъ изъ біографической части настоящей статьи возникла въ Аверкіевѣ еще въ университетѣ, въ извѣстной степени подъ вліяніемъ Н. Н. Страхова, а въ извѣстной степени благодаря тому, что въ немъ очень крѣпко сидѣли традиціи родительскаго дома, полныя благоговѣнія предъ стариною. Въ самомъ началѣ, однако-же, 60-хъ гг., когда вскорѣ затѣмъ происшедшаго рѣзкаго раздѣленія на діаметрально - противоположные литературно-общественные лагери еще не было, Аверкіевъ одно время даже тѣсно примыкалъ къ людямъ, видѣвшимъ въ новомъ фазисѣ русской общественной жизни только хорошія стороны. Въ этотъ начальный періодъ своей литературной дѣятельности Аверкіевъ нашелъ въ себѣ достаточный запасъ уваженія къ идеямъ Добролюбова, чтобы написать очень теплый некрологъ только что умершаго тогда (1861) знаменосца

ременника». Но уже черезъ два три года молодой писатель, ии виднымъ членомъ кружка «Эпохи», началъ брать въ этомъ къ по себѣ вовсе не исключительно - консервативномъ журналѣ, рѣзко - враждебные новому теченію русской мысли ноты, что ревъ, въ своей относящейся къ 1865 году полемической статьѣ гулка по садамъ россійской словесности», назвалъ его рыцаремъ хобѣсія и сикофанства». Съ тѣхъ поръ враждебное отношеніе кіева къ идеямъ 60-хъ гг. не уменьшилось. Ни все болѣе и е обострявшееся раздѣленіе между двумя лагерями русской общеіной мысли, ни постоянныя насмѣшки, которыя встрѣчало въ лиьныхъ изданіяхъ каждая новая статья и каждое новое художеіное произведеніе Аверкіева не могли содѣйствовать тому, чтоыше отмѣченная вражда нашего автора къ идеямъ 60-хъ гг. ько-нибудь ослабѣла въ немъ. Что касается положительной стоі общественнаго міросозерцанія Аверкіева, именно его уваженія ;реданіямъ всякаго рода, то рѣзче всего это выразилось въ дра› и повѣстяхъ его изъ древне-русской жизни и предшествоваві имъ изученіи лѣтописей и вообще русской старины. Уже въ мъ обращеніи профессіональнаго естественника и недавняго водчика Гейне къ изученію лѣтописей и воспроизведенію ихъ художественной формѣ сказалось желаніе дать отпоръ отрицаному отношенію 60-хъ гг. къ традиціямъ прошлой общественной сударственной жизни нашей. Извѣстно, что въ 60-хъ гг. господвало крайнее пренебреженіе ко всѣму, что не носило на себѣ чатка послѣдняго слова европейской цивилизаціи и что не ю непосредственнаго отношенія къ текущей злобѣ дня. Вотъ му и ко всякому изученію древне-русской жизни, развѣ только не имѣло цѣлью свергнуть прежніе кумиры, передовые люди времени относились очень иронически. Филологъ напр. Писа-, ученикъ Срезневскаго и Сухомлинова, получившій во время го студенчества медаль за историческую работу, въ упомянутой разъ статьѣ «Прогулка по садамъ россійской словесности» не хо не постѣснился, но даже съ нѣкотораго рода гордостью заъ: «я русскихъ лѣтописей не читалъ и никогда читать не стану». › съ этимъ-то пренебреженіемъ къ старо-русской жизни Аверь, принадлежавшій въ качествѣ сотрудника «Эпохи» къ кружку лона Григорьева и Достоевскаго, постоянно говорившихъ въ то я о «почвѣ» и необходимости обосновать свое общественное ›озерцаніе на народныхъ и историческихъ преданіяхъ, вотъ у-то, говоримъ мы, пренебреженію къ русской жизни и рѣ:я поставить противовѣсъ молодой писатель не только путемъ

публицистической борьбы, но и путемъ художественнаго воплощенія дорогихъ ему преданій. Выборъ-же сюжета перваго большаго художественнаго произведенія Аверкіева—«лѣтописнаго сказанія», озаглавленнаго «Мамаево побоище», станетъ намъ вполнѣ понятнымъ, если мы вспомнимъ, что «Мамаево побоище» написано какъ разъ тогда (1864), когда Костомаровъ, въ тонъ общему стремленію разрушать установившіяся репутаціи, напечаталъ статью, имѣвшую цѣлью доказать, что окруженный ореоломъ величайшей геройской славы Дмитрій Донской на самомъ дѣлѣ всего менѣе былъ герой и что освободилъ Россію не онъ, а исключительно благопріятно сложившіяся обстоятельства. Велико было негодованіе, которое вызвало въ Аверкіевѣ статья Костомарова и изъ библіографическаго перечня статей его мы уже знаемъ, что онъ вступилъ съ скептикомъ-историкомъ въ полемику, прибавимъ теперь—очень горячую. Но кромѣ этого отрицательнаго отпора, молодой поклонникъ древне-русскихъ преданій рѣшился воздѣйствовать на общественное сознаніе и путемъ положительнымъ, для чего въ своемъ «лѣтописномъ сказаніи» и изобразилъ Дмитрія Донскаго и эпоху Куликовской битвы именно въ тѣхъ величавыхъ чертахъ, къ которымъ пріучили насъ трагедіи Озерова и учебникъ Устрялова.

Во всѣхъ послѣдовавшихъ многочисленныхъ историческихъ драмахъ и повѣстяхъ своихъ, Аверкіевъ остался вѣренъ тону, взятому имъ въ «Мамаевомъ побоищѣ». Нельзя, правда сказать, чтобы историческія драмы и повѣсти автора «Каширской старины», рисовали исключительно свѣтлыя стороны древне-русской жизни. Нѣтъ, у него слишкомъ много знанія этой жизни и достаточно художественнаго такта, чтобы рядомъ съ величавыми фигурами выводить и личности, всего менѣе привлекательныя. Но, все таки, по общему колориту рисуемыхъ Аверкіевымъ картинъ древне-русской жизни, онъ всецѣло примыкаетъ къ тому воззрѣнію на допетровское время, которое видитъ въ ней эпоху нравственной цѣльности по преимуществу, эпоху крѣпкихъ и достойныхъ подражанія идеаловъ и принциповъ.

Было-бы, однакоже, совершенно неправильнымъ, еслибы читатель на основаніи только-что сказаннаго нами причислилъ историческія драмы Аверкіева къ литературѣ славянофильства. Правда, онѣ имѣютъ очень много общаго съ славянофильскими представленіями о древне-русской жизни. Но за то въ нихъ совершенно нѣтъ одной весьма характерной для славянофильства черты—благоговѣнія предъ народомъ въ непосредственномъ смыслѣ этого слова. ЕслиАверкіевъ преклоняется предъ древне-русскою жизнью, то только въ лицѣ

кшихъ классовъ ея. Правда, въ «Каширской старинѣ» знатный яринъ пасуетъ предъ мелкимъ помѣщикомъ, но все таки этотъ по- ѣщикъ дворянинъ и очень хорошаго рода. Бѣднаго дворянина Фрола кабѣева авторъ очень любитъ, но опять таки онъ дворянинъ и тоже : дурного рода. Въ большинствѣ-же случаевъ величавыя рѣчи и ысокіе принципы Аверкіевъ вкладываетъ въ уста князей, бояръ, рхипастырей. А народъ у него или совсѣмъ не фигурируетъ или граетъ роль простаго аксессуара. И вотъ почему, если уже причи- лять Аверкіева къ какому-нибудь установившемуся направленію, о точнѣе всего его можно охарактеризовать сказавши, что его исто- ическія драмы являются воплощеніемъ теорій такъ названной А. І. Пыпинымъ «оффиціальной народности», представителями кото- ой были Карамзинъ, Шишковъ, Погодинъ, Устряловъ.

Переходя къ чисто-художественной сторонѣ произведеній Авер- іева приходится сказать слѣдующее: центромъ тяжести его писа- тельской личности являются его историческія драмы. На нихъ онъ сосредоточиваетъ всѣ свои творческія силы и весь свой творческій пафосъ. Повѣсти-же Аверкіева, какъ историческія, такъ еще въ большей степени почерпнутыя изъ современной жизни, а также драмы его, написанныя не на историческіе или былинные сюжеты, производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто онѣ сочинены между прочимъ, безъ особенной любви къ нимъ автора.

Что касается, затѣмъ, художественной манеры Аверкіева, то его слѣдуетъ причислить къ писателямъ, любящимъ кричащія краски и бьющіе въ глаза эфекты, что, впрочемъ, въ извѣстной степени обусловлено самымъ родомъ такъ называемой «высокой трагедіи», къ которому принадлежитъ большая часть драматическихъ произ- веденій Аверкіева. Рядомъ, однако-же съ этою напряженностью нашъ авторъ очень любитъ выводить личности комическія и потому- ли, что русскій читатель и зритель, по врожденной русскому чело- вѣку любви къ реализму и естественности, предпочитаетъ веселую шутку напыщенной ходульности, потому ли что старинная литера- тура, оказывающая Аверкіеву большія услуги при улавливаніи внѣш- няго и внутренняго облика древней Руси, гораздо богаче матеріа- лами для рисовки фигуръ добродушно - балагурящихъ и острящихъ, но только фактъ тотъ, что комическія личности въ драмахъ Аверкіева гораздо рѣже подвергаются осужденію даже враждебной ему части критики и театральной публики, чѣмъ трагическія фигуры его, по- служившія тэмою цѣлаго ряда сатирическихъ пародій. Злѣе другихъ пародіи В. П. Буренина.

Аверьянъ Любопытный—псевдонимъ *Г. Ѳ. Квитки* †).

* **Аврамій** (Александръ *Лѣтницкій*), епископъ Тобольскій и Сиби| скій. *По свѣдѣніямъ, извлеченнымъ нами изъ архива св. Синода*, сын діакона астраханской губ., гдѣ родился въ 1836 г. Съ 1851—58 учился въ астраханской семинаріи, съ 1858—62 г. въ казанск дух. академіи, которую окончилъ со степенью магистра. Въ 1863 опредѣленъ помощникомъ инспектора смоленской семинаріи и тог же принялъ постриженіе въ монашество. Въ 1865 г. переведен инспекторомъ въ тверскую семинарію, въ 1868 г. назначенъ рект ромъ вологодской семинаріи, съ возведеніемъ въ санъ архимандрит въ 1874 г. перемѣщенъ ректоромъ тифлисской семинаріи, въ 1879 г.- калужской; въ 1880 г. рукоположенъ во епископа михайловскаг викарія рязанскаго, въ 1881 г. перемѣщенъ на каѳедру брестску въ 1885 г.—на каѳедру тобольскую.

* **Авесовъ**—псевдонимъ *Г. Н. Потанина*. («Камско-Волжская газет «Сибирь», «Недѣля» 1870-хъ гг.).

Авзоніоли, Ѳ.—псевдонимъ *И. А. Гульянова* †).

Авиновъ. *Александръ Павловичъ*, адмиралъ ††). Родился 18 мар 1786 г. въ селѣ Васильевѣ, касимов. уѣзда рязанск. губ., въ старин дворянской семьѣ, учился въ морскомъ корпусѣ, а въ 1804 г. вм стѣ съ Лазаревымъ и еще нѣсколькими молодыми моряками бы отправленъ для усовершенствованія въ Англію. Здѣсь онъ поступи подъ начальство Нельсона и участвовалъ между прочимъ въ Тр фальгарскомъ сраженіи. Въ дальнѣйшей своей карьерѣ Авиновъ особенности отличился подъ Наварином и былъ однимъ изъ гла ныхъ сотрудниковъ Лазарева по устройству черноморскаго фло Умеръ въ Петербургѣ 13 сентября 1854 г.

Авиновъ долженъ быть занесенъ въ лѣтописи географическ науки, какъ одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ участниковъ снар женной въ 1819 году экспедиціи для описанія сѣверныхъ б реговъ Америки и отысканія около нихъ пути въ Атлантичес океанъ. Вмѣстѣ съ другими членами экспедиціи онъ поднимал чрезъ Беринговъ проливъ до 72° сѣв. шир., а затѣмъ въ отдѣльнос командуя небольшимъ ботомъ, обслѣдовалъ и описалъ американск берегъ Вост. океана отъ м. Невенгама до м. Дерби (около прежни нашихъ американскихъ колоній) и собралъ свѣдѣнія о жителя острова Нунивока, которые до того еще не имѣли никакихъ св

---

†) *С. Пономаревъ* въ Календ. Суворина на 1880 г.

††) 1) «Морск. Сборн.» 1855 г. № 1, стр. 68—86. 2) *Ѳедоровскій* въ «Энц. сло изд. рус. пис. и уч.» т. I.

[illegible]начаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

ній съ европейцами. Одинъ изъ открытыхъ Авиновымъ мысовъ (...° с. ш. и 166° 30′ в. д.) носитъ его имя.

Авксентій ((*Афанасій Галинскій* †), родился 1782 г. въ м. Обуховѣ, ...ской губ., сынъ протоіерея. По окончаніи курса въ кіевской ...х. акад. преподавалъ въ ней рус. и греч. языки въ низшихъ классахъ. Съ 1817 г. состоялъ инспекторомъ и учителемъ богословскихъ наукъ въ воронежской семинаріи, съ 1819 г. ректоромъ той же семинаріи; скоро послѣ того онъ былъ назначенъ проповѣдникомъ Кіевопечерской Лавры; а въ 1826 г., по возведеніи въ санъ архимандрита—намѣстникомъ ея; въ 1834 г. его перемѣстили настоятелемъ ...во-николаевскаго монастыря, гдѣ онъ и скончался 1 апрѣля 1844 г.

Ему принадлежатъ 1) «*Начальныя упражненія въ проповѣдываніи слова Божія по руководству наставниковъ*» Спб. 1837 г. 2) «*Слово въ день архистратига и ...ства И. И. В. Михаила Николаевича и Михаила Павловича*». Спб. ... г.

Авксентьевъ А. сельскій хозяинъ ††). Учился въ московской земледѣльческой школѣ. Писалъ: 1) «*Замѣчанія, сдѣланныя въ шелководномъ заведеніи А. Ѳ. Реброва*» («Журн. Сельск. Хоз.» 1836 г.). 2) «*Объ употребляемомъ въ Китаѣ способѣ воспитывать шелковичныхъ червей и ...ивать коконы*» (Ib. 1837). 3) «*О шелководствѣ въ заведеніи А. Ѳ. Реброва, въ Кавказской области*» (Ib. 1838). 4) «*Взглядъ на садоводство въ слободѣ Владиміровѣ, Кавказской области*» (Ib.). 5) «*Замѣчанія о шелководствѣ А. Ѳ. Реброва въ 1837 г.*» (Ib.). 6) «*Объ истребленіи солончаковъ, посредствомъ водопроводныхъ канавъ, въ имѣніи А. Ѳ. Реброва*» (Ib.). 7) «*Наблюденія надъ озимымъ хлѣбомъ въ зимнее время*» (Ib. 1842 г.) 8) «*Простые опытные способы пользованія болѣзней рогатаго скота*» (Ib. 1842 г.). 9) «*Объ учрежденіи общественной запашки, общественныхъ луговъ и общественной кассы*» (Ib. 1844 г.). 10) «*Очерки сельско-хозяйственной промышленности новороссійскаго края*» (Ib. 1850 г.). 11) «*О времени посѣва хлѣбныхъ растеній*» (Ib. 1854 г.). 12) «*Наблюденія надъ болѣзнью картофеля*» (Ib.).

Авраамій Палицынъ, см. Палицыны.

Авраамій старецъ расколоучитель второй половины XVII вѣка†††)

---

†) 1) *Аскоченскій*, «Кіевъ» ч. II, стр 408—409. 2) *С. Пономаревъ* въ «Дух. ...» 1862 г. № 11. Прилож. стр. 1. 3) *Геннади*, Слов. 4) *Филаретъ*, Обзоръ ... стр. 460.

††) 1. *Я. Калиновскій* въ «Энц. слов., изд. рус. уч. и лит.». т. I, стр. 257. ...*, «Энц. слов.» т. 1, стр. 56.

†††) 1) *Александръ Б.* (Бровковичъ) «Описаніе нѣкоторыхъ соч. нап. рус. раскольниками». 2) «Дополненія къ Актамъ историческимъ», т. V, стр. 458. 3) ..., Обзоръ стр. 211. 4) *П. И. Мельниковъ*, въ «Энц. слов», изд. рус. уч. и лит.»

въ мірѣ Афанасій. По «дѣяніямъ» московскаго собора 1666 г. онъ былъ іеромонахомъ Лысковскаго на Волгѣ монастыря. Раскольничій «Виноградъ Россійскій» говоритъ о немъ, какъ о постникѣ, ведшемъ до выступленія на защиту «правой вѣры» подвижническую жизнь въ нижегородскихъ пустыняхъ. Никоновскія исправленія смутили душевный покой Авраамія, онъ отправился въ Москву и подалъ Алексѣю Михайловичу «жалобныя писанія» на патріарха. Въ Москвѣ Авраамій очень близко сошелся съ только что вернувшимся изъ первой ссылки Аввакумомъ и настолько примкнулъ къ его ученію, что протопопъ въ своемъ сочиненіи «на крестоборную ересь» называетъ его своимъ духовнымъ сыномъ. Призванный, однако же, къ отвѣту на соборъ 1666 г. Авраамій первоначально испугался и покаялся, вслѣдствіе чего его послали въ Троицко-Сергіеву лавру «ради исправленія». Но вскорѣ онъ оправился, началъ вести переписку съ сосланнымъ въ Пустозерскъ Аввакумомъ, а въ 1670 г. снова подалъ челобитную объ уничтоженіи «новшествъ». Ему учинили строгій допросъ во время котораго, по разсказу Авраамія, митрополитъ Павелъ Крутицкій жестоко избилъ его, и когда онъ продолжалъ упорствовать, его разстригли и сослали. Въ ссылкѣ Авраамій не унялся, однако, энергично пропагандировалъ свои воззрѣнія и, въ концѣ концевъ, былъ сожженъ въ срубѣ [1]).

т. I. 5) «Братское слово» 1875 г. кн. 4-я 6) *Замысловскій*, Предисловіе къ челобитной Аврамія, изд. въ 6 выпускѣ «Лѣтописи занятій Археографич. Коммисіи.» 7) *Н. Субботинъ*, «Матер. для исторіи раскола», т. I. стр. 458—464, т. II, стр. 117—118. 8) *Н. Субботинъ*, Предисловіе къ VII тому «Матер. для исторіи раскола». 9) *Ив. Черваянскій* въ «Тамб. епарх. вѣд.» 1874 г. № 18.

[1]) Только что приведенныя данныя объ Аврааміи можно было до сихъ поръ считать болѣе или менѣе установившимися, потому что никто противъ нихъ не возражалъ. Но въ самое послѣднее время, именно въ прошломъ (1885) году, извѣстный знатокъ раскола—проф. Н. Субботинъ въ предисловіи къ VII тому «Матеріаловъ для исторіи раскола», посвященному сочиненіямъ разсматриваемаго нами теперь расколоучителя, сдѣлалъ попытку раздвоить до сихъ поръ извѣстнаго въ нашей исторіографіи старца Аврамія Лысковца или Аврамія Нижегородца на два лица — Аврамія-іеромонаха — просто расколоучителя и Аврамія-инока — расколоучителя и писателя. Упомянувъ объ ученыхъ, занимавшихся Авраміемъ, проф. Субботинъ говоритъ:

«Всѣ эти писатели признаютъ, что іеромонахъ Аврамій, судившійся и принесшій покаяніе на соборѣ 1666 г. есть одно лице съ инокомъ Авраміемъ—авторомъ «*Челобитной*» и другихъ сочиненій. Но мы полагаемъ, что утверждать это съ рѣшительностью никакъ нельзя; напротивъ, есть основаніе считать іеромонаха Аврамія и инока за два различные лица. Для біографіи Аврамія—автора *Челобитной* очень важно его сочиненіе «Вопросъ и отвѣтъ», въ которомъ онъ повѣствуетъ о своемъ взятіи подъ стражу въ 1670 г., о состязаніи съ властями—Павломъ Крутицкимъ, Симономъ Вологодскимъ, Иларіономъ Рязанскимъ, и о произнесеніи

зъ написаннаго Авраамiемъ до недавняго времени были извѣ-
1) «*Челобитная*» Алексѣю Михайловичу. 2) «*Посланіе старца*
ımiя къ нѣкоему боголюбцу сущу — о послѣднемъ времени» и 3)
ѣтъ старца Авраамiя Павлу Крутицкому и властямъ». Сочи-
эти въ раскольничьей литературѣ занимаютъ видное мѣсто,
какъ хотя Авраамій въ своихъ «отвѣтахъ» и говоритъ о себѣ:
ду ты, владыко (архіеп. Илларіонъ Рязанскій), реклъ ми еси
иторики философства не учихомся, и грамматическаго глубоко
аемъ, кромѣ малаго нарѣчія всправѣ, и прочитаю книгу бла-
наго закона, такожъ отчасти мало и историческихъ книгъ чи-
», но за то онъ, какъ и Аввакумъ, былъ чрезвычайно начитанъ
з. писаніи и отеческихъ сочиненіяхъ и умѣло пользовался ци-
ми изъ нихъ. Въ «Челобитнѣ» и «Отвѣтахъ» Авраамій въ зна-
ьной степени повторяетъ Аввакума и соловецкихъ старцевъ, но
въ «посланіи къ боголюбцу» онъ первый изъ расколоучителей

наго суда надъ нимъ. Здѣсь, въ этомъ сочиненіи Аврамія, мы, во первыхъ, одимъ никакого указанія на то, чтобы онъ имѣлъ священный санъ, напро- онъ называетъ себя просто чернецомъ и упоминаетъ только о томъ, что его и монашества; во вторыхъ, что особенно важно, мы не находимъ здѣсь ни- указаній на то, чтобы онъ судился прежде, на соборѣ 1666 г. Власти— ь, Симонъ и Иларіонъ, присутствовавшіе на всѣхъ засѣданіяхъ собора . и па томъ самомъ (10-мъ), къ которому въ сказаніи о соборѣ пріурочено еромонаха Аврамія, безъ сомнѣнія, не преминули бы на допросѣ Аврамію—*Челобитной*, происходившемъ въ 1670 г., поставить на видъ, что онъ че- ода тому назадъ уже судился за принадлежность къ расколу и, главное, инесъ тогда раскаяніе.—еслибъ это былъ дѣйствительно Аврамій, судив- и раскаявшійся на соборѣ 1666 года (какъ напр. припомнили объ этомъ Никитѣ во время преній въ Грановитой Палатѣ даже въ 1682 г.). Между изъ разсказа Аврамія видно, что власти не только не дѣлали ему такихъ наній, напротивъ—встрѣтили его какъ дотолѣ неизвѣстное имъ лице, о ъ имѣли свѣдѣнія лишь по слухамъ: спрашивали его объ его «обѣщаніи», зъ какого онъ монастыря: Павелъ Крутицкій говорилъ о немъ Симону Во- кому: «*слышалъ я* отъ многихъ о Авраамiи томъ, что имѣетъ онъ разсужде- ютъ писанія», и Симонъ отвѣтилъ Павлу: «*слышалъ и я*, что нарочитъ».), чтобы Авраамій—авторъ Челобитной—судился на соборѣ 1666 г., не упо- ъ и Денисовъ въ его біографіи, помѣщенной въ «Виноградѣ Россійскомъ». Авраамія, судившагося на соборѣ 1666 г., какъ справедливо замѣтилъ г. За- скій, находилось въ связи съ дѣломъ нижегородскаго расколоучителя Еф- отемкина; между тѣмъ не видно, чтобы Авраамій—авторъ *Челобитной* нахо- зъ какихъ-либо отношеніяхъ къ Ефрему и вообще къ нижегородскимъ рас- камъ: изъ упомянутаго выше его сочиненія напротивъ видно, что онъ имѣлъ связи собственно съ раскольниками, жившими въ Москвѣ и дѣйствовав- въ самое первое время по возникновеніи раскола—Аввакумомъ (который етъ Аврамія своимъ духовнымъ сыномъ), игуменомъ Өеоктистомъ, Анто- протопопомъ Иваномъ Нероновымъ: на допросѣ онъ самъ показалъ, что

обосновалъ одинъ изъ краеугольныхъ камней старообрядчества— ученіе о томъ, что антихристъ уже народился въ сѣверныхъ странахъ. «Антихристъ», говоритъ Авраамій, «долженъ явиться, какъ возвѣстилъ Афанасій Великій, въ Скиѳополѣ, Скиѳополь же есть русская земля. По ученію апостола и отцевъ церкви, онъ явится въ Римѣ, а патріархъ Филофей по внушенію отъ Бога чрезъ папу Сильвестра исповѣдалъ русскую землю третьимъ Римомъ, а четвертаго Рима не будетъ. По свидѣтельству Петра Дамаскина и Іоанна

отъ нихъ получалъ разныя, отобранныя у него при арестѣ письма и бумаги. Еще въ «Житіи Корнилія» упоминается, что Аврамій, вмѣстѣ съ Аввакумомъ, Даніиломъ, Досиѳеемъ и др. присутствовалъ на раскольничьемъ соборѣ, бывшемъ не позднѣе 1654 г. Все это показываетъ, что онъ въ первые годы Никонова патріаршества находился уже въ Москвѣ и принадлежалъ къ обществу первыхъ расколоучителей. — По свидѣтельству Денисова въ «Виноградѣ Россійскомъ», Аврамій взятъ былъ подъ стражу за то, что подалъ царю «жалобныя моленія на Никона и того послѣдователей», т. е. одну (яко бы первую) челобитную еще ранѣе 1670 г. Но съ этимъ извѣстіемъ трудно согласиться. Въ своей челобитной (по счету Денисова второй), поданной изъ заключенія, не ранѣе 1670 г., Аврамій не преминулъ бы упомянуть о прежней, незадолго предъ тѣмъ поданной, еслибъ дѣйствительно подалъ ее и за нее сидѣлъ подъ стражей; между тѣмъ ни о какой своей, прежде поданной, челобитной здѣсь Аврамій не упоминаетъ, хотя имѣлъ къ тому и ближайшій поводъ, когда здѣсь же перечислялъ расколоучителей, подававшихъ царю именно челобитныя въ разное время. Также и власти на допросѣ не преминули бы сдѣлать ему вопросы касательно челобитной и самаго ея содержанія, еслибъ Аврамій именно за челобитную былъ привлеченъ къ суду (такъ Никиту на соборѣ 1666 г. допрашивали именно объ его челобитной). Между тѣмъ власти, въ самомъ началѣ допроса, не упоминая ни о какой челобитной, поставляли ему въ вину собственно то, что онъ «пишетъ къ Аввакуму протопопу грамотки, и въ тѣхъ грамоткахъ своихъ зѣло его хвалитъ и о великихъ дѣлахъ вопрошаетъ». Отсюда можно видѣть, что Аврамія взяли подъ стражу не за челобитную (какой онъ не подавалъ еще), а по тому случаю, что были открыты его сношенія съ находившимся въ пустозерской тюрьмѣ протопопомъ Аввакумомъ и были именно перехвачены его письма къ Аввакуму, въ которыхъ онъ восхвалялъ этого послѣдняго, и, по собственному его объясненію, сообщалъ Аввакуму свое мнѣніе, что Никона «слично» назвать антихристомъ. Изъ разсказа Аврамія видно, что вмѣстѣ съ нимъ были взяты подъ стражу за сношенія съ Аввакумомъ и нѣсколько другихъ жившихъ въ Москвѣ раскольниковъ, составлявшихъ, какъ видно, цѣлое общество, во главѣ котораго стоялъ Аврамій: «*приходилъ по насъ* соборный попъ Петръ со многими служивыми людьми... поемше мя просто, ведоша на Мстиславскій дворъ... *прочихъ же* видѣхъ многихъ ведомыхъ». За подачу же челобитной, конечно, взяли бы одного Аврамія. Итакъ мы полагаемъ, что инокъ Аврамій, авторъ *челобитной*, есть другое лице, а не тотъ іеромонахъ Аврамій, который судился и принесъ раскаяніе на соборѣ 1666 г.,—что онъ принадлежалъ къ московскому обществу первыхъ расколоучителей, но сдѣлался извѣстенъ правительству только въ 1670 г., когда были открыты его сношенія съ сосланнымъ въ Пустозерскъ протопопомъ Аввакумомъ, за что онъ и взятъ былъ подъ стражу».

Златоустаго, антихристъ будетъ не отъ царскаго рода, учинитъ отступленіе, и сего ради сынъ погибельный наречется и совершенно во всемъ будетъ подобитися Христу». Все это по мнѣнію Авраамія осуществилось въ Никонѣ:

«Вѣдомо будетъ имущимъ умъ: зѣло подобится (Христу), Никонъ пагубникъ, яко строилъ Іерусалимъ въ сѣверной сторонѣ (т. е. Воскресенскій монастырь) и рѣку Истру Іорданомъ проименовалъ, и церьковь такову, какова въ Іерусалимѣ, построилъ и въ томъ своемъ льстивомъ Іерусалимѣ станомъ уставися, и около своего льстиваго Іерусалима Назаретъ и Виѳлеемъ и прочая у него лестная Галилейская пустыня, а горамъ такожде новыя имена иныя подавалъ: гора Голгофа и прочая преименовалъ, а чернцамъ, постригающе, имена даетъ Серафима».

Кромѣ названныхъ трехъ произведеній Авраамія, пр. Субботину удалось въ послѣднее время открыть еще два, несомнѣнно принадлежащихъ автору теоріи объ антихристѣ, именно: 4) составленный имъ сборникъ «*Христіаноопасный щитъ вѣры противъ еретическаго ополченія* и 5) «*О антихристовой пестрообразной прелести*», отъ котораго впрочемъ сохранились только начальныя страницы, ничего замѣчательнаго собою не представляющія. «Христіаноопасный-же щитъ» представляетъ собою замѣчательную раскольничью хрестоматію, въ которой составитель очень искусно выбралъ изъ отеческихъ и иныхъ богословскихъ сочиненій все то, что, по его мнѣнію, говоритъ въ пользу «правой вѣры» и противъ Никона. Тутъ есть выписки изъ Великаго Катехизиса, пять словъ Максима Грека, «сказаніе отчасти чудесъ преподобнаго Игнатія вологодскаго», слово Златоуста, челобитня Ивана Неронова, автобіографическая записка извѣстнаго инока Епифанія—духовнаго отца Аввакума, «молебное писаніе» раскольника Ѳеоктиста, челобитная Аввакума, сказаніе Симеона Суздальца о Флорентійскомъ соборѣ, заимствованія изъ «Великаго зерцала» статья «о Удонѣ епископѣ магдебургскомъ», 2 поученія митрополита Фотія, нѣсколько статей діакона Ѳеодора, выдержки изъ старопечатной кормчей, изъ св. писанія, изъ отвѣтовъ Аѳанасія князю Антіоху объ антихристѣ, соловецкія челобитныя, соборное изложеніе патріарха Филарета о крещеніи бѣлорусцевъ и др. мелкія статьи. Многія главы сборника писаны самимъ Аврааміемъ и кромѣ того онъ снабжалъ каждую приводимую имъ откуда-нибудь статью своими примѣчаніями или какъ онъ ихъ называетъ «пристыженіями» (никоніанцевъ, конечно).

Сочиненія Авраамія самымъ полнымъ образомъ изданы пр. Субботинымъ въ VII томѣ «Матеріаловъ для исторіи раскола», цѣли-

комъ посвященнаго этимъ сочиненіямъ. До того «Челобитная» и «Посланіе къ боголюбцу» были изданы проф. Замысловскимъ въ VI и VII выпускѣ «Лѣтописи занятій археографической коммиссіи».

Авраамій, съ 1431 по 1452 г. епископъ *суздальскій* †). Извѣстенъ своимъ участіемъ во флорентинскомъ соборѣ, куда ѣздилъ вмѣстѣ съ митрополитомъ Исидоромъ и инокомъ Симеономъ, описавшемъ свое путешествіе. Онъ сначала не хотѣлъ подписывать акта соединенія церквей, за что Исидоръ велѣлъ его посадить въ темницу. «И сидѣлъ Авраамій», какъ собщаетъ Симеонъ, «недѣлю и той подписалъ нужею». Свѣдѣніе это, однако, едва ли вѣрно, такъ какъ ни въ славянскомъ описаніи дѣяній собора (Горскій, стр. 480), ни въ греческомъ спискѣ подписей участниковъ собора, напечатанныхъ у Матеи, подписи Авраамія нѣтъ. По возвращеніи въ Москву онъ, повидимому, много содѣйствовалъ низверженію Исидора. Изъ дальнѣйшей жизни Авраамія извѣстно только, что онъ подписалъ посланіе митрополитовъ къ Дмитрію Шемякѣ и что при немъ въ 1446 г. въ суздальской соборной Богородицкой церкви «сътворися знаменіе велико: мѣсяца априля, въ канунѣ Преполовенія, начаша напрасно святительскія гробы внутри горѣти и падати; а на завтрее въ самый праздникъ Преполовенія, падеся церковь сборная святая Богородица». (П. С. Р. Л. IV. 124). Въ числѣ епископовъ, поставлявшихъ митр. Іону, упоминается и Авраамій.

Къ литературѣ Авраамій сопричастенъ любопытнымъ описаніемъ того, какъ: «въ фряжской землѣ, во градѣ, зовомомъ Флорензѣ, нѣкій человѣкъ хитръ родомъ Фрязинъ, устрои дѣломъ многимъ людемъ удивленіе, дѣло хитро и чудно и во образъ по всему и по подобію схожденіе снебесъ Архангела Гавріила въ Назаретъ къ дѣвицѣ Маріи, благовѣстити зачатіе единороднаго слово Божіе», т. е. мистерію. Описаніе это, все исполненное наивнаго удивленія предъ «дивнымъ и страшнымъ видѣніемъ» напечатано Новиковымъ въ «Древней Росс. Вивліоѳикѣ» т. XVII, стр. 178—185 подъ назв. «Хожденія Авраамія суздальскаго на осьмый соборъ съ митрополитомъ Исидоромъ въ лѣто 6945 (1437)» и второй разъ въ болѣе исправной

†) 1) *Карамзинъ*, V, стр. 171—3. 2) «Пол. Собр. Рус. Лит.» IV, стр. 124 и VIII, стр. 121—122. 3) *Евгеній*, Словарь дух. пис. 4) *Іоасафъ*, іер. «Церк. ист. опис. суздальск. достопам.». Чугуевъ 1857 г. 5) *Сидонскій*, въ «Энц. лексик.» Плюшара и тоже въ «Энц. слов.», изд. рус. уч. и лит. 6) *Филаретъ*, Обзоръ стр. 106 7) *Строевъ*, Библіолог. слов. 8) *Андрей Поповъ*. Истор.-лит. обзоръ древне-рус. полемич. сочин. противъ Латинянъ», стр. 400—406. 9) *А. Э—скій*, «Епископъ Авраамій и инокъ Симеонъ суздальскіе и путешествіе ихъ съ Митрополитомъ Исидоромъ на флорентійскій соборъ» въ «Влад. еп. вѣд.» 1872 г. № 48 и 49.

едакціи напеч. Андреемъ Поповымъ въ «Ист.-литер. обзорѣ древн. ус. полем. сочин. противъ латинянъ».

Авраамій Панкратьевичъ *Фирсовъ* см. *Фирсовъ.*

Авраамій (Флоринскій) †). Родомъ изъ малороссійскихъ мѣщанъ;) окончаніи курса въ Кіевской дух. академіи былъ въ ней съ 752 по 1758 г. учителемъ, проповѣдникомъ, префектомъ и препо- ıвателемъ философіи «по системѣ Баумейстра», тамъ же въ 1753 г. острижень. Въ 1758 г. назначенъ настоятелемъ или по западно- усской терминологіи того времени «пріоромъ» виленскаго свято- ухова монастыря, откуда въ 1762 г. переведенъ архимандритомъ о владимірскій константиновскій монастырь и вмѣстѣ съ тѣмъ азначенъ ректоромъ владимірской семинаріи. Въ 1773 г. Авраамія еремѣщаютъ въ ростовскій борисоглѣбскій, въ 1775 г. въ тамъ же аходящійся аврааміевъ монастырь, въ 1776 г. на годъ его вызвали ъ Петербургъ на чреду богослуженія, а въ 1786 г. перевели въ остовскій яковлевскій ставропигіальный монастырь, гдѣ онъ и кончался 30 апрѣля 1797 г. Изъ многочисленныхъ поученій Авра- мія Флоринскаго считалось, по указанію митроп. Евгенія и арх. Фила- ета, напечатаннымъ только одно, сказанное въ 1786 г. въ память св. [митрія Ростовскаго. (М. 1807), но Д. Д. Языковъ недавно сообщилъ, то ему удалось разыскать «*Слово во святый великій пятокъ*», М. 1807 .. тоже принадлежащее Флоринскому. Во время пребыванія въ авра- міевомъ монастырѣ онъ по указу синода занимался исправленіемъ тариннаго перевода Бесѣдъ Іоанна Златоуста на Евангелія Матөея ı Іоанна, изд. 1664 и 1665 гг. Многія мѣста этихъ обширныхъ комментаріевъ совершенно заново переведены Флоринскимъ. Такимъ образомъ исправленные переводы напечатаны въ Москвѣ: Бесѣды на Матөея въ 1781 г. (по указанію митроп. Евгенія; у Сопикова и Смирдина нѣтъ) на Іоанна (пересмотрѣнный еще еписк. Иринеемъ Клементьевскимъ) въ 1793 г. (Смирдинъ № 43). Одно рукописное поученіе имѣется въ библіотекѣ вышеназваннаго извѣстнаго библіо- графа Д. Д. Языкова.

Авраамъ, московскаго богоявленскаго монастыря архимандритъ ††) Издалъ «Слово» въ день коронованія Александра I. 1817 г.

---

†) 1) *Евгеній*, Слов. стр. 10. 2) *Амвросій*, Ист. рос. іерархіи, ч. I, стр. 447. 3) *Аскоченскій*, Кіевъ, т. II, стр. 209. 4) «Описаніе Ростовскаго Спасо-яковлев- скаго Димитріева монастыря». Спб. 1849 г., стр. 84—85. 5) *Филаретъ*, Обзоръ, стр. 377. 6) *Геннади*, Словарь, стр. 5. 7) *Надеждинъ*, Исторія Владимірск. дух. се- минаріи, стр. 49 и слѣд. 8) *Д. Языковъ*, въ «Библіографѣ», 1886 г., № 1.

††) 1) *Геннади*, Словарь, стр. 5. 2) *Д. Языковъ*, въ «Библіографѣ», 1885 г. № 2.

Авраамъ (Алексѣй Өедоровичъ *Шумилинъ*), архіепископъ Ярославскій и Ростовскій †), родился 16 мая 1761 г. въ с. Быстромъ, крутицской епархіи. Учился въ крутицкой семинаріи. Въ 1812 г. былъ протоіереемъ московскаго архангельскаго собора. Съ 1818 г. рукоположенъ во епископа тульскаго и бѣлевскаго. Въ 1821 г. возведенъ въ архіепископы и перемѣщенъ въ Астрахань, оттуда въ 1824 г.—въ Ярославль. Съ 1836 г. уволенный на покой, управлялъ ярославскимъ толгскимъ монастыремъ, въ которомъ и умеръ 14 апр. 1844 г. 83 лѣтъ. Отъ него остались два напечат. слова *«о покаяніи и причащеніи»*, и слово, произнесенное въ день коронованія Александра I. Спб. 1817 г.

Авраамовъ, *Матвѣй*, московскій священникъ начала нашего столѣтія ††), написалъ: *«Москва, оплакивающая бѣдствія свои, нанесенныя 1812 г. рукою жестокаго и злочестиваго врага и вмѣстѣ утѣшающая страждущихъ сыновъ своихъ»*. М. 1812 г. 8° (Соп. 12969). Патріотическія чувства, выраженныя въ этомъ произведеніи, должно быть пришлись по вкусу публики, потому что чрезъ 2 года оно вышло 2-мъ изданіемъ (Соп. 12970).

Авраамовъ, *Михаилъ Петровичъ*, одинъ изъ очень характерныхъ противниковъ Петровскихъ реформъ †††). По розысканіямъ Чистовича

---

†) 1) «Моск. губ. вѣд.», 1847 г. № 34. 2) «Тульскія епарх. вѣд.» 1895 г. № 5. 3) «Моск. епарх. вѣд.» 1881 г. № 8. 4) *Строевъ*, Списокъ іерарховъ. 5) *Лебедевъ, А.* «Московскій каѳедральный соборъ» М. 1880 г. стр. 88 (послужной списокъ). 6) *Д. Языковъ*, въ «Библіографѣ», 1885 г. № 2.

††) 1) *Вл. Саитовъ*, Замѣтки и разъясненія къ «Опыту россійской библіографіи» В. С. Сопикова въ Журн. «Мин. Нар. Пр.» 1876 г. 2) *Д. Языковъ* въ «Библіографѣ» 1885 г. № 2.

†††) 1) *П. Пекарскій*, «Наука и литература при Петрѣ Великомъ». т. 1, стр. 498—514 и въ другихъ мѣстахъ I и II томовъ, отмѣченныхъ въ указателѣ. Здѣсь впервые, на основаніи бумагъ, извлеченныхъ В. И. Ламанскимъ изъ государственнаго архива и переданныхъ Пекарскому, введены въ русскую исторіографію свѣдѣнія объ Авраамовѣ. 2) *П. Пекарскій*, въ «Энц. слов.», изд. въ 1862 г. рус. учен. и литерат. т. I, сокращенное повтореніе предъидущаго. 3) *Іоакинфъ Шишкинъ*, «Михаилъ Авраамовъ» въ «Невскомъ Сборникѣ» 1867 г.. стр. 375—429. Авторъ пользовался тѣми же бумагами, которыя были у Пекарскаго, который и передалъ ему ихъ, но сдѣлалъ изъ нихъ гораздо болѣе обширныя извлеченія. 4) *Чистовичъ* «Ѳеофанъ Прокоповичъ», стр. 261—267, 274—279 и во многихъ другихъ мѣстахъ, отмѣченныхъ въ указателѣ. Въ этой книгѣ находятся самыя полныя свѣдѣнія объ Авраамовѣ. Чистовичъ тоже пользовался матеріалами изъ государственнаго архива, но полнѣе обработалъ ихъ, чѣмъ Пекарскій и Шишкинъ. 5) Болѣе или менѣе краткія упоминанія въ «Словарѣ» *Геннади*, «Обзорѣ» *Филарета*, Ист. рус. лит. *Порфирьева* и *Галахова*. 6) *Посошковъ* «Сочиненія». М. 1863 г. ч. 2-я, стр. 273—314. Здѣсь напечатана Записка Авраамова о мѣдныхъ деньгахъ, неправильно приписанная Погодинымъ Посошкову. 7) *«Посошковъ и Авраамовъ»* въ *«Библ. д.* чт. 1864 г. № 2.

родился въ 1681 г. По десятому году онъ былъ отданъ въ посольскій приказъ, во главѣ котораго стоялъ тогда извѣстный дьякъ Емельянъ Украинцевъ. Въ 1697 г. Аврамовъ вмѣстѣ съ другими молодыми людьми былъ посланъ въ Голландію, гдѣ состоялъ при нашемъ послѣ Матвѣевѣ. Какъ оно ни странно для такого ревнителя старины, какимъ впослѣдствіи явился Аврамовъ, оказывается, однако, что во время пребыванія въ Голландіи онъ «за прилежное обученіе тамошними жителями былъ похваленъ и печатными курантами опубликованъ». Вернувшись въ 1702 г. въ Россію, морскимъ путемъ чрезъ Архангельскъ, Аврамовъ въ этомъ городѣ былъ представленъ Петру, а затѣмъ опредѣленъ дьякомъ московской оружейной палаты. Въ 1711 году Петръ назначилъ его директоромъ учрежденной имъ тогда въ Петербургѣ государственной типографіи, которою Аврамовъ, съ небольшими перерывами, завѣдывалъ вплоть до окончательнаго закрытія ея въ 1727 г., дослужившись при этомъ до чина статскаго совѣтника.

Какъ онъ самъ разсказываетъ въ розысканной Чистовичемъ въ государственномъ архивѣ автобіографіи своей, Аврамову жилось въ Петербургѣ очень весело. И какъ директоръ типографіи, и какъ зять кабинетъ-министра Макарова онъ былъ близокъ съ Петромъ, котораго неоднократно принималъ у себя и угощалъ. Деньги у него водились большія, натура его была увлекающаяся и страстная, и повело все это вмѣстѣ къ тому, что предался Аврамовъ, по собственному признанію своему, «ненасытному блуду», пьянству и другимъ «безумнымъ дѣламъ и злодѣйствамъ».

Но вотъ наступаетъ обычная въ такихъ случаяхъ реакція и, какъ большинство людей того времени, вчерашній распутникъ и чревоугодникъ начинаетъ думать о спасеніи души. Съ тѣмъ же беззавѣтнымъ порывомъ, съ какимъ раньше онъ кутилъ и распутничалъ, одумавшійся Аврамовъ предается дѣламъ благочестія. Онъ горитъ нетерпѣніемъ порвать всякія связи съ прошедшимъ. И вспоминаетъ онъ, между прочимъ, какъ онъ съ интересомъ читалъ «языческія» книжки Овидія и Виргилія, какъ онъ по повелѣнію Петра печаталъ «книжичища» астронома Гюенса, говорящаго, что земля вертится вокругъ солнца и тому подобныя «богомерзкія» вещи. Подъ вліяніемъ той среды, къ которой теперь примыкаетъ Аврамовъ—монашества, духовенства и вообще людей благочестивыхъ, ему послѣднія изъ только что названныхъ преступленій начинаютъ казаться наиболѣе тяжкими. И вотъ онъ подаетъ Петру первый изъ общественно-политическихъ проектовъ своихъ или «книгъ» какъ онъ ихъ называлъ, одновременно съ которымъ былъ имъ представленъ и 2) финансовый

проектъ «*О пользѣ умноженія въ народномъ обращеніи мѣдныхъ денегъ*». Но на первыхъ порахъ и именно потому, что проектъ подавался преобразователю, приверженность къ старинѣ очень искусно замаскирована въ немъ. Трактуетъ проектъ «*объ учрежденіи государственныхъ адвокатовъ*», на обязанности которыхъ лежало бы наблюденіе за ходомъ тяжебныхъ дѣлъ въ высшихъ инстанціяхъ. Разборъ же тяжебъ въ низшихъ инстанціяхъ, по мнѣнію Аврамова, слѣдовало предоставить выборнымъ судьямъ. Выборнымъ же людямъ Аврамовъ предлагаетъ отдать веденіе переписныхъ книгъ, сборовъ и попеченіе «о всякомъ человѣческомъ нравоученіи и о бѣдныхъ людяхъ». И вотъ въ проектированныхъ Аврамовымъ деталяхъ этого «попеченія» и сказалось желаніе вытѣснить новое теченіе, внесенное въ русскую умственную жизнь ближайшимъ помощникомъ преобразовательныхъ стремленій Петра — Өеофаномъ Прокоповичемъ. Аврамовъ именно предлагалъ напечатать въ большомъ количествѣ экземпляровъ особыя «тетрадки», въ которыхъ заключались бы: славословіе божіе, «царю небесный», псаломъ пятидесятый, символъ вѣры, заповѣди господни и церковныя. Вышеназванные выборные должны были, по проекту Аврамова, слѣдить за тѣмъ, чтобы весь народъ твердо выучилъ наизусть тетрадки.

Скрытый смыслъ этого страннаго на первый взглядъ проекта раскроется намъ только тогда, когда мы вспомнимъ, что незадолго до того было введено во всеобщее употребленіе извѣстное «Первое ученіе отрокамъ» Өеофана Прокоповича. Своими рѣзкими нападками на прежнюю систему воспитанія и обученія «Первое ученіе отрокамъ» крайне было непріятно приверженцамъ старины и вотъ, чтобы вытѣснить книгу Өеофана, Аврамовъ и проектировалъ свои тетрадки, представляющія собою полную копію прежнихъ букварей.

Потому ли что затаенная мысль проекта была такъ тщательно замаскирована, потому ли что Петръ просто не обратилъ никакого вниманія на проектъ Аврамова, авторъ его на первый разъ не пострадалъ. Но въ 1732 г. мы уже находимъ бывшаго директора закрытой въ 1727 году петербургской типографіи заточеннымъ въ иверскомъ монастырѣ. Причина этого заточенія заключалась во первыхъ въ томъ, что Аврамовъ въ 1730 г. подалъ Аннѣ Іоановнѣ 3-й проектъ свой о возстановленіи патріаршества, объ уничтоженіи присяги на подданство, придуманной Өеофаномъ, о пересмотрѣ гражданскихъ и церковныхъ законовъ, въ видахъ согласованія ихъ съ уставами св. отцевъ, и въ общемъ о возвращеніи духовенства «въ древнее благочиніе»; другою причиною заточенія Аврамова было изобличеніе его въ сношеніяхъ съ извѣстнымъ архимандритомъ

Маркелломъ Радышевскимъ, затѣявшимъ столь трагически для него кончившуюся борьбу съ будто бы «люторскими» нововведеніями Ѳеофана. Шесть лѣтъ тянулось дѣло Аврамова. Онъ былъ признанъ виновнымъ въ «преступленіяхъ немаловажныхъ», въ «продерзостномъ сужденіи» и сосланъ въ Охотскій острогъ, гдѣ ему пришлось очень круто отъ стоявшаго во главѣ администраціи того края—Скорнякова-Писарева. Пожалованное ему недвижимое имѣніе велѣно было все «отписать на ея императорское величество».

Состоялось это рѣшеніе въ 1738 г. Но въ началѣ царствованія Елизаветы Петровны мы опять находимъ Аврамова въ столицахъ. Въ числѣ другихъ жертвъ бироновщины, новая императрица помиловала и бывшаго директора типографіи. Не долго, однако же пришлось безпокойному приверженцу старины пользоваться свободою. Въ немъ продолжала жить жажда подвига, жажда принести искупительную жертву за прежнее «безуміе» и потворство европеизму, и опять подаетъ онъ (4-й) проектъ, клонившійся къ «духовного чина и духовныхъ дѣлъ исправленію» и охужденію новыхъ порядковъ. На этотъ разъ Аврамовъ предлагалъ назначить особыхъ «начальниковъ», которые вмѣстѣ съ священниками каждую недѣлю обходили бы дома своихъ прихожанъ и учили бы ихъ «со всякою данною себѣ отъ Бога властью страху божію и доброму жительству». Надзоръ долженъ касаться не только прихожанъ, но и самаго духовенства и даже «державствующихъ особъ», если они «въ богопротивныхъ дѣлахъ явятся». Вслѣдъ затѣмъ Аврамовъ подвергаетъ рѣзкой критикѣ мѣры Петра, затруднявшія поступленіе въ монашество. Не желая принимать во вниманіе, что Петръ не хотѣлъ собственно ограничивать благочестіе, а хотѣлъ только воспрепятствовать разнымъ ловкимъ людямъ принимать монашество съ цѣлью уклоняться отъ рекрутчины и прочихъ мірскихъ тяготъ, Аврамовъ видитъ въ петровскихъ мѣрахъ исключительно оскорбленіе православія и потворство «обычаю лютеранскому и кальвинскому». Эта мысль объ униженіи православія поднимаетъ въ Аврамовѣ все его фанатическое озлобленіе противъ новыхъ порядковъ и дальнѣйшая часть его проекта представляетъ уже собою цѣлый рядъ бѣшенныхъ ругательствъ, въ общемъ всецѣло напоминающихъ извѣстные намъ полемическіе пріемы Аввакума. Главнымъ объектомъ этихъ ругательствъ является «Духовный Регламентъ» Ѳеофана Прокоповича и разныя переведеныя съ иностр. языковъ при Петрѣ и его преемникахъ «богопротивныя, атеистическія книжичищи».

«Оле льсти сатанинская» говоритъ Аврамовъ о Ѳеофанѣ «колико смысленъ проклятый обманщикъ! Первѣе, подъ покрываломъ правосудія, ввелъ хитрецъ

законопреступную присягу и на оной вкоренилъ ложь и неправду и всякое непостоянство; подъ попечительною ревностью о цѣлости государственнаго состоянія выкралъ проклятый воръ сущее покаяніе, еще есть второе крещеніе; подъ сысканіемъ раскольщиковъ и самую страшную обругалъ святу евхаристію и научилъ на сребрѣ продавать духа святаго; подъ наилучшимъ полицейскимъ распорядкомъ научилъ Христа ругать и обижать въ образѣ нищихъ и богоугодное, христіанское погасилъ страннопріимство; подъ многимъ и безмѣстнымъ упованіемъ на благодать Божію, ввелъ, хитрецъ, блудъ и прелюбодѣйство, пьянство и опровержение святого поста и монашескаго душеспасительнаго житія, и подъ такимъ тончайшимъ злоумышленномъ покрываломъ свободно уже вводитъ во всемъ неправое, тщеславное, слабое, распутное, сластолюбное и славолюбное языческихъ обычаевъ погибельное житіе, *которое и во иностранцахъ*».

Ѳеофановскому же «лукавому совѣту» приписываетъ Аврамовъ напечатаніе полныхъ «сатанинскаго коварства книжичищъ, Гуенсовой и Фонтенеллевой», т. е. извѣстной въ свое время книги астронома Гюйгенса «Kosmoteros sive de terris coelestibus earumque ornatu conjecturae», вышедшей въ 1717 г. въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ «*Книга міръзрѣнія или мнѣніе о небесноземныхъ глобусахъ и ихъ украшеніяхъ*» и переведенныхъ княземъ Антіохомъ Кантемиромъ «*Разговоровъ о множествѣ міровъ*» Фонтенеля. Съ глубокимъ негодованіемъ подчеркиваетъ Аврамовъ, что обѣ эти книги «землю съ Коперникомъ около солнца обращающуюся и звѣздъ многія толикими же солнцы быти, и особыя многія луны во многихъ глобусахъ быти утверждаютъ», что онѣ «на оныхъ небесныхъ свѣтилахъ и во всѣхъ множественныхъ, описанныхъ отъ нихъ глобусахъ таковымъ же землямъ, яко же и наша, быти научаютъ», что онѣ постоянно «о *натурѣ* воспоминаютъ, якобы натура всякое благодѣяніе и дарованіе жителемъ и всей даетъ твари; и тако вкрадшися, хитрятъ вездѣ прославить и утвердить натуру, еже есть жизнь самобытную». Въ общемъ новые порядки «басенные, атеистическіе доводы, мнѣнія, доказанія явно во оныя книжичищахъ на опровержение всего священнаго писанія, на хулу святаго духа свободно разсѣваютъ». «Прилично заградить нечестивыя уста» энергически заключаетъ Аврамовъ свое обличеніе, вслѣдъ за которымъ начинаются чисто финансовыя соображенія о мѣрахъ для увеличенія народнаго богатства, пересыпанныя, впрочемъ, небольшими отступленіями о предметахъ религіозныхъ. Сущность этой болѣе чѣмъ наивной части проекта Аврамова заключается въ томъ, чтобы для увеличенія народнаго богатства «всю казенную и ходящую золотую и всякую мѣдную разную монету, переклеймя, повысить Богомъ благословеннымъ наложеннымъ знакомъ», о чемъ издать «распубликованные указы». Отъ такаго повышенія будетъ «скорая всѣмъ польза и радость». «Егда начнется онаго произвожденія дѣло», иллюстрируетъ

забавно - наивный политико-экономъ свой проектъ, «тогда кто объявитъ, напримѣръ, триста рублевъ, тому, по наложеніи знака, возвращать триста тридцать рублевъ, *которые тридцать рублей возвратятся въ три дня въ настоящій всякому прибытокъ*». Казна, благодаря такому увеличенію своихъ средствъ, получитъ возможность немедленно начать поощреніе «духовной добродѣтели», именно: «приходящій ко отцемъ духовнымъ, ради исповѣди своей совѣсти, всякаго званія народъ награждать произволяющихъ послѣ исповѣди подаяніемъ отъ святой церкви, за каждую бытность, по разсмотрѣнію, денежною суммою, егда возможно будетъ давать, во имя пресвятыя Троицы, каждому по три рубли, а бѣднымъ пошти и по девяти рублевъ человѣку, и отъ таковаго распорядку всѣ безъ принужденія желательны будутъ приходить на покаяніе, которыхъ тогда способнѣе будетъ пастыремъ всеприлежнѣе обучать въ любовь Бога и ближняго». Много всякихъ иныхъ благъ сулитъ Аврамовъ отъ принятія его проекта, въ родѣ того, что можно будетъ всѣмъ нуждающимся давать деньги безъ процентовъ, «всю подушную доимку сложить и наложить одни легчайшіе старообычные дани и поборы», во всѣхъ «городахъ и селахъ имѣть запасные всякаго хлѣба и фуражу магазины» и вообще внести «во всенародное общество всякое довольство и жизнь благополучную». Кромѣ перейклейменія монеты Аврамовъ еще предлагалъ выпустить на 30 милліоновъ бумажныхъ денегъ, мотивируя свое предложеніе, какъ оно ни странно для такого ревнителя русской старины, примѣромъ «другихъ государствъ».

Завершенный просьбою возстановить патріаршество, проектъ Аврамова не обратилъ на себя вниманія въ финансовыхъ частяхъ своихъ, но за то въ отзывахъ о «Духовномъ Регламентѣ» и другихъ мѣрахъ Петра были усмотрѣны «укоризны о государѣ императорѣ Петрѣ Великомъ» и «противныя разсужденія», вслѣдствіе чего «оный Аврамовъ въ тайную канцелярію взятъ» и тамъ 1748 г. «по приводѣ въ застѣнокъ» подвергнутъ «пристрастному разспросу». Три года содержался Аврамовъ въ тайной канцеляріи. Преклонныя лѣта его, а можетъ быть и невольное уваженіе къ стойкости страдальца за свои убѣжденія, побудили начальника тайной канцеляріи гр. Шувалова предложить императрицѣ отправить Аврамова въ какой-нибудь монастырь въ заточеніе. Но не дождался бывшій директоръ типографіи, чтобы это предложеніе было приведено въ исполненіе. Надломили его страданія и 24 августа 1752 г. караульный солдатъ Кошелевъ донесъ, что находившійся въ его отдѣленіи арестантъ Михаилъ Аврамовъ волею Божіею умре.

Приведенныя выше свѣдѣнія о жизни Аврамова и выдержки изъ его проектовъ съ полною рельефностью вырисовываютъ намъ духовный обликъ Аврамова. Это несомнѣнно человѣкъ аввакумовскаго типа. Та-же беззавѣтная преданность идеѣ, та-же готовность всѣмъ для нея пожертвовать и та-же безпорядочная смѣсь высокой гуманности съ полною нетерпимостью, весьма здравыхъ принциповъ государственной жизни, въ родѣ широкаго значенія, которое придаетъ Аврамовъ выборному началу, съ нелѣпѣйшимъ вздоромъ, а въ общемъ тотъ-же запасъ высокихъ качествъ ума и сердца, потраченныхъ на безполезное торможеніе поступательнаго движенія русской мысли. И вотъ почему, исходя изъ той исторической справедливости, о которой мы говорили въ характеристикѣ Аввакума, нельзя отнестись иначе какъ съ улыбкою недоумѣнія и сожалѣнія къ человѣку, хотя и высоко-нравственному, но за то въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія,—т. е. въ эпоху, когда *новая* Россія успѣла уже выдвинуть такое великое умственное явленіе, какъ Ломоносовъ,—поставившему на своемъ знамени желаніе «чтобы братіе не высокоумствовали, но во смиреніи пребывали, еллинскимъ борзостямъ не внимали, риторскихъ астрономъ не читали, съ мудрыми философами не бывали, но учились книгамъ благодатнаго закона, для очищенія отъ грѣхъ грѣшнихъ душъ своихъ».

Въ заключеніе прибавимъ, что одно мѣсто автобіографіи Аврамова даетъ основаніе назвать его первымъ историкомъ царствованія Петра. Именно вотъ что онъ разсказываетъ, описывая первые годы своей близости съ Петромъ:

«И видѣвъ я толикую крайнюю его величества къ себѣ милость, первый я и одинъ докладывалъ его величеству, прося повелительнаго указа о сочиненіи полной исторіи о житіи и о премудрыхъ его величества монаршескихъ, Богомъ дарованныхъ, преславныхъ его дѣлахъ и неусыпаемыхъ трудахъ и подвизѣхъ. И получа указъ, первый я началъ и, шесть лѣтъ собирая изъ кабинета и отвсюду надобныя къ сочиненію той исторіи вѣдомости, въ сочиненіи оной исторіи трудился съ прилежаніемъ, и таки между тѣми трудами и особливо о всѣхъ славныхъ его величества военныхъ дѣлахъ, съ абрисами всѣхъ завоеванныхъ городовъ и баталій и прочихъ прешпектовъ, сочинилъ книгу-жъ, которые мои труды были его величеству весьма благоугодны, и между своими и чужестранными министры отъ его величества оные мои труды стали быть славны».

Высокій нравственный обликъ Аврамова не позволяетъ сомнѣваться въ справедливости только что приведенныхъ словъ. Но слѣдовъ отъ исторіографическихъ работъ бывшаго директора петербургской типографіи не осталось никакихъ.

Авсѣенко, *Василій Григорьевичъ*, современный беллетристъ и критикъ †), р. 5 янв. 1842 г. въ москов. губ., въ дворянской семьѣ. Въ 1852 г. поступилъ въ 1-ю петербургскую гимназію, изъ учителей которой въ своихъ воспоминаніяхъ съ особенною теплотою и признательностью выдѣляетъ В. И. Водовозова. Въ 1856 г. отецъ А., вслѣдствіе постигшаго его нервнаго удара, долженъ былъ оставить Петербургъ и переселился въ Кіевъ. Здѣсь онъ отдалъ сына въ 1 кіевск. гимназію. Уровень преподаванія стоялъ въ ней невысоко и, кромѣ учителя рус. словесности раноумершаго А. П. Иноземцова и преемника его—тогда еще молодого педагога Ю. Э. Янсона, А. ни для кого изъ своихъ кіевскихъ учителей не находитъ въ вышеназванныхъ воспоминаніяхъ сколько-нибудь теплаго слова. Въ 1859 г., по окончаніи гимназіи, А. поступилъ на историко-филологическій факультетъ кіевск. университета. Какъ и во всѣхъ университетахъ того времени, кіевск. университетскую молодежь волновали общественныя теченія эпохи. Но А. и тогда довольно скептически относился къ новымъ вѣяніямъ, хотя въ общемъ, все-таки, подъ вліяніемъ любимаго профессора своего—В. Я. Шульгина, далеко не такъ отрицательно какъ впослѣдствіи.

---

†) 1) Автобіографическія о себѣ свѣдѣнія Авсѣенко сообщилъ въ статьѣ «*Школьные годы*» въ «Ист. Вѣст.» 1881 г. № 4. 2) *П. Быковъ* въ «Огонькѣ» № 6. 3) *Иконниковъ* въ «Слов. проф. Кіевск. унив.». 4) *Михневичъ*, Наши знакомые. (Юмористическая характеристика).

Отзывы о сочиненіяхъ: О «*Малороссіи въ 1767 г.*» въ «Книж. Вѣстн.» 1865 г. № 3, стр. 45. О «*На распутьи*» въ «Отеч. Зап.» 1871 г. № 12. Объ «*Изъ-за благъ земныхъ*»: 1) «Бирж. Вѣд.» 1872 г. № 296 и 307. 2) *С. Г. В.* въ «Одесск. Вѣстн.» 1872 г. № 251, 252, 263 и 282. 3) «Голосъ» 1872 г. № 148. 4) *Z.* (В. Буренинъ) въ «Спб. Вѣд.» 1872 г. № 317 и 345. 5) Рус. Міръ» 1872 г. № 308. О «*Млечномъ пути*»: 1) «Бирж. Вѣд.» 1875 г. № 222 и 321. 2) «Голосъ» 1875 г. № 321. 3) *Д.* въ «Дѣлѣ» 1876 г. № 2, статья подъ заглав. «Замѣтки о плодахъ ума и таланта» 4) *Эксъ* (А. Н. Чебышевъ-Дмитріевъ) въ «Нов. Врем.» 1875 № 311. 5) *Фаустъ Щигровскаго уѣзда*» (С. А. Венгеровъ) въ «Нов. Врем.» 1876 г. № 184, подъ загл. «Невыполненныя претензіи». 6) *Н. М.* (Н. Михайловскій) въ «Отеч. Зап.» 1875 г. № 12. 7) *В. С.* въ «Рус. Мірѣ» 1875 г. № 223. 8) *В. М.* (Вас. Марковъ) въ «Спб. Вѣд.» 1875 г. № 307, 314; 1876 г. № 24. 126, 215. 9) «Сынъ Отеч.» 1875 г. № 295 и 1876 г. № 12 и 126. О «*Скрежетъ зубовномъ*»: 1) *Ев. Марковъ* въ Голосѣ» 1875 г. № 129 и 298. 2) *Зауряднный читатель* (А. М. Скабичевскій) въ «Биржев. Вѣд.» 1878 г. № 55 и 346. 3) «Спб. Вѣд.» 1878 г. № 352. 4) *В. Буренинъ* въ «Нов. Врем.» 1878 г. № 716 и 943. 5) *Н. Щ.* въ «Рус. Вѣст.» 1878 г. № 12. О произведеніяхъ Авсѣенки послѣднихъ лѣтъ см. прибавленіе къ I тому. *О Критическихъ статьяхъ* Авсѣенки главнѣйшіе отзывы: 1) *Пыпина* въ «Вѣстн. Евр.» 1874 г. № 2. 2) *Н. Михайловскаго* въ «Отеч. Зап.» 1874 г. № 5—6. 3) —*ина*. «Возвратная горячка» («Вѣстн. Евр.» 1874 г. № 11). 4) *Достоевскаго* въ «Дневн. Писат.» за 1876 г. № 4.

Подъ тѣмъ же вліяніемъ краснорѣчиваго и талантливаго Шу гина, А. занялся спеціально всеобщей исторіей и, окончивъ въ 18 году университетскій курсъ со степенью кандидата, одно вре имѣлъ намѣреніе посвятить себя профессорской дѣятельности по к федрѣ всеобщей исторіи. Для этого онъ, защитивъ pro venia leger разсужденіе *«Итальянскій походъ Карла VIII и его послѣдствія д Франціи»*, съ осени 1863 г. началъ читать лекціи новой исторіи качествѣ приватъ-доцента. Но непріязненныя отношенія факульте и обусловленное этимъ, какъ объясняетъ А. въ своихъ воспоми ніяхъ, незначительное количество слушателей, уже чрезъ полго заставили молодого ученаго отказаться отъ мечтаній о профессорск карьерѣ и онъ съ тѣхъ поръ всецѣло посвятилъ себя дѣятельнос литературной, которая въ 1864 г. уже не была для него поприще совершенно новымъ, такъ какъ писать и «печататься» А. нача уже задолго до того. По сообщенію П. В. Быкова, А. еще во в мя пребыванія въ 1-й петербургской гимназіи, подъ вліяніемъ то учившихся тамъ тогда гг. Всеволода Крестовскаго и Аполлона К кова, написалъ рядъ стихотвореній, изъ которыхъ одно впослѣдст появилось, безъ вѣдома, впрочемъ, автора, въ «Модномъ Магазин Софьи Мей подъ псевдонимомъ *В. Порошилова.* А первыя печатн работы А., какъ видно изъ помѣщаемаго далѣе библіографическа перечня его произведеній, относятся къ первымъ годамъ студен ства нашего писателя, именно къ 1860 г. Въ 1862 году А. уже п мѣщаетъ цѣлый рядъ большихъ историческихъ статей въ «Р скомъ Вѣстникѣ» и «Отеч. Запискахъ».

Оставивъ приватъ-доцентуру, А. въ теченіи 1864—66 гг. бы ближайшимъ помощникомъ В. Я. Шульгина по веденію только-ч основаннаго тогда «Кіевлянина», а временами и главнымъ руков дителемъ названной газеты, занявшей такое видное мѣсто въ ря изданій, задавшихся цѣлью предостеречь русское общество отъ опа ностей, которые ему грозили, по словамъ этихъ изданій, со сторо нигилизма и сепаратизма. Какъ извѣстно, передовыя статьи «Кіевл нина», посвященныя упомянутымъ сюжетамъ, производили въ время почти такую-же сенсацію, какъ и статьи «Москов. Вѣдом стей», трактовавшія о тѣхъ-же предметахъ. По сообщенію П. Быкова, авторомъ многихъ изъ этихъ столь энергичныхъ въ бор съ польскою справою и русскимъ нигилизмомъ статей былъ А. фельетонѣ «Кіевлянина»-же за 1864 г. молодой писатель помѣсти изданное имъ затѣмъ отдѣльно небольшое изслѣдованіе *«Малоросс въ 1767 году»*.

Въ 1865 г. Авсѣенко, подъ псевдонимомъ *В. Порошилова,* напечаталъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» свою первую повѣсть «Буря», за которою послѣдовалъ небольшой разсказъ «*Тронутые*», въ фельетонахъ «Спб. Вѣд.» 1866 г., разсказъ, надо думать, чисто-литературнаго свойства, не задающійся никакими тенденціями, чѣмъ и можетъ быть объяснено появленіе этого произведенія сотрудника «Кіевлянина» въ либеральномъ изданіи В. Ѳ. Корша.

Въ 1869 г. Авсѣенко, послѣ трехлѣтняго молчанія, становится дѣятельнымъ сотрудникомъ только что основанной тогда «Зари» Кашпирева, гдѣ помѣстилъ рядъ повѣстей, романовъ и критическихъ замѣтокъ. Съ прекращеніемъ-же «Зари» онъ съ 1871 г. перешелъ въ «Русскій Міръ» и здѣсь въ теченіи четырехъ лѣтъ (1871—75) велъ критическій фельетонъ (подъ псевдонимомъ *А. О.*) и напечаталъ нѣкоторые разсказы. Но главной ареной литературной дѣятельности Авсѣенки является «Русскій Вѣстникъ» 1870-хъ годовъ, гдѣ онъ подъ иниціаломъ *А.* помѣстилъ тотъ длинный рядъ критическихъ статей о современной литературѣ, который надѣлалъ такъ много шуму въ свое время и положилъ начало его литературной извѣстности. Въ «Русскомъ-же Вѣстникѣ» появились наиболѣе извѣстные изъ романовъ А., опредѣлившіе его положеніе въ современной художественной литературѣ.

Кромѣ названныхъ изданій А. въ разныя времена принималъ также участіе въ «Моск. Вѣдом.», «Гражданинѣ», «Кругозорѣ» и «Всем. Илюстр.».

Въ 1883 г. А. взялъ на аренду «С.Петерб. Вѣд.», во главѣ которыхъ стоитъ и теперь. Новый редакторъ хотѣлъ поднять совершенно упавшее значеніе этой нѣкогда очень распространенной газеты, для чего пригласилъ къ сотрудничеству многихъ видныхъ писателей одного съ нимъ направленія и расширилъ нѣкоторые отдѣлы, въ особенности отдѣлъ такъ называемаго на современномъ газетномъ жаргонѣ «маленькаго фельетона» и отдѣлъ руководящихъ статей. Тонъ и содержаніе статей послѣдняго разряда дали нашей періодической печати поводъ утверждать, что подъ новою редакціею «С.-Пет. Вѣд.» стремятся занять въ петербургской прессѣ такое же мѣсто, какое занимаютъ въ московской печати «Москов. Вѣд.» М. Н. Каткова. Публика, однако, осталась равнодушной къ стараніямъ новой редакціи, и какъ видно изъ публикуемыхъ время отъ времени цифръ подписчиковъ на разныя періодическія изданія, «С.-Петерб. Вѣд.» расходятся менѣе всѣхъ остальныхъ петербургскихъ газетъ. Съ 1886 г. А. получилъ тоже разрѣшеніе выпускать дешевую «Русскую Газету», которая представляетъ собою сокращенное изданіе «С.-Пет. Вѣд.».

Принимая дѣятельнѣйшее участіе въ текущей литературѣ, А. въ тоже время не пренебрегалъ и государственною службою. Переѣхавъ въ 1869 г. въ Петербургъ, онъ вскорѣ получилъ мѣсто члена учебнаго комитета минист. народ. просвѣщенія и чиновника особыхъ порученій при министрѣ и въ настоящее время состоитъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Переходя къ литературной характеристикѣ А. приводимъ сначала перечень всего имъ написаннаго.

I. Повѣсти и романы: 1) «*Буря*» («Рус. Вѣстн.» 1865 г. № 8). 2) «*Тронутые*» («Спб. Вѣд.» 1866 года). 3) «*Угрьки*» («Заря» 1869 г. № 11). 4) «*На распутьи*» («Заря» 1870 г. № 9—12), отдѣльно въ 2 ч. Спб. 1871 г. Ц. 1 р. 50 к. 5) «*Изъ-за благъ земныхъ*» («Рус. Вѣст.» 1872 г. № 9—11) и отд. Спб. 1873 г. Ц. 2 р. 50 к. 6) «*Окольнымъ путемъ*» (Ibid. 1873 г. № 3). 7) «*Въ морѣ житейскомъ*». Литературный жанръ («Рус. Міръ» 1870 г.). 8) «*Лѣсной жидъ*» («Рус. Міръ» 1873 г. № 237 и 239). 9) «*Млечный путь*» («Р. В.» 1875 г. № 10—12 и 1876 г. № 4—7). Отдѣльно въ 2 т. Моск. 1876 г. Ц. 3 р. 50 к. 10) «*Боярская пора*» (Ibid. 1873 г. № 12). 11) «*Мисхорская сакля*» («Кругозоръ» 1876 г.). 12) «*Какъ они уѣхали*» («Рус. Вѣстн.» 1876 г. № 11). 13) «*Скрежетъ зубовный*» (Ib. 1878 г. № 1—3, 5, 9—11). 14) «*Дѣла минувшихъ дней*» (Ib. 1877 г. № 3). 15) *Семейныя радости. Очерки санктпетербургскаго savoir vivre*» (Ib. 1880 г. № 11). 16) «*Злой духъ*» (Ib. 1881 г. № 4, 5, 7, 9—11; 1882 г. № 1—3, 6—10; 1883 г. № 1, 2, 5, 6). 17) «Повѣсти и разсказы». Спб. 1886 г.

II. Драматическія произведенія: 1) «*Тишина*» («Рус. Вѣстн.» 1880 г. № 1).

III. Статьи историко-литературныя: 1) «*Томасъ Муръ*» (Рус. Слово» 1870 г. № 11). 2) «*Происхожденіе романа*» («Рус. Вѣстн.» 1877 г. № 6, 9, 12).

IV. Статьи критическія: 1) «*Нужна-ли намъ литература*». По поводу «Матер. для біографіи и оцѣнки Пушкина». *П. В. Анненкова* («Рус. Вѣстн.» 1873 г. № 5). 2) «*Поэзія журнальныхъ мотивовъ*». О Некрасовѣ. (Ib. № 6). 3) «*Общественная психологія въ романѣ*». О «Бѣсахъ» *Достоевскаго* (Ib. № 8). 4) «*Народность въ новой литературѣ*». По поводу «Раззоренія» *Глѣба Успенскаго* (Ib. № 9). 5) «*Судьба русскаго романа*». Объ романѣ *Альминскаго* (А. И. Пальма) «Алексѣй Слободинъ». (Ib. № 10). 6) «*Новое слово старой критики*». По поводу книги *П. В. Анненкова* «А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху». (Ib. 1874 г. № 2 и 3). «*Пугачевцы*» гр Сальяса (Ib. № 4). 7) «*Два литературныхъ періода*». По поводу полнаго собранія сочиненій *Щербины* (Ib. 1874 г. № 5). 8) «*Реальнѣйшій поэтъ*» (Некрасовъ). (Ib. № 6). 9) «*Литература и критическое мелководье*». По поводу «Характеристикъ литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ гг.». *А. Н. Пыпина*. (Ib. 1873 г. № 11). 11) «*Принципы и тенденціи*». По поводу лекцій *Ор. Миллера* о «Русской литературѣ послѣ Гоголя» (Ib. 1874 г. № 12). 12) «*Реальная беллетристика*». По поводу соч. *Рѣшетникова* (Ib. 1875 г. № 4). 13) «*По поводу одной литературной репутаціи*». О Бѣлинскомъ въ связи съ книгой о немъ *А. Н. Пыпина* (Ib. 1874 г. № 8). 14) «*Блужданія русской мысли*». По поводу соч. Аполлона Григорьева (Ib. 1876 г. № 10). 15) Объ «Озимяхъ» *Я. П. Полонскаго* (Ib. 1876 г. № 2). 19) Объ «Аннѣ Карениной» гр. Л. Н. Толстого (Ib. 1876 г. № 1). 17) «*Что случилось по смерти Анны Карениной*» (Ib. 1877 г. № 7). 18) «*Художественное изученіе раскола*». О Печерскомъ (Ib. 1874 г. № 1). 19) О «Дѣдахъ» *Всев. Крестовскаго* (Ib. 1876 г. № 1). 20) О «Кровавомъ пуфѣ» *Всев. Крестовскаго*. (Ib. 1875 г. № 3). 21) О ро-

ніѣ *С. Смирновой* «Огонекъ» (Ib. 1875 года № 7). 22) «*Литературные эфемериды*». По поводу «Очерковъ и картинокъ» А. С. Суворина-Незнакомца. (Ib. 1875 г. № 9). 23) О «Подросткѣ» *Ѳ. М. Достоевскаго*. (Ib. 1876 г. № 1). 24) «*Опять о ненадобности и о культурныхъ типахъ*». По поводу «Разсказовъ» *Печерскаго*. (Ib. 1876 г. № 3). 25) Объ «Изъ походныхъ очерковъ» *Всев. Крестовскаго*. (Ib. 1875 г. № 3). 5) Объ «Воспомин. и критич. очеркахъ» *П. В. Анненкова* (Ib. 1877 г. № 8).

V. Статьи историческія: 1) «*Историческ. очеркъ конституціи Соед. Штатовъ*» по поводу книги Лабулэ) въ «Рус. Словѣ». 1860 г. № 11. 2) «*Послѣдніе дни римской имперіи А. Тьерри*». Тамъ же № 2. 3) «*Публицисты новаго времени*». Ройе-Колляръ. Токвиль. Мишле. («Отеч. Зап.» 1863 г. т. 146, 150). 4) «*Луи-Бланъ*» «Рус. Вѣстн.» 1863 г. № 9). 5) «*Идеализмъ и реализмъ въ исторіи*» («Отеч. Зап.» 873 г. № 5 и 7). 6) «*Малороссійское шляхетство* въ 1776 г. («Рус. Вѣстн.» 1863 г. № 8). 7) *Малороссія въ 1767 году. По неизданнымъ источникамъ*». Кіевъ. 1864 г. Ц. 50 к. 8) «*Борьба Венеціи съ Австріею въ 1848 и 1849 г.*» («Вѣстн. Евр.» 1866 г. № 3 и 4). 9) «*Федерація Италіи по идеямъ 1848 г.*» («Рус. Рѣчь» 1861 г. № 56). 10) «*Итальянскій походъ Карла VIII и послѣдствія его для Франціи*». «(Кіев. Унив. Изв.». 1863 г. № 4 и 5). 11) «*Школьные годы*» (автобіогр. воспоминанія въ «Ист. Вѣстн.» 1881 г. № 4).

VI. Что касается *газетныхъ статей* Авсѣенки, то къ тому, что сказано уже о дѣятельномъ участіи, которое онъ принималъ въ «Кіевлянинѣ» и «Рус. Мірѣ», прибавимъ теперь, что ставши собственникомъ «Спб. Вѣд.», новый редакторъ вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлался однимъ изъ энергичнѣйшихъ сотрудниковъ этой газеты, главнымъ образомъ по отдѣлу «маленькаго фельетона».

Мы уже отмѣтили выше, что раньше другихъ литературныхъ работъ Авсѣенки ему доставили извѣстность его критическія статьи въ «Рус. Вѣст.» семидесятыхъ годовъ, подписанныя буквою *А*. Онѣ производили чрезвычайную сенсацію въ либеральной журналистикѣ того времени и не трудно понять почему. Если вообще нападки органовъ М. Н. Каткова всего менѣе были новостью для либеральной части тогдашней прессы, то, все-таки, такой систематическій походъ, который предприняль противъ нея Авсѣенко былъ явленіемъ необычайнымъ даже для журнальныхъ нравовъ того времени. Уже изъ библіографическаго перечня критическихъ статей разсматриваемаго нами теперь автора читатель могъ убѣдиться, что въ теченіи двухъ лѣтъ подрядъ (1873 и 1874) не было почти ни одной книжки «Рус. Вѣст.», которая не заключала бы въ себѣ какой ни будь статьи Авсѣенки, посвященной современной литературѣ. И ни одна изъ этихъ многочисленныхъ статей, прибавимъ мы теперь, не обходилась безъ страстныхъ и рѣзкихъ нападокъ на прогрессивную часть русскаго общества и литературы, безъ страстныхъ и рѣзкихъ обвиненій прогрессивныхъ дѣятелей литературы въ томъ, что они вносятъ въ русскую умственную жизнь превратныя и вредныя идеи.

Установивъ раздѣленіе журналистики и современной литературы на «петербургскую», проводящую идеи 60-хъ годовъ, и «московскую»,

дающую отпоръ этимъ идеямъ, Авсѣенко прежде всего бросалъ петербургскому» журнализму въ лице обвиненіе въ нигилизмѣ. «Нигилизмъ» говорилъ онъ «какъ-бы глубоко ни искали мы его корней въ русской жизни, вышелъ изъ литературныхъ кружковъ и изъ тѣхъ слоевъ нашего общества, которые наиболѣе близки къ журнальнымъ движеніямъ» («Рус. Вѣст.» 1873 г. № 7 стр. 395) А о томъ, что̀ такое есть нигилизмъ по мнѣнію Авсѣенки, можно получить понятіе изъ слѣдующихъ строкъ его статьи «Практическій нигилизмъ»:

«Нигилизмъ вырабатывается въ практической жизни въ обыкновенное *мошенничество* и умѣніе обдѣлывать дѣлишки внѣ всякой зависимости отъ какихъ-либо принциповъ; это самая многочисленная категорія людей, среди которой нигилизмъ находитъ всегда обильнѣйшую жатву и наилучшимъ образомъ приготовленную почву» (Рус. Вѣст.» 1873 г. № 7 стр. 367).

Неудивительно, что при такомъ представленіи о нигилизмѣ, эпоха его возникновенія, т. е. 60-ые годы, могли казаться Авсѣенкѣ только «комическимъ временемъ на Руси», да и того еще хуже. Такъ, разсматривая сочиненія Щербины и анализируя вопросъ, почему этотъ поэтъ, въ 50-хъ гг. писавшій идиллическія стихи на древне-греческій образецъ, въ 60-хъ сдѣлался спеціальнымъ поставщикомъ ядовитѣйшихъ эпиграммъ, критикъ «Русскаго Вѣст.» находилъ, «что съ пришествіемъ «разночинца» Щербинѣ нечего было дѣлать въ русской литературѣ, какъ только отмѣчать въ записной тетради черты изъ ея *позорной лѣтописи*» («Рус. Вѣст.» 1874 г. № 5). А иногда страстному обвинителю петербургской литературы казалось что даже это его отношеніе къ ней, какъ къ явленію комическому или позорному, недостаточно сильно. «Все это даже не грустно» говорилъ онъ въ одной изъ своихъ статей, «такъ какъ грусть слишкомъ лестное чувство для того жалкаго юродства, какое господствуетъ въ современной петербургской журналистикѣ» (Рус. Вѣст.» 1874 № 11 стр. 416). Ему не хотѣлось даже оставить за петербургскою журналистикою титулъ «прогрессивной», который она себѣ присваивала: «не таилась-ли,—что говоримъ мы? не высказывалась-ли съ безстыднѣйшею наглостью въ петербургскомъ журнализмѣ тенденція противодѣйствовать и зложелательствовать всему, что вноситъ къ намъ благодѣянія цивилизаціи, такъ какъ истинный прогрессъ служитъ къ утвержденію, а эта тенденція требовала только разрушенія» («Рус. Вѣст.» 1873 № 11 стр. 415).

По отношенію къ «петербургской» беллетристикѣ критика «Рус. Вѣст.» главнымъ образомъ возмущало то, что она «изгнала изъ литературной области огромный кругъ явленій, составляющихъ во

емъ образованномъ мірѣ главное содержаніе романа», именно жизнь ультурныхъ классовъ» и замѣнила его «мужикомъ». Разсказы и вѣсти изъ народной жизни, главнымъ образомъ Рѣшетникова и лѣба Успенскаго, наводнившіе, по словамъ Авсѣенки, всѣ петерргскіе толстые журналы и безмѣрно прославляемые петербургскою урналистикою, доводили негодованіе критика «Рус. Вѣст.» до крайаго напряженія. Отрицая всякое литературное значеніе ихъ, усматвая въ нихъ намѣренно-извращенное, подъ вліяніемъ французкихъ «соціальныхъ» идей, изображеніе русской жизни, Авсѣенко рицалъ въ представителяхъ этой «новой литературы» даже самую юбовь къ народу.

«Эта «новая» литература», говорилъ онъ, «отвергнувъ общіе законы искусства преданія художественной школы, которые она въ своемъ начальномъ заблуженіи признала солидарными со старыми общественными формами, выступила овсе не на служеніе идеѣ, какъ о томъ заявляла во всеуслышаніе журналистика естидесятыхъ годовъ, *а на служеніе своему личному дѣлу.* Для служенія какой-бы о ни было идеѣ у этихъ писателей не оказалось достаточно внутренней состояельности, но за то они преисполнились раздраженія противъ двинувшейся мимо хъ жизни и очень сознательно стали проводить свое раздраженіе въ литературу, дѣлавъ изъ него общественный вопросъ. Отрицательное направленіе, которому ъ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ удалось на короткое ремя разыграть нѣкоторую роль, скоро увидѣло себя отброшеннымъ на задній ланъ. Жизнь въ своемъ движеніи оттолкнула эту литературу, какъ *негодную поросль,* и она чувствуетъ себя совершенно особнякомъ среди новаго общественнаго троя, безъ корней, безъ вліянія безъ значенія. Отсюда то оппозиціонное отношеніе къ современной дѣйствительности, въ какомъ состоитъ «новая» беллетристика, то глухое и злобное раздраженіе, которое чувствуется въ ея тенденціозныхъ изображеніяхъ народной жизни. Она какъ бы вошла въ роль извѣстнаго Степана Трофимовича въ романѣ «Бѣсы», взиравшаго на все новое движеніе съ точки личнаго самолюбія и сердившагося за то, что «его забыли». Эта петербургская литература, обрушиваясь на старые порядки во имя идеи, отрицаетъ новую жизнь, потому что эта жизнь сложилась помимо ея, потому что «ее забыли». Какими-бы призрачными идеями ни прикрывалась она, но подкладка личнаго раздраженія постоянно чувствуется. Она дуется и ворчитъ и, какъ это бываетъ всегда при личномъ раздраженіи, проходитъ мимо дѣйствительнаго зла и создаетъ призраки. Ей кажется, что и въ дѣйствительной жизни господствуетъ тоже самое снѣдающее ее раздраженіе, и она помѣщаетъ свои симпатіи въ безцѣльно-озлобленныхъ ругателяхъ въ родѣ Михаила Ивановича изъ «Раззоренія», Глѣба Успенскаго, создаетъ призрачное царство «прижимки» и «раззоренія», купается въ океанѣ ругательствъ, которыми ея герои заливаютъ цѣлыя страницы («Р. В.» 1873. № 9 стр. 290).

Прибавимъ въ оттѣненіе всѣхъ этихъ нападокъ критика «Русскаго Вѣстника», что «петербургская» печать, отвѣчая на нихъ по существу и квалифицируя ихъ, какъ «возвратную горячку» булгаринскихъ идей, въ тоже время очень сильно напирала на то,

что въ основѣ ожесточенныхъ нападокъ Авсѣенки не петербу скую печать лежало чувство неудовлетвореннаго самолюбія, ч ство озлобленія, вызванное тѣмъ, что петербургскіе рецензен если не всегда иронически, то всегда небрежно относились беллетристическимъ произведеніямъ критика. Въ своихъ статья помѣщаемыхъ въ «Рус. Вѣст.» Авсѣенко очень часто говорил нарождающейся «плеядѣ» московскихъ писателей, очень тала ливыхъ, но изъ партійнаго чувства петербургскою критикою иг рируемыхъ. Объ этой-же, заѣдаемой петербургскимъ либерализмо московской «плеядѣ» много толковалъ другой 'близкій Авсѣе органъ—«Рус. Міръ» 1873—74 гг., причемъ уже прямо указывал лица, составляющія «плеяду», именно назывались имена Мар вича, Аверкіева, Всев. Крестовскаго и Авсѣенки. И вотъ этими жалобами петербургская журналистика и пользовалась, чтобы п черкнуть личный, по ея мнѣнію, характеръ нападокъ критика «Р Вѣстника».

Переходя къ Авсѣенкѣ, какъ къ беллетристу, не можемъ не с зать прежде всего, что въ большинствѣ публики существуетъ сов шенно превратное представленіе объ общемъ характерѣ его ро новъ и повѣстей. И какъ оно ни странно, обязанъ Авсѣенко эті ложнымъ представленіемъ о его беллетристическихъ работахъ че вѣку, въ значительной степени принадлежавшему къ одному нимъ лагерю — именно Достоевскому. Конечно, еслибы Авсѣе былъ одинъ изъ тѣхъ писателей, ознакомленіе съ которыми вході въ литературный обиходъ средняго читателя, мнѣніе Достоевска какъ ни высокъ авторитетъ его имени, не могло-бы имѣть так рѣшающаго значенія, какъ не имѣютъ его мнѣнія автора «Прес пленія и Наказанія» о другихъ дѣятеляхъ нашей литературы. именно потому, что Авсѣенко, и по скромному размѣру своего ланта, и какъ присяжный беллетристъ такого несимпатичнаго больш ству читающей публики журнала какъ «Русскій Вѣстникъ», сраві тельно читается очень мало, характеристика литературной физіоно его, набросанная Достоевскимъ съ чрезвычайною энергіею и им такое рѣшающее значеніе для установленія писательской репута рассматриваемаго нами теперь автора.

Сдѣлана была характеристика, о которой мы говоримъ въ апрѣ скомъ № «Дневника Писателя» за 1876 г., въ отвѣтъ на отзы Авсѣенки о первыхъ №№ «Дневника Писателя». Начавши съ то что «отвѣчать г. Авсѣенкѣ нѣтъ никакой выгоды: трудно предс вить писателя менѣе вникающаго въ то, что онъ пишетъ». Достоі скій вслѣдъ затѣмъ разразился слѣдующею филиппикою»

«Я очень долго не понималъ г. Авсѣенко — то есть не статей его, я стат и всегда не понималъ, да и нечего въ нихъ понимать или не понимать; ько постоянно и глубоко недоумѣвалъ: какимъ это образомъ статьи тако ıвчиваго писателя появляются въ такомъ серіозномъ журналѣ, какъ «Русск стникъ»? Но вотъ вдругъ случилось одно комическое происшествіе — и я вдру нялъ г. Авсѣенко: онъ вдругъ началъ печатать въ началѣ зимы свой рома лечный Путь». Этотъ романъ мнѣ вдругъ разъяснилъ весь типъ писате сѣенко. Собственно про романъ мнѣ даже и не идетъ говорить: я самъ ром тъ и мнѣ не годится критиковать собрата. А потому я и не буду критикова анъ нисколько, тѣмъ болѣе, что онъ доставилъ мнѣ нѣсколько искренно ве ıхъ минутъ. Такъ, напримѣръ, молодой герой, князь, въ оперѣ, въ ложѣ в родно хнычетъ, разсчувствовавшись отъ музыки, а великосвѣтская дама пр етъ къ нему въ умиленіи: «Вы плачете? Вы плачете?» Но не въ этомъ совсѣ ю, а въ томъ, что я сущность писателя понялъ: г. Авсѣенко изображаетъ о, какъ писатель, дѣятеля, потерявшагося на обожаніи высшаго свѣта. Коро ь палъ ницъ и обожаетъ перчатки, кареты, духи, помаду, шелковыя плат обенно тотъ моментъ, когда дама садится въ кресло, а платье зашумитъ око ногъ и стана) и, наконецъ, лакеевъ, встрѣчающихъ барыню, когда она возвр ется изъ итальянской оперы. Онъ пишетъ обо всемъ этомъ безпрерывно, бла ѣйно, молебно и молитвенно, однимъ словомъ, совершаетъ какое-то даже бо женіе. Я слышалъ (не знаю, можетъ быть, въ насмѣшку), что этотъ рома едпринятъ съ тѣмъ, чтобъ поправить Льва Толстого, который слишкомъ объе вно отнесся къ высшему свѣту въ своей «Аннѣ Карениной», тогда какъ на ю отнестись молитвеннѣе, колѣнопреклоненнѣе, и, ужъ конечно, не стоило бы о мъ обо всемъ говорить вовсе, еслибъ, повторяю, не разъяснился совсѣмъ нов льтурный типъ. Оказывается, вѣдь, что въ каретахъ-то, въ помадѣ-то и въ ос зности въ томъ, какъ лакеи встрѣчаютъ барыню — критикъ Авсѣенко и види ю задачу культуры, все достиженіе цѣли, все завершеніе двухсотлѣтня ріода нашего разврата и нашихъ страданій и видитъ совсѣмъ не смѣя юбуясь этимъ. Серіозность и искренность этого любованія составляетъ од ь самыхъ любопытныхъ явленій. Главное въ томъ, что г. Авсѣенко, ка сатель, не одинъ; и до него были «коленкоровыхъ манишекъ безпощадн енали», но никогда въ такой молитвенной степени. Признаюсь, меня какъ-то этомъ озарило: послѣ этого, конечно, понятны пасквильныя слова г. Авсѣенки ъ «теплый, веселый буржуазный жанръ, который порою такъ плѣнителенъ анцузской сценѣ» для г. Авсѣенко. Э, тутъ вовсе даже и не Островскій, и оль, и не сороковые годы, (очень ихъ надо!), тутъ просто Михайловскій пете ргскій театръ, посѣщаемый высшимъ обществомъ и къ которому подъѣзжаютъ ретахъ, — вотъ это и все, вотъ это-то и увлекло, вотъ это-то и захвати сателя съ безпощадною силой, и прельстило его, закруживъ и замотавъ его у вѣки».

Вся эта яркая характеристика, если можетъ быть примѣнена к всѣенкѣ, то только какъ къ критику. Какъ критикъ онъ дѣйств льно то и дѣло говорилъ о «культурныхъ» классахъ и о наро зывался съ большою брезгливостью. Но въ романахъ своихъ он только не является писателемъ, «потерявшимся на обожаніи вы аго свѣта», а напротивъ того всегда обличаетъ его пустоту, ни жество и мишурность. Если мы переберемъ всѣ романы и повѣс

Авсѣенки, на время оставивъ въ сторонѣ «Млечный путь», то мы увидимъ, что положительные типы въ нихъ взяты отнюдь не изъ великосвѣтской среды. Въ «На распутьи» напр. излюбленный герой автора—мировой посредникъ, сначала влюбляющійся въ свѣтскую женщину, но затѣмъ убѣждающійся въ ея пустотѣ и лживости и въ концѣ концовъ избирающій себѣ въ жены дѣвушку средняго помѣщичьяго круга. Въ «Изъ—за благъ земныхъ» Авсѣенко въ изображеніе лицъ, прикосновенныхъ къ высшему кругу и имѣющихъ въ немъ успѣхъ, начинаетъ вводить одну черту, которая въ дальнѣйшихъ его романахъ получаетъ особенное развитіе и которая всего менѣе имѣетъ что либо общее съ «обожаніемъ» высшаго свѣта —это именно элементъ грубаго стремленія къ наживѣ, близко граничащаго съ червоннымъ валетствомъ.

Въ послѣднемъ отношеніи особенно любопытенъ одинъ изъ *наиболѣе цѣнимыхъ самимъ авторомъ* романовъ Авсѣенки «Скрежетъ зубовный». Мы потому такъ называемъ этотъ романъ, что авторъ очень любитъ напоминать о немъ и въ своихъ «маленькихъ фельетонахъ», помѣщаемыхъ имъ въ «С.-Пет. Вѣд.», очень усиленно старается о томъ, чтобы сдѣлать имена героевъ «Скрежета зубовнаго» именами нарицательными. Герои эти или прямо представители большого свѣта или лица, тѣсно къ нему примыкающія по своимъ вкусамъ, связямъ и сферѣ дѣятельности. И что-же? Мущины «Скрежета зубовнаго» или прямые мошенники, или идіоты, и въ обоихъ случаяхъ алчно жадны до легкой наживы, а женщины—продажны и распутны. Въ общемъ-же, этотъ любимый романъ Авсѣенки является злѣйшею сатирою на высшій свѣтъ, основное стремленіе которой діаметрально противоположно характеристикѣ Достоевскаго.

Послѣдній по времени романъ Авсѣенки «Злой духъ» въ значительной степени есть продолженіе «Скрежета зубовнаго», чѣмъ од нимъ уже опредѣляется общее отрицательное отношеніе его къ великосвѣтской средѣ.

Что касается «Млечнаго пути», который мы выдѣлили изъ об щей серіи большихъ романовъ Авсѣенки, то помимо того, что одн произведеніе не можетъ и не должно служить основаніемъ дл опредѣленія общаго направленія того или другого писателя, харак теристика Достоевскаго еще тѣмъ не вѣрна, что въ лицѣ геро князя-профессора, авторъ преклоняется вовсе не предъ большим свѣтомъ и ѣздою въ каретахъ, а предъ представителемъ консерва тивныхъ идей, посрамляющимъ дѣятелей нигилизма. Еслибы Ав сѣенко дѣйствительно «молитвенно» относился ко всей великосвѣт ской средѣ, онъ-бы не заставилъ своего героя быть двумя головам

ше этой среды, еслибы онъ преклонялся предъ нимъ, какъ предъ ıстократомъ, какая была надобность дѣлать его блестящимъ профессоромъ. Наконецъ, въ романѣ есть авторскія отступленія, гдѣ ень опредѣленно проявляется то-же знакомое намъ изъ обзора кри- ческихъ статей Авсѣенки рѣзкое недовольствіе всѣмъ, что отзы- ется «нигилизмомъ», въ противовѣсъ которому выдвигаются ни- ıмъ ближе не опредѣляемыя идеи «культуры», но вовсе нѣтъ ве- ıкосвѣтской тенденціи, усмотрѣнной Достоевскимъ. И вотъ поче- ƴ эта роковая въ литературной жизни Авсѣенки характеристика, ›торая утвердила за нимъ эпитетъ «желтоперчаточнаго» беллет- ıста, апофеозирующаго свѣтскую жизнь, не вѣрна даже по от- ошенію къ «Млечному пути», единственному изъ всѣхъ романовъ ашего автора, гдѣ *положительныя* лица взяты изъ великосвѣтской реды.

Во всѣхъ остальныхъ романахъ Авсѣенки положительные типы, ıкъ уже было сказано, взяты совсѣмъ изъ другой сферы. Общей ıазвращенности нашего вѣка, его алчности и неразборчивой на сред- гва жаждѣ наслажденій онъ противопоставляетъ *простого средняго* (въ ıыслѣ общественнаго положенія) *человѣка*, въ которомъ и видитъ пору общественной нравственности. Такъ въ «На распутьи», поло- ıительнымъ лицомъ является небогатый мировой посредникъ, въ Изъ-за благъ земныхъ» губернскій докторъ средней руки, въ «Скре- ıетѣ зубовномъ» маленькій чиновникъ и нечиновный баронъ, нена- ıидящій большой свѣтъ, въ «Зломъ духѣ»—мировой судья, въ по- ıѣсти «Окольнымъ путемъ»—помѣщикъ средняго достатка, ненави- ıящій суету губернской свѣтской жизни и т. д.

Автократовъ, С. учитель 6-й петербургской гимназіи †). Напечаталъ (безъ имени) въ 1865 г. «*Философическіе этюды. I. Смыслъ исторіи. II. Вещество и духъ*». Ц. 65 к. и за своею подписью «Учебникъ психологіи». Спб. 1866 г. изд. Н. Неклюдова. Ц. 80 к. Въ предисловіи въ послѣдней книжкѣ авторъ заявлялъ, что имъ

«отчасти приготовлены, отчасти приготовляются слѣдующія статьи: «Объ истинной сущности міровой жизни», «Психофизическія изслѣдованія Фехнера», «Природа», «Искусство», «Религія», «Матеріализмъ», «Спиноза», «Лейбницъ», «Кантъ», «Шопенгауэръ и Лотце», «Фихте», «Шеллингъ», «Гегель и Бѣлинскій», «Фейербахъ и Добролюбовъ», «Контъ», «Платонъ», «Аристотель», «Философія» и пр.

Но крайне враждебный пріемъ критики, которая не хотѣла признать за начинающимъ философомъ даже умѣнія сколько нибудь удо-

†) Объ «Философ. Этюд.»: 1) *П. Ткачевъ* въ Рус. Словѣ 1866. № 1. 2) «Книж. Вѣст.» 1866 № 7. Объ учебникѣ психологіи. «Книж. Вѣст.» 1866. № 6.

влетворительно выражаться по русски, вѣроятно, отбили у него охоту привести въ исполненіе только-что отмѣченный планъ.

«Авторъ Путешествія ко св. мѣстамъ» — псевдонимъ А. Н. Муравьева †).

«Авторъ Семейства Холмскихъ»—псевдонимъ Д. Н. Бѣгичева †).

А. Г.—псевдонимъ А. С. Горковенко ††).

Агамоновъ, *Михаилъ Андреевичъ*. Инженеръ-подполковникъ, ум. 21 февраля 1867 г. ученый садоводъ и ботаникъ, помѣщавшій статьи въ «Журн. Садоводства» 1860-хъ гг. †††).

Агапитъ, архимандритъ московскаго новоспасскаго монастыря ††††) Написалъ: 1) «*Жизнь св. Григорія Богослова архіепископа Константинопольскаго и его пастырская дѣятельность*». С.-П.Б. 1870 г. Ц. 1 р. 2) «*Житіе преподобныя матере нашея Синклитикіи и ея духовно-подвижническія наставленія*». Спб. 1871 г. Ц. 25 к. 3) «*Жизнь св. Василія Великаго*». Спб. 1873. Ц. 1 р. 50 к. 4) «*Жизнь св. Іоанна Златоуста*» Спб. 1874. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Нервая изъ названныхъ книгъ представляетъ собою передѣлку изслѣдованія Бодье о св. Григоріи. Въ остальныхъ авторъ болѣе оригиналенъ. Въ нихъ онъ заботится не столько объ томъ, чтобы сообщать историческіе факты, сколько о томъ, чтобы дѣлать изъ нихъ назидательные выводы.

Агапитъ, Троицко-сергіевской лавры іеромонахъ †††††). Написалъ популярно изложенную «*Жизнь преподобнаго отца нашего Антонія Великаго и его устныя и письменныя духовно-подвижническія наставленія*». Спб. 1865. 153 стр. Книжка не задается учено-критическими цѣлями, она почти исключительно руководствуется жизнеописаніемъ св. Антонія, составленнымъ св. Афанасіемъ Александрійскимъ и главнымъ образомъ желаетъ доставить любителямъ духовнаго просвѣщенія назидательное чтеніе.

Агапитъ (Александръ *Скворцовъ*) іеромонахъ *). Постригся въ 1782 г.

---

†) *С. Пономаревъ*, въ Календ. Суворина на 1881 г.

††) *П. Быковъ*, въ «Росс. Библ.» 1881 г. № 80.

†††) 1) «Иллюстр. Газ.». 1867 г. № 9. 2) «С.-Пет. Вѣд.» 1867 № 58. 5) *Геннади* Словарь.

††††) 1) О «Жизни Василія Великаго»: *Е. Дылевскій*, въ «Стран.» 1874, т. III, № 7, стр. 1—6. 2) *Терновскій*, Русская и иностранная библіографія по исторіи визант. церкви IV—IX в., ст. 543—44.

†††††) *П. Матвѣевскій*, въ «Странникѣ» 1866, № 3, отдѣлъ III, стр. 27—28, 2) *Терновскій*, Русс. и иностр. библіогр. по исторіи византійской церкви IV — IX в стр. 544.

*) 1) *Филаретъ*, Обзоръ стр. 370. 2) *Геннади*), Слов. пис. стр. 6. 3) *С. Смирновъ* Ист. Троицкой Лавр. Семин. стр. 509.

тогда-же былъ учителемъ Троицко-Лаврской семинаріи. Въ августѣ 1785 г. переведенъ въ московскую академію на каѳедру піитики; въ 1787 г. назначенъ проповѣдникомъ академіи; въ 1789 г. префектомъ перервинской семинаріи и затѣмъ настоятелемъ перервинскаго монастыря. Переводъ съ латинскаго «Блаженнаго Аврелія *Августина*, Иппонійскаго Епископа, Исповѣданія» М. 1787 г. 8°. (Соп. 1751) Филаретъ («Обзоръ дух. лит.») предполагалъ, что ему можетъ быть приписанъ переводъ другого сочиненія Августина: «Единобесѣдованіе съ Богомъ» М. 1783 г. Но по *Геннади* («Слов. пис.») послѣдній переводъ сдѣланъ Василіемъ Бѣляевымъ.

Агаповъ, П. Б.—псевд. Ип. Манна («Семья Жирцовыхъ» †).

* **Агафангелъ** (Алексѣй *Соловьевъ*), архіепископъ волынскій ††). *По даннымъ, извлеченнымъ нами изъ архива св. Синода* сынъ священ. владимірской губерніи, родился въ 1812 г. Первоначальное образованіе получилъ во владимірской дух. семинаріи, затѣмъ учился въ московской дух. академіи, которую окончилъ въ 1836 г. со степенью магистра богословія. Еще будучи студентомъ, А. принялъ монашество (1835 г.). По окончаніи курса онъ занималъ при академіи, въ послѣдовательномъ порядкѣ, должности баккалавра по классу толкованія Св. Писанія, помощника библіотекаря, инспектора, преподавателя нравственнаго богословія и каноническаго права. Въ 1842 г. онъ былъ назначенъ ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ въ харьковскую семинарію и тогда-же возведенъ въ санъ ар-

---

†) *П Быковъ*. Въ «Рос. Библіогр.» 1881 г. № 80.

††) 1) Его послужной списокъ въ «Волын. епарх. вѣд.» 1872 г. № 9. 2) *Чистовичъ*, «Исторія перевода библіи на русскій языкъ» въ «Христ. Чт.» 1872 г. № 5, 6. 3) *Н. Барсовъ*, Герасимъ Петровичъ Павскій въ «Рус. Стар.» 1880 г. № 5. 4) *Смирновъ* Ист. Моск. дух. академіи. 5) *Сушковъ*, Записки о жизни митр. Филарета въ «Чтеніяхъ общ. ист. и древн.» 1869 г. кн. 4, смѣсь, стр. 184. *Некрологи и воспоминанія*: 6) «Волын. епар. вѣд.» № 8, стр. 287 — 318. 7) Тамъ-же № 11, стр. 401—418. 8) «Вятск. епар. вѣд.» 1876 г. № 9, стр. 262—66. 9) «Голосъ» 1876 г. № 71. 10) «Гражданинъ» 1876 г. № 11. 11) «Домаш. Бесѣда» 1876 г. № 11. 12) «Дон. епар. вѣд.» 1876 г. № 7. 13) «Дух. Бесѣда» 1876 г. № 11 и 23. 14) «Кавказ. епар. вѣд.» 1876 г. № 7, стр. 249—50. 15) «Кишин. епарх. вѣд.» 1876 г. № 11, стр. 395—98. 16) «Кур. епар. вѣд.» 1876 г. № 5, стр. 219—220. 17) «Моск. епар. вѣд.» 1876 г. № 11. 18) «Одес. воскр. лист.» 1876 г. № 18. 17) «Прав. Обозр.» 1876 г. № 3, стр. 569—570. 20) «С.-Пет. Вѣд.» 1876 г. № 77. 21) «Современность» 1876 г. № 33. 22) «Странникъ» 1876 г. № 4, стр. 65—66. 23) «Тамб. епар. вѣд.» 1876 г. № 9, стр. 291—92. 24) «Церк.-Общ. Вѣст.» 1876 г. № 28.

Отзывы о сочиненіяхъ: Объ «*Объясненіи посланія Павла къ Галатамъ*» въ «Отеч. Зап.» 1854 г., т. 96, отд. 4, стр. 34. О «*Словахъ*» М. Архангельскаго въ «Страникъ» 1860 г. № 3, стр. 15—17.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

химандрита. Въ 1845 г. А. перемѣстили ректоромъ въ костромскую семинарію. Въ Костромѣ, занимая еще многія другія духовныя должности, онъ оставался до 1853 г., когда былъ вызванъ на чреду священнослуженія и проповѣди слова Божія въ Петербургъ. Въ 1854 г. А. былъ назначенъ на почетное мѣсто ректора казанской духовной академіи, съ присвоеніемъ (ему лично) званія настоятеля первокласснаго монастыря. Кромѣ того онъ занималъ кафедру богословія и былъ предсѣдателемъ учрежденнаго при казанской академіи редакціоннаго комитета по изданію «Православнаго Собесѣдника». Съ 1854 г. А. было поручено, сверхъ преподаваемаго имъ догматическаго и обличительнаго богословія, преподаваніе всѣхъ наукъ въ открытомъ при казанской духов. академіи миссіонерскомъ отдѣленіи противъ раскола. Въ 1857 г. онъ былъ возведенъ въ санъ епископа Ревельскаго, викарія петербургскаго, въ 1860 г. ему повелѣно быть епископомъ вятскимъ и слободскимъ, въ 1866 г. — епископомъ волынскимъ и священно-архимандритомъ Почаевской Успенской Лавры. Въ 1868 г. А. былъ пожалованъ архіепископомъ и въ этомъ санѣ онъ скончался на 65 году жизни 8 Марта 1876 г. въ Житомірѣ.

Учено-литературная дѣятельность А., помимо долголѣтняго профессорства, редактированія «Православнаго Собесѣдника» и дѣятельнаго наблюденія за изданіемъ «Волынскихъ Епарх. Вѣдомостей» выразилась:

1) въ изданіи, въ бытность его волынскимъ архіепископомъ небольшихъ брошюръ духовно-нравственнаго содержанія для народнаго чтенія. 2) «*Слова*» А. изданы въ М. 1848 г. и 2-е допол. изд. Спб. 1859 г. ц. 1 р. 3) «*Объясненіе на посланіе ап. Павла къ Галатамъ*» изд. въ Спб. 1854 г. Изъ переводовъ А. напечатаны: 4) «*Книга премудрости Іисуса, сына Сирахова*» съ краткимъ объясненіемъ. Спб. 1860 г. 5) «*Книга Іова*» съ краткимъ объясненіемъ. Вятка 1861 г.

Но болѣе всего доставили Агафангелу извѣстность въ духовныхъ сферахъ два произведенія его, не назначенныхъ для печати. Первое изъ этихъ произведеній относится къ самому началу карьеры будущаго архіепископа и находится въ связи съ переводомъ Св. Писанія на русскій языкъ, предпринятымъ знаменитымъ учителемъ Императора Александра II—протоіереемъ Павскимъ, а другое писано имъ незадолго до смерти и касается проекта духовно-судебной формы, выработаннаго въ срединѣ 1870-хъ гг. тогдашнимъ оберъ прокуроромъ св. Синода—гр. Д. А. Толстымъ.

Протоіерею Павскому, когда онъ былъ назначенъ законоучителемъ Наслѣдника, пришлось, какъ извѣстно, вынести упорную борьбу

ною партіею въ духовенствѣ, которая по возможности строго жалась преданія и враждебно относилась ко всякой попыткѣ внедухъ научнаго анализа въ рѣшеніе богословскихъ вопросовъ. главѣ этой партіи стоялъ Филаретъ московскій, сдѣлавшій цѣлый ъ попытокъ убѣдить императора, что Павскій зараженъ антихрианскими взглядами. Послѣдняя попытка состояла въ томъ, что по юсьбѣ Филарета престарѣлый митрополитъ петербургскій Серафимъ, просивъ у государя аудіенцію, палъ предъ нимъ на колѣни и со езами на глазахъ просилъ его устранить Павскаго въ виду того, о тотъ преподаетъ наслѣднику неправославное ученіе. Государь іль убѣжденъ въ противоположномъ, но чтобы не огорчить стака и удовлетворить Филарета, котораго высоко цѣнилъ, онъ соасился на просьбу Серафима. Устраненіе Павскаго было, однакоже, ень почетное. Ему дали большую пенсію, оставили въ званіи приюрнаго протоіерея, и онъ предался обширнымъ научнымъ трудамъ оимъ, за которыми мало по малу забылъ горечь нанесенной ему иды. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ, именно въ 1841 году, душевный окой ученаго протоіерея былъ снова нарушенъ очень извѣстнымъ ъ свое время эпизодомъ, главнымъ дѣйствующимъ лицемъ котораго вился Агафангелъ. Эпизодъ этотъ, какъ сказано уже, находится въ вязи съ переводомъ Св. Писанія, предпринятымъ Павскимъ еще въ ытность его профессоромъ духовной академіи. Какъ знатокъ еврейскаго зыка, Павскій переводилъ прямо съ подлинника, благодаря чему олучились нѣкоторыя отступленія отъ перевода семидесяти толковиковъ. Ими-то и воспользовался Агафангелъ въ своемъ *безъименомъ* письмѣ, посланномъ изъ *Владиміра* въ концѣ 1841 г. на имя рехъ митрополитовъ тогдашнихъ и поднявшемъ цѣлую бурю противъ Павскаго, который въ своихъ запискахъ пишетъ о ней слѣдующее:

«Видя, что я не совсѣмъ уничтоженъ первымъ натискомъ, враги мои постарались сдѣлать вторую пробу придавить меня. Послѣ отказа моего отъ профессорства въ академіи (1835 г.) ученики, довольные моими уроками, собрали ихъ и, налитографировавъ, разослали и другимъ бывшимъ моимъ ученикамъ. Эти литографированныя тетради попали къ моимъ врагамъ. Уроки эти съ моей стороны были совершенно чисты: я ихъ преподавалъ, бывши профессоромъ академіи, въ виду всѣхъ. И другіе профессоры при своихъ лекціяхъ пользовались моимъ знаніемъ еврейскаго языка. Московскіе невѣжды нашли въ моихъ урокахъ несообразное съ семидесятью толковниками, и одинъ изъ нихъ, бывшій тогда инспекторъ академіи московской, *Агафангелъ*, написалъ на нихъ злую критику и по почтѣ изъ Владиміра послалъ къ тремъ митрополитамъ: Серафиму, Филарету Кіевскому и Филарету Московскому. Послалъ онъ обвиненіе будто отъ своего имени, а между тѣмъ меня увѣряли, что это новая продѣлка Филарета Московскаго. Огорчаясь прежнею неудачею и моимъ рѣзкимъ отвѣтомъ на его прежнія замѣчанія, не мудрено, что онъ внушилъ и сію вторую попытку любимому своему монаху Агафангелу». («Рус. Стар.» 1880 г. № 5, стр. 117).

Съ самымъ содержаніемъ владимірскаго письма можно ознакомиться изъ напечатанной еще при жизни Агафангела статьи пр. Чистовича «Исторія перевода Библіи на рус. языкъ» въ «Христ. Чтеніи» 1872 г. Агафангелъ начинаетъ съ того, что

«св. апостолъ Іуда умоляетъ христіанъ подвизаться за вѣру, однажды преданную святымъ. Апостолъ Павелъ заповѣдуетъ обличать дѣла тьмы. Самъ Господь повелѣваетъ *объявлять церкви* о томъ, кто вводитъ въ соблазнъ другихъ. Слыша сіи уроки, вѣрующій христіанинъ не можетъ оставаться спокойнымъ, когда предъ его очами превращаютъ истину Божію во лжу, вѣчную премудрость въ буйство человѣческое. Такимъ «буйствомъ» является «недавно вышедшій въ Петербургѣ литографированный русскій переводъ учительныхъ и пророческихъ книгъ ветхо-завѣтнаго канона», который по мнѣнію безъименнаго доносителя есть ничто иное какъ «злорѣчіе древняго змія, извратившаго первую заповѣдь Божію и низвергшаго все человѣчество въ бездну вѣчнаго отчужденія отъ лица Божія. Можно-бы почесть не важнымъ сіе дѣло, если-бы оно произошло отъ неопытности и ошибочнаго выбора иностранныхъ пособій, но когда переводчикъ не разъ, не два, пересматривалъ свой переводъ, когда при каждомъ пересмотрѣ вводилъ новыя лжесловія и когда авторитетъ его учености и слава многовѣдѣнія грозятъ обширнымъ распространеніемъ переводу: то ни молчаніе неумѣстно, ни терпѣніе неспасительно».

«Отступленія отъ истины перевода» Павскаго, по мнѣнію Агафангела, заключаются въ томъ, что

1) «читателя прежде всего поражаютъ заблужденія касательно пророчествъ, относящихся къ Іисусу Христу и Его церкви. Читая переводъ, не видишь ни одного предсказанія о Его божественномъ лицѣ. Если-же гдѣ и захотѣли-бы видѣть, по причинѣ яснаго описанія свойствъ и дѣйствій Спасителя, съ совершенною точностью повторяемаго евангелистами, то переводчикъ прилагаетъ къ такимъ мѣстамъ замѣчанія, давая совершенно другой смыслъ рѣчамъ пророковъ». 2) Въ переводѣ встрѣчаются многія мѣста, въ которыхъ переводчикъ усвояетъ Св. Писаніямъ мысли и слова, недостойныя богодухновенныхъ мужей и противныя намѣренію ихъ» 3) «наконецъ переводчикъ не увѣренъ въ подлинности и достовѣрности многихъ частей. Такъ напр. послѣднія 6 главъ книги пр. Захарія, написанной послѣ плѣна вавилонскаго, онъ приписываетъ современному пророку Исаіи, упоминаемому въ VIII гл. Исаіи; книгу пророка Іоны называетъ повѣстью; неопредѣленно выражается касательно пророчествъ Исаіи».

Въ силу всего этого, безъименный доноситель, не допуская мысли, чтобы «врагъ сѣялъ болѣе и болѣе свои плевелы посреди пшеницы, чтобы ядъ его безпрепятственно распространялся между вѣрующими», задавался вопросомъ, какъ поступить съ переводчикомъ и рѣшалъ, что нужно возложить на него временную эпитимію, «да духъ его спасется въ день Господа нашего Іисуса Христа».

Заканчивалось письмо тѣмъ, что авторъ перевода обзывался «Новымъ Маркіономъ» и дѣлалось утвержденіе, «что на русскомъ языкѣ едва-ли когда являлось такое богохульство, какъ въ этомъ литографированномъ переводѣ».

Таково содержаніе этого наиболѣе извѣстнаго изъ произведеній Агафангела, положившаго начало служебной карьерѣ его.

Діаметрально противоположнаго свойства записка Агафангела о проектѣ духовно-судебной реформы. Въ такой-же степени, въ какой письмо изъ Владиміра шло на встрѣчу желаніямъ лицъ, въ то время стоявшихъ у кормила церковной власти, записка, поданная Агафангеломъ въ 1876 г., шла совершенно въ разрѣзъ съ мнѣніями власть имѣвшихъ лицъ. Графъ Д. А. Толстой былъ въ ней атакованъ съ такою рѣзкостью, что не умри Агафангелъ тѣмъ временемъ, онъ, безъ сомнѣнія, былъ-бы удаленъ на покой.

Агафи, *Александръ* †). Издалъ свои «Басни» въ Астрахани 1814 г. Ц. 2 р. 50 к.

Агафи, *Дмитрій Александровичъ*, очевидно отецъ или родственникъ предъидущаго. *По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ намъ П. Н. Петровымъ*—грекъ, предпринявшій изъ Астрахани путешествіе въ Персію, Индію и Кашмиръ. Онъ основалъ въ Астрахани народное училище, котораго былъ директоромъ и помѣщалъ сельскохозяйственныя статьи въ «Трудахъ» Вольно-Экономическаго Общества, гдѣ состоялъ дѣйствительнымъ членомъ. Умеръ въ Астрахани въ 1795 г.

Агафоновъ, *Алексѣй Семеновичъ*, одинъ изъ первыхъ русскихъ синологовъ ††). Учился сначала въ тобольской семинаріи, затѣмъ въ 1769 г. былъ отправленъ «студентомъ» въ пекинскую миссію для изученія китайскаго и манчжурскаго языковъ и по возвращеніи оттуда въ 1780 г. получилъ мѣсто переводчика въ Кяхтѣ, гдѣ и умеръ въ 1794 г.

Агафоновъ напечаталъ слѣдующіе переводы съ китайскаго и манчжурскаго языковъ: 1) «*Джунгинъ или книга о вѣрности*». М. 1788. (Соп. 5157). Ц. 50 к сер. 2) «*Манчжурскаго и китайскаго хана Шунь-Джія книга нужнѣйшихъ разсужденій ко благополучію поощряющихъ*» Спб. 1778 8°. Ц. 50 к. сер. (Соп. 5181). 3) «*Манчжурскаго и китайскаго хана Канъ-Сія книга придворныхъ и политическихъ поученій и нравоучительныхъ разсужденій, собранная сыномъ его ханомъ Юнъ-Джиномъ* Спб. 1788. 4) *Краткое хронологическое росписаніе китайскихъ хановъ*. Пер. съ манчжурскаго М. 1788. (Соп. 9780) 5) «*Государь, другъ своихъ подданныхъ, или придворныя политическія поученія и нравоучительныя разсужденія хана Канъ-Сія*» Спб. 1795. 8°. (Соп. 2865). Ц. 50 к. сер.

Агафоновъ, Д. Перевелъ съ французскаго «Природное мщеніе или натуральное наказаніе за несправедливыя и неосновательныя причины» 2 части. М. 1793. Ц. 1 р. 50 к. Имя переводчика, обозначенное иниціалами (Д. А.), названо у Плавильщикова (№ 4509) и Сопикова (№ 6335).

---

†) *Геннади*, Словарь.

††) 1) *Евгенія*, стр. 2. 2) Энцикл. Лекс. т. I. (ст. *Языкова*). 3) *Геннади*, стр. 6. 4) Энцик. Слов. *Березина* т. I.

Агафоновъ *Иванъ Панкратьевичъ*, медикъ †), изъ мѣщанъ г. Астрахани. По окончаніи курса въ мѣстной семинаріи поступилъ въ 1820 г. казенно-коштнымъ студентомъ въ Медико-Хирургическую Академію, откуда въ 1824 г. вышелъ лекаремъ I разряда и поступилъ на военную службу. Въ 1848 г. онъ былъ помощникомъ генералъ-штабъ-доктора дѣйствующей арміи, въ 1855 г. исправлялъ должность генералъ-штабъ-доктора средней арміи въ Крыму, въ 1858 г. получилъ мѣсто генералъ-штабъ-доктора 1-й арміи, въ 1865 г. назначенъ военно-окружнымъ инспекторомъ Варшавскаго округа. Умеръ въ Варшавѣ 25 февраля 1868 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника.

Агафоновъ написалъ диссертацію на степень доктора медицины: «De hemitritaeo». Varsoviae 1850. 8°.

Агафоновъ, *Михаилъ Антоновичъ*, лейтенантъ ††). Умеръ 27 апрѣля 1865 г. въ очень молодыхъ лѣтахъ. Дѣятельный сотрудникъ «Кронштадскаго Вѣстника», «Морского Сборника» и отчасти «Вѣка». «Статьи и корреспонденціи—всѣ безъ подписи,—Мих. Антон. всегда были проникнуты сочувствіемъ къ нашимъ меньшимъ братьямъ по оружію, къ нижнимъ чинамъ. Это былъ ихъ отличительный характеръ» («Кроншт. Вѣстн.» 1865 г. № 47).

Агафоновъ, *Николай Яковлевичъ*. Въ 1870-хъ гг. былъ редакторомъ выходившей въ Казани одной изъ лучшихъ провинціальныхъ газетъ—«Волжско-Камскаго Слова». Принималъ также участіе въ изданномъ въ 1876 г. нѣкоторыми изъ наиболѣе талантливыхъ сотрудниковъ этой газеты сборникѣ «Первый Шагъ». Послѣ смерти Тургенева Агафоновъ издалъ весьма обстоятельную библіографическую брошюру «*Матеріалы для полнаго собранія сочиненій И. С. Тургенева*» Казань 1883 г.

Агафоновъ, *Федоръ Виссаріоновичъ*, священникъ Троицкой церкви въ Уфѣ †††) умеръ 11 Октября 1867 г. въ Уфѣ, въ возрастѣ около 40 лѣтъ. Усердный дѣятель на поприщѣ народнаго образованія. Издалъ въ 1865 г. въ Уфѣ «*Двѣнадцать поученій и объясненій на десять заповѣдей Божіихъ*» ц. 80 к.; въ 1866, тамъ-же—«*IX поученій на седьмъ таинствъ св. правосл. греко-восточной церкви.*» ц. 25 к. Онъ много содѣйствовалъ историко-археологическому описанію уфимскаго Стараго Собора.

†) 1) «Медиц. Вѣстн.» 1868. № 11. 2) *Геннади*, Словарь. 3) *Змѣевъ*, Врачи-писатели. О диссертаціи: *Ив. Брыковъ* въ «Военно-Медиц. журн.» 1850 г. ч. 55.

††) 1) «Кроншт. Вѣстн.» 1865 г. № 47. 2) *Геннади*, Словарь.

†††) 1) *Р. И. (Игнатьевъ)* Федоръ Виссаріоновичъ Агафоновъ. Некрологъ («Уфим. Губ. Вѣд.» 1867 г. № 42). 2) *Геннади*, Словарь.

Агафонъ, пасхалистъ XVI вѣка †). Нѣкоторыя свѣдѣнія онъ о себѣ сообщаетъ въ своемъ «*Міротворномъ кругѣ*»: «Сей великій кругъ міротворный Альфу св. Пасхи христіаномъ на 532 лѣта въ пречестную славную и великую обитель пресвятыа живонач. Троица и св. отца Сергіа Чюдотворца преводивый толкованіемъ въ велицѣмъ Новѣградѣ съборныя великія церкве св. Ссфіа премудрости Божія, того-же священнаго собора святыхъ великомученикъ Гуріа и Самона и Авива, многогрѣшный попъ Агаѳонище, грѣшною и непотребною своею рукой писавый по обѣщанію, еже обѣщахся пресвятѣй живоначальнѣй Троицы и преп. Сергію чюдотворцу. Прилучившумися въ богоспасаемѣмъ царствующемъ велицѣмъ градѣ Москвѣ, и бывшу ми въ обители пресвятыа и живоначалныа Троица и преп. и богоноснаго отца нашего Сергіа радонежскаго новаго чюдотворца, въ лѣто 7046 (1538) мѣс. маа въ 12, въ недѣлю 4 по Пасцѣ, велми болну ми сущу внутренними и сердечною болѣзнію зѣло изнемогающу, стоящу ми въ церкви пресвятыа Троица у гроба честныхъ и многочюдесныхъ мощей преп. Сергіа Чюдотворца, начяхъ молитися пресвятѣй Троицы и угоднику его преп. отцу нашему Сергію чюдотворцу, чтобы ми даровалъ Господь Богъ, Святаа Троица и преп. Сергій чюдотворецъ животъ на покааніе, и въ томъ часѣ обѣщахся святѣй Троицы въ честный и славный еа храмъ, и на честный и цѣлбоносный гробъ честныхъ и многочюдесныхъ мощей преп. и богон. отца нашего Сергіа Чюдотворца, написавъ грѣшною своею рукою положити сей кругъ великій міротворный святыя пасхи Хрістовы».

«Міротворный кругъ» есть ничто иное какъ пасхалія, т. е. вспомогательныя таблицы для опредѣленія пасхи. Какъ извѣстно, умѣніе опредѣлять день, на который должна выпасть пасха, не сразу далось русской церкви. Хотя еще въ 1134 г. новгородскій діаконъ Кирикъ написалъ «*Ученіе имъ-же вѣдати человѣку числа всѣхъ лѣтъ*», изъ котораго видно, что были уже въ тѣ отдаленныя времена люди, хорошо знакомые съ сложными деталями пасхаліи, однакоже, даже 350 лѣтъ послѣ Кирика потребовался цѣлый соборъ, которому было поручено «написати пасхалію на осмую тысящу лѣтъ по преданію Св. отецъ иже въ Никеи седмаго собора». Соборъ дѣла этого до конца не довелъ, вслѣдствіе чего митр. Зосима, руководившій соборомъ, поручилъ составленіе пасхаліи новгородскому архіепископу Геннадію, извѣстному своею борьбою противъ секты жидовствующихъ. Генна-

†) 1) *Евгеній*, Слов. дух. пис. 2) *В. Ундольскій* въ «Архивѣ историко-юридич. свѣдѣній» Калачова кн. I. по изд. 1876, стр. 3—10 отд. III. 3) *Филаретъ*, Обзоръ стр. 141. 4) *Строевъ*, Библіол. Слов. стр. 54—56. 5) Описаніе рукописей Хлудова стр. 225—226.

дій сдѣлалъ расчисленіе на 70 лѣтъ и кромѣ того далъ правила, съ помощью которыхъ можно вычислять наступленіе пасхи на будущія времена. Когда-же эти семьдесять лѣтъ начали приближаться къ концу, знаменитый составитель великихъ Четьи-Миней, тогда еще новгородскій архіепископъ, Макарій въ 1538 г. поручилъ Агафону или вѣрнѣе благословилъ обѣтъ послѣдняго составить новую пасхалію подъ именемъ «Кругъ Міротворный».

Съ полною точностью сказать, насколько оригиналенъ Агафонъ въ своемъ трудѣ нельзя, потому что пасхалія Геннадія и другого древне-русскаго пасхалиста—«владыки Василія» въ подлинномъ видѣ до насъ не дошли. Но нѣкоторыя косвенныя указанія, почерпнутыя изъ имѣвшейся въ «древнехранилищѣ» Погодина рукописи XVI вѣка «Уставъ церковный» дали Ундольскому поводъ заключить, «что свящ. Агафонъ новаго въ пасхаліи ничего не изобрѣлъ, а только расположилъ Индиктіоны (числомъ 15—отъ сотворенія міра по 7980 годъ) по кругамъ солнца и луны и надобно отдать справедливость, расположилъ весьма остроумно и чрезвычайно удобно» †).

Лицамъ, неимѣющимъ возможности ознакомиться съ «Міротворнымъ Кругомъ» по одному изъ довольно многочисленныхъ списковъ его, имѣющихся почти во всѣхъ крупныхъ собраніяхъ нашихъ можно указать на вышедшую въ 1842 г. книжку нѣкоего К. Тромонина «соревнователя и художника Общ. Древ. и Исторіи при Моск. Унив.», подъ названіемъ «Руководство для узнанія чиселъ пасхи», въ которой авторъ, скрывши источникъ, почти цѣликомъ перепечаталъ таблицы Агафона.

Аггей, (Антоній *Колосовскій*), сынъ казака ††). Родился въ 1738 г. въ м. Бѣликахъ, полтав. губ. Учился въ кіевской дух. академіи, гдѣ дошелъ до философскаго класса. Въ 1759 г. постригся въ Кіево-печер. Лаврѣ и здѣсь послѣдовательно занималъ должности: справщика печатаемыхъ книгъ, проповѣдника и соборнаго старца. Въ 1769 г. онъ попадаетъ въ Петербургъ законоучителемъ Морскаго Шляхетнаго Корпуса. Въ 1774 г. Аггей былъ назначенъ архимандритомъ печерскаго нижегородскаго монастыря, и въ томъ-же году—епископомъ бѣлгородскимъ. Въ 1786 г. его уволили по разстроенному здоровью,

---

†) Индиктіономъ называется лежащій въ основѣ всѣхъ пасхалійныхъ выкладокъ промежутокъ времени въ 532 года.

††) 1) *Новиковъ*, Словарь стр. 56. 2) *Амвросій*, Ист. рос. іерархіи ч. I, стр. 173 3) *Аскоченскій*, Кіевъ т. 2. стр. 282. 4) *Солнцевъ*, II. «Нѣсколько словъ о преосв. Аггеѣ Колосовскомъ» по поводу указа его отъ 8 Октября 1777 г. касающагося способа преподаванія богословія въ Харьков. Коллегіумѣ («Дух. Днев.» 1865 г. № 3) 5) *Геннади*, Словарь стр. 6.

на покой въ переяславскій монастырь, гдѣ онъ и скончался 24 Октября 1792 г. Новиковъ въ своемъ словарѣ говоритъ объ Аггеѣ: «довольно сочинилъ весьма изрядныхъ поучительныхъ словъ; а напечатана изъ нихъ только одна рѣчь на спускъ корабля въ С.-Петербургѣ (по Сопикову № 10054 съ отмѣткою, что рѣчь говорена «въ присутствіи Императрицы Екатерины II» *С. В.*) Его проповѣди много похваляются знающими людьми за чистоту слогу и хорошее изображеніе».

Агентовъ, *Михайло.* †) 1758 — 1780 г. былъ учителемъ нѣмец. яз. въ обѣихъ гимназіяхъ москов. университета. Напечаталъ: 1) «Грамматику нѣмецкую, собранную изъ разныхъ авторовъ» М. 1762, 1779 и 1789. 1 изданіе стоило 60 к. сер., послѣднее 1. р. (Соп. 2923—25) 2) «Открытіе сокровенныхъ художествъ, служащее для фабрикантовъ, мануфактуристовъ, художниковъ, мастеровыхъ людей и для экономіи» съ нѣмец. 3 ч. М. 1768—71 и 1786—8° и 3-ье 1790 (Соп. 1942—93); 3) «Основательное и ясное наставленіе въ миніатурной живописи» съ нѣмец. М. 1765. 8°.

Агренева, *З. А.*—сотрудница «Голоса» ††).

Агрономовъ. *А. И.* воспитанникъ казанской духов. академіи †††). Въ 4 вып. издаваемаго казанскою Дух. Академіею «Миссіонерскаго противо — мусульманскаго сборника» помѣстилъ большую статью «*Джихадъ. Священная война мухамеданъ*» выш. въ 1877 г. отдѣльн. оттискомъ. .8°. 231 стр. Въ Казани-же напечаталъ въ 1878 г. «*Обзоръ полемической противо мусульманской литературы въ Византіи*» 247 стр.

А. Д. (Сопиковъ № 6335), по Плавильщикову—Д. Агафоновъ.

А. Д. («Совр.». 1849 и 1850 г.)—А. В. Дружининъ.

А. Д. («Рус. Вѣст.» 1856 г. «Мельница на межѣ)»—псевд. А. М. Щербинина ††††).

Ададуровъ см. Адодуровъ.

Адалимовъ †††††). *Борисъ Николаевичъ*, врачъ. Учился въ Мед. Хир. Академіи, написалъ большую статью о книгѣ *В. Ельцинскаго* «Коренное леченіе сифилит. болѣзни посредствомъ оспопрививанія» въ «Военно-Медиц. Жур.» 1860 т. 79, отд. 5, стр. 29—74.

---

†) 1) *Снегиревъ*, И. Словарь Евгенія стр. 3. 2) *Геннади*, Словарь.

††) «15 лѣтіе газеты «Голосъ».

†††) *Терновскій*, Русская и иностранная библіографія по ист. визант. церкви стр. 555.

††††) *С. Пономаревъ*, въ Кал. Суворина на 1881.

†††††) *Змѣевъ*, Л. Ѳ. Врачи-писатели.

Адамантовъ, *Д.*, псевдонимъ Б. Н. Алмазова.

Адамовичъ, *А.* Написалъ «Опытъ практическаго начертанія искусства сооруженій артез. колодцевъ въ соврем. его состояніи» съ 4 лист. черт. Спб. 1858. ц. 1 р. 25 к.

Адамовичъ, *Василій Ивановичъ*, только что начавшій свою ученую карьеру приватъ-доцентъ петербургскаго университета по кафедрѣ гражданскаго судопроизводства. Напечаталъ нѣсколько рецензій въ «Жур. Граж. и Угол. Права» 1884—86 гг.

Адамовичъ, *Ефремъ Григорьевичъ*, медикъ †), происхожденія дворянскаго, родился въ 1786 г., учился въ Мед.-Хир. Академіи. Съ 1808—51 г. служилъ военнымъ врачемъ въ разныхъ частяхъ арміи. Писалъ о *«Прорѣзываніи зубовъ и дѣтскихъ при этомъ болѣзняхъ, въ особенности корчахъ»* («Воен. Мед. Жур.» 1825 г. ч. VI).

Адамовъ, *Григорій*. Перевелъ съ франц. «Письма матери своему сыну о истинахъ христіанской религіи. Соч. одной извѣстной писательницы». М. 1810. 8°: ц. 5 руб.

Адамсъ. *Михаилъ* ††) врачъ и зоологъ при нашемъ посольствѣ въ Китаѣ, московскій уроженецъ. Съ 1805 — 1809 былъ адъюнктомъ Академіи Наукъ по кафедрѣ зоологіи; съ 1814 г. почетнымъ членомъ ея. Съ 1819—1830 гг. состоялъ, кажется, профессоромъ Медико-Хирургической Академіи въ Москвѣ.

Адамъ Зерникавъ, см. Зерникавъ.

* **Адамюкъ**, *Емиліанъ Валентиновичъ*. одинъ изъ самыхъ выдающихся современныхъ русскихъ офталмологовъ, †††). *По полученнымъ нами отъ него свѣдѣніямъ* родился 11 Іюня 1839 года въ городѣ Бѣльскѣ, гродненской губерніи. Родители его были мѣщане этого города, занимавшіеся землепашествомъ. И по отцу, и по матери Адамюкъ бѣлоруссъ, но вѣроисповѣданія мать его была католическаго. Учился онъ сначала въ бѣльскомъ уѣздномъ училищѣ, откуда перешелъ во 2 классъ бѣлостокской гимназіи и здѣсь въ 1857 г. кончилъ курсъ первымъ ученикомъ. За неимѣніемъ собственныхъ средствъ къ продолженію ученія, Адамюкъ, по представленію гимназическаго начальства, былъ опредѣленъ въ число стипендіатовъ виленскаго учебнаго округа, (которыхъ тогда назначали по одному на факультетъ въ каж

---

†) *Змѣевъ*, Врачи-писатели.

††) 1) «Tableau general methodique et alphabet. des matières cont. dans les publ. de l'Acad. Imp. des Scienc. de St.-Pet.» St. Pet. 1872 стр. 416. 2) Рукописныя замѣтки П. Н. Петрова.

†††) О «Практ. руков. къ изуч. болѣзн. глаза» 1) *А. Крюковъ* въ «Мед. Обозр.» 1881. № 10. стр. 557—562. 2) *Рейхъ* во «Врачѣ» 1881. стр. 609, 710. О другихъ работахъ: «Мед. Обозр.» т. V. стр. 491, VIII. стр. 691. X. стр. 724.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

скомъ университетѣ) и такъ какъ въ то время какъ разъ освободилась вакансія въ университетѣ казанскомъ, то его туда и послали. Поступилъ онъ сначала на филологическій факультетъ, куда его влекла вынесенная еще въ гимназіи любовь къ исторіи. Но, съ одной стороны, слабое, сравнительно съ другими студентами-филологами, знаніе греческаго языка, благодаря чему Адамюку, вмѣсто любимой имъ исторіи, приходилось тратить очень много времени на изученіе этого самого по себѣ вовсе не интереснаго ему предмета, а съ другой— начинавшееся уже тогда увлеченіе естественными науками побудили его перейти со 2-го курса филологическаго факультета на 1-й медицинскаго. Собственно онъ хотѣлъ поступить на естественный факультетъ, но это было связано съ лишеніемъ стипендіи.

Закончилось пребываніе Адамюка на медицинскомъ факультетѣ тѣмъ, что 3 Октября 1865 г. онъ послѣ защищенія диссертаціи 1) «*О внутри-глазномъ давленіи*» получилъ степень доктора медицины и тотчасъ-же былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію, а затѣмъ назначенъ ассистентомъ при глазномъ отдѣленіи казанской университетской клиники. Въ 1868 г. молодой офталмалогъ былъ командированъ на 2 года за границу. Вернувшись оттуда, онъ съ 1870 г. началъ читать лекціи глазныхъ болѣзней сначала въ качествѣ доцента, затѣмъ съ 1872 г. въ качествѣ экстраординарнаго профессора, и наконецъ, съ 1874 г. въ качествѣ ординарнаго профессора. Кромѣ докторской диссертаціи Адамюкъ написалъ:

2) «De l'étiologie du glaucome» («Annales d'oculistique» средины 1860-хъ гг. 3) «Ueber d. Intraocular-Druck» («Centralblatt f. med. Wissenschaft» средины 1860 гг. 4) «Ueber die Wirkung n. Sympatici auf d. Intraocalar-Druck» (тамъ-же). 5) «Zur Frage über den Mechanismus der Accomodation» (Ibid. 1870). 6) «Zur Physiologie des N. oculomotorius (Ibid). 7) «Ueber die Innervation d. Augenbewegungen» (Ibid.) То-же на голландскомъ яз. «Over de innervatie der Oogbewegingen» Utrecht 1869, и тоже болѣе подробно на русскомъ языкѣ въ протоколахъ психофизическаго отдѣленія общества естеств. при казан. унив. подъ заглавіемъ «*Объ иннервацiи глазныхъ движеній*». 8) «Sur l'action d'Atropin», въ «Annalles d'Oculistique» 1870). 9) «Ueber d. Intraocular Druck» въ протоколахъ съѣзда глазныхъ врачей въ Гейдельбергѣ 1868 г. 10) «Noch einmal über d. Intraocular Druck» въ протоколахъ того-же съѣзда 1869 г. 11) «Uber die Wirckung des n. trigemini und simpatici auf d. Intraocular-Druck» въ протоколахъ засѣданій вѣнской Академіи Наукъ того-же времени. 12) *Критическій разборъ руководства проф. Брауна* въ Протоколахъ Общ. вра-

чей въ Казани» 1871 г. 13) *По поводу статьи д-ра Эрисмана* (тамъ-же). 14) *По поводу статьи д-ра Воинова о* «Farbenblindheit» (тамъ-же) 15). *По поводу номенклатуры болѣзней, составленной обществомъ русскихъ врачей въ Москвѣ»* въ «Дневникѣ Общества Врачей въ Казани» 1873 г. 16) «*О деневраціонныхъ способностяхъ роговой и бѣлковинной оболочекъ глаза*». Казань 1872 г. (въ «Трудахъ Общества Врачей въ Казани»). 17) *Разборъ диссертаціи д-ра Ѳедоровича* (тамъ-же). 18) «*О сущности выразительной способности глазъ*». Рѣчь, произнесенная на актѣ университета 5 Ноября 1872. 19) «*О близорукости*» публичная лекція въ пользу голодающихъ самарской губ. 20) «*Матеріалы и этіологія главкомы и ея леченіе*». Казань 1874 г. 21) «*Офтальмологическія наблюденія*». Выпускъ I Казань 1876 г. Выпускъ II. Казань 1878. Выпускъ III Казань 1880 г. Выпускъ IV. 1880. Выпускъ V 1880. 22) «Beiträge zur Lehre von den negativen Nachbildern». Работа сдѣлана вмѣстѣ съ д-ромъ *Воиновымъ* и помѣщ. въ Архивѣ Грефе. 23) «Ueber die Pupillen Veränderungen bei der Accomodation». Тоже сдѣлано вмѣстѣ съ д-ромъ Воиновымъ и тоже помѣщено въ Архивѣ Грефе. 24) «Zur operativen Behandlung der Scleritis» въ «Centralblatt f. praktische Augenheilkunde» 1880. 25) «Einige Bemerkungen in Beziehung d. Arbeit von Hensen und Völken» (тамъ-же 1878). 26) «Das Chininum bei Glaucome», (тамъ-же 1880). 27) «Объ амилоидномъ перерожденіи въ отношеніи глаза». Читано въ засѣданіи Общества Врачей въ Казани 1879. 28) Zur Frage über die Kreuzung der Nervenfüssen in Chiasm n. optic. des Menschen» въ Архивѣ Грефе. 29)«Zur Aetiologie d. Chorioidit disseminat. («Centralblatt f. Augenheilkunde» 1881.). 30) «Ueber die Gültigkett der Cataractextractionmethoden» (въ «Monatsblätter d. Augenheilkunde»). 31) D. Akines der Augen («Centralblat für Augenh.» 1878) 32) «Beiträge zur Pathologie d. Linse» въ Архивѣ Кнаппа. 33) «Ein Fall von Ruptur d. Chorioideae» въ «Centralblatt f. Augenheilkunde» 1878. 34) «Einige Beobachtungen» въ Архивѣ Кнаппа 1881. 35) «*О дѣйствіи* jequiriti *на глаза*» въ «Протоколахъ засѣданій Общества Врачей въ Казани» 1884 года. 36) «Руководство къ изученію болѣзней глазъ». Ч. 1-я Казань 1881. Ч. 2-я. Казань 1884. (стр. 988). 37) «Къ вопросу о близорукости въ школахъ» въ «Вѣст. Офтальмологіи» за 1886 г.

Въ настоящее время профессоръ Адамюкъ занятъ приготовленіемъ къ печати 3 части «Руководства къ изученію болѣзней глаза».

Совокупность всѣхъ этихъ работъ обезпечиваетъ за профессоромъ Адамюкомъ одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ въ русской медицинѣ вообще и въ русской офталмологіи въ частности. Да и не въ одной

только русской. «Такія книги» пишетъ извѣстный, именно какъ знатокъ медицинской литературы, профессоръ Манасеинъ по поводу «Руководства къ изученію болѣзней глаза» «нечасты не только въ русской, но и въ иностранной литературѣ». («Врачъ» 1881. стр. 710, примѣчаніе редакціи). По крайней спеціальности разборовъ и отзывовъ, вызванныхъ въ медицинской прессѣ работами проф. Адамюка, мы не приводимъ никакихъ выдержекъ изъ нихъ, но для того, чтобы выяснить не спеціалисту—читателю общія черты умственной физіономіи казанскаго окулиста, скажемъ, что медицинская критика особенно цѣнила въ его работахъ, помимо чрезвычайной тщательности и многочисленности наблюденій, еще большую научную *самостоятельность* и отсюда вытекающую значительную научную иниціативу.

Помимо научныхъ достоинствъ, медицинская критика указывала еще на педагогическій талантъ Адамюка, именно на ясность его изложенія—качество, увы, очень рѣдкое въ средѣ нашихъ спеціалистовъ.

Адашевъ, *Алексѣй*, знаменитый любимецъ Ивана Грознаго †). Не останавливаясь на біографіи этого боярина, лишь мимолетно прикосновеннаго къ исторіи русской образованности и письменности, отмѣтимъ, что изъ описи «Царскаго Архива», помѣщенной въ I томѣ Актовъ Археографической Экспедиціи стр. 354, видно, что онъ «писалъ память, что писати въ Лѣтописецъ лѣтъ новыхъ». Эти записки вошли въ составъ «Царственной Книги или лѣтописецъ царствованія царя Ивана Васильевича отъ 7047 до 7061 года» (1534—1553), напечатанной въ Спб. 1769. 4°. (Соп. 5232) съ рукописи патріаршей библіотеки.

Аделаида Ралль. («Библ. для Чт.» временъ Сенковскаго; фамилія до замужества) псевд. Ад. Сенковской ††).

Аделловъ, *Ф.* составилъ «Этимологію нѣмецкаго языка». М. 1872 г. Ц. 1 р., выдержавшую затѣмъ нѣсколько изданій †††).

Аделунгъ, Фридрихъ или какъ его звали въ Россіи *Федоръ Павловичъ*, историкъ, археологъ и библіографъ ††††), племянникъ знаме-

---

†) 1) «Акты Археогр. Эксп.», т. I, стр. 354. 2) Филаретъ, Обзоръ, стр. 148.

††) 1) *С. Пономаревъ* въ Календ. Сувор. на 1881 г.

†††) 1) «Волынск. епарх. вѣд.» 1876. № 5, стр. 120—121 (Мнѣніе Учеб. Комитета при Св. Синодѣ).

††††) 1) Jörgens, Biogr. Lexicon. Bd. 1, 5 und 6. 2) *Meusels*, Gelehrten Lexicon Bd. 9, стр. 10. Bd. 11, стр. 5. Bd. 13, стр. 9. Bd. 17, стр. 5. 3) «Энцикл. Лексиконъ» т. I. 4) «Справочный Энциклопедическій Словарь» *Старчевскаго*. 5) «Русск. Инв.» 1840, № 90. 6) *Я. Балясный* въ «Энц. Слов.», издан. русскими учеными и литераторами, ч. 2. 7) *Геннади*, Словарь. 8) *Recke und Napiersky*, Schriftsteller

нитаго германскаго филолога прошлаго столѣтія Іоганна Кристофа Аделунга. Родился въ Штетинѣ 25 февраля 1768 г.; по окончаніи курса въ лейпцигскомъ университетѣ путешествовалъ по Европѣ сначала съ одной курляндской дамой, а потомъ съ сыномъ графа Бровне, тогдашняго лифляндскаго генералъ-губернатора. Въ 1794 г. Аделунгъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Въ слѣдующемъ году онъ переселился въ Митаву, получивъ здѣсь мѣсто секретаря совѣта общественнаго призрѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ частнаго секретаря курляндскаго генералъ-губернатора графа Палена. Въ 1797 г. А. вернулся въ Петербургъ и одно время занялся было коммерческими дѣлами, въ качествѣ associé извѣстнаго тогда придворнаго банкира Раля, но въ скоромъ времени онъ былъ назначенъ цензоромъ нѣмецкихъ книгъ, директоромъ нѣмецкаго театра, а въ 1803 г.—наставникомъ великихъ князей Николая и Михаила Павловичей. Въ 1824 г. А. получилъ мѣсто директора учрежденнаго при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ института восточныхъ языковъ—должность, въ которой онъ оставался вплоть до самой смерти своей, послѣдовавшей 18 января 1843 г. Кромѣ того, Аделунгъ принималъ весьма дѣятельное и видное участіе въ созданіи румянцевскаго музея, въ качествѣ одного изъ ближайшихъ помощниковъ просвѣщеннаго мецената, давшаго музею свое имя.

За свои научныя заслуги Аделунгъ неоднократно удостаивался разныхъ ученыхъ отличій. Такъ, академія наукъ (1809) избрала его членомъ-корреспондентомъ, а университеты харьковскій и дерптскій въ свои почетные члены. Оба эти университета, при своемъ основаніи, предлагали ему кафедру исторіи, но онъ предпочиталъ оставаться въ Петербургѣ.

Списокъ произведеній Аделунга очень общиренъ и не лишенъ разнообразія, хотя главнымъ образомъ они, все-таки, посвящены

---

und Gelehrten Lexicon-der Provinz Liev-Esth und Kurland и прибавленія къ нему. 9) «Augsburger Allgemein. Zeitung» 1843, № 117. 10) Предисловіе къ «Uebersicht der Reisenden». 11) «A schort notice of the collection of Books and Mss made by the late Th. Adelung». Pet. 1844 г. 4°. Тоже понѣмецки въ «St. Pet. Zeit.» 1844 г. № 210 и «Спб. Вѣд.» 1844 №№ 231 и 232. Содержитъ въ себѣ описаніе замѣчательной лингвистической коллекціи, собранной Аделунгомъ въ теченіи 35 лѣтъ и состоящей изъ грамматикъ, краткихъ словарей и образцовъ болѣе 200 различныхъ языковъ всѣхъ частей свѣта. Коллекція эта въ 1858 г. была пріобрѣтена у наслѣдниковъ Аделунга за 5000 руб. и передана въ Публичную Библіотеку. 12) Nouvelle biogr. des Contemporaines par Arnoult, Jouy. Norvins. По нѣмецкому изданію 1821, т. I.

Отзывы о сочиненіяхъ: О *«Корсунскихъ вратахъ»*. С. Скромненко *(С. Строевъ)* въ «Сѣв. Пчелѣ» 1835, №№ 51 и 52. Объ «Uebersicht der Reisenden» рецензія Бэра въ «Присужденіе Демидовскихъ наградъ 1845 г.

русской археологіи и обзору сказаній иностранцевъ о древней Руси. Писалъ Аделунгъ почти исключительно по нѣмецки, что не мѣшаетъ ему, однако, быть однимъ изъ очень заслуженныхъ людей въ области русской исторіи и библіографіи.

1) *Nachrichten von altdeutschen Gedichten. welche aus der Heidelbergischen Bibliothek in die Vatikanische gekommen sind.* Königsberg 1796. 252. 8°. 2) *Altdeutsche Gedichte in Rom, oder fortgesetzte Nachrichten von Heidelbergischen Handschriften in der Vatikanischen Bibliothek.* Königsberg 1799. XXXII u. 352. 8°. 3) *Entwurf einer statistischen Beschreibung des Kurländischen Gouvernements.* St. Petersburg 1800. 22. 4°. 4) *Pausilippe.* St. Petersburg (Mitau) 1801. 325. 8°. 5) *Lob des Cäsars,* nach Calpurnius. St. Petersburg, 1802. 16. 4°. 6) *Statuten der St. Petersburgischen Musiker-Wittwen-Kasse.* St. Petersburg, 1803. 4. 7) *Des Titus Calpurnius Sicilus ländliche Gedichte, übersetzt und erlautert.* Ebends 1804. 255. 4°. 8) *Denksprüche* (St. Petersburg) 1808. 200. 12°. 9) *Иностранная Литература въ Россіи въ теченіи пятилѣтія съ 1801—1806 г.* Составляетъ 2 часть изданнаго Штархомъ въ 1811 году «Систематическаго обозрѣнія Литературы въ Россіи 1801—1806 гг. 10) *Abentheur in der Sierra Morena, Atus den Papieren des Grafen von* ††† Erster Band. Leipzig 1810. 294. 8°. Вольный переводъ книги гр. Іоганна *Потоцкаго,* изд. послѣднимъ въ 1809 г. въ Петербургѣ подъ заглавіемъ «*Le Manuscrit de Saragossa*». 11) *Rapports entre la langue Sanscrit et la langue Russe* Presentés à l'Academie Imperiale Russe, à St. Petersburg, 1811. 165. 4°. Перепечат. *Milinn*'омъ, въ «Magasin Encyclopedique» (1813 Novembre) и *Langlés* въ «Mercure Etranger» (№ XV)—на русскій языкъ переведено Фрейгангомъ и изд. въ Петербургѣ въ 1811 г. 12) *Catharinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachen Kunde.* St. Petersburg 1815. 210. 4°. 13) *Sigmund Freiherr von Herberstein.* Mit besonderer Rücksicht auf seine Reisen in Russland geschildert. St. Petersburg. 1818. 514. 8°. Mit 2 Kupfern und 1 lithographirten Karte. 13) *Uebersicht aller bekannten Sprachen und ihrer Dialekte.* St. Petersburg. 1820. 185. 8°. Переведено *Francesko Cherubini* на итальян. яз. въ 1824 (Миланъ). Часть, касающаяся американскихъ нарѣчій, переведена на англ. Джономъ Пинкерингомъ изд. въ Бостонѣ въ 1822 бостонскою академіею. 14) *Die Korssunischen Thuren in der Kathedralkirche zur heil. Sophia in Novgorod,* beschrieben und erlautert. Mit Kupfer u. 8 Tafeln Berlin. 1823. 164. S., gr. 4. Русскій перев. Петра *Артемова.* М. 1834. 15) Разсказы. статьи разнаго рода и корреспонденціи изъ Петербурга въ «Zeitung für die elegante Welt» 1801—1803. 16) *Nachricht von den Werken des spanischen Exjesuiten don Lorenzo Hervas* über die Sprachen «въ Allgem. geographischen Ephemeriden» 1801. Въ томъ-же журналѣ Аделунгъ въ теченіи 1801—1822 г. помѣстилъ рядъ этнографическихъ и географическихъ замѣтокъ, въ томъ числѣ обширное изложеніе изслѣдованія харьковскаго профессора *Детурова* объ ногайскихъ татарахъ. 17) *Erste Nachricht von der Dubrowskyschen Sammlung merkwürdigen Handschriften* въ «Nachrichten von der Bergmannschen Sammlung livändischer Münzen». 18) Рядъ рецензій географическихъ, историческихъ и лингвистическихъ сочиненій въ «Allgem. Literatur-Zeitung» 1803 и 1804 г. Тамъ-же рядъ корреспонденцій изъ Петербурга. 19) *Beitrage zu Hofrath J. C. Adelungs Verzeichniss der schwäbischen Dichter und zu der Literatur der Meistersänger* въ «Bragur», Гретера, т. 6. Тамъ-же, замѣтка о гильотинѣ. 20) *Nachricht von dem altdeutschen Gedichte: Das Schafzabel-Spil* nach einer Handschrift der Dubrowskyschen Sammlung, въ «Neuer deutscher Merkur, 1804 (September). 21) Рядъ статей и замѣтокъ въ журналѣ *Штоха* «Russland unter Alexander I». 22) Рецензіи въ

«Mitauscher Wochentl. Гnterhaltung». Bd. 3. (1806) и 5 (1807). 23) Статьи разнаго рода въ рижскомъ журналѣ «Freimüthiger». 1807. 24) Статьи разнаго рода въ «Русскомъ Инвалидѣ» (1814 года, № 63; 1815, № 4; 1817, № 100; 1818, № 263). 25) *Nachträge* zu dem ersten und zweiten Theil des Mithridates. Составляютъ значительную часть 4 тома извѣстнаго сочиненія дяди Аделунга—Іоганна Аделунга, «Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde, начатаго послѣднимъ и продолжавшаго выходить въ разработкѣ Фатера. 26) *Uber die Benennung* Korssunisch von ältern russischen Kunstwerken»; «St.-Petesburgischer Zeitschrift 1822», тамъ же другія статьи и замѣтки по русской археологіи. 27) *Nachricht* von Handschriften und alten Drucken zur ältern dentschen Geschichte, welche sich in der Bibliothek des Reichskanzlers, Grafen Rumanzow, in St.-Petersburg befinden; in dem Archiv der frankfurter Gesellschafft zur genauern Kenntnis der ältern Geschichte Deutschlands. 28) *Uebersicht* der russischen Literatur и нѣкоторыя мелкія статьи въ «Jahrbücher der Literatur», изд. М. Колиномъ. 29) Рядъ мелкихъ замѣтокъ въ журналахъ 20 годовъ: «Сынѣ Отечества» Греча, «Journal der Kaiserl. philantropischen Gesellschaft zu S.-Petersburg», Nouvelles annales des voyages» Мальтъ Брена и въ «Journal de S.-Petersbourg», 30) Augustin, Freiherr von Meyerberg und seine Reise nah Russland. Nebst einer von ihm Auf dieser Reise veranstalteten Sammlung von Ansichten. Gebraüchen, Bildnissen, Trachten u. s. w. St.-Petersburg 1827 VIII und 380 S. gr. &. *Dazu* Samlung von Ansichten, gebraüchen, Bildnissen, Trachten u. s. w., welche des röm. Kaiserliche Gesandte Augustin Greiherr von Meyerberg auf seiner Reise und während seines Aufenthaltes in Russland in den Iahren 1661 und 1662 hat entwerfen lassen St.-Petersburg 1827, 64 lithog^{r}. Blätter Atlasformat. Въ томъ-же году появился русскій переводъ. 31) *Versuch* einer Literatur der Sanskrit-Sprache. St.-Petersbourg 1830 XV und 259 Англійскій переводъ H. Talboys Oxford 1832 XVIII и 234 S. 2 изданіе вышло подъ заглавіемъ. «Bibliotheka Sanscrita. Literatur der Sanscrit- Sprache» St.-Petersburg 1834. XXII+430. 30) *О древнихъ* иностранныхъ картахъ Россіи. Журналъ Мин. Народн. Просв. ч. XXVI, по нѣмецки въ издав. подъ редакціею Бера и Гельмерсена. «Beitr. z. Kenntn. Russl. IV 1—52 (1841). 33) «Semenow's Bibliothek der ausländischer Schriftssteller über Russland St. Pet.¶1840 (оттискъ рецензіи въ «St. Pet. Zeitung»). 34) «Niklas von Warkotsch Reisen nach Moskwa». St. Pet. 1840. 35) «Der griechische Patriarch Ieremias in Moskwa 1589». St. Pet. 1840.) 36) «Auszug aus einem italienischen Berichte über Russland aus der Mitte des 16 Iahrhundert». Pet. 1840 in folio. 37) «David Wundererrs Reise in Russland». St.-Pet. 1841. 38) Kritisch literarrische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind.» Leipzig u. Petersburg 1840. Русскій переводъ *А. Клеванова* начатъ въ Чтеніяхъ Моск. Общ. ист. и древ.» и отдѣльно издано въ 1864 г.

Изъ только что приведеннаго обширнаго перечня можно выдѣ, лить, какъ вещи, имѣющія научное значеніе: «Bibliotheca Sanscrita» «Иностранную литературу въ Россіи за періодъ 1801 — 1806 г.», «Корсунскія врата», книги о Герберштейнѣ и Мейербергѣ и наконецъ, капитальнѣйшую изъ ученыхъ работъ Аделунга — обозрѣніе путешествій по древней Руси. Первыя два изъ названныхъ нами сочиненій, конечно, не болѣе какъ библіографическіе перечни. Такъ, «Bibliotheca Sanscrita» ничто иное какъ систематическій каталогъ печатныхъ санскритскихъ книгъ и литературы санскритологіи. Аделунгъ самъ даже не зналъ санскритскаго языка, слѣдовательно

какихъ-нибудь новыхъ указаній по существу и внести не могъ. Но тщательность работы и библіографическое умѣніе точно и умѣло извлекать все нужное изъ разныхъ источниковъ сдѣлали въ свое время «Bibliotheca Sanscrita» необходимѣйшимъ пособіемъ даже для присяжныхъ санскритологовъ. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить во-первыхъ то, что книга, при незначительномъ раіонѣ ея сбыта, достигла втораго изданія, а во-вторыхъ переводъ ея на англійскій языкъ. Что касается «Иностр. литературы въ Россіи за пятилѣтіе 1801—1806 г.», то это небольшое обозрѣніе важно тѣмъ, что вмѣстѣ съ обозрѣніемъ Шторха оно положило первое начало дѣлу русской библіографіи.

О «Корсунскихъ вратахъ» приведемъ отзывъ знаменитаго археолога Строева, напечатанный имъ въ «Сѣв. Пчелѣ» 1835 г. (подъ псевдонимомъ *Скромненко)* по поводу русскаго перевода изслѣдованія Аделунга.

«Преданіе, гласившее, будто-бы старинныя врата, находящіяся въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, вывезены Владиміромъ Великимъ изъ Корсуня или Херсона» говоритъ Строевъ «принадлежитъ къ древнѣйшимъ историческимъ нашимъ преданіямъ. Оно восходитъ гораздо за XVI столѣтіе, ибо за это время было уже извѣстно Герберштейну, посѣщавшему Россію при Великомъ Князѣ Василіи Іоановичѣ. Стрыковскій, Госсманъ, Раупахъ, Гмелинъ, Гиббонъ, Вилліамъ Коксъ, Озерецковскій, и др. повторяли его въ своихъ сочиненіяхъ: такимъ образомъ, со временъ, предшествовавшихъ XVI вѣку и до XIX столѣтія, это преданіе почти всѣми безочетно повторялось. Только Гер. Фр. Миллеръ и Вилліамъ Коксъ, мимоходомъ упоминающіе о Корсунскихъ Вратахъ, изъявили, въ нѣсколькихъ строкахъ, свое мнѣніе о греческомъ ихъ происхожденіе; но до г. Аделунга никто не позаботился заняться опроверженіемъ неосновательнаго мнѣнія объ этихъ вратахъ,—и всѣ вѣрили въ преданіе, безотчетно повторявшееся въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Наконецъ, въ 1818 году, достопочетный археологъ нашъ издалъ сочиненіе свое о Герберштейнѣ и въ одномъ изъ приложеній къ оному помѣстилъ статью противъ неосновательнаго мнѣнія о корсунскихъ вратахъ. Но видя нѣкоторыя ошибки этой статьи, о которой много писали въ то время, и которою многіе воспользовались (между прочимъ и Карамзинъ), г. Аделунгъ еще съ большимъ рвеніемъ сталъ изслѣдовать свой предметъ и плодомъ продолжительныхъ его занятій и является настоящее сочиненіе».

Переходя къ деталямъ книги, Строевъ указываетъ на то, что Аделунгъ «съ удивительнымъ терпѣніемъ и археологическою тщательностью разсматриваетъ каждую фигуру, изображенную на вратахъ, обстоятельно описываетъ каждый предметъ, для простаго наблюдателя кажущійся незамѣчательнымъ, но не ускользающій отъ взора ученаго археолога, который умѣетъ воспользоваться имъ для разрушенія неосновательнаго мнѣнія». Такъ напр., на многихъ доскахъ, изъ которыхъ состоятъ ворота, Аделунгъ «нашелъ изображеніе благословенія по обряду западной церкви, т. е. указательный и средній пальцы подняты вверхъ, большой, нѣсколько согнутый, приложенъ къ нимъ, а два другіе прижаты къ ладони. Богъ Отецъ Дѣва Марія и св. Іосифъ представлены въ обыкновенной домашней древне-нѣмецкой одеждѣ. На многихъ доскахъ изображены священники и епископы западной церкви

и нѣмецкіе художники въ національныхъ костюмахъ. На другихъ доскахъ видны башни нѣмецкой архитектуры XII и XIII ст., а въ изображеніи взятія пророка Иліи на небо, представлена простая колесница о четырехъ колесахъ на подобіе тѣхъ, кои были нѣкогда у нѣмцевъ во всеобщемъ употребленіи».

Все это, вмѣстѣ взятое, и привело Аделунга къ тому заключенію, что знаменитыя ворота происхожденія нѣмецкаго и представляютъ собою результатъ оживленныхъ сношеній Новгорода съ Ганзейскими городами.

Столь-же тщательною и внимательною критикою отличаются и монографіи Аделунга о Герберштейнѣ и Мейербергѣ. Два знаменитыхъ иностранца эти, путешествія которыхъ въ «Московію» XVI и XVII вѣка являются настолько важными первоисточниками нашей исторіи, что до сихъ поръ имъ посвящаются еще докторскія диссертаціи, впервые Аделунгомъ критически разобраны и изучены. Онъ первый подвергъ сочиненія Герберштейна и Мейерберга той детальной критикѣ и тому тщательному разбору, безъ котораго всякій памятникъ старины въ одинаковой степени можетъ служить какъ источникомъ разъясненія истины, такъ и источникомъ ея затемненія.

Что касается, наконецъ, «Обозрѣнія путешествій по Россіи до 1700 г.», то относительно этого капитальнѣйшаго изъ сочиненій Аделунга прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что издано оно уже послѣ смерти его по черновымъ наброскамъ, и, слѣдовательно, не можетъ представлять собою полной законченности. Благодаря такимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, въ книгѣ не мало таки всякихъ ошибокъ и упущеній. Но это не мѣшаетъ ей, однако, быть однимъ изъ капитальнѣйшихъ пособій по русской исторіи. Чтобы дать понятіе о пользѣ, которую она можетъ принести занимающемуся древнимъ и среднимъ періодомъ нашей исторія, достаточно будетъ сказать, что помимо всякихъ библіографическихъ указаній на иностранныя сочиненія разныхъ вѣковъ, заключающія въ себѣ свѣдѣнія о Россіи въ «Kritisch-litterarische Uebersicht der Reisenden in Russland» дѣлается обозрѣніе болѣе *ста* путешествій по древней Россіи. Начиная съ Ибнъ-Фоцлана, Плано Карпини, Марко-Поло и кончая Мейербергомъ и другими путешественниками XVII вѣка. Аделунгъ даетъ цѣлый рядъ библіографическихъ, біографическихъ и критико-историческихъ свѣдѣній обо всѣхъ иностранцахъ, до 1700 г. посѣщавшихъ Россію. Свѣдѣнія эти не въ одинаковой степени подробны и обстоятельны; не съ одинаковой также критическою тщательностью анализируетъ Аделунгъ степень достовѣрности представляемой каждымъ изъ разсматриваемыхъ имъ путешествій, но въ общемъ, все-таки, книга является замѣчательнымъ и до сихъ

норъ все еще единственнымъ сводомъ свѣдѣній о сказаніяхъ иностранцевъ. Въ значительной степени увеличивало научное значеніе книги Аделунга еще и то, что въ ней были помѣщены свѣдѣнія о путешествіяхъ до того неизвѣстныхъ. Пользуясь своимъ оффиціальнымъ положеніемъ и связями въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, Аделунгъ чрезъ чиновниковъ нашихъ заграничныхъ миссій извлекалъ изъ иностранныхъ архивовъ старинныя донесенія посольствъ, въ разныя времена отправленныхъ изъ Западной Европы въ «Московію». Этимъ путемъ въ число первоисточниковъ русской исторіи были введены весьма любопытные документы.

Совокупность всѣхъ указанныхъ достоинствъ «Kritisch-litterarische Uebersicht der Reisenden in Russland» побудила Академію Наукъ присудить книгѣ, не смотря на всѣ упущенія и недосмотры, полную Демидовскую премію. Обычную въ этихъ случаяхъ рецензію писалъ Бэръ. Онъ въ данномъ случаѣ былъ наиболѣе компетентнымъ судьею, такъ какъ для своихъ работъ по изученію разныхъ эволюцій въ животномъ царствѣ знаменитый натуралистъ спеціально изучалъ старинныя путешествія, извлекая изъ нихъ данныя о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя вноситъ время не только въ жизнь людей, но и въ жизнь животныхъ.

А. Д. З. («Рус. Вѣст.» 1858 г., повѣсти) псевдонимъ *Юліи Ѳед. Ауэрбахъ* †).

Адлербергъ, графъ *Николай Владиміровичъ* ††). Родъ Адлерберговъ происхожденія шведскаго. Предокъ ихъ, Олаусъ Георгій Свебиліусъ, магистръ богословія, съ 1681—1700 былъ примасомъ Швеціи. Возведенные въ дворянское достоинство дѣти его поселились въ Эстляндіи. Внукъ примаса Эрихъ былъ еще капитаномъ шведской службы, но уже сынъ Эриха Адлерберга—Густавъ-Фридрихъ командовалъ русскимъ выборгскимъ пѣхотнымъ полкомъ, а сынъ Густава Фридриха—возведенный въ 1847 въ графское достоинство министръ двора Владиміръ Федоровичъ Адлербергъ былъ однимъ изъ наиболѣе приближенныхъ къ императорамъ Николаю I и Александру II лицъ. Отъ брака его съ М. В. Нелидовой, въ числѣ другихъ дѣтей, родился 19 мая 1819 г. графъ Николай Владиміровичъ, въ 1870 г. произведенный въ генералы-отъ-инфантеріи, а съ 1866 — 81 занимавшій постъ генералъ-губернатора въ Финляндіи.

---

†) *С. Пономаревъ*, въ календ. Суворина, на 1881 г.

††) 1) *Руммель и Голубцевъ*, Родословный Сборникъ, Т. I, стр. 19; 2) *Brockhaus*, Conversations Lexicon. О его путешествіи: «Современникъ» 1853. Т. 39 отд. 4 стр. 45 — 52.

Въ 1845 графъ Н. Адлербергъ предпринялъ поѣздку на Востокъ. Выѣхавшій изъ Рима, онъ побывалъ въ Греціи, Египтѣ, Палестинѣ. Эта-то поѣздка послужила предметомъ изданной имъ въ 1853 году книжки. *Изъ Рима въ Іерусалимъ*». Характеръ книжки опредѣленъ самимъ авторомъ въ краткомъ предисловіи:

«Эти беззатѣйныя строки были написаны мною безъ претензіи на литературную извѣстность, безъ всякаго авторскаго тщеславія, единственно для освѣженія въ памяти того, что я видѣлъ, и притомъ въ то время, когда писались онѣ, я не имѣлъ и мысли пустить ихъ когда-нибудь въ свѣтъ. Между тѣмъ нѣкоторые снисходительные пріятели, прочитавъ, одобрили этотъ разсказъ о моемъ странствованіи и уговорили меня напечатать мои впечатлѣнія, которыя имѣютъ лишь одно достоинство: они чужды всякихъ вымышленныхъ прикрасъ. По моему лучше многое даже не досказать, нежели пустыми, ложными добавленіями искажать истину.

Очерки путешествій не должны быть плодомъ фантазіи, ни вымышленной болтовней. Глубокія, ученыя изслѣдованія принадлежатъ историческимъ сочиненіямъ, а потому здѣсь они столь-же неумѣстны, какъ философскія и политическія разсужденія. Путевыя замѣтки должны быть зеркаломъ того, что дѣйствительно было въ путешествіи, ибо путешествіе не сказка, а быль».

Въ общемъ авторъ остается вѣренъ намѣченнымъ имъ предѣламъ—рѣдко пускается въ историческія или географическія подробности, и, дѣйствительно, передаетъ только то, что видѣлъ собственными глазами. Изложеніе его, не нося на себѣ никакихъ признаковъ сколько-нибудь серьезнаго литературнаго дарованія, не лишено однако, нѣкоторой живости, и книга читается безъ скуки. Въ свое время «Изъ Рима въ Іерусалимъ» встрѣтило довольно благосклонный пріемъ со стороны «Современника».

Адмирари, Нилъ (воскресные фельетоны въ «Голосѣ» въ 1860-хъ и начала 1870-хъ гг.)—*Л. Панютинъ*.

Адодуровъ, *Василій Евдокимовичъ*, математикъ и писатель прошлаго столѣтія, сынъ новгородскаго дворянина †). Родъ Адодуровыхъ,

---

†) 1) *Новиковъ*, Словарь. 2) *Евгеній*, Слов. свѣт. пис. 3) «Memoires» имп. Екатерины II. По Лондонскому изданію 1859 г. стр. 10, 31, 311. 4) *Шевыревъ*, Исторія московск. унив. стр. 103—213. (Обзоръ его кураторства). 5) «Ученыя записки по I и III отд. Академіи наукъ» въ разныхъ мѣстахъ всѣхъ III томовъ, отмѣчен. въ указателѣ. 6) *П. Пекарскій*, въ »Энц. слов.» изд. рус. уч. и лит. т. II, стр. 58—60. 7) *П. Пекарскій*, «Редакторъ, сотрудники и цензура въ рус. журн. 1755—1764 гг.». «Зап. Акад. Наукъ» т. 12 прил. 5) стр. 24—28. 87—88. 8) *А. А. Васильчиковъ*, «Семейство Разумовскихъ» стр. 14, 26, 28, 31, 32, 39—40. Здѣсь сообщены невѣрныя свѣдѣнія о томъ, что Адодуровъ закончилъ свое образованіе за границею. На самомъ дѣлѣ онъ тамъ никогда не былъ. 9) *А. Будиловичъ*, М. В. Ломоносовъ стран. 65, 68, 70. 10) *П. Пекарскій*, въ «Ист. Ак. Наукъ» т. I, стр. 503—516. 11) Энцикл. словари Плюшара, Старчевскаго, Березина, Толя, Клюшникова. 12) *Артемьевъ*, Казанскія гимназіи въ XVIII вѣкѣ. Спб. 1874, стр. 61—62. 13) *Геннади*, Словарь. 14) *Сухомлиновъ*, Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ. 15) *Куникъ*, А. Сборникъ матеріаловъ для ист. Ак. Наукъ т. I, стр. 83. 16) Объ родѣ Адодуровыхъ «*Общ. Гербовникъ*», ч. 2.

какъ сказано въ «Общемъ Гербовникѣ», «происходитъ отъ выѣхавшаго въ 1375 г. въ Москву изъ Нѣмецъ, изъ Фряжскаго государства мужа честна имянемъ Облагини. У него былъ праправнукъ Иванъ Мартемьяновичъ *Адодуръ*, коего потомки Адодуровы Россійскому престолу служили въ стольникахъ и въ другихъ знатныхъ чинахъ и жалованы были отъ Государей въ 1516 и другихъ годахъ помѣстьями».

Василій Евдокимовичъ родился 15 марта 1709 года, образованіе получилъ сначала въ новгородскомъ духовномъ училищѣ, потомъ по собственной иниціативѣ и горячему желанію учиться отправился въ Петербугъ, поступилъ въ 1725 г. въ академическую гимназію, а въ 1727 г. былъ уже студентомъ при Академіи. 19 лѣтнимъ юношей онъ успѣлъ обратить на себя вниманіе знаменитаго Бернули замѣчаніемъ—до того въ математикѣ неизвѣстнымъ—что квадратъ суммы натуральныхъ чиселъ равенъ суммѣ кубовъ этихъ самыхъ чиселъ. Кромѣ математики, Адодуровъ во время своего академическаго студенчества занимался переводомъ древней исторіи Вайера и статей для «С.-Петерб. Вѣд.» и другихъ академич. изданій, за что въ 1731 г. получилъ званіе академическаго переводчика. Въ 1733 г. Адодуровъ, первый изъ русскихъ, былъ удостоенъ ученаго званія, именно адъюнкта по кафедрѣ математики, которую въ то время занималъ знаменитый Эйлеръ. Въ 1735 г. онъ вмѣстѣ съ Тредьяковскимъ былъ назначенъ членомъ основаннаго при Академіи тогдашнимъ «главнымъ командиромъ» ея барономъ Корфомъ «Собранія», имѣвшаго цѣлью «усовершенствованіе русскаго языка» (главнымъ образомъ путемъ перевода иностранныхъ сочиненій). Въ 1736 г. Адодурову былъ порученъ надзоръ за присланными въ академію учениками московской духовной школы, въ числѣ которыхъ былъ и Ломоносовъ. Повидимому, онъ исполнялъ это порученіе не особенно добросовѣстно даже въ смыслѣ расходованія отпущенныхъ для содержанія учениковъ суммъ, а когда ученики пожаловались, то Адодуровъ поспѣшилъ сообщить академической канцеляріи, что одинъ изъ жалобщиковъ «въ укоризнахъ и бранныхъ словахъ нѣмцевъ поносилъ», и заправило академіи, извѣстный нѣмецъ Шумахеръ, тотчасъ-же распорядился дерзкаго ученика «бить батожьемъ нещадно». Въ 1740 г. Адодуровъ подвергался большой опасности быть включеннымъ въ число сообщниковъ Волынскаго, по порученію котораго онъ переводилъ нѣсколько обличительныхъ для Бирона челобитень и нѣсколько книгъ, поднесенныхъ Волынскимъ Аннѣ Іоанновнѣ. А. оправдывался тѣмъ, что онъ къ Волынскому приходилъ по повѣсткамъ академич. канцеляріи, слѣдовательно по долгу службы. Со вступленіемъ на престолъ Елизаветы Петровны, въ жизни Адодурова

происходитъ очень благопріятный оборотъ, главнымъ образомъ благодаря близости съ Алексѣемъ Разумовскимъ, которому онѣ былъ рекомендованъ въ качествѣ искуснаго секретаря. А. начинаетъ быстро подвигаться по избранной имъ съ 1741 г. новой службѣ въ департаментѣ герольдіи, ему удается жениться «на госпожѣ, у которой 1500 душъ» и вообще занять довольно видное общественное положеніе. Въ 1744 г. ему было поручено преподавать рус. языкъ только что пріѣхавшей въ Россію невѣстѣ наслѣдника престола принцессѣ ангальтъ-цербтской Софіи, т. е. будущей императрицѣ Екатеринѣ II. Ученица была усердная. «Чтобы скорѣе успѣть въ русскомъ языкѣ», разсказываетъ она въ своихъ запискахъ, «я по ночамъ вставала съ постели, и, въ то время какъ всѣ спали, учила наизусть тетради, которыя мнѣ оставлялъ Адодуровъ». Но, должно быть, тетради эти не были особенно искусно составлены, потому что Екатерина, впослѣдствіи хорошо научившаяся русскому языку практически, теоретически никогда его не знала удовлетворительно. Правда, уже чрезъ годъ послѣ того какъ Екатерина начала учиться рус. языку, императрица Елизавета, находившаяся въ то время на дачѣ въ Шатиловѣ подъ Москвою, осталась очень довольна полученными ею отъ молодой принцессы русскими письмами. Но «въ дѣйствительности», говоритъ Екатерина въ названныхъ уже «запискахъ» ея, «письма-тѣ были сочинены Адодуровымъ, я-же ихъ только переписывала». Но какъ-бы то ни было, услужливый Адодуровъ очень сблизился съ Екатериною и даже принялъ горячее участіе въ дѣйствіяхъ канцлера Бестужева-Рюмина, клонившихся къ тому, чтобы по смерти Елизаветы объявить Екатерину соправительницею Петра. Планъ, какъ извѣстно, былъ раскрытъ, и участники его понесли различныя наказанія. Адодуровъ отдѣлался чрезвычайно легко. Годъ онъ просидѣлъ подъ домашнимъ арестомъ, а затѣмъ 5 Апрѣля 1759 г. Сенатъ постановилъ: «бывшаго герольдмейстера Адодурова, переименовавъ статскимъ совѣтникомъ, опредѣлить въ Оренбургъ въ губернаторскіе товарищи и, отдавъ ему шпагу, отправить его отъ сената туда немедленно». Въ Оренбургѣ Адодуровъ пробылъ около 4 лѣтъ. За это время онъ велъ очень дѣятельную ученую переписку со старымъ учителемъ своимъ, академикомъ Миллеромъ и посылалъ ему чучела животныхъ, а также литературныя произведенія восточныхъ народовъ. Со вступленіеме въ 1762 г. на престолъ Екатерины, Адодуровъ было немедленно возвращенъ изъ своей почетной ссылки и назначенъ на видное мѣсто куратора московскаго университета и президента мануфактуръ—коллегіи въ Москвѣ. Въ 1774 г. онъ былъ пожалованъ въ сенаторы. Свое кураторство Адодуровъ ознаменовалъ стремленіемъ установить преподаваніе

на русскомъ языкѣ, чрезвычайною осторожностью (въ цензурномъ отношеніи) которую онъ предписывалъ профессорамъ при печатаніи ихъ сочиненій, хотя время тогда (эпоха созыва законодательной коммиссіи) было самое либеральное и, наконецъ, желаніемъ дисциплинировать студентовъ. Каждый студентъ, между прочимъ, былъ обязанъ въ своей комнатѣ имѣть 3 библіи на славянскомъ, французскомъ и латинск. языкахъ и читать ихъ по воскресеньямъ. Но судя по тому, что при Адодуровѣ нерѣдко приходили предписанія отъ главнаго куратора—Шувалова обращаться съ учениками и студентами помягче и избѣгать жестокости въ наказаніяхъ, надо думать, что онъ въ стремленіи дисциплинировать учащихся шелъ слишкомъ далеко. Съ 1770 г. до смерти своей (по митр. Евгенію послѣдовавшей 5 Ноября 1780 г., по Шевыреву—въ 1778 г.) Адодуровъ, произведенный въ дѣйствительные тайные совѣтники, жилъ большею частью въ Петербургѣ, хотя продолжалъ быть кураторомъ московск. университета.

Ученолитературная дѣятельность Адодурова, помимо преподаванія въ Академіи, главнымъ образомъ выразилась въ переводахъ. Въ «Краткомъ описаніи комментаріевъ Акад. Наукъ» 1728 г. онъ помѣстилъ переводы: 1) «*О первыхъ ученія физическаго фундаментахъ*» и 2) «*О Кеплеріановомъ предложеніи*». Въ томъ-же году онъ перевелъ 3) составленное академикомъ *Бильфингеромъ*, «Расположеніе ученіи Его Императорскаго Величества Петра II». Въ 1739 г. напечатано переведенное Адодуровымъ, 4) Краткое руководство къ познанію простыхъ и сложныхъ машинъ» акад. *Крафта*, вышедшее въ 1780 г. 2 изд. (Сопик. 5816—17); въ 1740—60 г. 5) «Арифметики краткое руководство для употребленія въ гимназіи при Академіи Наукъ» (2 части) *Леонарда Эйлера*. (Соп. 2020 и 9866).

Кромѣ этихъ переводовъ, Адодуровъ, какъ видно изъ записей канцеляріи Академіи Наукъ, перевелъ еще: 6) «*Разсужденіе объ интегральной выкладкѣ*» и издалъ въ 1731 г. 7) *Латинско-нѣмецко-русскій лексиконъ*, снабженный краткою русскою грамматикою. Не смотря на то, что Адодуровская грамматика по существу представляетъ собою повтореніе грамматики Смотрицкаго, ею, однако, впослѣдствіи пользовался Ломоносовъ при своихъ грамматическихъ работахъ.

О нѣкоторыхъ переводахъ Адодурова остались только косвенныя указанія. Именно, изъ слѣдственнаго дѣла объ Артемьѣ Волынскомъ видно, что въ 1739 Адодуровъ по порученію этого, тогда еще могущественнаго кабинетъ-министра, перевелъ (а можетъ быть только исправлялъ сдѣланный уже переводъ): 8) «Представленіе» *Вейсенбаха* о конскихъ заводахъ, объ Украйнѣ и объ увеличеніи таможенныхъ доходовъ. 9) *Адлерфлигеля*. о конскихъ заводахъ. 10) *Со-*

Тотъ-же Волынскій приказалъ Адодурову написать 11) посвященіе къ математической книгѣ, которую поднесъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ капитанъ Вильбуа, а также 12) къ «Штурманскому искусству» и 13) «Свѣтильнику моря» *Соймонова*. Посвященія последнихъ двухъ книгъ, по показанію Адодурова, въ печати явились совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ихъ написалъ.

Чтобы закончить списокъ извѣстныхъ переводовъ Адодурова отмѣтимъ еще, что по указанію академика Куника, ему принадлежатъ подписанные буквою **А.** 14) переводы одъ *Штелина* въ «Примѣчаніяхъ» къ С.-Петербургскимъ «Вѣдомостямъ» 1738 и 1739 гг.

Изъ оригинальныхъ произведеній Адодурову, кромѣ вышеназванной краткой грамматики, принадлежатъ еще 15) «Правила Россійской Орѳографіи. П. 1768, и 16) «Anfangsgründe der russischen Sprache St. P. 1737. 4°. Idem. 1782 и 1799.

Въ своихъ грамматическихъ работахъ Адодуровъ является однимъ изъ первыхъ писателей, возстававшихъ противъ употребленія буквы ѕ. Въ связи съ другими грамматическими идеями и наблюденіями его можно привести слѣдующее мѣсто изъ «Разговора объ ортографіі» Тредьяковскаго, гдѣ, по предположенію Пекарскаго, рѣчь идетъ объ Адодуровѣ:

«Всѣ *о* во всемъ Россійскомъ проізношеніі, проізглашается такъ, какъ того требуетъ звонъ. Но московской языкъ, і сімъ самымъ первенствуюшчій ізъ всѣхъ прочіїхъ провінціальныхъ проізносітъ всѣ *о* ударяемыі сілою, какъ *о*; но которыі не ударяются сілою, тѣ оный главнѣйшій выговоръ проізноситъ какъ *а*. Свойство сея буквы, врассужденіі московскаго проізношенія, есть безъ всякаго ізъятія; а прімѣчено оно прежде всѣхъ ізъ нашіхъ отъ такова человѣка, бывшаго нѣкогда прі Академіі, который нынѣ і не въ такіе проніцаетъ мѣлочі, такъ что мы велікую імѣемъ прічіну хвалиться столько жъ ізрядствомъ его разума, сколько похваляемъ чесные его поступки, учтівое обхожденіе і добронравіе».

Кромѣ Василія Евдокимыча изъ Адодуровыхъ (передѣлавшихъ, слѣдуя московскому произношенію, свою фамилію на Ададуровыхъ) подвизались на литературномъ поприщѣ:

— *Евграфъ*, членъ географическаго общества, ум. 1871 въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, писалъ водевили и разныя газетныя статьи. Сыновья его:

— *Иванъ Евграфовичъ*, нынѣ предсѣдатель II-ой группы русскихъ желѣзныхъ дорогъ. напечаталъ рядъ статей по желѣзнодорожнымъ и другимъ экономическимъ вопросамъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

— *Николай Евграфовичъ*, инженеръ путей сообщенія, нынѣ управляющій Либаво-Роменской желѣзной дороги, писалъ статьи по желѣзнодорожному хозяйству въ «Журналѣ Министерства Путей Сообщенія», «Акціонерѣ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» редакціи В. Ѳ. Корша и другихъ изданіяхъ.

Адоратскій, *П. С.* Сотрудникъ «Прав. Собес.» 1870-хъ гг.

Адоратскій, *Стефанъ*, Свящ. казанской петровской церкви. Издалъ «Собраніе словъ, поученій и рѣчей, съ присовокуп. размышленій, изъясненій и замѣчаній на отдѣльные тексты св. писанія и на нѣкотор. изрѣченія молитвъ церковныхъ» Казань. 1863. Цѣна 1 руб. 50 коп.

А. Д—ъ. («Соврем.» 1850 г. Галлерея замѣч. романовъ)—псевд. А. В. Дружинина.

* **Адріановъ,** *Александръ Васильевичъ*, сибирскій этнографъ и редакторъ «Сибирской Газеты». *По свѣдѣніямъ, полученнымъ нами отъ Н. М. Ядринцева*, сынъ священника курганскаго уѣзда, тобольской губ. Учился въ тобольской гимназіи, затѣмъ въ петербургскомъ университетѣ, гдѣ въ 1878 г. кончилъ курсъ по естественному факультету. Тотчасъ по окончаніи курса Адріановъ принялъ участіе въ экспедиціи Г. Н. Потанина, съ которымъ обслѣдовалъ значительную часть Монголіи. Въ этой экспедиціи Адріановъ работалъ, главнымъ образомъ, какъ коллекторъ-натуралистъ, но, кромѣ того, онъ занимался описаніемъ древнихъ памятниковъ и сниманіемъ фотографическихъ видовъ въ цѣляхъ этнографическихъ. Въ 1882 и 1883 г. Адріановъ предпринялъ самостоятельныя экспедиціи въ Кузнецкій округъ, именно въ верховьямъ Мриссы и Кондомы. Сдѣлавъ изслѣдованіе надъ кузнецкими инородцами, онъ пробрался на Телецкое озеро, затѣмъ на рѣку Чулышманъ и Башкау, перешелъ въ верховья Енисея на Кемчикъ и выѣхалъ въ Минусинскъ. Въ послѣдней части своего путешествія Адріановъ изслѣдовалъ бытъ сойотовъ или уренховъ и нашелъ на Кемчикѣ множество весьма замѣчательныхъ каменныхъ бабъ, а также снялъ руническія надписи на скалахъ. Отчетъ объ этой поѣздкѣ въ ближайшемъ будущемъ долженъ появиться въ «Запискахъ» Географическаго Общества. Въ 1883 г. Адріановъ занялся раскопкою кургановъ въ Минусинскѣ, причемъ ему удалось сдѣлать весьма интересное археологическое открытіе, именно до 20 гипсовыхъ масокъ, лежавшихъ рядомъ съ сожженными трупами и черепами (см. «Изв. Имп. Рус. Геогр. Общ.» т. XIX за 1883 г.).

---

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

По возвращеніи изъ экспедиціи Адріановъ поселился въ Томскѣ и принялъ на себя редактированіе «Сибирской Газеты» сотрудникомъ которой состоялъ съ начала ея изданія. Здѣсь онъ помѣстилъ какъ свои отчеты о путешествіи въ Кузнецкій округъ и Саяны, такъ и цѣлый рядъ статей о мѣстныхъ вопросахъ, о крестьянскомъ хозяйствѣ, переселеніяхъ, ссылкѣ и т. д. При «Сибирской-же Газетѣ» Адріановъ издалъ инструкцію для курганографіи. Изъ другихъ изданій онъ приготовилъ статью о Кузнецкомъ округѣ и Кузнецкой черни въ томѣ «Живописной Россіи» Вольфа, посвященномъ Западной Сибири. Кромѣ того онъ состоялъ постояннымъ сотрудникомъ «Сибири» и «Восточнаго Обозрѣнія».

Въ общемъ Адріановъ принадлежитъ къ числу наиболѣе видныхъ представителей современной сибирской журналистики.

Адріановъ, Штабсъ-капитанъ. Составилъ «*Справочную книгу по матеріальной части полевыхъ батарей*». Спб. 1876 г. Ц. 5 р. 8°. 364+50 стр.+XLV чертежей.

Адріанъ, іеромонахъ. Составилъ «Краткое описаніе ставропигіальнаго Новоспасскаго монастыря», въ которомъ былъ прежде ризничимъ, а потомъ больничнымъ іеромонахомъ М. 1821. Съ гравюрами и портретами. Ц. 4 р.

Адріанъ (въ мірѣ *Андрей*) послѣдній патріархъ русскій †), р. въ Москвѣ въ 1636 г. Объ обстоятельствахъ его жизни до того, какъ онъ выдвинулся, извѣстно довольно мало и только съ 1682 г., когда патріархъ Іоакимъ отправилъ его ходатайствовать за принесшихъ повинную стрѣльцевъ, біографическія данныя о немъ становятся болѣе обильными. Въ 1686 А. возводится въ санъ митрополита казанскаго и свіяжскаго, а 20 Августа 1690, послѣ смерти Іоакима, избраніе въ патріархи падаетъ на него. Это избраніе не обошлось безъ нѣкотораго противодѣйствія. Болѣе прогрессивная часть духовенства стояла за ученаго псковскаго митрополита Маркела, къ которому благоволилъ и Петръ. Но партія старины была тогда еще очень сильна, а Петръ не особенно энергично стоялъ за Маркела, да и не имѣлъ еще спеціальныхъ причинъ быть недовольнымъ Адріаномъ, и вотъ почему взяла верхъ партія послѣдняго.

---

†) 1) *Новиковъ*, Опытъ историческаго словаря. По изданію Ефремова стр. 7 2) *Платонъ*, Краткая церковная россійская исторія. М. 1805. стр. 273 — 74. 3) *Евгеній*, Словарь дух. пис. стр. 19—20. 4) *Филаретъ*, Обзоръ стр. 256—57. 5) *Устряловъ*, Ист. Петра Великаго т. III. 6) *Бестужевъ-Рюминъ* въ «Энц. словарѣ» изд. рус. пис. и учен. т. II. стр. 88—90. 7) *Соловьевъ*, Исторія Россіи т. 8) *Строевъ*, Библіологическій Словарь. 9) *Калачевъ*, О значеніи кормчей въ системѣ русск. права.

Но со вступленіемъ Адріана на патріаршій престолъ отношенія его съ царемъ значительно обострились. Петровскія нововведенія были ему очень не по сердцу, и онъ не упускалъ случая противодѣйствовать имъ. Такъ напр. онъ написалъ весьма энергичное посланіе противъ бритья бороды. Петръ платилъ патріарху такими-же враждебными чувствами, и Адріанъ не разъ жаловался на то, что царь къ нему относится не достаточно почтительно. Попытки Адріана активно вмѣшаться въ событія дня не приводили ни къ какимъ результатамъ. Извѣстенъ эпизодъ изъ второго стрѣлецкаго возмущенія. Въ воспоминаніе стараго обычая *«печалованія»*, то есть права духовенства ходатайствовать о милости къ преступникамъ, Адріанъ во время «розыска» надъ стрѣльцами, самолично произведеннаго Петромъ, явился съ иконою въ рукахъ въ застѣнокъ, и, какъ во время перваго стрѣлецкаго возмущенія, когда онъ по порученію Іоакима ходатайствовалъ о прощеніи, хотѣлъ и на этотъ разъ смягчить царя своимъ заступничествомъ. Но Петръ гнѣвно ему отвѣтилъ: «Зачѣмъ подвигнулъ ты святую икону? Удались и поставь ее на свое мѣсто. Знай, что я чту Бога и Пресвятую Богородицу не менѣе тебя; но знай также и то, что долгъ мой охранять народъ и наказывать злодѣяніе, на пагубу его устремленное». Послѣ этой неудачной попытки Адріану оставалось выражать свое неудовольствіе на новые порядки только косвенными путями, что онъ и дѣлалъ при каждомъ подходящемъ случаѣ. Неизвѣстно чѣмъ окончилась-бы распря между царемъ и патріархомъ, если-бъ ей не положила конецъ смерть Адріана, послѣдовавшая 15 октября 1700 г., т. е. въ эпоху, когда преобразовательныя стремленія Петра не достигли еще высшаго напряженія, и царь старался еще не прибѣгать къ особенно крутымъ мѣрамъ относительно приверженцевъ старины. Несомнѣнно, однако жъ, что образъ дѣйствій патріарха крайне раздражалъ Петра, какъ это видно изъ того, что преемника Адріану назначено не было и самое патріаршество рѣшено было уничтожить.

Митрополиту Евгенію были извѣстны слѣдующія произведенія Адріана:

1) *„Щитъ вѣры“*. 2) *„О древнемъ преданіи Св. Апостолъ и Св. Отецъ, како подобаетъ всякому православному христіанину на знаменіе креста и на лицѣ своемъ руки своея персты и кія слагати, и како на себѣ оный изображати*. 3) *„Граматы“*, въ разныя времена писанныя Адріаномъ. 4) *„Выписка правъ и привиллегій Греко-Россійской церкви“*. 5) *„Завѣщаніе“*. 6) *Два письма къ Петру*, напеч. въ X томѣ Новиковской «Вивліоѳики» и 7) *„Подробная инструкція старостамъ поповскимъ“*, напеч. тамъ же.

Этотъ списокъ въ настоящее время нуждается въ нѣкоторыхъ исправленіяхъ и дополненіяхъ.

Что касается «*Щита вѣры*», то онъ принадлежитъ не Адріану, а Аѳанасію Холмогорскому, приписывался-же этотъ богословскій сборникъ Адріану вотъ почему: во время патріаршества его произошелъ споръ между Сильверстомъ Медвѣдевымъ и братьями Лихудами о догматѣ преосуществленія, — споръ, по поводу котораго Аѳанасій Холмогорскій соединилъ въ одинъ сборникъ всѣ документы по вопросу объ евхаристіи, и такъ какъ сборникъ этотъ, озаглавленный Аѳанасіемъ «Щитомъ вѣры», начинается съ грамоты Адріана, то послѣднему и была приписана вся книга.

Помимо этого сокращенія списокъ Евгенія нуждается и въ нѣкоторыхъ добавленіяхъ, именно:

8) въ «Христіанскомъ Чтеніи» 1841 г. IV, 119 напечатано слово Адріана «при погребеніи царевны схимонахини Анѳисы». 9) «Поученіе къ духовному сану» (*Строевъ*, Описаніе рукописей Толстаго II, № 391), 10) Окружное посланіе, начинающееся словами «Два начальства величайшія устрои Богъ на земли— священство глаголю и царство» (*Строевъ*, Библ. обществ. истор. и древн. № 225), 11) Окружное посланіе, начинающееся словами: «Богъ всеблагій, въ Троицѣ поемый, сотвори міръ и созда человѣка» (*Строевъ*, Описаніе рукописей Царскаго № 441, 444 и 473). 12) Два увѣщанія 1695 г. митрополиту Корнилію, желавшему удалиться на покой. (*Строевъ*, Библ. общ. ист. и древ. № 305) 13) Грамота съ похвалою св Димитрію за сочиненіе Четьихъ Миней (напечат. въ Діаріумѣ св. Димитрія). 14) Двѣ грамоты 1696 г. боярину Шеину въ походѣ его къ Азову (напеч. въ книгѣ: «Походъ Шеина къ Азову). 15) 7 писемъ къ разнымъ лицамъ (Устряловъ, «Истор. Петра I», часть 3). 16) Уставная грамота архимандрита Сергіевской лавры (изд. во «Временникѣ» общ. ист. кн. II, стр. 30—46). 17) Уставная грамота монастырямъ полоцкому и витебскому. (Акты Зап. Рос. V). 18) Двѣ судебныя грамоты о разстриженныхъ за расколъ (*Востоковъ*, Описан. рукописей румянцовскаго музея, стр. 73). 19) Настольная грамота митрополиту Варлааму Ясинскому (*Евгеній*, Описаніе Софійскаго собора). 20) Переписка съ Петромъ («Чтенія въ Общ. Древн.» 76 г., IV, стр. 238 -243).

Грамота Адріана «О бородѣ» напечатана Есиповымъ во II-мъ томѣ его «Раскольничьихъ дѣлъ»; «О святительскихъ судахъ» напеч. въ книгѣ Калачева «О значеніи кормчей въ системѣ древн. русск. права». У Есипова-же напечатано помѣщенное въ нашемъ спискѣ подъ № 10-мъ окружное посланіе Адріана.

Изъ перечисленнаго сколько-нибудь серьезное историческое и литературное значеніе имѣютъ: «О судахъ святительскихъ» и грамота о бородѣ. Въ первомъ изъ названныхъ произведеній Адріанъ является, впрочемъ, не авторомъ, а только составителемъ, или редакторомъ этого свода законоположеній древне-русской церковной юрисдикціи. Составленъ онъ былъ по случаю того, что въ февралѣ 1700 года Адріану «изъ Палаты отъ бояръ, которые сидѣли за (новымъ) Уложеніемъ» было предложено «указать о богохулникахъ и о расколникахъ какіе указы чинены, и по ряднымъ записямъ, и по духов-

нымъ, и о заузорныхъ животахъ по чему судятъ, и указъ Великаго Государя и святѣйшаго Патріарха есть ли о томъ» дабы «къ новоположенію тѣ статьи всѣ святыми правилы и указы Великихъ Государей утверждены были неподвижно». Получивъ такое порученіе, Адріанъ велѣлъ собрать въ одну книгу все касающееся правъ и привиллегій русской церкви. Въ нее вошли выписки изъ Номоканона, уставовъ св. Владиміра и Ярослава, ярлыковъ татарскихъ хановъ и прочихъ источниковъ русскаго церковнаго права. Сводъ былъ составленъ очень быстро — втеченіи одного мѣсяца. Адріанъ, вѣроятно, думалъ, что сгруппированіемъ въ одно цѣлое всѣхъ привиллегій, дарованныхъ церкви прежними государями, ему удастся закрѣпить эти права и на будущія времена. На самомъ дѣлѣ, однако-же, вышло совсѣмъ наоборотъ: какъ разъ на основаніи адріановскаго свода юрисдикція церковныхъ властей была значительно ограничена.

Что касается грамоты о бородѣ, то памятникъ этотъ безспорно принадлежитъ къ числу наиболѣе любопытныхъ проявленій оппозиціи, вызванной петровскими реформами, и такъ какъ посланіе сравнительно невелико, то мы и приводимъ его цѣликомъ изъ книги Есипова.

Посланіе имѣется у Есипова въ двухъ редакціяхъ; беремъ болѣе краткую, составляющую одну изъ главъ рукописи Академіи Наукъ, озаглавленной общимъ именемъ: «Адріана патріарха грамоты». Какъ намъ кажется, эта редакція, именно потому-что она короче и составляетъ часть общаго посланія Адріена къ паствѣ, ближе къ подлиннику.

«Отрините отъ себя» обращается патріархъ почему-то спеціально къ «воеводамъ» и «чиноначальникамъ» «злый обычай еже брады брити и подстризати сіе бо еретически есть обычай: православнымъ-же христіаномъ не подобаетъ сего творити и Божію заповѣданію противитися, самъ бо Богъ возбрани глаголя въ законѣ не брить брадъ вашихъ, по Христовѣ-же во плоти пришествіи святіи апостоли заповѣдаша глаголюще не подобаетъ брады власовъ разтлѣвати и образъ мужескій надъ естество измѣняти. Сіе бо женамъ лѣпо сотвори Богъ и святый Епифаній Кипрскій въ словѣ на ересь масаліонъ глаголетъ: что горше и противнѣе иже будутъ образъ мужскій отсѣцаютъ и иніи святіи много о семъ глаголютъ: яко и Григорій Богословъ Іуліана отступника брадоненавистника именуетъ, ненавидя бо той мерзскій богоотступникъ свою браду стрижаше и инымъ имущимъ брады стрищи веляше и понуждаше. И царь Иракліи иже первый бывъ православенъ, тоже впадъ въ ересь манофелитовъ сиречь единовольникъ стрижаше браду свою и за срамная своя дѣянія и обычай чуждый христіанства, яко ненавидимъ отъ Бога, зѣло люто отъиде и житія сего, первѣе живъ еще отъ Бога показненъ страшно сицѣ. Егда имяше урину пущати, обращашеся удъ его водопустный и сцаше на лицѣ его: и тако и умре. Таже на посрамленіе бритія брады его показа Богъ: явишася въ Нилѣ рѣцѣ два животна. Единъ мужъ съ веліею брадою показася, даже до пупа, другое жена показася до сосецъ и стояху десять часовъ дондеже вся людіе видяше.

Царь-же Константинъ Копронимъ еретикъ (яко нынѣшніе лютеры) иконоборец повелѣ подобнымъ еретикомъ брады даже до кожи себѣ остризати, еже бѣ яко юн видѣтеся, яко конецъ женонеистонно разжизатяся, еже яко знаменія нечестві своего положивъ, разлучающеся угодники его еретики отъ христіанъ правосла ныхъ. Литовскій же король Олгердъ идолослужитель сый и огнепоклонникъ и б серменинъ Селимъ Амуратъ турсцій повелѣваше сущимъ подъ ними христіано брады брити тафи носити и иже не послушаша ихъ и не пріяша повелѣнія их мучени быша даже до смерти отъ нихъ же пострадавшій за сіе отъ Олгерда в Вилнѣ Евстафій мученикъ его же память церковь святая празднуетъ апрѣля въ 1 день. Отъ Селима же Амурата пострада Георгій въ Средцѣградѣ болгарстемъ е же память церковь водитъ мая мѣсяца въ 26 день, и сіи убо еретицы и бесермени православніи-же и святіи, ихъ-же первый и единъ святый, отъ чистыя дѣв Марія прія плоть нашу всесовершенну, имѣяша и браду яко и мы: подоби Христосъ Богъ нашъ иже и святіи апостоли и пророцы, архіереи, преподобні отцы, святіи мученицы, совершенно возрастніи суще воини яко Ѳедоръ Стратилат Ѳедоръ Тиронъ, Савва Стратилатъ и сами царіе благочестивіи Константинъ в ликій, Ѳеодосій великій, Маркіянъ и иніи и великіи князи Россійстіи Самодержц Владимеръ великій и иніи мнози и вѣтхозаконніи святіи, первый первозданны по образу Божію Адамъ; по второй Адамъ, Енохъ, Авраамъ, Исаакъ, Іаков Ілія и креститель Іоаннъ и прочи богоугодницы вси имяху брады и ни един же ихъ бріяше или подстризаше браду свою, но вси благоукрашеніе мужіе хра няху, богодарованную имъ красоту, цѣлы имуще брады, яко видимы суть въ ико номъ писаніи. Яко и по общемъ всенародномъ востанѣ возстанутъ такови яко создатися отъ Бога, совершеніи мужіе, съ цѣлыми а неподстригаными ниже вы ритыми брадами, оное благообразіе въ безобразіи имъ мнится быти вамъ (ащ есть кто таковый здѣ пребеззаконникъ) еже выбрити брады оставляти токмо усы сицевы бо твари Бога, не человѣки но кошки и псы оставя имъ безъ брадъ сущим едины усы, прилично о семъ разумѣть, святымъ духомъ рѣченное. Человѣкъ в чести сый не разумѣ приложися скотомъ несмысленнымъ, симъ безумнымъ бродо брійцемъ подражающе ненаказанніи нецыи, заповѣдь Божью и святыхъ пронебрегш образъ мужескій начаша растлѣвати брады брити и стрищи и одежды чуже странныя и на главахъ тафіи носити и смѣшашася множайшіи тѣхъ съ еретики навыщаются неподобнымъ и беззаконнымъ нравомъ ихъ овіи латинскихъ, иніи ж лутерскихъ яко едва разънавати православнаго отъ еретика, сами же еретицы ден отъ дня въ горшее ниспадаютъ, въ толико бо уже неистовство пріидоша, нетокм люди иніи простіи и благородніи ихъ, но и мнихи у нихъ священніи. Яко у латин іезуити, доминиканали, бернадины и иніи недовляющеся лишеніемъ брады токмо, н къ сему и усы стригутъ и видити подобни пификомъ, сирѣчь обезаномъ, иная ж беззаконія творимая или молчаніемъ преминути лѣпо, но ино время отъ ножа, стри женіе брадъ бяше. Первѣе не ради щапства, но въ наруганіе и казнь нѣкихъ. Як Аннонъ Царь сыновъ Аммоновыхъ посланныхъ къ нему отъ Давыда на утѣшені мужей, остриже имъ брады ни укоризну Царя и безчестіе ихъ, вѣдять читателі въ казнь же егда греческій царь Іустинъ магистра обидѣвшаго вдову повелѣ об ножа одеждъ браду острищи и посадя на крастовую ослицу и водя по граду бит жилами воловьими до пролитія кровѣ. И иніи злодѣе тако казними бываху; первѣ стригуща имъ брады на показаніе злодѣйства ихъ, яко Игергій еретика аріа нина въ Александріи остригше браду и поругавшеся сожгоша. Много о семъ ска заніе преминую за долготу: едино токмо помяну яко и здѣ въ велицѣй Россі бяше такова казнь, яко показуется отъ граммоты блаженнаго Фотія митрополит

всероссійскаго писанны съ Пскова глаголюще сице: аще кто удавленину ясть такова подобаетъ казнити, как ову же казнію казнити? Брады стрищи и безчествовати и заточати. Сицева грамота лежитъ великая первопрестольныя церкве Успенія Пресвятыя Богородицы яже на Москвѣ въ великочетьи минеи въ іюлѣ мѣсяцѣ на листу 1241-мъ. Слышате брадобрійцы. Аще есте православныя церкви синове сущи, обче уклонитеся самоволно брадобриті емъ вашимъ въ часть еретиковъ и злодѣевъ ихъ же часть въ егерѣ огненнемъ. Взирайте часто на икону страшнаго Христова пришествія втораго и видите праведныя въ деснѣй странѣ Христа стоящія вся имуще брады, на шуйцѣ же точію стоящыя бесермены и еретики, лутеры и поляки и иныя подобныя имъ брадобривники, имущія едины ушы (усы) яко имутъ кокши (коты) и псы и внемлите вы кому подобны себѣ творити и въ коей части написуетеся. Сицева ваша мнимая вамъ лѣпота и честь, истинно безлѣпотство и безчестіе и грѣхъ смертный, проклято бо сіе блуднозрѣлищное неистовство отъ прежде насъ бывшихъ архіереевъ, святѣйшихъ патріарховъ имъ и мы согласуемъ и тая жде уставляемъ и подтверждаемъ, изначала убо отънеле же православіемъ просвѣтися великороссійской народъ нашъ, ниже бысть у праотцевъ нашихъ, ниже слышахъ брадобрити, но отънеле же Божіимъ попущеніемъ плѣномъ за грѣхи наша *ратуся* (?) царство Московское отъ польскихъ и литовскихъ людей оттолѣ нецыи наши мѣшающеся съ ними начаша младоумніи подражавати еретическимъ сицевое чужестранное зло-обычество брадобритія въ великороссійскій нашъ народъ. Но архипастырь всероссійской по духу же братъ мѣрности нашея святѣйшій Филаретъ патріархъ, съ сущимъ при немъ соборомъ священнымъ видя таковое неподобное безобразіе, прокля глаголя сице: проклинаю богоненавидимую блуднаго образапрелесть душегубительныя помраченныя ереси еже стрищи или брити брады, потомъ тожде возновясь и подтвердися, тщаніемъ святѣйшаго Іосифа патріарха и сущего при немъ священнаго собора, помощею-же поборника по благочестію царя Алексѣя Михайловича, таковыя брадобрійцы и тафіоносцы возбранена быша царскою казнію, ови отъ лица его царскаго отриновенными, изгнанми и заточеньми, овиже и градскими наказаньми, къ сему вси Церковною властію запрещеньми и духовныхъ отцевъ увѣщаньми и отъ церкве сиречь сообщеніе вѣрныхъ; отлученьми и отъ всякія святыни и благословенія архіерейскаго и іерейскаго отриновеньми. За симъ аще бо послѣ такового запрещенія и возбраненія отъ онаго собора дерзнулъ кто брады брити или тафи носити, анаѳемѣ тогдашнія святіи отцы предаша, и тако тое еретическое безобразіе въ великороссійскомъ народѣ преста даже до сихъ плача достойныхъ временъ. Сихъ ради всѣхъ не подобаетъ вамъ православнымъ христіаномъ сущимъ отнюдь пріимати еретическаго сего и злодѣйскаго; знаменія, но паче гнушатися имъ лѣпо и удалятися отъ него яко отъ нѣкія мѣрзости, за небрадобрийцамъ некающимся и отъ того не преставшимъ не подобаетъ по уставленію соборному яко рѣчеся древнихъ архіереевъ благословеніе священническое подаяти, но подобаетъ входъ церковный таковымъ возбраняти и святыхъ таинъ причащенія лишати и сообщенія православнымъ христіанъ отлучати, аще же кто таковыхъ умретъ не преставъ отъ злообычая сего и искренно не покаявся (сами судите себѣ самыя) какъ таковый можетъ сподобитися православныхъ христіанъ погребенію, или въ молитвахъ церковныхъ поминовенію, живъ сый противляйся Богу и закону Его, въ кую же часть возстанетъ на судъ Божій,. въ часть праведныхъ имущихъ нестриженныя брады или въ часть еретиковъ брадобрійцевъ: оставляю вамъ самимъ на разсужденіе. Кійждо бо имать умъ могущь добрѣ сія

Адріанъ, *(Андрей Семеновскій)* іеромонахъ. †) р. 4 Іюля 1800 г. въ селѣ Семеновскомъ, пошехонскаго у., ярославской губ., сынъ діакона. Учился въ нисшемъ отдѣленіи Ярославской семинаріи, въ 1826 постриженъ. Съ 1831 г. сталъ юродствовать ради Бога: разъ 3 дня и 3 ночи стоялъ неподвижно, зимою ходилъ босымъ по многу верстъ и т. д. Подвизался сперва въ пошехонской Адріановской пустыни, потомъ въ югской Дорофеевой, гдѣ и скончался 7 Августа 1853. Пользовался огромною извѣстностью въ своей мѣстности, вслѣдствіе чего велъ обширную переписку съ разными лицами, со всѣхъ сторонъ обращавшимися къ нему за наставленіями. Эта переписка большею частью, состоящая изъ очень лаконическихъ (иной разъ въ стихахъ) поученій и совѣтовъ издана почитателями его подъ названіемъ: «Руководство къ духовной жизни старца Адріана іеромонаха, подвижника Югской Дорофеевской пустыни, или, въ вопросахъ и отвѣтахъ на разные случаи и нужды христіанской жизни, переписка старца съ лицами всякаго возраста, пола и званія, пользовавшимися его душевно-полезными совѣтами». 2 т. Спб. 1861. Ц. 1 р.

А—еръ—псевд. А. К. Шеллера. («Жен. Вѣст.») ††).

А—еръ—. («Дѣло»)—псевд. Альберта Ковнера †††).

А. З. (Соврем.» 1838 т. XII)—псевд. Анны П. Зонтагъ †††).

Азазезъ-Азазезовъ—псевд. А. О. Аблесимова.

Азанчевскій 1-й. Написалъ «Исторію л.-гв. Преображенскаго полка. М. 1859. Ц. 3 р. ††††).

* **Азаревичъ,** *Дмитрій Ивановичъ*. профессоръ римскаго права †††††).

---

†) 1) *Филаретъ*, Обзоръ. 3 изд. стр. 473. 2) *Геннади*, Словарь. стр. 9. 3) «Ярослав. епарх. вѣд.» 1874 г. № 33. (Ст. *I. Кирилла*).

††) П. *Быковъ* въ Рос. Библіогр.» 1881 № 80.

†††) *С. Пономаревъ* въ Календ. Суворина на 1881 г.

††††) Отзывы: 1) «Библ. для Чт.» 1860 № 3. 2) «Сѣв. Пчела» 1860 № 3.

†††††) Упоминаніе въ сокращенномъ «Энцик. словарѣ» *Березина*. Отзывы о сочиненіяхъ: объ *«О различіи между опекой и попечительствомъ по римскому праву»* «Суд. Вѣст.» 1872. № 214 (отчетъ о диспутѣ) 2) Ibid № 229. 3) «Голосъ» 1872 г. № 219 (о диспутѣ). 4) *Н. Н. Вакуловскаго* в «Рус. Мірѣ» 1872 г. № 14 (?) О диспутѣ. 5) *П. Табашникова* въ «Жур. гражд. и угол. права» 1873. № 5. Объ *«Исторіи византійскаго права»*: *Н. Табашникова* въ «Суд. Вѣст.» 1876. № 256.

Объ *«Патриціяхъ и плебеяхъ въ Римѣ»*: 1) «Голосъ» 1876. № 43. 2) *Н. Коркуновъ* въ «Жур. гражд. и угол. права». 1876. № 5—6. стр. 266—271. 3) *Н. Табашниковъ* въ «Суд. Вѣст.» 1876. № 84. 4) *С. Муромцевъ* въ «Юрид. Вѣст.» 1876. № 10—12 стр. 77—88.

О *«Брачныхъ элементахъ*: 1) *Н. Деппъ* въ «Жур. гражд. и угол. права» 1879 № 5. стр. 113—123. 2) «Истор. Библіот.» 1880. № 3 стр. 1—4. 3) *Н. Писемскій* въ «Крит. Обозр.» 1879 № 16. стр. 11—22 4) «Нов. Вр.» 1879. № 1350.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ нами отъ него родился 1 Октября 1848 г. въ Горы-Горкахъ, могилевской губ. Отецъ его былъ профессоромъ законовѣдѣнія въ горыгорецкомъ земледѣльческомъ институтѣ. 8 лѣтъ отъ роду Дмитрій Ивановичъ былъ отосланъ въ Петербургъ и помѣщенъ въ нѣмецкую Анненскую Школу, откуда его, послѣ смерти отца, перемѣстили въ 3 петерб. классич. гимназію. Въ 1866 г. Азаревичъ кончилъ курсъ гимназіи первымъ, съ золотою медалью, и въ томъ-же году поступилъ на юридическій факультетъ петербургскаго университета. Въ 1870 г. онъ получилъ золотую медаль за конкурсную работу «о договорѣ довѣренности» (De mandato) и въ тоже время былъ оставленъ стипендіатомъ для приготовленія по кафедрѣ римскаго права. Чрезъ 2 года, въ 1872 г., Азаревичъ выдержалъ экзаменъ на магистра и тогда-же защитилъ диссертацію « О различіи между опекой и попечительствомъ по римскому праву». Въ 1873 г. онъ былъ посланъ заграницу съ ученою цѣлью и по возвращеніи занялъ мѣсто и. д. экстраординарнаго профессора въ Демидовскомъ юридическомъ лицеѣ. Въ 1882 г. Азаревичъ былъ избранъ въ ордин. проф. новороссійскаго университета, въ которомъ до того (въ 1877 г.) защитилъ свою докторскую диссертацію «Прекаріумъ по римскому праву». Кромѣ римскаго права во всѣхъ его отрасляхъ, Азаревичу много разъ приходилось временно читать и русское гражданское право, а также право торговое. Съ 1886 г. Азаревичъ состоитъ деканомъ юридическаго факультета.

Сочиненія Азаревича: **I. Отдѣльно вышедшія книги:** 1) «О различіи между опекою и попечительствомъ по римскому праву», Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 25 к. 2) «Патриціи и плебеи въ Римѣ». Спб. 1875 г. 2 тома Ц. 4 руб. 3) «Исторія византійскаго права». Ярославль 1876—77. 2 части Ц. 2 руб. 75 коп. 4) «Прекаріумъ по римскому праву». Ярославль 1877. 5) «Брачные элементы и ихъ значеніе» Ярославль 1879. 6) «Античный міръ и христіанство». Ярославль 1880 (брошюра) 7) «Изъ лекцій по римскому праву». Выпускъ I. Одесса 1885.

II. Статьи: 1) «Указная часть бездѣтной вдовы». (Жур. гражд. и угол. права» 1880 г.) 2) «Русскій бракъ» (Ibid.) 3) «Историко-юридич. семинарія въ г. Пизѣ (Ibid. 1881 г.) 4) «Учебный планъ юридич. факультетовъ» (Ibid.) 5) «Юридическая школа въ средневѣковой Италіи» (Рус. Вѣст.» 1882 г. № 1) 6) «Рудольфъ фонъ-Игерингъ» («Жур. гражд. и угол. права» 1882 г. 7) «Семейныя имущественныя отношенія». (Ibid. 1883 г.) 8) Кромѣ того Азаревичемъ написанъ рядъ рецензій въ «Жур. гражд. и угол. права» на сочиненія гг. Бернштейна, Дыдинскаго, Голевинскаго, Колокольцева, Загурскаго, Боголѣпова и др.

III. Переводы: 1) Съ нѣм. *Нассе*, «Общинное владѣніе и передѣлъ полей въ Англіи XVI вѣка». Ярославль 1878. (Редакція перевода). 2) Съ Итальян. *Гвидо Паделеттu*, «Учебникъ исторіи римскаго права». Съ измѣненіями и дополненіями. Одесса 1884 г.

Выводы, къ которымъ пришелъ Азаревичъ въ главнѣйшихъ своихъ изслѣдованіяхъ имъ-же самымъ формулированы въ видѣ тези-

совъ и общихъ заключеній. Приводимъ сначала тезисы его магистерской диссертаціи, стремящейся доказать, что по существу римское право не знало различія между опекою и попечительствомъ.

«1) Назначенія опекуна состоитъ въ полной замѣнѣ дѣеспособности лицъ лишенныхъ ея. а) Полная недѣеспособность всѣхъ подъопечныхъ лицъ въ древнемъ Римѣ слѣдуетъ изъ характера отношеній опекуна къ опекаемому имуществу, какъ къ формальной его собственности. б) Впослѣдствіи, когда подъопечныя лица разсматривались уже и формально собственниками опекаемаго имущества, дѣеспособность ихъ не расширилась, такъ какъ соучастіе опекуна составляло исключительный юридическій элементъ, опредѣлявшій какую-бы то ни было юридическую силу акта совершеннаго подъопечнымъ при этомъ соучастіи.

2) Попечительство надъ минорами послѣ закона Марка Аврелія ни чѣмъ не отличалось по назначенію отъ опеки надъ пупиллами, такъ какъ а) Въ противность мнѣнію всѣхъ западныхъ ученыхъ слѣдуетъ принять, что по закону Марка попечительство стало обязательнымъ для каждаго имущаго минора; б) а изъ мотива подобнаго положенія необходимо признать полную ничтожность юридическихъ актовъ миноровъ, совершенныхъ ими безъ соучастія попечителя, или что тоже—полную ихъ недѣеспособность.

3) Какъ выводъ изъ предъидущихъ положеній, получаемъ полное теоретическое тождество между опекой надъ пупиллами и попечительствомъ надъ минорами.

4) Остальные частные виды опеки и попечительства только возводятъ предъидущее положеніе въ общее, такъ а) пожизненная опека надъ женщинами раздѣлялась на опеку впродолженія несовершеннолѣтія и попечительство впродолженіи совершеннолѣтія; б) попечительство надъ совершеннолѣтними безумными въ позднѣйшемъ римскомъ правѣ образовалось изъ древней опеки надъ безумными всякаго возраста и разумѣется, безъ измѣненія въ общемъ назначеніи; в) попечительство надъ расточителями образовалось по образцу попечительства надъ безумными, а потому не можетъ представить въ общемъ характерѣ какой нибудь особенности передъ опекой и попечительствомъ вообще; г) всѣ виды т. н. curae realis имѣютъ въ виду охраненіе интереса извѣстныхъ лицъ, а потому ничѣмъ не отличаются отъ т. н. curae personalis, а тѣмъ отъ опеки вообще.

5) Предъидущія положенія дѣлаютъ всѣ теоріи различенія опеки и попечительства по римскому праву неосновательными».

Три года спустя появившееся двухтомное изслѣдованіе Азаревича «Патриціи и плебеи въ Римѣ» тезисовъ не имѣетъ, потому что предметомъ публичной защиты оно не послужило, но за то авторъ снабдилъ его слѣдующимъ обстоятельнымъ резюме:

Въ общемъ результатѣ нашего труда мы должны отвергнуть обыкновенно принятый смыслъ борьбы во внутренней римской исторіи. Дуализмъ, выраженіе котораго видѣли въ двуголовомъ янусѣ, въ двойственности государственныхъ ларъ и, наконецъ, въ двухъ братьяхъ, основателяхъ Рима, заключался не въ противоположности двухъ національностей, а единственно въ борьбѣ за выработку народныхъ правъ противъ представителей власти.

Этою борьбою въ государственномъ римскомъ правѣ объясняются всѣ послѣдовательныя измѣненія въ государственномъ управленіи, которое единственно силою очерченной борьбы должно было пройдти путь отъ единоличной неограниченной власти (монархіи), аристократіи, демократіи, смѣшаннаго правленія всѣхъ трехъ въ періодъ взаимнаго ихъ уравновѣшиванія (время Полибія) до пожизненнаго диктаторства Цезаря, до имперіи.

Для науки государственнаго права интересъ даннаго вопроса безконечно великъ. Но мы, кромѣ того, задавшись вопросомъ противоположенія патриціевъ плебеямъ, имѣли еще болѣе общую цѣль собственно для науки римскаго права и гражданскаго въ особенности, а именно: найдти болѣе положительное основаніе исходнаго представленія исторіи римскаго права.

Имѣя въ виду такіе труды по исторіи римскаго права, какъ напр. Пухты, а съ другой стороны извѣстное сочиненіе Игеринга «о духѣ римскаго права,»—мы видѣли съ одной стороны исторію римскаго государственнаго права, построенную на апріорномъ и неустановившемся воззрѣніи о происхожденіи плебеевъ силою завоеванія, откуда и національный дуализмъ, а въ гражданскомъ правѣ исторію отдѣльныхъ институтовъ, несвязанныхъ никакою взаимною причинностью, объясненныхъ то по буквѣ древнѣйшихъ положительныхъ данныхъ, то, при нѣсколькихъ формахъ одного и того-же института, тѣмъ-же дуализмомъ. Съ другой стороны безсвязность подобныхъ положеній, условленная недостаткомъ общаго основнаго представленія, вызвала извѣстный трудъ проф. Игеринга, который пытался развить всю исторію римскаго права на предвзятыхъ началахъ психологическихъ, народнаго характера, этическихъ, этимологическихъ и т. п. Цѣльность конструкціи и высоко-талантливое выполненіе сразу снискали этому труду всеобщее уваженіе; но апріорность основаній выдавала неположительность частныхъ выводовъ, а потому въ позднѣйшихъ трудахъ по исторіи римскаго права трудъ Игеринга не нашелъ себѣ послѣдователей. Дѣйствительно, чѣмъ могла быть убѣдительнѣе конструкція Игеринга напр. передъ гегелевской? И тамъ и тутъ подтасовка римскихъ институтовъ подъ предвзятыя категоріи; и тутъ и тамъ источники приводятся только съ тѣмъ, чтобы подтверждать взглядъ, а не для наведенія.

При всемъ моемъ уваженіи къ трудамъ Игеринга, я еще прежде, при изслѣдованіи отдѣльныхъ вопросовъ римскаго права, часто принужденъ былъ отказываться отъ такихъ его взглядовъ, которые, какъ необходимыя звенья, входили въ обширную его систему, а слѣдовательно расходился и съ общими его взглядами по исторіи римскаго гражд. права. Это побудило меня искать новаго общаго исходнаго основанія для изслѣдованій въ исторіи римскаго права. Съ этою цѣлью и предпринятъ былъ настоящій трудъ. Выходя изъ положительныхъ историческихъ данныхъ, я путемъ умозаключеній старался найдти ту основную форму древнѣйшаго римскаго общежитія, которая объяснила-бы всѣ позднѣйшія формы римскихъ гражданскихъ институтовъ.

.Въ первомъ томѣ, изслѣдованіемъ чисто-государственныхъ институтовъ я дошелъ до убѣжденія, что эта основная форма была *родъ,* gens, съ единоличною неограниченною властью владыки и прочими очерченными его чертами т. е. римскій родъ былъ прототипомъ римскаго государства, отъ котораго отправлялось все послѣдующее развитіе, слѣды чего мы прослѣдили до конца республики.

Этотъ результатъ, провѣренный на критическомъ анализѣ дуалистической теоріи въ гражданскомъ правѣ, какъ нельзя болѣе подтверждался. Всѣ главнѣйшіе институты семейнаго и наслѣдственнаго права объяснились основными чертами замкнутаго (gentis enuptio), обособленнаго римскаго рода. Этимъ-же характеромъ рода обусловливались занятія и внутренній оборотъ у древнихъ римлянъ, формальности котораго дали достаточно основаній къ предположенію что отношенія между родами весьма легко могутъ быть уподоблены международнымъ. Въ этомъ признакѣ лежитъ объясненіе всего обязательственнаго права, судебныхъ формальностей и вообще всѣхъ актовъ, символомъ которыхъ была hasta.

Приведенныя выдержки, изъ которыхъ вторая можетъ также служить образчикомъ слога и манеры изложенія Азаревича, знакомятъ читателя съ отличительною чертою умственной физіономіи его—стремленіемъ ниспровергать самые громкіе авторитеты и самыя общепризнанныя теоріи римскаго права, въ замѣнъ чего онъ съ большею настойчивостью выдвигаетъ свои собственные теоріи и взгляды.

Отнюдь, однако-же, нельзя сказать, чтобы это настойчивое новаторство встрѣтило благосклонный пріемъ со стороны ученаго міра. И если, въ одномъ отношеніи, изслѣдованія Азаревича прочно за нимъ установили среди нашихъ ученыхъ юристовъ репутацію человѣка талантливаго, способнаго работать и обладающаго обширнѣйшею эрудиціею по избранной имъ спеціальности, то за то, съ другой стороны, за нимъ столь-же прочно установилась репутація человѣка, до того обуреваемаго неудержимымъ стремленіемъ во чтобы то ни стало сказать что-нибудь новое и оригинальное, что это стремленіе ведетъ его къ цѣлому ряду натяжекъ и софизмовъ, въ общемъ сильно подрывающихъ научное значеніе его изслѣдованій.

Больше другихъ изслѣдованій Азаревича упреки въ безпочвенномъ новаторствѣ вызвали его «Патриціи и плебеи», въ которыхъ онъ съ такою энергіею взялся, по выраженію одного изъ наиболѣе рѣзкихъ критиковъ своихъ (извѣстнаго проф. римскаго права *С. Муромцева*), «за низложеніе всей господствующей въ наукѣ догмы».

Въ послѣдовавшемъ за «Патриціями и Плебеями» †) курсѣ «*Византійскаго права*» спеціальная критика тоже усмотрѣла излишнее стремленіе къ оригинальности. Именно, она указывала на то, что авторъ старается выдѣлить византійское право въ нѣчто совершенно отдѣльное отъ общаго римскаго права, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности кромѣ двухъ, трехъ эклогъ въ немъ ничего юридически-самостоятельнаго нѣтъ.

Благосклоннѣе спеціальная критика отнеслась къ послѣднему по времени изслѣдованію Азаревича «Брачные элементы», которое, главнымъ образомъ, представляетъ собою очеркъ исторіи римскаго брака.

Авторъ выдѣляетъ въ бракѣ три элемента: реальный или физическій, элементъ соглашенія волей и элементъ этическій. Въ римскомъ бракѣ сначала преобладалъ элементъ реальный. Древнему

†) Ничего не говоримъ о содержаніи докторской диссертаціи Азаревича «Прекаріумъ по римскому праву», потому что ни въ Публичной Библіотекѣ, ни въ спеціально-юридической библіотекѣ II Отдѣленія Собств. Его Имп. Велич. Канцеляріи мы, почему-то, этого сочиненія не нашли. Отзывовъ критическихъ о немъ мы тоже не встрѣтили.

…лянину жена нужна была, главнымъ образомъ, для выполненія …занности давать государству гражданъ. Сообразно этому устано… …лось и соціальное положеніе римской женщины, которая, сначала …ъ домѣ отца, а затѣмъ въ домѣ мужа, была чѣмъ-то въ родѣ оду…вленной вещи. Съ постепеннымъ распаденіемъ родоваго быта и …ъ наступленіемъ той страшной деморализаціи, которою ознамено…ны послѣдніе годы республики и имперіи, въ жизни римской …нщины происходитъ коренной переворотъ. Полная распущенность …ловыхъ отношеній, поголовный развратъ, дошедшій до того, что …нщины самыхъ знатныхъ семействъ записывались въ число про…ститутокъ, все это до такой степени измѣнило принципы обществен…ной морали, что на расторженіе семейныхъ узъ стали смотрѣть, …къ на явленіе самое естественное. Законодательство, всегда отра…жающее общественное настроеніе, должно было уступить духу вре…мени и санкціонировало разводъ, которымъ римскіе супруги восполь…зовались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Женщины начали счи…тать свои лѣта не по числу консуловъ, а по числу мужей, и, какъ …воритъ Сенека, жены разводились для того только, чтобы опять …йти замужъ, а выходили замужъ для того, чтобы опять развес… Св. Іеронимъ разсказываетъ объ одной женщинѣ, которая … 22 мужей.

…мъ-то страннымъ путемъ въ римскій бракъ былъ введенъ …элементъ брака — взаимное согласіе.

… однакоже, подобное положеніе не могло длиться. Насту… …значительной части римскаго общества реакція и та жажда …наго обновленія, которымъ обязано своимъ успѣхомъ хри… … христіанство-то впервые выдвинуло третій элементъ бра…кій.

…ичные моменты Азаревичъ усматриваетъ и въ исторіи …аго брака, при чемъ для полнаго проведенія своей аналогіи …ходится вступать въ оживленную полемику съ нѣмецкими …ками, отвергающими существованіе многоженства въ древне…янскомъ строѣ жизни.

Азарій, іеромонахъ жившій въ началѣ 17 столѣтія въ Бѣлорусcіи †). По митроп. Евгенію (Слов. дух. пис. стр. 21), въ 1625 г …напечаталъ въ Могилевѣ въ 4° л. полемическую противъ католиковъ …нигу, подъ заглавіемъ «Книга о вѣрѣ Единой, Святой, Соборной …постольской Церкви»; по Сопикову (съ помѣткою «рѣдка») книга …зывалась — «Вѣра св. каѳолическія и Апостольскія Церкви»

---

†) 1) *Евгеній*, Словарь, 2) *Строевъ*, Библіолог. Словарь.

(№ 216). Строевъ, однако, утверждаетъ въ своемъ «Библіолог. Словарѣ», что мѣсто и годъ печатанія на обложкѣ книги не значатся. Въ рукописи «Библіолог. Словаря», противъ статьи объ Азаріи написано «См. Захарій Копыстенскій», но въ статьѣ о послѣднемъ писателѣ ничего объ Азаріи нѣтъ.

Азарій или Азарія, келарь Соловецкаго монастыря и одинъ изъ очень видныхъ дѣятелей «соловецкаго сидѣнія» †) Арх. Филаретъ причислялъ его къ раскольничьимъ писателямъ, приписывая ему знаменитыя челобытныя соловецкихъ монаховъ, поданныя Алексѣю Михайловичу. Дѣйствительно, многія изъ этихъ челобитень начинаются съ того, что во главѣ бьющихъ челомъ богомольцевъ государевыхъ» называется «соловецкаго монастыря Келарь Азарей». Болѣе внимательныя изслѣдованія возмущенія соловецкаго монастыря выяснили, однако-же, что сочинителемъ главной соловецкой челобитной былъ старецъ Геронтій, который «на скамью становился и свои выписки братіи челъ», и что Азарій не зналъ даже грамоты, такъ что за него всегда «руку прикладывалъ» священникъ Леонтій.

Аззарити или *Аццарити* (Azzariti, Aruntius Iohann), одинъ изъ первыхъ преподавателей анатоміи въ Россіи ††). Родился въ Апуліи, учился въ падуанскомъ университетѣ. Въ Россію пріѣхалъ въ 1721 году по приглашенію графа Саввы Рагузинскаго и такъ какъ онъ былъ очень тонкимъ анатомическимъ препараторомъ, то ему и было поручено преподаваніе анатоміи «подлѣкарямъ» Въ 1733 г. Минихъ назначилъ Аззарити генеральнымъ штабъ-докторомъ своей арміи, расположенной тогда въ Молдавіи. Но не долго оставался итальянскій врачъ въ этой значительной должности. Вскорѣ надъ нимъ разразилась гроза, испортившая всю его блистательно начатую карьеру. Произошла она изъ-за ревеннаго корня. Какъ извѣстно, ревень въ медицинѣ прошлаго столѣтія игралъ огромную роль, приблизительно такую, какую въ настоящее время играетъ хининъ. Несмотря на страшную дороговизну, его употребляли въ очень многихъ болѣзняхъ. Для Россіи ревень служилъ источникомъ большого дохода, потому что, соприкасаясь своими сибирскими владѣніями съ Китаемъ и Манчжуріею, гдѣ ростетъ ревень, она одна имѣла воз-

---

†) 1) *Филаретъ*, Обзоръ стр. 244. 2) *«Три челобитныя»* Спб. 1862 стр. 7. 3) *Соловьевъ* Исторія Россіи т. 4) *Сырцовъ*, Возмущеніе Соловецкихъ монаховъ—старообрядцевъ въ XVII вѣкѣ. Казань. 1880. стр. 229—232, 358, 360, 361. 5) *Субботинъ*, Матеріалы для исторіи раскола т. 3.

††) 1) *Richter*. Geschichte der Medicin in Russland. т. III стр. 168. 2) *Геннади*. Словарь. 3) *Чистовичъ*, Яковъ. Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи. Приложенія стр. LXVII—LXVIII.

можность добывать этотъ цѣлебный корень, которымъ и снабжала всю Европу. Ревенное дѣло настолько широко было развито въ Россіи, что существовала даже особая ревенная коммиссія въ Иркутскѣ, завѣдывавшая, какъ составлявшимъ тайну добываніемъ ревеня, такъ и отсылкой его въ медицинскую канцелярію въ Петербургѣ. А ужь канцелярія отъ себя продавала ревень въ Западную Европу и снабжала имъ армію. Казалось-бы, что при такомъ положеніи дѣла прежде всего русская армія должна была-бы въ изобиліи располагать драгоцѣннымъ корнемъ; каково-же было удивленіе и негодованіе Миниха, когда при осадѣ Очакова вдругъ оказалось въ его арміи полное осутствіе этого важнѣйшаго, по тому времени, лекарства. Аццарити, къ которому прежде всего обратился раздраженный Минихъ, не находя удовлетворительнаго объясненія этой оплошности, въ испугѣ взвалилъ всю вину на небрежность медицинской канцеляріи. Дальнѣйшее разслѣдованіе выяснило, однакожъ, что виновата не медицинская канцелярія, а Аззарити, вслѣдствіе чего оскорбленная ложнымъ обвиненіемъ канцелярія, откопавъ еще какія-то другія провинности главнаго доктора миниховской арміи 15 Сентября постановила: «для его худой диспозиціи въ удовольствованіи больныхъ солдатъ арміи Е. И. В., понеже онъ и первый годъ въ должности весьма былъ неисправенъ и въ минувшей Очаковской кампаніи диспозиція такъ неисправна, что о томъ на медицинскую канцелярію жалобы учинились, которыя жалобы въ оной канцеляріи нѣкоторыми собранными докторами изслѣдованы, и канцелярія медицинская явилась неповинна, того для оная канцелярія опредѣлила (какъ желалъ и фельдмаршалъ Минихъ) онаго Ацаритія отъ диспозиціи управленія медицинскихъ дѣлъ при арміи Е. И. В., впредь до указа отрѣшить». Отставленный такимъ образомъ отъ занимаемаго имъ высокаго поста, Аццарити продолжалъ, повидимому, нести медицинскія обязанности при арміи Миниха вплоть до окончанія войны въ 1742 г. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ отправленъ подъ конвоемъ въ Москву, гдѣ, послѣ пятимѣсячнаго ареста былъ окончательно уволенъ отъ службы безъ лишенія, однако, права на частную практику. Пять лѣтъ спустя (въ 1747 г.) Ацарити умеръ въ Москвѣ, повидимому, въ бѣдности.

Азовскій Казакъ («Морск. Сбор.»)—псевд. В. В. Палеолога †)

Азонель—псевд. А. О. Лютецкаго («С.-Пет. Вѣд.» редакціи В. Ѳ. Корша ††).

---

†) 1) *Пономаревъ* въ календ. Сувор. на 1881.

††) 1) *П. Быковъ*, въ «Рос. Библіогр.». 1881. № 80.

Азъ—псевд. И. Ѳ. Васильевскаго (Стрекоза») †).

Азъ, Рцы, Слово—псевд. А. В. Арсеньева («Пчела») ††).

А. И. (Сопиковъ № 2315) по росписи «Смирдина (№ 640) —Иванъ Андреевъ; но если судить по ссылкѣ Сопикова на № 8444 — И. Андреевскій.

А. И. М. («Христ. Чт.» и «Труды Кіевс. Дух. Акад.») псевдонимъ архимандрита Антонина †).

А. И. М. перевелъ съ испанскаго «Рѣчь св. Іюліана, архіеп. Толедскаго противъ французовъ, писанная въ 637 г. Спб. 1812. 8. (Соп. № 10073).

Айбулатъ. См. дополненіе къ I тому.

Айдаровъ—псевд. Вл. В. Пассека («Р. Рѣчь» 1879—80 гг.) ††).

Айдаровъ, Михаилъ Петровичъ, горный инженеръ †††). Окончивъ горный институтъ въ 1836 г., получилъ мѣсто при алтайскихъ заводахъ, а затѣмъ былъ назначенъ директоромъ химической лабораторіи въ Барнаулѣ. Написалъ «*Гоностической обзоръ 2-й нижнетерсинской дистанціи*».

А. К. («Совр.» 1850 г. «Вѣдомость о народонаселеніи Россіи»)—А. Крыловъ †).

Акимовъ, Егоръ, перевелъ съ фр. «Трагическій отрывокъ изъ Новостей господина *Сѣмисъ*, или Антоніо и Жіанетта». М. 1812. 8° Ц. 2 руб.

Акимовъ, Иванъ, переводчикъ Академіи Наукъ ††††) Перевелъ: 1) съ франц. «Иконологическій лексиконъ» Lacombe de Prezel'я. Спб. 1763 и 2-е изд. 1786 г. ц. 1 р. 50 к. (Соп. 5892). 2) съ нѣм. *Клейста* «Сенека, печальнсе позорище въ 3 дѣйств.» П. 1765. 8°. 3) съ нѣм. «похожденія Керея и Каллирои соч. на греческ. языкѣ Харитономъ Афродійскимъ» (Соп. 8606) 12° ц. 50 к.

Акишевъ, Дмитрій Харламповичъ, медикъ †††††), происхожденія духовнаго. Въ 1819 г. по окончаніи курса семинаріи поступилъ въ Медико-Хирургическую Академію, гдѣ въ 1824 г. получилъ степень лѣкаря I отд., причемъ былъ оставленъ при Академіи для усовершенствованія. Въ 1826 г. получилъ степень доктора медицины за диссертацію «De ictero» М. 1826 г. 8°. и вслѣдъ затѣмъ посланъ акушеромъ въ Енисейскъ, откуда, по выдержаніи экзамена въ Мос-

---

†) *С. Пономаревъ*, въ календ. Сув. на 1881 г.

††) 1) *П. Быковъ*, въ «Рос. Библ.» 1881 г. № 80.

†††) 1). *Н. Энгельгардтомъ*, въ «Энц. Слов.», изд. русск. уч. и лит. 2. «Энц. Словарь *Березина*.

††††) *Геннади*, Словарь стр. 14.

†††††) *Змѣевъ*, Врачи-писатели стр. 2.

кв҃ѣ на званіе инспектора врачебной управы, переведенъ акушеромъ въ Орелъ. Уволенный отъ послѣдней должности въ 1837 г. онъ въ томъ-же году окончилъ жизнь самоубійствомъ.

Аксаковы, семья знаменитыхъ русскихъ писателей †), по старинному **Оксаковы**. Ведутъ свой родъ отъ знатнаго варяга Симона Африкановича, (племянника короля норвежскаго Гакона Слѣпаго), прибывшаго въ 1027 г. въ Кіевъ и построившаго въ Кіево-Печерской Лаврѣ церковь Успенія Богородицы, гдѣ онъ и похороненъ. Его сынъ Юрій Симоновичъ былъ бояриномъ великаго князя Всеволода Ярославича. Исторія потомства Юрія Симоновича въ теченіи 12 и 13 вѣка довольно спутана, и потому составители родословень начинаютъ дальнѣйшія поколѣнныя росписи съ начала XIV вѣка, именно съ боярина Іоанна Калиты, Протасія Өедоровича, умершаго въ 1330 г. У Протасія Өедоровича былъ сынъ Веніаминъ и внукъ Василій Веніаминовичъ *Взолмень*, московскій тысяцкій при Симеонѣ Гордомъ. Сынъ Взолменя Юрій Васильевичъ по прозванію *Грунка*, имѣлъ сына—Андрея Юрьевича *Колому*. Старшій сынъ Коломы—Веніаминъ имѣлъ двухъ сыновей—Алексѣя, по прозванію *Великій*, родоначальника Вельяминовыхъ и Воронцовыхъ—Вельяминовыхъ и Өедора, третій сынъ котораго—Иванъ Өедоровичъ *Вельяминовъ*, по прозванію *Оксакъ* и положилъ начало роду *Аксаковыхъ*.

Къ сановитому дворянству Аксаковыхъ причислить нельзя. Еще въ XVI вѣкѣ и началѣ XVII встрѣчается между ними не мало воеводъ и стольниковъ, но затѣмъ идутъ все больше стряпчіе и простые помѣщики. Въ XVIII вѣкѣ Аксаковы по службѣ рѣдко шли дальше поручика, а по матеріальнымъ средствамъ своимъ они принадлежали къ среднему помѣщичьему кругу. И только въ XIX ст. имя Аксаковыхъ получило широкую извѣстность, благодаря тому, что имъ удалось выдвинуть трехъ первоклассныхъ дѣятелей русскаго слова и русской мысли. Свой обзоръ литературной дѣятельности рода Аксаковыхъ намъ, впрочемъ, приходится начинать съ нѣкоторыхъ другихъ представителей его.

* — *Александръ Николаевичъ*, одинъ изъ главарей русскаго спиритизма ††). *По полученнымъ нами отъ него свѣдѣніямъ* родился 27 Мая

---

†) О родѣ Аксаковыхъ: 1) *Калачевъ*, «Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи» т. I, стр. 667. 2) *Руммель и Голубцевъ*, Родословный сборникъ т. I, стр. 20. 3) Общій Гербовникъ т. IV, стр. 19.

††) *Біографическія* о немъ свѣдѣнія: 1) въ американскомъ еженедѣльномъ журналѣ «The Religio-Philosophical Journal», издаваемомъ въ Чикаго, № отъ 2 Іюля 1881 г. 2) въ лондонскомъ журналѣ «The Medium and Daibreak» отъ 29 Іюля 1881 г. 3) въ сочиненіи Mrs. Emma Hardinge-Britten: «The nineteenth century miracles» Mancester. 1883. 4) въ «Ребусѣ» 1883. 5) *Гуммель и Голубцевъ*, Родословный сборникъ, т. I.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

1832 г. въ с. Репьевкѣ, Пензенской губ., Городищенскаго уѣзда, въ родовомъ имѣніи отца своего, Николая Тимофеевича, родного брата знаменитаго автора «Семейной Хроники». Такимъ образомъ Александръ Николаевичъ приходится двоюроднымъ братомъ Константину и Ивану Аксаковымъ. Мать его, Екатерина Алексѣевна, урожденная Панова, тоже принадлежала къ старинному дворянскому роду (симбирской губерніи).

Воспитывался Аксаковъ въ Петербургѣ, въ Александровскомъ Лицеѣ, по выходѣ изъ котораго, въ 1851 году, поступилъ на государственную службу по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Въ 1852 г. онъ былъ назначенъ членомъ статистической экспедиціи, посланной въ нижегородскую губ., подъ начальствомъ П. И. Мельникова-Печерскаго, съ спеціальною цѣлью изслѣдованія раскола. Въ 1855 г. Аксаковъ поступилъ вольнымъ слушателемъ на медицинскій факультетъ московскаго университета, но не окончивъ курса, въ 1858 г., по приглашенію нижегородскаго губернатора—бывшаго декабриста А. Н. Муравьева, снова поступилъ на службу, въ палату государственныхъ имуществъ совѣтникомъ хозяйственнаго отдѣленія; въ 1860 г. вышелъ въ отставку для устройства имѣній своихъ, согласно положенію о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, а въ 1869 г. въ третій разъ поступилъ на службу въ государственную канцелярію, гдѣ оставался до окончательнаго своего выхода въ 1878 г. въ отставку съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Съ раннихъ лѣтъ началъ Аксаковъ интересоваться вопросами богословскими и философскими. Еще будучи въ лицеѣ, онъ имѣлъ случай обстоятельно познакомиться съ ученіемъ Сведенборга. Это былъ первый толчекъ къ раціоналистическому міровоззрѣнію съ одной стороны и къ стремленію установить на эмпирическомъ основаніи вѣру въ духовное назначеніе человѣка—съ другой.

Результатомъ занятій Аксакова Сведенборгомъ были книги: 1) «*О небесахъ, о мірѣ духовъ и объ адѣ, какъ то слышалъ и видѣлъ Э. Сведенборгъ*». Переводъ съ латинскаго. Лейпцигъ, 1863 г. 2) *Евангеліе по Сведенборгу. Пять главъ Евангелія отъ Іоанна съ изложеніемъ и толкованіемъ ихъ духовнаго смысла по наукѣ о соотвѣтствіяхъ*». Лейпцигъ, 1864. 3) «*Раціонализмъ Сведенборга. Критическое изслѣдованіе его ученія о Св. Писаніи*». Лейпцигъ, 1870.

Послѣднее сочиненіе представляетъ собою окончательный переходъ отъ сведенборгіанизма къ спиритизму, которымъ онъ началъ увлекаться уже со второй половины 60 годовъ. Въ сочиненіяхъ американскаго спирита—философа-ясновидца Девиса Аксаковъ нашелъ наиболѣе ясное выраженіе своего новаго настроенія и хорошо

понимая значеніе, которое можетъ имѣть для спиритизма привлеченіе на его сторону Германіи, онъ устроилъ и издалъ рядъ переводовъ главнѣйшихъ сочиненій Девиса (A. I. Davis), именно вотъ какихъ: «Der Reformator. Harmonische Philosophie über die physiologischen Laster und Tugenden und die sieben Phasen der Ehe». Leipzig. 1867; «Der Zauberstab. Eine Autobiographie des Hellschers». Leipzig. 1868; «Die Principien der Natur, ihre göttlichen Offenbarungen und eine Stimme an die Menschheit». Leipzig. 1869; «Der Arzt. Harmonische Philosophie über den Ursprung und die Bestimmung des Menschen, sowie über Gesundheit, Krankheit und Heilung». Leipzig. 1873.

«Но такъ какъ», говоритъ А. Н. въ доставленной имъ по нашей просьбѣ автобіографической запискѣ, «никакое умозрѣніе не можетъ превратить вѣры въ знаніе, то я обратилъ особенное вниманіе на изученіе такихъ явленій психической жизни, которыя, повидимому, могутъ всего ближе служить указаніемъ на существованіе самостоятельнаго духовнаго начала въ человѣкѣ. Отсюда мои занятія по животному магнитизму и спиритизму. На этомъ поприщѣ я встрѣтилъ особенное сочувствіе и поддержку со стороны проф. Бутлерова, высказавшагося открыто за реальность медіумическихъ явленій. По этой части мною издано на русскомъ языкѣ: 4) «*Руководство къ магнетотерапіи, графа Шапари*». Переводъ съ французскаго С.-Петербургъ. 1860.—5) *Опытныя изслѣдованія о спиритуализмѣ, проф. Р. Гера*» (R. Hare). Переводъ съ англійскаго. Лейпцигъ, 1866. — 6) «*Спиритуализмъ и наука. Опытныя изслѣдованія надъ психической силой У. Крукса*». Переводъ съ англ. С.-Петерб. 1872.—7) «*Медіумизмъ и философія. Воспоминанія о профессорѣ Московск. универс. Юркевичѣ*» («Русскій Вѣстникъ», 1876 г.).—8) «*Разоблаченія. Исторія медіумической коммиссіи физическаго общества при С.-Петерб. университетѣ*». С.-Петербургъ, 1883.—9) «*Памятникъ научнаго предубѣжденія. Заключеніе медіумической коммиссіи*». С.-Петербургъ 1883.— 10) «*Индувидуализмъ въ свѣтѣ біологіи и современной философіи. Гелленбаха*». Перев. съ нѣмецкаго. С.-Петербургъ 1884.—11) «*Позитивизмъ въ области спиритуализма*». *По поводу книги Дассьэ «о посмертномъ человѣчествѣ*». С.-Петербургъ 1884.—12) «*Гелленбахъ. Человѣкъ, его сущность и назначеніе съ точки зрѣнія индивидуализма*». Переводъ съ нѣмецкаго. С.-Петерб. 1885.

На нѣмецкомъ въ Лейпцигѣ, переводы съ англійскаго *): Hare (Prof. Robert—) «Experimentelle Untersuchungen über Geister-

*) Въ изданіи этихъ переводовъ А. Н. принадлежатъ иниціатива и матеріальныя средства.

Manifestationen», 1871.—Crookes. «Der Spiritualismus und die Wissenschaft. Experimentelle Untersuchungen über die psychische Kraft», 1873. — Edmonds (Richter J. W.—). «Der Amerikanische Spiritualismus. 1873.—Wallace (Alfred Russell—). «Die wissenschaftliche Ansicht des Uebernatürlichen», 1874.—«Bericht über den Spiritalismus von Seiten des Comité's der Dialektischen Gesellschaft zu London», 1875.—Wallace A. R. «Eine Vertheidigung des modernen Spiritualismus», 1875.—Owen (Robert Dale—). «Das streitige Land. Eine kritische und experimentelle Untersuchung über den Beweis und Uebernatürlichen», 1876.—Съ 1874 г. и по сіе время мною издается, въ Лейпцигѣ, ежемѣсячный журналъ: «Psychische Studien», посвященный изслѣдованію мало-извѣстныхъ явленій психической жизни.

Кромѣ статей о сведенборгіанизмѣ и медіумизмѣ А. Н. писалъ и по вопросамъ общимъ. Такъ въ 1862 г., онъ, подъ псевдонимомъ Александрова, напечаталъ 13) двѣ статьи о Талмудѣ въ «Днѣ» И. С. Аксакова. Состоя на службѣ въ Государствен. Канцеляріи, А. Н. спеціально занимался питейнымъ вопросомъ и результатами этихъ занятій была статья: 14) *«О народномъ пьянствѣ; причины его, ихъ историческое развитіе и мѣры къ ихъ устраненію»*, напечатанная въ 1872 г., въ ноябр. книгѣ «Русскаго Вѣстника» (Отзывы: «С.-Петерб. Вѣдом.» 1872. № 338; «Недѣля», 1872, № 37; «Голосъ», «Москов. Вѣдом.») и брошюра 15) *«Содержаніе питейныхъ заведеній сельскими обществами какъ простѣйшая мѣра противъ пьянства и нарушенія правилъ устава о питейномъ сборѣ»*. С.-Петерб. 1874. (отзывы: «С.-Пет. Вѣд.» 1874 г. 18 Мая и 3 Іюня; «Голосъ» 25 Мая; «Недѣля» 19 Мая; «Гражданинъ», 17 Іюня). Въ 1881 г. А. Н. принималъ участіе въ совѣщаніи «свѣдущихъ людей» по питейному вопросу.

Не будучи сторонникомъ спиритическихъ идей, мы для большей объективности и для полнаго безпристрастія обратились къ А. Н. съ просьбою самому очертить кругъ своихъ медіумическихъ взглядовъ. Въ отвѣтъ мы получили нижеслѣдующее profession de foi:

«Личное отношеніе мое къ спиритизму высказано совершенно ясно и опредѣленно въ предисловіи моемъ къ первому моему здѣшнему изданію по этому вопросу — «Спиритуализмъ и Наука». С.-Петербургъ. 1872 года, въ которомъ говорю:

«Но факты и теоріи—двѣ различныя вещи. Спиритическіе факты не надо смѣшивать съ спиритическими теоріями или ученіями. Первые устоятъ, вторыя могутъ исчезнуть, измѣниться. Заявивъ себя публично сторонникомъ спиритизма въ томъ смыслѣ, что я засвидѣтельствовалъ дѣйствительность относящихся до него явленій, я желаю оговориться, желаю выставить ясно мое отношеніе къ во-

просу. Я не проповѣдую и не защищаю никакихъ теорій, никакихъ ученій, религіозныхъ или философскихъ, связанныхъ съ этимъ вопросомъ. Я защищаю только факты, потому что знаю, что они есть... Если такъ называемые спиритуалисты, или спиритисты, породили такъ называемыя спиритическія теоріи или ученія, получившія и религіозныя направленія, то это не удивительно. Въ этомъ виноваты никто другой, какъ руководители нашихъ религіозныхъ убѣжденій—духовенство, и руководители нашихъ научныхъ убѣжденій—факультеты ученыхъ, которые оставили массу справляться собственными силами и разсужденіями съ неотразимыми данными непонятныхъ фактовъ. Спиритуалисты должны по неволѣ пробавляться спиритической теоріей, которая, по отзыву профессора Де-Моргана, удовлетворительнѣе всѣхъ прочихъ; если же наука снизойдетъ до изученія сихъ фактовъ и представитъ для нихъ другое объясненіе, болѣе удовлетворительное и научное, то спиритическая теорія падетъ сама собой. Старанія осмѣять эти факты ради «духовъ», съ которыми они стали какъ бы солидарными, недостойны серьезнаго критика, или ученаго естествоиспытателя, знающаго, что почти каждая истина въ наукѣ процѣживалась сквозь рѣшето безчисленныхъ теорій и опытовъ (стр. VI, VII)».

Такая точка зрѣнія и легла въ основаніе издаваемаго мною въ Лейпцигѣ съ 1874 г. журнала, посвященнаго исключительно наблюденію и разслѣдованію *фактовъ* изъ темной области психической жизни, и преимущественно медіумическихъ, причемъ, для объясненія ихъ, дано мѣсто всякимъ гипотезамъ и всякой критикѣ; никакое ученіе не превозносится надъ другимъ, и всего менѣе спиритическое. Первое мѣсто отведено фактамъ, ибо журналъ твердо держится того убѣжденія, что только послѣ безконечнаго множества тщательныхъ и критическихъ наблюденій надъ фактами можетъ выработаться какая нибудь прочная, вполнѣ научная гипотеза; и отъ этого направленія журналъ не отступилъ ни на шагъ (см. программу изданія, январь, 1874 г.; и мое «исповѣданіе вѣры» въ январьской книжкѣ 1878 г.). Этого взгляда я держался и при выборѣ всѣхъ другихъ изданій моихъ по медіумизму. По этому же самому французскій «спиритизмъ», весь построенный на доктринѣ, всегда былъ оставляемъ мною въ сторонѣ, за что и обрѣтаюсь у его послѣдователей въ немалой немилости. Оттуда и введенныя у насъ выраженія «медіумизмъ», «медіумическій», какъ ничего не предрѣшающія.

И наконецъ еще недавно, въ предисловіи къ изданному мною переводу сочиненія Гелленбаха: «Человѣкъ, его сущность и назначеніе», мое pium desiderium по вопросу о медіумизмѣ формулировано

такъ: «Отбросить отъ спиритическихъ явленій всякую мистическую примѣсь, всякое привившееся къ нимъ вѣроученіе, подвергнуть ихъ какъ и всякое другое явленіе въ природѣ, старательному научному изслѣдованію, твердо установить хотя нѣсколько несомнѣнныхъ фактовъ и дать имъ раціональное толкованіе, которое, съ одной стороны, объясняло бы удовлетворительно самые факты, а съ другой, отвѣчало бы строгимъ требованіямъ философской критики и положительной науки—вотъ настоящая постановка задачи въ этой новой и темной покуда области знанія о человѣкѣ. Подобнаго отношенія къ предмету я постоянно искалъ и не находилъ. Первую попытку рѣшенія задачи въ указанномъ смыслѣ я встрѣтилъ въ сочиненіяхъ Гелленбаха»?

Такимъ образомъ сущность всей моей многолѣтней дѣятельности по части спиритизма состояла и состоитъ въ провозглашеніи фактической реальности медіумическихъ явленій и въ доставленіи возможности знакомиться съ ними, какъ путемъ литературнымъ, въ переводахъ лучшихъ изслѣдованій по этому вопросу, такъ и путемъ опытнымъ — наблюденіемъ самихъ явленій, для чего приглашались мною сюда различные медіумы. Встрѣтивъ здѣсь, со стороны печати, непреодолимыя затрудненія, я перенесъ центръ своей дѣятельности въ Германію, гдѣ занялся подготовленіемъ матеріаловъ къ тому времени, когда явится запросъ на знакомство съ предметомъ по лучшимъ источникамъ. Теперь эта цѣль въ Германіи достигнута; толчекъ къ опытному изслѣдованію былъ данъ Цельнеромъ; филосовская разработка производится Гелленбахомъ и Дюпрелемъ.

Здѣсь вопросъ былъ поставленъ иначе. Какъ философское, такъ и фактическое знакомство съ нимъ путемъ литературнымъ встрѣчало долгое время постоянныя затрудненія. Моимъ двумъ попыткамъ посвятить разработкѣ этого предмета спеціальныя органы — въ 1876 г. подъ заглавіемъ «Вѣстникъ медіумизма», и въ 1881 г. подъ заглавіемъ «Вѣстникъ положительной психологіи» — по программѣ моего нѣмецкаго изданія, не дозволено было осуществиться. По этому оставалось только содѣйствовать развитію вопроса путемъ личнаго опыта интересующихся имъ. Нынѣ знакомство съ литературою предмета, особенно съ фактической его стороной, значительно облегчено. Поэтому и дѣятельность моя въ Германіи прекращается.

Но что же такое я вижу въ медіумизмѣ, чтобы тратить на его защиту столько времени и труда? Отвѣтъ свой я могу формулировать такъ: подъ именемъ медіумизма я разумѣю опредѣленную группу явленій, свидѣтельствующихъ о существованіи въ человѣкѣ такихъ способностей его природы, вслѣдствіе которыхъ его психическая дѣ-

ятельность не ограничивается предѣлами его тѣла, но можетъ воспринимать впечатлѣнія, какъ психическія, такъ и физическія, безъ обычнаго посредства внѣшнихъ чувствъ, и, въ свою очередь, можетъ воздѣйствовать не только психически, но и физически (на предметы внѣшняго міра), безъ того же посредства тѣлесныхъ органовъ. Разъ признавъ реальность медіумическихъ фактовъ, такой выводъ— въ общемъ положеніи — неизбѣженъ; онъ на столько разнится отъ установленнаго понятія о человѣческой природѣ, что всеобщее признаніе его не можетъ не имѣть кореннаго значенія въ разрѣшеніи величайшаго вопроса о сущности нашего бытія. Гартманъ, недавно выступившій защитникомъ помянутыхъ фактовъ, но обличителемъ несостоятельности спиритической гипотезы, былъ вынужденъ построить все свое толкованіе на широкомъ развитіи этого самаго положенія, которое было высказано мною подробнѣе въ брошюрѣ моей «Позитивизмъ въ области спиритуализма», стр. 225—28.

— *Иванъ Сергѣевичъ.* См. послѣ Конст. Серг. Аксакова.

— *Константинъ Сергѣевичъ.* См. послѣ Серг. Тимоф. Аксакова.

— *Николай Петровичъ.* См. Дополненіе къ I тому.

— *Сергѣй Тимофеевичъ* †), первый по времени представитель семьи Аксаковыхъ въ литературѣ. Крайне нервнымъ ребенкомъ родился онъ въ Уфѣ 20 Сентября 1791 года. Кто читалъ «Семейную

---

†) **Біографическія свѣдѣнія о немъ:** 1) «Моск. Вѣд.» 1859 № 149. 2) «Библ. д. Чтенія» 1859, № 6. 2) «Рус. Дневникъ» 1859, № 99, 109 и 141. 3) *А. Жемчужниковъ* въ «Моск. Вѣд.» 1856, № 112. 4) *Хомяковъ*, въ «Русск. Бесѣдѣ» т. XV. 5) *М. Ф.* въ «Сѣв. Цвѣткѣ» 1859, № 27. 6) *Лонгиновъ*, въ «Русск. Вѣстн.» 1859 г. № 5. 7) *Онъ-же*, въ «Энцикл. Словарѣ», изд. русск. писателями и учеными т. II, и въ № 109 и 145 «Моск. Вѣд.» (отвѣты *Ксенофонту Полевому*). 8) *Ксенофонтъ Полевой*, въ «Сѣв. Пчелѣ». 1859 г., № 62 и 129. 9) Энциклопед. словари: Березина-Толя, Brockhaus'a, Meyer'a и др.

Отзывы о его литературной дѣятельности: О «*Семейной Хроникѣ* и *Воспоминаніяхъ*». 1) *П. Анненковъ*, въ «Современникѣ» 1856, т. 56, отд. III, стр. 1—24. 2) Перепеч. отзыва о «Сем. Хр.» въ «Revue des deux Mondes», въ «Совр.» 1857 г. № 9. 3) *Н. Г-въ*, въ «Русск. Бесѣдѣ» 1856, № 1, стр. 1—69. 4) «Отеч. Зап.» 1854, т. 94, отд. 4, стр. 59—60. 5) Тамъ-же, 1855, т. 104, отд. 5, стр. 91. 6) *С. Дудышкинъ* въ «Отеч. Зап.» 1856, № 4, стр. 69—90. Тамъ-же, 1857, т. 110, отд. 2, стр. 50—51. 8) *Ф. Дмитріевъ* въ «Русск. Вѣстн.» 1856, № 7, стр. 461—481 9) «Русск. Вѣстн.» 1856, № 3, стр. 159 и № 5, стр. 44—50. 10) *К. П.* (Ксенофонтъ *Полевой*) въ «Сѣв. Пчелѣ» 1856, № 52. 11) «Моск. Вѣд.» № 39, статейка «Взглядъ нѣмецкаго критика на русскую литературу». 12) *С. А. Рачинскій* въ «Библіогр. Зап.» 1858, № 8 (тоже объ отзывахъ нѣмецк. критики «Семейной Хроникѣ». 13) Рядъ предисловій *Ивана Аксакова* къ разнымъ изданіямъ «Сем. Хр.». Всѣ вошли въ послѣднее полное собраніе сочиненій Сергѣя Тимофеевича. 4) «Jahreszeiten» 1857 № 52. 15) «Literaturblatt d. deutschen Kunstblatt» 1858. № 1. 16) «Blätter f. liter. Unterhaltung» 1859, № 21. 17) «Dresdener Journal» 1858, № 93. 18) Oesterreichische

Хронику», тотъ помнитъ до какихъ чрезвычайныхъ проявленій доходила болѣзненная впечатлительность маленькаго Багрова. Это черта автобіографическая, какъ и все остальное въ «Семейной Хроникѣ» и «Дѣтскихъ годахъ Багрова-внука», гдѣ надо только подставить вмѣсто Багровыхъ Аксаковыхъ и вмѣсто Куролесовыхъ Куроѣдовыхъ, чтобы получить правдивую лѣтопись событій первыхъ лѣтъ жизни Сергѣя Тимофеевича и обстоятельствъ, предшествовавшихъ появленію его на свѣтъ. Обаятельная фигура интеллигентной, увлекательно-краснорѣчивой, красивой, энергичной и вмѣстѣ съ тѣмъ безумно-нѣжной матери маленькаго Багрова несомнѣнно отзывается значительною идеализаціею, вполнѣ естественной въ сынѣ, отвѣчавшемъ матери не менѣе безумною любовью. Но мать Сергѣя Тимофеевича (дочь важнаго оренбургскаго чиновника Зубова) и въ самомъ дѣлѣ была женщина недюжиннаго ума и сердца. И если до-

---

Zeitung» 1858, № 172. 19) «Züricher Zeitung» 1858 № 238 и 239. 20) «Библіот. для Чтенія» 1856, т. 136, стр. 20—32. 21) «Русск. Вѣстн.» 1858, № 6, стр. 199—120·

О «*Дѣтскихъ годахъ Багрова-внука*»: 1) *С. Шевыревъ* въ «Рус. Бесѣдѣ» 1858. № 10, стр. 63—92. 2) «Атеней» 1858 г. № 14, стр. 337—357. 3) *Добролюбовъ*, т. I. стр. 344—386. 4) *А. Бекетовъ*, въ «Рус. Вѣстн.» 1858, № 6, стр. 99—104. 5) «Библіографическ. Зап.» 1858 № 3. 6) *М. Лонгиновъ* въ «Моск. Вѣд.» 1858, № 8. 7) *Де-Пулле*, тамъ-же № 54. 8) «Моск. Обозр.» 1859, № 1.

О «*Разныхъ сочиненіяхъ*»: 1) *М. Лонгиновъ* въ «Моск. Вѣд.» 1858 г., № 156. 2) «Библ. для Чтенія» 1859 № 3, стр. 16—23. 3) *Добролюбовъ*, т. I, стр. 386—400. 4) *Т. Л.* въ «Отеч. Зап.» 1859, № 2, стр. 123—129. 5) *Лонгиновъ, М.* въ «Моск. Вѣд.» 1859 № 109 и 145. 6) *А. Г.* въ «Рус. Сл.» 1859, № 4. стр. 72. 6) *Ксеноф. Полевой* въ «Сѣв. Пчелѣ» 1859 г. № 129 и 169.

О «*Запискахъ объ уженьи*»: 1) «Библ. для Чт.» 1847 т. 82, отд. 6, стр. 42—47. 2) «Москвит.» 1854, т. 2, № 7, кн. 1, стр. 129—131. «Соврем.» 1847, № 6 отд. 3, стр. 113—114. 4) «Финск. Вѣстн.» 1847, т. 18, отд. 5, стр. 1—4. 5) «Моск. Вѣд.» 1854, № 28. 6) «Труды И. В. Эк. Общ.» 1854, т. 2, отд. 3, стр. 98—99. 7) «Соврем.» 1857, т. 61, стр. 43.

О «*Запискахъ ружейнаго охотника*»: 1) «Москвит.» 1852, № 8, кн. 2, стр. 106—120. 2) «Отеч. Зап.» 1852, № 5, стр. 25—27. 3) *Ив. С. Тургеневъ* въ «Соврем.» 1853. т. 37, стр. 33—44. Перепечатано въ X томѣ сочиненій Т. 4) «Сынъ Отеч.» 1852 кн. 10, стр. 1—10. 5) *Кл.* въ «Сѣв. Пч.» 1852 № 103. 6) «Труды И. В. Эк. Общ.» 1852, т. 2, стр. 52—69.

О «*Разсказахъ и воспомин. охотника о разныхъ охотахъ*»: 1) «Соврем.» 1855, № 6, т. 51, стр. 55—64. 2) «Москвит.» 1855, № 5, кн. 1, стр. 125—136. 3) «Отеч. Зап.» 1855, № 7. 4) «Спб. Вѣд.» 1855. № 197. 5) «Труды Имп. В. Эк. Общ.» 1855. т. 2, отд. 3, стр. 2—3.

Переводы на иностранные языки: 1) На *нѣмецкій* яз.: «Familien Chronik.» пер. *С. Рачинскаго*, изд. въ Лейпцигѣ 1858. 2) На *чешскій*: «Rodinnà Kronika. Z ruského prelozil I. S. Tomiček», Praha 1864. 3) На *англійскій*: «Memoirs of the Aksakof famyly. A sketch of russian rural life 70 years ago. Translated in to Englisch by a Russian Lady. Calcutta. 1871.

пустить, что интеллектуальныя способности знаменитый писатель унаслѣдовалъ непосредственно отъ родителей, то во всякомъ случаѣ не отъ мало замѣтнаго и неблиставшаго умомъ добродушнаго отца, а отъ умной, весьма по тому времени образованной и полной высшихъ стремленій матушки своей. Она была не особенно счастлива въ семейной жизни, бракъ былъ несовсѣмъ равный для такой блестящей женщины и потому весь пылъ своего страстнаго сердца молодая мать направила на воспитаніе сына. Уже по четвертому году научила она его грамотѣ и что только можно было достать, маленькій Аксаковъ перечиталъ въ раннемъ дѣтствѣ. Но понимая, что на домашнемъ образованіи далеко не уѣдешь, мать рѣшилась на героическую съ ея стороны жертву—разстаться съ сыномъ и отдать его въ казанскую гимназію. Чтобы выяснить значеніе этой жертвы, намъ опять приходится сослаться на самаго Аксакова, на тѣ глубоко-трогательныя страницы «Воспоминаній», въ которыхъ описывается его разставаніе съ матерью. Разлука чуть не стоила жизни и сыну и матери. У маленькаго Аксакова отъ тоски по матери появилось нѣчто очень близкое къ падучей болѣзни, мать вся изныла по сынѣ, составлявшемъ единственное свѣтлое мѣсто ея невеселой жизни среди враждебно къ ней относившейся семьи мужа, непереваривавшей ея превосходства. Сосредоточила она теперь все свое душевное существованіе на письмахъ изъ Казани, а чтобы быть вполнѣ увѣренною, что отъ нея ничего не будетъ скрыто, она заставила дядьку маленькаго Аксакова—Евсеича-побожиться передъ образомъ, что онъ увѣдомитъ ее, если его питомецъ заболѣетъ. Долго крѣпился вѣрный дядька, не хотѣлъ пугать мать, но когда нервные припадки маленькаго гимназиста приняли угрожающіе размѣры, онъ обо всемъ отписалъ въ Аксаково. «Письмо шло довольно долго и пришло въ деревню во время совершенной распутицы, о которой около Москвы не могутъ имѣть и понятія; дорога прорывалась на каждомъ шагу, и во всякомъ долочкѣ была зажора, т. е. снѣгъ, насыщенный водою: ѣхать было почти невозможно». Но ничто не могло удержать обезумѣвшую мать. «Она выѣхала въ тотъже день въ Казань, съ своей Парашей и молодымъ мужемъ ея, Өедоромъ, ѣхали день и ночь на перемѣнныхъ крестьянскихъ, неподкованныхъ лошадяхъ, въ простыхъ крестьянскихъ саняхъ». Дорога была такъ ужасна, что подвигаться впередъ можно было только шагомъ.

«Въ десять дней», разсказываетъ далѣе Аксаковъ, «дотащилась мать моя до большого села Мурзихи на берегу Камы; здѣсь вышла уже большая почтовая дорога, крѣпче уѣзженная, а потому ѣхать по ней представлялось болѣе возможно-

сти, но за то изъ Мурзихи надобно было переѣхать черезъ Каму, чтобъ попасть въ село Шуранъ, находящееся въ 80 верстахъ отъ Казани. Кама еще не прошла, но надулась и посинѣла: наканунѣ перенесли черезъ нее на рукахъ почту; но въ ночь пошелъ дождь и никто не соглашался переправить мою мать и ея спутниковъ на другую сторону. Мать моя принуждена была ночевать въ Мурзихѣ; боясь каждой минуты промедленія, она сама ходила изъ дома въ домъ по деревнѣ и умоляла добрыхъ людей помочь ей, разсказывала свое горе и предлагала въ вознагражденіе все, что имѣла. Нашлись добрые и сильные люди, понимавшіе материнское сердце, которые обѣщали ей, что если дождь въ ночь уймется и къ утру хоть крошечку подмерзнетъ, то они берутся благополучно доставить ее на ту сторону и возьмутъ то, что она пожалуетъ имъ за труды. До самой зари молилась мать моя, стоя на колѣняхъ передъ образомъ той избы, гдѣ провела ночь. Теплая материнская молитва была услышана: вѣтеръ разогналъ облака и къ утру морозъ высушилъ дорогу и тонкимъ ледочкомъ затянулъ лужи. На зарѣ шестеро молодцовъ, рыбаковъ по промыслу, выросшихъ на Камѣ и привыкшихъ обходиться съ нею во всякихъ ея видахъ, каждый съ шестомъ или багромъ, привязавъ за спину нетяжелую поклажу, перекрестясь на церковный крестъ, взяли подъ руки обѣихъ женщинъ, обутыхъ въ мужскіе сапоги, дали шестъ Ѳедору, поручивъ ему тащить *чуманъ*, т. е. широкій лубокъ, загнутый спереди къ верху и привязанный на веревкѣ, взятый на тотъ случай, что неровно барыня устанетъ—и отправились въ путь, пустивъ впередъ самаго расторопнаго изъ своихъ товарищей для ощупыванія дороги. Дорога лежала вкось и надобно было пройти около трехъ верстъ. Переходъ черезъ огромную рѣку въ такое время такъ страшенъ, что только привычный человѣкъ можетъ совершить его, не теряя бодрости и присутствія духа. Ѳедоръ и Параша просто ревѣли, прощались съ бѣлымъ свѣтомъ и со всѣми родными, и въ иныхъ мѣстахъ надобно было силою заставлять ихъ идти впередъ но мать моя съ каждымъ шагомъ становилась бодрѣе и даже веселѣе. Провожатые поглядывали на нее] и привѣтливо потряхивали головами. Надобно было обходить полыньи, перебираться, по сложеннымъ вмѣстѣ шестамъ, черезъ трещины; мать моя ни за что не хотѣла сѣсть на чуманъ, и только тогда, когда дорога, подошедъ къ противоположной сторонѣ, пошла возлѣ самаго берега по мелкому мѣсту, когда вся опасность миновала, она почувствовала слабость: сей-часъ постлали на чуманъ мѣховое одѣяло, положили подушки, мать легла на него, какъ на постель, и почти лишилась чувствъ: въ такомъ положеніи дотащили ее до ямского двора въ Шуранѣ. Мать моя дала сто рублей своимъ провожатымъ, то есть половину своихъ наличныхъ денегъ, но честные люди не захотѣли ими воспользоваться: они взяли по синенькой на брата (по пяти рублей ассигнаціями). Съ изумленіемъ слушая изъявленіе горячей благодарности и благословенія моей матери, они сказали ей на прощаньѣ: «дай вамъ Богъ благополучно доѣхать» и немедленно отправились домой, потому что мѣшкать было некогда: рѣка прошла на другой день.

Кромѣ этого трогательнаго эпизода, въ которомъ съ такою яркостью сказалось, что на человѣка заразительно дѣйствуетъ не только зло, но и добро, поѣздка матери къ больному сыну ознаменовалась еще цѣлымъ рядомъ другихъ проявленій какъ силы материнскаго чувства, такъ и горячаго участія къ нему со стороны разныхъ лицъ, близкихъ къ казанской гимназіи. Кончилось тѣмъ, что

везли «нѣженку» обратно въ деревню. Черезъ годъ, однако, благоазуміе взяло верхъ и въ 1801 г. Сергѣй Тимофеевичъ уже окончаельно надѣлъ на себя гимназическій мундиръ.

Уровень преподаванія не особенно высоко стоялъ въ казанской имназіи и только двое изъ учителей, воспитаники московскаго ниверситета, И. И. Запольскій и Г. И. Карташевскій, выдавались воими познаніями. У обоихъ изъ нихъ Аксаковъ жилъ въ качетвѣ пансіонера и въ воспоминаніяхъ своихъ онъ удѣляетъ имъ, іаравнѣ съ надзирателемъ В. П. Упадышевскимъ учителемъ русъкаго языка Ибрагимовымъ, очень много мѣста. Въ особенности лизки были его отношенія къ умному и образованному Карташевкому, изъ простыхъ учителей пробравшемуся сначала въ професюра казанскаго университета, затѣмъ въ директора Департамента Иностранныхъ исповѣданій, попечители Бѣлорусскаго округа и умерпему въ 1840 г. въ званіи сенатора. Карташевскій впослѣдствіи лизко породнился съ Аксаковымъ, женившись на сестрѣ его Наташѣ, ой самой красавицѣ Наташѣ, исторія которой составляетъ сюжетъ іеоконченной повѣсти того-же названія, продиктованной Сергѣемъ Гимофеевичемъ незадолго до смерти.

Учился Аксаковъ въ гимназіи довольно хорошо, переходилъ въ нѣкоторые классы съ наградами и похвальными листами, а въ 1805 году, т. е. 14 лѣтъ отъ роду, онъ уже попалъ въ студенты. Произошло это не потому, однакоже, чтобы онъ отличался особенно раннимъ умственнымъ развитіемъ, а совершенно случайно. Осенью 1804 послѣдовалъ указъ объ открытіи казанскаго университета. Какъ и всѣ почти русскіе университеты, университетъ казанскій основывался не потому, что въ немъ ощущался дѣйствительный недостатокъ, а въ той надеждѣ, что новый умственный центръ вызоветъ къ жизни и новыя умственныя потребности. Надежда, конечно, оправдалась, и уже черезъ нѣсколько лѣтъ новый университетъ выдвинулъ такихъ научныхъ дѣятелей, какъ Перевощиковъ и Лобачевскій. Но на первыхъ-то порахъ дѣло имѣло ужасно жалкій видъ. Не было ни зданія, ни профессоровъ, ни студентовъ. И то, и другое и третье надо было создать экспромтомъ. И вотъ часть гимназіи была отдана подъ университетъ, часть преподавателей назначена профессорами, а лучшіе изъ учениковъ старшихъ классовъ «произведены» въ студенты. Благодаря протекціи Карташевскаго, въ число послѣднихъ попалъ и Аксаковъ, хотя самъ онъ сознается, «что по познаніямъ своимъ» далеко не заслуживалъ такого «производства» и, слушая университетскія лекціи, онъ въ то же время весьма благоразумно продолжалъ по нѣкоторымъ предметамъ учиться въ гимназіи.

Лекціи въ новомъ университетѣ открылись осенью 1805 года въ самомъ хаотическомъ безпорядкѣ и «младенческомъ составѣ» профессоровъ, какъ говоритъ Аксаковъ. Раздѣленія на факультеты не было, да и могло-ли оно быть при 10 профессорахъ и 35 студентахъ? Всѣ студенты безразлично слушали: высшую математику, физику, логику, русскую и всеобщую исторію, натуральную исторію, латинскую и греческую литературу, химію, анатомію, и вдобавокъ еще «какой-то толстый профессоръ Бюнеманъ читалъ право естественное, политическое и народное на французскомъ языкѣ». Все это было очень великолѣпно на бумагѣ и еще великолѣпнѣе въ аттестатахъ, которые раздавали новоиспеченнымъ студентамъ. Про себя, напр., Аксаковъ разсказываетъ: «Въ началѣ 1808 года я оставилъ казанскій университетъ и получилъ аттестатъ съ прописаніемъ такихъ наукъ, какія я зналъ только по наслышкѣ и какихъ въ университетѣ еще не преподавали. Этого мало: въ аттестатѣ было сказано, что въ нѣкоторыхъ я «оказалъ значительные успѣхи», а нѣкоторыми «занимался съ похвальнымъ прилежаніемъ».

Въ другомъ мѣстѣ своихъ многочисленныхъ воспоминаній Аксаковъ съ неменѣе чистосердечною откровенностью говоритъ по поводу двухлѣтняго пребыванія своего въ университетѣ: «Мало вынесъ я научныхъ свѣдѣній изъ университета, не потому, что онъ былъ еще очень молодъ, не полонъ и не устроенъ, а потому, что я былъ слишкомъ молодъ и дѣтски увлекался въ разныя стороны страстностью моей природы. Во всю жизнь чувствовалъ я недостаточность этихъ научныхъ свѣдѣній, особенно положительныхъ знаній, и это много мѣшало мнѣ и въ служебныхъ дѣлахъ, и въ литературныхъ занятіяхъ».

«Увлеченія», о которыхъ тутъ говоритъ Аксаковъ, очень невиннаго свойства, но онъ дѣйствительно предавался имъ съ такою страстью, и при томъ не только въ отрочествѣ, но и въ зрѣломъ и даже преклонномъ возрастѣ, что они имѣли самое рѣшающее вліяніе на весь ходъ его жизни, литературной по крайней мѣрѣ. Этихъ «увлеченій» у Аксакова было два—охота во всѣхъ ея видахъ начиная съ собиранія бабочекъ и уженія рыбы и кончая травлею лисицъ и волковъ, и театръ. Тому и другому онъ посвящалъ какъ въ университетѣ, такъ и въ остальные годы своей долгой жизни столько душевныхъ силъ, что они не могли не пройти красною нитью черезъ всю его литературную дѣятельность.

Вліяніе каждой изъ «страстей» Аксакова было неодинаковаго характера. Про страсть къ охотѣ можно сказать, что она-то и сдѣлала Аксакова настоящимъ писателемъ. Не только потому, что

успѣхъ охотничьихъ его книгъ далъ ему толчекъ написать доставившую ему знаменитость «Семейную Хронику», но и потому, что тѣсное общеніе съ природой сообщило ему ту простоту и безъискусственность, ту свѣжесть и непосредственность чувства, то ясное, эпическое настроеніе духа, благодаря которымъ «Семейная Хроника» такъ обаятельно дѣйствуетъ на читателя.

Діаметрально противоположное приходится сказать о страсти Аксакова къ театру. Всякаго, знакомящагося съ литературною дѣятельностью автора «Семейной Хроники», поражаетъ необыкновенно поздній разцвѣтъ его таланта. Мы говоримъ *разцвѣтъ*, а не начало. потому что писать-то Сергѣй Тимофеевичъ началъ очень рано — лѣтъ въ 15. Очень рано также началъ Аксаковъ «печататься», и къ тому времени, когда появились его «настоящія» произведенія. онъ успѣлъ даже занять довольно видное мѣсто среди московскихъ литераторовъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Вся эта, однакоже, если можно такъ выразиться, предварительная литературная дѣятельность автора «Семейной Хроники» настолько ничтожна и настолько не похожа на послѣдующую дѣятельность его, что всякій историкъ литературы, привыкшій встрѣчаться въ ходѣ литературнаго творчества большинства другихъ писателей съ органическимъ ростомъ таланта, привыкшій видѣть органическую связь, органическую преемственность отдѣльныхъ фазисовъ литературнаго развитія въ духовной жизни другихъ писателей, всякій такой историкъ, говоримъ мы, становится въ тупикъ, когда ему приходится соединять въ одно умственное цѣлое Аксакова тѣхъ пустыхъ статеечекъ и бездарныхъ стихотвореній, которые составляютъ 4-й томъ полнаго собранія его сочиненій, и Аксакова «Записокъ объ уженіи рыбы», «Записокъ ружейнаго охотника» и «Семейной Хроники».

Намъ кажется, что сколько-нибудь удовлетворительное рѣшеніе этой историко-литературной загадки можетъ быть найдено только тогда, если согласиться съ тѣмъ, что страсть къ театру задержала естественный ростъ таланта Аксакова и направила его въ такую сторону, гдѣ особенности его оригинальнаго дарованія не могли найти ни почвы, ни соковъ для своего развитія. Если мы внимательно прослѣдимъ біографію Сергѣя Тимофеевича, то непреминемъ убѣдиться, что страсть къ театру отвлекала его и отъ серьезнаго чтенія, отъ серьезныхъ общественныхъ интересовъ, и, что самое худшее, ввела его въ кругъ людей крайне невысокаго умственнаго развитія и пошловатаго нравственнаго склада. Будь еще у Аксакова хоть тѣнь драматическаго дарованія, постояннее общеніе съ театраль-

нымъ міркомъ могло бы быть ему въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ полезнымъ, сообщило-бы ему напр. знаніе сцены. Но въ томъ то и дѣло, что за всю жизнь Сергѣй Тимофеевичъ, если не считать переводовъ, не обмолвился ни единой драматической строчкой и такимъ образомъ все его общеніе съ театральными сферами сводилось къ тому, что онъ вертѣлся за кулисами.

Какъ уже было сказано, театроманія Аксакова началась еще въ университетѣ. Нужно замѣтить, что если у него не было писательскаго драматическаго таланта, то за то у него былъ несомнѣнный актерскій драматическій талантъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ какъ собственные его разсказы о многочисленныхъ успѣхахъ на домашнихъ спектакляхъ, такъ и люди, которымъ приходилось слушать его одушевленную декламацію. Первый-же разъ, когда онъ продекламировалъ наставникамъ и товарищамъ своимъ отрывки изъ тогдашнихъ модныхъ пьесъ, онъ удостоился съ ихъ стороны самыхъ восторженныхъ отзывовъ. Молодое самолюбіе было до нельзя польщено этими похвалами и вотъ все свое время молодой Аксаковъ начинаетъ проводить или въ театрѣ, или въ приготовленіяхъ къ домашнимъ спектаклямъ. Главнымъ образомъ по его инициативѣ студенты устроили труппу и уже, конечно, первенствующую роль въ ней игралъ Сергѣй Тимофеевичъ, вносившій въ эту затѣю весь пылъ молодости и страстнаго увлеченія. Опять его встрѣтило шумное одобреніе и такъ какъ ничѣмъ инымъ онъ не выдѣлялся изъ среды другихъ студентовъ, то актерскій талантъ началъ играть въ его жизни роль того, что выдѣляло его изъ толпы. И неглижировалъ вслѣдствіе этого всѣмъ остальнымъ Сергѣй Тимофеевичъ и всѣ помыслы сосредоточилъ на усовершенствованіи сценическаго таланта. Когда въ 1807 г. онъ «окончивши» университетскій курсъ поселился въ Москвѣ вмѣстѣ съ родителями, успѣвшими къ тому времени получить большое наслѣдство отъ тетки Куроѣдовой и потому рѣшившимися переѣхать для лучшаго воспитанія дочери въ столицы, то все свое время онъ опять таки посвятилъ театру, на которомъ тогда отличался знаменитый Плавильщиковъ.

Въ 1808 г. семейство Аксаковыхъ переѣзжаетъ въ Петербургъ, и по совѣту Карташевскаго Сергѣй Тимофеевичъ опредѣляется переводчикомъ коммиссіи составленія законовъ. Какъ это мѣсто, такъ и время опредѣленія на него было такого рода, что не будь молодой чиновникъ всецѣло поглощенъ сценическими интересами, онъ могъ-бы весьма значительно расширить свой умственный кругозоръ. Какъ извѣстно, годы непосредственно слѣдовавшіе за тильзитскимъ миромъ были годами весьма широкихъ правительственныхъ начинаній и

значительнаго общественнаго возбужденія. Мимо Аксакова, однако, же это прошло совершенно безслѣдно. Почему? Да. потому что онъ. благодаря страстному желанію усовершенствоваться въ декламаціи, успѣлъ близко сойтись со старикомъ Шушеревымъ—театральною знаменитостью конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія—и большую часть свободнаго времени своего проводилъ у него, то въ разговорахъ о театрѣ, то слушая чтеніе хозяина, то самъ ему читая разные монологи изъ напыщеннаго репертуара тѣхъ лѣтъ.

Приходилось, конечно, Аксакову близко встрѣчаться за время пребыванія въ Петербургѣ не только съ представителями и любителями театра. Такъ, напр., онъ былъ очень хорошо принятъ въ домѣ стариннаго пріятеля всего его семейства—В. В. Романовскаго. Романовскій былъ ярый мартинистъ и близкій пріятель знаменитаго Лабзина. Попытались было и тотъ и другой завлечь въ свою среду Сергѣя Тимофеевича, пробовали дать ему читать масонскія книги. Ничего, однако-же, изъ этого не вышло. Какъ онъ самъ съ обычною своею откровенностью разсказываетъ въ статьѣ «Встрѣча съ мартинистами», ему «трудъ и сухость отвлеченной мысли были скучны и тяжелы».

Близко также сошелся Аксаковъ за время пребыванія въ Петербургѣ съ знаменитымъ адмираломъ Шишковымъ—обстоятельство, на первый взглядъ, какъ будто противорѣчащее тому, что мы говорили выше о страсти Аксакова проводить свои досуги только въ тѣхъ сферахъ, гдѣ онъ могъ говорить о театрѣ и щегольнуть декламаціею. Но если мы, однакоже, ближе проанализируемъ воспоминанія С. Т. о знакомствѣ съ Шишковымъ, мы, опять-таки, не преминемъ убѣдиться. что главную роль въ этомъ знакомствѣ, все-таки, играли декламаторскія дарованія Аксакова. Правда, воспоминанія, о которыхъ только-что была рѣчь, начинаются съ того. какъ еще будучи студентомъ Сергѣй Тимофеевичъ недолюбливалъ Карамзина и пришелъ въ великій восторгъ отъ знаменитаго Шишковскаго «Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ» и «Прибавленій» къ нему. «Эти книги совершенно свели меня съ ума», разсказываетъ Сергѣй Тимофеевичъ. «Я увѣровалъ въ каждое ихъ слово, какъ въ святыню. Русское мое направленіе и враждебность ко всему иностранному укрѣпились сознательно, и темное чувство національности выросло до исключительности». Такимъ образомъ между Шишковымъ, въ насмѣшку прозваннымъ своими противниками «славянофиломъ», и будущимъ отцомъ двухъ главарей направленія, тоже получившаго эту кличку, установилось извѣстное сродство душъ. И великъ былъ восторъ Сергѣя Тимофеевича, когда одинъ изъ его сослуживцевъ по коммиссіи составленія законовъ—извѣстный впослѣдствіи

своими литературными связами А. И. Казначеевъ оказался роднымъ племянникомъ Шишкова и когда этотъ племянникъ, такой-же ярый «славянофилъ» какъ и его дядя, узнавъ образъ мыслей Аксакова, обѣщалъ его на слѣдующій-же день познакомить съ адмираломъ. Знакомство состоялось и Сергѣй Тимофеевичъ сталъ домашнимъ человѣкомъ у творца теоріи, по которой слѣдовало говорить вмѣсто «министръ» — «дѣловецъ государственный», вмѣсто «ассистентъ — «присущникъ», вмѣсто «аллея» — «прохожь» и т. д. Вначалѣ Аксаковъ игралъ чисто пассивную роль: выслушивалъ съ благоговѣніемъ, какъ Шишковъ восторгался бездарнѣйшими поэмами князя Шихматова, какъ ругалъ Карамзина, доказывая, что тотъ испортилъ русскій языкъ и т. п. Но вотъ въ одно прекрасное послѣобѣда «наконецъ вышло изъ-подъ спуда», какъ выражается Сергѣй Тимофеевичъ, его «умѣніе читать или декламировать» и знакомство Аксакова съ Шишковымъ приняло обычный характеръ всѣхъ другихъ его знакомствъ. Начался безконечный рядъ чтеній и домашнихъ спектаклей, всѣ они доставили Сергѣю Тимофеевичу кучу похвалъ, такъ что воспоминанія непосредственно о Шишковѣ уже начинаютъ отодвигаться на второй планъ, а на первый выступаютъ воспоминанія о томъ, какъ Сергѣй Тимофеевичъ былъ хорошъ въ такой-то роли, какъ онъ выразительно прочиталъ такую-то оду и т. д. Прекратились уже теперь прежнія сидѣнія въ кабинетѣ Шишкова, во время которыхъ старый «славянофилъ» авторитетно раздавалъ дипломы на безсмертіе приверженцамъ своихъ теорій, а молодой безмолвно внималъ. Нѣтъ, теперь Сергѣю Тимофеевичу уже некогда было: надо было хлопотать по постановкѣ пьесъ, по считкамъ, репетиціямъ и другимъ приготовленіямъ. Словомъ, онъ вошелъ въ ту сферу интересовъ, которая такъ мила была его сердцу и не могла не быть ему милой, потому что, какъ мы уже сказали, сценическое дарованіе было покамѣсть единственнымъ качествомъ, выдѣлявшимъ его изъ толпы и обращавшимъ на него вниманіе. На спектакли, устроенные Сергѣемъ Тимофеевичемъ въ домѣ Шишкова, собирались такіе люди какъ Кутузовъ, Мордвиновъ, Бакунинъ (тогдашній губернаторъ Петербурга), всѣ они хвалили его, а жена Кутузова такъ даже «изъявила искреннее сожалѣніе», что «такой талантъ, уже много обработанный, не получитъ дальнѣйшаго развитія на сценѣ публичной». Самолюбіе мое было утѣшено», прибавляетъ вслѣдъ затѣмъ Сергѣй Тимофеевичъ, и удивительно-ли послѣ этого, что воспоминанія о сценическихъ успѣхахъ въ домѣ Шишкова настолько разогрѣли Сергѣя Тимофеевича цѣлыхъ 45 лѣтъ спустя, что именно по поводу ихъ онъ написалъ: «я имѣлъ рѣши-

тельный сценическій талантъ, и теперь даже (1857—58) думаю, что *театръ былъ моимъ настоящимъ призваніемъ»* (!).

Печальное заблужденіе, которое легко могло бы стать роковымъ, еслибы не то, что Аксакову, какъ столбовому дворянину. стыдно было сдѣлаться цѣховымъ актеромъ.

По поводу той-же близости Сергѣя Тимофеевича съ Шишковымъ нельзя не подчеркнуть, что автору «Семейной Хроники», до встрѣчи съ Гоголемъ, который такъ благодѣтельно подѣйствовалъ на пробужденіе его таланта, ужасно не везло на знакомства. Хотя, конечно, не только въ наше время, но еще и лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ мало кто сомнѣвался въ томъ, что Шишковъ, при всей своей личной порядочности, писатель крайне ограниченный и лишенный всякаго признака литературнаго вкуса, но если даже совершенно оставить въ сторонѣ вопросъ о литературной цѣнности Шишковскихъ теорій и взять ихъ совершенно объективно только со стороны того, что онѣ въ себя содержатъ, то и тогда нельзя будетъ не признать, что Шишковъ могъ оказать на развитіе таланта Аксакова только самое угнетающее и задерживающее вліяніе. Какое въ самомъ дѣлѣ можно себѣ представить болѣе разительное несходство какъ между авторомъ разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ, для котораго въ каждомъ литературномъ произведеніи важнѣе всего была *торжественность* (для большей обективности не будемъ говорить *напыщенность*) и авторомъ «Семейной Хроники», все художественное значеніе которой заключается въ ея поразительной *простотѣ* и безъискуственности? что могло быть поощрительнаго для таланта Аксакова въ домѣ, гдѣ для хозяина и его гостей — членовъ пресловутой «Бесѣды любителей россійскаго слова» — Карамзинъ казался опаснымъ новаторомъ, а Озеровъ слишкомъ вульгарнымъ и мало торжественнымъ писателемъ?

Точно такія-же неподходящія знакомства завязываетъ чрезъ нѣкоторое время Сергѣй Тимофеевичъ въ Москвѣ и на этотъ разъ они уже находятся въ самой непосредственной связи съ его театроманіей. Въ Москву Аксаковъ попадаетъ въ 1812 г., послѣ того какъ онъ въ 1811 г. бросилъ службу въ Петербургѣ и побылъ нѣкоторое время въ деревнѣ. Чрезъ старика актера Шушерина, съ которымъ, какъ уже было упомянуто. Сергѣй Тимофеевичъ близко сошелся еще въ Петербургѣ, онъ знакомится съ цѣлымъ рядомъ московскихъ литераторовъ—Шатровымъ, Николаевымъ, Ильинымъ, Кокошкинымъ, Сергѣемъ Глинкой, Вельяшевымъ-Волынцевымъ, Ивановымъ и др. Если исключить взбалмошнаго. но добродушнаго и симпатичнаго Глинку, то всѣ остальные только что названные писатели, помимо

ихъ совершеннаго литературнаго и умственнаго ничтожества, были еще и пошляки крайніе, лѣзшіе въ аристократы и знать, къ которой они на самомъ дѣлѣ не принадлежали, преданные пустѣйшимъ забавамъ и развлеченіямъ и помѣшанные на совершенно мнимыхъ представленіяхъ о своемъ значеніи. Когда читаешь воспоминанія Аксакова о всѣхъ этихъ ничтожествахъ, составлявшихъ, однако, значительную часть тогдашней «литературы», то живо чувствуешь до чего былъ правъ Бѣлинскій, утверждавшій въ первой своей статьѣ, что собственно никакой-то настоящей литературы до «Горя отъ ума» у насъ и не было.

Но юный Аксаковъ былъ, конечно, другого мнѣнія и, слыша какъ литературные пріятели называли какого-нибудь Николева «безсмертнымъ», на половину этому вѣрилъ и находилъ «сильными» мѣстами такіе напр. стихи изъ трагедіи Николева «Малекъ-Адель»

Блисталъ конь бѣлъ подъ нимъ, какъ снѣгъ Атлантскихъ горъ,
Стрѣла летяща—бѣгъ, свѣча горяща—взоръ.
Дыханье дымъ и огнь, грудь и копыта—камень,
На немъ—Малекъ-Адель или сраженій пламень.

Какъ «безсмертный» Николевъ, такъ и остальные не менѣе мнившіе о себѣ писатели, съ которыми не на пользу себѣ столкнулся Сергѣй Тимофеевичъ въ Москвѣ, очень ласково приняли его, такъ что вскорѣ онъ сталъ совсѣмъ своимъ человѣкомъ въ ихъ кругу. Причина этого теплаго отношенія къ ничѣмъ еще не заявившему себя молодому Аксакову была все та-же декламація. Около указаннаго времени Сергѣй Тимофеевичъ началъ уже, впрочемъ, заявлять себя и какъ литераторъ. Именно онъ приступилъ къ переводу лагарповскаго переложенія трагедіи Софокла «Филоктетъ». Трагедія предназначалась для бенефиса Шушерина и начиналась слѣдующимъ посвященіемъ

Когда-бы я владѣлъ такимъ въ стихахъ искусствомъ.
Какимъ одушевленъ къ тебѣ почтенья чувствомъ.
Славнѣй Софоклова гремѣлъ-бы Филоктетъ,
И въ восхищеніи ему внималъ-бы свѣтъ;
Но скуденъ даръ во мнѣ чувствъ выражать премѣны.
Гоненія судьбы, страстей противныхъ брань:
Пріими-жъ, о Шушеринъ, любимецъ Мельпомены.
Таланту своему благоговѣнья дань.

Какъ трудно узнать въ этихъ неуклюжихъ стихахъ будущаго первоклассчаго стилиста и какъ страненъ былъ самый выборъ этой ложно-классической передѣлки. Авторъ «Семейной Хроники» и

ложный классицизмъ—что можетъ быть неестественнѣе такого сочетанія.

Время нашествія Наполеона и слѣдующіе два года Сергѣй Тимофеевичъ провелъ въ деревнѣ. Онъ не только не принялъ никакого участія въ событіяхъ этихъ бурныхъ лѣтъ, но какъ-то они даже впечатлѣнія никакого на него не произвели, такъ что въ его воспоминаніяхъ, необыкновенно подробныхъ и прямо даже утомительныхъ тѣмъ, что въ нихъ обстоятельно говорится буквально о каждомъ пустякѣ, для событій отечественной войны, какъ и для всѣхъ остальныхъ явленій общественной жизни, и мѣста не нашлось даже. Не можемъ не подчеркнуть этого обстоятельства, потому что оно очень характерно для того, чтобы показать, до чего умственная жизнь молодого Аксакова была заполонена декламаціей и всякими театральными интересами.

Годы 1814—1815 Аксаковъ проводитъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ и въ одну изъ побывокъ въ Петербургѣ ему удалось очень близко сойтись съ Державинымъ. Читатель, думаемъ, уже догадался самъ, что главнымъ связующимъ звеномъ между дряхлымъ поэтомъ и молодымъ декламаторомъ явилось именно умѣнье послѣдняго выразительно читать. Литературныхъ разговоровъ между ними не происходило почти никакихъ, но за то чтенія и декламаціи были безъ конца и Державинъ иной разъ даже замучивалъ молодого человѣка.

Въ 1816 г. Сергѣй Тимофеевичъ женится на дочери суворовскаго генерала Заплатина и на цѣлыхъ четыре года поселяется въ деревнѣ. Въ 1820 г. онъ на годъ пріѣзжаетъ въ Москву, печатаетъ переводъ 10-й сатиры Буало, за что его удостаиваютъ большой по тому времени чести—избираютъ въ члены «общества любителей россійской словесности»—и завязываетъ тѣснѣйшую дружбу съ Загоскинымъ, водевилистомъ Писаревымъ и директоромъ театра и драматургомъ Кокошкинымъ. Дружба не ослабѣла и за пять лѣтъ вторичнаго отъѣзда Сергѣя Тимофеевича въ деревню и возобновилась съ еще большею интимностью, когда Аксаковъ въ 1826 г. со всѣмъ своимъ семействомъ переѣхалъ въ Москву на постоянное жительство.

Близость съ только что названными писателями, къ которымъ со времени окончательнаго переѣзда Сергѣя Тимофеевича въ Москву надо еще присоединить извѣстнаго драматурга кн. Шаховского, довела театроманію Аксакова до апогея. Тутъ-то онъ окончательно завертѣлся въ закулисномъ мірѣ, такъ что не только началъ терять послѣдній интересъ къ явленіямъ нетеатральнаго мірка и не только дебюты того или другого актера, успѣхъ той или другой пьесы начинали ему казаться событіями первостепенной важности, но

у него и вкусъ литературный окончательно сталъ пропадать и онъ вообще пошелъ по такому литературному пути, который, можетъ быть, совершенно загубилъ-бы его великое дарованіе, еслибы въ срединѣ тридцатыхъ годовъ встрѣча съ Гоголемъ и возмужаніе старшаго сына—Константина Сергѣевича—не ввело его въ сферу болѣе высокихъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ. Достаточной иллюстраціею только-что сказаннаго можетъ служить такой, напримѣръ, печатный отзывъ (въ «Моск. Вѣстн.» 1828) по поводу смерти мелкотравчатаго водевилиста Писарева:

«Писаревъ увлекъ въ гробъ съ собою великія, блистательныя надежды друзей своихъ и всѣхъ коротко его знавшихъ. Глубокій, проницательный умъ, чуждый оковъ пристрастія и предразсудковъ литературныхъ; строгій, вѣрный вкусъ, сила мыслей новыхъ, свѣжихъ; смѣлость, рѣзвость въ ихъ выраженіи: ѣдкая, убійственная острота; любовь къ справедливости: ненависть къ пороку... все заставляло ожидать отъ него комедій *Аристофановскихъ*...».

Такая характеристика прилагалась къ человѣку, правда, умершему молодымъ (27 лѣтъ), но уже успѣвшему наплодить множество водевилей и совершенно опредѣленно выяснить свою литературную физіономію. Извѣстно, конечно, что всякія некрологическія статьи, да еще писанныя о близкомъ пріятелѣ, всегда страдаютъ преувеличеніями, но все-таки для того, чтобы все произносить имя Аристофана по поводу зауряднаго каламбуриста, остроты котораго никогда не переживали болѣе одного сезона, да еще произносить его въ то время, когда вся Россія зачитывалась только-что появившейся во множествѣ списковъ дѣйствительно аристофановской комедіей Грибоѣдова, для всего этого нужна была почти совершенная потеря литературнаго чутья и вкуса. И такъ какъ приведенный только-что примѣръ съ Писаревымъ всего менѣе единственный и подобными безвкусицами переполнены всѣ относящіяся къ концу 20-хъ годовъ театральныя статейки Аксакова, то въ совокупности они и подтверждаютъ сказанное нами выше о томъ, что театроманія, слишкомъ тѣсно сблизившая Сергѣя Тимофеевича съ московскимъ театральнымъ кружкомъ, очень неблагопріятно подѣйствовала на ходъ его литературнаго развитія. Какую въ самомъ дѣлѣ могъ извлечь для себя пользу Сергѣй Тимофеевичъ изъ постояннаго и исключительнаго общенія съ такими людьми, какъ Загоскинъ, Кокошкинъ, Шаховской и Писаревъ. Чудаковатый Загоскинъ былъ, безспорно, человѣкъ симпатичный и талантливый, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма мало образованный и развитой. Про остальныхъ-же членовъ кружка и этого нельзя сказать, и столь-же мало выдававшіеся образованіемъ

и развитіемъ, какъ Загоскинъ, они, кромѣ того, были ниже его талантами и душевными качествами.

А между тѣмъ эта дружба съ кружкомъ московскихъ водевилистовъ и драматурговъ совершенно ненужнымъ образомъ разъединяла и даже ссорила Сергѣя Тимофеевича съ людьми, представлявшими собою въ литературѣ тѣхъ лѣтъ поступательное движеніе русской мысли. Мы говоримъ о непріятныхъ отношеніяхъ, которыя установились между Аксаковымъ и Полевымъ и причина которыхъ лежала исключительно въ томъ, что Полевой нападалъ на театральныхъ пріятелей Сергѣя Тимофеевича. Непосредственный предшественникъ Бѣлинскаго въ томъ, что касается серьезнаго взгляда на литературу, въ томъ, что онъ смотрѣлъ на литературу не какъ на пріятное времяпрепровожденіе, а какъ на дѣло первостепенной общественной важности, Полевой не могъ особенно благопріятно относиться къ тѣмъ пустячкамъ, которые поставляли для московской сцены друзья Аксакова, не на шутку убѣжденные, что

водевиль есть вещь, а прочее все гиль *).

Онъ рѣзко на нихъ напалъ въ своемъ «Телеграфѣ», они, въ свою очередь, страшно задѣтые неожиданно раздавшимся порицаніемъ, начали ему отвѣчать колкостями со сцены и разгорѣлась жестокая война. Публика, сразу оцѣнившая значеніе того серьезнаго тона, который взялъ Полевой съ первыхъ-же шаговъ своихъ на жунальномъ поприщѣ, была по собственному сознанію Аксакова на сторонѣ «Московскаго Телеграфа» и жестоко освистала Писарева, когда онъ въ одномъ изъ своихъ водевилей выпалилъ въ ненавистнаго журналиста слѣдующимъ пустымъ каламбуромъ, который, кстати, можетъ служить образчикомъ «аристофановской» соли пріятеля Сергѣя Тимофеевича.

Въ нашъ вѣкъ, на дѣло не похоже,
Изъ моды вышла простота,
И безъ богатства умъ—все тоже
Что безъ наряда красота.
У насъ теперь народъ затѣйный,
Пренебрегаетъ простотой:
Всѣмъ милъ цвѣтокъ оранжерейный
И всѣмъ наскучилъ *полевой*.

Аксаковъ непосредственнаго отношенія ко всей этой свалкѣ, собственно говоря, не имѣлъ никакого. Но мягкій по натурѣ и отсюда

*) Любопытно отмѣтить, что, по нѣкоторымъ указаніямъ, этотъ язвительный стихъ, вложенный въ уста Репетилова, цѣликомъ заимствованъ Грибоѣдовымъ у Писарева.

легко поддававшійся всякому вліянію, подъ которымъ онъ въ данный моментъ своей жизни находился, Сергѣй Тимофеевичъ очень близко принялъ къ сердцу интересы обиженныхъ пріятелей и въ своихъ статейкахъ (онъ былъ въ то время сотрудникомъ «Москов. Вѣст.» Погодина, «Галатеи» Раича и «Атенея» Павлова) началъ задѣвать Полевого. Полевой, конечно, отвѣчалъ тѣмъ-же и въ результатѣ между ними установились настолько непріязненныя отношенія, что цѣлыхъ 30 лѣтъ спустя, когда Полевого давнымъ давно уже въ живыхъ не было, Сергѣй Тимофеевичъ, вообще отличавшійся незлобивостью и добродушіемъ, съ немалымъ злорадствомъ разсказывалъ, какъ онъ разъ отдѣлалъ ненавистнаго журналиста, именно какъ онъ въ одномъ изъ засѣданій «Общества Любителей Россійской Словесности» прямо въ лицо стоявшаго предъ нимъ Полевого прочиталъ слѣдующіе стихи изъ своего перевода 8-ой сатиры Буало:

И такъ трудись теперь профессоръ мой почтенный,
Копти надъ книгами, и день ночь согбенный!
Пролей на знанія людскія новый свѣтъ.
Пиши творенія высокія, поэтъ—
И жди, чтобъ мелочей какой нибудь издатель.
Любимцевъ публики безсовѣстный ласкатель,
Который разумѣть языкъ недавно сталъ,
Перомъ завистливымъ тебя вездѣ маралъ...
Конечно, для него довольно и презрѣнья!...

Эта выходка шла въ тонъ съ нападками, которыми въ то время со всѣхъ сторонъ осыпали Полевого люди задѣтые его рѣзкою критикою. Разныя посредственности, сброшенныя Полевымъ съ незаслуженнаго ими пьедестала, не имѣя возможности возратить что нибудь по существу противъ того серьезнаго критерія, противъ тѣхъ серьезныхъ требованій, которые Полевой сталъ предъявлять къ литературнымъ дѣятелямъ какъ прошлаго времени, такъ и современной ему эпохи, всѣ эти посредственности старались умалить значеніе критики дерзкаго «купчишки» подчеркиваніемъ того, что онъ самоучка, нигдѣ систематически неучившійся и, слѣдовательно, мало свѣдущій. Нельзя отрицать того, что извѣстная доля правды была въ этихъ упрекахъ. Невѣрно, что Полевой былъ человѣкъ мало свѣдущій. Напротивъ того, онъ зналъ очень много. Но нѣкоторая безсистемность несомнѣнно проглядываетъ въ его отовсюду нахватанныхъ знаніяхъ. Все это, однакоже, слѣдуетъ понимать очень относительно. Сравненія съ Каченовскимъ, Погодинымъ, Надеждинымъ Полевой дѣйствительно не выдерживалъ. Но членовъ кружка Сергѣя Тимофеевича, самого Сергѣя Тимофеевича не исключая, Полевой могъ по-

всѣмъ областямъ знанія заткнуть за поясъ и вотъ почему колкости и упреки въ невѣжествѣ были въ ихъ устахъ совершенно не у мѣста и едва-ли даже благовидны.

Чтобы покончить съ отношеніями Аксакова къ Полевому, отмѣтимъ, что есть нѣкоторыя указанія, изъ которыхъ можно заключить, что вражда ихъ не ограничилась одною литературною ареною.

Это указаніе находится въ связи со службою Аксакова въ цензорахъ.

Сергѣй Тимофеевичъ началъ свое цензорское поприще въ самомъ началѣ 1827 года. Переѣхавъ со всѣмъ семействомъ въ Москву и опасаясь, что собственныхъ ресурсовъ, получаемыхъ изъ деревни, ему не хватитъ для проживанія въ столицѣ, Сергѣй Тимофеевичъ началъ подъискивать себѣ службу. Ничего, однако, подходящаго не находилось. Но вотъ какъ разъ пріѣзжаетъ въ Москву къ коронаціи Шишковъ, стоявшій въ то время во главѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, которое вѣдало, по тогдашнимъ порядкамъ, цензуру. Сергѣй Тимофеевичъ и попросился въ цензора вновь учреждавшагося отдѣльнаго московскаго цензурнаго комитета. Шишковъ охотно исполнилъ просьбу стараго своего любимца и тотъ вооружился краснымъ карандашемъ. Цѣлыхъ шесть лѣтъ, т. е. вплоть до перехода своего въ инспекторы Межевого Училища, состоялъ Сергѣй Тимофеевичъ цензоромъ, а нѣсколько разъ онъ временно исправлялъ должность предсѣдателя комитета. Послѣднее указываетъ, что исполнялъ Сергѣй Тимофеевичъ свои обязанности усердно. Временаже тогда были строгія для печатнаго слова. Тѣмъ не менѣе 30 лѣтъ спустя, Аксаковъ, разсказывая въ «Воспоминаніяхъ» о разныхъ событіяхъ жизни своей, не пропустилъ и службы въ цензорахъ, и при этомъ дѣло получало такой оттѣнокъ, что Сергѣй Тимофеевичъ былъ цензоромъ очень мягкимъ и что онъ не только не стѣснялъ печатнаго слова, а напротивъ того спасалъ его отъ преслѣдованій такихъ напр. людей, какъ первый предсѣдатель московскаго цензурнаго комитета—кн. Мещерскій, о дѣйствіяхъ котораго Сергѣй Тимофеевичъ говорилъ съ выраженіемъ крайняго негодованія.

Провѣрить справедливость утвержденія Сергѣя Тимофеевича могли, конечно, только люди, которымъ приходилось имѣть съ нимъ непосредственно дѣла по цензурѣ. Такимъ человѣкомъ явился извѣстный писатель Ксенофонтъ Полевой, братъ издателя «Московскаго Телеграфа». Онъ-то и сдѣлалъ то указаніе, которое подало намъ поводъ утверждать, что вражда между Аксаковымъ и издателемъ «Московскаго Телеграфа» не ограничилась литературною ареною. Именно, разбирая въ 1859 г. воспоминанія Аксакова и коснувшись,

между прочимъ, его отношеній къ редактору «Москов. Телеграфа», Ксенофонтъ Полевой утверждалъ, что въ качествѣ ближайшаго помощника своего брата онъ былъ неоднократно свидѣтелемъ отчаянія, въ которое тотъ приходилъ отъ цензорскихъ зачеркиваній Сергѣя Тимофеевича. Ксенофонтъ Полевой утверждалъ, что зачеркиванія обусловливались не только одними политическими соображеніями и что Аксаковъ безпощадно вымаривалъ неодобрительные отзывы о литературныхъ пріятеляхъ своихъ и той литературной партіи. къ которой онъ примыкалъ.

Статья, въ которой сообщались только что приведенныя свѣдѣнія о цензорской дѣятельности Сергѣя Тимофеевича, заключала въ себѣ и многія другія придирчивыя нападки на личность его. Эта придирчивость побудила одного изъ друзей Сергѣя Тимофеевича—библіографа и историка литературы М. Н. Лонгинова-выступить съ неменѣе рѣзкою отвѣтною статьею, въ которой пунктъ за пунктомъ опровергались нападки Ксенофонта Полевого. Но о цензурной дѣятельности Сергѣя Тимофеевича отвѣтъ ничего не говорилъ. И такъ какъ въ общемъ статья Лонгинова написана если не прямо подъ диктовку Сергѣя Тимофеевича, то во всякомъ случаѣ на основаніи свѣдѣній отъ него полученныхъ, то остается заключить, что фактическая часть того, что сообщалъ Ксенофонтъ Полевой о цензурныхъ отношеніяхъ Сергѣя Тимофеевича къ издателю «Моск. Телеграфа» вѣрна и, можетъ быть, нуждается только въ иномъ освѣщеніи. Надо думать, что какъ человѣкъ мягкій, С. Т. поддался вліянію своихъ литературныхъ друзей и считая направленіе Полевого вреднымъ, считая его нападки «дерзостями», вѣроятно, не находилъ ничего дурного въ томъ, чтобы поприжать издателя «Телеграфа». Въ одной изъ своихъ полемическихъ статеекъ конца 20-хъ годовъ Аксаковъ писалъ:

«Будь г. Полевой дурной писатель—никогда моя рука не поднялась-бы противъ него; но лицо, представляемое имъ въ нашей литературѣ, не только смѣшно, но и *вредно:* какъ издатель журнала, который прежде имѣлъ достоинство, онъ разсѣваетъ свои кривые толки, несправедливыя и пристрастныя сужденія; слѣдовательно, обличать его въ неправдѣ и невѣжествѣ, унижать его литературное лицо—есть долгъ каждаго любителя словесности (Соч. т. IV. стр. 461).

При такомъ взглядѣ на Полевого и при слабомъ развитіи гражданскихъ чувствъ въ томъ кружкѣ, эхомъ котораго служилъ Сергѣй Тимофеевичъ, ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что онъ поднималъ на ненавистнаго журналиста не только писательскую, но *и цензорскую руку*. Такимъ образомъ то, что 30 лѣтъ спустя Сер-

гѣй Тимофеевичъ свою цензорскую дѣятельность представлялъ не совсѣмъ въ томъ видѣ, въ какомъ она въ дѣйствительности происходила, кажется, не должно набрасывать тѣни на его характеръ и на достовѣрность его разсказовъ, а свидѣтельствуетъ только о томъ, что онъ поддавался одинаково какъ дурнымъ, такъ и хорошимъ вліяніямъ. 30 лѣтъ, отдѣляющихъ время цензурированія «Телеграфа» отъ времени, когда писались «Воспоминанія», Сергѣй Тимофеевичъ провелъ въ обществѣ славянофильскаго кружка, для котораго свобода слова была однимъ изъ основныхъ пунктовъ его общественнаго міросозерцанія. Кромѣ того, писались «Воспоминанія» въ эпоху, когда новое царствованіе установило совершенно иной взглядъ на печать. Удивительно-ли, что подъ вліяніемъ всего этого вмѣстѣ впечатлительному Сергѣю Тимофеевичу вполнѣ искренне показалось, что въ 1858 и 1828 году онъ держался однихъ и тѣхъже взглядовъ на свободу слова?

Да, Сергѣй Тимофеевичъ былъ человѣкъ очень впечатлительный, очень податливый, очень воспріимчивый къ идеямъ, взглядамъ и направленію той среды, въ которой ему приходилось вращаться. Эта воспріимчивость спасла подъ старость его талантъ и дала ему настоящее направленіе. 41 года отъ роду онъ встрѣтился съ Гоголемъ. Всякій другой въ такомъ возрастѣ отнесся-бы только враждебно къ писателю, шедшему совершенно въ разрѣзъ съ литературными идеями и взглядами среды, въ которой Аксаковъ провелъ наиболѣе воспріимчивые и впечатлительные годы человѣческой жизни. Но Сергѣй Тимофеевичъ, до конца дней своихъ сохранившій юношески-чистую душу, вмѣстѣ съ тѣмъ остался и юношески-доступнымъ всякому духовному воздѣйствію. Съ первыхъ-же встрѣчъ Гоголь, почти незамѣтно для самаго Сергѣя Тимофеевича, произвелъ рѣшительный переворотъ въ литературныхъ вкусахъ его и съ тѣхъ поръ дѣятельность недавняго поклонника Писаревскихъ водевилей получаетъ совсѣмъ иной характеръ. Къ вліянію Гоголя на Сергѣя Тимофеевича мы, впрочемъ, еще вернемся при ознакомленіи съ литературною дѣятельностью его. А покамѣсть доскажемъ внѣшнія событія жизни Аксакова.

Выше было упомянуто о службѣ его въ Межевомъ Училищѣ. Она длилась тоже около 6 лѣтъ, съ 1834 по 1839. Сначала Сергѣй Тимофеевичъ былъ инспекторомъ училища, а затѣмъ, когда оно было преобразовано въ «Константиновскій Межевой Институтъ»—директоромъ его. Въ 1839 году утомленный службою, которая дурно вліяла на его здоровье, Аксаковъ вышелъ окончательно въ отставку и зажилъ совершенно частнымъ человѣкомъ. Зажилъ

богато, потому что послѣ отца, умершаго въ 1837 г. (мать умерла въ 1833 г.) онъ получилъ довольно значительное наслѣдство. Панаевъ въ своихъ «Литературныхъ Воспоминаніяхъ» оставилъ любопытную картинку внѣшней стороны житья-бытья Сергѣя Тимофеевича въ эту эпоху полнаго удаленія его отъ всякихъ служебныхъ дѣлъ.

«Сергѣй Тимофеевичъ», пишетъ онъ, «былъ большой хлѣбосолъ и гордился этою московскою добродѣтелью. Аксаковы жили тогда въ большомъ отдѣльномъ, деревянномъ домѣ, на Смоленскомъ рынкѣ. Для многочисленнаго семейства Аксакова требовалась многочисленная прислуга. Домъ его былъ биткомъ набитъ дворнею. Это была уже не городская жизнь въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ, а патріархальная, широкая, помѣщичья жизнь, перенесенная въ городъ. Домъ Аксакова и снаружи, и внутри, по устройству и расположенію, совершенно походилъ на деревенскіе барскіе дома; при немъ были: обширный дворъ, людскія, садъ и даже бани въ саду».

«Домъ Аксаковыхъ», говоритъ въ другомъ мѣстѣ Панаевъ, «съ утра до вечера былъ полонъ гостями. Въ столовой ежедневно накрывался длинный и широкій семейный столъ по крайней мѣрѣ на 20 кувертовъ. Хозяева были такъ просты въ обращеніи со всѣми посѣщавшими ихъ, такъ безцеремонны и радушны, что къ нимъ нельзя было не привязаться. Я, по крайней мѣрѣ, полюбилъ ихъ всей душею».

Наружность Сергѣя Тимофеевича Панаевъ описываетъ такимъ образомъ: «Онъ былъ высокъ ростомъ, крѣпкаго сложенія и не обнаруживалъ еще ни малѣйшихъ признаковъ старости. Выраженіе лица его было необыкновенно симпатично, онъ говорилъ всегда звучно и сильно, но голосъ его превращался въ голосъ стентора, когда онъ декламировалъ стихи, а декламировать онъ былъ величайшій охотникъ».

Характеръ добродушной патріархальности, лежавшій на всемъ складѣ домашней обстановки Сергѣя Тимофеевича, остался неизмѣннымъ вплоть до самой смерти его. Панаевъ знавалъ домъ Аксаковыхъ въ самомъ концѣ тридцатыхъ годовъ и началѣ сороковыхъ. Но такимъ-же его рисуютъ люди, которые столкнулись съ Сергѣемъ Тимофеевичемъ въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ. «Домъ Аксакова», пишетъ Лонгиновъ, «былъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ Москвѣ. Нравственное вліяніе Сергѣя Тимофеевича было ощутительно не въ одномъ его семействѣ. Примѣрный супругъ, отецъ, братъ, онъ былъ и образцомъ друзей, къ которому смѣло шли за совѣтомъ и помощью его многочисленные друзья. Онъ умѣлъ съ перваго раза пріобрѣтать

любовь и довѣріе всякаго и никому не отказывалъ въ своемъ содѣйствіи или участіи, а напротивъ самъ вызывался на услуги. Это была душа чистая, исполненная христіанскихъ чувствъ, и, въ тоже время, умъ свѣтлый, прямой, соединенный съ характеромъ откровеннымъ, возвышеннымъ и энергическимъ (?). Онъ сохранилъ до глубокой старости, среди тяжкихъ недуговъ, участіе ко всему прекрасному и силу воли вмѣстѣ съ какою-то младенческою ясностью души».

Приведенныя слова принадлежатъ человѣку, о которомъ мы раньше сказали, что онъ былъ однимъ изъ близкихъ къ Сергѣю Тимофеевичу лицъ. Тѣмъ не менѣе мы воспользовались его свидѣтельствомъ, потому что оно вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что говорили объ авторѣ «Сем. Хроники» люди самыхъ разнообразныхъ направленій. Повидимому Сергѣй Тимофеевичъ былъ дѣйствительно человѣкъ высокихъ душевныхъ качествъ. Приведя слова Лонгинова, мы только поставили вопросительный знакъ по поводу мнимой «энергичности» его характера. Нѣтъ, какая уже тамъ энергія, когда, напротивъ того, всю свою жизнь Сергѣй Тимофеевичъ всегда находился подъ чьимъ нибудь вліяніемъ, которому въ данный моментъ всецѣло подчинялся.

Приводимъ въ заключеніе біографической части настоящей статьи разсказъ того-же Лонгинова о послѣднихъ годахъ жизни Сергѣя Тимофеевича.

«Аксаковъ отличался силою и крѣпостью тѣлосложенія, чему немало способствовали частыя прогулки и занятіе охотою. Но здоровье его начало страдать еще лѣтъ за двѣнадцать до кончины. Болѣзнь глазъ принудила его надолго запереться въ темной комнатѣ, и, непріученный къ сидячей жизни, Аксаковъ разстроилъ отчасти свой организмъ, лишась притомъ одного глаза. Бодрость, впрочемъ, никогда не покидала его, даже въ послѣдніе годы жизни, когда болѣзнь его развивалась болѣе и болѣе и заставляла его почти постоянно сидѣть въ четырехъ стѣнахъ. Онъ былъ живъ и впечатлителенъ по прежнему; ясность духа его была невозмутима. Весною 1858 г. болѣзнь Аксакова приняла весьма опасный характеръ стала причинять ему жесточайшія страданія; но онъ переносилъ ихъ съ чрезвычайною энергіею и терпѣніемъ. Послѣднее лѣто провелъ онъ на дачѣ близъ Москвы и, несмотря на тяжкую болѣзнь, имѣлъ силу въ рѣдкія минуты облегченія наслаждаться природою и диктовать новыя свои произведенія, которыя ничѣмъ не напоминаютъ того, въ какія тяжелыя минуты они созданы. Сюда принадлежатъ «Собираніе бабочекъ», вышедшее въ свѣтъ уже послѣ его

смерти въ «Братчинѣ»—сборникѣ въ пользу бѣдныхъ казански студентовъ, которыми онъ особенно интересовался. Осенью 1858 Аксаковъ переѣхалъ въ городъ и всю слѣдующую зиму провелъ ужасныхъ страданіяхъ. Ни помощь лучшихъ врачей, ни забо семьи не могли спасти его жизни; однако онъ продолжалъ е иногда заниматься и написалъ статью «Зимнее утро», «Встрѣчу мартинистами», послѣднее изъ напечатанныхъ при жизни его соч неній, появившееся въ «Русской Бесѣдѣ» 1859 г., и повѣсть «Н таша», которая напечатана въ томъ-же журналѣ. Весной не ос валось уже надежды, и онъ умеръ 30 Апрѣля 1859 г.

Сочиненія Аксакова выходили много разъ отдѣльными изданія Такъ «Семейная Хроника» выдержала 4 изданія, «Записки о уженьѣ рыбы» — 5, «Записки ружейнаго охотника» — 6. Но пе вое полное собраніе сочиненій Сергѣя Тимофеевича появилось тол ко въ концѣ 1886 года. Изданіе это (въ 6 томахъ) предприня книгопродавцевъ Н. Г. Мартыновымъ и редактировано части Иваномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ, а частью П. А. Ефремовым Благодаря Ивану Аксакову собраніе сочиненій Сергѣя Тимофееви снабжено весьма цѣнными примѣчаніями, дающими читателю во можность разобраться между «Warheit» и «Dichtung» какъ въ «С мейной Хроникѣ», такъ въ другихъ произведеніяхъ ея автора. Бл годаря-же участію превосходнаго библіографа и знатока русск литературы—П. А. Ефремова, изданіе отличается замѣчательн полнотою. 4-й томъ напр., состоящій изъ мелкихъ журнальны статеекъ Сергѣя Тимофеевича, является совершенною новинкою д самыхъ завзятыхъ библіографовъ. И не удивительно почему: жу налы, изъ которыхъ П. А. Ефремовъ извлекалъ эти статейки, с ставляютъ такую библіографическую рѣдкость, что въ полномъ ви ихъ нѣтъ ни въ Публичной Библіотекѣ, ни въ Чертковской, ни библіотекѣ Академіи Наукъ.

По томамъ произведенія Сергѣя Тимофеевича распредѣлены изданіи, о которомъ идетъ теперь рѣчь, слѣдующимъ образомъ:

Томъ первый: От издателя. Сергѣй Тимофеевичъ Аксаковъ. *А. С. Хомяко* Воспоминаніе о С. Т. Аксаковѣ. *М. Н. Лонгинова.* I. Семейная хроника. Пре словія къ 1 и 2 изд. Предувѣдомленіе И. С. Аксакова къ посмертному издан *Первый отрывокъ изъ «Семейной Хроники»* (Степанъ Михайловичъ Багровъ): реселеніе. Оренбургская губернія. Новыя мѣста. Добрый день Степана Михай вича. *Второй отрывокъ*: Михаилъ Максимовичъ Куролесовъ. *Третій отрыв* Женитьба молодого Багрова. *Четвертый отрывокъ*: Молодые въ Багровѣ. *Пят отрывокъ*: Жизнь въ Уфѣ. II. *Дѣтскіе годы Багрова-внука.* Предисловіе И. С.

сакова. Къ читателямъ. Вступленіе. Отрывочныя воспоминанія. Послѣдовательныя воспоминанія. Дорога до Парашина. Парашино. Дорога изъ Парашино до Багрова. Багрово. Пребываніе въ Багровѣ безъ отца и матери. Зима въ Уфѣ. Сергѣевка. Возвращеніе въ Уфу къ городской жизни. Зимняя дорога въ Багрово. Багрово зимой. Уфа. Пріѣздъ на постоянное житье въ Багрово.

Томъ второй: I. *Дѣтскіе годы Багрова-внука* (Продолженіе). Багрово послѣ Чурасова. Первая весна въ деревнѣ Лѣтняя поѣздка въ Чурасово. Осенная дорога въ Багрово. Жизнь въ Багровѣ, послѣ кончины бабушки. Приложеніе — «Аленькій цвѣточекъ», сказка ключницы Пелагеи. II. *«Воспоминанія»*. Гимназія. Періодъ первый. Періодъ второй. Университетъ. *Собираніе бабочекъ*. Оглавленіе 4-хъ номеровъ журнала «Аркадскіе Пастушки»: Изъ оды Императору Александру. Осень. Швейцарія въ Казани. Путешествіе въ Болгары. Осень. Оглавленіе и содержаніе 3-хъ номеровъ «Журнала нашихъ занятій»: Двѣ первыя строфы оды. Война. Димитрій при рѣкѣ Донѣ. О распространеніи и пользѣ литературы.

Томъ третій: 1. Наташа (неоконченная повѣсть) съ примѣчаніемъ И. С. Аксакова. Очеркъ зимняго дня. Буранъ. Яковъ Емельяновичъ Шушеринъ (Дмитріевъ). Нѣсколько словъ о статьѣ «Воспоминанія стараго театрала». Встрѣча съ Мартинистами. Воспоминанія объ А. С. Шишковѣ. Знакомство съ Державинымъ. Воспоминанія о Д. Б. Мертваго. Біографія М. Н. Загоскина. Приложенія къ біографіи: а) два письма Пушкина, б) Жуковскаго, в) Мериме и Ольберга. Знакомство съ Гоголемъ. Письмо къ друзьямъ о смерти Гоголя. Нѣсколько словъ о біографіи Гоголя. Нѣсколько словъ о М. С. Щепкинѣ. Письма къ С. П. Шевыреву. Письма къ М. А. Максимовичу. О письмахъ къ Н. И. Надеждину. Письмо А. С. Хомякова. Посланіе къ А. Н. Майкову. При вѣсти о грядущемъ освобожденія крестьянъ стихотвореніе.

Томъ четвертый: *Литературныя и театральныя воспоминанія*: 1812, 1815, 1816, 1820 и 1821 годы. 1826 годъ. Приложенія къ «Литератур. и театр. восп.»: I. О заслугахъ кн. Шаховскаго въ драматической словесности. II. Два письма кн. А. А. Шаховскаго къ С. Т. Аксакову. III. Письмо къ издателю «Москов. Вѣст.» о значеніи поэзіи Пушкина.

Произведенія ранняго періода дѣятельности С. Т. Аксакова:

I. *Стихотворенія*: 1. Посланіе къ А. И. Казначееву. 2. Пѣснь пира. 3. «За престолы міра». 4. Десятая сатира Буало: на женщинъ. 5. Посланіе къ кн. Вяземскому. 6. Элегія въ новомъ вкусѣ. 7. Призываніе (подражаніе нѣмецкому). 8. Уральскій казакъ. 9. Роза и пчела (басня). 10. Отрывки изъ 8 сатиры Буало: на человѣка. 11. Рыбачье горе (русская идиллія). 12. Эпиграмма.

II. *Драматическія произведенія* (переводы).

1. «Филоктетъ», трагедія въ трехъ дѣйст. Софокла. 2. «Школа мужей», комедія Мольера. 3. «Скупой», комедія Мольера.

III. *«Театральныя и литературныя статьи и замѣтки»* (изъ «Вѣст. Евр.» и «Моск. Вѣст.»).

Томъ пятый: *Записки объ уженьи рыбы. Разсказы и воспоминанія охотника о разныхъ охотахъ.* I. *Записки объ уженьи рыбы*, съ политипажами и примѣчаніями К. Ф. Рулье. — Вступленіе. — Происхожденіе удочки. — Удилище. — Леса. — Поплавокъ. — Грузило. — Крючокъ. — Поводокъ. — Устройство удочки. — Насадка. — О выборѣ мѣста. — Прикормка. — Объ умѣньи удить. — О рыбахъ вообще. — Лотокъ. — Верховка. Голецъ. — Пескарь. — Уклейка. — Елецъ. — Ершъ. — Плотица. — Красноперка. — Язь. —

Головль.—Лещь.—Сазанъ.—Карпъ или Карпія.—Линь.—Карась.—Окунь.—Щука.—Жерехъ, шересперъ. — Судакъ. — Лохъ красуля.—Форель.—Пеструшка.—Кутема.—Налимъ.—Сомъ.—Раки.—Крючки и жерлицы—Блеска.—«Ходъ рыбы противъ теченія воды» (статья К. Ф. Рулье). II. *Разсказы и воспоминанія охотника.* Читателямъ.—Вступленіе.—Полая вода и ловля рыбы въ *водополье*, охота съ острогою.—Странный случай. О соколинной охотѣ. Новыя охотничьи замѣтки.—Охота съ ястребомъ и перепелами.—Прилетъ дичи въ Оренбургской губерніи.—Ловля шатромъ тетеревовъ и куропатокъ.—Выниманіе лисятъ.—Ловля мелкихъ звѣрьковъ.—Капканный промыселъ. — Гоньба лисицъ и волковъ въ Оренбургской губ. — О соловьяхъ, письмо И. С. Тургенева.—Нѣсколько словъ о суевѣріяхъ и примѣтахъ.—Пари охотниковъ.—Счастливый случай.—Странный случай на охотѣ.—Самый необыкновенный случай.—Замѣчанія и наблюденія охотника брать грибы (съ политипажами).

Томъ шестой: *Записки ружейнаго охотника,* съ политипажами и примѣчаніями К. Ф. Рулье. *Вступленіе.* Техническая часть ружейной охоты.—Ружье, ружейный стволъ.—Ложе, прикладъ, шомполъ или прибойникъ.—Зарядъ.—Порохъ.—Дробь картечь, пуля, жеребья. Пыжи. — Пистоны. — Лягавая собака. Пролетъ и прилетъ дичи. — Раздѣленіе дичи на разряды. I. *Болотная дичь.* — Приступъ къ описанію болотной дичи.—Болота.—Бекасъ.—Дупельникъ.—Гаршнепъ.—О вкусѣ мяса и приготовленіе бекасинныхъ породъ.—Болотный куликъ.- Красноножка или щеголь.—Куликъ.—Сорока.—Рѣчной куликъ.—Травникъ.—Поручейникъ.—Чернышъ.—Фи-фи.—Поплавокъ. — Черноозобикъ или краснозобикъ. — Морской куличекъ. — Зуекъ или переводчикъ. — Песочникъ или песчаникъ. — Куличекъ воробей.—Болотный турухтанъ.—Болотная курица.—Болотный коростель или коростеликъ.—Чибисъ или пиголица.—Разрядъ II. *Водяная или водоплавающая дичь*: Приступъ къ описанію дичи: Воды.—Лебедь.—Гусь.—Утки вообще.—Кряковая утка.—Шилохвостъ.—Сѣрая утка. — Свіязь-широконоска.— Чирокъ.—Нырокъ.—Чернь.—Гагара.—Гоголь.—Лысуха или лысена (водяная птица). Разрядъ III: *Степная или полевая дичь*: Степь. — Дрозды.—Тудакъ или дудакъ.—Журавль.—Стрепетъ.—Кроншнепъ, или степной курликъ. — Кречетка, степная пиголица. — Куропатка полевая или сѣрая.—Сикиирджалки озимыя куры. — Морская ласточка.—Красноустъ (Курухтаны полевые).—Коростель полевой или луговой. — Перепелка. — Разрядъ IV. *Лѣсная дичь.* Лѣсъ.—Глухой тетеревъ, глухарь, моховикъ. — Тетеревъ березовикъ. — Рябчикъ. — Бѣлая лѣсная куропатка. — Голуби. — Вяхирь или витютнь.—Клинтухъ, дикій голубь.—Горлица или горлинка.—Дрозды.—Вальдшнепъ, лѣсной куликъ.—Зайцы.—Мелкія птички.

Хронологически литературная дѣятельность Сергѣя Тимофеевича слагалась въ совершенно иномъ порядкѣ.

Началъ онъ писать еще въ послѣдній годъ пребыванія въ гимназіи. Какъ всѣ гимназисты на свѣтѣ, товарищи Сергѣя Тимофеевича издавали рукописный журналъ, который, отражая духъ времени, былъ наполненъ сентиментальными, цвѣтистыми статеечками и стихами во вкусѣ Карамзина. Назывался журналъ «Аркадскіе Пастушки» и подписывались сотрудники его разными мифологически-пастушескими именами, какъ напр.: Адонисъ, Дафнисъ, Аминтъ, Ирисъ, Дамонъ, Палемонъ и т. д. Сергѣй Тимофеевичъ прямого участія въ «Аркадскихъ Пастушкахъ» не принималъ, за то, подстре-

каемый примѣромъ, втихомолку писалъ очень много. Долго крѣпился молодой сочинитель, но, наконецъ, не выдержалъ и въ 1805 г. дебютировалъ въ кругу товарищей стихотвореньемъ «Къ Соловью»:

Другъ весны, пѣвецъ любезнѣйшій
Будь единой мнѣ отрадою,
Уменьши тоску жестокую.
Что снѣдаетъ сердце страстное,
Пой красы моей возлюбленной,
Пой любовь мою къ ней пламенну,
Исчисляй мои страданья всѣ,
Исчисляй моей дни горести и т. д.

Само собою разумѣется, что никакой такой жестокой красавицы на свѣтѣ не было и юный авторъ даже и не знакомъ былъ ни съ какой дѣвушкой. Стихотвореніе имѣло успѣхъ и поощренный имъ Сергѣй Тимофеевичъ, вмѣстѣ съ закадычнымъ другомъ своимъ Александромъ Панаевымъ и извѣстнымъ впослѣдствіи математикомъ Перевощиковымъ, основываетъ въ 1806 г. новый литературный органъ—«Журналъ нашихъ занятій». «Это было предпріятіе уже болѣе серьезное», разсказываетъ Сергѣй Тимофеевичъ, и съ другимъ направленіемъ, чѣмъ «Аркадскіе Пастушки». Въ «Аркадскихъ Пастушкахъ» господствовали идеи Карамзина, въ «Журналѣ-же нашихъ занятій» Аксаковъ, пришедшій, какъ мы уже знаемъ, въ необыкновенный восторгъ отъ Шишковскаго «Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ», старался проводить и отстаивать идеи перваго зачинателя «славянофильства». Нельзя не остановиться на этомъ раннемъ проявленіи умственной оригинальности Аксакова. Чтобы выступить противъ всеобщихъ симпатій, которыми пользовался Карамзинъ среди товарищей Сергѣя Тимофеевича, надо было обладать не малымъ запасомъ духовной самостоятельности и вотъ почему мы тутъ не можемъ не усмотрѣть еще одного доказательства того, что такъ настойчиво старались доказать на предъидущихъ страницахъ настоящей статьи, именно, что не попади Аксаковъ въ мелкую сферу театральныхъ интересовъ, не сосредоточь онъ всей своей духовной дѣятельности на декламаціи и на желаніи по возможности тѣснѣе примкнуть къ закулисному міру, который на самомъ-то дѣлѣ былъ совершенно чуждъ основному характеру его литературнаго дарованія, и это оригинальное дарованіе несомнѣнно гораздо раньше проявилось-бы. Примѣръ «Журнала нашихъ занятій» показываетъ, что Аксакову было что сказать, что писательская личность начинала уже въ немъ складываться и что ей только недоставало надлежащаго повода, чтобы развернуться. Но могла-ли она сказаться въ стихотворномъ переводѣ «Филоктета», который является ближайшимъ, въ хронологиче-

скомъ порядкѣ, послѣ «Журнала моихъ занятій» проявленіемъ литературныхъ наклонностей Сергѣя Тимофеевича, когда стихотворный талантъ не былъ его удѣломъ и когда переводъ былъ затѣянъ не потому, что переводчика къ тому побуждала внутренняя потребность, а единственно затѣмъ, чтобы доставить Шушерину эффектную пьесу для бенефиса? Нельзя, конечно, сказать, чтобы сравнительно съ другими стихотворными переводами того времени «Филоктетъ» былъ особенно уже плохъ, но все таки любой отрывокъ изъ него показываетъ, что стихи не были тѣмъ поприщемъ, на которомъ переводчикъ могъ прославиться. Беремъ нѣсколько строкъ для примѣра совершенно наудачу

Ты хощешь, чтобъ узрѣлъ Фебъ, пламенемъ горящъ.
Какъ робкій Филоктетъ, Улисса близъ сѣдящъ,
Спокойно на сыновъ Атрея мещетъ взоры:
Скорѣе въ пропасти преобратятся горы!
И отчего, скажи, ты въ грекахъ ждешь премѣнъ.
Надѣешься впередъ счастливѣйшихъ временъ? и т. д.

За «Филоктетомъ», законченномъ въ 1812 году, но напечатанномъ въ 1816 г., послѣдовало оставшееся въ рукописи «посланіе къ А. И. Казначееву» (напеч. впервые въ «Рус. Арх.» 1878 г.). Въ немъ молодой другъ Шишкова выражалъ негодованіе по поводу того, что нашествіе французовъ ничуть не уменьшило галломаніи тогдашняго общества. Онъ было думалъ, что

. . . . сія ужасная година
Не только будетъ зла, но и добра причина,

именно, что она

Къ французамъ поселитъ навѣки отвращеніе,
Что будемъ ненависть питать къ нимъ безконечну
За мысль одну: народъ россійскій низложить!
За мысль, что будетъ россъ подвластнымъ Галлу жить!

А вышло совсѣмъ не то. Французскіе плѣнники

Гораздо болѣе вдыхаютъ сожалѣнья,
Чѣмъ росски воины, израненны въ сраженьяхъ!

Имъ ввѣряютъ воспитаніе дѣтей, ихъ знакомствомъ дорожатъ.

А барынь и дѣвицъ чувствительны сердца
(Хотя лишилися—кто мужа, кто отца)
Столь были тронуты французовъ заключеньемъ.
Что всѣ наперерывъ метались съ утѣшеніемъ.
Поруганный законъ, сожженье городовъ,
Убійство тысячей, сиротъ рыданье, вдовъ,
Могила свѣжая Москвы опустошенной,
Къ спасенью жертвою святой опредѣленной—
Забыто все. Зови французовъ къ намъ на балъ!
Всѣ скачутъ, всѣ бѣгутъ къ тому, кто ихъ позвалъ!

И вотъ прелестныя россійскія дѣвицы,
Руками обхватясь, уставя томны лицы
На раззорителей отеческой страны
(Достойныхъ сихъ друзей, питомцевъ сатаны)
Вертятся вихрями, себя позабываютъ,
Французовъ—языкомъ французскимъ восхищаютъ.
Иль брата, иль отца на комъ дымится кровь—
Тотъ дочкѣ, иль сестрѣ болтаетъ про любовь!..
Тамъ—мужа свѣтлый взоръ мракъ смертный покрываетъ,
А здѣсь—его жена его убійцъ ласкаетъ...

Какъ и относительно «Филоктета» приходится сказать, что по тому времени стихи эти не то чтобы уже очень плохи были. Но и хорошаго за то мало. И во всякомъ случаѣ даже приблизительно ничего такого, чтобы предвѣщало виднаго литературнаго дѣятеля. А между тѣмъ Сергѣю Тимофеевичу въ это время уже было 23 года—возрастъ, когда всякое *крупное* дарованіе почти всегда уже успѣваетъ опредѣлиться.

«Посланіе» къ Казначееву принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ писаній «предварительнаго» періода литературной дѣятельности Сергѣя Тимофеевича, которыя не имѣютъ прямаго или косвеннаго отношенія къ театроманіи его. Такихъ произведеній — нѣсколько «пѣсень», басень, эпиграммъ, пародій—мы насчитали менѣе десятка. Заглавія ихъ мы привели выше въ оглавленіи полнаго собранія, останавливаться-же на содержаніи ихъ не стоитъ: они приблизительно такого-же литературнаго достоинства, какъ цитированное нами «посланіе» къ Казначееву, нѣкоторыя немного хуже, нѣкоторыя немного лучше, а въ общемъ всѣ онѣ одинаково мало говорили о сколько-нибудь замѣтномъ доровaніи.

Большая-же часть «предварительнаго» періода литературной дѣятельности Сергѣя Тимофеевича, говоря ариѳметически-$^{9}/_{10}$ ея, имѣетъ непосредственное отношеніе къ театру и къ вкусу того кружка, къ которому Аксаковъ крѣпко привязался, благодаря своей страсти въ декламаціи. Въ этомъ кружкѣ господствовали ложно-классическіе вкусы, для этого кружка законодателемъ литературы былъ Буало, и вотъ молодой литераторъ садится за переводъ его сатиръ, сначала десятой (1821 г.), а затѣмъ восьмой (1829 г.), хотя ѣдкость всего менѣе уже была удѣломъ мягкосердечнаго Сергѣя Тимофеевича. Этому-же кружку, всѣ члены котораго, начиная съ «почтеннѣйшаго друга Ѳедора Ѳэдоровича Кокошкина» (такъ гласило посвященіе перевода X сатиры Буало) и кончая Шаховскимъ, Верстовскимъ, Загоскинымъ и Писаревымъ, были чиновниками московской театральной дирекціи, этому-же кружку, хотѣли мы сказать, нужны

были пьесы для постановки и опять Сергѣй Тимофеевичъ являетс къ его услугамъ: берется за нелегкій трудъ стихотворнаго перевод «Школы Мужей» Мольера (1819 г.) и за прозаическій «Скупого (1828 г. *). Наконецъ этому-же кружку, въ виду ожесточенных нападокъ на него Полевого, понадобился защитникъ въ текуще журналистикѣ и Сергѣй Тимофеевичъ берется пособить горю: он уговариваетъ Погодина, издававшаго въ концѣ двадцатыхъ годов «Московскій Вѣстникъ» и отъ времени до времени и безъ тог удѣлявшаго мѣсто театральнымъ статейкамъ Аксакова, завести осо бое «Драматическое прибавленіе», которое сплошь однимъ Сергѣем Тимофеевичемъ и писалось.

Обозрѣвая всю эту театральную часть литературной дѣятельност Сергѣя Тимофеевича, не можемъ не повторить опять, что для вся кого другого она была-бы довольно почтена. Такъ, переводы Буал хотя и не отличаются особенными тонкостями, но вполнѣ удовле творительны. Переводъ «Школы Мужей» представляетъ шагъ впе редъ по сравненію съ «Филоктетомъ» и понятно почему. Въ «Фи локтетѣ» слогъ торжественный и мѣстами, благодаря Лагарповским вставкамъ, напыщенный, въ «Школѣ Мужей»—простой и естест веный. Еще лучше прозаическій переводъ «Скупого» и опять по нятно почему: помимо простоты и естественности содержанія Сер гѣй Тимофеевичъ могъ тутъ пустить въ ходъ обыкновенную разго ворную рѣчь, которою онъ владѣлъ съ такимъ великимъ совершен ствомъ. Что касается, наконецъ, театральныхъ статеекъ, то изоби луя множествомъ безвкусицъ, преклоненіемъ напр. предъ пустым водевилями Писарева, и главнымъ образомъ представляя собою ряд чисто-репортерскихъ отмѣтокъ объ игрѣ актеровъ, онѣ все-таки по рою проводятъ мысли довольно замѣчательныя. Такъ, Аксаковъ не однократно совѣтовалъ актерамъ играть по возможности просто ближе къ дѣйствительной жизни. Для тѣхъ временъ, когда рыкані и завываніе Каратыгина давало тонъ актерской техникѣ, подобны совѣтъ былъ рѣшительно въ диковинку. Много и другихъ весьм дѣльныхъ совѣтовъ давалъ Сергѣй Тимофеевичъ современнымъ ак терамъ, и тѣ ихъ очень цѣнили, о чемъ даже разъ печатно заявилі когда рецензентъ «Моск. Телеграфа» Ушаковъ въ одной полемиче ской статьѣ написалъ, что московскіе актеры не обращаютъ внима нія на указанія Аксакова.

*) Ни «Школа Мужей», ни «Скупой» своевременно напечатаны не были впервые появляются въ свѣтъ въ недавнемъ полномъ собраніи сочиненій Сергѣ Тимофеевича. Давали-же ихъ на сценѣ по рукописи.

Такимъ образомъ въ совокупности и получается то, что мы уже разъ сказали по поводу поздняго разцвѣта таланта Сергѣя Тимофеевича, именно, что еще до появленія его «настоящихъ» произведеній онъ успѣлъ занять довольно видное мѣсто среди московскихъ литераторовъ двадцатыхъ годовъ. Но, конечно, вмѣстѣ съ этими литераторами онъ потонулъ-бы въ рѣкѣ забвенія, еслибы въ началѣ тридцатыхъ годовъ въ условіяхъ духовной жизни его не произошлобы важныхъ измѣненій, выведшихъ, наконецъ, его талантъ изъ спертаго воздуха московскихъ кулисъ на широкую дорогу изображенія дѣйствительной жизни.

Къ началу тридцатыхъ годовъ кругъ знакомства Сергѣя Тимофеевича становится рѣшительно инымъ. Умираетъ Писаревъ, стушевывается Кокошкинъ и Шаховской, и съ однимъ только добродушнымъ Загоскинымъ, который, къ тому-же, въ это время и самъ отъ мелкихъ театральныхъ пьесъ переходитъ къ болѣе широкой области историческаго романа, Аксаковъ по прежнему ведетъ тѣсную дружбу. Но уже дружбу чисто-личнаго свойства. Въ идейномъ-же отношеніи Сергѣй Тимофеевичъ начинаетъ подпадать подъ вліяніе молодого университетскаго кружка. Ближайшими къ нему людьми становятся теперь талантливый шеллингистъ Павловъ, отзывчивый Погодинъ, умный и ядовитый Надеждинъ и, наконецъ, собственный первенецъ его—восторженный, ученый, переживавшій тогда свой Strum und Drang Periode—Константинъ Сергѣевичъ. Сергѣй Тимофеевичъ любовно подчинялся высокодаровитому сыну, который такъ сильно превосходилъ его и ученостью, и широтою мышленія. Сынъ въ свою очередь платилъ отцу безконечною привязанностью, съ образчиками которой мы ближе познакомимся при біографіи Константина Сергѣевича, и въ результатѣ получалось необыкновенно гармоничное общеніе. Главныя выгоды его выпали на долю Сергѣя Тимофеевича, который впервые за 40 лѣтъ своей жизни попалъ, наконецъ, въ атмосферу серьезныхъ умственныхъ и общественныхъ интересовъ. Весь великій расколъ русской общественной мысли, которымъ ознаменовывается конецъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, вся исторія выдѣленія славянофильства и западничества происходитъ, благодаря сыну, на глазахъ и даже въ домѣ Сергѣя Тимофеевича. Не могло же все это пройти безслѣдно для умственнаго развитія его.

Какъ для человѣка съ дарованіемъ беллетристическимъ, наиболѣе благотворнымъ послѣдствіемъ перемѣны умственной атмосферы, которою теперь началъ дышать Сергѣй Тимофеевичъ, была близость къ Гоголю. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что продолжай Аксаковъ вращаться въ кружкѣ прежнихъ своихъ знако-

мыхъ и этой близости-бы не было. Извѣстно, что къ Гоголю дурно относились не только самые старинные литературные друзья Сергѣя Тимофеевича—разные ископаемые приверженцы Шишковскихъ теорій, но почти вся тогдашняя литература. Еще люди добродушные, въ родѣ послѣдняго изъ прежнихъ знакомцевъ Сергѣя Тимофеевича—Загоскина, просто не понимали Гоголя, но большинство литераторовъ прямо возненавидѣло малороссійскаго «шута», когда публика начала зачитываться его «сказками». Исключеніе составлялъ молодой московскій университетскій кружокъ какъ въ професорской своей части, такъ еще болѣе въ своей студенческой части, группировавшейся около проходившихъ тогда университетскій курсъ' Константина Аксакова, Станкевича и Бѣлинскаго. Въ своихъ неоконченныхъ воспоминаніяхъ о Гоголѣ Сергѣй Тимофеевичъ прямо говоритъ, что только одна московская университетская молодежь и прозрѣла сразу, что въ лицѣ Гоголя народился геніальный писатель.

Во главѣ этихъ молодыхъ энтузіастовъ шелъ Константинъ Сергѣевичъ, сразу повысившій температуру отношеній, завязавшихся въ началѣ тридцатыхъ годовъ между домомъ Сергѣя Тимофеевича и Гоголемъ до точки, которой они никогда-бы не достигли, если-бы домъ Аксаковыхъ имѣлъ своимъ представителемъ одного только степеннаго и уже пожилого тогда Сергѣя Тимофеевича. Константинъ Аксаковъ относился къ Гоголю съ такимъ молитвеннымъ восторгомъ, что заражалъ имъ рѣшительно всѣхъ окружающихъ, и въ результатѣ автора «Вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки» такъ тепло принимали въ домѣ Сергѣя Тимофеевича, такъ баловали и окружали всякаго рода предупредительностью, что и онъ, въ свою очередь, не могъ не платить такимъ-же отношеніемъ. Цѣлыхъ двадцать лѣтъ, съ 1832 до самой смерти Гоголя, тянулась эта дружба, поддерживаемая и личными сношеніями, и перепиской и вообще всякаго рода духовнымъ общеніемъ. Въ домѣ Сергѣя Тимофеевича Гоголь обыкновенно читалъ въ первый разъ свои новыя произведенія, и въ свою очередь Сергѣй Тимофеевичъ Гоголю первому читалъ свои беллетристическія произведенія еще въ то время, когда ни онъ самъ, ни его окружающіе не подозрѣвали въ немъ будущаго знаменитаго писателя.

Близость съ Гоголемъ до страннаго скоро подѣйствовала на сообщеніе литературной дѣятельности Сергѣя Тимофеевича направленія діаметрально-противоположнаго тому, котораго онъ до того держался. Есть между беллетристическими произведеніями Сергѣя Тимофеевича небольшой очеркъ «Буранъ». На ряду съ «Семейной Хроникой» этотъ очеркъ не имѣетъ особеннаго значенія, хотя напи-

санъ прекраснымъ слогомъ и съ интересомъ читается. Но для того времени, когда «Буранъ» появился, для 1834 года, онъ имѣлъ рѣшительныя литературныя достоинства, лучшимъ доказательствомъ чего можетъ служить нижеслѣдующая исторія, съ большимъ злорадствомъ разсказанная Сергѣемъ Тимофеевичемъ, когда онъ въ концѣ 50-хъ годовъ включалъ «Буранъ» въ отдѣльное изданіе своихъ сочиненій.

Въ 1833 г. извѣстный ученый и другъ Гоголя—Максимовичъ, затѣялъ альманахъ «Денницу» и обратился къ Аксакову съ просьбою что-нибудь написать для него. Просьба эта нѣсколько затруднила Сергѣя Тимофеевича, очень занятаго тогда работами по преобразованію Межевого Института.

«Я по истинѣ не имѣлъ свободнаго досуга», сообщаетъ онъ, «но обѣщаніе Максимовичу надо было исполнить. Хотя прошло уже шесть лѣтъ, какъ я оставилъ Оренбургскій край, но картины лѣтней и зимней природы его были свѣжи въ моей памяти. Я вспомнилъ страшныя, зимнія метели, отъ которыхъ и самъ бывалъ въ опасности и даже одинъ разъ ночевалъ въ стогѣ сѣна; вспомнилъ слышанный мною разсказъ о пострадавшемъ обозѣ — и написалъ «Буранъ». Я находился тогда (какъ и всегда) въ враждебныхъ литературныхъ отношеніяхъ съ издателемъ «Московскаго Телеграфа», а издатель «Денницы» былъ съ нимъ коротко знакомъ, участвовалъ прежде въ его журналѣ и потому могъ надѣяться, что его альманахъ будетъ встрѣченъ въ «Телеграфѣ» благосклонно. Благосклонный отзывъ «Телеграфа» имѣлъ тогда важное значеніе въ читающей публикѣ и былъ очень нуженъ для успѣшнаго расхода книги. Я очень хорошо зналъ, что помѣщеніе моей статьи возбудитъ гнѣвъ г. Полевого и повредитъ «Денницѣ». Брань издателя «Телеграфа» для меня была не новость: я давно уже былъ къ ней совершенно равнодушенъ; но, не желая вредить успѣху «Денницы», я далъ мою статейку съ условіемъ — не подписывать своего имени, съ условіемъ, чтобы никто, кромѣ г. Максимовича, не зналъ, что «Буранъ» написанъ мною. Условіе было соблюдено въ точности. Когда «Денница» вышла въ свѣтъ, «Московскій Телеграфъ» расхвалилъ ее и особенно мою статейку. Рецензентъ «Телеграфа» сказалъ, что это «мастерское изображеніе зимней вьюги въ степяхъ Оренбургскихъ» и что, «если это отрывокъ изъ романа или повѣсти, то онъ поздравляетъ публику съ художественнымъ произведеніемъ». Не ручаюсь за буквальную точность приводимыхъ мною словъ, но именно въ такомъ смыслѣ и въ такихъ выраженіяхъ былъ напечатанъ отзывъ «Телеграфа». Какова-же была досада г-на Полевого, когда онъ узналъ имя сочинителя статьи! Онъ едва не поссорился за это съ издателемъ «Денницы». Я помню, что одинъ изъ общихъ нашихъ знакомыхъ, большой охотникъ дразнить людей, преслѣдовалъ г. Полевого похвалами за его благородное безпристрастіе къ своему извѣстному врагу. Положеніе вышло затруднительное: издателю «Московскаго Телеграфа» нельзя было признаться, что онъ не зналъ имени сочинителя, нельзя и отступиться отъ своихъ словъ, и г. Полевой долженъ былъ молча глотать эти позолоченныя пилюли, то есть слушать похвалы своему благородному безпристрастію».

Разсказывая эту исторію, Сергѣй Тимофеевичъ такъ увлекся злорадствомъ, что совершенно не замѣтилъ какой прекрасный аттестатъ онъ выдаетъ литературному вкусу своего недруга. Отнестись

къ неподписанной никакимъ громкимъ литературнымъ именемъ маленькой статьѣ съ такими похвалами, значитъ дѣйствительно обладать даромъ значительной литературной проницательности. И не будь Сергѣй Тимофеевичъ такъ озлобленъ на Полевого, онъ, можетъ быть, увидѣлъ-бы тутъ, что въ распрѣ между его кружкомъ и издателемъ «Моск. Телеграфа» литературная правда, т. е. вопросъ о томъ, кто изъ споривших партій болѣе представлялъ собою литературныя потребности и литературный прогрессъ эпохи, была не на сторонѣ друзей Сергѣя Тимофеевича. Насъ, впрочемъ, во всей исторіи съ «Бураномъ» интересуетъ совсѣмъ другое, именно то, что какихъ-нибудь 5—6 страничекъ могли обратить на себя вниманіе. Значитъ въ нихъ было нѣчто такое, что выдвигало ихъ надъ литературнымъ уровнемъ времени.

И дѣйствительно, въ нихъ было нѣчто совсѣмъ новое сравнительно съ литературными вкусами тридцатыхъ годовъ, было нѣчто, что покамѣсть въ «изящной словестности» того времени представлялось однимъ Гоголемъ—*обращеніе къ живой дѣйствительности.*

Въ разсказѣ Сергѣя Тимофеевича о «Буранѣ» чрезвычайно характерно то, что онъ «не имѣлъ свободнаго досуга» и потому далъ Максимовичу *только* воспоминаніе о дѣйствительномъ случаѣ. Имѣй онъ, значитъ, свободное время и онъ бы далъ Максимовичу что нибудь «солидное» по литературнымъ вкусамъ своихъ прежнихъ пріятелей—какой-нибудь переводъ изъ Буало, какую-нибудь идилію, басню, поэму.

Такимъ образомъ теоретически Сергѣй Тимофеевичъ продолжалъ еще жить старыми литературными традиціями своими, но безсознательно онъ всецѣло принадлежалъ уже новому направленію, внесенному Гоголемъ и удивительно подходившему къ характеру его таланта. При всей своей относительной незначительности, «Буранъ»—первое изъ произведеній Сергѣя Тимофеевича, гдѣ чувствуется хорошій писатель, первое, гдѣ вы видите, что исключительно реалистическое дарованіе автора нашло, наконецъ, свое настоящее примѣненіе. Въ общемъ ансамблѣ произведеній Сергѣя Аксакова «Буранъ», конечно, занимаетъ слишкомъ второстепенное мѣсто, чтобы къ нему прилагать какіе-нибудь особенно громкіе эпитеты, но такъ какъ въ немъ слѣдуетъ цѣнить литературный поворотъ, новизну литературнаго метода, то по поводу «Бурана» безъ всякаго риторизма можно сказать, что Аксаковъ, пріобщившійся къ новому направленію, внесенному Гоголемъ, точно Антей, приложившійся къ землѣ, нашелъ въ себѣ новыя силы, которыя вывели его наконецъ на настоящую дорогу.

Во всей дальнѣйшей своей литературной дѣятельности Аксаковъ уже не сворачивалъ съ пути, на который его натолкнулъ Гоголь. Освободившись отъ поглощавшей все его время службы въ Межевомъ Институтѣ, Сергѣй Тимофеевичъ уже въ 1840 г. началъ набрасывать «Семейную Хронику», которая, впрочемъ, въ окончательномъ видѣ появилась только въ 1856 г. Отрывки-же изъ нея были безъ имени автора напечатаны въ «Моск. Сборникѣ» 1846 г. Гоголь, какъ мы уже выше сказали, первый узналъ про эти отрывки и первый оцѣнилъ по достоинству ихъ высокія литературныя достоинства, прямо вытекавшія изъ того, что авторъ глубоко захватилъ живую, реальную дѣйствительность.

Публика-же впервые познакомилась съ удивительно-жизненнымъ талантомъ Сергѣя Аксакова по охотничьимъ книгамъ его—«Запискамъ объ уженьѣ рыбы», появившимся въ 1847 г.—«Запискамъ ружейнаго охотника Оренбургской губерніи», поивившимся въ 1852 г. и «Разсказамъ и воспоминаніямъ охотника»,—появившимся въ 1855 г.

«Записка объ уженьѣ рыбы», «Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи» и «Разсказы и воспоминапія охотника» это не тѣ «Записки» или «Разсказы охотника», въ родѣ Тургеневскихъ напр., гдѣ охота играетъ роль аксессуара, нужнаго для того, чтобы удобнѣе преподнести читателю ту или другую романическую исторію, будто-бы наблюденную или подслушанную авторомъ-охотникомъ. Нѣтъ, по основнымъ авторскимъ намѣреніемъ и по самому характеру выполненія обѣ охотничьи книги Сергѣя Тимофеевича имѣли цѣли самыя незатѣйливыя и непосредственныя. И это, не смотря на то, что при сочиненіи второй своей звѣроловной книжки «Записокъ ружейнаго охотника», авторъ изъ неожиданнаго *литературнаго* успѣха «Записокъ объ уженьѣ рыбы», изъ тѣхъ единодушныхъ похвалъ, которыя были вызваны чисто *художественными* сторонами ихъ, не могъ, конечно, не понять, что въ немъ кроется серьезное писательское дарованіе. Всякій другой на его мѣстѣ навѣрное увлекся-бы, не удержался бы въ скромныхъ предѣлахъ разныхъ техническихъ указаній и совѣтовъ объ охотѣ. Но Сергѣй Тимофеевичъ не поддался искушенію и зная, напр., за собою мастерское умѣніе рисовать картины природы, не злоупотребилъ этимъ умѣніемъ и давалъ ихъ какъ разъ въ томъ количествѣ, въ какомъ оно требовалось ходомъ изложенія. И вотъ почему вторая охотничья книга его сохранила главную прелесть первой — простоту, непосредственность и свѣжесть.

Строго говоря, охотничьи книги Сергѣя Тимофеевича для современнаго читателя имѣютъ мало значенія и даже прямо скучны. Въ

литературѣ конца сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ, которая до того знала Сергѣя Тимофеевича какъ автора мелкихъ журнальныхъ статеекъ, плохихъ стиховъ и посредственныхъ переводовъ, и «Записки объ уженіи рыбы» и «Записки ружейнаго охотника» были очень пріятнымъ сюрпризомъ. Для читателя тѣхъ лѣтъ, приступавшаго къ обѣимъ этимъ книгамъ въ надеждѣ узнать что-нибудь о пискаряхъ и куликахъ и вдругъ натыкавшагося на первоклассныя описанія природы, на чуднымъ языкомъ изложенныя и ярко, выпукло набросанныя характеристики представителей животнаго царства, для такого читателя охотничьи книги Сергѣя Тимофеевича были цѣннымъ литературнымъ пріобрѣтеніемъ и могли служить источникомъ большого художественнаго наслажденія. Но для читателя позднѣйшаго времени, который имѣетъ въ своемъ распоряженіи «Семейную Хронику», гдѣ есть всѣ качества, придающія обаяніе «Запискамъ» объ уженьи рыбы и ружейнаго охотника и гдѣ, кромѣ того, есть много другихъ первоклассныхъ достоинствъ, а главное гдѣ все это не разбросано рѣдкими оазисами среди десятковъ страницъ, наполненныхъ скучными техническими подробностями, а скомпоновано въ одинъ цѣльный, гармоничный художественный разсказъ, для этого позднѣйшаго читателя, говоримъ мы, нѣтъ надобности читать охотничьи книги Сергѣя Тимофеевича, такъ какъ «Семейная Хроника» даетъ ему полное представленіе о всѣхъ сторонахъ духовной физіономіи ея автора.

Но такая точка зрѣнія не можетъ имѣть мѣста въ исторіи литературы, не можетъ также назваться подходящей для литературной критики, которая, выше всего, правда, цѣнитъ въ каждомъ авторѣ умѣніе сливать всѣ стороны художественнаго творчества въ одно гармоническое цѣлое, но которую, вмѣстѣ съ тѣмъ, прежде всего интересуетъ *размахъ* таланта.

Съ послѣдней точки зрѣнія охотничьи «записки» Аксакова несомнѣнно должны быть признаны весьма замѣчательными литературными произведеніями, въ которыхъ великое умѣніе живописать словами проявилось весьма ярко. А еще болѣе въ нихъ проявился тотъ художественный пантеизмъ, та способность,

Съ природою жизнью одною дышать

которая дается весьма немногимъ избранникамъ.

Такъ, если мы присмотримся къ Аксаковскому пейзажу, намъ въ немъ сразу бросится въ глаза одно изъ самыхъ высокихъ достоинствъ какъ литературнаго, такъ и живописнаго пейзажа—полное отраженіе авторской личности и авторскаго настроенія. И въ живописи и въ литературѣ пейзажъ самъ по себѣ совершенно не интересенъ.

По существу его можетъ замѣнить фотографія и естественная исторія. Художественное же значеніе пейзажъ имѣетъ лишь по стольку, по скольку онъ прочувствованъ, по скольку читателю становится яснымъ то настроеніе, которое охватывало автора, когда онъ наблюдалъ природу, по скольку природа, сама по себѣ безразличная и холодная, прошедши чрезъ нравственное существо наблюдателя-творца, оживляется имъ и становится явленіемъ не только физическаго, но и духовнаго міра.

На первыхъ-же страницахъ «Записокъ объ уженьѣ рыбы» Аксаковъ самъ очень ясно формулировалъ то настроеніе, которое его охватываетъ при созерцаніи природы:

«Чувство природы», говоритъ онъ, «врожденно намъ, отъ грубаго дикаря до самаго образованнаго человѣка. Противу-естественное воспитаніе, насильственныя понятія, ложное направленіе, ложная жизнь—все это стремится заглушить мощный голосъ природы, и часто заглушаетъ, или даетъ искаженное развитіе этому чувству. Конечно, не найдется почти ни одного человѣка, который былъ бы совершенно равнодушенъ къ такъ называемымъ красотамъ природы, то есть: къ прекрасному мѣстоположенію, живописному далекому виду, великолѣпному восходу или закату солнца, къ свѣтлой мѣсячной ночи, но это еще не любовь къ природѣ: это любовь къ ландшафту, декораціямъ, къ призматическимъ переломленіямъ свѣта; это могутъ любить люди самые черствые, сухіе, въ которыхъ никогда не зарождалось или совсѣмъ заглохло всякое поэтическое чувство: за то ихъ любовь этимъ и оканчивается. Приведите ихъ въ таинственную сѣнь и прохладу дремучаго лѣса, на равнину необозримой степи, покрытой тучною, высокою травою; поставьте ихъ въ тихую, жаркую лѣтнюю ночь на берегъ рѣки, сверкающей въ тишинѣ ночнаго мрака, или на берегъ соннаго озера, обросшаго камышами; окружите ихъ благовоніемъ цвѣтовъ и травъ, прохладнымъ дыханіемъ водъ и лѣсовъ, неумолкающими голосами ночныхъ птицъ и насѣкомыхъ, всею жизнью творенія: для нихъ тутъ нѣтъ красотъ природы, они непоймутъ ничего! Ихъ любовь къ природѣ внѣшняя, наглядная: они любятъ картинки и то не надолго; смотря на нихъ, они уже думаютъ о своихъ пошлыхъ дѣлишкахъ и спѣшатъ домой въ свой грязный омутъ, въ пыльную душную атмосферу города, на свои балконы и террасы, подышать благовоніемъ загнившихъ прудовъ въ ихъ жалкихъ садахъ или вечерними испареніями мостовой, раскаленной дневнымъ солнцемъ... Но Богъ съ ними; деревня, не подмосковная, далекая деревня, — въ ней только можно чувствовать полную, неоскорбленную людьми жизнь природы. Деревня, миръ, тишина, спокойствіе! Безъискуственность жизни, простота отношеній! Туда бѣжать отъ праздности, пустоты и недостатка интересовъ; туда же бѣжать отъ неугомонной, внѣшней дѣятельности, мелочныхъ, своекорыстныхъ, хлопотъ, безплодныхъ, безполезныхъ, хотя и добросовѣстныхъ мыслей, заботъ и попеченій! На зеленомъ, цвѣтущемъ берегу, надъ темной глубью рѣки или озера, въ тѣни кустовъ, подъ шатромъ исполинскаго осокоря, или кудрявой ольхи, тихо трепещущей своими листьями въ свѣтломъ зеркалѣ воды, на которомъ колеблются или неподвижно лежатъ наплавки ваши, — улягутся мнимыя страсти, утихнутъ мнимыя бури, разсыплются самолюбивыя мечты, разлетятся несбыточныя надежды! Природа вступитъ въ вѣчныя права свои, вы услышете ея голосъ, заглушенный на время

суетней, хлопотней, смѣхомъ, крикомъ и всей пошлостью человѣческой рѣч
Вмѣстѣ съ благовоннымъ, свободнымъ, освѣжительнымъ воздухомъ, вдохнете в
въ себя безмятежность мысли, кротость чувства, снисхожденіе къ другимъ и да
къ самому себѣ. Непримѣтно, мало-по-малу, разсѣется это недовольство собо
эта презрительная недовѣрчивость къ собственнымъ силамъ, твердости воли
чистотѣ помышленій — эта эпидемія нашего вѣка, эта черная немочь души, чу
дая здоровой натурѣ русскаго человѣка, но заглядывающая и къ намъ за грѣ
наши...

Мы не станемъ утверждать, чтобы очерченное здѣсь настроен обнимало всѣ роды настроеній, которыя возможны для тонко-чу ствующаго созерцателя, но въ данномъ случаѣ Аксаковъ и не в ступаетъ въ роли критика-эстетика, а передаетъ свои личныя ощ щенія. Ему, напр., съ его патріархально-добродушнымъ складом характера пріятны такія моменты въ жизни природы:

«Полдневное уженье на лодкѣ имѣетъ, по крайней мѣрѣ для меня, своего ро совершенно особенную прелесть. Для многихъ она покажется непонятною; для мн гихъ даже невыносимы палящіе лучи лѣтняго, полдневнаго солнца, которое, отр жаясь въ водѣ, дѣйствуетъ съ удвоенною силою; но я всегда любилъ и любл жары нашего кратковременнаго лѣта...

«Пышетъ знойный полдень. Совершенная тишина. Не колыхнетъ зелены какъ весенній лугъ, широкій прудъ, затканный травами, точно спитъ въ отл гихъ берегахъ своихъ; камыши стоятъ неподвижно. Материкъ и чистые о травъ протоки блестятъ, какъ зеркала: все остальное пространство воды скво проросло разновидными водяными растеніями. То яркозеленые, то темноцвѣтн листья стелются по водѣ, но глубоко ушли корни ихъ въ тинистое дно; бѣлыя желтыя водяныя лиліи, цвѣтъ лопуховъ, попросту называемые кувшинчиками, красные цвѣточки темной травы, торчащіе надъ длинными вырѣзными листьями разнообразятъ зеленый коверъ покрывающій поверхность пруда. Какая роскош тепла! Какая нѣга и льгота тѣлу! Какъ пріятна близость воды и возможность осв жить ею лицо и голову! Рыбѣ также жарко: она какъ-будто сонная стоитъ по тѣнью травъ. Завидя лакомую пищу, только на мгновенье лѣниво выплываетъ о на чистыя мѣста, пронзаемыя солнечными лучами, хватаетъ добычу и спѣши подъ зеленые свои навѣсы».

Приведенная только что картинка, при всей незначительност своего объема, даетъ полное представленіе о художественной манер которой держится Аксаковъ при воспроизведеніи картинъ природь Чтобы лучше освѣтить ее, мы приведемъ небольшую цитату из рецензіи, написанной Тургеневымъ въ 1853 г. по поводу «Записок ружейнаго охотника». Со многими частностями этой рецензіи трудн согласиться, но въ ней очень знаменательна *экспертиза* Тургенева этого великаго мастера рисовать картины природы.

«Блестящія риторическія описанія», говорилъ онъ, «краснорѣчивыя разрисовк представляютъ гораздо меньше затрудненій, чѣмъ настоящія, теплыя и живы описанія; несравненно легче сказать утесу — что онъ *хохочетъ*, молніи, что он

фосфорическая змѣя, чѣмъ поэтически ясно передать намъ величавость утеса надъ моремъ или рѣзкую вспышку молніи. И оно понятно; ничего не можетъ быть труднѣе человѣку, какъ отдѣлиться отъ самого себя и вдуматься въ явленія природы... Бываютъ тонко развитыя, первическія, раздражительно — поэтическія личности, которыя обладаютъ какимъ-то особеннымъ воззрѣніемъ на природу, особеннымъ чутьемъ ея красотъ; онѣ подмѣчаютъ многіе оттѣнки, многія часто почти неуловимыя частности, и имъ удается выразить ихъ иногда чрезвычайно счастливо, мѣтко и граціозно; правда, большія линіи картины отъ нихъ ускользаютъ, либо онѣ не имѣютъ довольно силы, чтобы схватить и удержать ихъ. Про нихъ можно сказать, что имъ болѣе всего доступенъ запахъ красоты, и слова ихъ душисты. Частности у нихъ выигрываютъ на счетъ общаго впечатлѣнія. Къ подобнымъ личностямъ не принадлежитъ г. Аксаковъ, и я очень этому радъ. Онъ не подмѣчаетъ ничего необыкновеннаго, ничего такого, до чего добираются немногіе; но то, что онъ видитъ, видитъ онъ ясно и твердой рукой, сильной кистью пишетъ стройную и широкую картину. Мнѣ кажется, что такого рода описанія ближе къ дѣлу и вѣрнѣе».

Повторяемъ еще разъ, въ этомъ отзывѣ въ высшей степени знаменательна экспертиза Тургенева. Именно отъ автора «Бѣжина луга», гдѣ описанія природы носятъ тотъ «нервическій» характеръ, о которомъ была рѣчь въ только-что приведенной цитатѣ, именно отъ представителя манеры совсѣмъ иной и интересно услышать, что умѣніе изображать природу съ тою, на первый взглядъ столь легкой и каждому беллетристу доступною, *простотою*, съ какою ее изображалъ Сергѣй Тимофеевичъ, есть по существу искусство великое и даръ очень рѣдкій. И если вспомнить, что въ концѣ 40-хъ годовъ никто еще въ литературѣ того времени не возвышался до такой удивительной простоты, то художественное значеніе ея должно, конечно, удвоится. Лучшимъ доказательствомъ этого значенія могутъ служить сохранившіяся указанія о томъ, что самъ великій творецъ «Мертвыхъ душъ» поддался вліянію охотничьихъ записокъ Аксакова. И дѣйствительно, во второй части геніальной «поэмы» Гоголя есть мѣста, общимъ колоритомъ замѣчательно напоминающія звѣроловныя книжки Сергѣя Тимофеевича [1]).

Переходя отъ природы неодушевленной къ одушевленной, отъ Аксаковскаго пейзажа къ Аксаковскимъ куличкамъ, тетеревамъ, плотичкамъ, щукамъ, головлямъ, язямъ и т. д., составляющимъ непосредственный предметъ охотничьихъ записокъ разсматриваемаго нами писателя, мы въ ихъ характеристикахъ, прежде всего, опять встрѣчаемся съ тѣмъ полнымъ отсутствіемъ какихъ-бы то ни было вычурностей, которое въ свое время такъ выдвинуло писательскую манеру Сергѣя Тимофеевича. А между тѣмъ тутъ соблазнъ былъ еще большій, чѣмъ при описаніяхъ природы, потому что самъ по себѣ пейзажъ для большинства публики, все-

[1]) Подробнѣе объ этомъ будетъ сказано въ статьѣ о Гоголѣ.

таки, гораздо интереснѣе, чѣмъ кулички и пискари и вслѣдствіе этого меньше нуждается въ какихъ-нибудь спеціальныхъ разцвѣчиваніяхъ. Всякій другой на мѣстѣ Аксакова, если-бы хотѣлъ заинтересовать читателя куликами и пискарями, уже навѣрное прибѣгъ-бы или къ разсказамъ о какихъ-нибудь необыкновенныхъ охотничьихъ случаяхъ, или къ уподобленіямъ и сближеніямъ психологіи животныхъ и людей, какъ это дѣлаютъ даже очень хорошіе писатели, или наконецъ къ чему-нибудь иному изъ разряда «эффектнаго».

Но Сергѣй Тимофеевичъ предпочелъ взять другимъ—тѣмъ необыкновеннымъ обиліемъ подробностей, которое въ результатѣ привело къ чрезвычайно выпуклымъ, рельефнымъ изображеніямъ. Подробностей, конечно, не естественно-научныхъ, которыя можно набрать сколько угодно въ любомъ руководствѣ по зоологіи, а художественныхъ, для уловленія которыхъ требуется тонкая художественная наблюдательность и тѣсно всегда съ нею связанная художественная память. Безспорно, въ извѣстной степени Сергѣй Аксаковъ обиліемъ деталей, которое придаетъ такую сочность его птичьимъ и инымъ звѣринымъ характеристикамъ, обязанъ своей долголѣтней охотничьей опытности. Но несомнѣнно, однако-же, что съ помощью одной охотничьей опытности и безъ руководительства художественнаго такта, онъ-бы наплодилъ только безъ разбора сложенную кучу подробностей, весьма, можетъ быть, высокой технической цѣнности, но совсѣмъ не замѣчательныхъ съ точки зрѣнія литературной. Нѣтъ, Сергѣй Тимофеевичъ не всѣ извѣстныя ему подробности выложилъ читателю. Какъ художникъ высокой пробы, онъ взялъ только подробности безусловно характерныя, только тѣ подробности, которыя обрисовываютъ индивидуальность каждой описываемой имъ птицы, рыбы или звѣря и оттого его характеристики такъ выпуклы и ярки, оттого его охотничьи записки представляютъ собою не собраніе замѣтокъ досужаго охотника, а высоко замѣчательную галлерею звѣриныхъ *портретовъ*. И если вспомнить, что такихъ портретовъ у него цѣлыя сотни и что для каждаго изъ этихъ портретовъ нашлись у него новыя опредѣленія, новые эпитеты и новыя живописующія слова, то нельзя, конечно, не придти въ изумленіе предъ такимъ огромнымъ художественнымъ богатствомъ, предъ такою роскошью художественныхъ средствъ, которая можетъ быть удѣломъ только высокаго дарованія. Невольно намъ по данному поводу приходитъ на умъ разговоръ съ однимъ изъ самыхъ выдающихся современныхъ беллетристовъ нашихъ по поводу одной повѣсти, въ которой авторъ выводитъ подъ рядъ двѣнадцать женщинъ, описывая при этомъ ихъ наружность. Собесѣдникъ нашъ находилъ, что такая задача до нельзя сложна и трудна.

Нарисовать портретъ птицы или животнаго, какъ живописцу, такъ и беллетристу, едва-ли легче, чѣмъ нарисовать портретъ человѣка. Вотъ почему мы и привели нашъ разговоръ съ выдающимся беллетристомъ. Не сомнѣваемся, что если онъ двѣнадцать портретовъ призналъ задачею сложною и трудною, то сотню портретовъ уже прямо назвалъ-бы дѣломъ первокласснаго таланта. Въ сотняхъ портретовъ есть тысячи подробностей. Уже для того, чтобы подсмотрѣть ихъ, уже для того, чтобы подмѣтить, чѣмъ отличается полетъ одной птицы отъ полета десятковъ другихъ птицъ, какъ хохлится клинтухъ и какъ дубоноска, на что похожъ крикъ тетерева и на что крикъ дрозда, какъ хватаетъ приманку ершъ и какъ жерехъ и т. д. и т. д. уже для того, говоримъ мы, чтобы подмѣтить всѣ эти *отнюдь не относящіяся до естественной исторіи* подробности нужно въ высокой степени обладать тѣмъ, что называется художественнымъ глазомъ и что составляетъ основу художественной памяти, которая, въ свою очередь, составляетъ одну изъ главныхъ основъ всякаго художественнаго дарованія. А для того, чтобы съумѣть точно передать эти сотни и тысячи оттѣнковъ и такимъ образомъ создать сотни и тысячи различныхъ другъ отъ друга характеристикъ, для всего этого нужно обладать тою полною гармоніею чувствованій и способовъ ихъ выраженія, которая, опять таки, составляетъ удѣлъ только первоклассныхъ талантовъ, нужно обладать тѣмъ словеснымъ богатствомъ, тѣмъ обиліемъ глаголовъ и именъ существительныхъ, которое дается только первокласснымъ мастерамъ слова. Возьмемъ, въ самомъ дѣлѣ, первый попавшійся отрывокъ изъ охотничьихъ записокъ Аксакова:

«На вѣтвяхъ деревъ, въ чащѣ зеленыхъ листьевъ, и вообще въ лѣсу, живутъ пестрыя красивыя, разноголосныя, безконечно разнообразныя породы птицъ; токуютъ глухіе и простые тетерева, пищатъ рябчики, хрипятъ на тягахъ вальдшнепы, воркуютъ, каждая по своему, всѣ породы дикихъ голубей, взвизгиваютъ и чокаютъ дрозды, заунывно-мелодически перекликаются иволги, стонутъ рябыя кукушки, постукиваютъ, долбя деревья, разноперые дятлы, трубятъ желны, трещатъ сойки, свиристели, лѣсные жаворонки, дубоноски и все многочисленное, крылатое, мелкое пѣвчее племя наполняетъ воздухъ разными голосами и оживляетъ тишину лѣсовъ...»

На пространствѣ нѣсколькихъ строкъ здѣсь употреблено болѣе десяти различныхъ, опредѣляющихъ различные оттѣнки птичьяго крика, глаголовъ, изъ которыхъ большинство не составляетъ обычнаго въ такихъ случаяхъ опредѣленія, (какъ напр. токованіе по отношенію къ глухарямъ и воркованіе по отношенію къ голубямъ), а спеціально придуманы самимъ Сергѣемъ Тимофеевичемъ, чтобы болѣе точно передать разновидности птичьихъ голосовъ.

На подобное-же словесное богатство читатель натыкается буквально на каждой страницѣ охотничьихъ записокъ Сергѣя Тимофеевича. Академія Наукъ въ настоящее время предпринимаетъ, начавъ съ Ломоносова, изданіе словарей языка нашихъ классическихъ писателей. Не сомнѣваемся, что если когда-нибудь дойдетъ очередь до Сергѣя Аксакова, то словарь его языка будетъ одинъ изъ самыхъ полныхъ, одинъ изъ самыхъ обильныхъ тонкими и разнообразными оттѣнками. И будетъ этотъ словарь богатъ и обиленъ, конечно, не отвлеченными словами, а конкретными, нужными для обрисовки реальныхъ качествъ и свойствъ. Словомъ, будетъ это словарь истиннаго художника, говорящаго не аллегоріями и тропами, а образами и картинами.

Чтобы покончить съ звѣроловными книжками Сергѣя Тимофеевича, намъ остается отмѣтить, что, помимо только что указанныхъ сторонъ, свидѣтельствующихъ объ истинно-художественномъ методѣ и истинно-художественныхъ средствахъ разсматриваемаго нами теперь писателя, въ его охотничьихъ запискахъ есть нѣчто такое, что уже представляетъ собою не только одинъ матеріалъ для сужденія о характерѣ и размахѣ таланта, а кое-что болѣе цѣнное въ художественномъ отношеніи. Это — общій колоритъ звѣроловныхъ книжекъ Сергѣя Тимофеевича, ихъ удивительная свѣжесть и непосредственность, дѣйствующая обаятельно даже и теперь, не смотря на сорокъ лѣтъ, прошедшихъ со времени ихъ появленія въ свѣтъ. Тутъ, впрочемъ, и старѣться нечему. Старѣютъ типы, вывѣтриваются настроенія, теряютъ прелесть новизны идеи. Но природа и впечатлѣніе, которое она производитъ на воспріимчиваго наблюдателя, болѣе или менѣе всегда одни и тѣ же. И вотъ почему какъ читателя сороковыхъ, такъ и читателя восьмидесятыхъ годовъ охватываетъ при ознакомленіи съ звѣроловными книжками Сергѣя Тимофеевича одно и тоже ощущеніе какого-то благоуханія. Вы точно сами начинаете вдыхать и запахъ степей, и освѣжающую прелесть весенняго утра, вы точно вмѣстѣ съ «ружейнымъ охотникомъ» входите подъ мистическую сѣнь полнаго таинственныхъ шумовъ лѣса и на васъ самихъ спускается то общее чувство необыкновеннаго умиротворенія, ради котораго авторъ такъ радъ былъ всегда убѣжать изъ душной городской жизни и броситься въ объятія чуждой мелкихъ треволненій жизни природы.

Охотничьи «Записки» Сергѣя Тимофеевича имѣли огромный успѣхъ. Имя автора, до сихъ поръ извѣстное лишь литературнымъ пріятелямъ его, прогремѣло по всей читающей Россіи. Его изложеніе было признано

образцомъ прекраснаго стиля, его описанія природы—дышущими поэзіей, его звѣриныя характеристики — мастерскими портретами. «Въ вашихъ птицахъ больше жизни, чѣмъ въ моихъ людяхъ» говорилъ ему Гоголь. Какъ относился Тургеневъ мы можемъ судить по приведенному выше мнѣнію его объ Аксаковскомъ пейзажѣ.

Ободренный такимъ неожиданнымъ успѣхомъ, Сергѣй Тимофеевичъ, одною ногою уже стоявшій въ гробѣ, дѣятельно взялся за перо и явился передъ публикой съ цѣлымъ рядомъ новыхъ произведеній. Относительно выбора сюжетовъ у него сомнѣній не могло теперь быть. Ему было достаточно ясно, что литературные лавры, не дававшіеся ему въ теченіи всей предыдущей шестидесятилѣтней жизни, теперь выпали на его долю единственно за то, что бросивши совершенно неподходящую для основныхъ свойствъ его таланта область выдумки, онъ началъ черпать литературный матеріалъ изъ богатаго запаса непосредственныхъ чувствъ своихъ и непосредственно видѣннаго имъ. И вотъ онъ берется за воспоминанія, какъ литературнаго, такъ, главнымъ образомъ, семейнаго характера. Въ результатѣ получился рядъ статей и очерковъ, частью напечатанныхъ въ журналахъ, частью въ первый разъ предложенныхъ публикѣ въ книгѣ, появившейся въ 1856 г. подъ заглавіемъ «Семейная хроника и воспоминанія».

Успѣхъ «Семейной хроники» превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія автора. Въ печати тѣхъ лѣтъ говорилось, что со временъ «Мертвыхъ душъ» ни одно литературное произведеніе не возбудило столько вниманія. Яркимъ свидѣтельствомъ этого успѣха можетъ служить небольшая выдержка, которую мы сейчасъ приведемъ изъ статьи, писанной Добролюбовымъ въ 1858 году по поводу «Дѣтскихъ годовъ Багрова-внука», составляющихъ вторую часть «Семейной Хроники». Какъ читатель увидитъ сейчасъ, Добролюбовъ относился къ Сергѣю Тимофеевичу нѣсколько насмѣшливо и неблагожелательно, но тѣмъ цѣннѣе, значитъ, его свидѣтельство.

«Ровно два года тому назадъ», писалъ критикъ «Современника», «всѣ журналы полны были восторженными похвалами художественному таланту г. Аксакова, обнаруженному имъ въ «Семейной Хроникѣ». Авторитетъ С. Т. Аксакова установился съ тѣхъ поръ незыблемо. Его нѣкоторые поставили главою современной русской литературы, и этому никто не думалъ противорѣчить, исключая г. К. С. Аксакова, который въ началѣ прошлаго года, обозрѣвая въ «Русской Бесѣдѣ» современную нашу литературу, выразилъ мнѣніе, діаметрально противоположное взглядамъ поклонниковъ С. Т. Аксакова. Именно, г. К. С. Аксаковъ объявилъ, что С. Т. Аксаковъ не только не есть глава современной русской литературы, но даже вовсе и не принадлежитъ къ ней, а стоитъ какъ-то «совершенно особнякомъ». Должно полагать, впрочемъ, что этотъ, столь неблаго-

пріятный, отзывъ вызванъ былъ болѣе потребностью сказать и здѣсь хоть что-нибудь въ пику западникамъ, превозносившимъ «Семейную Хронику», нежели дѣйствительнымъ желаніемъ отнять С. Т. Аксакова у современной русской литературы. Какъ бы то ни было, въ послѣдніе два года С. Т. Аксаковъ, по признанію всѣхъ своихъ поклонниковъ, занялъ безспорно первое мѣсто въ ряду русскихъ писателей. Этого мало: художественныя достоинства произведеній С. Т. Аксакова были такъ ярки, что обратили вниманіе многихъ на нравственныя качества самого автора и доставили ему всеобщее уваженіе, уже просто какъ человѣку; поразительное доказательство этого уваженія мы видѣли недавно въ студентахъ казанскаго университета, праздновавшихъ свой университетскій юбилей. Но еще болѣе разительный примѣръ представили петербургскіе студенты: задумавши издавать «Сборникъ» своихъ ученыхъ трудовъ, они сочли долгомъ испросить на это одобреніе г. Аксакова, и были въ великомъ восторгѣ, когда авторъ «Семейной Хроники» одобрилъ ихъ намѣреніе издавать ученый сборникъ. Вскорѣ послѣ этого одинъ студентъ, писавшій въ «Молву» письма о томъ, что онъ «Молвѣ» очень сочувствуетъ, а петербургскихъ журналовъ не терпитъ за то, что они ограничиваются случайными воззрѣніями своихъ случайныхъ сотрудниковъ, этотъ самый студентъ, отъ лица всего петербургскаго университета, называлъ С. Т. Аксакова другомъ человѣчества и русскаго народа и даже *«мѣриломъ истины и справедливости»*.

Вернувшись черезъ нѣсколько мѣсяцевъ къ Сергѣю Тимофеевичу по поводу литературныхъ воспоминаній послѣдняго, Добролюбовъ опять повелъ рѣчь объ успѣхѣ «Семейной Хроники» и хотя на этотъ разъ еще насмѣшливѣе относился къ нему, но опять сообщалъ подробности успѣха, которыми мы воспользуемся:

«Изданіе «Семейной Хроники» встрѣчено было съ такимъ восторгомъ, какого говорятъ, не бывало со времени появленія «Мертвыхъ Душъ». Всѣ журналы наполнились статьями о С. Т. Аксаковѣ. Не всѣ критики выказали одинаковую проницательность въ опредѣленіи достоинствъ «Семейной Хроники»; но всѣ одинаково напоминали намъ тѣ времена, въ которыя существовали у насъ россійскіе Пиндары, Мольеры и Вольтеры. Одни изъ критиковъ увѣряли, что С. Т. Аксаковъ по спокойствію и ясности своего міросозерцанія есть не что иное, какъ новый Гомеръ; другіе утверждали, что по удивительному искусству въ развитіи характеровъ онъ скорѣе всего есть русскій Шекспиръ; третьи, гораздо умѣреннѣе, говорили, что С. Т. Аксаковъ есть не болѣе какъ нашъ Вальтеръ Скоттъ. Ниже Вальтеръ Скотта впрочемъ ни одинъ изъ критиковъ не спускался».

Если знать, что Вальтеръ Скоттомъ назвалъ Сергѣя Аксакова Анненковъ въ томъ самомъ «Современникѣ», въ которомъ были напечатаны и приведенныя строки, то читателю станетъ яснымъ, что насмѣшливый тонъ ихъ есть въ данномъ случаѣ ничто иное, какъ та façon de parler, которая установилась въ нашей литературѣ конца 50-хъ годовъ, и что, слѣдовательно, свидѣтельство Добролюбова въ его фактической части тѣмъ въ бóльшей степени цѣнно.

Мы привели выдержку изъ Добролюбова еще по одной причинѣ. Нужно сказать, что если «Семейной Хроникѣ» очень повезло въ отношеніи успѣха и сочувствія публики, то ей совсѣмъ не повезло въ отношеніи дѣльной критики. Водянистая статья Анненкова въ «Современникѣ», еще болѣе водянистыя статьи Шевырева и нѣкоего Н. Г-ва въ «Рус. Бесѣдѣ», вотъ главныя изъ критикъ, вызванныхъ «Сем. Хроникой». Въ ряду этихъ и другихъ незначительныхъ статей, написанныхъ по поводу послѣдняго періода литературной дѣятельности Сергѣя Тимофеевича, мнѣніе Добролюбова о «Семейной Хроникѣ», хотя и мимоходомъ высказанное, пріобрѣтаетъ особенную цѣнность и интересъ. И вотъ почему мы считаемъ нужнымъ поспорить съ нѣкоторыми частностями этого мнѣнія и болѣе всего противъ той ироніи, съ которою даровитый критикъ говоритъ объ утвержденіи Константина Аксакова, что Сергѣй Тимофеевичъ стоитъ особнякомъ въ литературѣ. По нашему мнѣнію, мнѣніе Константина Аксакова не только безусловно вѣрно, но въ извѣстной степени объясняетъ причины успѣха «Семейной Хроники».

Какъ-же, въ самомъ дѣлѣ, не особнякомъ стоитъ она въ литературѣ, когда даже нѣтъ почти возможности подвести ее подъ какой-нибудь опредѣленный типъ литературныхъ произведеній? Что такое представляетъ собою «Сем. Хроника» по формѣ и содержанію? Романъ, повѣсть, мемуары? Ни то, ни другое, ни третье. Въ романѣ или повѣсти даже самаго протокольнаго свойства, выражаясь современной терминологіей, нужна все таки *выдумка*, нужна какая нибудь завязка и развязка. Но ничего подобнаго нѣтъ въ «Сем. Хроникѣ», гдѣ все отъ первой строки до послѣдней есть правдивый разсказъ о событіяхъ, разыгравшихся въ нѣдрахъ Аксаковскаго семейства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, «Семейная Хроника» не есть и мемуары, потому что въ ней, все таки, не строго-историческая, а беллетристическая группировка событій и авторъ фактическую основу дополняетъ подробностями исключительно художественнаго значенія, подробностями *вѣроятно* имѣвшими мѣсто. И выходитъ, слѣдовательно, въ общемъ итогѣ, что уже по внѣшнимъ качествамъ своимъ «Семейная Хроника» произведеніе въ высшей степени своеобразное, ни подъ одинъ изъ обычныхъ разрядовъ литературныхъ произведеній не подводимое и, значитъ, дѣйствительно «особнякомъ» стоящее.

Стоитъ она особнякомъ и другими сторонами своими, которыя становятся ясными при сколько нибудь внимательномъ и непредвзятомъ анализѣ.

Въ этомъ анализѣ мы можемъ быть кратки. Намъ нѣтъ, напр. надобности приводить какія-бы то ни было выдержки: «Сем. Хроника» при-

надлежитъ къ числу тѣхъ составляющихъ гордость русскаго слова литературныхъ произведеній, которыя должны быть знакомы каждому образованному русскому.

Намъ нѣтъ также надобности останавливаться на внѣшнихъ художественныхъ средствахъ «Сем. Хроники», потому что онѣ тѣ-же самыя, что и въ охотничьихъ запискахъ Сергѣя Тимофеевича. Такъ, всѣ особенности Аксаковскаго пейзажа, отмѣченныя нами при разборѣ «Записокъ объ уженьѣ рыбы» и «Записокъ ружейнаго охотника» остались тѣми-же въ «Сем. Хроникѣ». Съ первыхъ-же строкъ «Хроники» васъ охватываетъ та освѣжающая непосредственность Аксаковскихъ описаній природы, которая не можетъ не очаровывать всякаго сколько-нибудь чуткаго къ истинной художественной красотѣ читателя. Уже отъ первой главы «Хроники», въ которой развертывается широкое приволье оренбургскихъ степей, вѣетъ такою бодрящею прелестью, что вы вполнѣ начинаете понимать, почему Степанъ Михайловичъ Багровъ, разъ присмотрѣвшись къ этому благословленному краю, рѣшилъ остаться въ немъ навсегда и не успокоился до тѣхъ поръ, пока не привелъ въ исполненіе трудное дѣло переселенія цѣлой большой деревни. Про сельскіе романы Жоржъ Зандъ и ея описанія сельской жизни французская критика говорила, что они благоухаютъ какимъ-то особеннымъ «parfum des champs». Про «Сем. Хронику» можно сказать, что отъ нея идетъ запахъ нови, запахъ невспаханной, черноземной цѣлины. Анненковъ весьма неудачно сравнилъ Сергѣя Аксакова съ Вальтеръ Скоттомъ. Уже если необходимо съ кѣмъ-нибудь сравнивать Сергѣя Тимофеевича, то его можно сопоставить съ Куперомъ, въ тѣхъ романахъ послѣдняго, гдѣ описываются первобытныя степи американскаго запада. Люди-то, положимъ, совсѣмъ иные у американскаго и русскаго писателя, и быть иной—у одного представители личнаго, у другого рабскаго труда. Но общій колоритъ, все таки богатство даровъ природы, благодаря которой значительно ослабѣваетъ борьба за существованіе и теряетъ свои отвратительныя стороны погоня за наживой, простота отношеній, говорящая о какихъ-то давно уже прошедшихъ временахъ первобытной патріархальности, весь складъ жизни временами носящій чисто-эпическій характеръ, все это вмѣстѣ съ одинаковой стороны трогаетъ «культурнаго» городского жителя и въ романахъ Купера, и въ «Семейной Хроникѣ» Сергѣя Аксакова.

Наряду съ пейзажемъ и общимъ колоритомъ свѣжести и непосредственности, остается неизмѣннымъ въ «Семейной Хроникѣ» и другой элементъ, сообщающій такую высокую художественную цѣнность звѣроловнымъ книжкамъ Сергѣя Тимофеевича—его умѣніе давать яркія и вы

пуклыя характеристики. И какъ въ тѣхъ-же звѣроловныхъ книжкахъ, это умѣніе тоже имѣетъ своимъ источникомъ удивительную беллетристическую память Сергѣя Тимофеевича, пронесшую чрезъ многія десятилѣтія сотни и тысячи характерныхъ подробностей. Само собою разумѣется, что человѣкъ, проявившій поразительную наблюдательность относительно нравовъ птицъ, рыбъ и звѣрей, тѣмъ въ большей степени долженъ былъ проявить ее, когда дѣло коснулось близкихъ ему людей и обстановки, среди которой онъ провелъ наиболѣе впечатлительные годы жизни. И дѣйствительно, число сохранившихся въ памяти Сергѣя Тимофеевича подробностей о помѣщичьей жизни было такъ велико, что въ «Дѣтскихъ годахъ Багрова-внука» оно ему даже сослужило весьма дурную службу, загромоздивъ разсказъ чрезмѣрнымъ множествомъ мелочей. Но въ «Семейной Хроникѣ» именно это поразительное богатство деталей придало всему произведенію удивительную сочность и жизненность. Кто знакомъ съ «Семейной Хроникой» даже только по вошедшему во всѣ хрестоматіи «Доброму дню Степана Михайловича» согласится, конечно, что едва-ли во всей русской литературѣ есть другая болѣе полная физіологическая картина помѣщичьей жизни добраго стараго времени, съ ея удивительною смѣсью симпатичнѣйшаго добродушія и дикаго, подчасъ даже звѣрскаго самодурства. И какъ во всѣхъ истинныхъ шедеврахъ литературы яркость и полнота картинъ и характеристикъ «Сем. Хроники» отнюдь не связана съ болтливостью. Много-ли занимаютъ мѣста портреты добродѣтельнаго деспота Степана Михайловича, безцѣльно-рвущейся куда-то Софьи Николаевны, ея кроткаго и симпатичнаго мужа, наконецъ характерной четы Куролесовыхъ? Какихъ нибудь 1, $1^1/_2$ листа. Да и вся-то «Сем. Хроника» со всею галлереею дѣйствующихъ лицъ ея и со всѣми ея разнообразными событіями, растянувшимися на пространствѣ многихъ лѣтъ, занимаетъ меньше 15 листовъ разгонистой печати. А между тѣмъ какъ все это рѣзко запечатлѣвается въ воображеніи читателя, какъ живо вырисовывается во весь свой ростъ. Такова сила истинно-художественныхъ пріемовъ.

Впрочемъ, не въ однихъ только истинно-художественныхъ пріемахъ «Сем. Хроники» тайна ея чарующаго дѣйствія. Есть въ ней еще нѣчто высоко-привлекательное, то самое, что побуждаетъ насъ думать, что «Сем. Хр.» дѣйствительно «особнякомъ» стоитъ въ литературѣ. Мы говоримъ о своеобразномъ *авторскомъ отношеніи* къ героямъ и событіямъ «Хроники», благодаря которому читатель разогрѣвается съ первыхъ-же строкъ и становится, слѣдовательно, воспріимчивѣе къ содержанію повѣствованія.

Присмотримся ближе къ этому авторскому отношенію.

Когда вышла въ свѣтъ «Семейная Хроника» и чрезъ 2 года ея продолженіе—«Дѣтскіе годы Багрова-внука», критика, столь единодушная въ похвалахъ таланту автора, совершенно разошлась въ пониманіи внутренняго смысла самыхъ произведеній. Такъ, славянофилы увидѣли въ «Семейной Хроникѣ» богатое подтвержденіе своихъ взглядовъ на «истинно-русскія» стороны нашей жизни. «Объ Аксаковѣ» писалъ Хомяковъ въ своей статейкѣ о только-что скончавшемся тогда Сергѣѣ Тимофеевичѣ «было сказано въ «Русской Бесѣдѣ», что онъ первый изъ нашихъ литераторовъ взглянулъ на нашу жизнь съ положительной, а не отрицательной точки зрѣнія. Это правда».

Совсѣмъ иное находили другіе критики. Пропуская промежуточныя мнѣнія, отмѣтимъ комментаріи Добролюбова. Какъ извѣстно, сотрудникъ «Современника» написалъ по поводу матеріала, даваемаго «Сем. Хр.» и ея продолженіемъ, одну изъ тѣхъ статей, гдѣ методъ основателя публицистической критики—всюду находить основаніе для выводовъ общественнаго характера — проявился особенно ярко. Озаглавивъ статью «Жизнь деревенскаго помѣщика въ старые годы», Добролюбовъ нарисовалъ съ помощью Аксаковскихъ фактовъ такую мрачную картину «добраго стараго времени», которая всего менѣе говорила о «положительной точкѣ зрѣнія», усмотрѣнной «Рус. Бесѣдой» и Хомяковымъ. Два, три мѣста, взятыя изъ статьи даровитаго критика покажутъ общій тонъ выводовъ, къ которымъ онъ пришелъ. Такъ по поводу «всего, что описываетъ намъ г. Аксаковъ» Добролюбовъ находитъ возможнымъ сказать:

«Неразвитость нравственныхъ чувствъ, извращеніе естественныхъ понятій, грубость, ложь, невѣжество, отвращеніе отъ труда, своеволіе, ничѣмъ не сдержанное, — представляются намъ на каждомъ шагу въ этомъ прошедшемъ, теперь уже странномъ, непонятномъ для насъ и, скажемъ съ радостью, невозвратномъ».

«Грустно становится, когда раздумаемся объ этихъ временахъ, которыхъ остатки существовали еще такъ недавно», читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ.

И наконецъ, въ числѣ заключительныхъ аккордовъ, критикъ восклицаетъ: «Да, всѣ эти поколѣнія, прожившія свою жизнь даромъ, на счетъ другихъ — всѣ они должны были-бы почувствовать стыдъ, горькій стыдъ, при видѣ самоотверженнаго, безкорыстнаго труда своихъ крестьянъ. Они должны бы были вдохновиться примѣромъ этихъ людей и взяться за дѣло, съ полнымъ сознаніемъ, что жизнь тунеядца презрѣнна и что только трудъ даетъ право на наслажденіе жизнью. А они не совѣстились присвоить себѣ это наслажденіе, отнимая его у другихъ. Горькое, тяжелое чувство сдавливаетъ грудь при воспоминаніи о давно минувшихъ несправедливостяхъ и насиліяхъ»...

Какъ видите, не много «положительнаго» усмотрѣлъ въ писаніяхъ Сергѣя Тимофеевича критикъ прогрессивнаго лагеря.

Можно, конечно, сказать, что причина такого діаметрально-противоположнаго пониманія именно въ томъ и заключается, что оно принадлежало критику прогрессивнаго лагеря, придиравшемуся ко всему, что могло-бы подкрѣпить его тенденціи. Можно, затѣмъ, также припомнить исторію Островскаго, драмы котораго послужили поводомъ для неменѣе разнорѣчивыхъ толковъ. Извѣстно, что тотъ-же Добролюбовъ въ своемъ знаменитомъ «Темномъ царствѣ» опредѣлялъ значеніе произведеній Островскаго, какъ произведеній по существу *обличительныхъ* и исключительно гуманныхъ, гуманныхъ безъ всякаго тенденціознаго желанія прославлять «истинно-русскія» начала жизни, будто бы сохранившіяся въ патріархальномъ быту московскаго купечества. Между тѣмъ ближайшіе литературные сверстники Островскаго и сотоварищи—члены такъ называемой «молодой редакціи» журнала «Москвитянинъ» видѣли значеніе Островскаго именно въ томъ, что онъ будто-бы далъ положительную картину истинно «русскихъ» нравовъ.

И тѣмъ не менѣе аналогіи съ литературной исторіей «Семейной Хроники» тутъ нѣтъ никакой. Нельзя-же забыть, что Островскій по самому существу той формы, въ которую отливалось его творчество, не могъ быть субъективнымъ и говорить отъ себя что-нибудь такое, что дало-бы поводъ въ томъ или другомъ направленіи истолковывать его намѣренія. «Семейная-же Хроника» полна лиризма и авторскаго субъективизма. Слѣдовательно, здѣсь какія-бы то ни было тенденціозныя извращенія критики весьма опасны и тотчасъ-же могутъ быть изобличены.

Нѣтъ, въ томъ-то и дѣло, въ томъ-то и своеобразіе писательской личности Сергѣя Тимофеевича, что «Хроника» его, вполнѣ оправдывая собою опредѣленіе Хомякова и будучи, дѣйствительно, произведеніемъ *положительнаго* характера, въ тоже время вполнѣ оправдываетъ и мрачные выводы Добролюбова. Нельзя вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, закрывать глаза на такіе отвратительные факты, какъ то напр., что старикъ Багровъ за косы таскалъ свою старуху-жену и позволялъ себѣ цѣлый рядъ другихъ проявленій самаго азіятскаго самодурства, такъ талантливо сгруппированныхъ Добролюбовымъ въ одну яркую картину самаго *отрицательнаго* свойства. Все это безобразіе, съ какой угодно точки зрѣнія вы тутъ не подойдете, славянофильской или западнической, консервативной или либеральной.

Было-бы, однакоже, отсутствіемъ всякаго чутья, если-бы мы на основаніи *обличительныхъ фактовъ повѣствованія* Сергѣя Тимофеевича причислили-бы его къ разряду *обличительныхъ повѣствователей*. Сергѣй Тимофеевичъ и обличительный писатель—трудно себѣ представить

нѣчто болѣе противоположное другъ другу! Обличительный писатель ненавидитъ предметъ обличенія, а авторъ «Семейной Хроники» глубоко любитъ всѣхъ героевъ и полонъ горячихъ чувствъ не только по отношенію къ симпатичному и для другихъ самодуру Степану Михайловичу, но даже склоненъ усмотрѣть кое-какія привлекательныя стороны въ звѣрѣ—Куролесовѣ.

И вотъ въ этомъ-то горячемъ, *чисто-родственномъ* отношеніи Сергѣя Тимофеевича къ героямъ «Семейн. Хроники» и заключается во первыхъ причина того, что «Хроника» должна быть отнесена къ разряду произведеній положительнаго характера и во вторыхъ причина того, что она совершенно особнякомъ стоитъ въ ряду произведеній съ *непосредственно*-литературными цѣлями и задачами. Совсѣмъ у нея особый генезисъ и совсѣмъ особая, вслѣдствіе этого, литературная физіономія.

Какъ, въ самомъ дѣлѣ, зарождается каждое произведеніе съ непосредственно-литературными цѣлями? Данный авторъ, почувствовавъ въ себѣ достаточный запасъ творческихъ силъ и творческаго настроенія облюбовываетъ извѣстный *сюжетъ* и затѣмъ по роду своего таланта и литературнымъ вкусамъ обрабатываетъ его въ духѣ той или другой литературной школы—реалистическомъ, идеалическомъ или какомъ-нибудь иномъ. Главная цѣль его при этомъ—будущее впечатлѣніе читателя. Рѣчь тутъ, конечно, идетъ не объ томъ, чтобы *угодить* читателю и написать, слѣдовательно, что-нибудь такое, что имѣетъ цѣлью подладиться подъ его вкусъ. Нѣтъ, если мы возьмемъ даже высоко-идеальнаго въ нравственномъ отношеніи художника, руководствующагося только тѣмъ, что ему говорятъ требованія истиннаго искусства, то и такой художникъ непремѣнно долженъ имѣть въ виду будущее впечатлѣніе читателя отъ созданнаго имъ произведенія, такъ какъ основная задача искусства и тайна всякаго таланта въ томъ именно и состоитъ, чтобы передать читателю или зрителю, если дѣло идетъ о картинѣ, то настроеніе, которое завладѣло художникомъ въ моментъ зачатія художественнаго произведенія.

Совсѣмъ иная исторія происхожденія «Сем. Хроники» и совсѣмъ иныя задачи были у автора ея.

Въ Сергѣѣ Тимофеевичѣ сидѣло два весьма мало похожихъ другъ на друга существа: весьма посредственный *литераторъ*, выросшій въ очень дурной литературной школѣ и чрезвычайно-замѣчательный *человѣкъ*, умный, сердечный, впечатлительный. Когда устами Сергѣя Тимофеевича говорилъ литераторъ, получалось всегда нѣчто весьма невысокаго полета и весьма мало любопытное. Но стоило ему только забыть о своемъ лите-

раторствѣ и стать *самимъ собою* и точно по мановенію волшебнаго жезла скучный литераторъ превращался въ первостепеннаго художника. Такъ было со звѣроловными книжками его, такъ было и съ «Сем. Хроникой». Когда Сергѣй Тимофеевичъ приступалъ къ «Запискамъ объ уженьи рыбы», онъ не только не подозрѣвалъ, что въ результатѣ получится высоко-замѣчательное литературное произведеніе, но не думалъ даже вовсе о томъ, что создаетъ нѣчто относящееся къ литературѣ. Онъ просто хотѣлъ дать рядъ замѣтокъ чисто-утилитарнаго, практическаго значенія, замѣтокъ самыхъ непритязательныхъ, на обнародываніе которыхъ имѣетъ право всякій грамотный человѣкъ. Но именно эта-то безпритязательность и сослужила ему великую службу, совершенно отодвинувъ на второй планъ плохого и скучнаго литератора и выдвинувъ на первый наблюдательнаго и тонко-чувствующаго *человѣка*. Безпритязательность дала свободный исходъ тѣмъ обаятельнымъ и художественно-замѣчательнымъ сторонамъ непосредственно-человѣческой личности Сергѣя Тимофеевича, которыя навѣрное не обнаружились-бы, еслибы онъ задался цѣлью создать нѣчто литератуное. Въ литературу мы всегда являемся принарядившись, съ приподнятымъ душевнымъ строемъ и потому рѣдко бываемъ самими собою. Сергѣй-же Тимофеевичъ, къ счастью, именно только самимъ собою и явился въ звѣроловныхъ книжкахъ своихъ, а потомъ въ «Сем. Хроникѣ». Онъ творилъ тутъ поистинѣ безсознательно, благодаря чему скрытыя и задавленныя дурнымъ литературнымъ сообществомъ сокровища духа его и могли увидѣть свѣтъ Божій. Онъ приступалъ къ описанію лѣса напр. всего только затѣмъ, чтобы разсказать какъ въ немъ прячется дичь, къ описанію лѣтняго дня на рѣкѣ затѣмъ, чтобы разсказать какъ клюетъ тогда рыба. Но такъ какъ при всѣхъ этихъ описаніяхъ не только воскресала въ истинно-художественномъ воображеніи его вся картина лѣса или панорама рѣки, но воскресало также и то впечатлѣніе, которое его чуткая въ красотѣ душа испытывала, погружаясь въ лѣсную чащу или наблюдая зеркальную поверхность накаленной воды, то въ итогѣ «дѣловое» описаніе превращалось въ согрѣтый поэтическимъ одушевленіемъ пейзажъ. Тутъ, значитъ, человѣкъ приходилъ на помощь литератору, неожиданно расширялъ намѣченныя рамки и, благодаря высокому духовному строю своему, превращалъ задуманную первоначально какъ техническое пособіе книжку въ художественное произведеніе.

Вполнѣ аналогичное явленіе представляетъ собою «Сем. Хроника». И въ ней авторская личность, авторское отношеніе къ изображаемымъ имъ лицамъ необыкновенно дополняетъ непосредственный разсказъ, и въ ней тѣсное переплетеніе писателя и человѣка значительно содѣйствуетъ общему впечатлѣнію. Конечно, нельзя отрицать того, что когда Сергѣй

Тимофеевичъ приступалъ къ окончательной обработкѣ «Сем. Хроники» [1]) онъ уже не былъ тѣмъ безсознательнымъ художникомъ, какимъ былъ тогда брался за составленіе охотничьихъ книжекъ своихъ. Если не собственное сознаніе, то, во всякомъ случаѣ, восторги критики должны были ему разъяснить, что у него въ распоряженіи всѣ тѣ художественныя средства, которыми создаются крупныя литературныя произведенія. И уже въ самомъ выборѣ предмета повѣствованія, въ сознательномъ направленіи своего таланта на почву живой дѣйствительности тоже, несомнѣнно, сказывается, что Сергѣй Тимофеевичъ окончательно понялъ свое литературное назначеніе, окончательно разорвалъ съ дурными традиціями своего литературнаго прошлаго.

И тѣмъ не менѣе, онъ при созданіи «Сем. Хр.» столь-же мало былъ похожъ на заправскаго писателя, какъ и при составленіи звѣроловныхъ книжекъ. Если онъ теперь и сознавалъ, что изготовляетъ непосредственно-литературное произведеніе, то, все-же таки, онъ совсѣмъ не имѣлъ въ виду то настроеніе будущаго читателя, о которомъ мы говорили выше и которымъ руководствуются всѣ другіе художники-писатели. Если онъ теперь и не работалъ надъ книжкой такого уже скромнаго назначенія, какъ «Записки объ уженьи рыбы», то, все таки, сравнительно съ другими литературными произведеніями, «Сем. Хр.» была крайне безпритязательна. Авторъ не надписывалъ надъ своимъ произведеніемъ многообѣщающаго слово «романъ», онъ не надписывалъ даже болѣе скромнаго обозначенія «повѣсть», онъ безхитростно озаглавливалъ свое описаніе «Отрывками изъ Семейной Хроники» и не бралъ, слѣдовательно, никакой отвѣтственности предъ читателемъ. Понравится, такъ понравится, а не понравится, такъ вѣдь авторъ ничего особенно-привлекательнаго и не обѣщалъ. Такимъ образомъ, онъ не былъ стѣсненъ никакими рамками, могъ вполнѣ отдаваться своимъ непосредственнымъ влеченіямъ, могъ быть вполнѣ самимъ собою. Имъ онъ и былъ при созданіи «Сем. Хр.», ни мало не заботясь о впечатлѣніяхъ будущаго читателя. У Сергѣя Тимофеевича — была совсѣмъ иная, *самодовлѣющая*, такъ сказать, цѣль и руководящая нить — фактическая правда и собственное чувство. Единственное, что онъ имѣлъ въ виду—это желаніе воскресить въ своей памяти картины дѣтства и воспоминанія семейной старины. И вотъ почему какъ Хомяковъ, такъ и Добролюбовъ, не прибѣгая ни къ какимъ натяжкамъ, могли одновременно найдти въ «Сем. Хроникѣ» подтвержденіе

---

[1]) Первыя наброски «Сем. Хр.», какъ было выше сказано, относятся еще къ 1840 г.

діаметрально—противоположныхъ коментаріевъ. Еслибы, въ самомъ дѣлѣ, Сергѣй Тимофеевичъ писалъ беллетристическое произведеніе обыкновеннаго пошиба, онъ бы какъ всякій писатель, руководствуясь желаніемъ создать «цѣльные» типы, навѣрное очень многое выбросилъ-бы изъ дѣйствительныхъ фактовъ аксаковской семейной исторіи, очень многое прибавилъ-бы. Получилась-бы, можетъ быть, тоже «правда», но уже не такая непосредственная. Сергѣй-же Тимофеевичъ, одаренный исключительною способностью воспроизвести только то, что онъ видѣлъ и слышалъ, никакихъ беллетристическихъ закругленій себѣ не позволилъ и если въ результатѣ получилось не столько собраніе типовъ, сколько собраніе портретовъ, то за то уже портретовъ безъ малѣйшихъ прикрасъ, воспроизведенныхъ съ точностью лѣтописнаго сказанія. Вотъ что и дало возможность Добролюбову нарисовать мрачную картину старопомѣщичьей жизни, хотя авторъ «Сем. Хр.» всего менѣе думалъ написать нѣчто обличительное, а напротивъ того, «взглянулъ», говоря словами Хомякова, «на нашу жизнь съ положительной, а не съ отрицательной точки зрѣнія». Въ опредѣленіи Хомякова неточны только выраженія «на нашу жизнь» и «взглянулъ». «Нашу жизнь», т. е. весь строй русской жизни Сергѣй Тимофѣевичъ не имѣлъ вовсе въ виду изображать, онъ хотѣлъ изобразить всего только жизнь своей родной Аксаковки. Не «взглянулъ» онъ также ни съ какой опредѣленной точки зрѣнія, потому что онъ вносилъ въ свою хронику все безъ различія, не обращая вниманія на то, положительно или отрицательно оно характеризуетъ изображаемую имъ жизнь. Но что въ общемъ получилось положительное авторское настроеніе—это несомнѣнно. Описывая самодурство Степана Михайловича, внукъ—авторъ все таки родственно и любовно къ нему относится, изображая непривлекательныя стороны старопомѣщичьей жизни, авторъ, все таки, полонъ любви къ этому быту, какъ къ части самаго себя, какъ къ обстановкѣ, среди которой прошли дорогіе каждому человѣку годы юности. Со всѣми ея недостатками эта жизнь близка ему и люба. Вотъ въ чемъ «положительная» сторона «Сем. Хроники» и вотъ въ чемъ одна изъ главныхъ причинъ ея успѣха. На читателя заразительно дѣйствуетъ теплое отношеніе автора къ предмету повѣствованія, ему сообщается его горячее участіе къ изображаемымъ лицамъ и въ общемъ результатѣ этотъ *личный* элементъ значительно усиливаетъ непосредственно—литературное впечатлѣніе.

Намъ кажется, что такое тѣсное переплетеніе и взаимодѣйствіе личнаго и писательскаго элемента, есть явленіе исключительное и, отнимая у «Сем. Хроники» заправски-литературный характеръ, дѣйствительно ставитъ ее «особнякомъ».

Подтвержденіемъ всего только что сказаннаго могутъ служить «Дѣтскіе годы Багрова-внука», выпущенные Сергѣемъ Тимофеевичемъ въ свѣтъ два года послѣ «Сем. Хр.». Въ нихъ дѣйствуютъ тѣ-же лица, что въ «Сем. Хр.», изображается тотъ-же самый бытъ, авторъ является въ нихъ такимъ-же блестящимъ пейзажистомъ и портретистомъ, наконецъ языкъ «Дѣтскихъ лѣтъ» столь-же поражаетъ своею спокойною величавостью и ненапряженною красотою, какъ въ звѣроловныхъ книжкахъ и «Сем. Хроникѣ» Вотъ почему нѣтъ никакой надобности сколько нибудь подробно останавливаться на «Дѣтскихъ годахъ». Но намъ важно отмѣтить, что тѣмъ не менѣе общее впечатлѣніе, выносимое изъ продолженія «Сем. Хроники» безконечно слабѣе. А почему слабѣе? Да потому, что въ «Дѣтскихъ годахъ» нѣтъ того горячаго личнаго отношенія автора къ предмету повѣствованія, той непосредственности, той наивной прелести которая такъ чаруетъ читателя въ «Сем. Хр.». Очевидно подъ вліяніемъ огромнаго успѣха «Семейной Хроники» и единодушныхъ похвалъ ея непосредственности Сергѣй Тимофеевичъ взялся за продолженіе семейныхъ воспоминаній, *стараясь* при этомъ быть столь-же непосредственнымъ, какъ въ первой серіи своихъ семейныхъ воспоминаній. Но въ такихъ вещахъ стараться нельзя.

«Дѣтскіе годы» имѣли то, что называется succès d'estime. Критика ихъ похвалила, но умѣренно, публика читала, но ужъ совсѣмъ не съ такимъ интересомъ. Еще меньше имѣли успѣха «Литературныя и театральныя воспоминанія». Мы не останавливаемся на ихъ содержаніи, все равно какъ не останавливались на содержаніи тѣхъ статей историко-литературнаго характера (о Шишковѣ, Державинѣ, Шушеринѣ), которыя появились въ одномъ томѣ съ «Сем. Хр.», потому что съ содержаніемъ этихъ воспоминаній мы уже знакомы изъ біографической части настоящей статьи. Скажемъ только, что въ нихъ С. Т. опять является тѣмъ скучнымъ и выросшимъ въ дурномъ литературномъ сообществѣ литераторомъ, котораго онъ подавилъ въ себѣ, когда писалъ звѣроловныя книжки и «Сем. Хронику».

Послѣднее, что напечаталъ С. Т. было начало «Наташи». Судя по началу, повѣсть или вѣрнѣе правдивый разсказъ о замужествѣ сестры автора обѣщалъ быть интереснымъ.

— *Константинъ Сергѣевичъ* †) старшій сынъ Сергѣя Тимофеевича и его жены — урожденной Ольги Семеновны *Заплатиной.* О Сергѣѣ

†) **Біографическія свѣдѣнія:** 1) *М. Погодинъ* въ «Русск. Бесѣдѣ» 1861, кн. II. 2) «Русск. Рѣчь» 1861, № 3. 3) «Совр. Лѣтопись Русск. Вѣстн.» 1861, № 1, стр. 23. 4) *Гильфердингъ* въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1861, № 19. 5) *М. Михайловъ* и *К. Бестужевъ-Рюминъ* въ «Энцикл. Слов.», изданномъ русск. уч. и литерат., томъ II, стр. 392—393. 6) *Г. Г.* «Университетскія воспоминанія» въ «Днѣ», 1863, № 42. 7) *Мюнстеръ,* «Портретная галлерея». 8) *Панаевъ,* «Литературныя воспоминанія» въ разныхъ мѣстахъ. 9) *Свербеевъ,* «Воспоминанія» («Русск. Арх.» 1875, № 1, стр. 69 и № 11, стр. 373). 10) «Иллюстрир. Недѣля» 1875, № 50. 11) *Пыпинъ,* «Бѣлинскій, его жизнь и переписка», въ разныхъ мѣстахъ обоихъ томовъ. 12) «Письма *Бодянскаго* къ Шевыреву» («Русск. Арх.» 1878, № 1, стр. 131; № 5, стр. 61—64; № 6, стр. 206—210, 215, 269). 13) «Русск. Арх.» 1880, т. II, стр. 241—330. 14) *Геннади,* «Справочный Словарь». 15) Словари Толя, Березина, Клюшникова и иностранные Brockhaus'а, Meyer'а и др. 16) «Письма Бѣлинскаго къ К. Аксакову», «Русь», 1881, № 8. 17) «Письма Погодина къ Максимовичу» («Сборн. русск. отд. Акад. Наукъ», 1883, т. XXXI). 18) *Бицынъ* «Воспоминанія о К. С. Аксаковѣ» («Русск. Арх.» 1886, № 3).

Отзывы о литературной дѣятельности: Объ «*Освобожденіи Москвы*»: «Лит. Газ.», 1848, № 21. 2) *М. Погодинъ* въ «Москвит.», 1848, № 5, стр. 27. 3) «Современникъ», 1848, № 5, отд. 3, стр. 49—54. 4) *К. П.* (Ксенофонтъ Полевой?) въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1848, № 105.

Объ «*Олегъ подъ Константинополемъ*»: 1) «Московск. Обозр.» 1859, № 1, отд. 3. стр. 25—26. 2) «Отечеств. Записки» 1859, т. 122, стр. 101—102. 3) «Русское Слово» 1859, № 5, стр. 68—74.

Объ «*О Русскихъ глаголахъ*»: 1) *Ф. Буслаевъ* въ «Отечеств. Записк.» 1855, № 8, отд. 3, стр. 23—46. 2) *И. Срезневскій,* въ «Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ» вып. 7. 3) *Я. Туруновъ* въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1855, № 170. 4) «Современникъ» 1855, № 7.

Объ «*Опытъ русской грамматики*»: 1) «Русскій Инвалидъ» 1860, № 207. 2) «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1860, № 125. 3) «Извѣстія Императорской Академіи Наукъ» 1860, т. 9, вып. I. 3) «*Бывшій учитель*», Замѣчанія на книгу «Опытъ русской грамматики» Спб. 1860. Тип. Н. Греча. 8°. 28 стр. 4) *П. Безсоновъ,* «Предисловіе къ III тому сочиненій К. Аксакова». 5) *Гаттала* (Hattala) въ «Часописѣ» чешскаго музея 60-хъ годовъ.

О «*Полномъ собраніи сочиненій*» и вообще о совокупности литературной дѣятельности К. Аксакова: 1) *Н. Костомаровъ,* «О значеніи критическихъ трудовъ К. Аксакова по русской исторіи» («Русское Слово» 1861, № 2, стр. 1—28 и отд. Спб. 1861. 2) «Современникъ» 1862, № 1 и № 2. Статья подъ заглавіемъ «Московское Словенство». 3) *К. Бестужевъ-Рюминъ,* «Славянофильское ученіе и его судьбы въ русской литературѣ» («Отечественныя Записки» 1862, № 1, 2 и 3). 4) «Время» 1862, № 3, стр. 79—88. 5) *Н. Сѣденцевъ,* «Два слова о Славянофилахъ» («Свѣточъ» 1862, № 7). 6) «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1862, № 13. 7) *Ив. Аксаковъ,* предисловія къ I, II и III томамъ «Полнаго собранія» сочиненій брата. 8) *Пыпинъ,* А., Характеристики литературныхъ мнѣній съ 1820—1850 годовъ. 19) *Пыпинъ,* Константинъ Аксаковъ («Вѣстникъ Европы» 1884, № 3 и 4). 11) *Миллеръ,* Ор. Ученіе первоначальныхъ Славянофиловъ («Русская Мысль» 1880, № 1).

Тимофеевичѣ, отъ котораго страстно любившій его первенецъ наслѣдовалъ размахъ таланта и нравственную чистоту, обстоятельная рѣчь была уже на предъидущихъ страницахъ. Что касается матери, то она тоже не совсѣмъ обыденная женщина, по крайней мѣрѣ по происхожденію. Отецъ ея былъ Суворовскій генералъ, а мать—плѣнная турчанка Игель-Сюмъ. И, можетъ быть, эта-то примѣсь восточной крови сообщила обоимъ знаменитымъ внукамъ турчанки—Константину и Ивану Сергѣевичамъ ту страстность и ту энергію, которую едва-ли они могли унаслѣдовать отъ мягкаго и добродушнаго Сергѣя Тимофеевича.

Внѣшній очеркъ жизни Константина Сергѣевича не сложенъ. Родился онъ 29 Марта 1817 г. въ селѣ Аксаковѣ бугурусланскаго уѣзда, оренбургской губерніи. Аксаково есть то самое Багрово, которое такими привлекательными красками описано въ «Семейной Хроникѣ». Здѣсь К. С. прожилъ до девяти лѣтъ, находясь въ постоянномъ общеніи съ багровскими крестьянами, которые, благодаря благодатнымъ климатическимъ условіямъ богатаго оренбургскаго края, въ интелектуальномъ и нравственномъ отношеніи стояли выше забитаго крестьянства другихъ частей Россіи. И такъ какъ Константинъ Сергѣевичъ отличался необыкновенно раннимъ умственнымъ развитіемъ, то нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что именно идиллическія условія, среди которыхъ прошло дѣтство будущаго восторженнаго проповѣдника необходимости единенія интеллигенціи съ народомъ, и обусловили въ значительной степени оптимистическій взглядъ его на возможность этого единенія. По крайней мѣрѣ, самъ онъ неоднократно ссылался впослѣдствіи на живыя впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ личнаго общенія съ народомъ. Общеніе же это могло имѣть мѣсто только въ раннемъ дѣтствѣ, потому что съ 1826 года Константинъ Сергѣевичъ поселяется вмѣстѣ съ отцемъ въ Москвѣ и живетъ въ ней безвыѣздно въ теченіи почти всей своей жизни.

Первымъ наставникомъ и духовнымъ руководителемъ Константина Аксакова былъ самъ Сергѣй Тимофеевичъ, не мало содѣйствовавшій его раннему восторженному отношенію къ русской литературѣ. Но не особенно долго длилось это руководительство. Уже въ 1832 году пятнадцатилѣтній юноша поступаетъ на словесный факультетъ московскаго университета и попадаетъ въ умственныя теченія весьма мало похожія на тѣ, въ которыя его могъ ввести застрявшій въ путяхъ ложнаго классицизма и мелкихъ театральныхъ интересовъ Сергѣй Тимофеевичъ.

Въ знаменательное время сталъ Константинъ Аксаковъ студентомъ. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ московскій университетъ находился на рубежѣ совершенно новой эпохи, на рубежѣ рѣзкой перемѣны въ про-

фессурѣ и студенчествѣ. Цѣлый рядъ молодыхъ профессоровъ: шеллингистъ Павловъ, основатель новѣйшей русской критики Надеждинъ—учитель и предшественникъ Бѣлинскаго на поприщѣ отрѣшенія отъ колѣнопреклоненія предъ Херасковымъ, Ломоносовымъ и другими устарѣлыми корифеями, Шевыревъ—тогда еще молодой энтузіастъ, только что вернувшійся изъ заграницы и еще не превратившійся въ того сухого педанта, съ которымъ ожесточенно ратоборствовалъ впослѣдствіи кружокъ Бѣлинскаго, Погодинъ, тоже еще молодой и свѣжій,—всѣ эти молодыя силы внесли новый духъ въ университетское преподаваніе, который и не замедлилъ произвести въ немъ радикальныя перемѣны. Вмѣсто прежняго монотоннаго считыванія съ старыхъ тетрадокъ, въ незапамятныя времена заготовленныхъ и изъ года въ годъ, безъ малѣйшихъ перемѣнъ, повторяемыхъ, съ профессорской кафедры послышалось живое слово, стремившееся отразить въ себѣ вѣянія времени, удовлетворить нарождающимся потребностямъ жизни.

Параллельно этимъ перемѣнамъ въ профессорской средѣ происходитъ большая перемѣна и въ московскомъ студенчествѣ. Студентъ изъ бурша превращается въ молодого человѣка, поглощеннаго высшими стремленіями. Прежніе патріархальные нравы, когда московскіе студенты, главнымъ образомъ, занимались пьянствомъ, буйствомъ, задираніемъ прохожихъ мало по малу начинаютъ отходить въ область преданій. Правда, еще въ годъ поступленія Аксакова въ университетъ, студенты забавлялись тѣмъ, что устраивали нѣкоторымъ профессорамъ такія напримѣръ штуки: пронесутъ подъ полою воробья въ аудиторію и затѣмъ, когда профессоръ войдетъ въ пафосъ, выпустятъ его; воробей примется летать, а студенты, будто внѣ себя отъ негодованія, съ шумомъ и гамомъ повскачутъ со скамеекъ и начинаютъ ловить по всей аудиторіи нарушителя порядка.

Но въ общемъ, все таки, эти времена школьничества и незнанія куда дѣть запасъ юношескихъ силъ, рѣшительно проходятъ и замѣняются стремленіемъ къ «солнцу истины», какъ выражается самъ К. Аксаковъ въ своихъ университетскихъ воспоминаніяхъ. Ко времени его пребыванія въ университетѣ относится образованіе среди московскихъ студентовъ тѣсно сплоченныхъ кружковъ молодыхъ юношей, восторженныхъ и чистыхъ, сходящихся затѣмъ, чтобы выяснить себѣ вопросы нравственные, философскіе, политическіе. Какъ разъ во время пребыванія Константина Аксакова въ московскомъ университетѣ между студентами его организовались два кружка, для характеристики которыхъ достаточно сказать, что въ составъ ихъ входили Станкевичъ, поэты Сатинъ, Красовъ и Клюшниковъ, Кетчеръ, Евгеній Коршъ, Вадимъ Пасекъ, Бѣлинскій и самъ Константинъ Аксаковъ, словомъ, почти всѣ члены чрезъ нѣсколько

лѣтъ сплотившагося въ одно московскаго кружка, знаменитаго въ исторіи новѣйшей русской литературы подъ именемъ «кружка Станкевича».

Исторія кружка Станкевича, къ которому въ срединѣ и концѣ тридцатыхъ годовъ непосредственно или косвенно примыкаютъ, кромѣ названныхъ лицъ, такіе люди, какъ Грановскій, Тургеневъ, Кольцовъ, Василій Боткинъ, Катковъ и др., — исторія этого кружка, горѣвшаго святымъ огнемъ стремленія къ правдѣ и являющагося центральнымъ родникомъ для теченій великой эпохи сороковыхъ годовъ, слишкомъ важна и слишкомъ разнообразна, чтобы ее затронуть мимоходомъ. Мы ее отлагаемъ до статьи о высокодаровитомъ юношѣ, давшемъ свое имя цѣлому собранію первоклассныхъ дѣятелей русской мысли, хотя самъ онъ писалъ очень мало и совершенно незначительно. Теперь-же отмѣтимъ только непосредственныя отношенія къ кружку Станкевича Константина Аксакова.

Въ тѣ годы (1833—1840), когда Константинъ Аксаковъ, находясь подъ неотразимымъ обаяніемъ высокой душевной красоты Станкевича и страстныхъ порывовъ къ свѣту Бѣлинскаго, шелъ рука объ руку съ людьми, съ которыми впослѣдствіи вступилъ въ ожесточеннѣйшую борьбу, эти люди съ какимъ-то по истинѣ фанатическимъ увлеченіемъ предались изученію нѣмецкой философіи вообще и Гегеля въ частности.

«Станкевичъ былъ первый послѣдователь Гегеля въ кругу московской молодежи. Онъ изучилъ нѣмецкую философію глубоко и эстетически; одаренный необыкновенными способностями, онъ увлекъ большой кругъ друзей въ свое любимое занятіе» и тѣ, отъ всякаго приходившаго съ ними въ столкновеніе «требовали безусловняго принятія феноменологіи и логики Гегеля и при томъ по ихъ толкованію. Толковали-же они объ нихъ безпрестанно, нѣтъ параграфа во всѣхъ трехъ частяхъ (Гегелевской) логики, въ двухъ его эстетики, энциклопедіи и пр., который бы не былъ взятъ отчаянными спорами нѣсколькихъ ночей. Люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлыя недѣли, не согласившись въ опредѣленіи «перехватывающаго духа», принимали за обиды мнѣнія объ «абсолютной личности и о ея по-себѣ бытіи». Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ, въ нѣсколько дней».

Это увлеченіе гегеліанствомъ порою доходило у членовъ кружка до наивно-трогательныхъ проявленій. Молодые люди такъ преисполнились

ученіемъ берлинскаго философа — что у нихъ «отношеніе къ жизни, къ дѣйствительности, сдѣлалось школьное, книжное, это было то ученое пониманіе простыхъ вещей, надъ которыми такъ геніально смѣялся Гете въ своемъ разговорѣ Мефистофеля со студентомъ. Все въ *самомъ дѣлѣ* непосредственное, всякое простое чувство было возводимо въ отвлеченныя категоріи и возвращалось оттуда безъ капли живой крови, блѣдной, алгебраической тѣнью. Во всемъ этомъ была своеобразная наивность, потому что все это было совершенно искренно. Человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобы отдаваться пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ; и если ему попадался по дорогѣ какой-нибудь солдатъ подъ хмѣлькомъ или баба, вступавшая въ разговоръ, философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народности въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи. Самая слеза, навертывавшаяся на вѣкахъ, была строго отнесена къ своему порядку, къ «гемюту» или къ «трагическому въ сердцѣ»...

Въ ряду этихъ энтузіастовъ гегеліанства одно изъ первыхъ мѣстъ по силѣ приверженности къ ученію берлинскаго философа занималъ Константинъ Аксаковъ, страстная натура котораго не умѣла ничего дѣлать на половину. Гегеліанство, впрочемъ, настолько прочно въ немъ засѣло, что еще долго послѣ того, какъ онъ совершенно разошелся съ друзьями по кружку Станкевича и съ такимъ же пыломъ боролся съ ними, съ какимъ нѣкогда шелъ за одно, онъ, все таки, не могъ отдѣлаться отъ схемы творца діалектической философіи. Такъ, дальше мы увидимъ, что магистерская диссертація Константина Аксакова, относящаяся къ 1846 г., т. е. къ тому времени, когда онъ уже былъ однимъ изъ передовыхъ застрѣльщиковъ славянофильства, является по основной задачѣ своей не болѣе какъ иллюстраціей къ ученію Гегеля о смѣнѣ историческихъ эпохъ и наслоеній.

Заговоривши о гегеліанствѣ кружка Станкевича, необходимо, впрочемъ, также прибавить, что въ ту пору, когда къ нему примыкалъ Константинъ Аксаковъ, кружокъ еще принадлежалъ къ *правой* сторонѣ гегеліанства, т. е. къ той сторонѣ его, которая знаменитую Гегелевскую фразу «все существующее разумно» понимало въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ преклониться предъ существующимъ порядкомъ вещей. Такъ Бѣлинскій, перешедшій съ начала 40-хъ г. въ лѣвое гегеліанство, въ эпоху своего пребыванія въ кружкѣ Станкевича, написалъ извѣстную статейку о «Бородинской годовщинѣ», гдѣ преклоненіе предъ существующимъ порядкомъ вещей дошло до того, что многіе изъ представителей тогдашней оппозиціонной интеллигенціи съ нимъ раззнакомились. Правда, статейка, какъ видно изъ разъ цитированныхъ уже нами воспоминаній, была результатомъ полемическаго раздраженія. Бѣлинскій, разъ усвоивши себѣ

то или другое воззрѣніе, «не блѣднѣлъ ни передъ какимъ послѣдствіемъ, не останавливался ни передъ моральнымъ приличіемъ, ни передъ мнѣніемъ другихъ, котораго такъ страшатся люди слабые и несамобытные: въ немъ не было робости, потому что онъ былъ силенъ и искрененъ; его совѣсть была чиста». Вотъ почему, понявши извѣстнымъ образомъ формулу Гегеля, онъ проповѣдывалъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ «индійскій покой созерцанія и теоретическое изученіе вмѣсто борьбы», проповѣдывалъ съ тою-же лихорадочною страстностью, съ какою черезъ полтора, два года нападалъ на представителей квіетизма и требовалъ активнаго противодѣйствія тяжелымъ общественнымъ условіямъ дореформенной эпохи.

Такимъ образомъ, между фанатическою преданностью основамъ русской жизни, которою знаменуется общественное міросозерцаніе Константина Аксакова въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, и общественными взглядами кружка Станкевича по существу разницы не было. Но тѣмъ не менѣе, самъ-же Константинъ Аксаковъ, составляя въ 1855 г. свои «Университетскія воспоминанія», гдѣ онъ, между прочимъ, довольно подробно распространяется о кружкѣ Станкевича, говоритъ о своемъ пребываніи въ немъ, какъ о фазисѣ давно пережитомъ. Эта постановка совершенно правильна, потому что, избѣгая «либеральничанія и фрондерства», по выраженію К. Аксакова, кружокъ Станкевича, однакоже, представлялъ собою во всѣхъ отношеніяхъ оппозиціонное явленіе. Начиная съ внѣшней формы собранія кружка — этихъ скромныхъ сходбищъ, гдѣ почти никогда не пили вина и истребляли только огромное количество чая и булокъ, и кончая способомъ выраженій, которому давали тонъ «буйныя рѣчи» Бѣлинскаго, тогда уже получившаго отъ пріятелей прозвище «неистоваго Виссаріона», да, такъ начиная съ истинно-демократической, не смотря не присутствіе многихъ баричей, внѣшности собранія кружка и кончая юношески-страстными дебатами, все въ кружкѣ дышало тою свободою отношеній къ обсуждаемымъ предметамъ, о которой не было и помину въ аристократическомъ академизмѣ позднѣйшихъ друзей Константина Аксакова—славянофиловъ. И затѣмъ: «Университетскія воспоминанія», о которыхъ была рѣчь нѣсколько строкъ выше, прямо показываютъ, что при всей своей преданности главнымъ основамъ русской жизни, члены кружка по множеству частныхъ вопросовъ держались направленія совсѣмъ иного, такъ что, давая общую характеристику друзей своей ранней юности, К. Аксаковъ считаетъ возможнымъ сказать о нихъ слѣдующее:

«Въ кружкѣ Станкевича (въ срединѣ 30-хъ годовъ) выработалось уже общее воззрѣніе на *Россію,* на жизнь, на литературу, на міръ — воззрѣніе *большею частью отрицательное.*

Это отрицательное направленіе часто даже шокировало Аксакова, «русское» направленіе котораго ярко опредѣлилось, по свидѣтельству Гильфердинга, еще тогда, когда ему было 9, 10 лѣтъ. Съ болью сердечною вспоминаетъ Конст. Сергѣевичъ о нападкахъ членовъ кружка на многія частности тогдашнихъ порядковъ:

«Одностороннѣе всего» говоритъ онъ «были нападенія на Россію, возбужденныя казенными ей похвалами. Пятнадцатилѣтній юноша, вообще довѣрчивый и тогда готовый вѣрить всему, еще многаго не передумавшій, еще со многимъ не уравнявшійся, я былъ пораженъ такимъ направленіемъ, и мнѣ оно часто было больно; въ особенности больны были мнѣ нападенія на Россію, которую люблю съ самыхъ малыхъ лѣтъ. Но видя постоянный умственный интересъ въ этомъ обществѣ, слыша постоянныя рѣчи о нравственныхъ вопросахъ, я, разъ познакомившись, не могъ оторваться отъ этого кружка и рѣшительно каждый вечеръ проводилъ тамъ».

Но всего ярче отрицательное направленіе кружка выразилось въ вопросахъ чисто-литературныхъ. Вспомнимъ, въ самомъ дѣлѣ, что къ эпохѣ процвѣтанія кружка относятся «Литературныя мечтанія» Бѣлинскаго, гдѣ съ такою безпощадною «дерзостью», по выраженію пришедшихъ въ ужасъ литературныхъ старовѣровъ, было провозглашено, что собственно никакой-то у насъ настоящей литературы и нѣтъ. Вспомнимъ затѣмъ то, что уже было нами отмѣчено въ статьѣ о Сергѣѣ Тимофеевичѣ Аксаковѣ по поводу отношеній послѣдняго къ Гоголю, именно, что первые люди, которые прозрѣли, что въ лицѣ Гоголя народился геніальный писатель, были члены кружка Станкевича и Бѣлинскаго. Поклоненіе Гоголю находится въ непосредственной связи съ общимъ направленіемъ литературныхъ убѣжденій кружка, о которыхъ Аксаковъ сообщаетъ:

«Искусственность россійскаго классическаго патріотизма, претензіи, наполнявшія нашу литературу, усилившаяся фабрикація стиховъ, неискренность печатнаго лиризма, все это породило (въ членахъ кружка) справедливое желаніе простоты и искренности, породило сильное нападеніе на всякую фразу и эффектъ».

И если въ заключеніе мы обратимъ вниманіе на то, что по словамъ К. Аксакова, подтверждаемымъ и всѣми другими многочисленными данными о Станкевичѣ и его друзьяхъ, кружокъ «отличался самостоятельностью мнѣнія, свободною отъ всякаго авторитета», то въ общемъ и выяснится рѣшительно оппозиціонный характеръ его.

И вотъ почему отношенія между К. Аксаковымъ и его университетскими товарищами, въ концѣ концевъ, должны были порваться. Пока этотъ оппозиціонный характеръ былъ присущъ кружку лишь implicite, пока одностороннее пониманіе формулы Гегеля приводило къ такимъ

проявленіямъ, какъ статейка Бѣлинскаго о «Бородинской годовщинѣ», К. Аксаковъ могъ идти рука объ руку съ будущими ожесточенными противниками своими. Но около 1840 года цѣлый рядъ обстоятельствъ приводитъ къ тому, что скрытый оппозиціонный духъ кружка переходитъ въ открытый. Умираетъ, во-первыхъ, Станкевичъ, мягкая натура котораго уравновѣшивала и сдерживала рѣзкія выходки и стремленія другихъ членовъ кружка, а затѣмъ самое главное—наиболѣе близкій къ Константину Аксакову по кружку Станкевича человѣкъ—Бѣлинскій, добравшись въ статейкѣ о «Бородинской годовщинѣ» до кульминаціоннаго пункта своего увлеченія правымъ гегеліанствомъ, круто поворачиваетъ въ противоположную сторону и съ такою-же стремительностью начинаетъ произносить, говоря выраженіемъ К. Аксакова, «буйныя хулы» по адресу понятій, которыми еще не такъ давно восхищался. Не вытерпѣлъ этого Аксаковъ, все болѣе и болѣе начинавшій сближаться, послѣ смерти Станкевича и отъѣзда Бѣлинскаго въ Петербургъ (1839), съ Хомяковымъ, Кирѣевскими, Самаринымъ, прежніе друзья обмѣнялись нѣсколькими рѣзкими письмами и навѣки разстались: К. Аксаковъ пошелъ направо, Бѣлинскій налѣво. У каждаго изъ нихъ при этомъ сердце кровью обливалось. Нужно перечитать напечатанныя въ «Руси» 1881 г. письма Бѣлинскаго къ К. Аксакову (отъ 1837 г.), чтобы понять какая горячая, истинно-братская привязанность соединяла обоихъ идеалистовъ. Но именно потому, что оба они были идеалисты, именно потому, что исканіе правды не было для нихъ высокопарною фразою, а насущною потребностью ихъ высокаго духовнаго существа, именно потому-то разрывъ между ними и сталъ неизбѣженъ какъ только они стали разно понимать истину. «Я по натурѣ жидъ», писалъ Бѣлинскій по поводу своей ссоры съ Аксаковымъ, подразумѣвая подъ этимъ словомъ человѣка съ исключительными симпатіями, которому ненавистно все не свое, который не выноситъ ни малѣйшаго компромисса съ «филистимлянами». Но такимъ-же жидомъ по натурѣ былъ и Константинъ Аксаковъ. Для него тоже не существовало истины вообще, онъ тоже понималъ только *свою* истину, только ту истину, которая окрашена въ любезный ему цвѣтъ, онъ тоже не понималъ какихъ-бы то ни было компромиссовъ, уступокъ, соглашеній. И вотъ почему оба прежніе друзья играютъ однѣ и тѣ-же роли въ тѣхъ лагеряхъ, къ которымъ они окончательно примкнули послѣ разрыва. Съ тою-же необузданностью, съ какою «неистовый Виссаріонъ» выступаетъ передовымъ бойцомъ западничества, Константинъ Аксаковъ выступаетъ передовымъ застрѣльщикомъ славянофильства въ его наиболѣе крайныхъ проявленіяхъ. Онъ первый одѣваетъ на себя мурмолку и первый-же провозглашаетъ, что надо вернуться «домой», т. е. въ допетровскую Русь.

Послѣ разрыва съ Бѣлинскимъ и вообще со старыми друзьями, жизнь Константина Аксакова, и до того бѣдная внѣшними событіями, окончательно укладывается въ тѣ рамки, въ которыхъ онъ ее проводитъ вплоть до самой своей смерти въ 1861 г. Оно и не удивительно, если вспомнить до какой степени К. Аксаковъ былъ человѣкомъ не отъ міра сего и до какой степени онъ душой и тѣломъ ушелъ цѣликомъ въ книжныя занятія, въ чистую и исключительную сферу идей и теоретическихъ построеній, внѣ которыхъ для него буквально ничего не существовало на свѣтѣ.

«Константинъ Аксаковъ», пишетъ Панаевъ въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ, «въ житейскомъ, практическомъ смыслѣ оставался до сорока слишкомъ лѣтъ, то есть до самой смерти своей, совершеннымъ ребенкомъ. Онъ беззаботно всю жизнь провелъ подъ домашнимъ кровомъ и приросъ къ нему, какъ улитка къ родной раковинѣ, не понимая возможности самостоятельной жизни, безъ подпоры семейства. Внѣ своихъ ученыхъ и литературныхъ занятій, онъ не имѣлъ никакого общественнаго положенія. Смерть отца и происшедшая отъ этого перемѣна въ домашнемъ быту вдругъ сломила его несокрушимое здоровье. Онъ не могъ пережить этой потери и перемѣны, и умеръ не только холостякомъ, даже дѣвственникомъ».

При такомъ складѣ жизни и отсутствіи личныхъ интересовъ, біографія К. Аксакова, главнымъ образомъ, есть исторія хода его литературнаго развитія, исторія его литературныхъ и ученыхъ работъ.

Начинается эта научно-литературная дѣятельность Аксакова еще на студенческой скамьѣ и, какъ оно вполнѣ приличествуетъ, для такого энтузіаста и пламеннаго идеалиста,—стихами. Уже на торжественномъ актѣ 1835 г. только что окончившій курсъ 18-лѣтній кандидатъ читаетъ приличные случаю стихи, впослѣдствіи приведенные имъ въ «Университетскихъ воспоминаніяхъ». Вслѣдъ затѣмъ К. Аксаковъ принимаетъ довольно живое участіе (иной разъ подъ псевдонимомъ *К. Эврипидина)* въ тѣхъ журналахъ, въ которыхъ сотрудничалъ Бѣлинскій—«Телескопѣ», «Молвѣ», «Московскомъ Наблюдателѣ». Послѣдній журналъ, какъ извѣстно, одно время (1839—40 гг.) редактировался Бѣлинскимъ и всѣ члены кружка Станкевича дѣятельно въ немъ сотрудничали. Аксаковъ давалъ маленькія рецензіи и стихи, по преимуществу переводы изъ Шиллера и Гете—двухъ поэтовъ, которыми онъ тогда бредилъ, именно потому, что они проповѣдывали *общечеловѣческіе* идеалы.

Въ 1838 г. Аксаковъ поѣхалъ заграницу. Но не долго пробылъ онъ тамъ. Полное неумѣніе жить самостоятельно, чрезъ пять мѣсяцевъ пребыванія въ Германіи, погнало его обратно домой въ родимое гнѣздо, гдѣ на немъ не лежали прозаическія хлопоты жизни и гдѣ онъ могъ погрузиться въ любимыя занятія, не отягощая своихъ думъ такими трудными заботами, какъ пріискиваніе обѣда, уходъ за своимъ туалетомъ и т. д.

Поѣздка заграницу по своей кратковременности прошла почти безслѣдно для К. Аксакова. Сохранился только разсказъ о томъ, что во время пребыванія въ Берлинѣ, онъ первый и послѣдній разъ въ жизни пытался сблизиться съ женщиной. На перекресткѣ одной изъ берлинскихъ улицъ обратила на себя его вниманіе молоденькая продавщица цвѣтовъ. Миловидное личико нѣмочки показалось ему отраженіемъ столь-же привлекательной души. И началъ онъ каждый день приходить на перекрестокъ и покупать по букету, отваживаясь при этомъ сказать продавщицѣ нѣсколько словъ о постороннихъ предметахъ. Продавщица ласково ему отвѣчала и между ними установилась извѣстная интимность. Ободренный молодой человѣкъ началъ все дольше и дольше простаивать у прилавка продавщицы, началъ приносить Шиллера и читать изъ него наиболѣе возвышенныя и трогающія душу мѣста. Нѣмочка внимательно слушала чтеніе и все болѣе и болѣе задумывалась во время его. Восхищенный Аксаковъ съ восторгомъ наблюдалъ это впечатлѣніе высокой поэзіи великаго поэта. Но вотъ въ одно изъ посѣщеній цвѣточной лавочки продавщица ему прямо заявляетъ, что Шиллеръ Шиллеромъ, а что онъ ей отбиваетъ покупателей, что объ его продолжительныхъ посѣщеніяхъ много говорятъ сосѣди и что если онъ хочетъ продолжать знакомство, то ей было-бы желательно получать отъ него что-нибудь посущественнѣе стиховъ, за что, въ свою очередь, она, не требуя отъ него наложенія на себя брачныхъ узъ, готова всецѣло отдаться въ его распоряженіе. Въ ужасѣ слушалъ эти рѣчи упавшій съ неба прямо въ лужу идеалистъ и въ ужасѣ бѣжалъ изъ цвѣточной лавочки, и когда впослѣдствіи пріятели, узнавши отъ него въ минуту откровенности всю исторію, пробовали дразнить его ею, лицо Аксакова перекашивалось отъ внутренняго страданія.

Въ 1847 г. К. Аксаковъ защитилъ диссертацію о Ломоносовѣ, представленную имъ для полученія степени магистра русской словесности. Диссертація была изготовлена гораздо раньше, но при печатаніи встрѣтились цензурныя препятствія. Нѣкоторыя выраженія о Петрѣ и «петербургскомъ періодѣ» показались слишкомъ рѣзкими и книгу пришлось перепечатывать.

Гораздо болѣе трудныя цензурныя препятствія, на этотъ разъ даже непреодолимыя, встрѣтилъ К. Аксаковъ въ началѣ 50-хъ годовъ при обнародованіи нѣкоторыхъ изъ своихъ статей въ «Московскомъ Сборникѣ». Изданіе «Моск. Сборника» было предпринято славянофильскимъ кружкомъ еще въ 1864 г. Въ вышедшемъ тогда томѣ К. Аксаковъ подъ псевдонимомъ *Имрека* помѣстилъ обширную критическую статью, отрывки изъ которой мы приведемъ дальше. Когда въ 1852 г. Сборникъ возобновился, Аксаковъ далъ для него статью «О родовомъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ частности». Но приготовленная имъ для слѣдующаго «Москов. Сборника» (1853 г.) статья о «Богатыряхъ князя Владиміра» своевременно свѣта не увидѣла и была напечатана только въ новое царствованіе. Вызванная ею цензурная буря не должна насъ удивить, если вспомнить эпоху, къ которой она относится. 1853 годъ принадлежитъ къ знаменательному семилѣтію 1848—1855 гг., такъ характерно завершающему собою дореформенную эпоху. Извѣстно, что революціонный ураганъ, пронесшійся надъ Европою 1848 года, но оставившій совершенно въ сторонѣ Россію, вызвалъ, тѣмъ не менѣе, у насъ рядъ мѣръ, которыя уже чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда новое царствованіе замѣнило вѣянія недовѣрія къ общественнымъ силамъ теченіями иного характера, казались странными до анекдотичности. Здѣсь не мѣсто сколько-нибудь подробно останавливаться на подробностяхъ этого удивительнаго семилѣтія. Отмѣтимъ только двѣ, три детали, непосредственно касающіяся Константина Аксакова.

Желая слиться съ народомъ не только духовно, но и наружно, К. Аксаковъ рѣшилъ, что ему слѣдуетъ принять внѣшній народный обликъ Для этого онъ одѣлъ на голову мурмолку, нарядился въ рубашку съ косымъ воротомъ и отпустилъ бороду. Въ послѣднемъ до 1848 г. ничего предосудительнаго не видѣли. Но почти съ первыми-же вѣстями о февральскихъ, мартовскихъ и прочихъ революціонныхъ событіяхъ, началось у насъ гоненіе на бороду. Обильная растительность на головѣ—большая борода и длинные волосы были очень модны въ 1848 году въ прогрессивныхъ и революціонныхъ сферахъ Европы. И вотъ, благодаря этому, ношеніе бороды воспрещается. Въ числѣ многихъ другихъ Константину Аксакову чрезъ полицію было приказано, чтобы онъ сбрилъ бороду. («Рус. Арх.» 1884 г. № 4).

Въ Декабрѣ 1850 г К. Аксаковъ поставилъ въ бенефисъ Леонидова свою драму «Освобожденіе Москвы», драму безусловно благонамѣренную даже съ точки зрѣнія самаго казеннаго «патріотизма». Тѣмъ не менѣе ее на слѣдующій день сняли съ репертуара. Точныхъ объясненій [illegible]

запрещенія мы не нашли въ нашей исторической литературѣ. Не сомнѣваемся, однако-же, въ томъ, что причина лежала въ желаніи автора подчеркнуть, что Москву въ 1612 году освободили не бояре, а народъ.

Но всего любопытнѣе подробности той цензурной бури, о которой было упомянуто нѣсколько строкъ выше.

Когда въ 1852 году московскіе славянофилы издали І-й томъ возобновленнаго «Москов. Сборника» онъ болѣе или менѣе благополучно миновалъ цензурные рифы. Но, все-таки, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія Ширинскій-Шихматовъ обратилъ вниманіе на «предосудительность направленія Сборника», находя, что «хотя народность и составляетъ одну изъ главныхъ основъ нашего государственнаго быта, но развитіе понятія о ней не должно быть одностороннее и безусловное; иначе безотчетное стремленіе къ народности можетъ перейти въ крайность и вмѣсто пользы принести существенный вредъ». Въ виду этого приказано было къ II-му тому Сборника отнестись по возможности «внимательно». Результатомъ такого приказанія было то, что представленный на слѣдующій годъ 2-й томъ былъ цѣликомъ запрещенъ. Пропуская цензурные мотивы относительно запрещенія другихъ статей, приведемъ то мѣсто цензурнаго доклада, которое касается разсматриваемаго нами теперь писателя. Московскій цензурный комитетъ находилъ, что Константинъ Аксаковъ.

«подобно Хомякову старается отыскивать въ сказкахъ и пѣсняхъ признаки того-же *небывалаго въ Россіи* общиннаго порядка дѣлъ. Но кромѣ того К. Аксаковъ указываетъ на мѣста, гдѣ Соловей-разбойникъ называетъ великаго князя воромъ, богатырь Тугаринъ Змѣевичъ цѣлуетъ великую княгиню въ уста сахарныя, а Алеша Поповичъ чуть не назвалъ ее сукою. Еще въ одной пѣснѣ говорится, что Владиміръ, желая отбить жену у богатыря Данилы, отправилъ его на явную смерть и потомъ повелѣлъ убить его; но Данило предупредилъ его и самъ лишилъ себя жизни. К. Аксаковъ прибавляетъ къ этому: «когда сила побѣждена силою, когда нѣтъ болѣе ея оскорбительнаго притязанія, Данило говоритъ: видно я сталъ неугоденъ князю, и убиваетъ себя; въ этихъ словахъ вовсе не видать ни подобострастія, ни рабскаго чувства: отношенія богатырей къ великому князю были основаны на свободной привязанности». Сверхъ того К. Аксаковъ обращаетъ вниманіе на пѣсню, въ которой описывается нашествіе на Кіевъ татарскаго царя Калина. Хотя это и непріятельскій царь, но все-таки неприлично, что сочинитель выписываетъ изъ пѣсни слѣдующіе стихи:

Собака, проклятый ты, Калинъ царь
Васъ-то, царей, не бьютъ, не казнятъ,
Не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ.

Пѣсни и сказки, на которыхъ К. Аксаковъ основалъ статью свою, большею частью, напечатаны; всѣ читали ихъ, относя безцеремонные поступки богатырей

къ простотѣ древнихъ нравовъ или къ вымыслу составителей сказокъ; одинъ К. Аксаковъ могъ вывести изъ нихъ *небывалыя въ Россіи* — общину, вольницу и дерзаетъ богатырей ставить противъ великаго князя! (См. «Русск. Стар.» 1875 года № 10).

Кромѣ статьи о богатыряхъ К. Аксаковъ помѣстилъ въ Сборникѣ два стихотворенія. По мнѣнію цензора, выступившаго въ роли эстетическаго критика, стихотворенія «ничтожны по содержанію, но и въ нихъ есть непонятныя мысли и говорится о человѣкѣ, котораго *духъ свободенъ* и открытъ». Такая «темнота» дѣлали для цензора «смыслъ стихотвореній подозрительнымъ».

Наложеніемъ цензорскаго veto дѣло не ограничилось. По разсказу редактора Сборника—Ивана Сергѣевича Аксакова («Рус. Арх.» 1878 г. № 11) не только Сборникъ въ полномъ составѣ былъ запрещенъ (по личному объясненію, данному издателю — «не столько за то, что въ немъ сказано, сколько за то, что умолчано)», но «вмѣстѣ съ нимъ состоялось повелѣніе: всѣмъ главнымъ участникамъ: братьямъ Аксаковымъ, Кн. Черкасскому, Хомякову, Кирѣевскимъ не иначе печатать свои статьи, какъ проведя ихъ чрезъ Главное Управленіе цензуры въ Петербургѣ». Послѣднее, по свидѣтельству Ивана Аксакова «равнялось запрещенію».

А въ довершеніе всѣ сотрудники Сборника, въ томъ числѣ и К. Аксаковъ, были отданы подъ полицейскій надзоръ — фактъ любопытный не только для характеристики того времени, но и спеціально для исторіи славянофильства. Онъ показываетъ, что въ первое десятилѣтіе своего существованія славянофильство еще на столько мало опредѣлило *практическій* характеръ своей доктрины, на столько мало заявило себя на поприщѣ фактической поддержки основъ русской жизни, что вѣдомства, наблюдавшія за образомъ мыслей, не могли отличить благонамѣреннаго народничанія отъ оппозиціоннаго демократизма.

Только съ наступленіемъ новаго царствованія К. Аксаковъ снова принимается за литературную дѣятельность, но за то уже съ удвоенною энергіей. Начавшая выходить съ 1856 г. «Русская Бесѣда» считала его въ числѣ наиболѣе дѣятельныхъ сотрудниковъ своихъ, а въ 1857 году онъ даже самъ редактировалъ еженедѣльную газету «Молву»,

стилъ множество мелкихъ статей. Кромѣ того онъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ напечаталъ двѣ драмы — «Князя Луповицкаго» и «Олега подъ Константинополемъ», начало своей русской грамматики и многое другое, что будетъ названо дальше въ перечнѣ его сочиненій.

Но вся эта кипучая дѣятельность была внезапно прервана смертью Сергѣя Тимофеевича. Безконечно любившій отца сынъ не вынесъ потери главной личной привязанности своей и чрезъ 1½ года — 7 Декабря 1860 г. умеръ отъ легочной чахотки на островѣ Занте. Подробности этого глубоко-трогательнаго и рѣдкаго проявленія сыновней любви будутъ приведены нами дальше.

Мы очертили внѣшнія рамки жизненнаго поприща Константина Аксакова. О внутреннемъ содержаніи ихъ даютъ намъ опредѣленное представленіе его сочиненія. Но раньше чѣмъ перейти къ нимъ мы считаемъ не лишнимъ привести нѣкоторые отрывки изъ статей, посвященныхъ воспоминаніямъ о Константинѣ Сергѣевичѣ. При отсутствіи сколько-нибудь обстоятельной біографіи К. Аксакова, эти воспоминанія, при всей ихъ отрывочности, намѣчаютъ, все-таки, главныя черты духовной физіономіи благороднѣйшаго изъ представителей московскаго славянофильства.

Начнемъ съ характеристики драгоцѣнной тѣмъ, что ее давалъ *врагъ*, человѣкъ всю жизнь свою боровшійся съ идеями К. Аксакова. И вотъ что писалъ этотъ врагъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ смерти Константина Сергѣевича:

«Константинъ Аксаковъ не смѣялся, какъ Хомяковъ, и не сосредоточивался въ безвыходномъ сѣтованіи, какъ Кирѣевскіе. Мужающій юноша, онъ рвался къ дѣлу. Въ его убѣжденіяхъ не неувѣренное щупанье почвы, не печальное сознаніе проповѣдника въ пустынѣ, не темное придыханіе, не дальнія надежды — а фанатическая вѣра, нетерпимая, втѣсняющая, односторонняя, та, которая предваряетъ торжество. Аксаковъ былъ односторонен, какъ всякій воинъ, съ спокойно взвѣшивающимъ эклектизмомъ нельзя сражаться. Онъ былъ окруженъ враждебной средой, средой сильной и имѣвшей надъ нимъ большія выгоды, ему надобно было пробиваться рядомъ всевозможныхъ непріятелей и водрузить свое знамя. Какая тутъ терпимость!

Вся жизнь его была безусловнымъ протестомъ противъ петровской Руси, противъ петербургскаго періода во имя непризнанной, подавленной жизни русскаго народа. Его діалектика уступала діалектикѣ Хомякова, онъ не былъ поэтъ-мыслитель какъ И. Кирѣевскій, но онъ за свою вѣру пошелъ бы на площадь, пошелъ бы на плаху, а когда это чувствуется за словами, онѣ становятся страшно убѣдительны. Онъ въ началѣ сороковыхъ годовъ проповѣдывалъ сельскую общину, міръ и артель. Онъ научилъ Гакстгаузена понимать ихъ, и по-

слѣдовательный до дѣтства, первый опустилъ панталоны въ сапоги и надѣлъ рубашку съ кривымъ воротомъ. «Москва, столица русскаго народа, говорилъ онъ, а Петербургъ, только резиденція». — «И замѣтьте, отвѣчалъ я ему, какъ далеко идетъ это различіе, въ Москвѣ васъ непремѣнно посадятъ на *съѣзжую*, а въ Петербургѣ сведутъ на *гауптвахту*».

Аксаковъ остался до конца жизни вѣчно восторженнымъ и безпредѣльно благороднымъ юношей, онъ увлекался, былъ увлекаемъ, но всегда былъ чистъ сердцемъ. Въ 1844 году, когда наши споры дошли до того, что ни «славяне», ни мы не хотѣли больше встрѣчаться, я какъ-то шелъ по улицѣ, К. Аксаковъ ѣхалъ въ саняхъ. Я дружески поклонился ему. Онъ было проѣхалъ, но вдругъ остановилъ кучера, вышелъ изъ саней и подошелъ ко мнѣ. «Мнѣ было слишкомъ больно», сказалъ онъ, «проѣхать мимо васъ и не проститься съ вами. Вы понимаете, что послѣ всего, что было между вашими друзьями и моими, я не буду къ вамъ ѣздить; жаль, жаль, но дѣлать нечего. Я хотѣлъ пожать вамъ руку и проститься». Онъ быстро пошелъ къ санямъ, но вдругъ воротился; я стоялъ на томъ-же мѣстѣ, мнѣ было грустно; онъ бросился ко мнѣ, обнялъ меня и крѣпко поцѣловалъ. У меня были слезы на глазахъ. Какъ я любилъ его въ эту минуту ссоры!

Столь-же симпатичными красками обрисовывалъ въ 1861 году личность только что умершаго К. Аксакова одинъ изъ собственниковъ «Современника» — Панаевъ. И если вспомнить, что «Современникъ» тогда находился въ ожесточенной перепалкѣ съ славянофилами, то мы тутъ опять имѣемъ доказательство необыкновеннаго душевнаго обаянія К. Аксакова, про котораго не даромъ уже цитированный нами нѣсколько разъ писатель въ другомъ мѣстѣ своихъ воспоминаній говорилъ, что онъ «одинъ изъ тѣхъ противниковъ, которые были ближе намъ многихъ своихъ». И такъ какъ это отношеніе къ К. Аксакову можно назвать всеобщимъ, одинаково встрѣчающимся у всѣхъ когда либо писавшихъ о благородномъ главарѣ славянофильства, будь они славянофильскаго или западническаго лагеря, то мы и считаемъ возможнымъ въ заключеніе біографической части настоящей статьи привести отрывки изъ недавно появившихся («Рус. Архивъ» 1885 г. № 3) воспоминаній о К. Аксаковѣ горячаго поклонника его идей — г. Н. Бицына. Воспоминанія г. Бицына представляютъ собою наиболѣе полное изъ до сихъ поръ появившихся статей о К. Аксаковѣ собраніе отдѣльныхъ свѣдѣній о его характерѣ и нравственной личности.

«Какое множество, быть можетъ, умныхъ людей» начинаетъ г. Бицынъ свои воспоминанія «съ высоты своего практическаго разумѣнія считали Константина Сергѣевича ребенкомъ и даже дитей. Какъ они должны были забавляться его простодушною вѣрою въ людей и совершеннымъ невѣдѣніемъ тѣхъ, такъ называемыхъ практическихъ истинъ, что извѣстны даже весьма дюжиннымъ умникамъ наизусть. Но какъ вся эта масса свѣтскихъ мудрецовъ пасовала предъ нимъ, передъ этимъ «младенцемъ на злое», именно ради его неумолимаго и неподкупнаго нравственнаго чувства. Никакой сдѣлки съ совѣстью, никакого компромисса или способа уживчивости, никакого modus vivendi кривды съ правдой

онъ не допускалъ. «Я ему руки не подаю», сказалъ мнѣ одинъ разъ Константинъ Сергѣевичъ про человѣка весьма извѣстнаго тогда въ московскомъ свѣтѣ. Признаться, меня это удивило, именно потому что личность, о которой шла рѣчь, пользовалась всеобщимъ внѣшнимъ почетомъ; трудно-бы было и избѣжать встрѣчъ въ обществѣ именно съ этимъ бывшимъ тогда въ славѣ, общественнымъ дѣятелемъ. — «Я не знаю ничего безнравственнѣе свѣтской нравственности», продолжалъ какъ-бы въ поясненіе своей мысли Константинъ Сергѣевичъ. «Случалось-ли вамъ слышать такое общепринятое про человѣка выраженіе (именно только въ свѣтѣ оно могло родиться!): это — разбойникъ, это безнравственный человѣкъ, mais c'est un homme tout à fait comme il faut, руку ему можно подать?».

«Я у нея не бываю и съ ней не говорю», точно также сказалъ мнѣ разъ Константинъ Сергѣевичъ про одну извѣстную даму, и это меня удивило тѣмъ болѣе, что съ ея мужемъ Константинъ Сергѣевичъ былъ въ постоянныхъ живыхъ отношеніяхъ.

К. Аксаковъ не позволялъ себѣ самыхъ пустыхъ отступленій отъ истины въ угоду условнымъ свѣтскимъ приличіямъ.

«Одинъ разъ» разсказываетъ г. Бицынъ, «пришлось мнѣ просить Константина Сергѣевича удѣлить нѣсколько часовъ времени для выслушанія одной рукописи; а къ ней онъ относился и самъ съ живымъ участіемъ. Онъ назначилъ мнѣ быть на другой-же день. Чтеніе началось съ ранняго утра и продолжалось часу до четвертаго. Предъ самымъ началомъ, Константинъ Сергѣевичъ оговорилъ въ домѣ, что онъ будетъ занятъ и желающихъ видѣть собственно его не принимать никого. Скоро раздался звонокъ, человѣкъ вошелъ въ комнату и назвалъ фамилію пріѣхавшаго. «Сказать, что я занятъ и принять не могу», отвѣчалъ Константинъ Сергѣевичъ. Въ самомъ непродолжительномъ времени послѣдовалъ другой звонокъ, потомъ третій. Человѣкъ по прежнему входилъ съ докладомъ. «Занятъ и принять не могу», попрежнему отвѣчалъ Константинъ Сергѣевичъ. Не помню послѣ котораго звонка и доклада, я, наконецъ, не выдержалъ и спросилъ: почему бы не сказать въ такихъ случаяхъ общепринятаго *дома нѣтъ?*» «Очень жаль, что это общепринято», съ живостью возразилъ Константинъ Сергѣевичъ, «но ни въ малыхъ, ни въ большихъ дѣлахъ лгать не вижу надобности. Неужели не проще сказать: *не могу принять*, чѣмъ *нѣтъ дома?* Тѣмъ болѣе, что, еслибы кому нибудь встрѣтилась теперь дѣйствительная необходимость меня видѣть, мнѣ было-бы даже совѣстно лишить его этой возможности, да еще и солгавъ предъ нимъ. Но вотъ, вы сами видите, насъ никто и не безпокоитъ. Мнѣ кажется даже, что, привыкнувъ къ моему обычаю, то-есть къ тому, что я не отказываю фразой *дома нѣтъ*, сами посѣтители тяготятся теперь настаивать на непремѣнномъ свиданіи, а это бываетъ при лживомъ отвѣтѣ *нѣтъ дома*». Было и еще нѣсколько звонковъ. Послѣ одного изъ нихъ человѣкъ доложилъ фамилію одного изъ профессоровъ московскаго университета, оговоривъ, что просятъ непремѣнно принять хоть минуты на двѣ. Константинъ Сергѣевичъ, извиняясь за перерывъ чтенія, вышелъ къ тому посѣтителю, и даже менѣе чѣмъ чрезъ двѣ минуты возвратился назадъ. «Вотъ видите-ли» сказалъ онъ сіяющій «мы и опять свободны продолжать чтеніе; такой маленькій перерывъ почти и не помѣшалъ намъ. А я радъ, что не отказалъ въ пріемѣ: профессоръ хлопочетъ объ одномъ бѣдномъ студентѣ, дѣло идетъ объ его опредѣленіи, а оно и вовсе не состоялось-бы, если-бы я не далъ себя видѣть,

теперь-же дѣло кончено, и молодой человѣкъ устроенъ. И, повѣрьте мнѣ, люди чутки къ правдѣ болѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Откажи я ему подъ предлогомъ, что меня дома нѣтъ и потомъ выйди къ нему по усиленной просьбѣ, онъ продержалъ-бы меня гораздо долѣе, чѣмъ теперь, когда ему сразу сказали, что я дома, но занятъ».

Столь-же велико было прямодушіе К. Аксакова и въ тѣхъ случаяхъ, когда оно шло прямо въ разрѣзъ съ его личными выгодами.

«Мнѣ припоминается» сообщаетъ г. Бицынъ «разсказъ очевидца о диспутѣ Константина Сергѣевича при его магистерской диссертаціи (Ломоносовъ). Это разказъ Ѳ. М. Д—ва, который въ шестидесятыхъ годахъ и самъ занималъ каѳедру въ московскомъ университетѣ, а тогда лишь готовился къ тому и былъ наканунѣ своей собственной магистерской диссертаціи [1]). На всѣ возраженія — разсказывалъ этотъ очевидецъ — Константинъ Сергѣевичъ отвѣчалъ живо и ничего не уступалъ изъ собственныхъ тезисовъ. Но послѣ одного сдѣланнаго ему замѣчанія, магистрантъ вдругъ воскликнулъ: «Ахъ, какое дѣльное возраженіе!» и это съ такой дѣтской искренностью и съ такимъ невольнымъ движеніемъ руки, поднесенной къ волосамъ, что вся аудиторія разразилась смѣхомъ. Ясно было, что не личное самолюбіе, а самый предметъ спора занималъ диспутанта.

Въ связи съ этою душевною чистотою находилось и тѣлесное цѣломудріе К. Аксакова, о которомъ г. Бицынъ сообщаетъ слѣдующія любопытныя подробности:

«Гоголь въ одномъ изъ своихъ писемъ, теперь уже напечатанномъ въ полномъ изданіи его сочиненій, допустилъ такое выраженіе о Константинѣ Сергѣевичѣ: «Этотъ человѣкъ боленъ избыткомъ силъ физическихъ и нравственныхъ, тѣ и другія въ немъ накоплялись, не имѣя проходовъ извергаться. И въ физическомъ и въ нравственномъ отношеніи онъ остался дѣвственникъ. Какъ въ физическомъ, если человѣкъ достигнувъ тридцати лѣтъ не женился, то дѣлается боленъ, такъ и въ нравственномъ для него даже было-бы лучше, еслибъ онъ въ молодости своей . . . . (многоточіе въ печатномъ подлинникѣ). Но воздержаніе во всѣхъ разсѣяніяхъ жизни и плоти устремило всѣ силы у него къ духу. Онъ долженъ неминуемо сдѣлаться фанатикомъ». Гоголь умеръ задолго до возмужанія и кончины Константина Сергѣевича. Нѣтъ-ли здѣсь, въ приведенныхъ словахъ, немножко того что зовутъ съ больной головы на здоровую? При усердіи не по разуму и при веригахъ не по силамъ, дѣйствительно, происходятъ, болѣзненныя пароксизмы духа и тѣла. Это тѣ нервноболѣзненные припадки, въ которыхъ менѣе всего обличается духъ собственно такъ называемый. Эти пароксизмы составляютъ лишь законное возмездіе и своего рода казнь именно за извращеніе свободнаго духа: ибо, во всѣхъ явленіяхъ такого рода, собственно говоря, плоть прикидывается духомъ. Самъ Гоголь, какъ извѣстно на послѣдокъ, дѣйствительно, «воздерживался отъ всѣхъ разсѣяній жизни и плоти, и отъ этого всѣ у него силы устремились» .... только не къ духу, къ сожалѣнію, а именно къ фанатизму. Свобода духа и фанатизмъ двѣ вещи несовмѣстныя. Какъ нельзя сознательнѣе и свободнѣе относился Константинъ Сергѣевичъ даже къ своему дѣвственному состоянію, о чемъ говорится въ этомъ печатномъ письмѣ Гоголя. Были другіе коментаторы этого состоянія Константина Сергѣевича; они прямо

[1]) Рѣчь, очевидно, идетъ о недавнемъ попечителѣ петербургскаго учебнаго округа — Ѳ. М. Дмитріевѣ.

считали его какимъ-то платоническимъ идеалистомъ: сама ужъ природа у него такая, это его физіологическая черта, не больше. На этотъ счетъ и тѣ, и другіе не правы. Это не было фанатизмомъ съ его стороны ни въ основѣ, ни въ послѣдствіяхъ, какъ могли-бы заключить иные изъ письма Гоголя: это не было и отсутствіемъ подвига, какъ легкомысленно объясняли другіе. Я посмѣлъ ему прямо это высказать какъ то разъ во время нашей бесѣды. «Говорятъ» сказалъ я, «что въ самомъ организмѣ человѣка заключаются иногда условія для дѣвственнаго состоянія его; иной человѣкъ таковъ ужъ отъ природы, въ томъ нѣтъ и заслуги съ его стороны. Что вы скажете объ этомъ относительно васъ самихъ?» — «Зачѣмъ такъ думать?» — возразилъ онъ съ живостью. «Даромъ человѣку ничто не дается, достиженіе чего составляетъ нравственный подвигъ. Это подвигъ воли, и очень тяжелый». И столько же скромно, сколько гордо, онъ прибавилъ: «я скажу, по крайней мѣрѣ, о себѣ; нѣтъ, мнѣ это не даромъ далось». Послѣднее было имъ выговорено съ большимъ усиліемъ.

При такомъ удивительномъ преобладаніи въ Константинѣ Аксаковѣ духовной натуры надъ физической, намъ станетъ понятной поразительная смерть этого человѣка, не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ умершаго отъ тоски. Смерть поистинѣ поразительная, если припомнить, что Конст. Аксаковъ былъ атлетъ въ полномъ смыслѣ слова. «Злѣйшая чахотка и сухотка, безъ всякихъ физическихъ поводовъ къ тому, единственно отъ нравственнаго недуга!» восклицаетъ г. Бицынъ. «И это въ Константинѣ Сергѣевичѣ, чья крѣпость вошла въ пословицу и которою самъ Оверъ (московская медицинская знаменитость 50-хъ годовъ) за его желѣзное здоровье звалъ печенѣгомъ». Умиравшій Сергѣй Тимофеевичъ предчувствовалъ, что столь дорогой его сердцу первенецъ скоро послѣдуетъ за нимъ въ могилу. «Бѣдный Константинъ!» говорилъ онъ. «Боюсь за него; онъ не перенесетъ». На возможныя успокоенія со стороны собесѣдника, онъ возражалъ однимъ и тѣмъ-же: «нѣтъ! все это было-бы возможно при другомъ воспитаніи Константина; а онъ воспитанъ не такъ».

Предчувствія старика оправдались. 30-го Апрѣля 1859 г. умеръ Сергѣй Тимофеевичъ, а уже въ срединѣ мая г. Бицынъ, зашедши въ редакцію «Русской Бесѣды».

услыхалъ мало утѣшительнаго. Константинъ Сергѣевичъ былъ безнадеженъ; не только свои, и чужіе боялись за него. Его укоряли, что онъ не бережетъ себя, еще прямо и въ томъ, что онъ какъ-бы намѣренно убиваетъ себя. Къ этому прибавляли, что онъ страшно измѣнился. Хорошо предупрежденный на этотъ счетъ, я готовился быть особенно осторожнымъ при встрѣчѣ съ нимъ. Перебѣжавъ только улицу, ужъ я былъ на Кисловкѣ, а сдѣлавъ еще шаговъ тридцать къ знакомому дому, ужъ видѣлъ палисадникъ за перилами, большіе ворота, и изъ воротъ, въ противуположную отъ меня сторону, медленными шагами удалявшуюся фигуру. Я нагналъ вслѣдъ: медленно отходившій отъ меня обернулся. Можно-ли было узнать прежняго, бодраго душевно и тѣлесно Константина Сергѣевича! Мало сказать: онъ страшно измѣнился въ лицѣ! нѣтъ, а отъ общей исхудалости было еще что-то удлиненное и утоненное во всей фи-

гурѣ. Пепельность бороды и усовъ, вдругъ взявшаяся просѣдь, вмѣсто прежняго ихъ цвѣта; съ ногъ до головы чрезвычайная угрюмость во всемъ видѣ; неподвижный, какой-то внутрь самого себя обращенный, самоуглубленный взоръ и тихость, жуткая тихость, — поразили меня.

— Я иду въ церковь, сказалъ онъ; какъ служба отойдетъ — вернусь. Вы меня застанете дома, я жду васъ.

— Но, Константинъ Сергѣевичъ, поберегите себя, вырвалось у меня совершенно невольно.

Тутъ-же, стоя на улицѣ, онъ отвѣчалъ очень серьезно, но тихимъ и задумчивымъ голосомъ, а не какъ бывало: «Да, меня упрекаютъ. На меня даже взводятъ обвиненіе, что я не удерживаюсь отъ горя, даю ему волю и намѣренно разстраиваю себя. Не вѣрьте этому. А я просто не могу».

«Кто разсчитывалъ на время» говоритъ въ другомъ мѣстѣ г. Бицынъ «надѣясь еще, что само время излѣчитъ — тотъ ошибся вдвойнѣ. «Время тутъ ничему не поможетъ, повѣрьте» говорилъ онъ мнѣ еще тогда въ Москвѣ, и онъ былъ правъ. Въ горести, давившей все его существо, не было ничего эффектированнаго съ самаго начала; ничего такого, что было бы связано, какъ самъ онъ говорилъ, съ нервнымъ разстройствомъ; а лишь въ такихъ случаяхъ и помогаетъ время. Это была, напротивъ того, скорбь усиливавшаяся съ каждымъ днемъ, потому что каждый новый день приносилъ и большое разувѣреніе въ возможности будущаго и настоящаго безъ прошлаго.

Ярче всего настроеніе Константина Сергѣевича сказалось въ одномъ изъ писемъ къ г. Бицыну, удивительно симпатично обрисовывающемъ душевную глубину этого высоко-идеальнаго человѣка, сотканнаго изъ однихъ чистыхъ помысловъ и возвышенныхъ порывовъ.

«Вы приглашаете меня къ вамъ въ деревню, братъ показалъ мнѣ письмо ваше. Приглашеніе ваше такъ искренно, въ немъ сказалось такое дружеское движеніе, что мнѣ захотѣлось непремѣнно написать вамъ и вотъ я пишу. Я всегда очень много цѣнилъ въ жизни привѣтъ и всегда съ такою радостью на него отзывался; но привѣтъ вовсе не такъ часто встрѣчается въ жизни, какъ, можетъ быть, думаютъ. Въ вашихъ словахъ мнѣ послышался именно этотъ привѣтъ, который такъ рѣдокъ. Еслибъ это приглашеніе ваше сдѣлано было бы при батюшкѣ.... тогда я не проѣздомъ къ Хомякову, а нарочно-бы къ вамъ поѣхалъ. Но, теперь любезнѣйшій.... все кончилось. Ни удовольствіе, ни радость жизни для меня существовать не могутъ. Однимъ словомъ, жизнь кончилась — жизнь какъ моя. Я здѣсь еще, подъ условіями этой жизни; но это не *моя* жизнь. Все доброе, все хорошее въ другихъ — я чувствую; отзываюсь на это, какъ и на ваше приглашеніе, и только. Еслибъ вы предлагали мнѣ какое-нибудь удовольствіе, мнѣ было бъ пріятно видѣть ваше желаніе, а отъ самаго удовольствія я бы отказался потому, что его нѣтъ для меня. Такъ и теперь вы все сдѣлали, пригласивъ меня, и дали мнѣ, все, что я могу теперь принять. Прежде для меня было бы истиннымъ удовольствіемъ повидаться съ вами у васъ...... взглянуть на юную семью въ обстановкѣ природы со всей ея непостижимой красотою, которую батюшка передаетъ въ своихъ сочиненіяхъ такъ неподражаемо. Но этого прекраснаго удовольствія для меня теперь быть не можетъ. Это все кончилось. Вы знали Константина Сергѣевича, который удитъ, куритъ, съ восхищеніемъ радуется жизни и природѣ въ каждомъ ея проявленіи, будь это зима или *лѣто, будь это палящее* солнце или дождь, промачивающій

на сквозь, Константина Сергѣевича, который любитъ слышать въ себѣ силы именно тогда, когда неудобство, стужа или что нибудь подобное ихъ вызываетъ; который въ восхищеніи и крѣпнетъ на телѣгѣ, прыгающей по камнямъ, или подъ дождемъ, его всего обливающимъ, — Константина Сергѣевича, который 28 верстъ проходитъ не присаживаясь, выпиваетъ сливокъ, потомъ квасу и отправляется еще, взваливъ на себя огромныя удилища — удить. Теперешній Константинъ Сергѣевичъ не удитъ, не куритъ, смотритъ и не видитъ природы или болѣзненно ее чувствуетъ и даже отворачивается отъ нея; нѣженкой онъ не сдѣлается, слабымъ тоже; но не слышитъ въ себѣ этого пріятнаго ощущенія силъ, не ищетъ чего-нибудь по неудобнѣе и потяжелѣе; ему все равно, карета-ли или любимая прежде телѣга, въ которой онъ прежде даже и стихи писалъ. Да, все для меня кончилось, жизнь моя кончилась; жизнь была хороша и исполнена прекрасныхъ радостей; и вотъ я помянулъ себя въ письмѣ къ вамъ. Благодарю же васъ...... за все радушіе, какое я видѣлъ-бы у васъ. Обнимаю васъ крѣпко...... Я занимаюсь довольно; это я считаю своимъ долгомъ, который я долженъ выплатить. Постараюсь сдѣлать все, что могу, на что имѣю способности, и такимъ образомъ расплатиться съ долгами. Я точно собираюсь переѣхать и укладываюсь. Прощайте...... Вашъ Константинъ Аксаковъ». Былъ и post-scriptum: «время дѣйствуетъ на меня совершенно наоборотъ противъ того, какъ полагаютъ».

Письмо это относится къ Августу 1859 г. Всю зиму затѣмъ К. С. чахнулъ; весной и лѣтомъ заболѣлъ такъ, что его отправили заграницу; въ томъ-же 1860-мъ году онъ и скончался 7-го Декабря, вдали отъ родины, въ Греческомъ архипелагѣ, на островѣ Занте. Заграницею первоклассныя знаменитости, иноземные врачи дивились чахоткѣ и сухоткѣ этого богатыря, умиравшаго съ тоски по своемъ отцѣ; собственно, вся и болѣзнь была въ этомъ. Доктора не давали лѣкарствъ, не прописывали рецептовъ, совѣтовали только развлекать его. Тогда Италія шумѣла именемъ Гарибальди; въ ней пробуждалось народное движеніе, не совѣтовали пускать туда, а указывали на какія-нибудь «увеселительныя воды» или даже на Парижъ, совѣтуя возить на разныя гулянья, а если въ театръ, то исключительно въ водевили, но жить такимъ образомъ для Константина Сергѣевича значило: не жить. Онъ ужъ умиралъ; послѣднія остававшіяся средства, хоть для продленія послѣднихъ дней, медики свели на «теплый морской климатъ» и вотъ онъ попалъ на островъ Занте. Когда пароходъ везъ его къ этому послѣднему пристанищу, онъ съ болѣзненной грустью глядѣлъ въ волны и говорилъ своему неизмѣнному спутнику, сопровождавшему его брату, Ивану Сергѣевичу Аксакову: «неужели, однако, ужъ и кончено? Какъ ни ожидалъ я, но чтобы такъ ужъ скоро, кто бы думалъ?»

На пустынномъ островѣ не было русскаго православнаго священника для исповѣди больнаго; нашелся грекъ, едва говорившій по французски. У этого-то грека и исповѣдывался умирающій на своемъ не любимомъ языкѣ. Что за судьба? И, словно, еще не иронія-ли съ ея стороны? Никакой ироніи тутъ нѣтъ, хотя и знаменательно оно. Свободная вѣра Константина Сергѣевича не знала ничего условнаго, и всякій фетишизмъ былъ ей чуждъ. Кто не понималъ и не понимаетъ, что можно снимать шапку въ Спасскихъ воротахъ и креститься на золотыя маковки Кремля и въ тоже время не быть фетишистомъ, — тотъ не понимай.

Грекъ, призванный къ умирающему и спѣшившій попросту справить требу, былъ изумленъ исповѣдью, причащеніемъ и кончиной столь необыкновеннаго

человѣка. Самымъ простодушнымъ образомъ выражалъ онъ свое удивленіе и недоумѣніе; онъ просилъ: нельзя-ли ему повидать всѣхъ близкихъ этого человѣка и, главное, мать покойнаго? Ему хотѣлось ей передать — и если не придется лично, грекъ просилъ ей передать отъ него — праведникъ скончался; еще не видывалъ исповѣдникъ примѣровъ такой вѣры на землѣ. Онъ не прекращалъ своихъ разспросовъ: «да кто-же это былъ? Кто это умеръ передъ нимъ?»

Ему отвѣчали что это былъ Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ. И что-же можно было сказать больше этого?

И если этотъ праведникъ произвелъ такое глубокое впечатлѣніе на необразованнаго, захолустнаго попа-грека, то удивительно-ли, что огромно было обаяніе, которое онъ производилъ на людей жившихъ приблизительно такими-же, какъ и онъ самъ нравственными стремленіями.

«Теперь прошло не мало времени со смерти Константина Сергѣевича» говоритъ г. Бицынъ «а, встрѣчаясь съ его знакомыми, приходится отъ нихъ слышать и до сихъ поръ: «неправда-ли, всякій разъ какъ приходилось быть съ Константиномъ Сергѣевичемъ, послѣ того приходилось и самого себя чувствовать какъ-то чисто; какъ то нравственнѣе дѣлался съ нимъ, и нравственность чувствовалъ болѣе обязательною для себя».

Переходя къ обзору литературной дѣятельности К. Аксакова, дадимъ, прежде всего, перечень написаннаго имъ. Не малъ этотъ перечень и трудно сказать, чтобы онъ страдалъ однообразіемъ.

I. Отдѣльныя изслѣдованія историко-филологическаго характера: 1) «*Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка*». М. 1846. 2) «*О русскихъ глаголахъ*». М. 1855. 3) «*Замѣчанія о псковской рядной записи XIII вѣка*». Спб. 1853. (Оттискъ изъ I тома «Извѣстій Археолог. Общ.»). 4) «*Опытъ русской грамматики*», вып. I. М. 1860. 5) «*Замѣчанія на новое административное устройство крестьянъ въ Россіи*». Лейпцигъ. 1861. 6) *Сочиненія* т. I, II и III. Изданы въ Москвѣ Иваномъ Аксаковымъ съ большими промежутками: I — въ 1861 г., II — въ 1875, III — въ 1880. I томъ заключаетъ въ себѣ «сочиненія историческія», именно рядъ статей по русской исторіи, которыя считаемъ особенно нужнымъ поименовать, въ виду того, что большинство ихъ напечатано не было и извлечено издателемъ изъ черновыхъ бумагъ брата: a) «*Объ основныхъ началахъ русской исторіи*». b) «*О томъ-же*». c) «*О русской исторіи*». d) «*Родовое или общественное явленіе былъ изгой*». e) «*По поводу I тома Исторіи Россіи г. Соловьева*». f) «*О древнемъ бытѣ славянъ вообще и русскихъ въ особенности*». g) «*По поводу VI тома Исторіи Россіи г. Соловьева*». h) «*Замѣчанія на статью г. Соловьева*» «*Шлецеръ и антиисторическое направленіе*». i) «*По поводу той-же статьи г. Соловьева*». k) «*По поводу VII тома Исторіи Россіи г. Соловьева*». l) «*По поводу VIII тома Исторіи Россіи г. Соловьева*». m) «*Краткій историческій очеркъ Земскихъ Соборовъ*». n) «*О древнемъ бытѣ славянъ вообще и русскихъ въ особенности, на основаніи обычаевъ, преданій и пѣсенъ*». o) «*Замѣчанія на статью Шепинга: Купала и Коляда*». p) «*О богатыряхъ временъ Владиміра по русскимъ пѣснямъ*». q) «*О различіи между сказками и пѣснями русскими*». r) «*Замѣтки о значеніи Ильи Муромца*». s) «*О состояніи крестьянъ въ древней Россіи*. t) «*По поводу Бѣлевской Вивліоѳики, изданной Н. А. Елагинымъ*». u) «*Замѣчанія лѣтописи Нестора по Лаврентьевскому списку*». v) «Замѣчанія на

акты Археографической Экспедиціи». w) *«Русская Исторія для дѣтей»*. x) *«Семисотлѣтіе Москвы»*. y) *«Замѣчанія о псковской рядной записи XIII вѣка»*. z) *«Варіантъ къ статьѣ по поводу VI тома Исторіи Россіи г. Соловьева»*. z') *«Начало Русской Исторіи, разсказъ для дѣтей»* (писано для племянницы). z") *«Разныя отдѣльныя замѣтки*. II и III томы посвящены «сочиненіямъ филологическимъ» и заключаютъ въ себѣ: a) *«О грамматикѣ вообще, по поводу грамматики г. Бѣлинскаго»* (Виссаріона). b) *«Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка»*. c) *«Нѣсколько словъ о нашемъ правописаніи»*. d) *«О русскихъ глаголахъ»*. e) *«Критическій разборъ «Опыта исторической грамматики русскаго языка» Ѳ. И. Буслаева»*. f) *«Замѣтка къ предъидущему»*. g) *«Письмо къ Н. А. Безсонову»*.

III томъ посвященъ *«Опыту русской грамматики»*, вторая часть которой здѣсь появляется въ первый разъ въ печати. «Полное Собраніе» осталось незаконченнымъ и вотъ какъ въ 1875 году объяснялъ издатель причину этого въ предисловіи къ II тому:

«Въ предисловіи къ I тому полнаго собранія сочиненій К. С. Аксакова, содержащему въ себѣ его сочиненія историческія, былъ изложенъ и самый планъ изданія, согласно съ которымъ II и III томы предназначались для статей по разнымъ политическимъ, общественнымъ и литературнымъ вопросамъ, также для стихотвореній и драматическихъ піесъ; труды-же по русской филологіи должны были войти въ составъ IV и V тома. Разныя обстоятельства заставили измѣнить этотъ порядокъ и предпослать филологію публицистикѣ и поэзіи. При существующихъ у насъ цензурныхъ условіяхъ, *полное* изданіе сочиненій Константина Сергѣевича, по отдѣлу публицистики и художественному, еще невозможно покуда — безъ тѣхъ урѣзокъ и передѣлокъ «рукою властною», которыхъ мы, конечно, съ своей стороны допустить не желаемъ, да не имѣемъ на это и права. Напротивъ того, не говоря уже о произведеніяхъ, еще ни разу въ печати не появлявшихся, мы даже и тѣ статьи, которыя уже были напечатаны при жизни самого автора, питаемъ умыселъ издать въ ихъ настоящемъ видѣ, какъ онѣ были написаны и сохранились въ рукописи, безъ вставокъ и присочиненій, цензурою вынужденныхъ. Время для этого еще не настало, но филологія, къ счастію, обрѣтается въ Россіи уже и теперь въ болѣе выгодномъ положеніи».

II. Критика (кромѣ статей вошедшихъ въ Полное Собраніе): 1) *«Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: «Похожденія Чичикова или Мертвыя души»*. Москва 1842. 2) *«О сборникѣ графа Соллогуба «Вчера и Сегодня»*. 3) *«О книгѣ пр. Никитенко «Опытъ исторіи русской литературы»*. 4) *«О Петербургскомъ Сборникѣ»* Некрасова. Эти три статьи появились за подписью *Имрекъ* въ «Московскомъ литературномъ и ученомъ сборникѣ» 1846 г. 5) *«Обозрѣніе современной литературы»* въ «Русской Бесѣдѣ» 1857 книга I. 6) *«О повѣсти г. Кохановской «Послѣ обѣда въ гостяхъ.»* Ibid. 1858 книга 4. 7) *О переводѣ Кронеберга лѣтописи Тацита*. Ibid. 8) *О «Сочиненіяхъ Жуковскаго* («Молва» 1857 г. № 11, 14). 9) Мелкія критическія статейки, разбросанныя по тѣмъ журналамъ, въ которыхъ сотрудничалъ К. Аксаковъ. Отмѣтимъ изъ нихъ отвѣтъ Бѣлинскому на разборъ брошюры А. о «Мертвыхъ душахъ» въ «Москвит.» 1842, № 9.

III. Произведенія разнаго рода: 1) *«О русскомъ воззрѣніи»* въ «Русской Бесѣдѣ» 1856, книга I и II. 2) *«По поводу статьи В. Ламанскаго «О распространеніи знаній въ Россіи»* («Молва» 1857, № 10). 3) *«Замѣчанія на статью Даля о народной грамотности* (Ibid. № 35). 4) *«Рядъ переводныхъ статей въ еженедѣльной газетѣ* «Молва» 1857 г. 5) *«Студенческія воспоминанія»* («День» 1862, № 39—40). 6) *О со-*

временномъ человѣкѣ», въ «Братской помощи» 1876 г. и «Руси» 1883, №№ 8, 12, 13. 7) «*Записка представленная Императору Александру II въ 1855 г.*» («Русь» 1881 г. № 26—28). 8) «*Письмо къ Хомякову*» (1857 г.) въ «Руси» 1883, № 3. 9) «*Письмо къ князю В. А. Черкасскому* отъ 1859 г.» въ «Руси» 1883 г. № 32. 10) «*Замѣчанія на доклады редакціонныхъ коммиссій*». («Русь» 1883 г. №№ 3, 5). 11) «*О современномъ литературномъ спорѣ*» (писано въ 1847 г.) въ «Руси» 1883 г., № 7. 12) «*Примѣчанія на народную повѣсть о бражникѣ*» въ «Русской Бесѣдѣ», 1859, кн. VI. 13) Мелкія замѣтки въ журналахъ, въ которыхъ принималъ участіе К. Аксаковъ.

IV. Драматическія произведенія: 1) «*Освобожденіе Москвы въ 1812 году*», въ 5 дѣйствіяхъ. Москва 1848 г. 2) «*Князь Луповицкій*», комедія. Москва 1856 г. (Приложеніе къ «Русской Бесѣдѣ»), Лейпцигъ 1857 г. Писана въ 1851 г. 3) «*Олегъ подъ Константинополемъ*», драматическая комедія съ эпилогомъ въ 3 дѣйствіяхъ въ стихахъ. Спб. 1858 г. Писана въ началѣ 30-хъ годовъ.

V. Стихотворенія оригинальныя и переводныя, разбросаны по «Телескопу», «Московскому Наблюдателю», «Московскимъ Сборникамъ», «Русской Бесѣдѣ», «Молвѣ», «Дню», «Руси», «Русскому Архиву».

Какъ уже было сказано разъ, раньше другихъ родовъ творчества К. Аксаковъ проявилъ свои литературныя способности на поприщѣ стихотворства. Писаніе стиховъ было наслѣдственно въ родѣ Аксаковыхъ и всѣ три представителя его оставили послѣ себя обильное поэтическое наслѣдство. «Поэтическое» въ формальномъ, впрочемъ, значеніи этого слова, потому что сколько-нибудь видное художественное значеніе имѣютъ только стихи Ивана Сергѣевича. Стихи Сергѣя Тимофеевича, какъ мы въ свое время показали, были весьма посредственны. Было-бы большою несправедливостью примѣнять послѣдній эпитетъ къ стихамъ Константина Сергѣевича, которые по полету мысли несравненно выше и не лишены интереса съ «гражданской» точки зрѣнія, но несомнѣнно, однакоже, что разсматриваемые съ чисто-литературной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія проявленнаго въ нихъ таланта, они не высоко стоятъ. Враждебная идеямъ 60-хъ годовъ критика любила и любитъ подчеркивать, что такъ называемая «гражданская поэзія», отодвигающая на второй планъ непосредственно-художественныя цѣли, введена въ русскую литературу Некрасовымъ и прогрессивною критикою Добролюбова, Писарева и др. Утвержденіе это, однакоже, только на половину вѣрно. Если мы присмотримся къ славянофильской поэзіи, мы не преминемъ убѣдиться, что даже въ лицѣ наиболѣе даровитыхъ представителей своихъ, каковыми мы считаемъ Хомякова и Ивана Аксакова, она задолго до движенія 60-хъ годовъ рѣшительно отвергла завѣтъ Пушкина быть поэзіею «звуковъ сладкихъ и молитвъ». «Житейскія волненія» и «битвы» всегда были ея главною задачею. Обращаясь въ частности къ поэзіи Константина Аксакова, намъ достаточно будетъ бросить самый бѣглый взглядъ на многочисленныя стихотворенія его, чтобы сразу увидѣть исключительно служебное, публицистическое ихъ назначеніе. Стихи для К. Аксакова были

однимъ изъ средствъ проводить свои любимыя идеи. Тѣже темы, которыя составляютъ предметъ его историческихъ, филологическихъ и публицистическихъ работъ, легли въ основаніе наиболѣе прочувственныхъ изъ стихотвореній его. К. Аксаковъ писалъ стихи не порывами, какъ братъ его Иванъ, а въ теченіи всей своей жизни и все, что только волновало его какъ публициста и историка, все это онъ выливалъ въ риѳмованныя строки. Но именно только въ риѳмованныя строки. Если про «гражданскіе мотивы» 60-хъ годовъ принято говорить, что они представляютъ собою передовыя статьи въ стихахъ, то тѣмъ болѣе примѣнимо это опредѣленіе къ стихотвореніямъ К. Аксакова. Прочитавъ всѣ тѣ изъ нихъ, которыя были напечатаны [1]), мы не нашли между ними ни одного, которое имѣло-бы цѣли непосредственно-художественныя. Все это или призывъ «домой» — въ допетровскую Русь, или сѣтованія на «оторванность» интеллигенціи отъ народа или, наконецъ, отдѣльные пункты программы желательной государственной жизни Россіи. Но, конечно, не самое содержаніе, только что отмѣченное, дѣлаетъ стихотворенія К. Аксакова мало поэтичными. Не въ томъ-же, въ самомъ дѣлѣ, состоитъ истинная поэзія, чтобы воспѣвать исключительно «красу ночей и ласки милой». Нѣтъ, если мы называемъ стихи К. Аксакова мало-поэтичными, то не за общественно-политическое содержаніе ихъ, а за мало-поэтичную обработку этого содержанія. Поэзія только тогда поэзія, если она говоритъ не только уму, но и воображенію, если она доказываетъ и объясняетъ свои тезисы не словами, образами и картинами. И вотъ именно образовъ-то и картинъ, мы и не находимъ въ стихотвореніяхъ К. Аксакова. Чтобы не быть голословными, возьмемъ нѣсколько стихотвореній, которые въ ряду поэтическихъ произведеній Константина Сергѣевича могутъ быть названы наиболѣе сильными и наиболѣе отражающими его стихотворную манеру. Вотъ напр., напечатанное въ «Днѣ» 1862 г стихотвореніе «Возвратъ» съ призывомъ «домой», тѣмъ призывомъ, который надѣлалъ такъ много шуму въ началѣ 80-хъ годовъ и неправильно приписывался Ивану Сергѣевичу, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ принадлежитъ Конст. Сергѣевичу и сдѣланъ имъ еще въ 1843 году.

Прошли года тяжелые разлуки
Отсутствія исполненъ долгой срокъ,
Прельщенія, сомнѣнія и муки
Испытаны, — и взятъ благой урокъ!
Оторваны могущею рукою,
Мы бросили отечество свое,
Умчались вдаль, плѣнясь чужой землею,
Земли родной презрѣвши бытіе.

---

[1]) Большое количество стихотвореній К. Аксакова остается еще, повидимому, до сихъ поръ въ рукописи.

Преступно мы объ ней позабывали
И голосъ къ намъ ея не доходилъ;
Лишь иногда мы смутно тосковали:
Насъ жизни ходъ насильственный давилъ!
Предателей, измѣнниковъ не мало
Межъ нами, въ долгомъ странствіи нашлось:
Въ чужой землѣ ничто ихъ не смущало,
Сухой душѣ тамъ весело жилось!
Слетѣлъ туманъ! предъ нашими очами
Явилась Русь!... Родной ея призывъ
Звучитъ опять, и нашими сердцами
Вновь овладѣлъ живительный порывъ.
Конецъ, конецъ томительной разлукѣ!
Отсутствію насталъ желанный срокъ.
Знакомые тѣснятся въ душу звуки
И взоръ вперенъ съ любовью на Востокъ.
Пора домой! И пѣсни повторяя
Старинныя, мы весело идемъ.
Пора домой! Насъ ждетъ земля родная,
Великая въ страданіи нѣмомъ!
Презрѣніемъ отягчена жестокимъ,
Народнаго столица торжества,
Опять полна значеніемъ глубокимъ
Является великая Москва.
Постыдное, безчестное презрѣнье
Скорѣе въ прахъ! Свободно сердце вновь,
И грудь полна тревоги и смятенья,
И душу всю наполнила любовь!
Друзья, друзья! Тѣснѣе въ кругъ сомкнемся,
Покорные движенью своему,
И радостно и крѣпко обоймемся,
Любя одно, стремяся къ одному!
Землѣ родной — все, что намъ Небо дало
Мы посвятимъ! Пускай заблещетъ мечъ,
И за нее, какъ въ старину бывало,
Мы радостно готовы стать и лечь.
Друзья, друзья! Грядущее обильно,
Надежды сладкой вѣруйте словамъ,
И жизнь сама, насъ движущая сильно,
Порукою за будущее намъ!...
Смотрите — мракъ ужъ робко убѣгаетъ,
На западѣ земли лишь онъ ростетъ:
Востокъ горитъ, день не далекъ, свѣтаетъ,
И скоро солнце красное взойдетъ!

А вотъ другое стихотвореніе («Гуманисту» въ «Днѣ» 1862 г. № 8) ілюстрирующее одну изъ наиболѣе завѣтныхъ мыслей К. Аксакова — необходимости тѣсной связи съ народомъ, съ «землею». Поэтъ обраается къ гуманисту съ слѣдующими рѣчами укоризны.

Ты эгоистъ, хотя-бы наслажденья
Высокія испытывалъ твой духъ;
Ты эгоистъ, хотя-бъ другихъ мученья
Болѣзненно тревожили твой слухъ;
Хотябъ тебѣ высокое искусство
Открыло свѣтъ таинственный во мглѣ,
Хотябъ въ тебѣ горѣло свято чувство
Къ прекрасному, благому на землѣ;
Хотябъ своей любовію широкой
Ты всѣхъ людей и цѣлый міръ объялъ,
Хотябъ ты плакалъ и страдалъ жестоко
И радостью прекрасною сіялъ...
Но ты сидишь съ простертыми руками,
Съ возвышеннымъ мечтаньемъ на челѣ,
Съ блестящими и влажными глазами,
Уединенъ далеко на скалѣ:
Передъ тобой толпа стремится тѣсно —
Ты полонъ къ ней участья и любви,
Ты для людей придумалъ міръ чудесный,
Огонь мечты горитъ въ твоей крови...
О нѣтъ, не такъ участіе прилично,
И правды нѣтъ въ волненьи думъ твоихъ:
Бѣды людей ты испытуешь лично,
И плачешь ты не съ ними, а объ нихъ!
Не понялъ ты великаго значенья
Въ одинъ потокъ соединенныхъ волнъ!
Могущества ихъ общаго стремленья
Не понялъ ты, *своей* тоскою полнъ!
Оставь-же *свой* отдѣльный міръ страданья,
Гдѣ ты живешь-вдали людей любя!
Участія не нужны подаянья,
Изъ цѣлаго не исключай себя.
Лишь откажись отъ личныхъ притязаній,
Живую связь поймешь ты въ мигъ, — и вотъ
Съ своей судьбой и моремъ колебаній,
Величественъ является народъ!
Скорбь общая и общая невзгода
Тебѣ твои страданья замѣнятъ, —
Сильнѣй всего великій гласъ народа,
Предъ нимъ твои всѣ вопли замолчатъ!
Пойми себя въ народѣ! Не сжимаетъ
Какъ океанъ, твоей свободы онъ:
Тебѣ онъ только мѣсто назначаетъ,
Ты общему въ немъ живо покоренъ.
А безъ того — ты эгоистъ безъ силы.
И жизнь твоя прекрасная пуста,
Страданья вялы и оружья гнилы,
Порывъ безплоденъ и ложна мечта.
Съ народомъ лишь взойдетъ свобода зрѣло,

Могуществен народа только кликъ,
Принадлежитъ народу только дѣло,
И путь его державенъ и великъ!

[въ заключеніе приведемъ одно изъ самыхъ восторженныхъ произ-
ній К. Аксакова «Свободное слово» («Русь» 1880 г. № 1), гдѣ въ
ической формѣ проведена одна изъ наиболѣе близкихъ автору идей
ысль о необходимости свободы печати.

Ты чудо изъ божьихъ чудесъ,
Ты мысли свѣтильникъ и пламя,
Ты лучь намъ на землю съ небесъ,
Ты намъ человѣчества знамя.
Ты гонишь невѣжества ложь,
Ты вѣчно жизнію ново,
Ты къ свѣту, ты къ правдѣ ведешь
Свободное слово!

Лишь духу власть духа дана, —
Въ животной-же силѣ нѣтъ прока:
Для истины — гибель она
Спасенье — для лжи и порока;
Враждуетъ-ли съ ложью — равно
Живитъ его жизнію новой...
Неправдѣ — опасно одно
Свободное слово!

Ограды властямъ никогда
Не зижди на рабствѣ народа!
Гдѣ рабство — тамъ бунтъ и бѣда;
Защита отъ бунта — свобода.
Рабъ въ бунтѣ опаснѣй звѣрей,
На ножъ онъ мѣняетъ оковы...
Оружье свободныхъ людей
Свободное слово!

О слово, даръ Бога святой
Кто слово, даръ божескій, свяжетъ,
Тотъ путь человѣку иной, —
Путь рабства преступный укажетъ.
На ковни, на вредную рѣчь
Въ тебѣ-жъ и цѣленье готово,
О, духа единственный мечъ
Свободное слово!

Приведенныя три стихотворенія иллюстрируютъ самые дорогіе К. Аксакову пункты его общественнаго міросозерцанія. Казалось-бы, значитъ, что по такому поводу онъ долженъ былъ развернуть весь имѣвшійся въ его творческой способности лирическій пафосъ. И между тѣмъ всякій, кто сколько-нибудь привыкъ разбираться въ поэтическихъ произведеніяхъ и различать въ нихъ настоящее поэтическое золото отъ мишурныхъ блестокъ, всякій такой цѣнитель сразу, конечно, почувствуетъ въ приведенныхъ стихотвореніяхъ не только отсутствіе истинно-поэтическихъ образовъ и картинъ, но еще и риторическій холодъ. Послѣднее особенно поразительно по отношенію къ «Свободному слову». Подъ этимъ стихотвореніемъ имѣется дата «1853 годъ», т.-е. тотъ годъ, когда разразилась надъ славянофильскимъ кружкомъ вообще и надъ Константиномъ Аксаковымъ въ частности разсказанная на предъидущихъ страницахъ цензурная гроза. Такимъ образомъ, стихотвореніе не только отражаетъ собою теоретическое убѣжденіе, но и писано подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ конкретнаго факта, несомнѣнно взволновавшаго автора до глубины души. И, если, тѣмъ не менѣе, все это вмѣстѣ взятое въ результатѣ дало только весьма слабое стихотвореніе, риторичное и по конструкціи и по выполненію, то нельзя тутъ не придти къ тому заключенію, что поэтическій даръ К. Аксакова былъ не крупнаго пошиба.

Кстати будетъ вообще замѣтить, что, по нашему, по крайней мѣрѣ мнѣнію, у К. Аксакова не было того, что въ тѣсномъ смыслѣ этого слова принято называть литературнымъ талантомъ. Сынъ и братъ такихъ великихъ мастеровъ слова, какъ Сергѣй Тимофеевичъ и Иванъ Сергѣевичъ, Константинъ Аксаковъ самъ, однакоже, всего менѣе можетъ быть названъ стилистомъ. Пушкинское опредѣленіе

Такъ онъ писалъ темно и вяло,

по неволѣ приходитъ на умъ, когда читаешь путанныя и длинныя тирады, которыми изобилуютъ даже самыя удачныя и выношенныя статьи разсматриваемаго нами теперь писателя. Человѣкъ незнакомый съ біографіею Константина Сергѣевича, не знающій, что онъ былъ пламеннымъ, восторженнымъ энтузіастомъ, человѣкъ руководствующій только старой эстетической формулою — le style c'est l'homme, навѣрное оставитъ себѣ самое превратное представленіе о Константинѣ Аксаковѣ, если по его сочиненіямъ захочетъ возсоздать себѣ обликъ автора. У К. Аксакова былъ такъ великъ *пафосъ мысли*, что у него какъ-бы не осталось достаточно духовныхъ силъ для пафоса слова.

Чтобы покончить съ беллетристическими работами Константина Сергѣевича, скажемъ нѣсколько словъ о драматическихъ произведеніяхъ его.

Какъ и стихотворенія К. Аксакова, его драмы имѣютъ цѣли не художественныя, а дидактическія. Такъ, «Освобожденіе Москвы въ 1612 году» должно убѣдить читателя въ громадномъ историческомъ значеніи «земли», «Князь Луповицкій» есть сатира на оторванныхъ отъ той-же «земли» интеллигентовъ нашихъ, наконецъ «Олегъ подъ Константинополемъ» есть пародія на такъ называемое «скептическое» направленіе русской исторіографіи. Авторъ даже и попытокъ не дѣлаетъ создать настоящія драматическія произведенія и дать что нибудь, кромѣ драматизированныхъ историко-публицистическихъ тезисовъ. Въ наиболѣе серьезной по авторскимъ намѣреніямъ драмѣ Константина Сергѣевича — «Освобожденіе Москвы» даже нѣтъ никакой интриги и все дѣйствіе вращается исключительно около явленій общественныхъ.

По формѣ и относительной легкости выполненія наибольшими художественными достоинствами изъ перечисленныхъ трехъ драматическихъ произведеній обладаетъ «Олегъ подъ Константинополемъ». Мотивы послужившіе къ написанію этой драматической шутки изложены авторомъ въ предисловіи:

«Въ тридцатыхъ годахъ русскую исторію преподавалъ въ московскомъ университетѣ М. Т. Каченовскій, имя котораго навсегда останется въ лѣтописяхъ русской исторической науки. Студенты были увлечены скептическимъ его взглядомъ. Молодость любитъ критическое направленіе и охотно сомнѣвается. Повидимому это противорѣчитъ стремленію вѣрить, стремленію, которое составляетъ отличительную черту молодости, но здѣсь противорѣчіе только видимое, ибо самое сомнѣніе молодость часто принимаетъ на вѣру. Въ такомъ, очень нерѣдко одностороннемъ, влеченіи къ скептицизму лежитъ часто прекрасная основа: все испытать, все провѣрить своимъ умомъ, ничего не принимать безъ труда и ради авторитета.

Увлекаясь тогда, вмѣстѣ съ другими, скептическими мнѣніями профессора я увидѣлъ потомъ ихъ ошибочность. Тогда, подъ вліяніемъ этого скептицизма, написалъ я, съ одобренія товарищей, эту пародію, въ которой преувеличилъ до крайности мнѣнія противниковъ, представивъ Олега государемъ эпохи развитой и просвѣщенной. Вмѣстѣ съ тѣмъ это была пародія и на стихотворныя идеализаціи исторіи въ появлявшихся тогда нѣкоторыхъ патріотическихъ драмахъ, и вообще на звучность стиховъ, иными принимаемыми еще и теперь за поэзію».

Общій тонъ пародіи виденъ хотя-бы изъ разговора между Олегомъ и волхвомъ. Волхвъ приходитъ къ князью и въ ужасѣ разсказываетъ какой ему приснился странный и дивный сонъ

На сѣверѣ, между лѣсовъ дремучихъ,
Возникнетъ нѣкогда великій градъ,
Владыко царствъ, исполненъ силъ могучихъ,

Правительственной мудростью богатъ.
Воздвигнется въ немъ зданіе науки,
Ему названья въ русскомъ словѣ нѣтъ.
И въ этомъ зданьи нѣкогда ученый
Торжественно всѣ дивныя твои
Дѣла постыднымъ омрачитъ сомнѣньемъ
И, наконецъ, отвергнетъ вовсе ихъ.
Онъ скажетъ и доводами докажетъ,
Что не было, Олегъ, тебя совсѣмъ;
Что это вымыслъ, ложное преданье;
Что ты народа басня, что ты мифъ.
Олегъ въ бѣшенствѣ и съ ужасомъ.
Я мифъ?

Волхвъ.

Отчаянье твое понятно.
Погибнетъ все, когда отвергнутъ даже
Существованье самое твое.

Олегъ.

Я мифъ?

Волхвъ.

Спокойся, князь! Еще есть средство...

Олегъ не слушая.

Какъ варвары? Я мифъ? Но сердце бьется
Такъ пламенно въ груди моей! Но кровь
Такъ горячо бѣжитъ по этимъ жиламъ?...
Но этимъ грознымъ уступаютъ силамъ
Всѣ козни, всѣ усилія враговъ!...
Нелѣпость! Вздоръ! О еслибъ только могъ я,
Ученому злодѣю моему
Я-бъ доказалъ свое существованье и т. д.

И вотъ, чтобы доказать будущему скептитику-ученому, что онъ не мифъ, Олегъ рѣшается предпринять походъ на Константинополь, прибить къ вратамъ его свой щитъ и вообще оставить прочный слѣдъ въ аналахъ писанной исторіи.

Кромѣ этого основнаго мотива, въ пародіи есть и побочные эпизоды, какъ напр. внезапно завязавшійся романъ между греческою царевной и однимъ дулѣбомъ изъ войска Олегова, такой-же романъ между кіевлянкой Людмилой и кіевляниномъ Всеславомъ, который погибаетъ въ поединкѣ съ варяжскимъ скальдомъ Ингелотомъ и, наконецъ, третій романъ между тою-же греческою царевною, что прельстила дулѣба и самимъ Олегомъ. Соль всѣхъ этихъ эпизодовъ заключается въ ихъ книжномъ, напыщенномъ языкѣ, немыслимомъ, конечно, въ устахъ первобытныхъ сыновъ X вѣка.

«Освобожденіе Москвы», какъ уже было сказано, не имѣетъ ни какой драматической интриги и потому передать его содержаніе за труднительно. Это просто рядъ безпорядочно-нагроможденныхъ сцен: иллюстрирующихъ отдѣльные эпизоды событій 1612 года, сценъ почти ничѣмъ между собою не связанныхъ, кромѣ авторскаго старанія выдви нуть на первый планъ истинный патріотизмъ простаго народа и «земли: побороющій, въ концѣ концевъ, корыстные происки боярства. Эта цеı тральная идея пьесы ярче всего выражена въ одномъ изъ монологов представителя «земщины» Прокофія Ляпунова:

«Виноваты много бояре. Много возгордились они. На черныхъ людей съ вı сока смотрятъ; ихъ только хрестьянами называютъ; видимое дѣло, что сами уж стали не хрестьяне. — Горько это; забыли стало, что всѣ мы братья и всѣ хрı стіане; всѣ мы одной матери дѣти; всѣ мы братья и сродники по христовой вѣр и по Русской землѣ. — Пусть одинъ бояринъ — при немъ его боярство; пуст другой воинъ — при немъ его воинство; пусть еще третій земледѣлъ — при нем его земледѣліе. — Да вѣдь сегодня онъ земледѣлъ, а завтра бояринъ, а бояри завтра земледѣлъ. Это все какъ случится, и какъ приведется, и какой талант и что Богъ дастъ; а непремѣнное и вѣчное то, что всѣ мы, сколько насъ н есть, всѣ братья православные христіане и русскіе люди. А это-то мы и поз были, не какъ братья стоимъ другъ за друга; возвысились, одни передъ другимı гордостію. Богъ насъ и караетъ. Презрѣлъ Василій Ивановичъ земской совѣт Богъ и покаралъ его. Презрѣли и вы, бояре, братство и землю; эй, не забывайт земли русской и народа. Больше правды въ простомъ народѣ. — Когда во втоı никъ на страстной недѣлѣ сдѣлалась схватка съ поляками, кто стоялъ за Бож и земское дѣло? Все народъ. Сталъ тутъ и князь Дмитрій Михайловичъ Пожаı ской; вотъ это человѣкъ смиренный духомъ, и твердо стоитъ обще съ народом за Вѣру и землю. Такъ народа-то вы, бояре, не презирайте и надъ народомъ н высьтесь; вѣдь этимъ вы и сами себя осуждаете и отъ братства себя отрывает Не разрывайте земскаго союза, не забывайте народа — тогда и вамъ будет хорошо и вы родной землѣ нашей полезны будете, — а безъ того нѣтъ. — Вѣд всѣ мы, отъ мала до велика, всѣ христіане православные и русскіе люди, вс братья».

Весь этотъ монологъ и по идеямъ своимъ, и даже по слогу скорѣ напоминаетъ одну изъ историко-публицистическихъ статей Константин Сергѣевича, чѣмъ дѣйствительную рѣчь «думнаго дворянина». Но автор и не заботила особенно историческая достовѣрность. Какъ и во всем что онъ писалъ ему былъ важенъ предлогъ высказать переполнявшія е чувства того мистическаго демократизма и той пламенной любви к древнимъ формамъ русскаго народнаго быта, которыя составляютъ основ всѣхъ его общественныхъ, историческихъ и даже филологическихъ взглядовъ.

Такою-же иллюстраціею историко-публицистическихъ воззрѣній Ко стантина Аксакова является третье драматическое произведеніе его — «комедія» въ двухъ дѣйствіяхъ съ прологомъ «Князь Лупови

кій». Комедія имѣетъ цѣлью доказать, съ одной стороны, до какого комизма доходитъ оторванность русскихъ «культурныхъ» людей отъ реальныхъ основъ нашей народной жизни, а съ другой — какія великія сокровища ума и сердца кроются въ невзрачномъ на первый взглядъ мужичкѣ русскомъ. Въ частности, «Князь Луповицкій» есть подробное развитіе и переложеніе въ лица одной изъ наиболѣе горячихъ критическихъ статей Константина Аксакова, напечатанной имъ подъ псевдонимомъ *Имрека* въ «Моск. Сборникѣ» 1847 г.

Статья эта написана по поводу повѣсти изъ народной жизни кн. Одоевскаго «Сиротинки» (изъ сборника гр. Соллогуба «Вчера и сегодня») и вмѣстѣ съ нѣкоторыми деталями «Князя Луповицкаго» рельефно обрисовываетъ одинъ изъ кардинальныхъ пунктовъ міровоззрѣнія Константина Аксакова — его отношеніе къ простому народу.

«Сиротинки» привели рецензента въ крайнее негодованіе:

«Всегда съ невольнымъ, горькимъ чувствомъ», говоритъ онъ, «и съ негодованіемъ читаемъ мы такія повѣсти, гдѣ изображается (будто-бы изображается) нашъ народъ; невыносимо тяжело и больно, когда какой-нибудь писатель, народу совершенно чуждый, совершенно отъ него оторванный, лице отвлеченное, какъ все, что оторвано отъ народа, когда такой писатель, полный чувства своего мнимаго превосходства, вдругъ заговоритъ снисходительно о народѣ, могущественномъ хранителѣ жизненной великой тайны, во всей силѣ своей самобытности предстоящемъ предъ нами, легко и весело съ нимъ разставшимися. Писатель не трудится надъ тѣмъ, чтобы узнать, понять его; для него узнавать и понимать въ немъ нечего; ему стоитъ только снизойти написать о немъ. Противно видѣть, когда онъ, для вѣрнѣйшаго изображенія, прибѣгаетъ къ народному будто-бы оттѣнку рѣчи, къ народнымъ выраженіямъ, дошедшимъ до его слуха чрезъ переднюю и гостиную. Такой умышленный маскарадъ, такая милостивая поддѣлка, особенно когда пишутъ для народа, оскорбительна. Въ такомъ родѣ и повѣсть кн. Одоевскаго».

Насмѣшливо и негодуя пересказываетъ, затѣмъ, Конст. Сергѣевичъ содержаніе повѣсти, которое заключается въ томъ, что нѣкая барыня увозитъ бѣдную деревенскую дѣвочку, сиротинку Настю, въ Петербургъ и та, чрезъ нѣкоторое время, возвращается въ деревню, гдѣ, благодаря полученному ей въ одномъ изъ петербургскихъ пріютовъ воспитанію, оказываетъ благотворное вліяніе на подъемъ крестьянской нравственности и религіозности. Подводя итоги, возмущенный критикъ говоритъ:

«И такъ, все село возвышено и преобразованъ народъ, имѣющій кой-что въ своихъ воспоминаніяхъ, имѣющій, какъ народъ, тяжесть и твердость дѣйствительности въ своихъ движеніяхъ и переходахъ, — преобразованъ такъ легко и скоро Настей, воспитанной въ Петербургѣ. Она научила его молиться: онъ не умѣлъ этого, конечно!.. Но никакая въ свѣтѣ Настя и никакой въ свѣтѣ образованный и воспитанный человѣкъ не можетъ стать на ряду съ народомъ и осмѣлиться

наставлять его въ этомъ чувствѣ, — его, силою вѣры прогнавшаго столько вра говъ иноплеменныхъ. Можно-ли такъ легко судить о народѣ, такъ легко воспи тывать его посредствомъ какой-нибудь Насти, такого отвлеченнаго и легкаг лица; такъ не знать глубины убѣжденій и многаго, многаго въ народѣ, что дл Насти темный лѣсъ, и гдѣ-бы тысячу разъ она потерялась и пала-бы, почув ствовавъ и понявъ свое безсиліе, еслибъ къ счастію могла хоть сколько-нибуд понять его. Можно-ли это? Что сказать о такомъ поступкѣ?

Къ счастію, Настя и ей подобные не понимаютъ и не могутъ приблизитьс даже къ глубокой сторонѣ народа: это для нихъ непроницаемая тайна, заперто святилище. И сколько людей, именно въ наше время, именно въ нашей землѣ такихъ, которые оторвались отъ народа, отъ естественной тяжести союза с нимъ, умѣряющей и утверждающей шаги человѣка, дающей ему дѣйствител ность, и пошли летать и носиться, полные гордости и снисхожденія, — таких людей, которые будучи одѣты въ европейское платье и заглянувъ въ европей скія книги, выучившись болтать на чужомъ языкѣ и приходить, какъ слѣдуетъ въ заемный восторгъ отъ итальянской оперы, подходятъ съ указкою къ бѣдном не образованному народу и хотятъ чертить путь его народной и внутренней внѣшней жизни. Хотя-бы они поглотили въ самомъ дѣлѣ всю европейскую му рость, но если они оторваны отъ народа и хотятъ оставаться въ этой оторва ности, въ этомъ попугайномъ развитіи, если они съ-высока смотрятъ на него, - они ничтожны. И такъ Настя явленіе поучительное. Ошибка автора въ том что когда такой человѣкъ, какъ Настя, прикоснется къ народу, то совсѣмъ н выйдетъ такихъ результатовъ, какіе придумалъ г. авторъ; напротивъ, какъ мыл ный пузырь лопнетъ такая попытка, если только, при перевѣсѣ сила на ея сто ронѣ, она не сдавитъ внѣшнимъ образомъ народа».

Исторію такого мыльнаго пузыря Конст. Аксаковъ и хотѣлъ пред ставить въ «Князѣ Луповицкомъ». Мы нѣсколько остановимся н содержаніи этой комедіи, мало замѣчательной съ художественно точки зрѣнія, но интересной тѣмъ, что въ ней авторъ все цѣльнѣе выразилъ свой взглядъ на *современный ему* народъ. Как всѣ кабинетные мыслители, Константинъ Аксаковъ, большею частью виталъ въ тѣхъ самыхъ сферахъ отвлеченности отъ реальной, не посредственной народной жизни, за которую онъ такъ пушилъ княз Одоевскаго въ приведенныхъ только что цитатахъ. Говоря о народѣ Константинъ Сергѣевичъ всегда удалялся въ глубь исторіи и сли валъ въ одно понятіе народъ удѣльнаго періода, народъ 1612 года народъ нашихъ дней. Сквозь туманъ восторженныхъ словъ о пара ныхъ, такъ сказать, сторонахъ народной жизни, проявляющихся тольк въ великихъ историческихъ событіяхъ, у Константина Аксакова какъ у всѣхъ, впрочемъ, славянофиловъ трудно было проглядѣть какъ онъ себѣ рисуетъ народъ въ его повседневномъ, будни номъ быту и только въ одномъ «Князѣ Луповицкомъ» онъ сколько нибудь подробно и остановился на этой повседневной жизни нашег народа. Вотъ почему и любопытно ознакомиться съ названной «ко медіей», самой по себѣ очень слабой, но за то дающей бо

детальный матеріалъ для оцѣнки практической, жизненной цѣнности народолюбія Конст. Сергѣевича. И если еще вспомнить, что «князь Луповицкій» писанъ въ 1851 г., т.-е. въ тѣ-же, приблизительно, годы, когда писались «Записки охотника», «Антонъ Горемыка» и другія произведенія изъ народной жизни, исходившія изъ противоположнаго лагеря, то на «комедіи» Константина Аксакова можно будетъ наглядно прослѣдить разницу между демократизмомъ западническаго лагеря русской интеллигенціи и демократизмомъ славянофиловъ.

Содержаніе комедіи состоитъ вотъ въ чемъ:

Богатый князь Луповицкій, проживающій въ Парижѣ, въ одно прекрасное послѣ обѣда объявляетъ своимъ пріятелямъ, что онъ твердо рѣшилъ уѣхать на время въ Россію съ цѣлью «сивилизовать» своихъ крестьянъ. Пріятели его удерживаютъ. Одинъ изъ нихъ— графъ Долонскій, заявляющій, что для него Россія есть мѣсто, откуда онъ получаетъ деньги, отказывается понимать намѣренія Луповицкаго:

«Вѣдь наши мужики, вѣдь это развѣ люди? Знаешь, какое ихъ назначеніе? Ихъ назначеніе, чтобы мы, люди образованные, могли наслаждаться всѣми удовольствіями сивилизаціи, c'est le mot; чтобы я, напримѣръ, могъ жить въ Парижѣ и, между прочимъ, обѣдать въ Café de Paris. Вотъ для чего мужики, чтобы намъ давать средства на всѣ сивилизованныя удовольствія; c'est leur mission sur la erre, ils ne sont bons. qu'à ça, et c'est encore trop d'honneur pour eux».

Приблизительно тоже самое думаетъ другой пріятель — баронъ Салютинъ, который, кромѣ того проводитъ ту мысль, что если уже Луповицкій ни за что не хочетъ отстать отъ своей блажи и непремѣнно уже хочетъ «сивилизовать» своихъ крѣпостныхъ, то долженъ это сдѣлать силою:

«Э! mon ami, непремѣнно надо употребить силу; даже и убѣждать нечего пробовать; надо знать, съ кѣмъ быть деликатнымъ. Нужна желѣзная рука, mon cher,—une main de fer. Такъ только надо учить необразованный народъ. Сломай его, сдѣлай изъ него тѣсто, faites en une pâte, — и потомъ лѣпи, что угодно. C'est ainsi, que Pierre le Grand a agi envers nous. Eh bien. кажется трудъ не потерянъ. Мы можемъ быть ему благодарны за это: мы, надѣюсь, стали вполнѣ образованными людьми, можемъ быть собою довольны, Force brutale est trés neccessaire et très utile envers les brutes».

Луповицкій не поддается, однакоже, пріятелямъ. Онъ полагаетъ, что «русскій народъ также часть человѣчества» и что поэтому «къ русскому народу, — дикому, положимъ, необразованному, положимъ, можно, однакоже, привить просвѣщеніе европейское». Планъ его дѣйствій состоитъ въ томъ, чтобы «сивилизовать» и придать «видъ какой надобно» тѣмъ «зародышамъ», которые уже есть въ народѣ.

«Напримѣръ: благотворительность; вѣдь конечно мужикъ дѣлаетъ добро, n'est ce pas? Но какъ онъ дѣлаетъ?—подастъ нищимъ; это грубо, необразованно.

n'est ce pas? Я возьму это свойство въ мужикѣ, — и сивилизую. Онъ будетъ, какъ-нибудь, что-нибудь дѣлать въ пользу бѣдныхъ, какъ мы дѣлаемъ; ну баловъ, конечно, у нихъ нельзя завести, нужно что-нибудь другое: ужъ я придумаю».

И вотъ, запасшись «всѣмъ, что вышло на французскомъ языкѣ объ Россіи», Луповицкій ѣдетъ въ свою деревню, гдѣ, собравши мужиковъ, произноситъ имъ «ставши въ позу» слѣдующую рѣчь:

«Съ большимъ удовольствіемъ принимаю я изъявленіе вашей... вашей признательности, или скорѣе любви ко мнѣ, — любви, еще не заслуженной мною. Но я надѣюсь заслужить ее. Вѣрьте *(одушевляя себя)*, о да, вѣрьте, что и я люблю васъ. Я постараюсь устроить вашъ бытъ, передать вамъ плоды просвѣщенія, роскошные плоды наукъ и искусствъ,—*(горячась)*. Ничего не пожалѣю для этого, никакихъ трудовъ, ни... безсонныхъ ночей, ни... утомительныхъ дней, ни... препятствія природы, ни человѣческія препятствія не остановятъ меня.—Гдѣ ваши орудія, омоченныя не разъ благороднымъ пòтомъ вашимъ? Гдѣ соха, гдѣ пила? Дайте мнѣ ихъ! Моя рука не побоится прикоснуться къ нимъ, если нужно.—Но важнѣйшей трудъ предстоитъ мнѣ; я говорилъ о немъ сейчасъ. — Это тѣ нравственныя сокровища, которыя передамъ я вамъ, добытыя мною отъ Запада Европы, это сѣмена умственныя, которые долженъ разсѣять я здѣсь. — Вы поймете меня. Ваше сочувствіе, въ которомъ я не сомнѣваюсь, будетъ для меня лестною наградою. Повѣрьте мнѣ, я васъ уважаю, и докажу это! Вы можете считать на меня. *(Пауза)*. Господа! я въ вашихъ распоряженіяхъ. *(Въ сторону)*. Какъ хорошо бы это было по-французски!»

Понятно, что крестьяне въ недоумѣніи молчатъ въ отвѣтъ на эту рѣчь.

Болѣе детально развиваетъ Луповицкій отдѣльные пункты своей «сивилизаціонной» программы въ разговорѣ съ старостой Антономъ. И тутъ-то начинается для Луповицкаго рядъ посрамленій, обусловленныхъ его полнѣйшимъ незнаніемъ народной жизни. Дѣло начинается съ того, что Луповицкій совѣтуетъ быть религіозными.

«*Лупов.* Исполняйте, что велитъ вамъ религія или Вѣра. *Староста.* Мы исполняемъ, сколько силы нашей. *Луп.* Однако, Антонъ, я вѣдь былъ сегодня въ церкви: конечно, я пришелъ не къ началу, однако служили еще, — и я видѣлъ, что народу не много. *Стар.* Да вы, батюшка, послѣ обѣдни пришли; а это служили молебны; такъ тѣ и остались, кто служилъ, а другіе разошлись. *Луп. (сконфузившись)*. Да точно, да, молебны. — Позволь, однако, позволь: тамъ священникъ давалъ крестъ цѣловать. *Стар.* Да какъ-же, батюшка, это за всякимъ молебномъ бываетъ. *Луп. (совсѣмъ сконфузившись)*. Бываетъ, да, бываетъ, точно *(принимается за завтракъ)*. Не хочешь-ли ты позавтракать? Я велю тамъ подать *(указываетъ ему на свой завтракъ)*. *Стар.* Нѣтъ, батюшка, не стану. *Луп.* Отъ чего? *Стар.* У насъ постъ, батюшка; это скоромное. *Луп.* Постъ, — какой постъ? *Стар.* Петровки, батюшка. *Луп.* Петровки *(кладетъ вилку и ножикъ)* Признаюсь, не зналъ».

Потерпѣвъ пораженіе по предмету насажденія религіозности, Луповицкій смотритъ въ бумажку, гдѣ у него намѣчены всѣ пункты его

«сивилизаціоннаго» плана и переходитъ къ насажденію благотворительности:

Луп. Вотъ что я придумалъ. Вы устройте у себя благотворительный хороводъ. *Стар.* Что-жъ это будетъ такое? *Луп.* А вотъ что. Когда у васъ соберутся для хоровода, — каждый, кто захочетъ участвовать, дастъ по копѣйкѣ, или по полушкѣ въ общую сумму, для бѣдныхъ; а потомъ эти деньги и будетъ раздавать нищимъ, настоящимъ нищимъ, тотъ, кого хоть я назначу. — А? хорошо? *Стар.* Умныя твои рѣчи, батюшка. Только вотъ что: у насъ есть въ церкви кружка для бѣдныхъ. Хороводъ-то, веселье-то зачѣмъ? *Луп.* А веселье-то для того, чтобы охотнѣе дали; иной-бы, можетъ быть, безъ этой причины и не подалъ, — а для веселья подастъ. *Стар.* Стало, батюшка, человѣкъ ужъ тутъ не для Бога, а для своей потѣхи нищему подастъ. Гдѣ-жъ тутъ доброе-то дѣло будетъ? Для души-то что? *Луп.* Положимъ добраго дѣла собственно нѣтъ; для души, какъ ты выражаешься, нѣтъ; да все-же польза. *Стар.* Ужъ коли, батюшка, въ такомъ дѣлѣ святомъ, что нищему подать, для души ничего не будетъ, такъ ужъ тутъ какая польза, — тутъ вредъ, да и какой. Вѣдь, какъ нищаго увидишь — и вздохнешь, и подумаешь, что вотъ-де нищая братья, да и подашь; такъ оно для души много.— А тутъ, что это будетъ? Гамъ, веселье. Что, дескать, вамъ о нищей братіи думать; знай веселись, да себя тѣшь: вотъ тебѣ и доброе дѣло сдѣлалъ.

Провалившись и тутъ, Луповицкій заводитъ рѣчь о грамотѣ и о томъ, чтобы завести школу. Староста согласенъ, что «грамота хорошее дѣло: «ученье-свѣтъ, а неученье-тьма», но вмѣстѣ съ тѣмъ говоритъ барину: «чѣмъ школу заводить, батюшка, а ты пономарю дай жалованье за выучку, за каждаго, хоть рубли четыре или хоть три; онъ тебѣ и учить станетъ и выучитъ». Луповицкій соглашается и только желалъ-бы «книгъ накупить, книгъ для народа, принаровленныхъ къ понятію народа».

«*Стар.* Какія-же это книги, батюшка? *Луп.* Есть много такихъ книгъ, нарочно написанныхъ для простого ума. Въ нихъ разсуждается о предметахъ нужныхъ для крестьянина; напримѣръ о томъ, что такое быкъ? *Стар.* Быкъ? *Луп.* Ну да быкъ. Я думаю, быкъ много значитъ въ вашемъ быту. *Стар.* Не ужъ-то же, батюшка, мы быка не знаемъ. Неужели и того не знать, около чего цѣлый вѣкъ ходишь. *Луп.* Тамъ не только о быкѣ; тамъ о нравственныхъ обязанностяхъ; тамъ говорится, что не надо лгать, пьянствовать, ну... и такъ далѣе. Вѣдь эти книги для васъ нужны. *Стар.* И по нашему, батюшка, не годится пьянствовать и лгать; да вѣдь ктожъ этого не знаетъ? Не дѣлаютъ только. *Луп.* Ну, да все-же не худо объ этомъ еще почитать. *Стар.* Не худо, кто говоритъ, только ужъ объ этомъ давно написано и хорошо написано; врядъ-ли ужъ лучше написать можно. На это ужъ есть книги. *Луп.* Гдѣ? Какія? *Стар.* Священныя книги, батюшка. Вотъ ихъ-то ты намъ купи, батюшка, сдѣлай милость».

Заводитъ, затѣмъ, Луповицкій рѣчь о неопрятности крестьянской:

«Посмотри, какія у тебя грязныя руки, вѣдь какая разница съ моими *(сравниваетъ свою руку съ рукою старосты).* Просто даже совѣстно. *Стар.* Кому, батюшка совѣстно? *Луп.* Конечно, тебѣ должно быть совѣстно. *Стар.* Э, батюшка, въ навозѣ возимся, какъ-же быть то? Оттого, батюшка, твои ручки и бѣлы, что наши черны: — ну и на здоровье.

Не увѣнчивается бóльшимъ успѣхомъ планъ Луповицкаго поднять крестьянскую нравственность посредствомъ награжденія за добрыя дѣла.

«*Луповицкій.* Если кто изъ огня кого-нибудь выхватитъ, ну тамъ, ну какъ-нибудь, еще поможетъ, ну денегъ дастъ, — такъ этому я даю кушакъ шелковой, шитый золотомъ, а женщинѣ жемчужныя серьги. Ты опять молчишь.—Не ужь-то и это не нравится? *Стар.* Вотъ что, батюшка, я тебѣ скажу. Дѣлаетъ человѣкъ доброе дѣло: вѣдь онъ, батюшка, не изъ награды его дѣлаетъ; такъ ты наградою его обидишь, да и доброе то дѣло ты не добромъ покажешь. — А коли для награды доброе дѣло кто сдѣлалъ, такъ ужъ это какое доброе дѣло?—и награждать-то его не за что».

Такъ-то отбриваетъ простой мужичекъ представителя парижской «сивилизаціи» и, пунктъ за пунктомъ, разрушаетъ всю программу либеральнаго барина, такъ что тотъ «совершенно сбитый съ толку» долженъ сказать себѣ: «Battu, complètement battu. Какъ онъ уменъ, однако, этотъ Антонъ. Не даромъ говорятъ, что народъ русскій имѣетъ умъ, еще-бы! бездну ума».

Но не только предъ умомъ «народа русскаго» приходится преклониться парижскому сивилизатору. Разыгрывается предъ его глазами такое зрѣлище: собираются его крестьяне на сходку за тѣмъ, чтобы рѣшить, кого сдать въ рекруты. Большинство высказывается за то, чтобы отдать безроднаго парня Андрюху. Но такое рѣшеніе вызываетъ рѣзкій протестъ стараго крестьянина Прохора:

«Вы хотите Андрюху отдать; онъ, дескать, сирота. Такъ это, выходитъ, отдаемъ мы въ солдаты безпомощнаго. Сиротство-то его, выходитъ, мы ему въ вину ставимъ.—Такъ-ли? А? Подумайте. Не грѣхъ-ли это будетъ? Виноватъ-ли онъ, что сирота?—Что некому за нимъ поплакать, да поскорбѣть: такъ вѣдь онъ и самъ тому не радъ; вѣдь его горе — сиротство-то; а тутъ мы къ горю да еще горе на него навалимъ.—Такъ что-ли? Нѣтъ, братцы; грѣхъ будетъ міру сироту обидѣть; передъ Богомъ грѣхъ; онъ плакаться на насъ Богу будетъ.—Ужъ если нѣтъ у него ни роду, ни племени, некому заступиться, — такъ міръ ему заступникъ. Вотъ по моему какъ».

Слова Прохора производятъ впечатлѣніе. Сходка соглашается, что дѣйствительно «грѣхъ будетъ сироту обидѣть» и рѣшаетъ, что у кого больше сыновей, тотъ и долженъ выставить рекрута. На бѣду оказывается, что больше всего сыновей у любимаго всѣми старосты Антона. Какъ тутъ быть? Какъ тутъ соблюсти справедливость, какъ сдѣлать, чтобы и старосту не обидѣть и вмѣстѣ съ тѣмъ не заставить «помилованіемъ» старосты отдуваться кого-нибудь изъ прочихъ крестьянъ. И вотъ, по совѣту того-же правдолюба Прохора, сходка постановляетъ купить рекрутскую квитанцію, которая стоитъ ни много, ни мало 800 руб. серебромъ. Съ удивленіемъ узнаетъ объ этомъ рѣшеніи Луповицкій,

который былъ увѣренъ, что отдадутъ Андрея. «Некому заступиться», говоритъ онъ въ изумленіи «такъ міръ заступникъ... mais c'est sublime, c'est beau, ça!» «C'est de la clemence, c'est touchant» говоритъ онъ затѣмъ, по поводу того, что старосту «помиловалъ» міръ: «il est imposant ce міръ. Я сегодня очень доволенъ; сегодня прекрасный для меня день. Міръ познакомилъ меня съ собой своимъ возвышеннымъ, истинно благороднымъ поступкомъ. Я уѣду отсюда съ большимъ почтеніемъ къ народу. Je vous estime, monsieur le peuple».

Таково содержаніе комедіи, повторяемъ еще разъ, очень слабой въ литературномъ отношеніи, но очень удобной для выясненія основныхъ пунктовъ народолюбія Константина Аксакова. Въ историко-публицистическихъ статьяхъ Константина Сергѣевича эти пункты изложены расплывчато, туманно, а главное разбросанно и отрывочно, такъ что для полученія полной картины пришлось-бы прибѣгать къ мозаикѣ, здѣсь-же все ясно до схематичности. Сама собою слагается такая формулировка:

1) Народъ не нуждается ни въ какихъ указаніяхъ, въ особенности со стороны нашихъ нахватавшихся верховъ европейской цивилизаціи «культурныхъ людей».

2) У народа есть свое стройное и устойчивое міросозерцаніе, не только вполнѣ пригодное для ежедневной, сѣрой крестьянской жизни, но способное выдержать натискъ міросозерцанія людей, безконечно превосходящихъ мужика образованіемъ и соціальнымъ положеніемъ.

3) Въ частности, у народа есть своя самобытная нравственность и своя, если и не самобытная, то, все-таки, окрашенная самостоятельнымъ пониманіемъ религіозность, на совокупности которыхъ и строятся соціальныя отношенія крестьянской общины.

4) Народная нравственность основана на чувствахъ справедливости. Оба эти чувства народъ никогда не понимаетъ въ формальномъ, математическомъ смыслѣ. Вотъ почему, строго блюдя интересы *всей* общины, онъ, все-таки, смотритъ затѣмъ, чтобы не только интересы меньшинства, но даже интересы отдѣльныхъ личностей не страдали-бы отъ соблюденія мірскихъ выгодъ.

5) Религіозность народа, какъ и нравственность его, не внѣшняя и не показная. Она есть удовлетвореніе внутренняго призыва къ добру.

6) Источникъ нравственности и религіозности народа кроется въ исповѣдуемой имъ православной вѣрѣ. Когда староста Антонъ, пунктъ за пунктомъ, разрушилъ всю «сивилизаціонную» программу своего барина, между «сбитымъ совершенно съ толку» Луповицкимъ и его собесѣдникомъ произошелъ такой разговоръ:

«*Луп.* Антонъ, ты гдѣ учился? *Стар.* Нигдѣ, батюшка. *Луп.* Грамотѣ умѣешь. *Стар.* Умѣю, батюшка. *Луп.* Что ты читалъ? *Стар.* Церковныя книги, батюшка».

7) Совокупность всего вышесказаннаго создала глубоко-своеобразный правовой, экономическій и нравственный институтъ—крестьянскій «міръ», который есть хранитель истинно-народныхъ традицій и панацея противъ тѣхъ золъ, которыя при иномъ строѣ повели-бы къ цѣлому ряду соціальныхъ и индивидуальныхъ несправедливостей.

Вотъ изъ какихъ пунктовъ слагается народолюбіе Константина Аксакова, пунктовъ на столько опредѣленно выраженныхъ въ только что разсмотрѣнной нами «комедіи», что они ничего не требуютъ кромѣ констатированія. Можно, конечно, съ ними соглашаться или несоглашаться, можно находить представленія Константина Сергѣевича о свойствахъ народной психологіи фантастичными или, напротивъ того, правильными — это другой вопросъ. Но повторяемъ, въ виду ясности и рельефности (не художественной, а публицистической), съ которою они выражены въ «Князѣ Луповицкомъ», дальнѣйшія поясненія излишни.

На одной только сторонѣ «Князя Луповицкаго» мы считаемъ необходимымъ нѣсколько остановиться. Есть въ этой пьесѣ кое-что, что не сразу бросается въ глаза и требуетъ кое-какихъ разъясненій; разъясненій тѣмъ болѣе необходимыхъ, что дѣло идетъ объ основной чертѣ всего міровоззрѣнія Константина Аксакова. Мы говоримъ о томъ *мажорномъ тонѣ,* въ которомъ написанъ «Князь Луповицкій» и который характеризуетъ не только Константина Аксакова, но и всю славянофильскую школу. Этимъ тономъ Константинъ Аксаковъ отличается не только отъ западниковъ сороковыхъ годовъ, но и отъ народниковъ позднѣйшей формаціи, не менѣе его восторженно относящихся къ складу народной души и къ основамъ народно-общинной жизни. И является у Аксакова этотъ тонъ, потому что *генезисъ* его народолюбія не тотъ, что у народолюбцевъ противоположнаго лагеря.

Если мы, въ самомъ дѣлѣ, присмотримся къ исторіи западническаго народолюбія, намъ не трудно будетъ убѣдиться, что источникъ его кроется въ чувствѣ *жалости* нравственно чуткихъ представителей русскаго культурнаго класса къ бѣдственному положенію мужика и въ чувствѣ *раскаянія,* которое испытывали «сыны народнаго бича» при мысли о своей причастности грѣху вѣкового угнетенія крѣпостного раба. Когда въ началѣ сороковыхъ годовъ, шедшія къ намъ изъ Франціи «филантропическія», по терминологіи того времени, идеи привели къ необыкновенно яркому пробужденію *общественныхъ* чувствъ и когда

тѣже самые «люди сороковыхъ годовъ», которые всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ тридцатыхъ годахъ, только и думали, что объ «абсолютахъ», о «святынѣ искусства», о «вѣчной красотѣ», и тому подобныхъ метафизическихъ тонкостяхъ, теперь до мозга костей прониклись «политикой», вопросъ о народѣ не могъ не стать однимъ изъ центральныхъ вопросовъ времени. Поколѣніе, вся духовная жизнь котораго сосредоточилась на размышленіяхъ о томъ справедливъ или несправедливъ существующій общественный строй, прежде всего стало болѣть душою за «униженныхъ и оскорбленныхъ» вообще и за русскаго крѣпостнаго мужика въ частности. Глашатай этого поколѣнія — «неистовый Висаріонъ», съ тою-же восторженною энергіею, съ которою онъ нѣкогда требовалъ отъ писателей служенія чистому искусству, началъ требовать отъ нихъ опредѣленной общественной тенденціи, подразумѣвая подъ нею, по преимуществу, все ту-же защиту «униженныхъ и оскорбленныхъ» вообще и мужика въ частности. И чутко внимавшіе пламенному искателю истины молодые таланты того времени поддались неотразимому вліянію горячей убѣжденности Бѣлинскаго и, точно сговорившись, почти въ одинъ и тотъ-же годъ, предстали предъ изумленною публикою съ рядомъ превосходныхъ произведеній, въ основѣ которыхъ лежали самыя широкія симпатіи къ загнанному простолюдину. Явился Григоровичъ съ «Деревней» и «Антономъ Горемыкой», въ которыхъ впервые былъ показанъ человѣкъ въ крѣпостномъ мужикѣ, явился Тургеневъ съ «Записками охотника», въ которыхъ то-же желаніе очеловѣчить мужика было проведено съ еще большею теплотою, явились первыя стихотворенія на народныя темы Некрасова, бросившаго подъ новымъ вліяніемъ прежніе «мечты и звуки» и посвятившаго отнынѣ свою музу народнымъ *страданіямъ* и психологіи народной души.

И такъ, желаніе выяснить, что крѣпостной рабъ есть тоже человѣкъ и что, слѣдовательно, его страданія должны быть облегчены — вотъ на чемъ зиждется народолюбіе писателей школы Бѣлинскаго. Но именно потому-то въ ихъ произведеніяхъ и не могло быть того мажорнаго тона, того изображенія народа бодрымъ и полнымъ сознанія своихъ внутреннихъ силъ, которое мы встрѣчаемъ въ произведеніяхъ славянофильскаго направленія.

Правда, могло быть негодованіе, но такъ какъ этому мѣшали цензурныя условія, то въ результатѣ и получилось, что почти всѣ произведенія изъ народной жизни, вышедшія изъ подъ пера людей прогрессивнаго лагеря 40-хъ годовъ, написаны въ гуманно-сострадающемъ тонѣ, цѣль котораго вызвать и въ читателѣ состраданіе къ крестьянской недолѣ.

Изъ діаметрально-противоположнаго источника вытекло народолюбіе авянофиловъ или, чтобы держаться ближе предмета настоящей статьи, родолюбіе Константина Аксакова. Если Тургеневу, Григоровичу, экрасову мужикъ былъ близокъ, потому что они въ немъ видѣли *ловѣка*, и притомъ человѣка, нуждающагося въ сочувствіи и помощи, Константину Аксакову мужикъ былъ дорогъ, главнымъ образомъ, къ хранитель «истинно-русскихъ» традицій. Не потому любилъ Конантинъ Аксаковъ мужика, что мужикъ нашъ меньшій братъ. и потому лженъ имѣть такое-же мѣсто за столомъ жизненнаго пиршества, какъ мы сами, а потому, что онъ видѣлъ въ мужикѣ живой обломокъ рогого ему древне-русскаго быта. И вотъ почему, совершенно закрыя глаза на реальную дѣйствительность и на тѣ печальныя условія, еди которыхъ протекла жизнь крѣпостнаго мужика, онъ изображалъ въ такихъ оптимистическихъ краскахъ, въ такомъ мажорномъ тонѣ, о иностранецъ напримѣръ, который, не зная другихъ произведеній, ісующихъ крѣпостной бытъ, захотѣлъ-бы по «Князю Луповицкому», и по остальнымъ писаніямъ Константина Аксакова составить себѣ едставленіе о крестьянской жизни въ эпоху крѣпостнаго права, інесъ-бы изъ чтенія сочиненій разсматриваемаго нами теперь писателя иое розовое впечатлѣніе. Такъ, въ «Князѣ Луповицкомъ» всѣ креяне очень зажиточны и въ порывѣ великодушія даютъ 800 рублей, ь которыхъ 100 даетъ староста, представляющій собою, замѣтьте, не ычный типъ ворюги-старосты, обкрадывающаго барина, выжимающаго къ изъ мужика и потому имѣющаго въ кубышлѣ не малую толику грабленныхъ денегъ, а, напротивъ того, являющій изъ себя человѣка ісоко-честнаго и, слѣдовательно, вполнѣ нормальнымъ путемъ наживіго свой достатокъ. Когда еще неузнанный своими крестьянами Лупоцкій стороною спрашиваетъ одну изъ попавшихся ему бабъ, какъ жится мужикамъ его деревни, она ему говоритъ: «намъ грѣхъ Бога гнѣть, намъ хорошо». Словомъ, настоящая Аркадія. И еслибы мы изъ еобщихъ отзывовъ друзей и недруговъ не знали-бы, что Константинъ :саковъ былъ человѣкъ высоко-идеальнаго склада характера, весь говшій святымъ огнемъ стремленія къ истинѣ, то всѣ эти усилія выстагъ черное бѣлымъ и ликовать тамъ, гдѣ у другихъ вырывались стоны іаянія, можно было-бы причислить къ тому пошлому квіетизму, котоій дѣлалъ столь отвратительнымъ для чуткихъ людей 40-хъ гг. славовіе Булгариныхъ и Гречей. Но именно потому, что сопоставленіе іхъ именъ было-бы глубокимъ оскорбленіемъ для чистой памяти Конінтина Сергѣевича, тутъ и не можетъ быть рѣчи о сколько-нибудь наренномъ квіетизмѣ и умышленномъ закрываніи глазъ. Нѣтъ, все дѣло тутъ томъ, что упрекая другихъ въ кабинетности и незнаніи народа, Констан-

тинъ Аксаковъ, какъ улитка прожившій всю свою жизнь въ раковинѣ отцовскаго дома, самъ болѣе другихъ былъ въ этомъ повиненъ и считалъ «знаніемъ» народа изученіе былинъ Владимірова цикла и лѣтописей. Живые-же люди, съ которыми ему пришлось водить дружбу послѣ разрыва съ кружкомъ Станкевича и Бѣлинскаго, всѣ эти Хомяковы, Самарины, Кирѣевскіе, наконецъ собственный отецъ его были люди очень богатые, не имѣющіе рѣшительно никакой надобности сколько-нибудь дурно обращаться со своими крестьянами. Если мы вспомнимъ съ какимъ добродушіемъ относится Сергѣй Тимофеевичъ къ крѣпостному праву, то намъ станетъ вполнѣ понятнымъ, что и въ сынѣ его, разъ онъ жизни не зналъ, только теоретическіе импульсы могли создать иное, болѣе озлобленное отношеніе. Но именно теоретическіе-то импульсы и направляли его на иные пути борьбы. Тѣ импульсы, которые вдохновляли бывшихъ друзей Константина Сергѣевича на возможно-рѣзкій протестъ противъ темныхъ сторонъ крѣпостнаго права, для него были несимпатичны уже въ источникѣ своемъ, потому что помимо того, что они шли съ запада, они говорили о враждѣ и «фрондерствѣ», столь не любимыхъ имъ. Свое-же общее міросозерцаніе и складъ восторженной натуры гнули въ сторону усматриванія положительныхъ сторонъ. Конечно, это не умаляло степени нелюбви Константина Сергѣевича къ крѣпостному праву, въ ненависти къ которому онъ едва-ли уступалъ кому-бы то ни было. Но со стороны-то, для читателя-то, получалось очень странное впечатлѣніе, получался тотъ совершенно неумѣстный мажорный тонъ, то идиллическое изображеніе крѣпостнаго люда, по поводу котораго каждый крѣпостникъ и рабовладѣлецъ могъ сказать: зачѣмъ отмѣнять крѣпостное право, когда при немъ народу такъ хорошо живется.

Такимъ образомъ по главному пункту, въ которомъ могло практически сказаться народолюбіе человѣка 40-хъ годовъ, Константинъ Аксаковъ проявилъ какой-то академическій холодъ, совершенно не вязавшійся съ общимъ, горячимъ складомъ его личнаго и писательскаго темперамента. Онъ, который произнесъ въ теченіи своей литературной дѣятельности такъ много негодующихъ словъ по адресу людей и понятій, всего только повинныхъ въ «обезьяничаніи» европейскихъ «шаблоновъ», болѣе чѣмъ рѣдко говорилъ о бѣдности и приниженности мужика. Предпочитая дѣйствовать на пользу народа изображеніемъ его высокихъ нравственныхъ и умственныхъ качествъ, онъ весь уходилъ въ панегирическіе дифирамбы его историческому прошлому и современному бодрому самосознанію. Но не имѣетъ дифирамбъ такого доступа къ сердцу читателя, какъ слово состраданія и сожалѣнія, и вотъ почему народолюбіе «оторванныхъ» отъ почвы западниковъ было практически плодотворнѣе, чѣмъ на-

родолюбіе одѣвшагося въ мурмолку Константина Сергѣевича. Эти «оторванные» люди получили величайшую награду, какая только можетъ быть для писателя — ихъ произведенія дали огромный толчокъ освобожденію народа изъ подъ вѣковаго гнета. Все русское общество, начиная съ Императора Александра II, именно на Тургеневѣ, Григоровичѣ и частью на Некрасовѣ, воспитало свое отвращеніе къ крѣпостному праву, а дифирамбы Константина Аксакова были въ свое время извѣстны его друзьямъ и журналистамъ, а теперь историкамъ литературы.

Сформулировавши на стр. 238 основные пункты народолюбія Константина Аксакова и давши, затѣмъ, характеристику общаго тона этого народолюбія, мы ознакомили читателя съ одною изъ наиболѣе существенныхъ сторонъ духовной физіономіи разсматриваемаго нами писателя. Перейдемъ теперь къ другимъ руководящимъ идеямъ его и къ другимъ родамъ литературной дѣятельности, въ которыхъ разбрасывавшійся во всѣ стороны Константинъ Сергѣевичъ упражнялъ свое разнообразное творчество и къ которымъ примѣнялъ свои обширныя и разнообразныя познанія. Такъ великъ былъ пылъ этого пламеннаго искателя истины и такъ стремителенъ напоръ переполнявшихъ его чувствъ, что онъ въ теченіи 25 лѣтъ своихъ научно-литературныхъ занятій не могъ сконцентрироваться на чемъ-нибудь одномъ. Стихи, драмы, критика, исторія вообще, исторія литературы въ частности, публицистика, филологія, все это шло въ перемежку и все это интересовало автора не само по себѣ, а какъ средство пропагандировать свои общественно-политическіе взгляды.

Въ хронологическомъ порядкѣ Константинъ Сергѣевичъ послѣ «изящной словесности» раньше другого сталъ работать на поприщѣ критики, начавъ съ мелкихъ рецензій въ «Моск. Наблюдателѣ», редакціею котораго въ концѣ 30-хъ годовъ завѣдывалъ кружокъ Станкевича. Въ 1842 г. онъ издаетъ небольшую брошюру о «Мертвыхъ Душахъ». Самой брошюры, ставшей библіографическою рѣдкостью, намъ, къ сожалѣнію, не удалось видѣть [1]), но о ней даютъ весьма полное понятіе двѣ посвященныя ей статейки Бѣлинскаго и сердитый отвѣтъ на нихъ, напечатанный задѣтымъ Константиномъ Аксаковымъ въ «Москвитянинѣ» 1842 г. (№ 9). Впрочемъ, весь этотъ incident любопытенъ не столько самъ по себѣ,

---

[1]) Ея нѣтъ даже въ Публичной Библіотекѣ.

сколько для характеристики взаимныхъ отношеній полемизировавшихъ. Недавніе горячіе друзья обмѣнивались такими колкостями, что, со стороны глядя, трудно было допустить мысль, что еще какихъ-нибудь два года раньше противники души не чаяли другъ въ другѣ. Да и самый объектъ спора — черезчуръ восторженное отношеніе Константина Аксакова къ Гоголю довольно удивителенъ для всякаго знающаго, что именно въ кружкѣ Бѣлинскаго и зародилось пламенное «гоголефильство» автора брошюры. Но и то сказать, «гоголефильство» «гоголефильству» рознь. Если у Бѣлинскаго хватило мужества такъ таки en toutes lettres написать, что Гоголь геній, и этимъ смѣлымъ утвержденіемъ поднять цѣлую бурю насмѣшекъ со стороны вліятельныхъ тогда литературныхъ старовѣровъ, находившихъ, что Гоголь есть ничто иное, какъ русскій Поль-де-Кокъ, то въ свою очередь и самъ Бѣлинскій не могъ удержаться отъ насмѣшекъ, когда незнавшій удержу въ своихъ симпатіяхъ Константинъ Сергѣевичъ написалъ, что въ «Мертвыхъ Душахъ» воскресаетъ древній эпосъ и что по «акту творчеству» рядомъ съ Гоголемъ могутъ быть поставлены только Гомеръ и Шекспиръ.

О внѣшней формѣ восторженнаго по содержанію панегирика Бѣлинскій отозвался такимъ образомъ:

«Брошюра г. Константина Аксакова вся состоитъ изъ сухихъ, абстрактныхъ построеній, лишенныхъ всякой жизненности, чуждыхъ всякаго непосредственнаго созерцанія и, поэтому, въ ней нѣтъ ни одной яркой мысли, ни одного теплаго, задушевнаго слова, которыми ознаменовываются первыя и даже самыя неудачныя попытки талантливыхъ и пылкихъ молодыхъ людей, и потому-же въ ея изложеніи видна какая-то вялость, расплывчатость, апатія, неопредѣленность и сбивчивость».

Зная высокій нравственный обликъ Бѣлинскаго, невозможно даже на одну минуту допустить, чтобы этотъ отзывъ былъ продиктованъ чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ искренняго желанія дать читателю понятіе о чисто-литературной сторонѣ брошюрки. Самый-же фактъ совершеннаго несоотвѣтствія вялой формы и восторженнаго содержанія можно объяснить отчасти тѣмъ, что, какъ мы уже отмѣтили разъ, *пафосъ мысли и чувства* вообще не соотвѣтствовалъ въ произведеніяхъ Константина Аксакова *пафосу изложенія*, а еще болѣе тѣмъ, что брошюрка, судя по выдержкамъ, приведеннымъ у Бѣлинскаго, писана на томъ малопонятномъ и донельзя путанномъ гегеліянскомъ жаргонѣ, который одинъ остроумный московскій профессоръ 40-хъ годовъ назвалъ «птичьимъ языкомъ». Этотъ «птичій языкъ» портилъ статьи даже такого блестящаго стилиста, какъ авторъ «Кто виноватъ», который самъ впослѣдствіи добродушно смѣялся надъ слогомъ своихъ гегеліанскихъ мудрствованій. Читатель помнитъ,

конечно, какъ страсть всюду видѣть подтвержденіе гегеліанскихъ тезисовъ доходила у членовъ кружка Станкевича до того, что «человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобы отдаваться пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ; и если ему попадался по дорогѣ какой-нибудь солдатъ подъ хмѣлькомъ или баба, вступавшая въ разговоръ, философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народности въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи». Брошюрка К. Аксакова, даже въ тѣхъ только частяхъ, которыя приведены у Бѣлинскаго, написана точно нарочно для того, чтобы иллюстрировать эту характеристику. Такъ, между прочимъ, по «птичьей» терминологіи юнаго гегеліанца выходило, что любя ѣзду на тройкахъ, Чичиковъ не просто любилъ скорую ѣзду, а сливался въ это время съ субстанціей русскаго народа, тоже любящаго ѣзду на тройкахъ.

Пять лѣтъ спустя — въ «Москов. Сборникѣ» 1847 г. Константинъ Сергѣевичъ выступаетъ подъ псевдонимомъ *Имрека* съ тремя критическими статьями болѣе виднаго литературнаго значенія. Съ первой изъ нихъ, гдѣ авторъ въ лицѣ князя Одоевскаго напустился на всѣхъ «оторванныхъ» отъ народа интеллигентовъ вообще, мы уже знакомы. Вторая посвящена «Опыту исторіи русской литературы» извѣстнаго въ свое время ученаго Никитенко и вся состоитъ изъ очень грубыхъ выходокъ противъ петербургскаго профессора, болѣе всего провинившагося предъ рецензентомъ своимъ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ допетровской старинѣ. Жестоко ему достается за одно мѣсто, гдѣ онъ говорилъ о «звѣрскихъ брадатыхъ лицахъ» стрѣльцовъ. Но самое большое негодованіе критика возбудила одна тирада Никитенко, защищающая Петровскую ломку такими доводами: «что-за важность, еслибы даже для облегченія по этой дорогѣ пришлось бросить нѣкоторыя изъ старинныхъ привычекъ, надѣть новое платье, выбрить бороду, пить для подкрѣпленія силъ чай и кофе вмѣсто охмѣляющаго питья, отдыхать отъ трудовъ въ опрятныхъ и удобныхъ домахъ, вмѣсто дымныхъ логовищъ».

«Логовищъ!» съ негодованіемъ восклицаетъ критикъ по поводу это дѣйствительно довольно-таки безсмысленной тирады. «Мѣсто, гдѣ живетъ дикій звѣрь! Такъ называетъ г. Никитенко наши крестьянскія избы! Ибо ни къ чему другому не могутъ относиться его слова. Если онъ говоритъ про прошедшее, то бояре и прежде Петра не живали въ дымныхъ палатахъ; а наши бѣдныя дымныя избы носятъ на себѣ и теперь весь отпечатокъ древней Руси; и такъ, только къ нимъ могутъ относиться эти изумительныя слова. Но оставя въ сторонѣ такую нѣжность выраженія, которую видно допускаетъ просвѣщенный и гуманный европеизмъ г. автора, спросимъ: развѣ это зависитъ отъ выбора — опрятный и удобный домъ? Развѣ нѣтъ тутъ матеріальныхъ условій богатства? Развѣ не согласился-бы всякій промѣнять дымную избу на избу (или домъ), по-

строенную опрятно и удобно?—Кажется это не нужно доказывать. Налагать-же упрекъ бѣдности на народъ, который живетъ въ дымныхъ логовищахъ, какъ имѣлъ духъ сказать г. Никитенко — это невыносимо».

Вотъ какую ноту взялъ вознегодовавшій критикъ въ пылу полемики. Мало она имѣетъ общаго съ тѣмъ мажорнымъ тономъ, который составляетъ главную особенность большинства другихъ писаній Константина Сергѣевича, трактующихъ о народѣ. Но это-то и доказываетъ справедливость сказаннаго нами выше по поводу народолюбія разсматриваемаго нами писателя, это-то и доказываетъ, что онъ неменьше западниковъ скорбѣлъ о бѣдности народной, но только класть жалость въ основу своего народолюбія, какъ дѣлали западники, мѣшала ему доктрина, по которой не жалѣть должны мы народъ, а, напротивъ того, завидовать ему и поучаться у него.

Третья статья Имрека — Аксакова въ «Моск. Сборн.» разбираетъ изданный Некрасовымъ «Петербургскій Сборникъ», въ составъ котораго, какъ извѣстно, входили произведенія почти всѣхъ представителей тогдашней молодой прогрессивной литературы. Не любилъ ихъ Константинъ Сергѣевичъ, очень не любилъ. И все за ту-же «оторванность» отъ народа. Больше всего, впрочемъ, досталось Достоевскому за «Бѣдныхъ людей» и «Двойника», въ которыхъ критикъ видѣлъ неудачное подражаніе Гоголю. Попало и Тургеневу, по мнѣнію критика пишущему «постоянно плоше и плоше». Поэму Майкова «Двѣ судьбы» Имрекъ «прочелъ съ непріятнымъ и грустнымъ чувствомъ». Что-же касается статьи Бѣлинскаго о русской литературѣ, то въ ней петербургскій критикъ «обнаружилъ невѣжество» и въ общемъ его статья есть «болтовня, повтореніе столько разъ повторявшейся болтовни о русской литературѣ, болтовни, которую встрѣчали мы въ Отечественныхъ Запискахъ».

Впрочемъ, не одно только осужденіе вызывали «петербургскіе» литераторы въ Имрекѣ. Такъ какъ вражда къ нимъ была въ московской критикѣ исключительно идейная, безъ малѣйшаго оттѣнка чего-нибудь личнаго, то всякая черточка въ литературной дѣятельности противниковъ, сколько-нибудь симпатичная Константину Сергѣевичу и совпадающая съ основами его общественно-политическаго міросозерцанія, встрѣчала съ его стороны самое горячее одобреніе. Такъ, статью Искандера онъ причислилъ къ «числу умныхъ, замѣчательныхъ», и за то причислилъ, что она очень рѣзко бичевала ту условную ложь, которая у насъ въ обществѣ считается признакомъ благовоспитанности и которую, какъ читатель, вѣроятно, помнитъ изъ приведенныхъ выше воспоминаній г. Бицына, Константинъ Аксаковъ ненавидѣлъ всѣми силами своей не выносившей никакихъ компромиссовъ чистой души.

Удѣлилъ Имрекъ нѣсколько сочувственныхъ строкъ и стихотворенію Некрасова «Въ дорогѣ», гдѣ такъ симпатично обрисованъ ямщикъ, несчастный въ своемъ неравномъ бракѣ съ крестьянкой, получившей барское воспитаніе. Но въ рѣшительный восторгъ привелъ его своимъ первымъ отрывкомъ изъ «Записокъ Охотника» Тургеневъ. Только что отдѣлавъ его самымъ немилосерднымъ образомъ за тѣ произведенія, которыми Тургеневъ началъ свою писательскую карьеру, Имрекъ тутъ-же поставилъ звѣздочку и въ примѣчаніи написалъ:

«Мы должны указать на появившійся въ 1 № «Современника» превосходный разсказъ г. Тургенева *Хорь и Калиныч*. Вотъ, что значитъ прикоснуться къ землѣ и къ народу: въ мигъ дается сила! Пока г. Тургеневъ толковалъ о своихъ скучныхъ любвяхъ, да разныхъ апатіяхъ, о своемъ эгоизмѣ, — все выходило вяло и безталантно; но онъ прикоснулся къ народу, прикоснулся къ нему съ участіемъ и сочувствіемъ и посмотрите, какъ хорошъ его разсказъ! Талантъ, таившійся въ сочинителѣ, скрывавшійся во все время, пока онъ силился увѣрить другихъ и себя въ отвлеченныхъ и потому небывалыхъ состояніяхъ души, этотъ талантъ въ мигъ обнаружился и какъ сильно и прекрасно, когда онъ заговорилъ о другомъ. Всѣ отдадутъ ему справедливость: по крайней мѣрѣ мы спѣшимъ сдѣлать это. Дай Богъ г. Тургеневу продолжать по этой дорогѣ».

Но всего обстоятельнѣе изложилъ Константинъ Сергѣевичъ свой взглядъ на нашу литературу вообще и на писателей эпохи 40-хъ и 50-хъ гг. въ частности въ обширномъ «Обозрѣніи современной литературы», напечатанномъ въ «Русской Бесѣдѣ» 1857 г. Обозрѣніе состоитъ изъ небольшихъ замѣчаній чисто-литературнаго свойства, высказанныхъ по поводу отдѣльныхъ произведеній, только-что тогда появившихся, и изъ оцѣнокъ общихъ, которыя даютъ намъ возможность формулировать дальнѣйшіе пункты міросозерцанія разсматриваемаго нами писателя.

Что касается отдѣльныхъ замѣчаній чисто литературнаго свойства, то нельзя сказать, чтобы онѣ отличались особенною тонкостью и глубиной. Мѣстами-же критикъ доходитъ даже до большихъ безвкусицъ. Такъ, находя, что плеяда поэтовъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, т. е. Тютчевъ, Фетъ, Полонскій, Майковъ, Некрасовъ, Мей, Щербина представляютъ собою сравнительный упадокъ русской поэзіи, онъ кого-же изъ оставшихся въ живыхъ представителей «прошедшей эпохи стихотворства» противопоставляетъ имъ въ назиданіе? «Лира Жуковскаго» говоритъ онъ «еще недавно звучала гармонически съ береговъ Рейна;

... замысловатые, и подъ часъ полные чувства, стихи ... и колкіе стихи М. Дмитріева, или по своему нѣ... стихи Ѳ. Глинки». Чтобы не очень отвлекаться въ ... пускаться въ требующее тщательности разсмотрѣніе ... насколько «замысловатые» стихи Вяземскаго и произ... лѣтъ жизни Жуковскаго значительнѣе произведеній ... поэтовъ плеяды 40-хъ и 50-хъ годовъ. Но серь... ставлять имъ какого-нибудь Ѳедора Глинку или бездар... Дмитріева, про котораго Соболевскій такъ вѣрно сказалъ

Онъ камеръ-юнкеръ при дворѣ
И камердинеръ на Парнасѣ

... ...ная осликусица.

...тельствуетъ также о тонкости пониманія такая характе... ...исательской манеры Тургенева: «У г. Тургенева, собственно ... не касающихся крестьянскаго быта, развилась чрезмѣр... ...щепетность въ описаніяхъ: такъ и видно, что авторъ не прямо ... на предметъ и на человѣка, а *наблюдаетъ и списываетъ*. ... Аксакова). Онъ чуть не сосчитываетъ жилки на щекахъ, во... ...оронахъ». «Жажда быть вѣрнымъ дѣйствительности» говоритъ ... мѣстѣ критикъ «*доходитъ часто до цинизма у г. Турге...* ... Но всего страннѣе читать слѣдующій упрекъ Тургеневу:

...*Колосовъ* еще весь проникнутъ тѣмъ лермонтовскимъ направленіемъ, ... подъ ложнымъ видомъ будто-бы силы скрываетъ только совершенное без... самый сухой эгоизмъ и крайнее безстыдство: эта сила—вещь весьма де... какъ скоро бороться не съ чѣмъ. Повѣсть «Три портрета», самымъ воз...тительнымъ и оскорбительнымъ образомъ выражаетъ то-же направленіе. *Изъ ... къ г. Тургеневу, мы-бы не желали видѣть этой повѣсти въ печати*».

Желаніе по истинѣ удивительное! Выходитъ, такимъ образомъ, что ...торъ виноватъ, если выведенныя имъ лица несимпатичны. Всякій, кто ...талъ «Три портрета» тотъ помнитъ, конечно, какую они даютъ рель...ную картину прошлаго, и именно то, что Аксаковъ изъ повѣсти по...черпнулъ матеріалъ для сдѣланной выше (и совершенно правильно) ха...рактеристики людей печоринскаго склада, именно это-то и показываетъ, ..., какъ художникъ, Тургеневъ исполнилъ свою задачу выпукло и ...ко. Для полной послѣдовательности критику слѣдовало-бы желать «не ...дѣть въ печати» и «Героя нашего времени», гдѣ впервые выведенъ ...вистный для него «сухой эгоизмъ», скрывающійся подъ «видомъ ...лы».

Чтобы покончить съ чисто-литературными вопросами разсматриваемой статьи, мы должны отмѣтить въ ней одну подробность, на которую, на сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не было обращено вниманія и которая, однако, весьма любопытна для исторіи нашихъ литературныхъ теченій.

Уже при разборѣ стихотвореній Константина Аксакова было сказано, что враждебная идеямъ 60-хъ годовъ часть журналистики любила и любитъ подчеркивать, что такъ называемая «гражданская поэзія», отодвигающая на второй планъ непосредственно-художественныя цѣли, введена въ русскую литературу Некрасовымъ и прогрессивною критикою Добролюбова и Писарева. Утвержденіе это мы находили только на половину вѣрнымъ, доказывая, что если присмотрѣться къ славянофильской поэзіи, то не трудно убѣдиться, что въ лицѣ наиболѣе даровитыхъ представителей своихъ она задолго до движенія 60-хъ годовъ рѣшительно отвергла завѣтъ Пушкина быть поэзіей «звуковъ сладкихъ и молитвъ» и всецѣло посвящала себя «житейскимъ волненіямъ» и «битвамъ».

Въ разсматриваемой статьѣ мы находимъ теоретическое обоснованіе такого пониманія поэзіи и даже прямое провозглашеніе тенденціозности:

«Въ наше время» говоритъ Константинъ Аксаковъ, «поэтическое произведеніе, хотя написанное съ талантомъ (ибо таланты всегда возможны) можетъ быть только средствомъ, однимъ изъ способовъ для изображенія той или другой мысли. Извѣстенъ анекдотъ объ математикѣ, который, выслушавъ изящное произведеніе, спросилъ: *что этимъ доказывается?* Какъ ни страненъ этотъ вопросъ въ приведенномъ случаѣ, но есть эпохи въ жизни народной, когда при всякомъ, даже поэтическомъ, произведеніи, является вопросъ: что этимъ доказывается? Таковы эпохи исканій, изслѣдованій, трудовыя эпохи постиженія и рѣшенія общихъ вопросовъ. Такова наша эпоха» (стр. 15).

Это общее воззрѣніе критика легло въ основу отдѣльныхъ характеристикъ его. Такъ къ Фету онъ относится насмѣшливо:

«любовь, любовь, любовь; милая, милая и милая: вотъ что на всѣ лады, не уставая, воспѣваетъ г. Фетъ».

Столь-же мало удовлетворяетъ его Мей, хотя онъ отмѣчаетъ у него «звучный прекрасный стихъ». Въ антологическихъ стихотвореніяхъ Щербины, которыми такъ восхищались эстетики 40-хъ и 50-хъ годовъ, онъ видитъ только «излишество» сочувствія къ древнему міру. По поводу-же «Губернскихъ Очерковъ», которые кажутся Константину Сергѣевичу «не произведеніемъ искусства, а ораторскою рѣчью» онъ говоритъ:

«И въ добрый часъ! намъ нужны такія рѣчи. Сочиненія г. Щедрина имѣютъ общественный интересъ—и вотъ главная причина ихъ успѣха! мы говорили уж

какъ важенъ общественный элементъ въ Россіи, и то, что *это существенный элементъ литературы нашей*. Законное негодованіе, съ которымъ представлены всѣ общественныя искаженія, слышное даже тамъ, гдѣ авторъ повидимому въ сторонѣ, не можетъ не находить сочувствія во всѣхъ хорошихъ людяхъ и въ цѣломъ обществѣ успѣхъ «Губернскихъ очерковъ» есть утѣшительное явленіе» (стр. 36).

Если вспомнить, что всѣ только-что приведенныя нами выдержки относятся къ началу 1857 г., то въ представленія наши объ исторіи нарожденія на Руси утилитарнаго взгляда на искусство должна быть внесена важная поправка. Принято считать основателемъ публицистической критики въ русской литературѣ Добролюбова и продолжателемъ его Писарева. Такъ оно дѣйствительно и есть, потому что та часть русскаго общества, которая усвоила себѣ утилитарный взглядъ на искусство, вычитала его именно въ пользовавшихся огромною популярностью статьяхъ Добролюбова и Писарева, а никакъ не у Константина Аксакова, статьи котораго читались самымъ незначительнымъ въ тѣ годы кружкомъ адептовъ славянофильства. Въ частности, Фетъ былъ свергнутъ съ пьедестала не насмѣшливымъ отношеніемъ критики «Русской Бесѣды», а вышучиваніемъ критика «Русскаго Слова». Такимъ образомъ, фактически К. Аксаковъ весьма мало причастенъ дѣлу разрушенія старыхъ эстетическихъ понятій. Но такъ какъ писателя можно осуждать или восхвалять исключительно по его намѣреніямъ, а не по тому, нашлись-ли люди, которые вняли его проповѣди, то послѣ приведенныхъ выписокъ всѣ, которые ставятъ насажденіе утилитарнаго взгляда на искусство *въ вину* Добролюбову и Писареву, должны не забывать въ своихъ діатрибахъ и главаря славянофильства—Константина Сергѣевича Аксакова. Хронологически онъ *раньше* провозгласилъ ту теорію служебнаго значенія искусства, которою знаменуется эпоха конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ.

И не только раньше, но отчасти и *рѣзче*, по крайней мѣрѣ сравнительно съ Добролюбовымъ. Добролюбовъ только внутреннимъ смысломъ своихъ статей доказывалъ, что больше всего слѣдуетъ цѣнить въ литературныхъ произведеніяхъ ихъ общественное значеніе, но такъ таки прямо написать, что «общественный элементъ есть существенный въ литературѣ нашей», какъ это написалъ Конст. Аксаковъ, или сочувствовать математику, который требовалъ, чтобы произведеніе искусства что-нибудь «доказывало», до такого ясно выраженнаго утилитаризма авторъ «Темнаго Царства» не доходилъ.

Что касается общихъ взглядовъ Константина Аксакова на русскую литературу, то они прежде всего заключаются въ бичеваніи подражательности нашей письменности. Начало этой подражательности онъ почему-то ведетъ исключительно отъ Петра, хотя ему-ли, какъ знатоку

исторіи русской литературы, было не знать, какую первенствующую роль игралъ элементъ подражательности въ нашей допетровской словесности, чуть-ли не на половину состоявшей изъ прямыхъ переводовъ и передѣлокъ иностранныхъ образцовъ. Въ исторіи «легкаго и веселаго труда подражанія» и въ ходѣ «глотанія готовой, чужими руками изготовленной умственной пищи», въ чемъ повинны «впрочемъ, только верхніе классы», К. Аксаковъ усматриваетъ два періода — до и послѣ Карамзинскій. Въ первомъ мы подражали западно-европейскому классицизму, который «былъ въ свою очередь безжизненное поклоненіе древнему міру», и такъ какъ «эта классическая литература Европы, подражая древнему міру, уже лишенному жизни была неподвижна», то и «наша послушная литература, вдвойнѣ подражательная, была въ ту эпоху тоже неподвижна». Карамзинъ «уничтожилъ это двойственное подражаніе и предложилъ лучше подражать самой Европѣ. Тяжесть двойныхъ оковъ была крайне неудобна и съ радостью вняла наша литература гласу новаго дѣятеля, новаго подражателя. Съ этой эпохи, съ Карамзина, литература наша, на оборотъ, сдѣлалась подвижна въ высшей степени, ибо элементъ подражанія былъ не классицизмъ европейскій, а сама западная Европа, въ совокупности всѣхъ своихъ народовъ. Подражать было здѣсь гораздо легче, пріятнѣе и интереснѣе, — и вотъ дѣло пошло живѣе. Переимчивость составила съ этихъ поръ характеристику нашей литературы». Но тутъ-то и кроется источникъ ея крупнѣйшихъ недостатковъ. «Достаточно этой быстроты перемѣнъ для того, чтобы оцѣнить и понять смыслъ и достоинство нашей словесной дѣятельности. Мы знаемъ, что серьезный и самобытный ходъ иначе движется, что, при глубинѣ общаго основанія, не легко отдѣлываются отъ одного убѣжденія и принимаютъ другое. Но литература наша собраніе чужихъ формъ, разныхъ отголосковъ, и только. Вотъ почему такъ быстро мѣняются формы, не утвержденныя на прочной мысли; вотъ почему безпрестанно переливаются отсвѣты и отблески, лишенные собственнаго свѣта и блеска. Таланты, разумѣется, у насъ есть; но мы говоримъ не объ отдѣльныхъ талантахъ, а объ общемъ ходѣ литературы, котораго не измѣняютъ и таланты». Представляя затѣмъ перечень литературныхъ направленій послѣднихъ десятилѣтій, критикъ говоритъ: «почти не стоитъ нападать на произведенія того или другаго литературнаго направленія или школы: не имѣя поддержки внутри, онѣ падаютъ собственнымъ безсиліемъ, собственнымъ истощеніемъ». Для современной ему литературы Аксаковъ не дѣлаетъ исключенія. Онъ убѣжденъ, «что и современная ложь ея не замедлитъ обнаружиться и исчезнуть, и если погодить критиковать, то какъ разъ и критиковать опоздаешь, ибо все падетъ само собою».

Но если русская литература полна «лжи», если она «безплодна», какъ увѣряетъ критикъ, то что-же нужно сдѣлать для того, чтобы лживыя и безплодныя теченія замѣнились теченіями болѣе плодотворными?

На всѣ эти вопросы статья, какъ она ни обширна и детальна, прямого отвѣта не даетъ. Какъ и всѣ славянофильскія писанія, статья богата негодованіемъ и критикою, но въ положительной части своей, въ начертаніи программы практической дѣятельности, не идетъ дальше самыхъ общихъ и потому совершенно неопредѣленныхъ указаній. Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ, даже при полномъ желаніи послѣдовать указанію, назвать таковымъ слѣдующее мѣсто, хотя оно еще самое опредѣленное во всей статьѣ. Критикъ отмѣчаетъ, что мы всегда жили «чужимъ заемнымъ умомъ» и только теперь нашлись люди, т. е. славянофилы, которые «догадались, что это не жизнь». «Но гдѣ-же жизнь»? задаетъ вопросъ пророкъ «догадавшагося» направленія?

«Этотъ вопросъ, эта потребность, а слѣдовательно и возможность жизни, жизни настоящей, самобытной, въ насъ пробудилась. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-бы въ отвѣтъ на вопросъ, вниманіе наше обратилось ко всѣмъ самобытнымъ проявленіямъ русской жизни, къ древней исторіи, къ обычаямъ народнымъ, къ устройству народной общественности, къ языку, ко всему, въ чемъ высказывается Русь. Хотя и здѣсь различны точки зрѣнія, хотя подражательный взглядъ и здѣсь еще думаетъ удержаться, но уже образовалось цѣлое направленіе, въ сущности очень простое, направленіе, основанное на томъ, что русскимъ надо быть русскими, другими словами, что *безъ самостоятельности умственной и жизненной—все ложно*: (курсивъ автора). Если самостоятельности въ насъ нѣтъ и быть не можетъ, то подобная истина для насъ безполезна и насъ не возстановитъ духовно. Если-же у насъ есть самостоятельность и только лишь подавлена и спитъ, то достаточно сознанія въ ея необходимости, чтобы она пробудилась сама. Поднятъ огромный вопросъ для русскихъ людей, вопросъ: быть иль не быть? Быть-же не собою — для человѣка не значитъ быть».

Можно-ли, повторяемъ, извлечь какое-бы то ни было практическое указаніе изъ этого болѣе чѣмъ туманнаго рецепта? И удивительно-ли, что сейчасъ приведенныя мысли Конст. Аксакова пріобрѣли себѣ кое-какихъ приверженцевъ при жизни его и многочисленныхъ послѣ смерти, приверженцевъ—теоретиковъ-же, т. е. людей, повторявшихъ слова учителя во всей ихъ туманности и неопредѣленности, но совсѣмъ не пріобрѣли себѣ приверженцевъ-практиковъ, которыми въ данномъ случаѣ могли быть писатели-художники?

И вотъ почему нельзя не назвать крайне неудачнымъ пророчествомъ заключительныя слова разсматриваемой статьи, которыя, кромѣ того, крайне любопытны, какъ общее резюме отношенія Константина Аксакова къ современной ему литературѣ:

«Что-же скажемъ мы въ заключеніе нашего обозрѣнія современной литературы? Она многоплодна, это не подлежитъ сомнѣнію. Передъ нами множество писателей, и множество произведеній; но нѣтъ основной мысли, которая бы двигала эту массу повѣстей, романовъ, комедій и пр. Въ самомъ этомъ отсутствіи общей мысли есть свой смыслъ. Это отсутствіе общей мысли, эта безполезность талантовъ, выражаютъ, по нашему мнѣнію прекращеніе литературы, начавшейся съ Кантемира, духъ которой въ основаніи былъ—подражательность. Эта литература давала намъ поэтическія произведенія, болѣе или менѣе отвлеченныя, произведенія истинныхъ талантовъ, попавшихъ на общій ложный путь; она давала намъ ихъ, пока не замкнула своего круга, пока не истощила своихъ силъ, пока не поколебалась вѣра въ ея направленіе. Но теперь наступила эта минута, и прежняя литература послѣ полутораста лѣтъ своей дѣятельности, впала въ совершенное безсиліе. На рубежѣ ея стоитъ Гоголь, величайшій писатель русскій, *не договорившій своего слова*, (sic) которое рвалось уже въ новую область. Когда рѣшится задача, чѣмъ станетъ русская поэзія — это дѣло будущаго. Въ настоящее время передъ нами толпа писателей, покинутыхъ духомъ прежней эпохи, свидѣтельствующихъ собою о прекращеніи цѣлаго направленія. У насъ есть нѣсколько авторовъ съ замѣчательнымъ талантомъ, которые, хотя ничего не измѣняютъ въ общемъ состояніи нашей литературы, не даютъ иного направленія ея ходу, но въ нихъ свѣтится какая-то, чуть видная, заря литературнаго будущаго дня; она исчезнетъ, какъ скоро появится солнце».

Подъ появленіемъ солнца тутъ, конечно, разумѣется полное воспринятіе нашею *художественною* литературою славянофильскихъ тенденцій, договариваніе слова, которое не успѣлъ сказать Гоголь, рвавшійся въ «новую область». И если вспомнить, что стремленіе Гоголя въ «новую область» привело къ «Перепискѣ съ друзьями» и къ исканію «положительныхъ» сторонъ русской жизни тамъ, гдѣ неотуманенный мистицизмомъ умъ всего менѣе можетъ ихъ усмотрѣть; если, затѣмъ, бросить хотя-бы самый бѣглый взглядъ на ходъ новѣйшей литературы, то нельзя будетъ не признать, что даромъ предвидѣнія Конст. Сергѣевичъ не обладалъ. Цѣлыхъ тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ написаны только-что приведенныя слова и какъ мало они сбылись. Солнце-то дѣйствительно взошло, но только совсѣмъ не съ той стороны, съ какой его ожидалъ Константинъ Сергѣевичъ. Всѣ эти лишенные «основной мысли» и стоявшіе на «ложномъ пути» таланты далеко, далеко ушли отъ той «новой области», куда ихъ звалъ Константинъ Аксаковъ и тѣмъ не менѣе успѣли создать литературу, передъ которой въ изумленіи остановилась даже привыкшая смотрѣть на насъ какъ на варваровъ Западная Европа.

Отъ К. Аксакова-критика перейдемъ къ К. Аксакову историку литературы, т. е. къ его магистерской диссертаціи, появившейся въ 1846 г. и озаглавленной «*Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и рус-*

скаго языка». Въ этой области онъ всего менѣе интересенъ. Какъ научное изслѣдованіе книга имѣетъ весьма мало значенія. Но столь-же мало значенія она имѣетъ для обрисовки руководящихъ идей Константина Сергѣевича. Въ снабженной нѣмецкимъ эпиграфомъ (изъ Гете) диссертаціи своей К. Аксаковъ еще мало похожъ на того пламеннаго палладина идей славянофильства, какимъ онъ явился чрезъ нѣсколько лѣтъ. Въ гораздо большей степени книга представляетъ собою свидѣтельство того огромнаго вліянія, которое имѣли на духовную дѣятельность русской интеллигенціи 40-хъ годовъ идеи Гегеля. Вся обширная диссертація написана тѣмъ знакомымъ уже намъ гегеліанскимъ жаргономъ, который былъ въ такомъ ходу въ писаніяхъ членовъ кружка Бѣлинскаго, Станкевича и Искандера, гдѣ еще такъ недавно вращался Аксаковъ. Но помимо жаргона, и вся суть книги гегеліанская, потому что задача автора только въ томъ и состоитъ, чтобы въ исторіи русской литературы вообще и въ исторіи литературной дѣятельности Ломоносова въ частности найти моменты, установленные германскимъ философомъ въ качествѣ абсолютныхъ и непреложныхъ условій всякой исторіи литературы. Благодаря этому пламенному стремленію jurare in verba magistri и представить иллюстрацію теорій излюбленнаго учителя, диссертація крайне поражаетъ современнаго читателя. Достаточно прочитать хотя-бы слѣдующія строки, которыми молодой магистръ очерчиваетъ кругъ своего изслѣдованія:

«Смотря на Ломоносова, какъ на лицо въ нашей литературѣ, мы вправѣ предложить одинъ вопросъ: Ломоносовъ, какъ моментъ въ исторіи русской литературы, вопросъ, который въ своемъ собственномъ развитіи, вмѣстѣ съ конкретированіемъ самого предмета, является какъ вопросъ: Ломоносовъ въ отношеніи къ языку къ слогу,—и какъ вопросъ: Ломоносовъ какъ поэтъ.

Въ сущности эти три вопроса не что иное, какъ одинъ:

«*Ломоносовъ какъ моментъ въ исторіи нашей литературы* (курсивъ автора),—вопросъ возможно полный и единственный, который въ своемъ развитіи ставитъ моменты своего конкретированія, сообразно съ моментами конкретированія самого предмета (ибо вопросъ, изслѣдованіе, есть не что иное, какъ сознаніе самого предмета и имъ условливается) и раздѣляетъ, такимъ образомъ, диссертацію нашу на три части, именно:

I. Ломоносовъ, какъ моментъ въ исторіи литературы, моментъ самъ въ себѣ, in abstracto.

II. Ломоносовъ въ отношеніи къ языку, къ слогу, моментъ чисто-историческій.

III. Ломоносовъ, какъ поэтъ, гдѣ мы отъ чисто-историческаго опредѣленія переходимъ къ нему самому, какъ индивидууму, и гдѣ моментъ получаетъ полнѣйшее конкретированіе и имѣетъ значеніе самъ для себя—моментъ личный».

Такимъ тарабарскимъ языкомъ написана сплошь вся диссертація, имѣющая въ себѣ 517 страницъ. Мы уже нѣсколько разъ старались

подчеркнуть, что при всей горячности своего личнаго темперамента, Константинъ Аксаковъ былъ очень вялымъ писателемъ или, говоря частнѣе, стилистомъ. Но нигдѣ эта вялость изложенія не сказалась такъ рѣзко, какъ въ обсуждаемой нами теперь диссертаціи. Она читается съ чрезвычайною скукою и къ ней вполнѣ приложимъ отзывъ, который далъ Бѣлинскій о брошюркѣ Константина Сергѣевича, написанной по поводу появленія „Мертвыхъ душъ". Именно о ней-то и должно сказать, что она „вся состоитъ изъ сухихъ, абстрактныхъ построеній, лишенныхъ всякой жизненности, чуждыхъ всякаго непосредственнаго созерцанія, и что, по этому, въ ней нѣтъ ни одной яркой мысли, ни одного теплаго, задушевнаго слова, которыми ознаменовываются первыя и даже самыя неудачныя попытки талантливыхъ и пылкихъ молодыхъ людей".

Но если современнаго читателя непріятно поражаетъ внѣшняя сторона диссертаціи, то въ такой-же степени его удивляетъ и внутреннее содержаніе ея. Начать съ того, что въ книгѣ, озаглавленной „Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка", Ломоносовъ какъ-то совершенно ни при чемъ. Архитектура книги такова: обширное вступленіе, занимающее собою 64 страницы, почти исключительно посвящено изложенію гегеліянскихъ представленій объ искусствѣ, изложенію, сказать кстати, до нельзя туманному и мѣстами просто непонятному. Что напр. можно понять изъ такой фразы:

«стиль вообще показываетъ тайное: сочувствіе съ искусствомъ самого матеріала, являетъ точку ихъ соприкосновенія, чрезъ которую матеріалъ теряетъ свою тяжесть и грубость, и искусство опредѣляется?»

Послѣ введенія философскаго, идетъ введеніе историко-литературное, въ которомъ авторъ дѣлаетъ обзоръ языка произведеній до-ломоносовскихъ періодовъ русской письменности. Это историческое введеніе занимаетъ около 250 страницъ. Такимъ образомъ, рѣчь о Ломоносовѣ начинается только съ 327 стр. А такъ какъ съ 436 стр. начинаются приложенія (выписки изъ грамотъ, и разныхъ литературныхъ произведеній), то и выходитъ, что собственно Ломоносову изъ 517 страницъ книги удѣлено 110.

Но даже и эти 110 страницъ не всѣ посвящены спеціально Ломоносову, а ровно на половину состоятъ изъ разныхъ разсужденій эстетическаго и философскаго содержанія. Такимъ образомъ, въ общемъ получается работа, весьма мало похожая на тѣ точныя, исчерпывающія предметъ, историко-литературныя изслѣдованія, къ которымъ насъ пріучила университетская жизнь послѣднихъ десятилѣтій. Отмѣтимъ уже, кстати, что диссертація не обнаруживаетъ и особенной эрудиціи автора. Всю жизнь свою разбрасывавшійся въ разныя стороны, Константинъ Сергѣе-

вичъ, вообще говоря, былъ человѣкъ съ обширными знаніями. Но собственно спеціальныхъ знаній въ одной какой-нибудь области у него было не много. Такъ, если мы присмотримся къ источникамъ, которые цитируетъ магистрантъ, то они всего менѣе поразятъ насъ своею многочисленностью. 1-ая часть «Актовъ Историческихъ», 1-ая часть «Собранія Государственныхъ Грамотъ», 1-ая и 4-ая ч. «Актовъ, собран. Археограф. Коммиссіей», Сборникъ Кирши Данилова, — вотъ почти единственныя пособія, которыми магистрантъ пользовался много. А если къ нимъ прибавить еще около десятка лишь эпизодически цитируемыхъ книгъ, то мы получимъ и весь научный багажъ автора. Правда магистрантъ ссылается иной разъ на Остромирово Евангеліе, на лѣтопись Нестора, на «Сказанія» Князя Курбскаго, на проповѣди Ѳеофана Прокоповича, на сочиненія Кантемира и, наконецъ, Ломоносова, но нельзя-же по поводу этихъ извѣстныхъ каждому студенту вещей серьезно говорить объ «эрудиціи».

Но если въ общемъ относительно диссертаціи Конст. Сергѣевича можно сказать, что она не блещетъ эрудиціей, то въ частности по поводу той части ея, гдѣ рѣчь идетъ объ эпохѣ Петра, т. е. эпохѣ наиболѣе важной для предмета разсматриваемаго изслѣдованія, можно прямо сказать, что эрудиція автора недостаточна. Мы не станемъ, конечно, сравнивать изученіе магистрантомъ Петровской эпохи съ тѣмъ знаніемъ ея, которое напр. обнаружилъ въ своей «Наукѣ и Литературѣ при Петрѣ»—Пекарскій. Но и помимо паралели съ Пекарскимъ, въ сравненіи съ изслѣдованіемъ котораго диссертація К. Аксакова представляется какимъ-то школьническимъ упражненіемъ, помимо, говоримъ мы, такого сравненія, нельзя не признать, что изученіе эпохи Петра по тѣмъ счетомъ *семи* источникамъ [1]), которые цитируетъ магистрантъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано достигающимъ цѣли.

И, надо думать, этимъ-то болѣе чѣмъ поверхностнымъ изученіемъ эпохи, породившей писателя, разсмотрѣніе дѣятельности котораго составляетъ предметъ диссертаціи, и объясняется то, что характеристика Ломоносова поражаетъ своею банальностью. То, что говоритъ магистрантъ о даровитости Ломоносова, объ историческихъ его заслугахъ въ дѣлѣ выработки русскаго стиха, о разнообразіи его дарованій и т. д. все это до такой степени школьнически-извѣстно, хотя прикрыто часто весьма

---

[1]) «Полное Собр. Закон. Россійскихъ» т. IV и V, проповѣди Стефана Яворскаго, Слова и Рѣчи Ѳеофана Прокоповича, Рѣчи Гавріила Бужинскаго, Сочиненія Кантемира, духовное стихотвореніе Петра Буслаева и ода о сдачѣ Данцига Тредьяковскаго.

туманною гегеліянскою тарабарщиною, что ради такихъ ничтожныхъ результатовъ рѣшительно не стоило изготовлять книгу въ 500 страницъ.

Есть, впрочемъ, въ диссертаціи и не банальныя вещи. Но лучше-бы ихъ вовсе не было. Болѣе чѣмъ неудачно магистрантъ слѣдующими притянутыми за волосы доводами старается оправдать Ломоносова отъ обвиненій въ томъ, что онъ ввелъ въ русскій синтаксисъ латино-нѣмецкую конструкцію:

«Мы знаемъ» говоритъ онъ «что многіе, или лучше общее мнѣніе думаетъ, что синтаксисъ Ломоносова не русскій, что онъ сформировалъ по латинскому и частію по нѣмецкому; но мы невольно спрашиваемъ: гдѣ-же критеріумъ этого сужденія? На чемъ опираясь, произноситъ оно свой приговоръ: гдѣ нашло оно синтаксисъ русскій, противъ котораго погрѣшилъ Ломоносовъ? Намъ скажутъ разговоръ, живая рѣчь; но между разговоромъ и письменностью лежитъ необходимая разница. Ихъ нельзя сравнить между собою. Языкъ, являющійся въ разговорѣ, долженъ быть основаніемъ синтаксиса языка письменнаго, какъ мы сказали выше; но онъ не стоитъ съ нимъ рядомъ; это два, одинъ за другимъ слѣдующіе момента и разговоръ, какъ сравненіе, не можетъ служить критеріумомъ. Что-же встрѣтилъ Ломоносовъ и въ томъ отношеніи, въ которомъ разговоръ важенъ и имѣетъ значеніе для синтаксиса высшаго то есть какъ основаніе его? Что вообще нашелъ Ломоносовъ, чтобъ постигнуть, создать или, лучше, вывести русскій синтаксисъ? Что нашелъ онъ въ русскомъ національномъ языкѣ? Въ русскомъ языкѣ нашелъ онъ, въ томъ національномъ видѣ, въ которомъ онъ былъ, полное разнообразіе оборотовъ, *полную синтаксическую свободу*. Это было основаніемъ, собственностью русскаго синтаксиса».

Оправданіе очень оригинальное. Если синтаксическая свобода была отличительнымъ качествомъ до-ломоносовскаго языка, то зачѣмъ-же было накладывать на него оковы тяжеловѣсной латино-нѣмецкой конструкціи? Магистрантъ, впрочемъ, и самъ, видимо, понималъ малую убѣдительность своей защиты, и потому чрезъ нѣсколько страницъ онъ выдвинулъ другой доводъ, крайне любопытный въ его устахъ. Согласно гегеліянской философіи онъ старается доказать, что всякій языкъ сначала, «въ первомъ своемъ моментѣ», когда онъ нуженъ только какъ средство разговора о предметахъ ежедневнаго быта того или другого народа, есть явленіе «случайное», т. е. исключительно одной національности принадлежащее. Но затѣмъ «языкъ всякаго народа отрывается отъ сферы случайной жизни, переходитъ въ сферу общаго и отъ сферы разговора восходитъ до сферы письменности». «Синтаксисъ и вообще слогъ этой высшей сферы и имѣетъ въ себѣ общее, собственно свойственное этой сферѣ, и слѣдовательно встрѣчающееся естественно во всѣхъ языкахъ». Вотъ почему «общее латинской конструкціи вслѣдствіе закона, только что показаннаго, доступно языку русскому». Ломоносовъ, слѣдовательно, имѣлъ право вводить «латинизмы» въ созданный имъ первымъ русскій письменный языкъ:

«Языкъ русскій могъ согласно съ существомъ своимъ подняться въ высшую сферу языка, сферу общаго, открывающуюся тогда, когда общее пробуждается въ народѣ, и онъ возвысился до нея; слѣдовательно сфера эта и формы общія языка принадлежатъ ему потому уже самобытно; въ существѣ его лежитъ возможность этихъ формъ, этого синтаксиса; въ немъ уже,—и въ національной его сферѣ, и такъ-же въ отвлеченномъ развитіи мысли въ словѣ, — видимъ мы эти начала, и видимъ главное—свободу синтаксиса. Ломоносовъ былъ геніемъ языка, возведшимъ его въ эту высшую сферу; дѣло его было свободно, и формы, принятыя языкомъ, принадлежали уже ему вполнѣ, вытекали изъ его духа». Не отрицая затѣмъ того, что «фразы Ломоносова имѣютъ отпечатокъ латинской, собственно въ оттѣнкѣ внѣшнемъ; что Ломоносовъ обращалъ вниманіе на латинскій языкъ, его избиралъ, иногда по крайней мѣрѣ, примѣромъ своимъ», магистрантъ находитъ только, что «въ образѣ этого языка видѣлъ и находилъ онъ общее; онъ бралъ эти обороты, какъ выражающія общее въ языкѣ, обороты высшей его сферы и свойственные слѣдовательно языку русскому. Онъ бралъ ихъ, какъ достояніе языка русскаго и потому еще, что языкъ русскій, какъ именно русскій, самобытно имѣлъ ихъ или подобные имъ въ себѣ, и взятое повидимому изъ чуждаго не было чуждое; онъ занималъ съ полнымъ правомъ собственности, и оборотъ какъ бы вновь выросталъ на русской почвѣ, шелъ изъ русскаго и съ помощію полной его свободы становился русскимъ».

Такимъ образомъ, вся защита Ломоносова отъ обвиненій въ насажденіи латинской конструкціи сводится не къ отрицанію самого факта, который слишкомъ очевиденъ, а къ сообщенію ему путемъ чисто-философскихъ построеній иного характера. Но могутъ-ли философскіе доводы имѣть значеніе въ такой точной, основанной на строгофактическихъ данныхъ наукѣ, какъ языкознаніе? То, что говоритъ магистрантъ объ общности синтаксиса всѣхъ языковъ, дошедшихъ въ своемъ историко-культурномъ развитіи до фазиса письменности, все это, еслибы даже было вѣрно, требовало для доказательства своей справедливости рядъ сравнительныхъ сопоставленій синтаксиса различныхъ языковъ. Но магистрантъ и попытки не сдѣлалъ такого фактическаго подтвержденія своего положенія. И вотъ почему его диссертація, рѣшительно ничего новаго не вносящая въ исторической своей части, а въ филогической дающая только произвольныя философствованія ad majorem gloriam гегеліанства, въ общемъ не представляла собою никакого вклада въ исторію русской литературы. Неудивительно потому, что она такъ радикально забыта теперь, что ее даже не всегда упоминаютъ въ библіографіи литературы, трактующей о Ломоносовѣ.

Чтобы покончить съ диссертаціей Константина Сергѣевича, отмѣтимъ въ ней еще кое-что, очень любопытное для изученія хода умственныхъ настроеній разсматриваемаго нами писателя. Всякаго, кто имѣетъ представленіе о Константинѣ Аксаковѣ, какъ о главарѣ славянофильства, поразили, вѣроятно, цитаты изъ диссертаціи его о Ломоно-

вѣ, въ которыхъ такъ настойчиво говорится объ *общности* русской ападно-европейской духовной жизни. Настойчивость эта весьма мал яжется съ мыслями о полной «самобытности» русскаго духа, которы оставляютъ основной тезисъ большинства другихъ писаній Константин ергѣевича. Но еще меньше вяжется съ общимъ складомъ міросозерца ія Константина Аксакова восторженное отношеніе къ Петру, которо оставляетъ основную черту диссертаціи о Ломоносовѣ. Просто глазам воимъ не вѣришь, читая такую характеристику Петровской эпохи:

«Для Россіи настало время рѣшительнаго освобожденія отъ исключительно аціональности, рѣшительнаго перехода въ другую высшую сферу, рѣшительнаг реобразованія. Началась страшная борьба. Съ одной стороны исключительна аціональность, опиравшаяся на уже образовавшуюся положительную силу стрѣл овъ, старовѣровъ, имѣвшая съ собою, если не весь, то большинство народа. Он илась удержать свои права, сохранить жизнь по старинѣ, и, лишенная уж изни внутри, она хотѣла удержать ея прежній образъ, сохраняя развѣ один призракъ прежняго опредѣленія, навсегда утратившаго свою дѣйствительност за упорно противилась новому свѣту и поддерживала ложную свою необході ость. Пробужденная рѣшительнымъ ударомъ, она совокупила всѣ свои силы, по: ялась и начала ожесточенный бой за свою мнимую современность.—Съ друго тороны, противъ народа, упорствовавшаго въ своемъ національномъ опредѣленіи,- етръ, опиравшійся на дѣйствительную потребность русскаго народа, сему п последнему самому можетъ быть неизвѣстную. Онъ рѣшительно возсталъ на эт аціональность, сокрушая прежнее, только мѣшавшее уже свободному развитік арода. Раскрывая передъ нимъ новую сферу жизни, онъ круто поворачивал ь противоположную сторону, принималъ опредѣленія другихъ народовъ, обильн аполнялъ чуждымъ предѣлы Россіи, презирая страхъ національности, только в' шомъ огражденіи находившей свое спасеніе; напротивъ, онъ принималъ от: апада все, къ чему только дошелъ Западъ въ своемъ развитіи, и настежъ рас ахнулъ для него ворота Россіи, становясь съ нею, какъ была она дотолѣ и тогда ь рѣзкую противоположность. Дѣйствительность дѣла его побѣдила. Въ страшно: ровавой борьбѣ пала навсегда исключительная національность Россіи; наступил овая эпоха».

Болѣе восторженнаго панегирика не могъ-бы написать самый завзя ый западникъ! Но именно оттого-то было-бы ошибочно строить на емъ какіе-бы то ни было выводы объ общемъ строѣ міровоззрѣнія Константина Аксакова. Онъ просто указываетъ, что въ началѣ сороко ыхъ годовъ, къ которому относится диссертація[1]), славянофильская октрина не дифференцировалась еще окончательно, а въ частност Константинъ Аксаковъ, хотя уже находился въ открытой враждѣ с: ленами кружка Бѣлинскаго и Станкевича, но нѣкоторыя изъ прежних: воихъ симпатій еще удержалъ въ полной силѣ.

---

[1]) Она писалась въ 1842, 43 гг.

Диссертація о Ломоносовѣ только на половину относится къ исторіи литературы. Другая-же, и притомъ бо́льшая половина ея, именно обзоръ языка произведеній до-ломоносовскаго періода, имѣетъ характеръ чисто-филологическій и составляетъ, такимъ образомъ, одно изъ звеньевъ цѣлаго цикла филологическихъ работъ, которыми Константинъ Сергѣевичъ занимался въ теченіи всей своей жизни. По свидѣтельству близкихъ къ нему лицъ, филологія была любимою наукою Константина Аксакова, начиная съ 15 лѣтъ. Онъ ей отдавался съ тою страстью, безъ которой для этого удивительно-цѣльнаго человѣка не были мыслимы сколько-нибудь серьезныя занятія.

Но не только въ филологическія *занятія* свои вносилъ Константинъ Сергѣевичъ страсть. Онъ вносилъ ее также въ *методъ* своихъ лингвистическихъ изслѣдованій, которыя лишь по стольку его интересовали, по скольку онѣ подтверждали тезисы его общественнаго міросозерцанія. Но именно оттого-то эти изслѣдованія весьма мало напоминаютъ заправскія филологическія сочиненія и, какъ все что писалъ Константинъ Аксаковъ, представляютъ собою рядъ публицистическихъ статей на любимыя тэмы изслѣдователя. Могло-ли оно и быть иначе, когда Константинъ Сергѣевичъ приступалъ къ своимъ филологическимъ работамъ съ такими понятіями о наукѣ вообще и о филологіи въ частности:

«Всякая живая наука» говоритъ онъ въ предисловіи къ «Опыту русской грамматики», изданному имъ незадолго до смерти (1860) «то-есть: наука, имѣющая дѣло съ жизнью, *имѣетъ дѣло съ таинствомъ*; такова и филологія, предметъ которой — слово, этотъ сознательный снимокъ видимаго міра, эта воплощенная мысль. Преслѣдуя жизнь въ той или другой области ея проявленія наука доходитъ до предѣловъ таинственнаго, до тѣхъ предѣловъ, откуда внутреннее становится внѣшнимъ, духъ осязательнымъ, безконечное—конечнымъ. Наука думаетъ иногда выйдти изъ затрудненія, принявъ анатомическое воззрѣніе, сдѣлаться матеріальною, сказать, что нѣтъ духа и души, и недостойно успокоиться такимъ воззрѣніемъ, отрицательнымъ и тупымъ, при которомъ вовсе непонятна и жизнь, и смыслъ ея, и то, что даже просто угадываетъ вѣщая душа наша. Но, слава свѣту сознательной мысли! Разумъ самъ обличаетъ ложь всѣхъ матеріальныхъ теорій, на немъ по видимому основанныхъ, прогоняетъ ихъ тяжелую тьму, самъ низвергаетъ всякое богослуженіе себѣ, самъ знаетъ свои предѣлы и признаетъ непостижимое, открывающееся откровеніемъ духу человѣческому.

Наука есть сознаніе общаго въ явленіи, цѣлаго въ частности; зная свои предѣлы и доходя до нихъ, наука должна необходимо допустить таинство жизни, не подлежащее уже ея осязанію, таинство, которое можетъ она угадывать и опредѣлять приблизительно, но которымъ овладѣть она не въ силахъ, ибо это— *таинство жизни*». «И такъ, мы допускаемъ въ наукѣ (а слѣдовательно и въ филологіи), на границѣ ея, свой таинственный, такъ сказать *мистическій элементъ*, къ которому необходимо примыкаетъ вся дѣятельность нашего разума, какъ мы ни стараемся объяснить это».

Можно быть разнаго мнѣнія о психологической теоріи, легшей в основаніе только-что приведеннаго взгляда. Но съ однимъ непремѣн согласится всякій безпристрастный читатель, именно съ тѣмъ, что так воззрѣніе на науку, какое было у К. Аксакова, даетъ самый широк просторъ элементу, всего менѣе терпимому въ настоящей наукѣ - субъективности. Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о неподчиняющихся анали чувствахъ и мистицизмѣ, какъ одномъ изъ главныхъ факторовъ, та можетъ быть мѣсто чему угодно — вѣрѣ, дару проникновенія въ н постижимое и т. п. крайне-субъективнымъ вещамъ, но никакъ наукѣ, которая только по столько и наука, поскольку она объективно такъ сказать нелицепріятно, изслѣдуетъ и констатируетъ. И добро-б еще Константинъ Сергѣевичъ говорилъ о теологіи или философіи, г дѣйствительно вѣра и всякіе иные исключительно-субъективные фа торы играютъ очень видную роль. А то припутывать мистицизмъ к филологіи, этой точнѣйшей изъ всѣхъ «словесныхъ» наукъ, знающ только краснорѣчіе фактовъ и всегда основывающей свои законы н обильномъ количествѣ тщательно-сдѣланныхъ наблюденій.

И оттого-то, повторяемъ мы, страстныя филологическія діатри Константина Аксакова весьма мало напоминаютъ заправскія филолог ческія сочиненія, гдѣ о личности автора, о его вкусахъ, симпатія или антипатіяхъ, политическихъ или общественныхъ убѣжденіяхъ н когда и рѣчи не можетъ быть.

У Константина-же Сергѣевича все это какъ на ладони.

Начать съ того, что даже въ самые мелочные, чисто-спеціальн вопросы онъ вносилъ весь запасъ своего обычнаго страстнаго отнош нія. Какъ уже замѣтилъ П. А. Безсоновъ, Константинъ Аксаковъ «ос бенно *любилъ* звукъ ъ, играющій столь видную роль у насъ и сто много способствующій розысканію филологическому: въ ту-же мѣ онъ *возненавидѣлъ* противника — звукъ *в*, тою ненавистью, котор можетъ питать добрѣйшее сердце къ чему-либо гнусному. Онъ рас чалъ этому врагу прозвища «надоѣднаго», «назойливаго», «вторга шагося пролазы», «услужливаго», «рабскаго»; онъ перенесъ сю смыслъ приторной угодливости, чуждый собственному его лицу проникшій къ намъ въ видѣ поддакиванья, какъ рабское «да-съ «нѣть-съ»: потому, какъ самъ говорилъ обыкновенно съ твердост «да» или «нѣтъ», такъ навѣрное можно было считать признакомъ, ч Аксаковъ недоволенъ или гнѣвенъ, когда онъ начиналъ употребля «да-съ», «нѣтъ-съ».

П. А. Безсоновъ констатируетъ приведенные факты съ чувство умиленія, видя въ нихъ доказательство того, что Константинъ Сер

вичъ держалъ свое знамя «грозно и честно». Умиленіе вполнѣ законное. Трудно, дѣйствительно, представить себѣ болѣе трогательное проявленіе душевной цѣльности и чистоты, какъ эту личную ненависть и любовь къ какимъ-нибудь суффиксамъ. Но нужно-ли много доказывать, что такое страстное отношеніе къ дѣлу, неизбѣжно ведетъ и къ страстному желанію отыскать непремѣнно то, что изслѣдователю хочется отыскать. А при такомъ желаніи, какіе-же мыслимы истинно-научные, т. е. соотвѣтствующіе дѣйствительности результаты? И вотъ почему, извѣстный чешскій ученый Гатала имѣлъ возможность сказать про «грамматику» Константина Аксакова:

«Покойный рѣдко гдѣ подкрѣпляетъ взгляды примѣрами, почерпнутыми изъ письменныхъ и устныхъ памятниковъ языка русскаго, напротивъ обычно ограничивается такими, которыхъ *самъ себѣ понавыдумывалъ* (navymyslel)».

Это пришлось сказать о Константинѣ Сергѣевичѣ! Онъ, который не задумываясь отдалъ бы жизнь за истину, «понавыдумывалъ»! И однакоже оно такъ. Такого мнѣнія не одинъ Гаталла. И Буслаевъ, и Срезневскій, въ свое время писавшіе о филологическихъ работахъ К. Аксакова, всѣ они того мнѣнія, что труды его полны крайней односторонности и притягиванія за волосы фактовъ къ предвзятымъ теоріямъ.

Къ какимъ-же именно теоріямъ?

Главнымъ образомъ о вредоносномъ вліяніи на русскую грамматику «иностранныхъ воззрѣній». Для того, чтобы имѣть такія иностранныя воззрѣнія, вовсе не нужно быть по Аксакову дѣйствительнымъ иностранцемъ.

«Нѣтъ сомнѣнія», говоритъ Константинъ Сергѣевичъ въ началѣ своего изслѣдованія о русскихъ глаголахъ, «что иностранцамъ трудно постигнуть языкъ, имъ чуждый; особенно нѣмцамъ трудно постигнуть языкъ русскій; но едва-ли легче понять его и русскому, руководимому иностраннымъ воззрѣніемъ вообще, хотя-бы онъ и не былъ послѣдователемъ именно того или другого иностранца. Не въ томъ главное дѣло, иностранецъ-ли по происхожденію сочинитель, но въ томъ, иностранецъ-ли онъ по воззрѣнію».

Эти-то иностранныя воззрѣнія принесли большой вредъ русскому языкознанію:

«Вмѣстѣ съ нашествіемъ иноземнаго вліянія на всю Россію, на весь ея бытъ, на всѣ начала, и языкъ нашъ подвергся тому-же; его подвели подъ формы и правила иностранной грамматики, ему совершенно чуждой, и какъ всю жизнь Россіи, вздумали и его коверкать и объяснять на чужой ладъ. И для языка должно настать время освободиться отъ этого стѣсняющаго ига иностраннаго. Мы должны теперь обратиться къ самому языку, изслѣдовать, сознать его и изъ его духа и жизни вывести начала и разумъ его, его грамматику. Она не будетъ противо-

ѵчить грамматикѣ общечеловѣческой, но *только* и *строго* общей, а совсѣмъ : общечеловѣческой—выразившейся извѣстнымъ образомъ у другихъ народовъ и ілько представляющей свое самобытное проявленіе этого общаго... Въ ней, ь русской грамматикѣ, можетъ быть, полнѣе и глубже явится оно, нежели ѣ-нибудь. Кто изъ насъ станетъ отвергать общее, человѣческое? Русскій на его самъ имѣетъ прямое право, а не чрезъ посредство какого-нибудь народа ю самобытно и самостоятельно принадлежитъ ему, какъ и другимъ, и кто аетъ? можетъ быть *ему болѣе*, нежели другимъ, и можетъ быть міръ не идалъ еще того общаго, человѣческаго, какое явитъ великая славянская, менно русская природа... Да возникнетъ-же вполнѣ вся русская самобытность національность! Гдѣ-же національность шире русской? Да освободится-же и зыкъ нашъ отъ наложеннаго на него ига иноземной грамматики, да явится нъ во всей собственной жизни и свободѣ своей» (т. II, стр. 405, 406).

Да, намъ непремѣнно нужно внести свои русскія воззрѣнія въ русское языкознаніе, которыя должны состоять въ томъ, чтобы мы отказались отъ стремленія непремѣнно отыскать у себя такія-же грамматическія формы, какъ въ чужихъ языкахъ. Такъ по вопросу о глаголахъ:

«нѣкоторые теоретики, сливая всѣ глагольныя формы [1]), съ присоединеніемъ аже иныхъ предложныхъ въ одно спряженіе, богатое временами, быть можетъ, умаютъ, что это служитъ къ чести русскаго языка, что-де не только въ зыкахъ чуждыхъ, но и у насъ есть полное спряженіе, что нашъ языкъ въ томъ имъ не уступаетъ, что у насъ, у одного и того-же глагола, есть всѣ ремена. Но здѣсь видны ошибочное чувство и ошибочная мысль. Развѣ только ъ томъ состоитъ честь и слава, чтобы повторить у себя чужое, чтобы пройдти ю чужой дорогѣ не хуже другихъ? Развѣ нельзя идти по своей дорогѣ, развѣ ельзя, не имѣя чужаго, имѣть вмѣсто него *свое*, совершенно особенное, отличное отъ всѣхъ? Развѣ это свое не можетъ быть еще лучше, еще достойнѣе, і развѣ тогда не больше славы? Но, какъ-бы то ни было, мы должны руководиться, при нашихъ изслѣдованіяхъ, не тѣмъ, чтобы стараться отыскать у насъ всѣ чужія особенности, какъ бы повидимому они ни были хороши — въ томъ случаѣ мы впадемъ въ ошибку, чему примѣръ всѣ наши грамматики, а тѣмъ, чтобы отыскать и узнать свое, какое-бы оно ни было, — тогда мы пріемъ къ истинному взгляду» (т. II, стр. 410, 411).

И тѣмъ болѣе все это необходимо, что русскія грамматическія формы, по мнѣнію Константина Сергѣевича, гораздо совершеннѣе. «Я нисколько не завидую другимъ языкамъ», говорилъ онъ въ книжкѣ о глаголахъ, «и не стану натягивать ихъ поверхностныхъ формъ на русскій глаголъ».

Таково основное направленіе филологическихъ стремленій Константина Сергѣевича. Въ примѣчаніи мы даемъ нѣсколько спеціальныхъ деталей практическаго осуществленія ихъ [2]). Здѣсь-же скажемъ объ общемъ характерѣ этого осуществленія.

---

[1]) Т. е. виды глагола *двину, двигаю, двигивалъ*.

[2]) Особенно *выдается стремленіе* Константина Аксакова отстоять само-

Не имѣютъ они сколько-нибудь видной научной цѣнности и не принадлежитъ Константинъ Аксаковъ къ авторитетнымъ дѣятелямъ русской филологіи! Мы бы могли привести въ подтвержденіе сказаннаго отзывъ такого первокласнаго представителя русскаго языкознанія, какъ Буслаевъ, который упрекалъ Константина Аксакова и въ сбивчивости, и въ поверхности, и даже въ отсутствіи «надлежащаго запаса этимологи-

---

стоятельность русскаго глагола, который «управляется съ категоріею времени совершенно самостоятельно и вовсе не похоже на глаголы другихъ языковъ», именно вотъ какимъ образомъ:

«Глаголъ въ русскомъ языкѣ выражаетъ самое дѣйствіе, его сущность. Отъ качества дѣйствія дѣлается уже заключеніе о времени. Поэтому и формами глагола обозначается самое дѣйствіе, время-же въ немъ есть дѣло употребленія; это употребленіе основано на соотвѣтствіи глагольныхъ формъ съ временами. Неопредѣленное дѣйствіе съ точки зрѣнія времени, естественно является неопредѣленно продолжающимся; поэтому *двигать* образуетъ *время настоящее*. Дѣйствіе какъ мгновеніе, напротивъ, длиться не можетъ, слѣдовательно, не можетъ быть настоящимъ; понятое въ минуту своего проявленія, оно является мгновенно наступающимъ, и потому относительно времени, принимается и употребляется, какъ будущее время, напримѣръ: двигну. Это понятно: если дѣйствіе, какъ мгновеніе, не можетъ проявиться въ настоящемъ, то само собою разумѣется, оно можетъ проявиться только въ будущемъ или прошедшемъ; но прошедшее (о немъ надѣемся опять сказать ниже) уже не есть дѣйствіе, не есть глаголъ; стало быть, остается одно будущее. Такъ какъ въ русскомъ глаголѣ (что уже было замѣчено выше) главное дѣло—опредѣленіе самаго дѣйствія, а время есть только выводъ, заключеніе, то поэтому дѣйствіе, и неопредѣленное, и мгновенное, выражается независимо отъ времени, придавая такую жизнь и силу русской рѣчи, и ставя въ недоумѣніе нашихъ филологовъ. Что касается до прошедшаго дѣйствія, то оно не есть дѣйствіе по понятію русскаго языка, и это очень вѣрно. Въ самомъ дѣлѣ, какъ скоро дѣйствіе прошло, гдѣ-же дѣйствіе? его нѣтъ; остается тотъ, кто совершилъ дѣйствіе, предметъ, изъ котораго проистекло оно и въ которомъ пребывало; въ такомъ случаѣ все значеніе дѣйствія переходитъ на предметъ, дѣйствительно или отвлеченно представляемый, и становится уже *качествомъ предмета* или прилагательнымъ. Поэтому прошедшее время въ нашемъ языкѣ не имѣетъ соотвѣтственной глагольной формы, но форму отглагольнаго прилагательнаго или причастія. Всѣ степени или моменты дѣйствія имѣютъ, какъ и слѣдуетъ, свое прошедшее, ибо всякое дѣйствіе можетъ перестать; поэтому всѣ формы глагола, выражающія эти степени, имѣютъ отъ себя форму прошедшаго, — отглагольное прилагательное *(двигалъ, двинулъ, двигивалъ)*. Дѣйствіе-же, какъ рядъ моментовъ *(двигивать)* необходимо является только въ прошедшемъ *(двигивалъ)*. Въ настоящемъ оно не можетъ быть представлено; ибо дѣйствіе *опредѣленное*, дѣйствіе, какъ осуществленные моменты, не можетъ длиться, не можетъ быть въ настоящемъ, которое, какъ скоро оно понятно не отвлеченно, а дѣйствительно,— не существуетъ, оно есть только невидимый рѣзецъ, дѣлящій дѣйствіе на прошедшее и будущее. Въ будущемъ дѣйствіе, какъ рядъ моментовъ, также представлено быть не можетъ; ибо дѣйствіе грядущее или наступающее, выходящее *изъ неопредѣленности*, является при выраженіи всегда какъ одинъ мо-

ческихъ и историческихъ (о языкѣ) свѣдѣній». Но такъ какъ Буслаевъ относился неодобрительно къ чрезмѣрному стремленію Константина Сергѣевича отстаивать нашу національную самостоятельность тамъ, гдѣ въ этомъ едва-ли предстоитъ серьезная необходимость, и, слѣдовательно, его неодобреніе можетъ быть отнесено не на счетъ дѣйствительной научной малоцѣнности филологическихъ трудовъ Аксакова, а на счетъ непріязни къ славянофильству, то вотъ отзывы Срезневскаго. По поводу книжки о глаголахъ онъ писалъ:

«Разсужденіе г. Аксакова не филологическое, а философское; если оно пробуждаетъ мысль, то и достигаетъ своей цѣли; а едва-ли можно сказать, что оно не пробуждаетъ мысли. Нельзя впрочемъ не пожалѣть, зачѣмъ оно не филологическое, зачѣмъ авторъ не далъ мѣста разбору употребленія глаголовъ въ древнемъ славянскомъ языкѣ по нѣсколькимъ его нарѣчіямъ, и между про-

---

ментъ; о не выразившемся слѣдующемъ моментѣ мы говорить еще не можемъ, ибо его еще нѣтъ; онъ таится въ безразличной отвлеченной силѣ дѣйствія. Рядъ моментовъ можетъ образоваться тогда, когда является рядъ выраженныхъ, слѣдовательно совершившихся, бывшихъ, прошлыхъ моментовъ. Поэтому дѣйствіе, какъ рядъ моментовъ, понимается и употребляется, относительно времени, только какъ прошедшее, и слѣдовательно, въ глаголѣ, не имѣя собственно глагольной формы, имѣетъ только форму прошедшаго, т. е. форму отглагольнаго прилагательнаго, напримѣръ *двигивалъ*.

И такъ, уже съ перваго взгляда видно, что Русской языкъ совершенно особенно и самостоятельно образовалъ глаголъ. Языкъ нашъ обратилъ вниманіе на внутреннюю сторону или качество дѣйствія, и отъ качества уже вывелъ, по соотвѣтствію, заключеніе о времени. — Такой взглядъ несравненно глубже взгляда другихъ языковъ. Вопросъ качества, вопросъ: *какъ?* есть вопросъ внутренній и обличаетъ взглядъ на сущность самого дѣйствія; вопросъ времени, вопросъ: *когда?* есть вопросъ поверхностный и обличаетъ взглядъ на внѣшнее проявленіе дѣйствія.

И такъ, временъ въ Русскомъ глаголѣ вовсе нѣтъ. Каждая форма глагола, выражая опредѣленіе самого существа дѣйствія, имѣетъ только отношеніе къ соотвѣтствующему, приличному ей, времени. Форма глагола неопредѣленная относится ко времени настоящему, форма мгновенная — къ будущему, форма многомгновенная — только къ прошедшему. Прошедшее, какъ прекратившееся дѣйствіе и потому уже не какъ глагольная форма, а отглагольное прилагательное, идетъ ко всѣмъ формамъ глагола; но при послѣдней оно исключительно.

Вотъ наша общая мысль о Русскомъ глаголѣ. Вопросъ о временахъ устраняется. Поэтому, съ одной стороны, мнѣніе наше противоположно мнѣнію послѣдователей Ломоносова, принявшихъ столько временъ въ Русскомъ глаголѣ, и отъ того смѣшавшихъ въ немъ опредѣленія самого дѣйствія. Съ другой — опровергается мнѣніе Фатера, Таппе и ихъ послѣдователей, раздѣлявшихъ спряженіе на отдѣльные глаголы и сохранившихъ категорію времени. — Нѣтъ, всѣ эти формы, — формы одного и того же глагола, но формы не времени, а качества дѣйствія; понятіе же времени, какъ сказано есть выводное изъ качества дѣйствія.

чимъ въ памятникахъ переводныхъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ переводчики отступали отъ дословности перевода».

Пять лѣтъ спустя, когда вышелъ первый выпускъ «Русской грамматики», Срезневскій опять подчеркивалъ способность К. Сергѣевича, «вызывать въ читателѣ силу наблюдательности», говорилъ о «самобытности» авторскаго мышленія и его «независимости» умственной, о «чутьѣ» языка, которымъ авторъ «часто замѣняетъ наблюдательность» и вслѣдъ затѣмъ прибавлялъ: «несмотря на это, едва-ли нужно пожелать, чтобы и слѣдующіе выпуски этой книги были совершенно таковы, какъ первый. То ли пожелаютъ отъ нихъ всѣ, а я со своей стороны позволяю желать себѣ.

— Чтобы во всѣхъ подобныхъ произведеніяхъ теорія языка была строго выводима исключительно изъ однихъ наблюденій и чтобы эти наблюденія были производимы не надъ какими нибудь избранными явленіями, и на сколько можно болѣе были разнообразны.

— Чтобы чутье свойствъ языка было строго сдерживаемо также въ предѣлахъ, допускаемыхъ наблюденіями, и укрѣплялось изслѣдовательностью: самъ въ себѣ человѣкъ легко можетъ смѣшать дѣйствительное чутье съ тѣмъ, что не чутье, а только случайное мнѣніе, выведенное изъ немногихъ данныхъ и опровергаемое другими.

— Чтобы наблюденія были не только производимы полно, но представляемы читателю для того, чтобы онъ могъ положительнѣе изучить исходъ наблюденій».

Нужно знать язвительность покойнаго Измаила Ивановича, чтобы тотчасъ-же понять, что за этими очень вѣжливо-выраженными desiderata въ дѣйствительности скрываются совсѣмъ не вѣжливо задуманные три весьма серьезныхъ упрека. Прежде всего скептикъ и насмѣшникъ, Срезневскій, по разнымъ, однако-же, причинамъ, примыкалъ къ направленію, выставлявшему на показъ свои «русскія» чувства и потому онъ особенно рѣзко не могъ отнестись къ стремленію Константина Сергѣевича создать вполнѣ самобытную и нежелающую знать иностранныхъ образцовъ грамматику. Но по существу его desiderata должны быть поняты въ томъ смыслѣ, что Константинъ Сергѣевичъ для своихъ выводовъ: 1) пользовался только «избранными явленіями», т. е. игнорировалъ тѣ, которыя ихъ не подтверждали; 2) не подкрѣплялъ ихъ «изслѣдовательностью», т. е. не заботился о томъ, чтобы его грамматическія индукціи были основаны на сколько-нибудь достаточномъ количествѣ фактовъ и наконецъ 3) часто вовсе не «представлялъ читателю наблюденія», т. е. давалъ выводы чисто догматически, не вводя читателя въ *свою филологическую* лабораторію.

Противъ послѣдняго упрека, крайне тяжелаго по отношенію къ какой-бы то ни было научной работѣ, счелъ необходимымъ возражать издатель и большой почитатель филологическихъ трудовъ Константина Сергѣевича — П. А. Безсоновъ. По его словамъ эта «безпримѣрность» т. е. отсутствіе подкрѣпляющихъ выводы грамматическихъ примѣровъ объясняется тѣмъ, что филологическія работы Константина Сергѣевича «и не выражались и не сопровождались непремѣнно выписками пера: работавшій — много если дѣлалъ замѣтки на самихъ книгахъ, краткія, летучія. Вся эта бездна прочтеннаго филологическимъ взоромъ и передуманнаго языкознательнымъ умомъ — скрывалась внутрь, слагая запасъ громаднѣйшей памяти, какую лишь удавалось намъ встрѣчать въ комъ либо: она пошла въ душѣ на созиданіе того величаваго, но невещественнаго, одухотвореннаго образа, какимъ представлялся русскій языкъ Аксакову. Матеріалъ превращался въ живое существо, работа въ творчество; творчество въ самомъ языкѣ, создавшее языкъ силами народа, и творческій образъ самаго языка, изъ языка схваченный взоромъ личнымъ, умомъ художественнымъ, сливались во едино. Мало было-бы сказать, что Аксаковъ «носилъ» въ себѣ этотъ образъ, и существующій въ природѣ, и оттуда добытый, или что онъ «носился» съ этимъ образомъ, какъ съ роднымъ и все-таки «внѣшнимъ», какъ принятымъ внутрь и все-таки со стороны: Аксаковъ этимъ жилъ, вопросъ русскаго языка былъ для него вопросомъ жизни собственной; жизнь личная, казалось, иногда, располагалась по вопросамъ языка и имъ всего чаще отвѣчала. Странно было-бы (по этому), встрѣтить, что Аксаковъ «записываетъ», трудно было уловить моменты его справокъ по книгѣ».

Такимъ образомъ, самаго факта, отмѣченнаго Срезневскимъ и другими критиками, почтенный профессоръ и не отрицаетъ. Онъ только даетъ ему другое объясненіе; объясненіе, въ сотый разъ доказывающее удивительную симпатичность Константина Сергѣевича, какъ человѣка, но совсѣмъ не измѣняющее существа дѣла. Въ наукѣ нѣтъ личнаго довѣрія, вѣрятъ только въ факты, доступные провѣркѣ каждаго, а не «чутью».

Въ заключеніе нашего обзора филологическихъ трудовъ Константина Аксакова приведемъ оцѣнку ихъ, сдѣланную Иваномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ. Приводимъ ее не потому, чтобы она заключала въ себѣ что-нибудь новое и что-нибудь такое, чтобы не было высказано выше, а именно потому, что она, правда съ другой точки зрѣнія и иначе освѣщая, по существу подтверждаетъ всѣ тѣ упреки, которые мы отмѣтили. Уже если такой восторженный поклонникъ учено-литературной дѣятельности *Константина* Сергѣевича, какъ Иванъ Сергѣевичъ, и

могъ обойти того факта, что филологическіе труды Константина Акс кова, главнымъ образомъ, замѣчательны поэтическою и художественнс стороною своею, значитъ, дѣйствительно, въ пользу научнаго значен ихъ не много можно привести доводовъ.

Итакъ, вотъ эта характеристика, въ которой такъ нетрудно отдѣли факты отъ дружескихъ стараній смягчить ихъ:

«Константинъ Сергѣевичъ не былъ и, по самой природѣ своей, могъ быть ученымъ въ смыслѣ нѣмецкаго гелертера; процессъ его у ной работы былъ не просто аналитическій, но такъ сказать и худо ственный вмѣстѣ, мгновенно объемлющій синтезъ изслѣдуемаго явлен его «душу живу» и органическую цѣльность. Его мысль почти всег предваряла длинный путь логическихъ выводовъ и формальнаго знан и нерѣдко, къ удивленію ученыхъ, находила себѣ подтвержденіе в въ цѣлой массѣ научныхъ данныхъ, еще вовсе не извѣстныхъ К(стантину Сергѣевичу, или въ послѣдующихъ открытіяхъ науки. Бы. бы ошибочно, впрочемъ, заключать изъ нашихъ словъ, что мы стави ему въ особенную заслугу такой способъ научныхъ изслѣдованій и да отдаемъ этому способу предпочтеніе предъ всѣми другими. Мы про указываемъ на художественную стихію, присущую всей дѣятельно К. С., какъ на психическую его особенность, и съ своей стороны с дѣтельствуемъ, что въ его душѣ не было ни тѣни пренебреженія строгому методу нѣмецкихъ ученыхъ. Мы полагаемъ, однакоже, что его особенность, въ свою очередь, не должна бы возбуждать (какъ до сихъ поръ не разъ бывало) пренебреженія со стороны труженик ученаго цеха, и что поэтическое чувство есть также одно изъ позна тельныхъ орудій человѣческаго духа, наравнѣ съ логическимъ разумо Константину Сергѣевичу безъ сомнѣнія недоставало той обширной эруди которая лежитъ въ основаніи ученыхъ трудовъ германскихъ филолого и того близкаго знакомства съ литературою предмета, которое обнару ваютъ многіе изъ русскихъ ученыхъ, особенно въ области сравните ной филологіи. Но этотъ недостатокъ, имъ вполнѣ сознаваемый, едва не съ избыткомъ восполнялся его филологическимъ чутьемъ, его спос ностью проникать въ самыя духовныя нѣдра слова и угадывать сок венную мысль грамматическихъ видоизмѣненій» (Предисловіе къ II соч. К. А.).

Перейдемъ теперь къ значительнѣйшей части духовнаго наслѣ Константина Сергѣевича — его историческимъ трудамъ, которыя поч *всѣ относятся къ* первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ.

Но прежде всего, да не выведетъ читатель ложнаго заключенія изъ слова «трудамъ». «Константинъ Аксаковъ», скажемъ мы словами Костомарова «не оставилъ послѣ себя ни историческихъ повѣствованій, ни даже трудолюбивой обработки источниковъ онъ по русской исторіи писалъ мало». Если мы въ самомъ дѣлѣ, присмотримся къ I тому Собранія сочиненій Конст. Аксакова, посвященному «Сочиненіямъ Историческимъ», то что мы тутъ находимъ? На пространствѣ 600 страницъ—27 статей. Нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ собою простые черновые наброски, другія занимаютъ 6, 7 страницъ, а самая значительная, какъ по содержанію, такъ и по объему историческая статья Конст. Сергѣевича — «О древнемъ бытѣ Славянъ вообще и русскихъ въ особенности» содержитъ въ себѣ всего 65 страницъ. Такимъ образомъ, того, что обыкновенно составляетъ главное достоинство заправскихъ историческихъ «трудовъ»—обстоятельности, читатель не найдетъ въ «сочиненіяхъ историческихъ» Конст. Сергѣевича.

Но не одною обстоятельностью обусловливается значеніе историческихъ работъ. Помимо трудовъ повѣствующихъ, требующихъ детальности и объемистости, есть еще цѣлый разрядъ трудовъ обобщающихъ и критическихъ, значеніе которыхъ обусловливается широтою положенныхъ въ нихъ взглядовъ. Къ этому-то разряду трудовъ по такъ называемой философіи исторіи и принадлежатъ историческія и историко-критическія статьи Константина Сергѣевича. «Въ немногихъ статьяхъ его», говоритъ Костомаровъ сохранились животворныя мысли, свѣтлые взгляды, которые не напрасно высказаны для науки, и будутъ служить путеводными нитями для дальнѣйшихъ изслѣдованій надъ важнѣйшими сторонами нашего прошедшаго». Слова знаменитаго историка очень субьективны. «Свѣтлы»-ли взгляды К. Аксакова или, напротивъ того, вносятъ мракъ, «животворны»-ли они или, напротивъ того, мертвящи, — объ этомъ могутъ быть разныя мнѣнія, хотя, несомнѣнно, что въ устахъ Костомарова, отнюдь не принадлежащаго къ славянофильской школѣ, похвала одному изъ главарей славянофильства могла-бы служить ручательствомъ ея полнаго безпристрастія. Но, конечно, мы будемъ еще ближе къ истинѣ, если, устранивъ всякую субьективность, скажемъ просто, что историческіе взгляды Константина Аксакова очень *значительны*. Они открываютъ новые горизонты, можетъ быть и невѣрные, не безспорно обширные.

По нашему мнѣнію, воззрѣнія Константина Сергѣевича на русскую исторію могутъ быть сведены къ четыремъ основнымъ мыслямъ: 1) о томъ, что укладъ первоначальной русской жизни былъ не родовой, а общинно-вѣчевой, 2) о томъ, что русскій народъ рѣзко отдѣлялъ понятіе

«земли» отъ понятія о государствѣ, 3) о томъ, что древне-русская, ; петровская исторія представляетъ собою картину высоконидеальныхъ (щественныхъ отношеній. И наконецъ, какъ общій выводъ изъ пре; идущаго является у Константина Аксакова 4) мысль о томъ, что русс: народъ есть носитель спеціально ему присущихъ высокихъ доблест которыя отводятъ ему особое, высокое положеніе во всемірной истор Послѣднюю мысль мы-бы назвали мыслью о богоизбранности русск: народа.

Теорію общиннаго быта Констант. Сергѣевичъ высказалъ сначала небольшой газетной статейкѣ «Родовое или общественное явленіе бі изгой», помѣщенной въ «Моск. Вѣд.» 1850 г. (№ 97), а затѣмъ бо. обстоятельно въ статьѣ «О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у р скихъ въ особенности», напечатанной въ I т. «Моск. Сборника» 1(года.

Статья начинается съ констатированія того, что нѣмецко-русскіе у ные — Байеръ, Миллеръ, Шлецеръ, «не принадлежа къ русскому роду, не имѣя съ нимъ жизненной связи, принялись толковать его жиз и «объяснять русскимъ ихъ исторію». Подъ ихъ вліяніемъ и настоя русскіе ученые «смотрѣли также не по русски на свою исторію» «изображали русскую исторію такъ, что въ ней русскаго собственно чего не было видно». «Но дальнѣйшее знакомство съ лѣтописями и і мотами, но бытъ простаго народа, сохранившійся въ своей тысячелѣт оригинальности, подѣйствовали, наконецъ, на взгляды нашихъ учены и желаніе понять русскую исторію настоящимъ образомъ, желаніе са бытнаго воззрѣнія—пробудились. Политическій взглядъ, гдѣ обыкнове рисуются князья, войны, дипломатическіе переговоры и законы, взгл Шлецера и (его послѣдователя) Карамзина, былъ, наконецъ, оставле и, въ наше время, вниманіе обратилось на бытъ народный, на об ственныя, внутреннія причины его жизни». Къ числу представите такого «желанія самостоятельнаго пониманія» и «воззрѣнія бытова Аксаковъ причисляетъ, между прочимъ, Соловьева. Но тотъ-же С(вьевъ, однако, а вмѣстѣ съ нимъ еще нѣсколько молодыхъ ученыхъ Кавелинъ, Калачовъ, Афанасьевъ, освободившись отъ взглядовъ од нѣмца—Шлецера, подняли другую нѣмецкую, совсѣмъ не соотвѣтств щую русской исторической дѣйствительности, теорію — о родовомъ б у древнихъ славянъ вообще и у русскихъ въ частности, теорію, во: щенную извѣстнымъ Эверсомъ.

По мнѣнію Конст. Сергѣевича теорія о существованіи родоваго б у древнихъ славянъ зиждется на томъ, что приверженцы ея «не о дѣлили настоящимъ образомъ, что такое родовой бытъ» и путаютъ

такихъ совершенно различныхъ понятія, какъ бытъ родовой и бытъ семейный. Такъ Соловьевъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей исторіи позволяетъ себѣ говорить «семья или родъ», а въ другихъ утверждаетъ, что предки наши не знали семьи; затѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ говоритъ о родоначальникѣ, какъ о правителѣ рода, не знающемъ надъ собою высшей власти, въ чемъ и выражается родовое начало, а въ другихъ мѣстахъ оказывается, по Соловьеву-же, что «каждый младшій, будучи недоволенъ рѣшеніемъ старшаго, имѣлъ возможность возстать противъ этого рѣшенія». Такую-же сбивчивость представленій о родовомъ бытѣ Аксаковъ подчеркиваетъ и у Кавелина, который, кромѣ того, возмущаетъ Конст. Сергѣевича тѣмъ, что доводитъ родовой бытъ въ Россіи до Петра Великаго, между тѣмъ какъ даже Соловьевъ говоритъ, что родовой бытъ начинаетъ исчезать у насъ при Ярославѣ.

Остановившись еще на мнѣніяхъ Калачова и Афанасьева, изъ которыхъ послѣдній особенно смѣшиваетъ семью и родъ, Аксаковъ даетъ, затѣмъ, свое собственное опредѣленіе родоваго быта. Если при изложеніи взглядовъ Кавелина, онъ всего менѣе пріязненно относился къ стараніямъ послѣдняго подвести родовой бытъ у нашихъ предковъ подъ общій законъ развитія общественной жизни, свойственный всѣмъ народамъ, то теперь онъ, все таки, «не думаетъ отвергать», что первоначальный бытъ — есть безспорно родовой». Но въ чемъ отличительныя черты этого быта? Сдѣлавши краткій очеркъ хода его нарожденія, Конст. Сергѣевичъ говоритъ: «Что-же мы въ немъ видимъ? Мы видимъ, во первыхъ, что семья въ немъ исчезаетъ, ибо поглощена единствомъ рода и единствомъ родоначальника; во-вторыхъ, что отношенія родовыя не остаются въ своей чистотѣ, а немедленно получаютъ значеніе гражданское, не переставая быть родовыми. Состояніе напряженное и ложное, стѣсняющее съ одной стороны *семью*, съ другой *гражданственность*. Гражданственность смущаетъ родовыя отношенія; родовыя отношенія мѣшаютъ гражданственности и семьѣ. Такимъ образомъ семья и родъ, семейное и родовое начало не одно и тоже, но взаимно исключаютъ или ослабляютъ другъ друга. Гдѣ сильно начало родовое, тамъ нѣтъ начала семейнаго или оно слабо. Гдѣ сильно начало семейное, тамъ нѣтъ родоваго или же оно находится на слабой ступени. Патріархальное и семейное начало образуютъ двѣ противоположности, хотя, повидимому, истекаютъ изъ одного источника, близки другъ къ другу».

Но если родовой бытъ, въ только что очерченномъ видѣ и «былъ первою общественною ступенью, черезъ которую прошли, безспорно, всѣ народы», то, все таки *«одни только* прошли чрезъ него не останавли-

ваясь, другіе остановились болѣе или менѣе, утвердили за собою эт быть, формулировали, опредѣлили его явственно, съ большими и меньшими подробностями, особенностями и оттѣнками». Славяне къ слу послѣднихъ народовъ, по мнѣнію К. Аксакова, не принадле Такъ, если мы обратимся къ сказаніямъ древне-византійскихъ исто ковъ, то что мы находимъ? «Прокопій говоритъ, что славяне не по нуются одному мужу, но изъ начала живутъ при народномъ правле ἐνδημοκρατία. Это свидѣтельство говоритъ ясно противъ родоваго бы ибо демократическое устройство такому быту противорѣчитъ». Тотъ Прокопій сообщаетъ «что у славянъ былъ обычай совѣщаться вмѣст своихъ дѣлахъ. Опять свидѣтельство, указывающее ярко на народ или общинное устройство». Маврикій говоритъ, что славяне не зна правительства. Приблизительно тоже самое отмѣчаютъ позднѣйшіе х нисты. Такъ Адамъ Бременскій говоритъ о славянахъ, что они не т пятъ между собою господина или повелителя. Дитмаръ Мерзебургс «повѣствуя о вѣчахъ Лутичей и, почти въ тѣхъ-же выраженіяхъ, к Прокопій, говоря, что они не повинуются одному, а всѣ совѣщаютс дѣлахъ своихъ,—прибавляетъ, что дѣла рѣшались единогласіемъ, кото было необходимо».

Отъ иноземныхъ свидѣтельствъ, Константинъ Аксаковъ переход къ разбору двухъ славянскихъ памятниковъ, на нѣкоторыхъ мѣст которыхъ Соловьевъ съ особенною настойчивостью хотѣлъ основать св теорію родоваго быта. Памятники эти—1) «Судъ Любуши» и 2) Лѣ пись Нестора.

Содержаніе «Суда Любуши», какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, ч братья Кленовичи поспорили объ отцовскомъ наслѣдствѣ и явились разрѣшеніемъ спора къ княжнѣ Любушѣ. Любуша собираетъ сне (сеймъ) изъ Кметовъ, Леховъ и Владыкъ, предлагаетъ дѣло на ихъ р смотрѣніе, причемъ отъ себя говоритъ, что по закону вѣкожизненны боговъ, братья — или должны владѣть вмѣстѣ или раздѣлиться порови Снемъ рѣшаетъ, чтобы оба брата владѣли вмѣстѣ. Старшій братъ не доволенъ этимъ рѣшеніемъ. Онъ съ яростью говоритъ, что наслѣдст надо дать первенцу и поноситъ Любушу за то, что она другого мнѣн Тогда въ защиту ея поднимается Ратиборъ, который, усматривая словахъ старшаго Кленовича вліяніе нѣмецкихъ обычаевъ, говори «не хвально намъ въ нѣмцахъ искать правды, у насъ правда по зако святому, которую принесли отцы наши» и затѣмъ рисуетъ такую ка тину древне-чешской жизни: «Всякой отецъ воеводитъ свою челядь (мочадцевъ). Мужи пашутъ, женщины шьютъ одежду, и какъ скоро у

раетъ глава челяди, то дѣти всѣ владѣютъ вмѣстѣ наслѣдствомъ, выбирая себѣ владыку изъ рода, который, для пользы, ходитъ въ славные снемы, ходитъ съ Кметами, Лехами, Владыками».

Во всемъ этомъ Соловьевъ видитъ родовое устройство, съ его общимъ владѣніемъ и рѣшающей властью родоначальника. Но Аксаковъ видитъ тутъ, напротивъ того, полное опроверженіе теоріи родоваго быта.

«Любуша», говоритъ онъ, «предлагаетъ или общее владѣніе, или ровный раздѣлъ. Снемъ рѣшаетъ общее владѣніе. Положимъ, что предметъ суда есть вопросъ родовой, вопросъ именно *родоваго* владѣнія, наслѣдства. Этотъ вопросъ о наслѣдствѣ рѣшается на основаніи родоваго устройства (думаетъ г. Соловьевъ), именно словами Ратибора, въ которыхъ изображается родовой бытъ. Допустимъ это. Кѣмъ-же представляется родъ? *Двумя братьями.* Весь споръ между ними и для нихъ, для рѣшенія братскаго спора приводится весь порядокъ, вся правда, принесенная предками. Что должны мы заключить? Или-то, что родъ не имѣлъ другихъ представителей, былъ весь, кромѣ двухъ, уничтоженъ (а то бы всѣ родичи должны были участвовать въ спорѣ, ибо всѣ имѣли общее право на общее владѣніе, по мнѣнію послѣдователей Эверса); но такую случайность предположить трудно и объ ней было бы упомянуто, тѣмъ болѣе, что оба брата — древняго происхожденія. Или-же, что гораздо проще, судебный вопросъ этотъ былъ не родовой, а чисто *семейный.* Да и прямо говорится, что споръ идетъ объ отцовской дѣдинѣ. Тогда дѣло перемѣняется и родовое устройство исчезаетъ: ибо, какъ скоро выступаетъ семья, какъ скоро рѣчь идетъ только между братьями и ни о какихъ родичахъ нѣтъ и рѣчи, то гдѣ-же общее владѣніе рода, гдѣ-же родовой бытъ, который допускаетъ участіе всѣхъ родичей, особенно когда родъ оставался безъ главы!—И такъ на сценѣ только *семья*, выдѣлившаяся, слѣдовательно, изъ рода, а рода нѣтъ».

Затѣмъ: «вспомнимъ, что Любуша *по закону вѣкожизненныхъ боговъ*, говоритъ братьямъ: или владѣйте вмѣстѣ, или раздѣлите поровну. И такъ и то и другое — по закону боговъ» и рушится, значитъ, другой отличительный признакъ родоваго быта—общность владѣнія.

Наконецъ, что касается мѣста рѣчи Ратибора, гдѣ говорится о выборахъ и роли владыки, то здѣсь Аксаковъ не усматриваетъ ничего такого, чтобы давало основаніе видѣть въ владыкахъ родоначальниковъ. Если «въ пѣснѣ говорится, что дѣти выбираютъ себѣ владыку (а не отца, не родоначальника), который ходитъ въ снемы съ Кметами и Лехами, то это значило, что каждая семья посылала на сходку своего представителя. Кто знаетъ устройство нашихъ сходокъ, тотъ увидитъ, что этотъ обычай и до сихъ поръ у насъ сохранился въ народѣ; на сходку ходитъ или старшій въ домѣ, или-же избранный въ домѣ отъ семьи. Кого послать — это былъ и есть домашній распорядокъ внутри дома, но за порогъ дома семья у насъ не переходила. И такъ владыки были то же

что и теперь у насъ—избранные или неизбранные представители с на сходкѣ. Кметы и Лехи, составлявшіе, какъ видно, званія (мо быть мужи княжіе), уже и по званію своему тамъ засѣдали, какъ у потомъ на земскихъ соборахъ бояре и выборные люди».

Покончивъ съ «Судомъ Любуши», составляющимъ одинъ изъ угольныхъ камней теоріи Соловьева, Константинъ Сергѣевичъ оста ливается нѣсколько на извѣстномъ изслѣдованіи Губе о наслѣдс номъ правѣ у славянъ, изъ котораго извлекаетъ рядъ одиночныхъ казательствъ того, что у древнихъ славянъ отнюдь не было родо быта, а дѣйствовала свободная воля семьи, и затѣмъ переходитъ другому краеугольному камню поборниковъ родоваго быта — лѣто Нестора. У Нестора имѣется слѣдующее мѣсто, съ перваго раза д ствительно заставляющее думать, что у предковъ нашихъ господство родовой бытъ:

«Поляномъ же живущемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, вяху каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣюще ка родомъ своимъ».

Но въ какомъ, однако-же, смыслѣ употреблено здѣсь слово «родъ»

«Несторъ, говоря о Полянахъ, вслѣдъ за вышеприведенными вами, разсказываетъ о трехъ братьяхъ: Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ; это да намъ возможность прослѣдить и провѣрить слова Нестора о Полян Кій, Щекъ и Хоривъ—три брата: одинъ-ли это родъ? Конечно, е сколько-нибудь есть родовое устройство. Что-же мы видимъ? Что трое жили особо, на своихъ мѣстахъ. Кій живетъ на горѣ, гдѣ ув Боричевъ, Щекъ на другой горѣ, Щековицѣ, а Хоривъ на третьей, Х ревицѣ. И такъ каждый братъ составлялъ особый родъ, но возможно-это при родовомъ устройствѣ? Три брата не могли быть тремя родо чальниками и раздѣлить родъ на трое, ибо родовое устройство так дѣлежа не допускаетъ. Если-же у каждаго изъ нихъ могъ быть с родъ, ибо они жили особо другъ отъ друга, то это можно объяснить иначе, какъ тѣмъ, что родъ былъ *семья*». Въ послѣднемъ убѣжде Конст. Аксакова поддерживаетъ еще и то, что «лѣтопись Нестора юж русская, у въ ней много встрѣчается, и до сихъ поръ сохранивши въ Малороссіи, южно-русскихъ выраженій, — а въ Малороссіи и тепе родъ имѣетъ значеніе семьи. Малороссъ, говоря про свою семью, с жетъ: *се мій родъ*. И такъ нѣтъ сомнѣнія, что родъ въ вышеприведе номъ мѣстѣ лѣтописи имѣетъ значенье *семьи;* онъ упоминается тол у Полянъ, у которыхъ однихъ былъ *бракъ* и, слѣдовательно, *семы*

и по русски развѣ мы не говоримъ «двоюродный братъ»? А что ачитъ: *двоюродный?* здѣсь мы легко открываемъ двойственное чи; *двою роду* то есть: *двухъ родовъ;* и такъ двоюродный братъ значитъ ъ *двухъ семей*».

Разсмотрѣвъ, такимъ образомъ доказательства, выставляемыя привертцами теоріи родоваго быта, Аксаковъ начинаетъ уже отъ себя притъ рядъ свидѣтельствъ древнихъ памятниковъ, по его мнѣнію рѣтельно не оставляющихъ мѣста для предположеній о существованіи оваго быта въ древней Руси. Такъ, по Русской Правдѣ «мстить долъ или братъ, или отецъ, или племянникъ съ братниной или сестри стороны; вотъ всѣ родовые мстители». Вяжется-ли такое ограниче съ сколько-нибудь развитымъ родовымъ бытомъ?

Но еще важнѣе другое свидѣтельство Русской Правды изъ области жданскихъ отношеній, именно то, что имѣніе человѣка, не оставиво послѣ себя дѣтей, считается выморочнымъ и переходитъ къ князю. ъ уже, значитъ, о родовомъ бытѣ съ его общимъ владѣніемъ и рѣчи можетъ быть.

Всѣ эти «опроверженія родовому быту» и приводятъ Аксакова къ сли о бытѣ семейномъ и вмѣстѣ общинно-вѣчевомъ. Не довольствуясь е извѣстными намъ свидѣтельствами Прокопія, Маврикія Дитмара ерзебургскаго, Адама Бременскаго и «Суда Любуши», Константинъ ргѣевичъ приводитъ длинный рядъ почерпнутыхъ изъ лѣтописи факвъ древне-русской жизни, фактовъ говорящихъ, какъ о развитія годарственной жизни, такъ и о широкомъ народовластіи.

Кѣмъ призываются Варяги? Всѣмъ народомъ. Ни о старѣйшинахъ, и о старцахъ въ относящемся сюда лѣтописномъ сказаніи ни слова ѣтъ. Призваніе князей было полнымъ проявленіемъ «народной воли. то заставляетъ предполагать бытъ народный, общинный. Самое призваніе князя, особенно-же племенами, даже чужеродными (славяне, чудь) страняетъ всякую мысль о родовомъ бытѣ. Это поступокъ гражданскій, осударственный и сознательный». «Въ договорѣ съ греками Олега, еще иднѣе Игоря, высказывается вполнѣ общинное устройство, котораго ругъ завести нельзя. Въ этихъ договорахъ посольство правится отъ еликаго князя, князей, бояръ, купцовъ и отъ всей земли. Бытъ вполнѣ общественный. Это тоже явленіе, какое мы видимъ и впослѣдствіи, и которое приняло образъ Земской Думы, Земскаго Собора. Въ договорахъ тихъ выступаетъ значеніе всей земли, всего народа».

Еще характернѣе событія, связанныя со смертью Игоря. *Древляне сдумавши* съ княземъ своимъ Маломъ (а не князь Малъ самъ по себѣ) и не видя конца насиліямъ Игоря, убиваютъ послѣдняго. Послѣ этого опять *Древляне* (т. е. народъ) говорятъ: возьмемъ Ольгу за нашего князь Мала. *Древляне*-же посылаютъ лучшихъ мужей къ Ольгѣ. Мужи эти, пришедши къ Ольгѣ, говорятъ: «посла ны *Деревьска земля*».

Когда Святославъ «жилъ въ Переяславлѣ, и Кіевъ едва былъ спасенъ воеводою Претичемъ отъ печенѣговъ, кіевляне посылаютъ сказать ему, что онъ бросилъ свою землю и ищетъ чужой, напоминаютъ ему о матери его и дѣтяхъ, о семейныхъ его обязанностяхъ. Нечего и говорить, что тутъ между княземъ и народомъ не было никакихъ родовыхъ или патріархальныхъ отношеній».

Чѣмъ дальше отодвигается Конст. Сергѣевичъ отъ первыхъ князей Рюрикова дома, тѣмъ легче, понятно, ему становится находить доказательства существованія государственнаго быта въ древней Руси. И если бы его задача состояла въ томъ, чтобы доказать невѣрность теоріи родоваго быта, онъ-бы могъ ограничиться вышеприведенными фактами, такъ какъ несостоятельность мнѣнія Кавелина, что родовой бытъ сохранился до Петра I слишкомъ уже очевидна, а Соловьевъ и самъ признаетъ, что при Ярославѣ родовой бытъ исчезаетъ въ Россіи.

Но Конст. Сергѣевичу хочется, кромѣ того, доказать, что укладъ государственной жизни древней Россіи былъ общинно-вѣчевой. Вотъ почему онъ и приводитъ длинный рядъ выписокъ изъ лѣтописей, доказывающихъ первенствующее значеніе народной воли въ древне-русской жизни и зависимость князя отъ вѣча. Такъ, кіевляне, собравшись въ 1067 г. на вѣче и встрѣтивъ въ Изяславѣ I сопротивленіе своему намѣренію сразиться съ Половцами, освободили заключеннаго Всеслава и поставили его княземъ, а Изяславъ долженъ былъ удалиться. Въ 1096 году Святополкъ и Владиміръ, предлагая Олегу идти противъ Половцевъ, дѣлаютъ это въ такой формѣ: «поиди Кыеву, да порядокъ положимъ о русьтѣй земли предъ епископы, и предъ игумены, и предъ мужи отець нашихъ, и предъ людьми градскими, да быхомъ хоронили руськую землю отъ поганыхъ». Ослѣпленіе Василька совершилось только послѣ того, какъ Святополкъ имѣвшій уже Василька въ своихъ рукахъ, собралъ Кіевлянъ на вѣче и увѣрилъ ихъ, что Василько питаетъ разные предательскіе замыслы. Въ томъ-же году, когда Володарь и Василько осадили Давида во Владимірѣ (Волынскомъ) они вели переговоры не съ Давидомъ, а съ Владимірцами, которые «созваша вѣче» и заставили князя покориться

своему рѣшенію. Въ 1146 году послѣ брата своего Всеволода Ольговича Игорь сталъ княземъ Кіевскимъ. «И неугоденъ бысть Кіяномъ Игорь» и послали они къ Изяславу и сказали послѣднему: «пойди, княже, къ намъ, хощемъ тебѣ. Не хотимъ Ольговичей, *не хотимъ доставаться какъ-бы по наслѣдству*». Сѣвши на Кіевскій столъ, Изяславъ задумалъ идти походомъ противъ Юрія, сына Владиміра Мономаха. Но кіевляне, созванные Изяславомъ для совѣта, прямо ему отвѣтили: «Князь! Ты на насъ не гнѣвайся, мы не можемъ поднять руки на Владимірово племя, если на Ольговичей, то готовы хоть съ дѣтьми». Изяславъ соединился тогда съ черниговскими Ольговичами, но когда тѣ затѣяли измѣну, послалъ опять къ кіевлянамъ за помощью. Кіевляне сошлись всѣ, отъ мала до велика, къ святой Софіи на дворъ, составили вѣче и на этотъ разъ, возмущенные предательствомъ Ольговичей, оказали князю содѣйствіе. Въ 1154 г. Изяславъ умираетъ. «И посадиша въ Кіевѣ Ростислава Кіяне, рекуче ему: якоже братъ твой Изяславъ честилъ Вячеслава [1]), такоже и ты чести; а до твоего живота Кіевъ твой». «Здѣсь» замѣчаетъ Аксаковъ «народъ распоряжается княжествомъ».

Ростиславъ, ставъ княземъ, затѣялъ разные походы и уѣхалъ изъ Кіева, но мужи уговаривали его вернуться туда, говоря ему: «ты съ *людьми* (т. е. народомъ) въ Кіевѣ еще не *утвердился*; поѣзжай лучше въ Кіевъ, утвердись съ народомъ».

Еще нѣсколько подобныхъ предъидущему примѣровъ огромнаго значенія народной воли въ древне-русской землѣ приводитъ Конст. Сергѣевичъ и затѣмъ съ торжествомъ отмѣчаетъ слѣдующія въ высшей степени замѣчательныя и важныя слова лѣтописи: *Новгородци бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, и Полочане и вся власти (т. е. волости), якоже на думу, на вѣча сходятся*. Слова эти «прямо указываютъ на общинное устройство во всей русской землѣ».

«Мы привели достаточно примѣровъ», говоритъ затѣмъ Константинъ Сергѣевичъ, «доказывающихъ, что въ древней Руси было общественное, именно общинное устройство, — общинный бытъ. Здѣсь нѣтъ и мѣста родовому быту. Это общинное устройство, со времени единодержавія Москвы, провозгласившей имя всей земли русской, не уничтожилось. Изъ грамотъ мы видимъ, какъ цѣлыя волости, слободы управляются выборными людьми. Губные старосты, цѣловальники, выборные люди, присутствовавшіе на судахъ, — все показываетъ, что древняя основа хранилась.—Наконецъ Земскіе Соборы, созываемые царями ото всей Земли, представляли голосъ и совѣтъ всей русской Земли, что тогда ясно чувство-

---

[1]) Вячеславъ былъ старшій въ родѣ и могъ-бы претендовать на княжество чего, однако, не дѣлалъ, довольствуясь почтительнымъ къ нему отношеніемъ Изяслава.

валось и сознавалось.—Междуцарствіе, въ теченіе котораго разлетѣлась на вр государственная оболочка и обнажилась *Земля*, показываетъ намъ, что она отвыкла отъ своего устройства: безпрестанныя совѣщанія народныя въ город и селахъ, совѣщанія, на которыхъ по обычаю русскому, всѣ сословія, весь родъ принималъ участіе,—условія Земли съ воеводами—троеначальниками, конецъ выборный отъ всей Земли русской, все это свидѣтельствуетъ, что *общ постоянно была основою русскаго общественнаго устройства*».

Заканчивается статья такъ:

«Изъ изслѣдованій нашихъ выводимъ заключеніе: *русская Зем есть изначала наименѣе патріархальная,—наиболѣе семейная и н болѣе общественная (именно общинная Земля)*».

Таковы основы выдвинутой Константиномъ Аксаковымъ общин теоріи.

Не трудно замѣтить въ ней, при сколько-нибудь детальномъ а лизѣ, рядъ частныхъ недохватокъ и тенденціозныхъ натяжекъ. станемъ, однакоже, останавливаться на мелочахъ и укажемъ тол существеннѣйшій недостатокъ Аксаковской теоріи, именно отмѣти крайнюю неопредѣленность, съ которою авторъ общинной теоріи по зуется словомъ «общинный».

Подъ общиною принято понимать небольшую территоріальную и соціальную единицу, тѣсно связанную общностью непосредственны житейскихъ интересовъ. Въ частности, подъ общиною въ русс экономической и политической литературѣ принято подразумѣв общину сельскую. Между тѣмъ К. Аксаковъ подставляетъ подъ с ва «община» и «общинный» самыя разнообразныя понятія. Такъ, только что приведенномъ резюме статьи о родовомъ бытѣ онъ пря употребляетъ какъ синонимы слова «общинный» и «общественны а въ другихъ мѣстахъ у него понятія объ общинности сливаю съ понятіемъ о государственности и «община» обнимаетъ соб то пространство волости, то пространство княжества, то наконе пространство всей Россіи. Разбирая напр. I томъ исторіи Соловье Конст. Сергѣевичъ говоритъ по поводу исторической роли Моск «Москва первая задумала единство государственное и начала у чтоженіе отдѣльныхъ княжествъ. Вся эта борьба княжествъ на щины не простиралась; общины были довольны, когда падали жду ними государственныя перегородки. Государство, уничтож ихъ, исполняло желаніе земли, и, стремясь къ единству государств ному, содѣйствовало единству земскому. Нѣтъ ни одного примѣ чтобы община заступилась за своего князя. Москва провозглашае наконецъ, имя всей Руси, единаго русскаго государства и единой Р ской Общины, русской земли».

На пространствѣ нѣсколькихъ строкъ тутъ господствуетъ са

хаотическое смѣшеніе административно-политическихъ единицъ и п
дѣлы общины до того раздвинуты, что теряется всякое опредѣлен
о ней представленіе.

И, конечно, эта неопредѣленность и смѣшеніе понятій могли
совсѣмъ подорвать значеніе общинно-вѣчевой теоріи, еслибы не здо
вое зерно ея, если бы не то, что въ основѣ ея лежало глубокое пони
ніе внутренняго смысла древне-русской исторіи. Теперь, когда прош
около сорока лѣтъ послѣ появленія статьи Константина Сергѣеви
не найдется уже ни одного историка, который сталъ-бы игнориров
огромную роль общинно-вѣчеваго начала въ ходѣ древне-русской го
дарственной жизни. Приведенные нами факты, на которыхъ Конст
тинъ Аксаковъ основалъ свой взглядъ, были, конечно, хорошо
вѣстны и до него. Но прежній государственный взглядъ на исто
настолько еще сильно владѣлъ умами историковъ русскихъ,
столько еще сильна была привычка обращать вниманіе исклю
тельно на трактаты, походы и княжескія междоусобія, что все,
савшееся народа въ тѣсномъ смыслѣ этого слова оставалось въ тѣ
Вотъ почему оставались въ тѣни и факты, такъ рѣзко выдвину
Константиномъ Сергѣевичемъ на первый планъ. И факты эти д
ствительно говорятъ все то, что подчеркивалось съ такимъ энтуз
момъ восторженнымъ авторомъ общинно-вѣчевой теоріи. Они д
ствительно не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно необ
новеннаго развитія демократическихъ чувствъ въ древней Руси
широкихъ предѣловъ народовластія, они дѣйствительно говорятъ
подставленной Конст. Сергѣевичемъ вмѣсто «рода» сельской об
нѣ, какъ объ основной соціальной единицѣ, дававшей тонъ вс
укладу древне-русской жизни. И вотъ почему подборъ всѣхъ эт
фактовъ былъ новымъ откровеніемъ для занимающихся русс
исторіею. Съ тѣхъ поръ основныя черты Аксаковской теоріи до
нируютъ въ разработкѣ древне-русскаго права. Всецѣло, со вс
ея деталями, теорія Константина Сергѣевича, правда, не прин
Но, во-первыхъ: теорія родоваго быта пала совершенно и даже
изъ изслѣдователей, которые нѣсколько отрицательно относятся
воззрѣніямъ Константина Аксакова на древне-русскую жизнь (проф.
моквасовъ напр. или Забѣлинъ) не могутъ не признать, что крит
ская часть обсуждаемой нами статьи блистательна. Конст. Сер
вичъ окончательно похоронилъ теорію родоваго быта въ томъ в
какъ ее создали Эверсъ и Соловьевъ и послѣ его статьи ни од
серьезный изслѣдователь не поднялъ этой теоріи, которая теперь ф
рируетъ исключительно въ обзорѣ *старыхъ* воззрѣній на дре
русскій бытъ.

Но важнѣе, конечно, положительная часть теоріи Константина Аксакова. Про нее-то и можно сказать, что она доминируетъ въ современныхъ воззрѣніяхъ на древне-русское право. Если мы переберемъ взгляды главнѣйшихъ юристовъ и историковъ послѣднихъ 30-ти лѣтъ, то мы увидимъ, что большинство изъ нихъ и при томъ такіе люди, какъ Бѣляевъ, Лешковъ, Костомаровъ, Шпилевскій, Градовскій всецѣло примыкаютъ къ воззрѣніямъ Константина Сергѣевича на древне-русскій общественный укладъ, другіе, какъ Сергѣевичъ, Владимірскій-Будановъ принимаютъ ихъ съ нѣкоторыми оговорками, наконецъ третьи, выступающіе съ собственными теоріями, какъ Леонтовичъ и Бестужевъ-Рюминъ съ теоріей задруги или Соколовскій съ теоріей волостной по существу, все таки, тоже примыкаютъ къ направленію, созданному Константиномъ Сергѣевичемъ. Община—задруга на хорватскій образецъ и волость съ тѣмъ характеромъ, съ какимъ она является въ теоріи П. А. Соколовскаго—все это видоизмѣненія одного и того же общественнаго и правоваго института. Важна основа, а она-то именно одна и та же и въ волостной, и въ задружной и въ Аксаковской теоріи, важно, что всѣ эти теоріи съ одинаковою энергіей выдвигаютъ рѣшающее значеніе демократически-альтруистическихъ началъ, глубоко коренящихся въ русской народной психологіи и потому окрашивавшихъ въ свой цвѣтъ тотъ періодъ древне-русской жизни, когда вліяніе другихъ факторовъ было слабо. И вотъ эта-то энергія въ подчеркиваніи демократическаго характера старо-русской жизни, этотъ-то энтузіазмъ предъ основами русскаго народняго быта и составляетъ огромную заслугу Константина Аксакова. Онъ внесъ народничество въ разработку древнерусскаго права, онъ заставилъ насъ смотрѣть на народное міровоззрѣніе и складъ народнаго характера съ тѣмъ уваженіемъ, котораго ни заслуживаютъ по своему огромному вліянію на ходъ русской исторіи, онъ пріобщилъ, такимъ образомъ, русскую историческую науку къ тому великому движенію демократическихъ идей, которое составляетъ основную черту духовной жизни русской интеллигенціи вотъ уже болѣе сорока лѣтъ.

Въ заключеніе, считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ по адресу проф. Самоквасова, который въ своемъ курсѣ исторіи русскаго права называетъ первымъ провозвѣстникомъ общинно-вѣчевой теоріи Бѣляева. Это невѣрно. Ошибка почтеннаго проф. произошла вслѣдствіе того, что онъ считаетъ, что впервые Константинъ Аксаковъ высказалъ свои мысли о родовомъ бытѣ въ обсужденной нами статьѣ, появившейся въ «Моск. Сборникѣ» 1852 года. А такъ какъ Бѣляевъ двумя годами раньше, во «Временникѣ Московскаго Общества Ис-

оріи и Древностей» 1850 г., кн. VII, помѣстилъ статью «Русская емля передъ прибытіемъ Рюрика въ Новгородъ», гдѣ высказалъ деи весьма схожія съ тѣми, которыя проводилъ Константинъ Сергѣевичъ въ своей статьѣ о родовомъ бытѣ, то оно и выходитъ, какъ удто Бѣляевъ имѣетъ тутъ права первенства. Но дѣло въ томъ, что ысли свои объ общинно-вѣчевомъ началѣ древней Руси Константинъ Сергѣевичъ только *развилъ* въ статьѣ «Моск. Сборника» 1852 года. Въ общихъ же чертахъ всѣ эти мысли выражены имъ въ статьѣ «Родовое или общественное явленіе былъ Изгой», помѣщенной въ началѣ 1850 года въ «Москов. Вѣд.» (№ 97) и заключавшей въ себѣ прямое обѣщаніе «представить въ особой статьѣ доказательство того, что въ древней Руси не было родоваго быта, а былъ бытъ общественный». Статья «Моск. Сборн.» и явилась исполненіемъ этого обѣщанія.

Уже если говорить въ данномъ случаѣ о чьихъ нибудь правахъ на первенство, то рѣчь можетъ идти только о Юріѣ Самаринѣ, который въ статьѣ «О мнѣніяхъ «Современника» историческихъ и литературныхъ», помѣщенной въ «Москвит.» 1847 г. (ч. II, стр. 135—174), дѣйствительно первый въ русской литературѣ, хотя очень кратко, но, все-таки, очень опредѣленно, заявилъ: «общинное начало составляетъ основу, грунтъ всей русской исторіи, прошедшей, настоящей и будущей; сѣмена и корни всего великаго, возносящагося на поверхности, зарыты въ его плодотворной глубинѣ».

Только что сдѣланное указаніе принадлежитъ А. Н. Пыпину и высказано имъ въ его «Характеристикахъ литературныхъ мнѣній» еще въ началѣ 70-хъ годовъ. Этимъ замѣчаніемъ почтенный изслѣдователь хотѣлъ ослабить панегирикъ Костомарова, который ставилъ Константину Аксакову въ особую заслугу провозглашеніе общиннаго начала. Мы думаемъ, однако, что поправка А. Н. имѣетъ по преимуществу библіографическое значеніе и заслугъ Константина Сергѣевича не умаляетъ. Да, дѣйствительно, *въ печати* общинную теорію первый провозгласилъ М... З... К. (псевдонимъ Юрія Самарина). Но кому-же, какъ не такому знатоку внутренней жизни литературныхъ кружковъ 40-хъ годовъ, какъ Алексѣй Николаевичъ, лучше извѣстно, что славянофильскій кружокъ представлялъ собою нѣчто до такой степени сплоченное и слитное, что отдѣлять, гдѣ начинаются мнѣнія одного изъ членовъ кружка и гдѣ кончаются мнѣнія другого, является дѣломъ почти невозможнымъ. Первые славянофилы были люди тѣсно связанные не только единствомъ духовныхъ стремленій, но и личнымъ общеніемъ. Почти ежедневно собирались они вмѣстѣ либо *въ домѣ Хомякова, либо* у Кирѣевскихъ, либо, наконецъ, у

Аксаковыхъ и въ живомъ обмѣнѣ мыслей разрабатывали детали общаго имъ всѣмъ міросозерцанія. Инициатива принадлежитъ тутъ всѣмъ вмѣстѣ и каждому въ отдѣльности. Одинъ дѣлалъ намекъ, другой его подхватывалъ, третій подбиралъ доказательства и въ общемъ получался тезисъ, родительскія права на который въ одинаковой степени должны приписываться всѣмъ членамъ кружка безраздѣльно. Вотъ почему, между прочимъ, первоначальное славянофильство совсѣмъ не знаетъ фракцій. Тутъ люди до того спѣлись *предварительно*, дома, что выступали въ печать уже съ совершенно законченнымъ міровоззрѣніемъ, вошедшимъ въ плоть и кровь каждаго изъ принимавшаго участіе въ выработкѣ его. Слѣдовательно, *печатное* первенство въ дѣлѣ возвѣщенія славянофильскихъ принциповъ можетъ имѣть исключительно библіографическій интересъ и всегда есть простая случайность. Юрію Самарину по конкретной надобности (для опроверженія идей Кавелина) пришлось говорить объ общинномъ началѣ,—онъ его и провозгласилъ. А Константину Сергѣевичу въ 1847 г. надобности такой не было, онъ и не высказывался. Но отсюда всего менѣе слѣдуетъ, чтобы Константинъ Сергѣевичъ чему-нибудь научился изъ коротенькой, чисто катехизической статейки Самарина или узналъ-бы что-нибудь новое изъ нея. Все это было ему превосходно извѣстно раньше и въ кружковыхъ дебатахъ онъ, конечно, не одно тутъ доказательство подобралъ и не одинъ разъ укрѣплялъ своимъ пафосомъ увѣренность сочленовъ въ томъ, что дѣйствительно только общиннымъ началомъ можно уяснять себѣ явленія древне-русской и современной народно-русской жизни.

Мы нѣсколько распространились по вопросу о правахъ первенства Юрія Самарина на общинную теорію, потому что тутъ идетъ рѣчь о вещи, имѣющей значеніе для оцѣнки всѣхъ вообще идей разсматриваемаго нами писателя. Намъ очень важно подчеркнуть, что, читая сочиненія основателей славянофильства, мы какъ будто имѣемъ предъ собою разныя редакціи одного и того-же. У одного короче, у другого длиннѣе, у одного съ большимъ, у другого съ меньшимъ талантомъ, у одного суше, у другого страстнѣе, наконецъ у одного намеки, у другого подробное развитіе. *Только этими*, почти внѣшними, качествами и отличаются сочиненія славянофиловъ другъ отъ друга. Въ частности, слѣдовательно, идеи Константина Аксакова не ему одному принадлежатъ. Если-же мы говоримъ о нихъ, усматривая въ нихъ писательскую индивидуальность Константина Сергѣевича, то *потому*, что помимо такихъ уже чисто-индивидуальныхъ качествъ, *какъ напр. большое* знаніе русской политической исторіи, древне-

русскаго юридическаго быта и т. д. сочиненія Константина Сергѣевича рѣзко запечатлѣны его необыкновенною страстностью, благодаря которой онъ довелъ всѣ принципы славянофильства до ихъ крайняго развитія. Тамъ гдѣ у спокойныхъ Кирѣевскихъ, дѣловитаго Самарина и лишеннаго *душевнаго* энтузіазма Хомякова идетъ спокойная экспозиція, тамъ Константинъ Аксаковъ, выражаясь вульгарно, рветъ и мечетъ и потому онъ въ славянофильствѣ занимаетъ приблизительно такое-же мѣсто, какое занимаетъ въ западничествѣ его нѣкогда закадычный другъ Бѣлинскій. Извѣстно, что и «неистовый Виссаріонъ» проводилъ идеи, далеко не ему одному принадлежавшія, но онъ проводилъ ихъ съ такимъ жаромъ и увлеченіемъ, что онѣ остались въ литературѣ съ его именемъ. У Константина Аксакова не было таланта Бѣлинскаго, но и изъ его изложенія многія славянофильскія идеи, благодаря горячей убѣжденности его, запечатлѣваются рѣзче, чѣмъ изъ изложенія другихъ славянофиловъ и потому они по справедливости должны быть связаны именно съ его литературною дѣятельностью.

Возвращаясь же къ проф. Самоквасову, замѣтимъ, что во всякомъ случаѣ, если говорить о *фактическомъ* вліяніи общинно-вѣчевой теоріи на разработку древне-русской исторіи, то честь его всецѣло принадлежитъ Константину Аксакову. Статья Бѣляева настолько мало извѣстна, что одинъ только проф. Самоквасовъ и цитируетъ ее. Всѣ-же, которые поддались дѣйствію народническихъ воззрѣній на древне-русскую жизнь, взяли ихъ у Константина Сергѣевича. Это онъ ихъ зажегъ своимъ восторженнымъ энтузіазмомъ, это его стремительность опрокинула освященное прежнею историческою наукою пренебреженіе къ основамъ народнаго міросозерцанія.

Переходя ко второй основной мысли историческихъ работъ Константина Сергѣевича — о томъ, что русскій народъ рѣзко отдѣлялъ понятіе о «землѣ» отъ понятія о государствѣ, не можемъ не замѣтить, прежде всего, что свидѣтельствуя, какъ и все когда-либо вышедшее изъ подъ пера Константина Аксакова, о глубокомъ благоговѣніи его къ качествамъ русскаго народнаго духа, мысль эта, однакоже, весьма мало гармонируетъ съ только-что очерченной теоріей того-же автора о широкомъ значеніи народовластія въ древней Руси. Читатель, конечно, замѣтилъ, съ какою энергіею Константинъ Сергѣевичъ подбиралъ лѣтописные факты, изъ которыхъ ясно, что важнѣйшія событія государственной жизни древней Руси совершались при непосредственномъ участіи народа. Всѣ вообще усилія автора теоріи объ общинно-вѣчевомъ бытѣ только къ тому и направлены, чтобы нарисовать картину того, какъ въ первоначальные періоды нашей исторіи русскій народъ *государствовалъ*.

Но что-же находимъ мы въ двухъ статьяхъ *«Объ основныхъ началахъ русской исторіи»*, которыя совершенно правильно поставлены во главѣ историческихъ работъ Константина Аксакова, какъ заключающія въ себѣ главныя мысли его о русской исторіи?

Авторъ даетъ въ ней очеркъ нарожденія русскаго государственнаго уклада. До Рюрика, говоритъ онъ, «славянскія племена, населявшія Россію жили подъ условіями быта; община, такъ устроенная носитъ простое названіе земли, которое мы удержимъ: оно оправдается впослѣдствіи». Но вотъ землю начинаютъ тѣснить «бранные, неугомонные сосѣди», возникаетъ также вражда внутренняя. Тогда «земля, чтобы спасти себя, свою земскую жизнь, рѣшается призвать на защиту Государство. Но, надо замѣтить, славяне не образуютъ изъ себя Государство, они призываютъ его; они не изъ себя избираютъ князя, а ищутъ его за моремъ; такимъ образомъ, они *не смѣшиваютъ Земли съ Государствомъ, прибѣгая къ послѣднему, какъ къ необходимости для сохраненія первой. Государство, политическое устройство—не сдѣлалось цѣлью ихъ стремленія*,—ибо они отдѣляли себя или земскую жизнь отъ Государства и для сохраненія первой призвали послѣднее».

Стремленіе отдѣлить Землю отъ Государства такъ глубоко вкоренилось въ русскомъ характерѣ, что оно замѣтно даже у такой вольницы, какъ Новгородцы. «Многіе думаютъ о Новгородѣ», говоритъ Аксаковъ, «какъ о наиболѣе мѣнявшемъ князей, что онъ былъ республика: совершенно ложно! Новгородъ не могъ оставаться безъ князя. Возьмите новгородскую лѣтопись, прочтите, съ какимъ ужасомъ говоритъ лѣтописецъ о томъ, что они три недѣли были безъ князя».

Чрезъ всю исторію Россіи, начиная съ древнѣйшихъ временъ ея и вплоть до междуцарствія и Петра, проходитъ это рѣшительное открещиваніе отъ власти. «Государство никогда у насъ не обольщало собою народа, не плѣняло народной мечты; вотъ почему, хотя и были случаи, не хотѣлъ народъ нашъ облечься въ государственную власть, а отдавалъ эту власть выбранному имъ и на то назначенному Государю, самъ желая держаться своихъ внутреннихъ, жизненныхъ началъ».

Можно быть разнаго мнѣнія объ исторической вѣрности только-что приведеннаго взгляда Константина Сергѣевича и о степени его соотвѣтствія съ такими явленіями древне-русской жизни, какъ частые земскіе соборы или выборное замѣщеніе должностей чисто-административнаго характера, т. е. представляющихъ собою делегацію центральной государственной власти. Но, во всякомъ случаѣ, едва-ли кто станетъ отрицать коренное противорѣчіе выдвигаемаго

ашимъ авторомъ открещиванія отъ власти съ общимъ характеро
актовъ, имъ-же подчеркиваемыхъ въ статьѣ объ общинномъ быт
'амъ объ этомъ открещиванія и индиферентизмѣ не было ни слов
Напротивъ того, энергично напиралъ Константинъ Сергѣевичъ на
то «голосъ и совѣтъ Русской земли» имѣлъ огромное значеніе да
ъ эпоху царскую, когда по общему представленію народовласт
счезло окончательно. Съ энтузіазмомъ указываетъ онъ тамъ, ка
ъ эпоху междуцарствія происходили «безпрестанныя совѣщанія и
юдныя въ городахъ и селахъ, совѣщанія, на которыхъ, по обыча
русскому, всѣ сословія, весь народъ принималъ участіе», какъ зем
предъявила «свои условія къ воеводамъ-троеначальникамъ» и ка
вообще даже «единодержавіе Москвы» ничуть не измѣнило прежня
клада. О томъ-же, что все это народовластіе носитъ тотъ особе
ный, мало имѣющій общаго съ обычными представленіями о народ
властіи, характеръ, который придаетъ ему Константинъ Сергѣевичъ
своихъ стараніяхъ отдѣлить понятіе древне-русской «земли» отъ п
нятія о государствѣ, обо всемъ этомъ, повторяемъ, авторъ стат
объ общинномъ бытѣ и не заикался. Странность тѣмъ болѣе раз
тельная, что статья объ общинномъ бытѣ написана позже стате
трактующихъ о различіи между древне-русскою «Землей» и госуда
ствомъ.

Странность эта, однакоже, вполнѣ объяснится, если мы приме
во вниманіе, что не an und für sich привлекали Константина Серг
вича историческія явленія, изслѣдованіемъ которыхъ онъ отъ в
мени до времени занимался. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣ
ученыхъ, которыхъ интересуетъ предметъ изслѣдованія, какъ та
вой. Публицистъ и трибунъ по натурѣ, онъ приступалъ къ исто
ческимъ работамъ исключительно затѣмъ, чтобы обставить «ф
тами» тѣ апріорные выводы, которые онъ дѣлалъ подъ диктов
общаго своего міровоззрѣнія. Въ данномъ случаѣ, вопросъ объ общи
номъ бытѣ древней Руси отнюдь не по существу занималъ наше
пламеннаго патріота. Все это ему нужно было какъ средство *выст
вить въ идеальномъ видѣ древне-русскую жизнь.* Бытъ государствен
выше патріархальнаго, и народу стоящему на этой ступени исто
ческаго развитія отводится въ этнографической іерархіи болѣе почет
мѣсто—вотъ изъ чего *сердцемъ* исходилъ Константинъ Сергѣеви
и вотъ что побуждало его выдвинуть общинно-вѣчевую теорію, ка
возвеличивающую основы русскаго народнаго быта и духа. А
тутъ не было строгаго соотвѣтствія съ тѣмъ весьма ограниченны
народовластіемъ, которое лежитъ въ основѣ ученія Константина Серг
вича о различіи между «землею» и государствомъ—это потому и

тревожило его, что самое-то ученіе о различіи «земли» и государства есть тоже ничто иное, какъ средство *выставить въ идеальномъ видѣ древне-русскую жизнь*.

О какомъ, въ самомъ дѣлѣ, высокомъ нравственномъ уровнѣ говоритъ эта раздѣльность, если понимать ее, а главное объяснять ея происхожденіе такъ, какъ оно дѣлается Константиномъ Сергѣевичемъ.

«Нравственное дѣло», говоритъ онъ, «должно и совершаться нравственнымъ путемъ, безъ помощи внѣшней, принудительной силы. Вполнѣ достойный путь одинъ для человѣка, путь свободнаго убѣжденія, путь мира, тотъ путь, который открылъ намъ Божественный Спаситель, и которымъ шли Его Апостолы. Это путь *внутренней правды*».

Существуетъ, однако, и «другой путь, гораздо, повидимому, болѣе удобный и простой; внутренній строй переносится во внѣ, и духовная свобода понимается только какъ *устройство*, *порядокъ*; основы, начала жизни понимаются какъ правила и предписанія. Все формулируется. Этотъ путь не внутренней, а *внѣшней правды*, не совѣсти, а принудительнаго закона».

Послѣднимъ путемъ, «путемъ внѣшней правды, путемъ государства двинулось западное человѣчество». Такой путь гибеленъ. «Формула, какая-бы то ни была, не можетъ обнять жизни; потомъ, налагаясь извнѣ и являясь принудительною, она утрачиваетъ самую главную силу, силу внутренняго убѣжденія и свободнаго ея признанія; потомъ далѣе, давая такимъ образомъ человѣку возможность опираться на законъ, вооруженный принудительною силою, она усыпляетъ склонный къ лѣни духъ человѣческій, легко и безъ труда успокоивая его исполненіемъ наложенныхъ формальныхъ требованій и избавляя отъ необходимости внутренней нравственной дѣятельности и внутренняго нравственнаго возрожденія».

Русскій-же народъ пошелъ путемъ *внутренней* правды. «Подъ вліяніемъ вѣры въ нравственный подвигъ, возведенный на степень исторической задачи цѣлаго общества» создался «мирный и кроткій характеръ древне-русскаго народа», благодаря которому онъ, не желая государствовать, *добровольно* призвалъ государственную власть извнѣ. Добровольность призванія государства имѣетъ въ глазахъ Константина Сергѣевича особенную цѣну, потому что оно рѣзко оттѣняетъ процессъ нарожденія государства въ Россіи отъ процесса его нарожденія на Западѣ, гдѣ онъ совершился путемъ завоеванія. Вслѣдствіе добровольности призванія въ Россіи земля и государство, хотя «и не смѣшались, а отдѣльно стояли», все-таки находились «въ союзѣ другъ съ другомъ. Въ призваніи добровольномъ означились

уже отношенія земли и государства—взаимная довѣренность съ обѣихъ сторонъ. Не брань, не вражда, какъ это было у другихъ народовъ, вслѣдствіе завоеванія, а миръ, вслѣдствіе добровольнаго призванія».

Такъ складывался русскій государственный строй въ княжескій періодъ, такъ было и потомъ. «Явился Великій Князь и потомъ царь Московскій и всея Руси, наслѣдственный и самодержавный. Отношеніе Земли и Государства, народа и правительства, прежняя взаимная довѣренность—были основою ихъ отношеній. Подобно тому какъ князь созывалъ Вѣче *), царь созывалъ Земскую Думу или Земскій Соборъ. Народъ не требовалъ, чтобы государь спрашивалъ его мнѣнія. Государь не опасался спрашивать мнѣнія народа. Кто читалъ эти Думы, тотъ знаетъ, какъ просто излагалось въ нихъ дѣло. Спрашивали выборныхъ отъ всѣхъ сословій; они говорили: мысль наша такова, а тамъ какъ будетъ угодно государю. Не личное самолюбіе, не гордость западной свободы была здѣсь, а обоюдное искреннее желаніе пользы. Здѣсь не ораторствовали, а говорили, и слово не превышало дѣла».

Вотъ въ какихъ очертаніяхъ представлялась въ воображеніи Константина Сергѣевича древне-русская государственная жизнь, вотъ какія идиллическія соціальныя отношенія вырисовывалъ онъ съ помощью раздѣльности «Земли» отъ Государства, которая только потому и дорога ему, что является посылкою для восторженнаго панегирика древней Руси. Еслибы, въ самомъ дѣлѣ, его тутъ интересовалъ вопросъ непосредственнаго историческаго изслѣдованія явленій, вѣдь не могъ-же бы онъ проглядѣть и темныхъ сторонъ, которыя неизбѣжны во всѣхъ человѣческихъ учрежденіяхъ уже просто потому, что нѣтъ совершенства на землѣ. Но такъ какъ вся дѣятельность Константина Аксакова какъ историка имѣла въ основѣ своей исключительно-полемическія цѣли, цѣли борьбы съ «пренебреженіемъ» западниковъ къ древне-русской жизни, такъ какъ во всѣхъ своихъ историческихъ статьяхъ онъ всегда является адвокатомъ и никогда не бываетъ судьею, то слова укоризны и не срываются никогда съ его устъ. Когда-же темныя стороны настолько рѣзки, что просто умолчать о нихъ, какъ это дѣлаетъ онъ обыкновенно, невозможно,

*) Въ другихъ мѣстахъ своихъ историческихъ работъ, тамъ гдѣ Константину Сергѣевичу хотѣлось подчеркнуть широкіе предѣлы древне-русскаго народовластія, «созывъ» вѣча окрашивался имъ совсѣмъ въ другой цвѣтъ. Вотъ что, напр., мы читаемъ на стр. 617: «Князь долженъ былъ заниматься дѣлами, пока вѣче не собиралось. А когда вѣче собиралось, оно было важнѣе князя и могло князя прогнать».

тогда всѣ силы его страстной діалектики направляются къ тому, чтобы смягчить и скрасить непригладность фактовъ, плохо вяжущихся съ картиною аркадскихъ нравовъ. Любопытнымъ образчикомъ такого желанія скрашивать во что бы то ни стало и не смущаясь рѣшительно ничѣмъ можетъ служить отношеніе Константина Сергѣевича къ крѣпостному праву въ древней Руси. Казалось-бы, какъ справиться съ этимъ фактомъ, столь мало говорящимъ о какомъ-то необыкновенномъ душевномъ согласіи «земли» и государства? И однакоже, Константинъ Сергѣевичъ нашелъ въ себѣ достаточно пристрастности, чтобы иронически обратиться къ «милостивымъ государямъ» «просвѣщеннымъ противникамъ древней Руси», отъ которыхъ «часто слышишь, что безчеловѣчное крѣпостное право установлено древнею Русью», и сказать имъ: «кто говоритъ, милостивые государи, крѣпостное право наше—дѣло возмутительное. Но виновата-ли въ этомъ древняя Русь?» Статья, начинающаяся такимъ ироническимъ обращеніемъ («О состояніи крестьянъ въ древней Руси»), осталась неоконченной, слѣдовательно вполнѣ развить свою защиту Константину Сергѣевичу не удалось. Но на поляхъ статьи нашелся краткій конспектъ ея и тезисы. И вотъ заключительный изъ этихъ тезисовъ, въ связи съ общимъ ходомъ аргументаціи статьи, даетъ полное представленіе объ окончательномъ выводѣ ея, которымъ должны были быть побиты «милостивые государи», коловшіе славянофильству глаза древне-русскимъ крѣпостнымъ правомъ.

«Русь не понимала рабства», намѣчалъ въ общихъ чертахъ Константинъ Сергѣевичъ свою главную мысль, «къ тому-же въ ней нѣтъ ни либерализма, ни рабства. Свободная страна. Западъ началъ съ рабства, прошелъ сквозь бунтъ и хвастаетъ холопской дерзостью либерализма...

«Западъ имѣетъ опытность грѣха; онъ ужъ узналъ всѣ мерзости и установилъ свои отношенія. Кому-же какъ не лисѣ всѣ лисьи норки знать? Русь не имѣла этой опытности и поневолѣ попала въ рабство.

«Большая разница между грѣхомъ и порокомъ. Въ древней Руси есть грѣхи, но нѣтъ пороковъ».

Мы съ особеннымъ удовольствіемъ привели эти нѣсколько строкъ. Въ нихъ весь Константинъ Аксаковъ, съ его почти безумнымъ обожаніемъ допетровской старины, съ его поистинѣ трогательною способностью выдвигать въ защиту древне-русской жизни такіе поражающіе софизмы, которые показываютъ, что мы тутъ имѣемъ дѣло уже не съ теоретическимъ воззрѣніемъ, не съ научнымъ взглядомъ, а прямо съ какимъ-то религіознымъ экстазомъ.

Мы выше старались показать, что мысли Константина Аксакова объ общинномъ бытѣ и раздѣльности «земли» отъ Государства, по основному назначенію своему, являются посылками для созданія величаваго образа древне-русской жизни до ея «порчи» ненавистными Константину Сергѣевичу, въ періодъ окончательнаго установленія его міросозерцанія, реформами Петра Великаго. Эти посылки могутъ быть названы главными устоями историческихъ взглядовъ Константина Аксакова и потому мы ихъ выдѣлили особо. Но ими далеко не исчерпывается число деталей, съ помощью которыхъ восторженный паладинъ древне-русскаго уклада жизни хотѣлъ сразить скептицизмъ своихъ западническихъ противниковъ, видѣвшихъ въ этомъ укладѣ не только свѣтлыя стороны, но и цѣлый рядъ фактовъ грубаго попиранія элементарныхъ основъ человѣческаго общежитія. Константинъ Сергѣевичъ, напротивъ того, то и дѣло открывалъ новыя данныя для подтвержденія своего восторженнаго отношенія къ древней Руси.

Въ древней Руси, напримѣръ не было аристократіи, «и не могло быть, ибо боярство не было наслѣдственно. Князья часто попадаются въ жильцахъ; все зависѣло отъ службы. Сюда, правда, входило мѣстничество; но само мѣстничество на воспоминаніяхъ службы основывало права свои. Раздѣленія на неподвижныя сословія не было. Живое начало проникало весь составъ, и нигдѣ, ни въ какомъ сословіи не застаивалось кругообращеніе силъ государственныхъ; можно было дослужиться до боярина; изъ людей земскихъ можно было перейти въ служилые. Аристократіи западной не было вовсе».

Это отсутствіе аристократическаго начала сказалось особенно ярко въ былинахъ Владимірова цикла, разобранныхъ Константиномъ Сергѣевичемъ въ особой статьѣ, о которой сказано выше (стр. 213).

Тѣ-же былины Владимірова цикла даютъ нашему автору матеріалъ для обрисовки высокаго общественнаго положенія славянской женщины. «Женщины былинъ часто носятъ куяки, панцыри, кольчуги, также выѣзжаютъ въ поле искать бранныхъ опасностей. Сила ихъ иногда не уступаетъ мужской. Такова Настасья Королевишна, на которой женился Дунай, сестра Афросиньи Королевишны, супруги Великаго Князя Владиміра, отличавшейся влюбчивымъ сердцемъ. Такова жена Ставра боярина Василиса Микулишна. Прибавимъ, въ дополненіе къ этой мужественности женщинъ образъ, совершенно русскій, Царь-Дѣвицы; вспомнимъ преданія объ Амазонкахъ, о Чешской Власкѣ, и все это вмѣстѣ, утверждая за славянскою женщиною независимость и равныя права съ мужчиною даже въ ратномъ дѣлѣ, совершенно уничтожаетъ тѣмъ самымъ всякую мысль о рабствѣ или угнетеніи женщинъ у Славянъ».

Но самый жгучій энтузіазмъ возбуждаетъ въ Константинѣ Сергѣевичѣ христіанство древней Руси, причемъ исторію его водворенія на нашей родинѣ онъ представляетъ себѣ совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ оно намъ извѣстно изъ другихъ историческихъ данныхъ. Занимавшіеся древне-русскою письменностью знаютъ, какую огромную роль играетъ въ ней *борьба съ двоевѣріемъ*. Принявши христіанство, предки наши не могли, конечно, сразу отстать отъ прежнихъ вѣрованій своихъ и въ теченіи многихъ, многихъ вѣковъ примѣшиваютъ ихъ къ вѣрованіямъ новымъ. Противъ этого, какъ его назвали древне-русскіе пастыри, двоевѣрія, направлена значительная часть литературы древняго періода нашей исторіи. Чтобы не останавливаться на мелкихъ явленіяхъ, отмѣтимъ проповѣди преп. Θеодосія печерскаго, жившаго въ XI вѣкѣ, св. Серапіона, епископа Владимірскаго, жившаго въ XIII вѣкѣ, Максима Грека и Стоглавъ, боровшихся съ двоевѣріемъ еще въ срединѣ XVI вѣка.

Но ничего этого знать не хотѣлъ Константинъ Сергѣевичъ. Онъ не прочь даже серьезно утверждать, что русскіе Славяне никогда собственно и не были язычниками. (Статья «О язычествѣ у древнихъ Славянъ»). «У Русскихъ Славянъ мы положительно не видимъ ни жрецовъ, ни храмовъ, не видимъ ни идоловъ, ни даже боговъ». Правда, Несторъ упоминаетъ о богахъ и кумирахъ, но по мнѣнію Константина Аксакова «слова Нестора объясняются какъ нельзя яснѣе», именно тѣмъ, что «идолопоклонство это была вѣра Князя и дружины». Язычество-же народа «было самое чистое язычество, было при вѣрованіи въ Верховное Существо, постоянное освященіе жизни на землѣ, постоянное ощущеніе общаго высшаго смысла вещей и событій. Слѣдовательно, вѣрованіе темное, не ясное, готовое къ просвѣщенію и ждавшее луча истины». Конечно, сколько-нибудь серьезныхъ доказательствъ этого удивительнаго взгляда на древне-русскую народную мифологію, богатую цѣлымъ рядомъ боговъ и божествъ, нашъ авторъ и не приводитъ въ своемъ занимающемъ ровно пять страницъ обзорѣ русскаго язычества, на которыхъ онъ, однакоже, съ такою рѣшительностью выдвигаетъ взгляды діаметрально-противоположные тому, къ чему пришла русская историческая наука. Эта рѣшительность, имѣющая своимъ единственнымъ основаніемъ *желанія* автора, составляетъ одну изъ основныхъ чертъ всѣхъ вообще историческихъ и иныхъ писаній Константина Сергѣевича, который, за исключеніемъ статьи о родовомъ бытѣ, почти всегда говорилъ *догматически* т. е. положеніями и утвержденіями, не подкрѣпляемыми фактическими данными.

Но возвратимся къ исторіи христіанства на Руси по представленію

Константина Сергѣевича. Мнѣніе объ отсутствіи заправскаго язычес у нашихъ предковъ понадобилось нашему автору для того, что смѣшавши въ одно всѣ столѣтія допетровской старины,—создать о общую характеристику древне-русскаго душевнаго настроенія. Въ зультатѣ получается слѣдующая противорѣчащая исторіи картина, которой перепутаны такія мало имѣющія общаго между собою эпо какъ время Владиміра и 1612 годъ и въ которой упущенъ фактъ л постепеннаго наростанія древне-русскаго благочестія. По Аксакову это благочестіе народилось сразу:

«При Игорѣ и Владимірѣ идолопоклонство князя и дружины начинаетъ стираться и въ народъ, но оно не долго продолжалось; скоро свѣтъ христ скій озарилъ Русскую землю, Русскій народъ, скоро Владиміръ принялъ кре ніе. Народъ легко отдалъ принятые имъ кумиры, и также легко принялъ стіанство,—но оно глубоко проникло его душу и стало необходимымъ услові всего его существованія. Христіанинъ и Русскій стали однимъ словомъ. Р какъ земля христіанская, именуется святою, и вся послѣдующая исторія п зала, что ни соблазны, ни насилія не могутъ лишить насъ духовнаго блага вѣр Отдавая на терзаніе свое тѣло, русскій не отдавалъ души, и терпѣливый во все онъ не переноситъ оскорбленія вѣры; исторія казаковъ, исторія польскаго шествія показываютъ намъ это, являютъ намъ этотъ спасающійся на ве народъ, падающій какъ грѣшникъ-человѣкъ, но не слабѣющій въ вѣрѣ отрывающійся, всегда кающійся и возстающій покаяніемъ. Поляки изумлял смотря на это во время междуцарствія; ихъ католическая вѣра была власть литическая, завоевательная, была дѣло государственное, и поэтому дѣло сове другое. Приходя въ частыя соприкосновенія съ Русскимъ народомъ по во самъ государственнымъ, Поляки съ изумленіемъ говорятъ: странный народъ: толкуетъ не о политическихъ условіяхъ, а о вѣрѣ. Но мы, Русскіе, этому удивимся, а съ благоговѣніемъ слышимъ это.

Когда вспоминаешь, какъ крестился русскій народъ, невольно умиляеш душою. Русскій народъ крестился легко и безъ борьбы, какъ младенецъ, и х стіанство озарило всю его младенческую душу.—Въ его душѣ не было во минаній языческихъ, не было огрубѣлой, опредѣленной лжи».

Мы ознакомили читателя съ цѣлымъ рядомъ историческихъ взг довъ Константина Аксакова, имѣющихъ цѣлью выставить въ идеальн свѣтѣ древне-русскую жизнь.

Можно-ли, однако, сказать, что эта идеализація древней Руси е окончательная цѣль историческихъ изслѣдованій Константина Серг вича? Нѣтъ-ли въ его историческомъ міровоззрѣніи другой, еще бо центральной идеи?

Намъ кажется, что сколько нибудь внимательное изученіе со купности какъ историческихъ, такъ и иныхъ писаній разсматрив маго теперь историка-публициста, приводитъ къ убѣжденію, что

такой-же степени, какъ всѣ взгляды Константина Сергѣевича на явленія древне-русской жизни имѣютъ своимъ главнымъ назначеніемъ служить посылками для созданія величавой картины общественнаго и государственнаго быта допетровской Руси, такъ, въ свою очередь, эта идеализація есть по существу тоже ничто иное, какъ посылка для обоснованія мысли, которую мы всего правильнѣе находимъ назвать мыслью о *богоизбранности русскаго народа.*

Мы хорошо сознаемъ, что выдвига такую формулировку ученолитературной дѣятельности Константина Аксакова, мы должны натолкнуться на оживленный протестъ приверженцевъ идей изучаемаго нами теперь первоучителя славянофильства. Уже упреки въ національной исключительности вызывали со стороны славянофиловъ обвиненія въ клеветѣ. А Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, такъ тотъ въ предисловіи ко II тому сочиненій своего брата находилъ даже, что направленныя по адресу Константина Сергѣевича обвиненія въ національной исключительности имѣютъ своимъ источникомъ «*невѣжество* противниковъ славянофиловъ».

Очень, однако, нетрудно будетъ показать, что стремленіе къ національной исключительности, понимая въ данномъ случаѣ этотъ терминъ какъ желаніе отвести русскому народу мѣсто совершенно особенное въ ряду другихъ народовъ цивилизованнаго міра, лежитъ въ основѣ всѣхъ писаній какъ славянофиловъ вообще, такъ и Константина Аксакова въ частности. Протесты-же въ родѣ только-что приведеннаго основаны на недоразумѣніи и на слишкомъ буквальномъ толкованіи нѣкоторыхъ выраженій основателей славянофильства. Не отрицаемъ, что дѣйствительно въ сочиненіяхъ между прочимъ и Константина Сергѣевича мы иной разъ наталкиваемся на подчеркиваніе «общечеловѣческихъ» чертъ русскаго духа. Такъ читатель, вѣроятно, вспомнитъ приведенную нами на стр. 263 цитату изъ изслѣдованія Константина Сергѣевича о русскихъ глаголахъ, гдѣ авторъ такъ опредѣленно говоритъ: «кто изъ насъ станетъ отвергать общее, человѣческое?» Вспомнитъ, вѣроятно. также читатель диссертацію о Ломоносовѣ, основное стремленіе которой, съ одной стороны, заключается въ томъ, чтобы подсмотрѣть въ русской исторіи фазисы. установленные Гегелемъ для всего человѣчества, а съ другой въ томъ, чтобы пропѣть восторженный дифирамбъ Петру за освобожденіе Россіи отъ «*оковъ исключительной національности*». Правда, читатель можетъ припомнить и то, что диссертація о Ломоносовѣ не выражаетъ собою *настоящаго* Константина Аксакова, какимъ онъ былъ въ періодъ окончательнаго развитія своего міровоззрѣнія. Но мы въ данномъ случаѣ придемъ на помощь людямъ протестующимъ противъ

«навязыванія» славянофиламъ стремленія къ національной исключительности и укажемъ на рецензію Константина Сергѣевича о I томѣ исторіи Соловьева, въ которой авторъ, прямо отрекаясь отъ прежняго восторженнаго отношенія къ Петру, съ неменьшимъ, однако, восторгомъ подчеркиваетъ, что національная исключительность чужда и ненавистна русскому народу.

Только-что указаннаго было-бы совершенно достаточно, чтобы перестать считать ученіе о богоизбранности русскаго народа характерною чертою міровоззрѣнія Константина Аксакова. Въ особенности убѣдительно то, что и въ періодъ своего фанатическаго увлеченія реформами Петра, и въ періодъ еще болѣе фанатической ненависти къ нимъ, онъ, подходя къ предмету съ діаметрально-противоположныхъ отправныхъ точекъ, тѣмъ не менѣе одинаково отрицательно относился къ національной исключительности.

Все это на первый взглядъ отрицательное отношеніе, однакоже, только кажущееся, и при сколько-нибудь пристальномъ анализѣ именно тѣ-то самыя немногія мѣста произведеній Константина Аксакова, гдѣ говорится объ общечеловѣческихъ сторонахъ русскаго духа, только увеличиваютъ число посылокъ, на которыхъ покоится теорія богоизбранности русскаго народа. Начнемъ хотя-бы съ цитаты, приведенной на стр. 263 настоящаго тома. Что тамъ говорится непосредственно послѣ словъ: «Кто изъ насъ станетъ отвергать общее, человѣческое?»

«Русскій народъ самъ имѣетъ на него (общечеловѣческое) прямое право, а не черезъ посредство какого-нибудь народа; оно самобытно и самостоятельно принадлежитъ ему, какъ и другимъ? Можетъ быть *ему болѣе, нежели другимъ, и можетъ быть міръ не видалъ еще того общаго человѣческаго, какое явитъ великая славянская, и именно русская* природа».

Это-ли не провозглашеніе богоизбранности русскаго народа, это-ли не превращеніе общечеловѣческихъ сторонъ русской духовной природы въ средство показать, что русскій народъ духовно выше, духовно совершеннѣе другихъ народовъ?

Въ такое-же прославленіе *спеціально русскому народу* присущихъ доблестей неожиданно превращается, первоначально вытекшее изъ другого источника, желаніе Константина Аксакова показать, что національная исключительность чужда русскому духовному складу. Восторженное одобреніе этой чертѣ русской народной психологіи, высказанное Константиномъ Сергѣевичемъ въ вышеупомянутой рецензіи на I томъ исторіи Соловьева, конечно, исключило-бы, какъ мы уже сказали, возможность видѣть въ нашемъ писателѣ провозвѣстника идеи богоизбранности русскаго народа. Но въ томъ-то и дѣло, что идея

русскаго превосходства такъ переполняетъ его, желаніе видѣть въ народѣ русскомъ избранный сосудъ Господень такъ велико, что, начавши, такъ сказать, за упокой, онъ кончаетъ во здравіе, начавши съ аплодированія идеѣ общности народовъ, онъ незамѣтно для самого себя переходитъ на почву преимуществъ русскаго народа передъ другими. «Исключительности національной не было никогда въ до-петровской Россіи», читаемъ мы сперва и вслѣдъ за этимъ идутъ историческія доказательства. «Духъ нашего народа есть христіанско-человѣческій», провозглашаетъ на слѣдующей страницѣ Конст. Сергѣевичъ, идя въ томъ-же направленіи. Но вотъ въ одинъ моментъ вся постановка вопроса совершенно мѣняется и мы читаемъ слѣдующія слова, направленныя противъ гордыни европейскихъ народовъ, но на самомъ дѣлѣ обличающія національную гордыню ихъ автора:

«И теперь, ни къ нѣмцамъ, ни къ полякамъ, въ простомъ народѣ нѣтъ никакой ненависти. *Но этотъ высокій христіанскій взглядъ нашего народа былъ недоступенъ народамъ другимъ*, гордымъ народамъ Запада, которые только теперь, и то въ избранныхъ своихъ, въ нѣкоторыхъ сословіяхъ, дошли до человѣческаго взгляда русскаго народа, да и то больше какъ космополиты, слѣдовательно впали въ новую ошибку».

Опять, значитъ, русскій народъ выше всѣхъ, опять онъ исключительное вмѣстилище нравственныхъ началъ.

Такъ вотъ къ чему сводятся два, три мѣста въ произведеніяхъ Конст. Аксакова, которыя на первый взглядъ какъ будто противорѣчатъ нашему формулированію центральной идеи его учено-литературной дѣятельности. На диссертаціи о Ломоносовѣ мы, конечно, не останавливаемся, но читатель, достаточно ознакомленный выше съ тѣмъ, какъ нужно смотрѣть на эту послѣднюю отрыжку гегеліанства юныхъ дней Конст. Сергѣевича, не увидитъ тутъ упущенія съ нашей стороны.

А теперь, послѣ того, какъ мы устранили тѣ немногія препятствія, которыя могли-бы помѣшать нашей формулировкѣ, наша задача становится до нельзя простою. Намъ не стоило-бы никакихъ усилій составить цѣлую христоматію, цѣлую мозаику цитатъ, настолько рѣзкихъ и опредѣленныхъ, что одно приведеніе ихъ, безъ всякихъ комментаріевъ, ярко обрисовываетъ идею русской богоизбранности.

Оставляетъ-ли напр. какія-нибудь сомнѣнія такая фраза: «Русская Исторія имѣетъ значеніе Всемірной Исповѣди. Она можетъ читаться, какъ житія Святыхъ» (стр. 625).

Спѣшимъ прибавить, что терминъ «богоизбранность» слѣдуетъ въ данномъ случаѣ понимать отнюдь не въ переносномъ смыслѣ, а непре-

мѣнно въ буквальномъ. Да, по глубокому убѣжденію Константина Аксакова, Господь Богъ, въ своей неисчерпаемой благости, взыскалъ Россію своею особенною милостію и въ награду за его *смиреніе* поставилъ русскій народъ превыше всѣхъ буйныхъ и кичливыхъ своею суетною мудростью народовъ Запада.

Съ мыслями Конст. Сергѣевича о смиреніи русскаго народа мы-бы, собственно говоря, должны были ознакомить читателя выше, въ томъ отдѣлѣ, гдѣ шла рѣчь о доблестяхъ древне-русскихъ по представленіямъ нашего писателя. Но ученіе о русскомъ смиреніи такъ тѣсно переплетено у Константина Аксакова съ ученіемъ о русской богоизбранности, что ихъ трудно разсматривать отдѣльно. Одно другое дополняетъ и одно изъ другого вытекаетъ.

«Русская исторія», читаемъ мы на стр. 18 (т. I), «въ сравненіи съ исторіей Запада Европы отличается такою простотою, что приведетъ въ отчаяніе человѣка, привыкшаго къ театральнымъ выходкамъ. Русскій народъ не любитъ становиться въ красивыя позы; въ его исторіи вы не встрѣтите ни одной позы, ни одного красиваго эффекта, ни одного яркаго наряда, какими поражаетъ и увлекаетъ васъ исторія Запада; личность въ русской исторіи играетъ вовсе не большую роль; принадлежность личности — необходимо гордость, а гордости и всей обольстительной красоты ея—и нѣтъ у насъ. Нѣтъ рыцарства съ его кровавыми доблестями, ни безчеловѣчной религіозной пропаганды, ни крестовыхъ походовъ, ни вообще этого безпрестаннаго, щегольскаго драматизма страстей».

Въ приведенныхъ покамѣсть словахъ нѣтъ еще ничего специфически славянофильскаго. Рѣчь идетъ о той составляющей основу русскаго національнаго характера симпатичной простотѣ и безъискуственности, предъ которыми западничество преклоняется не меньше славянофильства. Кто рѣзче Тургенева въ «Запискахъ Охотника» оттѣнилъ полное отсутствіе въ коренномъ русскомъ человѣкѣ рисовки и театральности?

Но простое уваженіе къ этой чертѣ русскаго характера не удовлетворяетъ Константина Аксакова и вотъ создается знаменитая теорія русскаго «смиренія», которою такъ грубо злоупотребляли люди, ничего общаго не имѣвшіе съ высотою помысловъ и чистотою намѣреній восторженнаго славянофила, но отлично понявшіе, что «смиреніе» удивительно удобная почва для проповѣди застоя и китайщины.

Обрисовавъ «театральный» характеръ западной исторіи Константинъ Сергѣевичъ переходитъ къ исторіи русской.

«Русская исторія—явленіе совсѣмъ иное. Дѣло въ томъ, что здѣсь другую задачу задалъ себѣ народъ на землѣ, что христіанское ученіе глубоко легло въ основаніе его жизни. Отсюда, среди бурь и волненій, насъ посѣщавшихъ, эта молитвенная тишина и смиреніе, отсюда внутренняя духовная жизнь вѣры. Не

отъ недостатка силъ и духа, не отъ недостатка мужества возникаетъ такое кроткое явленіе! Народъ русскій, когда бывалъ вынужденъ обстоятельствами явить свои силы, обнаруживалъ ихъ въ такой степени, что гордые и знаменитые храбростію народы, эти лихіе бойцы человѣчества, падали въ прахъ предъ нимъ, смиреннымъ и тутъ-же, въ минуту побѣды, дающимъ пощаду. Смиреніе, въ настоящемъ смыслѣ, несравненно большая и высшая сила духа, чѣмъ всякая гордая, безстрашная доблесть. Вотъ съ какой стороны, со стороны христіанскаго смиренія, надо смотрѣть на Русскій народъ и его исторію. *Въ такомъ народѣ не прославляется человѣкъ съ его дѣлами, прославляется одинъ Богъ.* Чтобы въ этомъ увѣриться, стоитъ только припомнить нашу исторію. Русскіе одерживаютъ невѣроятную побѣду; и, говоря о ней безъ всякаго слова похвалы или гордости, приписываютъ ее помощи Божіей; не чувство побѣднаго тріумфа одушевляетъ ихъ, а чувство благодарности къ Богу. Налетаютъ татары или поляки,—народъ говоритъ: это за грѣхи наши, мы прогнѣвали Господа—кается и выходитъ на неизбѣжную брань. Побѣждены татары, взята Казань, разбиты рыцари, освобождена Москва—Русскій народъ не ставитъ памятниковъ ни дѣлу, ни человѣку, а строитъ церкви и учреждаетъ крестные ходы. Скажемъ здѣсь кстати о Русскомъ народѣ, что до христіанства онъ былъ уже добрая почва, и что слово Божіе, упавшее на него, какъ на добрую почву, возросло во благѣ. Поэтому (согласно и съ духомъ Русскаго народа, согласно и съ вѣчными началами Вѣры, которыми по благости Божіей былъ онъ просвѣтленъ) исполнена такой глубокой простоты Русская исторія; поэтому не встрѣтите вы въ ней ни одной этой красивой лжи, которая заставляетъ человѣка любоваться собою въ своемъ собственномъ порывѣ говорить фразы, щеголять нарядомъ тѣла и души. Въ Русскомъ мірѣ нѣтъ ничего гордаго, ничего блестящаго, ни единаго эффекта. Все просто. Слово скупо; вы встрѣтите его столько, сколько нужно для дѣла, скорѣе даже менѣе, чѣмъ нужно для дѣла. Совершаются великія дѣла—безъ щегольства и хвастливости. Собирается Земская Дума или Соборъ безъ всякихъ театральныхъ обстановокъ, а просто для дѣла. Идутъ освобождать Москву, зовутъ другъ друга на общій подвигъ, искренно и просто. И все кажется не красиво и не видно для неглубокаго взгляда—тому, кто не замѣтитъ великости смиренія и внутренней силы, для того нужной. А кто замѣтитъ, кто увидитъ это, передъ тѣмъ поблѣднѣютъ всѣ иллюстрированныя картинки, которыми такъ богаты исторіи другихъ народовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какая можетъ тамъ быть красивость и блескъ, гдѣ нѣтъ поклоненія человѣку, гдѣ человѣкъ не любуется самъ собой, гдѣ онъ, христіанинъ, постоянно сознаетъ себя грѣховнымъ и недостойнымъ и смиряется, молясь, передъ Богомъ. Здѣсь высшая духовная красота, не многимъ понятная. Но Русскій народъ не впалъ и въ другую гордость, въ гордость Вѣрою, т. е. онъ не возгордился тѣмъ, что онъ имѣетъ Вѣру. Нѣтъ, это народъ христіанскій въ настоящемъ смыслѣ этого слова, постоянно чувствующій свою грѣховность. *Исторія Русскаго народа есть единственная во всемъ мірѣ исторія народа христіанскаго не только по исповѣданію, но по жизни своей, по крайней мѣрѣ, по стремленію своей жизни»* (т. I, стр. 19).

Курсивъ послѣднихъ словъ принадлежитъ Константину Сергѣевичу. Онъ, значитъ, хотѣлъ, чтобы они особенно запечатлѣлись въ представленіи читателя, чтобы они особенно крѣпко засѣли въ находящихся «подъ игомъ Запада» умахъ нашихъ «верхнихъ классовъ». И, конечно, цѣль эта настолько блистательно достигается, что при-

эденіе другихъ мѣстъ изъ обширной христоматіи цитатъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что богоизбранность русскаго народа есть центральный пунктъ міровоззрѣнія Константина Аксакова, было-бы совершенно лишнею тратою времени. Болѣе рѣзкой постановки идеи богоизбранности и представить себѣ нельзя. Древне-еврейскіе пророки не говорили въ болѣе восторженныхъ выраженіяхъ о богоизбранности своего народа. А не забудемъ, что древніе евреи были единственнымъ народомъ Востока, дошедшимъ до идеи Единобожія, между тѣмъ какъ Константинъ Аксаковъ строитъ свои параллели не на сравненіяхъ съ язычниками, а на сравненіяхъ съ народами, поклоняющимися тому-же Христу, что и русскіе и притомъ еще просвѣщенными благодатью христіанскаго ученія на много вѣковъ раньше русскаго народа. И вотъ, если принять во вниманіе эту весьма капитальную разницу, то мы неизбѣжно приходимъ къ убѣжденію, что ученіе Константина Аксакова о богоизбранности русскаго народа проникнуто гораздо большею національною исключительностью, чѣмъ то древнееврейское ученіе о богоизбранности Израиля, которое считается крайнимъ проявленіемъ исключительности и національной гордыни. Не забудемъ также, что библейскіе пророки, говорившіе такъ страстно и восторженно о любви Господа къ Израилю, были столь-же страстны въ нападкахъ на недостатки своего народа, на его отступленія отъ шествованія по стези богобоязненности и добродѣтели. Съ устъ-же Константина Аксакова слова укоризны не срываются никогда по отношенію къ тому ядру русской націи, которое онъ считаетъ «настоящимъ» русскимъ народомъ. Онъ безпощаденъ только въ нападкахъ на «оторванную» отъ «почвы» интеллигенцію, созданную реформами Петра. О народѣ-же до-петровскомъ Константинъ Сергѣевичъ можетъ говорить не иначе, какъ съ молитвеннымъ благоговѣніемъ. Правда, послѣ приведеннаго выше курсивомъ утвержденія, что русскій народъ «есть единственный во всемъ мірѣ» образецъ истинно христіанской жизни, Константинъ Сергѣевичъ прибавляетъ:

«Да не подумаютъ, чтобы я считалъ исторію русскую исторіею народа святого? О, я тѣмъ-бы нарушилъ и свое мнѣніе о немъ, и святыню его смиренія! Нѣтъ, конечно, это народъ грѣшный: безгрѣшнаго народа быть не можетъ».

Но вся эта оговорка, противорѣчащая, впрочемъ, выше цитированному афоризму: «Русская исторія читается какъ житія Святыхъ», въ концѣ концовъ ведетъ, все-таки, къ прославленію безпримѣрныхъ качествъ русскаго народа: онъ хотя и

«народъ грѣшный (безгрѣшнаго народа быть не можетъ), но постоянно, какъ христіанинъ, падающій и кающійся—не гордящійся грѣхами своими, не имѣющій именно тѣхъ блестящихъ *суетныхъ* сторонъ той славы, величанія и гордости зем-

ной другихъ народовъ, которыя показываютъ уже не христіанскій путь. Грѣхъ былъ для русскаго народа всегда грѣхомъ, а не добродѣтелью; онъ въ немъ каялся, а не хвалился имъ. Начало всей его жизни, отъ котораго, по слабости человѣческой, онъ въ поступкахъ и отклонялся иногда, никогда его не отвергая, не переставая къ нему стремиться, и сознавая въ такомъ случаѣ себя виновнымъ—есть Вѣра Православная. Не даромъ Русь зовется святая Русь» (стр. 20).

Но если духовныя качества русскаго народа такъ высоки, если святая Русь есть такое безпримѣрное вмѣстилище доблестей и богобоязненности, то какая ей за все это уготована награда? Извѣстно, вѣдь, что всякое ученіе о богоизбранности или по крайней мѣрѣ то, съ которымъ мы знакомимся по Ветхому Завѣту, очень краснорѣчиво въ описаніи благъ и милостей, которыми Господь осыпаетъ народы имъ излюбленные особо.

По отношенію къ ученію Константина Аксакова казалось-бы съ перваго раза, что эта награда должна быть исключительно духовная. Константинъ Сергѣевичъ такъ часто подчеркиваетъ противоположность между спеціально-нравственнымъ духовнымъ складомъ народа русскимъ и грубо-матеріальнымъ другихъ народовъ, что казалось-бы, что и награду русскому народу за его смиреніе и шествованіе по стезѣ добродѣтели онъ долженъ былъ видѣть въ какихъ-нибудь исключительно-духовныхъ благахъ.

Къ удивленію оно не такъ, и восторженный апологетъ русскаго смиренія, беззавѣтнаго служенія истинѣ и безкорыстнаго духовнаго совершенствованія съ тѣмъ-же пафосомъ, съ которымъ древне-еврейскіе пророки говорили о роскошныхъ пажитяхъ и виноградникахъ Израиля, рисуетъ такую картину *матеріальнаго* могущества Россіи:

«И Господь *возвеличилъ* смиренную Русь. Вынуждаемая своими драчливыми сосѣдями и пришельцами къ отчаянной борьбѣ, она *повалила* (sic) ихъ всѣхъ одного за другимъ. Ей дался просторъ на землѣ. Въ трехъ частяхъ свѣта ея владѣнія, седьмая часть земнаго шара принадлежитъ ей одной. Въ ея предѣлахъ невыносимое знойное лѣто и невыносимая вѣчная зима; въ ея предѣлахъ солнце восходитъ на одномъ концѣ и заходитъ на другомъ въ одно и то-же время. И вотъ гордая Европа, всегда презиравшая Русь, презиравшая и не понимавшая ея духовной силы, увидѣла страшное могущество силы матеріальной, и для нея понятной (sic),—и снѣдаемая ненавистью, въ какомъ-то тайномъ ужасѣ, смотритъ она на это страшное, полное жизни, тѣло—души котораго понять не можетъ».

Всего поразительнѣе, конечно, въ этой тирадѣ то, что въ ней говорится о территоріальномъ расширеніи Россіи, которое, какъ извѣстно, главнымъ образомъ происходило при Петрѣ и его преемникахъ, т. е. въ тотъ ненавистный Константину Сергѣевичу *петербургскій* періодъ, когда по ученію славянофиловъ истинно-русскія начала были попраны и тлетворныя вліянія Запада исказили характеръ русской государственной *жизни*.

Намъ остается теперь, чтобы покончить съ ученіемъ Константина Аксакова о богоизбранности русскаго народа, указать на одну изъ наиболѣе характеристичныхъ особенностей этого ученія, которую мы, при всемъ нашемъ желаніи остаться въ предѣлахъ строгой объективности, рѣшаемся назвать одной изъ самыхъ темныхъ сторонъ міровоззрѣнія Константина Сергѣевича. Мы говоримъ о его фанатической ненависти къ Западу, о его ничемъ не оправдываемомъ стремленіи *для вящаго прославленія русскаго народа унижать и поносить другіе народы цивилизованнаго міра.* Хотимъ надѣяться, что читатели настоящей статьи не упрекнутъ насъ въ проявленіяхъ партійнаго чувства. Принадлежа къ другому лагерю, мы все-таки съ искреннимъ уваженіемъ комментировали экстравагантный патріотизмъ Константина Сергѣевича, потому что видѣли его источникъ въ *обиліи любви* и въ богатствѣ энтузіазмомъ, т. е. такихъ чувствахъ, которыя могутъ привести къ ложнымъ и невѣрнымъ выводамъ, но всегда согрѣваютъ сердце читателя возвышенностью своего полета и потому будятъ въ немъ хорошіе инстинкты. Константинъ Сергѣевичъ напр. выставляетъ древне-русскую жизнь въ такомъ идеальномъ свѣтѣ, который имѣетъ весьма мало общаго съ трезвою правдою другихъ болѣе хладнокровныхъ и менѣе одностороннихъ изслѣдователей нашего прошлаго. Мы поэтому несогласны съ Константиномъ Сергѣевичемъ *умомъ. Сердцемъ*же чувствуешь невольную симпатію къ такой удивительной любви и преданности. Константинъ Сергѣевичъ, затѣмъ, неоднократно протестуетъ противъ нѣмецкой духовной опеки и нѣмецкихъ взглядовъ на русскую жизнь. Можно, опять-таки, не соглашаться съ вредоносностью нѣмецкой опеки и указать на длиннѣйшій рядъ явленій русской духовной жизни, когда нѣмцы и русскіе, воспитанные на нѣмецкихъ воззрѣніяхъ, являлись истинными благодѣтелями русскаго народа, разсѣвая мракъ окружавшаго его невѣжества и внося блага духовнаго совершенства въ грубость первобытныхъ нравовъ. Но все-таки стремленіе къ самостоятельности и нежеланіе быть подъ опекою — чувства самыя законныя и мы не имѣемъ никакого права ставить ихъ кому-бы то ни было въ укоръ. Наконецъ, можно даже простить Константину Сергѣевичу его провозглашеніе идеи русской богоизбранности, пока она покоится только на отыскиваніи у русскаго народа совершенно беспримѣрныхъ добродѣтелей. Эта идея, конечно, совершенно нелѣпая, потому что всѣ люди и народы равны предъ Богомъ и только младенчествующая мысль можетъ серьезно предаваться подобнымъ наивнымъ иллюзіямъ. Несомнѣнно шокируетъ также грубая хвастня объемомъ и силою «повалившаго» своихъ супротивниковъ кулака русскаго, хвастня *болѣе достойная* охотнорядскихъ молодцевъ,

нежели такого высокаго идеалиста, какъ Константинъ Сергѣевичъ. И все-таки, въ общемъ, идея русской богоизбранности не оскорбляетъ нравственнаго чувства, потому что источникъ ея, повторяемъ, есть *обиліе любви*, переполняющей духовное существо Константина Аксакова т. е. такой источникъ, о которомъ всегда можно сказать: лучше больше, чѣмъ меньше.

Но дѣло принимаетъ совсѣмъ другую окраску разъ Константинъ Сергѣевичъ, изъ человѣка защищающаго величіе своей родины отъ высокомѣрнаго презрѣнія къ ней заправскихъ и домашнихъ европейцевъ, самъ превращается въ фанатическаго ругателя всего европейскаго. Тутъ уже значитъ не любовь является подкладкою, а *вражда* и вражда, къ тому-же, совершенно ненужная для тѣхъ цѣлей, къ которымъ стремится Константинъ Аксаковъ. Если ему хочется непремѣнно доказать, что «Россія — земля совершенно самобытная, вовсе не похожая на европейскія государства и страны» и что «очень ошибаются тѣ, которые прилагаютъ къ ней европейскія воззрѣнія и на основаніи ихъ судятъ о ней» (стр. 7), то для доказательства этой мысли было-бы достаточно установить *разницу* между Россіею и Европою и ихъ взаимную противоположность, а не было рѣшительно никакой надобности поносить Европу. Зачѣмъ было затемнять такое свѣтлое и возвышенное чувство, какъ патріотизмъ человѣконенавистничествомъ, зачѣмъ было поддаваться такому нехристіанскому побужденію, какъ униженіе ближняго?

А сильно и стремительно было это побужденіе. Просто до смѣшнаго доходила у Константина Сергѣевича вражда къ Западу. Чего, чего только не приписывалъ онъ ему!

Ужасно прошлое Запада:

«Въ основаніи государства западнаго лежало: *насиліе*, *рабство и вражда*» (курсивы К. С.) и «если тамъ и была тишина, какъ явленіе, въ основѣ все-таки лежала вражда» (стр. 8). Въ то время какъ «благодать сошла на Русь и Православная Вѣра была принята ею, Западъ пошелъ по дорогѣ католицизма. Страшно въ такомъ дѣлѣ говорить свое мнѣніе, но если мы не ошибаемся, то скажемъ, что по заслугамъ дался и истинный, дался и ложный путь Вѣры, — первый Руси, второй Западу» (стр. 9). Пошедши по ложному пути, Западъ являетъ «страшныя преступленія, превосходящее всякую мѣру звѣрство, предательство, всевозможныя гнусности». Правда, Константинъ Сергѣевичъ не можетъ отрицать того, что и въ «русской исторіи встрѣчаются преступленія но они лишены этого страшнаго не человѣческаго характера, по которому человѣкъ становится въ разрядъ животныхъ, какъ новый, совершеннѣйшій видъ его, и которымъ отличаются кровавыя дѣла Запада» (стр. 22).

Не многимъ лучше прошлаго Запада его настоящее:

«Западъ весь проникнутъ ложью внутренней, фразой и эффектомъ: онъ постоянно хлопочетъ о красивой позѣ, картинномъ положеніи. Картинка для него все. Покуда онъ былъ молодъ, картинка еще была хороша и красива сама по себѣ; красивъ былъ рыцарь въ желѣзныхъ латахъ, красивъ былъ хитрый, безжалостный монахъ; красивы были художники XV столѣтія. Но когда молодость его прошла, когда исчезли кипящія силы жизни, и осталась одна только картинка, одна фраза, даже безъ пылкости юношеской, тогда это становится въ высшей степени жалкимъ и сказать-ли?—*отвратительнымъ явленіемъ*. Таковъ Западъ теперь въ своихъ смутахъ, безъ всякой внутренней жизни, даже безъ кипѣнія крови. Таковы теперешнія его борьбы и волненія, волненія и борьбы безъ малѣйшаго убѣжденія, безъ малѣйшей искренности, безъ малѣйшаго увлеченія, совершающіяся въ страшной апатіи, вялыя, несмотря на напряженность. Скука и безучастіе, отсутствіе энергіи во всѣхъ кровопролитіяхъ и смятеніяхъ. Старческія мечты Запада, мечты, лишенныя своей единственной правды, кипѣнія молодой крови, мечты, которыми разгорячалъ онъ себя такъ долгое время, подѣйствовали на него, какъ раздражительное средство и привели въ механическое движеніе его ослабшій организмъ. Если нѣтъ духа, то нѣтъ и истинной жизни» (т. I, стр. 22).

И такъ-таки ни *единой свѣтлой точки* не усматриваетъ грозный обвинитель въ духовной и государственной жизни «одряхлѣвшаго» Запада. Что тутъ, впрочемъ, эта «дряхлость» ни причемъ видно изъ того, что и молодая Америка весьма мало симпатична нашему пламенному ненавистнику всего непохожаго на Россію и русскіе порядки. У него даже хватаетъ ослѣпленія усматривать неполноту въ американской гражданской свободѣ:

«Въ Соединенныхъ Штатахъ вмѣсто живого народа государственная машина изъ людей. Отношенія тамъ становятся политическими: миръ и спокойствіе основаны не на любви, а на взаимной выгодѣ. Какъ ни блестящъ внѣшній порядокъ, но блескъ его наружный; какъ ни строенъ онъ кажется, но это строй машины, какъ ни кажется онъ свободенъ, но это свобода—личный взаимно-ограниченный произволъ. *Нѣтъ, свобода не тамъ*» (стр. 58).

Гдѣ-же истинная свобода? полюбопытствуетъ читатель. Въ Россіи, «идѣ-же духъ Господень».

Нужно-ли серьезно доказывать *умственную* несостоятельность этого удивительнаго отношенія ко всему западному? Неужели кто-либо, при всемъ уваженіи къ знаніямъ и искренности Константина Сергѣевича, повѣритъ ему хотя-бы на единую минуту, что ничего, кромѣ «нечеловѣческаго звѣрства» въ прошломъ и «лжи» въ настоящемъ нельзя усмотрѣть въ ходѣ европейской исторіи, неужели «ложью» объясняется реформація, о которой почему-то ни единымъ словомъ не упоминаетъ нашъ прокуроръ, такъ что можно подумать, что все человѣчество исповѣдуетъ католичество, неужели въ Шиллеровскомъ «Донъ-Карлосѣ» можно видѣть одни только «старческія мечты, лишенныя кипѣнія молодой крови», неужели «безъ малѣйшей искренности» дѣйствовали

пуритане, ушедшіе въ Новую Англію, неужели отъ «скуки и безучастія» горѣли на кострахъ и сгнивали въ тюрьмахъ Джордано Бруно, Галилей, итальянскіе патріоты и сотни имъ подобныхъ мучениковъ стремленія къ истинѣ, нравственному совершенству и духовной красотѣ, неужели, наконецъ, «ослабшій организмъ» можетъ породить такое могучее литературное, научное и художественное движеніе, которымъ ознаменована европейская духовная жизнь послѣднихъ трехъ столѣтій и неужели этого движенія долженъ чураться всякій «настоящій» русскій человѣкъ?

Повторяемъ еще разъ, у насъ нѣтъ охоты серьезно доказывать умственную несостоятельность совершенно непонятнаго по своей пародоксальности отношенія Константина Аксакова къ западу, отношенія, которое достаточно дискредитируетъ уже одна огульность его и исключительное употребленіе чернѣйшей краски, благодаря чему, вмѣсто картины съ разнообразными деталями, получается сплошное мрачное пятно, ни о чемъ не дающее понятія.

Но намъ, въ данномъ случаѣ, было-бы интересно выяснить вотъ какія двѣ вещи: во-первыхъ изолированность фанатической ненависти Константина Сергѣевича даже къ средѣ славянофильства и во-вторыхъ *нравственную несостоятельность ея.*

Съ обычною своею необузданностью, съ обычною страстью своей незнающей удержу, какъ въ симпатіяхъ, такъ и въ антипатіяхъ натуры, Константинъ Аксаковъ, не взлюбивъ Западъ, быстро дошелъ до Геркулесовыхъ столбовъ національной розни. Какъ извѣстно, дурное отношеніе къ Западу не есть что-либо спеціально Константину Аксакову принадлежащее. «Гніеніе» Запада было провозглашено Шевыревымъ раньше тѣхъ статей, изъ которыхъ мы только что приводили цитаты, и тезисъ этотъ можно вообще назвать однимъ изъ любимѣйшихъ у всѣхъ «первоучителей» славянофильства. Но никто изъ нихъ не доходилъ, все-таки, до такихъ крайностей, какъ Константинъ Аксаковъ. Современное «гніеніе» не мѣшало имъ, прежде всего, признавать огромныя *историческія* заслуги не-русской Европы предъ человѣчествомъ и Хомяковъ, напр. говорилъ о Западѣ не иначе, какъ

. . . . . странѣ святыхъ чудесъ.

А, затѣмъ, что касается даже современнаго состоянія европейскихъ народовъ, то усматривая въ немъ начала разложенія, большинство славянофиловъ не думало, однако, отрицать значеніе такихъ напр. свѣтлыхъ явленій, какъ быстрый прогрессъ европейской науки и высокій уровень европейской литературы и искусства. Конечно, нельзя сомнѣваться ни единой минуты въ томъ, что еслибы къ Константину Аксакову приступить съ категорическимъ запросомъ относительно евро-

ской науки, онъ-бы не причислилъ ее къ «отвратительнымъ зрѣ-
цамъ». Но тѣмъ непростительнѣе, значитъ, огульность его характе-
тики.

Однако-же, мы все еще стоимъ на почвѣ фактической невѣрно-
характеристики Запада, сдѣланной Константиномъ Аксаковымъ, т. е..
умственной несостоятельности ея, очевидной для всякаго, кто
асся даже самымъ кратенькимъ обзоромъ хода европейской куль-
ы. Между тѣмъ гораздо любопытнѣе подчеркнуть нравственную
остоятельность фанатической ненависти Константина Сергѣевича, не-
гоятельность, которая не отпадаетъ *если даже стать на славяно-*
ьскую точку зрѣнія. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, болѣе всего гордится
вянофильство? Если при столкновеніи съ вопросами практической
ни славянофилы и тѣ, которые объявляли себя ихъ привержен-
и, сплошь да рядомъ становились за сильнаго противъ слабаго,
ошь да рядомъ симпатизировали тенденціямъ застоя и сплошь
рядомъ оказывали поддержку идеямъ человѣконенавистничества,
все-таки, въ теоріи славянофильство всегда было искренно во-
шевлено совсѣмъ иными стремленіями и убѣжденно писало на
емъ знамени: миръ, любовь, гармонія. Мы въ этомъ могли убѣ-
ься изъ ознакомленія съ идеями Константина Сергѣевича. Его стрем-
ія превратить древнюю Русь въ какую-то Аркадію, гдѣ «въ осно-
іи лежали: *добровольность, свобода и миръ»* (курсивы автора), его
менная любовь къ общинному началу, его преклоненіе предъ рус-
мъ смиреніемъ и кротостью, все это можетъ быть не достаточно
тически обосновано, но все это проникнуто свѣтомъ духовной
соты и согрѣто самыми лучшими намѣреніями. Но въ томъ, что го-
итъ Константинъ Аксаковъ о Западѣ и добрыхъ намѣреній нѣтъ.
ва его дышутъ только ненавистью и слѣпымъ озлобленіемъ, они
никнуты только враждою и безцѣльнымъ униженіемъ всего, что
есть русское. И вотъ почему мы придаемъ такое значеніе на-
му замѣчанію. Оно оттѣняетъ крупное противорѣчіе въ системѣ
овоззрѣнія разсматриваемаго нами писателя и выясняетъ въ немъ
али столь-же смѣшныя, сколько и антипатичныя. Единственнымъ
гчающимъ обстоятельствомъ въ данномъ случаѣ можетъ служить
что страстныя филиппики Константина Сергѣевича писались въ
ый разгаръ партійной полемики. Въ тѣ времена національное само-
ваніе было такъ мало развито и въ обществѣ, и въ литературѣ,
пое поклоненіе Западу въ ущербъ всему русскому было такимъ
цимъ явленіемъ, что было дѣйствительно съ чего озлобиться и
чувства протеста начать гнуть въ діаметрально-противополож-
о сторону.

Закончимъ нашъ обзоръ литературной дѣятельности Константина Аксакова замѣткою о *непосредственно*-публицистическихъ сторонахъ ея. Подчеркиваемъ слово «непосредственно», потому что, какъ мы уже имѣли случай не одинъ разъ сказать, все, что когда-либо писалъ Константинъ Сергѣевичъ, представляетъ собою и по намѣреніямъ, и по способу исполненія публицистику чистѣйшей воды. Говоритъ-ли онъ о призваніи Варяговъ, характеризуетъ-ли подвиги Ильи Муромца, объясняетъ-ли значеніе суфикса ъ, знакомитъ-ли читателя съ языкомъ Ломоносова, обозрѣваетъ-ли современную литературу, наконецъ, сочиняетъ-ли стихи и драмы — все это онъ дѣлаетъ только затѣмъ, чтобы обосновать тезисы своей общественно-политической программы. И желаніе это настолько ясно сквозитъ въ каждой строкѣ, что вы изъ чтенія по виду «историческихъ», «критическихъ», «филологическихъ» и «беллетристическихъ» произведеній Константина Аксакова выносите совершенно опредѣленное представленіе объ общественно-политическихъ идеалахъ автора. Вотъ почему изъ непосредственно-публицистическихъ страницъ сочиненій Константина Сергѣевича т. е. тѣхъ, гдѣ не намеками и общимъ смысломъ, а прямо и опредѣленно авторъ говоритъ о своихъ общественныхъ идеалахъ, мы не узнаемъ ничего новаго. И если мы нѣсколько остановимся на этихъ непосредственно-публицистическихъ сторонахъ литературной дѣятельности Константина Аксакова, то только затѣмъ, чтобы рельефнѣе формулировать основные пункты его общественно-политическаго міросозерцанія.

Во главѣ ихъ, конечно, слѣдуетъ поставить требованіе «*самобытности*».

Лучшая страна въ мірѣ, обитаемая единственнымъ во всемъ свѣтѣ истинно-христіанскимъ народомъ, исповѣдующая лучшую религію, имѣющая лучшій образъ правленія, само собою разумѣется, не должна быть разсматриваема съ точки зрѣнія «европейскихъ шаблоновъ» и все въ ней, не исключая даже такой нейтральной области, какъ наука, должно быть строго-самобытно, должно въ точности соотвѣтствовать тѣмъ исконнимъ началамъ русскаго духа, которыя по мнѣнію Константина Сергѣевича, пронесены русскимъ народомъ во всей ихъ неприкосновенности чрезъ все тысячелѣтнее историческое существованіе его.

«Надо воротиться къ началамъ родной земли, путь запада ложенъ, постыдно подражаніе ему. Русскимъ надо быть Русскими, идти путемъ Русскимъ, путемъ вѣры, смиренія, жизни внутренней, надо возвратить самый образъ жизни, во всѣхъ его подробностяхъ, на началахъ этихъ основанный, и слѣдовательно *надо освободиться совершенно отъ Запада, какъ отъ его началъ, такъ и отъ направленія, отъ образа жизни, отъ языка, отъ одежды, отъ привычекъ, обычаевъ его*

именно отъ этого свѣта и свѣтскости, вошедшихъ къ намъ, однимъ словомъ отъ *всего, что запечатлѣно печатію его духа, что вытекаетъ даже какъ малѣйшій результатъ* изъ его направленія» (т. 1, стр. 24).

Вотъ какъ понималъ Константинъ Сергѣевичъ самобытность. Дальше идти въ этомъ направленіи уже, конечно, нельзя.

Но приглядимся еще разъ, чѣмъ обусловливаетъ Константинъ Аксаковъ свое требованіе самобытности. Такое требованіе самобытности можетъ вытекать изъ очень различныхъ источниковъ. Извѣстно, напр., что есть воззрѣніе, всего менѣе восторгающееся русскими порядками, но полагающее, вмѣстѣ съ тѣмъ, что мы еще не «доросли» до Европы и потому должны пробавляться своими самобытными общественно-политическими учрежденіями. Есть затѣмъ воззрѣніе, полагающее, что на свѣтѣ нѣтъ ничего абсолютнаго, и въ томъ числѣ нѣтъ ни абсолютно-хорошаго, ни абсолютно-дурного общественнаго устройства, а есть просто нормы, *соотвѣтствующія* или *несоотвѣтствующія* культурному состоянію того или другого народа и потому желательныя или нежелательныя. Такое воззрѣніе тоже требуетъ самобытности, но руководствуясь принципомъ: что русскому здорово, то нѣмцу смерть *и наоборотъ*.

Ни подъ одно изъ этихъ воззрѣній не могутъ быть подведены требованія Константина Аксакова. Онъ далеко не потому только добивается торжества русскихъ началъ, что они *свои, родныя*, а потому что они *самыя лучшія на свѣтѣ*. И вотъ почему для него не существуетъ простаго констатированія историческихъ явленій. Такъ мы уже знаемъ, что Константинъ Сергѣевичъ со свойственною ему настойчивостью указываетъ на исконнее нежеланіе русскаго народа государствовать. Всякій другой историкъ на его мѣстѣ ограничился-бы этимъ констатированіемъ. Историкъ-публицистъ, пожалуй, прибавилъ-бы къ такому констатированію, что согласно этой чертѣ русскаго народнаго характера должна складываться и современная русская государственная жизнь. Но нашему апостолу русской богоизбранности нужно не констатированіе, а непремѣнно апофеозъ и вотъ почему онъ вслѣдъ за выясненіемъ русскаго отношенія къ государствованію, рѣзко осуждаетъ не похожіе на него государственные порядки Запада. На Западѣ, говоритъ онъ

«внѣшнее начало, законъ, сперва жестокій, почти непремѣнно дѣйствующій при завоеваніи и порабощеніи, долженъ былъ усилиться, развиться и одинъ стать высоко въ глазахъ человѣка. Такъ и случилось. Вопросъ жизни и исторіи былъ рѣшенъ для западныхъ народовъ: государство, учрежденіе (институтъ), централизація, власть внѣшняя стала ихъ идеаломъ; народъ (земля) отказался отъ внутренняго, свободнаго, нравственнаго общественнаго начала и вкусилъ плоды начала внѣшняго, государственнаго; народъ (земля) захотѣлъ государство-

власти. Отсюда революціи, смуты и перевороты, отсюда насильственный внѣшній путь къ насильственному внѣшнему порядку вещей. Народъ на Западѣ плѣняется идеаломъ государства. Республика есть попытка народа быть самому государствомъ, перейти ему всему въ государство; слѣдовательно попытка бросить совершенно нравственный, свободный путь, путь внутренней правды, и стать на путь внѣшній, государственный. Самое крайнее выраженіе такой попытки, самое *гибельное* (sic) огосударствленіе народа видимъ въ Америкѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ» (т. I, стр. 57).

Мы рѣшаемся утверждать, что сопровождаемое подобнымъ отношеніемъ ко всему нерусскому требованіе самобытности есть уже не простое желаніе устраивать свою жизнь по собственному усмотрѣнію, а нѣчто весьма похожее на деспотическое желаніе *подчинить* русскому міросозерцанію міросозерцанія всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ и объявить истину исключительною монополіею русскаго духа. Тутъ уже не русскій патріотизмъ, а какой-то панруссизмъ, стремящійся устроить все человѣчество по своему образцу.

Не есть-ли напр. доведенный до крайнихъ предѣловъ панруссизмъ другой пунктъ общественно-политической программы Константина Аксакова—его нелюбовь къ писанной конституціи? Только потому, что историческія изслѣдованія выработали въ немъ тотъ взглядъ на роль Земскихъ Соборовъ, который намъ извѣстенъ изъ предъидущаго изложенія, Константинъ Сергѣевичъ объявляетъ *противонравственнымъ* учрежденіемъ всѣ существующіе на Западѣ договоры между властью и народомъ.

«Намъ скажутъ», восклицаетъ, онъ, «или народъ или власть могутъ измѣнить другъ другу. Гарантія нужна! — Гарантія не нужна! *Гарантія есть зло.* Гдѣ нужна она, тамъ нѣтъ добра, пусть лучше разрушится жизнь, въ которой нѣтъ добраго, чѣмъ стоять съ помощью зла» (стр. 9).

Что можно было-бы возразить противъ этой дышащей самымъ высокимъ идеализмомъ тирады, еслибы она была редактирована такъ: «*въ Россіи* не нужны гарантіи». Въ ней заключался-бы отвѣтъ (вѣрный или невѣрный—это въ данномъ случаѣ не имѣетъ значенія) русскимъ конституціоналистамъ, она носила-бы характеръ опровѣрженія, основаннаго на провѣркѣ европейскихъ нормъ данными русской дѣйствительности. Но теперь Константинъ Аксаковъ дѣлаетъ какъ разъ тоже самое, противъ чего борется. Конституціоналисты считаютъ писанную хартію *всеобщей панацеей*, годной для всѣхъ странъ и народовъ, а Константинъ Сергѣевичъ только всего и дѣлаетъ, что одну *всеобщую* панацею замѣняетъ другою, съ тою, однако, весьма существенною разницею, что противники его основываютъ свои стремленія на опытѣ *многихъ* европейскихъ народовъ, а онъ выводитъ

свою государственную теорію изъ наблюденій надъ жизнью *одного* народа.

И если принять во вниманіе, что теоріи, противъ которыхъ борется Константинъ Сергѣевичъ, отнюдь не считаютъ свои положенія идеаломъ человѣческаго благоустройства, а только лучшимъ изъ золъ, обусловленныхъ стремленіемъ сильныхъ подчинить себѣ слабыхъ, между тѣмъ какъ Аксаковъ не знаетъ какъ достаточно восторгаться русскимъ соотношеніемъ государственныхъ элементовъ, то мы неизбѣжно должны придти къ тому-же формулированію публицистическихъ стремленій разсматриваемаго нами автора, къ которому привело насъ изученіе историческихъ его произведеній: русскій народъ есть носитель спеціально ему одному присущихъ высокихъ доблестей, которыя отводятъ ему особое, высокое и безпримѣрное положеніе во всемірной исторіи, онъ народъ богоизбранный и горе тѣмъ народамъ, которые не хотятъ заимствовать у него его начала духовной и государственной жизни. Ихъ ждетъ гибель.

Но если все это такъ, если мы русскіе такъ безмѣрно возвышаемся надъ гнилымъ западомъ, то какія проклятія достаточно сильны для тѣхъ «отступниковъ», для тѣхъ «рабовъ» европейскаго просвѣщенія, которые въ умственной слѣпотѣ своей преклонились предъ мишурнымъ блескомъ западной цивилизаціи?

Съ которыхъ поръ идетъ это отступничество?

Съ реформъ Петра и основанія Петербурга, отодвинувшаго на второй планъ настоящую столицу Россіи—Москву. Удивительно-ли, что то и другое одинаково ненавистно Константину Сергѣевичу.

Мы уже знаемъ, что отношеніе Константина Аксакова къ реформамъ Петра имѣло два діаметрально - противоположныхъ другъ другу фазиса. Въ первомъ изъ нихъ онъ посвятилъ все обширное предисловіе диссертаціи о Ломоносовѣ прославленію энергическаго стремленія великаго царя «освободить Россію отъ оковъ исключительной національности», во второмъ фазисѣ онъ со свойственною ему прямотою заявлялъ, что «напрасно» занимался такимъ прославленіемъ (т. I, стр. 42).

Собственно говоря, взгляды Константина Сергѣевича на реформы Петра должны были быть разсмотрѣны нами въ обзорѣ историческихъ работъ его. Но дѣло въ томъ, что эти взгляды такъ тѣсно переплетаются съ отношеніемъ нашего писателя къ современной ему жизни, что скорѣе должны быть причислены къ непосредственной публицистикѣ. Константинъ Сергѣевичъ всего менѣе считаетъ Петровскую эпоху —

конченною. Для него она все еще продолжается, онъ съ горечью в дитъ, что «обезьяничаніе» въ полномъ ходу, что «измѣна» русски началамъ не прекратилась и потому-то петровскія реформы для него і тема для историческаго изслѣдованія, а предметъ для негодованія чис публицистическаго.

Къ тому-же Константинъ Сергѣевичъ въ историческихъ сочиненія своихъ настолько отрывочно и эпизодически говорилъ о Петрѣ, ч наиболѣе цѣльнымъ выраженіемъ его *отрицательныхъ* мнѣній о дѣ тельности великаго преобразователя можетъ считаться *стихотвор ніе* «Петру», напечатанное впервые въ «Руси» 1881 г. Стихотворе всего менѣе блещетъ поэтическими достоинствами, но за то оно пре ставляетъ собою какъ-бы сводъ славянофильскихъ воззрѣній на р форму Петра и связаннаго съ ними москвофильства. Приводимъ е цѣликомъ.

Великій геній мужъ кровавый
Вдали на рубежѣ родномъ
Стоишь ты въ блескѣ страшной славы,
Съ окровавленнымъ топоромъ
Съ великой мыслью просвѣщенья
Въ своей отчизнѣ ты возникъ.
И страшныя подъялъ мученья
И казни страшныя воздвигъ.
Во имя пользы и науки,
Добытой изъ страны чужой,
Не разъ твои могучи руки
Багрились кровію родной.
Ты думалъ,—быстротою взора,
Предупреждая времена,—
Что кровью политыя, скоро,
Взойдутъ науки сѣмена!
И вкругъ она лилась обильно,
И воплямъ Руси не внемля,
Упорство ты сломилъ, о сильный!
И смолкла Русская земля.
И по назначенному слѣду,
Куда ты ей сказалъ: «иди!»
Она пошла. Ты могъ побѣду
Торжествовать, но погоди!
Ты много снесъ головъ стрѣлецкихъ,
Ты много крѣпкихъ рукъ сломилъ,
Сердецъ ты много молодецкихъ
Ударомъ смерти поразилъ.
Но въ часъ невзгоды удаляся,
Скрывъ право вѣчное свое,
Народа духъ живетъ, таяся,
Храня родное бытіе.
И ждетъ завѣтнаго онъ часа,
И вождѣленный часъ придетъ,
И снова звукъ родного гласа
Народа волны соберетъ;
И снова вспыхнетъ взоръ отважны
И вновь подвигнется рука,
Порывъ младой и помыслъ важны
Взволнуетъ духъ, нѣмой пока.
Тогда къ желанному предѣлу
Борьба достигнетъ, и конецъ
Положитъ начатому дѣлу,
Достойный, истинный вѣнецъ!
Могучій мужъ! желалъ ты блага,
Ты мысль великую питалъ,
Въ тебѣ и сила, и отвага,
И духъ великій обиталъ.
Но, истребляя зло въ отчизнѣ,
Ты всю отчизну оскорбилъ;
Гоня пороки русской жизни,
Ты жизнь безжалостно давилъ.
На самобытный трудъ, стремленье,
Не вызывалъ народъ ты свой,
Въ его не вѣрилъ убѣжденья
И весь закрылъ его собой.
Вся Русь, вся жизнь ея доселѣ,
Тобою презрѣна была,
И на твоемъ великомъ дѣлѣ
Печать проклятія легла.
Отринулъ ты Москву жестоко
И отъ народа ты вдали

Построилъ городъ одинокій—
Вы вмѣстѣ жить ужъ не могли!
Ты граду далъ свое названіе,
Лишь о тебѣ гласитъ оно.
И—добровольное сознанье—
На чуждомъ языкѣ дано.
Настало время зла и горя,
И съ чужестранною толпой
Твой градъ, пирующій у моря,
Сталъ Руси тяжкою грозой.
Онъ сокъ народа истощаетъ,
Названный именемъ твоимъ
Объ Русской онъ землѣ не знаетъ
И духомъ движется чужимъ.
Грѣхъ Руси далъ тебѣ побѣду,
И Русь ты смялъ. Но не всегда
По твоему ей влечься слѣду
Путемъ блестящаго стыда.
Такъ, будетъ время, усь воспрянетъ,
Разсѣетъ долголѣтній сонъ
И на неправду дружно грянетъ—
Въ неправдѣ подвигъ твой свершенъ!
Народный духъ подниметъ крылья,
Отступниковъ обниметъ страхъ,
Созданья лжи, дѣла насилья
Падутъ, разсыплются во прахъ!
И вновь оправданный судьбою
Возстанетъ къ жизни твой народъ
Съ своею древнею Москвою—
И жизнь свободный приметъ ходъ.
Все отпадетъ, что было лживо,
Любовь всѣ узы сокрушитъ,
Отчизна зацвѣтетъ счастливо—
И твой народъ тебя проститъ.

Предвозвѣщаемая второю частью стихотворенія побѣда славянофильскихъ принциповъ составляетъ одну изъ любимыхъ темъ Константина Сергѣевича, къ которой онъ возвращается весьма часто. Онъ увѣренъ въ грядущемъ торжествѣ своей партіи и потому всегда говоритъ о ней въ мажорномъ тонѣ.

«Наступаетъ борьба» резюмируетъ онъ свой обзоръ «петербургскаго» періода русской исторіи. «Москва начинаетъ и продолжаетъ дѣло нравственнаго освобожденія, поднимаетъ вновь знамя русской самобытности, русской мысли. Въ наше время среди верхнихъ, отъ народа оторванныхъ, классовъ пробуждается сознаніе ложности направленія иностраннаго и стыдъ обезьянства. Русская мысль начинаетъ освобождаться изъ плѣна; вся дѣятельность ея въ Москвѣ и изъ Москвы, и окончаніе долгаго испытанія, а вмѣстѣ и торжество, и возникновеніе истинной Руси и Москвы, кажется, приближается» (стр. 49).

Къ стремленіямъ-же противниковъ Константинъ Сергѣевичъ, какъ всякій фанатикъ, конечно, ничего кромѣ глубочайшей антипатіи чувствовать не можетъ и на каждомъ шагу, расточая своей партіи самые лестные эпитеты, не находитъ ни одного привѣтливаго слова для западничества. Соотношеніе славянофильства и западничества ему рисуется въ такомъ видѣ:

«Надъ русскимъ простымъ народомъ и надъ его священнымъ миромъ и тишиною, въ обществѣ, Русскимъ началамъ измѣнившемъ, идетъ вражда и борятся два направленія. Одно силится поддержать свою неправду—измѣны всему Русскому и покорности западнымъ уставамъ. Другое искренно жаждетъ возстановленія Русскихъ святыхъ началъ Вѣры, Русскаго основнаго образа жизни всего Русскаго духа, Русскаго ума и христіанскихъ добродѣтелей, по крайней

мѣрѣ въ общемъ дѣлѣ. Съ одной стороны: всякое упорство и желаніе, поблажающее удобной лѣни, остаться, безъ труда, подражателями запада, пользоваться всѣми его политическими благами, повторять за нимъ слова и дѣйствія, и не знать труда самостоятельной жизни; съ другой стороны: добрая надежда и дѣятельное стремленіе возвратиться къ святымъ началамъ Русской жизни. ужно-ли говорить, что такое стремленіе есть правое и законное и спасительное?»

Зародилось это стремленіе, какъ мы уже знаемъ изъ предъидущей цитаты, въ Москвѣ. Зародилось не случайно. Москва, по мнѣнію славянофиловъ вообще и Константина Аксакова въ частности, имѣетъ своимъ провиденціальнымъ назначеніемъ быть средоточіемъ русскаго духа. И какъ въ былыя времена не одинъ разъ первопрестольная спасала Россію отъ разныхъ иноземныхъ нашествій, такъ и въ наши дни она выдвинула славянофильство, которое раскрыло «верхнимъ классамъ» тайники русскаго духа. Раскрыло именно потому, что въ Москвѣ эти тайники доступнѣе, явственнѣе, неотразимѣе дѣйствуютъ, чѣмъ въ «Санктпетербургѣ».

Москвофильство Константина Сергѣевича должно быть названо однимъ изъ главныхъ устоевъ его міровоззрѣнія, одною изъ существеннѣйшихъ деталей его желанія порвать всякія связи съ послѣпетровскою Россіей. Всего цѣльнѣе это москвофильство, въ видѣ отдѣльныхъ фразъ и изрѣченій разбросанное по всѣмъ писаніямъ Константина Сергѣевича, выразилось въ статейкѣ «Семисотлѣтіе Москвы», изъ которой и приводимъ наиболѣе существенныя выдержки:

«Москва, безъ сомнѣнія, выразила въ себѣ общее всерусское значеніе, и для насъ во всякомъ случаѣ является она представительницей общей Русской жизни, жизни всей Русской земли, жизни *земской* (собственно народной), говоря словомъ такъ часто встрѣчающимся въ лѣтописяхъ и грамотахъ, со времени возвышенія Москвы на степень Русской столицы. Были-ли довольны князья, или нѣтъ—это по крайней мѣрѣ вопросъ; но народъ былъ доволенъ. Москва выражала собою не власть надъ Русскою землею, но власть Русской земли; и если Москва принимала участіе въ войнахъ и не рѣдко коварныхъ поступкахъ удѣльнаго времени, если она виновата въ томъ, въ чемъ былъ виноватъ каждый городъ Русскій,—то она загладила вину свою, храня святую Русь и терпя за нее, выражая въ себѣ общую всерусскую жизнь. Успѣхъ, ей одной изъ всѣхъ городовъ принадлежащій, основывается на ея общемъ значеніи.

. . . .

Въ Москвѣ раздался голосъ Русской земли, зовущій подняться противъ Татаръ; въ нее стеклось и въ ней собралось ополченіе изъ многихъ городовъ Русскихъ; изъ нея пошло оно на Куликово поле. Съ тѣхъ поръ она всегда привлекала на себя удары врага, и самая лютая доля бѣдствій доставалась ей на часть; ей назначалось страданіе за Русскую землю—самое важное неоспоримое ея право и свидѣтельство, что она истинная столица Русская.—Въ нее, при Іоаннѣ IV, созвана была первая *Земская дума* изъ городовъ и вообще изъ земли Русской. Іоаннъ IV, свирѣпый къ боярамъ, но милостивый къ народу и соблюдавшій права его, хранилъ областную жизнь; тому доказательствомъ

являются многія его грамоты, напечатанныя въ драгоцѣнныхъ актахъ, изданныхъ Археографическою Коммиссіей. Въ свирѣпостяхъ является его личность: въ этомъ же благомъ дѣйствіи духъ Москвы и Руси, что одно. Борисъ, покоряя Сибирь, въ грамотѣ своей писалъ, чтобы спрашивать Остяковъ: какъ имъ лучше. Но всего важнѣе, важнѣе всѣхъ возможныхъ доказательствъ и изъисканій, сильнѣе всѣхъ сужденій и теорій—голосъ народа, голосъ Божій, который призналъ Москву своею столицею, назвалъ ее матерью Русскихъ городовъ, корнемъ Русскаго царства и возвѣстилъ къ ней народную любовь.

. . . .

Когда Димитрій Самозванецъ взошелъ на престолъ и хотѣлъ перемѣнить Русскую вѣру, хотѣлъ покрыть Русскую народность, то дальновидные Іезуиты совѣтовали ему оставить Москву, уничтожить ее, какъ столицу и основать новую столицу: безъ этого, говорили они ему, ты нисколько не успѣешь въ своихъ намѣреніяхъ.

. . . .

Въ эпоху междуцарствія сзывали другъ друга на враговъ, сзывали къ Москвѣ; тутъ-то называется она матерью городовъ Русскихъ и корнемъ Русскаго царства. Вотъ слова одной окружной грамоты: «Будьте съ нами обще за одно, противъ враговъ нашихъ и вашихъ общихъ; помяните одно: только коренью основаніе крѣпко, то и дерево неподвижно: только коренья не будетъ, къ чему прилѣпиться? Здѣсь образъ Божія Матери, вѣчныя заступницы крестьянскія, Богородицы, ея-же Евангелистъ Лука написалъ; и великіе свѣтильники и хранители Петръ, Алексѣй и Іона чудотворцы».

До Петра Великаго существовала въ Москвѣ такая перекличка стрѣльцовъ, когда вечеромъ въ 8 или 9 часовъ запирались ворота Кремлевскія:

Близъ Собора Успенскаго часовой сторожъ первый начинаетъ протяжно и громогласно, какъ-бы на распѣвъ, возглашать: *Пресвятая Богородица, спаси насъ!* за тѣмъ второй въ ближнемъ притинѣ возглашаетъ: *Святые Московскіе Чудотворцы, молите Бога о насъ!* потомъ 3-й: *Святой Николай Чудотворецъ, моли Бога о насъ!* потомъ 4-й: *Всѣ святые, молите Бога о насъ!* 5-й: *Славенъ городъ Москва!* 6-й: *Славенъ городъ Кіевъ!* 7-й: *Славенъ городъ Владиміръ!* 8-й: *Славенъ городъ Суздаль!* и такъ поименуютъ: Ростовъ, Ярославль, Смоленскъ и проч.

Многозначительное свидѣтельство! Въ этой перекличкѣ раздается голосъ Русской земли; слышишь какъ она сама себя чувствуетъ, сама себя называетъ и сознаетъ въ городахъ своихъ, въ общемъ чувствѣ себя самой, единымъ совершеннымъ цѣлымъ. Въ этомъ не придуманномъ народномъ голосѣ слышишь, что царствующій градъ Москва помнила всѣ города Русскіе, всю Русскую землю.

. . . .

Но въ 1703 году была основана новая столица, городъ Санктпетербургъ.... Какой-же послѣ этого удѣлъ Москвы? Имѣетъ-ли она еще прежнее значеніе? Въ Петербургъ, какъ извѣстно, было перенесено все управленіе... Прежде нежели станемъ отвѣчать на нашъ вопросъ, взглянемъ на самыя событія съ тѣхъ поръ, какъ Петербургъ сталъ столицею. — Спасенная, соединенная и укрѣпленая Москвою, Россія представляла много силъ, и съ этими силами были ведены войны и завоевывались разныя страны; но вотъ чрезъ столѣтіе снова собралась гроза, гроза неожиданная, невѣроятная. Съ Запада шелъ Наполеонъ и велъ безжалостныя побѣдоносныя войска. Въ эту минуту бѣдъ, когда все смущалось предъ страшною грозою, въ эту минуту явилась Москва, опять

со всѣмъ своимъ значеніемъ столицы, какъ и прежде, и приняла на себя тяжелый ударъ новѣйшаго врага. Какъ въ 1612, такъ въ 1812-мъ она вновь объялась пламенемъ; по всей Русской землѣ раздалось вновь ея имя: Москва! Москва! И на это имя снова поднялся Русской народъ и спасъ Русскую землю.—Такое явленіе обнаружило внутри-сокровенное и, кажется, навсегда утвердило значеніе Москвы, вѣчной столицы земли Русской, столицы народной. Здѣсь опять встрѣчаемъ сужденіе великаго иностранца. Наполеонъ сказалъ въ разговорѣ съ Тучковымъ: «столица ваша Москва, а не Петербургъ, который не что иное, какъ резиденція Государя».

. . . .

Ясно для насъ и для всѣхъ истинно Русскихъ вѣчное значеніе Москвы. Она жива, и жива къ ней любовь Русскаго народа, и будетъ вѣчно живо и то и другое: бытіе ея неразлучно съ бытіемъ святой Руси. На нее крестясь смотритъ крестьянинъ; сильно движетъ она и образованнаго Русскаго въ чужестранной одеждѣ, въ комъ пробудилось Русское народное чувство. Но болѣе всего любитъ и разумѣетъ ее народъ. Онъ называетъ ее матушкой; повторяемъ съ нимъ это слово.

Любовь къ Москвѣ есть любовь къ Русской землѣ, потому что Москва имѣетъ въ себѣ не мѣстное, а общее значеніе и единство всей земли Русской.

Да здравствуетъ Москва!»

Только что приведенными выдержками мы-бы могли закончить нашъ обзоръ непосредственно-публицистическихъ взглядовъ Константина Аксакова. Правда, можно-бы было привести еще очень много другихъ непосредственно-публицистическихъ мѣстъ, разбросанныхъ по разнообразнымъ писаніямъ Константина Сергѣевича. Но этого не стоитъ дѣлать. Мы-бы уже не узнали ничего новаго. Опять поношеніе западно-европейской «лжи», опять восхваленіе русскаго превосходства, опять упреки интеллигенціи за «оторванность» и предвозвѣщеніе грядущаго торжества славянофильства и, наконецъ, опять восторженное преклоненіе предъ современнымъ крестьянствомъ, какъ единственнымъ представителемъ «истинно-русскихъ» началъ — вотъ къ чему сводятся всѣ «лирическія отступленія» Константина Сергѣевича и не могутъ не сводиться, потому что только этими думами и было наполнено его духовное существо, только ими онъ и тѣшилъ себя въ своей аскетической жизни, ничего не знавшей, кромѣ умственныхъ интересовъ.

Мы сдѣлаемъ исключеніе только для одного произведенія Константина Сергѣевича—его записки «О внутреннемъ состояніи Россіи», поданной въ 1855 г. чрезъ графа Блудова только что вступившему тогда на престолъ Императору Александру II [1]). Сдѣлаемъ это не потому, чтобы записка ознакомляла насъ съ какими-нибудь новыми сторонами міровоззрѣнія Константина Сергѣевича, а потому, что она пред-

---

[1]) Въ печати появилась въ «Руси» 1881 г.

ставляетъ собою единственное его произведеніе, гдѣ съ высотъ заоблачнаго идеализма онъ спускается на почву практическихъ совѣтовъ. И высоко-поучительно прислушаться къ этимъ совѣтамъ! Рѣзко они выясняютъ, что въ сущности разница между «западниками» и *честными* славянофилами, т. е. такими, для которыхъ славянофильство не есть красивое прикрытіе самого низменнаго сервилизма, совсѣмъ не такъ велика, что, строго говоря, разница только въ теоретическомъ обоснованіи. Приглядитесь, въ самомъ дѣлѣ, къ тезисамъ записки, которые мы сейчасъ приведемъ, отбросьте въ нихъ теоретическія посылки и вы увидите, что не только одна и та же цѣль воодушевляетъ и западниковъ и искреннихъ славянофиловъ—счастье и благоденствіе Россіи, но что и пути достиженія этого счастія всего менѣе расходятся между собою. Подъ практическою частью записки съ величайшимъ удовольствіемъ подписались бы самые передовые изъ тогдашнихъ западниковъ; въ 1855 г., по крайней мѣрѣ, ихъ мечтанія не простирались дальше. «Благодѣтельная гласность» долго составляла единственное требованіе западническаго лагеря. А между тѣмъ Константинъ Аксаковъ пошелъ дальше этого требованія.

Записка раздѣляется на три части: вступленіе, изложеніе взгляда автора на сущность русскаго государственнаго уклада и тезисы.

Во вступленіи Константинъ Сергѣевичъ объясняетъ, почему именно теперь онъ нашелъ нужнымъ представить свою записку:

«Государь! ты вступилъ на престолъ. Эти первыя минуты драгоцѣнны и важны не только для тебя, но и для твоихъ подданныхъ. Облекшись мгновенно въ санъ царскій, ты еще не привыкъ быть Царемъ. Внутренній слухъ твой имѣетъ всю свою свѣжесть и тонкость, внутреннее зрѣніе всю остроту и дальновидность; скажу болѣе: и слухъ твой, и зрѣніе напряжены въ эти первыя минуты царствованія сильнѣе, чѣмъ когда нибудь. Надѣемся, что ты постоянно будешь напрягать всѣ силы души для узнанія истины, ко благу своего народа; но всякое мгновеніе имѣетъ свой смыслъ и свою честь, собственно ему подобающіе: таковы и эти первыя минуты власти царской, свѣжесть и чуткость которыхъ не можетъ повториться. Благое употребленіе этихъ минутъ, конечно, будетъ имѣть для тебя, и слѣдовательно для твоихъ подданныхъ, важное значеніе».

Вслѣдъ за вступленіемъ идетъ изложеніе достаточно извѣстныхъ намъ взглядовъ Константина Сергѣевича на русскую государственную жизнь, на раздѣльность «земли» и государства и т. д. Первоначально теоретизированіемъ записка и ограничивалась. Но, чувствуя всю абстрактность и практическую непригодность подобнаго пріема,

самъ сознавая, что въ его запискѣ «недостаетъ сосредоточеннаго вывода, извлеченнаго изъ общихъ указаній и необходимаго для надлежащей ясности и для ощутительнаго показанія дѣйствительнаго, жизненнаго и въ этомъ смыслѣ практическаго ихъ значенія», Константинъ Сергѣевичъ представилъ дополненіе къ запискѣ, которое заканчивалось слѣдующими тезисами:

I. Русскій народъ, не имѣющій въ себѣ политическаго элемента, отдѣлилъ государство отъ себя, и государствовать не хочетъ.

II. Не желая государствовать, народъ предоставляетъ правительству неограниченную власть государственную.

III. Въ замѣнъ того, Русскій народъ предоставляетъ себѣ нравственную свободу, свободу жизни и духа.

IV. Государственная неограниченная власть, безъ вмѣшательства въ нее народа,—можетъ быть только неограниченная монархія.

V. На основаніи такихъ началъ зиждется русское гражданское устройство: правительству (необходимо монархическому)—неограниченная власть государственная, политическая; народу—полная свобода нравственная, свобода жизни и духа (мысли и слова). Единственно, что самостоятельно можетъ и долженъ предлагать безвластный народъ полновластному правительству, — это *мнѣніе* (слѣдовательно сила чисто нравственная), мнѣніе, которое правительство вольно принять и не принять.—

VI. Эти истинныя начала могутъ быть нарушены и съ той, и съ другой стороны.

VII. При нарушеніи ихъ со стороны народа, при ограниченіи власти правительства, слѣдовательно при вмѣшательствѣ народа въ правительство, народъ прибѣгаетъ къ внѣшней принудительной силѣ, измѣняетъ своему пути внутренней духовной свободы и силы—и непремѣнно портится нравственно.

VIII. При нарушеніи этихъ началъ со стороны правительства, при стѣсненіи правительствомъ въ народѣ свободы нравственной, свободы жизни и духа,—неограниченная монархія обращается въ деспотизмъ, въ правительство безнравственное, гнетущее всѣ нравственныя силы и развращающее душу народа.—

IX. Начала русскаго гражданскаго устройства не были нарушены въ Россіи со стороны народа (ибо это его коренныя народныя начала), но были нарушены со стороны правительства. То есть: правительство вмѣшалось въ нравственную свободу народа, стѣснило свободу жизни и духа (мысли, слова), и перешло такимъ образомъ въ душевредный деспотизмъ, гнетущій духовный міръ и человѣческое достоинство народа, и наконецъ обозначившійся упадкомъ нравственныхъ силъ въ Россіи и общественнымъ развращеніемъ. Впереди же этотъ деспотизмъ угрожаетъ или совершеннымъ разслабленіемъ и паденіемъ Россіи, на радость враговъ ея, или же искаженіемъ русскихъ началъ въ самомъ народѣ, который, не находя свободы нравственной, захочетъ наконецъ свободы политической, прибѣгнетъ къ революціи и оставитъ свой истинный путь.— И тотъ и другой исходъ ужасны, ибо тотъ и другой гибельны: одинъ въ матерьяльномъ и нравственномъ, другой въ одномъ нравственномъ отношеніи.

X. И такъ, нарушеніе, со стороны правительства, русскаго гражданскаго устройства, похищеніе у народа нравственной его свободы; однимъ словомъ: отступленіе правительства отъ истинныхъ русскихъ началъ—вотъ источникъ всякаго зла въ Россіи.

XI. Поправленіе дѣла, очевидно, зависитъ отъ правительства.

XII. Правительство наложило нравственный и жизненный гнетъ на Россію; оно должно снять этотъ гнетъ. Правительство отступило отъ истинныхъ началъ русскаго гражданскаго устройства, оно должно воротиться къ этимъ началамъ, а именно:

Правительству—неограниченная власть государственная, народу—полная свобода нравственная—свобода жизни и духа. Правительству—право дѣйствія и слѣдовательно закона; народу—право мнѣнія и слѣдовательно слова. —

Вотъ единственный, существенно жизненный совѣтъ для Россіи въ настоящее время.

XIII. Но какъ-же его привести въ исполненіе? Отвѣтъ на это находится въ самомъ указаніи общихъ началъ. Духъ живетъ и выражается въ словѣ. Свобода духовная или нравственная народа есть свобода слова.

XIV. И такъ, свобода слова: вотъ что нужно Россіи, вотъ прямое приложеніе общаго начала къ дѣлу, до того съ нимъ нераздѣльное, что свобода слова есть начало (принципъ) и явленіе (фактъ).

XV. Но и не удовлетворяясь тѣмъ, что свобода слова, а поэтому и общественное мнѣніе, существуетъ, правительство чувствуетъ иногда нужду само вызывать общественное мнѣніе. Какимъ образомъ можетъ правительство вызвать это мнѣніе?

Древняя Русь указываетъ намъ и на дѣло самое, и на способъ. Цари наши вызывали, въ важныхъ случаяхъ, общественное мнѣніе всей Россіи, и созывали для того *Земскіе соборы*, на которыхъ были выборные отъ всѣхъ сословій и со всѣхъ концовъ Россіи. Такой земскій соборъ имѣетъ значеніе *только мнѣнія*, котораго Государь можетъ принять и не принять.

И такъ, изъ всего, сказаннаго въ моей «Запискѣ» и объясненнаго въ этомъ «Дополненіи», вытекаетъ ясное, опредѣленное, прилагаемое къ дѣлу, и, въ этомъ смыслѣ, *практическое*, указаніе: что нужно для внутренняго состоянія Россіи, отъ котораго зависитъ и внѣшнее ея состояніе.

Именно:

Полная *свобода слова* устнаго, письменнаго и печатнаго—всегда и постоянно: и *Земскій соборъ* въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство захочетъ спросить мнѣнія страны.

Внутренній общій союзъ жизни, — сказалъ я въ своей «Запискѣ», — до того ослабѣлъ въ Россіи, сословія въ ней до того отдалились другъ отъ друга, вслѣдствіе полуторастолѣтней деспотической системы правительства, что Земскій соборъ, въ настоящую минуту, не могъ бы принести своей пользы. Я говорю: въ *настоящую минуту*, т. е. немедленно. Земскій соборъ непремѣнно полезенъ для государства и земли, и нужно пройдти нѣкоторому только времени, чтобы правительство могло воспользоваться мудрымъ указаніемъ древней Руси и созвать Земскій соборъ.

Открыто возвѣщаемое общественное мнѣніе — вотъ чѣмъ въ настоящую минуту можетъ быть замѣненъ для правительства Земскій соборъ; но для того необходима свобода слова, которая дастъ правительству возможность созвать вскорѣ съ полною пользою для себя и народа Земскій соборъ.

Закончимъ настоящую статью нѣсколькими словами о томъ значеніи, которое, по нашему мнѣнію, имѣетъ Константинъ Аксаковъ въ русской литературѣ послѣдняго полустолѣтія. Мы старались до сихъ

поръ очертить его роль въ славянофильствѣ — роль огромную, потому, что всякое ученіе вербуетъ себѣ послѣдователей только энтузіазмомъ, только тою глубокою вѣрою въ непреложность своихъ принциповъ, которою дышетъ каждая строчка Константина Сергѣевича. Но имѣетъ-ли его литературная дѣятельность какое нибудь значеніе внѣ тѣсной сферы славянофильства, поучительно-ли чтеніе его сочиненій для людей, которымъ думается, что полное осуществленіе идеаловъ Константина Сергѣевича отодвинетъ Россію куда-то очень далеко отъ общечеловѣческаго просвѣщенія?

Намъ кажется, что и для такихъ людей изученіе Константина Аксакова имѣетъ въ себѣ нѣчто высоко-привлекательное и поучительное. Не было-ли-бы, въ самомъ дѣлѣ, проявленіемъ крайней узости оцѣнивать писателей съ точки зрѣнія соотвѣтствія или несоотвѣтствія ихъ взглядовъ и убѣжденій съ нашими? Не значитъ-ли это упираться въ стѣну, которая закрываетъ намъ широкія перспективы истинно-научной критики, не одобряющей и не порицающей, а всего только анализирующей и констатирующей? Не смѣшно-ли вообще брать на себя задачу опредѣлять на сколько тѣ или другія убѣжденія «правильны?» Гдѣ мѣрило «правильности» и не разлетаются-ли всѣ такія оцѣнки какъ дымъ, какъ только вы подойдете къ нимъ съ противоположными симпатіями? Все «правильно» чтò честно надумано и искренно прочувствовано, все хорошо и поучительно, въ чемъ вы видите высокій полетъ и широкій размахъ.

Да, эти два критерія не призрачны и не разлетаются какъ дымъ, съ какой-бы точки зрѣнія вы къ нимъ не подошли. Полетъ и искренность—это факты, которые не перестаютъ быть таковыми для васъ, къ какому-бы вы направленію не принадлежали.

И вотъ, если съ такими критеріями подойти къ оцѣнкѣ литературной дѣятельности Константина Аксакова, — значеніе ея несомнѣнно будетъ крупное. Со стороны умственной нельзя не оцѣнить высоты полета и широты размаха мысли Константина Сергѣевича. Его идеи свидѣтельствуютъ объ умѣ большомъ, онѣ безусловно *значительны* и, какъ мы уже разъ сказали, открываютъ новые горизонты, можетъ быть и невѣрные, но безспорно обширные. Для людей, которыхъ увлекутъ взгляды Константина Аксакова, они являются новымъ откровеніемъ, для людей, которые не согласятся съ ними, они послужатъ могущественнымъ ферментомъ, способнымъ напречь всѣ силы ихъ ума и привести въ движеніе всѣ запасы ихъ знаній: легко-ли въ самомъ дѣлѣ побѣдить такого вооруженнаго съ головы до ногъ противника, какъ Константинъ Сергѣевичъ?

Но, конечно, всего крупнѣе становится значеніе Константина Акса-

кова, когда вы приступаете къ оцѣнкѣ чистоты его помысловъ и искренности его намѣреній. Въ этомъ отношеніи мы кромѣ Бѣлинскаго не знаемъ ни одного человѣка въ поколѣніи сороковыхъ годовъ, котораго можно было-бы поставить съ нимъ рядомъ. Знавшіе Константина Аксакова лично, утверждаютъ, что всякій разъ послѣ того, какъ имъ приходилось сталкиваться съ нимъ, они чувствовали себя чище и нравственнѣе. Тоже ощущеніе испытываетъ и каждый, изучающій Константина Аксакова по даннымъ его біографіи и литературной карьеры. Невольно умолкаетъ въ васъ тотъ желчный пессимизмъ, то горькое и обидное чувство, которое назрѣваетъ въ историкѣ литературы по мѣрѣ того, какъ онъ ближе присматривается къ разнымъ установившимся литературнымъ репутаціямъ. Если пессимизмъ есть неизбѣжный удѣлъ всякаго вообще, кто ближе знакомится съ людьми, то еще горьшее разочарованіе ждетъ насъ, если эти люди не кто нибудь такіе, а писатели, глашатаи добра по профессіи, пророки правды по основному назначенію своему. Сколько ложныхъ репутацій, сколько мишуры вмѣсто золота, сколько фразерства вмѣсто дѣйствительныхъ убѣжденій, сколько праздной болтовни и драпировки, вмѣсто дѣйствительнаго желанія слѣдовать проповѣдуемымъ принципамъ!

Но ни къ одной изъ этихъ категорій даже близко не подходитъ Константинъ Сергѣевичъ. Въ его лицѣ мы имѣемъ дѣло съ пророкомъ настоящимъ, до мозга костей воодушевленнымъ своими идеями, съ глашатаемъ правды, понимаемой имъ, конечно, по своему, но исповѣдуемой имъ съ такою горячею искренностью, съ такою святою чистотою, что онѣ будятъ хорошія чувства въ каждомъ, кто приходитъ съ ними въ соприкосновеніе. И вотъ почему литературная дѣятельность Константина Аксакова не замыкается, по нашему мнѣнію, тѣснымъ кругомъ славянофильской доктрины, а имѣетъ значеніе для всей русской литературы вообще. Главное назначеніе литературы—порождать честныя стремленія, а въ какихъ формахъ такія, разъ пробужденныя, стремленія впослѣдствіи проявятся—это, право, детали второстепеннаго значенія. Мы глубоко убѣждены, что истинно-честные и добрые люди, не прикрывающіе разными принципами какія-нибудь низменныя побужденія, никогда вреда не принесутъ, къ какой партіи они-бы ни принадлежали и къ какому «толку» они-бы себя не причисляли. Люди, искренно-желающіе добра своей родинѣ, всегда съумѣютъ столковаться и, стремясь къ нему даже съ разныхъ *теоретическихъ* точекъ зрѣнія, на *практикѣ* придутъ къ однимъ и тѣмъ-же вѣковѣчнымъ началамъ, которымъ живо и движется впередъ человѣчество. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, возьмемъ

редакціонныя коммиссіи по крестьянскому дѣлу, гдѣ честные славянофилы въ родѣ Юрія Самарина, расходясь въ частностяхъ, въ общемъ шли къ такой-же цѣли, какъ и люди «крайняго» и западническаго «Современика».

Аксаковъ, Иванъ Сергѣевичъ †) младшій сынъ Сергѣя Тимофѣе-

---

†) Уже при жизни Ив. Аксакова число біографическихъ указаній о немъ было весьма значительно. Правда, сколько-нибудь обстоятельной статьи объ немъ мы не знаемъ ни одной, но за то краткія біографическія данныя объ Ив. Сергѣевичѣ можно было найдти рѣшительно во *всѣхъ* справочныхъ изданіяхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Какъ на наиболѣе подробныя изъ этихъ не большихъ и потому едва-ли достойныхъ регистрированія указаній, отмѣтимъ 2 столбца, отведенные Аксакову *Мих. Ил. Михайловымъ* въ «Энц. Слов.» изд. рус. пис. и учеными въ 60-хъ гг., столько-же приблизительно столбцовъ, удѣленныхъ ему *Де-Губернатисомъ* въ его «Dizzionario dei scrittori contemporanei». Изъ русскихъ и славянскихъ иллюстрированныхъ изданій 70-хъ и 80-хъ г.г. рѣдкое не давало портрета Ив. Сергѣевича.

Но если такимъ образомъ *полный* библіографическій перечень *всѣхъ* біографическихъ указаній объ И. Аксаковѣ былъ-бы весьма значителенъ при жизни И. С., то уже послѣ смерти его онъ сталъ-бы просто необъятнымъ, потому что, можно прямо сказать, ни одно изъ многихъ тысячъ періодическихъ изданій, издающихся въ разныхъ частяхъ свѣта, не прошло молчаніемъ кончины всемірно-знаменитаго славянофила. Какъ и всегда подавляющее большинство этихъ некрологическихъ статей повторяютъ данныя справочныхъ изданій и очень мало любопытны. Но есть тутъ и много содержательнаго, которое мы и отмѣтимъ. Включаемъ въ нижеслѣдующій списокъ и нѣкоторыя статьи, вызванныя изданіемъ сочиненій И. С.

1) *К. П.*, въ «Гражданинѣ» № 14. 2) «Новое Время» № 3563 (А. Суворина?), 3581, 3584. 3) *Т. Флоринскій*, въ «Кіевлянинѣ» № 25 и 26. 4) *Н. А.*, въ «Рус. Курьерѣ» № 28. 5) *Ор. Ѳ. Миллеръ*, въ «Рус. Старинѣ» № 3. 6) *Н. Страховъ*, въ «Нов. Вр.» № 3599. 7) «Новор. Телеграфъ» № 3274. 8) *Анна Евреинова*, въ «Сѣв. Вѣстникѣ» № 2. 9) *Н. Кулаковскій*, въ «Рус. Филол. Вѣст.» № 3. 10) *А. Никольскій*, въ № 3 «Истор. Вѣст.». 11) «Совр. Изв.» № 31. Статья видимо принадлежитъ *Гилярову-Платонову*. 12) «Яросл. губ. вѣд.» № 11. 13) *С. Епифановъ*, въ № 33 «Совр. Изв.». 14) *А. Благонравовъ*, въ «Нов. Вр.». 15) *С. П.*, въ «Нов. Вр.» № 3576. 16) «Рус. Дѣло» № 1. 17) «Вѣст. Евр.» № 3. 18) *А. Пыпинъ*, тамъ-же № 8 и 1887 г. № 3. 19) *В. Модестовъ*, въ «Новостяхъ» за февраль. 20) *В. Буренинъ*, въ «Нов. Вр.» за мартъ. 21) *П. Х.*, въ «Нов. Вр.» за декабрь. 22) *Бестужевъ-Рюминъ*, въ «Изв. Слав. Общ.». 23) *А. Молчановъ*, въ «Ист. Вѣст.» № 8. 24) *Д. Языковъ*, въ «Ист. Вѣст.» № 4. 25) «Ист. Вѣст.» № 6, (переписка А. съ нѣкоторыми молодыми людьми о народничествѣ). 26) *М. Гребенщиковъ*, въ «Дѣлѣ» 1887 г. № 2.

Списокъ этотъ конечно очень не полонъ. Но смерть Аксакова и изданіе его сочиненій такія недавнія событія, что сколько нибудь удовлетворительная полнота въ перечнѣ отзывовъ на нихъ почти не мыслима. Закончимъ же мы нашъ списокъ указаніемъ на разосланный при № 33 «Руси» интересный «*Сборникъ статей, напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, по случаю кончины И. С. Аксакова*». Въ немъ помимо первыхъ 16 № нашего перечня помѣщено

вича, послѣдній по времени представитель московскаго кружка основателей славянофильскаго ученія, но первый между ними по всесвѣтной извѣстности и практическому вліянію. Всякая доктрина имѣетъ своихъ теоретиковъ и своихъ практиковъ. Теоретики въ тиши ночей и уединеніи кабинета вырабатываютъ принципы новаго ученія, обосновываютъ его историческими, философскими и всякими иными доказательствами и именно по тому, что весь энтузіазмъ ихъ уходитъ на теоретическое обоснованіе, на изысканіе путей, при помощи которыхъ можно было бы покорить *умъ* читателя, у нихъ мало остается душевнаго жара для покоренія *сердца* его и оттого-то большинство общества ихъ совершенно не знаетъ. Когда умирали Кирѣевскіе, Хомяковъ за ихъ гробомъ шло нѣсколько десятковъ человѣкъ, а сочиненія ихъ, даже въ наши дни, т. е. въ эпоху сравнительно огромнаго распространенія славянофильскихъ идей, читаются болѣе, чѣмъ мало. За гробомъ же Ивана Аксакова шло болѣе ста тысячъ человѣкъ, и статьями его зачитывалась вся грамотная Россія. А между тѣмъ онъ не далъ славянофильству ни одной новой идеи, не обогатилъ запаса его доказательствъ ни однимъ новымъ аргументомъ, не выдвинулъ ни одной новой, сколько-нибудь имѣющей значеніе теоретической детали. Но практикъ въ томъ смыслѣ, что, взявши новое ученіе совершенно готовымъ и не сомнѣваясь въ его непреложности, онъ тридцать лѣтъ подъ рядъ разсматривалъ вопросы практической жизни съ точки зрѣнія славянофильской доктрины, точно она была собраніемъ математическихъ аксіомъ, практикъ въ этомъ смыслѣ,

---

около сотни некрологовъ, газетныхъ замѣтокъ, стихотвореній, надгробныхъ рѣчей, воспоминаній, писемъ, отзывовъ славянскихъ и другихъ иностранныхъ газетъ и т. д.

При жизни Ив. Сергѣевича появились слѣдующіе отзывы о его литературной дѣятельности:

Объ «*Изслѣдованіи о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ*»: 1) *В. П. Безобразовъ* въ «Вѣст. Геогр. Общ.» 1857, Ч. 19, От. № 3, 2 стр. 227—242. 2) *И. Бабстъ* въ «Атенеѣ» 1858, № 37—38. 3) *В. И. Вешняковъ* въ «Вѣст. Рус. Геогр. Общ»., 1859, Т. 25, Отд. 4, стр. 13—16. 4) *М. П. Заблоцкій* въ «Жур. Мин. Гос. Имущ.», 1858, Ч. 67, отд. 3, стр. 114—125. 5) «Библ. для Чт.». 1858, Т. 152, отд. 6, стр. 15—31. 6) *М. В.* въ «Моск. Вѣд.». 1858 № 113. 7) «Экон. Указатель» 1858, вып. 34, № 86, стр. 776—777. 8) «Современникъ» 1858, Т. 71, отд. 2, стр. 174—186. 9) *С. Турбинъ* въ «Вѣст. Промышл.» 1858, № 3 и 1860, № 2. 10) «Землед. Газ.» 1858, № 94. 11) «Отеч. Зап.» 1859, № 2, отд. 3, стр. 57—81. 12) *Н. Х. Бунге* въ «28-мъ присуж. Демидов. нагр.», стр. 95—130. 13) *Д. М.* въ «Жур. Мин. Нар. Пр.» 1859, ч. 101, отд. 6, стр. 1—29 и 63—88. 14) «Жур. Мин. Внутр. Дѣлъ» 1859 № 1, стр. 7—9.

О «Біографіи Тютчева»: 1) «Голосъ» 1874, № 294. 2) *М.* въ «Гражданинѣ» 1874, № 49. Относительно отзывовъ о журнальной дѣятельности Ивана Сергѣевича см. приб. къ I т.

Иванъ Аксаковъ больше сдѣлалъ для торжества славянофильскихъ идей, болѣе чѣмъ всѣ теоретики — славянофилы вмѣстѣ взятые, хотя они превосходили его и широтою мысли и глубиною эрудиціи. Огромный публицистическій талантъ, необыкновенная сила и красота рѣчи дѣлали Ивана Аксакова въ полномъ смыслѣ этого слова пророкомъ славянофильства, о которомъ безъ всякаго риторическаго преувеличенія можно сказать, что онъ умѣлъ глаголомъ жечь сердца людей.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ род. 26 Сентября 1823 г. въ селѣ Надеждинѣ, Куроѣдовѣ тожъ, белебеевскаго уѣзда, уфимской губ. Какъ и въ біографіи Константина Сергѣевича подчеркнемъ, что по матери Иванъ Сергѣевичъ былъ внукъ плѣнной турчанки Игель-Сюмъ и повторимъ, что можетъ быть эта-то примѣсь восточной крови и сообщила ему ту страстность и энергію, которую едва-ли онъ могъ унаслѣдовать отъ мягкаго и добродушнаго Сергѣя Тимофѣевича.

По четвертому году И. С. вмѣстѣ со всею семьею переѣхалъ въ Москву. Школьные годы свои онъ, однако, провелъ въ Петербургѣ, гдѣ учился въ только-что основанномъ тогда Училищѣ Правовѣдѣнія. При невысокомъ уровнѣ преподавательскихъ силъ Училища, Аксаковъ особенно много познаній оттуда не могъ вынести и, если тѣмъ не менѣе изъ него впослѣдствіи выработался одинъ изъ наиболѣе образованныхъ русскихъ журналистовъ, то, главнымъ образомъ, благодаря высоко-интеллигентной атмосферѣ родительскаго дома, гдѣ около жившаго тамъ-же Константина Сергѣевича собирался весь кружекъ «первоучителей» славянофильства. Кое-чѣмъ въ своемъ умственномъ развитіи Аксаковъ обязанъ и путешествіямъ заграницею. Изъ этихъ своихъ блужданій Иванъ Сергѣевичъ съ особенною любовію вспоминалъ путешествіе по Германіи, которую онъ, тогда молодой восторженный поклонникъ нѣмецкой литературы, наизусть знавшій Шиллера и Гете, вмѣстѣ съ Боденштедтомъ исходилъ пѣшкомъ.

Въ 1842 году Аксаковъ, окончивши курсъ Училища поступилъ на службу въ существовавшій еще тогда московскій сенатъ. Не безъ душевнаго волненія сдѣлалъ молодой правовѣдъ этотъ столь обычный и естественный для всякаго дворянина тѣхъ временъ шагъ. Свидѣтельствомъ тяжелаго раздумья, которое брало его раньше, чѣмъ зачислиться въ чиновники, можетъ служить найденная послѣ его смерти полуюмористическая «мистерія въ 3-хъ періодахъ» подъ названіемъ «Жизнь чиновника», написанная имъ въ годъ поступленія на службу. Сколько-нибудь замѣтнаго литературнаго значенія она не имѣетъ никакого, но для характеристики того, какъ серьезно относился еле сошедшій со школьной скамьи юноша къ пред-

й ему дѣятельности, «мистерія» очень любопытна. Въ первомъ ;» ея дѣйствуетъ «чиновникъ будущій», онъ задается вопросомъ:

? иль не служить, да, вотъ вопросъ!
іьно онъ мою тревожитъ душу!
іечталъ для общей пользы жить?
еперь я свой обѣтъ нарушу?

Но службою достигну-ль цѣли я?
Но благородныя движенья,
Тревожная дѣятельность моя
Найдутъ-ли въ ней себѣ вознагражденье?

іонъ службы» нашептываетъ ему:

ьство высшее, дорожа тобой,
украситъ лентою, осѣнитъ звѣздой!

Не ища фортуны милости случайной,
Будешь ты дѣйствительный, будешь ты и тайный!

другой «таинственный голосъ» говоритъ ему иное:

наго въ тебѣ таится много.
ьей искрой свыше надѣленъ,
і пошлой битая дорога
удѣлъ: къ иному ты сужденъ!
іанних лѣтъ жила въ тебѣ тревога,
ііе твой волновало сонъ,
цѣль, цѣль высшихъ наслажденій,
зно предназначалъ твой геній!
ись! и для мертвящей жизни
вай младой души своей,
е внушило поздней укоризны
ничтожности твоей!

На поприщѣ служебномъ для отчизны
Не будешь ты полезнѣй и славнѣй.
Еще въ тебѣ такъ силы свѣжи, новы.
Ужель на нихъ надѣнешь ты оковы?
Вѣрь-же мнѣ! грядущее богато
Вознаградитъ тревожные года!
Ничтожныхъ выгодъ мелкая утрата
Раскаянья не вызоветъ слѣда!
Смѣлѣй-же въ путь, съ надеждою крылатой
На поприще и славы и труда!
И ты придешь, стремяся безвозвратно
И къ лучшимъ днямъ и къ цѣли благодатной.

етъ верхъ, однако, демонъ службы, хотя послѣ упорной борьбы. ромъ «періодѣ» этой борьбы уже нѣтъ. «Будущій» чиновникъ настоящимъ» и, когда «таинственный голосъ» укоризненно спраь его:

;ѣятельность духа
цѣль была твоя?
движенія, гдѣ-же благо

Сердца искренній призывъ
Благородныхъ душъ отвага
Прежнихъ лѣтъ твоихъ порывъ?

обращаетъ на это никакого вниманія и весь погружается въ) крестѣ, который за угодливость начальству и получаетъ.
третьемъ «періодѣ» нѣкогда «будущій» чиновникъ, а теперь «генералъ», достигшій всякихъ степеней извѣстныхъ, подводитъ іяніемъ вновь пробудившагося въ немъ «таинственнаго голоса» воей жизни и что-же въ результатѣ оказывается:

тье пошлое судьба мнѣ даровала,
дѣльныя мой изсушили умъ,
іиновника ничто не волновало:
лужба-вотъ предметъ моихъ привычныхъ думъ.

А памятны мнѣ прежніе тѣ годы,
Когда былъ молодъ я и на своемъ пути
Такъ смѣло выжидалъ житейскія невзгоды...
Но жизнь прожить—не поле перейти!

Душа тогда прекрасное любила
Порывы доблести мнѣ волновали грудь.
Но жизнь бумажная въ ней свѣжесть погубила
И охватилъ меня избранный мною путь.
И грустно думать мнѣ, что тщетно я трудился.
Что даромъ отдалъ жизнь на жертву службѣ я
Что труженикомъ здѣсь ничтожнымъ я явился,
Что не своей я шелъ дорогой бытія
Что отъ моей усердной, долгой жизни!
Отъ моего служебнаго труда,
Ни пользы никому, ни блага для отчизны,
Ни свѣтлой памяти, ни яснаго слѣда.

Мы нѣсколько остановились на этомъ малоизвѣстномъ юношескомъ произведеніи, потому что оно характеризуетъ необыкновенно высокій душевный строй молодого Аксакова. Въ тѣ времена, когда, не смотря на столѣтнюю давность грамоты о вольности дворянской, имѣлась спеціальная квалификація: «*неслужащій* дворянинъ» и когда особы этой породы составляли такую-же рѣдкость, какъ бѣлый слонъ или черный лебедь, всякій поступалъ на службу безъ малѣйшаго раздумья, одни для того, чтобы «числиться», другіе для того, чтобы достичь степеней извѣстныхъ. Объ «общемъ благѣ» не думали при поступленіи на службу не только люди средняго калибра, но даже люди высшихъ умственныхъ и нравственныхъ требованій. Одновременно съ Аксаковымъ поступалъ напр. на службу Тургеневъ, но никакихъ, однако, сомнѣній при этомъ не испытывалъ.

За то уже и чиновникъ изъ Аксакова вышелъ не совсѣмъ-то зауряный. Какъ только онъ убѣдился, что сенаторскія занятія его, по существу, ничто иное какъ бездушная канцелярщина И. С., пренебрегая выгодами столичной службы, началъ проситься въ провинцію. Его искренное стремленіе принести пользу родинѣ не могло удовлетвориться бумажною дѣятельностью въ столичной канцеляріи. Его тянуло къ живому, непосредственному дѣлу и, какъ у всѣхъ, впрочемъ, правовѣдовъ первыхъ выпусковъ, въ немъ глубоко сидѣло желаніе внести свѣтъ въ темное царство тогдашней юстиціи. И вотъ онъ уѣзжаетъ въ глушь, поступаетъ въ уголовную палату, сначала калужскую, а потомъ астраханскую. Какъ совершенно вѣрно сказалъ кто-то послѣ смерти Аксакова, отъѣздъ его въ провинцію изъ столицы, гдѣ при огромныхъ связяхъ Сергѣя Тимофѣевича и славянофильскаго кружка, онъ могъ-бы сдѣлать самую блестящую карръеру, былъ своего рода хожденіемъ въ народъ.

Отдавшись дѣламъ уголовнымъ, онъ мечталъ хоть въ малой степени парализовать ту «неправду черную», которой были полны суды стараго времени и отъ которой всего болѣе, конечно, страдалъ неимущій людъ. «Знавшіе Ивана Сергѣевича въ эту пору его дѣятельности», сообщаетъ одинъ изъ наиболѣе обстоятельныхъ некрологистовъ Аксакова, знаютъ, какъ томилась и мучилась молодая еще тогда душа его въ эту суровую эпоху и какъ поборолъ онъ въ себѣ

чувство личнаго отвращенія, чтобы несть эту тяжелую службу, зная, что несеніемъ этого креста ему удастся, все-таки, уменьшить хотя немного количество обильно расточаемыхъ плетей, пролагать хотя ничтожный просторъ правдѣ и справедливости. Извѣстная литературному міру Авдотья Петровна Елагина послала ему въ этотъ періодъ его отчужденія отъ Москвы мраморное распятіе, на которомъ ликъ облеченнаго терновымъ вѣнцомъ Спасителя представлялся ей особенно хорошо выражающимъ глубь нравственнаго страданія. Въ письмѣ, которымъ сопровождалась эта посылка, старая уже и тогда Авдотья Петровна писала, что, взирая на этотъ ликъ представителя высшаго страданія, она всегда вспоминала о тѣхъ внутреннихъ мукахъ, о той нравственной пыткѣ, которую приходится переживать И. С. на добровольномъ поприщѣ его служенія».

Да, невеселы были судейскія впечатлѣнія молодого правовѣда и глубокій оставили они слѣдъ въ его воззрѣніяхъ на задачи русскаго правосудія. Подъ этими впечатлѣніями сложилось «Утро въ уголовной палатѣ» и подъ ихъ-же вліяніемъ писалъ Иванъ Сергѣевичъ цѣлыхъ тридцать лѣтъ спустя горячія статьи въ защиту новаго, гласнаго и всенароднаго суда. Ужасъ передъ нашею дореформенною, келейною чиновничею юстиціей сидѣлъ въ немъ такъ глубоко, что не смотря на то, что въ послѣдніе годы своей жизни онъ во многомъ соприкасался со взглядами реакціонной партіи, попытки этой партіи подкопаться подъ реформенный судъ вызвали въ немъ пламенный отпоръ.

Не долго продолжалась судейская карьера Ив. Сергѣевича. Скоро онъ убѣдился, что и самыя лучшія личныя намѣренія членовъ судебнаго персонала безсильны что-нибудь сдѣлать противъ цѣлой системы. Опять началъ онъ искать такой дѣятельности, при которой могъ-бы принести практическую пользу родинѣ. И вотъ въ 1848 году онъ переходитъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, чиновникомъ особыхъ порученій. Извѣстенъ типъ чиновника особыхъ порученій — этого пріятнаго во всѣхъ отношеніяхъ молодого человѣка, гордо носящаго титулъ «души общества», перваго вальсера и полькера, организатора любительскихъ спектаклей и т. д. Иванъ Сергѣевичъ избралъ, однако, другую часть и одну за другою выпрашиваетъ себѣ разныя коммандировки въ провинцію командировки все очень серьезныя и требовавшія самыхъ усиленныхъ занятій. Такъ, тотчасъ по поступленіи на новую службу, онъ ѣздилъ по раскольничьимъ дѣламъ въ Бессарабію, а вслѣдъ затѣмъ выхлопоталъ себѣ командировку въ ярославскую губернію для ревизіи городскаго управленія, для введенія единовѣрія и изученія загадочной

секты «бѣгуновъ». Сохранились доказательства того, какъ серьезно относился молодой чиновникъ къ взятымъ на себя порученіямъ. «Никто изъ ревизовавшихъ ни прежде, ни послѣ Ив. Сергѣевича», пишетъ одинъ ярославскій старожилъ, «не представлялъ своихъ записокъ высшему начальству въ такомъ правдивомъ и изящномъ изложеніи всѣхъ замѣчаній и соображеній, въ какомъ получались отъ него эти записки и сообщались по порядку губернскому начальству, а черезъ него и городскимъ управленіямъ. Быстрота и неутомимость И. С. въ работахъ ревизіонныхъ были поразительны. «Онъ не знаетъ отдыха», говорилъ тогда чиновный міръ. А знаніе И. С — чемъ новыхъ законовъ, частныхъ положеній и всѣхъ изданныхъ въ разное время отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ циркуляровъ изумляло даже прославленныхъ въ то время дѣльцовъ-чиновниковъ, уже посѣдѣвшихъ надъ практическимъ изученіемъ законовъ и циркуляровъ и надъ примѣненіемъ ихъ къ дѣламъ».

Что касается раскольничьихъ порученій Ив. Сергѣевича, то свидѣтельствомъ его рвенія остался объемистый трудъ о бѣгунахъ, часть котораго была напечатана въ «Русск. Архивѣ» 70-хъ годовъ. Мы еще вернемся далѣе къ этому изслѣдованію, теперь-же отмѣтимъ, что если относительно многихъ положеній его и можно дѣлать возраженія, то, во всякомъ случаѣ, какъ докладъ чиновника онъ представляетъ собою рѣдкій образчикъ служебной добросовѣстности.

Казалось-бы, такому-то рачительному чиновнику и преуспѣвать на службѣ. Вышло, однако, не совсѣмъ такъ и административная дѣятельность Ив. Сергѣевича длилась столь-же мало, какъ и судебная карьера его. Открылись за нимъ разные изъяны. Такъ, ярославскій губернаторъ сообщилъ въ Петербургъ, что молодой чиновникъ читаетъ знакомымъ какую-то подозрительную рукопись. Потребовали объясненій у Ив. Сергѣевича. Онъ переслалъ рукопись, которая оказалась извѣстною поэмою его «Бродяга». Поэму прочли и не нашли въ ней ничего предосудительнаго. Но тѣмъ не менѣе молодому поэту были поставлены на видъ два обстоятельства. Во первыхъ, ему письменно предложили вопросъ: «почему онъ, Аксаковъ, безпаспортнаго человѣка выбралъ себѣ въ герои?», а затѣмъ, возвращая поэму, сдѣлали при этомъ конфиденціальное сообщеніе, что «занятіе стихотворствомъ неприлично человѣку, облеченному довѣріемъ правительства». Ив. Сергѣевичъ былъ, однако, другого мнѣнія и потому вышелъ вскорѣ (въ 1852 г.) въ отставку, дослужившись до чина надворнаго совѣтника.

Вернувшись въ частную жизнь, Ив. Сергѣевичъ рѣшилъ посвятить себя журнализму. Но и на этомъ пути его ждали большія испытанія,

которыя, по странному недоразумѣнію, не прекращались вплоть до самой смерти его. Не смотря на доходившую до фанатизма преданность основамъ русскаго государственнаго строя, ему пришлось перенести столько цензурныхъ невзгодъ, что, со стороны глядя и безъ знакомства съ характеромъ его литературной дѣятельности, его можно было принять за представителя самыхъ разрушительныхъ тенденцій.

Первая невзгода разразилась надъ Ив. Сергѣевичемъ съ первыхъже шаговъ его на журнальномъ поприщѣ. Изъ статьи о Конст. Сергѣевичѣ мы уже знаемъ исторію «Моск. Сборника» (стр. 212—213). Ив. Сергѣевичъ былъ редакторомъ этого сборника и потому на него было обращено особенное вниманіе. Ему не только было предписано, какъ и остальнымъ членамъ славянофильскаго кружка, представлять свои произведенія для цензурированія непосредственно въ Главное Управленіе по дѣламъ печати, но, кромѣ того, его лишили права когда-бы то ни было быть издателемъ или редакторомъ журнала. Затѣмъ, когда онъ хотѣлъ было поѣхать на военномъ кораблѣ вокругъ свѣта, этому воспротивились.

Остался онъ, такимъ образомъ, ни при чемъ. Но тутъ, къ счастью для его дѣятельной натуры, подвернулось порученіе Географическаго Общества описать торговлю на украинскихъ ярмаркахъ. Съ радостью ухватился Ив. Сергѣевичъ за это порученіе, которое такъ шло на встрѣчу его собственному желанію во всей подробности изучить русскую жизнь. Въ концѣ 1853 г. онъ уѣхалъ въ Малороссію и со свойственною ему энергіею началъ собирать нужныя свѣдѣнія. Работы было много. Приходилось самому добывать даже самые элементарныя данныя, потому что существовавшіе офиціальные статистическіе матеріалы и не внушали довѣрія, и были очень неполны. Цѣлыхъ полтора года употребилъ Ив. Сергѣевичъ на изученіе малороссійской торговли, что ему дало возможность изучить русскую торговлю вообще. Тутъ-то онъ впервые завелъ тѣ тѣсныя связи съ купечествомъ, которыя впослѣдствіи доставили ему доходное мѣсто предсѣдателя Московскаго Общества Взаимнаго Кредита.

Результатомъ командировки Ив. Сергѣевича явилось объемистое «Изслѣдованіе о торговлѣ на Украинскихъ ярмаркахъ», появившееся въ свѣтъ въ 1859 г. Оно было встрѣчено единодушными похвалами всей печати, а два ученыхъ собранія удостоили его почетныхъ наградъ: Географическое Общество, на свой счетъ издавшее «Изслѣдованіе», присудило Ив. Сергѣевичу большую Константиновскую медаль, а Академія Наукъ (писалъ рецензію Н. Х. Бунге) — половинную Демидовскую премію.

Относительно позднее появленіе въ свѣтъ изслѣдованія Ив. Сергѣевича объясняется тѣмъ, что, собравши весь матеріалъ къ началу 1855 г., онъ окончательно обрабатывалъ его въ концѣ 1856 и началѣ 1857 года. Большую-же часть 1855 г. и первую половину 1856 года недавній этнографъ провелъ, командуя однимъ изъ отрядовъ серпуховской ополченской дружины. Не молоденькимъ записался онъ въ ополченіе — ему шелъ тогда 33-й годъ—и неудивительно, что многіе находили подобное проявленіе патріотизма не совсѣмъ цѣлесообразнымъ. На это Хомяковъ, особенно горячо отнесшійся къ добровольчеству Ив. Сергѣевича, обыкновенно отвѣчалъ: «нѣтъ, должно, чтобы изъ насъ, людей слова и мысли, *дѣломъ* засвидѣтельствовали свое слово и мнѣніе». Возможность такого засвидѣтельствованія не преминула представиться въ самомъ непродолжительномъ времени. Правда, въ непосредственномъ «дѣлѣ» серпуховской дружинѣ не довелось участвовать и дальше Бессарабіи она не доходила. Но если назвать «дѣломъ» нравственное воздѣйствіе на окружающую среду, то Ив. Сергѣевичъ заявилъ себя за время своего ополченства «дѣлами» не маловажными. Совсѣмъ забывъ о двухъ знаменитыхъ принципахъ, которыми питается наша общественная апатія: «плетью обуха не перешибешь» и «моя хата съ краю», онъ бодро вступилъ въ бой съ «царюющимъ зломъ», какъ принято говорить въ лирическихъ стихотвореніяхъ, и, выхлопотавъ себѣ тягостную должность казначея дружины, удивилъ, по выраженію одного изъ своихъ некрологистовъ, «офиціальный міръ мужествомъ честности. Командующій (московскимъ) ополченіемъ даже не рѣшился подписать отчетъ, представленный изумительнымъ казначеемъ, ибо отчетъ этотъ былъ въ силу великой экономіи обвинительнымъ актомъ чуть не всѣхъ другихъ поголовно. Отчетъ такъ и остался неподписаннымъ, не смотря на всѣ настоянія Аксакова». «Ополченская служба Ив. Сергѣевича», сообщаетъ другой некрологистъ (Гиляровъ-Платоновъ), «сопровождалась полемикою литератора-ополченца съ командовавшимъ всею московскою дружиною графомъ Строгановымъ. Оригинальная полемика, философская и политическая, ведшаяся подъ видомъ офиціальныхъ приказовъ и офиціальныхъ рапортовъ, гдѣ Аксаковъ — ополченецъ былъ тотъ-же непреклонный боецъ за меньшую братью, какъ Аксаковъ - редакторъ «Дня», «Москвы» и «Руси». «Это Аксаковское вліяніе!» воскликнулъ Строгановъ, когда при роспускѣ ополченія, собравъ дружину, обратился къ рядамъ съ предложеніемъ не хочетъ-ли кто изъ ратниковъ перейти въ военную службу и когда въ отвѣтъ на его слова «кто хочетъ, ребята, пусть подыметъ руку» послышался каламбуръ: «Кто-же, ваше сіятельство, на себя руку подниметъ?».

Въ мартѣ 1856 г., когда было заключено перемиріе, Ив. Сергѣевичъ поспѣшилъ вернуться въ Москву. Мѣсяца чрезъ два, однако, онъ опять поѣхалъ къ театру военныхъ дѣйствій, въ Крымъ, куда, его пригласилъ кн. Васильчиковъ для участія въ извѣстной коммиссіи, снаряженной тогда для разслѣдованія интендантскихъ подвиговъ Затлера и К°. Поработавъ въ коммиссіи нѣсколько мѣсяцевъ, Ив. Сергѣевичъ въ декабрѣ 1856 г. окончательно вернулся въ Москву.

Мы знаемъ уже, что въ 1853 г. Аксаковъ былъ лишенъ права когда-бы то ни было издавать журналъ или газету. Запрещеніе это было настолько серьезно, цензура по прежнему настолько подозрительно относилась къ мистическому демократизму славянофильскаго кружка, что даже прогрессивныя вѣянія первыхъ лѣтъ новаго царствованія долго были безсильны сломить наложенный на Ив. Сергѣевича запретъ. Вотъ почему, взявши на себя въ 1858 г. редакцію славянофильской «Рус. Бесѣды», онъ не имѣлъ возможности поставить на оберткѣ свою фамилію и офиціально редакторомъ журнала считался издатель его—А. И. Кошелевъ. Въ 1859 г., однако, Ив. Сергѣевичу послѣ усиленныхъ стараній, удалось выхлопотать себѣ разрѣшеніе издавать еженедѣльную газету «Парусъ». Но эту газету постигла еще болѣе печальная участь, чѣмъ «Моск. Сборникъ». Тамъ редакціи удалось, все таки, выпустить въ свѣтъ объемистый томъ, «Парусъ»-же былъ прекращенъ на 2 №.

Изъ всѣхъ многочисленныхъ недоразумѣній, которыми такъ богата журнальная карьера Ив. Сергѣевича, исторія «Паруса», безспорно, должна быть названа недоразумѣніемъ самымъ страннымъ. Достаточно сказать, что къ числу четырехъ, крайне-неблагонамѣренныхъ и «дерзкихъ» статей, за которыя газета была запрещена, была отнесена и статья Погодина по внѣшней политикѣ Того самаго Погодина, который всю свою жизнь былъ представителемъ самаго казеннаго патріотизма и который послѣ запрещенія «Паруса» послалъ Министру Нар. Просвѣщенія патетическое письмо, гдѣ, между прочимъ, говорилъ:

«Главное Управленіе называетъ меня неблагонамѣреннымъ. Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, въ благонамѣренности я не уступлю никому на свѣтѣ. Приближаясь къ концу своего поприща, на 60 почти году, я не позволю никому относиться легко къ моей гражданской чести, которую я берегу какъ зеницу ока. Я требую суда, я прошу ваше высокопревосходительство сообщить это письмо Главному Управленію цензуры, дабы оно, разсмотрѣвъ и уваживъ предложенныя мною

доказательства, отмѣнило свое первое рѣшеніе, позволило мнѣ перепечатать статью въ настоящемъ ея видѣ, и исходатайствовало у Государя Императора законное для меня удовлетвореніе въ нанесенномъ мнѣ по недоразумѣнію оскорбленіи».

И дѣйствительно, вся статья Погодина только и состоитъ, что изъ самой патріотической скорби о томъ, что Англія и Франція въ ущербъ Россіи имѣютъ слишкомъ большое вліяніе на Востокѣ.

Что касается другихъ инкриминированныхъ статей, то статья напр. «Мѣщанина о мѣщанахъ» трактуетъ о такихъ несовершенствахъ мѣщанской сословной жизни, которыя не имѣютъ даже самаго отдаленнаго отношенія до какой-бы то ни было «внутренней политики», а если во вступительной статьѣ № 1, есть намеки на цензуру, то такого невиннаго свойства, что цензоръ 1859 г. т. е. эпохи разгара «весеннихъ вѣяній» немогъ къ нимъ придраться. Вотъ для иллюстраціи маленькая выдержка изъ этой статьи, почти сплошь написанной въ такомъ-же шутливомъ тонѣ:

«При всемъ нашемъ желаніи совершить спокойное плаваніе, при всемъ стараніи изучить свойства мѣстности и погоды, мы не разъ испытывали нѣчто въ родѣ кораблекрушенія, и потому, не довѣряя своему искусству и сознавая несостоятельность въ настоящемъ случаѣ всякихъ логическихъ выводовъ и соображеній, мы обращаемся просто съ заклинаніемъ къ всѣмъ подводнымъ владыкамъ, духамъ и демонамъ, древнимъ и новымъ, чужимъ и доморощеннымъ, отъ Нептуна съ его трезубцомъ до русскаго синяго водянаго, съ тритонами, нереидами, русалками и со всѣмъ ихъ причтомъ: да даруютъ они намъ плаваніе ровное и безмятежное, да покоятся смирно въ своихъ кристальныхъ чертогахъ, не всплывая на верхъ, не пугая пловцовъ, не воздвигая подводныхъ преградъ, а съ ними вмѣстѣ стремнинъ и водоворотовъ, всегда и вездѣ опасныхъ».

Лучшимъ доказательствомъ невинности этихъ шутливыхъ намековъ можетъ служить отношеніе къ ней мѣстной власти. Петербургское же отношеніе объясняется только неясными представленіями о сущности славянофильства. Достаточно сказать, что даже самая невинная деталь славянофильскихъ воззрѣній—идея всеславянскаго единенія была настолько заподозрѣна въ Петербургѣ, что дала мѣсто слѣдующему эпизоду, служащему эпилогомъ исторіи «Паруса». Когда невзгода, разразившаяся надъ Аксаковскимъ органомъ, возбудила всеобщее недоумѣніе, въ соотвѣтственныхъ сферахъ начали дѣлать шаги для ослабленія этого впечатлѣнія и, между прочимъ, намекнули одному изъ близкихъ къ Аксаковскому кружку людей—Чижову, что если онъ захочетъ,

ему будетъ дозволено издавать еженедѣльную-же газету и съ такимъ-же направленіемъ какъ «Парусъ». Чижовъ, съ согласія Аксакова, съ радостью ухватился за это предложеніе и началъ ходатайствовать о разрѣшеніи издавать *Пароходъ*». Разрѣшеніе не замедлило послѣдовать, но вмѣстѣ съ тѣмъ новому редактору было предложено, «*чтобы идея о правѣ самобытности развитія народностей, какъ славянскихъ, такъ иноплеменныхъ, не имѣла мѣста въ газетѣ и все, что относится до сего предмета, было-бы изъ нея исключено*».

На такихъ условіяхъ Ив. Сергѣевичъ не пожелалъ возобновлять «Паруса» и вернулся обратно къ редактированію «Рус. Бесѣды». Не долго, однако, пришлось ему и тутъ редакторствовать. На этотъ разъ причиною явились чисто-семейныя обстоятельства. 30 Апрѣля 1859 г. послѣдовала смерть Сергѣя Тимофеевича и мы знаемъ уже какъ она потрясающе подѣйствовала на Конст. Сергѣевича. Могучій богатырь свалился, какъ подкошенный снопъ и незнавшій въ теченіи 40 лѣтъ своей жизни, что такое простуда «печенѣгъ», какъ его прозвали доктора за желѣзное здоровье, въ два мѣсяца отъ тоски получилъ чахотку. Доктора усылали его въ теплые края. Но можно-ли было отпустить одного этого взрослаго ребенка? Ив. Сергѣевичъ поѣхалъ съ нимъ и не оставлялъ его до самой смерти Конст. Сергѣевича на островѣ Зантѣ (декабрь 1860 г.).

Пребываніемъ заграницею Ив. Сергѣевичъ воспользовался для ознакомленія съ западнымъ и южнымъ славянствомъ. Онъ посѣтилъ главнѣйшіе центры европейскаго славянства и завязалъ личныя знакомства со многими изъ наиболѣе видныхъ представителей его. Какъ представителя только-что основаннаго тогда въ Москвѣ славянскаго благотворительнаго комитета его всюду встрѣчали очень тепло, въ особенности въ Бѣлградѣ.

Въ срединѣ 1861 года Ив. Сергѣевичъ возвращается домой и начинаетъ хлопотать о еженедѣльной газетѣ «День». Разрѣшеніе было ему дано, но съ тѣмъ, однако, чтобы въ газетѣ не было политическаго отдѣла. Кромѣ того цензурѣ было предписано имѣть за новымъ изданіемъ особенно бдительное наблюденіе.

«День», начавшій выходить съ конца 1861 года, быстро занялъ выдающееся мѣсто въ ряду органовъ русской печати и первые годы имѣлъ до 4,000 подписчиковъ—по тому времени цыфра для еженедѣльнаго изданія огромная. Много причинъ содѣйствовали этому успѣху, совершенно неожиданному для славянофильскаго органа: извѣстно, что прежніе славянофильскіе органы всѣ умирали въ такъ называемой «борьбѣ съ равнодушіемъ публики».

Одна изъ главныхъ причинъ, конечно, лежала въ первостепенномъ публицистическомъ талантѣ издателя—редактора. Читающая Россія знала до того Ив. Сергѣевича, какъ недюжиннаго поэта и добросовѣстнаго этнографа. «День» неожиданно показалъ въ немъ высоко-даровитаго журналиста, къ голосу котораго нельзя было не прислушиваться. Глубокая искренность, къ связи съ страстною горячностью и благородныхъ энтузіазмомъ, заставляли читать его написанныя удивительно-блестящимъ и вдохновеннымъ слогомъ статьи даже людей совсѣмъ иного склада мыслей.

Однакоже, одною талантливостью успѣхъ «Дня» не можетъ быть объясненъ. Талантливость Ив. Сергѣевича не уменьшилась, когда онъ издавалъ «Москву», «Москвича» и «Русь». А между тѣмъ эти газеты не имѣли и половины того успѣха, какой выпалъ на долю «Дня». Да и самый «День» въ послѣдніе годы своего существованія не имѣлъ того количества подписчиковъ, которое имѣлъ въ первые. Значитъ, еще одна причина была.

Она заключалась въ томъ, что въ «Днѣ» свободолюбивыя стороны славянофильства преобладали надъ всѣми другими особенностями этого ученія.

Существенно расходясь по многимъ пунктамъ съ идеями, преобладающими въ русской интелигенціи, славянофильство въ нѣкоторыхъ вещахъ, однакоже, тѣсно съ ними соприкасается. Тамъ, гдѣ у славянофиловъ дѣло идетъ о защитѣ народа и угнетенныхъ народностей, тамъ гдѣ они выступаютъ бойцами за попранныя права, тамъ, наконецъ, гдѣ они отстаиваютъ свободу слова и совѣсти, тамъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи о разногласіяхъ между славянофильствомъ и прогрессивною частью русскаго общества. И вотъ въ «Днѣ» именно эти-то стороны славянофильства не то, чтобы исключительно господствовали, но проявлялись довольно ярко. Аксаковъ—издатель «Руси» былъ по преимуществу глашатай русской «самобытности» и связанной съ нимъ національной исключительности, глашатай ожесточенной вражды ко всему тому, что дорого прогрессивной части нашей интеллигенціи. Аксаковъ-же—издатель «Дня», поддавшись общему теченію эпохи, рѣже направлялъ свой талантъ на безплодную и чисто-отрицательнаго значенія пикировку съ «оторванными отъ почвы» прогрессистами, а предпочиталъ посвящать его положительнымъ задачамъ времени—восторженному коментированію реформъ, быстро тогда слѣдовавшихъ одна за другой. Наиболѣе горячія симпатіи «Дня» принадлежали крестьянскому дѣлу. Ни одинъ изъ органовъ тогдашней печати не посвящалъ столько мѣста выясненію разныхъ деталей, которыя возникли при практическомъ вы-

полненія крестьянской реформы. «День» славился своими обстоятельными корреспонденціями по крестьянскому дѣлу, въ которыхъ всегда отстаивались интересы мужика. По горячности тона и искренности демократизма эти корреспонденціи могли быть напечатаны въ любомъ изъ прогрессивныхъ органовъ.

По другимъ вопросамъ времени «День» въ первые годы своего существованія тоже держался мнѣній, сближавшихъ его съ такими элементами, которые для Ив. Сергѣевича впослѣдствіи, какъ для издателя «Руси» напр., были предметомъ очень оживленной борьбы. Такъ, даже по польскому вопросу, «День», какъ мы подробнѣе объ этомъ скажемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, въ 1861, 62 и началѣ 1863 г. держался такого примиряющаго направленія, что одно время многіе поляки именно въ «День» посылали статьи, имѣвшія цѣлью выяснить разныя стороны русско-польскихъ отношеній.

Но тотъ-же польскій вопросъ, въ дальнѣйшемъ своемъ ходѣ, кореннымъ образомъ измѣнилъ общій характеръ «Дня». Наступившая, благодаря польскому возстанію, реакція захватила и Ив. Сергѣевича; свободолюбивыя стороны его міровозрѣнія какъ-то отошли на второй планъ, а на первый выступили тенденціи, сдѣлавшія «День» подголоскомъ «Моск. Вѣдомостей».

Изданіе «Дня» продолжалось до конца 1865 года, когда Ив. Сергѣевичъ прекратилъ его въ силу обстоятельствъ чисто-личнаго свойства. Въ цензурномъ отношеніи газета, сравнительно съ другими журнальными предпріятіями Аксакова, претерпѣвала мало невзгодъ. Отдѣльныя статьи, правда, запрещались цензорами «Дня» очень часто, но крупная непріятность вышла всего одинъ разъ. Это было въ іюнѣ 1862 г., когда отъ Ив. Сергѣевича потребовали, чтобы онъ выдалъ имя автора одной корреспонденціи, рѣзко порицавшей административные порядки въ Остзейскомъ краѣ. Ив. Сергѣевичъ бралъ отвѣтственность на себя, но этимъ не удовлетворились и онъ долженъ былъ сложить съ себя званіе редактора. На газетѣ сталъ подписываться Юрій Самаринъ, хотя фактически редакторомъ, по прежнему, оставался Ив. Сергѣевичъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, однако, запрещеніе было снято.

Совсѣмъ иначе сложилась исторія ежедневной газеты «Москва», которую Ив. Сергѣевичъ, соскучившись бездѣйствіемъ, началъ издавать уже чрезъ годъ послѣ прекращенія «Дня». «Москва» выходила съ 1 января 1867 года по 21 октября 1868 г. значитъ меньше 22 мѣсяцевъ и за этотъ короткій промежутокъ времени газета получила *девять* предостереженій и слѣдовательно *три* раза была пріостановлена, первый разъ на три, второй—на четыре, третій—на шесть мѣсяцевъ.

Итого, значитъ, изъ 22 мѣсяцевъ своего существованія, газета 18 мѣсяцевъ находилась въ пріостановкѣ, хотя во время пріостановокъ «Москву» замѣнялъ «Москвичъ», выходившій, правда, подъ номинальною редакціей другого лица, но фактически редактировавшійся Ив. Сергѣевичемъ и даже внѣшнимъ видомъ представлявшій собою полное воспроизведеніе «Москвы».

Мы уже сказали, что человѣкъ, незнакомый съ характеромъ литературной дѣятельности Ив. Аксакова, можетъ на основаніи его цензурныхъ невзгодъ принять его за представителя самыхъ разрушительныхъ тенденцій. Такое заключеніе должно въ особенности относиться къ «Москвѣ», которая, по обилію постигшихъ ее за такой короткій промежутокъ административныхъ взысканій, занимаетъ совершенно безпримѣрное мѣсто въ исторіи русской журналистики.

Въ дѣйствительности, однакоже, цензурныя кары «Москвы» были обусловлены не неблагонамѣренностью ея, а исключительно тѣмъ, что она была plus royaliste, que le roi. Время изданія «Москвы» совпало съ генералъ-губернаторствомъ (въ Вильнѣ) Потапова, явившагося на смѣну Муравьеву съ тенденціями примирительнаго характера. Съ нимъ-то «Москва» и повела ожесточенную борьбу. Выставивши на своемъ знамени «охрану русскихъ интересовъ» и «защиту православія», Аксаковская газета съ необыкновенною рѣзкостью нападала на «антирусскую» политику администраціи юго-западнаго края, на ея «угодливость» и «расшаркиваніе» предъ поляками и т. д. Съ такою-же рѣзкостью газета нападала на администрацію прибалтійскихъ губерній, гдѣ нѣмцы, въ то время имѣвшіе огромныя связи въ высшихъ столичныхъ сферахъ, дѣлали все возможное для германизаціи края.

Впрочемъ, не только за такого рода выходки «Москву» постигали взысканія. Она отличалась вообще рѣзкимъ отношеніемъ къ бюрократіи, которую обвиняла въ исключительно-формальномъ исполненіи своихъ обязанностей, въ желаніи скрыть разныя невеселыя стороны дѣйствительности, противорѣчащія излюбленной формулѣ: «все обстоитъ благополучно», наконецъ въ неискренности, выражавшейся въ тѣ годы, по мнѣнію газеты, въ томъ, что бюрократія, одною рукою насаждая земскія учрежденія, другою дѣлала все для того, чтобы тормозить ихъ.

Послѣдняя пріостановка «Москвы» была вызвана нападками ея на министерство внутр. дѣлъ за то, что оно скрывало голодъ, свирѣпствовавшій въ 1868 г. въ губерніяхъ крайняго сѣвера. Пріостанавливая газету на 6 мѣсяцевъ, тогдашній министръ внутр. дѣлъ Тимашевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, вошелъ, согласно теперь уже отмѣненной статьѣ зако-

новъ о печати, въ 1 департаментъ сената съ представленіемъ о необходимости окончательно прекратить газету, какъ изданіе «вредное».

Узнавъ объ этомъ представленіи и его главномъ мотивѣ, Ив. Сергѣевичъ подалъ прошеніе о дозволеніи ему представить возраженія. Разрѣшеніе послѣдовало и бывшій редакторъ представилъ краснорѣчивый докладъ, въ которомъ доказывалъ, что при его безграничной преданности основамъ русскаго государственнаго строя, при его пламенной приверженности идеѣ Царской власти и ея союза съ православіемъ, «Москва» могла впадать въ отдѣльныя ошибки, могла не нравиться отдѣльнымъ представителямъ администраціи, но что въ общемъ ея строго-патріотическое направленіе ни въ какомъ случаѣ не заслуживаетъ обидной клички «вреднаго».

Все это, однакоже, ни къ чему не привело. Такимъ образомъ Ив. Сергѣевичъ опять былъ выбитъ изъ журнальной колеи и волей неволею долженъ былъ пріостановить свою литературную дѣятельность, потому что въ сотрудники чужой газеты онъ не годился, опять завести свою собственную газету ему не дозволяли, а источникъ поэтическаго вдохновенія, столь обильный въ авторѣ «Бродяги» въ годы, предшествовавшіе его публицистической карьерѣ, окончательно въ немъ изсякъ еще въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ.

Посвятилъ себя теперь Ив. Сергѣевичъ практической дѣятельности. Частью для того, чтобы хоть какими-нибудь путями отстаивать дорогія ему убѣжденія, частью-же для удовлетворенія своихъ матеріальныхъ потребностей, которыя сдѣлались въ особенности настоятельными съ тѣхъ поръ какъ онъ женился въ концѣ 60-хъ годовъ на дочери извѣстнаго поэта Тютчева, фрейлинѣ Аннѣ Федоровнѣ. Для первой изъ этихъ цѣлей Ив. Сергѣевичъ ретивѣе прежняго начинаетъ заниматься дѣлами московскаго славянскаго комитета, для второй-поступаетъ на службу во 2-ое Московское Общество Взаимнаго Кредита на видное и многими тысячами оплачиваемое мѣсто предсѣдателя совѣта.

По поводу банковской службы Ив. Сергѣевича одинъ изъ наиболѣе рьяныхъ поклонниковъ только-что умершаго тогда публициста—А. Молчановъ, въ одномъ изъ наиболѣе прославлявшихъ Аксакова журналовъ «Историческомъ Вѣстникѣ», писалъ:

«Сколько разъ слово «банкъ» бросалось въ лицо И. С. какъ обида, оскорбленіе и упрекъ. Быть на иждивеніи у купцовъ, да еще банкировъ—какой позоръ для публициста!—говорили не только недруги, но и друзья И. С.; но что-же долженъ дѣлать публицистъ и поэтъ, для котораго закрыты всѣ двери, именно потому, что онъ проповѣдникъ принциповъ, которыми не можетъ поступиться? Онъ много разъ пробовалъ издавать газету и журналъ. Публика давала плохой доходъ, потому что публика наша малограмотная, а жизнь наша

еще не выработала въ обществѣ достаточной потребности къ духовной пищѣ. Власть съ своей стороны запрещала изданіе. Идти на службу государственную, увы, и тутъ были эти непреодолимыя препятствія. Первое—чинъ титулярнаго (надворнаго) совѣтника, съ которымъ можно лишь прислуживаться, но не служить. Я живо помню, что въ короткіе дни министерства гр. Игнатьева былъ вопросъ о предложеніи И. С. мѣста государственнаго значенія, разбившійся именно объ это первое препятствіе: «нельзя и предлагать Аксакова, онъ титулярный (надворный) совѣтникъ».

Въ дальнѣйшемъ изложеніи своихъ воспоминаній объ Аксаковѣ г. Молчановъ сообщаетъ: «обязанности Ив. Сергѣевича въ банкѣ, очевидно, были только формальнаго свойства». Такія-же оговорки мы встрѣчаемъ во всѣхъ дружественныхъ Ив. Сергѣевичу некрологахъ. Его поклонники этимъ хотятъ умалить значеніе непріятнаго имъ факта банковской службы Ив. Сергѣевича. Но не замѣчаютъ они, что всѣ такого рода оговорки не только не скрашиваютъ, а напротивъ того бросаютъ тѣнь на нравственный характеръ покойнаго публициста. Если его обязанности были исключительно «формальнаго» свойства, если, какъ сообщалось во многихъ некрологахъ, онѣ ограничивались «подписываніемъ» бумагъ, то значитъ Ив. Сергѣевичъ занималъ синекуру. Хорошее выходитъ оправданіе!

Въ дѣйствительности оно, кажется, было не совсѣмъ такъ. По крайней мѣрѣ, на собраніи выборныхъ московскаго купечества 18 февраля 1886 года говорилось слѣдующее:

«Съ 1874 г. предсѣдателемъ правленія Московскаго Купеческаго Общества Взаимнаго Кредита состоялъ покойный И. С. Аксаковъ. Въ періодъ этого времени обороты сказаннаго общества все болѣе и болѣе расширялись, довѣріе къ нему крѣпло, и въ настоящее время оно занимаетъ видное мѣсто въ ряду другихъ находящихся въ Москвѣ частныхъ кредитныхъ учрежденій. *Такимъ упроченнымъ своимъ положеніемъ Общество Взаимнаго Кредита обязано главнымъ образомъ дѣятельности покойнаго Ивана Сергѣевича Аксакова и высокому общественному къ нему довѣрію*».

Дѣятельность Ив. Сергѣевича въ Славянскомъ Комитетѣ началась еще при самомъ основаніи его въ 1858 г. Онъ былъ первымъ секретаремъ этого вначалѣ чисто-благотворительнаго учрежденія. Съ ростомъ такъ называемой «славянской идеи», росло значеніе московскаго Славянскаго Комитета, и вмѣстѣ съ тѣмъ росло участіе въ дѣлахъ его Ив. Сергѣевича. Мало по малу онъ становится центромъ всего дѣла, такъ что общественное мнѣніе, какъ въ Россіи, такъ и заграницею начинаетъ смѣшивать комитетъ и личность Аксакова въ одно понятіе.

Пожалуй оно такъ и было. Помимо того, что послѣ смерти Конст. Сергѣевича, Хомякова и Кирѣевскихъ, Ив. Сергѣевичъ остался почти единственнымъ представителемъ стараго, правовѣрнаго славянофильства, онъ не могъ не занять первенствующаго положенія въ комитетѣ уже и потому, что въ высокой степени обладалъ даромъ краснорѣчія. Это былъ первоклассный ораторъ во всѣхъ отношеніяхъ, въ которомъ высота помысловъ и блескъ изложенія соединялись въ одно стройное и прекрасное цѣлое. Нельзя безъ глубокаго удивленія читать рѣчи Аксакова. Въ стилистическомъ отношеніи онѣ сдѣлали-бы честь самому лучшему писателю. Лучшему-же писателю не стыдно просидѣть нѣсколько дней надъ такою отдѣлкою, какая встрѣчается въ рѣчахъ Ив. Сергѣевича. А между тѣмъ многія изъ рѣчей Аксакова говорились почти экспромтомъ и безъ малѣйшаго намека на какой-бы то ни было конспектъ. И если прибавить, что у Аксакова были всѣ внѣшнія данныя хорошаго оратора: могучій голосъ, богатырская фигура, величественные жесты и унаслѣдованныя отъ отца замѣчательныя декламаторскія способности, то намъ не трудно будетъ понять, почему онъ всегда производилъ потрясающее впечатлѣніе на своихъ слушателей.

Кульминаціоннымъ пунктомъ ораторской дѣятельности Ив. Сергѣевича были годы 1875—1878. Нечего много распространяться о томъ, что это были за годы для славянской идеи. Герцеговинское возстаніе, Сербская война съ ея добровольческимъ движеніемъ, наконецъ наша собственная война изъ за освобожденія Болгаръ, все это довело идею славянскаго единенія до такого напряженія, котораго она никогда уже болѣе не достигала ни до того, ни послѣ. Смолкло прежнее враждебное отношеніе ко всему. исходящему изъ славянофильскихъ кружковъ и, можно сказать, всѣ слои русскаго общества слились въ одномъ общемъ чувствѣ искренней братской пріязни къ угнетенному славянству.

Естественное руководительство всѣмъ этимъ возбужденіемъ должно было выпасть на долю славянскихъ комитетовъ, куда стали стекаться сотни тысячъ рублей и являться сотни людей съ предложеніемъ своихъ личныхъ услугъ. Больше другихъ собиралъ московскій комитетъ, предсѣдателемъ котораго въ то время былъ Ив. Сергѣевичъ. Его имя болѣе всего одушевляло жертвователей, контингентъ которыхъ въ значительной степени рекрутировался изъ непосредственныхъ слушателей его рѣчей и тѣхъ, кому попадались вдохновенныя импровизаціи Ив. Сергѣевича въ печати.

Эти-то годы 1875—1878 должны считаться кульминаціоннымъ пунктомъ славы Аксакова. Значеніе его приняло огромные размѣры. Про Виктора Гюго говорили, что онъ во Франціи составляетъ не лицо, а

цѣлое учрежденіе. Еще съ большимъ правомъ это можно было сказать про Аксакова въ эпоху славянскаго возбужденія. Въ Россіи, гдѣ государственные вопросы всегда рѣшаются въ оффиціальныхъ сферахъ, голосъ Аксакова, надворнаго совѣтника въ отставкѣ, вдругъ пріобрѣлъ такое вліяніе, что каждое слово его являлось политическимъ событіемъ. О каждой рѣчи его летѣли телеграммы во всѣ концы міра и вся западная печать гадала по нимъ о тѣхъ или другихъ предстоящихъ шагахъ русской политики. Когда Аксаковъ умеръ, въ большинствѣ западно-европейскихъ некрологовъ, посвященныхъ его памяти, прямо говорилось, что послѣдняя война наша съ турками была всецѣло дѣломъ рукъ московскаго публициста. Эго, конечно, не много преувеличено. Войну 1877—78 г.г. создалъ цѣлый рядъ обстоятельствъ. Но что въ ряду такихъ «обстоятельствъ» однимъ изъ рѣшающихъ моментовъ были пламенныя рѣчи и воззванія Ивана Сергѣевича—въ этомъ едва-ли станетъ сомнѣваться кто-нибудь изъ переживавшихъ эпоху славянскаго возбужденія и знающихъ, слѣдовательно, по личному опыту, какой неизгладимый слѣдъ оставляли тогда въ умахъ и сердцахъ горячіе призывы Аксакова и какое они поселяли во всѣхъ желаніе спасти южное славянство отъ турецкаго ига.

Но тѣ-же горячіе призывы Ив. Сергѣевича были для него лично причиною весьма крупной непріятности, приключившейся съ нимъ въ іюнѣ 1878 г. Въ это время, какъ извѣстно, происходилъ печальной памяти берлинскій конгрессъ. Мирный трактатъ еще не былъ ратификованъ, но уже содержаніе его было установлено почти окончательно и, какъ выражался Ив. Сергѣевичъ, «корреспонденціи и телеграммы ежедневно, ежечасно, на всѣхъ языкахъ, во всѣ концы свѣта разносили изъ Берлина позорныя вѣсти о нашихъ уступкахъ». Не могъ перенести Ив. Сергѣевичъ этого «надругательства» надъ Россіею, онъ находилъ «что щеки пылаютъ у Россіи отъ получаемыхъ ею пощечинъ» и въ засѣданіи московскаго Славянскаго Комитета отъ 22 іюня 1878 г., разразился самою пылкою изъ всѣхъ своихъ рѣчей, въ которой далъ полную волю своему патріотическому негодованію. «Мы собрались сегодня,—говорилъ онъ,—хоронить милліоны людей, цѣлыя страны, свободу Болгаръ, независимость сербовъ, хоронить великое, святое дѣло, завѣты и преданія предковъ, наши собственные обѣты, хоронить русскую славу, русскую честь, русскую совѣсть». Но почему-же дѣло приняло такой оборотъ? Развѣ «плѣненныя турецкія арміи подъ Плевной, Шибкой и на Кавказѣ, зимній переходъ русскихъ войскъ чрезъ Балканы и геройскіе подвиги нашихъ солдатъ, потрясшіе міръ изумленіемъ, торжественное шествіе ихъ вплоть до Царьграда, эти необычайныя побѣды, куп-

ленныя десятками тысячъ русскихъ жизней, эти несмѣтныя жертвы, принесенныя русскимъ народомъ, эти порывы, это священнодѣйствіе народнаго духа, — развѣ все это сказки, миѳъ, порожденіе распаленной фантазіи, можетъ быть даже «измышленіе московскихъ фанатиковъ»? «Ты-ли это, Русь-побѣдительница, сама добровольно разжаловавшая себя въ побѣжденную? Ты-ли на скамьѣ подсудимыхъ, какъ преступница, каешься въ святыхъ, подъятыхъ тобою трудахъ, молишь простить твои побѣды?.. Едва сдерживая веселый смѣхъ, съ презрительною ироніей, похваляя твою политическую мудрость, западныя державы, съ Германіей впереди, нагло срываютъ съ тебя побѣдный вѣнецъ, преподносятъ тебѣ взамѣнъ шутовскую съ гремушками шапку, а ты послушно, чуть-ли не съ выраженіемъ чувствительнѣйшей признательности, подклоняешь подъ нее свою многострадальную голову!..» Но не хочетъ всему этому повѣрить ораторъ. «Ложь», восклицаетъ онъ. «Если въ такомъ чудовищномъ образѣ и представляется Россія изъ берлинскихъ писемъ и телеграммъ, то самая чудовищность служитъ лучшей порукой, что этому не бывать». «Какихъ-бы щедрыхъ уступокъ, во вредъ Россіи и къ выгодѣ нашихъ враговъ, ни натворили русскіе дипломаты, развѣ Россія, въ лицѣ Верховнаго представителя, сказала свое послѣднее слово? Не вѣримъ, чтобъ всѣ эти щедроты на счетъ русской крови и чести были одобрены высшею властью; не вѣримъ и не повѣримъ, пока не появится о томъ оффиціальное правительственное извѣщеніе. Но даже и предположить подобное извѣщеніе было-бы преступленіемъ противъ достоинства власти!»

Вслѣдъ за этимъ ораторъ приступилъ къ анализу «колосальнаго абсурда и ошеломляющей нелѣпости» рѣшеній конгресса. Изъ-за чего возгорѣлась война? «Изъ-за повальной рѣзни, совершенной надъ населеніемъ *Южной Болгаріи*». И что-же? Теперь «съ соизволенія той-же самой великодушной избавительницы — Россіи, какъ по живому тѣлу распиливается Болгарія на двѣ части, и лучшая, плодороднѣйшая ея часть, забалканская, та именно, которая наиболѣе истерзана, изъязвлена, осрамлена турецкими звѣрствами, возвращается въ турецкое рабство!.. Русскія-же побѣдоносныя войска, тѣ самыя, что цѣною своей крови добыли свободу южныхъ Болгаръ, приглашаются вновь закрѣпостить ихъ побѣжденному извергу, собственноручно отвести христіанскихъ женъ на поруганіе, дѣтей на посрамленіе, всѣхъ на лютую турецкую месть за то, что вѣрили въ русскую власть, за братское сочувствіе къ русскимъ». На такую комбинацію могла согласиться только ненавистная оратору порода русскихъ дипломатовъ. «Слово нѣмѣетъ, мысль останавливается, пораженная, предъ этимъ колоброд-

ствомъ русскихъ дипломатическихъ умовъ, предъ этою грандіозностью раболѣпства! Самый злѣйшій врагъ Россіи и престола не могъ-бы изобрѣсть чего-либо пагубнѣе для нашего внутренняго спокойствія и мира. Вотъ они наши настоящіе нигилисты, для которыхъ не существуетъ въ Россіи ни русской народности, ни православія, ни преданій, которые, какъ и нигилисты въ родѣ Боголюбовыхъ, Засуличъ, и К—ія, одинаково лишены всякаго историческаго сознанія и всякаго живого національнаго чувства. И тѣ, и другіе—иностранцы въ Россіи и поютъ съ чужого европейскаго голоса; и тѣ и другіе чужды своему народу, смотрятъ на него какъ на tabula rasa, презираютъ его органическія, духовныя начала, стараются сдвинуть его съ пути, заповѣданнаго ему исторіей и направлять насильственно на путь противоестественный... Всѣ они близкая другъ другу родня, порожденіе одного сѣмени, хотя и различествуютъ между собою бытомъ, воспитаніемъ, нравами, доктринами и главное — степенью самосознанія... Предоставляю вамъ самимъ рѣшить, кто-же, однако, изъ нихъ: сознательныхъ и безсознательныхъ, грубо анархическихъ или утонченныхъ государственныхъ нигилистовъ въ сущности опаснѣе для Россіи, для ея народнаго и духовнаго преуспѣянія и государственнаго достоинства». Благодаря всему этому «весь конгрессъ есть ничто иное, какъ открытый *заговоръ* противъ русскаго народа. Заговоръ съ участіемъ самихъ представителей Россіи!» Выходъ ораторъ тутъ видѣлъ только одинъ:

«Что-бы не происходило тамъ на конгрессѣ, какъ-бы не распиналась русская честь, но живъ и властенъ ея вѣнчанный Оберегатель, Онъ-же и мститель! Если въ насъ, при одномъ чтеніи газетъ, кровь закипаетъ въ жилахъ, что же долженъ испытывать Царь Россіи, несущій за нее отвѣтственность предъ исторіей? Не онъ-ли самъ назвалъ дѣло нашей войны «святымъ»? Не онъ-ли, по возвращеніи изъ-за Дуная, объявилъ торжественно привѣтствовавшимъ его депутатамъ Москвы и другихъ русскихъ городовъ, что «святое дѣло будетъ доведено до конца?» Страшны ужасы брани, и сердце Государя не можетъ легкомысленно призывать возобновленія смертей и кровопролитія для своихъ самоотверженныхъ подданныхъ, — но не уступками, въ ущербъ части и совѣсти, могутъ быть предотвращены эти бѣдствія. Россія не желаетъ войны, но еще менѣе желаетъ позорнаго мира. Спросите любого русскаго изъ народа, не предпочтетъ-ли онъ биться до истощенія крови и силъ, только-бы избѣжать срама русскому имени, только-бы не стать предателемъ христіанъ-братьевъ».

. . . .

Несокрушимъ и непобѣдимъ Русскій Царь, если только Онъ, съ ясностью историческаго сознанія, съ твердою вѣрою въ предназначеніе своего народа, отложивъ въ сторону попеченіе объ интересахъ западно-европейскихъ державъ интересахъ своекорыстныхъ, а намъ враждебныхъ воздѣнетъ, по выраженію нашихъ древнихъ грамотъ, «высоко, грозно и честно» въ своей длани знамя Россіи—оно-же знамя славянъ и всего восточнаго христіанства!

Волнуется, ропщетъ, негодуетъ народъ, смущаемый ежедневными сообщеніями о берлинскомъ конгрессѣ и ждетъ, какъ благой вѣсти, рѣшенія свыше. Ждетъ и надѣется. Не солжетъ его надежда, потому что не преломится Царское слово: «святое дѣло будетъ доведено до конца».

Долгъ вѣрноподданныхъ велитъ всѣмъ надѣяться и вѣрить,—долгъ-же вѣрноподданныхъ велитъ намъ и не безмолствовать въ эти дни беззаконія и неправды, воздвигающихъ средостѣнія между Царемъ и землю, между царскою мыслью и землею, между царскою мыслью и народною думой. Ужели и въ самомъ дѣлѣ можетъ раздаться намъ сверху въ отвѣтъ внушительное слово: «молчите честныя уста! гласите лишь вы, лесть да кривда!»

На современнаго читателя вся эта наиболѣе нашумѣвшая изъ рѣчей Ив. Сергѣевича особеннаго впечатлѣнія произвести не можетъ. Вспоминается ему съ одной стороны, что «лютая казнь», подъ которую «подпала» созданная конгрессомъ Восточная Румелія, была въ дѣйствительности полной автономіей, между тѣмъ какъ въ «свободной» Болгаріи Батенбергъ, безъ малѣйшаго протеста со стороны московскаго славянофильства, уничтожилъ конституцію, въ вѣрности которой торжественно клялся. Вспоминается затѣмъ современному читателю, что когда филиппопольская революція осуществила завѣтныя желанія только-что приведенной рѣчи и «святое дѣло» было доведено до конца т. е. «распиленная какъ-бы по живому тѣлу» Болгарія возсоединилось въ одно цѣлое, то именно Иванъ-то Сергѣевичъ съ особенною злобою отнесся къ этому факту. Почему онъ отнесся съ такою злобою, будетъ видно изъ изложенія политическихъ взглядовъ Ив. Сергѣевича, гдѣ мы постараемся доказать, что онъ былъ не столько *славяно*филъ, сколько *руссо*филъ и что онъ заботился не столько о благоденствіи славянскихъ народовъ, сколько о величіи и престижѣ Россіи. Какъ-бы тамъ однако ни было, повторяемъ, что въ виду событій позднѣйшихъ лѣтъ современный читатель не можетъ вполнѣ сочувствовать той скорби, которою проникнута рѣчь. Но въ то время, когда оскорбленія, нанесенныя нашему національному самолюбію конгрессомъ, были ясны и безъ всякихъ коментаріевъ, рѣчь Аксакова должна была произвести огромную сенсацію какъ въ публикѣ, такъ и въ административныхъ сферахъ. Въ особенности въ послѣднихъ, гдѣ, правда, никто не сомнѣвался въ томъ, что Ив. Сергѣевичъ говорилъ подъ диктовку самой горячей преданности основамъ русскаго государственнаго строя, но гдѣ не привыкли, чтобы наши actualités были обсуждаемы съ подобною рѣзкостью и страстностью. Всего-же важнѣе были затрудненія, которыя она создавала въ положеніи и безъ того достаточно тягостномъ, и вотъ почему эта рѣчь, которая въ настоящее время безпрепятственно напечатана въ I т. сочиненій Ив. Сергѣевича, въ 1878 году привела къ тому, что москов-

скій комитетъ былъ закрытъ, а Ив. Сергѣевичъ долженъ былъ оставить Москву.

Онъ поселился въ селѣ Варваринѣ, юрьевскаго уѣзда, владимірской губ., принадлежавшемъ родственницѣ его жены Анны Ѳедоровны. Какъ ни тяжело ему было сознаніе опалы, тѣмъ не менѣе, какъ сообщаетъ близко знавшій его въ это время свящ. Благонравовъ, «по душѣ пришлось И. С. мирная сельская жизнь въ укромномъ и миломъ Варваринскомъ пріютѣ». Послѣ тяжелаго и утомительнаго труда ему нуженъ былъ покой и физическій, и нравственный. «Здѣсь на просторѣ, говорилъ онъ, я буду имѣть возможность разобраться въ моихъ воспоминаніяхъ». Скучать ему не приходилось, да и некогда было: время все было распредѣлено для занятій. Кромѣ составленія записокъ, относящихся къ эпохѣ борьбы Россіи съ Турціей, онъ велъ огромную переписку. Къ нему присылалась масса писемъ извнутри Россіи и изъ славянскихъ земель.

Къ эпохѣ варваринскаго пребыванія Ив. Сергѣевича относится кандидатура его на болгарскій престолъ, выдвинутая нѣсколькими болгарскими избирательными комитетами, кандидатура, правда, не имѣвшая никакого серьезнаго политическаго значенія, но тѣмъ не менѣе свидѣтельствовавшая о широкой популярности недавняго предсѣдателя московскаго славянскаго комитета.

Недолго продолжалась ссылка Ив. Сергѣевича. Ему не трудно было доказать, что рѣзкости его рѣчи проистекали не отъ недостатка благонамѣренности, а напротивъ того отъ избытка ея, и уже въ декабрѣ 1878 года Ив. Сергѣевичъ возвращается въ Москву. Но на поприще общественной дѣятельности онъ возвращается не раньше конца 1880 года, когда событія вновь пробудили въ немъ жилку журнализма. Онъ подалъ прошеніе о разрѣшеніи ему издавать еженедѣльную газету «Русь» и времена стояли тогда такія, что разрѣшеніе это, не смотря на то, что оно давалось бывшему редактору «Москвы», послѣдовало въ теченіи одного дня.

«Русь» начала выходить въ ноябрѣ 1880 г. Всѣ ожидали ее съ большимъ интересомъ. Думалось, что именно теперь-то газета Аксакова выступитъ съ тѣми требованіями славянофильскаго міровоззрѣнія, которыя прежде славянофильству не удавалось развить въ полной мѣрѣ по причинамъ отъ него независѣвшимъ. Ожиданія эти, однако, совсѣмъ не сбылись. Давая общую характеристику «Руси» за всѣ пять лѣтъ ея существованія, можно сказать, что въ такой-же степени, въ какой «День» былъ выразителемъ свободо-любивыхъ и народо-любивыхъ стремленій славянофильства, въ такой-же степени

«Русь» была по преимуществу представительницей тѣхъ сторонъ славянофильскаго ученія, которыми оно тѣсно примыкаетъ къ византинизму и квасному патріотизму. Только изрѣдка «Русь» обмолвливалась горячею тирадою о свободѣ слова и совѣсти, о благодѣтельности гласнаго суда и т. п. Большею-же частью она занималась борьбою съ петербургскимъ «либерализмомъ», что̀ едва-ли было особенно по сезону, съ «интеллигенціей» вообще, что̀ тоже едва-ли было особенно своевременно и тому подобными вопросами, о которыхъ, кажется, смѣло можно сказать, что они въ годы 1881—85 совсѣмъ не нуждались въ такомъ ожесточенномъ обсужденіи. Если-же и нѣкоторые дѣйствительно жгучіе вопросы обсуждались на страницахъ «Руси», то въ такомъ странномъ освѣщеніи, которое непріятно коробило всѣхъ помнившихъ прежнюю публицистическую дѣятельность Ив. Сергѣевича. Такъ напр. въ первомъ-же № «Руси» была напечатана многонашумѣвшая статья Дмитрія Самарина, въ которой серьезно доказывалось, что весь вопросъ о малоземельи выдуманъ фрондерствомъ либераловъ.

Подобныя статьи не могли содѣйствовать успѣху «Руси». До выхода первыхъ номеровъ она пріобрѣла было много подписчиковъ, привлеченныхъ объявленіемъ Ив. Сергѣевича, въ которомъ говорилось, что надо «наконецъ, внести правду въ русскую жизнь и возвратить ей свободу органическаго самороста». Но всѣ такіе обманувшіеся подписчики быстро ушли и неуспѣхъ газеты даже въ кругахъ, доброжелательно относящихся къ славянофильству, обрисовался очень ясно. Весьма опредѣленныя указанія объ этомъ неуспѣхѣ мы находимъ въ некрологѣ Аксакова, написанномъ ближайшимъ сотрудникомъ Ив. Сер.— редакторомъ газеты «Русское Дѣло», которая смѣнила собою «Русь». Приводимъ его свидѣтельство, въ которомъ негодованіе дѣлаетъ особенно цѣннымъ сообщаемыя имъ свѣдѣнія о многихъ сторонахъ литературной исторіи «Руси».

«Со второго же года изданія «Руси» оказалось, что людей смотрящихъ, строго и трезво (?) на русскую дѣйствительность вмѣстѣ съ Аксаковымъ слишкомъ не много. Общество, не привыкшее къ простой и серьезной русской мысли и ждавшее отъ «Руси» эфектной борьбы съ существующимъ порядкомъ вещей, той страстной и смѣлой борьбы, которая велась въ «Москвѣ» и «Москвичѣ», разочаровалось. Аксаковъ, при всемъ невысокомъ мнѣніи о ставшемъ у дѣлъ консерватизмѣ, не объявилъ ему открытой войны... Правильно это было или нѣтъ, пока не будемъ судить, но несомнѣнно, что это обстоятельство было одной изъ причинъ, обусловливавшихъ неуспѣхъ «Руси» даже у людей, способныхъ выслушать и прочувствовать сердцемъ русское слово.

Нечего и говорить, что наша такъ называемая либеральная печать постаралась извлечь изъ этого нежеланія борьбы все, что могла и не замедлила прокричать о союзѣ «Руси» съ органами крайняго консерватизма.

До самаго послѣдняго времени оставался Аксаковъ на избранной имъ позиціи. Его увлекло въ борьбѣ лишь вновь обѣщавшее возгорѣться славянское движеніе. Больнѣе всего ему было видѣть рѣзкую перемѣну фронта въ консервативномъ лагерѣ, его покорное отношеніе къ Берлину, и вотъ когда рѣшилъ онъ порвать съ нимъ, не скажемъ союзъ, такого никогда не было, но вѣжливо—дипломатическія отношенія съ стороны «Руси», на которыя другая сторона отвѣчала злымъ и угрюмымъ молчаніемъ.

И—такова публика! Съ того момента, какъ въ Аксаковѣ вновь пробудился оскорбленный трибунъ, его вліяніе и успѣхъ газеты удесятерились... это было почти наканунѣ кончины Аксакова!».

Обстоятельства, на которыя намекаютъ послѣднія строки, состояли въ слѣдующемъ. Въ одной изъ статей по болгарскому вопросу, появившейся въ концѣ 1885 года, Ив. Сергѣевичъ со свойственною ему рѣзкостью напалъ на нашу дипломатію. Онъ утверждалъ, что у заправилъ нашей иностранной политики нѣтъ ни ума, ни сердца, ни совѣсти, ни чести. Подобныя нападки неоднократно уже появлялись на страницахъ «Руси», все равно какъ мысли, высказанныя Аксаковымъ въ рѣчи о берлинскомъ конгрессѣ, тоже не были новостью для постоянныхъ его слушателей и читателей. Но какъ и во время произнесенія рѣчи этой рѣчи, политическій моментъ появленія вышеупомянутой статьи былъ затруднительный и «Руси» было дано предостереженіе, мотивированное тѣмъ, что газета *«обсуждаетъ текущія событія тономъ несовмѣстнымъ съ истиннымъ патріотизмомъ»*.

Исполняя точную букву закона, «Русь» напечатала предостереженіе безъ всякихъ оговорокъ, но въ слѣдующемъ-же № (22) Ив. Сергѣевичъ помѣстилъ совершенно неслыханную по своей рѣзкости отповѣдь, на тэму о томъ, что должно считаться «истиннымъ» патріотизмомъ, отповѣдь на этотъ разъ уже не по адресу дипломатовъ, а по адресу министерства внутреннихъ дѣлъ. Условія современной печати не дозволяютъ намъ привести выдержекъ изъ статьи Аксакова, за которую его, вѣроятно, постигло-бы какое нибудь административное взысканіе, еслибы судьба не распорядилась иначе. Статья, о которой только-что шла рѣчь, появилась въ декабрѣ 1885 г., а 27 января 1886 года Ив. Сергѣевича не стало. Его сразила болѣзнь сердца. Уже лѣтомъ 1885 г. онъ почувствовалъ, что силы его надламываются и что ему нужно отдохнуть отъ чрезмѣрнаго напряженія духовныхъ и физическихъ силъ. На немъ, дѣйствительно, лежало черезъ чуръ много работы. Служба въ банкѣ, редактированіе «Руси», а главное дѣятельнѣйшее сотрудничество въ газетѣ, гдѣ онъ въ каждомъ № помѣщалъ пространную передовую статью, и въ добавокъ еще обширнѣйшая корреспонденція—все это множество работы, благодаря которой онъ простаивалъ

но 6 часовъ у конторки, ни на минуту не оставляя пера, не могло не подѣйствовать разрушительно даже на его могучій организмъ. Уступивъ увѣщаніямъ близкихъ людей онъ, поэтому, весною 1885 г. пріостановилъ на время изданіе «Руси» [1]) и уѣхалъ въ Крымъ. Отдыхъ подѣйствовалъ на него благотворно. Онъ вернулся осенью въ Москву съ новыми силами и бодро взялся опять за работу. Въ головѣ его зародились разные литературные планы, онъ хотѣлъ между прочимъ приступить къ составленію своихъ воспоминаній, привести въ порядокъ семейный архивъ. Смерть такимъ образомъ застигла его совершенно въ расплохъ.

Извѣстіе о кончинѣ Ив. Сергѣевича произвело впечатлѣніе рѣшительно во всѣхъ кругахъ общества, какъ русскаго, такъ и западно-европейскаго. Люди самыхъ разнообразныхъ направленій живо почувствовали, что ихъ постигла незамѣнимая утрата. О приверженцахъ идей Аксакова уже и говорить нечего: они теряли въ немъ вождя и вдохновеннаго пророка. Но и противники идей Ивана Сергѣевича теряли очень много съ его смертью: они лишались *честнаго врага,* человѣка, который могъ страстно и ожесточенно полемизировать, но который никогда не кричалъ «слово и дѣло» и считалъ свободу мнѣній священнымъ правомъ гражданина и главнѣйшею основою общественной жизни.

Удручающее впечатлѣніе смерти Ив. Сергѣевича прежде всего выразилось въ огромномъ количествѣ телеграммъ соболѣзнованія, полученныхъ его вдовою. Одною изъ первыхъ была телеграмма Государя Императора, въ которой говорилось:

«Императрица и Я съ душевнымъ прискорбіемъ узнали о внезапной смерти вашего мужа, котораго уважали, какъ честнаго человѣка и преданнаго русскимъ интересамъ. Дай Богъ вамъ силъ перенести эту тяжелую сердечную потерю».

Вслѣдъ за Высочайшею телеграммою послѣдовали телеграммы отъ Великой Княгини Александры Петровны, князя Николая Черногорскаго, Сербскаго митрополита Михаила, болгарскихъ митрополитовъ Климента и Герасима, Каравелова, гр. Игнатьева, гр. Милютина, К. П. Побѣдоносцева, мин. нар. просвѣщенія Делянова, членовъ государ-

---

[1]) Это была уже не первая перемѣна въ ходѣ изданія «Руси». Въ 1883 г. Ив. Сергѣевичъ, чувствуя, что для тѣхъ немногихъ подписчиковъ, которые остались ему вѣрными, нѣтъ настоятельной необходимости въ частомъ появленіи газеты, носившей по преимуществу теоретическій характеръ, превратилъ «Русь» въ двухнедѣльникъ. Но въ 1885 г. онъ опять сталъ выпускать свою газету еженедѣльно.

ственнаго совѣта Стояновскаго, Галагана, Танѣева, сенаторовъ Сабурова, Безобразова и множества другихъ чиновныхъ и нечиновныхъ, прикосновенныхъ и неприкосновенныхъ къ литературѣ, знаменитыхъ и незнаменитыхъ лицъ. За лицами послѣдовали учрежденія. Прислали телеграммы, полныя искренняго сочувствія: 2-ое отдѣленіе Академіи Наукъ, Географическое Общество, университеты кіевскій, харьковскій, одесскій, Демидовскій лицей, и болѣе *двадцати пяти* земскихъ собраній и городскихъ думъ. Учащаяся молодежь была представлена телеграммами правовѣдовъ, студентовъ петербургскаго университета, петербургской Духовной Академіи, Военно-Медицинской Академіи, Горнаго Института, харьковскаго университета и кіевскаго филологическаго факультета. Отъ петербургской и провинціальной печати было прислано 28 телеграммъ. Въ общемъ-же было получено болѣе *160* телеграммъ общественнаго и литературнаго значенія — цыфра до того совершенно небывалая.

Вслѣдъ за телеграммами начались панихиды. Не было того самаго маленькаго городишка, гдѣ бы не устраивалось поминовенія пламеннаго публициста. Но, конечно, наибольшею торжественностью отличались столичныя панихиды. Особый отпечатокъ придавалъ послѣднимъ присутствіе лицъ, которыхъ всего меньше можно было здѣсь встрѣтить. Такъ напр. на панихиду въ Казанскомъ Соборѣ пришли отдать честь памяти Ивана Сергѣевича писатели, значительная часть литературной дѣятельности которыхъ прошла въ борьбѣ съ идеями покойнаго. Тутъ были, съ одной стороны, сотрудники «Новаго Времени», «Гражданина», но были тоже и сотрудники «Вѣстника Европы», «Сѣвернаго Вѣстника», «Русской Мысли».

Печатныя проявленія общественной горести, вызванной смертью Ив. Сергѣевича, были столь-же единодушны. За самыми малыми исключеніями, не только славянофильствующая пресса, но и органы западническаго и прогрессивнаго направленія помѣстили некрологи самые теплые и проникнутые искреннѣйшемъ уваженіемъ къ нравственной личности редактора «Руси».

Но кульминаціоннымъ пунктомъ чествованія памяти Аксакова были проводы его тѣла въ Троицко-Сергіевскую Лавру. При такомъ стеченіи народа въ Москвѣ хоронили только Скобелева.

Обзоръ литературной дѣятельности Ив. Аксакова см. въ концѣ настоящаго тома.

Алабинъ, Петръ Владиміровичъ. Ветеранъ венгерской и крымской кампаній, для описанія которыхъ сдѣлалъ очень много †). Началъ

†) Отзывъ о Походн. Зап.» въ «Сѣв. Пч.» 1862 г. № 159.

вою литературную дѣятельность: 1) *Корреспонденціями съ театра крымской войны* въ «Сѣв. Пчелѣ» 1855 г. (№№ 31—36, 80, 82), за которыми послѣдовали: 2) 2 тома «*Походныхъ записокъ*», изданныхъ въ 1861 г. въ Вяткѣ, ц. 3 р. 50 к. 3) «*Александровскій Соборъ въ Вяткѣ*». Вятка 1864 г. съ фот. Ц. 1 р. 50 к. 4) «*Къ біографіи И. А. Крылова*» («Рус. Арх.» 1868 № 4—5 стр. 860—66) и рядъ статей и замѣтокъ въ «*Рус. Старинѣ*»: 5) «*Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, генералъ-аншефъ 1661—1738 г. Біографическій очеркъ*» (1878 г. т. XXIII стр. 161—180). 6) «*Взрывъ Павловскаго форта въ Севастополѣ 29 авг. 1855 г.*» (1875 г. т. XIII стр. 643—650). 7) «*Въ Севастополѣ въ 1855 г.*» (1881 г. т. XXXII стр. 209—217). 8) «*Подъ Севастополемъ весною 1856 г.* (1882 г. т. XXXVI стр. 378—385). 9) «*Русскіе въ Венгріи въ 1849 г.*» (1882 г. т. XXXV стр. 91—112 и XXXVI стр. 442). 10) «*Дуровъ*». Замѣтка. (1884 г. т. XLII, стр. 198). 11) «*Галичъ на Днѣстрѣ въ 1849 г.*» (1879 г. т. XXIV, стр. 787—790). 12) «*Иванъ Петровичъ Голевъ*» *1805—1880 г. Біографич. очеркъ*. (1881 г. т. XXX, стр. 869—890). 13) «*Польскій поэтъ Трембецкій*». (1879 г. т. XXV, стр. 214—222). 14) «*Исаакъ-Беръ-Левензонъ, еврейскій ученый*». (1879 г. т. XXV, стр. 223—230). Помѣщалъ тоже А. статьи въ «Голосѣ».

Алабушевъ, Платонъ Александровичъ—сотрудникъ «Голоса».

Аладовъ, Н. С. (1849—1871), рано умершій (на 22 году жизни) студентъ 4 курса естеств. факульт. петерб. универ., подававшій большія надежды. †). Успѣлъ заявить себя серьезною работою по физіологіи спинного мозга, помѣщенною въ бюллетеняхъ Академіи Наукъ («Ueber die Erregbarkeit einiger Partien des Rückenmarks», въ «Bull. de l'Acad». т. XV p. 15—21 и въ «Melanges biologiques», издаваемыхъ Академіею. т. VII p. 311—319). Въ ней онъ представилъ опытныя доказательства того, что „передніе столбы спинного мозга возбудимы какъ для электрическихъ, такъ и для механическихъ раздраженій, но что для ихъ возбужденія требуется гораздо болѣе сильные возбудители, чѣмъ для раздраженія заднихъ столбовъ". (*Ціонъ*, Курсъ физіологіи, т. 2, стр. 89).

Аладьина, Елизавета Васильевна ††) родилась въ Ригѣ, въ десятыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Въ 1834 г. издала «съ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества Соизволенія» „*Воспоминанія институтки*", въ которыхъ описала свое пребываніе въ „Домѣ Трудолюбія" (впослѣдствіи Елизаветинскій Институтъ). Въ этой небольшой книжечкѣ, написанной довольно живымъ по тому времени слогомъ,

---

†) „Недѣля" 1871 г. № 11.

††) *Н. Книжникъ* (князь Н. Голицынъ), Словарь русскихъ писательницъ стр. 9.

представляютъ нѣкоторый историческій интересъ свѣдѣнія о заботливости, съ которою Императрица Екатерина Алексѣевна относилась къ дѣтямъ—институткамъ, и разныя другія интимныя подробности посѣщенія Елизаветинскаго института Высочайшими особами: Николаемъ Павловичемъ, его супругою и дочерьми Ольгою и Маріею, тогда еще маленькими дѣвочками. Десять лѣтъ спустя „Воспоминанія институтки" были цѣликомъ перепечатаны въ „Невскомъ Альманахѣ" Егора Васильевича Аладьина, должно быть приходившагося ей братомъ.

Аладьинъ, Егоръ Васильевичъ †). Точныхъ біографическихъ свѣдѣній о немъ почти никакихъ нѣтъ. Извѣстно только, что онъ умеръ въ Петербургѣ 14 августа 1860 г. Ему принадлежатъ:

I. **Оригинальныя произведенія:** 1) «*Союзъ Любви и Славы*». Спб. 1821. 2) «*Мои досуги.*» Ч. I. Спб. 1824. 3) «*Кумъ Иванъ, русская быль*». Спб. 1825. 4) «*Сочиненія и переводы въ прозѣ*» 2 ч. Спб. 1832—33. Здѣсь кромѣ стиховъ собраны повѣсти А., напечатанныя имъ въ разныхъ журналахъ и альманахахъ: a) «Кумъ Иванъ». b) «Владиславъ и Александръ». c) «*Тысяча вторая ночь*». d) «*Крестный отецъ*». e) «*Кочубей*». f) «*Черкесъ*». Въ Публичной Библіотекѣ имѣется только 1-ая часть. Второй мы не видѣли. 5) «*Повѣсти*» 3 ч. Спб. 1833. 16°. Здѣсь, кромѣ перечисленныхъ подъ № 4 повѣстей, помѣщены повѣсти: a) *Орангутангъ*. b) *Егерь Исамунской долины*, съ нѣм. c) *Бракъ по смерти*. d) *Незнакомка*. e) *Пѣвица*, съ нѣм. f) *Красноносый Кади*. 6) «Домъ призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ въ С.-Петербургѣ». Разсказъ. Спб. 1845. 7) «Воспоминаніе о Хмѣльницкомъ» Спб. 1846. (Оттискъ изъ „Пантеона"). 8) «*Двадцатилѣтіе Николаевскаго дома призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ*». Разсказъ. Спб. 1858 г.

II. **Переводы:** 9) *В. Бергмана*, Исторія Петра Великаго, съ нѣм. 6 ч. Спб. 1833 и 1840.

III. **Альманахи и журналы:** 1) «*Невскій Альманахъ*» 10 ежегодныхъ книжекъ въ 16° съ 1825—33 гг. и 2 книги въ 8° въ 1846—48 гг. Всѣ онѣ снабжались гравюрами и портретами. 2) «*Подснѣжникъ*» на 1829 и 1830 г. Спб. 16°. Альманахъ. 3) «*Букетъ. Карманная книжка для любителей и любительницъ театра*». Спб. 1829. 16°. Альманахъ. 4) «*С.-Петербургскій Вѣстникъ*». Выходилъ въ Петербургѣ въ 1831 г. Всѣхъ №№ появилось 48, а не 26, какъ сказано у Геннади.

Оригинальныя произведенія А. крайне слабы. Стихи его представляютъ собою пошлые и нескладные мадригалы, повѣсти скучны и натянуты. Но «Невскій Альманахъ» въ свое время имѣлъ значеніе и пользовался большимъ успѣхомъ. Причина этого успѣха главнымъ образомъ лежала въ томъ, что А., самъ по себѣ будучи мало симпатичнымъ и

---

†) 1) «Мѣсяцесловъ» на 1862 г. 2) «Книжный Вѣстн.» 1860, № 16. 3) *М. Михайловъ*, въ «Энцикл. Словарѣ», изд. русск. пис. и уч. 4) *Геннади*, Словарь. 5) *Бурнашева, В.* Воспоминанія («Русск. Вѣст.» 1872 г. № 10) и 6) *Его же*. Мое знакомство съ Воейковымъ (ibid. 1871, № 10). Отзывы о «Подснѣжникѣ»: 1) «Атеней» 1839, ч. 2, стр. 167—173. 2) «В. Евр.» 1830, ч. 171, № 9, стр. 64, (статья Л. С.). 3) «Карманная книжка для любит. русской старины» 1830, кн. 4, стр. 541. 4) «М. Телегр.» 1830, ч. 32, стр. 358—362. 5) «Сѣв. Мерк.» 1830, № 53.

совсѣмъ незамѣчательнымъ человѣкомъ, умѣлъ, однако, подлаживаться къ современнымъ литераторамъ и славился искусствомъ выпрашивать у нихъ статьи, повѣсти и стихотворенія для своего сборника. Маленькія и для своего времени изящно изданныя книжечки «Невскаго Альманаха» блистали самыми громкими именами эпохи. Тутъ можно найти подписи Полеваго, Василія Пушкина, Измайлова, Глинки, Туманскаго, Булгарина, Козлова, Языкова, кн. Вяземскаго, Подолинскаго, Воейкова, Жуковскаго и мн. друг. Что касается Пушкина, то къ первымъ книжкамъ «Альманаха» Аладьина онъ отнесся чуть-чуть насмѣшливо. Извѣстно его посланіе «Н. Н. при посылкѣ ей Невскаго Альманаха»:

Примите Невскій Альманахъ,
Онъ милъ и въ прозѣ, и въ стихахъ:
Вы тутъ найдете Полевова,
Великопольскаго, Хвостова;
Княжевичъ, дальній вашъ родня,
Украсилъ также книжку эту;
Но не найдете вы меня:
Мои стихи скользнули въ Лету.
Что слава міра? Дымъ и прахъ.
Ахъ, сердце ваше мнѣ дороже!....
Но, кажется, мнѣ трудно тоже
Попасть и въ этотъ альманахъ.

Но затѣмъ, видно, ловкій издатель «Невскаго Альманаха» нашелъ пути и къ расположенію великаго поэта, который позволилъ ему перепечатать «Бахчисарайскій фонтанъ» и далъ 1-ю сцену «Бориса Годунова», а также много мелкихъ стихотвореній.

Больше-же всего успѣху «Н. А.» содѣйствовало отсутствіе сколько-нибудь удовлетворительныхъ журналовъ. Стоило только окрѣпнуть «Моск. Телеграфу» и Аладьинскій альманахъ сталъ замѣтно падать. Когда же А., надѣясь на литературную фирму своего сборника, вздумалъ было возобновить его въ концѣ 40-хъ годовъ, то публика, успѣвшая уже привыкнуть къ богатымъ какъ внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ содержаніемъ «толстымъ» журналамъ, отнеслась къ альманаху съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, хотя онъ былъ изданъ очень изящно и съ благотворительною цѣлью.

Аламдаровъ, Артемій свящ. составилъ «Краткій Россійско-Армянскій Словарь» М. 1821 г. 8°, ц. 10 р.

Аландскій, Павелъ Ивановичъ, сынъ сельскаго священника, родился въ петербургской губерніи въ 1844 г. До 1857 г. воспитывался дома подъ руководствомъ отца, съ 1857 года учился въ С.-Петербургѣ, сначала въ Александро-Невскомъ духовномъ училищѣ, потомъ въ духов-

ной семинаріи, гдѣ и кончилъ курсъ богословскихъ наукъ въ 1865 г. Съ 1866 по 1870 г. состоялъ студентомъ петербурскаго университета по историко-филологическому факультету. Въ университетѣ А—ій, по его словамъ, больше всего пользовался чтеніями и указаніями проф. К. Я. Люгебиля. Позднѣе, однако, незадолго до смерти, магистерская диссертація А—аго подала поводъ къ полемикѣ между нимъ и пр. Люгебилемъ на страницахъ кіевскихъ «Универс. Изв.» (янв. мартъ 1883).

По окончаніи курса со степенью кандидата А. былъ оставленъ при университетѣ въ званіи стипендіата для приготовленія къ профессорской каѳедрѣ. Съ 1870 по 1872—73 учебный годъ онъ состоялъ учителемъ латинскаго языка въ Александро-Невскомъ духовномъ училищѣ. Въ теченіе 1872—73 г. выдержалъ экзаменъ на степень магистра греческой словесности, защитилъ диссертацію и былъ удостоенъ степени магистра той же науки. Въ теченіе 1873—1874 учебнаго года читалъ, въ званіи приватъ-доцента, лекціи по греческой словесности въ петербургскомъ университетѣ, а въ мартѣ 1874 г., по представленію проф. В. И. Модестова, избранъ совѣтомъ университета св. Владиміра въ штатные доценты по каѳедрѣ греческой словесности, въ каковой должности и состоялъ до конца жизни. Въ 1877 г. А. былъ командированъ совѣтомъ университета съ ученою цѣлью за границу на одинъ годъ. Кромѣ предметовъ своей каѳедры, П. И. А—ій съ 1878 г. преподавалъ за особое вознагражденіе латинскій языкъ, исторію римской литературы и римскія древности. Съ сентября того же года преподавалъ на кіевскихъ высшихъ женскихъ курсахъ исторію Греціи и Рима, а также исторію римской литературы. Умеръ въ октябрѣ 1883 г. отъ рака въ печени.

П. И. Аландскій написалъ слѣдующія сочиненія: 1) *О значеніи и употребленіи conjunctivi въ языкѣ Иліады и Одиссеи.* СПБ. 1873, диссертація на степень магистра. Прочія сочиненія А. написаны и изданы въ Кіевѣ. 2) *Поэзія, какъ предметъ науки.* 1875. 3) *Филологическое изученіе произведеній Софокла.* 1877. Неокончено. 4) *Изображеніе душевныхъ движеній въ трагедіяхъ Софокла.* 1877. Представлено въ историко- филологическій факультетъ петербургскаго университета въ качествѣ докторской диссертаціи, но къ защитѣ не допущено. 5) *Философія и наука,* (Унив Извѣст. янв. 1877). По поводу диспута проф. Н. Я. Грота. 6) *Энциклопедія и Методологія классической филологіи.* Изложеніе и разборъ труда Авг. Бека подъ тѣмъ же названіемъ. 7) *В. Е. Гернъ объ арійской семьѣ, ея строѣ и развитіи* 1880; по поводу сочиненія: *the aryan houshould, its structure and its development.* 1879. 8) *Древнѣйшій періодъ исторіи Рима и его изученіе.* 1882; поводомъ къ составленію этого труда, излагающаго и оцѣняющаго важнѣйшіе труды европейской науки по древнѣйшей исторіи Рима, послужило чтеніе авторомъ лекцій на высшихъ женскихъ курсахъ въ Кіевѣ. 9) *Исторія Греціи.* 1885; посмертное сочиненіе, изданное по распоряженію историко-филологическаго факультета университета св. Владиміра подъ редакціей профессора Ю. А. Кулаковскаго и А. А. Козлова.

;верхъ этого, П. И. А—ій написалъ рядъ рецензій въ „Кіевск. Унив. Извѣ-
тъ" по поводу слѣдующихъ сочиненій, посвященныхъ греческой и латинской
)логіи, исторіи, психологіи, исторіи культуры: 1) Das Verbum d. griech. Spra-
seinem Bau nach dargestellt v. G. Curtius. 1873. (Унив. Изв. 1874, 12).
sycholog. Analysen auf physiol. Grundlage. v. A. Horwitz. 1875 (*ibid.* 1875, 2).
rinciples of mental physiol. By. W. Carpenter. 1875 (*ibid.* 3). 4) Homerische
lien. Beiträge zur homer. Prosodie u. Metrik von. W. Hartel. 1873. (*ibid.* 4).
Саннибализмъ въ греч. миѳахъ, А. Воеводскаго. 1874. (*ibid.* 5). 6) La morale
taire, p. L. Carrau. 1875. (*ibid.* 8). 7) Baun Leben. d. socialen Körpers. En-
op. Entwurf e. real. Anatomie, Physiol. u Psychol. d. menschlich. Gesell-
ıft I. B. 1875. (*ibid.* 9). 8) Synonymik d. gr. Sprache. von I. H. Schmidt.
. 1876. (*ibid.* 1876, 10). 9) Anthropol. Vorträge v. I. Henle. 1876 (*ibid.* 11).
Zivot Rekuv a Rimanuv. F. F. Weliszski 1867. (*ibid.* 7). 11) Die Entstehung
ıerodot. Geschichtswerk. v. A. Bauer. 1872. (*ibid.* 1878, 7). 12) Syntaktische
schungen. von Delbrück. Die Grundlagen d. gr. Syntax 1870. (*ibid.* 1880, 4, 5)
Der italische Bund unter Romv Hegemonie. v. Beloch 1880 (*ibid.* 1881, 1).
Введеніе въ миѳологію Одиссеи Л. Воеводскаго. 1881. (*ibid.* 1882, 9). 15)
ıt, Studies religious and social. 1882 (*ibid.* 1883, 7). 16) Die Demokratie. v.
эn. v. Schwartz. 1882. (*ibid.* 5). Въ «Университетскихъ-же Извѣстіяхъ» за
: и 1883 гг. помѣщены разборы магистерской и докторской диссертацій Ѳ.
ценка: „Отношеніе трагедій Софокла къ современной поэту дѣйствительно-
' К. 1874. „Опытъ по исторіи раціонализма въ древней Греціи". К. 1881.

Въ литературѣ оцѣнка личности и научной дѣятельности П. И.
-аго наступила послѣ смерти. Прочувствованныя рѣчи, произнесен-
надъ гробомъ покойнаго професс. А. А. Козловымъ, Ѳ. Я. Фор-
:кимъ и Ѳ. Г. Мищенкомъ, напечатаны къ «Кіевлянинѣ» и «Зарѣ»
33, № 135). Затѣмъ появились статьи: «Некрологъ П. И. Аланд-
'о,» Ѳ. Мищенко въ «Унив. Изв.» 1883, 12. «Къ поминкѣ по П.
Аландскомъ» Ю. Кулаковскаго (ibid. 1884, 3). «Некрологъ П. И.
ндскаго», И. В. Помяловскаго (Ж. М. Нар. Просв. 1884, янв.). [1]) О
иертномъ сочиненіи «Исторія Греціи» помѣщена библіографическая
ѣтка въ томъ же журналѣ за 1885 г.

Самостоятельныя изслѣдованія П. И. А—аго, касались-ли они грече-
'о языка, или греческой литературы, а равно и значительная часть
рецензій обличаютъ преобладающую наклонность автора къ вопро-
ь опытной психологіи.

Въ филологіи А—ій принадлежалъ къ школѣ Штейнталя. Опытная
хологія, опирающаяся на данныхъ и изысканіяхъ физіологіи, инте-
)вала его со школьной скамейки. Изъ этой области знаній онъ за-
гвовалъ какъ задачи спеціальныхъ изслѣдованій въ своей области,
ь и самый методъ. Такъ, въ сочиненіи «О значеніи и употребленіи
junctivi въ языкѣ Иліады и Одиссеи» онъ дѣлаетъ попытку воз-

[1]) Кромѣ того, имѣются біографическія и библіографическія данныя объ А.
Словарѣ Профессоровъ Унив. св. Владиміра». *С. В.*

становить тотъ психическій актъ или то первоначальное состояніе сознанія, которое соотвѣтствовало сочетанію звуковъ въ формахъ сослагательнаго. Средствами для разрѣшенія задачи служили автору, во 1-хъ, непосредственныя наблюденія надъ фактами языка и сознанія, во 2-хъ, данныя, добытыя физіологіей и психологіей. Результаты изысканія формулированы имъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„первоначальное значеніе conjunctivi можно опредѣлить какъ сложное состояніе сознанія или сочетаніе двухъ актовъ его: во-первыхъ, представленія о дѣйствіи, которое въ своей простѣйшей формѣ будетъ воспроизводствомъ другаго или нѣсколькихъ ощущеній, сопровождающихъ дѣйствіе и во-вторыхъ, стремленія—акта сознанія, соотвѣтствующаго возбужденію двигательнаго центра, посылающаго импульсъ къ мышцамъ, принимающимъ участіе въ совершеніи представляемаго дѣйствія" (стр. 153).

«Изображеніе душевныхъ движеній въ трагедіяхъ Софокла» относится больше къ психологіи и теоріи поэзіи, нежели къ филологіи. Самъ авторъ называетъ этотъ трудъ опытомъ для теоріи поэтическаго творчества. И здѣсь главною цѣлью служитъ выясненіе путей, по которымъ должно идти изученіе произведеній поэзіи, чтобы собрать матеріалъ для теоріи поэзіи и затѣмъ при свѣтѣ психологіи открыть законы этой сложной дѣятельности сознанія. По его мнѣнію, для филолога главное—умѣніе находить въ текстѣ поэтическихъ произведеній данныя для опредѣленія умственной дѣятельности, предшествовавшей изложенію текста, и потомъ правильно истолковать смыслъ этихъ данныхъ.

Подводя общій итогъ ученой дѣятельности А., можно сказать, что если покойнымъ не совершено въ избранной имъ области чего либо выдающагося, то причиною того былъ относительно недостаточный запасъ фактическихъ свѣдѣній и спеціальной разработки отдѣльныхъ вопросовъ. Вслѣдствіе этого обобщенія покойнаго отличаются обыкновенно слишкомъ отвлеченнымъ характеромъ и имѣютъ значеніе не столько для греческаго языка и литературы, сколько для общихъ вопросовъ словеснаго творчества. Изъ трудовъ по древней исторіи болѣе самостоятельно посмертное сочиненіе, хотя оно несвободно отъ фактическихъ ошибокъ. Наиболѣе цѣнное въ трудахъ А—аго единство метода, психологическаго, и строгая послѣдовательность изложенія. Мѣткую общую оцѣнку трудамъ его дѣлаетъ проф. Помяловскій въ некрологѣ: «труды умные, интересные и поучительные». Покойный былъ хорошій лекторъ.

Ѳ. Мищенко.

Албанусъ, Августъ, пасторъ и директоръ училищъ въ Ригѣ †) р. 1765, † 1839 г. Въ 1816 г. издавалъ въ Ригѣ на рус. яз. «Россійское еженедѣльное изданіе». Не смотря на крошечный объемъ свой (почтовый листокъ), эта первая русская газета Остзейскаго края, мечтавшая всего о 100 подписчикахъ (подписная цѣна была назначена всего въ 20 р. ассиг.), на 53 №, въ началѣ 1817 г., прекратилась по недостатку средствъ.

Албенскій, Александръ. Написалъ «О состояніи Россіи и современныхъ государствъ Европы въ XI вѣкѣ». Спб. 1827 г. 8°. Ц. 5 р. и разныя статьи по русской исторіи въ «Сѣверномъ Архивѣ» 1820-хъ годовъ.

Албицкій, Михайло ††). Перевелъ съ лат. «Трудъ и удобство или христіанскія размышленія о томъ, какъ возбудить въ трудящихся и убожествующихъ радость о трудахъ и убожествѣ ихъ». М. 1801 г. 12°. Ц. 60 к. (Соп. 12.033). 2) съ латинскаго «Глаголы души съ Богомъ». М. 1803. 8°. Ц. 75 к. (Соп. 2827).

Албычевъ, Александръ Адріановичъ, писалъ въ журналахъ 1786—1787 гг.

Алдадановъ, Иванъ. Въ 1825 г. напечаталъ въ Москвѣ книгу: «*Хронологическое обозрѣніе достопамятныхъ произшествій*» 8°. (Смирдинъ, Роспись № 3466).

Алединскій, Павелъ†††). Вѣроятно Павелъ Михайловичъ Алединскій, который въ 80-хъ годахъ прошлаго стол. служилъ при Спб. таможнѣ въ качествѣ переводчика. Перевелъ: 1) съ нѣм. *К. Кеппена* «Crata героа или какимъ образомъ въ древнія времена происходило въ таинственномъ обществѣ посвященіе египетскихъ жрецовъ» М. 1779. 8°. Ц. 20 к. (Соп. 5806). 2) съ нѣм. «Жизнь нѣкоторыхъ благородныхъ особъ, несчастіемъ гонимыхъ». Спб. 1785 г. 8°.

Алеко—псевдонимъ А. И. Стронина.

Александра Павловна, великая княгиня, дочь императора Павла I и его супруги Маріи Ѳеодоровны, извѣстная своею печальною судьбою ††††). Родившись въ Петербургѣ 29 Іюля 1783 г., она уже въ 13 лѣтъ настолько выдавалась образованіемъ, красотою и симпатичнымъ характеромъ, что могъ возникнуть планъ выдать ее замужъ за

†) *Геннади*, Словарь, стр. 17.

††) *Геннади*, Словарь, стр. 17.

†††) *Геннади*, Словарь, стр. 17.

††††) О ней 1) «Рус. Ст.» 1874 г., т. IX, стр. 277—300 и 473—512; 2) Тоже 1876 г. т. XVII, стр. 697—705; 3) Тоже 1879 г. XXVI, стр. 329—335. 4) О пребываніи ея въ Венгріи см. «Записки» о. Самборскаго («День» 1862 г. № 37 и «Памятники новой рус. исторіи» Спб. 1872 г. т. II, отд. II, стр. 47—67). 5) *В. Толмачевъ*, въ «Энцик. Слов.», изданномъ рус. пис. и уч. т. III стр. 68.

короля шведскаго Густава IV Адольфа, тогда еще тоже малолѣтняго. Всѣ какъ въ Россіи, такъ и въ Швеціи находили выборъ будущей королевы чрезвычайно удачнымъ и когда въ 1796 году 17-ти лѣтній король-женихъ пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы самому убѣдиться въ достоинствахъ своей невѣсты, личное знакомство чрезвычайно сблизило будущихъ супруговъ. Взаимная склонность ихъ росла съ каждымъ свиданіемъ и бракъ, затѣянный первоначально изъ-за политическихъ соображеній, обѣщалъ быть очень счастливымъ. Но, съ одной стороны, неловкость русскихъ дипломатовъ, ведшихъ переговоры о подробностяхъ брачнаго договора, а съ другой глухое противодѣйствіе подкупленнаго французскою директоріею герцога Зюндерманландскаго, управлявшаго Швеціею до совершеннолѣтія короля въ качествѣ регента, привели къ тому, что дѣло кончилось большою непріятностью для русскаго Императорскаго дома. Переговоры, о которыхъ только что было упомянуто, касались, главнымъ образомъ, вѣроисповѣданія Александры Павловны. Русскій дворъ требовалъ, чтобы великая княгиня не мѣняла вѣры и чтобы ей было дозволено имѣть при себѣ православнаго духовника. Шведы не хотѣли согласиться на это, боясь неудовольствія со стороны протестантскаго духовенства, и давали уклончивые отвѣты. Тогда русскіе дипломаты и всесильный Платонъ Зубовъ, заправлявшій въ то время всѣми дѣлами государственнаго значенія, рѣшились выиграть кампанію внезапностью натиска. Императрицѣ сообщили, что переговоры окончились въ благопріятномъ для насъ смыслѣ, вслѣдствіе чего она назначила день, когда должно было состояться оффиціальное обрученіе. Вечеромъ этого дня дворъ собрался въ полномъ составѣ и въ полномъ блескѣ высокоторжественной обстановки. Но вотъ наступаетъ условленный часъ, а жениха нѣтъ. Встревоженная императрица посылаетъ узнать причину и чрезъ часъ ей сообщаютъ, что король не хочетъ подписать брачнаго договора. Оказалось, что его и регента увѣрили, что все устроится согласно ихъ желанію, и только въ самый рѣшительный моментъ, когда надо было облечься въ парадныя одежды, имъ подсунули договоръ, въ которомъ Александрѣ Павловнѣ была выговорена свобода вѣроисповѣданія. Дѣйствуя такимъ образомъ, наши дипломаты разсчитывали на деликатность чувствъ молодого короля, который не захочетъ нанести тяжкаго оскорбленія любимой дѣвушкѣ и не откажется отъ нея въ такую торжественную минуту. Но разсчеты эти оказались невѣрными. Подстрекаемый регентомъ, король наотрѣзъ отказался подписать договоръ и обрученіе не состоялось. Придворные были распущены и разошлись въ чрезвычайномъ смущеніи. На императрицу же все это такъ подѣйствовало, что съ нею сдѣлался нервный

ударъ, который былъ началомъ болѣзни, сведшей ее въ томъ же году въ могилу.

Черезъ три года послѣ несчастнаго сватовства, разбившаго сердце юной великой княгини, она была отдана замужъ за австрійскаго эрцгерцога Іосифа, палатина венгерскаго. Немного видѣла радостей Александра Павловна въ своемъ недолгомъ бракѣ съ палатиномъ. Мужъ, собственно говоря, относился къ ней хорошо. Относился къ ней также очень хорошо императоръ Францъ I, которому она приходилась племянницей по первой женѣ. Но именно это-то и повредило молодой женщинѣ. Императрица Терезія, вторая жена Франца, приревновала мужа къ палатинѣ и рядомъ мелкихъ непріятностей отравляла ей жизнь. Дочь русскаго императора терпѣла лишенія, которыхъ не испытываетъ женщина средняго круга. Читая записки о. Самборскаго, духовника палатины, просто глазамъ не вѣришь, чтобы хватало дерзости у австрійскаго двора такъ грубо обращаться съ дочерью повелителя тѣхъ самыхъ войскъ, которыя какъ-разъ въ это время спасали Австрію отъ французскаго разгрома. Достаточно сказать, что не исполнялись даже кулинарныя прихоти забеременѣвшей вскорѣ послѣ свадьбы палатины и о. Самборскій долженъ былъ нанять отъ себя особую кухарку, которая готовила-бы Александрѣ Павловнѣ то, чего она просила. При родахъ, происходившихъ въ Офенѣ, уходъ былъ очень плохой; о. Самборскій даже предполагаетъ, что намѣренно плохой. И это предположеніе не очень неправдоподобно, если принять во вниманіе, что 17-ти-лѣтней родильницѣ дозволено было встать на 9 день и что она на слѣдующій-же день, 4 (16) марта 1801 г., умерла отъ молочной горячки. Еще раньше ея умеръ ребенокъ. Злоключенія палатины не прекратились и со смертью. На католическомъ кладбищѣ ее не хотѣли хоронить и гробъ съ ея тѣломъ долго стоялъ въ какомъ-то склепѣ, гдѣ торговки складывали лукъ. Наконецъ, пришло приказаніе похоронить А. П. на особомъ участкѣ земли, купленномъ русскимъ правительствомъ, и впослѣдствіи на этомъ мѣстѣ была построена иждивеніемъ императора Александра I православная церковь.

Собственно къ русской литературѣ Александра Павловна имѣетъ самое мимолетное отношеніе. Оно только въ томъ и состоитъ, что въ «Музѣ» 1796 г. — небольшомъ журналѣ, издававшемся извѣстнымъ впослѣдствіи переводчикомъ греческихъ классиковъ И. Мартыновымъ — великая княгиня, которой тогда было 13 лѣтъ, напечатала два перевода съ французскаго: въ № 3 «Бодрость и благодѣяніе одного крестьянина» и въ № 7 «Долгъ Человѣчества» [1]). Но литературныя

[1]) Первый изъ этихъ переводовъ сопровождался такимъ примѣчаніемъ Мар-

наклонности такъ рѣдки въ тѣхъ сферахъ, гдѣ получила воспитаніе Александра Павловна, что мы сочли нужнымъ внести и ее въ нашъ словарь. Притомъ-же, какъ ни незначительны сами по себѣ переводы великой княгини, выборъ ихъ весьма любопытенъ для характеристики умственныхъ теченій XVIII вѣка. Несомнѣнно, что живи Александра Павловна въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, будь она напр. ученицей Жуковскаго, и выборъ ея навѣрное палъ-бы на какую-нибудь пьесу рыцарски или вообще романтически-средневѣковаго содержанія. Но ученица Лагарпа [1]) находитъ интересъ совсѣмъ въ другой сферѣ. Она спѣшитъ подѣлиться съ русскимъ читателемъ разсказомъ о фактѣ, доказывающемъ, что

«Великодушіе не въ одномъ высокомъ рожденіи обитаетъ. Благородныя чувствованія находятся нерѣдко и въ самомъ низкомъ состояніи».

Другая пьеса, удостоившаяся перевода великой княгини, тоже разсказываетъ о благородствѣ человѣка «низкаго состоянія» — нѣкоего итальянскаго ремесленника—и кончается такою моралью:

«похвально подражать сему ремесленнику».

Александрова, псевдонимъ *Дуровой*.

Александровичъ, Георгій или Юрій, ботаникъ. См. въ концѣ настоящаго тома.

Александровичъ, одинъ изъ первыхъ профессоровъ Харьковскаго университета.

Александровичъ, Митрофанъ Николаевичъ †). Писалъ въ «Основѣ» 60-хъ гг. небольшіе статейки этнографически-публицистическаго характера на малороссійскомъ языкѣ подъ псевдонимомъ «Митро Олелъковича».

На русскомъ языкѣ началъ печатать обширное историческое изслѣдованіе подъ заглавіемъ «*Остерскій уѣздъ. Историческое описаніе*». Кіевъ 1881. 8°. 212 стр. Вып. I. Но смерть (онъ въ томъ-же 1881 г. выбросился изъ окна) помѣшала Александровичу довести до конца этотъ трудъ, обѣщавшій стать серьезнымъ вкладомъ въ литературу объ Украйнѣ. Появившійся первый выпускъ обнимаетъ событія до окончанія смутъ въ Восточной Украйнѣ. (1669 г.). Послѣ А. осталось много цѣнныхъ работъ въ рукописи.

тынова: «какъ лестно было-бы для меня объявить имя особы, трудившейся въ переводѣ сей пьесы! но... скромность, когда ее требуютъ, должна быть священнымъ для меня закономъ». Второй переводъ былъ подписанъ —*А*.

[1]) Алекс. Павловна не была непосредственно ученицею Лагарпа, но несомнѣнно, что Лагарпъ, какъ воспитатель будущаго наслѣдника престола и Константина Павловича, давалъ тонъ воспитанію всѣхъ вообще августѣйшихъ внуковъ.

†) 1) «Кіев. Стар.» 1882 г. № 1. 2) *Д. Языковъ*. Писатели, умершіе въ 1881 г., стр. 1.

Мы надѣемся дать нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія объ Александровичѣ въ дополненіи къ настоящему тому.

Александровичъ, Тихонъ, см. **Тихонъ**.

Александровичъ, Ф. — псевд. Ф. А. Орлова («Будильникъ» 1868—1869 гг.). †)

Александровичъ, Ю., см. въ концѣ настоящаго тома.

Александровскій, Василій Афанасьевичъ, медикъ. По *Змѣеву*: («Врачи-писатели» Т. I, стр. 3) р. 1 Марта 1814 г., ум. 27 Марта 1879 г., происходитъ изъ духовнаго званія. Изъ семинаріи поступилъ въ 1832 г. въ Медик. Хир. Академію, откуда въ 1839 г. вышелъ лекаремъ въ суздальскій п. п.; въ 1840 переведенъ въ пятигорскій военный госпиталь, гдѣ съ 1852 былъ старшимъ ординаторомъ; въ 1854 назначенъ помощникомъ главнаго доктора грозненскаго временнаго госпиталя, въ 1863 главнымъ врачемъ горячеводскаго военнаго госпиталя, въ 1866 г. ардонскаго и въ этомъ званіи и умеръ.

Написалъ: «*Отчетъ о леченіи староюртовскими минеральными водами въ курсъ 1852 г.*» (Воен. Мед. Жур. 1853 г. ч. 62. То-же перепечатано въ «Medic. Zeitschrift Rusland's» 1854 г. стр. 121).

Александровскій, И. изобрѣтатель подводной лодки, см. въ концѣ настоящаго тома.

Александровскій, Иванъ Трофимовичъ, магистръ правъ, въ царствованіе Александра I занимавшій мѣсто наставника въ кременецкомъ лицеѣ.

Александровскій, Іоаннъ Сергѣевичъ, священникъ. Перевелъ съ франц. «Таинственное путешествіе въ островъ Добродѣтели». М. 1781. 8°. Ц. 2 р. 50 к.

Александровскій, Николай Семеновичъ, медикъ. По *Змѣеву:* («Врачи-писатели» т. I, стр. 3) изъ духовнаго званія, кончилъ курсъ московскаго университета лекаремъ I отд. въ 1836. Здѣсь-же въ 1839 получилъ степень доктора медицины за диссертацію «De haphalographia» М. 1839. 8° и тотчасъ-же поступилъ врачемъ во 2 артил. бригаду 2-ой арміи. Въ 1843 занялъ мѣсто особаго врача имѣній Сухово-Кобылина въ ярославской и тульской губ. Въ 1844 назначенъ сверхштатнымъ врачемъ московской полиціи при Арбатской части, въ 1845 сверхштатнымъ врачемъ московской больницы для чернорабочихъ и въ томъ-же году штатнымъ ординаторомъ сифилитическаго ея отдѣленія, съ увольненіемъ изъ полиціи. Въ 1863 состоялъ медикомъ при театральной дирекціи и въ попечительствѣ о бѣдныхъ.

Александровскій, Тимоѳей. ††) Перевелъ съ нѣм. «Путь къ пріобрѣ-

---

†) *П. Быковъ* въ «Рос. Биб.» № 80.

††) *Геннади*, Словарь стр. 17.

тенію блаженства или видѣніе Өедора Пустынника Тенерифскаго». Аллегорическая повѣсть. Спб. 1794. 8°. (По Соп. 9274, а не 721 какъ сказано у Геннади).

Александровскій, Өедоръ Павловичъ, медикъ. По *Змѣеву*: (Врачи—писатели» стр. 3) коллежскій совѣтникъ, сынъ дьякона; р. въ 1817 г. Изъ семинаріи въ 1836 поступилъ въ московскій университетъ, откуда въ 1841 выпущенъ лекаремъ въ новоингерманландскій полкъ. Въ 1842 переведенъ въ Ревель въ егерскій полкъ, а въ 1848 въ 5 полевую артил. бригаду. Въ 1849 г. тамъ-же опредѣленъ старшимъ врачемъ. Въ 1855 назначенъ старшимъ врачемъ въ вологодскій полкъ откуда уволенъ въ 1866.

Напечаталъ: 1) «*Антагонизмъ между перемежающейся лихорадкой и легочной чахоткой*» въ «Другѣ Здравія» 1854. № 38. 2) «*Переносъ рожистофлегмонознаго воспаленія лица отъ зубной боли на мозгъ и смерть*». Тамъ-же 1855 г. № 19. 3) «*Гипертрофія праваго желудочка сердца*». Тамъ-же 1855 г. № 28, 29.

Александровъ, («Ярчукъ» и др.) псевд. Н. А. Дуровой.

Александровъ — подъ этимъ псевдонимомъ Алек. Ник. Аксаковъ помѣстилъ въ «Днѣ» 1862 г. двѣ много нашумѣвшіе въ свое время статьи о Талмудѣ, обличительнаго для евреевъ характера. Статьи эти вызвали много опроверженій, между прочимъ одно очень горячее со стороны В. О. Португалова.

Александровъ, написалъ «*По пути отъ Константинополя въ Палестину, для странниковъ ко св. мѣстамъ*». Спб. 1858 г. ц. 1 р.— нѣчто въ родѣ путеводителя. Книга больше отличается благочестіемъ, чѣмъ литературными достоинствами.

Александровъ, А. подъ этимъ псевдонимомъ нѣсколько англичанъ и русскихъ издали въ 1879 г. очень хорошій англо-русскій словарь, за которымъ въ 1885 г. послѣдовалъ русско-англійскій. Оба словаря принадлежатъ къ лучшимъ явленіямъ нашей лексической литературы. Они отличаются большою полнотою, составлены по лучшимъ источникамъ и богаты фразеологіею. Въ англо-русскомъ словарѣ приведены не только современныя слова и выраженія, но и архаическія, такъ что съ помощью его можно читать и старинныхъ англійскихъ авторовъ. Наконецъ отмѣтимъ, что въ этомъ словарѣ, впервые въ русской лексической литературѣ, введена система транскрипціи иностранныхъ словъ русскими буквами, что даетъ возможность достигнуть правильнаго произношенія.

Александровъ, А. Проф. сравнит. языкознанія, см. въ концѣ наст. тома.

Александровъ, Александръ Васильевичъ. Писалъ по историческимъ вопросамъ въ «Сынѣ Отечества» 40-хъ гг. и, главнымъ образомъ, въ

«Маякѣ», гдѣ помѣстилъ два очень пространныхъ *«Письма къ издателю «Маяка» о литературной жизни Москвы»* (1845 г. т. IXX и XX), посвященныя разбору разныхъ теорій о происхожденіи Руси. Самъ А. рѣшительный противникъ норманской теоріи и стоитъ за происхожденіе славянское. Научнаго значенія эти письма не имѣютъ, но они довольно любопытны тѣмъ, что вводятъ въ разныя интимныя мелочи и дрязги, сопровождавшія въ сороковыхъ годахъ споръ о происхожденіи Руси.

Александровъ, В. Состоя въ чинѣ поручика лейбъ-гвардіи II артиллерійской бригады, напечаталъ въ 1846 г. (Спб.) *«Записки о ручномъ огнестрѣльномъ и бѣломъ орудіи»* съ 12 черт. ц. 2 р. †), встрѣченныя критикою съ большою похвалою.

Александровъ, Викторъ—псевдонимъ Виктора Александровича *Крылова.*

Александровъ, Владиміръ Александровичъ, вологодскій этнографъ. Напечаталъ двѣ цѣнныя въ этнографическомъ отношеніи статьи: 1) *«Вологодская свадьба»* («Библ. д. чт.» 1863 г. 5. 6.) и 2) *«Деревенское веселье въ вологодскомъ уѣздѣ»* («Современникъ» 1864, № 7), заключающія въ себѣ чрезвычайно обстоятельное описаніе всѣхъ обрядовъ, сопровождающихъ свадьбы вологодскихъ крестьянъ. Кромѣ того въ нихъ имѣется большое количество свадебныхъ пѣсенъ. Приблизительно тотъ-же матеріалъ драматизированъ А. въ «картинахъ изъ крестьянской жизни», напечатанныхъ въ «Зарѣ» 1871 г. (№ 6) подъ именемъ *«Славнуки»* и затѣмъ изданныхъ отдѣльно Спб. 1871. Въ этой драмѣ, кромѣ того, авторъ старается показать разлагающее дѣйствіе городской цивилизаціи на крестьянскій бытъ.

Александровъ, Григорій Николаевичъ ††). Въ 1826–1835 гг. служилъ подъ начальствомъ гр. Сперанскаго во II отд. Собств. Е. В. Канцеляріи, а послѣдніе годы своей жизни управлялъ московскимъ отдѣленіемъ архива главнаго штаба. † въ Москвѣ 18 марта 1881 г. въ чинѣ статскаго совѣтника.

А. помѣстилъ въ «Русск. Арх.» 70-хъ гг. и «18 вѣкѣ» изд. Бартенева слѣдующій рядъ историческихъ замѣтокъ, большею частію представляющихъ собою сообщеніе новыхъ историческихъ документовъ:

1) *Печать Антихриста.* (1873 г. стр. 2068). 2. *Еще о печати Антихриста.* (1873 г. стр. 02296). 3. *О Лефортовскомъ дворцѣ въ Москвѣ.* (1875 г. III. 482). 4. *Духовное завѣщаніе Анны Монсъ.* (1875 г. I. 0258). 5. *Письмо А. П. Волынскаго къ*

†) Отзывы о ней: 1) «Биб. д. Чт.» 1846, т. 76, отд. 6, ст. 28—30. 2) «Финс. Вѣст.» 1846, т. 2, отд. 5, стр. 94—101. 3) «Рус. Инв.» 1846 г. № 131, 132.

††) *Д. Д. Языковъ.* Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. писателей. «Вып. 1, стр. 5. 2). «Моск. Вѣд.» (1881 г. № 19).

князю А. Д. Меньшикову. (1878 г. II. 273). 6. *Историческія свѣдѣнія о сношеніяхъ Россіи съ Черногоріею.* (1876 г. II. 257). 7. *Мѣстничество въ исходѣ XVIII вѣка.* 8. *Письмо графа Ю. Ю. Броуна къ графу Н. И. Салтыкову о сливкахъ для царскаго дома.* (1873 г. 643). 9. *Письмо изъ Пизы въ Петербургъ отъ графа А. Г. Орлова-Чесменскаго къ князю Потемкину.* (1876 г. II. 5) 10. *Письмо графа Орлова-Чесменскаго къ графу Салтыкову объ Александрѣ Чесменскомъ.* (1873 г. 468). 11. *О взысканіи съ наслѣдниковъ князя Потемкина-Таврическаго казенныхъ денегъ* (1873 г. 2322). 12. *Собственноручная записка Императора Александра Павловича касательно военной исторіи.* (1874 г. I. 201). 13. *Унтеръ-офицеръ Стариковъ, герой 1806 года.* (1877 г. II. 166). 14. *Подвиги русскихъ солдатъ въ царствованіе Александра Павловича* (1876 г. III. 373). 15. *Приказы военнаго министра Барклая де-Толли.* (1876 г. III. 517). 16. *Подвигъ мѣщанина Герасимова 1810 года.* (1875 г. III. 106). 17. *О бывшихъ военныхъ поселеніяхъ и возникновеніе ихъ.* (1874 г. 1716). 18. *Еще нѣсколько словъ о военныхъ поселеніяхъ.* (1874 г. I. 1042). 19. *Бумаги изъ эпохи 1812—1814 г.* (1871 г. 1537). 20. *Письма къ великому князю цесаревичу Константину Павловичу графа Аракчеева и Карамзина.* (1868 г. 289). 21. *Переписка гр. Ѳ. М. Ростопчина съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ.* (1869 г. 763). 22. *Къ исторіи первой турецкой войны при имп. Ник. Павловичѣ.* (1877 г. II. 470). 23. *Къ біографіи комика Княжнина.* (1873 г. 1796). 24. *Изъ дѣла о присвоеніи В. К. Третьяковскимъ гренадерской жены.* («18 вѣкъ» III. 178). 25. *Письмо Хераскова къ Екатеринѣ Великой.* (1879 г. III. 27). 26. *Къ столѣтнему юбилею московскаго дворянскаго клуба.* (1879 г. I. 523). 28. *По поводу духовнаго завѣщанія Анны Монсъ.* (1875 г. III. 251). 29. *Собственноручная замѣтка Екатерины II-й на докладѣ князя Потемкина.* (1876 г. I. 70). 30. *Два письма Екатерины II-й.* (1873 г. 0449). 31. *Краткое примѣчаніе о полуостровѣ Таврическомъ. Записка гр. М. В. Каховскаго.* (1873 г. 592). 32. *Ордера и записки. Кн. Потемкина къ кн. Суворову* (1877 г. III. 195). 33. *Приказъ гр. Аракчеева въ 1808 г.* (1875 г. III. 314). 34. *Курьезъ изъ времени управленія военнымъ министерствомъ гр. Аракчеева (увольненіе отъ службы Дмитрія Валуева)* (1874. I. 499).

Кромѣ того, А. въ «Совр. Лѣтоп.» 1865 г. (№ 18) помѣстилъ статью: «*Мои воспоминанія о гр. Сперанскомъ*».

Александровъ-Дольникъ, см. **Дольникъ**.

Александровъ, Иларіонъ Осиповичъ, медикъ. *По Змѣеву:* («Врачи-писатели», стр. 3) дѣйствит. статск. совѣтникъ, изъ дворянъ; въ 1807 году поступилъ въ медико-хирургическую академію, откуда въ 1811 г. выпущенъ лекаремъ въ лейбъ-гвардіи казачій полкъ, съ которымъ дѣлалъ кампанію 1812 г. Въ 1816 г. произведенъ въ штабъ-лекари того же полка, въ 1830 г. назначенъ ординаторомъ артиллерійскаго госпиталя, въ 1839 г. безъ экзамена удостоенъ мед. академіей степени доктора медицины, въ 1842 г. назначенъ начальникомъ 2-го отдѣл. военно-медицинскаго департамента, затѣмъ состоялъ при главномъ военно-медицинскомъ инспекторѣ и въ 1846 г. вышелъ въ отставку.

Напечаталъ: 1) «*Излѣченіе падучей болѣзни чрезъ ожогу*» въ «Другѣ Здравія» 1833 г. № 14. 2) «*Лѣченіе брюха*» тамъ же, 1836 г. № 18. 3) «*Ущемленная паховая грыжа, излѣченная операціей*» въ «Воен.

Мед. Журн.» 1836 г. ч. 27, 2. 4) «*За появленіемъ рожи на животѣ исчезли сочувственные геммороидальные припадки въ ногахъ и мочевомъ пузырѣ*» въ «Трудахъ Русск. Врачей» 1836 г. I, 208. 5) «*Описаніе операціи ущемленной грыжи, произведенной д-ромъ Буяльскимъ*» въ «Воен. Мед. Журн.» 1835 г. ч. 27, II. 6) «*О наслѣдственномъ сифилисѣ*» въ «Др. Здр.» 1850 г. № 3.

* **Александровъ,** Николай Александровичъ, современный журналистъ и художественный критикъ †). *По полученнымъ отъ него свѣдѣніямъ*, родился въ 1840 г. въ г, Ставрополѣ (Кавказскомъ), воспитывался въ кіевской 1-й гимназіи и затѣмъ слушалъ лекціи въ моск. и петербургскомъ университетахъ. Началъ свою литературную дѣятельность въ срединѣ 60-хъ гг. нѣсколькими рецензіями въ «Современникѣ», затѣмъ былъ негласнымъ редакторомъ (вмѣстѣ съ Н. И. Шульгинымъ) газеты «Якорь» и сатирическаго приложенія къ нему «Оса». Въ этихъ изданіяхъ имъ помѣщенъ рядъ фельетоновъ и статей, а въ «Осѣ» стиховъ. Въ «Женскомъ Вѣстникѣ» А. велъ критическій отдѣлъ, писалъ библіографическія замѣтки и «журналистику» (большею частью подъ всевдонимомъ *Н. Арова)*, а изъ болѣе крупныхъ статей помѣстилъ за своею подписью 1) «*Недомолвки о народномъ поэтѣ*» (1867 г. № 8). Послѣ прекращенія «Женскаго Вѣстника» онъ принималъ участіе въ редактированіи «Современнаго Обозрѣнія», (1868 г.) изд. Тиблена, гдѣ помѣстилъ рядъ рецензій и статью подъ названіемъ 2) *Скользкій путь новыхъ романистовъ*». По прекращеніи «Современнаго Обозрѣнія», участвовалъ въ «Дѣлѣ» Г. Е. Благосвѣтлова и помѣстилъ, кромѣ ряда разныхъ рецензій, критическую статью подъ названіемъ 3) «*Мелочи дня*» (1868 г. № 12). Въ томъ-же 1868 г. А. редактировалъ внѣстѣ съ А. Н. Струговщиковымъ журналъ «Библіографъ», изд. «Русской книжной торговли» и велъ въ немъ отдѣлъ журналистики, а также помѣтилъ нѣсколько рецензій.

---

†) Отзывы о книжкѣ его «*На праздникъ*», изд. вмѣстѣ съ А. Н. Пещеевымъ.
1) «П. Вѣд.» 1873 г. № 5. 2) «Пет. лист.» 1873 г. 3) *А. С.* въ «Нов. Вр.» 1873 г. № 11. 4) «Голосъ» 1873 г. 8. 5) *С. С. Окрейца* въ «Библіотекѣ общедост.» 1873 г. № 4, подъ назв. «Дѣтская литература въ новыхъ рукахъ» 6) «Дѣло» 1873 г. № 12. 7) «Педаг. лист.» (при «Дѣт. Чт.») 1873 г. № 1. 8) «Сіяніе» 1873 г. № 7. 9) «Дѣт. Садъ» 1873 г. № 2.

О «*Народахъ Россіи*»: 1) *Н. Ч.* въ «Дѣлѣ» 1872 г. № 9. 2) «Нов. Вр.» 1872 г. № 120. 3) «Спб. Вѣд.» 1862 г. № 41. 4) Ibid. № 131. 5) «Пет. Лист.» 1873 г. № 8. 6) «Дѣтск. Садъ» 1873 г. № 8—9. 7) «Журн. Мин. Нар. Пр.» 1873 г. № 4. 8) «Нар. Школа» 1873 г. № 6. 9) «Херс. еп. вѣд.» 1873 г. № 16. (Мнѣніе учен. ком. при Св. Синодѣ). О «*Волкѣ*»: 1) *Х. Х. В.* въ «С. П. Вѣд.» 1874 г. № 159. 2) «Дѣтскій Садъ» 1874 г. стр. 515—516. 3) «Голосъ» 1874 г. № 163.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

Въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ гг. А. писалъ замѣтки по искусству и рецензіи въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», изд. Корша, помѣстилъ рядъ разсказовъ подъ названіемъ 4) «*Народы Россіи*» въ «Дѣтскомъ Чтеніи», изд. «Русской книжной торговли», рядъ разсказовъ подъ названіемъ «*Волга*» въ «Семьѣ и Школѣ», изд. Ю. И. Симашко, а въ педагогическомъ отдѣлѣ этого журнала напечатана А. также критическая статья (безъ подписи) 5) «*Педагогическій кукельванъ*» и въ приложеніи къ журналу помѣщены двѣ географ. карты съ шарадами для дѣтей: архангельской и астраханской губерній. Тогда-же А. былъ членомъ педагогической коммисоіи народныхъ чтеній въ Соляномъ Городкѣ и прочелъ три чтенія по этнографіи Россіи. Въ «Голосѣ» (1865 г.) въ отдѣлѣ фельетона А. помѣстилъ разборъ «Настольнаго Словаря» Толя и затѣмъ, подъ псевдонимомъ *Нето* и безъ всякой подписи велъ впродолженіи года фельетонъ и замѣтки объ искусствѣ. Въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», изд. Трубникова, А. помѣстилъ рядъ фельетоновъ объ искусствѣ, а въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», изд. Полетики, тоже велъ отдѣлъ искусства и, кромѣ, того помѣстилъ статью о книгопродавческой дѣятельности въ Петербургѣ (1875 г.). Въ Москвѣ А. принималъ одно время дѣятельное участіе въ «Русск. Вѣд.», изд. П. С. Скворцова, и помѣстилъ тамъ рядъ статей по политехнической выставкѣ (1872 г.), а также нѣсколько фельетоновъ по искусству. Въ продолженіе года редактировалъ А. въ Москвѣ-же «Русскую Газету» (1875—76 г.), гдѣ писалъ передовыя статьи, разныя замѣтки и воскресные фельетоны, подъ псевдонимомъ «*Сторонняго зрителя*». Въ «Русской Правдѣ» (1878 г.), изд. Гирса, А. велъ нѣсколько мѣсяцевъ отдѣлы: внутренній театральный и хроники.

Въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» (1877—78 г.) изд. Корша, А. помѣстилъ рядъ корреспонденцій изъ Москвы, въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» нѣсколько рецензій; во «Всемірной Иллюстраціи» и «Пчелѣ» 70-хъ гг. завѣдывалъ художественнымъ отдѣломъ и помѣстилъ рядъ статей по искусству, а также и рядъ этнографическихъ разсказовъ. Въ журналѣ «Слово» А. напечаталъ статью подъ названіемъ: «*Художественныя Новости*» (1879 г.); въ «Новомъ Времени» нѣсколько замѣтокъ по искусству; въ «Петербургскомъ Листкѣ» въ продолженіе года велъ отдѣлъ журналистики и помѣщалъ замѣтки по искусству. Въ «Настольномъ Словарѣ» Толя А. принималъ весьма близкое участіе и, кромѣ, множества всякаго рода статей по литературѣ и искусству, помѣстилъ отдѣльное библіографическое изслѣдованіе исторіи русской журналистики, начиная съ «курантовъ» царя Алек. Михайловича. Отдѣльно напечатаны А.: «*Народы Россіи*». Спб. 1872 г.

Ц. 1 р. 50 к. Съ рис. Микѣшина, Шарлеманя и др. «*Волга*»—разсказы для дѣтей. Спб. 1874 г. Народныя чтенія по этнографіи Россіи въ Соляномъ Городкѣ. Для дѣтскаго чтенія А. издалъ вмѣстѣ съ Ал. Ник. Плещеевымъ сборникъ подъ названіемъ «*На праздникъ*» Спб. 1873 г. Во время всероссійской выставки 1870 г. А. велъ выставочную газету, издававшуюся г. Сапіенца, а въ 1881 г. онъ основалъ свой собственный журналъ, подъ названіемъ «*Художественный Журналъ*», въ которомъ впервые явились въ Россіи фототипическіе снимки съ картинъ. Журналъ этотъ выходитъ и понынѣ хотя очень неправильно и успѣхъ имѣетъ незначительный.

Въ «Худож. Журналѣ» А. помѣстилъ три значительныхъ этюда: о Куинджи, Крамскомъ и Вл. Маковскомъ (1881 г. № 1, 2, 3), біографію Перова и рядъ небольшихъ замѣтокъ, фельетоновъ и выставочныхъ отчетовъ (большею частью за подписью «*Сторонній зритель*».

Н. А. Александровъ въ первой половинѣ своей литературной дѣятельности примыкалъ къ крайней фракціи русской журналистики. Такъ напр., участвуя въ «Дѣлѣ» Г. Е. Благосвѣтлова, онъ велъ ожесточенную борьбу съ Незнакомцемъ-Суворинымъ, борьбу, вызванную тѣмъ, что фельетонистъ Коршевскихъ «С.-П.-Вѣд.», въ то время еще принадлежавшій къ числу наиболѣе рьяныхъ застрѣльщиковъ либеральнаго лагеря, казался ему слишкомъ умѣреннымъ прогрессистомъ. Но теперь А. всего тѣснѣе соприкасается въ журналистикѣ съ «Новымъ Временемъ».

Что касается взглядовъ А. на искусство, то въ нихъ онъ долго являлся горячимъ сторонникомъ новой русской школы. Еще въ началѣ 80-хъ гг., при возникновеніи «Худож. Журнала» А. сдѣлалъ его спеціальнымъ органомъ этой школы. Но послѣдніе годы «Худож. Журналъ» рѣшительно измѣнилъ свое отношеніе къ партіи передвижниковъ и видитъ въ ней только недостатки. Послѣдняя выставка напр. вызвала самую ѣдкую оцѣнку на страницахъ «Худ. Жур.» и даже Рѣпинъ былъ при этомъ случаѣ названъ талантомъ «дурно направленнымъ».

Александровъ, Павелъ Николаевичъ †) (1813 — 1850). Изъ кантонистовъ, благодаря большимъ способностямъ къ астрономіи и геодезіи, дослужился до штабсъ-капитана корпуса топографовъ. Принималъ видное и дѣятельное участіе въ работахъ по тріангуляціи Закавказья, производившихся подъ руководствомъ полк. О. И. Ходзько. Настойчи-

---

†) 1) *Уманецъ*, Пав. Ник. Александровъ (некрологъ) въ „Зап. Кавк. Отд. Геогр. Общ.“ кн. 1 стр. 241—246. 2) *Геннади*, Словарь.

вое желаніе сдѣлать астрономическія наблюденія на самой вершинѣ Арарата стоило ему жизни

Александровъ, Петръ Александровичъ, химикъ и технологъ †). Род. 29 іюня 1816 г. во Владимірѣ на Клязьмѣ; учился въ московскомъ университетѣ и тамъ-же въ 1852 году удостоенъ степени магистра химіи. Съ 1843 г. преподавалъ химію въ 3 моск. гимназіи, съ 1847 химію и технологію въ моск. землед. школѣ, съ 1852 технологію и товаровѣдѣніе въ моск. практич. академіи коммерч. наукъ и технологію механическую въ моск. ремес. учебн. заведеніи. Въ 1852 читалъ при моск. университетѣ публичныя лекціи объ обработкѣ волокнистыхъ веществъ. † 13 ноября 1867 г., состоя въ должности директора 3 моск. гимназіи.

Отдѣльно А. издалъ: 1) «Рѣчь о причинахъ быстрыхъ успѣховъ мануфакт. производствъ въ настоящее время». М. 1849 г. 2) «Опытъ сельской технологіи» 2 части. М. 1851 и 1852. 3) «О сѣрной кислотѣ въ химико-техническомъ отношеніи». М. 1852 г. (магистер. диссертація). Изъ болѣе крупныхъ *журнальныхъ статей* А. можно отмѣтить: 4) «Обозрѣніе выставки ман. изд. въ Москвѣ 1853 г.» въ «Современникѣ» 1853 г. № 8. 5) «Парафинъ и парафиновыя свѣчи» въ «Русс. Вѣст.» 1858 г. 6) Рядъ статей о крашеніи, набивкѣ ткапей и бѣленіи въ «Промышленномъ Листкѣ» 1858 г. Кромѣ того А. помѣстилъ множество статей и рецензій по химіи, технологіи, агрономіи и естествознанія въ «Вѣст. Ест. Наукъ», «Экон. Указателѣ», «Отеч. Зап.» и др. газетахъ и журналахъ 1850-хъ г.г. А. принималъ тоже участіе въ большомъ Энциклоп. Словарѣ, изд. въ началѣ 1860-хъ гг. русскими учеными и лит. подъ редакціею П. Л. Лаврова.

Александровъ, Фр. авторъ выдержавшей 5 изданій (съ 1864 г.) книжки «*Начальныя основанія минералогіи*». Ц. 1 р. и «*Зоологіи для первоначальнаго чтенія*» Ц. 1 р. 50 к. въ 1868 г., вышедшей 3-ьимъ изданіемъ.

Александръ Б. Подъ этимъ псевдонимомъ нынѣшній епископъ херсонскій Никаноръ, въ мірѣ Бровковичъ, издалъ 1861 г. извѣстную книгу «*Описаніе нѣкоторыхъ раскольничьихъ сочиненій*».

Александръ Б.—псевд. А. М. Бухарева ††).

Александръ В.—псевд. А. Н. Иволгина ††).

* **Александръ**, (Андрей Васильевичъ *Добрынинъ*), архіепископъ литовскій. *По даннымъ, извлеченнымъ нами изъ архива Св. Синода*, сынъ священника, р. въ 1820 г. въ селѣ Веретеѣ мологскаго уѣзда ярославской губ., учился въ ярославской семинаріи и въ петербургской дух. академіи, по окончаніи курса въ которой въ 1843 съ правомъ на степень магистра опредѣленъ учителемъ математики новгородской семи-

---

†) 1) *М. Китары* въ „Энцикл. Слов.“ т. III. 2) „Ил. Газ.“ 1867 г. № 49. 3) „Моск. Вѣд.“ 1867 г. № 251. 4) *Геннади*, Словарь.

††) *П. Быковъ* въ «Рос. Биб.» № 80.

*) означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

аріи; въ 1846 принялъ монашество, въ 1847 назначенъ инспекто-омъ пермской семинаріи, въ 1849 перемѣщенъ инспекторомъ нов-эродской семинаріи, въ 1861 возведенъ въ санъ архимандрита и въ эмъ-же году получилъ ректорство Литовской семинаріи, въ 1855 из-ранъ членомъ виленской Археографической Коммиссіи, въ 1860 руко-оложенъ въ епископа ковенскаго, викарія литовскаго, въ 1867 на-лаченъ епископомъ минскимъ и бобруйскимъ, въ 1877 возведенъ въ анъ архіепископа, и въ томъ-же году повелѣно ему быть архіеписко-омъ донскимъ и новочеркасскимъ; въ 1879 перемѣщенъ архіепископомъ итовскимъ. † 25 апр. 1885 г.

Напечаталъ: 1) «*Слово при освященіи православной церкви въ Трокахъ*» («Странникъ» 1863 г. № 12). 2) «*Слово при освященіи ь Вильнѣ собора Св. Николая*» (Ib. 1868 г.). 3) «*Посланіе къ па-твѣ*» (Ib. 1869). 4) «*Рѣчь при освящ. храма въ м. Ивенцѣ*». (Ib. 1869).

Александръ-Дьяконъ, †) расколоучитель XVIII в. род. въ 1674 или 675 г., казненъ 21 марта 1720 г. Родомъ онъ былъ изъ нерехот-кихъ посадскихъ людей и служилъ дьякономъ въ тамошнемъ тен-комъ владимірскомъ монастырѣ. Читая старыя книги, онъ обратилъ ниманіе на мѣста, гдѣ говорилось о двуперстіи и сугубой аллилуіи; го смутили слова: «иже не креститъ двѣма персты, якоже и Христосъ, а будетъ проклятъ». Онъ обращался за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣ-ій къ монастырскому священнику, Василію Ѳедорову, но тотъ ни-его не разъяснилъ и посовѣтовалъ только не читать старыхъ книгъ. Іо Александру необходимо было разъясненіе. Въ это время онъ со-іелся со старицей Елизаветой, которая пришла въ Нерехту изъ рославскаго монастыря. Елизавета «съ великимъ ужасомъ» открыла лександру, «что-де нынѣ вѣра неправая и говорить-де о томъ е смѣю для того, что-де нынѣ за то мучатъ», и разсказала въ аскольничьемъ духѣ о книжномъ исправленіи при патр. Никонѣ. Гдѣ-же истинная вѣра?» спросилъ Александръ. — «Она обрѣтается ъ сокровенномъ мѣстѣ, а именно въ лѣсу, въ нижегородскихъ пусты-

†) О немъ: 1) *Макарій*. Ист. русск. раскола, стр. 299 — 301. 2) *Есиповъ*. 'аскольн. дѣла XVIII ст. Дьяконъ Александръ, т. I стр. 622 — 652. — Та-же татья въ газ. Русская Рѣчь, 1861 г. № 37. 3) Энциклопедическій словарь 1861 г. III статья *Н. Я. Аристова*. 4) *Александръ Б.* Опис. нѣк. раск. соч. ч. 2, гр. 132 и сл. 5) *А. Іоанновъ*. Полн. ист. извѣстіе о раскол. стр. 162 — 3, 230 ізд. 1831 г.). 6) Др. Росс. Вивл. т. XV стр. 405 и сл. 7) *Ивановскій*. Руководство) истор. и облич. раск. ч. I стр. 135—137. 8) П. С. З. т. VI, № 3522. 9) Описа-іе рукописей библ. Хлудова №№ 263 и 341. 10) Описаніе рукописей церковно-рхеологическаго музея при кіев. дух. акад. № 273. 11) *Строевъ*, Опис. рук. Цар-каго №№ 279, 280, 750 (ст. 100). 12) Описаніе рукоп. Ундольскаго № 502. 13) *Ли-*
невъ, Опис. рук. черниг. *дух. сем. №* 468.

няхъ, коли хочешь спастись, то туда поди» — отвѣтила Елизавета и дала ему наставленіе, какъ узнать истинныхъ подвижниковъ: «они сухи, постны и въ худой одеждѣ». Александръ продалъ все свое имущество и съ женой тайно ушелъ изъ Нерехты (1703 г.). Въ Ярославлѣ встрѣтился онъ на постояломъ дворѣ со слѣпцомъ Каріономъ и пошелъ за нимъ. Но вскорѣ онъ познакомился со старцемъ Іоною, который ему понравился больше слѣпца. Старецъ увелъ его въ свой скитъ въ чернораменскихъ лѣсахъ балахнинскаго у. нижегородской губ. Жена Александра постриглась въ одномъ изъ керженскихъ женскихъ скитовъ. Проживъ годъ у Іоны, Александръ «научился подлинно разумѣнію въ вѣрѣ». Потомъ онъ жилъ во многихъ другихъ скитахъ на послушаніи у разныхъ старцевъ. Въ 1709 г. былъ постриженъ въ монахи наставникомъ Лаврентіемъ, а черезъ годъ сдѣлался настоятелемъ скита послѣ смерти Лаврентія. Къ этому времени относятся споры о мурѣ и кажденіи, послужившіе поводомъ къ образованію согласія «дьяконовцевъ» или «новокадильниковъ». Вѣтковскій настоятель, черный попъ Ѳеодосій, принимая бѣглыхъ поповъ черезъ мѵропомазаніе, сталъ употреблять свареннoе имъ самимъ мѵро. Но керженцы возстали, съ дьякономъ Александромъ во главѣ, противъ употребленія этого мѵра. Александръ писалъ объ этомъ посланіе къ Ѳеодосію (объ этомъ свидѣтельствуетъ Иванъ Алексѣевъ въ «Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ»), ссылался на Кормчую Книгу и доказывалъ, «яко мѵро древнее окончася». Послѣднее показаніе Алексѣева не совсѣмъ достовѣрно, такъ какъ дьяконовцы все-же употребляли какое-то «древнее мѵро», освященное отъ архіереевъ до Никона, и къ нему «за оскудѣніемъ приливали масла по правилу св. Матвѣя іерусалимскаго». Другимъ отличіемъ дьяконовской секты является особый видъ кажденія: по мнѣнію Александра, вѣтковцы неправильно совершали во время службы троекратное кажденіе, кадя дважды прямо, а третій разъ поперекъ, тогда какъ по уставу слѣдуетъ кадить крестообразно разъ прямо, потомъ поперекъ, какъ крестообразно мы ограждаемъ себя рукою. Согласно этому ученію, въ 1706 г. 6 янв., во время крестнаго хода для освященія воды, онъ началъ кадить крестообразно народъ, замѣтивъ это нововведеніе, бросился на дьякона, такъ что онъ едва могъ спастись бѣгствомъ. Но вскорѣ онъ склонилъ на свою сторону настоятеля своего скита, попа Дмитрія, и многихъ другихъ. Начались ожесточенные споры между двумя партіями. Ѳеодосій писалъ грозныя посланія противъ «новокадильниковъ», обѣщалъ ихъ отлучить отъ церкви; ему отвѣчали Тимоѳей Матвѣевичъ Лысенинъ, Василій Власовъ, попы Тихонъ, Герасимъ, Дмитрій, самъ дьяконъ Александръ.

мъ образомъ явилось согласіе дьяконовщины. Слѣдуетъ отмѣтить слѣдующіе пункты ученія дьяконовцевъ: 1) должно почитать ;роконечный крестъ, какъ и восьмиконечный (хотя впослѣдствіи)новцы стали говорить о четвероконечномъ крестѣ, что онъ «по г первообразному Христову кресту подобенъ быти не можетъ»);)жно употреблять молитву: «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, луй насъ», какъ и молитву: «Господи Іисусе Христе, Сыне й, помилуй мя грѣшнаго»; 3) міряне, приходящіе изъ правоюй церкви, принимаются черезъ мѵропомазаніе, также принися и попы, хотя относительно ихъ вполнѣ опредѣленныхъ праие установилось. — Во время этихъ споровъ и толковъ въ городскихъ предѣлахъ противъ раскольниковъ дѣйствовалъ извѣст- Питиримъ. 1 янв. 1716 г. онъ послалъ къ дьякону Александру вопросовъ и требовалъ письменнаго отвѣта, «коихъ ради винъ ились отъ единства церкви и какъ содержимое ими разумѣютъ ». Дьяконовцы приняли вопросы, обѣщали отвѣчать, и 1 авг. сали посланіе и 240 вопросовъ со своей стороны. Въ 1717 г. іримъ извѣстилъ дьяконовцевъ, что его отвѣты готовы и спраши-, готовы-ли они. Долго дьяконовцы отказывались отвѣчать ему иенно, наконецъ силой вынуждены были это сдѣлать и представои отвѣты 15 мая 1719 г. Есть извѣстіе, что они писаны ееемъ Денисовымъ, но къ этому извѣстію слѣдуетъ относиться съ торою осторожностью; первая часть «Отвѣтовъ», такъ сказать, .я, чрезвычайно сходна съ «Поморскими Отвѣтами» и относию ея приведенное извѣстіе можетъ быть принято, но вторая ›, излагающая спеціально дьяконовскія возрѣнія, по всему вѣ.ю, писана самими дьяконовцами, т. е. дьякономъ Александромъ . 29 сент. Питиримъ пріѣхалъ съ солдатами въ Дрюковскую во› и приказалъ раскольникамъ собраться для спора. Между тѣмъ), черезъ раскольничьяго старца Варсонофія, онъ прислалъ къ)новцамъ черновое доношеніе такого рода: «разсуждали мы многое я и уразумѣли подлинно, что противъ вопросовъ отвѣчали не-), а на многіе не отвѣчали, понеже не возмогахомъ, како бы цати праведно. И того ради просимъ по совѣту всего нашего віл, прости насъ безъ истязанія въ овыхъ неправедныхъ на› отвѣтахъ, понеже мы не можемъ отвѣщати нынѣ и впредь; а ные наши отвѣты полагаемъ нивочто, яко бы и не писаны»; далѣе ›ится, что отказъ писанъ не по насилію, но добрымъ произвомъ. Слѣдовало переписать это доношеніе, приложить руки, подать народѣ Питириму и ни о чемъ не спорить. Варсонофій говорилъ:

«хотя станетъ и истязать васъ, чтобы вы противъ вопросовъ отвѣтствовали, а вы кланяйтесь, чтобы не отвѣтствовать, а довлѣть доношеніемъ». Долго колебались Александръ и дьяконовцы, но наконецъ «убоясь большихъ мукъ и ссылокъ и ноздрей рванія», приложили руки къ доношенію. 1 октября состоялась бесѣда въ той обстановкѣ, какъ говорилъ Варсонофій. Совѣсть мучила Александра послѣ этого проступка, онъ клялся своимъ единомышленникамъ, что подписалъ доношеніе изъ страха. Но ему хотѣлось торжественно отречься отъ этого дѣла. Въ декабрѣ онъ тайно ушелъ въ Петербургъ и подалъ на имя государя кабинетъ-секретарю Макарову новое доношеніе, въ которомъ подробно описалъ дѣйствія Питирима, отрекался отъ «приложенія .руки къ неправедному доношенію». Противъ Александра былъ поставленъ Варсонофій, который доказывалъ, что Александръ написалъ новое свое доношеніе безъ совѣта скита. 12 февраля дьяконъ допрашивался въ кабинетѣ государя, 16 февр. посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, 22-го его пытали, желая узнать, кто его сообщники, но онъ никого не открылъ. Приказано было отвезти его въ Нижній и казнить. Тамъ ему всенародно отрубили голову, а тѣло сожгли на кострѣ 21 марта 1720 г.

Изъ очерка жизни и дѣятельности дьякона Александра видно, что это былъ человѣкъ искренно стремившійся къ истинѣ; не его вина, если онъ заблуждался: люди, съ которыми онъ сталкивался, не могли ему помочь въ его исканіяхъ; оказавши нѣкоторую слабость въ стояніи за свою вѣру, онъ не могъ пережить своей измѣны, совѣсть заставила его отречься отъ покаянія, и спокойно пошелъ онъ на смерть. Андрей Іоанновъ и нѣкоторые историки съ его словъ обвиняютъ дьякона въ непостоянствѣ, будто онъ присоединился къ православію, а потомъ отрекся, но, какъ справедливо замѣчаетъ Н. Я. Аристовъ это «чистѣйшая ложь» и въ указѣ о казни Александра ничего не говорится о его переходѣ въ православіе.

Изъ сочиненій дьякона Александра до сихъ поръ ничего не напечатано, хотя въ рукописяхъ они встрѣчаются во многихъ библіотекахъ. Вообще надо замѣтить, что степень авторства Александра трудно опредѣлить: «Духовное Завѣщаніе» его, находящееся въ числѣ рукописей Царскаго (Опис. Строева, № 750, ст. 100), и нѣкоторыя, такъ называемыя «новокадильническія» сочиненія, несомнѣнно принадлежатъ ему одному; относительно-же «Дьяконовыхъ отвѣтовъ» и нѣкоторыхъ другихъ рукописей, ему приписываемыхъ, слѣдуетъ допустить коллективное авторство.

А. Бороздинъ.

Александръ, дьякъ †). «При патріархѣ Антоніѣ и при царѣ Ма-
уилѣ азъ діакъ Александръ приходихомъ куплею въ Царьградъ»,
сообщаетъ онъ о себѣ въ описаніи своего путешествія, которое, слѣ-
довательно, должно быть отнесено къ послѣднимъ годамъ XIV столѣтія.
Эписаніе чрезвычайно кратко и посвящено перечисленію царьград-
кихъ святынь. Оно напечатано Сахаровымъ во 2 томѣ его «Сказа-
ній русскаго народа». Филаретъ (Гумилевскій), основываясь на томъ,
что въ концѣ новгородскаго списка XIV вѣка Слова Григорія Бого-
слова (противъ язычества, напеч. въ «Лѣт. Русск. Лит.» т. IV стр.
98—106) имѣется такая приписка: «досюда могохъ написати, таже
несоша ны *цесарю-граду*, — а мы, высѣдше изъ корабля, идохомъ въ
святую гору. Нъ то бяше велико слово, нъ дотудѣ написахъ», скло-
ненъ предположить, что эта редакція (обильная указаніями на проя-
вленія русскаго язычества XIV вѣка) принадлежитъ Александру. Но
если принять во вниманіе, что коротенькій, сухой и мало интересный
отчетъ дьяка-купца о пребываніи его въ Константинополѣ свидѣтель-
ствуетъ о невысокомъ, сравнительно съ другими русскими путешествен-
иками того времени, умственномъ уровнѣ автора, то предположеніе
ученаго епископа едва-ли можно будетъ признать вѣроятнымъ.

Въ виду краткости описанія путешествія Александра, мы, приводя
въ исполненіе наше намѣреніе давать небольшіе памятники древне-
русской письменности цѣликомъ, помѣщаемъ это описаніе полностью
въ Сахаровской редакціи:

«При Патріархѣ Антоніѣ и при Царѣ Мануилѣ, се азъ, дьякъ Александръ
приходихъ куплею въ Царьградъ и ходихомъ поклонитись во святую Софію: ве-
личества и красоты ея немощно исповѣдати. Входя въ великія двери, по пра-
вую сторону, стоитъ икона Святой Богородицы, что гласъ отъ нея исшелъ
Маріи Египетской во Іерусалимѣ, и ту есть великія двери отъ Ноева ковчега
а лѣвой сторонѣ, преобразился Спасъ нашъ на мраморѣ, внутри церкви есть
трапеза Авраамля, на ней же Спасъ явился въ Троицѣ Аврааму, подъ дубомъ
Маврійскимъ. Близь того одръ желѣзенъ на немъ же жгли мощи святыхъ му-
чениковъ; — и ту мощи святаго Патріарха Арсенія. Во алтарѣ есть камень, на
немъ же сидѣлъ есть Спасъ, бесѣдуя съ женою Самарянынею, при кладязѣ
Іаковли. А въ монастырѣ въ Минганѣ страсти спасовы вси: багряница, и кровь,
копіе, трость, губа; и святыхъ мощей много въ томъ монастырѣ. А назади
того монастыря, церковь Святый Спасъ: и ту мощи святаго Аверкія, и вода
цѣлебная туто есть. Близь того монастырь женскій, и ту глава святаго Васи-
лія Кесарійскаго. Въ одигитріи есть икона святой Богородицы, выносятъ во
всякій вторникъ и творитъ чудеса, кто съ вѣрою приходитъ и здравіе полу
чаетъ. Писалъ же сію икону Лука Евангелистъ. Нѣкогда были иконоборцы и
схраниша сію икону въ Пантакратарѣ монастырѣ въ стѣнѣ и зажегше кадило

† 1) *Филаретъ*, Обзоръ. 2) *Строевъ*, Библіолог. словарь. 3) *Сахаровъ*, Ска-
занія русскаго народа.

[illegible] дерзкия вошли свя- [illegible] Оппорциона. вошли свя- [illegible] Константина [illegible] у него же хранимъ [illegible] камень у него же [illegible] в нечистыхъ зажглися. А въ [illegible] за 1-й же несли его ко гробу: [illegible] близъ Галиве [illegible] а близь того [illegible] есть глава св. Игна- [illegible] Богатыхъ есть [illegible] и отъ мощей свя- [illegible] Божіею [illegible] монастыря есть женскій мо- [illegible] во алтарѣ мощи святаго [illegible] глава ея. Нѣкогда [illegible] Сергій въ Пат- [illegible] и паки вскакатѣ: и ратіи [illegible] святый Андрей на [illegible] святыя Козьма и Даміанъ, [illegible] Пророка Даніила, а [illegible] ...гробѣ. Романъ пѣвець [illegible] Крестителя Господня, [illegible] Симеона Богопріимца и [illegible] есть. Икона Святой [illegible] ...ярѣ. изпуща кровь, и до- [illegible] Феодора есть муро отъ святаго [illegible] святыхъ многа. Въ монастырѣ Царицы- [illegible] отъ мощей святаго Ивана милостиваго [illegible] сестрѣ святой Ирины: Феодосіи мученицы, что [illegible] во святой Софіи. Близь Царева двора Константи- [illegible] Сергія и Вакха: отъ мощей ихъ главы обѣ есть. Близь того [illegible] запечатлѣнъ въ трехъ мѣдяныхъ зміяхъ, и иныхъ де- [illegible] Львомъ премудрымъ Царемъ. Въ монастырѣ свя- [illegible] сестры его обѣ, Марія и Марѳа, зазданы въ алтарѣ.

[illegible] святыя мощи, и чудотворенія—ово видѣхомъ, [illegible] не мошно бо исходити все и видѣти святыхъ монасты- [illegible] мощей, или списати тысяща тысящами; а иныхъ святыхъ мощей и чудотвореній не мощно исповѣдати. Приходилъ Царь Колочанъ Андроникова сына съ Турки ко Царю-граду; и выѣхалъ Царь Мануилъ съ Греки и съ фрязи и прогонилъ Турки».

Александръ [1]), вятскій епископъ, род. въ 1609 г., † 16 окт. 1679 г.

[1]) О немъ см. 1) Чтенія Общ. Ист. и Др. годъ III. № 7, статья пр. *Платона Любарскаго* Любопытное извѣстіе о вятской епархіи и бывшихъ въ ней архіереяхъ; 2) Энциклопедическій словарь, сост. рус. уч. и лит. т. III, статья *К. Н. Бестужева Рюмина*; 3) *Макарій*. Ист. рус. церкви, т. XII, стр. 614—618. 4) *Гиббенетъ*. Истор. изслѣдованіе дѣла патр. Никона, т. II, стр. 17—27, 202. 5) Матер. для ист. раскола, изд. Субботина, т. I. стр. 9, 124—126, 311—314, 320—322, 330—341,

сходитъ изъ сольвычегодскихъ посадскихъ людей, постригся въ льскомъ монастырѣ на Коряжмѣ, былъ тамъ поставленъ игуме- оттуда переведенъ въ Спасо-Каменный монастырь на Вологду, 543 г. поставленъ въ епископы коломенскіе и каширскіе. Присут- въ апрѣлѣ, маѣ и октябрѣ 1656 г. на соборныхъ засѣданіяхъ справленію книгъ, онъ вмѣстѣ съ другими проклялъ Норонова и диномышленниковъ и одобрилъ изданныя патр. Никономъ книги: ижаль» и «Требникъ». На соборѣ 1658 г. была учреждена новая сія изъ областей Вятки и Великой Перми, подлежавшихъ прежде іію патріарха и вологодскаго епископа, и Александръ переименовъ епископы вятскіе и велико-пермскіе. На содержаніе и на по- ку архіерейскаго дома ему даны вотчины, въ которыхъ считалось энѣе 300 душъ. По свидѣтельству Никона, Александръ былъ не- енъ этимъ назначеніемъ, не хотѣлъ ѣхать въ Вятку, говоря, что ітъ только въ митрополиты или патріархи. Этимъ недовольствомъ о отчасти объяснять и послѣдующую дѣятельность Александра. 662 г., въ самый разгаръ знаменитой ссоры между царемъ и па- хомъ, Александръ подалъ царю большую челобитную противъ ы Никона на митр. Питирима. Тонъ челобитной чрезвычайно й: Александръ называетъ Никона нечестивымъ, суесловнымъ, ымъ, сыномъ древняго злодѣя, обвиняетъ его во лжи, уподобляетъ камъ и блудникамъ, проситъ царя избрать новаго патріарха, а на отдать «подъ крѣпкое начало въ пречестную которую-либо у». Въ это-же время онъ входитъ въ близкія сношенія съ расколь- ии, переписывается съ Нероновымъ, боярыней Морозовой, и др., го въ кельѣ живетъ златоустовскій игуменъ Ѳеоктистъ, который китъ у себя на церковь Божію многіе развратные письма». сандръ руководитъ дѣятельностью Ѳеоктиста, даетъ ему совѣты и пишетъ противъ Никоновскаго исправленія книгъ. Въ началѣ г. царь приказалъ осмотрѣть всѣ кельи, какъ Ѳеоктиста, такъ и о епископа и забрать всѣ какія найдутся бумаги Ѳеоктиста, а съ взять и самого Ѳеоктиста, и чтобы епископъ нисколько не пре- вовалъ этому осмотру. Въ перечнѣ бумагъ, отобранныхъ отъ гиста, значатся слѣдующія раскольничьи сочиненія Александра: «*Двѣ тетрати о сложеніи перстовъ крестнаго знаменія*»; *Столпикъ, вопросы ко всему освященному собору, пятьдесятъ*

стр. 39—41, 79, т. VIII, предисловіе и стр. 131—136; 6) *Строевъ*. Библіолокій словарь, стр. 14. 7) Опис. рукоп. Синод. библ. ч. III, стр. 439—441. п. къ Акт. Ист. т. V, стр. 447. 9) *А. Н. Пыпинъ* въ «От. Зап.» 1857 г. 112. *имгинъ* въ «Вятскихъ епарх. вѣд.» 1865 г. № 17.

сїи-ъ вопросъ въ церковныхъ вещѣхъ»; 3) «*Грамота Пыскорскаго монастыря къ архимандриту Пафнутію о иконникѣ, что онъ писалъ Троицынъ образъ, да и память подъячему Василію Яковлеву о томъ же дѣлѣ; да тутъ же вопросъ о нынѣшнемъ настоящемъ времени и отвѣтъ*». Въ вопросахъ къ освященному собору сличается «Требникъ» Никоновскій съ могилянскимъ и старыми московскими; Александръ только указываетъ на различія (иногда самыя мелочныя), нисколько не разсуждая о томъ, что правильно, что неправильно, и проситъ соборъ разрѣшить его недоумѣнія. На соборѣ 1666 г. Александръ покаялся въ своихъ сомнѣніяхъ и съ четвертаго засѣданія принимаетъ участіе въ соборныхъ дѣйствіяхъ. Въ 1667 г. онъ подписалъ дѣяніе собора, окончательно осудившее раскольниковъ, хотя по свидѣтельству Андрея Денисова и послѣ этого тайно имъ покровительствовалъ. Въ 1669 г. онъ возвращенъ былъ въ свою епархію. Въ 1674 г. самовольно оставилъ паству и посхимился въ Никольскомъ Коряжминскомъ монастырѣ, отпустивъ своихъ архіерейскихъ домовыхъ людей и извѣстивъ о своемъ рѣшеніи царя и патріарха. Въ монастырѣ прожилъ 5 лѣтъ до своей смерти. По словамъ пр. Платона Любарскаго, «о жизни и нравахъ Александра въ Вяткѣ мало что воспоминаютъ, говорятъ, что онъ ничему кромѣ славянорусской грамоты не ученъ, нравомъ тихъ, кротокъ, благочестивъ, знаковъ никакихъ трудолюбія, экономіи и всякихъ по своей должности учрежденій по себѣ не оставилъ».

А. Бороздинъ.

Александръ Ивановъ («Разсказы о землѣ и небѣ» 1875 г.) — псевд. А. И. Стронина †).

Александръ, тверской игуменъ XIV вѣка ††). Въ повѣсти о мученической смерти (1318 г.) тверскаго князя Михаила («Софійскій Временникъ» т. I, стр. 290—313 и «Собр. Лѣт.» т. V, стр. 207—215) говорится въ одномъ мѣстѣ, что съ княземъ поѣхали въ Орду «игуменъ да два *попа*» («Соф. Вр.» стр. 309); въ другомъ мѣстѣ этотъ игуменъ — «отецъ духовный» князя названъ Александромъ (Ibid. стр. 305). И вотъ принимая во вниманіе, что игуменъ, нѣтъ сомнѣнія былъ самый образованный изъ свиты князя и что повѣсть во многихъ мѣстахъ носитъ характеръ разсказа очевидца и можно предположить, что именно А. и есть авторъ довольно краснорѣчивой и трогательной повѣсти.

---

†) *С. Пономаревъ* въ «Рус. Кал.» на 1881 г.

††) *Филаретъ*, Обзоръ, стр. 69.

Александръ, былъ въ смутное время инокомъ ростовскаго (ярослав. губ.) Борисоглѣбскаго монастыря †). Написалъ житіе преп. старца Иринарха Ростовскаго, съ которымъ, какъ онъ сообщаетъ въ этомъ житіѣ, прожилъ 30 лѣтъ и вмѣстѣ ѣздилъ къ Василію Шуйскому оповѣстить бывшее Иринарху видѣніе относительно того, что будетъ «Москва-градъ посѣченна отъ Литвы и все россійское царство поплѣненно и пожжено»; чрезъ него Иринархъ посылалъ благословеніе кн. Пожарскому. Извлеченія изъ житія, указаннаго впервые Строевымъ въ «Описаніи библ. моск. общ. ист. и древ.», приведены Ундольскимъ въ его «Библіогр. розысканіяхъ» и гр. М. Толстымъ въ «Описаніи древнихъ святынь Ростова Великаго». Житіе можно раздѣлить на двѣ части: въ одной описываются 13 чудесъ, совершенныхъ Иринархомъ, другая же любопытна и цѣнна для ознакомленія съ провинціальнымъ, областнымъ настроеніемъ въ эпоху смутнаго времени и для провѣрки извѣстныхъ изъ другихъ, болѣе значительныхъ источниковъ историческихъ данныхъ объ этой эпохѣ.

Кромѣ того написанное А. житіе, по свидѣтельству проф. Ключевскаго, «особенно ярко рисуетъ паденіе монастырской дисциплины и нравственную распущенность, обнаружившуюся въ русскомъ монашествѣ съ половины XIV вѣка».

Александръ Мезенецъ ††), Саввино-звенигородскаго монастыря старецъ Вслѣдствіе отсутствія строгой системы и единства въ начертаніи нотныхъ знаковъ, русское церковное пѣніе 16 и 17 вѣка было почти лишено стройности. Поющіе по произволу растягивали слова, удвояли гласныя, гдѣ кому угодно было ставили ударенія. Благодаря этому, вмѣсто стройнаго пѣнія часто получался диссонансъ. Чтобы положить конецъ такому нарушенію церковнаго благочинія, Алексѣй Михайловичъ въ 50-хъ годахъ XVII столѣтія предприннялъ рядъ мѣръ. Изъ нихъ главная, какъ видно изъ предисловія той крюковой (нотной) грамматики, авторомъ которой слѣдуетъ считать Александра Мезенца, состояла въ слѣдующемъ:

«Благопрозрачный великій Государь нашъ Царь и В. К. Алексѣй

---

†) 1) *Строевъ*, «Опис. библ. моск. общ. ист. др.» (№ 49). 2) *Ундольскій*, «Библ. Изыск.», стр. 62—68. 3) Гр. *М. Толстой*, «Древ. святыни Ростова-Великаго», «Чтенія въ моск. общ. ист. и древ.» ч. 3. 1847—48, II, стр. 1—86. 4) *Филаретъ*, Обзоръ, стр. 221. 5) *Строевъ*, Библіолог. словарь, стр. 14. 6) *Ключевскій*, Житіе святыхъ, стр. 323.

††) 1) *Ундольскій*, Замѣчанія для исторіи рус. церк. пѣнія («Чтенія въ моск. общ. ист. и древ.», 1846 г., № 3 и отд. М. 1846); 2) *Сахаровъ*, въ «Жур. Мин. Нар. Пр.», 1849 г., № 2. 3) *Филаретъ*, Обзоръ. 4) *Разумовскій*, Ист. церк пѣнія въ Россіи, глава V. 5) *Его-же*, Богослужебное пѣніе православной , М. 1886, стр. 50.

Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, полагаетъ совѣтъ о святомъ Духѣ со отцемъ своимъ и богомольцемъ, со святѣйшимъ Іоасафомъ, патріархомъ московскимъ и всея Россіи: и повелѣша богомольцу своему, преосвященному Павлу, митрополиту Сарскому и Подонскому паки мастеровъ собрати, добрѣ вѣдущихъ знаменное пѣніе и знающихъ того знамени лица и ихъ разводы и попѣвки Московскаго, что Христіаниновъ, и Усильскихъ и иныхъ мастеровъ, еже въ попѣвкахъ переводы ихъ именуются. Преосвященный же Павелъ митрополитъ, Его Царскимъ велѣніемъ и святѣйшаго патріарха благословеніемъ, собравъ *мастеровъ 6 человѣкъ*. И тіи первѣе исправиша знаменнаго пѣнія по истиннорѣчію сія ирмосы, кромѣ согласныхъ литерныхъ помѣтъ, старо-словено-россійскимъ обыкновеннымъ знаменіемъ. Помѣтамъ же, которыя прежде быша, здѣ указаніе намѣренія ради въ кратцѣ изъявиша».

Однимъ изъ этихъ мастеровъ и былъ Александръ Мезенецъ, сочинившій (повидимому въ самомъ концѣ 1660-хъ годовъ) руководство подъ заглавіемъ: «*Извѣщеніе о согласнѣйшихъ помѣтахъ, вкратцѣ изложенныхъ съ изящнымъ намѣреніемъ, требующимъ учитися пѣнія, отъ нижайшія убо степени къ высотѣ восходящихъ даже до вторыянадесять степени, яже въ прежнемъ пѣніи писаны быша въ знамени*».

Что именно Александру Мезенцу, главнымъ образомъ, принадлежитъ честь сочиненія руководства (извѣстнаго въ обиходѣ подъ именемъ «*Нотной Грамматики*»), видно изъ ужасающихъ «виршей», которыя приложены въ концѣ и представляютъ собою акростихъ фразы: «*Трудился Александеръ Мезенецъ и прочіи*»:

Тщаніе убо съ прилежаніемъ пріятно,
Радостно учащемуся будетъ внятно.
У Бога всѣмъ всегда милости просити,
Должни ему честь и хвалу приносити.
И уповая нань никтоже устыдится,
Любве ради его текій не утрудится.
Съ желаніемъ просящему все дается,
Яже обрѣтши въ сей книзѣ не отженется.
Аще нѣчто явитъ иныя и сомнѣнно,
Любленіе ко чтщанію имѣйте непремѣнно.
Едину покажи усердіе и вѣру,
Крайнюю въ семъ пѣніи познаеши мѣру,
Сего-бо пѣнія лица тайно замкнены,
А во второй части дробно сію откровенны,
Не тая бо вторая часть яже напреди,
Достаточно яже описася посреди.
Егда-же начнеши пѣнію прилѣжати,
Радостно множнѣ сему потшися внимати.
Многочастно сіе знамя и утруждено,
Егда-же и увѣси, будетъ ти любезно.
Знающій мѣру и тонкость безтруденъ будетъ,
Еже струногласиться, о томъ не забудетъ.

Ни кую-же рознь отъ струногласія имать,
Елико сія пѣніе гласовъ ни имать,
Церковь святая то пѣніе получила,
И насъ того пѣнія добрѣ научила,
Понеже въ Славено-Россіи такъ обыкло,
Рѣснотивнѣ въ краткости многихъ лицъ звыкло
О семъ пѣніи ничтоже да усумнится,
Часто внушая его отнюдь не лишится.
Изрукохудожественно мѣсяца десятаго,
И Богу совершившу дня первонадесятаго. Аминь.

Александръ Нкшп.—Псевд. А. С. Пушкина †).

Александръ Н.к.ш.п.—Псевд. А. С. Пушкина †).

Александръ н-П—Псевд. А. С. Пушкина †).

Александръ (Адріанъ Ивановичъ *Подгорычани* или *Подгорченковъ*) ††) р. въ Малороссіи въ 1758 г. Родители его причисляли себя къ польской шляхтѣ, но вѣроисповѣданія были православнаго. П. учился нѣкоторое время въ кіевской духов. акад., въ 1779 г. онъ поступилъ въ московскій департаментъ камеръ-коллегіи, въ 1785 г. вышелъ въ отставку, сильно бѣдствовалъ, и въ 1789 г. поступилъ послушникомъ въ ставропигіальный Новоспасскій московскій монастырь. Въ 1793 г. А. былъ постриженъ въ монашество съ назначеніемъ іеромонахомъ. Въ 1798 г. его сдѣлали намѣстникомъ Новоспасскаго монастыря, но въ слѣдующемъ году онъ испросилъ себѣ увольненія; его причислили къ больничнымъ іеромонахамъ и онъ сталъ вести жизнь чрезвычайно уединенную, благодаря чему навлекъ на себя недовольство настоятеля и подвергался большимъ притѣсненіямъ со стороны послѣдняго. Въ 1810 А. былъ посвященъ въ архимандриты небольшаго арзамасскаго Спасскаго 3 класснаго монастыря и въ этомъ санѣ прожилъ вплоть до самой смерти своей 29 апр. 1845 г. Онъ велъ обширную переписку и часть этой переписки, а также наставленія его, исполненныя чрезвычайнаго благочестія и иноческаго смиренія, которое А. и самъ проявлялъ въ своемъ чрезвычайно скромномъ образѣ жизни, напечатаны въ приложеніи къ сочиненіямъ извѣстнаго старца Паисія Величковскаго, очень его любившаго и съ нимъ охотно переписывавшагося.

Александръ Свирскій, святой († 1533 г.). Не останавливаясь на біографіи святителя, котораго трудно причислить къ писателямъ, укажемъ, однакоже, въ видахъ библіологическихъ, что небольшая духов-

---

†) *С. Пономаревъ*, въ Календ. Суворина на 1881 г.

††) 1) «Житіе и писаніе молдавскаго старца Паисія Величковскаго». 2-ое изд. М. 1847, стр. XI–XII. Самыя письма (13) Подгорченкова тамъ-же стр. 284—302. 2) *А. Г—й*, Архимандритъ Александръ настоятель арзамасскаго Спасскаго монастыря. («Душепол. чтеніе» 1867 г. № 4, стр. 305—336). 3) *Филаретъ*. Обзоръ, стр. 463. 4) *Геннади*, Словарь.

ная грамота его помѣщена въ I томѣ «Актовъ Историческихъ» (стр. 195).

* **Александръ** (Андрей Ивановичъ *Свѣтлаковъ*) епископъ можайскій. †) *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ* родился 4-го августа 1839 года въ селѣ Нижней Мизѣ, (симбирской губерніи, сызранскаго уѣзда), гдѣ отецъ его былъ пономаремъ. Учился съ 1848—60 г. въ симбирскомъ духов. училищѣ и симбирской семинаріи, по окончаніи курса въ которой получилъ мѣсто приходскаго священника въ селѣ Городищи, буинскаго уѣзда, симбир. губ. Громадный приходъ оказался состоящимъ почти исключительно изъ новокрещенныхъ чувашей, совершенно не понимавшихъ по-русски, и потому преосв. въ скоромъ времени попросился на другое мѣсто. Новый приходъ—село Кильдюшево, симбир. уѣзда, тоже состоялъ исключительно изъ инородцевъ—мордвы, но понимавшихъ порядочно по-русски и усердныхъ къ христіанской религіи. Хорошо и по сердцу устроился молодой священникъ въ новомъ приходѣ учительствуя, кромѣ того, въ удѣльномъ училищѣ, находившемся въ Кильдюшахъ. Но въ 1870 постигло его большое испытаніе: онъ одновременно лишился жены и дѣтей и остался съ однимъ сыномъ. Пораженный этимъ горемъ и долго обдумывая свое положеніе, преосв., наконецъ, рѣшился обратиться къ давно уже оставленной имъ книжной мудрости и 32 лѣтъ отъ роду, по выдержаніи въ 1871 пріемнаго экзамена въ казанской дух. академіи, снова сѣлъ на студенческую скамью. Въ 1875 онъ окончилъ курсъ со степенью кандидата, а въ 1880 получилъ степень магистра за изслѣдованіе: 1) «*Исторія іудейства въ Аравіи и вліяніе его на Коранъ*» 1875. По окончаніи академическаго курса, о Свѣтлаковъ поступилъ законоучителемъ въ нижегородскую гимназію, гдѣ находился до 1883 г., когда былъ назначенъ ректоромъ Виоанской семинаріи. При прощаніи съ гимназистами онъ получилъ на память отъ старшихъ классовъ икону Спасителя въ сребро-позлащенной ризѣ. Въ томъ-же 1883 г. †) 24 сент., вновь назначенный ректоръ принялъ постриженіе въ монашество, а на слѣдующій день онъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита. Пробывъ ректоромъ около 2 лѣтъ, преосв. А. 30 іюня 1885 былъ рукоположенъ въ санъ епископа можайскаго, викарія московскаго.

Въ теченіе 8 лѣтъ учительствованія преосв. кромѣ магистерской диссертаціи напечаталъ: 2) *Опытъ объясненія заповѣдей Божіихъ*. Ниж. Новгородъ 1878. 97

†) О прощаніи съ нимъ учениковъ Вифанской семинаріи: «Моск. Церк. Вѣд.» 1885. № 27 и № 28. **Отзывы о сочиненіяхъ:** Объ «*Опытѣ объясн. Запов. Бож.*»: «Правосл. Обозр.» 1878 г. № 9, стр. 206—207. Объ «*Изложеніи ученія Правосл. Церкви*»: «Церк. Общ. Вѣст.» 1879 г. № 117. О «*Нравств. Образъ Христа*»: «Церк. Вѣст.» 1880 г. О «*Вѣчномъ блаж. святыхъ*»: «Церк. Вѣст.» 1881 г.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

стр. Ц. 50 к. 3) *Изложеніе ученія Православной Церкви о церкви, іерархіи, благодати и таинствахъ, съ присовокупленіемъ статьи о загробной жизни.* Ниж. Новг. 1879. 8°. Ц. 60 к. 4) *Христіанскіе храмы, ихъ исторія и значеніе.* Ниж. Новгор. 1882. 8°. 53 стр. Ц. 25 к. 5) *Акты св. мучениковъ и ихъ религіозно-нравственное значеніе.* Ниж. Новг. 1882. 16°. 63 стр. Ц. 75 к. 6) *Нравственные уроки въ словахъ и рѣчахъ.* Ниж. Новг. 1882. 16°. 133 стр. Ц. 35 к. 7) *Слово въ 1 день Пасхи.* Ниж. Новг. 1881. 8°. 16 стр. 8) *Нравственный образъ Іисуса Христа и его благотворное вліяніе на жизнь человѣчества.* Ниж. Новг. 1880. 204 стр. Ц. 1 р. 9) *Основаніе нравственной жизни—религія, и высочайшій образъ нравственно-общественной жизни—Богочеловѣкъ Іисусъ Христосъ.* Публичныя лекціи. Ниж. Новг. 1882, 8°. 82 стр. Ц. 30 к. 10) *Бакстръ. Вѣчное блаженство святыхъ.* Переводъ съ фр. Спб. 1881 г. 11) *Евангельскія чтенія для народныхъ школъ на славянскомъ языкѣ.* Ниж. Новг. 1882 г. 12°, VIII—49 стр. Ц. 35 к. 12) *Слово въ день тезоименитства Императора Александра Александровича.* Ниж. Новг. 1882 г. 8°. 8 стр. 13) *На память въ Бозѣ почившаго Императора Александра II. Нравственный образъ его.* Ниж. Новг. 1882. 15 стр.

Какъ уже видно изъ самаго перечня произведеній преосвящ. А., они всѣ носятъ или учебный или популярный и проповѣдническій характеръ. Это не мѣшаетъ, однако, автору проявить извѣстную начитанность, какъ въ духовно-богословской, такъ и въ свѣтской литературѣ. Направленіе всего написаннаго епископомъ А., само собою разумѣется, строгоблагочестивое и православное, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чуждъ того узкаго клерикализма и той вражды къ «свѣтскому» просвѣщенію, которые, къ сожалѣнію, слышатся въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ іерарховъ нашихъ. Въ проповѣдяхъ своихъ епископъ А. является по преимуществу человѣкомъ жизни, чутко отзывающимся на злобу дня. Изложеніе преосв. живое и вполнѣ литературное.

Александръ, учитель риторики въ новгород. семинаріи, потомъ архимандритъ Желтикова монастыря †). Написалъ (анонимно): «Краткую лѣтопись о монастырѣ преп. о. Саввы, иже надъ Вишерою рѣкою жившаго». Спб. 1806 г., въ которой помѣщены данныя монастырю древнія граматы.

Алексѣева, Н. ††). Помѣстила нѣсколько стихотвореній въ «Дамскомъ Журналѣ» 20-хъ годовъ.

Алексѣевъ, Александръ, въ еврействѣ *Вульфъ Нахласъ* †††); какъ

---

†) 1. *Филаретъ*, Обзоръ, 3 изд. стр. 397. 2. *Геннади*, Словарь. Стр. 18.

††) *Н. Книжникъ.* (Кн. Н. Голицынъ) «Слов. рус. п—ницъ» стр. 9.

†††) Автобіографія въ «Новг. губ. вѣд.» 1868 г. и переп. въ его книжкѣ: «Обществ. жизнь евреевъ». Отзывы: о «*Торжествѣ христ. ученія*»: въ «Странникѣ», 1862 г. № 2 стр. 59—62. *М. Архангельскаго.* О «*Богослуженіи, праздн. нынѣшн. Евреевъ*»: 1) въ «Странникѣ» 1862 г. № 1 стр. 1—4. *М. Архангельскаго.* 2) «Дух. Бес.» 1865 г. № 35. 3) «Голосъ» 1865 г. № 139. 4) *П. Матвѣевскаго*: въ «Страннникѣ» 1865, № 9. Объ «*Общественной жизни евреевъ*:» въ церков. лѣт. «Дух. Бесѣды» 1868 г., № 50. О «*Бесѣдахъ прав. христіанина*»: 1) „Листокъ духов. биб-

сообщаетъ о себѣ въ своей «Автобіографіи христіанина изъ евреевъ», р. въ 1820 г. отъ бѣдныхъ родителей въ мѣстечкѣ Незаринецъ подольской губ. Мальчикомъ попалъ онъ въ солдаты и опредѣленъ былъ въ кадры кантонистовъ, расположенные въ г. Вольскѣ, саратовской губ. Долгое время былъ онъ ревностнымъ приверженцемъ религіи отцовъ и начальство, употреблявшее большія усилія для обращенія евреевъ-кантонистовъ въ христіанство, считало Нахласа однимъ изъ наиболѣе упорныхъ. Но въ серединѣ 40-хъ г. Нахласъ совершенно измѣнилъ свой образъ мыслей и не только самъ принялъ православіе, но кромѣ того обратилъ въ христіанство болѣе 500 кантонистовъ-евреевъ, за что въ 1848 г. былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры и удостоился Высочайшей благодарности. Въ срединѣ пятидесятыхъ годовъ А., переправляясь чрезъ рѣку, чуть не утонулъ въ ней и такъ простудился при этомъ, что лишился употребленія ногъ. Невольный досугъ свой онъ, поселившись въ Новгородѣ, употребилъ на сочиненіе слѣдующихъ книгъ этнографическаго и миссіонерскаго характера:

1) «*Торжество христіанскаго ученія надъ ученіемъ Талмуда или душеполезный разговоръ христіанина съ іудеемъ о пришествіи Мессіи*». Спб. 1859. 2) «*Богослуженіе, праздники и религіозные обряды нынѣшнихъ евреевъ*». Новгородъ 1861. Изданіе 3-е 1865. 3) «*Общественная жизнь евреевъ, ихъ нравы, обычаи и предразсудки*». Новгородъ 1868 г. 4) «*Бесѣды православнаго христіанина съ новообращеннымъ изъ своихъ собратій объ истинахъ святой вѣры и заблужденіяхъ талмудическихъ, съ присовокупленіемъ статьи о Талмудѣ*». Спб. 1872. Изд. 2-ое. Новгородъ 1875. 5) *Бывшій еврей за монастыри и монашество*. Новгородъ. 1875. (Брошюрка). 6) *Обращеніе іудейскаго законника въ христіанство*. Новгородъ. 1882.

Многое изъ только что перечисленнаго первоначально напечатано, какъ и автобіографія А., въ «Новгор. губ. вѣд.».

Книжки А. имѣютъ нѣкоторый этнографическій интересъ, потому что онѣ довольно вѣрно описываютъ ежедневный бытъ евреевъ. Къ своимъ бывшимъ единовѣрцамъ авторъ относится, въ большинствѣ случаевъ, безпристрастно и иногда даже горячо защищаетъ ихъ, какъ напр., въ тѣхъ мѣстахъ своихъ писаній, гдѣ онъ опровергаетъ нелѣпыя обвиненія евреевъ въ употребленіи христіанской крови. Но собственно къ религіи еврейской и раввинамъ А. относится крайне враждебно и все старается убѣдить евреевъ, что ожидаемый ими Мессія уже давно пришелъ и что этотъ Мессія есть Іисусъ Христосъ. Но такъ какъ онъ большихъ успѣховъ христіанской проповѣди среди евреевъ не видитъ, то еврейство ему и представляется «безчувственно-болѣющимъ и даже мертвѣющимъ духомъ страдальцемъ» («Богослуж. нын. евреевъ» II).

* **Алексѣевъ**, Александръ Семеновичъ, профессоръ государственнаго

ліогр.» 1872 г., № 12. 2) «Домашн. Бесѣда» 1872, стр. 805. 3) «Минск. епарх. вѣд.» 1873, № 1. 4) «Херс. епарх. вѣд.» 1873, № 8.

*) означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

права. †) *По полученнымъ отъ него свѣдѣніямъ*, р. въ Моск 22 іюня 1851 г. Дѣдъ его былъ крестьяниномъ, путемъ торговли сост вившій себѣ милліонное состояніе, отецъ принадлежалъ къ торгово дому «Петра Алексѣева Сыновья», владѣвшему большими фабриками заводами въ моск. губ. Въ 1858 г. этотъ домъ объявилъ себя несосто тельнымъ, и съ тѣхъ поръ отецъ А. С. добывалъ себѣ хлѣбъ въ кач ствѣ прикащика и управляющаго на фабрикахъ Алексѣевыхъ (братье матери А. С.), Прохоровыхъ и др.

Воспитаніе А. С. получилъ домашнее, а года два до вступлен въ университетъ онъ посѣщалъ нѣмецкое училище при церкви С Михаила.

Своей матери, любящей и энергической женщинѣ, А. обязанъ тѣм что пріобрѣлъ хорошее образованіе до вступленія въ университет изучилъ древніе и иностранные языки и вооружался знаніями, которь не всякому удается вынести изъ средней школы.

Поступивъ на юридическій факультетъ, онъ сталъ заниматься по руководствомъ проф. И. Д. Бѣляева и Н. И. Крылова исторіей пра и былъ оставленъ, по рекомендаціи перваго, при университетѣ (въ 1873 для приготовленія къ профессорскому званію. Въ томъ-же году А. поѣхалъ заграницу и слушалъ лекціи въ Гейдельбергѣ у Блунчли Куно Фишера. Вліянію послѣдняго онъ обязанъ направленіемъ своих научныхъ занятій; изученіе политической мысли на западѣ сдѣлалось с тѣхъ поръ предметомъ его спеціальныхъ занятій.

Выдержавъ въ 1876 г. экзаменъ на степень магистра государстве наго права, А. былъ командированъ министерствомъ заграницу, гдѣ пр былъ три года, работая въ библіотекахъ и слушая лекціи въ Париж Мюнхенѣ, Геттингенѣ и Страсбургѣ. По возвращеніи въ Москву в ноябрѣ 1879 г. онъ началъ читать, въ качествѣ приватъ-доцента, лек ціи по исторіи политическихъ ученій; въ мартѣ 1880 г. защитилъ ди сертацію на степень магистра госуд. права; въ іюнѣ того же года был утвержденъ доцентомъ по каѳедрѣ госуд. права; въ 1885 г. назначен экстраординарнымъ профессоромъ по той же каѳедрѣ. Въ 1884 г. былъ командированъ вторично заграницу на одинъ годъ, проведе

---

†) Рецензіи о книгѣ А. С. «*Макіавелли*» появились: 1) въ «Дѣлѣ за 1880 № 4 (ст. *Н. В. Шелгунова*); 2) въ «Русской Мысли» 1880 г. № 3. (ст. *В. Гольцев* 3) въ «Русскомъ Богатствѣ» 1880 г. № 3. 4) въ «Сборникѣ госуд. знаній» Т. VI (ст. проф. *гр. Комаровскаго*); 5) въ «Вѣстникѣ Европы» 1880 г. № 6 (ст. про *Стороженко*); 6) въ «Revue du Droit international» 1880 г. (ст. *проф. Комаровскаго*

Объ «*Этюдахъ о Ж. Ж. Руссо*»: 1) *В. Г.* въ «Юрид. Вѣст.» 1887 г. № 7; *Л. Слонимскаго* въ «В. Евр.» 1887 г. № 11.

ный, главнымъ образомъ, въ Женевѣ и Невшателѣ, гдѣ онъ и собралъ цѣнный матеріалъ для вышедшей въ 1887 г. книги въ двухъ томахъ: «*Этюды о Ж. Ж. Руссо*». Въ этомъ-же году А. получилъ ординатуру каѳедры государственнаго права, освободившуюся послѣ увольненія М. М. Ковалевскаго.

Въ 1881 г. А. женился на дочери елисаветградскаго помѣщика Е. Т. Соколовой-Бородкиной.

А. С. Алексѣевъ напечаталъ слѣдующія статьи: 1) въ «Рус. Вѣст.» 1877 г. (№ 10). «*Съѣздъ института международнаго права въ Цюрихѣ*»; 2) въ «Юридич. Вѣстникѣ» 1879—1886 г., «*Задача и методы исторіи политическихъ ученій*» (1880); 3) «*Міросозерцаніе Макіавелли и его ученіе о нравственности*» (1879); 4) «*Политическое ученіе Макіавелли*» (1879); 5) «*Міросозерцаніе Руссо и его ученіе о нравственности*» (1884); 6) «*Къ вопросу о классификаціи государственныхъ формъ*» (1886).

Отдѣльно изданы имъ:

7) *Макіавелли, какъ политическій мыслитель.* М. 1880. 8) *Этюды о Ж. Ж. Руссо.* М. 1887. 2 т.

Оба эти сочиненія представляютъ собою довольно цѣнный вкладъ въ нашу литературу государственнаго права, если и не по выводамъ, къ которымъ пришелъ авторъ, то по тщательному изученію избраннаго сюжета.

Въ «Макіавелли» А. задался задачею не легкою и въ этомъ нужно искать объясненія, почему результаты его изслѣдованія не особенно убѣдительны. По вопросу о доктринахъ Макіавелли, какъ извѣстно, существуетъ цѣлая огромная литература. Вотъ уже триста лѣтъ, какъ объ нихъ горячо толкуютъ, а за послѣднее столѣтіе нѣтъ того курса государственнаго права или того обозрѣнія политическихъ ученій, гдѣ-бы воззрѣніямъ флорентинскаго «секретаря» не было удѣлено весьма значительнаго вниманія. Полнаго единства пониманія Макіавелли, конечно, не можетъ быть при такомъ обиліи лицъ, писавшихъ о знаменитомъ итальянцѣ. Но въ общемъ, все-таки, взглядъ на него установился довольно прочно. Всѣ болѣе или менѣе одинаково представляютъ себѣ *сущность* «макіавелизма» и если въ чемъ расходятся, то въ объясненіи его нравственной подкладки. Въ то время какъ многіе считаютъ Макіавелли просто человѣкомъ sans foi, ni loi, низкимъ льстецомъ, написавшимъ «Il principe» затѣмъ, чтобы поддѣлаться подъ тиранническія наклонности Лоренцо Медичи, другіе, какъ Ранке и Гервинусъ напр., напротивъ того, видятъ въ Макіавелли искренняго патріота, настолько пламенно желавшаго объединенія Италіи, что всякія средства для достиженія этого объединенія, хотя-бы и путемъ потери гражданской свободы, ему казались дозволительными. Наконецъ, третьи, какъ Маколей напр., видятъ въ Макіавелли сына своего испорченнаго вѣка. Но въ самой безнравственности макіавеллевской теоріи, повторяемъ, никто не сомнѣвается.

Молодой московскій ученый, избравшій политическую теорію Макіа-
елли предметомъ своей магистерской диссертаціи, былъ однакоже со-
сѣмъ другого мнѣнія.

«Цѣль этихъ этюдовъ», говоритъ онъ въ предисловіи, «доказать,
аперекоръ господствующимъ въ современной литературѣ воззрѣніямъ,
то Макіавелли разсматривалъ политическіе вопросы не съ односторон-
ей точки зрѣнія практическаго политика, а изучалъ явленія государ-
твенной жизни въ связи со всѣми вліяющими на нихъ условіями, что
нъ не только не отрицалъ морали, а напротивъ считалъ нравственныя
ребованія обязательными для политика и видѣлъ въ гражданскихъ до-
родѣтеляхъ главное основаніе общежитія, что онъ съ неумолимой ло-
икой доказывалъ развращающее вліяніе деспотизма на народные нравы
видѣлъ въ республикѣ государственную форму, которая одна можетъ
римирить противоположность общественныхъ интересовъ, обезпечить
атеріальное благосостояніе народа и раскрыть этому народу путь къ
равственному просвѣтлѣнію».

Такія рѣшительныя заявленія, обыкновенно, сопровождаются указа-
іями на какіе-нибудь новые историческіе матеріалы, проливающіе но-
ый свѣтъ на трактуемый сюжетъ. Въ дѣйствительности, однако, въ
нигѣ А. мы не только не находимъ новыхъ историческихъ данныхъ, а
апротивъ того, замѣчаемъ игнорированіе старыхъ, благодаря чему
вторъ и имѣлъ возможность провести свою пристрастную характери-
тику Макіавелли. Опустивъ всѣ многочисленныя данныя, свидѣтель-
твующія о весьма невысокомъ нравственномъ уровнѣ творца «Госу-
аря» (или «Князя» по терминологіи А., едва-ли удачной), увлекаю-
щійся авторъ собралъ въ одно только свѣтлыя стороны его біографіи,
получился очень привлекательный образъ, къ сожалѣнію неимѣющій
одъ собою фактической подкладки. Что-же касается обѣленія полити-
еской теоріи «Государя», то авторъ, не имѣя возможности устранить
ѣ циническія стороны, которыя составляютъ характеристическую сущ-
ость ея, главнымъ образомъ старается парализовать впечатлѣніе, ими
роизводимое, противопоставленіемъ цитатъ другихъ произведеній Ма-
авелли. Но такой пріемъ едва-ли можно назвать особенно убѣдитель-
ымъ. Въ лучшемъ случаѣ онъ говоритъ о полномъ отсутствіи един-
тва міросозерцанія у Макіавелли. Послѣдняго предположенія авторъ,
днакоже, ни за что не хочетъ допустить. Рядомъ цитатъ изъ различ-
ыхъ произведеній Макіавелли онъ старается показать, что у флорен-
инскаго «секретаря» было цѣльное, стройное міросозерцаніе. Но стоитъ
олько внимательнѣе присмотрѣться къ цитатамъ, приводимымъ А.,
тобы видѣть, что мы тутъ имѣемъ дѣло не со стройностью, а съ самой

разнокалиберною мозаикою. Авторъ набираетъ свои цитаты и изъ поэмъ Макіавелли, и изъ писемъ его, и изъ посольскихъ донесеній автора «Князя», и изъ разныхъ трактатовъ его. Такого рода мозаикою всегда можно изъ одного и того-же писателя понадѣлать нѣсколькихъ представителей самыхъ разнообразныхъ воззрѣній.

Что касается центральнаго пункта всѣхъ обвиненій противъ Макіавелли—его преклоненія предъ гнусными дѣйствіями Цезаря Борджіа, преклоненія съ очевидною ясностью показывающаго, что книга о «Князѣ» задумана не какъ научный анализъ условій, при которыхъ тиранъ достигаетъ успѣха, а какъ рядъ *практическихъ совѣтовъ* Лаврентію Медичи, то въ ослабленіе этого ужаснаго обвиненія авторъ только и можетъ привести слѣдующее жалкое оправданіе: энергія Борджіа «не могла не вызвать удивленія Макіавелли, возмущавшагося дряблостью своего вѣка» (стр. 285).

Но отбрасывая парадоксальность основной мысли книги о Макіавелли, ее нельзя не причислить къ замѣтнымъ явленіямъ нашей политической литературы. Всестороннее изученіе предмета и горячее стремленіе втянуть Макіавелли въ число проповѣдниковъ идей правды и справедливости дѣлаетъ чтеніе магистерской диссертаціи А. очень привлекательнымъ. Къ тому-же и изложеніе книги отличается большимъ блескомъ.

Нѣсколько иной характеръ носитъ послѣднее произведеніе московскаго профессора — 2 тома его «Этюдовъ о Ж.-Ж. Руссо». Въ то время, какъ въ книгѣ о Макіавелли авторъ исключительно надѣялся на силу своей аргументаціи, онъ въ изслѣдованіи о Руссо старается подкрѣпить свои взгляды новыми данными. Первый томъ этихъ этюдовъ носитъ, впрочемъ, по преимуществу компилятивный характеръ и представляетъ собою сводъ біографическихъ данныхъ о Руссо. Въ основу положенъ матеріалъ, даваемый самимъ Жанъ-Жакомъ въ его «Исповѣди», который затѣмъ провѣряется другими данными обширной литературы о Руссо. Провѣрка эта нѣсколько разъ даетъ автору возможность установить точную хронологію нѣкоторыхъ событій изъ жизни Руссо, перепутанныхъ въ «Исповѣди». (см. напримѣръ т. I, стр. 10—11).

Второй томъ «Этюдовъ о Ж.-Ж. Руссо», носящій подзаглавіе «*Связь политической доктрины Ж.-Ж. Руссо съ государственнымъ бытомъ Женевы*», распадается на четыре части неравнаго достоинства. Самою неудачною, кажется, надо признать первую, въ которой рѣчь идетъ о мѣстѣ, занимаемомъ «Общественнымъ договоромъ» въ исторіи литературной дѣятельности Руссо. «Contrat Social» очень не симпатиченъ

автору, поддавшемуся, со времени напечанія своей диссертаціи о Маківелли, нѣсколько вправо. И вотъ, чтобы унизить этотъ трактатъ, сыгравшій такую огромную роль въ формированіи міросозерцанія дѣятелей 1789—93 гг., авторъ прибѣгаетъ къ слѣдующей странной аргументаціи: Руссо самъ не придавалъ значенія своему трактату, Руссо мало надъ нимъ работалъ. Первый аргументъ, конечно, наиболѣе странный. Развѣ мы не знаемъ, что наименѣе надежными судьями своихъ произведеній являются сами авторы ихъ? Неужели же мы должны вѣрить Льву Толстому, пренебрежительно отзывающемуся о своихъ романахъ, Гоголю, болѣе всего дорожащему «Перепиской съ друзьями», Ньютону, болѣе всего любившему свои толкованія на Апокалипсисъ, и т. д. и т. д.

Столь-же мало убѣдителенъ второй аргументъ. Неужели-же произведенія такихъ геніальныхъ людей, какъ Руссо, должны измѣряться количествомъ пота, на нихъ потраченнаго? И къ тому-же приходится отмѣтить, что и фактическая сторона аргументовъ А. совсѣмъ не убѣдительна. Изъ отзывовъ Руссо о «Contrat Social» отнюдь не видно пренебреженія къ этому трактату, а замѣчается только желаніе издать еще болѣе обширное общественно-политическое разсужденіе подъ заглавіемъ «Institutions politiques». «Contrat Social» до сихъ поръ даже считался отрывкомъ только что названнаго разсужденія, планъ котораго съ большою любовью обдумывался Руссо. Этотъ интересъ можетъ служить яркимъ опроверженіемъ еще одного ни на чемъ не основаннаго аргумента А., направленнаго на умаленіе «Contrat Social», именно того, что «и складъ ума Руссо и его житейскія судьбы гораздо болѣе располагали его къ размышленію надъ религіозными и моральными вопросами, чѣмъ надъ политическими проблемами, которыя всегда стояли далеко отъ человѣка, прожившаго всю свою жизнь въ сторонѣ отъ всякой общественной дѣятельности» (т. II, стр. 4).

Что касается того, что Руссо *мало* работалъ надъ «Contrat Social», то это, опять таки фактически невѣрно. Изъ словъ самого-же А. видно, что Руссо работалъ надъ «Contrat Social» *два года*. Неужели же этого мало для такого небольшаго по объему сочиненія, какъ «Общественный договоръ»? А самое главное, трактатъ цѣлыхъ десять лѣтъ лежалъ въ портфелѣ автора и выпущенъ въ свѣтъ, когда Руссо было 50 лѣтъ. Въ такіе годы міросозерцаніе даже самаго средняго человѣка, никогда и недумавшаго объ общественныхъ проблемахъ, настолько прочно устанавливается, что формулировать его не то что въ два года, въ два мѣсяца не представляетъ никакого затрудненія.

Вторая часть разсматриваемаго тома посвящена очерку государственнаго быта Женевы въ первую половину XVIII вѣка. Этотъ очеркъ очень цѣненъ не только для русской литературы, гдѣ онъ является совершенно новинкою, но имѣетъ извѣстное значеніе и для литературы европейской, потому что при составленіи его авторъ пользовался нѣкоторыми рукописными матеріалами швейцарскихъ архивовъ.

Третья часть втораго тома «Этюдовъ о Руссо», въ которой авторъ занимается доктриною «Общественнаго договора», поскольку она является отголоскомъ политическаго устройства Женевы, еще не закончена и будетъ еще предметомъ разсмотрѣнія третьяго тома этюдовъ московскаго профессора. Поэтому говорить о ней преждевременно. Можно только отмѣтить, что намѣчаемый общій выводъ въ главныхъ чертахъ уже не одинъ разъ высказывался въ исторической литературѣ. Авторъ именно полагаетъ, что Жанъ-Жакъ «нашелъ въ государственномъ строѣ своего отечества готовый политическій идеалъ, который, сочетавшись съ тенденціями его философской и моральной доктрины, и составляетъ характерное зерно ученія Руссо о государствѣ». (т. II, стр. 311).

Самою-же цѣнною частью разсматриваемаго тома являются приложенія къ нему, въ которыхъ авторъ даетъ рядъ любопытныхъ документовъ, извлеченныхъ имъ изъ рукописнаго отдѣла женевской и невшательской библіотекъ, а также до сихъ поръ нигдѣ не напечатанный первоначальный текстъ «Contrat Social». Намъ кажется, что авторъ непремѣнно долженъ издать эту часть своихъ изслѣдованій на французскомъ языкѣ. Долженъ онъ такъ поступить не только потому, что все касающееся Руссо, гораздо больше интересуетъ французовъ и швейцарцевъ, чѣмъ насъ, но и потому, что онъ очень оживленно полемизируетъ съ издателемъ «Oeuvres inédites de Rousseau» Штрекейзенъ-Мульту, обвиняя его въ значительныхъ «округленіяхъ» Жанъ-Жаковскаго текста. Отвѣтъ на эти нападки могъ-бы установить значеніе для исторической науки сдѣланныхъ московскимъ профессоромъ изысканій.

Для русскихъ читателей представляетъ еще интересъ въ приложеніяхъ къ 2 т. «Этюдовъ о Руссо», подробное изложеніе двухъ знаменитыхъ трактатовъ Ж.-Жака: «Discours sur les arts et les sciences» и «Discours sur l'inégalité».

* **Алексѣевъ**, Василій Алексѣевичъ, переводчикъ съ греческаго и латин. языковъ †) *По свѣдѣніямъ отъ него полученнымъ* р. 13 Апрѣля

†) Отзывъ о переводѣ Овидія въ «Жур. Мин. Нар. Пр.» 1885 г. № 8. проф. *И. В. Помяловскаго.*

*) означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника.*

1863 г. Напечаталъ слѣдующіе переводы: 1) «*Метаморфозы*» *Овидія*. Спб. 1885 г. 2) *Нѣсколько басенъ Эзопа* съ греч. въ «Родникѣ» 1885 г. 3) „*Характеристики*" Теофраста съ греч. въ «Пантеонѣ Литературы» 1888 г. (№ 1). 4) «*Картины*» *Кебеша* (Цебеса). Тамъ-же (№ 2). Спеціальная критика въ лицѣ проф. И. В. Помяловскаго, въ общемъ отнеслась довольно сочувственно къ первому изъ этихъ переводовъ, въ предисловіи къ которому молодой филологъ сообщалъ, что имъ задумана цѣлая «Библіотека греческихъ и римскихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ», именно переводы произведеній: Геродіана, Геродота, Демосфена, Өеофраста, Эзопа, Непота, Овидія и Цицерона.

Алексѣевъ, Василій Петровичъ, доцентъ механики. Единственный біографическій матеріалъ о немъ, который мы могли найти, заключается въ нижеслѣдующей замѣткѣ «Одесскаго Вѣстника» (1872 г. № 215).

«Ливингстона отыскали въ пустыняхъ Африки, слѣды Франклина— въ полярныхъ льдахъ, но слѣдовъ В. П. Алексѣева, возвращавшагося въ авг. 1871 г. изъ Швейцаріи обратно въ Россію, послѣ годичнаго пребыванія заграницею, не отыскано до сихъ поръ въ многолюдной и населенной Европѣ, не смотря на усердныя старанія его друзей и заботы двухъ министерствъ.

Живъ-ли онъ, погибъ-ли,—и если погибъ, то какъ и гдѣ — до сихъ поръ остается непроницаемою тайною.

В. П. Ал—евъ, окончилъ въ 1859 г. курсъ математическихъ наукъ въ харьковскомъ университетѣ. Послѣ этого былъ профессоромъ въ земледѣльческомъ училищѣ въ Горкахъ, приватъ-доцентомъ въ новороссійскомъ университетѣ и съ 1866 г. доцентомъ по предмету механики въ харьковскомъ университетѣ. Въ 1870 г. онъ командированъ былъ съ ученой цѣлью заграницу (на 1 годъ) и провелъ большую часть времени въ Германіи. Въ августѣ 1871 г. получены были въ Харьковѣ и Курскѣ письма, въ которыхъ онъ извѣщалъ своихъ друзей о скоромъ пріѣздѣ въ Россію. Онъ былъ аккуратенъ въ перепискѣ; поэтому внезапно наступившее молчаніе его уже въ сентябрѣ начало тревожить его друзей и знакомыхъ. Въ напряженномъ ожиданіи прошелъ и октябрь. Въ ноябрѣ сдѣланы были рѣшительныя попытки къ розысканію постигшей его судьбы. По сношенію начальства харьковскаго университета съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, сдѣланы были запросы о немъ въ посольствахъ и консульствахъ западной Европы. Изъ Австріи было получено формальное извѣщеніе, что Алексѣевъ не въѣзжалъ въ предѣлы этой страны.

Въ тоже время близкіе его обратились къ одному изъ берлинскихъ книгопродавцевъ (съ которымъ состоялъ въ сношеніи и В. П.), съ

просьбою объявить въ газетахъ о розыскѣ А. Запросы о немъ появились также и въ швейцарскихъ газетахъ.

Вслѣдствіе этихъ розысковъ получено было изъ Швейцаріи таинственное письмо отъ лица, скрывшаго свое имя и предлагавшаго услуги къ отысканію слѣдовъ В. П. Это лицо предлагало переписываться чрезъ швейцарскія газеты, требуя прежде всего, чтобы обѣщано было не доискиваться его имени и только при этомъ условіи таинственный незнакомецъ рѣшился объявить о судьбѣ, постигшей Алексѣева: за эту услугу онъ требовалъ 300 р., которые должны быть положены въ одинъ изъ швейцарскихъ банкирскихъ домовъ, а онъ въ правѣ будетъ получить эту сумму, какъ только разъяснитъ дѣло. Стоитъ упомянуть между прочимъ, что неизвѣстное лицо давало какой-то темный намекъ на печальный конецъ А. говоря, что «Пруссакъ долженъ будетъ отвѣчать за него» (Ein Preusse soll Rede stellen).

Совершенная неопредѣленность указаній этого таинственнаго лица не позволила воспользоваться единственнымъ случаемъ, который до сихъ поръ представлялся, чтобы узнать что нибудь о В. П. А.

Въ послѣднее время получены извѣстія отъ одного цюрихскаго книгопродавца, что В. П. А. оставилъ у него свои книги и багажъ на сохраненіе, и что онъ удивился, что владѣлецъ ихъ не требуетъ до сихъ поръ обратно.

И такъ, ясно одно, что В. П. А не выѣзжалъ изъ Швейцаріи, но не выяснилось нисколько, что съ нимъ сталось. Неужели всякіе слѣды его канутъ навсегда въ воду?

В. П. А. оставилъ по себѣ самую добрую память и какъ человѣкъ, и какъ преподаватель, и его трагическая судьба невольно наводитъ на тревожное раздумье».

*) **Алексѣевъ**, Владиміръ Федоровичъ, современный химикъ. *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ* родился 19-го октября 1852 г. въ Петербургѣ, въ интелигентной дворянской семьѣ, почти всѣ члены которой, начиная съ прадѣда В. Ф., кончившаго курсъ въ ново-открытомъ тогда московскомъ университетѣ, получали высшее образованіе. Отецъ его жилъ службою и подъ конецъ жизни, уже будучи въ отставкѣ, занималъ (по найму) мѣсто правителя канцеляріи петербургскаго учебнаго округа. Кончивъ въ 1867 г. курсъ во 2 петербургской военной гимназіи, А., имѣя 15½ лѣтъ отъ роду, поступилъ въ Горный Институтъ, въ которомъ и кончилъ курсъ въ 1873 г., по 1-му разряду. Здѣсь онъ, главнымъ образомъ, занимался химіею, къ которой пристра-

*) означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

стился еще въ гимназіи. Во время пребыванія въ институтѣ, А. также занимался составленіемъ рефератовъ по химіи для «Горнаго Журнала», который вмѣстѣ съ тѣмъ и корректировалъ. По окончаніи института онъ былъ оставленъ при институтѣ лаборантомъ. На первыхъ порахъ его постигло большое несчастіе: 30 ноября 1873 г. въ лабораторіи произошелъ взрывъ, жестоко изранившій В. Ф. и завершившійся тѣмъ, что чрезъ 4 года безуспѣшнаго леченія ему пришлось вырѣзать себѣ глазъ и на-время прекратить лабораторныя и письменныя работы. Онъ перешелъ тогда на службу въ монетный дворъ помощникомъ управляющаго механической частью. За годъ передъ этимъ (1876 г.) А. ѣздилъ въ Берлинъ, гдѣ прослушалъ курсъ органической химіи у знаменитаго *Гофмана*, въ лабораторіи котораго онъ вмѣстѣ съ тѣмъ практически работалъ. Въ 1879 г., защитивъ диссертацію «О взаимной растворимости жидкостей», онъ получилъ мѣсто адъюнктъ-профессора химіи въ Горномъ Институтѣ.

Не считая переводовъ и мелкихъ рефератовъ въ «Горномъ Журналѣ», А. напечаталъ слѣдующія самостоятельныя работы:

1) «О взаимной растворимости жидкостей» («Ж. р. Хим. Общ.» 1875 I. 56). 2) «О растворимости амиловаго спирта въ водѣ» (Ibid. 179). 3) «Составъ бромнаго гидрата» (ib. 1876. I. 141). 4) «Растворимость амиловаго спирта въ водѣ» (ib. 1877. I. 78 и 125). 5) «Растворимость фенола въ водѣ» (ib. I. 208). 6) Тіоальдегидъ пропіоновой кислоты» (ib. I. 295). 7) «О взаимной растворимости жидкостей». Дисс. на званіе адъюнкта химіи. Спб. 1879. 8) «О приложеніи электричества къ освѣщенію» («Гор. Ж.» 1879 г.). 9) «Дѣйствіе хлороводорода на камфору» («Ж. Рус. Хим. Общ. 1880. I. 186. 10) «Полученіе чистаго фенола» (ib. I. 363). 11) «Видоизмѣненіе пикнометра Менделѣева» (ib. 1881. I. 558.) 12) «О взаимной растворимости жидкостей» (ib. 1882. I. 51). 13) «Изслѣдованіе надъ гидратомъ фенола» (ib. 110). 14) «О вліяніи агрегатнаго состоянія на растворимость» (ib. 110) 15) «О термической разности растворовъ твердой и жидкой салициловой кислоты» (ib. 355). 16) «Ueber die Lösungen, wellche Salicylsaüre mit Wasser bildet» («Jour. für practische Chemie» 1882. Bd. 25. 518). 17) «Sur les solutions réciproques des liquides» («Bulletin de la Soc. Chemique de Paris» 1882 г. XXXVIII p. 145). 18) «О растворахъ» («Ж. рус. Физ. Хим. Общ. 1883. I. 195). 19) «О гидратѣ фенола» (ib. 412). 20) «Опытъ теоріи растворовъ» (ib. 526). 21) «О теплоемкости растворовъ» (ib. 275). 22) «О тепловомъ эффектѣ при образованіи растворовъ» (ib. 431). 23) «О простѣйшихъ типахъ растворовъ» (ib. 431). 24) «Объ измѣненіи теплоты растворенія изобутиловаго спирта въ водѣ въ зависимости отъ измѣненія температуры» (ib. 613). 25) «О растворахъ углеводородовъ въ расплавленной сѣрѣ» (ib. 613). 26) «Очеркъ современнаго состоянія химической механики» («Гор. Жур.» 1884. № 3). 27) «О растворахъ» («Ж. р. Ф. Хим. Общ.» 1884. I. 92). 28) «О теплоемкости растворовъ» (ib. 109). 29) «Поправка термическихъ данныхъ о растворахъ салициловой кислоты» (ib. 180). 30) «О взаимной растворяемости жидкостей» (ib. 377). 31) «Объ условіяхъ прочности соединеній въ присутствіи избытка той или другой составной части»

(ib. 641). 32) «Объ изомеріи растворовъ» (ib 1885. 42). 33) «О растворахъ жидкостей въ жидкости». 34) «Объ изомеріи растворовъ» (ib. 46). 35) *„Краткій учебникъ органической химіи"*. Спб. 1885, ц. 50 к. (Отзывы: въ «Кіев. Унив. Изв.» 1885 г. и въ «Гор. Жур.» 1886 г.). 36) «Объ упругости пара растворовъ». 37) «О растворахъ» («Горн. Журн.» 1885 г.). 38) «Отвѣтъ г. Коновалову» («Ж. р. Хим. Общ.» 1885. № 7). 39) «Объ эндотермичности сѣроуглерода». 40) «О каталитическихъ свойствахъ стекла» (ib. 1886, стр. 57).

Только что приведенный перечень показываетъ, что А. почти исключительно посвятилъ свою научную дѣятельность той области, которая составляетъ границу между физическими и химическими явленіями, и занялся подробнымъ изученіемъ растворовъ вообще и растворовъ жидкостей въ жидкостяхъ въ частности. Въ этихъ работахъ имѣется не мало интересныхъ данныхъ въ фактическомъ отношеніи, но въ силу трудности опытнаго изслѣдованія этой области явленій В. Ф. Алексѣевъ дѣлалъ иногда слишкомъ спѣшныя заключенія, встрѣчавшія весьма вѣскія возраженія со стороны другихъ изслѣдователей. Такимъ возраженіямъ особенно подвергалось изслѣдованіе В. Ф. о растворахъ твердой и жидкой салициловой кислотъ въ водѣ. В. Ф. пробовалъ дать новую классификацію растворовъ, въ которой признаетъ существованіе неистинныхъ растворовъ (однородная смѣсь твердаго вещества съ жидкостью) истинныхъ растворовъ и, наконецъ, растворовъ въ видѣ химическихъ соединеній.

М. Гольдштейнъ.

Алексѣевъ, Иванъ †), род. въ 1709 г. въ Великороссіи. Молодымъ человѣкомъ переселился въ Стародубье, гдѣ раскольникамъ жилось гораздо вольнѣе, чѣмъ въ Великороссіи. Есть извѣстіе, что онъ занимался иконописаніемъ. Соединяя съ большою начитанностью тонкій критическій умъ, пламенность въ исканіи истины, «рѣшительность», по выраженію Павла Любопытнаго, онъ очень скоро

†) О немъ см. 1) *Александръ Б.* Описаніе нѣкоторыхъ раскольническихъ сочиненій, т. I, стр. 262—291. 2) *Макарій.* Исторія русскаго раскола, стр. 277—278. 3) *Нильскій.* Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ, вып. I, стр. 105 — 199. 4) *Ивановскій.* Критическій разборъ ученія старообрядцевъ, стр. 355—360. 5) *Его-же.* Руководство по исторіи и обличенію раскола, ч. I, стр. 99—100. 6) *Филипповъ.* Современные церковные вопросы, стр. 235—270. 7) Чтенія Общ. Ист. и Древ. при Моск. ун. 1863 г. т. I, Каталогъ Павла Любопытнаго, стр. 34—36 и 144. 8) «Исторія о бѣгствующемъ священствѣ» въ жур. «Истина» 1875 г., кн. 39 и 43, и въ Лѣтоп. рус. литер. и древн.» изд. Тихонравова 1862, т. IV, стр. 53—69. 9) *А. Поповъ.* Описаніе рукописей библіотеки А. И. Хлудова №№ 278, 279, 353; Первое прибавленіе къ этому описанію, № 35. 10) *Лилеевъ.* Описаніе рукописей Черниговской духовной семинаріи. № 142. 11) «Труды кіевской духовной академіи», 1876 г. 1 кн. стр. 116 и сл.

выдвинулся изъ среды своихъ единовѣрцевъ раскольниковъ ѳедосѣевскаго согласія. Къ этому времени относится цѣлый рядъ его сочиненій противъ православной церкви и поповщины. Въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ С.-Петербургской духовной академіи сохранились слѣдующія его сочиненія по вопросу о священствѣ у поповцевъ: а) Исторія о бѣгствующемъ священствѣ; б) О власти преосвященнаго чина; в) О вѣчности священства Христова суетно поемлющимъ возраженіе; г) О истинной Церкви доказательство, кую и врата адова одолѣти не могутъ. Разговоръ; д) Мужу честному, приславшему къ намъ четыре нѣкіе вопроса; е) Книга о бѣгствующемъ іерействѣ, разговоры и извѣщеніе о должности святѣйшаго преданія; ж) Иного разума вопросы, сирѣчь не о іерействѣ, но о принадлежащихъ іерейству. Въ перечисленныхъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ самое замѣчательное «Исторія о бѣгствующемъ священствѣ», Алексѣевъ сильно полемизируетъ противъ пріема бѣглыхъ поповъ; стоя на строго-канонической почвѣ, онъ категорично отвергаетъ законность бѣглопоповства. Кромѣ своего полемическаго значенія, «Исторія о бѣгствующемъ священствѣ» важна и въ историческомъ отношеніи; въ ней сообщаются довольно подробныя свѣдѣнія: 1) Объ основателяхъ раскола въ южныхъ и юго-западныхъ предѣлахъ нашего отечества, іеромонахѣ Іовѣ, игуменѣ Досифеѣ, попахъ Козмѣ и Стефанѣ, іереяхъ Іоасафѣ и Ѳеодосіи; 2) о появленіи раскола въ рыльскомъ уѣздѣ, на Дону, на Донцѣ, при Чирѣ-рѣкѣ, за Астраханью у моря Хвалынскаго, близъ Кумы, на Кубани, въ Калугѣ, въ Стародубьѣ; 3) объ основаніи въ расколѣ толка поповщины при попѣ Ѳеодосіи; 4) о построеніи церкви на Вѣткѣ; 5) о первыхъ бѣглыхъ попахъ новаго посвященія на Вѣткѣ; 6) Объ исканіи архіерейства, о раскольничьихъ епископахъ Епифаніи, Аѳиногенѣ и Анѳимѣ; 7) о первыхъ впечатлѣніяхъ, произведенныхъ въ расколѣ образованіемъ толка поповщины. По этой «Исторіи» можно судить о начитанности Алексѣева и объ объемѣ раскольничьей литературы его времени: онъ упоминаетъ очень много разныхъ раскольничьихъ сочиненій, напр.: «Исторію объ отцѣхъ и страдальцѣхъ Соловецкихъ», «Отвѣты діаконовыхъ и друг.

Благодаря всѣмъ этимъ писаніямъ, Алексѣевъ занялъ почетное мѣсто у ѳедосѣевцевъ, они считали его своею крѣпкой опорой. Но и съ ними ему суждено было разойтись. Причиной раздора послужилъ вопросъ о бракѣ. Еще живя въ Великороссіи, Алексѣевъ сталъ задумываться надъ судьбою ѳедосѣевскихъ дѣтей, которыя по ученію секты считались незаконными или сиротами, не имѣющими ни отца, ни матери. Впослѣдствіи онъ убѣдился, что ученіе о всеобщемъ безбрачіи

порождаетъ множество всякихъ злоупотребленій и рѣшилъ искать выхода изъ ненормальнаго положенія, установленнаго этимъ ученіемъ. Въ этомъ дѣлѣ онъ имѣлъ предшественника въ лицѣ нѣкоего Михаила Вышатина. Вышатинъ не рѣшился сойти съ ѳедосѣевской точки зрѣнія, что бракъ невозможенъ безъ законнаго священства и отправился искать «Христова священства» въ Палестинѣ. Алексѣевъ поставилъ вопросъ иначе. Онъ сперва искалъ разрѣшенія его у своихъ единовѣрцевъ: ѣздилъ къ Андрею Денисову, предлагалъ ему разные вопросы, былъ въ Москвѣ гдѣ встрѣтилъ сочувствіе своему дѣлу въ наставникахъ Антонѣ Ивановичѣ и Семенѣ Артемьевичѣ; въ польскомъ городѣ Кутѣ познакомился съ учениками Вышатина; много бесѣдовалъ съ наставникомъ Леонтіемъ Ѳеодосіевичемъ. Удовлетворительнаго рѣшенія своихъ вопросовъ онъ нигдѣ не нашелъ и выработалъ свое оригинальное ученіе, изложенное въ огромномъ сочиненіи «О тайнѣ брака». Сочиненіе это, экземпляръ котораго есть въ библіотекѣ петербургской духовной академіи, состоитъ изъ двухъ частей: въ первой 20 главъ, во второй 7. Сущность ученія Алексѣева состоитъ въ слѣдующемъ: бракъ есть тайна, но не въ смыслѣ таинства, какъ понимаетъ его православная церковь, таинства, въ которомъ чрезъ пресвитерское благословеніе сообщается брачущимся особенная благодать Св. Духа, а въ смыслѣ таинственнаго значенія супружеской любви, какъ образа любви Христа къ Церкви. Богъ благословилъ бракъ первыхъ людей и это благословеніе преемственно переходитъ на всѣхъ вступающихъ въ бракъ. Необходимыми элементами для совершенія брака слѣдуетъ признавать взаимную любовь брачущихся, согласіе ихъ на бракъ и благословеніе родителей. Церковное вѣнчаніе не есть необходимость, оно только «общенародный христіанскій обычай», освященный древностью. Основатель ѳедосѣевской секты принималъ староженовъ, вѣнчанныхъ въ православной церкви, не разводя ихъ. Въ виду такой практики, Алексѣевъ полагалъ, что вѣнчаніе, какъ общенародный обычай, можно совершать въ православной церкви и повѣнчавшихся тамъ не разводить въ ѳедосѣевской общинѣ. Выраженіе «общенародный обычай» подало поводъ въ 60-хъ годахъ къ горячему ученому спору: проф. Нильскій приравнилъ Алексѣева къ «современнымъ защитникамъ женской эманципаціи»; противъ этого возражалъ Т. И. Филипповъ, рѣшительно доказывая, что у Алексѣева не было никакой мысли о гражданскомъ бракѣ, что въ основѣ его разсужденій лежитъ все же мысль о церковномъ преданіи. При своемъ появленіи ученіе Алексѣева было неодинаково встрѣчено раскольниками разныхъ сектъ: поморы отнеслись къ нему дружелюбно, но за то крайнюю враждебность къ

нему обнаружили ѳедосѣевцы: Алексѣева всячески поносили и бранили, и на соборѣ 1752 г. его ученіе объявили ересью и рѣшили не имѣть общенія ни съ нимъ, ни съ его послѣдователями. Но около Алексѣева образовался значительный кружокъ единомышленниковъ, составившій въ 1757 г. общество новоженовъ. Впослѣдствіи, отчасти даже при его жизни, ученіе Алексѣева подверглось нѣкоторымъ измѣненіямъ и дополненіямъ, но существо его сохранилось. Алексѣевъ умеръ на 67 году жизни въ 1776 г.

Наиболѣе полный перечень его сочиненій находится въ «Каталогѣ» Павла Любопытнаго: 1) Разговоръ съ монахомъ Ѳедоромъ Ковашевскимъ о таинствахъ и бракѣ; 2) Разсужденіе о старовѣрческой церкви и старообрядцахъ; 3) Исторія о бѣгствующемъ іерействѣ старообрядцевъ; 4) Опроверженія по разговору на всѣ основанія старообрядцевъ въ пріемѣ пресвитеровъ отъ Никоновой церкви; 5) Книга о бракахъ; 6) Показаніе о явныхъ заблужденіяхъ грубыхъ ѳеодосіянъ, заключающееся въ 24 статьяхъ; 7) Краткое и любопытное описаніе старообрядческой церкви, нѣкоторыхъ церковныхъ мудрованій и ея въ сихъ отношеніяхъ распри, о началѣ бытія Анофріевой церкви или согласія, тоже діаконовщины и скопищѣ нѣтовщины; 8) Показаніе о ѳеодосіянскихъ злочестіяхъ; 9) Книга Питинъ, о двуперстномъ сложеніи и триперстіи Никона патріарха; 10) Опроверженіе всѣхъ старообрядческихъ доводовъ о ихъ бѣгствующемъ беззаконномъ іерействѣ и прочемъ; 11) Книга по разговору о существенномъ бытіи антихриста въ мірѣ и многихъ его дивныхъ происшествіяхъ; 12) Возгласительное слово ѳеодосіянцевъ, лжемудрственно по невѣжеству своему и суетно дѣвство святящихъ; 13) Десять посланій въ разныя страны къ пастырямъ душъ и благочестивымъ мужамъ о назиданіи церкви и ея украшеніи; 14) Отвѣты на вопросы старообрядцевъ или поповщины о конечности Христова священства и Евхаристіи, 5 тетрадей въ 4, сочинены 1756 г. іюля 24; 15) Показаніе о силѣ вѣчныхъ завѣтовъ и приказаній Божіихъ, 30 тетр. въ 4, соч. 1757 г., дек. 30; 16) Разсужденіе о свойствѣ благовѣрія и церковныхъ таинствахъ, 8 тетр. въ 4, соч. 1757 г. февр. 30; 17) Апологія о ненужныхъ поповскихъ молитвахъ очищенія рождающей женѣ дѣтей, 7 тетр. въ 4, сочинена 1758 г. и докончена апр. 25; 18) Вторая апологія о семъ предметѣ по вопросамъ и отвѣтамъ, 12 лист. въ 4, соч. и конч. 1758 г. мая въ послѣднихъ числахъ; 19) Показаніе о возобновленіи древнихъ нѣкоторыхъ ересей ѳеодосіянами и прочихъ, 5 тетр. въ 4, соч. и доконч. 1758 г. февр. 27; 20) На вопросы поповщины отвѣты о покаяніи дѣйствуемомъ простолюдинами, 2 тетр. въ 4, соч. и оконч. 1759 г. дек. 20; 21) Показаніе постриженіи въ иночество

нерукоположенными мужами. 3 тетр. въ 4; 22) Полная апологія о нарѣчномъ пѣніи, 9 тетр. въ 4, соч. и оконч. 1760 г. мая 31; 23) Апологія о христопреданномъ двуперстномъ сложеніи на благословеніе и знаменованіе христіанства, 5 тетр. въ 4, соч. 1760 г. іюля 31; 24) Возраженіе на всѣ поповщинскія основанія о бѣгствующемъ священствѣ, 4 тетр. въ 4; соч. 1762 г. іюля 3; 25) Убѣдительныя предложенія и отвѣты старообрядцамъ о ихъ заблужденіи въ священствѣ, 8 тетр. въ 4, соч. 1762 г. сент. 15; 26) Изслѣдованіе о Христовомъ священствѣ и опроверженіе бѣгствующаго іерейства старообрядцевъ, 9 тетр. въ 4, соч. 1762 г. іюля 30; 27) Вторая полная апологія о знаменіи на себѣ двуперстнаго Христопреданнаго сложенія, 8 тетр., соч. 1764 г. окт. 4; 28) Разговоръ съ езуитомъ о Христопреданномъ трепогружательномъ крещеніи христіанства, 2 тетр. въ 4, соч. 1764 г. нояб. 30. Кромѣ этихъ, по словамъ Любопытнаго, были еще сочиненія Алексѣева, но они утрачены.

А. Бороздинъ.

Алексѣевъ, Иванъ (по отцу Алексѣевичъ, а не П. т. е. Петровичъ или Павловичъ, какъ обозначено въ росписи Смирдина подъ № 3227), братъ знаменитаго протоіерея Петра Алексѣева †). Былъ священникомъ Спасскаго собора, что на Бору въ Москвѣ, а затѣмъ учителемъ кадетскаго корпуса и по сообщенію Бакмейстеровской «Russische Bibliothek» умеръ въ Петербургѣ въ 1780 г.

Частью вмѣстѣ съ братомъ своимъ Петромъ Алексѣевымъ, а больше одинъ, Иванъ Алексѣевъ перевелъ слѣдующія книги съ латинскаго и греческаго языковъ:

1) *Валерія Максима изрѣченій и дѣлъ достопамятныхъ девять книгъ.* 2 ч. II. 1772. 8°. Съ лат. (Соп. 2374). 2) *Еліана*, различныя повѣсти, съ греч. ч. I. Спб. 1773. 8°. *Тоже*, изданіе второе, 2 ч. М. 1787. 8°. (Соп. 3717 и 3818). 3) *Библіотека Историческая Діодора Сицилійскаго.* Съ греч. 6 частей. Спб. 1774 — 1776. 4°. (Соп. 2221). 4) *Варнавы Бриссонія, перваго въ Парижѣ сенатора, о Персидскомъ царствѣ.* Съ латинскаго, исправлено и издано братомъ его П. А. Алексѣевымъ. 3 ч. М. 1781. 8°. (Соп. 2381). 5) *Плутарха Херонейскаго нравственныя и философическія сочиненія, съ пріобщеніемъ Апофегматовъ разныхъ народовъ.* Ч. I, съ греч. Спб. 1789. (Соп. 8305). Ему-же, а не Петру Алексѣеву, принадлежитъ 6) переводъ съ лат. книги *Корнелія Агриппы*, «De nobilitate et praecellentia foeminei sexus declamatio» изд. въ 1784 г. княгинею Дашковой на счетъ Академіи Наукъ подъ заглавіемъ: „*О благородствѣ и преимуществѣ женскаго пола*“ (Соп. 2258).

---

†) [1]) Сочиненія и переводы Россійской Академіи VI. 12. 2) *Backmeister*. Russische Bibliothek. VI, 561. 3) «Энцикл. лексиконъ» Плюшара, т. III. 4) *Снегиревъ-Евгеній.* Словарь. 5) *Филаретъ*, «Обзоръ», стр. 396. 6) *Сухомлиновъ*, Исторія Россійской Академіи. т. I, стр. 289.

Изъ *оригинальныхъ* **сочиненій значатся въ каталогахъ съ именемъ Ивана Алексѣева:**

7) ***Краткое руководство къ удобному познанію знаковъ, по греко-россійскому церковному исчисленію показующихъ времена лѣтъ, и какимъ образомъ Пасха Христіанская, постъ св. Апостолъ и прочіе праздники перемѣняются, или переходятъ.*** **М. 1787. 8°. 8)** ***Пространное поле, обработанное и плодоносное, или всеобщій Историческій оригинальный Словарь, изъ наилучшихъ авторовъ какъ Россійскихъ такъ и иностранныхъ выбранный, сочиненный и по азбучнымъ словамъ расположенный.*** **2 ч. М. 1793—1794. 8° (Соп. 9123). 9)** ***Житіе и Акаѳистъ Стефану Пермскому.*** **М. 1799—1801. 4° (Соп. 24). 10)** ***Служба св. Димитрію Митрополиту Ростовскому Чудотворцу.*** **М. 1801. 4° (Соп. 23).**

Изъ названныхъ книгъ наибольшее значеніе имѣетъ «*Пространное поле***». Это первый въ русской литературѣ опытъ энциклопедическаго словаря, хотя и не особенно удачный. Неудачный прежде всего потому, что доведенъ только до буквы В (а не Г, какъ сказано у Геннади) Что же касается исполненія, то оно вышло неудовлетворительнымъ главнымъ образомъ потому, что А., болѣе всего знакомый, если судить по его переводамъ, съ науками историко-географическими, далъ, однакоже въ своемъ словарѣ преимущественное развитіе статьямъ научно-практическимъ. (Для примѣра укажемъ, что описанію** *Азіи* **отведены двѣ страницы, а абрикосамъ 28 страницъ). Но такъ какъ въ естественной исторіи А. былъ не особенно свѣдущъ, то и надѣлалъ множество ошибокъ.**

Въ десятыхъ годахъ настоящаго столѣтія наслѣдники А. представили «Пространное поле» министру народн. просвѣщенія, испрашивая для него одобренія, которое открыло бы книгѣ ходъ въ учебныя заведенія Министръ передалъ ее въ Россійскую Академію и здѣсь она была отдана на разсмотрѣніе академикамъ Красовскому, Никольскому, Иноходцеву, Севергину и Севастьянову. Всѣ они дали очень неблагопріятный отзывъ какъ о содержаніи словаря, такъ о дѣйствительно крайне-тяжеломъ изложеніи его.

Алексѣевъ, Константинъ. Напечаталъ: 1) «*Изложеніе законоположеній заключающихся въ армянскомъ судебникѣ*». М. 1870., первоначально появившееся въ «Чтеніяхъ» Моск. общ. Древн. и Исторіи за 1870 г (кн. 2). 2) Въ тѣхъ же «Чтеніяхъ» за 1868 г. (№ 2)—«*Объ отношеніях супруговъ по имуществу въ древней Россіи и Польшѣ*». 3) «*Суды и палестра въ Польшѣ въ XVIII вѣкѣ*» («Кіевлянинъ» 1874 г. № 151 и 152)

Алексѣевъ, Л. Современный литераторъ, см. въ концѣ настоящаго тома

Алексѣевъ, Матвѣй †). Перевелъ съ нѣм. 1) *Коцебу* «Жизнь моег

†) 1) *Снегиревъ*, Словарь мит. Евгенія, 5—6. 2) *Геннади*, Словарь, стр. 18.

отца, или какъ случилось, что я родился. М. 1798 и 1803. (Соп. 5768—9). 2) Съ фр. «Прогулка или приключенія Миссъ Эвелинъ». Смоленскъ 1801 (Соп. 9073). 3) Съ фр. *Верна* «Чувствительный путешественникъ или моя прогулка въ Иверденъ». М. 1801 (Соп. 9155). Можетъ быть ему-же принадлежитъ переводъ *Коцебу*: *Опасный споръ, или сколько женщины могутъ полагаться на вѣрность своихъ мужей.* Спб. 1800 (Соп. 5785).

Алексѣевъ, Михаилъ †) По Шторху титуляр. совѣтникъ и предсѣдатель верхняго суда колыванскаго намѣстничества. Перевелъ съ латинскаго: *Іосифа Флавія*, О войнѣ Іудейской. — 2 части. Спб. 1786—1787. 4°. Этотъ переводъ выдержалъ 3 изданія—послѣднее Спб. 1804—1818. (Соп. 4969).

Алексѣевъ, Николай Ивановичъ ††) колеж. совѣт. † въ 1835 въ Саратовѣ. Составилъ: 1) «Памятникъ изъ межевыхъ законовъ» М. 1806. 4° (по Соп. № 8055) и 2) «Собраніе Межевыхъ законовъ, по старшинству времени состоянія ихъ» съ 1764 по 1812. 6 час. М. 1811. 4° (Соп. 8056).

Алексѣевъ, Николай Николаевичъ †††), математикъ. Учился сначала въ Александринскомъ Сиротскомъ Институтѣ, затѣмъ въ московскомъ университ., гдѣ въ 1847 году кончилъ курсъ со степенью кандидата физико-математическаго факультета. Во время нахожденія въ университетѣ онъ получилъ серебряную медаль за работу на заданную факультетомъ тему—«Вычислить сжатіе земли по наблюденіямъ, съ помощью способа наименьшихъ квадратовъ».

Съ 1847 по 1870 г. А. былъ сначала учителемъ, а затѣмъ инспекторомъ 2-ой петербургской военной гимназіи. Въ 1869 московскій университетъ поднесъ ему honoris causa дипломъ доктора математики, а въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ профессоромъ варшавскаго университета, гдѣ и оставался до самой смерти своей 2 марта 1881 г. Въ 1878 г. Академія Наукъ избрала А. въ адъюнкты.

А. напечаталъ:

1) *Начала интегральнаго исчисленія* 2 ч. М. 1861—62. Изд. 2-е книга 1-ая М. 1874. 2) *Аналитическая геометрія на плоскости.* Вып. I. М. 1865 г. 3) *Note sur la reduction des intégrales elliptiques á la forme conique* („Comptes rendus de l'Acad. d. sciences de Paris". 1864). 4) *Свойство интеграловъ отъ алгебраическихъ ирраціональныхъ функцій, которые выражаются одними логарифмами* („Матем. сборникъ",

---

†) 1) *Шторхъ*. Систематич. Обозрѣніе ч. 1 стр. 213. 2) *Геннади*. Словарь.

††) 1) *Снегиревъ*, Словарь Евгенія. 2) *Геннади*, Словарь, стр. 19.

†††) 1) «Москов. Вѣд.» 1881 г. № 81. 2) *Д. Д. Языковъ*, Писатели, умершіе въ 1881 году. 3) «Варш. Унив. Изв.» 1876 г. № 1, стр. 26. 4) «XXXII Присужденіе Демидов. наградъ» (отзывъ о «Дифер. исч.») 5) «Москов. Унив. Изв.» 1870 г. № 3. стр. 103—104.

изд. моск. матем. обществомъ" 1866). 5) *Интегрированіе дифференціаловъ, содержащихъ корень квадратный изъ многочлена 4-ой степени и дифференціаловъ, содержащихъ корень кубическій изъ многочлена 3-й степени* (Ibid.) 6) *Криволинейныя, ортогональныя координаты.* (Ib). (7 *О значеніи интегрирующаго фактора при опредѣленіи вида интеграла однороднаго дифференціальнаго уравненія перваго порядка* (Ib. 1868). 8) *Изслѣдованія о функціяхъ подобныхъ функціямъ Лежандра.* (Ib 1870). 9) *Объ эллиптическихъ интегралахъ съ различными модулями* („Труды 1 съѣзда естеств." 10) *Объ интегрирующемъ факторѣ дифференціальныхъ уравненій.* («Труды 2-го съѣзда естеств.»). 11) *Интегральное исчисленіе.* М. 1874.

Оцѣнку научнаго значенія работъ А. см. въ концѣ настоящаго тома.

Алексѣевъ, Петръ Алексѣевичъ †), протоіерей московскаго Архангельскаго собора, одинъ изъ образованнѣйшихъ представителей русскаго духовенства второй половины прошлаго столѣтія. Род. въ 1727 г. въ Москвѣ, гдѣ отецъ его былъ пономаремъ замоскворѣцкой церкви св. Николая. Учился въ московской славяно-греко-латинской академіи, гдѣ пробылъ болѣе 12 лѣтъ. Въ 1752 году опредѣленъ діакономъ, въ 1757 г. священникомъ Архангельскаго собора, съ 1759 г. состоялъ катехизаторомъ при москов. университетѣ — должность, которую онъ занималъ вплоть до самой своей смерти, въ 1762 г. переведенъ ключаремъ въ Успенскій соборъ, въ 1771 г. архіеп. Амвросій (Зертысъ-Каменскій) наканунѣ своей трагической смерти назначилъ его протоіереемъ архангельскаго собора и въ этомъ званіи А. † 22 іюля 1801 г. Въ 1783 г. Россійская Академія избрала его въ числѣ своихъ сочленовъ, членомъ же «Вольнаго Россійскаго Собранія» при москов. университетѣ онъ состоялъ со времени учрежденія этого собранія и по предложенію его, а также на его средства онъ издалъ свой знаменитый «Церковный Словарь».

Съ самаго начала своей пастырской дѣятельности, А. выступилъ рѣзкимъ противникомъ преобладающаго вліянія монашества въ судьбахъ русской церкви. Онъ былъ убѣжденъ, что русское монашество неправильно присвоило себѣ исключительное право на высшія духовныя званія и когда ему былъ предложенъ вопросъ, можно-ли священника не-монаха производить въ епископы, онъ отвѣтилъ, что только одно бѣлое духовенство и имѣетъ право на епископство, такъ какъ монашество, по

† 1. *Новиковъ,* Словарь. 2. *Евгеній,* Словарь дух. пис. 3. *Н. Устряловъ,* въ «Энцикл. Лек.» *Плюшара.* 4. *Филаретъ.* Обзоръ, стр. 383—85. 5. *М. Михайловъ* въ «Энц. Слов». изд. рус. пис. и уч. т. III стр. 213—214. 6. *Н. Розановъ* въ «Душепол. Чтеніи» 1869 г. 7. *Сухомлиновъ* Исторія россійской академіи, т. I, стр. 280—343 и т. VIII. 8. *Н. Субботинъ* въ статьѣ «Анекдотъ о Петрѣ Великомъ» въ Рус. Вѣст. 1864, т. 49. 9. *Н. Розановъ,* Исторія москов. епарх. управленія. Ч. II. кн. 1, стр. 64—66. 10. *А. Корсаковъ,* въ «Рус. Арх.» 1880 г., т. II. 11. «Библіогр. Зап.» I, стр 233. 12. *А. Красовскій.* «Опытъ ист. рос. акад.» въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1840 г.

самому существу своему, исключаетъ пріобрѣтеніе почестей и власти. Въ подтвержденіе своихъ словъ А. ссылался на то, что въ первые вѣка христіанства многіе епископы были женаты и что были женаты даже нѣкоторые изъ апостоловъ. Переходя къ частностямъ, А. указывалъ на то, что всесильное своею іерархическою властью русское монашество намѣренно унижаетъ бѣлое духовенство и, кромѣ того, чрезвычайно обремевяетъ его поборами и налогами въ свою пользу. Къ дѣйствительному существованію въ монашеской средѣ иноческаго аскетизма и смиренія А. относился скептически.

Такіе взгляды не могли не создать Алексѣеву сильныхъ недоброжелателей въ той средѣ, противъ которой онъ такъ рѣзко выступалъ. Пока во главѣ московской епархіи стоялъ Амвросій, А. не приходилось еще испытывать на себѣ проявленія этого недоброжелательства. Но когда московскую архипастырскую кафедру занялъ Платонъ, отличавшійся діаметрально-противоположными взглядами на роль, которую въ русской церкви должны играть монашествующіе, положеніе А. сдѣлалось очень труднымъ и онъ не разъ видѣлъ себя вынужденнымъ жаловаться на притѣсненія архіепископа. «Здѣсь бѣлому священству житья нѣтъ отъ монаховъ» писалъ онъ своему покровителю-духовнику Императрицы Екатерины II—Памфилову. «Мнѣ грозитъ владыка отрѣшеніемъ отъ мѣста: за то, что не показался человѣкъ человѣку, идти отцу съ дѣтьми по міру, раззориться домомъ и межу дворъ скитаться! Гораздо легче архіерею идти на обѣщаніе, оставя по своенравію епархію свою, ибо онъ, накопя денегъ, безбѣдно проживетъ въ монастырѣ вѣкъ свой, якоже Пахомія и прочіи. Послѣ того грозилъ мнѣ владыка таскотнею по консисторіи года три, и порицалъ гнуснымъ названіемъ доносчика».

Вражда Алексѣева съ Платономъ временами до того обострялась, что дѣло доходило до драки съ людьми, близкими къ митрополиту. Такъ напр. во время крестнаго хода 23 іюня 1778 г. братъ Платона, протоіерей московскаго Успенскаго собора Александръ Левшинъ позволилъ себѣ, по словамъ Алексѣева, учинить ему такую «печаль»: «на Ивановской кричалъ онъ во все свое громогласіе: поди, плѣшивый, отсюда прочь; я терпѣть тебя не могу. Потомъ приказывалъ своимъ сторожамъ, чтобъ толкали меня по шеѣ; того не довольно, тупинками меня потчивалъ, и какъ я, обратяся къ нему, просилъ его, дабы оставилъ меня съ покоемъ, и не дѣлалъ-бы больше народу соблазна, то онъ, паче разсвирѣпѣвъ, грозилъ мнѣ большою своею палкою, чего убоялся принужденъ я выступить вонъ изъ ряду и удалиться отъ него подалѣе».

Очень можетъ быть, что сообщенія А. нѣсколько преувеличены. Левшинъ, по крайней мѣрѣ, по поводу того же крестнаго хода 23 іюня послалъ въ Синодъ доношеніе, въ которомъ тоже жаловался на причиненныя ему Алексѣевымъ «несносныя огорченія, клеветы, подлоги и вымыслы». Но какъ-бы то ни было въ этомъ частномъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что въ общемъ, все-таки, инициатива въ тѣхъ грубыхъ выходкахъ, которыми ознаменовалась борьба Алексѣева съ московскимъ монашествомъ, всегда принадлежала послѣднему. И вотъ почему нельзя не считать актомъ величайшей несправедливости то, что представители русскаго монашества до сихъ поръ продолжаютъ клеймить Архангельскаго протоіерея позорною кличкою «доносчика». Алексѣевъ не больше какъ защищался. Не обращайся онъ за помощью къ своимъ покровителямъ — Потемкину и Памфилову, ему-бы пришлось очень плохо: митрополитъ Платонъ шутить не любилъ. Если-же онъ въ перепискѣ съ только что названными сильными людьми, а впослѣдствіи и съ Императоромъ Павломъ, неоднократно дѣлалъ указанія на «папскія» замашки чернаго духовенства, то эти указанія тоже никакъ не могутъ считаться доносомъ, такъ какъ они были искреннимъ выраженіемъ взглядовъ Алексѣева на чрезмѣрныя претензіи монашества. И, во всякомъ случаѣ, не нужно забывать вотъ чего: если-бы нравственный уровень А. былъ дѣйствительно такъ низокъ, какъ въ томъ стараются убѣдить насъ его недоброжелатели, если бы переписка его съ Памфиловымъ, Потемкинымъ и Имп. Павломъ имѣли единственною цѣлью ябедничать на Платона и подольститься къ сильнымъ міра сего, то не проще ли было для человѣка съ подобнымъ нравственнымъ складомъ подольститься къ самому Платону, отъ котораго онъ болѣе всего зависѣлъ. Недоброжелатели А. выставляютъ его такимъ ловкимъ интриганомъ, что будь онъ дѣйствительно такимъ, сближеніе съ Платономъ удалось бы ему очень легко. И наконецъ, самое главное: во всѣхъ своихъ мнимыхъ «доносахъ» А. почти никогда не хлопочетъ о себѣ. Какъ легко было-бы ему при его связяхъ, при уваженіи, которымъ онъ пользовался за свою обширную ученость, при благосклонности, которую ему оказывала сама Императрица Екатерина, а впослѣдствіи Павелъ Петровичъ, какъ легко было-бы ему при такихъ условіяхъ выпрашивать себѣ разныя милости или перевестись въ Петербургъ на какое нибудь видное мѣсто, что освободило бы его окончательно отъ преслѣдованій Платона. Однако ничего подобнаго А. не дѣлалъ и вотъ почему мы настаиваемъ на томъ, что несправедливо клеймить его именемъ «доносчика» только за то, что онъ не давалъ себя въ обиду и, имѣя сильныхъ покровителей, искалъ отъ нихъ защиты.

Учено-литературная дѣятельность Петра Алексѣева выразилась въ слѣдующихъ работахъ:

1) *Рѣчь о достоинствѣ и пользѣ катехизиса.* М. 1759. 2°. 2) *Истинное благочестіе Христіанское, доказано противъ безбожниковъ, язычниковъ, Жидовъ и Магометанъ.* (Гугона Гроція). Перев. съ латин. М. 1762, а можетъ быть 1768*) и М. 1801. (Сопик. 2261 —62). 3) *Слово на погребеніе С. П. (Сарры Петровны) Муравьевой.* М. 1768. 4) *Православное исповѣданіе Петра Могилы*, съ примѣчаніями. М. 1769. 8°. Изд. 2-е съ переводомъ на греч., латин. и нѣмец. языки. М. 1781. 8°. 5) *Слово благодарственное Импер. Екатеринѣ II* при освященіи моск. Арханг. собора. М. 1772. 4°. (Соп. 10504). 6) *Церковный Словарь, или истолкованіе рѣченій Словенскихъ древнихъ, тако же иноязычныхъ, безъ перевода положенныхъ въ Свящ. Писаніи и другихъ церковныхъ книгахъ.* 3 ч. М. 1773—1776. 8°. Изд. 2-е. 3 ч. Спб. 1794. 8°. Изд. 3-е „*съ пріобщеніемъ нѣкоторыхъ церковныхъ Ірмосовъ, вновь преложенныхъ и въ стихи приведенныхъ и степенныхъ перваго голоса*“ 5 ч. М. 1815—18. 8°. Изд. 4-е вышло въ Спб. 1818—1819. въ 5 ч. съ очень значительными поправками академиковъ Д. и П. Соколовыхъ. 7) *Разсмотрѣніе словенской старопечатной книги Апостола, которая исправлена докторомъ Франциском Скориною изъ Полоцка.* („Опытъ трудовъ вольнаго россійскаго собранія при моск. унив.“ 1783 г. ч. VI стр. 195—204). 8) *Разсужденіе на вопросъ: можно-ли достойному священнику, миновавъ монашество, произведену быть во епископа.* Напеч. въ „Чтеніяхъ“ Моск. Общ. Древ. и Ист. за 1867. т. III стр. 17—26. 9) Изъ *писемъ* и донесеній Петра Алексѣева напечатаны: a) *Рапортъ объ исповѣди и причастіи Пугачева съ товарищи* въ „Чтеніяхъ“ Моск. Общ. Древ. 1872 г. I. стр. 178. b) письмо къ Памфилову въ „Рус. Арх.“ 1871. стр. 211. c) письмо къ Потемкину въ „Рус. Арх.“ 1863 г. стр. 929. d) письмо къ В. Г. Рубану напеч. въ I т. „Истор. Рос. Акад.“ Сухомлинова стр. 306—308. Кромѣ того осталось въ рукописи: 10) „*Краткое начертаніе исторіи грекороссійскія церкве на пять частей раздѣленное*“. Хранится въ Чертковской Библіотекѣ въ Москвѣ. 11) Два отрывка изъ этого „Начертанія“—„*Описаніе Московскаго бунта 1771 года.* и „*Разсказъ Петра Великаго о Никонѣ*“ помѣщены въ «Рус. Арх.» 1863 г. 18) *Словарь еретиковъ и раскольниковъ.* Тоже находится въ Чертковской Библіотекѣ.

Всѣ эти, какъ оригинальные, такъ и переводные труды А. свидѣтельствуютъ объ обширной учености и разнообразныхъ способностяхъ московскаго протоіерея. Начать съ того, что въ нихъ онъ является не только прозаикомъ, но и стихотворцемъ. Такъ въ переведенную имъ книгу «Истинное благочестіе» [1]) А. ввелъ нѣсколько собственныхъ ду-

*) Дата Словаря Новикова.

[1]) Съ большимъ негодованіемъ пишетъ арх. Филаретъ по поводу этого перевода:

«Книга посвящена императрицѣ Екатеринѣ «*истиннаго божества истинной намѣстницѣ*» (???). Начально Алексѣевъ приготовилъ посвященіе книги м. Дмитрію и когда тотъ, поручивъ Кондратовскому поправить переводъ, далъ ходъ книжкѣ, а самъ умеръ, Алексѣевъ состряпалъ посвященіе императрицѣ».

Въ приведенныхъ словахъ гораздо больше желанія во чтобы то ни стало уязвить нелюбимаго противника чернаго духовенства, чѣмъ исторической перспективы. Кто-же изъ писателей вѣка Екатерины не льстилъ въ самыхъ раболѣпныхъ выраженіяхъ „богоподобной“ царицѣ и кто изъ ученыхъ и литераторовъ

ховныхъ стихотвореній, а въ «Церковномъ словарѣ» помѣстилъ цѣлый рядъ переложеній ирмосовъ. Стихи эти не обличаютъ въ немъ сколько нибудь выдающагося поэтическаго таланта, но по тому времени они были вполнѣ приличны и Новиковъ напр. говоритъ о нихъ тономъ вполнѣ серьезнымъ.

Изъ историческихъ трудовъ московскаго протоіерея его «Краткое начертаніе грекороссійскія церкве» и словарь еретиковъ, какъ уже сказано было въ библіографическомъ перечнѣ работъ А., до сихъ поръ не изданы и потому судить о нихъ можно только по отзывамъ лицъ, имѣвшихъ случай ознакомиться съ ними въ рукописи.

Отзывы о первомъ изъ этихъ трудовъ довольно различны. Арх. Филаретъ отзывается объ «Начертаніи» вотъ какъ: «сочиненіе мало интересное по бѣдности свѣдѣній; такъ какъ оно писано въ субьективномъ направленіи, при томъ вооруженномъ снарядами неуклюжей риторики, то уже *и крайне скучно»*. Но въ описаніи Чертковской библіотеки «Начертаніе» признается сочиненіемъ весьма серьезнымъ, въ которомъ особенный интересъ представляютъ слѣдующія главы: 1) о соборѣ на еретика Мартына, бывшемъ въ Кіевѣ въ 1157 г. 2) Исторія о флорентинскомъ соборѣ касательно до митрополита Исидора, съ предшествовавшими и послѣдовавшими обстоятельствами. 3) О арменехъ. 4) Recensio libri Photiani: посланіе къ Михаилу, в. к. болгарскому. 5) О вѣнцѣ мономаховѣ. 6) О раскольникахъ въ Россіи изъ монашества. 7) О спасскихъ воротахъ. 8) Газофилакіонъ, т. е. сокровищное хранилище московскаго архангельскаго собора, съ планомъ онаго. 9) Анекдотъ о патріархѣ Никонѣ. 10) Описаніе московскаго бунта 1771 г.

Если судить по послѣднимъ 2 главамъ (напеч. въ «Р. Арх.» 1863), то отзывъ арх. Филарета надо будетъ признать слишкомъ строгимъ. Обѣ эти главы содержательны, и если въ нихъ и можно отыскать «неуклюжее витійство», то оно должно быть тѣмъ и непріятно автору «Обзора дух. литер.», что направлено противъ честолюбивыхъ притязаній Никона и его позднѣйшихъ подражателей.

Что-же касается «Словаря еретиковъ и раскольниковъ, то его даже и строгій авторъ «Обзора» признаетъ достойнымъ «вниманія» и «любопытнымъ». Словарь состоитъ изъ слѣдующихъ 50 главъ, уже одно заглавіе которыхъ даетъ новыя свѣдѣнія о расколѣ: «Аввакумовщина, авраміевщина, акулиновщина, акиндинъ, андреевщина, асафовщина, без-

того времени не искалъ своимъ трудамъ сильнаго покровителя? Мы всего менѣе склонны видѣть въ Алексѣевѣ рыцаря безъ страха и упрека, но и ставить ему въ упрекъ вещи, въ которыхъ онъ является только сыномъ своего вѣка, не видимъ никакого основанія.

поповщина, бичующіеся (хлыстовщина), богомилы, волосатовщина, діаконовщина (лысиновщина), досифеевщина, духоборцы, евфросиновщина, жидовщина, іаковщина, іевлевщина, іосифовщина, иларіоновщина, исидоръ, иконоборщина, кузминщина, лазаревщина, менонисты, мысленники, морилщики, наговщина, никитовщина, нифонтовщина, нѣтовщина, онуфріевщина, павлиновщина, подрѣшетники, разниковщина, раскольники, разстиговщина, самокрещенцы, серапіоновщина, сафонтіевщина (старковщина) стефановщина, сожигатели, субботники, стригольники, старообрядцы, титловщина, турки (мухамеданее), уніаты, чувственники, ѳедоровщина, христовщина».

Удивляемся какъ изслѣдователи раскола, за послѣднее время столь многочисленные, до сихъ поръ не обратили вниманія на этотъ словарь, въ которомъ, судя по заглавію, можно почерпнуть данныя о толкахъ и согласіяхъ, неизвѣстныхъ намъ даже по имени.

«Словарь еретиковъ» былъ своего рода подготовительною работою для другого гораздо болѣе объемистаго и значительнаго словаря, составляющаго основу извѣстности Алексѣева—словаря «Церковнаго», выдержавшаго 4 изданія и еще въ 50-хъ годахъ нашего столѣтія имѣвшаго значеніе, не смотря на то, что первое изданіе его относится къ 1773 году.

«Церковный словарь» Алексѣева есть въ одно и тоже время трудъ филологическій и историко-экзегетическій. Основная его задача — дать возможность читателю понимать книги св. Писанія. Вотъ почему онъ прежде все дастъ переводъ непонятныхъ славянскихъ и иныхъ словъ на русскій. Когда эти слова относятся къ ежедневному быту, объясненіе ихъ немногосложно и занимаетъ всего одну или двѣ строчки, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ:

Скибы, греч. груды, кучи. *Бесѣд. Злат.*
Сквозѣ, предл. сквозь. чрезъ *Псал.* 65. 12. *Проидохомъ. сквозѣ огнь и воду* Матѳ: 12. 1.
Склячити, чаю, еши, — слячить. скорчить. *Прол.* Дек. 31.
Абіе, скоро, въ тотъ часъ, по греч. αὐτίκα εὐθὺς; по лат. statim. confestim и т. д.

Но когда рѣчь идетъ о понятіяхъ, болѣе или менѣе чуждыхъ современной жизни, объясненія словаря становятся обстоятельными и тутъ-то составитель развертываетъ всю свою обширную и разнообразную эрудицію. Онъ поясняетъ не только текстъ Св. Писанія, но и всѣхъ вообще «церковныхъ» книгъ и вслѣдствіе этого касается почти всѣхъ предметовъ классическаго и средневѣковаго міра.

Приводимъ нѣсколько образчиковъ:

— *Тертулліане*, еретики произшедшіе отъ Тертулліана, родомъ Карфагенца,

обратившагося въ 192 г. изъ язычества въ христіанство, а послѣ сдѣлавшагося Монтанистомъ. Впрочемъ былъ мужъ разумный и ученый, о коемъ Іеронимъ говоритъ: *что можетъ быть ученѣе и остроумнѣе Тертулліана?* и Кипріанъ толико уважалъ его творенія, что при всякомъ случаѣ занимался чтеніемъ оныхъ. Въ умствованіяхъ своихъ сходствовалъ по сказанію во всемъ съ хиліастами. *Август. о ересехъ* гл. 86. *Никифоръ*, *Церк. ист. кн. 4, гл. 12 и 34.*

— *Тивунъ*, судья духовныхъ дѣлъ, какъ видно въ памяти по указу патріарха Московскаго Іоасафа, лѣта 7144. Август. 14 въ данной Тивуну Ивану Родивоновичу Манойлову о исправленіи церковнаго чина и нравовъ народныхъ. Коя память сообщена къ книгѣ стоглавнику по № 525 *Синод. Вивліоѳ.* А индѣ *Тіунъ* поставлено съ татарскаго нарѣчія.

— *Мандрагоры. Быт.* 30. 14 и 15. Родъ плодовъ отъ древъ въ Палестинѣ ростущихъ, нарядныхъ, благовонныхъ и врачебныхъ, также и цвѣтовъ благоуханныхъ (Пѣсн. пѣсн., 7. 13) особливо тѣ, кои мужскаго рода (*Амвр. Август.*) при томъ мандрогоры яко-бы и имѣютъ силу люботворную, и для того Рахиль ихъ просила у сестры прилѣжно: *Діоскар. Ѳеофр.* и *Епифаній.* По еврейски именуется *дудаимъ*.

— *Панъ*, имя языческаго божка, который по баснословію, родился отъ Ермія, т. е. Меркурія, а иные думаютъ отъ Дія и Пенелопы, другіе же изъ воздуха и Нереиды. Пишутъ и вырѣзываютъ Пана видомъ козьимъ, съ ногами козловыми и лицомъ краснымъ, почему Омиръ именуетъ его двоерожнымъ и козлоногимъ, а Лукіанъ придаетъ ему въ руку свирѣлку, въ другую палку кривую. Ему изъ деревъ посвящена была сосна. Виргил. к. I. Георгикъ назвалъ Пана стражемъ овецъ и представителемъ пастуховъ. Аркадскіе жители почитали его яко бога охотниковъ, и какъ благосклоненъ имъ являлся, то его почитали, а ежели ничего не добывали на ловлѣ, то пепелъ на него бросали. *Григ. Наз.* 25 на обор. *Бесѣд. Злат.* ч. II. 1646.

Приведенные образчики касаются церковной исторіи, древнерусскаго юридическаго быта, ботаники, миѳологіи. Въ такомъ-же родѣ статейки по другимъ отраслямъ знанія, по скольку послѣднее нужно для пониманія «церковныхъ» книгъ. А вотъ статейка непосредственно словарнаго характера, могущая служить образчикомъ той тщательности, съ которой Алексѣевъ отнесся къ своей задачѣ.

— *Рука*. Въ писаніи иногда берется: 1) За самое дѣло, *Исходъ*. 14. 31. 2) За пособіе, 4 *Цар.* 15. 10. 3) За казнь, *Суд.* 2. 15. *Дѣян.* 13. II. 4) За особенную любовь и силу Божію, Лук. 1. 66. 5) Индѣ означаетъ помышленіе, *Быт.* 20. 5 6) Управленіе, попеченіе, *Быт.* 30. 35. 7) Берется за духъ, I *Цар.*: 23. 16. 8) За совѣты или тщаніе, *2 Цар.* 3. 12. 9) За воинство, 4 *Цар.* 18. 21. *Исаіи.* 56. 10) За способность, *Левит.* 5. 7 и 11. 11) За вѣрность обѣщаній. *Быт.* 42. 36. 12) За служеніе церковное. *Исх.* 28. 41 и 29. 9. 13) За служеніе свѣтское, 4 *Царст.* 19. 23. 14) За повиновеніе, *Псал.* 67. 31. 15) За власть страшную и насильную, кою кто попущеніемъ Божескимъ надъ другими употребляетъ, *Быт.* 16. 12 и 32. 11. 16) Иногда полагается съ родительнымъ падежемъ вещи, и значитъ самую вещь, наприм. *рука желѣза. оружія*, т. е. мечъ *Іов.* 5. 20. *Псал.* 62. 11. 17) *Рука ада* или *адова*, т. е. нечестія языка злаго и пр. 18) *Рука Господня*, взята за явственное повелѣніе Божіе, I *Парал.* 28. 19. 19) Индѣ *рука* взята за *пророчество*. Сирах. гл. 49. 8. *Рукою Іереміиною*, то есть по пророчеству его. 20) Индѣ значитъ

посредство. *Галат.* 3. 19. *Вчиненъ ангелы рукою ходатая*, то есть законъ положенъ или открытъ, явленъ при посредствѣ Моисея, который былъ какъ посредникъ или ходатай между Богомъ и народомъ Израильскимъ, какъ самъ о себѣ объявляетъ во Второзаконіи гл. 4. Такъ изъясняютъ Кириллъ и Григорій Богословъ. 21) Иногда берется вмѣсто письма, I Кор. 16. 31. Колос.: 4. 18. 2 *Сол.* 3. 17. 22) Въ отвлеченномъ-же смыслѣ придается рѣкамъ или морю для означенія всей поверхности, пространства водъ въ берегахъ вмѣщающагося паки руками объемлемаго. Псал. 97. 8. *Рѣки восплещутъ рукою окупѣ*.

Было-бы очень утомительно перечислять всѣ источники, которыми пользовался А. при составленіи «Церковнаго словаря». Укажемъ поэтому только категоріи его источниковъ. На первомъ планѣ стоятъ книги св. Писанія, которыя нужно было изучить до мельчайшихъ подробностей, чтобы въ такомъ изобиліи приводить мѣста, гдѣ то или другое слово встрѣчается. Съ такою же тщательностью изучилъ составитель и обширную отеческую литературу—Августина, Діонисія, Ареопагита, Епифанія, Ефрема Сирина, Иринея, Іеронима, Іулія Фирмика, Климента, Кирилла Іерусалимскаго, Оригена, Феодорита и т. д.

Но нетолько богословскими знаніями блещетъ словарь. Авторъ его хорошо былъ знакомъ и съ литературою классическою. Ссылки на Плинія, Цицерона, Сенеку, Страбона, Плутарха, Діодора Сицилійскаго, Іосифа Флавія, Филона, Гомера, Аристофана, Витрувія, Аристотеля, Кассіана, Созомена, Тертуліана и многихъ другихъ то и дѣло попадаются. Не менѣе часты ссылки на византійскихъ историковъ и хронистовъ—Зонару, Зигабена, Вальсамона, Властаря, патріарха Германа. Новоевропейская ученая литература — труды Бохарта, Ролена, Шейхцера, Кирхера, Гоара, Лайтфута, Меурсіуса, Бароніо, Пфейста, Бингама Будея, и множество другихъ авторовъ разныхъ ученыхъ сочиненій, все это хорошо было изучено Алексѣевымъ и тщательно имъ цитируется съ точнымъ указаніемъ томовъ, страницъ и даже строкъ, когда рѣчь идетъ о стихахъ. Само собою разумѣется, что составитель «Церковнаго словаря» основательно былъ знакомъ съ русскою письменностью, какъ печатною, такъ и рукописною. Онъ ссылается на Четьи-Минеи, на «Пращицу», на «Увѣтъ Духовный», на «Розыскъ» Димитрія Ростовскаго, на грамматику Мелетія Смотрицкаго, на словарь Памвы Берынды, лексиконъ треязычный Ѳедора Поликарпова, Духовный Регламентъ, Степенныя книги, грамматику Максима Грека, и многихъ свѣтскихъ писателей послѣ петровской эпохи. Цитируетъ онъ затѣмъ Палею, Пчелу, лѣтописи, Алфавитъ рукописный, Букварь Дулярный, Маргаритъ, Прологъ и всю остальную рукописную византійско-русскую и непосредственно-русскую древнюю письменность нашу.

Вотъ каковъ былъ научный багажъ, съ которымъ А. приступилъ къ составленію Словаря. Такой запасъ знаній сдѣлалъ-бы всякому честь и въ наше время, а въ то время, конечно, ставилъ автора въ ряды ученнѣйшихъ людей эпохи. Liber doctissimus et utilissimus, говорилъ о «Церковномъ Словарѣ» профессоръ московскаго университета Баузе въ своей «Oratio de Russia ante hoc saeculum non prorsus inculta, nec parum adeo de litteris earumque studiis merita», произнесенной въ 1794 г.

Симъ благомъ общество священный мужъ даритъ.
Ученый свѣтъ его за трудъ сей почитаетъ.
И славну тѣмъ себѣ онъ память оставляетъ.

привѣтствовалъ Алексѣева извѣстный литераторъ второй половины XVIII вѣка—В. Г. Рубанъ. «Сочиненіе и по нынѣ еще не лишнее для справокъ при чтеніи церковныхъ книгъ» говоритъ даже столь суровый къ Архангельскому протоіерею арх. Филаретъ и при томъ *семьдесятъ лѣтъ* послѣ появленія «Церковнаго Словаря». Наконецъ самый лестный отзывъ о трудѣ Алексѣева даетъ слѣдующее указаніе знаменитаго филолога Изм. Ив. Срезневскаго: «Словарь Алексѣева и въ первоначальномъ своемъ видѣ представилъ отвѣты на всѣ вопросы, которыхъ рѣшенія можно было отъ него ожидать. Исправляемый и дополняемый онъ дожилъ до четвертаго изданія, *служилъ источникомъ для самыхъ лучшихъ словарей послѣдующаго времени* и до сихъ поръ (1848 г.) не потерялъ своего достоинства не какъ памятникъ литературно-историческій, а какъ пособіе, полезное для справокъ». И дѣйствительно даже академическій Словарь, столько лѣтъ и столькими лицами составлявшійся, многимъ обязанъ Алексѣеву. «Словарь его», говоритъ М. И. Сухомлиновъ въ своей «Ист. рос. акад.» служилъ «однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ источниковъ и пособій для капитальнаго труда академіи русскаго языка и словесности».

Было-бы однако несправедливо обходить и недостатки Словаря, хотя въ нихъ А. является не болѣе какъ сыномъ своего времени. Такъ напр. естественно-историческія объясненія Словаря оставляютъ желать весьма многаго. Не зная естеств. наукъ, А. внесъ вслѣдствіе этого въ Словарь многое изъ того баснословія, которымъ богаты древніе и средневѣковые «физіологи» и иныя сочиненія по естествознанію. Что касается филологическихъ пріемовъ А., то въ нихъ онъ слишкомъ поддается соблазну созвучія и часто сближаетъ слова разныхъ языковъ безъ всякаго на то фактическаго основанія, только потому что они другъ на друга похожи. Если, однако, вспомнить, что подобныя сближенія составляютъ одну изъ

характерныхъ чертъ всей вообще филологіи прошлаго вѣка, то особенно поставить ихъ въ вину А. было-бы тоже несправедливо.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что третье изданіе Словаря Алексѣева, этого «доносчика» по излюбленной терминологіи монаховъ прошлаго и нынѣшняго столѣтія, претерпѣло нѣкоторыя цензурныя гоненія. Алексѣева уже тогда (1815) не было въ живыхъ, но послѣ него остались добавленія ко второму изданію (1794) и вотъ въ нихъ-то цензура, какъ впервые сообщилъ митр. Евгеній нашла много «своеволій» и ихъ исключила. При жизни же А. съ нимъ было вотъ что: въ 1781 г. онъ задумалъ повторить свое изданіе «Православнаго исповѣданія» Петра Могилы. Но успѣлъ онъ выпустить въ свѣтъ только 1 часть и начало второй «А далѣе» говоритъ митр. Евгеній «изданіе остановлено за нѣкоторыя смѣлыя присовокупленныя примѣчанія».

* **Алексѣевъ,** Петръ Петровичъ, современный химикъ †). *По полученнымъ отъ него свѣдѣніямъ*, род. 14 апр. 1840 г. въ Лугѣ. Отецъ его—Петръ Алексѣевичъ долгое время служилъ въ Старой Руссѣ врачемъ, сначала въ военныхъ поселеніяхъ, а затѣмъ въ земствѣ. Петръ Петровичъ учился въ новгородской гимназіи, а по окончаніи въ ней курса поступилъ на естествен. факультетъ петербургск. университета, изъ котораго въ 1860 г. вышелъ со степенью кандидата. Учено-литературная дѣятельность А. началась еще во время пребыванія его въ университетѣ переводомъ на рус. яз. 1) «Введенія къ изученію химіи» *Жерара* Спб. 1859 г., который онъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ, впослѣдствіи драматургомъ Д. В. Аверкіевымъ, исполнилъ по заказу товарищества «Общественной Пользы». Для того-же товарищества А., по выходѣ изъ университета, 2) редактировалъ переводъ «Писемъ о химіи» *Либиха* и 3) «Химіи» *Готлиба.* Въ 1861 г. молодой химикъ отправился на собственныя средства за-границу и здѣсь сначала работалъ у *Вюрца* въ Парижѣ, результатомъ чего явилась 1) «Note sur l'acide benzamique», напеч. въ «Bulletin de la Société Chimique de Paris 1861, 7, а потомъ у *Эрленмейера* въ Гейдельбергѣ, вмѣстѣ съ которымъ онъ напечаталъ въ «Liebig's Annalen» Bd. 121, стр. 375 2) «Wirkung von nascirendem Wasserstoff auf Zimmtsäure» Въ 1862 г. А. на короткое время возвращается въ Петербургъ, но тотчасъ-же вторично ѣдетъ за-границу, на этотъ разъ уже на казенный счетъ. Проработавъ конецъ

---

†) *Иконниковъ*, Словарь проф. унив. св. Владиміра.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

1862 г. въ тюбингенской лабораторіи Штрекера, А. изложилъ результаты своихъ изслѣдованій сначала въ предварительной замѣткѣ: 3) «Produits de la réduction de l'acide nitranisique» напеч. въ «Comptes Rendus» париж. Академіи Наукъ т. LV, p. 473 и затѣмъ подробнѣе въ «Liebig's Annalen» Bd. 129 подъ заглавіемъ 4) «Ueber die Reductionsproducte der Nitroanisylsäure» и тамъ-же 5) «Ueber einen dem Benzil isomeren Körper». Въ 1863 г. А. занимался въ Гетингенѣ у знаменитаго Вёлера вмѣстѣ съ извѣстнымъ химикомъ нашимъ *Ѳ. Ѳ. Бейльштейномъ*, результатомъ чего явились совмѣстныя работы ихъ: 4) «Preparation facile du Zinc-éthyle» и 7) «Synthèse du propylène» въ «Comptes rendus» париж. Акад., т. LVIII, p. 171.

Въ 1864 г. А. опять работалъ у Вюрца въ Парижѣ и напечаталъ въ «Bulletin de la Societé chimique de Paris (Nouvelle Serie t. I. p. 324 и t. II, p. 72) 8) «Sur la reduction de la nitrobenzine par l'amalgame de sodium» и 9) «Sur l'acide hydrocinnamique». Въ Парижѣ-же имъ переведены «Лекціи по нѣкоторымъ вопросамъ теоретической химіи» *Вюрца*, Спб. 1865.

Возвратившись въ концѣ 1864 г. въ Петербургъ, А. занималъ нѣкоторое время мѣсто репетитора по химіи, физикѣ, и минералогіи въ Институтѣ Путей Сообщенія. Въ 1865 г. онъ защитилъ магистерскую диссертацію 10) «*О нѣкоторыхъ продуктахъ возстановленія нитросоединеній*» и тотчасъ-же былъ утвержденъ въ званіи доцента химіи Кіевскаго университета, куда онъ былъ приглашенъ еще до защиты диссертаціи. Въ 1868 г. послѣ защиты въ петербургскомъ университетѣ докторской диссертаціи 11) «*Монографія азосоединеній*» А. былъ избранъ экстраординарнымъ, а въ 1869 г. ординарнымъ профессоромъ химіи. Въ этомъ званіи онъ состоитъ и до сихъ поръ, изрѣдка только прерывая чтеніе лекціи изъ-за нездоровья. Такъ серьезная болѣзнь заставила его прожить зиму 1872—73 г. во Флоренціи и зиму 1877—78 г. въ Палермо.

Кромѣ такихъ вынужденныхъ поѣздокъ, А. совершилъ нѣсколько поѣздокъ заграницу съ научною цѣлью; въ 1869, 71 и 72 гг., по порученію университета, для детальнаго осмотра берлинской и лейпцигской лабораторій, въ 1873 г. для обозрѣнія вѣнской, а въ 1878 г. для обозрѣнія парижской выставки. Эти поѣздки описаны имъ въ 12) «Унив. Изв.» (1870 г., № 6); 13) тамъ же (1872 г., № 11) подъ заглавіемъ: «*Замѣтки о заграничномъ путешествіи въ 1871—72 гг.*» 14) Тамъ же (1878 г. № 12) подъ заглавіемъ «*Замѣтки о парижской выставкѣ*».

Сверхъ перечисленныхъ выше статей научнаго содержанія, А. напечаталъ:

15) „*Sur le nitrotoluène crystallisé*" (Bull. de la Soc. Chim. de Paris N. S. 7. p. 376); 16) *Ueber die Nitrotopelargonsäure* (Zeitsch. f. Chem. N 7. 1865, S. 736); 17) *Zur Geschichte des Azobenzid's* (ibid. 1866, S. 269; 1867, S. 33); 18) *Zur Kenntniss des Azobenzids* (Bull. de l'Acad. I. des Sc. de St.-Pétersb. 1867, t. XII, p. 480—481); 19) *Zur Geschichte der Azoverbindungen* (Berichte d. Deut. Chem. Ges. 1872. S. 1028); 20) *Bemerkung zu Klobukowski's Arbeit über Azonaphtalin* (ibid, 1877, S. 873); 21) *О кристаллической формѣ азобензида* (Журн. рус. химич. общ. 1869, т. I, стр. 91 и 1882, т. XIV, стр. 198); 22) *Замѣтка о глюкозѣ* (ibid 1870. т. II, стр. 22); 23. *Къ исторіи производныхъ нитронафталина* (ibid т. II. стр. 265); 24) *Опыты для лекціи* (ibid, т. II, стр. 266); 25) *Къ исторіи азосоединеній* (ibid 1873, т. V, стр. 398—400 и т. XII, стр. 177—179); 26) *Объ азакуминовой кислотѣ* (предвар. замѣтка о работѣ, сдѣланной вмѣстѣ съ *П. Киселемъ*. т. XIV, стр. 197). 27) *О грязевыхъ вулканахъ* (Записки кіев. общ. естеств., т. VI, стр. 137); 28) *О строеніи синяго индиго* (Жур. физ.-хим. общ.. т. 16, стр. 147): 29) *Объ азокуминовой кислотѣ и ея производныхъ* (ibid. стр. 158); 30) *О дѣйствіи свѣта на нитрокуминовую кислоту* (ibid, т. 17, стр. 112): 31) *О строеніи нитросоединеній жирнаго ряда* (ibid, т. 18, стр. 385); 32) *Sur la constitution des nitrocombinaison de la serie grosse* (Bulletin de la Société chim. de Paris, т. 46, p. 266).

Изъ статей научно-практическаго и смѣшаннаго характера А. напечаталъ: 33) *О солдатскихъ сухаряхъ одного изъ кіевскихъ заводовъ* (Зап. кіев. общ. естеств.- т. VI); 34) *О кавказскихъ минеральныхъ водахъ* (ibid, т. V, стр. 57—65); 35) Некрологъ *В. С. Шихуцкаго* (Ж. физ.-хим. общ., т. XI); 36) *Замѣтка о московской промышленно-художественной выставкѣ* (Унив. Изв. 1883 г., № 1); 37) Нѣсколько замѣтокъ въ „Трудахъ В. Эк. Общ." 1874—1882 гг. о русскомъ сахарѣ на разныхъ всемірныхъ выставкахъ; 37) нѣсколько замѣтокъ въ „Запискахъ кіевскаго отдѣла технич. общ.", первый томъ которыхъ вышелъ подъ его редакціею; 39) *Высшая школа практическихъ занятій во Франціи* (Ecole practique des hautes études) въ „Жур. Мин. Нар. Пр.". 1886; 40) Notice necrologique sur A. M. Boutlerow (Bull. la Soc. chim. de Paris, t. 48. p. V).

Очень много работаетъ П. П. въ области химической библіографіи. Начиная съ 1875 г. онъ ежегодно помѣщаетъ въ „Унив. Изв." 41) „*Обзоры русской химической литературы*", которые затѣмъ перепечатываются въ „Журналѣ русскаго Физ.-Хим. Общ». Къ библіографіи относятся также статьи: 42) «*Обзоръ литературы о зажиганіи газовъ*» («Унив. Изв.» 1878 г. № 9 и 10); 43) «*Современная русская литература по нефтяной промышленности*» (Ibid. 1877 г. № 10); 44) Рефераты объ итальянскихъ химическихъ работахъ въ «Ж. рус. Физ.-Хим. Общ.»; 45) «*La Chimia alla quinta riunione dei Naturalisti Russi*» въ «Gaseta Chimica Italiana» 1876 г. (t. VI p. 221); 46) *Разборъ „Лекцій органичес. химіи Н. Меншуткина"* («Кіев. Ун-Изв.» 1886 г.; 47) *Замѣтки о соч. «Die Theorien der modernen Chemie» von Albrecht Rau* (Ibid 1884 г.), *H. Kopp'a M. Berthelot* (Ibid. 1886 г.), *Comtes rendus de l'Association française pour l'avancement des sciences*. (Ibid. 1877 г.); 48) *Русская химическая литература за послѣднее десятилѣтіе* (1874—1883 г.) въ «Нови» 1885 г. т. II.

Отдѣльными книгами П. П. напечаталъ: 49) *Элементарный органическій анализъ*, Спб. 1870 г., in—8, 70 стр. (вошедшій въ Аналитическую химію изд. подъ редакціей Менделѣева): 50) *Обзоръ новѣйшихъ успѣховъ по сахарному производству*, Спб. 1870 г., in—8, 1+107 стр. (добавленіе къ технической энциклопедіи по Вагнеру); 51) *Лекціи органической химіи*, 3 вып., Кіевъ 1868—1873 г. (въ Унив. Изв. и отдѣльно) in—8, VIII+395 стр.; 52) *Органическая химія*, Кіевъ 1877 г., in—8, VI+

459 стр.; 53) *Органическая химія*, 2-е изданіе, измѣн. и дополн. Кіевъ 1880 г. 8°, VI+491 стр., 3-е изданіе, измѣн. и дополн. VI+514 стр.; 54) *Объ огнеупорныхъ невоспламеняющихся составахъ*. Публичная лекція въ пользу преміи Зинина и Воскресенскаго. Кіевъ 1885 г. (изъ „Унив. Изв.“ того-же года); 55) *Матеріалы для исторіи химической лабораторіи Унив. Св. Владиміра*, (1834—1884 г.). Съ портретомъ проф. Фонберга и планомъ химич. лабораторіи. Кіевъ 1886 г. 1+51 стр. (изъ «Унив. Изв.»); 56) *Анализъ газовъ*, съ 31 рис. въ текстѣ. Кіевъ 1887 г., V+126 стр. (изъ «Унив. Изв.»).

Въ заключеніе библіографическаго перечня трудовъ А. отмѣтимъ, что сверхъ указанныхъ выше 4-хъ переводовъ ему принадлежатъ еще слѣдующіе: 5) *Примѣры для первоначальнаго упражненія въ химическомъ анализѣ*, составл. *Велеромъ* (Универ. Изв. 1866, № 8); 6) *Качественный анализъ тѣлъ, содержащихъ органическія вещества* изъ *Барфеда* (Унив. Изв. 1881, № 11); 7) *Обзоръ разныхъ понятій объ атомѣ, частицѣ и эквивалентѣ*. *Канниццаро* (съ итал. Унив. Изв. 1873, № 1 и № 6); 8) *О предѣлахъ и формѣ теоретическаго преподаванія химіи, Канниццаро* (съ итал. Унив. Изв. 1873, № 6); 9) *Изъ химической технологіи по Боллею*: *Отто*, *сельскохозяйственные промыслы*, 2 части, *производство уксусное, свеклосахарное, крахмальное* и т. д., 1870, in 8, VIII+824 стр.; 10) *Изъ химической технологіи по Боллею*; *Шварценбергеръ*, поташное производство, Спб., 1875, in. 8, 99 стр.; 11) *Уроки новѣйшей химіи Вюрца* (ч. I—II) Кіевъ, 1868—69 гг., переводъ студ. И—чъ, З—скаго и Щ—ы, редакція П. П.; 12) *Химикъ Шарль Адольфъ Вюрцъ въ характеристикѣ Фриделя*. Кіевъ; 1887, I+72 стр.

Ученый въ Россіи, въ большинствѣ случаевъ, профессоръ. Это послѣднее въ томъ смыслѣ неблагопріятно вліяетъ на ученыя работы, что, не говоря о времени, затрачиваемомъ на преподаваніе непосредственно, нерѣдко подготовленіе къ преподаванію, напримѣръ составленіе учебниковъ и другихъ пособій, беретъ много времени. Профессоръ-химикъ кромѣ того весьма часто не имѣетъ лабораторіи, достаточно хорошо устроенной и снабженной приборами для веденія ученыхъ работъ. Эти всѣ обстоятельства нужно имѣть въ виду при характеристикѣ ученой дѣятельности русскихъ ученыхъ и въ тоже время профессоровъ, ихъ нужно имѣть въ виду и при ознакомленіи съ ученой дѣятельностью П. П. Алексѣева.

Область самостоятельныхъ ученыхъ трудовъ П. П. Алексѣева не велика и вращается почти исключительно среди небольшаго класса органическихъ соединеній, класса азосоединеній. Повидимому на выборъ этихъ соединеній для изслѣдованія повліяло пребываніе нашего ученаго въ Тюбингенѣ. А. Штреккеръ, во время пребыванія П. П. въ его лабораторіи, весьма значительно увеличилъ наши знанія азосоединеній.

П. П. Алексѣевъ въ лабораторіи Штреккера открылъ азоанисовую кислоту и этотъ мемуаръ открываетъ рядъ изслѣдованій надъ азосоединеніями, который сдѣланъ какъ имъ самимъ, такъ и его учениками. Помимо интереса нѣкоторыхъ добытыхъ отдѣльныхъ фактовъ, П. П. Алексѣевъ разработалъ способы полученія азосоединеній и принялъ участіе

въ установленіи современныхъ теоретическихъ взглядовъ на эти соединенія.

Не одна лабораторія исключительно направляла ученую дѣятельность Алексѣева. Значительно начитанный, онъ любитъ и кабинетную работу и много времени посвятилъ критикѣ и библіографіи химіи. Кромѣ нѣсколькихъ библіографическихъ сводокъ по спеціальнымъ химическимъ вопросамъ, П. П. въ продолженіе послѣднихъ 12-ти лѣтъ велъ въ «Журналѣ р. Ф.-Химическаго Общества» обзоръ русской химической литературы, равно какъ обзоръ заграничныхъ отдѣльныхъ сочиненій по химіи. Можно было иногда не сходиться во мнѣніяхъ относительно оцѣнки того или другого сочиненія, но нельзя не пожалѣть, что П. П. не желаетъ вести болѣе этого полезнаго дѣла; въ нашей химической литературѣ окажется чувствительный и трудно заполнимый пробѣлъ.

Наиболѣе почтенною и разнообразною является педагогическая дѣятельность П. П. Алексѣева. Упомянемъ вопервыхъ, что П. П. много времени посвятилъ устройству новой химической лабораторіи кіевскаго университета. Затѣмъ, останавливаясь на преподаваніи Алексѣева, не излишне напомнить, что въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ наша учебная литература по химіи была весьма бѣдна и многимъ профессорамъ пришлось для успѣшности преподаванія составлять учебники. Органическая химія Алексѣева принесла и приноситъ свою долю пользы: теперь расходится уже третье изданіе этого сочиненія. Хотя, сравнительно по объему, сочиненіе даетъ слишкомъ много фактическаго матеріала, но нельзя не признать, что систематическое изложеніе его заслуживаетъ похвалы. Указавъ на важнѣйшее изъ сочиненій Алексѣева, упомянемъ затѣмъ, что имъ изданы сочиненія по элементарному органическому анализу и, весьма недавно, по анализу газовъ. Если припомнить, что и переводная наша литература обязана Алексѣеву переводами нѣкоторыхъ важныхъ для изученія химіи сочиненій Гергардта, Вюрца и др., то нельзя не признать, что П. П. Алексѣевъ много сдѣлалъ какъ для изученія химіи, такъ и для распространенія химическихъ знаній въ Россіи.

Н. Меншуткинъ.

Алексѣевъ, Ѳ.—псевд. А. Ѳ. Кони (въ журналалахъ сороковыхъ годовъ).

* **Алексѣенко,** Михаилъ Мартыновичъ, профессоръ финансоваго права †). *По свѣдѣніямъ, полученнымъ нами отъ него* род. 5 окт.

†) 1) «Протоколы засѣданій Совѣта харьков. унив.» за 1869 г. стр. 354—57 2) Тожe за 1873 г. № 6. Отзывъ *пр. Сокальскаго* о «Государственномъ кредитѣ».

*) означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника.*

1847 г. въ Екатеринославѣ, въ купеческой семьѣ средняго достатка. Дѣдъ его, съ отцовской стороны, былъ государственный крестьянинъ. Отецъ рано оставшійся сиротою, былъ отданъ своею матерью для обученія въ одну изъ желѣзныхъ лавокъ Екатеринослава и собственнымъ трудомъ сколотилъ себѣ состояніе. Пройденная имъ суровая жизненная школа не помѣшала ему, однакоже, отличаться терпимостью и уваженіемъ къ наукѣ. Онъ не препятствовалъ сыну учиться, хотя терялъ въ немъ помощника для своего дѣла. Матери М. М. лишился когда ему было 4 года. Научился грамотѣ и подготовился въ гимназію А. у Ю. Н. Сѣрова, брата композитора, и въ 1857 г. поступилъ въ екатеринославскую гимназію, которую въ 1864 г. кончилъ съ золотою медалью, послѣ чего поступилъ на юридическій факультетъ харьковскаго университета. Здѣсь онъ въ особенности заинтересовался политическою экономіею и общественными науками. Изъ профессоровъ своихъ А. съ наибольшею признательностью вспоминаетъ о П. П. Сокальскомъ, Стельмаховичѣ—человѣкѣ, хотя и болѣзненномъ и отличавшемся, при большой эрудиціи, спутанностью мыслей, но за то рѣзко ставившемъ вопросы, на которые надо было искать отвѣты, С. В. Пахманѣ, пріучавшемъ своихъ слушателей къ точности и строгости мышленія и наконецъ Д. И. Каченовскомъ, благородная личность котораго въ связи съ талантливымъ, увлекательнымъ изложеніемъ оказывали на студентовъ самое благотворное, гуманизирующее вліяніе. Въ 1868 г. А. кончилъ курсъ кандидатомъ и въ качествѣ кандидатской диссертаціи представилъ: 1) *Взглядъ на развитіе о налогѣ у экономистовъ А. Смита, Ж. Б. Сея, Рикардо, Сисмонди и Д. С. Милля*, Харьковъ 1870 г., представляющую собою результатъ непосредственнаго изученія этихъ экономистовъ. Диссертація была напечатана на счетъ университета и авторъ получилъ приглашеніе остаться при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ финансоваго права. Въ теченіе 1869 г., онъ занимался подъ руководствомъ проф. П. П. Сокальскаго и написалъ сочиненіе, въ которомъ разбиралъ значеніе бюджета для государственнаго управленія и государственнаго хозяйства и которому подъ вліяніемъ идей извѣстной книги Лоренца Штейна «Die Ordnung des Staatschaushaltes» далъ заглавіе 2) «*Организація государственнаго хозяйничанія*». Харьковъ 1870 г. Это сочиненіе было представлено какъ диссертація pro venia

---

3) М. въ «С.-П. Вѣд.» 1869 г. № 326 (о защитѣ диссертаціи pro venia legendi «Организ. госуд. хозяйнич.». 4) «С.-П. Вѣд.» 1871 г. № 106 отзывъ о «Взглядѣ на развит. ученія о налогахъ». 5) *К. К.* въ «Вѣст. Евр.». 1880 г. № 6. Отзывъ о «Дѣйств. зак. о налог.» 6) *Г.* въ «Крит. обозр.» 1880 г. № 13. Отзывъ о той-же книгѣ.

legendi и послѣ защиты ея, о которой юридич. факультетъ далъ очень лестный отзывъ, А. съ февр. 1870 г. началъ читать лекціи въ качествѣ приватъ-доцента. Въ 1872 г. онъ напечаталъ въ Харьковѣ магистер. диссертацію, озаглавленную 3) «*Государственный кредитъ. Очеркъ наростанія государственнаго долга въ Англіи и во Франціи*». Въ этой книгѣ, установлены теоретическія положенія о государственномъ кредитѣ, въ связи съ кредитомъ вообще и показано значеніе разновременныхъ цѣнъ для сужденія о покупательной силѣ денегъ въ различное время; затѣмъ разсмотрѣно наростаніе государственнаго долга въ Англіи и во Франціи въ связи съ характеромъ надобностей, для покрытія которыхъ прибѣгали къ кредитнымъ сдѣлкамъ, въ связи съ формированіемъ финансовыхъ системъ и съ примѣненіемъ другихъ способовъ покрытія чрезвычайныхъ надобностей, которые практиковались въ исторіи.

Избранный тотчасъ по защищеніи диссертаціи въ доценты, А. въ 1874 г. былъ командированъ за границу съ ученою цѣлью на два года. Изучая общественныя и государственныя отношенія путемъ непосредственныхъ наблюденій, онъ въ тоже время усердно изучилъ западноевропейскія финансовыя системы по первоисточникамъ въ библіотекахъ парижской, мюнхенской, вѣнской и берлинской. По возвращеніи въ Россію, задумавъ сочиненіе о прямыхъ налогахъ, А. остановился на русскихъ прямыхъ налогахъ и въ 1879 г. напечаталъ въ С.-Петербургѣ изслѣдованіе 4) «*Дѣйствующее законодательство о прямыхъ налогахъ*», въ которомъ разъяснены и критически разобраны формы прямого обложенія, принятыя русскимъ законодательствомъ и выставлены desiderata, въ извѣстной степени законодательствомъ послѣднихъ лѣтъ осуществленныя.

Изслѣдованіе А. о налогахъ извѣстно и въ нѣмецкой литературѣ по подробному разбору, сдѣланному въ издав. профессоромъ Георгомъ Шанцомъ Finanzarchiv (1884. 2 Heft. s. 914—927).

Въ 1879 г. А. былъ избранъ въ харьк. унив. экстраординарнымъ а въ слѣдующемъ году ординарнымъ профессоромъ финансоваго права. На актѣ 1885 г. онъ произнесъ рѣчь 5) *Подоходный налогъ и условія его примѣненія*, которая издана была имъ отдѣльною брошюрою (Харьковъ 1885). Съ 1886 г. А. состоитъ деканомъ юридич. факультета.

Кромѣ вышепомянутыхъ сочиненій, А. напечаталъ въ «Вѣст. Европы» 1879 г. (№ 10) статью 6) «*Теорія и практика промысловаго обложенія*» и нѣсколько статей въ «Юрид. Вѣст.», въ «Рус. Мысли» въ харьк. журналѣ «Міръ», въ «Южномъ Краѣ» въ первый годъ изданія этой газеты (1880), когда ее редактировалъ пр. А. Н. Стояновъ и она еще

не примкнула къ лагерю «Моск. Вѣд.». Въ качествѣ губернскаго г наго екатеринославскаго земства А также составилъ много доклa (о земской статистикѣ, о мелкомъ крестьянскомъ кредитѣ, о расшир крестьянскаго землевладѣнія, о земской борьбѣ съ эпизотіями и ской раскладкѣ налоговъ на городскія недвижимости, о преобразов мѣстныхъ учрежденій и т. д.), которые напечатаны въ екатеринос скихъ земскихъ сборникахъ.

Характеристику научныхъ взглядовъ Алексѣенко см. въ концѣ стоящаго тома.

Алексѣй *Балчужный* см. *Балчужный.*

Алексѣй *Яковлевъ Зайцевскій* см. *Зайцевскій.*

Алексѣй, игуменъ конца XVI вѣка †). Въ библіотекѣ «Обще ист. и древ. рос.» (№ 42) имѣется рукопись XVIII вѣка (50 лис въ четверку), озаглавленная: «мѣс. генваря въ 28 день, житіе и по зн преподобнаго отца нашего аввы Геннадія, Костромскаго и Люб грацкаго чюдотворца, еже бѣ на Сурскомъ озерѣ. Списано бысть никомъ его, тояже обители игуменомъ Алексѣемъ». На первыхъ листахъ идетъ служба св. Геннадію, на 41—44 похвальное слово остальное посвящено описанію 16 чудесъ святителя, скончавшагося 1565 г. Для составленія этого житія Алексѣй, какъ утверждаетъ, чѣмъ однакоже не подкрѣпляя своихъ словъ, Филаретъ, пользов житіемъ и канономъ исцѣленнаго св. Геннадіемъ инока Севасті Однородныя рукописи имѣется и въ другихъ библіотекахъ, перечис ныхъ въ «Источникахъ русской агіографіи» Н. Барсукова. Кромѣ т въ началѣ рук. №929 Патріарш. библ. помѣщенъ «Канонъ (св. Ге дію), твореніе игумена Алексѣя», сопровождаемый «сказаніемъ къ стырю дому боголѣпнаго Преображенія и преп. Аввы Геннадія». «сказаніе» напечатано Ключевскимъ въ приложеніи къ его «Житі Святыхъ». По отзыву Ключевскаго, имѣвшаго случай ознакомиться содержаніемъ житія Геннадія, оно «отличается свѣжестью біограф скихъ чертъ и простотою изложенія: авторъ владѣетъ книжнымъ я комъ, но мало заботится о реторикѣ».

* **Алексѣй** или **Алексій** (Александръ Ѳедоровичъ *Лавровъ-Платоно* епископъ Литовскій. *По свѣдѣніямъ, извлеченнымъ нами изъ арх св. Синода* сынъ священника ярославской епархіи гдѣ р. въ 1829. окончаніи въ 1854 курса въ московской Дух. Академіи со степенью

†) 1) *Строевъ*, «Библіот. общ. истор.» стр. 16. 2) *Филаретъ*, Обзоръ стр. 3) *Строевъ* Библіол. Словарь, стр. 15. 4) *Ключевскій*, Житія святыхъ, стр. 3 463. 5) *Н. Барсуковъ*, Источники русской агіографіи стр. 114 и 115.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

истра былъ оставленъ при ней баккалавромъ церковнаго краснорѣчія и церковнаго законовѣдѣнія. Въ 1862 ему было поручено преподаваніе греч. яз., а чрезъ 2 года онъ былъ возведенъ въ званіе экстраординарнаго профессора по этой кафедрѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ библіотекаремъ академіи. Съ преобразованіемъ академіи А. въ 1870 перешелъ на кафедру церковнаго законовѣдѣнія. Въ Январѣ 1878, по кончинѣ супруги, онъ принялъ монашество, чрезъ 2 мѣсяца былъ возведенъ въ санъ архимандрита, а еще чрезъ три недѣли въ санъ епископа можайскаго, второго викарія московскаго. Въ 1883 ему повелѣно быть епископомъ дмитровскимъ, первымъ викаріемъ московскимъ, въ 1885 епископомъ таврическимъ и симферопольскимъ и въ томъ-же еще году — литовскимъ и виленскимъ. Въ этомъ санѣ состоитъ и понынѣ.

Началъ свою учено-публицистическую дѣятельность диссертаціей: 1. *Обѣтованіе и пророчество о Христѣ въ пятикнижіи Моисеевомъ*, часть котораго напечатана въ «Прибав. къ твор. св. отцевъ» 1856 г. преосв. А. затѣмъ написалъ: 2. *Жизнь св. Іоанна Дамаскина.* (ibid. 16). 3. *Архимандритъ Порфирій настоятель православной церкви при русскомъ посольствѣ въ Римѣ.* («Душеп. Чт.» 1866. № 2). 4. *Памяти митрополита Филарета* (Ibid. 1868. № 1). 5. *Новый вопросъ православной русской церкви.* «Приб. къ тв. св. отц.» 24) и отдѣльно. 6. *Вторая апологія по новому вопросу.* («Приб.» 24). 7. *Третья апологія по новому вопросу.* («Моск. Епарх. Вѣд.» 1872. Мартъ). 8. *Вдовые священно-служители.* («Христ. Чт.» 1870, № 12 и 1871. № 1). 9. *Предполагаемая реформа церковнаго суда.* Два вып. вышли въ Спб. 1873, безъ имени автора, изд. *Н. Елагина.* 10. *Печатное письмо къ А. С. Павлову.* («Чтен. въ общ. люб. дух. просв.» 1876. № 8). 11. *Слово въ день годичнаго поминовенія ректора московской дух. Акад. прот. А. В. Горскаго.* («Прав. Обозр.» 1876. № 12). 12. *Слово предъ отпѣваніемъ проф. м. дух. Акад. Казанскаго* (Ibid. № 3).

Св. Алексѣй, Митрополитъ «Кіевскій и всея Руси» †), сынъ черниговскаго боярина Өедора Бяконта, (отъ котораго пошелъ родъ Плеще-

†) О св. Алексѣѣ, какъ о писателѣ можно найти указанія: 1) *Евгеній*, Словарь дух. писат. т. I стр. 182. 2) *Филаретъ*, Обзоръ стр. 72—75. 3) *Срезневскій*, Древнерусскіе памятники. 4) *К. Невоструевъ*, предисловіе къ новонайденному имъ поученію святителя въ «Душепол. Чтеніи» 1861 г. 5) *Строевъ*, Библіологическій Словарь стр. 14. 6) *Порфирьевъ*, Ист. русск. лит. т. I стр. 431, 7) *Шевыревъ*, Лекціи по ист. рус. лит. ч. 3. 8) *Dobrovsky*, (аббатъ). Vol. I. Prolegomen. Sect. VIII и Vol. II. 9) Указаніе это взято нами изъ статьи А. В. Горскаго, гдѣ приведены и выдержки изъ мнѣнія знаменитаго аббата о Новомъ завѣтѣ святителя.

Что касается литературы о св. Алексѣѣ, какъ объ историческомъ лицѣ, то приходится прямо заявить, что она необъятна. Можно-ли, въ самомъ дѣлѣ, себѣ представить даже самый краткій учебникъ русской политической или церковной исторіи въ которомъ не было-бы сказано чего-нибудь о московскомъ святителѣ. Отмѣчаемъ поэтому только наиболѣе крупное: 1) *Карамзинъ*, Ист. гос. рос. т. IV и V. 2) *Соловьевъ*, т. III, 3) *Макарій*, Истор. русск. церкви т. IV, стр.

евыхъ) при Юріѣ Даниловичѣ переселившагося въ Москву, гдѣ святитель и родился въ концѣ XIII или самомъ началѣ XIV вѣка, получивъ при крещеніи имя Элевферія — Симеона. Нѣкоторые годомъ его рожденія принимаютъ 1293 г., но на это нѣтъ достаточнаго историческаго обоснованія, а имѣются только мало заслуживающія довѣрія указанія «житій» святителя. Воспріемникомъ отъ купели былъ Иванъ Калита. Уже съ ранняго отрочества въ св. Алексѣѣ сказалось стремленіе къ иноческой жизни. Родители не препятствовали ему въ этомъ и, не имѣя еще 20 лѣтъ отъ роду, онъ постригся въ московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ. Недюжинный умъ и характеръ сблизили его съ митрополитомъ Ѳеогностомъ, который сдѣлалъ его своимъ непосредственнымъ помощникомъ во всѣхъ дѣлахъ церковнаго управленія. Ѳеогносту-же святитель обязанъ своимъ превосходнымъ знаніемъ греческаго языка. Желая обезпечить за А. митрополичій столъ, Ѳеогностъ, чувствуя приближеніе смерти рукоположилъ его въ 1345 въ епископы владимірскіе, а о своемъ желаніи написалъ патріарху константинопольскому. Къ этому желанію присоединился и великій князь, благодаря чему А. былъ приглашенъ въ 1348 въ Константинополь для посвященія. Когда онъ туда пріѣхалъ, то оказалось, однакоже, что тамъ уже успѣли поставить митрополитомъ русскимъ Романа. Чтобы выйди изъ затруднительнаго положенія, изворотливые греки поставили и Алексѣя, надѣясь, что само собою такъ устроится, что Алексѣй ограничится восточною Россіею, а Романъ западною и Литвою. На дѣлѣ, однакоже, между обоими митрополитами завязалась упорная борьба, изъ которой большею частью побѣдителемъ, благодаря своей настойчивости, выходилъ Алексѣй. Для этого онъ, между

32—63. 4). *Полевой*, Исторія русскаго народа т. 5 5) *Н. В. Савельевъ-Ростиславичъ*, «Дмитрій Іоанновичъ Донской первоначальникъ русской Славы». 6) *П. Пекарскій и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ* въ «Энциклоп Слов.», изд. рус. пис. и уч. т. 3, стр. 217—218. 7) *Ключевскій*, Житія святыхъ, въ разныхъ мѣстахъ, отмѣченныхъ въ указателѣ 8) *Карповъ*, Святой Алексѣй-митрополитъ бояринъ въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и древ.» 1864 г. т. № 3. 9) *А. В. Горскій*, въ «Приб. къ Твор. св. Отцевъ» 1848 года т. 6, стр. 89 -128. 10) *Григорьевъ*, В. В. О достовѣрности ханскихъ языковъ. М. 1842 г. стр. 126. Тутъ помѣщенъ ярлыкъ данный А. на свободу духовенства отъ налоговъ. Этотъ-же ярлыкъ напечатанъ въ «Соб. Госуд. грамотъ» и въ Новиковской Вивліофикѣ ч. VI. 11) «Соб. Госуд. грам.» т. I. стр. 38. 12) О Житіяхъ св. Алексія, которыя въ общемъ представляютъ собою не очень достовѣрный матеріалъ, сказано въ текстѣ. Подробный разборъ ихъ сдѣланъ профес. Ключевскимъ въ его «Житіяхъ святыхъ какъ историческій источникъ». 13) Похвальное слово, составленное при патріархѣ Іовѣ княземъ С. Шаховскимъ имѣется въ рукоп. Милютинскихъ Четьи-Минеяхъ, окт. л. 447. 14) Наконецъ лѣтопис. матеріалъ о святителѣ разбросанный по разнымъ томамъ. «Пол. Собр. рус. Лѣтописей» систематизированъ въ указателѣ къ нимъ.

прочимъ, вторично ѣздилъ въ Константинополь, причемъ на обратномъ пути ему пришлось выдержать страшную бурю. Святитель далъ обѣтъ, въ случаѣ избавленія, построить монастырь и по возвращеніи въ Москву дѣйствительно заложилъ на берегу Яузы монастырь, получившій по первому игумену названіе Андроникова.

Та-же настойчивость и сила характера, въ связи съ высокимъ по тому времени образованіемъ и славою строгой жизни, помогли А. доставить своему сану небывалый до того блескъ и могущество. Своею побѣдою въ борьбѣ съ удѣльными князьями московская великокняжеская власть второй половины XIV вѣка въ значительной степени обязана тому, что на сторонѣ ея стоялъ Алексѣй. Выраженіемъ огромнаго вліянія святителя на современныя ему политическія событія могутъ служить, въ числѣ множества другихъ, слѣдующіе факты: въ 1353 г. умеръ В. Князь Симеонъ; въ предсмертномъ завѣщаніи онъ писалъ своимъ наслѣдникамъ: «слушали-бы есте отца нашего Владыки Алексѣя». Въ 1375 г. долго боровшіеся другъ съ другомъ Дмитрій Донской и Михаилъ Тверской заключили между собою мирный договоръ. Начальная фраза его гласила, что договоръ заключенъ «по благословенію отца нашего Алексія, митрополита всея Руси». Святитель-же А. явился примирителемъ между Дмитріемъ Константиновичемъ и Дмитріемъ Донскимъ, который по его настоянію женился на дочери только что названнаго соперника своего—Евдокіи Дмитріевнѣ. Любопытнымъ образчикомъ могущества А. можетъ служить запрещеніе отправленія богослуженія въ нижегородскихъ церквахъ, наложенное имъ послѣ того, какъ Борисъ, младшій братъ суздальскаго князя, захватилъ у послѣдняго Нижній Новгородъ. Въ исторіи католической церкви такіе интердикты очень часты. Но русское духовенство почти никогда къ нимъ не прибѣгало; и вотъ почему до сихъ поръ жива въ нижегородскомъ населеніи память о проклятіи, наложенномъ святителемъ, въ которомъ должно было быть очень велико сознаніе своей духовной силы, чтобы прибѣгнуть къ такой рѣшительной мѣрѣ.

Св. А. скончался 12 февраля 1378 года. Обрѣтеніе-же мощей его относится, по арх. Филарету, къ мнѣнію котораго присоединяется и проф. Ключевскій, къ 20 мая 1431 года, а по митр. Макарію—къ 1439 г. Церковь празднуетъ память святителя 12 февраля, а обрѣтеніе его мощей 20 мая (1431 г.). 5 октября, начиная съ 1596 года, празднуется память всѣхъ трехъ московскихъ святителей перваго періода московскаго преобладанія—Петра, Алексія и Іоны. Мощи св. Алексѣя почиваютъ въ Чудовомъ монастырѣ, имъ основанномъ.

Выше уже было сказано о строгой жизни св. Алексѣя, благодаря ьторой онъ еще при жизни пріобрѣлъ себѣ всеобщее уваженіе. Это важеніе перешло въ глубокое религіозное благоговѣніе послѣ того, какъ ыли обрѣтены мощи святителя и съ тѣхъ поръ онъ становится однимъ ъ наиболѣе популярныхъ угодниковъ русскихъ. О такой популярности эжно судить по весьма значительному количеству дошедшихъ до насъ итій его. Первымъ агіобіографомъ св. Алексія былъ епископъ перм-:ій Питиримъ († 1445), котораго «Краткое описаніе житія св. Алексія»)шло въ составъ Никоновой лѣтописи («Пол. собр. рус. лѣт.» VIII стр. 3 — 28 †). Изъ именъ другихъ писателей, трудившихся надъ обработ-)ю житія св. Алексія, до насъ дошло только имя пришедшаго «отъ)рбскія земли» Пахомія Логофета. Пахоміевское житіе въ сравненіи съ итиримовымъ значительно разцвѣчено. Но впослѣдствіи, при составле-ıи макарьевскихъ миней, оно было еще болѣе «распространено» и въ :ой послѣдней редакціи напечатано въ «Степенной Книгѣ» (I стр. 418) недавно въ «Памятникахъ» издав. Общ. Древ. Письменности (№ IV). стальныя многочисленныя редакціи въ огромномъ количествѣ списковъ :трѣчаются почти во всѣхъ монастырскихъ и академическихъ библіоте-ıхъ. Послѣдняя по времени редакція житія св. Алексѣя относится къ)единѣ XVII вѣка и отличается значительными литературными достоин-:вами. Ее, повидимому, можно приписать сотруднику Епифанія Славе-ецкаго—чудовскому монаху Евѳимію.

Всѣ эти житія, главнымъ образомъ, описываютъ чудеса, совершен-ныя при жизни святителя имъ самимъ, а по смерти—его мощами. Наи-олѣе знаменитымъ изъ такихъ чудесъ считается исцѣленіе ослѣп-іей ханши Тайдулы. Исторически можно прослѣдить, что св. Алексѣй ѣйствительно ѣздилъ въ Орду и вывезъ оттуда ярлыкъ на полное ос-обожденіе духовенства отъ какихъ-бы то ни было поборовъ въ пользу ıтаръ.

Отъ митрополита Алексѣя къ намъ дошли слѣдующіе грамоты, поу-енія и переводы:

1) *Поученіе*, начинающееся словами «понеже убо, дѣти, долженъ есмь васъ асти и учити порученную ми паству». Напечатано въ «Прибавл. къ Твор. Св. тцевъ» 1849 г. 2) *Посланіе къ нижегородской паствѣ*. Открыто *К. Невоструевымъ* и мъ напечатано въ «Душеполезномъ Чтеніи» 1861 г. I. 449—460. 3) *Грамота* ı *Хоперъ*. Напеч. сначала у Карамзина въ т. V., прим. 55, а затѣмъ въ «Ак-ıхъ Истор.» 1. № 3 и въ «Рус. Истор. библіот.» т. VI. 167—172. 4) *Поученіе*, ачинающееся словами «хощу вамъ въ спомянути душеполезная и спасеная». [аходится въ рукописяхъ Кирил. Бѣлоезер. библ. (нынѣ петер. духов. академіи) ь сборникѣ № 39 (434). л. 315—324, а также въ библ. Толгскаго монаст. въ

†) Напечатано также въ «Духовномъ Вѣстникѣ» 1862 г.

сборникѣ № 59. л. 519. 524. Мы склонны думать, что отмѣченное поученіе, указанное Строевымъ въ его «Библіологическомъ Словарѣ» т. е. въ 1838 г., когда поученіе, отмѣченное нами подъ № 1 еще не появлялось въ печати, тождественно съ этимъ послѣднимъ, въ которомъ сей часъ-же послѣ начальныхъ словъ «понеже убо» тоже идетъ фраза «хоцу вамъ въспомянути душеполезная и спасеная» 5) *«Поученіе къ попамъ»*, начинающееся словами «Аще у попа умреть попадья и идетъ въ монастырь и постриженся», въ сборникѣ Синод. библіот. № 272 (по старой католигизаціи) л. 358. 6) Въ томъ-же сборникѣ грамота А. на л. 380. 7) По справедливой догадкѣ арх. Филарета А. слѣдуетъ приписать переводъ на русскій языкъ греческихъ патріаршихъ грамотъ, присылавшихся изъ Константинополя для руководства русской єрархіи: и помѣщенныхъ въ «Acta patr const» подъ №№ 151. 156. 158. 183. 185. 261—269. 318—320. 322. 323. 328. 8) Святителю-же Алексѣю долженъ быть приписанъ его рукою писанный переводъ Новаго Завѣта, хранящійся въ Чудовомъ монастырѣ, на что имѣется прямое указаніе въ извѣстіи о переводѣ Библіи Епифаніемъ Славенецкимъ. Тамъ сказано именно вотъ что: «первая Славянская бѣ у перевода сего *переводу и рукописанія св. Алексія*, митрополита всея Россія, чудотворца, писанное въ лѣто 6863» (1355).

Поученія и посланія всемогущаго митрополита очень любопытны для ознакомленія съ его личностью. Въ нихъ такъ и виденъ тотъ непреклонный характеръ, благодаря которому святитель поставилъ свою власть на небывалую еще до того въ Россіи, почти папскую, высоту. Древне-русскія поученія въ большинствѣ случаевъ представляютъ собою скромныя объясненія догматовъ вѣры и приглашенія слѣдовать евангельскимъ завѣтамъ. Эти элементы всякой церковной проповѣди имѣются, конечно, и въ поученіяхъ св. Алексѣя. Но индивидуальный характеръ имъ придаетъ та энергія, съ которою проповѣдникъ старается внушить своей паствѣ самое высокое представленіе о значеніи духовенства. Какъ читатель сейчасъ увидитъ изъ отрывка поученія, отмѣченнаго въ библіографическомъ перечнѣ подъ № 1, проповѣдникъ даже склоненъ видѣть главную добродѣтель истиннаго христіанина въ уваженіи къ духовному сословію, а въ неуваженіи къ нему — пренебреженіе къ спасенію души.

«А людьская чадь Бога бойтеся», говорится въ поученіи, «а князя чтите, *а святительство имѣйте выше своея главы, со всякимъ покореніемъ, безъ всякаго прекословія, ти бо печалуютъ день и нощь о душахъ вашихъ* понеже воздати имъ отвѣтъ Богови о паствѣ своей (Евр. 13, 17). Въ схочетъ-ли кто небреженіемъ своего спасенья лишитися и вѣчнаго живота, а не внимая себѣ слова Спасова, еже рече въ Своемъ Евангеліи: придети ко мнѣ вси труждающіися и обремененіи, и Язъ покою вы (Матѳ. 11, 28)? Зоветъ ны Христосъ въ царство Свое небесное и велитъ оставляти тружанье бремени грѣховнаго покаяньемъ, чистымъ сердцемъ. Притецыте къ іерею, отцю духовному, съ покаяньемъ и съ слезами. Отверзите отъ себѣ вся дѣла злая и опять не приступайте къ нимъ: то бо есть истинное покаянье еже возпѣнавидѣти первыи грѣхи. И видѣвъ такое дерзновеніе, іерей можетъ очистити и приближити къ Богу, и причастника створити тѣлу и крови Христовѣ. *Святители бо и іереи ходатаи суть межю Богомъ и человѣкы».*

Съ такою-же настойчивостью святитель старается вселить своей паствѣ уваженіе къ церковному ритуалу. Такъ какъ въ то время, очевидно, было распространено убѣжденіе, что молитва у себя дома столь-же угодна Богу, какъ и молитва въ церкви, то святитель и считаетъ необходимымъ энергично бороться съ этимъ взглядомъ.

«А къ церковному пѣнію», говоритъ онъ, «будете, дѣти, спѣшни, утекаяся другъ предъ другомъ, якоже Іоаннъ Богословъ предъ Петромъ къ гробу Христову. Князи, бояре и купци и всякый правовѣрный христіанинъ! оставя вся дѣла своя, на церковную молитву стекайтеся безъ лѣности и не рците тако: отпоемъ себѣ дома. *Не можеть бо та молитва успѣти ничтоже безъ церковные молитвы.* Якоже бо храмина дымомъ безъ огня не можетъ согрѣтися: тако и та молитва безъ церковные. Церковь бо наречется земное небо, въ пей же закалается Агнецъ, Сынъ, Слово Божіе, за очищеніе грѣховъ всего міра вѣрныхъ и людій трепещущихъ словесъ Божіихъ, въ ней же проповѣдается Евангеліе благовѣщеніа царства Божіа и святыхъ Апостолъ Дѣаніа, и соборнаа посланіа, и свѣтлаго нашего учителя Павла Апостола 14 посланій, и святыхъ Вселеньскыхъ Отецъ 7 Соборовъ почитаються, и престолъ Божіа славы Херувимы не видимо осѣняется и священничьскими руками тѣло и кровь Божественная пріемлется и вѣрнымъ людемъ подается на спасеніе и на очищеніе душамъ и тѣломъ. И таковое *страшное и грозное* и преславное чюдо Божіе еже есть церковное управленіе,—и хощете домашнимъ своимъ пѣніемъ обрѣсти себѣ пользу».

Въ только-что приведенныхъ словахъ особенно знаменательна квалификація «церковнаго управленія» какъ чего-то страшнаго и грознаго.

Нельзя не видѣть въ приведенныхъ отрывкахъ вліянія особенной близости святителя съ иноземнымъ духовенствомъ. Извѣстно, что въ XIII и XIV вѣкѣ, какъ въ Западной Европѣ, такъ и въ Византіи преимущественное вниманіе религіозной мысли было направлено на суровыя стороны благочестія. Ветхозавѣтное представленіе о Rex tremendae majestatis становится любимымъ образомъ проповѣдниковъ, писателей и иконописцевъ, система устрашенія начинаетъ считаться лучшимъ средствомъ наставленія толпы въ религіозныхъ истинахъ.

Но таже близость съ иноземнымъ духовенствомъ дала святителю возможность осуществить важнѣйшее проявленіе его высокаго по тому времени образованія—переводъ Новаго Завѣта. Переводъ относится, какъ уже было сказано, къ 1355 году, т. е. къ тому времени, когда св. Алексѣй былъ въ Константинополѣ. Это дало ему возможность пользоваться наиболѣе вѣрными списками евангельскаго текста. Архіепископъ Филаретъ взялъ на себя трудъ сравнить переводъ св. Алексѣя съ другими древне-славянскими переводами и пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) текстъ святителя во многомъ не сходенъ съ предшествовавшими ему списками 2) текстъ его заключаетъ не только поправки ошибокъ, допущенныхъ славянскими писцами, но и новый переводъ съ под-

линника 3) отличіемъ перевода его служитъ буквальная близость къ греческому тексту.

Къ такимъ-же выводамъ относительно чрезвычайной близости къ лучшимъ греческимъ текстамъ исправленій св. Алексѣя пришелъ и отецъ славянской филологіи Добровскій, видѣвшій Новый Завѣтъ святителя во время своей поѣздки въ Москву въ концѣ прошлаго столѣтія

Что касается третьяго изслѣдователя, имѣвшаго въ рукахъ переводъ св. Алексія—Шевырева, то онъ пришелъ вотъ къ какимъ заключеніямъ относительно языка перевода: съ одной стороны господство греческаго синтаксиса, но съ другой введено много народныхъ оборотовъ рѣчи и русское правописаніе. Такъ напр. юсовъ гораздо меньше чѣмъ въ Остроміровомъ Евангеліи.

Остается въ заключеніе отмѣтить, что «рукописаніе» св. Алексія, помимо евангельскаго текста, содержитъ въ себѣ выбранные изъ разныхъ византійскихъ писателей предисловія къ дѣяніямъ и посланіямъ Апостольскимъ, въ которыхъ даются свѣдѣнія о времени, поводѣ и сущности содержанія разныхъ частей Новаго Завѣта. Кромѣ того тутъ, вслѣдъ за 4 евангелистами, имѣются любопытныя выборки изъ Анастасія Синаита. Въ выборкахъ этихъ ярко отразились мысли, особенно волновавшія людей того времени. «Всѣ власти мірскія учинены отъ Бога», говоритъ Апостолъ. Значитъ и власть татарскаго хана отъ Бога и ему надо безпрекословно повиноваться? Ужасно не хотѣлось мириться съ этимъ положеніемъ, страстно хотѣлось найти къ нему такой комментарій, который давалъ-бы надежду хоть въ будущемъ сбросить ордынское иго. Какъ разъ такой ободряющій комментарій и даетъ Анастасій Синаитъ и понятно съ какою радостью выписываетъ его переводчикъ. Ходъ разсужденія Синаита такой: Богъ въ законѣ говоритъ: дамъ вамъ князя по сердцу вашему; ясно, слѣдовательно, что добрые правители получаютъ свою власть прямо по желанію Божіему, а злые только *по попущенію* Божіему, въ наказаніе людямъ за грѣхи ихъ. Далѣе вопросъ ставится еще опредѣленнѣе. Какъ Богъ допускаетъ, чтобы иноплеменные и поганные народы творили зло христіанамъ? По мнѣнію Синаита это дѣлается только на время, впредь до исправленія: Богъ, какъ праведный судія, предаетъ насъ врагамъ нашимъ *не на пагубу, а на казнь*. Черезъ Іеремію Онъ говоритъ Израилю: дерзайте, люди мои, не погибнетъ память Израилева; вы преданы были языкамъ не на пагубу, но за то, что прогнѣвали Бога. А вотъ слова Исаіи: кто дастъ на расхищенье Іакова и на разграбленье Израиля? Не Богъ ли? Ему же согрѣшили, не хотѣли

одить въ путяхъ его, ни слушать закона его, и навелъ онъ на нихъ гнѣвъ своей ярости...

Вотъ какъ было теоретически обосновано стремленіе къ сверженію татарскаго ига, стремленіе, перешедшее отъ слова къ дѣлу, когда о главѣ государственнаго управленія сталъ воспитанникъ св. Алексѣя—Дмитрій Донской.

Алексѣй, Обнорскій игуменъ †). Арх. Филаретъ сообщаетъ о немъ, что онъ «оставилъ *записки* о жизни перваго наставника своего, преп. ергія Обнорскаго, скончавшагося въ 1418 г.». Это не вѣрно: игуменъ лексѣй былъ только однимъ изъ «ряда иноковъ, преемственно переававшихъ одинъ другому впродолженіе столѣтія повѣсть о жизни свяаго, пока около половины XVI вѣка послѣдній изъ нихъ, игуменъ [авлова Обнорскаго монастыря Протасій, не записалъ преданія въ своихъ «свиткахъ», которыми инокъ Іона пополнилъ изустные разсказы ратіи. (*Ключевскій*, Житія святыхъ стр. 302).

* **Алексѣй** (Руфинъ Ивановичъ *Ржаницынъ*) ††). *По даннымъ, извлеченнымъ нами изъ дѣлъ св. Синода*, р. въ 1813 г., въ вологод. губ., адниковскаго у. селѣ Михаило-Архангельскомъ, гдѣ отецъ его былъ ротоіереемъ мѣстной церкви, въ 1828 г. поступилъ въ вологодскую эминарію, въ 1834 г. въ московскую духовную академію, которую кончилъ въ 1838 г. со степенью магистра. За годъ до этого былъ погриженъ въ монашество митрополитомъ Филаретомъ московскимъ. По кончаніи академическаго курса тотчасъ-же былъ назначенъ инспектоомъ москов. дух. семинаріи, въ которой также преподавалъ въ разыя времена философію, св. писаніе, каноническое право и богословіе съ 1842 г. занималъ должность ректора. Въ 1843 г. возведенъ въ анъ архимандрита и настоятеля заиконоспасскаго монастыря, въ 847 г. назначенъ ректоромъ и профессоромъ богословія московской уховной академіи, въ 1853 г. рукоположенъ въ епископа дмитровкаго, викарія московскаго, въ 1856 г. назначенъ епископомъ тулькимъ, въ 1860 г. таврическимъ и симферопольскимъ, въ 1867 г. ряанскимъ съ возведеніемъ въ санъ архіепископа.

Въ 1876 г. А. былъ перемѣщенъ на тверскую епархію и здѣсь кончался 9 Іюня 1877 года.

Состоя по должности ректора моск. академіи во главѣ редакціи

---

†) 1) *Филаретъ*, Обзоръ стр. 180. (2 *Ключевскій*, Житія святыхъ стр. 302 378.

††) 1) «Рязан. еп. вѣд.» 1877 г. № 21. 2) *С. Смирновъ*, Исторія моск. дух. академіи стр. 70—73, 123, 229, 315, 349, 362, 370, 380 и 430.

*) означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

Прибавленій къ твореніямъ св. отцевъ», А. помѣстилъ въ нихъ рядъ ...скихъ статей и произнесенныхъ имъ словъ:

1) «Ученіе о лицѣ Господа Іисуса Христа» (Прнб. 5, 6) 2) «О преблагослов... Матери Господа нашего Іисуса Христа» (Прнб. 7). 3) «Ветхозавѣтное ученіе о таинствѣ пресв. Троицы» (Прнб. 8). 4) «Объ ангелахъ хранителяхъ» (Ib.) 5) «О таинствѣ Креста Христова» (Прнб. 10). 6) Два «Слова въ великій постъ» (Прнб. 9, 10). 7) «Бесѣда въ день рождества Христова» (Прнб. 10). 8) «Слово о необходимости духовнаго бодрствованія» (Ib.) 9) «Рѣчь къ произнесшимъ обѣты монашества» (Прнб. 7). 10) «Рѣчь по постриженіи въ монашество профессора П. Нектарова» (Прнб. 8). 11) «Рѣчь по нареченіи во епископа» (Прнб. 12).

Будучи въ академіи А. написалъ изслѣдованіе «О смерти св. царевича угличкаго», которое было представлено академіею митрополиту Филарету, какъ достойное напечатанія. Но Филаретъ вмѣстѣ съ 4-мя другими рекомендованными диссертаціями, изслѣдованіе это печатать нужнымъ не призналъ.

Алексѣй Родіоновъ, см. Родіоновъ.

Алексѣй Самойловъ, см. Самойловъ.

Алекторъ—псевд. Н. А. Лейкина.

* **Аленицынъ**, Владиміръ Дмитріевичъ, современный зоологъ. *По свѣдѣніямъ отъ него полученнымъ:* р. 29 апрѣля 1846 г. въ г. Камышловѣ Пермской губ., учился въ екатеринбургскомъ училищѣ и екатеринбургской гимназіи, по окончаніи курса въ которой въ 1867 г. (съ серебр. медалью) поступилъ на естественный факультетъ казанскаго университета, гдѣ болѣе всего занимался зоологіею подъ руководствомъ Н. П. Вагнера. Въ 1869 г. А. вмѣстѣ съ О. Е. Клеромъ основалъ въ Екатеринбургѣ Уральское Общество Любителей Естествознанія. При переходѣ на 4 курсъ онъ, по порученію казанскаго общ. естествоиспытателей, занимался изслѣдованіемъ фауны стоячихъ водъ въ окрестностяхъ Екатеринбурга и Нижняго Тагила. 1) «Отчетъ» объ ихъ изслѣдованіяхъ напечатанъ въ протоколахъ вышеназваннаго общества за 1871 г.; нѣсколько раньше отчета молодой зоологъ помѣстилъ въ «Трудахъ» того-же общества (т. I) 2) «Chetospira Dutourii» ...вая форма изъ группы рѣсничныхъ инфузорій». Лѣтомъ 1871 г. по окончаніи унив. курса со степенью кандидата, А. былъ командированъ казан. общ. естеств. для изслѣдованія озеръ сѣверной части оренбургской губ., послѣ чего онъ переѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь получилъ мѣсто консерватора сравнительно-анатомическаго музея при университетѣ. Сдавши въ 1873 г. экзаменъ на степень магистра зоологіи и сравнительной анатоміи, А. былъ командированъ петерб. общ.естеств. въ сѣверную часть оренбург. губ. для продолженія начатыхъ имъ изслѣдованій

* ...чаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника.*

мѣстныхъ соляныхъ озеръ. Въ 1874 г., когда была снаряжена извѣстная Арало-Каспійская экспедиція, А., по порученію петерб. общ. естеств., принялъ въ ней дѣятельное участіе. Кромѣ него въ составъ экспедиціи входили Н. М. Барботъ-де-Марни, М. Н. Богдановъ и О. А. Гриммъ. На долю А. выпало изслѣдованіе Арала. Результаты этого изслѣдованія дали В. Д. матеріалы для защищенной имъ въ 1876 г. магистерской диссертаціи. 3) «*Гады острововъ и береговъ Аральскаго моря*» (напеч. въ «Трудахъ Арало-Касп. эксп.»). Въ 1877 г. А. читалъ въ петерб. унив., въ качествѣ приватъ-доцента, спеціальный курсъ о методахъ изслѣдованія водной фауны, а въ слѣдующемъ году поступилъ на службу въ мин. внутр. дѣлъ съ откомандированіемъ въ Центральный Статистическій Комитетъ, гдѣ онъ въ 1879 г. былъ назначенъ картографомъ, а въ 1883 г. младшимъ редакторомъ.

Кромѣ вышеназванныхъ работъ, А. напечаталъ: I. **По зоологіи сѣверной части Оренбургской губ.** въ «Труд. Спб. общ. естеств.» 1872—77 гг.: 4) «*Очеркъ озеръ Троицко-Ослябинскаго района и ихъ ихтіологической фауны*». 5) «*О строеніи новѣйшихъ образованій Троицко-Челябинскаго района и объ отношеніи озеръ этой мѣстности къ водосодержащему пласту*». 6) «*Предварительный отчетъ объ изслѣдованіи соляныхъ озеръ Троицкаго и Челябинскаго уѣздовъ*». 7) «*Описаніе новыхъ формъ простѣйшихъ животныхъ, найденныхъ въ озерахъ Троицкаго и Челябинскаго уѣздовъ*». 8) «*О нервной системѣ Brachionus Polonskii*» (такъ названнаго А. въ честь Я. Петр. Полонскаго). Въ «Прот. IV съѣзда рус. ест.». 9) «*Біологическія данныя о рыбахъ Троицко-Челябинскихъ озеръ*». II. **По естественной исторіи и географіи Аральскаго моря и Туркестана,** въ «Тр. Спб. Общ. ест.» 1874—77 гг.: 10) «*Предварительный отчетъ объ изслѣдованіяхъ въ Аральскомъ морѣ*». 11) *Отчетъ объ изслѣд. на Арал. морѣ*», (въ общемъ отчетѣ членовъ экспедиціи). 12) «*Предвар. сообщ. о гадахъ острововъ и береговъ Арал. моря*». 13) «*О свѣченіи Diptera*». (Тоже на *нѣм. яз.* въ прот. съѣзда см. естест. въ Грацѣ). 14) «*SO-NW поднятіе въ Арало-Каспійской странѣ и причины поворота рѣкъ Аму и Сыра*». Въ «Тр. Арало-Касп. эксп.» 15) «*Объ источникахъ прѣсной воды на берегахъ Арал. моря*». (А. предв. сообщ. въ прот. V съѣзда рус. ест.). 16) «*Очеркъ исторіи суши континентальныхъ острововъ Арал. моря*». (А. предв. сообщ. въ прот. V съѣзда и тамъ-же два сообщенія: 17) «*О температурѣ воды Арал. моря лѣтомъ 1874 года*». и 18) «*Молюски Арал. моря*». 19) *Рѣка Аму и ея прежнее теченіе въ Каспійское море*». (Разборъ статьи г. Лохтина) въ «Жур. Мин. Нар. Пр.» 1880 г. 20) «*Новая возможная теорія поворота рѣкъ Аму и Сыра*» въ протоколахъ VI съѣзда рус. естеств. 21) «*Нѣсколько замѣчаній о путешествіи Дженкинсона въ Хиву въ 1556 г.*» въ «Зап. Имп. Геогр. Общ. по отд. этнографіи» т. III. 22) «*Аральское море*», въ «Живоп. Россіи» изд. М. О. Вольфомъ т. IX. 23) «*Аму-Дарья*». Тамъ-же.

По вопросамъ, не относящимся къ Челябинскимъ озерамъ, Аральскому морю и Туркестану, А. напечаталъ слѣдующія научныя работы:

20) «*Wagneria Cylindroconica*» къ «Archiv f. microscopische Anatomie» Макса Шульце. Предварительное сообщеніе въ «Трудахъ Спб. Общ. естеств.» подъ заглавіемъ «*Новая рѣсничная инфузорія*». Работа эта есть ошибка. Болѣе внимательное изученіе литературы предмета выяснило, что Wagneria Cylindroconica есть

ничто иное, какъ извѣстная уже въ наукѣ инфузорія Diedinnium nasutum. Stein. Объясненіе и указаніе этой ошибки, сдѣланное Аленицынымъ-же, напеч. тоже въ «Труд. Спб. Общ. естеств.». 24) «*О субъективномъ ощущеніи цвѣтовъ глазомъ*» Тамъ-же. 25) «*Clef de bathometre*». St. Petersbourg. 1878. (А предварительное сообщеніе въ прот. V съѣзда рус. ест.). Изобрѣтеніе этого новаго ключа къ батометру получило на Парижской всемірной выставкѣ 1878 г. серебряную медаль. 26) «*Гутаперчевый батометръ съ кранами*». Предварительное сообщеніе въ Труд. VI съѣзда рус. ест. 27) «*Батометръ съ вѣсами*». Тамъ-же. 28) «*Обзоръ изслѣдованій по геологіи Россіи въ 1876—1880 г.*» въ «Прав. Вѣст.» 1881 г.

Изъ статей болѣе или менѣе общедоступнаго характера А. напечаталъ:

29) «*Изъ жизни одной инфузоріи*» («Природа» 1873 г.). 30) «*Положительное и отрицательное*» главы I, II и начало III въ «Свѣтѣ» Н. П. Вагнера 1877—78 гг. 31) «*Воспоминанія*», въ «Жур. Охоты и Коннозаводства» 1873 г. 32) «*На розыскахъ Кара-Тамакскаго отряда*» («Пчела 1875 г.). 33) «*Поиски прѣсной воды и родники на полуостровѣ Куланды*». («Кругозоръ» 1877 г.). 34) «*Изъ Чернышева залива въ Кумъ-Пуаръ*» («Яхта» 1877 г. въ приложеніи).

Изъ работъ оффиціальнаго характера, выполненныхъ имъ въ силу обязанностей младшаго редактора Центральнаго Статистическаго Комитета, А. напечаталъ два изслѣдованія, предпринятыхъ по порученію Высочайше учрежденной Коммиссіи по пересмотру дѣйствующихъ о евреяхъ въ Имперіи законовъ: 35) «*Еврейское населеніе и землевладѣніе въ Юго-Западныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, входящихъ въ черту еврейской осѣдлости*» въ «Статист. Времен. Рос. Имперіи». Серія III вып. 2 Спб. 1884 г. и 36) *Еврейская питейная торговля въ Россіи*. Тамъ-же вып. 9. Спб. 1886 г. Кромѣ того, А. принималъ участіе въ разработкѣ Стат. Комитетомъ данныхъ по поземельной статистикѣ Европейской Россіи, именно по статистикѣ урожаевъ, заводской, врачебной и учебныхъ заведеній.

Изъ музыкальныхъ сочиненій А. напечатано одно: *Гимнъ на коронованіе Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра III*. Текстъ гимна, тоже принадлежащій Аленицыну, былъ отдѣльно напечатанъ въ «Москов. Вѣд.» 1883 г. въ № отъ 18 мая 1883 г. Приводимъ его:

Нововѣнчанный,
Богомъ избранный,
Русью желанный
    Да здравствуетъ Царь!
Славься, пріявшій
Даръ Духа Святаго!
Царь Самодержецъ,
Божій Помазанникъ,
Радость народная,—
    Славься во вѣкъ!
Нововѣнчанный,
Богомъ избранный,
Русью желанный
    Да здравствуетъ Царь!

Почти всѣ работы Аленицына принадлежатъ къ зоогеографіи и отличаются болѣе или менѣе теоретическимъ направленіемъ. Мысль

старающаяся захватить шире и глубже цѣлый комплексъ явленій, заставляетъ зоолога-мыслителя ставить широкую гипотезу, для основанія которой не всегда находится достаточное количество наличныхъ данныхъ. Изслѣдованіе Троицко-Челябинскихъ озеръ на Уралѣ въ связи съ изслѣдованіемъ Аральскаго бассейна дали Аленицыну возможность доказывать нѣкогда бывшее соединеніе этого бассейна съ водами Сѣвернаго океана. Въ многостороннемъ изслѣдованіи Троицко-Челябинскихъ озеръ Аленицынъ указалъ на связь мѣстныхъ условій съ исторіей ихтіологической фауны и на возможность опредѣлить въ этой фаунѣ, равно какъ и въ другихъ фаунахъ, послѣдовательное вымираніе видовъ. Въ изслѣдованіи распредѣленія земноводныхъ Аральскихъ острововъ и степей Аленицынъ задался также широкой задачей составить, по немногимъ даннымъ, картину разселенія этихъ животныхъ въ данной мѣстности. Аленицынъ былъ первый изъ натуралистовъ, положившій прочную основу многостороннему научному изслѣдованію Аральскаго моря. Какъ результатъ этого изслѣдованія явилась весьма остроумная и грандіозная гипотеза о поднятіи Арало-Каспійскаго бассейна на востокъ отъ Аральскаго моря. Съ этимъ поднятіемъ авторъ связалъ свою теорію поворота Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи, изъ которыхъ первая рѣзко измѣнила свое теченіе и перестала впадать въ Каспійское Море. Въ настоящее время нѣтъ почти ни одного факта, который бы безспорно доказывалъ справедливость этой блестящей гипотезы, но, съ другой стороны, представляется довольно много данныхъ, которыя можно истолковать въ ея пользу. Нѣкоторыя научныя данныя навели Аленицына на мысль о нѣкогда существовавшей связи материковъ Стараго и Новаго Свѣта.

Вообще гипотезы Аленицына представляются какъ бы широкими программами для будущихъ фактическихъ изслѣдованій. Что же касается до собствено фактическаго матеріала, собраннаго Аленицынымъ, то здѣсь можно указать на нѣкоторыя болѣе выдающіяся данныя, какъ напр. открытіе новаго вида инфузоріи (Chaetospira Dutourii), анатомическое изслѣдованіе открытаго имъ новаго вида коловратки (Brachionus Polonskii), открытіе интереснаго факта—самосвѣченія аральскихъ двукрылыхъ изъ семейства Tipulida и т. п.

Во всѣхъ трудахъ Аленицына видно разностороннее направленіе, желаніе освѣтить мыслью фактическую сторону вопроса и вмѣстѣ съ тѣмъ провести оригинальный взглядъ или оригинальный методъ изслѣдованія. Такъ напр. для собиранія морской воды и мелкихъ морскихъ организмовъ на глубинахъ имъ придуманъ весьма остроумный и удобный ключъ къ батометру. Это изобрѣтеніе получило серебряную медаль на всемірной парижской выставкѣ 1878 года. Н. Вагнеръ.

Алипановъ. Егоръ Игнатьевичъ, поэтъ-крестьянинъ †). Перелистывая какъ-то. нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нѣмецкій оригиналъ «Исторіи всемірной литературы» Шерра, мы въ главкѣ, посвященной Россіи [1]), съ немалымъ удивленіемъ натолкнулись на слѣдующую тираду:

«Находившійся подъ вліяніемъ Шекспира и Гете кружокъ поэтовъ, къ которому принадлежали Веневитиновъ, Хомяковъ, Бенедиктовъ, Тимофѣевъ и Якубовичъ, больше обѣщалъ, чѣмъ далъ. Зато Алексѣй Кольцовъ, а послѣ него *С. Алипановъ и А. И. Ульяновъ* пропѣли пѣсни, во всей своей свѣжести и самобытности вырвавшіяся изъ народной души и открывающія собою новую оригинальную полосу въ русской лирикѣ».

Первое впечатлѣніе, которое на насъ произвела эта тирада, было то, что мы тутъ имѣемъ дѣло съ однимъ изъ курьезовъ, столь обильно усыпающихъ все, что пишется иностранцами о Россіи. Какіе-то Алипановъ и Ульяновъ, имена которыхъ мы слышали въ первый разъ, выше Веневитинова и Хомякова! Какъ тутъ было не подумать, что даже самыя имена-то этихъ мнимыхъ сверстниковъ Кольцова сочинены. На половину наши сомнѣнія и оправдались. *Поэта* Ульянова никогда не существовало, а удалось намъ только розыскать въ нотныхъ каталогахъ фамилію *композитора* Ульянова, сочинявшаго романсы. Но „народный" поэтъ Алипановъ дѣйствительно былъ когда то. Правда онъ „пѣлъ" свои „вырвавшіяся изъ народной души" пѣсни не послѣ Кольцова, а до него, правда эти пѣсни не только не „открываютъ собою новую, оригинальную полосу въ русской лирикѣ", а представляютъ собою совершенно невозможный литературный соръ, но существовать, все таки, существовалъ такой поэтъ.

Тогда насъ стала интересовать другая сторона дѣла. Откуда заимствовалъ Шерръ свои преувеличенныя свѣдѣнія о значеніи Алипанова? При своемъ незнаніи русскаго языка, онъ, конечно, могъ ихъ почерпнуть только изъ какой-нибудь нѣмецкой книжки, которая, въ свою очередь, пала жертвою или недоразумѣнія, или легковѣрія.

Маленькая рецензія Бѣлинскаго, написанная по поводу появившейся въ 1843 г. Алипановской „Сказки о мельникѣ колдунѣ, о двухъ жид-

†) *Б. Ф.* (Федоровъ) въ «Отеч. Зап.» 1830 г. № 1. Перепечатано въ отдѣльномъ изданіи «Стихотвореній» А. 2) *А. І-скій* въ «Новгор. губ. вѣд.» 1856 г. № 33. 3) *Бѣлинскій*, сочиненія т. VII, стр. 323. 4) *Scherr*, Geschichte d. Allgemeinen Litteratur. 5 Auflage. Bd. II, стр. 391. 5) «Литератур. газ.» 1830 г. т. 2, № 72, стр. 294. 6) «Москов. Телегр.» 1831 г. ч. 37 стр. 107—108.

[1]) Въ русскомъ переводѣ эта глава выброшена.

кахъ и о двухъ батракахъ“ объяснила намъ въ чемъ дѣло. Мы увидѣли изъ нея, а потомъ и изъ другихъ современныхъ источниковъ, цитированныхъ нами въ библіографическомъ примѣчаніи къ настоящей статьѣ, что былъ когда-то поднятъ немалый шумъ изъ-за стихотвореній Алипанова, благодаря чему и попалъ въ просакъ тотъ легковѣрный нѣмецъ, у котораго Шерръ заимствовалъ свои удивительныя свѣдѣнія. Начинаетъ Бѣлинскій рецензію съ воспоминаній о томъ времени — концѣ 20-хъ и началѣ 30-хъ гг.— когда „господствовала страсть повсюду открывать и приголубливать доморощенные русскіе таланты: русскихъ самоучекъ— астрономовъ и механиковъ, русскихъ музыкантовъ, и пуще всего поэтовъ. „Посмотрите, посмотрите“, кричали тогда: „вотъ десятилѣтній мальчикъ, сынъ дьячка, грамотѣ не знаетъ, а самоучкою дѣлаетъ часы и въ механикѣ заткнетъ за поясъ любого германскаго профессора. Вотъ стихи, сочиненные пахатнымъ крестьяниномъ, будущимъ Ломоносовымъ, будущимъ Бернсомъ“. И всѣ радовались и умилялись. Въ это время въ русскихъ весяхъ отдаленныхъ возникли Слѣпушкинъ, Сухановъ и Алипановъ—три самобытные таланта поэтическіе, будто цвѣты, одиноко благоухающіе. Всѣхъ ихъ отыскалъ и призрѣлъ Б. М. Федоровъ, къ поэтической славѣ Россіи ревнующій.

Но гдѣ-же теперь эти таланты и гдѣ ихъ слава? Не знаемъ, здравствуютъ-ли гг. Сухановъ и Слѣпушкинъ, или съ добра ума забыли наставленія своего пѣстуна, перестали писать и снова принялись за свои честныя и полезныя занятія. Только въ сердце г. Алипанова глубоко запали назиданія Б. М. Федорова, и онъ, увлеченный примѣромъ и стихотворною доблестію своего учителя, до сихъ поръ нижетъ рифмы. Вотъ плоды полезныхъ наставленій! Твореніямъ г. Алипанова указывали на храмъ безсмертія, а вмѣсто того они попали въ мѣшки букинистовъ на макарьевскую ярмарку, въ руки деревенскихъ лакеевъ и т. д.».

Такъ вотъ оно что! Въ лицѣ Алипанова мы, значитъ, имѣемъ дѣло съ одною изъ тѣхъ печальныхъ жертвъ ложнаго народничанія и безвкусія Шишкова и окружавшихъ его лицъ, среди которыхъ Борисъ Федоровъ такъ выдавался полнѣйшимъ отсутствіемъ литературнаго пониманія. До чего въ самомъ дѣлѣ надо было быть лишеннымъ всякаго эстетическаго вкуса, чтобы въ годы появленія „Евгенія Онѣгина“ и „Бориса Годунова“ съ особенною настойчивостью рекомендовать [1]) публикѣ слѣдующіе стихи Алипанова:

---

[1]) Приводимое стихотвореніе помѣщено впереди всѣхъ стихотвореній А., пристроенныхъ Федоровымъ въ «Отеч. Запискахъ» Свиньина.

Порой сентябрьской ненастной
Сырой боръ завывалъ,
А музыкантъ тогда несчастный
Въ глухомъ лѣсу блуждалъ:
Въ пустынѣ онъ на мху сѣлъ дикомъ.
На коренистомъ пнѣ.
И былъ въ смущеніи великомъ
И въ грустной тишинѣ.
И тамъ настраивая струны
Гитары онъ своей.
Запѣлъ съ укоромъ злой фортунѣ,
Что былъ презрѣнъ отъ ней:
«За что оставленъ я тобою?
«Виновница всѣхъ бѣдъ!
«Всего лишила ты покою
«Меня отъ юныхъ лѣтъ».
«За что, за что ты не взлюбила?
«И такъ играла мной?
«На бѣломъ свѣтѣ надѣлила
«Гитарой да сумой.
«Чѣмъ откупщикъ меня умнѣе?
«А въ счастьи онъ живетъ;
«Ему помогутъ всѣ скорѣе,
«А помощи мнѣ нѣтъ.»
«Звучите горестію струны,
«Гитара выражай!
«Несправедливой мнѣ фортуны
«Жестокость упрекай.
«Пройди, пройди пора ненастна
«Осеннихъ мрачныхъ дней,
«Явись скорѣй весна прекрасна
«И бѣднаго согрѣй.

Если-бы такіе стихи принесли человѣку, сколько-нибудь умѣющему разбираться въ литературныхъ явленіяхъ, онъ-бы, конечно, посовѣтовалъ автору бросить всякія поползновенія на поэтическую карьеру. Люди со вкусомъ такъ и сдѣлали. Когда патронированные кружкомъ Шишкова стихи Алипанова появились отдѣльнымъ сборникомъ, „Московскій Телеграфъ“ Полевого и „Литературная Газета“ Дельвига отнеслись къ нимъ совершенно неодобрительно. Но такъ, повторяемъ, поступили люди со вкусомъ А. Борисъ Өедоровъ пристраивалъ нескладное рифмичество «поэта-крестьянина“ въ „Отеч. Зап.“ и другія періодическія изданія, причемъ снабжалъ ихъ предисловіями, въ которыхъ восхищался „удивительною, необыкновенною легкостью стихотвореній Алипанова и способностью его писать различными размѣрами.

Другія перепитіи литературной карьеры Алипанова можно усмотрѣть изъ біографическаго очерка его жизни, помѣщеннаго въ № 33 „Новгор. губер. вѣдомостей“ за 1856 г. Этотъ очеркъ почти столь-же нескладенъ, какъ и стихи поэта, которому посвященъ, но такъ какъ онъ представляетъ собою единственный полный біографическій матеріалъ о злополучной жертвѣ Шишковскаго безвкусія, то мы и приводимъ наиболѣе существенные выдержки.

„Егоръ Ипатьевичъ Алипановъ р. въ 1800 г. въ Людиновскомъ горномъ заводѣ, калужской губ., жиздринскаго уѣзда. Отецъ его, мастеровой при заводѣ, былъ крѣпостной человѣкъ секундъ-маіора Ив. Аким. Мальцова. Воспитаніе молодого А. предоставлено было самой природѣ, какъ это часто бываетъ и не въ одномъ этомъ сословіи. Читать—безъ правилъ грамматики, и писать—кое-какъ, выучился онъ у отставного сержанта; до 1824 г. А постоянно находился при заводѣ въ занятіяхъ:

то плотника, то столяра, а въ 1824 г. отправленъ былъ на баркахъ съ заводскими издѣліями въ С.-Петербургъ. Но какъ, съ дѣтства, имѣлъ наклонность къ чтенію книгъ и, за неимѣніемъ свѣтскихъ, читалъ только однѣ духовныя, то въ Петербургѣ предсталъ ему случай ознакомиться съ сочиненіями разныхъ авторовъ. Много сочиненій заучилъ онъ наизусть, потому что гармонія стиха и рифмы полюбились А. Имѣя слишкомъ чувствительную душу и характеръ воспріимчивый, онъ самъ принялся слагать такія-же звучныя строфы съ риѳмами, и, наконецъ, заведя знакомство съ нѣкоторыми изъ литераторовъ [1]), онъ представилъ имъ на размотрѣніе первый свой опытъ и, получивъ одобреніе, Алипановъ вскорѣ послѣ того напечаталъ нѣсколько піесъ въ „Отечеств. Зап.“ и дѣтскихъ журналахъ [2])—а въ послѣдствіи издалъ ихъ отдѣльною книжкою. Въ этомъ опытѣ, хотя не оказалось погрѣшностей противъ стихосложенія, но въ орфографіи довольно было поправокъ,—почему А. и принялся за изученіе, въ свободное время, грамматики безъ пособія учителей, въ чемъ и довольно успѣлъ. Между тѣмъ онъ занимался сочиненіемъ басенъ, которыя большею частью были напечатаны въ „С.-Пет. Вѣд.“ и въ „Литер. Прибавл. къ Рус. Инвалиду“. Это доставило ему случай познакомиться со многими любителями словесности и литераторами. Въ 1831 году басни Алипанова одобрены были разсматривательнымъ комитетомъ Россійской Академіи и издано на ея иждивеніи 600 экземпляровъ въ пользу баснописца, сверхъ того удостоенъ былъ Академіею награды, состоявшей въ серебряной медали съ надписью: *„за похвальныя въ Россійской словесности упражненія“*. При томъ бывшій тогда президентъ Императорской Россійской Академіи Адмиралъ Ал. Сем. Шишковъ обратилъ вниманіе на природныя способности баснописца, и по ходатайству его отъ лица Академіи, господинъ Алипанова—Ив. Ак. Мальцовъ, выдавъ вольноотпускную, осчастливилъ его свободнымъ состояніемъ жизни безъ всякаго за то вознагражденія. Приписавшись къ С.-Петербургскому обществу мѣщанъ, А. поступилъ въ услуженіе къ графу Н. С. Мордвинову, который поручилъ ему управленіе двумя дачами, гдѣ въ свободное время написалъ онъ народную сказку «О мельникѣ колдунѣ и его батракѣ», и сельскій водевиль подъ названіемъ «Ханскій чай». Піеса эта была представлена на Александр. театрѣ [3]), за что А. и получилъ въ вознагражденіе 200 рублей, а графъ

---

[1]) Главнымъ образомъ съ В. М. Федоровымъ. *С. В.*

[2]) Въ «Новой дѣтской библіотекѣ» изд. В. М. Федоровымъ. *С. В.*

[3]) По А. Вольфу («Хроника Петербург. театровъ») въ сезонъ 1835 г. Водевиль шелъ всего одинъ разъ, значитъ успѣха не имѣлъ. Онъ невозможно плохъ.

Н. С. Мордвиновъ напечаталъ на свой счетъ 600 экз. водевиля въ пользу А. Императорская Россійская Академія въ его-же пользу издала 600 экземпляровъ вышеозначенной сказки. Стихотворенія и басни его, по одному экземпляру каждой книжки, удостоены были принятія Ихъ Величествами Государемъ Императоромъ и Государыней Императрицей, и Августѣйшіе Покровители Просвѣщенія осчастливили Алипанова Всемилостивѣйшею наградою, заключавшеюся въ двухъ золотыхъ часахъ».

Изъ дальнѣйшаго изложенія мы узнаемъ, что въ 1837 г. Алипановъ женился на дочери перваго вдохновителя своего—«сельскаго поэта Слѣпушкина и завелъ типографію. Но дѣло не пошло, Алипановъ потерялъ на немъ свои маленькія сбереженія. Тогда онъ поступилъ казеннымъ десятникомъ на строившуюся въ то время. Николаевскую желѣзную дорогу, подъучился геометріи и вслѣдствіе этого занималъ довольно порядочное мѣсто. По окончаніи постройки А. перешелъ приказчикомъ на червинскій стеклянный заводъ Мальцева, расположенный въ новгородской губ. Тутъ его и видѣлъ въ 1856 г. авторъ статейки «Новг. губ. вѣд.» [1]). Заканчивая свой очеркъ, онъ говоритъ: «Заботливость о многочисленномъ семействѣ и непостоянство счастія жизни измѣнили его характеръ; на лицѣ примѣтна глубокая задумчивость, а въ разговорѣ безнадежность на счастіе».

Съ этимъ толкованіемъ никакъ нельзя согласиться. Не сбей Алипанова съ толку разные бездарные «руководители» и онъ-бы навѣрное считалъ себя очень счастливымъ человѣкомъ. Для крѣпостного подняться до прикащика—что можетъ быть лучше. Но въ томъ-то и дѣло, что ему отравили жизнь разными блестящими перспективами, которыя на повѣрку оказались пустымъ миражемъ. Разбитыя иллюзіи и несбывшіяся надежды—вотъ все, къ чему привело руководительство Шишкова и его приспѣшниковъ.

И такъ какъ мы на Алипановѣ нѣсколько остановились вовсе не потому, чтобы онъ былъ интересенъ самъ по себѣ, а потому, что его писательская карьера представляетъ собою очень любопытный матеріалъ для характеристики нѣкогда весьма вліятельныхъ литературныхъ кружковъ, то мы и считаемъ не лишнимъ отмѣтить въ заключеніе настоящей статьи еще вотъ что. Безспорно лучшій совѣтъ, который можно было-бы дать Алипанову—это, чтобы онъ бросилъ мысль о писательствѣ. Но уже если непремѣнно хотѣлось «развить»

[1]) Это было послѣднее печатное упоминаніе объ Алипановѣ. Должно быть онъ умеръ въ 60-хъ или 70-хъ годахъ.

ıмый «талантъ», надо было направлять этотъ «талантъ» на сферу)дную. По поводу Алипанова его бездарные руководители про-и всуе имя Бориса. Но вѣдь даже Борисъ, при всей его ге-сти и глубинѣ, писалъ только о близкихъ и понятныхъ ему , онъ говорилъ о явленіяхъ, непосредственно касавшихся той которая его взростила. А злополучнаго, елеграмотнаго Алипанова ли къ тому, чтобы онъ сочинялъ оды на переходъ русскихъ чрезъ Дунай, перелагалъ-бы въ стихи Четьи-минеи и т. д. Пе-ıвая стихотворенія А., поражаешься не столько отсутствіемъ поэ-ıго дарованія у автора, сколько крайнею вычурностью его сю-и отсутствіемъ того, чтобы давало ему право на титулъ «на-› поэта». О чемъ «поетъ» нашъ «поэтъ—пахарь»? Возьмемъ ніе сборника его стихотвореній: «Русскіе воины. Графу Паске-риванскому», «Пѣть пора ура. Пѣсня по переходѣ за Балканъ», ıлъ—духовная повѣсть», «Видѣніе Амура», «Посланіе къ рус-стихотворцамъ», «Разлука воиновъ», «Къ соловью», «С. И Маль-а вступленіе въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ», «Ода ъ съ Турціей» и т. д.

и же А. обращается къ «сельскимъ» сюжетамъ, то слѣдуя ука-› своихъ воспитанныхъ въ ложномъ классицизмѣ руководителей, ıздаетъ пастушескія идиліи и эклоги. Въ результатѣ получаются ıыя» пьесы слѣдующаго характера:

:сное свѣтило
дные лучи
иемлю ниспустило.
)ѣки и ключи.
вья отражались
› зеркаломъ въ рѣкѣ,
·очки колыхались
тихомъ вѣтеркѣ.
›я журчанья струйны
ь шепотомъ неслись
:ки бѣлорунны
)лмика паслись.
:ушка молодая
› кустикомъ сидитъ
ıѣнокъ цвѣты сплетая,
въ стороны глядитъ
·онитъ-ли откуда,
ıтокъ на лужокъ,
:ивой, бѣлокурой,
езный пастушокъ.
ıшекъ показался
рощицы густой,
Ко стаду приближался
Пастушки молодой.
Смѣшны любви игрушки:
Цвѣты изъ-за кустовъ
Летятъ на грудь пастушки,
Какъ стая мотыльковъ.
Пастушка оглянулась
И видитъ пастушка,
Краснѣя улыбнулась,
Узнала въ немъ дружка.
Конечно, безъ ошибки
Узнала, что дружекъ
Бросаетъ маргаритки,
Пастушкѣ на вѣнокъ
О, милая пастушка!
Люблю, сказалъ, душой
Люби меня подружка,
Прими подарокъ мой!
Пастушка принимала
Цвѣточки отъ него,
Ласкаясь цѣловала
Дружечка своего

Почти все написанное А. вошло въ слѣдующія отдѣльно изданныя небольшія книжечки:

1) *Стихотворенія*. Спб. 1830. съ біографическимъ очеркомъ *Б. Ф.* (Федорова). 2) *Басни*. Спб. 1831. 3) *Ханскій чай*, водевиль. Спб. 1835 и 1840. 4) *Сказка о мельникѣ калдунѣ, о двухъ жидкахъ и о двухъ батракахъ*. Спб. 1842 и 1843. 5) *Ѳеофилъ, духовная повѣсть* (въ стихахъ). 6) *Военныя пѣсни*. 2-ое изд. Спб. 1842. 7) *Досуги для дѣтей*. изд. 2-ое, Спб. 1842. Послѣднія три изданія вошли уже раньше въ «Стихотвореніа».

Кромѣ того въ томъ-же № 33, «Новгор. губ. вѣд.» 1856 г., гдѣ помѣщена біографія А., имѣется большая басня его «Пахарь».

Алкандровъ, псевдонимъ *А. М. Скабичевскаго* («Невскій Сборникъ» 1867 г. и «Устои» 1882 г.).

Аллеръ, Самуилъ Ивановичъ †) умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника на 72 г. жизни 5 Ноября 1860 г. въ Петербургѣ напечаталъ:

1) *Указатель жилищъ и зданій въ С.-Петербургѣ или адресная книжка на 1823 г.* Спб. 1822. 2) *Руководство въ отысканію жилищъ по С.-Петербургу*. Спб. 1834. 3) *Описаніе наводненія, бывшаго въ С.-Петербургѣ 7 Ноября 1824 г.* Спб. 1826.

* **Алмазовъ**, Александръ Ивановичъ, профессоръ церковнаго права †). *По полученнымъ нами отъ него свѣдѣніямъ* р. 15 августа 1859 г. въ селѣ Замартиньи, лебедянскаго уѣзда тамбовской губ. Отецъ его состоитъ діакономъ въ г. Лебедяни при Рожд.-Богородицкой церкви. Учился А. сначала въ лебедянскомъ приходскомъ училищѣ (1867—1868), затѣмъ въ липецкомъ дух. училищѣ (1868—1874), откуда поступилъ въ тамбовскую духовную семинарію (1874). По окончаніи здѣсь курса (1880) онъ былъ посланъ на казенный счетъ въ Казанскую Духовную Академію, гдѣ и поступилъ на церковно-практическое отдѣленіе. По окончаніи курса въ Академіи (1884) А. былъ оставленъ при ней на одинъ годъ въ званіи профессорскаго стипендіата для занятій по кафедрѣ литургики. Этотъ годъ онъ провелъ въ Петербургѣ и Москвѣ, гдѣ занимался во всѣхъ общедоступныхъ и нѣкоторыхъ частныхъ библіотекахъ изученіемъ каноническихъ и литургическихъ памятниковъ исповѣди. 19 Мая 1885 г. А. защитилъ магистерскую диссертацію и осенью этого-же года былъ назначенъ преподавателемъ практическаго руководства для пастырей литургики и гомилетики въ симбирскую дух.

---

†) Мѣсяцесловъ на 1862 г. стр. 101. 2) *Геннади*, словарь стр. 19.

†) Отзывы объ «Исторіи чинопосл.»: 1. *Н. Ѳ. Красносельцева* въ Проток. Каз. Акад. за 1884 г. стр. 193—200 («Прав. Соб.» 1885 г. № 7) 2. *Его-же* въ Прот. Казан. Дух. Акад. за 1885 г. стр. 267—276. 3) *Н. П.* «Церковный Вѣстникъ» 1885 г. № 36.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

семинарію. Въ сентябрѣ 1886 г. его перевели въ Казанскую Духовную Академію помощникомъ инспектора, а въ іюнѣ 1887 г. назначили экстраординарнымъ профессоромъ церковнаго права при новороссійскомъ университетѣ.

А. И. Алмазову принадлежатъ слѣдующія статьи и изслѣдованія:

1) *Лебедянскій Троицкій Монастырь.* (историко-статистическій очеркъ) въ «Тамб. Епарх. Вѣд.» 1882 г. №№ 19. 20. 22. 2) *Некрологъ товарища—И. П. Лебедева и рѣчь при его погребеніи.* въ «Прав. Соб.» 1884 г. № 3 4. 3) *Исторія чинопослѣдованій Крещенія и Мѵропомазанія.* Казань 1884. стр. XVI+636 и прил. 68+XI. Магистерская диссертація. 4) *Отчетъ о занятіяхъ въ званіи проф. стипендіата* въ Прот. Каз. Акад. за 1885 г. стр. 95—121. Отчетъ заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, библіографическій перечень рукописныхъ памятниковъ исповѣди. 5) *Свѣдѣнія о храмахъ и богослуженіи Русской Церкви по сказаніямъ западныхъ иностранцевъ XVI—XVII вѣковъ* (церковно-археологическіе очерки) въ «Прав. Собес.»1887 г. № 2, 4. 6, 7, 8. Изслѣдованіе еще не кончено.

О характерѣ этихъ трудовъ см. въ концѣ настоящаго тома.

Алмазовъ, Борисъ Николаевичъ, поэтъ-юмористъ по преимуществу †). р. въ 1827 г. въ г. Вязьмѣ, въ старой дворянской семьѣ. Родъ Алмазовыхъ ведетъ свое начало отъ извѣстнаго дьяка Алмаза (Ерофея) Иванова, игравшаго большую роль въ дипломатіи царствованія Алексѣя Михайловича и до Ордынъ-Нащокина управлявшаго посольскимъ приказомъ.

Первоначальное образованіе Б. Н. Алмазовъ получилъ дома, въ деревнѣ своего отца. По 12 году его отвезли въ Москву и отдали въ 1-ую гимназію, у директора которой—М. А. Окулова онъ жилъ въ качествѣ пансіонера. Изъ 4 класса А. перешелъ въ пансіонъ Эннеса, гдѣ и закончилъ свое среднее образованіе. Въ 1848 г. онъ поступилъ на юридическій факультетъ московскаго университета, слушалъ, между прочимъ, лекціи Грановскаго, но курса не кончилъ и, оставивъ университетъ, посвятилъ себя, начиная съ 1851 г., литературной дѣятельности.

---

†) *Біографическія* данныя о немъ: 1)«Голосъ» 1876. № 98. 2) «Газета Гатцука». 1876 г. № 14, стр. 236 и №19, гдѣ помѣщенъ портретъ Алмазова. 3) «Иллюст. Нед.» 1876 г. № 19. 4) «Нар. школа» 1876, № 5. 5) «Нов. Время» 1876, № 38. 6) «Рус. Міръ» 1876, № 96. 7) *Гербель,* Русскіе поэты. 8) О его женѣ—Софьѣ Захаровнѣ «Москов. Вѣд.» 1874 г. № 100. 9) Общій Гербовникъ т. V, стр. 98.— Родословіе Алмазовыхъ. 10) Родословная книга, изд. «Рус. Стар.».

Отзывы: О «Диссонансахъ» въ «Виб. д. чт.» 1863 г. № 4. О переводѣ «La Chanson de Roland»: 1) *А. С.* въ «Вѣст. Евр.» 1869 г. № 10. 2) «Голосъ» 1869 г. № 223. 3) «Моск. Вѣд.» 1869 г. № 85. 4) *А. Веселовскій* въ отзывѣ объ «Исторіи франц. литер.» скомпилированной по Деможо гг. *А. К.* и *И. Б.* Спб. 1888 г. въ «Нов. Вр.» 1888 г. за январь. О фельетонахъ Эраста Благонравова:—«Замѣтки новаго поэта» въ «Современникѣ» 1851 г. № 5.

Литературный кружокъ, къ которому примкнулъ Алмазовъ и съ которымъ онъ сохранялъ связи въ теченіе всей своей писательской карьеры была такъ называемая «молодая редакція» журнала «Москвитянинъ». Въ другомъ мѣстѣ («Вѣст. Евр.» 1886 г. № 2) мы дали обстоятельную характеристику этого любопытнаго кружка, собравшагося столь неожиданно вокругъ дряхлѣющаго журнала и придавшаго ему новую жизнь. Здѣсь-же отмѣтимъ только въ общихъ чертахъ, что безъ всякихъ стараній со стороны представителей «старой редакціи»—Погодина и Шевырева, вокругъ ихъ журнала сгруппировался «молодой, смѣлый, пьяный, но честный и блестящій дарованіями» [1]) дружескій кружекъ писателей, для характеристики значенія котораго достаточно дать перечень лицъ, его составлявшихъ. Въ него входили: Островскій, Писемскій, Апполонъ Григорьевъ, Алмазовъ, Эдельсонъ, Потѣхинъ, Печерскій-Мельниковъ, Кокоревъ (беллетристъ), Мей, Николай Бергъ, Тертій Филипповъ, Горбуновъ (актеръ) и др. Главарей кружка, которыхъ отнюдь нельзя назвать ни славянофилами чистой воды, ни, тѣмъ менѣе, руссопетами, «Москвитянинъ» привлекалъ тѣмъ, что въ немъ они могли дать полный просторъ своему стремленію къ «почвѣ», къ русскому быту, къ обоснованію своего общественно-политическаго міросозерцанія, на фундаментѣ русской дѣйствительности. Что-же касается Алмазова, то онъ примкнулъ къ «Москвитянину» болѣе или менѣе случайно, главнымъ образомъ благодаря тѣсной дружбѣ съ Островскимъ и Апполономъ Григорьевымъ. Онъ былъ больше эстетикъ, чѣмъ политикъ, и вопросы искусства занимали его больше вопросовъ соціально-политическихъ. Вотъ почему ему было такъ легко, по прекращеніи «Москвитянина», перейдти въ западническую «Библіотеку для Чтенія» и узкоангломанскій «Русскій Вѣстникъ». Тѣмъ не менѣе, разъ попавши въ «молодую редакцію» «Москвитянина», А. сдѣлался вѣрнѣйшимъ ея союзникомъ и занималъ мѣсто передового застрѣльщика въ ея борьбѣ съ «Современникомъ» и другими западническими органами того времени. Именно застрѣльщика. Аполлонъ Григорьевъ представлялъ собою въ этой борьбѣ тяжелую артиллерію: онъ велъ принципіальные споры, по скольку ихъ можно было вести при тогдашнихъ условіяхъ журналистики, Алмазовъ-же донималъ противника оружіемъ болѣе легкимъ, но за то очень мѣткимъ: пародіями и шутками. Веселые, остроумные фельетоны [2]), которыми А. дебютировалъ въ «Мос-

[1]) Характеристика, принадлежащая Ап. Григорьеву («Эпоха» 1864 г. № 9, стр. 45).

[2]) По тому, впрочемъ, только времени. Теперь они значительно выдохлись

квитянинѣ» 1851 г., подъ псевдонимомъ Эраста Благонравова, производили впечатлѣніе въ лагерѣ противниковъ. Съ основанія «Москвитянина» въ немъ было изгнано все, что отзывалось фельетономъ и легкомысліемъ и недаромъ вся журналистика ахнула отъ удивленія, когда мрачные своды Погодинскаго sui generis «древле-хранилища» вдругъ огласились взрывами молодого смѣха и юношеской задорной веселости.

Впрочемъ, не въ однихъ фельетонахъ выражалось участіе А. въ «Москвитянинѣ». Его иниціалы нерѣдко появлялись и въ критическомъ отдѣлѣ подъ небольшими обозрѣніями текущей журналистики.

Въ 1856 г. «Москвитянинъ» прекратился и А., какъ уже было сказано, сталъ принимать участіе въ разныхъ другихъ журналахъ, а также въ сборникѣ «Утро». Въ нихъ онъ помѣщалъ переводы изъ разныхъ поэтовъ, изрѣдка оригинальныя пьесы и критическія статьи.

Такого рода дѣятельность не могла его выдвинуть: не въ «серьезной» литературѣ лежало назначеніе Алмазова. Но вотъ въ самомъ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ гг., подъ вліяніемъ пробудившагося въ обществѣ стремленія къ анализу и самобичеванію, возникаетъ рядъ сатирическихъ журналовъ, и Алмазовъ становится однимъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей этой литературы. Его забавныя стихотворныя пародіи, большею частью помѣщенныя въ «Развлеченіи» Өедора Миллера, получаютъ большую популярность. Популярность, если и не «всероссійскую»—Алмазовъ плылъ противъ теченія и осмѣивалъ господствовавшія въ то время въ большей части общества идеи,—то, во всякомъ случаѣ, въ сферахъ литературныхъ, гдѣ, къ тому-же, очень интересовались его пародіями, потому что онѣ, задѣвали современныхъ литераторовъ.

Мы только что сказали, что Алмазовъ плылъ противъ теченія, доминировавшаго въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ гг. Но тѣмъ не менѣе онъ столько-же обязанъ этому теченію, какъ и тѣ дѣятели, которые въ то время пріобрѣтали извѣстность проповѣдью идей модныхъ. Конечно, Алмазовъ, въ общемъ, величина еще менѣе, чѣмъ второстепенная на русскомъ Парнасѣ. Но и это малое значеніе ему, все таки, создали шестидесятые годы. Тутъ нѣтъ ничего страннаго. Всякое общественное возбужденіе тѣмъ и знаменуется, что дѣлаетъ болѣе интенсивною духовную жизнь не только тѣхъ, которые за него, но и всѣхъ вообще мыслящихъ людей.

И вотъ почему, какъ намъ кажется, послѣдніе 10 лѣтъ жизни Алмазова — годы 1866 — 1876, совпадающіе съ реакціей, наступившей послѣ возбужденія начальныхъ лѣтъ новой эпохи, ничего не приба-

нили къ извѣстности нашего пародиста. Ему, видимо, стало неинтереснымъ пикироваться съ людьми и идеями, которые и безъ того были не въ авантажѣ, и онъ пускается опять въ переводы, переложенія и т. д., то есть все въ такія вещи, гдѣ его индивидуальность сказаться не могла.

Алмазовъ умеръ въ Москвѣ 3 Апрѣля 1876 г. За два года до того умерла его жена—Софья Захаровна, умѣвшая скрашивать неприглядность матеріальной обстановки безпечнаго на счетъ благъ земныхъ поэта.

Всѣ знавшіе Алмазова отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ очень симпатичномъ и деликатномъ.

Отдѣльно А. издалъ:

I) *Диссонансы*. М. 1863 г. ц. 50 к. подъ псевдонимомъ *Б. Адамантова*. II) *Разсказы изъ жизни христіанскихъ подвижниковъ*. (Алексѣй Божій человѣкъ. Филаретъ Милостивый. Марія Египетская). Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ. М. 1865 г. ц. 25 к. Всѣ 3 разсказа въ стихахъ. III) *Роландъ* (La Chanson de Roland). *Древняя французская поэма (XI ст.) Вольный переводъ въ стихахъ*. М 1869. Ц. 1 р. 25 к. IV) *Стихотворенія*. М. 1874. Ц. 3 р. Въ этотъ объемистый томъ (882 страницы) вошло почти все, что А. писалъ стихами. Сборникъ распадается на 4 части. Первая—«стихотворенія лирическія и антологическія» заключаетъ въ себѣ 19 переводовъ и подражаній (изъ Шиллера, Мюсе, Гете, Андре Шенье, Оппіана) и 15 оригинальныхъ пьесъ. Часть вторая—«подражаніе гомерическимъ гимнамъ» состоитъ изъ: I. Деметры и Персефоны и II. Афродиты. Часть третья—«поэмы и разсказы» заключаетъ въ себѣ 13 обширныхъ переложеній, переводовъ и самостоятельныхъ обработокъ разныхъ историческихъ эпизодовъ: 1) *Графъ Аларкосъ*. Сюжетъ взятъ изъ испанскаго *Romancero*. 2) *Покаяніе*. Пересказъ изъ житій святыхъ исторіи о томъ, какъ Θеодосій изъ мести за убіеніе его любимаго преторіанца предалъ гибели городъ Солунь, какъ св. Амвросій Медіоланскій проклялъ за это императора и какое суровое покаяніе тогда наложилъ на себя Θеодосій. 3) *Сатирикъ*. Изъ римской жизни. 4) *Король Родрию* (изъ испанскаго *Romancero*). 5) *Семела*. Вольный переводъ драматической поэмы Шиллера того-же названія. 6) *Цезарь*. 7) *Истина*. Эпизодъ, почерпнутый изъ второй книги Эздры и касающійся исторіи построенія второго храма. 8) *Роландъ*. (La chanson de Roland). Кромѣ самаго текста древней французской поэмы, переданной въ вольномъ переводѣ, А. счелъ нужнымъ дать предисловіе въ 30 страницъ, въ которомъ изложены разныя историко-литературныя свѣдѣнія о Роландовой пѣснѣ. 9) *Незнакомецъ* (изъ исп. *Romancero*). 10) *Отшельникъ*. Тоже, что вошло въ № II настоящаго перечня произведеній А. подъ названіемъ «Алексѣй Божій человѣкъ». 11) *Щедрый богачъ*. Тоже, что приведено подъ № II съ загл. «Филаретъ Милостивый». 12) *Марія Египетская*. Подъ тѣмъ-же заглавіемъ вошло въ № II. 13) *Изъ поэмы*: *Крещеніе Владиміра*. Часть 4-я сборника заключаетъ «стихотворенія сатирическія, юмористическія и шуточныя»—всего LI пьесъ. V) *Катенька*. Повѣсть М. 1875. 8° 315 стр. Напечатана первоначально въ «Газетѣ Гатцука» 18. VI) *Исповѣдь дамы*. Стихотвореніе М. 1876 12°. 38 стр.

Невошедшія въ эти отдѣльныя изданія *журнальныя* статьи Алмазова идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) *Сонъ по случаю одной комедіи.* Драматическая фантазія съ отвлеченными разсужденіями, патетическими мѣстами, хорами, танцами, торжествомъ добродѣтели, наказаніемъ порока, бенгальскимъ огнемъ и великолѣпнымъ спектаклемъ, («Москвит.» 1851 г. № 7 и 10) подписано: Эрастъ Благонравовъ. 2) *Письмо Эраста Благонравова.* Тамъ-же, т. 3, стр. 365 и 377. 3) Рядъ небольшихъ журнальныхъ обозрѣній въ «Москвитянинѣ» 1852—1855 гг., подписанныхъ иниціалами *Б. А.* 4) *О поэзіи Пушкина* въ сборникѣ «Утро» 1859 г. 5) *Взглядъ на русскую литературу въ 1858 г.* тамъ-же. 5) *Черты изъ жизни Байрона и Клавиго* въ «Дѣтскомъ журналѣ» Залѣсскаго 1859 и 1860 гг. 7) *Первое полное изданіе «Горе отъ Ума»* въ «Рус. Вѣст.» 1862 г. № 4. 8) *Двѣ статьи объ Ольриджѣ* въ «Соврем. Лѣтописи» 1862 г.

Затѣмъ, не вошли въ отдѣльныя изданія и нѣкоторыя стихотворенія А., какъ напр. написанная въ 1854 г. патріотическая пьеса *«Русь и Западъ»*.

Приведенный перечень не лишенъ разнообразія. Но изъ названныхъ въ немъ произведеній только однѣ пародіи Алмазова и можно перечитывать безъ скуки.

Всего слабѣе единственная повѣсть Алмазова—«Катенька», занимающая, однако, цѣлыхъ 20 печатныхъ листовъ. Это совсѣмъ дѣтская вещь и по наивности авторскихъ пріемовъ, въ числѣ которыхъ наиболѣе частымъ является «случайное» подслушиваніе героями всего, что о нихъ говорятъ окружающіе, и по выполненію, вялому и растянутому. Читая «Катеньку», первоначально напечатанную въ «Газетѣ Гатцука», намъ казалось, что такую вещь обладавшій тонкимъ эстетическимъ вкусомъ авторъ могъ написать единственно ради полученія гонорара, въ которомъ подъ конецъ жизни такъ нуждался.

Мы только что сказали, что Алмазовъ былъ человѣкъ съ тонкимъ эстетическимъ вкусомъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и выборъ пьесъ для переводовъ и рядъ отдѣльныхъ замѣчаній въ критическихъ статьяхъ его. Но къ числу сколько нибудь замѣтныхъ критиковъ Алмазова, тѣмъ не менѣе, причислить нельзя. Если взять даже значительнѣйшую изъ критическихъ работъ его—статью о Пушкинѣ въ сборникѣ «Утро», ее никакъ нельзя назвать удачной. Критикъ взялся показать величіе Пушкина, но достигъ какъ разъ противоположной цѣли. Если ему повѣрить, то окажется, что Пушкинъ былъ какой-то салонный сочинитель любовныхъ мадригаловъ, не способный отзываться на сколько нибудь серьезные интересы времени. Пять лѣтъ послѣ статьи Алмазова появилась знаменитая статья Писарева, въ пухъ и прахъ разносившая Пушкина. И что-же? Аргументы Писарева почти совпадаютъ съ аргументами Алмазова, съ тою только разницею, что Алмазовъ ими хочетъ доказать величіе Пушкина, а Писаревъ—ничтожество его. Оба они съ одинако-

вою односторонностью выбираютъ изъ Пушкина исключительно тѣ, въ сущности немногія, мѣста, гдѣ великій поэтъ какъ будто доказываетъ, что только одни «звуки сладкіе» и должны имѣть мѣсто въ искусствѣ. Никто изъ нихъ не обращалъ вниманія на тѣ мѣста произведеній Пушкина, основываясь на которыхъ другой бывшій членъ «молодой редакціи» «Москвитянина», не менѣе Алмазова любившій «настоящее» искусство,—Аполлонъ Григорьевъ съ такимъ негодованіемъ показывалъ «гражданскимъ» хулителямъ великаго поэта, что Пушкинъ былъ вполнѣ дитя своего времени и что онъ волновался всѣмъ, чѣмъ волновалось взростившее его поколѣніе. Но Алмазову нужно было доказать вотъ какой тезисъ, въ которомъ принципъ такъ называемаго «искусства для искусства» прямо уже доведенъ до положительнаго обсуда: «Какими частными достоинствами ни блистало-бы поэтическое произведеніе» говоритъ Алмазовъ «*но если въ немъ развивается какая-нибудь философская идея, оно уже лишено свѣжести и представляетъ натяжки въ построеніи*» («Утро» стр. 155).

Чтобы иллюстрировать этотъ удивительный тезисъ, критикъ долженъ былъ доказывать ни больше, ни меньше какъ-то, что *большое образованіе мѣшало Шиллеру и Гете*, что безъ него они-бы писали лучше!

А самое главное, доказывалось-то все это ужасно вяло и не талантливо!

Переходимъ къ Алмазову—поэту.

Внѣшнія его достоинства—безукоризненны. Стихъ Алмазова чрезвычайно легокъ и гладокъ, рифма богатая, выраженія точны и изящны. Вотъ почему переводы его очень цѣнны [1]). Но увы, пѣть то поэту самостоятельно было не о чемъ. По ироніи судьбы, Алмазовъ представлялъ собою наглядное опроверженіе тѣхъ теорій, которыя онъ проводилъ въ своихъ критическихъ статьяхъ. Онъ былъ бѣденъ «философскими идеями» и тѣмъ не менѣе не написалъ ни одного сколько-нибудь цѣннаго оригинальнаго стихотворенія, онъ проповѣдывалъ «чистое искусство» полную отрѣшенность отъ злобы дня, а между тѣмъ составилъ себѣ имя только пародіями, затрагивающими самыя животрепещущія тэмы, въ которыхъ сказывалась уже даже не злоба дня, а злоба минуты. Оригинальныя стихотворенія Алмазова изъ разряда «серьезныхъ» очень немногочисленны—счетомъ около 15 пьесъ. Но и въ нихъ онъ является—какъ это ни странно для представителя теоріи «чистаго» искусства — *исключительно «гражданскимъ» поэтомъ*, бичующимъ разныя не симпатичныя

[1]) Къ переводу «Пѣсни о Роландѣ» спеціалисты относятся довольно сурово Но это не потому, чтобы техника его была неудовлетворительна, а потому что отступленія отъ подлинника очень уже значительны даже для «вольнаго» перевода

его консервативному образу мыслей стороны общественной жизни 60-хъ годовъ. Цитировать изъ нихъ что нибудь не стоитъ: они всѣ очень растянуты и банальны.

Зато говорить о сатирическомъ талантѣ Алмазова значитъ приводить какъ можно больше выдержекъ изъ его пародій. Правда, многое въ нихъ, какъ и въ фельетонахъ Эраста Благонравова, выдохлось. Для современнаго читателя иные намеки «литераторскихъ» пародій Алмазова совсѣмъ пропадаютъ, но знакомаго съ литературною жизнью конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ онѣ непремѣнно заставятъ улыбнуться.

Пародіи Алмазова можно раздѣлить на два разряда: «общаго», такъ сказать, характера и спеціально-литературнаго, гдѣ пикантность заключается въ томъ, что фигурируютъ въ комическихъ положеніяхъ современные литераторы. Приведемъ сначала образчики пародій перваго разряда въ которыхъ нѣтъ тонкаго юмора «литераторскихъ» пародій А. Вотъ напр. передразниваніе пушкинскаго стихотворенія, начинающееся словами

Предъ испанкой благородной
Двое рыцарей стоятъ
Оба смѣло и свободно
Въ очи прямо ей глядятъ и т. д.

Передъ франтикомъ столичнымъ
Два извощика стоятъ.
Оба въ паеосѣ столичномъ
Оба везть его хотятъ.
Оба рядятся съ Неглинной
На Устрѣтенку въ Грачи
Довезти за пять-алтынный,
Оба съ вида лихачи.
Оба молоды и свѣжи,
Оба ростомъ высоки,
Оба съ полостью медвѣжьей
У обоихъ рысаки.
Оба только на починѣ
Оба мигомъ долетятъ.
По какой-же злой причинѣ
Не садится гордый фатъ?

Или вотъ еще не лишенная забавности пародія на пушкинскаго «Поэта», перекрещеннаго въ «Бродягу».

Съ похмѣлья жаждою томимъ
Вкругъ «заведенья» я влачился,
И полицейскій господинъ
Изъ-за угла мнѣ вдругъ явился.
Перстами грязными какъ илъ,
Меня за шиворотъ схватилъ;
Шинель съ застежекъ оторвалась,—
Въ его владѣніи осталась;
За галстухъ взявъ меня рукой,
Онъ снялъ несчастный галстухъ мой
И полинялый, и дырявый.
Презрѣвъ мольбы мои и стонъ,
Меня въ сибирку быстро онъ
Втолкнулъ десницею костлявой.
Какъ трупъ въ сибиркѣ я лежалъ
Ко мнѣ гласъ частнаго воззвалъ:
«Проснись, бродяга, и отсѣлѣ
Домой стопы свои направь:
Но объ утраченной шинели
Мысль безпокойную оставь!»

Изъ «литераторскихъ» пародій Алмазова въ свое время наибольшею популярностью пользовались «*Похороны Русской Рѣчи*» [1]), пред-

[1]) Журналъ, издававшійся въ 1861—62 гг. Евгеніей Туръ, подъ редакторствомъ Е. М. Өеоктистова.

вою одностор[illegible] Шиллеровскаго «Торжества Побѣдителей»
сущности н[illegible] Шиллеру [illegible] священный и т. д.)
что тольк[illegible]
Никто и[illegible]
кина, [illegible]
дакціг[illegible]
иску[illegible]
«гр[illegible]
ди[illegible]
в[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible] грядъ священный
[illegible] вознесенный
[illegible]
[illegible]
И [illegible]
[illegible]
[illegible] какъ частный приставъ
[illegible] клеветы.
Жертва [illegible]
. . . .
Палъ [illegible]
Съ [illegible] аршинной высоты.
И съ [illegible] во взглядѣ
Жертву самъ Катковъ заклалъ.
[illegible] Зевсу и Палладѣ,
[illegible] сказалъ;
Онъ Леонтьеву сказалъ
Слава вышнимъ Аполлона,
Ратоборца свѣтлыхъ силъ;
Онъ [illegible] Пеона
Громъ въ темя угодилъ».
[illegible] Лѣт. и *Развлеченье*,
И журналовъ цѣлый полкъ,
Всѣ сошлись на погребенье,
Чтобъ отдать послѣдній долгъ
Брату, падшему со славой,
Какъ отчизны вѣрный сынъ,—
И вломились всей аравой
Къ Базунову въ магазинъ.
Тамъ, взваливъ себѣ на плечи,
Какъ священный нѣкій кладъ,
Хламъ останковъ *Русской Рѣчи*,
Ихъ несли въ Лоскутный рядъ.
У Петровскаго бульвара
Ихъ догнавъ, библіофилъ
Русской Рѣчи экземпляра
Какъ диковинки просилъ.
Съ воплемъ шла толпа густая
Горько плачущихъ Коршей
Слезы падали блистая
Изъ безчисленныхъ очей.
И смиривъ свой пылъ воинскій,
Польско-русскій Маколей
Шелъ задумчивъ панъ Вызинскій—
Хитро-умный Одиссей.
Провожая прахъ любезный,
Шла редакція—вдова
И причитывала слезно
Прежестокія слова:
«Ахъ, когда-бъ на дѣлѣ знала
Я журнальные труды,
Я-бъ журналъ не затѣвала—
Вотъ безумія плоды!
Но могла-ль я Олимпійца
Снесть восточный произволъ?
Онъ редакторъ—кровопійца
Не щадитъ и женскій полъ:
Онъ терзалъ мои созданья
И подъ каждою статьей
Дѣлалъ дерзко примѣчанья
Святотатственной рукой.
Нѣтъ, крутымъ его законамъ
Ни за что не подчинюсь:
Съ нимъ какъ Сталь съ Наполеономъ
Хоть умру, а не сойдусь!»
Кетчеръ, жизнью убѣленный,
Нацѣдилъ вина бокалъ,
И вдовицѣ сокрушенной
Подкрѣпиться предлагалъ:
—«Пей и знай: виномъ заморскимъ
Накатиться нѣтъ грѣха,
Вотъ другое дѣло горскимъ
Или водкой, ха, ха, ха!
Ха, ха, ха! Вино лекарство...
Ха, ха, ха! Ну пей скорѣй
Ха, ха, ну къ шуту барство»,
Пей, да только не пролей!
Вспомни матерь Ніобею,
Что изведала она,
Сколь ужасная надъ нею
Казнь была совершена,
Но и въ вѣкъ тотъ безотрадный
Солдатенковъ тоже жилъ,—
Онъ ей влаги виноградной
Цѣлый ящикъ подарилъ.
Ты чай знаешь: Ніобея
Схоронила всѣхъ дѣтей,—
Ну такъ пей-же не робѣя
Въ память внучки *Атенея*,
Рѣчи, дочери твоей.
Но редакція подняла
Гордо голову свою
И съ презрѣньемъ отвѣчала:
«Отвяжитесь, я не пью!»
И рукой своей сурово
Оттолкнула прочь бокалъ,—
Влага брызнула, и снова

Кетчеръ вдругъ захохоталъ.
И на хохотъ Провъ Садовскій
Запыхавшись прибѣжалъ:
Жбанъ эпохи до петровской
Онъ въ рукахъ своихъ держалъ
Силой генія чудесной
Чрезъ толпу Коршей [1]) пролѣзъ
И куда-то неизвѣстно
Быстро съ Кетчеромъ исчезъ.
«Смерть велитъ умолкнуть злобѣ»
Жрецъ Аскоченскій сказалъ,
«Миръ покойницѣ во гробѣ:
Преневинный былъ журналъ»-
Миша книжникъ [2]) книжной ражи
Удержать въ себѣ не могъ,
И на улицѣ сейчасъ-же
Настрочилъ онъ некрологъ:
«Молъ жила была газетка,
Такъ себѣ не безъ грѣшковъ
(Сей журналъ ужасно рѣдкій
Здѣсь читалъ одинъ Сушковъ)
Нравъ имѣла тихій, кроткій:
Не бросалась на своихъ;
А скончалась отъ чахотки
Къ сожалѣнію родныхъ».
«Господа! Ей Богу тошенъ
Жребій родины моей»,
Загремѣлъ Сергѣй Калошинъ
Катилина нашихъ дней,
«У боговъ на умномъ вѣчѣ
Видно правда не живетъ,
Нѣтъ громовой *Русской Рѣчи*
Наше Время все не мретъ.
«Да, нашъ вѣкъ ужасно скверенъ,
Нѣтъ людей—все я одинъ»
Возгласилъ Борисъ Чичеринъ,—
Публицистъ и дворянинъ.
«Всѣ желаютъ вертикально
Я хочу горизонтально
Кто мнѣ можетъ запретить?»
Мой народъ разгородить».
Взоръ вперяя изступленный
Въ сѣроватый небосклонъ,
Вдругъ Медузой вдохновенный
Рекъ Григорьевъ Аполлонъ:
«Демоническимъ началамъ
Честно, вѣрно я служу,—
И съ сочувствіемъ не малымъ
За паденьями слѣжу:
Легіоны журналистовъ
Точно мухи, такъ и мрутъ;
Нынче умеръ . . . .
Завтра Павлову капутъ.

Лично мы находимъ наиболѣе забавнымъ изъ юмористическихъ стихотвореній Алмазова „Учено-литературный маскарадъ", въ которомъ фигурируютъ, между прочимъ «г. Краевскій подъ видомъ литератора", „г. Аполлонъ Григорьевъ въ собственномъ видѣ", въ которомъ онъ, увы, такъ рѣдко бывалъ, неизбѣжные «корши», столько неизбѣжный Лонгиновъ, „превратившійся наконецъ совсѣмъ въ

[1]) Остроты надъ «Коршами» составляютъ конекъ Алмазова. Одному изъ «Коршей»—Валентину Өедоровичу онъ даже посвятилъ особую пародію, прямо такъ и озаглавленную—«Коршъ».

Въ Москвѣ въ книжной лавкѣ Краевскій стоялъ
И тронную рѣчь онъ держалъ.
И Кетчеръ, и Щепкинъ, и Корши толпой
Внимали той рѣчи съ тоской.
Твердилъ онъ: «какая, друзья, благодать
Казенный журналъ издавать!»
Твердилъ про доходъ съ объявленій большихъ
Съ казенныхъ, а также съ простыхъ.
Итогъ тѣхъ доходовъ запалъ той порой
У Корша въ душѣ молодой,
И цыфрой итога томилась она,
Желаньемъ законнымъ полна:
Доходъ собирать съ объявленій большихъ
Казенныхъ, а также простыхъ.

[2]) Михаилъ Н. Лонгиновъ—извѣстный библіографъ.

каталогъ Сопикова въ 8 долю листа, переплетенный въ корешокъ" и др. Всѣ они рекомендуются публикѣ. Сначала выступаетъ Аксаковъ

Врагъ перчатокъ, танцевъ, фраковъ,
Древней Руси палладинъ.

За нимъ слѣдуютъ другіе.

Катковъ.

Съ виду я гарибальдіецъ,
По азарту демагогъ,
По прозванью олимпіецъ,
По призванью филологъ.
Мнимыхъ знаній оболочку
Я съ Крылова [1]) своротилъ
И три раза въ одиночку
На Искандера ходилъ!
Для здоровья въ третьемъ годѣ
Островъ Уайтъ я обиталъ,
И по инглишскомъ народѣ
Съ той поры я бредить сталъ.
Сталъ кричать я громогласно
Какъ лютѣйшій англоманъ:
«Все въ Британіи прекрасно,
«Даже копоть и туманъ.
Тамъ издревле процвѣтали
Всюду розы безъ шиповъ;
Нѣтъ хожалыхъ тамъ каналій,
Нѣтъ болѣзней и печалей,
Нѣтъ пороковъ и клоповъ!»

Лонгиновъ.

Я тотъ (да кто меня не знаетъ?)...
Я пресловутый книголюбъ,
Чей мощный голосъ потрясаетъ
По вечерамъ Британскій клубъ.
Клянуся высью олимпійской
Клянусь семьей россійскихъ музъ
И *Вивліоѳикой Россійской*
И Остолоповымъ клянусь.
Да! надъ Курганова могилой
И на *Письмовникѣ* святомъ
Клянуся я Вассьяномъ Рыло
И Анны Буниной стихомъ;
Клянусь Леонтіемъ Магницкимъ,
Клянусь Мелетіемъ Смотрицкимъ,
Клянусь Шатрова ерундой,
Клянусь Іоанномъ Левандой
Клянуся Бантышемъ-Каменскимъ
И даже княземъ Оболенскимъ
(Его преемникомъ земнымъ
По всѣмъ архивскимъ кладовымъ).
Клянуся Сопикова тѣнью
И новиковскимъ словаремъ,
И первымъ русскимъ букваремъ,
И всей священной дребеденью
Старинныхъ книжицъ и брошюръ,
Клянуся всѣмъ Парнассомъ россійскимъ
Отъ Кантемира съ Третьяковскимъ
До госпожи Евгеньи Туръ!
Клянуся копнами тетрадей
Старинныхъ пѣсенъ и стишковъ,
Зову въ свидѣтели Геннади,
Клянусь (убей меня Сушковъ
Посредствомъ собственнаго чтенья
Новорожденнаго творенія!)
Клянусь (Бартеневъ запиши!)
Что въ глубинѣ моей души
Созрѣлъ и выросъ планъ гигантскій!
Когда-жъ онъ приметъ кровь и плоть,
То вѣрно съ зависти умретъ
Издатель *Чтеній* графъ Бодянскій.
Секретари съ нимъ оба мы,
Но двухъ враждующихъ коллегій, [2])
И онъ, внушенный духомъ тьмы,
Лишилъ насъ важныхъ привиллегій
И я рѣшился въ месть врагамъ,
Чтобъ ихъ коллегію унизить,
Сердца московскихъ львовъ и дамъ
Съ литературой русской сблизить.
И къ этой цѣли ужъ готовъ
Я приступить безъ замедленья
Посредствомъ дароваго чтенья
Стефана Маслова стиховъ.

---

[1]) Катковъ одно время велъ въ «Рус. Вѣст.» ожесточенную полемику съ профессоромъ римскаго права въ москов. унив.—Никитой И. Крыловымъ.

[2]) Бодянскій былъ секретаремъ «Общества Древностей и Исторіи», а Лонгиновъ «Общества Любителей Россійской Словесности».

Кетчеръ.

Друзья, я всесторонній геній
И литераторъ я, и врачъ,
И всѣхъ шекспировскихъ твореній
Я вдохновеннѣйшій толмачъ,
Но про меня въ забаву міра
Сказалъ какой-то щелкоперъ
Что будто я «всего Шекспира
Не перевелъ, а перепёръ».

Чичеринъ (поетъ, ведя подъ руку Павлова)

«Малютка, шлемъ нося, просилъ
Для Бога пищи лишь дневныя
Слѣпцу, котораго водилъ
Кѣмъ славенъ Римъ и Византія».
Такъ я, въ отставкѣ либералъ,
Прохожихъ съ воплемъ умоляю:
Читайте Павлова журналъ!
Я въ немъ статейки помѣщаю.
Вотъ знакъ того, кто прежде былъ
Для консерваторовъ грозою,
Кто Соллогуба поразилъ,
Но самъ сраженъ былъ самъ собою;
Кто передъ міромъ оправдалъ
Жидовъ униженное племя,
И въ битву съ Зотовымъ вступилъ
Но вдругъ публично основалъ
Въ Москвѣ газету *Наше Время*.
И вотъ мгновенно въ немъ изсякъ
Даръ остроумія блестящій,
И онъ вертится такъ и сякъ
А нѣтъ подписки надлежащей.

Павловъ.

Да мнѣ плохо: уже близко
Подкатилъ къ намъ новый годъ,
А подписка-то подписка,
Хоть ты тресни, не идетъ;
Заходилъ я къ Базунову,
И въ почтамтъ, и къ Глазунову,
И вездѣ одинъ отвѣтъ:
«Нѣтъ подписки, сударь, нѣтъ!»
Это очень непріятно,
И теперь мнѣ непонятно,
Какъ Аксаковъ и Катковъ,
Послѣ жатвы благодатной,
Рады плакать изъ-за словъ.
Этотъ бредитъ Альбіономъ,
Тотъ отчизной пораженъ;
Говорятъ съ такимъ апломомъ
И такимъ серьезнымъ тономъ,
Точно Питтъ и Пальмерстонъ!
Вѣдь пришла-же имъ охота
Горло драть изъ пустяковъ!
Ахъ, Аксаковъ! Ахъ, Катковъ!
Вы смѣшнѣе донъ-Кихота!
Нѣтъ, я вовсе не таковъ.
До идей мнѣ дѣла мало
(Я совсѣмъ не донъ-Кихотъ!)
Мнѣ-бы только отъ журнала
Былъ хоть маленькій доходъ.
Мнѣ-ль теперь до убѣжденій?!
Не о нихъ я хлопочу:
Я казенныхъ обявленій
Привиллегіи хочу.
Въ нихъ одна моя зазноба
И надежда и покровъ.
И щемитъ мнѣ сердце злоба
Только вспомню, что Катковъ
Взялъ казенную газету
На аренду на шесть лѣтъ...
Ахъ, простить обиду эту
Я-бъ желалъ, но силы нѣтъ!
Какъ онъ смѣлъ безъ позволенья
И согласья моего
Взять на откупъ объявленья!...
Это просто ужъ... тово...
Беззаконно, гадко, низко:
Онъ мнѣ въ сердце ножъ воткнулъ...
Ахъ, журналъ мой!... Ахъ, подписка!...
Ахъ, Катковъ... Ахъ!... караулъ!!!

Вотъ каковъ Алмазовъ въ своихъ наиболѣе удачныхъ пародіяхъ. Читатель, конечно, уже и самъ замѣтилъ ихъ основное свойство— тонкій, изящный, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно *незлобивый* юморъ, благодаря которому почти всѣ выводимыя въ нихъ лица могли читать ихъ съ добродушною улыбкою. Эта незлобивость, конечно, свидѣтельствуетъ о добротѣ сердца автора, но она-же свидѣтельствуетъ о мелкотѣ его таланта. Сатирическія произведенія, запечатлѣнныя

крупнымъ талантомъ, произведенія, вытекающія изъ глубокихъ убѣжденій и высокаго полета творческаго настроенія, всегда полны такой злости, подъ ударами которой никому изъ жертвъ ея не придетъ охота смѣяться. И вотъ почему, въ общемъ, Алмазовъ, при всей своей безукоризненой техникѣ и при всемъ своемъ безспорномъ остроуміи, только и остается, что забавнымъ пародистомъ, никогда не возвышаясь до сатирика.

Аловертъ, Николай Павловичъ—былъ въ концѣ 70 и началѣ 80-хъ гг. редакторомъ иллюстрированнаго журнала „Огонекъ".

Аловъ, В.—псевдонимъ Н. В. Гоголя.

Алопеусъ, Самуилъ †) съ 1755 г. занимавшій должность пастора въ Сердоболѣ выборг. губ. Умеръ въ 1794 г. Издалъ въ Петербургѣ въ 1787 г. одновременно на русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ: *Краткое описаніе мраморныхъ и другихъ каменныхъ ломокъ, горъ и каменныхъ породъ, находящихся въ россійской Кареліи*—(Смирдина, Роспись № 4479). Kurze Beschreibung der in Russisch Corelien befindlichen Marmor und anderen Steinbrüche, Berg und Steinarten.

Алтаганскій, авторъ нѣсколькихъ экономич. статей объ общинномъ землевладѣніи и вольномъ трудѣ въ „Днѣ" 1865 г. (№ 5, 7, 11, 12, 15).

* **Алтуховъ**, Михаилъ Ивановичъ, современный техникъ ††) *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ*, р. 1 Ноября 1851 года, въ селѣ Болховѣ, ливенскаго уѣзда орловской губерніи, въ помѣщичьемъ семействѣ. Учился въ воронежской гимназіи и Технологическомъ Институтѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1873 г. Въ настоящее время состоитъ главнымъ техникомъ общества петербургскихъ водопроводовъ.

Отдѣльными книгами А. издалъ:

1) *О характеристическихъ чертахъ водопроводныхъ устройствъ городовъ Англіи и Шотландіи и нѣкоторыхъ улучшеніяхъ, введенныхъ тамъ въ этой области техники.* Спб. 1877. 61 стр. и 3 таб. черт. 2) *О способахъ механической формовки водопроводныхъ и газопроводныхъ трубъ большого діометра, практикуемыхъ на заводахъ Англіи и Шотландіи.* Спб. 1877. 90 стр. и 2 таб. черт. 3) *Отчетъ объ успѣхахъ техники водопроводовъ за 1875 и 1876 г. и докладъ о связи между смертностью и водоснабженіемъ С. Петербурга.* Спб. 1878 г. 153 стр. и 8 табл. черт. 4) *Новѣйшія усовершенствованія въ американскихъ водопроводахъ по примѣненію ихъ къ тушенію пожаровъ.* Спб. 1880 г. 136 стр.

Всѣ эти книги и брошюры представляютъ собою оттиски изъ „Записокъ Рус. Имп. Техн. Общества".

---

†) *Геннади*, Словарь.

††) Отзывъ о „Новѣйш. усовершенств. въ амер. водопр." въ „Хозяйств. Строителѣ" 1880 г. № 1.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

5) По порученію Техническаго Общества А. принималъ участіе въ составленіи изданнаго обществомъ „Техническаго французско-русск.-нѣм.-англійск. словаря". 6) Мелкія замѣтки А. по водопроводному дѣлу по гидравлическимъ и вѣтренымъ двигателямъ и другимъ вопросамъ техники помѣщены: въ „Зап. Тех. Общ." 1879 г. отд. техн. отчет. стр. 61, 78, 129. 7) О *связи между водоснабженіемъ С.-Петербурга и смертностью жителей его въ десяти неварныхъ частяхъ* въ „Зап. Техн. Общ." 1878 г. XII вып. 4.

О содержаніи работъ А. смотри въ концѣ настоящаго тома.

Алферовъ, Василій. Издавалъ въ Москвѣ журналы: 1) *„Русскій карманный пѣсенникъ для семиструнной гитары на 1808 годъ"* Ц. 8 р. (Соп. 3850) и 2) *„Журналъ гитарный на 1810 годъ"* (Соп. 3790).

Алферовъ, Николай Өед. Составилъ «Способъ гравировать крѣпкою водкою, съ прибавленіемъ способа гравировать карандашемъ и составлять потребные для сего лаки» II. 1805. (Соп. 13222).

* **Алферовъ**, Василій Петровичъ, поэтъ †). *По полученнымъ отъ родственниковъ его свѣдѣніямъ* р. 13 Февраля 1823 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ отецъ его былъ директоромъ гимназіи и мѣстныхъ училищъ. 6 лѣтъ отъ роду онъ его лишился и остался на попеченіи матери, которая въ 1833 г. отдала его въ Лазаревскій Институтъ Восточныхъ языковъ. Здѣсь онъ въ 1837 г. т. е. 14 лѣтъ блистательно окончилъ курсъ и тотчасъ-же поступилъ на службу въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора. Въ срединѣ 40-хъ годовъ А. переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ до самой смерти занималъ мѣсто ревизора въ Почтовомъ Департаментѣ. Онъ умеръ, имѣя всего 31 годъ отъ роду, въ декабрѣ 1854 года.

Писать началъ Алферьевъ еще мальчикомъ 7 лѣтъ. Въ печати-же появились слѣдующія произведенія его:

1) *Картины или похожденія двухъ человѣчковъ.* Шутка. 2 ч. Спб. 1846. 2) *Плащъ*, поэма Спб. 1848. 3) *Діагоръ*, трагедія изъ древнегреческой жизни въ 4 дѣйствіяхъ. Спб. 1854. 4) Въ біографическихъ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ намъ родными А. говорится еще о поэмахъ *„Домовой"* и *„Пальто"*, какъ о напечатанныхъ, но намъ ихъ видѣть не удалось. 5) Не знаемъ мы также гдѣ и когда былъ напечатанъ „Очеркъ Демона", о которомъ насмѣшливо упоминаетъ рецензентъ „Москвитянина" при разборѣ *„Плаща"*. 6) Стихотвореніе *„На нынѣшнюю войну"* напеч. въ „Сѣв. Пчелѣ" 1854 г. № 37 и перепечатанное затѣмъ въ „Сборникѣ

---

†) *Біографическія данныя:* 1) „Сѣв. Пчела" 1885 г. № 6. 2) *Геннади*, Словарь стр. 20. 3) О родѣ Алферьевыхъ у *Лѣскова* въ „Истор. Вѣст" 1886 № 6. *Отзывы* О *„Картинѣ"*: 1) „Сѣв. Пчела" 1846 г. № 286. Статья *Я. Я. Я.* т. е. Л. Бранта. 2) „Финскій Вѣстникъ" 1846 г. т. 12 отд. 5 стр. 114—118. II). О поэмѣ *„Плащъ"*: 1) „Отеч. Зап." 1848 г. № 4 отд. 6 стр. 55—63. 2) „Современникъ" 1848 г. № 3 отд. 3. стр. 61—65. 3) „Москвитянинъ" 1849 г. № 2 кн. 2 стр. 75. 4) „Сѣвер. Пчела" 1848 г. № 106, статья *Сухарева.* III) О „Діагорѣ": 1) О. С, (енковскій) въ „Библіот. д. Чт." 1854 г. 128 отд. 5 т. 97 отд. 4 стр. 16—18. 2) „Отеч. Зап." 1854 г. 3) „Современникъ" 1854 г. т. 48. отд, 4 стр. 9—14.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника.*

свѣдѣній о Восточной войнѣ" изд. Путиловымъ. Авторъ получилъ за него Высочайшую награду. 7) *На юбилей графа Ѳ. П. Толстого* въ „Сѣв. Пчелѣ" 1854 г. № 239.

Очень много изъ написаннаго А. осталось въ рукописи. Нѣкоторые изъ этихъ рукописныхъ произведеній недавно поступили, въ числѣ бумагъ Жуковскаго, въ Публичную Библіотеку, гдѣ мы ихъ и читали. Тутъ имѣется 8 стихотвореній подъ слѣдующими заглавіями: 1) *На возмущеніе въ Парижѣ.* 2) *Какъ мрачно у меня въ душѣ.* 3) *Погибай! не протянетъ руки.* 4) *О Финскій Вѣстникъ, вѣстникъ вздора.* 5) *Жмурки.* 6) *Свинка.* 7) *Легенда о германскомъ профессорѣ, о Шекспирѣ и о чортѣ.* 8) *Отрывки изъ поэмы: Графъ Брюсъ.*

Надо думать, что Алферьевъ присылалъ это стихи Жуковскому на просмотръ и въ надеждѣ, что знаменитый поэтъ помѣститъ ихъ гдѣ нибудь. Но стихи крайне плохи и поэтому, должно быть, остались непристроенными.

Изъ всего только что перечисленнаго успѣхъ имѣло только небольшое стихотвореніе „На нынѣшную войну." Кто изъ людей, переживавшихъ Крымскую кампанію, не распѣвалъ въ то время, вмѣстѣ со всею грамотною Россіею.

Вотъ въ воинственномъ азартѣ,
Воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ.
Вдохновенъ его отвагой,
И французъ за нимъ туда-жъ
Машетъ дядюшкиной шпагой
И кричитъ: Allons, courage!
Полно, братцы, на смѣхъ свѣту
Не останьтесь въ дуракахъ,
Мы видали шпагу эту
И не въ этакихъ рукахъ.
Если дядюшка безславно
Изъ Руси вернулся вспять,
Такъ племяннику подавно
И вдали не сдобровать.
Альбіонъ—статья иная—
Онъ еще не раскусилъ,
Что за машина такая
Наша Русь, и въ сколько силъ.
То-то будетъ удивленье
Для практическихъ головъ,
Какъ высокое давленіе
Имъ покажутъ безъ паровъ!
Знайте-жъ—машина готова,
Будетъ дѣйствовать какъ встарь,
Ее двигаютъ три слова:
Богъ, да родина, да Царь.

Конечно, современному человѣку совершенно не понятно, почему это банальнѣйшее стихотвореніе имѣло такой огромный успѣхъ. Но вѣдь надо вспомнить время его появленія, когда не только такіе завзятые представители русской „правой", какъ кн. Вяземскій заставляли пѣть „русскаго ратника" вотъ какого рода канибальскія строки:

Мой булатъ, наслѣдствъ дѣдовъ
Кровью Крымцевъ, кровью Шведовъ
Распотѣшился въ бою.
Жаждетъ онъ опохмѣлиться
Кровью свѣжей вновь упиться
Счистить ржавчину свою.

когда нетолько Аполлонъ Майковъ писалъ стихотворенія, которыя потомъ стыдился вносить въ полное собраніе своихъ сочиненій [1]), но когда даже Огаревъ сочинялъ вирши на тэму «шапками закидаемъ».

[1]) „Арлекинъ" напр.

Но за то все остальное, что писалъ Алферьевъ [1]), кромѣ брани въ карналахъ и газетахъ не вызывало ничего. Эта брань въ значительной степени была вполнѣ заслужена. «Картина или похожденія двухъ чеповѣчковъ» напр. представляютъ собою какую-то нескладную путаницу съ претензіями на юморъ и фантастичность à la Гофманъ. «Плащъ» есть столь-же нескладная запоздалая отрыжка байронизма, рамантизма и печоринства совершенно комическаго характера.

Почти вся она посвящается автобіографіи плаща, принадлежавшаго одному разочарованному молодому человѣку. Вотъ начало «рѣчи плаща», дающее нѣкоторое представленіе о чепушистости всей поэмы:

Не созданъ я земной рукой,
Не изъ земного матерьяла!
Въ невѣдомыхъ тебѣ странахъ
Меня сѣдое время сшило,
И долго долго на плечахъ
Отъ холодовъ меня носило.
Изъ тучъ хаоса я сгущенъ
Но безъ особенныхъ стараній,
Подобно самой крѣпкой ткани;
Орудьемъ парки я скроенъ
И нитью жизни я скрѣпленъ
И шитъ иглой, шитъ осью тою
Что называется земною и т. д.

Ничего кромѣ единодушнаго смѣха и не могла вызвать такая нелѣпица.

Но къ «Діагору» критика отнеслась слишкомъ уже строго. Если въ общемъ трагедія довольно слаба, то отдѣльные монологи и хоры, все таки, свидѣтельствуютъ о нѣкоторыхъ проблескахъ таланта.

Впрочемъ, одинъ изъ критиковъ—Сенковскій отнесся къ трагедіи довольно благосклонно. Онъ поставилъ ее рядомъ съ «Сервиліей» Мея, приводилъ изъ нея пространныя цитаты, а смерть только что умершаго тогда молодого автора «Діагора» признавалъ литературной утратой.

Алферьевъ, Василій Сергѣевичъ †), жилъ въ Москвѣ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ и, какъ сообщаетъ внучатый племянникъ его—извѣстный писатель Н. Лѣсковъ, считался въ семьѣ «ученымъ».

Геннади упоминаетъ изъ его произведеній только 1) *Два отвѣта*, народный разсказъ. Спб. 1818., который намъ видѣть не удалось. За-то

[1]) Кстати отмѣтимъ, что „Вотъ въ воинственномъ азартѣ" появилось въ печати безъ подписи автора, такъ что лично ему оно популярности не придало.

†) 1. Геннади. Словарь. 2. *Н. Лѣсковъ* въ „Истор. Вѣстн. 1886 г. № 1.

мы видѣли его 2) *Загадки на святки.* М. 1831. 16° и 3) *Для русскихъ святокъ*, пѣсни, музыка и гаданія. М. 1835. «Загадки на святки» представляютъ собою собраніе всяческаго рода шарадъ, логогрифовъ, омонимовъ, весьма мало остроумныхъ къ тому же. Но «Для русскихъ святокъ», гдѣ кромѣ описанія народныхъ святочныхъ игръ, обрядовъ, пѣсенъ имѣется и самый текстъ пѣсенъ, а также нотное ихъ воспроизведеніе (сдѣланное Кашинымъ) по тому времени имѣло нѣкоторый этнографическій интересъ.

Въ каталогѣ Ольхина упоминается 4) «*Братоубійца*», баллада *В. А. Жуковскаго*, музыка *Алферьева* М. 1834». Должно быть это тотъ-же В. С. Алферьевъ.

* **Алферьевъ,** Іеронимъ Васильевичъ, сынъ поэта Василія Петровича Алферьева, журналистъ †). *По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ матери его*, р. въ Москвѣ 9 Сентября 1849 года. По шестому году онъ потерялъ отца и остался на попеченіи матери, лишившейся со смертью мужа всякихъ средствъ къ существованію и собственнымъ трудомъ (одно время она содержала школу) добывавшей хлѣбъ себѣ и дѣтямъ. По десятому году мать перевезла А. изъ Петербурга въ Москву и отдала его въ Кадетскій Корпусъ, начальникомъ котораго тогда былъ П. А. Грессеръ. Окончивъ курсъ въ Корпусѣ А. не пожелалъ однако поступить на военную службу и опредѣлился, по примѣру отца, въ Почтовый Департаментъ. Но здѣсь онъ служилъ очень не долго и съ 1871 г. окончательно посвятилъ себя журнализму. А. принималъ участіе во всѣхъ главнѣйшихъ газетахъ послѣднихъ 15 лѣтъ—въ «Русской Правдѣ», «Русскомъ Курьерѣ», «Современ. Изв.», «Нов. Времени», «Порядкѣ», «Новостяхъ», и др. Больше всего въ «Новостяхъ», сотрудникомъ которыхъ онъ былъ съ самаго основанія этой газеты въ 1871 г. А. умеръ 2 февр. 1886 г.

Кромѣ огромнаго количества передовыхъ статей, фельетоновъ всяческаго рода и замѣтокъ, А. издалъ нѣсколько отдѣльныхъ книгъ и брошюръ беллетристическаго и популярнаго характера:

---

†) Некрологи почти во всѣхъ февральскихъ №№ газетъ 1886 г. Отзывы: О «*Великомъ Преобр. Россіи*»: 1) «Дѣло» 1872 г. № 7. 2) *П-ча* въ «Спб. Вѣд.» 1872 г. № 165. О комедіи «*Съ волками жить, по волчьи выть*»: 1) «Голосъ» 1876 г. № 358. 2) *В. К.* въ «Рус. Обозр.» 1877 г. № 1. Объ «Въ царствѣ мертвыхъ»: 1) «Дѣло» 1879 г. № 6. стр. 72—80. 2) «Новое Время» 1879 г. № 1141. 3) «Отеч. Зап.» 1879 г. № 5. стр. 98—99.

*) означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

1) *Великій преобразователь Россіи царь Петръ Алексѣевичъ* Спб. 1872. ц .8 к. 2) *Съ волками жить—по волчьи выть.* Комедія Спб. 1876 г. 3) *Въ царствѣ мертвыхъ.* Къ вопросу о сожиганіи труповъ. Спб. 1879 г. ц. 50 к. 4) *Художникъ I. Дитенбергеръ и его Картина.* Брошюра. 5) Одна книга А., посвященная женскому вопросу въ Европѣ и Америкѣ, была въ 70 г. уничтожена цензурою.

Какъ въ только что названныхъ отдѣльныхъ книжкахъ, такъ и въ газетныхъ статьяхъ А. является человѣкомъ довольно разносторонняго образованія и способностей. Это былъ газетный писатель въ полномъ смыслѣ слова, не отказывавшійся давать статейки обо всемъ, въ чемъ представлялась въ данный моментъ потребность. Онъ писалъ и о политико-экономическихъ вопросахъ, и о такъ называемыхъ «внутреннихъ дѣлахъ», и объ иностранной политикѣ, и о театрѣ и вообще о всяческой злобѣ дня. Писалъ гладко и литературно и если и не проявлялъ сколько-нибудь выдающагося публицистическаго таланта, то, все таки, былъ тѣмъ, что на театральномъ жаргонѣ называется *utilité*.

Алферьевъ, Сергѣй Петровичъ, племянникъ Василія Сергѣевича и, повидимому, братъ Вас. Петровича Алферьевыхъ †), профессоръ кіев. унив. по кафедрѣ терапевтической клиники; происходитъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, р. въ Орлѣ 4 окт. 1816 г. Учился дома, а въ 1833 г. поступилъ въ московскую медико-хирургическую академію, которую въ 1838 г. кончилъ съ серебряною медалью лекаремъ 1 отдѣленія. Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ репетиторомъ по кафедрѣ спеціальной терапіи, а въ 1843 г. по защищеніи доктор. диссертаціи 1) «*De hydrophobia contagiosa*» былъ посланъ для усовершенствованія на два года заграницу. Изъ заграницы А. прислалъ 2) отчетъ о своихъ занятіяхъ, напечатанный въ «Жур. Мин. Нар. Просв.» т. XLVIII. По возвращеніи въ Россіи онъ въ 1846 г. былъ назначенъ сначала исправляющимъ должность, а чрезъ годъ ордин. профессоромъ по кафедрѣ частной терапіи. Съ 1850 по 1854 г. А. состоялъ деканомъ медиц. фак. Въ 1856 г. онъ вмѣстѣ съ проф. Мерингомъ былъ по Высоч. повелѣнію коммандированъ въ мѣста расположенія Южной Арміи для изученія господствовавшей тамъ тифозной эпидеміи. Въ томъ-же году онъ въ этихъ-же цѣляхъ изслѣдованія тифа исходатайствовалъ себѣ разрѣшеніе поѣхать въ Константинополь. Результаты его наблюденій изложены 3) въ отчетѣ, представленномъ имъ вмѣстѣ съ пр. Мерингомъ и напеч. въ «Воен. Мед. Жур.» 1856 г. ч. 67 1857 г. ч. 69, 1859 г. ч. 75. (нѣмец.

---

†) 1. «Кіевлянинъ» 1884 г. № 75. 2. «Рус. Мед.» 1884. № 14. 3. Словарь профессоровъ Кіев. универ.». 4. *Змѣевъ.* Врачи писатели. 5. *Н. Лѣсковъ* въ «Ист. Вѣст.» 1886 г. № 6.

перев. въ «Med Zeit. Russlands». 1858.). Въ 1857 А. занялъ, послѣ отъѣзда Цыцурина, кафедру терапевтической клиники съ семіотикой, которую занималъ до выхода своего, за выслугою лѣтъ, въ отставку въ 1874 г. † 31 марта 1884 г. въ Кіевѣ.

Кромѣ выше назв. статей А. напечаталъ въ 1847 г. 4) свою актовую рѣчь «*Объ отношеніи патологической анатоміи къ терапіи.* 5) въ 1857—58 г. редактировалъ сдѣланный кіевскими студентами переводъ книги *Рихтера* «Частная патологія и терапія». 6) *Разборъ диссертаціи О. Халецкаго* въ «Кіев. унив. изв.» 1872 г. IV. 7) *Аспираціонный и инфекціонный приборъ, замѣняющій всѣ до сихъ поръ существующіе аспираторы и всякія шприцы* въ «Мед. Вѣст.» 1876, № 29.

Изъ всѣхъ вышеупомянутыхъ трудовъ заслуживаютъ особеннаго вниманія составленные вмѣстѣ съ пр. Мерингомъ отчеты о тифозной эпидеміи Южной Арміи. Уже въ 1856-мъ г. появилось извлеченіе изъ него, въ 1857-мъ г. самый отчетъ, а въ 1859-мъ г. научное продолженіе. Теперь всѣ эти работы представляютъ только историческій интересъ, но для своего времени онѣ представляли нѣчто выдающееся. Громадная эрудиція, строгій анализъ, чрезвычайная наблюдательность, множество вскрытій умершихъ (202) позволили почтеннымъ ученымъ точно констатировать множество фактовъ, которые въ настоящее время признаны безспорными, но въ то время составляли предметъ самой ожесточенной полемики. Такъ напр., относясь скептически къ теоріи заразительности сыпного тифа, а во всякомъ случаѣ придавая ей второстепенное значеніе, они высказывали, что предполагаемая зараза не можетъ быть единственной причиной происхожденія и ожесточенія болѣзни, а что все это, главнымъ образомъ, зависитъ отъ сочетанія нѣсколькихъ неблагопріятныхъ условій, изъ которыхъ самыя главныя—спертый воздухъ, ослабленія нервной системы, недостаточное или худое питаніе, слишкомъ низкая или высокая внѣшняя температура, сырость, предшествовавшія болѣзни и т. д. «положимъ, наконецъ, что зараза существуетъ; развѣ не согласятся съ нами всѣ врачи, безъ исключенія, что она останется безъ дѣйствія на человѣческій организмъ, не разовьетъ болѣзни въ немъ безъ содѣйствія располагающихъ къ тому условій». Такому широкому взгляду содѣйствовало то, что авторы не только осмотрѣли больныхъ въ русскихъ госпиталяхъ Одессы, Николаева, Херсона, Перекопа, Симферополя и Бахчисарая, но изучали болѣзнь и въ союзныхъ войскахъ въ Балаклавѣ и Камышѣ и, наконецъ, въ самомъ Константинополѣ. Исходя изъ такихъ основныхъ положеній, авторы распредѣляютъ гигіеническія мѣры на 2 части: 1) противъ заразы, причемъ подвергаютъ строгой критикѣ quasi—обеззараживающую способность разныхъ уничтожающихъ

зловонія веществъ, говоря напр., что ждановская жидкость уничтожаетъ всякое зловоніе, но оставляетъ свое или что нужно доказать, что тифозная зараза зловонна и т. под. Точно также они указываютъ на вредъ отъ употребленія хлористой извести, практиковавшейся французами, такъ какъ послѣдняя сильно раздражаетъ и безъ того пораженныя слизистыя оболочки дыхательныхъ путей.

Давши прекрасное клиническое и патолого-анатомическое описаніе болѣзни, авторы 2) переходятъ къ леченію, и здѣсь въ полномъ блескѣ высказывается ихъ наблюдательность. Такъ напр., они безусловно отрицаютъ ранѣе практиковавшіеся способы абортивнаго (обрывающаго) леченія кровопусканіями, рвотными и слабительными, а, напротивъ, заботятся о поддержаніи силъ больного употребленіемъ хорошаго вина, о частой перемѣнѣ положенія его и т. под.

Замѣчательно, что, прибывъ въ Одессу, Алферьевъ и Мерингъ нашли, что мѣстными врачами примѣняются обертыванія въ холодно-мокрыя простыни и обливанія головы холодной водой—гидропатическое леченіе введеніе котораго до сего времени приписывалось кальскому врачу-Brondt'у, хотя работа послѣдняго вышла 4-мя годами позже. Такимъ образомъ, честь перваго упоминанія о леченіи холодной водой тифозныхъ больныхъ должна быть приписана нашимъ кіевскимъ профессорамъ, которые не только пользовались имъ, но даже установили нѣкоторыя совершенно правильныя противопоказанія. **Г. М. Герценштейнъ.**

Алфимова. Анна Ефимовна. Перевела и издала въ пользу Кіево-Николаевск. монастыря: «Бесѣды Массильона, еп. Клермонскаго, славнаго проповѣдника французскаго, собранныя и расположенныя въ системат. порядкѣ». С.П.Б 8° ч. 1, 2, 3, 4, 7—1824 г. 5 и 6.—1823 г.

1) Н. Книжникъ (Кн. Н. Голицынъ) «Слов. русс. пис—ницъ». 2) *Геннади*, Словарь. 3) *Де-Пуле*, Отецъ и сынъ.

Алфимовъ, Алексѣй. Перевелъ съ фр. драму въ 5 д. *Беркеня* «Карлъ Вторый». М. 1788 (Соп. 3371).

Алфіоновъ, Я. И., писалъ по церковной исторіи. См. въ концѣ настоящаго тома.

Алчевская, Христина Даниловна †), жена харьковскаго негоціанта, заявившая себя глубокою преданностью дѣлу народнаго образованія.

†) Нѣкоторыя біографическія данныя объ А. въ статьяхъ бар. *Н. Корфа* (кажется въ «С.-П. Вѣд.»1871 г.) и *С. Миропольскаго* «Школа и общество» въ 3 осеннихъ книжкахъ «Семьи и Школы» 1877 г. Объ Алексѣевской школѣ также въ «Отеч. Зап.» 1881 г. № 4 во внутреннемъ обозрѣніи.

Главнѣйшіе отзывы о книгѣ «Что читать народу»: 1) *Глѣбъ Успенскій* въ «Рус. Вѣд.» 1885 г. 2) *В. И. Водовозовъ* въ «Вѣст. Евр.» 1886 г. № 7. 3) *А. М.*

Какъ сообщаетъ о себѣ въ статьяхъ «Исторія открытія школы въ селѣ Алексѣевкѣ» род. въ Борзнѣ, черниговъ. губ. въ 1843 году. Начиная съ 60-хъ годовъ, Х. Д. вотъ уже болѣе 25 лѣтъ какъ посвящаетъ все свое время харьковской воскресной школѣ, которая, главнымъ образомъ благодаря ея дѣятельному и любовному участію, поставлена такъ, какъ ни одна народная школа въ Россіи и привлекаетъ къ себѣ вниманіе самыхъ разнообразныхъ сферъ. Такъ въ 1871 г. харьковской школѣ далъ самый лестный отзывъ баронъ Корфъ. Въ 1877 г. еще болѣе восторженный отзывъ далъ ревизоръ Св. Синода С. Миропольскій. Въ 1878 г. харьковская Дума, во главѣ которой стоялъ тогда проф. Гордѣенко, выразила Х. Д. благодарность за ея труды на пользу просвѣщенія и, наконецъ, въ 1874 г. А. удостоилась получить за педагогическую дѣятельность свою подарокъ изъ Кабинета Его Величества. Въ харьковской воскресной школѣ не только образцово ведется самое преподаваніе, но, кромѣ того, обращаетъ на себя вниманіе организація педагогическихъ совѣтовъ и педагогическіе дневники учащихъ. Протоколы педагогическихъ совѣтовъ, часть которыхъ была приведена въ статьѣ С. Миропольскаго «Школа и общество», свидѣтельствуютъ о замѣчательной обстоятельности, съ которою учительницы обсуждаютъ всякую мелочь, касающуюся преподаванія. Но еще болѣе замѣчательны педагогическіе дневники учащихъ, въ которыхъ мы находимъ рядъ чрезвычайно цѣнныхъ наблюденій надъ духовною жизнью учениковъ школы, а подчасъ и горячее обсужденіе разныхъ педагогическихъ теорій.

Этимъ-то дневникамъ, главнымъ образомъ, обязана своимъ появленіемъ въ свѣтъ много-нашумѣвшія книги «*Что читать народу. Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія. Составленъ учительницами харьковской частной женской воскресной школы: Х. Д. Алчевскою, Е. Д. Гордѣевою, А. П. Грищенко, З. И. Дашкевичъ, Л. И. Даткевичъ, Л. И. Ефимовичъ, А. Д. Ивановой, М. А. Ивановой, А. М. Калмыковой, Н. П. Пенго, О. С. Рудневой и Е. И. Цвѣтковой. Спб. 1884 г.*

Книга представляетъ собою огромнѣйшій томъ въ 800 страницъ мелкой печати въ два столбца, подраздѣленный, по родамъ разбираемыхъ книгъ, на VII отдѣловъ. Каждый изъ отдѣловъ въ свою очередь распадается на нѣсколько подъотдѣловъ, строго систематизированныхъ.

Скабичевскій въ «Новостяхъ» 1886 г. за іюль. 4) *В. П. Острогорскій*. въ «Новостяхъ» же 1884 г. 5) *Д. Д. Семеновъ* въ «Народ. Школѣ» 1884 г. 6) Брошюра *А. Мичурина*: «Въ защиту книги *Что читать народу*». Тифлисъ 1887. Первоначально было напечат. въ «Рус. Вѣд.» 1887 г.

Самыя рецензіи построены вотъ по какому плану: сначала идетъ пересказъ содержанія разбираемой книжки, затѣмъ мнѣніе рецензента о ней и наконецъ то, что составляетъ главную особенность и цѣнность указателя—отзывы о рецензируемыхъ книгахъ учениць и учениковъ народныхъ школъ и взрослыхъ простолюдиновъ. Благодаря этимъ отзывамъ «Что читать народу» является драгоцѣннѣйшимъ пособіемъ для всякаго, кто желаетъ служить народу не на основаніи теоретическихъ мудрствованій, а сообразно непосредственнымъ указаніямъ жизни.

Х. Д. Алчевской, кромѣ иниціативы изданія указателя, принадлежатъ въ немъ пространныя рецензіи литературнаго отдѣла, пространныя какъ въ тѣхъ частяхъ, гдѣ она излагаетъ свои собственные взгляды и пересказываетъ содержаніе, такъ и тамъ, гдѣ она приводитъ отзывы читателей изъ народа. По поводу выдающихся явленій народно-педагогической литературы А. заноситъ въ свой дневникъ цѣлые десятки бесѣдъ, записанныхъ съ чрезвычайною обстоятельностью.

При своемъ появленіи *«Что читать народу»* вызвало самое лестное вниманіе печати. Наиболѣе восторженный отзывъ принадлежалъ обыкновенно столь скептически настроенному Глѣбу Ивановичу Успенскому, который писалъ:

«Книга *Что читать народу*—манна небесная въ нашей изсушающей душу жизненной пустынѣ»

Этотъ отзывъ мы не находимъ преувеличеннымъ. На насъ лично, по крайней мѣрѣ, рѣдкая книга производила такое умиляющее впечатлѣніе. Сколько въ ней истинной любви къ дѣлу, сколько безкорыстнаго желанія принести пользу. Тутъ какъ-то съ особенною рѣзкостью сказались характерныя черты русскаго народолюбія, съ его чисто религіознымъ, молитвенно-благоговѣйнымъ отношеніемъ къ благу народному, съ его жгучимъ желаніемъ беззавѣтною преданностью загладить предъ народомъ многовѣковую вину барства.

Надо, однако, отмѣтить, что въ послѣднѣе время по отношенію къ книгѣ *„Что читать народу“* замѣчается нѣкоторая реакція. Представителемъ ея явился недавно умершій извѣстный педагогъ В. И. Водовозовъ. Человѣкъ шестидесятыхъ годовъ, когда выше всего ставились теоретическія формулы прогресса, В. И. Водовозовъ никакъ не можетъ примириться съ методомъ указателя Алчевской и ея товарищей, въ основу котораго положено желаніе *примѣняться* къ вкусамъ и потребностямъ народа. Его, поклонника „трезвой правды“, возмущаетъ покровительство, оказываемое указателямъ книгамъ мечтательно-мистическаго характера, которыми такъ любитъ зачитываться русскій простолюдинъ.

Такимъ образомъ недовольство Водовозова въ сущности сводится только къ несходству способовъ служить народу. Для него народъ неразумное дитя, и не понимающее своей собственной пользы, и не имѣющее сколько-нибудь опредѣленныхъ симпатій, вслѣдствіе чего стоитъ только интеллигентному человѣку захотѣть и народу привьются идеалы этого интеллигентнаго человѣка. Алчевская-же и ея товарищи примыкаютъ своимъ указателемъ къ иному народолюбію къ тому, которое полагаетъ, что не такая уже tabula rasa народная душа, что совсѣмъ уже не такъ крѣпко нуждается народъ въ томъ, чтобы его „направляли“, а что, напротивъ того, есть у него свои собственные душевные устои, которые обходить съ высоты интеллигентнаго величія совсѣмъ не слѣдъ.

Кромѣ участія въ книгѣ «Что читать народу», въ дѣятельности А. можно отмѣтить еще слѣдующія литературныя работы:

1) *Огородникъ*, Разсказъ. Помѣщ. въ «Дѣтскомъ Чтеніи» 1870 г. № 13. 2) *Исторія открытія школы въ деревнѣ Алексѣевкѣ*. «Южный край» 1881 г. № 53 и 54. 3) *Драматическія произведенія*. Какъ они понимаются народомъ. «Сѣвер. Вѣст.» 1887 г. № 3.

«Исторія открытія школы въ Алексѣевкѣ» въ извлеченіи была также напечатана въ «Отеч. Зап.» 1881 г. № 4. („Внутр. Обозр.“). Это очень любопытный разсказъ о томъ, какъ г-жа А., пожертвовавшая на открытіе школы въ с. Алексѣевкѣ 3000 р., вдругъ оказалось за это самое въ положеніи подсудимой и строго допрашивалась судебнымъ слѣдователемъ по обвиненію въ «незаконномъ» обученіи грамотѣ нѣсколькихъ деревенскихъ мальчишекъ и дѣвченокъ.

Статью „Драматич. произведенія“ можно назвать продолженіемъ книги «Что читать народу» Она представляетъ собою рядъ цѣнныхъ отчетовъ о томъ, какъ деревенскою аудиторіею, состоявшею изъ взрослыхъ бабъ и мужиковъ, были приняты нѣкоторыя пьесы Островскаго.

Алымовъ, И. корабельный техникъ. См. въ концѣ настоящаго тома.

Алышевскій, Владиміръ Ясоновичъ, главный врачъ Маріинской больницы въ С.-Петербургѣ. См. въ концѣ настоящаго тома.

Алышевскій, Ясонъ Петровичъ, врачъ †). По *Змѣеву* («Врачи-писатели» т. I стр. 5) духовнаго званія, р. въ 1815 г. учился въ семинаріи, затѣмъ въ Медико-хирургической Академіи, гдѣ въ 1838 г. кончилъ курсъ лѣкаремъ I отдѣленія; въ 1847 г. получилъ степень доктора медицины; съ 1838 г. по 1869 состоялъ на военной службѣ, при чемъ все занималъ крупные посты: въ 1854 г. былъ главнымъ докторомъ военн. времен. госпиталя, въ 1854 г. помощникомъ генерала штабъ-доктора южной арміи, съ 1856—59 гг. штабъ-докторомъ оренбург-

скаго корпуса, въ 1864 г. помощникомъ военно-медицинскаго инспектора кіевскаго военнаго округа, съ 1865—69 гг. военно-медицинскимъ инспекторомъ Западной Сибири. Въ 1869 г. вышелъ въ отставку въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Напечаталъ слѣдующія работы, по преимуществу казуистическаго и медицинско-публицистическаго характера:

1) *De electro-galvinismo.* Диссертація на степень доктора медицины. Petrop. 1847 2) *Костоѣда нижней челюсти отъ вліянія паровъ фосфора* въ «Воен. Медиц. Жур.» 1847 г. ч. 50, 2. 3) *О приведеніи въ чувство угорѣвшаго.* въ «Другѣ Здравія» 1849 г. № 3. 4) *Огромная огнестрѣльная рана полости рта и носа.* въ «Воен. Мед. Жур.» 1849 г. ч. 54, 2. 5) *Ушибъ и хроническое воспаленіе сѣмянныхъ канатиковъ.* Тамъ-же. 1851 г. ч. 57, 1. 6) *Переносные нарывы печени съ гнойнымъ зараженіемъ крови,* Тамъ-же 1852 г. ч. 59, 1. 7) *Судебно-медицинское свидѣтельство* въ «Современ. Медицинѣ. 1861 г. № 3. 8) *Отвѣтъ на «Нѣсколько словъ» г. К.* Тамъ-же стр. 60. 9) *Начальникъ и его подчиненные.* Тамъ-же стр. 309.

* **Альбертини**, Николай Викентьевичъ, современный публицистъ †). *По свѣдѣніямъ, отъ него полученымъ*, род. 12 Авг. въ городѣ Острѣ, черниговской губ. Отецъ его былъ чиновникъ мѣстной администраціи; дѣдъ по отцу—поселившійся сначала въ Польшѣ, потомъ въ Россіи итальянецъ Винченцо Альбертини, извѣстный въ свое время композиторъ; онъ выѣхалъ изъ Италіи по приглашенію одного польскаго графа для управленія его оркестромъ, потомъ поступилъ капельмейстеромъ ко двору Станислава Понятовскаго, а отъ послѣдняго перешелъ ко двору Императрицы Екатерины II. Бабушка А. по отцу была полька, вслѣдствіе чего и отецъ его по вѣроисповѣданію былъ католикъ, но мать кіевская уроженка Коркунова, была русская, почему и Н. В. окрещенъ въ прав. вѣру. Въ домѣ отца никакого другого языка, кромѣ русскаго, въ употребленіи не было. Первоначальное образованіе А. получилъ въ остерскомъ уѣздномъ училищѣ. Въ 1839 г. отецъ его перебрался на жительство въ Москву, гдѣ въ томъ-же году Н. В. поступилъ въ 3 моск. реальную гимназію. Изъ гимназическихъ учителей А. съ благодарностью вспоминаетъ объ уч. рус. яз. В. В. Авиновѣ, лат. яз.—С. Д. Шестаковѣ (впослѣдствіи пр. моск. ун.) и исторіи В. П. Грифцовѣ. Любимѣйшимъ чтеніемъ А. и всѣхъ его товарищей по гимназіи были

---

†) 1) О дѣдѣ его «Энцикл. Слов.» изд. рус. уч. лит. т. 3. 2) Краткія упоминанія о немъ самомъ въ томъ-же «Энц. Слов.» изд. рус. уч. и лит., въ «Энц. Слов., Толя, Березина, Клюшникова, 3). Шутливая характеристика въ «Нашихъ знакомыхъ» Михневича.

О литературной дѣятельности А. см. между прочимъ, 1). *Н. Чернышевскій*, Полемическія красоты въ «Соврем.» 1861 г. № 7. 2) *Д. И. Писаревъ*, въ «Рус. словѣ» 1861 г. (въ «Сочиненіяхъ » т. 9 стр. 127—131.)

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника.*

«Отеч. Зап.» и въ нихъ статьи Бѣлинскаго. Въ 1846 г. А. поступилъ на юрид. факультетъ моск. унив. и слушалъ лекціи Грановскаго, Кавелина, Соловьева, Кудрявцева, Шевырева, Никиты Крылова Баршева, Мюльгаузена, Лешкова и др. Въ 1851 г., по выходѣ изъ университета со степенью кандидата, А. поступилъ преподавателемъ законовѣдѣнія и исторіи въ 2-й кадет. корпусъ. Учительствовалъ онъ и въ другихъ московскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Знакомство съ П. Е. Басистовымъ толкнуло его на путь писательства. По почину Басистова онъ съ 1857 г. сталъ посылать въ «От. Зап.» небольшія рецензіи на русскія и иностр. книги историческаго и политическаго содержанія. Эти статейки, свидѣтельствовавшія о хорошемъ знаніи политической исторіи Европы, такъ понравились А. А. Краевскому, что когда журналамъ разрѣшено было помѣщать политическія обозрѣнія, онъ предложилъ А. заняться составленіемъ ихъ для «Отеч. Зап.» Конечно, для этого приходилось бросить и Москву, и службу. Во всякое другое время А. призадумался-бы надъ такимъ рѣшеніемъ. Но въ тѣ времена неотразимаго обаянія печатнаго слова, когда литература и литераторы стояли во главѣ могучаго общественнаго возбужденія, которымъ знаменуется начало новаго царствованія, колебанія молодого публициста были непродолжительны. Въ 1859 г. онъ переѣзжаетъ въ Петербургъ и весь отдается журнальной работѣ, которая создаетъ ему замѣтное мѣсто среди публицистовъ начала 60-хъ гг. Съ мая 1863 г. А., до этого времени работавшій исключительно въ „Отеч. Зап." сталъ исключительно работать для другого, только что основаннаго органа Краевскаго — газеты «Голосъ», гдѣ онъ тоже велъ отдѣлъ иностранной политики. Въ 1865 г., разошедшись съ Краевскимъ изъ-за личныхъ отношеній, А. перешелъ на ту-же работу въ «Спб. Вѣд.», издававшіяся В. Ѳ. Коршемъ. Участіе въ нихъ продолжалось до 1866 г., когда А. былъ арестованъ, а затѣмъ административнымъ порядкомъ высланъ въ Архангельскъ. Пребываніе въ Архангельскѣ продолжалось 6 лѣтъ. Въ октябрѣ 1872 г. послѣдовало разрѣшеніе переѣхать въ Ревель и Н. В. получилъ даже возможность поступить совѣтникомъ въ эстляндское губернское правленіе. Живя въ Ревелѣ, А. возобновилъ сотрудничество въ «Голосѣ», посылалъ туда корреспонденціи, фельетоны, передовыя статьи. Въ 1877 г., когда Коршъ затѣялъ издавать „Сѣверный Вѣстникъ", А., воспользовавшись двухмѣсячнымъ отпускомъ, все это время проработалъ въ газетѣ Валентина Ѳеодоровича, о чемъ «вспоминаетъ съ особеннымъ удовольствіемъ». Въ январѣ 1880 г. Ник. Викентьевичъ, уступивъ настойчивому приглашенію А. А. Краевскаго, переѣхалъ изъ Ревеля въ Петербургъ и сталъ опять однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ «Го-

лоса». Ежедневно помѣщалъ онъ здѣсь передовыя статьи, подъ общимъ заглавіемъ «*Интересы Дня*», а время отъ времени фельетоны общественно-политическаго характера; послѣдніе обыкновенно безъ подписи, а изрѣдка за подписью *Н. Старика.* Дѣятельнѣйшее участіе А. въ «Голосѣ» продолжалось вплоть до закрытія его въ 1883 году. Пришлось тогда искать другихъ литературныхъ занятій и Н. В. одно время началъ сотрудничать въ «Нов. Времени». Это сотрудничество длилось, однако, очень недолго, и, начиная съ 1884 г., А. посвятилъ себя спеціально полученной имъ около того-же времени должности въ Кабинетѣ Его Величества.

Изъ сказаннаго выше не трудно усмотрѣть, что дать библіографическій перечень *всего*, написаннаго Альбертини, является задачею совершенно неисполнимою: литературный формуляръ нашего публициста слагается изъ многихъ десятковъ журнальныхъ «политическихъ обозрѣній», изъ сотенъ газетныхъ фельетоновъ и изъ тысячей передовыхъ статей. Статей-же сколько-нибудь крупныхъ по объему А. напечаталъ всего три: 1) *Политическія идеи Токвиля и отзывы о немъ въ «Современникѣ»* («Отеч. Зап. 1861 г. № 8. 2) *Особенное направленіе въ наукѣ и журналистикѣ* («Отеч. Зап.» 1863 г. № 2). 3) *Отвѣтъ Современнику* («Отеч Зап.» 1861. № 8).

Какъ въ этихъ трехъ статьяхъ, такъ и во всемъ остальномъ, что писалъ А. въ теченіе своей почти 30 лѣтней публицистической дѣятельности, онъ является представителемъ идей умѣреннаго либерализма. Неприкосновенность существующихъ экономическихъ отношеній, самоуправленіе, съ преобладаніемъ среднихъ классовъ, парламентаризмъ, безъ крайностей suffrage universel, таковы главные пункты общественно-политическаго credo Альбертини, благодаря которымъ онъ въ статьяхъ своихъ по иностранной политикѣ всегда симпатизировалъ французамъ пошиба Тьера, англичанамъ въ родѣ Гладстона и отнюдь не направленію Брайта, Кавуру въ его соперничествѣ съ Гарибальди и т. п.

Такія симпатіи вовлекли его въ началѣ 60-хъ годовъ въ довольно оживленную полемику съ «Современникомъ» и «Русскимъ Словомъ». Представитель симпатій совсѣмъ иныхъ, Чернышевскій удѣлилъ въ своихъ «Полемическихъ Красотахъ» нѣсколько язвительныхъ страницъ Альбертини, въ которыхъ, впрочемъ, къ ансамблю дѣятельности политическаго обозрѣвателя «Отеч. Зап.» отнесся вполнѣ почтительно. Нашъ публицистъ не остался въ долгу и отвѣтилъ довольно рѣзко, упрекая Чернышевскаго въ невѣжествѣ, въ незнаніи современной исторіи и т. д. Чернышевскій на этотъ разъ ничего не отвѣтилъ Альбертини, но зато за него со свойственной ему страстностью и запальчивостью заступился

только что выступившій на журнальное поприще Писаревъ. Альбертини пришлось выслушать такія вещи: «вы говорите возмутительныя вещи», «вы несвѣдущи какъ ребенокъ, но какъ развращенный ребенокъ», «вы хотѣли бросить въ Чернышевскаго комомъ грязи, но сами по локоть выпачкали себѣ руки» и т. д.

Тѣ же тенденціи умѣреннаго либерализма вовлекали Альбертини въ полемику съ людьми, образъ мыслей которыхъ былъ діаметрально-противоположенъ тенденціямъ „Современника". Такъ напр. онъ вступалъ въ ратоборство съ Борисомъ Чичеринымъ и старался защищать общественное возбужденіе 60-хъ годовъ отъ нападокъ этого консервативнаго доктринера.

Съ переходомъ на газетную работу А. остался вѣренъ принципамъ, которые проводилъ въ ежемѣсячныхъ своихъ обозрѣніяхъ. „Голосъ" тогда мало разнился отъ редактируемыхъ тѣмъ-же самымъ А. А. Краевскимъ „Отеч. Записокъ". Тѣ-же годы, когда „Голосъ" началъ склоняться вправо, Альбертини провелъ въ ссылкѣ. А когда нашъ публицистъ, въ началѣ 80-хъ годовъ, снова сталъ ежедневнымъ политическимъ обозрѣвателемъ „Голоса", эта газета уже опять была представителемъ умѣреннаго либерализма пошиба Тьеръ-Бастіа.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о чисто-литературныхъ сторонахъ публицистической дѣятельности А. Въ газетныхъ статьяхъ его мы не замѣтили ничего такого, что выдвигало-бы его особенно за предѣлы обычной газетной „полезности". Но въ журнальныхъ обозрѣніяхъ своихъ. А. являлся публицистомъ серьезнымъ; его обозрѣнія ничего общаго не имѣли съ обычнымъ типовъ вялаго пересказа газетныхъ извѣстій за мѣсяцъ. Въ нихъ видно было вдумчивое отношеніе къ совершавшимся событіямъ, замѣчалось хорошее знаніе современной исторіи, знакомство съ философіей и государственными науками, а главное чувствовалось воодушевленіе.

Альбиновскій, Ксенофонтъ Осиповичъ, коллежскій секретарь род. 1841 † 4 окт. 1872 г. въ Одессѣ, Сотрудникъ „Одес. Вѣст." Болѣзнь (чахотка) ослабила его енергію съ 1864 г., но все имъ написанное и до и послѣ этой болѣзни носило признаки дарованія и читалось съ удовольствіемъ. Лучшія статьи его, помѣщенныя въ 1865 и 1866 г. на страницахъ „Одес. Вѣст." были: „Маскарадный Сюрпризъ", разсказъ изъ мѣстной жизни, „Носъ", физіологическій очеркъ и разборъ публичныхъ лекцій „О воспит. домахъ и пріютахъ", читанныхъ покойнымъ проф. новор. унив Максимовымъ" („Одесскій Вѣстникъ" 1872 г. № 229).

АЛЬБИЦКІЕ.

* **Альбицкій**, Алексѣй Андреевичъ, начинающій химикъ. *По св ніямъ, отъ него полученнымъ*, р. 20 мая 1860 въ Кинешмѣ, въ чи ничьей семьѣ. Дѣдъ-же былъ сельскій священникъ. Въ 1871 г. А. п пилъ въ костромскую гимназію, откуда въ 1878 г. поступилъ на ственный факультетъ петербургскаго университета. Здѣсь онъ въ 18 кончилъ курсъ со степенью кандидата. Но такъ какъ въ петербургс университетѣ А., вслѣдствіе многолюдства, не удалось заниматься (нической химіей, то онъ по окончаніи курса поступилъ вольнымъ шателемъ въ казанскій университетъ, гдѣ въ концѣ 1883 г. полу мѣсто сверхштатнаго ассистента при медико-аналитической лаборат Въ 1884 г. его назначили лаборантомъ при кафедрѣ технической х а съ 1885 г. онъ состоитъ лаборантомъ при кафедрѣ неорганиче химіи.

А. напечаталъ слѣдующія работы.

1) *Изслѣдованіе β-дипропилакриловой кислоты.* («Жур. рус. Физико-Хим.-(1883 г. т. XV). Реферировано въ «Berichte d. deutschen chemi. Geselschaft» 2) *О свѣтопреломляющей способности углеводорода* $C_{12}H_{20}$, въ «Жур. Р. Ф Общ.» 1883 г. т. XV, и на нѣмец. яз. въ «Journal f. prakt. Chemie.» 1887 B 3) *О нелетучемъ продуктѣ окисленія углеводорода.* $C_{12}H_{20}$ въ «Жур. Ф. Х. 1885 г. т. XVII и «Journal f. prakt. Chem.» 1886 г. Bd. 34. Эта работа сдѣ совмѣстно съ *В. И. Никольскимъ.* 4) О *нѣкоторыхъ свойствахъ и превращеніях метилаллена* въ «Жур. Р. Ф. Х. Общ.» 1887 г. т. 19. Статья вызвала за нія *А. Е. Фаворскаго*, напечатанныя тамъ-же.

* **Альбицкій**, Василій Ивановичъ, современный техникъ *По св ніямъ, отъ него полученнымъ*, р. 19 марта 1850 г. въ селѣ Зако меленковскаго уѣзда владимірской губ. Онъ приходится братомъ И Альбицкому, автору извѣстной пѣсни «Настоечка двойная», о кото будетъ сказано дальше. Первоначальное образованіе получилъ въ своихъ родителей, низшее — во владимірскомъ духовномъ учил среднее—въ Петербургскомъ Технологическомъ Институтѣ, гдѣ о чилъ курсъ въ 1877 г. со степенью инженеръ-технолога. Какъ о чившій подъ 1 нумеромъ, онъ былъ записанъ на почетной мрамо доскѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ оставленъ при Институтѣ для подготовк профессурѣ по кафедрѣ прикладной механики. Въ 1878 г. А. (назначенъ штатнымъ преподавателемъ И-та по техническому черче въ 1879 г.—ассистентомъ профессора высшей математики и те тической механики. Кромѣ того онъ въ 1878 г. былъ командиро на парижскую выставку. Въ 1882 г. А. выдержалъ въ петербургс университетѣ экзаменъ на степень кандидата физико-математичес наукъ. Въ 1885 г. онъ получилъ предложеніе читать въ петербургс

---

*) означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника.*

Технологическомъ Институтѣ графическую статику, а въ августѣ 1886 его перевели профессоромъ прикладной механики въ харьковскій Технологическій Институтъ, гдѣ онъ и читаетъ въ настоящее время, кромѣ общаго курса прикладной механики, еще спеціальный курсъ гидравлики.

В. И. Альбицкій напечаталъ слѣдующія книги, брошюры и статьи учебнаго и справочнаго характера:

1) *Высшія учебныя заведенія въ Россіи.* Справочная книжка для учащихся. Спб. 1879. 2-ое изд. Спб. 1884. 2) *Руководство къ составленію разсчета и чертежей болтовъ, чекъ и ключей.* 3) *Цилиндрическія зубчатыя колеса, ихъ разсчетъ и вычерчиваніе.* 4) *Коническія зубчатыя колеса, ихъ разсчетъ и вычерчиваніе.* 5) *Винтовое зацѣпленіе, разсчетъ его и вычерчиваніе.* Послѣднія четыре №№ представляютъ собою литографированныя брошюры, составленныя въ 1879 году по порученію учебнаго комитета петербургскаго Техн. Института. Онѣ изданы на счетъ Института и приняты въ качествѣ руководства для студентовъ при проэктированіи деталей машинъ. Въ 1884 г. всѣ четыре брошюры вышли 3-мя изданіемъ. 6) *Испытанія зрѣлости.* Справочная книжка для учащихся. Спб. 1880 г. Изд. 2-ое—Спб. 1882. Изд. 3-е—Спб. 1885. 7) *Изслѣдованіе уравненій второй степени съ двумя неизвѣстными въ отношеніи разложимости ихъ на два линейные множителя.* въ «Извѣстіяхъ Спб. Технолог. Инст.» за 1885 г. 8) *Приложеніе графическаго метода къ неразрѣзнымъ балкамъ, лежащимъ на многихъ опорахъ, какъ угодно расположенныхъ и къ простымъ балкамъ, закрѣпленнымъ однимъ и обоими концами.* Спб. 1886. Представляетъ собою часть лекцій А. по графической статикѣ. 9) *Ручные насосы, ихъ устройство и проэктированіе.* Брошюра эта принята въ качествѣ руководства для студентовъ харьковскаго технол. института при проэктированіи ручныхъ насосовъ.

* **Альбицкій**, Иванъ Ивановичъ, поэтъ.

Настоечка двойная
Настоечка травная,
Сквозь уголь пропускная
Усладительная и т. д [1])

Кто не знаетъ этой знаменитой застольной пѣсни, которая обязательно распѣвается при всякой веселой «бесѣдѣ». Пѣсня считается безымянной и вслѣдствіе этого никто не стѣсняется придѣлывать къ ней разныя варіяціи, какъ игриваго, такъ и подчасъ общественно-политическаго свойства.

Оказывается, однакоже, что пѣсня вовсе не безымянная, а что сочинилъ ее нѣкто Иванъ Ивановичъ Альбицкій. Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ братъ Ивана Ивановича — профессоръ харьковскаго Технологическаго Института Василій Ивановичъ Альбицкій, а также нѣкоторые изъ товарищей Альбицкаго по владимірской семинаріи.

[1]) Не приводимъ всей пѣсни, потому что не могли добыть хорошаго списка ея

*) означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника.*

Отъ зятя Альбицкаго—священника Василія Соловьева мы получили слѣдующія о немъ данныя:

Иванъ Ивановичъ Альбицкій р. 4 октября 1833 г. въ селѣ Заколпьѣ, меленковскаго уѣзда владимірской губерніи, гдѣ отецъ его, какъ уже сказано было по поводу Василія Ивановича А., былъ священникомъ. Въ 1843 г. Иванъ А. поступилъ во владимірское духовное училище, въ 1848 перешелъ во владимірскую-же семинарію, гдѣ въ 1854, въ числѣ первыхъ учениковъ, окончилъ курсъ. По окончаніи курса, А. 5 лѣтъ состоялъ дьячкомъ въ селѣ Плесцѣ меленков. уѣзда. Въ 1859 г. онъ былъ рукоположенъ въ священники храма села Бутылицъ, меленковскаго-же уѣзда. Но не долго пришлось А. священствовать: онъ умеръ въ февралѣ 1862 года.

Во время пребыванія въ семинаріи и впослѣдствіи А. сочинялъ множество юмористическихъ стихотвореній, большею частью экспромтомъ, въ кругу товарищей, но рѣдко записывалъ ихъ. Вотъ отчего въ печать попало только «*Воздыханіе псаломщика*», помѣщенное въ «Церковно-общественномъ Вѣстникѣ» семидесятыхъ годовъ.

Альбицкій, Петръ Михайловичъ, военный писатель. См. въ концѣ настоящаго тома.

Альбицкій, Петръ Михаиловичъ, врачъ †) *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ* р. 1-го Октября 1853 года въ Переславлѣ-Залѣсскомъ владимірской губерніи, гдѣ отецъ его состоитъ священникомъ при Ѳеодоровскомъ женскомъ монастырѣ. Учился въ переславскомъ духовномъ училищѣ и владимірской духовной семинаріи, откуда въ 1872 году поступилъ въ Медико-Хирургическую Академію. Въ Академіи окончилъ курсъ въ Февралѣ 1877 г., затѣмъ былъ зачисленъ въ запасъ арміи и съ мая 1877 по сентябрь 1878 г. находился въ Дунайской дѣйствовавшей арміи. По возвращеніи съ войны А. былъ прикомандированъ къ военно-клиническому госпиталю. Въ 1879 г. выдержалъ экзаменъ на степень доктора медицины. Въ Мартѣ 1880 вышелъ въ отставку изъ военной службы, а съ 1-го Мая 1882 г. былъ прикомандированъ къ Военно-Медицинской Академіи Медицинскимъ Департаментомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и состоялъ прикомандированнымъ до Мая 1884 г. Въ Маѣ 1884 г. защитилъ диссертацію на степень доктора медицины. Въ іюнѣ того-же года занялъ должность помощника врачебнаго инспектора въ г. Черниговѣ. Въ Мартѣ 1885 г., по представленію профессора В. В. Пашутина перешелъ на должность и. д. прозектора Академіи при каѳедрѣ общей и экспериментальной патологіи. Въ октябрѣ

---

*) означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

1886 г. признанъ приватъ-доцентомъ Академіи, а въ ноябрѣ избранъ штатнымъ прозекторомъ.

Альбицкій произвелъ слѣдующія ученыя изслѣдованія.

1) «*О вліяніи кислороднаго голоданья на азотистый обмѣнъ веществъ въ животномъ организмѣ*». Диссертація на степень доктора медицины. Спб. 1884 г. Здѣсь онъ приходитъ къ тому главному выводу, что животный организмъ обладаетъ большой способностью бороться съ недостаткомъ кислорода въ окружающей его атмосферѣ. Повышая приходъ кислорода къ тканямъ (усиленнымъ дыханіемъ и кровообращеніемъ) и понижая расходъ его (ослабленіемъ и прекращеніемъ всѣхъ видовъ своей дѣятельности, не представляющейся безусловно необходимой для поддержанья жизни) организмъ достигаетъ того, что безъ вреда переноситъ пониженіе кислорода въ окружающей его атмосферѣ на 60% ниже нормы (8% вмѣсто 21%). Дальнѣйшее обѣдненіе воздуха кислородомъ организмъ уже не можетъ переносить безъ вреда и уравновѣшивать выше названными пріемами: наступаетъ рѣзкое паденіе температуры тѣла, появляется кровавая моча, кровавый поносъ, кровотеченія изъ носа и глубокая спячка. Названныя явленія Альбицкій разсматриваетъ не только какъ послѣдствія кислороднаго голоданья, но и какъ крайнія орудія самозащиты организма отъ угрожающей смерти. При возвращеніи въ обыкновенный воздухъ, животное оправляется чрезвычайно быстро, даже послѣ того, какъ провело сутки въ атмосферѣ съ 4% кислорода (т. е. при порціональномъ давленіи кислорода на 80% ниже нормы).—

2) «*Обмѣнъ веществъ въ животномъ организмѣ подъ вліяніемъ газовой среды богатой углекислотою*». Опубликовано пока лишь въ видѣ предварительнаго сообщенія во «Врачѣ» № 34, 1885 г. Въ этомъ изслѣдованіи А. устанавливаетъ фактъ незначительной ядовитости углекислаго газа: собаки безъ рѣзкаго вреда для себя могутъ проводить сутки въ средѣ содержащей даже 19% этого газа, конечно, при нормальномъ содержаніи кислорода. На основаніи результатовъ своихъ опытовъ А. приходитъ къ выводу, что животный организмъ противустоитъ вредному вліянію углекислоты тѣмъ, что, въ случаѣ нужды, онъ способенъ удалять ее въ значительныхъ количествахъ черезъ почки, въ видѣ солеобразныхъ соединеній. Эта способность у травоядныхъ млекопитающихъ гораздо выше, чѣмъ у плотоядныхъ и у птицъ: при 23—25% углекислаго газа во вдыхаемомъ воздухѣ птицы быстро погибаютъ, собаки подвергаются тоже смертельной опасности или погибаютъ, кролики же переносятъ такую среду безъ всякаго вреда для себя. Помимо этой выносливости травоядныхъ рѣзко замѣтно вліяніе массы

тѣла: при равныхъ условіяхъ животныя погибаютъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ они мельче.

3) *„О періодическомъ голоданіи и о значеніи воды при голоданіи"*. Опубликовано только отчасти въ видѣ сообщенія, сдѣланнаго отъ имени Альбицкаго проф. Пашутинымъ на 2-мъ съѣздѣ русскихъ врачей въ Москвѣ (II томъ трудовъ съѣзда). Въ этомъ изслѣдованіи Альбицкій приходитъ къ тѣмъ выводамъ, что 1) животный организмъ, подвергаясь повторнымъ голоданіямъ относится къ нимъ каждый разъ приблизительно одинаково и 2) что вода, при лишеніи пищи, помогаетъ организму (какъ травоядныхъ, такъ и плотоядныхъ) легче и дольше переносить голоданіе.

4) *Нѣсколько опытовъ опредѣленія водорода и углеводородовъ, выдѣляемыхъ кроликами.* Опубликовано въ изслѣдованіи проф. Пашутина «Объ опредѣленіи газообмѣна у животныхъ». «Врачъ» № 18, 1886 г.

Наиболѣе выдающеюся стороною изслѣдованій Альбицкаго является разносторонность изслѣдованія надъ подвергнувшимся опыту животнымъ и продолжительность періодовъ наблюденія. Затрагивая весьма важные вопросы физіологіи и паталогіи, работы Альбицкаго отличаются большою обстоятельностью, что еще болѣе возвышаетъ научное значеніе ихъ. **В. Пашутинъ.**

* **Альбовъ**, Михаилъ Ниловичъ, одинъ изъ наиболѣе выдающихся молодыхъ беллетристовъ нашихъ †). Въ составленной по просьбѣ нашей автобіографической запискѣ Михаилъ Ниловичъ, между прочимъ, пишетъ:

---

†) Общія отзывы о его литер. дѣятельности. 1) *Михневичъ*, Наши знакомые. 2) *Reinhold*, Geschichte d. russischen Litteratur. 3) *А. М. Скабичевскій* въ фельетонахъ „Новостей" 1885 г., посвященныхъ молодой литературѣ. 4) *К. К. Арсеньевъ* въ „Вѣст. Евр." 1884 г. № 4. 5) *Н. Михайловскій* въ „Отеч. Зап." 1884 г. № 3. 6) *1* (В. Л. Кигнъ) въ „Недѣлѣ" 1884 г. 7) *М. А. Протопоповъ* (безъ подписи въ отдѣлѣ „новыхъ книгъ") въ „Дѣлѣ" 1884 г. 8) въ „Рус. Мысли" 1887 г. № 11 9) „Ежен. Обозр." 1884 г. мартъ.

Отзывы объ отдѣльныхъ произведеніяхъ. О *«Пшенициныхъ»*: *Авдѣевъ*, Мих. Вас. въ фельетонахъ, которые онъ въ 1873 г. печаталъ въ «Биржж. Вѣд.».

Объ «Днѣ Итога»: 1) *Заурядный читатель* (А. М. Скабичевскій) въ «Биржж. Вѣд.» 1879 г. № 11 и 45. 2) *С. Вѣди* (С. Венгеровъ) въ «Рус. Мірѣ» 1879 г. январь и февраль. 3) «Свѣтъ» 1879 г. № 3. 4) *Александръ Горшковъ* (М. А. Протопоповъ) въ «Рус. Правдѣ» 1879 г. январь. 5) *В. Чуйко* въ «Новостяхъ» 1879 г. январь. 6) *В. Буренинъ* въ «Нов. Вр.» 1879 г. январь. 7) *Я. Р.* (Як. Льв. Розенфельдъ) въ «С. П. Вѣд.» 1879 г. 8) «St. Petersburger Zeitung» 1879 г. май.

Объ романѣ *«До пристани»*: 1) *В. Чуйко* въ «Новостяхъ» 1879 г. 2) *Л. Е. Оболенскій* въ «Мысли» 1880 г. 3) *В. П. Горленко* (безъ подписи) въ «Голосѣ» 1881 г. 4) *Арс. Введенскій* въ «Странѣ» 1880 г.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

«Родился я въ Петербургѣ, 8 ноября 1851 года, въ день Архангела Михаила, въ честь котораго и ношу свое имя. Отецъ мой былъ діаконъ церкви почтоваго департамента, мать—полудворянскаго рода, по бабушкѣ, происходившей изъ ярославской губерніи. Отецъ—новгородецъ, сынъ сельскаго причетника. О «предкахъ» моихъ знаю очень мало, слыхалъ только отъ отца, что весь его родъ искони новгородцы.

Научили меня грамотѣ довольно рано, и этимъ я обязанъ теткѣ—Т. М. Башмаковой. Первымъ дѣломъ я обнаружилъ страстную охоту къ чтенію. Первая книга моя была «Робинзонъ». Помню отлично, что я былъ влюбленъ въ него безъ памяти, буквально имъ бредилъ. Затѣмъ его мѣсто занялъ «Давидъ Копперфильдъ». У насъ въ числѣ книгъ были «Отеч. Зап.» 50-го года, въ которыхъ онъ былъ напечатанъ, и я перечитывалъ его безконечное число разъ. Полагаю, излишне прибавлять, что оба эти лица были для меня отнюдь не созданіями фантазіи, но взаправду живыми людьми. Затѣмъ попался мнѣ Гоголь, именно «Мертвыя Души». Чичиковъ имѣлъ для меня обаяніе со стороны своего кочеванія и я, помню, мечталъ, какъ хорошо имѣть его пресловутую «бричку», чтобы разъѣзжать куда вздумается. Въ перемежку я читалъ все, что попадалось подъ руку, но изъ всего мною прочитаннаго самыми дорогими и, такъ сказать, близкими были для меня эти три книги.

Я жилъ постоянно въ мірѣ, наполненномъ лицами прочитанныхъ книгъ, и всякое живое лицо отождествлялось мною съ тѣмъ или другимъ фантастическимъ образомъ. Вообще я былъ ужасный мечтатель. Конечно, это нужно приписать моему одиночеству, въ которомъ я росъ (до моего рожденія у отца были двѣ дѣвочки, которыя умерли—одна

Объ «*Концѣ Невѣдомой улицы*»: 1) *Арс. Введенскій* въ «Порядкѣ» и «Голосѣ» 1881 г. 2) «Моск. Телегр.» 1882 г. мартъ.

Объ «*Главѣ изъ недописанной повѣсти*». 1) *Вяч. Гайдебуровъ* въ «Недѣлѣ» 1882 г. ноябрь 2) *Арс. Введенскій* въ «Рус. Вѣд.» 1882 г. 3) *Элладовъ*, въ «Минутѣ» 1882 г. декабрь.

О «*Голодномъ*»: *Аристарховъ* (*Арс. Введенскій*) (въ «Р. Вѣд.» 1883 г.)

О «*Рясѣ*» *Арс. Введенскій* въ »Р. Вѣд.» 1883 г.

О «*Филиппъ Филипповичъ*»: 1) въ «Рус. Мыс.» 1886 г. январь, 2) *Арс. Введенскій* въ «Рус. Вѣд.» 1886 г. 3) *Н. Ладожскій* (Петерсенъ) въ «С. П. Вѣд.» 1886 4) *А. Скабичевскій* въ «Новостяхъ» 1886 г. за январь. 5) *Евг. Гаршинъ* въ «Бирж Вѣд.» 1886 6) «Всемір. Иллюстр.» 1888 г. № 1000.

О «*Рыбьихъ Стонахъ*»: 1) *А. М. Скабичевскій* въ «Новостяхъ» 1887 г. 2) «Наблюдатель» 1888 г. № 3. 3) «Всем. Иллюстрація» 1888 г. № 1000.

О разсказѣ «*Какъ горѣли дрова*:» 1) *А. М. Скабичевскій* въ «Новостяхъ» 1888 г. № 1. 2) *Арс. Введенскій* въ «Рус. Вѣд.» 1888 г. 3) *Веневичъ* въ «Рус. Курьерѣ» 1888 г. январь. 4) *Наблюдатель* въ «Новор. Телегр.» 1888 г. 5) *П. Скромный* въ *«Живоп. Обозр.»* 1888 г. 6) «Ежен. Обозр.» 1888 г. январь.

двухъ лѣтъ, другая—нѣсколькихъ мѣсяцевъ), сверстниковъ у меня не было, играть съ другими дѣтьми на улицѣ мнѣ не позволялось: берегли меня, какъ зеницу ока, а вѣдь мало-ли что можетъ статься отъ уличныхъ мальчишекъ: поколотить могутъ, обидѣть!... Но я полагаю, что извѣстную долю въ образованіи моего характера—угрюмо-мечтательнаго нужно приписывать дѣйствію закона наслѣдственности. Матери я совершенно не помню (она умерла, когда мнѣ было $1^1/_2$ года), но составилъ о ней представленіе на основаніи разсказовъ. И если отъ отца я заимствовалъ извѣстныя стороны своего личнаго характера, то авторскій зудъ перешелъ ко мнѣ всецѣло отъ матери. Она писала стихи, хорошо рисовала.

По 11 году меня отдали во 2-ую петербургскую гимназію. Марать бумагу я началъ со 2 класса. Первая попытка моя была начало «юмористической» повѣсти «Растрепалкинъ»—навѣянной похожденіями Чичикова; была даже тамъ и знаменитая «бричка». За нею послѣдовало множество повѣстей, гдѣ фигурировали испанцы и итальянцы. Такъ былъ у меня, между прочимъ, романъ «Англійскій матросъ»—сколокъ съ «Монтекристо» и «Лондонскихъ тайнъ»—въ которомъ дѣйствіе происходило одновременно въ Англіи, Испаніи, Америкѣ и изображена была даже испанская инквизиція. Снѣдало меня, вмѣстѣ съ тѣмъ, страстное желаніе «напечататься». И вотъ накропалъ я (было мнѣ тогда 13 лѣтъ) разсказецъ въ формѣ дневника, подъ заглавіемъ «Записки подвальнаго жильца»—и, замирая отъ сознанія своей безпримѣрнѣйшей дерзости, послалъ ее по почтѣ въ «Петербургскій Листокъ» Ильи Арсеньева. Радость, съ которою увидѣлъ я «Записки», дня черезъ два, напечатанными въ нижнемъ этажѣ этой газетки, напечатанными полностью, со всѣми словечками, запятыми и точками—въ данный моментъ я ни съ чѣмъ сравнить не умѣю. Помню, что я цѣлый тотъ день ходилъ, какъ въ чаду.

Какъ-бы то ни было, это событіе кончилось тѣмъ, что я совсѣмъ бросилъ заниматься ученіемъ. Карманы мои постоянно были наполнены листками бумаги, изображавшими начало разныхъ романовъ и повѣстей. Произошло то, что обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Я получалъ единицы и двойки, застревалъ въ каждомъ классѣ по два года, а въ четвертомъ остался даже на третій, вслѣдствіе чего долженъ былъ оставить гимназію. Первое время я весь былъ подавленъ своею бѣдою, сознаніемъ своей негодности. Мало по малу, однако, я опять вошелъ въ норму и снова усердно принялся за истребленіе чернилъ и бумаги. Тогда-же (1866) я написалъ большую часть своей первой «большой» повѣсти «На новую дорогу», напечатанной гораздо

позднѣе у того-же Ильи Арсеньева. Въ то же самое время я писалъ и другое, кое что опять напечаталъ. Авторскій зудъ мой тогда былъ въ полномъ своемъ напряженіи. Никогда не забыть мнѣ бѣлыя петербургскія ночи, открытое окно моей комнаты, золотистые края разсвѣта и тихій восторгъ моего тогдашняго «творчества»...

Въ 1867 г. Мих. Нил. поступилъ по экзамену въ 4 классъ 5-й петербургской гимназіи, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1873 году. Съ 1873 по 1879 г. онъ находился на юридическомъ факультетѣ петербургскаго университета. Пребываніе Мих. Нил. въ университетѣ затянулось вслѣдствіе того, что съ лѣта 1877 г. по весну 1878 г. онъ, по собственному желанію, находился въ Дунайской арміи въ качествѣ брата милосердія. Необходимыя для этого фельдшерскія познанія Мих. Нил. пріобрѣлъ на читавшихся весною 1877 г. курсахъ первой помощи раненнымъ.

Университетскимъ дипломомъ своимъ М. Нил. не воспользовался для практическихъ цѣлей. Онъ всего одинъ только годъ (съ 1886—87) состоялъ на службѣ (при эстляндскомъ акцизномъ управленіи), а въ присяжные повѣренные не пошелъ.

Литературный формуляръ А. слагается изъ слѣдующихъ произведеній.

1) *«Записки подвальнаго жильца»*. («Петерб. Листокъ» Ильи Арсеньева) 1864 г. 2) *Петербургскіе мизерабли* (тамъ-же). 3) *Петербургскіе мизерабли* («Петерб. Газета» Ильи Арсеньева) 1865 г. 4) *Сбѣжала Собачка* («Сынъ Отечества» А. В. Старчевскаго 1865 г.). 5) *Записки Сыщика*, два разсказа («Воскресный Досугъ» В. Р. Зотова 1866 г.). 6) *«На новую дорогу»* («Петерб. Газета» Ильи Арсеньева 1869 г. повѣсть заняла 15 фельетоновъ). Перепечатана съ измѣненіями въ издававшемся въ 1886 г. Е. К. Раппомъ сборникѣ «Романистъ» 7) *Пшеницыны* («Дѣло» 1873 г.). 8) *Въ тылу арміи*. Напеч. въ «Сборникѣ военныхъ разсказовъ» князя В. Мещерскаго т. I за подписью *М. Озерской*. Продиктовано въ 4 дня. 9) *День Итога*. («Слово» 1879 г. № 1 и 2). 10) *До пристани*. («Слово» 1879 и 1880 г.). 11) *Невѣдомая улица*. («Дѣло» 1882 г. № 7). 12) *Конецъ Невѣдомой улицы*. («Дѣло» 1882 г. № 11, 12). 13) *Глава изъ недописанной повѣсти*. («Устои» 1882 г. № 9—10). 14) *Транспортъ*. («Военно.Санит. Дѣло» 1882 г.). 15) *Голодный*. Эскизъ. («Дѣло» 1882 г.). 16) *Ряса*, романъ. («Дѣло» 1883 г. № 10—12). 17) *Силуэты. I. Филиппъ Филиппычъ*. («Вѣст. Евр.» декабрь 1885 г.). 18) *Рыбьи Стоны*. («Осколки» 1885 г. іюль). 19) *«Страшное Слово»*, разсказъ. («Еженед. Обозр.» январь 1886 г.). 20) *Въ потемкахъ*, разсказъ. («Дѣло» май 1886 г.). 21) *Вавилонская Башня*, юмористическій романъ и его продолженіе *«Таинственный Незнакомецъ»*. Написанъ въ сотрудничествѣ съ К. С. Баранцевичемъ. Помѣщался въ воскресныхъ №№ «Новостей» 1886 г. 22) *Какъ горѣли дрова* въ «Рус. Мысли» 1887 г. № 12.

Очеркъ «Голодный» былъ переведенъ на польскій языкъ въ «Kraj'ѣ» 1882 г.

Отдѣльными изданіями появились:

1) *Повѣсти и разсказы*: Спб. 1884. Заключаютъ въ себѣ: 1) *День Итога*

—

2) *О людяхъ „взыскующихъ града*: *а*) *Воспитаніе Лельки* и *б*) *Сутки на лонѣ природы*. Это тоже, что появлялось въ „Словѣ“ подъ названіемъ „До пристани“. 3) *Конецъ невѣдомой улицы*. Въ 1887 г. вышло 2-ое изданіе „Повѣстей“, дополненное „Главой изъ недописанной повѣсти“, „Голоднымъ“ и „Транспортомъ“. II. *Ряса*. Спб. 1884. Въ этомъ отдѣльномъ изданіи романа А. есть (въ послѣдней главѣ) нѣсколько купюръ и вставокъ, сдѣланныхъ безъ вѣдома автора. III. *Рыбьи стоны*. Спб. 1888. IV. *На точкѣ*. Спб. 1888. Тутъ напечатаны: Филиппъ Филиппычъ. О томъ, какъ горѣли дрова.

Изъ датъ только что сдѣланнаго перечня произведеній «молодого» беллетриста нашего не трудно усмотрѣть, что остается всего одинъ годъ до празднованія 25-лѣтняго юбилея его литературной дѣятельности. Но, конечно, этотъ фактъ имѣетъ значеніе исключительно какъ любопытный образчикъ замѣчательно ранняго пробужденія писательскихъ наклонностей. Правда, разсказцы 13-лѣтняго гимназиста свидѣтельствуютъ о нѣкоторомъ дарованіи, а повѣсть 15-лѣтняго Мих. Ниловича опытный журналистъ Е. К. Раппъ счелъ интереснымъ перепечатать цѣлыхъ двадцать лѣтъ спустя [1]. Но все-таки, минуя даже объемистыхъ «Пшеницыныхъ», напечатанныхъ въ такомъ видномъ органѣ, какъ Благосвѣтловское «Дѣло», серьезнымъ началомъ литературной дѣятельности Альбова слѣдуетъ считать «День Итога», въ которомъ впервые сказался широкій размахъ его таланта.

«День Итога» имѣлъ большой успѣхъ. Но главнымъ образомъ благодаря ему же установилось въ критикѣ мнѣніе, будто нашъ беллетристъ является прямымъ *подражателемъ* Достоевскаго.

Это утвержденіе, въ той формѣ, по крайней мѣрѣ, въ какой оно было высказано критикою, совершенно несправедливо и даетъ ложное представленіе объ источникахъ творчества нашего беллетриста. Развѣ же, въ самомъ дѣлѣ, есть какая-нибудь возможность писать съ такимъ успѣхомъ въ жанрѣ Достоевскаго, обладая одною только подражательною способностью и не сроднившись всѣмъ художественнымъ складомъ съ этимъ страннымъ міромъ запутанныхъ душевныхъ ощущеній, съ этимъ хаотическимъ переплетеніемъ самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній и чувствъ? Родъ Достоевскаго такъ исключителенъ, разработка его до того не поддается обыкновенной беллетристической способности, что до сихъ поръ авторъ «Преступленія и Наказанія», несмотря на весь свой первоклассный талантъ, не создалъ школы. Тургеневъ, Толстой, Некрасовъ — считаютъ десятками своихъ подражателей. Конечно почти никому изъ нихъ не удается достичь глубины художественнаго пониманія Тургенева, остроты наблюденія Толстого, энергіи Некрасова. Но большаго или меньшаго приближе-

---

[1]) Въ своемъ сборникѣ „Романистъ“.

женія достигаютъ многіе. А у Достоевскаго своей школы нѣтъ? Отчего-же? Очевидно оттого, что въ ней очень трудно учиться, что нужны совсѣмъ особыя, рѣдко попадающіяся способности, чтобы преуспѣть въ ней.

Нѣтъ, Альбовъ не *подражаетъ* Достоевскому. *Онъ только пишетъ въ томъ-же самомъ родѣ*, потому что душевный міръ, стоящій на границѣ психологіи и психіатріи, ему вполнѣ понятенъ. Онъ здѣсь у себя дома и подмѣчаетъ такіе изгибы, которые совершенно недоступны обычной художественной наблюдательности. «Напустить» на себя тотъ мрачный, гнетущій колоритъ, которымъ проникнутъ «День Итога» нѣтъ никакой возможности: онъ является результатомъ основнаго характера художественнаго дарованія нашего беллетриста. Мы съ умысломъ привели изъ автобіографіи Альбова нѣсколько интимныхъ чертъ его душевной жизни и какъ онѣ ни отрывочны и не полны, онѣ, все таки, значительно помогаютъ намъ рѣшить вопросъ объ источникахъ творчества нашего писателя. Не забудемте только того, что живой человѣкъ, сообщающій о себѣ данныя для того, чтобы ими печатно воспользовались, не можетъ особенно широко открывать завѣсу своей интимной жизни и тогда общій тонъ и два, три выраженія приведенной автобіографіи объяснятъ намъ, что мрачный колоритъ «Дня итога» и большинства другихъ произведеній Альбова есть въ значительной степени отзвукъ личной душевной жизни автора. Чего стоитъ одно то, что пора наибольшей впечатлительности и формированія характера проведена нашимъ писателемъ въ совершенномъ одиночествѣ и при полномъ отсутствіи впечатлѣній, дѣлающихъ людей жизнерадостными.

Отъ мрачнаго колорита большинства произведеній Альбова перейдемъ къ другой общей чертѣ ихъ, по поводу которой писателю нашему тоже приходится выслушивать рядъ несправедливыхъ упрековъ. Мы говоримъ объ утвержденіи критики, что образъ дѣйствій Глазкова—героя «Дня итога» и нѣкоторыхъ другихъ аналогичныхъ съ нимъ «психіатрическихъ» этюдовъ Альбова (напр. героя недавно появившагося разсказа его «Какъ горѣли дрова») *недостаточно мотивированъ*. Не видно, говорила критика, какія такія *чрезвычайныя* обстоятельства привели этихъ героевъ къ ихъ мрачнымъ рѣшеніямъ. Если съ ними и были непріятности, то не больше тѣхъ, что со всѣми бываютъ, откуда же такія экстраординарныя развязки?

Въ этомъ недоумѣніи заключается и разгадка его. Да, поступки Глазкова (остановимся на главномъ типѣ психіатрическихъ этюдовъ Альбова) не мотивированы, если смотрѣть на Глазкова какъ на обыкновеннаго человѣка. Но дѣло-то въ томъ, что немотивиро-

ванность поступковъ Глазкова съ обыденной точки зрѣнія *прямо и лежала въ намѣреніяхъ автора*, уже не говоря о томъ, что онъ свою повѣсть назвалъ *психіатрическимъ* этюдомъ, слѣдовательно прямо сказалъ, что обычныя мѣрки неприменимы къ его герою. Авторъ прямо и задавался цѣлью изобразить одного изъ тѣхъ странныхъ людей, которые погибаютъ жертвою своей неспособности найти себѣ мѣсто въ природѣ. Сущность типа Глазковыхъ въ томъ и заключается, что они обладаютъ всѣми данными для того, чтобы имѣть *обыкновенный* успѣхъ въ жизни и сознаютъ за собою права на «счастье», но почему-то его не достигаютъ. Недостаетъ какого-то винтика, который соединилъ бы отдѣльныя колеса въ одинъ стройный механизмъ. Мало того, есть въ ихъ духовной организаціи нѣчто такое, что все больше и больше раздвигаетъ колеса, все уменьшаетъ и уменьшаетъ возможность соединенія въ одну систему, которая дала бы возможность достигнуть когда-нибудь душевнаго удовлетворенія.

Насколько мы понимаемъ типъ Глазковыхъ, это нѣчто является результатомъ несоотвѣтствія нервной ихъ организаціи съ малымъ запасомъ силъ, отпущенныхъ имъ природой. Глазковы представляютъ собою особую породу анемичныхъ, малокровныхъ субъектовъ, чуждыхъ истинной страсти, но въ то же время обладающихъ чрезвычайно утонченной нервной организаціей и потому живущихъ исключительно въ мірѣ мозговыхъ возбужденій. Что можетъ быть необузданнѣе самолюбія этихъ господъ? У человѣка съ извѣстнымъ запасомъ страсти и энергіи самолюбіе всегда направляется сознаніемъ того, чего онъ можетъ достигнуть. Но у гг. Глазковыхъ, не способныхъ ни чувствовать сильно, ни дѣйствовать сколько-нибудь рѣшительно, вся душевная жизнь переходитъ въ безпочвенныя мечтанія объ услажденіи самолюбія. И именно потому, что мечтанія гг. Глазковыхъ безпочвенны, удачи, встрѣчающіяся имъ на жизненномъ пути, ихъ не удовлетворяютъ, а неудачи принимаютъ совершенно фантастическія очертанія. Не дай Богъ, если женщина полюбитъ Глазкова, или его родного брата — героя разсказа «Какъ горѣли дрова». Они ее измучатъ своими нелѣпыми требованіями какой-то совсѣмъ особенной любви, которая, главнымъ образомъ, щекотала бы ихъ самолюбіе. Дѣло въ томъ, что Глазковы на столько малокровны, что и любить-то, какъ любятъ настоящіе люди, не умѣютъ. Вотъ напр. увлекся Глазковъ хорошенькою симпатичною барышнею и вдругъ стороною узнаетъ, что и барышня въ него влюблена. Что бы въ подобномъ случаѣ перечувствовалъ всякій другой молодой человѣкъ съ *нормально-поставленнымъ* самолюбіемъ? Конечно, самолюбіе

тодвинулось бы совершенно въ сторону и надъ всѣми помыслами взяло бы верхъ блаженное сознаніе взаимности. Не таковъ Глазковъ съ его лимфатическою кровью и способностью все пріурочивать къ услажденію самолюбія. Сильно дрогнула въ немъ только послѣдняя струнка и онъ предается такого рода мечтамъ:

„Будетъ такъ же весело, шумно. И вдругъ совершится всѣмъ воочію то самое, что пока онъ знаетъ одинъ. „Господа, объявляю вамъ радость: моя дочь и Петръ Петровичъ Глазковъ--женихъ и невѣста". Тутъ же шампанское (мертвое затишье, вытаращенные отъ изумленія глаза...) Потомъ шумъ, поздравленія, тянущіеся со всѣхъ сторонъ бокалы... И центръ всего этого—онъ, тотъ самый, что такъ незамѣтно сидитъ теперь среди всѣхъ этихъ гостей, не обращающихъ на него никакого вниманія.

Такъ-то захлебываются ·Глазковы въ своемъ безпочвенномъ самолюбіи даже въ счастливѣйшіе моменты своей жизни. Понятно теперь, до чего захлестываетъ ихъ эта мутная волна въ моменты неудачъ, если имъ не повезетъ напр. въ любовныхъ дѣлахъ. Обычная житейская непріятность сейчасъ-же превращается въ «катастрофу».

И такъ во всемъ, пока мятущійся, измучившійся человѣкъ, не имѣющій въ себѣ достаточно жизненности, чтобы воспринимать вещи непосредственно, чтобы «жить» въ прямомъ смыслѣ этого слова, не становится «на точку», какъ формуларуетъ самъ Альбовъ стадію, до которой дошелъ въ своемъ самолюбивомъ нытьѣ герой разсказа «Какъ горѣли дрова». Жизнь дѣлается настолько отвратительною и невыносимою, что только насильственный исходъ и можетъ положить предѣлъ невыносимымъ мукамъ неудовлетвореннаго самолюбія.

И эта развязка вполнѣ естественна, вполнѣ мотивирована въ человѣкѣ, корчащемся, такъ сказать, въ безвоздушномъ пространствѣ и неспособномъ жить непосредственно тѣми ощущеніями, которыя даетъ жизнь.

Чтобы покончить съ Глазковымъ мы должны еще сказать нѣсколько словъ объ одной детали его душевнаго облика, весьма любопытной для того поколѣнія, къ которому онъ принадлежитъ. То, что мы до сихъ поръ указывали въ характерѣ Глазкова, не имѣетъ въ себѣ ничего такого, что опредѣляло бы эпоху, въ которой онъ выросъ. А между тѣмъ всякое живое художественное созданіе, родавшееся какъ результатъ того, что творецъ его внимательно наблюдалъ окружающую среду, непремѣнно должно носить на себѣ признаки времени, его вызвавшаго къ жизни. Чѣмъ же отличается Глазковъ отъ своего дальняго предка — Гамлета принца датскаго, что не позволяетъ смѣшать героя «Дня итога» съ двоюродными братьями его—Гамлетомъ Щигровскаго уѣзда и Чулкатуринымъ изъ «Дневника лишняго человѣка»?

Какъ человѣкъ не вполнѣ нормальный, Глазковъ не можетъ быть вполнѣ типическимъ представителемъ своего времени; но общій духъ эпохи сказался и на этомъ больномъ сынѣ своего вѣка. Вѣдь значительную часть психіатріи составляетъ просто психологія. Вотъ почему въ біографіи Глазкова есть черты, которыя дѣлаютъ его въ такой же степени характернымъ для поколѣнія семидесятыхъ годовъ, въ какой Чулкатуринъ напр. отразилъ въ себѣ многія стороны эпохи сороковыхъ годовъ.

Глазковъ кончаетъ жизнь самоубійствомъ. Было бы слишкомъ большимъ пессимизмомъ утверждать, что такой исходъ характеренъ для молодого человѣка прошедшаго десятилѣтія. Но въ томъ «поклоненіи самому себѣ», ради котораго Глазковъ пришелъ къ своему мрачному рѣшенію, нельзя не видѣть одну изъ яркихъ чертъ психологіи тѣхъ дней.

Русская жизнь семидесятыхъ годовъ не настолько ушла впередъ отъ общественной жизни сороковыхъ годовъ, чтобы не рѣзала глазъ бездна, отдѣляющая интеллигенцію отъ большинства «обывателей». Какъ и тогда, лучшая часть русскаго общества, представители народнаго духа, были болѣе или менѣе одиноки и не встрѣчали поддержки въ наиболѣе завѣтныхъ стремленіяхъ своихъ. Какъ и тогда, нравственная чуткость разбивалась о тупость окружающей среды, какъ и тогда тина мелкихъ интересовъ и грубая забота о своемъ благоденствіи гасила искру Божью въ подавляющемъ большинствѣ русскаго «общества», какъ и тогда, голосъ, говорившій о высшихъ стремленіяхъ человѣческой природы, былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Вотъ почему большая доля меланхоліи продолжала составлять выдающуюся часть характера русскаго интеллигентнаго человѣка. Но это уже была не тихая, безнадежная меланхолія человѣка сороковыхъ годовъ, совершенно отчаявшагося въ томъ, что когда-нибудь мракъ разсѣется, это уже была не приниженная готовность признать себя побѣжденнымъ силами тьмы. Приниженность замѣнило гордое презрѣніе къ окружающему мраку и гордая увѣренность въ своей предстоящей побѣдѣ, въ томъ, что листья, упавшіе съ дерева русской жизни отъ недостатка здоровыхъ соковъ, удобрять собою землю и сдѣлаютъ ее способною къ лучшему произрастанію. Было гордое стремленіе открыто въ лицо посмѣяться молоху тьмы и поставить себѣ единственнымъ закономъ свою собственную, римски-строгую совѣсть. Было сознательное игнорированіе окружающаго болота и твердая рѣшимость сообразаться только съ тѣмъ, что поставило бы человѣка высоко въ своихъ собственныхъ глазахъ. Въ этомъ и заключается то «поклоненіе самому себѣ», о которомъ съ примѣсью всякаго сумасшедшаго бреда мечтаетъ Глазковъ.

Долго въ немъ не хватаетъ рѣшимости покончить съ собой. Хотя въ роковой для него «День Итога» онъ, проанализировавъ свою жизнь, и пришелъ къ тому выводу, что, кромѣ Невы, ему нигдѣ не найти отдохновенія отъ мученій растерзанной души, въ немъ, однако-же, не все еще созрѣло для мрачнаго рѣшенія, не готова была формула, во имя которой онъ самъ исполнитъ надъ собою приговоръ. Но вотъ онъ случайно попадаетъ на пирушку къ университетскому товарищу своему Розанову. Розановъ когда-то былъ горячимъ ораторомъ, увлекавшимъ молодыя сердца проповѣдью протеста противъ всего, что соприкасается съ житейской пошлостью. Но, самъ человѣкъ ловкій онъ успѣлъ остаться цѣлымъ и невредимымъ въ то время, какъ увлеченные имъ юноши многимъ поплатились. Теперь горячій проповѣдникъ ѣдетъ на видное мѣсто въ провинцію и на прощанія устроилъ пирушку. Видитъ тутъ Глазковъ и другихъ представителей университетской науки, которые такъ наглядно доказываютъ печальную истину, что образованность и нравственность совсѣмъ не одно и то же. Слышитъ Глазковъ ихъ рѣчи, видитъ ихъ неудержимое стремленіе къ «общественному пирогу», и въ немъ мало-по-малу складывается страстно-искомая имъ формула. Онъ начинаетъ дикую импровизацію, въ которой на ряду съ личными дѣлами сильной струей идетъ чисто-общественное теченіе.

„Я хочу передать свое впечатлѣніе, которое испыталъ при приходѣ сюда. Это было впечатлѣніе человѣка, попавшаго туда, гдѣ ему не слѣдуетъ быть. Всѣ отъ меня сторонились... И это въ порядкѣ вещей! Каждый вѣдь изъ васъ тащится съ какимъ-нибудь ярлыкомъ, каждый изъ васъ тѣшится какой-нибудь погремушкой—вдругъ является человѣкъ совсѣмъ безъ всего. На него дико глядѣть! Неправда-ли? Я это замѣтилъ! Вы думаете, я обиженъ и жалуюсь? О, нисколько, напротивъ, я радъ, я затѣмъ сюда и поѣхалъ... Да, да, только затѣмъ! Вамъ это странно... Но если вы можете представить себѣ, какъ я васъ всѣхъ презираю, то вы меня непремѣнно поймете... Я себя потѣшить пріѣхалъ! Знаете-ли вы, что я страшно гордъ? Мнѣ хотѣлось пощекотать свою гордость. Я думалъ: это вѣдь въ миніатюрѣ все русское общество, ergo—сборище разныхъ типовъ людскаго безсилія... Все это мечется, бьется въ жизненной тинѣ подъ разными кличками, и носители идеаловъ, и просто карманники. Все это лѣзетъ изъ кожи въ погонѣ за какимъ-нибудь вздоромъ, въ чемъ каждый полагаетъ свое личное счастье, и все это сводится лишь къ одному удовлетворенію своего самолюбія... Господи, какъ все это мелко и пошло! Вскарабкался на вершочекъ повыше—и счастливъ! Смотрите, дескать, какой я молодецъ!.. О мелкія, мелкія души! Вамъ только-бы лишь по вершочкамъ... Гдѣ вамъ широко хватать? Рѣшитесь-ли вы на достиженіе чего-нибудь большаго, на достиженіе такого блаженства, отъ котораго захватило-бы духъ, такого блаженства, больше и выше котораго даже самъ органимъ-бы не вынесъ?! Въ состояніи-ли вы даже себѣ и представить его? Знаете-ли вы, про что говорю я?.. *Блаженство поклониться себѣ*—вотъ оно, это самое... Выше его ужъ чего быть не можетъ“.

„Онъ говорилъ точно въ чаду, весь трясясь и пылая. Точно извнутри его рвалось что-то своей собственной силой и онъ отдавался безвольно. Широко-раскрытые глаза глядѣли восторженно въ даль, точно тамъ предъ ними волшебные міры раскрывались“.

Въ дикой рѣчи Глазкова много бреду сумасшедшаго, вздору, но въ ней важенъ основной тонъ, основная мысль. Такая мысль не вырабатывается въ одинокомъ мозгу больного человѣка, она можетъ быть плодомъ только коллективной работы, только отзвукомъ цѣлой полосы общественной жизни, обильной высокимъ идеализмомъ.

Мы довольно подробно остановились на «Днѣ Итога», потому что фигура главнаго героя этой повѣсти составляетъ наиболѣе видный художественный подвигъ нашего беллетриста. Глазковъ настолько цѣльно обрисованъ Альбовымъ, что имѣетъ всѣ права быть причисленнымъ къ почетному разряду типовъ. Въ портретной галлереѣ лицъ, созданныхъ русскимъ романомъ, Глазковъ непремѣнно долженъ имѣть свое мѣсто. Онъ нарисованъ выпукло и отчетливо, вы его не смѣшаете съ другими героями нашей художественной литературы.

Въ творчествѣ Альбова, во всякомъ случаѣ, Глазковъ и глазковщина, если можно такъ назвать безпричинно-ноющій тонъ большинства произведеній нашего беллетриста, являются доминирующими. Не повторяясь въ деталяхъ, авторъ «Дня Итога» часто возвращается къ своему излюбленному герою. Такъ напр. разсказъ «Какъ горѣли дрова», о которомъ мы уже говорили, технически написанъ глаже и менѣе растянутъ, чѣмъ «День Итога», но по существу это повтореніе «психіатрическаго этюда», которымъ такъ удачно дебютировалъ нашъ беллетристъ. Въ обширномъ (неоконченномъ) романѣ «До пристани» глазковщины очень много, точно такъ же, какъ въ романѣ «Ряса» «Главѣ изъ недописанной повѣсти» и др.

Но рядомъ съ мрачными произведеніями въ литературномъ багажѣ Альбова есть вещи совсѣмъ другого характера, можно даже сказать діаметрально-противоположнаго. Какъ оно ни странно для такого угрюмаго писателя, какъ Альбовъ, но онъ является однимъ изъ немногихъ представителей у насъ жанра въ прямомъ смыслѣ этого слова. Въ нашей литературѣ изображеніе мелкой мѣщанской жизни обыкновенно сводится къ изображенію горя и тяготъ, ее одолѣвающихъ. Жанръ-же непосредственный, то, что нѣмцы обозначаютъ словомъ Stilleben и то, что мы привыкли видѣть на картинахъ фламандской школы, рѣдко останавливаетъ на себѣ вниманіе нашихъ беллетристовъ.

Альбовъ изучилъ мелко-мѣщанскую жизнь превосходно. Нужно кстати отмѣтить, что область наблюденій нашего беллетриста очень необширна. Глазковщина, мелкота петербургская и среднее духовенство— вотъ все, что знаетъ авторъ «Дня Итога», «Конца невѣдомой улицы» и «Рясы». Экскурсіи въ другія сферы — напр. изображеніе великосвѣтской жизни въ романѣ «До пристани», или педагогической въ «Филиппѣ Филиппычѣ» оказались довольно неудачными. Нашъ авторъ видимо, и не способенъ воспринимать какія-либо творческія впечатлѣнія внѣ тѣхъ сферъ, которыя только-что были указаны. Вотъ онъ напр., какъ мы уже знаемъ, видѣлъ вблизи войну 1877 — 1878 года. Казалось-бы, какое сильное впечатлѣніе должна была она произвести на человѣка, во всю свою жизнь не бывавшаго дальше Парголова. И, однако-же, кромѣ наскоро продиктованнаго въ 4 дня очерка для «Сборника военныхъ разсказовъ» и въ собраніе своихъ повѣстей авторомъ не включеннаго, да еще крошечнаго этюдца «Транспортъ», Альбовъ нигдѣ военными впечатлѣніями своими не воспользовался. Ясно, значитъ, что они не были сильны.

Да, такъ сфера воспроизведенія нашего автора не велика. Но за то уже знаетъ онъ ее основательно. Вотъ напр. свою жанровую повѣсть «Конецъ невѣдомой улицы» онъ назвалъ «хроникой» и это дѣйствительно цѣлая хроника будничной жизни того уголка, который въ ней изображенъ.

Цѣнныя качества таланта Альбова сказались въ «Концѣ невѣдомой улицы» съ полною силою. Нужно имѣть незаурядное дарованіе, чтобы изъ такого ничтожнаго матеріала создать такую *занимательную* вещь, которая съ неослабѣвающимъ интересомъ читается до самаго конца, хотя объемъ повѣсти равняется десяти печатнымъ листамъ. Два пріятеля запьянствовали—вотъ и все содержаніе «Конца невѣдомой улицы». Но сколько тутъ вплетено забавныхъ эпизодовъ, сколько комическихъ положеній, какая бездна наблюдательности, съ какимъ творческимъ воодушевленіемъ вырисованы разныя мелкія подробности житья-бытья петербургскихъ окраинъ!

Промежуточное мѣсто между жанромъ и «психіатрическими» этюдами Альбова занимаетъ романъ его «Ряса», посвященный изображенію петербургскаго духовенства. Онъ написанъ съ обычнымъ мастерствомъ языка нашего автора, но въ общемъ нѣсколько скучноватъ. Тоже приходится сказать о «Филиппѣ Филиппычѣ». Оборванный на половинѣ романъ «До пристани» читается съ интересомъ, несмотря на длинноты и крайнюю растянутость — результатъ непохвальной манеры многихъ современныхъ беллетристовъ сдавать въ редакціи еле начатыя вещи и писать вторую главу, когда первая уже *набирается.*

Тѣмъ же путемъ доставленія по одной главѣ для воскреснаго фелье-эна составился изготовленный Альбовымъ въ сотрудничествѣ съ К. С. ›аранцевичемъ юмористическій романъ «Вавилонская Башня». Здѣсь ъ комическомъ видѣ фигурируютъ подъ прозрачными псевдонимами ѣятели существовавшаго въ Петербургѣ въ началѣ 80-хъ годовъ Пушкинскаго кружка» — разнаго рода литературная мелкота, во-бразившая себя заправскими писателями. «Вавилонская Башня» мало рибавила лавровъ къ «тоталитету» литературной репутаціи обоихъ второвъ.

Зато нельзя не отнестись съ горячею похвалою къ небольшому азсказу Альбова «Рыбьи Стоны». Это настоящій литературный перлъ, ъ сожалѣнію мало извѣстный читающей публикѣ благодаря тому, что азсказъ первоначально печатался въ фельетонѣ одного юмористиче-сдаго листка и только недавно появился въ отдѣльномъ изданіи. Въ Рыбьихъ Стонахъ» сказались лучшія стороны таланта нашего писа-эля — широкій размахъ кисти, сосредоточенно-серьезное отношеніе къ южету и прекрасный языкъ. Языкъ Альбова вполнѣ индивидуаленъ. то языкъ истиннаго реалиста: въ немъ нѣтъ и тѣни петербургской рилизанности, но нѣтъ и вульгарности.

*Альбовъ, протоіерей Михаилъ Павловичъ †). *По свѣдѣніямъ отъ его полученнымъ* родился 10 авг. 1844 г. въ селѣ Богоявленье-аменье, солигалическаго уѣзда костромской губ., гдѣ отецъ его былъ риходскимъ священникомъ, учился въ петербургской Духовной Ака-эміи, по окончаніи курса которой въ 1869 г., со степенью магистра, ъ томъ же году былъ назначенъ преподавателемъ церковнаго права психологіи въ Военно-Юридическое училище. Въ настоящее время)стоитъ профессоромъ богословія и настоятелемъ церкви Лѣсного нститута и преподавателемъ церковнаго права въ Военно-Юридической кадеміи.

Литературные труды его: 1) Апокрифическое евангеліе,—магистерская дис-›ртація, печатавшаяся въ «Христіанскомъ Чтеніи» за 1871 и 1872 гг. и вышедшая :дѣльною книгою въ 1872 г., 2) *Краткій курсъ по церковному праву*—Спб. 1882 г. нига представляетъ собою сокращеніе лекцій, читанныхъ А. слушателямъ—офи-эрамъ Военно-Юридической Академіи со времени введенія церковнаго права ъ общій курсъ юридическихъ наукъ, въ 1878 г. Она имѣетъ по преимуществу ›дагогическій характеръ.

---

†) Отзывы о курсѣ церковнаго права: 1) въ «Руководствѣ для сельскихъ па-:ырей» 1882. 2) «Церков. Общ. Вѣст.» 1882 г. 3) «Церковный Вѣст.» 1882 г. по-іѣдній № года. На эту рецензію протоіерей помѣстилъ отвѣтъ въ той же газетѣ ъ январѣ 1883 г. 4) „Чтеніе въ Общ. люб. дух. просвѣщ." 1882 г. 5) „Голосъ" 1882 г.

* означаются статьи. имѣющія характеръ первоисточника.

Альбовъ, Өедоръ А—вичъ, врачъ, учившійся въ московской медико-хирургической академіи †). Напечаталъ:

Переводы: 1) *Мажанди*, Фармакографія съ фр. М. 1840. 2) *Жалодъ Лафонъ*, Радикальное врачеваніе грыжъ. М. 1842 и 2-ое изд. М. 1847. **Оригинальныя статьи:** 3) *О возможности, необходимости и пользѣ разведенія марены (крапа) и фабрикаціи маренной вытяжки (гарансинъ)* въ «Моск. Вѣд.» 1847 г. № 43. 4) *О томъ, что послужило жителямъ посада Пареентьева (Костр. губ.) предохранительнымъ средствомъ отъ холеры* въ «Костр. Губ. Вѣд.» 1859 г. № 8—11. Оказывается, что сосновый лѣсъ, окружающій посадъ.

Альбовъ, Ф. Написалъ «*Опытъ теоретическаго и практическаго руководства къ красильнымъ и набивнымъ искусствамъ съ предварительнымъ наставленіемъ касательно воздѣлыванія и обработки красильныхъ матеріаловъ*». *М. 1847*. Ц. 1 р. 50 к. Должно быть ему-же принадлежитъ «*Краткое изложеніе воздѣлыванія общеизвѣстныхъ озимыхъ яровыхъ хлѣбовъ на поляхъ и огуменникахъ Россіи*». Въ пособіе низшимъ школамъ. Спб. 1885 г. 8°. 48 стр. и нѣсколько статей популярно-технологическаго характера въ «Ремес. Газетѣ» 1874 г.

Альбрехтъ, К. составитель учебниковъ по музыкѣ, см. въ концѣ настоящаго тома.

Алье, лекторъ французскаго языка въ Петерб. Унивeр. † 1849 г.

Альмедингенъ, Александръ Николаевичъ, химикъ, см. въ концѣ настоящаго тома.

* **Альмедингенъ,** Алексѣй Николаевичъ. *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ*, род. въ 1855 г., въ селѣ Великорѣцкомъ, вятской губерніи, учился въ тверской гимназіи, Константин. училищѣ и Военно-Юридической Академіи. Въ настоящее время служитъ въ Главномъ Артиллерійскомъ Управленіи. Съ 1882 г. А. состоитъ дѣятельнымъ сотрудникомъ и вторымъ редакторомъ одного изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ нашихъ — «*Родника*», при которомъ съ января 1888 г. начала выходить «*Читальня народной школы*», назначенная для дѣтей изъ народа.

Альмедингенъ, Е. Н. дѣтская писательница. См. въ концѣ настоящаго тома.

Альминскій, подъ этимъ псевдонимомъ *А. И. Пальмъ* написалъ романъ «Алексѣй Слободинъ» Спб. 1873 г. первоначально напечатанный въ «Вѣст. Евр.» 1872—73 гг.

Альфонскій, Аркадій Алексѣевичъ, хирургъ ††). Род. 8 февраля

---

†) *Змѣевъ*, Врачи-писатели стр. 2. Отзывъ о перев. Мажанди въ „Отеч. Зап." ч. 12, отд. VI, стр. 44. О переводѣ Жалодъ-Лафона въ „Отеч. Зап." ч. 29, отд. стр. 62.

††) *Біографическія свѣдѣнія объ А.* 1) „Словарь проф. Москов. Унив." стр. 1—3.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

1796 г. въ Вологдѣ, гдѣ отецъ его (сынъ переяславскаго священника) пользовался обширною извѣстностью какъ искусный врачъ. Послѣ смерти отца, мать на 4 году отвезла А. въ Москву и здѣсь помѣстила въ славившееся въ то время училище при новой лютеранской церкви. Стоявшій во главѣ училища извѣстный пробстъ Гейдеке очень полюбилъ А. и даже хотѣлъ на свой собственный счетъ отправить даровитаго мальчика въ Германію или въ Дерптъ. Но мать предпочла отдать его въ московскій универ., куда онъ въ 1810 г., т. е. 14 лѣтъ отъ роду, и поступилъ на медиц. факультетъ. Деканъ Мудровъ, знакомый отца, проф. Данилевскій и проф. хирургіи Өед. Андр. Гильтебрандъ очень обласкали юнаго студента и въ домѣ послѣдняго онъ даже и жилъ до окончанія курса. Съ нимъ же А. послѣ вступленія непріятеля въ Москву, отправился во Владиміръ на Клязьмѣ и былъ ему дѣятельнымъ помощникомъ въ леченіи многочисленныхъ жертвъ войны. Въ 1817 г. А. кончилъ курсъ докторантомъ и въ томъ же году, защитивъ диссертацію на степень доктора медиц., былъ оставленъ при университетѣ по кафедрѣ хирургіи. Въ 1819 г. его назначили адъюнктомъ, въ 1823 г. экстраординарнымъ профессоромъ, въ 1829 г. ординарнымъ профессоромъ. Любимый товарищами А., по выбору ихъ, 8 лѣтъ былъ деканомъ медицинскаго факультета, 4 года проректоромъ, а съ 1842 г. — ректоромъ университета. Послѣднюю должность онъ занималъ до ухода своего изъ университета въ 1848 г. со званіемъ заслуженнаго профессора. По увольненіи изъ университета совѣтъ удостоилъ его выборомъ въ почетные члены. Съ 1850 г. А. по назначенію отъ правительства (выборное ректорство было отмѣнено въ 1849 г.) снова занялъ должность ректора и состоялъ въ ней вплоть до введенія новаго унив. устава въ 1863 г. Въ отсутствіи попечителя московскаго округа А. неоднократно замѣнялъ его.

Альфонскій не былъ сколько-нибудь выдающимся теоретикомъ и почти ничего не написалъ. Но онъ былъ искусный хирургъ и пользовался огромною извѣстностью какъ счастливый операторъ. Въ особенности громкую славу доставили ему литотоміи. Въ преподаваніи А. главнымъ образомъ придерживался ученія французскихъ хирурговъ. Кромѣ университетскихъ должностей А. съ 1830 г. по 1850 г. занималъ важное мѣсто главнаго врача московскаго Воспитательнаго Дома.

(автоб. записка). 2) *Шевыревъ,* Ист. Моск. Унив. 3) *Richter*, Gesch. der. Med. in Russland. III. стр. 415. 4) „Справ. Энц. Сл.“ Старчевскаго. 5) *А. Полунина* некрологъ въ „Моск. Вѣд.“ 1869. №№ 5 и 6. 6) *Его-же* въ „Моск. Унив. Изв“ 1869. № 1. 7) „Совр. Лѣт.“ 1869 № 4. 8) „Ж. Мин. Нар. Пр.“ 1869. № 1. 9) „Илл. Газ“ 1869. № 2, 10) *Гр. Панина* въ „Чт. ист. и др, Рос.“ 1870. № 4, 11) Геннади, Словарь. 12) *А. Θ. Змѣевъ,* Врачи-писатели, вып. I.

А. умеръ 4 янв. 1869 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника и въ званіи члена множества ученыхъ обществъ.

Сочиненія Альфонскаго: 1) „De keratonyxide, id e. nova suffisionis chirurgia". Дисс. на ст. докт. мед. М. 1817. 8. 2) „De localibus morborum causis, quae sic dictam constitutionem climaticam spectant et de diverso morborum charactere ex inde oriund. Рѣчь говорен. въ торжественномъ собраніи Моск. Универ." М. 1827. 4°. typ. univ. caes.

Альфонскій, -Аркадій Аркадіевичъ, сынъ предъидущаго, врачъ †). Въ 1840 г. кончилъ курсъ въ москов. университетѣ лекаремъ I отд., въ 1854 получилъ степень доктора медицины за диссертацію *De cancro*. М. 1854. Служилъ при московскомъ воспитательномъ домѣ.

Алякринскій, Иванъ, посредственный стихотворецъ, авторъ изданной въ Москвѣ въ 1837 году книги подъ заглавіемъ «Рогнѣда. Романическая поэма». Поэма занимаетъ цѣлыхъ 10 печатныхъ листовъ убористой печати, но складу въ ней мало. Она представляетъ собою грубое подражаніе «Руслану и Людмилѣ», откуда даже взяты имена нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ. Стихи, которыми написана поэма, примѣрно такіе:

Здѣсь чудеса: отъ самыхъ вратъ
И до чудеснаго чертога
Блистаетъ яшмами дорога;
По сторонамъ ея кипятъ
Изъ одного сребра фонтаны;
Подъ шумомъ ихъ гремучихъ волнъ
Боговъ славянскихъ истуканы
Казалось—мраморъ оживленъ!
Здѣсь Ладу нѣжній Лель цѣлуетъ,
Играя шелкомъ русыхъ косъ;
Тамъ Похвистъ бурей шумной дуетъ;
Съ быкомъ на пожитяхъ Волосъ.
Веселый туръ колядѣ машетъ;
Взобравшися на старый вязъ,
Здѣсь козлоногій лѣшій пляшетъ;
Тамъ вѣдьма въ кошку обратясь,
Бѣжитъ за юношей прелестнымъ
Здѣсь съ мрачнымъ видомъ Чернобогъ
Противъ него съ лицомъ небеснымъ
Какъ майскій день блеститъ Бѣлбогъ и т. д.

Алякринскій, Митрофанъ Ивановичъ, медикъ ††) происходилъ изъ духовнаго званія. Р. 28 мая 1794 † 29 сент. 1872 во Владимірѣ. Въ 1821 г. кончилъ московскій университетъ лекаремъ и былъ оставленъ при университетѣ, а также назначенъ суб-инспекторомъ. Въ 1825 защитилъ докторскую диссертацію, въ 1830 назначенъ инспекторомъ врач. управы во Владимірѣ. Въ этой должности и умеръ. Преподавалъ кромѣ того во влад. семин. начатки медицины. Написалъ двѣ мед. статьи въ «Влад. губ. вѣд.» 1861 и «Другѣ Здравія» 1834. № 5 и дисс. «De asphicticis resuscitandis». М. 1825. 8°.

Алѣева, **Наталья**—псевд. Н. А. Утиной (романъ «Два міра»).

---

†) *Змѣевъ*. Врачи-писатели стр. 4.

††) 1) *К. Тихонравовъ* во „Влад. Губ. Вѣд." 1872. № 36 2) *И. С.* во „Влад. еп. вѣд." 1872. № 18. 3) *В. И. Соколова* Ibid. № 8, и 18. 4) *Змѣевъ* „Врачи-писатели" вып. I.

Алѣевъ, напечаталъ «*Теорію межевыхъ законовъ*» 2 ч. М. 1824 - 1825 г. 12°. На обложкѣ авторъ названъ учителемъ «учрежденнаго пр Межевомъ Корпусѣ Константиновскаго училища». Книга имѣетъ спр вочно-учебный характеръ.

Алѣевъ, Александръ Егоровичъ. Въ 1878 г. издалъ въ Петербур сборникъ «Смѣхъ и Слезы, лирическія и юмористическія стихотворенія Стихи приблизительно такіе, какіе печатаются въ мелкихъ иллюстри ванныхъ журналахъ нашихъ.

М. («Рус. Худож. Листокъ» 1857 г. № 14) — псевдонимъ А. М жайскаго.

* **Амалицкій**, Владиміръ Прохоровичъ, геологъ †). *По свѣдѣніям отъ него полученнымъ*, родился 1-го іюля 1860 г. въ деревнѣ Стар кахъ, житомирскаго уѣзда, волын. губ. Родители — уроженцы мог левской губ., православные дворяне; мать — урожденная Голуб ская. По смерти отца, когда В. П. было три года, Амалицкіе п реѣхали въ г. Мстиславль; 10-ти лѣтъ В. П. былъ отвезенъ въ П тербургъ. Образованіе свое началъ во 2-й гимназіи, затѣмъ был принятъ пансіонеромъ на казенный счетъ въ 3 гимназію. По око чаніи въ ней курса поступалъ въ петербургскій университетъ естественному факультету. По выходѣ изъ университета В. П. бы приглашенъ участвовать въ экспедиціи по изслѣдованію нижегоро ской губ., въ почвенномъ и геологическомъ отношеніяхъ. Въ 1884 - 86 гг. сдѣлалъ нѣсколько экскурсій съ научною цѣлью въ Середню Россію и полтавскую губернію. Въ 1887 г. (11 ноября) защити диссертацію на степень магистра геогнозіи и минералогіи, подъ загл віемъ:

1) „*Пермскія отложенія Окско-Волжскаго бассейна*". Кромѣ того, В. П. нап чаталъ: 2) „*Горбатовскій уѣздъ въ геологическомъ и почвенномъ отношеніяхъ*"; „*О возрастѣ яруса пестрыхъ породъ въ Окско-Волжскомъ бассейнѣ*"; 4) „*Нѣсколь замѣчаній о почвахъ Полтавской губерніи*", и 5) *Возраженіе г. Никитину* (на н мецк. языкѣ). Вмѣстѣ съ тѣмъ В. П. участвовалъ въ составленіи почвенной геологической карты нижегородской губерніи и сдѣлалъ нѣсколько сообщен въ с.-петербургскомъ общ. естествоиспытателей.

Молодой геологъ, начавъ свою дѣятельность при изслѣдованіяхъ пр фессора В. В. Докучаева въ нижегородской губ., столкнулся съ осадо ными образованіями Волжско-Окскаго бассейна, изученію которых

---

†) Отзывы о работахъ А.: 1) *Никитинъ* въ „Геологической Библіотекѣ" 1886 и 1887 гг. 2) „I. Neues Jahrbuch für Min. Geologie und Paleontologie 1887 г. 3) *Линкъ* въ „N. J. für M. G. Pal." 1887 г. 4) *Левинсонъ-Лессингъ* въ „Bu de la Soc. Geol. Belg." 1887 г. 5) Отчеты о диспутѣ въ „Новомъ Времени" „Новостяхъ", ноябрь 1887 г.

* означаются статьи, имѣющія характеръ первоисточника.

естественно и посвящены большая часть его работъ. Заслуга его заключается въ томъ, что при изслѣдованіи этихъ образованій онъ сосредоточилъ свое вниманіе на самыхъ спорныхъ, мало выясненныхъ осадкахъ, на такъ называемыхъ «пестро-цвѣтныхъ породахъ», опредѣленіе возраста которыхъ составляетъ одинъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ по геологіи Россіи и до сихъ поръ еще не рѣшенныхъ, несмотря на попытки многихъ прекрасныхъ геологовъ. Вслѣдствіе такой трудности самаго вопроса, надъ которымъ трудился молодой ученый, приходится сказать, что работы его, хотя и заключаютъ много интересныхъ фактовъ, но нѣкоторые изъ его выводовъ не могутъ считаться окончательно доказанными, что уже отмѣчено научною критикой. И. Мушкетовъ.

Амбодикъ, (ambo dic — два раза скажи) — подъ этимъ псевдонимомъ писалъ и былъ извѣстенъ знаменитый врачъ прошлаго столѣтія Несторъ Максимовичъ Максимовичъ.

Амвросій, архимандритъ. По Геннади издалъ въ Спб. въ 1801 г. «*Слово на погребеніе Его Превосходительства господина тайнаго совѣтника Никиты Артамоновича Муравьева, сказанное 1799 г. апрѣля 22 дня*».

Амвросій, архимандритъ ростовскаго Богоявленскаго монастыря. Въ 1664 г. вышли въ Москвѣ переведенныя съ греческаго «*Бесѣды на Евангелиста Матѳея*». Сто лѣтъ спустя, въ 1781 г., въ Москвѣ-же появилось второе ихъ изданіе «пересмотрѣнное и исправленное съ греческаго подлинника ростовскаго Богоявленскаго монастыря Архимандритомъ Амвросіемъ» въ листъ. (Соп. 461). Тотъ-же А. причастенъ къ книгѣ: «*Евангелія св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, истолковано св. Іоанномъ Златоустомъ: переложено съ Еллино-Греческаго монахомъ Святогорцемъ, Максимомъ Грекомъ, и ученикомъ его монахомъ Селиваномъ въ 1554 г. свидѣтельствовано исправлено съ Славянскихъ письменныхъ и Греческихъ печатныхъ переводовъ; а при печатаніи исправлены Святогорцемъ Деонисіемъ, со клевреты его, четыре токмо бесѣды, переведенныя (княземъ) Андреемъ Курбскимъ*». 2 ч. М. 1765. Въ 1793 г. въ Москвѣ появилось этой книги «изданіе второе, исправленное съ греческаго подлинника, Ростовскаго Богоявленскаго монастыря Архимандритомъ Амвросіемъ, и Московскаго Знаменскаго монастыря Игуменомъ (что нынѣ Архіепископъ Псковскій Ржевскій) Иринеемъ» въ листъ. (Соп. 463).

Амвросій, епископъ вятскій и тобольскій †). По *Чистовичу*, и на-

---

†) 1) *Чистовичъ*, Ист. Спб. Акад. стр. 93 и 247. 2) *Забѣлинъ*, Опис. Донскаго монастыря, стр. 78. 3) *Никитниковъ*, іерархія Вятской епархіи, стр. 85. 4) *Н. Абрамовъ* „Амвросій II Рождественскій" („Странникъ" 1869, № 10). 5) *Филаретъ*. Обзоръ. 6) *П. Савантовъ*, въ „Странникѣ" 1869 г. № 11.

и болѣе обстоятельному изъ біографовъ А.—*Н. А. Абрамову* его мірское имя Алексѣй *Рождественскій*, но по *Никитникову*, пользовавшемуся архивомъ вятскаго каѳедр. собора, преосвященнаго звали Алексѣемъ *Вѣщезоровымъ*. Надо думать, что при поступленіи въ семинарію фамилія Вѣщезорова, какъ это часто тогда практиковалось, была передѣлана на книжный ладъ въ Рождественскаго.

А. родился въ новгородской губ., учился въ Кирилловской и петербургской семинаріи и по окончаніи курса преподавалъ въ ней греческій языкъ, а съ 1798 г. по принятіи монашества—краснорѣчіе; въ 1800 г. возведенъ въ санъ архимандрита Спасоприлуцкаго монастыря съ опредѣленіемъ ректоромъ вологодской семинаріи, въ 1810 вызванъ въ Петербургъ на чреду священнослуженія, 1811 назначенъ въ Иверскій первоклассный монастырь, съ 1812 по 1814 состоялъ въ должности инспектора петербургской духовной академіи; (при ректорѣ Филаретѣ, впослѣдствіи митрополитѣ московскомъ), въ 1816 г. переведенъ въ московскій Донской (ставропигіальный) монастырь и назначенъ предсѣдателемъ комитета московской духовной цензуры; въ 1817 г. хиротонисанъ въ епископы вятскіе, въ 1822 г. назначенъ въ Тобольскъ съ возведеніемъ въ санъ архіепископа. Скончался 14 февр. 1825 г. въ Тобольскѣ.

По указанію П. Саваитова, въ его статьѣ объ Амвросіѣ Орнатскомъ («Странникъ» 1869 г. № 11), Амвросію Рождественскому принадлежитъ приписанное „Обзоромъ" Филарета Амвросію Орнатскому «Слово въ день Донской Богоматери». М. 1816.

Амвросій (Дубнѣвичъ) †), родился въ концѣ XVII вѣка въ польской Украйнѣ, въ с. Подгурьѣ, учился въ кіевской академіи, при которой по окончаніи курса въ ней, былъ оставленъ въ качествѣ учителя низшихъ классовъ. Но въ 1727 г. мы уже видимъ его префектомъ, а съ 1731 по 1737 г. — ректоромъ кіевской академіи и профессоромъ богословія. Кромѣ знаній богословскихъ, Д. видимо обладалъ знаніями юридическими, о чемъ можно судить по тому, что когда при Петрѣ II была учреждена коммиссія для составленія свода Литовскаго Статута и магдебургскаго права, его назначили туда членомъ и онъ въ трудахъ этой коммиссіи принялъ дѣятельное участіе. Въ 1737 году Д. былъ возведенъ Рафаиломъ Заборовскимъ въ санъ архимандрита сначала братскаго монастыря, а потомъ Михайловскаго (въ Кіевѣ-же).

Въ 1739 г. Д. былъ переведенъ въ Троицко-Сергіеву лавру, а въ 1742 г. хиротонисанъ во епископа черниговскаго. † въ время объѣзда

†) 1) *Марковичъ*, „Записки", ч. II, стр., 210. 2) *Амвросій*, Исторія росс. іерархіи, ч. I, стр. 154; ч. II, стр. 181. 3) *Евгеній*, „Описаніе Кіево-Софійскаго

епархіи 23 февраля 1750 г. въ Глуховѣ. Оставшіяся послѣ него рукописныя записки по богословію, по отзыву митрополита Филарета (Гумилевскаго), «отличаются тѣмъ, что онъ первый ввелъ особый трактатъ о десятословіи и евангельскомъ законѣ, тогда какъ до него ни Ѳеофанъ Прокоповичъ, ни его преемники вовсе не преподавали нравственнаго богословія».

Въ черниговской семинаріи, гдѣ Д. ввелъ преподаваніе философіи, сохраняется манускриптъ его: «*Tractatus theologicus de Deo uno in personis trino*». а въ нѣжинскомъ монастырѣ: «*Philosophia peripathetica*».

Амвросій (Андрей Степановичъ *Зертисъ-Каменскій*), архіепископъ московскій. †). Р. 17 октября 1708 г. въ Нѣжинѣ. Отецъ его—Стефанъ Константиновичъ Зертисъ, по происхожденію валахъ, въ 1691 г. выѣхалъ изъ Валахіи въ Малороссію и, какъ знатокъ румынскаго, турецкаго и греческаго языковъ, получилъ у Мазепы мѣсто переводчика. За дѣятельное противодѣйствіе измѣнническимъ замысламъ Мазепы, Петръ наградилъ Зертиса помѣстьемъ въ Нѣжинскомъ полку. Онъ умеръ въ 1722 г. и 14-лѣтній сынъ его остался на попеченіи дяди своего по матери — соборнаго старца Кіево-Печерской лавры Владиміра Каменскаго, фамилію котораго онъ присоединилъ къ своей, когда, по настоянію старца, поступилъ въ кіевскую духовную академію. По окончаніи академическаго курса, А., какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, былъ отправленъ для усовершенствованія въ львовскую духовную академію. По возвращеніи оттуда онъ поѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь тотчасъ-же хотѣлъ принять монашество, но

Собора", прибавл., стр. 299. 4) *Аскоченскій*, Кіевъ, ч. II. стр. 50. 5) *Филаретъ*, „Обзоръ", стр. 322 — 23. 6) *Его-же*, „Описаніе Черниг. епархіи", стр. 85 — 87. 7) *Геннади*, „Словарь", 21.

†) 1) *Новиковъ*, „Словарь". стр. 8 — 12. 2) *Евгеній*, „Словарь дух. пис.", стр. 21—25. 3) *Д. Бантышъ-Каменскій* (родственникъ архіепископа), „Жизнь преосв. Амвросія", съ портретомъ. М. 1813 г. Эта же книжка въ извлеченіи вошла въ книгу того же автора: „Словарь достопамятныхъ людей". изд. 1836 г., стр. 30—37. 4) *Князь Д. Эристовъ* въ „Энциклоп. лексик." Плюшара. 5) *А. Власовъ*, въ „Энц. слов." изд. рус. пис. и уч., т. IV, стр. 36—37. 6) Энцикл. словари Старчевскаго, Березина, Тола и др. 7) *Аскоченскій*, Кіевъ, ч. II, стр. 50. 8) *Филаретъ*, „Обзоръ", стр. 343. 9) *Чистовичъ*, „Ист. пет. дух. ак.", стр. 20, 21, 36 и 433—35. 10) „Прав. собес.", 1865 г., № 11, стр. 203—14. 11) „Сем. веч.", 1865 г., № 3. 12) „Вят. еп. вѣд.", 1871 г., № 20. 13) „Нива", 1872 г., № 6. 14) *Геннади*, „Словарь". 15) *Купріяновъ* въ „Рус. Словѣ" 1861 г. № 11. 16) *Протоіерей Алексѣевъ* въ „Рус. Арх." 1863 г. 17) „Памятники новой рус. ист." Спб. 1873 г. т. III. 18) *Я. Ростъ*, Письма и повелѣнія имп. Екатерины II. М. 1808. ст. 82—96. 19) „Спб. Учен. Вѣд." 1774 стр. 79—80, 20) Записки Болотова въ „Р. Ст." 1871 г.

Ѳеофанъ Прокоповичъ сильно отклонялъ его отъ этого намѣренія, указывая на то, что такое намѣреніе требуетъ очень зрѣло обдуманной рѣшимости. Уговариванія Ѳеофана и прочитанная, по настоянію послѣдняго, книга «Похвала супружества» на время удержали А. отъ постриженія, но чрезъ нѣсколько лѣтъ, именно въ 1739 г. онъ все-таки привелъ въ исполненіе свое намѣреніе. Въ промежуткѣ онъ слушалъ лекціи въ московской духовной академіи и былъ учителемъ александро-невской семинаріи. Въ 1742 г. А. былъ назначенъ префектомъ этой семинаріи, въ 1748 г. — архимандритомъ подмосковнаго ставропигіальнаго Воскресенскаго монастыря, извѣстнаго подъ названіемъ «Новый Іерусалимъ», и вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ Синода. Свое пребываніе въ Воскресенскомъ монастырѣ А., славившійся какъ превосходный знатокъ церковной и гражданской архитектуры и какъ человѣкъ съ художественно-развитымъ вкусомъ, ознаменовалъ рядомъ величественныхъ построекъ. Въ 1753 г. онъ былъ назначенъ епископомъ переяславскимъ и дмитровскимъ, въ 1761 г. переведенъ въ епархію сарскую и подонскую, а въ 1764 г. возведенъ въ санъ архіепископа крутицкаго. Въ 1768 г. Императрица Екатерина II, такъ же благоволившая къ А., какъ и предшественница ея, Императрица Елизавета Петровна, назначила его архіепископомъ московскимъ и именнымъ указомъ поручила ему возобновленіе трехъ главныхъ соборовъ московскихъ: Успенскаго, Благовѣщенскаго и Архангельскаго. Но не долго пришлось просвѣщенному іерарху занимать московскую каѳедру. Въ 1771 г. онъ трагически погибъ, павъ жертвою своей просвѣщенности и своего искренняго стремленія къ общему благу. Въ этотъ годъ въ Москвѣ, какъ извѣстно, свирѣпствовалъ «моръ» — страшная чума, занесенная въ Россію изъ Молдавіи и Валахіи. Не мало начальствующихъ лицъ поспѣшно уѣхало изъ зачумленной столицы, бросивъ на произволъ судьбы ввѣренныя имъ части управленія. Амвросій не былъ изъ ихъ числа. Подвергая себя всѣмъ ужасамъ страшной болѣзни, онъ остался на своемъ посту и принялъ дѣятельное участіе въ изысканіи средствъ борьбы съ повѣтріемъ. Въ числѣ такихъ средствъ врачи особенно настаивали на предупрежденіи скопленія народныхъ массъ и А., понимая всю важность этого, запретилъ безпрерывные крестные ходы, къ которымъ то и дѣло прибѣгало, съ одной стороны, суевѣрное московское населеніе, смотрѣвшее на врачей, какъ на отравителей и искавшее спасенія во всемъ, кромѣ медицины, а съ другой—московское духовенство, извлекавшее денежныя выгоды изъ ложной религіозности обезумѣвшей столицы. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ запрещеніе крестныхъ ходовъ, сопровождав-

шееся, кромѣ того, запрещеніемъ хоронить умершихъ отъ чумы при городскихъ церквахъ (А. велѣлъ хоронить ихъ на особомъ чумномъ кладбищѣ), возбудило большое неудовольствіе противъ архіепископа, которое особенно разжигали раскольники. До поры до времени это неудовольствіе, однако-же, ни въ чемъ осязательно не выразилось. Но вотъ 14 сентября 1771 г. ловкіе люди заставили толпу броситься къ Варварскимъ воротамъ искать исцѣленія у иконы св. Варвары и, пользуясь смятеніемъ и давкою, обкрадывали и вымогали у легковѣрныхъ и обезумѣвшихъ отъ страха бѣдняковъ послѣднія крохи.

Узнавъ о скопищѣ, А. немедленно велѣлъ убрать икону. Когда вѣсть объ этомъ распоряженіи разнеслась по фанатизированной Москвѣ, народъ пришелъ въ ярость и, разжигаемый солдатомъ Быковымъ и фабричнымъ Афанасьевымъ, ринулся на слѣдующій же день, 15 сентября, къ Чудову монастырю съ цѣлью убить архіепископа. Во время предупрежденный, А. успѣлъ скрыться въ Донскомъ монастырѣ, а толпа была разогнана солдатами. Возбужденіе, однако, не улеглось и, провѣдавъ объ убѣжищѣ архіепископа, народъ на слѣдующій день бросился къ монастырю, выломалъ ворота и яростно сталъ требовать выдачи А. Архіепископъ въ это время молился предъ алтаремъ и, чтобы спасти его, два бывшіе съ нимъ архимандрита спрятали его на хорахъ. Но одинъ мальчикъ замѣтилъ высунувшуюся полу платья А. и преосвященный былъ вытащенъ на дворъ, гдѣ отъ него потребовали объясненія его распоряженій. Убѣдительно и кротко сталъ архіепископъ давать эти объясненія и народъ имъ было уже совсѣмъ поддался и сталъ расходиться. Но тутъ подскочили только что вышедшіе изъ сосѣдняго кабака пьяный купецъ Иванъ Дмитріевъ и пьяный-же дворовый Раевскаго Андреевъ. Послѣдній, крикнувъ толпѣ: „Чего вы глядите? развѣ вы не знаете, что онъ колдунъ и васъ морочитъ“, ударилъ А. коломъ по головѣ. Миролюбивое настроеніе сразу прошло и въ нѣсколько минутъ несчастный архіепископъ былъ растерзанъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Вмѣстѣ съ архіепископомъ погибла и находившаяся въ Чудовомъ монастырѣ богатая библіотека его, разграбленная при первомъ нападеніи толпы 15 сентября. Тогда-же, повидимому, погибли составленныя имъ записки по исторіи русской церкви.

Принадлежа къ ученнѣйшимъ и образованнѣйшимъ людямъ своего времени. А.. однако-же, изъ оригинальныхъ произведеній оставилъ только: 1) „*Службу св. митрополиту Димитрію Ростовскому*“. По словамъ митр. Евгенія, она „была помѣщена и въ печатныхъ минеяхъ, но потомъ выключена“. Евгеній утверждаетъ также, что были напечатаны: 2) нѣкоторыя *Поученія* А.. но ни у Сопикова, ни въ росписи Смирдина указаній на это нѣтъ.

Очень много трудился за то А. надъ переводами. Важнѣйшимъ изъ нихъ, несомнѣнно, былъ: 3) переводъ съ еврейскаго подлинника „*Псалтыри*", исполненный вмѣстѣ съ архимандритомъ Донскаго монастыря Варлаамомъ. Переводъ былъ совершенно закончeнъ и начисто переписанъ для поднесенія Императрицѣ, но смерть А. остановила дѣло и трудъ архіепископа долго лежалъ въ рукописи, пока въ 1809 г. не издалъ его *Андрей Рѣшетниковъ* въ своемъ полномъ „Собраніи псалмовъ Давида, поэта и царя, переложенныхъ какъ древними, такъ и новыми россійскими стихотворцами". Переводъ не отличается точностью и коситъ главнымъ образомъ характеръ парафрастическій. Кромѣ псалтыри, А. перевелъ: 4) съ лат. **Гугона Гроціа**, „*Разсужденіе противъ атеистовъ и неутралистовъ*" М. 1765.; 2-е изд. М. 1781 г. (Соп. 9615); 5) съ греч. св. **Игнатія** Богоносца, еп. Антіохійскаго, „*Посланія*", М. 1772 и слѣд. изд. М. 1784, 1789 и 1824 гг., Слав. букв. (Соп. 397, 99); 6) съ греч. „*Иже во святыхъ отца нашего* **Кириллы**. *арх. Іерусалимскаго, поученія огласительныя и тайноводственныя*", Слав. букв., М 1772 г., 2-е изд. 1784 г. (Соп. 572—73), 3-е изд. 1822 г.; 7) съ греч. **Іоанна Дамаскина** „*Богословіе или изложеніе православной вѣры*", М. 1774 г. Переводъ отличается большою точностью и лучше перевода той же книги, сдѣланнаго въ 1665 г. Епифаніемъ Славинецкимъ. 8) Въ „*Опытѣ о человѣкѣ*" **Попа**, изд. въ 1757 г. Поповскимъ, А. принадлежатъ, какъ сказано у Новикова, исправленія „во многихъ мѣстахъ при разсужденіяхъ до вѣры принадлежащимъ". 9) Изъ писемъ А., напечатаны: а) въ „Словарѣ знам. люд." Бантышъ-Каменскаго, изд. 1836 г., т. I стр. 36, 37; б) въ „Днѣ" 1865 г. № 39 (о церковн. имуществахъ).

* **Амвросій** (Алексѣй Іосифовичъ *Ключаревъ*), архіепископъ харьковскій †. *По свѣдѣніямъ извлеченнымъ нами изъ архива Св. Синода* сынъ протоіерея владимірской епархіи, гдѣ р. въ 1821. По окончаніи въ 1844 г. курса московской духов. академіи со степенью магистра назначенъ преподавателемъ логики, психологіи и латин. яз. въ Виѳанскую семинарію, въ 1848 г. рукоположенъ во священника сначала москов. Рождественскаго дѣвичьяго монастыря, а чрезъ годъ — московской же Казанской, что у Калужскихъ воротъ, церкви, въ 1864 г. возведенъ въ санъ протоіерея; въ 1877 г. постриженъ въ монашество, съ возведеніемъ тотчасъ же въ санъ архимандрита, а чрезъ мѣсяцъ — въ санъ епископа можайскаго, втораго викарія московскаго. Въ 1878 г. повелѣно ему быть епископомъ дмитровскимъ, первымъ викаріемъ московскимъ, въ 1882 г. — архіепископомъ харьковскимъ.

---

† Нѣсколько біогр. данныхъ о немъ: 1) *Булгаковъ*, Гомилетическая хрестоматія, гдѣ также приведено много рѣчей преосвященнаго. 2) Въ „Истор. Моск. Дух. Акад." Смирнова, стр. 240, 329, 439, 440. 3) Въ приложеніи къ собранію его рѣчей, изд. въ 1883 г.

Отзывы о „Нѣсколькихъ проповѣдяхъ": 1) *В. П.* въ „Листкѣ духов. библіогр., 1873 г., № 6, стр. 81—88. 2) „Домаш. Бесѣда", 1873 г., № 26, стр. 656. 3) „Русское Проповѣдничество", Спб., 1871 г. стр. 326—28. О проповѣдяхъ, произнесенныхъ преосв. въ Харьковѣ, всегда появлялись восторженные отзывы г. *Говорухи-Отрока* въ „Южномъ Краѣ".

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

Отдѣльно изданы Амвросіемъ:

Подъ свѣтскимъ именемъ Ключарева:

1) *Преосвященный Тихонъ, 1-й епископъ воронежскій и елецкій.* М 1844 г. Студенческая работа. 2) *Нѣсколько проповѣдей.* М., 1873 г. Сюда вошли слѣдующія проповѣди: О воспитаніи характеровъ. Объ обязанности каждаго гражданина содѣйствовать исполненію благихъ предначертаній Царя. О гражданской доблести. О вѣротерпимости. О просвѣтительномъ значеніи доброй жизни. Объ аскетизмѣ. О тайной и общественной благотворительности. О средствахъ предохраненія отъ духа невѣрія. О церковной проповѣди, требуемой нашимъ временемъ. О богоустановленныхъ началахъ для обезпеченія внѣшняго быта духовенства православной церкви. О благословеніи Божіемъ, преподаваемомъ чрезъ пастырей церкви. О добрыхъ дѣлахъ. Объ обязанности каждаго христіанина участвовать въ дѣлѣ распространенія вѣры Христовой. Объ убѣжденіяхъ. О средствахъ къ уменьшенію преступленій.

Затѣмъ слѣдуютъ рѣчи, произнесенные при погребеніи и поминовеніи усопшихъ: митрополита Филарета, архіеп. ярославскаго Евгенія, генерала П. А. Титова. протоіерея П. П. Ключарева-Платонова, свящ. В. И. Лебедева, В. П. Шереметевой, П. И. Куманина.

Съ монашескимъ именемъ преосвященнаго появились:

3) *Слово въ день восш. на престолъ Г. И. Алек. Ник. О началахъ христіанскаго воспитанія.* М. 1879 г. 3) *Слово предъ преданіемъ земли тѣла харьковскаго губернатора князя Д. Н. Крапоткина.* М. 1879 г. 5) *Рѣчь по принесеніи вѣрноподданнической присяги Г. И. Александру Александровичу.* М., 1881 г. 6) *Два публичныхъ чтенія о свободѣ печати съ точки зрѣнія православной церкви* (въ залѣ моск. городской думы 17 и 18 марта 1882 г.). М., 1882 г. 7) *Рѣчь при погребеніи генералъ-адъютанта М. Д. Скобелева.* М., 1882 г. 8) *Слово въ день Свящ. Коронованія Ихъ Имп. Вел. Госуд. Имп. Алекс. Алекс. и Госуд. Имп. Маріи Ѳеодор.* Харьковъ, 1883 г. 8) *Проповѣди за послѣдніе годы служенія въ Москвѣ.* М., 1883 г. Тутъ помѣщены слѣдующія рѣчи: О назначеніи женщины. О нравственныхъ средствахъ сохраненія жизни. О начальныхъ пріемахъ христіанскаго воспитанія. О свободѣ совѣсти. О правахъ совѣсти. О нравственныхъ плодахъ посѣщенія храмовъ Божіихъ. О пауперизмѣ. Слово при погребеніи Ю. Ѳ. Самарина. О значеніи для врача христіанскихъ убѣжденій. О степеняхъ любви христіанской. Объ истинномъ значеніи войны. О началахъ христіанскаго воспитанія. О неравенствѣ состояній. О православной вѣрѣ, какъ главнѣйшей нравственной силѣ русскаго воина. О союзѣ государства съ церковью. О чувствѣ собственнаго достоинства. О внутреннемъ опытѣ. Объ истинномъ достоинствѣ женщины. Рядъ словъ, при погребеніи В. М. Бостанджогло. при нареченіи во еписк. Можайскаго, по случаю посѣщенія Успенск. соб. Имп. Алекс. II, на юбилеѣ Г. Е. Щуровскаго, при поминовеніи Н. В. Мевенцева, воспитанникамъ москов. дух. акад., по случаю заключенія мира съ Турціей, при открытіи антропологической выставки, при погребеніи митрополита Иннокентія. при освященіи „Убѣжища" кн. В. А. Долгорукова, по случаю юбилея межеваго института, предъ погребеніемъ князя Д. Н. Крапоткина, по случаю покушенія 19 ноября 1879 г., по случаю открытія общ. попеч. о дѣтяхъ, просящихъ милостыню, по случаю покушенія 5 февр. 1880 г., на панихидѣ по Импер. Александрѣ II, при принесеніи присяги Имп. Алекс. III, по выслушаніи манифеста 29 апр. 1881 г., при открытіи „Общ. любит. церков. пѣнія", при погребеніи М. Д. Скобелева и рѣчь на прощальномъ обѣдѣ.

Слѣдуетъ, затѣмъ, отмѣтить, что преосв. А. долженъ быть на-
ванъ однимъ изъ видныхъ духовныхъ журналистовъ нашихъ. Такъ
нъ является основателемъ московскаго журнала «Душеполезное Чте-
іе», редакціею котораго завѣдывалъ съ 1860 по 1867 г., а въ насто-
щее время подъ непосредственнымъ вліяніемъ преосвященнаго издается
ъ Харьковѣ журналъ «Вѣра и Разумъ». Въ обоихъ этихъ изданіяхъ,
также въ «Москов. Вѣд.» 70-хъ и 80-хъ годовъ помѣщено больше
отни рѣчей А., значительнѣйшія изъ которыхъ вошли въ вышеука-
анные два сборника.

Архіепископъ Амвросій принадлежитъ къ числу самыхъ красно-
ѣчивыхъ и *отзывчивыхъ* современныхъ проповѣдниковъ русскихъ.
остаточно просмотрѣть одни заглавія его проповѣдей, чтобы убѣ-
иться въ томъ, что предъ нами воинствующій публицистъ въ полномъ
мыслѣ этого слова. Потребность высказываться о жгучихъ вопросахъ
ремени такъ велика въ преосвященномъ, что, будучи уже въ высо-
омъ санѣ викарія московскаго, онъ читалъ въ Москвѣ же публичныя
екціи — фактъ крайне рѣдкій въ лѣтописяхъ архіерейской жизни. Въ
собенности, если принять во вниманіе, что сюжетъ лекцій — чисто-
вѣтскій, именно вопросъ о свободѣ печати.

Проповѣди архіепископа Амвросія не имѣютъ ничего общаго съ
ѣмъ, что мы, въ большинствѣ случаевъ, привыкли слышать съ цер-
овной кафедры. Въ этомъ отношеніи его можно назвать однимъ изъ
аиболѣе крайнихъ послѣдователей школы Іоанна Смоленскаго. Про-
овѣди А. по существу представляютъ собою рядъ передовыхъ ста-
ей, со всею ихъ страстностью, со всѣмъ пыломъ полемическаго
влеченія.

Въ какой же газетѣ могли бы быть напечатаны эти передовыя
татьи?

Исключительно въ «Москов. Вѣд.» покойнаго М. Н. Каткова, гдѣ
рхіепископъ не рѣдко и печаталъ свои проповѣди еще тогда, когда
нъ принадлежалъ къ бѣлому духовенству.

Арх. Амвросій относится крайне отрицательно къ русскимъ обще-
твеннымъ теченіямъ послѣднихъ 30 лѣтъ и во всѣхъ своихъ много-
исленныхъ рѣчахъ ни разу не нашелъ для нихъ слова привѣта. Въ
уховной жизни новѣйшей интеллигенціи русской онъ видитъ исклю-
ительно разгулъ чувственности и разнузданность страстей.

Кто же разнуздалъ эти страсти, кто далъ чувственности возможность
ринять такія безобразныя формы?

Прежде всего современная наука. «Въ наше время», говоритъ пре-
священный въ своей извѣстной рѣчи объ аскетизмѣ, «наука порабо-
щена интересамъ чувственности Философія работаетъ, чтобъ оправдать

и представить законными ея излишнія притязанія, естествознаніе, чтобы дать ей новыя удобства».

Опираясь на науку, современная общественная мысль извратила всѣ божескіе и человѣческіе законы. Такъ, напр., она внесла страшную смуту въ вопросъ о положеніи женщины. Женщины стали стремиться къ научному образованію, а между тѣмъ «до крайности сложное и доброе научное образованіе безъ пользы обременяетъ головы дѣвицъ, лишаетъ ихъ драгоцѣнныхъ особенностей ума и неуловимыхъ его пріемовъ, исключительно женщинамъ принадлежащихъ»; давая женщинамъ научное образованіе «мы срываемъ ихъ съ почвы дѣйствительной жизни, разрушаемъ въ нихъ связь ума съ сердцемъ». («Проповѣди», изд. 1883 г., стр. 9).

Столь же извращены въ современномъ обществѣ представленія о свободѣ совѣсти:

«Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ ложныхъ понятій о свободѣ совѣсти, мы пришли къ странному, невиданному въ исторіи состоянію умственному и нравственному. Мы вообразили, что какъ мы сами, такъ и другіе вольны думать и дѣлать что хотимъ, вѣровать и не вѣровать, признавать надъ собою обязательную силу нравственнаго закона и не признавать, и соблюдать вѣками установленныя правила благоповеденія и не соблюдать ихъ». (Тамъ-же, стр. 62).

Но всего гибельнѣе лжеученіе, по которому «либеральными, т.-е. обезпечивающими свободу слова были названы тѣ воззрѣнія, которыя уступаютъ право всякому безъ разбора вносить и изрыгать въ среду общества всю гниль, которою переполняются растлѣнные умы и развращенныя сердца». («О свободѣ печати», стр. 25).

„Мы должны имѣть мужество и рѣшимость сознаться и говорить открыто что у насъ свобода печати понимается не вѣрно, и сама печать находится въ рабствѣ у писателей и издателей преимущественно одной извѣстной партіи. Они, овладѣвъ большинствомъ литературныхъ органовъ, подъ знаменемъ свободы слова, заглушая своимъ шумомъ голоса честныхъ, но здравомыслящихъ писателей, тысячами лжей и хитросплетеній подрывая ихъ авторитетъ въ глазахъ общества, обманывая неопытныхъ, развращая невинныхъ, похищая лучшія наши силы, запугивая людей, власть имѣющихъ и служителей церкви именемъ гонителей просвѣщенія, запутывая дѣло воспитанія, сбивая съ толку новые суды и разнаго рода самоуправленія, возмущая въ народѣ его вѣрованія и нравственное чувство, оправдывая и защищая убійцъ —*влекутъ всѣхъ и все къ явной и несомнѣнной гибели*". (Тамъ-же, стр. 56).

Къ чему же привело такое ложное пониманіе?

Высказывая свои общественно-политическія воззрѣнія, преосвященный не обманывается относительно того, какъ они принимаются тѣми, въ обличеніе которыхъ выдвинуты. «Мы напередъ знаемъ», говоритъ онъ въ рѣчи при погребеніи князя Д. Н. Крапоткина, «что ожидаетъ

насъ за излагаемое нами ученіе. Вы завтра же услышите о‌т насъ: это фанатики, это клерикалы». Такой пріемъ весьма мало, смущаетъ архипастыря. Онъ считаетъ «ложнымъ стыдомъ» боязнь упрековъ въ ретроградствѣ и одно изъ пламеннѣйшихъ его состоитъ въ томъ, чтобы исчезъ въ его слушателяхъ этотъ стыдъ, составляющій силу, «которою враги нашей вѣры и церкв бощаютъ насъ своему вліянію и лишаютъ насъ твердости и действій». Такъ напр.:

„Вы, давшій присягу въ вѣрности, подданный своего Государя, член ства, обязанный заботиться объ охраненіи общественной безопасности,— нуждаетесь въ покровительствѣ закона, и вамъ, въ случаѣ нужды и оп запрещается оглашать преступленіе или опасный замыселъ—призывать на помощь; „это доносъ!" Очевидно, васъ хотятъ пристыдить приравне тѣмъ продажнымъ людямъ, которые хотятъ только извлечь собственну изъ чужаго несчастія или погубить врага, не имѣя прямой цѣли охраня даря и общество отъ преступниковъ и преступленій. Но устраните мыс годѣ, наградѣ и личныхъ цѣляхъ, ставьте предъ собою одинъ гражданск и вы, обнаруживая гнѣздящуюся въ нашемъ домѣ, сосѣдствѣ, городѣ развратниковъ, преступниковъ, бунтовщиковъ, исполняете также свою ность, какъ спасающій спящихъ сосѣдей отъ воровъ и пожара".

Амвросій (Лютоцкій) см. въ концѣ настоящаго тома.

Амвросій Могила («Думки и пѣсни», Харьк. 1839 г.) — псе А. Л. Метлинскаго.

Амвросій (Алексѣй Ивановичъ *Моревъ*). †) Р. въ 1783 г. От былъ сельскій священникъ бѣжецкаго уѣзда, тверской губ. въ тверской семинаріи и невской академіи и по окончаніи к послѣдней со степенью кандидата богословія (1807 г.), былъ тамъ-же репетиторомъ въ низшихъ классахъ, затѣмъ переведе телемъ въ тверскую семинарію; въ 1813 назначенъ префектомъ родской семинаріи, въ 1823 г. хиротонисанъ во епископа о скаго, въ 1828 г. переведенъ епископомъ же въ Житоміръ, въ въ Нижній-Новгородъ, въ 1835 г. въ Пензу, гдѣ и скончался 1854 г. (по Филарету въ 1846 г.). Въ 1806 г. издалъ въ Пет «Созерцаніе или изъяснительное описаніе Литургіи, читанное в сандро-Невск. Академіи на публич. собраніи 1806 г. іюля †) (Смирдинъ, № 133).

Амвросій (Андрей Антиповичъ *Орнатскій*) епископъ пензе саранскій ††) р. въ 1778 г. въ череповскомъ уѣздѣ новгоро

---

†) *Чистовичъ*, „Ист. спб. дух. акад.", стр. 139. 2) *Филаретъ*, „Обзоръ", 3) *Макарій*, „Ист. нижегор. іерархіи", стр. 244. 4) *Геннади*, „Словарь"

††) 1) „Исторія рос. іерархіи", ч. II. стр. 827 и 931. 2) *Бантышъ-Каменс* варь изд. 1836. 3) *А. Власовъ* въ „Энцикл. слов. изд. рус. уч. и лит.". 4)

въ погостѣ Чуди или Чудскомъ, гдѣ отецъ его былъ діакономъ мѣстной Рождественской церкви. Какъ отецъ А. такъ и мать его посвятили себя впослѣдствіи иноческой жизни. Въ 1788 г. преосв. поступилъ въ Кириллобѣлозерское училище, въ 1792 г. въ Александроневскую семинарію, по окончаніи курса въ которой (въ 1800) былъ назначенъ сначала учителемъ, а потомъ инспекторомъ, и префектомъ и съ 1808 г. ректоромъ новгородской семинаріи. Въ 1805 г. А. принялъ монашество и былъ причисленъ къ соборнымъ іеромонахамъ Александро-невской лавры. Въ 1808 г. его возвели въ санъ архимандрита 2-класснаго новгор. Антоніева, а въ 1811 г.—первокласснаго Юрьева (новгородскаго же) монастырей. Въ 1812 г. А. былъ переведенъ въ московскій ставропигіальной Новоспасскій монастырь съ назначеніемъ предсѣдательствовать въ моск. комитетѣ духовной цензуры. Въ 1815 г. общество исторіи и древностей за ученыя заслуги избрало его въ дѣйствительные, а въ слѣдующемъ году въ почетные члены. Въ томъ же 1816 г. А. былъ рукоположенъ во епископа старорусскаго, а въ 1819 г. во епископа пензенскаго и саранскаго.

Пензенское пребываніе А. надолго оставило по себѣ память въ жителяхъ этого города. Самъ аскетъ до того, что за все время архіерейства столъ его состоялъ изъ рѣдьки и капусты, Амвросій требовалъ такого же аскетизма отъ подчиненнаго ему духовенства, да и отъ всей окружавшей его среды. Снисхожденія онъ никогда не зналъ. «Я въ экономіи Божіей укусъ» выразился онъ разъ самъ про себя и, вѣрный этому самоопредѣленію, съ такою суровостью и неумолимостью управлялъ епархіею, что получилъ среди терроризованнаго имъ городскаго и сельскаго духовенства прозваніе *Грознаго.*

По отношенію къ свѣтскимъ властямъ Пензы, ему не подчиненнымъ, Амвросій не имѣлъ возможности проявить крутость своего нрава. Но онъ не пропускалъ малѣйшаго случая и ихъ «обрывать», Такъ напр. во время своихъ, отличавшихся всегда необыкновенною торжественностью и утомительною продолжительностью служеній въ каѳедральномъ соборѣ, суровый архіерей не стѣснялся при всемъ народѣ и громогласно дѣлать замѣчанія самымъ высокопоставленнымъ лицамъ города, когда они себѣ позволяли даже ничтожнѣйшее отступленіе отъ церковнаго благочинія, шептались напр. между собою.

„Обзоръ“. 5) *П. Савваитовъ*, въ „Странникѣ“ 1869 г. № 11 и отд. Спб. 1869. 6) *Чистовичъ*, „Ист. Спб. дух. акад.“, стр. 97. 7) Записки неизвѣстной, „Жизнь прожить не поле перейти“ въ „Русск. Вѣстн.“ 1881 г. № 9. 8) *Григорій Мышковъ*, въ „Рус. Стар.“, 1979 г. № 8. 9) Записки лейбъ-медика Тарасова въ „Русской Старинѣ“ 1872 г. № 3, стр. 480—481. 10) *В. Жмакинъ*, въ „Рус. Старинѣ“ 1883 г. № 7. 11) „Сборникъ II отд. Акад. Наукъ“, V вып. I, стр. 23—23.

Въ проповѣдяхъ онъ очень часто задѣвалъ губернатора и его ближнихъ, а въ обыденныхъ бесѣдахъ отпускалъ по адресу пензенскихъ радоправителей самыя злыя и ядовитыя замѣчанія, которыя, конечно, отчасъ-же расходились по губерніи.

Понятно, что при такихъ условіяхъ отношенія между свѣтскою духовною властью Пензы установились самыя натянутыя. И если нѣшній миръ соблюдался, то лишь потому, что архіерею можно было оставить въ укоръ только его чрезчуръ суровый взглядъ на жизнь человѣческія обязанности, между тѣмъ какъ за губернаторомъ и другими пензенскими администраторами водились весьма значительные рѣшки.

Апогея натянутости положеніе достигло во время пріѣзда въ ензу Александра I (1824). За годъ начали готовиться къ царскому осѣщенію. Все чистилось, перестраивалось, подновлялось. Одинъ лько архіерей не дѣлалъ ровно никакихъ приготовленій, не починялъ совершенно развалившагося отъ ветхости архіерейскаго дома, не убиралъ даже мусора предъ окнами. Губернаторъ (Лубяновскій) могъ отнестись равнодушно къ такой небрежности и рискуя навлечь на себя самыя ядовитыя замѣчанія Амвросія онъ поручилъ олиціймейстеру съѣздить къ преосвященному съ просьбою о томъ, чтобы онъ приказалъ къ пріѣзду государя очистить отъ грязи и мусора площадь, лежащую предъ архіерейскимъ домомъ. «Хорошо», сказалъ Амвросій полиціймейстеру, «эту нечистоту можно убрать. Но куда мы уберемъ тебя съ губернаторомъ. Васъ хоть въ землю зарой, дѣла ваши не скроются... Безобразнѣе васъ обоихъ ничего нѣтъ въ Пензѣ».

Государь наконецъ пріѣхалъ. И тутъ начался рядъ безконечныхъ столкновеній, въ которыхъ непреклонный характеръ аскета казался съ особенною силою. Приведемъ наиболѣе характерные эпизоды.

Свѣтское начальство распорядилось встрѣтить государя съ главнаго, западнаго крыльца собора, болѣе удобнаго и параднаго. Амвросій-же рѣшилъ, почему-то, встрѣтить императора съ южной, у котораго и сталъ съ хоругвями и духовенствомъ. Никакія уговариванія ни къ чему не привели. «Я архіерей, и мнѣ принадлежатъ здѣсь распоряженія», коротко и рѣзко заявлялъ Амвросій. Встрѣчавшіе раздѣлились на двѣ группы, но государь, конечно, подъѣхалъ туда, гдѣ развѣвались хоругви. Догадавшись, однако, что ему, вѣроятно, приготовили, другой, болѣе удобный входъ въ соборъ, онъ, не поднимаясь на ступеньки крыльца, замѣтилъ архіерею, что страдаетъ ногами и что *для его больныхъ* ногъ лѣстница черезъ чуръ крута.

«А танцовать не болятъ ноги», ничуть не смутившись отвѣтилъ Амвросій и повелъ императора вверхъ по ступенямъ. Когда они поднялись до верхней площадки, государь подошелъ подъ благословеніе епископа и хотѣлъ было приложиться къ иконѣ, которую держалъ одинъ изъ священниковъ, но къ не малому удивленію окружающихъ, Амвросій остановилъ императора и знакомъ показалъ ему, что слѣдуетъ предварительно сдѣлать земной поклонъ. Государь поклонился до земли и снова направился къ иконѣ. Но А. опять остановилъ его. «Три раза» сказалъ онъ и императоръ сдѣлалъ еще два поклона раньше, чѣмъ приложился.

Послѣ молебна въ соборѣ, государь отправился въ приготовленное ему помѣщеніе въ губернаторскомъ домѣ и только что расположился отдыхать, какъ вдругъ раздался оглушительный звонъ. Оказалось, что архіерей счелъ нужнымъ окропить императорскіе покои и для этого въ торжественной процессіи направился туда. Государь послалъ чрезъ адъютанта сказать, что онъ не расположенъ принять теперь преосвященнаго. Но тотъ, ничего не отвѣтивъ, продолжалъ путь. Когда былъ онъ уже у подъѣзда, оттуда выскочилъ взбѣшенный Дибичъ. «Какъ генералъ-адъютантъ» сказалъ онъ Амвросію «объявляю вамъ высочайшее повелѣніе воротиться». «Ты адъютантъ царя земнаго», хладнокровно отвѣтилъ Амвросій, «а я адъютантъ царя небеснаго». «Я васъ остановлю», вспылилъ Дибичъ. «Нѣтъ силы на землѣ, которая-бы остановила крестъ Господень», съ тѣмъ же хладнокровіемъ возразилъ Амвросій и вошелъ въ императорскую квартиру. Государь волею неволею долженъ былъ принять его и даже выслушать длинное поученіе строго-аскетическаго характера.

На слѣдующій день 30 августа, рано утромъ былъ назначенъ смотръ. А такъ какъ въ этотъ же день должно было быть отслужено торжественное молебствіе въ соборѣ, то государь прислалъ къ архіерею адъютанта съ приказаніемъ начать обѣдню въ шесть часовъ утра и окончить ее какъ можно скорѣе. «Доложи государю» отвѣтилъ Амвросій посланному «что я завтра буду служить обѣдню ни раньше, ни позже, ни длиннѣе, ни короче того, какъ установила церковь».

Но еще раньше обѣдни, должно было происходить всенощное бдѣніе съ архіерейскимъ служеніемъ. И такъ какъ служенія Амвросія всегда были необыкновенно продолжительны, то второй перезвонъ всенощнаго бдѣнія начался около десяти часовъ вечера, когда государь уже спалъ. Онъ проснулся и узнавъ въ чемъ дѣло, послалъ сказать, чтобы третьяго звона не было. Не таковъ, однако, былъ Амвросій, чтобы въ чемъ нибудь поступиться. «Здѣсь», отвѣтилъ онъ

посланному государя «воля Царя небеснаго, а не царя земнаго» и черезъ часъ подъ самыми окнами императорской квартиры отзвонили въ большіе соборные колокола

Вотъ какого закала человѣкъ былъ Амвросій. Нужно ли удивляться тому, что сильная воля его покоряла всѣхъ, съ кѣмъ онъ приходилъ въ столкновеніе, и что даже императоръ Александръ, съ которымъ онъ такъ странно обходился, въ концѣ концовъ чувствовалъ только уваженіе къ суровому аскету. Одно время полагали,что послѣдовавшее вскорѣ за императорскимъ посѣщеніемъ оставленіе Амвросіемъ пензенской каѳедры было по существу *увольненіемъ*. Но теперь установлено, что Амвросій исключительно по собственному желанію оставилъ архіерейство.

Въ 1825 г. онъ испросилъ себѣ увольненія и удалился въ Кирилло-бѣлоезерскій монастырь, подъ тѣмъ предлогомъ, что хочетъ заняться приготовленіемъ къ печати втораго исправленнаго изданія составленной имъ «Исторіи россійской іерархіи». Но въ дѣйствительности, всецѣло отдавшись охватившему его душевному настроенію, онъ посвятилъ себя исключительно подвижничеству. Выѣхавъ изъ Пензы въ нагольномъ тулупѣ и нигдѣ не останавливаясь, преосвященный прослѣдовалъ прямо въ Кирилловскій монастырь и здѣсь поселился въ тѣсной кельѣ, никого къ себѣ не допуская, даже никуда не выходя изъ своего уединенія. Только въ лунныя лѣтнія ночи 1827 г. въ часы, когда монастырь погружался въ сонъ, подвижникъ по временамъ обходилъ обитель, останавливался на церковной паперти и молился со вздѣтыми къ небу руками, затѣмъ каждый разъ посѣщалъ деревянную келію, въ которой совершалъ свои молитвенныя подвиги св. Кириллъ бѣлоозерскій и оставался въ ней пока не раздавался ударъ колокола, призывавшій къ заутрени; тогда онъ поспѣшно возвращался въ свою келію. Пища отшельника, когда-то, по словамъ наиболѣе обстоятельнаго изъ его біографовъ П. И. Савваитова «довольно не воздержнаго въ питіи», теперь состояла изъ просфоры, которую приносили къ окну его. Онъ не пилъ даже чаю и только когда къ нему пріѣзжали родители, онъ самъ ставилъ для нихъ самоваръ. Получаемую имъ двухтысячную пенсію онъ чрезъ келейника, съ которымъ сносился письменно, раздавалъ обращавшимся къ нему письменно-же неимущимъ.

Строгое подвижничество неблагопріятно отозвалось на сравнительно еще молодомъ іерархѣ. Прежде полное и красивое лицо его стало изнуреннымъ до совершенной неузнаваемости, онъ началъ чувствовать болѣзненное отвращеніе къ пищѣ, не могъ употреблять даже просфоры и въ концѣ второго года своего пребыванія въ мона-

стырѣ † 26 дек. 1827 г. Даже въ минуты смерти никого при немъ не было.

Въ исторіи русской духовной литературы Амвросій Орнатскій занимаетъ видное мѣсто, какъ авторъ шеститомной *Исторіи Россійской Іерархіи*. М. 1807—1815.

Это одно изъ тѣхъ классическихъ сочиненій, относительно которыхъ и время не оказываетъ своего разрушающаго вліянія. Вотъ уже 75 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ появился трудъ Амвросія и все еще онъ принадлежитъ къ числу капитальнѣйшихъ пособій по исторіи русской церкви.

Такимъ значеніемъ «Ист. рос. іерархіи» обязана только тому, что представляетъ собою огромнѣйшее собраніе датъ и указаній. Въ трудѣ Амвросія нѣтъ ничего обобщающаго или философскаго. Это не прагматическая исторія и для составленія ея ничего кромѣ трудолюбія не требовалось. Но за то въ ней собранъ весь сырой матеріалъ русской церковной исторіи и сгруппированы всѣ справочныя свѣдѣнія, нужныя для работъ по изученію нашей восьмисотлѣтней церковной жизни.

Нѣкоторое понятіе о богатствѣ свѣдѣній, заключающихся въ «Исторіи россійской іерархіи» можетъ дать оглавленіе отдѣльныхъ томовъ ея.

Томъ I. Всеобщее хронологическое обозрѣніе начала, продолженія и настоящаго состоянія іерархіи россійской. О степеняхъ россійскихъ іерархій. О патріархахъ и митрополитахъ всероссійскихъ. О епархіяхъ третьяго класса. О епархіяхъ, упраздненныхъ по хронологическому порядку учрежденія оныхъ. О соборахъ, относящихся къ іерархіи россійской церкви. О святыхъ мужахъ, прославившихся въ россійской церкви. О преимуществахъ въ облаченіяхъ, священнодѣйствіи и другихъ случаяхъ духовныхъ особъ. О духовныхъ россійскихъ училищахъ. О россійскихъ духовныхъ академіяхъ и первоклассныхъ семинаріяхъ. Вѣдомость о числѣ православныхъ церквей по всѣмъ россійскимъ епархіямъ, кромѣ монастырскихъ и домовыхъ, учиненная въ 1805 г.

Томъ II. Всеобщее введеніе въ исторію монастырей грекороссійской церкви. О россійскихъ лаврахъ. О ставропигіальныхъ монастыряхъ I и II класса. О ставропигіальныхъ монастыряхъ, нынѣ или уже упраздненныхъ, или обращенныхъ въ архіерейскіе домы или въ классные епархіальные монастыри.

Томъ III. Полный имянный списокъ всѣхъ грекороссійскихъ церквей, лавръ и монастырей ставропигіальныхъ и епархіальныхъ, штатныхъ и заштатныхъ. Словарь нынѣ существующихъ и упраздненныхъ монастырей и пустынь грекороссійской церкви (отъ *Абалацкаго*, Знаменскаго, Тобольской губ. монастыря до *Густынскаго* Святотроицкаго, Полт. еп.).

Томъ IV. Продолженіе словаря монастырей (отъ *Давидовой* пустыни Моск. еп. до *Кѣнскаго* монастыря).

Томъ V. Продолженіе словаря (отъ *Лаврашевскаго* монастыря до *Рябкиной* пустыни).

Томъ VI. Часть I. Продолженіе словаря (отъ *Савостьяновой* пустыни до *Ущеской)*.

Томъ VII. Часть II. Окончаніе словаря (отъ *Филиповской* пустыни до *Ипатскаго*, Костромскаго монастыря). Прибавленія къ разнымъ частямъ „Исторіи Россійской Іерархіи". Вѣдомость объ архіерейскихъ каѳедрахъ и монастыряхъ. Сколько за ними крестьянъ и которая каѳедра или монастырь платитъ въ экономію деньгами и хлѣбомъ ежегодно (1744).

Многое въ этихъ многочисленныхъ данныхъ было извѣстно до появленія «Исторіи россійской іерархіи» и только сведено авторомъ ея изъ другихъ источниковъ, но значительнѣйшая часть стала здѣсь впервые достояніемъ исторической науки. Въ особенности цѣнны главы о монастыряхъ, при описаніи которыхъ въ изобиліи приводятся данныя имъ древнія грамоты.

«Исторія россійской іерархіи» не вся сплошь принадлежитъ Амвросію Орнатскому. Извѣстную долю участія въ составленіи ея принялъ знаменитый митрополитъ Евгеній. Такъ напримѣръ ему принадлежитъ напеч. въ I томѣ «Историческія свѣдѣнія о духовныхъ училищахъ въ Россіи». Во II томѣ онъ написалъ введеніе въ описаніе монастырей и исторію Пекинскаго монастыря. Въ дальнѣйшихъ частяхъ Евгеній далъ описанія монастырей воронежской и вологодской епархіи. Кромѣ того, онъ просматривалъ все вообще сочиненіе Амвросія и гдѣ нужно дополнялъ его. Очень значительную помощь оказали также Амвросію рукописная исторія русской іерархіи извѣстнаго Селія, хранящаяся въ Александро-Невской Лаврѣ и портфели Н. Н. Бантышъ-Каменскаго.

Первая часть «Ист. рос. іерархіи» вышла въ 1822 г. въ Москвѣ вторымъ изданіемъ. Эту же часть въ значительно дополненномъ и исправленномъ видѣ издалъ въ 1827 г. въ Кіевѣ Евгеній.

Неизвѣстно кто издалъ въ Москвѣ нѣсколько листовъ VII тома «Ист. рос. іерархіи». До конца, однако, эта новая часть, заключающая въ себѣ уставы разныхъ основателей монастырей, доведена не была и только въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ сохранились корректурные листы ея.

Въ собраніе рукописей Елпидифора Вас. Барсова имѣются черновыя работы по составленію «Ист. рос. іерархіи» съ помѣтками и поправками митрополита Платона.

Амвросій (Андрей Ивановичъ *Подобѣдовъ*), митрополитъ петербургскій и новгородскій. †) Род. 30 ноября 1742 г. въ погостѣ Стоговѣ

---

1) *Евгеній*, Словарь 2) *Гречъ*, Опытъ ист. рус. лит. стр. 297. 3) *Бантышъ-Каменскій*, Словарь достопамятныхъ людей, изд. 1847 г., т. I, 4) *Филаретъ*, Обзоръ, 5) *Н. Устряловъ*, въ „Энцикл. Лексиконѣ" Плюшара. 6) „Энцикл. словарь" Изд. рус. уч. и лит. т. 4. 7) Русское проповѣдничество, Спб. 1871. 8) „Христ. чт.", 1857 г., ч. II, стр. 178—202. 9) *Чистовичъ*, въ „Странникѣ", 1860 г. № 5 и 6. 10)

(переяслав. уѣзда, владимірской губ.), гдѣ отецъ его былъ приходскимъ священникомъ. Учился съ 1757 г. въ Троицко-Сергіевской лаврѣ и здѣсь-же, по окончаніи курса въ 1764 г., проходилъ учительскія должности. Въ 1768 г. принялъ постриженіе и назначенъ проповѣдникомъ московской духовной академіи. Въ этомъ званіи онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе надгробнымъ словомъ при погребеніи убитаго чернью архіепископа московскаго Амвросія (Зертисъ-Каменскаго), которое чрезвычайно всѣмъ понравилось. Профессоръ Рейхель перевелъ его на нѣмецкій языкъ и напечаталъ въ „Гамбургской Газетѣ", оттуда его затѣмъ перевели на французскій языкъ. Въ 1771 г. П. былъ назначенъ префектомъ, а въ 1774 г. ректоромъ московской академіи и архимандритомъ Заиконо-спасскаго монастыря, одновременно съ чѣмъ онъ состоялъ преподавателемъ философіи и богословія. Ректорство сблизило его съ знаменитымъ московскимъ архіепископомъ, впослѣдствіи митрополитомъ Платономъ, благодаря чему онъ, рекомендованный Императрицѣ съ самой лучшей стороны, въ 1778 г. получилъ епископскую каѳедру въ Сѣвскѣ. Въ 1782 г. его переводятъ на Крутицкую епархію (т. е. въ Москву), съ назначеніемъ членомъ московской синодальной конторы, а въ 1785 году 43-лѣтній іерархъ возводится въ санъ архіепископа казанскаго. Въ 1799 году Императоръ Павелъ, тоже очень благоволившій къ А., назначаетъ его архіепископомъ петербургскимъ, а черезъ годъ — митрополитомъ петербургскимъ и новгородскимъ. 18 лѣтъ пробывъ въ этомъ высокомъ званіи, А. долженъ былъ, вслѣдствіе столкновеній съ всесильнымъ тогда министромъ духовныхъ дѣлъ княземъ Голицынымъ, испросить себѣ увольненіе отъ управленія петербургскою епархіею. Ему была предоставлена епархія новгородская, но управлять ею ему уже не пришлось. 6-го мая онъ пріѣхалъ въ Новгородъ, а уже 21-го мая (1818 г.) скончался.

А. былъ человѣкъ чрезвычайно дѣятельный и энергичный, много сдѣлавшій для поднятія умственнаго и матеріальнаго уровня духовенства тѣхъ паствъ, которыми ему пришлось управлять. Больше-же всего онъ оставилъ по себѣ память въ исторіи русскаго духовнаго просвѣщенія энергическимъ содѣйствіемъ оконченной въ 1808 г. реформѣ духовныхъ училищъ, значительно поднявшей ихъ образовательное значеніе. Во время управленія петербургскою епархіею А. также обратилъ вниманіе на прежде крайне нестройное церковное пѣніе и, со-

---

П. М., „Изъ прошлаго", въ „Русск. Вѣст.", 1868 г. № 4 стр. 11) *Н. Сушковъ*, въ „Чтеніяхъ Моск. общ. и древ. и ист"... 1867 г., ч. I. Смѣсь, стр. 156. 12) *Геннади*. Словарь. 13) *Знаменскій*, Руководство къ русской церковной исторіи.

гласно желанію Александра I, организовалъ его на болѣе музыкальныхъ основаніяхъ.

Въ исторіи русской духовной литературы А. извѣстенъ главнымъ образомъ своими рѣчами. Изъ нихъ изданы отдѣльно:

1) *„На погребеніе Амвросія, арх. моск.“*, отпечатана по именному указу въ 1771 г. при Сенатѣ и затѣмъ выдержала три изданія въ Москвѣ. 2) *Слово на погребеніе генералъ-аншефа И. Ф. Глѣбова*. П. 1774. 3) *Слово въ д. св. апостол. Петра и Павла*, сказыв. въ Петергофѣ“. П. 1778 г. 4. (Соп. 10549). 4) *„Слово въ д. коронованія Им. Екатерины II“*. П. 1796. 5) *Рѣчь, привѣтственная Имп. Павлу въ день коронаціи, гов. 5 апр. 1799*. (Соп. 10114). 6) *Рѣчь поздравительная Императору Александру* въ день св. Пасхи гов. 25 марта, 1801 г. (Соп. 10115). 7) Тоже, гов. въ 1802 г. (Соп. 10116). 8) *Благодарственная рѣчь Императору Александру на Высочайшее присутствіе въ свят. Синодѣ и объявленіе всемилостивѣйшаго указа о освобожденіи духовенства отъ тѣлеснаго наказанія*. П. 1802. (Соп. 10113). 9) *Пастырское поученіе къ новоизбраннымъ судіямъ*. П. 1802. (Соп. 8081 и 10630). 10) *Привѣтственная рѣчь Императору Александру по совершеніи благодарственнаго молебствія, по случаю торжества о заключеніи вѣчнаго мира между Россіею и Швеціею*, гов. сентября 7 дня, 1809 г. (Соп. 10117). 11) *Рѣчь спб. ополченію при выходѣ онаго въ армію на брань* П. 1812 (Соп. 10095). 12) *Рѣчь Его И. В. Александру I, въ день торжества всеобщаго мира 6 дек. 1815 г.* 13) *Собраніе поучительныхъ словъ* 3 ч. М. 1810 и 1816 г. и 3-е изд. въ 4 ч. М. 1824 г. 14) Амвросію-же Подобѣдову принадлежитъ переводъ соч. *Гофмана*, краткое руководство къ чтенію книгъ Ветхаго и Нов. Завѣта. 2 ч. М. 1775, 1803 и 1811 г.г. (Соп. 9913 и 9914). 4-е изд. вышло въ Кіевѣ въ 1823 г.

Рѣчи Подобѣдова, не смотря на то, что выдержали 3 изданія, ничего выдающагося собою не представляютъ. Языкъ ихъ, правда, довольно удовлетворительный, схоластики въ нихъ мало, но и полета особеннаго не замѣчается.

Амвросій (Алексѣй *Протасовъ*) епископъ тульскій и архіепископъ казанскій и тверской †). Происходитъ изъ духовнаго званія, род. въ

† 1) *Бантышъ-Каменскій*, Словарь достопримѣчательныхъ людей, изд. 1836 г. т. 1. 2) *Галаховъ*, Русская Христоматія (пагинація смотря по изданію), приведена рѣчь на избраніе судей. 3) *Его же*, примѣчанія къ Русской Христоматіи, изд. 1849 г., стр. 18 и „Ист. Русской Словесности“, т. 2, стр. 387, 4) *Снегиревъ*, Начертаніе жизни митрополита Платона, ч. II, стр. 71, 84. 5) *Филаретъ*, Обзоръ, стр. 436—438. 6) *Чистовичъ*, Ист. пет. дух. академіи, стр. 130. 7) *Смирновъ*. Исторія греко-лат. академіи, стр. 364. 8) *Чередѣевъ*, Біографіи тверскихъ іерарховъ, стр. 169—172. 9) *Голунскій*, въ „Тульск. Губ. Вѣд.“, 1863 г., т. I и II, №№ 12 и 13. 10) *Арх. Владиміръ* (Ужинскій), надгробная рѣчь ему въ „Страннинкѣ“ 1860 г., № 6. 11) *Геннади*, Словарь. 11) „Русское Проповѣдничество“, Спб., 1871 г., стр. 276—77. 12) *Пенинскій*, Христоматія 13) *Поторжинскій*, Христоматія 14) *Булгаковъ* Гомелетическая христоматія 15) *Панаевъ*, В. И. Воспоминанія, въ „Вѣст. Евр.“, 1867 г., т. IV, стр. 119 и 120. 16) *В. Жмакинъ*, въ „Рус. Стар.“ 1882 г., № 6 17) *Маловъ*, о Новокрещенскихъ школахъ въ XVIII вѣкѣ, въ „Прав. Обозр.“ 1868 г., № 7. 18) *Можаровскій* въ „Рус. Ст.“ 1883 г., № 11. 19) *Его же*, въ „Извѣстіяхъ по казанской епархіи“, 1876 г., № 11. 20) *Его же*, Изложеніе хода

1762 г. въ московской губ., учился сначала въ Перервинской, а затѣмъ въ Троицкой семинаріи, по окончаніи курса въ которой въ 1790 г. былъ назначенъ учителемъ поэзіи въ московской Духовной Академіи; тамъ-же П., съ 1794 г. принявшій монашество, получилъ въ 1797 г. мѣсто префекта. Въ 1798 г. онъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита Сергіевской пустыни подъ Петергофомъ, въ 1799 г. назначенъ ректоромъ петербургской Духовной Академіи, въ 1804 г. рукоположенъ въ епископы тульскіе и бѣлевскіе, въ 1816 г. перемѣщенъ архіепископомъ въ Казань, а оттуда въ 1826 г. въ Тверь, гдѣ и скончался 1 іюля 1831 г. отъ холеры.

Перемѣщеніе въ Тверь было актомъ немилости. Талантливый и разносторонне-ученый проповѣдникъ имѣлъ очень много недоброжелателей въ высшей духовной іерархіи. Повидимому причина этой неприязни лежала, съ одной стороны, въ томъ, что А. былъ человѣкъ прямой и независимый, ни въ комъ не заискивавшій, никому не льстившій, а съ другой въ томъ, что онъ очень уже круто повелъ борьбу съ консисторской симоніей. Прямо, конечно, ему за это мстить не могли, но косвенно дѣлали все, чтобы отравлять ему жизнь. То и дѣло летѣли на него въ Петербургъ доносы, которые правда ни къ чему не приводили, потому что назначавшіяся ревизіи только выясняли превосходное положеніе управляемыхъ А. епархій, но все таки держали нервы преосвященнаго въ напряженномъ состояніи. Обходили его также постоянно наградами, а въ 1826 г. враги А. воспользовались тѣмъ, что онъ находился въ тѣсной дружбѣ съ впавшимъ въ немилость Магницкимъ и устроили переводъ его на низшую въ іерархическомъ отношеніи тверскую кафедру.

Непріятности, которыми изобиловала служебная карьера Амвросія и сознаніе, что при своихъ блестящихъ дарованіяхъ онъ могъ-бы занимать гораздо болѣе выдающееся положеніе въ русской іерархіи придали мрачный характеръ проповѣдямъ его. Всѣ онѣ только и говорятъ что о карахъ Божіихъ, о наказаніяхъ, ждущихъ насъ за грѣхи наши на томъ свѣтѣ, о скоротечности человѣческой жизни, о призрачности земныхъ благъ.

Изъ произнесенныхъ А. рѣчей напечатаны *отдѣльно:*

1) „*Рѣчь при нареченіи Тульскимъ епископомъ*“ П. 1804 г. 40.

миссіонерскаго дѣла по просвѣщенію христіанскихъ казанскихъ инородцевъ. М. 1880 г., стр, 109—115 и 119. 21) *Н. Палибинъ* „Рус. Стар.“ 1883 г., № 11. 22) *Е. Л—нъ*, краткія біографич. данныя при собраніи рѣчей. 23) *Глаголевъ*. Умозрительныя и опытныя основанія словесности. ч. IV, стр. 56. 24) *Дмитріевъ*, М. Мелочи изъ запаса моей памяти.

(Соп. 10011) 2) *«Пастырское наставленіе и слово при выборѣ въ трехгодичное время судей»*. М. 1805 г. 4°. Соп. 6568). 3) *«Пастырское наставленіе при случаѣ присяги на три лѣтніе выборы чиновъ изъ дворянства Тульской губерніи»*. М. 1805 г. 4°. (Соп. 6569). 4) *«Слово въ великій пятокъ*. П. 1805 г. 4°. (Соп. 10650). 5) *«Слово на вступленіе послѣдняго полка тульскаго ополченія въ г. Тулу»*. М. 1814 *г*. 4°. 6) *«Слово гов. къ сочетаннымъ бракомъ въ Тулѣ, по случаю заключеннаго мира между Россіею и Франціею»* М. 1814 г. 4°. 7) Слово въ д. рожд. Е. И. В. Г. И. *Александра Павловича* М. 1815 г. 4°. 8) *Слово на случай присяги избранныхъ по тульской губ. судей* М. 1815 г. 4°. Въ 1856 г. изданы въ П. въ 8 д. *«Слова и рѣчи»* А. съ портретомъ и біографіей. Сюда вошли какъ перечисленныя рѣчи, такъ и многія другія. 10). *Слово въ день Рождества Христова*. «Душесп. Чт.» 1866 г. № 12.

У А. былъ большой ораторскій талантъ. О степени его можетъ дать понятіе тотъ фактъ, что митрополитъ Платонъ, самъ знаменитый витія и человѣкъ очень ревниваго самолюбія, прочитавши одну изъ рѣчей А., съ живостью сказалъ своимъ окружающимъ, подъ напоромъ непосредственно охватившаго его чувства: «если бы я такъ писалъ какъ Амвросій, меня сходилась-бы слушать вся Россія». И, дѣйствительно проповѣди тульскаго епископа можно назвать превосходными во всѣхъ отношеніяхъ, не много архаическій, но все таки прекрасный языкъ, образность и сила рѣшительно выдѣляютъ А. изъ ряда русскихъ проповѣдниковъ начала настоящаго столѣтія. Правда, по содержанію его рѣчи часто страдаютъ отвлеченностью, но за это нельзя винить оратора, потому что таковы были требованія проповѣднической рутины времени, хотя и освободившейся уже тогда отъ схоластики кіевской школы, но еще въ достаточной степени риторичной и мало заботившейся о связи съ жизнью. Объ индидуальныхъ-же качествахъ А. слѣдуетъ судитъ по тѣмъ его рѣчамъ, гдѣ онъ *отступаетъ* отъ рутины. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытна знаменитая рѣчь его, говоренная въ 1815 г. новоизбраннымъ тульскимъ судіямъ. Рѣчи, въ подобныхъ случаяхъ произносимыя, въ огромномъ большинствѣ случаевъ являются наборомъ общихъ мѣстъ болѣе или менѣе льстивыхъ и тщательно обходящихъ все сколько-нибудь щекотливое. Совсѣмъ иначе отнесся къ своей задачѣ А. Глядя дѣйствительности прямо въ глаза, онъ сурово и нелицепріятно набрасываетъ слѣдующую картину власть имѣющаго общества своего времени, которое

„больше занимается наружностью, тѣми знаменитыми отличіями, кои ослѣпляютъ очи, тѣми блестящими украшеніями, кои привлекаютъ взоры, тѣми очаровательными величіями, кои поражаютъ воображеніе,—мечтами величія, нежели

исполненіемъ долга, чести и добродѣтели. Что слышишь ты? Чтобъ поддержать свое мѣсто, чтобъ сдѣлать значительнымъ свой чинъ, чтобъ гремѣть своимъ именемъ, чтобъ быть чиноначальникомъ по сердцу свѣта, надлежитъ имѣть, говорятъ, пышный столъ, избранными яствами уставленный, надлежитъ имѣть великолѣпную колесницу, надлежитъ облачаться въ блестящую златомъ одежду, надлежитъ окружать себя ласкателями раболѣпными, кои-бы непрестанно воскуряли кадило самоугодію, надлежитъ обиловать сребромъ и златомъ, надлежитъ богатѣть, роскошествовать, веселиться!—А добродѣтель? О! вооруженному мечемъ власти не нуженъ утлый посохъ добродѣтели! А попеченіе о благѣ сущихъ подъ рукою нашею? О! когда ими заниматься тамъ, гдѣ все призываетъ къ удовольствіямъ, къ забавамъ, къ разсѣянности? Довольно вспомнить и обязанность свѣта: быть во всѣхъ собраніяхъ, предсѣдать за всѣми столами, не опущать ни одной игры, сдѣлать всѣмъ знаемымъ посѣщеніе! А дѣла служенія общественнаго? О! ихъ можно утверждать именемъ власти—и не читавши! А творить судъ и милость? Можно, когда сіе входитъ въ расчетъ власти, выгодъ жизни или уваженія свѣта!

Но обиженные вопіютъ о правосудіи? Пусть вопіютъ они: вопли ихъ можно заглушить силою власти! Но притѣсненные неправдою проливаютъ слезы горести, страданія, слезы, отъ коихъ каменная душа должна растаять, яко воскъ? Но пусть проливаютъ они слезы, яко воду, только-бы намъ было весело, говорятъ въ свѣтѣ. Но совѣсть, яко стражъ, не дремлющій на стражѣ своей, будетъ угрызать душу твою? О! совѣсть есть страшилище простодушныхъ, а не приставникъ дѣламъ нашимъ!"

Нужно-ли удивляться тому, что это совершенно необычная отповѣдь глубоко задѣла тѣхъ, противъ кого она была направлена. Губернаторъ даже пожаловался государю и послалъ ему копію слова. Но Александръ, однако же, отослалъ губернатору слово назадъ безъ всякихъ объясненій и тѣмъ дѣло кончилось.

Кромѣ проповѣдей А. напечаталъ 11) латинскую грамматику, которая по свидѣтельству арх. Филарета (Гумилевскаго) еще въ срединѣ 50-хъ годовъ была «классическою для духовныхъ училищъ».

Амвросій Рождественскій см. *Амвросій Вѣщезоровъ*.

Амвросій (*Серебренниковъ* или *Серебряковъ*, архіепископъ екатеринославскій. †) Род. въ 1745 г. въ с. Отчинѣ, вятской губ., гдѣ отецъ его былъ дьячкомъ. Учился въ вятской семинаріи и московской духовной академіи, по окончаніи курса въ которой проходилъ учительскія должности въ симинаріяхъ вятской и троицко-сергіевской. Въ послѣдней съ 1775 г. былъ префектомъ. Въ 1778 г. назначенъ префектомъ московской академіи, въ 1782 г. — ректоромъ новгородской семинаріи, въ 1784 г. рукоположенъ въ епископа олонецкаго, въ 1786 г. возведенъ въ санъ архіепископа екатеринославскаго, а съ 1789 г. сдѣланъ вмѣстѣ

†) 1) *Евгеній*, „Словарь дух. писат.". 2) *Бантышъ-Каменскій*, „Словарь достопамятныхъ людей", изд. 1836 г. 3) *Филаретъ*, „Обзоръ", стр. 361. 4) Свящ. *Невodчиковъ*, въ „Херс. епарх. вѣд." 1860 г. 5) *Смирновъ*, „Ист. троицкой семинаріи", стр. 495. 6) *Смирновъ*, „Ист. греко-латин. академіи". 7) *Сухомлиновъ*, „Ист. рос. акад.", т. I, стр. 89—93. 8) „Энциклоп. слов." изд. рус. пис. и учен. т. IV, 9) „*Полтав. епарх. вѣд.* 1884 г. Соп. 22,

съ тѣмъ «мѣстоблюстителемъ экзархіи молдо-влахійской». Въ этомъ званіи онъ сопровождалъ армію Потемкина, который очень любилъ его умную бесѣду. Потемкинъ познакомился съ А. еще въ Петербургѣ, когда тотъ былъ епископомъ олонецкимъ, и представилъ его ко двору, гдѣ онъ своими проповѣдями очень понравился Императрицѣ. Въ это-же время А. былъ избранъ въ члены россійской академіи. Всего годомъ переживши своего покровителя, А. † въ Полтавѣ 13 октября 1792 г.

Литературная дѣятельность С. выразилась въ проповѣдяхъ, переводѣ «Потеряннаго рая» Мильтона и работахъ по теоріи словесности и рус. яз. Изъ напечатанныхъ проповѣдей его большинство имѣютъ отношеніе къ Потемкину и нѣкоторыя изъ нихъ даже напечатаны въ Яссахъ въ походной типографіи: 1) «*Привѣтствіе кн. Потемкину при возглашеніи его гетманомъ, гов. въ ясскомъ монастырѣ Голіи*». Яссы, 1790 г. 2) «*Кн. Потемкину при совершеніи надгробнаго пѣнія въ Яссахъ послѣднее цѣлованіе*» Ib., 1791 г [1]). 3) Ему-же слово *при совершеніи надгробнаго пѣнія*», гов. въ херсонскомъ соборѣ. М. 1791 г. 4) Ему-же «*при срѣтеніи гроба изъ Яссъ и перенесеніи въ Херсонъ*», гов. въ Николаевѣ. М. 1791 г. Только что названныя надгробныя рѣчи Потемкину, въ особенности «Послѣднее цѣлованіе», въ свое время произвели большое впечатлѣніе. Вотъ почему оно было перепечатано въ разныхъ изданіяхъ три раза (въ «Сѣв. Пчелѣ», 1848 г. № 208, въ «Зап. одес. общ. ист.», т. III, стр. 563, и въ «Херс. еп. вѣд.» 1860 г., № 10, въ ст. *Неводчикова*).

Такіе люди, какъ митрополитъ Евгеній и архіепископъ Филаретъ, считаютъ «Послѣднее цѣлованіе»—«образцомъ трогательнаго краснорѣчія». Трудно въ настоящее время согласиться съ такимъ отзывомъ, но тѣмъ не менѣе подобная рекомендація первостепенныхъ авторитетовъ нашей духовной литературы сдѣлаетъ не лишнимъ перепечатку «Послѣдняго цѣлованія», которое, правда, не разъ уже воспроизводилось, но все въ изданіяхъ очень мало распространенныхъ. Рѣчь, къ тому-же, очень не велика.

„Отдавая послѣдній долгъ преставившемуся въ Бозѣ свѣтлѣйшему военоначальнику нашему, почтеннѣйшіе слушатели, едва могу преодолѣть себя, чтобъ не составить всего настоящаго обращенія моего къ вамъ изъ единыхъ слезъ. Измѣряя вашу чувствительность моею и ваши знанія моими, не сомнѣваюсь, что понимаете вы всю тяжесть удара, коимъ поразилъ насъ Господь въ гнѣвѣ своемъ, посреди самыхъ пріятнѣйшихъ надеждъ и утѣшеній міра. Того ради не ожидайте днесь отъ меня ни витійства, ни исчисленія достохвальныхъ свойствъ

[1]) Въ публичной библіотекѣ имѣется перепечатка этой рѣчи, изданная въ Ригѣ въ 1792 г.

и дѣлъ усопшаго, которыми преклонилъ онъ къ себѣ всю милость Монархини и обратилъ вниманіе Европы, ни утѣшенія, каковое обыкновенно подобные мнѣ пастыри, въ подобныхъ злосчастіяхъ, тщатся подавать сѣтующимъ. Конечно, я долженъ и преставльшемуся, и вамъ; но истинная скорбь чужда витійства. И когда самъ Спаситель плакалъ надъ умершимъ: то вотъ все, что укрѣпляюсь вамъ нынѣ сказать! Соедините ваши сѣтованія, вашу скорбь и слезы съ моими. Почтимъ память и печальные останки преставльшагося приношеніемъ сихъ сродныхъ человѣчеству и вкупѣ свидѣтельствомъ нашей къ нему любви, нашей благодарности. Я и подобные мнѣ лишились въ немъ милостивѣйшаго благодѣтеля и руководителя; воинство человѣколюбивѣйшаго героя и отца; отечество мудраго распространителя предѣловъ; церковь усерднѣйшаго сына и вкупѣ украсителя и представителя; Монархиня совѣтника, блюстителя, споспѣшника, друга! О великодушнѣйшая матерь отечества! Собери нынѣ силы твои услышати громовый гласъ сердцу твоему: нѣтъ на свѣтѣ свѣтлѣйшаго князя! Всесильный Боже! сіе-ли есть столь страшное всѣхъ милостей Твоихъ до нынѣ намъ явленныхъ впечатлѣніе! Тако-ли фіалъ ихъ сладостный другимъ наигорчайшимъ растворяется!.. Но, буди воля Его всемогущая и святая! — Прости, свѣтлѣйшій и любезнѣйшій князь! Долго не перестанутъ искать тебя очи наши; долго не перестанутъ при исканіи томъ слезы проливать; долго и самое сердце почитать тебя потеряннымъ: но мысли наши подобны нынѣ ручью жестокою бурею возмущенному. Когда успокоятся, ты паки изобразишься въ нихъ ясно; и какъ видѣніе тогда наше, такъ благодарность пребудутъ неизмѣнны. Прости! И еще прости въ послѣдній разъ. Буди благополученъ въ той жизни, въ которую перешелъ ты отъ насъ. Насладися тамъ новыми наслажденіями, лицезрѣніемъ самого Спасителя, коего столь усердно любилъ ты во всю твою жизнь до самыя смерти. Навыкни, послѣ земныхъ монарховъ, небесныхъ Его собесѣдованій; навыкни ликованій со святыми! Мы молимъ со слезами о томъ благость Его.

Изъ другихъ проповѣдей С. напечатаны: 5) «*Слово въ день тезоименитства Екатерины II*», М. 1768 и 1786 гг. 6) *Слово въ недѣлю третью св. великаго поста, пропов. въ Нѣмецкомъ Воскресенскомъ соборѣ*». Яссы, 1790 г.

7) «Потерянный Рай» (М. 1780, 1785 и 1802 гг.) переведенъ С. (не прямо съ англійскаго подлинника, а съ перевода французскаго) въ бытность его префектомъ академіи. Переводъ прозаическій. Онъ снабженъ предисловіемъ и примѣчаніями, которыя переводчику казались необходимыми въ виду того, что Мильтонъ «придерживался аріанской ереси» и въ поэмѣ его много «излишествъ и погрѣшностей» противъ ученія православной церкви. Нѣкоторыя мѣста, напр. бесѣда Адама съ ангеломъ, по которой можно заключить, что ангелы могутъ съ пользою для своего тѣла вкушать человѣческую пищу, опущены совсѣмъ. Но въ общемъ С. довольно бережно обходился съ текстомъ и оставилъ, напр., одно очень рѣзкое, говорящее о безбрачіи мѣсто, которое С., какъ монаха, должно было особенно сильно задѣть.

Изданное С. въ М. 1778 г. (2-е изд. М. 1791 г.) 8) «*Краткое руководство къ ораторіи россійской*» въ основныхъ своихъ мысляхъ

овторяетъ риторику Ломоносова, предъ которымъ авторъ безконечно багоговѣетъ, приравнивая его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ Соломону. амостоятельныхъ мыслей у С. почти нѣтъ. Общій характеръ и руководства — полнѣйшая отчужденность отъ реальныхъ условій жизни и кѣпое подражаніе древнимъ образцамъ. Въ вопросахъ «штиля» руководство опирается на требованія жизни, на «употребительныя выраженія», но не на всѣ, однако, а только на такія, «которыя столичныхъ городовъ лучшими лицами въ общихъ разговорахъ употребляются». «Грубыя-же выраженія и рѣченія, которыя странны ученому гуху и употребительны только между простымъ народомъ, повреждаютъ истоту штиля». Все простонародное, «подлое» по терминологіи, установленной еще Ломоносовымъ, разъ навсегда изгнано и, напр., на анегирики имѣютъ право исключительно люди знатные. «Лица бываютъ ли знаменитыя или подлыя. Знаменитыя суть самовластные государи, ъ республикахъ чины или сенатъ и прочіе славные мужи. Подлыхъ ицъ хвалить почти не можно и не должно, развѣ вообще». Необходимымъ элементомъ красоты русскаго слога А. считалъ вмѣстѣ съ Ломоосовымъ церковно-слав. языкъ, который придаетъ рѣчи «важность». Но мѣстѣ съ тѣмъ онъ предостерегаетъ и противъ злоупотребленія славянкимъ языкомъ. Образцомъ счастливаго соединенія славянскихъ и русскихъ выраженій А. считаетъ торжественныя рѣчи и оды Ломоносова. Кромѣ него, руководство въ приводимыхъ имъ примѣрахъ для иллюстрированія разныхъ положеній риторики пользуется часто проповѣдями итр. Платона и трагедіями и одами Сумарокова.

А. оставилъ въ рукописи: 9) неоконченное «*Толкованіе на пр. Езекіиля*» и 10) написанное по желанію Потемкина «*Разсужденіе и равненіе христіанскихъ истинъ съ алкораномъ*». Оно составлено на сновани книги Мараччи о коранѣ и хранится теперь въ петербургкой синодальной библіотекѣ.

11) Въ «Библіогр. Зап.» 1858 г., стр. 490, 149, напечатанъ небольшой отзывъ А. о книгѣ Попа «Опытъ о человѣкѣ». 12) Нѣсколько проповѣдей А. помѣстилъ въ своей статьѣ Св. Неводчиковъ.

13) Нѣсколько окружныхъ посланій его напечатано въ Полт. «епарх. Вѣд.» 1884 г. № 22.

Въ качествѣ члена россійской академіи, А. принималъ также участіе ъ составленіи академическаго словаря.

Остается въ заключеніе отмѣтить, что недавно въ петербургскую уховную академію доставлено значительное собраніе бумагъ екатерино-

славскаго архіепископа, которыя, вѣроятно, скоро будутъ изданы. По поводу ихъ профессоръ Ник. Ив. Барсовъ сообщаетъ намъ:

«Въ библіотекѣ С.-П.-Бургской духовной академіи хранятся въ рукописяхъ неизданныя и до селѣ неизвѣстныя сочиненія Амвросія: 1) сборникъ содержащій въ себѣ привѣтственные стихи, письма и рѣчи отчасти на латинскомъ, отчасти на русскомъ языкѣ: а) Митрополиту московскому Платону, б) Императрицѣ Екатеринѣ II, в) Князю Потемкину, г) къ слушателямъ славяно-греко-латинской академіи. 2) Тридцать одна проповѣдь,—произнесенныя отчасти въ Москвѣ, въ бытность Амвросія учителемъ и префектомъ академіи, отчасти въ разныхъ церквахъ епархій олонецкой и екатеринославской, — на воскресные дни великаго поста, въ Среду, Четвертокъ и Пятокъ Страстной седмицы, въ день Пасхи, на высокоторжественные дни рожденія и восшествія на престолъ Императрицы Екатерины II и на день рожденія Цесаревича Павла Петровича. Проповѣди эти, то краткія, то обширныя, отличаются замѣчательною правильностію логическаго построенія, ясностію и всегда серьезнымъ и глубокимъ содержаніемъ. Встрѣчаются въ нихъ мѣста публицистическія напримѣръ въ словахъ на дни высокоторжественные авторъ съ искреннимъ увлеченіемъ одобряетъ либеральныя мѣропріятія Императрицы, ея вѣротерпимость, заботы о народномъ образованіи и т. д.). По степени достоинства проповѣди Амвросія должны быть поставлены на ряду съ проповѣдями Георгія Конисскаго, если не выше ихъ».

Амвросій *Юшкевичъ или Юскевичъ*, архіепископъ новгородскій †). Родился въ Малороссіи въ 1690 г., учился въ кіевской духовной академіи, въ которой, по окончаніи курса, проходилъ наставническія должности. Послѣ принятія монашества онъ въ 1731 г. назначенъ «*старшимъ*», т. е. игуменомъ Свято-духова монастыря въ Вильнѣ. Здѣсь ему пришлось перенести отъ католическихъ властей цѣлый рядъ самыхъ грубыхъ надругательствъ и даже истязаній. Въ награду за это «утѣсненіе отъ Польши» его въ 1734 г. вытребовали въ Москву и возвели въ санъ архимандрита Симонова монастыря,

---

1) *Новикова*, Словарь, 2) *Бантышъ-Каменскій*, Словарь достопамят. людей. Изд. 1836 г. 3) *Аскоченскій*. Кіевъ, I, стр. 134. 4) *Хмыровъ*, въ „Энц. слов.", изд. рус. уч. и лит. 5) *Филаретъ*, Обзоръ, стр. 311 — 314. 6) *Н. Суворовъ*, въ „Волог. Епарх. вѣд.", 1867 г., № 9. 7) *Н. А. Поповъ*, Придворныя проповѣди въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны, въ „Лѣт. рус. лит.", т. II. 8) *Порфирьевъ*, „Исторія рус. лит.", ч. II. 9) *Соловьевъ*, „Исторія Россіи", т. XXII 10) *В. Талицкій*, въ „Рус. Стар.", 1878 г., № 5. 11) *П. Савваитовъ*, въ „Вол. Епарх. вѣд." 1870 г., № 14. 12) *Киркоръ*, Описаніе Виленской губ.

а чрезъ два года рукоположили во епископа вологодскаго и бѣлозерскаго. Вызванный въ 1739 г. въ Петербургъ для присутствованія въ Синодѣ, Ю., въ день вѣнчанія Анны Леопольдовны съ Антономъ Ульрихомъ Брауншвейгскимъ, произнесъ 1 «Слово», напечатанное тогда-же въ Петербургѣ съ латинск. переводомъ Тредьяковскаго (перепечат. въ «Волог. епарх. вѣд.» 1870 г. № 14), но впослѣдствіи, съ восшествіемъ на престолъ Елизаветы, ревностно отбиравшееся для немедленнаго уничтоженія. Проповѣдникъ прославлялъ прежде всего древность и знаменитость рода брачущихся, перечислялъ поименно всѣхъ императоровъ, королей, которые изъ него вышли, затѣмъ разсмотрѣлъ ихъ «пресвѣтлыхъ гербовъ знаменія» и видѣлъ тутъ самыя счастливыя предсказанія. Такъ львы въ гербѣ жениха изображаютъ его «крѣпость, мужество и великодушіе», «сердца кровавыя — то есть въ любви горячія». «Рука изъ облака простертая показуетъ особливое къ вамъ Божіе благословеніе, которымъ Самъ тріvпостасный Господь благословляетъ васъ и даетъ вамъ отъ росы небесныя и отъ тука земли множество пшеницы и віна»; «перстень показуетъ, какъ токмо представляетъ вѣчность и такое въ себѣ изображаетъ знаменіе, что домъ и фамилія ваша не скончается, но вѣчно въ чадородіи и въ сынѣхъ сыновъ вашихъ будетъ пребывать». Заканчивается рѣчь увѣреніемъ, что «вся Россія такую на Бога возлагаетъ надежду, что отъ сего брачнаго Вашихъ Свѣтлостей сочетанія, великая всему отечеству воспослѣдуетъ польза, и не токмо щастливое въ радости, въ спокойствѣ и во всякомъ благосостояніи утвердится обще-народное жительство, но и большее отъ него можемъ имѣть дѣяніе».

Перечитывая эту рѣчь, поражаешься въ ней полнѣйшимъ отсутствіемъ всякаго индивидуальнаго колорита. Ничто не указываетъ на то, что рѣчь говорилъ православный пастырь. Въ то время, когда позднѣйшія рѣчи Юшкевича, сказанныя въ присутствіи Елизаветы Петровны, полны величайшей ревности къ дѣлу православія, рѣчь, говоренная предъ нѣмецкимъ дворомъ Анны Іоанновны и новобрачныхъ, тщательно обходитъ всякіе вѣроисповѣдные пункты.

Обратившн на себя вниманіе Анны Іоанновны какъ этою, такъ и другими проповѣдями, краснорѣчивый епископъ въ 1740 г. былъ назначенъ архіепископомъ новгородскимъ и великолуцкимъ. Первымъ его дѣломъ по пріѣздѣ въ Новгородъ было основаніе при Антоніевомъ монастырѣ духовной семинаріи, о процвѣтаніи которой онъ заботился съ необыкновеннымъ рвеніемъ. Все это не мѣшало ему, однако, принимать дѣятельное участіе въ политическихъ дѣлахъ того времени. Какъ *оно* ни странно для такого ревнителя старины,

какимъ былъ Ю., по всему духовному облику своему, но фактъ тотъ, что онъ отнюдь не принадлежалъ къ партіи приверженцевъ Елизаветы, а, напротивъ того, примкнулъ къ партіи графа Головкина, замыслившей предложить Аннѣ Леопольдовнѣ титулъ соимператрицы. Когда восторжествовала Елизавета, она съ гнѣвомъ потребовала къ себѣ Ю. для объясненій. Заливаясь слезами, архіепископъ палъ къ ногамъ государыни и сказалъ, что примкнулъ къ врагамъ ея не по собственному желанію, а по принужденію. Императрица смягчилась и изъявила согласіе простить А., если онъ покажетъ все, что знаетъ о замыслахъ приверженцевъ свергнутой правительницы. Ю. поспѣшилъ исполнить это желаніе и представилъ обстоятельное разоблаченіе. Вскорѣ онъ успѣлъ заслужить не только прощеніе, но и милость новой императрицы, которую расположилъ къ себѣ своими проповѣдями, чуждыми какой бы то ни было схоластики и, напротивъ того, полными самой жгучей злобы дня. Не стѣсняясь своимъ недавнимъ союзомъ съ партіею иноземцевъ, онъ, въ тонъ русскому духу, взявшему верхъ при дворѣ, то и дѣло обличалъ только что павшую иноземщину и дѣлалъ всѣмъ понятные намеки на свергнутыхъ представителей ея. «Иноземцы», говорилъ онъ въ своемъ извѣстномъ 2) «*Словѣ въ день рожденія Императрицы Елизаветы 18 дек. 1741 г.*». М. 1742 г. (Соп. 1152), «внутренніе и сокровенные враги наши. Они людей добрыхъ, простосердечныхъ, государству доброжелательныхъ и отечеству весьма нужныхъ и потребныхъ, подъ разными претекстами, губили и разоряли и вовсе искореняли, а равныхъ себѣ безбожниковъ, безсовѣстныхъ грабителей весьма любили, ублажали, почитали, въ ранги великіе производили, отчинами и денегъ многими тысячами жаловали и награждали». «Они только тѣнью, только тѣломъ здѣсь, а сердцемъ и душею внѣ Россіи пребывали; всѣ свои сокровища, всѣ богатства, въ Россіи неправдою нажитыя, вонъ изъ Россіи за море высылали, и тамъ иные въ банки, иные на проценты многіе милліоны полагали». Главною-же мыслью «Слова» является то, что Елизаветѣ, какъ дочери Петра и Екатерины, было свыше предназначено царствовать и что восшествіе ея, послѣ цѣлаго ряда незаслуженно-испытанныхъ притѣсненій, на престолъ освобождаетъ Россію отъ гибельнаго владычества иноземцевъ.

Изъ другихъ рѣчей, произнесенныхъ А. въ царствованіе Елизаветы, напечатаны: Слова 3) „*На неделю двадесять вторую по Сошествіи Св. Духа*“ М. 1742. 4°. (Соп. 1151) 4) „*На вшествіе Имп. Елизаветы въ Москву*“ М. 1742. 5) „*На д. восшествія на престолъ Имп. Елизаветы*“. М. 1743. (Соп. 1153). 6) „*На д. арх. Михаила*“. М. 1742. 7) „*Въ д. коронаціи И. Елизаветы*“. М. 1744. (Соп. 1149). 8) „*Въ д. торжественнаго Богу принесеннаго третьяго благодаренія о вѣчномъ мирѣ между Россіею и Швеціею*“. М. 1744. (Соп. 1150).

Юшкевичу же принадлежатъ: 9) *Штатъ и регламентъ о содержаніи новгородской семинаріи* въ I части „Ист. рос. іерархіи“, стр. 592—563. 10) *Письмо къ Варсонофію, епископу архангельском'у* въ „Р. Ст.“, 1878 г., № 5.

Остается въ рукописи, кромѣ многихъ проповѣдей, „*Основательное показаніе разностей между греческою и римскою папскою церковью*“. Филаретъ черниговскій, имѣвшій возможность познакомиться съ этимъ сочиненіемъ, придаетъ ему большое значеніе и въ своемъ „Обзорѣ“, гдѣ онъ такъ страшно скупъ на мѣсто, посвящаетъ ему больше страницы. Сущность аргументаціи Юшкевича, имѣющей цѣлью показать превосходство православія, Филаретъ резюмируетъ слѣдующимъ образомъ: 1) Наша церковь есть церковь каѳолическая, а не римская. 2) Основаніе церкви Христосъ, а не папа. 3) Истинная церковь вездѣ и всегда — одна по исповѣданію вѣры, чего нѣтъ въ римской. 4) Главнѣйшая разность о вѣчномъ исхожденіи св. Духа. 5) Еще разность — іудейскіе опрѣсноки. 6) Литургія на западѣ испорчена вымыслами. 7) Западное освященіе евхаристіи не согласно съ мыслію объ освятителѣ Духѣ Святомъ. 8) Католичество лишило народъ крови Христовой. 9) Огонь чистительный есть выдумка. 10) Римская церковь незаконно запретила народу читать св. Писаніе. 11) Св. Писаніе читается въ католической церкви на одномъ латинскомъ языкѣ, вопреки слову Божію. 12) Цѣлованіе папской туфли—оскорбленіе Кресту Господню.

Особенною горячностью Юшкевичъ отличается въ защитѣ права міріянъ читать св. Писаніе:

„Вездѣ“ говоритъ онъ, „папа противъ Христа воюетъ. Христосъ глаголетъ. гл. 5, ст. 10: *испытайте писанія*. А папа говоритъ: не читайте писанія. Знать то онъ непрестаннымъ грызеніемъ совѣсти своей снѣдаемъ опасается, чтобы тіе, которыхъ онъ прельстилъ въ свою сѣть, узнавши его обманъ и лесть, не отступили отъ него и тѣмъ бы не пришелъ онъ въ крайнее предъ всѣми поруганіе. Того ради подъ грозою вѣчныя клятвы запрещаетъ всѣмъ мірскимъ людемъ читать св. Писаніе и лишаетъ такого благополучія, которое едино душу человѣческую обѣщаніемъ вѣчныхъ благъ на небеси, уготованныхъ смертію Христовою, увеселяетъ и въ надеждѣ полученія ихъ непрестанно насъ укрѣпляетъ, чего онъ чинить своимъ не допускаетъ. Тѣмъ ясно показуетъ, какого онъ духа, сіе есть, что онъ не для спасенія душъ человѣческихъ вводитъ свои опредѣленія, а для своей, Богу ненавистной, пользы и корысти. Наша же православная восточная церковь, яко сущая природная мать, дѣтемъ своимъ всѣмъ равно промышляетъ спасеніе, не только она славѣ Жениха Своего Христа Спасителя никогда не препятствуетъ, но еще сверхъ того, какъ возможно, христіанамъ подаетъ пособіе къ тому; велитъ она со Христомъ всякому испытывать писаніе, читать слово Божіе и въ томъ всегда поучаться; сверхъ того, во обереженіе, чтобы малоученому невѣжѣ въ затруднительныхъ мѣстахъ не было сумнѣнія или въ великую ересь паденія, предовольныя спасительныя толкованія и объясненія написала, по которымъ всякъ христіанинъ, ежели только приложитъ тщаніе, можетъ совершенно во временной жизни имѣть утѣшеніе и обѣщаннаго вѣчнаго живота не лишиться“.

Ю. умеръ въ 1745 г. и похороненъ на паперти Антоніева монастыря, который такъ любилъ при жизни. Въ 1748 г. онъ совершалъ обрядъ коронованія императрицы Елизаветы Петровны.

Амвросій, Яковлевъ-Орлинъ архіепископъ рязанскій †) Въ 1765 г. былъ назначенъ префектомъ казанской дух. академіи и архимандритомъ казанскаго Спасопреображенскаго монастыря, въ 1794 г. ректоромъ московск. академіи и архимандритомъ Заиконоспасскаго монастыря, въ 1795 г. переведенъ въ Новоспасскій монастырь, въ 1796 г. рукоположенъ во епископа вятскаго, въ 1804 — переведенъ въ рязанскую епархію и въ томъ-же году возведенъ въ санъ архіепископа. Скончался въ 1809 г. Во время нахожденія въ Петербургѣ на чредѣ богослуженія издалъ свои «Слова». Спб. 1791 и 1792 г. Соп. 10372.

Аминовъ, П. А. финляндскій баронъ. Участвовалъ въ 1870 г. въ экспедиціи къ верховьямъ Зеравшана и къ озеру Искандеръ-Куль, результатомъ чего явился *«Военно-топографическій очеркъ горной страны верховьевъ р. Зеравшана»*, въ «Туркест. Ежег.» вып. 3. Спб. 1874, стр. 1—106. По поводу этого очерка проф. И. В. Мушкетовъ пишетъ въ своей извѣстной книгѣ «Туркестанъ»:

«Баронъ Аминовъ напечаталъ прекрасный топографическій очеркъ долины Зеравшана и сообщилъ первыя точныя свѣдѣнія о нижнемъ концѣ громаднаго Зеравшанскаго ледника, который, по мнѣнію А. болѣе 50 верстъ длиною, т. е. ровно вдвое болѣе дѣйствительнаго, какъ оказалось послѣ моей экспедиціи на этотъ ледникъ въ 1880 г.» (стр. 229.).

Amicus, псевдонимъ П. А. Монтеверде («С.-Пет. Вѣд.» и «Петерб. Газета») 1880-хъ годовъ.

Амманъ, Іоганнъ врачъ и ботаникъ, ††) сынъ голландскаго доктора Іоганна-Конрада А., составившаго себѣ почтенное имя изслѣдованіями о глухонѣмыхъ. Р. въ 1707 г. въ Шафгаузенѣ. Учился медицинѣ въ лейденскомъ университетѣ и въ 1730 г., по особенной рекомендаціи знаменитаго лейденскаго профессора Бургаве былъ принятъ извѣстнымъ лондонскимъ врачемъ Слономъ (Sloane) для над-

---

†) *Филаретъ*, Обзоръ 3 изд., стр. 399. 2) *Смирновъ*, Исторія Славяно-Греко-лат. Акад., стр. 357. 3) *Геннади*, Словарь.

††) 1) *Haller*, Bibliotheca botanica II. 291. 2) *Adelungs*, Fortsetzung zu Iöcher I, 740. 3) *Richter*, Geschichte d. Medicin III. 266—270. 4) *Ф. Брандтъ* «Recueil des actes de l'Academie de St. Petersbourg». 1832, p. 110. 5) Энцик. Слов. изд. рус. уч. и лит., т. IV. 6) *Пекарскій*, Ист. Ак. Наукъ I. 493—97. 7) *Геннади*, Словарь.

Травникъ А. описанъ Стеллеромъ въ 1 ч. «Musei imp. petropolitani». Pet. 1745, стр. 191—624.

зора за его, пользовавшимися въ то время огромною славою, естественно-историческими коллекціями. Въ 1731 г. А. удостоился чести быть избраннымъ въ члены лондонскаго Ученаго Общества, а въ 1733 г. ему была предложена петербургскою академіею каѳедра ботаники. Въ Петербургѣ онъ прожилъ вплоть до ранней смерти своей (4 дек. 1741). За эти восемь лѣтъ А. успѣлъ, однако, оказать немаловажныя услуги русской ботаникѣ, какъ основаніемъ академическаго ботаническаго сада (1736) и составленіемъ превосходныхъ гербаріевъ, такъ и цѣлымъ рядомъ описаній неизвѣстныхъ вовсе или мало извѣстныхъ растеній. Такъ онъ описалъ растенія, собранныя предшественникомъ его Буксбаумомъ, издалъ затѣмъ „Stirpiorum rariorum in Imperio Ruthenico sponte provenientium icones et descriptiones". Pet. 1739. 4°, въ которыхъ далъ описаніе и изображеніе растеній, собранныхъ Гмелинымъ, Гейнцельманомъ и Мессершмидтомъ во время ихъ путешествія по Сибири. Кромѣ того А. напечаталъ въ „Комментаріяхъ" Академіи (VIII—XIII) слѣдующія статьи:

VIII 193—196. De ficubus e trunco arboris enatis; 209—210, De melioto siliqua membranacea compressa; 211—219; Quinque nova plantarum genera. IX, 310—313, De alsinanthemo thalii seu trientali herba Ioannis Bavhini: 314—315, De betula pumila folio subrotundo. X, 278--302, De filicastro novo plantarum genere, aliisque minus notis rariobus filicum specibus, 326—368, Descriptio cameli bactriani binis in dorso tuberibus e scriptis D. G. Messerschmidii. XI, 304, De fungo insolitae magnitudinis observatio; 305—308, Descriptio et icon novae bermudianae apeciaei. XII, 288—292, Descriptio cassiae americanae procumbentis, herbaceae, mimosae foliis, floribus, parvis, siliquis angustis, planis. XIII, 400—403, De lapatho orientali, frutice humili flore pulchro inst. R. H. Cor.

Гоустоунъ назвалъ въ честь А. одинъ изъ видовъ семейства дербенниковыхъ (Lythrariae) *Ammania*.

Аммонъ, монахъ, неизвѣстно когда жившій †). Сочинилъ Канонъ Іосифу Волоколамскому. По указанію митр. Евгенія списокъ этого канона имѣется въ новгородской Софійской библіотекѣ.

Амонъ, Фадѣй. Издалъ въ 1790 г. въ Москвѣ переводъ съ нѣм. книги *I. Перра „Изслѣдованіе причинъ, отъ которыхъ большая часть дѣтей умираетъ и многіе изъ оныхъ, будучи уже въ совершенномъ возрастѣ, бываютъ не здоровы.*

---

†) *Евгеній*, Словарь духов. писателей, стр. 34.

Аммосовъ, А. †) Издалъ въ 1863 г. „*Послѣдніе дни жизни и кончины А. С. Пушкина. Со словъ бывшаго его лицейскаго товарища и секунданта К. Данзаса.* Эта небольшая брошюра, написанная не особенно искусно, въ свое время была тѣмъ не менѣе выдающимся историко-литературнымъ явленіемъ, благодаря тому, что въ ней впервые была очерчена та свѣтская интрига, жертвою которой палъ великій поэтъ. Къ брошюрѣ приложенъ рядъ чрезвычайно важныхъ писемъ и документовъ.

Амосовъ, Исай, ученикъ московской Практической Академіи. Имъ его „Рѣчь, говоренная при публичномъ собраніи (въ Академіи) 24 іюня 1808 г.“ Съ нѣмец. переводомъ. М. 1808. 4°. (Соп. 10059).

Амосовъ, Иванъ Петровичъ, корабельный подмастерье ††). Въ 1799 изд. въ Спб. въ 8 д. XVIII 93 стр. съ 1 л. черт. переведенную имъ съ англ. „*Изслѣдованіе о истинномъ способѣ находить пристойную площадь парусовъ линейныхъ кораблей чрезъ посредство оной опредѣлять длину мачтъ и реевъ*“ Чапмана. (Соп. 4508). Переводъ посвященъ вице-президенту Адмиралтействъ-коллегіи графу Е. Г. Кушелеву.

Онъ же перевелъ съ англ. Никольса, „*Разсужденіе о произращеніи дубовыхъ листьевъ*“. Спб. 1799. 8°. (Соп. 9510).

Аммосовъ, Николай Алексѣевичъ, изобрѣтатель „аммосовскихъ“ печей †††). Р. въ 1787 г. въ дворянской семьѣ, учился во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, въ 1805 г. выпущенъ офицеромъ въ 10-й артиллерійскій полкъ, въ 1808 г. дѣлалъ турецкую кампанію, а вслѣдъ затѣмъ участвовалъ въ кампаніяхъ 1812—1815 годовъ. Произведенный въ 1834 г. въ генералъ-маіоры, онъ въ слѣдующемъ году прославился изобрѣтеніемъ дѣйствующихъ грѣтымъ воздухомъ пневматическихъ печей, получившихъ названіе по имени изобрѣтателя. За

---

†) Отзывы: 1) „Биб. д. Чт.“, 1863 г., № 5. стр. 48—51. 2) „Рус. Слово“, 1863 г., № 4. 3) „Совр. Лѣт.“, 1863 г., № 18 (*М. Лонгинова*). 4) „Совр. Листокъ“, 1863 г., № 23. 5) „Современникъ“, 1863 г., № 6, стр. 317—328; № 9, стр. 199—200 (*П. Долгорукаго*). 6) „Кн. Вѣстн.“, 1863 г., № 9.

††) 1) *Снегиревъ*, Словарь Евгенія. 2) *А. Соколовъ*, Русская Морская Библ., стр. 71—72. 3) *Геннади*, Словарь. 4) *Верехъ и Рудзкій*, Литература рус. лѣсоводства, стр. 84—85.

†††) 1) *Старчевскій*, „Справ. Энц. Слов.“, т. 1, стр. 265. 2) *Н. Федоровъ*, въ „Энц. Слов.“, изд. рус. лит. и уч., т. IV. 3) „Иллюстр. Кал.“ на 1869 г., стр. 308. 4) *Дестремъ*, Разборъ теоріи опытныхъ результатовъ пневматическихъ печей Аммосова, въ „Биб. д. Чт.“, 1873 г., т. XXIV, отд. IV. 5) Разборъ книжки о громоотводахъ, въ „Биб. д. Чт.“, 1851 г., т. 106, отд. 1, стр. 70—72 и въ „Труд. В.-Эк. Общ.“, 1852 г., т. I, отд. 4, стр. 1. 6) Разборъ системы Аммосовскихъ печей имѣется во всякомъ курсѣ вентиляціи.

устройство такихъ печей въ Зимнемъ дворцѣ ему были пожалованы 2 тысячи десятинъ земли. Въ 1840 г. А. вышелъ въ отставку. Ум. въ 1868 г.

Объ изобрѣтенныхъ имъ печахъ А. выпустилъ двѣ брошюры: 1) *„Наставленіе какъ обходиться съ пневматическимъ отопленіемъ"*. Спб., 1840 и 1844 гг. и М. 1844 г. 2) *„Краткое понятіе о пневматическомъ отапливаніи и о качествахъ воздуха относительно здоровья"*. Спб., 1841 г. и М. 1844 г. Кромѣ того онъ писалъ незначительныя повѣстушки въ „Иллюстр. Газетѣ" и „Воскр. Досугѣ" 1860-хъ гг., а въ 1850 г. издалъ въ Спб. 3) *„Описаніе устройства громоотводовъ"*. Ему же принадлежатъ два перевода· 4) *Кондильяка*. „О выгодахъ свободной торговли". Спб., 1817 г. и 5) *„Фенелоновы избранныя творенія"*. Спб., 1820 г., 3 части.

Печи Аммосова въ свое время были крупнымъ явленіемъ техники, въ настоящее время ихъ значеніе уменьшилось. Вотъ что мы читаемъ о нихъ въ курсѣ (литограф.) извѣстнаго спеціалиста по отопленію проф. Войницкаго.

„Калориферъ Аммосова состоитъ изъ кирпичнаго топливника и нагрѣвательныхъ поверхностей, состоящихъ изъ горизонтальныхъ трубъ: чугунныхъ и изъ листового желѣза. Калориферы эти требуютъ не много мѣста и выдѣляютъ большое количество теплоты; но для согрѣванія жилыхъ помѣщеній они неудобны, потому что металлическія ихъ поверхности раскаливаются и кромѣ того черезъ неплотности трубъ изъ листового желѣза въ воздушныя камеры проникаетъ дымъ и копоть, которые уносятся въ помѣщенія вмѣстѣ съ нагрѣтымъ воздухомъ. Въ случаѣ примѣненія этихъ калориферовъ для вентиляціи (согрѣванія большихъ объемовъ свѣжаго воздуха) они требуютъ непрерывной топки, иначе температура или количество доставляемаго ими воздуха будутъ весьма непостоянны. Калориферы Аммосова еще недолго (лѣтъ 30 тому назадъ) были въ большомъ употребленіи въ Россіи, но вслѣдствіе замѣченныхъ недостатковъ въ настоящее время выходятъ изъ употребленія.

Что касается до недостатка, приписываемаго этимъ калориферамъ, что они сушатъ воздухъ, то недостатокъ этотъ нельзя приписать собственно этимъ калориферамъ, такъ какъ онъ присущъ всякому пневматическому отопленію, особенно съ большимъ притокомъ наружнаго воздуха".

Амфилохій (Андрей Яковлевичъ) †), сынъ священника въ Ростовѣ

---

†) Описаніе жизни Амфилохія. М. 1834 и 1846, съ его портретомъ. 2) *Геннади*, Словарь, стр. 26.

гдѣ р. 9 октября 1748. Принадлежалъ сначала къ бѣлому духовенству и занимался иконописаніемъ, а затѣмъ, въ 1779 г., постригся въ монахи и поселился въ ростовскомъ Яковлевскомъ монастырѣ, гдѣ и умеръ 26 мая 1824 г. Амфилохій велъ чрезвычайно строгій образъ жизни, который доставилъ ему большую извѣстность въ Ростовѣ и его окрестностяхъ. Когда въ 1823 г. чрезъ Ростовъ проѣзжалъ императоръ Александръ I, онъ посѣтилъ старца въ его кельѣ и пробылъ у него довольно долго. Похороны А. происходили при огромномъ стеченіи народа.

Въ 1834 г. почитатели А. издали въ Москвѣ книгу: «Описаніе жизни почившаго въ Господѣ, Ростовскаго ставропигіальнаго Яковлевскаго монастыря, гробоваго іеромонаха Амфилохія, составленное особенно для любителей и почитателей памяти сего благочестиваго старца, съ присовокупленіемъ писемъ къ разнымъ особамъ». Кромѣ этихъ писемъ (очень краткихъ), наполненныхъ благочестивыми размышленіями, въ книжкѣ имѣются изреченія А. Книжка видимо имѣла успѣхъ, потому что въ 1846 г. появилось 2-ое изданіе ея.

*Амфилохій, ученый архимандритъ (въ мірѣ Павелъ Ивановичъ *Сергіевскій*). *По полученнымъ отъ него свѣдѣніямъ* р. 20 іюня 1818 г. въ селѣ Любицахъ (малоярославецкаго уѣзда, калужск. губ.), гдѣ отецъ его былъ дьячкомъ. Учился съ 1829—35 въ духовномъ боровскомъ училищѣ, съ 1836—по 40 въ калужской семинаріи, съ 1840—44 въ московской духовной академіи, гдѣ окончилъ курсъ со степенью кандидата. За два года до этого А. принялъ монашество. Въ 1845 онъ былъ опредѣленъ на должность смотрителя суздальскихъ духовныхъ училищъ, гдѣ также съ 1846—52 преподавалъ греческій языкъ, нотное пѣніе и географію, а въ 1852 возведенъ въ санъ архимандрита 2-класснаго Борисоглѣбскаго монастыря, что на рѣкѣ Устьѣ, и тогда же опредѣленъ смотрителемъ ростовскихъ Борисоглѣбскихъ духовныхъ училищъ. Съ 1856—60 А. былъ настоятелемъ Воскресенскаго первоклассного ставропигіальнаго монастыря, а съ 1870 по настоящее время онъ управляетъ, въ санѣ настоятеля, московскимъ Даниловскимъ монастыремъ.

Состоя дѣйствительнымъ и почетнымъ членомъ почти всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ историческихъ и археологическихъ обществъ, архимандритъ А. кромѣ того былъ почтенъ въ 1868 г. избраніемъ въ члены-корреспонденты Академіи Наукъ по греческой и славянской палеографіи, а въ 1886 его избрала въ почетные члены петербургская духовная академія.

За ученые труды свои А. неоднократно получалъ разныя пре-

*) Означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

мія отъ Академіи Наукъ. Такъ въ 1863 г. ему за рукописное сочиненіе „*Изслѣдованіе Пандекта Антіоха XI вѣка*“ была присуждена Демидовская премія въ 714 р., въ 1877 г. за „*Описаніе рукописей Воскресенской Новоіерусалимской Библіотеки*“ — малая Уваровская премія въ 500 р., въ 1880 за „*Кондакарій XII—XIII вѣка*“—малая Уваровская премія въ 500 р., въ 1883 г. за труды по греческой палеографіи, по изученію Псалтири и Евангелія — ломоносовская премія въ 1000 р., а въ 1880 г. Археологическое Общество присудило архимандриту за его археологическіе труды большую серебряную медаль.

Трудно составить перечень *всего* написаннаго арх. Амфилохіемъ: въ этомъ затрудняется и самъ почтенный авторъ, затрудняется онъ также и въ опредѣленіи времени появленія въ свѣтъ нѣкоторыхъ своихъ трудовъ (брошюръ) на которыхъ не отмѣчено года. Академикъ И. В. Ягичъ въ замѣчательномъ разборѣ важнѣйшихъ трудовъ арх. Амфилохія («Четыре критико-палеографич. статьи». Спб. 1884 г.) упоминаетъ о такихъ трудахъ Амфилохія, которые онъ печаталъ для раздачи любителямъ: «это не были изданія въ обыкновенномъ смыслѣ слова; библіографія ихъ не отмѣчала, въ библіотеки они попадали случайно; но все-таки это были изданія, доступныя по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ, подобно тѣмъ печатнымъ книгамъ, которыя печатаются въ очень маломъ числѣ оттисковъ» (стр. 11.). Въ виду этого мы сдѣлаемъ перечень трудовъ арх. Амфилохія, руководствуясь его собственными указаніями и экземплярами публичной библіотеки.

1) „*О трехъ обѣтахъ монашества: дѣвствѣ, нестяжаніи и послушаніи*“. М. 1845 г. Студенческая работа. 2) „*Жизнь прен. Иринарха, затворника борисоглѣбскаго монастыря, что на Устьѣ рѣкѣ*“. Съ картинами и изображеніями подвиговъ его и трудовъ. Пересказъ житія, составленнаго Александромъ. Изд. 1-е 1863 г. Изд. 2-е исправленное. съ прибавленіемъ одного новаго рисунка, 1874 г. 3) „*Краткая жизнь ростовскаго борисоглѣбскаго монастыря, что на Устьѣ рѣкѣ, чтеца (юродиваго) Алексѣя Стефановича*“, съ его портретомъ. М. 1863 г. 4) „*Археологическая замѣтка о греческой Псалтири конца IX в., принадлежавшей Лобкову, а теперь принадлежащей московскому единовѣрческому монастырю*“, М. 1866 г. (со снимками).
„*О греческомъ Кондакарѣ XII—XIII в. московской синодальной библ. сравнительно съ древнимъ славянскимъ переводомъ*“, Спб. 1869 г. (Изъ „Сборника статей, читанныхъ въ отд. рус. яз. и слов. акад. наукъ“, VII, 7). 6) „*О миніатюрахъ и украшеніяхъ въ греческихъ рукописяхъ Импер. публ. библ., одной рукописи московскаго унив. и одной изъ библ. Г. Норова*“ 1870 г. 7) „*О неизданныхъ канонахъ въ греческой февральской Минеѣ конца X в. московской синодальной библ.*“ 1780 г. 8) „*О надгробныхъ памятникахъ иновѣрцевъ, найденныхъ въ 1870 г. въ московскомъ Даниловомъ монастырѣ*. Съ литограф. снимкомъ съ армянской плиты и итальянской 1564, 1570 и др. г. 9) „*О лицевомъ славянскомъ акаѳистѣ XII в.*“ М. 1871 г. (Изъ „Чтеній общ. любит. дух. пр.“). 10) „*Описаніе греческой Псалтири 862 г.*“ Съ литограф. снимкомъ. М. 1873 г. 11) „*О самодревнѣйшемъ Октоихѣ XI в. юго-славянскаго новаго письма*“. Со снимками. 1874 г. 12) „Лѣтописныя и др

древнія сказанія о св. благовѣрномъ великомъ князѣ Даніилѣ Александровичѣ, сынѣ св. благовѣрнаго в. кн. Александра Невскаго, и о построенномъ имъ за Москвою рѣкою Даниловскомъ монастырѣ". Со снимками. М. 1875 г. 13) „*Описаніе рукописей и старопечатныхъ книгъ Воскресенской ново-іерусалимской библіотеки*". Со снимками. М. 1875—76 гг. (Начало этой работы было напечатано въ сокращенномъ видѣ въ „Извѣстіяхъ 2-го отд. академіи наукъ" за 1869 г.). 14) „*Положенія, выбранныя на боннской конференціи въ 1875 г. изъ сочиненій св. Іоанна Дамаскина, дополненныя (арх. Амфилохіемъ) въ 1876 г.*". Со снимкомъ изъ греческ. ркп. IX—X в. Изъ „Московск. епарх. вѣд." за 1876 г. №№ 9 и 10. 15) „*Описаніе Юрьевскаго Евангелія 1118—28 г. воскресенской новоіерусалимской библ.*, съ приложеніемъ Словаря изъ него, сличеннаго съ Евангеліями XI, XII и 1270 г.". Со снимками. М. 1877 г. 16) „*Описаніе Евангелія 1092 г.*" (сличеннаго преимущественно съ Остромировымъ Евангеліемъ). М. 1877 г. Со снимками, т. X. 17) „*О поученіи св. Леонтія, епископа Ростовскаго*". М. 1878 г. (Изъ „Моск. епарх. вѣд." 1878 г., №№ 23 и 25). 18) „*Кондакарій въ греческомъ подлинникѣ XII - XIII в. по рукописи московской синод. библ. № 437, съ древнѣйшимъ славянскимъ переводомъ кондаковъ и икосовъ*". Со снимками. М. 1879 г. 19) „*Дополненіе къ Кондакарію XII—XIII в.*". М. 1879 г. 20) „*Отвѣтъ на разборъ, сдѣланный Н. Д. Мансвѣтовымъ на греческій Кондакарій XII—XIII в.*" (разборъ этотъ помѣщенъ въ „Твореніяхъ св. Отцевъ". М. 1880 г. кн. II). М. 1880 г. (Изъ „Чтеній общ. любит. дух. пр." 1880 г.). 21) „*Второй и послѣдній отвѣтъ ча статью Н. Д. Мансвѣтова о греческомъ Кандакаріи*" (на статью, помѣщенную въ твореніяхъ св. Отцевъ 1880 г. IV кн.). М. 1880 г. (Изъ „Чтеній общ. любит. дух. пр." за 1880 г.). 22) „*Хожденіе по вознесеніи Господа нашего Іисуса Христа, св. апостола и евангелиста Іоанна ученіе и преставленіе, списано Прохоромъ, ученикомъ его*". Со снимкомъ. 1879 г. (Изданіе общ. любителей древней письменности). 23) „*Изслѣдованіе о Пандектѣ Антіоха XI в., находящемся въ воскресенской новоіерусалимской библ.*, съ таблицею оттиснутыхъ буквъ, рѣзанныхъ на пальмѣ". М. 1880 г. 24) „*Словарь изъ Пандекта Антіоха*". М. 1880 г. 25) „*Объ отрывкахъ изъ древне-славянскихъ рукописей XI и XII—XIII в.*" (болгарскихъ и сербскихъ, пріобрѣтенныхъ для арх. Амфилохія отъ одного болгарина въ Санъ-Стефано. Со снимками. М. 1880 г. 26) „*Древне-славянская Псалтирь (Псалтирь Симоновская до 1280 г.), сличенная съ рукописными Псалтирями XI—XVII в. и старопечатными XV и XVI в., съ греческимъ текстомъ X вѣка, сличеннымъ съ Псалтирью въ Синайской библіи, Псалтирью 862 г., Псалтирью X в. Норовскою, Псалтирью X—XI в.*", въ 4 томахъ. М. 1880—81 г. Трудъ этотъ въ сокращенномъ видѣ вышелъ еще въ 1874—77 г. „*Древне-славянская Псалтирь XIII—XIV в. съ греческимъ текстомъ изъ Толковой Псалтири Θеодоритовой*", 2 т. Кромѣ того, есть изданіе—„*Древне-славянская Псалтирь XIII—XIV в., сличенная по церковно-славянскимъ переводоми съ греческимъ текстомъ и еврейскимъ, съ примѣчаніями*". Первая и вторая половины Псалтири. М. 1879 г. 27) „*Палеографическое описаніе греческихъ рукописей съ IX по XVII в., опредѣленныхъ лѣтъ*". Съ таблицами снимковъ въ двѣ краски. М. 1879—81 г. 4 тома, въ листъ. 366 стр. и 113 табл. 28) „*Четвероевангеліе Галичское 1144 г., сличенное съ древне-славянскими рукописными Евангеліями XI—XVII в. и печатнымъ Острожскимъ 1571 г.* (д. б. 1581 г.) *и Кіевскимъ 1788 г., съ греческимъ еванг. текстомъ 835 г.*". Со снимками 3 т. 1882—83 г. 29) „*Древне-славянскій Карпинскій Апостолъ XIII в. съ греческимъ текстомъ 1072 г., сличенный по древнимъ памятникамъ славян. XI—XVII в. въ разночтеніями греческими*", М. 1835—85 г. (Продолженіе этого труда представляетъ сличеніе текста „*Апокалипсиса XIV в. Румянцевскаго музея, съ греч. текст. Г в.*".

и проч. М. 1886—87 г.). 30) «*Сборникъ изображеній Спасителя, Божіей Матери и другихъ святыхъ съ X по XV в., конечныхъ украшеній, заставокъ, заглавныхъ буквъ съ 835 по XVII ст.* 76 таблицъ. М. 1885 г. — Отмѣтимъ еще слѣдующія брошюры безъ помѣты годовъ изданія: 31) «*О переводѣ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ Апостола*», 18 л. Напечатано по распоряженію импер. арх. общ. (Статья читана на археологич. съѣздѣ въ Петербургѣ). 32) «*О греческой кормчей древняго состава*». Оттискъ изъ 1-го вып. «Археологич. Вѣстника», издав. моск. арх. общ. 33) «*Описаніе образа неопалимой купины*» со снимкомъ, 15 стр. 32) «*О вліяніи греческой письменности на славянскую съ XI по начало XVI в.*», съ 17 таблицами снимковъ, 16 стр. Читано на 1-мъ археолог. съѣздѣ въ Москвѣ).

Уже изъ этого перечня многочисленныхъ трудовъ арх. Амфилохія можно видѣть, какой богатый матеріалъ представляютъ они для археолога, филолога и историка литературы. Нельзя не удивляться громадному трудолюбію, настойчивости и упорному терпѣнію неутомимаго труженика, напоминающаго во многомъ извѣстнаго сотрудника Горскаго— К. И. Невоструева. Въ этомъ согласны всѣ рецензенты и критики арх. Амфилохія. Мы уже упоминали о выдающемся критическомъ разборѣ наиболѣе замѣчательныхъ трудовъ арх. Амфилохія (Палеографическое описаніе греческихъ рукописей, древне-славян. псалтырь и четвероевангеліе галичское), сдѣланномъ въ приложеніи къ отчету о присужденіи ломоносовской преміи за 1883 г. академикомъ *И. В. Ягичемъ* («Четыре критико-палеографическія статьи», Спб. 1884 г.). Разборъ этотъ имѣетъ важное значеніе для того, чтобы правильнѣе разобраться въ трудахъ арх. Амфилохія, чтобы отдѣлить важное и цѣнное отъ излишняго матеріала, отъ описокъ и ошибокъ. Покойный проф. московской духов. академіи Мансветовъ, извѣстный знатокъ церковной греческой литературы, высказалъ несогласіе съ общими выводами арх. Амфилохія о греческомъ Кондакаріѣ.

Большая часть трудовъ арх. Амфилохія 60 — 70 годовъ посвящена И. И. Срезневскому: «первому изъ моихъ доброжелателей... первому поощрителю къ серьезному изученію нашихъ славянскихъ древностей», какъ отмѣчаетъ самъ арх. Амфилохій. Ссылки на покойнаго академика многочисленны въ трудахъ арх. Амфилохія: И. И. Срезневскій то доставляетъ Амфилохію выписки, то указываетъ памятники, то даетъ совѣты. Такое же чувство проникаетъ и отзывы И. И. Срезневскаго о трудахъ арх. Амфилохія (присужденіе демидовскихъ наградъ, 1863 г.; уваровскихъ наградъ, 1877 г., 1881 г.). Изъ отзывовъ Срезневскаго лучше всего можно познакомиться съ постепеннымъ развитіемъ дѣятельности арх. Амфилохія: въ должности настоятеля Воскресенскаго монастыря онъ составляетъ описаніе всѣхъ рукописей замѣчательной монастырской библіотеки, впервые описываетъ, дѣлаетъ извлеченія изъ наиболѣе замѣчатель-

ныхъ древнихъ рукописей (Евангелія, Ирмологъ, Пандектъ Антіоха), сравниваетъ всѣ доступные ему тексты древнихъ памятниковъ, приготовляетъ палеографическіе снимки и дѣлаетъ словарныя выписки изъ памятниковъ для дополненія словаря Востокова; переселясь въ Москву, арх. Амфилохій продолжаетъ работать въ томъ же направленіи надъ греческими и древне-славянскими памятниками богатой московской синодальной библіотеки.

Послѣ вклада въ греческую палеографію, одной изъ заслугъ арх. Амфилохія является сравненіе громаднаго количества памятниковъ церковно-славянскихъ и греческихъ по Новому Завѣту и Псалтири.

Сравнивая работы арх. Амфилохія съ аналогичными имъ работами Горскаго и Невоструева, слѣдуетъ отмѣтить слѣдующее: незабвенный А. В. Горскій, направлявшій всю научную работу Невоструева, давшій ей опредѣленность и законченность, выбиралъ изъ слѣдуемыхъ памятниковъ только нѣкоторые характерные примѣры въ подтвержденіе общихъ выводовъ, отмѣчалъ древнія формы и слова, имѣвшія значеніе для историко-филологической оцѣнки памятника. Арх. же Амфилохій даетъ сравненіе памятниковъ слово за словомъ; для читателя представляются какъ бы полные тексты, раздробленные на отдѣльныя слова. Эта работа неоцѣненна, если только къ ней присоединить нѣкоторыя удобства для единичныхъ справокъ: какія-либо помѣты по страницамъ, указатели и т. п. Но среди трудовъ арх. Амфилохія мы находимъ еще словари къ древнимъ памятникамъ. Послѣ этихъ словарей недостаточны уже справки въ словаряхъ Востокова и Миклошича. Въ словаряхъ арх. Амфилохія мы видимъ тѣ же пріемы, что въ его изслѣдованіяхъ древнихъ памятниковъ: отмѣчая замѣчательное выраженіе изслѣдуемаго имъ памятника, арх. Амфилохій приводитъ соотвѣтствующія выраженія изъ греческихъ и другихъ церковно-славянскихъ памятниковъ. Такое сопоставленіе чрезвычайно важно, особенно когда относится къ одному и тому же литературному памятнику, представляя разночтенія, различный подборъ выраженій, или опыты различныхъ переводовъ.

Какіе любопытные выводы могутъ получиться со временемъ изъ такихъ работъ, какъ труды арх. Амфилохія, можно заключить изъ упомянутаго уже разбора И. В. Ягича: они могутъ освѣтить судьбу славянскихъ переводовъ Евангелія, Апостола, Псалтири; взаимное отношеніе древнѣйшихъ основныхъ текстовъ ихъ по времени, по школѣ, если уже не по участію одного лица. Арх. Амфилохій избираетъ иногда и послѣдняго рода вопросы, какъ наприм. въ статьѣ «О переводѣ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ Апостола». Но небольшія статьи его подобнаго рода ограничиваются нѣкоторыми сопоставленіями и не имѣютъ сколько-нибудь рѣ-

ающаго значенія для разсматриваемаго вопроса. Такъ что главнее зна-
зніе дѣятельности арх. Амфилохія исключительно выражается въ его не-
;танныхъ поискахъ за новыми списками извѣстныхъ памятниковъ и
ь сопоставленіи ихъ съ изслѣдованными уже имъ памятниками. Такъ
гъ изучалъ нѣсколько лѣтъ тексты Псалтири, такъ работаетъ въ настоя-
ее время надъ текстами Новаго Завѣта.

П. Владиміровъ.

Амфитеатровы — семья духовныхъ и свѣтскихъ писателей, давшая
:ѣдующихъ литературныхъ дѣятелей: митрополита кіевскаго *Филарета*,
о брата извѣстнаго переводчика Тасса — *Раича* и ихъ племянниковъ:
кова Козьмича Амфитеатрова и арх. казанскаго *Антонія*; затѣмъ
оф. казан. академіи Михаила Яковлевича Красина и профессора
іск. духов. академіи *Егора Васильевича Амфитеатрова*. Обо всѣхъ
ихъ лицахъ будутъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ сообщены свѣдѣнія.
[ѣсь же скажемъ объ Яковѣ Кузьмичѣ и Егорѣ Васильевичѣ.

* **Амфитеатровъ**, Егоръ Васильевичъ †) *По свѣдѣніямъ, полученнымъ
гъ профессора И. Н. Корсунскаго*, р. 24 апрѣля 1815 г. въ селѣ
іани сѣвскаго уѣзда Орловской губ., гдѣ отецъ его былъ приходскимъ
ященникомъ. Окончивъ въ 1839 г. курсъ въ петербургской академіи,
ъ тотчасъ же получилъ назначеніе въ московскую духовную академію
ккалавромъ по кафедрѣ всеобщей словесности. Въ 1842 онъ былъ
редѣленъ секретаремъ правленія и конференціи академіи, въ 1844 воз-
денъ въ званіе экстраординарнаго, а въ 1848—ордин. профессора. Въ
74 А. по уставу долженъ былъ оставить штатную службу; но продол-
лъ, тѣмъ не менѣе, читать, въ качествѣ сверхштатнаго заслуженнаго
офессора. Въ 1882 г. московская духовная академія избрала его въ
четные члены. Помимо ученой сферы А. былъ ревностнымъ дѣятелемъ
на поприщѣ общественномъ: съ 1873 по день смерти своей—17 мая
88—онъ былъ городскимъ головою Сергіевскаго посада, въ которомъ
мѣщается московская академія. Здѣсь онъ оставилъ по себѣ самую
чшую память и еще при жизни его былъ поставленъ въ залѣ сергіев-
ой городской думы портретъ профессора-головы.

---

†) *1) С. Смирновъ*, Ист. моск. дух. академіи, стр. 129 и 398. 2) *Горскій*, А. В.
евникъ „Приб. къ твор. Св. Отцовъ“ 1884 г., 34 стр. 312—13 3) *Смирновъ-Пла-
новъ*, Г. П., Дѣтская помощь. М. 1885, стр. 34 — 35. 4) *Гиляровъ-Платоновъ*.
ь пережитаго, т. II, стр. 340). 5) *N. N.* (И. Корсунскій) въ „Моск. Вѣд.“ 1888 г.
143. 6) „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 12. Краткіе некрологи были помѣщены
майскихъ №№ (1888) многихъ газетъ.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

Литературное наслѣдство Амфитеатрова очень необширно: онъ всего только и писалъ, что статьи — 1) *О священной поэзіи Евреевъ* въ «Прибавл. къ твор. Св. Отцовъ» 1847 г. и 2) *О существѣ и свойствахъ художественной дѣятельности* («Приб. къ твор. св. Отцовъ» 1872 г.). Статьи ничего особеннаго не представляютъ собою и не онѣ создали Амфитеатрову его громкую репутацію, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не отмѣтить, что читаются онѣ съ интересомъ. Такъ, первая статья для времени своего появленія довольно замѣчательна по той свободѣ, съ которою критикъ обращается со своимъ сюжетомъ, и недаромъ Филаретъ (московскій), какъ видно изъ дневника А. В. Горскаго, отнесся не совсѣмъ доброжелательно къ самостоятельности метода молодого профессора. Вторая статья очень вдумчива. Повторяемъ, однако, не въ двухъ названныхъ статьяхъ лежитъ источникъ глубокихъ симпатій, которыя внушилъ Егоръ Амфитеатровъ слушателямъ своимъ. Насколько можно судить по печатнымъ воспоминаніямъ о немъ и по нѣкоторымъ устнымъ разсказамъ, которыя намъ приходилось слышать отъ учениковъ его, Амфитеатровъ имѣлъ такое же значеніе для московской духовной академіи, какое для московскаго университета имѣлъ современникъ начальнаго періода его профессорской дѣятельности—Грановскій. Какъ извѣстно, Грановскій бралъ не обширностью эрудиціи и не многочисленностью ученыхъ трудовъ, а общимъ складомъ своей гуманной личности, тѣмъ священнымъ огнемъ, тѣмъ стремленіемъ къ идеалу, которое пробуждало и заставляло дрожать въ сердцахъ слушателей лучшія струны ихъ души. Амфитеатровъ былъ человѣкъ именно этого разряда благородныхъ и богатыхъ натуръ.

Условія, въ которыхъ приходилось дѣйствовать Амфитеатрову, были гораздо затруднительнѣе тѣхъ, съ которыми имѣлъ дѣло Грановскій. Авторитетное свидѣтельство проф. Корсунскаго въ его некрологической замѣткѣ объ Амфитеатровѣ хорошо обрисовываетъ обстоятельства, при которыхъ послѣднему приходилось начинать свою профессорскую карьеру: «То было время, съ одной стороны, чрезвычайнаго возбужденія и напряженія философствующаго духа подъ вліяніемъ идеалистической философіи Гегеля, время сильнаго подъема и развитія литературныхъ силъ и талантовъ въ русской словесности, въ лицѣ Пушкина, Гоголя, Бѣлинскаго и другихъ, а съ другой—періодъ строго-охранительнаго отношенія властей къ проявленіямъ духа во всѣхъ областяхъ его дѣятельности, тѣмъ болѣе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ; поэтому нужно было много ума, такта и энергіи, чтобы, съ одной стороны, согласно требованіямъ и устава академическаго, и времени, поставить такой предметъ, какъ всеобщая и русская словесность, на подобающую ему высоту и тѣмъ удовлетворить насущнымъ потребно-

стямъ жаждущихъ высшаго просвѣщенія умовъ, а съ другой—не выйти изъ границъ, которыя ставило профессору строго-охранительное направленіе, особенно, же при такомъ зоркомъ наблюдателѣ, какъ Филаретъ митрополитъ московскій».

О содержаніи и характерѣ лекцій Амфитеатрова можно составить себѣ представленіе по воспоминаніямъ учениковъ его. Одинъ изъ нихъ—протоіерей Г. П. Смирновъ-Платоновъ сообщаетъ слѣдующее:

«Егоръ Васильевичъ имѣлъ огромное вліяніе на студентовъ и не столько по спеціальности своей каѳедры, сколько по общимъ началамъ и воззрѣніямъ. Амфитеатровъ читалъ намъ философію эстетики Гегеля, необычайно даровито обработанную и такъ удачно проведенную по всему курсу, что лекціи казались самостоятельнымъ, цѣльно и сознательно обработаннымъ курсомъ. Профессоръ обладалъ счастливою способностью претворять въ свою собственность все, что встрѣчалъ на своемъ пути изъ богатыхъ иностранныхъ литературъ, и характеристики явленій и личностей изъ міра искусства и литературы, заимствованныя изъ писателей французскихъ и нѣмецкихъ, казались его собственными произведеніями. Гегелево опредѣленіе красоты—*идея въ явленіи*—давало возможность профессору одинаково удачно характеризовать и всѣ попытки идеи, выступавшей въ первобытныхъ проявленіяхъ искусства и представлять произведенія еврейской поэзіи какъ выраженія идеи, безконечно возвышавшейся надъ явленіями дѣйствительности, и красоту классическаго міра, гдѣ идея становится цѣлью въ уровень со своимъ выраженіемъ и находитъ осуществленіе въ греческой пластикѣ, въ вѣчно юныхъ твореніяхъ классическаго искусства, столь искренно оплаканныхъ поклонниками классической красоты въ новомъ мірѣ, начиная съ Шиллера, и всю исторію искусства и поэзіи въ новомъ мірѣ, гдѣ снова нарушается равновѣсіе содержанія и формы и творящій духъ дѣйствуетъ, становясь въ служебное отношеніе къ требованіямъ человѣческаго развитія, не могшаго остаться вѣрнымъ наитію классической эпохи. Студентовъ занимали больше всего философскія начала: не пропущено было ни одной лекціи Амфитеатрова безъ долгихъ толковъ и споровъ въ студенческихъ кружкахъ».

Воспоминанія протоіерея относятся къ сороковымъ и пятидесятымъ годамъ. Къ этому времени относятся и воспоминанія покойнаго Гилярова-Платонова, который сообщаетъ, что студенты «съ восторгомъ, чуть ли не съ поклоненіемъ отзывались объ Е. В. Амфитеатровѣ». Но вотъ намъ пришлось вести рѣчь объ Амфитеатровѣ съ людьми, слушавшими его лекціи въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ, и притомъ съ людьми, всего менѣе зараженными клерикализмомъ, а, напротивъ того, полными самыхъ передовыхъ стремленій. И что же? Эти люди эпохи, столь склонной осуждать все и вся, отзывались о лекціяхъ Егора Амфитеатрова въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ. По ихъ словамъ, Амфитеатровъ рѣдко говорилъ о датахъ, рѣдко давалъ фактическія свѣдѣнія, но онъ вводилъ слушателей въ *духъ* литературнаго изслѣдованія, давалъ *обзоры* литера-

турныхъ теченій, не загромождая своего курса мелочами, и вообще сообщалъ слушателямъ тѣ *общія* начала изученія исторіи литературы, которыя одни и составляютъ, въ сущности, настоящую цѣль университетскаго преподаванія. И такъ какъ все это было сопряжено съ глубокимъ энтузіазмомъ и проникнуто духомъ свободнаго научнаго изслѣдованія, то неудивительно, что аудиторія шестидесятыхъ годовъ относилась къ профессору-идеалисту съ такимъ же восторгомъ, какъ и аудиторія сороковыхъ.

Амфитеатровъ, С. (Семенъ Егоровичъ). См. *Раичъ*.

Амфитеатровъ, Яковъ Козьмичъ †). Р. 23 окт. 1802 въ селѣ Высокомъ кромскаго у. орловской губ. Здѣсь отецъ его—Козьма Ивановичъ *Красинъ* былъ сначала причетникомъ, а затѣмъ приходскимъ священникомъ. Фамилію *Амфитеатрова* Як. Козьмичъ принялъ впослѣдствіи, когда былъ въ семинаріи, въ честь митрополита кіевскаго Филарета Амфитеатрова, которому приходился племянникомъ по матери. Учился А. сначала въ сѣвской и Орловской семинаріяхъ, затѣмъ въ кіевской академіи, гдѣ въ 1829 г. кончилъ курсъ со степенью магистра. Назначенный тотчасъ же баккалавромъ по кафедрѣ церковной словесности, А. въ 1835 г. былъ произведенъ въ экстраординарные, а въ 1837 г. въ ординарные профессора. Умеръ въ Кіевѣ 8 іюля 1848 г.

Въ отдѣльномъ изданіи изъ работъ А. появились:

1) *Чтенія о церковной словесности или гомилетика*. 2 ч. Кіевъ. 1846. 3) *Бесѣды объ отношеніи церкви къ христіанамъ*. Кіевъ. 1847. 2-ое изд. Спб. 1849. 3 изд. Спб. 1853. 4-ое изд. Кіевъ. 1865. 5-ое. Спб. 1885. *И. Янышевъ* перевелъ ихъ на нѣмец. языкъ подъ заглавіемъ *Ueber dass Verhältniss der Kirche zu den Christen*. Wiessbaden. 1853. 3) *Письма Св. Іоанна Златоуста къ Діакониссѣ Олимпіадѣ*. К. 1853 (оттиски изъ «Воскрес. Чт.») 4) *Сборникъ изъ лекцій бывшихъ профессоровъ Кіевской Академіи* (Иннокентія, Өеофана Авсенева и Амфитеатрова). Кіевъ. 1869. Тутъ перепечатана часть лекцій А. по исторіи всеобщей словесности. 5) Очень много писемъ и отрывковъ изъ лекцій Як. Козьмича приведено Аскоченскимъ въ его книгѣ о кіевскомъ профессорѣ.

---

†) 1) *В. Аскоченскій* въ Кіевск. Губ. Вѣд. 1854, № 38 и 39. 2) *Его же* отдѣльная книжка «Яковъ Козьмичъ Амфитеатровъ». 8°. 155 стр. Кіевъ. 1857. 3) *Филаретъ* Обзоръ. 4) *Геннади*, Словарь. 5) *Тихомировъ*, въ «Энц. Слов.» изд. пис. и уч., т. IV,

1) Отзывы о «Бесѣдахъ»: *Петровъ* въ «Москвитянинѣ» 1848 г. ч. I, № 1, стр. 160—164. 2) *И. Галанинъ* въ «Жур. Мин. Нар. Пр.» 1850 г., ч. 65, отд. 6, стр. 1—14. 3) «Отеч. Зап.» 1850, № 3, т. 69, отд. 6 стр. 9—10 и 1853 г. № 6, т. 88 отд. 5 стр. 103. 4) «Руков. для сельск. паст.» 1866.

Въ *Журналахъ* Амфитеатровъ напечаталъ:

6) *Охотникъ,* разсказъ въ «Маякѣ» 1843 г., т. 9. 7) *Батыева дорога,* разсказъ. Тамъ же. 8) *Любопытство.* Тамъ же. Всѣ 3 разсказа носятъ общее заглавіе: «Простоволосые». 9) *Лева простоволосый по прозванію Долина,* повѣсть. Тамъ же за 1844 г., т. 13, 14 и 15. За подписью *Афанасій Ивановъ Самовидцъ.* 10) *Падающія звѣзды,* разсказъ. Тамъ-же за 1845 г., т. 21. 11) *Желаніе лучшаго* въ „Кіевлянинѣ" 1840 г. 12) Рядъ небольшихъ статеекъ въ «Воскресномъ Чтеніи» 1837—1848 гг., выходившемъ при кіевской академіи. Ихъ около ста, статейки все маленькія—въ нѣсколько страницъ. Аскоченскій далъ полный перечень ихъ въ приложеніи къ своему біографическому очерку. Кромѣ этихъ оригинальныхъ статеекъ, Амфитеатровъ помѣщалъ въ «Воскр. Чтеніи» и много переводовъ изъ твореній св. Отцовъ.

Какъ въ профессорской, такъ и въ литературной дѣятельности своей Яковъ Амфитеатровъ прежде всего является суровымъ аскетомъ и человѣкомъ строго-ортодоксальнаго образа мыслей. Одинокая жизнь, нелюдимость и постоянное общеніе съ монашествующими сдѣлали изъ него фанатика идеи дисциплинированія рода человѣческаго и яраго врага свободы, которая въ его представленіяхъ смѣшивалась въ одно понятіе съ распущенностью. Современная ему литература—литература кружка Бѣлинскаго—казалась Амфитеатрову какимъ-то адовымъ исчадіемъ. Мирился онъ только съ знаменитымъ органомъ мракобѣсія и юродства—Бурачковскимъ «Маякомъ», гдѣ и печаталъ свои деревянныя идилліи, въ которыхъ мужики говорятъ слогомъ профессоровъ богословія.

Извѣстность въ духовной литературѣ Якову Амфитеатрову доставили его «Чтенія о церковной словесности» и «Бесѣды объ отношеніи церкви къ христіанамъ», выдержавшія 5 изданій и переведенныя на нѣмецкій языкъ. Обѣ книги свидѣтельствуютъ, что авторъ человѣкъ даровитый и способный самостоятельно мыслить. Въ особенности выдается гомилетика. Это вещь и умная и написанная хорошо—яснымъ, отчетливымъ, нерѣдко сильнымъ слогомъ, и наконецъ вещь, проникнутая единствомъ мысли. Въ русской гомилетикѣ, во всякомъ случаѣ, «Чтенія» Амфитеатрова явленіе перворазрядное. Наиболѣе выдающаяся въ нихъ черта—это стремленіе отрѣшиться отъ западно-европейскихъ образцовъ проповѣди и поставить въ образецъ русскому пастырю проповѣдь византійскую и древнерусскую.

Отдавая дань уваженія уму, таланту и познаніямъ Амфитеатрова, нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не отмѣтить, что общій строй міросозерцанія его, мрачно-враждебный всей новѣйшей цивилизаціи, вызывалъ оппозицію даже въ сферахъ спеціально-духовныхъ. Такъ, священникъ Тихомировъ—недавно умершій профессоръ богословія многихъ петербургскихъ высшеучебныхъ заведеній—въ замѣткѣ объ Амфитеатровѣ (въ неоконченномъ

«Энциклоп. Словарѣ», издававшемся въ 60 гг.), очень опредѣленно выражаетъ свое недовольство враждою кіевскаго богословія «ко всему живому». Съ своей стороны прибавимъ, что Амфитеатровъ во всей своей дѣятельности является тѣмъ, что принято обозначать словомъ «клерикалъ». Это представитель совсѣмъ чуждаго огромному большинству русскаго клира понятія объ ecclesia militans съ ея стремленіями быть единственною выразительницею духовной жизни народовъ.

А. Н.—А. Н. Пыпинъ въ «В. Евр.» 1880-хъ гг.

А. Н. («Моск. Наб.», «Отеч. Зап.» «Совр.» 30-хъ и 40-хъ годовъ) П. Н. Кудрявцевъ.

* **Анаевскій**, Афанасій Евдокимовичъ, извѣстный литературный маньякъ, наряду съ баснословно-безграмотнымъ переводчикомъ «Фауста»—Овчинниковымъ доставлявшій много веселыхъ минутъ рецензентамъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ †) слѣдующими своими «произведеніями»: 1) *Юродивый мальчикъ, въ желѣзномъ зеленомъ клобукѣ.* Спб. 1844. 2) *Жезлъ, сочиненія и труды.* Спб. 1852. 3) *Ассамблея.* Вологда 1852. 4) *Энхиридіонъ любознательный.* Спб. 1854. 5) *Экзалтаціонъ и 9 музъ.* Вологда 1862. 6) Самъ А. упоминаетъ еще о сочиненной имъ «*Мандрагоръ*», но мы ее не видѣли и въ каталогахъ она ни въ какихъ не значится.

Человѣку, неимѣвшему названныя «произведенія» въ рукахъ, трудно дать понятіе объ этихъ брошюркахъ, несмотря на свои 70, 80 страницъ разгонистой печати разбитыхъ авторомъ на нѣсколько «томовъ». (Въ «Экзалтаціонѣ» 1-ый «томъ» состоитъ изъ одного стихотворенія, озаглавленнаго «Бенедикціонъ», и двухъ повѣстушекъ по 10 страницъ, а «томъ» IV занимаетъ 6 страницъ). Рецензенты, въ свое время писавшіе о несравненныхъ твореніяхъ Анаевскаго, тоже чувствовали свое безсиліе передать читателю всю оригинальность ихъ и выходили изъ затрудненія лишь тѣмъ, что приводили огромнѣйшія цитаты. Такъ напр. «Современникъ» посвятилъ одному только «Жезлу» цѣлыхъ 10 страницъ петита и всѣ онѣ исключительно были заняты выдержками.

---

†) Отзывы о «Юродив. мальчикѣ»: 1) «Лит. Газ.» 1844, № 9. 2) «Отеч. Зап.» 1844, № 3, отд. 6, стр. 31—33. О «Жезлѣ»: 1) «Отеч. Зап.» 1852, № 4, отд. 6, стр. 108—110. 2) «Соврем.» 1852. т. 32, отд. 4, стр. 43—52. 3) «Сѣв. Пчела» 1852, № 47, статья *Кл.* 4) «Сын. Отеч.» 1852. кн. 2, отд. 6, стр. 32—38. Объ «*Ассамблеѣ*»: 1) «Отеч. Зап.» 1853, № 8, отд. 5, стр. 109—112. 2) *К. П.* (*олевой*) въ «Сѣв. Пч.» 1853, № 178. Объ «*Энхиридіонѣ*»: 1) «Отеч. Зап.» 1855, т. 98, отд. 4, стр. 45—47 2) «Совр.» 1855, т. 49, отд. 4, стр. 73. Объ «*Экзалтаціонѣ*»: *В. И. Межовъ* въ указателѣ по исторіи литер.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника.*

рецензенты находили творенія Анаевскаго въ высокой степени
ми. Съ одной стороны оно, пожалуй, и такъ. Вотъ напр. обра-
гихотворнаго таланта автора «Жезла»:

кая насѣкома
:акъ эфиромъ влекома:
,у къ несчастью упала,
гдѣ, чуть не пропала.
то же время перната,
омъ въ воду загната.

Къ счастію на плывущую доску взошли,
Такъ они дружбу свели
И обсушась полетѣли
На самородинку сѣли и т. д.
(«Жезлъ» стр. 58.).

са написана авторомъ въ образецъ того, какъ слѣдуетъ писать
-хореемъ, который «труднѣе сочинять прочихъ стиховъ». Гораздо
исать другими размѣрами напр.

Дактиль-хорей двухъ-стопный:
:какали
плясали
летѣли
запѣли.
рѣзвились
анились:
сыскали.
оть попали,
вязали
пропали.

Хорей трехъ-стопный.
Мы родные братья,
Любимъ парны платья.
Нѣженъ такъ равно и стихъ,
Если самъ онъ не спѣсивъ,
И имѣвши свой нарядъ,
Долженъ также стать въ разрядъ,
Къ роду своему для музъ,
Сдѣлавъ изъ себя союзъ.
(«Жезлъ» 44—45).

ь же хороша и проза Анаевскаго:

ирода одарила человѣка разумомъ, красотою, стройностью и движеніемъ
корила его волѣ искусственно производить величественные тріумфы, ма-
лонны,—украшать святыни и *пріятно излагать бытъ патріотовъ*" („Жезлъ"

проза оригинальная. Но Анаевскій, къ удивленію, занимался и
ами съ «нѣмецкаго».

и радушномъ угощеніи (Фердинандъ) занималъ гостей литературнымъ раз-
ь, доказывалъ, что усовершенствованіе разума доводится, при помощи наукъ
ъ умственныхъ разсужденій и оптическихъ проблемъ до высшихъ позна-
:онизмъ устраивается отъ соображенія. Всякая голова имѣетъ свою фило-
свои понятія. Не одни бываютъ *гермонимы* [1]) одарены высокимъ разумомъ.

Анаевскаго то и дѣло встрѣчаются слова, очевидно имъ самымъ сочи-
Вотъ напр. еще одно таинственное словечко изъ любопытнаго четверо-
фигурирующаго въ «Эквалтаціонѣ»:

Полѣтела роза
На *зердутовыхъ* крылахъ,
Взявши вертуоза
Съ нимъ лѣтитъ въ его рукахъ. (стр. 78).

Изъ нихъ не всякой предпринимаетъ труды.—Одни затмѣваютъ свой разумъ безъ дѣйствіемъ; другіе трудятся, разсуждаютъ, вникаютъ въ извороты и, при намѣреніяхъ предпринимаютъ въ расчетъ смѣтливость; тѣмъ и я изъ ничтожества составилъ себѣ счастіе.

Разговоръ былъ вообще у гостей съ разными разсужденіями веселой. Подгулявши порядочно, изъ вѣжливости въ благодарность хозяину кричали виватъ! Экзалтаціонъ!» [1]).

Двѣ, три такія выдержки могутъ, конечно, показаться забавными, но когда вы одолѣете подрядъ всѣ oeuvres complets Анаевскаго, то въ общемъ получается впечатлѣніе не одной только—феноменальной безграмотности, а какого-то чисто-психопатическаго маньячества.

Тяжелое впечатлѣніе увеличивается, когда узнаешь нѣкоторыя біографическія подробности объ авторѣ «Экзалтаціона». Уже изъ заглавнаго листка этой книжки можно было усмотрѣть, что ее сочинилъ «коллежскій совѣтникъ и кавалеръ». Коллежскій совѣтникъ—вѣдь это выходитъ полковникъ, чинъ не маленькій, въ особенности въ провинціи. Но вотъ приглядимся еще къ формулярному списку Анаевскаго, который мы получили отъ П. А. Ефремова. Оказывается, что авторъ «Экзалтаціона», родившійся въ 1788 г. (отецъ его былъ дьячекъ), въ 1812 г. кончилъ курсъ въ семинаріи и тотчасъ-же поступилъ на службу. Въ 1819 г. онъ былъ аудиторомъ иркутскаго гусарскаго полка, въ 1821—24 гг. оберъ-аудиторомъ московскаго и старорусскаго военнаго поселенія, въ 1830 ассессоромъ архангельской казенной палаты, въ 1839 депутатомъ со стороны министерства финансовъ въ архангельской коммиссіи для приготовленія къ пріему государственныхъ имуществъ въ новое вѣдомство, въ 1841—44 гг. А. неоднократно управлялъ питейнымъ, лѣснымъ и казначейскимъ отдѣленіями архангельскаго губернскаго правленія, въ 1848—1858 онъ тоже много разъ управлялъ разными отдѣленіями вологодской казенной палаты, въ 1858 онъ нѣсколько разъ былъ командированъ для присутствованія однимъ изъ 3 членовъ уголовной и гражданской палаты вологодской. Получалъ онъ и всякія иныя, весьма сложныя порученія и только въ 1865 семидесятисемилѣтній авторъ «Экзалта-

[1]) Всякая пьеса наиболѣе нелѣпой изъ книжекъ Анаевскаго—«Экзалтаціонъ и 9 музъ» кончается какъ рефреномъ словомъ «Экзалтаціонъ». Этому удивительному возгласу въ одной изъ повѣстей III „тома“ дается такое объясненіе:

«При частыхъ они другъ друга съ дѣтьми и женами навѣщаніяхъ и при радушномъ угощеніи въ знакъ хорошаго расположенія выражали привѣтствіе Экзалтаціонъ. Маргарита спросила мужа, что значитъ: Экзалтаціонъ и Эксюльтаціонъ, Федоръ Ивановичъ отвѣчалъ: первое означаетъ: съ восторгомъ радуемся и веселимся въ самодовольной своей жизни, а послѣднее означаетъ: Возведеніе и превозвышеніе» (стр. 86).

іа», за годъ до своей смерти, вышелъ по болѣзни въ отставку. За мя своей службы А. получалъ очень много благодарностей, отличій и е Владимірскій крестъ.

И такъ, въ лицѣ Анаевскаго мы ничуть не имѣемъ дѣла съ какимъ-удь Акакіемъ Акакіевичемъ, переписывавшимъ то, что сочиняли дру- Нѣтъ, этотъ полоумный маньякъ былъ настоящимъ, власть имѣющимъ овникомъ россійскимъ, онъ судилъ и рядилъ живыхъ людей по тому ому разумѣнію, по которому распоряжался героями «Экзалтаціона» и іхиридіона».

Ананія Федоровъ, ключарь суздальскаго собора см. Федоровъ.

Ананьевъ, Афанасій †) Вмѣстѣ съ Ясницкимъ и Лебединскимъ состаіъ «*Полный латинскій словарь*» М. 1862 4°. Ц. 4 р., изданный М. Леонтьевымъ. Одновременно съ нимъ вышелъ и «Сокращенный инскій словарь» тѣхъ-же составителей. Оба словаря занимаютъ видное ;то въ русско-латинской лексической литературѣ по богатству словъ и льному цитированію мѣстъ классическихъ произведеній, гдѣ данное во встрѣчается.

А. долго готовился къ изданію словаря и еще въ 1849 г. издалъ въ сквѣ подготовительную книжку: «*Обозрѣніе латинскихъ словарей и інъ новаго латинско-русскаго словаря*». Въ 1867 г. онъ выпустилъ свѣтъ «Латинскую грамматику», не имѣвшую успѣха.

* **Анастасевичъ, Василій Григорьевичъ**, извѣстный библіографъ †). Публичной Библіотекѣ есть двѣ автобіографическія записки его—

---

†) *Отзывы:* объ „Обозрѣніи словарей“ *Н. Т.* въ „Москвит.“ 1850 г. № 23 кн. гр. 135—141. Объ „*Латинской грамматикѣ*“. 1) *А. Радонежскаго* въ „Ж. Мин. Пр.“ 1867. № 11 стр. 673—699. 2) „Сбор. мнѣній Уч. Ком. Мин. Н. Пр.“. Спб. 9. стр. 65—67.

†) 1) *Старчевскій*, Справ. Энц. Слов. 2) *Пекарскій* въ «Энц. Слов.» изд. рус. пис. ч. т. IV. 3) *Сухомлиновъ* въ „Жур. Мин. Нар. Пр.“ 1865 г. № 10 стр. 27—30. *П. А. Ефремовъ* въ «Голосѣ» 1863 г. № 302 и 329. 5) *И. Сахаровъ*, Воспомин. «Рус. Арх.» 1873 г. № 6 стр. 965 и 970. 6) *Сухомлиновъ*, Матер. по Ист. ад. Наукъ I. 19—22 и 146. 7) *Ивановскій* въ «Лит. Библіот.». 1867 г. т. [и VIII. 8) *Семевскій*, Вас. Ив., Крестьянскій вопросъ въ Россіи т. I стр. и 300. 9) «Сѣвер. Пчела» 1845 г. № 42. 10) *Батюшковъ*, Сочиненія т. III стр. 51 , 123. 11) *Вигель*, Воспоминанія ч. 3. гл. 10. 12) *Гречъ* въ «Сѣв. Пчелѣ» 1857 г. 108 13) „Сборн. 2 отд. Ак. Наукъ“, ч. V, въ разныхъ мѣстахъ, отмѣченкъ въ указателѣ. 14) „Древ. и Нов. Россія“ т. 18 и 19. 15) *В. Саитовъ* въ імѣч. къ сочиненіямъ Батюшкова т. I стр. 382, т. III стр. 659. 16) *Сухомлиновъ*, г. Рос. Акад. т. VIII.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

одна (отъ 10 іюля 1819 г.) писанная «единственно для его преосвященства Евгенія архіеп. псковскаго», а другая составленная для Греча 21 октября 1821 г. Первая гораздо обстоятельнѣе (около $^1/_2$ печ. листа) и потому извлекаемъ изъ нея существеннѣйшія мѣста, кое-гдѣ дополняя ее данными второй автобіографіи:

«Анастасевичъ, Василій Григорьевичъ, род. въ Кіевѣ 28 февраля 1775 г. въ домѣ родителя его, бывшаго членомъ на магдебургскомъ правѣ состоящаго магистрата, волошскаго происхожденія, Григ. Ив. *Анастази*. Воспитывался первоначально въ родительскомъ домѣ, подъ руководствомъ старшаго и единственнаго брата своего, обучавшагося тогда въ кіевской академіи, а на 11 году своего возраста (1786) и самъ вступилъ въ оную и постепенно проходилъ классы 1—6, но по $2^1/_2$ мѣсячномъ слушаніи ученія въ послѣднемъ, оставилъ (1793) академію и родину, бывъ приглашенъ въ одинъ помѣщичій домъ г-на Сегунова, въ Курской губ.—для обученія 4 его сыновей. Въ Академіи сверхъ латинскаго языка, какъ главнаго для учащихся въ ней, обучался французскому, нѣмецкому, греческому, польскому и россійскому (кои всѣ, кромѣ польскаго, ближайшаго къ природному малороссійскому, были для него почти равно иностранными), также математикѣ чистой и прикладной, исторіи общей и отечественной и словесности оныхъ языковъ».

Въ 1795 г. А. вступилъ «стражникомъ» въ малороссійскій корпусъ пѣшихъ стрѣлковъ. Познаніями, для того времени довольно обширными и составлявшими результатъ постояннаго чтенія, Анастасевичу удалось расположить къ себѣ начальниковъ своихъ, изъ которыхъ одинъ—командиръ Полоцкаго полка, кн. Пав. Мих. *Дашковъ* снабжалъ его не только книгами, но и далъ ему «тетради, по коимъ онъ воспитывался въ Единбургскомъ университетѣ», а также самъ училъ его англійскому и итальянскому языкамъ. Кромѣ того А., во время пребыванія полка въ Полоцкѣ, свелъ «знакомство съ езуитскими, базиліанскими, францисканскими и тамошняго народнаго училища учителями и любителями наукъ», «что подкрѣпляло упражненія» молодого офицера. Въ 1797 его сдѣлали квартирмейстеромъ и посылали съ разными хозяйственными порученіями въ ближайшіе города сѣверо-западнаго края. Въ 1798 г. начались для А. большія непріятности по службѣ. Смѣнившій Дашкова полковой командиръ Сназинъ, одинъ изъ «гатчинскихъ возведенцевъ», человѣкъ грубый, крайне-невѣжественный, а главное казнокрадъ, началъ дѣлать большія притѣсненія А. за то, что тотъ не хотѣлъ прикрывать его плутни. «Для пылкаго 25-лѣтняго юноши сего было довольно, чтобы написать въ сильныхъ выраженіяхъ письмо къ императору Павлу I отъ 2 мая 1799 г. *по секрету*». Завязалось дѣло, которое для Сназина кончилось довольно печально: онъ

«получилъ позорную и убыточную отставку», но и Анастасевичу пришлось уйти изъ военной службы, повидимому вслѣдствіе того, что Сназину удалось припутать ненавистнаго ему квартирмейстра къ недостачѣ 450 р. казенныхъ денегъ, утерянныхъ, по словамъ Анастасевича, однимъ изъ его подчиненныхъ.

Въ 1812 г., пропутешествовавъ нѣкоторое время по югу Россіи и Крыму въ качествѣ секретаря нѣкоего Бѣлянова, ѣздившаго по важному служебному порученію, Анастасевичъ поступилъ чиновникомъ въ Военную Коллегію. «При учрежденіи министерствъ, по манифесту 8 сентября (1802), познакомясь съ В. Н. Каразинымъ и занявшись съ нимъ и съ депутатомъ виленскаго университета, Іеронимомъ Стройновскимъ, дѣлами преобразованія виленской академіи, и вообще устроенія министерства нар. просвѣщенія, отрекомендованъ былъ назначенному въ попечители виленскаго округа князю Ад. Ад. Чарторійскому. При немъ будучи до 1810 г., занимался дѣлами не только по виленскому округу, но часто и по сенату, и по государственному совѣту». Довѣріе Чарторійскаго къ Анастасевичу было такъ велико, что на время своего отъѣзда за границу онъ снабжалъ его «*бланкомъ*, т. е. послѣднимъ подписнымъ листомъ» для разныхъ представленій въ министерство. Сверхъ службы въ качествѣ «письмоводителя» при Чарторійскомъ А. съ 1809 г. принималъ участіе въ коммиссіи составленія законовъ, гдѣ былъ помощникомъ начальника отдѣленія польскаго и малоросскаго права. «При концѣ 1811 г.», разсказываетъ далѣе А., «по произошедшимъ толкамъ о переводѣ моемъ книги Стройновскаго *О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами*, г. Сперанскій предложилъ было мнѣ просить увольненія изъ коммиссіи, но исполненіе по поданной о томъ просьбѣ прекратилось случившеюся вскорѣ потомъ и съ нимъ самимъ (17 марта 1812 г.) перемѣною». Книга Стройновскаго, какъ извѣстно, горячо доказывала необходимость освобожденія крестьянъ.

Какъ уже было сказано, обѣ автобіографіи не идутъ дальше 1822 г. Въ это время А., съ 1818 г. оставившій службу по попечительству виленскаго округа, былъ редакторомъ коммиссіи составленія законовъ. Изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ, что впослѣдствіи А. долгое время былъ «письмоводителемъ» извѣстнаго мецената—графа Николая Петровича Румянцева, а въ концѣ двадцатыхъ годовъ занималъ должность цензора. Въ некрологѣ, написанномъ повидимому Булгаринымъ и помѣщенномъ въ «Сѣв. Пчелѣ» 1845 г. (№ 42), говорится, что какъ цензоръ А. отличался чрезвычайнымъ «безпристрастіемъ» и уваженіемъ къ литературному труду. Отзывъ Булгарина подтверждается записками И. П. Сахарова, въ которыхъ сказано, что Анастасевичъ былъ «отставленъ за пропущеніе Мицкевичева Валенрода, безъ пенсіи, съ чиномъ

статскаго совѣтника». Случилось это въ 1830 г. Остатокъ жизни А. провелъ, поселившись въ домѣ Румянцевскаго музея. † 16 февраля 1845 г. и похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Насколько можно судить по отзывамъ лицъ, знавшихъ Анастасевича, это былъ человѣкъ нѣсколько чудаковатый, но очень независимаго и честнаго характера, никогда и ни предъ кѣмъ не унижавшійся. Всего же болѣе въ немъ замѣчательна совершенно безкорыстная любовь къ наукѣ. Онъ не только издавалъ весьма цѣнные труды безъ обозначенія имени своего, но кромѣ того, по выраженію Сахарова, «готовъ былъ работать для каждаго и все безвозмездно». Такъ онъ былъ въ непрерывной ученой перепискѣ съ митр. Евгеніемъ, которому дѣлалъ всевозможныя справки, онъ же усерднѣйшимъ образомъ помогалъ сотрудникамъ Плюшаровской энциклопедіи, барону Розенкампфу и многому множеству другихъ литераторовъ и ученыхъ, обращавшихся за помощью къ чрезвычайно-начитанному во всѣхъ отрасляхъ исторіи библіографу.

Замѣчательна судьба книгъ и бумагъ Анастасевича. Послѣ его смерти вся его драгоцѣнная библіотека и оставшіеся манускрипты были завязаны въ кули и въ ожиданіи наслѣдниковъ свалены въ какой-то сарай. Цѣлыхъ двадцать лѣтъ пролежали они здѣсь въ сырости и гнили, пока, наконецъ, полиція не рѣшила продать ихъ съ публичнаго торга. Никто изъ литераторовъ не былъ извѣщенъ объ аукціонѣ и явились одни маклаки и маляры, которымъ нужна была бумага подъ обои. Они-то и купили «кули» по 30 коп. за пудъ. Уже когда почти все было продано, объ аукціонѣ узналъ библіотекарь Публичной Библіотеки Ивановскій. Онъ бросился къ малярамъ, но было почти поздно: значительнѣйшая часть купленаго уже пошла въ «дѣло». Съ большими усиліями Ивановскому удалось кое-что спасти. И можно себѣ представить библіографическій ужасъ его, когда только въ *одномъ* спасенномъ кулѣ (а поступило въ продажу много десятковъ) оказалось нѣсколько экземпляровъ рѣдчайшей книги барона Розенкампфа о Кормчей книгѣ, много старинныхъ латинскихъ и иныхъ сочиненій, а главное—огромное количество библіографическихъ карточекъ съ чрезвычайно-цѣнными замѣтками Анастасевича и обширная корреспонденція его съ современными литераторами. Однихъ писемъ митрополита Евгенія нашлось въ спасенномъ кулѣ нѣсколько десятковъ. Все остальное, накопившееся у Анастасевича за полвѣка литературныхъ работъ и сношеній, такъ и погибло.

Библіографическій формуляръ А. извлекаемъ изъ его автобіографіи, составленной для Евгенія:

«Упражненія въ словесности и вообще въ физико-математическихъ, духовныхъ, умственныхъ и нравственныхъ наукахъ составляли отъ юности пріятнѣйшее

мое занятіе, для котораго посвящалъ и посвящаю всякое свободное отъ службы время. Они состоятъ изъ переводовъ съ латинскаго, польскаго, французскаго, отчасти съ нѣмецкаго и итальянскаго, преимущественно на россійскій языкъ, а иногда на польскій; также изъ нѣкоторыхъ опытовъ въ россійскомъ и польскомъ стихотворствѣ; изъ разныхъ замѣчаній и записокъ на обоихъ сихъ и на франц языкахъ, на коихъ веду и переписку; занимаюсь также по непрерывно продолжаемому журналу съ 1801 и нѣсколько лѣтъ до того, †) нѣкоторыя письма въ копіи сохраняю. Кромѣ многихъ полиграфическихъ замѣчаній, выписокъ, соображеній, начертаній, словарей или алфавитныхъ росписей, таблицъ, сводныхъ разныхъ книгъ и журналовъ оглавленій, а наипаче до россійско-польской словесности, исторіи, біо- и библіографіи относящихся и составляющихъ или цѣлыя книги, или однѣ тетради и записки на листкахъ in 4° и 8° и на карточкахъ (одной мѣры), отмѣчаемыя для подбиранія въ особыя папки и коробочки по однородству и смотря по накопленію—доселѣ (1819) *напечатаны* (въ Спб.), всѣ почти моимъ иждивеніемъ, по 1200 экземпляровъ:

1) *Федра,* трагедія *Ив. Расина,* стих. съ франц. 1805. 2) *Стихотворенія Сафы,* объясненныя примѣчаніями, стих. съ фр. 1808. 3) *Слава прекраснаго пола* (поэма *Легуве,* Les merites des femmes, съ перев. стих. на польск. яз. Зос. Косановскаго напеч. въ Вильнѣ подъ назв. Zolety Kobiet) стих. 1808. 4) *Прогулка дѣвицы М. Кр.* (Маріи Крозь), нынѣ г-жи *Ск.* (Скульской) *или окрестности города Вильно* (La promenade aux environs de Vilna). съ фр. 1808. 5) *Наука права природнаго, политическаго, государственнаго хозяйства и права народовъ.* Съ польск. *Іеронима Стройновскаго* (по 4 варш. изд. 1805). 1809. 6) *О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами.* Съ польск. *Валер. Стройновскаго.* Предисловіе переводившаго и выписки изъ Древ. рос. вивліоф. ч. XX, 2-го моск. изданія (о рос крестьянахъ). Вильна, 1809. 7) *Саулъ,* ораторія, стихами съ фр. 1811. Съ посвященіемъ Графу Д. И. Хвостову. 8) *Фридрихана или жизнь Фридриха II.* Съ фр. 1812. 9) *Аттила девятагонадесять вѣка* (стих. на Наполеона), 1812, стр. 9 in 4°. Съ примѣч. 10) (Программа) *Улей,* помѣсячное изданіе. 1810. 8°, стр. 8. 11) *Улей,* помѣсячное изданіе, 1811 и 1812 гг. (всего въ обоихъ годов. изданіяхъ 1942 стр.). Изъ 383 статей, помѣщенныхъ въ немъ прозою и стихами, кромѣ доставленныхъ и нѣкоторыхъ мною исправленныхъ, моихъ сочиненій и переводовъ—прозою 149, стихами 129, итого 278. 12) *Статутъ Великаго Княжества Литовскаго.* 1811, ч. 1-я 543 стр., ч. 2-я 480 стр. Съ алфавит. росписью и сводомъ конституціи и съ польскимъ текстомъ. Переводъ офиціальный, изд. правительствомъ; а переводчикъ награжденъ отъ Государя Императора бриліантовымъ перстнемъ. 14) *Всеобщая Экономія народовъ.* Соч. *Вал. Стройновскаго* 1817, 4 ч. (по 650, 538, 733, 374 стр.). Переводъ съ рукописи автора въ 1813 и 1814 г. поднесенъ авторомъ въ рукописи Государю Императору Александру I, а по напечатаніи подлинника въ Варшавѣ сей переводъ самовольно авторомъ же изданъ безъ согласія переводившаго и по списку съ черновыхъ тетрадей первоначальнаго перевода, удержаннаго авторомъ (о чемъ заявлено публикѣ въ Укр. Вѣстникѣ 1818 г. № X). 15) *O Towarzystwie filotehnisznem,* (Правила Харьков. филолотех. Общ.). Перев. съ рос. на польскій. 1811. 8°. 33 стр.

Самая первая особо изданная статья мною сочиненная были стихи на смерть полковника *Дѣева,* убитаго при взятіи Вильна рос. войсками 1793. Нап. въ Москвѣ

---

†) Очевидно, онъ погибъ вмѣстѣ съ прочими «кулями».

1793. 4° на листѣ *для раздачи пріятелямъ*, не осталось ни одного экземпляра. Такихъ-же нѣсколько другихъ.

О напечатанныхъ статьяхъ моихъ въ разныхъ журналахъ составится особая записка *), а именно: 1) въ «Період. сочиненія о успѣх. народ. просв.» съ 1803 по 1810, всѣ офиціальныя по виленск. округу и нѣкоторыя мои частныя. 2) Въ «Новостяхъ рос. лит.» ч. V и VII. 3) Въ «Сѣв. Вѣст.» и «Лицеѣ» 1804. 5. 6. 4) Въ «Жур. рос. словесности» Брусилова. 5) Въ «Сынѣ Отеч.». 6) Въ «Украин. Вѣстн.» 1818 г. № X. 7) Въ «Труд. Казан. Общ.». 8) Въ Польск. учен. газетѣ (Gazeta literacka Wilenska), болѣе 50 піесъ въ стихахъ и прозѣ. 9) Въ «Вѣстн. Евр.» 1819. (Прибавимъ еще: 10) Въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ»).

«Главнѣйшія изъ *неизданныхъ*: 1) *О должностяхъ человѣка*. Съ польск. 1793. 2) *Размышленія на каждый день*. 1794. 3) Переводъ драмы Нѣмцевича *Polusia*. 1795. 4) *О типографскомъ искусствѣ*, *Кенкетти*. Съ фр. 5) *Миѳологія аб. де-Тресона*. 6) *Похвальное слово любви*. 7) *Сотвореніе міра Гайдена*. Стих. 8) *Четыре времени года*. 9) *Исторія Герцогини Медіоланской*. 10) *Осада Оденсы*. Ком. 11) *Душею правъ*. Ком. 12) *Генрихъ IV на охотѣ*. 13) *О Банкротахъ*. В. Стройновскаго 14) *О десятинахъ*. *Чацкаго*. 15) *О Евреяхъ*.

Неоконченныя: 1) *Лифляндія*, *Гильзена*, съ польск. 2) *Нарушевичъ*, польская исторія, съ пол. 3) *Жизнь Хоткевича*. Съ пол. 4) *Прелестницы Греціи*. Съ франц. 5) *Наставленія Имп. Юстиніана* (Institutiones). 6) Опыты *Монтаня* и пр. и пр.»

Послѣ 1819 г. Анастасевичъ издалъ: 16) Индія и Индейцы, *Берэксіера*. Съ фр. Спб. 1819. 17) Соборная Церковь Исаакія Далмацкаго. Съ *фр*. Спб. 1820. 18) Свѣдѣнія о добываніи 36 гранитныхъ колоннъ, назначенныхъ для портиковъ Исаакіевскаго Собора. Съ фр. Спб. 1820. 19) Описаніе предметовъ Естеств. Исторіи на рос., нѣм., польск. и франц. языкахъ, съ раскраш. изображеніями, 12 книжекъ. Спб. 1821. 20) Роспись книгамъ для чтенія изъ библіотеки В. Плавильщикова. Спб. 1820. 21) Роспись книгамъ для чтенія изъ библіотеки А. Смирдина. Спб. 1828. 22) Кромѣ того подъ непосредственнымъ наблюденіемъ А. появилась въ свѣтъ 5 часть «Опыта» Сопикова и 2-е изд. сочиненія бар. Розенкампфа «Обозрѣніе кормчей книги».

Въ литературной дѣятельности своей Анастасевичъ является по преимуществу труженикомъ. Знаній и добросовѣстности у него было очень много, но таланту мало. Это выразилось не только въ томъ, что библіографическій перечень его работъ бѣденъ оригинальными произведеніями, но еще болѣе въ томъ, что работы, гдѣ могло бы сказаться литературное дарованіе, были выполнены не особенно удовлетворительно. Стихотворные переводы его напр. неуклюжи и не разъ навлекали на себя насмѣшки современниковъ. Проза Анастасевича тоже не возбуждала особенныхъ восторговъ. Такъ, журналъ «Улей», который, какъ мы знаемъ изъ автобіографіи нашего библіографа, почти сплошь состоялъ изъ статей издателя, не пользовался никакимъ успѣхомъ, а злой Вигель даже вотъ какъ отозвался о немъ въ своихъ запискахъ:

«*Улей*—журналъ непозволительно безобразный и глупый, какъ по

*) Намѣреніе это не было приведено А. въ исполненіе.

содержанію своему, такъ и по наружной формѣ: оберткой служила ему темно-сѣрая бумага съ волосьями, а издателемъ—Анастасевичъ, подъ руководствомъ графа Хвостова».

Многочисленные прозаическіе переводы Анастасевича нерѣдко подавали поводъ къ насмѣшкамъ, благодаря тому, что подъ вліяніемъ постоянныхъ сношеній переводчика съ поляками у него попадались курьезные полонизмы. Тотъ-же Вигель въ другомъ мѣстѣ своихъ записокъ только и нашелъ сказать въ характеристику Анастасевича, что онъ «замѣчателенъ былъ тѣмъ, что въ русскіе свои переводы и сочиненія вводилъ множество польскихъ словъ, западныхъ императоровъ называлъ заходными и слугъ именовалъ всегда халуями».

Съ послѣднимъ словомъ Анастасевичу особенно не посчастливилось. Благодаря ему онъ попалъ въ извѣстную пародію Батюшкова и Измайлова «Пѣвецъ во станѣ Славяно-россовъ» съ такою отмѣткою

Вотъ съ польской лирою своей
Халуй Анастасевичъ.

Тутъ слово халуй есть, конечно, только намекъ на неудачный переводъ слова слуга, но многіе приняли его за характеристику нравственнаго склада Анастасевича и проф. Сухомлиновъ, напр. увидѣлъ связь съ духовнымъ обликомъ нашего библіографа.

Въ такомъ отношеніи къ Анастасевичу кроется глубокое недоразумѣніе. Онъ не только не былъ «халуемъ», а совсѣмъ напротивъ того можетъ быть причисленъ къ лучшимъ дѣятелямъ русскаго общественнаго самосознанія. Уже одно то, что онъ былъ правой рукой воодушевленнаго истинно-просвѣтительными идеями Чарторійскаго, достаточно обрисовываетъ его. А если еще вспомнить, что Анастасевичу, въ отсутствіе Чарторійскаго, принадлежала иниціатива многихъ мѣропріятій виленскаго попечительства и что значительнѣйшая часть циркуляровъ министерства народнаго просвѣщенія за первую половину царствованія Александра I вышла изъ подъ пера Анастасевича, то едва-ли можно будетъ усомниться въ томъ, что ему слѣдуетъ отвести почетное мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія. Не лишне будетъ также отмѣтить, что въ «безобразно-глупомъ» по мнѣнію доносчика Вигеля журналѣ «Улей» мы нашли такую горячую проповѣдь женскаго образованія (ч. I, стр. 215—221), которая считалась-бы проявленіемъ передового образа мыслей не только въ 1811 году. Наконецъ, какъ переводчикъ литовскаго статута, сослужившаго не малую службу при составленіи свода законовъ, Анастасевичъ тоже имѣетъ не безславное мѣсто въ исторіи русской образованности.

Но важнѣйшею общественною заслугою Анастасевича слѣдуетъ, конечно, считать переводъ книги Стройновскаго по крестьянскому вопросу. Разсматриваемая съ точки зрѣнія современной общественной морали, берущей на себя заботу не только о личной свободѣ низшихъ классовъ, но и о матеріальномъ благосостояніи ихъ, книга Стройновскаго можетъ вызвать сильныя возраженія, потому что она говорила по преимуществу о безземельномъ освобожденіи крестьянъ. Но по времени своего напечатанія книга Стройновскаго была явленіемъ высоко-замѣчательнымъ и переводъ такой книги, къ тому еще снабженный сочувственнымъ предисловіемъ, былъ прямо общественнымъ подвигомъ. Что это именно былъ подвигъ, лучше всего доказывается тѣмъ, что Сперанскій предложилъ переводчику оставить службу и что въ крѣпостническихъ кругахъ поднялся шумъ невѣроятный. Въ недавно вышедшей прекрасной монографіи В. И. Семевскаго «Крестьянскій вопросъ въ Россіи», читатель можетъ найти цѣлый рядъ данныхъ о томъ впечатлѣніи, которое произвелъ переводъ Анастасевича; мы-же позаимствуемъ оттуда слѣдующую характерную тираду изъ письма попечителя московскаго округа гр. П. И. Голенищева-Кутузова къ А. К. Разумовскому: «Въ Москвѣ добрые люди говорятъ, что и автора и переводчика надо-бы повѣсить, ибо это зажигатели и враги отечества».

Въ сферѣ чисто-литературныхъ интересовъ Анастасевичъ достоинъ вниманія, какъ одинъ изъ лучшихъ библіографовъ нашихъ. Это былъ прирожденный «книголюбъ», для котораго не было ничего интереснѣе на свѣтѣ, какъ возиться съ книгами и описывать ихъ. Въ своей статейкѣ объ Анастасевичѣ Булгаринъ даетъ любопытный образчикъ страсти его къ библіографіи: «Благодарю васъ за присылку каталога синодальной библіотеки» писалъ разъ редактору «Пчелы» Анастасевичъ «*я наслаждался имъ goutte a goutte—c'est sublime*». Свой журналъ «Улей» Анастасевичъ на треть посвящалъ библіографіи. Тутъ мы находимъ и статьи по исторіи книгопечатанія и книжной торговли, списки писателей, данныя объ ихъ сочиненіяхъ, статистику появлявшихся книгъ, разсужденія по «теоріи» библіографіи и мн. др. въ томъ же родѣ. Скажемъ кстати, что «Улей» ничуть не «безобразно-глупъ», какъ увѣряетъ Вигель. Напротивъ того, въ немъ помѣщено много серьезныхъ статей по исторіи, имѣются очень обстоятельные отчеты о дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія и, какъ мы уже знаемъ, поднимались такіе серьезные вопросы, какъ реформа женскаго образованія. Единственное, что можно поставить журналу въ укоръ, это преклоненіе предъ знаменитымъ своею бездарностью графомъ Д. И. Хвостовымъ. Къ Хвостову А. питалъ какую-то странную страсть

и въ стихотворномъ посвященіи къ «Саулу» не на шутку предсказывалъ ему безсмертіе.

Главною заслугою Анастасевича предъ русскою библіографіею является его превосходная роспись библіотеки Смирдина, которой предшествовала роспись библіотеки Плавильщикова. Въ Смирдинской росписи описано до 10.000 книгъ и описано большею частью de visu, т. е. Анастасевичъ имѣлъ въ рукахъ книги, которыя каталогизировалъ. Вотъ почему даты его каталога чрезвычайно точны. Въ случаяхъ разногласія съ другими источниками слѣдуетъ всегда отдавать предпочтеніе Смирдинской росписи. Замѣчательна она также по систематизаціи, что, конечно, объясняется обширною ученостью Анастасевича. Наконецъ, къ немалымъ достоинствамъ росписи слѣдуетъ отнести превосходные азбучные и предметные указатели, благодаря которымъ въ ней очень легко можно наводить всякаго рода справки. И если еще прибавить, что благодаря своимъ обширнымъ литературнымъ знакомствамъ и знанію исторіи литературы А. имѣлъ возможность раскрывать множество псевдонимовъ, анонимовъ и буквенныхъ подписей, то въ общемъ надо будетъ признать росписи его однимъ изъ лучшихъ библіографическихъ пособій для изученія книжной производительности 18 и начала 19 столѣтія.

Анастасій (Андрей Семеновичъ Братановскій-Романенко), архіепископъ астраханскій, одинъ изъ знаменитѣйшихъ духовныхъ ораторовъ прошлаго столѣтія †). Р. 16 октяб. 1761 г. въ м. Барышевкѣ Переяславскаго уѣзда Полтавской губ. Отецъ его былъ протоіереемъ въ этомъ мѣстечкѣ, но по происхожденію своему принадлежалъ къ малороссійскому дворянству. А. учился въ переяславской семинаріи, по окончаніи курса въ которой въ 1783 г. былъ назначенъ преподавателемъ піитики въ сѣвскую семинарію. Чрезъ годъ епископъ вологодскій Ириней Братановичъ, родной братъ его матери, вызвалъ его въ вологодскую семинарію. Уже тотчасъ по пріѣздѣ въ Вологду болѣзненный и мечтательный А. началъ выражать желаніе

---

†) 1) *Евгеній*, Слов. духов. пис. 2) *Бантышъ-Каменскій*, Словарь достопам. люд. изд. 1847. 3) *В. Пласкинъ*, въ „Энц. лекс." Плюшара, т. VII. 4) Біографія, прил. при его сочиненіяхъ. 5) *Чистовичъ*, Ист. Пет. Акад., стр. 57. 6) *Филаретъ*, Обзоръ. 7) *М. Хмыровъ*, въ „Энц. слов." изд. рус. пис. и уч. т. IV. 8) „Могил. губ. вѣд." 1846. № 49. 9) „Библіогр. Зап." 1859 г. № 9 въ статьѣ „Письма и записки отъ разныхъ лицъ къ гр. Хвостову". 10) *П. М.*, Изъ Прошлаго въ „Рус. Вѣстн." 1868 г. № 4. 11) *Сухомлиновъ*, Ист. Росс. Акад. т. I, стр. 245—257. 12) *Покровскій*, въ „Страпникѣ" 1876 г. 13) *Галаховъ*, Ист. русск. слов. т. I. 14) *Порфирьевъ*, Ист. рус. слов. т. II, стр. 400—405. 15) Рѣчи А. приводятся въ хрестоматіяхъ Галахова, Филонова, Поторжинскаго, Пенинскаго, Греча, Булгакова. 16) *Заведеевъ*, Ист. рус. пропов. 17) „Рус. Проповѣд." Спб. 1871.

постричься въ монашество. Не довѣряя, однако же, серьезности такого желанія въ двадцатитрехлѣтнемъ юношѣ, Ириней не далъ своего согласія и чрезъ нѣкоторое время отправилъ племянника учительствовать въ Кирилло-бѣлоозерскую семинарію въ надеждѣ, что новая обстановка развлечетъ его. Скоро, однакоже, онъ узналъ, что общеніе съ монахами бѣлоозерскаго монастыря еще болѣе утвердило А. въ его наклонностяхъ. Тогда онъ вернулъ его въ Вологду и здѣсь, кромѣ класса реторики, поручилъ ему толковать въ церкви по воскресеньямъ св. писаніе и произносить проповѣди. Съ радостью принялъ А. это порученіе и тутъ сразу проявился его необыкновенный ораторскій талантъ. Вся Вологда заговорила о краснорѣчивомъ молодомъ проповѣдникѣ и стекалась слушать его. Слава эта вскорѣ дошла до петербургскаго митрополита Гавріила, который въ 1790 г. предложилъ А. мѣсто преподавателя піитики въ александро-невской семинаріи. Въ томъ же году А. привелъ, наконецъ, въ исполненіе свое давнишнее желаніе—постричься въ монашество, послѣ чего былъ назначенъ преподавателемъ Закона Божія въ инженерной школѣ, а затѣмъ—сухопутнаго кадетскаго корпуса. Уже въ 1792 г. А., успѣвшій и въ Петербургѣ сразу обратить на себя всеобщее вниманіе, былъ возведенъ въ санъ архимандрита Зеленецкаго монастыря, а въ слѣдующемъ году онъ былъ приглашенъ проповѣдывать при дворѣ. Здѣсь его ожидалъ еще большій успѣхъ. Быстро установился за нимъ титулъ русскаго Массильона. Императрица была въ такомъ восторгѣ, что нерѣдко велѣла себѣ послѣ обѣда еще разъ пересказывать проповѣди, утромъ слышанныя ею отъ Анастасія или же такія, которыя онъ гдѣ-нибудь говорилъ не въ ея присутствіи. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Екатерина разъ выразилась: «Анастасію должно или подражать или превзойти его, но и то и другое одинаково невозможно». Въ 1794 г. Россійская Академія избрала его въ число своихъ членовъ. Въ маѣ 1796 г. А., получивши въ управленіе первоклассный Новоспасскій монастырь, переѣхалъ въ Москву, но чрезъ полгода только что взошедшій на престолъ императоръ Павелъ вызвалъ его обратно въ Петербургъ и сдѣлалъ членомъ Синода, а въ слѣдующемъ году назначилъ епископомъ бѣлорусскимъ и могилевскимъ, при чемъ при хиротоніи собственноручно возложилъ на него знаки ордена Анны 1 степени. Въ 1801 г., въ день коронованія Александра I, А. былъ возведенъ въ санъ архіепископа, въ 1805 г. онъ былъ вызванъ въ Петербургъ для присутствованія въ Синодѣ и тогда-же, по желанію императора, написалъ «Планъ для преобразованія духовныхъ училищъ», за что былъ награжденъ алмазною панагіею; въ 1806 г. его, по собственному желанію, назначили архіепископомъ астраханскимъ. Недолго, однако же, пришлось А. архіерействовать въ Астрахани, куда онъ просился ради поправленія здоровья. Чрезъ

10 мѣсяцевъ—7 дек. 1806 г. онъ скончался отъ наслѣдственной въ родѣ его чахотки.

По отзывамъ всѣхъ приходившихъ въ какое-либо столкновеніе съ А., онъ обладалъ чрезвычайно симпатичнымъ характеромъ, былъ необыкновенно мягокъ и обходителенъ въ обращеніи со всякимъ безъ различія состояній, искренно входилъ въ положеніе всѣхъ обращавшихся къ нему за помощью и былъ совершенно лишенъ тѣхъ властолюбивыхъ наклонностей, которыя такъ часты у людей съ его положеніемъ и такъ рѣзко выдѣлялись напр. у другого современнаго А. іерарха—Платона московскаго.

Какъ писатель А. кромѣ изданія проповѣдей, о которыхъ рѣчь впереди, принялъ участіе въ литературной жизни своего времени латинскимъ трактатомъ о расположеніи проповѣдей: 1) «*Tractatus de concionis dispositionibus formandis in usum juventutis, ad sacra Graeco-Russicae Ecclsesiae munia ambienda formandae, adornatus*». М. 1806, и цѣлымъ рядомъ переводовъ: 2) съ фр. «*Предохраненіе отъ безвѣрія и нечестія здоровымъ разсудкомъ, совѣстью и опытами доказанное*» П. 1794. (Соп. 8904); 3) съ фр. «*Плачъ Іереміи пророка*» поэма *Арнода*. П. 1797. (Соп. 8701); 4) съ фр. «*Истинный Мессія, или доказательство о божественномъ пришествіи Іисуса Христа и его Божества*». М. 1801. (Соп. 6208). По Геннади издана вторично М. 1851. 5) Съ фр. (безъ имени) *Формея*, «*Опытъ о совершенствѣ*». П. 1805. (Соп. 1805). Изъ словъ и рѣчей А. изданы: 6) «*Говор. при вступленіи въ должность законоучителя при кадет. корп.*». П. 1792. (Соп. 10064). 7) «*Въ д. рожд. Екатерины II*». П. 1792. (Соп. 10593). 8) «*Въ д. Преображенія Господня*». П. 1792. (Соп. 10594). 9) «*Въ Кавалерійскій праздникъ Св. Георгія*». П. 1792. (Соп. 10595). 10) «*Въ д. тезоименитства В. К. Елизаветы Алексѣевны*». П. 1793. (Соп. 10598). 11) «*На погребеніе графини Остермановой*». П. 1793. (Соп. 10594). 12) «*При выпускѣ кадетъ*». П. 1793. (Соп. 10601). 13) «*На новый 1794 годъ*». П. 1794. (Соп. 10602). 14) «*Въ д. рожд. В. К. Маріи Ѳедоровны*». П. 1794. (Соп. 10603). 15) «*На погребеніе дѣйств. тайн. сов. И. И. Бецкаго*». П. 1795. (Соп. 10601). 17) «*На погребеніе сенатора А. А. Нарышкина*». П. 1795. (Соп. 10608). 18) «*Въ д. тезоименитства В. К. Анны Павловны*». П. 1795. 19) «*На погребеніе Шувалова*». 20) «*При выборѣ судей*». М. 1802. 21) «*При возстановленіи въ Бѣлорусскомъ Могилевѣ губерніи*». М. 1802. (Соп. 10607). 22) Въ 1796 вышло въ Петербургѣ *собраніе рѣчей* А. озаглавленное «*Поучительныя слова*», въ 2 ч., въ 1806 появилась въ М. 3-я часть ихъ, въ 1807—4-я. 2-е изданіе—М. 1814, въ 4 ч., новѣйшее въ 1 т. съ біографіею и портретомъ, П. 1850.

23) Осталось кромѣ того въ рукописи «*Толкованіе на Евангеліе Іоанна*». 24) И наконецъ, для завершенія библіографическаго обозрѣнія литературной дѣятельности А. остается отмѣтить, что въ 1801 онъ по порученію Имп. Павла разсматривалъ и исправлялъ *Гиббона* «Паденіе римской Имперіи». 25) Изъ писемъ А. одно находится въ «Жизни митр. Платона» Снегирева, нѣсколько въ «Словарѣ» Бантыша-Каменскаго и одно автобіографическое въ «Библіогр. Зап.» 1859 г. (стр. 240).

Когда знакомишься съ рѣчами Братановскаго, въ нихъ прежде всего бросается въ глаза отвлеченность тэмъ, излюбленныхъ проповѣдникомъ. Явленія повседневнаго быта, мораль обыденной жизни не занимаютъ его. Не принадлежитъ онъ тоже къ проповѣдникамъ, бичующимъ пороки современнаго имъ общества. Его вниманіе, по преимуществу, останавливаютъ на себѣ высшіе духовные вопросы—о смерти и безсмертіи, о вѣрѣ и безвѣріи, о благочестіи и нечестивости.

Нетрудно объяснить исторически причину такого философскаго направленія мысли знаменитаго проповѣдника. Стоитъ только вспомнить вліяніе, которымъ пользовались въ русскомъ обществѣ второй половины XVIII столѣтія идеи энциклопедистовъ, чтобы понять, насколько для всякаго вѣрующаго было важно отстоять находившіеся тогда въ большой опасности принципы религіи. Не слѣдуетъ, однако, давать слишкомъ широкое толкованіе эпитету «философское направленіе», которымъ мы старались опредѣлить основной характеръ проповѣдей Братановскаго. Ихъ только постольку можно назвать философскими, поскольку къ философіи относятся вопросы, затрагиваемые Братановскимъ. Но самый способъ отстаиванія дорогихъ проповѣднику принциповъ не имѣетъ въ себѣ ничего философскаго. Братановскій черпаетъ свои доказательства исключительно изъ св. Писанія, слѣдовательно его аргументы могли быть убѣдительными только для аудиторіи, состоявшей изъ вѣрующихъ. И вотъ почему его аргументація состоитъ, главнымъ образомъ, изъ ряда афоризмовъ, подкрѣпляемыхъ соотвѣтствующими текстами. Въ этихъ афоризмахъ онъ мало стѣснялся съ невѣрующими. По его мнѣнію человѣка невѣрующаго даже и человѣкомъ нельзя назвать. Это просто скотъ, да и скотъ выше его ибо «позна волъ стяжавшаго и, и оселъ ясли господина своего» (стр. 87, по изд. 1850 г.).

По поводу борьбы Братановскаго съ атеизмомъ, арх. Филаретъ говоритъ въ своемъ «Обзорѣ»: «Анастасій смѣло унижаетъ матеріализмъ. Надобно представить себѣ ту громкую славу, какою пользовались тогда въ высшихъ кругахъ энциклопедисты, чтобы понять смѣлость проповѣдника, унижающаго предъ лицомъ той же знати мудрость недоступныхъ

мудрецовъ. Это—твердость христіанскаго пастыря, который смѣло говоритъ правду о неправдѣ великимъ міра» (стр. 395).

Эта хвалебная тирада лишена всякаго историческаго обоснованія. Братановскому всего менѣе нужно было быть «смѣлымъ» для того, чтобы начать борьбу съ матеріализмомъ. Время его проповѣдничества при дворѣ, годы 1792—99, совпадаетъ съ эпохою сильнѣйшаго негодованія противъ идей энциклопедистовъ. Уже первыя проявленія революціи 1789 года быстро уничтожили французскія симпатіи «великихъ міра». Въ 1790 г., какъ извѣстно, состоялась ссылка Радищева. А уже въ 1792 г., послѣ казни Людовика XVI, Братановскій если могъ пострадать, то только за мало энергичный отпоръ французскому невѣрію.

Нѣсколькими строками далѣе, арх. Филаретъ, обыкновенно одинаково несправедливый какъ въ похвалахъ своихъ, такъ и въ порицаніи, отмѣчаетъ, что лучшими проповѣдями Братановскаго считаются слова при вступленіи въ управленіе бѣлорусскою епархіею, на погребеніе Бецкаго и Шувалова, на открытіе губернскаго города Могилева и рѣчь при выпускѣ кадетъ и затѣмъ прибавляетъ: «вообще петербургскія и бѣлорусскія проповѣди его одобряются болѣе, чѣмъ астраханскія. Понятно притомъ, что лучшія проповѣди его не значатъ проповѣдей образцовыхъ. Напыщенность ихъ—докучлива; до 50 патетическихъ вопросовъ въ одномъ словѣ—дичь».

Приговоръ очень рѣзокъ. Конечно, было бы странно порекомендовать современному проповѣднику взять себѣ въ образецъ Братановскаго. Но для того времени онѣ были очень замѣчательны. Слогъ ихъ достаточно «пріятенъ», какъ принято говорить въ гомилетикѣ, что-же касается напыщенности и патетизма, то многіе-ли изъ духовныхъ ораторовъ Державинской эпохи отличаются простотою? Не забудемте еще и того, что пафосъ былъ главнымъ оружіемъ Братановскаго въ его борьбѣ съ энциклопедистами, спорить съ которыми на научной почвѣ у него не хватало эрудиціи. Противопоставляя безвѣрію силу своей вѣры, ораторъ имѣлъ надежду именно искренностью своего пафоса и подѣйствовать на слушателей. Въ этомъ пафосѣ и лежала тайна его вліянія на современниковъ.

* **Анастасій** епископъ Брестскій. *По даннымъ извлеченнымъ нами изъ архива Св. Синода*—сынъ протоіерея Псковской губ., гдѣ р. въ 1831 г.; съ 1845—51 учился въ псковской семинаріи, въ 1852, по распоряженію семинарскаго начальства и согласно Высочайшему повелѣнію отъ 20

---

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*

Ноября 1846, былъ посланъ, для изученія сельскаго хозяйства, въ петербургское земледѣльческое училище, гдѣ пробылъ до 1855 и вслѣдъ затѣмъ былъ рукоположенъ въ священники села Сторожки Новоржев. у. Псков. губ. Въ 1857 преосвященный А. овдовѣлъ и поступилъ въ Петерб. Духовную Академію, въ которой въ 1861 г. кончилъ курсъ со степенью магистра. Тогда-же постригся въ монашество и назначенъ инспекторомъ виленскаго духовнаго училища; въ 1867 перемѣщенъ инспекторомъ и учителемъ минской семинаріи; въ 1869 возведенъ въ санъ архимандрита; въ 1878 вызванъ въ Петербургъ на чреду богослуженія, въ 1881 назначенъ исправл. должность ректора Литовской семинаріи и настоятелемъ, виленскаго Свято-Троицкаго монастыря, въ 1885 рукоположенъ епископомъ Брестскимъ, викаріемъ Литовскимъ.

Въ 1880 г. вышли въ свѣтъ въ Петербургѣ: «*Проповѣди архимандрита Анастасія, инспектора минской семинаріи*». Этими проповѣдями епископъ брестскій всецѣло примыкаетъ къ той публицистической школѣ, съ представителями которой мы уже имѣли случай познакомиться въ Словарѣ въ лицѣ нынѣшняго архіепископа харьковскаго Амвросія. Такъ изъ 23 проповѣдей вышеназваннаго сборника большая половина посвящена вотъ какимъ тэмамъ: о недостаткѣ женскаго воспитанія въ русскомъ обществѣ, о служеніи «русскому дѣлу» въ западномъ краѣ,— «служу идеѣ», «служу чести ради», «служу для куска хлѣба»,—«о популярности», «о законности въ гражданской дѣятельности», «по случаю столѣтней годовщины смерти Ломоносова» и т. д.

Мы только что упомянули имя арх. Амвросія. Не слѣдуетъ, однако, думать, что преосв. Анастасій и по содержанію проводимыхъ имъ идей могъ быть вполнѣ подведенъ подъ одну категорію съ архіепископомъ харьковскимъ. Нѣтъ, епископъ брестскій далеко не такъ враждебно относится къ идеаламъ новой руской гражданственности. Вотъ, напр., какую горячую защиту необходимости поднятія уровня женскаго образованія находимъ мы въ одной изъ его рѣчей:

«Слава Богу, жизнь произнесла свой приговоръ надъ (прежнимъ) воспитаніемъ женщинъ. Слава Богу, прошелъ тотъ туманъ поэзіи, въ которомъ женщина рисовалась какъ что-то неземное, рожденное, какъ говорили поэты, „для упоеній, для звуковъ сладкихъ“. Въ виду тяжелыхъ вопросовъ, какіе задаетъ жизнь, всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что и женщина должна быть приготовлена къ труду, къ борьбѣ съ невзгодами жизни также серьезно, какъ и мужчина“ (стр. 28).

Реформы прошлаго царствованія очень дороги А. и онъ зло смѣется надъ

«ревнителями старины, которые, съ устарѣвшими аттестатами своей опытности и благонамѣренности, воздыхаютъ о старыхъ порядкахъ, о временахъ крѣпост-

эго права, когда не было и этихъ гласныхъ судовъ, гдѣ помѣщаютъ на одной ɩамьѣ господина съ простымъ человѣкомъ, когда и вообще не было этой «без-)койной» гласности, а все было крыто и благополучно» (стр. 63).

Нельзя не отмѣтить также взглядовъ преосвященнаго на служеніе русскому дѣлу» въ западномъ краѣ, весьма замѣчательныхъ для того ремени (конецъ 60 хъ гг.), когда «патріоты» извѣстнаго пошиба только ь крайней нетерпимости ко всему польскому видѣли надежный путь поѣды русскихъ началъ. Преосв. Анастасій, напротивъ того, мечталъ о эвершенно иныхъ способахъ торжества русскаго дѣла. Онъ находилъ, то для этого торжества нужны

«не чиновники только, но такіе русскіе люди, которые и въ служебной и въ астной дѣятельности показывали-бы во всемъ добрый примѣръ и внушали-бы кружающимъ искреннее уваженіе. Только такіе люди могутъ имѣть благотворое нравственное вліяніе на окружающихъ и перевоспитывать здѣшній народъ илою своего *нравственнаго* превосходства надъ нимъ; *и только этою силою одинъ ародъ можетъ передавать другому народу свой духъ, свою вѣру, свою цивилизацію»* :тр. 53).

Только что приведенные взгляды извлечены нами изъ болѣе раннихъ роповѣдей епископа Анастасія, относящихся къ 60 годамъ. Въ позднѣйıихъ проповѣдяхъ его чувствуется иное теченіе: если онъ обращается ъ стремленіямъ новой русской гражданственности, то уже большею астью со словами укоризны.

Анастасій (Алексѣй Ивановичъ *Ключаревъ*), сынъ священника с. Куоостровскаго, холмогорскаго уѣзда, Арханг. губ., гдѣ р. 17 Марта 1777 †). Io окончаніи курса въ архангельской семинаріи проходилъ въ ней учиельскія должности. Въ 1810 постригся въ монашество, въ 1820 возвеенъ въ санъ архимандрита, въ 1829 назначенъ ректоромъ тамбовской еминаріи, въ 1833 вызванъ въ Петербургъ на чреду богослуженія, въ 834 рукоположенъ въ епископа старорусскаго, въ 1837 перемѣщенъ епикопомъ екатеринославскимъ. Но, пріѣхавъ въ Екатеринославъ, А. забоѣлъ глазами и долженъ былъ уволиться на покой. Въ 1843 ему порупли Антоніевъ сійскій монастырь, гдѣ онъ † 22 Марта 1851 г., успѣвъ а 8 лѣтъ своего управленія много сдѣлать для процвѣтанія этого моıастыря.

Кромѣ отдѣльно изданныхъ словъ: 1) «*Въ тезоименитство Его И. В. Г. Им. Николая Павловича 6 Дек. 1838*». П. 1839 и М. 1839 (съ ıатин. перев.) и 2) «*Приготовит. къ покаянію и причащенію преч. тайнъ Христовыхъ*». М. 1833. А. печаталъ «*Слова въ воскресные и*

†) 1) «Сѣв. Пчела» 1852, № 2. 2) *Филаретъ*, Обзоръ, стр. 471. 3) *М. Сибирцевъ*, Воспоминанія о немъ («Странникъ» 1862, № 5). 4) *Геннади*, Словарь.

праздничные дни». М. 1842. 8 рѣчей. Всѣ онѣ мало замѣчательны и не возвышаются надъ уровнемъ посредственности.

Анастасъ, Михаилъ. Напечаталъ въ 1796 г. въ М. *«Грамматику россійскую съ греческимъ переводомъ, въ пользу грековъ»* (Соп. 2984). Онъ-же въ 1804 изд. переводъ грамматики Ломоносова на греч. яз. (Соп. 2953).

Анатолинъ, Ф.—псевд. Ф. Анат. Кони.

Анатолій (Андрей *Максимовичъ* †) изъ духовнаго званія, малороссіянинъ. По окончаніи курса въ невской семинаріи былъ въ ней сначала (1790) учителемъ грамматич. класса, затѣмъ поэзіи и греч. яз., чрезъ нѣкоторое время былъ назначенъ священникомъ Успенской Спасосѣнновской церкви. Въ 1809 принялъ монашество и вслѣдъ за тѣмъ его сдѣлали ректоромъ петербургской семинаріи и архимандритомъ Троицко-Сергіевой пустыни. Въ 1812 г. А. назначается епископомъ полтавскимъ, 1819—минскимъ, въ 1830—симбирскимъ архіепископомъ, въ 1842, за преклонностью лѣтъ, увольняется на покой и въ томъ-же году онъ скончался. Оставилъ слѣдующія поученія:

1) «Слово на успеніе Богоматери». Спб. 1808. 2) «Рѣчь при погребеніи протопресвитера Сергѣя Ѳедоровича Ливтова». Спб. 1808. 3) «Рѣчь при приведеніи къ присягѣ чиновниковъ, избранныхъ въ гражданскія должности по Спбург. губ.». Спб. 1811. 4) Рѣчь въ собраніи биб. общ., напечатанная въ отчетѣ этого общества за 1821 г. Спб. 1822.

* **Анатолій** (Августинъ Васильевичъ *Мартыновскій*), архіепископъ могилевскій и мстиславскій. *По свѣдѣніямъ, извлеченнымъ нами изъ архива Св. Синода*, р. въ 1790 г. въ мѣстечкѣ Мясковкѣ, ольгопольскаго уѣзда, Каменецъ-подольской губ., гдѣ отецъ его былъ приходскимъ священникомъ. Учился въ каменецъ-подольской семинаріи, во время нахожденія въ которой преподавалъ въ низшихъ классахъ семинаріи (между прочимъ рисованіе). Въ 1817 г. опредѣленъ приходскимъ священникомъ въ м. Граново, гайсинскаго уѣзда, но вскорѣ послѣдовавшая смерть жены его побудила А. посвятить себя иноческой жизни и въ 1822 г., послѣ трехлѣтняго послушничества, онъ постригся. Въ 1823 г. мы его находимъ студентомъ кіевской духовной академіи, которая въ 1827 г. удостоила его степени магистра богословія. Съ 1825 академія поручила А. классы польскаго языка и Св. Писанія. Въ 1829 г. онъ назначается ректоромъ курской семинаріи, въ 1832 г.—новгородской, въ 1838 г. вызы-

---

†) 1) *Чистовичъ* «Ист. Пет. Дух. Ак.», стр. 89. 2) *Филаретъ*, Обзоръ, стр. 457. 3) *Геннади*, Словарь.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

вается на чреду священнослуженія, въ 1840 г. рукополагается въ епископа екатеринбургскаго, викарія пермскаго, въ 1841 г. переводится въ Почаевскую Лавру епископомъ острожскимъ, викаріемъ волынскимъ, въ 1844 г. назначается епископомъ могилевскимъ и мстиславскимъ, а съ 1853 возводится въ санъ архіепископа. Въ 1852 г. кіевская духовная академія, а въ 1853 г. горы-горѣцкій земледѣльческій институтъ избрали А. своимъ почетнымъ членомъ. Умеръ въ шестидесятыхъ (?) годахъ.

О сочиненіяхъ Анатолія см. въ концѣ настоящаго тома.

Анатолій (*Ставицкій*) †), р. въ Черниговъ. губ., образованіе получилъ въ Черниговѣ, Кіевѣ, въ уманскомъ базиліанскомъ училищѣ и наконецъ въ Пресбургѣ. Въ 1782, вернувшись въ Россію, онъ принялъ монашество и сталъ проходить учительскія должности при кіевской академіи. Въ 1788 его назначили префектомъ смоленской семинаріи, но уже въ слѣдующемъ году опять перевели въ кіевскую академію, гдѣ въ 1793 сдѣлали префектомъ и профессоромъ богословія. Въ 1801 С. былъ опредѣленъ архимандритомъ въ галичскій монастырь, затѣмъ въ ростовскій яковлевскій, съ 1820 въ новгородскій юрьевскій, а отсюда уволенъ на покой, сначала въ Хутынь монастырь, а затѣмъ въ Воскресенскій (Новый Іерусалимъ), гдѣ и скончался.

Напечатаны три слова его: 1) «*На освященіе соборнаго храма въ г. Старой Руссѣ, гов. 21 янв. 1834*». Новгородъ, 4⁰ и то же самое, Кіевъ, 1845. 2) «*При отпѣваніи тѣла с. с. П. Х. Зотова*». Новгородъ, 1835. 3) «*Въ Великій пятокъ, гов. 1835. Апр. 5*». Новгородъ, 1836.

Англоманъ (період. изд. XXIII в.)—псевд. М. И. Плещеева.

Андерсонъ, авторъ книги о Леснигѣ. См. въ концѣ настоящаго тома.

Андерсонъ, Владиміръ Александровичъ ††). Р. въ 1849 г., учился въ витебской гимназіи и петербургскомъ университетѣ, гдѣ, однако, курса не кончилъ. Подъ псевдонимами: «*Мельмотъ-Скиталецъ*», «*Сергѣй Угрюмовъ*», «*Носредна*», «*Альфа*» и др. А. помѣщалъ въ юмористическихъ журналахъ и такъ называемой «малой прессѣ» сценки, стихи, а также имъ самимъ рисованныя каррикатуры. Умеръ въ Петербургѣ, въ больницѣ, 20 Сент. 1884 г.

Андреева, С.—псевд. С. М. Тидебель.

Андреевскій, д-ръ. Псевдонимъ составителя компилятивныхъ популярно-медицинскихъ книгъ: 1) *Школа здоровья*, домашній лѣчебникъ, 2 тома

---

†) 1. *Аскоченскій*. Кіевъ. II. 32 в. 2. *Макарій*, Описаніе Юрьев. монастыря, стр. 110. 3. *Геннади*, Словарь.

††) 1) «Петерб. Листокъ» 1884 г., № 259. 2) *П. Быковъ*, въ «Библіографѣ» 1886, № 10.

по 540 стр. съ 134 рис. М. 1879, и 2-ое изд. М. 1881. 2) *Общедоступный лѣчебникъ для народа и всѣхъ нуждающихся во врачебной помощи.* М. 1886. 3) *Повторительный курсъ общей и описательной анатомiи для врачей и студентовъ.* М. 1884 г. †).

* **Андреевскiй**, Аркадiй Степановичъ, предсѣдатель екатеринославской казенной палаты, братъ д-ра Эраста Ст. Андреевскаго. *По свѣдѣнiямъ, полученнымъ отъ сына его Сер. Аркадьевича*, мать А. С. была урожденная фонъ-Грефе, и приходилась теткой знаменитому берлинскому окулисту. Въ фельетонѣ А. «Пятигорскъ» («Одесскiй Вѣст.» 1841 г. № 63) появилось первое извѣстiе о смерти Лермонтова, отмѣченное Бѣлинскимъ (Сочиненiя, т. V, стр. 347). Отъ брака его съ Вѣрой Николаевной Герсевановой родились: Михаилъ Аркадьевичъ, проф. математики, Павелъ Аркадьевичъ, провинц. журналистъ, и Сергѣй Аркадьевичъ, извѣстный поэтъ.

Андреевскiй, Владимiръ Михайловичъ. Издалъ объемистую книгу «Египетъ». Спб.   , написанную имъ отчасти по личнымъ впечатлѣнiямъ, а больше по разнымъ печатнымъ источникамъ.

Андреевскiй, Ефимъ Ивановичъ, врачъ ††), отецъ современнаго государствовѣда И. Е. Андреевскаго. Происходилъ изъ духовнаго званiя, въ 1807 г. изъ семинарiи поступилъ въ Мед.-Хир. Академiю, въ 1811 выпущенъ лекаремъ въ преображенскiй полкъ, въ 1812 дѣлалъ кампанiю съ Литовскимъ п., въ 1815 назначенъ старшимъ врачемъ Павлов. полка, въ 1819 опредѣленъ гофъ-медикомъ, въ 1834 признанъ Мед.-Хир. Академiей безъ экзамена докторомъ медицины. Умеръ въ 1840 въ чинѣ д. ст. сов. и въ званiи почетнаго члена Мед. Совѣта мин. внут. дѣлъ. А. до смерти своей былъ предсѣдателемъ «Общества рус. врачей въ С.-Петербургѣ» и считался однимъ изъ очень опытныхъ медиковъ столицы.

Напечаталъ А.:

1) *О хронической накожной болѣзни, impetigo называемой, и о новомъ дѣйствительнѣйшемъ противъ оной средствѣ.* Спб. 1834, 69 стр., 8°, съ рис. Тутъ настойчиво рекомендуется употребленiе цмина или золотистки песчаной (Herba Elychrisi Decandolii или gnophalium arenaruim Linnaei). 2) *Отвѣтъ на возраженiя,* вызванныя только что назв. книжкой въ «Другѣ Здравiя» 1835 г., № 17. 3) *Два практическiя наблюденiя о нарывѣ въ легкомъ* въ «Труд. Рус. Вр.» I, 188. 4) *Лѣкарства*

---

†) Отзывы о «Школѣ Здоровья»: 1) «Всем. Иллюстр.» 1879 г., № 558. 2) «Рус. Вѣд.» 1879, № 263. 3) «Совр. Изв.» 1879 г., № 303. 4) «Народ. Листокъ» 1879 г. № 17.

††) Труды рус. врачей. III, ст. 338. 2) «Воен. Мед. Жур.» 1841, ч. 37, стр. 151 (а не 1, какъ сказано у Змѣева). 3) *Змѣевъ.* Врачи-писатели. 4) По поводу книжки объ *Impetigo* въ «Другѣ Здравiя» 1835, № 4 и 17.

* означаются статьи, имѣющiя характеръ *первоисточника*.

ротиву кровотеченія изъ задняго прохода въ «Другѣ Здравія» 1836 г., № 6 5) *'ьченіе икоты.* Тамъ же, № 48. 6) *Воспал. брюшины* въ «Труд. Рус. Врач.» II, 149.

Андреевскій, Иванъ, напечаталъ переводы: 1) «*Надежное добро*» съ ат. М. 1786 (Соп. 3193). 2) «*Брань духовная, или наука о совершенoй побѣдѣ*» съ лат. М. 1787, изд. подъ буквами *И. А. М.*

* **Андреевскій**, Иванъ Ефимовичъ, современный юристъ †). *По полученнымъ отъ него свѣдѣніямъ* род. 13 марта 1831 г. отъ брака Олимпіады Васильевны *Кореневой* съ докторомъ медицины Ефимомъ Ивановичемъ Андреевскимъ, о которомъ было уже сказано выше, какъ объ извѣстномъ въ свое время медикѣ, учредителѣ и первомъ президентѣ «Общества русскихъ врачей» въ Петербургѣ.

Первоначальное образованіе И. Е. получилъ въ 1 петербургской гимназіи, директору которой — извѣстному профессору петербургскаго университета — *П. Д. Калмыкову* онъ обязанъ очень многимъ. Совѣты и указанія Калмыкова направили первыя студенческія работы А., да и потомъ онъ до самой смерти Калмыкова (1859) продолжалъ пользоваться го вниманіемъ и дружбою. Многимъ также обязанъ А. совѣтамъ другого воего профессора—*К. А. Неволина*, хотя относительно выбора спеціальости онъ не послѣдовалъ его указаніямъ. Неволинъ сильно уговаривалъ го посвятить себя гражданскому праву, но молодого ученаго тянуло къ аукамъ политическимъ и онъ спеціализировался по нимъ.

Окончивъ въ 1852 г. юридическій факультетъ петербургскаго университета со степенью кандидата, А. тотчасъ же началъ готовиться къ экзаену на магистра, а для ознакомленія съ практикою судебнаго дѣла въ 'оссіи зачислился въ камеру спб. губернскаго прокурора, должность кораго занималъ въ то время *Н. Г. Богуславскій*, сумѣвшій тотчасъ же онять научные интересы молодого юриста и потому открывшій ему всѣ ружины административнаго и судебнаго механизма.

Въ 1854 г. получивши степень магистра, А. съ 1855 г. началъ въ ачествѣ приватъ-доцента читать въ петербургскомъ университетѣ лекціи эсударственнаго (въ помощь Калмыкову) и полицейскаго права, а со мертью Калмыкова (1859) прекратилъ преподаваніе государственнаго рава и остановился на полицейскомъ правѣ, которое преподавалъ до 887 г. Въ 1855 г. А. занялъ въ училищѣ правовѣдѣнія освободивуюся вслѣдствіе смерти Неволина кафедру энциклопедіи и исторіи русскаго права, которую занимаетъ по настоящее время.

---

†) 1) *В. В. Григорьевъ*, 50-лѣтіе петербургскаго университета. 2) *Березинъ*, нцикл. Словарь. 3) *Остроіорскій*, Юридич. Календарь на 1884 г. 4) *Михневичъ*, [аши Знакомые. 5) *Альбомъ И. М. Семевскаго.* 6) *De Gubernatis* Dicionnaire nternational.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

Въ 1883 г. совѣтъ университета избралъ И. Е. въ должность ректора, удержанную имъ и по введеніи новаго устава 1884 г. Съ 1885 г. Андреевскій назначенъ кромѣ того директоромъ основаннаго *Калачовымъ* († 1885) Археологическаго Института. Въ 1887 г., вскорѣ послѣ покушенія 1 марта, И. Е. оставилъ ректорство и вмѣстѣ съ тѣмъ и профессуру въ петербургскомъ университетѣ.

Учено-литературная дѣятельность И. Е. обнимаетъ:

I. **Отдѣльныя изслѣдованія и курсы:** 1) «*О правахъ иностранцевъ въ Россіи до половины XV столѣтія*». Спб. 1854, магистерская диссертація. 2) «*О договорѣ Новгорода съ нѣмцами*». Спб. 1855. 3) «*О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ*». Спб. 1864 (докт. дисс.). 4) «*Русское Государственное Право*». Т. I. Спб. 1866. 5) «*Полицейское Право*». 2 т. 1872. Изд. 2-е 1874. 6) «*О призрѣніи бѣдныхъ*». Сѣчь на университетскомъ актѣ 1861. Спб. 1851.

II. **Статьи:** 1) «*О значеніи университетовъ въ государственномъ, ученомъ и учебномъ отношеніяхъ*» (въ приложенія къ журналамъ ученаго комитета главнаго правленія училищъ 1862). 2) «*О народныхъ читальняхъ*», въ «Школьной Жизни», № 28 и 29. 3) «*Новѣйшія попытки къ лучшему устроенію призрѣнія бѣдныхъ*» (въ «Сборн. Госуд. Знаній», т. I). 4) «*Реформа исполнительной полиціи въ Россіи*» (тамъ-же, т. V). 5) *Рядъ статей небольшого объема по медицинской полиціи въ еженедѣльной газетѣ «Здоровье»* 70-хъ и 80-хъ гг. 6) *О ходѣ распространенія въ русскомъ обществѣ политическихъ знаній 1850—1880 г.*, помѣщ. въ «Рус. Старинѣ» т. XXVII. 7) *Канцелярія конфискаціи* 1729—1780. Тамъ же, 1881 г. т. XXXI. 8) *Князь Алексин. Арк. Суворовъ*. Тамъ же, 1882 г., т. XXXIII. 9) *О финансовыхъ затрудненіяхъ Россіи въ началѣ XVIII столѣтія*, въ «Вѣстн. Археол. и Ист.» за 1884 г. 10) Съ 1884 г. А. редактировалъ «*Юридическую Библіографію*», изд. юрид. фак. петерб. университета. Здѣсь онъ помѣстилъ рядъ небольшихъ рецензій. 11) *О значеніи разработки архивовъ для успѣховъ кодификаціи*, въ «Наблюд.» 1882 г., № 7. 12) *Ученыя архивныя коммиссіи въ 1886 г.*, въ «Русс. Стар.» 1887 г., т. LVI. 13) *Указатель матеріаловъ и изслѣдованій, изданныхъ до 1856 г.*, въ Архивѣ Н. Калачева 1853 г., № 6. 14) *О нотаріальныхъ порядкахъ*, въ «Жур. Гражд. и Угол. Пр.» 1878 г., кн. 3, проток. засѣд. гражд. отд. юрид. общ.

С. В.

Отзывы: О «*Правахъ иностр.*»: 1) «Отеч. Зап.» 1855 г., т. 98, отд. 4, стр. 106—107. 2) «Соврем.» 1855 г., т. 50, стр. 40—47. О «*Договорѣ Новгорода*», 1) *А. Энгельмана*, въ «Отеч. Зап.» 1855 г., № 5, отд. 3, стр. 1—30. 2) *И. Срезневскій*, въ «Изв. Акад. Наукъ», т. 4, вып. 3. 3) «Соврем.» 1855 г. № 5. 4) *Н—ль П—въ* (Нилъ Поповъ?), въ «Моск. Вѣд.» 1855 г., № 39 и 40. О «*Намѣстникахъ воеводахъ*»: 1) «Соврем.» 1864 г., № 6. 2) *Ф. Д. Щеглова*, въ «Отеч. Зап.» 1864 г., № 9, стр. 191—226, подъ заглавіемъ «*Наши доктора правъ*». 3) «Книж. Вѣстн.» 1864 г., № 8, стр. 158. 4) *34 присужденіе Демидовскихъ наградъ*. О «*Рус. Государ. Правѣ*»: «Вѣстн. Евр.» 1866 г., № 4, стр. 63—80. О «*Полицейскомъ Правѣ*»: 1) *Архангельскій*, въ «Арх. Суд. Мед.» 1871 г., № 1. 2) «Рус. Лѣт.» 1871 г., № 8. 3) *А. Е. Носъ*, въ «Бесѣдѣ» 1871 г., № 4. 4) *В. Лешковъ*, въ «Бесѣдѣ» 1871 г., № 5. 5) *Степановъ*, въ «Суд. Вѣстн.» 1871 г., № 181. 6) «Сынъ Отеч.» 1871 г., № 143. 7) *В. Лешковъ*. въ «Юрид. Вѣстн.» 1873 г. № V и VI.

Въ магистерской диссертаціи своей молодой ученый приходилъ къ слѣдующему общему выводу: «Древняя исторія правъ иностранцевъ въ Россіи свидѣтельствуетъ о правильнѣйшемъ взглядѣ русскихъ на чужеземцевъ и потому имѣетъ большее внутреннее достоинство, чѣмъ исторія правъ иностранцевъ у прочихъ европейскихъ народовъ». Онъ указывалъ при этомъ на право (въ древней Руси) свободнаго пріѣзда и выѣзда иностранцевъ, на широкую вѣротерпимость русскихъ, на предоставленіе иностранцамъ владѣть домами въ городахъ и вообще ненаселенною землею, и т. п. Нѣкоторая идеализація древне-русскихъ порядковъ и нравовъ соединяется въ этомъ положеніи магистранта съ истинно-гуманнымъ взглядомъ на государственныя и международныя отношенія, взглядомъ, которому почтенный профессоръ остается вѣренъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ.

Въ 1855 году И. Е. напечаталъ, pro venia legendi, разсужденіе: *О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ, заключенномъ въ 1270 году.* Въ приложеніи къ этому небольшому трактату помѣщены новгородскія скры, различныя грамоты, росписи товаровъ и т. п. Черезъ десять лѣтъ послѣ магистерской появляется докторская диссертація петербургскаго ученаго: *О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ.* Въ предисловіи авторъ говоритъ о благотворномъ значеніи только что вводившагося *Положенія о земскихъ учрежденіяхъ.* Великое начало самоуправленія должно было, по справедливому замѣчанію докторанта, измѣнить во всѣхъ отношеніяхъ къ лучшему характеръ губернаторской власти (если только, можемъ мы теперь прибавить,—само это начало не потерпитъ ущерба отъ возвратнаго усиленія бюрократическаго элемента). Три однородныя должности—намѣстника, воеводы, губернатора—принадлежатъ, говоритъ авторъ, тремъ различнымъ періодамъ русскаго права. Намѣстники должны были исчезнуть съ установленіемъ единовластія. «Замѣнѣ намѣстническаго управленія началомъ мѣстнаго самоуправленія помѣшали: смутныя времена и развившееся начало рабства и крѣпости, Въ первомъ томѣ *Русскаго Государственнаго Права (о Правительствѣ)* который вышелъ въ 1866 году, авторъ опять проводитъ идеи несомнѣнной и великой пользы самоуправленія. Указавши на важность историческаго метода изученія права, онъ говоритъ: «Особенно плодотворнымъ представляется мнѣ такое историческое изученіе русскаго государственнаго права въ настоящее время. Великія преобразованія, совершаемыя въ русской государственной жизни Царемъ-Освободителемъ, могутъ быть поняты и осуществлены только при вѣрномъ изученіи ихъ связи съ прошедшимъ, замѣняемымъ». Государственное право, опредѣляетъ А. въ обширномъ теоретическомъ введеніи, — «есть наука политико-юридическая,

ибо разсматриваетъ тѣ *законныя* начала, на которыхъ строятся отношенія всѣхъ элементовъ въ государствѣ». Вмѣстѣ съ тѣмъ государственное право является наукою историческою и философскою.

Только что названный трудъ И. Е. остался, къ сожалѣнію, недоконченнымъ (второй томъ долженъ былъ носить заглавіе: *О народѣ).* Главнымъ предметомъ университетскаго преподаванія А. было полицейское право. Въ 1872 году онъ издалъ курсъ полицейскаго права, вышедшій черезъ два года вторымъ изданіемъ. Этотъ курсъ и до сихъ поръ остается единственнымъ у насъ полнымъ курсомъ полицейскаго права. Нельзя не отмѣтить прежде всего богатство свѣдѣній, которыя заключаются въ почтенномъ и обширномъ трудѣ профессора. И въ этомъ сочиненіи онъ остается вѣренъ великимъ началамъ общественнаго самоуправленія. Въ свое время книга А. вызвала критическія замѣчанія покойнаго В. Н. Лешкова (*Бесѣда*, 1871, IV; *Юридическій Вѣстникъ*, 1873; V и VI). Какъ извѣстно, В. Н. Лешковъ признавалъ не *полицейское*, а *общественное* право. Споръ между двумя учеными, въ виду ихъ коренного разногласія, не могъ быть плодотворнымъ: каждый непоколебимо остался при своемъ мнѣніи.

А. признаетъ *науку о полиціи*, философскую. Изъ нея черпаетъ свои истины *полицейское право*, которое анализируетъ положительное полицейское законодательство. Подъ полицейской дѣятельностью государства петербургскій профессоръ разумѣетъ совокупную дѣятельность общества и правительства. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи воззрѣніе А. имѣетъ, какъ мнѣ кажется, несомнѣнное преимущество передъ взглядомъ моего покойнаго учителя: В. Н. Лешковъ не хотѣлъ признать, что дѣйствуетъ не одно только общество въ государствѣ, но и само государство является дѣятельнымъ элементомъ. Не вступая, затѣмъ, въ подробный разборъ опредѣленія полицейскаго права и науки о полиціи, у И. Е. отмѣтимъ только, что, по нашему мнѣнію, проще и цѣлесообразнѣе называть тотъ предметъ, который А. называетъ полицейскимъ правомъ,—*ученіемъ объ управленіи* (какъ это дѣлаетъ Лоренцъ Штейнъ).

Изъ многочисленныхъ статей И. Е. Андреевскаго, посвященныхъ разнообразнымъ вопросамъ управленія, государственнаго права и т. п., остановлюсь только на двухъ. Въ *Сборникѣ Государственныхъ Знаній* (томъ V, 1878 года) напечатана статья его: *Реформа исполнительной полиціи въ Россіи.* Центръ тяжести этой реформы лежитъ, по словамъ автора, въ должности губернатора. Для занятія этой должности, стоящей рядомъ съ органами самоуправленія, необходимъ достаточно высокій политическій цензъ. Только при такомъ условіи возможна гармонія полицейской практики съ дѣятельностью общества, земства и земской полиціи.

Губернскую полицію (какъ и уѣздную) должно, по мнѣнію А., освободить отъ *распорядительной функціи въ дѣлѣ взысканія недоимокъ.*

Другая статья А., о которой слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ, озаглавлена: *Ходъ распространенія политическихъ знаній въ Россіи въ 1855—1880 гг.* (она напечатана въ *Русской Старинѣ*, февраль 1880 года, по поводу двадцатипятилѣтія царствованія императора Александра II). «Крупныя государственныя реформы», говоритъ тамъ А., «всегда находятся въ извѣстномъ отношеніи, въ связи съ количествомъ политическихъ знаній, которыми владѣетъ общество». Способы пріобрѣтенія и распространенія этихъ знаній слѣдующіе: практическій путь государственной политической дѣятельности, теоретическое изученіе политическихъ наукъ въ политическихъ факультетахъ университетовъ, печать (въ особенности періодическая). «Къ сожалѣнію, газеты и журналы еще мало распространены въ Россіи», писалъ И. Е. «Борьба консервативнаго и прогрессивнаго направленій повременной печати не имѣетъ еще достаточной свободы, а потому и не даетъ достаточно благотворныхъ послѣдствій; напротивъ, нерѣдко заостряется до характера личныхъ, мало полезныхъ въ политическомъ отношеніи пререканій». Повторивши свое неизмѣнное сочувствіе земскому самоуправленію, гласному суду присяжныхъ и несмѣняемости судей, авторъ такъ характеризуетъ университетскій уставъ 1863 года: «Немного законодательныхъ работъ въ исторіи права могутъ посоперничать съ этимъ уставомъ по зрѣлости мотивовъ, вѣрному пониманію потребностей и условій общественной жизни».

Викторъ Гольцевъ.

Андреевскій, Иванъ Самойловичъ, медикъ †), одинъ изъ ученѣйшихъ и трудолюбивѣйшихъ профессоровъ моск. унив. начала 19 стол. Р. 1759 г. въ Малороссіи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Учился сначала въ кіевской духовной академіи, а въ 1792 поступилъ въ московскій университетъ по мед. фак. По окончаніи курса въ 1796 г. опредѣленъ прозекторомъ при унив. анатомическомъ театрѣ. Въ 1803, по защитѣ диссертаціи, былъ удостоенъ степени доктора медицины. Въ 1805 А. назначается адъюнктъ-профессоромъ, а въ 1807 экстраорд. профессоромъ физіологіи, патологіи и терапіи домашнихъ животныхъ. Въ изложеніи этихъ наукъ сначала держался Плениза и Вите, а потомъ читалъ по собствен-

---

†) 1) «Вѣст. Евр.» 1809, № 22. 2) *Снегиревъ*, Словарь Евгенія. 3) *Сахаровъ*, въ «Энц. Лекс.» Плюшара. 4) *Старчевскій*, Справ. Энц. Слов. 5) *Анке*, въ «Слов. проф. М. Ун.». 6) *Я. Чистовичъ*, въ «Энц. Слов.» изд. рус. уч. и лит., т. IV. 7) *Никитинъ*, въ «Ист. медиц. при Екатер. II». 8) *Richter*, Geschichte d. Med. in Russland III. 9) *Геннади*, Словарь. 10) *Змѣевъ*, Врачи-писатели.

ному скотолечебнику. Кромѣ того онъ читалъ еще эпизоотію и зоо-фармакологію. Помимо ветеринаріи, А. было поручено преподаваніе «любострастныхъ» болѣзней, успѣшнымъ леченіемъ которыхъ (а также золотухи) онъ славился. Сифилисъ А. читалъ, придерживаясь Фрице, Пленка и Фалька. Сверхъ университетскаго преподаванія, А. занимался еще тѣмъ, что бралъ у помѣщиковъ дворовыхъ для обученія ихъ основнымъ началамъ практической ветеринаріи.

Сочиненія и переводы И. С. Андреевскаго: 1) Пер. съ фр. «Діэтетика или наука, представляющая правила весьма нужныя и полезныя къ сохраненію здравія» М. 1791. 8°. Ц. 80 к. 2) «Новый полный методическій лечебникъ конскій, скотскій и др. домаш. животныхъ, какъ-то: овецъ, козъ и т. д.» М. 1793. 8°. 3) Пер. съ фр. *Лафоса*, «Гигіена, или предохранительная конская медицина, въ краткихъ правилахъ изображенная». М. 1796. 8° Ц. 50 к. 4) Пер. съ нѣм. на латинскій *I. T. Waltheri*, «Myologiae liber manualis, in usum Anatomes studiosorum translatus in linguam Latinam». М. 1795. 8°. 3) «Изображеніе правилъ къ сбереженію конскаго здоровья, основанныхъ на лучшихъ практическихъ замѣчаніяхъ». М. 1796. Ц. 1 р. 20 к. 6) «Dissertatio inauguralis medica, sistens observationes anatomicas, susceptionem intestinorum verminosam illustrantes». М. 1803. 4°. Докторская диссертація. 7) «Краткое начертаніе Анатоміи домашнихъ животныхъ». М. 1804. 8) «Начальныя основанія медицины ветеринаріи или скотолеченія». М. 1805. 8°. 9) Пер. съ фр. *Приньля* «Наставленіе, руководствующее къ предупрежденію армейскихъ болѣзней и сохраненію здравія военно-служащихъ, находящихся въ лагеряхъ и гарнизонахъ». М. 1807. 8°.

Андреевскій, Михаилъ Аркадьевичъ, математикъ, братъ поэта. См. въ концѣ настоящаго тома.

* **Андреевскій**, Павелъ Аркадьевичъ, провинціальный журналистъ, братъ поэта †). *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ*, р. въ 1850 г. въ Харьковѣ. Учился въ харьковскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1870 г. со степенью кандидата правъ, затѣмъ былъ судебнымъ слѣдователемъ въ Самарѣ, а съ 1875 г. состоитъ присяжнымъ повѣреннымъ въ Кіевѣ. Съ 1880 по 1886 г. А. былъ отвѣтственнымъ редакторомъ одной изъ лучшихъ провинціальныхъ газетъ нашихъ—«Зари», дѣйствительнымъ редакторомъ и собственникомъ которой былъ М. И. Кулишеръ.

А. написалъ нѣсколько драмъ и фарсовъ («Болѣзнь вѣка» въ 5 дѣй-

---

†) Объ А. очень много говорилось въ періодической печати конца 1886 года по поводу того, что онъ, воспользовавшись своимъ юридическимъ положеніемъ офиціальнаго издателя, оттѣснилъ отъ газеты дѣйствительнаго собственника ея— М. И. Кулишера. Всего подробнѣе исторія этого захвата разсказана *Е. Г.* въ «Новостяхъ» 1886 г. за декабрь.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

ствіяхъ, «Мужественная женщина» въ 3 дѣйств., «Призраки» въ 4 дѣйст. Имѣются только въ литографированномъ видѣ). Изъ нихъ «Болѣзнь вѣка» была поставлена въ Петербургѣ въ 1878 г. въ бенефисъ г-жи Струйской. Въ «Зарѣ», «Кіевскомъ Словѣ» и другихъ провинціальныхъ изданіяхъ А. постоянно помѣщалъ театральныя замѣтки, статьи юридическаго характера и воскресные фельетоны. Послѣдніе подъ псевдонимомъ *Иглы*. Фельетоны А. очень нравились мѣстной публикѣ и имъ дѣйствительно нельзя отказать въ извѣстной бойкости. Въ 1888 году часть этихъ фельетоновъ появилась въ Кіевѣ въ отдѣльномъ изданіи.

* **Андреевскій**, *Сергѣй Аркадьевичъ*, современный поэтъ †). *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ*, р. 29 декабря 1847 г. въ семьѣ Аркадія Андреевича А. (см. выше), въ с. Александровкѣ славяносербскаго уѣзда, екатеринославской губ., вмѣстѣ съ близнецомъ—братомъ Михаиломъ (впослѣдствіи профессоромъ математики). Учился въ екатеринославской гимназіи, затѣмъ на юридическомъ факультетѣ харьковскаго университета, гдѣ кончилъ курсъ въ 1869. Въ 1870 г. С. А. поступилъ на службу по судебному вѣдомству, но въ 1878 году, состоя товарищемъ прокурора петербургскаго окружнаго суда, вышелъ въ отставку вслѣдствіе нежеланія выступить обвинителемъ по дѣлу Вѣры Засуличъ. Записавшись вслѣдъ за этимъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ петербургской судебной палаты, А. вскорѣ составилъ себѣ репутацію одного изъ наиболѣе блестящихъ уголовныхъ защитниковъ петербургской адвокатуры. Поклонники ораторскаго таланта его больше всего хвалятъ въ немъ изящество рѣчи, соединенное, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ теплотою чувства. Изъ послѣднихъ судебныхъ рѣчей А., рѣчь, произнесенная имъ въ защиту Мироновича, была встрѣчена похвалами всей печати.

Литературную карьеру свою А. началъ для поэта очень поздно — въ 30 лѣтъ и началъ, притомъ, совершенно случайно — заинтересовавшись однимъ стихотвореніемъ Мюссе, которое ему захотѣлось передать въ русскомъ переводѣ. До того онъ не написалъ ни одного стиха. Это объясняется тѣмъ, что пора юности поэта совпала, какъ выражается С. А.

---

† Разборы его «*Стихотвореній*»: 1) *К. К. Арсеньевъ*, Критическіе этюды. 11 т. 2) «Journ. d. St. Petersb.» отъ 12 янв. 1886. 3) «Новости» отъ 29 янв. 1886. 4) *А. Суворинъ*, въ «Нов. Вр.» отъ 6 февр. 1886. 5) *Ф. Зміевъ*, въ «Нови» отъ 15 февр. 1886. 6) Въ «Жив. Обозр.» отъ 16 марта 1886. 7) Въ «Сѣв. Вѣст.» 1886 № 8. Раньше выхода сборника стихотвореній А. появилась критич. статья о нихъ *В. В. Чуйко* («Новости» 1884 отъ 20 сент.), перепечатанная послѣднимъ въ его книгѣ: «Современная русская поэзія». Спб. 1885, стр. 160—167.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

въ составленной по нашей просьбѣ автобіографической замѣткѣ, «съ разгаромъ Писаревскаго вліянія», которое его «надолго отбросило отъ прежнихъ литературныхъ кумировъ».

Начавши съ переводовъ, А. вскорѣ перешелъ къ оригинальнымъ стихотвореніямъ, которыя помѣщалъ въ разныхъ журналахъ, по преимуществу же въ «Вѣстникѣ Европы» 1878 — 1885 гг. Въ 1886 онъ издалъ сборникъ своихъ стиховъ, состоящій изъ 50 мелкихъ стихотвореній — 3 поэмъ («На утрѣ дней», «Мракъ» и «Обрученные»), переложенія Тургеневскаго «Довольно» и около 40 переводовъ изъ Альфреда Мюссе, Ришпена, Бодлера, Сюлли-Прюдома, Коппе, Эдгара Поэ и Георга Гамерлинга. Критика встрѣтила «Стихотворенія» А. довольно сдержанно, но отвела, однако же, автору ихъ видное мѣсто въ ряду современныхъ поэтовъ.

Въ молодости А., какъ мы выше сказали, былъ всецѣло подъ Писаревскимъ вліяніемъ, которое дѣйствительно должно было быть очень сильнымъ, чтобы совершенно подавить въ человѣкѣ съ несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ самое желаніе писать стихи. Но къ тому времени, когда этотъ талантъ проявился, отъ идей энергическаго гонителя «эстетики» въ недавнемъ поклонникѣ ихъ не осталось ни малѣйшаго слѣда. Уже одинъ взятый у Эдгара Поэ эпиграфъ сборника показываетъ новое настроеніе автора его: «Beauty is the sole legitimate province of the poem; melancholy is thus the most legitimate of all the poetical tones», т. е. красота есть единственно-законная область поэзіи; меланхолія есть наиболѣе законное изъ поэтическихъ настроеній, — вотъ во что вѣритъ теперь нашъ поэтъ. И сборникъ его есть строгое воплощеніе этого девиза. Въ немъ нѣтъ ни одного стихотворенія съ общественною подкладкою, поэтъ прямо сознается, что общественные инстинкты въ немъ замерли:

Въ моей груди больной и грѣшной
О злобѣ дня—заботы нѣтъ.

Поэтъ съ горечью относится теперь къ своимъ прежнимъ воззрѣніямъ, въ которыхъ не видитъ ничего зиждущаго:

Мы къ снамъ заоблачнымъ утратили порывы
И двери вѣчности предъ нами заперты:
Земля, одна земля!.. и по краямъ обрывы
И нѣтъ ни выхода, ни цѣли для мечты...
Почуявъ страшныя, отвѣсныя стремнины
Вокругъ земной коры, гдѣ тлѣетъ нашъ очагъ,
Сказали мы себѣ: „мы дѣти этой глины
[illegible] плотскихъ заботъ отнынѣ—ни на шагъ!

Довольно вѣровалъ и мучился нашъ предокъ,
На небо возводя благочестивый взоръ:
Разсѣять мы хотимъ опасный этотъ вздоръ
Путемъ анализа и тщательныхъ развѣдокъ".
Съ незыблемыхъ святынь покровы сняты прочь,
Открыты въ чудесахъ секретныя пружины,
Все взрыто, свергнуто; вездѣ зіяетъ ночь,
Гдѣ прежде таяли волшебныя картины.

Разорвавъ съ традиціями молодости, нашъ поэтъ совершенно не стѣсняется давать стихотворенія, надъ которыми не мало поиронизировалъ-бы въ то время, когда насмѣшки Писарева надъ фетовщиной такъ сильно его увлекали. Вотъ, напр., небольшая пьеса, посвященная... погодѣ:

Путь мелькаетъ, мы на волѣ,
Городъ изъ виду исчезъ,
Солнца нѣтъ на тихомъ полѣ
Свѣтло-дымчатыхъ небесъ.
Нынче дождика не будетъ:
Воздухъ крѣпокъ и здоровъ,
И ненастье не разбудитъ
Полусонныхъ облаковъ.

По кремнистому извиву,
Обогнувшему луга,
Мы спускаемся на ниву,
Гдѣ ужъ собраны стога.
Въ сторонѣ чернѣетъ ельникъ,
А внизу бѣжитъ потокъ...
Славный выдался денекъ—
Этотъ сѣрый понедѣльникъ.

Но въ портфелѣ нашего поэта есть вещи еще болѣе поразительныя для человѣка, выросшаго на литературныхъ идеяхъ Писарева. Не безъ извѣстнаго бравированія новымъ строемъ своихъ мыслей, Андреевскій помѣщаетъ въ сборникѣ стихотвореніе, которое прямо такъ и называется *«Мадригалъ»*:

Склоняюсь предъ тобой, какъ робкій богомолецъ,
Рука лилейная, прекрасная безъ колецъ,
И горько сѣтую: какъ поздно, наконецъ,
Въ тебѣ мнѣ встрѣтился желанный образецъ
Руки, невиданной межъ мраморовъ старинныхъ:
Ни пухлыхъ пальчиковъ, ни ямочекъ рутинныхъ,
Но что за линіи и что за красота!
Гляжу и думаю, любуясь и ревнуя:
Къ кому-же ты прильнешь, въ преграду поцѣлуя,
Ладонью нѣжною на пылкія уста?

Сильно, однако же, ошибется читатель, который, основываясь на приведенныхъ образчикахъ поэзіи Андреевскаго, приметъ его за представителя такъ называемаго «искусства для искусства». Нѣтъ, не «искусство для искусства» и не стремленіе къ «красотѣ», о которой говоритъ первая половина девиза, избраннаго нашимъ поэтомъ, составляютъ характеристическую особенность его литературной физіономіи. Дѣло въ томъ, что и «искусство для искусства» и сколько-нибудь ревностное служеніе «красотѣ» требуетъ извѣстной душевной свѣжести, требуетъ извѣстнаго увлеченія. А ни того, ни другого нѣтъ у Андреевскаго, начавшаго писать въ 30 лѣтъ; онъ не знаетъ радостнаго, юношескаго отношенія къ жизни, онъ старъ душою, ему близка только тоска. Усталость—вотъ что есть красная нить, проходящая чрезъ всѣ произведенія нашего поэта. Усталостью и старчествомъ душевнымъ дышетъ цѣлый рядъ мелкихъ стихотвореній Андреевскаго, въ которыхъ описывается, какъ онъ «окаменѣлъ», какъ съ «грудью холодной» вспоминаетъ о прошломъ, какъ его

...ими старости безцвѣтно серебрятся», какъ «вялый и больной» онъ вступилъ «въ туманы осени дождливой» и т. д.; усталостью же полна наиболѣе выдающаяся пьеса его сборника «Мракъ». Въ этой пьесѣ, снабженной въ качествѣ эпиграфа Пушкинскимъ двустишіемъ

Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви,

поэтъ даетъ полную волю своему отчаянью:

Изъ долгихъ, долгихъ наблюденій
Я вынесъ горестный урокъ,
Что нѣтъ завидныхъ назначеній
И нѣтъ заманчивыхъ дорогъ.
Въ душѣ—пустыня, въ сердцѣ холодъ,
И нынче скучно, какъ вчера,
И мысли давитъ мнѣ хандра
Тяжеловѣсная, какъ молотъ!
Ни развлеченье, ни покой,
Ни встрѣчи съ чернью дѣловитой,
Средь шума жизни городской,
Не служатъ больше мнѣ защитой:
Тоска всесильна надо мной.

Чтобы найти какой-нибудь выходъ изъ этого положенія, онъ обращается съ страстною мольбою къ своему генію:

Оцѣпенѣніе разрѣши:
Мнѣ тяжко жить полуразбитымъ,
Мнѣ гадокъ сонъ моей души!

Послушный геній думаетъ помочь тѣмъ, что рисуетъ рядъ картинъ когда-то пережитыхъ поэтомъ впечатлѣній:

Тѣни туманныя, звуки неясные,
Образы прошлаго вѣчно-прекрасные,
Вѣчно сокрытые мглой отдаленія—
Встаньте изъ мрака въ лучахъ обновленія!
Встаньте безъ горечи, свѣтло-нарядные
Въ жизненномъ обликѣ, сердцу понятные,
Душу воздвигните силой цѣлебною.
Двигайтесь, образы, цѣпью волшебною!

Но ничего, кромѣ горечи, не выноситъ поэтъ изъ этого смотра мертвецовъ и попрежнему у него

. . . въ душѣ темно и скучно,
И сердце къ прошлому беззвучно,
А къ жизни холодно, какъ сталь!

Попрежнему онъ съ отчаяньемъ обращается съ мольбою къ своему генію:

И снова грозной тьмы не смѣю я измѣрить,
И снова я ищу съ отчаяньемъ слѣпца,
Кого любить во что мнѣ вѣрить?
Къ чему трудиться безъ конца,
Не зная свѣтлыхъ утѣшеній,
Съ тоскливымъ ропотомъ сомнѣній,
Что мы уйдемъ, какъ и пришли—
Плоды случайные земли!..
Угрюмый духъ, волшебный геній,
Спаси, внемли!

Но не знаетъ никакого утѣшенія геній и заключительнымъ аккордомъ пьесы являются безнадежныя слова его отвѣта:

Ты все назвалъ, чѣмъ страждетъ грудь поэта,
А можетъ статься и моя...
Я вѣчный спутникъ бытія,
Я голосъ тьмы: не знаю свѣта.

Душевная усталость поэта такъ велика, что и для переводовъ и переложеній, составляющихъ большую половину его сборника, онъ избираетъ почти исключительно сюжеты подходящіе къ тоскливому настроенію его. Такъ онъ переложилъ въ стихи одно изъ самыхъ усталыхъ произведеній Тургенева «Довольно», изъ Мюссе онъ беретъ мрачныя «Ночи», у Бодлэра и Эдгара Поэ ничего кромѣ вещей, насквозь проникнутыхъ сплиномъ и безнадежною тоскою, и взять-то нельзя. Изъ стихотвореній Коппе вниманіе нашего поэта прежде всего привлекаетъ «Голосъ разочарованнаго», жалующагося на то, что «жутко въ тридцать лѣтъ скитаться безъ страстей, не знать ребяческой за радостью погони», у Сюлли-Прюдома переводчику, конечно, нравится «Разбитая ваза» съ ея намеками на разбитое сердце и т. д.

О фактурѣ стиховъ Андреевскаго читатель уже могъ себѣ самъ составить представленіе по тѣмъ образчикамъ, которые мы приводили. Съ своей стороны замѣтимъ, что она отличается нѣкоторою изысканностью и дѣланною щеголеватостью.

Въ послѣднее время Андреевскій очень удачно заявилъ себя въ роли критика. Въ Петербургѣ существуетъ частособирающійся адвокатско-литературный кружокъ, о которомъ съ большимъ уваженіемъ говорилъ въ своихъ лекціяхъ о байронизмѣ В. Д. Спасовичъ («Вѣстн. Евр.» 1888 г.), и «Литературно-Драматическое Общество», по понедѣльникамъ сходящееся для выслушиванія рефератовъ на разныя темы художественно-литературнаго характера. Въ обоихъ кружкахъ А. часто выступаетъ въ качествѣ референта и уже по отчетамъ объ его сообщеніяхъ можно было видѣть, что имѣешь дѣло съ человѣкомъ тонко понимающимъ условія художественнаго творчества. Появленіе-же въ печати («Нов. Время» 1888 апрѣль) одного изъ его рефератовъ—о Баратынскомъ—вполнѣ подтвердило вѣрность этихъ сообщеній.

Какъ извѣстно, у насъ вотъ уже около тридцати лѣтъ нѣтъ критики въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. У насъ есть цѣлый рядъ высоко-даровитыхъ soi-disant «критиковъ», пишущихъ весьма блестящія статьи, въ которыхъ они обыкновенно проводятъ очень благородныя идеи, но въ которыхъ, однако, всего менѣе приложено стараній къ выясненію литературной физіономіи писателя, давшаго «поводъ» для написанія статьи. Андреевскій предпочелъ иной путь. Въ небольшомъ, но чрезвычайно содержательномъ этюдѣ о Баратынскомъ дѣйствительно нарисованъ литературный портретъ разбираемаго писателя, поэтъ здѣсь въ самомъ дѣлѣ составляетъ центръ этюда и не является однимъ только предлогомъ для проявленія высокаго строя мыслей критика. Мы не совсѣмъ согласны съ взглядомъ А. на Баратынскаго и, вѣроятно, намъ еще придется поспорить

съ нимъ въ статьѣ объ авторѣ «Эдды», но не можемъ не признать, вмѣстѣ съ тѣмъ, что способность поэта-критика разбираться въ литературныхъ явленіяхъ сказалась въ его этюдѣ съ самой блестящей стороны.

Андреевскій, Степанъ Семеновичъ, врачъ, оказавшій большія услуги дѣлу правильной постановки медицинскаго образованія въ Россіи †). Р. въ 1760 г. въ мѣстечкѣ «Салтыкова Дѣвица» Нѣжинскаго «полка» (уѣзда), гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Учился въ кіевской дух. акад., откуда, по вызову отъ правительства, поступилъ въ 1778 г. лекарскимъ ученикомъ сначала въ кронштадтскую госпитальную школу, а затѣмъ въ петербургскую. По окончаніи курса А. въ 1781 г. былъ назначенъ подлекаремъ черниг. легко-коннаго полка. Представленныя А. около этого времени въ мед. коллегію «обсерваціи» обратили на него вниманіе. Его произвели въ штабъ-лекари и въ 1786 г. перевели въ петербургскій генеральный сухопутный госпиталь. Въ томъ-же году онъ былъ посылаемъ въ Уфимскую губ. для пресѣченія сибирской язвы. Въ 1792 г. новый президентъ мед. коллегіи баронъ Васильевъ, искавшій себѣ дѣятельныхъ и честныхъ помощниковъ для затѣянныхъ имъ реформъ медицинскаго дѣла въ Россіи, выхлопоталъ назначеніе А. членомъ медицинской коллегіи. Съ первыхъ-же дней своей новой службы А. энергично взялся за поднятіе научнаго уровня русскаго медицинскаго образованія. Вмѣстѣ съ членами коллегіи Саполовичемъ и Карпинскимъ онъ проектировалъ рядъ мѣръ, увеличивавшихъ строгость пріемныхъ и выпускныхъ экзаменовъ, а также расширявшихъ клиническія занятія. Андреевскому-же принадлежитъ мысль объ учрежденіи Медико-Хирургической Академіи. Когда эта мысль была приведена въ исполненіе, Андреевскому, славившемуся не только большимъ умомъ и обширнымъ образованіемъ, но и неподкупною честностью, былъ порученъ надзоръ за постройкою Академіи, а въ 1804 г. онъ былъ назначенъ директоромъ ея. О времени директорства А. (1804—1808) извѣстный историкъ русской медицины—Чистовичъ отзывается въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ. Въ 1808 г. А. былъ назначенъ астраханскимъ губернаторомъ и въ этой должности умеръ въ 1818 г.

Андреевскій, Тимофей, коллеж. совѣтникъ. Вмѣстѣ съ коллеж. ассесорами Василіемъ Волынскимъ и Даніиломъ Маевскимъ перевелъ, по повелѣнію Императора Павла I, съ итальян., латин. и фран. языковъ «Уложеніе свящ. воинскаго ордена Іерусалимскаго, вновь сочиненное по повелѣнію свящ. генеральнаго капитула, собраннаго въ 1776 г., подъ на-

---

†) 1) «Энц. Лексик.» Плюшара. 2) «Энц. Слов.» изд. рус. пис. и уч. т. IV статья *Я. Чистовича.* 3) *Геннади,* Словарь. 4) *Чистовичъ,* Ист. мед. школъ въ Россіи стр. 181. 5) *Змѣевъ,* Врачи—писатели.

чаліемъ великаго магистра брата Еммануила де-Рогана, въ Мальтѣ 1782 г. напечатанное». 2 ч. Спб. 1800—1801. 4°. (Соп. 12138).

Андреевскій, Эрастъ Степановичъ, докторъ мед. †), р. въ южной Россіи 15 апр. 1809 г., происходитъ изъ семьи А., о которой сказано на стр. 538. Учился въ берлинской французской гимназіи, потомъ въ берлинскомъ университетѣ, гдѣ въ 1828 г. получилъ степень кандидата медицины, а въ 1831 г. (послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ научныхъ путешествіяхъ вмѣстѣ съ дядей его—уже упомянутымъ выше знаменитымъ окулистомъ пр. Грефе)—доктора мед. и хирургіи. Въ 1833 г. А. былъ признанъ въ этомъ званіи харьковскимъ унив. и съ того времени въ теченіе 20 лѣтъ состоялъ при Воронцовѣ, сначала въ Одессѣ въ званіи дивизіоннаго врача, а съ переходомъ Воронцова на Кавказъ (съ 1847—52 г.) въ званіи гражданскаго генералъ-штабъ-доктора Кавказа. Съ уходомъ Воронцова уволился и А. и, назначенный членомъ медицин. совѣта минист. внут. дѣлъ, жилъ до конца жизни (21 марта 1872 г.) въ Одессѣ.

Будучи за границей, А. напечаталъ: 1) нѣсколько переводныхъ медицинскихъ статей въ «Walther u. Gräfe's Journal für Chirurgie», 1829 г. 2) Рядъ небольшихъ статей въ «Berlin. encyclop. Wörterbuch d. medicin. Wissenschaften» *v. An.—Ki.* 3) «*Beschreibung zweier neuer Instrumente zur Unterbindung tiefliegender Gefässe*» въ «Walther u Gräfe's Journ. f Chirurgie» 1829. H. 4, стр. 650, то же въ «Summarium d. Medicin», 1829 Bd. II, 373. 4) «*Nachrichten Rigaer Aerzte über daselbst herrschende Choleraepidemie*» Jbid. 1831. Bd. XVI. S. 361). 5) «*Reisebriefe*» (о холерѣ въ Галиціи). Jbid. 1831. Bd. XVII. S. 652. 6) «*De thermis Aponensibus in agro Patavino*» Berl. 1831. 4°. 42 стр. докторск. диссертація А.; нѣмецк переводъ ея напеч. въ «Walther u. Grafe's Jour. f. Chirurgie» 1831, H. 4, стр. 556. 7) «*Uber d. Einfluss des gasigen Körpers der Hundegrotte auf d. thierischen Organismus*». За послѣднія два изслѣдованія А. былъ избранъ членомъ неаполитанской медико-хирург. академіи.

Вернувшись въ Россію, А. написалъ 8) нѣсколько статей и замѣтокъ объ отдѣльныхъ хирургическихъ и другихъ медицинскихъ случаяхъ въ «Другѣ Здравія» (1834, стр. 49; 1835 стр. 18); 9) нѣсколько статей о *чумѣ* («Другъ Здравія» № 91, перепеч. въ книгѣ *Сафонова*: О чумѣ въ Одессѣ

---

† 1) *Callisen*, Medicinisches Schriftsteller-Lexicon Koppenhagen 1830. Bd.I S. 328 и „Nachtrage“ къ нему. 2) *Змѣевъ*. Врачи-писатели, стр. 6—7. 3) *Соллогубъ*, Воспоминанія. Разборъ *диссертаціи* 2) въ „Heckers's Litterarische Annallen“ 1831. I. S. 127 n. 2) „Hafland's *Bibliothek*“ 1832 г. Bd. I. S. 61. О книгѣ „Абастуманъ“ и т. д. въ „Военно-Мед. Ж.“ 1853.

1837. Одесса 1838 стр. 121—134). «Одес. Вѣстн.» (1837—№ 97) 10) нѣсколько статей о *холерѣ* на Кавказѣ «Med. Zeit. Russlands» 1847 стр. 257 и 260; «Кавказъ» 1847 № 47; «Моск. Город. Лист.» 1847., стр. 161) и книгу: 11) *Абастуманъ, Боржомъ, Уравель, главнѣйшія изъ Карталинскихъ минеральныхъ водъ»*. Балнеографическій очеркъ. Тифлисъ 1852. 8°. 74 стр.

Андреевъ, А., геодезистъ. См. въ концѣ настоящаго тома.

* **Андреевъ, Александръ Николаевичъ**, драматургъ и поэтъ †). *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ*, р. 18 февраля 1830 г., въ сельцѣ Постницахъ, порховскаго уѣзда, псковской губ. Отецъ его—Ник. Ивановичъ, подъ Бородинымъ состоявшій при Багратіонѣ (см. дальше), оставилъ записки о 12 годѣ, мать—урожд. Над. Ник. Чихачева. А. получилъ воспитаніе въ институтѣ инжен. путей сообщенія, а затѣмъ всю жизнь служилъ въ Москвѣ, гдѣ и въ настоящее время находится, состоя въ чинѣ дѣйст. ст. совѣтника. Службу проходилъ въ министерствѣ путей сообщенія, Имп. Двора, финансовъ и внут. дѣлъ (въ послѣднемъ, въ званіи чинов. особыхъ порученій при моск. генералъ-губернаторѣ). Въ 1877 г. вышелъ въ отставку. Въ 1856 г. А. былъ избранъ почетнымъ вольнымъ общникомъ Академіи Художествъ, въ 1860 удостоился получить за литературные труды бриллiантовый перстень отъ Императора Александра II.

А. написалъ огромнѣйшее количество театральныхъ пьесъ, романсовъ, путевыхъ очерковъ, театральныхъ рецензій, повѣстей. Число ихъ восходитъ до 400.

Распредѣлимъ этотъ литературный багажъ на нѣсколько группъ:

1. **Драматическія произведенія:** *Маскарадъ въ оперномъ театрѣ* („Репер. и Пантеонъ" 1846) 2) „*Притягательная сила*". Спб. 1848. 3) *Полюбовный дѣлежъ* („Реп. и Пант." 1847 и отд. М. 1850). 4) „*Женатые повѣсы*" (Ibid. и отд. М. 1850). 5) „*Боги Олимпа въ Парижѣ*" (пост. въ 1847 въ бенефисъ Смирновыхъ). 6) „*Три пощечины*" („Пант." 1848). 7) „*Пустыня*", переводъ Оды-Симфоніи Фелиціена Давида. Спб. 1848. 8) „*Безпокойная ночь*" („Пант." 1848). 9) „*Красавица и Звѣрь*". (Ibid). 9) „*Стансы 213*" (Ibid). 10) „*Старый математикъ*" (Ibid). 11) „*Турокъ*" М. 1848. 11) „*Портретъ*", М. 1850. 12) „*Альбиносъ и Карликъ*" (играно въ 1848 въ Петербургѣ въ бенефисъ Куликова). 13) „*Первое Апрѣля*" (играно въ 1869 въ Москвѣ въ бенефисъ танцовщицы Ирка-Матіасъ». 14) „*Пріемный день*" (играно)

†) Отзывы о „*Живописи и живописцахъ*". 1) *В. Д. Григоровича*: въ 26 присужденіи Демидов. наградъ, стр. 205—54. 2) *Ф. Чижова* въ „Молвѣ" 1857 г., № 19 и 20. 3) „Отеч. Зап." 1857 г., № 9, стр. 26—40. 4) „Библіот. д. Чт." 1856, т. 140, стр. 1—6. О „*Венеціи*": 1) „Сѣв. Пч." 1864. № 76. 2) „Голосъ" 1864, № 93.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

въ Москвѣ въ 1856 въ бенефисъ Степанова). 15) „*Цыганскій таборъ*". М. 1878, съ портретомъ пѣвицы Зориной.

Всѣ эти пьесы, какъ напечатанныя, такъ и тѣ, относительно которыхъ мы только привели дату ихъ представленія, потому что онѣ въ свое время напечатаны не были, вошли въ составъ изданнаго въ 1875 г. М. О. Вольфомъ „*Театра А. Н. Андреева*" 2 т., куда вошли, кромѣ вышеназваннаго, еще комедіи: 16) „*Искатель сильныхъ ощущеній*"; 17) „*Тайна*"; 18) „*Сдѣлайте такое одолженіе*".

Послѣ изданія полнаго собранія своихъ драматическихъ сочиненій А.Н. написалъ еще: 19) „*Цыганка Маша*". Литогр. М. 1878. 20) „*Іоганна Прекрасная*". Литогр. М. 1884.

II. **Повѣсти и разсказы**: 1) „*Сцены на пароходѣ*" („Иллюстр." 1846 отъ 20 сент. 2) „*Юмористическія сцены*" („Пантеонъ" 1847). 3) „*Гувернантка*" (Ibid). 4) „*Здѣсь предлагаются медицинскія пособія*" („Иллюстр." 1858 г. № 18 и 19). 5) „*Для пріисканія занятій*" (Ibid. № 41—45).

III. **Стихотворенія**: 1) въ „Раутѣ" Н. В. Сушкова 1849. Рядъ романсовъ, 2) „*Дума дѣвушки*", музыка Баумана. 3) „*Месть*", муз. Филиппова. 4) „*Люблю тебя*", муз. Рамазанова. 5) „*Звуки*", того-же. 6) „*Три чувства*", того-же. 7) „*Красавица*", муз. Дерфельда.8) „*Дары бури*", 9) „*Тучки*", муз. Штуцмана. 10) „*Раздумье*", того же. 11) „*Любовь цыганки*", того же. 12) „*Тайна цыганки*", того же. 13) „*Кокетка*", того же. 14) „*Цыгане*", муз. И. Васильева. 15) „*Аннотины Глазки*", муз. Штуцмана. 16) „*Признанье*", муз. Штуцмана. 17) „*Вотъ жизнь цыганки*", муз. Дюбока. 14) „*Зацѣлуй меня до смерти*", муз. Дюбока.

IV. **Статьи разнаго рода**: *Біографія актера Д. Т. Ленскаго* въ „Драматическомъ Альбомѣ", изд. Араповымъ въ 1849 г. 2) „*Историческій музей въ Москвѣ*" („Новь" 1884, № 2 и 3). 3) „*Въ странѣ тореадоровъ*" („Новь" 1885, № 5]. 4) „*Мавританскія постройки въ Испаніи*" (Ib., № 7). 5)„*День выставки*" (Ib.), 6) „*Mus.o del Riy въ Мадридѣ*" (Ib. 1886, № 16 и 17). 7) „*Санъ-готтардскій туннель*" (Ib. № 23).

V. **Газетныя статьи, корреспонденціи и путевыя замѣтки о театрѣ, искусствѣ и т.д.** въ „Вѣд. Моск. Гор. Полиціи" 1849—57 гг., въ „Иллюстраціи" 1858—1862 гг.,„Московск. Вѣст." 1859—60 гг., „Искрѣ" 1859, „Русск. Газетѣ" 1859, „Современности". 1860, Москов. Вѣд." 1860—80 гг., „Сѣв. Цвѣткѣ" 1860, „Иллюстр. Семейномъ Листкѣ" 1360, „Нашемъ Времени", Павлова 1860, „Семейномъ Кругѣ" 1860, „Журн. Пут. Сообщ." 1860, „Сѣв. Пчелѣ" 1861, „Моск. Курьерѣ" 1861, „С.-Пет. Вѣд." 1860, „Антрактѣ" Бажанова 1863 г., „Голосѣ" 1865 г., „Стрекозѣ" 1877, „Кругозорѣ" 1877, „Биржев. Вѣд." 1877, „Искусствѣ" 1883 г.

Въ „Репертуарѣ и Пантеонѣ" А. постоянно писалъ рецензіи въ теченіе 1846—49 гг.

VI. Въ **отдѣльныхъ изданіяхъ** появились: 1) *Стихотворенія А. Н. А.* Спб. 1860. 2) *Театръ А. Н. Андреева*, 2 т. Спб. 1875. 3) *Стихотворенія А.Н. Андреева*. Спб. 1875, съ рисунками Н. А. Богданова. 4) *Живопись и живописцы главнѣйшихъ европейскихъ школъ*. Спб. 1857. 5) *Памятники древняго Рима*. М. 1861. 6) *Каталогъ картинъ и художественныхъ картинъ В. А. Кокорева*. 1863. 7) *Венеція въ художественномъ отношеніи*. М. 1864.

Съ 1862 по 1864 гг. выходило періодическое художественное изданіе (М. О. Вольфа) *Картинныя галлереи Европы*, а въ 1877 и 1878 г. тотъ же издатель выпускалъ въ свѣтъ „*Картинныя галлереи Италіи*", Андреевъ былъ редакторомъ обоихъ изданій, въ которыхъ ему, кромѣ того, принадлежитъ весь объяснительный текстъ.

Изъ перечисленнаго нѣкоторое значеніе имѣютъ работы А. по исторіи искусства. Не представляя собою чего-либо самостоятельнаго, онѣ, однако, очень полезны тѣмъ, что даютъ рядъ тщательно и съ знаніемъ дѣла собранныхъ справокъ. Въ русской литературѣ, столь бѣдной сочиненіями по исторіи искусства, книги А., во всякомъ случаѣ, составляютъ замѣтное явленіе и Академія Наукъ была права, присудивши «Живописи и живописцамъ главнѣйшихъ европейскихъ школъ» почетный отзывъ. Рецензію составлялъ по порученію Академіи Д. В. Григоровичъ, находившій, что книгѣ можно дать половинную Демидовскую премію. Но такъ какъ всѣ преміи того года были разобраны, то А. достался только почетный отзывъ.

Что касается беллетристическихъ произведеній Андреева, то литературный уровень ихъ вполнѣ опредѣляется тѣми цѣлями, которыми задавался авторъ, приступая къ нимъ. Такъ, романсы и прочіе стихи Андреева не могутъ, конечно, удовлетворить любителей серьезной поэзіи. Но авторъ всего только и стремился къ тому, чтобы написать «цыганскія пѣсни», со всѣми особенностями этого жанра. Нѣкоторыя изъ пѣсенъ А. пользуются всероссійскою извѣстностью, какъ напр. «Говорятъ, что я кокетка», «Зацѣлуй меня до смерти» и др. Пьесы, поименованныя выше подъ рубрикою «драматическія произведенія», большею частью переводныя. Два, три оригинальныхъ водевиля «Театра А. Н. Андреева» въ свое время имѣли успѣхъ и, значитъ, забавляли публику—чего больше требовать отъ водевиля?

Андреевъ, Александръ Петровичъ, гидрографъ. См. въ концѣ настоящаго тома.

Андреевъ, В. В., много писалъ по русской исторіи. См. въ концѣ настоящаго тома.

Андреевъ, Василій Николаевичъ, извѣстный подъ именемъ *Андреева-Бурлака* †), Какъ сообщалось послѣ его смерти въ «Волжскомъ Вѣстникѣ», происходитъ «изъ дворянъ симбирской губерніи, родился въ 1843 г. Воспитаніе получилъ въ симбирской гимназіи, откуда перешелъ въ казанскій университетъ, въ которомъ, однако же, не окончилъ курса. До поступленія своего на сцену, В. Н. служилъ въ теченіе нѣсколькихъ навигацій на Волгѣ, въ качествѣ помощника капитана, и здѣсь-то, сталкиваясь съ самыми разнообразными явленіями жизни и съ самыми разно-

†) Некрологи и воспоминанія о немъ во всѣхъ газетахъ 10, 11 мая 1888 г. и позднѣе. Портретъ во „Всем. Ил.“ 1888 за іюнь. Фотографъ Шапиро издалъ въ 80-хъ гг. альбомъ, изображающій Б. въ разные моменты передачи „Записокъ Сумасшедшаго“, которыя покойный артистъ читалъ въ больничномъ халатѣ.

образными общественными элементами, пріобрѣлъ то богатое знаніе бытовой стороны жизни русскаго народа, которое такъ рельефно выразилось въ его «Волжскихъ сценахъ». Принимая раньше участіе въ любительскихъ спектакляхъ, гдѣ подвизался съ успѣхомъ, онъ въ 1870 году, наконецъ, рѣшился окончательно предаться артистической дѣятельности».

Андреевъ-Бурлакъ больше всего славился чтеніемъ и передачею собственныхъ «Волжскихъ сценъ», «Записокъ Сумасшедшаго» и разсказа Мармеладова изъ «Преступленія и наказанія». Впрочемъ, онъ имѣлъ очень большой успѣхъ и въ разныхъ другихъ роляхъ. † въ Казани 10 мая 1888 отъ тифа, который нашелъ хорошую почву въ расшатанномъ бурнымъ «прожиганіемъ» жизни организмѣ.

«Волжскія сцены», печатавшіяся въ разныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ и вышедшія въ 1881 г. (Спб.) отдѣльною книжкою, въ чтеніи много проигрываютъ, благодаря тому, что актеръ-авторъ часто гонится за смѣхотворностью, въ ущербъ жизненной правдѣ. Талантливое исполненіе сглаживаетъ этотъ недостатокъ, который выступаетъ очень рѣзко при простомъ чтеніи. Но все-таки «Волжскія сцены» свидѣтельствуютъ о несомнѣнной наблюдательности автора и умѣнія схватывать оригинальныя черты простонародной рѣчи. Болѣе крупные по объему разсказы сборника (какъ напр. «Русалка») совсѣмъ не удавались А., который сбивался въ нихъ на мелодраматизмъ.

Вышедшая въ 1886 г. въ Одессѣ публичная лекція А. «Сценическое искусство» довольно безсодержательна.

* Андреевъ, Евгеній Николаевичъ, технологъ и педагогическій дѣятель †). *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ*, р. въ Таганрогѣ въ 1829 г., въ 1849 г. кончилъ камеральное отдѣленіе юридическаго факультета петербургскаго университета, въ 1851 былъ назначенъ помощникомъ инспектора, а въ 1857 г. инспекторомъ Технологическаго Института. Въ 1860 г. А. перешелъ въ департаментъ мануфактуръ и торговли, съ 1863 по 1878 г. занималъ кафедру сельскохозяйственной технологіи въ Лѣсномъ Институтѣ, а въ настоящее время состоитъ, въ чинѣ тайнаго совѣтника, членомъ совѣта министерства финансовъ.

---

†) *Біографическія* данныя: 1) «Энц. Словарь», изд. рус. уч. и лит., т. IV. 2) Березинъ, Энциклоп. Словарь. 3) «Всем. Иллюстр.» 1881 г. № 668. Съ портретомъ. 4) *Тридцатипятилѣтній юбилей Е. Н. Андреева*. Спб. 1886.

Отзывы о 2 изданіи редактированной А. технологіи Ильенкова: 1) «Строитель» 1861 г., № 7. 2) «Землед. Газ.» 1861 г., № 42 и 1862, № 41. 3) *Фрицше и Зининъ* въ 32 присужд. Демидов. наградъ.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

Научно-практическая дѣятельность А. весьма разнообразна. Посланный въ 1856 г. за границу для осмотра техническихъ учебныхъ заведеній и для подготовленія къ кафедрѣ технологіи, онъ сдѣлалъ въ лабораторіи Бунзена изслѣдованіе объ удѣльномъ вѣсѣ и расширеніи сгущенныхъ газовъ сѣрной кислоты, аммiака, углекислоты и закиси азота. Оно напечатано въ «Annalen d. Chemie und Pharmacie» (Bd. IX, 1, 1859) подъ названіемъ: 1) «*Ueber das specifische Gewicht und Ausdehnung einiger kondensirter Gase*». Здѣсь доказывалось, что жидкости при одинаковой температурѣ (выше точки кипѣнія) расширяются сильнѣе газовъ. Результатомъ той же командировки явилась статья: 2) *Обзоръ преподаванія въ германскихъ политехническихъ школахъ* («Журналъ Мануфактуръ и Внутр. Торговли» 1858 г.) и планъ преобразованія Технологическаго Института, тогда еще средне-учебнаго заведенія, въ высшее техническое училище. Планъ этотъ получилъ впослѣдствіи практическое осуществленіе. Въ 1861 А. выпустилъ въ свѣтъ 3) второе совершенно переработанное изданіе «Химической технологіи» *Ильенкова*. Первое изданіе этой книги появилось въ 1851 г. Неудивительно, слѣдовательно, что редактору, желавшему поставить руководство покойнаго московскаго профессора въ уровень съ огромными успѣхами техники, пришлось почти цѣликомъ его переработать. Такъ, въ первомъ томѣ стараго текста осталось только 11 листовъ, а 29 было прибавлено Андреевымъ. Второй томъ «Химической технологіи» появился въ 1862. Переработанное такимъ образомъ руководство Ильенкова получило въ 1862 малую Демидовскую премію, причемъ дававшіе отзывъ о руководствѣ академики Фрицше и Зининъ съ особенною настойчивостью подчеркивали заслуги редактора.

Въ 1862 — 63 гг. А. редактировалъ журналъ «Ремесленникъ», въ 1864 — 66 «Журналъ Мануфактуръ и Торговли». Здѣсь онъ напечаталъ рядъ мелкихъ замѣтокъ, а изъ болѣе крупныхъ статей: 4) *Обзоръ улучшенныхъ топокъ*. 5) *Анилинъ и анилиновыя краски*. 6) *Замѣтки о заводахъ орловской и тульской губ.* 7) *О рижскомъ политехническомъ институтѣ*. Къ концу пятидесятыхъ и началу шестидесятыхъ годовъ относятся нѣкоторыя болѣе крупныя газетныя статьи Андреева, посвященныя торгово-промышленнымъ вопросамъ: 7) *По поводу статьи г. Вернадскаго о внѣшней торговлѣ* («Спб. Вѣд.» 1856 гг., № 141). 8) *Стоитъ ли поощрять русскую промышленность* («Совр. Лѣт.» 1866 г., № 38, 39, 40).

Съ середины 60-хъ гг. мы встрѣчаемъ А. въ числѣ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ Русскаго Техническаго Общества. Онъ былъ однимъ изъ учредителей этого общества и первымъ секретаремъ его. Во всѣхъ научно-практическихъ предпріятіахъ общества А. всегда принималъ вид-

ное участіе, точно также какъ во всѣхъ выставкахъ послѣднихъ двадцати лѣтъ, русскихъ и международныхъ, на которыхъ его избирали то въ число экспертовъ, то въ члены жюри. Видимъ мы, затѣмъ, Андреева дѣятельнымъ участникомъ двухъ международныхъ конгрессовъ—статистическаго, происходившаго въ Петербургѣ, и брюссельскаго гигіеническаго. Тутъ онъ выступалъ докладчикомъ по вопросу о классификаціи промысловъ и объ улучшеніи санитарнаго положенія фабричныхъ рабочихъ.

Нельзя не отмѣтить также дѣятельнаго участія, которое принималъ А. въ выработкѣ многихъ финансовыхъ законоположеній, относящихся къ заводской промышленности и регулированію нашей торговли. Такъ онъ былъ докладчикомъ по химическому отдѣлу въ извѣстной тарифной коммиссіи 1867 г. Въ 1861 г. онъ обработалъ проектъ обложенія сахарнаго песка, а въ теченіе 60-хъ и 70-хъ гг. представлялъ въ министерство финансовъ цѣлый рядъ докладныхъ записокъ по разнымъ вопросамъ свеклосахарной промышленности.

Но больше всего А. останавливалъ на себѣ общественное вниманіе своею дѣятельностью въ качествѣ предсѣдателя коммиссіи по техническому образованію, состоящей при Техническомъ Обществѣ. Еще въ 1868 г. Евг. Николаевичъ представилъ въ общество 9) *Докладъ объ образованіи мастеровъ* Спб. 1868 г., за которымъ послѣдовалъ докладъ о низшихъ техническихъ училищахъ. Сочувствіе, съ которымъ оба доклада были встрѣчены, привели къ образованію особой коммиссіи по техническому образованію, которая избрала А. своимъ докладчикомъ, а затѣмъ предсѣдателемъ. Въ этомъ званіи, А. сдѣлалъ очень много для поднятія духовнаго уровня заводскихъ рабочихъ. У насъ въ Россіи, при всеобщей апатіи нашей, энергія единичныхъ личностей является главнымъ двигателемъ общественнаго развитія. И въ данномъ случаѣ настойчивость Андреева не мало таки содѣйствовала успѣху дѣла, за которое онъ взялся. Нужно было вліять на фабрикантовъ и акціонерныя правленія, чтобы они не скупились и доставляли-бы денежныя средства, нужно было хлопотать въ департаментахъ, чтобы тамъ не придирались, нужно было, наконецъ, привлекать на свою сторону общественное мнѣніе. Послѣдняго А. достигалъ путемъ публичныхъ лекцій и сообщеній въ техническомъ обществѣ, которыя своевременно печатались въ запискахъ общества, а въ 1882 г. были собраны Евг. Ник. въ одну книгу подъ названіемъ *«Школьная жизнь въ Россіи»*. Заглавіе книги показываетъ, что авторъ не ограничивается спеціальною сферою техническаго образованія. И дѣйствительно, занявшись педагогикою сначала въ тѣсной области техническаго образованія, Андреевъ неизбѣжно долженъ былъ столкнуться съ общими педагогическими вопросами, тѣмъ болѣе, что и другія ученыя общества наши захотѣли

воспользоваться его энергіею на поприщѣ народнаго просвѣщенія и привлекали его къ участію въ трудахъ своихъ въ этой области. Такъ Вольно-экономическое общество избрало А. предсѣдателемъ коммиссіи, учрежденной въ концѣ 70-хъ гг. для разработки вопроса о низшемъ сельско-хозяйственномъ образованіи.

Въ педагогическомъ міросозерцаніи своемъ А. прежде всего является горячимъ сторонникомъ реальнаго образованія и столь-же горячимъ противникомъ классическаго. Подъ классицизмомъ онъ подразумѣваетъ не только древніе языки, но и весь строй нашего преподаванія, основанный по мнѣнію А. на *формализмѣ*, на изученіи внѣшняго безъ углубленія во внутреннее содержаніе науки. А. желалъ-бы, чтобы въ преподаваніи географіи не загромождали голову ученика сотнями африканскихъ мѣстностей, которыя тотчасъ-же по выходѣ изъ училища забудутся навсегда, чтобы при изученіи исторіи не нагружали мальчиковъ множествомъ мельчайшихъ датъ и т. д. Словомъ, онъ желалъ-бы меньшаго обремененія памяти и большаго развитія духовной самодѣятельности ученика.

Остальныя педагогическія desiderata свои А. сформулировалъ въ предисловіи къ «Школьному дѣлу въ Россіи». Здѣсь онъ даетъ планъ преобразованія нашихъ училищъ по слѣдующей схемѣ:

1) Основаніе всякаго дальнѣйшаго обученія есть начальная школа съ 3-хъ лѣтнимъ курсомъ и съ непремѣннымъ преподаваніемъ въ ней естествовѣдѣнія, ремеслъ и рукодѣлій для желающихъ; въ деревняхъ къ ней примыкаютъ два добавочныхъ курса, преимущественно для прикладныхъ знаній и приготовленія помощниковъ учителей; часть учениковъ начальной школы перейдетъ въ низшія ремесленныя и сельско-хозяйственныя школы или-же поступитъ въ работу на заводы, къ мастерамъ, въ хозяйство, и для нихъ нужно учрежденіе полудневныхъ, также вечернихъ и воскресныхъ классовъ. 2) Другая часть, продолжая общее образованіе свое, поступитъ въ низшія гимназіи (прогимназіи, или преобразованныя городскія училища—съ 3 лѣтнимъ курсомъ, реальнаго характера) по окончаніи его, большинство—70% поступитъ въ разныя профессіональныя школы съ 2—3—4 лѣтнимъ курсомъ; наименьшая часть—въ общія гимназіи, смѣшаннаго характера, съ 4 лѣтнимъ курсомъ. 3) Большинство оканчивающихъ здѣсь курсъ поступитъ въ университетскіе факультеты и высшія спеціальныя школы съ 3—4 лѣтнимъ курсомъ, послѣ чего они перейдутъ на практику; немногимъ, стремящимся идти далѣе, могутъ быть предоставлены къ тому средства (академій, семинарій и пр.). 4) Занятія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—низшихъ и высшихъ гимназіяхъ—должны быть ограничены 26 и 30 часами въ недѣлю, гимнастика должна быть введена на разумныхъ началахъ. 5) Методы преподаванія въ низшихъ и среднихъ, весь строй занятій въ высшихъ школахъ—подлежатъ преобразованію. 6) Приготовленіе учителей для среднихъ, общихъ и спеціальныхъ школъ есть обязанность университетовъ и высшихъ спеціальныхъ школъ. 7) Учительскія семинаріи (для низшихъ школъ) должны снабжать своихъ учениковъ прикладными знаніями; обученіе учителей ремесламъ удобно производить послѣ, въ особыхъ курсахъ.

Нельзя сказать, чтобы эти desiderata отличались особенною ясностью и опредѣленностью, но не въ нихъ и заключается сущность общественныхъ заслугъ Евг. Николаевича. Онъ достоинъ общественной благодарности главнымъ образомъ за практическія стороны своей дѣятельности, за то, что благодаря его энергіи, тысячи рабочихъ, прежде коснѣвшихъ въ невѣжествѣ, получили доступъ къ образованію.

Въ прямомъ соотношеніи съ педагогическою дѣятельностью А. находятся его работы административныя и литературныя по кустарной промышленности и по разрѣшенію вопроса о трудѣ малолѣтнихъ. О кустарной промышленности Евг. Ник. читалъ 10) публичную лекцію, вышедшую въ 1882 г. отдѣльной брошюрой, а труду малолѣтнихъ онъ посвятилъ объемистую книгу подъ названіемъ 11) *Трудъ малолѣтнихъ въ Россіи и Европѣ*, Спб. 1884, которая заключаетъ въ себѣ всѣ фактическія данныя по этому вопросу.

Общественная признательность за энергическое служеніе Андреева дѣлу просвѣщенія не заставила себя ждать. 12-го марта 1886 г. праздновался 35-лѣтній юбилей служебной дѣятельности Евг. Ник., который прошелъ очень торжественно. Техническое Общество устроило особое засѣданіе въ честь юбиляра, на которое явились депутаціи отъ петербургскихъ ученыхъ обществъ, отъ высшихъ учебныхъ заведеній, отъ цѣлаго ряда профессіональныхъ школъ, вызванныхъ въ свѣтъ главнымъ образомъ энергіей А. и наконецъ отъ кустарей разныхъ мѣстностей Россіи. Въ прочитанныхъ этими депутаціями адресахъ заслуги юбиляра были почтены самымъ искреннимъ уваженіемъ.

Андреевъ, Иванъ Васильевичъ †), писалъ подъ псевдонимомъ *Ива* довольно бойкіе критическіе обзоры новыхъ журналовъ въ «Пет. Листкѣ» 1870-хъ гг. и тамъ-же подъ псевдонимомъ *Евгенія Раскатова* юмористич. очерки и разсказы. Кромѣ того сотрудничалъ въ «Будильникѣ» и «Дѣлѣ». По происхожденію принадлежалъ къ податному сословію, но выдержалъ экзаменъ на домаш. учителя и былъ одно время учителемъ въ Ковровѣ. † 10 апрѣля 1872 г. въ Петербургѣ на 27 году отъ рожденія.

Андреевъ, Козьма Өедоровичъ ††) (р. въ Тулѣ 1 ноября 1790 † 1836) 16 лѣтнимъ студентомъ московскаго университета издалъ «журналъ» подъ названіемъ: «Весенній Цвѣтокъ» М. 1807, въ 3 частяхъ, какъ всѣ крохотные журнальцы того времени состоявшій изъ маленькихъ статеекъ и

---

†) 1) „Петер. Листокъ" 1872. № 73. 2) «С.П. Вѣд.» 1872 г. № 104.

††) *Ник. Андреевъ* (братъ) въ «Москв.» 1843 г. № 2 стр. 597—99. 2) *Геннади*

стихотвореній самого редактора и его знакомыхъ. Въ числѣ фамилій послѣднихъ мы нашли только одно литературное имя: Конст. Калайдовича. Остальные—какіе-то Урываевы, Боровковы, Гольтековы, Дмитревскіе, Отенкоферы, Соколовы, Горленко. «Весеній Цвѣтокъ» разошелся въ немаломъ по тогдашнему количествѣ 200 экземпляровъ и обратилъ на себя вниманіе княгини Дашковой, подарившей молодому стихотворцу «на книги» 20 червонцевъ. Во время московскаго пожара у А., служившаго въ ополченіи, сгорѣли всѣ начатыя имъ литературныя и ученыя работы, и съ тѣхъ поръ онъ ничего не писалъ.

Андреевъ, Константинъ Алексѣевичъ, математикъ. См. въ концѣ настоящаго тома.

Андреевъ, Н. А., профессоръ варшавскаго университета, † въ 1883 г. Біографич. данныя о немъ см. въ концѣ настоящаго тома. Теперь-же даемъ перечень его работъ.

1) *Къ ученію о тканяхъ.* «Воен. Мед. Жур.» 1865, ч. 93, II, 1—56. 2) *Мнѣніе Вирхова о значеніи его собственной целлюлярной теоріи.* «Мед. Вѣстн.» 1865, 16. 3) *Две формы первичнаго мозговика въ печени.* Тж. 1866, 22. 4) *Новый взглядъ на бугорчатку легкихъ.* Тж. 1868, 1—4. 5) *Мысль объ учрежденіи медицинскаго общества въ Варшавѣ.* Тж. 5—9. 6) *Къ патологической анатоміи чахотки.* Тж. 51. 7) *Споръ о распознаваніи аневризмы грудной аорты.* Тж. 1869, 8.—Разъясненіе Бродовскаго. Тж. 19.—Отвѣтъ Андреева Тж. 24—27. 8) *О прохожденіи бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ чрезъ стѣнки сосудовъ.* Тж. 39. 9) *Замѣтка на статью Д. М. Демченко «По поводу пересмотра наставленія врачамъ конскрипціонныхъ коммисій и рекрутскихъ присутствій въ царствѣ Польскомъ».* «Воен. Мед. Жур.» 1869, ч. 105. VII, 1—68. 10) *Къ гистологіи красныхъ кровяныхъ клѣточекъ.* Тж. ч. 106, II, 1—50. 11) *Ангіоневрозы, какъ особый классъ болѣзней.* „Жур. Гист. Физ. и Кл.“ 1872, V, 108.—Сыпные ангіоневрозы въ области тройничнаго нерва, Тж. V, 251.—Секретные. Тамъ-же. V, 255. 12) Трофическія общія разстройства питанія въ области тройничнаго нерва (Реф.). Тж. V, 289—304 и VI, 35—42. 13) *Лейкемическая гиперплазія костнаго мозга какъ паралитическій трофическій неврозъ.* „Журн. Гист. Физ. и Кл.“ 1872, VI, 230—54, и 281—90. 14) *Объ отношеніи гигіены къ каждому изъ членовъ общества.* „Труды IV Съѣзда Рус. Общ. Естеств. и Врачей“ 1873, Отд. ант.—физ., 69. 15) *Отвѣтъ на замѣтку проф. Шокольскаго.* «Соврем. Медиц.» 1874, 27. 16) *О связи волосъ съ кожею и организмомъ въ здоровомъ и болѣзненномъ состояніи.* Варшава, 1874, 8⁰, изъ „Варшав. универс. извѣстій“. 1875, № 2. 17) *Колтунъ съ точки зрѣнія гистологической и опытной.* Варшава. 1875, 8⁰, 53. 18) *Идіотическій и симптоматическій секретарно-половой неврозъ волосныхъ аппаратовъ кожи.* Варшава. 1875, 8⁰, 161. 19) *Современное состояніе вопроса о колтунѣ.* Соврем. Медиц. 1876, 9—13, 17—22 и «Варш. Универ. Извѣстія» 1875, № 3. 20) *Къ исторіи развитія колтуновидныхъ образованій.* „Совр. Мед.“ 1877, 25.

Андреевъ, Николай Ивановичъ, отецъ драматурга А. Н. Андреева, р. въ 1792 г. ум. 1870 г. Принималъ участіе въ войнѣ 1812 г. и загра-

ичномъ походѣ, о чемъ безхитростно разсказываетъ въ своихъ «Запискахъ», напечатанныхъ въ «Русск. Арх.» 1879 г. (т. II).

Андреевъ, Николай Петровичъ, путешественникъ. См. въ концѣ настоящаго тома.

Андреевъ, Николай Ѳедоровичъ, изъ села Тархова въ тульской губ., братъ Козьмы Ѳедоровича. Помѣстилъ нѣсколько любопытныхъ замѣтокъ о тульской старинѣ и тульскихъ писателяхъ въ «Москвит.» (1842 г., II, 475—488 и 488—497; 1843 г. II, 579—625, VI, 535—549; 1849 г. III, 118—127; 1852 г., XXIII, 132—136). Ему же принадлежитъ «Описаніе видовъ города Тулы» съ рисунк. литограф. К. фонъ-Шеле. 1856 г. (Отзывы въ «Москв.» 1856 г. № 9, т. 3, стр. 63—64).

Андреевъ, П., писалъ по фортификаціи. См. въ концѣ наст. тома.

Андреевъ, Петръ Николаевичъ, профессоръ института инженеровъ путей сообщенія. См. въ концѣ наст. тома.

Андреевъ, Петръ Петровичъ, инженеръ-технологъ. Какъ сообщаетъ о себѣ въ «Альбомѣ М. И. Семевскаго», Спб. 1888 г.,

родился въ 1838 г., въ сѣверной Калифорніи, въ заливѣ Бодега, селеніи Россъ, проданномъ Россіей американскому правительству въ 1839 г. Въ 1846 г. его привезли въ Петербургъ, въ 1854 г. отдали въ петербургскій Технологическій Институтъ, въ которомъ онъ окончилъ курсъ въ 1860 г. Въ томъ же году А. отправился на кругосвѣтномъ, принадлежавшемъ Россійско-Американской компаніи, кораблѣ въ русскія колоніи въ Америкѣ, въ которыхъ долженъ былъ служить за воспитаніе, ему данное. Въ 1867 г., т. е. годъ, когда колоніи уступлены были американскому правительству, А. вернулся въ С.-Петербургъ, гдѣ поступилъ на службу въ военное министерство, въ которомъ состоитъ и по настоящее время. Въ 1883—1886 гг. былъ секретаремъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества, по порученію котораго составилъ четырехъ-язычный техническій словарь, за который удостоился получить Высочайшій подарокъ и благодарственное письмо отъ президента французской республики, Греви.

Андреевъ, Петръ Степановичъ. Перевелъ съ фр. 1) *Придо*, обстоятельное и подробное описаніе жизни лжепророка Магомета Спб. 1792. (Соп. 7675). Должно быть, ему же принадлежатъ переводы: 2) *Торжество Амура надъ цѣломудріемъ или змѣй, притаившійся подъ цвѣтами*. Съ лат. 2 ч. Спб. 1799 (Смирдинъ 6828), и 3) *Мысли Ж. Ж. Руссо о различныхъ матеріяхъ*. Спб. 1800, (Смирдинъ 1164).

Андреевъ, Т., юристъ. См. въ концѣ наст. тома.

Андрей Игнатьевъ, священникъ, ѣздившій съ гр. П. А. Толстымъ въ Константинополь. См. *Игнатьевъ*.

Андрей, игуменъ новгородскаго Антоніева монастыря съ 1148—

1157 г. †). Его считаютъ авторомъ житія преп. Антонія Римлянина, потому что такъ показано во всѣхъ многочисленныхъ спискахъ Антоніева житія. Но Строевъ въ своемъ «Библіолог. Словарѣ» энергически протестуетъ противъ этого, основываясь на томъ, что всѣ списки не старѣе начала XVII вѣка, что въ Макарьевскихъ минеяхъ упомянутаго житія нѣтъ; что въ житіи какъ о явленіи современномъ говорится о царѣ Θеодорѣ Іоанновичѣ, и наконецъ на томъ, что въ рукописной Четьѣ-Минеи Троицкой лавры (№ 7) въ концѣ житія Антонія имѣется мѣсто (съ л. 213) «о списавшемъ чудеса преподобнаго», гдѣ авторъ (имени своего не назвавшій, къ сожалѣнію) разсказываетъ, что. онъ написалъ это сказаніе по желанію троицкаго архимандрита Кирилла Завидова (бывшаго игуменомъ новгородскаго Антоніева монастыря съ 1580—1594 г.) и что «списана быша сія чудеса преподобнаго во преименитой обители живоначальныя Троица Сергія чудотворца въ лѣта 7106 марта 22». На основаніи всего вышеизложеннаго Строевъ приходитъ къ заключенію, что эпохою написанія житія Антонія (напеч. Костомаровымъ въ I т. «Памятн. древн. русск. литер.» и въ «Прав. Соб.» 1854 г.) слѣдуетъ считать 1597 г. и потому оно Андрею принадлежать не можетъ.

Андрей Критскій («Совр.» 1860 г., № 3. «Загранич. пренія о русскомъ духовенствѣ»)—псевд. Н. А. Добролюбова.

Андрей Лызловъ. См. *Лызловъ.*

Андрей Мужиловскій, протоіерей Слуцкій, см. *Мужиловскій.*

Андрей Печерскій, псевд. П. И. Мельникова.

Андрей (Михаилъ *Поспѣловъ*) ††) Родомъ изъ ефремовскаго уѣзда, тульской губ., гдѣ отецъ его былъ сельскимъ священникомъ. По окончаніи въ 1844 г. московской дух. академіи со степенью магистра, постригся въ монашество и былъ сначала профессоромъ яросл. семинаріи, затѣмъ съ 1846 г. инспекторомъ ея. Въ 1855 г. назначенъ инспекторомъ, а въ 1859 г. ректоромъ тульской семинаріи, въ 1866 вызванъ въ Петербургъ на чреду богослуженія, въ 1868 г. рукоположенъ въ епископы муромскіе, но чрезъ мѣсяцъ—30 мая—окончался. Принималъ съ 1862 г. очень дѣятельное участіе въ тульскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ какъ редакторъ и сотрудникъ.

Андрей, священникъ XIII столѣтія. Въ «Полномъ собр. лѣтоп.» (т. V, 182—186; VII, 152—158) помѣщено отдѣльное описаніе геройской смерти

---

†) 1) *Евгеній,* Слов. дух. пис., стр. 37. 2) *Ундольскій,* „Библіогр. разыск." стр. 56. 3) *Филаретъ,* Обзоръ, стр. 34. 4) *Строевъ,* Библіол. слов., стр. 16—18.

††) 1) *В. П.* въ „Тульск. епарх. вѣд." 1868 г., № 16 и 17. 2) „Яросл. епарх. вѣд." 1868 г., № 26. 3) „Ворон. епарх. вѣд." 1868, № 14. 4) „Владим. губ. вѣд." 1868 г., № 25. 5) *Геннади,* Словарь. 6) *Смирновъ,* Ист. моск. дух. акад., стр. 441.

въ Ордѣ кн. Михаила Черниговскаго и боярина его Ѳедора, не пожелавшихъ поклониться идоламъ и за это замученныхъ. Судя по одному выраженію (стоящима же на мѣстѣ томъ, множество крестіяныхъ и поганыхъ *слышахомъ*), можно предположить, что сочинитель житія былъ очевидцемъ описанныхъ имъ событій. Этотъ сочинитель въ нѣкоторыхъ спискахъ (см. «Изв. Акад. Наукъ», VI, стр. 310) называется Андреемъ и надо думать, что онъ былъ священникъ.

Андрей Царынный—псевд. Александра Як. Стороженко.

Андреяновскій (по Росписи Смирдина Андр*іа*новскій), Сергѣй, перевелъ «Краткую логику или умословіе, служащую въ пользу Россійскаго юношества». М. 1788. 8°. Ц. 50 к. (Соп. 5995).

Андреяновъ, Модестъ. См. въ концѣ настоящаго тома.

Андржеевскій, врачъ. См. въ концѣ настоящаго тома.

Андржеіовскій, Антонъ Лукьяновичъ, ботаникъ †). Р. въ 1785 г. отъ польскихъ родителей въ волынской губерніи. По окончаніи курса въ Волынской гимназіи (въ Кременцѣ), былъ въ ней съ 1809 по 1815 г. помощникомъ учителя рисованія. Въ свободное отъ занятій время онъ подъ руководствомъ проф. Бессера усердно изучалъ ботанику и настолько въ ней успѣлъ, что былъ въ состояніи предпринять обширное ботаническое обслѣдованіе правобережной Украйны и Приднѣпровья, доставившее ему извѣстность въ ученыхъ кругахъ и имѣвшее результатомъ открытіе цѣлаго новаго рода растеній, названныхъ А. «Чацкія». Въ 1818 г., при преобразованіи Волынской гимназіи въ лицей, онъ получилъ въ немъ каѳедру ботаники и зоологіи. Въ 1834 г. А., успѣвшій къ этому времени совершить еще нѣсколько натуралистическихъ путешествій по Украйнѣ и побережью Чернаго моря и издать нѣсколько ученыхъ сочиненій, былъ назначенъ преподавателемъ зоологіи во вновь устроенный тогда кіевскій университетъ. Назначеніе это нельзя было назвать удачнымъ. Не получивши правильнаго научнаго образованія, зная даже любимый предметъ свой—ботанику болѣе практически, чѣмъ теоретически, А. совершенно не былъ подготовленъ къ университетскому преподаванію, а въ особенности къ преподаванію зоологіи, которую онъ зналъ весьма мало. Въ 1838 г. А., не имѣвшій ученой степени, пытался получить доктора естественныхъ наукъ, но попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ, вслѣдствіе чего онъ ушелъ изъ

---

†) „Лицей кн. Безбородко". Спб., 1859, стр. 90. 2) 2 изданіе (*Н. В. Гербеля*) предыдущей книги. Спб. 1881, стр. 227—229. 3) *В. Шульгинъ*, Ист. Унив. св. Владиміра, стр. 145—146. 4) „Кіевлянинъ", 1869 № 1. 5) *Alek. Kremer*, Zywoty przyrodników krajowych. Zywot Antoniego Andrzejewskiego". Krakow 1869. Str. 5. 6) *Геннади*, Словарь. 7) *Иконниковъ*, Слов. [illegible] Владиміра, стр. 19—23.

университета въ Нѣжинскій лицей, тоже преподавателемъ естественныхъ наукъ. Въ 1841 г. А. вышелъ въ отставку и жилъ сначала въ Житомирѣ, а потомъ—при графѣ Браницкомъ. † 12 декабря 1868 г. въ м. Ставищахъ, около Таращи (кіевской губ.).

Большинство научныхъ и написанныхъ подъ старость беллетристическихъ сочиненій А. изданы на польскомъ и французскомъ языкахъ и только одно на русскомъ. Вотъ названія этихъ работъ, о научной цѣнности которыхъ будетъ сказано въ концѣ наст. тома.

1) „Czackia, genre déterminé et decrit par Ant, Andrzeiowsky". Krzemieniec. 1818. in 4°, pag. 7 avec. I pl. 2) „Rys botaniczny krain zwiedzonych w podróżach pomiędzy Bohem i Dniestrem, od Zbruczy aż do morza Czarnego, odbytych w latach 1814, 1816, 1818 и 1822", 2 v. st. VIII+116 in 8°. Wilno 1823. 3) Вмѣстѣ съ проф. *В. Г. Бессеромъ*: „Slownik roslin Grekom starozytnym znanych i na polski język przelozonych". Wilno 1827. 4) „Nauka wyrazów botanicznych dla latwosci determinowania roślin, czyli zastosowania do nich opisów; z najlepszczych autorów krótko zebrana iporządkiem abecadla ulożona". Krzemieniec i Wars. 1825, Str. XXXVI+247+XVII in 8°. 5) „Rys botaniczny krain, zwiedzonych w podróżach pomiędzy Bohem i Dnistrem az do ujścia tych rzeku morze, odbytych w latach 1823 и 1824". Ciąg II. Tomów 2. Wilno 1830. 6) „Reptilia inprimis Volhyniae, Podoliae et gubernii Chersonensis" (въ «Nouveaux Mem. de la Soc. Im. d. nat. de Moscou", t. II. 1833). 7) „Coquilles fossiles de Volhynie et de Podolie". Moscou 1833, avec 3 plan. in 8°. 8) „Remarques sur le terrain plutonique du sud-ouest de la Russie" (въ „Bull. de la Soc. Imp. d. nat. d. Moscou" t. XXIII. 1850. 9) „Recherches sur le systeme tiraïque. Prémière partie. Terrains hémilysiens". Ibid. t. XXV. 1852. 10) „Supplément aux rémarques sur les terrains plutoniques du sud-ouest de la Russie". Moscou 1853, pag. 31 in 8°. 11) „Systeme tyraïque" seconde partie (въ „Bull. de la Soc. Imp. d. nat. d. Moscou" 1853, № 3). 12) „*Исчисленіе растеній Подольской губ. и смежныхъ съ нею мѣстъ*". Вып. I. Кіевъ 1860, in 4°. Составляетъ часть IV тома „Трудовъ Коммисіи для описанія кіевскаго учебнаго округа", въ которой А. былъ дѣйствительнымъ членомъ. 13) „*Продолженіе*" этого исчисленія въ „Трудахъ 2 съѣзда естеств. (Кіевск. „Унив. Изв." 1862, № 7, стр. 94—142). 14) „Ramoty starego Detiuka". O Wolyniu. Tomów 4. Wilno Edycia staraniem hr. Platera 1861—62, str. 224, 284, 338+43; IV—1869, 193 in 8°. 15) „Ramoty starego Detiuka, Powieści z dziejów ojczystych". Serya II. Tomów 2. Krakow 1866, st. 235, 209 in 8°. 16) „Flora Ukrainy". Warszawa. 1869, str. XV+93 in 8°. 17) „Uwiadomienie dla milosników botaniki". Неозначено мѣсто и время изданія.

Андріановскій. См. Андреяновскій.

Андріевичъ, генералъ. Писалъ по исторіи Сибири. См. въ концѣ настоящаго тома.

Андріевскій, Алексѣй Александровичъ. См. въ концѣ настоящаго тома.

Андріевскій, Василій. Въ 1818 г. издалъ въ Москвѣ небольшую (40 стр.) книжку: «*Гласъ чувствительности или собраніе стихотвореній*», о характерѣ которой даютъ понятіе уже одни заглавія пьесъ: «Гимнъ сердца

въ день ангела ея высокородія Ек. Фед. Лопухиной», «Ода на прибытіе изъ Малороссіи въ Москву его превосходительства Ник. Петр. Высоцкаго изъ вотчины своей, находящейся въ Кіевской губерніи, Чигиринскаго уѣзда, мѣстечка Златополя, 1817 г. Маія 7 дня», «Пѣсня въ день рожденія ея превосходительства М. Ив. Высоцкой, пѣтая ея-же племянницами, переодѣтыми въ крестьянское платье, въ Свиболѣ, въ саду во время чаю» и т. д.

Авторъ сознаетъ, что его стихи очень плохи, что его «дерзновенная лира» «незрѣлые плоды являетъ», онъ самъ говоритъ о себѣ:

Мои хвалы кротамъ лишь внятны,
Ежамъ и воробьямъ пріятны.

Но «неисчислимыя благодѣянія» вышеназванныхъ милостивцевъ такъ велики, что авторъ не можетъ молчать.

Андріевскій, Митрофанъ Александровичъ. См. въ концѣ настоящаго тома.

* **Андріяшевъ**, Александръ Михайловичъ †). *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ*, р. 20 августа 1863 г. въ Черниговѣ, гдѣ отецъ его былъ товарищемъ прокурора окружнаго суда. Учился въ черниговской гимназіи, затѣмъ въ 1882 поступилъ на филологическій факультетъ кіевскаго университета. Будучи студентомъ IV курса, получилъ золотую медаль и премію Н. И. Пирогова за сочиненіе на факультетскую тему—«*Очеркъ исторіи Волынской земли до конца XIV вѣка*». По окончаніи университета въ 1886 г., А. поступилъ на службу чиновникомъ при эстляндскомъ губернаторѣ.

«Очеркъ исторіи Волынской земли», напечатанный первоначально въ кіевскихъ «Унив. Изв.» 1887 г. (№ 2—6) и затѣмъ вышедшій отдѣльнымъ оттискомъ, состоитъ изъ 4 главъ: въ 1-ой намѣчены границы земли Волынской и сдѣлано описаніе природы страны; во 2-ой собраны свѣдѣнія о древнѣйшихъ обитателяхъ Волыни; въ 3-ьей опредѣлены границы Волыни въ ихъ постепенномъ измѣненіи и указаны всѣ извѣстные изъ древнихъ источниковъ населенные пункты, существовавшіе здѣсь до начала XV в. Въ 4-ой главѣ сдѣланъ очеркъ политической исторіи Волыни до конца XIV в. Съ особеннымъ тщаніемъ обработана авторомъ 3-ья глава.

---

†) Отзывы объ „Очеркѣ исторія волынской земли“: 1) „Кіевлянинъ“ 1887 г. № 8. 2) „Унив. изв.“ 1887 г. № 1. 3) „Библіографъ“ 1887 г. 4) *В. И.* въ „Рус. Старинѣ“ 1887 г. № 10. 5) «Кіевск. Стар.» 1888 г. № 7. 6) «Quartalnik historyczny» 1887—1888 гг.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

Трудъ начинающаго ученаго былъ встрѣченъ сочувственно спеціальною критикою.

* **Андріяшевъ, Алексѣй Өомичъ** †). *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ*, р. 17 февраля 1826 г. въ чиновничьей семьѣ, въ хуторѣ Германовскомъ, расположенномъ возлѣ села Лѣплявскаго, золотоношскаго уѣзда, полтавской губерніи. Въ числѣ предковъ своихъ считаетъ полковника Андріяша, владѣвшаго большими имѣніями въ нынѣшнемъ лохвицкомъ уѣздѣ. Учился А. въ переяславскихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, в нѣжинскомъ лицеѣ и кіевскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ со степенью кандидата законовѣдѣнія, а затѣмъ держалъ экзаменъ на степень магистра гражданскаго права. Въ 1850 г. А. поступилъ на службу учителемъ гимназіи, а съ 1862 состоитъ директоромъ 1-ой кіевской гимназіи.

Андріяшевъ немало потрудился въ области народной педагогіи. Такъ онъ составилъ: 1) «*Русско-славянскій букварь*», имѣвшій 7 изданій и разошедшійся въ количествѣ 46.000 экз. 2) «*Книгу для первоначальнаго чтенія*», въ 2 частяхъ. К. 1869, имѣвшую 3 изданія по 10.000 экз. 3) «*Народныя чтенія*» А. разошлись въ 60.000 экз. 4) «*Народная читальня*» К. 1875—въ 100.000. 5) «*Повѣсть о Богданѣ Хмельницкомъ*». К. 1883—въ 10.000. 6) *Молитвенникъ* съ объясненіемъ въ 110.000. 7) *Русская исторія въ разсказахъ* съ портретами государей—въ 10.000. Меньшій количественный успѣхъ имѣли: 8) *Словарь иностранныхъ словъ*, иллюстрированный объяснительными рисунками. 9) *Басни Крылова* съ объясненіями и замѣчаніями. 10) *Книга для чтенія рукописнаго*. К. 1875.

Кромѣ собственныхъ работъ, А. издалъ очень много книгъ и книжекъ народно-педагогическаго характера, составленныхъ другими лицами: *Чемены*—«Переводы молитвъ», *Константиновича*—Химическія бесѣды, *Тулова*—Букварь, *Лубенца*—«Родную ниву» и «Ариеметическій задачникъ», *Турчаковскаго*—Всеобщую географію, *Черкунова*—Географію,

---

†) Отзывы о календаряхъ А.: 1) *С. С.* въ „Кіевск. Тел." 1868, № 150. 2) „С. П. Вѣд." 1874, № 328. 3) „Кіев. Тел." 1876, № 1. 4) *А. Д-скій* въ „Одес. Вѣст." 1876 г., № 268. 5) „Тульскія епарх. вѣд." 1876 г., № 24. 6) „Донскія обл. вѣд." 1880 г. № 65. 7) *В. Н. К.* въ „Кіев. Листкѣ" 1879 г. № 83. О календаряхъ для учащихся: 1) *Л. Поливановъ* въ «Учеб. восп. библ.» 1875 г., т. I, ч. 1, стр. 232.

О „Книгѣ для первонач. чтенія": 1) Народ. школа" 1869 г., № 6. 2) *П. Э-скій* въ „Руков. д. сельск. пастырей" 1869 г., № 36. 3) „Сист. обзоръ народно-уч. лит" изд. 1878 г., стр. 115.

О разныхъ народныхъ изданіяхъ А.: 1) „Кіев. Тел." 1875, № 117. 2) *Н. Островская* въ «Учебно-восп. библ.» 1875, т. I, ч. 1, стр. 175 3) «Новое Время» 1877 г. № 480.

*означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

Рубисова—Ариѳметику и мн. др., а затѣмъ рядъ, цѣною въ нѣсколько копѣекъ, популярныхъ объясненій и руководствъ по пчеловодству, шелководству, садоводству, огородничеству, лѣсоводству. Всѣ эти изданія разошлись въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ тысячъ экземпляровъ. Сбытъ ихъ сосредоточивается въ принадлежащемъ А. книжномъ складѣ «Кіевскаго народнаго календаря», задавшемся при своемъ возникновеніи (въ началѣ 70-хъ годовъ) цѣлью по возможности удешевить книжки для народнаго чтенія. Общее число изданныхъ магазиномъ А. народныхъ книжекъ и брошюръ доходитъ до 200.

Наибольшимъ успѣхомъ изъ изданій А. пользуется выходящій подъ его редакціей съ 1864 г. «*Кіевскій народный календарь*», цѣной въ 20 к. За 25 лѣтъ своего существованія календарь этотъ разошелся въ количествѣ 1.200.000 экз. Одновременно съ народнымъ календаремъ А. издавалъ въ срединѣ 70-хъ годовъ календари и памятныя книжки для учащихся. «Кіевскій народный календарь» отличается отъ другихъ календарей нашихъ тѣмъ, что, помимо справочныхъ свѣдѣній, даетъ рядъ статеекъ историческаго и сельско-хозяйственнаго характера. Несмотря на свою дешевизну, календарь Андріяшева заключаетъ въ себѣ до 200 стр. in 8°. Съ 1867 по 1876 г. А. издавалъ двухнедѣльную газету «Другъ народа». Въ началѣ своего существованія газета предназначалась для народнаго чтенія и состояла изъ нравоучительныхъ разсказовъ, проповѣдей и политическихъ извѣстій, изложенныхъ «общедоступнымъ» языкомъ. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ изданія редакторъ пришелъ къ убѣжденію, что простолюдинъ все равно не понимаетъ его газеты, а между тѣмъ читателю съ нѣкоторымъ образованіемъ она неинтересна. Поэтому онъ съ 1872 превратилъ «Другъ народа» просто въ дешевую газету.

Критика не всегда сочувственно относилась къ авторской и издательской дѣятельности Андріяшева. Его упрекали въ неумѣломъ изложеніи, въ грубыхъ промахахъ и недосмотрахъ при сообщеніи историческихъ и иныхъ данныхъ, въ неподходящемъ выборѣ сюжетовъ для бесѣды съ народомъ и, наконецъ, въ квасномъ патріотизмѣ. Въ извѣстной степени эти упреки справедливы. Со стороны литературной талантливости, книжки, составленныя самимъ А., дѣйствительно оставляютъ желать очень многаго Тонъ, который принятъ въ нихъ, тоже едва-ли можетъ быть названъ подходящимъ. Андріяшевъ часто разговариваетъ съ дѣтьми и народомъ прописными поученіями—пріемъ, который давно уже отвергнутъ здравою педагогикою. Что касается промаховъ фактическаго характера, то ихъ въ самомъ дѣлѣ очень много въ изданіяхъ «Кіевскаго народнаго календаря», къ тому-же отличающихся крайне небрежною корректурою. Но тѣмъ не менѣе, въ общемъ, нельзя не отнестись съ положительнымъ сочувствіемъ

къ дѣятельности Андріяшева. Какъ-бы тамъ ни было, а благодаря его иниціативѣ въ народное обращеніе пущено около 2.000.000 книжекъ и брошюръ, которыя, при всѣхъ своихъ промахахъ, все-же таки внесли свою долю свѣта въ народное сознаніе.

Кромѣ книжекъ народно-педагогическаго характера и статеекъ разнаго рода въ «Другѣ народа» и «Кіевскомъ календарѣ», А. написалъ: 10) нѣсколько статей обще-педагогическаго характера въ журналѣ «Воспитаніе» 1859 г., въ «Сборникѣ замѣчаній на проектъ устава гимназій» и въ циркулярахъ по кіевскому учебному округу. 11) *Матеріалы для исторіи* учебныхъ заведеній черниговской дирекціи (1789—1832). К. 1875. 12) *Историко-статистическое обозрѣніе 50-лѣтняго существованія кіевской 1-й гимназіи.* К. 1862. 13) *О необходимости взаимодѣйствія семьи и школы въ дѣлѣ воспитанія и обученія.* К. 1878. 14) *Народная школа на югѣ Россіи.* К. 1882. Въ этой послѣдней брошюрѣ А. выступаетъ ярымъ противникомъ украйнофильства и ломаетъ копья во имя безусловнаго руссифицированія народной школы.

Андроникъ, игуменъ Алексѣевскаго Углицкаго монастыря †), въ 1713 г. написавшій трактатъ «*О сложеніи первыхъ трехъ перстовъ на знаменіе Честнаго Креста*», въ которомъ старается подкрѣпить свой тезисъ ссылками на поученія первыхъ двухъ митрополитовъ русскихъ Михаила и Θеопемпта, въ 1718 г. напечатанныя въ Соборномъ дѣяніи на арминина Мартина.

Андроникъ, монахъ афонскій, «иже преведе отъ грьчьскаго извода» житіе св. Григорія Омиритскаго. Переводъ этотъ встрѣчается во многихъ спискахъ ††).

Андроновъ, Петръ. Перевелъ съ фр. «*Донну Ельмиру или испытанную вѣрность*». М. 1793. 8°. (Соп. 3267).

Андроссовъ, Василій Петровичъ †††), статистикъ. Р. въ 1803 г. въ Рославлѣ, учился въ смоленской гимназіи, откуда въ 1820, какъ отличный

---

†) 1) *Востоковъ*, «Опис. рук. Румян. Музея», стр. 10—11. 2) *Филаретъ*, «Обзоръ», стр. 268.

††) 1) *Строева*, «Библіол. Слов.», стр. 18. 2) *Ундольскаго*, «Библіогр. розыск.» стр. 49.

†††) 1) «Отеч. Зап.» 1841 г., № 12. 2) *М. Погодинъ* въ «Москвит.» 1841 года, кн. XI, стр. 272. 3) «Энц. Слов.» изд. рус. пис. и уч. т. IV. 4) *Геннади*. Словарь. 5) *Герценъ* въ «Быломъ и Думахъ».

Отзывы: О «Стат. зап. о Москвѣ»: 1) «Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ», 1832, кн. 2) «Сѣв. Пчела», 1832, № 217—219. 3) «Телескопъ», 1832 г. 8 отд. 5, стр. 388—413. 4) «Моск. Телегр.», 1832 г., ч. 44, стр. 254—59.

ученикъ, былъ посланъ въ московскій университетъ. Здѣсь А. занимался политическими науками и за сочиненіе на заданную факультетомъ тему получилъ золотую медаль. Окончивъ въ 1824 г. курсъ со степенью кандидата, онъ вскорѣ былъ приглашенъ пр. Павловымъ на мѣсто учителя географіи и статистики въ только что открывшейся московской земледѣльческой школѣ. Тогда же президентъ Общества Сельскаго Хозяйства поручилъ А. написать для учениковъ школы 1) *«Хозяйственную статистику Россіи»*, М. 1827 г., которая, послѣ разсмотрѣнія ея Шторхомъ и Германомъ, была удостоена посвященія Государю Императору и напечатана на казенный счетъ. Съ 1827—29 г. А. былъ товарищемъ директора земледѣльческой школы, но затѣмъ, не поладивъ съ заправилами, ушелъ совсѣмъ изъ школы и принялъ на себя званіе секретаря комитета для сортировки русской шерсти. Съ 1831 года до самой смерти А. былъ редакторомъ и издателемъ «Журнала для овцеводовъ», гдѣ имъ написано 2) около 130 небольшихъ статей объ овцеводствѣ, для своего времени цѣнныхъ. Въ 1835 г. Андроссовъ, знакомый уже нѣсколько съ редакторскимъ дѣломъ по «Атенею» Павлова, становится редакторомъ «Московскаго Наблюдателя», который около того времени перешелъ въ руки кружка Станкевича и Бѣлинскаго. Кружокъ стоялъ тогда на распутьи: съ одной стороны въ немъ еще крѣпко сидѣло подогнанное подъ философію Гегеля преклоненіе предъ существующимъ, а съ другой начинался уже тотъ ѣдкій анализъ окружающаго, который привелъ Бѣлинскаго и его друзей къ ихъ позднѣйшему міросозерцанію. Насколько можно судить по «Былому и думамъ» Герцена и по некрологу, написанному Погодинымъ, Андроссовъ принадлежалъ къ тѣмъ элементамъ кружка, который содѣйствовалъ развитію въ немъ скептическаго отношенія къ явленіямъ тогдашней русской общественной жизни. Насмѣшливый отъ природы и къ тому еще озлобленный неудачами, Андроссовъ направлялъ всю силу своего недюжиннаго ума на критику современныхъ порядковъ и въ результатѣ получался рядъ самыхъ безотрадныхъ картинъ. Что картины эти были набросаны талантливою и смѣлою рукою, можно судить по упомянутому уже некрологу Погодина. Всего менѣе принадлежа къ людямъ отрицающаго направленія, Погодинъ горько сѣтуетъ на то, что умъ Андроссова работалъ исключительно въ сторону обличенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не могъ не отдавать должной дани уваженія силѣ анализирующей мысли молодого ученаго, его обширному образованію и горячему желанію выясненіемъ недостатковъ дать возможность родинѣ стать на настоящій путь духовнаго и матеріальнаго преуспѣянія.

То, что мы сейчасъ сказали въ характеристику умственной физіономіи Андроссова, относится почти исключительно къ устной дѣятельности его

къ тѣмъ кружковымъ преніямъ и разговорамъ съ разными знакомыми, которыя въ то время полнѣйшаго отсутствія свободы обсужденія общественныхъ вопросовъ имѣли значеніе не одного только препровожденія времени. И если мы припомнимъ центральное положеніе, которое занимаетъ въ исторіи новѣйшей русской образованности кружокъ Станкевича, то вліяніе, которое имѣлъ на развитіе его міровоззрѣнія умный и образованный Андроссовъ, должно обезпечить за послѣднимъ извѣстную долю вниманія со стороны людей, изучающихъ новую гражданственность нашу.

Что касается печатныхъ произведеній А., къ которымъ кромѣ указанныхъ слѣдуетъ прибавить: 3) «*Статистическую записку о Москвѣ*», М. 1832 г. и 4) *Нѣсколько журнальныхъ статей* въ «Московск. Наблюд.» довольно разнообразнаго содержанія †), то въ нихъ скептическое направленіе московскаго статистика не могло особенно рѣзко сказаться во первыхъ потому, что главнѣйшіе изъ трудовъ А. относятся къ тому времени, когда отрицательное направленіе его только начинало слагаться, а во вторыхъ потому, что, какъ уже было сказано, сфера политическихъ вопросовъ не могла быть подвергнута въ то время сколько-нибудь серьезной критикѣ. Только косвенно сказалось въ двухъ книгахъ Андроссова отрицательное направленіе его: онъ крайне умѣренъ по части славословія, столь обильно уснащавшаго литературу тѣхъ лѣтъ.

Отвлекаясь отъ направленія двухъ главныхъ трудовъ Андроссова, нельзя не признать за ними весьма цѣнныхъ по тому времени достоинствъ. Съ чрезвычайною ясностью рисуетъ А. въ «Хозяйственной статистикѣ» картину климатическихъ, географическихъ и сельско-хозяйственныхъ и промышленныхъ условій Россіи. Правда объемъ свѣдѣній, даваемыхъ книгой, не особенно обширенъ и когда читаешь теперь «Хозяйственную статистику», то получаешь совершенно такое-же впечатлѣніе, какъ при чтеніи географіи Бѣлоха, назначенной для 4 класса гимназіи. Но все это отнюдь не можетъ ослабить историческихъ заслугъ книги Андроссова. Въ 1827 г., когда статистика и географія Россіи только что зачиналась, нужно было очень много работать и обладать большимъ даромъ систематизаціи, чтобы сгруппировать разбросанныя данныя тогдашняго отчизновѣдѣнія въ одно стройное цѣлое.

«Статистическая записка о Москвѣ» производитъ менѣе выгодное впе-

---

†) 1) *Какъ пишутъ критику* въ ч. 6 за 1836 г., стр. 470—494. 2) *Статистическія записки о внѣшней торговлѣ Россіи г. Небольсина*. Тамъ-же, стр. 161—180. 3) *О «Ревизорѣ»*, тамъ-же, ч. 7, стр. 120—131. 4) *Государственная внѣшняя торговля 1834 г.* въ разныхъ ея видахъ. Тамъ-же, ч. 3, стр. 3. 5) *Производимость и живыя силы*. Тамъ-же, 1835 г., ч. 1, стр. 33—52.

чатлѣніе. Въ ней очень цѣнны извлеченныя изъ оффиціальныхъ источниковъ статистическія данныя и параллели съ данными о другихъ европейскихъ городахъ, но въ выводахъ замѣтна нѣкоторая фельетонная легкость: авторъ нерѣдко пускается въ разглагольствованія о характерѣ русскаго простолюдина, неимѣющія подъ собою научнаго основанія.

Журнальныя статьи Андроссова очень живо написаны и читаются съ интересомъ. Большею частью онѣ въ популярной формѣ трактуютъ о разныхъ вопросахъ политической экономіи и статистики. Любимое словечко въ нихъ—«гражданственность», ради успѣховъ которой Андроссовъ готовъ примириться съ роскошью и разными другими темными сторонами новѣйшей цивилизаціи. Недовольство русскими порядками дѣлало изъ Андроссова какого-то защитника европейской культуры quand même.

Въ статьяхъ литературнаго характера А. горячо защищаетъ обличительное направленіе Гоголя и столь же горячо нападаетъ на безцѣльное зубоскальство Барона Брамбеуса.

Въ статейкѣ объ А., напечатанной въ 4 т. неоконченнаго «Энцикл. словаря» 60-хъ гг., говорится, что «по случаю конкурса, объявленнаго въ Москвѣ, А. написалъ большое разсужденіе *«О политической экономіи и народномъ правѣ»*. Не знаемъ, что сталось съ этою рукописью. Въ некрологахъ, появившихся сейчасъ послѣ смерти А., говорилось также, что онъ послѣдніе годы жизни работалъ надъ большимъ сочиненіемъ по исторіи цивилизаціи въ Россіи.

Андроссовъ умеръ въ Москвѣ 19 окт. 1841 г. отъ чахотки.

А. Нестроевъ («Моск. Наблюд.», «Отеч. Зап.», «Соврем.» 30-хъ и 40-хъ годовъ)—псевд. П. Н. Кудрявцева.

Анжу, Петръ Θедоровичъ †). Р. 15 февр. 1797 г., учился въ морскомъ корпусѣ. Въ 1820 его назначили начальникомъ экспедиціи, снаряженной для описанія сѣверныхъ береговъ Сибири, отъ устья Оленека до устья Индигирки. Экспедиція продолжалась три года и сопровождалась чрезвычайными трудностями и лишеніями. Въ 1844 А. былъ назначенъ капитаномъ надъ кронштадтскимъ портомъ, въ 1849 членомъ морск. уч. комитета, въ 1855 директоромъ департамента корабельныхъ лѣсовъ, въ 1860 членомъ совѣта минист. госуд. имуществъ. Умеръ въ Петербургѣ 12 окт. 1869 г., въ чинѣ адмирала.

---

†) *С. К.* (Сергѣй Крашенинниковъ) въ „Морск. Сб." 1869. № 12. 1—16, 2) Тамъ же, стр. 17—24. 3) *Геннади*, Словарь. 4) *Литке* въ „Запискахъ Адмиралтейскаго департамента" ч. VI, стр. 81—119. 5) *Фигуринъ* въ „Запискахъ Адмиралтейскаго департамента" ч. V, стр. 259—328.

Результаты, добытые экспедиціей Анжу, изложены въ VII части «Записокъ Гидрографическаго департамента», стр. 117—212. Главнѣйшимъ изъ нихъ было то, что впервые была снята точная карта сѣвернаго побережья Сибири на пространствѣ отъ Оленека до Индигирки; а также доказано, что на сѣверъ отъ острововъ Котельнаго, Ѳаддеевскаго и Новой Сибири никакой земли, какъ прежде предполагали, не существуетъ.

Аникіевъ, Александръ Сергѣевичъ, преподаватель женскихъ учебныхъ заведеній †). Составилъ: 1) *Древнюю Исторію въ этнографическомъ порядкѣ*, со включеніемъ синхронистическихъ таблицъ. 1-ое изд. Спб. 1842. 2-ое—Спб. 1851. 1-ое изданіе вышло подъ заглавіемъ «*Упражненія въ древней исторіи*». 2) *Краткую исторію среднихъ вѣковъ*. Спб. 1847. Оба учебника очень шаблонны.

Аникіевъ, П. А. См. въ концѣ наст. тома.

Аникѣевскій, В.—псевд. В. Н. Назарьева.

Анисимова, Домна Анисимова («слѣпая Домаша»), поэтесса ††). Въ № 58 «Сѣверной Пчелы» за 1838 появилась статейка нѣкоего *Лялякова* подъ заглавіемъ «Необыкновенное явленіе въ нравственномъ мірѣ». Въ ней привлекалось общественное вниманіе къ судьбѣ слѣпой поэтессы Домны Анисимовой, простой крестьянской дѣвушки, которая, не зная грамоты и будучи слѣпой съ 4 лѣтъ, тѣмъ не менѣе сочиняетъ очень милые стихи. Статейка Лялякова произвела впечатлѣніе, въ особенности въ той мѣстности, гдѣ жила Анисимова. Время было тогда такое, когда очень интересовались всякаго рода самородками. Какъ мы уже говорили въ статьѣ объ Алипановѣ, «россійскіе Борисы» открывались въ 30-хъ годахъ чуть ли не въ каждой деревнѣ. Слава Анисимовой загремѣла по всей рязанской губерніи; ее пріѣзжали смотрѣть; ей присылали книги, деньги, подарки. Вслѣдъ за «Сѣв. Пчелой» на Анисимову обратила вниманіе «Галатея» Раича, помѣстившая большую біографическую статью о слѣпой поэтессѣ Перевлѣсскаго и одно стихотвореніе ея.

Но также скоро, какъ у насъ возбуждается общественное вниманіе, также скоро оно и утомляется. Статья Перевлѣсскаго была послѣднимъ упоминаніемъ объ Анисимовой и только тридцать лѣтъ спустя въ такомъ

---

†) Отзывы: о „Древ. Ист.“: 1) „Соврем.“ 1846, т. 42 и 1849 г. 2) „Отеч. Зап.“ 1852 г., т. 80. О „Краткой ист. ср. вѣк.“: 1) „Отеч. Зап.“ 1847, № 9. 2) „Совр.“ 1847, № 9.

††) 1) „Сѣверная Пчела“ 1838 г., № 58. 2) *Перевлѣсскій* въ „Галатеѣ“ 1839 г., т. 5. 3) Автобіографія въ „Прибав. къ Ряз. Епарх. Вѣд.“ 1868 г., № 16. 4) *Мордовцевъ*, Русскія женщины новаго времени (Женщины 19 вѣка). 5) *Кн. Н. Н. Голицынъ*, Библіогр. слов. рус. писат., стр. 10.

же совсѣмъ захолустномъ литературномъ уголкѣ, какъ прибавленія къ :Рязанскимъ епархіальнымъ вѣдомостямъ», появилось нѣсколько стихотвоюній Анисимовой и автобіографія ея. Воспроизводимъ эту автобіографію, чень любопытную и въ физіологическомъ, и въ психологическомъ отношеніи.

„Родилась я въ 1812 году, января 6 дня, рязанской губерніи, спасскаго уѣзда, ъ селѣ Деггяномъ. Родители мои—пономарь Анисимъ Павловъ и мать Марья 'ерасимова. До 4½ лѣтъ я пользовалась совершеннымъ здоровьемъ. Въ это время ъ селѣ нашемъ открылась болѣзнь оспа. Вмѣстѣ съ другими заболѣла и я. Эта олѣзнь имѣла для меня несчастныя послѣдствія. Я лишилась, на 5-мъ году отъ оего рожденія, зрѣнія. Впрочемъ, несовсѣмъ закрылись глаза мои. До двадцати ѣтъ я могла отличать день отъ ночи, могла даже разбирать цвѣта, ощущала аже предметы, приближавшіеся ко мнѣ, по тѣни, ложившейся на меня отъ нихъ. Взамѣнъ моей утраты, природа наградила меня твердою памятію. Лѣтъ съ -хъ я помню все, что представлялось глазамъ моимъ, или что сильно на меня ѣйствовало. Я помню образъ человѣка. Не помню родителей моихъ, но живо редставляю дѣтей—моихъ сверстниковъ, раздѣлявшихъ со мною дѣтскія игры; омню многихъ животныхъ; помню поле, покрытое зеленью; еще березовый лѣсъ ъ мелкою зеленью; воду въ вечернюю пору. Едва, едва могу представить луну звѣзды. Что мнѣ сказать о моемъ дѣтствѣ? Мои товарищи всѣ любили и уважали меня, и никогда не упрекали меня моимъ недостаткомъ. Въ играхъ отдаали мнѣ первую роль. Когда я стала выходить изъ дѣтства, мои занятія не были охожи на другихъ. Я любила слушать разсказы стариковъ, или удаляться въ 'единенное мѣсто и прислушиваться къ шуму вѣтра, который съ этого времени очень полюбила, такъ что онъ наводилъ на меня особенное вдохновеніе. Часто юбила ходить на кладбище и лазить подъ строеніе храма, куда не только не авилъ человѣкъ, но и животное. Мнѣ чрезвычайно хотѣлось чего-то найти, чего сама не знала, но что, мнѣ казалось, было очень важно. Любила слушать чтеніе книгъ. Бывало принесетъ родитель мой изъ церкви четьи-минеи или синодскія роповѣди, съ какимъ наслажденіемъ я слушала эти книги! Я въ это время абывала все! Но когда прочли мнѣ книгу о страстяхъ Спасителя,—какое впечатѣніе произвело на меня это чтеніе! Цѣлую недѣлю оно волновало меня.—Уйду ъ уединенную комнату, простру обѣ руки, склоню голову, изображая Распятаго, горько, горько плачу. Впрочемъ, и все дѣлало на меня глубокое впечатлѣніе. Іесчастье человѣка, изсохшій листокъ, или какое нибудь издыхающее животное се на меня наводило печальныя мысли. Въ это время мнѣ было лѣтъ 12. Мнѣ ірочли балладу Жуковскаго: „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ". Мнѣ такъ было жаль Громобоя, что я совсѣмъ было лишилась пищи. Съ этихъ поръ породилось у ıеня желаніе слагать стихи. Оставаясь лѣтомъ, во время рабочей поры, одна съ ıалыми дѣтьми, я сложила первые стихи къ колыбельному дитяти; вторые: ночь іри шумѣ вѣтра. Я таилась съ ними: мнѣ казалось, что осмѣютъ меня за нихъ; ıѣла ихъ въ уединеніи, такъ чтобы меня никто не слышалъ. За тайну я передала іхъ одной своей подругѣ, которая не сохранила моей тайны. Заучивъ мои стихи іаизусть, она передала ихъ своему брату, учившемуся въ то время въ рязанской семинаріи, онъ прочиталъ ихъ людямъ свѣдующимъ, они ихъ одобрили. Эта юхвала меня ободрила. Я прочла ихъ своему священнику, ему мои стихи понравились и онъ показалъ ихъ помѣщицѣ, у которой занималъ кондицію; она сообщила своему мужу, который сообщилъ ихъ исправнику, г. Одинцову. Исправникъ

пріѣхалъ въ наше село и, желая удостовѣриться, точно ли мнѣ принадлежатъ показанные ему стихи, задалъ мнѣ тему: описать сельскую жатву. Въ одну ночь я исполнила эту тему. Поутру онъ выслушалъ мои стихи и просилъ написать ихъ и представить къ нему. Спустя немного, я представила ему семь моихъ стихотвореній. Онъ отнесся съ ними къ губернатору Прокоповичу-Антоновскому, а губернаторъ представилъ ихъ министру народнаго просвѣщенія. Министръ сдалъ на разсмотрѣніе Академіи Наукъ. Академія, желая меня поощрить, прислала мнѣ восемь частей сочиненій Жуковскаго, четыре—Державина, четыре—часословъ благоговѣнія и 12 книгъ исторіи Карамзина, и денегъ 100 рублей. Стихи мои отпечатали въ четырехъ стахъ экземпляровъ и сдали книгопродавцу Лисенкову продавать, въ мою пользу, по одному рублю за каждый экземпляръ. Но до сихъ поръ этихъ денегъ я не получала. Ко мнѣ ѣздило много посѣтителей. Пріѣзжалъ однажды и мѣстный благочинный. Желая удостовѣриться, точно ли я сочиняю стихи, онъ просилъ меня въ стихахъ отблагодарить начальство за то, что я получала изъ попечительства по 15 руб. Я сочинила стихи на этотъ предметъ—и они чрезъ благочиннаго сдѣлались извѣстны преосвященнѣйшему Гавріилу. Онъ прибавилъ мнѣ изъ попечительства еще 25 руб. Теперь я получаю сорокъ руб. ассигнаціями. Глаза мои съ 20-ть лѣтъ закрылись совершенно, и я не могу видѣть совершенно ничего, потому что отъ болѣзни уничтожились оба яблока. Съ тѣхъ поръ много я сочинила стиховъ, но не имѣла возможности и средствъ напечатать ихъ. Въ 1864 году, чрезъ диктовку, я написала всѣ стихи мои, по просьбѣ г. Михаила Петровича Полуденскаго и переслала къ нему. Онъ увѣрялъ меня, что ихъ напечатаетъ, но до сихъ поръ я о нихъ не имѣла никакого свѣдѣнія".

Когда послѣ этого предисловія переходишь къ самимъ стихотвореніямъ Анисимовой, то испытываешь немалое разочарованіе. Говоря относительно, они, конечно, очень замѣчательны. Чтобы простая, ничему не учившаяся крестьянка выражала свои чувства такимъ чистымъ литературнымъ языкомъ, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ метрики—это явленіе чрезвычайно любопытное. Но «an und für sich» стихи Анисимовой весьма посредственны.

Слабый литературный интересъ представляетъ только обращеніе къ вѣтру—единственной силѣ природы, о которой слѣпая поэтесса могла имѣть такое же представленіе, какъ и остальные люди.

Шуми, шуми, о вѣтеръ буйный,
Надъ кровлей гулъ свой удвояй;
Товарищъ будь печальной думы
И томны мысли оживляй.
Все спитъ, и ночь даетъ свободу
Тебѣ внимать, о бурный вѣтръ!
Шуми, напоминай природу;
Мнѣ зрѣть ее надежды нѣтъ.
Судьба во мракѣ вѣчной ночи
Ее сокрыла отъ меня,
Во гробъ мои занесши очи,
Во тьмѣ судила жить стеня.

Траву, цвѣты, долины, горы,
Ручьи прозрачные, лѣса
Мои не встрѣтятъ вѣчно взоры;
Мнѣ такъ судили небеса.
На вѣки для меня несчастной
Померкли солнце и луна;
Ужъ мнѣ не зрѣть весны прекрасной,
Она цвѣтетъ не для меня.
И нивы класами златыми
Не могутъ духъ во мнѣ плѣнить,
И рощи вѣтвями густыми
Подъ тѣнь не могутъ приманить.

Съ тобой однимъ, товарищъ милый,
Я чувства горести дѣлю,
Нося при жизни мракъ могилы,
Въ тебѣ одномъ природу зрю.
Шуми, взывай межъ деревами,
Зеленымъ листомъ трепещи,
Греми ужаснѣе водами,
Ихъ волны на берегъ хлещи.
Во тьмѣ живущей среди свѣта,
Пустынницѣ въ кругу людей,
Шуми, яви картину лѣта
Въ гармоніи природы всей;
Напомни шумъ ручьевъ сребристыхъ,
Бѣгущихъ быстро по песку,
Отрадну зелень древъ вѣтвистыхъ,
Луга цвѣтущіе, рѣку.
Напомни въ жизни мигъ безцѣнный,
Разсвѣтъ моихъ минувшихъ дней;
Сіи минуты незабвенны
Яснѣй представь душѣ моей.

Рисуй поляны мнѣ съ цвѣтами,
Съ душистой зеленью младой,
Гдѣ я съ малютками—друзьями
Рѣзвилась вешнею порой.
Представь мнѣ лѣсъ густой, тѣнистый,
Съ листами мелкими въ дали,
Воды источникъ тихій, чистый
Въ разливъ вечерніи зари.
Увы! и мнѣ, покрытой тьмою,
Природа знать себя дала,
Явивъ всѣ прелести зарею,
Потомъ на вѣкъ ихъ отняла.
Ищу представить въ мысли темной
Луну и звѣзды въ небесахъ—
Но все въ дали сокрылось черной,
Давно мелькнувшее въ очахъ.
Лишь ты всю вѣрность сохраняя,
Взываньемъ сладость въ сердце льешь,
Шумишь, себѣ не измѣняя,
И мнѣ жизнь чувствовать даешь.

Въ 1868 г. Анисимова повидимому еще была жива, но дальнѣйшихъ свѣдѣній объ ней не имѣется. Изданіе ея стихотвореній, о которомъ говорится въ автобіографіи, не состоялось и въ печати изъ нихъ появилось только 1) одно, приведенное въ статьѣ Лядикова; 2) «*Къ вѣтру*» въ «Галатеѣ» 1839 г. т. 5; 3) «*Къ колыбельному дитяти*» въ прибавл. къ «Раз. еп. вѣд.» 1868 г. № 16; 4) «*Сельская жатва*» тамъ-же; 5) «*Благодарность попечительству*» тамъ-же № 17. 6) «*Отвѣтъ преосвященному на приглашеніе въ монастырь*». Тамъ-же. 7) «*На встрѣчу преосвященнаго*». Тамъ-же. 8) *Ему-же*.Тамъ-же. 9) «*Рождество Христово*». Тамъ-же. № 18. 10) *Крещеніе Господне*. Тамъ-же. 11) «*Предъ крестомъ*». Тамъ-же. 12) 1839 годъ. Тамъ-же. № 19. 13) *1840 годъ*. Тамъ-же. 14) *Размышленіе*. Тамъ-же. 15) *Молитва*. Тамъ-же.

Анисимовъ, писалъ по этнографіи Кавказа. См. въ концѣ наст. тома.

Анисимовъ, Александръ Н., въ 70-хъ гг. преподаватель варшавскаго юнкерскаго училища †). *Вмѣстѣ съ В. Мортыновымъ* составилъ: 1) «*Военно-судный уставъ*» съ разъясненіями и дополненіями. Варшава 1871. 2) *Первое приложеніе къ военно-судному уставу*, съ разъясненіями и дополненіями. Варшава 1872. 3) *Записки военно-уголовныхъ законовъ*.

---

†) *Отзывы* о его изданіяхъ: 1) «Рус. Инв.» 1872 г. № 22, 288, 217, 187; 1871 г. № 159, 198. 2) «Судеб. Вѣст.» 1872 г. № 98; 1871 г. № 187. 3) «Варш. днев.» 1872 г. № 213. 4) *Н. Таганцевъ* въ «Журн. Гражд. и Угол. права» 1874 г. № 1.

Курсъ юнкерскихъ училищъ. Спб. 1872. *Отдѣльно* А. издалъ: 4) *Воинскій уставъ о наказаніяхъ* (1869 г.), разъясненный и дополненный. Варшава 1871. 5) *Второе приложеніе къ воинскому уставу о наказаніяхъ.* Варшава 1872. 6) *Дисциплинарный уставъ съ приложеніемъ законодательныхъ соображеній.* Варшава 1872.

Спеціальная критика, въ лицѣ проф. Н. С. Таганцева, отозвалась объ изданіяхъ А. сочувственно.

* Анисимовъ, Иванъ Яковлевичъ, земскій статистикъ †). *По свѣдѣніямъ отъ него полученнымъ*, р. въ 1853 г. въ Кологривѣ, костром. губ., въ мѣщанской семьѣ. Воспитаніе получилъ домашнее. Въ 1881 г. былъ секретаремъ редакціи газеты «Земство», съ 1884 до половины 1885 г. завѣдывалъ редакціей «*Земскаго Обзора*» въ Полтавѣ, въ настоящее время занимается въ Полтавѣ земскою статистикою.

Начиная съ 1879 г., А. помѣстилъ длинный рядъ газетныхъ и журнальныхъ статей, изъ которыхъ, по представляемому ими политико-экономическому интересу, можно выдѣлить:

Въ «Рус. Курьерѣ» 1879—1883 г.: 1) *Больныя мѣста кустарной промышленности* (1879 г. № 116, 118, 121). 2) *Кустарь и его нужды* (1883 г. № 43 и 45). 3) *Община и ея экономическое значеніе въ народномъ хозяйствѣ* (1880. № 63, 80, 105, 107 и 110, за подписью *И. Унжинъ*). Въ «Земствѣ» 1882: 4) *Изъ исторіи одной сельской общины* (№ 25 и 26, подп. *И. Унжинъ*). Въ «Рус. Рѣчи» 1879 г. іюльская книжка: 5) *Горбатовскій уѣздъ Нижегородской губ.* Въ «Вѣст. Евр.» 1885 г., № 1: 6) *Розложеніе нашей земельной общины.* Въ 1886 г. А. издалъ отдѣльно книгу: 7) *Хозяйственно-экономическія данныя земской статистики.*

Наиболѣе значительною работою А. слѣдуетъ считать «Разложеніе нашей земельной общины», гдѣ онъ старается доказать существованіе процесса разложенія общиннаго владѣнія, вызваннаго обѣдненіемъ массы населенія и проистекающимъ изъ него распаденіемъ крестьянъ на двѣ крайнія по зажиточности группы. Это ведетъ къ порабощенію одной части населенія другою, подчиненію общинной жизни вліянію богачей, которые, опираясь на нѣкоторыя статьи Полож. 19 февр., могутъ даже формально разрушать общинное землевладѣніе и отторгать отъ общины большіе или меньшіе куски земли. Прекратить начавшееся разложеніе общины авторъ

---

†) Отзывъ о статьѣ «*Чѣмъ можно противод. обеземел. крест. нас.*» въ «Рус. Кур.» 1882 г. № 113, въ «Зарѣ» 1882 г. № 94. О статьѣ «*Разлож. нашей зем. общ.*» 1) «Рус. Вѣд.» 1885 г. № 18, 63. 2) «Нов. Вр.» 1885 г. № 3189. 3) «Нов. Телегр.» 1885 г. № 2974 и 3007. 4) «Рус. Мысль» 1885 г. О книгѣ «*Хоз.-экон. данныя земс. стат.*»: 1) «Рус. Мысль» 1886 г. № 4. 2) «Сѣв. Вѣстн.» 1886 г. № 4. О статьѣ: «Горбат. уѣздъ», въ «Рус. Правдѣ» 1879, № 93.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника.*

читаетъ возможнымъ лишь обращеніемъ мірской земли въ собственность государства, съ оставленіемъ за общиной права постояннаго пользованія угодьями.

В. В.

Аничковъ, Викторъ Михайловичъ, военный писатель. См. въ концѣ паст. тома.

Аничковъ, Дмитрій Сергѣевичъ, философъ и математикъ прошлаго столѣтія †). Происходилъ изъ небогатой дворянской семьи, учился сначала въ Троицо-Сергіевой семинаріи, затѣмъ съ 1755 г. въ только что основанномъ московскомъ университетѣ, во время пребыванія въ которомъ получилъ за успѣхи въ разныхъ наукахъ пять золотыхъ медалей. По окончаніи курса и полученіи степени магистра свободныхъ наукъ, А. съ 1762 началъ преподавать, какъ въ унив. гимназіи, такъ и въ университетѣ, различныя отрасли математики, а съ 1765 г.—логику, философію и метафизику (на латин. яз.). Въ 1769 г. молодой ученый пожелалъ, какъ разсказываетъ *Шевыревъ* въ своей «*Исторіи Москов. Унив.*», «получить званіе ординарнаго профессора. Члены конференціи были на то согласны. Кураторъ (Ададуровъ) также изъявилъ свое согласіе, но требовалъ отъ него латинской дисертаціи съ переводомъ на русскій языкъ и публичнаго защищенія тезисовъ изъ оной, по обычаю другихъ университетовъ. Аничковъ, по этому случаю, написалъ разсужденіе изъ натуральнаго богословія:) «*О началѣ и происшествіи натуральнаго богопочитанія*», въ которомъ выразилъ нѣсколько мыслей, противныхъ истинамъ религіи. Разсужденіе, по какому-то недосмотру цензуры факультетской, было напечатано. Но профессоры Дильтей, Керштенсъ, Ростъ, Барсовъ, Рейхель и Лангеръ въ засѣданіи конференціи, 24 авг. 1769 г., торжественно объявили, что они протестуютъ противъ мнѣній, изложенныхъ въ этомъ разсужденіи. Профессоръ Рейхель, въ особенной латинской рѣчи, укорялъ Аничкова въ томъ, что онъ слишкомъ увлекся Лукреціемъ, котораго Рейхель называлъ между философами пролетаріемъ, porcum ex grege Epicuri, заимствуя свое сравненіе изъ Эрнести. Аничковъ исправилъ свое разсужденіе и вновь его издалъ. Но ординарной кафедры онъ не получилъ прежде 1771 г., не смотря на неоднократныя представленія конференціи. Аничковъ впослѣдствіи загладилъ вину своего перваго увлеченія весьма строгимъ

---

†) 1. *Новиковъ*, Словарь. 2. *Евгеній*, Словарь. 3. *Бантышъ-Каменскій*, Словарь достоп. людей изд. 1836 г. 4. Біогр. Слов. проф. моск. унив. 5. *В. Буняковскій* въ «Энц. Слов.» изд. рус. уч. 6. *Филаретъ*, Обзоръ. 7. *Шевыревъ*, Ист. моск. унив., стр. 142. 8. *Сухомлиновъ*, Исторія Рос. Акад. I стр. 200—202. 9. Современные отзывы объ учебникахъ Аничкова въ Ежемѣс. соч. 1764 г. за декабрь и «Russische Bibliothek» Бакмейстера т. V стр. 394.

религіозно-нравственнымъ воззрѣніемъ на свою науку». О томъ-же разсужденіи 1-ое изданіе (Снегиревское) «Словаря свѣт. писат.» митр. Евгенія сообщаетъ:

«Сочинитель, извѣстный своимъ благочестіемъ, изданіе сей диссертаціи поручилъ одному товарищу своему, тогда недавно только прибывшему изъ Англіи профессору, который включилъ въ оную много вольнодумныхъ и даже дерзкихъ мыслей. По донесенію протоіерея Петра Алексѣева, экземпляры этого сочиненія были отобраны и, по распоряженію начальства, публично сожжены палачомъ на лобномъ мѣстѣ въ Москвѣ, а диссертація съ исправленіями вновь напечатана» (т. I, стр. 14).

Тотъ экземпляръ, который находится въ Публичной Библіотекѣ и которымъ мы пользовались при составленіи настоящей статьи, очевидно принадлежитъ къ «исправленнымъ», потому что авторъ на каждомъ шагу дѣлаетъ оговорку относительно православнаго образа мыслей своихъ. Но и по этому «исправленному» экземпляру не трудно догадаться, почему разсужденіе Аничкова надѣлало такого переполоху. Дѣло въ томъ, что онъ задается вопросомъ о происхожденіи религій и видитъ источникъ ихъ въ трехъ причинахъ: страхѣ, возбужденномъ воображеніи, или по терминологіи Аничкова «привидѣніи», и удивленіи предъ подвигами героевъ, которое въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ ведетъ къ боготворенію ихъ. Въ «исправленномъ» экземплярѣ авторъ постоянно прибавляетъ, что слова его относятся исключительно къ языческимъ религіямъ и не имѣютъ никакого отношенія къ дѣйствительно-божественному происхожденію христіанства. Въ первоначальномъ-же видѣ должно быть такихъ оговорокъ не было и потому получалось впечатлѣніе, что авторъ говоритъ о происхожденіи всѣхъ религій безъ исключенія.

Но какъ-бы то ни было, въ дальнѣйшей своей дѣятельности А. уже не только не писалъ такихъ вещей, которыя могли-бы подать поводъ къ ложнымъ толкованіямъ, а, напротивъ того, все старался затрагивать темы гдѣ-бы богобоязненность его сразу бросалась въ глаза. Достаточно привести заглавія рѣчей, произнесенныхъ А. по разнымъ торжественнымъ случаямъ, чтобы получить полное представленіе о направленія ихъ. Вотъ эти заглавія: 2) *О свойствахъ познанія человѣческаго и о средствахъ, предохраняющихъ умъ смертнаго отъ разныхъ заблужденій.* М. 1770 г. 3) *О разныхъ причинахъ не малое препятствіе причиняющихъ въ продолженіи познанія человѣческаго.* М. 1774 4) *О невещественности души человѣческой и изъ онаго происходящемъ ея безсмертіи.* М. 1777 г. 5) *О превратныхъ понятіяхъ человѣческихъ, происходящихъ отъ излишняго упованія, возлагаемаго на чувства.* М. 1778 г. 6) *О разныхъ способахъ, тѣснѣйшій союзъ души съ тѣломъ изъясняющихъ.* М. 1783 г.

Кромѣ названныхъ рѣчей А. еще до исторіи съ диссертаціей напеча-
лъ: 7) *О мудромъ изреченіи греческаго философа: разсматривай вся-
е дѣло съ разсужденіемъ*. М. 1762 г. 8) *О томъ, что міръ сей есть
нымъ доказательствомъ премудрости Божіей и что въ немъ ничего
бываетъ по случаю*. М. 1767 г.

По предмету своей спеціальности А. напечаталъ:

Переводы съ лат.: 9) *Вейдлера*, Теоретическая и практическая ариѳметика. 1765, 1787 и 1795 г. съ исправленіями Барсова. 10) *Его-же*, Аналитика спе-за или Алгебра. М. 1765 и 1795. 11) *Его-же*, Геометрія. М. 1765 и 1787· *Его-же*, Плоская тригонометрія. М. 1765, 1769, 1778, 1805 г.

Оригинальныя сочиненія: 13) *Теоретическая и практическая ариѳметика*. 4-е изд. вышло М. 1793. 14) *Теоретическая и практическая геометрія*. М. 1780 г. *Теоретическая и практическая тригонометрія*. М. 1780 г. 2-е изд. исправ. 1787 г. 16) *Annotationes in logicam, metaphisicam et cosmologiam*. М. 1782 г. *Начальныя основныя фортификаціи или военной архитектуры*. М. 1787 г. *Начальныя основанія алгебры*. М. 1781 г.

Оригинальныя сочиненія А. въ научномъ отношеніи не представляютъ обеннаго интереса. Это просто толково составленные учебники, оче-дно удовлетворявшіе очень насущной потребности, о чемъ можно судить тому, что они выдерживали по нѣсколько изданій. Annotationes ставлены по Баумейстру. Умеръ А. въ 1788 г.

Аничковъ, Иванъ. Есть его критическая статья о Ломоносовѣ въ оревнователѣ просвѣщенія» 1822, ч. 17, стр. 271—289 и въ томъ-же рналѣ 1818 г. ч. 4, стр. 155—172 помѣщена его статья «Сердечная нь памяти Державина». Обѣ статьи написаны тѣмъ восторженно-пате-ческимъ тономъ, которымъ принято было въ тѣ времена «критиковать» ассическихъ писателей нашихъ.

Можетъ быть этому-же А. принадлежитъ двѣ передѣлки съ француз-аго: 1) *Дѣвушка-рекрутъ*. Вод. въ 1 д. М. 1837 и 2) *Два Эдмонда* д. въ 1 д. М. 1837. Какой-то тоже *И.* Аничковъ напечаталъ описаніе ртинной галлереи О. И. Прянишникова въ «Москвит.» 1853 г. (IV. р. 97—114).

Аничковъ, Иванъ, коллежскій регистраторъ †) первый преподаватель рактической россійской юриспуденціи и судопроизводства» въ Москов. ив. (1783—85).

Аничковъ, Николай Миліевичъ ††). Р. въ Тамбовѣ въ 1844 г. Учился 3-ьей петербургской гимназіи затѣмъ одно время былъ уѣзднымъ учи-лемъ въ Хвалынскѣ, а въ 1863 поступилъ на филологическій факультетъ

---

†) 1. «Слов. проф. москов.» т. I, стр. 481. 2) *Геннади*, Словарь.

††) *Альбомъ М. И. Семевскаго*, стр. 234.

петербургскаго университета, гдѣ въ 1867 кончилъ курсъ первымъ кандидатомъ. Пробывъ по окончаніи курса около 2 лѣтъ въ Германіи и Франціи, А. въ 1869 былъ назначенъ учителемъ древнихъ языковъ въ 3 петербург. гимназію, откуда въ 1873 перешелъ инспекторомъ въ 2-ю прогимназію. Чрезъ 6 мѣсяцевъ онъ получилъ мѣсто директора училищъ новгородской губерніи, съ которымъ было тогда связано завѣдываніе новгородскою мужскою и женскою гимназіями. Въ 1878 г. Аничковъ назначается окружнымъ инспекторомъ петербургскаго округа, а въ 1884 директоромъ департамента народнаго просвѣщенія—постъ, который онъ занимаетъ и въ настоящее время.

А. напечаталъ въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1874 г. нѣсколько рецензій филологическаго характера, а въ 1873 издалъ составленную имъ въ качествѣ секретаря педагогическаго совѣта 3 гимназіи исторію 50-лѣтія существованія этого учебнаго заведенія.

Аничковъ-Платоновъ, Иванъ Николаевичъ †), профессоръ московской духовной академіи, съ 1842 по 1848 въ качествѣ баккалавра, а съ 1848—54—экстраординарнаго профессора, преподавалъ церковную словесность и церковное право. Въ 1849 онъ былъ рукоположенъ въ священники московскаго Архангельскаго собора. Умеръ въ 1864 священникомъ церкви Козьмы и Даміана въ Шубинѣ. А былъ человѣкъ большой эрудиціи и лекціи его выдавались обстоятельностью взглядовъ. Въ печати появилось изъ его трудовъ: 1) *О крестныхъ ходахъ православной церкви*, М. 1842. 2) Chrestomathia latina. М. 1861. 3 ч.; составлена вмѣстѣ съ А. Ѳ. Кирьяковымъ. 3) *О подражені и Пресвятой Дѣвѣ Маріи.* М. 1849 перев. съ франц.

Анке, Николай Богдановичъ, фармакологъ ††). Р. 6 дек. 1803 г. въ Москвѣ. Учился сначала въ домѣ своихъ родителей—нѣмецкихъ купцовъ затѣмъ въ училищѣ при лютеранской церкви Св. Михаила, во главѣ котораго стоялъ его дядя—извѣстный въ то время пробстъ Гейдеке, а съ 1818 въ дерптской гимназіи. Въ 1821 г. А. поступилъ на медицин. факультетъ московскаго университета. Чрезъ 2 года онъ перешелъ на тотъ-же факультетъ дерптскаго университета и здѣсь окончилъ курсъ въ 1827 г. Кромѣ медицины А. въ теченіе университетскаго курса занимался также и предметами филологическаго факультета. Въ 1831 г. во время свирѣпствовавшей въ Ригѣ холеры, молодой врачъ знаніемъ дѣла и неустраши-

---

†) 1) *Смирновъ*, С. К. «Исторія Москов. дух. академіи» стр. 34, 35, 44. 45, 240, 399. 400. 2) *Языковъ*, Д. Д. въ «Библіографѣ» 1885 г.

††) 1) Словарь профессоромъ Моск. Унив. 2) Энцик. Слов. изд. рус. уч. и лит. т. V. 3) «Моск. Мед. Газ.» 1873 г. № 2. 4) «Мед. Вѣст.» 1872 г. № 23 5) «Моск. Вѣд.» 1872 г. № 323. 6) «С.-Пет. Вѣд.» 1872 г. № 352.

юстью обратилъ на себя самое лестное вниманіе графа Сер. Григорьевича Строгонова и когда послѣдній былъ назначенъ попечителемъ московскаго учебнаго округа, онъ, узнавши, что А. получилъ въ 1832 г. въ Дерптѣ степень доктора медицины и переселился въ Москву, пригласилъ его въ 1835 г. занять каѳедру фармакологіи и общей терапіи. Въ 1838 г. А., до того адъюнктъ, былъ назначенъ экстраординарнымъ, а въ 1845—ординарнымъ профессоромъ. Съ 1840 г. по 1843 г. онъ преподавалъ тоже фармакологію и токсикологію въ московской Медико-Хирургической Академіи, а съ 1844—53 г. занималъ должность инспектора надъ частными учебными заведеніями въ Москвѣ. Съ 1850—58 г. А. былъ деканомъ медицинскаго факультета. Ум. 20 дек. 1872 г.

Сочиненія А., о которыхъ еще будетъ сказано въ концѣ настоящаго тома:

«1) *Ueber die Nachkrankheiten der Cholera*» въ «Protokollextracte der Aerzte in Riga» 1831. 2) «*De vitiis nonnullis rarioribus cordis observationes quaedam*» Dissertatio inauguralis. Дерптъ 1832. 3) «*Beiträge zur Lehre von der Blutbewegung in den Venen, dem Venenpulse und der Abdominalpulsation*» М. 1835. 4) *De Conelio Celso quaestiones quaedam.* Oratio М. 1840. 5) «*Ueber Blausäure und ihre Verbindungen*» въ петербургской «Pharmazeutisches Centralblatt» 1844. 6) «*Philologisch-medicinische Bemerkungen*». М. 1846. 7) *De Hippocratis praeceptis nostra etate valentibus*». Oratio. М. 1848. 8) Въ 1848 г. А. читалъ публичныя лекціи по токсикологіи. Извлеченія изъ нихъ помѣщены въ «Москов. Врачеб. Журналѣ» 1848 г. 9) «*О различіи между ломотной лихорадкой и острымъ ревматизмомъ, со вступительнымъ обзоромъ ломоты и ревматизмовъ вообще*», М. 1850. «10) *Замѣчанія объ эпидемической дифтерической жабѣ*». (Моск. Врачеб. Жур. 1853). 11) Вмѣстѣ съ докторами Блюменталемъ и Левестамомъ А. въ 1845 издалъ въ Лейпцигѣ *Mittheilungen aus dem Gebiete der Heilkunde*», въ которыхъ ему принадлежитъ статья: *Ueber den Antagonismus zwischen den Lungen und den weiblichen Sexualorganen*».

Анкиндиновъ Иванъ †), раскольникъ поморскаго согласія, знаменитый силою своихъ убѣжденій, служеніемъ имъ въ жизни и трагической своей смертью. Въ своей краткой біографіи или, лучше, предсмертномъ исповѣданіи, онъ сознается, что въ молодыхъ лѣтахъ былъ большой любитель женскаго пола, «даже при жизни своей жены и всю волю дьявольскую сотворилъ». Анкиндиновъ былъ родомъ изъ Ростова, подверженъ въ молодости частымъ

†) Настоящая статейка принадлежитъ покойному историку Ник. Як. Аристову и была уже разъ напечатана въ 4 томѣ прекратившагося на буквѣ А. «Энциклоп. словаря» 60-хъ гг. Заимствуемъ ее оттуда въ виду того, что Аристовъ единственный изъ изслѣдователей раскола, читавшій исповѣдь Анкиндинова. Въ других источникахъ по раскольничьей библіографіи мы никакихъ указаній на исповѣдь А. не нашли.

болѣзнямъ и бѣжалъ изъ дома; его поймали и содержали подъ надзоромъ въ архіерейскомъ домѣ, въ г. Олонцѣ; но онъ ухитрился бѣжать и скрылся. Потомъ онъ долгое время жилъ въ выгорѣцкомъ скиту при Андреѣ Денисовѣ. Въ «Исторіи выговской пустыни» Анкиндиновъ причисляется къ пособникамъ главныхъ настоятелей въ общежительствѣ, къ благоревностнымъ мужамъ и сильнымъ помощникамъ духовному правленію скитовъ. Онъ славился у поморцевъ своею начитанностью, умѣньемъ вести рѣчь и строгостью жизни; потому, когда въ 1723 г. іеромонахъ Неофитъ «нача отъ пустынножителей на разглагольство посылати и поселянины Выговскимъ притужаше,—пустынножители и общежители и скитяне отпустили отъ общежительства Мануала Петрова и отъ скитянъ Ивана Анкиндинова, и преуложенныя рѣчи достовѣрными св. свидѣтельствы утверждающе засвидѣтельствовахy». Изъ Выговской пустыни Анкиндиновъ пришелъ на рѣку Печору къ поморянамъ, по знакомству съ Парфеномъ; но здѣсь случилось одно обстоятельство, которое имѣло вліяніе на конецъ его жизни Въ 1744 г. крестьянинъ Окладниковской слободы, Артемій Вашковъ, донесъ холмогорскому архіепископу Варсонофію о дѣятельности печерскихъ и мезенскихъ поморцевъ. Какъ человѣкъ неумолимый, архіепископъ потребовалъ отъ свѣтской власти военной силы; послано было 80 человѣкъ солдатъ; на дорогѣ они схватили Парфена, ѣхавшаго съ рыбой, и собрали нужныя для нихъ свѣдѣнія; но одинъ изъ скитниковъ извѣстилъ ихъ объ опасности за два дня до прихода солдатъ. Анкиндиновъ, какъ старшій, положилъ на общемъ совѣтѣ запереться въ столовой въ верхней комнатѣ, гдѣ отправляли службу; отломали лѣстницы, передъ воротами сдѣлали защиту, два окна оставили для разговоровъ «и уготоваша на зажиганье смолы и бересто», а книги и иконы отправили въ лѣсъ въ тайныя кельи съ двумя добрыми человѣками. Скитъ оцѣпили, уговаривали сдаться, подняли на канатѣ попа къ окну «и съ попомъ довольно о вѣрѣ говорили»; но увѣщаній его не послушались и выпросили два мѣсяца срока на размышленье; но на другой день отказали имъ, принуждали сдаться и «стали добиваться ломать». Скитники пѣли молебны и, когда приступили солдаты, запалили храмину: «старѣйшій Иванъ Анкиндиновъ скончался огнемъ и съ нимъ обоего пола мужскаго и женскаго числомъ 86 душъ мѣсяца декабря въ 7-день». Такъ говорится въ сказаніи о пострадавшихъ на Мезени, и въ концѣ приложена исповѣдь Ивана Анкиндинова, которую онъ писалъ «близъ сущій вратъ смертныхъ». Глубокимъ, задушевнымъ признаніемъ дышетъ эта исповѣдь, въ которой онъ жалуется на свою душу, омраченную грѣхами и проситъ помолиться о немъ, окаянномъ: «Не презрите моего послѣдняго къ вамъ прошенія въ сіе самое нужное мнѣ время, и тѣло мое окаянное, недостойное и скверное, вервицею за ноги

задѣвши, повергните внѣ монастыря или гдѣ пригодится въ неугодное мѣсто, въ блатное или въ ровъ псамъ, звѣрямъ и птицамъ на съѣденіе того оное и достойное. Не смиренія ради сіе глаголю, но истинно того достойно» и проч.

Анкудиновъ, Ник. Григ., гидрографъ. См. въ концѣ наст. тома.

Анкудиновъ, Викентій Александровичъ, математикъ †). Р. въ 1722 г. въ кіевской губерніи отъ польскихъ шляхтичей. Въ 1811 г. поступилъ въ Главный Педагогическій институтъ и по окончаніи въ немъ въ 1816 г. курса, сталъ тамъ-же учителемъ математики. Съ открытіемъ петербургскаго университета, А. (съ 1820 г.) преподавалъ въ немъ математику, сначала въ званіи учителя, а съ 1831 г. въ званіи экстраординарнаго профессора. Кромѣ того онъ преподавалъ разныя части высшей математики въ Артиллерійскомъ Училищѣ, въ Главномъ Инженерномъ Училищѣ и въ Горномъ Институтѣ, преподавалъ съ успѣхомъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Буняковскій. Болѣе другихъ отраслей математики А. любилъ баллистику, которой посвятилъ единственную изданную имъ книгу «Теорія Баллистики» Спб. 1836 г. Кромѣ того онъ о баллистикѣ-же написалъ еще нѣсколько статей въ «Артил. Журналѣ». Изъ этихъ статей Буняковскій считаетъ особенно достойною вниманія обстоятельный разборъ любопытный метательной машины мюнхенскаго профессора Штейнгеля («Арт. Жур. 1850 г. № 11). Въ 1847 г., по выслугѣ лѣтъ, А. оставилъ кафедру въ университетѣ, уступивъ ее Чебышеву. Точныхъ свѣдѣній о его смерти нѣтъ, но повидимому онъ умеръ въ 1855 г.

Анненкова, Варвара Николаевна ††). Біографическихъ свѣдѣній о ней никакихъ не знаемъ, кромѣ того, что она родилась въ 1795 г. и, судя по нѣкоторымъ стихотвореніямъ, была близко знакома съ Лермонтовымъ. Она приходится сестрой Ник. Ник. Анненкову и теткой Мих. Ник. строителю закаспійской дороги.

Въ 1844 году А. 1) издала въ Москвѣ книжку подъ претенціознымъ заглавіемъ «*Для избранныхъ*». Затѣмъ она напечатала 2) *Стихотворенія 1854, 1855 и 1856 гг.* посвящается защитникамъ Севастополя Спб. 1856. 3) *Чудо-юдо*. Сказка и другія стихотворенія. Спб. 1866. 4) *Шарлотта Кордэ*. Драма въ 4 д. и разныя стихотворенія. Спб. 1866.

---

†) 1) *Буняковскій* въ «Энц. Слов.» изд. рус. уч. и лит. т. IV. 2. *Григорьевъ* Ист. С.-Петерб. Унив. 3. *Геннади*, Словарь. 4. *Лоранскій*, Истор. очеркъ Горнаго Института стр. 129.

††) 1) Дополненіе къ Словарю Толля вып. 1. 2) *Голицынъ*, кн. Библіогр. Слов. рус. писательницъ 3) *Руммель и Голубцовъ*, Родосл. Сборникъ стр. 62.

Князь Н. Н. Голицынъ предполагаетъ, что А. принадлежатъ подписанныя иниціалами *В. А—ва* статьи: 5) *Педагогическія замѣтки изъ Веймара* въ «Биб. д. Чт.» 1859 г. № 5, вызвавшія Шлейдена въ «Жур. д. Воспит.» 1859 г. № 10 и 6) *Новые опыты воспитанія дѣтей за-границею* въ «Библ. д. Чт.» 1860 г. № 5. Это предположеніе, однако, основано только на внѣшнихъ признакахъ. Очень содержательныя статьи г-жи *В. А—вой* несомнѣнно принадлежатъ молодой матери, между тѣмъ какъ Варв. Ник. въ 1859 г. была за 60 лѣтъ.

Странное впечатлѣніе производятъ стихотворенія Анненковой. Было-бы несправедливо сказать, что они бездарны. Языковъ даже нашелъ возможнымъ посвятить Анненковой стихотвореніе (т. II. изд. 1858 г.), гдѣ имѣются такія строки:

И много, много дай Богъ вамъ
Созданій стройныхъ, сладкогласныхъ,
Прекрасныхъ думъ, стиховъ прекрасныхъ
Такихъ всегда, какіе намъ
Вы такъ плѣнительно дарите.

Конечно, на эти строки слѣдуетъ смотрѣть какъ на актъ кавалерской вѣжливости, тѣмъ болѣе, что какъ видно изъ самаго стихотворенія, онѣ написаны въ отвѣтъ на какое-то очень теплое привѣтствіе больному и оставленному тогда поэту. Но все-таки, совсѣмъ уже бездарному писателю такихъ вещей не говорятъ. И дѣйствительно въ стихахъ Анненковой есть что-то несомнѣнно-поэтическое, попадаются удачные образы и выраженія. Но сколько-нибудь выдержанной пьесы, все-таки, нѣтъ ни одной.

Строй лиры нашей поэтессы необыкновенно высокій. «Простыхъ» тэмъ у нея почти нѣтъ, а все вотъ какія: «Татанъ», «Прометей», «Сафо», «Къ человѣку древняго міра», «Къ родинѣ», «Къ французамъ», «Сходъ съ горы жизни» «Законъ судьбы», «Пантеизмъ Гердера» и т. д. Изъ поэтическихъ вліяній она тоже поддалась одному изъ наиболѣе сложныхъ въ русской литературѣ—Лермонтовскому. Добрая половина стихотвореній А. состоитъ изъ посланій къ Лермонтову и подраженій ему †). Приводимъ одно изъ этихъ въ Лермонтовскимъ духѣ написанныхъ стихотворе-

---

Отзывы о ея стихотвореніяхъ: 1) «Отеч. Зап.» 1844 т. 34. 2) «Лит. Газета» 1844 № 20. 3) «Современ.» 1844 т. 34. 4) «Сѣв. Пчела» 1844 № 45.

†) 1) Къ свѣдѣнію лицъ, изучающихъ Лермонтова, сообщаемъ кстати, что на стр. 193—195 сборника «Для избранныхъ» имѣется баллада «Югельскій баронъ», начало которой, какъ видно изъ примѣчанія, принадлежитъ Лермонтову и до сихъ поръ не было извѣстно библіографамъ нашимъ. Баллада, впрочемъ, очень слаба и литературнаго интереса не представляетъ.

ній—«Приливъ моря», чтобы дать понятіе читателю о литературной цѣнности творчества Анненковой.

Колеблется полная грудь Амфитриты
И выше и выше восходитъ она!
И мачты и скалы волнами покрыты,
И манитъ серебрянымъ взоромъ луна,
И къ небу, волнуясь, богиня восходитъ,
Но вѣтеръ, бушуя, межъ ними проходитъ!
И стонетъ, и плещетъ богиня волнами,
И будто подъемлетъ объятья она—
Но міръ необъятный межъ ей, небесами
И тихо въ молчаньи проходитъ луна—
И дѣлитъ-ли, нѣтъ-ли страданье? кто знаетъ?
Но будто съ любовью на волны взираетъ.
Есть время: богиня въ тиши полуночной
Луны перехода недвижимо ждетъ;
Но часъ наступаетъ желанный, урочный,
И съ ложа кораллевъ она возстаетъ,
И снова, плеская кипучей волною,
Подъемлетъ объятья во слѣдъ за луною.—
И если взаимны волненье, страданья—
И къ морю отъ вѣка влечется луна?
И слышны богини такъ ропотъ, признанья—
И неба обманчива такъ тишина?
Иль ихъ увлеченья, желанья преступны,
Что вѣчно другъ другу они недоступны?
Къ чему-жъ, разлученныхъ отъ вѣка, влеченья?
И въ битвахъ съ судьбою проходятъ ихъ дни!
И жаждѣ ихъ вѣчной иль нѣтъ утоленья?
И вѣкъ не достигнутъ другъ друга они?
Къ чему-жь ихъ объятія, со дня мірозданья,
Все ищутъ другъ друга въ просторѣ созданья?

Мятежный духъ творца «Мцыри» не всецѣло, однако, подчинилъ себѣ нашу поэтессу. Вторая половина ея сборника состоитъ изъ пьесъ, гдѣ она, какъ-бы раскаяваясь въ томъ, что прежде слишкомъ много «дерзала», съ особенною настойчивостью говоритъ о чувствахъ покорности и резигнаціи. Въ ряду стихотвореній этого разряда мы наткнулись на одно, гдѣ попадаются нѣкоторые положительно счастливые и сильные обороты. Называется оно «Пантеизмъ Гердера»:

Прошелъ онъ всѣ ступени лѣтъ,
Сроднился съ міромъ какъ поэтъ;
Его въ вѣкахъ была дорога,
Но пріобщась всѣхъ вѣръ и думъ:
Его въ сомнѣньяхъ тонетъ умъ:
За міромъ онъ не видитъ Бога!
Царя закрылъ ему престолъ,
Одежду онъ за душу счелъ,
И Богомъ звалъ природы силы.
Но тщетно онъ въ волшебныхъ снахъ,
Облекъ Боговъ порфирой прахъ,—
Печаленъ пиръ его унылый.
И тщетно съ юга на востокъ
Весь міръ онъ въ радуги облекъ,
Очарованій дивныхъ полный,
И на холмы и на цвѣты
Развѣялъ ризу красоты,
Облекъ сіяньемъ сушь и волны!
И Богомъ онъ поставилъ міръ,
Но страшенъ мнѣ поэта пиръ!
И гдѣ онъ якорь броситъ нынѣ?
Какъ мірозданье безъ боговъ,
Какъ океанъ безъ береговъ,
Волнуемъ онъ въ своей пустынѣ.

Приведенные образчики стихотворнаго таланта Анненковой взяты нами изъ сборника «Для избранныхъ». Объ остальныхъ ея стихотвореніяхъ и драматическихъ произведеніяхъ не стоитъ говорить: они совсѣмъ слабы.

Анненкова, Прасковья Егоровна, урожденная *Гебль*, жена декабриста Ивана Александровича Анненкова, по происхожденію француженка †). Р. въ Лотарингіи, въ замкѣ Шампиньи, близъ Нанси 9-го іюня 1800 г. Рано потерявъ отца, служившаго въ чинѣ полковника кавалеріи въ войскахъ Наполеона и убитаго въ Испаніи гверильясами, молодая Гебль не пожелала быть бременемъ для жившей небольшимъ пенсіономъ матери и сдѣлалась продавщицей въ одномъ изъ парижскихъ магазиновъ. Въ 1824 году она переселилась въ Москву и здѣсь познакомилась съ кавалергардомъ Анненковымъ. Молодые люди, оба очень красивые и впечатлительные, полюбили другъ друга. Анненковъ хотѣлъ жениться на бойкой и веселой француженкѣ, но она не желала выходить за него замужъ иначе, какъ съ согласія матери своего жениха, а на это разсчитывать было трудно въ виду того, что старуха Анненкова была несмѣтно богата и надѣялась, конечно, найти для сына самую блестящую партію. Но вотъ разразилось 14-ое декабря 1825 года. Анненковъ, принадлежавшій къ Сѣверному Обществу, попалъ въ Петропавловскую крѣпость гдѣ сидѣлъ до объявленія ему въ іюлѣ 1826 г. приговора: онъ ссылался въ Восточную Сибирь на каторжныя работы.

Страшное время наступило для молодой француженки съ тѣхъ поръ, какъ арестовали ея жениха. Первое время безъ всякихъ извѣстій о немъ, безъ денегъ и въ добавокъ еле-оправившаяся отъ родовъ, она была близка къ гибели. Но инстинктъ любящей женщины все превозмогъ и вдохнулъ въ нее ту энергію, которая выдвинула ее даже среди прославившихся своею неустрашимостью и преданностью женъ декабристовъ. Не слѣдуетъ забывать, что Гебль была въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ жены другихъ декабристовъ. Она даже не имѣла права хлопотать о чемъ бы то ни было, потому что съ оффиціальной точки зрѣнія не имѣла никакого отношенія къ Анненкову. Первое время послѣ ареста, Гебль, впрочемъ, и не предпринимала никакихъ оффиціальныхъ шаговъ, а старалась дѣйствовать деньгами. Конечно, на смягченіе приговора никакіе милліоны не могли-бы оказать вліянія, но доставить любимому человѣку кое-какія удобства, поддержать его падающій духъ и даже имѣть съ нимъ въ крѣпости свиданія—что было строжайше запрещено—этого Гебль, перебравшаяся въ Петербургъ, добилась, хотя впрочемъ, не столько деньгами,

---

†) 1) *Alexandre Dumas*, Memoires d'un maitre d'armes. 2) *Гречъ*, Записки, изд. 1886 г. стр. 430. 3) *М. Д. Францева*, Воспоминанія, въ «Ист. Вѣс.» 1888 г. № 5 стр. 405. 4) *М. И. Семевскій*. предисловіе къ запискамъ Анненковой въ «Русск. Ст.» 1888 г. № 1. 4) *Кн. Н. Н. Голицынъ*, Библіогр. слов. рус. пис. въ «Журн. Мин. нар. пр.» 1888 г. № 8. 5) *Л. Грове*, въ «Рус. Вѣст.» 1868 г. № 12 стр. 708.

сколько своею энергію, подчасъ принимавшей по истинѣ героическіе размѣры. Ей ничего не стоило въ декабрьскую ночь переправляться съ опасностью жизни чрезъ Неву, по которой шелъ ледъ, спускаться, когда нужно было, по обледенѣлой веревкѣ, проникать къ караульни и вообще выкидывать чудеса рѣшимости и находчивости. Когда-же Анненкова отправили, наконецъ, въ Сибирь, Гебль рѣшилась послѣдовать за нимъ туда. Приходилось для этого преодолѣвать цѣлый рядъ препятствій. Прежде всего ее всячески удерживали отъ поѣздки, рисуя ужасы дороги и жизни въ сибирскомъ захолустьи безъ денегъ, безъ протекціи, безъ элементарнѣйшихъ удобствъ. Старуха Анненкова, успѣвшая привязаться къ матери своего внука, чтобы удержать ее, предложила ей подарить домъ въ Москвѣ и наотрѣзъ отказалась дать что-нибудь на поѣздку въ Сибирь. Не изъ такихъ однако была Гебль, чтобы поддаться на подобнаго рода соблазны. Гораздо болѣе серьезнымъ препятствіемъ было то, что ей не захотѣли выдать поспортъ на проѣздъ въ Читу. Но тутъ Гебль опять призвала на помощь свою преданность и героическую энергію и рѣшилась дѣйствовать напроломъ. Написавъ прошеніе, въ которомъ не постѣснялась заявить о своей связи съ Анненковымъ, она осенью 1827 г. поскакала въ Вязьму, гдѣ въ то время происходили большіе маневры и добилась того, что государь лично принялъ отъ нея прошеніе. Преданность француженки тронула императора и онъ, предупредивши ее относительно трудности поѣздки, не только разрѣшилъ ѣхать, но еще выдалъ три тысячи рублей на дорогу.

Въ жестокую, морозную зиму 1827 г. Гебль, почти ни слова не говорившая по-русски, пустилась въ путь. Послѣ двухъ-мѣсячнаго, полнаго всякихъ приключеній путешествія, она пріѣхала въ Читу какъ разъ къ тому самому времени, когда Анненковымъ началъ овладѣвать душевный недугъ подъ вліяніемъ мысли, что веселая француженка не захочетъ раздѣлить его тяжелой судьбы. Скоро состоялось ихъ вѣнчаніе. Жениха привели въ церковь въ кандалахъ, которые были сняты только предъ самымъ началомъ обряда.

Съ тѣхъ поръ Пр. Ег. уже не разставалась съ мужемъ, которому принесла 18 дѣтей. Съ воцареніемъ Александра II Анненковы вернулись въ Россію и поселились въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ Прасковья Егоровна скончалась 14-го Сентября 1876 г.

Самоотверженная преданность Гебль-Анненковой получила самую широкую огласку. Она даже сдѣлалась героиней романа Дюма—«Memoires d'un maitre d'armes», гдѣ для вящаго эффекта введены разныя подробности болѣе или менѣе фантастическаго характера. Столь же фантастическіе разсказы о ея приключеніяхъ держались въ обществѣ и чтобы положить имъ конецъ, Пр. Егоровна въ 1860 году продиктовала (по-фран-

Анненкова ... генералъ-лейтенанта О. И. Ивановой— Ивана Але... появились только недавно—въ «Рус... въ Лотар... Старинѣ» 188[illegible] г. (№ 1—5). Записки читаются съ большимъ интере... Рано по... очень любопытны для ознакомленія съ бытовой стороной войсках... въ Сибири. Любопытны также разныя личности въ не пол... старуха Анненкова напр., которая при несмѣтномъ и сд... почти ничего не посылала сыну и не потому, что была 182... скупа, нѣтъ,—она держала при себѣ дворню въ 150 человѣкъ, а исключительно потому, что размышленія объ участи сына нарушали ея спокойствіе и приводили въ дурное расположеніе духа.

Но наибольшій интересъ возбуждаетъ, конечно, личность самой составительницы записокъ, представляющей собою удивительное соединеніе чисто французской живости, нѣмецкаго сознанія долга и русскаго беззавѣтнаго самоотреченія.

Анненковъ, Иванъ Васильевичъ, братъ Павла Васильевича А. †). Въ 60-хъ гг. былъ оберъ-полиціймейстеромъ въ Петербургѣ, умеръ 4 іюня 1887 г. въ званіи генералъ-адъютанта. Въ 1849 г. издалъ въ Спб. очень обстоятельную «Исторію Л.-Гв. Коннаго полка отъ 1731 до 1848 г.» въ 4 ч. съ атласомъ на 25 листахъ, пользующуюся извѣстностью въ военной литературѣ.

Анненковъ, К. юристъ. См. въ концѣ наст. тома.

Анненковъ, Михаилъ Николаевичъ, строитель Закаспійской желѣзной дороги ††). По происхожденію принадлежитъ къ старинному нижегородскому дворянству, родился 30 апрѣля 1835 г. въ Петербургѣ, въ домѣ отца своего Ник. Ник., бывшаго впослѣдствіи генералъ-губернаторомъ Юго-Западнаго Края (смотри о немъ дальше). Учился въ Пажескомъ

---

†) Некрологи въ іюньскихъ газетахъ 1887. Отзывъ объ «Ист. Л.-Гв. Кон. полка» въ «Соврем.» 1849 г. № 6 отд. 3 стр. 77—78.

††) Біографическія данныя о немъ: 1) «Всем. Иллюстр.» 1878 г. № 688 и 1888 г. № 1019 съ портретами. 2) «Нива» 1888 г. № 21. Отзывы о книгѣ «Война 1870 г.»:

1) «Вѣст. Евр.» 1871 г. № 4. 2) «Всем. Ил.» 1871 г. № 122 и 124. 3) «Рус. Лѣт.» 1871 г. № 8. 4) «Голосъ» 1871 г. № 35. 5) *Н. К.* «Спб. вѣд.» 1871 г. № 30. 6) «Бирж. Вѣд.» 1871. № 30 и 35. 7) «Кіевл.» 1871. № 22. 8) «Вилен. Вѣст.» 1871 г. № 13 и 14. 9) «Рус. Инв.» 1871 г. 10) «Заря» 1871 г. № 12. 11) «С. Отеч. 1871 г. № 27. 12) «Militär. Liter. Zeitung 1872 г. Heft 2. (Рец. нѣмец. пер.) 13) «Liter. Bl. zur St. Refleur's Oester. Milit. Zeitscrift» 1872 г. № 8 (тоже).

Указанія о дѣятельности А. въ Польшѣ находятся въ перепискѣ Н. А. Милютина съ кн. Черкасскимъ, напеч. въ «Nouvelle Revue» начала 80-хъ гг. Что-же

рпусѣ и Академіи генеральнаго штаба, гдѣ кончилъ курсъ въ 1859 г. лужбу началъ въ 1853 г. прапорщикомъ Лейбъ-гвардіи конно-піонерго дивизіона, 1859—63 былъ старшимъ адъютантомъ гвардейскаго таба, съ 1863 по 1866 г. находился въ Польшѣ при усмиреніи мятежа, ричемъ, кромѣ военныхъ обязанностей, несъ и нѣкоторыя администраивныя.

Въ 1870 г. А., вмѣстѣ съ другими офицерами, былъ посланъ въ прусую армію для присутствованія при военныхъ дѣйствіяхъ. Результатомъ ой поѣздки была брошюра 1) «*Война 1870 года. Замѣтки и впечатнія русскаго офицера*» Спб. 1871 г., встрѣченная въ общемъ довольно агосклонно какъ спеціальною, такъ и общею критикою.

Книги А. появилась и въ нѣмецкомъ переводѣ подъ заглавіемъ «Der rieg im Jahre 1870. Bemerkunqen und Betrachtungen eines russischen fficiers», Berlin 1871. Кромѣ этой брошюры, А. напечаталъ: 2) «*Отношея англо-индѣйскихъ владѣній къ сѣверо-западнымъ сосѣдямъ*». Спб. 374 г. (изъ «Воен. Сбор.») 3) *О причинахъ постоянныхъ задержекъ узовъ и мѣрахъ, которыя необходимо принять для отстраненія означнныхъ задержекъ*. Спб. 1879 г. (изъ 1 тома «трудовъ» Барановской ммиссіи). 4) *Международный тюремный конгрессъ и англійскія тюрьы*. Спб. 1873 г. 5) *Текинскій оазисъ и пути въ Индію* въ «Вѣст. Евр.» 381 г. № 5 и 6. 6) *О примѣненіи желѣзныхъ дорогъ къ военному дѣлу* Воен. Сбор.» 1866 г. № 12). 7) *Военная служба желѣзныхъ дорогъ* Воен. Сбор.» 1876 г. № 3).

Въ 1868 г. Анненковъ былъ назначенъ начальникомъ военныхъ транср товъ по желѣзнымъ дорогамъ и съ тѣхъ поръ начинается его дѣятельсть по организаціи военныхъ сообщеній, доставившая ему громкую вѣстность. Въ качествѣ спеціалиста по желѣзнодорожнымъ дѣламъ онъ палъ также въ дѣлопроизводители знаменитой Барановской коммиссіи, работавшей Общей Уставъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Когда открылась восточная война 1877—78 г., ему было поручено

сается печатныхъ обсужденій желѣзнодорожной дѣятельности А., то они нально многочисленны, что регистровать ихъ нѣтъ никакой возможности, тѣмъ лѣе, что все это мелкія газетныя замѣтки. Особенно часто можно встрѣтить я генерала Анненкова въ майскихъ №№ русскихъ и иностранныхъ газетъ, вавшихъ отчеты объ открытіи закаспійской дороги. Изъ болѣе обстоятельныхъ четовъ о закаспійской дорогѣ отмѣтимъ брошюру *И. Вацлика,* написанную, сожалѣнію, въ черезъ-чуръ восхвалительномъ тонѣ. Иллюстрированныя газеты къ наши, такъ и иностранныя, помѣстили рядъ видовъ мѣстности, по которой прогаетъ выстроенная генераломъ дорога. Особенно много рисунковъ далъ Н. Н. разинъ во «Всем. Илл.» второй половины 1888 года.

завѣдываніе передвиженіемъ тыла дунайской арміи. Въ 1880 г. А., къ тому времени уже произведенный въ генералъ-лейтенанты, принялъ участіе въ Ахалъ-Текинской экспедиціи въ качествѣ начальника тыла и эвакуаціи арміи Скобелева. Тогда же онъ построилъ стратегическую линію отъ Каспійскаго моря до Кизиль-Арвата на протяженіи 217 верстъ. По окончаніи Ахалъ-Текинской экспедиціи, А. была поручена постройка стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ въ Полѣссьи, а съ 1885 г. онъ снова взялся за Закаспійскую желѣзную дорогу, которая была открыта лѣтомъ текущаго 1888 года.

Какъ мы уже сказали, желѣзнодорожная дѣятельность Анненкова создала ему очень громкую извѣстность. Но въ оцѣнкѣ этой дѣятельности замѣчаются два діаметрально-противоположныхъ теченія. Одни не на шутку называютъ генерала «русскимъ Лессепсомъ», выставляютъ на видъ его желѣзную энергію, его организаціонный талантъ, благодаря которому онъ строитъ скоро, успѣшно и чрезвычайно дешево. Недоброжелатели-же генерала утверждаютъ, что если у него есть какой-нибудь талантъ, то только талантъ показать товаръ лицомъ, напригласить разныхъ высокопоставленныхъ лицъ и корреспондентовъ, которые и разносятъ славу его по всему свѣту. Самыя же дороги, построенныя Анненковымъ, по мнѣнію его противниковъ, крайне неудовлетворительны: обращено вниманіе исключительно на внѣшнюю сторону, все сдѣлано кое-какъ и въ ближайшемъ будущемъ придетъ въ негодность. Дешевизна-же построекъ генерала будто-бы совершенно мнимая: онъ не выводитъ въ расходъ содержаніе желѣзнодорожныхъ баталіоновъ, находящихся въ его распоряженіи и вообще склоненъ производимые имъ расходы перекладывать на разныя статьи государственнаго бюджета и этимъ на бумагѣ уменьшать свою смѣту.

Истина, повидимому, находится посрединѣ. Анненковъ не Лессепсъ, онъ дѣйствительно, какъ показало нѣсколько театрально обставленное открытіе Закаспійской дороги, слишкомъ расположенъ къ эффектнымъ mise en scene, онъ очень усердно заботится о распространеніи своей славы, все это вѣрно, но вмѣстѣ съ тѣмъ фактъ тотъ, что худо ли, хорошо ли, онъ построилъ Закаспійскую дорогу, культурное и торговое значеніе которой огромно. Никто, кромѣ Анненкова, за эту постройку не брался, всѣ только въ одинъ голосъ говорили, что построить дорогу по безводной пустынѣ невозможно. Если часть этихъ возраженій и оправдалась, если съ первыхъ же моментовъ эксплуатаціи дороги пошли размывы да обвалы, то въ общемъ, все-таки, мы тутъ имѣемъ дѣло съ второстепеннаго значенія мелочами, устранить которыя не трудно. Въ общемъ, все-таки, пущено въ ходъ дѣло, можно прямо сказать, всемірной важности и главному исполнителю его, конечно, подобаетъ всяческая честь.

Анненковъ, Николай Епафродитовичъ †). Родился 5 сентября 1805 года ъ Курскѣ, учился въ 1-й петербургской гимназіи, въ 1821 г. поступилъ а службу въ министерство юстиціи, но затѣмъ, «желая пріобрѣсть со ременемъ славу», перешелъ юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ. 31 мая 826 г. онъ утонулъ, купаясь въ Невѣ. Найденныя въ его бумагахъ ли-эратурныя произведенія, которыя онъ самъ, какъ сообщаютъ издатели хъ, «считалъ далекими отъ совершенства и не показывалъ знакомымъ»,)дные напечатали подъ названіемъ: «*Сочиненія Николая Анненкова въ тихахъ и прозѣ*». Спб. 1827.

Едва ли, однако, слѣдовало это сдѣлать. Ни въ стихахъ, ни въ прозѣ олодого юнкера нѣтъ ничего такого, что было бы достойно печати, хотя ѣкоторой способности къ версификаціи въ А. нельзя отрицать.

* **Анненковъ**, Николай Ивановичъ, ботаникъ ††). *По свѣдѣніямъ, отъ его полученнымъ*, р. въ дворянской семьѣ Псковской губ. 21 апрѣля 819 года. Первоначальное воспитаніе получилъ въ Москвѣ, въ пансіонѣ [. И. Галушки, затѣмъ въ 1834 году поступилъ въ 1-ю московскую гимназію, по окончаніи курса въ которой поступилъ своекоштнымъ студеномъ въ московскій университетъ на 2-е отдѣленіе философскаго факульета. Въ 1843 г. кончилъ въ немъ курсъ и былъ выпущенъ первымъ канидатомъ по отдѣленію естественныхъ наукъ. Еще будучи студентомъ, А. братилъ на себя вниманіе профессоровъ: зоологіи—Рулье и ботаники—Фишера, изъ которыхъ первый руководилъ его практическими занятіями 'еологіей и палеонтологіей въ окрестностяхъ Москвы, а второй рекомен,овалъ московскому Общ. Сельск. Хозяевъ для ботаническихъ цѣлей. Въ омъ же 1843 г. А. былъ опредѣленъ старшимъ учителемъ географіи въ

† 1) Предисловіе къ его „Сочиненіямъ". 2) „Сѣв. Пчела", 1828 г., № 82.) *Геннади*, Словарь.

††) 1) *Я. Калиновскій* въ „Энцикл. Слов." изд. рус. учит. и лит., т. IV. Словари Березина, Толя. 3) *Gubernatis*, Dictionnaire international.

Отзывы о „*Лѣсоводствѣ*" у *Вереха и Рудзскаго*, „Литература рус. лѣсоводства", р. 58—59. О „*Ботанич. Словарѣ*": 1) *Ф. Рупрехта* въ 29 присужд. Демидовскихъ аградъ. 2) „Труды В.-Эк. Общ." 1859 г., т. 4, стр. 125—129. 3) *Гр. Толстой* въ Журн. Сел. Хоз. и Овцевод." 1859, № 12. 4) „Журналъ Садовод." 1859 г., т. 8. „Рус. Вѣст." 1859 г., № 13. 6) „Голосъ" 1878 г., № 91. 7) „Труды В.-Эк. Общ." 378 г., № 7. 8) „Совр. Извѣстія" 1878 г., № 165.

О „*Наблюд. надъ дикораст. раст.*": 1) „Журн. Мин. Госуд. Имущ." 1850 г., . 37, отд. 3, стр. 41—45. 2) „Отеч. Зап." 1850 г., № 10

О „*Простонар. назв. рус. раст.*": „Труды В.-Эк. Общ." 1858 г., т. 2, отд. 3, тр. 51—54.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

моск. 3 гимназію, въ 1844 г.—преподавателемъ ботаники въ московскую Земледѣльческую Школу, въ 1845 г. преподавателемъ географіи въ моск. 2-ю гимназію, а въ 1847 г.—преподавателемъ географіи же въ Александрійскій Сиротскій Институтъ. Въ 1851 г. онъ былъ назначенъ инспекторомъ московской Земледѣльческой Школы, а въ 1853 г.—директоромъ школы, должность, которую А. занималъ до марта 1863 г.

Въ теченіе этого времени А. былъ посланъ моск. Общ. Сельск. Хоз. за границу для обозрѣнія лондонской всемірной выставки 1851 г. и сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній во Франціи, Германіи, Италіи и др. Находясь на службѣ, А. занималъ также должность директора комитетовъ акклиматизаціи и лѣсоводства, учрежденныхъ при обществѣ.

Въ 1863 г. А. былъ назначенъ директоромъ уманьскаго Училища Садоводства и Царицына сада въ Софіевкѣ, гдѣ и оставался до 1875 г., когда вслѣдствіе болѣзни долженъ былъ ѣхать за границу для леченія, почему и оставилъ службу.

Изъ ученыхъ трудовъ А. болѣе замѣчательны: 1) Flora Mosquensis exsiccata, 8 сотенъ. Это было первое въ Россіи изданіе сухихъ экземпляровъ растеній, какъ явноцвѣтныхъ, такъ и тайноцвѣтныхъ. Оно выходило выпусками по 100 экз. въ каждомъ. Предпріятіе А. было встрѣчено общимъ сочувствіемъ и послужило примѣромъ для цѣлаго ряда изданій подобнаго же рода: флоры Одесской, Орловской (Г. А. Тарачковъ), Воронежской (Н. Тарачковъ), Могилевской и др.

Второй трудъ А.: 2) Observations sur les plantes indigènes des environs de Moscou faites pendant les années 1844, 1845, 1846, 1848 et 1849, напечатанъ въ «Bulletin de la Société Imperial des Naturalistes de Moscou» 1851 г. Трудъ этотъ, требовавшій самаго неусыпнаго вниманія и наблюдательности, вызванъ былъ предложеніемъ бельгійскаго ученаго Кетле Обществу Испытателей Природы въ Москвѣ производить наблюденія надъ развитіемъ и ходомъ жизни растеній, что и было поручено производить Н. И. Анненкову.

3) Въ 1858 г. напечатано было А. *Простонародныя названія русскихъ растеній*. Книжка издана съ цѣлію доставить любителямъ растеній, не знающимъ ботаники, возможность узнавать по латинскому названію наиболѣе употребительныя и общеизвѣстныя растенія, ихъ русскія наименованія и обратно. Она возбудила интересъ и вслѣдъ за выходомъ ея въ свѣтъ издатель сталъ получать со всѣхъ концовъ Россіи новые матеріалы, вслѣдствіе чего въ концѣ 1859 г. онъ выпустилъ новое изданіе съ многочисленными дополненіями и съ прибавленіемъ названій растеній на языкахъ французскомъ, нѣмецкомъ и др. и уже подъ названіемъ:

4) *Ботаническій Словарь, или собраніе названій какъ русскихъ,*

такъ и многихъ иностранныхъ растеній на языкахъ латинскомъ, русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и др. Москва. 1859 г.

Словарь этотъ былъ принятъ еще благосклоннѣе, нежели первое изданіе. Академія Наукъ при XXIX-мъ присужденіи Демидовскихъ премій удостоила Ботаническій словарь *почетнымъ отзывомъ*, за недостаткомъ премій. Кромѣ того составитель получилъ за него отъ Государя Императора *бриллiантовый перстень съ рубиномъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ Академія Наукъ передала Анненкову всѣ матеріалы, относящіеся до названій растеній и ихъ народнаго употребленія въ медицинѣ и техникѣ, извлеченные академикомъ Рупрехтомъ изъ многочисленныхъ гербаріевъ, собранныхъ офицерами корпуса лѣсничихъ во всѣхъ почти губерніяхъ Россіи. Академія Наукъ, кромѣ того, въ отзывѣ своемъ о словарѣ, выразила мнѣніе, что было бы желательно видѣть въ новомъ изданіи словаря филологическое объясненіе происхожденія разныхъ названій на русскомъ языкѣ. Видя такой успѣхъ словаря, а главное желая сдѣлать его полезнымъ и необходимымъ для большаго круга лицъ различныхъ спеціальностей, авторъ задумалъ переработать свою книгу по новому, болѣе обширному плану, удовлетворяющему не только ботаниковъ, но и простыхъ любителей сочиненій о растеніяхъ и путешественниковъ. Онъ поставилъ себѣ задачею составить такую справочную книгу о растеніяхъ, въ которую: а) вошли бы названія растеній, не только русскихъ, но и болѣе замѣчательныхъ, по какому-либо употребленію ихъ, и всѣхъ остальныхъ; b) были бы объяснены названія этимологически и тамъ, гдѣ это возможно, приведены названія ихъ у древнихъ (Гомера, Гезіода, Теофраста, Діоскорида, Плинія и др.), конечно, въ предѣлахъ возможности и достовѣрности; затѣмъ были бы приведены названія средневѣковыя и, наконецъ, нынѣ употребляемыя на языкахъ русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, польскомъ и др. славянскихъ племенъ, на языкахъ инородческихъ племенъ, обитающихъ въ Россіи и т. д. Сопоставленіе всѣхъ этихъ древнихъ и новыхъ научныхъ и простонародныхъ названій даетъ прочное и вѣрное основаніе для рѣшенія вопроса, какія изъ названій коренныя и какія заимствованныя, чѣмъ и рѣшается, хотя отчасти, вопросъ филологическій. Тамъ, гдѣ нынѣ существующее названіе заимствовано отъ корня, вышедшаго изъ употребленія въ русскомъ разговорномъ языкѣ, тамъ по возможности объяснены эти названія; c) для неботаниковъ авторъ счелъ необходимымъ привести при каждомъ названіи растеній—его мѣсто въ системѣ науки, его родину и его синонимію; d) для удовлетворенія практическихъ цѣлей авторъ указываетъ употребленіе растеній въ медицинѣ, фармаціи, техникѣ и домашнемъ быту. Наконецъ, въ видѣ попытки приведены: e) библейскія названія растеній и f) знахарскія названія. Переработанный такимъ образомъ

и въ нѣсколько разъ увеличенный трудъ А. вышелъ въ свѣтъ въ 1878 г. подъ названіемъ: 5) *Ботаническій Словарь*. Справочная книга для ботаниковъ, сельскихъ хозяевъ, садоводовъ, лѣсоводовъ, фармацевтовъ, врачей, дрогистовъ, путешественниковъ по Россіи и др. С.-Петербургъ, 1878, XXII и 646.

Кромѣ перечисленнаго А. напечаталъ: 6) «*Лѣсоводство*». М. 1851. Руководство для учениковъ земледѣльч. школы. Извѣстные лѣсоводы Верехъ и Рудскій въ своей «Библіографіи лѣсоводства» очень сурово отнеслись къ этой книжкѣ. 7) Рядъ мелкихъ замѣтокъ въ трехъ изданіяхъ, выходившихъ въ 1860—62 гг. подъ редакціей Анненкова: «Журн. Сельск. Хозяйства», «Газетѣ для Сельскихъ Хозяевъ» и «Запискахъ» Комитетовъ акклиматизаціи и лѣсоводства.

За свои ученыя заслуги А. получилъ большую золотую медаль отъ Парижскаго Общества Акклиматизаціи, большую золотую медаль отъ Моск. Общ. Любителей Садоводства, большую серебряную медаль отъ Имп. В.-Экон. Общ. и былъ избранъ въ *почетные* члены: Имп. Росс. Общ. Акклиматизаціи, Моск. Физико-Медицинск. Общества, Королевскаго Саксонскаго Сельскохозяйственнаго Общ., Эстляндскаго Общ. сельскаго хозяйства.

β.

Изъ всѣхъ опубликованныхъ печатныхъ трудовъ Н. И. Анненкова самымъ выдающимся является, безспорно, его «Ботаническій словарь» въ послѣднемъ его (второмъ) изданіи 1878 г. Сочиненіе это, первоначально вышедшее въ свѣтъ въ 1858 г., подъ скромнымъ названіемъ «Простонародныя названія русскихъ растеній», спустя двадцать лѣтъ преобразилось подъ именемъ «Ботаническаго словаря» въ такой трудъ, равнаго которому не имѣется ни у насъ, ни за границей. Главная цѣль словаря состоитъ въ томъ, чтобы по принятому въ наукѣ латинскому названію какого-либо растенія дать возможность отыскать всѣ его простонародныя или книжныя названія, и—наоборотъ. Согласно этой цѣли словарь распадается на двѣ главныя части: въ одной приводятся въ алфавитномъ порядкѣ (какъ наиболѣе удобномъ для отысканія) всѣ латинскія названія растеній и при каждомъ изъ нихъ приведены всѣ его простонародныя и книжныя названія; въ другой же, наоборотъ, приводятся въ алфавитномъ же порядкѣ всѣ простонародныя и книжныя названія растеній съ указаніемъ ихъ систематическихъ латинскихъ названій. Но авторъ не ограничился одними только русскими простонародными названіями, онъ приводитъ таковыя же названія растеній и на языкахъ нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ, а также на языкахъ польскомъ, чешскомъ, сербскомъ, лужицкомъ, болгарскомъ и др. славянскихъ нарѣчіяхъ. Такимъ образомъ, словарь этотъ имѣетъ въ сущности международное значеніе. Во 2-ой части въ видѣ

особыхъ главъ помѣщены еще «Фармацевтическія и техническія названія растеній и ихъ частей», «Названія растеній у древнихъ греческихъ и римскихъ авторовъ» и пр., которыя еще болѣе увеличиваютъ полезное значеніе словаря. Несмотря на нѣкоторые пропуски и неполноту, неизбѣжные въ подобной работѣ, а потому и весьма извинительные, авторъ во всякомъ случаѣ потратилъ на составленіе этого въ высшей степени кропотливаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма полезнаго сочиненія массу времени и труда, за что нельзя не быть ему весьма благодарнымъ, тѣмъ болѣе, что оно, какъ уже сказано, и по сіе время представляется въ своемъ родѣ единственнымъ, не только въ русской литературѣ, но и въ литературѣ вообще.

Хр. Гоби.

Анненковъ, Николай Николаевичъ, младшій братъ поэтессы Варвары Анненковой и отецъ строителя Закаспійской дороги †). Родился въ 1799 году, въ нижегородской губерніи, учился въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, въ 1815 г. поступилъ юнкеромъ въ Преображенскій полкъ, въ 1824 г. былъ назначенъ адъютантомъ къ Великому Князю Михаилу Павловичу, въ 1829 г. принималъ участіе въ турецкой войнѣ, въ 1831 г. отличился при усмиреніи польскаго возстанія, въ 1835 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, въ 1836 г. назначенъ командиромъ Измайловскаго полка, въ 1842 г. директоромъ канцеляріи военнаго министра, въ 1844 г. сдѣланъ генералъ-адъютантомъ, въ 1848 г. членомъ государственнаго совѣта, въ 1854 г. исправляющимъ должность новороссійскаго генералъ-губернатора, въ 1855 г. государственнымъ контролеромъ, въ 1862 г. генералъ-губернаторомъ Юго-Западнаго края. Умеръ 25 сентября 1865 г. Въ 1849 г. А. былъ однимъ изъ членовъ Верховнаго суда надъ Петрашевцами. Онъ же былъ въ числѣ членовъ извѣстнаго «Бутурлиновскаго» комитета, учрежденнаго въ 1848 г. для высшаго надзора за цензурою.

А. въ молодости участвовалъ въ Измайловскомъ «Благонамѣренномъ», гдѣ помѣстилъ эпиграмму (1820 г., № 18) и отрывокъ изъ комедіи «Нерѣшительный» (1820 г., № 16). Отрывокъ этотъ написанъ гладкими стихами (въ грибоѣдовскомъ духѣ) и свидѣтельствуетъ о нѣкоторомъ талантѣ.

---

†) 1) Очеркъ его служебной дѣятельности. Спб. 1862, съ портретомъ. 2) «Воен. Сборн.», 1865 г. № 12, стр. 210. 3) *Геннади*, Словарь. 4) *Зеленецкій*, Записки о бомбардированіи Одессы. Одесса, 1855 г., стр. 36, 62 и др. 5) О дѣятельности «Бутурлиновскаго» комитета, см. «Истор. свѣд. о цензурѣ». Спб. 1862.

* **Анненковъ**, Павелъ Васильевичъ, литературный критикъ и историкъ литературы †). *По полученнымъ отъ его супруги указаніямъ*, р. въ

†) *Біографическія* данныя о немъ: 1) *А. П. Пятковскій*, въ «Энцикл. Слов.» изд. рус. уч. и лит., т. 4. 2) *Толь*. Настольный словарь. 3) *Березинъ*, Энцикл. словарь. 4) *Gubernatis*. Dizzionario dei scrittori contemporanei. 5) Краткіе некрологи во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ за мартъ 1887 г. Изъ болѣе крупныхъ статей, ему посвященныхъ, отмѣтимъ: 6) *А. Н. Пыпина*, въ «Вѣст. Евр. 1887 г. № 4.

Отзывы о литературныхъ работахъ Анненкова: о «Письмахъ изъ провинціи» *Дружининъ* въ «Письмахъ иногородн. подписчика» (т. VI) нѣсколько разъ дѣлаетъ сочувственныя упоминанія. Объ изданіи Пушкина: 1) Атеней 1858 № 1, Ч. 1. 2) Библіограф. Записки 1858, № 7 (статья *Л. Майкова*), № 10—11 (Библіогр. зам. Е. Я. и И. М—ка). 3), Библ. для Чт. 1855, № 3—4, т. 130, отд. 3 и 4; стр. 51—104. (Статья подъ загл. А. С. Пушкинъ и послѣднее изд. его сочиненій). № 5, т. 131 и 1856. № 2. Т. 135, отд. 6; стр. 54-66. (Статья *Колядина*). 1858, № 2, т. 147, отд. 5, стр. 43-75. 4) Москвитянинъ. 1855. № 12, т. 3, стр. 1—4 (Статья *М. Погодина*). Москов. Вѣдомости. 1855, № 42 и 70 (литерат. отд.) 1856. № 9 (литер. отд.). 1857 (литер. отд. № 147 Статьи Н. Ч. и *М. Логинова*). 6) Одесск. Вѣстникъ 1855. № 52 (статья *К. Зеленецкаго*). 7) Отеч. Записки, 1853. № 6. Т. 88, отд. 7, стр. 137—156. 1855. Т. 100, отд. 3; стр. 31—70. (Статья *В. Гаевскаго*). 1856. № 6. Т. 106, отд. 3; стр. 78—80. 1853. Т. 89, отд. 5; стр. 24—31. (Разборъ ст. В. Гаевскаго *Н. Тихонравовымъ*). 8) Русскій Вѣстникъ. 1856. № 1, 2 и 6. Т. 1 и 2; стр. 157-172, 303—324 и 281-310. (Статья *М. Каткова*). 9) Русск. Инвалидъ. 1857. № 267. 10) Спб. Вѣдомости. 1855. № 50, 88 и 162. 1856. № 124. 11) Современникъ 1855. Т. 49, отд. 3; стр. 1—26. Т. 50, отд. 3; стр. 1—34. Т. 52 отд. 3; стр. 1-34. (Статья *П. А—ва*). 1856. № 5. Т. 57, отд. 5. (Замѣт. о журн.). 12) Сынъ Отеч. 1856. № 1 1857. № 52. 13) Сѣв. Пчела. 1855. № 36 и 255. 1857. № 276. 14) *П. А. Ефремовъ* въ примѣчаніяхъ къ изданію соч. Пушкина 1880 и 1882 г. 15) *В. Е. Якушкинъ* въ «Р. Ст.» 1884 г. № 2 и слѣд. 16) *А. Н. Пыпинъ* Исторія Пушкинскаго текста въ «В. Евр.» 1887 г. № 2.

О біографіи Станкевича: 1) *И. Л.* въ «Биб. д. Чт.» 1858 г. № 3. 2) *Добролюбовъ* въ «Соврем.» 1858. т. 68 и въ «Сочиненіяхъ», т. 2. 3) *Герценъ* въ «Быломъ и Думахъ».

О 2-мъ отдѣльномъ изданіи *Матеріаловъ для біографіи Пушкина*: 1) «Гражданинъ» 1873. № 17; стр. 523-524. 1874. № 11; стр. 329—335 (*Павла Павлова*). 2) «Биржев. Вѣдом.» 1874. № 267 (*Экса*). 3 и 4) «Вѣстникъ Европы» 1873. № 5. Т. 3 1874. Т. 3. № 6; стр. 857—858 (Замѣтка г. *Л.*) 5). «Дѣло» 1873. № 7; стр. 327-363. (*С. Шашкова*). 6) «С.-Петербург. Вѣдомости» 1873. № 289 (О статьѣ Шашкова, въ отд. «Журналистика» *Z*). 7) «Русская Старина» «1873. № 5. Т. 7. 8) «Русскій Вѣстникъ» 1873. № 5. Т. 105; стр. 390—422. (Статья *А (всѣенко)* подъ загл. «Нужна ли намъ литература? 9) «Русскій Міръ» 1873. № 94. 10) «Сынъ Отечества» 1874. № 24 и 52. 11 и 12) «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1873. № 345. (Жур. зам. *Z.*). 1874. № 60, 67 и 266. 13) «Московск. Вѣдом.» 1874. № 42. (Зам. *Б.*, подъ. загл. «*Креолка*», сочин. «Вѣстникомъ Европы»). 14) «Голосъ» 1874. № 20 и 59. 15) «Новое Время» 1874. № 11. (Въ ст. *П. В.-б-га*: Русская журналистика). 16 и 17) «Одесскій Вѣстникъ.» 1873. № 274. 1874. № 49. (Статья *С. Г. В.* подъ загл. «Вообще о Пушкинѣ и объ Одесск. Пушкинѣ въ особенности»).

Москвѣ 19 іюня 1813 г. †). Отецъ его былъ богатый помѣщикъ симбирской губ., мать—урожденная Стрекалова. Учился А. сначала въ Горномъ Институтѣ, гдѣ дошелъ до спеціальныхъ классовъ, а затѣмъ долгое время былъ вольнослушателемъ философскаго, т. е. историко-филологическаго, факультета петербургскаго университета. Въ 1833 г. онъ поступилъ было въ канцелярію министерства финансовъ, но вскорѣ бросилъ службу и въ 1840 г. уѣхалъ за границу. Здѣсь А. во время пребыванія въ Римѣ, между прочимъ, близко сошелся съ Гоголемъ, сошелся, впрочемъ, только лично, потому что по общественнымъ взглядамъ и симпатіямъ тѣсно примыкалъ къ кружку Бѣлинскаго. Въ этомъ кружкѣ онъ не занималъ такого руководящаго положенія, какое занимали въ немъ другіе члены его—Станкевичъ, Герценъ, Грановскій, или позднѣе вошедшіе въ составъ его—Тургеневъ, Кавелинъ. Но зато, какъ видно изъ «Былого и Думъ» изъ переписки Бѣлинскаго, Тургенева и другихъ свидѣтельствъ, Анненкова

О книгѣ: «*Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ Алекс. эпоху*»: 1) «Вѣстникъ Европы» 1874. № 10. Т. 5. 2) «Русскій Вѣст.» 1874. № 2. Т. 109; стр. 802—830 и № 3. Т. 110; стр. 431—464. Статья *А(всѣенко)* подъ загл. «Новое слово старой критики». 3 и 4) «Русскій Міръ» 1873 № 305. 1874. № 16 и 42 (*А. О.*) 5) «Сынъ Отечества». 1873. № 278 и 294. 6) «Дѣло» 1875. № 6; стр. 1—24 (*С. Ставрина*).

О «*Воспоминаніяхъ и критическихъ очеркахъ*»: 1) «Дѣло» 1877. № 8, стр. 24—40. 1879. № 10. стр. 1—24. Статья П. Х. о 2-мъ отд. подъ загл. «Туристъ и эстетикъ». 2) «Пчела» 1877. № 27. (Рец. Эна). 3) «Русскій Вѣстникъ» 1877. Т. 130. № 8; стр. 848—865. (Рец. *А*). 4) «Русскій Міръ» 1877. № 239. 5) «Сѣверный Вѣстникъ» 1876. № 10. 6) «С.-П.-Вѣдомости» 1877. № 250. 7) «Собесѣдникъ» въ книгахъ 1877 № 4; стр. 134—135. 8) «Отечественныя Записки» 1877. № 7, стр. 109—113. 9) «Вѣстникъ Европы» 1877. Т. 3. № 6. 10) «Указатель по дѣламъ печати» 1877. № 10—11. 11) «В. Европы» 1881 г. № 3 и 5. 12) «Газета А. Гатцука» 1879. № 11. 12) *В. Буренинъ* въ «Нов. Врем.» 1880 г. № 1445 и 1487. 14) *А. В—скій* (А. И. Введенскій) въ «Рус. Правдѣ» 1879 г. № 45. 15) «Рус. Вѣд.» 1880 г. № 17. 16) «Слово» 1880 г. № 2—3 (статья «Критикъ переходнаго времени»; принадлежитъ А. И. Введенскому). 17) «Страна» 1881 г. № 39.

†) Въ некрологѣ Анненкова, написанномъ А. Н. Пыпинымъ, говорится: «Въ Энциклоп. словарѣ 1862 г. и словарѣ Березина указанъ годъ рожденія А.—1813 г., что и повторено некрологами. По свидѣтельству родныхъ годомъ рожденія П. В. былъ 1811; документы объ его рожденіи сгорѣли въ Москвѣ, въ 1812 г.» Почтенный историкъ, кажется, ошибается: Анненковъ дѣйствительно родился въ 1813 г. Незадолго до смерти Анненкова, мы обратились къ нему съ просьбою сообщить о себѣ біографическія данныя. Въ отвѣтъ на нашъ запросъ, супруга Павла Васильевича (самъ Анненковъ былъ уже тогда очень плохъ и не сознавалъ окружающаго) передала намъ чрезъ покойнаго предсѣдателя литературнаго фонда—В. П. Гаевскаго—нѣсколько «Дополненій къ біографическимъ даннымъ энциклоп. словаря Березина», въ которыхъ прямо сказано: «А. родился въ Москвѣ 19 іюня 1813 г.».

кова очень любили въ кружкѣ и близко сходились съ нимъ. Это-то и дало ему тотъ богатый запасъ наблюденій и свѣдѣній о центральныхъ людяхъ сороковыхъ годовъ, благодаря которымъ онъ былъ въ состояніи написать свое «Замѣчательное десятилѣтіе» и прочія статьи изъ цикла «Воспоминаній», составляющія наиболѣе цѣнную часть его литературныхъ работъ.

Въ сороковыхъ годахъ А. только изрѣдка наѣзжалъ въ Россію и большую часть времени проводилъ за границею. Такимъ образомъ ему пришлось быть свидѣтелемъ того умственнаго и политическаго броженія, которое привело къ 1848 году. Самъ онъ не принималъ никакого участія въ разыгрывавшихся предъ глазами событіяхъ и потому могъ совершенно безпрепятственно вернуться въ Россію—право, котораго лишились другіе, находившіеся въ то время за границею, члены кружка Бѣлинскаго—Бакунинъ, Герценъ, Сазоновъ. Но нельзя, однако, сказать, чтобы Анненковъ былъ и совершенно безучастнымъ зрителемъ. Какъ и всѣ члены кружка, онъ увлекался соціалистическими идеями и напр. знакомство съ Марксомъ, какъ видно изъ его «Воспоминаній», поддерживалъ съ большимъ интересомъ.

Въ 1849 г., когда въ Европѣ началась всеобщая реакція и наше всеобщее уныніе, А. возвратился домой и поселился въ деревнѣ, въ казанскомъ Поволжьѣ. Отсюда онъ посылалъ въ «Современникъ» свои «Провинціальныя письма».

Расцвѣтъ литературной дѣятельности Анненкова относится къ 50-мъ годамъ. Въ сороковыхъ онъ написалъ только нѣсколько заграничныхъ писемъ, да двѣ-три повѣсти и вообще не имѣлъ никакого положенія въ литературѣ. Въ пятидесятыхъ же онъ выдвигается на передній планъ и одно время какъ будто даже занималъ амплуа «перваго критика». Къ пятидесятымъ же годамъ относится изданіе полнаго собранія сочиненій Пушкина и «Матеріаловъ» для біографіи великаго поэта. Это былъ настоящій подвигъ со стороны Анненкова, подвигъ не только литературный, но и общественный. Нужно прочитать статью Анненкова «Любопытная тяжба», чтобы увидѣть сколько энергіи и ловкости пришлось употребить издателю, чтобы отстоять неприкосновенность пушкинскаго текста.

Вскорѣ за сочиненіями Пушкина и «Матеріалами» для его біографіи, Анненковъ выпустилъ въ свѣтъ другой важный трудъ—переписку и біографію Станкевича. Одновременно шла и журнальная дѣятельность Анненкова. Охотно встрѣчаемый во всѣхъ редакціяхъ, онъ далъ въ 50-хъ годахъ рядъ критическихъ статей о крупныхъ явленіяхъ текущей литературы въ двухъ лучшихъ журналахъ того времени—«Современникѣ» и «Русскомъ Вѣстникѣ».

Съ наступленіемъ лихорадочной жизни 60-хъ годовъ, литературная производительность Анненкова сокращается и самъ онъ снова отодвигается на второй планъ. Не такая стояла тогда литературная атмосфера, чтобы кого-нибудь могли заинтересовать темныя и вялыя статьи Анненкова, къ тому же стоявшія на «эстетической» точкѣ зрѣнія, столь нелюбимой въ эпоху господства идей Добролюбова и Писарева.

Гораздо больше писалъ Анненковъ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ. Но это уже было писаніе особаго рода. Современникъ лучшихъ дѣятелей новѣйшей литературы русской и свидѣтель литературныхъ событій цѣлаго сорокалѣтія, Анненковъ рѣшилъ подѣлиться съ публикой своими воспоминаніями и написалъ рядъ статей-мемуаровъ, которыя были прочтены если и не съ особеннымъ интересомъ, то съ большимъ вниманіемъ. Далъ онъ въ это время также нѣсколько интересныхъ, по фактическимъ даннымъ, статей о Пушкинѣ.

Послѣднія 20 лѣтъ своей жизни Анненковъ почти безвыѣздно жилъ за границею—въ Парижѣ, Баденъ-Баденѣ, Берлинѣ, Дрезденѣ и только изрѣдка наѣзжалъ въ Россію, для регулированія своихъ денежныхъ средствъ, которыя, въ общемъ, были довольно значительны. За этотъ послѣдній періодъ его жизни еще тѣснѣе стала его дружба съ Тургеневымъ, который очень цѣнилъ вкусъ Анненкова. Со средины 50-хъ годовъ, Тургеневъ все, что писалъ, раньше отсылки въ редакціи, всегда читалъ Анненкову и замѣчанія его всегда принималъ къ свѣдѣнію.

Въ 1880 г., когда въ Москвѣ открывали памятникъ Пушкину, московскій университетъ въ воздаяніе заслугъ Анненкова по ознакомленію съ произведеніями и жизнью великаго поэта, избралъ его въ почетные члены.

Умеръ Анненковъ 8 марта 1887 г. въ Дрезденѣ. Послѣ него, отъ брака (1861) съ Глафирой Александровной Раковичъ, остались сынъ и дочь.

Значительная часть написаннаго Анненковымъ вошла въ 3 тома его «Воспоминаній и критическихъ очерковъ». Спб. 1877—81 г. Содержаніе ихъ слѣдующее:

Томъ I: 1) *Наканунѣ пятидесятыхъ годовъ.* Письма изъ провинціи (1849 – 1851). 2) *Николай Васильевичъ Гоголь въ Римѣ,* лѣтомъ 1841 г. (1857). 3) Февраль и Мартъ въ Парижѣ 1848 (1862). 4) *Егоръ Петровичъ Ковалевскій,* біогр. очеркъ (1868). *Томъ II:* 5) *Старая и новая критика* (1856). 6) *Замѣтки о русской литературѣ 1848 г.* (1849). 7) *Романы и разсказы изъ простонароднаго быта, въ 1853 г.* (1854). 8) *Характеристики: И. С. Тургеневъ и Л. Н. Толстой* (1854). 9). *С. Т. Аксаковъ и его „Семейная хроника“* (1856). 10) *Сатира въ комедіи Н. Львова: „Свѣтъ не безъ добрыхъ людей“* (1858). 11) *Литературный типъ слабаго человѣка.* По поводу Тургеневской „Аси“ (1858). 12) *Дѣловой романъ въ нашей литературѣ:* „Тысяча

душъ" романъ Писемскаго (1859). 13) *Наше общество въ „Дворянскомъ гнѣздѣ"* *Тургенева* (1859). 14) *„Гроза" Островскаго и критическая буря* (1860). 15) *Русская беллетристика въ 1863 году:* Помяловскій, Успенскій, Островскій, Щедринъ, гр. Л. Н. Толстой, г-жа Кохановская, Писемскій. 16) *Часть и гр. А. К. Толстой въ 1866 г.:* „Дмитрій Самозванецъ" и „Смерть Іоанна Грознаго" (1866). 17) *Русская современная исторія въ романѣ И. С. Тургенева „Дымъ"* (1867). 18) *Историческіе и эстетическіе вопросы въ романѣ гр. Л. Н. Толстого „Война и Миръ"* (1868). 19) *Послѣднее слово русской исторической драмы:* „Царь Ѳедоръ Ивановичъ", гр. А. К. Толстого (1868). *Томъ III:* 20) *Замѣчательное десятилѣтіе.* 21) *Общественные идеалы А. С. Пушкина.* Изъ послѣднихъ лѣтъ жизни поэта (1880). 22) *Н. В. Станкевичъ*, біограф. очерк. (1857).

Въ эти три тома вошло далеко не все, что написалъ Анненковъ за сорокъ лѣтъ своей литературной дѣятельности. Въ разныя времена онъ сверхъ того напечаталъ: 23) *„Письма изъ за-границы"* въ „Отеч. Зап." 1841—42 г. 24) *Письма изъ Парижа* („Современ." 1847 г. № 1—4). 25) *О мысли въ произведеніяхъ изящной словесности* („Соврем." 1855 г. т. 49). 26) *О Мининѣ г. Островскаго и его критикахъ* („Рус. Вѣстн." 1862 г. т. 41). 27) *О двухъ національныхъ школахъ живописи въ 15 вѣкѣ.* („Биб. для чт." 1861 г. т. 163). 28) *Кирюша*, повѣсть (безъ имени автора) въ „Соврем." 1847 г. т. III. 29) *Она погибнетъ.* Разсказъ („Соврем." 1848 г. т. 10). 30) *Странный человѣкъ.* Разсказъ (тамъ-же 1851. т. 27) 31) *А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху.* („В. Евр." 1873 г. № 11, 12, 1874 г. № 1, 2. 32) *Любопытная тяжба.* („В. Евр." 1881 г. № 1). 33) *Литературные проекты Пушкина* („В. Евр." 1881. № 7). 34) *Художникъ и простой человѣкъ* (А. Ѳ. Писемскій) въ „В. Евр." 1882 г. № 4. 35) *Идеалисты 30-хъ годовъ* („В. Евр." 1883 г. № 3, 4). 36) *Молодость И. С. Тургенева* („В. Евр. 1884. № 2). 37) *Шесть лѣтъ переписки съ И. С. Тургеневымъ* (1856—62) въ „В. Евр." 1885 г. № 3. 38) *Изъ переписки съ И. С. Тургеневымъ.* 39) Въ „Нови" за 1888 г. появилась переписка Анненкова съ Писемскимъ. Нѣкоторыя выдержки изъ нея были уже напечатаны въ нашей книгѣ объ Алексѣѣ Ѳеофилактовичѣ. 40) Небольшія газетныя замѣтки и корреспонденціи Анненковъ отъ времени до времени помѣщалъ въ „С.-Пет. Вѣд.", редакціи В. Ѳ. Корша, и „Порядкѣ" М. М. Стасюлевича.

Въ *отдѣльномъ* изданіи изъ работъ А. кромѣ „Воспоминаній и критическихъ очерковъ" появились: 1) *А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній.* Составляютъ 1-ый томъ изданнаго А. въ 1855—57 гг. Собранія сочиненій Пушкина. Въ 1873 г. „Матеріалы" вышли 2 изданіемъ Спб. 1873 г. 2) *Н. В. Станкевичъ.* Переписка и его біографія. Съ портретомъ. М. 1857. 3) *А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху.* Спб. 1874.

Только что сдѣланный нами библіографическій перечень не лишенъ разнообразія: есть тутъ повѣсти, путевые очерки, воспоминанія, есть критика, біографія, библіографія и, наконецъ, очень много такого, что прямо или косвенно должно быть отнесено къ исторіи литературы. Какую же тутъ слѣдуетъ установить литературную іерархію, что лучше, что хуже въ ряду литературныхъ работъ Анненкова, что больше, что меньше опредѣляетъ характеръ литературныхъ способностей его?

Намъ кажется, что все когда-либо написанное Анненковымъ чрезвычайно однородно по литературнымъ достоинствамъ своимъ и что общій

арактеръ литературной дѣятельности его можетъ быть формулированъ лѣдующимъ образомъ: Анненковъ чрезвычайно много видѣлъ на своемъ ѣку, имѣлъ всегда дѣло съ матеріаломъ первостепеннаго значенія, обладалъ хорошимъ вкусомъ, былъ всегда воодушевленъ самыми лучшими гремленіями, въ большинствѣ случаевъ тонко понималъ литературныя вленія, но у него совсѣмъ не было таланта и исполненіе у него всегда ыло гораздо ниже намѣреній. Вотъ почему вліяніе его въ литературѣ ыло всегда самое незначительное, вотъ почему даже историко-литературыя работы его требуютъ извѣстной сноровки при пользованіи ими.

Присмотримся, въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько детальнѣе къ литературному аслѣдству Анненкова. Начнемъ хотя бы съ беллетристическихъ вещей го. Лучшія изъ нихъ—«Провинціальныя письма» въ свое время сочувгвенно были встрѣчены критикою. Ихъ находили любопытными, въ нихъ амѣчали новые, оригинальные типы. Отзывъ этотъ остается вѣрнымъ и о настоящаго времени, хотя съ тѣхъ поръ, какъ появились «Провинціьныя письма», прошло около 40 лѣтъ и—что самое главное—имѣется громная литература, посвященная эпохѣ и средѣ, затронутой Анненковымъ. ;сли вы дадите себѣ трудъ ознакомиться съ «Провинціальными письмами», ни рѣшительно васъ поражаютъ неизбитостью выведенныхъ въ нихъ типовъ. ' писателя, совсѣмъ даже неизвѣстнаго въ качествѣ беллетриста, встрѣить на протяженіи полутораста страницъ съ полдесятка характеровъ, не атронутыхъ нашею «изящною словесностью»—что можетъ быть цѣннѣе одобной оригинальности? Такимъ образомъ въ «Провинціальныхъ письмахъ» ꙇнненковъ проявилъ одну изъ главныхъ составныхъ частей беллетристиеской способности—остроту наблюденія. И все-таки только одна историкоитературная добросовѣстность и можетъ заставить дочитать «Провинціальыя письма» до конца: до того они деревянно написаны, до того они остоятъ изъ *намѣреній* и еле-намѣченныхъ контуровъ. Автора можно равнить съ золотоискателемъ, которому удалось наткнуться на богатыя озсыпи, но у котораго нѣтъ ни средствъ, ни умѣнья извлечь надлежащую ыгоду изъ своего открытія.

Такимъ же малоподготовленнымъ и только очень счастливымъ золотоскателемъ является Анненковъ и въ наиболѣе цѣнныхъ работахъ своихъ—зученіи Пушкина и воспоминаніяхъ о людяхъ 40-хъ годовъ. Взявшись за зданіе сочиненій Пушкина и получивъ для этого въ свое распоряженіе сѣ бумаги поэта, Анненковъ напалъ въ данномъ случаѣ на такую золотоосную жилу, что не загребать тутъ литературнаго золота цѣлыми лопатами ыло дѣломъ рѣшительно немыслимымъ. Это надо всегда принимать во ниманіе, когда рѣчь идетъ о заслугахъ Анненкова по отношенію къ ознакомленію публики съ Пушкинымъ. Дневники, которыми никто еще не

пользовался, черновыя тетради, гдѣ изъ десятковъ пьесъ лица, завѣдывавшія первымъ посмертнымъ изданіемъ (1838 г.), брали всего двѣ-три, всякаго рода другіе драгоцѣнные для біографіи и пониманія произведеній поэта документы—вотъ какой кладъ дался въ руки Анненкову. Какъ же тутъ было не набрать несмѣтныхъ литературныхъ сокровищъ?

Затѣмъ, не нужно забывать еще одного обстоятельства, которое до сихъ поръ нѣсколько одностороние понимается. Мы говоримъ о цензурныхъ препятствіяхъ, встрѣтившихъ Анненковское изданіе. И въ самомъ дѣлѣ, если съ одной стороны «тяжбу», которую пришлось вести издателю, можно назвать общественнымъ и литературнымъ подвигомъ, то съ другой не нужно упускать изъ виду и того, что Анненковъ вышелъ изъ нея побѣдителемъ не только *благодаря* своей энергіи и ловкости, но и потому, что начиналась эпоха новыхъ вѣяній. Писавшіе объ Анненковѣ все говорятъ о цензурныхъ *притѣсненіяхъ*, испытанныхъ изданіемъ 1855—57 гг., между тѣмъ какъ въ дѣйствительности полнота Анненковскаго изданія въ значительной степени зависѣла отъ цензурныхъ *послабленій*, отъ болѣе либеральнаго отношенія къ печати, установившагося съ первыхъ же моментовъ новаго царствованія.

Такимъ образомъ, для правильной оцѣнки заслугъ Анненкова по изданію Пушкина вовсе не нужно обращать вниманіе на то, *много ли* онъ внесъ новаго въ этомъ направленіи,—нельзя было мало сдѣлать при такихъ благопріятныхъ условіяхъ. Слѣдуетъ-же задаваться вотъ какимъ вопросомъ: *все ли* сдѣлалъ Анненковъ, что слѣдовало сдѣлать историку литературы и библіографу, которому выпало счастіе получить въ свое распоряженіе такую драгоцѣнность, какъ бумаги Пушкина, до дна ли онъ исчерпалъ заключающіяся въ нихъ литературныя сокровища? И вотъ если съ такой точки зрѣнія подойти къ работамъ Анненкова по Пушкину, то репутація ихъ терпитъ большой ущербъ. Эта репутація была очень прочна до тѣхъ поръ, пока за изданіе Пушкина брались такіе совсѣмъ уже неопытные и эстетически мало-развитые люди, какъ Геннади—редакторъ пушкинскихъ изданій 1860-хъ годовъ, по поводу которыхъ остроумный Соболевскій такъ зло и мѣтко сказалъ:

О жертва бѣдная двухъ адовыхъ исчадій,
Тебя убилъ Дантесъ и издаетъ Геннади.

Но, когда въ 1880 г. редактировать Пушкина взялся такой знатокъ своего дѣла, какъ П. А. Ефремовъ, безчисленные промахи, недосмотры и опущенія Анненкова выступили наружу очень ярко. Эти опущенія стали еще рельефнѣе, когда въ 1882 г. въ Румянцевскій музей поступили тѣ самыя рукописи, которыми когда-то пользовался Анненковъ, и когда

нѣ были тщательно обслѣдованы талантливымъ молодымъ ученымъ—Вяч. Євг. Якушкинымъ.

Главнѣйшій изъ укоровъ, самъ собою возникающій теперь, когда рукоиси Пушкина стали общимъ достояніемъ, это та странная и совершенно еумѣстная по отношенію къ такому генію, какъ Пушкинъ, разборчивость, ъ которою Анненковъ позволялъ себѣ, по собственному благоусмотрѣнію, ставлять необнародованною цѣлую массу неизданнаго матеріала, заклюавшагося въ черновыхъ тетрадяхъ поэта. По словамъ Якушкина, «Аненковъ почему-то пренебрегъ значительною, *большею частью* бывшаго него въ рукахъ матеріала. Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, проивъ изданія 1855 г. былъ поднятъ упрекъ въ неполнотѣ, Анненковъ нѣвно отвергъ этотъ справедливый упрекъ, выставивъ для своей защиты есьма странную теорію эстетической критики, по которой многія изъ роизведеній нашего великаго поэта не могутъ, не должны занимать мѣста ъ собраніи его сочиненій, «являясь паразитами на свѣтломъ фонѣ его оэзіи», многія же другія его произведенія только терпимы. Въ дѣйствиельности Анненковъ пропустилъ много такого матеріала, который можетъ ыдержать какую угодно эстетическую критику, и много такого, до чего ѣтъ дѣла эстетикѣ и что напечатать г. Анненкову не мѣшала никакая еорія» («Р. Ст.» 1884 г. № 2, стр. 416).

Стараясь ослабить значеніе упрековъ Якушкина, А. Н. Пыпинъ въ воей статьѣ «Исторія Пушкинскаго текста» («В. Евр.» 1887 г. № 2) ежду прочимъ говоритъ: «Нельзя упустить изъ виду, что въ о время, когда Анненковъ предпринималъ свою работу, у насъ еще не ыработалась манера того детальнаго кропотливаго библіографическаго озысканія, требованія котораго къ нему предъявляются» (стр. 794).

Очень странно слышать это въ устахъ такого тонкаго знатока новѣйшей нашей литературы, какъ Ал. Николаевичъ. Совсѣмъ напротивъ: Анненовское изданіе выходило какъ разъ тогда, когда въ литературѣ царствоала мелочнѣйшая библіографія, когда подъ вліяніемъ «отчаянія скуки», оворя выраженіемъ Добролюбова (т. I, стр. 517), въ журналахъ происхоили какія-то библіографическія вакханаліи, и споры изъ-за ударенія въ акомъ-нибудь стихотвореніи Пушкина или Дельвига составляли самую кгучую литературную злобу дня.

Переходя отъ Анненковскаго изданія Пушкина къ его же «Матеріамъ для біографіи и изученія произведеній» поэта, нужно прежде всего амѣтить, что заглавіе ихъ, очевидно придуманное авторомъ изъ скромости, по существу, однако же вполнѣ выражаетъ содержаніе книги. Это ѣйствительно одни только «матеріалы», въ которыхъ лично Анненкову ринадлежащее и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи

занимаетъ совершенно второстепенное мѣсто. Какъ сборникъ документовъ, выписокъ изъ бумагъ Пушкина и устныхъ разсказовъ лицъ, знавшихъ поэта, «матеріалы» Анненкова имѣли чрезвычайно важное значеніе въ свое время. Но если ихъ разсматривать какъ литературное произведеніе, то цѣнность «Матеріаловъ», до-нельзя темно, вяло и малоинтересно написанныхъ, совсѣмъ не велика. Страстная, кипучая натура Пушкина совершенно пропадаетъ въ блѣдномъ изображеніи Анненкова, вмѣсто полной высокаго драматизма картины жизни несчастнаго поэта получается какой-то рядъ сухихъ справокъ.

Справедливость, впрочемъ, требуетъ прибавить, что въ значительной степени вялость и тусклость «Матеріаловъ» зависѣла отъ цензурныхъ условій времени ихъ появленія. Въ жизни Пушкина «политика» играла такую огромную роль, а ея-то и нельзя было касаться въ 1855 г. Когда 18 лѣтъ спустя, въ 1873 г., Анненковъ вернулся къ біографіи великаго поэта (въ своихъ статьяхъ «А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху»), онъ могъ уже совершенно свободно говорить о ссылкѣ поэта, и его либеральныхъ наклонностяхъ—двухъ факторахъ, наложившихъ такую густую печать на первые періоды творчества автора «Оды къ вольности». Гораздо свободнѣе могъ онъ также говорить о разныхъ другихъ условіяхъ, игравшихъ роль въ жизни болѣзненно впечатлительнаго поэта и вотъ почему, въ общемъ, вторая монографія Анненкова о Пушкинѣ, уступая первой въ обиліи неизвѣстныхъ до того документовъ, въ литературномъ отношеніи гораздо выше «Матеріаловъ». Книгой «А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху» можно уже не только *пользоваться*, ее можно и *читать*. Духовная физіономія поэта здѣсь вырисована довольно отчетливо и многія стороны его молодого творчества освѣщены достаточно ярко.

Переходную ступень между историко-литературными работами Анненкова и «Воспоминаніями» его занимаетъ біографическій очеркъ Станкевича. Анненковъ не былъ лично знакомъ съ рано умершимъ другомъ Бѣлинскаго и Грановскаго. Но онъ такъ близокъ былъ со всѣми остальными членами кружка, что статья его во многихъ мѣстахъ носитъ отпечатокъ непосредственнаго свидѣтельства. Близко подходитъ этотъ очеркъ къ циклу «Воспоминаній» и тѣмъ основнымъ качествомъ ихъ, благодаря которому мы выше сказали, что для пользованія мемуарами Анненкова нужна извѣстная сноровка. Мы бы напр. настойчиво не совѣтовали людямъ, *впервые* знакомящимся съ эпохою 40-хъ годовъ, обращаться къ воспоминаніямъ Анненкова. Для человѣка, знакомаго съ нею по другимъ источникамъ, эти воспоминанія въ высшей степени драгоцѣнны: тутъ такая масса тонкихъ штриховъ, такъ много совершенно неизвѣстныхъ деталей, наконецъ тутъ констатировано столько интимныхъ черточекъ изъ жизни

дѣятелей 40-хъ годовъ, что для историка послѣ пушкинской литературы «Замѣчательное десятилѣтіе» и прочія однородныя съ нимъ статьи Анненкова служатъ такимъ же обильнымъ источникомъ свѣдѣній всякаго рода, какимъ для изучающихъ Пушкина являются Анненковскіе «Матеріалы». Но, повторяемъ, только для людей основательно изучившихъ эпоху Бѣлинскаго, которые одни и въ состояніи будутъ понимать туманнѣйшіе намеки Анненкова.

Въ данномъ случаѣ обычная туманность Анненкова осложнялась тѣмъ, что ему приходилось говорить объ эпохѣ, многіе дѣятели которой еще были живы. Отсутствіе этого стѣсненія въ воспоминаніяхъ о Гоголѣ придало имъ относительную живость и въ ряду другихъ статей изъ цикла «Воспоминаній», «Гоголь въ Римѣ» можетъ быть съ наибольшею пользою прочтенъ неподготовленнымъ читателемъ.

Но если въ общемъ, все-таки, воспоминанія Анненкова представляютъ собою довольно интересный матеріалъ для чтенія, то уже относительно критическихъ статей его этого ни въ какомъ случаѣ сказать нельзя. Въ нихъ всего ярче сказалось отсутствіе литературнаго таланта у Анненкова и неумѣніе его ясно сформулировать свою мысль. А. Н. Пыпинъ въ некрологѣ, посвященномъ памяти Павла Васильевича, сообщаетъ между прочимъ: «Съ первыхъ критическихъ этюдовъ, Анненкова упрекали въ нѣкоторой темнотѣ его стиля, что было въ то время справедливо; *припоминаемъ изъ его бесѣдъ, что эта темнота была почти намѣренная*— съ одной стороны она давала иной разъ ему возможность избѣжать внѣшняго неудобства, съ другой—должна была удерживать читателя на высотѣ отвлеченныхъ соображеній, требовать и возбуждать его вниманіе».

Нужно ли сколько-нибудь обстоятельно опровергать шаткость этого страннаго оправданія, которое только показываетъ, что самъ Анненковъ очень хорошо сознавалъ главный недостатокъ своихъ критическихъ (да и всякихъ иныхъ) статей. Неужели статьи Бѣлинскаго и Добролюбова, которыя читаются какъ романъ, не смотря на то, что онѣ полны «отвлеченныхъ соображеній», не достаточно «возбуждаютъ вниманіе» читателя? Почему «внѣшнее неудобство» имъ не придало ни темноты, ни вялости? Нѣтъ, не во «внѣшнихъ неудобствахъ» и не въ «высотѣ отвлеченныхъ соображеній» тутъ дѣло. Анненковъ писалъ вяло, потому что у него былъ вялый темпераментъ, онъ писалъ темно еще и потому, что, помимо отсутствія литературнаго таланта, у него въ сущности не было и строго-опредѣленнаго литературнаго и общественнаго міросозерцанія. Стоитъ, въ самомъ дѣлѣ, вчитаться сколько-нибудь внимательно въ его воспоминанія, чтобы тотчасъ-же убѣдиться, что имѣешь дѣло съ человѣкомъ типа «нельзя не признаться, но должно сознаться». Ни къ одному изъ кружковъ, въ кото-

рыхъ онъ вращался, онъ не примыкалъ *вполнѣ* и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ во всю свою жизнь ни съ кѣмъ и не расходился вполнѣ. Его очень любилъ Гоголь и очень любилъ Герценъ, онъ былъ свой человѣкъ въ ультра-западническомъ «Современникѣ» первой половины 50-хъ годовъ и онъ же поддерживалъ отношенія съ такъ называемой «молодой редакціей *Москвитянина*», которая съ «Современникомъ» находилась въ ожесточенной борьбѣ. Если онъ хвалитъ кого-нибудь, то никогда не безусловно, а всегда съ какою-нибудь оговоркою, если высказываетъ неодобреніе, то опять таки при этомъ отыскиваются какіе-нибудь такіе пункты, которые должны примирять съ порицаемымъ авторомъ или произведеніемъ. Не забудемъ еще, что желаніе всегда быть «на высотѣ отвлеченныхъ соображеній» удерживало Анненкова отъ всякаго намека на полемическую рѣзкость. Это, конечно, очень по джентльменски выходило, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и достаточно прѣсно.

Благодаря всей этой смѣси расплывчивости, чрезмѣрнаго джентльменства, вялости темперамента и незначительности таланта, уясненіе литературной физіономіи Анненкова, опредѣленіе литературно-общественнаго міросозерцанія его вещь нелегкая. Когда онъ умеръ, его въ некрологахъ довольно единодушно опредѣляли какъ «эстетическаго критика пятидесятыхъ годовъ». Нельзя сказать, чтобы такая характеристика была совсѣмъ не вѣрна. Въ статьяхъ Анненкова дѣйствительно можно найти не мало мѣстъ, гдѣ онъ является «эстетикомъ» a outrance. Вотъ напр. цѣлая статья, открывающая собою собраніе критическихъ «замѣтокъ» Анненкова и озаглавленная «Старая и новая критика». Она первоначально называлась «О значеніи художественныхъ произведеній для общества» и вся посвящена защитѣ «эстетической критики». Автору вопросъ о «художественности» представляется «жизненнымъ вопросомъ для отечественной литературы, предъ которымъ всѣ другія требованія суть требованія второстепенной важности». По его мнѣнію, «стремленіе къ чистой художественности въ искусствѣ должно быть не только допущено у насъ, но сильно возбуждено и проповѣдуемо, какъ правило, безъ котораго вліяніе литературы на общество совершенно невозможно». Отсутствіе этого стремленія ведетъ за собою «загрубѣніе литературы». «Не только у насъ», читаемъ мы чрезъ нѣсколько строкъ, «еще необходимо продолженіе чистой художественной поэзіи, по особенному состоянію общественныхъ идей, но оно необходимо каждому образованному обществу на землѣ и въ каждую эпоху его жизни. Это всегдашній идеалъ, который чѣмъ чаще возносится надъ головами, тѣмъ яснѣе свидѣтельствуетъ о нравственныхъ потребностяхъ общества и тѣмъ плодотворнѣе дѣйствуетъ на всѣ моральныя стороны народа, обновляя ихъ безпрестанно». Въ pendant къ прославленію

чистаго искусства», нашъ критикъ въ статьѣ, первоначально носившей аглавіе «О мысли въ художественныхъ произведеніяхъ», а въ собраніе го сочиненій вошедшей подъ скромнымъ названіемъ: «Характеристики: І. С. Тургеневъ и Л. Н. Толстой», усиленно воюетъ съ стремленіемъ ъ идейности или, по крайне неуклюжей терминологіи его,—«мыслью»:

„При всякомъ появленіи замѣчательнаго произведенія, раздаются въ публикѣ осклицанія въ родѣ: это хорошо, но какая тутъ мысль и сколько тутъ мысли? тыскивать причину такого упорнаго требованія мысли въ дѣлѣ искусства ыло бы слишкомъ долго, но замѣтимъ, что отъ молодыхъ, начинающихъ литераторовъ, общество, которое по годамъ ровесникъ литературы, ждетъ преимущетвенно *поученія*, а эстетическая форма, обиліе фантазіи и красота образовъ тоятъ уже на второмъ планѣ при оцѣнкѣ произведеній. Постоянныя хлопоты мысли, которыми занята не одна публика, но и критика, сообщаютъ педагоичесkій характеръ изящной литературѣ вообще, какъ это мы видимъ не только ъ нашемъ прошломъ, но и въ нашемъ настоящемъ. Съ одной стороны, кругъ ѣйствія литературы отъ этого, можетъ быть, и расширяется, но съ другой— нъ утрачиваетъ большую часть самыхъ дорогихъ и существенныхъ качествъ воихъ—свѣжесть пониманія явленій, простодушіе во взглядѣ на предметы, смѣость обращенія съ ними. Тамъ, гдѣ опредѣляется относительное достоинство роизведенія по количеству мысли и цѣнность его по вѣсу и качеству идеи, тамъ ѣдко является близкое созерцаніе природы и характеровъ, а всегда почти илософствованіе и нѣкоторое лукавство. Не говоримъ уже о томъ, что на сновaніи *мысли* легко быть судьею литературнаго произведенія всякому, кто ризнаетъ въ себѣ мысли (кто же не признаетъ ихъ въ себѣ), а на основаніи стетическихъ условій это тяжелѣе. Не говоримъ также, что по существу криивъ, ищущихъ предпочтительно мысли, вся лучшая сторона произведенія, именно го постройка, остается почти всегда безъ оцѣнки и опредѣленія, но скажемъ, то обыкновенно и не тѣхъ мыслей требуютъ отъ искусства, какія оно призвано способно распространять въ своей сферѣ. Подъ видомъ наблюденія за значеіемъ и внутреннимъ достоинствомъ произведенія, большею частью предъявляютъ ребованія не на художническую мысль, а на мысль или философскую, или пеагогическую. Съ такого рода мыслями искусство никогда имѣть дѣла не можетъ, а онѣ же много способствуютъ и къ смѣшанію всѣхъ понятій о немъ".

. . . .

„Насъ спросятъ: какого-же рода циклъ идей принадлежитъ повѣствованію и ъ чемъ состоитъ самая сущность его? Отвѣтъ не затруднителенъ. Развитіе сихологическихъ сторонъ лица или многихъ лицъ составляетъ основную идею сякаго повѣствованія, которое почерпаетъ жизнь и силу въ наблюденіи душевыхъ оттѣнковъ, тонкихъ характерныхъ отличій, игры безчисленныхъ волненій еловѣческаго нравственнаго существа, въ соприкосновеніи его съ другими юдьми. Никакой другой „мысли" не можетъ дать повѣствованіе и не обязано ъ тому, будь сказано не во гнѣвъ фантастическимъ искателямъ мыслей. Гдѣ сть въ разсказѣ присутствіе психическаго факта и вѣрное развитіе его, тамъ же есть настоящая и глубокая мысль. Всякому, разумѣется, дозволено находить ри случаѣ, что психическое положеніе разсказа или малозначительно или збито, или, наконецъ, объяснено слишкомъ поверхностно (это часто такъ и бы-

ваетъ), *но врядъ ли дозволено дѣлать разсказъ проводникомъ этическихъ или иныхъ соображеній* и по важности послѣднихъ судить о немъ".

Приведенныя выдержки дѣйствительно довольно опредѣленно обрисовываютъ Анненкова какъ критика «эстетическаго» по преимуществу. Но уже не говоря о томъ, что Анненковъ ни въ одной изъ своихъ довольно многочисленныхъ статей не опредѣлялъ сколько-нибудь ясно и точно, что такое онъ понимаетъ подъ словомъ «эстетическія требованія» и «художественность», онъ отнюдь не строго держался «эстетической» точки зрѣнія въ литературныхъ оцѣнкахъ своихъ. Только въ двухъ *принципіальныхъ* статьяхъ («О мысли въ худ. произведеніяхъ» и «Значеніе художеств. произвед. для общества»), которыя обѣ относятся къ первому году эпохи новыхъ вѣяній и, такимъ образомъ, еще являются отзвукомъ литературнаго безвременія, наступившаго подъ вліяніемъ реакціи 1848—55 годовъ, только въ этихъ двухъ статьяхъ Анненковъ и выступаетъ сколько-нибудь опредѣленно палладиномъ «эстетики». Но въ какіе-нибудь два, три года эта опредѣленность значительно тускнѣетъ и замѣняется какимъ-то промежуточнымъ сидѣніемъ на двухъ стульяхъ.

Вотъ, напримѣръ статья объ извѣстной въ свое время и уже не просто «идейной», а прямо тенденціозной драмѣ Н. Львова «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей».

Послѣдовательный эстетикъ если бы уже посвятилъ ей статью, то, конечно, для того, чтобы показать всѣ ея отступленія отъ эстетическаго кодекса. Но посмотрите, съ какою почтительностью объ ней трактуетъ Анненковъ. Оказывается, что пьеса Львова имѣетъ «настоящія права на всеобщее вниманіе». Почему же она ихъ имѣетъ? Потому что представляетъ собою «произведеніе *серьезное по мысли и серьезное по направленію*». Вслѣдъ за этою очень странною въ устахъ настоящаго «эстетика» похвалою, начинается разборъ пьесы исключительно съ *общественной* точки зрѣнія.

А вотъ и слѣдующая статья—о Тургеневской «Асѣ». Это уже прямо трактатъ въ духѣ Добролюбова и Чернышевскаго, гдѣ литературное произведеніе является не больше, какъ «поводомъ» для высказыванія разныхъ мыслей публицистическаго свойства. Какъ недавно еще нашъ критикъ, разбирая Тургенева, слѣдующимъ образомъ намѣчалъ рамки всякой критической статьи:

«Читатель, вѣроятно, уже замѣтилъ, что мы преимущественно обсуждаемъ *внѣшнюю сторону авторскаго таланта*, его пріемы и способы созданія, *оставляя въ сторонѣ сущность произведеній*, такъ какъ настоящая цѣль этой статьи заключается въ одномъ: открыть и уяснить себѣ, сколько позволяютъ намъ силы, художническія привычки писателя, его сноровку и своеобычный образъ исполненія

темъ. Намъ всегда казалось, что *это самая поучительная и самая важная часть во всякомъ человѣкѣ, посвятившемъ себя искусству»* (т. II. стр. 87).

А теперь онъ читаетъ цѣлую лекцію объ исторической смѣнѣ типовъ и литературныя произведенія даютъ ему матеріалъ толковать о фазисахъ русскаго общественнаго развитія. Статья о «Дворянскомъ Гнѣздѣ» уже прямо озаглавлена «*Наше общество* въ «Дворянскомъ Гнѣздѣ» Тургенева». И посмотрите, за что тутъ воздается хвала Тургеневу:

«Ни у одного изъ нашихъ повѣствователей нѣтъ такого чутья къ тончайшимъ поэтическимъ оттѣнкамъ жизни, такого остраго психическаго анализа и такого пониманія *невидимыхъ струй и теченій общественной мысли*, которыя пересѣкаютъ въ разныхъ направленіяхъ современный бытъ нашъ. Вотъ почему *отъ него всегда можно ожидать именно того слова, которое на очереди или которымъ занято большинство умовъ.* Преимущество это, кромѣ таланта, условливается и *обширностью горизонта, такимъ пользуется его мысль»* (т. II. стр. 220).

Вотъ какіе критеріи пошли теперь въ ходъ у нашего критика. «Мысль» уже ничуть его не пугаетъ. Разсуждая о «знаменитѣйшихъ типахъ современной нашей литературы — Обломовѣ и Базаровѣ», онъ прямо заявляетъ: «Эти понятія—типы нисколько не стыдятся своего происхожденія отъ мышленія» (т. II, стр. 247). А въ статьѣ о Помяловскомъ мы даже натыкаемся на цѣлыя страницы, полныя «гражданской скорби».

Въ статьѣ «Дѣловой романъ въ рус. литературѣ» Анненковъ разбираетъ «Тысячу душъ» Писемскаго и что же онъ ставитъ, между прочимъ, въ упрекъ автору? То, что онъ не похожъ на «лучшіе соціальные романы», въ которыхъ всегда есть лица, олицетворяющія собою наказаніе порока и торжество добродѣтели.

„Черезъ всю, часто весьма сложную, постройку лучшихъ соціальныхъ романовъ проходитъ одно существо (мужчина или женщина—все равно), исполненное достоинства и обладающее замѣчательною силой нравственнаго вліянія. Роль подобнаго благороднаго существа постоянно одна и та же: оно вездѣ становится посереди столкновеній двухъ различныхъ міровъ, представляемыхъ романомъ— міра отвлеченныхъ требованій общества и міра дѣйствительныхъ потребностей человѣка, умѣряя присутствіемъ своимъ энергію ихъ ошибокъ, обезоруживая побѣдителя, утѣшая и подкрѣпляя побѣжденныхъ. Намъ пришлось бы перечислить множество героевъ и героинь лучшихъ романовъ Диккенса, Жоржъ-Санда и другихъ, если бы мы хотѣли подтвердить примѣрами справедливость нашего замѣчанія. Всѣ эти избранныя существа возникали въ фантазіи авторовъ изъ потребности указать чувству читателя искупительную жертву несправедливости и ободрить его при торжествѣ неразумныхъ, темныхъ или порочныхъ началъ.

Что-жъ выходитъ далѣе?—Далѣе выходитъ, что только посредствомъ этихъ избранныхъ существъ, а не посредствомъ грубой расправы и кроваваго мщенія оканчивается судъ надъ людьми. Дикія побужденія, или мрачныя силы невѣжества и притѣсненія падаютъ передъ ними съ высоты ихъ величія въ прахъ, разумѣется, неформально, нефизически, и пораженныя въ своемъ значеніи. Пусть

на концѣ романа всѣ элементы, враждебно дѣйствовавшіе на истину и разумность, стоятъ еще въ полномъ блескѣ и въ полной своей цѣлости, не тронутые и не ослабленные происходившей борьбой, пусть даже являются они побѣдителями и еще грозятъ будущему развитію человѣка, но одно присутствіе этихъ избранныхъ, нѣсколько мгновеній ихъ жизни, составляютъ уже отрицаніе и осужденіе противоположныхъ имъ началъ. Скажутъ—«этого мало»; но вѣдь задача романа не въ томъ, чтобы произносить или совершать судебные приговоры, а въ томъ, чтобы показать читателю, куда должны обращаться его симпатіи. И когда искупительная жертва подобнаго рода, сообщающая нравственный смыслъ всему грубому ходу борьбы и всѣмъ ея орудіямъ, сама падаетъ въ серединѣ битвы, защищая правую сторону и дѣло своего сердца,—какія безконечныя симпатіи читателя сопровождаютъ ее и какую длинную, блестящую полосу отрадныхъ воспоминаній оставляетъ она за собой!»

Это уже прямая проповѣдь тенденціозности.

Много могли бы мы еще привести однородныхъ выдержекъ. Всѣ онѣ показываютъ, что опредѣленіе Анненкова исключительно какъ «эстетика» далеко не даетъ полнаго представленія о строѣ его литературныхъ убѣжденій и взглядовъ.

Спѣшимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, предупредить одинъ выводъ, который можетъ возникнуть въ умѣ читателя въ силу того, что мы въ *позднѣйшихъ* статьяхъ Анненкова старались подчеркнуть теченіе, отличное отъ настроенія первыхъ его статей. Иной читатель можетъ подумать, что у Анненкова подъ напоромъ идей Добролюбовской школы произошло литературное перерожденіе. Бѣлинскій когда-то былъ безусловнымъ «эстетикомъ» и только мало по малу становился на сторону «мысли». Можетъ быть и съ Анненковымъ произошла такая рѣшительная метаморфоза?

Но въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ; въ томъ-то и дѣло, что обычная половинчатость Анненкова и отсутствіе истиннаго критическаго таланта, который одинъ только и даетъ опредѣленный строй мысли, привели къ тому, что онъ отъ одного берега отсталъ, а къ другому не присталъ. То и дѣло прилагая къ разбираемымъ литературнымъ произведеніямъ критерій «мысли», Анненковъ по прежнему вставляетъ кстати и не кстати слова «эстетическія требованія», «чистое искусство», «истинная художественность». Правда, эти слова по мѣрѣ наростанія волны новыхъ вѣяній встрѣчаются у него все рѣже и рѣже; и напр. въ статьѣ о Писемскомъ онъ уже вотъ какимъ робкимъ тономъ говоритъ о критеріяхъ, которые прежде считалъ единственнымъ мѣриломъ цѣнности литературныхъ произведеній:

«Обойтись совершенно безъ эстетическихъ замѣчаній при разборѣ художественнаго романа, согласитесь, тоже не совсѣмъ возможно. Необходимость должна служить намъ оправданіемъ» (т. II, стр. 178).

Но въ общемъ, все-таки, эти напоминанія объ «эстетикѣ», не нахо-
іщіяся въ строгомъ соотвѣтствіи съ публицистическою струей многихъ
:атей Анненкова, были достаточны для того, чтобы произвести на чи-
ітеля впечатлѣніе двойственности и неопредѣленности авторскаго міро-
)ззрѣнія.

И вотъ почему, скажемъ мы въ заключеніе настоящей статьи, крити-
еская дѣятельность Анненкова прошла совершенно безслѣдно, несмотря
а то, что литературное безвременіе первой половины 50-хъ годовъ и
сеобщее уваженіе, которымъ Анненковъ пользовался за изданіе Пушкина
о второй половинѣ 50-хъ годовъ, выдвинуло его въ первые ряды то-
дашней литературы. Анненкову не помогъ даже цѣлый рядъ качествъ,
есьма цѣнныхъ, если они идутъ рука объ руку съ талантомъ и опредѣ-
энностью взглядовъ. Онъ, напр., былъ человѣкъ съ прекраснымъ вку-
омъ—ни разу не похвалилъ онъ дурного и, путаясь теоретически, прак-
нчески всегда восхищался только хорошимъ. Не подлежитъ также со-
:нѣнію критическая добросовѣстность Анненкова, благодаря которой онъ
:е останавливался предъ тѣмъ, чтобы хвалить все хорошее, изъ какого
агеря оно ни исходило-бы. Наконецъ, нельзя отрицать добрыхъ намѣре-
ıій Анненкова: при всей неопредѣленности своего міровоззрѣнія онъ
се-таки всегда былъ на сторонѣ свѣта и прогресса и никогда не слу-
килъ тьмѣ и реакціи. Но, къ сожалѣнію, все это были одни membra
lisjecta и, не связанные талантомъ и ясностью цѣли, они не могли при-
;ать интереса донельзя вялымъ и скучнымъ статьямъ нашего критика.

Анненковъ, Юрій Семеновичъ, славистъ †). По происхожденію при-
ıадлежитъ къ курскому дворянству. Р. 1 дек. 1849 г. въ Петербургѣ, гдѣ
ъ то время жилъ его отецъ, инженеръ путей сообщенія. Мать А. была
французженка, урожденная де-Баръ. Окончивъ въ 1871 г. курсъ въ петер-
бургскомъ университетѣ кандидатомъ филологич. факультета, А. былъ
)ставленъ при университетѣ стипендіатомъ для приготовленія къ степени
ıагистра славянской филологіи. Но матеріальная необезпеченность заста-
зила молодого слависта избрать педагогическую карьеру, благодаря чему
)нъ могъ посвящать любимой наукѣ только немногіе досуги.

Студентомъ 4 курса А. получилъ золотую медаль за сочиненіе «Іоаннъ
Гусъ. Обзоръ его чешскихъ сочиненій», значительная часть котораго была
напечатана впослѣдствіи подъ заглавіемъ: 1) «*Чешскія сочиненія Гуса и
время ихъ написанія. Библіографическія розысканія*», въ «Журн. Мин.

†) «Извѣстія Славян. благотв. общ.» 1885 г. стр. 93.

Нар. Просв.» ч. CCXII, стр. 253—266. Въ «Страннике» 1877 и 1878 гг. А. напечаталъ: 2) «*Сказаніе о чешскомъ святомъ Іоаннѣ Непомукѣ*» и 3) *Гуситы въ Россіи въ XV и XVI столѣтіяхъ*. Изданіе *Гаттала* и *Патеры* «Zbytcy rymovanych Alexandreid staroceskych» дало А. поводъ написать рецензію этого труда въ «Ж. Мин. Нар. Пр.» (ч. CCIX стр. 379—394). 4) Много другихъ небольшихъ рецензій А. написалъ въ «Славянскомъ Сборникѣ» и въ «Изв. Слав. Общ.». 5) Но больше всего А. работалъ надъ изученіемъ знаменитаго чешскаго религіознаго писателя XV в. — Петра Хельчицкаго. Какъ извѣстно, сочиненія Хельчицкаго частью вовсе не напечатаны, частью имѣются только въ очень рѣдкихъ старопечатныхъ изданіяхъ. Въ Петербургѣ этихъ старопечатныхъ изданій нѣтъ и Анненкову приходилось ѣздить ради нихъ въ Прагу. Сколько надо было имѣть въ себѣ любви къ дѣлу, чтобы при болѣе чѣмъ скромномъ бюджетѣ гимназическаго учителя, да еще семейнаго, находить возможность почти каждый годъ ѣздить за границу. Эта трогательная преданность наукѣ привлекала къ Анненкову всеобщія симпатіи, которыя, какъ оно вполнѣ понятно, были особенно сильны въ Чехіи. Во время нашей поѣздки въ Прагу и Таборъ въ 1881 г. намъ приходилось говорить съ чешскими учеными объ А. и всѣ они отзывались о немъ съ большою теплотою и съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали предпринятаго молодымъ славистомъ переизданія и обстоятельнаго изслѣдованія главнаго сочиненія Хельчицкаго «Сѣти вѣры».

Но не удалось довести бѣдному труженику до конца своей работы. Смерть (8 февраля 1885 г.) прервала ее на серединѣ. «Еще наканунѣ дня смерти» читаемъ мы въ некрологѣ, напечатанномъ въ «Изв. Славянск. благ. общ.», Анненковъ, не подозрѣвавшій всей серьезности своей болѣзни (горловой), «былъ все время на ногахъ, занимаясь корректурой приготовленнаго имъ къ изданію и напечатаннаго Академіею Наукъ знаменитаго сочиненія Хельчицкаго «Сѣть вѣры». Чешскій текстъ этой книги, состоящей изъ 51 главъ, отпечатанъ сполна. Въ концѣ текста помѣщено подробное изложеніе, на русскомъ языкѣ, содержанія «Сѣти вѣры» по главамъ, доведенное покойнымъ до половины 49 главы. Всего напечатано имъ 368 страницъ, а осталось, такимъ образомъ, ненапечатаннымъ изложеніе 50 и 51 главъ, корректура которыхъ, присланная изъ академической типографіи, уже не застала Юрія Семеновича въ живыхъ и была возвращена вдовою покойнаго въ академію. Приготовивъ изданіе сочиненія Хельчицкаго, Ю. С. не успѣлъ приступить къ печатанію своего изслѣдованія о немъ, которое осталось не обработаннымъ окончательно. Мы видѣли въ его бумагахъ нѣсколько тетрадей съ отдѣльными изслѣ-

дованіями и замѣтками, но всѣ онѣ въ черновомъ видѣ, не окончены и не сведены воедино».

Приготовленная А. къ печати «Сѣть вѣры» должна, какъ мы слышали, въ ближайшемъ будущемъ появиться въ свѣтъ (въ «Запискахъ» Академіи).

*Анненская, Александра Никитична, дѣтская писательница †). Приходится сестрою извѣстному критику и публицисту, впослѣдствіи эмигранту—Петру Ник. Ткачеву. *По свѣдѣніямъ, отъ нея полученнымъ*, р. въ 1840 г. въ небольшомъ имѣніи своихъ родителей, расположенномъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Великихъ Лукъ; 8 лѣтъ лишилась отца, въ 11 переѣхала со всей семьей въ Петербургъ и здѣсь поступила въ нѣмецкій пансіонъ г-жи Грау. Въ 1856 г. А. выдержала въ петербургскомъ университетѣ экзаменъ на званіе домашней учительницы и съ большимъ рвеніемъ предалась педагогической дѣятельности. Вступленіе братьевъ въ университетъ сблизило ее съ передовою молодежью, она стала много читать и пополнялъ этимъ путемъ пробѣлы своего образованія. Захватила молодую дѣвушку и волна увлеченія общественными вопросами и сдѣлала ее одною изъ наиболѣе дѣятельныхъ учительницъ воскресныхъ и безплатныхъ школъ. Въ 1866 г. она открыла частное учебное заведеніе для дѣтей младшаго возраста. Школа эта держалась всего 2 года: по недостатку средствъ пришлось ее въ 1867 г. закрыть. Въ 1866 г. А. Н. вышла замужъ за Н. Ф. Анненскаго (о немъ см. ниже), что не отвлекло

---

†) *Кн. Н. Н. Голицынъ*, Библіографическій Словарь рус. писательницъ въ «Ж. Мин. Нар. Пр.» 1888 г. № 8. Отзывы о «*Робинзонѣ*»: 1) «Голосъ» 1873 г. № 348. 2) «Дѣло» 1873 г. № 12, стр. 60—81. 3) «Спб. Вѣд.» 1874 г. № 35. 4) «Вѣст. Евр.» 1874 г. № 12. 5) *Крючникова*, въ «Семьѣ и Школѣ» 1873 г. № 10. 6) «Нар. Школа» 1878 г. № 1. 7) «Недѣля» 1888 г. Октябрь. 8) «Рус. Мысль» 1882 г. № 2.

О «*Зимнихъ вечерахъ*» 1) «Воспит. и Обуч.» 1877 г. № 1. 2) «Женское Образ.» 1877 г. № 4. 4) *А Введенскій* въ «Педаг. Музеѣ» 1877 г. № 2.

О «*Маленькомъ оборвышѣ*»: 1) «Дѣтскій Садъ» 1876 г. № 4. 2) *В. Ф. Б.* въ «Нар. Школѣ» 1877 г. № 5. 3) *О. Ш.* въ «Педаг. Музеѣ» 1876 г. № 2. 4) *А. Введенскій* (тамъ же 1877 г. № 2). 5) *К. М.* въ «Педаг. Сбор.» 1876 г. № 6. 6) *В. Введенскій* въ «Дѣлѣ» 1876 г. № 2. 7) «Спб. Вѣд.» 1876 г, № 93. 8) *Его* въ «Пчелѣ» 1876 г. № 34. 9) *А. Г.* въ «Что читать народу». 10) «Обзоръ народ. педаг. лит.» Дополненіе 1-ое.

О «*Братѣ и сестрѣ*»: 1) *С—нъ* въ «Рус. Рѣчи» 1880 г. № 12. 2) «Вѣст. Евр.» 1880 г. № 12. 3) «Отеч. Зап.» 1880 г. № 12. 4) *Е. С.* въ «Женскомъ Образ.» 1880 г. 5) *А. Г.* въ «Что читать народу». 6) «Системат. обзоръ нар. учеб. лит.». Дополненіе 1-ое.

Объ «*Аннѣ*»: 1) «Воспит. и Обуч.» 1881 г. № 5—6. 2) *Е. С.* въ «Женск. Образ.» 1881 г. № 6—7. 3) «Молва» 1880 г. № 356.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

ее, однакоже, ни отъ педагогической, ни отъ литературной дѣятельности, которой она тогда только что предалась, покамѣстъ, впрочемъ, только въ качествѣ участницы перевода на русскій языкъ «Исторіи Философіи» *Льюиса*, «Исторіи крестьянской войны» *Циммермана*, «Комедіи всемірной исторіи» *Шерра* и «Утилитаризма» *Милля*. Съ 1869 по 1872 г. А. была постоянной переводчицей при политическомъ отдѣлѣ «Биржевыхъ Вѣдомостей» ред. Трубникова, а въ 1870 г. помѣстила въ журналѣ «Семья и Школа» свою первую самостоятельную статью 1) о книгѣ Эскироса «Эмиль XIX вѣка» Редакторъ «Семьи и Школы» Ю. Симашко предложилъ ей попытать свои силы въ качествѣ сотрудницы отдѣла для дѣтскаго чтенія и она въ томъ-же году начала помѣщать въ этомъ отдѣлѣ повѣсти и разсказы для дѣтей. Въ 1872 г. А. по иниціативѣ и при содѣйствіи В. В. Лесевича занялась переработкою Робинзона, которая въ концѣ 1873 г. вышла въ свѣтъ подъ заглавіемъ 2) *Робинзонъ Крузе*. Новая переработка темы Де-Фое. Изданіе В. Лесевича. Въ 1882 г. книга вышла 2 изданіемъ, а въ 1888 г.—третьимъ.

«Въ 1868 г.» пишетъ А. Н. въ автобіографической запискѣ своей «въ Петербургѣ происходило усиленное движеніе въ пользу расширенія женскаго образованія. Я принимала живое участіе въ этомъ движеніи и въ домѣ моемъ собирался кружокъ женщинъ, обсуждавшихъ средства и пути для доставленія женщинамъ высшаго образованія. Надѣясь получить отъ правительства разрѣшеніе на открытіе университетскаго курса для женщинъ, мы организовали подготовительныя лекціи по тѣмъ предметамъ, незнаніе которыхъ могло помѣшать научнымъ занятіямъ, преимущественно же по математикѣ и естественнымъ наукамъ. Я посѣщала эти лекціи и, когда основано было общество для содѣйствія высшимъ женскимъ курсамъ, я была избрана однимъ изъ членовъ его и въ теченіи двухъ лѣтъ исполняла должность секретаря общества».

Въ 1880 г. А. Н. послѣдовала за мужемъ въ Тару, а затѣмъ вернулась съ нимъ въ Россію и въ настоящее время проживаетъ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Въ *Отдѣльномъ* изданіи изъ написаннаго Анненской появилось, кромѣ «Робинзона» 3) *Исторія маленькаго оборвыша* (передѣлка по Гринвуду). Спб. 1876 г. 4) *Зимніе вечера*. Спб. 1876 г. Изданіе княжны Макуловой. Состоитъ изъ слѣдующихъ разсказовъ: a) *Тяжелая жизнь*. b) *Товарищи*. c) *Гриша*. d) *Воспоминанія дѣтства*. e) *У пристани*. Въ 1887 г. Книга вышла 2 изданіемъ.

5) *Братъ и сестра* Спб. 1880 г. 6) *Анна*, романъ для дѣтей. Спб. 1881 г. 7) *Мои двѣ племянницы*. Спб. 1882 г. Кромѣ повѣсти подъ этимъ заглавіемъ, книжка заключаетъ въ себѣ разсказы: a) *Надежда семьи*. b) *Старшая сестра*. c) *Гувернантка*.

Въ только что указанные отдѣльные сборники не вошло много другихъ повѣстей и статеекъ педагогическаго характера, напечатанныхъ въ «Семьѣ и Школѣ» 1870—1888 гг. Перечень ихъ мы дадимъ въ концѣ настоящаго тома.

Итакъ, не мало написала на своемъ вѣку г-жа Анненская. Но—таковъ ужъ закалъ оставшихся вѣрными своимъ убѣжденіямъ людей 60-хъ годовъ—несмотря на многочисленность произведеній нашей писательницы они легко поддаются одной общей характеристикѣ и въ нихъ нетрудно усмотрѣть однѣ и тѣ же родовыя черты. Эти черты общи у г-жи Анненской съ цѣлымъ рядомъ литературныхъ произведеній писателей 60-хъ и начала 70-хъ годовъ, отнюдь не назначенныхъ для дѣтскаго чтенія, и читатель, знакомый, напримѣръ, съ романами Михайлова-Шеллера, имѣетъ полное представленіе о дѣтскихъ повѣстяхъ Анненской. Принаровленнымъ къ пониманію подростковъ языкомъ А. старается внушить своимъ юнымъ читателямъ всѣ тѣ стремленія, которымъ была одушевлена она сама въ пору молодости: любовь къ народу, отвращеніе къ сословнымъ предразсудкамъ, уваженіе къ труду во всѣхъ его формахъ и видахъ, жажду самодѣятельности и т. д.

Нежеланіе А. проводить что бы-то ни было похожее на спеціально «дѣтскую» мораль доходитъ до того, что въ Робинзонѣ естественныя науки превозносятся надъ классицизмомъ, а въ разсказѣ «Двѣ племянницы» шалуньѣ и дерзкой на языкъ, но по существу очень доброй и благородной дѣвочкѣ, отдается рѣшительное предпочтеніе предъ ея сестрой, очень послушной и благонравной, но холодной къ страданіямъ ближняго.

То же о вращеніе къ спеціально «дѣтской» морали заставляетъ А. выставлять жизнь какъ разъ такою, какъ она есть, не дѣлая при этомъ никакихъ «смягченій». Можно даже сказать, что на мрачныхъ сторонахъ жизни А. съ бо̀льшею охотою останавливается, чѣмъ на явленіяхъ идиллическаго характера. Очевидно она того мнѣнія, что вредно привывать дѣтямъ иллюзіи, которымъ предстоитъ разлетѣться при первомъ же серьезномъ столкновеніи съ жизнью.

Но именно за то дѣловитость и трезвость повѣстей Анненской, отсутствіе въ нихъ всякаго намека на фантастическій элементъ и угрюмая серьезность, въ нихъ царящая, все это вмѣстѣ сообщаетъ имъ не малую сухость. И вотъ почему кромѣ «Робинзона», гдѣ совершенно устранить «занимательность» было дѣломъ немыслимымъ, книги А. нравятся только очень развитымъ дѣтямъ.

Анненскій—псевд. А. Н. Орлова («Бесѣда»).

Анненскій, А. Написалъ «Очеркъ главнѣйшихъ военныхъ соображеній, съ краткимъ военно-географич. взглядомъ на запад. границы Россіи и въ особен. Финляндіи». Спб. 1846 г. Ц. 3 р. (Отзывъ *П. Языкова* въ «Рус. Инв.» 1846 г. № 89).

Анненскій, Николай Ильичъ, происходитъ изъ духовнаго званія †). Въ второй половинѣ прошлаго столѣтія былъ присланъ изъ рязанской семинаріи въ Невскую. По окончаніи въ ней курса поступилъ на гражданскую службу и впослѣдствіи, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, былъ юрисконсультомъ при Департаментѣ Министра Юстиціи. Имѣются два перевода его: 1) *Циммермана* «О уединеніи относительно къ разуму и сердцу», въ 2 ч. 16°. Выдерж. 3 изд. Спб. 1786. Ibid. 1801 и М. 1822. Ц. 10 р. ас. (Соп. 12075) и 2) «Лодоикъ или нравственныя наставленія для пользы и увеселенія юношества». Спб. 1799, 12°.

***Анненскій**, Николай Федоровичъ, современный публицистъ. *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ*, р. въ Петербургѣ 28 марта 1843 г. въ чиновничьей семьѣ средняго достатка. Дѣтство и ранняя юность его прошли въ Сибири, куда отецъ А. переселился въ концѣ 40 гг. Тамъ онъ и учился—въ Омскомъ кадетскомъ корпусѣ. «Корпусъ нашъ» пишетъ А. въ доставленной намъ автобіографіи «куда я поступилъ еще въ Николаевскія времена, носилъ на себѣ общую казарменную физіономію военно-учебныхъ заведеній того времени. Но въ концѣ 50-хъ годовъ—когда и до Сибири дошла волна освободительныхъ идей начала прошлаго царствованія—въ немъ повѣяло инымъ, живымъ духомъ. Послѣдніе годы моей корпусной жизни имѣли рѣшительное вліяніе на общій складъ моего развитія. Тамъ я научился думать, читать, интересоваться общественными вопросами. Школа того времени мало походила на теперешнюю. Тогдашняя дисциплина при всей ея грубости была чисто внѣшняя и не умѣла еще поставить преградъ для живого общенія учащихся съ учащими, если среди этихъ послѣднихъ были живые люди».

Въ 1859 г. А., обязанный служить за полученное имъ воспитаніе, былъ опредѣленъ писцомъ въ канцелярію томскаго губернатора. Но вскорѣ ему удалось освободиться отъ службы и поступить вольнослушателемъ въ петербургскій университетъ, гдѣ онъ захватилъ еще лекціи Костомарова, Кавелина, Стасюлевича, Спасовича, Утина, Пыпина. Въ 1867 г. А. выдержалъ экзаменъ на степень кандидата правъ, а шесть лѣтъ спустя—въ

---

†) 1) *Чистовичъ*, «Ист. Спб. Дух. Акад.», ст. 99. 2) *Геннади*, Словарь.
* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

1873 г. получилъ въ кіевскомъ университетѣ степень кандидата историко-филологическаго факультета. Въ 1866 г. онъ женился на сестрѣ П. Н. Ткачева—Александрѣ Никитичнѣ, впослѣдствіи извѣстной дѣтской писательницѣ. (О ней см. выше); въ 1·67 г. поступилъ въ Государственный Контроль, а отсюда въ 1873 г. перешелъ во вновь образованный (подъ завѣдываніемъ А. А. Головачева) при Министерствѣ Путей Сообщенія статистическій отдѣлъ.

Въ 1880 г. служебная дѣятельность А. была прервана: по распоряженію гр. Лориса-Меликова онъ былъ сосланъ въ Сибирь и водворенъ въ небольшомъ городѣ Тобольской губ.—Тарѣ. Въ слѣдующемъ (1881 г.) ему было разрѣшено поселиться въ Казани, но здѣсь онъ пробылъ очень недолго, потому что вскорѣ получилъ приказаніе переѣхать въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ Казанской губ.—Свіяжскъ. Въ 1883 г., когда кончился срокъ поднадзорности А., онъ опять переѣхалъ въ Казань и здѣсь получилъ отъ мѣстнаго земства приглашеніе руководить начатыми въ губерніи статистичскими работами. Съ 1887 г. А. живетъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ тоже завѣдуетъ земскою статистикою.

На литературномъ поприщѣ А. началъ подвизаться сначала переводами. Такъ подъ его редакціей выпущены: 1) 3-й томъ „Исторіи крестьянской войны" *Циммермана*, Спб. 1868 и имъ-же переведена значительная часть книги *Шерра* „Исторія цивилизаціи въ Германіи". Спб. 1869, Позже, въ 1881 г., онъ перевелъ *Гольцендорфа* „Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни".

Въ семидесятыхъ годахъ А. становится сотрудникомъ „Отечеств. Записокъ", Здѣсь онъ въ періодъ 1877—80 гг. помѣстилъ 2) рядъ отзывовъ въ отдѣлѣ „Новыхъ книгъ" 3) „*Экскурсіи дѣльцовъ въ область науки и литературы*" (1887 г. № 5 и 7). По поводу сочиненій И. Бліоха. 4) „*Разборъ Государственной росписи 1879 г.*" (1879 г. № 2). 5) „*Разборъ Государственной росписи 1880 г.*" (1880 № 2)· 6) „*Среди литературной аристократіи*" (1879 г., № 9), по поводу „Сборника Государственныхъ знаній" В. И. Безобразова. Въ 1879 г., А. 7) писалъ статьи по внутреннимъ вопросамъ въ „Русской Правдѣ" Д. К. Гирса. Въ 1882 г. онъ помѣстилъ въ „Вѣстн. Ев." (№ 5 и 6) статью 8) „*Обзоръ дѣятельности коммиссіи для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла*" и въ „Дѣлѣ" 9) рядъ статей подъ общимъ заглавіемъ „*Очерки новыхъ направленій въ экономической наукѣ*". Въ „Дѣлѣ" 1884 г. напечаталъ 10) „*Письма изъ провинціи*" (№ 1) и 11) „*Разборъ Государственной росписи 1884 г.*" Съ 1884 г. А. отъ времени до времени помѣщая 12) статьи въ „Волжскомъ Вѣстникѣ", сосредоточилъ свои занятія около земской статистики и выпустилъ въ свѣтъ слѣдующія работы казанскаго статистическаго бюро: 13) „*Труды статистической экспедиціи, снаряженной въ 1883 г. казанскимъ губернскимъ земскомъ*". (Для обслѣдованія нѣсколькихъ наиболѣе обѣднѣвшихъ мѣстностей губерніи). Казань, 1884. 14) „*Матеріалы для сравнительной оцѣнки городовъ и посадовъ казанской губерніи*". К. 1885. 15) „*Казанская губернія въ сельскохозяйственномъ отношеніи* за 1885 и 1886 г. 3 выпуска К. 1885—87 гг. 16) „*Матеріалы для сравнительной оцѣнки земельныхъ угодій въ уѣздахъ Казанской губерніи*" 4 вып. К. 1886—87 гг.

Въ „Журналѣ Министерства Путей Сообщенія" А. помѣстилъ: 17) *„Бельгійскія желѣзныя дороги"*. (1878 г. № 1). 18) *„О мѣрахъ для улучшенія быта служащихъ и судорабочихъ рѣчного флота»* (1878 г. т. III вып. 7).

Въ перечисленныхъ трудахъ А. остается вѣренъ традиціямъ дней своей молодости, о которой говоритъ въ своей автобіографической записке:

«Широкое воспитательное значеніе университетской науки и всей университетской жизни того времени (несмотря на внѣшненеправильный ходъ ея въ этомъ Sturm-und Drangperiode) для меня, какъ и для большинства моихъ сверстниковъ, было громадно. Другимъ вліяніемъ, подъ которымъ происходило наше развитіе, была литература, особенно журналистика того времени, самымъ яркимъ и наиболѣе вліятельнымъ на молодежь органомъ которой безспорно былъ Некрасовскій «Современникъ». Наконецъ наше поколѣніе учила и направляла въ извѣстномъ смыслѣ и сама окружавшая нась жизнь, общую окраску которой давалъ происходившій тогда великій актъ освобожденія крестьянъ».

Аненимовъ, И. перевелъ съ латинскаго *Герберштейна* «Записки о Московіи». Спб. 1866 г.

Аносовъ, Н. А. Сибирскій географъ, авторъ нѣсколькихъ изслѣдованій, сдѣланныхъ въ концѣ 1850-хъ и началѣ 1860-хъ годовъ, объ «Озерѣ Ханкаѣ» («Зап. Геогр. Общ.», к. 22), о «Желѣзныхъ рудахъ въ Амурскомъ краѣ» («Изв. Геогр. Общ.», т. 1), о «Золотыхъ пріискахъ въ Амурскомъ краѣ» («Изв. Геогр. Общ.», т. II), о «Геогнозіи прибрежій рѣки Амура» («Зап. Спб. Отд. Геогр. Общ.», кн. I), о «Характерѣ золотоносности Нерчинскаго округа» (тамъ-же, кн. II), о «Нерчинскомъ округѣ» (тамъ-же, кн. VI).

Аносовъ, Павелъ Петровичъ, горный инженеръ †). Родился въ 1798 г., въ 1816 г. окончилъ Горный Институтъ и отправился на Златоустовскіе заводы. Здѣсь онъ очень много работалъ надъ усовершенствованіемъ выдѣлки стали и достигъ весьма замѣчательныхъ результатовъ (изложенныхъ имъ въ обстоятельной статьѣ 1) «О булатахъ», помѣщенной въ «Горномъ Журналѣ» 1841 г.), результатовъ имѣющихъ, впрочемъ, болѣе теоретическій, чѣмъ практическій интересъ. Такой-же по преимуществу теоретическій интересъ имѣетъ въ свое время надѣлавшее большого шуму предложеніе А. «обрабатывать золотоносныя розсыпи, выплавляя изъ

† 1) *И. Полетика* и *Э. Гофманъ* въ „Энцик. Сл.", изд. рус. уч. и лит. т. IV. 2) *Геннади*, Словарь. 3) *Купферъ* и *Якоби* въ 11 прис. Демид. наградъ.

нихъ чугунъ, въ которомъ сосредоточивается все золото, заключавшееся въ розсыпи и извлекаемое изъ чугуна по обыкновеному способу свинцомъ, присаживаемымъ въ доменный горнъ». (*И. Полетика* и *Э. Гофманъ* въ «Энц. Сл.» изд. р. уч. и лит.). Въ 1837 г. А. былъ назначенъ томскимъ гражданскимъ губернаторомъ и главнымъ начальникомъ Алтайскихъ горныхъ заводовъ. Умеръ въ Томскѣ, въ маѣ 1851 г., въ чинѣ генералъ-маіора.

1) Кромѣ названной статьи „О булатахъ" А. въ томъ-же *„Горномъ Журналѣ"*, напечаталъ 2) *„Геогностическія наблюденія надъ Уральскими горами, лежащими въ округѣ Златоустовскихъ заводовъ"* (1826). 3) *„Описаніе новаго способа закалки стали въ сгущенномъ воздухѣ"* (1827). 4) *„Обработка Уральскаго корунда"* (1829). 5) *„О приготовленіи литой стали"* (1837). 6) *„О золотопромывальныхъ машинахъ, устроенныхъ на Міясскихъ золотыхъ промыслахъ Златоустовскаго округа"* (1841). 7) *„Описаніе золотопромывальной машины, устроенной на Міясскихъ золотыхъ промыслахъ,* (1846). β.

П. П. Анонсовъ, рядомъ съ практическою дѣятельностью на заводахъ, производилъ весьма обстоятельныя для своего времени геологическія изслѣдованія въ Южномъ Уралѣ, преимущественно въ Златоустовскомъ горномъ округѣ. Ему принадлежатъ первыя геологическія статьи, помѣщавшіяся въ «Горномъ Журналѣ», основанномъ въ 1825 г. Кромѣ открытія различныхъ минераловъ и рудъ, онъ первый составилъ подробный очеркъ геологическаго строенія Златоустовскаго горнаго округа и, что особенно важно, далъ, первый геологическій разрѣзъ Урала отъ Златоуста до Міаса, о чемъ упоминаетъ и знаменитый Мурчисонъ. Но кромѣ научной геологической дѣятельности, А. не мало потрудился для развитія уральской золотопромышленности.

И. Мушкетовъ.

***Анрепъ** -фонъ, Василій Константиновичъ, профессоръ судебной медицины. Происходитъ изъ древней лифляндской фамиліи, но вѣроисповѣданія православнаго. *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ:* род. 29 сентября 1852 г., въ Петербургѣ. Учился въ екатеринославской гимназіи, по окончаніи которой въ 1870 поступилъ на юридическій факультетъ петербургскаго университета; черезъ годъ онъ перешелъ въ Медико-Хирургическую Академію и здѣсь въ 1876 окончилъ курсъ съ серебряною медалью и тогда же былъ назначенъ младшимъ ординаторомъ въ 43 военно-временный госпиталь. Послѣ заключенія мира съ Турціею, А. въ

---

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника.*

1878 вышелъ въ отставку и отправился въ Германію. Здѣсь онъ пробылъ два года и въ теченіи этого времени занимался спеціально физіологіею и фармакологіею въ лабораторіяхъ профессоровъ Россбаха въ Вюрцбургѣ, Розенталя въ Эрлангенѣ и Лейпцигѣ. По возвращеніи въ 1880 въ Россію, А. былъ назначенъ врачемъ для командировокъ при Главномъ Военно-Медицинскомъ Управленіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, прикомандированъ къ Военно-Медицинской Академіи. Въ 1881 молодой ученый защищалъ диссертацію на степень доктора медицины подъ заглавіемъ: 1) «*Вліяніе кристаллическаго аконитина на организмъ животныхъ*», Спб. 1881, и въ слѣдующемъ году былъ избранъ конференціею академіи въ привать-доценты фармакологіи. Вслѣдствіе назначенія его врачемъ для командировокъ сначала въ Туркестанъ, а затѣмъ въ Финляндію, онъ въ 1882 снова вышелъ въ отставку. Въ 1884 совѣтъ харьковскаго университета избралъ А. штатнымъ доцентомъ по кафедрѣ судебной медицины, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Мин. Нар. Просв. назначило его экстраординарнымъ профессоромъ этой кафедры. Въ 1887 г. А. переѣхалъ въ Петербургъ въ качествѣ профессора клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны и ученаго секретаря Медицинскаго Совѣта.

Кромѣ диссертаціи, А. напечаталъ:

2) «*Случай выхожденія аскаридъ чрезъ брюшные покровы*» («Воен.-Мед. Журн.» 1877). 3) «*Ueber periphere Temperaturermessungen bei Lungenkranken*» въ «Verhandl. d. phys.-med. Gesels. in Würsburg. T. XIV и «Мед. Обозр.» 1879. 5) «*Die Ursache des Todes nach Vagusdurchschneidung bei Vögeln*». Ibid. и «Мед. Обозр.» 1879. 5) «*Ueber Aortenunterbindung beim Frosch*» въ «Centralblatt f. d. med. Wiss». 1879. 6) «*Ueber die Entwickelung der hemmenden Functionen bei Neugeborenen*» въ «Archiv f. d. gesam. Phys.» T. XXI. 1870 и «Мед. Обозр.» 1880. 7) «*Neue Erscheinungen der Nicotinvergiftung*» въ «Arch. f. Anat. u. Phys.» 1879. 8) «*Ueber die physiologische Wirkung des Cocain*» въ «Arch. f. d. gesam. Physiol.» 1879. 9) «*Ueber chronische Atropinvergiftung*» въ «Arch. f. d. gesam. Physiol.» 1880. 10) «*Studien über Tonus und Elasticität der Muskeln*» Ib. 11) «*Neue Erscheinungen der Nicotinvergiftung*» въ Arch. f. Anat. u. Phys. 1880. 12) Вмѣстѣ съ пр. *Россбахомъ*: «*Einflus von Giften und Arzneimittel auf d. Länge u. Dennbarkeit d. Muskeln*» въ «Arch. f. d. gesam. Physiol. 1880. 13) Вмѣстѣ съ д-ромъ *Weil*'емъ: «*Ueber Kohlenoxyd-Hämoglobin*» въ «Arch. f. Anat. u. Phys.» 1880. 14) «*Ueber d. Ausscheidung d. Hippursäure und Benzoesäure während des Fiebers*», тоже работа, сдѣланная вмѣстѣ съ д-ромъ *Weil*'емъ. Напеч. въ «Zeits. f. phys. Chemie», т. IV. 15) «*О всасываніи желудкомъ*», во «Врачѣ» 1880. 16) «*Versuche über die physiologische Wirkungen d. deutschen, englischen und Duquesnel'scchen Aconiti.*» въ «Arch. f. Anat. u. Phys.» 1880. 17) «*Die Aufsaügung im Magen d. Hundes.*» въ «Arch. f. Anat. und Phys.» 1880. 18) «*Къ физіологіи дыханія*», во «Врачѣ» 1882. 19) «*Вліяніе нѣкоторыхъ фармакологич. средствъ на отдѣленіе желудочнаго сока*» Ibid. 20) «*По поводу физіологическаго дѣйствія нѣкоторыхъ птомаиновъ*», во «Врачѣ» 1883. 21) «*Открытое письмо д-ру Снѣжкову*» въ «Мед. Вѣст.» 1884. 22) «*Еще разъ по по-*

воду диссертации д-ра Синжкова». Ibid. 23) Вмѣстѣ съ д-ромъ химіи А. Пелемъ *«О птомаинахъ и значеніи ихъ въ судебной химіи»* въ «Вѣст. Суд. Мед.» 1884. 24) Вмѣстѣ съ проф. Цыбульскимъ *«Физіологическія изслѣдованія въ области дыханія и сосудодвигательныхъ нервовъ».* Спб. 1884. Объ остальныхъ работахъ А., а также о содержаніи уже перечисленныхъ изслѣдованій см. въ концѣ настоящаго тома.

Ancien colonel d'artillerie (брошюры 20-хъ годовъ)—псевд. Ник. Петр. Демидова.

А. Н—скій (переводы изъ Лонгфелло)—псевд. Всев. Д. Костомарова.

Антаровъ (псевдонимъ). Его повѣсть «Дѣвичьи Сны». Спб. 1888, первоначально печатавшаяся въ «Книжкахъ Недѣли» обратила на себя вниманіе критики †), но лестнаго автору мало пришлось услышать. Повѣсть, дѣйствительно, очень деревянна, хотя и затрагиваетъ разныя злобы дня: высшее женское образованіе, болгарскій вопросъ, положеніе русскихъ «партій» и др.

Антиповъ, Александръ Ивановичъ, горный инженеръ ††) р. 1824 умеръ въ 1887 г. Напечаталъ въ «Горномъ журналѣ»: 1) Краткій геогностическій обзоръ Чокракскаго озера и послѣдствія розысканія сѣры—1849 г. Ч. I.—2) Обозрѣніе Закубанской мѣстности (выписка изъ рапорта) 1849. Ч. I.—3) О произведенныхъ изслѣдованіяхъ бураго угля въ горахъ Каратау на полуостровѣ Мангышлакъ. 1852 г. Ч. II.—4) Развѣдки бураго угля на юго-восточномъ отклонѣ Уральскаго хребта и открытыхъ въ этой мѣстности пластовъ каменноугольнаго песчаника 1856 г. Ч. IV.—5) Приготовленіе капсульныхъ листовъ на Уральскихъ горныхъ заводахъ. 1857 г. Ч. I.—6) Отчетъ по развѣдкѣ бураго угля, открытаго въ восточной части Киргизской степи оренбургскаго вѣдомства, при колодцахъ Яръ-куё. 1857 г. Ч. IV—7) О горныхъ изслѣдованіяхъ въ Печорскомъ краѣ, произведенныхъ въ 1857 г.—1858 г. Ч. II.

По своей дѣятельности Александръ Ивановичъ Антиповъ принадлежитъ болѣе къ практическимъ людямъ, содѣйствовавшимъ развитію горнаго дѣла, нежели къ чисто научнымъ. Даже интереснѣйшія для своего времени поѣздки его на Мангышлакъ, Мугоджарскія горы и въ Киргизскую степь къ колодцамъ Яръ-куё, дали въ результатѣ только развѣдки

---

†) *А. Скабичевскій,* въ «Новостяхъ» отъ 22 сент, 1888. 2) «Новое Время» 1888 между 15 и 21 сент. 3) «Гражданинъ» 1888. № 268. 4) «Вс. Иллюстр.» 1888 г. отъ 8 октября. 5) «Journ. d. St.-Peters.» октябрь 1888. 6) «Kraj» 1888. Октябрь. 7) „Недѣля“ 1888. Октябрь.

††) „Энц. Слов.“ 60-хъ годовъ, т. IV и Словарь *Березина.*

полезныхъ ископаемыхъ; однако, при этомъ научная заслуга его выражается тѣмъ, что онъ привезъ изъ названныхъ мѣстностей прекрасныя геологическія коллекціи, обработанныя впослѣдствіи другими учеными. Его коллекція изъ Мугоджарскихъ горъ до сихъ поръ не имѣетъ себѣ равной.

И. Мушкетовъ.

* **Антиповъ, Алексѣй Ивановичъ**, горный инженеръ, братъ предыдущаго †). *По свѣдѣніямъ отъ него полученнымъ* р. въ 1833 году въ Дедюхинскомъ заводѣ, расположенномъ въ соликамскомъ уѣздѣ пермской губерніи. Отецъ его служилъ первоначально въ артиллеріи, былъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ на Кавказѣ, потомъ перешелъ въ министерство финансовъ. Мать—урожденная Чайковская (тетка композитора). Первоначальное воспитаніе А. получилъ въ Перми, потомъ въ Петербургѣ, подъ наблюденіемъ двоюроднаго брата своего, извѣстнаго горнаго инженера П. И. Евреинова, которымъ и опредѣленъ въ Горный Институтъ. Курсъ въ Горномъ Институтѣ кончилъ въ 1853 г. съ большою золотою медалью и записанъ на золотую доску. Тогда же произведенъ въ поручики и отправленъ на службу на Уралъ. Въ 1854 г., по указанію академика Г. П. Гельмерсена командированъ былъ вмѣстѣ съ горнымъ инженеромъ Меглицкимъ въ Оренбургскій край для геогностическихъ изслѣдованій. Совмѣстная работа съ Николаемъ Гавриловичемъ Меглицкимъ (скончавшимся въ 1857 г.), извѣстнымъ по своимъ геологическимъ изслѣдованіямъ въ Восточной Сибири, человѣкомъ высоко образованнымъ и замѣчательно добросовѣстнымъ во всѣхъ своихъ работахъ, оказало, по словамъ Антипова, большое вліяніе на всю его послѣдующую дѣятельность. Въ 1857 г. Антиповъ отправился по Высочайшему повелѣнію начальникомъ экспедиціи въ Печорскій край для изслѣдованія по горной части. Въ 1858—59 г. осматривалъ рудники Урала съ цѣлью изученія характера его рудоносности. Въ 1859—60 гг. изучалъ горную промышленность, а равно горное законодательство иностранныхъ государствъ. Въ 1861—63 гг. состоялъ членомъ и дѣлопроизводителемъ Высоч. Учрежд. Коммиссіи по пересмотру горнаго устава. Въ 1863 г. былъ приглашенъ военнымъ министромъ Д. А. Милютинымъ составить проэктъ горнаго законодательства для Области Войска Донскаго и для организаціи тамъ особаго горнаго управленія. Проэктъ Антипова былъ единогласно принятъ мѣстнымъ выборнымъ вой-

---

†) 1) *Э. Гофманъ* въ „Энцикл. Слов." 60-хъ годовъ, т. IV, стр. 526. 2) *Березинъ*, „Энц. Слов." 3) 28 присужденіе Демидов. наградъ. (Отзывъ *Гельмерсена* объ „Геогност. опис. Уральск. хребта").

*) означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*

сковымъ правленіемъ и утвержденъ правительствомъ 8 марта 1864 г. Особенности его состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Въ отмѣнѣ прежнихъ стѣсненій и установленіи полнаго права собственности частныхъ землевладѣльцевъ и станичныхъ обществъ на нѣдра земли, съ допущеніемъ къ занятію горнымъ промысломъ не только однихъ лицъ войскового сословія, но и всѣхъ вообще постороннихъ. 2) Въ обязательномъ присутствованіи въ совѣтѣ управленія выборнаго отъ промышленниковъ съ правомъ голоса по всѣмъ дѣламъ, касающимся интересовъ частной промышленности, и 3) въ обязательномъ представленіи мѣстнымъ горнымъ управленіемъ военному министру ежегодныхъ подробныхъ отчетовъ о своей дѣятельности, съ отпечатываніемъ ихъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ.

Съ 1864 по 1869 г. Антиповъ былъ управляющимъ горнозаводскою частью Войска Донскаго и за это время организовалъ тамъ горное управленіе, основалъ музей, лабораторію, горное поселеніе рабочихъ на Грушевкѣ, съ правами горнаго города, и подробно изслѣдовалъ всю каменноугольную почву, находящуюся въ предѣлахъ Области Войска Донскаго. Въ 70-хъ годахъ дѣятельность Антипова направлена была на изслѣдованіе на мѣстѣ степени необходимости существованія 15-лѣтней льготы машиннымъ заводамъ Россіи на полученіе изъ-за границы металловъ и металлическихъ издѣлій безъ оплаты пошлиною. Собранныя Антиповымъ данныя доказали безотлагательную необходимость уничтоженія этой вредной льготы, которая въ 1880 г. и была правительствомъ уничтожена. Въ 1881 г., по предложенію Мин. Императорскаго Двора графа Воронцова-Дашкова, Антиповымъ составленъ былъ проектъ реформъ, необходимыхъ по управленію Алтайскими и Нерчинскими заводами, принадлежащими Кабинету Его Величества, и программа для коммиссіи, посылаемой въ Алтайскій округъ для ближайшаго его изслѣдованія. Съ 1882 по 1885 г. Антиповъ состоялъ въ особой коммиссіи въ качествѣ представителя отъ министерства финансовъ, съ цѣлью ревизіи оборотовъ и дѣйствій Главнаго Общества Россійскихъ жел. дор. и эксплоатаціи Николаевской дороги. Результатомъ работъ этой коммиссіи было послѣдовавшее нынѣ взысканіе съ Главнаго Общества въ пользу правительства 15,000,000 руб. Съ 1885 г. Антиповъ состоитъ, въ чинѣ тайнаго совѣтника, членомъ горнаго совѣта и горнаго ученаго комитета.

Ученыя работы и статьи Антипова:

1) О капсюльномъ производствѣ на Югорскомъ Заводѣ пермскаго округа 1857. Въ I кн. Горнаго Журнала. 2) Uber die Kreideformation im Südlichen Ural. Въ изданіяхъ Минералогическаго Общества за 1856 г. 3) Геогностическое описаніе южной части Уральскаго хребта, съ картою. Меглицкаго и Антипова. От-

дѣльное сочиненіе, помѣщенное въ приложеніи къ Горному журналу за 1857–1858 гг. (1857 г., ч. III–IV и 1858 г. ч. I, II и III). Сочиненіе это удостоено въ 1859 Демидовской преміи. 4) О горныхъ изслѣдованіяхъ въ Печерскомъ краѣ въ 1857 г. Въ Горномъ жур. за 1858 г., ч. II, стр. 167. 5) Брусяно-точильная гора въ Печерскомъ краѣ. Въ Запискахъ Геогр. Общ. 1858 г. 6) Характеръ рудоносности Уральскаго хребта. Въ Горномъ жур. за 1860 г., ч. I. Статья переведена на нѣмецкій языкъ и вышла отдѣльной книгой въ изданіяхъ Академіи наукъ, въ Beiträge т. XXII. 7) Гжельская глина и издѣлія изъ нея. Горный Жур. за 1862 г. I 8) Обзоръ правительственныхъ мѣропріятій по развитію въ Россіи металлической промышленности. Отдѣльное сочиненіе, изданное въ 1881 г. и находящееся въ числѣ матеріаловъ при дѣлахъ Выс. учреж. въ 1880 г. коммиссіи для пересмотра таможенныхъ пошлинъ и льготъ по провозу изъ-за границы металловъ и издѣлій. 9) Реформы по управленію Алтайскими и Нерчинскими округами. „Горн. Жур." за 1883 г. № 4. 10) Пластовая карта каменно-угольной почвы Области Войска Донскаго. Издана Генеральнымъ Штабомъ въ 1870 г. **С. В.**

Алексѣй Ивановичъ Антиповъ принадлежитъ къ той, сравнительно небольшой въ Россіи, группѣ людей, которые соединяютъ научную дѣятельность съ разумной практической. Уже вышеприведенный перечень его статей до нѣкоторой степени опредѣляетъ характеръ и направленіе его работъ. Въ первые годы своей службы въ качествѣ горнаго инженера онъ усердно и весьма плодотворно занимался геологическими изслѣдованіями. Работы его, относящіяся до этого періода, напр. о мѣловой системѣ въ южномъ Уралѣ и въ особенности геогностическое описаніе южной части Уральскаго хребта, составленное имъ вмѣстѣ съ Меглицкимъ, до сихъ поръ еще не утратили своего научнаго значенія и представляютъ почти единственный матеріалъ для геологіи этихъ странъ; въ свое же время, т. е. въ 50-хъ годахъ, работа эта принадлежала къ самымъ выдающимся геологическимъ трудамъ. Точно такъ же многія изъ послѣдующихъ работъ А. имѣютъ не только научное, но и весьма важное практическое значеніе; между ними особенно выдаются «Характеръ рудоносности Уральскаго хребта», представляющая весьма обстоятельное описаніе рудныхъ мѣсторожденій Урала, съ указаніемъ на нхъ практическую благонадежность, и «Пластовая карта каменноугольной почвы Области Войска Донскаго». Эта капитальная работа была первою въ Россіи и до сихъ поръ единственная въ своемъ родѣ. Она составлена А. И. Антиповымъ, при участіи нѣкоторыхъ другихъ инженеровъ, въ то время, когда онъ стоялъ во главѣ горнаго управленія въ Войскѣ Донскомъ. Составленіе ея требовало огромной энергіи и труда, особенно для человѣка уже безъ того занятаго административными дѣлами. Карты эти на 12 большихъ листахъ, кромѣ важнаго научнаго значенія, несомнѣнно имѣли еще большее практическое значеніе: показывая наглядно выходы каменноугольныхъ пластовъ, онѣ способствовали развитію каменноугольной про-

мышленности, въ то время бывшей еще въ ничтожныхъ размѣрахъ, несмотря на громадныя богатства Донецкаго каменноугольнаго бассейна; до сихъ поръ она еще служитъ основою этой промышленности, развившейся въ настоящее время до обширныхъ размѣровъ.

Но кромѣ своей научной дѣятельности, А. И. Антиповъ оказалъ большія услуги горному дѣлу Россіи своею разумною административною дѣятельностью, на которую онъ совершенно перешелъ въ послѣдніе годы. Онъ способствовалъ преобразованію къ лучшему горныхъ управленій въ Войскѣ Донскомъ, въ Алтайскомъ и Нерчинскомъ округахъ, издалъ прекрасный «Обзоръ правительственныхъ мѣропріятій по развитію въ Россіи металлической промышленности» и наконецъ до сихъ поръ состоитъ дѣятельнымъ членомъ Горнаго Ученаго Комитета и Совѣта.

И. Мушкетовъ.

Антиповъ, Василій †). Вмѣстѣ съ Александромъ Барсовымъ, Никаноромъ Рубцовымъ и Иваномъ Новиковымъ перевелъ изъ французской энциклопедіи «О коммерціи». М. безъ означенія года. (Смирдинская Роспись № 2314).

Антокольскій, Маркъ Матвѣевичъ, скульпторъ, достигшій европейской славы, получившій первую награду на парижской всемірной выставкѣ 1878 г. и недавно избранный въ члены Института Франціи. Родился въ 1843 г. въ Вильнѣ въ бѣдной еврейской семьѣ. Не входимъ въ дальнѣйшія подробности его біографіи, потому что она, главнымъ образомъ, представляетъ собою исторію развитія его *художественнаго* дарованія; мы коснемся только литературныхъ попытокъ знаменитаго скульптора ††).

Какъ видно изъ воспоминаній И. Е. Рѣпина и собственной автобіографіи Антокольскаго, страсть къ писательству въ немъ давнишняя. Еще на собраніяхъ художественной артели 60-хъ гг. онъ не разъ читалъ рефераты о разныхъ вопросахъ искусства. Но въ печати Антокольскій въ первый разъ выступилъ съ небольшимъ фельетономъ въ «Новостяхъ» 1885 (№ 126). Это былъ горячій протестъ противъ нападокъ академической партіи на картину Рѣпина «Иванъ Грозный убиваетъ царевича Іоанна».

Въ 1887 г. Антокольскій напечаталъ въ «Вѣст. Евр.» (№ 8, 9) пространную «Автобіографію», возбудившую много толковъ. Написанная просто, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень поэтично, она дѣйствовала обаятельно

---

†) *Геннади*, Словарь.

††) *Отзывы о нихъ;* 1) *В. Буренинъ* въ «Новомъ Времени» 1887 г. № 4148 и № 4388. 2) «Рус. Мысль» 1887 г. № 10 и 11.

глубокою искренностью своею, чуждою и тѣни какой нибудь рисовки. Предъ читателемъ раскрывалась душа много выстрадавшая и перечувствовавшая, чуткая ко всему хорошему и прекрасному. Становилось яснымъ, что высокія произведенія, вышедшія изъ подъ вдохновеннаго рѣзца Антокольскаго, дались ему не только потому, что его богато одарила природа, но и потому что внутренняя жизнь его полна глубокаго содержанія.

Не на всѣхъ, однако-же, автобіографія Антокольскаго произвела такое впечатлѣніе. «Новому Времени» напр. она показалась претенціозной и лиризмъ ея смѣшнымъ. Спорить съ этимъ пониманіемъ задушевной исповѣди знаменитаго скульптора было-бы лишнее: въ концѣ концевъ впечатлѣніе вѣдь вещь чисто субъективная. Но то-же «Новое Время», помимо крайне рѣзкаго порицанія, выдвинуло противъ автобіографіи одно такое обвиненіе, которое уже нельзя оставить безъ разсмотрѣнія въ словарѣ писателей: оно усумнилось въ томъ, что автобіографія дѣйствительно принадлежитъ перу Антокольскаго. И такъ какъ намъ и отъ другихъ лицъ, близко знающихъ знаменитаго скульптора, тоже приходилось слышать, что познанія его въ русскомъ языкѣ крайне неудовлетворительны, то и мы сочли необходимымъ ознакомиться съ рукописью «Автобіографіи», недавно поступившей въ Публичную Библіотеку. Сравненіе этой рукописи съ текстомъ, напечатаннымъ въ «Вѣст. Евр.», выяснило, что автобіографія дѣйствительно подверглась исправленіямъ, но *исключительно грамматическаго свойства*. Не получившій систематическаго образованія и уже взрослымъ выучившійся по русски, Антокольскій крайне нетвердъ въ падежахъ, временахъ, орфографіи и самомъ произношеніи словъ, которыя онъ передѣлываетъ на еврейскій ладъ. Эти-то погрѣшности и исправлены въ печатномъ текстѣ. Но *стиль*, который одинъ только и дѣлаетъ человѣка писателемъ, весь принадлежитъ Антокольскому. Обороты, постройка фразы, размѣщеніе словъ, уже не говоря, конечно, о самой концепціи и теченіи мыслей—во все это посторонней рукою не внесено ни одной черточки.

Кромѣ фельетона о Рѣпинѣ и автобіографіи, въ печати изъ написаннаго Антокольскимъ появилось еще нѣсколько писемъ къ В. В. Стасову («Вѣст. Евр.» 1885 г. № 2, стр. 700). Сообщимъ кстати (извѣстно намъ изъ источника вполнѣ достовѣрнаго), что Тургеневъ не разъ восхищался письмами, которыя ему приходилось получать отъ Антокольскаго. Онъ умѣлъ отдѣлить въ нихъ недостатки чисто-внѣшняго свойства отъ глубины содержанія и истинно-литературныхъ красотъ слога, которыхъ у Антокольскаго не меньше, чѣмъ у самаго заправскаго писателя.

***Антонинъ** (въ мірѣ Андрей Ивановичъ *Капустинъ*), архимандритъ, начальникъ Іерусалимской духовной миссіи †). *Въ составленной по просьбѣ нашей автобіографической запискѣ* сообщаетъ о себѣ: «Родился я 12 августа 1817 г., въ воскресный день, утромъ. Родина моя: село Батурино, Пермской губерніи, Шадринскаго уѣзда, въ Зауральи; отчего считалъ и считаю себя «сибирякомъ». Родитель мой священникъ упомянутаго села, тамошній уроженецъ тоже — сынъ священника *Іоаннъ Леонтьевичъ Капустинъ*, мать—*Марія Григорьевна Варлакова*, изъ села Мехонскаго—того же уѣзда,—дочь священника. Оба давно покойны. По преданію предокъ нашъ *Михаилъ Капустинъ* переселился въ Зауралье изъ Великаго Устюга, и если не онъ самъ, то сынъ его—того же имени—были причетникомъ села Колчеданъ камышловскаго уѣзда. Сынъ его *Трофимъ* священствовалъ въ селѣ *Тугулымъ* Тобольской губерніи. Сынъ его *Василій* (род. въ 1872 г.) обучался въ тобольской семинаріи и былъ первымъ священникомъ села Бутуринскаго. Ему наслѣдовалъ сынъ Леонтій, имѣвшій уже полное семинарское образованіе, сему—сынъ его Іоаннъ, мой родитель († 1865 г.). Всѣ дѣти Леонтія—три сына и три дочери—отличались дарованіями. Старшій сынъ Ипполитъ, а потомъ Іона, былъ магистръ московской Д. Академіи, ректоръ трехъ семинарій и, наконецъ, епископъ екатеринбургскій; не мало писалъ прозою и стихами, но въ литературѣ неизвѣстенъ. Одна изъ дочерей *Анна* составила записки о своемъ путешествіи въ Кіевъ на богомолье, пропавшія безслѣдно. Старшій братъ мой *Платонъ* извѣстенъ Москвѣ какъ математикъ. Въ 1825 г. я поступилъ въ Далматовское д. училище, изъ онаго въ 1830 г. въ пермскую д. семинарію, изъ нея—по особымъ обстоятельствамъ—перемѣщенъ въ екатеринославскую, а изъ сей въ 1829 г. поступилъ въ кіевскую д. академію, гдѣ и кончилъ курсъ 1843 г., со степенью магистра богословскихъ наукъ. Еще обучаясь въ екатеринославской семинаріи, въ теченіе двухъ лѣтъ былъ лекторомъ греч. языка. По окончаніи курса въ академіи, былъ баккалавромъ (адъюнктомъ или по теперешнему—доцентомъ) сперва нѣмецкаго, потомъ греческаго языка, а съ поступленіемъ въ мо-

---

†) 1) «*Стоглавъ*» Календарь на 1889 г. 2) «Рус. Паломникъ» 1888 г. 3) *Gubernatis* Dictionnaire international p. 10. Отзывъ о «Сборникѣ христіанскихъ надписей» у *Срезневскаго* въ статьѣ «Палеографическія наблюденія по памятникамъ» въ XXVIII томѣ «Записокъ Академ. Наукъ» 1876 г. Отзывы о «Поѣздкѣ въ Румелію»: 1) *П. Сырку* въ «Журн. М. Нар. Пр.» 1880 г. № 6 и 7. 2) *И. Помяловскій* тамъ-же. 3) *Г. Дестунисъ* въ «Ист. Вѣстн.» 1880 г. № 8.. 4) «Москов. Вѣд.», 1879 г. № 320. 5) «Новое Время», 1850 г. № 1482. 6) «Одесскій Вѣстн.», 1880 г. № 3.

*) означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

нашество (1845 г.)—и богословскихъ наукъ, въ теченіе 7 лѣтъ. Въ 1850 г. оставилъ ученую службу и перемѣстился въ Аѳины—настоятелемъ тамошней посольской церкви нашей, откуда на ту же должность въ 1860 г. переведенъ въ Константинополь, а въ 1865 г. перемѣстился въ Іерусалимъ на нынѣ занимаемое мѣсто начальника Іерусалимской духовной миссіи.

Обучаясь въ пермской семинаріи, я слылъ за «поэта» и сталъ извѣстенъ въ своемъ кругу *Далматовскую рекреаціею*. Въ Екатеринославлѣ написалъ въ стихахъ 1) *Седмицу Страстей Христовыхъ* (напеч. въ Кіевѣ, 1850 г., отдѣльною брошюрою). 2) Въ Кіевѣ съ 1843 г. участвовалъ статьями, оригинальными и переводными, въ жур. «Воскресное Чтеніе». 3) Тамъ же 1850 г. напечаталъ первый томъ своихъ проповѣдей, подъ названіемъ: *Кругъ подвижныхъ праздниковъ церкви.* Второй томъ сего сочиненія—по разнымъ обстоятельствамъ—могъ быть отпечатанъ только въ 1867 г. въ Москвѣ. Изъ Аѳинскаго періода можно упомянуть: 4) *О христіанскихъ древностяхъ Греціи* («Жур. Мин. Нар. Просв.» 1854 г.). 5) *О раскопкахъ внутри Аѳинской Россійско-Посольской Церкви* («Извѣстія Р. Имп. Арх. Общ.» 1860 г.). 6) О поѣздкѣ въ Тризину («Иллюстр. Листокъ» 1062 г.), и о трехъ болѣе обширныхъ, сочиненіяхъ: 7) *Пять дней на Св. Землѣ.* («Душеполезное Чтеніе» 1866 г.. 8) *Замѣтки поклонника Св. Горы.* (Труды кіевск. дух. академіи 1861—63 гг.). 9) *О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аѳинахъ.* Спб. 1874 г. 10) Было нѣсколько частныхъ корреспонденцій и на греческомъ языкѣ въ аѳинской печати. Изъ константинопольскаго періода отмѣчу: 10) *Поѣздка въ Виѳанію.* («Христ. Чтеніе» 1862 и 1863 гг.). 12) *Аѳонъ и Афонъ* («Душеполез. Чтеніе» 1868 г.). 13) Замѣтки *XII—XV вѣка, относящіеся къ крымскому городу Сугдеѣ.* («Записки Одесскаго Арх. Общества», т. V, 1863 г.). Изъ множества мелкихъ статей журнальныхъ 1866—1886 гг. упомяну о слѣдующихъ: 14) *Акты патріархата константинопольскаго, относящіеся къ Крыму,* (тамъ же, т. VI, 1865 г.). 15) *Латинская послѣдняя недѣля В. Поста при Гробѣ Господнемъ.* («Христ. Чт.» 1866 г.). 16) *6-го Янв. на Іорданѣ.* («Херсон. Епар. Вѣд.» 1867 г.). 17) *26-го Янв. въ Лаврѣ Св. Саввы.* («Труды кіевск. дух. акад.» 1868 г.). 18) *Отъ Босфора до Яфы* (тамъ-же, 1869 г.). 19) *Св. Муч. Домнина* (тамъ-же, 1869 г.). 2) *О. Св. Николаѣ* (тамъ-же, 1869, 1870, 1873 гг.). 21) *Св. Пр. Муч. Сосана* (тамъ-же. 1876 г.). 22) *Древній канонарь Синайскій* (тамъ-же, 1874 г.). 23) *Докторъ Сеппъ у Самарянъ* (тамъ-же, 1875 г.). 24) *Храмъ Ваала, открытый д. Сеппомъ* (тамъ-же, 1878 г.). 25) *Фараонъ, Моисей и Исходъ* (тамъ-же, 1875 г.). 26) *Записки Синайскаго богомольца* (тамъ же, 1871, 1872, 1873 гг.). 27) *Поѣздка по Румеліи* 1865 г., т. I. *Въ Румелію.* Спб. 1879 г., и Т. II, *Изъ Румеліи.* Спб. 1886 г. 28) *Корреспонденціи* изъ Іерусалима въ «Дух. Бесѣду», въ «Церк. Вѣстникъ», въ «Гражданинъ». 30) *Проповѣди*—особенно голгофскія въ «Душеп. Чтеніе».

Къ этимъ автобіографическимъ даннымъ остается прибавить, что ѳ. Антонинъ пользуется большою популярностью среди русскихъ паломниковъ, симпатіи которыхъ онъ привлекаетъ своими неусыпными стараніями ослабить безобразія эксплуатированія величайшей христіанской святыни невѣжественнымъ и корыстолюбивымъ греческимъ духовенствомъ.

С. В.

Въ числѣ означенныхъ статей особенно выдаются чисто ученыя изслѣдованія или сообщенія, а затѣмъ описанія путешествій. На трудахъ этого рода мы и остановимся, такъ какъ на нихъ основывается ученая репутація архим. Антонина.

1) Въ библіотекѣ греческаго богословскаго училища на о-вѣ Халки (близъ Константинополя) о. Антонину показали (въ 1861 году) рукописный греческій сборникъ, содержащій краткія житія святыхъ (синаксари)—вещь очень обыкновенная—хотя рукопись была XII в. Но, что было важно и на что до тѣхъ поръ никто не обращалъ вниманія, — на поляхъ рукописнаго сборника въ разныхъ мѣстахъ и разными руками подѣланы были краткія замѣтки, очень интереснаго содержанія. Всѣ онѣ относились къ исторіи города Сугдеи иначе Сурожа, теперь Судака (на южномъ берегу Крыма), нѣкогда богатаго и цвѣтущаго—особенно въ XIII и XIV столѣтіяхъ, когда купцы сурожане вели торговлю съ Россіей и пріѣзжали въ Москву; отъ нихъ произошло обычное теперь названіе суровскихъ (т. е. собственно сурожскихъ) лавокъ или рядовъ. Замѣтки, писанныя часто неразборчиво—дурнымъ почеркомъ, по отношенію къ орѳографіи вездѣ безграмотно, изобилующія простонародными новогреческими словами и выраженіями, всѣ были разобраны архим. Антониномъ и потомъ напечатаны въ пятомъ томѣ записокъ одесскаго общества исторія (1863 г.) стр. 595—628) съ русскимъ переводомъ, а также съ краткими замѣчаніями: дѣло было нелегкое, но услуга, оказанная ученымъ сообщеніемъ сдѣланной находки, оказалась весьма цѣнною. Замѣтки—число ихъ простирается до 193 — представляютъ очень важный источникъ для исторіи интереснаго города на пространствѣ отъ 1186 годи по 1419, но съ случайными указаніями и на болѣе древнее прошлое. Въ нихъ отмѣчается — постройка новыхъ церквей въ Сурожѣ (названо восемь), кончина знатныхъ епископовъ или архіепископовъ, а также и именитыхъ людей города, мѣстные церковные праздники, но также и важныя историческія событія, коснувшіяся Сурожа; напримѣръ подъ 27-мъ числомъ января отмѣчено: «въ тотъ же день пришли впервые татары 6731 (1233) года». Благодаря такого рода записямъ приписки халкинскаго синаксаря сдѣлались уже вообще драгоцѣннымъ источникомъ для исторіи Крыма и южной Россіи, для исторіи южно-итальянскихъ и генуэзскихъ колоній, процвѣтавшихъ здѣсь именно въ XIII и XIV столѣтіяхъ. Ими пользовались и пользуются, какъ русскіе, такъ и иностранные ученые. Статья бывшаго одесскаго профессора Бруна «Матеріалы для исторіи Сугдеи» (въ Новороссійскомъ календарѣ на 1872 и въ сборникѣ «Черноморье» часть вторая) основана во многомъ на показаніяхъ халкинской рукописи и посвящена разъясненію сдѣланныхъ въ ней замѣтокъ. Нѣмецкій ученый *Гейдъ* (Heyd) пользовался

ими, какъ въ своихъ статьяхъ по исторіи итальянскихъ колоній въ южной Россіи, такъ и въ обширномъ своемъ трудѣ «Исторія торговли съ Левантомъ въ средніе вѣка» (Geschichte des Levanthandels im Mittelalter), недавно (въ прошломъ году) изданной и по французски. Послѣ архим. Антонина никто вновь не обращался къ халкинскому сборнику, хотя въ немъ и отмѣчена была и еще одна остающаяся неизданною статья, имѣющая нѣкоторое отношеніе къ русской исторіи, такъ какъ въ ней содержится краткое греческое житіе св. Стефана Сурожскаго (VIII в.), а въ славяно-русской, болѣе полной, редакціи этого житія упоминается о нашествіи на Сурожъ какого то русскаго князя, ограбившаго гробницу недавно почившаго святого (полагають, что нужно разумѣть Владиміра св.). О. архим. Антонина можно упрекнуть за то, что онъ не напечаталъ этого памятника вмѣстѣ съ приписками той же рукописи.

2) Во время своего служенія въ Греціи — греческомъ королевствѣ — о. Антонинъ занимался съ большимъ интересомъ памятниками христіанской древности. Плодомъ этого было изслѣдованіе «О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аѳинахъ», изданное Императорскимъ русскимъ археологическимъ обществомъ (СПБ. 1874). Здѣсь заключаются надписи, существующія отчасти на стѣнахъ храмовъ города Аѳинъ, отчасти на отдѣльныхъ плитахъ при храмахъ, т. е. преимущественно надгробныхъ. Всего болѣе ихъ сохранилось при храмѣ (и на храмѣ) Богородицы, т. е. при древнемъ Парѳенонѣ, послѣ тысячелѣтняго служенія культу Аѳины — Паллады дѣвственной тотчасъ послѣ паденія язычества (около 430 г.) обращенномъ въ храмъ Св. Дѣвы Маріи. Само собою разумѣется, что архим. Антонинъ не былъ первымъ ученымъ, который обратилъ вниманіе на столь любопытный и важный предметъ, какъ надписи, касающіяся исторіи города Аѳинъ въ среднихъ вѣкахъ. Аѳины никогда не переставали интересовать человѣчество, а новѣйшіе ученые съ особеннымъ усердіемъ обращаются къ изслѣдованію судебъ славнаго города именно за тотъ періодъ, который по недостатку другихъ источниковъ остается наиболѣе темнымъ. Надписи, которыя говорятъ о перестройкѣ, возобновленіи и освященіи церквей и придѣловъ (самая древняя 630 г.), надгробныя плиты, указывающія день и годъ кончины архіепископовъ, а потомъ митрополитовъ аѳинскихъ, а также ктиторовъ и благодѣтелей церковныхъ изъ среды знатныхъ и чиновныхъ византійцевъ и т. п., понятно весьма много могутъ служить къ разъясненію общей исторіи Аттики въ средніе вѣка. Данныя, въ нихъ заключающіяся, между прочимъ, могутъ служить къ рѣшенію вопроса о томъ, дѣйствительно ли Аѳины въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ оставались въ запустѣніи и дѣйствительно ли Аттика была занята славянами и вмѣстѣ съ другими греческими областями утратила свой прежній

тнографическій характеръ и превратилась въ славянскую провинцію теорія Фальмерейера). Но если аѳинскими средне-вѣковыми надписями анимались раньше англичане, нѣмцы и французы, то архим. Антонинъ ылъ первый и единственный русскій, составившій полный ихъ сборникъ, ъ который вошло не только прежде изданное, но и нѣчто вновь найденое. Всѣ надписи были срисованы вновь очень тщательно, и эти рисунки риложены въ концѣ изданія. Въ самомъ изслѣдованіи сообщается, во перыхъ, греческій прочитанный текстъ надписей съ русскимъ переводомъ, атѣмъ примѣчанія; кромѣ того предъ каждымъ отдѣломъ есть вводныя редварительныя замѣчанія.—Конечно, дѣло не обошлось безъ ошибокъ промаховъ. Не будучи спеціалистомъ по греческой эпиграфикѣ, о. архим. Антонинъ не всегда точно опредѣлялъ вѣкъ надписей и одну изъ нихъ овсѣмъ несправедливо счелъ за христіанскую, тогда какъ она носитъ всѣ ризнаки эллинскаго классическаго времени, именно первой половины V вѣка до Р. Х. (Это показалъ послѣ проф. Ѳ. Ѳ. Соколовъ). Есть недоразумѣнія и въ объяснительныхъ замѣчаніяхъ, свидѣтельствующія о уществованіи пробѣловъ въ изученіи византійской эпохи, въ частности я придворнаго чина (разсужденіе о *каѳарокандидатахъ* по поводу неправильно прочитаннаго, но очень обычнаго выраженія «спаѳарокандидатъ»). Тѣмъ не менѣе и здѣсь заслуга о. архим. Антонина безспорна и аслуживаетъ признанія и благодарности.

3) Изъ путешествій прежде всего отмѣтимъ *Поѣздку на Синай*, къ ожалѣнію не появлявшуюся отдѣльно. Она описываетъ путь изъ Іерусалима черезъ Яффу, Суэцкій каналъ и Чермное море въ Раиѳу (теперь Торъ), а оттуда на сѣверъ въ Синайскую обитель. Здѣсь о. Антонинъ является прежде всего образованнымъ туристомъ, при томъ, конечно, русскимъ и православнымъ туристомъ, котораго особенно занимаетъ то, что тносится къ православію, къ его положенію въ Палестинѣ и Египтѣ—въ иду латинской и протестантской пропаганды. Тутъ очень много интересаго—между прочимъ о различіи въ проявленіяхъ благочестія и вообще елигіознаго чувства на Востокѣ и въ Европѣ—въ убогомъ храмѣ бѣдыхъ коптовъ и въ богатыхъ церквахъ Запада.—Путешественникъ всегда ылъ чувствителенъ къ тому, пользуется или нѣтъ русское имя желаемымъ очетомъ въ тѣхъ отдаленныхъ странахъ; весьма любопытенъ его разказъ, какъ онъ призналъ въ космополитѣ-евреѣ своего земляка и ревнителя за честь русскаго имени предъ лицемъ разноплеменнаго сброда изъ рековъ и арабовъ въ мѣстечкѣ Суецъ.—Очень наглядно и живо описано утешествіе на верблюдахъ отъ Раиѳы (Тора) до Синая, характеръ окружающей природы и т. д. Архим. Антонинъ—вопреки тому, чего можно ыло ожидать отъ ученаго—не останавливается на священной топографіи,

на пріуроченіи становъ и мѣстностей, названныхъ въ книгахъ Моисеевыхъ въ исторіи странствованія евреевъ по пустынѣ. Онъ даже нѣсколько скептически относится къ возможности такого пріуроченія библейскихъ названій къ новѣйшимъ. Въ этомъ отношеніи его трудъ представляетъ нѣкоторое отступленіе отъ ученой традиціи и противоположность книгѣ англичанина Пальмера (въ нѣмецкомъ переводѣ—Der Schauplatz der Wüstenwanderung) и сочиненію Эберса имѣвшему два изданія (Durch Gosen zum Sinai). Если это пробѣлъ, то съ другой стороны, благодаря этому, нашъ русскій путешественникъ уберегся отъ тѣхъ заблужденій, въ какія завлеченъ былъ нѣмецкій ученый египтологъ своею фантазіею въ соединеніи съ ошибочнымъ пониманіемъ терминологіи позднѣйшихъ византійскихъ церковныхъ писателей.—Въ замѣну того, въ «Поѣздкѣ на Синай» весьма значительный и обширный отдѣлъ посвященъ подробнымъ сообщеніямъ о синайской библіотекѣ, преимущественно о новѣйшихъ ея рукописяхъ. Архим. Антонинъ, конечно, не сдѣлалъ здѣсь такихъ открытій, какъ Тишендорфъ (имѣемъ въ виду знаменитую синайскую библію V вѣка, увезенную изъ монастыря нѣмецкимъ ученымъ и послѣ поднесенную Императору Александру II, теперь находящуюся въ Императ. Публичн. Библіотекѣ) или даже преосв. *Порфирій* Успенскій,—но за то онъ составилъ подробный каталогъ (на греческомъ языкѣ) ея еще нерасхищеннымъ сокровищамъ. Въ письмахъ Антонина описана въ сущности только процедура составленія каталога, а самый каталогъ остался на мѣстѣ и пока не изданъ. Извѣстно, однако, что имъ пользовались позднѣйшіе ученые изслѣдователи рукописныхъ сокровищъ Синая, между прочимъ *Gardthausen*, издавшій свой каталогъ Синайскихъ греческихъ рукописей на англійскомъ языкѣ (1885 или 1886).

4) На ряду съ поѣздкою на Синай слѣдуетъ упомянуть о *Письмахъ изъ Виѳаніи*—(собственно она написана ранѣе). Археологическія и географическія изслѣдованія занимаютъ здѣсь очень видное мѣсто; припоминаются также историческія событія, здѣсь совершавшіяся, начиная съ первыхъ временъ христіанскихъ до эпохи Ласкарисовъ и Палеологовъ, при чемъ ради ознакомленія съ событіями дѣлаются выписки изъ византійскихъ историковъ, столь хорошо знакомыхъ начитанному автору. Особеннаго вниманія заслуживаетъ описаніе древностей *Никеи*, печальныхъ развалинъ знаменитаго храма Св. Софіи, гдѣ происходило засѣданіе отцевъ седьмого Вселенскаго Собора.

5) *Поѣздка въ Румелію* СПБ. 1879 и—*Изъ Румеліи* СПБ. 1886.

Два большіе тома, изданные Русскимъ Императорскимъ Археологическимъ Обществомъ. Въ первомъ томѣ, которому дано не совсѣмъ ясное и точное заглавіе, содержится собственно описаніе путешествія изъ Кон-

стантинополя въ Солунь моремъ и потомъ по Македоніи до города Битоля, что и составляетъ главное содержаніе книги. Во второмъ томѣ описывается—въ формѣ дневника, какъ и въ первомъ,—путешествіе въ Старую Болгарію, около Охридскаго озера (Охридъ, Костуръ, Прилѣпъ и т. д.), затѣмъ въ Епиръ и г. Янину—съ экскурсіей въ Ѳессалію для посѣщенія знаменитыхъ метеорскихъ монастырей, пребываніе въ городѣ Артѣ послѣ возвращенія оттуда, и въ видъ эпилога — посѣщеніе Іоническихъ островов (Левкади, Корфу), Аттики съ Аѳинами. Путешествіе совершенно лѣтомъ 1865-го года; о. Антонинъ былъ тогда настоятелемъ посольской церкви въ К—полѣ и воспользовался каникулярнымъ временемъ, когда прекращается церковная служба, для того, чтобы проводить до Битоля своего пріятеля, посольскаго чиновника, назначеннаго консуломъ въ этотъ городъ, и чтобы затѣмъ воротиться къ мѣсту своего служенія черезъ Аѳины, съ которыми ему особенно пріятно было возобновить прежнее знакомство. Сочиненіе въ обѣихъ своихъ частяхъ не имѣетъ строго ученаго характера. Авторъ прежде всего хочетъ быть туристомъ и передаетъ болѣе всего свои личныя мимолетныя впечатлѣнія, а также посѣщавшія его умъ разнородныя думы и размышленія; съ нѣкоторою словоохотливостью онъ пускается иногда въ область отдаленныхъ воспоминаній изъ времени своего дѣтства и ученья въ семинаріи, если только что-нибудь напомнитъ ему обстановку родной деревни или же приснится сонъ, возобновляющій страхи и ужасы школьнаго экзамена. Читатель найдетъ также въ книгѣ разсѣянныя по мѣстамъ въ обильномъ количествѣ политическія разсужденія и соображенія отца архимандрита, изложенныя всегда въ оригинальной, затѣйливой формѣ, а иногда не лишенныя остроумія, либо юмора. Само собою разумѣется, что они проникнуты любовью къ родинѣ и славянству, печальныя судьбы котораго онъ видѣлъ глазами очевидца въ настоящемъ и зналъ по книгамъ въ прошедшемъ. Особенно много интереснаго сообщаетъ авторъ о греческой фанаріотской іерархіи, объ отношеніяхъ ея къ славянской паствѣ, о ненависти ея къ славянскому языку въ богослуженіи и о виртуозности въ дѣлѣ денежныхъ вымогательствъ; иногда разсказываются вопіющія исторіи и выступаютъ на сцену живыя, вполнѣ типическія личности, обозначаемыя и прикрываемыя отдѣльными буквами алфавита. — Впрочемъ, архим. Антонинъ, большой знатокъ тамошнихъ людей, не увлекался и болгарскими народолюбцами, которые уже тогда начинали играть видную роль и отчасти продолжаютъ здравствовать. Съ другой стороны онъ вовсе не врагъ грековъ, какъ народа, и способенъ съ одушевленіемъ сказать о нихъ, что это *славная* нація—относительно даровитости, смышлености, энергіи.— Встрѣчаются по мѣстамъ довольно живописныя и наглядныя описанія

мѣстностей и попутныхъ ландшафтовъ. Менѣе, чѣмъ можно было ожидать, нашъ путешественникъ занимается описаніемъ народнаго быта у славянъ и грековъ, ничего не говоритъ о литературномъ и національномъ движеніи вообще, тѣмъ менѣе о народномъ хозяйствѣ, торговлѣ и промышленности, что уже онъ могъ и не считать своею задачей.—Собственно ученую сторону сочиненія составляютъ замѣтки археологическія, описанія старинныхъ храмовъ, объясненіе надписей, списки съ которыхъ приложены въ концѣ на особыхъ таблицахъ, сообщенія историческія, которыя иногда состоятъ въ длинныхъ выпискахъ изъ византійскихъ источниковъ—конечно въ русскомъ переводѣ, наблюденія палеологическія, вообще припоминанія изъ классической древности и греко-славянской старины. Описаны сверхъ того рукописи метеорскихъ монастырей. При этомъ авторъ иногда полусерьезно-полушутливо, а иногда и съ полнымъ видомъ убѣжденія пускается въ очень рискованныя и подозрительныя этимологическія и филологическія соображенія и домыслы—отчасти напоминающія то доморощенное корнесловіе, надъ которымъ онъ самъ въ началѣ подсмѣивался. Не всѣмъ могутъ также понравиться въ одинаковой степени тѣ шутки и прибаутки, къ которымъ почтенный авторъ питаетъ очевидное пристрастіе и которыя въ этихъ двухъ томахъ особенно изобилуютъ. Но это уже вопросъ о вкусахъ. Какъ бы то ни было, сочиненіе въ двухъ большихъ томахъ не даромъ издано на счетъ извѣстнаго русскаго ученаго общества; оно высоко цѣнится не только нашими славистами, но и спеціалистами по класической филологіи; оно вполнѣ заслуживаетъ гораздо большаго распространенія въ публикѣ, чѣмъ какое ему досталось на долю.

В. Васильевскій.

***Антоній**, (Яковъ Гавриловичъ *Амфитеатровъ*), архіепископъ казанскій и свіяжскій †), происходитъ изъ семьи Амфитеатровыхъ, о которой уже было сказано на стр. 513. *По даннымъ, извлеченнымъ нами изъ архива Св. Синода*, сынъ протоіерея, р. въ оренбургской губ. въ 1816 г., учился въ калужской семинаріи, въ 1835 г. поступилъ въ кіевскую дух. академію, которую окончилъ въ 1839 г. со степенью магистра, въ 1840 г. принялъ монашество, въ 1841 г., послѣ прохожденія учительскихъ должностей въ низшемъ отдѣленіи кіевской семинаріи, въ 1845 г.—рек-

---

†) Біографіи Антонія, кромѣ небольшихъ газетныхъ и журнальныхъ некрологовъ, посвящено 2 томное сочиненіе арх. Сергія, вышедшее въ 1866 г. въ Казани.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

торомъ ея и въ томъ же году возведенъ въ санъ архимандрита, въ 1848 г. за сочиненіе «Догматическое Богословіе Православной Церкви» удостоенъ св. Синодомъ степени доктора богословія и тогда же вызванъ въ Петербургъ на чреду священнослуженія, въ 1851 г. назначенъ ректоромъ кіевской академіи и настоятелемъ кіево-братскаго Богоявленскаго монастыря, въ 1858 г. рукоположенъ въ епископа чигиринскаго, викарія кіевскаго, въ 1859 г. перемѣщенъ епископомъ смоленскимъ и дорогобужскимъ въ 1866 г.—казанскимъ и свіяжскимъ, въ 1867 г. возведенъ въ санъ архіепископа; въ 1869 г. избранъ почетнымъ членомъ кіевской духовной академіи, въ 1871 г. — почетнымъ членомъ московской духовной академіи, въ 1876 г.—почетнымъ членомъ академіи наукъ. Умеръ въ Казани 9 ноября 1879 г.

О сочиненіяхъ Амфитеатрова см. въ концѣ настоящаго тома.

Антоній, въ 1786 г. архимандритъ Зеленецкаго монастыря †) съ 1788 г.—сергіевой приморской пустыни, съ 1792 г. — рязанскаго солотчинскаго монастыря. Ум. 1802 г. У Сопикова подъ № 10583 значится его «Слово при третьемъ выпускѣ изъ сухопутнаго *кадетскаго корпуса* кадетамъ 5-го возраста» Спб. 1787.

Антоній, архимандритъ муромскаго Спасскаго монастыря, расколо-учитель XVII в. ††) О его роли въ движеніи противъ Никоновскаго исправленія мы имѣемъ довольно мало свѣдѣній, и они не отличаются особенною опредѣленностью. Въ Синодальной библіотекѣ находится свитокъ, содержащій сочиненіе Антонія о сложеніи перстъ, съ изображеніями благословляющей руки, на которыхъ одѣланы разныя мистическія надписи. Вѣроятно, это сочиненіе и было поводомъ привлеченія Антонія къ суду на соборѣ 1666 г. Кромѣ этого, Антонію приписывался какой-то «бунтовой листъ», но онъ отрицалъ свое участіе въ его составленіи, указывая, что во время бунта въ Москвѣ не былъ. Вообще Антоній находился въ близкихъ отношеніяхъ къ другимъ расколоучителямъ и къ боярынѣ Морозовой; сохранилось письмо его къ ней, отправленное изъ тюрьмы. Нѣкоторое значеніе имѣетъ челобитная Антонія царю Алексѣю Михаиловичу; въ ней интересенъ слѣдующій аргументъ: книги Никономъ исправлены невѣрно, отъ этого происходитъ раздоръ между христіанами, «и чего, говоритъ Антоній, не могутъ въ Писаніи показати и новое опра-

---

†) 1. *С. Пономаревъ,* въ „Дух. Вѣст.“ 1862 г. № 11. 2. *Геннади*, Словарь.

††) О немъ см. 1) *Филаретъ*. Обзоръ дух. литературы, I, стр. 243. 2) Доп. къ А. И. т. V, стр. 458; 3) Матер. для ист. раскола, т. I, стр. 451—457, т. II, стр. 117, т. VIII, стр. 113—130.

вити, и въ томъ на тебя, государь, вину возлагаютъ, тако глаголя, яко у царя тако поютъ»;—слѣдовательно, чтобы устранить шатаніе въ вѣрѣ, царь самъ долженъ подать примѣръ возвращенія къ старинѣ. Неточностей въ исправленіяхъ Антоній указываетъ очень немного, и при томъ весьма несущественныхъ. Въ заключеніе онъ проситъ царя дать миръ церкви. На соборѣ 1666 г. Антоній принесъ раскаяніе и былъ посланъ «ради совершеннаго исправленія» въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь. Какъ писатель, Антоній занимаетъ среди первыхъ расколоучителей второстепенное мѣсто: слогъ его не отличается оригинальностью, а по содержанію челобитныя Авраамія Лазаря и Никиты стоятъ гораздо выше его челобитной.

А. Бороздинъ.

Антоній, архіепископъ новгородскій, паломникъ конца XII и первыхъ лѣтъ XIII столѣтія †). Въ мірѣ назывался *Добрыня Ядрѣйковичъ*, т. е. Андрѣйковичъ. Послѣ путешествія въ Царьградъ, гдѣ онъ былъ «въ лѣто 6708 при царствѣ Алексѣевѣ и при патріархѣ Іваннѣ», т. е. въ 1200 г. и откуда вывезъ мѣру гроба Господня, постригся въ Хутынскомъ монастырѣ и въ скоромъ времени настолько успѣлъ выдвинуться въ ряду другихъ представителей новгородскаго духовенства, что уже въ 1211 г. новгородцы, изгнавши архіепископа Митрофана, которымъ были недовольны, на его мѣсто, при дѣятельномъ участіи князя Мстислава, избрали Антонія. Но когда въ 1218 г. Мстиславъ ушелъ изъ Новгорода, то тѣ же непостоянные новгородцы чрезъ годъ вернули Митрофана, а Антонію, находившемуся въ то время въ Торжкѣ, послали сказать: «Пойди кде ти любо». Антоній, однако, не захотѣлъ подчиниться такому рѣшенію и тогда дѣло было представлено на судъ митрополита кіевскаго, который оставилъ новгородскую каѳедру за Митрофаномъ, а чтобы вознаградить Антонія, удержалъ его «у себе въ чьсти и въда ему епископью въ Перемышли». Въ 1222 г. Митрофанъ умеръ и былъ замѣненъ хутынскимъ чернецемъ Арсеніемъ, но уже въ 1225 г. послѣдній былъ изгнанъ, архіепископомъ-же вторично былъ призванъ А. На этотъ разъ онъ, тяжело заболѣвъ, добровольно удалился въ 1228 въ Хутынь, а преемникомъ ему снова былъ избранъ Арсеній, которому однако же теперь еще меньше пришлось сидѣть во дворѣ владычномъ. Какъ разъ въ одно время со вторич-

†) *П. И. Савваитовъ* въ предисловіи къ Паломнику А. 2) *Филаретъ*, Обзоръ, 3) *Строевъ*, Библіологич. Словарь. 4) *Порфирьевъ*, Ист. рус. лит. т. I стр. 391–92. 6) Историческія свѣдѣнія о немъ въ полномъ собраніи лѣтописей, у Карамзина, Соловьева, Макарія.

нымъ избраніемъ Арсенія, Новгородъ постигло большое бѣдствіе: съ августа по декабрь не было ни одного свѣтлаго дня, такъ что нельзя было совершенно производить полевыхъ работъ. Раззоренный этимъ бѣдствіемъ народъ почему то приписалъ его Арсенію и тотъ еле-еле успѣлъ спастись отъ народной ярости. Архіепископомъ же въ третій разъ былъ поставленъ А., хотя онъ, удрученный своею болѣзнью (потеря рѣчи), совсѣмъ и не хотѣлъ этой чести. Въ 1229 прибывшій княжить въ Новгородъ Михаилъ Черниговскій убѣдилъ новгородцевъ, что нельзя имъ быть съ владыкой, на котораго Богъ наложилъ свою руку, и они отпустили Антонія на покой. Чрезъ 2 года, 8 октября 1231 г., онъ умеръ и былъ похороненъ въ притворѣ св. Софіи.

Паломникъ Антонія, сохранившійся всего въ одномъ только, принадлежавшемъ И. П. Сахарову, спискѣ—приблизительно начала XV вѣка—въ 1872 г. изданъ Археограф. коммиссіею подъ редакціею П. И. Савваитова. О немъ будетъ сказано въ концѣ настоящаго тома.

Антоній (Александръ Іоанновичъ *Борисовъ*, также *Румовскій*), архіепископъ астраханскій. †) Р. въ 1738 г., отецъ его былъ священникъ. Учился въ петербургской невской семинаріи и по окончаніи курса въ ней съ 1762 г. былъ учителемъ «физическаго» класса. Въ 1763 переведенъ законоучителемъ въ сухопутный кадетскій корпусъ, въ 1770, находясь въ санѣ архимандрита Вяжицкаго монастыря, назначенъ проповѣдникомъ московской духовной академіи, въ 1774 рукоположенъ въ епископа переяславскаго, въ 1776 перемѣщенъ въ Астрахань, гдѣ основалъ дух. семинарію. Въ 1785 возведенъ въ санъ архіепископа, а въ слѣдующемъ году, 10 ноября, скончался.

Отъ него осталось нѣсколько проповѣдей:

1) «*Слово при торжествѣ перваго пріема благор. воспит. въ сухопутн. кад. корп.*». П. 1767 4° (Соп. 10490) 2) «*Слово при погребеніи тѣла гр. Алексѣя Григорьевича Разумовскаго*». М. 1771. 4° (Соп. 10503). Повидимому ему-же принадлежитъ 3) «*Слово въ день коронованія Императрицы Екатерины II*». П. 1767 4° (Соп. 1089) и 4) «*Слово въ день благополучно совершеннаго Императр. Екатериной II подвига*» (т. е. прививки себѣ оспы). П. 1769. 4°. (Соп. 10496). Кромѣ того *по Геннади* Румовскому принадлежитъ: 5) «*Слово въ торжественной день коронованія Екатерины Алексѣевны*». П. 1741, у Сопикова нами не найденное.

Антоній *(Бочковъ)* архимандритъ. См. въ концѣ тома.

---

†) 1) *Платонъ Любарскій*, Іерархія Вятская и Астраханск. въ «Чтеніяхъ общ. ист. и др.» 1848. № 7 стр. 81. 2) *Филаретъ*, Обзоръ стр. 357. 3) *Чистовичъ*, Ист. петерб. ак. стр. 41. 4) *Геннади*, Словарь стр. 34. 5) *Новиковъ*, Словарь перепеч. въ «Матер. для ист. русск. лит.» П. А. Ефремова, стр. 12.

Антоній (*Вадковскій*) епископъ выборгскій, ректоръ петербургской духовной академіи. См. въ концѣ настоящаго тома.

Антоній (Николай Ивановичъ *Знаменскій*) †). Род. въ 1761 (по другимъ извѣстіямъ въ 1765) въ Новгородѣ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ знаменскаго собора, воспитывался сначала въ новгородской, а затѣмъ въ невской семинаріи, въ которой, по окончаніи курса въ 1788, проходилъ учительскія должности. Въ 1792 принялъ монашество и чрезъ годъ опредѣленъ префектомъ новгородской семинаріи, въ 1795 возведенъ въ санъ архимандрита и перемѣщенъ ректоромъ александро-невской семинаріи, при немъ въ 1797 переименованной въ академію; въ 1799 рукоположенъ въ епископа старорусскаго, въ 1802 назначенъ епископомъ вологодскимъ, въ 1803 возведенъ санъ архіепископа тобольскаго, въ 1806 перемѣщенъ на ярославскую кафедру, которою управлялъ до 1820. † 10 авг. 1824 на покоѣ въ новгородскомъ деревяницкомъ монастырѣ и погребенъ въ хутынскомъ, которымъ управлялъ въ бытность епископомъ старорусскимъ. Былъ почетнымъ членомъ московскаго университета.

Изъ многаго, написаннаго А., *напечатаны:* 1) *„Слово на случай избранія судей въ Петербургѣ“*. П. 1795 г. 2) *„Слово на избраніе судей въ Ярославлѣ“*. М. 1805 г. 3) *„Слово на случай выборовъ въ Ярослав. губ.“*. М. 1812 г. (Соп. 10353).

4) *„Compendium Hermeneuticae sacrae“*, составленное по Виттенбаху и Рамбаху. П. 1806 г. и рядъ переводовъ: 5) Съ нѣм. *Голликофера*, „Благоговѣйное занятіе мыслящихъ христіанъ“. 2 ч. П. 1799 г. (Соп. 4170). 6) *Истина благочестія, доказанная воскресеніемъ Іисуса Христа“* 3 ч. Тобольскъ 1804—1805 гг. 7) *„Опытъ о воспитаніи въ первыхъ его понятіяхъ и правилахъ“* П. 1821 г. Въ 1808—1811 г. 8) А. издалъ въ Москвѣ Эвтропія, а въ 1812 г. 9) Цицерона „De officiis“ со своими примѣчаніями. 10) Въ „Ист. пет. дух. акад.“ Чистовича напечатана относящаяся къ 1797 г. ода А. Павлу I по случаю переименованія невской семинаріи въ академію. 11) Краткая автобіографія А. напеч. въ „Страннвкѣ“ 1868 г. № 12. 12) Извлеченія изъ „Записокъ“ его въ книгѣ *Макарій*, „Сказанія о жизни митр. Гавріила“ Спб. 1857 г. 13) Письма къ арх. Өеофилакту въ „Яросл. Епарх. Вѣд.“ 1862 г. № 5. 14) Письмо о рук. сочиненіяхъ митр. Гавріила въ „Библ. Зап.“ II. 244.

Кромѣ того остаются въ рукописи въ новгородской семинаріи 15) Большая часть его „Записокъ“ о себѣ и митр. Гавріилѣ. 16) *„Краткое описаніе ярославской губерніи“* , относящееся къ 1809 г.

---

†) 1) „Моск. Тел.“ 1825 г. № 20 стр. 394. 2) „Энцик. Словарь“ 60-хъ годовъ т. IV стр. 563. 3) *Чистовичъ* Ист. Петер. Акад. стр. 83 и 129. 4) *Филаретъ*, Обзоръ стр. 429, 30. 5) Іерархи Ростовско-Ярославской паствы. Ярославль 1864 г. стр. 278—82. 6) *Н. Суворовъ* въ „Волог. Епарх. Вѣд.“ 1867 г. № 6. 7) *А. Сулоцкій* въ „Страннвкѣ“ 1868 г. № 10. 8) *Его-же*, въ „Волог. Епарх. Вѣд.“ 1869 г. № 3. 9) *Н. Абрамовъ* въ „Страннвкѣ“ 1869 г. № 12, стр. 107—109. 10) „Странникъ“ 1871 г. № 2, стр. 7—9. 11) *Геннади*, Словарь стр. 35.

Антоній (Алексѣй *Герасимовъ-Зыбѣлинъ*) †) р. около 1730 г., учился въ московской академіи, по окончаніи курса въ которой постриженъ въ 1760 г. въ монашество и назначенъ учителемъ низшихъ академическихъ классовъ. Въ 1768—ректоромъ и въ томъ-же году возведенъ въ санъ архимандрита, въ 1770 хиротонисанъ во епископа архангельскаго, въ 1773 перемѣщенъ епископомъ нижегородскимъ, въ 1782 пожалованъ архіепископомъ казанскимъ. Въ 1785 г. уволенъ на покой въ макарьевскій желтоводскій монастырь и здѣсь въ сентябрѣ 1797 скончался.

З. въ свое время считался образцовымъ проповѣдникомъ и рѣчи его: 1) *Слова при началѣ и окончаніи открытія намѣстничества нижегородскаго* М. 17ъ0 и 2-е изд. Спб. 1780. 2) *Слова при началѣ и окончаніи открытія симбирскаго намѣстничества* Спб. 1781 и 2-е изд. М. 1781. 3) *Слова при началѣ и окончаніи открытія казанскаго намѣстничества* М. 1782 и тогда-же 2-е изданіе, были напечатаны по желанію Императрицы.

Въ 18 т. «Вивліофики» Новикова А. сообщилъ «Двинскаго Лѣтописца» и краткія свѣдѣнія о Нижнемъ Новгородѣ. Письма А. напечатаны въ «Русск. Бесѣдѣ» 1860 г. кн. II 254—58, а Макарій въ «Истор. Ниж. Іерархіи» упоминаетъ объ имѣющейся въ нижегородскомъ архіерейскомъ архивѣ обширной инструкціи А. училищамъ.

Антоній, іеромонахъ Спасскаго ярославскаго монастыря, «по благословенію г-на преосвященнаго митрополита Филиппа (1644 — 74), волею-же боголюбиваго и вседержавнаго государя великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи и при благороднѣмъ и благочестивѣмъ его сынѣ великомъ князѣ Иванѣ Ивановичѣ всея Русіи» написавшій житіе ярославскихъ князей Ѳедора († 1299) и сыновей его Константина и Давида, мощи которыхъ были обрѣтены въ 1463 ††) Житіе это съ нѣкоторыми сокращеніями включено въ «Степенную книгу» (I. стр. 392—397), и въ Никоновскую лѣтопись, а въ полномъ видѣ — въ Макарьевскія Четьи-Минеи (подъ 19 сент.).

Вчитываясь въ передаваемые Антоніемъ факты жизни Ѳедора, сначала довольно трудно понять, что въ нихъ составителямъ и вдохновителямъ

---

†) 1) «Любопытный мѣсяцесловъ" Рубана на 1776 г. стр. 124. 2) Древ. Рос. Вивліофика" 1791, ч. 18, стр. 71 и 79. 3) «Живописецъ» по Ефремовскому изданію 1864 г. стр. 337. 4) «Нижегор. губ. вѣд.» 1846 г. № 70 и 72. 5) *Макарій*, Ист. Нижегор. Іерархіи стр. 147—154. 6) *Филаретъ*, Обзоръ, стр. 377. 7) *Смирновъ*, Ист. Греко-Лат. Академіи стр. 204. 8) «Русск. Бесѣда» 1860 г. кн. II стр. 254. 9) *Геннади*, Словарь стр. 35.

††) *Филаретъ*, Обзоръ стр. 116. 2) *Строевъ*, Библіологическій Словарь. 3) *Ключевскій*, Житія святыхъ. 4) *Миллеръ* Ор. Лекціи по древне-рус. лит. (литограф.

житія могло показаться поучительнымъ. Дѣло въ томъ, что житіе рисуетъ князя человѣкомъ крайне раболѣпствовавшимъ въ ордѣ, женившимся даже на одной изъ ханскихъ дочерей и съ помощью татаръ, послѣ большого кровопролитія, усѣвшагося противъ воли гражданъ на ярославскомъ престолѣ. Недоумѣніе увеличивается еще тѣмъ, что изъ житія же видно, что часть духовенства отнеслась недовѣрчиво къ самому факту обрѣтенія мощей и совершенныхъ ими чудесъ. Но если вспомнить, что житіе писано въ эпоху, когда рядомъ съ Васіаномъ и Геронтіемъ, энергично призывавшими Іоанна III свергнуть татарское иго, существовала въ боярствѣ и духовенствѣ партія какъ ихъ называетъ лѣтопись «потаковниковъ бесерменскихъ», которые удерживали Великаго князя отъ разрыва, то какъ канонизація выдававшагося своимъ чрезмѣрнымъ покорствомъ Ордѣ Өедора, такъ и описаніе этого покорства можетъ быть объяснено, какъ одно изъ проявленій стремленія партіи покорства склонить великаго князя на сторону своей трусливой политики.

Антоній (Нарожницкій) изъ намѣстниковъ троицко-сергіевой лавры рукоположенъ 26 сент. 1742 г. въ митрополиты тобольскіе и сибирскіе †). По происхожденію малороссъ; учился въ кіевской духовной академіи. Ознаменовалъ свое пребываніе въ Сибири основаніемъ тобольской семинаріи, увеличеніемъ числа духовныхъ училищъ и постройкой многихъ каменныхъ церквей, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ, † 9 окт. 1748 г.

Въ библіотекѣ Кастерина (нынѣ находящейся въ Публич. библіотекѣ) имѣется его «Слово» изд. въ Москвѣ въ 1741 г. 4°. Геннади утверждаетъ, что другое, говоренное 4 авг. 1742 г. напеч. въ «Рус. словѣ» 1859 г., № 8, но мы его тамъ не нашли.

Антоній Подольскій, инокъ XVII столѣтія ††). Біографическихъ свѣдѣній прямыхъ о немъ никакихъ нѣтъ и только изъ направленныхъ противъ него сочиненій Іоанна Насѣдки и нѣкоторыхъ уцѣлѣвшихъ собственныхъ сочиненій его можно заключить, что онъ въ 10-хъ годахъ 17

---

†) *Филаретъ*, Обзоръ стр. 318. 2) *Абрамовъ, Н.* въ «Странникѣ» 1867 г. № 12, стр. 74—79. 3) «Лѣтопись занятій Археогр. коммиссіи» вып. IV. Матеріалы стр. 63. 4) *Генади*, Словарь. 5) *Аскоченскій*, Кіевъ.

††) *Филаретъ*, Обзоръ стр. 219. 2) *Строевъ*, Библіологич. Словарь стр. 21—2. 3) *Горскій* и *Невоструевъ*, Опис. син. рук. Отд. II. 3 стр. 348, 355. 4) *Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго* стр. 379, 380. 5) *Макарій*, Ист. рус. церкви т. X. стр. 194—200. 6) *Знаменскій*, Руков. по рус. церковной исторіи стр. 228. 7) *Соловьевъ*, т. 8) *Строевъ*, Рукописи Царскаго № 415. 9) *Сильвестръ Медвѣдевъ*, Книги, кто ихъ сложилъ. 10) *Андрей Поповъ*, Обзоръ хронографовъ [illegible]й редакціи, II. стр. 244 и слѣд.

столѣтія, уже будучи старцемъ, пришелъ въ Москву изъ Подолья. Видимо также, онъ получилъ правильное школьное образованіе въ одномъ изъ западно-русскихъ духовныхъ училищъ. Въ Москвѣ Антоній принялъ дѣятельное участіе въ извѣстномъ спорѣ о словѣ «и огнемъ» въ молитвѣ на Богоявленіе, которое «вымарали» справщики Требника—преп. Діонисій Глухой и ихъ товарищи. Антоній былъ въ числѣ тѣхъ, которые доказывали, что слово «и огнемъ» имѣетъ большое значеніе. Свои мысли по этому предмету онъ изложилъ въ трактатѣ 1) «*Объ огни просвѣтительнымъ*», который къ намъ не дошелъ и извѣстенъ только по яростной полемикѣ Насѣдки. Насѣдка написалъ два пространныхъ опроверженія противъ трактата Антонія, въ которомъ съ бѣшенствомъ сообщаетъ объ ненавистномъ ему подольскомъ старцѣ, что тотъ назвалъ Насѣдку и его товарищей еретиками, непріемлющими «благодати Духа Святаго, явившейся на апостолахъ огненными языками». Самъ же онъ училъ «объ просвѣтительномъ, ако отъ Божія существа исходитъ, и той есть и огонь и свѣтъ просвѣтительный». Свои мысли Антоній не только письменно проповѣдывалъ, но пропагандировалъ устно, расхаживая по торжищамъ и разсуждая объ огнѣ просвѣтительномъ съ калачниками и тому подобнымъ людомъ, который на всякое исправленіе смотрѣлъ подозрительно.

Насѣдка, однакоже, доказывалъ «гордому Антону», говорившему будто бы, «никто совершенно противъ меня грамматики и діалектики въ Россіи не знаетъ», что онъ-то и проповѣдуетъ ересь. «По истинѣ, ты во всемъ уподобляешься еретику Несторію. Онъ, проклятый, допускалъ въ Христѣ два состава (лица), а ты называешь Духа святаго огнемъ, и приписываешь въ составъ Святаго Духа вседѣятельную силу Его—огонь». «Ты четвертый составъ Святыя Троицы небоязненно проповѣдуешь всей Россіи».

Изъ сохранившихся произведеній Антонія Подольскаго имѣется въ нѣсколькихъ спискахъ: 2) *Слово о многопотопномъ и прелестномъ пьянствѣ*. Оно напечатано въ «Правосл. Собесѣдникѣ» 1862 г. № 4—5). Слово это главнымъ образомъ, конечно, имѣетъ интересъ курьеза, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно и очень характерно для изученія того схоластическаго пустословія, которое приносили съ собою южно-русскіе выходцы. Вотъ напр. опредѣленіе пьянства, гдѣ, согласно правиламъ польско-южнорусской реторики, читатель и слушатель по истинѣ огорашивается цѣлою картечью нанизанныхъ одно на другое опредѣленій и характеристикъ:

«Пьянство есть забытіе смерти, безстрашіе будущаго суда, невнятіе преступленію, лѣности наставленіе, тщанію бремя, презорству отецъ и паки сынъ, безстудію подпора, безчинію стѣна, тщеславію крыло, гордости облакъ, дерзновенію огонь, напастямъ источникъ, болѣзнь тѣлу, самовольный недугъ, души тщета,

всегдашная тьма, удомъ раздробленіе, мыслемъ расточеніе, разсужденію погубленіе, зрѣнію ослѣпленіе, спнета очисемъ, неблагообразіе лица, сердечный червь, безвременная смерть, калъ души, молитвѣ смрадный дымъ, блуду чрезъестественный питатель, скотское пребываніе, кромѣестественное дѣло, ко увѣреенію ровъ, мудрости поглощеніе, художеству потребленіе, дому разореніе, богатству тать, прибыткамъ моль, напрасная скорбь, бодрости сѣть, убожеству ходатай, несраменіе нагогѣ, о будущихъ нечувствіе, изгубленіе времени, пути претыканіе, нечаемая бѣда, внезапная буря, многоволненное потопленіе, лихоимству понужденіе, убійству срѣченіе, жестокосердію вина, отчаяніе отъ Бога, грѣхомъ забытіе, истребленіе добрыхъ дѣлъ, старѣйшимъ дѣтство, мудрѣйшимъ суесть, крѣпкимъ и разумнымъ чудное паденіе, отлученіе вѣчнаго веселія, вождь къ будущему пламени. Пьяны воистину есть скверна предъ Богомъ, смрадъ ангеломъ, пріятіе бѣсомъ, другъ лжи, любви ножъ, копіе другомъ и чюдо многимъ. И паки пьяный врагъ Богу, видимый бѣсъ, ругатель благимъ и отгнаніе благодати пресвятаго Духа». («Прав. Соб.» 1862 г. № 4 стр. 286).

Эта ненависть подольскаго монаха къ пьянству носила болѣе теоретическій, нежели практическій характеръ. Нѣсколькими строками дальше онъ чистосердечно сознается:

«Воистину многопотопна и прелестна страсть сія, и многіе симъ недугомъ одержанующе, яко олово въ водѣ, зѣльнѣ потопляются, *отъ нихъ же первый есмь азъ*».

Совершенно по такому же рецепту построено напечатанное въ «Правосл. Собесѣдникѣ» 1864 г. 3) *Слово о царствѣ небеснѣмъ, Богомъ дарованнѣмъ и вѣчнѣмъ и о славѣ святыхъ*. Можно было-бы изумляться способности Антонія на многихъ десяткахъ страницъ подрядъ сыпать эпитеты и опредѣленія, если-бы сколько-нибудь внимательное присматриваніе къ этому мнимому словесному богатству не выясняло-бы, что подбираетъ онъ свои словоизліянія часто-механическимъ путемъ и не въ порывѣ творчества, а кропотливымъ подыскиваніемъ аналогичныхъ словъ и выраженій. Движенія мысли у него нѣтъ никакого, а беретъ онъ какія-нибудь двѣ-три мысленки и разводитъ ихъ безконечною тавтологіей, цѣпляясь за всякую возможность на сорокъ манеровъ сказать одно и то же. Приводимъ для иллюстраціи небольшой отрывокъ «Слова о царствѣ небесномъ». Онъ характернѣе другихъ мѣстъ того-же «Слова» тѣмъ, что въ немъ есть образчики цѣпляній и за имена существительныя, и за имена прилагательныя, и за *се* и за *иже*. Въ другихъ же мѣстахъ цѣпляніе ведется въ болѣе строгомъ стилѣ: если пошли опредѣленія посредствомъ существительныхъ, то идутъ полторы, двѣ страницы безъ перерыва именъ существительныхъ, если пускаются въ ходъ прилагательныя, то исчерпывается весь запасъ именъ прилагательныхъ и т. д. Въ приводимомъ-же [illegible] не обижена ни одна часть рѣчи.

[illegible] силится дать понятіе о блаженствѣ небеснаго житія.

«Се прежнихъ высочайшее, се благодаровательнѣйшее, се паки во всемъ совершительнѣйшее, се небесное, се земныхъ превосходительное, се по образу и по подобію Божію, се безсмертіе, се жизнь, се вѣчное пребываніе, се поклоненіе истинное духомъ тріипостасному, трисолнечному, трисіятельному равносіятелю и всему Создателю, истинному, исконному, непостижимому, вышеживотному, и животворному, и жизнедательному, присносущному, и пресущному, и пресвѣтлому Господу Богу нашему. Не ктому бо во мрацѣ и бури, но яко нѣкое ангельское поклоненіе, херувимское славословіе, небесныхъ силъ ликованіе, радостное и божественное. Се паки превосходительное человѣческому разуму, се многое человѣколюбіе трисіятельнаго Бога нашего, се пасха истинная, не ктому бо изъ Египта въ землю обѣтованную, но отъ земля на небо и отъ тлѣнныхъ въ нетлѣніе, иже правовѣрнымъ надежда, иже праведнымъ упованіе, иже преподобнымъ вселеніе, иже кроткимъ наслѣдіе, иже изгнаннымъ вѣчный покровъ, иже ищущимъ обрѣтеніе, иже плачущимъ утѣшеніе, иже желающимъ пріятіе, иже милостивымъ воздаяніе, иже нищенствующимъ богатство, и смиреннымъ слава, и всѣмъ угодившимъ Богу благодѣтельное совершеніе».

Что касается содержанія «Слова о Царствіи небесномъ» то, по своему пустомыслію, это трактатъ, вполнѣ въ духѣ того богословія 16 и 17 вѣка, когда люди серьезно задавались вопросами: могъ-ли бы Сынъ Божій воплотиться въ образѣ осла, змѣи, голубя? Могъ-ли бы Богъ замѣнить Христа женщиной? Если бы Богъ замѣнилъ Христа тыквой, какимъ образомъ была-бы она устроена, какимъ образомъ производила бы чудеса, какимъ образомъ была-бы распята? Съ такимъ же воодушевленіемъ, достойнымъ лучшей участи, Антоній Подольскій старается сообщить читателю и слушателю, какъ проводятъ время святые, что они ѣдятъ и т. д.

Въ одномъ только спискѣ имѣются въ собраніи Ундольскаго слѣдующія слова Антонія:

4) *Посланіе къ нѣкоему. Глава 1, о человѣчестѣмъ нравѣ живущемъ добрѣ во христіанстѣй славѣ, еще же и о жесто(ко)сти и о немилости.* 5) *Слово 2-ое о прелестнѣмъ семъ видимомъ нами свѣтѣ, и о живущихъ насъ всѣхъ человѣковъ.* 5) *Слово 3-ье, о человѣчестѣй плоти.* 7) *Слово 4-е, о чести родителей своихъ.* 8) *Слово 5-ое, о піянствѣ и о блудѣ.* Вѣроятно тождественно со «Словомъ о многопотопномъ и о прелестномъ піянствѣ».

Кромѣ того изъ написаннаго Антоніемъ Подольскимъ напечатано (у *Андрея Попова* въ «Обзорѣ хронографовъ русской редакціи» вып. II. стр. 244—25) предисловіе его къ одному изъ русскихъ списковъ хронографа.

Антоній (Стаховскій) извѣстный подъ именемъ Антонія *префекта* †), происхожденія малорусскаго. Учился въ кіевской академіи и съ 1701—1709 г. былъ «намѣстникомъ катедры черниговской и префектомъ коллегіума епископіи черниговской», въ 1709 г. опредѣленъ настоятелемъ новгородъ-сѣверскаго Спасо-преображенскаго монастыря, въ 1713 г. рукоположенъ въ Псковѣ въ санъ архіепископа черниговскаго, въ 1721 г. назначенъ митрополитомъ сибирскимъ, † въ Тобольскѣ 27 марта 1740 г.

Въ бытность свою префектомъ, А. издалъ въ Черниговѣ въ 1705 г. 1) «*Зерцало отъ писанія божественнаго*», содержащее въ себѣ переводъ 5 словъ Іоанна Златоуста, три проповѣди Іоанна Максимовича, тогдашняго архіепископа черниговскаго и вирши самого префекта, посвященныя изображенію страданій Спасителя. Историко-литературный интересъ книги главнымъ образомъ заключается въ предисловіи, представляющемъ собою характерный образчикъ той риторической напыщенности, вычурности и льстивости, которая господствовала въ сложившейся подъ польскимъ вліяніемъ малорусской образованности конца XVII и начала XVIII вѣка. Почти все это предисловіе посвящено прославленію гетманствовавшаго тогда Мазепы. Сначала идутъ стихи къ нарисованному тутъ-же гербу гетмана:

Ясно вельможный мѣсяцѣ, пане Іоаннѣ,
  Предостойный гетмане, Богомъ дарованне!
Крестъ, денница, луна есть твое знаменіе,
  Извѣстно прибѣжище, всѣмъ защищеніе.
Первѣй воспріялъ еси имя кавалерства,
  Въ родъ и родъ слава всего будеши рыцерства.
Юноши, дѣвы, старцы обще съ юношами,
  Желаемъ, да пріймешь здѣ всего добра тмами.
Успѣвай и державствуй премногія лѣта,
  За труды насладишься небеснаго свѣта.
Звѣзда отъ Іакова свѣтло возсіяла
  Въ крестѣ Мазеповъ мѣсяцѣ себѣ воспріяла.
Звѣзда отъ Іакова Христа знаменуетъ;
  Христосъ пребываетъ въ васъ, тріумфи готуетъ,
Добрая аки луна пребываетъ во вѣки
  Удостоитъ васъ жити съ евангельскими лики.

Около герба изображены св. Борисъ и Глѣбъ, внизу арматура, подъ которою идетъ надпись

---

†) 1) *Евгеній,* Словарь дух. пис. 2) *Аскоченскій,* Кіевъ стр. 215. 3) «Черн. губ. вѣд.» 1856. № 17. 4) *Филаретъ,* Обзоръ стр. 213. 5) *Филаретъ,* Описаніе Черниг. Епархіи. 6) *Пекарскій,* Наука и Литер. при Петрѣ I. т. II. стр. 115—118. 7) *Н. Абрамовъ.* въ «Странникѣ» 1863. № 1. 8) *Геннади.* Словарь.

Stemma tenent superi clarum Mazepae Ioannis
Signant in Coelis stemate nomen ejus.
Гербъ гетмана Мазепы въ рукахъ сіи имѣютъ
Тимъ гербомъ имя его въ небѣ печатлѣютъ.

Вслѣдъ за этимъ А., называющій себя «нижайшимъ подножіемъ ясневельможности гетманской, милостиваго патрона и прещедраго благодѣтеля», выхваляетъ Мазепу прозой, ставитъ его за украшеніе и постройку храмовъ *выше Соломона* и затѣмъ прибавляетъ: «зримъ кіево-могилянскія Аѳины щедрою десницею вашею панскою каменнымъ строеніемъ и правъ утвержденіемъ укрѣплены. Самыя-же Кіевопечерскія обителей разширенія и новостроенія расни златыми въ внѣ и внутрь одѣянна и преукрашеина, ясневельможность вашу, себѣ патронствующаго благодѣтеля, всему міру явѣ прославляютъ. Сіяетъ въ немъ престъ вашъ гербовный, аки котвами (якорями) крѣпко вѣру православну утверждающій. Свѣтлѣется небо благодати денницею и луною, знаменитыми свѣтилами, всю россійскую подсолнечную просвѣщающія. Показуетъ вашу рейментарскую милость всѣмъ окрестнымъ и въ далечайшихъ предѣлахъ сущимъ, храбраго новаго геркулеса и перваго мужественнаго въ Россіи кавалера, новы горы за кіевскими горами созидающа, и крестніе колюмни водружающа, ихъ же супостаты не прейдутъ».

Такую же непомѣрную лесть расточаетъ А. занимавшему въ то время черниговскую кафедру архіепископу Іоанну Максимовичу, относительно котораго авторъ «Зерцала» утверждаетъ, что «не бысть прежде его подобенъ ему, и по немъ не будетъ».

Кромѣ «Зерцала» Филаретъ въ своемъ «Обзорѣ» считаетъ возможнымъ приписать А. изданное въ 1705 г. въ Черниговѣ «*Сказаніе о св. Писаніи*», упоминаемое въ каталогѣ книгъ Кастерина подъ № 635.

Антоній Радивиловскій, знаменитый проповѣдникъ XVII ст. См. въ концѣ наст. тома.

Антоній (*Радонежскій*) епископъ оренбургскій †) *По свѣдѣніямъ, извлеченнымъ нами изъ архива Св. Синода*, сынъ священника, р. въ 1809 г. въ Селѣ Тепелевѣ-Сергіевскомъ, нижегородскаго уѣзда нижегородской губ., учился въ нижегородской семинаріи и затѣмъ, съ 1830—34, въ московской духовной академіи; по окончаніи курса въ ней со степенью магистра, опредѣленъ инспекторомъ нижегородской семинаріи, въ 1841 принялъ постриженіе въ монашество, въ 1842 переведенъ преподавателемъ богословскихъ наукъ въ ярославскую духовную семинарію; въ 1844

---

†) 1. *Смирновъ*, Ист. московск. духовн. акад. стр. 429. 2. 900 лѣтіе россійской іерархіи стр. 72.

назначенъ баккалавромъ по классу св. писанія при казанской духовной академіи, въ 1846 экстраординарнымъ, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ ординарнымъ профессоромъ богословскихъ наукъ той же академіи, въ 1848 возведенъ въ санъ архимандрита, въ 1851 опредѣленъ ректоромъ пермской семинаріи, въ 1854 перемѣщенъ ректоромъ ярославской семинаріи, въ 1854 вызванъ въ Петербургъ на чреду богослуженія, въ 1858 рукоположенъ въ епископа оренбургскаго. Въ 1862 перемѣщенъ въ настоятели Воскресенскаго монастыря, въ 1866 уволенъ на покой, † въ Смоленскѣ въ 1872 г.

Мы занесли А. Радонежскаго въ Словарь потому, что онъ былъ профессоромъ, но печатныхъ произведеній послѣ него, кажется, не осталось никакихъ.

Антоній Римлянинъ преподобный, основатель и игуменъ новгородскаго Антоніева монастыря († 1147). Не касаемся біографіи святителя, потому что къ дѣятелямъ русской литературы его причислить нельзя и только въ видахъ бібліологической полноты отмѣчаемъ, что у Карамзина (II томъ примѣч. 210) и въ III томѣ «Ист. рос. іерархіи» напечатаны двѣ небольшія граматы его, одна въ 12 строкъ, другая въ 28. Первая грамата представляетъ собою купчую, другая есть нѣчто въ родѣ духовной: въ ней преподобный говоритъ о тяготахъ, выпавшихъ на его долю при основаніи монастыря и убѣждаетъ братью никогда не дѣйствовать «мздою или насиліемъ». Подлинность Антоніевыхъ граматъ, сохранившихся въ Антоніевомъ монастырѣ только въ спискахъ, подлежитъ весьма большому сомнѣнію (См. у *Ключевскаго*, Древнерус. житія святыхъ, стр. 307 и далѣе).

Антоній Румовскій. См. *Антоній Борисовъ*.

Антоній (Авраамій Гавриловичъ *Смирницкій* †) р. 29 окт. 1773 въ с. Повстинѣ, пирятинскаго уѣзда полтавской губ., гдѣ отецъ его былъ приходскимъ священникомъ. Учился въ кіевской академіи, въ 1797 принялъ монашество и назначенъ библіотекаремъ Кіево-Печерской лавры, а въ 1815—намѣстникомъ ея; 1826 рукоположенъ въ епископа воронежскаго, въ 1832 возведенъ въ санъ архіепископа, † 20 дек. 1846. Двадцатилѣтнее архіерействаніе А., ознаменованное открытіемъ мощей св. Митрофанія, оставило по себѣ продолжительную память въ Воронежѣ.

Въ «Христ. Чт.» 1837 г. IV, 1847, IV и 1848, I. напечатаны произнесенныя имъ на разные случаи проповѣди. Письмо его, заключающее

---

†) 1) *Н. М. Савостьяновъ*, Жизнь преосв. Антонія. П. 1852. 2) *Аскоченскій*, Кіевъ. II. 382—84. 3) *Филаретъ*, Обзоръ, стр. 463. 4) *Геннади*, Словарь стр. 36.

ъ себѣ описаніе посѣщенія Имп. Александромъ кіевской Лавры, помѣ_ ено въ «Чт. Общ. Ист. и др.» 1862 (І. стр. 189 — 90). «Другія его юсьма» сказано въ «Обзорѣ» Филарета «между письмами затворника еоргія». Не знаемъ, однакоже, о какомъ затворникѣ здѣсь идетъ рѣчь.

Восемь словъ Антонія помѣщено въ біографіи его, составленной . М. Савостьяновымъ. Они мало замѣчательны.

Антоній (Соколовъ) †) архимандритъ казанскаго преображенскаго монастыря съ 1798, ректоромъ казанской семинаріи съ 1800, епископъ старорусской съ 1808, воронежскій съ 1810, калужскій съ 1816, архіепископъ подольскій съ 1819. Въ 1821 уволенъ на покой въ задонскій монастырь, гдѣ и умеръ въ 1827. Изъ его рѣчей напечатаны:

1) По случаю выборовъ изъ дворянскаго Новг. губерніи сословія чиновниковъ въ судебныя мѣста и обществ. должности П. 1810; 2) въ день прибытія въ Воронежскую Епархію, ноября 29, 1810. М. 1811; 3) на погребеніе воронежскаго губернатора, А. Б. Сонцова. М. 1811. (Соп. 0361, 10687 и 10690). По указанію арх. Филарета существуютъ его 4) лова и рѣчи, 2 ч. В. 1825, а по указанію *Д. Д. Языкова*: 5) Слово въ ень Рождества Христова Спб. 1814.

Антоній Стаховскій см. *Антоній Префектъ.*

Антоній (Алексѣй *Шокотовъ*) архіепископъ Кишиневскій ††) *По свѣдѣніямъ, извлеченнымъ нами изъ архива Св. Синода*, р. въ 1799 г. ъ городѣ Изюмѣ харьковской губ., гдѣ отецъ его былъ діакономъ. Учился въ харьковскомъ духовномъ коллегіумѣ и въ кіевской духовой академіи, гдѣ въ 1823 г. кончилъ курсъ со степенью магистра. Въ 825 г. изъ учителей полтавской семинаріи опредѣленъ баккалавромъ философскихъ наукъ при кіев. дух. академіи, въ 1829 произведенъ въ священники, въ 1830 г. назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ философскихъ наукъ кіев. дух. академіи, въ 1834 г., по принятіи монашества, инспекторомъ академіи, въ 1836 г. произведенъ въ архимандриты и тогда же назначенъ ректоромъ полтавской семинаріи, въ 1850 г. руко-

---

†) 1) *Филаретъ*, Обзоръ стр. 433. 2) *Геннади*, Словарь стр. 36 3) *Д. Д. Языковъ*, въ «Библіогр.» 1885 г. № 2 4) Девятисотлѣтіе русской іерархіи. Стр. 67 59, 61, 20.

††) *Отзывъ* о его «Словахъ св. *П. Матвѣевскаго* въ «Стран.» 1863 г. № 4 *Біограф. данныя*: 1) *Геннади*, Словарь стр. 39. 2) «Харьк. еп. вѣд.» 1871. № 9. 3) «Кишин. е. вѣд.» 1871 г. № 6, 7, 8, и 9 (*А. Пархомавича*). 4) «Странникъ». 1871 г. Т. 2. стр. 170 — 177 5) «Воронеж. еп. вѣд.» 1871. № 13. 6) 900 лѣтіе россійской іерархіи.

положенъ во епископа волгскаго, викарія саратовскаго, въ томъ же году перемѣщенъ въ епископа старорусскаго, викарія новгородскаго, въ 1853 г. назначенъ епископомъ оренбургскимъ и уфимскимъ, въ 1858 — кишиневскимъ и хотинскимъ; въ 1861 возведенъ въ санъ архіепископа. † 13 марта 1871.

Есть его «*Слова и Рѣчи*» Спб. 1862, написанныя языкомъ яснымъ и простымъ. Проповѣдникъ всего болѣе старается убѣдить своихъ слушателей въ томъ, что мало благочестія внѣшняго, показного, оно должно быть внутреннимъ, должно простираться на помыслы наши.

Антоній (въ мірѣ Алексѣй *Храповицкій*) іеромонахъ †). Род. въ 1863 г. въ дворянской семьѣ, учился въ 5 петер. гимназіи, гдѣ въ 1881 г. кончилъ курсъ съ золотою медалью, затѣмъ съ 1881 — 1885 г. въ петербургской духовной академіи. Еще студентомъ (въ маѣ 1886) X постригся въ монашество. Оставленный при академіи для приготовленія къ кафедрѣ, онъ до сент. 1886 г. занималъ должность помощника инспектора, а учебный годъ 1886—87 пробылъ въ холмской семинаріи въ качествѣ преподавателя литургики и гомилетики. Осенью 1888 г. петербургская духовная академія пригласила А. въ доценты по кафедрѣ св. писанія ветхаго завѣта.

21 дек. 1887 г. молодой доцентъ защищалъ представленную имъ для полученія степени магистра богословія диссертацію «*Психологическія данныя въ пользу свободы воли и нравственной отвѣтственности*». Спб. 1887. Книга іер. Антонія—полемическій трактатъ, направленный противъ извѣстной монографіи голландскаго философа Шольтена, въ которой проводится детерминизмъ. Іер. Антоній напротивъ стоитъ за индетерминизмъ; свои доводы онъ заимствуетъ изъ психологіи г. Владиславлева, литографированныхъ лекцій г. Свѣтилина и г. Янышева; въ то же время книга іер. Антонія показываетъ знаніе нѣмецкой и французской литературы по вопросу о свободѣ. Цѣль книги состоитъ въ «раскрытіи субъективнаго значенія свободы т. е. того, насколько сознаніе свободы есть необходимый элементъ нашихъ хотѣній», (ст. 5). Фактъ свободы подтверждается сознаніемъ и самосознаніемъ; «если мы свободны, то лишь настолько, насколько сознаемъ себя свободными» (9). Ссылаясь на «фактъ свободы, этимъ хотятъ сказать не только то, что свидѣтельствуется сознаніемъ, но и то, что оно открывается въ нашемъ самосознаніи» (ст. 12). Въ 4-ой главѣ авторъ трактуетъ о волѣ и устанавливаетъ ея приматъ передъ чувствомъ и интеллектомъ. «Не чувство и не разумъ, а воля есть прав-

---

†) „Церк. Вѣст." 1787 г. стр. 921. 2) Отчеты о диспутѣ въ газетахъ отъ 22 дек. 1887.

;ая сила души и источникъ желаній». Авторъ говоритъ, что наиболѣе ›лное развитіе этого ученія (которое въ современную философію введено Іопенгауеромъ) онъ нашелъ у г. Владиславлева. Слѣдующая глава тракгетъ о свободѣ воли.—«Врожденныя стремленія составляютъ почву, на ›торой развивается воля, но не разъясняютъ развитія этихъ направлеій, т. е. того, что опредѣляетъ индивидуальную жизнь. Это-то, по свидѣльству нашего самосознанія, и принадлежитъ свободѣ» (ст. 59). «Наравленіе воли и цѣлей (?) дѣятельности не можетъ быть объяснено ни ікъ необходимый результатъ разсудочныхъ отправленій, ни какъ слѣдвіе прирожденнаго склада воли: оно можетъ быть лишь свободнымъ ѣшеніемъ независимаго я» (ст. 71). Слѣдующая глава разсматриваетъ ношеніе свободы и нравственности. Авторъ защищаетъ почти общеизнаное положеніе, что добро и зло немыслимы безъ свободы (ст. 82). Идея свободы для нравственной жизни такъ же необходима, какъ возгхъ для дыханія» (ст. 95).—Остальныя главы сочиненія не имѣютъ пряэго отношенія къ главной темѣ сочиненія. Э. Р.

Антоновичъ, Афиногенъ Яковлевичъ, современный политико-экономъ †). . въ 1848 въ волынской губ. Отецъ его былъ священникъ. Кончивши ь 1869 курсъ кіевской семинаріи, А. поступилъ на юридическій факульэтъ кіевскаго университета, откуда въ 1873 вышелъ со степенью канндата и тотчасъ же получилъ приглашеніе занять въ качествѣ доцента афедру политической экономіи, статистики и законовѣдѣнія въ институтѣ эльскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи. Защитивъ въ 877 диссертацію на степень магистра политической экономіи подъ заіавіемъ: 1) «*Теорія цѣнности*». Варшава 1877., А. въ 1879 былъ гвержденъ профессоромъ занимаемой имъ кафедры. Тогда же онъ напеаталъ свои лекціи, подъ заглавіемъ: 2) «*Основанія политической экоомiи*», въ двухъ выпускахъ. Варшава 1879. Въ слѣдующемъ году онъ ылъ назначенъ членомъ правленія института и завѣдующимъ институткими имѣніями. Съ 1882 А. перешелъ въ кіевскій университетъ доценомъ полицейскаго права. Кромѣ того онъ читалъ политич. экономію и татистику на кіевскихъ высшихъ женскихъ курсахъ. Въ 1883 за дисертацію: 3) «*Теорія бумажно-денежнаго обращенія и государственные кредитные билеты*» кіевскій университетъ удостоилъ А. степени доктора олитической экономіи и статистики. Въ 1886 г. онъ издалъ обширный 4) «*Курсъ политической экономіи*» лекціи, читанныя въ университетѣ :в. Владиміра. Кіевъ.

---

†) *Иконниковъ*, Словарь писателей. Отзывы о сочиненіяхъ А. см. въ концѣ наст. тома.

Кромѣ упомянутыхъ главныхъ работъ, А. напечаталъ: 5) «*Сельскохозяйственные сервитуты въ привислянскомъ краѣ*» («Тр. Вольно-Эк. Общ.» 1876). 6) «*А Смитъ о сельскомъ хозяйствѣ*» («Зап. Ново-Александр. инстит. сельск. хоз. и лѣсов.» 1877). 7) «*Лѣсоводство въ привислянскомъ краѣ*» («Тр. Вольно-Экономическаго Общ.» 1877) 8) «*Черезполосное землевладѣніе, его происхожденіе и хозяйственное значеніе*» «Жур. Мин. Гос. Им.» 1878). 9) «*Къ вопросу о ростѣ сельскаго хозяйства послѣ 19 февраля 1861 г.*» («Зап. Ново-Александровскаго инст. сельск. хоз. и лѣса» 1881). 10) «*Экономико-юридическія основанія разверстанія черезполосныхъ земель*» (ibid). 11) «*Общинный трудъ въ сельскомъ хозяйствѣ*» (ibid).

Въ 1883 и 1884, А. редактировалъ «Кіевлянинъ». Съ 1887 года издаетъ «Кіевское Слово»—газету умѣренно-консервативную съ промышленно-патріотическимъ оттѣнкомъ. Недоброжелатели «Кіевскаго Слова» настойчиво обзываютъ его органомъ управленія юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Учено-литературная дѣятельность А., при всей своей внѣшней плодовитости, не отличается богатствомъ и разносторонностью содержанія. Это выражается, во-первыхъ, въ исключительной приверженности къ старымъ учебникамъ политической экономіи и въ совершенномъ игнорированіи спеціальной литературы предмета за послѣднія двадцать лѣтъ; во-вторыхъ, въ дословномъ повтореніи однихъ и тѣхъ же разсужденій и цитатъ въ различныхъ трудахъ автора, и въ-третьихъ, въ неясности и тяжеловѣсности изложенія.

Придерживаясь направленія болѣе практическаго, чѣмъ научнаго, А. въ своихъ работахъ довольствуется большею частью пересказомъ или разборомъ чужихъ мнѣній и избѣгаетъ касаться наиболѣе важныхъ и жгучихъ вопросовъ современной политической экономіи. Соціальныя проблемы занимающія главное мѣсто въ изслѣдованіяхъ западно-европейскихъ экономистовъ, не существуютъ для А., онѣ кажутся ему выдумкою какихъ-то «всеобщихъ организаторовъ и преобразователей», отъ которыхъ можно отдѣлаться нѣсколькими пренебрежительными фразами. Образцы «истинной науки» онъ находитъ преимущественно у такихъ писателей, какъ Маклеодъ, Кэри, Бастіà, Молинари; во многихъ случаяхъ онъ не идетъ далѣе Адама Смита и Шторха. Его любимые русскіе авторы—Горловъ, Т. Степановъ. Отношеніе къ излагаемымъ или критикуемымъ теоретикамъ характеризуется оборотами въ родѣ слѣдующихъ: «*не соглашаясь* принципіально съ извѣстною теоремою Милля и пр., *мы тѣмъ не менѣе должны согласиться*» и т. д. («Теорія бумажно-денежнаго обращенія», стран. 38).

Критическая оцѣнка сочиненій А. значительно облегчается усвоенною

имъ системою перепечатокъ, при которой каждая послѣдующая книга воспроизводитъ съ буквальною точностью существенныя части предъидущихъ работъ. Многое изъ того, что содержится въ первой его диссертаціи о «цѣнности», появляется вновь въ «Основаніяхъ политической экономіи» и въ позднѣйшемъ «Курсѣ», безъ всякихъ измѣненій. Такая неуклонная вѣрность разъ высказаннымъ фразамъ тѣмъ болѣе удивительна, что въ нихъ часто не оказывается точнаго смысла. Возьмемъ, напримѣръ, опредѣленіе законовъ и задачъ политической экономіи. «Въ самой природѣ экономическихъ отношеній—говоритъ А.—существуютъ законы, которымъ человѣкъ долженъ повиноваться. Но эти законы въ своемъ развитіи видоизмѣняются средою, весьма часто подавляются ею, низводятся до едва замѣтнаго минимума (?). Задача истинной экономической науки—осознать (?) природу экономическихъ отношеній, осознать ту идею возможности въ развитіи (?), которая представляетъ собою постепенно осуществляющійся законъ, и посредствомъ такого осознанія способствовать болѣе полному его осуществленію, руководить экономическою дѣятельностью, какъ общественною, такъ и частною, насколько дѣятельность человѣка зависитъ отъ его сознанія» («Теорія цѣнности, стр. 17; «Основ. полит. экон.», вып. I, стр. 26; «Курсъ», стр. 46, 23). Трудно понять что-либо въ этомъ сбивчивомъ наборѣ словъ. Какъ это могутъ подавляться и исчезать законы явленій? Если же законы столь перемѣнчивы и неуловимы, то чему именно «человѣкъ долженъ повиноваться» въ данное время? Что̀ это за «идея возможности въ развитіи» и почему нужно «способствовать» какому-то «осуществляющемуся закону»? Оставляя безъ отвѣта эти естественныя недоумѣнія, А. вслѣдъ затѣмъ утверждаетъ, что политическая экономія «имѣетъ своимъ предметомъ изученіе постоянныхъ и неизмѣнныхъ законовъ общественности въ дѣятельности людей» («Основ. полит. экон.», I, стр. 28; «Курсъ», стр. 24), такъ что читателю остается только предположить, что самъ авторъ не уяснилъ себѣ, существуютъ ли экономическіе законы и какіе именно—перемѣнчивые и развивающіеся или «неизмѣнные и постоянные». Изъ приведеннаго выше опредѣленія политической экономіи видно, что авторъ считаетъ задачею науки не только изученіе явленій, но и руководство «экономическою дѣятельностью, какъ общественною, такъ и частною»; въ другомъ мѣстѣ онъ предоставляетъ «такъ называемымъ прикладнымъ наукамъ» указаніе «наиболѣе цѣлесообразныхъ средствъ условій и организаціи (дѣятельности людей), сообразно съ вѣчно измѣняющимися обстоятельствами» («Курсъ», стр. 24;—«Основ.», I, стр. 28). Въ то же время А. отрицаетъ возможность искусственнаго организаторства, какъ несогласнаго съ «законоподчиненностью общественныхъ явленій»; только «самолюбію честолюбивыхъ мечтателей» свойственно претен-

довать на созданіе «порядка тамъ, гдѣ порядокъ, по ихъ мнѣнію, не данъ самимъ Провидѣніемъ». Эти мечтатели «еще могутъ находить аудиторію и пользоваться въ ней авторитетомъ» только потому, что «идея естественной законоподчиненности еще не получила надлежащаго распространенія». Для людей же науки эти утописты представляются не только безъ всякаго авторитета, но даже сумасшедшими (при этомъ дѣлается ссылка на Молинари). Въ дѣйствительности, это не сумасшедшіе, но плохіе мыслители; это люди, «незнакомые съ самыми обыденными пріемами научнаго изслѣдованія общественныхъ явленій» («Основ. полит. экон.», I, стр. 19; «Курсъ», стр. 17). Какъ совмѣстить съ этимъ взглядомъ призваніе политической экономіи «руководить экономическою дѣятельностью» и указывать «наиболѣе цѣлесообразныя средства и условія организаціи ея»—остается загадкою. Нельзя не замѣтить также, что А. обнаруживаетъ весьма смутное пониманіе «законоподчиненности», которую онъ повидимому смѣшиваетъ съ обязательностью существующихъ фактовъ; съ его точки зрѣнія непозволительно было бы строить громоотводы, такъ какъ и это значитъ вмѣшиваться въ дѣйствіе естественныхъ силъ и нарушать «порядокъ, данный Провидѣніемъ». Изъ подобныхъ внутреннихъ противорѣчій и темныхъ мѣстъ состоитъ весь самостоятельный научный багажъ А.

Переходя къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ «изслѣдованій» А., мы должны прежде всего сказать, что его «Теорія цѣнности», вышедшая въ 1877 году, имѣетъ мало цѣнности, даже какъ компиляція. Авторъ придаетъ «высоко-научное значеніе» поверхностнымъ взглядамъ Бастіà (стр. 111) и не останавливается вовсе на ученіи Маркса, которому посвящено, мимоходомъ, не болѣе двухъ страничекъ (стр. 125—6, и 182—3), — что довольно странно въ спеціальномъ трудѣ о цѣнности; при этомъ выражено еще какъ будто удивленіе, что «странному воззрѣнію нѣмецкаго экономиста придается высоко-научное значеніе г. Зиберомъ» (въ его «Теоріи цѣнности и капитала Рикардо», Кіевъ, 1871), но и книга г. Зибера оставлена безъ всякаго вниманія и разбора. Общій взглядъ автора — неопредѣленный и туманный, иногда двусмысленный и непонятный, но уже проникнутый весьма практичнымъ оптимизмомъ. А. «не возводитъ въ принципъ систему экономическаго нейтралитета (laissez faire), хотя съ другой стороны отрицаетъ необходимость организаторскихъ попытокъ для явленій цѣнности» (стр. 196). Относительно этихъ явленій «задача политической экономіи состоитъ въ осознаніи естественнаго ихъ закона, какъ постепенно осуществляющейся въ жизни идеи возможности (?), заключающейся въ природѣ цѣнности». Приводимъ, кстати, образчикъ языка А.: «Въ сферѣ хаотичности интересовъ экономическія понятія были также хаотичными, пирронистическими (?). Пирронизмъ (т. е. скеп-

тицизмъ?) и вообще все ученіе школы софистовъ есть продуктъ реальнаго пирронизма, продуктъ, если можно такъ выразиться, общественной софистики. Пріобрѣтатель смотрѣлъ на цѣнность, какъ на зло, продавецъ—какъ на благо, такъ какъ пирронизмъ такой существовалъ и въ дѣйствительной жизни, въ которой обмѣнъ еще не былъ проникнутъ духомъ органичности. Пирронисты только систематизировали реальный пирронизмъ и распространяли его на всѣ факты знанія» (стр. 104). По мнѣнію А., прежняя борьба интересовъ уступаетъ теперь мѣсто чувству взаимности и гармоніи; иначе и быть не можетъ, «ибо если бы въ самомъ дѣлѣ цѣнность опредѣлялась закономъ борьбы, то организаторы были бы безусловно правы,—необходимо было бы переорганизовать всѣ мѣновыя отношенія»; а такъ какъ послѣднее нежелательно, то самые факты должны быть отрицаемы или представлены въ другомъ видѣ, согласно требованіямъ теоріи. Такова научная логика А.

«Основанія политической экономіи», изданныя для слушателей института сельскаго хозяйства, заключаютъ въ себѣ, какъ замѣчено выше, перепечатку значительной части первой диссертаціи, съ добавленіемъ обычныхъ рубрикъ, существующихъ во всѣхъ учебникахъ, — о производствѣ, распредѣленіи и потребленіи. Между прочимъ, говоря о формахъ предпріятій, А. рѣзко возстаетъ противъ «прожекторовъ», предлагающихъ примѣненіе артельнаго начала въ земледѣліи; «даже совѣсть — не протестуетъ у этихъ писателей-преобразователей, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы подѣлить людей на особыя стойла (?!), называемыя земледѣльческими артелями, коммунами и т. п. Подумаешь, что вопросъ идетъ лишь объ уничтоженіи пастбищъ и кормленіи скота въ стойлахъ» (стр. 110; то же самое въ «Курсѣ», стр. 239—40). Очевидно, авторъ не имѣетъ вѣрнаго представленія объ артеляхъ, если смѣшиваетъ артельную работу съ совмѣстнымъ проживаніемъ въ какихъ-то «особыхъ стойлахъ». Возражая сторонникамъ земельной общины, онъ признаетъ ее, однако, полезною при извѣстныхъ условіяхъ, на ряду съ личною поземельною собственностью. По поводу перепроизводства, ведущаго къ застою и кризису, А. опять-таки высказывается противъ вмѣшательства, проповѣдуемаго будто бы только въ «невѣжественной средѣ организаторовъ» (вып. II, стр. 170).

«Теорія бумажно-денежнаго обращенія» (1883 г.), кромѣ повторенія многихъ страницъ изъ «Основаній» и изъ «Теоріи цѣнности», даетъ еще спеціальный матеріалъ, не только литературный, но и статистическій; но этотъ матеріалъ, извлеченный преимущественно изъ старыхъ авторовъ и изъ нѣкоторыхъ сборниковъ, имѣетъ очень мало связи съ современнымъ положеніемъ вопроса въ ученой литературѣ. Автору почти совершенно неизвѣстны новѣйшіе труды по этому предмету; онъ не упоминаетъ также о

проектахъ возстановленія нашей денежной единицы (Н. Хр. Бунге и др.), напечатанныхъ въ «Сборникѣ государственныхъ знаній». Онъ довольствуется ссылками на Горлова, Шторха, Молинари, Мишеля Шевалье, отчасти Вагнера и другихъ. Ратуетъ онъ здѣсь одновременно и за, и противъ бумажныхъ денегъ; онъ не одобряетъ ни изъятія изъ обращенія излишне-выпущенныхъ билетовъ, ни чрезмѣрнаго умноженія ихъ. По его словамъ, важно не количество бумажныхъ денегъ, а производительное ихъ назначеніе и употребленіе; новые выпуски кредитныхъ билетовъ, дѣлаемые для оживленія промышленности и для созданія новыхъ полезныхъ предпріятій, могутъ сопровождаться даже повышеніемъ цѣнности бумажекъ. Этотъ взглядъ осмѣивался самимъ А. въ его первой диссертаціи: «кредитная бумага рекомендуется намъ какъ философскій камень, который такъ тщетно искали во время дѣтства мысли; она можетъ создавать громадныя богатства безъ всякихъ издержекъ производства!» («Теорія цѣнности», стр. 25). Въ заключеніе А. предлагаетъ таможенное покровительство, допущеніе обращенія монеты съ лажемъ, организацію сельско-хозяйственнаго и промышленно-предпринимательскаго кредита, наконецъ новые выпуски бумажныхъ денегъ для развитія производства въ странѣ (!).

Такъ какъ въ «Курсѣ» 1886 г. снова приведены свѣдѣнія и разсужденія, изложенныя въ трехъ первыхъ книгахъ, съ дальнѣйшими лишь добавками, то мы ограничимся лишь немногими словами объ этомъ заключительномъ трактатѣ А. (подробную рецензію см. въ «Вѣстникѣ Европы», 1887, апрѣль, стр. 876—883). По мнѣнію А., послѣ періодовъ земледѣльческаго и промышленно-торговаго, наступаетъ національно-экономическая эпоха, выражающаяся въ «регулированіи государствомъ народнаго труда» и въ «огражденіи внутренняго производства отъ иностранной конкурренціи», т. е. въ томъ искусственномъ организаторствѣ, которое въ началѣ книги признается удѣломъ мечтателей и даже сумасшедшихъ. На высшихъ ступеняхъ развитія «экономическій бытъ народной страны націонализируется», вслѣдствіе чего «экономическая наука должна быть по существу дѣла національною наукою въ строгомъ смыслѣ этого слова». Что собственно разумѣетъ А. подъ «національною наукою»—неизвѣстно. Если имѣть въ виду покровительственныя и запретительныя мѣры противъ иностранной конкурренціи и т. п., то это входитъ всецѣло въ область хозяйственной политики отдѣльныхъ государствъ, а никакъ не въ сферу «экономической науки», изслѣдующей «законы явленій». Относительно же самаго содержанія науки, А. ни въ чемъ не уклоняется отъ шаблонныхъ теорій западно-европейскихъ экономистовъ,—такъ что «національное направленіе» остается только продуктомъ обычной погони за вѣяніями даннаго времени. Замѣтимъ въ заключеніе, что лучшія мѣста въ сочине-

ніяхъ А. принадлежатъ тѣмъ авторамъ по политической экономіи, изъ которыхъ сдѣланы выписки. **Л. Слонимскій.**

Антоновичъ, Владиміръ Бонифатьевичъ, современный историкъ †). Р. въ 1834 г. въ кіевской губерніи, въ польской шляхетской семьѣ. 16 лѣтъ отъ роду онъ въ 1850 г. кончилъ 2-ую одесскую гимназію и тотчасъ же поступилъ на медицинскій факультетъ кіевскаго университета; но врачемъ, однако, не сдѣлался, хотя пробылъ на первоначально избранномъ имъ факультетѣ цѣлыхъ пять лѣтъ. Въ 1855 г. А. перешелъ на историко-филологическій факультетъ и отсюда въ 1860 г. вышелъ со степенью кандидата. Первое время по окончаніи университета онъ состоялъ при 1-ой кіевской гимназіи кандидатомъ-педагогомъ по латинскому языку, а съ 1862 по 1865 г., съ небольшими перерывами, преподавалъ всеобщую исторію въ кіевскомъ Владимірскомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1863 г. молодой ученый поступаетъ на службу въ канцелярію кіевскаго генералъ-губернатора и сначала откомандировывается для занятій во временную коммиссію для разбора древнихъ актовъ, но еще въ томъ же году получаетъ въ этой коммиссіи видное по своей научной отвѣтствен-

---

†) **Біографическія свѣдѣнія:** 1) *Падалица* въ «Основѣ» 1861 г. октябрь стр. 137—141. 2) Отвѣтъ А. Падалицѣ въ «Основѣ» 1862 г. № 1. стр. 83—96. 3) *А. Ефименко* въ «Недѣлѣ» 1878 г. № 20 и 21. 4) *Иконниковъ*, Словарь профессоровъ кіевскаго универ. 5) *Gubernatis*, Dictionnaire international.

Отзывы объ *„Историч. пѣсняхъ“:* 1) „Вѣст. Евр.“ 1874 г. № 10. 2) *Н. И. Костомаровъ* въ «Вѣст. Евр.» 1874 г. № 12. стр. 573—629. 3) «Голосъ» 1874 г. № 335. 4) *А--ръ Веселовскій* въ „С.-Пет. Вѣд.“ 1874 г. № 278. 5) «Пчела» 1875 г № 11. 6) *Н. Петровъ* въ «Трудахъ Кіев. Акад.» 1874 г. № 11. стр. 317—352. 7) *И. Новицкій* въ «Кіевлян.» 1874 г. № 110. 8) «Вѣст. Евр.» 1876 г. № 3. 9) *П. Гильтебрандтъ* въ «Древ. и Нов. Россіи» 1876 г. № 8. 10) «Кіев. Телегр.» 1874 г. № 101 и 104. Въ связи съ этимъ отзывомъ находится отвѣтъ *Драгоманова*, тамъже № 117 и 120. 11) «Пчела» 1875 г. № 11. 12) «Рус. Міръ» 1876 г. № 22. 13) *П.* въ «С.-Пет. Вѣд.» 1876 г. № 8. 14) *Н. Петровъ* въ «Трудахъ Кіев. Акад.» 1875 г. № 10. стр. 146–148. 15) «Рус. Стар.» 1876 г. № 2. 16) *В. Иконниковъ* въ «Кіев. Унив. Изв.» 1876 г. № 5. 17) *A. Rambaud*, L'Ukraine et ses Chansons historiques въ «Revue des deux Mondes» 1875 г. 15 Juin. стр. 801—865. 18) *P. Martinov* въ «Polybiblion» 1876 г. № 4. стр. 289—299. 19) *F. R.* въ «Revista Europea» 1877 г. 15 Aprile 20) 18 присуж. Увар. наградъ.

Объ *«Очеркъ исторіи вел. княж. Литов.»: Н. Костомаровъ* въ «Истор. Вѣст.» 1880 г. № 5. стр. 178 86. *Н. П. Дашкевичъ*, Замѣтки по Ист. Лит. Русск. Государства. К. 1885 г.

О *«Монографіяхъ»*: *И. Каманинъ* въ «Кіев. Ст.» 1885 г. № 6.

О *«Скальныхъ пещерахъ»* и *«Слѣдахъ мегалит. постр.»*: *П. Голубовскій* въ «Кіев. Ст.» 1887 г. № 10.

Объ *«Истор. дѣят. юго-зап. Россіи»*: *К.* въ «Кіев. Ст.» 1883 г. № 4.

ности мѣсто главнаго редактора, которое до него занималъ извѣстный ученый — профессоръ Иванишевъ. Это мѣсто А. сохранялъ за собою до 1880 г. Въ 1870 г. онъ за диссертацію *«Послѣднія времена казачества на правой сторонѣ Днѣпра»* получилъ отъ кіевскаго университета степень магистра русской исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ приглашеніе быть доцентомъ по русской исторіи, а въ 1878 г. послѣ защиты докторской диссертаціи *(«Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго»)* былъ въ томъ же университетѣ избранъ ординарнымъ профессоромъ. Съ 1880 по 1884 гг. А. былъ деканомъ историко-филологическаго факультета. Съ 1881 г. онъ состоитъ предсѣдателемъ кіевскаго историческаго «Общества Нестора-лѣтописца».

Учено-литературная дѣятельность А. выразилась въ двухъ направленіяхъ:

I. **Изслѣдованія и монографіи**. Въ «Архивѣ Юго-Западной Россіи» онъ напечаталъ: 1) *«Изслѣдованіе о Казачествѣ»* (1863). 2) *«О происхожденіи шляхетскихъ родовъ въ юго-западной Россіи»* (1867). 3) *«Послѣднія времена казачества на правой сторонѣ Днѣпра»* (1868). Магистерская диссертація. 4) *«Изслѣдованіе о городахъ въ юго-западной Руси»* (1869). 5) *«Изслѣдованіе о крестьянахъ»* (1870). 6) *«Объ Уніи и состояніи православной церкви съ половины XVII до конца XVIII столѣтія»* (1871). 7) *«Изслѣдованіе о гайдамачествѣ»* (1876). Въ «Запискахъ Юго-Запад. Отдѣла Географ. Общ.»: 8) *«О промышленности юго-зап. края въ XVIII ст.»* (1874). Въ «Трудахъ Геогр. Общества»: 9) *«Колдовство»*, изслѣдованіе съ приложеніемъ 72 документовъ (1877). Въ «Кіевскихъ Унив. Изв.» 1877—78 гг.: 10). *«Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго»* докт. диссертація. Очень дѣятельное участіе принимаетъ А. въ «Кіев. Старинѣ», гдѣ онъ помѣстилъ слѣдующія статьи: 11) *„Валы Зміевы въ предѣлахъ Кіевской земли“* (1884 г. № 3). 12) *„Село Кальникъ и его памятники старины“* (1887 г. № 8). 13) *«Костомаровъ какъ историкъ»* (1885 г. № 5). 14) *«Раскопки у трехсвятской церкви въ Кіевѣ»* (1885 г. № 5). 15) *„Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XV ст.“* (1882 г. № 1). 16) *«Паны Ходыки, воротилы городского самоуправленія въ Кіевѣ въ XVI—XVII ст.»* (1882 г. № 2). 17) *«Предисловіе къ дневнику подсудка Ѳед. Евлашевскаго»* (1885 г. № 1). 18) *«Прилуцкій полковой есаулъ Михайло Мовчанъ и его записная книга»* (1885 г. № 1). 19) *«Лѣтопись Яна Юзефовича, какъ источникъ для исторіи южной Руси»* (1887 № 11). 20) *„Неизвѣстный доселѣ гетманъ и его приказъ“* (1883 г. № 5). 21) *„Уманскій сотникъ Иванъ Гонта“* (1882 г. № 11). 22) *Польско-русскія отношенія XVII вѣка въ современной польской призмѣ“* (1885 г. № 5). 23) *„Разборъ книги П. И. Буцинскаго „Богданъ Хмѣльницкій“* (1883 г. № 2). 24) *„Грановщина. Эпизодъ изъ исторіи Брацлавской Украины“* (1888 г. № 1—3). 25) *„Забытый городъ“* (1888 г. № 4). 26) Множество мелкихъ статеекъ, замѣтокъ, отзывовъ, за подписью *В. А.* Въ „Кіевлянинѣ“ 1867 г.: 27) *„Даніилъ Братковскій“*. Въ „древностяхъ, издав. Московскимъ Археологич. Обществомъ: 28) *„О мѣстоположеніи древняго Кіевскаго Звенигорода“* (1876). 29) *„Описаніе кіевскаго клада римскихъ монетъ III—IV ст.“* (1878). Въ „Трудахъ 2-го Археологическаго съѣзда“: 30) *„О курганахъ юго-западнаго края“*. Въ „Трудахъ 3-го Археол. съѣзда“: 31) *„О ново-найденныхъ серебряныхъ монетахъ съ именемъ Владиміра“*. Въ „Трудахъ 4-го Арх. съѣзда: 32) *„О*

днѣпровскихъ пещерахъ каменнаго вѣка". Въ „Трудахъ подготовит. комитета 5-го арх. съѣзда": 33) *„Дневникъ раскопокъ, веденныхъ на Кавказѣ въ 1879 году*". Въ „Трудахъ 6-го арх. съѣзда": 34) *О скальныхъ пещерахъ на берегу Днѣстра.* Въ „Трудахъ Москов. антропологич. съѣзда": 35) *„О древлянскихъ курганахъ*". Въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ Нестора Лѣтописца": 36) *„Археологическія находки въ Кіевѣ и Кіевской губ. въ 1876 году*". Въ „Кіевскихъ губ. вѣд." 1870 г.: 37) *„Мѣстечко Ходорковъ*". 38) *„Очеркъ отношеній польскаго государства къ православію и православной церкви*". (брошюра) г. Кіевъ 1866 г. 39) Вмѣстѣ съ профессоромъ Кіев. Унив. В. А. Беңомъ: *„Историческіе дѣятели Юго-Западной Россіи въ біографіяхъ и портретахъ*". Выпускъ I. Кіевъ 1883 г.

Изъ изслѣдованій, названныхъ сейчасъ, появилось отдѣльными оттисками все первоначально печатавшееся въ «Архивѣ Юго-Западной Россіи», «Унив. Извѣстіяхъ» и «Трудахъ Географическаго Общества».

Кромѣ того въ 1885 г. А. издалъ 1-й томъ «*Монографій*», въ составъ котораго вошли: 1) Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго. 2) Города въ Юго-Западной Россіи. 3) Паны Ходыки. 4) Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XV ст. 5) Очеркъ отношеній польскаго государства къ православію и православной церкви. 6) Лѣтопись Сатинскаго монастыря.

II. До сихъ поръ перечисленные труды А. принадлежатъ къ разряду историческихъ изслѣдованій. Но не меньше значенія для русской исторической науки имѣетъ рядъ съ чрезвычайною тщательностью изданныхъ В. Б. историческихъ актовъ и матеріаловъ разнаго рода. Онъ проредактировалъ и обнародовалъ:

1) *Архивъ Юго-Западной Россіи* 7 т. 2) *4-й томъ лѣтописи Величка* (вмѣстѣ съ *И. Самчевскимъ*). 3) *Грамоты великихъ князей Литовскихъ* (вмѣстѣ съ *К. Козловскимъ*). 4) *Четыре года войны поляковъ съ казаками и татарами* (1648—1652), записки современника. 5) *Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей* (вмѣстѣ съ *Ф. А. Терновскимъ*. 6) *Историческія пѣсни малорусскаго народа* т. 1—2 (вмѣстѣ съ *М. П. Драгомановымъ*). 7) *Записки Станислава Освѣцима* (1643—1651) въ „Кіев. Ст.". 1882. 8) *Собраніе сочиненій Максимовича* т. 1—2. 9) *Бѣдствія постигшія Умань и всю Украину* (1768) въ „Кіев. Ст." 1882. 10) *Записки Карла Хоецкаго* 1768—1776 (въ „Кіев. Ст." 1883). 11) *Записки кіевскаго мѣщанина Божка Балыки о московской осадѣ* 1612 г. (въ „Кіев. Ст." 1882 г.) 12) *Нѣсколько данныхъ о судьбѣ Желѣзняка послѣ его ареста въ Умани* (въ „Кіев. Ст." 1882 г.). 12) *Грамота княжны Мстиславской* (въ „Зап. одес. общ. ист. и древ.").

Въ заключеніе настоящаго перечня отмѣтимъ еще участіе А. въ кіевской «Зарѣ» 1880—86 г. (редакціи М. И. Кулишера) и статейку въ «Основѣ» 1862 г. (№ 1) подъ заглавіемъ «Моя исповѣдь». Не велика статейка, но это ключъ ко всей дѣятельности кіевскаго историка, который, не смотря на свое польское происхожденіе, всецѣло себя посвятилъ

*

служенію малорусскаго народа. Чтобы ярче оттѣнить свой разрывъ со средою, съ которою ихъ связывала только случайность происхожденія и отъ которой ихъ отталкивалъ весь складъ ихъ духовной жизни, многіе молодые поляки юго-западнаго края, имѣя во главѣ Антоновича и Ѳаддія Рыльскаго, приняли въ началѣ 60-хъ гг. православіе. Такое демонстративное отреченіе не пришлось, конечно, по вкусу полякамъ, нашлись даже люди, которые пустили въ ходъ слово «измѣна». Одинъ изъ нихъ— польскій публицистъ Падалица — въ письмѣ къ редактору «Основы» прямо назвалъ Антоновича «перевертнемъ». Но Антоновичъ всего менѣе оскорбился этимъ эпитетомъ. Съ гордостью поднялъ онъ брошенную перчатку и со всею откровенностью человѣка, знающаго, что у него совѣсть чиста, отвѣтилъ своему обвинителю:

Да—г. Падалица, вы правы! Я дѣйствительно „перевертень“,—но вы не взяли во вниманіе одного обстоятельства, именно того, что слово «отступникъ» не имѣетъ само по себѣ смысла; что для составленія себѣ понятія о лицѣ, къ которому приложенъ этотъ эпитетъ, нужно знать, отъ какого именно дѣла человѣкъ отступился и къ какому именно присталъ, иначе слово это лишено смысла—это пустой звукъ. Дѣйствительно, вы правы. По волѣ судьбы, я родился на Украинѣ шляхтичемъ; въ дѣтствѣ имѣлъ всѣ привычки паничей и долго раздѣлялъ всѣ сословныя и національныя предубѣжденія людей, въ кругу которыхъ воспитывался; но когда пришло для меня время самосознанія, я хладнокровно оцѣнилъ свое положеніе въ краѣ, я взвѣсилъ его недостатки, всѣ стремленія общества, среди котораго судьба меня поставила, и увидѣлъ, что его положеніе нравственно безвыходно, если оно не откажется отъ своего исключительнаго взгляда, отъ своихъ заносчивыхъ посягательствъ на край и его народность; я увидѣлъ, что поляки-шляхтичи, живущіе въ южно-русскомъ краѣ, имѣютъ передъ судомъ собственной совѣсти только двѣ исходныя точки: или полюбить народъ, среди котораго они живутъ, проникнуться его интересами, возвратиться къ народности, когда-то покинутой ихъ предками, и неусыпнымъ трудомъ и любовью, по мѣрѣ силъ, вознаградить все зло, причиненное ими народу, вскормившему многія поколѣнія вельможныхъ колонистовъ, которому эти послѣдніе за потъ и кровь платили презрѣніемъ, ругательствами, неуваженіемъ его религіи, обычаевъ, нравственности, личности, — или же, если для этого не хватитъ нравственной силы, переселиться въ землю польскую, заселенную польскимъ народомъ, для того, чтобы наконецъ избавиться самому передъ собою отъ грустнаго упрека въ томъ, что я тоже колонистъ, тоже плантаторъ, что и я посредственно или непосредственно (что впрочемъ все равно) питаюсь чужими трудами, заслоняю дорогу къ развитію народа, въ хату котораго я залѣзъ непрошенный, съ чуждыми ему стремленіями, что и я принадлежу къ лагерю, стремящемуся подавить народное развитіе туземцевъ и что невинно раздѣляю отвѣтственность за ихъ дѣйствія. Конечно, я рѣшился на первое, потому что сколько ни былъ испорченъ шляхетскимъ воспитаніемъ, привычками и мечтами, мнѣ легче было съ ними разстаться, чѣмъ съ народомъ, среди котораго я выросъ, который я зналъ, котораго горестную судьбу я видѣлъ въ каждомъ селѣ, гдѣ только владѣлъ имъ шляхтичъ, — изъ устъ котораго я слы-

шалъ не одну печальную, раздирающую сердце пѣсню, не одно честное, дружественное слово (хоть я былъ и *панычъ*), не одну трагическую повѣсть объ истлѣвшей въ скорби и безплодномъ трудѣ жизни... который, словомъ, я полюбилъ больше своихъ шляхетскихъ привычекъ и своихъ мечтаній. Вамъ хорошо извѣстно, г. Падалица, и то, что прежде чѣмъ я рѣшился разстаться съ шляхтою и всѣмъ ея нравственнымъ достояніемъ, я испробовалъ всѣ три примиренія; вы знаете и то, какъ были съ вашей стороны встрѣчены всѣ попытки уговорить вельможныхъ къ человѣчному обращенію съ крестьянами, къ заботѣ о просвѣщеніи народа, основанномъ на его собственныхъ національныхъ началахъ, къ признанію южно-русскимъ, а не польскимъ того, что южно-русское, а не польское; вы были, вѣдь, свидѣтелемъ, какъ подобныя мысли возбудили вначалѣ свистъ и смѣхъ, потомъ гнѣвъ и брань, и наконецъ ложные доносы и намеки о колiивщинѣ.

Послѣ этого, конечно, оставалось или отречься отъ своей совѣсти, или оставить ваше общество: — я выбралъ второе и надѣюсь, что трудомъ и любовью заслужу когда нибудь, что украинцы признаютъ меня сыномъ своего народа, такъ какъ я все готовъ раздѣлить съ ними. Надѣюсь тоже, что, современемъ, среди польскаго шляхетскаго общества, живущаго въ Украйнѣ, поворотъ къ народу и сознаніе необходимости трудиться на его пользу—раньше или позже станетъ нравственною потребностью не только отдѣльныхъ лицъ—какъ теперь, а вообще всѣхъ, кто въ силахъ будетъ обсудить свое положеніе и свои обязанности, и не предпочтетъ мечты насущному, вызванному собственною совѣстью, дѣлу. И такъ г. Падалица, вы правы! я—перевертень, и я горжусь этимъ, такъ точно, какъ я гордился бы въ Америкѣ, если бъ сталъ аболиціонистомъ изъ плантатора, или въ Италіи, если бъ, просвѣтивъ свой образъ мыслей, я изъ паписта сдѣлался честнымъ, трудолюбивымъ слугой общенароднаго дѣла. С. В.

Научная дѣятельность В. Б. А — ча посвящена почти исключительно изученію юж. и зап. Россіи и съ этой точки зрѣнія онъ долженъ быть названъ провинціальнымъ, областнымъ историкомъ въ лучшемъ значеніи этого слова. Такое направленіе его занятій далеко не случайное, а объясняется условіями его личной жизни и вліяніемъ общественной среды. Важный матеріалъ для характеристики общественныхъ взглядовъ В. Б. А—ча заключается въ его отвѣтной статьѣ представителю польскихъ тенденцій, г-ну Падалицѣ (о ней выше). Мы только замѣтимъ здѣсь, что А-чъ, принадлежавшій по рожденію къ польскому или, правильнѣе говоря, къ южно-русскому ополяченному дворянству, нашелъ въ себѣ нравственныя силы порвать окончательно и безповоротно со шляхетскими традиціями и возвратиться къ народности, когда то покинутой его предками, съ тѣмъ чтобы работать на пользу тѣхъ, которые «нѣкогда вскормили многія поколѣнія вельможныхъ колонистовъ». И вотъ болѣе 25 лѣтъ А—чъ неустанно трудится на избранномъ имъ научномъ поприщѣ на пользу русскаго народнаго самопознанія. Первый толчекъ и направленіе его историческимъ работамъ дали Максимовичъ и Иванишевъ. Извѣстно, какое важное значеніе имѣлъ Максимовичъ для своего времени. Энцикло-

педически образованный—ботаникъ, филологъ, историкъ, географъ, этнографъ, археологъ и поэтъ въ одно и то же время—онъ оставилъ глубокій слѣдъ въ исторіи изученія южной Руси. Отличаясь изумительнымъ трудолюбіемъ и рѣдкимъ умѣніемъ разыскивать разнообразные источники, онъ всю свою энергію употребилъ, по его собственному выраженію, на собираніе кирпичей для постройки въ будущемъ зданія южно-русской исторіи. Ему принадлежитъ мысль объ открытіи въ Кіевѣ археографической коммиссіи для изданія памятниковъ мѣстной исторіи; эту исторію разрабатывалъ и онъ самъ въ своемъ «Кіевлянинѣ» и «Украинцѣ». Такой изслѣдователь не могъ не оказать вліянія на молодое поколѣніе историковъ; объ этомъ вліяніи свидѣтельствуетъ самъ А—чъ въ своей рѣчи, обращенной къ Максимовичу на 50-ти лѣтнемъ юбилеѣ его въ 1871 г.; здѣсь онъ прямо заявляетъ, что Максимовичъ положилъ краеугольный камень въ изученіи южно-русской исторія. (Юбилей М. А. Максимовича. Спб. 1872 г., стр. 39 — 40). Характеристическія особенности историческихъ работъ Максимовича—тщательно изученіе фактовъ, критика источниковъ, научная добросовѣстность и безпристрастіе въ выводахъ — мы замѣчаемъ и въ изслѣдованіяхъ А—ча. Иванишевъ наткнулъ А-ча на документальное изученіе южно-русской исторіи. Самъ Иванишевъ, какъ извѣстно, принималъ живѣйшее непосредственное участіе въ изданіяхъ кіевск. археогр. ком.; благодаря ему основанъ въ Кіевѣ центральный историческій архивъ, онъ издалъ многіе важные источники и разработалъ нѣкоторые капитальные вопросы, касающіеся положенія южно-русскаго общества въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой; онъ выработалъ планъ и положилъ начало «Архиву юго-зап. Россіи». А-чъ былъ преемникомъ Иванишева по археограф. коммиссіи и архиву: въ первой онъ замѣнилъ Иванишева въ должности главнаго редактора, а во второмъ онъ продолжалъ его работы по извлеченію актовъ, относящихся къ соціальной и экономической жизни южно-русскаго общества въ XVI—XVIII в.

Характеръ ученыхъ занятій А—ча опредѣлился сразу, въ его первомъ изданіи—актахъ о казачествѣ, извлеченныхъ изъ кіевскаго центральнаго архива и напечатанныхъ въ «Архивѣ юго-зап. Россіи». Уже здѣсь, подобно Иванишеву, онъ выступилъ представителемъ *документальнаго* направленія въ разработкѣ исторіи юго-зап. Россіи. Необходимость такого именно направленія вызывалась двумя важнѣйшими обстоятельствами—съ одной стороны недостаточнымъ количествомъ всѣхъ вообще печатныхъ источниковъ для исторіи южной Россіи (и въ томъ числѣ документальныхъ), а съ другой особыми политическими условіями, въ которыхъ постоянно находился юго-зап. край.

Историку весьма часто приходилось касаться щекотливыхъ для поля-

ковъ вопросовъ; польскіе публицисты заподозривали даже достовѣрность актовъ, изданныхъ кіевск. археогр. комисоіей, несмотря на то, что подлинники ихъ всѣ могли видѣть въ архивѣ; спрашивается, что же было бы при иной постановкѣ дѣла, если бы, напр., изслѣдователи южно-русск. быта пользовались не оффиціальными, а частными источниками (лѣтописями, мемуарами и т. п.), или же давали публикѣ одни выводы съ краткими извлеченіями актовъ въ текстѣ? Наконецъ, и вообще необходимо было познакомить ученый міръ съ цѣнными истор. матеріалами, которые, можно сказать, открывали новую область русской исторической жизни. Архивными изысканіями В. Б. А—чъ усиленно занимался не менѣе 15 лѣтъ. Не ограничиваясь, кіевск. центр. архивомъ, онъ предпринималъ поѣздки и въ другіе города для архивныхъ занятій: въ Москвѣ онъ занимался въ рукописномъ отдѣлѣ Рум. музея и въ Архивѣ Иностр. дѣлъ, въ Петербургѣ,—въ рук. отд. Имп. Пуб. Библіотеки, за границей—во Львовѣ въ рук. отдѣл. Института Оссолинскихъ. Во всѣхъ этихъ архивахъ было собрано имъ множество разнообразныхъ документовъ. 1-е мѣсто среди нихъ принадлежитъ актамъ, напечатаннымъ въ Архивѣ юго-зап. Россіи. (2 тома актовъ о казакахъ, одинъ томъ о дворянахъ, 1—о горожанахъ, 1—о крестьянахъ, 1—о гайдамакахъ, 1—объ уніи и православной церкви и 1—о заселеніи Украйны). Все это составитъ въ совокупности около 300 печат. листовъ весьма цѣннаго матеріала, собраннаго личными трудами неутомимаго изыскателя; каждый томъ архива заключаетъ въ себѣ серію документовъ, освѣщающихъ одну какую-нибудь сторону быта; конечно, такъ собирать матеріалъ гораздо полезнѣе (оно и труднѣе), чѣмъ просто выписывать то, что любопытно и интересно въ какомъ-либо отношеніи. Вмѣстѣ съ К. Козловскимъ В. Б. А—чъ издалъ грамоты великихъ князей Литовскихъ; таковы также его изданія актовъ и грамотъ. Но онъ не остановился на однихъ документальныхъ источникахъ, а открылъ и напечаталъ цѣлый сборникъ *лѣтописей*, относящихся къ исторіи зап. и южн. Россіи, нѣсколько *мемуаровъ* (Освѣцима, Евлашевскаго, Балыки), издалъ вмѣстѣ съ Ф. Терновскимъ сборникъ разнообразныхъ матеріаловъ (отрывковъ изъ лѣтописей, актовъ, мемуаровъ, записокъ иностран.) *по исторической географіи* г. Кіева, а вмѣстѣ съ М. Драгомановымъ 2 книги историческихъ пѣсенъ малорус. народа; къ *этнографіи*, вмѣстѣ съ пѣснями, нужно отнести и напечатанное имъ собраніе актовъ о колдовствѣ (не говоримъ ничего о переводахъ на русскій языкъ зап. Хоецкаго и Заславскаго раввина Natan-Neta-Mose иначе Hanoverer). Такимъ образомъ, А—чъ не сдѣлался, подобно Иванишеву, жертвою нѣкотораго односторонняго увлеченія актовымъ матеріаломъ, а былъ въ одно и то же время и историкомъ, и географомъ, и этнографомъ: географическія и этнографическія его изда-

нія такія же строго научныя, какъ и историческія; таково образцовое изданіе «Историческихъ пѣсенъ Мал. нар.», пѣсни здѣсь распредѣлены по эпохамъ и снабжены чрезвычайно обстоятельными комментаріями, заимствованными изъ различныхъ, иногда рѣдкихъ и малоизвѣстныхъ источниковъ; рядомъ съ основными мотивами приводятся постоянно варіанты. Изданіе это было встрѣчено весьма сочувственно русской и даже иностранной критикой. Имп. Академія Наукъ наградила издателей Уваровской преміей; Костомаровъ напечаталъ сочувственный разборъ въ «Вѣстн. Еврпы», а извѣстный франц. ученый Рамбо познакомилъ свою публику съ этой книгой въ «Revue des deux mondes».

Но В. Б. Антоновичъ не былъ издателемъ сырыхъ матеріаловъ; онъ самъ же и разрабатывалъ ихъ; къ каждому тому актовъ, изданныхъ въ «Архивѣ юго-западной Россіи», онъ присоединялъ изслѣдованія ихъ содержанія и, такимъ образомъ, явился цѣлый рядъ монографій по исторіи казачества, городскаго сословія, крестьянъ, шляхты, прав. церкви. Неудачною нужно назвать только одну изъ этихъ работъ—исторію днѣпровскаго казачества до 1648 г. да и то не всю, а только первую половину ея, трактующую о происхожденіи казачества и первоначальной его судьбѣ. Многія слабыя мѣста этого изслѣдованія отмѣтилъ еще Максимовичъ; ошибка автора состояла въ томъ, что онъ исходнымъ пунктомъ своего изслѣдованія призналъ шаткую и несостоятельную гипотезу о князьяхъ Гедиминовичахъ; замѣтимъ, что это единственная работа г. Антоновича, въ которой мы видимъ предвзятую идею. Что же касается остальныхъ изслѣдованій, то всѣ они представляютъ искусную перереботку сырья и заключаютъ въ себѣ много цѣнныхъ и совершенно самостоятельныхъ выводовъ, прочно установившихся въ наукѣ; если Максимовичъ приготовлялъ кирпичи для постройки зданія южно-рус. ист., то А—чъ выводилъ уже стѣны и сдѣлалъ въ этомъ отношеніи даже больше, чѣмъ Иванишевъ; особенную цѣну имѣютъ его изслѣдованія о городахъ, крестьянахъ и послѣднихъ временахъ казачества на правомъ берегу Днѣпра; выводы, сдѣланные И. Б. А—чемъ въ первыхъ двухъ работахъ, приняты пр. К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, который отзывается о В. Б., какъ о лучшемъ знатокѣ западно-русской старины (Рус. Ист. II, стр. 89, прим. 135), что же касается третьяго изслѣдованія, то оно кромѣ того отличается еще и рельефностью изображенія; здѣсь личность Сем. Палія выступаетъ какъ живая. Исчерпавъ въ значительной степени внутренній бытъ зап. рус. общества подъ польскимъ владычествомъ, В. Б. Антоновичъ рѣшился поднять существенный, капитальный вопросъ объ образованіи Литовско-русскаго государства. Сочиненіе это (Очеркъ Исторіи Вел. княж. Литовск.), несмотря на свой незначительный объемъ, должно быть признано важнымъ вкладомъ

зокровищницу русской исторіи. Н. П. Дашкевичъ, извѣстный своими ‹тами по исторіи юго-западной Руси, напечаталъ обстоятельный раз- › книги В. Б. Антоновича, составившій какъ бы самостоятельное сочиненіе ‹оторомъ онъ между прочимъ говоритъ: Подобно другимъ работамъ ав- › и «Очеркъ исторіи великаго княжества литовскаго до половины XV сто- ›» отличается оригинальностью и полною самостоятельностью. Выводы ра опираются на строгое изслѣдованіе источниковъ и являются результа- › тщательной критической провѣрки ихъ и мы имѣемъ теперь начало ріи литовско-русскаго государства, чуждой прикрасъ и искаженія. Стоя ‹исто научной почвѣ, г. Антоновичъ оставляетъ въ сторонѣ публици- ескія разглагольствованія и полемику съ мнѣніями другихъ ученыхъ ‹раничивается строгимъ фактическимъ изложеніемъ, отъ чего трудъ конечно, лишь выигралъ въ достоинствахъ. Хотя автору приходи- въ большинствѣ случаевъ самому критически очищать и устанавли- › факты, тѣмъ не менѣе масса послѣднихъ не подавила его и г. Анто- ‹чъ нарисовалъ яркую и рельефную картину постепеннаго образованія ‹вско-русскаго государства, чрезвычайно удачно сгруппировавъ факты, › что послѣдовательное развитіе великаго княжества литовскаго ясно ‹ставляется читателю... Представленный имъ очеркъ, отличается въ то же ‹я надлежащей полнотою и основательностью. Въ силу всего сказан- ›, книга г. Антоновича составляетъ одно изъ важнѣйшихъ явленій ‹ей исторической литературы послѣдняго времени». («Замѣтки по ист. ‹-рус. княж.» стр. 6—7). Чтобы покончить съ чисто исторической ‹той В. Б. А—ча, необходимо упомянуть о составленныхъ имъ біо- ‹іяхъ политическихъ дѣятелей юго-зап. Россіи (для изданія проф. ‹а); впрочемъ книга эта предназначалась не для ученыхъ, а для ‹ики и представляетъ популяризацію научныхъ данныхъ.

Кромѣ чисто историческихъ изслѣдованій, В. Б. А—чъ написалъ еще ‹олько работъ по ист. географіи. Важнѣе другихъ его статьи: «О Кіевѣ, судьбѣ и значеніи съ XIV по XVI ст.» и «Колдовствѣ»; въ первой ‹ается важный и спорный вопросъ о мнимомъ запустѣніи Кіева послѣ ‹рскаго нашествія, а во второй устанавливается взглядъ южнорусскаго ‹ода на колдовство; основана эта работа на актахъ, собранныхъ самимъ Б. А—чемъ, который за нее получилъ отъ Императорск. Географическ. ‹щества серебряную медаль.

Въ настоящее время В. Б. А—чъ достигъ большой извѣстности и ‹ъ археологъ; онъ принималъ живѣйшее и непосредственное участіе 5 русскихъ областныхъ археологическихъ съѣздахъ; при чемъ на ‹хъ изъ нихъ читалъ по нѣсколько рефератовъ (на Казанскомъ—4, Одесскомъ—2, на Тифлисскомъ—2); всѣ эти рефераты являлись ре-

зультатомъ его личныхъ раскопокъ, которыя онъ совершалъ по порученію московскаго археологическаго общества, Имп. Археол. ком. и предварительныхъ комитетовъ, съѣздовъ; по цѣлымъ мѣсяцамъ, вмѣсто каникулярнаго отдыха, онъ занимался раскопками въ различныхъ мѣстностяхъ южной Россіи—въ кіевской, подольской, волынской, черниговской, полтавской, херсонской губ. и на Кавказѣ; покойный гр. Уваровъ высоко цѣнилъ В. Б. А—ча какъ археолога и вмѣстѣ съ нимъ производилъ раскопки Фатьяновскаго и Кобаньскаго могильниковъ. Археологическія работы Б. А—ча отличаются такимъ же цѣннымъ качествомъ, какъ и историческія: глубокимъ изученіемъ фактическихъ данныхъ и постоянными обобщеніями, логически вытекающими изъ обработки матеріаловъ; всѣ его раскопки сопровождались аккуратно веденными дневниками, заключающими въ себѣ точное обозначеніе найденныхъ предметовъ; въ своихъ рефератахъ онъ намъ даетъ *характеристики погребальныхъ* типовъ (древлянъ, сѣверянъ, тиверцевъ). Чтобъ составить себѣ понятіе о значеніи его археолог. изслѣдованій, достаточно вспомнить, что гр. Уваровъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи (Камен. вѣкъ Россіи) приписываетъ ему открытіе и научное описаніе особаго типа пещеръ, служившихъ для жилища первобытнаго человѣка переходной эпохи (пещеръ въ лѣсѣ у Кириловскаго м—ря въ Кіевѣ). Научныя археологическія изслѣдованія требуютъ многихъ вспомогательныхъ знаній—и Антоновичъ какъ нельзя болѣе удовлетворяетъ этому требованію: онъ прослушалъ полный университетскій курсъ на медицин. факультетѣ, затѣмъ окончилъ истор.-филолог. факультетъ, спеціально работалъ не только по исторіи, но и по этнографіи; въ бытность за границей въ Парижѣ изучалъ антропологію подъ руководствомъ Топинара; сдѣлавшись хранителемъ музея древностей и нумизматическаго кабинета при кіев. университетѣ, въ теченіе многихъ лѣтъ занимался приведеніемъ ихъ въ порядокъ и систематическимъ описаніемъ; наконецъ, у него есть собственная (правда небольшая) археологическая коллекція. Неудивительно, так. обр., что и въ иностранной литературѣ нашли себѣ мѣсто отзывы объ археолог. работахъ И. Б. А—ча (въ «Mittheilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien», въ «Archives des missions scientfiques», въ «Rad jugoslavenske Akademje u Zahrebu», въ «Casopis museinoho spolku Olomückego»).

Изъ многихъ критическихъ замѣтокъ (въ жур. «Кіевская Старина») выдаются рецензіи на соч. г. Буцинскаго «о Богданѣ Хмельницкомъ» и на извѣстный историческій романъ польскаго писателя Г. Сенкевича—«Огнемъ и мечемъ»; А. Н. Пыпинъ называетъ эту послѣднюю рецензію замѣчательной и приводитъ значительныя выдержки изъ нея въ своей

вней статьѣ, посвященной разбору историческихъ романовъ Г. Сен-ча.

Такова обширная и плодотворная научная дѣятельность И. Б. А—ча, рая къ сожалѣнію остается недостаточно оцѣненной въ нашихъ цен-ъ, конечно потому, что И. Б. А—чъ работаетъ въ провинціи и пе-етъ свои сочиненія въ мѣстныхъ изданіяхъ. Въ 1884 г. вышла тол-книга, посвященная исторіи русскаго самосознанія по научнымъ неніямъ, написанная петербургскимъ профессоромъ, не мало работав-ъ по исторіи Зап. Россіи,—и въ ней научной дѣятельности И. Б. ча посвящено ровно *4 строчки* (сказано только, что онъ написалъ чательное сочиненіе «Очеркъ ист. вел. кн. Литовскаго», впрочемъ аксимовичъ только упомянутъ въ этой «Исторіи», а объ Иванишевѣ оворится ни слова, между тѣмъ они представляютъ особенный инте-для уясненія исторіи русскаго самопознанія).

Нельзя не отмѣтить также преподавательской дѣятельности И. Б. —ча; достаточно сказать, что его слушателями и слушательницами напи-нъ былъ цѣлый рядъ трудовъ, изъ которыхъ потомъ были напечатаны ѣдующіе: Дашкевича «Княженіе Даніила Галицкаго», Голубовскаго Хроника Дитмара, какъ источникъ для рус. исторіи» и «Ист. Сѣвер. емли»; Врублевскаго «Свѣдѣнія о Руси, встрѣч. въ хрон. польск. лѣт. арт. Галла»; Ярмаховича «Mag. Vinc. Cadlubconis Chronica Polonorum», инниченка «Вѣче въ Кіевской области», Багалѣя «Ист. Льва Діакона, къ источникъ для рус. ист.» и «Ист. Сѣверск. земли», Падалки «Про-схожденіе Запорож. Казачества», Молчановскаго «Очеркъ изв. о Под. млѣ», Андріяшева «Очеркъ ист. Вол. земли», слушательницъ курсовъ— Е. «Зап. бар. Тотта» и «Гетманство Брюховецкаго», К. Мельникъ Путевые очерки Подолія» и «Слѣды мегалитическихъ сооруженій въ Южной Россіи». Въ настоящее время И. Б. А—чъ трудится надъ пере-ькой своего соч. о днѣпр. казачествѣ до 1648 г. и надъ археологич. писаніемъ Древлянской земли. Эти работы войдутъ въ предпринятое къ собраніе его сочиненій (въ 3-хъ томахъ); первый томъ вышелъ еще ь 1885 г.; 2-й будетъ заключать всѣ его статьи по ист. казачества, а й остальныя сочиненія (по исторіи внутренняго быта и археологіи).

Д. И. Багалѣй.

* **Антоновичъ**, Максимъ Алексѣевичъ, критикъ †). *По свѣдѣніямъ*,

---

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

†) *Біографическія упоминанія* въ нѣсколько строкъ въ Энциклопед. словаряхъ ерезина, Клюшникова, Толя (Дополненія) въ „Dictionnaire international" *Губер-этиса* и въ предъидущемъ итальянскомъ изданіи его. Шутливая характери-тика въ „Нашихъ Знакомыхъ" *В. О. Михневича.*

отъ него полученнымъ, род. 27 апрѣля 1835 г. въ маленькомъ городкѣ

Отзывы о литературной дѣятельности А. и направленныя противъ него полемическія статьи: По поводу „*Матеріаловъ для характеристики современной русской литературы*". 1) „Бирж. Вѣд." 1869. № 152. 2) „Всем. Трудъ" 1869. № 3. 3) „Вѣсть" 1869. № 248. (Замѣтки *Альба*). 4) *Анонимъ* въ „Дѣлѣ" 1869. № 4. 5) „Донъ" 1869. № 60. 6) *Н. Страховъ* въ „Зарѣ" 1869. № 5. 7) „Одес. Вѣст." 1869. № 137 и 139. 8) „Отеч. Зап." 1869. № 4, стр. 273—283. 9) *Гр. Елисеевъ* (отвѣтъ) въ „От. Зап." 1869. № 4, стр. 336—368. 10) Кромѣ того, книга вызвала особую брошюру *И. Рождественскаго* подъ назв. „Литературное паденіе гг. Антоновича и Жуковскаго". Спб. 1869. 11) „Спб. Вѣд." 1870. № 115. 12) *М. М—въ* въ „Ил. Газ." 1870. № 2.

По поводу разныхъ статей А. въ „Современникѣ": 1) *Н. К.* (Страховъ), Нѣчто о петербугской литературѣ („Время" 1861 г. № 4). 2) *Н. К.* (Страховъ), Нѣчто о полемикѣ. (Ib. № 8). 3) *Н. Ко.* (Страховъ). Еще о петербургской литературѣ (Ib. № 6). 4) *Н. Кос.* (Страховъ. Объ индюшкахъ и о Гегелѣ (Ib. № 9). 5) *Н. Косица* (Страховъ). Ничто объ авторитетахъ. (Ib. 1862 г № 12). 6) *П. Лавровъ*, Моимъ критикамъ („Рус. Слово" 1861 г. № 8). 7) *Н. Косица*, Нѣчто объ опальномъ журналѣ. („Время" 1862 г. № 5). 8) Необходимое литературное объясненіе по поводу разныхъ хлѣбныхъ и не хлѣбныхъ вопросовъ (Ib. 1863 г. № 1). 9) Отвѣтъ ред. „Голоса" („Голосъ" 1864 г. № 49). 10) *Н. Косица*, Примѣръ апатіи („Время" 1862 г. № 1). 11) О почвѣ не въ агрономич смыслѣ и не въ духѣ „Времени", но также и не въ духѣ „Современника" („Свѣточъ" 1862 г. № 2). 12) По поводу статьи „Суеудріе дня" („День" 1865 г. № 49). 13) *Д. И. Писаревъ*, Нерѣшенный вопросъ. Вошло во II т его сочиненій 14). „Старые боги и новые боги" („Рус. Вѣст." 1861 г. Февраль) 15) „Отеч. Зап." 1861. № 7). 16) *Н. Г. Чернышевскій*, Полемическія красоты („Совр." 1861 г. № 7 и 8). Мы отмѣтили здѣсь только такія статьи, гдѣ объ А. говорится или спеціально или очень много. Попутныхъ-же упоминаній о „первомъ критикѣ" перваго тогда по вліянію русскаго журнала, конечно, было гораздо больше.

Журнальные отзывы о полемикѣ „Соврем." съ „Рус. Словомъ", въ которой представителемъ „Современника" былъ Антоновичъ: 1) *Incognito* (Е. Ф. Зарииъ) Очеркъ съ претензіей, вызванный расколомъ въ нигилизмѣ. („Отеч. Зап." 1864 г. № 6). 2) *Его-же*, Опытъ о добродѣтели въ полемикѣ (Ib. № 10). 3) *Провинціалъ*, Покорнѣйшая просьба. (Ib. № 9). 4) *Incognito*, Verba novissima (Ib. 1865 г. № 13) 5) *Курьезы за предѣлами невѣроятнаго* (Ib. № 14) 6) *Н. Б.* Журнальныя замѣтки въ „Днѣ" 1865 г. № 27, 30 и 40.

Самая полемика: 1) *В. Зайцевъ*, Глуповцы, попавшіе въ „Современникъ" („Р. Слово" 1864 г. № 2). 2) *Кающійся, но нераскаявшійся фельетонистъ „Современника"* (Ib. № 4) 3) *Д. Писаревъ*, Посмотримъ (Ib. № 9) 4) *В. Зайцевъ*, Нѣсколько словъ г. Антоновичу (1865 г. № 2) 5) *Его-же*, Постороннему и всякимъ прочимъ сатирикамъ (Ibid.) 6) *Гр. Благосвѣтловъ*, Послѣднее мое объясненіе съ Постороннимъ Сатирикомъ „Современника" (Ib.).

По поводу статей въ „Космосѣ": „Сп Вѣд." 1869 г. № 35.

По поводу сотрудничества въ „Словѣ": 1) *С. Н. Южаковъ* въ „Одес. Вѣст." 1878 г. № 63. 2) *Заурядный читатель* (А. М. Скабичевскій) въ „Бирж. Вѣд." 1878 г. № 61. 3) „Рус. Газета" 1878 г. № 10, 33 и 49. 4) *W.* въ „Рус. мірѣ"

Бѣлопольѣ, харьковской губерніи. Происхожденія духовнаго—отецъ былъ дьячкомъ. Учился въ харьковской семинаріи, гдѣ кончилъ курсъ въ 1855 г. Семинарское обученіе, конечно, не много давало. Въ особенности плохо были поставлены точныя науки. Одинъ и тотъ же учитель преподавалъ и математику, и физику, и химію, и естеств. исторію,—и все это онъ зналъ одинаково скверно. Приборы, разставленные въ физическомъ кабинетѣ, были для учителя такимъ-же предметомъ таинственнаго недоумѣнія, какъ и для воспитанниковъ, и даже устройство какого-нибудь водороднаго огнива онъ не въ состояніи былъ растолковать тѣмъ изъ наиболѣе пытливыхъ своихъ учениковъ, которые приставали къ нему съ разными вопросами. Но учитель русской словесности—Черняевъ—попался хорошій. Онъ не сидѣлъ на однихъ старыхъ писателяхъ, читалъ ученикамъ Гоголя, что для семинаріи того времени было большимъ новшествомъ и вмѣсто христоматіи Пенинскаго, состоящей почти исключительно изъ отрывковъ, взятыхъ у духовныхъ авторовъ, преподавалъ по христоматіи Галахова, что опять таки для семинаріи того времени было очень удивительно. Но что уже совсѣмъ изъ ряду вонъ выходило—Черняевъ иной разъ приносилъ въ классъ «Отеч. Зап.» сороковыхъ годовъ и въ нихъ читалъ статьи Бѣлинскаго, столь опальнаго въ 50-хъ гг., что самое имя его нельзя было произносить въ печати. Такимъ образомъ, при всей замкнутости семинарской жизни, близость университета сказалась довольно сильно и въ общемъ харьковская семинарія, по умственному развитію учениковъ, стояла гораздо выше другихъ провинціальныхъ семинарій. Не малое вліяніе на развитіе семинаристовъ имѣло и то, что многіе, въ томъ числѣ и А., контрабандою пробирались на публичныя лекціи, которыя тогда читались въ харьковскомъ университетѣ.

Въ 1855 г. Антоновичъ поступаетъ въ петербургскую духовную академію. Тутъ, конечно, научный уровень стоялъ гораздо выше, чѣмъ въ харьковской семинаріи, но съ извѣстною признательностію Макс. Алекс. вспоминаетъ только о профессорѣ философіи В. Н. Карповѣ, извѣстномъ

1878 г. № 20. 5) „Голосъ“ 1874 г. № 75 и 103. 6) „Обзоръ“ 1878 г. № 36 и 98. 7) „Сп. Вѣд.“ 1878 г. № 167. 8) „Сѣв. Вѣст.“ 1878 г. № 31, 54. 9) „Нов. Вр.“ № 702.

О письмѣ въ „Молву“ по поводу повѣсти „Самохвалова-Самолюбова“: *В. Буренинъ* въ „Нов. Вр.“ конца 1879 г. („О цѣнномъ литераторѣ“).

Часто упоминалось имя А. въ 1883 г., когда по поводу смерти Тургенева говорилось объ „Отцахъ и Дѣтяхъ“, въ свое время вызвавшихъ извѣстную статью Макс. Алексѣевича „Асмодей нашего времени“. Особенно рѣзко нападалъ В. П. Буренинъ въ вышедшихъ потомъ отдѣльною книжкою (Спб. 1884) статьяхъ „Литер. дѣятельность Тургенева“.

переводчикѣ Платона, и И. Чистовичѣ, впослѣдствіи занявшемся исторі- русской церкви, а тогда читавшемъ логику и психологію. Правда, Карповъ, и Чистовичъ читали свои предметы, сообразуясь съ назна- ніемъ учебнаго заведенія, въ которомъ они преподавали, для того другого философія была не гордою, свободною царицею умовъ, а только ancilla theologiae, но, все таки, лекціи ихъ давали хорош запасъ свѣдѣній и шевелили мысль.

Главнымъ-же образомъ духовная жизнь студентовъ слагалась под вліяніемъ текущей журналистики. Новыя вѣянія, широкою волною нувшія на все русское студенчество вообще, захватили и студенче академическое. Будущіе богословы не только зачитывались «Современ никомъ», они проникали тайкомъ въ Публичную Библіотеку и тамъ бывали «Kraft und Stoff» Бюхнера и даже «Жизнь Іисуса» Дави Штрауса. Выпускъ 1859 года, къ которому принадлежалъ Антонович (онъ кончилъ курсъ кандидатомъ богословія), не далъ ни одного мон

Студентомъ 4 курса Макс. Алекс. отнесъ въ «Современникъ» ста написанную въ pendant статьѣ Добролюбова о разныхъ юмористическ листкахъ, массами появлявшихся въ 1858 и 1859 гг. («Соч.» т. 2 стр. 24 251). Добролюбовъ говорилъ объ издателяхъ этихъ листковъ, чуть ли съ ножомъ къ горлу пристававшихъ со своимъ «весельемъ», Антоновичъ подобралъ коллекцію современныхъ проповѣдей, въ которыхъ только можно было найти, что: «восплачемте, братія», «плачьте, люди, день и ночь», «рыдайте, грѣшники» и т. д. Статейка молодого студента бы дана на просмотръ Добролюбову. Онъ нашелъ сюжетъ мало-интересным для общаго журнала, но самое изложеніе ему понравилось и онъ пред- ложилъ Антоновичу написать что-нибудь такое, хотя бы тоже изъ знако- мой ему «церковной» сферы, но вмѣстѣ съ тѣмъ любопытное и для общей публики. Результатомъ этого предложенія явилась неподписанная статья объ извѣстной книгѣ Щапова «Расколъ старообрядчества» («Современ.» 1859 г. № 10), въ которой начало придѣлано Добролюбовымъ. Съ тѣхъ поръ установились тѣсныя отношенія Антоновича къ «Современнику», которыя не прерывались вплоть до окончательнаго запрещенія «Совре- менника» въ 1866 г. Сначала Антоновичъ писалъ статьи о книгахъ фи- лософскаго содержанія, со смертью же Добролюбова (1861) онъ перешелъ на отдѣлъ «Русской литературы» и занялъ амплуа «перваго критика» журнала. Въ 1863 г., когда Чернышевскій лишился возможности участво- вать въ редактированіи «Современника», Некрасовъ пригласилъ на его мѣсто Антоновича. Ему былъ отданъ въ полное завѣдываніе отдѣлъ «Рус- ской литературы» и предоставлено право veto относительно пріема ста- тей для другихъ отдѣловъ.

Какъ ни были тѣсны, такимъ образомъ, отношенія Антоновича къ экрасову, тѣмъ не менѣе, когда Некрасовъ въ 1868 г. арендовалъ у А. Краевскаго «Отеч. Записки» и пригласилъ туда почти всѣхъ стахъ сотрудниковъ «Современника», онъ Антоновича приглашеніемъ обоэлъ. Этотъ рѣшительный разрывъ привелъ къ шумному литературному андалу. Вмѣстѣ съ другимъ виднымъ старымъ сотрудникомъ «Совреннника», тоже не попавшимъ въ обновленныя «Отеч. Записки»— Ю. Г. уковскимъ—Антоновичъ разразился громовою брошюрою «*Матеріалы ія характеристики современной русской литературы. Литератур- е объясненіе съ Н. А. Некрасовымъ*». Спб. 1869 г., въ которой поэту ıести и печали» пришлось выслушать столько непріятныхъ вещей, сколь никогда ни до, ни послѣ этой брошюры выслушивать не приходилось. ь безпощадной рѣзкостью Антоновичъ обвинялъ его въ кулачествѣ, едательствѣ и даже въ продажности, уже не говоря о томъ, что онъ соршенно не довѣрялъ искренности либерализма стиховъ Некрасова и виıлъ тутъ одинъ только грубый разсчетъ и спекуляцію на господство- вшее въ обществѣ настроеніе. Подкрѣпляясь эти ужасныя обвиненія ылками на личный опытъ автора, вынесенный изъ многолѣтней совмѣстй работы по «Современнику», намеками на извѣстные стихи, которые екрасовъ подносилъ Муравьеву, надѣясь умилостивить послѣдняго, и редачею слуховъ о томъ, что своимъ великосвѣтскимъ знакомымъ по іглійскому клубу редакторъ радикальнаго «Современника» всегда выавлялъ себя невинною жертвою демагоговъ-сотрудниковъ. Такимъ обраıмъ «литературное» объясненіе приняло характеръ фактическаго «разоıаченія» и потому самому не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія.

Некрасивымъ вышелъ «пѣвецъ народнаго горя» изъ разоблаченій Анıновича. Но отнюдь нельзя сказать, чтобы и обличитель покрылъ себя ıавою. Большинство публики отнеслось къ книжкѣ, какъ къ акту мести, эставившей личные интересы выше интересовъ той партіи, въ которой ринадлежалъ обличитель. Появилась даже особая брошюра молодого эко- эмиста Н. Рождественскаго, озаглавленная «Литературное паденіе гг. нтоновича и Жуковскаго».

«Матеріалы для характеристики совр. литературы» не были первымъ ıстрѣломъ Антоновича по возобновленнымъ «Отеч. Зап.». Незадолго) ихъ появленія, въ выходившей всего одинъ годъ еженедѣльной гаэтѣ «Космосъ» (1869) было напечатано нѣсколько до-нельзя рѣзкихъ атей Антоновича, въ которыхъ Некрасовъ обвинялся въ кулачествѣ и ıякихъ иныхъ прегрѣшеніяхъ, а новыя «Отеч. Зап.» въ пошлости, туэсти, невѣжествѣ и т. д.

Изданіемъ памфлета противъ Некрасова надолго пріостановилась ли-

тературная дѣятельность Антоновича Имя его совершенно исчезаетъ изъ текущей журналистики и появляется только на переводахъ разныхъ книгъ естественнонаучнаго содержанія. Естественными науками М. Алекс. сталъ заниматься еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, и притомъ не только книжно, но и практически. Въ особенности его заинтересовала геологія. Въ ней онъ пріобрѣлъ знанія, поднявшія его выше уровня обыкновеннаго диллетантизма и давшія ему возможность сдѣлать одинъ довольно цѣнный вкладъ въ геологію Россіи. Ему, именно, удалось открыть въ 1871 г. по берегамъ зап. Двины тотъ вторичный слой Девонской формаціи, который до него не удавалось наблюдать въ Россіи. «Настоящіе» спеціалисты, какъ напр. проф. Барботъ-де-Морни и Штукенбергъ, отнеслись было въ началѣ довольно недовѣрчиво къ работѣ Антоновича, но въ настоящее время она вошла въ научный обиходъ (см. подробніе у *Чернышева*, «Матеріалы для изученія Девонскихъ отложеній въ Россіи»).

Въ концѣ 1875 г. въ кавказской газетѣ «Тифлисскій Вѣстникъ», заправилой котораго былъ Н. Я. Николадзе, стали появляться «Петербургскія письма», полныя самыхъ ѣдкихъ нападокъ на всю журналистику безъ исключенія. Съ одинаковымъ высокомѣріемъ шельмовались тутъ «Отеч. Зап.» и какія-нибудь «Бирж. Вѣд.» редакціи Трубникова. Эти письма, которыми очень интересовались въ журнальныхъ сферахъ, принадлежали Макс. Алексѣевичу. Они появлялись очень не долго и въ общемъ не мѣшаютъ сдѣлать тотъ выводъ, что съ прекращеніемъ «Современника» кончилась и литературная карьера Антоновича.

Такому выводу не мѣшаетъ даже участіе Антоновича въ изданіи, которое было, конечно, не чета какому-нибудь захолустному листку. Мы говоримъ о болѣе чѣмъ кратковременномъ участіи Макс. Алекс. въ «Словѣ», преобразованномъ въ 1878 г. изъ «Знанія» въ общелитературный журналъ. Хотя редакція въ своемъ вступительномъ объясненіи не безъ торжественности заявила о предстоящемъ участіи Антоновича въ критическомъ отдѣлѣ журнала, тѣмъ не менѣе уже съ выходомъ 2-ой книжки начались недоразумѣнія изъ-за того, что Макс. Алекс., привыкшій въ «Современникѣ» накладывать veto на статьи, ему не нравившіяся, запротестовалъ противъ полемическаго отвѣта Е. В. Де-Роберти-де-ла-Серда Н. К. Михайловскому. Редакція не хотѣла уступить и М. Алекс. вышелъ изъ журнала, о чемъ и заявилъ письмомъ въ «В. Вѣд.» (№ 61 и 77). Здѣсь онъ изложилъ причины своего ухода, а необходимость публичнаго заявленія объ этомъ мотивировалъ тѣмъ, что нѣкоторые подписались на «Слово» потому, что было обѣщано сотрудничество его, Антоновича, и слѣдовательно ихъ надо извѣстить о происшедшемъ разрывѣ. Редакція «Слова» не оставила безъ отвѣта письма М. Ал. и въ той же

газетѣ (№ 63) заявила, что если дѣйствительно есть подписчики, которые абонировались на «Слово» исключительно изъ-за Антоновича, то имъ подписныя деньги будутъ возвращены по первому требованію. Желающихъ воспользоваться предложеніемъ редакціи, однако, не оказалось.

Въ 1881 г. Антоновичъ опять было примкнулъ къ текущей литературѣ, занявъ мѣсто «перваго критика» и фельетониста возникшаго тогда ежемѣсячнаго журнала «Новое Обозрѣніе». Но журналъ просуществовалъ всего 3 мѣсяца.

Съ тѣхъ поръ Макс. Алекс. почти окончательно оставилъ литературное поприще. На переводныхъ книгахъ еще изрѣдка встрѣчается его имя, изъ оригинальныхъ же статей за періодъ 1881—88 гг. появились только двѣ-три случайныя замѣтки о нѣкоторыхъ новыхъ книгахъ. Занялся теперь бывшій критикъ «Современника» дѣятельностью практическою: въ 1881—82 г. онъ служилъ въ правленіи Либаво-Роменской ж. д., а въ 1883 г. поступилъ въ Государственный Банкъ, гдѣ въ настоящее время занимаетъ довольно видное мѣсто.

Хронологически литературныя работы А. появлялись въ слѣдующемъ порядкѣ:

I. Оригинальныя статьи:

1859 г. „Современникъ“: 1) *Что иногда открывается въ либеральныхъ фразахъ*. „О русскомъ расколѣ старообрядства“ Щапова (№ 9).

1861 г. „Современникъ“: 2) *Современная философія*. По поводу „Философскаго лексикона“ Гогоцкаго (№ 2). 3) *Два типа современныхъ философовъ*. По поводу „Трехъ бесѣдъ о современномъ значеніи философіи“ П. Л. Лаврова (№ 4) 4) *О Гегелевской философіи*. По поводу русск. перевода книги *Гайма* „Гегель и его время“ (№ 8). 5) *О почвѣ. Не въ агрономическомъ смыслѣ, а въ духѣ „Времени“* (№ 12)

Въ „Народномъ Чтеніи“ популярныя статьи: 6) *„О парахъ и паровыхъ машинахъ“* (№ 1 и 3). 7) *О нечистыхъ силахъ* (№ 6).

1862 г. „Современникъ“: 8) *Современная физіологія и философія* (№ 2). О „Физіологіи обыденной жизни“ Льюиса (№ 2). 9) *Асмодей нашего времени*. По поводу „Отцовъ и Дѣтей“ Тургенева (№ 3). 10) *О духѣ «Времени» и о г. Косицѣ, какъ наилучшемъ его выраженіи* (№ 4).

Въ „Народн. Чтеніи“ популярныя статьи: 11) *Жизнь растеній* (№ 1). 12) *Жизнь животныхъ* (№ 3).

1863 г. „Современникъ“: 13) *Литературный кризисъ* (№ 1). 14) *Неуваженіе къ наукѣ*. По поводу „Нѣсколькихъ современныхъ вопросовъ“ Чичерина (№ 3). 15) *Парламентское дѣлопроизводство*. Изложеніе книгъ *Фишеля* „Государственный строй Англіи“ и *Погорѣлаго-Подольнаго* „Парламентское дѣлопроизводство“ (№ 5).

Въ выходившей въ первой половинѣ 1863 г. (5 мѣсяцевъ) газетѣ „Очерки“, изд. Очкинымъ и редактировавшейся, между прочимъ, Г. З. Елисѣевымъ, Антоновичъ велъ политическій отдѣлъ. Къ этому же, приблизительно, времени относится участіе А. въ „Энц. Словарѣ изд. русск. уч. к литерат.“, выходившемъ подъ редакціей П. Л. Лаврова.

1864 г. „Современникъ“: 16) *„Московскія Вѣдомости“* и *„Голосъ“* (№ 1). 17) *Гео-*

рія происхожденія въ царствѣ животныхъ. Изложеніе книги Дарвина (№ 3). 18) „*Современные романы*". О „Взбаламученномъ морѣ" Писемскаго и „Призракахъ" Тургенева (№ 4). 19) *Лѣтній литературный сезонъ* (№ 7). 20) *Литературныя мелочи. Торжество ерундистовъ* (№ 7). 21) *Литературныя мелочи.* Раскаяніе г. Альбертини или расколъ въ ерундистахъ. Гоффъ и Шульцъ, или гг. Краевскій и Катковъ. Вопросъ, обращенный къ стрижамъ (№ 8). 22) *Литературныя мелочи.* Къ читателю. Любовное объясненіе съ „Эпохой". Неодобрительныя средства „Эпохи". Сущность и характеръ „Эпохи". Дѣла въ редакціи „Эпохи". Послѣсловіе. Вопросъ, обращенный къ „Русск. Слову" (№ 10). 23) *Литературныя мелочи.* Г. Краевскій или влюбленные въ Россію. Опроверженіе предыдущей статьи. Зубъ-за-зубъ. Литературныя двойни. „Русскому Слову". (Предварительныя объясненія). Еще влюбленный въ Россію (№ 12). Всѣ „Литературныя мелочи" были подписаны псевдонимомъ „*Посторонній Сатирикъ*". Вначалѣ подъ этимъ псевдонимомъ писалъ Щедринъ, но затѣмъ имъ сталъ подписываться исключительно Антоновичъ.

1865 г. „Современникъ": 23) *Единство силъ природы.* По поводу книги Грове „Соотношеніе физич. силъ", „Теплоты" Тиндаля и Учебника физіологіи Германа (№ 1). 24) *Литературныя мелочи* („Рус. Слову". Денежное несчастіе съ г. Благосвѣтловымъ). Подъ псевд. *Посторонняго Сатирика* (№ 1). 25) *Добросовѣстные мыслители и недобросовѣстные журналисты.* По поводу отношенія „Отеч. Зап." къ русскому переводу Милля. (№ 2). 26) *Промахи.* Статья 1-я. Полемика съ Зайцевымъ и Писаревымъ. (№ 2). 27) *Литературныя мелочи.* (Глуповцы въ „Русскомъ Словѣ". Посвящается Гр. Е. Благосвѣтлову). Подъ псевд. *Посторонняго Сатирика.* (№ 2). 28) *Современная эстетическая теорія.* По поводу „Эстетич. отношеній искусства къ дѣйствительности" Чернышевскаго. (№ 3). 29) *Литературныя мелочи.* Барскіе лакеи въ „Рус. Словѣ". Г. Зайцеву. Подъ псевд. *Постор. Сатирика.* (№ 3). 30) *Промахи.* Статья 2-я. Полемика съ Зайцевымъ и Писаревымъ. (№ 4). 31) *Литератур. мелочи.* Къ читателямъ. За подп. *Пост. Сатирикъ.* (№ 5). 32) *Литературныя мелочи.* Ученыя пристрастія. (о Кавелинѣ). Мораль г. Краевскаго. Заключеніе. За под. *Посторонній Сатирикъ.* (№ 6). 33) *Лже-реалисты.* По поводу „Рус. Слова". (№ 7), 34) *Литературныя мелочи.* Можетъ-ли безчестный человѣкъ быть честнымъ публицистомъ и фельетонистомъ. За под. *Пост. Сатирикъ* (№ 7). 35) *Надежды и опасенія.* По поводу освобожденія печати отъ предварительной цензуры (№ 8). 36) *Суемудріе „Дня"* (№ 10). 37) *Умственныя движенія въ 18 вѣкѣ.* По поводу „Ист. Лит." Геттнера (№ 11, 12).

1869 г. Въ „Космосѣ", издавав. докторомъ Л. Н. Симоновымъ: 38) *Единство физическаго и нравственнаго космоса.* (№ 1 и 2). 39) *Журнально-научное обозрѣніе.* Литературное лицемѣріе „Отеч. Зап.". Вопросъ, представляемый на разрѣшеніе легкой литературѣ. (№ 4). 40) *Литературная недобросовѣстность „С.-Пет. Вѣд." издаваемыя г. Коршемъ.* (№ 8). 41) *По поводу письма Бѣлинскаго, напечатаннаго въ „С.-Пет. Вѣд.".* (Второе полугодіе № 1). 42) *Матеріалы для характеристики современной русской литературы".* Литературное объясненіе съ Некрасовымъ. Спб.

1878 г. въ „Горномъ Журналѣ": 43) *Геогностическій очеркъ Западной Двины въ предѣлахъ Витебской губерніи.* (Т. II.).

1873—76 г. 44) „Петербургскія Письма" въ „Тифлисскомъ Вѣстникѣ".

1875 г. въ „Словѣ": 45) *Современное состояніе литературы.* (№ 1). 46) *Нѣсколько словъ о Ник. Ал. Некрасовѣ* (№ 2). 47) *Причины неудовлетворительнаго состоянія нашей литературы* (№ 2). 48) *Литературные итоги славянскаго воодушевленія и*

войны (№ 3). 49) Въ „Горномъ Журналѣ“: *Ледниковая гипотеза и ледниковыя явленія въ Финляндіи и повѣнецкомъ уѣздѣ*. Т. I. Февраль и мартъ). Въ „Семьѣ и Школѣ“: 50) *Необходимость большей гармоніи въ учебномъ дѣлѣ*. (№ 1, 2 и 3) Въ „Бирж. Вѣд.“: 51) Отвѣтъ редакціи „Слова“ № 77.

1879 г. Въ „Молвѣ“: 52) Письмо по поводу повѣсти „Самохвалова-Самолюбова“.

1881 г. Въ „Новомъ Обозрѣніи“: 53) Ежемѣсячные Очерки“ въ № 1, 2 и 3. 54) *Мистико-аскетическій романъ.* По поводу „Братьевъ Карамазовыхъ“ (№ 3). 55) *Вступленіе* (№ 1). 56) *О реформахъ* (№ 2). 57) *Проф. Сѣченовъ о несвободѣ воли* (№ 2). Въ сборникѣ *Откликъ*, изданномъ студентами петербургскаго университета въ пользу нуждающихся товарищей: 58) *Пища и ея физіологическое и общественное значеніе*.

1882 г. въ „Протоколахъ VI съѣзда естествоиспытателей“: 59) *Ледниковые слѣды на островѣ Гохландѣ и о поднятіи этого острова.*

1887 г. 60) По поводу книги д-ра Шрадера „*Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія*“. въ „Русск. Мысли“ № 12.

II. Переводы:

1) *Луи-Бланъ*, Письма объ Англіи. 2 т. Спб. 1866—70. 2) Вмѣстѣ съ А. Н. Пыпинымъ съ англ. *Уевеля* „Ист. индукт. наукъ“ въ 3 т. Спб. 1867—68. Ц. 8 р. 3) Вмѣстѣ съ А. Н. Пыпинымъ съ фр. *Эж. Тэно* „Парижъ и провинція 2 дек. 1851 г.“. Спб. 1869. Ц. 2 р. 4) *Таксиль Делора* „Исторія второй Имперіи“ съ фр. Спб. 1871. Ц. 1 р. 50 к. 5) *Луи Бланъ*, Исторія великой франц. революціи въ 12 томахъ. Т. I. Спб. 1871. 6) *Гервинусъ*, Исторія 19 столѣтія, т. I—V. Спб. 1873—76. 7) *Вашингтонъ-Ирвингъ*. Жизнь Магомета. Спб. 1875. 8) *А. Гейки*, Физическая географія. Спб. 1874. 9) *Бальфуръ Стюартъ*, Физика. Спб. 1873. 10) *М. Петтенкоферъ*, Общедоступныя Чтенія. Спб 1873. 11) *Норманъ Локаеръ*. Астрономія. Спб. 1876. 12) *А. Гейки*, Геологія. Спб. 1875. 13) *Фостеръ*, Физіологія. Спб. 1875. 14) *Клодъ Бернаръ*, Курсъ общей физіологіи Спб. 1878. 15) *Стенли Джевонсъ*, Трактатъ о логикѣ и научномъ методѣ. 16) *Ст. Джевонсъ*, Элементарный учебникъ логики. 17) *Альфредъ Маршалъ Майеръ*, Звукъ. Спб. 1881. 18) *А. Майеръ и Бернаръ*, Свѣтъ. Спб. 1884. 19) *Клеркъ Максуель*, Матерія и движеніе. Спб. 1885. 20) *Герцбергъ*, Исторія Греціи и Рима. Т. I и II.

Рѣзкость приговоровъ и безпощадность сужденій составляетъ одну изъ наиболѣе отличительныхъ чертъ русской критики съ тѣхъ поръ, какъ она въ лицѣ Надеждина и Бѣлинскаго изъ робкой и совершенно незамѣтной восхвалительницы всего, что ни напишется «корифеями», превратились въ грозную литературную силу, руководительницу общественнаго мнѣнія и наставницу талантовъ. Синодикъ жертвъ русской критики весьма обширенъ и въ литературной исторіи каждаго изъ главарей ея можно насчитать не одинъ десятокъ писателей, на которыхъ они обрушились всею тяжестью своего таланта. Разрушеніе нѣкоторыхъ репутацій прямо составляетъ ихъ наиболѣе громкіе литературные подвиги. Такъ, Бѣлинскій знаменитъ тѣмъ, что установилъ отрицательное отно-

*

шеніе къ до-Грибоѣдовской литературѣ, уничтожилъ Бенедиктова, свелъ съ пьедестала Кукольника, сдѣлалъ ненавистнымъ Булгарина, создалъ рѣзкую оппозицію идеямъ славянофильства, и т. д., и т. д. Съ именемъ Добролюбова тѣсно связана критика общественныхъ условій дореформенной Россіи и такъ названная противниками его «свистопляска», т. е. вышучиваніе въ знаменитомъ отдѣлѣ «Современника»—«Свистокъ» авторитетовъ всякаго рода.

О Писаревѣ уже и говорить нечего. Онъ прямо убилъ «фетовщину» и настолько уронилъ въ глазахъ большей части подростающаго поколѣнія самое значеніе стихотворства, что, какъ мы могли еще недавно убѣдиться на примѣрѣ С. А Андреевскаго, даже люди съ несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ подавляли въ себѣ всякое стремленіе къ «поэзіи» и «эстетикѣ».

Было бы, однако же, верхомъ несправедливости назвать Бѣлинскаго, Добролюбова и Писарева исключительно представителями «разрушительныхъ» и «отрицательныхъ» тенденцій, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые партійные критики. Отрицаніе отрицанію рознь. Можно отрицать для отрицанія и можно отрицать для созиданія. Кто на старомъ мѣстѣ хочетъ воздвигнуть новое зданіе и считаетъ прежній фундаментъ негоднымъ и шаткимъ, тотъ, конечно, прежде всего долженъ заняться расчисткою. Здѣсь нѣтъ никакой надобности спорить о сущности тѣхъ идеаловъ, къ которымъ стремились Бѣлинскій, Добролюбовъ и Писаревъ,—это въ данномъ случаѣ ровно никакого значенія не имѣетъ. Важно только подчеркнуть, что они сильно ненавидѣли, потому что много любили. Они были рѣзки и безпощадны къ «чужимъ», но полны энтузіазма по отношенію къ «своимъ». Они дѣйствительно разрушили множество литературныхъ репутацій, но еще большее количество создали. «Дерзко» отрицалъ Бѣлинскій Херасковыхъ и Петровыхъ въ «Литературныхъ мечтаніяхъ», но только для того, чтобы воспѣть гимнъ Грибоѣдову, онъ не вѣрилъ въ Бенедиктова, но за то растолковалъ публикѣ Пушкина, Лермонтова, Кольцова, онъ топталъ въ грязь Кукольника и этимъ подготовилъ почву для пониманія Гоголя, онъ съ пѣною у рта нападалъ на славянофильство и, вмѣстѣ съ тѣмъ, воспиталъ нѣсколько поколѣній въ благоговѣніи къ европейской цивилизаціи. Онъ клеймилъ, наконецъ,Булгарина и одновременно возвеличилъ только что народившуюся тогда и ненавистную Булгарину молодую «натуральную» школу беллетристовъ—Гончарова, Григоровича, Достоевскаго, Тургенева, Некрасова. Не меньшее количество литературныхъ репутацій обязаны своимъ нарожденіемъ «свистуну» Добролюбову. Кто какъ не онъ создалъ Островскому настоящую, всероссійскую славу, которую были безсильны доставить его

ближайшіе литературные друзья по славянофильствовавшему «Москвитянину», и кто краснорѣчивѣе всѣхъ комментировалъ «Обломова»? Что касается безпощаднаго гонителя «эстетики» Писарева, то онъ, во-первыхъ, началъ свою дѣятельность превознесеніемъ Тургенева и Писемскаго и затѣмъ написалъ цѣлый рядъ хвалебныхъ статей о Помяловскомъ, Слѣпцовѣ, Львѣ Толстомъ, Достоевскомъ и множествѣ друг. А самое главное, онъ съ такимъ восторгомъ, съ такимъ зажигающимъ увлеченіемъ говорилъ о томъ, что на мѣсто упраздненной «эстетики» слѣдуетъ насадить естественныя науки, что дѣйствительно успѣлъ свое увлеченіе передать читателямъ. Спросите любого изъ современныхъ натуралистовъ среднихъ лѣтъ и, въ большинствѣ случаевъ, вы услышите, что первыя сѣмена стремленія къ естествознанію въ нихъ заронили статьи Писарева съ ихъ широкими перспективами проникновенія въ самую «суть» вещей, съ ихъ заманчивыми увѣреніями, что только на основѣ «реальныхъ» знаній можно устроить свою жизнь «истинно-человѣческимъ» образомъ. Мы лично имѣли возможность убѣдиться въ реальномъ воздѣйствіи Писаревскаго увлеченія естественными науками изъ цѣлаго ряда автобіографій, присланныхъ намъ естествоиспытателями, молодость которыхъ совпадаетъ съ эпохою расцвѣта Писаревскаго вліянія.

И вотъ, если принять во вниманіе эти *зажигающія свойства* всего, что писали Бѣлинскій, Добролюбовъ, Писаревъ, то мнимыхъ отцовъ русскаго «отрицанія», съ гораздо большимъ основаніемъ слѣдуетъ назвать *энтузіастами*, пламенными провозвѣстниками идей, взглядовъ и убѣжденій, которые они (правильно или неправильно—другой вопросъ) считали единственно вѣрнымъ путемъ для духовнаго процвѣтанія Россіи. И только въ этой *положительной* проповѣди Бѣлинскаго, Добролюбова и Писарева, а отнюдь не въ отрицательной части ихъ міросозерцанія лежала и лежитъ тайна ихъ вліянія на читающую публику. Только любовью привлекаются сердца, а не злобою, и только любовь имѣетъ зиждущія свойства.

Высказанныя сейчасъ соображенія были намъ необходимы, чтобы оттѣнить положеніе, занимаемое Мак. Алексѣев. Антоновичемъ въ исторіи русской критики. Дѣло въ томъ, что противники русскаго «отрицанія», ставя всегда во главѣ послѣдняго Бѣлинскаго, Добролюбова и Писарева, во второмъ ряду охотно удѣляютъ мѣсто Антоновичу. Въ особенности же часто дѣятельность Антоновича приводится въ связь съ дѣятельностью Добролюбова, чему помогаетъ и самъ Макс. Алексѣевичъ, который всегда рекомендуетъ себя представителемъ «Добролюбовской школы» и какъ бы даже преемникомъ его. Но, на самомъ дѣлѣ, преемственность эта чисто внѣшняя. Оба они были знаменосцами одного и того же журнала—вотъ и все сходство между ними. Если же обратиться къ внутренней сущности

ихъ писательской натуры, то, даже совершенно оставляя въ сторонѣ разницу въ размѣрахъ таланта, трудно представить себѣ людей болѣе діаметрально-противоположныхъ, чѣмъ Добролюбовъ и Антоновичъ.

Добролюбовъ прежде всего былъ воплощенный лиризмъ. Онъ не писалъ, а горѣлъ, онъ расходовалъ всю свою душу и не боялся впасть въ «сентиментальность». У Антоновича же въ двухъ, трехъ стахъ печатныхъ листахъ, имъ написанныхъ, едва ли найдется хотя одна лирическая строчка. Добролюбовъ весь есть порывъ и увлеченіе, Антоновичъ сухъ и разсудоченъ; онъ иной разъ васъ убѣдитъ и склонитъ на свою сторону, но никогда не согрѣетъ и не заставитъ сердце ваше биться учащенно.

И именно потому, что Добролюбовъ писалъ лучшею кровью благороднаго сердца своего, полетъ его мысли необыкновенно высокъ. Онъ съ несравненно большимъ удовольствіемъ останавливается на крупныхъ, чѣмъ на мелкихъ литературныхъ явленіяхъ, его всегда тянуло писать о выдающихся литературныхъ фактахъ и о выдающихся литературныхъ дѣятеляхъ. За болѣе чѣмъ короткій періодъ своей критической дѣятельности Добролюбовъ успѣлъ высказаться почти о всѣхъ корифеяхъ нашей литературы и о главнѣйшихъ явленіяхъ нашей общественной и исторической жизни. Эпоха Петра, вѣкъ Екатерины, люди сороковыхъ годовъ, Тургеневъ, Достоевскій, Щедринъ, Островскій, Пироговъ, общественное возбужденіе, наступившее послѣ крымской войны, Кавуръ, Робертъ Овенъ, дѣятельность Гарибальди, литература, посвященная изображенію крестьянства—вотъ темы, одна значительность которыхъ уже показываетъ, что авторъ шелъ навстрѣчу всякому случаю, дающему возможность говорить о высокомъ и прекрасномъ. Антоновичъ-же въ этомъ отношеніи представляетъ полную противоположность. Если, выражаясь фигурально, про Добролюбова можно сказать, что онъ всегда паритъ въ облакахъ, то про Антоновича слѣдуетъ отмѣтить, что онъ съ особенною любовью копается въ болотѣ. Краевскій эксплуатировалъ Бѣлинскаго, Дудышкинъ пошлъ и тупъ, Благосвѣтловъ лакействованіемъ предъ гр. Кушелевымъ Безбородко выпросилъ себѣ «Рус. Слово», Зайцевъ не знаетъ философіи, въ «Отеч. Зап.» переврали Милля, Некрасовъ нажилъ себѣ «капиталецъ», Страховъ боится писать подъ собственнымъ именемъ и прикрывается псевдонимомъ Косицы, въ журналѣ «Время» одни сотрудники противорѣчатъ другимъ, еще разъ Краевскій (настоящая bête noire нашего критика) эксплуататоръ—вотъ главныя впечатлѣнія, которыя выноситъ читатель изъ статей Антоновича. Исключеніе составляютъ только статьи, посвященныя простому *изложенію* разныхъ книгъ. Таковы естественно-научныя статьи Антоновича и статья объ «Эстет. отношеніяхъ искусства къ дѣйствитель-

ности» Чернышевскаго. Но нельзя судить писателя по компиляціямъ. Въ самостоятельныхъ же статьяхъ Антоновичъ выступаетъ больше всего въ роли «разносителя» мелкихъ литературныхъ людишекъ и ихъ мелкихъ прегрѣшеній.

Такимъ же «разносителемъ» онъ остается въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда отвлекается отъ мелкихъ литературныхъ дрязгъ и трактуетъ о явленіяхъ болѣе крупнаго разбора. Вотъ почему если кого либо изъ видныхъ дѣятелей 60-хъ годовъ можно назвать «отрицателемъ», то только автора «Асмодея нашего времени», «Матеріаловъ для характеристики современной литературы» и статей, подписанныхъ псевдонимомъ «Посторонній сатирикъ». Вотъ это дѣйствительно отрицатель pur sang. Не возьмемте опять въ разсчетъ компиляцій и окажется, что *за всю свою жизнь Антоновичъ не написалъ ни одной хвалебной статьи.* Присущій ему литературный талантъ (или бойкость, если быть строгимъ) сказался исключительно въ полемическихъ статьяхъ и какъ «ругатель» Антоновичъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ журнальной литературѣ 60-хъ годовъ, которая всего менѣе отличалась нѣжностью полемическихъ пріемовъ. Потребность ругать въ такой же степени органическое свойство писательской натуры Антоновича, въ какой для Добролюбова было органическою потребностью искать совершенства.

И притомъ кого и какъ ругать? Болѣе чѣмъ не ласковъ бывалъ и Добролюбовъ въ тѣхъ статьяхъ, гдѣ рисовалъ мрачныя стороны нашей общественной и умственной жизни, не давалъ онъ пощады тѣмъ, кого считалъ врагами истины и свѣта, но на это и были враги и враждебныя силы. Антоновичъ же яростнѣе всего всегда полемизировалъ со своими, съ людьми, съ которыхъ онъ или вовсе ничѣмъ не отличался, или же отличался въ мелочахъ. Переберите литературную дѣятельность Антоновича и окажется, что самые сильные удары онъ нанесъ Некрасову, Писареву, Зайцеву, Благосвѣтлову, Елисѣеву, редакціи «Рус. Слова» и редакціи возобновленныхъ «Отеч. Записокъ», т. е. буквально своимъ ближайшимъ единомышленникамъ. И оттого-то всякая рѣзкая выходка Добролюбова есть актъ священнаго негодованія и неизбѣжное слѣдствіе того пламеннаго человѣколюбія, которое его одушевляло, а полемика Антоновича производитъ впечатлѣніе совершенно безцѣльныхъ дрязгъ, да еще выросшихъ на почвѣ личнаго раздраженія.

Самый способъ вести полемику тоже всего менѣе даетъ правъ Антоновичу считать себя писателемъ «Добролюбовской школы». Перечтите всѣ четыре тома сочиненій Добролюбова и вы въ нихъ не найдете ни одного грубаго выраженія, его негодованіе какъ молотомъ бьетъ противника, но это не базарная перебранка, онъ всегда помнилъ, что литера-

тура храмъ, а не скотный дворъ. У Антоновича же необузданность языка доходитъ до крайнихъ предѣловъ грубости. Въ лучшемъ случаѣ, такому противнику, какъ Тургеневъ, доказывалось, что онъ «литературный черкесъ», что онъ равенъ «тупоумному» Писареву, въ полемикѣ же, которую велъ Антоновичъ съ «Рус. Словомъ» подъ псевдонимомъ «Посторонняго сатирика», дѣло дошло до словъ: «ракалія», «хавронья», «гнилой бутербродъ», «барскій лакей», «шелопай», «безсовѣстно лжете» и т. д.

Въ общемъ, мы будемъ гораздо ближе къ истинѣ, если назовемъ Антоновича не критикомъ, а памфлетистомъ. Критика, достойная своего названія, связана съ способностью къ обобщеніямъ, къ комментированію, съ умѣньемъ развить, разъяснить, сдѣлать доступной скрытую иногда мысль автора. Но именно этого вы никогда не найдете въ статьяхъ Антоновича. Онъ или вяло компилируетъ, или, если проявляетъ свою писательскую личность, то непремѣнно кого-нибудь «разноситъ». И вотъ почему обзоръ главнѣйшихъ моментовъ литературной дѣятельности Антоновича есть не что иное, какъ перечень авторовъ, «отдѣланныхъ» имъ съ тою размашистостью, которая составляетъ основное качество всякаго памфлетиста. Съ значительною частью этого перечня мы уже знакомы изъ предыдущаго изложенія, но его можно увеличить еще нѣкоторыми весьма типичными образчиками безцѣльнаго полемическаго задора нашего памфлетиста. Начнемъ хотя бы съ Щапова. Про того самаго Щапова, на котораго ортодоксальные изслѣдователи раскола смотрятъ какъ на исчадіе нигилизма и который создалъ совсѣмъ новое направленіе во взглядахъ на расколъ, направленіе діаметрально-противоположное взглядамъ офиціальнымъ, про этого-то Щапова Антоновичъ написалъ, что цѣль его перваго и главнаго труда было «обличеніе раскольниковъ»? Нужно кстати отмѣтить, что Антоновича всегда преслѣдовало удивительное несчастіе въ литературныхъ діагностикахъ и предсказаніяхъ. Только что онъ успѣетъ отрекомендовать кого-нибудь публикѣ въ одномъ опредѣленномъ смыслѣ,—глядь, этотъ человѣкъ сейчасъ и выскажется такъ, что характеристика памфлетиста «Современника» становится совершеннѣйшею несообразностью. Усмотрѣлъ онъ напримѣръ въ Щаповѣ противо-раскольничьяго миссіонера, а Щаповъ въ ближайшихъ своихъ трудахъ уже настолько отбросилъ всѣ свои прежнія вынужденныя уступки «независящимъ обстоятельствамъ», что статьи «Современника» превратились въ вопіющій анахронизмъ. Еще оригинальнѣе судьба характеристики П. Л. Лаврова. Въ концѣ 1861 г. Антоновичъ жестоко разбранилъ его, какъ человѣка отсталаго, а чрезъ какой-нибудь годъ онъ съ радостью принялъ предложеніе Лаврова участвовать въ выходившемъ подъ редакціею послѣдняго «Энциклопедическомъ Словарѣ». О томъ же, насколько направленная противъ Лаврова статья соотвѣтствуетъ

дальнѣйшей дѣятельности автора «Историческихъ писемъ» и редактора журнала «Впередъ», было бы лишне распространяться.

Не менѣе характерна судьба знаменитой статьи «Асмодей нашего времени», посвященной «Отцамъ и Дѣтямъ». Со всѣмъ свойственнымъ ему полемическимъ наскокомъ, нашъ памфлетистъ напустился на Тургенева, доказывая ему, что фигура Базарова есть злостная клевета на молодое поколѣніе. И что же? Черезъ нѣсколько дней послѣ появленія «Асмодея» выходитъ книжка «Русскаго Слова» и въ ней всѣми признанный вождь и глашатай «оклеветаннаго» поколѣнія—Писаревъ торжественно заявляетъ, что Тургеневъ удивительно вѣрно понялъ народившееся последніе годы новое настроеніе молодежи и что Базаровъ есть идеалъ, къ которому долженъ стремиться всякій «мыслящій реалистъ».

Что касается, наконецъ, мрачныхъ предсказаній Антоновича относительно того, что возобновленныя «Отеч. Зап.» станутъ подголоскомъ Краевскаго, то и тутъ нашъ памфлетистъ оказался самымъ недальновиднымъ пророкомъ. Ровно 15 лѣтъ просуществовалъ ошельмованный имъ журналъ и до послѣдней книжки былъ воплощеніемъ русскаго радикализма.

Но если все это такъ, спроситъ насъ,вѣроятно,не одинъ читатель,если Антоновичъ дѣйствительно олицетворяетъ собою только одинъ безцѣльный полемическій задоръ, одну только полемику ради полемики, то въ чемъ же причина того безспорно выдающагося положенія, которое онъ занималъ въ журналистикѣ 60-хъ годовъ.

На такой вопросъ, какъ намъ кажется, существуетъ два отвѣта. Одинъ изъ нихъ безспорно кроется въ личныхъ качествахъ бывшаго критика «Современника». Можно относиться враждебно къ общему характеру его статей, но нельзя не признать, что онѣ «сдѣланы», какъ выражаются французы, очень бойко и живо. Компилятивныя и «излагательныя» статьи Антоновича скучны и вялы, но ругательныя статьи его читаются съ рѣшительнымъ интересомъ. Полемистъ онъ очень ловкій и выходившіе на единоборство съ нимъ всегда возвращались съ поединка сильно помятые.

Но, конечно, больше всего Антоновичъ обязанъ былъ своимъ литературнымъ положеніемъ счастливому стеченію обстоятельствъ и тому журналу, гдѣ ему удалось устроиться. Нужно знать, что такое былъ въ началѣ 60-хъ годовъ «Современникъ». Одно появленіе чьего-нибудь имени на оберткѣ журнала, рядомъ съ именами —*бова* (т. е. Добролюбова) и Чернышевскаго, было достаточно, чтобы обратить всеобщее вниманіе на дебютанта. А тутъ еще самъ Чернышевскій, на первыхъ же порахъ литературной дѣятельности Антоновича, обмолвился въ «Полемическихъ

красотахъ» слѣдующей фразой: «я могу чувствовать зависть только къ людямъ, которые моложе и свѣжей меня. Напримѣръ къ г. Антоновичу. Что жъ? развѣ я стану скрывать, что дѣйствительно завидую имъ, завидую съ оттѣнкомъ оскорбляемаго ихъ свѣжестью самолюбія, съ досадою опережаемаго?»

Фраза была подхвачена и враждебными журналами, и публикой и, можно прямо сказать, имѣла рѣшающее значеніе не репутацію молодого критика. Успѣвъ написать всего двѣ-три статьи, онъ сразу попалъ въ извѣстности и когда смерть Добролюбова и удаленіе Чернышевскаго открыли вакансію «перваго критика», никто не удивился, увидѣвъ въ этой роли Антоновича. Семь лѣтъ спустя, въ Некрасовскихъ уже тогда «Отеч. Зап.», было сказано по поводу памфлета Антоновича, что редакція «Современника» смотрѣла на Антоновича не больше, какъ на «полезность». Можетъ быть, оно такъ и было, можетъ быть Некрасовъ, дѣйствительно, потерявъ Добролюбова и Чернышевскаго и не имѣя возможности привлечь къ себѣ изъ «Рус. Слова» Писарева, только по необходимости возвелъ Антоновича въ тотъ высокій санъ, который онъ занялъ въ журналѣ. Но публика-то объ этомъ ничего не знала, она видѣла только, что почти въ каждой книжкѣ появляются его статьи и вполнѣ была убѣждена, что Антоновичъ представляетъ собою квинтъ-эссенцію редакціи «Современника». А этого было совершенно достаточно, чтобы ему были прощены всѣ промахи и несообразности и чтобы въ религіозномъ благоговѣніи, которымъ были окружены имена Добролюбова и Чернышевскаго, было отведено извѣстное мѣсто и тому, кого редакція «Современника» выдавала за ихъ преемника.

Справедливость утвержденія нашего, что почти всею своею, столь громкою въ 60-хъ годахъ, репутаціей Антоновичъ обязанъ главнѣйшимъ образомъ обаянію журнала, въ которомъ печатались его статьи, доказывается всею дальнѣйшею литературною карьерою «Посторонняго Сатирика». Мы уже подчеркнули въ біографической части настоящей статьи, что съ прекращеніемъ «Современника» кончилась и литературная карьера Антоновича. А между тѣмъ ему было тогда всего 30 лѣтъ, онъ находилсявъ цвѣтѣ силъ, онъ постоянно, по собственному выраженію, «учился» т. е. усердно занимался естественными науками и всего менѣе лишился той бойкости, которая придавала блескъ его статьямъ въ «Современникѣ». Всѣ условія, значитъ, были на лицо для того, чтобы литературное положеніе не потерпѣло ущерба. А между тѣмъ оно не то, что потерпѣло ущербъ, а его вовсе не стало. Правда, брошюрой противъ Некрасова Антоновичу снова удалось обратить на себя вниманіе публики, но это былъ одинъ изъ тѣхъ печальныхъ успѣховъ, который французы опредѣляютъ словомъ succès

le scandal. А вотъ обратить вниманіе публики на «Космосъ», который заявилъ, что издается «при ближайшемъ сотрудничествѣ М. А. Антоновича» не удалось. Журналъ не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха и даже рѣзкія до какого-то изступленія выходки критическаго отдѣла его, которыя, появись онѣ въ «Современникѣ», навѣрное доставили-бы Антоновичу цѣлые десятки поклонниковъ, теперь рѣшительно никого не заинтересовали. Вполнѣ понятно почему. За богатымъ литературнымъ столомъ «Современника», гдѣ читателю предлагались обильныя умственныя яства въ видѣ проникнутыхъ *положительными* идеалами статей, за той богатой духовной трапезой статьи Антоновича играли роль пикулей, солі, кайенскаго перца. И такъ какъ пикули были чрезвычайно остры, соя очень ѣдка и перецъ очень жгучъ, то на нихъ смотрѣли съ большою благосклонностью: какъ *приправа* ко всему остальному содержанію «Современника» это было очень пикантно. Но обѣдъ изъ однихъ пикулей и перцу не можетъ удовлетворить даже самаго завзятаго любителя «забористой» пищи.

Не подняли замирающей репутаціи Антоновича и немногія статьи его въ «Словѣ» и «Новомъ Обозрѣніи». Не безъ любопытства приступила къ нимъ публика. Хотѣлось всякому посмотрѣть, что такое скажетъ нѣкогда извѣстный критикъ послѣ долгихъ лѣтъ молчанія. Но не усмотрѣвъ въ нихъ ничего, кромѣ безграничнаго высокомѣрія и поголовнаго отрицанія, всѣ съ недоумѣніемъ отходили прочь.

Антоновичъ, П.—псевд. П. А. Юркевичъ-Литвинова.

Антоновичъ, Павелъ Даниловичъ †). Былъ учителемъ греческаго и латинскаго языковъ въ гимназіяхъ моск. университета, потомъ чиновникомъ почтамта. † 1831. Напечаталъ: 1) Переводъ *Фенелона*, Забавы въ уединеніи для всякаго возраста и состоянія людей, съ пріобщеніемъ похожденій Аристоноевыхъ. М. 1797. 8°. 2 ч. 2) Азбука греческая или начальное познаніе греческаго языка, съ грамматическими правилами, разговорами, Езоповыми баснями. 3. ч. М. 1794. (Соп. 1785).

Антоновскій, Михаилъ Ивановичъ, литераторъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія ††). Р. 30-го сентября 1759 г. въ Борзнѣ

---

†) 1. *Снегиревъ*, Словарь Евгенія. 2. *Геннади*, Словарь.

††) 1) *Снегиревъ*, Словарь Евгенія. 2). *Д. П—кій* (*Полторацкій*) въ «С. Отеч.» 1838 г. Ч. 3. Смѣсь, стр. 4. 3) *Геннади*, Словарь. 4) *Неустроевъ*, Истор. розысканіе рус. повр. изд. стр. 534–541. 5) Автобіографія въ «Рус. Арх. 1885 г. № 2, 6) *Сопиковъ*, т. 4, стр. 369 и 356. 7) *Я. Гротъ*, прим. къ соч. Державина, т. V.

черниговск. губ. Родъ Антоновскихъ происходитъ отъ графовъ Ламкоронова, одинъ изъ представителей которыхъ переселился въ средині XVII віка въ Польшу, здісь получилъ выморочное имініе и имя Антоновичей, а затімъ, недовольный чімъ-то, переіхалъ въ Малороссію, принялъ православіе, переименовалъ себя въ Антоновскіе и женился на вдові сына Богдана Хмельницкаго, урожденной Валахской княгині Ирині. Михаилъ Ив. Антоновскій былъ его правнукъ. Онъ учился въ кіевской духовной академіи, а съ 1779 г. въ московскомъ университеті, гді за успіхи въ наукахъ получилъ нісколько золотыхъ медалей. Если вірить автобіографіи Антоновскаго, недавно появившейся въ «Рус. Архиві» (1885 г. № 2), онъ дотого выдавался въ университеті своими блестящими способностями, что слухъ о немъ дошелъ до наслідника престола. Павелъ Петровичъ даже, будто бы, спеціально прислалъ въ Москву графа Ивана Чернышева, съ цілью уговорить молодого студента непреміенно переіхать, по окончаніи курса, на службу въ Петербургъ, а не оставаться въ Москві, гді ему предстояла профессорская карьера. Извістіе это, однако-же, очень мало походитъ на правду, какъ и вся вообще автобіографія А., представляющая собою цілую эпопею о томъ, какъ всегда, всюду и всі обманными обіщаніями сбивали его съ толку и, наобіщавши всяческихъ благъ, потомъ самымъ подлымъ образомъ оставляли ни съ чімъ. Причину своихъ злоключеній А. видитъ въ томъ, что его «необыкновенныя, рідкія способности къ высокимъ понятіямъ и созерцаніямъ, тонкое остроуміе и быстрая проницательность (стр. 149), да вдобавокъ чрезвычайная честность создавали ему всегда злійшихъ враговъ».

Съ полною достовірностью можно на основаніи автобіографіи сказать только то, что А. въ восьмидесятыхъ годахъ неудачно служилъ въ морской адмиралтейской коллегіи, затімъ сопровождалъ больного графа Чернышева за границу и наконецъ въ 1791 г. попалъ въ библіотекари Публичной Библіотеки, только что тогда устроенной изъ книгъ знаменитой библіотеки гр. Залусскаго, захваченной послі взятія Варшавы. Но и здісь отказавшемуся уже отъ всякихъ честолюбивыхъ плановъ А. не повезло. Ставшій при Павлі во главі діла французскій эмигрантъ, графъ Шаузель-Гуфье, систематически расхищавшій и разорявшій библіотеку, воздвигъ на него жестокое гоненіе за то, что онъ составилъ точную опись книгамъ и прямо донесъ по начальству о злоупотребленіяхъ Шуазеля и его помощника—

стр. 439 и др. 8) Путеводитель по Публ. Библіотекі, стр. 11. 9) *Шевыревъ*, Истор. моск. унив., стр. 259. 10) Въ перепискі Державина (т. V). А. упоминается довольно часто. 11) *Крыловъ*, въ «Почті духовъ» по изд. 1859 г. т. I, стр. 124. 12) «С.-Пет. Журналъ», Паница ч. III, стр. 16.

польскаго выходца графа Чацкаго. Антоновскій долженъ былъ оставить свое мѣсто.

Писанная въ 1806 г. автобіографія заканчивается горькими жалобами на крайнюю нищету, въ которую А. впалъ, благодаря «безчеловѣчнѣйшимъ обманамъ, измѣнамъ и клятвопреступствамъ отъ такъ называемыхъ друзей, неблагодарности и даже злодѣяніямъ отъ людей облагодѣтельствованныхъ (его) услугами», «злобѣ (на него) безъ вины, клеветѣ, зависти и коварству». «Крамолы и какъ будто общій заговоръ на погубленіе его (автобіографія писана въ 3 лицѣ) людей мощныхъ, наносящихъ ему цѣлыя почти двадесять сряду лѣтъ ударъ за сильнѣйшимъ ударомъ, одинъ другого тягчайшимъ для чувствительнѣйшей души его, съ порывистыми терзаніями, такъ что сильныя пораженія оной и потрясенія дотого ослабили тѣлсный составъ его, что чудесная память его, извѣстная многимъ, совсѣмъ почти исчезла, пылкость воображенія его угасла, жаръ сердечныхъ чувствованій всеобъемлющаго человѣколюбія потухъ».

А. умеръ въ 1816 г.

Перечень книгъ, обязанныхъ А. своимъ появленіемъ въ свѣтъ, *количественно* не малъ:

1) *Бесѣдующій Гражданинъ*, ежемѣсячное изданіе, заключающее въ себѣ разсужденіе, вольнымъ слогомъ и въ стихахъ, какъ на природномъ россійскомъ языкѣ сочиненныя, такъ и заимствованныя переводомъ у самыхъ лучшихъ иностранныхъ писателей, чрезъ разные роды твореній, открывающія путь къ ясному познанію главнѣйшихъ обязанностей человѣка въ особенности, а наипаче гражданина; изд. на 1789 г. 3 ч. или 12 кн. II. 1789. 8°. 2) *Новѣйшее повѣствовательное землеописаніе всѣхъ четырехъ частей свѣта* съ присовокупленіемъ самаго древняго ученія о Сверѣ, также и начальнаго для малолѣтныхъ дѣтей ученія о землеописаніи; сочинено и почерпнуто изъ вѣрныхъ источниковъ. 5 ч. II 1795 8°. По автобіографіи соч. *Остервальда*, которое переводчикъ «справилъ примѣнительно къ тогдашнему времени» и «къ коему присоединилъ сочиненное имъ (Антоновскимъ) статистическое описаніе Россіи". стр. 161. Эти добавленія дали поводъ какимъ то „завистникамъ" подать доносъ на А. Его таскали въ Тайную Экспедицію, но въ концѣ концовъ дѣло кончилось болѣе чѣмъ благопріятно; ничего „возмутительнаго" въ книгѣ не нашли и императрица не только простила" переводчика, но даже вошла въ его бѣдственное положеніе и опредѣлила библіотекаремъ въ Публич. Библіотеку (стр. 162). 3) *Вѣрное лѣкарство отъ предубѣжденія умовъ* для тѣхъ, до кого сіе принадлежитъ; съ нѣмец. II. 1798. 12°. 4) *Библіотека Духовная.*—Дружескія Бесѣды. Бесѣда первая—о познаніи наукъ, 1798. 12°. Посвящено И. Павлу 1-му.—По Соп. (2216) авторъ—*Г. Сковорода* а А. только издатель. Но въ самой книжкѣ сбъ этомъ ничего не сказано. По поводу только что названныхъ двухъ книгъ автобіографія А. сообщаетъ нѣкоторыя детали (стр. 164), смыслъ которыхъ очень теменъ. 5) *Путешествіе игумена Биноса*, чрезъ Италію въ Египетъ, обѣтованную землю и Іерусалимъ. Пер. съ нѣм. Спб. 1793. (Соп. 9171). 6) *Нурзагадъ*, человѣкъ не умирающій, восточная повѣсть; английское сочиненіе г-жи *Шериданъ*, пер. съ польск. Спб. 1792. 8) *Переписка Россійской Импе-*

ратрицы Екатерины Второй съ Г. Вольтеромъ, съ 1763 по 1778 г. съ франц. 2 ч. П. 1803. 8°. И по поводу этой книги съ А. приключилась бѣда. Видимо, она совсѣмъ не расходилась и издатель судомъ взыскалъ съ А. убытки въ размѣрѣ 4.000 р. 8) *Сердце и Законы. И. Екатерины Великія*... Почерпнуты изъ Ея изустныхъ изрѣченій, писаній и законодательства. Ч. I-я. Спб. 1804. 8°. 9) *Рѣшеніе публичной задачи Москов. И. Университета* о томъ, когда Славяне переселились въ Россію, и кого лѣтописецъ Несторъ называетъ Волохами? Спб. 1806. 8°. (Сол. 10118). 10) *Наука успѣшно воевать, по правиламъ великаго военноначальника Суворова.* П. 1807. 8°. 11) *Наука побѣждать.* Твореніе... Гр. Суворова - Рымникскаго, съ письмами, собственноручно имъ писанными... 2-е изд. Спб. 1809. 16°. 12) *Наука побѣждать по правиламъ величайшаго изъ монарховъ Всероссійскихъ Петра Перваго,* собственноручно писаннымъ и подписаннымъ отъ сего Самодержца; П. 1808. 12°. (Изъ доп. къ Дѣяніямъ Петра. т. IX Голикова 13). *Описаніе всѣхъ въ Россійскомъ Государствѣ обитающихъ народовъ.* Спб. 1779. Тутъ Антоновскій: „три части съ нѣмецкаго исправилъ и почти вновь сочинилъ, а четвертую всю отъ себя сочинилъ". 14) *Пѣсня* объ избавленіи Сербіи. Спб. 1806. По указанію Грота А. принадлежитъ переводъ книжки 15) *І. Дримеля.* „Опытъ историческаго доказательства о происхожденіи Россіянъ отъ Араратцевъ, какъ отъ перваго народа послѣ всемірнаго потопа. Съ фран. Спб. 1785. Въ автобіогр. объ ней ничего не сказано. 16) Студентомъ А. принималъ участіе въ Новиковской „Вечерней Зарѣ" 17) Письмо А. къ Державину въ „Соч." послѣдняго, т. V, № 420. 18) *Автобіографія* въ „Рус. Арх." 1885 г. № 2. 19) Въ рукописи осталось, повидимому, очень обширное, „Начертаніе древнихъ и среднихъ временъ Россійской исторіи", на которую А. въ 1805 г. безуспѣшно открывалъ подписку.

Не мало, такимъ образовъ, потрудился А. на пользу русскаго просвѣщенія. Но очень невелико литературное значеніе довольно многочисленныхъ работъ его и отнюдь не соотвѣтствуютъ они высокому представленію самого Антоновскаго о своихъ способностяхъ. Слогъ его вялъ и теменъ до такой степени, что даже въ автобіографіи, гдѣ онъ старался вылить всю горечь, накипѣвшую у него въ душѣ, мѣстами ничего понять нельзя. Вотъ почему переводы и компиляціи А. крайне тяжеловѣсны. Что касается его оригинальныхъ произведеній, то въ нихъ, несомнѣнно, проглядываетъ извѣстная эрудиція въ области историческихъ наукъ, но толку изъ этого выходило мало, потому что А. не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о научной критикѣ и совершенно не былъ въ состояніи разбираться въ историческихъ явленіяхъ. Даже значительнѣйшее изъ его произведеній «Рѣшеніе публичной задачи моск. унив. о томъ, когда славяне переселились въ Россію и кого лѣтописецъ Несторъ называетъ Волохами» есть ничто иное, какъ собраніе самыхъ праздныхъ домысловъ и самаго ребяческаго корнесловія. Для характеристики научныхъ пріемовъ книженки, конечно, никакой преміи отъ московск. университета не удостоившейся, совершенно достаточно сказать, что въ ней не только Москва

получаетъ свое имя отъ основавшаго ее сына Іафетова Моска, но даже городъ Мосальскъ оказывается видоизмѣненіемъ словъ *Моска-малъ*. Хвалынское море получило свое имя отъ жившихъ возлѣ него *Хвалиссовъ*, т. е. людей хвалившихся подвигами ратными. Славяне—«сирѣчь словоохотные разсказчики о своихъ славныхъ побѣдахъ надъ Ассирійскою и Персидскою имперіей, надъ Палестиною и другими землями и народами, въ томъ числѣ и надъ Римлянами». Но всего лучше то, что названіе уѣзднаго города Тамбов. губ. *Кадома* имѣетъ связь съ финикійцемъ *Кадмомъ*, а слово *Бельгія* есть испорченное римлянами *Бѣлая* Россія, въ которой жили не *бельги*, а *бѣлые*, т. е. свѣтловолосые люди.

Журналъ «Бесѣдующій Гражданинъ», выходившій одинъ годъ, никакимъ вліяніемъ не пользовался въ обществѣ и кромѣ крайняго сервилизма ничѣмъ не выдавался.

Антоновскій, Н. По росписи Смирдина (№ 9116) издалъ Нурзагадъ, человѣкъ неумирающій, Восточная повѣсть; соч. *Шеридана*; пер. съ польск. П. 1792. 12°. Но по Соп. (№ 6909), книгу эту перевелъ *Михаилъ* Антоновскій, что подтверждается и автобіографіей Мих. Антоновскаго («Рус. Арх.» 1885 г. № 2).

Антоновскій, Стефанъ Ивановичъ, протоіерей, преподаватель харьковскаго коллегіума †). Издалъ въ 1814 г. въ Харьковѣ: *«Избранные вопросы съ отвѣтами изъ Россійской Риторики Рижскаго, съ дополненіями въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ Риторики Ломоносова»*.

Антоновъ, Александръ Александровичъ, инспекторъ Екатерининскаго института въ Петербургѣ; дѣйств. стат. совѣтникъ. Написалъ «Русскую Грамматику», выдержавшую въ теченіе 1863—1883 гг. 15 изданій ††) по 10 и 15 тысячъ экземпляровъ, хотя педагогическая литература отнеслась къ ней довольно критически.

Антоновъ, Александръ Васильевичъ, поэтъ-самоучка †††). Род. въ Рязани въ 1825 г. въ очень зажиточной купеческой семьѣ. Образованіе получилъ самое скромное, но такъ какъ много читалъ и безъ охоты занимался купеческимъ дѣломъ, то и прослылъ «ученымъ». Въ семьѣ и

---

†) *Геннади*. Словарь стр. 37.

††) Отзывы: 1) *И. М. Желтова* въ «Филолог. Зап.». 1864. № 3. 2) *І. Мандельштама* въ «Пед. Музеѣ», 1876 г. № 12. 3) *А. Сосницкій*, въ «Учеб. восп. библіотекѣ», 1875 г. т. І. ч. І, стр. 211—416.

†††) 1) «Рязан. Губ. Вѣд.» 1865 г., № 46. 2) «Народ. Газета» 1865 г., № 39. 3) Предисловіе къ «Баснямъ», изд. 1878 г.

лавкѣ его въ насмѣшку стали звать «ваша ученость». Очень рано началъ А. сочинять стихи, драмы, повѣсти. Въ 1849 г. всѣ рукописи его сгорѣли. Тутъ было, между прочимъ: «Слово о полку Игоревѣ», переложенное въ стихи, переводъ Мольеровскаго «Жоржъ Данденъ», поэма «Демонъ», нѣсколько сатиръ, элегій и т. д. Это несчастіе подѣйствовало удручающимъ образомъ на Антонова. «Больной и печальный», читаемъ мы въ его біографіи, напеч. въ «Рязан. Губ. Вѣд.» 1865 г., «онъ, по собственному выраженію, на гвоздь повѣсилъ свою лиру и почти ничего не писалъ до 1853 года», когда на него вдругъ обратилъ вниманіе рязанскій губернаторъ Н. П. Новосильцевъ и рязанскій архіепископъ Гавріилъ. Своимъ поощреніемъ они воскресили въ немъ страсть къ сочинительству. Въ 1856 г. А. получилъ Высочайшую благодарность и коронаціонную медаль за оду въ честь коронаціи Императора Александра II, въ 1858 г. золотые часы съ цѣпью за стихи, представленные Государынѣ Императрицѣ, въ 1862 опять Высочайшую благодарность за стихи въ память дня коронаціи, въ 1864 благодарность отъ покойнаго Наслѣдника Николая Александровича, тоже за стихи. Нѣсколько раньше, министръ внутреннихъ дѣлъ, С. С. Ланской, лестно отозвался о стихахъ А. въ письмѣ къ отцу поэта-самоучки. Въ 1869 г. Антоновъ былъ избранъ городскимъ головой въ Рязани, а въ 1871 праздновалъ 25-ти-лѣтній юбилей своей «литературной дѣятельности», причемъ ему поднесли золотое перо и серебряную чернильницу.

Изъ литераторовъ А. особенно поощрялъ А. П. Масальскій, открывшій ему столбцы «Сына Отечества», который онъ редактировалъ въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ гг.

Едва-ли стоило, однако, поощрять Антонова. Трудно усмотрѣть что либо, кромѣ весьма слабой версификаторской способности, въ стихахъ его и «Басняхъ», которыхъ онъ написалъ больше полусотни. И благо-бы еще онъ разрабатывалъ темы, имъ перечувствованныя. Такъ нѣтъ-же, «простой» жизни нашъ «поэтъ-самоучка» почти не касается, а тянетъ его все къ «романсамъ», да къ сюжетамъ вотъ какого рода:

Въ странѣ, гдѣ вѣчной красотою
Лазурный блещетъ небосклонъ
И гдѣ всегдашней теплотою
Прекрасный воздухъ напоенъ,
Гдѣ розъ, жасминовъ благовонныхъ
Кусты безъ отдыха (!) цвѣтутъ
И соловьи въ лѣсахъ лимонныхъ
Почти безъ умолку поютъ;
Тамъ на скалѣ крутой—за виллой
Я разъ съ Лаурою (sic) стоялъ;
И полный грусти—дѣвѣ милой
Я помню такъ тогда сказалъ:
«Разлуки близокъ часъ съ тобою—
Я завтра ѣду въ дальній край;
Но не скажу тебѣ съ тоскою:
Лаура милая, прощай!
Я не скажу затѣмъ, что снова
Къ тебѣ я скоро возвращусь;
И здѣсь, вдали родного крова—
Съ тобой на вѣкъ соединюсь»!

Но годъ въ разлукѣ съ черноокой
Прошелъ, за нимъ прошли пять лѣтъ;
А съ сѣвера на югъ далекій
Все мнѣ еще возврата нѣтъ.

И можетъ быть ужь въ мірѣ этомъ
Я не увижусь больше съ ней;
И навсегда разставшись съ свѣтомъ,
Не назову ее моей...

Басни Антонова проще по сюжетамъ, но и онѣ никакого литературнаго интереса не представляютъ. Это болѣе чѣмъ дубовое подражаніе Крылову.

Изъ написаннаго Антоновымъ составилось два сборника: 1) *Стихотворенія А. В. Антонова.* Москва. 1864. и 2) *Басни и эскизы Александра Антонова*, имѣвшіе съ 1863 по 1878 г. 5 изданій, очевидно вызванныхъ не книгопродавческимъ спросомъ. Кромѣ того была отдѣльно напечатана драматическая пьеса «Конецъ дѣлу вѣнецъ» (1865 г.) и «Ода въ воспоминаніе дня священнаго коронованія».

Антоновъ, Егоръ (Е. А—въ)—одинъ изъ выдающихся современныхъ противораскольническихъ миссіонеровъ. По происхожденію крестьянинъ тверской губерніи. Въ 1867 г. онъ перешелъ изъ православія въ расколъ и вскорѣ достигъ довольно замѣтнаго положенія среди своихъ единовѣрцевъ. Въ 1872 г. онъ поступилъ въ канцелярію раскольничьяго московскаго архіерея Антонія Шутова. Здѣсь на немъ лежала обязанность переписывать ставленныя грамоты, вручаемыя новопоставленнымъ попамъ и разныя книжки и тетради въ защиту раскола. Въ 80-хъ годахъ А. подалъ Шутову «тридцать вопросовъ» въ которыхъ изложилъ свои сомнѣнія въ правильности раскольничьяго ученія и возвратился въ православіе. Въ настоящее время онъ завѣдуетъ книжной лавкой Братства св. Петра митрополита въ Москвѣ и ведетъ довольно дѣятельную полемику съ раскольниками. О трехъ его бесѣдахъ имъ были напечатаны отчеты въ «Братскомъ Словѣ» 1885 г. Въ этомъ же журналѣ имъ помѣщено нѣсколько статей о разныхъ современныхъ происшествіяхъ въ расколѣ и между прочимъ довольно итересная статья подъ заглавіемъ: «Нѣсколько воспоминаній о томъ, какъ на моихъ глазахъ распространялся расколъ». (1886, I, 619).

А. Б.

Антоновъ, Николай, пензенскій протоіерей конца XVIII ст. †). Изъ проповѣдей его напечатаны: 1) *Слово при началѣ выбора судей.* М. 1792. (Соп. 10596) и 2) «*Слово при окончаніи выбора судей*» М. 1793 (Соп. 10600).

†) 1) *Филаретъ.* Обзоръ стр. 390. 2) *Геннади*, Словарь.

Антоновъ, Ѳ. Написалъ «Оду на коронованіе Императора Александра I». Спб. 1801. (Соп. 7099).

Антонскій, см. *Прокоповичъ-Антонскій*.

Антроповъ, Лука Николаевичъ, драматическій писатель †). Въ 1863 г. кончилъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ первымъ кандидатомъ юридическаго факультета; затѣмъ служилъ въ сѣверо-западномъ краѣ при Муравьевѣ и Кауфманѣ, но Потаповъ въ 24 часа выслалъ его изъ Вильны за корреспонденціи въ «Голосѣ», въ которыхъ изобличалось «полякофильствующее» направленіе новаго генералъ-губернатора. Потерявъ службу, Антроповъ пробивался мелкою газетною работою и сильно бѣдствовалъ. Послѣдніе годы своей жизни онъ былъ учителемъ желѣзнодорожнаго училища въ Либавѣ. Умеръ 14-го сентября 1884 года отъ послѣдствій извѣстной русской слабости. Имъ написано:

1) *Госпожа Брошель* („Библ. д. Чт.“ 1865 г., № 1). 2) *Повѣсти Н. Дмитріева*, тамъ-же, № 2. 3) *Спектакль любителей съ участіемъ г. Васильева* (тамъ-же). 4) *Современная русская сатирическая журналистика* (Ib. № 3) 5) *Театральныя замѣтки* („Заря“ 1869. № 1, 2, 5). 6) „Обрывъ“, романъ Гончарова (Ib., № 11. 7) *Блуждающіе огни*, комедія въ 5 д. Спб. 1878. (Литограф.) 8) *Ванька ключникъ*, драмат. эскизъ въ 4 д. Спб. и М. 1878. (Литогр.). 9) *Гордое сердце*, ком. въ 3 д. Спб. 1878. (Литогр.). 10) *Очаровательный сонъ*, ком. въ 3 д. Спб. 1878. (Литогр.). 11) *Русскіе раскольники и англійскіе диссиденты*. („Рус. Рѣчь“. 1881. № 4). 12) Рядъ газетныхъ статей и корреспонденцій въ „Моск. Вѣд.“ и „Голосѣ“.

Газетныя и журнальныя статьи Антропова, въ которыхъ онъ примыкалъ къ «охранительнымъ» идеямъ, не возвышаются надъ уровнемъ посредственности. Что касается драмъ, то въ самой извѣстной изъ нихъ—«Блуждающихъ огняхъ»—сказалось несомнѣнное знаніе сцены и умѣніе создавать актерамъ «выигрышныя» роли. М. Г. Савина именно въ «Блуждающихъ огняхъ» завоевала симпатіи Петербурга. Пьеса литературнаго значенія не имѣетъ, потому что по существу это мелодрама, съ разными притянутыми за волосы эффектами, но написана она бойко и смотрится легко. Остальныя пьесы Антропова успѣхомъ не пользуются.

* **Анучинъ**, Дмитрій Гавриловичъ. *По свѣдѣніямъ отъ него полученнымъ* родился 9-го Апрѣля 1833 г., въ сельцѣ Содовкѣ (Терновка),

---

†) 1) *Д. Д. Языковъ*, Писатели умершіе въ 1884 г., стр. 6. 2) „Голосъ Москвы“ 1885, № 50. 3) *Захарьинъ-Якунинъ*, „Тѣни прошлаго“. Спб. 1885., стр. 182—187, то же самое въ „Ист. Вѣстн.“ 1884 г., № 3.

*) означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

тамбовской губ., борисоглѣбскаго уѣзда, принадлежавшемъ его родителямъ. Воспитывался въ тамбовскомъ и Павловскомъ кадетскихъ корпусахъ. Изъ послѣдняго, 7 августа 1851 г., выпущенъ прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ. По окончаніи курса наукъ въ Военной Академіи (1853—1855), переведенъ въ генеральный штабъ, въ которомъ состоитъ и понынѣ. Послѣ службы на Кавказѣ, поступилъ въ 1857 г. въ департаментъ генер. штаба, гдѣ въ 1859 году получилъ мѣсто правителя канцеляріи. Въ 1862 г. командовалъ маршевыми батальонами, сплавленными на Кавказъ по Волгѣ и Каспійскому морю. Въ 1863 г. назначенъ состоять при графѣ Бергѣ въ Варшавѣ. Съ 1864 г. по іюнь 1865 завѣдывалъ департаментомъ Управленія генералъ-полицеймейстера въ Царствѣ Польскомъ. Съ іюня 1865 по конецъ 1879 г. былъ радомскимъ губернаторомъ. Во время губернаторства былъ командированъ: въ 1877 г. въ дѣйствующую Дунайскую армію, помощникомъ завѣдывающаго гражданскими дѣлами въ арміи—князя В. А. Черкаскаго, и вслѣдъ затѣмъ на Берлинскій конгрессъ, въ распоряженіе князя Горчакова и графа Шувалова.

6 декабря 1879 г. назначенъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири и командующимъ войсками Восточно-Сибирскаго военнаго округа, а съ 1-го января 1885 г. состоитъ сенаторомъ, присутствуя во 2 (крестьянскомъ) департаментѣ.

Проходя службу по генеральному штабу, произведенъ въ 1862 г.— въ полковники, въ 1867—въ генералъ-маіоры, и 13 октября 1877 г., за отличіе въ дѣлахъ противъ турокъ, въ генералъ-лейтенанты.

Учено-литературные труды Д. Г. Анучина:

1) *О началахъ инженернаго искусства, проявляющихся у кавказскихъ горскихъ народовъ* „Инж. Жур.“ 1857, №№ 1 и 2. Отдѣльный оттискъ. Спб. 1857. 71 стр., съ листомъ чертежей. 2) *Кавказскія войны.* По поводу „Episode de l'histoire de l'empire Russe. Guerres dans le Caucase“. Par M-r le commandant Ferd. Durand въ „Spect. militaire“. 1857. „Рус. Инвал.“ 1857 №№ 242 и 243. 3) *Перевозка войскъ по желѣз. дорогамъ.* „Арт. жур.“ 1857. 58 стр. 4) *О военныхъ жел. дорогахъ въ Россіи.* „Рус. Инв.“ 1858, №№ 118 и 119 5) *Защита укрѣпленія Ахты и Самурскаго округа въ Сентябрѣ 1848 г.* въ сборникѣ „Кавказцы“ 1858. Отд. оттискъ. Спб. 1858. 39 стр. (бол. in 4⁰) съ планами, картиной и портретомъ. 6) *Походъ 1845 г. въ Дарго.* „Военный Сборникъ“ 1859, № 5, 63 стр. 7) *Карта сообщеній Европейской Россіи* (съ объясненіями). Спб. 1859 г. 113 стр., нѣсколько таблицъ и хромолитографированная карта 150 в. въ дюймѣ. Та же карта, въ масштабѣ 240 в. въ дюймѣ, ежегодно съ 1862 по 1888 г., печаталась въ Памятной книжкѣ, издаваемой Главнымъ Штабомъ. 8) *Обзоръ послѣднихъ событій на Кавказѣ.* „Военный Сб.“ 1859, № 10; 44 стр. съ двумя картами. 9) *Очеркъ горскихъ народовъ праваго крыла Кавказской линіи* «Военный Сб.» 1860, № 1, 52 стр. 10) *Проекты*

*

будущихъ измѣненій по военному вѣдомству. Предположенія объ упрощеніи дѣлопроизводства и сокращенія переписки по инспекторской части. «Рус. Инв.» 1861 г. 199. 11) *Успѣхи грамотности въ войскахъ 16 и 17 пѣхот. дивизій.* «Рус. Инв.» 1861 г. № 203. 12) *10-я Пятница. Собраніе художниковъ въ Академіи Художествъ.* «Рус. Инв.» 1861, № 284. 13) *Происшествія на Яикѣ въ 1772 г.* Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта. «Современникъ» 1862. Т. XCII; 42 стр. 14) *Небывалый картографическій трудъ.* По поводу карты Евр. Россіи, изд. Имп. Геогр. Общ. «Соврем. Слово» 1862 г. № 171. 15) *20 дней въ лѣсу.* «Воен. Сб.» 1863 № 8: 50 стр. 16) *165 описывающихъ военныя дѣйствія корреспонденцій изъ Варшавы, съ 11 Іюня 1863 по 1 Янв. 1865.* въ газеты: «Голосъ» (156 кор.) «Рус. Инв.» (9 кор.) Корреспонденціи эти не подписаны и помѣщены въ слѣдующихъ №№ названныхъ газетъ. *«Голосъ».* 1863. №№ 146—148, 150, 160, 161, 165, 169, 177, 183—185, 188, 190, 195, 199, 200, 204, 206, 207, 211, 213 (три корр.), 214, 216 (двѣ), 218, 223, 224 (двѣ), 228 (двѣ), 230, 233, 237, (двѣ), 239, 242, 245, 249, 251, 252, 254, 255, 258, 261, 262, 265, 257—269, 273 (первая) 275, 276 (первая), 277, 279, 280, 282 (двѣ), 283 (первая), 286, 289 (двѣ), 290, 291, 293, 296, 298, 300, 301 (двѣ), 303, 305, 309, 310, 312, 315—317, 321, 322, 335, 337, 339, 340, 342, 343 и 345.

1864 года. №№ 1, 3, 5, 9 (двѣ), 11, 12, 15, 17, 18, 21—24, 26, 31 (двѣ), 35—38, 42—44, 46, 49, 50, 52, 54, 56, 59, 61, 63, 65, 68, 70, 97, 100, 104, 106, 108, 113—116, 124, 127, 139, 154, 155, 171, 172, 206, 245, 251, 326, 330, 339 (двѣ), 340 (двѣ), 349 и 354.

Въ «Рус. Инв.» за 1863 г. №№ 270, 274, 276, 278, 284, и 287. За 1864 г. №№ 6, 17 и 35.

17) *Первые успѣхи Пугачева и экспедиція Кара.* Матеріалы для исторія Пугачевскаго бунта. «Воен. Сб.» 1869, №№ 5 и 6; 79 стр. 18) *Дѣйствія Бибикова въ Пугачевщину.* Матеріалы для ист. Пуг. бунта. «Рус. Вѣст.» 1869 №№ 6—8; 155 стр. 19) *Участіе Суворова въ усмиреніи Пугачевщины и поимка Пугачева.* Мат для ист. Пуг. б. «Рус. Вѣст.» 1870, Т. LXXVII, 28 стр. 20) *Второе появленіе Пугачева и раззореніе Казани.* Мат. для ист. Пуг. бунта. Тамъ-же, 1871, № 4; 50 стр. 21) *Графъ Панинъ усмиритель Пугачевщины.* Мат. для ист. Пуг. б. Тамъ-же. 1871 №№ 3—6; 157 стр. 22) *Очерки экономическаго положенія крестьянъ въ губерніяхъ Царства Польскаго въ 1873 г.* Статистическій сборникъ изъ 25 картъ (на 100 лист. бол. формата), съ краткимъ объясненіемъ. Радомъ 1875 г. бол. in folio 34 стр. Карты хромолитографированы въ Варшавѣ у Фалиса. Сочиненіе посвящено Государю Императору Александру Николаевичу и издано по Высочайшему повелѣнію. Тѣ-же Очерки (всего 235 стр.), безъ картъ, напечатаны въ Памятной Книжкѣ Радомской губ. на 1875 г. 23) *Сборникъ главнѣйшихъ оффиціальныхъ документовъ по управленію Восточною Сибирью.* Издается по распоряженію генералъ-губернатора Восточной Сибири Д. Г. Анучина. Г. Иркутскъ, 1884—1885 г., 8 томовъ. Т. I. Всеподданнѣйшіе отчеты генералъ-губернатора и командующаго войсками и бумаги по общимъ вопросамъ управленія гражданскаго и военнаго Вып. I—368 стр.; вып. 2—354 стр III. II. Переселеніе рус. людей въ Пріамурскій край. Вып. 2-й [1]) 213 стр.; вып. 3—443 стр. Т. III. Камчатка и Командорскіе острова. Вып. 1—97 стр.; вып. 2—180; вып. 3—260 стр. и вып. 4-й 60 стр.

---

[1]) Вып. 1-й не напечатанъ.

Т. IV. Инородческое населеніе Пріамурскаго края. Вып. 1-й—202 стр.; вып. 2—478 стр. Т. V. Лѣса Пріамурскаго края. Вып. 1—591+54 стр. Вып. 2—162 стр. Т. VI. Преобразованіе общественнаго управленія государст. крестьянъ Восточной Сибири. Вып. 1—199 стр.; вып. 2—309 стр. Т. VII Горная и соляная промышленность. Вып. 1—547+48 стр. Прил. 209 стр. Вып. 2—857+XIX стр. Т. VIII. Документы по главнѣйшимъ мѣропріятіямъ, совершеннымъ въ Пріамурскомъ краѣ. Ч. I—194 стр. Ч. 2—396 стр.

Кромѣ того А. помѣстилъ нѣсколько статей въ Военно-энцикл. лексиконѣ и Энцикл. Словарѣ.

О содержаніи работъ А. будетъ сказано въ концѣ настоящаго тома.

* **Анучинъ**, Дмитрій Николаевичъ, антропологъ. *По свѣдѣніямъ отъ него полученнымъ* род. 27-го августа 1843 г., въ Петербургѣ. Отецъ его происходилъ изъ духовнаго званія, воспитывался въ вятской семинаріи, но, не окончивъ курса, поступилъ въ военную службу, участвовалъ въ войнахъ съ Наполеономъ I, былъ при взятіи Парижа въ 1814 г., дослужился до чина поручика, получилъ потомственное дворянство, перешелъ въ гражданскую службу и, лѣтъ за 12 до смерти, вышелъ въ отставку. Мать Анучина была родомъ изъ костромской губ. и получила образованіе въ одномъ изъ частныхъ петербургскихъ пансіоновъ. Д. Н. былъ младшимъ изъ шести дѣтей, трое изъ которыхъ умерло въ раннемъ возрастѣ, а еще одинъ братъ уже студентомъ петербургскаго университета, въ пятидесятыхъ годахъ. Первоначальное образованіе Д. Н. получилъ дома (росъ одиноко, безъ сверстниковъ, рано сталъ читать), затѣмъ поступилъ въ 4-ю Ларинскую гимназію, гдѣ шелъ порядочно (3-мъ—5-мъ ученикомъ) и окончилъ курсъ въ 1860 г. Въ гимназіи интересовался болѣе исторіей и русской словесностью, что и побудило его, подготовившись въ теченіе $1^1/_2$ года изъ греческаго языка, поступить на историко-филологическій факультетъ, гдѣ онъ слушалъ, между прочимъ, лекціи Костомарова, Срезневскаго, Стасюлевича, Сухомлинова. Въ то же время онъ посѣщалъ публичныя лекціи по естественнымъ наукамъ, читавшіяся тогда въ Пассажѣ. Въ университетѣ Д. Н. пробылъ, однако, только одинъ учебный годъ, такъ какъ болѣзнь (онъ отличался слабымъ здоровьемъ съ дѣтства) заставила его, по совѣту врача, уѣхать за границу. За границей онъ пробылъ два года, причемъ провелъ первое лѣто въ Гейдельбергѣ, второе—въ Тремеццо, на берегу Lago Como и двѣ зимы въ Римѣ, посѣтивъ также Флоренцію, Неаполь и Парижъ. Въ это пребываніе за границей Д. Н. ознакомился съ различными музеями, съ итальянскимъ языкомъ, со многими

---

*) означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника.*

произведеніями иностранныхъ литературъ, встрѣчался съ различными лицами, пріобрѣлъ знакомство въ разныхъ русскихъ кружкахъ, въ итальянскомъ обществѣ, и все это произвело значительное измѣненіе въ его понятіяхъ и міровоззрѣніи. По возвращеніи въ Россію въ 1863 г., онъ поселился въ Москвѣ у единственнаго своего близкаго родственника и поступилъ въ московскій университетъ, по естественному отдѣленію физико-математическаго факультета, гдѣ и окончилъ курсъ кандидатомъ въ 1867 году. Заинтересовавшись преимущественно зоологіей, особенно позвоночными животными, онъ подалъ кандидатское сочиненіе профес. С. А. Усову на тему: «О генетическомъ сходствѣ видовъ р. Bison». Вмѣстѣ съ тѣмъ, сталъ интересоваться антропологіей и этнографіей, читалъ разныя сочиненія и статьи по этимъ отраслямъ знанія, и продолжалъ заниматься ими и по окончаніи университетскаго курса. Въ январѣ 1871 г. онъ былъ избранъ ученымъ секретаремъ Общества Акклиматизаціи животныхъ и растеній и занималъ эту должность до апрѣля 1874 г. Въ этомъ званіи онъ старался, между прочимъ, объ обогащеніи московскаго зоологическаго сада новыми животными, что ему до нѣкоторой степени и удалось, несмотря на крайне неудовлетворительное тогдашнее финансовое состояніе этого учрежденія. Особенное содѣйствіе оказалъ саду, по просьбѣ Общества, графъ (тогда генералъ) Игнатьевъ, бывшій посломъ при Оттоманской Портѣ. Благодаря его вліянію, было прислано въ даръ изъ Египта хедивомъ до семидесяти экземпляровъ цѣнныхъ африканскихъ животныхъ (звѣрей и птицъ); нѣкоторыя изъ нихъ были потомъ описаны Анучинымъ въ сборникѣ «Природа». Въ 1873 году Д. Н. выдержалъ экзаменъ на степень магистра зоологіи, а въ 1874 году занялъ мѣсто преподавателя географіи въ VI московской клас. гимназіи и въ частной гимназіи Римана и мѣсто преподавателя естественной исторіи въ Екатерининскомъ институтѣ. Въ это же время, въ 1873 г., Д. Н. впервые выступилъ въ печати, помѣстивъ рядъ научно-популярныхъ статей въ сборникѣ «Природа». Въ 1875 году Д. Н. обратился къ проф. А П. Богданову съ просьбою о предоставленіи ему для изученія какихъ-либо антропологическихъ матеріаловъ, имѣвшихся въ коллекціяхъ Общества Любителей Естествознанія. А. П. Богдановъ отнесся съ любезностью и вниманіемъ къ просьбѣ Анучина и предоставилъ въ его распоряженіе, для научной обработки, матеріалъ, имѣвшійся въ антропологическомъ отдѣлѣ Общества, о племени Айновъ (коллекція фотографій, два костяка, черепа, каменныя орудія изъ могилъ, этнографическіе предметы). Матеріалъ этотъ былъ обработанъ Анучинымъ въ формѣ обстоятельнаго реферата, помѣщеннаго затѣмъ въ «Извѣстіяхъ» Общества за 1876 г., подъ заглавіемъ: «Матеріалы для антропологіи Восточной Азіи. I. Племя Айновъ». Названная статья (вы-

звавшая, между прочимъ, лестные отзывы проф. И. И. Мечникова въ предисловіи къ русскому переводу «Антропологіи» Топинара и проф. Штиды въ «Archiv für Anthropologie»), послужила поводомъ къ избранію Анучина въ члены Общества Любителей Естествознанія и въ секретари антропологическаго отдѣла. Въ 1876 г., по ходатайству проф. А. П. Богданова, Д. Н. былъ отправленъ московскимъ университетомъ за границу для подготовленія къ каѳедрѣ антропологіи, основавшейся тогда при университетѣ на капиталъ, пожертвованный фонъ-Меккомъ. За границей А. пробылъ до весны 1879 г., причемъ большую часть времени провелъ въ Парижѣ, гдѣ слушалъ лекціи въ Антропологическомъ Институтѣ и другихъ учрежденіяхъ и работалъ въ лабораторіи Брока, въ Musée d'Histoire Naturelle и другихъ музеяхъ. Кромѣ того онъ слушалъ лекціи или занимался въ музеяхъ: въ Лондонѣ, Брюсселѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Лейпцигѣ, Дрезденѣ, Мюнхенѣ и др. городахъ. До 1878 г. онъ посѣтилъ еще многія мѣстности Франціи, замѣчательныя по отношенію къ доисторической археологіи и производилъ раскопки въ пещерахъ Дордони, въ гроттѣ Визъ, въ дольменахъ деп. Ардеша и въ курганахъ деп. Юры. Лѣтомъ того-же года ему было поручено также Общ. люб. естествозн. устройство русскаго отдѣла въ антропологической секціи всемірной парижской выставки. По возвращеніи въ Россію, Д. Н. принялъ участіе въ устройствѣ и описаніи московской Антропологической выставки 1879 г. Въ 1880 г. онъ былъ назначенъ преподавателемъ антропологіи въ моск. университетѣ, а по защищеніи диссертаціи на степень магистра зоологіи, избранъ доцентомъ по той же каѳедрѣ. Въ 1881 г. Д. Н. участвовалъ въ V-мъ Археологическомъ съѣздѣ въ Тифлисѣ, въ качествѣ секретаря отдѣленія доисторическихъ древностей, а въ слѣдующемъ 1882 г., предпринялъ поѣздку на Кавказъ (въ Дагестанъ), по порученію Географическаго и Археологическаго Обществъ. Въ 1884 г. Д. Н. былъ назначенъ экстраординарн. профессоромъ по каѳедрѣ географіи и этнографіи, съ оставленіемъ преподавателемъ по каѳедрѣ антропологіи. Лѣтомъ 1887 г. онъ принималъ участіе въ ученой экспедиціи отъ московскаго Археологическаго общества для изслѣдованія чудскихъ древностей въ пермской губерніи. Изъ ученыхъ наградъ Д. Н. имѣетъ знакъ французской академіи (officier d'Academie) и серебряную медаль отъ Географическаго Общества.

Д. Н. Анучинъ напечаталъ слѣдующія сочиненія по зоологіи, антропологіи, доисторической археологіи, этнографіи и географіи (приводятся приблизительно въ хронологическомъ порядкѣ):

1) „*Очерки африканской фауны*“ (Gypogeranus serpentarius и Helottarsus ecaudatus); двѣ статьи въ сборн. «Природа», 1873 г. съ хромолитографіями. Описа-

ніе двухъ видовъ хищныхъ птицъ съ очеркомъ природы тропической восточной Африки. 2) *„Антропоморфныя обезьяны и низкія расы человечества"*. Статьи въ 3-хъ книжкахъ сборн. «Природа» за 1874 г., со многими рисунками. (Осталась неконченной). Статья начинается обзоромъ воззрѣній на происхожденіе человѣка у различныхъ народовъ и въ различныя эпохи, за которымъ слѣдуетъ изложеніе гипотезы эволюціи человѣческаго типа—по Дарвину, Гексли и Геккелю. Далѣе приведены данныя о классификаціи приматовъ, подробный очеркъ морфологіи, географическаго распространенія и образа жизни антропоморфныхъ обезьянъ и сравнительный обзоръ анатомическаго строенія низшихъ и высшихъ приматовъ и человѣка. Въ заключеніе дано понятіе объ эмбріональномъ развитіи человѣка и о сходствѣ проходимыхъ имъ стадій съ соотвѣтственными стадіями развитія животныхъ, а также о такъ называемыхъ «остановкахъ въ развитіи», въ особенности о явленіяхъ ненормальной волосатости и микроцефалій. 3) *«Барсъ»*, *«Лама»*, *«Казуары»* и др. небольшія зоологическія популярныя статьи въ «Природѣ» 1874—75. 4) *«Сайга»*, въ «Природѣ» 1875 г. 5) *Редакція русскаго перевода сочиненія Леббока «Доисторическія времена»*. М. 1876, съ приложеніемъ около $3^1/_4$ печ. листовъ добавленій. Прибавлены свѣдѣнія о русскихъ доисторическихъ древностяхъ, добавлена глава о троглодитахъ Изеры и совершенно передѣлана глава о бронзовомъ вѣкѣ. 6) *Матеріалы для антропологіи Восточной Азіи. I. Племя Айновъ*. Въ приложеніи къ XX тому «Извѣстій Общества Любителей Естествознанія». М. 1876, 125 стр., 4°, съ 4 табл. и 44 рисун. въ текстѣ. Статья раздѣлена на 4 главы: I. Исторія свѣдѣній европейцевъ о племени Айновъ (населяющемъ южную часть о-ва Сахалина, о-въ Іедо и о-ва Курильскіе) и сношенія съ нимъ русскихъ; съ указаніемъ литературы (141 книга и статьи). II. Морфологическій очеркъ Айнскаго племени. III. Матеріалы для анатоміи (остеологіи) Айновъ. IV. Этнографическія особенности Айнскаго племени и его отношенія къ племенамъ окружающимъ. Содержаніе этой статьи изложено въ «Archiv für Anthropologie» и въ «Revue d'Anthropologie». 7) *Какъ люди себя украшаютъ и уродуютъ*. «Природа», 1876 г., кн. 3. Со многими рисунками. 8) *Очерки полярной фауны* (Бѣлый медвѣдь и сѣверный олень). Статьи въ 2-хъ книжкахъ «Природы» за 1876 г. 9) *«Очерки этнографіи Сибири»*. «Ремесленная Газета» 1876 г. 10) *Антропологическія письма*. (Объ антропологическихъ и этнографическихъ музеяхъ Петербурга, Берлина, Лейпцига, Дрездена, Праги, Парижа, Ліона, Лондона, Брюсселя, о разныхъ частныхъ коллекціяхъ и т. д.). Въ изданіи «Антропологическая Выставка». Протоколы засѣданій комитета по устройству выставки въ 1877 г. 11) *Этнографическіе очерки Балканскаго полуострова*. Въ «Природѣ» 1877 г. (осталась неконченной, за прекращеніемъ изданія). 12) *О вліяніи деформаціи черепа на мозгъ; Обзоръ краніологической литературы; Съѣздъ германскихъ натуралистовъ въ Мюнхенѣ въ 1877 г.* и др. замѣтки въ «Московской Медицинской Газетѣ» 1877—78 г. 13) *Поѣздка къ доисторическимъ памятникамъ Франціи*, въ изданіи «Антропологическая Выставка». Т. II. 1878—79 г. 14) *«Sur les anomalies du pterion»*, въ «Bulletin de la Societé d'Antropologie de Paris». 1878 г. Содержаніе этого реферата вошло въ магистерскую диссертацію автора. 15) *Sur la capacité moindre du crân chez la femme*, въ «Comptes rendus de l'Association française pour l'avancement des sciences». Session de Paris. 1878. Въ рефератѣ приведены данныя противъ того мнѣнія, что различіе между вмѣстимостью мужского и женскаго черепа увеличивается съ цивилизаціей. 16) *Объяснительный каталогъ* отдѣла доисторической археологіи.

'дѣла бюстовъ и масокъ различныхъ племенъ и, отчасти, палеонтологическаго краніологическаго—московской Антропологической выставки 1879 года. Въ изданія «Антропологическая Выставка». Т. III. 1879. 17) *О реставраціи мамонта.* Тамъ же. Въ статьѣ приведены данныя объ ископаемыхъ слонахъ вообще и о мамонтѣ въ особенности; легенды, существующія о немъ у разныхъ народовъ, находки труповъ мамонта и т. д. 18) *О нѣкоторыхъ аномаліяхъ человѣческаго черепа, преимущественно въ ихъ распространеніи по расамъ.* «Труды Антропологич. Отдѣла Общества Люб. Естеств.», т. VII («Извѣстія Общества», т. XXXVII; вып. 3, 1880 г., 120 стр., in 4°. Съ 104 рисун. въ текстѣ. Магистерская диссертація. Содержаніе этого труда изложено подробно проф. Штидой въ «Biologisches Centralblatt» и г. Мержковскимъ въ «Revue d'Anthropologie»). Сочиненіе состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: Предисловіе I. Объ аномаліяхъ птеріона. Глава I. Историческій очеркъ литературы вопроса. Глава 2. Результаты собственныхъ наблюденій надъ распространеніемъ аномалій птеріона по расамъ и племенамъ человѣчества. Глава 3. Видоизмѣненіе формы птеріона у высшихъ животныхъ. Глава 4. О происхожденіи и значеніи аномалій птеріона, въ особенности лобнаго отростка височной чешуи. II. Os Incae и сродныя ей образованія. Объ аномальныхъ швахъ и костяхъ въ затылочной области черепа. Глава I. Историческій очеркъ литературы вопроса.—Развитіе затылочной чешуи.—Классификація эпактальныхъ костей. Гл. 2. Результатъ собственныхъ наблюденій надъ распространеніемъ аномалій затылочной чешуи по различнымъ человѣческимъ расамъ. Гл. 3. О происхожденіи и значеніи аномальныхъ образованій затылочной чешуи. III. О лобномъ швѣ у взрослаго человѣка. О распространеніи метопизма по расамъ. Заключеніе.

Главный результатъ, къ которому пришелъ авторъ, — тотъ, что извѣстныя аномаліи и особенности строенія черепа (именно височной, затылочной и лобной его областей) распространены не въ одинаковой степени по различнымъ человѣческимъ расамъ. 19) *Предметы и задачи Антропологіи.* (Вступительная лекція). Въ «Русской Мысли» 1880. 20) *Рецензія на сочиненіе гр. Уварова.* «Археологія Россіи. I. Каменный періодъ». Въ «Журналѣ Мин. Народн. Просвѣщ.» 1881 г. 21) *Доисторическая археологія Кавказа.* (Тамъ же. 1882). 22) *Объ остаткахъ собаки, волка и лисицы изъ отложеній каменнаго вѣка на побережьи Ладожскаго озера;* глава въ сочиненіи, изд. проф. Иностранцевымъ — «Доисторическій человѣкъ» и проч. Спб. 1882 г. Въ статьѣ (съ таблицей) установлены двѣ породы собакъ каменнаго вѣка: Canis palustris ladogansis и Canis Inostranzevi. 23) *Предшественники Г. Е. Щуровскаго по каѳедрѣ въ московскомъ университетѣ.* Въ Русск. Вѣстникѣ» 1883 г. 24) *Рецензія на сочиненія Потанина:* „Очерки сѣверо-западной Монголіи" и Лихачева—„О самоубійствахъ въ Западной Европѣ и въ Россіи" въ „Журн. Мин. Нар. Просвѣщ." 1883 г. 25) *Отчетъ о поѣздкѣ въ Дагестанъ лѣтомъ 1882 г.,* въ „Извѣстіяхъ Географ. Общ.", т. XX, 1884 г., 93 стр. 8°. Цѣлью поѣздки было изслѣдованіе пещеры и отысканіе слѣдовъ каменнаго вѣка въ Дагестанѣ. Цѣль эта осталась недостигнутою: авторъ не могъ найти костоносныхъ пещеръ съ остатками человѣка каменнаго періода. Но онъ произвелъ раскопки нѣсколькихъ кургановъ, посѣтилъ аулъ Кубачи, гдѣ собралъ свѣдѣнія о кубачанцахъ и о встрѣчающихся у нихъ древнихъ металлическихъ сосудахъ, барельефахъ и т. д., а также сдѣлалъ рядъ другихъ этнографическихъ замѣтокъ и наблюденій. (Къ сожалѣнію отчетъ напечатанъ со множествомъ опечатокъ, особенно въ собственныхъ именахъ, словахъ лезгинскихъ языковъ и т. д.).

26) *Некрологъ проф. В. О. Ковалевскаго*, извѣстнаго палеонтолога, въ „Отчетѣ Московск. Университета" 1884 года. 27) *О дѣятельности VI Археологическаго Съѣзда въ Одессѣ* (вмѣстѣ съ профессоромъ Ковалевскимъ), въ „Вѣстникѣ Европы" 1884 года. Профессоръ Ковалевскій взялъ на себя обзоръ дѣятельности въ отдѣленіяхъ древностей юридическихъ, общественныхъ, семейныхъ и, отчасти, этнографическихъ; проф. Анучинъ—объ остальныхъ секціяхъ. 28) *О раскопкахъ кургановъ Нижегородскаго уѣзда*. Въ «Древностяхъ» (Протоколы засѣданій имп. Археол. Общества), т. X, 1885 г. Обстановка погребеній въ этихъ курганахъ даетъ нѣкоторое понятіе о бытѣ древней Мордвы въ XIII и XII вѣкахъ. 29) *О составленіи археологической карты Россіи* (по доисторической археологіи). Тамъ же.—Въ томъ же изданіи помѣщено еще нѣсколько мелкихъ статей, напр. *Объ остаткахъ человѣка и собаки изъ Смоленскихъ кургановъ*, о нѣкоторыхъ предметахъ изъ кургановъ Черниговской губ. и др. 30) «Обзоръ новостей по антропологіи и этнографіи» въ «Рус. Мысли» 1885 г. 31) *Объ антропологическомъ типѣ Гунновъ*, въ «Трудахъ Этногр. Отдѣла Общ. Люб. Естествознанія» 1886 г. Въ статьѣ разобраны данныя древнихъ писателей о физическомъ типѣ Гунновъ и доказывается (противно мнѣнію г. Иловайскаго), что типъ этотъ представлялъ монгольскія черты. 32) *Антропологическая экскурсія въ Бологое*, въ «Древностяхъ», изд. Моск. Арх. Общ. 1886 г. Въ статьѣ говорится о древностяхъ каменнаго вѣка, найденныхъ на мысу Бологовскаго озера, Новгор. губ., въ имѣніи кн. Путятина. 33) *Къ древнѣйшей исторіи домашнихъ животныхъ въ Россіи*, въ «Трудахъ VI Одесскаго Археол. Съѣзда». Одесса, 1886 г. 34 стр. 4° съ таблицею. Въ статьѣ описана находка скелета собаки въ отложеніяхъ камен. вѣка у С. Волосова, близъ Мурома, и говорится о древнѣйшихъ породахъ собаки, свиньи, рогатаго скота и лошадей въ западной Европѣ и въ Россіи. 34) *Графъ А. С. Уваровъ* Біографическій очеркъ. Тамъ же. Съ портретомъ. 35) *О нѣкоторыхъ своеобразныхъ древнихъ каменныхъ издѣліяхъ въ Восточной Сибири*. Тамъ же. Съ таблицей и рисунками въ текстѣ. Описаны каменныя изображенія рыбъ и другія оригинальныя издѣлія и указаны предметы аналогичныхъ формъ изъ Сѣверной Америки. 36) *О нѣкоторыхъ формахъ древнѣйшихъ русскихъ мечей*. Тамъ же. Съ таблицей и рисунками въ текстѣ. Указано норманское, вообще западное вліяніе на формы древнѣйшихъ русскихъ мечей, и позднѣйшее восточное, внесшее саблю. Описаны также древнія формы мечей, найденныхъ на Кавказѣ. 37) *Ueber die Reste des Höhlen-Bären aus Transkaukasien* и *Ueber die Reste des Höhlen-Bären und des Menschen aus Transkaukasien*. Двѣ статейки въ «*Bulletin de la Société des Naturalistes de Moscou*» 1887. Среди остатковъ костей, добытыхъ г. Бернадскимъ въ пещерѣ Ргени (шаропанскаго у. кутаисской губ.), могли быть констатированы остатки пещернаго медвѣдя (Ursus spelaeus), благороднаго оленя, лисицы и *человѣка* (фрагменты нижней челюсти). 38) *О древнѣйшихъ искусственно-деформированныхъ черепахъ, найденныхъ въ предѣлахъ Россіи*. Въ «Извѣстіяхъ Общ. Люб. Ест.» 1887 г. Томъ L, 72 стр., in 8° (въ отдѣльномъ оттискѣ). Со многими цинкографіями въ текстѣ. Въ статьѣ описаны древніе искусственно-деформированные черепа, найденные въ Крыму, на Кавказѣ, на Дону, около Самары и т. д., приведено сравненіе ихъ съ подобными же черепами, найденными въ западной Европѣ, Малой Азіи, Америкѣ, и высказаны догадки относительно распространенія обычая деформировать голову, древности найденныхъ въ Россіи череповъ, національности ихъ и т. д. 39) *Лукъ и стрѣлы*. Археолого-этнографическій очеркъ, въ «Трудахъ V Тифлисскаго Археол. съѣзда». М. 1887 г. 75 стр.

', съ 73 рис. въ текстѣ. Содержаніе. Введеніе.—I. Орудія для метанія стрѣлъ. укъ и его разновидности. II. Тетива и способы пусканія стрѣлъ изъ лука. III. Іасти стрѣлы и ихъ устройство. IV. Наконечники стрѣлъ и ихъ варіаціи. 40) '. *А. Усовъ, какъ археологъ-натуралистъ*. Въ «Древностяхъ» 1887 г. 41) *О землетрясеніяхъ*. Научно-популярный очеркъ въ «Русскихъ Вѣдом.» 1887 г. 42) *Сибирская научно-промышленная выставка въ Екатеринбургѣ и VII Археол. Съѣздъ въ Ярославлѣ*. Статья въ «Рус. Мысли» 1887 г. Декабрь. 43) Объ остаткахъ ископаемаго овцебыка, найденныхъ въ Россіи и западной Европѣ, и особенно о черепѣ, доставленномъ въ зоологическій Музей Моск. Университета съ береговъ . Въ «Извѣст. Общ. Люб. Естеств.», т. Z., 18˘8 г.

Кромѣ того Анучинымъ было помѣщено нѣсколько обзоровъ по естествознанію и географіи и рядъ рецензій—въ «Рус. Мысли»; статья *Объ антропологич. изслѣдованіяхъ въ Сибири* въ «Восточ. Обозрѣніи»; нѣсколько рецензій въ «Запискахъ Учителя»; *Письма изъ-за границы* въ «Москов. Обозрѣніи» и рядъ научно-популярныхъ и др. статей въ газетахъ. Газетная дѣятельность Д. Н. началась съ помѣщенія корреспонденцій изъ Парижа въ «Рус. Вѣдом.» 1877 и статьи о москов. антропологич. выставкѣ тамъ же въ 1879 г. Въ 1879—81 гг. онъ принималъ постоянное участіе въ газетѣ «Рус. Курьеръ», въ научномъ, иностранномъ и другихъ отдѣлахъ, между прочимъ и въ отдѣлѣ передовыхъ статей; въ 1881 г. онъ участвовалъ въ «Москов. Телеграфѣ» и въ газ. «Порядокъ», а также началъ принимать постоянное участіе въ ред. «Русскихъ Вѣдомостей» (сперва въ иностранномъ отдѣлѣ). Въ 1882 г. А. вошелъ въ число товарищей по изданію этой газеты и, оставивъ прежнія свои занятія въ иностран. отдѣлѣ, перешелъ къ другимъ, помѣстивъ за шесть лѣтъ рядъ научныхъ фельетоновъ и другихъ статей, обзоровъ и замѣтокъ — по вопросамъ научнымъ, народнаго образованія, общественнымъ. Къ общему значенію научной дѣятельности А. мы еще вернемся въ концѣ наст. тома.

Анучинъ, Евгеній Николаевичъ. См. въ концѣ настоящаго тома.

Анучинъ, *Иванъ*—псевд. К. М. Станюковича.

Анчь, В. псевдонимъ *В. Анастасевича*.

Анцыферовъ, Николай Ивановичъ, учитель физики воронежской гимназіи †). Кончилъ Главный педаг. инст. въ началѣ 1850 гг. Участвовалъ въ воронежскихъ изданіяхъ трудами по метеорологіи края. Умеръ въ 1869 г. отъ душевной болѣзни.

---

†) *Г. М. Веселовскій*. Некрологъ А. въ „Донѣ" 1869, № 104.

Анчутинъ, Константинъ Николаевичъ, полковникъ. Состоитъ нынѣ инспекторомъ полтавскаго Петровскаго корпуса. Вмѣстѣ съ *В. Верховскимъ* составилъ «Записки начальной механики и артиллеріи для воен. училищъ». 7 вып. 1867—1868.

Анютинъ,—псевдонимъ автора нашумѣвшаго романа «Нашихъ полей ягоды» («Русск. Мысль» 1888 г.). См. въ концѣ наст. тома.

А. П.—псевд. А. С. Пушкина.

Ап. —псевд. А. С. Пушкина.

А. П—въ («Соврем.» Плетнева, «Рус. Вѣст.» 1850-хъ годовъ)—псевд. А. Н. Плещеева.

Аполлосъ *(Алексѣевъ)*, архимандритъ †). Происходитъ изъ малороссійскаго духовенства, учился въ черниговской и александро-невской семинаріи, въ 1803 принялъ монашество, въ 1805 возведенъ въ санъ архимандрита и зачисленъ въ китайскую миссію, но до Китая, однако же, не доѣхалъ и остался въ Иркутскѣ. Здѣсь въ 1807 былъ опредѣленъ преподавателемъ богословія въ мѣстной семинаріи, а съ 1811 ректоромъ ея; въ 1813 перемѣщенъ настоятелемъ ярославскаго толгскаго монастыря, въ 1816 настоятелемъ московскаго знаменскаго, въ 1817—богоявленскаго, въ 1820—воскресенскаго, именуемаго Новый Іерусалимъ, въ 1837—новоспасскаго, откуда уволенъ въ 1851. † въ 1859 на покоѣ въ ростовскомъ Спасояковлевскомъ монастырѣ.

Кромѣ 1) «*Собранія поучительныхъ словъ*» своихъ. М. 1850. А. напечаталъ: 2) «*Начертаніе житія и дѣяній патріарха Никона*». М. 1836, 1839 и 1852. 3) «*Софійскій Новгородскій Соборъ*». М. 1847 (первоначально напеч. въ «Москвит.» 1846 № 11 и 12 за подписью *А. А.*). 4) «*Всероссійскіе Патріархи*». М. 1848. (За подписью *А. Н. А.* первонач. нап. въ «Чт. общ. древ. ист.» 1848, № 5—8). Много новаго послѣднія три сочиненія въ русскую историческую науку не вносятъ, но они несомнѣнно свидѣтельствуютъ о значительной эрудиціи автора. На эту-же эрудицію указываетъ данное А. Св. Синодомъ порученіе дополнить «Исторію Россійской Іерархіи» Амвросія, порученіе, имъ, однако, почему-то не выполненное.

Аполлосъ (Андрей Дмитріевичъ *Байбаковъ*), плодовитый писатель

---

†) 1) *Филаретъ*, Обзоръ, стр. 476. 2) *Чистовичъ*, Ист. пет. дух. академіи, стр. 150 3) Арх. „*Сергій*", Опис. Моск. знам. мон." (М. 1866), стр. 98. 4) *Геннадій*, Словарь.

второй половины прошлаго столѣтія †). Р. въ Малороссіи въ 1745 г. По документально-составленной «Исторіи греко-латинской академіи» *С. К. Смирнова* съ 1759 по 1767 учился въ московской дух. академіи, а затѣмъ въ 1767—70 въ моск. университетѣ, но въ предисловіи къ изданному Аполлосомъ въ 1775 руководству по статистикѣ, послѣдній говоритъ о себѣ: «въ *1773* году, слушая публично въ московскомъ университетѣ преподаваемыя лекціи» и т. д. Въ 1770 А. былъ опредѣленъ корректоромъ университетской типографіи, а въ 1772—преподавателемъ піитики и реторики въ духовной академіи; въ 1775 онъ постригся и съ этого-же времени по 1783 занималъ должность ректора Троицкой семинаріи, въ 1783 возведенъ въ санъ архимандрита заиконоспасскаго монастыря и назначенъ ректоромъ моск. академіи, въ 1786 вызванъ въ Петербургъ на чреду богослуженія, въ 1788 рукоположенъ въ епископа орловскаго и сѣвскаго, въ 1798 перемѣщенъ въ Архангельскъ и здѣсь скончался 14 мая 1801. Въ 1786 Россійская Академія единогласно избрала его своимъ членомъ

Литературныя работы А. очень многочисленны:

I. **Переводы**: 1) *Кардинала І. Бойноя*: *„Христіанская философія или руководство къ небесамъ“*. М. 1774. Ко 2-му изд. (М. 1782) прибавлено *„Разсужденіе, почерпнутое изъ мыслей Св. Іоанна Златоустаго: для чего Богъ попускаетъ праведнымъ въ сей жизни претерпѣвать разные роды несчастій“*. На 1 изд. стоитъ еще имя Андрея Байбакова 2) *Геллерта*, *„Пѣсни духовныя“*. М. 1775 и 1782. Переводъ стихотворный. 3) *„Рѣчь, которую говорилъ оклеветанный Велизарій предъ Юстиніаномъ, Государемъ своимъ“*. М. 1778.

II. **Проповѣди**: 4) *„Даръ для благодѣтелей и друзей“* (поученія, говоренныя на чредѣ богослуженія). П. 1887. 5) *„Поученіе, говор. 1799 янв. 7 въ Архангельскѣ“*. М. 1799. 6) *„Поученіе въ день Великаго Святителя и чудотворца Николая, говор. 9 мая 1799“*. М. 1799. 7) *„Поученіе при освящ. верхняго каменнаго собора, гов. въ Архангельскѣ 1799 іюня 5“*. М. 1799.

III. **Богословскія сочиненія**: 8) *„Богословскія разсужденія“*. Ч. I. М. 1781. (Соп. 9662). 9) *Вѣра, Надежда и Любовь, ученіе богословскаго состава“*. М. 1782. 10) *„Натура и благодать“*. М. 1784 (Соп. 6620). 11) *„Христіанскій календарь на лѣто отъ Рожд. Христова 1784“*. М. 1784 (Соп. 9989). 12) *„Созерцаніе въ натурѣ дѣлъ божіихъ“*. М. 1782. 13) *„Объ Ангелахъ“*, лекція, напеч. въ „Приб. къ творен. св. отцевъ“ 1863 стр. 420—23. 14) *Отвѣтъ на возраженіе противъ повсемѣстнаго существованія Божія*. Тамъ-же. 15) *„Изслѣдованіе книги масона (Сенъ-Мартена) о заблужденіяхъ и истинѣ“*. Тула 1790. Книга эта появилась безъ имени автора. „Поелику же“, говоритъ Филаретъ въ своемъ „Обзорѣ“, Аполлосъ съ 1788 г. жилъ

---

†) 1) *Евгеній*, Словарь. 2) „Библ. Зап.“, т. II. (1859 г. № 8). 3) *Филаретъ*, Обзоръ. 4) *Смирновъ*, Ист. моск. акад. 5) *Сухомлиновъ*, Ист. Россійск. Акад., т. I, стр. 198—220. 6) *Геннади*, Словарь.

уже въ Сѣвскѣ, въ званіи сѣвскаго епископа, и онъ былъ уроженецъ тульскій (?), а изслѣдованіе показываетъ въ сочинителѣ близко знакомаго съ философіею и иностранною литературою (оно указываетъ на Веля, Локка, Ньютона, Коперника, Мопертю и др.), то это даетъ право полагать, что изслѣдованіе писано образованнымъ Аполлосомъ, Латинское словосочиненіе указываетъ на того же сочинителя". Догадка не лишена основанія, если принять во вниманіе, что число серьезно-образованныхъ людей настолько было ничтожно въ прошломъ столѣтіи не только гдѣ-нибудь въ Тулѣ, но даже въ столицахъ, что живи дѣйствительно въ Тулѣ въ 1790-хъ годахъ какой-нибудь человѣкъ, способный написать богословско-философскій трактатъ, объ немъ-бы навѣрно сохранились весьма опредѣленныя указанія, которыхъ, однако, въ данномъ случаѣ исторія нашей литературы прошлаго вѣка представить не можетъ.

IV. **Экзегетика:** 16) *„Два посланія Св. Апостола Павла къ Филипписіямъ и Колоссаемъ, со истолкованіемъ"*. М. 1785. 17) *„Посланіе Св. Апостола Павла къ Ефесеемъ, со истолкованіемъ"*. М. 1785. 18) *„Посланіе Св. Апостола Павла къ Коринфянамъ"*. М. 1785. 19) *„Посланіе первое и второе Св. Апостола Павла къ Солунянамъ, со изъясненіемъ"*. М. 1786. 20) *„Посланіе Св. Апостола Павла къ Титомъ, со изъясненіемъ"*. М. 1787.

V. **Произведенія „піитическія"**: 21) *„Іефоай, священная трагедія въ 3 д."*. М. 1778 и 1782 22) *„Лишенный зрѣнія Ураній, несчастный государь, священная повѣсть"*. М. 1778 и 1782. 23) *„Неразрывный союзъ двухъ братьевъ, повѣсть изъ любомудрія почерпнутая"*. М. 1780. 24) *„Евгонитъ, или созерцаніе въ натурѣ видимыхъ Божіихъ дѣлъ"*. М. 1782. 25) *„Кто есть истинный другъ, иносказательное съ нравоученіемъ повѣствованіе"*. М. 1783.

VI. **Сочиненія по теоріи словесности и русскаго языка:** 26) *„Правила піитическія"*. М. 1774. Изд. 2-ое—1780. 3-е—1785. Къ 4-му и дальнѣйшимъ изд. былъ прибавленъ *„піитико-историческій словарь"* и *„также Овидіанскія преложенія и при концѣ отборные Публія Виргилія Марона стихи"*. 5-ое изд. 1799. 7-ое—1807. 8-ое—1812. 10-ое—1826. 27) *„Словарь Піитико-Историческихъ примѣчаній"*, вышелъ и отдѣльно. М. 1781. 28) По приглашенію россійской Академіи А., тотчасъ послѣ того, какъ онъ былъ избранъ въ члены ея, представилъ мемуаръ о томъ, въ какихъ случаяхъ г произносится твердо и въ какихъ мягко. Кромѣ того, разсмотрѣвши собранныя академіею (для академическаго словаря) слова на букву к, онъ возвратилъ ихъ „съ замѣчаніемъ сомнительныхъ и малоупотребительныхъ словъ и рѣчей". 29) *„Грамматика, руководствующая къ познанію Словяно-Россійскаго языка"*. Кіевъ 1794 (Соп. 287 и 2988).

VII. **По педагогикѣ:** 30) *„Общій способъ ученія, для всякаго состоянія свободныхъ людей нужный"*. М. 1781 (Соп. 11216).

VIII. **Смѣшаннаго рода:** 31) *„Увеселительныя загадки, съ нравоучительными отгадками, состоящія въ стихахъ"*. М. 1781 (Соп. 4148).

IX. **По статистикѣ:** А. составилъ на основаніи лекціи *Рейхеля* полукомпилятивное, полупереводное (съ лат.) 32) *„Краткое руководство къ познанію натуральнаго, церковнаго, политическаго, экономическаго и учебнаго состоянія нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ европейскихъ государствъ"*. М. 1775.

Изъ только что названныхъ многочисленныхъ сочиненій А. наибольшую извѣстность доставили ему въ свое время «*Правила піитическія*»,

олѣе полувѣка служившія учебникомъ въ духовныхъ учебныхъ заведеіяхъ. Въ нихъ всецѣло господствуетъ схоластическое и ложно-классиеское пониманіе поэзіи, которая опредѣляется слѣдующимъ грубовнѣшимъ образомъ:

„Поэзія или стихотворство есть наука всякую вещь или данную матерію меричесви или по мѣрѣ стопъ описывать съ нѣкоторымъ подражательнымъ вымыомъ къ пользѣ и увеселенію слушающихъ или читающихъ".

Неудивительно, если послѣ такого опредѣленія, составляющаго, прочемъ, буквальный переводъ опредѣленія латинскихъ учебниковъ поэзіи», употреблявшихся до А. въ семинаріяхъ (poesis est ars oraione metrica rem quamlibet per imitationem effingens ad utilitatem et electationem audientium), мы наталкиваемся на раздѣленіе поэзіи ромѣ какъ на эпическую, лирическую и драматическую еще на *генетліаческую»*, т. е. поздравляющую съ днемъ рожденія, *«эпитааміческую»*, т. е. поздравляющую съ бракосочетаніемъ, *«сотерическую»*, оздравляющую съ выздоровленіемъ и т. п. Только что приведенное разѣленіе заимствовано А. у Тредьяковскаго, два трактата котораго Мнѣніе о началѣ поэзіи» и «Способъ сложенія россійскихъ стиховъ» а малыми исключеніями почти всецѣло вошли въ составъ «правилъ іитическихъ». Заимствованіе по временамъ доходитъ до простой перераспровки тирадъ Тредьяковскаго. Этимъ заимствованіемъ объясняется, очему рядомъ съ схоластическою безвкусицею въ родѣ вышеприведенаго [1]), рядомъ съ подробнымъ трактованіемъ объ эмблемахъ, загадкахъ т. п., разсматриваемыхъ какъ серьезный родъ «поэзіи», рядомъ съ осхваленіемъ «превосходнѣйшаго изъ россійскихъ стихотворцевъ, высокоменитаго наукъ покровителя Михаила Матвѣевича Хераскова» за то, главнымъ образомъ, что его сочиненія *«исполнены знанія»* и написаны «въ орядкѣ правильномъ», этимъ заимствованіемъ, говоримъ мы, объясняется, очему рядомъ съ перечисленными только что образчиками литературной эзвкусицы удѣляется вниманіе и народнымъ пѣснямъ. Въ вопросахъ о усскомъ стихосложеніи А. руководствуется также статьею объ этомъ редметѣ Кантемира.

Тѣмъ же схоластикомъ А. остается въ приложенномъ къ «Правиламъ іитическимъ» краткомъ «Словарѣ піитико-историческихъ примѣчаній», ь которомъ даются свѣдѣнія изъ мифологіи. Здѣсь каждому мифу при-

---

[1]) Опредѣленіе поэзіи какъ искусства „метрически описывать" не раздѣяется, впрочемъ, Тредьяковскимъ, который, напротивъ того, прямо заявляетъ, го „поэзія всеконечно есть не стихъ".

данъ аллегорическій смыслъ. Евменидъ, напр., потому три и потому онѣ родились ночью всѣ три заразъ, что означаютъ собою три основныя страсти человѣка—сластолюбіе, честолюбіе и корыстолюбіе, которыя имѣютъ своимъ источникомъ помраченный разумъ. Изъ трехъ грацій одна даетъ, другая принимаетъ, третья благодаритъ; онѣ потому молоды, что память о благодѣяніяхъ не должна состарѣваться, онѣ потому изображаются смѣющимися и со сплетенными руками, что благотворить нужно съ веселымъ расположеніемъ духа и что благодарность должна всегда сопровождать благодѣяніе.

Экзегетическія сочиненія А. по отзыву арх. Филарета «ограничиваются перифразомъ текста и рѣдко бываютъ отчетливы въ своемъ пониманіи св. словъ». Богословскія отличаются большими достоинствами, но чего-нибудь оригинальнаго тоже собою не представляютъ.

Что касается «піитическихъ» произведеній Байбакова, то, кромѣ крайне-слабой трагедіи «Іевфай», въ остальныхъ «піитическаго» только внѣшняя форма—діалоги, вставные стишки и беллетристическіе пріемы изложенія. По существу же это бесѣда о разныхъ вещахъ научнаго и философскаго, историческаго и богословскаго характера. Въ наше время такія научныя «повѣсти» пишутся уже только для юношества. Но тогда онѣ имѣли иной кругъ читателей.

Какъ произведенія монаха «Евгеонитъ», «Ураній» и др. очень замѣчательны. Въ нихъ нѣтъ и тѣни обскурантизма и отношеніе къ свѣтской наукѣ самое благожелательное. Авторъ порядочно знакомъ съ естественными науками и очень ясно излагаетъ знакомыя ему по Эйлеру и Крафту физическія, астрономическія, химическія и пр. явленія. Въ исторіи и «любомудріи» онъ, конечно, еще болѣе дома.

«Общій способъ ученія» есть изложеніе мыслей педагоговъ «знаменитыхъ въ свѣтѣ умомъ и ученостью, каковъ напримѣръ Карачіоли, также Канзій и Лангій».

Въ «Грамматикѣ» своей Аполлосъ, главнымъ образомъ, тоже является компиляторомъ грамматическихъ работъ Мелетія Смотрицкаго, Θеодора Максимова («Новгородская грамматика»), Ломоносова и Барсова. Но кое-какія мелкія наблюденія надъ языкомъ и онъ внесъ въ русскую филологію. Извѣстную умственную инціативу пришлось Аполлосу проявить и при выборѣ между взглядами своихъ предшественниковъ, подчасъ крайне противорѣчивыми.

«Увеселительныя загадки», сопровождаемыя «нравоучительными отгадками», преподносятся читателю въ стихахъ, до которыхъ ученый архимандритъ былъ большой охотникъ. Нѣкоторыя загадки довольно рискованныя:

Я скрытой домъ громовъ (!), и жизни всей царица,
Для сластолюбія я мѣсто и предметъ. (Отгадка *брюхо*).

Есть загадки про носъ, «сокъ» котораго

Богатые збираютъ,
А нищіе бросаютъ,

про блоху и даже про вошь... Но большинство загадокъ относится къ предметамъ болѣе высокимъ и всегда кончается какою-нибудь нравственною или религіозною сентенціею. Напр.

Начало гдѣ мое, тамъ купно и конецъ,
Изящность всѣхъ свѣтилъ во мнѣ явилъ Творецъ.
Блещу, лѣчу, даю, жму, тру, обѣщеваю,
Ношуся, бьюсь, люблю и вѣрность заключаю.
Отгадка Окружность *перстеня* являетъ вѣчность намъ;
Предѣла и конца нѣтъ творческимъ дѣламъ.

* **Аполлосъ** (Иванъ *Бѣляевъ*) архіепископъ вятскій †). *По свѣдѣніямъ, извлеченнымъ нами изъ архива св. синода,* сынъ священника, р. въ 1812 г. въ селѣ Волоховѣ, александровскаго уѣзда, владимірской губ., учился съ 1830 во владимірской семинаріи, съ 1835—въ кіевской духовной академіи, во время нахожденія въ которой въ 1838 принялъ постриженіе въ монашество. По окончаніи въ 1839 курса со степенью старшаго кандидата и съ правомъ получить степень магистра безъ испытанія, при одобреніи мѣстнаго начальства, проходилъ учительскія должности въ тверской и владимірской семинаріяхъ, въ 1842 возведенъ на степень магистра, въ 1847 назначенъ инспекторомъ астраханской семинаріи, а съ 1854—ректоромъ ея, къ 1849 опредѣленъ настоятелемъ архангельскаго Іоанно-Предтеченскаго монастыря, въ 1851 возведенъ въ санъ архимандрита, въ 1856 перемѣщенъ ректоромъ псковской семинаріи, въ 1859 (по 1860) вызванъ въ Петербургъ на чреду священнослуженія, въ 1864 рукоположенъ во епископа старорусскаго, викарія новгородскаго, въ 1866 перемѣщенъ епископомъ ладожскимъ, викаріемъ петербургскимъ и въ томъ-же году назначенъ епископомъ вятскимъ и слободскимъ. Въ 1880 возведенъ въ санъ архіепископа. Въ 1885 г. отпросился на покой и въ томъ же году (въ концѣ ноября) умеръ въ Слободской Крестовоздвиженской обители.

А. напечаталъ: 1) *Слова на церковные праздники.* Псковъ 1857.

---

†) Статьи, ему посвященныя см. въ концѣ наст. тома.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника.*

2) *Слова и рѣчи къ паствѣ Вятской.* Вятка 1869. 3) *Пастырскія наставленія.* Спб. 1867. 4) *Псково-Печерскій монастырь.* Псковъ 1864.

Аполлосъ *Терешкевичъ* †). Учился въ кіевской академіи, былъ учителемъ новгородской семинаріи, съ 1786 г. игуменомъ александроошевенскаго монастыря новгор. епархіи, съ 1790 ректоромъ арханг. семинаріи, съ 1793 г. архимандритомъ курскаго богородицко-знаменскаго монастыря, съ 1813 г. епископомъ слободско-украинскимъ и харьковскимъ. Умеръ по Аскоченскому 12 февраля 1821 г., а по Кеппену и «900-лѣтію рос. іерархіи» (М. 1888) — 20 янв. 1817 г. Что онъ, собственно, писалъ— неизвѣстно, но Кеппенъ включилъ его въ «Списокъ слободско-украинскихъ писателей».

Аполлонская—псевд. Розы Карл. Гротъ.

Апостоловичъ, Иванъ ††). Есть его диссертація на степень доктора медицины «Modus quo affectus animi in corpus humanum agunt generatim», 1754.

Аппельротъ, Г. Я., опытный педагогъ, авторъ статей: 1) «*Образованіе женщинъ средняго и высшаго состояній*» въ «Отеч. Зап.» 1858 г., т. CXVI, стр. 653—690. 2) *Основное народное образованіе. I. Обыкновенная грамотность*, въ «Рус. Бесѣдѣ» 1857 г., кн. 8, стр. 64—99. 3) *Основное народное образованіе. II. Грамотность въ примѣненіи къ дѣйствительной жизни* †††). Для своего времени всѣ три статьи очень замѣчательны. Въ нихъ совершенно опредѣленно были выставлены въ формѣ desiderata всѣ тѣ педагогическіе принципы, которые въ современной педагогіи вотъ уже лѣтъ двадцать какъ получили полное примѣненіе. Наиболѣе популярныя книги для элементарнаго чтенія — «Дѣтскій міръ» и «Родное Слово» Ушинскаго, «Книга для первоначальнаго чтенія» Водовозова, «Нашъ другъ» бар. Корфа — осуществили тотъ идеалъ гармоніи школы и жизни, который горячо рекомендовался А. въ замѣнъ старой схоластической методы, съ ея отвлеченною моралью и игнорированіемъ требованій и условій окружающей ученика среды.

---

†) 1) Кіевъ *Аскоченскаго* II, 326. 2) Списокъ украинскихъ писателей *Кеппена*, въ Матеріалахъ П. Ефремова. 3) Краткія свѣдѣнія о Харьк. Іерархахъ свящ. П. Солнцева въ Харьк. Епарх. Вѣдом. 1869, № 1 и 6. 4) Ист. Рос. Іерархіи, т. IX, стр. 914, т. V. стр. 427 и т. VI. стр. 189. 5) *Геннади*, Словарь 6) 900 лѣтіе рос. іерархіи, стр. 71.

††) *Змѣевъ*, Врачи-писатели, I вып.

†††) Отзывы о нихъ: 1) Въ примѣчаніяхъ ред. «Рус. Бесѣды» ко 2 и 3 стат. 2) «Атеней» 1858 г. № 21, статья *Де-Пуле*. 3) «Соврем.», т. 67, стр. 98—108. 4) 5) «Атеней» 1858 г. № 14 стр. 358 - 375.

Что касается мыслей объ образованіи женщины, то въ настоящее время, когда женщины пробили себѣ путь даже къ высшему образованію, старанія Аппельрота доказать необходимость замѣны институтскаго образованія образованіемъ, болѣе приспособленнымъ къ требованіямъ реальной жизни, могутъ, конечно, показаться довольно старомодными. Но по тому времени это были мысли новыя, которыя только чрезъ нѣсколько лѣтъ получили практическое примѣненіе, когда были созданы женскія гимназіи.

Свои мысли о народномъ образованіи Аппельротъ преподнесъ подъ нѣсколько славянофильскимъ соусомъ: онъ говорилъ о необходимости *самобытной* педагогіи въ замѣнъ господствовавшей у насъ старо-нѣмецкой схоластики. На дѣлѣ это значило, что вмѣсто того, чтобы учить крестьянскаго мальчика по нѣмецкому «Другу дѣтей», ему надо дать въ руки книгу, трактующую о русскомъ бытѣ — мысль, противъ которой трудно сдѣлать какое-либо возраженіе. Но слово «самобытный» шокировало въ то время уши очень многихъ и этимъ объясняется, почему статьи А. вызвали возраженія. Къ тому же нѣкоторыхъ смущала рѣзкость, съ которою А. выступилъ противъ простой грамотности, не сопровождающейся сообщеніемъ извѣстнаго запаса образовательныхъ свѣдѣній. Онъ именно находилъ, что научить простолюдина только одному механическому искусству читать и писать не только не полезно, но прямо вредно.

Апраксинъ, А. Д. Въ послѣднее время выступилъ съ цѣлымъ рядомъ повѣстей, разсказовъ и водевилей: 1) *Дѣло чести*. Спб. 1888. 2) *Въ тиши ночной*. Спб. 1888. 3) *Алзаковы*. Спб. 1888. 4) *Влетѣлъ*. Спб. 1888. 5) *Праздные люди*. Спб. 1888. Какъ названные только что, такъ и нѣкоторые другіе повѣсти и разсказы А., въ отдѣльномъ изданіи не появившіеся, большею частью, были напечатаны въ журналѣ «Колосья», который настолько дорожитъ сотрудничествомъ автора «Алзаковыхъ», что къ № 1 за 1889 г. приложилъ даже портретъ его.

Повѣсти А., за малыми исключеніями, рисуютъ великосвѣтскій бытъ и золотую молодежь. Эту среду авторъ, повидимому, хорошо знаетъ. Но очерчиваетъ онъ ее блѣдно и несмѣло. Къ тому же онъ подъ конецъ своихъ повѣстей всегда впадаетъ въ сентиментальность и слащавость.

Апраксинъ, графъ, А. С. написалъ книжку «*Воздухоплаваніе и примѣненіе его къ передвиженію аэростатовъ свободныхъ и несвободныхъ по желаемымъ направленіямъ*». Спб. 1884 г. 59 стр. и 9 лист. чертежей

* **Априловъ**, Василій Евстафьевичъ, извѣстный болгарскій патріотъ, и

---

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

одинъ изъ главныхъ дѣятелей болгарскаго возрожденія †). Род. 21 іюня 1789 г. въ Габрово (у Шипкинскаго перевала) и въ 1800 г. послѣ смерти отца (по свидѣтельству біографіи Априлова, напечатанной въ болгарской иллюстраціи, убитаго турками) былъ отвезенъ въ Москву къ старшему его брату, который имѣлъ въ этомъ городѣ торговую контору. Въ началѣ настоящаго столѣтія, торговля Россіи съ Болгаріей была довольно значительна и многіе болгарскіе купцы открыли свои конторы въ Москвѣ. — Въ Россію доставлялось по преимуществу розовое масло, шелкъ-сырецъ, козья шерсть и оливковое, а въ Болгарію вывозились желѣзныя и кровельныя издѣлія и церковныя книги. Впослѣдствіи, съ устройствомъ одесскаго порта, почти всѣ болгарскія торговыя конторы были перевезены изъ Москвы въ Одессу, и тогда-то «братья Априловы» перенесли свою дѣятельность въ этотъ городъ, а молодого Василія, для продолженія образованія, отправили въ Кронштадтъ (славянскій Брашовъ, въ Австріи), гдѣ тогда процвѣтало «привилегированное общество греческихъ купцовъ», на самомъ дѣлѣ состоявшее большею частью изъ болгаръ. По окончаніи курса въ Кронштадтской школѣ, А—въ отправился въ Вѣну, въ университетъ и поступилъ на медицинскій факультетъ, но при первыхъ же занятіяхъ надъ трупами нервы слабаго здоровьемъ молодого человѣка не выдержали и онъ долженъ былъ оставить занятія медициной, былъ выписанъ въ Одессу своимъ вторымъ братомъ Никифоромъ и опредѣленъ въ контору негоціанта Теодориди.—Сколько времени А—въ оставался въ конторѣ Теодориди неизвѣстно, но чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ съ братомъ открыли собственный винокуренный заводъ, который ими былъ проданъ около 1827 г. До 1831 г. А—въ, какъ и всѣ почти состоятельные болгаре въ одесскомъ обществѣ, слылъ за грека. Увлеченный борьбою послѣднихъ за свою независимость, онъ былъ горячимъ греческимъ патріотомъ, по силѣ возможности своими средствами поддерживалъ греческую литературу, греческія школы и греческихъ борцовъ за независимость и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, какъ человѣкъ образованный, состоялъ по выбору мѣстной, тогда весьма многочисленной въ Одессѣ, греческой колоніи попечителемъ греческаго училища. Первое обстоятельство, повліявшее на перемѣну его убѣжденій, случилось въ 1831 г. Возвращаясь

---

†) 1) Энцикл. словарь сост. рус. учен. и литер., т. V, стр. 178—180. 2) *Пыпинъ и Спасовичъ*. Ист. Славян. лит., т. I, стр. 113. 3) Болгарское иллюстраціе 1880 г., № 4. 4) *С. Милэровъ*, В. Е. Априловъ. Одесса 1888 г. (также на болгарскомъ языкѣ). Кромѣ того мы пользовались при составленіи настоящей статьи разсказами одесскаго старожила и душеприкащика А—ва д. с. с. Н. Х. Палаузова.

изъ Бруссы, куда онъ ѣздилъ для леченія минеральными водами, А—въ остановился въ Константинополѣ, гдѣ жило семейство его старшаго брата, выписавшаго его въ Москву и давшаго ему первоначальное образованіе. Здѣсь онъ впервые познакомился съ нѣкоторыми изъ болгарскихъ патріотовъ, которые произвели на него сильное впечатлѣніе своимъ энтузіазмомъ и горячею преданностью дѣлу возрожденія своего народа. Объ этомъ впечатлѣніи онъ самъ передавалъ по возвращеніи въ Одессу своему земляку и другу, а вскорѣ постоянному и неизмѣнному сотруднику въ трудахъ на пользу своего народа,—Сп. Н. Палаузову, отцу извѣстнаго слависта Н. Сп. Палаузова. Въ томъ же году, по свидѣтельству самаго А—ва, случилось обстоятельство, имѣвшее рѣшительное вліяніе на дальнѣйшую дѣятельность нашего болгарскаго патріота.—Въ руки одного знакомаго и земляка А—ва—Георгія Стойкова совершенно случайно попала первая часть извѣстной книги Ю. Венелина «Древніе и нынѣшніе болгаре. М. 1829». Какъ человѣкъ малообразованный, Стойковъ не понялъ не только значенія, но и главнаго содержанія этой книги, но заинтересованный близкимъ ему предметомъ, о которомъ она трактовала, онъ, по совѣту Н. Сп. Палаузова, обратился за разрѣшеніемъ къ А—ву, которому и передалъ самую книгу. Книга, «въ которой тогдашніе болгаре впервые находили исторію своего племени и поэтическое возсозданіе старой своей славы»,—окончательно укрѣпила въ А—вѣ зародившіяся патріотическія чувства. Съ этой минуты, по собственнымъ словамъ его, А—въ какъ бы возродился. Онъ сейчасъ энергически сталъ хлопотать, чтобы познакомиться съ Венелинымъ и узнавъ, что Венелинъ въ Москвѣ, онъ вступилъ съ нимъ въ переписку, которая не прекращалась до самой смерти послѣдняго (въ 1839 г.). Сношенія эти поддерживали въ А—вѣ ту непрестанную упорную энергію, которая проходитъ чрезъ всю дальнѣйшую его дѣятельность и которая, въ свою очередь, побуждала къ дѣятельности въ томъ же направленіи и другихъ болгаръ, до сихъ поръ большею частью исключительно поглощенныхъ своею торговлею и мало думавшихъ о своей родинѣ. А—въ сталъ такимъ образомъ во главѣ болгарскихъ патріотовъ и вокругъ него собрался хотя немногочисленный, но сильный горячею преданностью своему дѣлу кружокъ. Стараясь расширить свои познанія о прошломъ и настоящемъ болгаръ, при скудости въ тогдашнее время пособій, онъ постарался войти въ сношенія съ людьми преданными славянству и знающими это дѣло, напр. Погодинымъ и впослѣдствіи Бодянскимъ, а также завелъ громадную переписку съ болѣе образованными людьми въ различныхъ мѣстностяхъ Болгаріи. Въ самой Одессѣ тогдашняго времени немного было людей, могшихъ оказать ему пособіе въ его стремленіи; онъ самъ называетъ только профессоровъ Ришельевскаго лицея К. П. Зеле-

нецкаго и М. А. Соловьева.—Главною дѣятельностью кружка была забота объ національномъ образованіи своихъ единоплеменниковъ. Энергическій и крайне подвижный А—въ не могъ откладывать дѣла въ долгій ящикъ и уже въ 1832 г. онъ съ Н. Палаузовымъ и еще нѣсколькими болгарскими купцами изъ Одессы и Букарешта, по преимуществу уроженцами Габрова, составили общество для сбора пожертвованій на открытіе училища на ихъ родинѣ въ Габровѣ, училища, гдѣ бы преподаваніе шло по новымъ педагогическимъ пріемамъ, а именно по знаменитому въ то время ланкастерскому методу взаимнаго обученія. «Для достиженія этой цѣли, писалъ А—въ въ 1841 г. въ своей книгѣ «Денница ново-болгарскаго образованія», во первыхъ, былъ выстроенъ особый домъ, во вторыхъ приглашенъ отецъ Неофитъ, іеромонахъ Рыльскаго монастыря (извѣстный болгарскій патріотъ, составитель первыхъ элементарныхъ учебниковъ для болгарскихъ школъ и переводчикъ Новаго Завѣта на ново-болгарскій языкъ), которому поручено было составить болгарскую грамматику и перевести на болгарскій языкъ таблицы взаимнаго обученія, и, въ третьихъ, написаны г. Койиловскимъ «Краткій Катехизисъ» а г. Мустаковымъ «Правила чистописанія на болгарскомъ языкѣ». Все это кончено было съ успѣхомъ въ два года и от. Неофитъ открылъ преподаваніе въ училищѣ 2-го января 1835 г.» По просьбѣ А—ва новороссійскій генералъ-губернаторъ гр. М. С. Воронцовъ и архіепископъ херсонскій Гавріилъ приняли званіе попечителей Габровскаго училища. «Первую прямую и какъ бы ощутительную пользу, говорятъ далѣе А—въ, училище это принесло тѣмъ, что въ немъ обучались методѣ взаимнаго обученія молодые люди, занимающіе нынѣ (въ 1841 г.) въ прочихъ мѣстахъ Болгаріи мѣста учителей. Габровское училище снабжало кромѣ того прочія училища таблицами взаимнаго обученія, грамматиками и другими книгами за самую умѣренную цѣну. Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ черезъ шесть лѣтъ по разнымъ мѣстамъ Болгаріи открыто было 12 учебныхъ заведеній, которыя учителей и учебныя пособія получили изъ первоначальнаго своего разсадника—мѣстечка Габрова». Училище это было первою правильною школою въ Болгаріи. Существовало оно, при небольшой поддержкѣ мѣстныхъ жителей, главнымъ образомъ на пожертвованія тѣхъ же патріотовъ изъ Одессы, Букарешта и, по преимуществу, А—ва и Палаузова. По смерти же А—ва училище было вполнѣ обезпечено процентами съ оставленнаго для этой цѣли капитала въ 60.000 рублей. За нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти А—въ самъ посѣтилъ созданное имъ училище и посѣщеніе это доставило ему большое и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднее утѣшеніе въ жизни:—онъ умеръ на пути изъ Габрова въ Одессу 2-го октября 1847 г. и погребенъ въ Галацѣ при церкви св. Параскевы, гдѣ ему по-

ставленъ памятникъ съ надписью *Quod potui feci, faciant meliora potentes.* Въ настоящее время нѣкоторые изъ его соотечественниковъ, почитатели его памяти, задумали перенести прахъ его въ Габрово и тамъ поставить ему памятникъ.

Учрежденіемъ Габровскаго училища не ограничивалась дѣятельность А—ва для образованія своихъ соотечественниковъ: онъ хлопоталъ объ открытіи типографіи въ Болгаріи и хотя не успѣлъ въ этомъ, но не жалѣлъ средствъ для изданія книгъ на болгарскомъ языкѣ, оказывалъ помощь учащейся въ Россіи болгарской молодежи и чрезъ гр. Воронцова выхлопоталъ право воспитывать двухъ болгаръ въ одесской семинаріи.

Зародившаяся ново-болгарская литература «представляла невообразимый хаосъ относительно языка и правописанія». Надлежало установить какія-либо общія правила. А—въ вступилъ въ переписку съ болѣе выдающимися болгарскими дѣятелями для установленія общихъ правилъ правописанія и, опираясь на авторитетъ Востокова и Н. В. Савельева, предлагалъ свое правописаніе, принаровленное къ болгарскому языку; къ вопросу этому онъ нѣсколько разъ возвращался въ своихъ печатныхъ трудахъ.

Печатные труды Априлова:

1) *Болгарски книжници, или на кое Словенско племя принадлежи Кириловска-та азбука.* Одесса, 1841 г. †). На русскомъ языкѣ статья эта появилась въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» за тотъ же годъ, №№ 38 и 39. Поводомъ появленія брошюры послужила статья серба Тирола, напечатанная въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» 1841 №№ 27 и 28, въ которой онъ доказывалъ, что сербы приняли христіанство въ 856 г., слѣдовательно, раньше болгаръ, что первосвятители славянъ Кириллъ и Меѳодій были родомъ сербы, учились въ сербскомъ монастырѣ въ Солунѣ и перевели священное писаніе на сербскій языкъ. А—въ въ своей статьѣ, на основаніи существовавшей тогда литературы по этому вопросу, опровергаетъ всѣ положенія Тирола и излагаетъ обстоятельства, при которыхъ была изобрѣтена славянская азбука и доказываетъ, что св. писаніе было переведено на болгарскій языкъ.

2) *Денница ново-болгарскаго образованія*, соч. Вас. Априлова. Одесса 1841 ††). «Цѣль сочиненія, говоритъ авторъ въ предисловіи, состоитъ въ

---

†) О ней: Ж. М. Н. Пр. 1842 г. т. XXXIII отд. VI стр. 93 и слѣд. и „С. От." 1842 ч. I и II.

††) О ней: 1) „Современникъ" т. XXVII (іюль 1842 г.) стр. 83 и слѣд. 2) Биб. д. Чт. т. LV отд. VI стр. 21 и слѣд. 3) Москвитянинъ 1842 г. № 5 (стр. 132—164), ст. пр. М. Соловьева 4) *Бѣлинскій* въ „От. Зап." 1842 г. („соч." т. 6). и 5) „Одес. 1847 г. № 5.

томъ, чтобы сдѣлать извѣстнымъ начало и развитіе вновь возникающей ново-болгарской образованности и познакомить русскихъ съ тѣмъ изъ славянскихъ племенъ, которое издревле было съ ними въ ближайшемъ сродствѣ». «Денница» состоитъ изъ двухъ отдѣленій и многочисленныхъ научныхъ примѣчаній и примѣчаній къ примѣчаніямъ. Въ первомъ отдѣлѣ вкратцѣ излагается исторія болгаръ до подчиненія ихъ Турціи, между прочимъ здѣсь вновь разсматривается вопросъ о національности первосвятителей славянъ и языкѣ перевода св. писанія, во второмъ, послѣ изображенія положенія болгаръ подъ турецкимъ игомъ, довольно подробно излагается исторія распространенія у нихъ просвѣщенія. «Эти подробности, говоритъ одинъ изъ критиковъ «Денницы», такъ занимательны и представляютъ такія черты благодушія и искренности, что безъ сердечнаго участія нельзя читать ихъ». За текстомъ слѣдуютъ примѣчанія, т. е. подробное объясненіе предметовъ, названныхъ въ текстѣ, весьма интересныя, частью для того времени совершенно новыя и вообще изобличающія въ авторѣ знатока своего дѣла. Разборъ этой книги, сдѣланный проф. М. Соловьевымъ (въ «Москвитянинѣ»), въ которомъ онъ предлагаетъ въ обработкѣ литературнаго болгарскаго языка придерживаться церковно-славянскаго языка, отбросить употребленіе члена и дѣлаетъ еще нѣкоторыя дополненія и поправки, вызвалъ со стороны А—ва брошюру:

3) «*Дополненія къ книгѣ Денница ново-болгарскаго образованія*», соч. В. Е. Априлова. Письмо автора къ г. и. д. профессора въ одесскомъ лицеѣ, М. А. Соловьеву. Спб. 1842 г. Поблагодаривъ рецензента за сочувствіе къ его труду и дѣлу болгаръ, А—въ защищаетъ свое мнѣніе о единственномъ способѣ образованія литературнаго языка обработкою народнаго и поэтому отстаиваетъ употребленіе членовъ, защищаетъ значеніе габровскаго училища и доказываетъ, что дополненіе объ училищахъ, якобы пропущенныхъ въ «Денницѣ», невѣрны, что С—въ въ этомъ дѣлѣ былъ введенъ въ заблужденіе своими корреспондентами изъ Болгаріи. Въ заключеніе А. самъ дѣлаетъ дополненія объ училищахъ, устроенныхъ послѣ появленія его книги.

4) «*Болгарскія грамоты, собранныя, переведенныя на русскій языкъ и объясненныя Вас. Априловымъ*, Одесса 1845 г.». Пять всего грамотъ, изъ которыхъ четыре здѣсь впервые напечатаны, пятая перепечатана.

5) *Мысли за сегошна-то болгарское ученіе отъ Вас. Априлова.* Одесса 1847 г.» Брошюра посвящена разбору болгарскихъ учебниковъ, старается устранить существующій «хаосъ» въ болгарскомъ языкѣ, въ его грамматикахъ и правописаніи.

Кромѣ того напечатано завѣщаніе А—ва: «*Завѣтъ атъ на Василія Евстафьева сына Априлова.* Одесса 1849 г.» съ греческимъ перево-

домъ. Завѣщаніемъ этимъ А—въ почти все свое состояніе въ 700,000 р. передалъ на дѣло образованія болгаръ.

За исключеніемъ «Денницы», надолго остававшейся цѣннымъ пособіемъ для изученія Болгаріи, всѣ сочиненія А—ва имѣли только временное значеніе въ горячую для болгаръ пору ихъ національнаго возрожденія и скоро затѣмъ стали забываться. Гораздо важнѣе его дѣятельность какъ одного изъ главныхъ тружениковъ въ просвѣщеніи своихъ соотечественниковъ—онъ хорошо сознавалъ, что только путемъ просвѣщенія можно возродить народъ, и имя его, безъ сомнѣнія, навсегда сохранится въ памяти болгаръ, какъ человѣка, давшаго имъ первый способъ къ духовному возрожденію.

В. Яковлевъ.

Апухтинъ, Александръ Львовичъ, тайный совѣтникъ, попечитель варшавскаго учебнаго округа †). Началъ службу въ 1840 г. межевымъ офицеромъ, въ семидесятыхъ годахъ былъ директоромъ Константиновскаго Межевого Института. Въ 1862 году покойный Муравьевъ командировалъ его за границу съ педагогическими цѣлями.

Результатомъ этой командировки была книга 1) «*Описаніе нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній Франціи, Бельгіи и Пруссіи*». Спб. 1863 г., главнымъ образомъ состоящая изъ фактическаго матеріала—программъ, учебныхъ росписаній и т. д., но чрезъ которую все-таки красною нитью проходитъ протестъ противъ классицизма и пропаганда реальнаго образованія, соотвѣтствующаго потребностямъ живой дѣйствительности. Въ 1879 г. А. издалъ 2) «*Очеркъ исторіи Константиновскаго Межевого Института съ 1779 по 1879 г.*» (Спб)., первоначально печатавшійся въ «Жур. Мин. Нар. Прос.» того же года. «Очеркъ» составленъ по архивнымъ матеріаламъ и имѣетъ научную цѣнность.

Съ 1879 года А. состоитъ попечителемъ варшавскаго учебнаго округа.

* **Апухтинъ**, Алексѣй Николаевичъ, современный поэтъ ††). *По свѣ-*

---

†) Отзывъ объ «*Описаніи нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніи Франціи, Бельгіи и Пруссіи*»: *Ершовъ*, въ «Р. Вѣст.» 1864 г. № 4 стр. 835—848. Объ «*Ист. Конст. Инст.*»: 1) «Древн. и Нов. Россія» 1880 г. № 72) «Юридич. Вѣст.» 1880 г.

††) *Біографическія данныя:* 1) *Гербель*, Русскіе поэты. 2) *De-Gubernatis*, Dictionnaire international. 3) О родѣ Апухтиныхъ (въ старину Опухтиныхъ) у *Румпеля и Голубцова* «Родослов. Сборникъ» т. I. *Отзывы* о стихахъ его см. въ концѣ наст. тома.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

дѣніямъ, отъ него полученнымъ, р. 15 ноября 1841 г. въ городѣ Болховѣ орловской губерніи. Происходитъ отъ древней дворянской фамиліи, вышедшей изъ Франціи. Воспитаніе получилъ въ училищѣ Правовѣдѣнія, гдѣ кончилъ курсъ въ 1859 г. Одно время служилъ въ министерствѣ внутр. дѣлъ.

Литературная дѣятельность Апухтина сложилась чрезвычайно странно. Ему было всего 18 лѣтъ, когда въ лучшемъ журналѣ того времени—въ сентябрской книжкѣ «Современника» за 1859 г. было напечатано десять стихотвореній его подъ общимъ названіемъ «Деревенскіе очерки». Стихи были хорошо замѣчены въ литературныхъ кругахъ, ими восхищались Тургеневъ и Некрасовъ. Казалось бы, такой успѣхъ на первыхъ же порахъ долженъ былъ сильно ободрить молодого поэта и поощрить его къ поэтической производительности. На самомъ же дѣлѣ Апухтинъ, напечатавъ за періодъ 1-59—1862 гг. въ «Современникѣ», «Времени» и «Рус. Рѣчи» какія-нибудь двадцать мелкихъ стихотвореній, замолчалъ на долгіе годы. Въ 1872 г. онъ нарушилъ это молчаніе, помѣстивши (безъ подписи) въ «Гражданинѣ» извѣстное стихотвореніе свое «Недостроенный памятникъ» и еще нѣсколько пьесъ, а затѣмъ опять замолчалъ лѣтъ на десять. И только послѣднія 5, 6 лѣтъ имя Апухтина сравнительно чаще стало появляться на столбцахъ періодическихъ изданій, а въ 1886 г. онъ издалъ (Спб.) собраніе своихъ стихотвореній, встрѣченное критикою и публикою съ большимъ сочувствіемъ.

Анализируя причины этого почти общаго сочувствія, нельзя не придти къ заключенію, что онѣ прежде всего кроются въ той непосредственности поэтическаго настроенія Апухтина, въ той полной независимости его отъ какихъ бы то ни было эстетическихъ теорій, которая составляетъ одну изъ наиболѣе характеристичныхъ сторонъ его творчества. Правда, если бы мы захотѣли опредѣлить «направленіе» Апухтина, если бы мы захотѣли его пріурочить къ одному изъ двухъ лагерей, на которые вотъ уже больше тридцати лѣтъ какъ распались русскіе поэты, то Апухтина пришлось бы очень опредѣленно зачислить въ лагерь «чистаго искусства». Такимъ образомъ, «независимость» поэтическаго настроенія Апухтина, о которой мы говорили выше, не имѣетъ ничего общаго съ безцвѣтностью. Но въ томъ-то и дѣло, что опредѣленность его поэтической физіономіи есть въ немъ свойство чисто-*органическое*, свободно родившееся, независимо отъ желанія что бы то ни было «проводить». Когда вы читаете стихи С. А. Андреевскаго, гр. Голенищева-Кутузова, кн. Церетелева, стихи послѣдняго періода литературной дѣятельности Алексѣя Толстого, Фета и Майкова, вы сплошь и рядомъ чувствуете подъ внѣшнею оболочкою «искусства для искусства» самый тен-

денціозный полемическій задоръ. Вамъ не просто поютъ про трели соловья и «ласку милой», а какъ-то *демонстративно*, вамъ каждой строчкой какъ бы хотятъ сказать: «вотъ тамъ въ шестидесятыхъ годахъ все кричали про «полезное» искусство да про «гражданскую» поэзію, а мы надъ всѣмъ этимъ смѣемся, мы презираемъ «политику», мы только «чистому» искусству желаемъ служить». Въ результатѣ получается та же тенденціозность, только что къ ней подходятъ съ другой стороны. Узость фанатиковъ «полезнаго» искусства состояла въ томъ, что они хотѣли стѣснить свободу поэтическаго творчества и стремились превратить поэзію въ орудіе публицистическихъ цѣлей. Но въ такую же узость впадаетъ и та поэтическая реакція, которая возникла какъ протестъ противъ крайностей литературныхъ теорій 60-хъ годовъ. Изгоняя «политику» и считая только «чистое искусство» удѣломъ поэзіи, мы совершенно въ такой же степени налагаемъ цѣпи на свободу творчества, въ какой ее стѣсняли фанатики «полезнаго» искусства, требуя исключительно «гражданскихъ» мотивовъ. Истинный поэтъ ничѣмъ не ограничиваетъ своего творческаго полета, чему прекраснѣйшимъ образчикомъ можетъ служить величайшій поэтъ нашъ—Пушкинъ. Пушкинъ пѣлъ и «красу небесъ» и «ласку милой», а когда его волновала «злоба дня», онъ ни мало не стѣснялся посвящать ей свое лучшее вдохновеніе и доходилъ до такихъ поэтическихъ памфлетовъ, какъ «Клеветникамъ Россіи». Представители нашей поэтической реакціи очень много говорятъ о воскрешеніи Пушкинскихъ традицій, а забываютъ главный его завѣтъ—идти «дорогою свободной», куда влечетъ поэта «свободный умъ», не знающій запретительныхъ надписей «этого не касайся, ты осквернишься служеніемъ злобѣ дня», «туда не ходи—это путь Некрасова», «сюда не заглядывай—превратишься въ «идейнаго» поэта 60-хъ годовъ» и т. д. И оттого-то такъ часто на произведеніяхъ современныхъ палладиновъ «чистаго искусства» лежитъ печать какой-то принужденности, чего-то не вполнѣ искренняго и чего-то искусственно бодрящагося и какъ бы бросающаго кому-то вызовъ.

У Апухтина, къ великой его выгодѣ, вы не встрѣчаете и слѣда какой-нибудь принужденности. Онъ не потому буквально весь вѣкъ свой поетъ «ласку милой», что намѣренно избѣгаетъ другихъ мотивовъ, а потому, что всѣмъ остальнымъ рѣшительно не интересуется. Въ томъ, что онъ равнодушенъ къ злобѣ дня, онъ не видитъ ни подвига, ни преступленія, а просто фактъ, которымъ не бравируетъ, но котораго и не стыдится. Онъ вообще совсѣмъ не думаетъ о томъ, къ какому лагерю примыкаетъ, онъ просто даетъ исходъ тому, что накопилось у него на душѣ, и оттого, какъ ни крошечны размѣры поэтическихъ владѣній Апух-

тина, онъ сумѣлъ и въ нихъ дать образчики истинной поэзіи. Если вообще къ кому-либо изъ нашихъ поэтовъ послѣднихъ 30 лѣтъ можно примѣнить самоопредѣленіе Мюссе «Mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre», то это именно къ Апухтину. Изъ всей обширной области лирическаго поэта, онъ избралъ себѣ самый крошечный уголокъ, въ которомъ зато уже полноправный хозяинъ. Все его творчество посвящено изображенію любовныхъ чувствъ свѣтскаго человѣка, слегка разочарованнаго, слегка меланхоличнаго и уже нѣсколько состарившагося. Это упорное служеніе «любви» имѣетъ, однако же, очень мало общаго съ страстностью. Не ищите тутъ бурной стремительности южанина: въ жилахъ автора «Года въ монастырѣ» течетъ сѣверная кровь, съ ея органическимъ расположеніемъ къ меланхоліи и самопожертвованію. Для него, напримѣръ, достаточно вотъ какого отзыва, который южанина удовлетворилъ бы весьма мало:

О, будь моей звѣздой, сіяй мнѣ тихимъ свѣтомъ,
Какъ эта чистая, далекая звѣзда!
На землю темную глядитъ она съ привѣтомъ,
Чужда ея страстямъ, свободна и горда.

И только иногда, услыша въ отдаленьи
Любви безумный стонъ, отчаянный призывъ,
Она вздрогнетъ сама,—и въ жалости, въ смятеньи
На землю падаетъ, о небѣ позабывъ.

Тотъ поэтъ, изображеніе чувствъ котораго составляетъ предметъ «Стихотвореній» Апухтина, не нуждается даже въ раздѣленномъ чувствѣ:

Мнѣ не жаль, что тобою я не былъ любимъ:
Я любви не достоинъ твоей!
Мнѣ не жаль, что теперь я разлукой томимъ—
Я въ разлукѣ люблю горячѣй.
Мнѣ не жаль, что и налилъ и выпилъ я самъ
Униженія чашу до дна,

Что къ проклятьямъ моимъ, и къ слезамъ, и къ мольбамъ
Оставалася ты холодна;
Мнѣ не жаль, что огонь, закипѣвшій въ крови,
Мое сердце сжигалъ и томилъ,—
Но мнѣ жаль, что когда-то я жилъ безъ любви,
Но мнѣ жаль, что я мало любилъ!

Въ общемъ, Апухтина можно назвать пѣвцомъ любви неудавшейся, потому ли неудавшейся, что не было взаимности, потому ли, что условія жизни стали поперекъ, или по другимъ причинамъ, но во всякомъ случаѣ неудавшейся. Трагедій особенныхъ при этомъ не происходитъ: какъ мы уже сказали, мѣста дѣйствія стихотвореній нашего поэта есть лимфатическая среда русскаго свѣтскаго общества. Но сердце, все-таки, разбивается и у свѣтскихъ людей, и вотъ психологію этого разбитаго свѣтскаго сердца и избралъ своею спеціальностью Апухтинъ. Такая поэтическая спеціальность не могла, конечно, не наложить отпечатка тихой грусти на весь сборникъ. Но въ грусти Апухтина нѣтъ ничего напоминающаго

пессимизмъ современныхъ сосѣдей нашего поэта по русскому Парнасу. Апухтинъ груститъ не столько оттого, что міръ плохо и глупо устроенъ, сколько оттого, что не всякому удается вкушать сладости бытія. А весьма часто меланхолія Апухтина есть ничто иное, какъ осеннее чувство, сознаніе того, что жить осталось недолго, молодость прошла и впереди только скучная старость.

Крупнѣйшее произведеніе Апухтина и pièce de resistance всего сборника его стихотвореній есть безспорно поэма «Годъ въ монастырѣ». Приведемъ нѣкоторые отрывки изъ этой чисто-свѣтской трагедіи, которая даетъ представленіе почти обо всѣхъ особенностяхъ поэтической физіономіи Апухтина. «Годъ въ монастырѣ»—это «Отрывки изъ дневника», рядъ записей. Вотъ запись первая:

О, наконецъ! Изъ вражескаго стана
Я убѣжалъ, израненный боецъ...
Изъ міра лжи, измѣны и обмана
Полуживой я спасся, наконецъ!

Въ моей душѣ ни злобы нѣтъ, ни мщенья,
На подвиги и жертвы я готовъ.
Обитель мира, смерти и забвенья,
Прими меня подъ твой смиренный кровъ.

Хорошо себя чувствуетъ на первыхъ порахъ «бѣглецъ»:

Жизнь монастырская безъ бурь и безъ страстей
Мнѣ кажется какимъ-то сномъ безпечнымъ.
Не слышу свѣтскихъ фразъ, затверженныхъ рѣчей
Съ ихъ вѣчной ложью и злословьемъ вѣчнымъ,
Не вижу пошлыхъ, злобныхъ лицъ...
Одно смущаетъ: недостатокъ вѣры,
Но Богъ поможетъ мнѣ: его любви нѣтъ мѣры
И милосердью нѣтъ границъ.

Его отдали въ послушаніе старцу Михаилу, строгому аскету, который всегда говоритъ о смерти и вмѣсто кровати спитъ въ гробу, завернувшись предварительно въ саванъ. Старецъ заставляетъ автора дневника исполнять разныя физическія работы.

День знаменательный, и какъ бы я его
Могъ описать, когда бы былъ поэтомъ!
По приказанью старца моего,
Поѣхалъ я рубить дрова съ разсвѣтомъ
Въ сосновый боръ. Я помню, въ первый разъ
Я проѣзжалъ его, томимъ тяжелой думой.
Октябрьскій сѣрый вечеръ гасъ,
И лѣсъ казался мнѣ могилою угрюмой:
Такъ былъ тогда онъ мраченъ и унылъ!
Теперь блеснулъ онъ мнѣ красою небывалой.
Въ восторгѣ, какъ ребенокъ малый,
Я вѣжды широко раскрылъ.
Покрыта парчевымъ, блестящимъ одѣяньемъ,
Стояла предо мной гигантская сосна;
Кругомъ глубокая такая тишина,
Что нарушать ее боялся я дыханьемъ.
Деревья стройныя, какъ небеса свѣтлы,
Вели, казалось, въ глубь серебрянаго сада,
И хлопья снѣжные пушисты, тяжелы
Повисли на вѣтвяхъ, какъ гроздья винограда.
И долго я стоялъ безъ мыслей и безъ словъ...
Когда же топора впервые звукъ раздался,
Весь лѣсъ заговорилъ, затопалъ, засмѣялся
Какъ бы отъ тысячи невидимыхъ шаговъ.

А щеки мнѣ щипалъ морозъ сердитый,
И я рубилъ, рубилъ одинъ въ глуши лѣсной...
Къ полудню возвратился я домой
Усталый, инеемъ покрытый.
О, никогда, мои друзья,
Такъ не былъ веселъ и доволенъ я
На вашихъ сходкахъ монотонныхъ
И на циническихъ пирахъ,
На вашихъ раутахъ игриво-похоронныхъ,
На вашихъ скучныхъ пикникахъ.

Подъ вліяніемъ монастырской тишины въ душѣ «бѣглеца» уже начало было устанавливаться нѣкоторое равновѣсіе. Но вотъ къ нему стали доходить вѣсти изъ внѣшняго міра и если не прямо, то косвенно онѣ разбередили ту рану, лечить которую онъ и бѣжалъ въ монастырь.

Увы, меня открыли! Пишетъ братъ,
Что всюду о моемъ побѣгѣ говорятъ,
Что всѣ смѣются до упаду,
Что басней города я сталъ къ стыду друзей,
И проситъ прекратить скорѣй
Мою, какъ говоритъ онъ, „эскападу“.
Я басня города! Не все ли мнѣ равно?
Въ далекой, ранней юности, бывало
Боялся я того, что можетъ быть смѣшно,
Но это чувство скоро миновало.
Теперь, когда съ людьми всѣ связи порваны,
Какъ сами мнѣ они и жалки, и смѣшны!
Мнѣ дѣла нѣтъ до мнѣнья свѣта.
Но мнѣніе одно хотѣлъ бы я узнать...
Что говоритъ *она?* Впервые слово это
Я занесу въ завѣтную тетрадь...
Ее не называлъ я... но что-то
Кольнуло сердце какъ ножемъ.
Ужель ничѣмъ, ничѣмъ: ни трудною работой,
Ни долгою молитвой, ни постомъ,
Изъ сердца вырвать не придется
Воспоминаній роковыхъ?
Оно какъ прежде мнѣ бьется,
Они и въ снахъ, и въ помыслахъ моихъ.
Смѣшно же лгать передъ самимъ собою.

Разъ прорвавшись, воспоминанія о *ней* становятся главнымъ содержаніемъ дневника. Съ ужасомъ чувствуетъ послушникъ, что ничѣмъ не отогнать ему этихъ мыслей; онъ мечется, ищетъ подвиговъ, предается благочестію, возсылаетъ полныя отчаянія жаркія молитвы—напрасно. Вотъ онъ, напр., весь отдался воспоминаніямъ о первой встрѣчѣ съ возлюбленною и съ грустнымъ увлеченіемъ посвящаетъ имъ цѣлыя страницы своего дневника. Изрѣдка ему удается настроить себя на другой ладъ, онъ зачитывается священными канонами и начинаетъ проникаться религіознымъ экстазомъ, но, увы, не надолго. Отдѣльные моменты его душевной трагедіи все ярче и ярче воскресаютъ предъ нимъ. Послѣ воспоминаній о первой встрѣчѣ, очередь за первыми ссорами и неудачами:

Труды говѣнія я твердо перенесъ,
Господь послалъ мнѣ много теплыхъ слезъ
И покаянья искреннее слово...
Но нынче—въ день причастія святого—
Когда къ часамъ я шелъ въ соборъ,
Передо мною женщина входила...
Я задрожалъ, какъ листъ, вся кровь во мнѣ застыла,
О Боже мой! *она...* Упорный, долгій взоръ
Ее заставилъ оглянуться.
Нѣтъ, обманулся я. Какъ могъ я обмануться?
И сходства не было: ея походка, ростъ,—
И только... Но съ тѣхъ поръ я исповѣдь и постъ,—
Все позабылъ, молиться я не смѣю,
Покинула меня святая благодать,
Я снова полонъ только *ею*,
О ней лишь я могу и думать, и писать:
Два мѣсяца безоблачнаго счастья!

возвратно канули они,
не вспомянуть въ печальный день
ненастья
ые, про солнечные дни?
юшли язвительные споры,
обидный, мелочный разладъ,
горькихъ длинный рядъ,
невызванныя ссоры...
ей я сталъ рабомъ,
лъ въ себѣ и ревность и желанья;
ю сносилъ, когда съ моимъ врагомъ
шила на свиданье.
я не могъ ее смягчить...
съ разсчитаннымъ стараньемъ
нѣ она всю душу истомить
имъ словомъ, то молчаньемъ.
я хотѣлъ ей въ сердце заглянуть,
мѣньи молчаливомъ

Смотрѣлъ я на нее, надѣясь что-нибудь
Прочесть въ лицѣ ея красивомъ.
Но я не узнавалъ въ безжалостныхъ чертахъ
Черты, что были мнѣ такъ дороги и милы;
Онѣ въ меня вселяли только страхъ...
Два года я терпѣлъ и мучился въ цѣпяхъ,
Но, наконецъ, терпѣть не стало силы...
Я убѣжалъ...
Мнѣ монастырь святой
Казался пристанью надежной,—
Разстаться надо мнѣ и съ этою мечтой!
Напрасно переплылъ я океанъ безбрежный,
Напрасно мой челнокъ отъ грозныхъ спасся
волнъ,—
На камни острые наткнулся онъ нежданно,
И хлынула вода, и тонетъ бѣдный челнъ
Въ виду земли обѣтованной.

)ходятъ дни за днями, но не проходитъ тоска по кратковременному ı. Наступила пасха, пришла весна и воспоминанія стали жгучѣе, езысходнѣе. Вотъ одна изъ майскихъ записей дневника, принадıя къ лучшимъ мѣстамъ всей поэмы:

а твоя!"—шепталъ мнѣ вечеръ мая,
долго пѣсня соловья,
ъ замолчалъ, и эта ночь нѣмая
четъ вновь: „она была твоя!"
тья тополей въ сіяньи серебристомъ,
прошлое, погибшее давно;
мнѣ говорятъ и звѣзды въ небѣ
чистомъ,
резеды, ворвавшійся въ окно.
бѣжать, и мучитъ ночь нѣмая,
лыя, знакомыя черты...

О, незабвенная, о, вѣчно дорогая,
Откликнись, отзовись, скажи мнѣ: гдѣ же ты?
Вотъ видишь: безъ тебя мнѣ жить невыносимо,
Я изнемогъ, я выбился изъ силъ.
Обиды, горе, зло,—я все забылъ, простилъ,
Одна любовь во мнѣ горитъ неугасимо!
Дай подышать съ тобой мнѣ воздухомъ однимъ,
Откликнись, отзовись, явись хоть на мгновенье,
А тамъ пускай хоть годы заточенья
Съ могильнымъ холодомъ своимъ!

тъ дни за днями, мѣсяцы за мѣсяцами. Порывы страсти улеглись ились безнадежнымъ отчаяніемъ:

Умру ли я иль нѣтъ—мнѣ все равно,
Желанья тонутъ въ мертвенномъ покоѣ,
И равнодушіе тупое
Въ груди осталося одно.

ближался къ концу годъ испытанія и былъ назначенъ день постриженія:

Послѣдній день свободы, колебанья
Ужъ занялся надъ тусклою землей,
Въ послѣдній разъ любви воспоминанья
Насмѣшливо прощаются со мной.
А завтра я дрожащими устами
Произнесу монашества обѣтъ.
Я въ Божій храмъ, сіяющій огнями,
Войду босой и рубищемъ одѣтъ,
И надъ душой, какъ въ гробѣ мирно спящей,
Волной неслышной время протечетъ,
И къ смерти той, суровой, настоящей
Не будетъ мнѣ замѣтенъ переходъ.
По темной, узкой лѣстницѣ шагая,
Съ трудомъ спускался я... Не близокъ день:
Я встрепенусь и, посохъ свой роняя,
Сойду одну послѣднюю ступень.
Засни же, сердце! Молодости милой
Не напоминай! Окончена борьба...
О, Господи, теперь прости, помилуй
Мятежнаго, безумнаго раба!

Но вотъ вся обстановка измѣняется какъ бы по мановенію волшебнаго жезла. Непосредственно слѣдующая запись, помѣченная «въ тотъ же день вечеромъ», есть совершеннѣйшій сюрпризъ для читателя, уже подготовленнаго всѣмъ предыдущимъ къ тому, что передъ нимъ разыграется одна изъ обычныхъ въ этихъ случаяхъ трагедій постриженія человѣка, въ душѣ котораго всего менѣе замерли жизненные инстинкты и живетъ жгучая потребность любви и женской ласки,

Она меня зоветъ! Какъ съ неба громъ нежданный
Среди холоднаго и пасмурнаго дня,
Пять строкъ ея письма упали на меня...
Что это? Бредъ иль сонъ несбыточный и странный?
Пять строкъ всего... но сотни умныхъ книгъ
Сказали-бъ меньше мнѣ. Въ груди воскресла сила,
И радость страшная, безумная на мигъ
Всего меня зажгла и охватила!
О да, безумецъ я! Что ждетъ меня? Позоръ!
Не въ силахъ я обдумывать рѣшенья:
Ей жизнь моя нужна, къ чему же размышленья?
Когда уйдетъ вся братія въ соборъ,
Я наканунѣ постриженья
Отсюда убѣгу, какъ воръ,
Погоню слышащій, дрожащій подъ ударомъ...
А завтра иноки начнутъ меня судить
И будетъ важно имъ игуменъ говорить:
«Да, вы его чуждалися недаромъ!
Какъ хищный волкъ, онъ вторгся къ намъ
Въ обитель праведную Божью;
Своей кощунственною ложью
Онъ осквернилъ Господній храмъ!»
Нѣтъ, вѣрьте: не лгала душа моя больная,
Я оставлю здѣсь правдивый мой дневникъ,
И можетъ быть, хотя мой грѣхъ великъ,
Меня простите вы, его читая.
А *тамъ* что ждетъ меня? Собранье палачей,
Ненужныя слова, невольныя ошибки,
Враговъ коварныя улыбки
И шутки плоскія друзей.
Довольно неудачъ и прежде рокъ суровый
Мнѣ сѣялъ на пути: смѣшонъ я въ ихъ глазахъ;
Теперь у нихъ предлогъ насмѣшки новой:
Я неудавшійся монахъ!
А ты, что скажешь ты, родная, дорогая?
Ты засмѣешься ли, заплачешь надо мной,
Или, попрежнему, терзая,
Окутаешь себя корою ледяной?
Быть можетъ, вспомнишь ты о счастьи позабытомъ,
И жалость робкимъ, трепетнымъ лучомъ
Проснется въ сердцѣ молодомъ...
Нѣтъ, въ этомъ сердцѣ, для меня закрытомъ,
Не шевельнется ничего...
Но жизнь моя нужна, разгадка въ этомъ словѣ:
Возьми-жъ ее съ послѣдней каплей крови,
Съ послѣднимъ стономъ сердца моего!
Какъ вольный мученикъ иду я на мученье,
Тернистый путь не здѣсь, а тамъ:
Тамъ ждетъ меня иное отреченье,
Тамъ ждетъ меня иной бездушный храмъ!

ющай же, тихая, смиренная обитель!
) міру странствуя, тоскуя и любя,
)еступный твой бѣглецъ, твой мимолетной
житель
) разъ благословить какъ родину тебя!
)ющай, убогая, оплаканная келья,
(ѣ годъ тому назадъ съ надеждою такой
Справлялъ я праздникъ новоселья,
Гдѣ думалъ отдохнуть усталою душой!
Хотѣлось бы сказать еще мнѣ много, много
Того, что душу жгло сомнѣньемъ и тревогой,
Что въ этотъ вѣчно памятный мнѣ годъ
Обдумалъ я въ тиши уединенья...
Но некогда писать, мнѣ дороги мгновенья:
Скорѣе въ путь! она меня зоветъ!

Этимъ и заканчивается поэма, прелестная по своей простотѣ и безыскусственности и въ то же время глубоко-трогательная. Она даетъ представленіе о лучшихъ сторонахъ таланта Апухтина. Прежде всего читатель имѣлъ достаточную возможность ознакомиться со стихомъ нашего поэта. Плавный и изящный, онъ, правда, лишенъ жгучести и колоритности, но тѣмъ не менѣе полонъ истинной красоты. Красоты сѣверной, не споримъ, красоты нѣсколько анемичной, но которая, однако же, намъ, сѣвернымъ людямъ, болѣе сродни, чѣмъ яркая и пестрая красота юга. По приведеннымъ отрывкамъ читатель можетъ тоже составить себѣ представленіе о поэтическихъ пріемахъ Апухтина. Неправда ли, какое полное отсутствіе вычурности, изысканности и чего бы то ни было похожаго на принужденность? А между тѣмъ какъ легко было тутъ впасть въ ходульность и преувеличеніе. Монастырь, строгій схимникъ, разбитое сердце, борьба плоти и духа, смѣна религіознаго экстаза жаждою любви и наслажденія—на какой канвѣ какихъ, какихъ романтическихъ узоровъ не разрисовывалъ бы поэтъ менѣе простой и безыскусственный, чѣмъ Апухтинъ. Но у нашего автора, несмотря на всю необычайность и можно сказать торжественность сюжета, имъ избраннаго, ни разу не вырвалось ни одного напыщеннаго сравненія или высокопарнаго образа. Весь его поэтическій арсеналъ, всѣ его слова и аналогіи почерпнуты изъ ежедневнаго обихода, изъ глубины собственнаго сердца, онъ не «растекается мыслью по поднебесью», а ищетъ поэзію вокругъ себя и, конечно, находитъ ее въ обиходѣ. И именно потому, что Апухтинъ такъ чуждъ всякой ходульности и напыщенности, ему и удалось такъ оригинально закончить поэму. *Придумать* такой конецъ невозможно, его можетъ подсказать только живая дѣйствительность и желаніе описывать исключительно то, что тебѣ самому сродни, что ты видѣлъ и слышалъ. Только у поэта глубоко искренняго можетъ хватить смѣлости столь «прозаично» на первый взглядъ закончить поэму очень высокаго діапазона. Нужно совершенно отрѣшиться отъ погони за мишурными блестками, чтобы разрѣшить душевное настроеніе человѣка съ несомнѣнно идеальнымъ складомъ натуры «подвигомъ» такого страннаго рода. Но правдивость таланта Апухтина подсказала ему, что исключительно на такой «подвигъ» и спо-

собенъ человѣкъ той среды, изъ которой вышелъ авторъ «Дневника». Попробуйте направить хранящійся въ немъ запасъ благородства въ другую сторону, заставьте его напримѣръ совершить общественный подвигъ— вамъ не удастся. Но вотъ совершить подвигъ нелѣпый, безсмысленный, пошлый, стать напр. хотя бы даже ширмой грѣшковъ особы, которая его «зоветъ», какъ онъ самъ сознается, на «позоръ»—да, на такой подвигъ этотъ человѣкъ съ благородными, но не получившими правильнаго направленія инстинктами пойдетъ съ наслажденіемъ. Конечно, можно тутъ смѣяться и еще болѣе негодовать, но было бы крайне односторонне не видѣть, что, все-таки, мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ подвигомъ настоящей высокой пробы. Въ дѣйствительной жизни большинство «подвиговъ» именно въ такой-то формѣ и совершается и хвала поэту, не отворачивающемуся отъ нихъ и умѣющему подъ смѣшноватой внѣшностью разглядѣть истинно-трогательную сущность.

Наша характеристика Апухтина, какъ пѣвца любви вообще и неудачной въ частности, не опредѣляетъ, однако, всего содержанія его поэзіи. Правда, крупнѣйшія его вещи только къ этой категоріи принадлежатъ. Такъ, напр., образцовая по своей сжатости поэмка «Съ курьерскимъ поѣздомъ» заключаетъ въ себѣ меланхолически-поучительный разсказъ о томъ, какъ двое влюбленныхъ, которымъ обстоятельства помѣшали соединить свою судьбу тогда, когда они были молоды, получаютъ эту возможность чрезъ двадцать лѣтъ и при свиданіи, конечно, чувствуютъ, что опоэтизированное ими по воспоминаніямъ старое чувство въ сущности испарилось и что лучше бы имъ было не свидѣться вовсе. «Письмо» составляетъ pendant къ «Году въ монастырѣ» и тоже имѣетъ предметомъ рабскую преданность любимому существу, безъ всякой надежды на взаимность. «Старая цыганка» опять-таки трактуетъ о чарахъ любви. Наконецъ всѣ небольшія пьесы сборника Апухтина почти всѣ принадлежатъ къ разряду стихотвореній, особенно излюбленныхъ композиторами романсовъ *).

---

*) Большою извѣстностью пользуются положенныя на музыку «Ночи безумныя».

Ночи безумныя, ночи безсонныя,
Рѣчи несвязныя, взоры усталые...
Ночи, послѣднимъ огнемъ озаренныя,
Осени мертвой цвѣты запоздалые!
Пусть даже время рукой безпощадною
Мнѣ указало, что было въ васъ ложнаго,—

Все же лечу я къ вамъ памятью жадною,
Въ прошломъ отвѣта ищу невозможнаго...
Вкрадчивымъ шепотомъ вы заглушаете
Звуки дневные, несносные, шумные...
Въ тихую ночь вы мой сонъ отгоняете,
Ночи безсонныя, ночи безумныя!

въ рѣдкія минуты свѣтскаго автора «Года въ монастырѣ» зани- я интересы другого порядка. Тогда онъ пишетъ пьесы въ родѣ роеннаго памятника», въ которомъ прославляется Екатерина за ственныя добродѣтели. «Недостроенный памятникъ» почему-то гся большою популярностью среди актеровъ-чтецовъ и его часто сятъ съ эстрады. Эта популярность намъ кажется недостаточно нною. Въ «Недостроенномъ памятникѣ» нѣтъ главнаго достоин- пухтина—задушевности и чувствуется какая-то программность и ость. Не въ такого рода вещахъ сила Апухтина, а уже совсѣмъ емногіе «патріотическіе» стихи его и нѣкоторыя pièces d'occasion «5 октября 1885 г.» и др. Лучше стихотвореніе «Въ убогомъ , недвижна и мертва», напоминающее Некрасова. Но тутъ стихо- спасло ничего общаго не имѣющая съ основнымъ «граждан- мотивомъ пьесы параллель между найденною мертвою женщиной новкой, среди которой ее настигла смерть:

ный вешній день. По кочкамъ зеленѣли
вѣжіе рождавшейся травы,
ѣгали, и жаворонки пѣли...
ый вѣтерокъ вкругъ мертвой головы,
Космами жидкими волосъ ея играя,
Казалось, лепеталъ о счастьѣ и веснѣ,
И небо синее въ прозрачной вышинѣ
Смѣялось надъ землей, какъ эпиграмма злая!

стихотвореній по преимуществу элегическаго характера отмѣтимъ ныя октавы «Венеціи». Въ нихъ опредѣленно сказалось, что ме- я автора выросла не на философской почвѣ, не на подкладкѣ енныхъ и иныхъ духовныхъ разочарованій, а исключительно на личной и на физіологическихъ свойствахъ старѣющагося орга-

тинъ, Гаврило. Перевелъ съ фр. *Л. Стерна*, «Письма Іорика къ ъ отвѣтами». М. 1789. 8°. Ц. 50 к. сер. (Соп. 8156).

тинъ, Михайло. Перевелъ прозою съ фр. поэму въ 4 пѣсняхъ *а* «Товія». М. 1788. 8°. (Соп. 8753).

етовъ, Иванъ Павловичъ, род. въ 1811 г. †). *По свѣдѣніямъ, полу- ъ отъ профессора Д. О. Корсакова*, сынъ генералъ-маіора Павла ича Арапетова и двоюродный братъ министра народнаго просвѣ- И. Д. Делянова. Въ 40-хъ гг. кончилъ курсъ кандидатомъ правъ

Азбуч. указатель «Біогр. Словаря» Истор. Общ., т. 2, стр. 549.

*

въ московск. университетѣ, служилъ въ Департаментѣ Удѣловъ и II Отд. собств. Е. В. Канцеляріи и находился въ близкихъ отношеніяхъ съ И. С. Тургеневымъ, К. Д. Кавелинымъ, Дружининымъ, И. И. Панаевымъ, В. П. Боткинымъ и др. петербургскими литераторами 40-хъ годовъ. А. принадлежалъ къ кружку либераловъ того времени, подготовившихъ и проведшихъ въ жизнь крестьянскую реформу, и состоялъ членомъ извѣстной редакціонной коммиссіи подъ предсѣдательствомъ Як. Ив. Ростовцева. Ум. 29 мая 1887 г. въ чинѣ тайнаго совѣтника. Въ молодости А. помѣщалъ статьи по политической экономіи въ «Отеч. Запискахъ» (за подписью его мы нашли только одну—«*О земледѣльческомъ классѣ въ Ирландіи*» (1851 г.), но, кажется, были и другія. Подъ редакціею А. изданы «Записки Геогр. Общества» за 1855 г.

Араповъ, Пименъ Николаевичъ, драматургъ и историкъ русскаго театра †). Р. въ 1796 г. въ пензенской губ. въ богатой дворянской семьѣ, учился сначала въ московскомъ пансіонѣ извѣстнаго литератора В. В. Измайлова, затѣмъ въ «благородномъ пансіонѣ» при московск. университетѣ и въ самомъ университетѣ (по словесному отдѣленію). Въ 1817 г. поступилъ юнкеромъ въ преображенскій полкъ, гдѣ близко сошелся съ извѣстнымъ дѣятелемъ русской драматургіи начала нашего столѣтія, служившимъ въ томъ же полку—Катенинымъ. Перешедши изъ преображенскаго въ кавалергардскій полкъ, А. вслѣдъ за тѣмъ по совѣту Сперанскаго, знавшаго его по Пензѣ, оставилъ военную службу и поступилъ къ нему чиновникомъ канцеляріи сибирскаго генералъ-губернатора. Отсюда онъ чрезъ нѣкоторое время перешелъ въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора, которому, главнымъ образомъ, былъ полезенъ по управленію московскими театрами. Двигаясь съ теченіемъ времени по іерархической лѣстницѣ впередъ, А. впослѣдствіи былъ вице-губернаторомъ въ Саратовѣ и Новгородѣ и занималъ видныя мѣста въ министерствѣ двора и финансовъ. Ум. въ Петербургѣ 23 марта 1861 г.

А. былъ страстный любитель театра, для котораго трудился много и съ извѣстнымъ успѣхомъ. Начавши въ ранней молодости свою литературную карьеру переводомъ съ нѣмецкаго двухъ повѣстей:

†) *Біографическія данныя*: 1) «Сѣв. Пчела» 1861 г., № 68. 2) «Рус. Инв.» 1861 г., № 69. 3) *В. Р. Зотовъ* въ «Энц. Слов.» изд рус. пис. и уч., т. V. 4) *Геннади*, Словарь. *Отзывы:* О «*Лизанькѣ*»: *П. Вейнберга* въ «Б. д. Чт.» 1858, т. 150. *О «Драматическомъ альбомѣ»*: 1) «Москвит.» 1851, ч. 1, № 3, кн. 1, стр. 428—447. 2) «От. Зап.» 1851, № 2, отд. 6, стр. 69—74. 3) «Современ.» 1851, т. 25, отд. 5, стр. 65—78. О «*Лѣтописи русскаго театра*»: 1) *П. Щебальскаго* въ «Нашемъ Времени» 1862, № 13. 2) «Спб. Вѣд.» 1862, № 26.

1) «*Тильзитскій миръ*». М. 1810, и 2) «*Смерть Карла перваго, короля англійскаго*». М. 1813. и стихотворной шуткой 3) *Моя жертва Наполеону: Кривой коршунъ (притча) и Кузнецкій мостъ*». М. 1814, онъ затѣмъ писалъ: 4) Небольшія политическія и иныя статейки: въ «Благонамѣренномъ» Измайлова и въ «Сынѣ Отечества», за что попалъ въ члены петербургскаго «Общества любителей россійской словесности и соревнователей просвѣщенія и благотворенія». Но близкое знакомство съ Катенинымъ, Шаховскимъ, Загоскинымъ, участіе въ домашнихъ спектакляхъ и завѣдываніе театральными дѣлами въ Москвѣ сдѣлали его завзятымъ театраломъ и, начиная съ 20-хъ годовъ, онъ всецѣло отдался сценѣ, то сочиняя оригинальныя пьесы, то переводя ихъ съ иностранныхъ языковъ, то издавая театральные альманахи и сборники, то работая, наконецъ, надъ исторіею русскаго театра. Изъ *оригинальныхъ* пьесъ и передѣлокъ А. напечатаны: 5) „*Статья изъ газетъ*", вод. въ 1 д. П. 1822. 6) „*Господинъ Блажнинъ или старый другъ лучше новыхъ двухъ*", комед. въ 1 д. въ стихахъ. М. 1826. 7) „*Репетиція на станціи*", водев. М. 1845. 8) „*Лизанька*" (актриса Сандунова). Ком. П. 1858, съ портретомъ Сандуновой. Нѣкоторыя же изъ его пьесъ, игранныя на сценѣ и даже съ успѣхомъ, напечатаны не были, какъ напр.: 9) «*Вертепъ*», 10) «*Демьянова уха*», 11) „*Пикасьетъ*", 12) „*Волшебное стекло*" и др. Изъ *переводныхъ* пьесъ напечатаны: 13) «*Прихотникъ безъ денегъ или искатель обѣдовъ*». Вод. съ фр. въ 1 д. П. 1823. 14) «*Медвѣдь и Паша*», вод. Скриба. П. 1823. 15) «*Г-жи Сельмины или мужъ, жена и вдова*», комедія въ 1 д. Лафонтена. П. 1824. 16) «*Секретарь и Поваръ*», вод. Скриба и Мелезвиля. М. 1827. 17) „*Ватель или потомокъ великаго человѣка*", вод. въ 1 д. Скриба и Мазера. М. 1827. 18) «*Польдеръ, Амстердамскій палачъ*», «романтическая мелодрама» въ 3 д. Пиксеркура и Дюканэжа, съ фр. М. 1828. 19) «*Одушевленные цвѣты и мечтатель*». М. 1850 г.

Въ 1830 г. А. вмѣстѣ съ *Д. Новиковымъ* издалъ литературно-музыкальный альбомъ «*Радуга*», а въ 1850 г. вмѣстѣ съ художникомъ Раппольтомъ—большой иллюстрированный историко-біографическій «*Драматическій альбомъ*». Здѣсь кромѣ разныхъ любопытныхъ матеріаловъ по исторіи русскаго театра имѣется рядъ біографій выдающихся актеровъ русскихъ и помѣщена пьеса Арапова «*Квартира въ Московской гостинницѣ*». По указанію В. Р. Зотова, А., путешествуя за границей, откуда присылалъ въ «Сѣв. Пчелу» (конца 50-хъ гг.) путевыя замѣтки (главнымъ образомъ о театрѣ), издалъ въ Парижѣ у Лемерсье «Драматическій букетъ»—собраніе превосходныхъ портретовъ русскихъ актрисъ и танцовщицъ и два большіе листа портретовъ актеровъ александрійской сцены.

Въ 1861 г. уже послѣ смерти А. появилась (Спб.) его «*Лѣтопись русскаго театра*» съ портретомъ автора и Екатерины II.

Немногія оригинальныя драматическія произведенія Арапова слабы. Это все водевили съ самой примитивной интригой и разныя «pièces d'occasion» въ родѣ «Репетиціи на станціи», написанной для «сюрприза» московскому генералъ-губернатору князю Голицыну. Извѣстное значеніе имѣютъ только работы Арапова по исторіи русской сцены—«Драматическій альбомъ» и «Лѣтопись русскаго театра». «Лѣтопись» до сихъ поръ остается цѣнной справочной книгой. Читатель не найдетъ тутъ чего-либо обобщающаго, не найдетъ широкой картины хода развитія

нашего театра, но скелетъ событій — факты и детали собраны съ знаніемъ дѣла и тщаніемъ. Первыя главы «лѣтописи» имѣютъ компилятивный характеръ; начиная-же съ конца прошлаго столѣтія, Араповъ даетъ матеріалъ совершенно новый, извлеченный частью изъ театральныхъ дневниковъ актера А. В. Каратыгина (отца), частью изъ собственнаго театральнаго дневника автора. Попутно Араповъ приводитъ разные анекдоты историко-литературнаго характера, записываетъ эпиграммы и бонмо.

Арбенинъ,—псевдонимъ Григ. Александр. *Пальма.*

Арбузова, Марія Алексѣевна †), съ участіемъ Н. Калашниковой перевела:

1) *Дѣти аббатства*, англ. романъ, соч. Маріи Реджины Де-ла, Рошъ; пер. съ фр. (Les enfants du Prieurè), 1-ое изд. М. 1802 — 1803. 16°, 6 ч.; изд. 2-ое (Дѣти Донретскаго аббатства). Орелъ, въ тип. Сытина, 12 ч. У Сопикова и Плавильщикова показанъ еще другой переводъ, М. 1805. 2) *Таинственный замокъ*, англійская повѣсть, перев. съ фр. М. А.: М. 1803. 12°, 2 ч.

Арбузовъ, Н. ††) Біографическихъ свѣдѣній о немъ не имѣемъ. Въ 1856 г. издалъ томъ «Стихотвореній», самаго разнообразнаго содержанія. Тутъ и «ноктюрно» въ фетовскомъ родѣ, и застольныя пѣсни въ духѣ Языкова, и классическаго стиля пьесы, напоминающія недавно появившіяся тогда греческія стихотворенія Щербины, и «гражданскіе» мотивы, напоминающіе Некрасова, и историческія повѣствованія изъ древне-русской жизни, и двѣ пространнѣйшія поэмы о Микель Анджело и Дантѣ, и наконецъ даже кое-что въ Эсхиловскомъ вкусѣ. Словомъ, нѣтъ того явленія въ области русской и иностранной поэзіи, отзвука котораго мы-бы не нашли въ стихахъ Арбузова, видимо хорошо начитаннаго въ классической и ново-европейской литературѣ. Одного только въ нихъ нѣтъ— сколько-нибудь опредѣленно выраженной авторской физіономіи. Весь объемистый томъ есть не что иное, какъ собраніе перепѣвовъ, лишенныхъ всякаго внутренняго единства и калейдоскопически мелькающихъ предъ глазами читателя. Фактура стиховъ сносная, ее было бы, во всякомъ случаѣ, достаточно, чтобы сдѣлать Арбузова ну хоть третьестепеннымъ по-

---

†) *Геннади*, Словарь. Кн. *Н. Н. Голицынъ*, Библіогр. слов. рус. писательницъ.

††) Отзывы о „*Стихотвореніяхъ*": 1) *Н. Л.* въ „Отеч. Зап." 1857 т. 113, отд. 2, стр. 69—78. 2) „Соврем." 1857, т. 62. отд. 4, стр. 33—38. 3) „Биб. д. чт." 1857 т. 141 стр. 48—58.

русскимъ, но полное отсутствіе всякой глубины, благодаря чему не въ состояніи сколько-нибудь цѣльно отразить то или другое ское настроеніе, лишаетъ стихи его даже самаго скромнаго литературго значенія. Всякое стихотвореніе Арбузова начинается недурно, ваетъ вниманіе и заставляетъ чего-то ждать, но именно потому, одно изъ многочисленныхъ поэтическихъ настроеній, подъ которыя ппадалъ, не захватывало его сколько-нибудь глубоко, онъ не въ іи довести стихотвореніе до конца и быстро впадаетъ въ безвкуги полнѣйшую банальность.

тика отнеслась къ «Стихотвореніямъ» Арбузова довольно неопре. Никто его не призналъ бездарностью, но никто и не поощрилъ нѣйшей дѣятельности. Самъ же онъ, видимо, призналъ свой деэудачнымъ и больше въ литературѣ не появлялся.

ознакомленія читателя съ характеромъ стиховъ Арбузова, приодну изъ сравнительно еще наиболѣе удачныхъ пьесъ его— рогѣ»:

и грустна, Россія,
безмолвная твоя.
мнѣ твои густыя,
ныя поля,
по дорогѣ пыльной
тройкѣ удалой,
льчикъ заунывной
съ пѣснію родной.
полный взоръ лѣнивый,
гъ только сводъ небесъ,
лтѣющія нивы,
зижный, темный лѣсъ.
обширный, необъятный,
да ни погляди,
грустью непонятной
сжимается груди.
а наслажденья,
идишь надъ прудомъ
скромную, строенья
ѣ господскій домъ!
альныя пустыни
скроются и вдругъ
мъ раскинутся вокругъ
зныя картины.
ьница шумитъ водою,
ь надъ озеромъ синѣетъ.
а душу повѣетъ
чудной теплотой.

Невольно въ сердцѣ оживаетъ
Толпа вопросовъ, думъ и грезъ.
Кто въ этомъ домѣ обитаетъ
Подъ тѣнью липы и березъ?
Кто эти скромныя затѣи
Развелъ заботливой рукой?
А этотъ старый садъ густой
Кто посѣщаетъ въ часъ ночной
Его тѣнистыя аллеи?
Мой колокольчикъ чью-нибудь,
Быть можетъ, здѣсь встревожилъ грудь,
Мечтой забытой, грустью страстной.
А можетъ быть, я самъ напрасно
Увлекся собственной мечтой.
Быть можетъ, этотъ домъ пустой
Стоитъ, а садъ заросъ травой,
Наполненъ роемъ шпанскихъ мушекъ,
И только кваканье лягушекъ
Въ немъ раздается въ часъ ночной.
Увы! быть можетъ, межъ подушекъ,
Перинъ, примочекъ, слугъ, старухъ,
Вареній и милльона мухъ,
Какой-нибудь помѣщикъ дюжій,
Неугомонный, неуклюжій,
Здѣсь прозябаетъ..... мчись быстрѣй,
Ямщикъ!.... Все скрылося отъ взора,
И я опять съ тоской моей
Несусь одинъ среди полей

Необозримаго простора.
Все громче, дальше и звучнѣй
Мнѣ раздается сквозь дремоту
Пѣснь ямщика—и вотъ она,
И заунывна и сильна,
Объемлетъ разомъ всю природу,
И хоромъ все ее поетъ.
Широкотемныя дубравы,
Поля, холмы, потоки водъ,
Слилися въ звучныя октавы—
Вокругъ меня со всѣхъ сторонъ
Звучатъ и долъ, и небосклонъ,
Звучатъ озера, рѣки, горы,
Степей могучіе просторы.
И пѣснью шумною своей
Кругомъ нихъ вторятъ семь морей (!).
О Русь! что хочешь разсказать ты,
Пѣснь задушевную запѣвъ,
О чемъ привыкла тосковать ты,
Зачѣмъ такъ жалокъ твой напѣвъ?
Зачѣмъ той пѣснью такъ любима
Невыразимая печаль?
Зачѣмъ, куда, въ какую даль
Она влечетъ неодолимо
Среди мятелей и снѣговъ?
Какую ты вскормила думу,
Внимая говору и шуму
Твоихъ таинственныхъ дубровъ?
Зачѣмъ просторъ твой необъятный,
Разгулъ степей и водъ твоихъ,
Такою грустью непонятной
Раздался въ пѣсняхъ вѣковыхъ?
Какъ богатырь въ стѣнахъ темницы
Груститъ и жалобно поетъ,
Взирая въ даль, гдѣ блескъ денницы
Поля въ скирдахъ, потоки водъ,
Гдѣ вереницей вольной тучи
Бѣгутъ на небѣ голубомъ,
А онъ, удалый и могучій,
Онъ за рѣшетчатымъ окномъ!
Все тихо вновь; безмолвенъ снова
Вокругъ меня просторъ лежитъ
И неподвижныя дубровы,
И холмъ, и поле—все молчитъ.
Иль понялъ я твое значенье,
Родная пѣснь земли родной?
Иль это было сновидѣнье?
И я проснулся. Предо мной,
Покинувъ душную обитель,
Станціонный хмурился смотритель,
И ямщиковъ веселый строй
Трунилъ надъ клячею хромой.

Аргамаковъ, Александръ †). Есть его «Ода на истребленіе враговъ отечества храбрыми россійскими войсками» 1812. (Каталогъ Трощинскаго 2796).

Аргентовъ, Александръ, священникъ-миссіонеръ. Напечаталъ въ «Запискахъ» Геогр. Общества и его отдѣловъ рядъ сообщеній о якутскомъ краѣ: 1) «*Сѣверная земля*» 1861 г. кн. 2; 2) «*Путевыя записки въ при-полярной мѣстности*» въ IV кн. «Записокъ» Сибирскаго отдѣла; 3) «*О полярной экспедиціи, предпр. докторомъ Гайесомъ*» Ib. кн. VII; 4) «*La paroisse de Tschiun, dans la province de Jakoutsk*» въ «Extraits des publciations de la Soc. Jmp. Geogr. de Russie» Спб. 1859 г.; 5) *Statistique de la population relevant de la paroisse du Saveur à Nijne Kolymsk*». Тамъ же; 6) «*Нижне-колымскій край*» въ «Изв. Геогр. Общ.» 1879 г. т. XV; 7) «*Замѣтка о Ледовитомъ океанѣ*» въ «Изв. Сиб. Отд.» т. VII. Въ 1879 г. Географ. Общество присудило А. за рукопис-

†) *Геннади*, Словарь стр. 41.

ный «Чукотскій Словарь» и рукописную же статью «Въ при-полярной полосѣ якутской области» серебряную медаль.

Ардинуа, Францискъ, врачъ †) Родился въ Москвѣ, докторскій дипломъ получилъ въ Голландіи отъ Лейденскаго унив. за диссертацію «De anatomia fundamento medicinae» 1718. По возвращеніи, съ 1721 г. служилъ во флотѣ.

Ардовъ, псевдонимъ г-жи Е. Бларамбергъ.

Ардымскій («Раутъ» 1854 г.)—псевд. Ф. Ф. Вигеля.

Аревальдъ—псевд. Арк. В. Эвальда.

Арендтъ, Николай Ѳедоровичъ, знаменитый хирургъ ††), р. въ 1786 г. въ Казани, гдѣ отецъ его—сынъ нѣмецкаго ремесленника — служилъ въ качествѣ лекаря. Въ 1801 г. онъ былъ отданъ въ московское отдѣленіе медико-хирургической академіи, а когда оно было закрыто, перевелся въ петербургскую медико-хирургическую академію, гдѣ въ 1805 г. блистательно окончилъ курсъ. Поступивъ вслѣдъ за тѣмъ на службу военнымъ врачемъ, А. принялъ участіе во всѣхъ кампаніяхъ кровопролитной эпохи нашихъ войнъ съ Наполеономъ, а послѣ заключенія мира былъ главнымъ врачемъ русскаго оккупаціоннаго корпуса, оставшагося во Франціи. Быстро составилъ онъ себѣ репутацію необыкновенно искуснаго хирурга. Эта репутація, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе крѣпнувшая, была настолько значительна, что въ 1821 г. А. удостоился до того времени небывалой чести: комитетъ министровъ, съ высочайшаго утвержденія, «за совершенное знаніе медицины и хирургіи, оказанное множествомъ операцій» безъ экзамена произвелъ его въ доктора медицины и хирургіи. Въ 1829 г. онъ былъ назначенъ лейбъ-медикомъ, въ 1847 г. медицинскимъ инспекторомъ учрежденій Императрицы Маріи. Ум. въ Петербургѣ 14 октября 1859 г.

Теоретическихъ работъ А. по себѣ не оставилъ. Но цѣлымъ рядомъ чрезвычайно смѣлыхъ и удачныхъ операцій онъ обезпечилъ за собою

---

†) 1) *Richter*, Gesch. d. Med. 111. 171. 2. *Геннади*, Словарь. 3. *Чистовичъ, Я.* Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи. Спб. 1883.

††) Обзоръ его главнѣйшихъ операцій сдѣланъ *Никитинымъ* въ «Сѣв. Пчелѣ» 1851 г. (№ 139). Краткія біографическія свѣдѣнія 1) въ „Справ. Энц. Сл." 2) въ „Энц. Сл. состав. р. уч. и лит." ст. *Я. Чистовича*. 3) «Med. Zeit. Russlands» 1859 г. № 44, 4) въ «Проток. Спб. Общ. р. вр.» годъ 26 № 3 стр. 143—159 (*Я. Чистовича*). 5) «Р. Инв.» 1859 № 231. 6) «С. Пч.» 1859 № 235. 7) «Inland» 1860 № 44 и 45, 8) «Med. Zeit. Russlands» 1851 г. № 15.

почетное имя въ исторіи русской хирургіи. Отличительною чертою этихъ операцій, помимо смѣлости и виртуозности, является необыкновенно тщательный уходъ, которымъ А. окружалъ больного послѣ совершенія операціи. Для того времени такая тщательность была новостью, а между тѣмъ въ ней одна изъ главныхъ причинъ того, что операціи его почти всегда кончались благополучно. Нетрудно понять, что у такого хирурга должна была быть грандіозная практика. Къ удивленію, это не сдѣлало его, однако же, ни черствымъ, ни корыстолюбивымъ. Онъ не только лечилъ множество бѣдныхъ людей даромъ, но еще нерѣдко давалъ имъ на лекарства.

Арефьевъ, Ф. Написалъ компилятивную книгу «Три статьи о земледѣліи Рима, Франціи, Швеціи и Норвегіи и объ отношеніи послѣднихъ къ сѣвернымъ областямъ Россіи». Спб. 1842. Ц. 1 р. 25 к. (отзывъ въ «Библ. для Чт.» 1842. Т. 52, отд. 6, стр. 61—66).

Арз. (Арзамасецъ)—псевд. А. С. Пушкина.

Ар. Зав.—псевд. М. Бестужева-Рюмина

Аристарховъ, псевдонимъ Арс. И. Введенскаго («Русскія Вѣд.» 1880-хъ год. Критическіе фельетоны).

Аристархъ Завѣтный—псевд. М. Бестужева-Рюмина.

Аристовъ, Валеріанъ Владиміровичъ, видный нижегородскій общественный дѣятель конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ †). Учился въ 20-хъ годахъ въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, одно время служилъ въ Воронежѣ, а съ 1842 г. поселился въ Нижнемъ. Онъ былъ членомъ нижегородскаго комитета по крестьянскому дѣлу, въ которомъ примыкалъ къ крѣпостникамъ. По отношенію къ вопросамъ городского самоуправленія онъ держалъ себя болѣе прогрессивно. А. напечаталъ нѣсколько статей въ «Нижегор. губ. Вѣд.» 60-хъ гг. и брошюры: 1) «*Столѣтній юбилей М. В. Ломоносова, празднованный въ Ниж. Новгородѣ 4 апр. 1865 года*. М. 1865 г. 2) «*Нижегородскій водопроводъ*». М. 1865 г. 3) *Антоній II, послѣдній католикосъ Грузіи*». Ниж. Новгородъ, 1865 г.

Аристовъ, Григорій ††). Издалъ небольшую брошюру «*Теорія діато-*

---

†) Большая біографическая статья о немъ *А. С. Гацисскаго* помѣщена въ «Нижегор. Сборникѣ» т. III.

††) *П. Щуровскій* въ «Моск. Вѣд.» 1872 г. № 211. Отвѣтъ Аристова тамъ-же № 239.

ических гаммъ». Казань, 1871 г., 32 стр., на заглавномъ листѣ ко-
орой было написано «Изъ моей общей теоріи музыки». Однако, эта
Общая теорія музыки» не появилась въ свѣтъ. Извѣстный знатокъ му-
ыки Щуровскій отозвался о «теоріи» А., какъ о вещи диллетантской.

Аристовъ, Евменій Филипповичъ, анатомъ †), родился въ 1806 г., въ
рославской губерніи, въ бѣдной семьѣ сельскаго дьячка. Семейныя усло-
ія открывали ему для образованія одинъ лишь путь—его ближайшую къ
ѣсту жительства ярославскую духовную семинарію. Помѣщенный въ это
аведеніе, онъ прошелъ здѣсь полный курсъ. Что и какъ направило за-
ѣмъ Аристова къ изученію медицины—неизвѣстно. Извѣстно только, что
ъ 1826 г. онъ вступилъ въ число казенныхъ воспитанниковъ москов-
каго отдѣленія Медико-хирургической Академіи. Въ Академіи учился
ревосходно, почему, при выпускѣ изъ нея въ 1830 г. лекаремъ 1 отдѣ-
енія по медицинской и ветеринарной частямъ, былъ награжденъ золо-
ою медалью.

Окончаніе медицинскаго курса Аристовымъ пришлось въ тяжелую для
'оссіи годину, когда страшная холерная эпидемія надвигалась изъ Персіи
а низовья Волги. Была надобность въ слѣдующихъ врачахъ для борьбы
ъ эпидеміею. Въ Саратовѣ была организована центральная коммиссія
ля прекращенія холеры. Въ составъ этой коммиссіи были командированы
звѣстные въ то время профессора, какъ *Мудровъ*, проф. терапевтической
линики московскаго университета, *Дядьковскій*, бывшій наставникъ
ристова по терапіи въ московской Медико-хирургической Академіи. Въ
ту-же коммиссію былъ назначенъ и Аристовъ. На слѣдующій, 1381 годъ

---

†) 1) Объ ученыхъ путешествіяхъ профессоровъ, преподавателей и воспи-
анниковъ Казанскаго Университета съ 1827—1843 г. Журн. Мин. Нар. Просв.
840. Ч. 40. Отд. II. Стр. 69—70. 2) Евм. Фил. Аристовъ (некрологъ, составлен-
ый А. В. Петровымъ въ „Изв. Каз. Унив." 1876 г. № 1. 3) Некрологъ Е. Ф.
ристова, написанный Н. О. Ковалевскимъ и помѣщенный въ годичномъ от-
етѣ Общ. Ест. при Каз. Ун. за 1875—76 г. Протоколы этого года. Стр. 95—97
) Обозрѣнія препод. и годичные отчеты Каз. Ун. за разн. годы. 5) Извѣстія
Ученыя Записки Каз. Ун. Въ Изв. за 1865 г. объ оконч. службы Аристова
тр. 563—564; письмо Ар. въ Совѣтъ. Стр. 577—578, баллотировка Ар. въ
Совѣтѣ по оконч. 35 лѣтней службы, Стр., 586. Въ Изв. содержащихъ прото-
колы Совѣта за 1866 г. См. стр. 195, 276, 466, 507, 578; за 1867 г. Стр. 237,
526;—за 1868 г. Стр. 125, 367; за 1869 г. Стр. 31, 137, гдѣ помѣщены свѣдѣнія
приглашеніи Ар. въ качествѣ частнаго препод. и нѣкоторыя его ходатайства.
) *Л. Ф. Змѣевъ*. Русскіе врачи писатели. Спб. 1886 г. Стр. 8—9. 7) „Здоровье"
1875—76 г. № 35. 8) *П. В.* въ „Каз. Бирж. Листкѣ" № 87. 9) „Моск. Мед. Газ."
1876 г. № 10.

явилась новая надобность во врачахъ, именно на мѣстѣ военныхъ дѣйствій въ Польшѣ, и Аристовъ былъ перемѣщенъ ординаторомъ Брестъ Литовскаго военнаго госпиталя; тотчасъ вслѣдъ затѣмъ его назначили для особыхъ порученій при главномъ докторѣ военно-временныхъ госпиталей дѣйствующей арміи, а въ началѣ 1832 г.—перевели въ Калишскій госпиталь. Пока онъ исполнялъ обязанности врача на театрѣ военныхъ дѣйствій, московская Медико-хирургическая Академія, не забывавшая своего талантливаго воспитанника, успѣла исходатайствовать его возвращеніе къ научной дѣятельности въ качествѣ преподавателя этого заведенія. Такимъ образомъ, уже въ самомъ началѣ 1832 г. Аристовъ былъ назначенъ исправл. должн. адъюнкта зоотоміи, сравнительной физіологіи и эпизоотическихъ болѣзней, а въ половинѣ года явился къ новымъ обязанностямъ въ Москву. Здѣсь оканчивается для Аристова періодъ бродячей жизни и дѣятельности военнаго врача и начинается періодъ служенія наукѣ. Первое время, однако, преподавательское положеніе Аристова было непрочно и усложнено посторонними занятіями. Такъ въ 1833 г. онъ перемѣщается на описательную анатомію въ качествѣ прозектора и испр. должн. адъюнкта при профессорѣ анатоміи и въ то-же время назначается помощникомъ инспектора студентовъ. Казалось бы, что пріобрѣтеніе Аристовымъ степени доктора медицины въ 1834 г. должно было упрочить его преподавательское положеніе. Но ни это, ни утвержденіе его въ 1835 г., по экзамену, адъюнктъ-профессоромъ анатоміи не закрѣпило его на мѣстѣ. Распредѣленіе должностей въ Академіи по новому штату въ 1836 г. лишило Аристова преподавательской должности, а онъ остался при прозектурѣ и субъинспекторствѣ.

Но вотъ въ казанскомъ университетѣ открылась вакансія профессора анатоміи. Благодаря этому обстоятельству и благодаря отличной репутаціи, пріобрѣтенной Аристовымъ во время преподавательской дѣятельности въ московской академіи, онъ получаетъ въ 1837 г. назначеніе въ Казань въ качествѣ экстраординарнаго профессора, съ предварительнымъ откомандированіемъ на два года за границу для довершенія подготовки къ каѳедрѣ.

О пребываніи Е. Ф. за границею сохранился, къ сожалѣнію, лишь слишкомъ короткій оффиціальный отчетъ, напечатанный въ Журн. Мин. Нар. Просв. Изъ этого отчета мы узнаемъ, что въ Берлинѣ А. пользовался знакомствомъ и лекціями знаменитаго *Іоганнеса Мюллера* и вникалъ въ устройство анатомическаго театра; въ Галле—осматривалъ анатомическій кабинетъ *Меккеля*; въ Лейпцигѣ—посѣщалъ лекціи *Вебера*, а въ Дрезденѣ — лекціи *Зейлера* и *Каруса;* въ Прагѣ и Вѣнѣ — свелъ много интересныхъ знакомствъ съ учеными; въ Мюнхенѣ и Страсбургѣ—

осмотрѣлъ во всей подробности знаменитыя анатомическія и патолого-анатомическія собранія; въ продолженіе полугодичнаго пребыванія въ Парижѣ—занимался какъ анатомическими препаратами, такъ и тщательнымъ осмотромъ большого кабинета сравнительной анатоміи и посѣщалъ лекціи анатоміи и другихъ прикосновенныхъ къ ней наукъ; въ Лондонѣ, пробывъ короткое время, обратилъ особенное вниманіе на устройство больницъ, содержаніе и образъ леченія въ обширныхъ госпиталяхъ; наконецъ, по возвращеніи въ Россію, проѣздомъ чрезъ С.-Петербургъ и Москву, осмотрѣлъ тамошніе замѣчательнѣйшіе медицинскіе заведенія и кабинеты.

Одаренный отъ природы свѣтлымъ умомъ и тонкою наблюдательностью, Е. Ф. во время заграничной поѣздки быстро обогатилъ свой запасъ научныхъ знаній и осенью 1839 г. явился въ Казань вполнѣ достойнымъ представителемъ университетской каѳедры. А его каѳедра была тогда одна изъ самыхъ обширныхъ. На долю анатома приходилось преподаваніе не одной только описательной анатоміи человѣка, какъ это дѣлается теперь, но и преподаваніе такъ наз. общей анатоміи и анатоміи патологической. Общую анатомію Аристовъ понималъ не какъ одно только ученіе о типѣ микроскопическаго строенія тканевыхъ элементовъ. Ему думалось, что общая анатомія должна охватывать собою непремѣнно и ученіе о количественныхъ разницахъ каждой ткани въ различныхъ индивидахъ, поскольку онѣ выражаются въ общемъ анатомическомъ складѣ организма—въ тѣлосложеніи, въ ростѣ, въ формѣ цѣлаго и частей и т. д. Готоваго ученія въ этомъ смыслѣ не было, и Аристовъ поставилъ своею задачею положить основы ему. Руководимый принципами гармоніи въ составѣ каждаго организма, а равно и въ его дѣятельностяхъ, Аристовъ старался найти, путемъ ежедневныхъ наблюденій надъ людьми, такой критерій, который, при наибольшей доступности, позволялъ-бы установить анатомическіе типы индивидовъ. Желающихъ ближе ознакомиться съ воззрѣніями Аристова на задачи общей анатоміи и съ его рѣшеніемъ одной изъ нихъ (именно о тѣлосложеніяхъ), мы отсылаемъ къ статьѣ его «О тѣлосложеніяхъ». При этомъ предваряемъ читателя, что онъ не найдетъ тамъ требуемыхъ современною наукою точныхъ гистологическихъ, физическихъ и химическихъ данныхъ для вывода законностей, но увѣрены, что онъ будетъ пораженъ необыкновенною наблюдательностью автора и талантомъ пользованія ею для рѣшенія широко поставленныхъ задачъ.

Исходя изъ того-же принципа гармоніи въ сложеніи и въ дѣятельностяхъ каждаго организма, Аристовъ старался изъ общихъ анатомическихъ свойствъ индивида выводить и его наклонность къ заболѣва

тѣмъ или другимъ патологическимъ процессомъ, и самый патолого-анатомическій ходъ процесса. Будучи въ патологической анатоміи послѣдователемъ гуморальнаго направленія, Аристовъ обращалъ особое вниманіе на кровь. Отсюда возникъ рядъ самостоятельныхъ наблюденій его, тянувшихся цѣлый годъ, надъ быстротою свертыванія крови, надъ физическими свойствами свертка, надъ содержаніемъ воды въ немъ и проч. при нормальномъ и при патологическихъ состояніяхъ (въ 40-хъ и 50-хъ годахъ были еще въ ходу обильныя кровопусканія, почему матеріалъ былъ обильный). Свертываніе-же крови интересовало Аристова потому, что здѣсь онъ искалъ разъясненія хода пластическихъ процессовъ въ здоровыхъ и больныхъ организмахъ.

Интересующіеся развитіемъ ученаго типа Аристова найдутъ объясненіе его въ состояніи науки того времени, когда учился Аристовъ. Это было время перехода отъ философскаго трансцендентализма къ реализму, и самые здоровые, склонные къ реализму умы еще работали на философской подкладкѣ. Яркая характеристика этого историческаго періода сдѣлана Н. И. Пироговымъ въ его воспоминаніяхъ.

Какъ преподаватель, Аристовъ не былъ лабораторнымъ учителемъ, въ нынѣшнемъ смыслѣ, ведущимъ на помочахъ своихъ учениковъ. Онъ стремился лишь пробудить интересъ и самодѣятельность въ слушателяхъ—самодѣятельность въ отношеніи наблюденія и самодѣятельность въ отношеніи осмысливанія наблюдаемаго. Обладая замѣчательнымъ даромъ слова, не изысканнаго, но живого русскаго слова, обладая образностью изложенія и талантомъ быстро схватывать аналогіи изъ единичной и общественной жизни человѣка и изъ жизни природы, Аристовъ положительно увлекалъ молодежь того времени и картинностью описанія анатомическихъ объектовъ, и смѣлостью обобщеній. Высшаго идеала преподавателя она не могла себѣ представить. Этому обаянію помогала самая внѣшность Аристова, привлекательная своею оригинальностью. Его высокая, сухощавая, но тѣмъ не менѣе стройная фигура, умное, выразительное лицо съ небольшими, но полными жизни карими глазами, обрамленное рано посѣдѣвшими, длинными и густыми, волнистыми волосами, складывавшимися, какъ бы сами собою, на манеръ шевелюры фернейскаго философа, звучный голосъ,—все это, вмѣстѣ взятое, выдвигало его изъ ряда. Наконецъ, обаяніе поддерживалось нравственнымъ обликомъ Аристова, о которомъ постепенно, изъ года въ годъ, слагались въ средѣ молодежи цѣлыя преданія. Молодежь знала, что онъ принужденъ былъ рано уйти изъ общественной жизни и сдѣлаться отшельникомъ и что весь смыслъ его жизни, всѣ лучшія его надежды составляла она—эта молодежь; она знала все это и шла за нимъ, какъ за своимъ оракуломъ въ наукѣ и нравственности.

29 лѣтъ Аристовъ преподавалъ анатомію въ казанскомъ университетѣ и масса слушателей разнесла во всѣ концы Россіи славу своего профессора.

Оффиціально служба Аристова, въ качествѣ штатнаго профессора, окончилась въ 1866 г., но онъ, несмотря на свою болѣзненность и дряхлость, еще два года читалъ, за недостаткомъ замѣстителя, описательную анатомію, какъ частный преподаватель, по просьбѣ факультета. Закончивъ свою университетскую дѣятельность, онъ прожилъ, не выѣзжая изъ Казани 7 лѣтъ и тихо скончался 26 октября 1875 г.

Внѣшними отличіями, полученными Аристовымъ при жизни, были: званіе заслуженнаго ординарнаго профессора, чинъ статскаго совѣтника, ордена св. Станислава 2-й ст. съ короною и св. Анны 3-й ст., званіе почетнаго члена казанскаго университета, почетнаго члена Общества Врачей г. Казани и почетнаго члена Общества Естествоиспытателей при казанскомъ университетѣ. Посмертнымъ отличіемъ служитъ портретъ его, помѣщенный въ аудиторіи анатомическаго театра каз. унив., гдѣ такъ долго раздавалось его слово.

Печатные труды Е. Ф. Аристова:

1) De comno et vigilio. Diss. Mosquae. 1834. 8⁰. 2) Начертаніе анатоміи топографической или анатоміи по мѣстностямъ, принаровленной преимущественно къ хирургіи и оперативной медицинѣ. Ф. Фр. *Бландена*. Переводъ со 2-го франц. изд. Москва. Ч. 1841; ч. 2. 1840. 3) Критическій разборъ успѣховъ новѣйшей микроскопической анатоміи по части нервологіи. Журн. Мин. Нар. Просв. 1843. Ч. 39. Отд. II. Стр. 1—37. 4) Необыкновенное устройство сѣмяннаго холмика. Зап. по части врач. наукъ, изд. Дубовицкимъ. Спб. 1844. Кн. 3. ч. Стр. 62—63. 5) О значеніи внѣшности человѣка. Актовая рѣчь въ Каз. Ун. Прилож. къ Обозрѣнію препод. въ И. Каз. Ун. Казань. 1846. 4⁰. Стр. 3—18. 6) О тѣлосложеніяхъ. Лекція изъ общей анатоміи. Учен. Зап. Каз. Ун. 1853. Кн. II. Стр. 3—45. 7) Отношеніе между плотностью кровяныхъ печенокъ и количествомъ содержащихся въ нихъ пасоки и фибрина. Другъ Здравія. 1855. № 4. 8) Шафранный цвѣтъ кровяной сыворотки Другъ Здр. 1855, № 31. 9) Продолженіе гемостат. изслѣдованія. Другъ Здравія. 1855, № 48. 10) Наблюденія надъ человѣческою кровью. М. Вр. Ж. I. 13. 11) О способѣ происхожденія краснаго слоя на печенкѣ крови. Учен. Зап. Каз. Ун. 1856. Ч. III. Стр. 1—48. 12) Воспалительная плева въ прямомъ отношеніи съ фибриномъ, а фибринъ въ прямомъ отношеніи съ бѣлкомъ. Военно-Медиц. Журн. 1856. Ч. 67. Стр. 37—48. 13) Лекціи изъ общей патологической анатоміи. Учен. Зап. Каз. Ун. 1857. Кн. III. Стр. 3—20. 14) Изъ портфеля доктора (въ рукописи статья эта, читанная авторомъ въ Общ. любит. отеч. слов. при Каз. Ун., была озаглавлена: «О пользѣ медицины»). Время 15) Критическій разборъ нѣкоторыхъ основныхъ мыслей, высказанныхъ Р. Вирховымъ въ целлюлярной патологіи (Библ. Мед. Наукъ Хана. Спб. 1859. 629).

Остались ненапечатанными:

1) Переводъ анатоміи Краузе (уже въ 1841 г. приготовленный къ печати). 2) О микроскопическомъ изслѣдованіи надъ нервами и 3) О причинѣ часто встрѣчающихся скошенныхъ череповъ человѣческихъ. (Обѣ послѣднія статьи были читаны авторомъ въ Ученомъ Обществѣ при Каз. Ун. въ 1843 г.).

Н. Ковалевскій.

Аристовъ, И. Написалъ 3-актную драму «Муромскій лѣсъ или разбойники», М. 1812 г., нелѣпую во всѣхъ отношеніяхъ и лишенную всякаго признака дарованія.

Аристовъ, К. С. Читалъ въ 50-хъ годахъ въ Горномъ Институтѣ математику †).

Аристовъ, Николай Яковлевичъ, историкъ ††) По происхожденію сынъ священника. Родился въ тамбовской губерніи въ 1834 году, ум. 26 августа 1882 г. въ Нѣжинѣ, черниговской губерніи; воспитывался въ тамбовской духовной семинаріи и казанской духовной академіи; окончилъ въ послѣдней курсъ въ 1858 году кандидатомъ богословія, написавъ диссертацію «Взглядъ древнихъ русскихъ лѣтописцевъ на событія міра» (напеч. въ «Правосл. Собесѣдн.» 1859 г., кн. 5 и 12). Въ академіи Аристовъ занимался не столько богословскими науками, сколько изученіемъ русской и славянской старины и народности, слушая русскую исторію у А. П. Щапова, почти его товарища по академіи (кончилъ курсъ въ 1856 году) исторію и обличеніе раскола старообрядства у однокурсника Щапова И. М. Добротворскаго, славянскія нарѣчія и церковно-славянскій языкъ у профессора казанскаго университета В. И. Григоровича, приглашеннаго въ

† *Лоранскій*, «Ист. От. Горн. Инст.», стр. 130.

†† *Біографическія* данныя о немъ: 1) И. Б—въ въ «Моск. Вѣд.» 1882 г., № 245 и 1883 г., № 257. 2) «Ист. Вѣст.» 1882 г., № 10, стр 225. 3) М. *Филипповъ* въ «Вѣкѣ» 1882 г., № 11 и 12. 4) «Изв. Ист. Фил. Инст. кн. Безбородко» 1883 г., т. VII. 5) «Церк. Общ. Вѣст.» 1882 г., № 115. 6) «Нов. Вр.» 1882 г., № 2333. 7) «Кіевлянинъ» 1882 г. № 196. 8) *Д. Д. Языковъ,* Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус. пис.» Вып. II. 9) *В. К. Симанскій,* «Библіографія сочиненій профессора Н. Я. Аристова. Спб. 1887.

Отзывы о его трудахъ: О «*Промышленности древней Руси*: 1) «В. Евр.» 1860 г. № 4. 2) «От. Зап.» 1869 г. № 1, въ статьѣ «Когда благоденствовалъ русскій народъ».

О «*Христоматіи*» 1) «Рус. Ст.» 1870 г. № 12. 2) «Голосъ» 1871 г. № 213. 3) «Пед. Сбор.» 1871 г. № 8. 4) «Фил. Зап.» 1870 г. Вып. 6. О «*Моск. Смутахъ*»: 1) „От. Зап.» 1871 г. № 7. 2) «В. Евр.» 1871 г. № 7 и 8. 3) «Дѣло» 1871 г. № 8. 4) «Сынъ Отеч.» 1871 г. № 130.

то время для преподаванія этихъ предметовъ въ казанскую духовную академію.

Несмотря на влеченіе къ изученію русской и славянской старины и народности, Аристовъ былъ назначенъ въ симбирскую семинарію преподавателемъ математики (по распоряженію ректора академіи, раздававшаго въ то время преподавательскія спеціальности не только въ семинаріяхъ, подвѣдомственныхъ тогда академіи, но и въ самой академіи,—по своему усмотрѣнію) и лишь нѣкоторое время спустя Аристову поручено было въ той же семинаріи преподаваніе русской словесности. Тяготясь семинарской службой, Аристовъ въ 1861 году оставилъ ее и поѣхалъ искать счастья въ Петербургъ, гдѣ надѣялся встрѣтить удобныя условія для самостоятельныхъ занятій своими любимыми предметами. И дѣйствительно, войдя въ Петербургѣ въ разные литературные и журнальные кружки, Аристовъ успѣшно сталъ заниматься русской исторіей, сдалъ въ 1863—1864 гг. магистерскій экзаменъ въ петербургскомъ университетѣ, а въ 1866 году защитилъ тамъ же диссертацію на магистра: «Промышленность древней Руси». Одновременно съ учеными занятіями онъ принялъ живое участіе въ журналистикѣ, помѣщая рецензіи и монографіи по русской исторіи во «Времени», журналѣ, издававшемся М. М. Достоевскимъ, «Библіотекѣ для Чтенія», «Отечественныхъ Запискахъ», «Сѣверномъ Сіяніи», иллюстрированномъ сборникѣ Генкеля и въ газетѣ «Очерки», выходившей въ 1863 г. подъ редакціей Н. А. Очкина, при дѣятельномъ участіи Г. З. Елисѣева, бывшаго профессоромъ русской исторіи въ казанской духовной академіи до Щапова. Кромѣ того, Аристовъ работалъ въ Археографической Коммиссіи и въ Русскомъ Географическомъ Обществѣ, помѣщая статьи въ изданіяхъ этихъ ученыхъ учрежденій. За статью «Преданія о кладахъ» онъ получилъ серебряную медаль отъ Географическаго Общества, котораго состоялъ членомъ-сотрудникомъ.

Въ 1867 году Аристовъ былъ избранъ вторымъ доцентомъ по каѳедрѣ русской исторіи въ казанскій университетъ, гдѣ уже состоялъ доцентомъ по той же каѳедрѣ Н. А. Ѳирсовъ. 25 января 1868 г. Аристовъ открылъ свой курсъ въ Казани вступительной лекціей: «О современномъ состояніи и значеніи русской исторіи» (напеч. въ Учен. Зап. Казанск. Ун—та 1868 года) и оставался доцентомъ въ казанскомъ университетѣ до конца 1869 года, когда перешелъ экстраординарнымъ профессоромъ русской исторіи въ варшавскій университетъ. Въ Казани Аристовъ преподавалъ: 1) такъ наз. *пропедевтику* русской исторіи, знакомя студентовъ съ важнѣйшими источниками до петровской исторіи и съ развитіемъ русской исторіографіи, 2) прагматическій обзоръ событій древнѣйшей и древней русской исторіи до Петра В., преимущественно останавливаясь на исторіи

народнаго быта, нравовъ и экономическаго положенія населенія удѣльно-вѣчевого и московско-царскаго періодовъ. Въ началѣ 1869 года Аристовъ былъ командированъ отъ казанскаго университета въ Москву депутатомъ на 1-й Археологическій Съѣздъ и, познакомившись на немъ съ графомъ А. С. Уваровымъ, былъ избранъ въ члены Московскаго Археологическаго Общества и сталъ участникомъ періодическаго изданія этого Общества «Древности» и дѣятельнымъ сотрудникомъ графа Уварова въ составлявшемся послѣднимъ «Русскомъ археологическомъ словарѣ».

Въ 1871 году Аристовъ пріѣзжалъ изъ Варшавы въ Казань для защиты своей докторской диссертаціи: «Московскія смуты въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны» (напеч. въ «Варшавскихъ унив. извѣстіяхъ» 1870 и 1871 гг., а затѣмъ отдѣльно въ Варшавѣ въ 1871 г.) и послѣ защиты ея былъ немедленно повышенъ въ ординарные профессоры варшавскаго университета, но здѣсь оставался недолго: въ 1873 г. онъ перешелъ въ Харьковъ также профессоромъ русской исторіи и пробылъ тамъ всего лишь два года; въ 1875 году былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ и инспекторомъ нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института кн. Безбородки. На этой послѣдней должности А. оставался до конца жизни. Во время своего профессорства въ Казани, Варшавѣ, Харьковѣ и Нѣжинѣ А. не переставалъ помѣщать ученыя статьи въ журналахъ и кромѣ упомянутыхъ выше трудовъ, напечаталъ съ 1868 по 1882 годъ болѣе 30 монографій въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и въ Трудахъ двухъ археологическихъ съѣздовъ: Кіевскаго (въ 1874 г.) и Казанскаго (въ 1877 г.), изъ коихъ на послѣднемъ онъ присутствовалъ лично.

Важнѣйшія изъ монографій и работъ А. появились въ отдѣльномъ изданіи, именно:

1) *Первыя времена христіанства въ Россіи по церковно-историческому содержанію русскихъ лѣтописей.* Изд. *В. Симанскій.* Спб. 1888 г. in 8⁰. 186 стр. (Перепечатка по поводу 900-лѣтія введенія христіанства въ Россіи трехъ монографій изъ первыхъ трудовъ А.: 1) Взглядъ древн. русск. л-цевъ на событія міра (Прав. Собес. 1859 г., кн. 5 и 12); 2) Обз. русск. лѣтописей въ содержаніи ихъ и характерѣ, преимуществ. церковно-историч. (ibid. 1860 г., кн. 4—6); 3) Взглядъ на церк.-ист. содерж. русскихъ лѣтописей (Духъ Христіанина, 1861 г., кн. 2—3). 2) *Промышленность древней Руси.* Спб. 1866 г., in 8⁰. 321 стр. (Первоначально появилось въ «Б. д. Чт.» 1865 г.) 3) *Хрестоматія по Русской исторіи для изученія древнерусской жизни, письменности, литературы* отъ нач. письменности до XVI в., Варш. 1870 г., in 8⁰, 800 стр. 4) *Московскія смуты въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны.* Варш. 1871 г., in 8⁰. 158+XLVI+100 стр. (Изъ «Унив. Изв.») 5) *Объ историч. знач. русск. разбойничьихъ пѣсенъ.* Воронежъ. 1875 г., in 8⁰, 165 стр. Изъ «Фил. Зап.» 6) *А. П. Щаповъ, его жизнь и сочиненія.* Изд. *В. Симанскій.*

Спб. 1882 г., in 8⁰, 192 стр. (Изъ «Истор. Вѣст.» 7) *Сочиненія Н. В. Гоголя, со стороны отечественной науки*. Спб. Изд. *В. Симанскаго*. 1883, in 8⁰. (Изъ «Вѣка»)

Кромѣ того по разнымъ журналамъ разбросаны слѣдующія статьи Аристова:

1) *Взглядъ христіанства на сновидѣнія*. (Тамб. Епарх. Вѣд. 1854 г.). 2) *Повѣсть о бражникѣ* (Рус. Бес. 1859 г., кн. 18). 3) *О недостаткѣ вѣры въ русскомъ народѣ* (Ibid., 4). 4) *По поводу новыхъ изданій о расколѣ* (Время, 1862, 1). 5) *Очеркъ крестьянской свадьбы* (Волга, 1862, №№ 13, 14 и 16). 6) *Отживающія воззрѣнія* (Библ. для Чт. 1862, 5, подъ псевд. *Н. Я. Вѣтвицкаго*). 7) *Слѣдствія паденія общиннаго и выборнаго начала* (Ibid. 6, подъ тѣмъ-же псевд.). 8) *Что нужно для русской исторіи въ настоящее время?* Ibid., 8, тотъ-же псевд.). 9) *Внутреннее обозрѣніе* (Ibid.) 10) *Чиновничій элементъ въ разработкѣ русской исторіи* (Ibid., 12, подъ псевд. Вѣтвицкаго). 11) *Русскіе города и ихъ администрація* (Ibid., 6). 12) *Устройство раскольничьихъ общинъ* (Ibid. 7). 13) *Преданія о разбойникахъ* (Сѣв. Сіяніе, 1864, № 6). 14) *Посошковъ и Абрамовъ* (Библ. д. Чт. 1864, 2). 15) *Разбойники и былые временъ Петра Великаго* (Ibid., 10 и 11). 16) *Н. М. Карамзинъ, какъ русскій историкъ* (Литерат. Библ. 1866 г., 4). 17) *О чтеніяхъ въ обществѣ исторіи* (Отеч. Зап. 1866 г., кн. 23). 18) *Записки по отдѣленію этнографіи въ Императорскомъ географическомъ обществѣ* (Ibid., 8). 19) *Преданія о кладахъ* (Зап. Импер. геогр. общ. 1867, 1). 20) *По поводу памятной книжки Таврической губерніи* (Отеч. Зап. 1867, 19). 21) *Описаніе города Тамбова и Верхоценскихъ областей.* (Лѣтопись занятій археограф. коммисіи, 1868, вып. IV). 22) *Объ отличительныхъ чертахъ древне-русской исторической жизни* (Варш. Университ. Изв. 1870, кн. 1)—вступит. лекція. 23) *О современномъ состояніи и значеніи русской исторіи,* вступит. лекція. (Учен. Записки Казанск. Универс. 1868). 24) *По поводу диспута г. Нильскаго* (Заря 1870, 11). 25) *Преданія о мѣстныхъ святыняхъ*. Древн. и Нов. Россія 1875, 26). *Повѣсть о Ѳомѣ и Еремѣ* (Ibid. 1876, г., 3). 27) *О симбирскихъ раскольникахъ* (Правосл. Соб. 1877, 1). 28) *О землѣ Половецкой* (Изв. истор.-филол. инстит. кн. Безбородко, 1877, 1). 29) Состояніе образованія Россіи въ царствованіе Александра I. (Ibid., III). 30) *Русскія народныя преданія объ истор. лицахъ и событіяхъ* (Труды третьяго археологич. съѣзда 1878. т. I). 31) *Замѣтки о поученіяхъ епископа Серапіона* (Ibid., т. II). 32) *Невольное и неохотное постриженіе въ монашество у нашихъ предковъ*. (Др. и Нов. Россія 1878, 5—9). 33) *Названіе и гербъ города Ряжска* (Ibid. 1879, 6). 34) *Разработка русской исторіи въ послѣднія двадцать пять лѣтъ* (Ист. Вѣст. 1880, 4). 35) *Преданія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ* (Ibid., 9). 36) *Симбирскіе юродивые* (Ibid., 11). 37) *Александръ Григорьевичъ Ильинскій* (Др. и Нов. Россія 1878, 5). 38) *Къ характеристикѣ Іоанна, бывш. епископа Смоленскаго* (Истор. Вѣст. 1880). 39) *Историческое значеніе сочиненій Гоголя* (Ист. Вѣст. 1883, 9). 40) *Гоголь, какъ націоналистъ* (Вѣкъ, 1882, 2—4). 41) *О раскольничьихъ дѣлахъ* XVIII ст. (Библ. д. Чт. 1863, 4). 42) *О сельскомъ управленіи* въ Россіи (Библ. д. Чт. 1864 г., № 6). 43) *Взглядъ христіанина на сновидѣнія.* (Тамб. Еп. Вѣд. 1867, стр. 442—456).

Рецензіи: 1) О книгѣ Пекарскаго: Наука и литература при Петрѣ Великомъ Библ. д. Чт. 1862, 4 и Свѣточъ 1862, 6). 2) О книгѣ Костомарова: Сѣверно-русскія народоправства (Библ. д. Чт. 1863, 3). 3) О книгѣ Есипова: Царица Евдокія Ѳедоровна. (Ibid.,. 6) 4) О книгѣ Глѣбова: Психологія (Ibid. 10). 5) О книгѣ

Устрялова: Исторія царствованія Петра Великаго (Ibid., 6). 6) О сочиненіи Костомарова: Кто былъ первый Лжедмитрій? (Ibid., 8). 7) О книгѣ Добрякова: Русская женщина въ домонгольскій періодъ (Ibid., 9). 8) О книгѣ Барсова: Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи (С.-Петер. Вѣд. 1865 № 319). 9) О сочиненіи Ѳирсова: Положеніе инородцевъ въ восточно-сѣверной Россіи. (Отеч. Зап. 1866, 11). 10) О книгѣ Поссельта: Францъ Лефортъ (Отеч. Зап. 1867, 1). 11) Объ исторіи Россіи Соловьева. (Ibid., 2). 12) О сочиненіи Градовскаго: Высшая администрація Россіи XVIII ст. (Ibid., 3). 13) О Русск. Архивѣ Бартенева (Ibid., 6). 14) О книгѣ Дубровина: Закавказье (Отеч. Зап. 1867, 9). 15) О книгѣ Лонгинова: Новиковъ и московскіе мартинисты. (Ibid., 20). 16) О сочиненіи Хмырова: Графини Е. И. Головкина. (Ibid., 22). 17) О книгѣ Иловайскаго: Гродненскій сеймъ (Заря, 1871, 5). 18) О книгѣ Владимірскаго-Буданова Государство и народное образованіе въ Россіи (Др. и Нов. Россія 1875, 9). 19) О книгѣ Загоровскаго: Историческій очеркъ займа по русскому праву (Ibid., 5).

Небольшія *біографіи:* 1) Андрея Іоаннова Журавлева, 2) Андрея Сергѣева, 3) Ивана Анкиндинова, 4) Арсенія Глухого, 5) Арсенія Грека, 6) Арсенія Суханова, 7) Ефремія, расколоучителя, были помѣщ. въ «Энциклоп. Слов.» изд. рус. литер. и учеными.

Газетныя статьи: въ «Еженед. Нов. Вр.» 1879 г., т. I, стр. 731—38 и, т. III, стр. 107—120, въ «Нов. Вр.» 1879. № 1180 г., въ «Недѣлѣ» 1881 г. (О Славянскихъ мин. вод.). Одно стихотвореніе его напечатано въ «С. От.» 1886 г. № 13).

Заслуги А. въ разработкѣ русской исторіи опредѣляются изученіемъ нѣкоторыхъ частныхъ явленій, преимущественно бытовой исторіи. Усердный и трудолюбивый собиратель фактовъ, А. представилъ въ своей магистерской диссертаціи весьма полный сводъ данныхъ изъ лѣтописей и другихъ источниковъ по исторіи русской промышленности до XV в., а во множествѣ своихъ журнальныхъ статей далъ цѣлый рядъ спеціальныхъ замѣтокъ по исторіи лѣтописей, народныхъ пѣсней и преданій, нравовъ, обычаевъ и домашняго и общественнаго быта допетровской Руси и по исторіи раскола старообрядства. Его «Хрестоматія по русской исторіи... отъ начала письменности до XVI в.» (Варшава 1870 г., in 8°, 800 стр.) является весьма полезнымъ пособіемъ при изученіи древней русской исторіи по значительному количеству отрывковъ изъ письменныхъ источниковъ и многихъ изслѣдованій, хотя можно бы было пожелать болѣе тщательнаго выбора. Но во всѣхъ этихъ детальныхъ изученіяхъ А. не положилъ въ основу твердо установленныхъ, ясно сознанныхъ общихъ историко-философскихъ, научныхъ принциповъ. Онъ даже не стремился къ выработкѣ такихъ принциповъ, а потому былъ совершенно чуждъ объективности въ воззрѣніяхъ, отличаясь крайнимъ и неумѣреннымъ субъективизмомъ и предвзятыми идеями.

Автодидактъ въ исторической наукѣ, не имѣя правильной философской и историко-критической школы, А. ставилъ критеріумомъ своихъ

историческихъ сужденій и выводовъ не научныя положенія, а свои житейскія ходячія воззрѣнія, сложившіяся у него, какъ у всякаго человѣка, при взаимодѣйствіи цѣлаго ряда условій и вліяній. Его субъективныя качества, среда, изъ которой онъ вышелъ, его воспитаніе, ученіе, наконецъ время, въ которое онъ жилъ—явились факторами въ образованіи его воззрѣній. Будучи лично человѣкомъ безусловно честнымъ и сердечнымъ, но не обладая ни широкимъ кругозоромъ, ни жизненнымъ тактомъ, А. никогда не лукавилъ, дѣйствовалъ всегда на прямикъ и не соображая послѣдствій; сужденія свои онъ постоянно высказывалъ откровенно, но они не отличались ни критицизмомъ, ни обдуманностью, вслѣдствіе чего въ большинствѣ случаевъ были недостаточно доказательны и убѣдительны, а нерѣдко и противорѣчивы одно другому. Такимъ А. былъ въ жизни, такимъ являлся онъ и въ области историческаго изученія, въ своихъ отношеніяхъ къ историческимъ источникамъ и фактамъ и къ ученымъ воззрѣніямъ другихъ изслѣдователей. Впечатлѣнія юности, вынесенныя имъ изъ быта приходскаго сельскаго духовенства, духовнаго училища и семинаріи—легли въ основу его историческихъ *симпатій* и *антипатій*, замѣнявшихъ у А. научныя положенія. Соболѣзнованіе приниженному состоянію приходскаго духовенства и глубокое уваженіе къ энергичнымъ людямъ, вышедшимъ изъ этого сословія на широкій и самостоятельный жизненный путь, несочувствіе къ духовенству монашествующему, всегда угнетавшему духовенство приходское, любовь къ народнымъ массамъ, придавленнымъ крѣпостнымъ правомъ, и ненависть къ чиновникамъ и дворянству, кичившемуся передъ духовенствомъ и эксплуатировавшему крестьянъ—вотъ основныя изъ этихъ симпатій, А., унаслѣдованныхъ имъ традиціонно отъ предковъ и развитыхъ средой, въ которой протекла его юность. Въ духовной академіи онъ встрѣтилъ знакомый уже ему антагонизмъ между бѣлымъ и чернымъ духовенствомъ, а лекціи Щапова, этого даровитаго самоучки въ русской исторіи, проводившаго въ своихъ лекціяхъ *народническія* воззрѣнія, какъ нельзя болѣе пришлись А. по душѣ и дали ему возможность, такъ сказать, исторически оправдать свои склонности. Біографія Щапова, написанная А., даетъ много матеріала для изученія историческихъ воззрѣній ея автора и быта казанской духовной академіи конца 50-хъ годовъ и по отношенію къ А. имѣетъ большое автобіографическое значеніе. Въ Петербургѣ А. попалъ во время умственнаго возбужденія русской литературы и публицистики послѣ 19 февраля 1861 года, когда лучшіе представители интеллигенціи идеализировали русскаго *мужичка*, и когда по адресу дворянства и «правящихъ классовъ» отовсюду раздавались одни только обвиненія и нареканія. То былъ медовый мѣсяцъ общественныхъ реформъ прошлаго

царствованія, когда всѣ передовые русскіе люди восторженно привѣтствовали паденіе крѣпостного права и услаждали себя радужными миражами въ будущемъ. Весьма естественно, что такое общественное настроеніе, не будучи провѣрено строго научными изученіями, способствовало къ укрѣпленію въ А. его давнихъ симпатій и антипатій, и къ окончательной формировкѣ его историческихъ воззрѣній, представляющихъ нѣкоторую разновидность славянофильства.

Основнымъ убѣжденіемъ А. является ходячій въ 60-хъ годахъ *народническій шовинизмъ*, отразившійся въ литературныхъ и публицистическихъ произведеніяхъ цѣлаго ряда писателей того времени. По воззрѣніямъ А. русскій народъ, преисполненный невыясненныхъ затаенныхъ думъ и стремленій, развиваетъ ихъ въ своей исторіи. Этихъ думъ и стремленій не въ состояніи понять люди чуждыхъ національностей, въ особенности германскихъ и романскихъ, какъ выросшіе и развившіеся на совершенно иной расовой и исторической почвѣ. Носителемъ этихъ думъ и стремленій является не такъ наз. интеллигенція, а *народная масса*, непонятая не только иностранцами, но и своими людьми, правящими сферами и высшимъ классомъ, оторванными отъ общей съ ней жизни реформой Петра В. и образовавшимися по образу и подобію западно-европейскому. Народныя массы, какъ только зачалась государственная власть на Руси, всегда были подавлены, и въ этомъ отношеніи московское единодержавіе составляетъ только поступательный шагъ впередъ сравнительно съ предшествовавшимъ ему княжеско-дружиннымъ порядкомъ. Петръ В. и его преемники окончательно поработили народъ, прибавивъ къ прежнему еще духовное порабощеніе западно-европейскимъ просвѣщеніемъ. Въ теченіе XVIII и XIX в. только духовенство поддерживаетъ древне-русскія народныя традиціи и ученые, происходящіе изъ этого сословія, являются истинными представителями русскаго просвѣщенія. А. до того упорно держится такого софизма, что выдвигаетъ на первый планъ просвѣтительную дѣятельность лицъ духовнаго происхожденія даже въ вѣкъ Александра I, когда вся русская интеллигенція почти сплошь состояла изъ дворянства (см. его рѣчь, произнес. въ Нѣжинѣ при празднованіи 100-лѣтней годовщины рожденія Александра I). Петра Великаго А. не любилъ и смотрѣлъ на него съ тѣмъ же озлобленіемъ, съ какимъ относились къ первому русскому императору стрѣльцы и раскольники. Свои воззрѣнія на Петра В. и его реформу А. изложилъ въ монографіи «Московскія смуты въ правленіе царевны Софіи Алексѣевны». Въ книгѣ этой заключаются поразительные курьезы, доказывающіе отсутствіе у А. историко-критическихъ пріемовъ и пониманія западно-европейской исторіи и науки. Разсматривая литературу вопроса о смутахъ въ правленіе царевны Софьи, А. является без-

условнымъ панегиристомъ ея и столь же безусловнымъ порицателемъ Петра В. Всѣ писатели—современники и позднѣйшіе изслѣдователи, сочувствовавшіе «вѣчному работнику на тронѣ» и его реформѣ, считаются А. писателями недостовѣрными, и наоборотъ тѣ изъ нихъ, которые стояли на сторонѣ сестры Петра В.—писателями достовѣрными и безпристрастными. Характеристика Вольтера, сдѣланная А., поражаетъ своею наивностью.

XXIV.

Аристъ—псевд. кн. Вл. Ѳ. Одоевскаго.

Аркадій Славскій. См. Славскій.

Аркадій, старецъ †). Въ «Четьи-Минеяхъ» митрополита Макарія подъ 31 іюля помѣщенъ его писанный въ 1538 г. полемическій трактатъ, направленный главнымъ образомъ противъ Флорентинскаго Собора 1438 и подписавшаго на этомъ соборѣ актъ соединенія обѣихъ церквей митрополита Исидора

Аркановъ, П. Г., рано-умершій литераторъ, подававшій надежды ††). По окончаніи курса въ Петерб. университетѣ, писалъ фельетоны въ «Сѣв. Пчелѣ» 1860—61 г. и статьи въ «Свѣточѣ» 1862 г. Умеръ въ г. Мамадышахъ въ іюнѣ 1865 г.

Аркасъ, Захарій Андреевичъ, археологъ ††), родился въ 1793 г. въ городкѣ Литохоро у подошвы горы Олимпа въ Ѳессаліи. Отецъ его, одинъ изъ немногихъ хорошо образованныхъ греческихъ выходцевъ въ Россію, въ началѣ настоящаго столѣтія переселился въ г. Николаевъ, гдѣ занимался преподаваніемъ древнихъ языковъ и исторіи, получилъ дворянское званіе и пріобрѣлъ небольшое имѣніе въ херсонской губерніи. Всю свою жизнь Андрей А—съ не переставалъ заниматься археологіей и греческимъ языкомъ и составилъ «Русско-греческо-латинско-французско-нѣмецкій словарь», который однако же не успѣлъ окончить. Сыновьямъ своимъ онъ далъ дома хорошее классическое образованіе, а старшему Захарію передалъ и наклонность къ археологіи и вообще къ научнымъ занятіямъ. Шестнадцати лѣтъ Захарій А—съ поступилъ въ николаевское

---

†) 1) *Филаретъ*, Обзоръ, стр. 139. 2) *Строевъ*, Описаніе рукописей Царскаго № 425.

††) 1) «Книж. Вѣст.» 1865 г., стр. 418. 2) *Геннади*, Словарь.

†††) О немъ: 1) З. А. Аркасъ (некрологъ) Н. Мурзакевича. Записки одесск. общества исторіи и древностей, т. VI, стр. 492 и слѣд. 2) Краткія свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1866 г. Геннади. Рус. Арх. 1868, ст. 2001 и слѣд.; тоже въ словарѣ.

штурманское училище, и въ 1816 г. былъ выпущенъ оттуда въ 41-й флотскій экипажъ мичманомъ. Во время своей службы во флотѣ З. А—съ участвовалъ въ нѣсколькихъ морскихъ сраженіяхъ и получилъ два ордена за храбрость, св. Анны 3-й ст. и св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ, но по разстроенному здоровью въ 1839 г. долженъ былъ оставить строевую службу во флотѣ и поселился въ Севастополѣ, сначала въ званіи смотрителя штурманской роты, занимая вмѣстѣ съ тѣмъ должности предсѣдателя севастопольскаго статистическаго комитета и попечителя Петропавловской церкви, затѣмъ предсѣдателя коммиссіи по построенію храма св. Владиміра и инспектора дѣвичьяго училища дочерей нижнихъ чиновъ черноморскаго вѣдомства; послѣ того инспектора севастопольскаго карантина и наконецъ директора и строителя севастопольской морской офицерской библіотеки. Особенно важны заслуги А—са въ послѣдней его должности:—въ дѣло устройства этой библіотеки онъ вложилъ всю свою душу и поставилъ ее на высокую степень совершенства. Окончаніе постройки прекраснаго зданія библіотеки, съ превосходнымъ видомъ на портъ и южную сторону Севастополя открытіе ея дѣятельности А—съ считалъ счастливѣйшимъ моментомъ своей жизни. Передъ осадою Севастополя онъ перевезъ библіотеку въ Николаевъ, гдѣ имъ же она устроена для пользованія читателей. Послѣ разоренія горячо любимаго имъ Севастополя и построенной имъ библіотеки А—съ, поселившись въ Николаевѣ, сталъ замѣтно дряхлѣть и постоянно съ грустью вспоминалъ о своей счастливой жизни въ Севастополѣ. Скончался онъ 23 марта 1866 г. въ чинѣ генералъ-лейтенанта, оставивъ по себѣ память какъ о добросовѣстномъ труженикѣ, добромъ, честномъ и крайне симпатичномъ человѣкѣ.

Всѣ немногія сочиненія З. А—са относятся къ археологіи и исторіи Новороссійскаго края и черноморскаго флота, и всѣ напечатаны въ изданіяхъ Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей:

1) Самое важное изъ нихъ: 1) *Описаніе Ираклійскаго полуострова и древностей его* съ восьмью планами (нап. во II т. Записокъ общества стр. 245—271 и отдѣльными оттисками) вызвано порученіемъ адмирала Лазарева, къ которому одесское общество исторіи и древностей обратилось съ просьбою доставить ему описаніе и планы древностей Херсониса, Инкермана и Балаклавы, такъ какъ снятіе плановъ этихъ мѣстностей не дозволялось частнымъ лицамъ. А—съ съ большимъ рвеніемъ принялся за это дѣло, въ которомъ ему впервые удалось приложить свои археологическія познанія. Четыре года занимался онъ этимъ трудомъ, за который былъ избранъ въ дѣйствительные члены одесскаго общества исторіи и древностей. Второе изданіе этого труда, дополненное однимъ планомъ и небольшими прибавленіями автора было сдѣлано уже послѣ смерти его отдѣльной брошюрой, а именно въ 1879 г. на средства младшаго его брата генералъ-адъютанта адмирала Н. А. Аркаса. (Описаніе Ираклійскаго полуострова и древностей его. Исторія Херсониса. Николаевъ 1879 г.).

Съ избраніемъ своимъ въ члены одесскаго общества исторіи А—съ постоянно исполнялъ его порученія по пріобрѣтенію древностей и присылалъ свои статьи и матеріалы для помѣщенія въ его запискахъ. Статьи эти:

2) *Сравнительная таблица Елинскихъ поселеній по Евксинскому понту* безъименнаго автора съ мѣстностями назначенными на меркаторской картѣ Чернаго моря составленной въ 1836. (Мангавари). (Нап. въ III т. Зап. общ. стр. 144—150).

3) *Начало учрежденія россійскаго флота на Черномъ морѣ и дѣйствія черноморскаго флота съ 1788—4866 г.*, три статьи. (Нап. въ зап. общ. т. IV стр. 261—309, т. V, стр. 846—904 и т. VI стр. 368—444).

4) Сообщены А—мъ матеріалы 1) журналъ, веденный во время турецкой войны 1828—29 гг. на корабляхъ Императрица Марія и Іоаннъ Златоустъ. 2) Первоначальное заведеніе россійскаго флота на Азовскомъ морѣ, существовавшаго съ 1695—1778 г. 3) Предположенія князя Потемкина относительно Черноморскаго флота, представленныя Фалеевымъ гр. Зубову. 4) Выписка изъ журнала веденнаго на кораблѣ Рождество Христово во время сраженія между Гаджибеемъ и Тендрою въ 1790 г. 5) Копія рапорта контръ-адмирала Ушакова кн. Потемкину о сраженіи у мыса Каліакріи (5 ав. 1791).—Еще не напечатаны.

Труды А—са, не исключая и исторіи Ираклійскаго полуострова, носятъ на себѣ характеръ первичныхъ историческихъ работъ:—это главнымъ образомъ добросовѣстно сдѣланный подборъ матерьяла, систематически сгруппированнаго, но мало критически обработаннаго. Но, принимая во вниманіе время ихъ появленія, когда изученіе исторіи элинскихъ колоній на берегахъ Чернаго моря у насъ только что начиналось, когда большинство матерьяловъ оставалось еще неизданнымъ, такія работы имѣли большую важность, какъ первая ступень для научныхъ трудовъ, какъ группировка матерьяла, притомъ провѣреннаго на мѣстѣ, съ приложеніемъ плановъ, картъ и снимковъ. Поэтому ист. Иракл. полуострова доселѣ съ похвалою цитируется учеными. Одинъ изъ важныхъ недостатковъ А—са въ его работахъ это малое знакомство съ трудами европейскихъ ученыхъ, но и здѣсь слѣдуетъ принять во вниманіе положеніе автора, занятаго постороннею службою, среди города менѣе всего интересовавшагося историческими изысканіями, безъ какого либо живого руководительства и безъ необходимыхъ ученыхъ пособій. Поэтому слѣдуетъ только удивляться, что А—съ смогъ такъ добросовѣстно сдѣлать хотя нѣчто, до сихъ поръ имѣющее серьезное значеніе.

В. Яковлевъ.

Арлекинъ, псевд. Арк. В. Эвальда.

Армашевскій, проф. минералогіи. См. въ концѣ наст. тома.

Армфельдъ, А. А. профессоръ сельскаго хозяйства. См. въ концѣ настоящаго тома.

Армфельдъ, Александръ Осиповичъ, профессоръ судебной медицины въ московскомъ университетѣ †) Р. 18 февр. 1806 г. въ Москвѣ. Учился сначала въ домѣ своихъ родителей, австрійскихъ дворянъ, переселившихся въ концѣ XVIII ст. въ Россію, затѣмъ въ дерптской гимназіи, откуда въ 1821 г. поступилъ на медицинскій факультетъ дерптскаго университета. Въ 1823 г. онъ перешелъ въ московскій универ., и здѣсь въ 1826 г. получилъ степень лекаря. Въ 1830 г. назначенъ ординаторомъ при университетской клиникѣ, а въ 1833 г., по защищеніи имъ докторской диссертаціи, былъ посланъ за границу для усовершенствованія. Пробывъ тамъ три года, онъ возвратился въ Москву и въ 1837 г. получилъ ординатуру многосторонней каѳедры судебной медицины, медиц. полиціи, энциклопедіи, методологіи, исторіи и литературы медицины. Эту каѳедру онъ занималъ до 1863 г. Ум. 12 марта 1868 г.

Армфельдъ былъ человѣкъ очень ученый, читалъ лекціи интересно и содержательно, но научныхъ трудовъ почти никакихъ не оставилъ. Онъ напечаталъ только: 1) докторскую диссертацію *De dilatione cordis*. М. 1833. 2) *De finibus certorum et probabilium in responsis medicorum forensium*, 1848. (Унив. рѣчь). и 3) юбилейную брошюру—*Кн. Сергій Мих. Голицынъ*. Воспоминанія о пятидесятилѣтней службѣ его въ званіи почетнаго опекуна и предсѣдат. въ моск. опекунскомъ совѣтѣ. М. 1859. 8°. (Безъ имени автора).

Домъ А. и его жены, Анны Васильевны († 7 февр. 1888 г.) въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ привлекалъ къ себѣ лучшее московское общество. Здѣсь были своими людьми Лермонтовъ, Гоголь, Щепкинъ, Аксаковы и др.

Арнгеймъ, Карлъ Карловичъ, ††). Род. въ Петербургѣ 17 сент. 1840 г., учился въ лютеранскомъ училищѣ св. Петра, одно время служилъ въ купеческой конторѣ, но затѣмъ приготовился къ университетскому экзамену и поступилъ на физико-матем. факультетъ, гдѣ кончилъ курсъ въ 1861 г. Занявшись педагогическою дѣятельностью, онъ обратилъ на себя вниманіе Вел. Княгини Елены Павловны, которая назначила его инспекторомъ Маріинскаго Института. Въ 1880 г. Арнгеймъ былъ назначенъ

---

† 1) Біогр. Словарь моск. професс. I, 38. 2) *М. Мостовскій*, въ Моск. Вѣдом. 1868, № 58. 3) Рѣчи и отчетъ моск. унив., чит. 12 янв. 1869, на стр. 63—64 краткій некрологъ *Полунина*. 4) «Газета Москва» 1868, № 30. 5) Архивъ Суд. Медицины 1868 г., № 2, стр. 83—84. 6) *Геннади*, Словарь.

††) Краткіе некрологи во всѣхъ іюльскихъ газетахъ 1888 года, а болѣе обстоятельный въ «Рус. Ст.» 1888 г. № 12. Отзывъ объ учебникѣ: 1) *Я. Ковальскаго* въ «Пед. Музеѣ» 1876 г. № 11 стр. 654—55. 2) «Голосъ» 1881 г. № 152.

омощникомъ начальника петербургскихъ женскихъ гимназій—И. Т. Осинина, а со смертью Осинина (1885) начальникомъ этихъ гимназій. Ум. іюля 1888 г., оставивъ по себѣ память выдающагося и симпатичнаго едагога. Онъ написалъ *«Краткій учебникъ математической географіи»*, выдержавшій въ 1867—81 гг. 3 изданія.

Арнгольдтъ, Адамъ. Перевелъ съ нѣмецкаго: «О нервныхъ горячкахъ, свирѣпствовавшихъ въ Берлинѣ 1807 года, съ примѣчаніями о раздраающемъ, укрѣпляющемъ и ослабляющемъ методѣ врачеванія», соч. вгуста *Геккера*, Казань, 1814. 8° (Смирдина роспись № 4825).

Арнольдъ, Иванъ (Jean Arnold) съ 1814 по 1816 г. былъ лекторомъ ранц. языка въ москов. университетѣ. †).

Арнольдъ, Карлъ Ивановичъ ††) р. въ прусскомъ городѣ Ландекѣ въ 775 г., учился въ берлинскомъ университетѣ, затѣмъ устроился бухалтеромъ въ Ригѣ, а отсюда переселился въ Москву, гдѣ основалъ въ 804 г. коммерческій пансіонъ, изъ котораго въ 1806 г. образовалась рактич. коммерч. академія. Въ 1810 г. онъ перешелъ на службу въ министерство финансовъ, потомъ служилъ въ военномъ министерствѣ и деарт. госуд. имущ Въ 1840 вышелъ въ отставку и поселился въ Фридихсгамѣ, гдѣ умеръ 23 ноября 1845 г. въ большой бѣдности. Арнольдъ ылъ основательный знатокъ такъ называемыхъ «коммерческихъ наукъ» издалъ нѣсколько книгъ практическаго характера:

1) Taschenbuch für Banquiers und Kaufleute. Митава, 1804. 8° 2) *Рѣчь о люб- къ отечеству...* 24 іюня 1808. М. 4°. (Соп. 10041). 3) *Рѣчь на случай отбытія ъ Академіи учениковъ 1-го класса*. М. 1808. 4°. Соп. 10100). 4) *Самоучитель бухлтеріи;* 2 ч. М. 1809. 4°. 5) *Расчисленіе о достоинствѣ и вѣсѣ иностранныхъ одячихъ денегъ и сравненіе оныхъ съ росс. сер. монетою*. П. 1811. 4°. 6) *Опытъ ажданской бухгалтеріи*. П. 1814. 4°. 7) *Мнѣніе о системѣ тарифа въ Россіи*. . 1816. 8°. 8) *О системѣ госуд. счетоводства*, ч. I. П. 1823. 4°. 9) *Разныя свѣденія о росс. внѣшней торговлѣ*. П. 1829. 8°. 10) *Перечень письма о состояніи внѣшей торговли государства россійскаго въ послѣднія 18 лѣтъ*. П. 1829. 11) *Kaufmännische Arithmetik* осталась въ рукописи.

Арнольдъ, Юрій. См. въ концѣ наст. тома.

Арнольдъ, Фед. См. въ концѣ наст. тома.

***Арнштейнъ, Карлъ Августовичъ**. Профессоръ гистологіи казанск. унив. *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ*, родился въ Москвѣ 17-го марта

---

†) *Пако* «Слов. проф. моск. унив.» т. I, стр. 39.

††) 1) Исторія моск. практ. академіи стр. 4—7. 2) *Геннади*, Словарь.

*) означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

1840 года. Отецъ его былъ купецъ лютеранскаго вѣроисповѣданія. Воспитывался сначала дома, а потомъ въ Лазаревскомъ Институтѣ. Въ 1857 году поступилъ въ московскій университетъ, на медицинскій факультетъ, но уже къ концу перваго полугодія перешелъ въ дерптскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ медицинскихъ наукъ, сдавъ въ 1864 году экзаменъ на степень доктора медицины. Затѣмъ онъ отправился за границу для усовершенствованія въ наукахъ. Занимался въ Берлинѣ, Вюрцбургѣ и Мюнхенѣ гистологіею, физіологіею и патологическою анатоміею у профессоровъ Вирхова, Реклингаузена, Келликера, Кольмана, Бишофа, Фойта и другихъ. Вернувшись въ Дерптъ въ 1867 году, К. А. защитилъ докторскую диссертацію «Ueber die wandernden und becherförmigen Zellen des Darmes». Въ 1869 году К. А. былъ выбранъ въ казанскомъ университетѣ прозекторомъ патологической анатоміи, а въ 1872 г. занялъ каѳедру гистологіи въ томъ же университетѣ. Съ 1883 года по 1886 г., онъ состоялъ деканомъ медицинскаго факультета.

К. А. Арнштейнъ напечаталъ слѣдующія работы, о которыхъ еще будетъ сказано въ концѣ настоящаго тома:

1) Ueber Becherzellen und ihre Beziehung zur Fettresorption und Secretion. Virchow's Archiv. Bd. 39. 2) Bemerkungen über Melanaemie und Melanose. Тамъ же, томъ 61. 3) Zur Casuistik der Makroglossie. Тамъ же, томъ 54. 4) Ueber die Einwirkung des Calabar auf die Herznerven, совмѣстно съ профессоромъ П. Сущинскимъ, въ Untersuchungen aus dem physiologischen Institut zu Würzburg. Heft 3. 1868 г. 5) Die Normen der beharrten Haut. Wiener Sitzungsberichte. 3. 1876. 6) Die Methylenblaufärbung, als histologische Methode, Anatom. Anzeiger. № 5 и 17. 1887. 7) Zur Kenntniss der quergestreiften Muskulatur in den Lungenvenen. Centrallblatt für medicin. Wissenschaften. № 39. 1877 г. 8) Ueber albuminöse Degenerationen. Тамъ же, № 13. 1881 г. 9) Объ аденіи и ея отношеніи къ лейкеміи. Въ протоколахъ общества казанскихъ врачей. 1876 г. 10) О противопоказаніяхъ къ оперативному лѣченію Lithiasis. Тамъ же. 11) Къ вопросу объ окончаніяхъ первовъ въ роговицѣ. Труды Общества Естествоиспытателей. Томъ 20. 1886 г. 12) Ueber die Ganglionzellen des Sympathicus. Zeitschrift für Biologie. Bd. II. 1866 г. (совмѣстно съ проф. Вольмановъ). 13) Отдѣлъ „Органъ зрѣнія" (совмѣстно со своими учениками А. Догелемъ и А. Гербергомъ) въ „Основаніяхъ къ изученію микроскопической анатоміи", изданныхъ подъ редакціею Лавдовскаго и Овсянникова. Кромѣ того, профессоръ Арнштейнъ издаетъ съ 1884 года, совмѣстно съ другими учеными, Internationale Monatschrift für Anatomie und Physiologie. Въ этомъ журналѣ, а равно и въ Archiv für microscopische Anatomie, помѣщены работы, произведенныя подъ его руководствомъ.

Аровъ Николай—псевд. Ник. А. Александрова.

Арс.—Арсеній Ив. Введенскій («Рус. Вѣд.» 1888—89 г.).

Арс. Вв.—Арсеній Ив. Введенскій («Страна», «Порядокъ» 1880-хъ одовъ. Литературныя обозрѣнія).

Арсеникумъ—псевд. А. В. Арсеньева («Стрекоза», «Шутъ»).

* **Арсеній** (Александръ Дмитріевичъ *Брянцевъ)*, епископъ рижскій. *Іо свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ*, р. 27 августа 1839 г. въ селѣ Іолотѣ-Пятницѣ, юхновскаго уѣзда, смоленской губерніи, въ домѣ отца воего—дьячка мѣстной церкви, очень много занимавшагося обученіемъ рамотѣ духовныхъ, дворовыхъ и крестьянскихъ дѣтей. Въ 1852 г. преосвященный А. поступилъ въ вяземское духовное училище, откуда въ 857 г. перешелъ въ смоленскую семинарію, а въ 1863 г.—въ кіевскую уховную академію, которую въ 1867 г. кончилъ со степенью магистра огословія. Для полученія этой степени написалъ изслѣдованіе о «*Пагріархъ Кириллъ Лукарисъ и его заслугахъ для Православной еркви*», помѣщенное въ «Странникѣ» и потомъ въ двухъ изданіяхъ выіедшее отдѣльною книжкою (Спб. 1870 г.). Тотчасъ по окончаніи курса реосвященный поступилъ законоучителемъ въ бѣлоцерковскую гимназію. [резъ два года, въ 1864 г., его перемѣстили на ту же должность въ ;іевъ, въ кіево-подольскую прогимназію и въ кіевскую владимірскую оенную гимназію и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ назначенъ настоятелемъ іево-печерской воскресенской церкви. Съ 1872 г. преосвященный преодавалъ также законъ Божій въ кіевскомъ институтѣ для благородныхъ ѣвицъ. Въ этомъ же году онъ овдовѣлъ. Въ бытность настоятелемъ кіевоечерской воскресенской церкви преосвященный составилъ «*Путеводиıель по святынѣ Кіево-Печерской лавры*». Книжка эта поступила въ эбственность лавры, печатается въ большомъ количествѣ и уже выдерала 4 изд. Въ 1873 г. пр. А. былъ назначенъ ректоромъ таврической уховной семинаріи. Въ 1875 г. онъ принялъ монашество и тогда же эзведенъ въ санъ архимандрита. Въ бытность ректоромъ семинаріи, .. преподавалъ въ ней основное, догматическое и нравственное богословіе и 9 лѣтъ состоялъ редакторомъ «Таврич. Епарх. Вѣд.». Въ это же ремя онъ издалъ отдѣльною книжкою свои «Слова и рѣчи», говоренныя о разнымъ случаямъ. Въ 1882 г. Высочайше повелѣно ему быть епископомъ ладожскимъ, первымъ викаріемъ с.-петербургской епархіи. Съ назначеніемъ въ этотъ санъ преосв. А. получилъ также должность предѣдателя Историко-Статистическаго Комитета по описанію церквей приходовъ петербургской епархіи и подъ его руководствомъ изд. VII, VIII, IX и X трудовъ названнаго комитета. Въ окт. 1883 г.

*) означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника.*

преосв. былъ назначенъ ректоромъ петербургской духовн. академіи и въ этой должности оставался до 1887 г., когда былъ назначенъ епископомъ рижскимъ.

Арсеній (Василій *Верещагинъ*). Р. 27 янв. 1736 г. въ Кашинѣ (тверск. губ.), гдѣ отецъ его былъ приходскимъ священникомъ †). По указанію изданной въ 1864 г. и составленной по первоисточникамъ книжки «Іерархи ростовско-ярославской паствы» онъ учился съ 1749 г. въ тверской семинаріи, въ 1756 г. поступилъ въ московскую дух. академію и въ 1761 г. былъ назначенъ учителемъ тверской семинаріи, а въ 1768 г. ректоромъ ея. По «Исторіи же Спб. дух. академіи» Чистовича, тоже документально составленной, В. послѣ тверской семинаріи учился въ семинаріи невской, въ которой по окончаніи курса былъ учителемъ и префектомъ и уже изъ Петербурга перешелъ въ Тверь ректоромъ. Затѣмъ, также по Чистовичу, В. въ 1764 г. былъ произведенъ въ архимандриты спасо-ярославскаго монастыря, между тѣмъ какъ по вышеназванной книгѣ о ростовскихъ іерархахъ В. только въ 1767 г. принялъ постриженіе и былъ архимандритомъ тверскаго отроча монастыря. По митроп. Евгенію А. нѣсколько позже, около 1772 г., былъ дѣйствительно архимандритомъ спасо-ярославскаго монастыря.

Въ 1773 г. Арсеній былъ рукоположенъ въ присутствіи Екатерины II въ епископы архангельскіе, въ 1774 г. переведенъ на мѣсто знаменитаго Платона въ Тверь, въ 1783 г. онъ получаетъ каѳедру ростовскую, чрезъ три года перенесенную въ Ярославль. Въ 1785 г. А., лично извѣстный императрицѣ благодаря тому, что во время управленія расположенной между обѣими столицами тверской епархіи часто ее встрѣчалъ привѣтственными рѣчами при ея путешествіяхъ изъ Петербурга въ Москву, былъ возведенъ въ санъ архіепископа. Въ 1798 г. В. назначается членомъ Св. Синода и, отправившись для присутствованія въ немъ, онъ ум. въ Петербургѣ 23 декабря 1799 г.

Изъ сочиненій А. напечатаны: 1) «Слово о истинной славѣ, въ день тезоименитства императрицы Екатерины II». М. 1779. 4° (Соп. 10561)

---

†) 1) *Евгеній*, Словарь. 2) *Филаретъ*, Обзоръ, стр. 379. 3) *Чистовичъ*, Ист. Петер. акад., стр. 38. 4) *Чередѣевъ*, Біографіи тверскихъ іерарховъ. Тверь. 1859, стр. 135—138. 5) „Іерархи ростовско-ярославской паствы". Ярославль. 1864, стр. 261—67 6) *Геннади*, Словарь. 7) *А. А. Титовъ*, „Послѣдній ростовскій архіепископъ Арсеній IV. Верещагинъ" съ рисункомъ прошлаго столѣтія, изображающимъ преосвященнаго, окруженнаго пѣвчими и другими лицами его штата, („Истор. Вѣст." 1886 г., № 2).

и 2) «Слово при начатіи выборовъ въ новыя должности, на основаніи Высоч. учрежденій для управленія Россійской Имперіей». Спб. 1781, 4° (Соп. 10569). Кромѣ того онъ, по словамъ митр. Евгенія, въ бытность свою архимандритомъ спасо-ярославскаго монастыря, исправилъ и издалъ въ Москвѣ въ 1772 г. славянскій переводъ «*Бесѣдъ Златоустовыхъ о покаяніи и на нѣкоторые господскіе праздники*», сдѣланный умершимъ въ 1772 г. игуменомъ московскаго знаменскаго монастыря, сербомъ Софроніемъ Младеновичемъ. Можно еще отмѣтить, что А., не принадлежавшій къ духовнымъ лицамъ стараго закала и усвоившій себѣ свѣтскую культуру русскаго общества второй половины прошлаго столѣтія, любилъ поощрять въ окружавшихъ его лицахъ литературныя способности. Въ 1791 г. литературныя упражненія окружавшаго А. штата были изданы въ Ярославлѣ отдѣльною книжкою подъ названіемъ: «Оды, разговоры, надписи, канты, сочиненныя и говоренныя въ разныя времена въ Ярославлѣ».

Арсеній Глухой, одинъ изъ видныхъ справщиковъ XVII вѣка †). Столь знаменательное по своимъ неожиданнымъ послѣдствіямъ дѣло исправленія церковныхъ книгъ тѣсно связано съ дѣятельностью цѣлыхъ четырехъ Арсеніевъ—Арсенія Глухого, Арсенія Грека, Арсенія Сатановскаго и Арсенія Суханова. Неудивительно поэтому, что ихъ часто путали и приписывали одному, что принадлежитъ, на самомъ дѣлѣ, другому.

Первый изъ Арсеніевъ, выступившій на поприщѣ исправленія церковныхъ книгъ отъ безчисленныхъ ошибокъ, вкравшихся въ нихъ, благодаря невѣжеству справщиковъ XVI и начала XVII вѣковъ, былъ старецъ Арсеній Глухой или Селижаровецъ, т. е. монахъ Ниловой пустыни, расположенной на берегу озера Селигера. Немногія данныя для его біографіи находятся въ посланіяхъ его къ боярину Салтыкову и протопопу Ивану Лукьяновичу. Въ послѣднемъ злополучный справщикъ сообщаетъ о себѣ:

„воспитанъ вмѣсте ненарочитѣ і сельскомъ, и учителей вѣдущихъ словесную хитрость во училищи небывалъ, отнележе убо облекохся во иноческое одѣяніе много паче честныя обители прохождах и въ нихъ много священныя книги обрѣтах вних же обрѣтох и прелюбезнѣйшу мнѣ паче инѣх книгу Святаго

---

†) 1) *Евгеній*, Словарь. 2) *Филаретъ*, Обзоръ. 3) *Н. Аристовъ*, въ „Энц. Сл.“ над. рус. уч. и лит., т. V. 4) *Макарій*, Ист. рус. церкви, т. X, стр. 75—94 и XI, стр. 10—14. 5) *Казанскій*, Испр. книгъ при Филаретѣ въ „Чтеніяхъ въ общ. др.“, т. VIII. 6) *В. Вишневскій*, въ „Пр. Соб.“ 1862 г., № 2 и 3. 7) *Симонъ Азарьинъ*, Житіе св. Діонисія. 8) *Смирновъ*, Ист. Греко-Славян. академіи, ст. 4, 5.

Иванна дамаскина, і о осмихъ частех слова, многожды прохождах вмисленых трудѣх и потовѣх, многих же и мниховъ разумных во обителех обрѣтах сими совопрошахся со всяким смиреннем, і извыкох осмим частем слова кромѣ малых дробей по граматикий иже і сия разумна сут, кто муже роды і числа, времена и лица и залози и внихже воля душ содержится пати словех рекше вповелѣном, вмолитвеном, в вопроснем, возвателном, вповѣстном, яж изложени нарчются ктомуж и священную ѳилосоѳию до сотню проидох за превысокую ея премудрость иза неизреченный ея тонкій разумъ".

Не велика, конечно, ученость знать грамматику и «священную философію» (діалектику), но и такіе люди при поражающемъ невѣжествѣ русскаго духовенства конца 16 и начала 17 вѣка, считались единицами. Вотъ почему Арсеній, добравшійся въ своихъ странствованіяхъ до Троицко-Сергіевой лавры и успѣвшій къ тому времени выучиться греческому и латинскому языкамъ, скоро обратилъ на себя вниманіе и, когда задумано было въ 1615 г. исправленіе книгъ (первое), оправщикомъ вмѣстѣ съ преподоб. Діонисіемъ и попомъ Иваномъ Насѣдкою былъ назначенъ Арсеній. Онъ очень неохотно шелъ на это дѣло, потому что зналъ, что сколько-нибудь добросовѣстное очищеніе богослужебныхъ книгъ отъ «тьмочисленныхъ» неисправностей возстановитъ противъ себя цѣлую массу лицъ, прикосновенныхъ къ печатанію прежнихъ книгъ. Кромѣ того онъ ясно сознавалъ, что всякое исправленіе «простымъ людемъ будетъ смутно». Чтобы уклониться отъ сдѣланнаго ему предложенія, онъ даже выдвинулъ такой аргументъ, что онъ «ни попъ, ни дьяконъ», а исправлялись все «потребы поповскія», но честолюбіе Ивана Насѣдки и находившагося подъ его вліяніемъ Діонисія взяли верхъ и справщики для начала приступили къ разсмотрѣнію потребника 1602 г. Какъ Арсеній пишетъ въ посланіи къ боярину Борису Михайловичу Салтыкову, они надъ этой работой «безо всякія хитрости сидѣли полтора года день и ночь». Для сличенія Арсеній и его товарищи пользовались нѣсколькими десятками славянскихъ и греческихъ списковъ. Кромѣ потребника они разсмотрѣли также цвѣтную тріодь, октоихъ, общую минею, мѣсячную минею, псалтырь, каноникъ и особенно обильный ошибками церковный уставъ 1610 г., напечатанный подъ наблюденіемъ надменнаго головщика Сергіевой лавры Логгина.

То, что предвидѣлъ Арсеній, не замедлило осуществиться. Когда лѣтомъ 1618 г. Діонисій отвезъ въ Москву исправленный текстъ потребника, митрополитъ Іона, завѣдывавшій патріаршимъ престоломъ (Филаретъ еще былъ въ плѣну), созвалъ соборъ будто бы для обсужденія исправленій, на самомъ же дѣлѣ для того, чтобы осудить справщиковъ. Нужно сказать, что Іона былъ очень недоволенъ тѣмъ, что исправленіе

елось не подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ, а въ Троицкой лаврѣ. Дальновидный Арсеній говорилъ своевременно Діонисію: «откажи ѣло государю, не сдѣлати намъ того дѣла въ монастырѣ, безъ митрополичьяго совѣта». Но честолюбивый Насѣдка, желавшій выдвинуться рѣзче оттѣнить свои заслуги, сталъ говорить, что ему, Насѣдкѣ, е хочется разлучаться съ семействомъ, жившимъ въ селѣ Клементьевкомъ у самой лавры, и Діонисій послушался его. Іона, кромѣ того, ылъ очень оскорбленъ тѣмъ, что справщики нашли ошибки въ книахъ, изданныхъ уже при немъ. Въ силу всего этого зложелателямъ)іонисія и его товарищей была дана полная возможность излить на ихъ всю невѣжественную злобу свою. Особенное негодованіе обвинителей вызвало то, что въ молитвѣ на день Богоявленія Господня, оторая въ прежнемъ «потребникѣ» кончалась словами «самъ и нынѣ, ладыко, освяти воду сію Духомъ твоимъ святымъ «*и огнемъ*», справщики опустили слово «*и огнемъ*». Напрасно Діонисій и его товарищи оказывали, что они «марали концы» правильно, что слово «*и огнемъ*» роизвольно внесено прежними справщиками, что, кромѣ двухъ славянскихъ списковъ, ни въ одномъ изъ многочисленныхъ греческихъ славянскихъ списковъ потребника, которымъ они пользовались для личенія, этой прибавки нѣтъ. Ихъ осудили и подвергли цѣлому ряду ученій.

Не касаясь теперь тѣхъ надругательствъ, глумленій и жестокихъ стязаній, которыя выпали на долю Діонисія, скажемъ, что Арсенія стязали въ Вознесенскомъ монастырѣ, а затѣмъ цѣлый годъ держали въ яжкомъ заключеніи на кирилловскомъ подворьѣ. «Сижу я», пишетъ Арсеній въ посланіи къ Салтыкову, «въ желѣзахъ, объ одной свиткѣ перебиаюсь, и та уже съ плечъ свалилась, и безъ теплыя одежды».

Сидя на кирилловскомъ подворьѣ, Арсеній написалъ два посланія къ алтыкову и Лукьяновичу, которыя даютъ очень важный матеріалъ для арактеристики поразительно низкаго умственнаго уровня наиболѣе культурнаго слоя того времени—московскаго духовенства. «Едва азбуку умѣтъ», говоритъ Арсеній Салтыкову про противниковъ своихъ, «не знаютъ, акія въ ней письмена гласныя, согласныя и двоегласныя; а чтобы 8 чагей слова разумѣть и къ симъ предстоящая, сирѣчь роды и числа и ремена, званія и залоги, то имъ ниже на умъ всхаживало; а священная илософія и въ рукахъ не бывала, не знаютъ ни православія, ни кривославія, точно на едину строку зрятъ, божественныя писанія по чернилу роходятъ, разума же сихъ не нудятся свѣдѣти».

Въ іюлѣ 1619 г. злополучныхъ справщиковъ, противъ которыхъ (послѣ обора) ополчился и ученый Антоній Подольскій (о немъ и его спорѣ съ

справщиками см. выше), по ходатайству случившагося тогда въ Москвѣ патріарха іерусалимскаго освободили, а съ возвращеніемъ Филарета, выбросившаго слово *и огнемъ* въ потребникѣ, Арсеній Глухой, какъ видно изъ житія Діонисія, составленнаго Симономъ Азарьинымъ, опять былъ приставленъ къ книжному дѣлу и долго работалъ на печатномъ дворѣ.

О предположеніи архіеп. Филарета, что Арсенію Глухому принадлежитъ честь открытія перваго въ Россіи греко-латин. училища, см. ниже, въ статьѣ объ Арсеніи Грекѣ.

Посланіе къ Салтыкову имѣется въ рукописяхъ во многихъ библіотекахъ (Синодальной, Троицко-Сергіевой лавры, Александро-Невской). Небольшое же посланіе къ протопопу Ивану Лукьяновичу напечатано въ «Прав. Обозр.» 1862 г. № 3 (въ статьѣ Вишневскаго).

Арсеній Грекъ †). Совершенно въ такой же степени, въ какой авторъ «Проскинитарія», Арсеній Сухановъ, пользуется искреннѣйшею любовью въ раскольнической средѣ, другой изъ Арсеніевъ, дѣйствовавшихъ во время исправленія книгъ—Арсеній Грекъ, является предметомъ величайшей ненависти приверженцевъ «древняго благочестія». Нѣтъ тѣхъ ругательствъ, которыя не расточались бы по адресу этого мнимаго «волхва» и «звѣздочетца» раскольничьими писателями и дѣятелями. Они даже подсчитали, что имена Алексѣя, Никона и Арсенія даютъ то апокалипсическое число 666, которымъ знаменуется появленіе антихриста.

Если присмотрѣться къ личности Арсенія и не съ раскольничьей точки зрѣнія, то и тогда, все таки, нельзя будетъ не признать, что, взявши покладистаго грека въ справщики церковныхъ книгъ, Никонъ сдѣлалъ всего

---

†) 1) *Евгеній*, Словарь. 2) *Филаретъ*, Обзоръ. 3) *Онъ же*, Ист. рус. церкви. 4) *Строевъ*, Библіологическій Словарь. 5) *Н. Аристовъ* въ «Энц. Слов.», изд. рус. пис. и уч. т. V. 6) *Макарій*, Ист. рус. церкви т. 12 стр. 155—165. 7) *Н. Каптеревъ*, Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку. 8) *Филиповъ*, Ист. выговской пустыни. 9) *Слѣдственное дѣло* о немъ въ «Чтеніяхъ въ общ. люб. дух. просв.» 1881 г. № 7 (въ статьѣ *Н. Каптерева*). 10) «Прав. Соб.» 1858 г. № 11. стр. 328-353. 11) *Строевъ*, Описаніе старопеч. кригъ гр. Толстого № 126. 12) *Сопиковъ*. № 67. 13) *Медвѣдевъ*, Книги кто ихъ сложилъ, § 99. 14) Рукописи Толстого № 77. 15) Рукописи Румянцева № 97. 16) *Игнатій*, Истина о Соловецкой обители. 17) «Временникъ» общ. ист. и древ. кн. XV, стр. 131, 133. 18) *Колосовъ*, В. въ «Жур. М. Нар. Пр.» 1881 г. № 9. 19) „Матеріалы для ист. раскола" т. I, стр. 64, 150 151, и т. IV, стр. 161. 20) „Лѣт. рус. лит." т. III, стр. 162 и т. V. стр. 127 (Савва Романовъ). 21) *Терновскій*. Изученіе визант. ист., т. II, стр. 83. и д. 22) *Горскій*, О духовныхъ училищахъ въ «Приб. къ Твор. св. Отцевъ» 1845 г. III т. 23) *Бѣлокуровъ С. А.*, въ «Чтеніяхъ люб. общ, дух. просв.», 1888 г. № IV. 24) *Соловьевъ*, Ист. Россіи, т. X, стр. 323 и XI, стр. 285 и 326. 25) Историч. бумаги Арсеньева. Сод. 1872 г. стр. 118.

менѣе удачный выборъ. Правда, Арсеній былъ по тому времени человѣкъ чрезвычайно ученый, и нѣтъ сомнѣнія, что всѣ его исправленія вполнѣ правильны; но дѣло-то въ томъ, что въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, какъ перемѣны въ книгахъ, освященныхъ употребленіемъ нѣсколькихъ поколѣній, требовался авторитетъ не только филологическій, но и нравственный. А въ этомъ-то отношеніи Арсеній былъ человѣкъ совсѣмъ ненадежный. Недавно найденное Н. Каптеревымъ въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ подлинное слѣдственное дѣло объ Арсеніи съ очевидною ясностью показало, что раскольники имѣли полное основаніе относиться съ подозрительностью къ этому авантюристу.

Слѣдствіе надъ Арсеніемъ возникло по слѣдующему поводу. Когда онъ пріѣхалъ въ Москву въ 1649 г. вмѣстѣ съ патріархомъ іерусалимскимъ Паисіемъ, его обширныя познанія сразу обратили на него вниманіе и царь пожелалъ его оставить въ Москвѣ. Паисій согласился, съ своей стороны тоже находя, что ученый грекъ можетъ быть полезенъ въ Москвѣ. Но на обратномъ пути изъ Москвы Паисію отъ малороссовъ и «людей волошскаго воеводы» пришлось услыхать объ Арсеніи вещи весьма неблаговидныя. Онъ поспѣшилъ предупредить царя и между прочимъ писалъ ему:

„Еще да будетъ вѣдомо тебѣ, благочестивый царь, про Арсенія, который остался въ твоемъ царствѣ; испытайте его добрѣ, утвержденъ ли онъ въ своей благочестивой христьянской вѣрѣ. Прежде былъ онъ инокомъ и священникомъ и сдѣлался бусурманомъ; потомъ бѣжалъ къ ляхамъ, и у нихъ обратился въ уніата,—способенъ на всякое злое бездѣліе: испытайте его добрѣ и все это найдете . . . .

Не подобаетъ на нивѣ оставлять терніе, чтобы она вся не заросла имъ: нужно удалять и тѣхъ, которые держатся ереси и двуличны въ вѣрѣ. Я нашелъ его въ Кіевѣ и взялъ съ собою, а онъ не мой старецъ... Я того про него не вѣдалъ, а нынѣ, узнавъ о томъ, пишу къ вашему величеству, да блюдете себя отъ таковыхъ, чтобы не осквернили церкви Христовой такіе поганые и злые люди“.

Получивъ письмо патріарха, царь велѣлъ князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому и думному дьяку Михаилу Волошенинову учинить допросъ Арсенію. Арсеній показалъ, что родился онъ въ турецкомъ городѣ Трикалѣ, 14 лѣтъ былъ отвезенъ своимъ братомъ, архим. Афанасіемъ въ венеціанскую землю, гдѣ научился грамматикѣ, а оттуда тотъ же братъ отвезъ его въ Римъ. Въ Римѣ онъ учился «Омирову и Аристотелеву ученію и седми соборамъ». А когда дѣло дошло до 8 и 9 собора, отъ него потребовали клятву, что онъ приметъ римскую вѣру, такъ какъ иначе «того ученія никому не открываютъ и учить не велятъ». Чтобы избѣжать этого, Арсеній прикинулся больнымъ и уѣхалъ изъ Рима. На вопросъ,

принималъ ли онъ въ Римѣ католическій «сакраментъ», Арсеній отвѣтилъ, что онъ «сакраменту» не принималъ, а пріобщался Св. Таинъ въ греческой церкви св. Афанасія Великаго, гдѣ живетъ митрополитъ греческой вѣры съ шестью греческими старцами. Тутъ Арсенію сказали, что онъ говоритъ ложь, потому что всему свѣту извѣстно, что папа всѣхъ учащихся приводитъ къ римской вѣрѣ, а митрополитъ греческій навѣрное уніатъ и молится за папу. Впослѣдствіи, когда Арсенія сослали въ Соловки, онъ, по словамъ составленнаго о немъ тамъ біографическаго извѣстія, сознался, что во время ученія въ Римѣ дѣйствительно перемѣнялъ вѣру, потому что только подъ такимъ условіемъ его и приняли въ римское училище. Но въ Москвѣ онъ упорно это отрицалъ и твердо стоялъ на томъ, что сакрамента не принималъ, въ уніатствѣ не былъ, а, чтобы избѣжать опасности совращенія, ушелъ изъ Рима въ городъ Бадовъ (Падуя), гдѣ три года учился философской наукѣ и лекарскому ученію. Вернувшись на родину, онъ предъ братьями, которые подозрѣвали его въ томъ, что онъ въ Римѣ отступался отъ православія, трижды проклялъ римскую вѣру и затѣмъ 23-хъ лѣтъ отъ роду принялъ монашество, былъ одно время игуменомъ на островѣ Кяфѣ, жилъ у мутьянскаго (волошскаго) воеводы Матвѣя, отъ котораго переѣхалъ къ молдавскому воеводѣ Василію и у послѣдняго прожилъ 2 года. Послѣ этого онъ пробрался въ Львовъ, отсюда вознамѣрился проѣхать въ Кіевъ, но ему сказали, что въ кіевскую академію, куда онъ стремился, безъ королевскаго разрѣшенія не примутъ. И вотъ подвижный «старецъ» ѣдетъ въ Варшаву къ королю Владиславу, у котораго въ то время случились болѣзни «камень и почечуй». Арсеній будто вылечилъ короля и тотъ ему далъ грамоту къ митрополиту Сильвестру Коссову въ Кіевъ, гдѣ онъ и встрѣтился съ Паисіемъ. Всѣмъ этимъ показаніямъ слѣдователи не очень-то вѣрили и, между прочимъ, пристали къ Арсенію съ категорическимъ обвиненіемъ, что онъ не только въ уніатствѣ, но и въ бусурманствѣ былъ. Арсеній энергически отрицалъ это и даже очень рѣшительно заявилъ, что буде кто уличитъ его въ такомъ двойномъ отступничествѣ, тогда пусть «царское величество велитъ снять съ него шкуру; милости въ томъ онъ у государя не проситъ». Черезъ нѣкоторое время, однако, послѣ того, какъ ему пригрозили тѣлеснымъ осмотромъ, Арсеній сознался, что онъ, дѣйствительно, былъ «неволею» обусурманенъ, но потомъ принесъ покаяніе и былъ помазанъ мνромъ янинскимъ митрополитомъ. Кончился судъ надъ Арсеніемъ ссылкою его въ Соловки.

Водворенный тамъ, онъ быстро сумѣлъ впасть въ тонъ новой обстановки. Правда, по части поклоновъ и постовъ Арсеній, которому въ то время, повидимому, было не болѣе 35—40 лѣтъ, не отличался особымъ усердіемъ, но за то во всемъ остальномъ угождалъ державшимся старины

соловецкимъ монахамъ: подмѣтивъ, что они крестятся двумя перстами, онъ тоже началъ такъ креститься, хотя, какъ извѣстно, греки въ то время крестились тремя перстами; положеніе православія въ «турецкой неволѣ» онъ рисовалъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ и т. д. Въ результатѣ получилось то, что соловецкіе монахи отписали о немъ въ Москву съ самой лучшей стороны и, когда чрезъ три года онъ билъ челомъ государю объ освобожденіи его изъ-подъ начала, Никонъ далъ ему келію въ патріаршемъ домѣ, назначилъ библіотекаремъ патріаршей библіотеки и сдѣлалъ однимъ изъ справщиковъ и переводчикомъ богослужебныхъ книгъ.

Всѣ эти милости, оказанныя Никономъ Арсенію, не помѣшали, однако, послѣднему перейти на сторону враговъ патріарха, когда тотъ потерялъ власть. Такъ, въ числѣ переписывавшихъ въ 1658 г. имущество опальнаго патріарха мы находимъ и ловкаго грека. Онъ же свелъ тѣсную дружбу съ заклятымъ недругомъ Никона—Паисіемъ Лигаридомъ, квторому перевелъ благодарственное слово царю.

Много разногласій возбуждалъ въ исторической литературѣ нашей связанный съ Арсеніемъ Грекомъ вопросъ о томъ, кто былъ основателемъ первой греко-латинской школы въ Москвѣ. Дѣло въ томъ, что знаменитый путешественникъ Олеарій писалъ въ своей книгѣ: «нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ согласія патріарха учреждена общенародная школа, въ которой подъ надзоромъ грека Арсенія учатъ по гречески и латыни». На основаніи этого свидѣтельства митр. Евгеній и вслѣдъ за нимъ историкъ Славяно-Греко-Латинской академіи Смирновъ честь основанія училища, послужившаго зерномъ будущей академіи, приписывали Арсенію Греку. Но арх. Филаретъ выдвинулъ такую аргументацію: Олеарій былъ въ Москвѣ въ 1634, а Арсеній Грекъ всего-то въ 1649 г. пріѣхалъ въ Москву. Слѣдовательно, основателемъ школы нужно считать какого нибудь другого знающаго латынь и греч. яз. Арсенія. По мнѣнію Филарета это былъ Арсеній Глухой. Аристовъ и митр. Макарій въ своей «Исторіи русской церкви» примкнули къ мнѣнію Филарета и тоже считали Арсенія Глухого основателемъ греко-латинской школы. Оказывается однако же, что критицизмъ Филарета не былъ достаточно обоснованъ: онъ самъ въ Олеарія не заглядывалъ и почему-то вообразилъ, что вышеприведенная цитата взята изъ *перваго* изданія путешествія наблюдательнаго голштинца. На самомъ же дѣлѣ, какъ это показалъ въ своей прекрасной статьѣ С. А. Бѣлокуровъ, цитаты въ первомъ изданіи нѣтъ, а имѣется она только въ *третьемъ* дополненномъ изданіи Олеарія и несомнѣнно относится къ Арсеію Греку, который и по другимъ источникамъ былъ «дидаскаломъ» греко-латинской школы, заведенной при Никонѣ (а не при патріархѣ Филаретѣ, какъ выходило по Филарету Черниговскому).

Приставленный къ книжному дѣлу, Арсеній перевелъ: 1) Знаменитую «*Скрыжаль*» соч. инока Іоанна Нафанаила, присланную въ 1653 г. патріархомъ Паисіемъ. «Скрыжаль» заключала въ себѣ подробное объясненіе литургіи и прочихъ церковныхъ обрядовъ. Она напечатана въ 1655 г. съ предисловіемъ Епифанія Славеницкаго. 2) *Анѳологіонъ сі есть цвѣтословіе*: страдальчества и мученія святыя великомученицы Екатерины и святого великомученика Ѳеодора Стратилата, я житіе святого и преподобнаго Алексія человѣка Божія. М. 1660. Въ книгѣ, кромѣ того, имѣются «Четверострочія Григорія Богослова съ главизнами Максима Исповѣдника о любви». Митр. Евгеній, который вообще въ статьяхъ объ Арсеніяхъ сообщаетъ много невѣрныхъ свѣдѣній, неправильно приписалъ переводъ «Анѳологіона» Арсенію Сатановскому. 3) *Книга историчная или хронографъ, сирѣчь лѣтописецъ*. Собрана убо древле отъ различныхъописныхъ исторій вкратцѣ и отъ еллинскаго языка на общій, сіи рѣчь на греческій, преведеся отъ преосвященнѣйшаго митрополита монемвасійскаго киръ Дорофея». Кромѣ Арсенія въ переводѣ участвовалъ святогорецъ грекъ архимандритъ Діонисій. Приготовленный къ печати въ 1665 г. хронографъ остался, однако, въ рукописи. Съ обозначенной на этой рукописи датой не совсѣмъ мирится догадка В. Колосова, основанная, однако, на документахъ, хранящихся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, что въ 1662 г. Арсеній былъ вторично сосланъ въ Соловки, а возвращенъ оттуда въ 1666 г.

Арсеній Желиборскій, епископъ львовскій съ 1641—1657 г. См. *Желиборскій.*

Арсеній (*Иващенковъ*), архимандритъ †). *По свѣдѣніямъ отъ него полученнымъ*, род. въ херсонской губерніи въ январѣ 1831 года, воспитывался въ херсонской семинаріи и кіевской академіи; послѣ службы наставнической и ректорской въ семинаріи, былъ съ 1872 г. членомъ комитета духовной цензуры въ Спб., а въ настоящее время онъ настоятель Заиконоспасскаго монастыря въ Москвѣ.

Учено-литературные труды его: 1) *Назаретская обитель въ Нѣжинѣ* (Черниг. Г. Вѣдом., 1858, №№ 48–50). 2) *Черный лѣсъ и его окрестности* (Новороссійскій Календарь 1859 г. и Вѣстникъ Имп. Географич. Общества, 1859). 3) *Судьба православной Греко-Италійской церкви* (Рус. Бесѣда, 1859, кн. VI). 4) *Состояніе церкви въ албанскихъ колоніяхъ Италіи* (Москов. Вѣдом. 1860, въ одномъ изъ де-

---

†) Отзывы о 2-мъ изд. „Лѣтоп. церк. событій“: 1) „Нов. Вр.“ 1879 г. № 1298. 2) „Новости“ 1879 г. № 338. 3) „Церк. Общ. Вѣстникъ“ 1879 г. № 132. 4) *Е. Л.* „Церк. Вѣстн.“ 1879 г. № 43.

кабрьскихъ номеровъ, статейка за подписью *И.*). 5) *Ерминиельд, царевичъ Готскій* (Тамб. Епарх. Вѣд. 1862). 6) *Греческая церковь на островѣ Корфу* (Черниг. Епарх. Изв. 1862). 7) *Катехизмъ и Катихеты въ древней церкви* (тамъ же). 8) *Разные матеріалы для исторіи воронежской епархіи* (Ворон. Губер. Вѣдом. 1862, за подписью *А. М.*). 9) *Состояніе греческой церкви на Іонійскихъ островахъ подъ властію Венеціанъ* (Духов. Вѣстникъ, 1863). 10) *Состояніе православной церкви въ Далмаціи XVIII вѣка* (тамъ же, 1863, Апрѣль). 11) *Церковное состояніе земель боснійскихъ и герцеговинскихъ XIII—XV ст.*, тамъ же, 1863. 12) *Православная сербская церковь въ Венгріи, Кроаціи и Славоніи XV—XVIII ст.* (тамъ же, 1863). 13) *Дивногорскій монастырь Ворон. епархіи* (очерки, въ памятной книгѣ Воронеж. губ. за 1864 годъ). 14) *Очеркъ исторіи греческой церковной общины въ Венеціи* (Дух. Вѣстн. 1864, февраль). 15) *Бесѣды о Божественной литургіи* (въ Тамб. Епарх. Вѣдом. 1863—1864 годовъ). 16) *Охридскій патріархатъ* (Дух. Вѣст. 1864, августъ). 17) *Трапезундская церковь* (Тамб. Епарх. Вѣдом. 1865, № 7). 18) *Нѣкоторые черты пріемовъ и метода обученія въ странахъ греческихъ начала XVIII вѣка* (Духов. Вѣстн. 1865, мартъ). 19) *Состояніе православной церкви у русскихъ въ Венгріи XIV — XVII ст.* (тамъ же, 1865, іюнь). 20) *О разныхъ достопримѣчательныхъ святыхъ въ Венеціи* (Духовн. Вѣстн. 1863, августъ). 21) *Состояніе церковныхъ дѣлъ у православныхъ жителей Далмаціи въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка* (Духов. Вѣстн. 1865, сентябрь). 22) *Греко-униты острова Кипра XIII—XVI в.* (тамъ же, 1865, апр.). 23) *Христіанство въ Моравіи IX в.* (Воронеж. Еп. Вѣд. 1866). 24) *Отрывокъ изъ Увѣщанія къ язычникамъ Климента Александрійскаго* (переводъ съ греч., въ Вор. Еп. Вѣд. 1866). 25) *Строматы Климента Александр.* (переводъ первой книги, въ Ворон. Еп. Вѣд. 1866 и 1867 гг.). 26) *Евстафій, митрополитъ Солунскій XII в.* (Дух. Вѣст. 1866, авг. и ноябрь). 27) *Объ отношеніяхъ церквей, латин. и греческой, въ періодъ Крестовыхъ походовъ* (Журн. Мин. Нар. Просв. 1867). 28) *Судьбы христіанства въ южной Аравіи* (Правосл. Обозр. 1868, мартъ). 29) *Св. Максимъ, патріархъ конст.* (Прав. Обозр. 1868). 30) *Русскіе въ Венгріи* (Журн. Мин. Нар. Просв. 1868, іюнь). 31) *Архіепископы и патріархи сербскіе* (Пр. Обозр. 1868). 32) *Михаила Пселла похвальное слово Симеону Матафрасту* (перев. съ греч. въ Вор. Еп. Вѣд. 1869). 33) *Лѣтопись церковныхъ событій*, въ трехъ выпуск., Спб. 1869—1871. Она же издана въ 1879 г. вторично въ исправленномъ видѣ, въ Спб. 34) *Христіанство въ сѣверной Аравіи* (Прав. Обозр. 1870). 35) *Церковный и политическій бытъ сербовъ и волоховъ въ Австріи* (Жур. Мин. Нар. Просв. 1870, окт.). 36) *Очеркъ исторіи правосл. греч. церкви на островѣ Сициліи* (въ Прав. Обозр. 1871). 37) *Марка Евгеника отвѣтъ царю Іоанну Палеологу* (въ іюльской книжкѣ Странника за 1872 г.). 38) *Его же письмо о предѣлахъ жизни человѣческой* (въ Дух. Бес. 1872). 39) *Өеолептъ, митрополитъ Филадельфійскій* (въ Странникѣ 1872). 40) *Епископъ Симеонъ Концаревичъ* (Стран. 1872, сент.). 41) *Митрополія острова Родоса* (Прав. Обозр. 1872, декабрь). 42) *Готская митрополія въ Крыму* (Журн. Мин. Нар. Пр. 1873). 43) *Состояніе церкви въ Африкѣ V—XI в.* (Христ. Чт. 1873). 44) *Записки о мученичествѣ Аревыевъ Аравіи* (Странникъ 1873). 45) *Патріархъ Конст. Каллистъ 1-й* (Пр. Об. 1873). 46) *Михаилъ Акоминатъ, митрополитъ Афинскій* (Пр. Обозр. 1873). 47) *Аврелій Пруденцій Климентъ* (Прав. Обозр. 1873). 48) *Астерій, епископъ Амасійскій* (Дух. Бесѣда 1874). 49). *Древнѣйшіе проповѣдники христіанской вѣры въ Испаніи* (Стран. 1876). 50) *Состояніе греч. церкви на островѣ Критѣ XIII—XVII ст.* (Прав. Обозр. 1876). 51) *По поводу вопроса объ Афонскомъ монастырѣ св. Пан-*

телеймона (переводъ статей съ греч., помѣщался въ Голосѣ и Москов. Вѣдом., изданъ отдѣльною книгою въ Спб. 1874). 52) *Іосифъ Вріенній, писатель конца XV в.* (Прав. Обозр. 1879). 53) *Нѣсколько страницъ изъ исторіи христіанства въ Персіи* (Христ. Чт. 1881). 54) *Николай, епископъ Мееонскій XII в.* (Христ. Чт. 1882—1883 гг.). 55) *Попытка основанія православной архіерейской каѳедры въ городѣ Немировѣ* (Кіевская Старина 1883, апр.). 56) *Макарій Магнезійскій* (Хр. Чт. 1883). 57) *Ѳеофанъ Керамевсъ, проповѣдникъ* (Стран. 1884). 58) *Описаніе одного рукописнаго греческаго Сборника* (Христ. Чт. 1884). 59) *Софроній Добрашевичъ архимандритъ Новой Сербіи* (въ Кіевской Старинѣ 1884, окт.). 60) *Мануила ритора о Маркѣ Ефесскомъ* (Христ. Чт. 1886).

Изъ перечисленнаго наибольшее значеніе имѣетъ «Лѣтопись церковныхъ событій»,—огромная книга въ 900 страницъ, для составленія которой нужна была очень значительная эрудиція. Это погодное обозрѣніе всѣхъ сколько нибудь выдающихся явленій церковной жизни, начиная отъ Рождества Христова до 1879 г. (въ 2 изданіи). Событія излагаются большею частью на основаніи хорошихъ историческихъ сочиненій, но весьма часто и по первоисточникамъ, а нѣкоторые факты русской церковной жизни составлены по рукописному матеріалу, извлеченному изъ архива Св. Синода. Какъ справочная книга «Лѣтопись» арх. Арсенія—единственная въ своемъ родѣ въ русской литературѣ.

Арсеній Мацѣевичъ, въ мірѣ Александръ †), родомъ изъ польской шляхты, сынъ православнаго священника. родился въ 1697 году, во Влади-

†) *Матеріалы объ Арсеніи Мацѣевичѣ*: 1) Автобіографич. записка (XVIII вѣкъ изд. Бартеневымъ II, 361—363; то же въ Яросл. (№ 17) и Кіев. (№ 10) Епарх. Вѣдом. 1869 г.); 2) Матеріалы для біогр., переписка Арсенія, указы о немъ, дѣла его (День 1862 г., №№ 15. 19, 25; 1864 г., №№ 39—40; Рус. Арх. 1863; 1866; Чтен. въ Моск. общ. ист. и древн. рос. 1862, II, III; 1864, IV; Сборникъ Рус. историч. общ., т. VII).

Статьи и изслѣдованія: 1) Зритель 1862, № 23 (крат. біогр.): 2) Арсеній Мацѣевичъ. *В. Мстиславскаго* (Совр. Лѣтоп. 1862, № 32, ср. №№ 49 и 50); 3) Митр. Арсеній III, Мацѣевичъ, 53 іерархъ ростовско-ярославской паствы (Яросл. Епарх. Вѣд. 1862, № 34 и д.). 4) Русскія достопамятности, вып. IV, 162 (ст. *И. Снегирева*, съ портр. 40 стр.); 5) Энциклопедич. словарь. изд. учен. и литерат. 1862. т. V, 459—462 (ст. *П. П. Пекарскаго*); 6) Русская библіотека, т. XIX, Лейпцигъ, 1863, (біогр. Арсенія Мац.); 7) Арс. Мацѣевичъ, по поводу XXV тома «Исторіи Россіи» Соловьева, *Н. И. Барсова* (Рус. Стар. 1876, т. XXV, 721—756); 8) *Иконниковъ* «Арс. Мацѣевичъ. Историко-біографич. очеркъ» (ibid., 1879, томы XXIV, XXV и XXVI, съ замѣч. на статью Барсова и портр. Арс. М-ча); 9) Арсеній Мацѣевичъ какъ проповѣдникъ, *Н. К—въ* (Яросл. Епарх. Вѣд. 1864, №№ 35, 37, 39, 41—45, 48—52); 10) Распоряженія Арс. Мацѣевича по управл. ростово-яросл. паствы (ibid., 1868, №№ 19, 25—29, 31—34, 36 и 50); 11) Малоизвѣстные русскіе проповѣдники XVIII ст. архим. Владиміръ Каллиграфъ, *Н. И. Барсова* (рѣчи

мірѣ Волынскомъ; учился во «владимірской, варенжской и львовской академіяхъ», откуда въ 1715 г. поступилъ въ кіевскую академію, но въ слѣдующемъ году онъ принялъ монашество въ новгородсѣверскомъ Спасскомъ мон. и состоялъ въ тамошней школѣ учителемъ латинскаго яз. Вторично онъ находился въ кіевской акад. съ 1718—26 г. и получилъ здѣсь санъ іеромонаха (1723). Вліяніе преподаванія въ академіи Ѳеофана Прокоповича (1711—1715 гг.) не коснулось Арсенія, а, напротивъ, онъ усвоилъ схоластическіе пріемы и взгляды его противниковъ. Нѣкоторое время Арсеній состоялъ проповѣдникомъ при Софійскомъ соборѣ; затѣмъ въ Печерской лаврѣ (1728—29), снова въ Черниговѣ, а въ 1730 г. былъ вызванъ въ Тобольскъ митр. Антоніемъ Стаховскимъ, бывшимъ архіеп. черниговскимъ. Въ 1733 г. Арсеній совершилъ путешествіе въ Устюгъ, Холмогоры и Соловецкій мон., гдѣ вступилъ въ полемику съ раскольниками, находившимися тамъ въ заточеніи, и написалъ по этому поводу сочиненіе. Съ 1734—37 г. онъ находился въ камчатской экспедиціи, въ теченіе которой совершилъ четыре морскихъ кампаніи, а въ октябрѣ 1737 г. велѣно было ему состоять при синодальномъ членѣ Амвросіи Юшкевичѣ, который въ правленіе Анны Леопольдовны и въ нач. царств. Елисаветы Петровны занималъ первенствующее мѣсто въ церковной іерархіи, что значительно содѣйствовало ихъ сближенію и оказало существенное вліяніе на дальнѣйшую судьбу Арсенія Мацѣевича. Уже въ 1739 г. онъ былъ назначенъ преподавателемъ закона Божія при академической гимназіи, а въ мартѣ 1741 г. посвященъ въ санъ митр. сибирскаго. Въ Тобольскѣ Арсеній, по образцу малороссійскаго епарх. управленія, преобразовалъ архіерейскую канцелярію въ консисторію; все время своего пребыванія здѣсь (по 10 февр. 1742 г.) онъ провелъ въ борьбѣ съ воеводами, защищая новокрещенныхъ инородцевъ отъ притѣсненій администраціи, а духовенство—отъ вмѣшательства свѣтскаго суда. Вообще, отношенія его къ мѣстной администраціи были крайне натянуты; притомъ онъ подвергся

его и отношеніе къ его дѣлу Арс. Мацѣевича), Христ. Чт. 1874, т. I; 12) Арс. Мацѣевичъ, митр. ростовскій въ ссылкѣ. Историч. очеркъ по вновь открытымъ матеріаламъ 1767—1772 гг., сост. *И. Я. Морошкинъ* (Русск. Стар. 1885, томы XLV и XLVI); 13) Обзоръ литерат. объ Арс. Мацѣевичѣ, *его же* (Библіографъ 1886, № 2, стр. 28—36; № 3, стр. 41—48; № 4, стр. 57—64); 14) Опроверженіе о ссылкѣ Арсенія въ Сибирь, въ статьяхъ *Дїева* (Чтен. М. О. Ист. 1862, II, 3—7, 1864, IV, стр. 11—28) и *Баснина* (ibid., 1875, I, 131—143); 15) Выдержки изъ прошедшаго Архангельск. губ. Ссыльные въ XVIII вѣкѣ въ Архангельск. краѣ (Арх. Губ. Вѣд. 1875, №№ 24—26, сообщаются свѣдѣнія о снаряженіи въ путь Арсенія изъ Козельскаго монастыря въ Ревельскую крѣпость въ декабрѣ 1767 г.). О портретахъ Арс. Мац. см. Рус. Стар. 1878, т. XXIV, стр. 34.

въ Сибири сильнымъ припадкамъ «цынготной и скорбутной болѣзни»—и вотъ, вскорѣ послѣ переворота, доставившаго престолъ Елисаветѣ Петровнѣ, Арсеній перепросился уже въ Ростовъ (въ маѣ 1742 г.), при чемъ, благодаря поддержкѣ того же Амвросія, получилъ званіе члена Синода. Люди одной школы и одинаковыхъ воззрѣній на церковное управленіе, они теперь вмѣстѣ настаиваютъ передъ императрицею на устраненіи свѣтскихъ чиновъ изъ Синода, на отмѣнѣ ненавистной коллегіи экономіи и мечтаютъ уже о замѣнѣ синодальнаго управленія—единоличнымъ—патріарха. Съ одной стороны Арсеній игнорируетъ постановленія духовнаго регламента, отказываетъ въ помѣщеніи инвалидовъ въ монастыряхъ своей епархіи и вступаетъ въ открытое столкновеніе съ Сенатомъ и Синодомъ, которое навлекло ему неудовольствіе императрицы. Впрочемъ, потомъ это дѣло уладилось и она поспѣшила даже выказать ему знаки своей милости. Между тѣмъ на Арсенія возложено было исправленіе соч. Ѳеофилакта Лопатинскаго: «Обличенія неправды раскольнической». Онъ пишетъ «Дополненіе» къ послѣднему, обличающее въ авторѣ значительную начитанность въ отеческой и русской церковной литературѣ, но вполнѣ проникнутое взглядами «Просвѣтителя» Іосифа Волоцкаго; онъ составляетъ возраженіе на «Молотокъ на камень вѣры», въ которомъ особенно настаиваетъ на возстановленіи патріаршества и защитѣ монашества, но не признаетъ даже необходимымъ чтеніе библіи для народа. Въ то же время онъ ведетъ упорную борьбу и словомъ, и дѣломъ противъ раскола. Впрочемъ, его многочисленныя (числомъ 217 въ 12 рукописн. том.) *) и часто обширныя проповѣди мало касаются современныхъ жизненныхъ явленій; онѣ вращаются болѣе въ сферѣ догматическихъ и нравственныхъ вопросовъ, представляютъ тщательный подборъ мѣстъ священ. писанія и вполнѣ проникнуты схоластическими пріемами. Строго преслѣдовалъ Арсеній всякое проявленіе иномыслія (дѣло архим. Владиміра Каллиграфа) и сурово каралъ подчиненныхъ за неповиновеніе его власти и нарушеніе его распоряженій. Ко времени его управленія ростовскою епархіею относятся два важныя событія: преобразованіе славяно-латинской школы въ семинарію (въ Ярославлѣ) и открытіе мощей св. Димитрія Ростовскаго въ 1757 г., къ которому онъ питалъ особенное уваженіе.

Нѣкоторыя ограниченія, предпринятыя въ концѣ царствованія Елисаветы Петровны по управленію монастырскими имуществами, возбудили вполнѣ понятное неудовольствіе въ средѣ высшаго духовенства, причемъ на Арсенія Мацѣевича послѣднее смотрѣло какъ на единственнаго человѣка, который своимъ рѣшительнымъ образомъ дѣйствій можетъ предотвратить

*) Библіотека и рукописи Арсенія поступили въ ярослав. духов. семинарію.

предстоявшую опасность. Распоряженія Петра III вызвали еще большее негодованіе; но и надежды на измѣненіе новаго порядка со вступленіемъ на престолъ Екатерины II также оказались тщетными. Впослѣдствіи Екатерина признавалась Вольтеру (1765), что бунтъ монастырскихъ крестьянъ, принявшій въ началѣ ея царствованія обширные размѣры, заставилъ ее совершенно измѣнить управленіе имѣніями духовенства. Побуждаемый на борьбу болѣе дѣятельными изъ своихъ собратій, Арсеній выступилъ теперь съ заявленіемъ недовольства противъ дѣйствій коммиссіи по этому вопросу въ крайне рѣзкой формѣ: 9 февраля 1763 г. онъ совершаетъ въ Ростовѣ чинъ православія съ нѣкоторыми прибавками, направленными противъ «насильствующихъ и обидящихъ святыя Божіи церкви и монастыри», которые «принимаютъ данныя тѣмъ отъ древнихъ боголюбцевъ имѣнія» и т. п., а въ мартѣ того же года отправилъ два донесенья въ Синодъ, составленныя въ томъ же духѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обращался за поддержкою къ гр. А. П. Бестужеву-Рюмину и духовнику императрицы—прот. Θеодору Дубинскому. Между тѣмъ уже 12 марта Синодъ составилъ докладъ императрицѣ (по поводу перваго донесенія его) объ Арсеніи какъ «оскорбителѣ ея величества», а Екатерина поспѣшила предать его суду Синода «за превратныя и возмутительныя толкованія св. писанія и посягательство на спокойствіе подданныхъ». Сочиненія и письма Арсенія были опечатаны, а онъ, подъ конвоемъ, доставленъ въ Москву. Обратили также вниманіе на чинъ отлученія, экземпляры котораго были взяты вмѣстѣ съ нимъ. Съ 1—7 апрѣля тянулся судъ надъ Арсеніемъ, а всѣ означенныя данныя послужили матеріаломъ для его осужденія. Арсеній былъ низведенъ въ званіе простого монаха и заточенъ въ корельскій николаевскій монастырь. Въ «Москов. Вѣдом.» (15 апрѣля 1763) по поводу его осужденія было замѣчено, что его донесенія «отъ начала до конца наполнены ядомъ оскорбленія ея величества». Впрочемъ, есть указаніе, что къ этому примѣшалось и чувство личнаго неудовольствія Екатерины противъ Арсенія. Императрицѣ сталъ извѣстенъ отзывъ о ней Арсенія: «ея де велич. наша неприродная и она де не твердая въ законѣ нашемъ и не надлежало де ей россійскаго престола принимать, а слѣдовало Ивану Антоновичу или лучше бы было, кабы ея велич. вступила за него въ супружество». Корреспонденты Арсенія изъ архіереевъ подверглись выговору, а болѣе дѣятельные изъ духовенства (какъ архим. Геннадій) поплатились ссылкою въ соловецкій монастырь. Теперь судьба церковныхъ имуществъ была рѣшена безповоротно. Но тѣмъ самымъ не рѣшалась еще участь Арсенія. Неодобрительные отзывы послѣдняго въ ссылкѣ о правахъ Екатерины на престолъ, о предполагавшемся бракѣ ея съ Г. Г. Орловымъ, о дѣлѣ Мировича, въ которомъ онъ заподозрѣвалъ участіе «и большихъ

господъ согласниковъ», сочувствіе вел. кн. Павлу Петровичу, отзывы по поводу отобранія церковныхъ имуществъ и тѣ послужили матеріаломъ для вторичнаго суда надъ нимъ, въ концѣ 1767 г. и на этотъ разъ дѣлу его былъ данъ уже политическій характеръ. Лишенный монашества, Арсеній подвергся теперь вѣчному и неисходному содержанію въ ревельскомъ казематѣ, подъ именемъ Андрея Враля, гдѣ онъ и скончался 28 февраля 1772 г., погребенъ же при русской никольской церкви. Таинственность судьбы Арсенія и одновременная ссылка въ Сибирь іером. нижегор. мон. Арсенія содѣйствовали возникновенію мнѣнія о тождествѣ этихъ двухъ лицъ, которое отчасти поддерживается до сихъ поръ (Историч. Вѣст. 1888 г. № 23, стр. 755—759), хотя и не подтверждается архивными документами. Въ XVIII стол. Арсеній Мацѣевичъ имѣлъ фанатическихъ послѣдователей (Смолинъ) и гуманныхъ почитателей (какъ масонъ И. В. Лопухинъ), видѣвшихъ въ немъ борца за независимость церкви и религіозныхъ убѣжденій; но онъ имѣлъ также и ожесточенныхъ противниковъ (прот. Петръ Алексѣевъ), смотрѣвшихъ на него какъ на духовнаго сановника, вооружившагося всѣми средствами духовной власти, чтобы возвысить ее на счетъ свѣтской. Точно также въ настоящее время одни въ его дѣятельности усматриваютъ лишь борьбу за лучшее управленіе церкви, а въ послѣдствіяхъ ея результатъ положенія, созданный для этой послѣдней реформою Петра (Н. И. Барсовъ), другіе же видятъ въ личности Мацѣевича послѣдняго представителя защитниковъ стараго порядка, которому духовный регламентъ нанесъ рѣшительный ударъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ благодѣтельный по своимъ послѣдствіямъ для русскаго просвѣщенія (Пекарскій).

Сочиненія Арсенія Мацѣевича: 1) *Семь поученій*, напечат. въ Москвѣ съ 1742—43 гг. (Сопиковъ, №№ 1137—1142; Кастеринъ, №№ 822, 835, 838; Геннади, 45; Евгеній, 56—57; Филаретъ, Обзор. духов. литер.); 2) *Увѣщаніе къ раскольнику* Арсенія М—ча (Прав. Собесѣд. 1861, т. III, стр. 182, 295, 413; со статьею объ Арсеніи какъ обличителѣ раскола, ibid., т. III, стр. 349 и д.); 3) *Дополненіе къ соч. Ѳеофилакта Лопатинскаго* «Обличеніе неправды раскольническія» составленнымъ въ 1746 г. (описаніе документовъ, хранящихся въ Архивѣ Синода, 1 стр. CCCCXVIII—CCCCXXXI, дѣло объ этомъ на стран. 482—485); 4) *Возраженія на пашквиль лютеранскій, нареченный молотокъ на камень вѣры* (извлеч. изъ него у Чистовича Ѳеофанъ Прокоповичъ, стр. 386—407; ср. книга Буддея противъ Камня вѣры, *Р.*, Прав. Обозр. 1860, №№ 212, стр. 577—591); 5) *Доношенія Арсенія въ Синодъ* (Чтен. Моск. общ. исторіи, 1862, II, 25—38; III, 144—152, 158—162; ср. Рус. Стар. 1876, т. XV, 742—745).

В. Иконниковъ.

Арсеній, Алексѣй *Могилянскій* †). Род. въ м. Рѣшетиловкѣ, полт. губ. 7 марта 1704 г., учился въ кіевской академіи и въ Харьковѣ, въ1741 г. ереѣхалъ въ Москву, гдѣ постригся и былъ опредѣленъ сначала учителемъ, а затѣмъ проповѣдникомъ дух. академіи. Какъ отличный проповѣдникъ, онъ въ 1743 г. былъ вызванъ ко двору. Въ 1744 г. сдѣланъ архимандритомъ Сергіевской лавры и членомъ синода и въ томъ же году еще пископомъ Переславля-Залѣсскаго. Елизавета очень его любила и подарила панагію въ 60.000 руб. По слабости здоровья А. въ 1752 г. отпросился на покой въ новгородъ-сѣверскій монастырь. Но въ 1757 году его еревели митрополитомъ въ Кіевъ (22 окт. 1757). Ум. 8 іюня 1770 г. ;го слова:

1) Въ недѣлю XVI по сошествіи св. Духа. М. 1742. 4°. 2) Въ недѣлю XI по ошествіи св. Духа. М. 1742. 4°. 3) Въ день срѣтенія иконы Владимірскія Пресвят. Богородицы. М. 1742. 4°. 4) Въ недѣлю IV великаго поста, пропов. въ П. 743 г. 4°. 5) Въ похвалу св. Угодникамъ Божіимъ. П. 1743. 4°. 6) На день успенія пресв. Богородицы. М. 1743. 4°. 7) Въ недѣлю мясопустную П. 1743. 4°.) И. Елисаветѣ Петровнѣ, къ троицко-сергіевой лаврѣ пѣшей приближавшейся. [. 1744. 9) Въ недѣлю 24-ю. М. 1744. 10) Слово на миръ съ Шведами. М. 1744. 1) Имъ же сочинены и изданы въ Кіевѣ служба и акафистъ св. Димитрію.

Арсеній (Москвинъ I ††), ректоръ ярославскій, игуменъ тверского желикова монастыря, съ 1789 архимандритъ колязина монастыря, съ 1798 пископъ старорусскій, съ 1799 епископъ воронежскій. Ум. 1810. Есть го: «Слова, проповѣданныя при Высочайшемъ присутствіи Императрицы ;катерины II, въ бытность на чредѣ священнослуженія». Спб. 1793. 4° Соп. 10355).

* **Арсеній** (Өедоръ Павловичъ *Москвинъ*), митрополитъ кіевскій †††). *Го свѣдѣніямъ, извлеченнымъ нами изъ архива св. Синода*, сынъ діакона, р. въ 1795 г. въ селѣ Вороньѣ, костромской губер. и уѣзда, учился начала въ костромской семинаріи, затѣмъ въ с.-петербургской духовной кадеміи, во время нахожденія въ которой постриженъ въ монашество въ 821 г. Въ 1823 кончилъ курсъ со степенью магистра и опредѣленъ бакалавромъ богословскихъ наукъ при с.-петербургской академіи, въ 1825

---

†) 1) «Моск. Любоп. Мѣсяцесловъ» на 1776 г., стр. 105—107. 2) *Филаретъ* бзоръ, стр. 341. 3) *Смирновъ*, Ист. Моск. Акад. 4) *Геннади*, Словарь. 5) 900-лѣе рос. іерархіи. 6) *Аскоченскій*, Кіевъ, т. II, стр. 68—69. 7) «Опис. Кіево-Соф-бора», стр. 225.

††) *Филаретъ*, Обзоръ, стр. 339. *Геннади*, Словарь.

†††) О статьяхъ, ему посвященныхъ, см. въ концѣ наст. тома.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

назначенъ ректоромъ могилевской семинаріи, въ 1826 г. произведенъ въ санъ архимандрита, въ 1827 перемѣщенъ ректоромъ орловской семинаріи, а въ 1829—рязанской и въ 1831—тверской; въ 1832 г. рукоположенъ въ епископа тамбовскаго, въ 1841 г. назначенъ архіепископомъ подольскимъ, въ 1848 г. повелѣно ему быть архіепископомъ варшавскимъ и управляющимъ волынской епархіею и Почаевскія успенскія лавры священно-архимандритомъ, въ 1854 г. избранъ почетнымъ членомъ конференціи кіевской духовной академіи, въ 1860 г. опредѣленъ митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ и членомъ святѣйш. Синода, въ 1865 году избранъ почетнымъ членомъ конференціи московской духовной академіи, въ 1868 г. почетнымъ членомъ медико-хирургической академіи, въ 1869—императорской публичной библіотеки въ С.-Петербургѣ и петербургскаго университета, въ 1872—московской духовной академіи, въ 1873—археологическаго общества. Въ 1873 г. съ большою торжественностью праздновался 50-ти-лѣтній юбилей полученія имъ степени магистра. Ум. 26 апр. 1876 г.

О сочиненіяхъ и статьяхъ его см. въ концѣ наст. тома.

Арсеній Сатановскій †) воспитанникъ кіевской академіи, іеромонахъ кіево-братскаго монастыря, въ 1649 г. вызванный вмѣстѣ съ Епифаніемъ Славеницкимъ въ Москву для перевода богословскихъ и иныхъ книгъ. Поселился онъ въ устроенной бояриномъ Ртищевымъ подъ Москвою Спасо-преображенской пустыни, а потомъ жилъ въ Богоявленскомъ монастырѣ.

Арсенію Сатановскому долго приписывались слѣдующіе рукописные переводы, хранящіеся въ синодальной библіотекѣ: 1) съ латин. *Мафрета*. «О градѣ Царскомъ». т. е. Константинополѣ. затѣмъ съ греческаго 2) *Кодина*, «О чинахъ царства греческаго и великія церкви Константинопольскія». Вмѣстѣ съ Епифаніемъ Славеницкимъ А. будто бы перевелъ «съ римскаго языка на славенскій»: 3) «*Козмографію иже глаголется описаніе*».

Изъ печатныхъ переводовъ того времени Евгеній приписалъ Сатановскому изданную въ 1660 г. книгу: 4) «*Анѳологіонъ си есть Цвѣтословіе*», заключающую въ себѣ: a) «*Житіе св. Великомученицы Екатерины*». b) «*Житіе Ѳеодора Стратилата*». c) «*Житіе Алексѣя, человѣка Божія*». d) «*Главизна Максима Исповѣдника*». e) «*Четверостроѵіе Григорія Богослова*». f) «*Молитва къ Богородицѣ*», стихотвореніе Дмитрія Кантакузена.

---

†) 1) *Евгеній*, Словарь дух. пис., стр. 55. 2) *Филаретъ*, Обзоръ, стр. 239. 3) *Горскій и Невоструевъ*, Опис. рук. син. библ. от. II, стр. 714—729. 4) *Строевъ*. Биб. общ. ист. и древ., стр. 43. 5) *Каптеревъ*, Н. Противники патріарха Никона М. 1887 г. стр. 21.

Всѣ эти литературныя заслуги Сатановскаго должны быть, однако, сокращены на половину. Переводъ «Анеологіона» безусловно принадлежитъ Арсенію Греку: объ этомъ прямо гласитъ заглавный листъ книги. Что же касается Кодина, то переводъ его тоже не можетъ быть приписанъ Сатановскому: въ своихъ недавнихъ изысканіяхъ въ архивѣ мин. иностран. дѣлъ Н. Каптеревъ наткнулся на слѣдующую челобитню Сатановскаго:

«здѣ азъ уже мало потребный къ исправленію библіи, понеже азъ призванъ по сугубо твоего царскаго пресвѣтлаго величества грамотѣ, уже иніи старцы разсмотряютъ и труждаются, *азъ бо по гречески не умѣю*».

По догадкѣ арх. Филарета, Сатановскому можно приписать относящееся къ 1652 г. и хранящееся въ синодальной библіотекѣ (№ 329) «*Зерцало духовное*», представляющее собою передѣлку «Зерцала духовнаго» Іоанна Насѣдки. Какъ «Зерцало» Насѣдки, такъ и «Зерцало» Сатановскаго, если оно только принадлежитъ ему, состоитъ изъ нравственныхъ наставленій, взятыхъ изъ отеческой литературы и «каталога или сочисленія по алфавиту словенскому грѣховъ и страстей». Грѣховъ набралось 280 и нѣкоторые изъ нихъ довольно оригинальные: банное мытіе, дреманіе душевное, еллиновъ укореніе, плача лишеніе, пѣніе высокогласное и т. д.

Арсеній Сухановъ, іеромонахъ, строитель Троицко-Сергіева Богоявленскаго монастыря въ Москвѣ и келарь Троицко-Сергіевой лавры †). Въ началѣ 1649 г. пріѣхалъ въ Москву патріархъ іерусалимскій Паисій для сбора денегъ на искупленіе и украшеніе Гроба Господня. Присматриваясь къ московскому богослуженію, онъ замѣтилъ въ ней рядъ отступленій отъ чиновъ и обрядовъ восточной церкви. Особенно поразило его двуперстіе въ крестномъ знаменіи. Онъ не замедлилъ сообщить о своемъ недоумѣніи царю и патріарху (Іосифу), которые, конечно, были очень смущены замѣчаніями Паисія и потому рѣшили послать на Востокъ вѣрнаго человѣка, который и изучилъ бы вопросъ на мѣстѣ. Выборъ палъ на старца Арсенія Суханова. Въ іюнѣ 1649 г. онъ вмѣстѣ съ Паисіемъ выѣхалъ

†) 1) *Евгеній*, Словарь. 2) *Филаретъ*, Обзоръ, стр. 229. 3) ***Аристовъ, Н.***, въ Энц. Сл.» изд. рус. уч. и лит. 4) ***Строевъ***, Библіолог. Слов. 5) ***Мелетій***, Путешествіе въ Іерусалимъ. 6) ***Муравьевъ***, Путеш. въ Іерусалимъ. Въ предисловіи. 7) *Макарій*, Ист. рус. церкви, т. XI, стр. 141—162. 8) ***Ржевскій***, въ «Прав. Обозр.» 1867 г., № 9—12. 9) *Ивановскій*, предисловіе къ Проскинитарію. 10) *Горскій и Невоструевъ*, Опис. Син. библ. 11) ***Бѣлокуровъ***, предисловіе къ статейному списку въ «Христ. Чт.» 1883 г., № 11—12. Тамъ же рядъ другихъ документовъ, касающихся Суханова. 12) *Сахаровъ* во II т. «Сказаній». Предисловіе къ Проскинитарію. 13) «Поморскіе отвѣты». Отв. 90. 14) Предисловіе къ Служебнику 1665 г. 15) «Временникъ» Общ. Ист. и Древ., ч. XVI, стр. 117—131. 16) ***Ундольскій***, Опись книгъ Евѳимія. М. 1847. 17) Описаніе библіотеки Черткова, II, стр. 434—435.

въ Яссы, отсюда пріѣзжалъ въ Москву, затѣмъ опять поѣхалъ, былъ на Аѳонѣ и въ декабрѣ 1650 г. вернулся въ Россію. Результаты своего путешествія онъ изложилъ въ «Статейномъ спискѣ», поданномъ въ посольскій приказъ и заключающемъ въ себѣ, кромѣ описанія путешествія, еще пространныя «Пренія о вѣрѣ» съ аѳонскими греками. Евгеній, Филаретъ и вслѣдъ за ними и другіе изслѣдователи считали чрезвычайно распространенныя въ раскольничьей средѣ «Пренія о вѣрѣ» апокрифическими, но митр. Макарій, имѣвшій въ своихъ рукахъ подлинный статейный списокъ Суханова, нашелъ въ нихъ и «Пренія», содержаніе которыхъ и передалъ очень подробно въ XI т. своей «Исторіи русской церкви». Вскорѣ затѣмъ С. А. Бѣлокуровъ издалъ весь текстъ «Статейнаго списка» и пришитыхъ къ нему «Преній».

Въ февралѣ 1651 г. Сухановъ предпринялъ второе путешествіе на Востокъ. На этотъ разъ онъ побывалъ въ Константинополѣ, на островахъ греческаго архипелага—Хіосѣ, Родосѣ и др., въ Египтѣ, Іерусалимѣ и отсюда, чрезъ Малую Азію и Кавказъ, вернулся въ іюнѣ 1653 г. въ Москву. Представленный имъ царю отчетъ онъ назвалъ «Проскинитаріемъ», т. е. поклонникомъ.

Чрезъ годъ Сухановъ снова былъ посланъ въ путешествіе. Приступивъ къ исправленію книгъ, Никонъ счелъ необходимымъ имѣть подъ руками возможно большее количество древне-греческихъ рукописей и за ними-то и былъ отправленъ Сухановъ. Богатая «милостыня», которою его снабдили, привела къ самымъ блестящимъ результатамъ. Сухановъ вывезъ изъ Аѳона и другихъ мѣстъ болѣе 700 драгоцѣннѣйшихъ рукописей, которыя до сихъ поръ считаются украшеніемъ московской синодальной библіотеки. Онѣ были описаны въ прошломъ столѣтіи извѣстнымъ Матеи.

Во время третьяго путешествія своего Сухановъ ѣздилъ также въ Іерусалимъ и вывезъ оттуда, по просьбѣ Никона, модель большого храма Воскресенія Христова. По образцу этой модели выстроена большая Воскресенская церковь въ Новоіерусалимскомъ монастырѣ.

Сухановъ умеръ 14 августа 1668 г.

«Пренія о вѣрѣ» и «Проскинитарій» сыграли огромную роль въ исторіи раскола. Они дали сторонникамъ «старой вѣры» сильнѣйшее оружіе въ руки — картину глубокаго упадка той самой греческой и восточной церкви, на примѣръ которой опирался Никонъ. Въ мрачныхъ краскахъ описываетъ «Проскинитарій» испорченность православнаго духовенства на Востокѣ, приниженность его и вытекающую отсюда угодливость. Человѣка болѣе широкихъ взглядовъ эта приниженность несомнѣнно настроила бы совсѣмъ на иной ладъ и во всякомъ случаѣ озлобила бы противъ ту-

рокъ, а никакъ не противъ злополучныхъ гяурскихъ священниковъ, которымъ преданность вѣрѣ предковъ грозила на каждомъ шагу неисчислимыми опасностями. Но Сухановъ смотрѣлъ на все это съ большимъ злорадствомъ. Ему было ужасно пріятно убѣдиться, что испортилась вѣра не у насъ, а на Востокѣ, гдѣ страхъ за свою безопасность сдѣлалъ духовенство индиферентнымъ къ строгому и точному исполненію обрядовъ. Для Суханова же малѣйшая богослужебная обрядность имѣла совершенно такое же значеніе, какъ и важнѣйшіе догматы христіанства †).

Главнѣйшія отступленія, на которыя обращаетъ вниманіе своихъ читателей «Проскинитарій», слѣдующія: на Востокѣ троятъ, а не двоятъ аллилуію, на проскомиціи употребляютъ не семь, а только пять просфоръ, при крестныхъ ходахъ идутъ не по солнцу, а противъ солнца, обливательное крещеніе считаютъ дѣйствительнымъ.

Что касается крестнаго знаменія, то вопросъ этотъ въ «Проскинитаріи» не затрагивается и составляетъ главное содержаніе «Преній о вѣрѣ». Если вѣрить Суханову, аѳонскіе монахи не могли привести ни одного сколько нибудь солиднаго довода противъ двуперстія и либо говорили, что весь-то вопросъ не имѣетъ значенія, либо ссылались на такихъ малоавторитетныхъ людей, какъ какой-то иподіаконъ Дамаскинъ.

«Пренія» и «Проскинитарій» разошлись въ огромномъ количествѣ списковъ, «Пренія» исключительно между раскольниками и потому они искажены множествомъ вставокъ, а «Проскинитарій» и въ раскольничьей и въ православной средѣ. Въ печати въ первый разъ «Проскинитарій» появился во II томѣ «Сказаній русскаго народа» Сахарова. Но здѣсь выбрана только этнографическая часть путешествія.

Въ полномъ видѣ «Проскинитарій» изданъ въ 1870 г. проф. Ива-

---

†) Образчикомъ жалчайшей заботы «Проскинитарія» о разныхъ обрядовыхъ мелочахъ могутъ служить нѣкоторые вопросы, которые Сухановъ предлагалъ александрійскому патріарху:

Вопросъ: «Егда священноиноку искушеніе въ ночи или послѣ утрени, егда уснетъ, отъ діавола, во снѣ случится, можетъ-ли того дни служить литургію?

Отвѣтъ:—Если иного священника нѣту, можно служить; исправя возслѣдованіе искушенію, тропари и молитвы и перемѣнить скверное платье, и самъ обмоется, служить.

Вопросъ: *Отертися или обмытися подобаетъ* (!). Понеже егда и руку кто въ калѣ обмочитъ и отретъ платомъ, не будутъ тѣ руки чисты, и если не обмоетъ водою чисто.

И патріархъ говорилъ: «достоитъ омытися чисто».

Цѣлый рядъ вопросовъ задавалъ Сухановъ относительно того, правой или лѣвой рукой слѣдуетъ совершать извѣстные обряды, обѣими или одною рукою благословлять и т. д.

новскимъ въ Казани и состоитъ изъ трехъ частей: 1) **Статейнаго списка** т. е. описанія путешествія; 2) **Описанія Іерусалима и его окрестностей** и 3) **Тактикона—«какъ греки церковный чинъ и пѣніе содержатъ».**

Нѣсколько раньше изд. проф. Ивановскаго появились въ «Прав. Обозр.» 1866 г. «вопросы», предложенные Сухановымъ патріарху александрійскому.

«Пренія» напечатаны С. А. Бѣлокуровымъ въ «Христ. Чт.» 1883 г. (№№ 11—12) Напечатана еще челобитня Суханова въ «Актахъ Ист.» IV.

Арсеній, (Дмитрій Тодорскій) †). Р. 1744 въ окрестностяхъ Коломны, учился съ 1761 г. въ коломенской и рязанской семинаріяхъ а затѣмъ въ моск. академіи. Въ 1771 г. постриженъ и назначенъ префектомъ и учителемъ философіи коломенской семинаріи, въ 1773 игуменомъ коломенскаго Спасскаго монастыря, въ 1774 архимандритомъ Голутвина монастыря, въ 1775 ректоромъ и учителемъ богословія коломенской семинаріи и въ томъ-же году переведенъ въ Цареконстантиновъ монастырь суздальской епархіи. Въ 1788 назначенъ настоятелемъ ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря и ректоромъ ярославской семинаріи и отсюда былъ вызванъ въ Петербургъ на чреду священнослуженія. Въ 1790 г. А. опредѣленъ въ Сергіеву пустынь, въ 1793 въ Кирилло-Бѣлоозерскій монастырь, въ 1796 въ новгородскій Юрьевъ монастырь и въ томъ-же году рукоположенъ во епископа вологодской епархіи. † 15 іюня 1802 г. и погребенъ въ вологодскомъ Софійскомъ соборѣ. Напечаталъ «Поучительныя слова, проповѣданныя въ придворной церкви, во время бытности въ Спб. для священнослуженія». Спб. 1790. 4°. (Соп. 10354).

Арсеньева, Надежда А. урожд. Камынина ††). Умерла 1855 г. Написала нѣсколько стихотвореній въ сборникѣ «Раутъ» 1851 г. Во время севаст. камп. сочиняла патріотич. стихотворенія, между прочимъ одно (неизданное) полное укоризнъ по адресу А. С. Хомякова: «Стыдись, о сынъ неблагодарный». Перевела также съ англ. «Поучительныя слова для дѣтей, съ прибавленіемъ приличныхъ стихотвореній». Спб. 1844. 16°. Ц. 75 к.

* **Арсеньевъ, Александръ Васильевичъ**, сотрудникъ дѣтскихъ и историческихъ журналовъ ††). *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ*, род.

---

†) 1) *Макарій*, Описаніе Новг. Юрьева мон. („Чт. въ общ. ист. и др.". 1858 г. стр. 102. 2) *Геннади*, Словарь. 3) 900-лѣтіе рос. іерархіи.

††) 1) *Голицынъ*, Слов. рус. писательницъ. 2) *Геннади*, Словарь.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

††) *Отзывы:* о «*Герояхъ Севастополя*»: 1) «Педаг. Музей» 1878 г. № 10. 2) «Об-

въ Петербургѣ 4 іюня 1854 г. въ небогатой семьѣ. Рано лишившись матери, онъ жилъ сначала въ домѣ крестной матери-купчихи, затѣмъ былъ отданъ въ училище человѣколюбиваго общества, гдѣ былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ. Окончивъ училище А. началъ было готовиться къ поступленію въ 5 классъ гимназіи, но опасная болѣзнь глазъ, постигшая его предъ самымъ экзаменомъ, не дала ему возможности привести въ исполненіе это намѣреніе. Впослѣдствіи А. получилъ дипломъ домашняго учителя.

Потерпѣвъ неудачу въ стремленіи къ систематическому образованію, А. пошелъ на службу въ книжный магазинъ, что дало ему возможность чтеніемъ пополнять свои знанія. Здѣсь-же начинаются его литературныя работы. Имѣя возможность аккуратно слѣдить за всѣми вновь выходящими книгами, онъ занялся библіографическими разборами и рецензіями, которые помѣщалъ въ «Библіот. Дешевой Общедоступной» (1875 г. № 5, 10), «Дѣтскомъ Саду» (1875 г. № 11—12), «Дѣлѣ» (1875 г. № 11) и «Рус. Мірѣ» 1876 г. Въ то же время онъ сталъ помѣщать мелкія статьи въ «Голосѣ» и «Петерб. Листкѣ». Въ 1876 г. А. занялъ мѣсто секретаря Д. И. Стахѣева, редактировавшаго тогда «Ниву», и помѣстилъ въ этомъ журналѣ множество мелкихъ компилятивныхъ статей, рецензій, біографій и историческихъ очерковъ. Въ концѣ того-же 1876 г. А. сталъ постояннымъ сотрудникомъ «Пчелы» М. О. Микѣшина, гдѣ велъ, послѣ смерти И. Кущевскаго, еженедѣльный фельетонъ подъ псевдонимомъ *Азъ, Рцы, Слово* и помѣщалъ стихотворенія, біографіи, очерки и т. д. Въ это-же время составлена имъ: 1) біографія А. Ѳ. Погосскаго, приложенная къ собранію сочиненій послѣдняго. Въ 1877 г. А. уѣхалъ на время въ Вильно въ качествѣ главнаго сотрудника «Виленск. Вѣст.» и «Сельскаго Чтенія», затѣмъ вернулся въ Петербургъ и началъ сотрудничать въ «Дѣтскомъ Чтеніи». Въ 1878 г. онъ издалъ дѣтскую книжку: 2) *Герои Севастополя.* Спб., составившуюся изъ народнаго чтенія въ Соляномъ городкѣ. Въ 1878—1880 гг. А. помѣстилъ рядъ стихотвореній въ «Пчелѣ» и «Руси» Микѣшина, въ «Дѣтск. Чт.», «Отеч. Зап.», «Нов. Времени»,

---

зоръ Нар. уч. лит.» вып. 1. 1882 г. стр. 45. 3) «Что читать народу» т. 1. 4) «Рус. Міръ» 1878 г. Объ «*Изъ жизни и исторіи*»: 1) «Воспит. и Обуч.» 1884 г. № 1.. 2) «Женс. Обр.» 1884 г. № 1. 3) «Народ. Школа» 1885 г. № 2. 4) «Обзоръ Дѣтской лит.» в. 1) 5) «Что читать народу» т. 2. О «*Перв. книж. лавочкѣ*»: 1) «Женс. Обр.» 1887 г. № 6—7. 2) «Что читать народу» т. 2. О «*Первыхъ рус. студ.*» т. 2. «Что читать народу» т. 2. «О *Словарѣ*»: 1) «Церк. Вѣст.» 1880 г. № 18. 2) «Нов. Время» 1882 г. № 2344. 3) «Новости» 1887 г. № 120. 4) «Рус. Мысль» 1887 г. № 5. 5) „Нов. Время“ 1887 г. № 4027. 6) „Жен. Обр.“ 1887 г. № 6—7. 7) „Сѣв. Вѣст.“ 1887 г. № 6. 8) „Пет. Лист.“ 1887 г. № 7.

«Свѣтѣ» Н. П. Фигнера, «Рус. Рѣчи», «Иллюстр. Газетѣ», «Невѣ», «Рус. Богатствѣ», «Еженед. Нов. Времени», «Игрушечкѣ» Т. П. Пассекъ, «Петер. Листкѣ», «Будильникѣ», «Шутѣ», «Стрекозѣ». Въ эти-же годы онъ помѣстилъ много дѣтскихъ разсказовъ въ «Дѣтск. Чтеніи» и «Игрушечкѣ». Большинство ихъ вошло въ издан. Ф. Павленковымъ въ 1884 г. (Спб.) книгу: 3) «*Изъ жизни и исторіи*». Въ 1879 г. А. представилъ на конкурсъ журнала «Нева» повѣсть 4) «*Первая книжная лавочка*» и (по рѣшенію Я. П. Полонскаго) получилъ премію. Повѣсть вышла отдѣльно—Спб. 1887 г. Съ 1881 г. А. началъ сотрудничать въ «Историч. Вѣстникѣ», гдѣ помѣстилъ: 5) *Старинныя дѣла объ оскорбленіи Величества* (1881 г. № 3—4). 6) *Первые русскіе студенты заграницею* (1881 г. № 7). Отдѣльно Спб. 1887. 7) *Неудачный карьеристъ* (мнимое покушеніе на жизнь Императора Александра I) тамъ-же № 11. 8) *Выгорѣцкіе совратители* (1883 г. № 9). Отдѣльно. Спб. 1887. 9) *Женщины Пугачевскаго возстанія* [1]) (1884 г. № 6.

Въ 1882 г. А. издалъ 10) Графическую карту, изображающую красками исторію и развитіе нашей литературы; къ ней приложенъ «*Словарь писателей древняго періода рус. литературы*». Это названіе не соотвѣтствуетъ содержанію книжки. Словарь предполагаетъ алфавитный порядокъ, чего нѣтъ въ книжкѣ А., представляющей собою краткій конспектъ (136 стр. въ 16 долю) древней рус. литературы, расположенный по вѣкамъ. Второй томикъ, тоже неправильно названный «*Словаремъ рус. писателей средняго періода (1700—1825)*» вышелъ въ Спб. въ 1887 г. и содержитъ въ себѣ около 240 стр. въ 16°.

«Карта» получила на выставкѣ 1882 г. почетный отзывъ.

Въ 1884 г. А. вмѣстѣ съ покойнымъ художникомъ В. С. Шпакомъ затѣялъ издавать дѣтскій журналъ «Весна», который прекратился на 6 №. Въ 1885—86 гг. онъ сотрудничалъ въ «Новостяхъ», а послѣднее время почти исключительно посвятилъ себя популярнымъ историческимъ статьямъ и исторической беллетристикѣ. Такъ въ «Нови» онъ помѣстилъ: 11) «*Суды царя Ивана Грознаго*» (1887 г. № 1—2). 12) *Арина-боярышня*, поэма въ стихахъ. (1888 г. № 15). 13) *Древне-русскіе послы за границей* (1888 г. №№ 16, 17, 18). 14) *Отставной маіоръ Курицынъ*, волшебная сказка (1888 г. № 20). 15) *Иностранные послы въ Москвѣ* (1889 г. № 3, 4, 5, 6). Нѣсколько историч. повѣстей были помѣщены А. и въ «Задушевномъ Словѣ», а въ «Петер. Листкѣ» 1887—88 гг. онъ напечаталъ 16) большую историческую повѣсть «*Ариша-Уточка*», 17) разсказъ

---

†) Вызвали возраженіе *Н. Дубровина* въ его книгѣ „Пугачевъ и его сообщники“ т. 3, стр. 380, на которое А. отвѣтилъ въ „Ист. Вѣст.“ 1885 г. № 2.

«*Французинка*» (эпизодъ 1812 г.), 18) *Царскій судъ* (эпоха Петра I) и другіе мелкіе разсказы. «Ариша-Уточка», «Французинка» и «Царскій судъ» напечатаны отдѣльнымъ томомъ, какъ приложеніе къ журналу «Родина» на 1889 г.

Въ юмористическихъ журналахъ А. подписывается псевдонимами *Арсеникумъ*, *Асмодей съ Лиговки*, *съ Песковъ*, *съ Таврической*, *Кантеміръ II*, *Виконтъ Д'Аварсенъ*, *Практическій философъ*. Въ «Нивѣ» 1876 г. его псевдонимы—*Rus*, *Нелюбовъ*.

Арсеньевъ, Илья Александровичъ, журналистъ †). Біографическія данныя о начальныхъ годахъ его жизни можно найти въ воспоминаніяхъ его, незадолго до смерти напечатанныхъ имъ въ «Истор. Вѣстникѣ». Изъ нихъ видно, что А. родился въ Москвѣ, въ 1820 г. Отецъ его принадлежалъ къ старинному и богатому дворянскому роду, занималъ видное положеніе въ московскомъ обществѣ и былъ одно время предводителемъ дворянства московскаго уѣзда. Онъ водилъ дружбу какъ со знатью московскою, такъ и со всѣми тогдашними выдающимися литературными дѣятелями. Мальчикомъ А. видѣлъ въ родительскомъ домѣ Дмитріева, Пушкина, Глинку Надеждина, Лермонтова, бабушкѣ котораго—тоже Арсеньевой приходился сродни. Надеждинъ слѣдилъ одно время за ходомъ воспитанія А. и по его предложенію перевелъ повѣсть Гофмана «Выборъ невѣсты», которая потомъ вошла въ изданную Надеждинымъ книгу «32 повѣсти».

Въ концѣ 30-хъ г. А. кончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ и поступилъ на службу въ канцелярію генералъ-губернатора, а въ 1848 г. перевелся въ Петербургъ, гдѣ свелъ дружбу съ Кукольникомъ, Брюловымъ и композиторомъ Глинкой. На службѣ А. не повезло и онъ въ концѣ 50-хъ годовъ бросился въ журнализмъ. Но и тутъ ему не очень-то посчастливилось. Правда, статейки его, большею частью по акціонернымъ вопросамъ, появлялись отъ времени до времени въ «Сѣвер. Пчелѣ» и

---

†) 1) Краткіе некрологи въ февр. газетахъ 1884 г. и „Истор. Вѣст.“ 1887 г. № 4 стр. 68—99. 2) *Толь*, Необх. доп. къ наст. словарю. 3) Юбилейный № „Пет. Листка“ отъ 15 марта 1889 г. 4) Дѣло его, разбир. въ Петерб. окружномъ судѣ: „Бирж. Вѣд.“ 1871 г. № 143, 145 и 148. 5) О дѣлѣ съ Зарудными: „Суд. Вѣст.“ 1866 г. № 2, 3, 7, 9, 10, 13, 16, 103, 104; 1867 г. № 5, 10, 148, 69, 70, 212, 213,, 214; 1868 г. № 2—3; „Гласный Судъ“ 1866 г. № 61; 1867 г. № 140, 174, 175 199, 139, 125, 126. „Бирж. Вѣд.“ 1867 г. № 13, 223, 263, 265 и 266. „С.-Пет. Вѣд.“, 1867 г. № 14, 88, 270, 271, 278, 279, 280, 353, 354, 295. „Голосъ“ 1867 г. № 269, 270, 356. „Вѣсть“ 1867 г., № 112. „Петерб. Газ.“ 1867 г. № 144, 145, 195 (приб.) „Народн. Голосъ“ 1867 г. № 83.

другихъ газетахъ, но положенія въ журналистикѣ онъ никакого не пріобрѣлъ.

Въ началѣ польскаго возстанія намѣстникъ графъ Ламбертъ сдѣлалъ А. предложеніе, о которомъ онъ въ воспоминаніяхъ своихъ говоритъ съ немалою гордостью, именно ѣхать въ Варшаву и оттуда по даннымъ варшавской политической полиціи писать корреспонденціи въ русскія и иностранныя газеты. Въ русскихъ газетахъ, однако, инспирированныя статьи Ар. не стали печатать, а появлялись онѣ только въ субсидированныхъ брюссельскихъ газетахъ «Le Nord» и «L'Independence Belge».

Около 1864 г. А. вернулся въ Петербургъ и попалъ въ сотрудники только что основанной тогдашнимъ министромъ внутрен. дѣлъ, гр. П. А. Валуевымъ, «Сѣверной Почты». Но сотрудничество это длилось не долго. Вскорѣ А. выступилъ въ роли журнальнаго предпринимателя и одну за другой основалъ сатирическую еженедѣльную газету «Занозу», «Петербургскій Листокъ» и «Петербургскую Газету». Такимъ образомъ его можно назвать отцемъ «мелкой прессы», причемъ именно онъ-то сообщилъ ей тѣ несимпатичныя качества, которыя часто связываются съ представленіемъ о ней. Арсеньевъ былъ человѣкъ до нельзя сомнительной нравственности, рѣшительно ничѣмъ не брезгавшій для того, чтобы раздобыть денегъ. Безчисленные процессы то съ сотрудниками, которыхъ онъ эксплоатировалъ и которымъ ничего не платилъ, то съ соиздателями, причемъ выяснялись подлоги въ конторскихъ книгахъ, шантажные подвиги всякаго рода—все это привело къ тому, что въ концѣ шестидесятыхъ годовъ Илья Арсеньевъ долженъ былъ оставить Петербургъ и уѣхать въ Москву. Впослѣдствіи онъ вернулся въ Петербургъ, но уже въ печати участія не принималъ. Въ литературныхъ кругахъ было извѣстно, что А. состоялъ агентомъ III отдѣленія.

Въ 1886 г. А. началъ помѣщать отрывки изъ своихъ воспоминаній въ «Историч. Вѣстникѣ» (т. XXV стр. 191—193; 576—79; т. XXVI стр. 513—536; т. XXVII, стр. 69—81, 344—363, 550—570; т. XXVIII стр. 502—505), которыя оборвались за его смертью (16 февр. 1887 г.).

Арсеньевъ, Константинъ Ивановичъ, географъ и статистикъ †). Р. 12 окт. 1789 г. въ селѣ Мирхановѣ, костромской губ. въ 15 верстахъ

---

†) 1) *П. Пекарскій* въ «Энц. Слов.» изд. рус. пис. и уч., т. V. 2) Некрологи въ газетахъ 1865 г.: «Спб Вѣд.» № 47. «Голосъ» № 337, «Сѣв. Почта» № 263, «Олон. Губ. Вѣд.» № 47, «Домаш. Бесѣда» 1866 г. № 8. 3) *Бушенъ* въ «Изв. Геогр. Об.» 1865 г. № 11—12. 4) *Як. Гротъ* въ «Зап. Ак. Наукъ», т. X. 5) *П. Пекарскій*, О жизни и трудахъ К. И. Арсеньева—приложеніе къ XX т. «Зап. Ак. Наукъ». Эта же біографія приложена къ книгѣ «Историческія бумаги, собран-

отъ г. Чухломы; здѣсь отецъ его былъ приходскимъ священникомъ. Учился А. въ костромской семинаріи и педагогическомъ институтѣ, гдѣ кончилъ курсъ въ 1810. Во время пребыванія въ институтѣ онъ обратилъ на себя самое лестное вниманіе профессоровъ. Было даже рѣшено отправить его за границу для усовершенствованія, но поѣздка эта по разнымъ причинамъ не состоялась. За то уже чрезъ годъ послѣ окончанія А. былъ назначенъ преподавателемъ института по каѳедрѣ латинскаго языка и географіи. Профессоръ географіи Зябловскій, въ помощь которому былъ опредѣленъ молодой А., сначала очень покровительствовалъ ему, потому что разсчитывалъ женить его на своей племянницѣ. Но когда молодой ученый, несмотря на всю его природную кротость и мягкость, рѣшительно отказался отъ этой комбинаціи, Зябловскій сталъ его заклятымъ врагомъ и впослѣдствіи, во время университетской исторіи, немало вредилъ ему.

ныя К. И. Арсеньевымъ». Спб. 1872. Съ портретомъ. 6) *Гречъ*, Записки. въ разныхъ мѣстахъ. 7) *Семевскій*, Ист. крест. вопроса, т. I, глава 23. 8) *Сухомлиновъ*, Изслѣдованія и статьи т. I. Глава VI. 9) Записка Плисова въ «Чтеніяхъ въ общ. ист. и древ.» 1862 г. кн. 3, а въ болѣе полномъ видѣ тамъ-же 1866 г., кн. 3. 10) Справоч. Словарь Старчевскаго. 11) *Пыпинъ*, Очерки общ. жизни при Александрѣ I. 12) *Богдановичъ*, Ист. цар. Алекс. I, т. 13) *Григорьевъ*, Пятидесят. лет. унив.

Отзывы о «Географіи»: 1) «С. Отеч.» 1818 г., № 197. 2) «С., П. Вѣд.» 1818 г. № 47. 3) «Духъ Журналовъ» 1818 г. ч. XXIX. стр. 20-58 и XXX. стр. 66-98. Отвѣтъ Ар. въ «С. От.» 1818 г, № 37 и 38 - 4) «Моск. Телеграфъ». 1832 ч. 47, стр. 553—555.—5) «Сѣв. Пч. 1838, № 131 (статья *А.*). - 6) «Литер. Прибав. къ Рус. Инв.» 1838, № 25.—7) «Маякъ». 1840. ч. 5, гл. 4; стр. 23-35. (Ст. *Москворѣцкаго*) и 1842, т. 3, кн. 5; стр. 32-45. 1844, т. 14, кн. 27; стр. 5. 8) «Отеч. Зап.» 1844. № 8, т. 35, отд. 6; стр. 71-72.—9) «Москвит.» 1844, ч. 4, 8; стр. 357-363. (статья о. Іакинфа). 10) *Весинъ*, Обзоръ учебниковъ географіи.

О «*Статистическихъ Очеркахъ Россіи*»: 1) Биб. д. Чт. 1848. т. 88, отд. 5; стр. 1—12. 2) Жур. Мин. Народн. Просв. 1848, т. 59, отд. 6; стр. 29—48. (ст. *Г. Сахарова*).—3) Москвитянинъ. 1848, ч. 4, № 8; стр. 25—33.—4) «Oт. Записки» 1848, № 4, т. 57, отд. 6; стр. 64-67.—5) Совр. 1848 № 4, т. 8; отд. 3, стр, 164—165.—6) «Сынъ Отеч.» 1848, Кн. 4, отд. 6; стр. 29 35.—7) «Сѣв. Пчела». 1848, № 63 (статья *А. Сухарева*).

О «*Царствованіи Петра II*»: 1) «Oт. Зап.» 1839. № 10, отд. 7: стр. 15-23.—2) «Биб. для Чт.» 1839, т. 35, отд. 5; стр. 39—45.—3) „Сынъ Отеч." 1839. т. 10, отд. 4; стр. 152. 4) «Сѣв. Пчела». 1839, № 182.—) «Жур. Мин. Нар. Просв.» 1840. ч. 25, отд. 6; стр. 44-57. (статья *С. Строева*).

О «*Царствованіи Екатерины I*»: 1) «Биб. для Чт.» 1856. № 9. т. 139, отд. 6; стр. 26-31,—2) Отеч. Записки. 1856. № 10, т. 108, отд, 2; стр. 94-3) «Рус. Вѣст,» 1856. № 12, т. 3. (Соврем. Лѣтоп.): стр. 269-270.—4) Москвитянинъ. 1856, № 12, т. 3; стр. 346-353.

Кромѣ института, Ар. преподавалъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ томъ числѣ въ инженерномъ училищѣ, гдѣ ему удалось обратить на себя милостивое вниманіе Вел. Князя Николая Павловича. А когда въ 1819 г. институтъ былъ преобразованъ въ университетъ, А. попалъ въ адъюнкты по каѳедрѣ географіи и статистики. Черезъ два года надъ нимъ и профессорами Галичемъ, Раупахомъ и Германомъ разразилась гроза, которая могла бы кончиться крайне печально для него, если бы не обычный у насъ антагонизмъ вѣдомствъ. Эта знаменитая въ лѣтописяхъ русскаго просвѣщенія университетская исторія была затѣяна не въ мѣру усерднымъ попечителемъ петербургскаго университета—пресловутымъ Руничемъ, желавшимъ попасть въ тонъ начавшейся тогда реакціи и аракчеевщинѣ. Начавъ съ доноса на «Естественное Право» профессора Куницына, слѣдствіемъ котораго было увольненіе Куницына, Руничъ распорядился затѣмъ отобрать у студентовъ ихъ тетради и извлечь изъ нихъ «вредныя мѣста». Это отбираніе сопровождалось грубѣйшими насиліями и угрозами сослать въ Сибирь, отдать въ солдаты и т. д. и было настолько возмутительно, что бывшій попечитель гр. С. С. Уваровъ счелъ своимъ долгомъ написать обо всемъ частное письмо императору. Вслѣдъ за отбираніемъ студенческихъ тетрадей ректору университета было сообщено, что

„главное правленіе училищъ, разсмотрѣвъ тетради студентовъ здѣшняго университета по отдѣленію философскихъ и историческихъ наукъ, нашло лекціи профессоровъ: Германа, Раупаха, Галича и адъюнктъ-профессора Арсеньева составляющими обдуманную систему невѣрія и правилъ зловредныхъ и разрушительныхъ въ отношеніи къ нравственности, образу мыслей и духу учащихся и къ благосостоянію всеобщему, предписываетъ по симъ только уважительнымъ причинамъ остановить нынѣ же и немедленно какъ по университету, такъ и по пансіону, лекціи помянутыхъ профессоровъ и адъюнкта, а между тѣмъ отобрать у студентовъ всѣ тетради по лекціямъ сихъ профессоровъ, сколько ихъ ни есть".

Надъ заподозрѣнными профессорами былъ учрежденъ университетскій «судъ», который на самомъ дѣлѣ былъ нарушеніемъ самыхъ элементарныхъ понятій о правосудіи. Руничъ кричалъ на профессоровъ, не давалъ имъ говорить, надсмѣхался надъ ними, ругалъ ихъ, обращался съ ними какъ съ людьми арестованными и при малѣйшемъ возраженіи пускалъ въ ходъ такую аргументацію: вы сопротивляетесь мнѣ, я представитель министра, министръ представитель государя, значитъ вы сопротивляетесь верховной власти. Не касаясь тѣхъ обвиненій, которыя были возведены на Раупаха, Галича и Германа, скажемъ, что въ обличеніе вреднаго направленія Арсеньева были выдвинуты слѣдующія выдержки изъ его «Начертанія статистики»:

Человѣкъ, неувѣренный въ полномъ возмездіи за трудъ свой, въ половину е произведетъ того, что въ состояніи сдѣлать человѣкъ, свободный отъ всякихъ зъ принужденія. Доказано, что земля, воздѣланная вольными крестьянами, аетъ обильнѣйшіе плоды, нежели земля одинаковаго качества, обработанная рѣпостными.

. . . .

Истина непреложная, утверждаемая опытами многихъ вѣковъ протекшихъ, го свобода промышленника и промысловъ есть самое вѣрное ручательство въ ріумноженіи богатства частнаго и общественнаго, что для поощренія къ больей дѣятельности нѣтъ лучшаго, надежнѣйшаго средства, какъ совершенная еограниченная ничѣмъ гражданская личная свобода—единый истинный источикъ величія и совершенства всѣхъ родовъ промышленности.

. . . .

Судьи и подчиненные чиновники въ Россіи руководствуются въ производствѣ ѣлъ и въ рѣшеніяхъ разными древними законами и многими указами. Старыхъ новыхъ указовъ и учрежденій считается болѣе семидесяти тысячъ. Многіе зъ послѣдовавшихъ противорѣчатъ и даже отвергаютъ предшествовавшіе.

. . . .

Люди, опытностію или прилежнымъ чтеніемъ пріобрѣвшіе познаніе въ закоахъ, одни имѣютъ силу вязать и рѣшать, и хорошо, еслибъ судъ ихъ былъ раведенъ; но, къ сожалѣнію, знающіе стряпчіе, руководимые не безпристраіемъ, а лихоимствомъ, часто разрѣшаютъ виновныхъ и запутываютъ невинныхъ, но неопытныхъ, въ сѣтяхъ ложнаго толкованія законовъ. Несвѣдущіе рестьяне, вовлеченные въ тяжебныя дѣла, прежде окончанія своего иска, асто бываютъ добычею неправильныхъ притязаній судей въ низшихъ инстаніяхъ.

Напрасно Арсеньевъ доказывалъ, что руководство его одобрено ценрою и учебнымъ начальствомъ. Съ какимъ-то совершенно безшабашымъ цинизмомъ ему было заявлено Руничемъ: «Это не послужитъ вамъ правданіемъ, что книга напечатана и одобрена отъ правительства—*то ыло время, а теперь другое*».

Тотчасъ послѣ допроса Арсеньевъ, какъ и его товарищи, былъ устраэнъ отъ преподаванія въ университетѣ. Тѣмъ не менѣе онъ не только родолжалъ преподавать въ Главномъ Инженерномъ и Артиллерійскомъ чилищахъ, но даже заслужилъ самое теплое расположеніе Великаго нязя Николая Павловича. Гречъ въ своихъ «Запискахъ» разсказыаетъ: «Руничъ, получивъ за свои подвиги орденъ св. Владиміра 2-й тепени, явился къ великимъ князьямъ. Николай Павловичъ благодарилъ о за изгнаніе Арсеньева, который могъ теперь посвятить все свое ремя инженерному училищу и просилъ его выгнать изъ университета це нѣсколько человѣкъ подобныхъ, чтобы у себя съ пользою употребить хъ на службу».

Благодаря этому высокому покровительству, Арсеньевъ, въ сущности остоявшій подъ судомъ, потому что окончательно дѣло кончилось только ь 1827 году, получилъ разрѣшеніе посвятить изданную имъ въ 1822 г.

«Исторію народовъ и республикъ древней Греціи» имени Государя Императора. А въ 1824 г. авторъ «Начертанія статистики», какъ разъ въ то самое время, когда Магницкій изготовилъ злѣйшій доносъ на его книгу, былъ назначенъ редакторомъ въ коммиссіи составленія законовъ. Пристроилъ его туда А. И. Тургеневъ. Въ коммиссіи, преобразованной въ 1826 г. во II отд. Собств. Его Вел. канцеляріи и перешедшей въ вѣдѣніе Сперанскаго, Арсеньевъ оставался до 1828 г., когда въ жизни его произошла важная перемѣна: въ февралѣ этого года Государь, собравши комитетъ для обсужденія вопроса, кому поручить преподаваніе наукъ Наслѣднику, заявилъ вмѣстѣ съ тѣмъ: «для исторіи у меня есть надежный человѣкъ, съ которымъ я служилъ въ инженерномъ училищѣ — Арсеньевъ. Онъ знаетъ дѣло, отлично говоритъ и сыну будетъ полезенъ».

Кромѣ исторіи, Арсеньеву было поручено преподаваніе главнаго предмета его ученыхъ занятій — статистики. И такъ какъ печатные матеріалы по статистикѣ Россіи были тогда въ крайне печальномъ состояніи, то тотчасъ же послѣ назначенія Арсеньева послѣдовалъ указъ: «по требованію коллежскаго совѣтника Арсеньева повелѣваемъ доставлять ему всѣ изъ всѣхъ министерствъ свѣдѣнія, нужныя къ составленію статистики Россійской Имперіи для преподаванія Его Императорскому Высочеству Великому Князю наслѣднику престола».

Семь лѣтъ спустя, въ 1835 г., Жуковскій, руководившій воспитаніемъ Наслѣдника, представилъ Государю слѣдующій докладъ:

Для преподаванія новѣйшей исторіи россійскаго государства нужно будетъ справиться съ подлинными актами, хранящимися въ архивахъ. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Арсеньевъ представилъ мнѣ списокъ тѣхъ, кои могутъ быть ему потребны: одни находятся въ Государственномъ архивѣ, другіе—въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ. Испрашиваю всеподданнѣйше Высочайшаго позволенія Вашего Императорскаго Величества Арсеньеву—брать нужные ему акты изъ означенныхъ архивовъ подъ свою росписку".

Разрѣшеніе не замедлило послѣдовать и это дало возможность Арсеньеву извлечь на свѣтъ Божій крайне цѣнные документы, легшіе въ основу его сочиненій о Петрѣ II и Екатеринѣ I. Отмѣтимъ, кстати, что Арсеньеву же наша историческая наука обязана отысканіемъ знаменитой записки Карамзина «О древней и новой Россіи».

Имѣющіеся біографическіе матеріалы объ Арсеньевѣ не заключаютъ въ себѣ точныхъ данныхъ о томъ, какое вліяніе оказалъ онъ на своего высокаго питомца. По многимъ даннымъ, однако, можно судить, что придворная сфера ни мало не измѣнила общаго строя міросозерцанія Арсеньева, глубоко-гуманнаго и въ основѣ своей рѣшительно-свободолюбиваго. И кажется нельзя сомнѣваться, что онъ не мало содѣйствовалъ

тому, чтобы въ будущемъ императорѣ возникло желаніе уничтожить крѣпостное право и расширить гражданскую свободу русскаго общества. Что касается личныхъ отношеній наслѣдника къ Арсеньеву, то они были самыя сердечныя и близкія. Когда въ 1837 г. Цесаревичъ предпринялъ путешествіе по Россіи, его изъ учителей сопровождали только Жуковскій и Арсеньевъ, который руководилъ образовательною стороною поѣздки и составилъ указатель мѣстъ, которыя слѣдуетъ осмотрѣть подробнѣе.

Путешествіемъ по Россіи закончилось воспитаніе Наслѣдника, и съ тѣхъ поръ Ар. всецѣло отдается своимъ научнымъ и служебнымъ обязанностямъ. Служба его тоже была научнаго характера: онъ съ 1832 года состоялъ членомъ совѣта мин. внутр. дѣлъ и былъ, главнымъ образомъ, занятъ организаціею русской статистики. Его по справедливости можно назвать однимъ изъ отцовъ нашей офиціальной статистики.

Въ 1836 г. Арсеньевъ былъ избранъ въ члены Россійской Академіи, чрезъ нѣсколько лѣтъ преобразованной во II отдѣленіе Академіи Наукъ. Въ 1845 г. онъ вмѣстѣ съ гр. Ѳ. П. Литке и нѣкоторыми другими лицами положилъ основаніе Географическому Обществу, въ которомъ съ 1850 по 1854 г. занималъ мѣсто помощника предсѣдателя.

Послѣдніе годы жизни (съ 1861 г.) Ар. былъ разбитъ параличемъ. Старшій сынъ его, Юлій Конст., перевезъ его къ себѣ въ Петрозаводскъ, гдѣ Конст. Ив. и скончался 29 ноября 1865 г.

Всѣ знавшіе Ар. отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ въ высшей степени мягкомъ, простомъ и сердечномъ.

За пятьдесятъ лѣтъ своей учено-литературной дѣятельности Ар. напечаталъ:

Отдѣльнымъ изданіемъ:

1) *Обозрѣніе физическаго состоянія Россіи и выгодъ отъ того, происткающихъ для народныхъ промысловъ, нынѣ существующихъ*. П. 1818. 8°. Оттискъ статьи въ „Жур. др. и новой слов." 1818 г. 2) *Краткая всеобщая географія*. Спб. 1818. 2-е изд. 1820 г. 3-е 1823 г. 4-е 1827, 5-е 1829, 6-е 1831, 7-е 1832, 8-е 1833, 10-е и 11-е М. 1834, 12-е П. 1835 (два раза), 13-е М. 1835 и П. 1838, 14-е 1839, 15-е 1840, 16-е М. 1841, 17-е П. 1842, 18-е 1843, 19-е 1844, 20-е 1849. 3) *Исторія народовъ и республикъ древней Греціи*, 2 ч. П. 1825—26, 8°. 4) *Начертаніе статистики Росс. государства*, 2 ч. П. 1818—1819. 8°. 5) *Царствованіе Петра II*. П. 1839. 6) *Статистическіе очерки Россіи*. П. 1848. 7) *Царствованіе Екатерины I*. П. 1856. 8) При преподаваніи исторіи Цесаревичу онъ составилъ книжку, отпеч. въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, безъ года: *Черты Исторіи Государства Россійскаго*. 8°. 55 стр. 8) Послѣ его смерти Пекарскій издалъ собранные А. изъ архивовъ документы подъ заглавіемъ: „*Историческія бумаги К. И. Арсеньева*". Спб. 1872.

Въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ:

1) *О колоніяхъ древнихъ народовъ и политикѣ ихъ въ правленіи оными* („С. Отеч." 1821 г.); 2) *Обозрѣніе физическаго состоянія Россіи и выгодъ, отъ того происте-*

кающихъ для народныхъ промысловъ („Жур. др. и новой словесн.“ 1818); 3) „*Описаніе олонецкихъ горныхъ заводовъ*“. („Труды минерал. общества“. 1830); 4) „*Путевыя записки*“ (Ямбургъ, Нарва, Гдовъ, Псковъ, Изборскъ, Печоры, Псковская губ., Рига, Ливонія) въ „Биб. для Чт.“ 1834); 5) въ 1 томѣ „Энц. Лексик.“, Арсеньевъ былъ объявленъ редакторомъ его по отдѣлу географіи и статистики, но въ слѣдующихъ затѣмъ томахъ этого изданія имени его уже не помѣщалось. Въ „Жур. мин. внутр. дѣлъ“ А. помѣстилъ: 6) *Гидрографическо-статистическое описаніе городовъ Россійской Имперіи съ показаніемъ всѣхъ перемѣнъ, происшедшихъ въ составѣ и числѣ ихъ въ теченіи двухъ вѣковъ, начиная съ XVII ст. донынѣ* (1832—34 г.); 7) *Отрывки изъ путевыхъ замѣтокъ по Россіи въ 1833 г.*; 8) *Гидрографическое описаніе Россіи*; 9) *Изслѣдованіе о численномъ отношеніи половъ въ народонаселеніи Россіи;* 10) *Записка о селѣ Ивановѣ и г. Шуѣ;* 11) *Путевыя замѣтки о юго-восточной Россіи* (всѣ три въ 1844); 12) *Путевыя замѣтки о западной и юго-западной Россіи* (1845). Въ „Матер. для статист. Росс. имп.“ I, 1839 г.; 13) *Объ устройствѣ управленія Россіи съ XV до исхода XVIII стол.*; 14) *Мысль объ усовершенствованіи полотнянаго производства въ Россіи*. Въ „Труд. росс. акад.“ (1839 г.). 15) *Царствованіе Петра II*. Въ „Зап. геогр. общ.“ (1849 г.). 16) *Историко-статист. обозрѣніе монетнаго дѣла въ Россіи*. Въ „Учен. зап. II отд. акад. наукъ“. 17) *Царствованіе Екатерины I*, написанное въ 1839 г., но явившееся въ свѣтъ только въ 1856 г.; 18) *Историко-статистическій очеркъ народной образованности Россіи* (1854 г.); 19) *Высшія правительственныя лица временъ Михаила Ѳедоровича* (1858 г.); 20) Воспоминанія о 1812 г. въ „Олонец. Губ. Вѣд.“ 1865 г.; 21) Отрывки изъ его „Записокъ“ приводятся въ біографіи, написанной Пекарскимъ.

«Краткая всеобщая географія», которою дебютировалъ Ар., есть небольшой учебникъ, на $^{4}/_{5}$ состоящій изъ голой номенклатуры. Тѣмъ не менѣе, онъ въ теченіе 30 лѣтъ выдержалъ 20 изданій и доставилъ своему автору «блестящую извѣстность», какъ онъ самъ выражается въ своихъ «Запискахъ». Причина такого успѣха, теперь уже не совсѣмъ понятнаго, съ одной стороны, заключается въ томъ, что сравнительно со многими учебниками, до него существовавшими, учебникъ Арсеньева, все-таки, представляетъ значительный шагъ впередъ. Но не мало, кажется, содѣйствовало огромному успѣху Арсеньевскаго учебника и высокое положеніе его автора. Критика часто высказывалась противъ него и отдавала предпочтеніе другимъ учебникамъ, но учебное начальство стояло за Арсеньева и создавало его книжкѣ своего рода монополію. Были указываемы критикою и многіе фактическіе промахи. Въ отвѣтъ на эти указанія Ар. привелъ довольно странное оправданіе: онъ написалъ книгу по спѣшному порученію учебнаго начальства и долженъ былъ изготовить ее въ *одинъ мѣсяцъ*.

Въ «Начертаніи статистики» Ар. самостоятельности тоже не проявилъ. Какъ онъ самъ заявилъ въ отвѣтѣ на вопросные пункты Рунича, онъ при составленіи книги своей всецѣло слѣдовалъ статистическимъ теоріямъ

Шлецера и Германа †). Враждебная Арсеньеву журнальная критика того времени, кромѣ того, выяснила, что онъ очень многимъ обязанъ «Статистическому описанію» Зябловскаго. Тѣмъ не менѣе «Начертаніе статистики» принадлежитъ къ числу книгъ, весьма любопытныхъ для всякаго изучающаго русскія общественныя и литературныя теченія первой четверти нашего вѣка. Уже тѣ выдержки изъ обвинительнаго акта противъ Арсеньева, которыя были выше приведены, показываютъ, что съ аракчеевской точки зрѣнія книга молодого адъюнкта дѣйствительно была «вредна». Она вполнѣ отразила тѣ либеральныя вѣянія первой половины царствованія Александра I, которыя во второй половинѣ этого царствованія были признаны гибельнымъ увлеченіемъ. Правда, конституціонныхъ мечтаній, которыя лѣтъ 15 до того были такъ сильны даже въ руководящихъ сферахъ, въ книгѣ Арсеньева нѣтъ. Напротивъ того, онъ съ большимъ воодушевленіемъ излагаетъ тѣ выгоды, которыя проистекаютъ для Россіи отъ самодержавія. Но во всемъ остальномъ либерализмъ начальныхъ лѣтъ нашего столѣтія сказался очень ярко въ книгѣ Арсеньева. Особенно ярко онъ выразился въ воззрѣніяхъ автора на «крѣпостность», т. е. крѣпостное право. Скажемъ кстати для тѣхъ, которыхъ, можетъ быть, удивитъ какъ это въ курсѣ «статистики» разбираются подобные вопросы, что книга Арсеньева по существу представляетъ собою смѣсь географіи, политической экономіи и свѣдѣній, въ настоящее время входящихъ въ составъ курса русскаго государственнаго права ††).

---

†) Эпиграфъ, поставленный на обертке книги, есть своего рода captatio benevolentiae строгаго читателя, который бы вздумалъ искать въ ней чего-нибудь новаго и самостоятельнаго: „Dans les sciences nouvelles la mediocrité même est utile".

††) Въ числѣ вопросовъ, предложенныхъ Руничемъ Арсеньеву: былъ и такой „Для чего, преподавая статистику, вводили вы въ оную чуждыя сей наукѣ матеріи, въ изложеніи которыхъ обнаруживаются начала и заключенія, возмутительныя противу благосостоянія общественнаго?"

На это Арсеньевъ отвѣтилъ:

„Преподавая статистику, съ намѣреніемъ я не думалъ никогда касаться области другихъ наукъ. Но, смотря на нее какъ на науку политическую, а не историческую или географическую, я сближался съ предметами сродными и близкими ей, хотя они главнѣйше принадлежатъ къ политической экономіи или къ праву государственному: Staatsrecht unp Staatsverwaltungslehre sind die Haupttheile der Statistik—такъ говоритъ Шлецеръ, столько знаменитый своими заслугами по статистикѣ и по исторіи нашего отечества. Кромѣ простыхъ показаній въ числахъ, я позволилъ себѣ въ книгѣ моей сужденія и заключенія по многимъ предметамъ, считая это для себя обязанностію, ибо я имѣлъ въ виду правило того же Шлецера: „Es giebt eine statistique raisonnée". Да простятъ мнѣ почтенныя конференція и правленіе, что я привожу самыя подлинныя слова Шлецера: „Eigentlich fordert man dem Statistiker nur facta ab, aber oft muss er die Folgen erwähnen zum Beweis, dass sein Factum statistisch richtig sei".

О «крѣпостности» Арсеньевъ говоритъ и въ I, и во II томѣ, гдѣ этому вопросу посвящено болѣе 10 страницъ (стр. 100 и слѣд.). Весь тонъ его разсужденій безусловно осуждающій.

Въ 1848 г. Арсеньевъ издалъ «Статистическіе очерки Россіи», которыми завершился рядъ небольшихъ статистическихъ работъ его, помѣщенныхъ большею частью въ «Жур. Мин. Внут. Дѣлъ». Въ научномъ отношеніи «Очерки» гораздо выше почти исключительно компилятивнаго и богатаго больше всего добрыми намѣреніями «Начертанія статистики». Правда, современнаго читателя и въ «Очеркахъ» поражаетъ оставшаяся у Арсеньева отъ начальныхъ лѣтъ его ученой карьеры наклонность вводить въ статистику вещи, прямого отношенія до нея неимѣющія. Такъ, напр., въ I главѣ, обозрѣвающей границы Россіи, авторъ пускается въ разсужденія о политическихъ отношеніяхъ къ Пруссіи, Австріи, Турціи. Да и самое обозрѣніе такъ, какъ оно ведется авторомъ, есть скорѣе глава изъ «географическихъ», а не «статистическихъ» очерковъ Россіи. Вторая и третья главы—«постепенное приращеніе Россіи въ пространствѣ» и «постепенное устройство губерній» опять таки относятся не къ статистикѣ, а къ географіи и государственному праву. И только IV и V главы—«топографическое разсмотрѣніе Россіи по климату и качеству почвы» и «поземельное богатство Россіи» носятъ по преимуществу статистическій характеръ.

При разработкѣ этихъ главъ А. пользовался неизданными свѣдѣніями горнаго департамента, мин. внутр. дѣлъ и другихъ вѣдомствъ и это-то и сообщало «Очеркамъ» научный интересъ.

Какъ видно изъ предисловія, авторъ не предполагалъ ограничиваться вышедшимъ томомъ, сгруппировавшимъ данныя о русской территоріи, однако, онъ своего намѣренія въ исполненіе не привелъ.

Историческія сочиненія Арсеньева, кромѣ компилятивнаго учебника «Исторія республикъ древней Греціи», богаты данными, въ первый разъ имъ введенными въ научный обиходъ. Какъ мы уже говорили разъ, Арсеньевъ имѣлъ доступъ къ бумагамъ Государственнаго архива. Онъ сумѣлъ воспользоваться этимъ и извлекъ изъ протоколовъ (Верховнаго тайнаго совѣта), изъ слѣдственныхъ дѣлъ (графа Девьера и др.) и иныхъ документовъ цѣлый рядъ новыхъ и интересныхъ подробностей. Вотъ почему «Екатерина I», «Царствованіе Петра II» и др. до сихъ поръ необходимы историку, изучающему затронутыя Арсеньевымъ эпохи.

Все, что писалъ Арсеньевъ по русской исторіи, носитъ строго-фактическій характеръ. Онъ рѣдко пускается въ обсужденіе событій и предпочитаетъ давать одно изложеніе ихъ. Надо думать, что эта строгая фактичность была не совсѣмъ добровольная. Императорскій періодъ нашей

исторіи въ тѣ времена не подлежалъ сколько-нибудь самостоятельному изученію. Даже простое констатированіе фактовъ подчасъ встрѣчало непреодолимыя препятствія и монографія Арсеньева объ Екатеринѣ I, изготовленная имъ въ 1839 г., могла увидѣть свѣтъ только въ 1856 г. Біографъ Конст. Ивановича—Пекарскій справедливо видитъ въ этихъ препятствіяхъ причину того, что Арсеньевъ въ концѣ концовъ охладѣлъ къ занятіямъ новой русской исторіей. Послѣ смерти его, у него въ бумагахъ нашли цѣлую груду интересныхъ историческихъ матеріаловъ, которые и были изданы Академіей отдѣльною книгою. Нѣтъ сомнѣнія, что при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ Арсеньевъ занялся бы систематизаціей своихъ архивныхъ находокъ.

Подводя итогъ учено-литературной дѣятельности Арсеньева-отца, трудно, конечно, сказать, чтобы онъ былъ человѣкъ, оставившій особенно-яркій слѣдъ въ русской наукѣ. Тѣмъ не менѣе историкъ русской образованности съ отраднымъ чувствомъ останавливается на личности этого скромнаго труженика. Отъ всего духовнаго облика его вѣетъ какою-то необыкновенною симпатичностью. Истинная гуманность, не знающая никакихъ компромиссовъ, проникаетъ всякую строчку, имъ написанную. Онъ никогда не аплодируетъ насилію, воздерживается отъ славословія, столь естественнаго въ его положеніи и если когда-нибудь эксплоатируетъ это исключительное положеніе свое, то только для того, чтобы проводить идеи прогресса, свободы и просвѣщенія †).

---

†) Въ 1848 г. въ разгаръ реакціи, наступившей благодаря европейскимъ событіямъ, Арсеньевъ снабдилъ свои „Статистическіе очерки" слѣдующимъ предисловіемъ:

„Ваше Императорское Высочество.

Пріемлю смѣлость украсить книгу мою августѣйшимъ именемъ Вашего Высочества. Прошу и надѣюсь милостиваго вниманія вашего къ труду моему не по важности и достоинству его, но по усердію, меня одушевлявшему, и по цѣли, съ какою онъ предпринятъ. Цѣль труда моего есть польза общая; я желалъ по мѣрѣ силъ моихъ содѣйствовать распространенію свѣдѣній о великомъ отечествѣ нашемъ. Любить Россію есть священная обязанность каждаго русскаго, а любить съ сознаніемъ, съ убѣжденіемъ можно тогда только, когда мы знаемъ ее, когда изучили минувшія и настоящія судьбы ея, когда достойно оцѣнили мощь и силу народа и его недуги, и когда вполнѣ убѣждены въ благодѣтельныхъ на него дѣйствіяхъ правительства, руководимаго сильною волею и мудростію самодержца.

Вы любите Россію искренно—я помню, съ какимъ одушевленіемъ бесѣдовали Вы о величіи Россіи и о великихъ подвигахъ, въ разныя времена совершенныхъ русскими, съ какимъ любопытствомъ наблюдали Вы каждое движеніе на поприщѣ совершенствованія и образованія, и *съ какимъ участіемъ скорбѣли о разныхъ преградахъ къ свободному развитію новой, лучшей жизни для народа.* Время, когда я

* **Арсеньевъ**, Константинъ Константиновичъ, одинъ изъ виднѣйшихъ современныхъ публицистовъ и юристовъ, младшій сынъ Константина Ивановича Арсеньева †). *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ*, род. въ Петербургѣ 24 янв. 1837. Мать его, по отцу Баумгартенъ, была родомъ изъ Эстляндіи и лютер. вѣроисповѣданія, но воспитывалась въ Петербургѣ и владѣла русскимъ яз. наравнѣ съ нѣмецкимъ. Получивъ первоначальное воспитаніе дома и въ небольшомъ частномъ пансіонѣ, гдѣ былъ приходящимъ ученикомъ, А. осенью 1849 г. поступилъ въ Училище Правовѣдѣнія, гдѣ и окончилъ курсъ весною 1855 г. Воспоминанія А. о пребываніи его въ училищѣ напечатаны въ «Р. Ст.» 1886 г. (№ 4). При тогдашнемъ положеніи своемъ, Училище Правовѣдѣнія не могло дать ни основательныхъ юридическихъ знаній, ни даже расположенія къ занятіямъ юриспруденціей или къ какому бы то ни было серьезному умственному труду. Первые годы послѣ выпуска прошли для А. въ обыкновенной служебной работѣ (въ департ. мин. юстиціи), а когда измѣнившееся общественное настроеніе возбудило и въ немъ потребность къ болѣе живой дѣятельности, онъ обратился къ историческимъ занятіямъ, вкусъ къ которымъ развился въ немъ еще дома подъ вліяніемъ отца. Литературную свою дѣятельность А., впрочемъ, началъ небольшимъ письмомъ къ редактору «Эконом. Указателя» (1857), въ которомъ дѣлалъ нѣсколько

имѣлъ счастіе бесѣдовать съ Вами о судьбахъ отечества, останется для меня на вѣки незабвеннымъ".

Нужно ли удивляться, что подчеркнутая фраза возбудила „гнѣвъ" особаго цензурнаго комитета, учрежденнаго въ 1848 г. подъ предсѣдательствомъ Бутурлина. Благодаря высокому положенію автора, дѣло кончилось только тѣмъ, что предисловіе было вырѣзано. Оно имѣется только въ весьма немногихъ экземплярахъ „Стат. очерковъ", почему мы его и воспроизвели.

†) **Біографическія данныя**: 1) „Энц. Слов." изд. рус. уч. и лит. т. V. 2) Календарь Гатцука 1874 г. 3) *М. Острогорскій*, Юрид. кал. на 1877 г. 3) *De-Gubernatis*, Dictionnaire international и предыдущее итальян. изданіе. Отзывы о *„Преданіи суду"*: 1) „Вѣст. Евр." 1870 г., № 1. 2) „Судеб. Вѣст." 1870, № 15. Отвѣтъ А. на эту статью въ № 26. 4) Юридич. отд. „Вят. Губ. Вѣд." 1870 г. № 2—3. О *„Судебномъ слѣдствіи"*: 1) „В. Евр." 1871 № 2. 2) „Спб. Вѣд." 1871, № 20, „Суд. Вѣд." 1871. № 23,

О *„Замѣткахъ о русской адвокатурѣ"*: 1) „Жур. уг. и гр. пр." 1875 г. кн. 3 стр. 234—235. 2) Ib. № 4, стр. 269—291. 3) *С. Платоновъ*, Ib. № 5. стр. 168—194. 4) *Н. Михайловичъ* въ „Бир. Вѣд." 1875 г., № 44. 5) „Вѣст. Евр." 1875 г., № 1. 6) „Новости" 1875 г., № 23. 7) „Суд. Вѣст." 1875 г., № 32. 3) „С. Отеч." 1875 г., № 30. 9) „Недѣля" 1875 г., № 7. 10) „С.-Пет. Вѣд." 1875 г., № 91.

О „Критич. этюдахъ": 1) *А. Скабичевскій* въ „Новостяхъ" 1888 г., май. 2) „Сѣв. Вѣст." 1888 г. май.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

возраженій противъ мнѣній «Современника» объ общинномъ землевладѣніи. Дальнѣйшія статьи А. были посвящены преимущественно историческимъ темамъ (о «Мемуарахъ» Гизо, о лекціяхъ Стасюлевича, объ «Исторіи» Маколея и т. п.) Помѣщались онѣ въ «Рус. Вѣст.» 1858—1861 гг. Въ 1859 и 1860 гг. А. былъ помощникомъ редактора основаннаго тогда «Жур. Мин. Юстиціи», но это было болѣе служебное порученіе, чѣмъ литературная работа. Въ общемъ А. до 1861 г. писалъ сравнительно мало, что происходило отъ того, что онъ въ это время готовился къ экзамену на кандидата историко-филологическаго факультета, мечтая занять современемъ кафедру всеобщей исторіи. Въ 1861 г., однакоже, семейныя обстоятельства заставили А. отказаться отъ этой мечты и вмѣстѣ съ тѣмъ отдать больше времени журнальной работѣ. Въ 1862 г. онъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «Отеч. Зап.» (редакціи Дудышкина), гдѣ, въ ряду многихъ другихъ статей по текущимъ вопросамъ западно-европейской жизни, помѣстилъ рядъ статей объ англійской конституціи, а во время отсутствія Н. В. Альбертини замѣнялъ его одно время въ веденіи иностраннаго обозрѣнія.

Въ то же самое время А. работалъ для «Энцик. Слов.» (выходившаго под. ред. П. Л. Лаврова) и принялъ участіе въ извѣстной попыткѣ издавать «Вѣкъ» на ассоціаціонномъ началѣ. Въ концѣ 1862 г. В. Ѳ. Коршъ, сдѣлавшись редакторомъ «С.-П. Вѣд.», предложилъ А. принять на себя веденіе «иностранной политики». Этому дѣлу А. отдался вполнѣ, оставивъ государственную службу и прекративъ сотрудничество въ «От. Зап.». Проработавъ для газеты почти полтора года, А. въ 1864 г. уѣхалъ на годъ за границу, отчасти для леченія, отчасти для продолженія занятій, прерванныхъ имъ въ 1861 г. Въ теченіе двухъ семестровъ—посылая отъ времени до времени корреспонденціи и рецензіи въ «С. П. Вѣд.»,—А. слушалъ въ Боннскомъ университетѣ лекціи исторіи, философіи и политической экономіи и исполнилъ одну письменную работу въ исторической семинаріи Зибеля. Но не имѣя матеріальной возможности дальше жить заграницей, А. окончательно оставилъ мысль объ ученой дѣятельности, возвратился въ Петербургъ и еще полгода (съ сент. 1865 по мартъ 1866 г.) завѣдывалъ отдѣломъ иностр. политики въ «Спб. Вѣд.», редактируя въ то же время переводъ «Ист. фр. революціи» Минье, къ которому написалъ и предисловіе. Когда въ апрѣлѣ 1866 г. въ С.-Петербургѣ были введены въ дѣйствіе новые судеб. уставы, А. вступилъ въ число присяж. повѣренныхъ и былъ выбранъ членомъ, а въ 1867 г.—предсѣдателемъ совѣта прис. пов. округа С.-Петерб. судеб. палаты. Это почетное званіе А. сохранялъ шесть лѣтъ кряду; въ 1873 г. онъ былъ избранъ товарищемъ предсѣдателя, а въ слѣдующемъ году—опять предсѣдателемъ.

Съ 1867 г. А. былъ также неоднократно выбираемъ въ члены комитета литературнаго фонда, въ пользу котораго въ 1867 прочелъ двѣ публичныя лекціи о юридическихъ вопросахъ. На адвокатскомъ поприщѣ А. быстро занялъ одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ какъ тонкій знатокъ права, чрезвычайно изящный ораторъ и—что особенно цѣнилось въ ту эпоху баснословныхъ адвокатскихъ кушей—какъ человѣкъ крайне щепетильный въ выборѣ дѣлъ. Одинъ только разъ общественное мнѣніе поставило А. въ укоръ защиту Мясниковыхъ. Но слѣдуетъ, однако, прибавить, что Мясниковы дважды были оправданы судомъ присяжныхъ.

Адвокатская дѣятельность не помѣшала А. продолжать работать съ прежнею плодовитостью на литературномъ поприщѣ. Помимо сотрудничанія въ «С.-Петербургск. Вѣдомостяхъ» и «Суд. Вѣст.», онъ участвовалъ въ «Вѣст. Евр.» съ самаго основанія его въ 1866. Въ этомъ журналѣ онъ помѣстилъ за время своей адвокатской дѣятельности цѣлый рядъ общественно-юридическихъ статей. За одну изъ нихъ («Политическій процессъ 1869—71 г.») «Вѣст. Евр.» въ ноябрѣ 1871 г. получилъ первое предостереженіе. Къ тому же времени адвокатской дѣятельности А. относятся три отдѣльно-изданныя книги его: «Преданіе суду», «Судебное слѣдствіе» и «Замѣтки о русской адвокатурѣ». Въ 1874 г. А. оставилъ адвокатуру и поступилъ на службу товарищемъ оберъ-прокурора гражданскаго кассаціоннаго департамента Сената. Эту должность А. занималъ шесть лѣтъ; потомъ былъ членомъ консультаціи при мин. юстиціи. Въ 1880—81 гг. А. состоялъ старшимъ чиновникомъ при сенаторѣ И. И. Шамшинѣ во время ревизіи послѣднимъ губерній саратовской и самарской. На обязанности А. лежало преимущественно изученіе начальной школы и земскихъ учрежденій. Состоя на службѣ, А. не переставалъ самымъ дѣятельнымъ образомъ сотрудничать въ «Вѣст. Евр.» по вопросамъ общественно-политическимъ, историческимъ и историко-литературнымъ. Изъ статей этого времени обращали на себя вниманіе рядъ критическихъ этюдовъ о французскомъ и нѣмецкомъ романѣ за подписью ZZ. Съ 1 марта 1880 г. А. вступилъ въ завѣдываніе отдѣломъ «Внутренняго Обозрѣнія» «Вѣстника Европы», а также «Общественной Хроники» этого журнала. Въ апрѣлѣ 1882 г., окончивъ свою долю работъ по ревизіи, Арс., въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, вторично вышелъ въ отставку и посвятилъ себя исключительно литературному труду, и только осенью 1884 г. онъ поступилъ на одинъ мѣсяцъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ, для того, чтобы защищать въ петерб. судеб. палатѣ интересы города Петербурга по дѣлу съ обществомъ водопроводовъ объ устройствѣ центральнаго фильтра. Съ 1880 г. А , поселившійся съ 1878 въ деревнѣ (луж. уѣзда) и съ 1883 въ Царскомъ Селѣ, былъ неоднократно выбираемъ въ уѣздные и губерн-

скіе гласные, члены училищнаго совѣта, почетные мировые судьи и другія должности земскаго самоуправленія. Съ осени 1885 г. А. взялъ на себя руководительство юридической конференціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. На литературномъ поприщѣ А. послѣднія 5, 6 лѣтъ посвятилъ себя преимущественно литературной критикѣ и написалъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе обстоятельныхъ этюдовъ о Щедринѣ, Крестовскомъ-псевдонимѣ, Гл. Успенскомъ и Аполлонѣ Майковѣ, Достоевскомъ, Полонскомъ, молодыхъ писателяхъ и т. д. Перечень этихъ статей мы даемъ ниже въ общемъ перечнѣ многочисленныхъ статей даровитаго публициста. Съ 1886 г. А. опять поселился въ Петербургѣ и въ настоящее время состоитъ предсѣдателемъ литературнаго фонда.

Не считая мелкихъ журнальныхъ рецензій, газетныхъ статей и корреспонденцій, литературная дѣятельность Арсеньева хронологически сложилась слѣдующимъ образомъ:

1860 г. 1) *Записки Гизо.* Министерство 11 окт. 1832 г. «Рус. Вѣстн.» т. 29). 2) Редакція перевода *Гизо* «Исторія цивилизаціи въ Европѣ» (Спб.).

1861 г. 3) *Послѣдняя часть исторіи Англіи Маколея* (Рус. Вѣстн. т. 33 и 34). 4) *Записки Гизо* (Ibid., т. 36). 5) *О современномъ состояніи французской адвокатуры* (Ibid., т. 32). 6) *О нѣкоторыхъ вопросахъ, встрѣчающихся въ нашей судебной практикѣ* «Журн. Мин. Юст.», № 4). 7) *Отвѣтъ г. И. Ш.* (Ibid., № 2). 8) *О предумышленномъ и непредумышленномъ убійствѣ* (ibid., № 10).

1862 г. 9) «*О правѣ евреевъ вступать въ гражданскую службу*» («Вѣкъ» 1862 г. № 9 и 10). 10) *Англійская конституція въ періодъ времени съ 1760 г. по 1860 г.* («От. Зап.», т. 140–142). 11) *Англійскій парламентъ въ 1862 г.* (ibid., т. 143). 12) *Нѣсколько словъ объ избирательномъ цензѣ* (ibid., т. 140). 13) *Послѣднія событія въ Пруссіи* (ibid., т. 141).

1863 г. 14) *Мексиканскій вопросъ* («От. Зап.» 1863 г., т. 146). 15) *О лицахъ, отвѣтствующихъ передъ судомъ за преступленія, совершаемыя печатнымъ словомъ.* («От. Зап.», т. 146). 16) *Нѣсколько новыхъ брошюръ о польскомъ вопросѣ* («С.-П. Вѣд.» № 112).

1865 г. 17) Разборъ соч. Маколея («Вѣкъ», № 10 и 39).

1866 г. «Вѣст. Европы»: 18) Иностранное обозрѣніе: Германія наканунѣ разрыва между Пруссіей и Австріей (іюнь). 19) Редакція пер. *Минье* «Исторія франц. рев.» и *предисловіе* къ нему.

1868 г. «Вѣстникъ Европы»: 20) *Королева Елизавета и реформація* (февр.). По поводу рус. пер. 3-го тома *Бокля*, Ист. Цив. въ Англіи. 21) *Новый законъ о печати во Франціи* (апр.). 22) *Янъ Гуссъ и чешская національность* (сент.).

1869 г. «Вѣст. Европы»: 23) *Русскіе законы о печати* (апр. и іюнь). 24) *Письма изъ Парижа.* (окт.).

1870 г. «Вѣст. Европы»: 25) *Наши почтовыя реформы послѣдняго времени* (авг.). 26) *Преданіе суду и дальнѣйшій ходъ уголовнаго дѣла до начала судебнаго слѣдствія.* Сборникъ практическихъ замѣтокъ. Спб.

1871 г. «Вѣст. Европы»: 26) *Итоги судебной реформы* (мартъ, май, іюнь). 27) *Политическій процессъ* (ноябрь). 28) *Судебное слѣдствіе.* Сборникъ практическихъ замѣтокъ. Спб.

1873 г. «Вѣст. Европы»: 28) *Новый нѣмецкій историкъ* (ноябрь). О «Neutestamentliche Zeitgeschichte» Гаусрата.

1875 г. «Вѣст. Европы»: 29) *Движеніе умовъ въ римской имперіи при Флавіяхъ, Траянѣ и Адріанѣ* (дек.). О 3-емъ томѣ книги Гаусрата «Neutestamentliche Zeitgeschichte». 30) «*Замѣтки о русской адвокатурѣ*». Спб.

1876 г. «Вѣст. Европы»: 31) *Викторъ Гюго, какъ политическій дѣятель* (апр.).

1877 г. «Вѣст. Европы»: 32) *Викторъ Гюго по возвращеніи его во Францію* (авг.). 33) *Новости исторической литературы*: Исторія Флоренціи, Ф. Перрана и Католическая лига и кальвинисты во Франціи, г. Лучицкаго (окт. и ноябрь). 34) Рефератъ, чит. въ Юрид. Общ. *О значеніи принужденія въ дѣлахъ гражданскихъ* («Жур. Гр. и Уч. Пр.» № 6, въ протоколѣ юрид. общ.).

1878 г. «Вѣст. Европы»: 35) *Давидъ-Фридрихъ Штраусъ* (сент. и окт.). *Некрасовъ, какъ поэтъ* (дек.). 36) *Преобразованіе германской адвокатуры* въ «Жур. Гр. и Уг. Пр.», № 5—6.

1879 г. «Вѣст. Европы»: 37) *Философская драма Ренана: «Калибанъ»* (янв.). 38) *Современный романъ въ его представителяхъ:*—I. Густавъ Фрейтагъ (апр.). 39) II. Фридрихъ Шпильгагенъ (іюль). 40) III. Бертольдъ Ауэрбахъ (окт.).

1880 г. «Вѣст. Европы»: 41) *Современный романъ въ его представителяхъ*: IV. Викторъ Гюго (янв.). 42) V. Густавъ Флоберъ (авг.). 43) VI. Братья Гонкуры (окт.).

1882 г. «Вѣст. Европы»: 44) *Посмертный романъ Флобера* (янв.). 45) *Современный романъ въ его представителяхъ*. Объ Альфонсѣ Додэ и Зола (февр. и авг.). 46) *Б. Ауэрбахъ и О. Барбье* (мартъ). 47) *Новая драма В. Гюго. «Торквемада»* (сент.).

1883 г. «Вѣст. Европы»: 48) *Русская общественная жизнь въ сатирѣ Салтыкова* (февр., мар., апр. и май). 49) *Новые романы Додэ и Зола* (іюнь). 50) *Пѣсная правда и высшая справедливость*. О «*Власти земли*» Гл. Успенскаго (окт.). 51) *Поэтъ и тенденціозный писатель* (дек.). Объ Апол. Майковѣ.

1884 г. «Вѣст. Европы»: 54) *Многострадальный писатель*. Біографія, письма и пр. Ѳ. М. Достоевскаго (янв.). 53) *Разлученіе супруговъ, какъ необход. институтъ брачнаго права* (мар.). 54) *Русскіе беллетристы новаго поколѣнія:* М. Альбовъ, К. Баранцевичъ (апр.). 55) *Новые сборники русской поэзіи* О гр. Голенищевѣ-Кутузовѣ, А. Яхонтовѣ, Омулевскомъ и Мих. Хрущевѣ (май). 56) *Французскій романъ въ 1884 году*: A. Daudet, «Sapho»; E. de Goncourt, «Cherie»; E. Zola, «La joie de vivre» (ноябрь).

1885 г. «Вѣст. Европы»: 57) *Современный русскій романъ въ его главныхъ представителяхъ* (янв., февр. и мартъ). О Крестовскомъ-псевдонимѣ. 58) *Поэты двухъ поколѣній* (окт.). О Я. П. Полонскомъ, Фругѣ и Надсонѣ. 59) *Пейзажъ въ современномъ русскомъ романѣ* (май).

1886 г. «Вѣст. Европы»: 60) *Французская адвокатура, ея сильныя и слабыя стороны* (янв.). 61) *Романъ—орудіе-регресса*. О Маркевичѣ (февр.). 62) *Валеріанъ Майковъ* (апр.). 63) *Психологія творчества въ романѣ Э. Зола* (іюнь). 64) *Вопросъ о сліяніи властей на низшей ступени государственнаго управленія* (дек.). 65) *Воспоминанія объ училищѣ Правовѣдѣнія* въ «Рус. Ст.» т. 50.

1887 г. «Вѣст. Европы»: 66) *Содержаніе и форма въ новѣйшей русской поэзіи*. Объ Андреевскомъ, Апухтинѣ, Надсонѣ, Фругѣ (янв.). 67) *Еще по вопросу о сліяніи властей* (фев.). 68) *Новыя литературныя силы*. О Короленкѣ (мар.). 69) *Сословное начало въ мѣстномъ управленіи и самоуправленіи* (апр.). 70) *Еще о современныхъ русскихъ поэтахъ* (май). О Минскомъ и Фофановѣ. 71) *Новая французская критика* (іюнь). 72) *Викторъ Гюго и новѣйшая французская критика* (окт.).

73) *Посмертныя стихотворенія Надсона* (ноябрь). 74) *Беллетристы послѣдняго времени* (дек.). О Чеховѣ, Баранцевичѣ и Щегловѣ.

1888 г. «Вѣст. Европы»: 75) *Новѣйшія произведенія Салтыкова* (янв.). 76) *По поводу реформы земскихъ учрежденій* (мар.), 77) *Русское судебное краснорѣчіе* (апр.). О рѣчахъ А. Ѳ. Кони. 78) *В. М. Гаршинъ* (май). 79) *Новости французской литературы* О Мишле, Ренанѣ и Сорелѣ (іюнь). 80) *Современные беллетристы* (іюль). О Мачтетѣ, Альбовѣ и Чеховѣ. 81) *Мнимое безпристрастіе.* О книгѣ Невѣдѣнскаго «Катковъ и его время» (сент.). О перепискѣ Маркевича. 82) *За кулисами ретроградиаго романа.* О перепискѣ Маркевича (окт.). 83) *Новый опытъ построенія научной критики* Hennequin'ѣ (ноябрь). 84) *Дореформенная Россія въ перепискѣ И. С. Аксакова* (дек.).

Въ началѣ 1888 г. Ар. издалъ 2 т. «*Критическіе этюды по русской литературѣ*», въ которые вошли слѣдующія статьи: т. I: *Русская общественная жизнь въ сатирѣ Салтыкова.* II. *В. Крестовскій* (*псевдонимъ*). III. 2 т.: I. *Н. А. Некрасовъ.*—II. *А. Н. Майковъ.*—III. *Я. П. Полонскій.*—IV. *Русскіе поэты новѣйшаго времени: Надсонъ, Минскій, Фругъ, Апухтинъ, Андреевскій, Фофановъ.*—VII. *Романъ, какъ орудіе регресса:* Болеславъ Маркевичъ.—VIII. *Молодые русскіе беллетристы: Короленко, Альбовъ, Баранцевичъ, Щегловъ, Чеховъ.*—IX. *Валеріанъ Майковъ.*—X. *Пейзажъ въ современномъ русскомъ романѣ.*—XI. *Теорія экспериментальнаго романа.*

1889 г. «Вѣст. Евр.»: 85). *Старый споръ.* О статьяхъ П. Е. Астафьева, Д. Мережковскаго и *Р. Д.* (№ 1). 86) *Новѣйшіе французскіе мемуары.* (февр.). 87) *Литературный юбилей.* О «Вечернихъ огняхъ» А. А. Фета (мартъ). 88) *Модная форма беллетристики.* О повѣстяхъ гг. Станюковича, Баранцевича, Бѣжецкаго, В. С. Лихачева, П. П. Гнѣдича, Случевскаго и Дѣдлова-Кигна (апрѣль).

А. принадлежитъ также рядъ небольшихъ рецензій въ «Литер. Обозрѣніи» «Вѣст. Евр.», подписанныхъ буквами К. или К. К.

Литературная физіономія Арсеньева очень опредѣленна и устойчива. Какъ юристъ, какъ публицистъ, какъ критикъ, онъ всегда стремится къ одному—къ полному единенію съ живою дѣйствительностью, къ установленію тѣсной связи между потребностями жизни и направляющими ее общественными и политическими силами. Нѣкоторые изъ литературныхъ противниковъ Арсеньева, приставляя къ опредѣленію его «либерализма» словечки, въ родѣ «лже», «псевдо» и т. д., вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно обзываютъ этотъ «либерализмъ» «шаблоннымъ» и «доктринерскимъ». Дѣлается оно съ такою настойчивостью, что люди, мало знакомые съ дѣятельностью нашего публициста, нѣтъ сомнѣнія, имѣютъ представленіе о немъ, какъ о человѣкѣ, выше всего ставящемъ теоретическія положенія той партіи, къ которой онъ примыкаетъ. Это представленіе невѣрное. Несомнѣнно отличаясь опредѣленностью и устойчивостью основныхъ принциповъ своего міросозерцанія, Арсеньевъ никогда, все-таки, не былъ человѣкомъ «прямолинейнымъ» и шаблонно-либеральнымъ. Правда, онъ всегда и неизмѣнно стремится къ тому, чтобы восторжествовали идеи свѣта и свободы и если это называется «шаблономъ», то, конечно, и его либерализмъ «шаблонный». Но если подъ «шаблонностью» и «доктринерствомъ» понимать

желаніе во что бы то ни стало руководствоваться отвлеченными принципами, то Арсеньева, въ противоположность такому теоретическому направленію, слѣдуетъ назвать человѣкомъ живой дѣйствительности по преимуществу.

«Доктринерство» прежде всего выразилось бы въ юридическихъ сочиненіяхъ Арсеньева. Юриспруденція такая область, въ которой русскому правовѣду всего труднѣе отдѣлаться отъ обаянія теоріи и доктрины. Римское право съ его отлитыми изъ бронзы формулами, западно-европейское право съ его богатымъ опытомъ— все это такъ привлекательно-стройно, что нужно обладать большимъ запасомъ самостоятельности, чтобы удержаться отъ соблазна пересадить готовыя западно-европейскія правовыя нормы на нашу дѣвственную почву. И вотъ у Арсеньева какъ разъ этой самостоятельности очень много. Во всѣхъ трехъ монографіяхъ его и въ многочисленныхъ статьяхъ-докладахъ вы сравнительно рѣдко находите ссылки на западно-европейскія сочиненія и западно-европейскіе судебные порядки. Не потому, конечно, не находите, чтобы все это не было извѣстно автору: онъ принадлежитъ къ числу наиболѣе свѣдущихъ юристовъ нашихъ и тамъ, гдѣ нужно показать пригодность или непригодность какого-нибудь института для Запада же, онъ не скупится на цитаты. Но вопросы русскаго юридическаго быта онъ всегда старается разрѣшать или толкованіемъ кассаціонныхъ рѣшеній сената, или опытомъ *русской* судебной и адвокатской практики.

Самый выборъ темъ уже свидѣтельствуетъ о рѣшительно-жизненномъ направленіи юридическаго мышленія Арсеньева. И первая, и вторая, и третья книги его правильно названы сборниками «практическихъ замѣтокъ», а первыя двѣ по существу принадлежатъ даже къ разряду книгъ справочнаго характера. «Преданіе суду» и «Судебное слѣдствіе» имѣли цѣлью оказать практическому юристу ту помощь, которую вскорѣ затѣмъ стали оказывать «своды» кассаціонныхъ рѣшеній покойнаго Думашевскаго и др. Въ 1870 и 71 гг. время «Сводовъ» еще не наступило и юристы-практики испытывали большія затрудненія, не находя законной почвы для разрѣшенія неизбѣжныхъ во всякомъ новомъ дѣлѣ недомолвокъ «Судебныхъ уставовъ». Арсеньевъ хотѣлъ помочь дѣлу систематизаціей кассаціонной практики и, повторяемъ, уже самое желаніе трудиться въ сферѣ такихъ чисто-житейскихъ потребностей исключаетъ всякое представленіе о «доктринерствѣ».

Еще смѣшнѣе становится примѣненіе этого эпитета къ Арсеньеву, если мы обратимся къ выполненію только что названныхъ книгъ. Оказывается, что мнимый «доктринеръ» и «шаблонный либералъ» то и дѣло такъ рельефно подчеркиваетъ разные недостатки новыхъ судовъ, что

тутъ же очевидно въ огражденіе себя отъ дѣйствительно «шаблонныхъ либераловъ», считаетъ нужнымъ оговориться, что онъ критикуетъ частности, а не принципъ и что быть приверженцемъ того или другого института не значитъ еще вѣрить въ его непогрѣшимость. Какъ это все похоже на шаблонное колѣнопреклоненіе quand-même? Впрочемъ, съ извѣстной точки зрѣнія, вѣдь всякое вообще увлеченіе принципами новаго суда есть «либеральный шаблонъ».

Съ этой точки зрѣнія можно указать еще на два «шаблона», красною нитью проходящихъ чрезъ обѣ названныя книги: авторъ желалъ бы видѣть самое широкое примѣненіе принципа гласности суда, а подсудимому, пока онъ подсудимый, желалъ бы доставить возможно большее количество средствъ для защиты и сокращенія судебной волокиты.

Симпатичнѣйшимъ изъ юридическихъ произведеній Арсеньева безспорно слѣдуетъ признать «Замѣтки о русской адвокатурѣ». «Замѣтки» вышли въ свѣтъ въ очень тревожное и критическое для русской адвокатуры время. Тогда только что появилась знаменитая статья Евгенія Маркова «Софисты XIX вѣка», которая подвела итогъ тому негодованію, которое накапливалось въ общественномъ сознаніи подъ вліяніемъ дѣйствительно безобразной погони за кушами, характеризующей первый періодъ исторіи нашей адвокатуры. Какъ это всегда у насъ бываетъ, статья Маркова привела къ тому, что пошли огульныя осужденія, ровно никакого практическаго значенія не имѣющія. Слово адвокатъ стало чѣмъ-то поноснымъ и среди чуткой къ нравственнымъ требованіямъ молодежи самое желаніе поступить на юридическій факультетъ начали считать зазорнымъ.

Человѣкъ живой дѣйствительности по преимуществу, Арсеньевъ не могъ, конечно, присоединиться къ такому огульному осужденію. Но самъ онъ на практикѣ показалъ еще задолго до громоносныхъ обличеній Маркова и др., какую огромную важность придаетъ вопросамъ адвокатской этики, и теперь съ любовью занялся сведеніемъ воедино всѣхъ своихъ мыслей по этимъ вопросамъ. Въ результатѣ получился какъ бы сводъ русской адвокатской этики, имѣющій въ десять разъ большее значеніе чѣмъ громы краснорѣчія разныхъ обличителей, незнающихъ тѣхъ практическихъ условій, при которыхъ слагается дѣятельность русскаго адвоката. Если слушать обличителей, только и оставалось, что уничтожить весь институтъ. Но Арсеньевъ показалъ, что, отнюдь не превращая адвокатовъ въ какихъ-то идеальныхъ «защитниковъ вдовъ и сиротъ», можно, однако, примѣнить къ адвокатской дѣятельности требованія самой щепетильной нравственности. Посмотрите, напр., до какого прямо, можно сказать, ригоризма доходитъ авторъ «Замѣтокъ» въ вопросѣ о такъ называемыхъ во французскомъ адвокатскомъ быту «effets d'audience». Они

ему рѣшительно антипатичны, онъ желаетъ знать только тѣ доводы, которые вытекаютъ изъ существа дѣла, только тѣ обстоятельства, которыя дѣйствительно важны для даннаго дѣла.

Съ еще большею рѣшительностью высказывается онъ противъ злоупотребленій перекрестнымъ допросомъ и въ этомъ съ особенною рельефностью сказалось, какъ мало заботится Арсеньевъ о томъ, чтобы взгляды его непремѣнно согласовались съ тѣмъ, что принято «либеральною Европою». Извѣстно, что въ классической странѣ суда присяжныхъ—Англіи адвокаты всего менѣе щепетильности выказываютъ именно при перекрестномъ допросѣ. Есть адвокаты, только тѣмъ и знаменитые, что «умѣютъ» вести его, т. е. умѣютъ сбивать съ толку непріятнаго свидѣтеля и всячески его опорочить для того, чтобы присяжные не дали вѣры его словамъ. Арсеньеву это глубоко противно, потому что всего дороже ему правосудіе.

Замѣтимъ кстати, что Арсеньевъ не только не старается пересадить къ намъ западно-европейскіе судебные нравы, а напротивъ того съ любовью слѣдитъ за тѣмъ, какъ мало по малу у насъ складывается свое собственное судебное краснорѣчіе, гармонирующее со всѣмъ остальнымъ духовнымъ складомъ нашимъ. Въ недавней статьѣ своей о рѣчахъ А. Ѳ. Кони Арсеньевъ съ особенною энергіею старается подчеркнуть это нарожденіе національно-русскаго судебнаго краснорѣчія, основною чертою котораго считаетъ исканіе правды. Совершенно справедливо усматриваетъ тутъ Арсеньевъ явленіе параллельное основному характеру нашей литературы, нашего искусства, нашихъ общественныхъ стремленій и т. д.

Нетрудно понять, что ригористично-щепетильный относительно такихъ сравнительно-второстепенныхъ вопросовъ, какъ судебные эффекты, авторъ «Замѣтокъ» уже совершенно никакихъ компромиссовъ не знаетъ въ такихъ вещахъ, какъ выборъ дѣлъ. Онъ знаетъ только одинъ случай, когда адвокатъ можетъ взяться за дѣло: если онъ убѣжденъ, что въ основѣ тяжбы лежитъ сознаніе правоты или же добросовѣстное недоразумѣніе. Дѣло, юридически обставленное самымъ блистательнымъ образомъ, но небезукоризненное въ нравственномъ отношеніи, ничего кромѣ отвращенія ему не внушаетъ. Онъ человѣкъ не бумажной, а жизненной правды и справедливости.

Такимъ же человѣкомъ живой дѣйствительности Арсеньевъ остается въ своихъ публицистическихъ статьяхъ, т. е. главнымъ образомъ во «Внутреннихъ Обозрѣніяхъ и «Общественной Хроникѣ» «Вѣстника Европы», которыя онъ съ такимъ блескомъ ведетъ вотъ уже около десяти лѣтъ. «Политика (внутренняя—вопросы общественные и земскіе) не математика; она не допускаетъ аксіомъ, не знаетъ правилъ

исключенія», говоритъ онъ въ одной изъ недавнихъ публицистиихъ статей своихъ, посвященной вопросу о мѣстной реформѣ, и этотъ игъ проходитъ чрезъ все, что пишетъ Арсеньевъ о вопросахъ общенныхъ. Всего болѣе далекій отъ доктринерства, онъ не знаетъ іхъ явленій общественной жизни, которыя были бы для него какимъ-то і me tangere. Въ этомъ отношеніи сдѣланная нами характеристика эньева. какъ юриста, остается вѣрна для него и какъ для публициста. никогда не стѣсняется критиковать частности тѣхъ учрежденій, рыя въ общемъ ему чрезвычайно дороги. Земское и городское самоавленіе, университетская самостоятельность, самостоятельность суда . д.—все это Арсеньевъ считаетъ такими основами нашего госутвеннаго быта, безъ которыхъ Россія погрузится въ мракъ невѣгва и господства темныхъ силъ. И тѣмъ не менѣе онъ никогда остановится передъ тѣмъ, чтобы отнестись отрицательно къ разнымъ ретнымъ явленіямъ изъ жизни дорогихъ ему учрежденій.

Нельзя не отмѣтить вообще, что зачисленію Арсеньева въ ряды бераловъ» quand-même мѣшаетъ еще цѣлый рядъ другихъ особенчей его общественно-политическаго міросозерцанія. Если взять слово бералъ» въ томъ смыслѣ, какой ему приданъ западно-европейскою итическою жизнью, то Арсеньевъ совсѣмъ не подойдетъ подъ это здѣленіе. Такъ, напр., онъ всего менѣе защитникъ принципа laissez э, laissez passer и всегда настаиваетъ на регламентаціи тѣхъ явленій омической жизни, гдѣ интересы трудящагося класса страдаютъ отъ но-понимаемаго узкимъ либерализмомъ принципа свободы. Во всѣхъ ь случаяхъ, гдѣ происходитъ коллизія интересовъ капитала и труда, іатіи Арсеньева всегда на сторонѣ труда.

Публицистическія статьи Арсеньева, между которыми нельзя также лазвать статей о политическомъ процессѣ 1869—71 г. и о мѣстной ормѣ, составляютъ наиболѣе цѣнную часть его литературнаго формуі. Мы рѣшаемся утверждать, что «Внутреннія Обозрѣнія» и «Общенная Хроника», составляемыя Арсеньевымъ для «Вѣст. Евр.», прилежатъ къ крупнѣйшимъ явленіямъ современной публицистической ратуры нашей. Неизмѣнно вѣрныя лучшимъ идеаламъ русской переій мысли, онѣ съ каждымъ годомъ пріобрѣтаютъ все бо́льшее значеніе, мѣрѣ того, какъ увеличивается разбродъ ихаосъ современной общеенной мысли и по мѣрѣ того, какъ ренегатство и сжиганіе кораблей ловятся обычнымъ явленіемъ литературной жизни.

Послѣ многихъ лѣтъ юридической и публицистической дѣятельности. ближаясь къ возрасту, который находится на рубежѣ старости, Конст.

Конст. Арсеньевъ взялся за литературную критику. Такое позднее вступленіе на поприще, чуждое ему въ лучшіе годы жизни, въ связи съ общимъ характеромъ писательскаго темперамента Константина Константиновича, не могло не наложить особаго отпечатка на критическія статьи его и въ общемъ помѣшало ему пріобрѣсть въ качествѣ критика то вліяніе, на которое ему даетъ право обширная образованность его и благородство одушевляющихъ его стремленій. Чтобы покорить русскаго писателя и читателя нужно имѣть совсѣмъ особыя качества. Русская литературная критика была всегда рядомъ *лирическихъ* манифестовъ того или другого міровоззрѣнія, она всегда брала стремительностью натиска и огнемъ воодушевленія. И вотъ этого-то огня и нѣтъ въ критическихъ статьяхъ Арсеньева, всегда умныхъ, дѣльныхъ, хорошо написанныхъ, но не увлекающихъ. Въ такой неопредѣленной области какъ литературная критика, гдѣ въ сущности все спорно, гдѣ огромную роль играетъ такой субъективный факторъ, какъ вкусъ, въ сферѣ такихъ вопросовъ нужно говорить рѣшительно и властно, нужно покорять не столько умъ, сколько сердце читателя. А для послѣдняго-то и мало средствъ у Арсеньева. Незамѣнимый въ вопросахъ юридическихъ и публицистическихъ, гдѣ нужно спокойное, дѣльное, обстоятельное и всестороннее обслѣдованіе, онъ блѣденъ тамъ, гдѣ нужно сообщать читателю свою *вѣру*. Даже какъ судебный ораторъ, Константинъ Константиновичъ всегда производилъ большее впечатлѣніе на коронный судъ, котораго интересуетъ только логическая сила доказательствъ, чѣмъ на присяжныхъ засѣдателей, всего болѣе чуткихъ къ нервности и одушевленію. Такимъ-же обстоятельнымъ, строго-добросовѣстнымъ *докладчикомъ* Арсеньевъ остается и въ критическихъ статьяхъ своихъ. Никто изъ авторовъ, имъ разобранныхъ, не можетъ пожаловаться, чтобы его тутъ извратили, но вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя сказать, чтобы Арсеньевъ-критикъ схватывалъ ту внутренную сущность произведенія, которая не всегда ясна даже самому автору, но разъяснить которую и составляетъ настоящую задачу всякаго критика въ высокомъ значеніи этого слова. Критика Арсеньева по преимуществу излагающая и почти никогда не поднимается до высотъ обобщенія.

За всѣмъ тѣмъ, собраніе критическихъ статей Арсеньева заключаетъ въ себѣ много интересныхъ этюдовъ. Очень цѣнна напр. статья о Некрасовѣ, побѣдоносно опровергающая тѣ упреки въ «неискренности», которые раздавалось и раздаются изъ ретрограднаго лагеря по адресу пѣвца «народнаго горя». Совершенно вѣрно указывалъ А., что будь главнымъ источникомъ народолюбія Некрасова исканіе популярности, онъ могъ-бы это достигнуть разрабатываніемъ цѣлаго ряда демократическихъ темъ. Онъ могъ-бы напр. воспѣвать горькую долю городского пролетаріата

фабричныхъ рабочихъ. Мало-ли и разныхъ другихъ сюжетовъ, обра-
са которыхъ доставила-бы поэту аплодисменты. И, однако же, Некра-
ь всю свою жизнь скорбѣлъ именно о крестьянскомъ горѣ и до конца
й своихъ, когда крѣпостное право ушло уже въ область преданій, не
ь отвлечься отъ картинъ крѣпостныхъ безобразій. Не ясно-ли, что
безобразія дѣйствительно поселили въ немъ глубочайшее отвращеніе
го обличая ихъ, онъ вовсе не думалъ о популярности, а просто да-
ь исходъ чувствамъ, всегда таившимся у него въ душѣ.
Любопытна также обширная статья Арсеньева о Салтыковѣ, раз-
гривающая ходъ литературной карьеры знаменитаго сатирика въ
зи съ ходомъ нашей общественной жизни.
Нельзя затѣмъ не отмѣтить статьи Арсеньева о Толстомъ. Она тоже
:етъ служить рельефнымъ доказательствомъ того, какъ мало примѣнима
нашему критику кличка «шаблоннаго либерала». «Шаблонный либе-
измъ» относится крайне отрицательно къ теоріямъ Толстого, въ ко-
ыхъ видитъ некультурную оппозицію идеаламъ современной европей-
й цивилизаціи. Между тѣмъ Арсеньева соціальные и религіозные
статы Толстого приводятъ въ умиленіе, они ему кажутся величествен-
іъ храмомъ, куда онъ входитъ съ величайшимъ благоговѣніемъ.
Наибольшимъ вниманіемъ со стороны читающей публики пользовались
своемъ появленіи статьи Конст. Конст., посвященныя молодымъ бел-
эистамъ нашимъ и поэтамъ. Какъ оно ни странно, но въ лицѣ Ар-
ьева молодое литературное поколѣніе встрѣтило самаго доброжелатель-
) критика своего. Было-бы естественнѣе, если-бы беллетристы, какъ
шинъ, Альбовъ и Баранцевичъ, поэты какъ Надсонъ и Минскій больше
о встрѣтили на своемъ литературномъ пути привѣта со стороны кри-
эвъ въ родѣ А. М. Скабичевскаго, М. А. Протопопова, Н. К. Ми-
ковскаго. На самомъ-же дѣлѣ вышло совсѣмъ наоборотъ. Именно отъ
ько-что названныхъ писателей, считающихся представителями крайней
эй нашей журналистики, молодымъ писателямъ какихъ-какихъ горь-
ь вещей не пришлось наслышаться. А вотъ критикъ «Вѣстника Евр.»,
мыкающаго по своимъ связямъ и симпатіямъ къ поколѣнію сороко-
.ъ и пятидесятыхъ годовъ и представляющаго собою нѣчто въ родѣ
аго центра нашей журналистики, этотъ-то критикъ не только съ са-
іъ теплымъ участіемъ слѣдитъ за дебютами и дальнѣйшими литера-
ными шагами нашихъ молодыхъ писателей, но еще неутомимо ломаетъ
іихъ копья въ борьбѣ съ многочисленными ихъ недругами. Такъ напр.
.чнымъ въ извѣстной части печати нападкамъ на молодую поэзію
еньевъ неуклонно противопоставляетъ такое положеніе: нельзя при-
нивать Надсона, Минскаго, Фофанова корифеямъ нашей поэзіи, но они

не меньшіе dii minores русскаго Парнаса, чѣмъ Полонскій, Фетъ, Тютчевъ и другіе эпигоны пушкинской эпохи.

Изъ молодыхъ беллетристовъ Арсеньевъ больше другихъ симпатизируетъ Гаршину и Короленкѣ. Отъ послѣдняго онъ ждетъ въ будущемъ очень многаго. Но очень многаго ждетъ нашъ критикъ и отъ Чехова, излюбленнаго писателя «Новаго Времени», что можетъ служить доказательствомъ его полнѣйшаго безпристрастія.

Изъ молодыхъ поэтовъ Надсонъ и въ особенности Минскій пользуются большою любовью Арсеньева. Въ Надсонѣ ему нравится искренность поэта, чистота душевная и то, что онъ отразилъ собою душевную жизнь своего поколѣнія; въ Минскомъ его увлекаетъ высота творческаго полета, серьезность общественно-политическихъ стремленій и опять-таки то, что эти стремленія являются отзвукомъ цѣлой полосы исторіи нашего общественнаго развитія. Но онъ находитъ слова привѣта и для непосредственной поэзіи Фофанова. Нравится ему также Фругъ. Менѣе другихъ удовлетворяетъ нашего критика С. А. Андреевскій, потому что такъ называемое «искусство для искусства» съ его брезгливымъ отношеніемъ къ интересамъ живой дѣйствительности рѣшительно несимпатично Арсеньеву. Эта нелюбовь къ «чистому искусству» выразилась въ цѣломъ рядѣ статей его объ Аполлонѣ Майковѣ, Фетѣ, Маркевичѣ, Астафьевѣ, которыми онъ въ главныхъ чертахъ примыкаетъ къ теоріи, требующей отъ литературнаго произведенія идейнаго содержанія.

Тѣмъ не менѣе, Арсеньева нельзя поставить на одну доску съ другими современными представителями Добролюбовской школы. Существеннымъ отличіемъ литературнаго міросозерцанія нашего критика является во первыхъ то, что онъ не относится къ чисто-литературнымъ сторонамъ произведенія какъ къ чему-то служебному и второстепенному. Идеалъ его—полная гармонія формы и содержанія. А затѣмъ Арсеньевъ существенно отличается отъ критиковъ шестидесятыхъ годовъ еще и тѣмъ, что онъ рѣшительный противникъ всякой *разсудочной* тенденціи, явившейся результатомъ простого желанія провести ту или другую идею. Ему нравится только тенденція *органическая*, настолько претворившаяся въ плоть и кровь писателя, что становится второю его натурою и вслѣдствіе этого проявляется рядомъ художественныхъ образовъ.

* **Арсеньевъ**, Флегонтъ Арсеньевичъ, этнографъ †). *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ*, род. 2 апрѣля 1832 г. въ селѣ Красномъ, мо-

†) Отзывы объ „Охотничьихъ разсказахъ“: 1) „Книж. Вѣст.“ 1864 г. № 10. 2) „Рус. Слово“ 1864 г. № 9. 3) *Романовъ*, Охотничій Словарь. О другихъ работахъ: *Немировичъ-Данченко*, Страна холода, стр. 436.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

ожскаго уѣзда, ярославской губерніи. Отецъ его былъ моложскимъ справникомъ. Учился А. въ романово-борисоглѣбскомъ уѣздномъ училищѣ ярославскомъ Демидовскомъ лицеѣ, гдѣ былъ на первыхъ двухъ курсахъ. ъ 1858 г. онъ поступилъ учителемъ рус. языка въ усть-сысольское ѣздное училище, въ 1862 его перевели на ту-же должность въ Вологду, ь 1867 назначили секретаремъ вологодскаго статистическаго комитета. [ѣсто это онъ занималъ до 1882 г., когда былъ назначенъ чиновникомъ о крестьянскимъ дѣламъ усть-сысольскаго уѣзда волог. губерніи.

Литературную дѣятельность свою А. началъ: 1) «*Очерками Шекснинской при-ды*» въ «Яросл. Губ. Вѣд.» 1856 г., за которыми послѣдовалъ разсказъ 2) «*Изъ спомипаній охотника*» въ «Отеч. Зап.» 1858 г. (т. 117), посвященный Сергѣю ксакову. Съ Аксаковымъ А. былъ знакомъ лично. Сергѣй Тимофеевичъ пере-исывался съ нимъ, поощрялъ его писать объ охотѣ, для чего рекомендовалъ ему здававшійся тогда Георгомъ Миномъ «Журналъ Охоты». Здѣсь А. помѣстилъ цѣлый рядъ небольшихъ охотничьихъ статеекъ. Начиная съ 1859 г. А. сталъ эчатать 4) статьи, о промыслахъ Шекснинскаго края въ «Вѣст. Промышленно-ги» Ѳ. В. Чижова. Въ 1860 и 1861 гг. были помѣщены 5) двѣ статьи Фл. Арс. ь „Вѣст. Ест. Наукъ“ („*Прилетныя птицы*“ и „*Метлицы по Шекснѣ*“). Къ ѣмъ-же годамъ относится статья 6) „*Рыбныя ловли на Шекснѣ*“ въ „Сборникѣ росл. Стат. Комитета“. Въ 1862 г. появился 7) охотничій разсказъ „*Ляй коджъ*“, э „Времени“ Достоевскаго. Въ 1863 г. Фл. Арс. былъ редакторомъ неоффиціаль-ой части „Вологод. Губ. Вѣд.“, въ которыхъ напечаталъ 8) нѣсколько бытовыхъ черковъ». Въ 1864 онъ издалъ книгу 9) «*Рѣчная область Шексны*». Ярославль, оторая до сихъ поръ остается единственнымъ обстоятельнымъ географическо-гатистическимъ описаніемъ Шекснинскаго бассейна. Въ сборникахъ и памят-ыхъ книжкахъ вологодскаго статистическаго комитета, издававшихся въ 70-хъ, эдахъ подъ редакціей Арсеньева, онъ помѣстилъ слѣдующія статьи: 10) «*Кубен-ій край*». 11) «*Исторія зырянъ*». 12) «*Охотничьи и рыбные промыслы и торговыя юшенія въ Зырянскомъ краю*». 13) «*Сводныя вѣдомости по однодневной переписи ародонаселенія вологодской губерніи*». 14) «*О движеніи населенія за десятилѣтній эріодъ*». 13) «*Водяная система Герцога Александра Виртембергскаго*». 16) «*К естьян-ія игры и свадьбы въ Яигосорѣ*». 17) «*Молочное дѣло въ вологодской губ.*».

Въ другихъ изданіяхъ А. напечаталъ, кромѣ вышеназваннаго: —18) *Зырянскія реданія* («Досугъ» и «Дѣло» Ахматовой). 19) «*Порча*», этюдъ («Нива» 1885 г.).)) *Рыболовство у зырянъ*. Помѣщено во 2 т. Сборника, изданнаго въ память ъѣзда секретарей статистич. комитетовъ (1870). 21) *Промысловыя рыбныя ловли костромской губ.* въ Костромскомъ статист. сборникѣ. 22) «*Переселенцы*» въ Пчелѣ» М. О. Микѣшина. 23) Нѣсколько охотничьихъ разсказовъ въ «Журналѣ юннозаводства и Охоты». 24) «Лѣса по отношенію къ Вологодской губ.» въ Промышленности» 1883 г. 25) *Отъ Шексны до Кубенскаго озера* въ «Древ. и Нов. оссіи». 26) *Уженіе рыбы на Шекснѣ* въ «Жур. Моск. Общ. Охоты». 27) «*Шуйга*», *Пемью*» «*Картины дальняго сѣвера*», «*Попадья охотница*» въ «Журналѣ Охоты» 'абанѣева.

Въ отдѣльномъ изданіи изъ написаннаго Арсеньевымъ, кромѣ названной выше) «Рѣчной области Шексны» появились: 2) «*Зыряне и ихъ охотничьи промыслы*». [. 1873 г. 65 стр. 3) *Петръ Великій на сѣверѣ Россіи*. 4) *Очеркъ кустарныхъ*

промысловъ въ вологодской губерніи. Вологда. 1882. 5) *Охотничьи разсказы*. Изданіе 1-е. Спб. 1864 г. состояло изъ 4 разсказовъ. Во 2-мъ изданіи М. 1885 г разсказовъ 12.

Чтобы закончить перечень написаннаго Флег. Арсеньевичемъ остается отмѣтить, что онъ въ разное время корреспондировалъ въ: «Русскій Дневникъ» Мельникова-Печерскаго, «Экономическій Указатель» Вернадскаго, «Сѣв. Пчелу» редакціи Усова, «Рус. Курьеръ», «Ремеслен. Газету» и др. Послѣдняя работа А—28) *Производство лѣсотехническихъ продуктовъ въ вельскомъ уѣздѣ* напечатана въ «Вологод. Губ. Вѣд.» 1886 г.

Флегонтъ Арсеньевичъ Арсеньевъ принадлежитъ къ числу наиболѣе почтенныхъ областныхъ дѣятелей нашихъ. Небольшія по объему, но тщательно выполненныя изслѣдованія его даютъ весьма цѣнный матеріалъ для изученія вологодскаго и пришекснинскаго края. Что же касается «Охотничьихъ разсказовъ», то это по основной задачѣ своей дѣйствительно разсказы страстнаго охотника, который пользуется всякой свободной минутой, чтобы отправиться «на поле». Съ увлеченіемъ передаетъ авторъ разные эпизоды своей нещадной войны съ вальдшнепами, тетеревами, чирятами и прочими многочисленными представителями пернатаго царства. Въ уста же неизмѣннаго спутника своего Абрама (бывшій крѣпостной разсказчика) онъ подчасъ влагаетъ описаніе охотъ и на болѣе крупныхъ звѣрей. Попутно авторъ даетъ разныя этнографическія подробности изъ зырянскаго и вообще вологодскаго быта, приводитъ пѣсни, легенды и т. д.

Литературный интересъ «Охотничьимъ разсказамъ» Арсеньева придаетъ очень выразительный, этнографически-характерный и мѣстами прямо превосходный языкъ, которымъ они написаны.

Арсеньевъ, Яковъ Арсеньевичъ, †) сынъ священника села Бѣдарева, костр. губ., гдѣ род. въ 1768 г., учился въ костромской семинаріи, затѣмъ самъ тамъ былъ учителемъ, а съ 1804 г. состоялъ протоіереемъ костромскаго Успенскаго собора. Ум. въ 1848. Его 1) «*Описаніе*» только что названнаго собора (М. 1837) не лишено археологическихъ достоинствъ. Кромѣ того онъ издалъ: 2) «*Слово на торжественный день мира Россіи съ Портою*». М. 1791 (Соп. 10587). 3) «*Поучительныя слова*». М. 1828 и 1837 и перев. съ лат. 4) «*Богословія нравственная*». М. 1804. 3 ч. (Соп. 2281).

---

†) 1) *П. О.* въ «Костр. Губ. Вѣд.» 1855 №№ 13 и 14. 2) *Островскій*, Историч. описаніе Костром. Успен. собора М. 1855 стр. 172—182. 3) *Е. В. Вознесенскій*, въ «Костр. Губ. Вѣд.» 1856 № 41—43, 45—48 и 1857 №№ 4—7. 4) «Энц.Сл.» изд. р, уч. и лит. т. 5. 5) *Геннади*, Словарь.

Отзывъ о «проповѣдяхъ»: «Моск. Тел.» 1829 г. № 1.

Артамоновъ, Н. Д., геодезистъ. См. въ концѣ наст. тома.

Артемій, старецъ XVI в. См. въ концѣ наст. тома.

Артемовскій-Гулакъ см. *Гулакъ-Артемовскій.*

Артемьева, М.—псевд. М. К. Цебриковой (педагог. статьи).

Артемьевъ, Александръ Ивановичъ (р. 24-го окт. 1820, † 29 сент. 1874 г.) сторикъ, археологъ, этнографъ и статистикъ †).

Сынъ чиновника, А. родился въ г. Хвалынскѣ, саратовской губ., чился въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ, а затѣмъ въ саратовской гимназіи и казанскомъ университетѣ по восточному факультету. Слушая екціи профессоровъ разряда общей словесности (теперешняго историкоилологическаго факультета), А. увлекся дѣйствительно весьма научными, ногосодержательными для того времени лекціями профессора русской сторіи въ казанскомъ университетѣ Н. А. Иванова, что и опредѣлило го послѣдующія спеціальныя занятія. Въ 1841 г. онъ окончилъ курсъ андидатомъ съ золотою медалью и опредѣленъ на должность помощника ибліотекаря въ казанскомъ университетѣ. Ученые труды А. начались съ зученія рукописей и исторіи этой библіотеки. Подробное библіографиэски-палеографическое 1) «*Описаніе рукописей библіотеки казанскаго ниверситета*», изданное уже послѣ смерти А. проф. Е. Е. Замысловкимъ при VII вып. «Лѣтописей занятій Археогр. Ком.», Спб. 1882 г., ı 8°, VIII+372 стр., по своимъ научнымъ достоинствамъ можетъ быть оставлено на ряду съ лучшими трудами по этой части—Востокова, Горкаго и Невоструева, Ундольскаго и друг. Въ 1845 г. А. выдержалъ въ азани экзаменъ на магистра русской исторіи, защитивъ тамъ же 15 феваля 1846 г. магистерскую диссертацію. 2) «*Имѣли-ли Варяги вліяніе а Славянъ, и если имѣли то въ чемъ оно состояло?*» (Казань 1845 г. ı 8°, X+134+14 стр.). Книга эта мало извѣстна, но по своимъ научымъ достоинствамъ смѣло можетъ быть поставлена на ряду съ лучшими чеными трудами по русской исторіи талантливыхъ «новыхъ» русскихъ сториковъ «40-хъ годовъ». Въ то время норманская теорія всецѣло эсподствовала въ русской исторіографіи, будучи какъ бы историко-поли-

†) О немъ: 1) «Всемірн. Иллюстр.» 1872 г., № 193 (свѣдѣнія о жизни на основаніи его собственныхъ показаній съ портретомъ). 2) *Л. Н. Майкова*, некрогъ. Журн. Мин. Нар. Пр. 1874 г., ноябрь, стр. 94—109; 3) *П. Н. Петрова*, екрологъ, съ портретомъ «Древн. и Нов. Россія» 1875 г., т. 1, стр. 86—94.) *К. Н. Тихонравова* «Воспоминанія объ А—вѣ», ibid. стр. 410—413. 5) *Г. Н. 'еннади*, «Русскій Архивъ» 1877 г., т. II, стр. 79 и словарь.

тическимъ догматомъ, и возставать противъ нея было до нѣкоторой степени рисковано. А. въ своей книгѣ приходитъ къ убѣжденію о незначительномъ вліяніи нормановъ-варяговъ на славянъ и самый варяжскій вопросъ считаетъ безполезнымъ для научнаго изслѣдованія русской исторіи, выказывая при этомъ большую эрудицію и способность понимать широко и изслѣдовать научно-историческіе вопросы. Книга распадается на слѣдующія 5 частей: 1) критическое разсмотрѣніе литературы о варяжскомъ вопросѣ; 2) очеркъ культурной исторіи славянъ (ихъ религіозныя вѣрованія и общественный бытъ) до принятія ими христіанства, въ которомъ авторъ приходитъ къ выводу, что культура славянъ въ древнѣйшую пору ихъ жизни вовсе не была такъ низка, какъ желаютъ то видѣть съ одной стороны Шлецёръ со своими послѣдователя, съ другой стороны скептическая школа; 3) историко-этнографическій очеркъ скандинавовъ, доказывающій, что ихъ культура была ниже славянской; 4) разсмотрѣніе вопроса о введеніи христіанства у славяно-руссовъ, которое приводитъ А. къ заключенію, что религіозное и, какъ результатъ его, общественно-политическое вліяніе Византіи на славяно-руссовъ было несравненно сильнѣе и плодотворнѣе варяжскаго, служа къ поднятію ихъ культуры: «соображая все, что разсмотрѣно нами,—говоритъ онъ,—мы приходимъ къ заключенію, что варяги не имѣли сильнаго вліянія на славянъ. Во-первыхъ, потому, что были народомъ безземельнымъ, кочевымъ и стояли на низшей ступени образованности; во-вторыхъ, потому, что прибыли къ славянамъ по призванію, сдѣлались повелителями по добровольному подданству, а не насиліемъ; въ-третьихъ, потому, что они были весьма немногочисленны и притомъ люди безсемейные, холостые (?); наконецъ, въ-четвертыхъ, потому, что вліяніе Византіи, простиравшееся на всѣ стороны народной жизни, преимущественно же на самый духъ народа, должно было уничтожить вліяніе варяговъ, и безъ того незначительное, какъ касавшееся однихъ внѣшнихъ отношеній» (стр. 128); 5) заключеніе диссертаціи обнимаетъ собою всего 6 страницъ; въ немъ А. кратко резюмируетъ самобытность восточныхъ славянъ во всѣхъ проявленіяхъ ихъ культурной жизни, которыя норманистами безусловно объясняются варяжскимъ вліяніемъ, а именно: 1) въ правленіи и въ управленіи, 2) въ религіи, 3) въ законахъ, 4) въ языкѣ, 5) въ промышленности, 6) въ военномъ искусствѣ.

Съ августа 1844 г. до марта 1852 г. А. состоялъ редакторомъ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» и помѣстилъ въ нихъ много статей по мѣстной казанской исторіи и этнографіи, которыя не только не утратили своей научной цѣны до сихъ поръ, но далеко превзошли многія писанія послѣдующихъ изслѣдователей казанскаго края. Эти статьи молодого казанскаго ученаго обратили на себя вниманіе въ Петербургѣ и пере-

печатывались въ извлеченіяхъ въ Журн. Мин. Нар. Пр. и цѣликомъ въ другихъ журналахъ. Въ 1850 г. А. былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ петербургскаго Археологическаго Общества и въ томъ же году дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Въ 1852 г. А. перешелъ на службу въ Министерство Вн. Дѣлъ по вызову тогдашняго министра гр. Л. А. Перовскаго, и вслѣдъ за тѣмъ участвовалъ въ статистической экспедиціи, организованной гр. Л. А. Перовскимъ для изученія ярославской губерніи, а по возвращеніи изъ нея былъ командированъ министромъ въ саратовскую губернію. Въ министерствѣ вн. дѣлъ А. продолжалъ служить до конца жизни, состоя съ 1856 г. членомъ только что образованнаго въ то время статистическаго комитета, а съ 1871 г. былъ членомъ статистическаго совѣта. Большинство изданій этого комитета вышло подъ опытной и умѣлой редакціей А. Сблизившись съ Н. А. Милютинымъ, А. принялъ участіе въ работахъ редакціонныхъ коммиссій по освобожденію крестьянъ, издавъ подъ своей редакціей: 1) 2-е изд. Матеріаловъ этой коммиссіи (6 т.); 2) Матеріалы по вопросу объ обезпеченіи продовольствія въ Россіи (3 т.); 3) Лѣтопись сельскаго благоустройства, изданіе, предпринятое Н. А. Милютинымъ послѣ 19 февраля 1861 г. Большинство ученыхъ трудовъ А. за періодъ его службы въ м. в. дѣлъ посвящены всецѣло этнографіи и статистикѣ и лишь косвенно касаются исторіи, отличаясь преимущественно оффиціальнымъ характеромъ. Исключеніе составляютъ его предисловія къ «*Спискамъ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи*», изд. центральнымъ статистическимъ комитетомъ, въ особенности по двумъ губерніямъ, близко знакомымъ А.: *казанской* и *ярославской*. Здѣсь А. излагаетъ весьма сжато исторію мѣстностей, занимаемыхъ этими губерніями, и главнымъ образомъ исторію ихъ колонизаціи русскими, пользуясь для этой цѣли названіями населенныхъ мѣстностей и урочищъ. Въ Петербургѣ А. работалъ также весьма плодотворно въ Географическомъ Обществѣ, состоя членомъ многихъ его спеціальныхъ коммиссій, редактируя его изданія по статистикѣ и печатая статьи въ его изданіяхъ. Изъ этихъ статей слѣдуетъ отмѣтить большую монографію, составленную по случаю 25-ти-лѣтія Импер. Рус. Геогр. Общества: 3) *Обозрѣніе трудовъ этого Общества по исторической географіи* (Спб. 1873 г., in 8°, 152 стр.). А. принималъ также участіе въ двухъ первыхъ археологическихъ съѣздахъ—московскомъ (1869) и петербургскомъ (1871) и изданіе трудовъ послѣдняго начато подъ его редакціей.

Кромѣ монографій А., упоминаемыхъ въ текстѣ, приводимъ списокъ его статей и изслѣдованій, подписанныхъ его именемъ. Списокъ этотъ да-

леко не полонъ, такъ какъ А. помѣщалъ безъ своей подписи статьи и историческіе и этнографическіе матеріалы въ «Казанск. Губ. Вѣд.», библіографическіе разборы въ Ж. М. Вн. Д. съ 1857 по 1886 годъ и въ изданіяхъ Географическаго Общества. Кромѣ того А. участвовалъ въ «Русскомъ Дневникѣ», газетѣ П. И. Мельникова (1859 г.) «Сѣверной Почтѣ», издававшейся при Мин. Вн. Дѣлъ и въ «Энциклопедическомъ Словарѣ», изд. проф. И. Н. Березинымъ. Важнѣйшія статьи А. въ нашемъ спискѣ отмѣчены звѣздочкой.

А) Статьи въ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ:

1844 г.: 1) *Объ исторіи Казани*, №№ 15, 18, 20 (неоконч.) *. 2) Некрологъ *А. П. Костливцева*, предсѣдателя мѣстнаго комитета Человѣколюбиваго Общества, № 22. 3) *Моровое повѣтріе въ Казани и чудо отъ иконы Смоленской Богоматери*, что въ Седміозерной пустыни (1654—1656 гг.) №№ 27 и 28 (*перепеч.* въ журналѣ «Маякъ» 1844 г., ч. XVIII). 4) *Веніаминъ Пуцекъ Григоровичъ*, митрополитъ Казанскій, № 36. 5) *Древняя церковь въ селѣ Савиновѣ*, № 38. 6) *Раифская пустынь*, № 39. 7) *М. И. Веревкинъ*, 1-й директоръ Казанской гимназіи, №№ 48 и 49.

1845 г.: 8) *Исторія пребыванія Китайскаго посольства въ Казани* 1714 г., №№ 1, 2, 3 и 5. * 9) *Св. Авраамій*, мученикъ Болгарскій, № 19. 10) *Посѣщеніе Казани Петромъ Великимъ* (1722 г.), №№ 28 и 33. * 11) *Холки, сельскій праздникъ въ Казанской губ.*, № 48. 12) *Опредѣленіе времени путешествія Волжскихъ Булгаръ въ Мекку*, № 49.

1846 г.: 13) *Новый 1724 годъ*, № 1. 14) *Нѣкоторые обряды и обыкновенія Чебоксарскаго уѣзда*, № 3. 15) *Свіяжскъ* (его исторія и современное состояніе). №№ 5—10 *. 16) *Древняя кольчуга недавно найденная въ Казанской губ.*, № 46.

1847 г.: 17) *Описаніе синодика Іоанна Грознаго*, принадлежащаго свіяжскому огородницкому монастырю, №№ 2, 3, 4, 6, 7 и 8. * 18) *Арскъ и уѣздъ его.* №№ 9 и 10. 18) *Жукотинъ* (болгарскій городъ въ теперешнемъ Чистопольскомъ у.), № 26. * *Перепеч.* въ Ж. М. Вн Д. 1851 г., кн. I.

1848 г.: 20) *Очеркъ исторіи Черемисовъ*, №№ 21—23. * 21) *Некрологъ В. Ф. Диттеля*, № 30. 22) *Джіинъ или Зіинъ*, народный татарскій праздникъ, № 26. Переработка этой статьи подъ заглавіемъ: «Сабанъ и Джіинъ, народные татарскіе праздники» — помѣщено въ Москвит. 1850 г., кн. 11. 23) *Нѣкоторые обряды крестьянъ Царево-кокшайскаго у.*, № 40.

1849 г.: 24) *Прогулки по Казани* (описаніе универс. коллекцій и древностей города), №№ 3, 5, 9, 13, 14, 18, 25, 26.—Продолженіе этихъ статей въ Каз. Вѣд. *1850 г.*, №№ 15 — 20, 32, 33. — *1851 г.*, №№ 26, 28. 31. * 25) *Щербаковское озеро*, № 51.

1851 г.: 26) *Два праздника въ Казани*, № 2. 27) *Трехсотлѣтіе Свіяжска*, № 3. 28) *О пребываніи въ Казани министра народнаго просвѣщенія*, Ширинскаго-Шихматова, № 41. 29) *Разныя извѣстія* (О затменіи солнца, о книгѣ Депланьи и отвѣтъ Бабсту на его Казанскія письма), № 54.

Б) Въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ:

30) *Отрывокъ изъ письма изъ Казани о городищахъ* и проч.—Москвит. 1747 г. ı. 4-я, с. 120. 31) *Письма и вѣсти изъ Казани* (корреспонденціи о всѣхъ замѣ-ıтельныхъ казанскихъ событіяхъ, преимуществ. же объ ученыхъ и литератур-ıхъ). Москвит. *1848 г.*, кн. 2, с. 59—64; кн. 4, с. 15—28; кн. 6, с. 173—180; ı. 8, с. 175—188; кн. 11, с. 38—44.—*1849 г.*, кн. 5, с. 42—49; кн. 8, с. 141—147 *350 г.*, кн. 2, с. 115—119; кн. 14, с. 16—17; кн. 21, с. 21—24.—*1851 г.*, кн. 4, с. 53 — 266; кн. 11, с. 227 — 229; кн. 24, с. 270 — 275;—*1852 г.*, кн. 6, с. 74—76. * 2) *Рецензія на книгу Н. Баженова*: «Казанская Исторія», Казань. 1847 г.— Сѣ-эрн. Обозр. 1848 г., № 1. 33) *Исторія библ. Казанскаго университета.* Ж. М. . Пр. 1851 г., ч. LXX, LKXII, отд. III. * 34) *Каталоги библіотеки Московской нодальн. типогр.* — Врем. М. Общ. ист. и др. 1851 г., кн. XI. 35) *Медальные эмитеты, учрежд. имп. Екатериною II.*—Зап. СПБ. Арх. Общ. 1851 г., т. III. 3) *Минцъ-кабинетъ Казанскаго университета.* — Перечень занятій того же Общ. ı 1850 г., изд. 1851 г. (Перепеч. въ Москвит. 1851 г., кн. 17, с. 17—18). 37) *Раз-ıдка старинной анаграммы,* помѣщ. въ послѣсловіи къ житію Св. Александра Іевскаго.—Перечень занятій того же Общ., изд. 1861 г. 38) *Опис. историческихъ укописей библіотеки Казанскаго университета.*—Ж. М. Н. Пр. 1852 г., ч. LXXIV, родолженіе этихъ статей въ послѣд. годахъ Ж. М. Н. Пр. до 1857 г. вклю-ительно чч. LXXV, LXXXIII, XC, XCIV. * 39) *Романово-Борисоглѣбскій уѣздъ 'рославской губерніи.* Ж. М. Вн. Д. 1853 г., ч. I. * 40) *Романовъ-Борисоглѣбскъ* :ъ приложеніемъ наружнаго вида Воскресенскаго собора въ эт. городѣ, постр. ь 1652 году) Ibid. * (Обѣ эти статьи обработаны А. по матеріаламъ, собран. :рославской статистической экспедиціей 1852—1853 г., въ которой онъ участво-алъ). 41) *О народныхъ переписяхъ.*—Русск. Вѣстн. 1857., т. X, с. 135—163; 285—16; 552—580. * 42) *Городъ Ливны и Ливенскій у. Орловской губ.*—Ж. М. Вн. Д 360., кн. I. 43—49). *Статьи помѣщ. въ «Энциклопед. Словарѣ»*, составл. рус-кими учеными и литераторами, подъ общею редакціею А. А. Краевскаго СПБ. 361. *т. II.*—Азовское казачье войско (вмѣстѣ съ В. М. Аничковымъ). – Азовъ гоже).—Айдаръ. *т. III.*—Алапаевскъ. — Александрійскій уѣздъ. — Александрія эр. Херсонской губерніи. — Алексинскій уѣздъ, Тульск. губ. 50) *Подворная пе-еписъ населенія гор. Перми.* 51) *Фабрично-заводская промышленность,* ремеслен-ость и ярмарки Варшавской губерніи. 52) *Обозрѣніе сметы доходовъ и расхо-овъ гор. Варшавы* за 1868 г. †) 53) *Исторія казанскихъ гимназій въ XVIII в.*— К. М. Н. Пр. 1874 г., Май, Іюль и Ноябрь. (Эта монографія уже послѣ кон-ины А. увѣнчана Академіей Наукъ Уваровской наградой). *

Іонографіи, помѣщенныя въ спеціальныхъ изданіяхъ Главн. Центр. Стат. Комитета М. Вн. Д.

54) *Статистич. таблицы.* СПБ. 1856 г. (Нѣкоторые отдѣлы обработ. А—мъ). ı5) *Городскія поселенія Россійской имперіи* 1860 — 1868 гг. 7 томовъ А—ву при-

†) Всѣ эти три статьи помѣщ. въ «Правительств. Вѣстникѣ».

*

надл. историч. очерки 26 губерній и всѣхъ городовъ въ нихъ. 56) *О составѣ и движеніи населенія по губерніямъ Нижегородской и Ярославской*. СПБ. 1861 г. (обраб. матер.. добытыхъ экспед. снаряж. М. В. Д. въ эти двѣ губ. въ 1852—1853 гг.) 57) *Списки населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи*. СПБ. 1861 и послѣдующія гг. Подъ редакціей А., съ обширными введеніями, составл. историко-геогр., этногр. и статист. обзоръ губерній, изданы списки слѣд. губерній: Астраханской. — Бессарабской.—Казанской.*—Курской.—Самарской.—Саратовской.—Симбирской.—Тамбовской.—Ярославской.* 58) *Статист. Временникъ*.—Обширное предисл. сост. А., при VIII вып. 2-й серіи. 59) *С.-Петербургъ по переписи 1869 г.* — Предисл. А. въ 1 вып. и его же обработка отдѣла о вѣроисповѣд., языкѣ и грамотности жителей столицы. 60) *Экономич. сост. городовъ Европ. Россіи*.—А. описалъ нѣсколько южныхъ губерній.

Д. Корсаковъ.

Артемьевъ, Алексѣй Артемьевичъ, надворный совѣтникъ †). Учился въ московскомъ университетѣ, котораго впослѣдствіи былъ экзекуторомъ. Составилъ на основаніи лекцій московскаго профессора Дильтея «Краткое начертаніе римскихъ и россійскихъ правъ». М. 1777. 8°. Ц. 50 к. (Соп. 6781). По указанію митрополита Евгенія переводилъ вмѣстѣ со студентомъ Борзовымъ (съ латин.) «Вексельное право» Дильтея (Соп. 2410). Кромѣ того перевелъ книгу: «Душа добродѣтели или правила нравоученія, въ пользу и наученіе юношества изъ древнихъ и новѣйшихъ мудрецовъ выбранныя». Спб. 1778 и М. 1782. 8°. Ц. 35 к. (Соп. 3541 и 3543). Умеръ въ глубокой старости въ 1820.

Артлебенъ, Николай Андреевичъ, архитекторъ—археологъ ††). Послѣдніе 3 года своей жизни былъ редакторомъ «Владимірскихъ губ. вѣд.» Умеръ 14 марта 1882 г. во Владимірѣ. Напечаталъ:

1) *Кафельная печь въ архіерейскомъ домѣ въ Суздалѣ*. (Влад. губ. вѣд. 1863 г. № 29 и Изв. Имп. арх. общ., т. IV, вып. 4). 1) *Древнія фрески, открытыя въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ*. (Труды влад. губ. стат. комит. 1863 г., вып. I). 3) *Археологическое извѣстіе о Переяславскомъ Спасскомъ соборѣ* (Влад. губ. вѣд. 1864 г., № 28). 4) *Евангеліе 1544 г. Боголюбова монастыря* (Древ. мос. археолог. общ. 1865 г., т. I). 5) *Храмозданная грамота 1684 года на построеніе деревянной церкви въ селѣ Иговѣ меленковскаго уѣзда* (Влад. г. вѣд. 1873 г., № 39). 6) *О рукописномъ синодикѣ 1672 года* (Древн. Имп. моск. археолог. общ. 1874 г., т. IV). 7) *Старинные акты* (Влад. г. вѣд. 1876 г. №№ 1 и 20). 8) *Къ вопросу о такъ называемой Халдейской пещи* (Древн. и Нов. Россія, 1878 г., кн. 1). 9) А. написалъ нѣсколько статей въ «матеріалахъ для археологическаго словаря», приготовляемаго къ печати моск. археол. обществомъ. Во «Владим. губ. вѣд.» А. помѣстилъ: 10) *Казанскій соборъ въ городѣ Вязникахъ* 1880 г., № 2). 11) *О писче и оберточно-бумажныхъ*

---

†) 1) *Евгеній*, Словарь. 2) *Снегиревъ*, Словарь Евгенія. 3) *Геннади*, Словарь
††) *Д. Д. Языковъ*, Писатели, умершіе въ 1882 г.

фабрикахъ и карточныхъ заведеніяхъ (№ 6). 12) *Старинные акты* (№№ 11, 12, 45 и 46). 13) *Старинная деревянная церковь въ селѣ Глотовѣ, Юрьевскаго уѣзда* (№ 28). 14) *Церковь въ селѣ Станкахъ, Вязниковскаго уѣзда* (№ 32). 15) *Замѣтка о переяславскомъ Горицкомъ монастырѣ* (№ 43). 16) *Указы Петра I Ефрему, митрополиту Суздальскому и Юрьевскому, 1709 и 1710 гг.* (№№ 44) и 17) *Каталогъ старинныхъ рукописей, печатныхъ книгъ, грамотъ и актовъ, хранящихся въ библіотекѣ Флорищевой пустыни, состоящей въ Гороховецкомъ уѣздѣ* (№№ 47—49, 51—52).

Артоболевскій, А. Н. Стенографъ. Издавалъ въ 1866—68 гг. ежедневную «судебно-политическую газету» «Гласный Судъ», которая пользовалась въ литературныхъ сферахъ довольно печальною репутацію.

* **Архангельскій**, Александръ Семеновичъ, профессоръ исторіи рус. литературы въ казанскомъ университетѣ. *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ*, р. 24 іюля 1854 г. въ Пензѣ. Отецъ его, окончившій курсъ въ горыгорецкомъ земледѣльческомъ училищѣ, сначала былъ преподавателемъ семинаріи, потомъ поступилъ въ священники и теперь—законоучитель гимназіи. Первоначальное образованіе А—ръ С—чъ получилъ въ пензенскомъ духовномъ училищѣ и въ пензенской семинаріи. Изъ послѣдней, въ 1872 г., поступилъ въ казанскій университетъ. По окончаніи курса (въ 1876 г.) А. былъ преподавателемъ симбирской гимназіи, потомъ—профессорскимъ стипендіатомъ при казанскомъ университетѣ и на казенный счетъ командировался въ Москву для архивныхъ занятій. Въ 1882 г. за изслѣдованіе *«Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ, ихъ литературные труды и идеи въ древней Руси»*. Спб. 1882 (въ «Памятникахъ Имп. Общества Любит. Древ. Письменности» т. XVI) получилъ въ казанскомъ университетѣ степень магистра русской словесности и тогда же избранъ казан. унив. доцентомъ по этой кафедрѣ, а 1 окт. 1884 г. назначенъ экстра-ординарнымъ профессоромъ. Кромѣ изслѣдованія о Нилѣ Сорскомъ имъ написаны:

1) «*В. А. Жуковскій*. Первые годы его жизни и литературной дѣятельности» Казань 1883 г. 2) «*Древне-Славян. Евангеліе*, принадлежащее Общ. Археолог., Исторіи и Этногр. при Каз. Унив.». Воронежъ 1883 г. (Изъ «Фил. Зап.»). 3) «*Театръ до-Петровской Руси*». Историко-литературный очеркъ. Казань. 1884 4) «*XVII вѣкъ въ исторіи рус. литературы*». Спб. 1884. 5) Рецензія на изслѣд. *В. А. Богородицкаго* «Гласныя безъ ударенія въ рус. языкѣ» въ «Жур. М. Нар. Пр.» 1884. № 8. 6) «*Любопытный памятникъ русской письменности XV вѣка*». Изд. Имп. Общ. Люб. Древ. Письменности. Спб. 1884. 7) «*Св. Кириллъ и Меѳодій и совершенный ими переводъ св. писанія*». Казань. 1885. 8) Приложенія къ брошюрѣ (предъидущей) «Св. Кириллъ и пр.». Библіографическія замѣтки. Ка-

---

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

зань. 1885 г. 9) *Цвѣтущій періодъ древне-болгарской письменности и одинъ изъ ея представителей*. Воронежъ 1886. (Изъ «Фил. Зап.»).

Объ остальныхъ изслѣдованіяхъ А., а также о научныхъ достоинствахъ ихъ см. въ концѣ настоящаго тома.

Архангельскій, Алексѣй Варсанофьевичъ, врачъ †). Сынъ священника Арханг. губерніи. Учился въ архангельской семинаріи, Александро-Невской дух. академіи и мед. хир. академіи, гдѣ кончилъ курсъ въ 1802 г. Служилъ до 1817 г. въ Петербургѣ, затѣмъ былъ назначенъ операторомъ врачебнаго управленія въ Нижній-Новгородъ, гдѣ умеръ 11 авг. 1819 г. Перевелъ съ нѣм. *Іоганна-Броуна* «Система врачебной науки», изданная г. Гиртонеромъ». 3 ч. Спб. 1806—1807. 8°. Ц. 3 р. (Соп. 2324).

Архангельскій, Василій Михайловичъ ††) р. 1792 г., учился сначала въ нижегородской семинаріи, затѣмъ въ педагогическомъ институтѣ. Съ 1815 былъ профессоромъ физики и математики въ царскосельскомъ лицеѣ. Умеръ въ 1828 г. Составилъ «*Карманную книжку для барометрическаго нивелированія*». Спб. 1824. 12°. (Роспись Смирдина № 4016).

Архангельскій, Григорій Ивановичъ, гигіенистъ †††). Р. въ 1837 г., въ 1860 г. кончилъ курсъ въ Мед. Хир. Академіи, служилъ съ 1860—65 г. въ ставропольскомъ военномъ госпиталѣ, въ 1865 г. перешелъ въ керчьеникальскій военн. госпиталь и въ томъ-же году былъ переведенъ въ Нарву, гдѣ оставался до 1869 г. Съ 1869 по 70 г. служилъ въ Лейбъ-гвардіи Кирасирскомъ полку, въ 1870 г.—въ Измайловскомъ и Гатчинскомъ полку, въ 1871 г. былъ назначенъ младшимъ медицинскимъ чиновникомъ при медицинскомъ департаментѣ и редакторомъ издаваемыхъ этимъ департаментомъ: «Архива Судебной Медицины», «Сборника сочиненій по Судебной Медицинѣ», «Эпидеміологическаго Листка» и «Медико-Топографическаго Сборника» (т. 2-й). Во время восточной войны А. былъ чиновникомъ для порученій при этапномъ отдѣленіи военныхъ сообщеній. Съ 1884 г. онъ состоитъ старшимъ ординаторомъ Николаевскаго военнаго госпиталя. Степень доктора медицины получилъ въ 1874 г.

Работы его:

1) *Объ этіологіи возвратной горячки* (Арх. суд. мед. 1866, т. 4, прил. № 1, 1—37). 2) *Trombosis spontanea артеріи Сильвіевой бороздки* (Мед. Вѣст. 1868, 39—

---

†) 1) Геннади, Словарь 2) *Змѣевъ*, Врачи-писатели.

††) 1) *К. С.* въ «Сѣв. пчелѣ» 1828 г. № 19. 2) *И. Селезневъ*, ист. очеркъ Алекс. Лицея. Спб. 1861. стр. 132. 3) *Геннади*, Словарь.

†††) *Змѣевъ*, «Врачи-писатели». Отзывы о «Холерн. эпид.». См. въ концѣ настоящаго тома.

40). 3) *Возстановленіе хрящевой ткани при ранахъ* (Ibid. 41). 4) *Міазматическія болѣзни въ 1867 г. въ С.-Петербургѣ, въ Лейбъ-гв. Московскомъ полку* (Арх. суд. мед. 1868, 3, VI, 28—52, Ibid. 1868 г., Ibid. 1869, 2, VI, 1—26). 5) *Жизнь въ С.-Петербургѣ по статистическимъ даннымъ* (Ibid. 1869, 2, III 38–85; 3, III, 84—143). 6) *Приложеніе законовъ физіологіи къ народному образованію* (Ibid. 2, V, 50--52). 7) *Конина, ея настоящее и будущее значеніе какъ питательнаго матеріала въ экономическомъ бытѣ русскаго народа* (Ibid. 3. III, 143—159). 8) *Живая ржаная мука* Ibid. 160—164). 9) *Холера, сыпной и возвратный тифъ.* Замѣтка по поводу изданія Эпидеміологическаго Листка (Ibid. 4, VI, 28—71). 10) *Опроверженіе выводовъ сдѣланныхъ д-ромъ Шмулевичемъ изъ изслѣдованій физіологическаго значенія соли для животнаго организма* (Ibid. 2, V, 32—42). 11) О различіи въ питательности ржи и ржаной муки въ разныхъ мѣстностяхъ Европ. Россіи (Ibid. 1871, 2, III, 107 - 112). 12) *Большая холерная эпидемія 1852–1855 г., ея происхожденіе и значеніе.* Матеріалы для эпидеміологіи. (Ibid. 4, VI, 14—40). 13) *Вліяніе неурожаевъ на браки, рождаемость и смертность въ Европ. Россіи* (Сб. соч. суд. мед. 1872, т. 1, I, 235–88). 14) *Ревакцинація и оспенная эпидемія въ Спб.* (Ibid. т. 2, I, 253—266). 15) *Холерныя эпидеміи въ Европ. Россіи въ 50-ти лѣтній періодъ 1823—1872 гг.* (Ibid. 1873, т. 2, I, 123—218; т. 3, I, 150—282; 1874, т. 1, I, 102—219).— Отт. Дис. Д. М. Спб. 1874. 8°. 16) *Петербургъ и его средства къ охраненію и возстановленію здоровья жителей* (Здор. 1874—75, 1, 3, 4, 5). 17) *Характеръ и причины заболѣваемости и смертности войскъ* (Ibid. 10, 11, 13–16). 18) *Біологическіе законы питанія и продовольствія войскъ пищей* (Ibid. 19, 20). 19) *Опредѣленіе соотвѣтствующаго пищѣ эквивалента механической работы* (Ibid 23). 20) *Питательное достоинство военныхъ раціоновъ въ различныхъ арміяхъ* (Ibid. 25). 21) *Количество пищи необходимое для существованія организма и произведенія работы* (Ibid. 25). 22) *Способъ болѣе легкаго и скораго вычисленія питательнаго достоинства пищи* (Ibid. 26). 23) *Санитарное состояніе и здоровье войскъ* (Вѣст. общества попеч. о ран. и больн. 1875, № 3 и 4; Здор. 1876, № 43 и 44). 24) *О санитарномъ значеніи казармъ при введеніи всеобщей воинской повинности* (Здор. 1875, № 17). 25) *Физическій трудъ и основы его требованія* (Ibid. 1876, 31). 26) *Война и врачи* (Ibid. 43, 45). 27) *Насколько опасно появленіе чумы въ Россіи* (Ibid. 1879, № 105—108). 28) *Общественныя воды въ Спб.* (Ibid. 117, 120, 123). 29) *Амбулаторная форма чумы и ея значеніе въ эпидеміологіи* (Спб. соч. суд. мед. 1879, т. 1, I. 132—193. Отт. Спб. 1879, 8°, 66). 30) *Плевненскіе военноплѣнные турки, какъ факторы въ генезисѣ сыпнаго тифа въ Россіи 1877–78 г., съ таблицею заболѣваемости и смертности въ С.-Петербургскомъ военномъ округѣ* (Пр. С. Рус. Вр. 1879—80, № 7). 31) *О почвенныхъ водахъ въ Кронштадтѣ* (Здор. 1880, 144). 32). *Обзоръ санитарныхъ условій мѣстной Александровской площади, предназначенной для постройки городскаго барачнаго госпиталя* (Отч. Город. Комит. Общ. Здр. I—IV, 1880, 26). 33) *О передачѣ въ вѣдѣніе городскихъ Спб. больницъ и богадѣленъ попечительнаго совѣта и объ организаціи управленія ими* (Докл. Комит. Общ. Здр. 1881, апрѣля 15, стр. 120; Тоже въ Изв. Спб. Гор. Думы 1883). 34) *Примѣненіе холодныхъ ваннъ при рожистыхъ воспаленіяхъ* (Вр. Вѣд. 1882, 23). 35) *Объ организаціи постоянной врачебной помощи нуждающемуся населенію Спб.* (Докл. Гор. Комит. Общ. Здр. 1883, Изв. Гор. Думы 1883, 10). 36) *О надлежащей организаціи въ Спб. дѣла призрѣнія рожениць, нуждающихся въ общественной помощи* (Изв. Гор. Думы 1883, № 5, прил.). 37) *Нѣсколько данныхъ относительно общедоступной медицинской помощи въ Спб.* (Рус. Мед. 1884, 39.—Отт. Спб. 1884, 8°, 9). 38) *О*

предварительной организаціи дѣла по систематическому изслѣдованію невской воды и изъ водопроводовъ (Изв. Гор. Думы 1884). 39) О мѣрахъ на случай появленія холерной эпидеміи въ Спб. (Ibid. 1884). 40) О принятіи городомъ вр. больн. на станціи Удѣльной и пр. (Ibid. 1885, янв. 11). 41) *Богата-ли Россія врачами?* (Арх. суд. мед. 1870, 4, V, 20—25). 42) *Отвѣтъ профессору И. М. Сорокину* (Ibid. V, 60—64). 43) *Воспоминаніе о д-рѣ Н. А. Владимировѣ* (Ibid. 1870, 1, V, 40—44).— *Разборы книгъ:* 1) Кремянскаго «Тифъ въ Харьковѣ» (Арх. суд. мед. 1870, 1, IV, 46—51). 2) Столярова: «Типографія Харькова» (Ibid. 3. IV, 30—45.—Отвѣтъ Столярова, (Ibid. 1871, 2, IV, 31—41). 3) Малекъ, «Холера въ Варшавѣ» (Ibid. 1870, 3, IV, 45—46). 4) Андреевскаго, «Полицейское право» (Ibid. 1871, 1, IV, 46—50). 5) Отчетъ о здоровьѣ войскъ за 1872 г. (Ibid. 1875, 2, III, 50—76). 6) А. В. Лихачева, «Самоубійство въ Западной Европѣ и Европейской Россіи» Спб. 1882, 8°. (Вѣст. суд. мед. 1883, т. 1, V, 1—10).

Г. И. Архангельскій занимаетъ выдающееся положеніе въ русской медицинской литературѣ. Изъ приведеннаго перечня его трудовъ видно, что за исключеніемъ нѣсколькихъ казуистическихъ сообщеній, всѣ его статьи касались различныхъ общественно-санитарныхъ вопросовъ. Съ особенной любовью Г. И. работалъ по вопросамъ питанія и эпидеміологіи, одними изъ самыхъ существенныхъ отдѣловъ общественной гигіены. Въ послѣдніе годы своей литературной дѣятельности, будучи консультантомъ по врачебнымъ вопросамъ при столичной думѣ, онъ посвящалъ свои силы всего больше врачебно-публицистической дѣятельности, спеціально занимаясь рѣшеніемъ вопроса о лучшемъ обезпеченіи бѣднаго петербургскаго населенія всѣми видами врачебной помощи. Въ этомъ направленіи труды его заслуживаютъ особаго вниманія, такъ какъ выработанныя имъ положенія были приняты городскимъ управленіемъ. А. былъ первый, рекомендовавшій раіонную, на счетъ города, помощь бѣднымъ больнымъ и ему столица во многомъ обязана организаціей института думскихъ врачей, городскихъ родильныхъ пріютовъ и т. под.

Во всѣхъ своихъ трудахъ А. обнаруживаетъ обширную эрудицію, всестороннее знакомство съ трактуемымъ предметомъ, блестящій подборъ и анализъ фактовъ и, что крайне рѣдко встрѣчается среди русскихъ врачей, увлекательное изложеніе, благодаря чему его статьи отличаются особой рельефностью и убѣдительностью. Уже въ первой своей литературной работѣ онъ обнаружилъ всѣ стороны своего литературнаго таланта и способность серьезной разработки санитарныхъ вопросовъ. Описывая небольшую эпидемію возвратной горячки, болѣзни тогда сравнительно мало знакомой русскому медицинскому міру и которую онъ наблюдалъ въ нарвскомъ военномъ госпиталѣ, А. не забылъ обратить особое вниманіе на среду, гдѣ эпидемія свирѣпствовала и условія жизни самого населенія. Настаивая на контагіозности и заразительности болѣзни и указывая ея

этіологію, онъ даетъ прекрасное описаніе мѣстности, ея геологическихъ и климатическихъ условій и подробно останавливается на обстановкѣ жизни населенія. Такую же обстоятельность обнаруживаетъ авторъ въ своей первой статьѣ, касающейся питанія цѣлыхъ общественныхъ группъ. Основываясь на личныхъ наблюденіяхъ и опытахъ, авторъ горячо рекомендуетъ употребленіе конины въ мѣстностяхъ, гдѣ говядина дорога, при чемъ обнаруживаетъ широкое знакомство съ экономическими и бытовыми сторонами жизни населенія.

Въ чрезвычайномъ блескѣ выступаютъ особенности д-ра Архангельскаго, какъ писателя по общественно-санитарнымъ вопросамъ въ его статьяхъ: «Жизнь въ Петербургѣ» и «Вліяніе неурожаевъ на браки» и т. д. Такъ напр. въ первой статьѣ, руководствуясь данными однодневной переписи 1869 г. и «іероглифами, начертанными смертью на петербургскомъ населеніи» и сравнивая Петербургъ съ Брюсселемъ и другими европейскими столицами, онъ далъ блестящее описаніе всѣхъ неблагопріятныхъ санитарныхъ факторовъ, имѣющихъ мѣсто въ нашей столицѣ. Подобно всѣмъ его другимъ статьямъ и эта щеголяетъ обиліемъ статистическихъ данныхъ, собранныхъ имъ за весьма продолжительное время. Онъ изучилъ смертность Петербурга за столѣтіе 1764—1865 гг. обращаетъ и вниманіе на ежегодную значительную (3,9%) убыль населенія, на то, что въ теченіи упомянутаго періода умерло на 143928 человѣкъ болѣе, нежели родилось. Съ особенной силой онъ защищаетъ отъ обвиненій за этотъ печальный фактъ петербургскій климатъ, обращаетъ особенное вниманіе на скученность и составъ населенія (преобладаніе пришлыхъ элементовъ) и въ заключеніе приходитъ къ выводу, что смертность въ Петербургѣ мало-бы отличалась отъ смертности въ другихъ столицахъ, если-бы подвижное населеніе было избавлено отъ невыносимыхъ гигіеническихъ условій.

Самой капитальной работой А. необходимо признать его обширную монографію «О холерныхъ эпидеміяхъ въ Европейской Россіи». Пользуясь далеко недостаточнымъ оффиціальнымъ матеріаломъ, А. указалъ вліяніе мѣстности и температуры на интензивность и экстензивность эпидеміи, вліяніе температуры на переносчивость заразы, вліяніе температуры, качества и влажности почвы, густоты населенія и колебанія почвенной воды на интензивность эпидеміи и т. д. Изучая теченіе болѣзни по отдѣльнымъ годамъ онъ указалъ обычные пути, по которымъ холера распространялась по Россіи, подробно коснулся этіологіи этой тяжкой заразы. Если нѣкоторые выводы автора грѣшатъ противъ современныхъ взглядовъ на сущность болѣзни, то при всемъ томъ настоящій трудъ долго будетъ служить образцомъ статистической разработки данныхъ о различныхъ эпидеміяхъ.

Въ общемъ труды д-ра Архангельскаго значительно содѣйствовали санитарному изученію русскаго народа и этимъ объясняется то уваженіе, которое авторъ пріобрѣлъ не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ.

Г. М. Герценштейнъ.

Архангельскій, Иванъ Ивановичъ, врачъ †). Род. въ 1832 г. учился въ смоленской семинаріи и мед. хир. академіи, гдѣ кончилъ курсъ въ 1859 г. Служилъ въ Варшавѣ, Кіевѣ, Вильнѣ, съ 1868 по 1881 былъ главнымъ врачемъ минскаго военнаго госпиталя. Ум. въ 1888 г. Напечаталъ: 1) Диссертацію на доктора мед. *«О каустическихъ средствахъ при болѣзняхъ матки»*. Спб. 1862. 2) *Шесть лекцій по общественной гигіенѣ и діэтетикѣ, читанныхъ въ Минскѣ*. Минскъ. 1870 г. 3) Рядъ небольшихъ сообщеній въ «Проток. Минск. Врачей»: 1871—72 г. № 1, 1875—1876 № 5—8, въ «Рус. Медиц.» 1884 г. № 36, 1885 г. № 21 и 44, въ «Воен. Санит. Дѣлѣ»: 1885 г. № 28, 34, 35, 46, 47, «Воен. Мед. Жур. 1866 г. ч. 97 III стр. 129—37.

Архангельскій, Михаилъ Ѳерапонтовичъ, урожденецъ Орловской губ., магистръ спб. дух. академіи, священникъ и нынѣ протоіерей Пантелеймоновской церкви въ Спб. ††). Въ бытность свою учителемъ словесности въ спб. дух. семинаріи издалъ: 1) *«Руководство къ изученію словесности и къ практическому упражненію въ сочиненіяхъ»*. Спб. 1857 г., вытѣснившее единственный дотолѣ учебникъ по словесности Данскаго. Тогда же вышла книжка его: 2) *Протоіерей І. С. Кочетовъ* (біографическій очеркъ). Спб. 1857. Въ «Историко-статистическомъ описаніи С.-Петербургской епархіи» (изданіи спб. епархіальнаго историко-статистическаго комитета) ему принадлежитъ значительная часть «Исторіи Спб. Епархіи». Много проповѣдей о. протоіерея издано отдѣльными брошюрами, а также катехизическія бесѣды: «Полное православно-христіанское ученіе о молитвѣ». Спб. 1861. Ему-же принадлежатъ многочисленныя рецензіи въ «Странникѣ» 60-хъ гг.

Архангельскій, Николай Михайловичъ, р. въ 1787 г., учился въ харьковскомъ университетѣ, въ которомъ съ 1818—26 былъ адъюнктомъ, а

---

†) 1. *Змѣевъ*, Врачи-писатели т. 1 и 3.

††) Отзывы о «Руководствѣ къ изученію словесности»: 1) *А. П.* въ «Отеч. Зап.» 1857 № 11. Отд. 2. стр. 42—44. 2) «Соврем.» 1858. Т. 67. Отд. 2. стр. 43—51. 3) «Жур. для Восп.» 1858 № 4. стр. 204—219). О «Протоіереѣ Кочетовѣ: «СП. Вѣд.» 1857 г. № 117. О «Катех. бесѣдахъ»: *П. Матвѣевскій* въ «Странникѣ» 1861 г. № 11. стр. 83—90.

съ 1826—30 ординарнымъ профессоромъ математики †). Ум. въ 1857 г. Перевелъ съ франц.: 1) *Боссю и Віоллета* «Изслѣдованіе о наивыгоднѣйшемъ построеніи плотинъ». Издано главнымъ правленіемъ училищъ. Спб. 1815 (Росп. Смирдина № 4059). 2) *Франкера*, Основаніе механики, 2 ч., Харьковъ, 1816 (Смирд. № 4043). Въ отчетѣ Харьк. Унив. за 1857 г. профессоръ Коссовъ приписываетъ А. еще слѣдующіе «оригинальные» и переводные труды:

3) *Разсмотрѣніе примѣчаній на „Основаніе Геометріи" академика Гурьева.* 4) *Разсужденіе о точныхъ наукахъ.* 5) *Теорія движенія жидкихъ тѣлъ.* 6) *Теорія единообразнаго теченія воды въ рѣкахъ и въ открытыхъ каналахъ.* 7) *Изложеніе устроенія міра.* 8) *Полное систематическое руководство къ практической механикѣ.* Переводныя сочиненія: 9) *Статика* — Пуассона. 10) *Исторія математическихъ наукъ*—Боссю. 11) *Исторія движенія твердыхъ тѣлъ*—Эйлера. 12) *Физико-математическія изслѣдованія теоріи воды* — Грони и 13) *Цвѣтникъ любомудрія.* Въ публичной библіотекѣ мы изъ „оригинальныхъ" трудовъ А. нашли только „Разсуж. о точныхъ наукахъ". Это очень жидкая актовая рѣчь. Въ библіографическихъ пособіяхъ мы тоже не встрѣтили никакихъ указаній на названныя Коссовымъ произведенія А.

Архипозономатурцкевичъ (Кіевскія брошюры 60-хъ годовъ) — псевд. Ѳ. Е. Ромера.

Архиповъ, Александръ Александровичъ, врачъ ††). Отецъ его былъ инструментальный мастеръ петербургскаго хирургическаго завода. Въ 1833 г. А. кончилъ Медико-Хирург. Академію и поступилъ врачемъ въ гвардію. Въ 60-хъ годахъ былъ дивизіоннымъ врачемъ и завѣдывающимъ медицинскою частью войскъ въ Варшавѣ, въ 1868—назначенъ помощникомъ военно-окружнаго инспектора кіевскаго округа, съ 1876—86 г. былъ окружнымъ инспекторомъ того же округа. Въ 1886 г. назначенъ непремѣннымъ членомъ Военно-Медицинскаго Ученаго Комитета. Въ 1883 г. праздновалъ 50 лѣтній юбилей.

А. напечаталъ слѣдующія статьи (большею частью казуистическаго характера) и переводы:

1) *Излѣченіе брюшной водянки одними разрѣшающими средствами* („Другъ Здравія" 1840, 37). 2) *Два наблюденія о скрытой сифилитической болѣзни, поддерживавшей язвы на нижнихъ конечностяхъ* (Пр. Рус. Вр. 1859—60, 422). 3) *Водянка живота и матки у беременной женщины* (Ibid., 474). 4) *Ногтоѣда* (Пр. С. Р. Вр. 1856—57, 423). 5) *Отпаденіе всего заднепроходнаго кольца послѣ тифа* (Ibid., 1860—61, 341). 6) *Случай periproctitidis gangrenosae* (Ibid., 1864-65, 281). 7) *Къ вопросу о холерѣ* (Ibid., 1865—66. Извлеч). 8) *Холера въ Варшавѣ* (Мед. Вѣст. 1867, 1, 28). 9) *Къ лѣченію сифилиса ртутными препаратами* (Ibid., 42, 43). 10) *О*

†) 1) *Коссовъ* въ „Отчетѣ харьк. унив. за 1857 г.", стр. 13. 2) *Геннади*, Словарь.
††) 1) „Врач. Вѣд." 1883 г. №№ 31. 2) *Змѣевъ*, Врачи-писатели т. 1 и 3.

размѣрахъ и причинахъ болѣзней въ войскахъ (Ibid., 1869, 13, 14). 11) *О ревакцинаціяхъ* (ibid., 23); замѣтка на эту статью (ibid. 28). 12) *Холера въ Кіевѣ въ 1869 г.* (ibid., 1870, 3-6). 13) *Замѣтки о настоящей холерной эпидеміи въ кіевскомъ округѣ* (ibid., 1871, 362). 14) *Разборъ книги Малека „Холера въ Варшавѣ въ 1867 г."* (Совр. Мед. 1870, №№ 38-41). 15) *Къ вопросу о размѣрахъ груди и взвѣшиваніи тѣла у здоровыхъ людей, по росту и возрасту* (Вѣстн. Мед. 1874, ч. 120, II, 134—41; Совр. Мед. 1875, № 29, 30; реф. въ Воен. Санит. Д. 1883, 427). 16) *Состояніе здоровья войскъ гвардейскаго Варшавскаго округа* (Мед. Вѣст. 1864, 44, 46). 17) *Некрологъ Ив. Панкр. Агафонова* (ibid. 1868, 11). 18) *Воспоминаніе о Григ. Иванов. Дубровскомъ* (Мед. Вѣстн. 1867, 4). 19) *Воспоминаніе о М.-Х. Өеодосѣ Кириловичѣ Дьяконенко* (ibid., 18). **Переводы**: 1) Съ фр. *Жандрена*. О болѣзняхъ сердца (Др. Здр. 1840, 27, 29, 31, 35, 38, 42). 2) *Девержe*. Медико-судебные вопросы (ibid., 1845, 10 и въ др. до 45). 3) Съ нѣмецкаго. *Зобгрнгейма*. Минеральныя иностранныя воды и морскія купанья (ibid., 1843, 8, II, 12, 14, 18, 26).

Архиповъ, Ив. Павловичъ, химикъ. См. въ концѣ наст. тома.

Архипъ Зеровъ—псевд. Ѳ. В. Булгарина.

* **Арцыбашевъ** [1]), Николай Сергѣевичъ, русскій историкъ, членъ казанскаго общ. любителей словесности, с.-петербургскаго общ. любит. наукъ, словесности и художествъ и моск. общ. ист. и древн. росс. *По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ сыномъ Арцыбашева — Мих. Николаевичемъ Н. Я. Агафонову, а послѣднимъ переданнымъ намъ*, родился 1 дек. 1773 г., въ Казан. губ., Цивильск. у., сельцѣ Мамино [2]). Оставшись по смерти родителей 11 лѣтъ, онъ былъ взятъ на воспитаніе дядею своимъ по матери Петр. Як. Чернявскимъ, которымъ отданъ былъ въ нѣмецкій пансіонъ въ Петербургѣ, гдѣ и получилъ окончательное образованіе выйдя отсюда въ 1793 или 1794 г. Службу онъ началъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку. Вскорѣ по воцареніи Павла былъ переведенъ прапорщикомъ въ казанскій гарнизонъ, но служилъ недолго. Затѣмъ онъ занималъ должность почетнаго смотрителя ядринскаго уѣзднаго училища и дослужился въ ней до чина коллежскаго ассесора. Н. С. Арцыбашевъ былъ женатъ на дворянкѣ Владимірск. губ. Аннѣ Никитичнѣ Названовой; имѣлъ двухъ сыновей и дочь. Онъ умеръ 27 августа 1841 г. отъ апоплексическаго удара, а погребенъ въ с. Рындинѣ, Цивильск. уѣзда, при церкви

---

[1]) Фамилія эта дѣлится на три вѣтви: Арцыбашевыхъ, Арцыбышевыхъ и Арцыбушевыхъ. Предки ихъ переселились изъ Германіи въ Литву, а оттуда въ Россію. Арцыбашевы упоминаются въ исторіи въ званіи дьяковъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ—на разныхъ службахъ.

[2]) Буличъ. Изъ первыхъ лѣтъ казан. универс., с. 612. Деревня Арцыбашева—Мамино близъ Цивильска (Барсуковъ, Строевъ, 261).

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

св. Духа. Какъ помѣщикъ Цивильскаго уѣзда Казанск. губ., онъ по большей части жилъ въ Цивильскѣ; но иногда наѣзжалъ въ Казань, гдѣ искалъ для себя общества людей образованныхъ. Въ молодости Арцыбашевъ принадлежалъ къ кружку массоновъ [1]); потомъ онъ примкнулъ къ Обществу любит. словесн. и сблизился съ проф. казанск. университета [2]). Еще въ 1802 г. Арц. задумалъ составить *сводъ* извѣстій о Россіи, на основаніи лѣтописныхъ и другихъ источниковъ и въ теченіе 30 лѣтъ безпрестаннаго труда успѣлъ довести его до конца царствованія Іоанна Грознаго. Между тѣмъ, занимаясь до конца жизни этимъ главнымъ своимъ трудомъ, Арцыбашевъ напечаталъ, какъ въ отдѣльномъ видѣ, такъ и въ историческихъ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ, рядъ статей и изслѣдованій, относящихся къ области русской исторіи и представляющихъ собою или извлеченія изъ этого же свода, или разсужденія, посвященныя болѣе важнымъ спеціальнымъ вопросамъ, а именно:

1) «*О первобытной Россіи и ея жителяхъ*», Спб. 1809 [3]); 2) „*Приступъ къ повѣсти о русскихъ*", Спб. 1811. Въ *Вѣстн. Европы:* 3) „*О степени довѣрія къ исторіи, сочиненной кн. Курбскимъ*" (1821 г., ч. CXVII, № 12); 4) „*О свойствахъ царя Ивана Васильевича*" (ib. ч. CXIX, № 18); 5) „*Нѣчто объ отрывкѣ изъ Леклерка*" ч. CXX, № 23); [4]) 6) „*О старомъ городищѣ Казани*" (1822, ч. CXXVI, № 21).

7) „*Два съѣзда князей или конецъ XI столѣтія въ Россіи*" (1823, ч. CXXIX, № 12); 8) „*Изяславъ II вел. кн. или средина дванадесятаго стол. въ Россіи*" (1824, ч. CXXXVI, №№ 14, 15, 16; ч. CXXXVII, №№ 17—20; ч. CXXXVIII, № 21); 9) „*Уничтоженіе Кіева и мятежи владимірскіе*" (1825, ч. CXLII, № 14 и 15; ч. CXLIII, № 17); 10) „*Первый и послѣдній отвѣтъ на псевдокритику*" 1826, ч. CXLV, № 2) [5]); 11) „*Игорь или война половецкая*" (1826, ч. CXLVII, № 11 и 12); 12) „*Димитрій Донской*" (1827, ч. CLIII, №№ 9—12); 13) „*Явная выдумка*" (1829, ч. CLXVIII, № 20) [6]); 14) „*О кончинѣ ц. Іоанна Васильевича*" (1830, ч. CLXIX,

---

[1]) Н. И. Второвъ, М. де-Пуле (Рус. Арх. 1877, II, 345).

[2]) Общ. любит. отеч. словесн. и періодич. литер. въ Казани съ 1805—1834 г. Н. Попова (Рус. Вѣстн. 1858, т. XXIII, 52—98).

Для своего труда Арцыбашевъ пользовался рукописями казан. общ. любит., а за объясненіями восточныхъ словъ, встрѣчавшихся въ лѣтописяхъ, онъ обращался къ содѣйствію проф. Эрдмана, адъюнкта Хальфина и лектора Казембека (Повѣств. о Россіи, I, предисл.).

[3]) Сочиненіе это (102 стр. въ 16 долю) Арцыбашевъ издалъ какъ членъ Спб. общ. любителей наукъ и посвятилъ импер. Александру I. Первое изданіе его (1808 г.) было все уничтожено по причинѣ множества опечатокъ (Сопиковъ, IV, 321).

[4]) Подъ именемъ Н. Любороссова.

[5]) Отвѣтъ на статью: «Литературное воспоминаніе», напеч. въ Отеч. Зап. 1825 (№ 67), въ которой авторъ упрекаетъ Арцыбашева въ неуваженіи къ Карамзину.

[6]) Разборъ извѣстій Таубе и Краузе о казни Іоанномъ Грознымъ сем. кн. Владиміра Андреевича, по поводу исторіи Карамзина.

№ 11) [1]); 15) *„О кончинѣ ц-ча Димитрія“* (ч. CLXXI, № 12) *„Разборъ слѣдственнаго дѣла объ убіеніи ц-ча Димитрія, въ доказательство невинности Бориса Годунова.* Въ *„Московскомъ Вѣстникѣ“:* 16) *„Ярославъ I“* (1827, ч. VI, №№ 21—24); 17) *„Замѣчанія на исторію государ. Россійскаго Карамзина“* (1828, ч. XI, № 19—20; ч. XII, №№ 21—24—на I й томъ; 1829, ч. III—на II-й томъ) [2]); 18) *„О кончинѣ ц-ча Димитрія“* (1830, ч. II, № 7), статья, написанная въ дополненіе къ статьѣ Погодина, помѣщенной въ Моск. Вѣстн. (1829 г. и перепечат. въ I томѣ его Историко-критич. отрывковъ), причемъ авторъ ея развиваетъ ту же мысль, что и въ статьѣ, напеч. въ Вѣстн. Европы. Въ *Русскомъ Зрителѣ:* 19) *„Взятіе Казани“* (1828, ч. III, № 9—12). Въ *„Запискахъ и Трудахъ общ. ист. и древн. россійскихъ“:* 20) *„Взоръ на обычаи древнихъ руссовъ“* (ч. II, кн. 2-ая, 1824, с. 90—115); 21) *«О древнихъ русскихъ деньгахъ»* (ibid., 116—123); 22) *«О началѣ Россіи»* (ibid. ч. IV, кн. 1-я, 1828, 21—68); 23) *„О Тмутаракани“* (ibid. 78—101). 24) *„Московская свадьба“* (Лжедимитрія и Марины) въ Сынѣ Отеч. 1832, ч. CLIV.

Въ 1829 г. Арцыбашевъ, подъ именемъ Люброссова, помѣстилъ въ „Сынѣ Отечества“ (ч. CXXIV, сс. 82—92, 151—162) *Замѣчанія на статьи о политической экономіи* [3]), напеч. въ Отеч. Зап. Въ общ. любит. отеч. словесн. при казан. универс онъ сообщилъ статью *„О свойствахъ россійскаго языка“*; въ 1818 г. издалъ повѣсть *„Рогнѣда или разореніе Полоцка“* (Пет. 1818) и ему же принадлежитъ замѣчательное по отдѣлкѣ и содержанію стихотвореніе въ Державинскомъ стилѣ, а именно ода въ 20 строфъ *„Слѣпой случай“*, написанная въ 1805 г., долго лежавшая подъ спудомъ и открытая 36 лѣтъ спустя, но безъ имени автора. Въ то время оду эту приписали Державину и напечатали въ первый разъ въ сборникѣ 1841 г. „Русская Бесѣда“ (ч. I); но впослѣдствіи обнаружилась принадлежность ея—Арцыбашеву [4]).

Въ 1832 г. Казанское общество предполагало уже издать и *сводъ* Арцыбашева: *„Повѣствованіе о Россіи“;* но только въ 1836 г. изданіе этого важнаго труда приняло на себя, благодаря настояніямъ Черткова, Муханова, Шевырева и Погодина, Моск. общ. исторіи, подъ главнымъ наблюденіемъ послѣдняго. Такимъ образомъ въ теченіе 1838—43 гг. было издано три тома „Повѣствованія“, обнимающихъ исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ по 1698 годъ [5]). Авторъ намѣренъ

---

[1]) Разборъ извѣстія англич. Горсея, причемъ авторъ опять имѣетъ въ виду Карамзина.

[2]) Начало этихъ замѣчаній было напеч. въ Казанск. Вѣстн. 1822 и 1823 гг. Въ свое время они вызвали возраженія (Моск. Вѣстн., ч. XII, №№ 23—24), въ защиту Карамзина и объясненія со стороны редактора (М. П. Погодина), рѣшившагося помѣстить замѣчанія въ Моск. Вѣстн (ч. XII, №№ 23—24, с. 378; 1829, ч. II, 261); затѣмъ были напечатаны письма Арцыбашева къ послѣднему и отвѣтъ редактора (1829, ч. III, 196).

[3]) Впрочемъ, сынъ Арцыбашева отвергаетъ употребленіе его отцемъ псевдонимовъ. Мы лично тоже сомнѣваемся, чтобы статья эта, подъ которою имѣется подпись „Гор. Мосальскъ“, гдѣ А. никогда не былъ, принадлежала автору „Повѣствованія о Россіи“.

[4]) Соч. Державина, изд. подъ ред. Я. К. Грота, т. III, 586; Древн. и Нов. Россія 1878, I, 359, зам. Д. Рябинина.

[5]) Т. I, с. 445; т. II, 671 с.; т. III, 838 стр. in 4°. Обзоры внутренняго состоянія общества составляютъ лишь небольшія „дополненія“.

былъ довести свое изложеніе по 1762 г., но смерть помѣшала ему выполнить этотъ планъ. Четвертая, неоконченная часть, остается неизданною до сихъ поръ.

Привѣтствуя въ своемъ первомъ трудѣ занятія исторіею Карамзина и готовившійся тогда переводъ соч. Шлецера Языковымъ, Арцыбашевъ выражаетъ надежду, что съ появленіемъ ихъ «можетъ быть и мы не будемъ завидовать Робертсонамъ». Здѣсь же онъ ратуетъ противъ излишняго увлеченія прежнихъ историковъ—находить предковъ того или другого народа въ отдаленной древности и злоупотребленія производствомъ словъ. «Писатель XIX стол., говоритъ онъ, даетъ отчетъ въ каждой своей рѣчи; вооруженная безпрестанными сомнѣніями, критика требуетъ на все *очевидныхъ доказательствъ;* не удовлетворяютъ пустыни сновидѣній и невѣрное стало непріятно. Важно было прежде сдѣлать народъ свой старѣе другихъ, какими бы то ни было средствами; лестно теперь доставить о немъ истинное понятіе» (11—12). Скептицизмъ Шлецера и методъ, употребленный имъ при изданіи «очищеннаго Нестора», очевидно, руководили Арцыбашевымъ въ его главномъ трудѣ, а его важнѣйшія критическія статьи нашли себѣ мѣсто въ «Вѣстн. Европы», издававшемся представителемъ скептическаго направленія въ русской исторіографіи—М. Т. Каченовскимъ. Вообще девизомъ ученыхъ пріемовъ Арцыбашева можно признать его собственное изреченіе: «истина тѣмъ подозрительнѣе, чѣмъ украшеннѣе, и тѣмъ милѣе, чѣмъ простѣе» [1]), а также: «лучше десяти страннымъ увѣдомленіямъ не повѣрить, нежели одинъ поклепъ счесть истиною» («Повѣств.», т. IV прим., 1898).

Вотъ какъ характеризуетъ главныя черты своего «Повѣствованія» самъ Арцыбашевъ: «Я сличалъ слово въ слово, а иногда буква въ букву всѣ лѣтописи, какія могъ имѣть, соединялъ ихъ, дополняя одну другою, и такимъ образомъ составлялъ изложеніе (textus); послѣ вычищалъ то отъ всего именно *лѣтописнаго* — или занимательнаго только для современниковъ, но совсѣмъ ненужнаго для потомства—и отъ *лишесловія*, свойственнаго тогдашнему образу сочиненій; а наконецъ переводилъ оставшееся на нынѣшній россійскій языкъ, какъ возможно буквальнѣе, соображалъ мой переводъ съ древними чужеземными и архивными памятниками, дополнялъ ими лѣтописи и помѣщалъ иногда слова тѣхъ источниковъ (смотря по разбору) *въ изложеніе*; подлинныя же лѣтописныя рѣчи — въ примѣчанія» (Увѣдомл., т. I).

Такимъ образомъ трудъ Арцыбашева составляетъ прямую противоположность исторіи Карамзина. Онъ не задается ни философскими, ни худо-

---

[1]) «Вѣстн. Евр.» 1860, №№ 9—12.

жественными цѣлями; все вниманіе его сосредоточено на критикѣ факта и возможно точной передачѣ текста источниковъ. Что же касается его критическихъ статей, то онѣ, можно сказать, всѣ были направлены противъ Карамзина. Въ этихъ послѣднихъ, среди придирчивыхъ и мелочныхъ замѣчаній относительно слога, заглавія и нѣкоторыхъ неточностей, нерѣдко встрѣчаются весьма вѣрныя и полезныя указанія. Нѣкоторыя изъ замѣчаній вызваны общими взглядами Арцыбашева, на которые мы указали выше, каковы напр. возраженія, сдѣланныя Карамзину, о преувеличенномъ представленіи относительно славянской гражданственности, о смѣшеніи дани куницами съ понятіемъ о кунахъ, какъ металлической монетѣ, и помѣщенія въ исторіи—басенъ о Кіѣ, Олегѣ, Ольгѣ и сравненіи ихъ съ Иліадою Гомера и т. п. Не менѣе любопытно его замѣчаніе о подражаніи Карамзина Юму какъ въ формѣ изложенія, такъ и во внѣшнемъ распредѣленіи отдѣльныхъ частей его труда. Таковы его замѣчанія на первые томы «Исторіи государства Россійскаго». Въ другихъ статьяхъ онъ объясняетъ причины враждебнаго отношенія Курбскаго, Таубе и Краузе къ Іоанну Грозному, которымъ слѣдовалъ Карамзинъ, и старается объяснить образованіе характера Грознаго. Въ противоположность указаннымъ взглядамъ, онъ приводитъ мнѣніе Леклерка, который, несмотря на свою враждебность къ Россіи, не повѣрилъ многимъ извѣстіямъ о жестокостяхъ Іоанна и обратилъ вниманіе на выясненіе его характера. Въ статьѣ «О кончинѣ ц-ча Димитрія», Арцыбашевъ подтверждаетъ достовѣрность этого факта.

Въ свое время критическія статьи Арцыбашева возбудили толки въ обществѣ и вызвали полемику противъ автора ихъ, которая сводилась къ обвиненію его въ неуваженіи къ Карамзину [1]); а Руссовъ издалъ отдѣльную брошюру: «О критикѣ г. Арцыбашева на Ист. госуд. Россійскаго» (Спб. 1829), отличающуюся слѣпымъ благоговѣніемъ къ исторіографу [2]). Въ литературѣ дѣлались даже намеки на личности; но Арцыбашевъ отвѣчалъ: «Я отъ роду не видалъ Карамзина и писалъ только объ его произведеніяхъ» [3]). Однако уже одно помѣщеніе статей противъ Карамзина въ Моск. Вѣстн. вызвало угрозы редактору за то, что онъ «смѣлъ это сдѣлать» [4]). Самъ Карамзинъ, какъ видно, читалъ замѣчанія Арцыба-

---

[1]) Отеч. Зап. 1825, № 67.

[2]) Ею не были довольны и защитники Карамзина (Моск. Телегр. 1829, т. XXV, стр. 407).

[3]) Моск. Вѣстн. 1829, III, 199.

[4]) Ibid, 1828, № 24.

іева [1]), а извѣстный археологъ П. М. Строевъ иначе судилъ и о рецензіяхъ этого послѣдняго [2]). Точно также ѣдкая сатира кн. П. А. Вяземскаго на противниковъ Карамзина съ замѣчаніями противъ Арцыбашева Моск. Телегр. 1828, № 19)—вызвала рѣзкія возраженія со стороны Строева [3]); а по поводу предпринятаго тогда Устряловымъ изданія оч. Курбскаго Строевъ писалъ ему такъ: «Принимаясь комментировать н. Курбскаго, вамъ необходимо прочитать весьма дѣльныя замѣчанія . Арцыбашева въ Вѣстн. Евр. 1821 г. На зло нѣкоторымъ журнальымъ крикунамъ, г. Арцыбашевъ одинъ изъ первыхъ археологовъ нашего ремени» [4]).

Помѣщеніе статей Арцыбашева Погодинымъ въ своемъ журналѣ причинило ему множество непріятностей. «Чортъ дернулъ его напечатать дну критику Арцыбашева на Карамзина, писалъ въ 1829 г. И. В. Кирѣевскій Соболевскому, и это сдѣлало ему *заклятыхъ враговъ изо всѣхъ рузей* Карамзина. Дмитріевъ, Блудовъ и пр., и пр. подали примѣръ, вся остальная братія за ними. Въ мѣстѣ ему отказано, знакомства ь нимъ разорваны, его бранятъ, дѣлаютъ ему всякаго рода непріятости, а онъ ни тѣломъ ни душой, не виноватъ, потому что самъ не согласенъ съ Арцыбашевымъ; а зачѣмъ напечаталъ? самъ чортъ не разберетъ» [5]). Даже любвеобильный Жуковскій отвернулся отъ Погодина и ѣсколько лѣтъ не отвѣчалъ ему на его письма [6]). Такимъ образомъ подорѣніе Погодина, что онъ не былъ утвержденъ тогда по этимъ причинамъ дъюнктомъ Академіи Наукъ, несмотря на единогласное избраніе, повиимому подтверждается [7]).

---

[1]) Рус. Стар. 1874, т. XI, 62 (воспом. Сербиновича). По словамъ же м. Евгенія, Карамзинъ презрительно отзывался объ Арцыбашевѣ (Евген. сборн. . 22).

[2]) Моск. Вѣстн. 1828, №№ 21 - 22, с. 391—392. Ср. примѣч. на письмо Строева, Степ. Руссова (Сынъ Отеч. 1829, CXXIII).

Булгаринъ посылалъ статьи Арцыбашева Лелевелю, также писавшему тогда критику на ист. Карамзина (Рус. Стар. т. XXII, 640).

[3]) М. Вѣстн. 1828, №№ 21—22, стр. 391—395; ср. также кн. Н. П. Барсукова: П. М. Строевъ, стр. 147 - 149.

[4]) Барсуковъ, 238—239. Во время археографическаго путешествія Строева о Россіи, въ 1833 г., Арцыбашевъ приглашалъ его къ себѣ въ деревню (ibid., 261).

[5]) Рус. Арх. 1882, III, 81—82; ср. 101—102. (Сообщеніе Погодина объ этихъ отношеніяхъ и отзывъ кн. Вяземскаго о поведеніи его относительно Карамзина). Погодинъ иначе смотрѣлъ на свои мнѣнія (стр. 190), на которыя оказалъ извѣстное вліяніе Арцыбашевъ (Жизнь и труды М. П. Погодина Н. Барсукова 1, 113 - 255).

[6]) Рус. Арх. 1880, III, 469—470.

[7]) Рус. Арх. 1871, стр. 2,097; 1882, кн. III, стр. 190.

Нападки на Карамзина могли казаться въ то время до извѣстной степени опасными, такъ какъ его противниками были писатели, принадлежавшіе къ либеральному направленію, но которые тѣмъ не менѣе отдавали предпочтеніе хотя и сухому, но критическому изложенію трудовъ Арцыбашева [1]). Мнѣніе же послѣдняго, высказанное по поводу разбора слѣдственнаго дѣла объ угличскихъ событіяхъ, послужило даже предметомъ неблагопріятныхъ для автора толковъ [2]), а въ 1841 г.—вызвало перепечатку соотвѣтственнаго эпизода въ III томѣ «Повѣствованія о Россіи» [3]).

Мы указали выше на два противоположныя теченія въ отношеніи къ трудамъ Арцыбашева. Но ими не опредѣляется научное значеніе этихъ послѣднихъ. Правда, митр. Евгеній называлъ Арцыбашева только «извѣстнымъ въ исторіи нашей копуномъ» [4]); однако были и не менѣе сильные цѣнители его заслугъ. Канцлеръ Румянцевъ въ своихъ письмахъ къ кіевскому археологу Берлинскому рекомендовалъ Арцыбашева, «какъ мужа, по нравственнымъ качествамъ и по просвѣщенію отличнаго достоинства» [5]); онъ обращалъ вниманіе на сочиненія Арцыбашева своего ближайшаго сотрудника по изданіямъ—А. Θ. Малиновскаго [6]). Самъ Румянцевъ спѣшитъ знакомиться съ его статьями и заботится о снабженіи его своими изданіями [7]). Погодинъ, несмотря на то, что исторія Карамзина служила для него настольною книгою [8]), заявляетъ, что трудъ Арцыбашева былъ изданъ Моск. общ. ист. по его стараніямъ [9]). Со-

---

[1]) Рус. Стар. 1875, т. XIV, стр. 82 и 86 (Дневникъ В. К. Кюхельбекера); Рус. Арх. 1864, с. 1000 (письма А. С. Грибоѣдова); Рус. Вѣстн. 1861, февр., с. 286; 1870, іюль, с. 506 (письма А. Бестужева-Марлинскаго о преимуществѣ Полевого передъ Карамзинымъ).

[2]) Объ этомъ подробно въ нашей статьѣ: «Арцыбашевъ и Устряловъ» (Рус. Арх. 1886, III, 523—527).

[3]) См. въ указанной статьѣ (Рус. Арх. 1886, III).

[4]) Евгеніев. сборн., с. 22 (письмо къ Анастасевичу). Извѣстный же Савельевъ-Ростиславичъ утверждалъ даже, что «Повѣствованіе» Арцыбашева не имѣетъ ровно никакого значенія (Отеч. Зап. 1839, № 5).

[5]) Арцыбашевъ интересовался тогда (1820) свѣдѣніями о древнихъ урочищахъ Кіева, а потому Румянцевъ послалъ ему соч. Берлинскаго о Кіевѣ.

[6]) Рус. Стар. 1881, т. XXXII, 232 и 245.

[7]) Переписка Румянцева (Чт. М. О. И. 1882, I, стр. 220, 259, 262, 290, 292). Къ исторіи Карамзина Румянцевъ относился критически (Карамзинъ Погодина, II, 205). Арцыбашевъ велъ литературную переписку съ канцл. Румянцевымъ и Д. И. Языковымъ, но, по показанію его сына, она не сохранилась въ семействѣ.

[8]) Рус. Арх. 1882, III, 102.

[9]) Рус. Стар. 1872, V, 339.

ѣвъ въ первые годы своего профессорства не уходилъ на лекцію, не мотрѣвъ «Повѣствованія» Арцыбашева [1]). К. Н. Бестужевъ-Рюминъ се отдаетъ подобающую дань уваженія его трудамъ [2]). И во взглядѣ характеръ и дѣятельность Іоанна Грознаго оба историка стоятъ се къ Арцыбашеву, нежели къ Карамзину. Въ сомнительныхъ вопро- изслѣдователь всегда надѣется найти разъясненіе въ тщательно анныхъ и свѣренныхъ цитатахъ свода Арцыбашева [3]), а его геогра- ескія опредѣленія историческихъ мѣстъ и до сихъ поръ не потеряли й цѣны въ наукѣ. Въ заключеніе приведемъ отзывъ объ Арцыба- ѣ извѣстнаго русскаго *художника* А. А. Иванова. Въ 1846 г., по требованію, ему выслали въ Римъ два сочиненія: «Повѣствованіе» ыбашева и «Исторію» Карамзина, и вотъ что писалъ онъ по этому ду своему пріятелю проф. Шевыреву: «Вы противъ Арцыбашева? е знаю, что тутъ сказать, а мнѣ онъ нравится болѣе Карамзина. а я думаю, что *художнику* нужны матеріалы, какъ они суще- ютъ. У Карамзина прекраснымъ русскимъ слогомъ, очень вѣжливо чтиво, выглажены всѣ остроты, оригинальности и рѣзкости, такъ все, что сзади текста, въ концѣ книги (выписки изъ лѣтописей р.), то лучше самой книги. Извините пожалуйста, что я пустился рить съ вами дерзко. Но, право, это только порывы русскаго къ інѣ» [4]). **В. Иконниковъ.**

Аршеневскій, Василій Кондратьевичъ, «чистой математики публич- і ординарный профессоръ» московскаго университета конца прошлаго іачала нашего столѣтія [5]). Р. 1758 г. въ Кіевѣ, гдѣ и получилъ воначальное воспитаніе. Въ 1774 поступилъ въ университетскую назію, въ 1779 избранъ въ число семинаристовъ педагогической инаріи, что соотвѣтствуетъ нынѣшнему званію кандидата, въ 1785 стоенъ степени магистра философіи и свободныхъ наукъ. Преподава- ьская карьера А. началась съ 1779 года, когда университетъ пору- ъ ему высшій «ариѳметическій» классъ униперс. гимназіи. Въ 1789

---

[1]) Объ историч. значеніи рус. боярства, Е. Бѣлова, с. 97.
[2]) Біогр. статья въ Энциклоп. слов. сост. рус. учеными и литерат. т. V, 571; . исторія, I, 226.
[3]) Рус. Арх. 1880, III, 72; 1886, II, 600.
[4]) Живописецъ А. А. Ивановъ, В. Стасова (Вѣст. Европы, 1880, т. I, 145—146).
[5]) 1) Рѣчи моск. унив., ч. III (1821), стр. 96—98. 2) «Энц. Лекс.» Плю- ра, III. 3) *Снегиревъ*, Слов. Евгенія. 4) *Зерновъ*, въ «Слов. моск. проф.». 5) *Бу- овскій*, въ «Энц. Слов.». 6) *Геннади*, Словарь.

А. былъ назначенъ адъюнктомъ, въ 1795 экстраординарнымъ, въ 1805 ординарнымъ профессоромъ чистой математики. Кромѣ того А. занималъ еще съ большимъ успѣхомъ должность инспектора студентовъ. Ученыхъ трудовъ А. никакихъ не оставилъ. Извѣстны только двѣ рѣчи его, сказанныя на торжественныхъ собраніяхъ университета: 1) *«О началѣ, связи и взаимномъ пособіи математическихъ наукъ и пользѣ оныхъ»*, 1794 и 2) *«О связи чистой математики съ физикою»*, 1802. Но А. заслуживаетъ вниманія какъ хорошій педагогъ, внесшій большую логическую стройность въ университетское преподаваніе математики, страдавшее прежде нѣкоторою безсистемностью. Ум. 27 янв. 1808 г.

А. С. (А. Солодянскій—«Херс. Епарх. Вѣд.»)—псевд. арх. Антонина.

Ас. («Моск. Телегр.» 1825—27 гг.)—псевд. Кн. П. А. Вяземскаго.

Ас. Б. («Моск. Телегр.» 1825—27 гг.)—псевд. П. А. Вяземскаго.

Аскоченскій, Аристархъ Ипатьевичъ, медикъ †). Р. 1817 г. Окончивъ воронежскую семинарію, поступилъ въ москов. унив., откуда вышелъ въ 1843 г. лекаремъ, въ 1858 защитилъ докторскую диссертацію. Въ послѣдовательномъ порядкѣ былъ городовымъ врачемъ въ Верхнеднѣпровскѣ, Екатер. губ., старшимъ врачемъ курской больницы, инспекторомъ таврической и тульской врач. управы, старшимъ ординаторомъ клиники душевныхъ болѣзней при петербургскомъ военномъ госпиталѣ и во время кампаніи 1877 г. главнымъ врачемъ 49 госпиталя. Написалъ статью «Объ освидѣт. умалишен. по дѣйствующ. въ Россіи законамъ» въ Арх. Судеб. Мед. 1866 г. № 3, нѣсколько замѣтокъ въ «Другѣ Здравія» (1851 г. № 14; 1852 г. № 24; 1860 № 38) въ «Совр. Мед.» (1860 № 73) и отдѣльно:

1) „Взглядъ на природу и болѣзни человѣческаго организма съ прибавленіемъ краткой исторіи медицины“ Отзывы: 1) „От. Зап.“ 1852 № 6 2) „Воен.-Мед. Жур.“ 1852. 3) «О камфорѣ въ смыслѣ физіологич., терапевтич. и судебно-медицинскомъ“. Докторская диссертація, 1858. 8°. 4) „Практическія замѣтки о врачебномъ изслѣдованіи подсудимыхъ, подозрѣваемыхъ въ умопомѣшательствѣ“ Спб. 1870 г. Отзывъ—*ва* въ „Моск. Мед. Газ“ 1870, № 35.

Аскоченскій, Викторъ Ипатьевичъ, знаменитый обскурантъ ††). Ро-

---

†) Змѣевъ, Врачи-писатели.

††) **Біографическія данныя**: 1) Отдѣльный листъ напеч. 28 дек. 1864 въ типографіи Мюнстера съ краткою біографіею А. 2) *Аскоченскій*, Ист. Кіев. дух. академіи, въ разныхъ мѣстахъ. 3) *Булгаковъ*, Ѳ. И. въ „Ист. Вѣст.“ 1882 г. № 1 и 6.

Отзывы о „*Стихотвореніяхъ*“: 1) „Библ. д. Чт.“ 1846 г., т. 79 отд. 6 стр. 1—4.

дился 1 октября 1813 г. въ Воронежѣ, гдѣ отецъ его—священникъ—состоялъ наставникомъ нотнаго пѣнія церковнослужителей воронежскаго края. Собственно фамилія редактора «Домашней Бесѣды» *Аскошный*, по селу Аскошному (Землянскаго уѣзда), гдѣ дьячковствовалъ дѣдъ его и родился отецъ. Но въ семинаріи для вящаго благозвучія Викт. Ип. и братъ-докторъ (о немъ выше) переименовали себя сначала въ *Отскоченскіе*, а затѣмъ уже въ *Аскоченскіе*.

Учился А. въ воронежской семинаріи, одной изъ тѣхъ, къ которой всецѣло примѣнимы мрачныя характеристики Помяловскаго. Чудовищная порка, грубѣйшіе пороки среди воспитанниковъ—кража, напр., считалась молодечествомъ,—почти повальное невѣжество учителей—вотъ среда, давшая Аскоченскому первыя духовныя впечатлѣнія. Съ ужасомъ вспоминаетъ онъ въ своемъ дневникѣ о годахъ ученія.

Замѣчательно, что семинарія не воспитывала даже въ ученикахъ своихъ благочестія. Вотъ напр. страничка изъ дневника, въ которой Аскоченскій описываетъ лекціи ученаго ректора Евтихіана.

«Что же, вы думаете, дѣлалъ у насъ ректоръ? Развертывалъ библію, которую онъ зналъ съ изумительною подробностью и вѣрностью, толковалъ первопопавшійся текстъ, пріискивалъ соотвѣтствующіе ему тексты, и непремѣнно смѣялся и кощунствовалъ надъ нѣкоторыми мѣстами священнаго писанія. Помню много такихъ его выходокъ, непростительныхъ Евтихіану и неприличныхъ ни сану его, ни званію, ни лѣтамъ, ни, наконецъ, болѣзненному состоянію. Замѣчу въ скобкахъ, что Евтихіану было подъ 60 лѣтъ; разбитый параличемъ, онъ едва волочилъ ноги и съ трудомъ выговаривалъ нѣкоторыя слова. Впрочемъ, все это не мѣшало ему отпускать кощунственныя шутки, подобныя слѣдующимъ. Въ Книгѣ Бытія (гл. XXI, ст. 14) сказано, что Авраамъ «возложи на плещи Агари отроча его (Измаила)». По сличеніи нѣкоторыхъ мѣстъ и по вычисленію выходитъ, что Измаилу тогда было лѣтъ восемнадцать. Евтихіанъ, растолковавши это намъ, вдругъ обратился къ одному изъ бывшихъ моихъ товарищей—Иванову.

— Петръ Ивановичъ! Естественно-ли это? Ну что если бы ты навалился на бабу какую-нибудь?

Громкій хохотъ обыкновенно бывалъ отвѣтомъ такой кощунственной выходкѣ неблагоразумнаго старика.

---

2) „Соврем.“ 1846 г., т. 44, стр. 211—213. 3) „Отеч. Зап.“ 1846 г., т. 48, отд. 6, стр. 43—46. О „*Краткомъ начертаніи ист. рус. лит.*“: 1) „Биб. д. Чт.“ 1846 г., т. 7, стр. 13. 2) „Москвитянинъ“ 1846 г., ч. 3, стр. 179—180. 3) „Отеч. Зап.“ 1846 г., № 9, стр. 1—24. 4) „Современ.“ 1846 г., т. 44, стр. 115—116. 5) *Я. Я. Я* (Л. Брантъ) въ „Сѣв. Пчелѣ“ 1846 г., № 131, 135 и 140. 6) „Финс. Вѣст.“ 1846 г., т. 10, стр. 76—79. О „*Кіевъ съ древ. его училищемъ*“: 1) „Отеч. Зап.“ 1857 г., № 1, ср. 38—40. 2) *А. К.* въ „Кіев. Губ. Вѣд.“ 1856 г., № 1. О „*Чтеніи для православ. рус. народа*“: *А. С.* въ „Рус. Рѣчи“ 1861 г., № 67 и 68. Объ „*Ист. Кіев. дух. академіи*“: *П. Матвѣевскій* въ „Странникѣ“ 1863 г., № 11, стр. 12—14.

Въ первой Книгѣ Царствъ (гл. XVIII, ст. 27) сказано, что Давидъ, по желанію царя Саула, принесъ ему сто иноплеменническихъ краеобрѣзаній, какъ искупительную плату, какъ калымъ за дочь, на которой послѣ этого Давидъ женился. Не трудно догадаться, какъ пластично были изъяснены эти слова, какъ цѣломудренно у насъ истолкованы чудакомъ Евтихіаномъ. Отличавшійся между нами и успѣхами, и благонравіемъ Ефимъ Егоровичъ Свѣтоваровъ, подняшись, возразилъ ректору, что здѣсь разумѣются уши, которые и теперь еще обрѣзываютъ у убитыхъ восточные народы, какъ документъ своей побѣды.

— Полно, Іофимъ? Какія тамъ уши! сказалъ ректоръ.—Просто, Давидъ поднесъ царю сотню хорошихъ филистимлянскихъ... на вотъ, молъ, тебѣ, а мнѣ давай дѣвку!..

Кіевская Духовная Академія, куда, какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ воронежской семинаріи, Аск. поступилъ въ 1837 г., значительно обогатила запасъ его богословскихъ и историческихъ знаній. Но странное дѣло: благочестія въ ортодоксальномъ смыслѣ этого слова А. пріобрѣлъ здѣсь еще меньше, чѣмъ въ воронежской семинаріи. Вспоминая дальнѣйшую дѣятельность редактора «Домашней Бесѣды», полную какого-то чисто-изувѣрскаго клерикализма, не вѣришь своимъ глазамъ, когда читаешь тѣ мѣста изъ «Дневника» Аскоченскаго, которыя относятся ко времени его пребыванія въ Академіи. Они дышатъ такою прямо ненавистью къ монашеству и къ нравамъ кіевскаго духовенства, что, появись нѣчто подобное лѣтъ двадцать спустя, и «Домашняя Бесѣда» навѣрное подняла бы самый неистовый крикъ. Цѣлыми десятками страницъ тянутся въ «Дневникѣ» желчныя филиппики противъ монаховъ. Особенно возмущаетъ А. поступленіе въ монахи молодежи и съ гордостью отмѣчаетъ онъ, что успѣлъ отговорить нѣсколькихъ молодыхъ людей отъ отшельничества. «Слава тебѣ, Господи! Успѣлъ въ нѣкоторыхъ поколебать, если не совсѣмъ истребить это намѣреніе ихъ, враждебное Богу, людямъ, себѣ самимъ, всему человѣчеству». Столь же сильно возмущаетъ его та руководящая роль, которая принадлежитъ монахамъ въ академическомъ преподаваніи:

«Когда это власть анахоретовъ перейдетъ въ руки людей, которые знаютъ свѣтъ и требованія просвѣщенія! Мнѣ кажется, что покуда бородатые философы будутъ ораторствовать съ устарѣлыхъ своихъ каѳедръ, пока не истребитъ Господь этотъ нечистый духъ односторонности и закоренѣлаго квіетизма, пока не дадутъ воли чувству и простора уму, а главное, пока не отнимутъ грозную безтолковую ферулу у этихъ черныхъ геніевъ, которые, не во гнѣвъ имъ будь сказано, ужасно близоруки,—до тѣхъ поръ отъ нашей академіи не жди добра. Все въ ней будетъ грязно, темно, пошло, и наше просвѣщеніе черезъ десять, а много-много черезъ двадцать лѣтъ, станетъ страшнымъ анахронизмомъ».

Еще рѣзче отзывы молодого Аскоченскаго о кіевской монастырской жизни:

«Сколько разъ я ни былъ въ Софійскомъ» пишетъ онъ, «всегда, подходя къ гробницѣ, заключающей въ себѣ частицы многихъ святыхъ, приходилъ въ сму-

щеніе отъ печатнаго показанія, что, будто бы, тутъ же есть капля крови Іисуса Христа! Господи, Боже мой! Какими ужасными вещами спекулируетъ шарлатанство! Кровь Іисуса Христа! Да откуда же она взялась? Кто могъ ее собрать подъ крестомъ, отъ котораго или бѣжали съ робостью, или плакали горько, безутѣшно, плакали, не сводя очей съ Божественнаго Страдальца и вовсе не думая о томъ, чтобы сберечь каплю крови его, его, котораго считали почти всѣ добрымъ, благочестивымъ человѣкомъ, рѣшившимся на неудачную попытку учить людей и заплатившимъ за это поносною смертью? Позволили бы римскіе воины, а еще болѣе ожесточенные іудеи оказывать такіе знаки благоговѣйнаго почитанія распятому, какъ они называли его, льстецу? Опять,—если даже и возможно было взять и унести съ собою каплю Спасителевой крови кому нибудь изъ близкихъ къ нему, то объясните мнѣ, какимъ чудомъ могла она, черезъ столько столѣтій, перейти, — куда же? въ Кіевъ! Я говорю чудомъ, ибо безъ этого невозможно вовсе пріобрѣтеніе такой драгоцѣнности. Далѣе—чудо; всякое чудо имѣетъ извѣстную, святую цѣль; тутъ какую бы оно имѣло, если бы дѣйствительно было? Вѣрно и сами наши представители-то духовные очень хорошо понимаютъ этотъ ужасный подлогъ, ибо такъ называемая кровь Спасителя помѣщена въ одной гробницѣ съ *грѣшными* (хоть и святыми) остатками праведниковъ. Пусть всякій знаетъ и вѣдаетъ, что тѣлу, и истинному тѣлу и крови Спасителя не нашлось и не можетъ найтись мѣста на землѣ. Спаситель все съ собою взялъ на небо, оставивъ намъ только то, что далъ ему міръ для прикрытія тѣлесной его наготы и потомъ для умерщвленія его плоти съ тѣмъ, чтобы одухотворить ее страданіями!.. Велико, Господи, долготерпѣніе твое!».

Но не одни только церковныя злоупотребленія вызываютъ протестъ въ будущемъ редакторѣ «Домашней Бесѣды». Критика его идетъ дальше. Онъ порицаетъ и нѣкоторые церковные обряды. Такъ напр. онъ находитъ совершенно устарѣлымъ практикуемый въ недѣлю православія обрядъ предаванія анаѳемѣ:

«Защищать святыя истины человѣческой анаѳемою, воля ваша, и смѣшно, и грѣшно. Нынѣ ужъ времена не тѣ. Изъ разности мнѣній насчетъ того или другого догмата—нѣтъ драки: ты вѣришь такъ, а я вѣрю иначе, ты принимаешь это, а я—нѣтъ; что-жъ тутъ? Вольному—воля, спасенному—рай, а драться намъ не изъ чего и ругаться тоже. Ты не навязываешь мнѣ собственнаго убѣжденія? Нѣтъ? Ну, хорошо! Такъ давай же мнѣ руку,—мы съ тобой братья. Въ этомъ обрядѣ есть еще пунктикъ такой, что по милости его всѣ до одного человѣка выходятъ изъ церкви анаѳемами, не исключая ни одного и изъ лицъ духовныхъ. Такъ, помню, говорится о томъ, что если кто не исполняетъ во всей строгости правилъ святыхъ отецъ, тотъ—анаѳема. Покорнѣйше благодарю! Перечтите-ка мнѣ всѣ эти правила. Перечтите хоть отцовъ, которыхъ я долженъ слушатъ! Да помилуйте, Бога ради, за что-жъ такая напасть? Ужели, въ самомъ дѣлѣ, и за то, что я во время шестопсалмія осмѣлюсь немножко «зѣвнути или харкнути» или и за то, что я во время чтенія извѣстныхъ молитвъ не помолюсь по командѣ въ одинъ темпъ, или и за то, что я назову монаховъ тунеядцами?»

Нельзя не отмѣтить также, что думалъ Аскоченскій въ то время о постахъ:

„Охъ, ужъ эти мнѣ посты, посты!"—пишетъ онъ подъ 24-мъ ноября 1840 г.— „Богъ судья тому, кто выдумалъ ихъ! И съ чего это вздумали люди безусловно покоряться толкамъ двухъ-трехъ тощихъ головъ? Тамъ гдѣ-то въ Сиріи или въ Египтѣ, выдумали не ѣсть мяса, изъ опасенія умноженіемъ питательныхъ соковъ возбудить въ большей степени любострастіе жителей юга,—ни съ того, ни съ сего перенеслось это обыкновеніе и къ намъ на сѣверъ. Если сказать правду, то самый климатъ тамошній требовалъ постовъ, а иначе просто люди гибли бы отъ постояннаго употребленія горячительныхъ животныхъ соковъ: но Бога ради то же ли у насъ на сѣверѣ? Нѣтъ спора, что установленіе постовъ въ первоначальномъ ихъ видѣ и въ первобытномъ ихъ мѣстѣ очень могло содѣйствовать успѣхамъ нравственности; но у насъ, по замѣчанію медиковъ, мясоястіе, замѣняемое рыбою, вовсе не достигаетъ своей цѣли. На востокѣ вмѣсто мяса ѣли финики, оливы, а у насъ кушаютъ рыбу, а рыба, какъ извѣстно изъ медицины, ужасно возбуждаетъ нервы, и вслѣдствіе этого—похоть, которой такъ боялись и избѣгали установители поста. Право, съѣвши крылышко курицы или сочный котлетъ, я меньше почувствую требованія плоти, чѣмъ какой нибудь постникъ, угощающій свой мамонъ ухою стерляжьей и отличнымъ фазаномъ, съ прибавкою доброй красоули вина. Притомъ, что тутъ особеннаго для нравственности, если вы кушаете грибы, а я индѣйку? Неужели въ самомъ дѣлѣ можетъ кто нибудь подумать, что Богъ именно благословитъ того, кто всталъ изъ за стола съ тощимъ, сжавшимся какъ мокрая подошва, желудкомъ? Неужели вы, господинъ постникъ, вѣрите, что Богу, кромѣ вашей мамоны и заниматься нечѣмъ?

. . . .

Повѣрьте не чрево и не брашно, по выраженію апостола, поставляютъ насъ правыми предъ Богомъ, а вѣра въ Спасителя и добрыя дѣла.

Мы довольно подробно останавливаемся на выдержкахъ изъ «Дневника», относящихся къ раннимъ періодамъ жизни Аскоченскаго, потому что очень онѣ уже характерны и знаменательны. Думаемъ, что приведенные отрывки являются для читателей нашихъ такимъ же сюрпризомъ, какимъ они были для насъ самихъ, когда мы ознакомились съ напечатанными въ «Ист. Вѣстникѣ» записками редактора «Домашней Бесѣды». Аскоченскій всегда всѣмъ казался типомъ вполнѣ цѣльнымъ, органическимъ продуктомъ той среды, изъ которой онъ вышелъ и въ которой проходила его учено-литературная дѣятельность. Выходитъ, однакоже, на повѣрку, что въ лицѣ Аскоченскаго мы имѣемъ яркаго предоставителя столь типичной для русскаго интеллигента способности начать въ одномъ направленіи, а кончить Богъ вѣсть въ какомъ. Классическимъ примѣромъ литературно-политическихъ превращеній считается у насъ Катковъ, въ молодости пугавшій своимъ радикализмомъ Бѣлинскаго и Бакунина. Но ознакомившись съ записками Аскоченскаго, да еще принявши во вниманіе, что въ сравненіи съ «Домашней Бесѣдой» даже «Моск. Вѣд.» были верхомъ либерализма, приходится, кажется, пальму первенства въ области литературныхъ метаморфозъ отдать Аскоченскому.

Въ 1839 г. А. кончилъ курсъ со степенью магистра и тотчасъ же былъ назначенъ баккалавромъ, сначала по каѳедрѣ польскаго языка, а вскорѣ затѣмъ—патрологіи. Предметъ этотъ и въ настоящее время излагается строго-ортодоксально. Но вотъ какія удивительныя вещи заноситъ въ «Дневникъ» о своихъ лекціяхъ будущій редакторъ самаго обскурантнаго русскаго журнала:

«Не смотря на то, что предметомъ моихъ лекцій служатъ лица, которыхъ почитать повелѣваетъ намъ святая наша церковь и которыя въ минуты смиренной молитвы для меня самого служатъ предметомъ благоговѣнія,—несмотря, говорю, на это, я на каѳедрѣ профессорской рѣшился оторваться отъ той мысли, что у меня имѣется дѣло съ святымъ человѣкомъ. Что мнѣ за надобность, думалъ я, пиша во время оно свои лекціи, до святости такого-то; на благоговѣйное усмотрѣніе высокихъ подвиговъ угодника Божія суть особенныя времена, особые случаи, особые пріемы. Передо мной пусть онъ станетъ человѣкомъ, съ своею разумною рѣчью, съ своими сердечными убѣжденіями, даже съ своими человѣческими взглядами и ошибками, какъ слѣдствіями того или другого направленія. Я читаю его сочиненія, разбираю ихъ, какъ критикъ, а не безотвѣтный поклонникъ прославленной Богомъ и людьми святыни. И вотъ причина, отчего читатель мой найдетъ въ моихъ запискахъ столько смѣлости и заподозритъ меня, быть можетъ, въ кощунствѣ. Въ полномъ убѣжденіи, что я не виноватъ въ этомъ грѣхѣ, я говорю теперь и оставлю моему потомству записки мои и не боясь самохвальства, скажу: exegi monumentum aere peraennius. Да, Богъ одинъ видѣлъ, сколько поднято было мною трудовъ для составленія вотъ этихъ двухъ фоліантовъ, которые покоятся на этомъ столѣ, подавивъ своею тяжестью мелочныя книжки и брошюрки. Я шелъ непробитою дорогою, шелъ одинъ—безъ руководителя; впереди меня былъ дремучій лѣсъ; виляя изъ стороны въ сторону, я проложилъ, однако-жъ, въ этомъ лѣсу просѣку и теперь уже лучше и вѣрнѣе будетъ идти моимъ послѣдователямъ. Благодарю Тебя, Господи, что Ты подалъ мнѣ силъ и способностей выполнить это служеніе на пользу добрыхъ и юныхъ моихъ братій! Тщательно, однако-жъ, скрываю я лекціи мои отъ неразумной ревности нашихъ инквизиторовъ-монаховъ, которыхъ и безъ того уже бѣситъ нескрываемый восторгъ моихъ слушателей. Преподаваніе мое идетъ двумя путями: исотерически и эксотерически. Въ аудиторіи, оставаясь глазъ на глазъ съ студентами, я говорю имъ все, что идетъ мнѣ въ голову, и что уже пало подъ перо мое вслѣдствіе заранѣе подготовленнаго истиннаго убѣжденія. Это исотерическое преподаваніе, къ которому я не допускаю никого изъ непосвященныхъ и не преданныхъ мнѣ. Когда же приходятъ экзамены и ареопагъ монашескій судитъ меня, студентовъ и мои лекціи,—тутъ мои записки становятся неукоризненны, какъ первыя четыре правила ариѳметики, уступчивы, какъ воздухъ, и невинны, какъ рѣчная вода. Это немножко по іезуитской логикѣ, но что-жъ дѣлать»?

Удивительно-ли послѣ этого, что молодой профессоръ былъ всего менѣе на хорошемъ счету у своего начальства и когда онъ пожелалъ оставить академію, ему отнюдь не оказали противодѣйствія:

«Митрополитъ и все воинство его, какъ по всему видно, очень рады будутъ отдѣлаться отъ такого *карбонарія* (!!!) какъ я. («Ист. Вѣст.»

1882 г., № 3, стр. 557). Вотъ какимъ изумительнымъ самоопредѣленіемъ отмѣчаетъ А. въ «Дневникѣ» свой уходъ изъ Академіи.

Профессорствованіе Аскоченскаго длилось не долго—до 1846 г., когда бурная сердечная драма заставила его бросить ученую карьеру и принять мѣсто совѣтника губернскаго правленія въ Житомірѣ. Подробности этой драмы описаны въ «Дневникѣ» на протяженіи многихъ печатныхъ листовъ и притомъ съ такою обстоятельностью, что интересъ ихъ уже не столько біографическій, сколько литературный, хотя и чисто-отрицательнаго свойства: мы тутъ имѣемъ очень любопытную иллюстрацію къ недавно выдвинутой Зола и усвоенной нѣкоторыми русскими беллетристами «протокольной» теоріи. Въ самомъ дѣлѣ, болѣе идеальнаго «протокола» чѣмъ въ данномъ случаѣ трудно себѣ представить. День за днемъ вноситъ Аскоченскій перипетіи своего романа съ кіевскою купеческою дочерью—Варварою Балабухой, вноситъ въ чисто-беллетристической формѣ—съ разговорами, съ подробнымъ описаніемъ обстановки, съ психологическимъ анализомъ и т. д. «Сдѣлано», опять таки, все это очень живо и талантливо. И все-таки вы совершенно опредѣленно чувствуете, что предъ вами именно «протоколъ», а не искусство, фотографіи съ извѣстныхъ событій и лицъ, только тѣмъ и интересныя, что васъ интересуютъ самыя лица и событія, о которыхъ идетъ рѣчь. Какъ настоящій протоколъ, «Дневникъ» заноситъ *все* и потому поневолѣ нагромождаетъ множество эпизодовъ, на дальнѣйшій ходъ событій никакого вліянія не оказывающихъ. Не чувствуется, такимъ образомъ, художественной цѣли, и нѣтъ той творческой властности, которая отличаетъ фотографа отъ художника и дѣлаетъ его царемъ, а не рабомъ воспроизводимаго.

Романъ съ Балабухой окончился неудачно и послужилъ началомъ того озлобленія, которое и привело Аскоченскаго къ обскурантизму. А между тѣмъ, для того именно, чтобы имѣть возможность жениться на хорошенькой и довольно образованной купеческой дочери, А. и выхлопоталъ себѣ мѣсто совѣтника у тогдашняго генералъ-губернатора Юго-Западнаго края—Бибикова. Съ Бибиковымъ Аскоченскій былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Онъ жилъ у него въ домѣ, въ качествѣ воспитателя родственника генералъ-губернатора С. Н. Синягина. Это гувернерствованіе ввело А. въ высшее кіевское общество и сдѣлало его вполнѣ свѣтскимъ человѣкомъ. Съ немалымъ удивленіемъ узнаешь изъ «Дневника», что редакторъ «Домашней Бесѣды» велъ когда-то самую разсѣянную свѣтскую жизнь и тѣсно примыкалъ къ кругу великосвѣтскихъ повѣсъ Кіева. Такое фешенебельное прожиганіе жизни вело къ большимъ расходамъ, а такъ какъ у Аскоченскаго не было соотвѣтственныхъ большихъ доходовъ, то онъ началъ дѣлать долги, которые преслѣдовали его почти всю жизнь. Въ

извѣстной степени сватовство къ Балабухѣ разстроилось вслѣдствіе того, что слухи о большихъ долгахъ Аскоченскаго возстановили противъ него купеческое сердце отца дѣвушки.

Какъ ни огорчило Аскоченскаго неудачное сватовство, онъ, однакоже, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ женился на другой дѣвушкѣ. Это уже былъ второй бракъ его. Онъ далъ ему цѣлый годъ безмятежнаго счастія и душевныя раны, вынесенныя изъ недавней сердечной передряги, почти окончательно были залечены. Но какъ и первая жена, вторая умерла чрезъ годъ послѣ свадьбы, оставивши ему грудного ребенка. Новый ударъ судьбы страшно потрясъ Аскоченскаго и далъ окончательное развитіе его озлобленію, которое, какъ уже было сказано, и привело его къ обскурантизму. Мы здѣсь не занимаемся психологіей обскурантизма и реакціонерства вообще и потому не дѣлаемъ никакихъ общихъ выводовъ, но въ настоящемъ частномъ случаѣ для всякаго, читающаго «Дневникъ» Аскоченскаго, не остается никакого сомнѣнія относительно того, что обскурантизмъ редактора «Домашней Бесѣды» находится въ тѣснѣйшей связи съ личными неудачами его. Пока онъ любилъ и былъ самъ любимъ, пока въ немъ кипѣли «жизни силы» и былъ живъ интересъ къ наукѣ, онъ былъ искреннимъ приверженцемъ всего свѣжаго и свободнаго; но когда въ личной жизни его наступилъ мракъ, когда денежныя дѣла его запутались до того, что онъ, занимая видное въ губернской іерархіи мѣсто, сидѣлъ часто безъ обѣда и собственноручно долженъ былъ чинить единственную пару штановъ, когда онъ увидѣлъ и почувствовалъ, что всѣ его ненавидятъ, онъ и самъ все и всѣхъ возненавидѣлъ.

А ненавидѣли его крѣпко, въ особенности въ Каменецъ-Подольскѣ, куда онъ перевелся въ 1849 г. на должность совѣстнаго судьи, съ исправленіемъ должности предсѣдателя гражданской палаты. Ненавидѣли совершенно основательно, потому что изъ собственнаго же «Дневника» онъ вырисовывается такимъ несимпатичнымъ брюзгой, такимъ несноснымъ ябедникомъ и прямо доносчикомъ, что мудрено было относиться къ нему иначе. Въ особенности поразительна исторія съ нѣкіимъ Готовцевымъ, молодымъ правовѣдомъ, занимавшимъ въ Каменецъ-Подольскѣ мѣсто прокурора. Она разсказана въ «Дневникѣ» съ неменьшею подробностью, чѣмъ романъ съ Балабухой, и производитъ самое тягостное впечатлѣніе. Для характеристики Аскоченскаго въ этотъ періодъ жизни совершенно достаточно сказать, что, когда возмущенный его поведеніемъ Готовцевъ вызвалъ его на дуэль, Аскоченскій тотчасъ же отправился къ губернатору и поставилъ дѣло на такую почву: его, должностное лицо Готовцевъ *противозаконно* вызвалъ на поединокъ, и потому онъ проситъ

губернатора принять мѣры преслѣдованія и пресѣченія противъ Готовцева.

Губернаторъ отнесся къ домогательствамъ Аскоченскаго съ весьма недвусмысленною брезгливостью и тогда тотъ изготовилъ длиннѣйшій доносъ Бибикову, разсчитывая, что генералъ-губернаторъ поддержитъ своего протеже. Надежды эти, однако, совершенно не оправдались, и, очевидно, предупрежденный о недостойныхъ поступкахъ Аскоченскаго, Бибиковъ попросилъ его оставить службу (1851 годъ).

Положеніе Аскоченскаго стало почти безвыходнымъ. Ошельмованный общественнымъ мнѣніемъ, своимъ начальствомъ и даже Бибиковымъ, на котораго всегда надѣялся какъ на каменную гору и единственно протекціей котораго держался такъ долго, несмотря на общую къ нему ненависть, Аскоченскій чувствовалъ себя выброшеннымъ на мостовую.

И тутъ-то обскурантизмъ его и достигъ того чудовищнаго развитія, которымъ характеризуется его литературная дѣятельность. «Современность» въ лицѣ Готовцева, «вольно» стоявшаго въ церкви, опять же Готовцевъ въ связи съ стремленіями первыхъ правовѣдовъ внести новыя начала въ затхлую среду дореформенной юстиціи, «сепаратизмъ» въ видѣ поляковъ, съ которыми дружилъ все тотъ же Готовцевъ, стремленіе къ европеизму, сильное благодаря польскому вліянію въ житомірскомъ и каменецъ-подольскомъ обществѣ, столь ненавистныхъ Аскоченскому—вотъ факторы чисто субъективнаго свойства, которыхъ, однако же, оказалось совершенно достаточно, чтобы недавняго «карбонарія» превратить въ лютаго врага всего современнаго и направить скопившееся въ немъ озлобленіе въ сторону отрицанія новыхъ теченій жизни. Послѣднія страницы «Дневника», доведенныя до 1854 г., дышутъ какою-то бѣшеною ненавистью къ наукѣ, европейскому просвѣщенію и стремленіямъ новѣйшей гражданственности. Въ своей реакціонной ярости озлобленный неудачникъ забывается до того, что осуждаетъ стремленіе низшихъ классовъ къ образованію, совершенно упуская при этомъ изъ виду, самъ то онъ откуда вышелъ.

Прогнанный со службы Аскоченскій увидѣлъ себя вынужденнымъ отдаться литературной дѣятельности. О ней будетъ сказано въ концѣ настоящаго тома.

Асмодей («Моск. Телегр.» 1825—27 гг.)—псевдонимъ князя П. А. Вяземскаго.

А. С—нъ («Вѣстн. Евр.» 1868—71 гг.)—псевд. А. С. Суворина.

Ассоновъ, В. †) Издалъ въ М. въ 1870 г. компилятивную книгу «*Галилей предъ судомъ инквизицiи*». Онъ же перевелъ книгу *Ж. Б. Біо*, «Біографія Ньютона». М. 1869. Въ «Жур. Мин. Нар. Пр.» за 1880 г. (№ 10) была напечатана статья его «Очеркъ дѣятельности Имп. Александровскаго Унив. въ г. Гельсингфорсѣ за 1875—78 гг.»

Астаровъ, Иванъ, перев. съ лат. «Евклидовы Елементы Геометріи, изъ 12 Невтоновыхъ книгъ выбранныя и въ 8 книгъ профессоромъ Фархварсономъ сокращенныя». П. 1739 (Соп. 3676).

Астауровъ, А. И. Авторъ многочисленныхъ рецензій на книги сельскохозяйственнаго содержанія, помѣщенныхъ въ «Трудахъ Имп. Вольн. Экон. Общества» съ 1865 по 1871 г. Списокъ этихъ рецензій, доставленный самимъ А. И. Астауровымъ, помѣщенъ въ 2 прибавл. къ каталогу книж. маг. А. Ф. Базанова, сост. *В. И. Межовымъ*, стр. 142—143. Отдѣльно издалъ: «*Современные успѣхи практики русскаго сельскаго хозяйства*». Вып. I. Сельско-хозяйств. очеркъ Осташова и Ботова, подмосковныхъ имѣній д. с. с. Н. П. Шипова» М. 1872. Ц. 1 р. 50 к.

Астафьевъ перевелъ съ фр. «Разсужденіе объ устройствѣ легкихъ войскъ и употребленіи ихъ во время войны, съ присовокупленіемъ прибавленія о полевыхъ укрѣпленіяхъ». П. 1803. 4° (Роспись Смирдина № 4342).

* **Астафьевъ**, Александръ Ивановичъ ††). *По даннымъ Главнаго Штаба* изъ дворянъ Калужской губ., родился въ 1816 г. Въ 1835 г., изъ кадетъ 1-го московскаго корпуса, выпущенъ прапорщикомъ въ 8 артил. бриг., а въ 1842 г., въ чинѣ поручика, поступилъ въ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба, и по окончаніи въ ней курса переведенъ въ 1844 г. въ Генеральный Штабъ.

Первымъ ученымъ трудомъ А. И. Астафьева было составленное имъ въ 1850 г. *1*) «*Военно-Статистическое обозрѣніе Варшавской губ.*».

Въ 1854 г. А. И. Астафьевъ, въ чинѣ полковника, зачисленъ однимъ изъ состоящихъ при Никол. ак. Ген. Штаба штабъ-офицеровъ, въ качествѣ воспитателя находящихся въ Академіи офицеровъ, и остался въ этомъ званіи до выхода въ 1863 г. въ отставку по болѣзни. Умеръ послѣ 1863 г.

---

†) Отзывъ о „Галилеѣ“ въ „Дѣлѣ“ 1871 г. № 10.

††) *Глиноецкій*, Ист. Ак. Ген. Штаба. Отзывы о „*Восп. о Суворовѣ*“ С.-П. Вѣд.“ 1857 г., № 28. *О совр. воен. иск. 1*) *Н. Воронцовъ-Вельяминовъ* въ „Моск. Вѣд.“ 1857 г., № 48. 2) „От. Зап.“ 1857 г., т. 110. 3) „Воен. Сбор.“ 1861, № 5.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

Въ 1856 году А. напечаталъ 1-й томъ, а въ 1861 году второй и послѣдній томъ своего изслѣдованія *2) «О современномъ военномъ искусствѣ»* (Спб.).

Находясь подъ вліяніемъ недостатковъ, обнаруженныхъ въ нашей арміи во время Крымской войны, А. намѣревался выступить въ своемъ трудѣ новаторомъ военнаго дѣла; вообще онъ полагалъ, что все старое, основанное, à posteriori, на опытѣ и прошломъ военной исторіи, устарѣло, утратило свой raison d'être и къ дѣлу болѣе не пригодно. Нужно замѣнить его новымъ взглядомъ на военное дѣло и опредѣлить этотъ взглядъ а priori, путемъ теоретическихъ, философскихъ, умозрительныхъ началъ.

Идя путемъ отрицанія существующаго, отвергая авторитетъ Наполеона какъ полководца, авторъ приходитъ къ странной мысли признать излишнимъ для образованія военныхъ изученіе такихъ предметовъ, какъ военная географія и статистика, которыми опредѣляются свои и непріятельскія боевыя силы и средства; взамѣнъ онъ предлагаетъ ввести въ сферу военнаго образованія: богословіе, военное краснорѣчіе, юридическія науки, а также естественныя: геологію, ботанику, химію и физику. Далѣе: изъ математическихъ наукъ—механику, статику, динамику. Затѣмъ слѣдуютъ: военное мореходство, топографическая съемка, черченіе плановъ, рисованіе, фехтованіе, стрѣльба, гимнастика, плаваніе, верховая ѣзда и, наконецъ, иностранные языки.

Словомъ, авторъ желаетъ, чтобы военный человѣкъ имѣлъ бы универсальное образованіе и зналъ бы все, исключая лишь того, что онъ долженъ знать, какъ военный человѣкъ. Что же касается до военной статистики и географіи, то А. старается доказать—«безполезность ихъ существованія».

Отъ полководца авторъ требуетъ, ни болѣе ни менѣе, какъ того, чтобъ онъ былъ—«идеаломъ человѣка вообще, который представляетъ намъ Христосъ. Чтобъ побѣждать непріятеля, необходимо прежде умѣть побѣждать ближайшихъ своихъ враговъ—свои страсти и слабости. Кто не имѣетъ настолько нравственной силы, твердости характера и разума, тотъ долженъ, какъ добросовѣстный человѣкъ, отказаться отъ чести быть вождемъ».

Современная военная критика (Воен. Сбор. 1861 года, № 5) отнеслась къ труду Астафьева очень внимательно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень строго.

Одновременно съ появленіемъ 1-го тома разсмотрѣннаго сочиненія А. Астафьева, появились въ Военномъ журналѣ, а потомъ вышли отдѣльно, въ 1856 году, его 3) *«Воспоминанія о Суворовѣ»*. Это была рѣчь, сказанная Астафьевымъ при празднованіи памяти Суворова въ его селѣ

'ончанскомъ. Въ ней всѣ «Воспоминанія» о Суворовѣ ограничиваются днимн общими мѣстами и фразами, не представляющими Суворова, ни акъ полководца, ни какъ частнаго человѣка со всѣми его оригинальными собенностями.

Сущность выводовъ А. Астафьева о Суворовѣ сводится лишь къ тому, го онъ на полѣ битвы, при Дворѣ, въ совѣтѣ царей и проч.—былъ вездѣ: самобытный, неизмѣнный, стройный, великій,—загадка, которую раз- дaeтъ только тотъ, кто разгадаетъ Русь и ознакомится съ могучимъ ухомъ русскимъ».

Въ 1862 г. А. издалъ 1-е приложеніе къ своему «Совр. Искусству», заглавивъ его 4) «*Источники политической экономіи и государственаго хозяйства*». Въ этомъ новомъ трудѣ авторъ старается установить равильный взглядъ на значеніе политической экономіи, изученіе которой, ля военныхъ людей, онъ считалъ обязательнымъ, въ вышеупомянутомъ рудѣ своемъ. Авторъ называетъ политич. экономію «наукою бытія», ко- орая должна дать человѣку и обществу, въ которомъ онъ живетъ—«воз- ожность счастія, т. е. удовлетвореніе нужды и возможный жизненный омфортъ». Для того, чтобы опредѣлить, въ чемъ же заключаются эти ужды и потребности человѣка, а также общества, авторъ говоритъ о згладахъ на этотъ предметъ, высказываемыхъ меркантилистами и физіо- ратами, изъ которыхъ первые полагали счастіе лишь въ накопленіи зо- ота и серебра, а вторые уже доказывали, что для счастія необходимо и уховное начало и понятіе *о справедливости*.

Вообще же, безъ точнаго опредѣленія задачъ полит. экономіи, она, по ловамъ автора, является лишь *химерою*. Полит. экономія должна дѣлать вои выводы изъ природы человѣческой личности и среды, его окружаю- цей. Поэтому авторъ входитъ (гл. III) въ изложеніе понятій о матеріи ообще, ея свойствахъ и превращеніяхъ. Описываетъ, затѣмъ, землю, въ еологическомъ, географическомъ и климатическомъ отношеніяхъ, опре- ѣляетъ вліяніе природы на человѣка и на цѣлые народы, разсматриваетъ роисходящія отъ того этнографическія особенности и культуру народовъ і проч.

Нельзя не признать, что въ этой части своего труда, какъ и во всѣхъ стальныхъ, впрочемъ, частяхъ его, авторъ обнаруживаетъ обширную ачитанность. Онъ говоритъ не столько отъ себя, сколько комментируетъ звѣстныхъ авторовъ: Бекона, Палласа, Рейнгольда Ферстера, Гумбольдта, Іамарка, Риттера, Бюфона, Бюата, Люиса и др.

Затѣмъ, въ главѣ IV А. говоритъ «О народѣ и его назначеніи», раз- ивая для этого типъ «идеальнаго государства»—съ опредѣленіемъ задачъ равительственной власти и отношеній къ ней народа, а также его задачъ

и стремленій. Тутъ же говорится о правахъ народа и опредѣляется значеніе свободы.

Въ этой главѣ много цитатъ изъ Бюхнера, Крафта, Кетле и другихъ, въ особенности же изъ Бокля. Поэтому самый вопросъ изслѣдуется настолько разносторонне, насколько онъ изслѣдованъ извѣстными философами, натуралистами и соціологами, словами которыхъ и говоритъ авторъ.

Разсматривая государство, какъ живое органическое тѣло, въ которомъ каждый отдѣльный человѣкъ есть самобытная клѣточка, со свойственными ей функціями, а народъ, какъ совокупность этихъ клѣточекъ, составляетъ *тѣло* государства—авторъ придаетъ правительственной власти значеніе *души* и *разума* государствъ и входитъ въ опредѣленіе этой власти.

Во 2-й части своего труда, Астафьевъ примѣняетъ ту же точку зрѣнія къ организаціи арміи, называя солдатъ тѣломъ, а начальниковъ душою и разумомъ ея. Поэтому, чтобы умѣть управлять государствомъ или арміей, нужно сперва изучить природу отдѣльнаго человѣка. Съ этою цѣлью гл. V и посвящена физіологіи человѣка, а гл. VI—его духовному началу, съ разсужденіями о значеніи воли, произвола и проч.

Кромѣ этихъ двухъ приложеній къ «Совр. Восп. искуству»—вышло еще III-е 5) *«Полевая служба войскъ»*, состав. капитаномъ Кенигомъ и изданная А. Астафьевымъ. Затѣмъ, въ IV прилож. разбирается вопросъ: 6) *«Что такое Военное Хозяйство?»*, а въ V—7) *«Критическое изслѣдованіе современной системы финансовъ въ западныхъ государствахъ.*

Изъ этого перечня всего того о чемъ писалъ А. Астафьевъ, видно, что онъ касался предметовъ весьма разнообразныхъ. Можетъ быть, такою чрезмѣрною разбросанностью и можно объяснить, почему онъ, при несомнѣнной начитанности и большомъ трудолюбіи, не создалъ ничего серьезнаго. Больше всего повредило А. плохо понятый методъ изслѣдованія общественныхъ и историческихъ явленій, вычитанный имъ у Кетле, Бокля и др. Доводя до абсурда стремленіе къ всестороннему обслѣдованію, А. доходитъ до того, что напримѣръ для рѣшенія какого-нибудь таможеннаго вопроса требуетъ знанія отправленій печени и устройства селезенки!

А. Петровъ.

* **Астафьевъ**, Николай Александровичъ, профессоръ исторіи †). *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ*, р. 17 марта 1825 г. въ имѣніи дѣда

---

†) *Григорьевъ*, С.-Петер. Универ., стр. 222 и др. «Всемірная Илл.»: 1888 г. (портретъ и біографія) Отзывы о «Макед. Игемоніи»: 1) «С.-П. Вѣд.» 1856 № 133 2) *Ешевскаго* въ «М. Вѣд.» № 97 и 99.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

своего И. И. Мягрина, селѣ Совѣтѣ, Ростовскаго уѣзда, Екатеринославской губ. Отецъ его, состоя въ чинѣ коллеж. совѣтника, въ послѣдніе годы службы своей былъ предсѣдателемъ петербургскаго Надворнаго Суда. Первоначальное образованіе А. получилъ частью въ частномъ пансіонѣ Журдана въ Петербургѣ, частью дома. Въ 1842 г. онъ поступилъ по экзамену на философскій факультетъ петербургскаго университета, по разряду общей словесности и здѣсь, подъ руководствомъ проф. М. С. Куторги, главнымъ образомъ занимался исторіею древней Греціи. Въ 1847 г. онъ кончилъ курсъ кандидатомъ, а чрезъ 3 года, въ 1850 году, послѣ защиты оставшейся ненапечатанною диссертаціи о 1) «*Правленіи четырехсотъ въ Афинахъ*», былъ удостоенъ петербургскимъ университетомъ степени магистра всеобщей исторіи. Въ томъ же году А. поступилъ во 2 кадетскій корпусъ, преподавателемъ всеобщей и русской исторіи. Въ 1856 г. онъ издалъ книжку: 2) «*Македонская игемонія и ея приверженцы*», представленную въ петер. унив. «pro venia legendi». «Македонская игемонія», имѣвшая главною цѣлью реабилитировать Филиппа и показать, что имъ въ его дѣйствіяхъ противъ греческой свободы руководило исключительно желаніе организовать большое войско для похода на Персію, вызвало очень ѣдкую рецензію Ешевскаго. Критикъ находилъ, что въ тоненькой книжкѣ Астафьева (90 стр.) есть много новаго и много хорошаго, но только то, что ново, то не хорошо, а что хорошо, то не ново. Кромѣ того Ешевскій упрекалъ молодого автора за странное игнорированіе литературы предмета и даже такихъ классическихъ вещей, какъ Исторія Греціи Грота. Въ томъ же 1856 г. А. былъ принятъ въ петер. университетъ приватъ-доцентомъ по кафедрѣ всеоб. исторіи и читалъ сначала курсъ исторіи среднихъ вѣковъ, а потомъ курсъ новой исторіи. Въ 1864 г. А. былъ утвержденъ штатнымъ доцентомъ, но въ слѣдующемъ году вышелъ въ отставку изъ университета. Въ 1863 г. онъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами, положилъ основаніе «Обществу для распространенія Св. Писанія въ Россіи», по Высочайшемъ утвержденіи устава котораго, въ 1869 г. былъ избранъ предсѣдателемъ его и понынѣ несмѣнно занимаетъ эту должность.

Съ открытіемъ въ 1867 г. въ Петербургѣ историко-филологическаго института, А. получилъ кафедру всеобщей исторіи, которую занимаетъ и въ настоящее время. Въ 1880 г. онъ прочелъ въ Петербургѣ три публичныя лекціи о Вавилоно-Ассирійскихъ древностяхъ, которыя были напечатаны въ «Вѣст. Евр. 1881 г., а въ 1882 г. вышли отдѣльною книгою подъ заглавіемъ: 3) «*Древности Вавилоно-Ассирійскія по новѣйшимъ открытіямъ*» Спб. Въ 1888 г. было напечатано въ «Жур. Мин. Нар. Просв.» нѣсколько статей Астафьева, вышедшихъ въ 1889 г. отдѣльною книгою

подъ заглавіемъ: 4) *Опытъ исторіи библіи въ Россіи*. Кромѣ того А. принадлежатъ: 5) *Краткое руководство къ чтенію Новаго Завѣта*. 6) *Оглавленіе или краткое содержаніе каждой главы св. книгъ Новаго Завѣта и Псалтыря*. 7) Переводныя брошюрки религіозно-нравственнаго содержанія: «*Молишься ли ты*», «*У одра умирающихъ*», «*Изъ записокъ Розенштрауса*», «*Маша или чудный сонъ*», «*Энохъ*», «*День воскресный—день покоя*», «*Карликъ Закхей*», «*Гроши глупцовъ*». Съ 1869 г. А. постоянно редактировалъ годовые отчеты Общ. распр. Св. Писанія въ Россіи.

Астафьевъ, Н. Перевелъ «Отдохновенія чувствительнаго человѣка, или разныя достопамятныя происшествія, собранныя г. Арно.» съ франц., ч. 1-я. II. 1808, 8°.

* **Астафьевъ, Петръ Евгеніевичъ**, современный писатель по философскимъ вопросамъ †). *По полученнымъ нами отъ него свѣдѣніямъ* р. 7 Декабря 1846 года въ деревнѣ Евгеньевкѣ, Острогожскаго уѣзда, Воронежской губ., въ богатой дворянской семьѣ. Предки его со стороны отца—выходцы изъ Греціи, пріѣхавшіе въ Россію съ Кантеміромъ, подъ фамиліей Кантакузенъ-Стефи-Фермати; со стороны матери—вологодскіе дворяне Чубаровы. Отецъ А.—Евгеній Петровичъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей при введеніи въ Воронежской губ. крестьянской, земской и судебной реформы.

До 1863 года Астафьевъ воспитывался дома, подъ руководствомъ разносторонне-образованнаго нѣмца—гувернера д-ра Штейнмюллера, очень успѣшно подготовившаго его къ вступленію прямо въ 7 классъ Воронежской гимназіи. Затѣмъ онъ съ 1864—1868 г. учился въ московскомъ университетѣ, на юридическомъ факультетѣ, изъ профессоровъ котораго

---

†) *Михневичъ* „Наши знакомые" (юмористическая характеристика).

Отзывы: о „Монизмѣ или дуализмѣ" 1) Суд. Вѣст. 1873, № 164. 2) „Соврем. Изв." 1874, № 102. „*О психическомъ мірѣ женщины*": 1) „Русь" 1882, № 2. 2) „Голосъ" 1883, № 5. 3) „Аффиши" 1883, № 14. 4) „Наблюдатель" 1883, № 2. 5) „Гражданинъ" 1883, № 9. О „*Понятіи психич. ритма*" „Вѣст. Евр." 1882, № 10. О „*Симптомахъ и причинахъ совр. настроенія*" 1) „Нов. Вр." 1885 г. 2) „Новости" 1885 г. февраль. 3) „Голосъ Москвы" 1885 г. февраль. 4) „Рус. Мысль" 1885 г., № 8. 5) „В. Европы" 1885 г., № 12. 6) „Эпоха" 1886 г., № 4. О „*Смыслѣ исторіи*" 1) „Русская Мысль" 1885 г., № 11. 2) „Гражданинъ" 1886 г. январь. О „*Страданіи и наслажденіи жизни*" 1) „Рус. М." 1885 г., № 11. 2) „Эпоха" 1886 г., № 4. О „*Чувствѣ какъ прав. началѣ*" 1) „Р. Мысль" 1886 г., № 10. 2) „Сѣв. Вѣст." 1886 г., № 10. По поводу „*Стараго недоразумѣнія*" *К. К. Арсеньевъ* въ „В. Евр." 1889, № 1.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

съ особенною благодарностью вспоминаетъ о Б. Н. Чичеринѣ, Ѳ. М. Дмитріевѣ и Ѳ. Б. Мюльгаузенѣ.

Въ 1868 г. окончивъ курсъ, А. до 1870 г. былъ кандидатомъ на судебныя должности, съ 1870—72 состоялъ стипендіатомъ Демидовскаго юридическаго лицея для приготовленія къ профессорскому званію, а съ 1872—75 преподавалъ въ этомъ лицеѣ исторію философіи права. Пробывши затѣмъ нѣкоторое время мировымъ посредникомъ въ Юго-Западномъ краѣ, онъ въ 1881 поступилъ завѣдующимъ университетскимъ отдѣленіемъ въ лицей Цесаревича Николая (директоръ М. Н. Катковъ), гдѣ, кромѣ того, попеременно читалъ и читаетъ по настоящее время психологію, гносеологію, этику и логику. Съ ноября 1885 г. Астафьевъ состоитъ цензоромъ московскаго цензурнаго комитета.

Не считая небольшого очерка 1) „*Отъ Острогожска до Ивановки*", еще гимназистомъ напечатаннаго имъ въ «Воронеж. Губернскихъ Вѣдом.» 1864 года, Астафьевъ написалъ:

2) Въ 1873 г. «*Монизмъ или дуализмъ?* (понятіе и жизнь)». Вступительныя лекціи. Ярославль, 1873 (Изъ «Временника» Демидовскаго Лицея). 3) Въ 1877 г.— рядъ передовыхъ статей и иностранныхъ обозрѣній въ «Русской Газетѣ», литературную часть которой организовалъ вмѣстѣ съ Н. П. Аксаковымъ. 4) „*Послѣднее десятилѣтіе экономической жизни Подольской губ.*" въ Сборникѣ подольскаго статистическаго комитета за 1880. 5) „*Очерки экономической жизни Подольской губ.*" въ «Кіевлянинѣ» 1880 г. 6) „*Психическій міръ женщины, его особенности, превосходства и недостатки*" («Рус. Вѣст.» 1881, 1882 г. отдѣльно, М. 1882 г. съ приложеніемъ статьи). 7) „*Понятіе психическаго ритма, какъ научное основаніе психологіи половъ*". 8) „*Симптомы и причины современнаго настроенія*" (Наше техническое богатство и наша духовная нищета), 2 публичн. лекціи. М. 1885. 9) „*Смыслъ исторіи и идеалы прогресса*". 2 публичн. лекціи напеч. въ «Чтеніяхъ общ. люб. дух. просв.» 1885 г. и отд. изд. М. 1885. 10) „*Страданіе и наслажденіе жизни*" вып. I (вопросъ пессимизма и оптимизма). Спб. 1885. Первыя 3 главы напечат. въ прибавленіяхъ къ „Гражданину". 11) „*Чувство какъ нравственное начало*" М. 1886 г. Печаталось въ „Чтеніяхъ общ. люб. дух. просв. 12) „*По поводу юбилея Апол. Майкова*" („Моск. Вѣд." 1888 г. отъ 30 апрѣля). 13) „*Старое недоразумѣніе*" по поводу вопроса тенденціозности въ искусствѣ (оттискъ изъ „Рус. Дѣла" 1888 г. № 43). М. 1888. 14) Мелкія библіогр. статьи въ „Моск. Вѣд." послѣднихъ лѣтъ.

О содержаніи этихъ статей и брошюръ будетъ сказано въ концѣ наст. тома.

Астаховъ, Иванъ, составилъ: 1) «*Грамматику французскую или самый легчайшій способъ къ обученію французскаго языка*», П. 1784 (Соп. 3018) Дополненное изданіе ея вышло въ П. 1787 (Соп. 11258). 2) «*Новую грамматику россійскую на французскомъ языкѣ*». П. 1788 (Соп. 2982). 3) «*Скрипичную школу или наставленіе играть на скрипкѣ*» П. 1784 (Соп. 12679).

Астаховъ, Карпъ. Перевелъ драму въ 3 д. «*Жертва дружбы*». М. 1808 (Соп. 3359).

*

Асташевскій, Павелъ Петровичъ, врачъ †), род. въ томской губ., происходитъ изъ духовнаго сословія. Учился въ томской семинаріи, откуда въ 1868 г. поступилъ на медицинскій факультетъ казан. университета. Окончивъ курсъ въ 1883 г., онъ былъ оставленъ при терапевтической клиникѣ для приготовленія къ профессорской каѳедрѣ, а въ 1878 г. его выбрали въ приватъ-доценты общей патологіи. Командированный въ 1879 г. заграницу, А. по возвращеніи на каѳедру, однако, не попалъ и поселился въ Томскѣ. Ему принадлежатъ слѣдующія работы:

1) *Вліяніе холеры на ходъ беременности и жизни плода въ эпидемію 1872 г.* (Дн. казанск. вр. 1873, 7). Вмѣстѣ съ Н. А. Толочиновымъ и Н. Котовщиковымъ. 2) Къ казуистикѣ аномалій дыхательныхъ движеній. Казань. 1876, 8° (изъ Уч. Зап. каз. ун. 1876, 81—87). 3) *О сравнительной діастатической способности слюны у различныхъ животныхъ*. Предварит. сообщ. Казань, 1877 (Прот. 90 засѣд. Казанск. Общ. Естеств. 1877 въ прил.).—Тоже по-нѣмецки помѣщ. въ Centralblatt für die medicin. Wissensch. 1877, № 30). Тоже разработано въ диссертаціи на доктора мед. Казань, 1878, in 8°, 70 (отт. изъ Учен. Зап. Казанск. унив. 1878, 209—279). 4) *Reaction des Parotis-speichils beim gesunden Menschen* (Centralbl. f. d. med. Wiss. 1878, № 15.—Тоже въ „Medycina“ 1876, т. VI, № 10). 5) *Die Säurebildung und der Milchsäuregehalt der Muskeln* (Zeistchr. f. phys Chemie, von Hoppe-Seyler 1880, Bd. IV, 397—406). 6) *Zur Frage von der Uraemie* (St.-Pet. med. Wochenschr. 1881, № 27).

Астраковъ, В. Написалъ «Физику для популярнаго чтенія». Спб. 1851' т. I. Цѣна 1 р. 50 к. ††). Это одна изъ первыхъ попытокъ у насъ популяризировать физику, но, написанная языкомъ малодоступнымъ для неподготовленнаго читателя, книга успѣхомъ не пользовалась.

* **Астыревъ**, Николай Михайловичъ †††). *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ*, родился 16 ноября 1857 г. въ г. Тихвинѣ, новгородской губ. Въ раннемъ дѣтствѣ росъ въ домѣ одного отставного генерала, который далъ ему очень хорошее воспитаніе, окружилъ боннами, учителями и всякими попеченіями, но затѣмъ онъ девяти лѣтъ былъ отданъ полнымъ пансіонеромъ въ 1-ю петербургскую гимназію и лѣтъ съ 14 началъ самъ себя прокармливать уроками. Съ 4-го класса А. перешелъ въ 6-ю московскую гимназію. Опасная болѣзнь, вызвавшая годовой перерывъ въ занятіяхъ, заставила его перейти въ только что открывшееся

---

†) *Змѣевъ*, Врачи-писатели, тетрадь 4.

††) Отзывы: 1) „Соврем.“ 1852 г. № 2, стр. 81—83. 2) «Сынъ Отеч.» 1852 г. № 2.

†††) Отзывы о беллетрист. работахъ его: 1) *Аристарховъ* (А. И. Введенскій) въ „Рус. Вѣд.“ 1885 г. № 228, 260; 1886 г. № 396 за сентябрь. 2) „Рус. Мысль“ 1885 г. № 7, 8, 9 и 1886 г. № 10. 3) „Волж. Вѣстн.“ 1885 г. № 168, 193, 221, 224. 4) *Влад. Короленко*, тамъ же. 1886 г. № 201.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

тогда московское реальное училище, гдѣ онъ кончилъ курсъ въ 1878 г. и въ томъ же году поступилъ въ Институтъ Инженеровъ Путей Сообщенія. Здѣсь А. остался недолго—всего полтора года. Не тянула его къ себѣ путейская карьера и пошелъ-то онъ въ Институтъ только затѣмъ, чтобы узнать студенческую среду. Какъ и большую часть молодежи конца 70-хъ годовъ, его, главнымъ образомъ, волновали вопросы соціальные. Хотѣлось принести пользу народу, на счетъ котораго создался русскій культурный классъ, хотѣлось сдѣлать что-нибудь для блага его. Но какими путями? На этотъ вопросъ у молодежи 70-хъ годовъ было нѣсколько отвѣтовъ. У Астырева, подъ вліяніемъ писателей-народниковъ, въ особенности Глѣба Успенскаго, сложилось рѣшеніе «сѣсть на землю», чтобы ближе узнать народную жизнь, чтобы вѣрнѣе судить о ней и непосредственнымъ воздѣйствіемъ парализовать тѣ враждебныя силы, среди которыхъ протекаетъ жизнь русскаго крестьянства.

Съ этой цѣлью онъ въ 1881 г. отправился въ воронежскую губ. и занялъ должность волостного писаря. Дѣло пошло хорошо; съ крестьянами начали устанавливаться отношенія, полныя взаимнаго довѣрія. Но вотъ разные мѣстные кулаки и воротилы, въ числѣ которыхъ оказались и такіе, предки которыхъ записаны въ бархатную книгу, раскусили, что съ новымъ писаремъ никакихъ дѣлишекъ не сдѣлаешь. Начались подвохи всякаго рода, которые кончились тѣмъ, что въ 1884 г. А. писарство пришлось оставить. Вскорѣ затѣмъ онъ, по приглашенію покойнаго В. И. Орлова, поступилъ въ статистическое бюро московск. губернск. земства и здѣсь составлялъ сельскохозяйственные періодическіе обзоры и вообще слѣдилъ за измѣненіями въ экономическомъ положеніи сельскаго населенія московск. губ. Съ 1888 г. А. завѣдуетъ иркутскимъ статистическимъ бюро.

Литературную дѣятельность свою А. началъ въ 1881—82 гг. корреспонденціями изъ воронежской губ. въ „Порядокъ“ и „Рус. Курьеръ“. Въ 1883—84 гг. онъ состоялъ дѣятельнымъ сотрудникомъ въ „Воронеж. Телеграфѣ“, гдѣ, за подписью *Н—въ, Н. А.* и др., помѣстилъ множество болѣе или менѣе крупныхъ статей и замѣтокъ этнографическаго или статистическаго содержанія. Болѣе замѣчательныя изъ нихъ: 1) *Экономическій бытъ крестьянъ Воронежской губ.* (слишкомъ 2.000 строкъ), и 2) *Жизнь г. Воронежа.* Съ конца 1884 г. онъ сотрудничаетъ въ „Рус. Вѣдомостяхъ“, гдѣ помѣстилъ рядъ очерковъ (въ фельетонахъ), рецензій, замѣтокъ и т. п. Изъ очерковъ назовемъ: 3) *Судъ въ деревнѣ* и 4) *Въ Сибирь на поселеніе,* вошедшіе въ отдѣльное изданіе очерковъ Астырева. 5) *Причины неизвѣстны* (1885 г. № 360 и 1886 г. № 51). 6) *Первые опыты* (1886 г. № 137, 139 и 140). 7) *Къ порядку.* 8) *Старорусскія минеральныя воды* (1886 г. № 212 и 216). 9) *Что дала деревнѣ питейная реформа 1886 г.* (ноябрь, 1886 г.). 10) *Нелубочныя народныя картины* и др. Въ „Вѣстн. Европы“ появились очерки А. 11) *Въ волостныхъ писаряхъ* (1885 г. № 7, 8, 9) и 12) *Съ сильнымъ не борись* (1886 г. № 2), ко-

торые вмѣстѣ съ очерками „Судъ въ деревнѣ“ и „въ Сибирь на поселеніе“ въ 1886 г. (Москва) вышли въ отдѣльномъ изданіи подъ названіемъ *Въ сельскихъ писаряхъ. Очерки крестьянскаго самоуправленія.* Въ „Рус. Мысли“ 1886 г. А. напечаталъ: 13) очеркъ „*Слѣпые и зрячіе*“ № 6) и 14) „*Мірскіе расходы въ Европейской Россіи*“ (№ 12). Въ „Развлеченіи“ (старой редакціи). 15) „*Прежде и теперь*“ (1886 г. № 1).

Изъ статистическихъ трудовъ А. можно указать на 16) работы его въ „Ежегод. Моск. Губ. Земства“ за 1884, 1885 и 1886 гг. (по текущей сельскохозяйственной статистикѣ, о видахъ на жительство, о движеніи частнаго землевладѣнія, о цѣнахъ на поземельную собственность, о цѣнахъ на продукты сельскаго хозяйства и т. д.). Во 2-й ч. VIII т. „Сборника статистическихъ свѣдѣній по Московской губ.“. 17) „*Земское добровольное страхованіе отъ огня*“. Въ «Юридич. Вѣстн.» 1884 - 86 г. 18) *Крестьянское хозяйство въ Воронежской губ.* 19) *Народонаселеніе и торговля въ княжествѣ Болгаріи.* 20) *Мценскій уѣздъ Орловской губ.*

Литературную извѣстность дали Астыреву очерки «*Въ волостныхъ писаряхъ*». Они написаны живо, интересно и чрезвычайно поучительны для всякаго, желающаго узнать настоящую правду о народѣ. На человѣка, гоняющагося за романическою внѣшностью, эта правда произведетъ тяжелое впечатлѣніе и не возбудитъ желанія послѣдовать примѣру автора книги: подвигъ-то оказывается очень сѣренькимъ и прозаическимъ, а мужички, ради которыхъ подвигъ совершается, подчасъ куда какъ не симпатичными. Особенно отшибающимъ образомъ дѣйствуетъ то, что мужики никакъ не могутъ понять безкорыстнаго къ нимъ отношенія: въ лучшемъ случаѣ они васъ считаютъ дурачкомъ, если же вы не произвели на нихъ впечатлѣнія блаженненькаго простачка, они ни за что не повѣрятъ, что вы упустите случай урвать возможное. Такъ, даже про Астырева къ концу его трехлѣтняго писарства, во время котораго онъ десятки разъ отвергалъ прямо предлагавшіяся ему взятки, могла совершенно безпрепятственно распространиться среди крестьянъ сплетня, что онъ за корчагу масла замѣнилъ одного старосту другимъ. Это недовѣріе къ чужому безкорыстію авторъ приводитъ въ тѣсную связь съ тѣмъ, что и мужикъ самъ никогда не упуститъ случая урвать возможное.

Въ общемъ, однако, правда Астырева вовсе не даетъ пищи пессимистическому отношенію къ народу. Нужно только выбросить изъ головы, что мужики ангелы и носители какихъ-то небывалыхъ нравственныхъ совершенствъ, и тогда здоровому народолюбію, не знающему той вредной идеализаціи, которая при практическихъ столкновеніяхъ съ народомъ порождаетъ столько горькихъ разочарованій, книга Астырева указываетъ на возможность дѣятельности въ высшей степени благотворной. Авторъ съ крайнимъ сожалѣніемъ оставлялъ писарство, онъ ясно видѣлъ, что тутъ многое можно сдѣлать, и даже безъ особеннаго самопожертвованія, *потому* что, въ концѣ концовъ, тридцатипятирублевое жалованье волост-

ного писаря, при дешевизнѣ деревенской жизни, равняется сторублевому городскому.

Атава, Сергѣй, псевдонимъ С. Н. Терпигорева.

Атнометевъ, Ніятъ Бака, бухарецъ, учившій въ Тобольскомъ Главномъ Училищѣ. Подъ руководствомъ мѣстнаго соборнаго священника Іосифа Чиганова составилъ «Букварь татарскаго и арабскаго письма, съ приложеніемъ словъ со знаками, показывающими ихъ выговоръ». Спб. 1802, 4° (Соп. 2342).

Аттай, оріенталистъ. См. въ концѣ наст. тома.

Атуево, псевд. С. И. Рапопорта («Стрекоза» 1880 г.).

* **Ауэрбахъ**, Александръ Андреевичъ, горный инженеръ. *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ*, р. 12 февр. 1844 г. въ г. Кашинѣ, Тверской губ., гдѣ жилъ отецъ его—докторъ, вскорѣ затѣмъ переселившійся въ унаслѣдованное отъ отца имѣніе Кузнецово (Корчевскаго у., Тверской губ.). Занявшись сельскимъ хозяйствомъ и выдѣлкою фаянса, отецъ А. вмѣстѣ съ тѣмъ продолжалъ заниматься медициною, безвозмездно пользуя все окрестное населеніе не только совѣтами, но и безплатными лекарствами. Воспитаніе дѣтей всецѣло лежало на женѣ его—Анастасіи Федор., урожденной фонъ-Берхгольцъ (о ней дальше), которая и приготовила А. А. во 2-й классъ Горнаго Корпуса, куда онъ поступилъ въ 1856 г. Кончивши здѣсь курсъ въ 1863 г., А. былъ сначала прикомандированъ къ артезіанскому колодцу, который бурился тогда въ экспедиціи заготовленія государ. бумагъ, затѣмъ съ 1864—67 гг. занимался, по порученію Горнаго Департамента, отыскиваніемъ каменнаго угля въ Самарской лукѣ, а въ маѣ 1868 г., защитивъ диссертацію, былъ избранъ адъюнктъ-профессоромъ Горнаго Института по кафедрѣ минералогіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ его командировали на одинъ годъ заграницу. Въ 1871 г. А. оставилъ профессорство, чтобы принять на себя завѣдываніе каменноугольными копями французской компаніи «Sicieté Miniere et Industrielle»» въ Донецкомъ бассейнѣ. Въ 1876 г. онъ вернулся въ Петербургъ и сталъ заниматься консультаціею по горнозаводскимъ дѣламъ. Такъ, въ 1877 г. его пригласили постояннымъ консультантомъ по Березовскому золотопромышленному дѣлу В. И. Асташева и К° и Міасскому золотопромышленному дѣлу графа Левашева, Дарагана и К°, въ 1879 г.—опекунскаго управленія наслѣдниковъ С. Д. Башмакова. Состоя консультантомъ по Березов-

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

скому золотопромышленному дѣлу, А. лѣтомъ 1879 г. построилъ въ Березовскомъ заводѣ по своему проекту новую обогатительную фабрику для обработки золотыхъ рудъ.

Съ 1881 г. А. состоитъ управляющимъ Богословскаго горнаго округа, прежде принадлежавшаго наслѣдникамъ С. Д. Башмакова, а съ 1884 г. перешедшаго въ собственность супруги государственнаго секретаря Н. М. Половцевой. Дѣятельность его на этомъ посту, считающемся однимъ изъ важнѣйшихъ въ горнозаводскомъ мірѣ, описана въ статьѣ «О развитіи горнозаводскаго дѣла въ Богословскомъ округѣ съ 1881 по 1888 годъ» («Горный Журналъ» 1888 г.).

Въ 1886 г. А. основалъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ (близъ ст. Никитовка) первый въ Россіи ртутный заводъ.

Научныя работы Ауэрбаха:

1) *О турмалинѣ русскихъ мѣсторожденій* (диссертація, представленная для полученія должности адъюнктъ-профессора по каѳедрѣ минералогіи въ Горномъ Институтѣ, издана отдѣльной брошюрой и затѣмъ перепечатана въ Горномъ Журналѣ за 1868 годъ). 2) *О микроскопическомъ изслѣдованіи ингерманландскаго лабрадора*. Въ «Запискахъ Минер. Общества» за 1869 годъ. 3) *Krystallographische Untersuchung des Cölestins*. «Записки Вѣнской Акад. Наукъ» за 1869 г. и «Гор. Ж.» 1863 г. т. III. 4) *Наблюденія надъ кристаллами топаза подъ микроскопомъ*. „Записки Минер. Общества" за 1870 г. 5) *Описаніе главныхъ минералогическихъ кабинетовъ въ Европѣ*. Въ „Горномъ Журналѣ" 1870 г. 6) *Описаніе гоніометра собственнаго изобрѣтенія для измѣренія кристалловъ подъ микроскопомъ*. „Записки Минер. Общества" 1870 г. 7) Небольшія замѣтки и переводныя статьи по горнозаводскому дѣлу, въ „Горномъ Журналѣ" 1869—88 гг. 8) *Описаніе Голубовскаго каменноугольнаго мѣсторожденія* (Издано отдѣльной брошюрой). 9) *Историческій очеркъ развитія горнаго дѣла въ богословскомъ округѣ*. „Записки Импер. Техн. Общества". 10) *О выпускѣ шлаковъ въ воду*. Въ „Горномъ Журналѣ" за 1882 г. 11) *Описаніе ртутнаго рудника и завода принадлежащихъ Товариществу Ртутнаго Производства А. Ауэрбахъ и К.* „Горный Журналъ", 1888 г. 12) *Развитіе горнозаводскаго дѣла въ богословскомъ округѣ съ 1881 по 1888 г.* „Горный Жур." 1888 г.

С. В.

А. А. Ауэрбахъ, племянникъ извѣстнаго московскаго минералога, началъ свою научную дѣятельность по минералогіи только послѣ четырехлѣтнихъ работъ по буренію; дѣятельность эта выразилась въ преподаваніи минералогіи въ Горномъ Институтѣ въ теченіе почти трехъ лѣтъ; къ этому же періоду относятся его главные научные труды, представляющіе монографическія описанія нѣкоторыхъ минераловъ. Лучшей изъ нихъ, по полнотѣ и обстоятельности изложенія, считается монографія о целестинѣ. Что касается общаго значенія этихъ работъ, то оно заключается въ томъ, что А. А. Ауэрбахъ приложилъ въ нихъ микроскопическій ме-

тодъ изслѣдованія минераловъ, въ то время новый еще за границей, а у насъ въ Россіи почти еще непрактиковавшійся, такъ что въ этомъ отношеніи А. А. былъ однимъ изъ первыхъ пропагандистовъ микроскопическаго анализа минераловъ въ Россіи. По окончаніи непродолжительной научной дѣятельности, А. А. снова вступилъ на практическую почву и занимался почти всѣми отраслями горной и преимущественно рудничной дѣятельности. Заслуга его на этомъ поприщѣ заключается главнѣйше въ развитіи ртутнаго производства, которое до того не было извѣстно въ Россіи.

И. Мушкетовъ.

Ауэрбахъ, Анастасія Федоровна, урожд. фонъ-Берхгольцъ, сестра Юліи Федоровны Ауэрбахъ и мать Алекс. Андр. Ауэрбаха †). Подъ псевдонимомъ «Тетки Настасьи» издала въ 1861 г. (М.) «Первое чтеніе для крестьянскихъ дѣтей», которое въ 1864 г. (М.) вышло вторымъ изданіемъ. Книжка больше свидѣтельствуетъ объ искреннемъ желаніи принести пользу народу, чѣмъ о здравыхъ педагогическихъ принципахъ. Слишкомъ въ ней много прописной морали и слишкомъ мало положительныхъ свѣдѣній, а кромѣ того очень уже замѣтно, что она составлена по нѣмецкимъ образцамъ. Чѣмъ-то совершенно нерусскимъ вѣетъ отъ «Перваго Чтенія», хотя кое-гдѣ и проглядываетъ знаніе народной рѣчи.

Ауэрбахъ, Иванъ Богдановичъ, геологъ †). Извлекаемъ біо- и библіографическія свѣдѣнія о немъ изъ единственной сколько-нибудь обстоятельной статьи, ему посвященной — поминальной рѣчи проф. Траутшольда, произнесенной въ засѣданіи московскаго «Общества любит. естествознанія». 16 ноября 1867 года:

„Иванъ Богдановичъ Ауэрбахъ родился въ Москвѣ, въ 1815 г. Онъ успѣшно изучалъ минералогію у Вейса и Розе въ Берлинѣ и занимался химіей подъ руководствомъ Рамельсберга. Вслѣдъ затѣмъ онъ предпринималъ рядъ путешествій по Германіи, Швейцаріи, Италіи и Франціи. Возвратившись въ свое отечество, онъ посвятилъ себя окончательно изученію геологіи и вспомогательныхъ наукъ. Чтобы не отрывать себя отъ занятій любимою наукой, онъ продалъ аптеку, оставшуюся ему въ наслѣдство отъ отца, и вскорѣ занялъ должность второго секретаря въ „Обществѣ Испытателей Природы“. Это доставило ему случай быть полезнымъ въ тѣсномъ кружкѣ здѣшнихъ ученыхъ, пріобрѣсть

---

†) *Князь Н. Н. Голицынъ*, Библіогр. словарь русскихъ писательницъ. Отзывъ о „Первомъ Чтеніи“: *Р. Р.* въ „Рус. Словѣ“ 1862 г.: № 1.

†) 1) „Русс. Вѣд.“ 1867, № 131. 2) *Trautschold*. H. Gedächtnissrede auf I. Auerbach, forgetragen den 16 Now. 1867 in der Sitzung der K. Naturforschergesellschaft zu Moskau въ бюллет. этого общ. за 1867 г. 3) „Совр. Лѣт.“ 1868 г., № 4, рус. пер. предыдущей рѣчи. 4) *Геннади*, Словарь.

наукѣ друзей въ своемъ отечествѣ и сдѣлать научныя пріобрѣтенія общимъ достояніемъ. Вскорѣ по возвращеніи изъ-за границы, онъ объѣхалъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ — Р. Германомъ, знаменитымъ изслѣдователемъ нашимъ въ сферѣ химической минералогіи, Уралъ и Финляндію, съ цѣлью ближе ознакомиться съ минералогическими богатствами своего отечества. По порученію петербургскаго Географическаго Общества онъ былъ отправленъ, въ 1854 г., на гору Богдо въ Каспійской степи, для изслѣдованія мѣстонахожденія сѣры. Онъ изучалъ въ подробностяхъ геогностическія особенности этой горы, интересной во многихъ отношеніяхъ, и по возвращеніи весьма основательно обрабатывалъ собранный имъ матеріалъ. Это, безъ сомнѣнія, самая крупная работа Ауэрбаха, но, къ сожалѣнію, еще не вполнѣ оконченная, чему постоянно препятствовали многосороннія занятія его. А. былъ скорѣе склоненъ къ практическимъ, чѣмъ къ литературнымъ занятіямъ наукой. Его болѣе привлекала природа и ея произведенія, накопленіе свѣдѣній, знакомство съ результатами, добытыми другими учеными, нежели обнародованіе собственныхъ наблюденій и открытій. Ауэрбаха должно отнести къ числу самыхъ свѣдущихъ, но не самыхъ плодовитыхъ русскихъ естествоиспытателей. Онъ мало писалъ вообще; кромѣ нѣсколькихъ полемическихъ статеекъ противъ Рулье, онъ писалъ, частью самостоятельно, частью въ сотрудничествѣ съ Фрирсомъ или Траутшольдомъ, о московской юрѣ, о клинскомъ песчаникѣ, о хотьковскомъ мѣлѣ, о тульскомъ каменномъ углѣ. Литературную часть труда онъ охотно предоставлялъ своимъ сотрудникамъ [1]).

Въ качествѣ преподавателя геологіи и минералогіи онъ развилъ плодотворную дѣятельность въ здѣшнемъ Константиновскомъ Межевомъ Институтѣ; званіе хранителя минералогическаго музея доставило ему учениковъ, между которыми и теперь живо чувствуется его могучее вліяніе, какъ наставника. Въ послѣднее время онъ пріобрѣлъ своими лекціями многихъ поклонниковъ среди слушателей своихъ въ Петровской земледѣльческой академіи. Нельзя пройти молчаніемъ, что онъ оправдалъ довѣріе согражданъ, какъ гласный въ московской думѣ, которая обращалась за его совѣтомъ въ спеціальныхъ вопросахъ касательно газоваго освѣщенія и артезіанскаго колодца". Ауэрбахъ ум. въ Москвѣ 7 ноября 1867 г.

Ауэрбахъ, Юлія Ѳедоровна, жена Герм. Андр. Ауэрбаха, урожд. Берхгольцъ, сестра Анастасіи Ѳед. Ауэрбахъ †) р. въ 1827 отъ нѣмецкихъ родителей, ум. въ Москвѣ въ ноябрѣ 1871. Авторъ единственнаго біографическаго матеріала объ А.—проф. Н. Стороженко говоритъ о ней въ своемъ небольшомъ некрологѣ, помѣщенномъ въ «С.-Пет. Вѣд.» 1871 г.:

„Ю. Ѳед. принадлежала къ числу тѣхъ рѣдкихъ симпатическихъ натуръ

---

[1]) Всѣ эти статьи разбросаны по „Бюллетенямъ" москов. общ. люб. естествознанія. Въ отдѣльномъ изданіи появилось: 1) Notiz über einige PflanzenVersteinerungen aus einem Landsteine des Moskov. Gouvernements. M. 1844 вмѣстѣ съ *Траутшольдомъ* 2) „Ueber die Kohlen von Central Russland". M. 1860.

†) 1) *Н. И. Отороженко* въ „С.-Пет. Вѣд." 1871 г., № 300. 2) *Геннади*, Словарь. 3) *Кн. Н. Н. Голицынъ,* Библіогр. Слов. рус. писательницъ.

которыя, куда бы ни являлись, всюду становятся средоточіемъ и душою общества. Мы знаемъ не мало людей, которые находили успокоительный пріютъ въ ея уютной гостиной и отдыхали душой въ бесѣдѣ съ умной и вѣчно-юной духомъ хозяйкой. Кто, побывавъ у нея хотя одинъ разъ, не уносилъ съ собою воспоминанія объ этой чистой и симпатичной женской личности, раскрытой всему доброму и честному, всему, что движетъ человѣчество къ истинѣ и свободѣ? Въ сужденіяхъ ея о людяхъ всегда проглядывало глубокое знаніе жизни и та благородная терпимость, безъ которой, по выраженію Грановскаго, нѣтъ истинной оцѣнки людей. Юл. Ѳед. была по происхожденію нѣмка и нѣмецкій идеализмъ всѣми своими лучами отражался на рано поблекшемъ отъ болѣзни, но задумчиво-прекрасномъ лицѣ ея. Никакія ошибки не могли разрушить ея упорную вѣру въ людей и она не разъ говорила, что не пережила-бы своего разочарованія. Но особенно любила и вѣрила она въ русскій народъ, изученію котораго были посвящены ея многочисленные литературные труды".

Труды, о которыхъ говоритъ проф. Стороженко, заключаются въ повѣстяхъ, подписанныхъ буквами А. Д. З. 1) «*Въ дорогѣ*» «Рус. Вѣст.» 1859, № 24); 2) «*Простой случай*» (тамъ же, №№ 20 и 21) и 3) «*Преступница*» («Бесѣда» 1871, № 5).

Народной жизни посвящены только «Въ дорогѣ» и «Преступница», «Простой же случай» взятъ изъ помѣщичьяго быта. Ни одна изъ этихъ трехъ повѣстей не свидѣтельствуетъ о сколько-нибудь замѣтномъ дарованіи, но написаны онѣ очень гладко и читаются съ нѣкоторымъ интересомъ. «Простой случай» вполнѣ выдаетъ происхожденіе автора. Эта типичная сентиментальная нѣмецкая повѣсть, съ идеальной героиней, возвышенными страданіями, ссылками на Шиллера и т. д. Сентиментальностью же отзывается разсказъ «Въ дорогѣ», но тутъ она была нѣсколько намѣренная: читателю 1859 г. надо было показать, что народъ вполнѣ способенъ тонко чувствовать и потому достоинъ свободы. Параллельно авторъ рисовалъ картины помѣщичьяго произвола. «Преступница» появилась десять лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ и здѣсь уже слащавость авторскаго народолюбія была менѣе умѣстна.

Афанасій (*Волховскій и Вольховскій* I), родомъ изъ полтавской губ. †). Учился въ харьковскомъ коллегіумѣ и въ кіевской духовной академіи, по окончаніи курса въ которой былъ вызванъ въ моск. академію проповѣдникомъ, а затѣмъ опредѣленъ келаремъ въ Троицко-Сергіеву

---

†) *Амвросій*, Ист. рос. іерархіи, ч. I, стр. 122, 140, 628, ч. II, стр. 182. 2) *Аскоченскій*, Кіевъ, ч. II, стр. 116. 3) *Филаретъ*, Обзоръ, стр. 352. 4) *Чередѣевъ*, Біографіи тверскихъ іерарховъ. 5) *Смирновъ*, Исторія троицкой семинаріи. 6) *Геннади*, Словарь. 7) Подъ № 10841 указано у Сопикова „Слово похвальное Аѳанасію, епископу Ростовскому-Ярославскому, сочиненное учителемъ *Сергіемъ Предтеченскимъ*, Ярославль, 1786. 4°. 8) 900-лѣтіе росс. іерархіи.

Лавру; въ 1745 г. назначенъ префектомъ, а затѣмъ ректоромъ только что учрежденной Троицко-Сергіевой семинаріи; въ 1752 г. рукоположенъ въ архимандриты той же Лавры, съ назначеніемъ членомъ Св. Синода; въ 1758 г. хиротонисанъ въ епископа тверскаго, въ 1763 г. переведенъ въ Ростовъ и здѣсь 15 февраля 1776 г. скончался. Отъ него остались *въ рукописи*: 1) «*Богословскіе уроки*» (Systema theologiae coepta anno 1751), составленные по идеямъ Ѳеофана Прокоповича. 2) «*Инструкція поповскому старостѣ*», относящаяся къ 1760 г. 3) Нѣсколько словъ, отличающихся чрезвычайною длиннотою (одно есть въ 36 печатныхъ страницъ) и обиліемъ ученыхъ ссылокъ. Два изъ нихъ напечатаны въ «Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцовъ» 1861 г., стр. 563—573. При жизни *напечатано* его: «*Слово въ пособіи во всякомъ требованіи нашемъ, и силѣ молитвъ угодниковъ Божіихъ, говоренное въ окончаніи путешествія Императрицы Елизаветы Петровны въ Троицкой Лаврѣ, ректоромъ оныя Іеромонахомъ Аѳанасіемъ Волховскимъ*» М. 1749, 4° (Соп. 1219)

Афанасій (Вольховскій II), племянникъ Афанасія Вольховскаго I †). Родился въ Полтавѣ, гдѣ отецъ его былъ протоіереемъ. Учился въ тверской семинаріи, куда опредѣлилъ его дядя, затѣмъ, когда дядя перешелъ на каѳедру ростовскую, въ ярославской. По окончаніи въ ней курса поступилъ въ харьковскій коллегіумъ, оттуда въ кіевскую духовную академію, по окончаніи курса въ которой опредѣлился священникомъ при полтавской Николаевской церкви. Въ 1769 г. овдовѣлъ и принялъ монашество, въ 1776 г. назначенъ игуменомъ новгородскаго Кириллова монастыря, затѣмъ намѣстникомъ Александро-Невской лавры. Въ 1783 г. возведенъ въ санъ архимандрита, въ 1788 г. рукоположенъ епископомъ старорусскимъ, въ 1795 г. перемѣщенъ епископомъ могилевскимъ, въ 1798 г. уволенъ за разныя злоупотребленія на покой въ лубенскій монастырь, гдѣ ум. 1 янв. 1801 г.

А. напечаталъ въ 1795 г., въ Москвѣ: «*Окружную грамоту пастѣвъ*» (Соп. 244). За эту грамоту архіепископъ Филаретъ зачислилъ его въ писатели. Но, если вѣрить извѣстнымъ запискамъ Добрынина, Вольховскій былъ не только совершенно недостойный человѣкъ, но и человѣкъ почти безграмотный. Свѣдѣнія, сообщаемыя Добрынинымъ объ Афанасіи

---

†) 1) *Аскоченскій*, Кіевъ, II, 279. 2) *Филаретъ*, Обзоръ, стр. 381. 3) *Макарій*, „Опис. Новг.-Юрьева мон.“, стр. 99. 4) *Н. Григоровичъ*, Біографія кн. Безбородко („Рус. Арх.“ 1874 г., № 9, стр. 569—74), исторія его отставки. 5) *Геннади*, Словарь. 6) *Добрынинъ*, Записки, въ „Рус. Стар.“ 1871 г.

Вольховскомъ, создали ему очень печальную извѣстность въ изслѣдованіяхъ, касающихся 18-го столѣтія. Правда, тотъ же Добрынинъ сообщаетъ, что А. попалъ въ епископы благодаря почти болѣзненному капризу матери Безбородки, у которой Вольховскій былъ духовникомъ, но самый фактъ архіерействованія безграмотнаго человѣка остается, все-таки, во всей своей неприкосновенности, свидѣтельствуя собою крайне печальное состояніе нашей культуры сто лѣтъ назадъ.

Афанасій Высоцкій см. въ концѣ наст. тома.

* **Афанасій** (Александръ Васильевичъ *Дроздовъ)*, архіепископъ астраханскій †). *По свѣдѣніямъ, извлеченнымъ нами изъ архива Св. Синода*, сынъ священника, р. въ 1794 г. въ селѣ Умриненкахъ, бѣлевскаго уѣзда, тверской губ., учился сначала въ тульской семинаріи, затѣмъ въ московской духовной академіи, во время нахожденія въ которой принялъ въ 1823 г. монашество. По окончаніи курса въ 1824 г. со степенью магистра опредѣленъ баккалавромъ богословскихъ наукъ при академіи, въ 1828 г. назначенъ ректоромъ пензенской семинаріи и тогда же возведенъ въ санъ архимандрита, въ 1829 г. перемѣщенъ ректоромъ костромской семинаріи, въ 1836 г. вызванъ въ Петербургъ на чреду священнослуженія, гдѣ между прочимъ по порученію Св. Синода занимался переводомъ Кормчей книги, въ 1837 г. назначенъ ректоромъ рязанской семинаріи, въ 1840 — херсонской, въ 1841 г. переведенъ въ Петербургъ ректоромъ духовной академіи, въ 1842 рукоположенъ въ епископа винницкаго, викарія подольскаго, но съ оставленіемъ за нимъ должности ректора академіи, въ 1844 избранъ почетнымъ членомъ конференціи казанской духовной академіи, въ 1844 повелѣно ему быть епископомъ саратовскимъ, въ 1856—астраханскимъ, въ 1858 г. возведенъ въ санъ архіепископа. Въ 1870 г. уволенъ на покой. Ум. 7 декабря 1876 г. въ Болдинскомъ монастырѣ.

Печатные труды Д. немногочисленны: двѣ студенческія работы въ «Опытахъ сочиненій воспитанниковъ московской духовной академіи», М. 1824 («Слово на день Вознесенія Господня» и разсужденіе на слово: «Испытывайте духовъ, отъ Бога ли они») да «Историческія извѣстія о костромск. второклассн. Богоявленск. монаст. съ 15 по 19 вѣкъ». Спб. 1837, 8⁰, 54 стр., появившіяся безъ имени автора.

---

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

†) *Смирновъ*, Ист. моск. дух. акад., стр. 237 и 420. 2) „Рус. ист. сборникъ". М. 1838, т. III, стр. 407. 3) *Д. Д. Языковъ*, въ „Библіогр." 1885 г., № 2.

Афанасій (Заруцкій), протоіерей новгородъ-сѣверскій †). Въ рукописяхъ петербургской духовной академія (№ 270) есть его толкованіе на Евангеліе Іоанна, относящееся къ 1717 г. и озаглавленное: *«Хлѣбъ ангельскій, на крестновъ жертвенницѣ испеченный»*. Толкованіе посвящено Петру, отъ котораго сочинителю нѣкогда пришлось услышать «милостиво монаршее слово».

Афанасій (Алексѣй *Ивановъ* ††), р. въ 1746 г. въ Москвѣ, учился въ московской дух. академіи, по окончаніи курса въ которой (въ 1774 г.) проходилъ въ ней учительскія должности въ классахъ аналогіи, грамматики, поэзіи и реторики. Въ 1777, принялъ постриженіе въ монашество. въ 1781, назначенъ проповѣдникомъ при академіи, въ 1782 г.—настоятелемъ покровскаго монастыря и префектомъ крутицкой семинаріи, въ 1783 г.—префектомъ московской академіи и профессоромъ философіи, въ 1785—профессоромъ еврейскаго языка и богословія, въ 1786 г. ректоромъ, при чемъ возведенъ въ санъ архимандрита; въ 1788, рукоположенъ во епископа коломенскаго, въ 1799 г., переведенъ сначала въ воронежскую, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ екатеринославскую епархію, гдѣ и скончался 18 августа 1805 г. въ санѣ архіепископа, въ который возведенъ въ 1801 г. А. напечаталъ:

1) «Поучительныя слова въ разные торжественные дни и въ другіе праздники» М. 1787. 8°. (Соп. 10352). 2) *Авла Гелія,* Аѳинскихъ ночей записки. *Переводъ* съ лат. М. 1787. 8°, 2 части. (Соп. 1762). 3) *Тертуліана* (Квинта Септимія Флоренса), священника карѳагенскаго, защищеніе христіанъ противъ язычниковъ. *Переводъ* съ лат. М. 1802. 8°. (Соп. 11782). Кромѣ того остались въ рукописи записки А. по чтенію св. писанія, въ которыхъ славянскій переводъ повѣрялся съ переводомъ греческимъ и съ еврейскимъ подлинникомъ.

Афанасій Ивановъ («Маякъ» 1844 г. пов. «Лева Долина»)—псевд. Я. К. Амфитеатрова.

Афанасій (Кальнофойскій), инокъ кіево-печерскаго монастыря. Евгеній, Филаретъ (Черниговскій) и Строевъ почему-то его причисляютъ къ русскимъ писателямъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онъ написалъ на *польскомъ* языкѣ книгу *«Тератургима»*, или чудеса, какъ въ самомъ печерскомъ монастырѣ, такъ и въ обѣихъ св. пеще-

---

†) 1) *Евгеній.* Словарь дух. пис., стр. 59. 2) *Филаретъ,* Обзоръ, стр. 213.

††) 1) *Евгеній,* Слов. дух. пис. 2) „Справ. Слов.“ *Старчевскаго.* 3) *Смирновъ,* Ист. слов. греко-лат. акад. стр. 355—56. 4) *Филаретъ,* Обзоръ, стр. 399. 5) „Труды кіев. дух. акад“ 1863, № 3. 6) *Геннади,* Словарь.

рахъ». Кіевъ. 1638. Книга написана въ опроверженіе утвержденій уніатовъ и іезуитовъ, что въ православной церкви чудесъ не бываетъ. Сочинитель называетъ это утвержденіе гнусной клеветой и въ доказательство приводитъ 64 чуда, при немъ случившихся за періодъ 1594—1638 г.

Афанасій (Анастасій *Кондоиди*) †), кандіотскій грекъ-протопопъ, получившій прекрасное образованіе въ Италіи и пріѣхавшій при Петрѣ въ Россію съ княземъ Дмитріемъ Кантеміромъ, въ качествѣ воспитателя сына его—Антіоха, впослѣдствіи знаменитаго писателя. Цѣня большія познанія К. въ дѣлахъ церковныхъ, Петръ въ 1721 сдѣлалъ его асессоромъ только-что учрежденнаго тогда синода. Въ этомъ же году ученый грекъ принялъ монашество, и въ слѣдующемъ ему былъ предоставленъ титулъ архимандрита ярославскаго толгскаго монастыря. Въ 1725 онъ былъ пожалованъ въ совѣтники синода, въ 1726 г. рукоположенъ въ епископы вологодскіе, въ 1736 г. переведенъ въ Суздаль, гдѣ и скончался 10 октября 1737 г.

К. вмѣстѣ съ Θеофилактомъ Лопатинскимъ съ 1724 г. трудился надъ исправленіемъ славянскаго перевода библіи. Должно быть, къ этимъ трудамъ его, требовавшимъ большихъ лингвистическихъ и богословскихъ познаній, относится слѣдующій отрывокъ изъ одного современнаго письма: «Сочиненія историко-церковныя и филолого-богословскія, которыя К. писалъ по порученію двора и въ которыхъ открывается ученость его, можетъ быть, скоро выйдутъ въ свѣтъ и непремѣнно увеличатъ славу его». (Письмо Фандербека къ Кезелеру въ «Сынѣ Отеч.» 1842, ч. 1). Но, можетъ быть, рѣчь тутъ идетъ и о какихъ-нибудь утраченныхъ для насъ произведеніяхъ К. Изъ напечатанныхъ вещей его по каталогамъ можно прослѣдить: «Слово панегирическое въ честь креста святого ордена славнѣйшаго первенственныхъ кавалеровъ въ священно-россійской имперіи» (т. е. Андрея первозваннаго). Спб. 1725. 4° (Соп. 1136). Кромѣ того, какъ совершенно справедливо предполагаетъ Филаретъ, Кондоиди же слѣдуетъ приписать панегирикъ, говоренный на греческомъ яз. семилѣтнимъ ученикомъ его К. Сербаномъ Петру I и изд. въ Спб. въ 1714 г. Афанасію же Кондоиди принадлежитъ опытъ объясненія греческаго текста символа вѣры сравнительно съ славянскимъ, сдѣланный по порученію синода.

---

†) *Евгеній*, Слов. дух. пис. 2) *Боричевскій*, въ «Жур. мин. нар. пр.» т. 75 стр. 24. 3) *Филаретъ*, Обзоръ. 4) Richter, Gesch. der Med. in Russland, III, 453. 5) *Геннади*, Словарь. 6) «С. От.» 1842 г., январь, стр. 15. 7) Обильные матеріалы для его біографіи находятся въ «Описаніи докум. и дѣлъ, хран. въ архивѣ Св. Синода».

Афанасій *(Корчановъ)*. Былъ учителемъ черниговской и переяславской семинаріи и въ 1792 г. назначенъ префектомъ кіевской духовной академіи, въ 1793 — вице-ректоромъ ея †). Одновременно состоялъ настоятелемъ кіевскаго Выдубицкаго монастыря. Въ 1799 К. перевели въ черниговскій Елецкій монастырь съ назначеніемъ въ ректоры тамошней семинаріи. Въ 1811 онъ былъ возведенъ въ санъ епископа пензенскаго, но разстроенное здоровье не давало ему возможности управлять епархіею и, испросивъ себѣ въ 1819 г. увольненіе отъ службы, онъ умеръ въ Пензѣ 14 дек. 1825 г.

Афанасій *(Любимовъ)*, архіеп. холмогорскій. См. въ концѣ наст. тома.

Афанасій *(Милославскій* или *Миславскій)*, архимандритъ кіево-печерскій ††). Митр. Евгеній и арх. Филаретъ считаютъ его авторомъ старопечатной книги, вышедшей въ Кіевѣ въ 1712 г. подъ заглавіемъ: «*Иоика іерополітіка или філософія нравоучительная символами и пріуподобленіи изясненна къ наставленію и пользѣ юнымъ*». Пекарскій же въ этомъ неувѣренъ. Дѣйствительно на обертке книги сказано: «Составися *благословеніемъ* всечестнаго господина отца Афанасія Миславскаго, архимандрита печерскаго, тщаніемъ и трудами братіи» и только посвященіе (Скоропадскому) подписано инициалами А. М. Книгъ, вышедшихъ съ «благословенія» Милославскаго, было нѣсколько (см. у Пекарскаго т. II, №№ 210, 213, 226, 314). Мы поэтому и не останавливаемся на содержаніи самой по себѣ весьма интересной «Иоики». Но ни Евгеній, ни Филаретъ не отмѣтили предисловія Милославскаго къ «Алфавиту духовному» (1713 г.), гдѣ съ обычнымъ въ «Кіево-могилянскихъ Аѳинахъ» низкопоклонствомъ восхвалялся тогдашній кіевскій губернаторъ— князь Дмитрій Мих. Голицынъ.

Афанасій Никитинъ. См. Никитинъ.

Афанасій (Александръ Федоровичъ *Протопоповъ*), архіепископъ тобольскій †††). Р. въ Апрѣлѣ 1783 или 1785 г. въ г. Любимѣ (ярослав-

---

†) 1) Описаніе Кіево-соф. Собора, стр. 232. 2) *Аскоченскій*, Кіевъ, II, стр. 322 3) *Геннади*, Словарь, стр. 53.

††) *Евгеній*, Словарь дух. пис. 2) *Филаретъ*, Обзоръ, стр. 213. 3) *Пекарскій*, Наука и литература при Петрѣ. Ч. I, стр. 258. II, стр. 272, 275, 276, 277, 285, 314.

†††) 1) *А. Сулоцкій*, „Москвит.“ 1843, № 11, стр. 144—160. 2) *Его-же* болѣе обширная біографія въ „Страннике“ 1867, № 1 и 2 съ портретомъ, 82 стр. 3) *Макарій*, „Ист. Нижег. Іерар.“, стр. 226—244 и то же самое въ „Ниж. губ. вѣд.“

ской губ.), гдѣ отецъ его былъ протоіереемъ, а послѣ овдовѣнія и постриженія въ монашество — настоятелемъ первоклассннаго Толгскаго подъ Ярославлемъ монастыря. По окончаніи курса въ ярославской семинаріи, П. съ 1805 проходилъ въ ней учительскія должности. Въ 1808 онъ поступилъ въ петербургскую духовную академію, откуда въ 1814 вышелъ 2-мъ магистромъ, и тогда же принялъ монашество. Какъ одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ, П. былъ оставленъ при академіи баккалавромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ инспекторомъ. Въ 1816 онъ ненадолго былъ назначенъ ректоромъ казанской академіи, а по закрытіи ея перешелъ въ Тверь ректоромъ семинаріи, причемъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита. Вызванный въ 1823 году въ Петербургъ на чреду богослуженія, А. въ томъ же году былъ рукоположенъ въ епископа чигиринскаго. Въ 1826 его перемѣстили въ Нижній-Новгородъ, въ 1832—въ Тобольскъ, съ возведеніемъ въ санъ архіепископа. Здѣсь онъ скончался 21 сентября 1842 г.

А. былъ человѣкъ большого ума и обширной образованности. Онъ зналъ очень много языковъ, а по латыни писалъ, прозою и стихами, такъ-же свободно, какъ по русски. Изъ наукъ онъ имѣлъ очень большія познанія не только по богословію, церковной и общей исторіи, географіи и археологіи, но и по естественнымъ наукамъ—зоологіи, минералогіи и геологіи. По минералогіи онъ составилъ себѣ весьма значительную коллекцію. Почти все жалованье А., тратя лично на себя очень мало, употреблялъ на пополненіе какъ старыми, такъ и всѣми вновь выходящими книгами библіотеки своей, на которую израсходовалъ въ теченіе жизни до 10.000 руб. Это стремленіе идти въ уровень съ умственнымъ движеніемъ вѣка не «враждовали, однако же, въ немъ вѣрѣ», какъ выражается одинъ изъ его біографовъ, и онъ «для охраненія ея, впрочемъ не столько въ себѣ, потому что утвержденному нечего опасаться, сколько въ другихъ, обыкновенно жегъ безбожныя и вольномысленныя книги, которыя иногда, по незнанію и смотря на однѣ только оглавленія, ему случалось выписывать» (Москвит. 1843, № 11, стр. 151).

Практическаго примѣненія изъ своихъ обширныхъ знаній А., однако же, не сдѣлалъ почти никакого. Онъ не любилъ, какъ выражался, «быть въ печати» и только помимо его участія напечатаны 4 проповѣди его: 1—2) двѣ въ «Опытахъ» упражненій воспитанниковъ второго курса петерб. акад. П. 1817, 3) одна гов. *при избраніи судей петербург.*

1856. 4) *Филаретъ,* Обзоръ, стр. 457. 5) *Чистовичъ,* Ист. пет. д. ак., стр. 367. 6) „Энц. Сл." изд. р. уч. и лит., т. V. 7) *Геннади,* Словарь. 8) *Сулоцкій,* въ „Рус. Арх." 1881, т. II, 388.

дворянства (въ «Хрис. Чт.» 1829) и 4) *одна говорен. въ д. Преображенія* (Ib.). *Въ рукописи*, впрочемъ, онъ оставилъ: 5) «*Записки по каноническому праву*», составленныя имъ по порученію академическаго начальства въ бытность инспекторомъ и баккалавромъ петерб. дух. акад., и 6) «*Матеріалы по церковнымъ древностямъ*». 7) Переводъ съ лат. «*Изложенія Апостольскаго Символа*» Пеарсонія, сдѣланный еще во время учительствованія въ Ярославлѣ. 8) Исправленія и «очищенія отъ неологическихъ заблужденій», переведенныхъ для него (въ послѣдніе годы его жизни) съ нѣмецкаго обширныхъ церковныхъ археологій Яна и Розенмиллера.

Внучатый племянникъ А.—современный критикъ Михаилъ Алексѣевичъ *Протопоповъ*, подъ псевдонимомъ *П. Морозова*, *Александра Горшкова* и *М. Пр.*, написавшій рядъ блестящихъ статей въ «Отеч. Зап.», «Дѣлѣ», «Устояхъ», «Рус. Правдѣ», «Рус. Богат.» и «Сѣв. Вѣстникѣ», принадлежитъ къ числу наиболѣе видныхъ представителей критики Добролюбовской школы.

Афанасій Пузина. См. *Пузина.*

Афанасій (*Савинскій*) †), по указанію *С. И. Пономарева* въ 1800 г. былъ учителемъ невской семинаріи (въ «Исторіи пет. дух. акад.» Чистовича онъ не упоминается), потомъ префектомъ новгородской семинаріи и игуменомъ бѣлозерскаго монастыря, а подъ конецъ жизни архимандритомъ алексѣевскаго – акатова монастыря и ректоромъ воронежской семинаріи. У Сопикова подъ № 10673 приведено его «Слово предъ выборомъ судей 1810 года». М. 1810. 4°. Умеръ 22 дек. 1811 г.

* **Афанасій** (Андрей Григорьевичъ *Соколовъ*), архіепископъ казан. ††). *По свѣдѣніямъ, извлеченнымъ нами изъ архива св. Синода*, сынъ дьячка соборной церкви г. Буя, костромской губ., гдѣ род. въ 1795 г. Учился сначала въ костромской семинаріи, затѣмъ въ петербургской

---

†) 1) *С. Пономаревъ*, въ «Дух. Днев.» 1862 г., № 11, прил., стр. 5. 2) *Геннади*, Словарь, стр 53. 3) *Строевъ*, Списки настоятелей, стр. 77. 4) Ректоры воронежской дух. семинаріи (еп. Димитрія Балтскаго) въ «Ворон. еп. вѣд.» 1885 г.

††) 1) «Странникъ» 1868 г., № 3. 2) «Прав. Соб.» 1868 г., № 1. 3) *Беллюстинъ* въ «Соврем. Лѣт.» 1868, № 8. 4) *Ковалевскій, А.* въ «Душепол. Чт.» 1868 г., ч. 3, стр. 82—90. 5) «Изв. по Казан. Епархіи» 1868 г., № 6, № 5 и № 24 (ст. Н. Р.). 6) «Каз. губ. вѣд.» 1868 г., № 4. 7) Игуменъ *Парѳеній*, въ «Душеп Чт.» 1868 г., ч. II. 8) *В. Владиславлевъ*, тамъ же. 9) *Чекалкинъ*, тамъ же, 1870 г., № 10. 10) *Геннади*, Словарь

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

іи, по окончаніи курса въ которой, съ правомъ получить чрезъ
ъ степень магистра безъ испытанія, ежели заслужитъ одобреніе
начальства, въ 1825 принялъ монашество и опредѣленъ бак-
омъ богословскихъ наукъ при только что названной академіи;
26 назначенъ инспекторомъ псковской семинаріи, въ 1827 удо-
степени магистра, и въ томъ же году возведенъ въ санъ архи-
ита, въ 1828 назначенъ ректоромъ харьковскаго коллегіума,
30 ректоромъ черниговской семинаріи, въ 1832 перемѣщенъ ректо-
тверской семинаріи, въ 1837 вызванъ въ Петербургъ на чреду
нослуженія, въ 1837 опредѣленъ ректоромъ петербургской семи-
въ 1841 рукоположенъ въ епископа томскаго, въ 1853 возведенъ
ъ архіепископа иркутскаго, въ 1856 назначенъ архіепископомъ ка-
імъ. Въ 1866 удалился на покой въ кизическій Введенскій монастырь
кой губ., гдѣ умеръ 1 января 1868 г.

акъ и Афанасій Протопоповъ, Афанасій Соколовъ былъ не только
й богословъ, но и имѣлъ обширныя познанія въ наукахъ физико-
атическихъ. Печатныхъ трудовъ онъ не оставилъ по себѣ, но много
исныхъ переводовъ его житій святыхъ хранится въ библіотекѣ ка-
ой семинаріи.

ранасій (Телятевъ) †). Былъ архимандритомъ новоіерусал. мона-
, викаріемъ дмитровскимъ (1821), еписк. тамбовскимъ (1824),
еркасскимъ (1829), донскимъ (1842). Есть его «Рѣчь, произнесен.
іеральномъ собраніи моск. отдѣленія россійск. библейскаго общества»
).

фанасій (Топольскій) ††), Архимандритъ бѣлгородскаго Николаев-
монастыря и «харьковскаго коллегіума ректоръ»,—между 1740
13 гг. учился въ кіевской академіи. Отъ него остались два по-
і: 1) «Слово въ недѣлю седмую по Пасхѣ», М. 1742, 4° (Соп.
и 2) «Слово на день принесенія мощей св. Благовѣрнаго князя
андра Невскаго». М. 1742, 4°. (Соп. 1193). Въ послѣднемъ
авляется Петръ Великій и дочь его Елизавета, удалившая съ пре-
«чуждыхъ доилицъ, которыя самую Россію съ кровію выцѣдили».

) 1) *Геннади*, стр. 54. 2) 900 лѣтіе рос. іерархіи. 3) *Языковъ*, Д. Д., въ
іографѣ» 1885 г., № 7.

†) 1) *Филаретъ*, Обзоръ, стр. 315. 2) *Геннади*, Словарь. 3) *Поповъ*, При-
ыя проповѣди при Елизаветѣ Петровнѣ, въ «Лѣтоп. рус. лит.» Тихонра-
т. II.

*

Афанасьевъ, Александръ Николаевичъ †). Род. 11 іюля 1826 г. въ г. Богучарѣ, воронежской губ., гдѣ отецъ его, человѣкъ очень умный и высоко цѣнившій образованіе, служилъ уѣзднымъ стряпчимъ; онъ учился сперва у священника, потомъ у учителя уѣзднаго училища, а 11 лѣтъ его отдали въ воронежскую гимназію въ 1-й классъ, куда онъ вступилъ, бѣгло читая по русски (онъ перечелъ много книгъ изъ библіотеки своего дѣда, члена библейскаго общества) и зная очень немного по латыни и по нѣмецки. Это было лучшее время нашихъ гимназій, преобразованныхъ по Уваровской системѣ; тѣмъ не менѣе Афанасьевъ вынесъ изъ гимназіи немного, хотя и былъ въ числѣ лучшихъ учениковъ. Какъ онъ сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ (Рус. Арх. 1872 г., № 3—4, стр. 809—852),

---

†) **Біографическія данныя:** 1) *П. Гербель* въ «Энцикл. Слов.», т. V, 743—745. 2) «Моск. Вѣд.» 1871, № 223, ст. *Д. А.* 3) Журн. Мин. Нар. Пр., т. 137 (1871, № 10), *К. Бестужева-Рюмина.* 4) «Русск. Арх.» 1871, № 11 и тамъ же, 1872, № 3—4, отрывокъ изъ воспоминаній А. о гимназическомъ курсѣ. 5) *П. Ефремова,* въ «Русск. Стар.» 1872, № 5, 787—790. 6). Некр. въ «Спб. Вѣд.» 1871, № 276. 7) *М. де-Пуле,* въ «Спб. Вѣд.» 1871, № 298. 8) Объ освящ. памятн. на могилѣ А. Н. Афанасьева. «Голосъ» 1874, № 266. 9) «Иллюстр. Газ.» 1872, т. 29, № 21, стр. 328—330. 10) «The Academy» 1871, № 35.

Отзывы: О «*Поэтич. возр.*»: 1) «Вѣст. Евр.» 1868, № 2 и 1869, № 9. 2) «От. Зап.» 1868, № 2. Статья «Источники народнаго суевѣрія». *А. Пятковскаго.* 3) *И. Гильтебрандтъ* въ «Вил. Вѣст.» 1868, № 135. 4) «Библіографъ» 1869, № 1. 5) «Голосъ» 1869, № 280. 6) *А. А. Котляревскій* въ 13 Присуж. Уваров. наградъ 7) *Я. Г. Гуревичъ* въ «Учителѣ» 1870, № 15 и 16. А затѣмъ отзывы о «Поэтич. возр.» есть въ каждомъ сочиненіи, трактующемъ о русской и славянской миѳологіи. О „*Вѣдунѣ и Вѣдьмѣ*“: 1) *Кавелинъ* въ «От. Зап.» 1851. № 6. 2) *С. Соловьевъ* въ «Моск. Вѣд.» 1851, № 60.

О „*Нар. русск. сказкахъ*“: 1) «Библ. для Чт.» 1869, № 1, т. 153, отд. 4; стр. 8–10. 2) «Время» 1861, № 4 (статья подъ загл. „Взглядъ на книги и статьи касающ. исторіи русск. народн. быта“). 3) «Вѣкъ» 1861, № 32. 4) «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1861, № 7 (статья *А. Филонова,* подъ загл. „Русск. народн. поэзія“). 5) «Извѣстія И. А. Наукъ». Т. 4, вып. 7 (статья *И. Срезневскаго*). Т. 5, вып. 6. 6) «Отеч. Зап.» 1855, № 12. Т. 103, отд. 4; стр. 48—52. 1856, № 4 и 5. Т. 105 и 106, отд. 2; стр. 41—68 и 1—26 (статья *А. Пыпина*). 1856. № 11. Т. 109, отд. 3; стр. 41—45. 7) «Русск. Вѣстникъ». 1856. № 2. Т. 1; стр. 85—94 (статья *Ѳ. Буслаева*). 8) «Спб. Вѣд.» 1856, № 266. 1861, № 126. 1864, № 94, 100 и 108 (статья *А. Котляревскаго,* подъ загл. „Русская народн. сказка“). 9) «Свѣточъ» 1862, № 4, стр. 1–49. 10) «Современникъ» 1855, № 12. Т. 54. 1856, № 12. Т. 60, отд. 4; стр. 29–38. 1858. Т. 71, отд. 2; стр. 70—77. 1860, № 3; стр. 73—130 статья *А. Пыпина*). 11) «С. Отеч.» 1856, № 34. 12) «Сѣв. Пчела» 1855, № 267. 13) *Ѳ. Устряловъ* въ «Вѣкѣ» 1861, № 32 и 35.

О «*Русск. сат. журналахъ*»: 1) «Современникъ» 1859, № 10. Т. 77, отд. 3; стр. 267—356 (статья *Добролюбова,* подъ загл. „Русск. сатира въ вѣкѣ Екатерины“). 2) «Библ. для Чт.» 1859, № 5. Т. 155; стр. 5—12, (статья *И. Н.—б—а*).—

орядочно у нихъ шелъ только латинскій языкъ; по нѣмецки и по фран-
.узски они знали очень плохо; по гречески почти ничего не знали; рус-
кая словесность и исторія преподавались плохо. Окончивъ курсъ въ
844 г., Афанасьевъ поступилъ въ московскій университетъ, на юриди-
ескій факультетъ. Тогда юристы слушали «словесность» и всеобщую ис-
эрію вмѣстѣ съ филологами (по терминологіи того времени съ 1-мъ от-
ѣленіемъ философскаго факультета), и Афанасьевъ сталъ такимъ обра-
эмъ ученикомъ Шевырева и Грановскаго; кромѣ того онъ могъ восполь-
эваться лекціями Бодянскаго. Юридическій факультетъ былъ въ то время
бставленъ еще лучше словеснаго; Афанасьевъ слушалъ Н. Крылова,
[. Г. Рѣдкина, С. И. Баршева, Ѳ. Л. Морошкина, В. П. Лешкова въ
учшее ихъ время и съ 1-го же курса слушалъ «Исторію Россійскаго за-
энодательства» у К. Д. Кавелина.

Въ университетѣ Афанасьевъ занимался усердно и, ограничивая себя
э всемъ, всѣ свободныя деньги, какъ получаемыя отъ отца, такъ и добы-
іемыя своимъ трудомъ, употреблялъ на пріобрѣтеніе книгъ. Еще будучи
:удентомъ, началъ онъ сотрудничать въ лучшихъ тогдашнихъ журна-
ахъ: въ «Современникѣ» за 1847 г. (№№ 6 и 7) помѣстилъ онъ статью
) *Государственное устройство при Петрѣ Великомъ* и тамъ же 2)
эцензіи на «Псковскую Судную Грамоту» (1847 г., № 12) и 3) на «Ис-
рію финансовыхъ учрежденій» гр. Толстого (1848 г., № 4), а въ «Оте-
эственныхъ Запискахъ» статью: 4) «*О вотчинахъ и помѣстьяхъ*» (1848 г.
№ 6 и 7).

Афанасьевъ окончилъ курсъ со степенью кандидата въ 1848 г. (стало
ять наканунѣ, но еще не подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій, въ которыя
ыли поставлены русскіе университеты послѣ событій 1848 г.); въ слѣ-
гющемъ 1849 г., онъ поступилъ на службу вполнѣ соотвѣтствующую его
юсобностямъ и наклонностямъ,—въ Главный Архивъ министерства ино-
'ранныхъ дѣлъ, гдѣ въ 1855 г. былъ сдѣланъ начальникомъ отдѣленія,
вскорѣ правителемъ дѣлъ состоящей при Архивѣ Коммиссіи Печатанія
эсударственныхъ грамотъ и договоровъ. Въ этой должности онъ оста-
ился до 1862 г. Это было самое спокойное и самое плодотворное время

«Отеч. Записки» 1859, № 7. Т. 125, отд. 3; стр. 45—50. 4) «Спб. Вѣд.»
59, № 80 5) «Сѣв. Цвѣтокъ» 1859, № 27. (Литер. замѣтки *М. Ф.*). 6) «Рус-
:ое Слово» 1859, № 5.

Объ изданіи „*Кошелька*": 1) «Библ. для Чт.» 1858, № 11. Т. 152, отд. 6;
р. 32—36 (статья *П. В—б—а*).. 2) «Современникъ» 1858. Т. 72, отд. 2
р. 236--242. 3) «Моск. Вѣд.» 1858 (литер. отд.). № 114 (статья *М. Н. Лон-
нова*). 4) «От. Зап.» 1858, Т. 120 (статья *В—б—а*).

его дѣятельности. Въ 1849 г. онъ напечаталъ 5) въ Современникѣ (№№ 4 и 5) *Критическій разборъ исторіи церкви еп. Филарета* и 6) *рецензію на Дневникъ Гордона* (№ 6). Въ 1850 г. въ томъ же Современникѣ (№ 4) 7) *Разборъ 1-ой части архива Калачева* и 8) *Длинный рядъ мелкихъ статей и рецензій:* Историческая русская литература за 1849 г. (стр. 1 до 13). Миѳы славянскаго язычества барона Шеппинга (№ 2). Критическія изслѣдованія объ исторіи болгаръ Венелина (№ 3). Димитрій Ростовскій (ibid.). Исторія расколовъ Игнатія (ibid.). Изданія Перевлѣсскаго: Кантемиръ и Тредьяковскій (№ 4). О значеніи Кормчихъ разсуж. Калачева (ibid.). Письма царевича Алексѣя (№ 5). Поѣздка въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь Шевырева (№ 6). Русская Старина Мартынова, годъ 2-й (ibid.). Дмитровскій Соборъ гр. Строганова (ibid.). Временникъ Имп. Общ. ист. и древн., кн. I—IV (№ 7). Кіевлянинъ (кн. III, ibid.). Исторія юго-западной Руси Клеванова (ibid.). Древнія грамоты, касающіяся Воронежской губ. и Азова (№ 9; о томъ же помѣстилъ онъ рецензію и въ Отеч. Зап., также въ № 9). Статистическіе очер. Воронежской губ. (ibid., о томъ же въ Отеч. Зап. № 9). Кн. Андрей Боголюбскій (№ 10). Жизнь Курбскаго (ibid. о томъ же въ Отеч. Зап. № 11). VI томъ изслѣдованій Погодина (№ 12). Внутреннія таможенныя пошлины Осокина (ibid.); 2-я часть Воронежскихъ актовъ (Отеч. Зап. № 6). Тохтамышевъ ярлыкъ (ibid.). Въ томъ же году въ *Архивѣ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи*, изд. Калачевымъ, Афанасьевъ началъ свои миѳологическія изслѣдованія статьею 9) «*Дѣдушка домовой*»; тамъ же помѣстилъ онъ 10) «*Дополненія и прибавленія къ собранію русскихъ народныхъ пословицъ и притчей, изд. Снегиревымъ*» и 11) «*Указатель статей по русской географіи, статистикѣ и русскому праву, помѣщенныхъ въ Сѣв. Арх.*» Въ томъ же Архивѣ Калачева напечаталъ онъ позднѣе: 12) «*О значеніи рода и роженицъ*» (ч. 2-я, 1-я половина), 13) «*Миѳическая связь понятій свѣта, зрѣнія, огня, металла, оружія и желчи*» (ч. 2-я, 2-я пол.) и 14) *Указатель статей къ Отеч. Зап. Свиньина* (кн. 2-я и кн. 3-я). Въ 1851 г. въ Соврем. напечаталъ онъ статью: 15) «*Колдовство на Руси въ старину*» (№ 4), въ Отеч. Зап.: 16) «*Религіозно-языческое значеніе избы Славянина*» (№ 6). 17) «*Отвѣтъ Г. Кавелину*»; въ Альманахѣ *Комета*, изд. Н. Щепкинымъ, статью 18) «*Вѣдунъ и вѣдьма*», вышедшую также отдѣльнымъ оттискомъ. М. 1851 года, а въ Временникѣ Общ. Ист. и древн. (№ 9) небольшую (стр. 1—24), но очень важную статью: 19) «*Языческія преданія объ островѣ Буянѣ*», гдѣ онъ впервые развилъ во всей полнотѣ свою натуро-миѳологическую систему славянскаго міровоззрѣнія. Въ томъ же году онъ напечаталъ 20) *Небольшія статьи и рецензіи*: въ «Современникѣ»: Об-

зоръ историч. литературы за 1850 г. (№ 1), Временникъ (№ 2). Разряды (ibid.), Описаніе архива старыхъ дѣлъ (№ 1), Временникъ, кн. 8 (№ 4), Воронежскіе акты (ibid.), Временникъ, кн. 9 (№ 8), Временникъ, кн. 10 (№ 10); въ Отеч. Запискахъ: Обзоръ историч. литературы за 1850 г. (№ 1). Соборная грамота, утверждающая санъ царя за Іоанномъ Грознымъ (ibid.). Переписка Головина и Шереметьева (№ 5). Записки Одесскаго Общ. ист. и древн. (ibid.), Малорусскія и галицкія загадки (ibid.); въ помѣщенной въ томъ же № критикѣ на «Комету» ему принадлежитъ отзывъ о статьяхъ Забѣлина и Соловьева; въ № 8 ему принадлежатъ рецензіи на книги: О судебныхъ доказательствахъ Пахмана и Переяславскій лѣтописецъ и Памятники дипломатическихъ сношеній. Въ 1852 г. онъ помѣстилъ въ Отеч. Зап. 21) большую статью (№№ 1—3) *Зооморфическія божества у Славянъ*, а въ Современникѣ (№ 10) 22) Критическій разборъ I т. исторіи Соловьева; въ Современникѣ же напечаталъ онъ въ этомъ году 23) *Мелкія статьи и рецензіи*: Обзоръ историч. сочиненій, вышедшихъ въ 1851 г. (№ 2), Временникъ, кн. 11-я (№ 3), Описаніе города Шуя Борисова (ibid.), Временникъ, кн. 12 (№ 4), Русская Старина (ibid.), Записки археол. Общества (№ 5), Памятники древне-русскаго зодчества Рихтера (ibid), Дипломат. сношенія Россіи съ западными державами, Капустина (№ 7), Среднее или городовое состояніе въ Россіи (№ 9), Временникъ, кн. 13 (№ 10), Временникъ, кн. 14 (№ 12). Въ Отеч. Зап. въ томъ же году: Обзоръ историч. литературы (№ 1), Опыты филологическихъ трудовъ (№ 4), Описаніе Шуи Борисова (№ 8). Памятники дипломатич. сношеній Россіи, т. 2 (№ 10), Воронежскіе Акты (ibid.). Въ 1853 г. А. напечаталъ въ Извѣстіяхъ Акад. Наукъ по отд. русскаго яз. и словесности статью: 24) «*Нѣсколько словъ о соотношеніи языка съ народными повѣрьями*»: 25) Въ Отеч. Зап. (№ 9) разборъ 1-го вып. Этнографическаго Сборника и рецензію на продолженіе Воронежскихъ Актовъ (№ 12) въ Современникѣ (№ 1), разборъ Кіевскихъ Актовъ. Къ этому времени, занятый приготовленіемъ къ печати своихъ сказокъ и изслѣдованія о сатирическихъ журналахъ временъ Екатерины, Афанасьевъ почти не пишетъ мелкихъ статей; за весь 1854 г. онъ помѣстилъ въ Отеч. Записк. 26) Разборъ 1-й половины 2-й ч. Архива Калачева (№ 7) и тамъ же 3 рецензіи (на книгу: «Черты изъ жизни и исторіи литовскаго народа» въ № 4, 2-й вып. Этнографическаго Сборника № 9 и Памятники дипломат. сношеній въ № 10). Въ 1855 г. онъ печатаетъ въ Отеч. Зап. (№№ 3, 4 и 6) свое изслѣдованіе 27) «*Русскіе журналы 1769—1774 г.*» (которое въ 1859 г. вышло въ Москвѣ отдѣльной книгой, подъ заглавіемъ «Русскіе сатирическіе журналы. Эпизодъ изъ исторіи русской литературы прошлаго столѣтія» и остается едва ли не лучшей монографіей по лите-

ратурѣ XVIII в.) и издаетъ 28) 1-й выпускъ «Русскихъ народныхъ сказокъ» (2-й вып. вышелъ въ 1856 г., а послѣдній, 8-й, заключавшій въ себѣ всѣ примѣчанія, въ 1863 г., когда первые выпуски расходились уже въ 3-мъ изданіи). Въ томъ же году въ Отеч. Зап. (№ 4) онъ напечаталъ 29) рецензію на юридическій сборникъ Мейера и въ № 7 30) разборъ 2-й половины 2 ч. Архива Калачева. Въ 1856 г. онъ напечаталъ въ Моск. Вѣд. 31) *Два слова о журнальной сатирѣ прошлаго столѣтія* (№ 55) и 32) *Сатирическія изданія девяностыхъ годовъ* (№№ 80, 83, 84) и въ С.-Петербургскихъ Вѣдом. (№ 107) 33) *Замѣтка Г-ну Бѣляеву.* Въ 1857 г. онъ напечаталъ въ Отеч. Зап. (№ 3) 34) рецензію на продолженіе Дипломат. Сношеній, а въ Русскомъ Вѣстн. (№№ 16 и 18) статью: 35) *Черты нравовъ XVIII столѣтія.* Въ 1858—1859 гг. онъ издавалъ чрезвычайно полезный, но не нашедшій достаточной поддержки журналъ *Библіографическія Записки*, гдѣ помѣстилъ 36) рядъ своихъ статей, а именно: 37) *О царѣ Горохѣ*, 38) *Адская газета*, 39) *Н. И. Новиковъ*, 40) *Сатиры Кантемира*, 41) *Фонъ-Визинъ*, 42) *Школьная дисциплина*, 43) *Замѣтки къ изд. сочиненій Пушкина*, 44) *Литературная полемика прошлаго столѣтія*, 45) *Русская книжная торговля*, 46) *Журнальная промышленность.* Въ эти же годы онъ напечаталъ въ Атенеѣ статью: 47) *Замѣтка о нравахъ прошлаго столѣтія* (1858, № 14), 48) *Школа свѣтскихъ приличій* (№ 34), 49) *Объ исторической вѣрности въ романахъ Лажечникова;* въ Моск. Вѣд., 50) *Замѣтку на письмо Сементовскаго*, (№ 156 1859 г.) 51) *Великія историческія открытія* (№ 284), 52) *О Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн.* (№ 259). Въ 1860 г. онъ издалъ вскорѣ послѣ того изъятыя изъ продажи 53) «*Русскія народныя легенды*», въ Русск. Вѣстн. напечаталъ 54) «*Дополненіе къ ст. г. Лонгинова «Графъ Сперанскій»* (№ 1). 55) «*Разборъ исторіи церкви Филарета* (№ 4); въ Моск. Вѣд. помѣстилъ: 56) *Отвѣтъ г. Лонгинову* (№ 44), 57) *Князь тьмы* (№ 48), 58) *Происхожденіе миѳа* (по поводу книги Д. Щепкина, № 55); въ Отеч. Зап.: 59) *О литературныхъ трудахъ кн. Дашковой* (№ 3); 60) въ Чтеніяхъ Общ. исторіи и древн. *Замѣтку о книгѣ Стройновскаго*; въ Архивѣ Калачева (кн. 1) статью: 61) *И. В. Лопухинъ.* Въ 1861 г. онъ напечаталъ въ Русской Рѣчи статью: 62) *Переписка Петра Великаго съ Екатериною* (№№ 9 и 10): 63) *Изъ нравовъ XVIII в.* (№ 62); 64) *Кольцовъ и Воронежскіе педагоги* (№ 100); въ Библіографич. запискахъ, продолжавшихся, послѣ годичнаго перерыва, подъ иной редакціей: 65) *Сказаніе о томъ, какъ издаются у насъ историческіе памятники* (№ 16); 66) *О стихотвореніяхъ Батюшкова* (№ 20); въ Архивѣ Калачева (кн. 3): 67) «*О загроб-*

ной жизни по славянскимъ преданіямъ», и въ Чтеніяхъ (кн. 3): 68) *Замѣтка г. Борисову.*

Въ 1862 г. въ жизни Афанасьева произошелъ крутой переворотъ, крайне вредно отразившійся и на его ученой дѣятельности, и на самомъ здоровьѣ: онъ оказался прикосновеннымъ, повидимому совсѣмъ по чужой винѣ, къ политическому дѣлу, и хотя не потерпѣлъ никакого наказанія, принужденъ былъ покинуть обезпечивавшую его службу и отдаться тяжелымъ заботамъ о кускѣ насущнаго хлѣба для себя и для семьи. Его драгоцѣнная библіотека сперва была сложена въ сараѣ, такъ какъ не умѣщалась въ тѣсной квартирѣ, а потомъ была распродана за безцѣнокъ. Послѣ большихъ и многихъ стараній ему удалось, наконецъ, найти себѣ мѣсто секретаря въ Думѣ, откуда онъ перешелъ секретаремъ въ мировой съѣздъ; здѣсь жалованья получалъ онъ больше, чѣмъ въ Думѣ, но зато былъ заваленъ работой, не имѣющей ничего общаго съ наукой. Его здоровье, и безъ того не крѣпкое, быстро слабѣло.

Но и въ это тяжелое время Афанасьевъ работалъ и писалъ. Въ іюлѣ 1863 г. онъ помѣстилъ въ «С.-Петерб. Вѣд.» 68) *Разборъ исторіи литературы Галахова*, въ 1864 г. тамъ же 69) *Разборъ «Живописца»;* въ «Библ. для Чтенія» 1864 г. статью: 70) *«М. С. Щепкинъ и его записки»* и 71) *«Поэтическія преданія о свѣтилахъ небесныхъ»*; тамъ же въ 1865 г. (№№ 7 и 8) статью 72) *О юридическихъ обычаяхъ.* Въ «Книжномъ Вѣстникѣ», изд. Ефремовымъ и Ростовцевымъ и сходившемся отчасти по программѣ съ его «Библіогр. Зап.», онъ помѣстилъ статьи и замѣтки: 73) О русскомъ переводѣ сказокъ Гриммовъ, по поводу VI т. Этногр. Сборника, о Максѣ Мюллерѣ, о Древностяхъ Археол. Общ., о рѣчахъ Моск. Университета, о сказкахъ Чудинскаго, о книгѣ Забѣлина, о Донскомъ монастырѣ. Въ «Филологическихъ Запискахъ» онъ напечаталъ статьи: 74) *«Сказка и миѳъ»* и 75) *«О радугѣ»*. Въ Древн. Археол. Общ. онъ помѣстилъ статью 76) *«О наузахъ»*. Въ тѣ же тяжкіе годы, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, Афанасьевъ закончилъ и издалъ главный трудъ своей жизни, самый важный свой вкладъ въ науку 77) *Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу*, въ которомъ онъ соединилъ и привелъ въ стройную систему все, сказанное прежде имъ, и все, наиболѣе важное, добытое трудами западныхъ натуръ-миѳологовъ, и дополнилъ это массой новаго и важнаго матеріала. Можно расходиться съ авторомъ этой книги во многихъ частностяхъ, можно даже возставать противъ его теоріи (или по крайней мѣрѣ противъ столь широкаго примѣненія ея) въ цѣломъ; но нельзя работать по изученію народности, не имѣя ея постоянно подъ руками. 1-й томъ Поэт. Воззр. вышелъ въ 1866 г., 2-й въ 1868, а третій въ 1869.

Послѣдній трудъ Афанасьева—на пользу русскихъ дѣтей; это—78) «*Русскія дѣтскія сказки*» (двѣ части. 1870). 23 сент. 1871 г. Афанасьевъ умеръ отъ чахотки, 45 лѣтъ отъ роду.

Вотъ что говоритъ объ Афанасьевѣ извѣстный знатокъ русской народной поэзіи англичанинъ Рольстонъ, недолго знавшій покойнаго, но имѣвшій обширный матеріалъ для сравненія и полную возможность отнестись къ нему съ безусловной объективностью. «Самою личностью своею Афанасьевъ выражалъ идею высокаго труженика не изъ матеріальныхъ выгодъ, но изъ сердечной любви къ своему предмету и изъ благороднаго желанія извлечь изъ тьмы и вывести на свѣтъ литературныя сокровища, такъ долго скрывавшіяся въ малочитаемыхъ памятникахъ или же кроющіяся въ памяти народа, къ которой ученые обращаются еще менѣе».

Его книга о сатирическихъ журналахъ и рядъ статей по литературѣ XVIII вѣка (вполнѣ заслуживающихъ перепечатки) ставятъ его въ число немногихъ знатоковъ этого плохоразработаннаго періода, а его умѣнье найти и обнаружить для всеобщаго свѣдѣнія «живую душу» въ литературѣ эпохи Державина, соединенное съ строго научными пріемами, дѣлаютъ его великимъ мастеромъ, къ сожалѣнію, не оставившимъ учениковъ.

Какъ собиратель и издатель сказокъ, Афанасьевъ составляетъ гордость юной русской науки: съ такими ничтожными средствами взялся онъ за свое великое предпріятіе и такъ хорошо онъ исполнилъ его. Положимъ, методы собиранія и изученія сказокъ были уже выработаны въ Германіи, но онъ примѣнилъ ихъ къ нашему необыкновенно богатому матеріалу съ поразительнымъ трудолюбіемъ и искусствомъ. Его обширныя примѣчанія—результатъ глубокаго изученія всѣхъ изданныхъ до него на Западѣ и особенно у славянъ сборниковъ. Если пользующійся его книгою не всегда согласится съ его выводами, онъ всегда будетъ ему благодаренъ за сличенія.

Главный трудъ его жизни «Поэтич. воззрѣнія славянъ на природу» въ настоящее время далеко не составляетъ послѣдняго слова науки: довѣрчивость и поспѣшность филологическихъ догадокъ автора, ненаучная смѣлость сближеній разнородныхъ сказаній и односторонность *грозовой* теоріи (см. статью Пыпина «Вѣстн. Евр.» 1883 г., окт.) дѣлаютъ многіе изъ его выводовъ болѣе чѣмъ подозрительными; но громадность матеріала, имъ собраннаго, и его усердіе, остроуміе и ученая честность въ обработкѣ этого матеріала дѣлаютъ и эту его книгу одинаково поучительной и необходимой какъ для друзей, такъ и для враговъ миѳологической теоріи.

Основныя положенія своей теоріи толкованія сказокъ, пѣсенъ, обря-

довъ и пр., короче сказать, своей миѳологической теоріи Афанасьевъ еще въ 1851 г. (См. ст. объ островѣ Буянѣ) высказалъ такимъ образомъ:

«Славянинъ нѣкогда, въ незапамятной древности, для которой не осталось даже письменныхъ свидѣтельствъ, жилъ жизнію вполнѣ непосредственною. Онъ былъ погруженъ въ природу и на мигъ не могъ оторваться отъ ея груди: она питала его, была ему матерью. Съ первымъ проблескомъ сознанія, зародившимся въ душѣ его, онъ обоготворилъ природу, ибо чувствовалъ себя въ полной и неотвратимой зависимости отъ нея: человѣкъ былъ слабъ, какъ дитя, только что затвердившее первые звуки. Обоготворенная природа представлялась ему цѣльною, ибо умъ его еще не успѣлъ подмѣтить ея различныхъ силъ и вліяній. Но умъ уже не могъ остановиться на этой ступени. Труденъ былъ первый шагъ; но вмѣстѣ съ первыми зачатками сознанія тотчасъ-же начался анализъ, мѣрою котораго человѣкъ поставилъ самого себя: другой мѣры онъ еще не зналъ и не могъ знать. Прежде всего славянину, какъ это было и у другихъ народовъ, природа раскрылась въ тѣхъ основныхъ стихіахъ своихъ, которыя условливаютъ собою всякую жизнь на землѣ, а слѣд. и жизнь человѣка. Естественно, что обоготвореніе перешло на эти стихіи, природа раздробилась: явилось нѣсколько божествъ, и притомъ божествъ стихійныхъ. Главною стихіею, поразившею впечатлѣніе славянина, была стихія тепла и свѣта, какъ необходимое условіе всякой жизни и развитія. Первоначальное понятіе о богѣ, какъ природѣ, еще не раздѣленной анализомъ и потому цѣльной, перешло въ понятіе о божествѣ свѣта, соединеннаго съ небомъ; явился *Сварогъ*, который въ свою очередь раздробился на особенныя божества, соотвѣтственно различнымъ проявленіямъ тепла и свѣта». Всѣ эти божества, соотвѣтственно родственному быту человѣка, ставятся въ родственныя между собою отношенія. Рядомъ съ представителями силы свѣтлой являются представители силы *тьмы* и *холода*, которые точно также обоготворяются. Этимъ божествамъ человѣкъ приписываетъ сотвореніе міра. Про нихъ слагаетъ онъ миѳы, которые первоначально есть не что иное, какъ пересказъ того, что происходитъ въ природѣ».

Позднѣе, ближе познакомившись съ трудами Я. Гримма и увлекшись монографіями Макса Мюллера, а также блещущей остроумными (но не всегда научными) обобщеніями и выводами книги Пикте, Афанасьевъ въ вопросѣ о творчествѣ миѳовъ придавалъ первенствующее значеніе языку. «Богатый и, можно сказать, *единственный* источникъ разнообразныхъ миѳическихъ представленій есть живое слово человѣческое съ его метафорическими и созвучными выраженіями», говоритъ онъ въ началѣ I т. Поэт. Возвр. Миѳологическія имена и типы суть синонимы для выраже-

нія естественныхъ явленій; Аргусъ есть одно изъ названій неба, которое впослѣдствіи было затеряно, какъ имя нарицательное; Гераклъ—названіе солнца и т. д. Все то, что разсказывалось про нихъ первоначально—только украшенный невольными метафорами пересказъ того, что ежедневно совершается въ природѣ; что пристало къ этимъ сказаніямъ впослѣдствіи объясняется созвучіемъ названій 2-хъ и болѣе различныхъ явленій. «Въ началѣ народъ еще удерживалъ сознаніе о тождествѣ созданныхъ имъ поэтическихъ образовъ съ явленіями природы. Но съ теченіемъ времени это сознаніе болѣе и болѣе ослабѣвало и наконецъ совершенно терялось. Миѳическія представленія отдѣлялись отъ своихъ стихійныхъ основъ и принимались, какъ нѣчто особое, независимо отъ нихъ существующее» (ibid. стр. 10). Тогда солнце стало совершать свой ежедневный бѣгъ независимо отъ Геракла, который употреблялъ десятки лѣтъ на совершеніе своихъ подвиговъ, и Перунова колесница стала разъѣзжать независимо отъ грома. Афанасьевъ въ дальнѣйшемъ развитіи миѳа различаетъ два важные момента: 1) низведеніе и закрѣпленіе миѳа на землѣ, т. е. пріуроченіе его къ извѣстной мѣстности, времени, а иногда и историческому лицу и 2) этическая мотивировка, безъ которой невозможна ни стройная миѳологическая система, ни вполнѣ законченная сказка.

Осуждать теорію Афанасьева въ *общемъ* было бы крайней нелѣпостью; такой же нелѣпостью было бы считать ее безусловно примѣнимою ко всѣмъ сказкамъ, пѣснямъ и пр.: самъ Афанасьевъ не одинъ разъ указываетъ въ той же области народной поэзіи и въ обрядахъ факты, объясняемые помимо миѳологіи и метафоръ языка. Всякая теорія, основанная на фактахъ, несомнѣнно справедлива; но въ то же время всякая теорія есть «общее мѣсто», ничего положительнаго не объясняющее помимо фактовъ. Вопросъ въ томъ, какіе изъ частныхъ случаевъ требуютъ примѣненія одной теоріи, какіе—другой, и не слишкомъ ли много одна теорія расширяется на счетъ другихъ. У Афанасьева миѳологическая теорія, по нашему убѣжденію, беретъ на себя слишкомъ много, что разумѣется, не уменьшаетъ достоинства собранныхъ и систематизированныхъ Афанасьевымъ фактовъ.

А. Кирпичниковъ.

Афанасьевъ, Александръ Степановичъ, по литературѣ *Афанасьевъ-Чужбинскій*, беллетристъ и этнографъ †). Р. 28 февр. 1817 г. въ лу-

---

†) Некрологи въ газетахъ 1875 г.: „Голосѣ“ № 248, „Кроншт. Вѣст.“ № 105, „Недѣлѣ“ № 37, „Новости“ № 246, „Пет. Лист.“ № 153 и календаряхъ на

бенскомъ уѣздѣ Полтавской губ., въ небольшомъ имѣніи своего отца. Учился въ нѣжинскомъ лицеѣ, по окончаніи курса въ которомъ (1835), увлеченный разсказами товарищей, поступилъ юнкеромъ въ Бѣлгородскій уланскій полкъ. Военная служба, однако, быстро разочаровала его и въ 1843 г. онъ, въ чинѣ поручика, вышелъ въ отставку. Въ 1847 г. А. поступилъ въ канцелярію воронежскаго губернатора. Чрезъ годъ его назначили редакторомъ неоффиціальной части мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей и членомъ-корреспондентомъ спеціальной коммиссіи коннозаводства Но и на гражданской службѣ А. оставался недолго. Въ началѣ 1850-хъ гг. онъ опять вышелъ въ отставку и спеціально предался литературной дѣятельности. Къ тому времени псевдонимъ его *Чужбинскій*, впервые появившійся подъ стихами въ Плетневскомъ «Современникѣ» 1838 г. (т. XI), пользовался уже нѣкоторою извѣстностью.

Въ 1856 г., по почину Великаго Князя Константина Николаевича, нѣсколько литераторовъ были отправлены на казенный счетъ изучать бытъ и нравы приморскихъ и приречныхъ областей Россіи. Въ числѣ лицъ, получившихъ это почетное порученіе, былъ Афанасьевъ или *Афанасьевъ-Чужбинскій*, какъ онъ сталъ подписываться съ 1853 г. Кромѣ него отправились такіе люди, какъ Островскій, Писемскій, Михайловъ, Сергѣй Максимовъ. Афанасьевъ взялъ на себя Приднѣпровье и результаты своихъ изслѣдованій изложилъ въ цѣломъ рядѣ статей, составившихъ впослѣдствіи 2-хъ-томную «Поѣздку въ Южную Россію».

Вернувшись изъ поѣздки А. опять дѣятельно взялся за литературный трудъ, который сталъ главнымъ источникомъ его существованія.

1876 г. 2) *В. Толбинъ* въ „Лицеѣ князя Безбородко". 3) *Гербель*, тамъ-же. Полный списокъ трудовъ. 4) *Гербель*, Поэзія славянъ. 5) *М. Комаровъ*, Показчикъ новоі украинскоі літератури. Кіевъ. 1883. 6) *Петровъ*, очерки исторіи укр. литер. стр. 165—169. 7) Юбил. номеръ „Пет. Листка" отъ 15 марта 1889 г. (съ портретомъ А.).

Отзывы: О „Русскомъ Солдатѣ" („Москв." 1851. № 7 кн. I. стр. 390-93. 2) „От. Зап." 1851. № 5, отд. 6; стр. 38. 3) „Совр." 1851. Т. 27, отд. 5, стр. 39. 4) „Библ. для Чт." 1853. Т. 119, отд. 6; стр. 27—39. 5) *П. Лебедева*, въ „Я. Инв." 1851. № 113 и 1852. № 207. 6) *К. К.* въ „Одес. Вѣст." 1851. № 31.

О „*Мельницѣ близъ села Ворошилова*": „Учитель" 1862. № 15. О „*Поѣздкѣ въ южную Россію*": 1) „Русск. Рѣчь" 1861, № 75. (*А. С.*).—2) „Спб. Вѣд." 1861. № 202.—3) *Кулишъ*, въ „Основѣ" 1862. № 1, 41—51.—4) „Время" 1861. № 10.—5) „Соврем." 1863. № 11.—6) „Журн. Мин. Нар. Пр." 1863. № 4, стр. 236—237 (рец. *В.*). О „*Бабушкѣ*": „Отеч. Зап." 1862. № 6, стр. 224—226. О „*Воспомин. о Т. Г. Шевченкѣ*": „Свѣточъ" 1861. № 7, стр. 38—40. О „*Словарѣ*": 1) *И. И. Срезневскій* въ „Изв. Акад. Наукъ" 1854. Т. III. 2) „Основа" 1862. № 1. О малорус. стих. его.—„Основа" 1862. № 10 въ отд. Библіографіи.

Много разъ фигурировалъ онъ и въ роли редактора. Такъ, въ 1864 году онъ основалъ «Петербургскій Листокъ», а въ 70-хъ годахъ редактировалъ «Магазинъ иностранной литературы» и газету «Новости» (1875). Былъ онъ затѣмъ и негласнымъ редакторомъ нѣкоторыхъ иллюстрированныхъ изданій. Но всѣ эти редакторствованія рѣдко длилась болѣе трехъ-четырехъ мѣсяцевъ. Послѣдніе годы предъ смертью Афанасьевъ пристроился смотрителемъ Петропавловскаго музея. Умеръ онъ въ Петербургѣ 6 сентября 1875 г.

Перечень литературныхъ произведеній Афанасьева-Чужбинскаго очень обширенъ:

1) *Свинцовая пуля.* Разсказъ («Литературныя Прибавленія къ Рус. Инвалиду», 1838, № 7, стр. 121). 2) *Пятая глава изъ романа «Чугуевскій казакъ»* (тамъ же, № 47, стр. 921). 3) *Пробужденіе.* Разсказъ («Галатея», 1839, ч. III, стр. 511). 4) *Нѣмой.* Разсказъ (тамъ же, ч. IV, стр. 284). 5) *Шестая глава из романа «Чугуевскій казакъ»* (тамъ же, ч. V, стр. 14). 6) *Термометръ.* Разсказъ («Литер. Приб. къ Рус. Инвалиду», 1839, № 19, стр. 364). 7) *Глава X изъ романа «Чугуевскій казакъ».* («Галатея», 1840, № 12). 8) *Быль.* Отрывокъ изъ дневника («Маякъ», 1840, ч. IX, стр. 1). 9) *Встрѣча.* Разсказъ («Дагеротипъ», 1842, № III). 10) *Знамя.* Солдатскій разсказъ («Журн. Военно-Учебн. Зав.», 1846, т. LXIII, № 252, стр. 353). 11) *Перстень.* Разсказъ («Иллюстрація», 1848, т. VI, № 16, стр. 241). 12) *Галлерея польскихъ писателей.* Часть I и II. «Будникъ», «Осторожнѣй съ огнемъ». Двѣ повѣсти I. Крашевскаго. Части III, IV и V. *Коллокація.* Повѣсть I. Корженевскаго. Переводъ А. Афанасьева. Кіевъ. 1851 и 1852. 13) *Русскій солдатъ.* Разсказы въ стихахъ А. Афанасьева. Части I, II и III. Кіевъ. 1851 и 1852 и Спб. 1855. 14) *Поѣздка въ землю войска Донского въ 1851 году* («Сынъ Отеч.», 1852, № 1, отд. VII, стр. 1). 15) *Письмо въ редакцію о малороссійскихъ думахъ* («Изв. Имп. Академіи Наукъ по отдѣленію рус. языка и словесности», 1853, т. II, стр. 367). 16) *Старинныя малороссійскія думы* (тамъ же, Прибавленіе, стр. 205). 17) Разборъ поэмы «Игорь, князь Сѣверскій» въ переводѣ Н. В. Гербеля («Пантеонъ», 1854, т. XIII, № 2, отд. IV, стр. 22). 18) *Сосѣдка.* Романъ въ двухъ частяхъ (тамъ же, т. XIII и XIV, № 2 и 3, отд. I, стр. 1 и 130). 19) *Письма провинціала въ провинцію.* Семь писемъ («Спб. Вѣд.», 1854, №№ 52, 61, 74, 88, 158, 170 и 196). 20) *Словарь малорусскаго нарѣчія* («Изв. Имп. Акад. Наукъ по отдѣленію рус. яз. и словесности», 1855 т. IV, Приложеніе). То же отпечатано отдѣльно, подъ заглавіемъ: Словарь малороссійскаго нарѣчія, составь А. Афанасьевымъ-Чужбинскимъ. Тетрадь I. Спб. 1855. 21) *Краткая русская исторія для простолюдиновъ.* Составилъ дядя Афанасій. Спб. 1855. 22) *Що було на серции.* Собраніе стихотвореній. Спб. 1855. 23) *Нѣсколько дней за Кубанью.* Изъ дорожныхъ записокъ («Пантеонъ», 1855, № III, стр. 1). 24) *Аулъ за Терекомъ.* Изъ дорожныхъ записокъ (тамъ же, № 8, отд. III, стр. 1). 25) *Заслуженный учитель.* Романъ въ трехъ частяхъ I. Корженевскаго. Переводъ съ польскаго (тамъ же, №№ 9, 10 и 11). 26) *Очерки охоты въ Малороссіи.* Шесть статей. («Газета Лѣсоводства и Охоты», 1855, №№ 5. 8, 10, 15, 21 и 27). 27) *Пластуны* («Современникъ», 1855, т. LI, № 5, отд. V, стр. 49). 28) *Зуавы.* Переводъ съ французскаго, тамъ же, стр. 58). 29) *Хроника современныхъ военныхъ событій* («Современникъ», 1855, т. LII, Приложеніе). 30) *Безыменные типы.* I. Чиновникъ. II. Провинціаль-

ный левъ. («Русс. Вѣст.» 1856, т. VI, № 23, отд. I, стр. 447) 31) *Общій взглядъ на бытъ приднѣпровскаго крестьянина* («Морской Сборникъ», 1856, №№ X и XIV, отд. III, стр. 1 и 45). 32) *Замѣтки о Малороссіи* («Экономическій Указатель», 1857, № XIII, стр. 289). 33) *Поѣздка на днѣпровскіе пороги и на Запорожье* («Морской Сборникъ», 1857, т. XXXII, № 11, отд. III, 1858, т. XXXIII, XXXVI, XXXVII и XXXVIII, №№ 2, 8, 9, 10 и 11 и 1859, т. XXXIX, XL, XLII, XLIII, XLIV, №№ 2, 4, 7, 8 и 11). 34) Разборъ «Крымскихъ сонетовъ А. Мицкевича» въ переводѣ Луговскаго («Атеней», 1858, ч. V, № 39, стр. 250). 35) Письма къ редактору «Экономич. Указателя» и замѣтки («Эконом. Указ.», 1858, № 31 и 45, 1859, № 24), 36) *Пылкая натура*. Безыменный очеркъ («Русское Слово», 1859, № X, отд. I, стр. 63). 37) *Рецензія на «Ужинокъ родного поля»* (тамъ же, стр. 67). 38) *Былыя замѣтки* («Рус. Міръ», 1859, №№ 44, 45 и 57). 39) *Дорожныя записки* («Рус. Слово» 1860, № I, IV и VIII, отд. III, стр. 1 и 22). 40). *Бытъ малорусскаго крестьянина* («Вѣстн. Рус. Геогр. Общества», ч. XIII, кн. 1-я, стр. 129). 41) *Поѣздка въ Южную Россію*. Часть I. Очерки Днѣпра. Спб. 1861. 42) *Воспоминаніе о Т. Г. Шевченкѣ*. Спб. 1861. 43) *Изъ корнетской жизни*. Разсказъ («Современникъ», 1861, т. LXXXVIII, № 7, отд. 1, стр. 5). 44) *Основа, южно-русскій литературный вѣстникъ* 1861 года. Рецензія («Рус. Слово», 1868, № 1, стр. 37). 45) *Землякамъ надъ гробомъ Т. Г. Шевченко* (тамъ же, № 11, стр. 46). 46) Разборъ книги «Изъ Украйны. Разсказы Г. Данилевскаго». («Основа»; 1861, январь, стр. 298). 47) *Бабушка*. Деревенскія сцены. Спб. 1862. 48) *Мельница близъ села Ворошилова*. Простонародный разсказъ дяди Афанасія. Спб. 1862. 49) Поѣздка по Днѣстру. («Морской Сборникъ», 1862, т. LVII, LIX и LXII, №№ 2, 6 и 10, стр. 410, 179 и 215) 50) *Очерки прошлаго*. Четыре части (Собр. повѣстей А.). Спб. 1863. 51) *Поѣздка въ Южную Россію*. Ч. I. Очерки Днѣпра. Ч. II—Очерки Днѣстра. 52) *Тысяча и одна ночь*. Арабскія сказки, по французскому переводу Голланда, сокращенныя для русскихъ читателей А. Афанасьевымъ-Чужбинскимъ. Спб. 1865. 53) *Днѣпръ и днѣпровскіе пороги* («Морской Вѣстникъ», 1869, № 1, стр. 24). 54) *Исторія Наполеона I*. П. Ланфре, Переводъ. 4 тома. Спб. 1865—73. 56) *Очерки прошлаго. Фаня* («Всемірный Трудъ», 1870, №№ 9—12 и отд. Спб. 1872). 56) *Очерки прошлаго. Городъ Смуровъ* («Заря», 1871, №№ 6 и 7). 57) *Петербургскіе игроки*. Романъ (тамъ же, №№ 10 и 12, 1872, № 1 и «Рус. Вѣстн.», 1872, № 2 и отд. Спб. 1872). 58) *Листопадъ*. Историческій романъ второй половины XVIII столѣтія. Соч. графа А. Ржевуцкаго. Переводъ. 2 части. Спб. 1873. 59) *Пушечное мясо*. Романъ М. Л. Ганьера. Переводъ съ французскаго. Спб. 1874.

Рядъ *стихотвореній* А. помѣщены въ «Современ.» (1838, т. XI, отд. III); «Галатеѣ» (1839, ч. I, II, III, IV, VI; 1840, № 2); «Литер. Прибавл. къ «Рус. Инв.» (1839, № 9415); «Одес. Альманахѣ», 1840, «Маякѣ» (1840, ч. V, VIII; 1842, № 7); «Пантеонѣ», 1840, № 9; «Москвитянинѣ» (1841, ч. V, № 10; 1844, ч. V, № 9); «Ласточкѣ», 1841; «Библ. для Чтен.» (1843 т. LXI, № 11, отд. I; 1844, т. LXV, № 7, отд. I); «Молодикъ», 1843, ч. II и III; «Иллюстраціи» (1848, т. VI, № 16, № 18, т. VII, № 33); «Ласточкѣ», 1859, февраль и мартъ; «Рус. Словѣ», 1861 года, № 2.

Корреспонденціи и газетныя статьи разсѣяны по «Сѣв. Пчелѣ» (1847 г. №№ 197, 199, 226, 242, 243, 292; 1848 г. № 36—37). «Рус. Инвалиду» (1847 г., №№ 85, 94, 113, 124, 156, 163, 186, 201, 205, 238, 257, 275; 1848 г., №№ 14, 52, 53); «Спб. Вѣд.» (1854 г., №№ 52, 61, 74, 88, 158, 170, 196; 1855 г., №№ 185, 193, 195; 1857 г., № 73, 150). «Рус. Дневнику» (1859 г. № 101).

Въ 1875 г. А., когда былъ редакторомъ «Новостей», помѣщалъ здѣсь разныя статейки.

Изъ перечисленнаго всего слабѣе русскія стихотворенія Афанасьева.

Нѣсколько десятковъ малороссійскихъ стихотвореній его, если предъявить къ нимъ сколько-нибудь серьезныя требованія, тоже мало замѣчательны. Но въ небогатой украинской литературѣ они занимають извѣстное мѣсто и нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, «Скажи мени правду мій добрый козаче», пользуются популярностью. Съ двумя-тремя изъ стихотвореній А. произошелъ даже такой курьезъ: ихъ приписали юношеской порѣ Шевченки и включили въ пражское изданіе (1876 г.) «Кобзаря», а ранѣе того они были напечатаны въ «Основѣ» (1861 г., № 11 и 12, 1862 г., № 8) тоже какъ раннія произведенія Шевченки.

Не блещетъ особенно выдающимся талантомъ и беллетристическая проза Афанасьева, но, все-таки, она имѣетъ свое мѣсто въ ряду третьестепенныхъ произведеній нашей изящной литературы. Очерки Афанасьева изъ офицерской и провинціальной жизни написаны живо и интересно. Особенно удалось ему обрисовать типы удальцовъ-офицеровъ изъ породы шикарей и «Бурцовыхъ, еръ и забіякъ». Менѣе интересенъ пользовавшійся одно время нѣкоторою извѣстностью романъ «Петербургскіе игроки». Онъ очень растянутъ и успѣхъ его обусловливался исключительно тѣмъ, что въ немъ были выведены многіе извѣстные петербургскіе шуллера и вообще была обрисована среда играющаго Петербурга.

Этнографическія работы А. довольно цѣнны. Онъ умѣлъ наблюдать характерныя явленія и собирать любопытныя данныя. Важнѣйшій этнографическій трудъ его—«Поѣздка въ Южную Россію»—хотя и написанъ нѣсколько фельетонно, но въ общемъ представляетъ собою довольно полную картину малорусской жизни.

«Словарь малорусскаго нарѣчія», большая часть котораго осталась въ рукописи (въ свѣтъ появилась только одна тетрадь—буквы А—З), свидѣтельствуетъ болѣе о добрыхъ намѣреніяхъ автора, чѣмъ о дѣйствительной подготовленности для подобнаго рода трудовъ. Академія, въ лицѣ Срезневскаго, отнеслась къ нему довольно благосклонно, но украинскіе ученые весьма невысокаго о немъ мнѣнія. Нужно, однако, сказать, что завзятые украинцы вообще недолюбливали Афанасьева за то, что онъ какъ-то неопредѣленно держалъ себя въ вопросахъ украинской «политики»: не то онъ шелъ за-одно съ «громадой», не то тянулъ въ сторону «москалей».

Афанасьевъ, Василій Ивановичъ, врачъ †). Р. въ 1849 г. въ орловской губ. Родители его были мѣщане. Въ 1868 г. кончилъ курсъ въ орловской гимназіи, въ 1873 г.—Мед.-Хир. Академію, причемъ получилъ золотую медаль и на 3 года былъ оставленъ при академіи. Командированный въ 1876 г. за границу, онъ, по возвращеніи, былъ назначенъ прозекторомъ анатоміи при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ. Въ настоящее время состоитъ приватъ-доцентомъ Военно-Мед. Академіи по каѳедрѣ патолог. анатоміи и имѣетъ водолечебницу.

Ему принадлежатъ слѣдующія статьи:

1) *О внѣматочномъ передвиженіи женскаго яичка* („Жур. Гист. и Физ." 1827, V, 188). 2) *О простудѣ* (Мед. Вѣст. 1873, 3). То же. Протоколы С. Рус. Вр. 1875—76, 234 и Ж. Г. Ф. и К. 1876, X. 357.—Реф. Мед. Обз. 1876, VI, 648. 3) *Омеленіе гумозныхъ опухолей*. („Жур. Гист. и Физіол." 1875, IX, 23). 4) *О развитіи раковыхъ новообразованій* (Ibid., 555). 5) *Объ участіи протоплазматическихъ элементовъ въ воспаленіи* (В.-Мед. Ж. 1875, ч. 123, II, 51—80).—Отт. дисс. на докт. мед. Спб. 1875, in 8°. 34.—Реф. Пр. С. Рус. Вр. 1875—1876, 91. 6) *О развитіи рака въ лимфатическихъ железахъ* (Ж. Г. Ф. и К. 1876, X, 162.—То же Вр. Вѣд. 1876, 21). 7) *Способъ развитія и значеніе канцелярскихъ тѣлъ Thymus* (Ж. Г. Ф. и К. 1877, XI, 177 и 263). 8) *Маріинская система въ санитарномъ отношеніи* (Здоровье 1874 и 1875, № 29 и 30). 9) *На смерть М. М. Руднева* (Мед. Вѣст. 1878, 5; некрол. его ibid, 51 и 1879, 1). 10) *Воспаленіе и нагноеніе лимфатическихъ железъ съ тифознымъ теченіемъ болѣзни* (Пр. С. Рус. Вр. 1878—79, 277). 11) *Четыре случая остраго инфекціоннаго заболѣванія съ опухолью лимфатич. железъ* (ibid., II, 328, 345, 354, 404). 12) *Тифозная форма, осложненная воспаленіемъ лимфатич. железъ, принятая при жизни за псевдолейкемію* (ibid. 1879—80, 91, 368). 13) *Гумозная опухоль матки* (ibid, 1880—81, 183, 113). 14) *О способѣ развитія псевдоміомъ* (Мед. Вѣст. 1879, 31, 32). 15) *Къ патологіи маляріиной инфекціи* (Пр. С. Рус. Вр. 1879—80, 380. (То же по нѣмецки въ Virch Archiv. 1881 Bd. 84,Heft 1.—Реф. Мед. Обз. 1881, XVI, 289). 16) *Случай большого количества свободныхъ тѣлъ въ тазобедренномъ суставѣ* (Пр. С. Рус. Вр. 1881—82, II, 138 и Газ. Бот. 1888, 12). 17) *Опытъ анализа данныхъ о смертности въ госпиталяхъ* (изъ С. Никол. госпит.) (Р. Мед. 1884, 17.—От. С. 1884, in 8°, 12). 18) Къ *казуистикѣ поврежденій шеи* (Ibid. 37).

Афанасьевъ, Дмитрій Федоровичъ, офицеръ генеральнаго штаба выпуска 1849 г. ††). Въ «Матеріалахъ для географіи и статистики «Россіи» обработалъ ковенскую губернію. Спб. 1861. Ц. 1 р. Отзывы появились: 1) «Моск. Вѣд.» 1861, № 254 и 259. 2) *Д. Семенова* въ «Жур. М. Нар. Пр.» 1861, № 12. 3) «Воен. Сб.» 1862, № 1. 4) «Нар. Бог.» 1863. № 147 и 138. 5) «Рус. Инв.» № 245 (отвѣтъ *Бобровскаго*).

---

†) *Змѣевъ*, Врачи-писатели, тетрадь 4.

††) *Глиноецкій*. Истор. очеркъ акад. ген. штаба, т. 2, стр 22.

* **Афанасьевъ**, Георгій Емельяновичъ, приватъ-доцентъ всеобщей исторіи въ новороссійскомъ университетѣ и одесскій журналистъ †). *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ*, родился 28 февр. 1848 г. въ г. Уфѣ. Отецъ его Емельянъ Егоровичъ, родомъ малороссъ, служилъ въ военной службѣ, мать его была дочь генералъ-лейтенанта Гладышева. Учился Г. Е. сначала дома, а потомъ въ оренбургской (нынѣ уфимской) гимназіи, въ которую поступилъ во 2 классъ. По собственнымъ его словамъ, любимыми его предметами были исторія, географія и физика, влеченіе же свое къ исторіи онъ объясняетъ вліяніемъ отца, разсказывавшаго своимъ маленькимъ сыновьямъ эпизоды изъ священной и русской исторіи и имѣвшаго довольно значительное количество историческихъ книгъ. Изъ преподавателей старшихъ классовъ гимназіи Г. Е. съ особой благодарностью вспоминаетъ о преподавателѣ исторіи Мих. Дмитр. Крыловѣ, подъ вліяніемъ коего онъ и рѣшился по окончаніи курса идти на историко-филологическій факультетъ. Въ 1865 г. Г. Е., лишившійся отца, по приглашенію своего дяди переселился въ Одессу, гдѣ и поступилъ въ только что открывшійся университетъ. Г. Е. самъ указываетъ, что изъ профессоровъ наибольшее вліяніе на него имѣли извѣстный славистъ В. И. Григоровичъ, проф. философіи Р. В. Орбинскій и проф. новой исторіи А. Г. Брикнеръ. По окончаніи курса (1869 г.) со степенью кандидата Г. Е. былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ всеобщей исторіи, уже будучи преподавателемъ исторіи въ одной частной женской гимназіи (и до сихъ поръ онъ не бросаетъ учительства). Когда черезъ три года Г. Е. выдержалъ устное испытаніе на степень магистра, совѣтъ университета ходатайствовалъ о посылкѣ его за границу для дальнѣйшихъ занятій, но ходатайство это не было уважено, и на нѣсколько мѣсяцевъ Г. Е. даже вынужденъ былъ прекратить свою педагогическую дѣятельность. Только при новомъ попечителѣ учебнаго округа П. А. Лавровскомъ, смѣнившемъ Н. А. Голубцова, для молодого ученаго снова была открыта университетская карьера (1881 г.), и въ мартѣ 1885 г. онъ защитилъ въ кіевскомъ университетѣ свой магистерскую диссертацію «Главные моменты министерской дѣятельности Тюрго». Около того же времени (съ февр. 1885 г.) Г. Е. сдѣлался приватъ-доцентомъ новороссійскаго

---

†) Отзывы о „Главныхъ моментахъ минист. дѣят. Тюрго": 1) „Вѣст. Евр." 1884 г. 2) „Юрид Вѣст." 1884 г. 3) „Новости" 1884 г. О „Внѣшней политикѣ Наполеона": 1) „Сѣв. Вѣст." 1886 г. 2) „Рус. Мысль" 1886 г. 3) „Истор. Вѣст." 1886 г.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

университета. Раньше, именно въ 1877 и 1878 гг., онъ завѣдывалъ политическимъ отдѣломъ одесской газеты «Правда», гдѣ помѣстилъ свыше 200 статей,—а въ 1879 г., былъ избранъ директоромъ одесскаго общества взаимнаго кредита, въ каковой должности состоитъ и понынѣ, такъ какъ она главнымъ образомъ и обезпечиваетъ его существованіе. (Ср біографическія свѣдѣнія объ А. въ «Кіевлянинѣ» и «Зарѣ» за 1885 г.)·

Сочиненія Г. Е. суть слѣдующія:

1) *Воспоминаніе о В. И. Григоровичѣ* (Сборн. Одес. Слав. общ.). 2) *Десятилѣтіе Одес. Слав. общ.* (тамъ же). 3) Публичныя лекціи: *„Два момента конституціонной исторіи Англіи XIX в.“* (Одес. Вѣст. 1883). 4) Публ. лекція *„Очеркъ дѣятельности Тюрго“* (Одес. Вѣст. 1884). 5) *Къ вопросу о децентрализаціи во Франціи XVIII в.“* (Истор. Библ. 1878), 6) *„Главные моменты министерской дѣятельности Тюрго“*. Одесса. 1884. 7) Публичная лекція *„Внѣшняя политика Наполеона III“*. Одесса. 1884. 8) Публичная лекція *„Марія Стюартъ“*. Одесса. 1888.

Изъ всѣхъ этихъ работъ наибольшее значеніе имѣетъ магистерская диссертація о Тюрго. Авторъ работалъ надъ нею съ перерывами около десяти лѣтъ, причемъ занимался и въ парижской національной библіотекѣ. Тѣмъ не менѣе критика (см. «Юрид. Вѣст.» за 1884 г.) указывала, что онъ воспользовался далеко не всѣмъ, что было написано о Тюрго, такъ что съ этой стороны въ книгѣ много пробѣловъ. Тѣмъ не менѣе трудъ этотъ даетъ о министерской дѣятельности Тюрго самое полное представленіе, какое только можно вынести о ней изъ теперешней русской исторической литературы, хотя и тутъ можно указать на важные пробѣлы, если сравнивать сочиненіе Афанасьева съ иностранными трудами о Тюрго. Кромѣ того, отношеніе автора къ знаменитому министру страдаетъ отсутствіемъ критики, откуда безусловныя похвалы его дѣятельности.

Н. Карѣевъ.

Афанасьевъ, Евгеній Ивановичъ, врачъ. См. въ концѣ наст. тома.

Афанасьевъ, Михаилъ Ивановичъ, бактеріологъ †). Родился въ 1850 г. Имѣя степень кандидата естеств. наукъ, поступилъ въ Медико-Хир. Академію, гдѣ кончилъ курсъ въ 1877 г. Въ 1881 г. защитилъ диссертацію на степень доктора медицины и былъ на 3 года командированъ за границу. Въ настоящее время состоитъ профессоромъ бактеріологіи въ Клиническомъ Институтѣ Вел. Кн. Елены Павловны и редактируетъ журналъ «Практическая Медицина».

---

†) *Змѣевъ*, Врачи-писатели.

*

Ученыя работы его:

1) *О секреторныхъ нервахъ поджелудочной железы* (В.-Мед. Ж. 1877 г., 129, II, 231—50.—Реф. Мед. Обз. 1877, VIII, 700). 2) *О сгараніи сахара въ тѣлѣ* (Вр. 1881, 17). 3) *Объ иннерваціи отдѣленія желчи, съ нѣкоторыми указаніями на происхожденіе желтухи*. Дис. докт. мед. Спб. 1881, in 8°, 171.—Изв. Вр. Вѣд. 1881, 40) 4) *Объ анатомическихъ измѣненіяхъ печени, подъ вліяніемъ гликогена и желчеобразовательной дѣятельности* (Берлинъ) (Вр. 1883, 3)—Реф. Мед. Обз. 1884, XXIII, 924. 5) *О патолого-анатомическихъ измѣненіяхъ въ почкахъ и печени при нѣкоторыхъ отравленіяхъ, сопровождаемыхъ гемоглобинуріей или желтухой* (Вр. 1883, 23, 24). 6) *О третьемъ форменномъ элементѣ крови въ нормальномъ и патологическомъ состояніяхъ и объ отношеніи его къ возрожденію крови* (мюнх. клин. Цимсена). Вр. 1884, 16—20). 7) *О микрококкахъ крупозной пневмоніи* (ibid, 22, 23). 8) *О новомъ способѣ непосредственнаго переливанія крови, подвергнутой вліянію пептона* (ibid., 24, 26.—Реф. Мед. Обз. 1884, XXII, 224). 9) *Примѣненіе способа Фрама къ изслѣдованію на микроорганизмы мокроты пневмониковъ и чахоточныхъ* (Вр. 1884, 45). 10) *О важности бактеріоскопическаго способа изслѣдованія для изученія заразныхъ болѣзней*. Спб. 1884, in 8°. защ. 12 декабря.—Изв. Вр. 1885, 6. 11) *О способахъ изслѣдованія бактерій и распознаванія главнѣйшихъ болѣзнетворныхъ представителей ихъ*. Спб. 1886, 12°, 46. Кал. Риккера. 12) *Бактеріологія азіатской холеры*. Спб. 1886. 13) *Рѣчь Либермейера* (Мед. Вѣст. 1883, 800).

О содержаніи этихъ работъ будетъ сказано въ концѣ настоящаго тома.

Афанасьевъ, Николай Сергѣевичъ, врачъ. См. въ концѣ настоящаго тома.

Афанасьевъ, Пафнутій Алексѣевичъ, математикъ †). Учился въ московскомъ университетѣ, гдѣ въ 1814 г. получилъ степень магистра физико-математическихъ наукъ, а въ 1815—16 академическомъ году преподавалъ алгебру, геометрію и тригонометрію по Лафруа и Франкеру. Имя Франкера, впослѣдствіи столь популярное у насъ, Афанасьевъ первый ввелъ въ русское университетское преподаваніе. Онъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ.

Сочиненія его: 1) *Ариѳметика или начальныя основанія науки исчисленія для начинающихъ*. М. 1814. 8°. 2) *Алгебра по руководству Франкера, Лакруа и другихъ новѣйшихъ математиковъ*. М. 2 ч. 1816. 8°. 3) *Таблицы Логариѳмовъ, простыхъ чиселъ и тригонометрическихъ линій*. Спб. 1818. 8°. 4) *Хронологическое обозрѣніе россійской исторіи*. М. 1821. 8°.

Афанасьевъ, Петръ Алексѣевичъ, проф. технологическаго института. См. въ концѣ наст. тома.

---

†) 1) „Біогр. Слов. М. Ун.", т. I, ст. 49, Зернова и 2) *Геннади*, „Слов.", т. I, стр. 55.

Афинскій, Платонъ Ивановичъ, протоіерей †). Авторъ расходящихся во многихъ десяткахъ тысячъ экземпляровъ учебниковъ: 1) *Книга для духовно-нравственнаго чтенія и первоначальнаго наставленія.* Первыя изданія ея относятся къ 60-мъ гг.; 2) «*Краткое понятіе о храмѣ, священныхъ вещахъ и лицахъ*», и 3) «*Азбука для православнаго русскаго народа*». А. р. 26 окт. 1816 г. Отецъ его былъ діакономъ въ Дмитровѣ. Учился въ дмитровскомъ дух. училищѣ Виѳанской семинаріи и на первыхъ курсахъ моск. дух. академіи. Въ 1843 г., послѣ нѣсколькихъ лѣтъ учительствованія въ звенигородскомъ и дмитровскомъ дух. училищахъ, опредѣленъ священникомъ въ московскую Іаннуаріевскую, при запасномъ дворѣ, церковь, въ которой священствовалъ вплоть до самой смерти своей— 28 янв. 1875 г.

Афонинъ, Матвѣй Ивановичъ, «Натуральной Исторіи и земледѣлія публичный ординарный профессоръ» московскаго университета конца прошлаго столѣтія ††). Происхожденія дворянскаго. Учился въ дворянской гимназіи москов. унив., гдѣ сверстникомъ и закадычнымъ другомъ его былъ Потемкинъ. По окончаніи курса (съ золотою медалью) А. вмѣстѣ съ двумя другими товарищами въ 1758 г. былъ посланъ университетскимъ начальствомъ въ кенигсбергскій университетъ. Здѣсь онъ учился болѣе двухъ лѣтъ философіи и метафизикѣ и естеств. наукамъ, а затѣмъ по распоряженію Шувалова отправился вмѣстѣ съ Алек. Карамышевымъ для изученія земледѣлія и горныхъ наукъ (Scientiae monticolares) въ славившійся тогда упсальскій университетъ, гдѣ слушалъ между прочимъ лекціи знаменитаго Линнея. Свидѣтельствомъ успѣшныхъ занятій А. въ шведскомъ унив. можетъ служить написанная имъ въ 1776 г. диссертація 1) «De usu Historiae Naturalis in vita communi», заслужившая лестный отзывъ Линнея и впослѣдствіи имъ напечатанная въ «Amoenitates Academicae Erlang» 1789, vol. VII. По возвращеніи въ Москву и выдержаніи строгаго экзамена, А. въ 1770 былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ зоологіи и ботаники. Черезъ годъ ему было поручено преподаваніе всей вообще «натуральной исторіи» съ прибавленіемъ еще «земледѣлія». Послѣдній предметъ, въ виду практическаго значенія его, А. читалъ по-русски, хотя въ основныхъ своихъ положеніяхъ держался взглядовъ, выработанныхъ на основаніи наблюденій, сдѣланныхъ надъ земледѣльческими условіями ино-

---

†) 1) „Гражд." 1875 г., № 8—9. 2) „Моск. Епарх. Вѣд." 1874 г., № 19, стр. 23

††) *Новиковъ*, Словарь, въ „Мат. по ист. рус. литер." Ефремова. 2) *Евгеній*, Словарь. 3) *В. Сахаровъ*, въ Энц. лекс. Плюшара. 3) *Щуровскій* въ „Біогр. Словарѣ, проф. моск. унив.". 4) „Энц. Слов." изд. рус., лит. и уч., V. 5) *Геннади*, Словарь.

странныхъ государствъ. Неудивительно, что понятія его объ русскихъ земледѣльческихъ условіяхъ, о русской почвѣ, напр., были довольно сбивчивы. Тѣмъ не менѣе стоявшій на высотѣ современнаго ему естествознанія Афонинъ могъ бы оставить замѣтный слѣдъ въ исторіи моск. университета, если бы не грудная болѣзнь, которая въ 1777 г. заставила его бросить каѳедру. Онъ поселился въ Крыму, гдѣ благодаря дружбѣ съ Потемкинымъ получилъ безвозмездно землю. Вмѣстѣ съ Потемкинымъ А. занимался разными агрономическими опытами, о которыхъ иной разъ дѣлалъ сообщенія въ «Труды Вол. эк. общества». Ум. въ 1810 г. въ Николаевѣ.

Кромѣ латинской диссертаціи своей А. напечаталъ три актовыя рѣчи: 2) *О пользѣ, знаніи, собираніи и расположеніи чернозему, особливо въ хлѣбопашествѣ*. М. 1771. 3) *Похвальное слово Имп. Екатеринѣ II*. М. 1774 и еще одно 4) *Похвальное слово Имп. Екатеринѣ II*. М. 1776.

* **Ахматова**, Елизавета Николаевна, современная писательница и переводчица †). *По свѣдѣніямъ, отъ нея полученнымъ*, р. 2 дек. 1820 г. въ отцовскомъ помѣстьѣ—селѣ Началовѣ, Черепаха тожъ, въ 12 верстахъ отъ Астрахани. Отецъ ея былъ сынъ контръ-адмирала Ѳед. Антип. Ахматова, мать—дочь близкаго къ Потемкину полковника Михаила Гарновскаго, извѣстныя записки котораго, весьма важныя для характеристики двора Екатерины II, напечатаны въ «Рус. Старинѣ» 1876 г. Родъ свой Ахматовы ведутъ отъ татарскаго князя Булата-Ахмата, взятаго въ плѣнъ при Иванѣ III. Литературную дѣятельность А. начала подъ псевдонимомъ *Лейла* повѣстями 1) «*Замосковная лѣтопись о нашихъ женскихъ дѣлахъ и другихъ*» («Библіот. д. чт.» 1848 г., т. 91); 2) *Вторая замосковная лѣтопись* (Ib., 1849 г., т. 98); 3) *Третья замосковная лѣтопись* (Ib. 1850 г., т. 99, 103, 104), за которыми послѣдовали: 4) «*Мачиха*» (Ib., 1851 г., т. 106 и 107). 5) «*Кандидатки на званіе старыхъ дѣвъ*» (Ib., 1852 г., т. 116). 6) «*Современный разсказъ*» (Ib., 1854 г., т. 126). 7) «*Приключеніе моей пріятельницы*» («С.Б. Вѣд.» 1855 г., № 136). 8) «*Помѣщица*» (Сборникъ въ память А. Ѳ. Смирдина, т. 3). 9) «*Вторая жена*» («С. Отеч.» 1857 г.). 10) «*Блистательная партія*»

---

†) 1) Энц. Слов. изд. рус. уч. и лит., т. 5. 2) Альбомъ М. Н. Семевскаго. 3) *Кн. Н. Н. Голицынъ*, Библіогр. Словарь рус. писательницъ. 4) *Березинъ*, Энцик. Словарь. 5) *Толь*, Настольный Словарь, дополненія. Отзывы объ „Замоск лѣтописи“ у *Дружинина*, т. 6. О „Мачихѣ“ въ „От. зап.“ 1851 г. т. 77.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

(Ib., 1858 г., № 15 и 16). 11) *«Три дня въ жизни молодого человѣка»* («Собр. Иностр. романовъ» 1881 г., юбилейный нумеръ). 12) *Завѣщаніе* (Ib., 1882 г.).

Въ свое время первыя повѣсти А., написанныя гладко и вполнѣ литературно, обращали на себя нѣкоторое вниманіе критики. Такъ, напр., Дружининъ въ «Письмахъ иногороднаго подписчика» говорилъ довольно часто о «Замосковной лѣтописи». Тѣмъ не менѣе А. недолго подвизалась на поприщѣ оригинальной беллетристики и со средины 1850-хъ годовъ всецѣло посвятила себя переводческой дѣятельности. Переводить Ел. Ник. начала еще въ 1849 г. и уже за годы 1849—1855 помѣстила множество переводныхъ романовъ и мелкихъ статей въ «Библ. для Чтенія» и «Отеч. Зап.». Но съ 1856 г. переводческая дѣятельность А. принимаетъ какіе-то колоссальные размѣры. Въ этомъ году она основываетъ ежемѣсячный журналъ «Собраніе иностранныхъ романовъ», который продержался до 1885 г. и все время почти исключительно составлялся изъ переводовъ издательницы. За тридцать лѣтъ существованія своего журнала Ахматова помѣстила въ немъ *болѣе трехсотъ* переводныхъ романовъ! А кромѣ того Ел. Ник. еще находила время издавать въ 1864—65 и 66 гг. дѣтскій журналъ «Досугъ и Дѣло» и въ 1867—68 гг. «Сборникъ переводовъ» съ иллюстраціями. Въ 1860 г. она помѣстила перев. романъ «Четыре Георга» въ «Рус. Вѣст.», въ 1885 г. вышелъ отдѣльною книгою переведенная ею книга «Маленькій герой».

«Собраніе иностранныхъ романовъ» пользовалось большою популярностью въ провинціальной публикѣ средней руки, и если прекратилось въ 1885 г., то не по недостатку подписчиковъ, а потому, что, какъ заявила издательница, смерть единственнаго близкаго ей лица лишила ее охоты продолжать хлопотливое дѣло веденія ежемѣсячнаго журнала. При выборѣ книгъ для перевода редакція «Собр. романовъ» не столько руководствовалась литературными достоинствами, сколько «занимательностью». Большею частью она останавливалась на Понсонъ-дю-Терайлѣ, Ксавье-де-Монтепенѣ, Эмарѣ, Габоріо и т. п. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ «Собр. романовъ» появилось не мало вещей Жоржъ-Занда, Виктора Гюго, Тролопа, Гаклендера, Шпильгагена, Уйда, Андре Лео, Бульвера.

Ахматовъ, профессоръ химіи. См. въ концѣ наст. тома.

Ахматовъ, И. Составилъ *«Атласъ геогр., историч. и хронол. рос. государства на основаніи исторіи Н. М. Карамзина»*. 71 раскр. карты. Послѣднее изд. Спб. 1845 г. Ц. 10 р. (Отзывы: 1) «Сѣвер.

Пчела» 1829 г., № 105. 2) Ibid., 1831 г., № 190. 3) «Отеч. Зап.» 1845 г. № 11).

Ахматовъ, Ив. При помощи сочиненій де-Лапорта и Краузе составилъ «Итальянскую или опытную Бухгалтерію». Спб. 1809. 4°. Томъ 1. Второй томъ былъ обѣщанъ, но не вышелъ (Соп. 4946).

***Ахшарумовы**, семья русскихъ литераторовъ и ученыхъ, происхожденія армянскаго. *По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Дмитр. Дмитріев. Ахшарумовымъ*, родоначальникъ русскихъ Ахшарумовыхъ (собственно Ашхерумовыхъ) былъ переводчикомъ у послѣдняго грузинскаго царя Вахтанга и вмѣстѣ съ нимъ переселился въ прошломъ столѣтіи въ Россію. Въ русской литературѣ Ахшарумовы имѣютъ слѣдующихъ представителей:

Ахшарумовъ, Владиміръ. Помѣстилъ въ Сборникѣ «Весна» 1859 г., изд. Н. Ахшарумовымъ, рядъ стихотвореній, оригинальныхъ и переводныхъ съ литовскаго.

***Ахшарумовъ**, *Дмитрій Дмитріевичъ*, современный врачъ †), приходится сыномъ Дм. Ив. Ахшарумову и братомъ Николаю и Ивану Дмитріевичамъ. *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ*, родился 14 мая 1823 года въ Петербургѣ; воспитывался въ 1-й петерб. гимназіи и по окончаніи курса въ ней въ 1842 г. поступилъ на восточный факультетъ петер. унив., откуда въ 1846 году былъ выпущенъ со степенью кандидата. Въ 1847 г. опредѣлился въ мин. иностр. дѣлъ, имѣя въ виду современемъ получить мѣсто при одной изъ нашихъ азіатскихъ миссій. Но 22 апр. 1849 г. А. былъ арестованъ, какъ прикосновенный къ дѣлу Петрашевскаго. Послѣ 8-мѣсячнаго заключенія въ Петропавловской крѣпости онъ, вмѣстѣ съ остальными Петрашевцами, сначала былъ приговоренъ къ смерти, а затѣмъ, послѣ выведенія на Семеновскій плацъ для совершенія казни, послѣдняя была ему замѣнена отдачею на 4 года въ арестантскія роты военнаго вѣдомства, съ опредѣленіемъ, по отбытіи

---

†) 1) *Змѣевъ*, Врачи-писатели, т. 1 и 3. 2) «Общество пропаганды въ 1849 г.» Лейпцигъ. 1875 г.

Отзывы: Объ «Устрицѣ»: 1) «Архивъ суд. мед.» 1870 г., № 2 (іюнь), стр. 30. 2) «Голосъ» 1870 г., № 104. 3) «Сѣдлец. Губ. Вѣд.» 1870 г., № 33.

Отзывы о «Матеріалахъ для эпидеміологіи холеры»: *А. И. Доброславинъ* въ «Воен. Мед. Жур.» 1873, ч. 118, VIII. О «Матеріалахъ для эпидеміологіи дифтерита»: 1) *И. А. Петровскій*, «Мед. Вѣст.» 1879, 49. 2) *Ксензенко*, «Врач. Вѣдом.», 1879, № 369, «Здор.» 1879, № 125.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

этого срока, въ рядовые кавказской арміи. Въ арест. ротахъ въ Херсонѣ А. пробылъ, однако же, только 18 мѣс., послѣ чего былъ переведенъ рядовымъ въ Малую Чечню, въ расположенный въ укрѣпленіи Ачкой Сунженской линіи 7 линейный баталіонъ. Во всѣхъ многочисленныхъ походахъ и экспедиціяхъ этого батальона А. принималъ дѣятельное участіе. Въ ноябрѣ 1854 г. его произвели въ унтеръ-офицеры, а въ 1856 г., послѣ того, какъ онъ по собственному желанію былъ переведенъ въ находившійся на театрѣ войны (подъ Ахалцыхомъ) Виленскій полкъ—въ прапорщики. Черезъ годъ онъ вышелъ въ отставку и получилъ разрѣшеніе поступить на медицинскій факультетъ дерптскаго унив., а въ 1858 г. ему дозволили перейти въ Медик.-Хирург. Акад., гдѣ онъ и окончилъ курсъ въ 1862 г. съ награжденіемъ серебр. медалью. Послѣ двухъ поѣздокъ за границу, предпринятыхъ съ научною цѣлью, А. въ 1866 г. за диссертацію о «Дѣйствіи аконита на животный организмъ» былъ удостоенъ Мед.-Хир. Академіею степени доктора медицины. Медицинскую службу А. проходилъ во 2-мъ военно-сухопут. госпиталѣ, въ одесскомъ карантинѣ, въ каменецъ-подольской городской больницѣ; въ Херсонѣ—въ должности губерн. врачебнаго инспектора и наконецъ съ 1873 по 1882—въ должности полтавскаго врачебнаго инспектора. Въ 1882 г. вышелъ въ отставку въ чинѣ дѣйств. стат. совѣтника. Живетъ въ настоящее время въ Полтавѣ.

Научные труды Ахшарумова:

1) „*О дѣйствіяхъ аконитина*".Спб. 1866 г. Докторская дис., первоначально появившаяся на нѣм. яз. „Archiv f. Anat. Phys. unelwissenschaft. Med." Рейхерта и Дюбуа-Реймона. Въ свое время составляла цѣнный научный вкладъ и до сихъ поръ цитируется во всѣхъ сочиненіяхъ по токсикологіи.

2) «*О леченіи внутреннихъ болѣзней (сифилисъ и малокровіе) способомъ подкожныхъ впрыскиваній*». Брошюра изд. въ Спб. 1867 и затѣмъ напечатанная въ «Воен.-Мед. Журналѣ» (въ 1868 г.).

3) «*О содержаніи въ устрицахъ желѣза*» (Мед. Вѣст. 1869, 45, 47). 4) *Устрица въ гигіеническомъ, врачебномъ и практическомъ отношеніяхъ.* 5) *Опыты надъ дѣйствіемъ воднаго хлорала* (Мед. Вѣст. 1870, 12—18. Съ И. П. Мержеевскимъ). 6) *О внутреннемъ употребленіи карболовой кислоты* (ibid., 1872, 2). 7) *Холерная эпидемія въ Херсонѣ* въ 1872 г. (Сбор. соч. суд. мед. 1873, т. I, II, 80—81). От. Спб. 1873, 8⁰ (Матеріалы для эпидеміологіи холеры). 8) *Санитарныя мѣры.* Отвѣтъ на мнѣніе коммиссіи херсонскихъ врачей. Съ Кирякинымъ (Днев. Каз. Врач. 1873, 223—239, «Мед. В.» 1874 г., 9—11, съ Кирякинымъ же), 9) «*Питательность и польза устрицъ*» (Мед. Обозр. 1877 г., VII, 1868). 10) *Сифилисъ въ Полтавской губерніи* (Московъ. Мед. газ. 1877, 21, 22). 11) *Матеріалы для эпидеміологіи дифтерита.* Полтава. 1878. 8⁰. Реф. Мед. Обозр. 1878, IX, 536.—То же, Полтава. 1879, 8⁰. 12) *Дифтеритъ въ Полтавской губ. въ 1876, 77 и 78 годахъ.* Полт. 1879, 8⁰. То же. 1879. Полт. 1880, 8⁰. 13) *Злая корча или отравленіе спорыньей.* Полт. 1883,

8°. 14) *Случай дегенеративнаго психоза* (Арх. Ковал. 1883, III, 33.—Реф. Мед. Обозр. 1884, XXI, 23). 15) *Объ оспопрививаніи*. Полт. 1884, 8°: 50 стр. 16) *Современный взглядъ на санитарное значеніе домовъ терпимости и осмотра проститутокъ*. Полтава. 1886, 8°.

Переводы и компиляціи: 1) *Ферстеръ*, Руководство къ патологической анатоміи Спб. 1860—61 г. 2 ч. 2) «Болѣзни сердца», сост. по Бамбергеру и Нимейеру, Спб. 1861 года.

Своею литературной и общественно-санитарной дѣятельностью Д. Д. пріобрѣлъ лестную извѣстность среди русскихъ врачей. Не было въ теченіе послѣднихъ лѣтъ ни одного крупнаго общественно-санитарнаго дѣла, на которое онъ бы не отозвался съ особой чуткостью. Занимая многіе годы административную должность въ званіи губернскаго врачебнаго инспектора, Ахшарумовъ всегда выказывалъ себя особеннымъ приверженцемъ земской медицины и въ ея успѣхахъ не только не видѣлъ посягательства на права администраціи, но, по мѣрѣ силъ и возможности, содѣйствовалъ ей въ рѣшеніи многихъ санитарныхъ общественныхъ вопросовъ. Одной изъ симпатичныхъ сторонъ этого общественнаго дѣятеля нужно признать его замѣчательную самостоятельность и твердость въ отстаиваніи своихъ убѣжденій.

Многочисленныя литературныя работы доктора Ахшарумова относятся не только къ различнымъ научнымъ вопросамъ, но еще болѣе касаются общественныхъ темъ. Во всѣхъ своихъ трудахъ онъ обнаруживаетъ широкую эрудицію, чрезвычайно добросовѣстное отношеніе ко мнѣніямъ своихъ противниковъ, никогда не игнорируя ихъ сильныхъ сторонъ и стараясь sine ira et studio всесторонне ознакомиться съ трактуемымъ предметомъ.

Изъ его работъ исключительно научнаго содержанія слѣдуетъ отмѣтить: 1) *О дѣйствіи аконитина* (докторская диссертація),—работа, произведенная въ клиникѣ проф. Бессера въ Петербургѣ и физіологической лабораторіи Дюбуа-Реймона въ Берлинѣ. Вслѣдъ за подробнымъ изложеніемъ литературы, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на случаи отравленія аконитомъ, авторъ описываетъ свои опыты надъ дѣйствіемъ нѣмецкаго аконитина надъ лягушками, млекопитающими и птицами и приходитъ къ заключенію, что аконитинъ нарушаетъ и останавливаетъ дѣятельность сердца, органовъ дыханія, парализуя двигательные нервы произвольныхъ мышцъ, и что ядъ распространяется черезъ кровь. На основаніи своихъ опытовъ А. рекомендуетъ аконитинъ въ процессахъ, при которыхъ нужно понизить дѣятельность сердца и давленіе крови при нѣкоторыхъ формахъ судорогъ.

Заслуживаетъ вниманія работа Ахшарумова объ устрицахъ, издавна

пользовавшихся извѣстностью, какъ хорошее питательное средство. Д. Д. химическими изслѣдованіями показалъ ихъ богатство желѣзомъ, а тѣмъ самымъ ихъ полную пригодность для леченія многихъ болѣзней, какъ, напримѣръ, при ослабленіи силъ отъ малокровія или истощенія всего организма, при хроническихъ катаррахъ пищевыхъ путей, при болѣзняхъ сердца и сосудовъ и т. д.

Говоря о трудахъ Д. Д., нельзя не остановиться на его «Запискѣ объ оспопрививаніи», читанной на 2-мъ съѣздѣ земскихъ врачей полтавской губ., въ которой докладчикъ, на основаніи литературныхъ данныхъ, статистики и личныхъ наблюденій, рѣзко отрицаетъ пользу оспопрививанія, подвергаетъ сомнѣнію доводы защитниковъ его и настаиваетъ на общемъ улучшеніи гигіеническаго положенія массы, видя въ немъ лучшую гарантію отъ всевозможныхъ эпидемій. «Люди погибаютъ отъ голода, стужи, бѣдности, душевныхъ страданій, а мы, беззаботно относясь ко всему остальному, все будемъ тратить и средства, и трудъ, и время на одну только вакцинацію, оставляя въ полномъ пренебреженіи самыя необходимыя требованія гигіены». Нисколько не отрицая всей важности гигіены для народа, борьбы съ голодомъ, стужей, бѣдностью, все же нельзя не признать все ученіе противниковъ оспопрививанія не выдерживающимъ самой снисходительной критики. Оспопрививаніе имѣетъ опредѣленную цѣль: предохранить населеніе отъ оспенныхъ эпидемій. Гдѣ оно организовано, гдѣ оно существуетъ, какъ обязательная мѣра, тамъ эпидеміи совершенно устраняются, хотя бы вокругъ этихъ мѣстъ оспа похищала многочисленныя жертвы. Блестящія доказательства представляетъ тому санитарная статистика германской имперіи, въ которой случаи оспенныхъ заболѣваній единичны; помимо того, новѣйшія данныя бактеріологіи и теоретически вполнѣ подтверждаютъ раціональную основу прививки животной вакцины. Крайне печально, что противники оспопрививанія нашли защитника въ лицѣ столь выдающагося ученаго, какъ Д. Д.

Съ неменьшимъ прискорбіемъ нужно признать, что и фарисейское ученіе аболюціонистовъ нашло также горячаго и убѣжденнаго приверженца въ лицѣ доктора Ахшарумова. Ученіе аболюціонистовъ возникло недавно и, къ сожалѣнію, дѣлаетъ успѣхи и въ Россіи. Сущность его состоитъ въ требованіи отмѣны какой бы то ни было регламентаціи проституціи. Оно возникло въ Англіи, этой удивительной странѣ своеобразныхъ противорѣчій, гдѣ, наряду съ фанатическимъ уваженіемъ свободы личности, уживаются и формы самаго строгаго подчиненія ея рутиннымъ и испоконъ вѣковъ установившимся традиціямъ и обычаямъ. Въ этой странѣ, гдѣ промышленность всякаго рода подчинена самымъ строгимъ правиламъ, касающимся всѣхъ деталей взаимныхъ отношеній фабрикантовъ и рабо-

чихъ, фабрикантовъ и окрестнаго населенія, проституціонный промыселъ, разлагающій нравственность молодежи, распространяющій величайшее санитарное бѣдствіе—сифилисъ и т. п., пользовался до недавняго прошлаго безусловной свободой. Грандіозные размѣры зла, вытекавшіе изъ такого положенія вещей, побудили парламентъ еще въ 1864 году обнародовать билль, въ силу котораго въ 11 городахъ и мѣстечкахъ мировые судьи могли предписывать періодическіе врачебные осмотры женщинъ, замѣченныхъ въ профессіональномъ развратѣ. Упомянутое постановленіе парламента было вызвано требованіемъ министровъ морского, военнаго и внутреннихъ дѣлъ и обусловливались чрезмѣрнымъ развитіемъ венерическихъ страданій среди войскъ и матросовъ. Несмотря на то, что введенный въ силу билль сразу оказался рѣзкимъ паденіемъ числа больныхъ, тѣмъ не менѣе агитація противъ принудительнаго осмотра женщинъ приняла громадные размѣры. Во главѣ ея стала миссъ Бутлеръ, разъѣзжавшая по всей Англіи и Европѣ для пропаганды своихъ идей и основавшая въ сообществѣ съ другими аболюціонистами (такое названіе придали себѣ противники регламентаціи) — «Британскую континентальную и генеральную федерацію», цѣль которой — борьба съ регламентаціей проституціи и обязательнымъ осмотромъ женщинъ. Въ своей агитаціи аболюціонисты на знамени своего ученія выставляли такія начала, которыя не могли не обманывать незнакомыхъ съ сущностью дѣла лицъ и не привлечь къ нимъ сочувствія массъ. По какой-то непостижимой логикѣ и путемъ извращенія всѣхъ извѣстныхъ фактовъ, недобросовѣстной подтасовкой отдѣльныхъ случаевъ злоупотребленій, а самое главное—общими фразами о «правахъ, достоинствахъ и чистотѣ цѣлой половины человѣческаго рода» — федерація добилась привлеченія къ себѣ многочисленныхъ приверженцевъ, въ концѣ-концовъ поставившихъ на своемъ и добившихся отмѣны законодательнаго акта 1864 г. Здѣсь не мѣсто входить въ подробный разборъ ученія аболюціонистовъ, но, безспорно, факты это доказываютъ самымъ убѣдительнымъ образомъ, что осуществленіе ихъ требованій сопровождается не только рѣзкимъ ухудшеніемъ санитарнаго состоянія населенія, но кончается еще болѣе полнымъ порабощеніемъ проститутокъ, не находящихъ въ законѣ даже той малой защиты отъ произвола ихъ хозяевъи хозяекъ, которую онъ имъ давалъ по сіе время. Вотъ почему уже теперь въ странѣ, гдѣ зародилось это ученіе—въ Англіи, возникла сильная контръ-агитація, въ которой приняли участіе самые выдающіеся представители медицины, государственнаго права, духовнаго сословія и, что очень характерно, даже сами проститутки обращались въ парламентъ съ петиціями о введеніи регламентаціи.

Агитація аболюціонистовъ, поднявшая бурю во всей Европѣ, какъ

прибрежныя волны докатилась и до береговъ Россіи. И у насъ, гдѣ она всего менѣе умѣстна, въ виду особенныхъ культурныхъ условій жизни населенія, она нашла страстныхъ и горячо убѣжденныхъ адептовъ. Во главѣ ихъ, по талантливости и возможно серьезному отношенію, долженъ быть поставленъ Д. Д. Ахшарумовъ. Этотъ испытанный защитникъ человѣческихъ правъ, всю свою жизнь ставившій на первомъ планѣ уваженіе къ человѣческой личности, не могъ не подкупиться ученіемъ, въ которомъ все сводится якобы на уваженіе къ самымъ высокимъ и гуманнымъ принципамъ нашего времени. Въ блестящемъ докладѣ, читанномъ въ полтавскомъ обществѣ врачей, онъ яркими красками рисуетъ шаткіе доводы аболюціонистовъ и находитъ, что «отъ сифилиса—проституціоннаго—такъ же, какъ и отъ многихъ другихъ золъ, которымъ подвержены всѣ мы, при настоящихъ условіяхъ нашей жизни, есть только одно спасеніе — жить по совѣсти, нравственно, честно, по закону христіанскому, относясь съ одинаковымъ уваженіемъ и участіемъ къ положенію женщинъ, какъ и къ своему собственному. Не проституцію надо регулировать, а нашу собственную жизнь надо регулировать, въ обширномъ значеніи этого слова, во всѣхъ ея возрастахъ, начиная съ дѣтскаго, вселяя въ дѣтяхъ нашихъ глубокое убѣжденіе въ томъ, что самообладаніе, воздержаніе и трудъ составляютъ силу и достоинство всей жизни».

Въ небольшомъ приведенномъ нами отрывкѣ чрезвычайно характерно отражается вся логика аболюціонистовъ. Ни одинъ изъ защитниковъ регламентація не станетъ отрицать всей желательности регулированія нашей собственной жизни и лучшихъ пріемовъ воспитанія нашихъ дѣтей, но почему не стремиться въ то-же время, чтобы больная проститутка, въ интересахъ ея собственнаго здоровья и здоровья ея потребителей, не была изъята изъ своей среды, помѣщена въ больницу впредь до своего излеченія. Аболюціонисты въ отвѣтъ на это, кромѣ общихъ мѣстъ о достоинствѣ человѣческой личности, ничего не говорятъ. Правда, на иныхъ своихъ конгрессахъ они приводили какую-то статистику въ подтвержденіе своихъ ученій, но статистика оказалась самымъ недобросовѣстнымъ подборомъ произвольныхъ и даже завѣдомо ложныхъ цифръ. Кто знакомъ съ условіями распространенія сифилиса среди русскаго народа, кто знаетъ грустные факты, какъ отходчикъ—крестьянинъ, заразившись сифилисомъ отъ больной проститутки, является потомъ у себя въ деревнѣ центромъ распространенія заразы, доводя родное селеніе до повальнаго зараженія всѣхъ его жителей, ни на минуту не усомнится во всей опасности практическихъ успѣховъ этого ученія. Если мы считаемъ государство въ правѣ препятствовать распространенію болѣзней, возникающихъ вслѣдствіе продажи недоброкачественныхъ продуктовъ питанія,

привлеченіемъ къ уголовн. отвѣтственности недобросовѣстныхъ торговцевъ, то почему государство, путемъ безплатнаго леченія больныхъ проститутокъ, не должно препятствовать распространенію самой страшной изъ всѣхъ существующихъ болѣзни, которая отражается не только на заболѣвшемъ, но и на всѣхъ приходящихъ съ нимъ въ тѣсное общежитейское соприкосновеніе (ѣда, питье, пользованіе общими предметами потребленія и т. под.) и даже на ни въ чемъ неповинномъ потомствѣ. Сифилисъ въ настоящее время величайшее санитарное бѣдствіе; онъ не только подрываетъ здоровье живущихъ, но вноситъ элементъ вырожденія и вымиранія въ грядущія поколѣнія и можетъ обезлюдить цѣлые края. Проституція—самый опасный въ качественномъ отношеніи агентъ распространенія сифилиса. Вотъ почему слѣдуетъ и нельзя не сочувствовать мѣрамъ, направленнымъ къ борьбѣ съ *причинами* проституціи, но съ послѣдней, какъ съ существующимъ фактомъ, нельзя не считаться.

Этихъ основныхъ положеній Д. Д. не признаетъ. Сокрушаясь по поводу существованія проституціи, онъ видитъ главное зло и причины распространенія ея—въ регламентаціи и находитъ, что она должна быть безотлагательно отмѣнена.

Изъ другихъ работъ Д. Д. заслуживаютъ вниманія «Сифилисъ въ Полтавской губ.» и особенно его многочисленныя работы о дифтеритѣ въ Полтавской губ. Это образцовыя медико-статистическія изслѣдованія, произведенныя крайне добросовѣстно и всесторонне. Въ общемъ, дѣятельность Д. Д. оставила широкій и весьма замѣтный слѣдъ въ русской санитарной общественной литературѣ.

Г. М. Герценштейнъ.

Ахшарумовъ, *Дмитрій Ивановичъ,* военный писатель †). Род. въ 1792 г., воспитывался въ 1 кадетскомъ корпусѣ и принималъ дѣятельное участіе въ кампаніи 1812 г., въ особенности въ битвѣ подъ Малоярославцемъ. По возвращеніи изъ заграницы, гдѣ онъ находился въ оккупаціонномъ корпусѣ, издалъ въ 1819 г. *первое* систематическое описаніе отечественной войны, въ свое время имѣвшее поэтому значеніе и затѣмъ до конца жизни занятъ былъ редакціею Свода военныхъ постановленій. Ум. 13 янв. 1837 г. въ чинѣ генералъ-маіора. Портретъ его, гравированный въ Парижѣ, находится въ собраніи Д. А. Ровинскаго.

* **Ахшарумовъ,** Иванъ Дмитріевичъ, сынъ Дмитрія Ивановича и братъ

---

†) 1) Воен. Энц. 2) Геннади, Словарь.

* *означаются* статьи, имѣющія характеръ *первоисточника.*

Дмитрія и Николая Дмитріевичей Ахшарумовыхъ †). *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ* р. 8 іюня 1831 г., учился въ петербургскомъ университетѣ, гдѣ кончилъ курсъ кандидатомъ физико-математическаго факультета. Службу проходилъ въ военномъ министерствѣ и въ семидесятыхъ годахъ занималъ должность военнаго прокурора петербургскаго военно-окружнаго суда. Во время послѣдней войны состоялъ при главнокомандующемъ дѣйствующею арміею въ качествѣ завѣдующаго военно-судною частью арміи. Вскорѣ затѣмъ онъ, въ чинѣ тайнаго совѣтника, вышелъ въ отставку.

И. Д. Ахшарумову принадлежатъ: 1) Рядъ небольшихъ статей юридическаго характера въ газетахъ и «Журналѣ Гражд. и Уг. Права». 2) Брошюра «О дисциплинарныхъ взысканіяхъ, налагаемыхъ на нижнихъ чиновъ». Изд. 2-е. Спб., 1864. и нелишенный занимательности романъ: 3) «*Потомокъ рода Ветрищевыхъ*», начатый въ «Дѣлѣ» 1884 г., но, вслѣдствіе пріостановки выхода этого журнала, конченный въ «Наблюдателѣ» 1885 г.

Ахшарумовъ, Николай Дмитріевичъ, романистъ и критикъ. См. въ концѣ наст. тома.

Ацарити. См. Азарити.

А—цъ, псевдонимъ С. С. Окрейца.

А—чъ, Н. Т., псевдонимъ Ник. А. Трохимовскаго.

Ашикъ, Антонъ Балтазаровичъ ††) археологъ изъ далматинскихъ сербовъ, родился въ Рагузѣ въ 1802 году и въ 1812 году съ отцомъ своимъ переселился въ Одессу, гдѣ сначала отданъ былъ въ купеческую контору, но въ 1817 г. перешелъ на службу въ канцелярію херсонскаго военнаго губернатора гр. Ланжерона. Въ 1822 г. А—къ переведенъ въ г. Керчь въ коммиссію учрежденную для производства мѣновой торговли съ кавказскими горцами, затѣянной одесскимъ негоціантомъ изъ Генуи Р. Скасси: но такъ какъ чрезъ нѣсколько времени оказалось, что Скасси велъ дѣла крайне недобросовѣстно и подъ видомъ разныхъ товаровъ до-

---

†) *Ооболевскій*, «Правовой порядокъ въ войскахъ». Спб. 1884 г. Здѣсь сообщаются свѣдѣнія (неблагопріятныя) о служ. дѣятельности А., что повело къ процессу.

††) Некрологъ его написанъ Н. Мурзакевичемъ въ Запискахъ Импер. Одесскаго общества исторіи и древностей т. V, стр. 315; Геннади. Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ. Т. I, стр. 51; Сѣвер. Пчела, 1854, № 184.

ставлялъ горцамъ вещи не только не способствующія ихъ образованію, а по преимуществу военную контрабанду, то онъ былъ удаленъ, предпріятіе это прекращено (въ 1829 г.) и А—къ перешелъ на службу сначала къ кавказскому генералъ-губернатору, а въ слѣдующемъ 1830 г. переведенъ снова въ г Керчь, гдѣ въ то время градоначальникомъ былъ извѣстный археологъ Стемпковскій. Благодаря покровительству и руководству послѣдняго, а также и директора керченскаго музея Бларамберга, А—къ познакомился съ мѣстными древностями, пристрастился къ археологіи и сталъ заниматься раскопкою окрестныхъ кургановъ, былъ назначенъ по смерти Бларамберга (въ 1833 г.) директоромъ керченскаго музея и въ 1839 г. былъ избранъ въ д. члены одесскаго общества исторіи и древностей. Энергически продолжая раскопки, А—ку удалось сдѣлать очень много драгоцѣнныхъ открытій и отыскать масоу интересныхъ и важныхъ предметовъ, обогатившихъ Императорскій эрмитажъ, за что онъ получилъ нѣсколько денежныхъ и почетныхъ наградъ (ордена Св. Владиміра 4 ст., Анны 2 ст. и Станислава 2 ст. и чины до надворнаго совѣтника); кромѣ того, онъ три раза (въ 1841, 1842 и 1845 гг.) былъ командированъ заграницу съ научною цѣлью, гдѣ вступалъ въ оношенія съ нѣкоторыми изъ европейскихъ ученыхъ, чрезъ посредство которыхъ доставлялъ свои труды къ иностраннымъ дворамъ, получалъ иностранные ордена (Прусскій Краснаго орла, Датскій Данеброга и Баварскую медаль) и почетные подарки. Раскопки свои А—къ производилъ безъ всякой системы, безъ веденія журнала и даже безъ необходимаго тщательнаго присмотра, многія вещи ускользали изъ его рукъ отъ недосмотра и попадали въ заграничные музеи, что вызывало совершенно справедливыя нареканія на А—ка. Серьезныя недоразумѣнія, вызвавшія въ 1852 г. вмѣшательство въ дѣло керченскихъ раскопокъ министра вн. дѣлъ гр. Л. Перовскаго по поводу двухъ найденныхъ въ Керчи мраморныхъ статуй, открытіе которыхъ А—къ приписывалъ себѣ и г. Арпѣ, послужили поводомъ къ увольненію его отъ службы въ керченскомъ музеѣ, послѣ чего А—къ былъ причисленъ къ канцеляріи новороссійскаго генералъ-губернатора, переселился въ Одессу, а съ 1853 г. занялъ кромѣ того должность библіотекаря городской публичной библіотеки, состоя въ которой скончался 26 мая 1854 г.

Сочиненія А—ка а) изданныя отдѣльными книгами:

1) Измѣнница, повѣсть. Одесса, 1837 г. 2) Керченскія древности. О Пантикапейской катакомбѣ, украшенной фресками. Од. 1845, fol° съ XII табл. рисунковъ [1]). 3) Воспорское царство съ его палеографическими

[1]) Отзывы: «Иллюстрація», 1846, № 36. «От. Зап.», 1846, № 11. «Совр.», 1846, октябрь, т. XLIV; самый обстоятельный «Финскій Вѣстн.», 1847, іюль, *статья* Кене.

и надгробными памятниками. Од. 1848, in 4°, 366 [1]). 4) Часы досуга съ присовокупленіемъ писемъ о керченскихъ древностяхъ. Од. 1850. 8°, съ VIII табл. рисунковъ [2]). 5) De la decouverte de deux statues antiques à Kertsche. Od. 1851. 8° [3]).

b) Въ журналахъ:

1) Керченскія катакомбы. Ж. М. Вн. Д., т, X (1845). 2) О последнихъ археологическихъ раскопкахъ въ Керчи. idid. т. XIV (1846). 3) Археологическія разысканія на Таманскомъ полуостровѣ. ibid. т. XVII (1847). 4) Ив. А. Стемпковскій (некрологъ). Зап. Одес. Общества исторіи и древностей, т. V.

Всѣ сочиненія А—ка представляютъ двѣ совершенно противоположныя стороны. Одна—обнародованіе памятниковъ превности съ довольно тщательно составленными рисунками, вполнѣ заслуживаетъ уваженія и доставила автору справедливую признательность ученыхъ; одно сочиненіе (Воспорское царство) удостоено даже малой демидовской преміи и поэтому трудами А—ка до сихъ поръ пользуются ученые археологи. (См. недавно вышедшее сочиненіе г. И. Толстого и Н. Кондакова «Русскія древности въ памятникахъ искусства выпускъ 1-й, стр. 103). Если бы нашъ авторъ и ограничился только изданіемъ открытыхъ имъ и вообще проходившихъ чрезъ его руки древнихъ памятниковъ (какъ это совѣтовали ему самые серьезные рецензенты его трудовъ гг. Кене и Муральтъ), обращая все свое вниманіе на точность рисунковъ и ограничиваясь ихъ простымъ описаніемъ, труды А—ка, потерявъ двѣ трети своего объема, значительно бы выиграли въ своемъ содержаніи. Но А—къ желалъ, съ другой стороны, дать вмѣстѣ съ изданіемъ и научное толкованіе, опредѣлить значеніе издаваемыхъ имъ памятниковъ, для чего у него вовсе не было подготовки. Не зная классическаго греческаго языка (новогреческій онъ повидимому зналъ) и плохо зная по латыни (какъ доказалъ ему Муральтъ), совершенно незнакомый съ научной литературой по классической археологіи и вообще, можно сказать, безъ всякаго научнаго образованія, онъ съ крайнею безцеремонностью брался за рѣшеніе историко-географиче-

[1]) «Отеч. Зап.», 1848, кн. 4; «Совр.», 1848, кн. 6; подробный разборъ Муральта на нѣмецкомъ языкѣ въ 18-мъ присужденіи Демидовскихъ наградъ.

[2]) «Совр.», 1851, XXXVI; «Сынъ Отеч.», 1851, № 3. «Библ. д. Чт.», 1851, т. CIX; «Отеч. Зап.», 1851, № 5; «Сѣв. Пчела», 1851, № 119.

[3]) По поводу этого открытія и о самой брошюрѣ «Ж. М. Вн. Д.», 1861, т. XXXVI и отд. брошюрой. Спб. 1851 г. Геннади по ошибкѣ статью эту приписываетъ А—ку.

скихъ, нумизматическихъ, эпиграфическихъ и миѳологическихъ вопросовъ, встрѣчавшихся при объясненіи издаваемыхъ памятниковъ, причемъ дѣлалъ цѣлую массу самыхъ непростительныхъ ошибокъ, такъ что всѣ объясненія его теряютъ всякое значеніе. Но мало этого,—Ашикъ во всѣхъ трудахъ своихъ не ограничивался только однимъ предметомъ изслѣдованія, т. е. керченскими памятниками, но прибавлялъ къ нимъ еще обширныя разсужденія и трактаты болѣе общаго содержанія, напримѣръ въ соч. «Керченскія древности» мы находимъ очеркъ живописи древнихъ, о древнихъ языческихъ катакомбахъ вообще, о римскихъ христіанскихъ катакомбахъ, а въ «Часахъ досуга» онъ трактуетъ о преимуществѣ гражданскаго образованія новѣйшихъ народовъ предъ древними, объ обществѣ въ средніе вѣка, объ изображеніи письма и живописи, объ упадкѣ нравственности въ западной Европѣ, о воспитаніи и т. д. Всѣ разсужденія эти, представляя собою самую безцеремонную компиляцію, а иногда почти дословныя выписки (напр. изъ «Чтеній о словесности» И. И. Давыдова), съ фактической стороны переполненную непростительными ошибками,—поражаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ читателя большою претенціозностью и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне ребяческими, а иногда совершенно непонятными воззрѣніями.

В. Яковлевъ.

Ашикъ, Владиміръ Антоновичъ, сынъ предъидущаго, техникъ. Напечаталъ:

1) „*Популярныя лекціи о косметич. средствахъ и вліяніи ихъ на орг.низмъ человѣка*“ Спб. 1866 г. Ц. 50 к. 2) „*Патентованныя секретныя средства. Вып. 1. Косметическія средства*“ Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 3) *Французско-русскій техническій словарь*. Вып. I, 50 стр. Вып. II, Спб. 1877 г. 94 стр. 4) *Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ*. Спб. 1884 г. Подъ его *редакцією* вышла: 5) *Сухая перегонка дерева, угля, торфа, смолянист. и животн. веществъ*. Спб. 1864 г. Онъ же редактировалъ въ 70-хъ и 80-хъ гг. журналъ „Техническій Обзоръ“.

* **Ашкинази**, Михаилъ Осиповичъ. *По свѣдѣніямъ отъ него полученнымъ* р. въ Одессѣ 4 апрѣля 1851 г. въ еврейской семьѣ, учился въ одной изъ одесскихъ гимназій, медико-хирургической академіи и на медицинскомъ факультетѣ кіевскаго университета, но курса не кончилъ, потому что грудная болѣзнь заставила его уѣхать на югъ Европы. Начиная съ 1878 г. А. живетъ то въ Италіи, то въ Швейцаріи, то въ Ниццѣ, а съ 1887 г. онъ поселился въ Парижѣ.

---

* *означаются* статьи, имѣющія характеръ первоисточника.

Писать А. началъ тотчасъ по окончаніи гимназіи въ 1870 г. Онъ привезъ съ собою въ Петербургъ рукопись «Записки гимназиста», которая была принята Благосвѣтловымъ для «Дѣла», но въ печати могла появиться только чрезъ десять лѣтъ подъ заглавіемъ «*Литературный вечеръ*» («Дѣло» 1881 г.). Другіе отрывки этой гимназической рукописи появились въ «Новор. Телеграфѣ» 1881 г. подъ заглавіемъ «*Мои учителя*», но не была доведена до конца по причинамъ, независящимъ отъ автора и редакціи. Въ томъ же «Нов. Телегр.» и «Недѣлѣ» 80-хъ годовъ А. помѣстилъ рядъ небольшихъ статеекъ по еврейскому вопросу, обратившихъ на себя вниманіе періодической печати и дѣйствительно любопытныхъ, какъ выраженіе новаго настроенія передовой части еврейской молодежи. Примыкая всѣмъ духовнымъ строемъ своимъ къ общерусскому молодому поколѣнію, новая еврейская молодежь выработала себѣ идеалы, не имѣющіе ничего общаго съ идеалами той еврейской буржуазіи, тѣхъ еврейскихъ дѣльцовъ, которыхъ почему то считаютъ главными представителями еврейства. Есть еврейская *масса*, незнающая легкой наживы и въ потѣ лица зарабатывающая хлѣбъ свой. Она привыкла трудиться и потому нѣтъ ничего утопичнаго въ стремленіи отвлечь ее отъ города, гдѣ она въ эпоху погромовъ была невинной жертвою прогрѣшеній еврейской буржуазіи, и направить въ деревню для обрабатыванія земли. Въ этомъ направленіи и писались статьи А.

„Когда на югѣ начались еврейскіе погромы", сообщаетъ онъ въ своей автобіографической запискѣ, „я, бывшій до тѣхъ поръ скорѣе противникомъ всего еврейскаго, вдругъ почувствовалъ, что на людяхъ моего образа мыслей лежитъ обязанность принять сторону обиженнаго еврейскаго *пролетаріата*. Меня возмущала гнусная ложь, которою юдофилы и юдофобы одинаково опутали еврейскій вопросъ. Я рѣшился высказать правду и не угодилъ ни тѣмъ, ни другимъ: мои статьи по еврейскому вопросу ни евреямъ, ни антисемитамъ не понравились. Могу, однако, сказать, что главная идея моей пропаганды: необходимость для евреевъ измѣнить экономическій образъ жизни, бросить торговлю и сдѣлаться земледѣльцами нынѣ принята и тѣми, кто прежде меня бранилъ. Даже такой представитель еврейскаго гешефтмахерства, какъ баронъ Гиршъ, и тотъ теперь пожертвовалъ 150 милліоновъ франковъ на то, чтобы пріучить евреевъ къ земледѣлію.

Одновременно съ печатной пропагандой еврейской колонизаціи, я и практически кое-что старался дѣлать: два года я завѣдывалъ еврейскимъ ремесленнымъ училищемъ общества „Трудъ" въ Одессѣ и въ окрестностяхъ того-же города, въ Федоровкѣ, устроилъ небольшую ферму, на которыхъ пріучалъ евреевъ къ земледѣлію".

Переѣхавши за границу, А. спеціально посвятилъ себя ознакомленію западно-европейской читающей публики съ русскою литературою и сдѣлалъ въ этомъ отношеніи весьма много.

Частью подъ собственнымъ именемъ, частью подъ псевдонимомъ *Michel Delines* онъ помѣстилъ и продолжаетъ помѣщать въ «Athenaeum», «Siècle», «Independence Belge», «Revue Internationale», «Revue de l'art dramatique», «Le Livre», «Bibliotheque universelle» и многихъ другихъ изданіяхъ рядъ статей о выдающихся писателяхъ нашихъ. Часть этихъ статей вошла потомъ въ слѣдующія отдѣльно изданныя книги: 1) *La terre dans le roman russe.* 2) *La France, jugée par la Russie*; 3) *L'Allemagne jugée par la Russie.* 4) *Tourguéneff inconnu.* 5) *Nos amis les Russes.* Всѣ названныя книги появились въ Парижѣ въ 1887—88 гг.

Кромѣ статей о русскихъ писателяхъ, А. далъ рядъ переводовъ наиболѣе выдающихся произведеній новѣйшей литературы. Такъ въ его передачѣ появились: 1) *Tolstoi*, Enfance et Adolescence, Edition illustrée. 2) *Tolstoi*, Napoleon et la campagne de Russie (изъ «Войны и мира»). 3) *Tchedrine*, Berlin et Paris («За рубежемъ»). 4) *Gontcharoff*, La faute de la grand'mère («Обрывъ»). Напеч. въ фельетонахъ «Independ. Belge» 1885 г. 5) Dostoievsky, Mon père naturel («Подростокъ»). Тоже въ «Ind. Belge» 1886 г. 6) Нѣсколько повѣстей Гаршина. Перевелъ тоже А. на французск. яз. повѣсть Оржешко «Samson le fort» въ «Journ. de Genève» 1888 г.

Изъ оригинальныхъ беллетристическихъ произведеній А. появились на франц. языкѣ: 1) Повѣсть «En Russie» въ «Bibliotheque universelle» 1885 г. Переведена на нѣм. яз. 2) Романъ «La chasse aux Juifs». 3) «Les victimes». Романъ.

Ставши журналистомъ и романистомъ французскимъ, А. не переставъ, однакоже, писать и по русски. Онъ дѣятельно корреспондируетъ въ русскія газеты, чаще всего въ «Недѣлю» и «Новости».

Для русскихъ читателей интересъ новизны представляетъ «Tourguéneff inconnu». Эта книга любопытна и для русскаго историка литературы. Въ ней, во первыхъ, приведено одно «Стихотвореніе въ прозѣ», котораго нѣтъ въ русскомъ изданіи сочиненій Тургенева, а во вторыхъ сообщаются любопытныя свѣдѣнія о парижской обстановкѣ знаменитаго писателя и о нѣкоторыхъ «ложныхъ друзьяхъ» его, которые пишутъ пространныя воспоминанія о немъ и послѣ смерти ссорятъ его съ дѣйствительными друзьями.

Большинство своихъ переводовъ и французскихъ статей А. пишетъ въ стиллистическомъ сотрудничествѣ съ женою своей, урожденной Clara Delay, лауреаткой литературнаго факультета женевскаго университета.

Ашъ, баронъ Георгъ Федоровичъ (Georg Thomas), медикъ †). Род. въ 1727 г. въ Петербургѣ. Отецъ его, Фридрихъ Ашъ, возведенный въ 1762 г. императоромъ Францемъ I въ баронское Римской имперіи достоинство, былъ вызванъ въ Россію при Петрѣ В. и занималъ впослѣдствіи довольно видное мѣсто петербургскаго почтъ-директора. Трое сыновей его тоже хорошо устроились: Иванъ А. былъ русскимъ резидентомъ въ Польшѣ и умеръ въ 1807 г. въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, остальные два сына, Георгъ и Петръ, пошли по ученой части. Георгъ А. получилъ первоначальное образованіе дома, а затѣмъ отецъ отправилъ его въ Германію. Здѣсь онъ посвятилъ себя медицинѣ и въ Геттингенѣ получилъ степень доктора медицины за диссертацію «De primo pare nervorum medullae spinalis», написанную подъ руководствомъ знаменитаго геттингенскаго физіолога Галлера. Въ 1750 г., во время путешествія по Голландіи, А. былъ принятъ на русскую службу съ обязанностью разъѣзжать по разнымъ мѣстамъ германской имперіи, «гдѣ открываются цѣлительные колодези минеральныхъ водъ», покупать эти воды и пересылать ихъ въ Петербургъ, въ медицинскую канцелярію, которой была предоставлена монополія продажи иностранныхъ минеральныхъ водъ. Въ 1752 г. по возвращеніи въ Петербургъ А. исполнялъ должность штабъ-физика, въ 1753 г. былъ назначенъ дивизіоннымъ докторомъ расположенной въ Финляндіи дивизіи гр. Ал. Ив. Шувалова, въ 1755 г. старшимъ докторомъ морскаго кадетскаго корпуса, въ 1760 г. генералъ-штабъ-докторомъ находившейся тогда по случаю семилѣтней войны въ Пруссіи арміи Бутурлина, въ 1763 г. при учрежденіи медицинской коллегіи— «первымъ членомъ» ея, въ 1775 г. произведенъ въ статск. совѣтники. Ум. 23 іюня 1807 г. Въ исторіи русской медицины А. оставилъ по себѣ память какъ о человѣкѣ мелочномъ и болѣзненно-хвастливомъ. Послѣднее качество довело его до того, что онъ уговорилъ директора петербургскаго монетнаго двора выбить медаль, на одной сторонѣ которой былъ вырѣзанъ портретъ съ подписью «Георгъ Ашъ», а на другой эскулапъ въ виду города Епидавра, изображеніе змѣя, привезеннаго въ Римъ для отвращенія мороваго повѣтрія и кругомъ надпись Liberator a peste 1770. Эту медаль А. послалъ въ минцъ-кабинетъ и въ геттингенскій университетъ, представители котораго, конечно, должны были придти къ заключенію,

---

†) 1) „Энцик. Лек.“ *Плюшара.* 2) „Справ. Энц. слов.“ *Старчевскаго:* 3) *Н. Никитинъ,* „Кратк. обзоръ медицины въ Россіи въ царств. им. Екат. II“ стр. 37 4) *Я. Чистовичъ,* Очерки изъ ист. мед. учрежд. стр. 100 и 233. 5) „Энц. Слов.“ 6) *Геннади,* Словарь. 7) *Я. Чистовичъ* „Исторія первыхъ мед. школъ въ Россіи“ Спб. 1883.

что медаль выбита въ честь А. по приказанію благодарнаго правительства. Курьезъ тутъ заключается не только въ томъ, что А. самъ выбилъ въ свою честь медаль, но еще въ томъ, что А. ужасной моровой язвы, свирѣпствовавшей въ Россіи въ началѣ 1770 гг., совсѣмъ и не видалъ даже и во время ея былъ все въ такихъ мѣстахъ, куда она не проникала. На такую медаль нѣкоторыя отдаленныя права могъ бы предъявить братъ его—Петръ Ашъ.

Ашъ, баронъ Петръ Федоровичъ (Peter Ernest) братъ предъидущаго †). Род. въ Петербургѣ и здѣсь же сначала учился фармаціи, но вскорѣ бросилъ ее и уѣхалъ въ Германію учиться медицинѣ. Въ 1756 г. за диссертацію De natura spermatis observationibus microscopicis indagata получилъ отъ геттингенскаго университета дипломъ на степень доктора медицины. По возвращеніи въ Петербургъ поступилъ въ петербургскій генеральный сухопутный госпиталь, а съ открытіемъ военныхъ дѣйствій противъ Пруссіи продѣлалъ съ артиллерійскимъ корпусомъ всю кампанію. Въ 1764 г. А. назначается московскимъ штадтъ-физикомъ, но чрезъ годъ онъ просилъ увольненія по болѣзни и поселился въ Москвѣ въ качествѣ частнаго врача. Тѣмъ не менѣе во время страшной московской чумы 1771—1772 гг. принималъ участіе въ изысканіи мѣръ противъ нея. Ему принадлежитъ честь перваго констатированія ея.

А—ъ, Ѳ.—псевд. Петра Гавр. Арканова («Свѣточъ» 60-хъ г.).

†) 1) *Richter*, Gesch, d. Med. in Russland. III. 486. 2) „Справ. Энц. Сл.". 3) „Энц. Слов." 4) *Геннади*, Словарь. 5) *Я. Чистовичъ*, „Ист. первыхъ мед. школъ въ Россіи".

Дополненія къ I тому.

Дополненія къ I тому[1].

А. (къ стр. 1). Псевдонимъ гр. Евдокіи *Петровны* (а не Павловны) Растопчиной.

А. («Рус. Вѣст.» 1859 г. № 4)—*К. К. Арсеньевъ.*

А. (Примѣч. къ «Спб. Вѣд.» 1738—39 гг.)—*В. Е. Ададуровъ.*

Абаза, Викторъ Афанасьевичъ. Послѣ выхода 1 вып. напечаталъ: 1) брошюру *Славяне и Угры*. Спб. 1888 г. (39 стр.), 2) *Исторію Арменіи*. Спб. 1888 г. (128 стр.). 3) *Маркитантка*. Историч. эскизъ временъ революціи, консульства и имперіи. Спб. 1887 г. (161 стр.). Ему же принадлежитъ статья «Посольство въ Швецію» («Истор. Вѣстн.», т. 27 и 28). Отзывы объ «Исторіи Россіи для учащихся»: 1) «Ж. Мин. Нар. Пр.» 1885 г., № 11. 2) *И. Б—ъ* въ «Ист. Вѣст.» 1886 г., № 4. 3) «Воспит. и обуч.» 1885 г., № 3. 4) «Сѣв. Вѣст.» 1886 г., № 1. 5) «Р. Мысль» 1885 г., № 12, Объ «Ист. Арменіи»: «Рус. Мысль» 1888 г., № 10.

Абаза, К. К., подполковникъ. Ему принадлежатъ также: 1) *Ариѳметика для солдатъ*, 2-е изд. Спб. 1884 г. 2) *Азбука для употребленія въ начальныхъ военныхъ школахъ*. Спб. 1883 г. 3) *Общедоступная военно-историческая христоматія*. Книга I и II. Спб. 1887. «*Книга для чтенія въ военныхъ школахъ и казармахъ*» вышла въ 1886 г. 4-мъ изданіемъ въ 1888—5-мъ: Отзывы: объ «Ариѳметикѣ»: «Нар. Школа» 1885 г. № 2. Объ «Азбукѣ». 1) «Рус. нач. учитель» 1884 г., № 8—9. 2) «Пед. Хрон.» 1885 г., стр. 708. О «Христоматіи»: 1) *А. Д. Бт.* въ «Восп. и Обуч.» 1887 г., № 6. 2) «Жур. М. Нар. Пр.» 1887 г., № 11.

Абамеликъ-Лазаревъ, кн., археологъ. О немъ будетъ сказано въ концѣ второго тома.

Абашевъ, Дмитрій Николаевичъ. По поводу нашего выраженія на стр. 7, строка 10—«желчный и полный придирокъ разборъ Соколова» кіевскій профессоръ *П. П. Алексѣевъ* намъ пишетъ: «Безпристрастный химикъ, прочитавъ статью Соколова о термохимическихъ изслѣдованіяхъ Абашева и «Замѣчанія»

[1]) Изъ статей, которыя мы обѣщали дать въ концѣ настоящаго тома, намъ нѣкоторыя приходится перенести на конецъ II тома. Это произошло потому, что не всѣ современные писатели и ученые доставили намъ къ нужному сроку біографическія данныя о себѣ, а характеристики нѣсколькихъ литераторовъ и ученыхъ мы, по разнымъ причинамъ, не могли представить въ той полнотѣ, которая намъ казалась нужною.

послѣдняго на разборъ Соколова, никоимъ образомъ *не найдетъ* возможнымъ усмотрѣть въ рецензіи Соколова проявленія личной непріязни и обычныхъ факультетскихъ дрязгъ».

Абельсъ, астрономъ. О немъ смотри въ концѣ второго тома.

Абихъ, Германъ Вильгельмовичъ—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ геологовъ, стяжавшій себѣ всемірную извѣстность своими многочисленными и многолѣтними изслѣдованіями геологическаго строенія Кавказа. Онъ началъ свою дѣятельность съ изслѣдованія вулканическихъ областей Везувія и Этны, которое, вмѣстѣ съ его работами по химической геологіи, доставило ему каѳедру въ дерптскомъ университетѣ. Но, какъ истинный наблюдатель и любитель природы, онъ не сдѣлался кабинетнымъ ученымъ, и вскорѣ, именно въ 1844 г., привлеченный извѣстнымъ изверженіемъ Арарата 30-го іюня 1840 г., онъ отправился на Кавказъ. Онъ думалъ сначала изучить вулканическую природу Арарата, но, встрѣтившись съ грандіозною природою Кавказа, рѣшился принести ей въ жертву кафедру и посвящалъ можно сказать всю жизнь изученію Кавказа. Предпринявъ первый систематическое изслѣдованіе Кавказа, онъ пользуется всякимъ случаемъ, чтобы проникнуть въ малодоступныя въ то время дебри его, часто для этого слѣдуетъ даже за русскими войсками и все болѣе и болѣе покоряетъ Кавказъ для науки, пока не завоевалъ его окончательно. Въ теченіе почти 30 лѣтъ онъ неутомимо работалъ въ природѣ и кабинетѣ и только въ 1877 г. оставляетъ Кавказъ, имѣя уже около 70 лѣтъ, и остальные годы посвящаетъ разработкѣ собраннаго имъ громаднаго матеріала, изданія котораго, къ сожалѣнію, онъ не успѣлъ окончить, хотя наблюденія его не пропали и сохранились въ аккуратно веденныхъ имъ дневникахъ, которые, вѣроятно, скоро будутъ изданы. Но уже то, что обработано, составляетъ цѣлую геологическую литературу о Кавказѣ. Между всѣми изслѣдователями Кавказу—нѣтъ равнаго Абиху.

Съ необыкновенною энергіею онъ забирался на самые высокіе пики и спускался въ едва доступныя ущелья; даже опасности не утомляли его рвенія; вездѣ онъ измѣрялъ, внимательно наблюдалъ, неутомимо собиралъ и усердно систематизировалъ. Результатомъ этихъ многолѣтнихъ усилій одного человѣка явилось самое полное разъясненіе физико-географической и геологической природы Кавказа, какое не имѣетъ, да и долго еще не будетъ имѣть ни одна изъ окраинъ Россіи. Онъ впервые строго научно опредѣлилъ орографическій характеръ Кавказа, главныя направленія поднятія горъ, ихъ древность, взаимную связь и отношеніе къ рельефу стараго свѣта; онъ изучилъ вулканизмъ Кавказа въ связи съ характеромъ и распространеніемъ сейсмическихъ явленій, разъяснилъ грязные вулканы Апшеронскаго и Таманскаго полуострововъ, сообщилъ множество цѣнныхъ данныхъ о распредѣленіи вѣчнаго снѣга, древнихъ и новыхъ ледниковъ, градовыхъ грозъ и зависимость ихъ отъ рельефа; выяснилъ сложный геологическій *составъ*, опредѣлилъ системы, породы и ихъ стерилиграфію, указалъ главнѣй-

шіе факты тѣхъ измѣненій, которыя обусловливаютъ современное состояніе кавказскаго перешейка, словомъ, онъ выяснилъ геологическую исторію Кавказа. Но кромѣ научнаго теоретическаго значенія работы Абиха оказали существеннѣйшую услугу развитію горнаго дѣла. Онъ впервые изслѣдовалъ геологическія условія занесенія нефтяныхъ источниковъ, каменнаго угля, соли, сѣры, различныхъ рудъ и минеральныхъ источниковъ. Многими изъ его изслѣдованій уже съ успѣхомъ воспользовалась развивающаяся на Кавказѣ промышленность, какъ доказываетъ эксплоатація нефти, каменной соли, минеральныхъ водъ и пр., но гораздо большая часть ихъ ждетъ своего приложенія и будетъ оцѣнена только впослѣдствіи.

Внимательно разсматривая многочисленные труды Абиха, мы видимъ, что главную особенность ихъ составляетъ: масса фактическаго матеріала, собраннаго съ удивительною тщательностью и сгруппированнаго съ большимъ мастерствомъ. Онъ рѣдко вдается въ спекулятивныя гипотезы, но если высказывалъ тѣ или другія обобщенія, то они всегда основаны на множествѣ положительныхъ данныхъ; можно, напр., признавать или не признавать правильность его руководящихъ положеній о связи орографіи Кавказа съ центральною Азіей или землетрясеній Арменіи съ южно-европейскими, но тѣмъ не менѣе нельзя отказать въ томъ, что эти положенія не голословны, а опираются на многочисленные факты, можетъ быть, только не такъ объясненные; если и можно упрекнуть Абиха за нѣкоторые недостатки, особенно за его тяжелый, подчасъ неясный языкъ, то во всякомъ случаѣ недостатки эти выкупаются богатствомъ содержанія его трудовъ. Точность въ собираніи матеріала, осторожность въ обобщеніяхъ, отсутствіе широкихъ гипотезъ составляютъ главныя характерныя черты работъ Абиха, а потому его можно назвать скорѣе геологомъ-наблюдателемъ, нежели мыслителемъ; въ этомъ отношеніи его можно поставить рядомъ съ знаменитымъ изслѣдователемъ Альпъ— Г. Сомюромъ. Добавимъ еще, что точности его описаній не мало способствовало его замѣчательное искусство въ изображеніи геологическихъ особенностей страны карандашемъ и красками. Многія изъ его сочиненій снабжены такими великолѣпными рисунками, сдѣланными съ натуры, что въ нихъ одинаковое удовлетвореніе находитъ геологъ и художникъ. **И. Мушкетовъ.**

Аболенскій, И. «Курсъ гипологіи» въ 1889 г. вышелъ 2 изданіемъ (Одесса).

Абрагамсонъ, Артуръ Адольфовичъ, инженеръ путей сообщенія, одинъ изъ редакторовъ кіевскаго журнала «Инженеръ», гдѣ помѣщаетъ разныя статьи. Отдѣльно напечаталъ: «Электрическіе контрольные приборы для желѣзныхъ дорогъ». Кіевъ. 1886.

* **Абрамовичъ**, Михаилъ Соломоновичъ, поэтъ †). *По свѣдѣніямъ, отъ него*

---

†) Отзывы о его „Стихотвореніяхъ“: 1) „Восходъ“ 1889 г. Статья подъ загла

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

полученнымъ, р. въ 1859 г. въ Бердичевѣ. Отецъ его—знаменитѣйшій изъ современныхъ еврейскихъ (на народно-жаргонномъ діалектѣ) писателей.

Учился А. въ житомірской гимназіи, но, не кончивъ курса, переѣхалъ въ концѣ 70-хъ годовъ въ Петербургъ, гдѣ, однако же, оставался не долго: онъ былъ сосланъ сначала въ Архангельскую, а затѣмъ Самарскую и Казанскую губ. Въ 1886 г. сдалъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости, а чрезъ годъ—на степень кандидата правъ. Въ настоящее время числится помощникомъ присяжн. повѣреннаго петербургскаго округа.

Въ 1889 г. А. издалъ сборникъ «Стихотвореній». Часть ихъ уже была напечатана раньше въ періодическихъ изданіяхъ («Вѣст. Евр.», «Новостяхъ», «Разсвѣтѣ», «Восходѣ»), но большая половина появилась въ сборникѣ въ первый разъ.

Критика отнеслась довольно сурово къ стихотвореніямъ А. и нельзя сказать, чтобы суровость эта была очень незаслуженная. Литературный интересъ сборника, дѣйствительно, слабъ. Обладая въ извѣстной степени стихотворною техникою, Абрамовичъ бѣденъ образами и не имѣетъ сколько нибудь опредѣленно-выраженной поэтической индивидуальности. Книжка его есть, по преимуществу, собраніе перепѣвовъ молодыхъ поэтовъ нашихъ. Было время, когда онъ перепѣвалъ Минскаго и Надсона, жаждалъ «борьбы», негодовалъ на «мракъ», теперь же онъ перепѣваетъ Фофанова и всего чаще поетъ о ландышахъ, улыбкѣ утра, янтарѣ заката и т. д. Но, какъ всякій перепѣвъ, поэзія А. лишена чувства мѣры и часто доводитъ недостатки оригинала до каррикатурности [1]).

Относительно лучше библейскія стихотворенія А. и стихотворенія, посвященныя еврейству. Тутъ сочувствіе къ страданіямъ своего народа и гордость славнымъ прошедшимъ его подчасъ внушаетъ автору нелишенныя поэтическихъ достоинствъ строки. Беремъ одно изъ нихъ, слабое, впрочемъ, въ художествен-

---

віемъ „Библія въ русской поэзіи". 2) „Рус. Мысль" 1889 г., № 1. 3) *А. М. Скабичевскій* въ „Новостяхъ" 1889 г. 4) *К. Говоровъ* въ „Днѣ" 1889 г. 5) „Одес. Листокъ" 1889 г. 6) „Одес. Вѣст." 1889 г.

[1]) Какъ образчикъ подобной утрировки, приводимъ одно стихотвореніе, гдѣ желаніе написать нѣчто „граціозное" à la Фофановъ довело подражателя до вычурности и конфектности.

Скажи, гдѣ кончается нашъ поцѣлуй—
И гдѣ начинаются запахъ сирени,
Мечтательной ночи волшебныя тѣни
И трепетный шелестъ невидимыхъ струй?..
Подъ небомъ глубокимъ, покойнымъ, лучистымъ
Все нынче сплелося букетомъ душистымъ;
Далъ въ этомъ букетѣ и мнѣ уголокъ,
Но ты въ немъ милѣйшій и лучшій цвѣтокъ!
Тобою лишь грезятъ и сводъ этотъ звѣздный,
И гроздья сирени, и шопотъ валовъ,
И духъ, что сегодня витаетъ надъ бездной
Своихъ погруженныхъ въ мечтанье міровъ..
Приди-жъ въ объятья мои—и со мною
И звѣзды и сумракъ сольются съ тобою!..

номъ отношеніи, но интересное для характеристики міросозерцанія еврейской молодежи:

Съ усмѣшкой смотрятъ на меня
Мои россійскіе собратья,
Когда, томимый злобой дня,
Жидамъ кидаюсь я въ объятья.
Когда-жъ отчизну вновь поетъ
Моя страдальческая муза,—
Гнушаясь прежняго союза,
Кричатъ: „онъ лжетъ, коварно лжетъ".
Ну, что же?—Смѣйтесь надо мною!
Но знайте,—милые друзья!—
Пока еврей гонимъ судьбою,
Его печаль—печаль моя;
Пока его клеймятъ презрѣнье,
И ложь, и ненависть, и тьма—
Съ себя не сброшу я клейма
Во дни тревогъ, во дни гоненья.

Но нѣтъ, не лгу я, коль отчизны
Пою и скорбь, и мощь порой!
Я безъ грѣха, безъ укоризны
Люблю тебя, мой край родной!
Съ тобой я кровью породнился,
Въ тебѣ узналъ я сладость битвъ,
И горечь слезъ, и жаръ молитвъ,
Въ тебѣ умру, въ тебѣ родился!..
И люди есть въ моей странѣ,
Чтобы понять—хочу я вѣрить,
Какой достался искусъ мнѣ,
И не привыкъ я лицемѣрить.
О! тѣ, что въ ближнемъ свято чтутъ
Превыше рода—человѣка,
Въ рядахъ бойцовъ за дѣло вѣка
Мнѣ мѣсто братское дадутъ!..

Абрамовъ, Николай Алексѣевичъ (стр. 14). Кромѣ перечисленныхъ изданій онъ напечаталъ небольшія замѣтки въ «Чтеніяхъ въ общ. исторіи и древн. россійскихъ» («Могила кн. А. Г. Долгорукова», «Ермакъ», «Могила гр. А. И. Остермана», «П. А. Словцовъ» и др.). Одна изъ его статей переведена на англ. яз.— *Semipalatinsk*. Translated by J. Mitchel. London. 1862.

Абрамовъ, Яковъ Васильевичъ. Послѣ выхода 1 выпуска напечаталъ: въ «Сѣв. Вѣст.», 1886 г., «Сословныя нужды» (№ 10, 12), 1887 г. 35) *Ванька-Ключникъ* (№ 12); 1888 г. 36) *Частная женская воскресная школа въ Харьковѣ* (№ 8); въ «Русской Мысли» 1888 г. «*Очерки современнаго земства*» (№№ 4, 6,10, 11, 12). Кромѣ того, издалъ въ 1887 г. 37) «Сельскій календарь», принаровленный къ нуждамъ крестьянства. Въ первый годъ своего существованія «Сельскій календарь» подвергся невзгодѣ: чрезъ три мѣсяца послѣ выхода въ свѣтъ, онъ былъ изъятъ изъ обращенія. Причина этого лежала въ томъ, что приложенный къ календарю планъ переселеній породилъ ложные слухи въ крестьянствѣ. Но слѣдующіе два года «Сельскому календарю» не приходилось уже бороться ни съ какими препятствіями и онъ разошелся въ количествѣ 10.000 экземпляровъ.

Въ 1888 г. А. вмѣстѣ съ А. Я. Гердомъ и А. Н. Плещеевымъ издалъ сборникъ, посвященный «Памяти В. М. Гаршина», въ которомъ ему принадлежитъ вступительная статья, содержащая въ себѣ воспоминанія о несчастномъ авторѣ «Краснаго Цвѣтка».

Изъ газетъ, А. продолжаетъ дѣятельно сотрудничать въ «Недѣлѣ» и нѣкоторыхъ провинціальныхъ изданіяхъ.

Аввакумъ, Петровичъ, протопопъ. 14 неизвѣстныхъ до того посланій его

къ разнымъ лицамъ напечатаны А. К. Бороздинымъ въ «Христ. Чтеніи» 1888, № 5—6.

Авванумъ, архимандритъ-оріенталистъ *По указанію проф. Н. И. Барсова* его фамилія *Честной*. Онъ былъ уроженецъ Тверской губ. и состоялъ начальникомъ русской духовной миссіи въ Пекинѣ, потомъ жилъ въ Александро-Невской лаврѣ и числился членомъ конференціи Спб. Духовной Академіи. Пользовался необычайнымъ уваженіемъ за свою ученость.

* **Авдаковъ**, Николай Степановичъ, горный инженеръ. *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ*, род. 16 февр. 1847 г. на Кавказѣ, на р. Терекѣ, въ ст. Щедринской. Отецъ его былъ докторъ. Воспитаніе получилъ въ Ставрополѣ-Кавказскомъ, въ гимназіи, и затѣмъ спеціальное образованіе въ горномъ институтѣ. Все дѣтство и юность до окончанія курса гимназіи провелъ въ горахъ Кавказа, что и пріохотило его къ горному дѣлу.

По окончаніи курса въ горномъ институтѣ, А. поступилъ для техническихъ занятій на каменноугольныя копи французскаго «Горнаго и Промышленнаго Общества на югѣ Россіи» (Рутченково) въ Донецкомъ бассейнѣ, гдѣ и служитъ 16 лѣтъ. Теперь состоитъ директоромъ этого общества и представителемъ его въ Россіи. Кромѣ того съ 1879 г. началъ заниматься общественными дѣлами, касающимися горной и особенно каменноугольной промышленности и съ того времени состоитъ уполномоченнымъ делегатомъ съѣздовъ горнопромышленниковъ юга Россіи для ходатайствъ предъ правительствомъ о нуждахъ этой промышленности.

Авдаковъ напечаталъ отдѣльно: 1) *Описаніе Рутченковскаго мѣсторожденія каменнаго угля.* 1878—1879. 2) *О пошлинахъ на иностранный каменный уголь.* 3) *О дифференціональныхъ на каменный уголь тарифахъ.* 4) *О состояніи донецкой каменноугольной промышленности.* 5) *Современное состояніе желѣзной промышленности на югѣ Россіи.* 6) *О будущности нефтяного топлива въ Россіи.* 7) *О Восточно-Донецкой жел. дорогѣ.* Кромѣ того А. помѣстилъ рядъ статей въ «Горномъ Журналѣ», «Южно-Русскомъ Горномъ Листкѣ», въ «Моск. Вѣдомостяхъ», «Южномъ Краѣ» по вопросамъ горной промышленности. Ежегодно принимаетъ онъ участіе въ совѣщаніяхъ при министерствѣ государственныхъ имуществъ и путей сообщенія по ходатайствамъ съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи. Рядъ докладовъ его по горной промышленности напечатанъ въ трудахъ съѣздовъ горнопромышленниковъ. Въ 1882 г. А. читалъ докладъ на съѣздѣ членовъ Техническаго Общества въ Москвѣ, во время московской всероссійской выставки («О мѣрахъ къ расширенію сбыта донецкаго минеральнаго топлива»), напечатанный въ трудахъ съѣзда.

Доклады, брошюры и газетныя статьи А. обращали на себя вниманіе періодической печати. Они создали ему репутацію крайняго защитника интере-

* означаются статьи, имѣющія характеръ первоисточника.

совъ горнопромышленниковъ, отстаивающаго ихъ даже тогда, когда они идутъ въ разрѣзъ съ обще-экономическими интересами страны.

Августинъ (Гуляницкій). Въ 1889 г. назначенъ епископомъ костромскимъ и галичскимъ. Его «Руководство къ основному богословію» въ 1887 г. (М.) вышло 2 изданіемъ.

Авдѣевъ, Алексѣй Александровичъ, ученый архитекторъ †). Родился 12-го марта 1819 г. въ тульской губ. въ дворянской семьѣ, учился въ тульской гимназіи и московскомъ дворянскомъ институтѣ; затѣмъ поѣхалъ за границу и долго жилъ въ Римѣ, изучая архитектуру. По возвращеніи въ Россію, построилъ обсерваторію при московскомъ университетѣ (1845 г.) послѣ чего получилъ командировку для производства археологическихъ изслѣдованій въ мѣстности древняго Танаиса при устьѣ Дона (1853—1854 гг.). Послѣднія тридцать лѣтъ своей жизни А. провелъ на югѣ Россіи, гдѣ построилъ много церквей и памятниковъ. Въ 1871 г. получилъ званіе академика архитектуры. Умеръ 18-го марта 1885 г. въ Петербургѣ. А. напечаталъ:

1) *Разборъ книги Снигирева и Мартынова:* «Русская Старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества» («Моск. Городской Листокъ», 1847 г. № 276). 2) *«Экономическій лексиконъ городского и сельскаго хозяйства».* Спб. 1848 г. двѣ части (вмѣстѣ съ Е. А. Авдѣевой). 3) *«Письма изъ Рима и Неаполя»* («Пропилеи», изд. П. М. Леонтьевымъ, Москва 1853 г., кн. 3). 4) *Объяснительныя замѣчанія къ письмамъ изъ Рима и Неаполя* (тамъ же, М., 1854 г., кн. 4). 5) *Надгробный памятникъ К. П. Брюлова въ Римѣ* («Русскій Вѣстникъ». 1856 г., книга 9). 6) *Мастерскія русскихъ художниковъ въ Римѣ* (тамъ же, 1856 г., кн. 10, 14 и 18). *Выставка Императорской Академіи Художествъ въ Петербургѣ* (тамъ же, 1857 г., кн. 6). 8) *Послѣдніе труды Корнеліуса и Овербека* (тамъ же, 1857 г., кн. 12). 9) *Выставка художественныхъ произведеній въ залахъ московскаго училища живописи и ваянія* (тамъ же, 1858 г., кн. 2). 10) *Нынѣшнее состояніе развалинъ Херсона и проекты для постройки храма въ память крещенія Св. Владиміра* («Архитектур. Вѣстн.» 1859 г. № 3). 11) *Древнѣйшія оконницы въ русскихъ церквахъ* (тамъ же, 1860 г., № 2). 12) *Петербургская выставка картинъ и статуй* («Современная Лѣтопись». 1861 г., №№ 21, 22 и 27). 13) *Какъ у насъ обращаются съ древностями* («Современныя извѣстія» 1875 г., № 333). 14) *Церковь св. Іоанна въ Керчи* («Труды IV Археологическаго съѣзда въ Одессѣ», Одесса, 1887 г., т. III).

Авдѣевъ, Михаилъ Васильевичъ. Въ 1 вып. «Біографій инженеровъ путей сообщенія», сост. *Житковымъ*, сообщается любопытный эпизодъ путейской службы автора «Тамарина». Тогдашнему министру путей сообщенія графу Клейнмихелю было извѣстно, что А. занимался писательствомъ. Этого было совершенно

---

†) 1) «Худож. Новости» 1885 г., № 7. 2) «Библіографъ» 1885 г., № 5 и 1886 г. № 12. 3) *Языковъ,* Д. Д. Обзоръ жизни и трудовъ рус. пис. Вып. 5.

достаточно, чтобъ у него составилось неблагопріятное мнѣніе объ Авдѣевѣ, что и выразилось въ резолюціи на прошеніе объ отставкѣ, поданномъ Авдѣевымъ въ 1852 году: *«Давно пора было его уволить; очень радъ избавиться такого офицера, и сожалѣю, что зачѣмъ удерживалъ на службѣ»*.

Та часть книжки А. «Русское общество въ герояхъ и героиняхъ литературы», гдѣ трактуется о женскихъ типахъ, была роскошно издана М. О. Вольфомъ, съ иллюстраціями Андріоли (цѣна 20 р.), подъ названіемъ «Женщины русскихъ писателей». Спб. 1879 г.

Авель, монахъ-прорицатель. Въ «Рус. Архивѣ» 1878 г. (т. 2, стр. 353—365) помѣщены выдержки изъ слѣдственнаго дѣла о немъ и нѣкоторыя свѣдѣнія о позднѣйшей судьбѣ его. Слѣдственное дѣло не бросаетъ особенно новаго свѣта на личность Авеля (въ мірѣ Василій Васильевъ), но оно существенно измѣняетъ главнѣйшія детали его «предсказаній». Оказывается, напр., что ему «открылъ Богъ», что Павелъ вступитъ на престолъ «тогда, какъ процарствуетъ мати его Екатерина Алексѣевна, всемилостивѣйшая Государыня, 40 лѣтъ», значитъ въ 1802 году. Но нашествіе французовъ онъ, дѣйствительно, предсказалъ. Умеръ Авель въ 1841, въ Спасо-Ефимьевскомъ монастырѣ, куда его заточили тотчасъ послѣ вступленія на престолъ Николая Павловича.

Авенаріусъ, В. П. Послѣ выхода 2 выпуска напечаталъ: въ «Родникѣ» 1887 г.: 20) *Юношескіе годы Пушкина* (изд. отдѣльн. книг. редакціей назв. журн.). 21) *Пятидесятилѣтняя годовщина смерти Пушкина*, «Родникъ», январьск. кн. 22) Изданіе сочиненій Пушкина *для юношества*, съ біографіей поэта. Въ «Родникѣ» 1888 г.: 23) *Чѣмъ былъ для Гоголя Пушкинъ?* Литературный очеркъ. 24) *Сказъ о Перунѣ*. Былина по поводу 900-лѣтія крещенія Руси. 25) *Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній* (рядъ разсказовъ изъ дѣтства А.). Въ «Живописн. Обозр.» 1889 г. (февр.). 26) *Необыкновенная исторія о воскресшемъ помпейцѣ*. Фантастическая повѣсть. Въ «Живописномъ же Обозрѣніи» 1887—89 гг. напечатанъ рядъ мелкихъ стихотвореній А. Переведены на франц. яз. премиров. фребел. общест. сказки: «О пчелкѣ-златкѣ» и «Что говоритъ комната» подъ общ. заглав. «Contes merveilleux». Отзывы: О «Юношеск. год. Пушкина»: Прав. Вѣстн. 1887 г., №№ 18, 261 и 262. «Русск. Вѣдом.» 1887 г., № 360. «Женск. Образов.» 1888 г., № 1. «Истор. Вѣстникъ» 1888 г., № 1. «Русская Мысль» 1888, № 1. Кромѣ того были отзывы и въ нѣкоторыхъ ежедневныхъ газетахъ. О «Пятидесятилѣтней годовщинѣ смерти Пушкина»: въ «Прав. Вѣстн.» 1887 г., № 18. О «Contes merveilleux» въ «Petite Gazette» 1887, № 556. О разныхъ другихъ книжкахъ его въ «Что читать народу»; нѣсколько біографическихъ строкъ объ А. появились въ «Dictionnaire international» De-Gubernatis'a.

Авенаріусъ, Михаилъ Петровичъ, физикъ. Отзывъ нашъ о немъ подалъ *поводъ* къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ. Говоря о томъ, что М. П. не далъ

«особенно широкихъ обобщеній» мы хотѣли выразить только ту мысль, что почтенный кіевскій ученый, нами же названный «однимъ изъ видныхъ русскихъ физиковъ», не можетъ, все таки, быть поставленъ на одну доску съ Д. И. Менделѣевымъ, П. Л. Чебышевымъ и другими открывателями обширныхъ научныхъ горизонтовъ, работы которыхъ составляютъ цѣлую эпоху въ наукѣ. Но очевидно, отзывъ нашъ былъ неудачно формулированъ, потому что нѣкоторые поняли его въ томъ смыслѣ, что М. П. представляетъ собою въ наукѣ только трудолюбиваго работника третьестепеннаго значенія. Вотъ почему мы съ величайшею готовностью даемъ мѣсто слѣдующей, доставленной намъ изъ компетентнаго источника поправкѣ:

«Характеристическою чертою всѣхъ работъ М. Авенаріуса является то, что онъ всегда даетъ что нибудь совсѣмъ новое. Онъ не только предлагаетъ новую, вообще болѣе строгую постановку вопроса, но и сопровождаетъ ее большею частью собственными опытными данными, которыя приводятъ его въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ новымъ физическимъ законамъ. Такъ, законъ зависимости электровозбудительной силы термоэлектрическаго элемента отъ температуръ мѣстъ спая установленъ имъ и носитъ у физиковъ названіе закона Авенаріуса; такъ, видъ зависимости объема жидкости отъ температуры и давленія, въ предѣлахъ возможнаго существованія жидкости, впервые разсмотрѣнъ и установленъ имъ же. Выдающееся научное значеніе имѣетъ цѣлая серія работъ (продолжающихся и до настоящаго времени), произведенныхъ М. Авенаріусомъ и его учениками въ кіевской физической лабораторіи надъ критическимъ состояніемъ тѣлъ. Между этими работами находятся и изслѣдованія А. И. Надеждина «Этюды по сравнительной физикѣ», которое представляетъ одинъ изъ капитальнѣйшихъ физическихъ трудовъ, когда либо появлявшихся въ русской печати.

* **Аверкіева**, Екатерина Григорьевна, выдающаяся женщина-садоводъ †). *По свѣдѣніямъ, отъ нея полученнымъ*, род. 27 ноября 1852 г. въ Москвѣ. Отецъ ея—артиллерійскій генералъ Гр. Петр. Сорокинъ, по матери же она принадлежитъ къ извѣстной семьѣ Пассековъ, подробно описанной въ «Быломъ и Думахъ» Герцена и «Изъ дальныхъ лѣтъ» кузины Герцена—Татьяны Пассекъ. Сосланный при Павлѣ въ Сибирь Василій Пассекъ приходится ей дѣдомъ, авторъ «Очерковъ Россіи» — Вадимъ Пассекъ и кавказскій герой Діомидъ Пассекъ — дядями, Татьяна Петровна Пассекъ (жена Вадима)—тетей. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ послѣдней, жившей въ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ въ Москвѣ, А. получила весьма хорошее домашнее воспитаніе. Въ 1872 г. она вышла за-

---

†) Отзывы о «Замѣткахъ по огородничеству»: *Волькенштейнъ* въ «Вѣст. Сад.» 1885 г. Объ «Яблони и картофелѣ»; «Вѣст. Сад.» «Русск. Мысль», «Недѣля» 1882 г.

* означаются статьи, имѣющія характера *первоисточника*.

мужъ за артиллерійскаго полковника А. А. Аверкіева, въ настоящее время занимающаго должность предсѣдателя клинской земской управы.

Отецъ А. былъ страстный садоводъ и все свободное время проводилъ лѣтомъ въ саду и огородѣ своего большого имѣнія въ клинскомъ уѣздѣ. Эта страсть всецѣло перешла къ дочери, которая съ ранняго дѣтства полюбила огородныя занятія. «Я любила самою горячею любовью и свои сѣянцы, и свой садикъ въ деревнѣ, отдѣленный мнѣ въ уголкѣ большого сада» пишетъ она въ доставленной намъ, по просьбѣ нашей, автобіографической запискѣ. «И теперь запахъ влажной, пригрѣтой земли, парники со стеклами, блестящими на солнцѣ, съ зеленью, просвѣчивающей сквозь стекла, сѣянцы въ плошкахъ, все это необыкновенно мило и дорого мнѣ, потому что все это связано съ впечатлѣніями дѣтства и съ воспоминаніями объ отцѣ».

Съ 1881 г. А., лишившись дѣтей и получивши въ собственность большое имѣніе своего отца въ клинскомъ уѣздѣ, всецѣло отдалась огородничеству съ тою любовью, которая можетъ скрасить самое прозаическое на первый взглядъ дѣло. Сначала не спорилось.

«Въ первое лѣто моихъ занятій» пишетъ она, «я до такой степени растерялась въ массѣ дѣла, представившагося мнѣ, что не рискнула заниматься огородомъ и оставила его въ вѣдѣніи садовника, а сама занялась только клубникой и ягодными кустами, запущенными до того, что ягоды на нихъ были мельче горошины. Осенью того года я начала вырубку и чистку яблонь, тоже одичавшихъ и безплодныхъ. Впрочемъ, впродолженіе лѣта я наблюдала очень внимательно за тѣмъ, что дѣлаетъ садовникъ въ огородѣ. Съ весны 1882 г. я уже взяла огородъ въ свои руки и съ этого времени начинается подробныя записи обо всемъ, что я дѣлала и обо всѣхъ ошибкахъ, неудачахъ и удачахъ и т. д. Каждое растеніе записано въ книгѣ даннаго лѣта на особой страницѣ. За тѣмъ оставляется 2—3 бѣлыхъ листка, въ которые вносится вся исторія этого растенія, начиная со счета зеренъ въ золотникѣ, качество ихъ, число въ которое сдѣланъ посѣвъ, манера подготовки земли и способъ посѣва и т. д. и такъ до конца лѣта записываются всѣ выдающіеся моменты изъ жизни этого растенія. Если растеніе выросло удачно, записывается вѣроятныя причины этой удачи. Если растеніе растетъ дурно, тогда отыскиваются причины, дурно повліявшія на него и способы устранить эти причины. Съ 1883 г. я уже овладѣла всѣми отраслями садоваго дѣла и вела его уже безъ той болѣзненной поспѣшности, какъ это было въ 1882 г. Къ этому времени я собрала въ большую, рукописную книгу всѣ свои наблюденія о садѣ и огородѣ. Съ 1883 г., каждое лѣто, кромѣ овощей, нужныхъ для домашняго употребленія, я занималась подробнымъ изученіемъ культуры слѣдующихъ овощей: въ 1883 г. лукомъ сѣянцемъ и саженцомъ разныхъ сортовъ; въ 1884 г. огурцами ранними и поздними, огородными и полевыми, въ 1885 г. сѣянной земляникой и цвѣтной капустой (12 сортовъ); въ 1886 г. кочанной капустой (22 сорта) и кукурузной въ 1887 г. сѣмянной капустой, кукурузой всѣхъ сортовъ, которые продаются въ Россіи, морковью (12 сортовъ); въ 1888 г.—сладкимъ горохомъ (26 сортовъ), фасолью низкорослой съ бѣлымъ сѣменемъ (20 сортовъ), свеклой (8 сортовъ), редисомъ, салатомъ, шпина-

томъ, морковью, каротелью, артишокомъ, сѣменной цвѣтной капустой, рѣдькой, рѣпой, брюквой, свеклой круглой, кочаной капустой. Кромѣ того съ 1882 по 1886 годъ я занималась наблюденіями за свойствами картоф. клубней въ зимніе мѣсяцы и культурой разныхъ сортовъ картофеля лѣтомъ, а также парниковыми огурцами и дынями. Для всѣхъ растеній во всѣ годы велись подробныя записи объ ихъ ростѣ и развитіи и большинство ихъ нарисовано въ разные періоды ихъ жизни. Яблоки, ягодные кусты и клубника имѣютъ также свои книги съ записями и рисунками.

Вотъ съ какою рѣдкою для женщины энергіею предалась А. своей дѣятельности, доставившей ей очень видное положеніе среди современныхъ русскихъ садоводовъ. Негромка, конечно, эта дѣятельность, но, право, она стоитъ несравненно больше безцѣльныхъ томленій по какому то исполинскому дѣлу. Мы съ удовольствіемъ заносимъ на страницы своего труда имя скромной піонерши женскаго труда въ такой области, которая многимъ покажется недостаточно «возвышенною», хотя, казалось бы, не все ли равно, на какомъ поприщѣ производительно затрачивать свои силы и приносить пользу.

Въ печати А. появилась въ первый разъ въ 1883 г. съ замѣтками по огородничеству, напечатанными въ «Рус. Садоводствѣ». Сотрудницей этого журнала Е. Г. состоитъ и по настоящее время. Съ 1888 г. она сотрудничаетъ въ «Вѣстникѣ Садоводства» и «Вѣстникѣ Сельскаго Хозяйства». Въ 1885 г. (М.) издала: 1) брошюру *«Замѣтки и наблюденія по садоводству и огородничеству»*. Въ 1888 г. изданы Жирковымъ (М.) двѣ брошюры (А.): 2) *Яблоня и новый способъ корневой прививки*; 3) *Картофель и его культура*. Въ 1889 г. Вольно-Экономическое Общество издало присланное А. на конкурсъ 4) *Краткое руководство къ огородничеству*.

Всѣ названныя брошюры, при маломъ объемѣ заключающія въ себѣ чрезвычайно большое количество въ высшей степени цѣнныхъ указаній и написанныя простымъ, яснымъ и плавнымъ языкомъ, встрѣтили лестный пріемъ какъ въ садоводныхъ органахъ, такъ и въ общей печати, а «Краткое руководство къ огородничеству» удостоено Вольно-Экономическимъ Обществомъ большой *золотой медали*, установленной въ память Грачева. Результаты практической дѣятельности А. дважды получили награду: въ 1886 г. московское общество садоводства выдало ей премію Иммера за кочни пудовой сабуровки, а на всероссійской сельскохозяйственной выставкѣ 1887 г. въ Харьковѣ за овощи и рукопись объ корневой прививкѣ ей присуждена большая серебряная медаль.

* **Аверкіевъ**, Дмитрій Васильевичъ. Статья о немъ *П. В. Быкова* въ «Огонькѣ» 1879 г. № 3. Дѣда его звали не Яковомъ Аверкіевымъ, а Яковомъ Аверкіевичемъ Речиматскимъ. Въ цензурѣ онъ не служилъ и членомъ литературно-театральнаго комитета не былъ, а состоялъ только одно время, вмѣстѣ съ А. Н. Островскимъ и А. А. Потѣхинымъ, членомъ коммиссіи по преобразованію Императорскихъ театровъ. Зимою 1889 г. ставилась въ Москвѣ новая пьеса его

* означаются статьи, имѣющія характеръ первоисточника.

23) *Теофана* изъ византійской жизни. Въ «Нивѣ» 1888 г. напечатана его историческая повѣсть 8) *Вѣчу не быть*. Въ недавнее время имъ написано либретто къ оперѣ А. Г. Рубинштейна «Горюша» (изъ его-же «Хмѣлевой ночи»). Вопросительнымъ знакомъ (?) въ «Осѣ» подписывался не Д. В., а Долгоносъ. А. же, сколько ему помнится, подписывался *Невелещагинымъ*.

Во время пребыванія въ университетѣ А. былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Добролюбовымъ.

Авраамій, монахъ-лѣтописецъ (Абрамка). Къ нему вернемся въ концѣ второго тома.

Авсеновъ, см. *Ѳеофанъ*.

Авсѣенко, В. Г. Отзывы о «Зломъ духѣ»: «Отеч. Зап.» 1883 г., № 9. Въ 1888 г. онъ издалъ (Спб.) «*Фантастическіе разсказы*» (Лѣсной жидъ.— Бубновая дама.—Надъ водою) и «*Письма о женщинахъ*».

При обозрѣніи публицистической дѣятельности А. за послѣдніе 2 года нельзя не обратить особеннаго вниманія на слѣдующія мѣста изъ объявленія о подпискѣ на «С.-Пет. Вѣд:» въ 1889 г.:

Мы стоимъ на сторонѣ всего того, что исторически создало могущество и единство Россіи, и въ чемъ коренятся основы ея самобытности не только политической, но и культурной. Эту силу, руководящую судьбами нашей великой страны, мы представляемъ себѣ не иначе, какъ въ тѣсномъ союзѣ съ просвѣщеніемъ, съ прогрессомъ, съ свободнымъ развитіемъ духовной и матеріальной дѣятельности общества и народа.

Мы стоимъ противъ всего того, что угрожаетъ единству и могуществу Россіи, ослабляетъ дѣйствіе законной власти и правомѣрнаго порядка, или ищетъ опоры для власти и порядка не въ просвѣщенной заботѣ о государственномъ и общественномъ благѣ, а въ мрачныхъ вожделѣніяхъ обскурантизма.

Несмотря на рѣшительность приведенныхъ строкъ, А. именно въ 1889 г. болѣе чѣмъ когда-либо пришлось услышать упрековъ и въ ретроградствѣ, и въ обскурантизмѣ. Поводъ подалъ въ общемъ пренебрежительный отзывъ А. о только-что умершемъ Щедринѣ. Завязавшаяся по этому случаю шумная газетная полемика, въ которой противъ А. ополчились изданія самыхъ различныхъ оттѣнковъ, обиловала крайне нелестными характеристиками таланта и литературной дѣятельности редактора «С.-П. Вѣд.»

Бойко написанныя «Письма о женщинахъ», печатавшіяся въ «С.-Пет. Вѣд.» подъ обычнымъ псевдонимомъ А. *Ното*, имѣли нѣкоторый успѣхъ и въ публикѣ и въ ежедневной печати, которая не разъ приводила изъ нихъ злыя, но не лишенныя мѣткости сужденія автора о прекрасной половинѣ человѣчества. Успѣхъ «Писемъ о женщинахъ» побудилъ П. Д. Боборыкина написать въ «Новостяхъ» рядъ «Писемъ о мущинахъ».

Списокъ критическихъ статей А. слѣдуетъ пополнить слѣдующими:

27) Практическій нигилизмъ (о Писемскомъ). «Рус. Вѣст.» 1873, № 7, стр. 383. *28) Комедія общественныхъ нравовъ* (Писемскій), ibid. 1874,

№ 10, стр. 883. *29) Тютчевъ* (книга Аксакова), ibid. № 11, стр. 463. *30) Переписка Бѣлинскаго съ друзьями* (Пыпинъ), ibid. 1875, № 1, стр. 393. *31) Histoire de la littérature russe*, par Courrière, ibid. 1875, № 6, стр. 117. *32) Графъ А. К. Толстой*, ibid. 1875, № 11, стр. 393. *33) «Новь», Тургенева*, ibid. 1877, № 2, стр. 987. *34) Новый шагъ въ нашей беллетристикѣ*, ibid. 1877, № 11, стр. 393, о повѣстяхъ О. Забытаго (Г. И. Недѣтовскаго), *35) Мировичъ*, Гр. Данилевскаго. «Р. Вѣст.» 1879, № 2, стр. 398.

* **Автократовъ** (къ стр. 101). Учителемъ 6 гимназіи названъ по ошибкѣ. Его имя и отечество Серафимъ Петровичъ. *По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ проф. Н. И. Барсова*, учился въ петерб. Дух. Акад. и нѣкоторое время былъ учителемъ философіи въ новгородской семинаріи, но не поладилъ съ ректоромъ. Предназначался министерствомъ народнаго просвѣщенія къ посылкѣ заграницу для приготовленія къ университетской каѳедрѣ, но это не состоялось почему-то. Совершенно спившійся А. умеръ (кажется, въ 70-хъ гг.) въ крайней нищетѣ.

Агафангелъ (стр. 106). О личности Агафангела и его извѣстномъ письмѣ говорится въ сборникѣ мнѣній и отзывовъ мит. Филарета. Спб. и М. 1885—1888, т. II, стр. 418, III, 78—80; томъ дополнительный, стр. 117. Въ письмахъ преосв. Филарета Черниговскаго къ Горскому (М. 1885), стр. 60, 61, 69—72.

* **Агафоновъ**, Николай Яковлевичъ, провинціальный журналистъ и библіографъ, біографія котораго представляетъ собою любопытную страничку изъ исторіи провинціальной печати и развитія областного самосознанія. *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ* р. 25 ноября 1842 года въ Казани. Отецъ его былъ большой любитель исторіи и историческихъ книгъ и велъ тѣсную дружбу со многими изъ профессоровъ казанскаго университета, въ томъ числѣ съ К. Ф. Фуксомъ и извѣстнымъ славистомъ В. И. Григоровичемъ. Учился Н. Я. въ гимназіи и университетѣ, гдѣ, однако же, курса не кончилъ. Литературную дѣятельность свою началъ некрологомъ казанскаго книгопродавца А. Г. Мясникова въ «Каз. Губ. Вѣд.» 1863 г. (№ отъ 21 іюня). Въ 1866 онъ, въ складчину съ казанскимъ библіографомъ П. П. Васильевымъ издалъ 1 выпускъ «Казанскаго книжнаго дѣла», въ которомъ ему принадлежитъ статья «Очеркъ книгопродавческой дѣятельности въ Казани». 2 выпускъ этого небольшого изданія, задуманнаго, главнымъ образомъ, для собиранія мѣстныхъ историко-литературныхъ матеріаловъ, не былъ разрѣшенъ цензурою. Начиная съ 1867 г. А. дѣятельно сотрудничалъ въ двухъ мѣстныхъ газетахъ:

---

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

«Справочномъ Листкѣ г. Казани» проф. С. М. Шпилевскаго и «Казанскомъ Биржевомъ Листкѣ» проф. А. К. Чугунова. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ корреспондировалъ въ «Иллюстрацію», «Русск. Вѣд.» и «С.-Пет. Вѣд.» редакціи Валентина Корша.

Въ 1872 г. А. разрѣшено было выпускать подъ своею редакціею «Камско-Волжскую газету», которая быстро заняла выдающееся мѣсто въ провинціальной печати. Главнымъ дѣятелемъ ея сталъ К. В. Лаврскій, бывшій студентъ казанскаго университета, молодость котораго прошла среди многихъ лишеній, благодаря искренности и стойкости его убѣжденій. Статьи Лаврскаго въ «Камско-Волжской Газетѣ» сразу обратили всеобщее вниманіе на это изданіе. Такимъ языкомъ еще никогда не говорила провинціальная печать. Не только не было въ нихъ никакого благоговѣнія предъ «столицею», не только не слышалось обычнаго провинціальнаго конфуза за свою «захолустность» и проистекащаго изъ него желанія поскорѣе стать похожими на столичныхъ обывателей, а напротивъ того рѣзко и опредѣленно ставилась идея децентрализаціи, идея самостоятельнаго развитія областной жизни на основѣ бытовыхъ, естественно-историческихъ и историческихъ особенностей. Смѣшно было бы видѣть во всемъ этомъ даже отдаленнѣйшій намекъ на «сепаратизмъ», но гордой думы, что не Петербургу направлять провинцію, а что провинція должна давать тонъ русской жизни было тутъ не мало. Какъ бы тамъ ни было, однако, автору горячихъ статей о провинціальной независимости пришлось въ скоромъ времени отправиться въ одинъ изъ глухихъ уѣздовъ вологодской губ. Кромѣ Лаврскаго въ газетѣ приняли живѣйшее, хотя и совершенно безкорыстное, участіе: П. А. Пономаревъ, А. С. Гацисскій, В. И. Малининъ (Симбирскъ), Л. П. Рождественскій (Чистополь), В. И. Виддиновъ (Саратовъ) и др. На второй годъ изданія (1873) къ числу постоянныхъ сотрудниковъ «Камско-Волжской Газеты» присоединились сибиряки: Г. Н. Потанинъ, Н. М. Ядринцевъ, В. И. Вагинъ, А. П. Нестеровъ, Г. Е. Катанаевъ и саратовскій учитель М. М. Владиміровъ, описывавшій свое путешествіе (пѣшкомъ) и приключенія по разнымъ штатамъ Сѣверной Америки. Изъ нынѣшнихъ казанскихъ литераторовъ впервые испробовали здѣсь свои силы: П. И. Фелоновъ, Б. В. Пенинскій, П. Ѳ. Поповъ, Д. А. Соколовскій, О. В. Демертъ. Приняли участіе и нѣкоторые профессора: Н. Н. Буличъ, С. М. Шпилевскій, Д. А. Корсаковъ, Н. В. Сорокинъ, Ир. П. Скворцовъ.

Несмотря, однако же, на обиліе литературныхъ силъ и на большой нравственный успѣхъ, газета въ первые два года своего существованія давала одни убытки и лишь подписка третьяго года (1874) обѣщала быть блистательной. Но въ самый разгаръ ея, въ концѣ января, послѣдовало увольненіе въ отставку цензора, читавшаго «Камско-Волжскую газету», а редакціи предложено было цензуроваться въ *Москвѣ*. На практикѣ такое распоряженіе было равносильно прекращенію изданія: помимо того, что стоящая въ сторонѣ отъ желѣзныхъ дорогъ Казань

находится на разстояніи 800 верстъ отъ Москвы, она во время весеняго ледохода и осенней распутицы недѣли 2 совсѣмъ отрѣзана отъ внѣшняго міра.

Пробовалъ А. исходатайствовать перенесеніе редакціи въ Москву, но и эта тяжелая жертва не была принята и «Органъ Поволожья и Востока» навсегда прекратилъ свое существованіе, оставивъ своему редактору-издателю массу долговъ и непріятностей. Очень тяжело ему приходилось, пока участіе, которое въ немъ принялъ управляющій казанскаго отдѣленія государственнаго банка А. В. Рустицкій, не доставило ему мѣста чиновника въ этомъ отдѣленіи, гдѣ онъ и прослужилъ съ конца 1875 до 1881 гг., когда перешелъ бухгалтеромъ въ канцелярію попечителя казанскаго учебнаго округа.

Кружокъ сотрудниковъ, группировавшихся вокругъ «Камско-Волжской Газеты» не разсѣялся послѣ закрытія ея и въ 1876 г. издалъ довольно объемистый сборникъ «Первый шагъ».

Внѣшняя причина изданія сборника была довольно не серьезна по существу. Какъ сообщаетъ А. въ автобіографической запискѣ, намъ доставленной, издателей «Перваго шага» воодушевляло

«желаніе отвѣтить печатно и откровенно нѣкоторымъ изъ столичныхъ писателей противъ инсинуацій и поклеповъ, съ какими эти люди, роняя и дискредитируя высокое званіе литератора, каковымъ кичливо любили себя величать,— опрокидывались на юную провинціальную прессу, отказывая ей въ правѣ на жизнь. Однимъ изъ величайшихъ ненавистниковъ самостоятельности провинціальной журналистики выступилъ нѣкто М., напечатавшій въ журналѣ «Дѣло» за 1875 г. длинную статью, растянувшуюся на нѣсколько книжекъ: «О печати въ провинціи», составивъ эту статью изъ набора высокопарныхъ словъ и грязи. Разумѣется, если-бы жива была наша газета, мы не остались-бы въ долгу передъ хулителемъ провинціальнаго самосознанія, да у него тогда, безъ сомнѣнія, не хватило бы и рѣшимости сунуться съ своимъ языкомъ, даннымъ человѣку для болѣе достойнаго употребленія. Тѣмъ не менѣе, камни, брошенные сотрудникомъ «Дѣла» на свѣжую могилу только что похороненной «Камско-Волжской Газеты» возбудили благородное негодованіе въ молодыхъ умахъ неразошедшагося еще кружка ея сотрудниковъ. Возникла мысль выпустить сборникъ, снабдивъ его руководящею статьею, изъ которой исходилъ-бы ясный и опредѣленный, но спокойный отвѣтъ недругу провинціи. Такая статья явилась въ «Первомъ шагѣ» подъ скромнымъ названіемъ «Литературное обозрѣніе».

На самомъ дѣлѣ «спокойный отвѣтъ», вышедшій изъ-подъ пера главнаго сотрудника «Камско-Волжской Газеты»—К. В. Лаврскаго, превратился въ страстный памфлетъ, полный самыхъ рѣзкихъ выраженій по адресу смѣшанныхъ въ одну кучу всякаго сорта «хулителей провинціальнаго самосознанія».

Благодаря литературному таланту автора, статья читалась съ интересомъ. Но если вспомнить, что превращенный въ яростнаго «недруга провинціи» «нѣкій М.», противъ котораго была открыта такая отчаянная канонада, былъ не кто иной, какъ Даніилъ Лукичъ Мордовцевъ, всю свою жизнь ратующій за все молодое, свѣжее и прогрессивное, то, конечно, пылъ «Перваго шага» полу-

чаетъ нѣсколько комическій оттѣнокъ. Авторъ статей «О печати въ провинціи» былъ недоволенъ провинціальною печатью, какъ *фактомъ*, не могли же его удовлетворять жалкіе захолустные листки начала 70-хъ годовъ, а кружокъ «Перваго шага» усмотрѣлъ тутъ какую-то принципіальную вражду, да еще на почвѣ соперничества. Мало серьезное впечатлѣніе производила также наивная увѣренность автора «Литературнаго обозрѣнія», что «вопросъ о провинціи» можетъ быть рѣшенъ какъ-то отдѣльно отъ рѣшенія вопросовъ всей русской жизни вообще.

Изданіе второго тома «Перваго шага» не могъ состояться вслѣдствіе прямого запрещенія и послѣ этого кружокъ «Камско-Волжской Газеты» разсѣялся.

Дальнѣйшія статьи А. появились въ «Казанск. Губ. Вѣд.» и «Каз. Бирж. Листкѣ», гдѣ онъ помѣстилъ много статей историко-біографическаго характера (біографіи: Андрея Печерскаго, Тургенева, Ивана Аксакова, Бутлерова, Островскаго, Костомарова, Казанскихъ разбойниковъ Быкова и Чайкина) и статей, вызванныхъ текущими событіями мѣстной жизни; въ «Волжск. Вѣстн.» (1888 г. № 46) напечатано начало большой работы А.: «Казанскіе археологи, историки и этнографы».

Въ отдѣльномъ изданіи появились слѣдующія брошюры А.: 1) *Краткія свѣдѣнія о жизни Гавр. Ил. Солнцева.* Казань 1867. 2) *Обозрѣніе корреспонденціи изъ Казани въ русскихъ газетахъ и журналахъ.* Казань 1867. 3) *Матеріалы для полнаго собранія сочиненій И. С. Тургенева.* Казань 1883. 4) *Заволжская Вивліоѳика.* Вып. первый, 59 страницъ. Казань 1887. Это изданіе задалось цѣлью печатать разные археологическіе, историческіе, этнографическіе и біо-библіографическіе очерки, статьи и матеріалы для изученія заволжскаго края. Первый выпускъ заключаетъ въ себѣ 6 статеекъ: 1) *Забытая литературная могила* (О Чебышевѣ-Дмитріевѣ). Н. Агафонова. 2) *Школьныя воспоминанія.* Я. Посадскаго. 3) Стихотвореніе К—лскаго. 4) *Д. Н. Садовниковъ*—Н. Агафонова. 5) *Воспоминаніе объ И. А. Шидловскомъ* Н. А. 6) *Памяти Андрея Печерскаго.* Н. Юсупова.

Адамантовъ, *Б.* (а не *Д.*, какъ ошибочно напечатано на стр. 112, 1-я строка сверху)—псевд. Б. Н. Алмазова.

Адамюкъ, Емиліанъ Валентиновичъ. Послѣ появленія 3 выпуска напечаталъ:

38) *Zur Frage über die Transplantation der Corneae* (Monatsbl. für Augenheilkunde, 1887). 39) *Ueber eine merkwürdige Notilittäts Anomalie der Lider und Augen* (Ibid.). 40) *Ueber einen Fall von Rebinitis hoemorhagica albuminurica mit Ausgang in Genesung* (Centralblatt für Augenheilkunde 1889). 41) *Zur Pathologie des Tabes dorsalis* (Arch. für Augenheilkunde 1889). 42) *О трахомѣ* («Врачъ», 1886,1887, 1888). 43) *По поводу трахомы разобр. въ руководствѣ д-ра Мандельштама.* («Вѣстн. офталмологіи», 1888). 44) *По поводу статьи д-ра Іоельзона.* (Ibid., 1889). 45 *Да случая главкомы въ аттактическихъ глазахъ съ нѣкоторыми данными относительно*

ея этіологіи (Ibid.). 46) *Еще нѣчто о трахомѣ.* (Ibid.). 47) *Къ патологіи симпатическаго нерва.* (Ibid.). 48) *По поводу статьи г. Рейха въ Мед. обоз. о фолликулярномъ конъюнктивитѣ въ войскахъ.*

*** Адеркасъ.** Оттокаръ Карловичъ. *По свѣдѣніямъ отъ него полученнымъ*, р. 5 іюля 1859 г. на островѣ Эзелѣ, лифляндской губ., воспитывался сперва въ дерптской, затѣмъ въ аренсбургской гимназіяхъ, поступилъ въ 1878 году въ петербургскій университетъ, гдѣ окончилъ въ 1881 г. курсъ юридическихъ наукъ со степенью кандидата правъ. Служилъ при петербургскомъ окружномъ судѣ судебнымъ слѣдователемъ, затѣмъ въ главномъ тюремномъ управленіи, а съ 1882 г. въ Собственной Его Импер. Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи. Состоялъ съ 1881 по 1885 г. секретаремъ главнаго попечительства для пособія нуждающимся семействамъ воиновъ, а съ 1888 г. по настоящее время состоитъ правителемъ дѣлъ попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ, съ 1886 г. редакторомъ-издателемъ основаннаго имъ журнала для обсужденія вопросовъ объ улучшеніи быта слѣпыхъ, подъ названіемъ «Русскій Слѣпецъ»,—и съ 1887 г. помощникомъ правителя дѣлъ «Общества для пріисканія мѣстъ окончившимъ курсъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ». По порученію Главноуправляющаго Соб. Е. И. В. Канцел. по учрежд. Имп. Маріи, былъ командированъ за границу: въ 1883 году—для осмотра заведеній слѣпыхъ въ западно-европейскихъ государствахъ, въ 1885 г.—въ качествѣ представителя Россіи на V международномъ конгрессѣ для улучшенія быта слѣпыхъ въ Кельнѣ. — Состоитъ почетнымъ членомъ Международнаго Общества улучшенія быта слѣпыхъ въ Парижѣ («Société Internationale pour l'amelioration du sort des aveugles») и имѣетъ медаль этого общества.

Сочиненія О. К. Адеркаса: 1) *Отчетъ объ осмотрѣ заведеній для слѣпыхъ въ Германіи, Австріи и Швейцаріи* (1883). 2. *Пятый международный конгрессъ для улучшенія быта слѣпыхъ въ Амстердамѣ* (1885). 3) *Der Marienverein zur Blindenfürsorge in Russland* (1885). 4) *La Société Marie pour l'amélioration du sort des aveugles et le patronage des aveugees en Russie.* 5) *DielEntwlickeung der Blindenfursorge in Russ and seit dem Amsterdamer Congress* (1888). 6) Отчеты Маріинскаго попечительства о слѣпыхъ, начиная съ 1882 г.

Адольфъ, Андрей. Переводчикъ Ювенала. О немъ въ концѣ второго тома.

Адоратскій, П. С. (Петръ Степановичъ), къ стр. 127. См. архим. *Николай.*

*** Адоратскій,** Стефанъ Ивановичъ (стр. 127). *По указаніямъ Н. К. Горталова*: священникъ казанской покровской, а не петровской церкви. Ум. 24 авг. 1882 г. Учился въ казанской дух. семинаріи и кіевской академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1882 г.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

Адріановъ, Павелъ Александровичъ, профессоръ латинскаго яз. въ нѣжинскомъ лицеѣ. Свѣдѣнія о немъ надѣемся сообщить въ концѣ второго тома.

Азаревичъ, Дмитрій Ивановичъ. Съ 1887 г. состоитъ профессоромъ въ Варшавѣ. Послѣ выхода 3 выпуска напечаталъ слѣдующіе труды: 1) *Система римскаго права* (университетскій курсъ), т. I. Спб. 1887. т. II. Варшава, 1888 г. т. III. Варшава, 1889 г. Въ нашей русской юридической литературѣ это первый полный учебникъ *по догмѣ* римскаго права, если не считать посмертное изданіе краткихъ записокъ проф. Митюкова. Въ «Жур. гражд. и угол. права» за 1888 (№ 1) А. напечаталъ вступительную лекцію по гражданскому процессу 2) *Правда въ гражданскомъ процессѣ.*

«Система римскаго права» вызвала нѣсколько отзывовъ, имѣющихъ весьма мало общаго другъ съ другомъ. Проф. Гольмстенъ далъ о ней очень лестный отзывъ на страницахъ «Жур. гражд. и угол. права» (№ 10 за 1887 г.), проф. Engelmann въ «Litterarisches Centralblatt» кратко упомянувъ о трудѣ А., сказалъ, что онъ стоитъ на уровнѣ европейской науки. Зато «Юридическій Вѣст.» (ноябрь 1887), редактируемый исконнимъ литературнымъ врагомъ Азаревича—С. А. Муромцевымъ, и «Рус. Мысль» (1887 № 12) отозвались о сочиненіи нашего романиста до нельзя рѣзко и враждебно. Крайне раздраженный этимъ, А. въ предисловіи къ II тому «Системы римскаго права» въ свою очередь разразился жестокою діатрибою по адресу Муромцева, въ которой назвалъ научную дѣятельность послѣдняго «сплошнымъ развратомъ».

Про перечнѣ статей А. (стр. 135) нами опущенъ отвѣтъ его С. А. Муромцеву во «Временникѣ Демидов. лицея» за 1878 г. (9). Въ немъ авторъ «Патриціевъ и плебеевъ» задается цѣлью доказать, что его взгляды вовсе не отличаются тою «новизною», которую подчеркиваетъ въ нихъ критика, и что они повторяютъ вещи, уже высказанныя европейскими романистами. Кромѣ того отвѣтъ стремится показать цѣлымъ рядомъ примѣровъ, что Муромцевъ «сочинялъ» указываемые имъ промахи въ изслѣдованіи А., для чего «перетасовываетъ» Азаревичемъ-же указанный матеріалъ. Причину нападокъ Муромцева А. усматриваетъ въ томъ, что «Патриціи и плебеи» неблагопріятно отзываются о магистерской диссертаціи Муромцева.

*) **Азарій**, *по указанію С. И. Пономарева*: монахъ монастыря Русика на Аѳонѣ, воспитанникъ вятской семинаріи. Онъ написалъ: 1) *Аѳонскій патерикъ*, 2 ч. Спб. 1860—1883. Пять изданій. 2) *Путеводитель къ св. горѣ Аѳонской*, 4 изданія. Спб. 1867—85. 3) *Вышній покровъ надъ Аѳономъ.* Спб. 1864—1881. Семь изданій. 4) *Акты русскаго на св. Аѳонѣ монастыря св. вмч. и цѣлителя Пантелеймона.* К. 1873. 8° 8, XXIV в. 618 с. (На греческомъ, сербскомъ, молдавскомъ яз., съ русскимъ переводомъ, съ видомъ стараго Русика, рис. Барскаго). 5) *По поводу вопроса объ Аѳон-*

* *означаются статьи, имѣющія характеръ первоисточника.*

скомъ монастырѣ св. Пантелеймона. Статьи «Любителя тишины». Первоначально были помѣщены на греч. языкѣ въ газ. βυσαντια,, 1874, а на русскомъ въ «Голосѣ», «Москов. Вѣд.» и «Домаш. Бесѣдѣ» того-же года. Отд. изд. Спб. 1874, 8° 187 стр. (здѣсь, на стр. 177—178, приведенъ перечень писателей, издавшихъ свои сочиненія объ Аѳонѣ). Авторъ названныхъ книгъ скончался въ началѣ 1888-хъ гг.

Азбелевъ, лейтенантъ. О немъ въ концѣ второго тома.

Азарьевъ, сотрудникъ въ морскихъ журналахъ. О немъ въ концѣ второго тома.

Азарьинъ, Симонъ, см. *Симонъ*.

Айбулатъ. Какъ видно изъ «Литер. прибавленій къ «Рус. Инвалиду» конца 30 годовъ, это псевдонимъ барона К. М. Розена.

Аксаковъ, Александръ Николаевичъ. Послѣ выхода 4 вып. издалъ:

1) *Гартманъ, Спиритизмъ*. Перев. съ нѣмецкаго А. М. Бутлерова. 1887 г. 2) *А. М. Бутлеровъ*. Статья по медіумизму. Съ фототипическимъ портретомъ автора и воспоминаніями объ А. М. Бутлеровѣ Н. П. Вагнера 1889 г. 3) *Опытное изслѣдованіе спиритическихъ явленій Роберта Гера*, проф. химіи пенсильванскаго университета. Перев. съ англ. А. Аксакова. 1889 г.

Отзывы о „Позитивизмѣ въ области спиритуализма“: 1) „Рус. Мысль“ 1885 г. № 1. 2) „Недѣля“ 1885 г. № 13.

Аксаковъ, Иванъ Сергѣевичъ. Съ тѣхъ поръ, какъ напечатанъ 8 выпускъ, появились первостепенной важности матеріалы для его біографіи. Въ ряду этихъ матеріаловъ прежде всего слѣдуетъ отмѣтить два тома его переписки (главнымъ образомъ съ родителями и братьями), обнимающіе учебные и служебные годы (1839—1851) будущаго знаменитаго публициста. Ив. Сергѣевичъ такъ усердно переписывался съ родителями, которыхъ безгранично любилъ, такъ подробно имъ описывалъ всякую мелочь, съ нимъ приключавшуюся, что неизвѣстный издатель его переписки совершенно правъ, называя ее автобіографіей. Нельзя не выразить горячаго пожеланія, чтобы поскорѣе появились дальнѣйшіе томы этихъ высокозамѣчательныхъ писемъ, чтеніе которыхъ такъ освѣжительно дѣйствуетъ въ наше время всепоглощающей пошлости. Нельзя, конечно, знать, что будутъ въ себѣ заключать дальнѣйшіе томы Аксаковской переписки, можетъ быть окажется, что проза жизни не прошла безслѣдно и для высокой души Ивана Сергѣевича, но покамѣстъ изданные 2 тома можно назвать лучшимъ памятникомъ, который только могли воздвигнуть друзья его памяти.

Изданіе интимной переписки—очень тяжелое испытаніе, изъ котораго рѣдкій общественный и литературный дѣятель выходитъ безъ потери части своего обаянія. Вспомнимъ, чтобы не рыться въ прошломъ, хотя бы переписку Достоевскаго. Сколько несимпатичныхъ сторонъ характера этого, въ общемъ все таки возвышеннаго, человѣка раскрыла она. Или возьмемъ недавно появившуюся переписку Тургенева. Какъ мало она соотвѣтствуетъ тому поэтическому представленію объ авторѣ «Дворянскаго гнѣзда», которое невольно образуется въ головѣ каждаго читателя благоуханныхъ произведеній великаго романиста.

Но Аксаковъ перенесъ опасность появленія предъ публикой въ неприкрашенности ежедневныхъ помысловъ съ удивительною честью. Настоящимъ рыцаремъ безъ страха и упрека онъ вырисовывается въ представленіи каждаго, кто доставилъ себѣ удовольствіе прочитать его переписку, знакомящую съ внутреннею жизнью не только одного Ивана Сергѣевича, но и всего вообще благороднаго семейства Аксаковыхъ.

Болѣе всего поразительна серьезность, съ которою Иванъ Сергѣевичъ уже съ дѣтскихъ лѣтъ относился къ жизни. Если 19 лѣтнимъ юношей онъ писалъ своимъ родителямъ «я полонъ твердой рѣшимости и жажды труда, но труда тяжелаго, великаго и благодѣтельнаго» (т. I стр. 36), то это не было однимъ изъ тѣхъ прекрасныхъ *намѣреній*, которыми такъ богата великодушная юность. Иванъ Аксаковъ дѣйствительно былъ человѣкъ совершенно аскетическаго труда. Онъ не зналъ удовольствій свѣта и невыносимо скучалъ въ обществѣ. Внѣ дѣла, ему доставляла нравственное удовлетвореніе только задушевная бесѣда или переписка о высшихъ задачахъ жизни и чтеніе, конечно, тоже такое, которое давало пищу высокому строю его духа. Чиновникъ это былъ совершенно безпримѣрный. Онъ работалъ до одурѣнія и не было того скучнѣйшаго и труднѣйшаго порученія, котораго онъ не исполнилъ бы быстро и исчерпывая его всецѣло. Одинъ изъ его товарищей по астраханской ревизіи *), баронъ Бюлеръ сообщаетъ о немъ, что онъ работалъ по 16 час. въ день и это вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что молодой чиновникъ самъ писалъ своимъ родителямъ. Съ тѣмъ же пламеннымъ воодушевленіемъ работалъ онъ и въ бытность свою товарищемъ предсѣдателя калужской уголовной палаты (1845—47) и во время командировки въ Бессарабію и Ярославль.

Нужно-ли прибавлять, что служебная ревность Ив. Сергѣевича не имѣла ничего общаго съ желаніемъ выдвинуться и сдѣлать «карьеру»? Онъ, можно прямо сказать, лихорадочно-дѣятельно прослужилъ семь лѣтъ и за все это время ни одного чиновничьяго помысла не мелькнуло въ его душѣ. Правда, онъ самъ сколько разъ говоритъ о своемъ «честолюбіи». Но оно только въ этомъ и состоитъ, что онъ не желаетъ погрязнуть въ мелкой канцелярщинѣ и постоянно ищетъ отвѣтственнаго, живого дѣла.

Этой одной постоянной и совершенно неутомимой жажды живой дѣятельности, исключительно посвященной благу родины, было бы совершенно достаточно, чтобы поставить Ивана Сергѣевича на ряду съ самыми возвышенными идеалистами, выдвинутыми русскою интеллигенціею послѣдняго столѣтія. Но если еще взять во

---

*) Пользуемся случаемъ исправить одну неточность, вкравшуюся въ біографическій очеркъ Ив. Сергѣевича со словъ некрологовъ. Службу свою въ провинціи молодой правовѣдъ началъ не въ калужской уголовной палатѣ, а чиновникомъ особыхъ порученій при сенаторѣ кн. П. П. Гагаринѣ, ревизовавшемъ въ 1844 г. астраханскую губернію.

вниманіе, что Иванъ Сергѣевичъ не только жаждалъ дѣятельности, но и блистательнѣйшимъ образомъ справлялся съ задачами практической жизни, что онъ восхищалъ всѣхъ своихъ начальниковъ *ловкостью*, съ которою исполнялъ разныя порученія, и умѣніемъ распутывать самыя сложныя явленія судебной и бюрократической казуистики—словомъ, если вспомнить, что молодой чиновникъ обладалъ всѣми техническими дарованіями дѣльца и практика, то начинаешь задумываться надъ тѣмъ, кого собственно изъ двухъ братьевъ—Ивана или Константина—слѣдуетъ поставить выше по высотѣ нравственнаго совершенства.

Константинъ, конечно, былъ человѣкъ удивительной душевной красоты, но вѣдь онъ зато и не былъ отъ міра сего. Всю жизнь онъ прожилъ въ домѣ отца, не зная ни одной само-малѣйшей матеріальной или иной прозаической работы и имѣя возможность витать исключительно въ сферѣ духовныхъ интересовъ. Но Иванъ Сергѣевичъ купался въ цѣломъ океанѣ пошлости, себялюбія и грязи, именуемомъ чиновничествомъ 40-хъ годовъ, и, тѣмъ не менѣе, ни одна капля этой пошлости къ нему не пристала и ни единаго раза онъ не поступился сотой частицею идеаловъ и стремленій, его воодушевлявшихъ.

Не только его не «заѣдала среда», а, напротивъ того, онъ среду поднималъ до себя. Въ Калугѣ, какъ это теперь видно по 1 тому переписки, молодой товарищъ предсѣдателя уголовной палаты оказалъ рѣшительно морализующее вліяніе на отношеніе членовъ палаты къ своему дѣлу, а за короткое время вторичнаго пребыванія въ московскомъ сенатѣ онъ своимъ рѣшительнымъ сопротивленіемъ не далъ совершиться одному возмутительнѣйшему проявленію «неправды черной», господствовавшей въ судахъ дореформенной эпохи *). Записки и доклады

---

*) Въ предисловіи къ II т. переписки этотъ характерный фактъ біографіи Ив. Сергѣевича разсказанъ слѣдующимъ образомъ и совершенно вѣрно приведенъ въ связь съ одною изъ статей Аксакова въ „Руси"; 15 февраля 1884 г. по поводу нападокъ въ газетахъ и въ обществѣ на новый судъ, Иванъ Сергѣевичъ писалъ въ „Руси":

„Старый судъ! При одномъ воспоминаніи о немъ волосы встаютъ дыбомъ, морозъ деретъ по кожѣ!.. Мы имѣемъ право такъ говорить. Пишущій эти строки посвятилъ служебной дѣятельности въ старомъ судѣ первые, лучшіе годы своей молодости. Воспитанникъ училища правовѣдѣнія, стало быть обязательно поступившій на службу по вѣдомству министерства юстиціи, еще въ сороковыхъ годахъ—онъ извѣдалъ вдоль и поперекъ все тогдашнее уголовное правосудіе, въ провинціи и столицѣ, въ канцеляріяхъ и въ составѣ суда (въ послѣднемъ какъ членъ по назначенію отъ правительства). Это было во истину мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ! Со всѣмъ пыломъ юношескаго негодованія ринулся онъ, вмѣстѣ съ своими товарищами по воспитанію, въ неравную борьбу съ судейской неправдой—и точно такъ же, какъ иногда и теперь, встревоженная этимъ натискомъ стая кривосудовъ поднимала дикій вопль: „вольнодумцы! бунтовщики, революціонеры!.." Помнимъ, какъ однажды молодой оберъ-секретарь Сената, опираясь на забытую и никогда не примѣнявшуюся статью свода законовъ,

его о раскольникахъ не привели къ положительнымъ результатамъ, но очень важно было уже то, что они всѣ говорили о кротости и снисхожденіи и не давали толчка дальнѣйшимъ репрессаліямъ.

Изданные 2 тома останавливаются на 1851 годѣ, когда молодой идеалистъ сознаяъ, наконецъ, тщету своего единоличнаго стремленія внести свѣтъ и правду въ темное царство административнаго и судебнаго произвола того времени и вышелъ въ отставку. Не останавливаемся теперь на характеристикѣ міросозерцанія Аксакова въ молодости, для чего письма даютъ такой обильный матеріалъ, потому что это будетъ удобнѣе сдѣлать при ознакомленіи съ его литературною дѣятельностью и общимъ ходомъ его духовной жизни.

Тогда же мы остановимся на отвѣтахъ Ивана Сергѣевича, данныхъ имъ III отдѣленію въ мартѣ 1849 г., когда онъ совершенно неожиданно для себя и для своего семейства былъ арестованъ на нѣсколько дней.

Вышедшіе 2 тома переписки Ив. Сергѣевича даютъ важное подспорье для пониманія перваго фазиса литературной дѣятельности его, почти исключительно посвященнаго стихамъ *). Они же даютъ ключъ къ разумѣнію того рѣдкаго въ

отказался скрѣпить истинно неправедное постановленіе, благопріятствовавшее людямъ, занимавшимъ очень видное положеніе въ высшемъ обществѣ—и съ какимъ шумомъ, съ какимъ гнѣвомъ встрѣтили сановные старики такое необычное дерзновеніе. Помнимъ, какъ рябой нахалъ съ знатнымъ именемъ подавалъ нашему товарищу для доклада присутствію свое письменное оправданіе, рекомендуясь, что „по милости Царской—онъ сынъ барскій" и какъ никакими доводами нельзя было предотвратить пристрастнаго въ пользу „барскаго сына" рѣшенія... Предъ нами невольно встаютъ воспоминанія—одно возмутительнѣе другого. Какія муки, какія терзанія испытывала душа, сознавая безсиліе помочь истинѣ, невозможность провести правду чрезъ путы и сѣти тогдашняго формальнаго судопроизводства!"

Обстоятельство, о которомъ И. С. упоминаетъ чрезъ 38 лѣтъ съ такимъ живымъ чувствомъ негодованія, заставило его въ сентябрѣ 1848 года, вскорѣ по возвращеніи его съ Сѣрныхъ Водъ, оставить министерство юстиціи. Въ это время поступило на рѣшеніе Сената дѣло молодого князя ***, совершившаго уголовное преступленіе при самыхъ возмутительныхъ обстоятельствахъ. Дѣло это имѣло большую гласность. Не менѣе того преступникъ, благодаря сильнымъ связямъ въ высшихъ кругахъ, добился оправдательнаго приговора отъ весьма лицепріятныхъ судей высшей сенатской инстанціи. Молодой оберъ-секретарь отказался наотрѣзъ подкрѣпить своей подписью беззаконный приговоръ и просилъ уволить его отъ должности. Исторія эта надѣлала много шума, дошла до свѣдѣнія Государя Николая Павловича. Онъ приказалъ пересмотрѣть дѣло, и преступникъ подвергся заслуженной карѣ".

*) Первый разъ стихи Ивана Аксакова появились въ „Москвитянинѣ" 1845 г. Затѣмъ стихи его печатались въ „Моск. Сборникѣ", въ „Рус. Бесѣдѣ", „Парусѣ", „Днѣ" и „Руси". Отдѣльнымъ сборникомъ они вышли только послѣ его смерти (М. 1886 г.) какъ приложеніе къ 33 № „Руси". Очень скоро потребовалось второе изданіе сборника, которое и вышло еще въ томъ же году безъ

исторіи литературы явленія, которое такъ поражаетъ всякаго, кто знакомится съ стихотвореніями Ивана Сергѣевича. Какъ это странно въ самомъ дѣлѣ, что человѣкъ, обладавшій несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ, совершенно забросилъ ихъ въ самый разгаръ своей литературной дѣятельности и уже почти не возвращался къ нимъ до самой смерти! Самъ Аксаковъ пробовалъ въ одномъ письмѣ, относящемся къ 1877 году, дать этой странности вотъ какое объясненіе:

«Перелистывая тетрадь моихъ стиховъ, я будто брожу по кладбищу между могильными памятниками. Всякая изъ піесъ напоминаетъ мнѣ давнее былое, поводъ, по которому она была написана—и всѣ онѣ вмѣстѣ составляютъ мою личную повѣсть, ни для кого собственно не интересную. Если они имѣютъ какое либо значеніе, то вовсе не ради ихъ поэтическаго достоинства, ради лишь того, что эта личная повѣсть трактуетъ не о какихъ либо сердечныхъ увлеченіяхъ, не о моей внѣшней жизни, а о внутренней жизни духа, объ его стремленіяхъ, тоскѣ и борьбѣ въ данную историческую минуту. То была тяжкая година, когда приходилось тяготиться молодостью и спрашивать себя, какъ ты увидишь въ одномъ стихотвореніи:

Когда же власть, скажи, твоя пройдетъ,
О молодость, о тягостное бремя!

Эти ощущенія и чувства раздѣляли со мною лучшіе люди моего времени, и вотъ почему стихи мои въ свою пору пользовались успѣхомъ и находили себѣ сочувственный отзвукъ.

Но, повторяю, я ни теперь, ни прежде не обманывалъ себя насчетъ ихъ достоинства. Въ нихъ нѣтъ никакой художественности, и съ точки зрѣнія артистической—всѣ эти сотни стиховъ я бы самъ охотно отдалъ не только за одинъ стихъ Ѳедора Ивановича (Тютчева), но даже за иной стихъ Полонскаго.—Но мнѣ кажется, что они не лишены искренности, лирическаго жара, силы и какого-то историческаго raison d'être. Однимъ словомъ—значеніе часто историческое и связывающееся съ гражданскою исторіей эпохи. Я уже болѣе 15 лѣтъ бросилъ писать стихи, убѣдившись, что при всемъ лиризмѣ, свойственномъ моей натурѣ (чѣмъ бы я ни занимался, а ужъ какъ разнообразны были мои профессіи въ жизни!), при всей чуткости моего пониманія красотъ поэзіи, я не обладаю ни художественнымъ творчествомъ, ни граціей, ни образностью, ни музыкальностью стихотворной рѣчи и я перешелъ къ прозѣ, которую, можетъ быть, иногда порчу, наоборотъ, излишнею примѣсью поэтическаго элемента. Что дѣлать! Еще лѣтъ 25 тому назадъ, Е. Ѳ. Миллеръ писала мнѣ однажды, что въ моихъ стихахъ много жару, но мало теплоты. Это совершенно вѣрно:

Мой черствый стихъ души не грѣетъ».

всякихъ перемѣнъ. Сборникъ отличался крайней неполнотою, въ него не вошло много такого, что уже было въ печати и, очевидно для пополненія его, издатели переписки Ив. Сергѣевича помѣщаютъ въ концѣ каждаго тома стихи тѣхъ лѣтъ которые обнимаетъ переписка.

Въ этомъ самоопредѣленіи безусловно вѣренъ только основной выводъ, что стихи Ивана Сергѣевича представляютъ собою въ общемъ «личную повѣсть» его жизни въ ея Sturm und Drang Periode, и что у него нѣтъ «художественнаго *творчества*». Тутъ-то и лежитъ разгадка его позднѣйшаго охлажденія къ поэзіи. Но посылки, съ помощью которыхъ Аксаковъ хочетъ объяснить, почему онъ перестаіъ писать стихи, довольно спорны. Онъ находитъ, напр., что не обладаетъ «ни граціей, ни образностью, ни музыкальностью стихотворной рѣчи» и что вообще въ стихахъ его нѣтъ никакой «художественности». Лучшимъ опроверженіемъ всего этого можетъ служить тотъ фактъ, что поэтъ, котораго, какъ тамъ ни вертѣться и съ какой стороны ни подходить, все же придется признать первымъ послѣ Пушкина и Лермонтова—Некрасовъ неоднократно подражалъ Аксакову и манерою, и стихотворнымъ складомъ *). Не согласится признать Аксакова лишен-

*) Вишь, и ее нелегкая
Туда-жъ несетъ на сходбище:
Кузьмы Петрова, старосты,
Жена его, Пахомовна!
Какая баба тучная,
Какая баба сплетница,
Сварлива и назойлива:
Когда другой ругается,
Подругивать охотница!..
Пришелъ Матвѣй, пришелъ Лукичъ,
И слышитъ онъ укорныя
Себѣ слова позорныя:
Что сына онъ сберечь не могъ,
Не вразумлялъ терпѣнію;
Что міру провинился онъ,
Убавилъ имъ работника,
Такой сякой и ты, и сынъ!..
Бурмистръ Корнилъ ругается,
Кузьма Петровъ ругается
А тутъ же и Пахомовна!
Не выдержалъ Матвѣй Лукичъ,
Вдругъ на нее накинулся:
«Молчи ты, вѣдьма старая,
«Вишь отощала, постница!»
И гулъ пронесся хохота,
Смѣются всѣ надъ бабою,
Надъ бабою Пахомовной!

Откуда эти стихи? Конечно, изъ «Кому на Руси жить хорошо»,—единственнаго литературнаго произведенія, въ которомъ на памяти средняго читателя употребленъ этотъ оригинальный размѣръ. На самомъ дѣлѣ, однако, они взяты изъ «Бродяги», написаннаго Аксаковымъ за 20 лѣтъ до поэмы Некрасова.

нымъ «художественности» и обыкновенный читатель, знающій его по тѣмъ немногимъ отрывкамъ, которые часто берутъ составители хрестоматій изъ «Бродяги». Развѣ такъ мало «художественности» въ магистральномъ описаніи вечера, которымъ кончается 1 глава поэмы:

Жаръ свалилъ. Повѣяла прохлада,
Длинный день покончилъ рядъ заботъ.
По дворамъ давно загнали стадо
И косцы вернулися съ работъ.
Потемнѣть заря уже готова;
Тихо все. Часъ ночи не далекъ.
Подымался и улегся снова
На закатѣ легкій вѣтерокъ!..
Говоръ смолкъ; лишь изрѣдка собачій
Слышенъ лай; промолвятъ голоса...

Пыль слеглась; остылъ песокъ горячій,
Пала сильно на землю роса.
По краямъ темнѣющаго свода
Тѣни всѣ, широкія, слились:
Встрѣтить ночь готовится природа;
Запахи отвсюду понеслись.
Въ тишинѣ жизнь новая творится:
Зрячею проснулася сова,
И встаетъ, и будто шевелится,
И растетъ, и шепчется трава!..

А сколько щемящей прелести разсыпано въ извѣстномъ описаніи сельскаг. храма въ «Бродягѣ». Вотъ хоть бы всѣмъ извѣстное начало его:

Приди ты, немощный,
Приди ты, радостный!
Звонятъ ко всенощной,
Къ молитвѣ благостной.
И звонъ смиряющій
Всѣмъ въ душу просится,
Окрестъ сзывающій,
Въ поляхъ разносится!

Аксаковъ находитъ, что у него нѣтъ «граціи» и «музыкальности стихотворной рѣчи». Послѣднее далеко невѣрно. Торжественный внутренній строй его стиховъ вполнѣ гармонируетъ съ внѣшней ихъ отдѣлкой: въ нихъ есть что-то звенящее, какъ мѣдь, слышится какой-то колокольный звонъ, хотя подчасъ встрѣчается и то «жеванное папье-маше», которое Тургеневъ находилъ въ большинствѣ «гражданскихъ» пьесъ Некрасова и которое, можетъ быть, составляетъ необходимую принадлежность этого рода «поэзіи».

Что касается «граціи», то ея, пожалуй, дѣйствительно совсѣмъ нѣтъ у Аксакова, но уже по совсѣмъ другимъ причинамъ. Не можетъ быть граціи у поэта негодующаго, изъ устъ котораго льются укоризны и думы котораго всегда витаютъ у горнихъ высотъ человѣческаго духа, не можетъ быть граціи у пѣвца, болѣе чѣмъ кто бы то ни было изъ поэтовъ послѣдняго пятидесятилѣтія посвящавшаго свою лиру отраженію «гражданской исторіи эпохи».

Да, Иванъ Аксаковъ самый «гражданскій» изъ всѣхъ русскихъ поэтовъ. Въ статьѣ, посвященной литературной дѣятельности Константина Аксакова, мы уже указывали, что враждебная идеямъ 60-хъ годовъ критика только на половину права, когда подчеркиваетъ, что такъ называемая «гражданская поэзія», отодвигающая на второй планъ непосредственно-художественныя цѣли, введена въ русскую лите-

ратуру Некрасовымъ и прогрессивною критикою Добролюбова, Писарева и др. На самомъ дѣлѣ, стоитъ только присмотрѣться къ славянофильской поэзіи, чтобы убѣдиться, что въ лицѣ наиболѣе даровитыхъ представителей своихъ она задолго до движенія 60-хъ годовъ рѣшительно отвергла завѣтъ Пушкина быть поэзіею «звуковъ сладкихъ и молитвъ».

Это замѣчаніе наше относится въ особенности къ Ивану Аксакову, у котораго нѣтъ ни одного любовнаго стихотворенія, ни одного описанія природы ради описанія, вообще ни одного стиха, не имѣющаго прямымъ назначеніемъ служеніе «гражданскому быту», какъ онъ довольно неуклюже выражается.

Лучше всего основной характеръ Аксаковской поэзіи выраженъ въ стихотвореніи «Отвѣтъ» *):

. . . тоской объятъ душевной,
Изъ хора всѣхъ доступныхъ музъ,
Я съ музой бодрой, строгой, гнѣвной
Вступилъ въ воинственный союзъ!
Сурово пѣснь ея звучала,
Ничто не грѣло сердца въ ней,
Ревниво пламень охраняла
Она поэзіи своей.
Не прелесть празднаго мечтанья,
Не нѣга сладостныхъ молитвъ,
Но злой порывъ негодованья,
Жестокій судъ, призывы битвъ,
Отвага дерзко молодая
Въ ней вдохновляли пѣсенъ строй,—
И каждый разъ, къ другимъ взывая,
Она глумилась надо мной;
Ко мнѣ, за каждый отблескъ нѣжный,
Былъ обращенъ ея укоръ,
Меня въ стихахъ ея мятежный
Казнилъ такъ часто приговоръ!..
Но никогда на гибель брата,
Неправдѣ въ честь, во славу зла
Она наперсницей разврата
Въ моемъ паденьи не была;
Порока темное жилище
Не огласилъ веселый стихъ...

Эта-то чрезвычайная чуткость ко всякому проявленію общественнаго зла привела къ тому, что, будучи, въ основныхъ чертахъ своего политическаго міросозерцанія, приверженцемъ существующаго порядка, Иванъ Аксаковъ, однако же, относился къ разнымъ частнымъ несовершенствамъ его съ такимъ негодованіемъ и ожесточеніемъ, что если знать его только по стихамъ, которые, какъ всякіе стихи, не могутъ заключать въ себѣ какихъ-либо смягчающихъ оговорокъ и отражаютъ только порывъ души, ихъ породившій, то можно вообразить, что это былъ человѣкъ самаго оппозиціоннаго склада мысли. Тяжкая година, наступившая для русской интеллигенціи, благодаря европейскимъ событіямъ 1848 года, для московскаго славянофильскаго кружка относительно не очень тяжело отозвалась. Правда, Константину Аксакову чрезъ полицію приказали сбрить бороду, Ивана четыре дня держали въ III отдѣленіи, а Юрія Самарина нѣсколько недѣль въ Петропавловской крѣпости. Но что значили всѣ эти небольшія невзгоды сравнительно съ напастями, обрушившимися на голову кружка сотрудниковъ «Современника» и «Отеч. Зап.», изъ среды которыхъ одни попали (по процессу Петрашевскаго) въ каторгу, другіе должны были уйти въ изгнаніе, а уцѣлѣвшіе притаились, одолѣ-

*) Я. П. Полонскому.

ваемые вѣчнымъ страхомъ, что вотъ-вотъ и до нихъ доберутся. А между тѣмъ какая безнадежно-мрачная характеристика общественной атмосферы того времени вылилась именно у Ивана Сергѣевича въ 1849 году:

Пусть гибнетъ все, къ чему сурово
Такъ долго духъ готовленъ былъ:
Трудилась мысль, держало слово,
Въ запасѣ много было силъ...
Слабѣйте, силы! вы не нужны!
Засни ты, духъ! давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!
Безплодны всѣ труды и бдѣнья,
Безплоденъ слова даръ живой,
Безсиленъ подвигъ обличенья,
Безуменъ всякій честный бой.
Безумна честная отвага
Правдивой юности—и съ ней
Безумны всѣ желанья блага
Святыя бредни юныхъ дней!
Такъ сокрушись, души гордыня,
Въ борьбѣ неравной ты падешь:
Сплошного зла стоитъ твердыня,
Царитъ безсмысленная ложь!
Она страшнѣй враговъ опасныхъ,
Сильна не внѣшнею бѣдой,
Но тратой дней и силъ прекрасныхъ
Въ борьбѣ пустой, тупой, нѣмой!
Ликуй-же, ложь, и насъ, безумцевъ,
Урокомъ горькимъ испытуй,
Гони со свѣта вольнодумцевъ,
Казни, царя и торжествуй...
Слабѣйте-жъ, силы.. вы не нужны!
Засни ты, духъ! давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра.

Такую-же, выражаясь медицинскимъ терминномъ, «возвышенную чувствительность», способную спутать всякаго, кто не знакомъ съ ансамблемъ литературной дѣятельности Ивана Сергѣевича, онъ высказалъ и въ эпоху реформъ. Если въ реакцію 1848—1855 г. Иванъ Сергѣевичъ и его друзья не принадлежали къ числу людей, наиболѣе преслѣдуемыхъ, то съ наступленіемъ новаго царствованія ихъ всего менѣе можно было причислить къ числу крайнихъ энтузіастовъ. И все-же одинъ изъ наиболѣе восторженныхъ гимновъ новымъ вѣяніямъ принадлежитъ Ивану Аксакову. Наступающій 1858 годъ онъ привѣтствовалъ вотъ въ какихъ восторженныхъ выраженіяхъ:

День встаетъ, багрянъ и пышенъ,
Долгой ночи скрылась тѣнь,
Новой жизни трепетъ слышенъ,
Чѣмъ то вѣщимъ смотритъ день!
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла, съ Богомъ, на работу
Пробужденная страна.
Такъ торжественно прекрасно
Блещетъ утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно,
И не помнится о злѣ,
Сбъ истекшихъ дняхъ страданья,
О потратѣ многихъ силъ
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
Въ безвременности могилъ!
Пусть почіютъ мирно гробы
Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ!
Память имъ! Но въ сердцѣ злобы,
Ни вражды, ни мести нѣтъ.
Все проститъ онъ безъ разсчета,
Устоявшій въ дни тревогъ,—
Онъ, чей духъ годину гнета
Пережилъ и перемогъ.
Слышишь: новому онъ лѣту
Пѣсню радости поетъ:
Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ, съ братьевъ снявшимъ гнетъ.
Людямъ миръ, благословенье,
Долгихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ
Дню вчерашнему забвенье,
Дню грядущему привѣтъ!

Рядомъ съ такою способностью увлекаться и восторгаться, которая составляетъ одну изъ наиболѣе привлекательныхъ сторонъ поэтической дѣятельности Ивана Сергѣевича, онъ, однако-же, въ своихъ стихахъ неизмѣнно выступаетъ въ роли проповѣдника простого, ежедневнаго, прозаическаго дѣла. Насмѣшливо относится онъ къ «восторженному» ничегонедѣланію, которому предавалось большинство нашей интеллигенціи дореформенной эпохи, благо крѣпостное право давало возможность быть «идеалистами» и не утруждать себя прозаическими заботами:

Мы всѣ страдаемъ и тоскуемъ,
Съ утра до вечера толкуемъ
И ждемъ счастливѣйшей поры.
Мы негодуемъ, мы пророчимъ,
Мы суетимся, мы хлопочемъ...
Куда ни взглянешь—всѣ добры!
Обманъ и ложь! Работы черной
Намъ ненавистенъ трудъ упорный;
Не жжетъ насъ пламя нашихъ думъ,
Умомъ ослаблены мечтанья,
Не разрушительны страданья,
Мечтаньемъ обезсиленъ умъ!
Въ нашъ вѣкъ—вѣкъ умственныхъ занятій,—
Мы утончились до понятій
Движеній внутреннихъ души,—
И сбились съ толку! и блуждаемъ,
Порывовъ искреннихъ не знаемъ,
Не слышимъ голоса въ тиши!

Въ замѣну собственныхъ движеній,
Спѣшимъ, набравшись убѣжденій,
Души наполнить пустоту:
Твердимъ, кричимъ и лжемъ отважно,
И горячимся очень важно
Мы за заемную мечту!
И предовольные собою,
Гремучей тѣшимся борьбою,
Себя увѣривъ безъ труда,
Что прямодушно, не безплодно,
Приносимъ „мысли“ благородно
Мы въ жертву лучшіе года.
Но свыкшись съ скорбью ожиданья,
Давно мы сдѣлали „страданья“
Житейской роскошью для насъ:
Безъ нихъ тоска! а съ ними можно
Разсѣять скуку—такъ тревожно,
Такъ усладительно подъ часъ!

Его собственная программа жизни совсѣмъ иная:

Пусть приведетъ меня дорога
Хоть до ничтожнаго итога
Случайной пользы на землѣ

мечтаетъ онъ въ стихотворномъ посланіи Ав. П. Елагиной, и если мы ознакомимся съ перепиской соотвѣтствующихъ лѣтъ, мы не преминемъ убѣдиться, что эти мечтанія не были актомъ «художественнаго творчества», а точнымъ отраженіемъ его дѣйствительной программы дѣйствій. Именно мелкій «трудъ упорный» онъ и избралъ себѣ въ удѣлъ, твердо убѣжденный, что не тѣ, которые, по позднѣйшему выраженію Некрасова въ «Сашѣ»

По свѣту рыщутъ
Дѣла себѣ исполинскаго ищутъ

нужны Россіи, а люди, не брезгающіе сѣренькимъ элементарнымъ подвигомъ добросовѣстнаго исполненія своихъ непосредственныхъ обязанностей. Въ стихотвореніи «Моимъ друзьямъ», назначавшемся «честнымъ людямъ, состоящимъ на государственной службѣ», онъ выдвинулъ вотъ какія несложныя desiderata:

Досуга праздно не губя,
Вы чужды дерзкихъ измышленій;
Вы не взложили на себя

Задачи цѣлыхъ поколѣній.
Скупой покорствуя судьбѣ,
Избравши путь, неяркій съ виду,

Вы обрекли себя борьбѣ,
И слабыхъ внемлете мольбѣ,
И мстите бѣдную обиду.
Я знаю,—подвигъ вамъ сужденъ
Докучный, тѣсный, ежедневный,
Но сколько разъ прекраснѣй онъ
Печальной праздности душевной,
Безплоднымъ преданной мечтамъ!
А вы, средь козней и проклятій,
Все тотъ-же пылъ несли къ трудамъ.
Мужайтесь! силъ добудутъ вамъ
Благословенья меньшихъ братій!
Я знаю,—мелокъ вашъ удѣлъ,
Но пышенъ плодъ усилій дружныхъ:
Невинный въ битвѣ одолѣлъ—
Проснулась бодрость въ безоружныхъ!
И могъ обиженный не разъ
Извѣдать здѣсь, въ средѣ разврата,
Что встрѣтитъ въ каждомъ онъ изъ васъ,
На всякій день, на всякій часъ,
Въ дѣлахъ добра—слугу и брата!
Такъ пусть же дремлетъ въ тишинѣ
Тоска несбыточныхъ желаній,
За то—безъ праздныхъ ожиданій,
Вы люди честные вполнѣ.
Такъ жизнь скупа! предѣлъ такъ кратокъ
Надеждамъ смѣлымъ не созрѣть!
И благо всѣмъ, кому безъ взятокъ
Придется здѣсь разовъ десятокъ
Слезу вдовицы утереть,
Вновь возвратить стѣсненнымъ грудямъ
Просторъ и воздухъ въ душной мглѣ...
Такъ благо вамъ, хорошимъ людямъ,
За ваше дѣло на землѣ!

Выступить съ пропагандою такого рода «прописныхъ идей» и «дешевой» морали было не малою смѣлостью какъ тогда, когда только-что приведенное стихотвореніе было написано (1852), такъ и тогда, когда оно было напечатано (1862). Въ 1852 г. все нравственно-чуткое въ Россіи брезгливо относилось къ «неправдѣ черной» административной машины и призывъ сдѣлаться однимъ изъ ея рычаговъ могъ вызвать только подозрительное недовѣріе, а въ 1862 г. розенгеймовщина и фразы сологубовскаго чиновника о «честности» до того пріѣлись и до того всѣ въ нихъ извѣрились, что опять таки надо было повиноваться очень уже сильной внутренней потребности, чтобы явиться въ публику съ такими «избитыми» вещами. Но въ томъ-то и дѣло, что писаніе стиховъ не было для Ивана Сергѣевича актомъ «художественнаго творчества», ему стихи замѣняли дневникъ, они катехизировали принципы, легшіе въ основу его собственной жизни. *Говорить* о честности и о томъ, что слѣдуетъ утирать «слезу вдовицы» дѣйствительно довольно избито и банально, но совсѣмъ другое дѣло быть въ дѣйствительности «слугой и братомъ» ближняго.

Нельзя поэтому примѣнять обычные критеріи литературнаго анализа и къ другому, весьма характерному стихотворенію Ивана Аксакова, которое теперь, когда издана его переписка, можно прямо назвать отрывкомъ его автобіографіи:

Усталыхъ силъ я долго не жалѣлъ.
Не упрекнутъ бездѣйствіемъ позорнымъ
Мою тоску; какъ труженикъ, умѣлъ
Работать я съ усердіемъ упорнымъ.
Моей душѣ тѣ годы не легки;
Скупымъ трудомъ не брезгалъ я лукаво,
И мнится мнѣ,—досуга и тоски
Купилъ себѣ я дорогое право!..
Въ былые дни поэтовъ чаровалъ
Блаженства сонъ, эдемъ въ неясной дали.
Почуявъ ложь, безумецъ тосковалъ
И намъ теперь смѣшны его печали!
Но осмѣявъ его безсильный плачъ,
Я въ жизнь вступилъ путемъ иныхъ мечтаній:
Къ трудамъ благимъ, къ рѣшенію задачъ,
На жаркій бой, на подвигъ испытаній
Всѣ помыслы, всѣ силы, всю любовь

Направилъ я, и громъ далекій слышалъ!
Лгала и ты, о молодая кровь,
Исчезъ обманъ, едва я въ поле вышелъ!
И понялъ я, что спитъ желанный громъ,
Что, вмѣсто битвъ, нерѣдко съ браннымъ духомъ
За комаромъ бѣжимъ мы съ топоромъ,
За мухой гонимся съ обухомъ!
И понялъ я, что подвиговъ живыхъ,
Влестящихъ жертвъ, борьбы великодушной

Пора прошла,—и намъ, въ замѣну ихъ,
Борьбы глухой достался подвигъ скучный!
Отважныхъ силъ не нужно въ наши дни!
И юности лукавые порывы
Опасны намъ—затѣмъ, что всѣ они
Такъ хороши, такъ ярки, такъ красивы.
Есть путь иной, гдѣ вѣра не легка:
Сгораетъ въ немъ порыва скорый пламень;
Есть долгій трудъ, есть подвигъ червяка:
Онъ точитъ дубъ... Долбитъ и капля камень.

Стихотвореній и строфъ, подобныхъ только что приведеннымъ, можно было бы привести очень много и какъ обиліе ихъ, такъ и чрезвычайная искренность, въ нихъ звучащая, даютъ окраску всему поэтическому наслѣдію Ивана Аксакова. Его слѣдуетъ назвать проповѣдникомъ мелкаго подвига по преимуществу. Всякій поэтъ имѣетъ свою излюбленную тему, которую не устаетъ варьировать на разные лады, которая красною нитью проходитъ чрезъ все творчество и съ отпечаткомъ которой онъ входитъ въ исторію литературы. Съ именемъ Некрасова тѣсно связано представленіе о «мести и печали», муза Лермонтова всегда тоскуетъ по утраченнымъ небесамъ и не удовлетворяютъ ее «скучныя пѣсни земли», съ Полонскимъ всякій согласится, что онъ поэтъ «незлобивый» по преимуществу, Иванъ же Аксаковъ можетъ быть названъ пѣвцомъ сѣраго подвига и въ этомъ его существенное отличіе отъ Некрасова, съ которымъ онъ имѣетъ такъ много общаго въ другихъ отношеніяхъ. Некрасовъ исключительно негодуетъ и мститъ, Аксаковъ же, негодуя, вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ пути обновленія, не тѣ пути, которые, по своей общности и неопредѣленности, могутъ быть названы только идеалами, а тѣ, идти по которымъ лежитъ во власти всякаго дѣйствительно стремящагося къ правдѣ и свѣту человѣка.

Къ характеристикѣ поэмъ Аксакова и публицистической дѣятельности его мы вернемся въ концѣ второго тома.

Аксаковъ, Николай Петровичъ, публицистъ и поэтъ. Свѣдѣнія о немъ вѣроятно получимъ къ выходу конца II тома.

Аксаковъ, Сергѣй Тимофеевичъ †) Въ статьѣ о немъ, на стр. 162, 20 строка снизу, опечатка: вмѣсто «.... чтобы «все» произносить имя Аристофана» слѣдуетъ «.... чтобы *всуе* произносить имя Аристофана».

Съ удовольствіемъ можемъ констатировать, что многія черты нравственнаго и умственнаго облика Сергѣя Тимофеевича, выяснившіяся намъ только на основаніи сочиненій его, вполнѣ подтверждаются «Очеркомъ семейнаго быта Аксаковыхъ», составленнымъ Ив. Сергѣевичемъ Аксаковымъ и приложеннымъ къ 1 тому переписки послѣдняго. Такъ напр., при всей любви своей къ отцу, Ив. Сергѣевичъ не можетъ не подчеркнуть, что «Сергѣй Тимофеевичъ былъ чуждъ гражданскихъ интересовъ, относился къ нимъ индиферентно. Даже 1812 годъ, когда Сергѣю

Тимофеевичу былъ уже 22 годъ, не оставилъ въ немъ особенныхъ воспоминаній. Правда, онъ съ отцомъ своимъ записался въ милицію, — но и только. 12 годъ онъ прожилъ въ деревнѣ. Будучи вполнѣ русскимъ, онъ никогда не былъ «патріотомъ» даже въ духѣ своего времени. Политикой онъ не занимался вовсе».

Этимъ политическимъ неразвитіемъ мы уже своевременно объяснили то, что С. Т. не только не погнушался пойти въ цензора, но даже прижимать въ угоду Писареву и компаніи Полевого. Нѣсколько новыхъ фактовъ этого мало почтеннаго воздѣйствія на своихъ литературныхъ враговъ можно найти въ недавно изданныхъ запискахъ Ксенофонта Полевого. Да и вообще С. Т. былъ очень строгимъ цензоромъ. Такъ въ примѣчаніяхъ П. А. Ефремова къ послѣднему изданію Полежаева мы читаемъ: «Изданіе 1832 г. процензуровано С. Т. Аксаковымъ, который сдѣлалъ многочисленныя исключенія, притомъ даже въ такихъ стихотвореніяхъ, которыя прежде появленія въ этомъ сборникѣ были напечатаны безъ пропусковъ». Изданіе 1833 г. «цензуровано И. М. Снигиревымъ *съ значительно меньшими* исключеніями, чѣмъ это дѣлалъ С. Т. Аксаковъ». О дѣятельности С. Т. въ качествѣ директора межевого института см. *Апухтина*, А. Л. «Ист. конст. меж. инст.» Спб. 1879 г.

Въ 1888 г. В. И. Межовъ издалъ брошюру: «*Сергѣй Тимофеевичъ Аксаковъ. Библіографическій указатель книгъ и статей о жизни и сочиненіяхъ его*».

Много подробностей о С. Т. и его семьѣ можно найти въ недавней книгѣ А. П. Барсукова о Погодинѣ. Въ перечнѣ статей о «Семейной хроникѣ» нами опущена статья П. А. Плетнева въ «Жур. мин. нар. пр.» (1856 г. № 3). Статья *Н. Г—ва* о «Сем. хроникѣ» (см. стр. 191) по указанію *С. И. Пономарева* принадлежитъ Н. П. Гилярову-Платонову.

Къ стр. 248. Эпиграмма на Мих. Дмитріева принадлежитъ Соболевскому, а не Пушкину.

Аксель (водевилистъ)—псевдонимъ Линдфорса.

А. Л. (повѣсти «Любушка», «Птичница», и др. въ «Вѣст. Евр.» 1878 г. и «Сѣв. Вѣст.» 1887—88 г.)—псевдонимъ г-жи Луканиной.

* **Алабинъ**, Петръ Владиміровичъ †) *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ*, род. 29 августа 1824 г. въ Подольскѣ, москов. губ. Отецъ его, рязанскій дворянинъ стариннаго рода, принималъ участіе въ кампаніяхъ 1812—1816 гг., затѣмъ служилъ по таможенной части и умеръ въ 1837 г. управляющимъ цѣхановецкой таможни; мать—дочь французскаго эмигранта Мартена. Петръ Владиміровичъ учился въ бѣлостокской гимназіи и петербургскомъ ком-

---

†) Альбомъ *М. И. Семевскаго*. Отзывъ о «Словарѣ растеній» въ «Вѣст. Садов.» 1879 г.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

мерческомъ училищѣ, гдѣ кончилъ курсъ въ 1842 г. Какъ стипендіатъ департамента внѣшней торговли, онъ обязанъ былъ поступить на службу въ этотъ департаментъ, но отвращеніе къ гражданской службѣ и желаніе служить въ военной было такъ велико въ немъ, что для осуществленія своей горячей мечты онъ не остановился вотъ предъ какимъ смѣлымъ шагомъ: въ 1840 г., когда императоръ Николай I посѣтилъ коммерческое училище, А. остановилъ его и лично попросилъ дозволить ему вступить въ военную службу. Государь отнесся благосклонно къ этой просьбѣ и въ 1843 г. молодой «коммерсантъ» по Высочайшему повелѣнію былъ опредѣленъ сначала унтеръ-офицеромъ, а затѣмъ юнкеромъ въ тульскій егерскій полкъ. Служилъ онъ затѣмъ въ полкахъ замостскомъ и камчатскомъ, вмѣстѣ съ которымъ, въ званіи полкового адъютанта (его въ 1845 произвели въ офицеры) дѣлалъ венгерскую кампанію 1849 г. Въ 1853 г. А. перевели въ охотскій егерскій полкъ и съ нимъ онъ дѣлалъ крымскую кампанію. За отличіе въ ольтеницкомъ сраженіи его произвели въ штабсъ-капитаны, а за инкерманское—въ капитаны. Кромѣ того онъ получилъ за это время нѣсколько орденовъ.

Въ 1857 г. А. вышелъ въ отставку и былъ назначенъ управляющимъ мостовинскаго отдѣленія вятской удѣльной конторы, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ управляющимъ самой вятской конторы. Въ этой должности онъ прослужилъ до 1866 г. Во время бытности своей въ Вяткѣ А. воскресилъ основанную еще А. И. Герценомъ публичную библіотеку и устроилъ при ней публичный музей, за что его избрали въ почетные граждане города Вятки и портретъ его, съ Высочайшаго разрѣшенія, помѣщенъ въ главномъ залѣ библіотеки.

Съ 1866 по 1876 г. А. занималъ должность управляющаго самарскою палатою государственныхъ имуществъ. Въ 1877 г. онъ отвозилъ и передалъ въ Плоэштахъ Великому Князю Николаю Николаевичу сооруженное, по его иниціативѣ, самарскими дамами знамя болгарскому народу. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ назначенъ уполномоченнымъ Краснаго Креста въ Румыніи и завѣдывалъ тамъ двумя госпиталями въ Зимницѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ состоялъ главнымъ агентомъ московскаго и петербургскаго славянскихъ обществъ. Вскорѣ, однакоже, онъ перешелъ на административное поприще, назначенный Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ губернаторомъ софійскаго санджака, а впредь до окончательнаго очищенія его отъ непріятеля--орханійскимъ губернаторомъ. По водвореніи своемъ въ Софіи, А. ввелъ гражданское управленіе какъ здѣсь, такъ и въ городахъ: Орханіѣ, Златицѣ, Пирдонѣ, Этрополѣ, Самковѣ, Дубницѣ, Радомірѣ, Ихтиманѣ, Костендилѣ, Джумаѣ и ихъ округахъ. За свою службу въ Болгаріи А. былъ награжденъ звѣздою св. Анны I степени. Съ 1885 г. онъ занимаетъ должность самарскаго городского головы.

Началомъ литературной дѣятельности А. можно считать рѣчь его, сказанную въ присутствіи принца Ольденбургскаго на актѣ въ коммерческомъ училищѣ и

напечатанную тогда-же въ «С.-Пет. Вѣд.» (1842 г. № 103). Затѣмъ онъ помѣщалъ небольшія статьи въ слѣдующихъ изданіяхъ: „Маякѣ" средины 40-хъ годовъ «Иллюстраціи» временъ Кукольника, «Сѣв. Пчелѣ» Греча (отрывки изъ путевыхъ записокъ по Южной Россіи, Бессарабіи, Польшѣ, Венгріи; въ 1853—56 гг. корреспонденціи съ театра войны); въ „Художественномъ Листкѣ" Тима; въ газетѣ „Голосъ" съ перваго года изданія ея, въ продолженіе многихъ лѣтъ (корреспонденціи изъ Вятки); въ „Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ", (статьи различнаго содержанія между прочимъ описаніе разрытаго имъ Ананьинскаго могильника, находка котораго произвела впечатлѣніе въ археологическомъ мірѣ, „Александровскій Соборъ„ и пр.); въ „Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ"; въ „Русскомъ Инвалидѣ"; въ „Военномъ Сборникѣ", въ „Самарскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ", въ „Самарскомъ Справочномъ Листкѣ", въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", въ „Современной лѣтописи", въ „Новомъ Времени", въ „Самарской Газетѣ", въ «Рус. Архивѣ», въ «Русской Старинѣ». (Перечень послѣднихъ статей приведенъ въ 10 выпускѣ).

Отдѣльными изданіями А. напечаталъ: 1) *«Понятное для простолюдиновъ»*, изъ сочиненій нѣкоторыхъ русскихъ писателей. (Три изданія. Второе 1869. Товарищества „Обществ. Польза"). 2) *Сборникъ стихотвореній, понятныхъ простолюдинамъ*, два изданія. 3) *Словарь растеній дикорастущихъ и разводимыхъ*. Спб. 2-ое изд. въ 1879 г. 4) *25-лѣтіе Самары какъ губернскаго города*. Историко-статистическій очеркъ Самары. 1887. 5) *Походныя записки въ войну 1853—56 годовъ*. 2 тома. Вятка 1861 г. 6) *Каталогъ Вятской публичной библіотеки* 1864 г. 7) *Трехвѣковая годовщина г. Самары* 1881 г. Самара. 8) *Каталогъ Самарской публичной библіотеки и прибавленіе къ нему*. Спб. 1887 г. 9) *Четыре войны.А*. Походныя записки (1849, 1853, 1855—56 и 1877—78).—Вышла въ свѣтъ въ 1888 г. первая часть—Венгерская война 1849 г.

Александра Павловна, о ней у *Карновича* «Загадочн. личности». «Нива» 1889 г., № 11. «Русск. Паломн.» 1889 г. № 4.

* **Александренко, Василій Никифоровичъ** †) *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ*, род. 30 янв. 1861 г. въ г. Нѣжинѣ черниговской губ. Воспитаніе получилъ тамъ же въ гимназіи кн. Безбородко и затѣмъ въ с.-петербургскомъ университетѣ (съ 1881—1885). Еще будучи студентомъ, А. посвятилъ себя занятіямъ государственнымъ правомъ Англіи и по окончаніи курса былъ посланъ туда на казенный счетъ. Осенью 1888 г. юрид. факультетъ варшавскаго университета предложилъ ему занять каѳедру междун. права въ качествѣ исправляющаго должность доцента, а съ 20 ноября того-же года онъ состоитъ въ штатѣ юрид. фак. варшав. университета.

Въ 1) *«Очеркахъ изъ исторіи англ. университетовъ»* («Юрид. Вѣст.» 1887, № 9—10) Александренко имѣлъ задачею показать особенности современнаго высшаго образованія въ универ. Оксфорда, Кембриджа и судебныхъ коллегіяхъ Лондона. Въ то время какъ на континентѣ университеты перешли въ государ-

---

†) Отзывъ объ «Англійск. тайномъ совѣтѣ» *А. Трачевскаго* въ «Новостяхъ» 1888 г. № 147. Другіе отзывы будутъ указаны въ концѣ II тома.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

*

твенныя учрежденія и сдѣлались разсадниками высшаго *спеціальнаго* образованія, въ Англіи древнѣйшіе университеты удерживаютъ черты средневѣковой организаціи: корпоративный строй, преобладаніе общаго образованія и наконецъ, слабое подчиненіе государственной власти.

Въ работѣ 2) «*Англійскій тайный совѣтъ*» (т. I, ч. I. Спб. 1888) авторъ даетъ вводный матеріалъ для исторіи одного изъ важнѣйшихъ учрежденій Англіи. Въ вышедшей части авторъ имѣлъ въ виду показать общую связь учрежденія съ судьбою королевской власти, отъ которой тайный совѣтъ (или его предшественникъ королевскій) заимствовалъ свои полномочія. Несмотря на оппозицію сословій (бароновъ, общинъ), несмотря на постоянное стремленіе со стороны парламента ограничить власть королевскаго совѣта, послѣдній пріобрѣтаетъ вполнѣ устойчивое положеніе къ концу XIV вѣка, а при Тюдорахъ управляетъ Англіею въ ущербъ самостоятельности парламента. Двѣ причины возвышаютъ авторитетъ совѣта: торжество королевской власти въ междоусобной борьбѣ и идея посредничества въ борьбѣ классовъ, принимавшей нерѣдко острый характеръ.

Обширное изслѣдованіе молодого ученаго—результатъ добросовѣстнаго изученія источниковъ англійскаго права на мѣстѣ—было весьма сочувственно встрѣчено нашею ученою критикой.

Александровичъ, Н.—псевдонимъ Н. А. Добролюбова. («Соврем. 1858 г.).

Александровичъ, Георгій или Юрій, ботаникъ. Надѣемся сообщить о немъ что нибудь въ концѣ второго тома.

* **Александровъ**, Александръ Ивановичъ, лингвистъ †). *По свѣдѣніямъ, присланнымъ имъ С. А. Венгерову*, сынъ православнаго священника (служащаго теперь въ Казани), и двоюродный братъ знаменитаго критика, покойнаго Добролюбова, род. 16 апрѣля 1861 г. въ селѣ Вайтеряковѣ лаишевскаго у. казанской губ. Въ 1879 г. окончилъ 1-ю казанскую гимназію, въ 1883 г. казанскій университетъ со степенью кандидата по отдѣленію славянской филологіи историко филологическаго факультета. Въ университетѣ занимался по преимуществу языковѣдѣніемъ подъ руководствомъ И. А. Бодуэна-де-Куртенэ.— Какъ профессорскій стипендіатъ казанскаго университета по каѳедрѣ сравнительно языковѣдѣнія и санскрита, съ марта 1884 г. былъ командированъ въ Дерптъ, гдѣ въ 1886 г. получилъ степень магистра и званіе приватъ-доцента. Но успѣлъ только начать тамъ свои чтенія, какъ вслѣдъ затѣмъ былъ назначенъ въ Харьковъ приватъ-доцентомъ, исправляющимъ должность профессора сравнительнаго языковѣдѣнія и санскрита. Въ 1888 г. получилъ въ Дерптѣ степень доктора. Въ концѣ 1888 г. переведенъ изъ Харькова экстра-ординарнымъ профес-

†) Отзывы: о «Дѣтской рѣчи»: *Бодуэнъ-де-Куртенэ* въ «Уч. зап. каз. унив.» 1884 г. о «Субститутахъ»: пр. *Шухардтъ* въ „Liter. Centralblatt" 1885 г. № 11.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

соромъ въ Казань, сначала по сравнительному языковѣдѣнію и вскорѣ затѣмъ по славянской филологіи. Лѣтомъ 1885 и 1886 г. г. онъ былъ командированъ въ Литву для діалектологическихъ изслѣдованій. Еще будучи студентомъ, А. заявилъ себя двумя работами объ удареніи именъ существительныхъ въ русскомъ языкѣ: 1) *Удареніе именъ существительныхъ съ суффиксомъ икъ въ русск. яз.* 2) *Удар. им. сущ. жен. р.*, на суффиксы *ынь*, *иви*, *еви*, въ русск. яз., напечатанными въ «Русскомъ Филол. Вѣстникѣ» 1885 г. Затѣмъ онъ обнародовалъ еще одиннадцать трудовъ разнообразнаго достоинства. Труды эти не изобличаютъ въ ихъ авторѣ научной самостоятельности. Въ особенности заставляютъ желать многаго обѣ диссертаціи А—ва, магистерская 3) *Sprachliches aus dem Nationaldichter Litauens Donalitius. I. Zur Semasiologie.* Dorpat 1886, и докторская—4) *Litauische Studien. I. Nominalzusammensetzungen.* Dorpat 1888.

Научныя обобщенія не даются А—ву. Но онъ отличается частною наблюдательностью и способностью подмѣчать отдѣльные интересные факты живой рѣчи. Въ этомъ его главная сила. Лучшими его работами являются изслѣдованія по дѣтскому языку и по языковой патологіи. Таковы: во первыхъ, его кандидатская диссертація: 5) *Дѣтская рѣчь* (Р. Ф. В. 1883), и затѣмъ, 6) *Субституты отдѣльныхъ звуковъ и звуковыхъ сочетаній нормальной русской рѣчи въ произношеніи индивидуума, у котораго вслѣдствіе рака* (*cancroides*) *ампутированъ языкъ* («Русск. Фил. Вѣстн.» 1884), и дерптская вступительная лекція—7) *Ueber die Bedeutung der Sprachstörungen fur die Sprachwissenschaft*). Neue Dörptsche Zeitung, 1886), и ея русская переработка—8) *Наблюденія по патологіи рѣчи* (Р. Ф. В. 1888). Не лишены тоже научнаго значенія и интереса двѣ работы А. по русской грамматикѣ и діалектологіи—9) *Нѣкоторыя особенности падежныхъ окончаній именъ существительныхъ говора деревни «Сорочьи-Горы»*, 10) *Особенности говора села Байтерякова*, затѣмъ—11) *Литовскіе этюды. Вып. I. Народная этимологія*, и коротенькая замѣтка—12) *Маймачинское нарѣчіе*,—всѣ четыре обнародованныя въ «Русск. Фил. Вѣстникѣ» 1883, 1884, 1888 и 1884 гг.

Казанская вступительная лекція г. А—ва, *Языковѣдѣніе и славяновѣдѣніе*. Казань 1889, является компиляціей, не заключающей въ себѣ ничего особеннаго.

До сихъ поръ А. ограничивался одними только частными наблюденіями и сопоставленіями, не дѣлая изъ нихъ никакихъ общихъ выводовъ, представляющихъ дѣйствительный новый вкладъ въ науку. Сообщенными и упорядоченными А—мъ матеріалами можно, конечно, пользоваться для новыхъ интересныхъ обобщеній, но въ его собственныхъ сочиненіяхъ такихъ обобщеній еще не находимъ.

И. Бодуэнъ-де-Куртенэ.

* **Александровъ**, Владиміръ Александровичъ †). *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ*, въ настоящее время состоитъ инспекторомъ народныхъ училищъ въ лужскомъ уѣздѣ, петерб. губерніи. Кромѣ этнографическихъ сочиненій: *«Вологодская свадьба»*, *«Деревенское веселье»* и *«Славнуки»*, помѣщенныхъ въ журналахъ «Библ. для чтенія», «Современникъ» и «Заря», имъ написаны и изданы отдѣльными книжками слѣдующіе статьи и разсказы для народнаго чтенія:

1) *Два солдата.* Спб. 1861 г. 2) *Трудъ человѣка кормитъ.* Спб. 1862 г. 3) *Что весной посѣешь — то осенью пожнешь.* Спб. 1862 г. 4) *Наколдованная рыба.* Спб. 1865 г. 5) *Вдовушка или духовой самокатъ.* Спб. 1865 г. 6) *Русская слава.* 1865 г. Изданія для устройства народной школы: 7) *Задача и организація школьнаго дѣла* въ 3-хъ выпускахъ: за 1881, 82 и 83 годы. 8) *О сокращеніи числа отдѣленій въ* «Народной школѣ» 1882 г. 9) *Руководство къ устройству и введенію школьнаго дѣла въ начальныхъ народныхъ училищахъ.* Спб. 1888 г. 10) *Руководство къ обученію грамотѣ въ школѣ и дома.* Спб. 1882 г. Сверхъ того нѣкоторые мелкіе статьи и разсказы были имъ напечатаны въ народной газетѣ «Мірское слово», 1865—66 г. («Великое земское дѣло», «Малвитино и Малвитинцы» и др.).

***Александровъ**, Владиміръ Степановичъ ††). *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ*, р. 20 іюня 1825 года въ слободѣ Бугаевкѣ, изюмскаго уѣзда харьковской губ. Отецъ его былъ священникъ, мать дворянка изъ рода Купевцевыхъ. Учился въ духовномъ училищѣ въ г. Купянскѣ, затѣмъ въ бывшемъ харьковскомъ «Духовномъ Коллегіумѣ», преобразованномъ вскорѣ въ духовную семинарію. Изъ богословскаго класса, гдѣ былъ посвященъ тогдашнимъ харьковскимъ архіереемъ Иннокентіемъ въ стихарь, А. уволился и поступилъ казеннымъ воспитанникомъ на медицинскій факультетъ харьковскаго университета, гдѣ окончилъ курсъ въ 1853 г. Службу проходилъ военнымъ врачемъ архангелогородскаго полка въ Варшавѣ (1853—1859) и уланскаго въ Чугуевѣ (1859—67), затѣмъ съ 1867—79 г. занималъ мѣсто городского врача въ Харьковѣ, въ 1879 г. опять поступилъ на военную службу и былъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, старшимъ врачемъ 62 резервнаго баталіона въ Харьковѣ, главнымъ врачемъ военнаго лазарета въ Керчи, дивизіоннымъ врачемъ сначала 9-й пѣхотной дивизіи въ Полтавѣ, а потомъ 31 пѣхотной дивизіи въ Харьковѣ. Въ 1888 г. вышелъ въ отставку.

---

†) Отзывы о „Задачѣ и организ. школ. дѣла": 1) *Е. К.* (Арсеньевъ) въ „Вѣст. Евр." 1884 г. № 3. 2) *А. С.* въ „Женск. Образ." 1883 г. № 2. 3) „Рус. нар. учит." 1884 г. № 10.

††) 1) *Петровъ*, Очерки [illegible] газетѣ „Правда" нача[illegible]

*означаются [illegible]

А. пользуется извѣстностью въ малорусской литературѣ, какъ переводчикъ Лермонтова, Козлова и др. поэтовъ. По русски-же онъ писалъ очень мало: нѣсколько мелкихъ замѣтокъ въ «Другѣ здравія» (1857 г.) и двѣ небольшія юмористическія брошюрки — «*Елена прекрасная въ Троѣ*» (Харьковъ 70-хъ годовъ) и «Три басни» (Харьковъ 1880 г.), въ которыхъ фигурируютъ разные харьковскіе дѣятели. Кромѣ того А. написалъ стихотворное либретто къ оперѣ Щуровскаго—«Богданъ Хмѣльницкій».

* **Александровъ**, Францъ Александровичъ, педагогъ. *По свѣдѣніямъ, полученнымъ чрезъ посредство П. В. Быкова отъ сына его*, р. 15 февр. 1829 г., воспитывался въ гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ, затѣмъ поступилъ на физико-математ. факультетъ петерб. университета, гдѣ въ 1851 г. окончилъ курсъ со степенью кандидата. Съ 1852—1865 онъ преподавалъ естественную исторію въ новгородской гимназіи, съ 1865—66 былъ инспекторомъ архангельской гимназіи, послѣ чего опять вернулся въ Новгородъ, сначала въ качествѣ инспектора, а съ 1868—директора гимназіи и народныхъ училищъ. Въ 1873 г. его назначили директоромъ кронштадтскаго реальнаго училища. Ум. 13 марта 1875 г.

«Минералогія» А. выдержала 6 изданій, «Зоологія»—3. Нѣкоторыя статьи его помѣщались въ заграничныхъ изданіяхъ.

Одинъ изъ учениковъ Александрова—профессоръ кіевскаго университета П. П. Алексѣевъ въ письмѣ къ намъ съ чрезвычайною теплотою отзывается о покойномъ учителѣ своемъ.

Александръ, епископъ костромской. О немъ будетъ сказано въ концѣ второго тома.

Александръ Мезенецъ. Въ 1888 г. *Ст. Смоленскій* превосходно издалъ (Казань) «Азбуку знаменнаго пѣнія», снабдивъ ее цѣнными объясненіями и примѣчаніями.

Александръ (Свѣтлаковъ). Въ настоящее время состоитъ епископомъ дмитровскимъ, первымъ викаріемъ московскимъ. Въ 1888 г. напечаталъ (М.) 14) *Нравоучительные уроки священника къ бывшимъ прихожанамъ въ письмахъ*. «Евангельскія чтенія въ 1887 г. вышли 3-ьимъ изданіемъ.

Алексій, архіепископъ виленскій и литовскій (въ міру Александръ Θедоровичъ **Лавровъ**).

Какъ церковный писатель высокопреосвященный Алексій пріобрѣлъ почетную извѣстность своими полемическими трудами по вопросу о реформѣ духовнаго суда, предполагавшейся въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Дѣло шло частію объ освобожденіи свѣтскихъ лицъ отъ церковной подсудности (по дѣламъ бракоразводнымъ и др.), главнымъ же образомъ о коренномъ преобразованіи самого духовнаго суда въ смыслѣ отнятія судебной власти у епархіальныхъ архіереевъ и

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

предоставленія ея выборнымъ пресвитерскимъ судамъ двухъ инстанцій (во первыхъ единоличнымъ духовнымъ судьямъ и во вторыхъ коллегіальнымъ духовно-окружнымъ судамъ изъ пресвитеровъ нѣсколькихъ епархій подъ предсѣдательствомъ титулярнаго епископа). Этотъ проектъ имѣлъ связь съ другими реформами въ духовномъ вѣдомствѣ, предпринятыми тогдашнимъ оберъ-прокуроромъ св. сунода, гр. Д. А. Толстымъ съ цѣлію облегчить положеніе нашего духовенства и поднять его значеніе. Но предположенное преобразованіе духовнаго суда отличалось отъ прочихъ мѣропріятій гр. Толстого своимъ принципіальнымъ характеромъ и гораздо глубже захватывало разные церковные интересы. Все, что было консервативнаго и строго-клерикальнаго въ тѣхъ сферахъ, возстало за неприкосновенность архіерейской власти. Изъ высшаго духовенства чрезвычайно рѣзкое противодѣйствіе либеральной реформѣ оказалъ покойный архіепископъ волынскій Агаѳангелъ, отличавшійся особенно горячею ревностью о сохраненіи іерархическихъ правъ и преимуществъ. Но негласные протесты этого и другихъ единомысленныхъ ему архіереевъ едва-ли оказались бы достаточными, еслибы къ нимъ не присоединилась печатная полемика въ томъ же направленіи, которую предпринялъ профессоръ каноническаго права въ московской Духовной Академіи А. Ѳ. Лавровъ, вскорѣ послѣ этого вступившій въ монашество съ именемъ Алексія и посвященный въ епископа можайскаго,—нынѣ архіепископъ виленскій и литовскій. Такая научно-литературная защита архіерейской власти была для нея тѣмъ нужнѣе, что сторонники либеральной реформы, проводя свой планъ въ учрежденномъ по этому дѣлу комитетѣ при св. сунодѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ широко пользовались для своихъ цѣлей какъ духовною, такъ и свѣтскою печатью. Проф. Лавровъ, самъ членъ сунодскаго комитета, выступилъ противъ его проекта съ рядомъ статей и брошюръ и затѣмъ свелъ всѣ свои аргументы въ обширное сочиненіе «Предполагаемая реформа церковнаго суда» (два выпуска безъ имени автора. СПБ. 1873). Изъ духовныхъ журналовъ онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи для этой полемики только мало-распространенное въ публикѣ изданіе московской Академіи—«Твор. Св. Отцевъ», а изъ свѣтскихъ газетъ—«Рус. Міръ», также сравнительно не имѣвшій большого распространенія; тогда какъ сторонники либеральной реформы (главными изъ нихъ были Н. К. Соколовъ, профессоръ каноническаго права въ московскомъ университетѣ и Т. Барсовъ, профессоръ той-же науки въ петербургской Духовной Академіи) имѣли своими органами два самые распространенные духовные журналы—«Православное Обозрѣніе» и «Христіанское Чтеніе», а также и наиболѣе популярныя въ то время свѣтскія газеты: «Голосъ», «С.-Петербургскія Вѣдомости» (редакціи Корша), «Биржевыя Вѣдомости» и даже «Московскія Вѣдомости» Каткова. Такимъ образомъ нашъ канонистъ имѣлъ противъ себя: 1) высшее начальство духовнаго вѣдомства и притомъ въ лицѣ такого государственнаго человѣка, какъ гр. Д. А. Толстой; 2) главныхъ у насъ представителей церковно-юридической науки и, наконецъ 3) общественное мнѣніе

съ наиболѣе вліятельными органами печати. Несмотря на такое видимое неравенство силъ, защитникъ іерархическаго начала одержалъ полную и блестящую побѣду. Проектъ церковно-судебной реформы былъ похороненъ безъ остатка и ея ученому критику несомнѣнно принадлежали въ этомъ дѣлѣ главныя заслуги.

Чтобы оцѣнить ее не по внѣшнему успѣху, а по существу, должно имѣть прежде всего въ виду ту почву, на которой нашъ авторъ боролся и побѣдилъ. Это была исключительно почва каноническая. Въ этой области дѣло было рѣшено заранѣе, но этимъ же умалялось его дѣйствительное значеніе. Что церковныя правила усвояютъ судебную власть епископу и что въ этихъ правилахъ нельзя найти ни малѣйшаго основанія для того пресвитеріанскаго суда, который предполагался сѵнодскимъ комитетомъ и защищался профессорами Соколовымъ и Барсовымъ—это было слишкомъ ясно. Ученые противники нашего автора не только не могли его оспорить, но и спорить съ нимъ на канонической почвѣ могли лишь съ помощью различныхъ болѣе или менѣе замысловатыхъ уловокъ и софизмовъ, которые онъ съ утомительною иногда, но вполнѣ цѣлесообразною обстоятельностью обличаетъ и разсматриваетъ во второмъ томѣ своего труда. Другое дѣло было бы, еслибъ сторонники судебной реформы могли прямо и опредѣленно поставить вопросъ: въ какой мѣрѣ древніе каноны составляютъ норму нашей церковной дѣйствительности? Та каноническая почва, на которой такъ твердо стоитъ защитникъ архіерейской власти, сложилась окончательно къ исходу VIII-го вѣка (время послѣдняго вселенскаго собора) и опредѣляется, какъ извѣстно, во-первыхъ, такъ называемыми апостольскими правилами, затѣмъ правилами нѣкоторыхъ св. отцевъ IV и V вѣка, наконецъ, канонами семи вселенскихъ и девяти помѣстныхъ древнихъ соборовъ, получившихъ вселенскій авторитетъ. Никто, однако, не рѣшился утверждать, что съ конца осьмого вѣка въ теченіе одиннадцати столѣтій церковная жизнь неизмѣнно и неуклонно держалась того русла, которое было проложено въ ту отдаленную эпоху. Въ весьма существенныхъ частяхъ своего строя, по вопросамъ иногда даже болѣе важнымъ, нежели вопросъ объ епископальномъ или пресвитеріанскомъ характерѣ духовнаго суда,—церкви греческой, а еще болѣе русской приходилось узаконять такіе порядки, которые совершенно чужды древнимъ канонамъ, а въ иныхъ случаяхъ какъ-будто находятся съ ними въ прямомъ противорѣчіи.

Если въ пользу того, что епископъ есть ординарный судья подчиненныхъ ему клириковъ, впр. Алексій основательно ссылается напримѣръ, на 9 правило халкидонскаго собора, гласящее: «аще который клирикъ съ клирикомъ же имѣетъ судное дѣло: да не оставляетъ своего епископа и да не перебѣгаетъ къ свѣтскимъ судилищамъ»,—то не видно, однако, почему это правило должно быть болѣе обязательно, нежели 37 правило апостольское, по которому: «дважды въ году да бываетъ соборъ епископовъ, и да разсуждаютъ они другъ съ другомъ о догматахъ благочестія, и да разрѣшаютъ случающіяся церковныя прекословія». Хотя

этотъ апостольскій канонъ повторенъ и первымъ вселенскимъ соборомъ въ его 5 правилѣ, однако, узаконенный у насъ церковный строй уже многія столѣтія обходится безъ епископскихъ соборовъ. Точно также если 12, 14 и 29 правила кареагенскаго собора, требующія, чтобы пресвитеръ судился шестью епископами, а діаконъ тремя, по замѣчанію румынскаго митрополита Андрея Шагуны, *не имѣютъ болѣе никакого значенія*, потому что *трудно* составлять судъ изъ такого числа епископовъ, то вѣдь это *практическое* соображеніе о трудностяхъ и удобствахъ можетъ быть примѣнено и къ другимъ церковнымъ канонамъ.—Нужно ли напомнить, что существуетъ третье правило седьмого вселенскаго собора, находящееся въ прямомъ противорѣчіи съ коренными принципами нашего церковнаго управленія?

Къ этого рода фактамъ возможно лишь двоякое отношеніе: или признать, что они оправдываются ходомъ исторіи и потребностями жизни,—и въ такомъ случаѣ уже нельзя на одной канонической почвѣ оспаривать какую бы то ни было предлагаемую реформу въ области духовнаго вѣдомства; или же считать такіе факты за безусловно ненормальные,—и тогда современные защитники строгаго клерикализма по такимъ сравнительно второстепеннымъ вопросамъ, какъ устройство духовнаго суда, могутъ услышать отъ своихъ противниковъ справедливое замѣчаніе: «врачу, исцѣлися самъ», или: «снявши голову, по волосамъ не плачутъ». Едва ли также не напрасно почтенный канонистъ московской Академіи связалъ вопросъ о судебной реформѣ съ вопросомъ о православіи, ибо на этотъ счетъ въ нашихъ духовныхъ сферахъ существуютъ одинаково авторитетныя, хотя и прямо противуположныя мнѣнія, какъ это видно изъ записки сvнодскаго комитета, гдѣ проф. Лавровъ выставляется, какъ проповѣдникъ «совершенно чуждыхъ и неизвѣстныхъ православной церкви мыслей, что вся судебная власть сосредоточивается въ епископѣ и епископствѣ».

Косвенный отвѣтъ на полемическіе труды впр. Алексія воспослѣдовалъ черезъ девять лѣтъ, когда въ «Руси» Аксакова (за 1882 г.) были напечатаны однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей нашего ученаго духовенства о. Ив.—П. двѣнадцать статей о русскомъ церковномъ управленіи, гдѣ 1) подробно была доказана неканоничность этого управленія, и 2) представленъ обстоятельный проектъ *каноническаго* его преобразованія. Вслѣдъ затѣмъ тамъ же была напечатана замѣтка Д. Хомякова (сына извѣстнаго славянофила), указывавшаго, что всякій проектъ церковнаго преобразованія останется безплоднымъ бюрократическимъ измышленіемъ, пока церковь не будетъ избавлена отъ государственной опеки и не возвратитъ себѣ свободы самоопредѣленія, въ ней-же единственное существенное условіе ея жизни. Проектъ о. Ив.—П., замѣтки Д. Х. (вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими заявленіями по тому же предмету) вызвали гр. Л. Н. Толстого сказать свое заключительное слово въ видѣ слѣдующей притчи. «Прибѣжали ко мнѣ дѣти, говорятъ: у насъ на дворѣ орла поймали!—Какъ поймали? Отчего же

онъ не улетѣлъ?—Да дворникъ ворота заперъ...—Полноте, дѣти, развѣ не видите, что это не орелъ, а просто курица!»

Какъ бы то ни было, съ точки зрѣнія клирикально-практической нельзя достаточно высоко оцѣнить заслугу впр. Алексія, отстоявшаго судебную власть епископовъ. И если бы въ близкомъ будущемъ вмѣсто антиканонической реформы духовнаго суда можно было предвидѣть каноническое преобразованіе нашего церковнаго управленія, то никто изъ русскихъ іерарховъ не имѣлъ бы такихъ правъ, какъ нынѣшній архіепископъ виленскій, стать во главѣ этого, на каноническихъ основаніяхъ преобразованнаго, высшаго управленія русской церкви.

Владиміръ Соловьевъ.

Алексѣевъ, Александръ Матвѣевичъ †) (р. 1803 † 25 марта 1843). Воспитывался въ горномъ корпусѣ и главномъ инж. училищѣ. Былъ учителемъ высшихъ классовъ Пажеск. корпуса, а съ 1828 г. по 1842 г. директоромъ учреждавшагося тогда при удѣльномъ департаментѣ землемѣрнаго училища. Передѣлалъ съ франц. книгу *К. Дюпеня* «Геометрія и механика искусствъ, ремеслъ и изящ. художествъ» 3 ч. съ чер. СПБ. 1830—32. Бурнашевъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ петербургскаго старожила» отзывался о немъ, какъ о прекрасномъ педагогѣ, замѣчательно гуманно обращавшемся со своими воспитанниками.

Алексѣевъ, Алексѣй ††). Перевелъ съ фр. «Исторію о возмущеніи Али-Бея противъ Оттоманской порты». М. 1789. 8° Ц. 80 к. (Соп. 4781).

Алексѣевъ, Василій Алексѣевичъ. Послѣ выхода 9 выпуска напечаталъ слѣдующіе переводы: 1) *Цицеронъ*, Рѣчи противъ Катилины. Спб. 1888. 2) *Епиктетъ*, Основанія стоицизма. Спб. 1888. 3) *Ѳукидидъ*, Исторія кн. I Спб. 1889 г. 4) *Эзопъ*, Избранныя басни. Спб. 1888. («Дешевая Библіотека». А. С. Суворина). 5) *Лукіанъ*, В. I. («Пантеонъ лит.» 1889 г. № 5). 6) *Еврипидъ*, Медея (въ «Дешевой Библіотекѣ»). Кромѣ того написалъ нѣсколько библіографическихъ замѣтокъ въ «Пантеонѣ Литературы» 1888 и 1889 г. и помѣстилъ въ «Дѣтскомъ Чтеніи» 1889 г. (№ 1) сказку «Кузнецъ». Отзывы о переводахъ Алексѣева (въ общемъ благопріятные) появились въ «Рус. Мысли», «Библіографѣ», «Журн. Мин. Нар. Пр.» 1888—1889.

Алексѣевъ, Георгій Петровичъ, гофмейстеръ двора Его Имп. Величества, археологъ. Сообщимъ, вѣроятно, свѣдѣнія о немъ въ концѣ второго тома.

Алексѣевъ-Нахласъ (стр. 375). Въ 1886 г. напечаталъ 7) «*Объ обѣтованномъ мессіи*» Новгородъ. 8) *Употребляютъ-ли евреи христіанскую кровь*. Тамъ-же.

---

†) Некрологъ въ «Сѣв. Пчелѣ» 1843 года, № 70. 2) *Геннади*, Словарь. *В. Бурнашевъ*, Воспоминанія въ «Рус. Вѣст. 1872 г., № 5.

††) *Геннади*, Слов., стр. 18.

Алексѣевъ, Л. Писалъ въ «Рус. Богатствѣ» 1888-хъ годовъ литературныя замѣтки и повѣсти. Свѣдѣнія о немъ, можетъ быть, сообщимъ въ концѣ второго тома.

Алексѣевъ, Н. Н. Къ страницѣ 392—93.

Изъ сочиненій этого автора болѣе другихъ заслуживаетъ вниманія составленный имъ курсъ интегральнаго исчисленія. Первая книга этого курса, содержащая интегрированіе функцій и геометрическія приложенія выдержала два изданія.

Обстоятельнѣе всего изложена глава V, трактующая интегрированіе ирраціональныхъ дифференціаловъ, содержащихъ корень квадратный изъ полинома 2-й степени. VI содержитъ изложеніе принадлежащаго автору способа приведенія эллиптическихъ дифференціаловъ къ каноническому виду, напечатаннаго раньше въ Comptes rendus Парижской Академіи въ 1864 году.

Изъ второй книги, относящейся къ интегрированію уравненій, напечатанъ только первый выпускъ. **К. Поссе.**

* **Алексѣевъ,** Петръ Петровичъ, химикъ. Послѣ появленія 9 выпуска нашего Словаря напечаталъ:

57) Критико-библіографич. замѣтки о сочин. *E. Grimaux. Lavoisier d'après sa correspondance, ses manuscrits etc.* Унив. Изв. 1888 г. 58) *Историческая замѣтка* (по поводу пятидесятилѣтія со времени открытія хинина). «Унив. Изв.» 88 г. и «Журн. Физ.-Химическ. Общества» 89 г. (стр. 33). 59) Совмѣстно съ Е. В. Верноромъ. *Предварительныя замѣтки о теплотѣ нейтрализаціи нѣкоторыхъ ароматическихъ соединеній.* «Журн. Физ.-Хим. Общ.», стр. 182. 60) *О методахъ превращенія органическихъ соединеній.* Кіевъ, in 8° около 200 стр. Отзывъ объ „Анализѣ газовъ": „Рус. Мысль" 1887 г., № 5; о „Матер. для ист. хим. лаб.": „Рус. Мысль" 1886 г., № 3. О 3-мъ изд. „Органич. Химіи": „Рус. Мысль" 1885 г., № 5.

Алексѣевъ, Петръ Алексѣевичъ, протоіерей. Въ своихъ «Матеріалахъ для русск. библіогр.» (вып. I, стр. 238) Н. В. Губерти сообщаетъ, что у него имѣется рукопись, содержащая въ себѣ приспособленное Алексѣевымъ для дѣтскаго пониманія извлеченіе изъ имъ-же изданнаго «Православнаго исповѣданія» Петра Могилы.

Алексѣевъ, Сергій, протоіерей Скорбященской, что надъ вратами Александро-Невской лавры, церкви (род. 1751 г, ум. 1816 г.). Оставилъ записки о событіяхъ своего времени, извлеченія изъ которыхъ напечатаны проф. Н. И. Барсовымъ въ «Христ. чтеніи» 1874 г.

Алексѣевъ Ѳ.—псевдон. *Ѳ. А. Кони,* а не А. Ф., какъ ошибочно напечатано въ словарѣ (стр. 406, 4 стр. снизу).

Алексѣй (Виноградовъ). Напечаталъ «Источн. для истор. кит. миссіи» въ «Прав. Об.» 1886 г.

Алексѣенко, Михаилъ Мартыновичъ (стр. 406—409).

---

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника.*

Научныя работы А. отличаются старательнымъ изложеніемъ фактическаго и литературнаго матеріала, обдуманною осторожностью въ выводахъ и отсутствіемъ всякихъ притязаній на широкія и оригинальныя обобщенія.

Первый значительный трудъ А. напечатанъ въ 1870 году, въ Харьковѣ, подъ заглавіемъ: «Взглядъ на развитіе ученія о налогѣ у экономистовъ А. Смита, Ж. Б. Сэя, Рикардо, Сисмонди и Д. С. Милля». Разбирая теоріи поименованныхъ писателей, авторъ имѣлъ въ виду дать отъ себя «истинное объясненіе роли, какую играетъ налогъ въ современномъ хозяйственномъ строѣ, опредѣлить его уклоненія на практикѣ отъ нормальнаго порядка вещей и указать, чего недостаетъ какъ налогу, такъ и вообще хозяйственнымъ явленіямъ для того, чтобы они удовлетворяли основной цѣли человѣческой дѣятельности—счастью, благосостоянію». Но А. скромно сознается въ предисловіи, что задача, о которой онъ «имѣлъ смѣлость мечтать», не могла быть исполнена имъ. «Работы, предпринятыя въ видахъ осуществленія ея, — говоритъ онъ, — показали мнѣ ужасающую скудость моихъ средствъ предъ этой великою, обширною задачею, которую я едва былъ въ состояніи мысленно обнять. Но при всей ея недостижимости для меня цѣль была слишкомъ увлекательна, чтобы отъ нея отказаться. И за эти хорошія стремленія, принявши во вниманіе слабость молодыхъ силъ, мнѣ, быть можетъ, не поставится въ укоръ и предлагаемое исполненіе задуманнаго плана. Да и претензіи мои простираются не слишкомъ далеко. Если о моемъ трудѣ можно будетъ сказать, что виновникъ его имѣлъ кой-какія вѣрныя мысли, которыя тѣмъ не менѣе ему не удалось удачно выразить, то я почту себя вполнѣ удовлетвореннымъ» (стр. XXXV и сл.). Въ дѣйствительности авторъ обнаруживаетъ въ своей книгѣ большое знакомство съ экономической литературой и высказываетъ много вѣрныхъ мыслей по вопросамъ государственнаго хозяйства. По его мнѣнію, наука должна «принимать дѣятельное участіе въ тяжеломъ процессѣ жизненнаго движенія, а не прятаться съ дешевымъ самодовольствомъ въ кабинеты или оправдывать временныя и несовершенныя стороны жизни, выдавая ихъ за безусловныя требованія какой либо отвлеченной идеи» (стр. VI). Характеризуя современный хозяйственный бытъ западно-европейскихъ народовъ, авторъ замѣчаетъ: «Все развитіе человѣческихъ силъ, наука, изобрѣтенія, открытія, все пошло на пользу организаторовъ хозяйства. Массѣ досталось на долю малое вознагражденіе, забитость, отсутствіе высшихъ интересовъ, рабство передъ природою и людьми, и въ концѣ концовъ неуспѣшность труда. Чувствуется общая неудовлетворенность. А между тѣмъ крайняя противоположность пышности, богатства съ одной стороны, забитости и животной жизни съ другой — разжигаетъ въ рабочихъ, въ простыхъ исполнителяхъ, недовольство, которое проявляется въ различныхъ видахъ. Является новая теорія общественной жизни, является выраженіе пожеланій и стремленій рабочихъ, одѣтое въ теоретическую форму, которое и объясняется какъ реакція

противъ господствующаго порядка». А. всегда исходитъ отъ той точки зрѣнія, что основою финансоваго благоустройства должно служить прочное благосостояніе народа, которое поэтому составляетъ первую и главную обязательную заботу разумныхъ финансовыхъ дѣятелей государства. Между тѣмъ, по справедливому замѣчанію автора, «у насъ еще и теперь для многихъ всѣ финансовые вопросы сосредоточиваются всецѣло въ вопросѣ о деньгахъ, объ ассигнаціяхъ, о валютѣ, о металлическомъ фондѣ; въ упроченіи денежной единицы полагается залогъ устраненія чуть не всѣхъ финансовыхъ затрудненій». При оцѣнкѣ чужихъ доктринъ, даже самыхъ авторитетныхъ, А. сохраняетъ надлежащую самостоятельность мысли; онъ не только излагаетъ, но и критикуетъ Смита, Сэя, Рикардо и другихъ. Относительно Сэя онъ выражается вполнѣ вѣрно, что онъ «болѣе блестящъ чѣмъ глубокъ» и что «онъ приходитъ къ низернымъ и тощимъ выводамъ въ своемъ ученіи о налогѣ». Придерживаясь во многомъ воззрѣній Кэри, противника Рикардо, А. отдаетъ полную справедливость и послѣднему: «мы должны, — говоритъ онъ послѣ обстоятельнаго разбора его теорій, — быть глубоко благодарны этому геніальному человѣку за то, что онъ своимъ орлинымъ умомъ всюду проникалъ въ сущность дѣла и раскрывалъ невидимыя причины явленій». Однимъ изъ внѣшнихъ недостатковъ книги слѣдуетъ считать испещреніе текста цитатами на иностранныхъ языкахъ, отчасти изъ второстепенныхъ авторовъ—Кауца, Дитцеля и т. п.

Въ томъ же 1870 году вышли двѣ брошюры А.: «Организація государственнаго хозяйничанья» и «Общая теоріи переложенія налоговъ». Въ первой излагаются способы финансоваго управленія, условія правильнаго составленія бюджета и своевременнаго контроля за употребленіемъ государственныхъ средствъ въ разныхъ государствахъ; во второй брошюркѣ (въ 17 стр.) приведены нѣкоторыя общія соображенія объ условіяхъ правильной системы налоговъ, съ точки зрѣнія народнаго хозяйства.

Главный по объему и значенію трудъ А.—книга о государственномъ кредитѣ: «Очеркъ наростанія государственнаго долга въ Англіи и Франціи» (Харьковъ, 1872). Въ сущности содержаніе книги гораздо шире: она даетъ подробный историческій обзоръ тѣхъ способовъ, къ которымъ въ разное время прибѣгали въ Англіи и Франціи для увеличенія государственныхъ доходовъ и для доставленія правителямъ средствъ на чрезвычайныя надобности. Отдѣлъ, посвященный Англіи, начинается съ эпохи Вильгельма-Завоевателя (XI в.), а глава о Франціи—съ XII вѣка. Изложеніе заканчивается 1815 годомъ: «для Англіи этотъ терминъ совпадаетъ съ крутымъ перерывомъ въ исторіи наростанія долга; для Франціи онъ составляетъ исходный моментъ развитія государственнаго кредита на новыхъ началахъ». Дальнѣйшее движеніе государственныхъ долговъ въ связи съ измѣненіями величинъ доходовъ и расходовъ представлено въ таблицахъ. Множество собранныхъ фактовъ и тщательная обработка цифровыхъ данныхъ

придаютъ книгѣ положительную цѣнность. Говоря о финансовыхъ порядкахъ или вѣрнѣе безпорядкахъ прежняго времени, авторъ изображаетъ различныя формы хищничества, угнетавшія и разорявшія народъ подъ прикрытіемъ государственныхъ цѣлей; нѣкоторые періоды, какъ напр. царствованіе Людовика XV во Франціи, представляютъ лишь «скорбный листъ возраставшихъ налоговъ, усиливавшейся нищеты населенія, все болѣе запутывавшагося финансоваго положенія, все болѣе приходившаго къ (внутреннему) противорѣчію экономическаго быта и становившагося все болѣе невыносимымъ политическаго строя». Авторъ находитъ большую аналогію съ заемными операціями въ финансовыхъ подспорьяхъ старой Франціи—въ періодическомъ обираніи евреевъ, то изгоняемыхъ, то условно допускаемыхъ обратно въ страну; въ розыскахъ противъ откупщиковъ и финансовыхъ агентовъ правительства, въ выпускахъ порченой монеты, продажѣ должностей, дворянства, податныхъ изъятій и проч. «Отсутствіе дѣйствительнаго финансоваго контроля со стороны народнаго представительства—какъ гласитъ одинъ изъ тезисовъ къ книгѣ (магистерской диссертаціи) — вело во Франціи къ непрестанной финансовой безурядицѣ; при чрезмѣрныхъ и неоправдываемыхъ надобностями расходахъ, при скудости доходовъ, вытягиваемыхъ изъ близкаго къ нищенству населенія, при быстро наслоявшихся долгахъ для покрытія хроническихъ дефицитовъ, путь банкротствъ и ликвидацій былъ неизбѣженъ» [1]).

Съ такою же добросовѣстностью и знаніемъ дѣла разобрано «дѣйствующее законодательство о прямыхъ налогахъ» въ позднѣйшемъ сочиненіи А., вышедшемъ подъ этимъ заглавіемъ въ 1879 году. Поставивъ себѣ задачей привести въ ясность и критически разобрать принятыя у насъ формы прямого обложенія, авторъ подробно разсматриваетъ вопросы о подушной подати и предположенной замѣнѣ ея другими податями, о налогахъ на городскія недвижимыя имущества, о налогѣ на торговлю и промыслы, о повинностяхъ, о земскихъ и мѣстныхъ сборахъ, объ оброчной подати и о поземельныхъ платежахъ. Историческія указанія, объясняющія возникновеніе и развитіе различныхъ формъ обложенія, «раскрываютъ наслоеніе тягостей на такъ называемомъ податномъ населеніи и характеризуютъ отношеніе законодательства къ податнымъ реформамъ». Критическій разборъ отдѣльныхъ прямыхъ налоговъ убѣждаетъ автора въ ихъ разрозненности, обособленности. «Привлеченія различныхъ предметовъ обложенія—крестьянскихъ достатковъ, землевладѣнія, городскихъ недвижимостей, торговли и промысловъ — стоятъ особняками. Основанія привлеченія представляются разнородными, несоизмѣримыми; между размѣрами привлеченія различныхъ предметовъ обложенія не можетъ быть ни-

[1]) При изложеніи фактовъ западно-европейской исторіи, авторъ иногда переводитъ иностранныя имена на русскій ладъ; какъ-то странно читать наприм. объ англійскомъ королѣ «Иванѣ» (стр. 26—30).

какого соотвѣтствія. О налогахъ, взимаемыхъ съ крестьянства, въ виду ихъ размѣровъ, нельзя даже сказать, что они берутъ извѣстную часть дохода; эти налоги *вырабатываются* такъ же, какъ вырабатывается пропитаніе. Налоги съ торговли и промысловъ оказываются, при ближайшемъ вникновеніи въ дѣло, даже не налогами, какъ тягостями извѣстныхъ лицъ, а лишь затрудненіями торговой и промышленной дѣятельности, составными частями издержекъ производства, которыя имѣютъ быть возстановлены въ цѣнахъ товаровъ и продуктовъ». А. полагаетъ, что «при засвидѣтельствованныхъ оффиціальными свѣдѣніями размѣрахъ обремененія крестьянства различными платежами, государственная мудрость едва ли позволитъ прибѣгнуть къ дальнѣйшимъ возвышеніямъ въ этой области; здѣсь скорѣе, въ интересахъ поднятія уровня народнаго благосостоянія, умѣстно желать сбавокъ и стремиться къ реформѣ, въ видахъ болѣе уравнительнаго распредѣленія податной тягости и устраненія искусственныхъ затрудненій плательщиковъ». Для возвышенія доходовъ необходимо было бы, по мнѣнію автора, или «пополнить систему прямыхъ налоговъ, привлеченіемъ предметовъ обложенія, пропущенныхъ (капиталы, профессіи, должности, службы) и недостаточно затронутыхъ (крупная промышленность, личная и коллективная), или, откладывая при спѣшности дѣла реформу, прибѣгнуть къ такой формѣ обложенія, которая установляла бы *всеобщее* привлеченіе такъ называемыхъ неподатныхъ сословій» (стр. VII). Наибольше мѣста въ книгѣ занимаютъ главы о подушной подати и о повинностяхъ. Въ концѣ приложены двѣ таблицы земскихъ сборовъ и расходовъ за 1869—1877 гг.

Изъ сдѣланнаго нами краткаго очерка научно-литературной дѣятельности А. можно видѣть, что во всѣхъ его работахъ проглядываетъ сознаніе тѣсной связи между наукою и жизнью. **Л. Слонимскій.**

Аленицынъ, Владиміръ Дмитріевичъ (стр. 418—421) пишетъ свою фамилію *Аленицинъ*.

Алмазовъ, Борисъ. Его юбилейная характеристика Писемскаго помѣщена въ «Рус. Арх.» 1875 г. О пародіяхъ его на Некрасова см. *Голубевъ*, Н. А. Некрасовъ, стр. 150.

Аловертъ. Въ настоящее время редактируетъ «Мой журналъ» (для дѣтскаго чтенія) и «Вѣстникъ модъ».

* **Алфіоновъ**, Яковъ Ивановичъ †). *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ*, р. 15 февр. 1850 г. въ Саратовѣ. Отецъ его—протоіерей саратовскаго стараго собора, былъ человѣкъ очень любознательный и образованный. Онъ самъ приготовилъ сына къ поступленію въ 4 классъ духовнаго училища и подъ его же непосредственнымъ руководствомъ шло ученіе А. въ саратовской семинаріи. Въ

†) Отзывъ объ «Императорѣ Юліанѣ» въ «Книж. Вѣстн.» 1878 г.
* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

1870 г. А., какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, былъ отправленъ на казенный счетъ въ казанскую духовную академію, гдѣ выдержалъ экзаменъ первымъ. Въ 1874 г. по окончаніи курса на церковно-историческомъ отдѣленіи, онъ былъ оставленъ при академіи приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи, для чего защитилъ «pro venia legendi» рукописную диссертацію «Братья Гракхи, ихъ законы и положенія». Кандидатская диссертація его—1) «*Хиліазмъ первыхъ трехъ вѣковъ христіанства*»» была удостоена преміи графа Протасова и напечатана въ «Прав. Собесѣдникѣ» 1875 г. Въ 1878 А. получилъ степень магистра за диссертацію 2) «*Императоръ Юліанъ*», напеч. въ «Прав. Соб.» 1876 и 1877 г. и вышедшую затѣмъ отд. изданіемъ (Казань 1877). Въ 1880 г. потребовалось второе изданіе этой книги. Въ томъ-же 1878 г. А., по приглашенію попечителя оренбургскаго округа Лавровскаго, поступилъ преподавателемъ исторіи и географіи въ оренбургскій учительскій институтъ и Николаевскій институтъ благородныхъ дѣвицъ, гдѣ въ 1880 г. получилъ также мѣсто инспектора. Въ 1883 г. онъ былъ назначенъ инспекторомъ оренбургской мужской гимназіи, а съ 1884 г. состоитъ директоромъ пермской гимназіи. Съ ноября 1885 по январь 1887 г. А. редактировалъ неоффиціальную часть «Пермскихъ губ. вѣд.» и за это время помѣстилъ въ нихъ нѣсколько небольшихъ статей и замѣтокъ.

«Императоръ Юліанъ» написанъ съ большимъ знаніемъ дѣла, авторъ тщательно изучилъ какъ новѣйшія историческія сочиненія, такъ и отеческую литературу, освѣщающую избранную имъ эпоху. Пріятное впечатлѣніе на свѣтскаго читателя производитъ то, что книга свободна отъ клерикализма, въ который такъ легко было впасть магистранту духовной академіи, повѣствующему объ отступникѣ. Историческая истина, очевидно, всего дороже автору.

Алчевская, Х. Д. 1-й томъ «Что читать народу» въ 1888 г. вышелъ вторымъ изд. и въ томъ-же году вышелъ 2-й томъ этой высоко замѣчательной книги, получившей на послѣдней парижской выставкѣ высшую награду (grand prix).

* **Алымовъ**, Илья Павловичъ †). *По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ его родныхъ*, родился 21 мая 1831 г. въ имѣніи родителей, въ смоленской губерніи. По смерти отца, на 8 году, онъ былъ отданъ въ царскосельскій Александровскій корпусъ, пользовавшійся въ то время прекрасною репутаціей. Здѣсь онъ получилъ основательное знакомство съ французскимъ и англійскимъ языками и въ числѣ первыхъ кадетъ былъ перечисленъ въ морской корпусъ. Отлично учился, всегда былъ первымъ и по выпускѣ записанъ въ «золотую книгу». Послѣ двухъ короткихъ плаваній въ 1850—51 гг. И. П. поступилъ въ офицерскій классъ при морскомъ училищѣ (нынѣ морская академія), гдѣ первымъ-же окон-

†) „Кроншт. Вѣстникъ" 1884 г. № 59. Небольшіе некрологи объ И. П. были помѣщены, кромѣ того въ „Новостяхъ" и „Новомъ Времени".

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

чилъ трехлѣтній курсъ. То время—конецъ 50-хъ годовъ было началомъ новаго вѣка во флотѣ. Предчувствовались реформы; на смѣну эпохи деревянныхъ и парусныхъ флотовъ надвигался вѣкъ парового, желѣзнаго и броненосныго кораблестроенія, требовавшій людей другого типа, другого образовательнаго уровня. Мѣнялась не только матеріальная организація флота: перемѣнялся самый составъ его, реформировались морскія училища, возникала морская печать. Все это естественно выводило изъ моды и отодвигало на второй планъ собственно строевую службу, типъ *парусниковъ* прежнихъ деревянныхъ кораблей. Даровитая молодежь увлекалась наукой и вопросами воспитанія, пристраивала свои силы къ задачамъ новаго, желѣзнаго и парового флота. И. П. Алымовъ принадлежалъ къ числу этой молодежи. По выходѣ изъ академическаго класса, уже извѣстный своими рѣдкими способностями къ математикѣ и наукѣ вообще, а также энергіей и усидчивостью въ работѣ, И. П. получилъ тотчасъ же нѣсколько лестныхъ предложеній. Съ одной стороны имъ старалась овладѣть молодая редакція «Морского Сборника», тогда развивавшагося подъ руководствомъ Н. П. Вуцкаго,—съ другой ему поручали въ завѣдываніе нѣсколько спеціальныхъ классовъ въ морскомъ корпусѣ. И. П. безъ долгихъ колебаній пожертвовалъ своею строевою карьерою дѣятельности менѣе выгодной и болѣе скромной: онъ посвятилъ себя поприщу педагога. По природѣ своей человѣкъ увлекающійся, горячій, съ гуманнымъ и истинно-благороднымъ характеромъ, И. П. принадлежалъ къ тому памятному поколѣнію преподавателей 60-хъ годовъ, которые смотрѣли на свою роль въ обществѣ не только какъ на *службу*, но какъ на своего рода *служеніе*, готовились къ нему безъ корыстныхъ разсчетовъ и старались внести новый духъ жизни въ заглохшій и темный мірокъ прежней педагогіи. Послѣ основательной подготовки, И. П. прочелъ блистательно пробныя лекціи на званіе преподавателя прикладной и чистой математики. Механика, навигація, астрономія, начертательная геометрія, теорія корабля—чуть не всѣ предметы курса морскихъ наукъ доводилось ему читать по очереди. Читалъ онъ чрезвычайно-оригинальнымъ образомъ, по своеобразному методу, названному имъ *сократовскимъ*. Ни правильнаго чтенія, ни объясненія лекцій, ни репетицій, ни учебниковъ онъ не признавалъ: лекцію онъ обращалъ въ живую бесѣду съ слушателями, предлагая имъ по очереди систему вопросовъ, отвѣты на которые они должны были придумать сами; правильные отвѣты тотчасъ же записывались всѣмъ классомъ подъ редакціей преподавателя и составляли записки для повторенія. Многія поколѣнія моряковъ до сихъ поръ вспоминаютъ эти безпокойныя, но самыя одушевленныя лекціи, гдѣ всѣ слушатели до одного обязательно втягивались въ работу. Маленькаго роста, тощій и всклокоченный, съ лихорадочнымъ блескомъ глазъ, съ рѣзкими движеніями и рѣзкой интонаціей, И. П. священнодѣйствовалъ въ классѣ, жилъ и заставлялъ другихъ жить. Въ небольшой, но замѣчательной статьѣ 1) *„Объ учебныхъ руководствахъ и системѣ преподаванія наукъ“* («Морской Сборникъ»,

1861 г. т. I) И. П. защищаетъ этотъ методъ наведенія теорически и подтверждаетъ своимъ личнымъ опытомъ. Кромѣ морского корпуса, И. П. получилъ лекціи въ морскомъ инженерномъ училищѣ и въ офицерскихъ (академическихъ) классахъ. Въ 1860 г. онъ былъ посланъ въ Англію для обзора тамошнихъ морскихъ училищъ и для ознакомленія съ преподаваніемъ въ нихъ. Въ 1873 г. И. П. былъ назначенъ помощникомъ инспектора классовъ въ техническое училище морского вѣдомства, только что переформированное тогда въ высшую школу спеціалистовъ для флота и соединившее въ себѣ отдѣлы штурманскій, артиллерійскій, инженеръ-механическій и корабельно-инженерный. И. П. Алымову, вмѣстѣ съ А. И. Зеленымъ и Н. И. Тыртовымъ, техническое училище обязано своимъ солиднымъ учебнымъ устройствомъ. Черезъ пять лѣтъ онъ былъ назначенъ инспекторомъ того-же училища. Къ этому времени относится его статья 2) *Очеркъ организаціи техническаго училища морского вѣдомства* («Морской Сборникъ», 1877 г. т. I), критическіе разборы многихъ учебныхъ и ученыхъ руководствъ въ томъ-же журналѣ, записки лекцій по кораблестроенію и большой литографированный 3) *Курсъ раціональной механики*, изданный морскимъ вѣдомствомъ въ 1880 г. Кромѣ обязанностей инспектора и преподавателя, кромѣ самостоятельныхъ научныхъ занятій, И. П. находилъ время для участія въ занятіяхъ ученыхъ учрежденій, членомъ которыхъ состоялъ: дѣлалъ сообщенія или работалъ по редакціи трудовъ въ конференціи морской академіи въ морскомъ учебномъ комитетѣ, въ обществахъ техническомъ и физическомъ. Одна изъ замѣчательныхъ статей И. П. 4) посвященная вопросу объ атомистической теоріи—*Законъ атомной теплоемкости и его слѣдствія въ приложеніи къ предѣльному газообразному состоянію* помѣщена въ «Журналѣ русскаго химическаго и физическаго общества» за 1873 г. (вып. 2 т. V). Въ статьѣ этой, путемъ математическаго анализа доказывается, что въ сложныхъ газахъ, образующихся безъ сжатія, не происходитъ никакой внутренней работы, и что для такихъ газовъ не существуетъ закона равенства атомныхъ теплоемкостей даже въ предѣлѣ ихъ разрѣженія. Плодомъ занятій И. П. физикою остался, между прочимъ, написанный имъ отдѣлъ о теплотѣ въ извѣстномъ *Курсѣ физики* Тыртова. Живя въ Кронштадтѣ, И. П., по отзыву редакціи «Кронштадтскаго Вѣстника», принималъ и въ этой морской газетѣ горячее участіе, въ особенности цѣнное по отдѣлу научныхъ статей. Много весьма интересныхъ публичныхъ лекцій по научнымъ вопросамъ было прочтено И. П. въ морскомъ собраніи и морскомъ училищѣ. Въ 1878—79—80 гг. И. П. явился организаторомъ и руководителемъ ученыхъ бесѣдъ по вопросамъ морского дѣла среди кронштадтскихъ моряковъ; онъ прилагалъ всевозможныя старанія соединить морское общество на почвѣ морской науки, придать послѣдней не только служебный но и нравственный интересъ. Старанія эти къ несчастію и не по винѣ И. П. не увѣнчались успѣхомъ. Относительно организаціи *бесѣдъ* И. П. напечатана статья 5) *Бесѣды по вопросамъ морскаго дѣла въ Кронштадтѣ* («Морской Сб.»,

1879 т. I). Вскорѣ послѣ этого застарѣлый катаръ желудка отрываетъ, наконецъ, И. П. отъ многолѣтняго неустаннаго труда, и какъ это бываетъ съ истинными тружениками, опасность имъ была сознана слишкомъ поздно: поѣздки въ Виши и на Кавказъ не принесли облегченія. Въ 1883 г. И П. оставилъ по болѣзни службу въ чинѣ генералъ-маіора, но вотъ трогательная подробность, характеризующая его какъ человѣка и ученаго. Уже въ отставкѣ, прикованный къ постели, онъ не хотѣлъ оставить неоконченнымъ начатое имъ чтеніе курса теоріи мореходныхъ качествъ корабля въ выпускномъ классѣ инженеровъ кораблестроителей. Три раза въ недѣлю по его желанію къ нему собирались на квартиру выпускные воспитанники и онъ читалъ имъ съ кресла или постели. Экзаменъ по этому предмету, въ присутствіи экзаменаціонной коммиссіи, состоялся здѣсь-же у постели тяжко больного преподавателя.

Если учебная дѣятельность удовлетворяла общественнымъ потребностямъ А., то истинный интересъ его личной жизни составляла дѣятельность научная. Работая самостоятельно, И. П. всегда старался быть, такъ сказать, на форпостахъ своей науки—у той черты, за которою начинался міръ неизслѣдованный, темный, куда его влекло и манило. Его интересовала область именно тѣхъ вопросовъ, которые были выдвинуты введеніемъ пара и усовершенствованнаго кораблестроенія. Ученая дѣятельность И. П. распадается на два періода: въ первомъ вниманіе его сосредоточено на разработкѣ судовой машины, какъ двигателя,—во второмъ онъ отдается изученію теоріи корабля — до сихъ поръ мало обработанной области морскихъ знаній. Плодомъ занятій механикою явились слѣдующія статьи въ «Морскомъ Сборникѣ»: 6) *Объ экономіи силы въ паровыхъ машинахъ* (1861—XII). 7) *Мысли объ экономіи силы въ паровыхъ машинахъ* (1862—V) статьи, вызвавшія полемику на страницахъ того-же журнала; далѣе слѣдуютъ: 8) *О машинахъ, дѣйствующихъ сжатымъ воздухомъ* (1862—IV). 9) *Сжатый воздухъ, какъ движитель* (1862—VII). 10) *Научные выводы относительно водяного пара* (1865—III). 11) *О тягѣ печи парового котла* (1864—IX и XI). 12) *О невозможности замѣнить паръ въ судовыхъ машинахъ углекислымъ газомъ* (разборъ одного проекта) (1879—VI). Въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ» къ тому же періоду относятся статьи И. П. 13) *По поводу новыхъ киловратныхъ машинъ Беренса* (1870 г.). 14) *Отзывъ о диссертаціи лейтенанта Бергеля* (1882 г.). Теоретикъ по характеру дарованія, И. П. въ своихъ работахъ основывался не столько на непосредственномъ наблюденіи и опытѣ, сколько на математическомъ анализѣ и развитіи тѣхъ или другихъ началъ механики. Въ этомъ и достоинство и недостатокъ трудовъ И. П. Каждая его статья, обставленная всѣмъ аппаратомъ науки, представляетъ образчикъ теоретическаго рѣшенія задачъ и говоритъ объ огромной начитанности автора, но въ ней нерѣдко чувствуется, что опытъ можетъ быть, и не оправдаетъ выводовъ, и что самыя посылки сдѣланы нѣсколько рискованно, излишне-умозрительно. Именно это обстоятельство застав-

ляло слушателей и читателей не всегда соглашаться съ И. П. и приводило иногда къ горячимъ спорамъ (напримѣръ, по вопросу о законахъ скольженія винта, объ остойчивости судовъ круглаго типа и т. п.). Тѣмъ не менѣе, появленіе подобныхъ статей на первыхъ шагахъ развитія у насъ парового флота было полезно во многихъ отношеніяхъ: статьи эти вносили хотя нѣкоторое освѣщеніе въ новыя, неразработанныя стороны машиннаго дѣла, ставили читателей au courant движенія науки заграницей и интересъ къ этому движенію вводили въ привычку.

Если труды И. П. Алымова по теоріи судовыхъ машинъ уже отслужили свою службу, то работы второй половины его жизни—занятія по теоріи корабля—имѣютъ и до сихъ поръ весьма цѣнное значеніе, и именно вслѣдствіе незаконченности этой науки. Законы движенія и колебаній погруженнаго тѣла въ спокойной и взволнованной срединѣ, законы сопротивленія разнаго рода срединъ, наивыгоднѣйшая форма подводныхъ частей судна—все это вопросы до сихъ поръ рѣшаемые лишь эмпирически и научно почти необоснованные. Для страстнаго любителя математики, называвшаго ее *философіей природы*, какимъ былъ А., явилось естественною потребностью ввести математическій свѣтъ и въ эту загадочную область. Появляется рядъ статей его въ *Морскомъ Сборникѣ*, каковы: 15) *Вопросъ изъ современнаго состоянія теоріи кораблестроенія* (1865 г. т. VII). 16) *Опредѣленіе оси устойчивости, оси крена и угла крена* (1865 г. т. IX). 17) *О вліяніи погруженнаго борта на остойчивость судна* (1870—XI). 18) *Необходимость опредѣленія центра тяжести и центра остойчивости.* (1871—II). 19) *Примѣчаніе къ статьѣ о гонкахъ гребныхъ судовъ.* (1873—III). 20) *Вопросы изъ механики корабля* (1878 г. т. VI, 1772 г. т. I и II). 21) *О полезномъ вліяніи кильватерной струи на дѣйствіе учебнаго винта* («Кроншт. Вѣстн.», 1870 г. № 83). 22) *Остойчивость яхты Ливадія* («Кроншт. Вѣстн.», 1880 г. № 145) и наконецъ 23) *Очеркъ системы струйнаго образованія судовъ* («Кр. В.», 1879 и «Морской Сб.», 1879 г. т. IX и X) вмѣстѣ съ 24) *«Опытомъ практическаго примѣненія» той же системы* («М. Сб.», 1879—XII). Изъ этихъ трудовъ болѣе крупные—«Вопросы изъ механики корабля» и «Очеркъ струйной системы» имѣются въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Самое заглавіе перечисленныхъ статей показываетъ, на сколько разносторонне относился И. П. къ поставленной себѣ задачѣ. Капитальный трудъ его—*Очеркъ струйной системы* явился завершеніемъ долгихъ подготовительныхъ работъ и основательнаго изученія всѣхъ подробностей судостроенія. Какъ уже замѣчено выше, въ теоріи корабля до настоящаго времени не существуетъ раціональныхъ и общепринятыхъ правилъ относительно согласованія дополнительныхъ сѣченій судна съ главными. Судовые чертежи обыкновенно составляются по личнымъ взглядамъ строителей, причемъ послѣдніе придерживаются параболической теоріи Чапмана, какъ достаточно стройной, удобной и легкой въ примѣненіи. Но, какъ замѣчаетъ И. П. Алымовъ въ своемъ «Очеркѣ струйной системы» (стр. 2), «съ параболою несвязаны никакія физиче-

скія явленія, сопровождающія движеніе или равновѣсіе судна». Наиболѣе выгодныя въ интересахъ скорости хода сѣченія судна, по мысли И. П., должны опредѣляться законами теченія жидкости относительно подводной поверхности судна, т. е. законами образованія струй, вытѣсняемыхъ при ходѣ судна. Въ своемъ «Очеркѣ» И. П. изслѣдуетъ названные законы и даетъ методы къ постройкѣ струйныхъ судовъ. Суда эти по внѣшнему виду мало отличаются отъ построенныхъ по другимъ системамъ: онѣ получаютъ только отвѣсные штевни и нѣкоторую полноту вмѣсто кормовыхъ и носовыхъ дейдвудовъ, полноту, уменьшающуюся къ килю и штевнямъ до нуля. Одно изъ удобствъ струйной системы—чрезвычайно простыя формулы для опредѣленія элементовъ судна. Анализъ этихъ формулъ въ сравненіи съ чертежами существующихъ судовъ обнаруживаетъ весьма значительный запасъ водоизмѣщенія, достовляемый струйною системою. при меньшей подводной поверхности и при тѣхъ-же или еще болѣе выгодныхъ прочихъ морскихъ качествахъ судна.

Въ первый разъ изложеніе этой системы состоялось на публичныхъ лекціяхъ въ кронштадскомъ морскомъ собраніи въ мартѣ 1877 г. Со стороны мѣстнаго начальства И. П. получилъ предложеніе составить по струйной системѣ чертежъ баркаса, катера или каботажнаго безпалубнаго бота. Испытанія новаго типа судовъ въ столь миніатюрныхъ размѣрахъ не обѣщали, конечно, опредѣленныхъ результатовъ. Къ счастію или несчастію для И. П. (рѣшить трудно), по случаю войны 1877 г. и лихорадочной постройки миноносокъ, ему было предложено измѣнить проектъ одной изъ миноносокъ по струйной конструкціи. Чертежъ былъ составленъ, но составителю пришлось сдѣлать нѣкоторыя важныя уступки. Первое судно струйной системы—миноноска «Касатка», размѣрами всего 71 ф. 7 д. длины и 9 ф. ширины, было спущено на воду осенью 1878 г. Вслѣдствіе чрезвычайной спѣшности изготовленія, и въ постройкѣ, и въ вооруженіи, и въ самомъ испытаніи «Касатки» были допущены важныя отступленія отъ метода, указывавшагося И. П. Алымовымъ. Результаты сравненія «Касатки» съ миноносками старой системы («Филиномъ» и «Вороной») были признаны нерѣшительными, хотя И. П. въ чрезвычайно добросовѣстномъ и подробномъ изслѣдованіи («Мор. Сб.», 1879 г. т. IX) и доказываетъ, что при всей невыгодѣ для него условій, въ которыхъ велись испытанія, общій итогъ ихъ все-же говоритъ въ пользу его системы. Въ послѣднее время журналы испытаній этихъ были разработаны г. Доможировымъ, который отдаетъ всѣ преимущества струйной системѣ, находя ее совершенно оправдавшею ожиданія ея изобрѣтателя. Наступившая болѣзнь и скорая смерть И. П., а можетъ быть и общая судьба русскихъ изобрѣтеній—быть дурно принятыми на родинѣ—привели къ тому, что серьезные опыты примѣненія струйной системы не повторялись.

И. П. Алымовъ скончался въ Кіевѣ, 15 мая 1884 г., оставивъ жену и пятерыхъ дѣтей. Кромѣ печатныхъ трудовъ послѣ него остались, по словамъ автора

его некролога въ «Кроншт. Вѣстн.» (1884 № 59), цѣлые томы, хотя несовсѣмъ обработанныхъ, но уже математически законченныхъ изысканій изъ облости теоретической и практической механики, теоріи волнъ, сопротивленія срединъ и пр. и пр. По признанію всѣхъ лицъ, близко знавшихъ покойнаго ученаго, «его сильная природа была сломлена исключительно непрерывнымъ умственнымъ трудомъ и черезъ чуръ страстнымъ отношеніемъ къ изслѣдуемымъ вопросамъ». Чистое пламя, грѣвшее сердце этого человѣка и свѣтившее многимъ, наконецъ сожгло его.

М. Меньшиковъ.

Алышевскій, *Владиміръ Янсоновичъ*, врачъ †), сынъ Янсона Петр. А. Родился въ 1845 г.; кончилъ курсъ съ отличіемъ въ мед. хир. академіи въ 1868 г. съ оставленіемъ при ней. Въ 1871 г. получилъ степень доктора медицины, въ 1880 г. назначенъ почетнымъ лейбъ-медикомъ, а въ 1884 г. главнымъ врачемъ Маріинской больницы въ Петербургѣ. Напечаталъ:

1) *Матеріалы для изученія искусственнаго паралича діафрагмы у животныхъ.* «Арх. Ботк.» IV, 158—264.—Отт. дисс. д. мед. Спб. 1871, 8°, 112. 2) *Отчетъ больницы общины св. Георгія въ С.-Петербургѣ.* «Арх. Бот.» V. в. I, 144—99.— Тоже по нѣм..— Реф. въ «Мед. Обоз.» 1875, IV, 80.

Альбертини, Николай Викентьевичъ. Р. 12 августа 1826 г., фамилія одного изъ учителей его въ 3 моск. гимназіи не Авиновъ, а Авиловъ.

Перечень болѣе крупныхъ по объему статей его можно увеличить еще слѣдующими 4) *Англійское государственное и общинное устройство и управленіе* («От. Зап.» 1860 г. № 1) 5) *О зависимости состоянія общества отъ характера государственныхъ учрежденій* (Ibid. 1861 г. № 12). 5) *Сѣверная Америка и Англія.* (Ibid. 1861 г. № 2) 6) *Система народнаго образованія въ Англіи.* («От. Зап.» 1862 г. № 10 и 1863 г. № 3).

Альбицкій, Василій Ивановичъ. Среднее образованіе получилъ во владимірской дух. семинаріи, высшее въ технологическомъ институтѣ. Названныя на стр. 366 четыре литографированныя брошюры его по техническому черченію (№ 2—5) напечатаны въ 1880 г. въ Харьковѣ, съ одобренія учебнаго комитета харьковскаго техническаго института.

Альбицкій, Петръ Михайловичъ, военный писатель † 1888 г. Свѣдѣнія о немъ надѣемся сообщить въ концѣ второго тома.

Альбовъ, М. Н. 2-е изданіе его повѣстей дополнено разсказами: Голодный Диссонансъ, Транспортъ, Крестоносцы и 2 главами изъ ром. «Призраки»: а) Страшное слово и б) Въ потемкахъ. Въ 1888 г. напечаталъ во «Всем. Ил.» начало большого романа «Домъ», въ посвященномъ памяти В. М. Гаршина

---

†) *Зміевъ*, Врачи-писатели. Отзывъ о диссертаціи: «Мед. Вѣстн.» 1872 г. № 11.

Сборникѣ «Красный цвѣтокъ», однимъ изъ редакторовъ котораго онъ былъ,— «Прологъ романа».

*) **Аммонъ**, Александръ Ивановичъ (Германовичъ), сынъ Ивана (Германа) Аммона (см. ниже) и жены его Елизаветы Николаевны, сестры знаменитаго истолкователя и собирателя русскихъ народныхъ сказаній — А. Н. Афанасьева. *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ*, род. въ Москвѣ 31 янв. 1860 г., учился сначала дома, подъ руководствомъ матери, затѣмъ въ нѣмецкой гимназіи при лютеранской церкви Св. Петра и Павла, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1879 г. Поступивши послѣ этого въ московскій университетъ на юридическій факультетъ, гдѣ съ особеннымъ усердіемъ слушалъ лекціи С. А. Муромцева и М. М. Ковалевскаго, окончилъ въ 1883 г. курсъ со степенью кандидата и былъ, по ходатайству М. М. Ковалевскаго, оставленъ при университетѣ по каѳедрѣ государственнаго права. Осенью 1886 г. выдержалъ экзаменъ на степень магистра и тогда же поступилъ на службу въ московскій главный архивъ мин. иностр. дѣлъ Съ 1888 г. состоитъ приватъ-доцентомъ по кафедрѣ государственнаго права въ московскомъ университетѣ. Печатные труды его: 1) *Политическая жизнь Англіи въ эпоху реставраціи* (очеркъ англійскихъ политическихъ ученій во второй половинѣ XVII в.) въ «Юрид. Вѣст.» 1885 г. № 9 и 10. 2) *Демократія предъ судомъ англійскаго конституціоналиста* (сжатый пересказъ книги Г. С. Мэна «Popular Government») въ «Юрид. Вѣст.» 1887 г. № 1. 3) Переводъ (совмѣстно съ В. Ѳ. Дерюжинскимъ) книги Генри Сомнера *Мэна* «Древній Законъ и обычай». М. 1884.

*) **Аммонъ**, Иванъ (Германъ) Ѳеодоровичъ †). *По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ сына его* (см. выше), род. 24 іюня 1822 г. въ Рязани, гдѣ отецъ его (потомокъ французскаго гугенотскаго семейства, переселившагося послѣ отмѣны натскаго эдикта въ западную Пруссію, а оттуда въ началѣ 19 стол. въ Россію) занимался торговыми дѣлами. Учился А. сначала въ Москвѣ, затѣмъ въ Дерптѣ, подъ руководствомъ старшаго брата-студента. Вернувшись послѣ смерти отца въ Москву, А. на собственныя средства приготовился къ поступленію въ московскій университетъ, гдѣ въ 1844 г. кончилъ курсъ по юридическому факультету. Чрезъ годъ онъ поступилъ на службу въ моск. главный архивъ мин. иностр. дѣлъ и прослужилъ здѣсь вплоть до самой своей смерти. Съ 1863 г. онъ, кромѣ службы въ архивѣ, состоялъ еще на службѣ въ москов. кредитномъ обществѣ. Въ 1859 г. А. женился на сестрѣ Ал. Ник. Афанасьева, съ которымъ до конца жизни велъ тѣснѣйшую дружбу. Ум. въ Москвѣ 14 февр. 1874 г. По своимъ симпатіямъ И. Ѳ., несмотря на свое нѣмецкое происхожденіе, былъ вполнѣ русскимъ человѣкомъ, а по убѣжденіямъ принадлежалъ къ либеральнымъ западникамъ сороковыхъ годовъ.

---

†) Некрологъ его въ II вып. Сборника моск. главн. архива М. И. Д.

*) означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

Русская историческая наука обязана А. двумя цѣнными переводами: 1) 4 томнаго «*Дневника камеръ-юнкера Берхгольца*» М. 1857—63 гг. и 2) «*Записокъ о Россіи при Петрѣ Великомъ*», извлеченныхъ изъ бумагъ *графа Басевича* («Рус. Арх.» 1866 г.). Кромѣ того остался въ рукописи переводъ тѣхъ главъ изъ автобіографіи извѣстнаго пастора Бюшинга, которыя относятся къ его пребыванію въ Россіи. Изъ оригинальныхъ работъ А. можно отмѣтить 3) обстоятельную *статью о московскомъ главномъ архивѣ мин. ин. дѣлъ*, помѣщенную въ 5 томѣ Энцикл. Словаря, составленнаго русск. уч. и литер. въ 60-хъ гг. подъ редакціей П. Л. Лаврова и 4) *Историческій очеркъ моск. главнаго архива министерства. ин. дѣлъ* въ IV вып. сборника этого архива. Очеркъ остался неоконченнымъ.

Амфилохій (Сергіевскій) 1-го мая 1888 года хиротонисанъ въ Ростовѣ во епископа угличскаго, викарія ярославской епархіи, митрополитомъ московскимъ Іоанникіемъ. Послѣднее время издаетъ нѣкоторыя неизданныя сочиненія Димитрія Ростовскаго: 1) *Стихи на страсти Господни* въ «Яросл. Губ. Вѣд.», 2) *Стихи на богачей* въ «Моск. Церк. Вѣд.» 1888 г. Кромѣ того началъ издавать лѣтописецъ св. Димитрія, писанный его рукою и другого состава, чѣмъ его печатный келейный лѣтописецъ.

Амвросій (Зертисъ Каменскій). Въ 1878 г. редакція «Правосл. обозр.» (М.) издала его переводъ псалтыри. Въ предисловіи пр. Горскій-Платоновъ горячо защищаетъ достоинства перевода, который онъ считаетъ образцовымъ и свидѣтельствующимъ объ отличномъ знаніи еврейскаго языка.

Изъ статей, гдѣ о немъ говорится, можно еше указать: 1) *А. Саблукова*, Москва въ 1771 г. («Рус. Арх.» 1866 г.). 2) *Д. Л. Мордовцева*, Чума въ Москвѣ 1771 г. («Древ. и Новая Россія» 1875 г. № 5 и 6).

Амвросій Юшкевичъ. Нѣкоторыя данныя о немъ имѣются въ изданныхъ Академіею Наукъ бумагахъ *К. И. Арсеньева* (Спб. 1872 г.).

Амфитеатровъ, Яковъ. Отзывы о 5 изд. «Бесѣдъ»: 1) «Церк. общ. вѣст.» 1885 г. 2)» Библіографъ» 1885 г. № 4.

Анатолій Александровъ. («Русск. Вѣстн.»)—псевдонимъ Анатолія Прокоповича Образцова.

Анатолій (Мартыновскій) архіеп. Могилевскій. Въ виду появившихся въ самое послѣднее время новыхъ біографическихъ матеріаловъ о немъ, отлагаемъ статью объ А. до конца второго тома.

Анастасій, епископъ брестскій. Въ мірѣ—Василій Алексѣевичъ *Опоцкій*. Нѣсколько проповѣдей его имѣются въ переводѣ на англійскій языкъ. Отзывъ о нихъ Н. И. Барсова въ «Церк. вѣст.» 1880 г.

* **Андерсонъ**, *Ѳедоръ Карловичъ* †). *По свѣдѣніямъ, отъ него полу-*

†) Перечень отзывовъ о „Лессингѣ“ и „Христоматіи“ см. въ концѣ второго тома.

* **означаются статьи, имѣющія характеръ** *первоисточника.*

ченнымъ, родился въ г. Екатеринославѣ 22 окт. 1855 г. Отецъ его былъ аптекаремъ при военномъ госпиталѣ. Въ 1868 г. поступилъ во вторую кіевскую гимназію, отсюда въ 1875 г. въ петербургскій университетъ, гдѣ пробылъ два года на историко-филологическомъ факультетѣ. Въ 1877 г. перешелъ въ университетъ св. Владиміра и здѣсь окончилъ курсъ по историческому отдѣлу со степенью кандидата въ 1880 г. Въ 1881 г. опредѣлился на службу учителемъ нѣмецкаго языка въ кіевское реальное училище, въ 1883 г. перевелся въ петербургскую гимназію Я. Г. Гуревича, гдѣ состоитъ преподавателемъ нѣмецкаго языка по настоящее время. Литературные его труды 1) *Лессингъ какъ драматургъ. Спб.* 1887. 2) *Нѣмецкая христоматія для сред. и высш. классовъ среднеучеб. заведеній.* Съ 14 портретами писателей. 1888 г. Книжка о Лессингѣ (первоначально напечатанная въ «Жур. Мин. Нар. Просвѣщ.») написана старательно, но нѣсколько односторонне; авторъ не съ достаточною самостоятельностью отнесся къ литературнымъ взглядамъ и вкусамъ великаго критика и слишкомъ многое принялъ въ нихъ на вѣру, напр. исключительно отрицательное отношеніе Лессинга къ французскому псевдо-классицизму.

Андреевскій, Иванъ Ефимовичъ. Послѣ выхода 12 выпуска напечаталъ: 1) *Десятилѣтіе Археологическаго института.* («Рус. Ст.» 1887 г.) 2) *Ученыя архивныя коммиссіи въ 1887 году* (Ibid. 1888 г.) 3) *О засѣданіяхъ правительствующаго сената въ 1740—41 году* («Вѣст. археол. и исторіи» вып. VII, 1888 г.). Въ качествѣ директора археологическаго института, И. Е. редактировалъ издаваемый институтомъ «Вѣстникъ археологіи и исторіи» за 1888 г. (VII вып.). Въ 1888 г. профессоръ харьковскаго университета *Гаттенбергеръ* издалъ въ Харьковѣ, съ согласія Ив. Ефимовича, «*Репититоріумъ полицейскаго права, составленный по курсу проф. И. Е. Андреевскаго*» 2 ч. (Ц. 1-й ч. 60 к., 2-й—77 к.). Въ археол. институтѣ А. состоитъ не только директоромъ, но и профессоромъ—по каѳедрѣ «науки объ архивахъ».

Нельзя не отмѣтить въ высочайшей степени энергичной и полезной дѣятельности Ив. Ефимовича въ качествѣ вице-предсѣдателя «Общества охраненія народнаго здравія».

* **Андреевскій**, Михаилъ Аркадьевичъ, математикъ. *По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ Серг. Аркадьевича А. (поэта)*, братъ-близнецъ послѣдняго, вмѣстѣ съ нимъ род. 29 дек. 1847 г. въ семьѣ Аркадія Андреевича А. (см. стр. 538), въ с. Александровкѣ, славяно-сербскаго уѣзда екатеринославской губерніи. 24-хъ лѣтъ отъ роду онъ уже былъ докторомъ математики, а 10 іюля 1879 г. онъ умеръ отъ воспаленія легкихъ въ Баденвейлерѣ, будучи ординарнымъ профессоромъ чистой математики варшавскаго университета. Неизвѣстные почитатели поставили ему прекрасный памятникъ на баденвейлерскомъ кладбищѣ.

---

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника.*

Въ русскихъ ученыхъ изданіяхъ А. помѣстилъ слѣдующія статьи:

1) *О числѣ всѣхъ дѣлителей нечетнаго числа, имѣющихъ одну изъ линейныхъ формъ* $4h+1$, $4h-1$, $8h+3$ (Матем. сбор.» 1872 г. т. VI). 2) *О способахъ Шаля и Бресса для построенія радіусовъ кривизны кривыхъ, описанныхъ движеніемъ неизмѣняемой плоской фигуры въ ея плоскости.* («Варш. ун. изв.» 1873 г. № 1) 3) *Изслѣдованіе объ опредѣленныхъ интегралахъ* (Ibid. № 5).

Кромѣ того онъ печаталъ математическія статьи въ «Nouvelles Annales de mathematique» и въ «Mathematische Annalen» Клебша и Неймана.

С. В.

Изъ довольно значительнаго числа статей, принадлежащихъ этому автору, напечатанныхъ частью въ русскихъ, частью въ иностранныхъ журналахъ и относящихся къ различнымъ областямъ математики, заслуживаютъ вниманіе статьи объ опредѣленныхъ интегралахъ, напечатанныя въ «Варшавскихъ университетскихъ извѣстіяхъ» за 1870 и 1873 гг. и въ «Mathematische Annalen von Clebsch und Neumann» Т. IV. Въ этихъ статьяхъ доказывается одна весьма общая формула преобразованія опредѣленныхъ интеграловъ, дающая доказательство многихъ извѣстныхъ теоремъ изъ исторіи опредѣленныхъ интеграловъ и нѣкоторые новые результаты.

Кромѣ этихъ статей, можно указать еще на магистерскую диссертацію автора, трактующую вопросъ объ интегрирующемъ множителѣ нѣкоторыхъ уравненій 2-го порядка, имѣющую значеніе въ томъ отношеніи, что объ интегрирующемъ множителѣ уравненій высшаго порядка очень мало извѣстно. **К. Поссе.**

* **Андреевскій**, Николай Аркадьевичъ, филологъ-классикъ, братъ поэта Сергѣя Аркадьевича А. *По свѣдѣніямъ, полученнымъ нами отъ бывшаго ученика его—Евг. Мих. Гаршина* кончилъ около 1874 г. курсъ въ харьковскомъ университетѣ по классическому отдѣленію филологическаго факультета и поступилъ преподавателемъ древнихъ языковъ въ 3 харьковскую гимназію. Въ 1879 г. онъ сдѣлался приватъ-доцентомъ въ харьков. университетѣ по каѳедрѣ римской литературы (комментировалъ Тацита), а въ слѣдующемъ году напечаталъ магистерскую диссертацію «*Валерій Марціалъ.* Культурно-біографическій очеркъ изъ жизни Домиціана». Харьковъ 1880 г. 8° стр. 134. Книжка вышла въ концѣ 1880 г., черезъ нѣсколько дней послѣ смерти ея автора отъ скоротечной чахотки. Среди учениковъ своихъ А. оставилъ самую лучшую о себѣ память.

Андреевскій, Павелъ Аркадьевичъ. Въ настоящее время исключенъ изъ состава кіевскихъ присяжныхъ повѣренныхъ. Исторія захвата «Зари» разсказана въ «Новостяхъ» 1886 г. ноябрь.

---

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

Андреевскій, Павелъ. Есть его: «Разсужденіе о давности», написанное для полученія степени магистра по части Россійскаго правовѣдѣнія. Харьковъ 1814. 8°.

Андреевскій, Сергѣй Аркадьевичъ. Послѣ выхода 12 выпуска кромѣ небольшихъ стихотвореній въ «Рус. Вѣст.» и «Недѣлѣ» напечаталъ двѣ критическія статьи: *Братья Карамазовы*, въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1889 г. (№ 6), и 2) *Всеволодъ Гаршинъ*, въ «Рус. Мысли» 1889 г. (№ 6). Обѣ статьи написаны съ большимъ искусствомъ и пріятно поражаютъ отсутствіемъ той критической болтовни, которая, какъ уже давно замѣчено Тургеневымъ, водворилась въ русской журналистикѣ съ легкой руки Писарева. Но эта-же «витость» сообщаетъ статьямъ Андреевскаго немалую сухость. Критика его получаетъ какой-то исключительно анатомическій характеръ. Гаршина напр. онъ *внѣшне* анализируетъ очень вѣрно и *скелетъ* творчества автора «Краснаго цвѣтка» намѣченъ у него вполнѣ правильно, но *души* скорбнаго страдальца критикъ не уловилъ. То жгучее стремленіе къ идеалу, въ которомъ лежитъ тайна неотразимаго обаянія повѣстей Гаршина, совсѣмъ не затронуло его комментатора, онъ анализируетъ его съ тѣмъ-же спокойствіемъ, съ какимъ разбираетъ техническія детали Гаршинской манеры писать и удивительно-ли, что и читатель разбора доканчиваетъ статью безъ всякаго волненія. •

Андреевъ. (Переводъ и дополненія ко «Всемірной Исторіи» Вебера)—псевдонимъ *Н. Г. Чернышевскаго* (см. Brokhaus, Conversations-Lexicon. 13-е изданіе т. 15).

Андреевъ, Александръ Николаевичъ. Послѣ выхода 12 выпуска напечаталъ два «этюда съ натуры» въ «Нови» 1889 г.: «Патронесса» (№ 7) и «Машенька» (№ 11).

Андреевъ, В. В. писалъ много историческихъ книгъ и статей. Надѣемся получить біографическія данныя о немъ ко времени выхода второго тома.

Андреевъ, Евгеній Николаевичъ. Ум. въ іюлѣ 1889 г. въ Парижѣ, гдѣ былъ генеральнымъ коммиссаромъ русскаго отдѣла выставки. Тѣло А. было перевезено въ Петербургъ и похоронено съ большею торжественностью. Техническое общество и общество содѣйствія рус. промышленности устроили въ память Е. Н. торжественныя засѣданія.

* **Андреевъ**, Константинъ Алексѣевичъ математикъ. *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ*, родился въ Москвѣ 14 марта 1848 г. Отецъ его былъ когда-то очень состоятельнымъ купцомъ, но въ періодъ ранняго дѣтства К. А. онъ разорился и семейство его принуждено было терпѣть непривычную ему дотолѣ матеріальную нужду. К. А. былъ самымъ младшимъ членомъ семьи. Девяти лѣтъ отъ роду его постигло несчастіе, тяжесть котораго на избранномъ имъ впослѣдствіи пути была всегда для него чувствительна: онъ лишился одного глаза. Болѣзнь глазъ замедлила его поступленіе въ учебное заведеніе.

---

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

Только въ 1860 г. на 12-мъ году отъ рожденія, онъ поступилъ въ московскую 3-ю гимназію, которая называлась тогда реальною; учился очень хорошо и окончилъ курсъ въ 1867 г. съ золотою медалью. Въ томъ же году поступилъ въ московскій университетъ на математическое отдѣленіе физ.-мат. факультета. Здѣсь его просвѣтителями въ области высшихъ математическихъ знаній были профессора А. Ю. Давыдовъ, В. Я. Цингеръ и Н. В. Бугаевъ. Они же были и его руководителями въ теченіе двухъ лѣтъ, послѣдовавшихъ за университетскимъ курсомъ, когда онъ состоялъ при университетѣ стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію. Особенно благотворное вліяніе на свою послѣдующую научную дѣятельность А. склоненъ приписывать двумъ первымъ изъ вышеназванныхъ ученыхъ.

Еще бывши студентомъ, А. написалъ довольно большое сочиненіе: 1) «*О таблицахъ смертности*» на тему и по указаніямъ А. Ю. Давыдова. Это сочиненіе было удостоено факультетомъ золотой медали и въ 1871 г. напечатано на средства университета. Оно было его первымъ научнымъ трудомъ, появившимся въ печати.

Въ концѣ 1873 г. А. сдѣлался приватъ-доцентомъ харьковскаго университета, гдѣ продолжаетъ до сихъ поръ свою научно-педагогическую дѣятельность въ качествѣ ординарнаго профессора. Въ 1875 г. онъ былъ удостоенъ степени магистра чистой математики за диссертацію подъ заглавіемъ: 2) «*О геометрическомъ образованіи плоскихъ кривыхъ*». Харьковъ. Въ 1877 и 78 годахъ А. находился въ научной командировкѣ за-границей, гдѣ изучалъ разные отдѣлы высшей математики въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ университетахъ (Берлинъ, Гейдельбергъ, Страсбургъ) и также въ Парижѣ. Въ 1879 г. защитилъ въ московскомъ университетѣ диссертацію подъ заглавіемъ 3) «*О геометрическихъ соотвѣтствіяхъ въ примѣненіи къ вопросу о построеніи кривыхъ линій*. М. 1879» на степень доктора математики. Въ 1883 А. былъ вторично командированъ за-границу на полгода. Послѣ того онъ былъ нѣсколько разъ за-границей въ отпуску на вакаціонное время, частію для научныхъ цѣлей (для личныхъ сношеній съ иностранными учеными), частію-же для поправленія здоровья.

Въ 1884 г. Академія Наукъ почтила его избраніемъ въ свои члены-корреспонденты. Почти съ самаго окончанія университетскаго курса А. состоитъ членомъ московскаго математическаго общества, поощряющему вліянію котораго (особенно въ лицѣ упомянутыхъ выше профессоровъ) онъ считалъ себя многимъ обязаннымъ. При харьковскомъ университетѣ возникло въ 1879 г. также математическое общество; А. былъ однимъ изъ его учредителей, и въ настоящее время состоитъ его предсѣдателемъ и редакторомъ трудовъ общества.

Почти всѣ научныя произведенія Андреева были помѣщены или въ «Московскомъ Математ. Сборникѣ», или въ «Сообщеніяхъ Харьк. Математ. Обще-

ства», откуда также были перепечатаны и отдѣльными книжками. Были также двѣ небольшія статьи его напечатаны во французскихъ математическихъ журналахъ, но въ совокупности своихъ ученыхъ работъ А. имъ не придаетъ значенія.

До 1888 г. Андреевъ, кромѣ названныхъ уже, напечаталъ слѣдующія сочиненія: 4) *Выводъ одного общаго свойства многосторонниковъ* М. 1883. 5) *О построеніи поляръ относительно плоскихъ геометрическихъ кривыхъ линій*. Х. 1880. 6) *Объ изложеніи началъ Проективной Геометріи*. Х. 1881. 7) *Мишель Шаль, некрологическій очеркъ*. Х. 1882. 8) *Нѣкоторыя обобщенія въ вопросѣ о разложеніи опредѣленнаго интеграла по формулѣ, предложенной П. Л. Чебышевымъ*. Х. 1883. 9) *О многоугольникахъ Понселе*. Х. 1884. 10) *Основной курсъ аналитической геометріи*. Ч. I. *Геометрія на плоскости*. 1887. *Тоже*. Ч. II. *Геометрія въ пространствѣ*. 1888 г. Хар.

Въ настоящемъ (1888) году напечатаны въ «Сообщеніяхъ Харьк. Мат. Общ.» еще двѣ слѣдующія статьи А.: 11) «*О семіугольникахъ Шрётера*» и 12) «*Къ вопросу о конфигураціяхъ*».

О содержаніи этихъ работъ будетъ сказано въ концѣ второго тома.

* **Андреевъ, Николай Павловичъ**, врачъ-путешественникъ †) *По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ него чрезъ посредство Н. Н. Вакуловскаго*, р. въ 1850 г. въ Сумахъ, харьк. губ., учился въ астраханской гимназіи и казанскомъ университетѣ, кончилъ курсъ въ 1872 г., съ 1879 г. служитъ въ Архангельскѣ, гдѣ состоитъ въ настоящее время завѣдывающимъ медицинскою частью.

Печатные труды А., изъ которыхъ за «Результаты метеорологическихъ наблюденій у Мурманскаго берега» географ. общество дало ему серебряную медаль:

1) *Ein Fall von Prolapsus uteri*. «Virch. Arch.» Bd. 55 (1872 г.) 5—25. 2) *По поводу брошюры А. Н. Соловьева*. „О введ. лѣкарствъ въ полости матки". «Пр. каз. вр.» 1883 г.—Отвѣтъ Соловьева. „Дн. каз. вр." 1873 г. 110 (въ письмѣ къ председателю) *Къ лѣченію метроррагіи*. «Мед. Вѣст.» 1874 г. 49 4) *Объ измѣреніи температуры въ полости матки*. Тж. 1875 г., 3, 4, 5, 38—45. «Реф. мед. обоз.» 1875 г., III. 5) *Объ этіологіи фиброзныхъ опухолей матки*. «Воен. мед. ж.» 1875 г., ч. 122, III, 88—98. 6) *О времени образованіи membranae menstruale*. Параллельныя измѣренія температуры въ полости матки во время регулъ и внѣ ея «Мед. вѣстн.» 1875 г., 39—46 и 1876 г., 1, 2, 5, 6, 7. 7) *Къ ученію объ утеротоміи*. Тж 1878 г., 25, 26. 8) *Крейсерство у Мурманскаго берега*. «Кроншт. Вѣс.» 1881 г., № 105, 111, 112; 1882 г., № 15, 26, 27 и 63. 9) *Плаваніе къ берегамъ Норвегіи*. Тж. 1 82 г. № 126, 130, 133, 133 и 833, 3, 4, 6, 110, 115, 117, 120 и пр. до 26 іюня 1884 г. 10) *Кампанія 1880 г. по Бѣлому морю*

†) *Змѣевъ*, Врачи—писатели.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

и Сѣв. Ледовитому океану шкуны „Баканъ“. Мед. пр. мор. сб. 1883 г., IV, 1—15. 11) *Медицинскій отчетъ о плаваніи шкуны „Полярная звѣзда“ по Мурманскому берегу въ кампанію 1881 г.* Тж. 1883 г., VII. 12) *Результаты метеорологическихъ и гидрологич. наблюденій у Мурманскаго берега за 1880—83 г.* Спб. 1883 г., 8⁰, изд. геогр. общ. (медаль географ. общ.). 13) Письмо въ ред. „Кроншт. Вѣст.“ 1884 г., 67. 14) *О плаваніи шкуны „Баканъ“ къ берегамъ Норвегіи, Даніи и Мурмана, сент. 1881 г. по окт. 1882 г.* „Мед. пр. мор. сб.“ 1884 г., VII. 1—34, VIII, 1—35. 15) *Весеннія грезы.* „Кроншт. Вѣст.“ 1885 г., 51, 52. 16) *Посѣщеніе Архангельска Е. И. В. Княземъ Владиміромъ Александровичемъ.* Тж. 1885 г., 74. 17) *Открытіе пріютовъ для дѣтей поденьщицъ и поденьщиковъ.* „Арх. губ. вѣд. 1885 г.

Андреевъ, Петръ Николаевичъ, профессоръ геодезіи въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія. Надѣемся получить свѣдѣнія о немъ ко времени выхода конца второго тома.

Андреевъ, Петръ Петровичъ. Въ 1888—89 гг. напечаталъ «Русскій товарный словарь, пособіе къ товаровѣдѣнію».

* **Андріевичъ**, Владиміръ Константиновичъ (такъ значится по послужному списку, на самомъ-же дѣлѣ Калистратовичъ), генералъ-маіоръ, писалъ по исторіи Сибири †). *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ*, род. 14-го сентября 1838 г. въ Моздокѣ, гдѣ отецъ его былъ въ то время городничимъ. Мать А. урожденная графиня Ивеличъ, а въ первомъ бракѣ была женою генерала Авалова. Рано лишившись родителей, А. воспитывался сначала въ домѣ графини С. П. Апраксиной, а затѣмъ въ Александровскомъ сиротскомъ кадетскомъ корпусѣ, находившемся въ Царскомъ Селѣ, и въ 1-мъ петербургскомъ кадетскомъ корпусѣ. Отсюда въ 1857 г. выпущенъ подпоручикомъ въ 1-й гренадерскій стрѣлковый баталіонъ, стоявшій въ Ярославлѣ. Съ 1859—61 г. А. проходилъ высшій курсъ военныхъ наукъ въ академіи генеральнаго штаба, послѣ чего вернулся обратно въ Ярославль и затѣмъ вмѣстѣ съ своимъ батальономъ былъ въ Финляндіи. Въ 1864 онъ перешелъ въ красноярскій полкъ, квартировавшій въ Псковѣ, а въ концѣ этого года былъ назначенъ испр. должность старшаго адъютанта 28 пѣхотной дивизіи, стоявшей въ витебской и ковенской губ. Въ 1869 зачисленъ въ штабъ 33 пѣх. дивизіи (Каменецъ-Подольскъ, затѣмъ Кіевъ), въ 1872 г. получилъ мѣсто батальоннаго командира бессарабскаго 129 пѣхот. полка, въ 1873 снова перешелъ въ генеральный штабъ, съ назначеніемъ завѣдывать войсками на русско-прусской границѣ. Въ февралѣ 1876 г. А. принялъ штабъ 3 кавалерійской дивизіи, стоявшей въ Ковнѣ, а въ августѣ того-же года, увлекшись славянскимъ движеніемъ, уѣхалъ добровольцемъ въ Сербію. Здѣсь онъ попалъ въ дринскую армію генерала Алимпіевича и командовалъ

†) Отзывы о „Матеріалахъ для статис. забайк. каз. войска“ въ „Сибирскомъ Сборникѣ“ 1886 г. объ „Ист. очеркѣ Сибири“: „В. Евр.“ 1889 г. № 5 (на оберткѣ) и „Рус. Мысль“ 1889 г. № 8.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

лѣвымъ крыломъ ея. При перестрѣлкѣ у Устья его контузили въ ухо. Вернувшись въ ноябрѣ въ Россію, онъ тотчасъ-же былъ назначенъ начальникомъ штаба 36 пѣхотной дивизіи, стоявшей въ Акерманѣ. Восточную войну А. началъ въ качествѣ начальника штаба нижне-дунайскаго отряда, временно сформированнаго изъ войскъ 7 корпуса, предназначавшагося для обороны Одессы, но вскорѣ перешелъ въ кавказскую армію, гдѣ, безъ опредѣленнаго дѣла, состоялъ при ингускомъ отрядѣ генерала Алхазова. Въ 1878 г. назначенъ начальникомъ штаба 41 пѣхотной дивизіи (Кутаисъ), а въ 1879 командиромъ 77 пѣхотнаго Тенгинскаго полка. Періодъ командованія этимъ полкомъ А. считаетъ лучшимъ временемъ своей служебной карьеры. Онъ весь отдался приведенію полка въ возможно образцовое положеніе, отнюдь, однакоже, не прибѣгая для этого къ сколько-нибудь крутымъ мѣрамъ. Старанія его увѣнчались успѣхомъ: выправка полка заслужила самую лестную аттестацію В. Князя Михаила Николаевича во время произведеннаго имъ инспекторскаго смотра, а что касается привязанности полка къ своему командиру, то она выразилась въ рѣдко задушевныхъ и горячихъ проявленіяхъ, когда разныя обстоятельства заставили А. въ 1881 г. оставить тенгинскій полкъ и уѣхать въ Читу начальникомъ штаба войскъ Забайкальской области. Поѣхалъ онъ туда въ чинѣ генералъ-маіора. Въ 1884 его перевели въ Иркутскъ губернскимъ воинскимъ начальникомъ, въ 1886 съ тѣмъ-же званіемъ въ Красноярскъ, а съ августа 1888 года онъ состоитъ комендантомъ очаковской крѣпости.

Въ бытность А. начальникомъ штаба въ Читѣ, былъ поднятъ вопросъ о реорганизаціи казачьяго войска Забайкальской области. Для приведенія въ исполненіе этого намѣренія, главное управленіе казачьихъ войскъ признало нужнымъ предварительно произвести перепись забайкальскихъ казаковъ. Организація переписи и систематизація данныхъ ея была поручена А., который успѣшно выполнилъ возложенную на него задачу и напечаталъ въ 1883—1885 г. (Чита и Иркутскъ) 4 выпуска 1) «*Матеріаловъ для статистики населенія въ Забайкальскомъ казачьемъ войскѣ*». Главная составная часть «Матеріаловъ»— статистическія таблицы, но имѣются въ началѣ каждаго изъ выпусковъ и руководящіе обзоры.

Желаніе снабдить «Матеріалы» краткимъ историческимъ очеркомъ Забайкалья ввело А. въ изученіе сибирской исторіи вообще. Результатомъ этихъ занятій явились два сочиненія: 2) *Краткій очеркъ исторіи Забайкалья отъ древнѣйшихъ временъ до 1762 г.* Спб. 1887 г. 8°. 237 стр: и 2) *Историческій очеркъ Сибири*. Отдѣльные томы «Очерка» выходили въ довольно путанномъ порядкѣ. Сначала отпечатанъ 2-й томъ (Иркутскъ 1886), обнимающій событія 1700—1742 гг. III томъ (1742—1762) вышелъ въ 1887 г. въ Томскѣ, IV (Екатерининская эпоха) въ Петербургѣ (1887). V томъ напечатанъ вслѣдствіе недоразумѣній съ плохо устроенными сибирскими типографіями два-

жды—въ Красноярскѣ и Одессѣ (1888). «Въ Очаковѣ», сообщаетъ намъ Владиміръ Конст., «я составилъ древнѣйшую исторію Сибири, исключивъ таковую въ 1-ую часть (своевременно не вышедшую) и составилъ 2-ую часть моего труда, включивъ въ оную періодъ отъ 1660 года до 1741 г. Вслѣдствіе того, что пересоставилъ 2-ую часть теперь—прежде изданная 2-ая часть сдѣлалась излишнею. Вслѣдствіе задержки въ печатаніи V тома, я нашелся вынужденнымъ перемѣнить заглавія томовъ, чтобы придать нѣкоторую цѣлостность своему труду, а потому VI и VII томы, по совѣту В. В. Комарова, назвалъ «Сибирь въ XIX столѣтіи» ч. 1 и 2, что даетъ мнѣ возможность продолжать эту работу и впредь. Послѣ сего перемѣнилъ оглавленіе IV тома, назвавъ оный 1-ю частью Сибири въ царствованіе императрицы Екатерины II, а V томъ составитъ теперь 2-ую часть Сибири въ царствованіе императрицы Екатерины II».

Вышедшіе до сихъ поръ томы труда А. еще нельзя назвать исторіей въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Покамѣстъ онъ представляетъ собою собраніе *матеріаловъ* по исторіи Сибири и главнымъ образомъ выписки изъ Полнаго Собранія Законовъ. Интересъ новизны имѣютъ выборки изъ документовъ сенатскаго архива, добытые А. во время трехмѣсячнаго пребыванія въ Петербургѣ осенью 1886 года. Въ общемъ, однако, сочиненіе А. составляетъ видное явленіе въ исторіографіи Сибири.

Андржеевскій, Иванъ Ивановичъ, врачъ †) происхожденія польскаго. Р. въ 1832 г. Въ 1855 г. кончилъ курсъ въ Медико-Хирургической Академіи, съ 1857 г. служитъ при Ижевскомъ оружейномъ заводѣ. Въ 1880 г. получилъ степень доктора медицины за диссертацію 1) *Болотныя болѣзни на сѣверѣ.* Медикотопографическое описаніе Ижевскаго завода. Спб. 1880 г., 8⁰, 104, пользующуюся хорошимъ именемъ среди спеціалистовъ. Кромѣ того напечаталъ:

2) *Ижевскій оружейный заводъ.* «Воен. Мед. Ж.» 1877 г. ч. 129, VIII, 1—52. 3) *Очеркъ дѣятельности пріемнаго покоя ижевскаго оружейнаго завода.* 1867—74. Тж. 1877, ч. 130, VII, 272—84, 313—27. 4) *Къ теоріи маскированныхъ и злокачественныхъ лихорадокъ.* «Врачъ» 1881, 25. 5) *Къ патологической анатоміи болотнаго отравленія.* «Врачъ» 1882 г., 35—37. 6) *Маларійно воспалительные процессы и значеніе ихъ въ патологіи болотнаго отравленія и въ патологіи воспаленія.* «В. мед. жур.» 1884 г. ч. 151, III, 109—142; 1885 г. ч. 152, III, 1—19, 45—64.

Андріевскій, Алексѣй Александровичъ, ††) *По свѣдѣніямъ, отъ него по-*

†) *Змѣевъ*, Врачи—писатели.

††) Отзывы объ «Истор. матеріалахъ»: 1) А. въ «Кіев. Стар.» 1882 г. № 1 2) *Ив. Новицкій* (тамъ-же № 4). 3) В. А. (нтоновичъ) Ibid. 1883 г. № 3 и 11. 4) *Ц. Н.* Ibid. 1884 г. № 7. 7) *Цыбульскій* Ibid. 1884 г. № 12. 6) *И. Каманинъ,* Ibid 1885 г. № 5. 7) *К. Л.* Ibid. № 10. 8) *К. Цыбульскій* Ibid 1886 г. № 4. 9) «Екатер. Лист.» 1883 г. № 124. Объ «Истор. зап. о златоп. гимн. «Кіев. Ст.» 1887 г. № 10 О народ. чтеніяхъ въ I т. «Что читать народу».

лученнымъ: сынъ священника, р. въ г. Каневѣ кіевской губ. въ апрѣлѣ 1845 г., учился въ кіевской 2-й гимназіи, гдѣ въ послѣднихъ двухъ классахъ находился во время попечительства Н. И. Пирогова и испыталъ на себѣ силу глубокаго нравственнаго вліянія этого знаменитаго педагога; по окончаніи курса въ университетѣ св. Владиміра, посвятилъ себя педагогической дѣятельности. Назначенный въ январѣ 1866 г. учителемъ русскаго яз. и словесности въ екатеринославскую гимназію, въ январѣ 1881 г. переведенъ былъ въ Одессу, гдѣ, состоя на службѣ сначала въ ришельевской, а затѣмъ во 2-й гимназіи, преподавалъ и въ разныхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ города Въ сентябрѣ 1877 г. былъ переведенъ въ московскій учеб. округъ въ г. Тулу, но здѣсь заболѣлъ и въ январѣ 1878 г. вышелъ въ отставку и поселился въ г. Одессѣ, занимаясь частными уроками и преподаваніемъ въ юнкерскомъ училищѣ. Тогда же сталъ принимать участіе въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», гдѣ и помѣстилъ первую свою литературную работу 1) «*Г. Ф. Квитка*», біографическій очеркъ, по поводу исполнившагося столѣтія со дня рожденія этого писателя (очеркъ, подписанный псевдонимомъ А — ръ, имѣлъ затѣмъ два отдѣльныхъ изданія: одно въ Одессѣ, другое въ Кіевѣ). Въ 1880 г. въ теченіе семи мѣсяцевъ работалъ въ г. Вяткѣ при составленіи мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ сборника «Столѣтіе вятской губерніи», въ двухъ томахъ котораго, кромѣ участія въ общемъ трудѣ по составленію «Лѣтописи», написалъ: 2) «*Историческій очеркъ Вятки до открытія намѣстничества*» 3) «*Вятскую хронику за послѣдніе 25 лѣтъ*» и 4) «*О языческихъ обрядахъ и жертвоприношеніяхъ крещеныхъ инородцевъ вятской губ.*». Одинъ изъ очерковъ, составленныхъ для того же сборника,—5) «*Картофельный бунтъ въ вятской губ.*», напечатанъ въ «Истор. Вѣстникѣ» за 1881 годъ.

Въ 1881 г. А. получилъ въ Кіевѣ мѣсто редактора неоффиціальной части «Кіев. Губ. Вѣдомостей» и вновь былъ опредѣленъ на службу по учебному вѣдомству сверхштатнымъ учителемъ кіев. 2-й гимназіи. Кромѣ того преподавалъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ города, а въ сентябрѣ 1885 г. былъ назначенъ инспекторомъ златопольской гимназіи. Состоя $4^1/_2$ года редакторомъ «Кіев. Губ. Вѣдомостей», А. составилъ и издалъ 10 выпусковъ историческихъ матеріаловъ подъ общимъ заглавіемъ 6) «*Изъ архива кіевскаго губер. правленія*», составилъ 7) томъ «*Матеріаловъ по исторіи Запорожья*», изданный имп. общ. исторіи и древностей южной Россіи въ Одессѣ, составилъ и издалъ четыре народныхъ чтенія: 8) «*Первый русскій книгопечатникъ*», 9) «*В. А. Жуковскій*», 10) «*Крымъ и крымскіе татары*», 11) «*Изъ бесѣды о любви къ животнымъ*» (послѣднія три имѣли по два изданія) и помѣстилъ въ журналѣ «Кіевская Старина» слѣдующія статьи: 12) *Васильковская таможня и городничіе монахи*» (1883) № 1). 13) «*Запорожскіе выборы и порядки въ XVIII в.*» (1883 г., 5). 14) «*Изъ писемъ помѣщиковъ кіевс.*

губ. къ губернатору» 1884 г., 1). 15) *«Изъ дѣлъ объ оскорбленіи гетманской чести»* (1884 г., 12). 16) *«Сербы въ Кіевѣ»* (1885 г., 7). 17) *«Нѣсколько словъ къ исторіи кіево-межигорскаго монастыря»* (1885 г., 9). 18) *«Къ исторіи пограничныхъ сношеній съ крымскимъ ханствомъ»* (1885 г., 2). 19) *«Кіевскія смуты средины XVIII в.»* 1886 г., 12) 20 *«Кіевскіе толмачи»* (1889 г., № 5—6). А.-же принадлежитъ изданная въ 1887 г. 21) *«Историческая записка о златопольской гимназіи»*.

Къ историческимъ трудамъ А. мы еще вернемся въ концѣ II тома.

***Андріевскій**, Митрофанъ Александровичъ, братъ предъидущаго. †) *По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ брата его*:

«сынъ священника, родился въ г. Каневѣ кіевской губ. Состоя на службѣ по учебному вѣдомству законоучителемъ каневскаго уѣзднаго дворянскаго училища, отецъ его получилъ возможность воспитать двухъ старшихъ сыновей своихъ, въ томъ числѣ и Митрофана, на казенный счетъ въ кіевской 2-й гимназіи, и затѣмъ и въ университетѣ, гдѣ М. А. и окончилъ курсъ кандидатомъ по истор.-фил. факультету въ 1862 г., послѣ чего пробылъ почти два года на педагогическихъ курсахъ, учрежденныхъ бывшимъ попечителемъ Пироговымъ. Въ 1864 г. назначенъ былъ учителемъ рус. словесности въ ровенскую гимназію (волынской губ.). Для научныхъ занятій, которыхъ не оставлялъ до конца своей жизни, М. А. тогда ужъ женатый, перешелъ въ 1873 г. на службу въ коростышевскую учительскую семинарію (вблизи г. Кіева); но здѣсь непріязненное столкновеніе съ директоромъ (не разрѣшившимъ ему отпуска во время праздниковъ) побудило его выйти въ отставку и переселиться въ Кіевъ, гдѣ, зачислившись въ своекоштные стипендіаты при университетѣ, сталъ готовиться къ магистерскому экзамену. По крайней своей непрактичности не находя себѣ никакого заработка, живя въ крайней бѣдности, потерявъ нравственную поддержку на своемъ пути къ достиженію профессуры въ лицѣ умершаго тогда проф. А. И. Селина, потерявши любимаго сына, перенесши самъ тяжелую болѣзнь, М. А. послѣ двухлѣтней отставки вынужденъ былъ вновь искать службы и въ 1877 г. назначенъ былъ учителемъ реальнаго училища въ г. Екатеринославѣ, гдѣ вскорѣ и приступилъ къ печатанію своей научной работы «Изслѣдованіе текста Слова о Полку Игоревѣ», остановивъ изданіе ея, за недостаткомъ средствъ, на второмъ выпускѣ. Съ университетской скамьи у М. А. были двѣ излюбленныя темы, которыми онъ и не переставалъ заниматься всю жизнь: это изслѣдованіе малорусскаго глагола и изслѣдованіе текста «Слова о П. И.» На второмъ планѣ стояли тѣ занятія, результаты которыхъ

---

†) Отзывы объ «Изслѣд. текста пѣсни Игорю Святославичу», см. въ концѣ II тома. О «Козацкой думѣ»: «Кіев. Ст.» 1884 г. № 5. *(Ц. Неймана)*. Некрологъ его въ «Екатеринослав. юбилейномъ листкѣ» 1887 г. (№ 21).

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

попадали въ печать въ видѣ изслѣдованій по южнорусской исторической топографіи. Къ такимъ работамъ относится, между прочимъ, и представленный имъ на одесскій археологическій съѣздъ обширный рефератъ о Геродотовой Скифіи. Видя, что внѣ университетскаго города, при учительской службѣ, семейному человѣку слишкомъ трудно, почти невозможно предаваться научнымъ занятіямъ, М. А., проникнутый рѣдко-встрѣчающимися у насъ уваженіемъ къ наукѣ и требовательностью къ себѣ, не пытался уже проникнуть въ «храмъ науки», въ качествѣ оффиціальнаго служителя, а желая достигнуть лучшей пенсіи, которая дала бы ему возможность, при крайне скромной его домашней жизни, уже внѣ службы вполнѣ отдаться научнымъ занятіямъ, рѣшился просить у попечителя округа, своего университетскаго товарища, должности инспектора народныхъ училищъ и былъ на таковую назначенъ въ г. Мелитополь въ 1885 г. Но и эта мечта обезпечить себя пенсіей не удалась: непривычная административная служба съ частыми поѣздками и неизбѣжными непріятностями при столкновеніи съ людьми свела М. А. въ преждевременную могилу; 14 мая 1887 г. послѣ непродолжительной болѣзни, вызванной тяжелымъ огорченіемъ, онъ умеръ, не дослуживъ $1^1/_2$ года до срока, установленнаго для полученія полной пенсіи. Семья получила лишь $^2/_3$ таковой».

Въ печати появились слѣдующія работы М. А.

1) *„О подвижныхъ звукахъ въ малорусскомъ языкѣ“* (студенческая работа; напечатана въ жур. «Основа» 1861 г.). 2) *„Изслѣдованіе текста пѣсни Игорю Святославовичу“*. Вып. 1-й и 2-й. Издано отдѣльными книгами въ Екатеринославѣ въ 1879—80 гг. 3) *„Козацкая дума о трехъ Азовскихъ братьяхъ* въ пересказѣ съ объясненіями, разборомъ и картой“. Одесса. 1884 г. Въ журналѣ «Кіевская Старина» помѣщены статьи: 4) *„Перметовское поле“*. (1882 г. № 9).—5) *„Лѣтописный Юрьевъ на Руси“* (1883, № 9—10).—6) *„Давыдова Боженка“* (1885 г. № 6).

Къ содержанію этихъ работъ мы еще вернемся въ концѣ второго тома.

Андрусовъ, И., Молодой геологъ. О немъ см. въ концѣ второго тома.

Аничковъ, Викторъ Михайловичъ. Біографическія свѣдѣнія о немъ и характеристику его сочиненій дадимъ въ концѣ второго тома.

Анкиндиновъ. О немъ у *Максимова*, «Разск. изъ истор. старообрядства».

* **Анкудиновъ**, Николай Григорьевичъ, въ отставкѣ ген.-маіоръ корпуса штурмановъ. †) *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ*, родился въ 1826 г., воспитывался въ штурманскомъ училищѣ, гдѣ съ 1852 г. былъ смотрителемъ и преподавателемъ физической географіи и лоціи. Эти-же предметы читалъ въ техническомъ училищѣ. Ему принадлежитъ небольшой, но до сихъ поръ единственный на русскомъ языкѣ учебный *Курсъ лоціи*, изданный мореходными

---

† Отзывы о «Курсѣ лоціи»: 1) „Яхта“ 1878 г. № 35. 2) „Пет. Листокъ“ 1878 г. № 187. 3) «Нов. Время» 1878 г. № 941. 4) «Кроншт. Вѣст.» 1878 г. № 138.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника.*

классами С.-Петербургскаго рѣчного яхтъ-клуба. Первое изданіе (in 8°, 120 стр. вышло въ 1878 г., второе (108 стр., но дополненное) въ 1882 г. Въ курсѣ описаны сѣверныя европейскія моря, Черное, Каспійское и Аральское моря, а также приложена небольшая табличка предостерегательныхъ знаковъ. Сжатость и ясность изложенія характеризуютъ эту небольшую книжку, какъ учебное руководство—въ отличіе отъ многочисленныхъ практическихъ руководствъ по лоціи, для школы мало пригодныхъ. **М. Меньшиковъ.**

* **Анненковъ**, Константинъ Никаноровичъ, юристъ †). *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ*, р. 21 дек. 1842 г. въ селѣ Ивницѣ, льговскаго уѣзда курской губ. Родители его принадлежали къ среднему дворянству. Они дали К. Н. порядочное домашнее воспитаніе, благодаря чему онъ 14 лѣтъ могъ поступить въ 4 классъ 2-й харьковской гимназіи. Тогда уже начинались новыя вѣянія и на «развитіе» учениковъ обращалось очень много вниманія. Все свободное время уходило на чтеніе журналовъ, которые, по предложенію учителя русскаго языка, выписывались воспитанниками старшихъ классовъ на собственныя средства. Чтеніе, по словамъ К. Н., оказывало «превосходное вліяніе на умственное и нравственное развитіе воспитанниковъ, между лучшими изъ которыхъ нерѣдко велись весьма оживленные диспуты по вопросамъ литературы. Тогдашнее гимназическое начальство, а также и учитель русскаго языка не только не препятствовали такому самообразованію воспитанниковъ путемъ чтенія, но относились къ этому дѣлу въ высшей степени сочувственно и сами поощряли и руководили литературными занятіями лучшихъ воспитанниковъ».

Въ 1861 г. А. поступилъ на юридическій факультетъ харьковскаго университета который окончилъ въ 1865 г. со степенью кандидата. Необходимость управлять доставшимся ему послѣ отца имѣніемъ заставила его поселиться въ деревнѣ, что, однако же, не помѣшало ему продолжать и научныя занятія, главнымъ образомъ въ области философіи. Въ 1868 г. онъ былъ избранъ (въ льговскомъ уѣздѣ) почти единовременно участковымъ мировымъ судьею и гласнымъ земскаго собранія, а въ 1873 почетнымъ мировымъ судьею и вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдателемъ льговскаго мирового съѣзда—мѣсто, которое онъ занималъ до 1888 года. Оставивъ должность участковаго мирового судьи, А. всецѣло отдался

---

†) Отзывы объ „Опытѣ комментарія": 1) *А. Х. Гольмстенъ* въ „Жур. Гражд. и Уг. Пр." 1880 г. № 8, 1884 г. № 1 и 1888 г. № 2. 2) *В. И. Адамовичъ* въ «Юридич. библіогр.» изд. пет. унив. № 2 и 7. Кромѣ того, многіе отдѣльные взгляды и мнѣнія, высказанные въ „Опытѣ комментарія" подвергались болѣе или менѣе обстоятельному обсужденію въ книгахъ *Гольмстена* „Принципъ тождества въ гражданскомъ процессѣ", *Нефедьева*—„Устраненіе судей", *Дерюжинскаго* „Отводы и возраженія", въ статьяхъ *Іосилевича* („Жур. Гр. и уг. пр." 1885 г. № 6), *Липинскаго* (Ibid. 1886 г. № 7 и 1888 г. № 6) и др.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

земской дѣятельности. Въ это время въ льговскомъ уѣздѣ составился небольшой, но богатый энергіей кружокъ образованныхъ и искренно сочувствовавшихъ развитію земскаго дѣла лицъ, къ которымъ примкнулъ и Анненковъ. Кружокъ пріобрѣталъ все большее и большее значеніе, а въ срединѣ 70-хъ годовъ сдѣлался распорядителемъ земской жизни уѣзда. Съ законною гордостью указываютъ члены кружка, что время его вліянія совпадаетъ съ наибольшимъ процвѣтаніемъ въ уѣздѣ «главнѣйшихъ отраслей земскаго дѣла: народнаго образованія, земской медицины и отчасти даже дѣло народнаго образованія пошло довольно ходко и быстро впередъ». «Это свѣтлое время въ дѣятельности льговскаго земства», сообщаетъ далѣе К. Н. въ своей автобіографической запискѣ, «продолжалось приблизительно лѣтъ 10, въ теченіе каковаго времени составъ гласныхъ земскаго собранія значительно измѣнился, вслѣдствіе смерти однихъ и оставленія дѣла другими и вступленія на мѣсто ихъ гласными въ собраніе новыхъ людей, большею частью не окончившихъ нигдѣ курса наукъ. Они стали пріобрѣтать такое вліяніе въ земствѣ, что къ 1888 г. дѣятельность въ земствѣ въ прежнемъ направленіи стала окончательно невозможной». Вслѣдствіе этого въ началѣ 1888 г. А. вынужденъ былъ отказаться отъ всякаго участія, какъ въ мировой юстиціи, такъ и въ общихъ дѣлахъ земства.

Литературную дѣятельность свою А. началъ небольшою статьею 1) «*О распредѣленіи между сторонами процесса обязанности доказывать спорныя обстоятельства дѣла*» («Судеб. Журналъ» 1874 г. № 3), послѣ чего прямо обратился къ разработкѣ всего устава гражданскаго судопроизводства въ формѣ обстоятельнаго комментарія. Онъ печатался сначала въ «Судеб. журналѣ» (№ 1—12 за 1875 г.), а затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ подъ названіемъ 2) «*Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства*». Первый томъ вышелъ въ 1878 г. послѣдній—шестой въ 1887 г. Всѣ томы «Комментарія» уже достигли второго изданія. Послѣ окончанія «Комментарія» А. напечаталъ 3) *Желательныя измѣненія въ нашемъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ* («Жур. гражд. и Угол. Права» 1887 г. № 10.) 4) *Задачи губернскаго земства*» (Ibid. 1888 г. № 8). 5) *Защита правъ третьихъ лицъ въ производствѣ по охраненію наслѣдствъ*» (Ibid 1889 г. № 2). 6) «*Усмотрѣніе суда въ гражданскомъ процессѣ*» (Ibid № 4).

«Комментарій» Анненкова составляетъ видное явленіе въ нашей юридической литературѣ и къ оцѣнкѣ его мы вернемся въ концѣ второго тома.

Анненковъ, Николай Ивановичъ, ботаникъ. Ум. лѣтомъ 1889 г.

Анненковъ, Павелъ Васильевичъ. Много отдѣльныхъ чертъ для его характеристики можно найти въ воспоминаніяхъ Панаева, Фета («Рус. Вѣст.» 1889 г.) въ письмахъ Тургенева, а въ особенности въ воспоминаніяхъ Панаевой («Истор. Вѣст.» 1889 г.). Послѣдними, однако, нужно пользоваться съ величайшею осторожностью.

Анненская, Александра Никитична. Даемъ обѣщанный нами списокъ напечатанныхъ ею въ періодическихъ изданіяхъ статей:

Въ журналѣ «Семья и Школа» 1871 г. — 1) *Нѣмецкій учитель.* 2) *Чужой хлѣбъ.* 1872 г. 3) *Нашъ маленькій лѣсной пріятель.* 4) *Каникулы.* 5) *Находка.* 6) *Сильный мальчикъ.* 7) *Что дѣлается въ лѣсу весною.* 8) *Странный другъ.* 9) *Медвѣдь.* 10) *Гриша.* 1873 г. — 11) *Отчего такъ трусливы зайцы?* 12) *Товарищи.* 13) *Ласка.* 14) *Мыши.* 1874 г. — 15) *Братъ и сестра.* 16) *Старшая сестра.* 17) *Гувернантка.* 18) *Двѣ елки.* 1875 г.—19) *Анна.* 20) *Дѣти въ семьѣ* (пер. съ франц.). 1877 г.—21) *Двѣ судьбы.* 22) *Младшій братъ.* 1878 г.—23) *Кола Монти* (пер. съ англійск.). 24) *Чудакъ.* 25) *Тяжелый урокъ.* 26) *Два друга* (пер. съ франц.). 1879 г. 27) *Трудная борьба.* 1880 г.—28) *Волченокъ.* 1881 г.—29) *Гдѣ лучше* (пер. съ англійск.). 1882 г. —30) *Трудная задача.* 31) *Честный мальчикъ.* 1883 г.—32) *У пристани.* 1884 г.—33) *Школьные годы Вальтера Эвсона* (съ англійск.). 34) *Спасательная лодка.* 1885 г. —35) *Общество спасанія на водахъ въ Россіи.* 1886 г.—36) *Безъ роду безъ племени.* 1887 г.—37) *Первое полугодіе жизни въ школѣ* (пер. съ франц.). Въ журналѣ «Дѣтское Чтеніе» 1873 г.—38) *Горе и трудъ.* 1875 г.—39) *Мои двѣ племянницы.* Въ журналѣ «Родникъ» 1888 г.—40) *Подъ военною грозой* (перев. съ нѣмецк.). Въ Сборникѣ разсказовъ для дѣтей, изд. Якоби «*Муравей*»—41) *Искушеніе.* Въ «Сѣверн. Вѣстн.» 1888 г.—(№ 10), за подписью А. А—ская разсказъ 42) *Маленькая преступница.*

* **Анненскій**, Иннокентій Федоровичъ, братъ Николая Федоровича А. *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ*, род. въ Омскѣ въ 1855 г. Кончилъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ по филологическому факультету и въ настоящее время состоитъ учителемъ въ гимназіи Я. Г. Гуревича. Ему принадлежитъ 1) рядъ рецензій о книгахъ по филологіи въ «Жур. Мин. Нар. Просв.» и «Библіографѣ» 1880-хъ годовъ; 2) брошюра «Первые шаги въ изученіи словесности». Спб. 1888 г. и 3) Статья о сѣверно-русской поэзіи въ сборникѣ, изданномъ къ юбилею В. И. Ламанскаго. Спб. 1883 г.

Анрепъ, Василій Константиновичъ. Даемъ обѣщанный на стр. 621 дальнѣйшій списокъ его работъ:

25) *Zur Physiologie der gefässerweiternden und gefässverengerenden Nerven* (съ профес. Цыбульскимъ). St. Petersburger Med. Wochenschrift. 1884 г. № 20. 26) *Ein Beitrag zur Physiologie der Nervi phrenici.* Arch f. d. gesam. Physiol. Томъ 23. Вмѣстѣ съ профес. Цыбульскимъ. 27) *Кокаинъ, какъ средство мѣстно анэстезирующее.* Врачъ, 1884. № 46. 28) *Рыбный ядъ.* Публичн. лекція, Харьковъ, 1885. 29) *Отравленіе рыбой и рыбный ядъ.* Врачъ, 1885 г. № 14. Тоже (L'intoxication par les ptomaines). Arch. slaves de Biologie. 1886. 30) *Случай ихтіоза.* Врачъ, 1885 г. № 31. 31) *Уретанъ при отравленіи стрихниномъ и нѣкоторыми другими ядами, вызывающими судороги.* Врачъ, 1886 г. № 32. Тоже St. Petersb. Med. Wochenschrift 1886. №№ 36 и 37. 32) *О необходимости производства физіологическихъ опытовъ при экспертизѣ объ отравленіи растительными ядами и нѣкоторыя указанія для производства таковыхъ.* Вѣстн. судеб. мед. и общества гигіены, 1886 г. 33) *Матеріалы для судебно-медицинской діагностики* (съ Оболенскимъ). Сборникъ работъ, произведенныхъ въ лабораторіи В. К. Анрепа. Вып. 1. 1886 г. 34) *Къ вопросу о*

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника.*

судьбѣ морфія въ организмѣ (съ Кушнеренко). Сборникъ работъ, произведенныхъ въ лабораторіи В. К. Анрепа. Вып. 2. 1887 г. 35) *О птомаинахъ бѣшенства*. Дневникъ III Съѣзда русск. врач. 1889 г.

А. издалъ также 2 тома работъ, произведенныхъ подъ его руководствомъ въ Харьковѣ. Т. I 1886 г. и т. II 1887 г.

Василій Константиновичъ Анрепъ принадлежитъ къ той группѣ русскихъ изслѣдователей въ области физіологіи и токсикологіи, которыхъ ученые труды имѣютъ чисто экспериментальный характеръ. Такое направленіе въ медицинѣ весьма желательно и необходимо для преуспѣянія названныхъ наукъ.

Изъ числа физіологическихъ изслѣдованій Анрепа по отдѣлу физіологіи кровообращенія представляютъ интересъ слѣдующія: 1) «Сердечныя волокна блуждающихъ нервовъ у новорожденныхъ»; 2) «Перерѣзка блуждающихъ нервовъ у птицъ» и 3) «Физіологическія изслѣдованія въ области дыханія и сосудодвигательныхъ нервовъ».

Раздраженіе блуждающихъ нервовъ прерывистымъ индукціоннымъ токомъ у взрослыхъ животныхъ вызываетъ полную остановку сердца въ состояніи разслабленія—въ діастолѣ. Слабый индукціонный токъ остается, по наблюденію Soltmann'a, безъ вліянія на блуждающіе нервы у новорожденныхъ животныхъ. Раздраженіе же этихъ нервовъ сильнымъ индукціоннымъ токомъ производитъ полную или неполную діастолическую остановку сердца новорожденныхъ; въ послѣднемъ случаѣ, желудочки сердца останавливаются въ діастолѣ, а предсердія продолжаютъ по прежнему правильно сокращаться. Soltmann старается объяснить это явленіе тѣмъ, что у новорожденныхъ отсутствуетъ необходимая энергія блуждающихъ нервовъ и существуютъ два центра, регулирующіе дѣятельность сердца: одинъ для желудочковъ, а другой для предсердій.

Анрепъ, провѣряя наблюденія Soltmann'a, пришелъ къ нѣсколько другому заключенію. Онъ нашелъ, что только въ первые часы жизни новорожденныхъ (котятъ) раздраженіе блуждающихъ нервовъ индукціоннымъ токомъ любой силы не сопровождается ни полной, ни частичной остановкой сердца въ діастолѣ. Въ возрастѣ 2—6 дней животнаго сильный индукціонный токъ вызываетъ діастолическую остановку однихъ только желудочковъ сердца, но и для этого требуется болѣе сильный токъ, чѣмъ это необходимо бываетъ у взрослыхъ животныхъ. Перерѣзка блуждающихъ нервовъ или отравленіе атропиномъ въ первые дни жизни животнаго остаются безъ вліянія на частоту сокращеній сердца. Анрепъ, на основаніи этихъ данныхъ, пришелъ къ тому убѣжденію, что тонусъ блуждающихъ нервовъ въ извѣстномъ возрастѣ животнаго отсутствуетъ и одинъ изъ регулирующихъ сердечную дѣятельность центровъ не функціонируетъ въ первые часы жизни. Развитіе же дѣятельности этихъ центровъ происходитъ быстро и притомъ задерживательный механизмъ желудочковъ сердца появляется скорѣе, чѣмъ такой-же механизмъ предсердій.

Наконецъ, Анрепъ, подобно Soltmann'y, находитъ вѣроятнымъ существованіе двухъ различно расположенныхъ задерживательныхъ центровъ сердца. Такое предположеніе представляетъ большой интересъ для теоріи сердечной функціи, и оно уже частію подтверждается опытами Loven'a и Tiegerstedt'a.

Второе изслѣдованіе Анрепа состоитъ въ провѣркѣ вліянія перерѣзки блуждающихъ нервовъ у птицъ. Эта провѣрка показала, что упомянутыя животныя погибаютъ отъ названной операціи вслѣдствіе голода, а не вслѣдствіе жирового перерожденія сердца, какъ это думалъ Eichhorst (Die trophischen Beziehungen d. n. vagi zum Herzmuskel 1879).—

Затѣмъ, работа Анрепа подъ заглавіемъ: «Физіологическія изслѣдованія въ области дыханія и сосудодвигательныхъ нервовъ», произведенная вмѣстѣ съ проф. Цыбульскимъ, заслуживаетъ тоже извѣстнаго вниманія физіологовъ.— Но самый большій интересъ научныхъ изслѣдованій Анрепа сосредоточивается въ цѣломъ рядѣ систематическихъ работъ, касающихся области фармакологіи и токсикологіи.

Къ такому ряду работъ его относятся изслѣдованія дѣйствія на животный организмъ алкалоидовъ: никотина, кокаина, атропина, аконитина и птомаиновъ.

Изученіе физіологическаго дѣйствія алкалоидовъ не только полезно для физіологіи, но и для практической медицины.—Такъ, изслѣдованія, произведенныя Анрепомъ и другими учеными относительно дѣйствія кокаина на животный организмъ, показали, что медицина пріобрѣла въ этомъ алкалоидѣ очень хорошее болеутоляющее средство. Кромѣ того, Анрепъ, изучая дѣйствіе кокаина на хладнокровныхъ и теплокровныхъ животныхъ, по отношенію этого алкалоида къ сердцу, дыханію, спинному и головному мозгу, чувствительнымъ и двигательнымъ нервамъ, мышцамъ, кровеноснымъ сосудамъ, движенію кишекъ, зрачку, выдѣленію мочи и температурѣ тѣла, показалъ какого рода пользу или вредъ можно ожидать отъ введенія этого алкалоида въ животный организмъ.

Птомаины—алкалоиды, образующіеся при порчѣ рыбы, мяса, сыра и пр., обусловливаютъ повидимому очень частыя заболѣванія, хотя сущность дѣйствія этихъ алкалоидовъ и химическій составъ ихъ остается пока почти совершенно неизвѣстнымъ. Анрепъ самостоятельно и вмѣстѣ съ доктор. Пелемъ опубликовали свои изслѣдованія по этому весьма важному въ практическомъ отношеніи вопросу. Если результаты, полученные Анрепомъ относительно дѣйствія нѣкоторыхъ птомаиновъ, и не даютъ еще удовлетворительнаго отвѣта о сущности дѣйствія ихъ на животный организмъ, то все же дальнѣйшее изученіе этихъ алкалоидовъ въ этомъ направленіи можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на эту отрасль знаній.

Ив. Догель.

Ансеровъ, Павелъ Александровичъ, священникъ †), въ 1846 г. кончилъ

---

†) 1) «Москов. Церк. Вѣд.» 1883 г. № 30 и 42. 2) *Д. Д. Языковъ*, Обзоръ жизни покойныхъ русск. пис. Вып. 3 и 4.

курсъ въ московской дух. семинаріи, былъ законоучителемъ при московскихъ мѣщанскихъ училищахъ. † 12 іюля 1883 г. въ Москвѣ.

Антонинъ (Капустинъ). 7-й выпускъ «Палестинскаго сборника» (1883) заключаетъ въ себѣ его «Раскопки на русскомъ мѣстѣ близъ храма Воскресенія въ Іерусалимѣ», съ рисунками и планами.

Антоній (Амфитеатровъ). Краткія свѣдѣнія онъ немъ въ «Біографіяхъ казанскихъ іерарховъ». *Н. Горталова*. Обзоръ его сочиненій дадимъ въ концѣ второго тома.

Антоній (Бочковъ) см. *Бочковъ*.

* **Антоній** (Александръ Васильевичъ *Вадковскій*), ректоръ петербургской духовной академіи. *По свѣдѣніямъ, полученнымъ чрезъ посредство Н. К. Горталова*, р. 3 августа 1846 г. въ селѣ Ширингуши, спасскаго уѣзда тамбовской губ., гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Обучался въ тамбов. дух. семинаріи и въ казан. дух. акад., въ послѣдней оконч. курсъ въ 1870 г. и оставленъ при ней въ должности доцента по каѳедрѣ гомилетики и пастырскаго богословія; въ 1871 г. утвержденъ въ степени магистра богословія. Овдовѣвъ и похоронивъ троихъ своихъ дѣтей, въ мартѣ 1883 г. постриженъ въ монашество, въ томъ-же году возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ экстраорд. профессоромъ казанской академіи, а въ слѣдующемъ 1884 г.—инспекторомъ ея; въ 1885 г. переведенъ инспекторомъ же въ петербургскую академію, 15 апр. 1887 г. назначенъ ректоромъ ея, и въ томъ-же мѣсяцѣ—вторымъ викаріемъ петербургскимъ, а 3 мая посвященъ въ епископа выборгскаго; въ 1888 г. переименованъ въ перваго викарія петербургскаго. Въ Петербургѣ А. сначала занималъ каѳедру св. писанія ветхаго завѣта, теперь-же онъ снова читаетъ гомилетику.

Первое его сочиненіе напечатано еще во время его студенчества,—это 1) «*Правила относительно наложенія церковныхъ епитимій*» въ жур. «Руковод. для сельскихъ пастырей», въ осеннихъ №№ 1869 г. 2) «*День одновременныя кончины*» въ «Правосл. Собес.» 1870 г. 3) «*П. И. Перекопновскій*» (некрологъ и надгробная рѣчь) въ № 13 «Извѣст. по Казан. епархіи» 1873 г. 4) «*Св. Василій Великій, его жизнь и проповѣднич. труды*» «Правосл. Собес.» 1872 и 1873 гг. 5) «*Поученія Фотія*» (Тамъ-же, 1875 г.) 6) «*Такъ называемыя поученія Θеодосія Печерскаго*» («Правосл Соб.» 1876 г.). 7) «*Древнерусская проповѣдь въ періодъ до-монгольскій*» (Тамъ-же, 1881 г.). 8) «*Изъ исторіи древне-болгарской церковной проповѣди. — Константинъ, еп. Болгарскій и его Учительное Евангеліе*» (Первыя главы въ 1882 г., все сочиненіе—Казань, 1885 г. 171 стр.). 9) «*Памятники древне-болгарской проповѣднической письменности съ предисл.—Поученія Климента, еп. славянскаго*» (Прав. Собес. 1881—1882 гг.; здѣсь издано нѣсколько поученій Климента, нигдѣ ненапечатанныхъ). 10) Въ «Описаніи рукописей Соловецкой библіотеки» имъ описаны: Измарагды, Златоусты, Торжественники и Сборники (листовъ 10 кряду); постническія слова Василія Великаго; творенія Григорія Двоеслова (проповѣди и о жизни италійскихъ отцовъ), Іоанна Златоустаго и проч.—до 17 листовъ I-го тома. Изъ

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

словъ и рѣчей его, кромѣ вышеупомянутой рѣчи при погребеніи П. И. Переконновскаго, напечатаны: 11) *«Слово въ день Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста»*. 14 сент. 1883 г. 12) *«Слово на соборъ св. архистратига Михаила и прочихъ небесныхъ силъ безплотныхъ»*, 8 нояб. 1883 г. 13) Слово на новый годъ 1 янв. 1884 г. 14) *Слово надгробное* (передъ погребеніемъ проф. дух. акад. П. А. Милославскаго, 20 мар. 1884 г.). 15) *Слово въ недѣлю о слѣпомъ*, апр. 1884 г. 16) *Слово въ день восш. на прест. Благочест Госуд. Импер. Александра Александровича*, 2 марта 1885 г. 17) *Рѣчь, произнесенная на Ивановской площади послѣ молебна 6 апрѣля 1885 г.* (въ день 1000-лѣтія кончины св. Меѳодія). 18) *Рѣчь при нареченіи во епископа* 1 мая 1887 г. («Церк. Вѣст.» № 18). 19) *Рѣчь послѣ панихиды по М. Н. Катковѣ 23 іюля 1887 г.* («Прав. Вѣст.» № 157). 20) *Рѣчь, произнесенная передъ молебномъ 25 окт. 1888 г. по случаю чудеснаго избавленія Государя Императора и всей Его Август. семьи 17 окт.* («Цер. Вѣст.» № 44). 21) Имъ проредактированы «Изъ поѣздки по Финляндіи» (путевыя замѣтки, составленныя однимъ изъ его спутниковъ), гдѣ возстановлены многія поученія еп. Антонія, говоренныя во время этой поѣздки.

Къ содержанію историческихъ трудовъ преос. Антонія мы еще вернемся въ концѣ второго тома.

Антоній (*Радивиловскій*), южно-русскій проповѣдникъ XVII вѣка. О немъ будетъ сказано въ концѣ второго тома.

Антоновичъ, Афиногенъ Яковлевичъ. Отзывы о его «Курсѣ политической экономіи»: 1) «Сѣв. Вѣст.» 1887 г. № 1. 2) *Л. С.* (*лонимскій*) въ «Вѣст. Евр.» 1887 г. № 3. 3) *П.* въ «Юрид. Вѣст.» 1887 г. № 6.

Анучинъ, Дмитрій Гавриловичъ. Изъ того, что онъ написалъ о Кавказѣ, наиболѣе выдающеюся является статья: *«Походъ въ 1845 г. въ Дарго»*.— Статья эта написана по архивнымъ источникамъ и частнымъ матеріаламъ, имѣетъ характеръ достовѣрности и касается такого эпизода кавказской войны, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изучали по статьѣ Д. Г. Анучина. Только нынѣ съ выходомъ кавказскихъ сборниковъ эпизодъ этотъ разработанъ болѣе подробно.

Изъ литературныхъ трудовъ А., прежде другихъ появилась въ 1858 г. брошюра: «Перевозка войскъ по желѣзн. дорогамъ». Хотя изслѣдованіе это обнимаетъ всего 58 страницъ, но, по новизнѣ мало разработаннаго въ то время этого вопроса, брошюра не прошла незамѣченною въ нашей военной литературѣ и послужила, такъ сказать, основаніемъ для дальнѣйшей разработки вопроса, получившаго въ наше время столь важное значеніе.

Авторъ воспользовался для своего изслѣдованія не только имѣвшимися у насъ по этому предмету постановленіями, но также и иностранными источниками, въ особенности французскими.

Въ 1869 г. въ Воен. сбор. (№ 5 и № 6) появились его историческія изслѣдованія подъ названіемъ: «Первые успѣхи Пугачева и экспедиція Кара». Болѣе подробное описаніе событій той-же эпохи было напечатано имъ въ «Современникѣ» 1862 г. № 4, и озаглавлено: «Происшествія на Яикѣ въ 1772 г.»

Оба послѣднія изслѣдованія впервые вывели на свѣтъ документы, хра-

нившіеся до того времени въ рукописяхъ воен. ученаго архива (бывшаго архива воен.-топогр. депо).

Документы эти, хотя и были извѣстны А. С. Пушкину, при составленіи имъ «Исторіи пугачевскаго бунта», но большинство ихъ онъ прошелъ молчаніемъ.

Тѣмъ не менѣе, изслѣдованіе Д. Г. Анучина далеко не исчерпываетъ событій разсматриваемой имъ эпохи, къ чему, впрочемъ, онъ не имѣлъ и средствъ, такъ какъ большинство рукописныхъ документовъ, относящихся къ Пугачевскому бунту, находится въ московскомъ главномъ архивѣ и Д. Г. не имѣлъ къ нимъ доступа.

Слѣдуетъ сказать еще о статистическихъ изслѣдованіяхъ Д. Г. Анучина. Состоя въ должности губернатора радомской губ., онъ, пользуясь возможностью собрать подробныя и разностороннія данныя о губерніи, составилъ статистическій ея обзоръ и издалъ его на Высочайше отпущенныя для этой цѣли средства, придавъ къ своему изслѣдованію множество приложеній.

Изданіе это не предназначалось къ продажѣ и потому было издано въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ; стоимость каждаго экз съ приложеніями 100 р. с. Изданные экземпляры были доставлены авторомъ только нѣкоторымъ высокопоставленнымъ лицамъ и учрежденіямъ. **II.**

Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ.

Дмитрій Николаевичъ Анучинъ одинъ изъ выдающихся антропологовъ въ Россіи; въ его сочиненіяхъ отражается направленіе антропологіи до настоящаго времени, со всѣми своими достоинствами и недостатками. При изученіи антропологіи до настоящаго времени придерживались почти исключительно описательнаго метода, причемъ сужденія авторовъ были обыкновенно совершенно произвольныя, безъ всякихъ провѣрокъ и примѣненія естественно-историческихъ методовъ. Слѣдуя слѣпо направленію, данному Брока, ограничиваются только самымъ элементарнымъ изслѣдованіемъ мертвыхъ объектовъ, въ особенности остова головы, примѣняя при этомъ цѣлый рядъ новыхъ совершенно чуждыхъ современнымъ языкамъ названій, какъ напр. птеріонъ, астеріонъ, обеліонъ, иніонъ, опистіонъ, базіонъ, стефаніонъ, дакріонъ, гоніонъ, офріонъ и т. д., вмѣсто простыхъ общеупотребительныхъ обозначеній соотвѣтственныхъ мѣстъ на черепѣ.

До настоящаго времени обыкновенно совершенно забывали главную цѣль всѣхъ антропологическихъ изслѣдованій—организмъ *живого* человѣка, выясненіе значенія его постройки, отправленій и ихъ видоизмѣненій подъ вліяніемъ окружающей среды. Только въ послѣднее время заговорили противъ такого ненаучнаго направленія въ антропологіи. «Все, что до сихъ поръ сдѣлано, говоритъ директоръ антропологическаго музея въ Буда-Пештѣ А. Терекъ, [1]) и еще и

[1]) A. v. Török. Internationale Monatschrift für Anatomie u. Physiologie, Bd. VI. H. 6. 1889 стр. 233.

теперь дѣлается въ краніологіи, не заслуживаетъ быть упомянутымъ въ наукѣ, ибо все производится здѣсь очень поверхностно, безъ всякаго научнаго метода и обыкновенно по шаблону. Такъ какъ до сихъ поръ приходилось производить антропологическія изслѣдованія только при посредствѣ самыхъ элементарныхъ измѣреній и обставлять ихъ описаніе различными діалектическими формами, то понятно, что очень много развелось любителей заниматься антропологическою схоластикою и жарко спорить о значеніи найденной ими кости или отломка черепа даже безъ всякихъ анатомическихъ и вообще біологическихъ знаній.

Лучшимъ представителемъ направленія французскихъ антропологовъ и въ особенности направленія Брока является у насъ проф. Д. Н. Анучинъ, какъ это ясно изъ знакомства съ его сочиненіями и статьями. Вездѣ видно серьезное знакомство съ литературою, объективный разборъ высказанныхъ здѣсь мнѣній, но нѣтъ провѣрокъ, это не естественно-историческія изслѣдованія, а только словесно-статистическія произведенія. Такъ, напр., въ статьѣ «О древнихъ искусственно деформированныхъ черепахъ, найденныхъ въ предѣлахъ Россіи» [1], Д. Н. Анучинъ очень поверхностно описываетъ 22 изслѣдованныхъ имъ искусственно измѣненныхъ черепа; при разборѣ способа ихъ измѣненія онъ полагаетъ: «въ иныхъ случаяхъ употреблялась только одна горизонтальная перевязка, иногда двѣ: горизонтальная и вертикальная (черезъ темя и подбородокъ) и даже три, хотя послѣднее сомнительно. Кромѣ того, продолжаетъ онъ, существовало еще различіе въ степени перевязыванія, т. е. въ большей или меньшей крѣпости (тугости) повязокъ и въ продолжительности ихъ употребленія» (стр. 62). Вѣрно-ли его мнѣніе о формѣ повязокъ и степени тугости ихъ употребленія, авторъ не провѣряетъ и не приводитъ результата соотвѣтственныхъ опытовъ, произведенныхъ надъ животными, а между тѣмъ, такія изслѣдованія въ литературѣ существуютъ. Щенкамъ и котятамъ механически сдавливали головы въ теченіе отъ 1 до 5 мѣсяцевъ, начиная съ 2-го или 3-го дня отъ ихъ рожденія. Сдавливаніе это производилось посредствомъ стягивающихъ повязокъ, причемъ однимъ животнымъ стягивали головы въ горизонтальномъ направленіи, другимъ въ вертикальномъ, а третьимъ въ обоихъ этихъ направленіяхъ вмѣстѣ. Стягиваніе производилось въ различной степени [2]). Полъ изслѣдуемыхъ имъ череповъ Д. Н. Анучинъ опредѣляетъ по развитію надбровныхъ дугъ и затылочныхъ линій и даже по величинѣ и толщинѣ стѣнокъ черепа. Постоянно руководствуясь первыми признаками, онъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 46) говоритъ: «Судя по величинѣ и толщинѣ стѣнокъ, черепъ, повидимому, принадлежалъ мужчинѣ, хотя надбровныя дуги и затылочныя линіи выражены довольно умѣренно». Съ такимъ критеріемъ для опредѣленія пола черепа и вообще кости совершенно нельзя согла-

---

[1]) Москва. 1887 г.

[2]) А. Б. Дронзикъ. Матеріалы для изученія причинъ, вліяющихъ на форму черепа (Экспериментальное изслѣдованіе). С.-Петербургъ. 1883 г.

ситься. Опыты Фика и другихъ изслѣдователей показали, что кость ростетъ въ сторону меньшаго сопротивленія [1]), она ростетъ наружу при удаленіи мышцы съ ея поверхности и будетъ направляться внутрь—при уменьшеніи сопротивленія содержимаго, вслѣдствіе регрессивнаго его измѣненія — все это можетъ быть какъ у мужчины, такъ и у женщины. Въ этомъ можно убѣдиться по богатой коллекціи череповъ, оставленной проф. В. Л. Груберомъ въ анатомическомъ музеѣ Военно-Медицинской Академіи, гдѣ между женскими черепами, отобранными въ отдѣльномъ шкафѣ, встрѣчаются тяжелые черепа съ толстыми стѣнками. Развитіе надбровныхъ дугъ и затылочныхъ линій находится въ прямой зависимости отъ дѣятельности начинающихся здѣсь мышцъ, отъ большаго или меньшаго ихъ употребленія, это доказывается также опытами и наблюденіями (опыты Брюкке, Шаута, Попова и т. д.). Слѣдовательно по такимъ признакамъ можно говорить о степени физическаго развитія лица, а не о его полѣ. Руководствуясь такими признаками, автору и приходится прибавлять постоянно «повидимому», а проф. А. Богдановъ называетъ черепа даже «женоподобными». Не вѣрнѣе-ли сказать, что для опредѣленія пола черепа нѣтъ достаточныхъ данныхъ.

Въ сочиненіи Д. Н. Анучина: «О нѣкоторыхъ аномаліяхъ человѣческаго черепа и преимущественно объ ихъ распространеніи по расамъ» [2]), вездѣ видно то же самое словесное направленіе, примѣняемое для выясненія значенія морфологическихъ данныхъ. Цѣль статей, изъ которыхъ состоитъ это сочиненіе, была, по словамъ Д. И. Анучина, «прослѣдить варьяціи въ устройствѣ височной, затылочной и лобной областей черепа», причемъ обращено вниманіе на нѣкоторыя аномаліи, и авторъ старается уяснить вопросъ о степени ихъ распространенія у различныхъ группъ племенъ. Кромѣ того г. Анучинъ желалъ развить и провѣрить мысль, высказанную недавно проф. Р. Вирховымъ, что наклонность къ извѣстнымъ аномаліямъ можетъ составлять одинъ изъ признаковъ низшихъ расъ человѣчества. Для этого по его словамъ: «необходимо было принять во вниманіе значительныя и разнородныя серіи племенныхъ череповъ, чтобы по возможности ослабить вліяніе случайностей и устранить могущіе быть обусловленными послѣдними—невѣрные выводы». Весь вопросъ здѣсь идетъ о соединеніи височной чешуи съ лобною костью, являющемся у человѣка болѣе или менѣе рѣдкою аномаліею, объ отдѣленіи верхней части затылочной чешуи въ особую большую часть и о лобномъ швѣ у взрослаго человѣка и о возможности пользоваться этими аномаліями для характеристики расъ въ культурномъ ихъ отношеніи. Рѣшать этотъ вопросъ можно *только* такимъ способомъ: на основаніи анатомическихъ и экспериментальныхъ данныхъ, выясняющихъ значеніе шва, опредѣлить отношеніе различнаго размѣра содержимаго полости черепа и именно мозга (какъ

[1]) См. П. Лесгафтъ, Общая анатомія Ч. I. С.-Петербургъ. 1885. стр. 71.

[2]) Москва 1880 г.

органа сознанія развивающагося культурою) къ архитектурѣ послѣдняго и къ различнымъ видоизмѣненіямъ существующихъ здѣсь швовъ; а затѣмъ опредѣлить эти отношенія у разнородныхъ серій племенныхъ череповъ. До тѣхъ поръ, пока такія изслѣдованія невозможны, невозможно и рѣшеніе поставленныхъ г. Анучинымъ вопросовъ. Д. Н. Анучинъ пользуется для рѣшенія столь сложнаго и труднаго вопроса—статистическимъ способомъ, причемъ онъ просматриваетъ европейскихъ народовъ 9867 череповъ и всего бѣлыхъ расъ 13478 череповъ, а папуасовъ, негровъ, австралійцевъ и тасманійцевъ всего только 1791 черепъ. При такомъ неравенствѣ матеріала выводы наврядъ-ли возможны. Онъ находитъ, что соединеніе височной чешуи съ лобною костью—есть явленіе замѣчаемое у животныхъ и именно у обезьянъ, между тѣмъ на 32 черепахъ гориллы это соединеніе наблюдалось на 29 на обѣихъ сторонахъ черепа, а на 24 черепахъ у гиббона оно встрѣчалось только на двухъ—на обоихъ вискахъ и на одномъ — на вискѣ одной стороны. Изъ всего этого видно, насколько шаткимъ является статистическій методъ и какъ трудно, на основаніи такого метода, согласиться съ выводами Д. Н. Анучина, «что эти аномаліи интересны потому, что указываютъ на новый признакъ, которымъ можно пользоваться для характеристики расъ и для опредѣленія большей или меньшей наклонности той или другой изъ нихъ къ извѣстнымъ тероморфическимъ образованіямъ».

Приведенные здѣсь примѣры взяты изъ лучшихъ сочиненій Д. Н. Анучина и, я полагаю, достаточно доказываютъ, что рѣшать такіе трудные и серьезные вопросы, какъ тѣ, за рѣшеніе которыхъ взялся авторъ, наврядъ-ли возможно словеснымъ путемъ или такимъ легкимъ способомъ, какимъ въ данномъ случаѣ является статистическій способъ. Во всякомъ случаѣ проф. Д. Н. Анучинъ является у насъ лучшимъ представителемъ описательной антропологіи, строго придерживающимся французскихъ авторитетовъ по антропологіи. Но въ наукѣ не рѣшаютъ авторитетомъ лица, здѣсь признаются только истины и умѣніе рѣшать вопросы на основаніи этихъ истинъ. Нѣтъ истинъ—нѣтъ и науки.

П. Лесгафтъ.

Въ pendant къ настоящему отзыву уважаемаго сотрудника нашего считаемъ не лишнимъ привести здѣсь извлеченіе изъ мнѣнія, представленнаго профессоромъ А. П. Богдановымъ Обществу любителей естествознанія по поводу предложенія Д. Н. Анучина въ почетные члены общества, что по уставу послѣдняго считается высшею научною наградою, выдаваемою обществомъ. «Научная дѣятельность Д. Н. Анучина, говоритъ профессоръ Богдановъ, весьма широка и касается не только зоологіи и антропологіи, но также этнографіи, археологіи и физической географіи, не говоря уже о его публицистическихъ статьяхъ. Однако же эта ширина границъ работъ Анучина нисколько не отозвалась вреднымъ образомъ на серьезности, добросовѣстности и талантливости его трудовъ. Особенно убѣдительнымъ доказательствомъ этого я считаю его изслѣдованія объ Айнахъ и объ анамоліяхъ черепа и его письма о заграничныхъ музеяхъ. Въ первыхъ двухъ работахъ, переведенныхъ въ сокращенномъ

видѣ на иностранные языки въ главнѣйшихъ антропологическихъ журналахъ Западной Европы и вызвавшихъ на нашихъ глазахъ, во время съѣзда антропологовъ въ Москвѣ, такое единодушное одобреніе собравшихся антропологовъ, Анучинъ является выдающимся ученымъ, глубоко изучившимъ литературу своего предмета, съумѣвшимъ собрать, сгруппировать и критически разсмотрѣть громадную массу фактовъ. Въ своихъ «Путевыхъ очеркахъ», посвященныхъ описанію научныхъ достопримѣчательностей Западной Европы Анучинъ далъ образцовый руководитель, могущій служить примѣромъ того, какъ слѣдуетъ осматривать и описывать музеи. Въ этомъ же трудѣ Анучинъ высказалъ и всю свою громадную начитанность и широкое общее образованіе. Статьи и рефераты его на археологическихъ съѣздахъ всегда возбуждали вниманіе и въ нихъ онъ настолько явился мастеромъ своего дѣла, что трудно представить себѣ, чтобы ихъ писалъ спеціалистъ зоологъ и антропологъ. Свой организаторскій талантъ Анучинъ показалъ при устройствѣ антропологическаго отдѣла Общества любителей естествознанія, что и выразилось въ высокихъ наградахъ, полученныхъ Анучинымъ какъ отъ парижскаго антропологическаго общества, такъ и отъ общества любителей естествознанія. Анучину пришлось первому читать въ университетѣ антропологію, какъ самостоятельный предметъ, и онъ съ честію выполнялъ эту нелегкую задачу. Въ виду даже только этого главнѣйшаго является вполнѣ справедливымъ присужденіе Д. Н. Анучину знака высшаго уваженія общества—званія почетнаго члена».

Анучинъ, Евгеній Николаевичъ. О немъ во II томѣ.

А. Овичъ—псевд. Василія Александровича Васильева.

Аполлосъ Алексѣевъ. О немъ см. «Моск. сборн.» 1847 г.

* **Аппель**, Карлъ Юліановичъ, лингвистъ †). *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ*, сынъ польскаго эмигранта, родился 6 декабря 1857 г. въ Парижѣ, воспитывался въ Польшѣ, среднее образованіе получилъ въ петроковской гимназіи; съ 1877—80 былъ частнымъ учителемъ, въ 1888 г. назначенъ преподавателемъ французскаго языка варшавской 5 мужской гимназіи и до сихъ поръ состоитъ въ этой должности.

Совершенный самоучка въ области языковѣдѣнія, К. Ю. Аппель началъ свою научную дѣятельность въ 1879 г., какъ сотрудникъ *Русскаго Филологическаго Вѣстника*. На страницахъ этого журнала появились, между прочимъ, вышедшіе затѣмъ оттисками слѣдующіе его труды:

1) О говорахъ польскаго языка 1879 г. т. II, стр. 47—64. 2) Замѣтки о древне-польскомъ языкѣ 1880 г. т. III, стр. 1—35, IV. 67—86. 3) Къ славянскому народному словопроизводству 1880 г. III. 86—90. IV. 63—66) 4) О бѣлорусскомъ нарѣчіи 1880 г. III. 197—224. 5) Критическія и библіографическія замѣтки о новѣйшихъ трудахъ по польскому языку. 1880 г. III, 141—44. IV. 264—278; 1884 г. XI. 322—331. 6) Нѣсколько словъ о новѣйшемъ психологическомъ направленіи языкознанія. Варшава. 1882 г. 8—61

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

7) Нѣкоторые общіе вопросы языкознанія. 1886 г. XV. 158—169. XVI 351—63.

Кромѣ названныхъ трудовъ, къ которымъ мы еще вернемся въ концѣ II тома, К. Ю. Аппель составилъ вмѣстѣ съ польскимъ филологомъ *А. А. Крынскимъ* 8) Przegląd biblijograficzny prac naukowych o języku polskim. Warzawa. 1886 г. 8° 183. (Отд. отт. изъ сборника «Prace filologiczne»).

Въ послѣднее время К. Ю. Аппель сосредоточилъ свои занятія на изученіи романскихъ языковъ, по преимуществу французскаго, и вскорѣ предполагаетъ издать «Введеніе въ научное изученіе французскаго языка» †).

Апраксинъ, А. Д. Къ нему мы еще вернемся въ концѣ II тома.

Априловъ (къ стр. 706—712). *Отзывы* о «Болгарски книжницы» 1) Письмо къ редактору *А. Стурдзы* въ «Одес. Вѣст.» 1841 г. № 44. 2) пр. Ришельевскаго лицея *Линовскаго* въ «Одес. Вѣст.» 1841 г. № 46 и 47. О «Денницѣ» *К. Зеленецкій* въ «Одес. Вѣст.» 1842 г. № 5.

Апухтинъ, А. Н. Переводъ на нѣмецкій яз. трехъ его стихотвореній: «Мухи», «Мнѣ не жаль» и «Старая любовь», сдѣланный Фр. Фидлеромъ, появился въ сборникѣ послѣдняго «Der russische Parnass». Отзывы о его стих.: 1) *В. Буренинъ* въ «Нов. Вр.» 1886 г. 2) *Н. Б.—въ* въ «Гражданинѣ» 1886 г. № 36. 3) «Рус. Мысль» 1886 г. № 5. 4) «Новь» 1886 г. № 13. 5) *К. К. Арсеньевъ*, Критическіе этюды т. 2. (Прежде напеч. въ «Вѣст. Евр.». 6) *К. Говоровъ*, Современные поэты.

Въ «Вѣст. Евр.» 1889 г. (№ 4) появилось большое стихотвореніе: Апухтина (8 страницъ журнальнаго текста) «Изъ бумагъ прокурора». Это исповѣдь самоубійцы, лишающаго себя жизни безъ всякой серьезной причины.

Арапетовъ. О немъ у *Н. П. Семенова* «Освоб. кр.» т. I, стр. 114 и другія.

* **Арепьевъ**, Николай Федоровичъ. *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ*, род. въ 1852 г., воспитаніе и образованіе получилъ въ виленской гимназіи, затѣмъ слушалъ лекціи въ петербургскомъ университетѣ по юридическому факультету. Началъ писать въ «Молвѣ», затѣмъ перешелъ въ «Новости». Съ 1883 г. сотрудничаетъ въ журналѣ «Народная Школа», гдѣ кромѣ переводовъ

---

†) Критическіе отзывы и замѣтки о трудахъ К. Ю. Аппеля: 1) Проф. *И. Бодуэна-де-Куртенэ* въ „Филологическихъ запискахъ". 1880 г. вып. 5 стр. 2—14. (О статьяхъ №№ 1—4). 2) Проф *Карьева*: „Два слова о брошюрѣ Аппеля" (№ 6) „Фил. запис." 1882 г. вып. V стр. 67—70. 3) *I. Descours de Tournoy*, Revue philosopique (de M. Ribot) 1882 г. т. XII. стр. 550—557 (о томъ-же сочиненіи, № 6). 4) Проф. *А. Соболевскаго*. „Польскій библіографическій трудъ" (№ 8), въ „Журналѣ мин. народн. просвѣщ.» 1886 г. Декабрь стр. 367—69. 5) Проф. *В. Ягича* въ Archiv für slavische Philologie 1880 г. IV. 713—14. 1882 г. VI. 154. 291—292 и др.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

помѣстилъ слѣдующія оригинальныя статьи: 1) *Очерки уголовнаго законодательства о положеніи малолѣтнихъ въ Швеціи въ связи съ народнымъ образованіемъ.* 2) *Народная школа въ Соединенныхъ Штатахъ.* 3) *Пенсіонныя кассы для народныхъ учителей въ Финляндіи.* 4) *Очеркъ положенія малолѣтнихъ преступниковъ въ Петербургѣ.* 5) *Шотландскій Песталоцци.* (Изданъ отдѣльной книжкой). 6) *Эдинбургская учительская коллегія.* (Послѣднія двѣ статьи написаны на основаніи личныхъ наблюденій и впечатлѣній во время трехмѣсячнаго пребыванія въ Шотландіи въ 1886 г.). 7) *Владиміръ Яковлевичъ Стоюнинъ и молодое поколѣніе.* 8) *Александръ Яковлевичъ Гердъ и петербургская земледѣльческая колонія.* 9) *Тюрьма и школа.* Затѣмъ въ «Наблюдателѣ» помѣстилъ статьи: 10) *Международные тюремные конгрессы* (по поводу римскаго конгресса въ 1885 г.). и въ Трудахъ перваго съѣзда представителей русскихъ исправительныхъ учрежденій—докладъ 11) *Безпріютныя дѣти.* Сверхъ того случайными замѣтками участвовалъ въ «Голосѣ», «С.-П. Вѣдомостяхъ», «Сынѣ Отеч.» и «Петербур. Газетѣ».

Аристовъ, Евменій Филипповичъ, на стр. 730 (13 стр. снизу) напечатано 1840, слѣдуетъ 1844; на стр. 737 (5 сверху) напеч. — цѣлый годъ, слѣдуетъ цѣлые годы.

Армашевскій, Петръ Яковлевичъ, профессоръ минералогіи въ кіевскомъ университетѣ. О немъ въ концѣ второго тома.

Армфельдъ, Александръ Александровичъ, агрономъ, сынъ Алекс. Осиповича А. О немъ въ концѣ второго тома.

Арнгеймъ, К. Въ 1887 г. «Краткій очеркъ матем. географіи» вышелъ 4 изданіемъ.

Арнольдъ, Федоръ Карловичъ, лѣсоводъ. Біо-библіографическія свѣдѣнія о немъ надѣемся сообщить въ дополненіи ко второму тому.

Арнольдъ, Юрій Федоровичъ, музыкальный критикъ и теоретикъ, братъ предъидущаго. Біо-библіографическія свѣдѣнія о немъ надѣемся сообщить въ концѣ второго тома.

Арнштейнъ, Карлъ Августовичъ. Въ сообщенныя о немъ (стр. 751—752) библіографическія данныя вкрались опечатки. На стр. 751 строка 7 снизу *Nurmen* вмѣсто *Nerven*; с. 752 строка 1 сверху *1886* вмѣсто *1889;* тамъ же. 2 стр. *Ganglionzellun* вмѣсто *Ganglienzellen*; тамъ же 3 строка *Волманомъ* вмѣсто *Кольманомъ;* тамъ же 4 строка *Герберіомъ* вмѣсто *Гебергомъ.*

Научная дѣятельность К. А. Арнштейна не исключительно гистологическая. Такъ, особенно за первые годы ея, мы встрѣчаемся съ изслѣдованіями по патологической анатоміи Но, со времени занятія Арнштейномъ каѳедры гистологіи въ казанскомъ университетѣ, дѣятельность его сосредоточивается почти исключительно на нормальной гистологіи.

Для характеристики этой дѣятельности недостаточно имѣть въ виду однѣ

лишь личныя работы Арнштейна. Надо взять въ расчетъ и труды его ближайшихъ учениковъ, научно развивавшихся подъ его непосредственнымъ вліяніемъ, другими словами, дѣятельность его лабораторіи (см. ниже списокъ работъ, вышедшихъ изъ лабораторіи проф. Арнштейна). При этихъ условіяхъ яснѣе выступаетъ интересъ его къ извѣстнымъ научнымъ вопросамъ, а также видна будетъ степень педагогическаго вліянія его на учащуюся молодежь.

Изъ обозрѣнія трудовъ Арнштейна и его лабораторіи замѣтно, что онъ интересуется главнымъ образомъ вопросами о нервныхъ окончаніяхъ въ различныхъ частяхъ организма. Къ рѣшенію частныхъ задачъ изъ этой области направлена и разработка методовъ изслѣдованія. Благодаря цѣлесообразнымъ измѣненіямъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ методовъ, Арнштейну и его ученикамъ удалось рѣшить нѣсколько весьма трудныхъ задачъ, напр. о нервныхъ окончаніяхъ въ радужной оболочкѣ. Особенно плодотворною оказалась разработка (совмѣстно съ *А. Е. Смирновымъ* и *А. С. Догелемъ*) Эрлиховскаго метода прижизненной окраски нервовъ помощью метиленовой сини (Methylenblau), а именно нахожденіе способа фиксированія краски на нервахъ и нахожденіе возможности примѣнять этотъ методъ къ отживающимъ тканямъ. Благодаря такой разработкѣ метода, *А. Догелю* удалось открыть цѣлый рядъ новыхъ фактовъ относительно строенія сѣтчатки.

Вообще работы Арнштейна, или вышедшія подъ его руководствомъ, отличаются тщательностью исполненія и строгою объективностью. Поэтому онѣ цѣнятся въ наукѣ и не утрачиваютъ, при дальнѣйшихъ успѣхахъ ея, своего значенія. Напр. докторская диссертація Арнштейна (Ueber die becherförmigen und wandernden Zellen des Darmes), написанная болѣе 20 лѣтъ тому назадъ, до сихъ поръ не лишена интереса. (Въ этой работѣ уже указывается на присутствіе жира въ блуждающихъ клѣткахъ ворсинокъ при всасываніи жира, на возможность прониканія этихъ клѣтокъ въ клѣтки эпителія ворсинокъ, на образованіе бокаловидныхъ клѣтокъ изъ нормальнаго эпителія и на значеніе этого превращенія для отдѣленія слизи).

Наиболѣе выдающимся трудомъ Арнштейна надо считать трудъ его объ окончаніи нервовъ въ волосовыхъ сумкахъ, въ которомъ онъ констатируетъ, что не одни так. наз. осязательные волосы морды животныхъ, но и волосы другихъ мѣстностей, напр. на ухѣ, хвостѣ, снабжены нервными окончаніями, при чемъ окончанія эти, имѣющія мѣсто въ волосовыхъ сумкахъ, так. наз. стекловидной оболочкѣ, относятся къ категоріи свободныхъ.

Послѣдній крупный трудъ Арнштейна—это обработка, совмѣстно съ *А. Догелемъ* и *А. Гебергомъ*, на основаніи собственныхъ изслѣдованій, главы объ органѣ зрѣнія въ «Основаніяхъ къ изученію микроскопической анатоміи», изд. подъ ред. *Лавдовскаго* и *Овсянникова.*

Списокъ работъ изъ лабораторіи К. А. Арнштейна.

1) *K. Goniaew.* Die Nerven des Nahrungsschlauches. Archiv f. mikr Anat. 1875 г. Bd. XI. 2) *A. Meyer.* Die Nervenendigungen in der Iris. Ib. 1879 г. Bd. XVII. 3) *А. Сизовъ.* Къ вопросу объ окончаніи обонятельнаго нерва у лягушки. Труды общ. ест. при каз. унив. 1879 г. т. VIII. в. I. 4) *А. Сизовъ.* Слуховой лабиринтъ хрящевыхъ рыбъ. Ib. 1880 г. т. IX. в. 3 Также въ Archiv f. mikr. Anat. 1880 г. Bd. XVIII. 5) *А. Догель.* Строеніе ретины у ганоидъ. Труды общ. ест. при каз. унив. 1883 г. т. XI. в. 6. Также въ Archiv f. mikr. Anat. 1883 г. Bd. XXII. 6) *A. Dogiel.* Ueber die Beziehungen zwischen Blut-und Lymphgefässe. Ib. 1883 г. Bd. XXII. 7) *А. Гебергъ.* Объ окончаніи нервовъ въ радужной оболочкѣ и циліарномъ тѣлѣ у птицъ. Докт. дисс. Казань 1883 г. Также въ Internationale Monatsschrift f. Anat. u. Hist. 1884 г. Bd. 1. 8) *А. Догель.* Къ вопросу о строеніи сѣтчатой оболочки у человѣка. Вѣстн. офтальм. 1884 г. Также въ Internat. Monatsschrift f. Anat. u. Hist. 1884 г. Bd. 1. 9) *A. Dogiel.* Zur Frage über den Bau der Retina bei Triton cristatus. Archiv. f. mikr. Anat. 1884 г. Bd. XXIV. 10) *A. Geberg.* Ueber directe Anastomosen zwischen Arterien und Venen in der Nierenkapsel. Intern. Monatsschr. f. Anat u. Hist. 1885 г. Bd. II. 11) *А. Догель.* Строеніе обонятельнаго органа у ганоидъ, костистыхъ рыбъ и амфибій. Труды общ. ест. при каз. унив. 1886 г. в. I. Также въ Archiv f. mikr. Anat. 1887 г. Bd. XXIX. 12) *Nikita Lawdowsky.* Ueber die Forsätze der Nervenzellen in den Herzganglien Archiv f. mikr. Anat. 1887 г. Bd. XXIX. 13) *A. Dogiel.* Ueber das Verhalten der nervösen Elemente in der Retina der Ganoiden. Vogel und Säugethiere. Anat. Anzeiger 1888 г. Bd. III. 14) *A. Smirnow.* Ueber Nervenendknäuel in der Froschlunge. Anat. Anz. 1888 г. Bd. III. 15) *A. Dogiel* Ueber die nervosen Elemente in der Netzhaut der Amphibien. Anat. Anz. 1888 г. Bd. III. 16) *А. Смирновъ.* О клѣткахъ Десцеметовой оболочки у птицъ. Труды общ. ест. при каз. ун. 1889 г. т. XX. **Н. Ковалевскій.**

Арсеньевъ, А. Вас. Отзывъ *И. С. Морозова* о его словарѣ писателей въ «Днѣ» 1888 г. подъ заглавіемъ «Живъ, живъ курилка» (№ 163, 165 и 169).

Арсеній, іеромонахъ-миссіонеръ. Свѣдѣнія о немъ мы надѣемся сообщить въ концѣ второго тома.

* **Арсеньевъ,** Константинъ Ивановичъ. Какъ намъ пришлось слышать отъ сына его — Константина Константиновича, его въ 1848 г. собирались назначить сенаторомъ, но предисловіе къ «Статист. очеркамъ» (См. стр. 788) уничтожило въ руководящихъ сферахъ всякое желаніе привести въ исполненіе это намѣреніе.

Арсеньевъ, Константинъ Константиновичъ. Статья «Наши почтовыя реформы» (см. стр. 792 по нашему перечню № 28) не принадлежитъ А. Статья о Л. Толстомъ напечатана въ «В. Евр.» 1885 г. № 12 безъ имени автора.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника.*

Артамовъ Петръ, «Іезуиты краснаго пѣтуха намъ пустили, или возвратится ли Россія въ латинскій католицизмъ?»—Посвящается іезуитамъ Гагарину и Мартынову, Петромъ Артамовымъ, Вяземскимъ мужичкомъ. Парижъ и Лейпцигъ. 1859 г. 87 стр. 8°. (Русскій заграничный сборникъ, т. II, 4).

Въ Catalogue de Lorenz, т. I, p. 78 указано что за подписью *Piotrc Artamov*, paysan russe, писалъ уроженецъ г. Вязьмы графъ Владиміръ *de la File de Pelleporc*. За тою-же подписью появились:—La Russie historinbe. Paris 1862—65. 2 vols. fol.—Que faire de la Pologne? Paris. 1861 г. 8°.—Affaire Khomiakov (le servâge et la bureaucratie) 2-e éd. Paris. 1865 г. 8°.

Артамоновъ, Николай Дмитріевичъ, генералъ-маіоръ, геодезистъ. О немъ въ концѣ II тома.

Артемій, старецъ XVI столѣтія. Къ нему мы вернемся въ концѣ второго тома.

Архангельскій, Александръ, авторъ магистерской диссертаціи «Духовное образованіе и духовная литература при Петрѣ Великомъ», Казань 1883 г. Свѣдѣнія о немъ сообщимъ, можетъ быть, въ концѣ II тома.

Архангельскій, Александръ Семеновичъ. Къ характеристикѣ его ученой дѣятельности вернемся въ концѣ второго тома.

Архиповъ, Иванъ Павловичъ, химикъ. Надѣемся сообщить біо-библіографическія данныя о немъ въ концѣ второго тома.

Арцеуловъ, сотрудникъ морскихъ журналовъ. О немъ будетъ сказано въ концѣ второго тома.

* **Арцыба(ы)шева**, Анна Никитична, жена историка. †) *По указанію Д. А. Корсакова*, урожд. Незванова, перевела съ нѣмецкаго «О торговлѣ и мореплаваніи у древнихъ», Казань 1831 г.

* **Арцыба(ы)шева**, Анна Николаевна, дочь историка. ††) *По указаніямъ Д. А. Корсакова*, р. въ 1814 г., ум. 1853 г. Была замужемъ за И. И. Верцеліусомъ. Перевела съ фр. нѣсколько книгъ религіознаго содержанія и помѣстила переводъ статьи Робертсона «Колумбъ» въ «С. Отеч.» 1835 г. (т. 169 и 170).

Арцыбышевъ, Николай, историкъ. О немъ много говорится во 2-мъ томѣ біографіи Погодина *А. П. Барсукова*.

* **Арцыбышевъ**, Петръ Николаевичъ, сынъ историка. *По указаніямъ Д. А. Корсакова*, р. 23 іюня 1817 г. ум. въ Казани 15 апр. 1885 г. Кончивъ въ 1834 г. курсъ казанскаго унив. кандидатомъ математич. факультета,

---

†) *П. П. Васильевъ*, въ «Календарѣ-указателѣ гор. Казани» на 1882 г. стр. 138.

††) 1) *Голицынъ*, кн. Н. Н. Словарь писательницъ. 2) *Барсуковъ*. Біографія М. П. Погодина, т. 2, стр. 238.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

поступилъ затѣмъ въ военную службу. Участвовалъ въ венгерской и крымской кампаніи, а въ 1857 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-маіора. Въ 1858—59 гг. былъ дѣятельнымъ членомъ казанскаго комитета по освобожденію крестьянъ, съ 1859—65 былъ управляющимъ нижегородской палаты госуд. имуществъ, причемъ нѣкоторое время исправлялъ должность губернатора, съ 1865—66 предсѣдателемъ казанской губернской земской управы, а послѣдніе годы своей жизни предсѣдательствовалъ въ правленіи казанскаго взаимнаго кредита. По отзыву проф. Корсакова А. былъ человѣкъ стойко, искренно и безкорыстно работавшій на пользу общую.

А. въ 1848—49 гг. составилъ: 1) военно-статистическое описаніе владимірской губерніи, а въ 1869 г. 2) издалъ переведенную имъ съ фр. книгу извѣстнаго аббата, а потомъ православнаго священника Владиміра Гетте—«Изложеніе ученія православной католической церкви». Съ Гетте А. былъ очень близокъ. Глубоко интересуясь религіозными вопросами, А. 60-ти лѣтъ отъ роду изучилъ еврейскій языкъ, съ котораго перевелъ книгу Бытія, но переводъ этотъ не могъ быть напечатанъ вслѣдствіе затрудненій со стороны духовной цензуры.

Аскоченскій, Викторъ Ипатьевичъ. Въ статьѣ о немъ на стр. 831. (строка 18 сверху) вкралась грубая ошибка: вмѣсто «сазана», составляющаго постную пищу, напечатано «фазана». Къ характеристикѣ его литературной дѣятельности мы вернемся въ концѣ второго тома.

Астафьевъ, Петръ Евгеніевичъ, (стр. 842). Первая литературная попытка Астафьева («Монизмъ или дуализмъ» Ярославль, 1873, вступительная лекція) содержитъ въ себѣ врядъ-ли удачную защиту дуализма; авторъ въ бѣгломъ очеркѣ излагаетъ исторію философіи и находитъ, что съ точки зрѣнія житейской мудрости желательно совмѣщеніе двухъ началъ: теоретическаго, условнаго, реалистическаго съ этическимъ, безусловнымъ, идеалистическимъ—желателенъ дуализмъ. Этика и философія права, думаетъ Астафьевъ, только и возможны подъ условіемъ дуализма. Не будемъ останавливаться на этихъ мнѣніяхъ, ибо здѣсь слово дуализмъ играетъ совершенно необычную роль; авторъ имъ пользуется вовсе не въ значеніи давноустановленнаго философскаго термина. Бо̀льшаго вниманія заслуживаютъ два другихъ сочиненія г. Астафьева, а именно «Понятіе психическаго ритма, какъ научное основаніе психологіи половъ». Москва. 1882 г. «Психическій міръ женщины, его особенности, превосходства и недостатки». Москва. 1882. Первое изъ этихъ сочиненій служитъ основаніемъ для второго. Намъ кажется, что понятію психическаго ритма авторъ придаетъ слишкомъ большое значеніе и напрасно старается объяснить качественную разницу психическихъ явленій этимъ количественнымъ и искусственнымъ моментомъ, однако слѣдуетъ признать, что свою мысль авторъ проводитъ послѣдовательно и талантливо. Въ основаніе его аргументаціи положенъ фактъ, что количественнымъ разностямъ въ психическомъ мірѣ соотвѣтствуютъ раз-

ности качественныя. Подъ психическимъ ритмомъ авторъ разумѣетъ большую или меньшую быстроту смѣны психическихъ состояній и дѣйствій (ст. 8). «Несомнѣнно», говоритъ Астаф., «что чѣмъ въ психическомъ событіи болѣе элементовъ сознательности и произвольности, тѣмъ на осуществленіе его идетъ больше времени (ст. 15) и наоборотъ, чѣмъ быстрѣе ритмъ душевной жизни даннаго существа, тѣмъ меньше единица времени, уходящая какъ всякій изъ раздѣльныхъ психическихъ актовъ, тѣмъ менѣе эти акты допускаютъ и требуютъ напряженнаго вниманія, тѣмъ болѣе въ нихъ преобладаютъ продукты безсознательной ассоціаціи... и проявленія этой жизни будутъ имѣть болѣе непроизвольный, отраженный характеръ (ст. 18). Установивъ этотъ общій законъ, авторъ слѣдитъ за тѣмъ, какъ онъ долженъ выразиться въ явленіяхъ умственной жизни, въ чувствѣ и въ волѣ. Не передавая подробностей, мы выпишемъ заключеніе: (ст. 57) «такимъ образомъ, съ какой стороны ни смотрѣть на дѣло, болѣе быстрый психическій ритмъ, развивающій впечатлительность, механическую память, непроизвольныя ассоціаціи, желательную способность, яркія и разнообразныя пассивныя чувства, не благопріятствуетъ образованію воли сильной и стойкой, дѣятельно преслѣдующей свои задачи черезъ обширныя и сложныя цѣпи искусно, систематически и съ трудомъ подбираемыхъ средствъ, сосредоточенными и продолжительными усиліями, отъ которыхъ не отвлекало-бы ее все разнообразіе тѣснящихся въ душу со всѣхъ сторонъ впечатлѣній, ни интенсивность возникающихъ въ душѣ преходящихъ желаній, ни измѣненія въ тонусѣ и силѣ темной полусознательной подкладки всей жизни сознанія, — общемъ настроеніи». Слѣдуетъ сказать, что темпераменты людей различны (не только темпераменты половъ) и что психологическій ритмъ, можетъ быть, опредѣляетъ въ извѣстной мѣрѣ темпераментъ, но въ гораздо большей мѣрѣ темпераментъ опредѣляетъ собою психологическій ритмъ; внѣшнее гораздо больше зависитъ отъ внутренняго, чѣмъ наоборотъ.

Въ «Психическомъ мірѣ женщины» авторъ пользуется понятіемъ психическаго ритма для объясненія души женщины. Такъ называемый женскій вопросъ онъ совершенно справедливо дѣлитъ на два: во-первыхъ на юридическій, о равноправности половъ, и во-вторыхъ на антропологическій, о физіологическихъ и психическихъ различіяхъ половъ. Антропологическій вопросъ и составляетъ собственную задачу автора, такъ какъ юридическій самъ собою рѣшается вслѣдъ за антропологическимъ. Онъ сначала очень удачно указываетъ на тѣ недоразумѣнія, которыя содержатся въ требованіи равноправности у Миля, у Легуве, г-жи Цебриковой и др., утверждающихъ, что природа женщины была искажена историческими условіями. Психическія особенности женщины авторъ объясняетъ въ связи съ различіемъ органическихъ функцій, для этого онъ пользуется двумя общими положеніями, которыя ему кажутся примѣненіемъ закона о сохраненіи силъ въ человѣкѣ. Мысль подобнаго примѣненія механики къ психологіи заим-

ствована авторомъ у проф. Шкляревскаго, рѣчь котораго «Объ отличительныхъ свойствахъ мужского и женскаго типовъ» Астафьевъ высоко цѣнитъ и часто цитируетъ. Вотъ эти положенія: 1) Чѣмъ разнообразнѣе и многочисленнѣе отправленія какого-либо организма, тѣмъ большее число условій окружающей среды имѣютъ возможность вліять на него, и тѣмъ разнообразнѣе его внутреннія вліянія; слѣдовательно, сохраненіе такого организма требуетъ сравнительно болѣе разнообразнаго, тонкаго и точнаго приспособленія къ внѣшнимъ и внутреннимъ средамъ. 2) Большее разнообразіе органическихъ функцій, реакцій организма на внѣшнія и внутреннія вліянія, возбуждающія его... требуетъ и большей точности, быстроты этихъ реакцій, большаго распредѣленія между ними всего количества силы, которою обладаетъ организмъ, тогда какъ въ организмѣ, у котораго разнообразіе внѣшнихъ и внутреннихъ вліяній также, какъ и реакцій на нихъ, сравнительно меньше, возможно и сравнительно большее сосредоточеніе силы во всякой изъ этихъ реакцій, большая массивность дѣйствій при меньшей быстротѣ и точности его. Несомнѣнно, что на долю женскаго организма приходится одной важнѣйшей функціей болѣе, чѣмъ на долю мужского, слѣдовательно въ женщинѣ мы найдемъ большую точность, быстроту и точность реакціи, и это не только относительно физіологическихъ явленій, но въ той же мѣрѣ и относительно психическихъ. Большее разнообразіе, а слѣдовательно и скорость органическихъ функцій естественно связаны съ болѣе быстрой смѣною ощущеній и соотвѣтствующихъ имъ движеній, но быстрота психическихъ реакцій связана съ сознательностью: «чѣмъ въ отдѣльномъ психическомъ событіи болѣе членораздѣльности, слѣдовательно сознательности и произвольности... тѣмъ на осуществленіе его идетъ больше времени и тѣмъ, слѣдовательно, психическій ритмъ, смѣна этихъ событій медленнѣе». (ст. 60). Болѣе быстрымъ ритмомъ у женщинъ Астафьевъ и объясняетъ ихъ недостатки и достоинства; въ описаніи качествъ женщинъ авторъ болѣе прислушивался къ голосу ихъ почитателей (напр. Лоце), чѣмъ къ ихъ хулителямъ (напр. Шопенгауеру); результатъ всего изслѣдованія, которое читается не безъ интереса, авторъ сводитъ къ тому, что женщина не производительная сила жизни, а распорядительница силъ.

Г. Астафьевъ, отличающійся нѣкоторой отзывчивостью относительно «злобъ дня», въ 1885 г. выпустилъ въ свѣтъ небольшую и неоконченную брошюру о «Наслажденіи и страданіи жизни». Авторъ сначала старается уловить смыслъ пессимизма, причемъ справедливо замѣчаетъ, что «настроеніе пессимизма въ современномъ обществѣ привлекаетъ къ себѣ болѣе вниманія и болѣе поучителенъ, если не потому, что онъ составляетъ преобладающій тонъ въ общемъ фонѣ современной картины, то потому уже, что онъ по естественному закону, необходимо ярче, опредѣленнѣе и страстнѣе, чѣмъ оптитизмъ. Послѣдній болѣе спокойный и потому какъ бы безформенный, расплывающійся». Чтобы рѣшить вопросъ о цѣнности жизни нужно найти критерій цѣнности; онъ заключается въ самочувствіи.

а дѣятельное движеніе, усиліе есть огниво самочувствія. Это самочувствіе и есть единственная и естественная единица мѣры. «Для всякаго самочувствіе есть единственная непосредственная мѣра всякой реальности вообще» (ст. 15). Благодаря самочувствію для всякаго бытіе цѣнно и цѣнно въ одинаковой мѣрѣ, «оно цѣнно въ той мѣрѣ и потому, что оно есть». Это точка зрѣнія наивнаго оптимизма каждаго отдѣльнаго момента жизни. Сознаніе человѣка можетъ порываться отъ одного своего содержанія къ другому, не удовлетворяясь ни однимъ изъ смѣняющихся содержаній... но стремиться не быть сознаніемъ, самочувствіемъ вообще оно не можетъ по коренному существу своему. Вопросъ о цѣнности жизни можетъ возникнуть только когда мы сойдемъ съ этой точки зрѣнія; «и такъ, самая точка зрѣнія, на которой возникаетъ вопросъ о цѣнности, есть позднѣйшая, вторичная, неустраняющая поэтому (почему же?!) и неупраздняющая ни въ какомъ случаѣ первоначальной точки зрѣнія естественнаго оптимизма». И такъ вопросъ объ оптимизмѣ сводится къ тому, какая точка зрѣнія правильнѣе—первичная, непосредственная, или вторичная, рефлективная: самая двойственность оцѣнки, по мнѣнію автора, безусловно необходима и вытекаетъ изъ «необходимаго условія — сознанія, какъ различающей и сопоставляющей дѣятельности». Само собой разумѣется, что результатъ вторичной оцѣнки у различныхъ людей весьма различенъ, но общая оцѣнка жизни есть выводъ изъ двухъ оцѣнокъ. Вторая оцѣнка имѣетъ своимъ предметомъ нѣчто иное, чѣмъ первая, такъ какъ во второй самочувствіе разсматривается въ состояніяхъ наслажденія и страданія; испытывая ихъ, я познаю не только, что я есмь, но и то какъ я есмь (ст. 28). Авторъ полагаетъ, что вторая оцѣнка, даже если бы она была отрицательною, не можетъ отринуть первой непосредственной оцѣнки самосознанія. За теоретическимъ изслѣдованіемъ слѣдуетъ разборъ мнѣній Шопенгауера и Гартмана. Замѣчанія автора, въ большинствѣ случаевъ, любопытны и справедливы.

Э. Р.

Касаясь разныхъ злобъ дня, А. по временамъ затрогиваетъ и вопросы литературные. Такъ, въ недавней брошюрѣ своей «Старое недоразумѣніе» онъ выступаетъ съ рѣзкою отповѣдью по адресу русскихъ защитниковъ «тенденціи» въ искусствѣ и съ большою настойчивостью выдвигаетъ идеалъ искусства «эстетическаго». Нельзя, однакоже, сказать, чтобы экскурсіи нашего автора въ область литературной критики стояли на высотѣ своей задачи. Русская критика послѣднихъ тридцати лѣтъ, съ которою онъ полемизируетъ, ему, повидимому, знакома только по полемическимъ выходкамъ противъ нея. Вотъ почему А. М. Скабичевскій, уже много лѣтъ борющійся съ узкою тенденціозностью, все еще кажется автору «Стараго недоразумѣнія» крайнимъ сторонникомъ идей 60-хъ годовъ, вотъ почему К. К. Арсеньевъ, всегда стоявшій въ сторонѣ отъ всякихъ крайностей, попадаетъ въ одинъ разрядъ съ Зайцевымъ и Чернышевскимъ, вотъ почему,

наконецъ, въ самыхъ «крайностяхъ» 60-хъ годовъ, извѣстныхъ ему болѣе по наслышкѣ, онъ не разглядѣлъ самыхъ существенныхъ чертъ ея. Добролюбовъ, внушающій такой ужасъ нашему автору, былъ человѣкъ съ весьма тонкимъ эстетическимъ вкусомъ, который никогда не говорилъ о бездарномъ произведеніи, что оно талантливо, и наоборотъ. Онъ только былъ убѣжденъ, что современная ему эпоха нуждалась болѣе всего въ урокахъ соціальной морали и потому и приглашалъ писателей того времени разрабатывать ее въ своихъ произведеніяхъ. Добролюбовъ отлично зналъ, что вѣчное выше временного, что эстетическое значеніе произведеній, независимыхъ отъ потребностей времени, выше произведеній, къ нимъ принаровляющихся. Но онъ считалъ свою эпоху боевою по преимуществу и если въ военное время драгоцѣнный сосудъ, назначенный для священнаго елея, часто употребляется на то, чтобы подавать въ немъ раненому пищу, то почему священный сосудъ поэзіи будетъ оскверненъ, если временно въ него вольется бальзамъ для врачеванія тѣла общественнаго.

Собственныя представленія А. объ искусствѣ отличаются нѣкоторою туманностью. Онъ очень рѣшительно говоритъ о томъ, что художественное произведеніе должно производить на душу читателя «художественное» впечатлѣніе, но сколько-нибудь детальнаго объясненія этой тавтологіи не даетъ.

Аттай, лекторъ арабскаго языка въ Лазаревскомъ институтѣ. Біографическія свѣдѣнія о немъ вѣроятно дадимъ въ концѣ второго тома.

Афанасій *Высоцкій* †), т. е. игуменъ серпуховскаго Высоцкаго монастыря, въ 1382 г. уѣхавшій сначала въ Кіевъ, а затѣмъ въ Царьградъ и здѣсь умершій послѣ 1401 г. Митрополитъ Кипріанъ «много моляше его дабы пошелъ на Руси воспріяти честная», но Афанасій «не восхотѣ и рече: келія си ми лутче онѣхъ честныхъ». Эти слова находятся въ сборникѣ отеческихъ сочиненій (№ 360 Румянц. музея), составленныхъ въ Цареградѣ съ благословенія А. однимъ изъ учениковъ его. Въ 1401 г. Афанасій будучи въ обители Иперивлето написалъ церковный уставъ подъ названіемъ «Око церковное», съ котораго списывались многіе позднѣйшіе уставы.

Афанасій (*Любимовъ*) епископъ холмогорскій. О немъ будетъ сказано въ концѣ второго тома.

Афанасій (Соколовъ). Краткія свѣдѣнія о немъ въ «Біографіяхъ казанскихъ іерарховъ» *Н. ГортаЛова.*

Афанасій *(Филипповичъ)*, игуменъ брестскій. О немъ будетъ сказано въ концѣ второго тома.

---

†) 1) *Востоковъ*, Опис. Рум. музея стр. 517, 711, 2) *Карамзинъ*, Исторія Гос. Рос. т. V стр. 122; 3) Ист. рос. іер,, т. III, стр. 632; 4) *Филаретъ*, Обзоръ стр. 95.

Афанасьевъ, Александръ Николаевичъ. «Русскія дѣтскія сказки» въ 6 г. вышли 2 изданіемъ, о которомъ появились отзывы: 1) *Е. Н.* въ «Рус ли» 1886 г. № 7 и «Женск. образ.» 1886 г. № 9.

Афанасьевъ, Г. Е. Отзывы о «Внѣшн. полит. Наполеона»: 1) «Сѣв. Вѣст.» 6 г. № 2. 2) *В. З.* въ «Ист. Вѣст.» 1886 г. № 4. О «Главныхъ момен› дѣят. Тюрго»: 1) *Л. Слонимскій* въ «Вѣст. Ев.« 1884 г. № 8. 2) *В. З.* «Ист. Вѣст.» 1884 г. № 8. 3) *Н. Карѣевъ* въ «Юрид. Вѣст.» 1884 г. 10. О «Судьбахъ Ирландіи»: 1) «Вѣст. Евр.» 1887 г. № 10. 2) *В. З.* въ т. Вѣст.» 1837 г. № 11.

Афанасьевъ, Евгеній Ивановичъ, докторъ медицины, бывшій доцентъ кіев. верситета †). Род. въ 1838 г. въ Орлѣ, въ купеческой семьѣ. Учился съ 8 по 1855 г. въ орловской гимназіи. Окончивъ въ 1860 г. медико-хирурскую академію, отслуживалъ казенную стипендію сначала въ ширванскомъ отн. полку, а въ 1862 г. былъ назначенъ завѣдующимъ лазаретнымъ отдѣлеъ при Ахтинскихъ минеральныхъ водахъ (на Кавказѣ). Въ 1864 г. его перегили въ Чугуевъ младшимъ ординаторомъ мѣстнаго воен. госпиталя; оттуда— кіевскій военный госпиталь. Въ 1866 г. А. назначили младшимъ учителемъ ьдшерской школы; черезъ годъ—и. д. ординатора при терапевтической госпиьной клиникѣ кіевскаго унив. Въ 1869 г. этотъ же университетъ удостоилъ степени доктора медицины за диссертацію «Къ физіологіи мозговыхъ ножекъ», въ 1869 г., появившуюся черезъ нѣкоторое время въ «Wiener Mediciniche chenschrift» (1870 г. № 9, 10, 11 и 12).

Въ 1870 г. А. былъ избранъ кіевскимъ унив. доцентомъ при кафедрахъ нической и теоретической патологіи и терапіи, для чтенія *врачебной діагноики*, которую онъ преподавалъ до 1885 г., когда уволился изъ университета. 1871 г. его кромѣ того назначили ординаторомъ вновь открытаго отдѣленія во-Кириловской больницы:

Кромѣ докторской диссертаціи своей, Ев. Ив. напечаталъ слѣдующія журьныя замѣтки:

1) «*Объ Ахтинскихъ минеральныхъ водахъ*» («Прот. общ. кіев. врачей» 1864 г.). «*Къ терапіи чесотки*» («Совр. Мед.» 1866 г.). 3) «*Нѣсколько замѣтокъ о псоисѣ*» (ibid.). 4) «*Случай слоновой проказы*» («Прот. общ. кіев. врачей 1864—5). «*Случай Верльгофовой болѣзни* (ibid.). 6) «*О характерѣ перемежающейся лихоки, господствовавшей въ Кіевѣ осенью 1866 г.*» («Совр. Мед.» 1866). 7) «*Общіе оды изъ 45 наблюденій надъ Брайтовою болѣзнью*» («Мед. Вѣст.» 1667, №№ 15, и 17). 8) «*Эпидемія возвратной горячки въ Кіевѣ 1868 г.*» («Кіев. Ун. Изв.» и вр. Мед.» 1868). 9) «*О двухъ тонахъ въ бедренныхъ артеріяхъ при недостаточности аортальныхъ клапановъ*» («Мед. Вѣст.» 1874 №№ 11, 12, 13 и «Кіев. ив. Изв.» 1874). 10) «*О трахейномъ тонѣ Williams'a*» («Мед. Вѣстн.» 4 №№ 14, 15, 16 и «Кіев. Унив. Изв.» 1874). 11) «*Отчетъ за семь лѣтъ сутствованія старо-кіевскаго отдѣленія Кириловской больницы*» («Кіев. Унив. Изв.»

†) 1) *Иконниковъ*, Біогр. Словарь проф. кіев. унив. 2) *Змѣевъ*, Врачи-писаи. Отзывъ о диссертаціи въ «Кіев. Унив. Изв.» 1870 г. VIII. 1—2.

1878 г.). 12) *«Случай спорадич. Сибирской язвы»* («Прот. кіев. вр.» 1864—65 г. № 10). 13) *«Случай гангрены кожи мошонки и ствола»* (ibid. 1865—1868, № 8). 14) *«О ходѣ перемежающейся лихорадки въ сент. 1866 года»* («Совр. Мед.» 1866 г. стр. 508). 15) *«Случай Parchymeningitidis haemorrhogiae internae»* («Прот. Кіев. вр.» 1873—74). Кромѣ того А. помѣщалъ статьи по санитарнымъ вопросамъ въ кіевскихъ газетахъ.

Въ 1874—76 г. подъ редакціею Ев. Ив. вышелъ въ Кіевѣ переводъ «Частной патологіи и терапіи» *Нимейера*, выдержавшій 2 изд.; въ 1880 г. тамъ же перев. соч *Füihauf'a* «Діагностика внутреннихъ болѣзней».

Афанасьевъ, Мих. Ивановичъ. Къ содержанію его работъ мы еще вернемся въ концѣ второго тома.

Афанасьевъ, Николай Сергѣевичъ, врачъ †). Род. въ 1842 г. въ Новгородѣ; кончилъ курсъ гимназіи въ Петербургѣ съ золотою медалью, университетскій проходилъ въ Харьковѣ, гдѣ въ 1866 г. былъ назначенъ лаборантомъ по кафедрѣ химіи. Но затѣмъ онъ занялся гистологіей и патологіей и получивъ въ 1869 г. степень д. мед., въ 1870 г. былъ избранъ кіевскимъ универ. доцентомъ общей патологіи и посланъ за границу на годъ. Въ профессора онъ, однако, по возвращеніи не попалъ и просто состоялъ при лабораторіи пр. Хржонщевскаго. Умеръ въ 1877 г., заразившись въ кіевскомъ военномъ госпиталѣ сыпномъ тифомъ. Оставилъ по себѣ память прекраснѣйшаго человѣка. Его работы:

1) *О началѣ лимфатическихъ сосудовъ въ серозныхъ оболочкахъ.* «В. Мед. Жур.» 1869 г., 104, II, 1—48. Отт. дисс. д. мед. (Харьк. унив.) Спб. 1869, 8°. Тоже по-нѣмецки въ «Virch. Arch.» т. 44 и 48, 1868. 2) *Welcher Bestandheil des Erstickungsblutes vermag den difundirbaren Sauerstoff zu binden.* Раб. физіол. лабор. Лейпц. 1872. При его содѣйствіи переведено: *Уле и Вагнеръ, Руководство къ общей патологіи.* Спб. 1874, 8°. *Цимсена Паталогія* т. XIII, ч. I.

Ахматова, Елизавета Николаевна. Очень интересныя литературно-житейскія воспоминанія ея напечатаны въ «Рус. Старинѣ» 1889 г. № 5 и 6.

Ахматовъ, Петръ Николаевичъ, химикъ. Свѣдѣнія о немъ сообщимъ, можетъ быть, въ концѣ второго тома.

* **Ахшарумовъ**, Николай Дмитріевичъ, современный беллетристъ и критикъ †). *По свѣдѣніямъ, отъ него полученнымъ*, родился въ Петербургѣ 3 дек. 1819 г., воспитывался въ царскосельскомъ лицеѣ и выпущенъ изъ него вмѣстѣ съ 10 курсомъ (1839 г.), а въ 40-хъ годахъ слушалъ одно время лекціи въ петербургскомъ университетѣ. Но главнымъ образомъ обязанъ своимъ умственнымъ развитіемъ одному кружку просвѣщенныхъ людей 30-хъ и 40-хъ гг. и обширному чтенію. Большое вліяніе имѣлъ на него также дядя по матери—Михаилъ Семеновичъ Боженичъ, человѣкъ, пользовавшійся между всѣми приходившими съ нимъ въ столкновеніе репутаціей умнѣйшаго человѣка. По выпускѣ изъ лицея

---

†) 1) *Иконниковъ*, Слов. Кіев. Проф. 2) «Мед. Вѣст.» 1878 г. № 3. 3) «Вр. Вѣд.» 1878 г. № 206. 4) *Змѣевъ*, Врачи-писатели.

* означаются статьи, имѣющія характеръ *первоисточника*.

А. служилъ въ канцеляріи военнаго министерства; но въ 1845 г. вышелъ въ отставку и посѣщалъ, какъ уже было упомянуто, сначала университетъ, а затѣмъ рисовальные классы Академіи Художествъ. Литературную дѣятельность свою А. началъ подъ псевдонимомъ *Чернова*, повѣстью 1) «*Двойникъ*» («Отеч. Зап.» 1850 г. № 1). Дальнѣйшія беллетристическія произведенія его появились въ слѣдующемъ порядкѣ:

2) «*Игрокъ*». Повѣсть. («Отеч. Зап.» 1858 г. т. 121). 3) «*Чужое имя*». Романъ («Рус. Вѣст.» 1861 г., т. 31, 32, 34, 35). 4) «*Мудренное дѣло*». Повѣсть («Эпоха» 1864 г. № 5—7 и отдѣльно. Спб. 1864 г.). 5) «*Натурщица*». Повѣсть («Отеч. Зап.» 1866 г. № 3, 4). 6) «*Граждане лѣса*» («Всем. трудъ» 1867 г., № 4—6). 7) «*Мандаринъ*». Романъ («Заря» 1870 г. № 2—6 и отдѣльно Спб. 1870 г.). 8) «*Концы въ воду*». Повѣсть. («Отеч. Зап.» 1872 г. № 10—12). 9) «*Во что бы то ни стало*». Романъ («Новое Время» 1881 г. и отдѣльно тогда-же). 10) «*Подъ колесомъ*». Повѣсть. «Нива» 1883 г.). 11) «*Всесословная семья*». Повѣсть. («Вѣстн. Евр.» 1885 г. № 9—12). 12) «*Ванзамія*». Разсказъ («Нива», 1887 г.). 13) «*Темная карта*» (Ibid.). 14) «*Опасная игра*» (Idid. 1889 г.). 15) «*Конецъ съ красной мѣткой*». («Вѣстн. Евр.» 1889 г. № 8).

Кромѣ того А. написалъ рядъ критическихъ статей, какъ касающихся отдѣльныхъ произведеній, такъ и разрабатывающихъ общіе эстетическіе вопросы:

1) «Порабощеніе искусства» («Отеч. Зап.» 1857 г. № 7). 2) Три критическія статьи въ сборникѣ «Весна» 1858 г. о *а)* «*Тысячѣ душъ*» Писемскаго, *в)* «*Воспитанницѣ*» Островскаго и *с)* «*Дворянскомъ гнѣздѣ*» Тургенева. 3) Разборы: «Обломова» Гончарова въ «Рус. Вѣст.» 1860 г., февраль кн. 1. 4) Драмъ Писемскаго «*Горькая судьбина*» въ «4 присужденіи уваровскихъ премій» 1860 г. 5) Разборъ «*Преступленія и наказанія*» Достоевскаго. («Всем. Трудъ» 1867 г. № 3). 6) «*1805 годъ*» Льва Толстого (ib. № 7). 7) «*Основныхъ началъ психологіи*» Герб. Спеснера (ib. № 10). 8) «*Войны и мира*» Толстого (ib. 1868 г. № 4). 9) «*На высотѣ*» Ауэрбаха. 10) «*Между*

†) Біографическія свѣдѣнія о немъ въ «Энц. Слов. изд. рус. уч. и лит.», въ «Энц. Словарѣ» Березина, въ «Dictionnaire international» De-Gubernatis'a.

Отзывы о «Мандаринѣ»: 1) *Н. Шелгунова* подъ названіемъ «Превращеніе мошекъ и букашекъ въ героевъ» въ «Дѣлѣ» 1871 г. № 2. 2) «Заря» 1871 г. № 3. 3) «Отеч. Зап.» 1871 г. № 2. О «*Рус. сказкахъ*»: 1) «В. Евр.» 1869 г. № 3. 2) «Учитель» 1869 г. № 9—10. 3) «Дѣтскій садъ» 1869 г. № 2. 4) Библіогр. указ. при «Дѣтск. Чт.» 1869 г. № 2. 5) «Нар. Школа» 1869 г. № 4. 6) «Отеч. Зап.» 1869 г. № 2. О сборникѣ «*Весна*»: 1) «Совр.» 1859 г. № 6, стр. 307—325. 2) «Спб. Вѣд.» 1859 г. № 133. 3) «Рус. Слово» 1859 г. № 8. О «*Всесословной семьѣ*»: *А. М. Скабичевскій* въ «Новостяхъ» 1885 г. О «Концѣ съ красной мѣткой»: *А. М. Скабичевскій* въ «Новостяхъ» 1889 г. О «*Смерти Слѣпцова*»: *А. Зиссерманъ* въ «Рус. Архивѣ» 1889 г. № 1.

двухъ огней» Авдѣева (ib. 1869 г. № 1). 11) 5-й части *«Войны и мира»* Толстого (ib., №3). 12) *«Алины Али»* Андре Лео (ib. № 4). Въ «Вѣстникѣ изящныхъ искусствъ» А. И. Сомова А. напечаталъ слѣдующія статьи: 13) *Задачи живописи въ періодъ образованія русской народной школы.* 14) *Объ идеалѣ въ области пластическихъ искусствъ».* 15) *Пути и двигатели пластическаго искусства въ доисторическій періодъ.*

Въ «Рус. Вѣст.» 1888 г. (№ 10 и 11) А. напечаталъ *«Смерть Слѣпцова»*, кавказская быль, которая вызвалъ замѣчанія А. Зиссермана. А. отвѣтилъ на нихъ въ «Рус. Вѣст.» 1885 г. № 5.

Какъ романистъ, Ахшаруновъ принадлежитъ къ числу тѣхъ беллетристовъ которые больше всего заботятся о «занимательности» своихъ произведеній. Вотъ почему романы его разсѣяны по журналамъ самаго разнообразнаго направленія. Онъ печаталъ ихъ и въ «Русскомъ Вѣстникѣ» временъ его англоманскаго либерализма, и въ консервативной «Зарѣ», въ «Отечественныхъ Запискахъ» редакціи Некрасова и Салтыкова и въ «Новомъ Времени», въ «Вѣстникѣ Европы» и «Русскомъ Вѣстникѣ» послѣднихъ лѣтъ. За исключеніемъ «Мудренаго дѣла» и «Натурщицы», представляющихъ собою что-то промежуточное между беллетристикою и публицистикою, и нѣкоторыхъ главъ «Во что бы то ни стало», Ахшаруновъ почти не касается злобъ дня и главныя теченія русской жизни совершенно не отражаются въ его многочисленныхъ произведеніяхъ, имѣющихъ единственною цѣлью—доставить среднему журнальному подписчику легкое неголоволомное чтеніе.

Для достиженія «занимательности» нашъ романистъ всегда прибѣгаетъ къ разнаго рода «эфектнымъ» и драматическимъ положеніямъ. Такъ повѣсть, которою онъ дебютировалъ на литературномъ поприщѣ—«Двойникъ»—построена на псиxіатрической почвѣ и вся состоитъ изъ описанія галлюцинацій героя повѣсти. Еще «интереснѣе» романъ «Чужое имя», въ свое время пользовавшійся извѣстностью. Главная роль въ немъ отведена уголовщинѣ.

Герой романа студентъ Лукинъ присваиваетъ себѣ чужое имя, возможность воспользоваться которымъ ему достается путемъ самыхъ удивительныхъ случайностей. Одновременно съ чужимъ именемъ получаетъ онъ чужія деньги и начинаетъ жизнь, полную страха, что вотъ-вотъ его узнаютъ. Но такъ какъ элементъ авторскаго щучьяго велѣнія является одной изъ существеннѣйшихъ пружинъ въ произведеніяхъ А., то самозванцу удается провести долгіе годы почти неузнаннымъ въ томъ самомъ Петербургѣ, гдѣ онъ выросъ и имѣетъ множество знакомыхъ и который всего-то на нѣсколько недѣль и оставлялъ, когда добывалъ себѣ чужое имя. На деньги, неожиданно доставшіяся ему, Лукинъ ведетъ шумную жизнь, играетъ, кутитъ, имѣетъ красивыхъ женщинъ, и завязавши видныя знакомства, уѣзжаетъ въ провинцію въ качествѣ правителя дѣлъ у нѣкоего губернатора, съ молодою женою котораго вступаетъ въ связь. Но вотъ служебное перемѣщеніе бросаетъ его въ губернію, гдѣ онъ родился и гдѣ проводилъ каникулы, онъ сталкивается съ

прежнею невѣстою своею, успѣвшею выйдти за другого, любовь вспыхиваетъ вновь въ сердцахъ обоихъ и отсюда получается цѣлый рядъ компликацій, ведущихъ, съ одной стороны, къ трагической кончинѣ прежней невѣсты, а съ другой, къ тому, что Лукина сажаютъ въ тюрьму, откуда онъ убѣгаетъ и становится разбойникомъ на большой дорогѣ.

Таково содержаніе лучшаго произведенія Ахшарумова. Несмотря на примитивные пріемы интриги и на указанный уже выше элементъ щучьяго велѣнія, въ общемъ романъ читается съ интересомъ и въ свое время не даромъ составилъ автору его репутацію занимательнаго разсказчика.

Относительно другихъ романовъ и повѣстей А. этого нельзя сказать. Они всѣ написаны тускло и читаются безъ всякаго интереса, хотя все таки отличительною стороною ихъ остается стремленіе къ исключительнымъ положеніямъ. Такъ наиболѣе извѣстный послѣ «Чужого имени» романъ А. «Мандаринъ» какихъ только страстей не полонъ—тутъ и адское честолюбіе, и биржевая игра, и олицетворенный дьяволъ въ области обольстительной француженки Рене, и странная смерть героя. «Концы въ воду» разыгрываются на почвѣ уголовной. Въ романѣ «Во что бы-то ни стало» имѣется таинственный конспираторъ, «Натурщица» представляетъ собою настоящую фантасмагорію. Фантасмагоріей отзываются также «Граждане лѣса», и повѣсть «Игрокъ», сюжетъ которой вертится на галлюцинаціяхъ сумасшедшаго шахматиста. Въ основѣ повѣстей, которыя А. доставляетъ иллюстрированнымъ журналамъ, всегда лежитъ какой нибудь «случай». Присутствія высшихъ качествъ литературнаго воспроизведенія—обрисовки характеровъ, психологической правды и т. д. почти не замѣчается въ нихъ.

Такое-же мало-яркое впечатлѣніе производитъ большинство критическихъ статей Ахшарумова. Какъ и романы его, они какъ-то стоятъ въ сторонѣ отъ того, что волнуетъ нашу литературу послѣднихъ десятилѣтій и по нимъ также трудно опредѣлить направленіе автора, какъ и по беллетристическимъ произведеніямъ его. Исключеніе представляетъ собою только самая ранняя критическая статья нашего автора—«Порабощеніе искусства», написанная съ огонькомъ. Въ ней молодой еще тогда критикъ горячо защищалъ теорію искусства для искусства и ополчался противъ искусства тенденціознаго. Впрочемъ и въ этой лучшей статьѣ Ахшарумова наиболѣе выдающимся качествомъ была горячность. Въ 1857 г. наше искусство еще не было «порабощено» тенденціей и сражаться поэтому автору приходилось не съ современностью, а съ критикою Бѣлинскаго послѣдняго фазиса ея развитія, когда единеніе съ дѣйствительностью и служеніе ея потребностямъ стало главнымъ лозунгомъ великаго борца за правду и справедливость.

«Порабощеніе искусства», а также послѣдовавшій вскорѣ за этою статьею разборъ «Обломова» обратили на себя вниманіе литературныхъ кружковъ «солиднаго» направленія. Они начали возлагать большія надежды на молодого критика. Этимъ объясняется то, что Академія Наукъ избрала его въ рецензенты «Горькой судьбины», представленной Писемскимъ на соисканіе Уваровской преміи

Ожиданія, однако, не оправдались. Какъ въ области романа первый написанный имъ романъ былъ самымъ лучшимъ, такъ и позднѣйшія критическія статьи Ахшарумова рѣшительно слабы и безцвѣтны, хотя въ нихъ чувствуется и глубокая любовь къ литературѣ, и хорошій вкусъ и разностороннее образованіе. Особенно поражаетъ своею неопредѣленностью рядъ статей во «Всемірномъ Трудѣ».

И только, если прочесть кряду все написанное Ахшарумовымъ, умственный обликъ его обрисовывается съ достаточною ясностью. Это идеалистъ сороковыхъ годовъ въ лучшемъ смыслѣ слова, искренній прогрессистъ, но котораго грубость и рѣзкость всероссійскаго прогресса нѣсколько напугала, что и послужило поводомъ къ написанію «Мудренаго дѣла»—единственной цвѣтной вещи въ длинномъ литературномъ послужномъ спискѣ Ахшарумова. Здѣсь въ формѣ дневника нѣкоего господина, вздумавшаго издавать журналъ, не безъ ядовитости обличается эпоха «разрушенія эстетики».

Самою симпатичной стороной литературной дѣятельности Ахшарумова, особенно цѣнною, когда знакомишься съ нею въ наше время литературнаго одичанія, слѣдуетъ признать ту душевную чистоту, которая сквозитъ чрезъ все написанное имъ. Чувствуется литераторъ pur sang, которому интересы истины всего дороже, которому чуждо мелкое самолюбіе, для котораго слова «красота» и «идеалъ» не звукъ пустой, не взятая на прокатъ вывѣска. И если васъ даже не грѣетъ тутъ огонь таланта, то вамъ все таки становится тепло отъ несомнѣнной искренности добрыхъ намѣреній автора.

Ашкинази (Михаилъ Осиповичъ). Съ 1889 года сталъ постояннымъ сотрудникомъ *Paris*, гдѣ ведетъ иностранный отдѣлъ. Въ этой же газетѣ подъ общимъ заглавіемъ *Lecture des Deux Mondes* онъ даетъ chroniques по поводу лучшихъ статей, появляющихся въ иностранныхъ журналахъ и лучшихъ произведеній иностранной литературы. Русскіе журналы и русскія книги составляютъ весьма часто предметъ этихъ chroniques, которыя А. подписываетъ: Michel Reader.

Въ настоящемъ же году А. передѣлалъ для фельетона газеты XIX Siècle *Ледяной домъ* Лажечникова. Не измѣнивъ ни въ чемъ сущности романа, оставивъ неприкосновеннымъ изображеніе характеровъ, А. только постарался придать роману Лажечникова болѣе современную внѣшнюю форму. Вся передѣлка заключается лишь въ измѣненіи стиля романа. Благодаря нынѣшнему политическому положенію *Le Palais de glace* имѣетъ въ фельетонѣ XIX Siècle громадный успѣхъ.

Изъ оригинальныхъ вещей А (Michel Delines) въ сотрудничествѣ съ своей женой Clara Delay написалъ небольшую повѣсть *Un Amour romantique*. Повѣсть эта напечатана въ *Revue Bleue* отъ 2, 9 и 16-го марта.

Аяксъ № 2. («Ёж. Нед.», «Ирб. Листокъ»)—псевд. Федора Федоровича Филимонова.

КОНЕЦЪ I ТОМА.

Stanford University Libraries
3 6105 015 664 274

